

5933

63.3(4 Тое)1 *Сурган* 20/III - K.72
225-14/35
9С1
Сурган

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

~~Историческія монографіи и изслѣдованія~~
~~Н. И. Костомарова~~

Н. И. КОСТОМАРОВА

Сурган
И. И.

Историческія монографіи и изслѣдованія

КНИГА ВОСЬМАЯ:

Томы XIX-й, XX-й и XXI-й.

Девятнадцатый томъ. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ и старинные земскіе соборы.

Двадцатый томъ. Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

Двадцать первый томъ. Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества.

5933

~~5590~~

5 ДЕК 1906

ИЗДАНИЕ

Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ („Литературнаго Фонда“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1906.

3526

5590.

СОДЕРЖАНІЕ

ВОСЬМОЙ КНИГИ.

Томъ девятнадцатый.

Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ и старинные земскіе соборы.

	СТРАН.
I. Жилыя мѣстности	6
II. Города	8
III. Москва	16
IV. Посады	22
V. Слободы	26
IV. Села и деревни	27
VII. Дворы и дома	30
VIII. Домашняя мебель и утварь	24
IX. Одежда	52
X. Пища и питье	67
XI. Образъ домашней жизни	76
XII. Здоровье и болѣзни	81
XIII. Семейные нравы	84
XIV. Порядокъ домоуправленія	90
XV. Въѣздъ изъ дома и путешествіе	97
XVI. Приемъ гостей. Обращеніе	101
XVII. Пиршества. Пьянство	105
XVIII. Увеселенія. Игры. Забавы	112
XIX. Праздники	112
XX. Домашніе обряды. Родины и крестины. Бракъ. Новоселье. Смерть. Погребеніе	125
XXI. Вѣрованія	146
Старинные земскіе соборы	177

Томъ двадцатый.

Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

	СТРАН.
Глава первая	233
Глава вторая	241
Глава третья	271
Глава четвертая	312
Глава пятая	335
Глава шестая: 1. Предметы царства ископаемаго	349
2. Предметы царства растительнаго	361
3. Предметы царства животнаго	385
4. Шерстяныя и шелковыя матеріи	413

Томъ двадцать первый.

Историческое значеніе южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества.

	СТРАН.
Введеніе	429
I. Періодъ языческій.—Отдаленная древность	439
II. Южная Русь до козачества	677
Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества	693

901
к 72

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА

Историческія монографіи и изслѣдованія

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Томъ девятнадцатый.

ИЗДАНИЕ

Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ
(„Литературнаго Фонда“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1905.

ОЧЕРКЪ ДОМАШНЕЙ ЖИЗНИ И НРАВОВЪ
ВЕЛИКОРУССКАГО НАРОДА

ВЪ XVI и XVII СТОЛѢТЯХЪ

и

СТАРИННЫЕ ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ.

Наша историческая литература не бѣдна сборниками актовъ и лѣтописей и многими добросовѣстными изслѣдованіями по разнымъ отраслямъ русской старины. Но это составляетъ драгоцѣнность или для спеціальныхъ ученыхъ, или для лицъ, которымъ положеніе ихъ и воспитаніе позволяетъ слѣдить постоянно за ходомъ науки и знакомиться со всѣми текущими явленіями въ ея области. Но за этимъ немногочисленнымъ классомъ читателей есть гораздо болѣшая масса публики, погруженная въ занятія, которыя лишаютъ ее и времени, и средствъ, чтобъ обращаться къ чтенію ученыхъ изслѣдованій, рѣшающихъ тотъ или другой вопросъ прошедшей русской жизни. Нерѣдко случается слышать укоры въ невѣжествѣ и отсутствіи мысли, обращенные на тѣхъ, которые, получая журналы, читаютъ въ нихъ однѣ легкія статьи и оставляютъ неразрѣзанными ученые; но часто такъ поступаютъ люди образованные и развитые и столько же въ своей сферѣ полезны для общества, какъ и авторы ученыхъ статей, нечитаемыхъ ими. Нельзя ихъ обвинять, если послѣ трудовъ на своемъ поприщѣ они ищутъ въ чтеніи отдохновенія: невозможно требовать, чтобъ ихъ интересовалъ частный вопросъ по наукѣ, когда ихъ дѣятельность обращена къ другимъ предметамъ. Еще менѣе возможно, чтобъ они читали сырые матеріалы, какъ, напримѣръ, Акты Археографической комиссіи. Но это не значитъ, чтобъ прошедшая жизнь не возбуждала въ нихъ никакого интереса: для этой части публики нужны только не частныя изслѣдованія, а очерки, изъ которыхъ они могутъ составить себѣ цѣлостныя представленія.

Для этого класса читающей публики я предпринялъ составить очеркъ прошедшей русской жизни во всѣхъ ея видахъ. Отрывокъ моего труда — О торговлѣ въ нашемъ государствѣ — былъ напечатанъ въ «Современникѣ» 1857 года ¹⁾; теперь я предлагаю «Очеркъ домашней жизни». Такимъ образомъ я надѣюсь составить въ послѣдствіи очерки церковнаго устройства, администраціи, судопроизводства, военнаго быта. Я далекъ отъ того, чтобъ считать предлагаемый очеркъ оконченнымъ трудомъ, но смѣю надѣяться, что собраніе разсѣянныхъ въ русскихъ и иностранныхъ источникахъ свѣдѣній о нашей старой домашней жизни не останется безъ нѣкоторой пользы.

¹⁾ *Прим. изд.* «Очеркъ торговли Московскаго Государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ» (изд. Тиблена) напечатанъ въ Спб. въ 1862 году.

I.

ЖИЛЫЯ МѢСТНОСТИ.

Жилыя мѣстности въ старой Руси были: городъ, пригородъ, посадъ, слобода, погость, село, сельцо, деревня, починокъ.

Названіе городъ принималось въ различныхъ смыслахъ. Первоначально это слово значило огороженное мѣсто, то-есть то, что нынѣ *ограда*, *огорожа*. Въ старыя богатырскія времена людскимъ жилищамъ часто угрожали то нашествія чужихъ, то свои домашніе непріатели, при частыхъ неурядицахъ и междуусобіяхъ, поэтому ихъ старались укрѣплять — огораживать. Для такой важной цѣли достаточно было тогда плетня или частокола, поэтому одно и то же слово городъ (огородъ, гордъ) въ смыслѣ огорожи означало и огорожу, охранявшую домашнее жилье отъ животныхъ, и твердыню отъ непріятельскаго нашествия. Мѣстности, гдѣ укрѣпленія представляли больше надежды на безопасность въ случаѣ внѣшнихъ нападений, сдѣлались центрами прилива народонаселенія: одни селились въ самыхъ городахъ, другіе поблизости къ нимъ, чтобъ имѣть возможность убѣжать въ охранное мѣсто, когда наступитъ опасность. Всѣ больше или меньше имѣли нужду въ городахъ; отсюда возникло, что города получили значеніе преимущества предъ неукрѣпленными поселеніями и послѣднія попадали имъ въ зависимость, которая, по духу того времени, когда владычествовала сила, замѣнялась часто и легко порабощеніемъ. Но не всѣ города имѣли равное достоинство по своей крѣпости: крѣпчайшіе дѣлались центромъ власти и имъ подчинялись другіе. Тогда между городами образовались два рода—старшіе и младшіе, сильнѣйшіе и слабѣйшіе, или города и пригороды. Въ связи съ стратегическими условіями подчиненію меньшихъ городовъ большимъ способствовали историческія обстоятельства народной жизни. Такимъ образомъ, собственно слово *городъ* начало означать господствующее мѣсто—столицу надъ краемъ, заключавшимъ нѣсколько пригородовъ, сель, деревень. Такъ Кіевъ былъ городомъ земли полянъ или Земли Русской, Черниговъ — городомъ Земли Сѣверской, Новгородъ — Земли Новгородской, Псковъ — Земли Псковской, Хлыновъ — Земли Вятской, а Вышгородъ, Бѣлгородъ были пригороды Кіева, Ладога — пригородъ Новгорода, Изборскъ — пригородъ Пскова, и такъ далѣе. Когда раздѣльныя части Восточной Руси сплотились между собою, Москва получила смыслъ города всей Русской Земли,—но тогда самое слово городъ измѣнило прежнее значеніе. Городомъ не называлось уже главное *правительственное* мѣсто, гдѣ находился центръ прав-

ленія, напротивъ, это слово начали употреблять въ обратномъ смыслѣ. Москва называлась Москвою: собственное имя ея нерѣдко принималось нарицательнымъ именемъ русской столицы; говорилось: «на Москвѣ и въ городахъ», какъ теперь говорится: въ столицѣ и провинціяхъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ названіе городъ сохраняло два значенія: укрѣпленной мѣстности и административнаго провинціального пункта. Въ городахъ происходило соприкосновеніе народа съ властью; тамъ была складка военной силы, которой порученъ край для охраненія; туда стекались государственные доходы, вносимые краемъ, наконецъ, тамъ жители края искали убѣжища во время военныхъ опасностей. По мѣрѣ расширенія народонаселенія возникали города одинъ за другимъ и, сообразно благоприятнымъ условіямъ, одни получали предъ другими преимущества въ отношеніи важности своей. Такимъ образомъ, города были большіе и меньшіе, и большіе начальствовали надъ послѣдними. Кромѣ городовъ постоянно населенныхъ, существовали еще укрѣпленныя мѣста, называемыя острогами; они находились преимущественно въ отдаленныхъ отъ средоточія власти пограничныхъ и малонаселенныхъ областяхъ, были вообще меньше городовъ и часто не имѣли постоянного населенія: изъ городовъ посылались туда служилые люди, для стражи, на переѣзку. Мало-по-малу, смотря по надобности, эти остроги или острожки обращались въ города.

Посадамъ называлось то, что теперь мы привыкли называть городомъ, и названіе *посадскій человекъ* означало то же, что теперь мѣщанинъ. Посады были пунктами торговой и промышленной дѣятельности. Они строились близъ городовъ, такъ что городъ находился посреди посада, и въ этомъ смыслѣ назывался кремлемъ, а посадъ раскидывался около него. Часто городъ былъ на горѣ, а посадъ внизу. Въ мѣстахъ, гдѣ жителямъ посада опасно было оставаться въ своихъ жилищахъ безъ защиты, посады обводились валами, стѣнами и рвами. У насъ въ отношеніи посада къ городу было то же, что на Западѣ; то, что у насъ называлось посадъ — на Западѣ было *city, cité, stadt, miasto, mesto*, и то, что на западѣ было *Bourg, borgo, bourgh, barg, hrad, grad*, у насъ называлось городъ, а въ древности градъ. То же было въ древнемъ классическомъ мірѣ: такъ акрополисъ былъ градъ Аѣинъ, а самыя Аѣины около него посадамъ. Въ нашей старой Руси поселеніе, подобное тому, что въ настоящее время называется городомъ, состояло нерѣдко изъ трехъ частей: градъ или городъ, посадъ и слободы. Посадъ раздѣляется на двѣ части: острогъ или укрѣпленная часть околороднаго поселенія и поселокъ внѣ острога или собственно посадъ, а за нимъ слободы. И теперь въ земляхъ турецкихъ славянъ та же троичность; градъ, соотвѣтствующій нашему городу, варошь — острогъ, и *паланка* — поселеніе за укрѣпленіемъ, которое можетъ, смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ, соотвѣтствовать нашему посаду или слободамъ.

Слободами первоначально назывались поселенія, которыхъ жители пользовались какими-нибудь особенными условіями; но такъ какъ эти условія давались обществамъ, которыхъ дѣятельность посвящена была опредѣлительно какимъ-нибудь особымъ занятіямъ, то за такими обществами преимущественно удерживались названія слободъ. Онѣ были большею частію около посадовъ и городовъ.

Погостъ, село, сельцо, деревня, поселокъ, займище были поселенія земледѣльческаго класса. Въ древности погостомъ называлось поселеніе съ церковью, при которой всегда сосредоточивались сношенія окрестныхъ жителей и устанавливался административный центръ. Но когда число церквей умножилось и такихъ

поселеній стало много, они естественно начали утрачивать прежнее преимущественное значеніе и назывались вообще только селами. Слово погость, бывшее нѣкогда въ повсемѣстномъ употребленіи, въ XVI и XVII вѣкѣ сохранилось только въ Новгородской Землѣ, въ смыслѣ большого села со средоточіемъ администраціи для окрестнаго края. Различіе между селомъ и сельцомъ заключалось только въ величинѣ ихъ. Деревни были поселенія безъ церквей. Починки были маленькія деревушки, недавно заселенныя. Займище было небольшое поселеніе на дикой землѣ, занятое обыкновенно однимъ дворомъ. Когда къ этому двору присоединялись другіе, то изъ займища образовался починокъ; починокъ по прошествіи времени, которое лишало его значенія новизны, и по мѣрѣ возраставшаго населенія, переименовывался въ деревню; а наконецъ съ постройкою церкви деревня измѣнялась въ сельцо и, съ умноженіемъ народонаселенія, въ село. Жилыя земледѣльческія мѣстности безъ церквей и даже небольшія сельца принадлежали къ селамъ. Такая принадлежность однихъ мѣстностей другимъ не была только административнымъ распоряженіемъ, а истекала изъ образа ихъ основанія, ибо новыя поселенія основывались посредствомъ выселковъ изъ старыхъ. Изъ сель выходило нѣсколько семействъ: основывали деревню; когда она значительно возрастала или же находились въ ней зажиточные люди, чтобъ построить церковь (т. к. въ то время это было не трудно по обилію лѣса и по невзыскательности церковной архитектуры), деревня превращалась въ сельцо, потомъ въ село. Въ свою очередь изъ новаго села выходили жители и основывали починки и деревни, превращавшіеся въ свою очередь въ сельца и села и такъ далѣе. Первое родоначальное село удерживало старшинство надъ своими выселками и оставалось между ними центромъ сношеній по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока время не изглаживало изъ памяти этой старинной исторической связи. Такимъ образомъ, въ Новгородской Землѣ погосты, въ смыслѣ первенствующихъ поселеній, были старыя поселенія съ старыми церквями, а села, съ новопостроенными церквями были ихъ выселками. Смотри по историческимъ обстоятельствамъ, измѣнявшимъ движеніе народонаселенія и по относительной быстротѣ его размноженія, эта связь поселеній удерживалась долѣе или ослаблялась скорѣе.

II.

Города.

Потреба возведенія городовъ возрастала у насъ вмѣстѣ съ расширеніемъ предѣловъ русскаго міра. Города заводились прежде, чѣмъ поселенія; въ мѣстахъ незаселенныхъ, чтобъ дать возможность жителямъ существовать на новосельѣ, надобно было приготовить для нихъ оборону. Такимъ образомъ южныя степи Московскаго Государства не иначе заселялись, какъ подъ прикрытіемъ множества городовъ, городковъ, остроговъ, застѣкъ и всякаго рода укрѣпленій; въ низовьяхъ Волги долгое время только города, уединенно стоявшіе на сотни верстъ одинъ отъ другаго, указывали на господство русской державы въ безлюдной землѣ. Въ Сибири каждый шагъ подчиненія земель власти государя сопровождался постройкою городовъ и остроговъ. Повсюду въ XVI и XVII вѣкѣ постройка городовъ была одною изъ первыхъ заботъ правительства и городское дѣло важ-

нѣйшею изъ повинностей всего народа. Когда въ старыхъ актахъ говорится о постройкѣ городовъ, то разумѣется подъ этимъ возведеніе и устройство укрѣпленій, и въ этомъ случаѣ самое слово городъ означало ограду, а не то, что находилось въ ней; говорилось: города каменные (включая въ это названіе и кирпичные), города деревянные и земляные. Въ XVI вѣкѣ каменныхъ и кирпичныхъ оградъ было чрезвычайно мало, исключая монастырскихъ стѣнъ, которыя чаще, чѣмъ городскія, дѣлались изъ кирпича. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, послѣ того, какъ Смутныя времена показали ненадежность деревянныхъ твердынь, ощутительная потребность охраненія государства отъ всѣхъ сторонъ побуждала выписывать изъ Голландіи мастеровъ для каменныхъ построекъ. Какъ медленно шло это дѣло, можно видѣть изъ того, что въ Астрахани, несмотря на ея одинокое и небезопасное положеніе, прежде 1625 года не было каменныхъ стѣнъ. При Алексѣй Михайловичѣ, по свидѣтельству Котошихина, во всемъ Московскомъ Государствѣ были, исключая монастырей, въ двадцати городахъ каменные или кирпичныя укрѣпленія; но это число, кажется, преувеличено; по крайней мѣрѣ, собирая разсѣянные извѣстія того времени по этому предмету, едва ли можно насчитать ихъ столько (Москва, Новгородъ, Ладога, Псковъ, Смоленскъ, Тула, Нижній, Казань, Астрахань, Яикъ, Ярославль, Путивль, Вологда, Полоцкъ). Вообще же безчисленные города, усѣвавшіе пространство русскихъ владѣній, были съ укрѣпленіями деревянными или земляными, то-есть валами и съ тыномъ по валу. Города располагались такъ, чтобъ около нихъ находилась естественная защита: вода или ущелья; часто одна сторона стѣны, а иногда и нѣсколько сторонъ примыкали къ озеру, пруду или болоту; съ другихъ сторонъ, менѣе безопасныхъ мѣстоположеніемъ, подъ стѣнами проводился ровъ. По большей части деревянныя укрѣпленія соединялись съ земляными разнымъ способомъ: наприимѣръ, насыпался валъ или осыпь, а на осыпи устраивалась деревянная стѣна или тытъ; или же стѣна стояла на плоской землѣ, но за нею слѣдовала осыпь; или же деревянныя стѣны были присыпаны хрящемъ, то-есть кучею каменьева, песку и земли. Простые остроги или острожки дѣлались безъ осыпей и ихъ деревянныя стѣны были ограждены только рвами. Часто городъ, окруженный деревянною стѣною и рвомъ, былъ еще разъ обведенъ осыпью или деревянною стѣною — такъ называемымъ острогомъ, а между городомъ и острогомъ находилось поселеніе. Такое городовое расположеніе было и въ самой Москвѣ: Кремль съ Китаемъ-городомъ составлялъ сердцевину столицы; на значительномъ промежуткѣ отъ нихъ была проведена кругомъ другая стѣна такъ называемаго Бѣлаго-города; далѣе, также послѣ значительнаго промежутка, земляной валъ, обшитый деревянною стѣною. Подобное устройство было и въ другихъ городахъ: въ Казани былъ каменный кремль, а за нимъ слѣдовалъ посадъ, окруженный острожною деревянною стѣною; въ Астрахани также былъ каменный кремль, а его окружала другая каменная стѣна, соединявшаяся съ кремлевскою вдоль Волги, и промежутокъ между кремлевскою стѣною и этою послѣднею назывался, какъ и въ Москвѣ, Бѣлымъ-городомъ. Въ Псковѣ среднее укрѣпленіе называлось Дѣтинецъ: оно стояло въ углу, образуемомъ рѣкою Великою и впадающею въ нее Псковою. Отъ угла, противоположнаго той сторонѣ, гдѣ была Великая, шла стѣна вдоль рѣки Псковы и упиралась въ башню; отъ этой башни въ обѣ стороны шли стѣны, огивавшія городъ, построенный на двухъ сторонахъ рѣки Псковы; эти стѣны сходились къ двумъ угламъ Дѣтинца на берегу рѣки Великой. Сверхъ

того въ срединѣ города, на лѣвой сторонѣ Псковы, въ сторону отъ Дѣтинца, существовалъ еще одинъ внутренній городъ, называемый Кромъ, а за предѣлами большой внѣшней стѣны, огибавшей весь городъ, былъ ровъ, за которымъ расположено было многолюдное поселеніе, называемое *Застынье*, обведенное деревянною стѣною. Въ Новгородѣ на Софійской сторонѣ былъ каменный городъ, окруженный землянымъ валомъ; между тѣмъ и другимъ находился посадъ; укрѣпленія земляного города шли неправильными линіями, то приближаясь къ каменному, то удаляясь отъ него; за предѣлами земляного расположены были поселенія, тоже въ древности еще разъ обведенныя стѣною, а на Торговой сторонѣ былъ другой городъ съ башнями и рвомъ. Нѣкоторые монастыри (они вообще въ тотъ вѣкъ были твердынями) имѣли такую же форму укрѣпленій; напримѣръ, въ Кирилловскомъ въ началѣ XVII вѣка была кругомъ монастырскаго строенія каменная стѣна, а подальше, на значительномъ отъ нея разстояніи, по тому же направленію. эту каменную стѣну окружала деревянная острожная стѣна, за которою съ внѣшней стороны проходилъ вокругъ нея ровъ. Во множествѣ небольшихъ городовъ былъ такой же порядокъ: за стѣною, обыкновенно деревянною, опоясанною рвомъ по наружной сторонѣ, часть посада, иногда же и весь посадъ, охранялся другою стѣною, острожною.

Какъ каменные, такъ и деревянные стѣны не составляли правильныхъ очертаній; такъ, напримѣръ, въ одномъ деревянномъ городѣ стѣна въ одномъ мѣстѣ суживалась до 31 сажени, а въ другомъ расширялась до 98 ¹⁾. Почти всегда городъ въ однихъ мѣстахъ былъ шире, въ другихъ, параллельныхъ первымъ, уже. Окружность городовъ соразмѣрялась съ мѣстоположеніемъ и важною города. Въ Новгородѣ, напримѣръ, каменный городъ былъ въ четыреста девяносто восемь саженой кругомъ, земляной въ семьсотъ двѣнадцать, деревянный въ двѣ тысячи четыреста шесть. Окружность астраханскаго каменнаго города заключала тысячу семнадцать саженой ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ мы встрѣчаемъ окружность второстепенныхъ городовъ въ сто двѣнадцать ³⁾, въ сто восемьдесятъ четыре ⁴⁾, въ триста девяносто пять, въ пятьсотъ пятьдесятъ ⁵⁾ сажень и такъ далѣе.

Въ каменныхъ стѣнахъ всегда дѣлались наверху зубцы, такіе высокіе, что иногда занимали болѣе трети вышины всей стѣны ⁶⁾. По протяженію всей стѣны возвышались башни, въ каменныхъ городахъ каменные, въ деревянныхъ и земляныхъ деревянные; но случалось, что при деревянныхъ городскихъ стѣнахъ башни были каменные, какъ, напримѣръ, въ Ярославлѣ (Кн. Больш. Черт.) Кромъ башенъ, въ стѣнахъ дѣлались различной формы выступы, носившіе названія: городни, выводы, костры, кружала (круглыя выемки, гдѣ обыкновенно помѣщались кладовыя со входами изнутри и амбары); обломы (скатныя пристройки, выдававшіяся въ наружную сторону) съ деревянными котами (катками или колесами безъ слицъ), которые спускались на непріятеля во время осады; печоры (углубленія

¹⁾ Доп., III, 163—164.

²⁾ А. И., III, 217.

³⁾ А. А. Э., III, 447.

⁴⁾ Доп., VI, 155.

⁵⁾ Доп., VI, 130.—Влад. Сборн., 141.—А. Ю., 253.

⁶⁾ А. И., IV, 134.

внутри стѣны); бѣны—расположенные рядами большіе выступы, на которыхъ строились укрѣпленія, образывавшія сверху другую стѣну ¹⁾. Стѣны раздѣлялись по пространствамъ между башнями, называемымъ пряслами. Эти пространства имѣли различное протяженіе въ одномъ и томъ же городѣ. Такъ въ новгородскомъ каменномъ городѣ пространство между башнями въ одной сторонѣ было до 70 сажени, въ другой до 50, въ третьей до 40 и менѣе. Въ новгородскомъ земляномъ городѣ между одними башнями было до 150 сажени, между другими 46 ²⁾. Въ Тотьмѣ вообще отъ 17 до 25 саж. ³⁾. Въ одномъ деревянномъ городѣ, въ южномъ краю Московіи, на одной сторонѣ вся стѣна имѣла 35 сажени, на другой 44 ⁴⁾. Въ Воронежѣ въ 1666 г. въ одномъ мѣстѣ пространство между башнями заключало 155 сажени, въ другомъ 30, въ третьемъ только 18 и т. п. ⁵⁾. По прясламъ устраивались окна, при которыхъ припасались камни и колья, чтобъ метать на осаждающихъ, и бои, узкія отверстія, откуда стрѣляли изъ пушекъ и пищалей. Такихъ боевъ въ большихъ городахъ было три ряда и назывались: подошвенный, средній и верхній. Въ Астрахани на пространствѣ четырехъ сотъ двадцати пяти сажени, составлявшихъ часть городской стѣны, было пятьдесятъ девять боевъ. Въ малыхъ городахъ ихъ было обыкновенно два ряда: подошвенный и верхній ⁶⁾. Толщина и высота стѣнъ въ разныхъ городахъ была такъ же различна, какъ и окружность. Въ Астрахани въ 1649 г. каменная стѣна въ толщину была въ полторы сажени, а въ высоту съ зубцами четыре сажени, безъ зубцовъ двѣ сажени съ половиною; самые зубцы возвышались надъ стѣною на сажень съ половиною и въ толщину были въ полъ-сажени ⁷⁾. Стѣны московскаго Кремля въ XVI вѣкѣ, по свидѣтельству англичанъ ⁸⁾, имѣли въ толщину восемнадцать футовъ. Въ Кирилловскомъ монастырѣ высота внѣшней стѣны была до 16 аршинъ, внутренней десять; толщина первой въ девять съ половиною, а внутренней въ полтора аршина ⁹⁾. Въ Суздали валъ съ приступной, то-есть съ внѣшней стороны, имѣлъ отъ восьми до десяти сажень вышиною, а съ внутренней отъ трехъ до шести. Земляные валы дѣлались книзу шире, кверху уже: такимъ образомъ, въ этомъ же суздальскомъ валѣ толщина его съ почвы была отъ восьми до десяти сажень, а наверху ширина простиралась только до полторы сажени ¹⁰⁾.

Изнутри по стѣнамъ проводились лѣстницы и ходы, обыкновенно изъ башенъ отъ одной къ другой; по мѣстамъ эти ходы имѣли тайные выходы наружу. На большихъ выступахъ или быкахъ устраивались мосты, на которыхъ, какъ сказано прежде, возвышалась другая стѣна. Вдоль городскихъ стѣнъ устраивался мостъ, по которому можно было имѣть движеніе по всей окружности ¹¹⁾. Очень

¹⁾ Доп., II, 91, III, 6, V, 295.—А. И., III, 284.—Ворон. Акты, II, 99.

²⁾ Доп., III, 161, 162.

³⁾ Доп., VI, 155.

⁴⁾ Врем., V, Смѣсь, 29, 30.

⁵⁾ Вор. Акты, I, 135.

⁶⁾ А. И., IV, 312.—Доп., IV, 3, 29.—А. И., III, 217.

⁷⁾ А. И., IV, 134.

⁸⁾ Angl. Navig., 7, edit. Starcz.

⁹⁾ Повѣдка въ Кирилл.-Бѣл. мон., 25.

¹⁰⁾ А. И., III, 382.

¹¹⁾ Доп., III, 6, VI, 130.

часто стѣны города были двойныя, тройныя и четверныя. Пространство между стѣнами насыпалось землею, или было соединяемо поперечными бревнами, или же оставлялся промежутокъ ¹⁾. Сверху дѣлались надъ ними кровли изъ теса или рѣшетины ²⁾. Эти кровли были иногда высоки.

Башни, возвышавшіяся надъ стѣнами городовъ, были по фигурѣ круглыя, четверугольныя, шестиугольныя, осмистѣнныя. Кровли на нихъ иногда были такъ велики, что сами по себѣ превышали вышину остального строенія: такъ въ Олонцѣ вышина башни до кровли была пять саженъ, а съ кровлею одиннадцатъ. Вообще вышина, длина и ширина башенъ была очень различна и не одинакова въ одномъ и томъ же городѣ. Напр., въ Воронежѣ въ 1666 году одна башня имѣла въ вышину семь саженъ, а другія—пять, четыре, три и даже одну. Вышина вообще не соразмѣрялась съ объемомъ башенъ: напримѣръ, въ одномъ городѣ изъ двухъ башенъ въ полтора сажня въ діаметрѣ, одна была вышиною въ три сажня съ половиною, другая въ полтора сажня. Рѣдко длина башни была одинакова съ шириною. Чаще всего въ одну сторону онѣ были длиннѣе, въ другую, внутреннюю, короче, напр., четыре сажня длины и два съ половиною ширины. Но самая обыкновенная мѣра башенъ была около трехъ саженъ въ длину и двухъ въ ширину. Въ нѣкоторыхъ городахъ башни строились въ уровень съ стѣною, въ другихъ выступали сажня на два, на три и даже на четыре въ наружную сторону. Количество башенъ въ городахъ было чрезвычайно различно, смотря по объему стѣны; въ новгородскомъ каменномъ городѣ ихъ было десять, въ земляномъ девять, въ деревянномъ тридцать семь; въ Астрахани десять, въ Яикѣ восемь, въ Олонцѣ тринадцать, въ Тотмѣ семь, въ Смоленскѣ и Муромѣ четырнадцать, въ Воронежѣ семнадцать, въ Архангельскѣ девять, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ двадцать три. Тѣ, которыя стояли по угламъ, назывались наугольными, стоявшія по срединѣ стѣны—средними, съ воротами—проѣзжими, безъ воротъ—глухими. Вездѣ были тайнинскія башни, стоявшія обыкновенно поблизости къ рѣкѣ; отсюда дѣлали подземные ходы со струбами, иногда сажень на шесть, десять и болѣе. Башни назывались по урочищамъ, по мѣстности, или же по ихъ назначенію, напр., розважская, новинская, водяная, набережная, поваренная, квасоваренная,—также по именамъ праздниковъ или святыхъ, напр., пречистенская, введенская, никольская. Последняго рода названія давались преимущественно проѣзжимъ башнямъ. Башни раздѣлялись на ярусы, которые снаружи обозначались террасами во всю окружность строенія, называемыми въ тѣ времена мостами. Этихъ ярусовъ было обыкновенно три: нижній или подошвенный, средній и верхній, а иногда, особенно въ небольшихъ городахъ, только два. Въ каждомъ ярусѣ устраивались бои; въ подошвенномъ стрѣляли изъ пушекъ и потому онъ назывался пушечнымъ, а въ верхнихъ надъ нимъ изъ пищалей и мушкетовъ и потому они назывались пищальнымъ и мушкетнымъ боями. Не всегда въ одномъ и томъ же городѣ были башни съ равнымъ количествомъ боевъ. Такъ въ Смоленскѣ въ нѣкоторыхъ башняхъ были неполные бои, хотя съ полнымъ количествомъ мостовъ. Напримѣръ, въ одной башнѣ бои устроены были только въ среднемъ мосту, въ другой только въ верхнемъ, а въ нижнемъ и среднемъ не было боевъ. Ходы по башнѣ были

¹⁾ Поѣздка въ Кир.-Бѣлов. мон., 26.—А. И., I, 322.—Влад. Сб., 140.

²⁾ Док., III, 169, 229, 230.—А. И., III, 285.

иногда снаружи, иногда изнутри, такъ что башня въ срединѣ по столбу раздѣлялась на отдѣлы, а верхніе отдѣлы съ нижними соединялись посредствомъ лѣстницъ. Иногда на кровляхъ башенъ устраивались чердаки, кѣлѣтки, или караульни, небольшія надстройки для обзорѣнія далекихъ предметовъ; въ нихъ также были наготовѣ пищади. Число проѣзжихъ башенъ соразмѣрялось съ величиною города. Въ каменномъ новгородскомъ городѣ изъ десяти башенъ было шесть проѣзжихъ, въ земляномъ изъ девяти три, въ Воронежѣ изъ семнадцати шесть, въ Бѣлозерскѣ изъ восьми двѣ, въ Инсарѣ изъ восьми три, въ Муромѣ изъ четырнадцати двѣ проѣзжихъ и третья съ воротами водяными, то-есть ведущими къ водѣ; въ небольшихъ городкахъ изъ четырехъ башенъ строилось по двѣ проѣзжихъ; никогда не строились города съ однимъ только выходомъ. Ворота въ башняхъ были толсты и широки, и потому проѣзжія башни всегда значительно были и выше, и массивнѣе глухихъ; напр., въ семь саженъ съ половиною длиною и столько же шириною. Въ воротахъ вдѣлывались боевыя окна, какъ въ глухихъ башняхъ и въ пряслахъ. Надъ ними находился образъ святого или какого-нибудь большого праздника и по имени образа называлась башня; а въ нѣкоторыхъ городахъ въ башняхъ надъ воротами устраивались маленькія церкви. Ворота запирались огромными замками. Въ мирное время, однако, створы воротъ не запирались, а только на ночь опускалась рѣшетка, а для удобства въ самыхъ воротахъ продѣлывались калитки, которыя также запирались особыми замками. Обыкновенно на проѣзжихъ башняхъ устраивались боевыя часы и вѣстовой колоколь, который всегда былъ массивнѣе и громче обыкновенныхъ церковныхъ или благовѣстныхъ колоколовъ. Его называли также полошнымъ колоколомъ, потому что звонили въ него на тревогу и призывали народъ къ сбору. вмѣстѣ съ вѣстовымъ колоколомъ стояла вѣстовая пушка, изъ которой стрѣляли только тогда, когда подавали сигналъ. На прочихъ башняхъ привѣшивались также колокола; въ нихъ звонили во время отбоя неприятеля или вылазки, для возбужденія охоты къ битвѣ и храбрости. Въ темныя ночи на башняхъ зажигались свѣчи въ слюдяныхъ фонаряхъ. Случалось, что передъ самыми проѣзжими башнями дѣлали острожки или города въ маломъ видѣ. Такъ въ Муромѣ передъ двумя проѣзжими воротами сдѣланы были острожки: одинъ длиною въ восемь саженъ, а поперекъ въ три сажня, другой длиною четыре, а шириною три сажня ¹⁾.

Городовыя стѣны или валы окаймлялись всегда рвами разной глубины и ширины, проведенными по направленію твердынь съ ихъ внѣшней стороны. Въ небольшихъ городахъ встрѣчались рвы глубиною въ сажень и шириною въ двѣ сажени, или глубиною въ двѣ сажени, шириною въ двѣ съ тремя четвертями сажени ²⁾; но въ большихъ городахъ рвы были и глубже, и шире, и достоинство ихъ вообще полагалось въ томъ, чтобъ они были глубоки и круты ³⁾. Въ иныхъ мѣстахъ въ эти рвы проводили воду, а въ другихъ забивали сваи, на-

¹⁾ А. Ю., 253, 366.—А. А. Э., III, 447.—А. И., IV, 339, 502. V, 81—82.—Доп., II, 55, 229, 266. III, 169, 225. V, 294—302. VI, 130, 225.—Временн., V. Смѣсь, 30. XIV, 11—14.—Русск. Вѣстн. 1843 г., 341, 353.—Владим. Сборн. 140, 141.—Воронежск. Акты, 1, 133—138.

²⁾ А. А. Э., III, 447.—Доп., IV, 29.—Временн., V. См., 30.

³⁾ Доп., IV, 29.

зывается частикомъ или чеснокомъ; а иногда самый чеснокъ утыкали сверху желѣзными спицами; иногда кромѣ того рвы ослоняли особою оградю изъ дубовыхъ бревенъ. Случалось, что такихъ рововъ за главною стѣною или городскимъ валомъ было нѣсколько рядовъ, одинъ возлѣ другого по одному направлению ¹⁾).

Отъ рововъ въ наружную сторону проводили отводныя стѣны и дѣлали длинный рядъ укрѣпленій, называемыхъ надолбами. То были столбы изъ толстыхъ бревенъ (обыкновенно дубовыхъ), поставленныхъ тѣсно одинъ возлѣ другого и составлявшихъ сплошную стѣну. Надолбы были двойныя и тройныя, то-есть въ два и три ряда; ряды эти соединялись между поперечными связями изъ бревенъ наверху и такимъ образомъ представляли видъ корридоровъ, всегда въ извилистомъ направленіи. Около Воронежа такіе корридоры шли отъ города на протяженіи пяти съ половиною верстъ до караульнаго городка, устроеннаго для наблюденія и для подачи вѣстей въ городъ; иногда же ряды надолбъ шли отъ города верстъ на двадцать и даже болѣе и были окаймлены рвами, а по мѣстамъ между ними устраивались башенки. Тамъ, гдѣ нужно было сдѣлать выходъ, устраивались ворота съ опускаемыми колодами. Отъ такихъ мѣстъ пускались въ стороны ряды новыхъ надолбъ, называемыхъ отметными, а отъ этихъ въ надлежащихъ мѣстахъ расходились въ боковыя стороны другія отметныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ надолбахъ дѣлались тайные выходы, извѣстные однимъ служилымъ людямъ. Надолбы на своихъ поворотахъ упирались въ лѣсные завалы, то-есть кучи срубленнаго и сваленнаго лѣса, шириною саженой въ двадцать или тридцать. Непрiатель, подступая къ городу, долженъ былъ сначала пройти черезъ эти завалы, потомъ путаться около лабиринта надолбъ, уничтожить ихъ, и тогда уже достигнуть городскихъ укрѣпленій, которыя, какъ выше сказано, были нерѣдко двойныя и тройныя и сопровождались двойнымъ и тройнымъ рядомъ рововъ. Дороги, служившія сообщеніемъ для городовъ, пролагались вдоль надолбъ и проходили черезъ устроенныя въ нихъ ворота, которыя, въ случаѣ нужды, запирались, какъ выше сказано. Кромѣ надолбъ, существовали еще укрѣпленія, называемыя тарасами. Они состояли изъ бревенъ продольныхъ и положенныхъ на нихъ поперечныхъ и если были въ два ряда, то покрывались сверху драпью. Для укрѣпленія береговъ отъ полой воды близъ города ставили такіе тарасы и насыпали внутрь рядовъ ихъ землю. Тарасы приставлялись также къ прясламъ городскихъ стѣнъ въ разныхъ мѣстахъ ²⁾).

Въ украинскихъ странахъ отъ городовъ до городовъ проводились земляныя насыпи, и по ихъ протяженію устраивались въ разныхъ мѣстахъ жилые и стоялыя острожки. Первые были тѣ, гдѣ постоянно жили служилые: они влослѣдствіи обращались въ города; въ другіе же посылались служилые на временную службу: послѣдніе нерѣдко возникали и скоро потомъ исчезали. По сторонамъ устраивались лѣсныя засѣки, состоявшія изъ кучъ наваленнаго лѣсу, обведенныя ровомъ, но иногда дѣлались въ нихъ башни и онѣ принимали видъ построенныхъ наскоро городовъ. Эти засѣки возводились преимущественно въ лѣсныхъ мѣстахъ; туда отражался засѣчный приказчикъ съ отрядомъ служилыхъ: они должны были, слышавъ о непріателѣ, тотчасъ подавать вѣсть въ городъ. Такимъ образомъ

¹⁾ Доп., IV, 29, 231.—А. И., I, 322.—А. А. Э., III, 447, 475.

²⁾ Вор. Акты, I, 137.—А. А. Э., II, 447.—Врем., XIV, См., 14.—Доп., IV, 236.

южная часть Московіи представляла ту особую физиогномію, что, при своей малонаселенности, устьяна была городами и острогами съ надолбами по окрестностямъ и была изрѣзана земляными валами въ разныхъ направлѣніяхъ, со множествомъ лѣсныхъ засѣкъ и заваловъ. Всѣ эти укрѣпленія дѣлались нѣско, а потому скоро и разрушались; теперь, кромѣ остатковъ валовъ, нѣтъ и слѣдовъ ихъ, да и въ то время, когда они строились, край былъ больше защищаемъ твердостью служилыхъ людей, чѣмъ этими бревнами. Наши городки не корыстны, — говорили въ XVI вѣкѣ донскіе казаки крымскому хану: — оплетены плетнями, увѣшены тернами, да доставать ихъ надобно твердо головами ¹⁾).

Во внутренности этихъ каменныхъ, земляныхъ и деревянныхъ оградъ, называемыхъ общимъ именемъ городовъ, стояли казенныя зданія. Тамъ была приказная изба, гдѣ сосредоточивалось управленіе города, посада и всего уѣзда, если городъ былъ уѣздный; предъ сѣнями приказной избы ставили пушку. Вблизи приказной избы находился воеводскій дворъ, огороженный заборомъ или замѣтомъ съ разными постройками внутри, необходимыми по тогдашнему образу жизни, какъ-то: горницами, избами, погребомъ, ледникомъ, мыльнею, поварнею. Затѣмъ слѣдовали дворы священниковъ и церковнослужителей, церковь, которая обыкновенно числилась соборною или главною надъ церквами всего посада, прилегавшаго къ городу. Далѣе были казенный погребъ для храненія зеленой казны (то-есть пороху), пушечный амбаръ, гдѣ хранились свинецъ въ свиньяхъ, пули, ядра и оружія. Для этихъ хранилищъ дѣлались зданія земляныя или каменныя, а иногда вмѣсто особыхъ построекъ они помѣщались въ стѣнахъ и башняхъ или же во внутреннихъ пристройкахъ къ стѣнамъ. Въ городѣ находилась государева житница, откуда раздавались служилымъ хлѣбные запасы или хлѣбное царское жалованье. Въ городѣ была тюрьма, иногда помѣщаемая въ деревянной избѣ, врытой въ землю и огороженной тыномъ, иногда же въ струбѣ, засыпанномъ совершенно землею. Въ городѣ находились избы служилыхъ стрѣльцовъ, пушкарей, затинчиковъ; но въ каменныхъ городахъ эти помѣщенія устраивались и въ стѣнахъ. Наконецъ, въ городѣ были дворы разныхъ частныхъ лицъ, особенно дворянъ и дѣтей боярскихъ, имѣвшихъ свои помѣстья въ уѣздѣ. Эти дворы строились ими на случай опасности, когда придется прятаться въ осаду отъ непріятеля. Въ обыкновенное мирное время хозяева такихъ дворовъ тамъ не жили, а оставляли дворниковъ изъ бобылей, которые занимались какимъ-нибудь ремесломъ или промысломъ и тѣмъ содержались, и вмѣстѣ съ тѣмъ управляли дворами за право жить въ нихъ. Сверхъ этихъ частныхъ осадныхъ дворовъ были еще казенные осадные дворы или избы, построенныя для простонародія на случай военного времени, когда воеводы посылали черезъ бирючей скликать народъ въ осаду. Избы эти были столь просторны, что въ нихъ по нуждѣ помѣщалось до двухсотъ человекъ и жители подвергались тамъ всевозможнѣйшимъ неудобствамъ, какія могутъ происходить отъ тѣсноты; отъ этого нерѣдко жители предпочитали скитаться по лѣсамъ, подвергаясь опасности попасться подъ татарскій арканъ, чѣмъ идти въ осаду.

Количество строеній въ городахъ было различно, смотря по величинѣ города. Въ большихъ городахъ помѣщались даже и гостинные дворы; города въ

¹⁾ С. Г. Гр., IV, 471.—Врем., II, Разр. кн., 124, 17.—А. А. Э., III, 272, 411.—Дол., III, 167. Дол., VI, 182.

такимъ случаѣ дѣлались средоточіемъ торговли и оттого-то впоследствии название города стало вообще означать мѣсто торговой и промышленной дѣятельности. Прежде другихъ такой характеръ получили тѣ города, гдѣ сосредоточивалось управленіе нѣсколькими уѣздами.

III.

М о с к в а.

Переходя отъ городовъ къ посадамъ, слѣдуетъ остановиться на Москвѣ, которая въ большей части своего протяженія была и городомъ, и посадомъ вмѣстѣ.

Средоточіемъ Москвы былъ Кремль. Неизвѣстенъ годъ построения его. Вѣроятно, онъ существовалъ съ основанія самой Москвы и былъ, какъ вообще русскіе города, деревянный. Въ 1367 году впервые заложенъ былъ каменный городъ, но потомъ разрушился, и уже въ концѣ XV вѣка великій князь Іоаннъ построилъ опять каменную стѣну съ башнями. Постройкою занимались итальянцы. Отъ двухъ угловъ кремлевской ограды на востокъ тянулось продолженіе каменной стѣны и образовало другой городъ, называемый Китай-городъ, построенный въ 1538 году правительницею Еленою. За Кремлемъ и Китай-городомъ, примыкавшими съ одной стороны къ рѣкѣ, съ другихъ сторонъ простирался посадъ, который также былъ обведенъ стѣною съ воротами и башнями, и назывался Бѣлымъ-городомъ, отъ бѣлага цвѣта окружавшей его стѣны. За эту стѣною слѣдовала другой посадъ, который также былъ при Борисѣ обведенъ двойною деревянною стѣною съ толстымъ слоемъ земли въ промежуткѣ между двумя стѣнными рядами. Онъ назывался Землянымъ-городомъ. Сверхъ того на другой сторонѣ Москвы-рѣки, какъ продолженіе Земляного-города, стоялъ городокъ, и наконецъ многіе монастыри, укрѣпленные по тогдашнимъ обычаямъ стѣнами и башнями, представляли видъ отдѣльныхъ городовъ. Такъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, во время нашествія королевича Владислава, монастыри Симоновъ и Новодѣвичій обращены были въ отдѣльные форты.

Москва своею огромностью изумляла иностранцевъ; впрочемъ, отъ нихъ не укрылось, что величина эта была только кажущаяся, потому что дворы были очень велики. Въ XVI вѣкѣ она была больше, чѣмъ въ XVII. По свидѣтельству Герберштейна, въ его время Москва заключала въ себѣ 41.500 домовъ. Посѣтившій ее при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ Флетчеръ полагаетъ, что въ прежнее время было въ ней то же количество домовъ, но присовокупляетъ, что она очень потерпѣла и уменьшилась въ объемѣ послѣ опустошенія, нанесеннаго крымскимъ ханомъ Девлетъ-Гиреємъ въ 1571 году ¹⁾. Олеарій, посѣщавшій Москву при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, также говоритъ, что она была огромнѣе до этого бѣдствія и что внѣшняя ограда имѣла тогда двадцать-пять верстъ въ окружности. По его извѣстію, разореніе крымцами было для нея гибельнѣе, чѣмъ разореніе во время поляковъ, хотя послѣднее въ то время свѣжѣе впечатлѣвалось въ народномъ воспоминаніи. Тогда она занимала три нѣмецкихъ

¹⁾ Fletch., 13.

мили кругомъ ¹⁾. Мейербергъ, посѣщавшій Москву въ 1661 году, полагаетъ окружность ея съ одной стороны въ 12.000 сажень, а съ другой въ 7.000— это составляетъ девятнадцать верстъ, но какъ тогда версты были тысяча-саженныя, то это значитъ, что Москва имѣла въ окружности нынѣшнихъ тридцать восемь верстъ ²⁾. Мейербергъ полагаетъ ее съ слободами, а Олеарій, какъ жется, не считаетъ слободъ, ибо онѣ въ его время были истреблены пожаромъ уничтожившимъ до пяти тысячъ домовъ. Изъ этихъ извѣстій можно только приблизительно и не вполне ясно представить себѣ величину древней столицы; да и сами описатели ея не могли соблюсти точности, потому что сама Москва безирегулярно измѣняла свой видъ отъ частыхъ пожаровъ ³⁾.

Кремль занималъ средину столицы и былъ средоточіемъ власти, управленія, церковнаго устройства и убѣжденій всего русскаго народа. Тамъ жилъ царь, и Кремль былъ священнымъ мѣстомъ русскаго народа. Съ трехъ сторонъ Кремль окруженъ былъ водою; съ юга окаймляла его Москва-рѣчка, съ запада и съ сѣвера Неглинная. Эта болотистая рѣчка, теперь уже не существующая, въ верхней части Кремля образовала прудъ, изъ котораго была проведена вода въ каналы, прорытыя около кремлевскихъ стѣнъ. Въ XVI вѣкѣ каналы эти были такъ многоводны и глубоки, что на нихъ были построены мельницы. При Михаилѣ Осодоровичѣ онѣ сдѣлались только рвами, однако значительной глубины ⁴⁾. По направленію канавъ или рововъ Кремль окружала кирпичная стѣна съ башнями. Каждая изъ башенъ носила собственное названіе, однѣ по образамъ, которые на нихъ висѣли, другія по мѣстности. Въ XVI в. было шестнадцать или семнадцать башенъ ⁵⁾. Башни проѣзжія были громаднѣе, чѣмъ глухія. Ворота Кремля были слѣдующія: Фроловскія, въ 1658 г. переименованныя въ Спасскія и теперь удержавшія это названіе, Никольскія, Константиновскія (теперь несуществующія) на югъ отъ Спасскихъ, Боровицкія, переименованныя Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1658 году въ Предтеченскія ⁶⁾, Неглинныя, Тайнинскія къ Москва-рѣчкѣ и Портомоиныя на юго-западномъ углу у водозводной башни, куда прачки выходили мыть бѣлье на плотъ, устроенный для этого. Только пять первыхъ воротъ были проѣзжія ⁷⁾. Фроловская или Спасская башня надъ главными воротами была выше и красивѣе другихъ. На рисункахъ, оставшихся отъ XVII вѣка, она одна походитъ на нынѣшнія кремлевскія проѣзжія башни. Сверхъ всѣхъ башенъ, проѣзжихъ и глухихъ, на каждой сторонѣ кремлевскихъ стѣнъ были устроены маленькія башенки, гдѣ висѣли колокола, въ которые звонили во время пожара и тревоги ⁸⁾. Кремлевскія стѣны были уставлены пушками ⁹⁾.

Въ Кремлѣ былъ дворъ государевъ. У старыхъ великихъ князей хоромы

¹⁾ Olear., 140, 144.

²⁾ Mejerb., 200.

³⁾ Carlisle, 71.

⁴⁾ Olear., 146.

⁵⁾ Jenkins. Nacl., 350.—Math. Miech., 4.

⁶⁾ П. С. З., I., 450.

⁷⁾ Das Gr. Reich von Mosc., 21.

⁸⁾ Mejerb., 61.

⁹⁾ Carlisle, 71.

были деревянные. Но по мѣрѣ того, какъ держава Московская принимала болѣе крѣпости и государственной силы, возникала при дворѣ потребность созидать каменные зданія. При Иоаннѣ III построены были каменный казенный дворецъ между Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами, а потомъ и дворецъ для жилья, оконченный въ 1508 году. Ужасный пожаръ въ 1547 г. повредилъ этотъ дворецъ. Иоаннъ возобновилъ его и украсилъ золоченою кровлею ¹⁾, но въ 1571 г. онъ былъ разоренъ Девлетъ-Гиреемъ. При Федорѣ онъ былъ, однако, уже отдѣланъ и находился въ нарядномъ видѣ. При Борисѣ, Самозванцѣ, Шуйскомъ и въ первую половину царствованія Михаила строили только деревянные дворцы. Но послѣ пожара 1626 г., въ другой разъ при Михаилѣ истребившаго царское жилье, принялись за постройку каменныхъ зданій. Михаилъ Федоровичъ отстроилъ себѣ каменный дворецъ, но не жилъ въ немъ, а предоставилъ его царевичу, и предпочелъ для себя жить въ деревянномъ зданіи, находя, что деревянные здоровѣе каменныхъ ²⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ была построена новая дворцовая палата и потѣшный дворецъ. Въ концѣ его царствованія было два царскихъ каменныхъ дворца ³⁾. При Федорѣ Алексѣевичѣ были перестроены и обновлены каменные зданія дворца. Но тѣмъ не менѣе въ XVII в. цари продолжали предпочитать деревянные зданія для жилья, и для каждого члена царскаго семейства строили особые домики. Такимъ образомъ царскія усадьбы въ Кремлѣ состояли изъ немногихъ каменныхъ и множества деревянныхъ строеній, отдѣльно построенныхъ, нагроможденныхъ въ различныхъ направленіяхъ и по вкусу времени испещренныхъ золотомъ, разноцвѣтными и вычурными украшеніями. Царскій дворъ огороженъ былъ рѣшеткою ⁴⁾ съ воротами, на которыхъ висѣли образа. Эти ворота были: Курятныя, Колымажныя, украшенныя высокою башнею и часами, Воскресенскія и Золотыя или Гербовыя съ башнею, на вершинѣ которой находился золоченый двуглавый орелъ, а на стѣнахъ были изображены гербы областей Московскаго Государства. Курятныя ворота въ 1658 г. переименованы въ Троицкія ⁵⁾ и находились на сѣверѣ, безъ башни наверху, подъ палатами царскихъ мастерицъ; за ними внѣ двора было множество зданій, занимаемыхъ разными отраслями царскаго хозяйства; дворцы: сытный, кормовой, хлѣбный, приспѣшныя палаты, пивоварня, медоварня, воскобойня, свѣчная, аптека, денежный дворъ, конюшенный дворъ и проч. На взгорьѣ къ Москвѣ-рѣкѣ былъ запасный дворецъ—каменное зданіе съ разведеннымъ на немъ садомъ, а внизу житный дворъ (гдѣ хранились хлѣбные запасы) и церковь Благовѣщенія. Кромѣ царскаго двора въ Кремлѣ были дворы приближенныхъ къ царю бояръ и вельможъ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ тамъ находились дворы: Морозова, Куденевича-Черкаскаго, Бориса Лыкова и другихъ. Оригинальная неправильность постройки, вычурность, пестрота и затѣйливость украшеній останавливали на себѣ глаза путешественниковъ, но болѣе всего поражали ихъ кремлевскія церкви: куполы и главы нѣкоторыхъ изъ нихъ

1) Гербер., 9.

2) Olear., 146.—Carlisle, 71.

3) Das Gr. Reich von Mosc., 121.

4) Jenkins. Nacl., 350.

5) П. С. З., I., 450.

были покрыты золоченою мѣдью и ослѣнительно блистали противъ солнца ¹⁾. Въ началѣ XVI вѣка только немногія изъ нихъ были каменные, но въ XVII число ихъ несравненно увеличилось. Всѣхъ вообще церквей насчиталъ Олеарій въ Кремлѣ пятьдесятъ двѣ ²⁾, а другой путешественникъ при Алексѣѣ Михайловичѣ только тридцать ³⁾. Вѣрно только то, что ихъ было больше, чѣмъ теперь, потому что, кромѣ существующихъ, упоминаются такія, которыхъ болѣе нѣтъ: Срѣтенскій соборъ, Троицкій монастырь, церковь Сергія Чудотворца ⁴⁾. Башня Ивана Великаго, построенная Борисомъ, величаво возвышалась надъ кремлевскими зданіями; близъ нея находилась башенка съ огромнымъ колоколомъ въ 365 центнеровъ вѣсомъ ⁵⁾. Къ огромному языку его были привѣшены двѣ веревки, а къ каждой изъ нихъ по двѣнадцати веревочекъ, такъ что нужно было двадцать-четыре человекъ, чтобъ раскатать эту массу. Въ него звонили по большимъ праздникамъ и при встрѣчѣ посольствъ.

За предѣлами Кремля на востокъ протягивался Китай-городъ. Китай-городъ начинался отъ Кремля Красною площадью. Онъ обведенъ былъ кирпичною стѣною краснаго цвѣта (побѣленною при царевнѣ Софьѣ), которая на сѣверѣ соединялась съ угломъ кремлевской, а на югѣ вдоль Москвы-рѣки съ Бѣлогородскою и образовала съ нею одну стѣну. Тутъ было лобное мѣсто, откуда читались народу царскія грамоты; здѣсь стояла Покровская церковь, которую называли Иерусалимскою, построенная царемъ Иваномъ Васильевичемъ послѣ взятія Казани и теперь поражающая своею оригинальностью и причудливою смѣсю восточной архитектуры съ европейскою. Недалеко отъ нея былъ амфитеатръ изъ тесанаго камня, поднимавшійся вверхъ уступами, мѣсто значительное въ старой обрядности нашей въ праздникъ вербнаго воскресенія. Близъ амфитеатра стояла церковь св. Меркурія Смоленскаго; съ другой стороны амфитеатра находился Земскій приказъ — покрытое землею зданіе съ двумя огромными орудіями наверху и съ другими двумя внизу на землѣ ⁶⁾. На Красной площади предъ лицомъ Кремля былъ большой рынокъ, гдѣ постоянно толпились и продавцы, и покупатели, и празднующи, а вблизи амфитеатра сидѣли женщины, продававшія свои издѣлія ⁷⁾. На востокъ отъ рынка простирались торговые ряды; ихъ было множество, потому что для каждого товара былъ свой торговый рядъ. Въ Китай-городѣ была типографія, множество церквей, многіе приказы, дома знатныхъ бояръ, дворянъ и гостей, англійскій дворъ, по упраздненіи привилегіи англичанъ обращенный въ тюрьму, три гостинныхъ двора; отъ послѣдняго изъ нихъ, персидскаго, на югъ шла овощная улица, состоявшая изъ лавокъ съ овощными товарами. Она упиралась въ рыбный рынокъ, по рассказамъ иностранцевъ сдѣлавшійся извѣстнымъ своей нестерпимой вонью. Отъ него черезъ рѣку построенъ былъ мостъ на судахъ, а за мостомъ слѣдовало козье болото, урочище, на которомъ казнили преступниковъ.

¹⁾ Оlear., 146.—Jenkins. Nacl., 350.—Mejerb., 160.—Домаш. б. русск. цар. Забл. О. З. 1851.

²⁾ Оlear., 146.

³⁾ Das Gr. R. von Mosc., 121.

⁴⁾ Mejerb., 160.

⁵⁾ Оlear., 147.

⁶⁾ Mejerb., 161.—Das Gr. Reich. v. Mosc., 119.

⁷⁾ Оlear., 147.

За предѣлами Китай-города слѣдоваль Вѣлый-городъ, обведенный бѣлою стѣною, называемой такъ особенно въ отличіе отъ красной стѣны Китай-города. До Федора Іоанновича стѣна, построенная на этомъ мѣстѣ, была деревянная; при этомъ государѣ вмѣсто нея сооружена каменная. Она была высока и толста, шла въ видѣ полумѣсяца отъ одного пункта близъ Москвы-рѣки до другого близъ той же рѣки, въ обоихъ пунктахъ загибалась и примыкала съ запада къ Кремлю, а съ востока къ Китай-городу, такъ что у подножія царскаго двора всѣ три города соединялись въ одну кремлевскую стѣну, которая шла вдоль Москвы-рѣки. По стѣнамъ Вѣлаго-города шли башни; изъ нихъ двѣнадцать были проѣзжихъ съ воротами: на юго-западѣ Троицкая, въ поворотѣ, посредствомъ котораго Вѣлый-городъ соединялся съ Кремлемъ; отсюда по круговой линіи на западъ, съ запада на сѣверъ, а съ сѣвера на востокъ слѣдовали одни за другими ворота въ проѣзжихъ башняхъ: Чертольскія, переименованныя въ 1658 году въ Пречистенскія ¹⁾, Арбатскія, въ томъ же году нареченныя Смоленскими, Никитскія, Тверскія, Петровскія, Дмитровскія, Срѣтенскія, Мясницкія, переименованныя въ 1658 г. въ Фроловскія, Покровскія, Яузскія и Васильевскія. Между Срѣтенскими и Дмитровскими воротами стояла башня, черезъ которую проходила рѣка Неглинная, протекавшая черезъ Вѣлый-городъ по направленію отъ сѣверо-востока къ сѣверо-западу. Эта башня называлась Неглинною Трубой. Между проѣзжими башнями стояли глухія: между Чертольскими и Арбатскими, также между Никитскими и Тверскими по двѣ; между остальными по одной; глухая башня между Яузскими и Васильевскими воротами носила исключительное названіе Наугольной ²⁾. Въ началѣ XVIII вѣка только между двумя воротами было по одной башнѣ, между другими вездѣ по двѣ, а между нѣкоторыми и по три ³⁾. Стѣны Вѣлаго-города шли по линіи нынѣшнихъ бульваровъ и, какъ извѣстно, старинныя названія воротъ сохранились до сихъ поръ, хотя стѣны уже давно исчезли, по повелѣнію Екатерины II. Вѣлый-городъ, или Царь-городъ, какъ его называли, былъ самою населенною частью Москвы. У многихъ князей и бояръ были здѣсь большіе дворы, здѣсь жили многіе изъ богатаго купечества, большая часть ремесленниковъ съ своими мастерскими и лавками при нихъ для продажи своихъ издѣлій; здѣсь былъ гостинный шведскій дворъ; здѣсь сосредоточивалась торговля хлѣбомъ и мясомъ: послѣднее продавалось на мясномъ рынкѣ съ мясныхъ скамей; на этомъ рынкѣ были и бойни, куда пригоняли скотину. На берегу Неглинной, близъ урочища, называемаго Поганый Прудъ, стоялъ пушечный или литейный заводъ, гдѣ готовились пушки и колокола; въ другомъ мѣстѣ былъ царскій конюшенный дворъ съ конюшнями ⁴⁾. Еще въ концѣ XVII вѣка на правой сторонѣ Неглинной возвышался построенный Іоанномъ Грознымъ въ 1565 году въ итальянскомъ вкусѣ дворецъ ⁵⁾.

За предѣлами Вѣлаго-города былъ расположенъ Земляной-городъ. Стѣну его построили въ 1591 году по поводу опасенія отъ набѣга крымцевъ, кото-

¹⁾ П. С. З., I, 451.

²⁾ С. Г. Гр., III, 173—176.

³⁾ De Bruyns, 41.

⁴⁾ Olear., 149.

⁵⁾ Das Gr. Reich v. Mosc., 117.

рых посѣщеніе двадцать лѣтъ передъ тѣмъ слишкомъ много надѣлало горя московскимъ жителямъ. Эта стѣна была построена очень скоро и вѣроятно отъ этой скорости весь Земляной-городъ назывался Скородумомъ, то-есть скоро-задуманнымъ городомъ. Англичанинъ при Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчалъ, что въ этой стѣнѣ было такъ много дерева, что изъ него можно было построить рядъ тонкостѣнныхъ англійскихъ домиковъ на тринадцать миль длины ¹⁾. Стѣна эта шла по теперешнему направленію Новинскаго и Садовой округленнымъ очертаніемъ и какъ на западѣ, такъ и на востокѣ упиралась въ Москву-рѣку, пересѣкая на пути своемъ рѣку Язу. Въ Земляномъ-городѣ за Язюю былъ деревенный рынокъ, гдѣ продавались лѣсные издѣлія и между прочимъ готовые дома, нужные для московскихъ жителей по причинѣ частыхъ пожаровъ ²⁾. Много торговыхъ и ремесленныхъ заведеній находилось въ дворахъ домохозяевъ ³⁾. Жители здѣсь были большею частью посадскіе люди, и мало жило знатныхъ особъ. Дома были почти всѣ деревянные, а самые дворы отличались огромностью пространства.

Замоскворѣчье въ древности называлось Зарѣчье. Великій князь Василій Ивановичъ поселилъ здѣсь плѣнныхъ нѣмцевъ и литовцевъ: имъ дозволяли пить вино, потому-то ихъ и вывели отдѣльно отъ русскихъ, которымъ вино разрѣшалось только по праздникамъ ⁴⁾. Отъ этого Зарѣчье прозвано *Налески* отъ слова «наливай». Впослѣдствіи тамъ заведена была стрѣлецкая слобода. Она была обнесена стѣною, которая казалась продолженіемъ стѣны Земляного-города, потому что подходила къ Москвѣ-рѣкѣ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ на противоположной сторонѣ упиралась въ нее земляногородская стѣна. Двое воротъ—Серпуховскія и Калужскія—въ проѣзжихъ башняхъ служили выходомъ и входомъ для этого города ⁵⁾.

За городомъ были разныя слободы, которыхъ насчитываютъ чрезвычайно много; одніе изъ нихъ вошли въ разное время въ городъ; мѣстность другихъ даже опредѣлить теперь трудно. Въ XVI и XVII вѣкѣ упоминаются слободы: Кадашевка (слобода ткачей полотень), ордынцевъ, сѣдельниковъ, гончаровъ, котельниковъ, серебрянниковъ, басманиковъ, огородниковъ, мясниковъ, воротниковъ, гранатниковъ, кречетниковъ, трубниковъ, барашей, пушкарей, сокольниковъ, хлѣбниковъ; Бронная, Конюшенная, Казенная; другія носили названія по собственнымъ именамъ: Семеновская, Воронцовская, Алексѣевская, Никитская, Кудрина, Садовая; было сверхъ того нѣсколько ямскихъ слободъ: Тверская, Дорогомиловская, Рогожская, Напрудная ⁶⁾. За Язюю, гдѣ помѣщались многія изъ исчисленныхъ здѣсь слободъ, была, между прочими, Иноземная слобода или Нѣмецкая, построенная Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Послѣ Смутнаго времени нѣмцы расселились по городу и построили себѣ церковь въ Бѣломъ-городѣ; но по настоянію духовенства при Алексѣѣ Михайловичѣ ихъ снова выселили въ слободу. Тамъ у нихъ было три церкви.

¹⁾ Коллинсъ, 20.

²⁾ Olear., 149.

³⁾ А., отн. до юр. быта, I, 16.

⁴⁾ Herberst., 113.

⁵⁾ С. Г. Гр., III, 173.

⁶⁾ А. И., III, 104.—Доп., VI, 183.—Врем., XI. О поз. влад., 39.

Сверху всѣхъ слободъ, по окрестностямъ столицы было разсѣяно множество загородныхъ домовъ вельможъ и богатыхъ московскихъ жителей, такъ что, приближаясь къ столицѣ, можно было издали ее чувствовать ¹⁾). Тамъ и сямъ мелькали монастыри, огороженные стѣнами и башнями во вкусъ тогдашнихъ городовъ. Между ними безпрестанно появлялись новые дворы. Монастыри и слободы произвольно захватывали земли и отдавали ихъ, какъ свою собственность, подъ загородные дворы. Но въ 1649 году правительство со всѣхъ такихъ дворовъ постановило собирать въ казну оброкъ и запретило впередъ селиться на выгонной землѣ. Такимъ образомъ было остановлено естественное расширеніе столицы ²⁾).

IV.

П о с а д ы .

Посады, какъ выше сказано, обыкновенно располагались при городахъ и часто укрѣплялись острогами ³⁾ или осынями ⁴⁾); но въ мѣстахъ, гдѣ отдаленность отъ границы не представляла опасности, посады были безъ городовъ. Жители посадовъ — торговцы, ремесленники и промышленники, обязанные различными налогами и повинностями правительству, назывались тяглыми; ихъ тяглые дворы служили единицами въ полицейскихъ и финансовыхъ отношеніяхъ посадовъ къ государству. Кромѣ тягловыхъ дворовъ были на посадахъ дворы *не тяглые* или бѣлые, не подлежашіе тѣмъ повинностямъ, какія налагались на тяглыхъ. То были дворы священнослужителей, дворы церковные, монастырскія подворья, гдѣ жили старцы, завѣдывавшіе дѣлами своихъ монастырей, участвовавшихъ, какъ извѣстно, въ торговлѣ, дворы дворянъ и дѣтей боярскихъ, которые рѣдко жили въ нихъ сами, а чаще содержали тамъ своихъ дворниковъ. Были еще на посадахъ оброчные дворы, то-есть такіе, которые сдавались отъ казны въ оброкъ на подобныхъ основаніяхъ, какъ и поземельные участки. Этотъ обычай велся издавна и существовалъ еще при великихъ князьяхъ. Наконецъ, въ посадахъ между дворами составляли особый разрядъ дворы бобылей, людей бѣдныхъ, не имѣвшихъ опредѣленнаго занятія и платившихъ соотвѣтственно своему состоянію меньшіе налоги ⁵⁾).

Строиться улицами было издавна въ обычай русскихъ. Въ посадахъ улицы носили названія по именамъ церкви, построенныхъ на нихъ, напр., Дмитровская, Пречистенская, Воскресенская, Успенская, — иногда же по занятіямъ тѣхъ, которые на нихъ жили, напр., Калачная, Ямская, Кабацкая, Загостинская; иногда по какимъ-нибудь собственнымъ именамъ прозвищъ, напримѣръ, Букрѣва, Парфеновка. По краямъ улицъ, или гдѣ онѣ пересѣкались между собою, ставили

¹⁾ С. Г. Гр., IV, 215.

²⁾ П. С. З., I, 222—223.

³⁾ А. И., III, 56.

⁴⁾ Влад. Сб., 140.

⁵⁾ С. Г. Гр., I, 180. — Врем., VI. Писц. кн. 65. XI, 114. — Доп., I, 391. — А. г. Шуй, 182. — А. А. Э., III, 212. — А. И., III, 64.

образа въ кіотахъ. Вообще онѣ были широки, довольно прямы, но очень грязны. Только въ Москвѣ и въ большихъ городахъ было что-то похожее на мостовую. Это были круглыя деревяшки, сложенныя плотно вмѣстѣ одна съ другою. Не вся Москва была такимъ образомъ вымощена: во многихъ мѣстахъ не было мостовой, и тамъ, гдѣ особенно было грязно, черезъ улицы просто перекладывали доски. Въ Москвѣ собирался съ жителей поборъ подѣ именемъ мостовщины, и земскій приказъ занимался мощеніемъ улицъ, но мостили больше тамъ, гдѣ было близко къ царю. Такая мостовая не препятствовала, впрочемъ, женщинамъ ходить не иначе какъ въ огромныхъ сапогахъ, чтобъ не увязнуть въ грязи. Хотя въ Москвѣ существовалъ особый классъ служителей, называемыхъ метельщиками, обязанныхъ мести и чистить улицы, и хотя ихъ было человѣкъ пятьдесятъ, однако въ переулкахъ столицы валялось стерво и во многихъ мѣстахъ господствовала невыносимая вонь. Если въ самой столицѣ такъ мало наблюдали чистоту, то еще менѣе заботились о ней въ посадахъ, но зато при малолѣтствѣ ихъ въ сравненіи съ Москвою не столько причиняла зла такая небрежность ¹⁾).

Вездѣ въ посадахъ были площади, иногда очень пространныя и всегда почти неправильныя. Въ Бѣлозерскѣ въ XVI вѣкѣ при трехстахъ дворахъ была площадь въ двѣсти сорокъ саженъ длиною, а шириною въ одномъ концѣ въ шестьдесятъ восемь саженъ, а въ другомъ тридцать шесть, въ серединѣ семьдесятъ. Въ Муромѣ площадь была въ длину 94 сажня, а въ ширину въ одномъ мѣстѣ 26, а въ другомъ 12 саженъ. Обыкновенно всѣ улицы посада съ разныхъ сторонъ неправильными линіями сходились къ площадямъ, которыя были центромъ торговли и вообще всѣхъ сношеній жителей посада. Тутъ стояли ряды и лавки, гдѣ не только продавали, но и работали, прилавки съ разными мелочами, скамьи съ мясными и рыбными припасами, калачни, харчевни, гдѣ собирались гуляки, и земская изба—мѣсто выборнаго управленія. Въ большихъ посадахъ также торговые рынки находились въ той части, которая окружена была стѣною и часто называлась городомъ; напримѣръ, въ Астрахани въ той части посада, которая была окружена каменною стѣною и называлась Бѣлымъ-городомъ, была площадь, гдѣ находился большой гостинный дворъ и торговля заведенія, а въ другомъ мѣстѣ была площадь, гдѣ продавалось дерево. Около посадовъ оставлялась всегда выгонная земля, называемая иначе поскотинною, если тамъ были луга, то луговою, или же боровою, когда посадъ окружали лѣса ²⁾).

Главнымъ украшеніемъ посадовъ были церкви. Не говоря уже о Москвѣ, гдѣ число всѣхъ церквей, по свидѣтельству путешественниковъ, повѣрившихъ наблюденія одинъ другого ³⁾), простиралось до двухъ тысячъ, вообще въ посадахъ, даже немногочисленныхъ, находилось множество церквей, несоразмѣрное съ населеніемъ. Въ Бѣлозерскѣ, гдѣ всѣхъ душъ въ 1674 году считалось только 960, было девятнадцать церквей и изъ нихъ одна каменная соборная ⁴⁾). Въ Муромѣ въ 1687 году было, кромѣ трехъ церквей въ городѣ, четыре монастыря

¹⁾ А. Ю., 248—251.—А., отн. до юр. б., I, 463.—А. II., III, 117; IV, 24—27.—Olear., 146.—Struiss., 188.—Carlisle, 71, 353.

²⁾ А. Ю., 248, 253.—А., отн. до юр. б., I, 368.—Влад. Сборн., 141.—Доп., II, 92. VI, 283.

³⁾ Барб., 9.—Olear., 149.—Carlisle, 71.

⁴⁾ А. Ю., 256.

и двадцать церквей въ посадѣ, а между тѣмъ Муромъ не отличался многолюдствомъ ¹⁾. Въ старыя времена каждый зажиточный человекъ строилъ церковь, содержалъ для нея попа и молился въ ней съ своею семьею. Зато многія церкви были такъ малы, что простирались не болѣе, какъ на пятнадцать футовъ ²⁾; онѣ были деревянные, небѣленныя, крытыя тесомъ или гонтомъ, но часто главы покрывались бѣлымъ желѣзомъ и блистали противъ солнца. Въ Вологдѣ всѣ главы церквей, которыхъ было всего 67 (21 каменныхъ, 43 деревянныхъ и три монастыря), были покрыты такимъ образомъ (de Bruyns).

Вообще посады наши были не многолюдны. Разныя бѣдствія, столь обильно изливаемая судьбою на Русь, оказывали постоянно вредныя послѣдствія на размноженіе населенія посадовъ. На югѣ Россіи никакъ не могли процвѣтать посады, потому что безпрестанные набѣги крымцевъ не давали народу возможности вести осѣдлой жизни, тѣмъ менѣе заботиться о житейскихъ удобствахъ. Очень часто посѣщали Русь моровыя повѣтрія; какъ страшно они опустошали посады, можно видѣть изъ такихъ примѣровъ, какъ, на примѣръ, въ Шуѣ, гдѣ въ 1654 и 1655 гг. послѣ мороваго повѣтрія изъ двухсотъ двадцати-четырехъ дворовъ вымерли совершенно обитатели девяносто-одного двора и послѣ трехъ лѣтъ, въ 1658 г., многіе дворы еще оставались по той же причинѣ пустыми ³⁾. Дурное управленіе и тягости, возложенныя на посадскихъ отъ правительства, побуждали жителей оставлять свои жительствова и шататься съ мѣста на мѣсто; другіе, гонимые бѣдностью, закладывались частнымъ владѣльцамъ или монастырямъ; иные постригались въ монахи ⁴⁾.

Выше показана скудость населенія въ Бѣлозерскѣ и Шуѣ: въ другихъ мѣстахъ и въ различное время представляется то же. Такъ на примѣръ, въ 1574 году въ Муромѣ было 738 дворовыхъ мѣстъ, назначенныхъ для поселенія, но изъ нихъ только сто-одиннадцать было жилыхъ, сто-семь дворовъ съ своими строениями стояли пустыми, а прочія мѣста не были и застроены, или, можетъ быть, бывшія на нихъ строения уже исчезли ⁵⁾. Въ 1637 году въ Устюжнѣ было всего 178 дворовъ, а людей въ нихъ 254 человекъ ⁶⁾. Около того же времени или нѣсколько позже въ Чердынѣ было 304 двора, а въ Соли-Камской 355 ⁷⁾; а эти города по своему мѣстоположенію, удаленному отъ внезапныхъ набѣговъ хищническихъ народовъ, и по приволью представляли возможность правильнѣйшаго населенія. Въ Холмогорахъ, которыя стояли недалеко отъ моря и притомъ на главномъ торговомъ пути, въ 1675 году было всего 645 дворовъ, а людей въ нихъ 1.391 человекъ ⁸⁾. Сама власть не способствовала развитію посадской жизни. Прежніе цвѣтушіе города — Новгородъ, Псковъ, Тверь, потерявъ свою гражданственность, теряли и свои богатства. Правительство, стремившееся къ единовластію, не допускало въ посадахъ развитія самоуправленія, которое всегда

1) Влад. Сборн., 160.

2) Olear., 179.

3) Оп. г. Шуи, 334.

4) А. г. Шуи, 80.

5) А. Ю., 251.

6) А. А. Э., III, 419.

7) А. И., III, 361.

8) Доп., VI, 396.

идеть рука-объ-руку съ благосостояніемъ ¹⁾). При непрерывныхъ, неотвратимыхъ бѣдствіяхъ, побуждавшихъ народъ къ шатанію, было невозможно, чтобы въ посадахъ заботились о красотѣ и прочности постройки зданій; притомъ же пожары были самое повседневное и повсемѣстное явленіе ²⁾). Москва, какъ извѣстно, славилась многими историческими пожарами, губившими не только жилища, но и тысячи людей. Стоитъ припомнить пожаръ 1493 года, истребившій всю Москву и Кремль ³⁾, славный пожаръ 1547 года ⁴⁾, когда, кромѣ строеній, сгорѣло болѣе двухъ тысячъ народа, пожаръ 1591 года, доставившій Борису случай показать предъ народомъ свою щедрость; пожары при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ были такъ часты, что не обходилось безъ нихъ ни одного мѣсяца; иногда на нихъ было такое плодородіе, что они слѣдовали одинъ за другимъ каждую недѣлю и даже случалось, что въ одну ночь Москва загоралась раза по два или по три. Нѣкоторые изъ этихъ пожаровъ были такъ опустошительны, что истребляли въ одинъ разъ третью часть столицы ⁵⁾). При Алексѣѣ Михайловичѣ Москва нѣсколько разъ испытывала подобные пожары, напр., во время возмущенія народнаго по поводу пошлины на соль въ 1648 г., потомъ въ 1664 и 1667 годахъ ⁶⁾).

Въ другихъ городахъ пожары были такъ же опустошительны; напримѣръ, въ Псковѣ въ 1623 г. былъ пожаръ, истребившій городъ до-тла, такъ что жители, обѣдѣвши, долго не могли послѣ того поправиться ⁷⁾). Несмотря, однако, на такія частыя бѣдствія отъ огня, мѣры противъ него были вялы и преимущественно только предохранительныя: старались дѣлать пошире дворы, правительство приказывало ставить на кровли строеній кадки съ водою и мѣрники съ помелами; запрещалось по ночамъ сидѣть съ огнемъ и топить лѣтомъ мыльни и даже печи въ избахъ; а вмѣсто того жители должны были готовить себѣ пищу въ огородахъ. Эта мѣра одна по себѣ была плохимъ средствомъ и притомъ не всѣ ей подлежали: нѣкоторымъ зажиточнымъ хозяевамъ, такъ называемымъ служилымъ людямъ, по хорошимъ ихъ отношеніямъ съ воеводами, позволялось то, что вообще запрещалось другимъ; воевода могъ разрѣшить топить лѣтомъ избу, если находилъ, что день довольно пасмуренъ или влаженъ, и мыльню изъ снисхожденія къ больнымъ и родильницамъ ⁸⁾). Когда всныхивалъ пожаръ, всѣ дѣйствія противъ него ограничивались тѣмъ, что старались ломать строенія, стоявшія близъ горящихъ зданій. Только въ Москвѣ были нѣкотораго рода обычныя мѣры гашенія огня при пожарахъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ существовали какіе-то холстинные напусы сажень въ пять длиною и щиты изъ лубьевъ съ рукоятями ⁹⁾). При Алексѣѣ Михайловичѣ велѣно было, чтобы всѣ вообще зажиточные люди заводили у себя мѣдныя и деревянныя трубы, а люди съ меньшимъ достаткомъ

¹⁾ Das Gr. Reich v. Mosc., 173.

²⁾ Маржер., 3.

³⁾ Карамз. И. Г. Р., VI, 73.

⁴⁾ Ibid., VIII, Прим., 173.

⁵⁾ Olear., 149.

⁶⁾ Olear., 144.—Carlisle, 206.—Struiss., 128.

⁷⁾ А. А. Э., III, 19.

⁸⁾ П. С. З., I, 675—677.—С. Г. Гр., III, 163.

⁹⁾ А. И., III, 102.

складывались вмѣстѣ по пяти дворовъ для покупки одной трубы, и въ случаѣ пожара всѣ должны были бѣжать для погашенія.

V.

С л о б о д ы.

На Руси встрѣчались слободы трехъ родовъ: служилыхъ людей, промышленниковъ и, наконецъ, вообще поселянъ, пользующихся льготами. Къ слободамъ служилыхъ людей относились: стрѣлцкая, пушкарская, пищальная, затинщиковъ, воротниковъ, козачьи, ямскія. Въ нихъ были поселены служилые люди одного какого-нибудь наименованія, которые составляли корпорацію и исполняли опредѣленную служебную обязанность въ отношеніи правительства. Слободы этого рода пользовались особымъ управленіемъ и особыми правами. По большей части онѣ находились близъ городовъ и составляли предмѣстья посадовъ, если подъ городомъ находился посадъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, однако, особенно на югѣ Московскаго Государства, мѣсто самаго посада занимали слободы. Близъ одного острога были слободы: стрѣлцкая, козачья и пушкарская, а посадскихъ былъ одинъ только дворъ; такимъ образомъ весь посадъ хотя и числился существующимъ, но заключался въ одномъ только дворѣ ¹⁾). Величина служилыхъ слободъ соразмѣрялась съ потребностью военной силы по важности города, близъ котораго онѣ были расположены; иногда онѣ были очень не велики, напр., человѣкъ въ пятьдесятъ жителей и даже менѣе ²⁾).

При исчисленіи слободъ, находившихся близъ Москвы, показаны роды промышленныхъ, ремесленныхъ и торговыхъ слободъ. Подобныя названія встрѣчались въ разныхъ мѣстахъ Руси. Нѣкоторыя промышленныя слободы были въ то же время и служилыя, потому что жители ихъ были обязаны доставлять къ царскому двору произведенія своего труда и за то пользовались облегчительными льготами. Таковы были слободы бобровниковъ, слободы рыбныхъ ловцовъ, слободы сокольниковъ и кречетниковъ и проч., которыхъ жители обязаны были доставлять ко двору плоды своей охоты и рыбной ловли, точно такъ же, какъ близъ Москвы жители слободы Кадашевки занимались тканьемъ полотень и отбывали повинности доставкою своихъ произведеній на потребности двора.

Въ Сибири, кромѣ служилыхъ слободъ, такое же названіе носили поселенія, гдѣ жители занимались земледѣліемъ и пользовались льготами, которыя давались новоприбывшимъ туда поселенцамъ въ уваженіе къ ихъ недавней осѣдлости. Въ XVII в. служилые люди ходили по Руси и вербовали народъ въ Сибирь, заманивая обѣщаніями разныхъ льготъ; сверхъ того, для перехода давались охотникамъ подможныя деньги. Эти поселенцы обязаны были пахать извѣстное количество земли и, собирая съ нея хлѣбъ, доставлять его въ города для прокормленія служилыхъ; такія слободы назывались пашенными ³⁾).

¹⁾ Временн., XIII. Приправоч. кн. Ряз. уѣзда, Моржевск. стана, 7124 г.

²⁾ Ibid.

³⁾ А. И., V, 20.

VI.

Села и деревни.

Земледѣльческія жидыя мѣстности вообще по административному положенію были: черныя тяглыя, дворцовыя, помѣстья и вотчины. Первыя были государственныя имѣнія, вторыя — собственность государя и его фамиліи; помѣстья были казенныя имѣнія, которыя раздавались служащимъ людямъ, какъ бы вмѣсто жалованья за ихъ службу: владѣлецъ не могъ ни продать, ни заложить, ни завѣщать ихъ, и хотя они очень часто переходили отъ отцовъ къ дѣтямъ, но не по праву наслѣдства, а по новой отдачѣ отъ правительства, такъ что каждый разъ, получая во владѣніе отцовское помѣстье, сынъ долженъ былъ справлять его за собою, т.-е. приобретать отъ правительства на него право съ обязанностью нести за то службу. Вотчины были собственностью владѣльцевъ. Вотчины были: владычныя, то-есть принадлежавшія архіереямъ или соборамъ, или, какъ тогда говорилось, домамъ святыхъ, напр., дому Пресвятыя Богородицы, дому Софійскому, — монастырскія и наконецъ частныхъ лицъ, т.-е. бояръ, окольничихъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ.

Сельскіе жители всѣхъ наименованныхъ здѣсь поселеній вообще назывались крестьяне и для означенія, къ какого рода владѣніямъ они приписывались, прибавлялось прилагательное: монастырскіе крестьяне, владычныя крестьяне, дворцовые крестьяне, помѣщиковы и вотчинниковы крестьяне. Въ XVII вѣкѣ крестьяне въ вотчинахъ, принадлежавшихъ отдѣльнымъ владѣльцамъ, вообще назывались боярскими, и господскія имѣнія носили общее имя боярщины ¹⁾. Съ прекращеніемъ личнаго права крестьянъ на переходъ съ владѣльческихъ земель, на которыхъ они были поселены, по мѣрѣ большаго прикрѣпленія къ землѣ, крестьяне мало-по-малу входили въ одинъ разрядъ съ холопами или рабами. Несмотря на малолюдность края, въ XVII вѣкѣ село чаще было раздроблено между разными владѣльцами, чѣмъ составляло собственность одного: только владѣнія бояръ и князей представляли исключенія. По большей части въ одномъ селѣ было нѣсколько владѣльческихъ усадебъ ²⁾. Около нихъ поселены были обыкновенно рядами дворы ихъ подданныхъ и раздѣлялись на дворы людскіе, крестьянскіе и бобыльскіе. Въ людскихъ жили люди или холопы, обращенные господами на полевыя работы; иногда въ одномъ дворѣ и даже въ одной избѣ помѣщалось нѣсколько семей этихъ рабовъ, не имѣвшихъ ничего собственнаго и жившихъ на скаредномъ содержаніи отъ владѣльца. Въ крестьянскомъ дворѣ обыкновенно жилъ хозяинъ не только съ семьею, состоящею изъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ и раздѣлявшеюся на двѣ, на три и четыре семьи съ общимъ достояніемъ (не въ раздѣлѣ), но часто съ нѣсколькими посторонними семьями работниковъ или подсосѣдниковъ, которые не имѣли своего угла, жили по найму и въ отношеніи юридическомъ и административномъ вмѣстѣ съ хозяйскою семьею

¹⁾ А., отп. до юр. б., I, 354.

²⁾ Временн., XIII. Припр. кн. 7124.

составляли одну единицу ¹⁾). Отличіе крестьянъ отъ бобылей возникло въ давнее время. Когда еще не воспрещено было крестьянамъ съ извѣстными условіями переходить отъ владѣльца къ владѣльцу, крестьянинъ, поселявшійся на землѣ вотчинника или помѣщика, бралъ отъ него участокъ, носившій юридическое названіе жеребья, и долженъ былъ отбывать повинности, лежавшія на этомъ жеребьи. Тѣ, которые не могли брать цѣлыхъ жеребьевъ, селились на владѣльческихъ земляхъ, платя только за свой дворъ и обрабатывая землю по добровольнымъ особымъ условіямъ съ владѣльцемъ, а потому не подчинялись уже обязанностямъ, лежавшимъ на жеребьяхъ. Такіе назывались бобылями ²⁾). Послѣ укрѣпленія крестьянъ бобыльскому сословію предстояло современемъ смѣшаться съ крестьянскимъ, но и въ XVII в. еще оно не успѣло совершенно потерять свое отличіе. Бобыльскіе дворы всегда писались отдѣльно отъ крестьянскихъ ³⁾), ибо всякій крестьянинъ, какъ и прежде, отправлялъ свои повинности съ тяглаго жеребья, хотя назначеніе такого жеребья и зависѣло отъ владѣльца, сколько можно судить по дошедшимъ до насъ извѣстіямъ. Бобылями, то-есть неимѣющими жеребья, стали называться тогда тѣ, которые, по бѣдности, не могли удержать за собою жеребьевъ. Но въ старину, въ XVI вѣкѣ, не всякій бобыль былъ бѣднякомъ. Когда поселяне имѣли право переходить съ земель владѣльческихъ на другія, многіе могли не обязываться жеребьемъ не потому только, что по скудости не въ силахъ были вынести лежавшихъ на жеребьяхъ повинностей, но также и для того, что не нуждались въ такомъ количествѣ земли, какое приходилось на жеребій, и сверхъ земледѣлія извлекали изъ другихъ занятій средства къ содержанію. Послѣ воспрещенія перехода и укрѣпленія крестьянъ, когда распределеніе жеребьевъ зависѣло уже отъ владѣльца, естественно тѣ, которыхъ владѣлецъ не считалъ удобнымъ посадить на тяглый жеребій, были только бѣдные люди; безъ того владѣлецъ, конечно, далъ бы имъ жеребій и обложилъ повинностью. Такимъ образомъ, слово бобыль перешло въ значеніе бѣдняка, пролетарія и осталось съ нимъ до нашего времени.

До прекращенія перехода земледѣльцевъ въ вотчинахъ и помѣстьяхъ было всегда значительное число пустыхъ дворовъ съ строеніями, готовыми принять къ себѣ новыхъ жильцовъ ⁴⁾). Одни строились самими владѣльцами и сдавались приходившимъ крестьянамъ; другіе крестьянами, смотря по договорамъ. Но и въ XVII вѣкѣ, несмотря на укрѣпленіе крестьянъ, повсюду въ имѣніяхъ было не менѣе прежняго пустыхъ дворовъ, потому что многіе изъ земледѣльцевъ бѣгали, оставляя свои жилища; другіе, вѣроятно, сами были увольняемы владѣльцами. Сельская жизнь попрежнему носила на себѣ явный недостатокъ осѣдлости.

Вообще сельское народонаселеніе, какъ и посадское, было скудно и бѣдно. Частыя войны и моровыя повѣтрія истребляли его. Въ украинскихъ земляхъ татары сожигали до-тла поселенія, умерщвляли и забирали въ плѣнъ людей, не успѣвшихъ схорониться въ городахъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ вся страна на югъ отъ Москвы была сожжена и представляла голую степь. Правительство не

¹⁾ Доп., I, 279. V, 96.

²⁾ Доп., I, 278.

³⁾ Врем., VI. Писц. кн.

⁴⁾ А. И., I, 130, 136.

упадало духомъ и дѣятельно старалось о заселеніи ея вновь; но долго еще несчастныя условія препятствовали всякимъ усиліямъ. Земледѣлецъ не могъ спокойно располагать своимъ временемъ и часто среди лѣтнихъ работъ принужденъ былъ покидать на полѣ не собранный хлѣбъ и по зову бирючей спѣшить въ осаду. Крестьянамъ не дозволялось отъ правительства строить житницы, а велѣно было держать зерновой хлѣбъ въ ямахъ. Самыя избы обыкновенно сжигались, какъ только непріятель приближался, и крестьянинъ убѣгалъ въ городъ съ тѣмъ, что успѣвалъ захватить съ собою. Нерѣдко плоды долготѣнихъ трудовъ уничтожались въ одинъ день. Такимъ образомъ плодосовѣйшія полосы государства оставались необработанными и почти незаселенными ¹⁾. Подобныхъ бѣдствій не чужды были и другія русскія области. Такъ, въ раздѣлѣ между Строгоновыми постановленными были условія, чтобъ строенія, построенныя за укрѣпленіями въ ихъ сибирскихъ владѣніяхъ, были сжигаемыя во время опасности ²⁾.

Недостатокъ прочной осѣдлости не допускалъ жителей прилагать стараній о сборѣ запасовъ продовольствія на случай скудныхъ лѣтъ. Отъ этого въ случаяхъ неурожаевъ, которые, благодаря климату и почвѣ, были нерѣдки, пустѣли цѣлыя края отъ голода, какъ отъ заразы ³⁾. Слѣдуетъ прибавить, что неправосудное управленіе, отягощавшее жителей, принуждало ихъ къ побѣгамъ и пріучало предпочитать бездомовную, скитальческую жизнь осѣдлой. Всѣ эти причины препятствовали увеличиваться народонаселенію и мѣшали его благосостоянію. Многія извѣстія старыхъ временъ указываютъ на повсемѣстные пустыя дворы, которыхъ обитатели или вымерли, или побиты, или разбѣжались. Цѣлыя села исчезали, оставляя по себѣ названіе пустыхъ селищъ ⁴⁾. Въ XVII вѣкѣ, неподалеку отъ Москвы, слѣдовательно, въ самомъ населенномъ краѣ, въ двухъ селахъ и одной деревнѣ насчитано только двѣсти-шестнадцать дворовъ и въ нихъ 299 душъ ⁵⁾. Въ 1675 году въ Двинскомъ уѣздѣ, во всѣхъ его станахъ и волостяхъ, было всего 2.531 дворъ и въ нихъ 5.602 человѣка ⁶⁾. Во всемъ Чердынскомъ уѣздѣ въ концѣ XVII вѣка было всего до трехъ тысячъ дворовъ ⁷⁾. Какъ сельское населеніе колебалось въ каждомъ мѣстѣ, то увеличиваясь, то умаяясь, можно видѣть изъ описанія одного стана въ Вятскомъ уѣздѣ: въ 1629 году тамъ было 44 деревни и 23 починка; въ нихъ дворовъ было живущихъ сто, а людей 106; въ 1646 году тамъ оказалось 103 деревни, дворовъ живущихъ 209 и людей 1.055 человѣкъ, да сверхъ того пять деревень и семь дворовъ пустыхъ; въ 1658 году въ томъ же станѣ 53 деревни, 44 починка, живущихъ дворовъ 133, а людей 714 человѣкъ ⁸⁾. Болѣе тѣмъ въ другіе края населеніе въ XVII вѣкѣ подвигалось, кажется, на востокъ, именно въ края, занимавшіе нынѣшнія губерніи Пензенскую и Тамбовскую и южную часть Нижне-

¹⁾ А. А. Э., III, 99, 111, 409.—С. Г. Гр., III, 362.—Вор. Акты, I, 54.

²⁾ Доп., II, 94.

³⁾ А. А. Э., III, 99.

⁴⁾ Доп., I, 279.—Ворон. Акты, 54.—О Пятин. Новг. Невол.

⁵⁾ Врем., V, См., 2.

⁶⁾ Доп., VI, 396.

⁷⁾ А. А. Э., IV, 6.

⁸⁾ Доп., VI, 76.

городской, гдѣ въ XVI вѣкѣ почти не было русскихъ жителей, а въ половинѣ XVII является много городовъ, слободъ и селъ, какъ видно изъ дѣлъ о возмущеніи Стеньки Разина. Этому причиню, кажется, было то, что воинственность тамошнихъ туземцевъ — мордвы и чувашей — была уступчива къ силѣ русскихъ поселенцевъ. Вообще событія XVII вѣка одно за другимъ представляли очень неблагоприятныя условія для осѣлости и умноженія народонаселенія. Въ первыхъ годахъ XVII вѣка эпоха самозванцевъ со всѣми ея послѣдствіями сильно потрясла, опустошила и обезлюдила Русь во всѣхъ ея концахъ. При Михаилѣ Оедоровичѣ не успѣла Русь еще оправиться отъ прошедшихъ бѣдствій, какъ ее терзали безпрерывныя набѣги татаръ на южныя области. Отдохнувъ немного въ первые годы царствованія Алексѣя, русское населеніе вслѣдъ затѣмъ подверглось цѣлому ряду бѣдствій: изнурительныя войны съ поляками, набѣги крымской орды, моровыя повѣтрія, внутренніе мятежи истощали его. Одинъ англичанинъ, посѣщавшій Россію въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, говорилъ, что на пространствѣ пятисотъ верстъ едва можно было встрѣтить десять женщинъ и одного мужчину ¹⁾. Не должно обольщаться обиліемъ селъ и деревень, встрѣчаемыхъ въ письменныхъ актахъ: были села съ церквями, въ которыхъ всего навсего было одиннадцать дворовъ ²⁾, а деревни были столь малолюдны, что въ нихъ значилось двора по три, по два и даже по одному ³⁾. Избѣгая непрерывныхъ бѣдствій, народъ переселялся въ Сибирь; нѣсколько времени она была обѣтованною странюю Россіи; но правительство, покровительствуя заселенію этого края, неоднократно и останавливало стремленіе народа на дѣятельную, плодородную, хотя и студеную ея почву. Уже въ 1658 году сибирскій владыка просилъ о прибавкѣ земли въ его домовыхъ волостяхъ и представлялъ, что народонаселеніе увеличилось, а земля выпалахалась ⁴⁾. Впрочемъ и въ Сибири *солнце свѣтитъ*, гласитъ русская пословица: и тамъ были воеводы, поборы, разметы, набѣги иноземцевъ, моровыя повѣтрія и неурожаи.

VII.

Дворы и дома.

Дворы въ нашей старой Руси были очень просторны. Это видно уже изъ того, что для предохраненія отъ пожаровъ приказывали варить кушанье и печь хлѣбы далеко отъ жилыхъ строеній въ городахъ ⁵⁾. Въ старину, при великихъ князьяхъ, въ Москвѣ были дворы, принадлежавшіе князьямъ, до того огромные, что дѣлились какъ удѣлы, и даже два князя владѣли однимъ дворомъ ⁶⁾. Въ завѣщаніи Іоанна III о дворахъ, данныхъ имъ своимъ дѣтямъ, говорится о томъ, что въ нихъ заводили торги, и о разныхъ судебныхъ дѣлахъ,

¹⁾ Колл., 13.

²⁾ Врем., XIII. Припр. вн., 58.

³⁾ Ibid., 2.

⁴⁾ Док., IV, 148.

⁵⁾ П. С. З., I, 165.

⁶⁾ С. Г. Гр., I, 79.

касавшихся живущихъ въ этихъ дворахъ: это указываетъ на обширность и населенность такихъ дворовъ ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ царская усадьба въ Измайловѣ простиралась на четыре десятины ²⁾. Въ Александровской слободѣ конюшенный дворъ занималъ болѣе девяти десятинъ ³⁾. Велики были дворы архіереевъ и монастырскія подворья въ городахъ и посадахъ; напр., въ Хлыновѣ дворъ владыки имѣлъ 85 сажень въ длину, а поперекъ въ переднемъ концѣ сорокъ четыре и въ заднемъ пятьдесятъ четыре сажени, да сверхъ того отведенъ былъ дворъ для его церковныхъ дѣтей боярскихъ въ 61 сажень въ длину и 12 въ ширину ⁴⁾. Торговый дворъ Печенскаго монастыря въ Вологдѣ имѣлъ въ длину 60 саж., а поперекъ восемь ⁵⁾. Иногда дворы посадскихъ, если въ посадѣ было много мѣста, простирались до пятидесяти и до шестидесяти сажень въ длину ⁶⁾. Какъ велики бывали въ Москвѣ дворы бояръ и знатныхъ особъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ XVII вѣка: боярскій дворъ въ длину тридцать семь сажень безъ трети и поперекъ въ одномъ концѣ — переднемъ — девять, а въ заднемъ тридцать три сажени ⁷⁾; другой дворъ (стольника) въ длину двадцать пять сажень съ половиною, поперекъ въ одномъ концѣ девятнадцать сажень съ половиною, а въ другомъ двѣнадцать безъ чети ⁸⁾. При сдачѣ земли подъ постройки загородныхъ домовъ считалось достаточнымъ на дворъ двадцать сажень въ длину, а десять въ ширину ⁹⁾. Встрѣчались примѣры усадебъ гораздо меньшаго пространства, какъ-то: четырнадцать сажень въ длину, а поперекъ въ одномъ концѣ тринадцать, а въ другомъ десять ¹⁰⁾. Въ посадахъ обыкновенная средняя величина усадебъ была отъ 10 до 20 сажень въ длину; встрѣчались даже и менѣе, напр., въ 7 саж. въ длину и въ три сажени поперекъ ¹¹⁾. Вообще форма дворовъ была неправильная и поперечникъ не только не равнялся длинѣ, но въ переднемъ концѣ былъ иной мѣры, чѣмъ въ заднемъ. Всего чаще онъ подходилъ къ равной мѣрѣ съ длиною собственно въ городахъ, гдѣ ограниченность пространства не позволяла слишкомъ широко располагаться.

Дворы, по возможности, старались располагать на возвышенныхъ мѣстахъ для безопасности отъ полой воды и зимнихъ сугробовъ. Такое правило наблюдалось въ селахъ и деревняхъ при постройкѣ усадебъ владѣльцевъ. Кругомъ дворы огораживались заборомъ, иногда острымъ тыномъ или заметомъ ¹²⁾. Обыкновенно эта городьба была деревянная, но въ XVII вѣкѣ иные дѣлали каменные или кирпичныя ограды, иногда тамъ, гдѣ на дворѣ вся постройка была деревянная. Такъ въ Москвѣ были усадьбы съ деревянными постройками и ка-

¹⁾ С. Г. Гр., I, 397.

²⁾ Оп. Изм. дв. От. Зап. 1851 г. Мартъ.

³⁾ Влад. Сборн., 173.

⁴⁾ Доп., VI, 76.

⁵⁾ Доп., VI, 381.

⁶⁾ Влад. Сборн., 170.

⁷⁾ Русск. Вѣстн. 1841, I, 229.

⁸⁾ Доп., VI, 351.

⁹⁾ П. С. З., I, 232.

¹⁰⁾ А. г. Шуи, 58.

¹¹⁾ А., отн. до юр. б., I, 681. — Доп., VI, 310.

¹²⁾ А. г. Шуи, 58. — А. Ю., 130.

менными оградами ¹⁾. Точно также въ царскомъ имѣніи, въ Измайловскомъ селѣ, хотя постройка была деревянная, но ограда каменная съ сводообразными жильями внутри для прислуги и для хозяйственныхъ принадлежностей ²⁾. Домовитый хозяинъ старался оградить свою усадьбу такъ, чтобъ черезъ нее никакое животное не пролѣзло и чтобъ отъ сосѣдей не могли приходиться слуги къ его слугамъ ³⁾. Въ ограду вело двое и трое (иногда болѣе: пять и семь) воротъ ⁴⁾ и между ними одни были главныя, имѣвшія у русскихъ нѣкотораго рода символическое значеніе. Они украшались съ особенною заботливостію и дѣлались крытыя, а иногда въ видѣ отдѣльнаго пролѣзднаго строенія съ надстроенными наверху башенками; самыя створки украшались разными изображеніями, какъ-то: орловъ, оленей, цвѣтовъ и тому подобное. Издревле существовалъ обычай надъ главными воротами городовъ надстраивать часовни и даже церкви: такъ было между прочимъ въ старинномъ Кіевѣ, гдѣ надъ Золотыми воротами была сооружена церковь Благовѣщенія. Сообразно этому обычаю, главные входы въ дворъ получали нѣкотораго рода священное значеніе; надъ воротами зажиточныхъ частныхъ людей почти всегда ставили образа въ кіотахъ. Ни въ день, ни въ ночь ворота не оставляли отворенными; днемъ они были только приперты, а ночью заперты на замокъ, и тогда по двору спускали съ цѣпи собакъ. У самыхъ воротъ строилась караульная избушка, называемая воротнею ⁵⁾.

Въ самой Москвѣ въ XVI вѣкѣ большая часть зданій были деревянные ⁶⁾, и во всей столицѣ едва можно было насчитать одну восьмую часть каменныхъ ⁷⁾, и тѣ занимаемы были преимущественно кладовыми, а не жильемъ: никто не почиталъ каменныхъ зданій удобнѣе деревянныхъ для жилья. При Михаилѣ Федоровичѣ началъ распространяться вкусъ на каменные постройки. Алексѣй Михайловичъ его поддерживалъ. При царскомъ дворѣ существовали такъ называемыя палатныхъ и городовыхъ дѣлъ мастера, рѣзчики каменныхъ дѣлъ, не только иностранцы, но и русскіе, украшавшіе Москву зданіями. Зажиточные люди стали строить каменные дома или палатки, но все-таки сохраняли старинное убѣжденіе, что въ деревянныхъ домахъ жить здоровѣе,—и самыя иностранцы, посѣщавшіе Россію, съ этимъ соглашались ⁸⁾. Уже по смерти царя Алексѣя въ 1681 г. приказано было въ Кремлѣ въ Китай-городѣ и Бѣломъ-городѣ строить исключительно одни каменные строенія и для этого выдавали изъ Приказа Большого Дворца хозяевамъ на постройку кирпичъ по полтора рубля за тысячу съ разсрочкою на десять лѣтъ, а тѣмъ, которые не имѣли средствъ сооружать каменные постройки, приказано дѣлать вокругъ дворовъ по крайней мѣрѣ каменные ограды ⁹⁾. Это была первая обязательная мѣра о каменныхъ постройкахъ въ Россіи.

¹⁾ С. Г. Гр., IV, 391.

²⁾ Русск. Стар. Мартыи., 131.

³⁾ Домостр., 87.

⁴⁾ А. Ю., 130, 132.—Русск. Стар. Мартыи., 131.

⁵⁾ А. Ю., 130.—Домостр., 87.—Русск. Стар. Мартыи., 131.—Оп. Изм. дв. От. Зап.

1851. Мартъ.

⁶⁾ Jenkins, 150.

⁷⁾ Раф. Барб., 9.

⁸⁾ Carlisle, 323.

⁹⁾ С. Г. Гр., IV, 391.

Форма домовъ была четвероугольная. Деревянные дома дѣлались изъ сосновыхъ ¹⁾, иногда же изъ дубовыхъ цѣльныхъ брусевъ ²⁾. Складывали брусья съ большимъ умѣньемъ, по замѣчаніямъ иностранцевъ, такъ плотно, что не оставалось ни малѣйшей скважины для прохода воздуха и притомъ не употребляя въ цѣломъ домѣ ни одного гвоздя ³⁾, но скрѣпляли брусья, положенные одинъ сверхъ другого, посредствомъ зубцовъ въ нижнемъ и зарубокъ или выемокъ въ верхнемъ, такъ что зубцы вставлялись въ зарубки или выемки ⁴⁾. Цѣлые толстые брусья плотно держались между собою, а для теплоты обивали ихъ еще мхомъ; мохъ клали также по створкамъ дверей и оконъ ⁵⁾. Это называлось строить избу во мху, а если продавалась изба, необитая мхомъ, такая изба называлась не избою, а струбомъ ⁶⁾.

Особенность русскаго двора была та, что дома строились не рядомъ съ воротами, а посрединѣ отъ главныхъ воротъ пролегалъ къ жилью дорога, иногда мощеная, которую добрый хозяинъ содержалъ постоянно въ чистотѣ и наказывалъ слугамъ счищать съ нея грязь въ дождливое лѣтнее и сугробы въ зимнее время ⁷⁾. Въмѣсто того, чтобъ по надобности строить большой домъ или дѣлать къ нему пристройки, на дворѣ сооружали нѣсколько жилыхъ строеній, которыя имѣли общее названіе хоромъ ⁸⁾. Надворныя постройки вообще были жилья и служебныя или кладовыя. Жилья носили наименованія: избы, горницы, повалуши, сѣнники. Изба была общее названіе жилого строенія. Горница, какъ показываетъ самое слово, было строеніе горнее, или верхнее, надстроенное надъ нижнимъ и обыкновенно чистое и свѣтлое, служившее для приѣма гостей. Названіе повалуши сохранилось теперь въ восточныхъ губерніяхъ и значить кладовую, обыкновенно холодную. Въ старину хотя повалуши и служили для храненія вещей ⁹⁾, но были также и жилыми покоями: неизвѣстно, въ чемъ состоитъ ихъ отличіе отъ горницъ, тѣмъ болѣе, что и повалуши иногда надстраивались надъ нижними строеніями, какъ горницы. Сѣнникомъ называлась комната холодная, часто надстроенная надъ конюшнями и амбарами, служившая лѣтнимъ покоемъ и необходимая во время свадебныхъ обрядовъ.

Очень часто по нѣсколько строеній всѣхъ этихъ видовъ находилось въ одномъ и томъ же дворѣ. Напримѣръ, три горницы и одна повалуша ¹⁰⁾ или двѣ горницы и три повалуши ¹¹⁾. При каждомъ отдѣльномъ строеніи были сѣни, а часто двое сѣней, однѣ переднія, другія заднія, и тѣ и другія теплыя; иногда же два или три жилыхъ строенія подъ одной крышей соединялись теплыми сѣнями, которыя были общими для того и другого жилья. Обыкновенно жилья

¹⁾ Насл., 183.

²⁾ Русск. Стар. Мартыя., 140.

³⁾ Petr., 314.

⁴⁾ Fletch., 94.

⁵⁾ Petr., 314.—Mejerb., 165.

⁶⁾ Доп., IV, 97.

⁷⁾ Домостр., 98.

⁸⁾ Оп. г. Шуй, 309.—Акты, отн. до юр. б., I, 566.

⁹⁾ Акты, отн. до юр. б., I, 263.

¹⁰⁾ А. Ю., 132.

¹¹⁾ А. Ю., 126.

располагались такъ, что главный домъ былъ съ одной стороны сѣней, а по другую сторону, въ заворотъ, другой домъ, а отъ этого дома еще какое-нибудь составляющее съ нимъ уголь строеніе ¹⁾. Иногда въ одномъ дворѣ нѣсколько домовъ соединялись между собою крытыми переходами, которые были продолженіемъ сѣней. Эти переходы различными линіями проходили отъ одного строенія къ другому. Въ Измайловскомъ и Коломенскомъ селахъ у царей такіе переходы, покрытые тесомъ и съ слюдяными окончинами въ окнахъ, сходились, какъ у центра, у домовыхъ церквей ²⁾. Такое устройство, вѣроятно, было и въ домахъ знатныхъ людей, у которыхъ были церкви, ибо въ тѣ времена многіе бояре, знатные дворяне и вообще богатые люди имѣли у себя домашнія церкви ³⁾, и тогда изъ всѣхъ жильевъ члены семейства могли сходиться всѣ разомъ для слушанія богослуженія.

Въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ дворъ знатнаго человѣка, обнесенный снаружи каменнымъ заборомъ, представлялъ внутри нѣсколько каменныхъ строеній, стоявшихъ на погребкахъ и нижнихъ этажахъ. Передъ каждымъ были сѣни. Между ними торчали деревянные зданія, избы, горницы, свѣтлицы и множество избъ людскихъ и службъ каменныхъ и деревянныхъ, и все это было соединено переходами.

Начиная отъ царскихъ до зажиточныхъ посадскихъ, способъ расположенія жилыхъ строеній былъ въ главныхъ своихъ чертахъ одинаковъ въ Русской землѣ ⁴⁾. У царей для каждаго члена семейства строили особыя хоромы даже тогда, когда эти новые хозяева не выходили еще изъ дѣтскаго возраста. Точно такъ же и у зажиточнаго крестьянина для братьевъ, сыновей и племянниковъ хозяина строились избы, соединенныя между собою; иногда двѣ и три избы подъ одною кровлею соединялись между собою сѣнями ⁵⁾, иногда нѣсколько избъ связывались переходами.

Такой своеобразный способъ постройки какъ будто выражалъ сочетаніе родового единства съ личною и семейною отдѣльностью и дворъ русскаго зажиточнаго человѣка напоминалъ собою древнюю удѣльную Русь, гдѣ каждая земля стремилась къ самобытности и всѣ вмѣстѣ не теряли между собою связи.

Въ числѣ причинъ, побуждавшихъ такимъ образомъ располагать жилыя помѣщенія, было и то, что при такомъ способѣ постройки удобнѣе было по смерти владѣльца наслѣдникамъ раздѣлиться между собою, а въ случаѣ еслибъ кто пожелалъ выселиться и завести собственный дворъ, ему легче было бы перенести на новое мѣсто то, что ему досталось изъ строеній по раздѣлу ⁶⁾.

У простолюдиновъ избы были черныя, то-есть курныя, безъ трубъ; дымъ выходилъ въ маленькое волоковое окно; при собственно такъ называемыхъ избахъ были пристройки, называемыя комнатами. Въ этомъ пространствѣ жилъ бѣдный русскій мужикъ, какъ живетъ во многихъ мѣстахъ и теперь, съ своими курами, свиньями, гусями и телками, посреди невыносимой вони. Печь служила

¹⁾ А. Ю., 132—134.

²⁾ Оп. Изм. дв. О. З. 1851 г. Мартъ, 18—10.—Русск. Стар. Мартыи., 140.

³⁾ Доп., II, 91.—Котоших., 119.

⁴⁾ Petr., 319.

⁵⁾ А. г. Шуи, 178.

⁶⁾ А., отн. до юр. б., I, 684.

логовищем цѣлому семейству, а отъ печи по верху подъ потолокъ придѣлывались полати ¹⁾). Къ избамъ придѣлывались разные пристѣнки и прирубки ²⁾). У зажиточныхъ крестьянъ, кромѣ избъ, были горницы на подклѣти съ комнатами, то-есть двухъэтажные домики ³⁾). Курныя избы были не только въ городахъ, но и въ посадахъ и въ XVI вѣкѣ въ самой Москвѣ ⁴⁾). Случалось, что въ одномъ и томъ же дворѣ находились и курныя избы, называемыя черными или поземными, и бѣлыя съ трубами, и горницы на нижнихъ этажахъ ⁵⁾).

Зажиточные люди обыкновенно строили себѣ дома въ два жилья, нередко съ надстройкою наверху, которая придавала дому снаружи видъ трехъяруснаго.

Предъ входомъ стояло крыльцо. Въ низкихъ одноэтажныхъ избахъ, вмѣсто крыльца съ ступенями, былъ деревянный помостъ, называемый передмостьемъ ⁶⁾). Въ простыхъ деревянныхъ домахъ оно огораживалось только перилами ⁷⁾). Въ богатыхъ домахъ крыльца дѣлались съ кувшинообразными колоннами и покрывались остроконечными кровлями ⁸⁾). Входъ въ нижній этажъ чаще всего былъ черезъ особую отъ крыльца дверь или изнутри; ступени крыльца вели обыкновенно на террасу, называемую *рундукомъ*, огороженную баласами ⁹⁾), потомъ прямо въ сѣни второго яруса. Соответствующая ему часть въ нижнемъ этажѣ дополнялась также сѣнями и называлась подсѣнье. Какъ сѣни, такъ и подсѣнье пристраивались съ двухъ сторонъ дома и одиѣ были переднія, другія заднія. Въ этихъ сѣняхъ и подсѣняхъ дѣлались чуланы и коморки, иногда свѣтлыя, иногда темныя ¹⁰⁾).

Нижній этажъ назывался подклѣтомъ и за единицу зданія принимался второй, такъ что говорилось: изба на подклѣтѣ, горница на подклѣтѣ. Подклѣты были жилые и глухіе. Въ первомъ случаѣ они служили для прислуги и для исправленія домашнихъ службъ, а во второмъ для кладовыхъ, или же въ нихъ устраивались мыльни. Въ купеческихъ домахъ въ подклѣтахъ сваливались товары. Въ казенныхъ зданіяхъ подклѣтамъ давали назначеніе, сообразное потребностямъ, для которыхъ существовало зданіе; напр., подклѣты подъ съѣзжею избю занимались тюрьмою; въ кабачныхъ зданіяхъ тамъ устраивались вообще подвалы. Иногда подъ самымъ подклѣтомъ былъ выходъ или погребъ для храненія напитковъ; но когда подклѣты были жилые, въ нихъ дѣлались печи, и оттуда проводились во второй этажъ нагрѣвательныя цѣнные трубы ¹¹⁾).

Стоящій на подклѣтѣ второй этажъ занималъ хозяйское жилье. У людей посредственнаго состоянія они заключали по три, а иногда только по два по-

¹⁾ Carl., 335.—Petr., 414.—Барбер., 10.—Оп. г. Шуи, 13.—Врем., XX.

²⁾ А. Юр., 147.

³⁾ Доп., III, 97.

⁴⁾ Раф. Варб., 10.

⁵⁾ А. г. Шуи, 58.

⁶⁾ А. Юр., 130.

⁷⁾ Акты, отн. до юр. б., I, 263.

⁸⁾ Русск. Стар. Мартыи., 146.

⁹⁾ Подр. на постр. дома цар. Ив. О. З. 1851 г. Мартъ, 23.

¹⁰⁾ А. Ю., 132.—Доп., II, 91.

¹¹⁾ Домостр., 94.—Подр. на постр. О. З. 1851 г. Мартъ, 21.—А. г. Шуи, 164.—Лѣтоп. Нормантс. Врем., V, 12.—Доп., III, 97.

коя: горницу, собственно такъ называемую, и комнату; иногда къ нимъ пристраивалась кухня, но чаще кухня была въ особой избѣ, называемой поварнею. Иногда въ одномъ строеніи было два, а въ другомъ три покоя, напр., горница съ комнатою (слѣдовательно, два покоя) и повалуша о трехъ жильяхъ ¹⁾; или же число потребныхъ покоевъ замѣняли отдѣльныя строенія, напр., двѣ горницы на подклѣткахъ и три повалуши, соединенныя между собою сѣнми ²⁾. Люди богатые, часто учреждавшіе у себя пиры и приглашавшіе много гостей, строили для своихъ парадныхъ обѣдовъ особыя избы въ одинъ покой съ сѣнми, такъ называемыя столовыя ³⁾. Вообще же въ одномъ строеніи не было больше трехъ, рѣдко четырехъ покоевъ. Даже у царей было только четыре покоя: передняя, крестовая, комната (кабинетъ) и спальня. Въ избыткахъ же, построенныхъ для особъ царскаго семейства, покоевъ было не болѣе трехъ, а иногда и двухъ ⁴⁾. У зажиточныхъ людей, сверхъ горницы и комнаты, была также крестовая или образная, гдѣ хозяинъ молился съ своимъ семействомъ; но иногда такая комната находилась и въ особомъ жильѣ. Самая обычная постройка была въ два покоя, да сверхъ того при комнатѣ дѣлалась каморка, гдѣ ставилась постель; другія же горницы о-бокъ главнаго дома дѣлались въ одинъ покой и назывались одиноками ⁵⁾.

Надстройки надъ горницами назывались чердаками, а надъ сѣнми вышками. Иногда эти надстройки имѣли затѣливыя фигуры, какъ, напримѣръ, на рисункѣ посольскаго двора у Олеарія: на одномъ концѣ зданія башни съ окномъ, а въ другомъ съ куполомъ, а на куполѣ шарикъ; на другомъ концѣ четырехугольная башня съ зубцами, посрединѣ шпирь ⁶⁾. Иногда чердаки дѣлались четырехугольными зданіями, менѣе второго этажа по объему, и заключали одну свѣтлую комнату, иногда же образовывали третій этажъ, равный второму; напримѣръ, горница, а надъ нею повалуша съ полатками ⁷⁾. Въ царскихъ зданіяхъ верхніе этажи имѣли такое же расположеніе, какъ и средніе, съ передними и задними сѣнми, но съ большими отличіями; такъ, напримѣръ, въ Измайловскомъ въ верхнемъ ярусѣ было три покоя, тогда какъ въ среднемъ четыре. Вообще чердаки или верхніе этажи дѣлались свѣтлѣе и убирались красивѣе среднихъ. Они собственно были то, чтó называлось теремами, которымъ на поэтическомъ языкѣ старой Руси усвоивался эпитетъ высокихъ. Впрочемъ, названіе терема усвоивалось и второму или среднему этажу, если надъ нимъ не было верхней надстройки. Иногда и надъ самымъ чердакомъ или теремомъ дѣлалась еще четвертая надстройка—небольшая башенка или смотрильня ⁸⁾.

Сѣни вообще дѣлались пространнѣе самихъ покоевъ и особенно въ нижнемъ этажѣ, или подсѣннѣ, такъ что въ домѣ, который заключалъ наверху

¹⁾ Д. Б. Русск. Цар. О. З. 1851 г. Февраль.

²⁾ А. Ю., 126.

³⁾ А. Юр., 132.

⁴⁾ Оп. Изм. дв. От. Зап. 1885 г. М., 18—21.—Русск. Стар. Март., 131.

⁵⁾ А., отп. до юр. б., I, 673.

⁶⁾ Олар., 128.

⁷⁾ Врем., XIV. Сжсь, 13.

⁸⁾ Русск. Стар. Мартын., 62, 131.—Оп. Изм. дв. Отеч. Зап. 1851 г. Мартъ.—Доп.,

два покоя съ сѣнями, подсѣнье внизу охватывало пространство, занимаемое во второмъ этажѣ не только сѣнями, но и частью покоевъ ¹⁾). Бывало и наоборотъ: сѣни были обширнѣе подсѣнья и среднее жильѣ выдавалось впередъ изъ линіи. Такимъ образомъ, не всегда соблюдалась пропорціональность между этажами и средній бывалъ снаружи больше нижняго, даже и по величинѣ самыхъ покоевъ, напр., подклѣтъ въ полторы сажени, а средній этажъ или горница въ три ²⁾). Заднія сѣни большею частью были просторнѣе переднихъ, напр., переднія въ четыре, заднія въ десять сажень ³⁾). Вообще же средняя величина сѣней была отъ четырехъ до шести саженей; въ малыхъ домахъ, разумѣется, и менѣе. Изъ покоевъ только передняя или горница да столовая изба въ большихъ домахъ отличались просторомъ, напр., горницы въ четыре сажени, а столовыя въ шесть или семь сажень ⁴⁾). Комната всегда дѣлалась меньше и уже, чѣмъ передній покой или горница. Но въ домахъ небольшого пространства иногда комнаты были одинаковы съ горницами, напр., обѣ по двѣ сажени. Самая же обычная мѣра покоевъ вообще была отъ двухъ до трехъ сажень длиною, а въ ширину или столько же, или немного менѣе. Такъ и въ Москвѣ палатныя строенія богатыхъ господъ имѣли отъ 2¹/₂ до трехъ сажень длины и около двухъ шириною ⁵⁾). Верхніе этажи или чердаки по большей части были хотя меньше среднихъ, но покои въ нихъ не были тѣснѣе, напротивъ, просторнѣе, и для того сокращалось ихъ число противъ числа въ среднемъ этажѣ; напр., если въ среднемъ этажѣ было три покоя, на чердакѣ два. Иногда же чердакъ строился не надъ однимъ среднимъ этажемъ, а надъ двумя, тремя и даже четырьмя строеніями, соединенными связями; тогда комнаты въ немъ были значительно просторнѣе, напр., въ среднихъ жильяхъ отъ двухъ до двухъ съ половиною сажень, а на чердакѣ отъ четырехъ до четырехъ съ половиною въ длину и отъ двухъ съ половиною до трехъ въ ширину ⁶⁾). Средняя высота покоевъ вообще была отъ трехъ до четырехъ аршинъ ⁷⁾).

Обыкновенная крыша русскихъ домовъ была деревянная, тесовая, гонтовая или изъ драни. Въ XVI и XVII вѣкѣ было въ обычаѣ покрывать сверху кровлю березовою корою отъ сырости; это придавало ей нестроту; а иногда на кровлѣ клали землю и дернъ въ предохраненіе отъ пожара. Обыкновенная форма крышъ была скатная на двѣ стороны, съ фронтонами на другихъ двухъ сторонахъ, какъ теперь дѣлается у простолудиновъ. Иногда всѣ отдѣлы дома, то-есть подклѣтъ, средній ярусъ и чердакъ находились подъ однимъ скатомъ, но чаще чердакъ, а у другихъ и средніе этажи имѣли свои особыя крыши. У богатыхъ особъ были кровли затѣйливой формы, напр., бочечная въ видѣ бочекъ, япанечная въ видѣ плаща. По окраинѣ кровля окаймлялась прорѣзными гребнями, рубцами, полицами, или перилами съ точеными баясами. Иногда же по всей окраинѣ дѣлались теремки — углубленія съ полукруглыми или сердцеобразными линіями.

¹⁾ А. Юр., 132.

²⁾ Доп., I, 391.

³⁾ Оп. Изм. дв.

⁴⁾ Русск. Стар. Мартын., 131.

⁵⁾ Доп., VI, 351.

⁶⁾ Доп., VI, 351.—Оп. Изм. дв., 18.—Русск. Стар. Март., 131.

⁷⁾ Подр. на постр.

Такія углубленія преимущественно дѣлались на теремахъ или чердакахъ и были иногда такъ малы и часты, что составляли койму кровли, а иногда такъ велики, что на каждой сторонѣ было ихъ только по парѣ или по три, и въ срединѣ ихъ вставлялись окна ¹⁾.

На фронтонахъ и на стѣнахъ около оконъ дѣлались разныя изображенія: линейки, листья, травы, зубцы, узоры, птицы, звѣри, единороги, всадники на коняхъ и проч. На каменныхъ зданіяхъ они дѣлались изъ камня или кирпича. Такъ въ древнемъ углицкомъ домѣ царевича Димитрія по фронтову во всю стѣну проведены широкія линейки, раздѣляющіяся на три меньшія, и въ каждой изъ послѣднихъ своеобразныя фигуры: узоры, башенки, города, трехъугольники и проч. ²⁾. На деревянныхъ зданіяхъ эти украшенія были рѣзныя. Рѣзба была старинною принадлежностью славянской образованности и до сихъ поръ у русскихъ поселянъ составляетъ наружное украшеніе избъ. На царскихъ теремахъ рѣзныя фигуры наводились золотомъ и красками; то же было и у частныхъ лицъ зажиточнаго состоянія, какъ это сохранилось отчасти и теперь въ житѣ-бытѣ поселянъ. Такими украшеніями особенно пестрили чердаки, чтобъ издали плѣнять взоры пробѣжнихъ. Въ Коломенскомъ селѣ наверху были поставлены щиты и на нихъ написаны четыре части свѣта и судъ царя Соломона ³⁾.

Въ простыхъ русскихъ избахъ окна были волоковыя для пропуска дыма. По надобности, на нихъ натягивали кожу ⁴⁾; вообще эти отверстія въ избахъ бѣдныхъ были малы, для сохраненія теплоты ⁵⁾, и когда ихъ закрывали, то въ избѣ среди дня было почти темно. Въ зажиточныхъ домахъ окна дѣлались большія и малыя; первыя назывались красными, послѣднія были по фигурѣ своей продолговатыя и узкія ⁶⁾. Въ каменныхъ зданіяхъ они были еще ѹже, чѣмъ въ деревянныхъ. Иногда въ одномъ и томъ же покоѣ дѣлались окна и красныя, и малыя, послѣднихъ числомъ больше, такъ, напримѣръ, одно красное и два малыхъ ⁷⁾. Изнутри окна заслонялись втулками, обитыми красною матерією, а съ наружной стороны желѣзными ставнями; послѣднее было въ обыкновеніи въ каменныхъ домахъ въ Москвѣ и служило предохраненіемъ отъ пожаровъ ⁸⁾. Въмѣсто стеколь употребляли чаще слюду ⁹⁾, которая вставлялась въ окна широкими и тонкими кусками. Самый простой способъ вставки слюдяныхъ кусковъ былъ посредствомъ шнурковъ ¹⁰⁾. Но они располагались иногда съ большимъ искусствомъ и нарядностью; дѣлался желѣзный крестъ, около котораго во всѣ стороны расходились жердочки въ видѣ различныхъ фигуръ; въ эти фигуры

¹⁾ Jenkins. Nacl., 349. Chansl., *ibid.*—Olear., 144.—Petr., 319.—Русск. Стар. Март., 131, 137.—Доп., VI, 351.—Дом. бытѣ русск. цар. Отеч. Зап. 1851 г. Мартъ.

²⁾ Русск. Стар. Март., 137.

³⁾ Русск. Стар. Март., 140.—Дворц. Прих. XVII в. въ Дом. Бытѣ Русск. Цар. О. Зап. 1851 г. Сентябрь.

⁴⁾ Chansl., 183.

⁵⁾ Petr., 314.

⁶⁾ Chansl., 277.—Olear., 146.

⁷⁾ Врем., XIV. См., 13.

⁸⁾ Дом. Б. Р. Ц. О. З. 1851 г. Сент.—Olear., 146.—Carlisle, 74.—Jenkins. Nacl., 350.

⁹⁾ Врем., XIV. См., 13.

¹⁰⁾ Tuberv. Nacl., 433, 437.

вставлялись кусочки слюды; такимъ образомъ окна были образчатыя, когда слюда была вставлена четверугольными кусочками, рельефныя, когда вставляли ее репейками ¹⁾. Слюду расписывали красками и фигурами птицъ, звѣрей, травъ, листьевъ и проч. Стекла были мало въ употребленіи: до открытія стеклянныхъ фабрикъ при Алексѣѣ Михайловичѣ стекло исключительно доставлялось изъ-за границы, и потому вошло въ употребленіе для оконъ въ Новгородѣ раньше, чѣмъ въ Москвѣ. Преимущественно употреблялись стекла цвѣтныя, бывшія въ повсемѣстномъ употребленіи въ Западной Европѣ ²⁾.

Большія или красныя окна назывались косячетыми,—эпитетъ столь употребительный въ народной поэзи. Нѣкоторыя изъ этихъ красныхъ оконъ были двойныя, то-есть два одинакихъ окна стояли рядомъ и раздѣлялись одно отъ другого продольною перекладиною. Въ расположеніи оконъ не соблюдалось соразмѣрности. Большія и малыя перемѣшивались безъ разбора между собою и стояли въ одномъ и томъ же поясѣ строенія не на одной линіи. Разстояніе между одними и другими было неравномѣрное съ разстояніемъ другихъ между собою. Въ подклѣткахъ вообще оконъ было меньше. Въ изображеніи посольскаго дома, снятаго у Олеарія, въ нижнемъ ярусѣ только два окна, выше ихъ ряды съ обѣихъ сторонъ, выше ихъ на одной сторонѣ четыре окна четверугольной фигуры, имѣющія ширины больше, чѣмъ длинныя, а далѣе на этой же сторонѣ еще выше два окна, на другой сторонѣ рядъ четверугольныхъ оконъ, неправильно между собою размѣщенныхъ ³⁾. Кромѣ четверугольной формы, окна дѣлались еще съ дугвыми верхами, а иногда такъ, что дуги раздѣлялись на три меньшихъ дужки или выемки. Вообще русскіе любили свѣтъ въ парадныхъ своихъ покояхъ, и потому, если большая часть оконъ была узкихъ и маленькихъ, зато иногда въ одной комнатѣ было ихъ нѣсколько, кромѣ краснаго окна. Чердаки дѣлались всегда свѣтлые. Случалось, что окна были съ трехъ, а если чердакъ былъ холодный, то и съ четырехъ сторонъ, и притомъ нерѣдко они были двойныя. Такіе-то покои назывались преимущественно свѣтлицами. Сѣни освѣщались окнами обильно.

Потолки въ каменныхъ зданіяхъ строились сводомъ, а въ деревянныхъ были плоскіе и назывались подволоками; ихъ часто обивали крашеннымъ тесомъ. Полы дѣлались изъ такъ называемаго дубоваго кирпича (родъ торца). Стѣны, какъ и потолки, не только въ деревянныхъ, но и въ каменныхъ строеніяхъ обивались краснымъ тесомъ; для чистоты ихъ нужно было мыть, но вообще русскіе держали ихъ неопрятно. Сверхъ теса богатые обивали стѣны красною кожею, а люди посредственнаго состоянія рогожами. Въ XVII вѣкѣ начало входить во вкусъ расписывать потолки и своды, а иногда и стѣны. Печи дѣлались муравленныя, зеленыя, совершенно круглой, иногда четверугольной формы, съ желѣзными заслонами. Часто топка, какъ уже было замѣчено, была только въ подклѣтѣ, а въ верхній этажъ проводились нагрѣвательныя трубы. Кругомъ стѣнъ подъ окнами дѣлались лавки, которыя не принадлежали къ мебели, но составляли часть постройки зданія и были прикрѣплены къ стѣнамъ неподвижно. Двери дѣлались деревянныя, столярной работы, на желѣзныхъ крюкахъ или на

¹⁾ Дом. Б. Русск. Цар. О. З. 1851 г. Сент.

²⁾ Доп., I, 144.

³⁾ Olear., 128.

мѣдныхъ луженыхъ жиковинахъ (пегляхъ), подъ которыя подкладывали красное сукно; двери были такъ малы и узки, что едва можно было въ нихъ войти; въ каменныхъ палатахъ и кладовыхъ дѣлались желѣзные двери ¹⁾).

Весь дворъ зажиточнаго человѣка, кромѣ домовъ для помѣщенія семейства, заставленъ былъ множествомъ людскихъ избъ и службъ. Одного рода людскія избы были очень просторны и назывались семейныя. Тамъ жило по нѣскольку семействъ холоповъ. Другія были маленькія избушки и назначались для помѣщенія избранной прислуги; для кухни и печенія хлѣбовъ служили особыя строенія: поварня и хлѣбня. Такъ называемые лучшіе люди, которымъ было дозволено варить пиво, дѣлать медъ и курить вино для собственнаго обихода, имѣли въ своихъ дворахъ особыя пивоварни и покои, гдѣ сытили меду, а нѣкоторые и винокурни. Необходимая принадлежность всякаго порядочнаго двора была мыльня. Вездѣ почти она составляла особое строеніе; но въ домахъ царей и, вѣроятно, у знатныхъ особъ, кромѣ мыленъ въ особыхъ строеніяхъ, для ежедневныхъ омовеній устраивались еще небольшіе закоулки для мытья въ подклѣтахъ и домахъ. Часто у хозяевъ очень небогатыхъ въ числѣ надворныхъ строеній была мыльня, какъ принадлежность первыхъ жизненныхъ потребностей. Она состояла изъ комнаты съ печью для мытья, съ притворомъ, который равнялся сѣнямъ въ жилыхъ покояхъ и назывался передмылень и передбанникъ. Для храненія домашняго имущества строились клѣти: у богатыхъ было по нѣскольку клѣтей на дворѣ; каждая стояла на подклѣтѣ и такимъ образомъ состояла изъ двухъ этажей. Въ подклѣтахъ, которые дѣлались шире самыхъ клѣтей, ставились колясы, сани, кантаны, колымаги, дровни, страдные одры (работчія носилки) и проч. Наверху же были кладовыя, и если клѣтей было во дворѣ нѣсколько, то для каждой назначались особые предметы; напримѣръ, въ одной находились принадлежности ѣзды: сѣдла, попоны, войлоки, узды, тебенки; въ другой хранилось оружіе: пищали, ручницы, саадаки, луки, рогатины, сабли и проч.; въ третьей— все относящееся до столовой утвари; въ четвертой — одежды, и такъ далѣе. Погреба и ледники обыкновенно помѣщались вмѣстѣ, а надъ ними дѣлались надпогребницы: иногда онѣ занимаемы были клѣтymi, иногда повалушами, иногда хлѣбнею, чаще всего тамъ складывались разные припасы, не требующіе помѣщенія въ погребахъ и ледникахъ. Случалось, что надпогребницы служили мѣстомъ угощеній прислуги, прибывшей съ господами, приглашенными на домашній пиръ хозяиномъ. Въ самыхъ погребахъ и ледникахъ хранилось питье, всякаго рода зелень, сыръ, яйца, молоко и проч. Кромѣ этихъ хозяйственныхъ службъ, въ дворахъ были житницы, гдѣ хранился зерновой хлѣбъ, мука и сухари, заготавливаемые въ большомъ количествѣ въ бочкахъ, сундукахъ, пошевахъ, ночвахъ, коробахъ; надъ житницею обыкновенно устраивалось сушило (иногда оно было надъ погребомъ или надъ конюшнею), гдѣ висѣло соленое мясо, вялая, вѣтряная, прутовая и пластовая рыба въ рогожахъ. Далѣе слѣдовалъ другой дворъ, отгороженный отъ главнаго заборомъ; тамъ находилась конюшня съ сѣвницею наверху: въ сѣвницахъ дѣлалось два отдѣленія, одно для сѣна, другое для соломы. О-бокъ ея были разные сараи съ экипажами, приготовленными для обычной ѣзды и вытасненными заранѣе изъ подклѣтовъ, сарай для дровъ и дерева, за нимъ

¹⁾ Herberst., 38.—Chansl. Nacl., 277,—Olear., 203.—Mejerb., 136.—Врем., VII 73.—От. Зап. 1851 г. М., 25. Оп. Изм. дворца.

слѣдовали хлѣвы для коровъ и свиней, птичники для куръ, утокъ, гусей, иногда надъ этими обителями четвероногихъ и пернатыхъ надстраивались сѣнники. Въ деревенскихъ имѣнiяхъ для скота, лошадей, также и для хлѣбнаго зерна были особые дворы, построенные о-бокъ главнаго и назывались: скотный дворъ, овечій дворъ, конюшенный дворъ, житный дворъ, льняной дворъ. Конюшенные и скотные дворы, заключая большое количество домашнихъ животныхъ, раздѣлялись на десятины и въ каждой десятинѣ содержалось извѣстное количество штукъ. Житные дворы заключали въ себѣ строенiя, называемыя житницами, куда сыпалось хлѣбное зерно, по мѣрѣ умолата доставленное съ гумна, а льняной дворъ имѣлъ нѣсколько амбаровъ, гдѣ скадывались ленъ, конопля и пряжа. Между этими дворами помѣщалось гумно и вмѣстѣ съ нимъ овинъ съ печами и ригами. По краю усадебныхъ строенiй находились кузницы. Такъ какъ очень часто владѣльческiя усадьбы находились близъ воды, рѣки или пруда, то вслѣдъ за дворомъ находилась водяная мельница ¹⁾).

Вообще хорошiй зажиточный хозяинъ старался, чтобъ его усадьбы имѣли возможнѣйшую полноту и заключали въ себѣ всѣ нужныя хозяйственныя заведенiя и постройки, но само собою разумѣется, что не всѣ дворы имѣли такое множество зданiй; иногда вся постройка ограничивалась одною избой, клѣтью, банею да погребомъ съ надпогребницею ²⁾). Въ посадахъ иногда дворы заключали только избу съ сѣнями, сарай и погребъ, надъ которымъ находилась клѣть ³⁾). Въ самой Москвѣ встрѣчались дворы, небогатыя количествомъ зданiй, напримѣръ, три избы съ двумя пристѣнами, клѣть, мыльня, погребъ да ледникъ съ надпогребницами ⁴⁾). Вотъ примѣръ деревенскихъ усадебъ: двѣ горницы, одна на подклѣтахъ, другая большая съ сѣнями, сѣнница, стоящая на подсѣннiи, клѣть съ перерубами на подклѣтахъ, хлѣвецъ малый, сосновый сарай; или: изба съ прирубомъ, противъ нея клѣть, на подклѣтахъ хлѣвъ, сѣнникъ, да мыльня, сарай, овинъ съ ригичемъ, огороженный тыномъ. Примѣръ крестьянскаго строенiя: изба трехсаженная, клѣть, сѣнникъ, сарай (иногда не было сѣнника, иногда сарая, иногда клѣти), мыльня, амбаръ, иногда омшанникъ ⁵⁾).

Казенныя зданiя имѣли постройку, приноровленную къ ихъ назначенiю, напр., кабаки строились обыкновенно такъ: во дворѣ возвышался деревянный домъ, подъ которымъ былъ подвалъ для храненiя питья, а о-бокъ его омшанникъ съ печью, гдѣ ставили питье; вѣроятно, печь была для того, чтобъ имѣть горячую воду для разведенiя водки. Другiя зданiя на дворѣ были: ледникъ, надъ которымъ надстроено сушило, поварня, гдѣ производились работы и стояли инструменты, и стояльная изба, гдѣ находилась стойка, за которою сидѣли пѣловальники и продавали вино, а собираемыя ими деньги были относимы и хранимы въ горницѣ, стоявшей, какъ выше сказано, надъ погребомъ ⁶⁾).

¹⁾ Русск. Стар. Март., 128.—А. И., II, 283.—А. Юр., 125, 126, 129, 130, 132.—Доп., I, 391. VI, 351.—Оп. Шуи, 304.—А. г. Шуи, 58, 100.—Врем., VII. Кн. посѣв. Мороз.—XIII. Расх. кн., 26.—Досмотр. Врем., I, 92, 94.

²⁾ Оп. Шуи, 309.

³⁾ А., отн. до юр. б., I, 681.

⁴⁾ А. Юр., 147.

⁵⁾ А. Юр., 129, 198, 202, 205.—А., отн. до юр. б., I, 684.

⁶⁾ Доп., III, 97.

При усадьбахъ были сады и огороды; обычай заводить ихъ при домахъ наблюдался въ Москвѣ въ XVI и въ XVII вѣкахъ. Иностранцы, посѣщавшіе русскую столицу, замѣчали, что въ ней трудно было найти дворъ, гдѣ бы не было сада ¹⁾. На посадахъ почти повсемѣстно встрѣчались при домахъ сады и огороды съ плодовыми деревьями ²⁾. Сады садились не только для удовольствія, но и для пользы, а потому они вездѣ почти были плодовые. Обыкновенныя деревья были: яблони, которыя сажались одна отъ другой сажени на три, и ягодныя растенія; встрѣчались также груши; вишенъ было мало. Между деревьями копались гряды, на которыхъ сажали огурцы, морковь, рѣпу и другую огородную зелень; поэтому обыкновенно садъ былъ вмѣстѣ и огородомъ. Нѣкоторые дѣлали парники и воспитывали на нихъ дыни. Около тына или забора, ограждавшаго садъ, сажали обыкновенно капусту и свеклу. Лѣсныя деревья садились рѣдко, и если встрѣчались въ садахъ, то преимущественно или пахучія, какъ, напр., черемуха, или особенно нарядныя, какъ, напр., рябина или калина ³⁾.

VIII.

Домашняя мебель и утварь.

Главное украшеніе домовъ составляли образа: не было въ домѣ покоя, гдѣ бы ихъ не висѣло нѣсколько, и тѣмъ хозяинъ былъ зажиточнѣе, тѣмъ болѣе это выказывалось множествомъ образовъ; ихъ ставили не только въ жилыхъ покояхъ, но въ сѣняхъ, лавкахъ и амбарахъ ⁴⁾. Большому числу образовъ въ домахъ способствовало еще и то, что встарину было въ обычай дарить приятелей образами; такимъ образомъ, царей и князей дарили образами монастыри, владыки и бояре ⁵⁾. То же наблюдалось и въ сношеніяхъ частныхъ лицъ между собою.

Образа были иконописныя произведенія русскихъ художниковъ: по всеобщему вѣрованію, благодать не пребываетъ надъ тѣмъ образомъ, который писанъ человѣкомъ не православной вѣры ⁶⁾. Образа писались на доскахъ, по краскамъ или по золотому полю. Около головы святыхъ дѣлали вѣнцы изъ золота или позолоченнаго серебра, украшенные по ободку драгоценными камнями или жемчужною обнизью. Часто цѣлый образъ окладывался золотымъ или серебрянымъ окладомъ — работы басмянной, чеканной, сканной, канфаренной и другихъ видовъ, которыми щеголяло тогдашнее металлическое искусство. Образа ставились въ кіоты. Кромѣ кіотовъ съ окончинами, дѣлали кіоты со створками, и какъ на наружной, такъ и на внутренней сторонѣ створокъ писались изображенія. Одни образа представляли картины изъ священной исторіи, другіе изо-

¹⁾ Пав. Іов., 33.

²⁾ А. Юр., 130.

³⁾ Доп., I, 391. VI, 351.—Врем., I, Домостр., 78.

⁴⁾ Carl., 355.—Petr., 387.

⁵⁾ Врем., VII. См. Оп. им. и. Ив. Вас., 3—6.—Врем., II, См., 22.

⁶⁾ Carlisle, 351.

бражали святыхъ во весь ростъ и назывались стоячими, а иные только по грудь и назывались оплечными образами. Кромѣ дерева, изображенія святыхъ вырѣзывались на перелефти, камнѣ или бѣлой кости; встарину въ большомъ употребленіи были металлическіе складни со створками, и на каждой створкѣ, и снаружи, и изнутри, нарѣзывались изображенія; средній образъ, закрываемый створками, былъ больше прочихъ. Иногда на складняхъ нарѣзывались или начеканивались молитвенныя слова, какъ, напр., *О тебѣ радуется благодатная* или *Хвалите имя Господне*, смотря по содержанію изображеній. Кромѣ складней, можно было часто встрѣтить осмиконечные кресты золотые, серебряные и больше всего мѣдные съ распятіями литыми или рѣзными. Наконецъ, въ употребленіи были золотыя и серебряныя круглыя медали съ изображеніями на обѣихъ сторонахъ. Такія медали давали родственники своимъ кровнымъ: родители дѣтямъ, свекры невѣсткамъ, и проч. Примѣромъ такой медали можно указать одну, XV вѣка, съ изображеніями: на одной сторонѣ Христа Спасителя, на другой св. Николая въ святительской одеждѣ съ евангеліемъ, подаренную княземъ Холмскимъ своей невѣсткѣ. Такіе медали привѣшивали къ образамъ. Другіе кромѣ этихъ медалей прицѣпляли къ нимъ старинныя гривны, червонцы, золотыя цѣпи, жемчужныя серьги, перстни съ драгоценными камнями ¹⁾.

Трудно опредѣлить, какихъ святыхъ иконы встрѣчались чаще. Это зависѣло отъ вкуса и отъ обстоятельствъ жизни хозяевъ домовъ; но, кажется, въ каждомъ домѣ можно было встрѣтить нѣсколько образовъ Божіей Матери въ различныхъ наименованіяхъ; какъ-то: Одигитріи-Пятницы, Богородицы милостивыя, Умиленія, Скорбящія и т. д. У Ивана Грознаго изъ тридцати семи образовъ двадцать одинъ изображалъ Пресвятую Дѣву. Затѣмъ очень часто можно было встрѣтить образъ св. Николая Чудотворца, котораго, какъ извѣстно, рускіе особенно уважали.

Образа ставились въ переднемъ углу покоя и этотъ уголь задерживался занавѣсомъ, называемымъ застѣнокъ. Сверхъ того, каждый образъ поодиначкѣ задерживался привѣшеннымъ къ концу его убрuscемъ, а внизу спускался кусокъ матеріи, называемый пеленою. Застѣнки, убрuscы и пелены у богатыхъ людей унизывались драгоценными камнями и дробницами (металлическими блестками), особенно по концамъ, а иногда на нихъ вышивались изображенія святыхъ. Убрuscы и пелены перемѣнялись на образахъ, и въ извѣстные праздничные дни привѣшивались болѣе нарядные, чѣмъ въ будни и въ посты. Передъ иконами висѣли лампы и стояли восковыя свѣчи. Между всѣми образами, стоявшими въ одномъ углу, былъ одинъ главный, поставленный на первое мѣсто посрединѣ угла, а всѣ прочіе ставились по важности своего содержанія ближе или далѣе отъ него. Нѣкоторымъ образамъ почему-нибудь приписывали особую силу и тогда наряжали и украшали ихъ преимущественно передъ другими. Въ домѣ зажиточнаго хозяина, кромѣ множества образовъ, во всѣхъ покояхъ и жилыхъ, и глухихъ, была одна комната, гдѣ стояли исключительно образа во всю стѣну, на подобіе церковнаго иконостаса; тамъ происходило домашнее моленіе. Тамъ подъ образами стоялъ аналой съ книгами, просфора Пресвятыя Богородицы, которой приписывали благодатную силу и ставили во время трапезы на столѣ, а

¹⁾ А. И., I, 283. II, 405.—Собр. госуд. гр., I, 301.—А., отн. до юр. б., 556.—Врем., VII. См. Оп. им. царя Ив. Грозн., 3, 5.—Chaud., 113.

по бокамъ подсвѣчники съ восковыми свѣчами; на полицѣхъ подъ образами лежало крылышко для обметанія пыли и губка для отиранія. Такія-то комнаты, какъ сказано выше, назывались крестовыми; у богатыхъ людей, державшихъ домашнихъ священниковъ, тамъ священники отправляли каждодневное служеніе: заутреню, часы и вечерню ¹⁾).

Вообщѣ въ домашнемъ устройствѣ замѣтенъ былъ у русскихъ обычай укрывать и покрывать. Въ порядочномъ домѣ полы были покрыты коврами, у менѣе зажиточныхъ рогожами и войлоками. Въ сѣняхъ у дверей лежала непремѣнно рогожа или войлокъ для обтиранія ногъ, потому что калошъ никто не носилъ. Для сидѣнья служили лавки, придѣланныя, какъ сказано уже, къ стѣнамъ наглухо. Если стѣны были обиты, то и лавки обивались тѣмъ же самымъ, чѣмъ стѣны; но, сверхъ того, на нихъ накладывались куски матеріи, называемые полавочниками; они дѣлались о двухъ полотнищахъ, такъ что одно было длиннѣе другого; первое закрывало лавку во всю ея длину, а послѣднее свѣшивалось до земли, закрывая средину пространства между лавкою и поломъ. Ихъ длина и ширина были различны, смотря по лавкамъ, которыхъ величина соразмѣрялась съ пространствомъ покоевъ. Были, напримѣръ, полавочники въ шесть аршинъ длиною и въ два шириною. Но изъ этого нельзя заключать, чтобъ лавки были широки, ибо здѣсь принималась ширина всего полавочника въ двухъ полотнищахъ ²⁾). Полавочники переменялись: въ будни клались попроще, въ праздники и во время пріема гостей понаряднѣе. Такимъ образомъ въ будни клались полавочники суконные, а въ праздники изъ шелковой матеріи, подбитые какою-нибудь простою тканью и отороченные кускомъ матеріи другого цвѣта. Такіе же куски клались на окна и назывались наоконниками; въ будни клались простые коврики, въ праздники шелковые куски, вышитые золотомъ. Длина ихъ была отъ двухъ до трехъ аршинъ, а ширина около двухъ; вѣроятно, они спадали внизъ съ оконнаго карниза. Вообще, какъ полавочники, такъ и наоконники были разныхъ цвѣтовъ: свѣтло-зеленаго, голубого, кирпичнаго, гранатнаго и преимущественно красныхъ отливовъ, иногда вышитые узорами. На полавочникахъ узоры на меньшемъ полотнищѣ дѣлались другіе, чѣмъ на большемъ. Кромѣ лавокъ для сидѣнья дѣлались еще скамьи и столыцы. Скамьи были шире лавокъ, напр., до двухъ аршинъ шириною, длиною дѣлались до четырехъ аршинъ; въ одномъ концѣ ихъ придѣлывалось возвышеніе, называемое приголовникомъ. На нихъ не только садились, но и ложились отдыхать послѣ обѣда. Онѣ накрывались, какъ и лавки, полавочниками. Иныя скамьи служили постоянно кроватями. Столыцы были четырехугольные табуреты для сидѣнья одному лицу и также накрывались кускомъ матеріи. Скамей и столыцовъ въ домѣ было немного, а кресла и стулья составляли роскошь царскаго двора и знатныхъ бояръ, даже и тамъ были въ небольшомъ количествѣ, въ народѣ же вовсе не употреблялись. Столы дѣлались деревянные, большею частью дубовые, длинные и узкіе; у зажиточныхъ людей иногда ихъ разрисовывали изображеніями изъ св. писанія, а бока и ножки украшались рѣзбою. Кромѣ большихъ столовъ, были столы маленькіе, у богатыхъ людей украшенные камнями и разными пестрыми кусочками,

¹⁾ Врем., VII. См. Оп. им. царя Ив. Грозн., 1, 4.—Домостр. Врем., I, 8—9. А. И., II, 405. IV, 399.—Собр. гос. гр., I, 301.—Котош., 119.—Межеръ, 2, 76.—Доп., I, 192.

²⁾ Оп. хоромн. нар. О. З. 1851 г. Сент., 115.

тоже аспидные. Большіе столы ставили передъ лавками и обыкновенно покрывали подскатертниками; это была вещь необходимая для приличія. Во время трапезы поверхъ подскатертника накрывался столъ скатертью. Скатерти и подскатертники работали обыкновенно дома и служили предметомъ занятій для многочисленной прислуги. Какъ полавочники и наоконники, такъ и скатерти и подскатертники перемѣнялись по праздникамъ; въ будни столы накрывались полотняными и суконными кусками, въ праздники бархатными, алтабасовыми, камковыми подскатертниками съ золотшвейными каймами. Скатерти у бѣдныхъ были полотняныя, грубой отдѣлки, у богатыхъ шитыя браныя съ бахромами. Всѣ эти покрывала вообще на столахъ, окнахъ и лавкахъ назывались хороннымъ нарядомъ. Стѣнныхъ зеркалъ у русскихъ вовсе не было. Церковь не одобряла ихъ употребленія; духовнымъ лицамъ соборъ 1666 г. положительно запретилъ имѣть зеркала въ своихъ домахъ; благочестивые люди избѣгали ихъ, какъ одного изъ заморскихъ грѣховъ; только зеркала въ маломъ форматѣ привозились изъ-за границы въ большомъ количествѣ и составляли принадлежность женскаго туалета. Такъ же точно старинное благочестіе избѣгало стѣнныхъ картинъ и эстамповъ, не допуская другихъ украшеній въ этомъ родѣ, кромѣ иконъ, но въ XVII вѣкѣ мало-по-малу начали входить въ домашній обиходъ картины и эстампы, сначала въ царскихъ хоромахъ, потомъ у знатныхъ лицъ. Вкусъ къ нимъ началъ распространяться и между другими сословіями, и уже въ концѣ XVII вѣка ихъ продавали въ овощномъ ряду въ Москвѣ. Впрочемъ, эстампы, которые тогда дозволяли себѣ вѣшать въ золоченыхъ рамахъ богатые люди, заключали преимущественно священные предметы, но ихъ строго отличали отъ образовъ и они не имѣли вовсе священнаго значенія.

Кроватью встарину служила прикрѣпленная къ стѣнѣ скамья или лавка, къ которой приставляли другую лавку. На этихъ лавкахъ клали постель, состоящую изъ трехъ частей: пуховика или перины, изголовья и подушекъ. Было два изголовья—нижнее называлось бумажнымъ и подкладывалось подъ верхнее, на верхнее клались подушки, обыкновенно три; постель покрывалась простынею изъ полотна или шолковой матеріи, а сверху закрывалась одѣяломъ, входившимъ подъ подушки. Постели убирались понаряднѣе въ праздники или на свадьбахъ, попроще въ обычные дни. Въ нарядныхъ постеляхъ на изголовья и подушки надѣвались наволоки камчатныя, бархатныя, атласныя, обыкновенно краснаго цвѣта, шитыя золотомъ и серебромъ, унизанныя жемчугомъ по окраинамъ; одѣяла постилались, подбитыя соболемъ, атласныя, краснаго цвѣта съ гривами, то-есть каймами золотой или серебряной матеріи, подбитыми соболями. Самыя перины были набиты лебяжьимъ или чижовымъ пухомъ. Наволоки были на простыхъ постеляхъ тафтяныя бѣлыя или красныя, подбитыя крашениною. Простыя одѣяла подбивались заячьими мѣхами. Вообще, однако, постели были принадлежностью только богатыхъ людей, да и у тѣхъ стояли болѣе для вида въ своемъ убранствѣ, а сами хозяева охотнѣе спали на простой звѣриной шкурѣ или на матрацѣ. У людей средственнаго состоянія обычно постелью служили войлоки, а бѣдные поселяне спали на печахъ, постлавши подъ головы собственное платье, или же на голыхъ лавкахъ. Дѣтскія колыбели дѣлались всячія, всегда широкія и длинныя для того, чтобъ дитя могло свободно расти, а внутри ихъ всегда привѣшивались иконы или крестики ¹⁾.

¹⁾ Ол. хоромн. нар. О. З. 1851 г. Сентябрь.— Древн. Русск. Вивл., 1, 9—А. И.,

Для хранения домашних вещей употреблялись скрини (родъ комодцевъ съ выдвижными ящиками), сундуки, погребцы, чемоданы. Посуду ставили въ поставцахъ: это были столбы, уставленные со всѣхъ сторонъ полками; книзу ихъ дѣлали шире, кверху уже, на нижнихъ полкахъ ставили болѣе массивную посуду, на верхнихъ мелкую. Разныя женскія украшенія хранились въ ларцахъ, которые сами по себѣ украшались великолѣпно, наводились яркими красками и золотомъ, расписывались узорами и окаймлялись металлическими кружевами; такіе ларцы передавались изъ рода въ родъ, вмѣстѣ съ драгоценностями, какія тамъ сохранялись. Для украшенія въ домахъ зажиточные люди раскладывали разныя драгоценныя бездѣлки въ родѣ слѣдующихъ: серебряныя яблоки, позолоченное изображеніе пѣтуха съ бѣлымъ хвостомъ на поддонѣ, мужичекъ серебряный, костяной городъ съ башнями и миниатюрныя изображенія разныхъ домашнихъ принадлежностей изъ золота и серебра, напримѣръ: ящикъ, въ которомъ было паникадило, столъ, четыре подсвѣчника, разсолъникъ, рукомойникъ, четыре блюда, четыре тарелки, и проч., все въ маломъ видѣ, такъ что все вмѣстѣ вѣсило два фунта 38 золотниковъ; или, напримѣръ, серебряный ставецъ, въ которомъ была бочка, зеркальце и т. п. Знакомство съ Европою ввело къ намъ часы. Такъ, у Артамона Сергѣевича Матвѣева было нѣсколько часовъ: одни показывали часы астрономическаго дня, на другихъ означалось время отъ восхода до заката солнца, а третьи показывали теченіе сутокъ съ полуночи въ полдень, какъ наши часы нынѣшняго времени. Часы зенные (карманные) составляли рѣдкость и гораздо употребительнѣе были часы боевые, стѣнные и столовые; устройство ихъ отъ нашихъ отличалось тѣмъ, что въ нихъ не стрѣлка ходила по циферному кругу, а самый кругъ двигался. Столовые часы дѣлались съ затѣйливыми фигурами, напримѣръ, съ четвероугольною скринькою съ перилами наверху, или мѣдное изображеніе слона съ сидящимъ на немъ человѣкомъ, или въ видѣ башни; на чердакѣ ея сдѣланы были изображенія людей, а на самой вершинѣ изображеніе сидящаго орла.

Освѣщеніе въ домахъ было свѣчами восковыми и сальными. Восковыя употреблялись преимущественно у богачей и то единственно въ праздничные дни и во время торжественныхъ собраній; въ самомъ царскомъ дворцѣ въ XVI вѣкѣ зажигали сальные свѣчи. Свѣчи вставлялись въ подсвѣчники, которые были стѣнные, прикрѣпленные къ стѣнамъ, стоячіе, значительной величины и малые или ручные. Вообще они назывались шандалами, дѣлались обыкновенно изъ мѣди, иногда изъ желѣза. Въ XVII вѣкѣ у зажиточныхъ людей были въ домахъ такъ называемые струнные мѣдные подсвѣчники, сдѣланные изъ натянутыхъ и расположенныхъ удобно мѣдныхъ проволокъ. Ночью, чтобъ имѣть огонь, держались ночники. По случаю большихъ собраній освѣщали дома висячими паникадилами, которыя въ богатыхъ и знатныхъ домахъ были серебряныя и дѣлались съ разными фигурами. Для домашняго обихода держались слюдяные фонари; съ ними прислуга ходила въ конюшни и кладовыя. У простыхъ поселянъ избы освѣщались лучинами ¹⁾.

I, 285. II, 405.—Доп., V, 471.—С. г. гр., I, 303.—Оп. Шуи, 419.—Досмотр. Врем., I, 51. Врем., VIII. См. Оп. им. Тат., 8, 31.—Olear., 204, 319.—Mejerb., 91, 137.—Tuber. Nacl., 433—434. Кильбург., 67.

¹⁾ Chensl. Nacl., 277.—Коллинсъ, 21.—Матер. для ист. возм. Стеньки Раз., 200.—

Для хранения громоздких хозяйственных припасовъ въ клѣткахъ употреблялись бочки, кади, лукошки разной величины и объема. Бочки встарину были самымъ обыкновеннымъ вмѣстилищемъ и жидкостей, и сыпучихъ тѣлъ, напримѣръ: хлѣбнаго зерна, муки, льна, рыбы, мяса сушеного, поскони и разнаго мелкаго товара, какъ-то: гвоздей, цѣпей, замковъ, топоровъ и всѣхъ вообще принадлежностей хозяйства. Сосуды для варенья въ поварняхъ были котлы мѣдные и желѣзные; тамъ, гдѣ приготавлилась пища на большое количество людей въ дворѣ, они достигали большихъ размѣровъ, напримѣръ, въ семь ведеръ; другіе были въ четыре ведра, въ ведро, въ полведра, и вообще назывались поваренными или ѣстовными котлами, въ отличіе отъ пивныхъ и винныхъ, достигавшихъ размѣра пятидесяти ведеръ. Для небольшого количества пищи употреблялись горшки. Жарили на сковородахъ не только желѣзныхъ, но и на мѣдныхъ луженыхъ, съ рукоятками; для мѣсива тѣста употреблялись деревянные корыта и большіе чаны; для мытья бѣлья корыта, ночвы, буки, для носки воды ведра, кумчаны, корчаги, ендовы, кувшины. По окончаніи обѣда у рачительныхъ хозяевъ всѣ сосуды вымывались и вытирались, потомъ опрокидывались внизъ и ставились на полкахъ въ кухнѣ или въ чуланѣ. Въ праздники, когда въ домѣ все облакалось въ нарядный видъ, и въ поварню отпускалась посуда лучшей работы ¹⁾.

Для умыванья употреблялись рукомойники и лохани; у богатыхъ людей они были серебряные и позолачивались, у людей средственнаго состоянія мѣдные или оловянные. Нерѣдко рукомойникъ былъ оловянный, а лохань мѣдная. Примѣромъ богатаго стариннаго прибора для умыванья можетъ служить рукомойникъ Ивана Васильевича, серебряный позолоченный съ изображеніемъ фигуръ (образинъ), на стоянцѣ, тоже испещренномъ чеканными фигурами; при немъ серебряная лохань съ чеканнымъ изображеніемъ рыбъ и раковъ ²⁾.

Столовая посуда для пищи и питья носила общее названіе судковъ. Жидкое кушанье изъ поварни для стола носили въ кострюляхъ и оловяникахъ— мѣдныхъ луженыхъ или оловянныхъ, съ покрывниками. Другая посуда для носки жидкихъ кушаньевъ была разсолникъ, также съ покрывкою, родъ соусника; онъ употреблялся также и для соленыхъ плодовъ. За столомъ жидкая пища разливалась въ мисы: у богатыхъ онѣ были серебряныя, у небогатыхъ оловянныя и деревянныя. Твердыя кушанья приносились на блюдахъ. Были блюда разной фигуры и различной величины, приспособленные къ извѣстному роду кушаньевъ, и поэтому назывались: блюдо гусиное, блюдо лебяжье. На однихъ блюдахъ приносили кушанья изъ поварни, другія оставались передъ гостями такъ, чтобъ два человѣка и болѣе могли ѣсть съ одного блюда. Последняго рода блюда назывались блюдами. Овощи подавались на блюдахъ особой формы, называемыхъ овощниками. Къ большимъ блюдамъ придѣлывались кольца, по два и по четыре; это показываетъ, что ихъ несли человѣка по два. У богатыхъ

Врем., V. См., 22. VIII. См. Оп. им. Тат., 37. XIII. Расх. кн. Ник., 9—52. — Дом. 6. русск. цар. Забѣл. От. Зап. 1851 г. Сент. А. Ю., 445.—А. И., II, 406. IV, 399. Доп., VI, 105.—Mejerb., 232.—Барбер., 32.

¹⁾ А. И., I, 285.—А. Ю., 444—445.—Врем., VIII. См. оп. им. Тат., 22, XIII. Расх. кн. Ник., 43.—Досмотр. Врем., I, 66, 92—93.

²⁾ А. И., II, 406.—Врем., VII. Смѣсь, 45.

блюда были серебряныя съ выбоичатыми мишенцами по обводу; у людей посредственнаго состоянія—оловянныя или полуженныя мѣдныя. Тарелки, называемыя торели, не были въ повсемѣстномъ употребленіи, и тамъ, гдѣ онѣ ставились передъ гостями, не перемѣнялись во все продолженіе обѣда, а поэтому въ домахъ ихъ было немного; у богатыхъ онѣ были серебряныя граненыя, иногда позолоченныя; у менѣе зажиточныхъ изъ польскаго серебра или оловянныя. Вѣсомъ онѣ были до полфунта, а нѣкоторыя и массивнѣе, напримѣръ, въ три четверти фунта. Въ домашнемъ сервизѣ немногія изъ нихъ были больше остальныхъ. Вѣроятно названіе торели смѣшивали съ названіемъ блюда, такъ что въ одномъ мѣстѣ плоскую посуду, поставленную передъ гостями, называли торелями, а въ другомъ блюдами. Ложки у богатыхъ дѣлались серебряныя позолоченныя съ фигурою на концѣ рукоятки и съ надписью, кому принадлежитъ. Ножи въ богатыхъ домахъ оправлялись золотомъ и серебромъ съ драгоценными камнями: ихъ не подавали гостямъ, потому что кушанье предлагалось уже разрѣзанное. Вилки были двузубыя, а иногда ихъ вовсе не клали. Салфетки не употреблялись: обтирали руки полотенцемъ или краемъ скатерти. Но необходимою принадлежностью столоваго прибора почитались: солоница, уксусница и перечница, иногда горчичница. Когда готовили столъ къ трапезѣ, то, поставивъ скатерть, ставили на нее эти сосуды. Солоницы дѣлались на стоянцахъ съ покрывками и рукоятками, уксусницы и перечницы на ножкахъ; иногда эти сосуды соединялись въ одинъ, напримѣръ, солоница, а наверху ея перечница. Серебряныя солоницы и перечницы украшались узорами и литыми изображеніями, напримѣръ, солоница на звѣркахъ, солоница съ верхомъ, украшеннымъ финифтью съ изображеніемъ людей по бокамъ ¹⁾).

Столовые сосуды для приноса питій были: ендовы, мумормы, ведра, кувшины, сулеи, четвертины, братины. Ендова была сосудъ болѣе кухонный, но употреблялся и какъ столовый для приноса питья; ендовы имѣли разную величину, напримѣръ, иныя заключали въ себѣ цѣлое ведро, другія по шести ведеръ, а нѣкоторыя были столь малы, что заключали въ себѣ вѣсу только двѣ гривенки. Рѣдко употребляемыя при столѣ, въ обычномъ обиходѣ онѣ были мѣдныя вылуженныя, съ носкомъ и съ рукояткою. Муморма была сосудъ, близкій по виду къ ендовѣ, также съ носкомъ и съ рукояткою. Въ чемъ заключалось ихъ различіе—неизвѣстно. Ведра были не только служебною посудою, но сдѣланныя въ маломъ размѣрѣ ставились съ напитками на столѣ; были такимъ образомъ серебряныя сосуды въ формѣ ведра, носившіе это названіе, съ дужкою наверху, цилиндрической формы, а иногда многосторонниками. Кувшинами, какъ теперь, называли сосуды съ раздутыми боками посрединѣ, съ суженною шейкою, съ расширившимися краями, съ носками и съ кругообразною рукояткою. Были кувшины серебряныя съ обручами на шейкахъ, съ крышкою наверху, на которой ставились какія-нибудь выпуклыя фигуры, напр., яблоко и т. д.; иногда къ ручкѣ кувшина придѣлывалась цѣпочка. Четвертиною, какъ показывается ея названіе, была четвертая часть единицы—ведра, то-есть кварта; но въ домаш-

¹⁾ А. Юр., 444, 445.—Врем., V. См., 22. VII. См. Оп. им. царя Ив. Вас., VIII. См. Оп. им. Тат., XIII. Расх. кн., 58.—Собр. гос. гр., I, 32, 40, 407—409.—Достоп. Кремля, 36, 49.—А. И., II, 405—406, 428.—Доп., VI, 105.—Русск. Стар. Мартыи., 87.—Пов. о пос. Щилѣ. Рук. И. Публ. Библ.

нихъ приборахъ этимъ именемъ называли сосудъ, раздутый по бокамъ, нѣсколько похожий на суповую чашку съ крышкою; въ нихъ отсылали питье изъ дома отсутствующимъ знакомымъ. Четвертины были разной величины и даже такъ малы, что вставлялись въ небольшую шкатулку. Братина, какъ самое ея названіе указываетъ, была сосудъ, предназначенный для братской товарищеской попойки, на подобіе горшка съ покрывкою. Изъ нихъ пили, черная чумками, черпальцами и ковшами. Братины были разной величины; небольшія употреблялись даже прямо для питья изъ нихъ и назывались братинками. Сулеи были маленькія бутылки съ узкимъ и продолговатымъ горломъ и съ цѣпью; онѣ привѣшивались къ поясу въ дорогѣ¹⁾.

Къ сосудамъ, изъ которыхъ пили, принадлежали: кружки, чаши, кубки, корцы, ковши, достаканы, чарки, овкачи, болванцы. Кружки были цилиндрическіе сосуды съ рукояткою и крышкою, всегда въ одну стѣну снизу доверху, кверху нѣсколько уже, обыкновенно круглаго вида, какъ показываетъ самое названіе; но были также кружки осьмигранныя и четырехгранныя; онѣ ставились на поддонахъ. Нормальная величина кружки опредѣлялась ея мѣрнымъ значеніемъ, ибо кружками собственно называлась опредѣленная мѣра—половина четвертины, $\frac{1}{8}$ ведра; но эта мѣра не всегда соблюдалась, какъ показываетъ различіе вѣса (напр. въ 4 ф. и въ одинъ фунтъ), слѣдовательно, объемъ кружекъ былъ различенъ. Чашами назывались круглыя разложистые сосуды съ рукоятками, съ кольцами, съ пелюстками, съ скобами, вѣсившіе иногда до двухъ фунтовъ и болѣе; но вообще подъ этимъ названіемъ разумѣли пропорцію выпиваемого собесѣдниками вина; въ этомъ смыслѣ на одной братинѣ находится надпись: «въ сію братину наливается богородицина чаша». Пить чашу чью либо значило пить въ честь кого-нибудь или за чье либо здоровье. Такимъ образомъ говорилось: «государева чаша, патриаршая чаша».

Кубками назывались сосуды съ круглымъ, иногда досчатымъ или плоскимъ дномъ, съ крышкою, на подставкѣ, иногда на ножкахъ и на поддонѣ. Къ нимъ иногда придѣлывались цѣпочки. Дѣлались кубки двойчатые, то-есть раздѣлявшіеся на двѣ половинки, изъ которыхъ каждая составляла особый сосудъ для питья. Величина кубковъ была различна. Вѣсомъ извѣстенъ громадный кубокъ царя Ивана Васильевича Грознаго, хранящійся въ Оружейной палатѣ, вѣсомъ въ одинъ пудъ восемь фунтовъ, въ сажень вышиною. У знатныхъ и богатыхъ домохозяевъ были большіе кубки, вѣсомъ до четырехъ и до пяти фунтовъ, но они въ небольшомъ количествѣ стояли только для украшенія на поставцахъ. Въ употребленіи были кубки, вѣсомъ въ полфунта, фунтъ и около того. Стопы были большіе высокіе стаканы, иногда съ рукояткою, носками и крышкою. Достаканы были средней величины стаканы, иногда съ рукояткою, на ножкахъ, обыкновенно съ разложистыми круглыми краями, иногда же съ угольчатыми и ставились на маленькихъ поддонахъ. Ковши были низенькіе сосуды, круглыя или овальныя, съ круглымъ дномъ, съ досчатою ручкою, называемою полкою, иногда съ загибомъ на концѣ. Корцы отличались отъ ковшей тѣмъ, что дно у нихъ было плоское; маленькіе корцы назывались корчиками. Чарками назывались маленькіе сосуды съ круглымъ или плоскимъ дномъ, или на ножкахъ

¹⁾ С. г. гр., I, 409, 410.—Врем., V. См., 20. VII. См. Оп. им. Ив. Вас., 25, 34. VIII. См. Оп. им. Тат., 22, 35.—А. г. Шуи., 176.—А. И., I, 285.

съ закругленною ручкою, иногда съ крышкойю. Подлинно неизвѣстно, какая была отличительная черта сосудовъ, называемыхъ болванцы и овкачи. Первые были иногда массивны, какъ это доказывается описаніемъ одного болванца въ числѣ посуды царя Михаила Феодоровича, гдѣ значатся болванцы 4 ф. 62 зол. и въ девять фунтовъ слишкомъ ¹⁾).

Кромѣ этихъ названій, болѣе или менѣе опредѣленныхъ особою формою, существовали разные сосуды затѣливой фигуры, напр., орѣхъ индійскій съ серебряною золоченою формою; рога, оправленные въ серебро; сосуды въ видѣ челнока, вола, лошади, пѣтуха и проч.

Эти сосуды изъ серебра, часто позолоченные, наполняли поставцы знатныхъ и богатыхъ людей и составляли домашнюю роскошь. Въ отношеніи работы они были разныхъ видовъ, напр., гладкіе, сканные, т.-е. витые, граненые (или грановитые), чеканные, чешуйчатые, травчатые, канфаренные, склянистые, пупчатые, рѣшетчатые; иногда нѣсколько видовъ работъ соединялись въ одномъ сосудѣ, такъ что часть его была отдѣлана однимъ, другая инымъ видомъ. Фонъ стѣны сосуда назывался землею, а по землѣ дѣлались разныя фигурныя украшенія. На братинахъ чаще всего были узоры и травы. На стѣнахъ кубковъ и чашъ дѣлались широкія выпуклости, называемыя пузами, и углубленія, называемыя ложками; сверхъ того, неширокія, но высокія возвышенія, называемыя пупышами, формы круглой, сердцевидной, продолговатой, клинчатой и т. д. Часто пупыши очердовались съ ложками. Иногда на фонѣ одной работы дѣлались кружки другой и въ этихъ кружкахъ помѣщались изображенія и надписи. По краямъ сосудовъ проводились вѣнцы, составлявшіе линіи разныхъ узоровъ; часто такихъ линій было нѣсколько одна возлѣ другой, каждая работы отличной отъ другой. Фигуры, украшавшія сосуды, изображали цвѣты, плоды, листья, звѣрей, птицъ, рыбъ, людей; послѣднія носили названіе личинъ или образинъ. Литыя фигуры ставились на верхахъ крышекъ; такъ, напримѣръ, были сосуды, особенно кубки, наверху которыхъ стояли орлы, пѣтухи, яблоки, лодки, терема, города съ башнями. Напримѣръ, въ кубкѣ, вѣсомъ въ одиннадцать гривенковъ, принадлежавшемъ царю Ивану Васильевичу, на крышкѣ былъ теремъ о трехъ столбахъ, между столбами три человѣческія изображенія въ кругахъ, а наверху самаго терема человѣческая фигура, держащая копье. На привозныхъ изъ Западной Европы сосудахъ встрѣчались мѣологическія изображенія, напримѣръ, Аполлона или Сатира. Иногда чеканные фигуры представляли цѣлыя происшествія или картины, напр., на кубкѣ круги, въ которыхъ изображены *царства*. Поля сосуда украшались чеканными фигурами; онѣ находились между пупышами, между пупышами и ложками, когда онѣ чередовались между собою, въ кружкахъ, обручикахъ, связяхъ или сѣтовидныхъ каймахъ, на полкахъ ковшей и корцевъ. Иногда рукоятки и стоянцы сами по себѣ составляли фигуру, напр., рукоятъ въ видѣ змѣи, а стоянецъ въ видѣ тыквы, по которой вычеканены яблоки и груши. Даже внутри сосудовъ иногда дѣлались чеканные и литыя изображенія.

Кромѣ узоровъ, травъ и фигуръ, было въ обычаѣ дѣлать на сосудахъ разныя надписи, какъ-то: о количествѣ вѣса, имя владѣльца вещи и приличныя

¹⁾ Времен., I. Домост., 66. V. См., 20, 22. VII. См. Оп. им. п. Ив. Вас., 25, 34—35, 40—46. VIII. См. Оп. им. Тат., 22, 34—35.—С. г. гр., I, 40, 407—409.—Достоп. Кремля, 131.

изреченія изъ священнаго писанія или изъ житейской мудрости, а если сосудъ былъ подаренъ, то надписывалось объ этомъ, напр., *ударила челомъ боярыня Ульяна Федоровна Романова*. Надписи эти вычеканивались внутри сосуда на днѣ, по ободамъ, по эмали или финифти, которою нерѣдко украшались сосуды. Чтобъ имѣть понятіе о родѣ тѣхъ надписей, которыя заключали въ себѣ изреченія, приведемъ въ примѣръ чарку, на которой надписано по ободу: *чарка добра человѣку, пить изъ нея на здравіе, хвала Бога, про государево многолтнее здоровье*; внутри другая: *не злись, смирись, человѣче, желаешь славы земныя, зато ненастдливъ небесныя*; по бокамъ вокругъ: *зри, смотри, и люби и не проси*. Внутри братины, поднесенной царю думнымъ дьякомъ Третьяковымъ въ 1618 году, надпись такая: «Человѣче! что на мя зриши? Не проглотить ли мя хочеши? Азь есмь бражникъ; воззри, человѣче, на дно братины сея, окрыеши тайну свою». А на вѣнцѣ другая надпись: «Вѣси убо, человѣче, яко воину оружіе потребно есть въ день брани, такожде и дождь во время ведра; пити же во время жажды; сиче же истинный другъ во время утѣшенія и скорби, и вси убо прикасающіися сладости сей съ любовію по разуму въ сытость веселіе съ други, и тѣлесемъ красоту, и сердце и ума пространство почерпають, и радостію со други своими веселящеса, испіють, хотящими же убо къ сему приступити со враждою—несытное ихъ убо достоинъ отъ сего дому всегда отгоняти заботно»¹⁾).

Количество дорогихъ сосудовъ, переходившихъ по наслѣдству, не только какъ матеріальная драгоценность, но какъ память отцовъ, умножалось подарками; въ обычаѣ было дарить сосуды для изъявленія привязанности, милости или преданности. Цари дарили кубками и ковшами за услуги престолу, подданные подносили великимъ князьямъ, а потомъ царямъ въ подарокъ сосуды въ торжественные дни: при вступленіи государя на престолъ, на именины, по случаю бракосочетанія, рожденія дѣтей. Такъ же точно и въ частномъ быту дарились сосуды именинникамъ, дарились новорожденнымъ, дарили ихъ подначальные начальникамъ, начальники подначальнымъ. Тамъ, гдѣ ихъ такимъ образомъ накоплялось много, ихъ сортировали для застольнаго употребленія, такъ что въ большіе праздники подавали лучшіе, въ другихъ случаяхъ попроче. Впрочемъ, не должно думать, чтобъ повсюду было ихъ такое множество: въкоторые поставляли домашнее богатство въ вещахъ другого рода и потому довольствовались незначительнымъ количествомъ золота и серебра. Такимъ образомъ случалось, что все серебро въ домѣ составляли три-четыре серебряныхъ ложки²⁾).

Кромѣ металлической посуды, въ XVI и XVII вѣкахъ у богачей были сосуды каменные, агафовые, сердоликовые, изъ горнаго хрустала, а между тѣмъ входила въ употребленіе и стеклянная и хрустальная посуда съ тѣми же названіями, какія исчислены прежде. Стеклянная посуда привозилась изъ-за границы, стекла преимущественно разнопѣвтаго, полосами, съ позолоченными вѣничками. Сверхъ того, существовали простыя стеклянныя фляги и склянницы для храненія вина и деревяннаго масла. Простой народъ довольствовался деревянными сосудами, которые имѣли ту же форму, какъ и драгоценныя, и носили

¹⁾ Достоп. Кремля, 117, 123, 129, 130.—Собр. г. гр., I, 407—410.—Врем., VII. Смѣсь, 34—35, 40—45.

²⁾ А. И., IV, 399.

тѣ же названія. Какъ посуда для пищи—мисы, торели, солоницы,—такъ и питьевые сосуды, — братины, ковшы, корцы — дѣлались изъ дерева въ разныхъ мѣстахъ по селамъ и продавались на рынкахъ; но изъ нихъ особенно славилась по работѣ калужскіе, гороховецкіе и корельскіе. Эти деревянныя издѣлія украшались рѣзбою, которая издавна составляла любимое украшеніе вещей для небогатаго класса. Не гнушались деревянною посудою и дворяне, а каповые сосуды были въ употребленіи у бояръ и даже у царей и считались роскошью ¹⁾.

IX.

Одежда.

Старинная русская одежда представляетъ съ перваго вида большую сложность и разнообразіе; но, присмотрѣвшись къ частностямъ ея, легко узнать множество наименованій больше сходства между собою, чѣмъ отличія, которое преимущественно основывалось на особенностяхъ покроя, къ сожалѣнію, теперь мало понятныхъ для нашего времени. Вообще одежда была одинакова по покрою какъ у царей, такъ и у крестьянъ, носила одни и тѣ же названія и отличалась только степенью убранныя.

Обувь простого народа была лапти изъ древесной коры—обувь древняя, употребительная во времена язычества. Кромѣ лаптей изъ коры, носили башмаки, сплетенные изъ прутьевъ лозы ²⁾; вѣроятно эту обувь разумѣли подъ названіемъ пленицы ³⁾; нѣкоторые же носили подошвы изъ кожи и подвязывали ихъ ремнями, обмотанными вокругъ ноги ⁴⁾. Какъ крестьяне, такъ и крестьянки носили эту обувь. Обувь людей съ достаткомъ составляли сапоги, чоботы, башмаки и ичетыги. Всѣ эти виды дѣлались изъ телячьей кожи, изъ коровьяго опойка, изъ конской кожи, изъ юфты, у богатыхъ изъ персидскаго и турецкаго сафьяна ⁵⁾. Сапоги носились до колѣнъ и служили вмѣсто штановъ для нижней части тѣла, и для того подкладывались холстиною; ихъ снабжали высокими желѣзными подборами и подковами, со множествомъ гвоздей по всей подошвѣ; у царей и у знатныхъ лицъ эти гвозди были серебряные. Чоботы были полусапожки съ остроконечными загнутыми кверху носками. Башмаки были принадлежностью не только женщинъ, но и мужчинъ; при нихъ носили ичетыги или ичетоты, иначе ноговицы (нынѣ еще употребляютъ кое-гдѣ эту старую, заимствованную отъ татаръ обувь подъ именемъ *ичегъ* и ноговиць); это были сафьянные чулки и раздѣлялись на два вида, полные, достигавшіе до колѣнъ, и неполные. При сапогахъ и чоботахъ носились чулки, шерстяные или шелковые, а

¹⁾ Достоп. Кр., 128, 130.—А. А. Э., III, 363.—А. И., I, 285.—Врем., I. Домостр., 93, VIII. См. Оп. им. Тат., 22. XIII. Расх. кн. Ник., 30.

²⁾ Petr., 314.

³⁾ А., отг. до ю. б., 53.

⁴⁾ Das Gr. Reich. v. Mosc., 187.

⁵⁾ А. И., IV, 399.—Доп., III, 145.—Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 60.—Ворон. Акты, I, 117.—Olear., 182.

зимою подбитые мѣхомъ. Женская обувь была почти та же, что и у мужчинъ; башмаки были съ такими высокими подборами, что передняя ступня не касалась земли, если стать на каблукъ. При нихъ были шерстяные или шелковые чулки. Посадскія жены носили также большіе сапоги до колѣнъ, но дворянки ходили только въ башмакахъ и чоботахъ. Бѣдныя крестьянки ходили въ лаптяхъ, какъ и мужья ихъ.

Сапоги, чоботы, башмаки, ичетыги были всегда цвѣтные, чаще всего красные и желтые — иногда зеленые, голубые, лазоревые, бѣлые, тѣлеснаго цвѣта; они расшивались золотомъ, особенно въ верхнихъ частяхъ на голенищахъ, съ изображеніями единороговъ, листьевъ, цвѣтовъ и проч., и унизывались жемчугомъ; особенно женскіе башмаки украшались такъ густо, что не видно было сафьяну ¹⁾. Въ зажиточныхъ русскихъ домахъ обувь вообще дѣлалась дома и для этого держали въ дворѣ знающихъ холоповъ ²⁾.

Рубахи у простонародья были холщевыя, у знатныхъ и богатыхъ шелковыя. Русскіе любили красныя рубахи и считали ихъ наряднымъ бѣльемъ. Домострой совѣтуетъ обращать особое вниманіе на мытье красныхъ рубахъ, какъ на принадлежность лучшей одежды. Русскія мужскія рубахи дѣлались широкія и короткія и едва достигали до ляжекъ, опускались сверхъ исподняго платья и подпоясывались низко и слабо узкимъ пояскомъ, называемымъ опояскою. Въ холщевыхъ рубахахъ подъ мышками дѣлали треугольныя вставки изъ другого полотна, расшитаго пряжею или шелкомъ, или же изъ цвѣтной тафты. По подолу и по краямъ рукавовъ рубахи окаймлялись тесьмами, расшитыми золотомъ и шелками, шириною пальца въ два; у знатныхъ и богатыхъ вышивали также рукава и грудь, и поэтому оставляли рубаху открытою изъ-подъ платья. Такія вышитыя рубахи назывались пошевными. Но преимущественно обращали вниманіе на воротникъ рубахи, который выпускался изъ-подъ верхнихъ одеждъ пальца на два и окружалъ затылокъ въ родѣ нынѣшнихъ мундирныхъ воротниковъ. Этотъ воротникъ назывался ожерельемъ. Его дѣлали особо отъ рубахи и пристегали къ ней, когда было нужно, у богатыхъ золотыми и серебряными золочеными, у бѣдняковъ мѣдными пуговицами, иногда же вмѣсто пуговиць употреблялись запонки съ петлями. Такое ожерелье, кромѣ вышивки золотомъ и шелками въ видѣ разныхъ узоровъ, унизывалось жемчугомъ. Это-то ожерелье собственно въ старину называлось рубашкою; но въ XVII в. называли его сорочкою, а рубашкою или рубахою одежду, къ которой оно пристегивалось.

Русскіе штаны или порты шились безъ разрѣзовъ, съ узломъ, такъ что посредствомъ его можно было дѣлать ихъ шире и уже. У бѣдныхъ они дѣлались изъ холста, бѣлаго и крашеннаго, изъ сермяги—грубой шерстяной ткани; у зажиточныхъ изъ суконъ; лѣтомъ богатые надѣвали тафтяные штаны или изъ какой-нибудь другой легкой шелковой матеріи. У царей (вѣроятно и у бояръ) иногда были штаны изъ тяжелыхъ шелковыхъ тканей, напр., изъ обьяри. Вообще русскіе штаны были не длинны и достигали только до колѣнъ, дѣлались съ

¹⁾ Вых. цар., 492, 494.—Врем., I. Домостр., 54. Врем., VII. См. Оп. им. царя Ив. Вас., 8, VIII. См. Оп. им. Тат., XIII. Расх. кн. Ник., 60.—Ворон. Акты, I, 115.—А. г. Шуй, 119, 174.—Olear., 182.—Паф. Барб., 97.—Crull., 135.—Carlisle, 332.—Fletch., 97.—Petr., 306, 307.—Das Gr. Reich, v. Mosc., 203.

²⁾ Врем., I. Домостр., 54, 55.

карманами, называемыми зелью, и были разных цвѣтовъ: напр., желтые, лазоревые и чаще всего красные ¹⁾

На рубаху и штаны надѣвались три одежды: одна на другую. Исполняя была домашняя, въ которой сидѣли дома; если же нужно было идти въ гости или принимать гостей, то надѣвалась на нее другая; третья была накидная для выхода. Хотя существуетъ много названій одеждъ, но всѣ эти названія относятся къ какому-нибудь изъ этихъ видовъ.

Исполняя одежда называлась зипунъ, какъ у царей, такъ и у крестьянъ. Это было платье узкое, короткое, иногда достигавшее до колѣнъ, рѣдко до икорь, но часто не доходившее даже и до колѣнъ, въ родѣ камзола. Въ кроильной книгѣ царскаго двора длина зипуна означена въ одинъ аршинъ шесть вершковъ, когда платье, сдѣланное на то же лицо во весь ростъ, имѣло въ длину два аршина три вершка. У людей простыхъ и небогатыхъ зипуны дѣлались изъ крашенины, зимнiе изъ сермяги, у людей состоятельныхъ изъ легкой шелковой матерiи, напр., тафты, часто бѣлаго цвѣта съ пуговицами. Иногда рукава къ нему придѣлывались изъ другой какой-нибудь матерiи; напримѣръ, зипунъ былъ изъ бѣлаго атласа, а рукава къ нему изъ серебряной объяри; но часто зипуны были совсѣмъ безъ рукавовъ, въ родѣ вышшихъ поддевокъ. Воротники дѣлались узкіе и малые, а иногда къ зипунамъ, какъ и къ рубахѣ, пристегали шитый и разукрашенный жемчугомъ и камнями отдѣльный воротникъ, называемый обнizzlyю. Такихъ обнizzlyей хранилось много и ихъ пристегали по мѣрѣ надобности показаться наряднѣе или проще. Онѣ были разной величины: большiя и малыя. Если обнizzly употреблялась большая, то къ рубахѣ вовсе не пристегалось ожерелье, а если малая, то изъ-подъ нея видѣлось ожерелье рубахи. Кромѣ зипуна, въ XVI вѣкѣ была подобная же комнатная одежда сарафанецъ, какъ кажется, начавшій выходить изъ употребленiя въ XVII столѣтiи; ихъ носили вмѣсто зипуна съ обнizzlyми; они были длинны.

На зипунъ надѣвали вторую одежду, которая имѣла нѣсколько названій; но ихъ различiе между собою въ отношенiи покроя теперь опредѣлить трудно. Самый обыкновенный и повсемѣстный видъ этого рода одежды былъ кафтанъ, достигавшій до пятъ, или же только до икръ, чтобъ оставлять напоказъ раззолоченные сапоги. Иногда сзади дѣлали его на вершокъ или на полвершка короче, чѣмъ напередѣ, и по длинѣ различали два рода кафтановъ: кафтаны и кафтанцы. Рукава ихъ были чрезвычайно длинны, достигали до земли и собирались въ складки или брыжи, такъ что ладонь можно было по произволу закрывать и оставлять открытою, и такимъ образомъ концы рукавовъ замѣняли перчатки. Въ зимнее время эти рукава служили вмѣсто муфты отъ стужи, а рабочiе люди посредствомъ ихъ могли удобно брать вещи, до которыхъ нельзя касаться голыми руками, напр., горячую посуду. Въ нарядныхъ кафтанахъ часть рукава при концѣ называлась запястье, вышивалась золотомъ, украшалась жемчугами и пристегивалась къ кафтану особо. Разрѣзъ на кафтанѣ былъ только спереди и оторочивался тесьмою; такъ же точно оторочивался и подолъ. Къ этой

¹⁾ А. И., I, 335.—Выход. пар., 219, 622.—А. Ю., 371.—Оп. Шуй, 453.—А. г. Шуй, 174.—Врем., I. Домостр., 51. Врем., VIII. См. Оп. им. Таг.—Herberst., 36.—Барб., 54.—Tuberv., 455.—Petr., 306.—Olear., 181.—Mejerb., 100.—Strauss., 197.—Crull., 135.—Carlisle, 332.

тесемъ прикрѣпляли металлическое кружево (золотое или серебряное), сдѣланное съ разными фигурами. Вдоль по кафтану, параллельно съ разрѣзомъ, по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки изъ другой матеріи и другого цвѣта, въ видѣ четверугольниковъ или круговъ, и на эти нашивки пришивались завязки съ кистями и свурки, чтобы застегать кафтанъ; иногда же вмѣсто завязокъ дѣлали на одной сторонѣ на нашивкахъ висячія петли, на другой также къ нашивкамъ прикрѣпляли пуговицы. Въ XVI в. кафтаны застегались чаще завязками, на подобіе татарскихъ; но русскіе отличали свои отъ татарскихъ тѣмъ, что застегали не на лѣвой, а на правой сторонѣ. Впослѣдствіи начали употреблять чаще пуговицы—до двѣнадцати и до тринадцати на кафтанѣ: онѣ всѣ были на груди; остальная часть разрѣза всегда оставалась не застегнутою. Воротники на кафтанахъ были узкіе и малые; изъ-подъ нихъ высовывалась обвязъ зипуна или ожерелье рубахи; но иногда къ кафтану пристегалось отложное ожерелье, расшитое золотомъ и усыпанное жемчугами. Изнанка кафтана подбивалась всегда матеріями низшаго достоинства, чѣмъ лицевая, и сверхъ того кафтаны, кромѣ тесемы по подолу, подъ нею и выше нея, окаймлялись полососою матеріи другого цвѣта, чѣмъ кафтанъ; она называлась подпушкою. Зимніе кафтаны дѣлались и на мѣхахъ, но обыкновенно легкихъ, напр., на собольихъ пупкахъ, или на бѣлыхъ черевахъ; такіе теплые кафтаны назывались кожухами.

Къ этому разряду средней одежды относится чуга—одежда, приспособленная къ путешествію и верховой ѣздѣ. Это былъ узкій кафтанъ, съ рукавами только по локоть и короче обыкновенныхъ кафтановъ, какъ это видно изъ кройки ея, ибо когда кафтанъ былъ длиною въ два аршина шесть вершковъ, съ рукавами длиною въ одинъ аршинъ пять вершковъ, чуга для той же особы была длиною въ одинъ аршинъ съ тремя четвертями и съ рукавами въ девять вершковъ. Чуга подпоясывалась поясомъ, за который закладывался ножъ и ложка, а на грудь привѣшивалась перевязъ съ дорожною сумею. Тѣ же принадлежности, какими украшались кафтаны—нашивки, кружева, подпушки—были, по желанію, и на чугахъ; чуги всегда застегались пуговицами.

Ферязями назывались одежды, надѣваемые такъ же, какъ и кафтанъ, на зипуны; онѣ были съ длинными рукавами, широкія въ плечахъ и уже кафтановъ въ подолѣ, почти всегда безъ кружева и отложного ожерелья, лѣтомъ изъ какой-нибудь легкой матеріи, зимою теплыя на мѣхахъ. Трудно себѣ представить, чѣмъ отличалась эта одежда отъ кафтана. У Флетчера при описаніи русской одежды она поставлена третьимъ верхнимъ платьемъ—первое зипунъ, второе или среднее узкій кафтанъ съ ножомъ и ложкою за поясомъ (подъ которымъ англичанинъ разумѣлъ чугу), третье ферязь—просторное платье, окаймленное позументомъ ¹⁾. У Олеарія, напротивъ, говорится, что русскіе одѣвали рубаху и штаны, потомъ зипунъ, на зипунъ ферязь, сдѣланную изъ какой-нибудь легкой матеріи, а на ферязь кафтанъ ²⁾, такъ что у него выходитъ четыре одежды (съ верхнею или накидною) и ферязью называлась одежда средняя между зипуномъ и кафтаномъ. Все, что можно вывести изъ сбивчивыхъ извѣстій объ этомъ родѣ одежды, это—то, что ферязь была болѣе комнатный родъ кафтана. Названіе его персидское и вошло къ намъ въ XVI вѣкѣ. Оно было въ употреб-

¹⁾ Fletch., 27.

²⁾ Olear., 181.

леніи какъ у царей, такъ и у простаго народа. На ферязяхъ дѣлались нашивки, называемыя образцами. Это были нѣсколько вышитыхъ золотомъ или шелками небольшихъ мѣсть, формы круглой или четырехугольной, отдѣленныя другъ отъ друга другой матеріей. Ферязи застегивались завязками.

Кромѣ кафтана, чуги и ферязей, къ разряду средней одежды относились: ормякъ, тегилай, терликъ. Ормяки дѣлались съ прорѣхами, съ кружевами, образцами, какъ ферязи, и съ вышитыми воротниками. Его полы не сходились вмѣстѣ, а закидывались одна на другую. Тегилай была одежда со множествомъ пуговицъ, напр., съ шестидесятью восемью или съ пятидесятью-шестью. Особенности покроя его неизвѣстны, какъ и терлика. Впрочемъ, подъ послѣднимъ, кажется, разумѣли то же, что и подъ именемъ чуги, то-есть короткое платье, удобное для верховой ѣзды; но онъ носился также разомъ съ кафтаномъ, какъ, напримѣръ, въ одномъ описаніи свадебъ свадебные поѣзжане описываются одѣтыми въ терликахъ и кафтанахъ разомъ.

Верхнія или накидные одежды были: опашень, охабень, однорядка, ферезея, епанча и шуба. Опашень была лѣтняя одежда, ибо въ царскихъ выходахъ упоминается только лѣтомъ; осенью и весною и вообще въ ненастную и сырую погоду надѣвали однорядку. Какъ опашень, такъ и однорядка дѣлались широкіе, длиною до пятъ, съ длинными рукавами, съ кружевами по краямъ разрѣза, нашивками по бокамъ вдоль разрѣза, застегались пуговицами; иногда къ воротнику пристегалось ожерелье. Опашни дѣлались изъ сукна, у богачей нерѣдко изъ шелковыхъ матерій; однорядка всегда изъ сукна. Охабень былъ плащъ съ рукавами и съ капишономъ сзади. Ферезея — плащъ съ рукавами — надѣвалась во время дороги. Епанча была двухъ родовъ: одна дорожная изъ верблюжьей шерсти или грубаго сукна, другая нарядная изъ богатой матеріи, подбитая мѣхомъ больше для пышности, чѣмъ для тепла. Послѣдняго рода епанчу надѣвали, когда выѣзжали верхомъ и красовались передъ народомъ; онѣ дѣлались безъ рукавовъ и безъ прорѣхъ для рукъ, накидывались на плечи и застегались на шеѣ пуговицами или завязками. Шубы были самымъ наряднымъ платьемъ для русскаго, потому что русскіе, при бѣдности природы своего отечества, только и могли щеголять передъ другими народами, что мѣхами. Множество мѣховъ въ домѣ составляло признакъ довольства и зажиточности. Случалось, что русскіе не только выходили въ шубахъ на морозъ, но сидѣли въ нихъ въ комнатахъ, принимая гостей, чтобы выказать свое богатство. У бѣдныхъ были шубы овчинныя, или тулупы, и заячьи, у людей средственнаго состоянія бѣличьи и куньи, у богатыхъ собольи и лисьи разныхъ видовъ: лисицъ чернобурыхъ, черныхъ, сѣрыхъ, сиво-душчатыхъ. Дѣлали также шубы изъ горностаевъ, вѣроятно только для щегольства. На шубы употреблялись разныя части звѣринаго мѣха, не смѣшивая одну съ другою; шубы дѣлались на пупкахъ, черевахъ и хребтахъ и имѣли по этому свои названія: хребтовая шуба, черевая и проч. Шубы покрывались обыкновенно сукномъ, но часто и шелковыми тканями. На нихъ помѣщали по бокамъ разрѣза нашивки, но другой матеріи, а не той, которою покрыта сама шуба, на эти нашивки пришивались петли и пуговицы, а самый разрѣзъ окаймлялся металлическимъ кружевомъ. Но щегольство не всегда требовало пышной покрывки и блестящихъ украшеній для шубы; иногда русскіе щеголяли одними мѣхами и полагали, что достоинство мѣха выказывается ярче, когда онъ лишенъ всякихъ постороннихъ прикрасъ; такимъ образомъ, иногда ходили просто въ нагольныхъ

шубахъ. Такъ однажды царь Михаилъ Феодоровичъ сидѣлъ за параднымъ столомъ въ нагольной шубѣ. Вообще шубы различались въ этомъ отношеніи на нарядныя и санныя. Въ первыхъ только ходили въ церковь, въ гости, да являлись дома передъ гостями на показъ; въ послѣднихъ выѣзжали въ дорогу ¹⁾.

Для всѣхъ вообще мужскихъ одеждъ, описанныхъ здѣсь, люди средняго состоянія употребляли сукна, привозимыя изъ-за границы, зуфъ (родъ камлота), а для праздничныхъ платьевъ шелковыя матеріи. У людей болѣе зажиточныхъ покрывались шелковыми тканями и будничныя одежды. Шелковыя матеріи встарину болѣе употребительныя были: дороги, киндяки, тафта (роды дешевые), камки, бархатъ, атласъ, объяръ, алтабасъ и зарбевъ. Тогдашній вкусъ требовалъ самыхъ яркихъ цвѣтовъ, какъ на сукнахъ, такъ и на матеріяхъ. Черные и вообще темные цвѣта употреблялись только на печальныхъ (траурныхъ) или такъ называемыхъ смирныхъ одеждахъ. По понятіямъ вѣка, яркихъ цвѣтовъ платья внушали уваженіе, и потому цари приказывали начальствующимъ лицамъ въ торжественныхъ случаяхъ, когда надобно было дѣйствовать на народъ, одѣваться въ цвѣтное платье. Служилые люди во время какого-нибудь торжественнаго событія, выходящаго изъ повседневной среды, одѣвались въ цвѣтныя одежды ²⁾. Всевозможные цвѣта самыхъ яркихъ оттѣнковъ можно было встрѣтить на русскихъ одеждахъ, но преимущественно красные; изъ нихъ особенно любили червчатый отливъ (красно-фіолетовый). Этотъ цвѣтъ былъ въ такомъ употребленіи, что одинъ иностранецъ замѣтилъ, что всѣ городскіе жители (посадскіе) носятъ платье такого цвѣта. Даже духовныя особы носили рясы красныхъ цвѣтовъ. За красными цвѣтами въ числѣ болѣе употребительныхъ были цвѣта лазоревый, зеленый и вишневый, за этими слѣдовали рудожелтый, шафранный, лимонный, песочный, кирпичный, сизовый, сливный, маковый, таусинный, дымчатый, цѣнный и проч. Шелковыя матеріи, исключая невысокихъ сортовъ, какъ, напр., дорогъ, киндяка и тафты, ткались вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ, однѣ съ золотыми и съ серебряными узорами по цвѣтному фону ткани, другія были затканы золотомъ и серебромъ, такъ что по золотому полю выводились серебряныя, а по серебряному золотыя узоры и фигуры, какъ, напримѣръ: чешуи, большіе и малые круги, струи (преимущественно въ объяри), рѣки, травы, листья, птицы, змѣйки, изображенія людей, и стоящихъ, и лежащихъ, и съ крыльями и проч. и проч.; иногда серебро и золото переплеталось съ шелками, напр., по серебряной землѣ (фондѣ) золотыя узоры пополамъ съ шелками трехъ цвѣтовъ, или, напр., круги изъ золота, переплетеннаго съ зеленымъ и червчатымъ шелками, а между кругами листья; иногда золотыя и серебряныя узоры по ткани чередовались между собою, а иногда по серебряной или по золотой землѣ вышивались узоры шелками и выбивался бархатъ; иногда золотыя и серебряныя полосы на ткани чередовались съ шелковыми, напр., атласъ золотной, а по немъ полосы червчатого, лазореваго и вишневаго цвѣтовъ. Изъ тогдашнихъ шелковыхъ матерій самыя цѣнныя были: бархатъ, атласъ, алтабасъ и зарбевъ: послѣдніе два вида привозились съ Востока и употреблялись на самыя драгоценныя одежды царей и знатныхъ бояръ. Золотное платье считалось атрибутомъ достоинства у бояръ и думныхъ людей, окружавшихъ царскую особу, и когда принимали по-

¹⁾ А. И., III, 334.

²⁾ Доп., II, 267.

словъ, то всёмъ, не имѣющимъ такого рода платьевъ, раздавали ихъ на время изъ царской казны. Особенная драгоценность русскихъ мужскихъ нарядовъ заключалась преимущественно въ нашивкахъ, ожерельяхъ, запястьяхъ, кружевахъ и пуговицахъ. Нашивки, какъ сказано, дѣлались всегда изъ матеріи, отличной отъ той, которая была на лицевой сторонѣ всей одежды, напримѣръ: при зеленомъ сукнѣ нашивки красныя; при красномъ или червчатомъ нашивки зеленыя или голубыя. Подъ цвѣтъ нашивокъ дѣлались завязки и кисти, называемыя ворворки. Нашивки, ожерелья и запястья у богатыхъ унизывались жемчугомъ и драгоценными камнями, на ожерельяхъ, кромѣ жемчуга и камней, всегда ставились золотыя пуговицы, у бѣдныхъ для нихъ служили куски матеріи, а пуговицы на ожерельяхъ были изъ шелка или изъ пряжи. Кружева были разнообразны и носили по своимъ формамъ разныя названія, напр., кольчатое, колѣнастое, рѣшетчатое, плетеное, петельчатое, цѣпковое; кружево окаймлялось бахромою. Пуговицы у богатыхъ дѣлались иногда изъ жемчужинъ, и щеголи отличались тѣмъ, что каждая пуговица состояла изъ одной большой жемчужины; золотыя и серебряныя пуговицы носили разныя названія по роду работы, какъ, напр.: канфаренныя, сканныя, грановитыя, или по своей формѣ, какъ, напр., грушевидныя, остроконечныя, прорѣзныя, сѣбчастыя, клинчатая, половинчатая, желобчатая. Случалось, пришивали, вмѣсто металлическихъ пуговицъ, плетеныя изъ канители и трунцала и хрустальныя. Бѣдняки носили оловянные пуговицы такихъ же формъ, какъ и богачи. Величина ихъ была очень различна, напр., иногда онѣ доходили до размѣра яйца. Число ихъ было чаще всего одиннадцать и двѣнадцать на одеждѣ, иногда четырнадцать и пятнадцать; онѣ пристегивались на нашивкахъ. Только въ тегиляѣ, какъ выше сказано, число ихъ было значительно больше, но онѣ были малы.

Обыкновенно русскіе ходили безъ перчатокъ и длинные рукава одеждъ замѣняли ихъ необходимостью. Только цари и знатныя особы надѣвали *персчатую рукавицу*, и то преимущественно зимою отъ холода, а потому онѣ у нихъ были мѣховыя или оторочивались бобримъ ¹⁾. Зато и простыя, и средней руки лица зимою надѣвали рукавицы; у небогатыхъ онѣ были кожаныя, у болѣе зажиточныхъ суконныя, цвѣта червчатого, зеленого и проч., подложенныя мѣхомъ ²⁾. По величинѣ онѣ назывались рукавицы, а другія—поменьше—рукавки.

Всѣ носили пояса, и считалось неприличнымъ ходить безъ пояса. Кромѣ опоясокъ на рубахѣ, носили пояса или кушаки по кафтану и щеголяли ими не меньше, какъ нашивками и пуговицами. У небогатыхъ людей пояса были дорогильные и тафтяные; но у богачей они дѣлались изъ богатыхъ матерій и украшались разными драгоценностями. Встарину наши князья оставляли пояса своимъ дѣтямъ, какъ лучшую драгоценность ³⁾. Они дѣлались полосатыя, напр., бѣлыя, съ червчатыми и лазоревыми полосами поочередно, или, напр., полосы червчатая, лазоревыя и вишневыя съ золотомъ, и въ каждой полосѣ своеобразные узоры: въ одной змѣйки, въ другой копытцы, въ третьей шильцы ⁴⁾. Пояса украшались золотыми и серебряными бляхами, которыя назывались *плащами*,

¹⁾ Паэрле, 37. Кильбург., 76

²⁾ Оп. Шуй, 253.

³⁾ С. г. гр., I, 61.

⁴⁾ Врем., VII. См. Оп. им. ц. Ив. Вас.

фигуры круглой, продолговатой, четверугольной и многоугольной, съ выемками по угламъ; между плащами накладывались другія металлическія украшенія, называемыя переченки. На самыхъ плащахъ чеканились разныя фигуры, какъ-то: звѣри, птицы, всадники, травы. Иногда на поясахъ, вмѣсто металлическихъ плащей, нашивались косые образцы изъ матерій другого рода, тѣмъ самъ поясъ. Къ поясамъ придѣлывались крючья, которыми они застегивались. О величинѣ поясовъ можно судить по тому, что у одного боярина въ XVII вѣкѣ былъ поясъ длиною въ пять аршинъ пять вершковъ и въ шесть вершковъ шириною.

Русская шапка была четырехъ родовъ. Зажиточные люди, слѣдуя восточнымъ обычаямъ, укоренившимся въ Россіи, носили маленькія шапочки, называемыя тафьями, прикрывавшія только макушку, расшитыя шелками, а у богатыхъ золотомъ и унизанныя жемчугомъ. Ихъ носили и въ комнатѣ, а царь Иванъ Грозный ходилъ въ ней въ церковь и за это поссорился съ митрополитомъ Филиппомъ. Другой видъ шапки — остроконечный, назывался колпакомъ. Богатые носили его изъ атласа, обыкновенно бѣлаго; по его окраинѣ пристегался околышекъ, называемый ожерельемъ, унизанный жемчугомъ и золотыми пуговками, иногда съ драгоценными камнями. Сверхъ того на передней сторонѣ колпака прикалывали золотую запону. Зимой такой колпакъ подбивался мѣхомъ, который заворачивался наружу широкою полосою. Эти колпаки дѣлались съ продольными разрѣзами напередѣ и сзади до половины; разрѣзы эти окаймлялись жемчужными нитями и застегались пуговками. Этой формы шапки носили и бѣдные мужики, изъ сукна или изъ войлока, зимою подбитыя овчиною или какимъ-нибудь недорогимъ мѣхомъ. Третій родъ шапокъ былъ — четверугольная низкая шапка съ мѣховымъ околышкомъ изъ черной лисицы, соболя или бобра; лѣтомъ этотъ околышекъ пристегался для красоты, а зимою вся шапка была подбита мѣхомъ или хлопчатой бумагой. На ней дѣлались также прорѣхи, какъ и на колпакѣ, съ пуговками, по шести на каждой прорѣхѣ. Вершокъ ея былъ чаще всего суконный, вишневаго, червчатаго, зеленаго и часто также чернаго цвѣта: избѣгая чернаго цвѣта на платьяхъ, русскіе считали его приличнымъ на шапкахъ. Этого рода шапки носили дворяне, дьяки и бояре, когда не были въ парадѣ. Четвертый родъ шапокъ были такъ называемыя горлатныя шапки — исключительная принадлежность князей и бояръ. Одинаковость одежды у всѣхъ сословій здѣсь имѣла границы. По шапкѣ можно было узнавать происхожденіе и достоинство ¹⁾. Высокія шапки означали знатность породы и сана. Какъ бы великолѣпно ни одѣлся посадскій, онъ не смѣлъ надѣть высокой шапки, и даже въ самыхъ колпакахъ — обыкновенной народной шапкѣ, вышина соразмѣрялась съ знатностью носившаго шапку.

Горлатная шапка дѣлалась изъ драгоценныхъ мѣховъ съ суконнымъ верхомъ, а иногда съ мѣховымъ. По своей фигурѣ она составляла обратную противоположность колпаку, ибо кверху была шире, книзу уже. Спереди дѣлалась прорѣха, окаймленная вдоль образцами или плащами съ насѣчками. На одной сторонѣ прорѣхи дѣлались петли, густо обложенныя жемчугомъ, изображавшія какую-нибудь фигуру, напримѣръ, въ видѣ змѣйки, львиной головки и проч., на другой сторонѣ прикрѣплялись золотыя пуговицы, иногда съ драгоценными камнями въ срединѣ. Во время парада бояринъ надѣвалъ тафью, на тафью колпакъ,

¹⁾ Вѣроятно, отсюда возникла пословица: по Сенькѣ шапка.

а на колпакъ горлатную шапку. Также и въ царскихъ выходахъ царямъ подавались шапки съ колпакомъ. Знатные люди считали приличіемъ и достоинствомъ своего сана кутать какъ можно больше голову, и часто въ комнатѣ за нарядными столами сидѣли въ своихъ тяжелыхъ шапкахъ. Когда они возвращались домой, то, связавъ шапку, напяливали ее на болванецъ, расписанный нарядно иконописцами и составлявшій украшеніе въ домѣ. Обычай такъ закутывать голову поддерживался тѣмъ, что русскіе, по восточному обычаю, очень плотно стриглись, а иногда даже и брили себѣ головы. Только тѣ, которые теряли родныхъ или попадали въ царскую немилость, отращивали на головѣ волосы въ знакъ печали; безъ этого всѣ старались стричься какъ можно плотнѣе и передъ каждымъ большимъ праздникомъ всѣ считали долгомъ непременно остричься. Зато всѣ носили бороды, и чѣмъ борода была длиннѣе, тѣмъ осанка человѣка считалась почтеннѣе и величественнѣе. Богатый человѣкъ холилъ ее, берегъ и расчесывалъ гребешкомъ изъ слоновой или моржевой кости. При Василии Ивановичѣ начало было входить въ обычай бритье бородъ, и самъ великій князь послѣдовалъ этому обычаю; но духовенство вопіяло противъ него и Стоглавъ предалъ неблагословенію Церкви дерзавшихъ отступать отъ дѣдовскаго обычая. Подъ влияніемъ Церкви борода долго сохранялась и почиталась необходимою принадлежностью человѣка, и если у кого отъ природы не росла борода, къ тому имѣли недобѣріе и считали его способнымъ на дурное дѣло ¹⁾).

Въ довершеніе блеска своихъ одеждъ русскіе украшали уши серьгами или одной серьгой и вѣшали на шеѣ драгоценныя золотыя или позолоченныя цѣпи, а къ самымъ цѣпямъ прикрѣпляли кресты, и такія цѣпи передавались вмѣстѣ съ крестами отъ родителей къ сыновьямъ, какъ залогъ благословенія. Также цари жаловали ими своихъ приближенныхъ. Иногда онѣ были такъ массивны, что вѣсили до двухъ фунтовъ. На пальцы надѣвали русскіе множество перстней съ алмазами, яхонтами, изумрудами и сердоликами, съ вырѣзанными на нихъ печатями; можно было встрѣтить перстни въ золотыхъ ободочкахъ и съ желѣзною печатью. Встарину не было наслѣдственныхъ и гербовыхъ печатей; всякій дѣлалъ себѣ произвольно по вкусу на перстняхъ печати. Кромѣ перстня съ печатью, на рукахъ у русскаго было еще ихъ нѣсколько съ камнями, такъ что иногда трудно было разогнуть пальцы. Обиліе камней въ старинномъ русскомъ туалетѣ не должно изумлять читателей, потому что по большей части эти камни были низкаго достоинства, такъ называемое, по тогдашнему образу выраженія, плохое каменье, да и люди съ состояніемъ часто платили хорошія деньги за дурные камни, потому что не умѣли распознавать ихъ достоинства ²⁾).

Для утиранія носа русскіе носили платки, которые у зажиточныхъ дѣлались изъ тафты и оторочивались золотою бахромою, но ихъ хранили не въ карманахъ, а въ шапкахъ, и когда сидѣли въ гостяхъ, то держали въ рукахъ шапку, а въ ней платокъ. Впрочемъ, не считалось неприличнымъ высморкаться и двумя пальцами, даже за столомъ, и потомъ обтереть руки о скатерть. Просто-

¹⁾ Fletch., 271. — Olear., 179, 184. — Jenkins, 157. — Carlisle, 329. — А. И., III, 334. — Врем., VII. Матер. для ист. икон., 78. — Chensl., 284. — Врем., XIII. Расх. кн. Никона. — Дон., I, 189, III, 145.

²⁾ Времен., VII, 28, 37. — С. г. гр., I, 271, 406. — Котоших., 22. — Petr., 290. — А. И., II, 406.

народіе не знало носовыхъ платковъ вовсе и не предполагало, чтобъ они могли быть необходимы.

Въ довершеніе русскаго наряда, люди знатные привѣшивали шпаги. Это право предоставлялось только служилымъ и тѣмъ, которые по своему происхожденію его заслуживали, именно: боярамъ, окольниковымъ, стольникамъ, иноземцамъ, начальнымъ людямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ; простолюдинамъ, посадскимъ и крестьянамъ запрещалось ходить съ оружіемъ¹⁾, зато и знатные, и незнатные не иначе выходили изъ домовъ, какъ съ тростью или палкою, которая обдѣлывалась точенымъ набалдашникомъ, съ вычеканеннымъ наконечникомъ. Набалдашникъ раскрашивался или окладывался перламутромъ²⁾. Посохъ служилъ вмѣстѣ эмблемою степенности и важности; отъ этого цари не иначе даже выходили изъ своихъ покоевъ, какъ съ посохомъ.

Женскія одежды, по свидѣтельству очевидцевъ, были похожи на мужскія, тѣмъ болѣе, что послѣднія вообще дѣлались длинныя. Но, однако, въ одеждахъ двухъ половъ были и особенности, такъ что можно было съ перваго взгляда отличить женщину издали. Не говоря уже о головныхъ уборахъ, къ самымъ одеждамъ, носившимъ тѣ же названія, какъ у мужчинъ, прибавлялось слово «женскій», напр., женская шуба, женскій опашень.

Женская рубаха была длинная, съ длинными рукавами, цвѣта бѣлаго или краснаго: красныя рубахи, какъ и у мужчинъ, считались наряднымъ бѣльемъ. Къ рукавамъ рубахи пристегивались запястья, вышитыя золотомъ и украшенныя жемчугами. Сверхъ рубашки надѣвался лѣтникъ: одежда эта не была длинна и по крайней мѣрѣ не доходила до пятъ, какъ это видно изъ кроильной книги, гдѣ на царицу Евдокію Лукьяновну полагается для длины лѣтника аршинъ съ тремя четвертями, тогда какъ длина другой одежды на ту же особу простирается до двухъ аршинъ съ полувершкомъ. Рукава его были такъ длинны, какъ цѣлый лѣтникъ, и чрезвычайно широки, на примѣръ, до тринадцати вершковъ и даже до тридцати. Эти рукава назывались накапками: они вышивались золотомъ и унизывались жемчугомъ. Подолъ обшивался иною матеріею съ золотою тесьмою, со снуркомъ и бахромою. Вдоль одежды на передней сторонѣ дѣлался разрѣзъ, который застегивался до самаго горла, потому что приличіе требовало, чтобы грудь женщины была застегнута какъ можно плотнѣе. Зимомъ лѣтники подбивались мѣхомъ и назывались кортелями.

Принадлежность лѣтника составляли вошвы, то-есть вшитыя мѣста; но трудно рѣшить, гдѣ именно онѣ вшивались; нѣкоторые полагали, что онѣ пристегивались къ рукавамъ, но такъ какъ онѣ были очень широки, напр., семнадцать вершковъ, то едва ли была возможность пришить ихъ къ рукавамъ или накапкамъ, которые были и безъ того широки. Если только онѣ не одно и то же, что накапки, то, быть можетъ, онѣ накладывались на подолъ лѣтника по обѣимъ сторонамъ разрѣза, какъ нашивки на мужскихъ кафтанахъ. Эти вошвы были всегда расцвѣчены и распещрены разными фигурами въ видѣ листьевъ, травъ, звѣрей и т. п.

Матеріи, изъ которыхъ дѣлались лѣтники, у зажиточныхъ были по большей части легкія, такъ какъ для мужскаго зипуна, напр., тафта, но иногда эти

1) С. г. гр., IV, 466—467.

2) Кильбург., 32.

одежды дѣлались также изъ тяжелыхъ золототканыхъ и сребротканыхъ матерій. На подкладку употребляли мѣтѣ цѣнные матеріи, напр., киндяки или дороги. Цвѣта ихъ были различны. Упоминаются лѣтники лазоревые, зеленые, желтые, но чаще всего червчатые. Чтобы имѣть понятіе о наружномъ видѣ этой одежды, приведемъ нѣсколько примѣровъ лѣтниковъ изъ богатой матеріи. Вотъ лѣтникъ червчатого атласа, сотканнаго пополамъ съ золотомъ; вошвы черного бархата съ вышитыми узорами. Вотъ другой лѣтникъ: онъ сдѣланъ изъ червчатой камки съ серебряными и золотыми узорами, поочередно представляющими листья; вошвы къ нему изъ червчатого бархата, расшитаго канителью и трупаломъ; подолъ изъ лазореваго атласа. Вотъ третій лѣтникъ: онъ изъ матеріи сребротканной пополамъ съ золотомъ, вошвы къ нему черного бархата, съ расшитыми по немъ узорами. Вошвы чаще всего были другого цвѣта, чѣмъ самый лѣтникъ, напримѣръ: лѣтникъ желтой камки, а вошвы къ нему золотнаго бархата; лѣтникъ полосатый, а вошвы черного бархата; лѣтникъ червчатый, вошвы изъ синяго аксамита. Небогатая женщины носили лѣтникъ изъ зуфи, дороговъ, киндяка, а вошвы расшивали шелками и цвѣтною пряжею.

Къ лѣтникамъ, какъ къ мужскимъ зипунамъ, пристегивалось шейное ожерелье. У женщинъ оно тѣснѣ прилегало къ шеѣ, чѣмъ у мужчинъ, и потому иностранцы находили его похожимъ на собачій ошейникъ. Оно состояло изъ тесьмы, очень часто черного цвѣта, вышитой золотомъ и унизанной жемчугомъ; къ воротнику лѣтника оно пристегивалось пуговками, обыкновенно числомъ до пяти ¹⁾).

Верхняя женская одежда была опасень; это была одежда длинная съ частыми пуговицами отъ верху до низу; у богатыхъ онѣ были золотыя или серебряныя вызолоченныя, у бѣдныхъ оловянныя. Эта одежда дѣлалась изъ сукна, обыкновенно красныхъ цвѣтовъ; рукава были длинны до пяты, но пониже плеча дѣлались прорѣзы или проймы, сквозь которыя свободно входила рука, а остальная часть рукава висѣла. Такимъ образомъ женщина могла показывать не только широкія накладки своего лѣтника, но и запястья своей рубахи, шитыя золотомъ. Кругомъ шеи пристегивался широкій мѣховой, обыкновенно бобровый воротникъ, называемый ожерельемъ, круглаго вида, покрывавшій грудь, плечи и синю. По прорѣзу и по подолу опасни окаймлялись кусками другой матеріи, расшитыми шелками и золотомъ ²⁾).

Другой видъ верхней женской одежды была тѣлогрѣя. Въ подробности отличіе покроя ея отъ опасни неизвѣстно; въ плечахъ дѣлалась она уже, къ подолу шире; рукава были длинные съ проймами, какъ въ опаснѣ, на краяхъ этихъ рукавовъ пристегивалось запястье изъ другой матеріи, обыкновенно вышитое; подолъ окладывался (подпушался) широкою полосою другой матеріи, а разрѣзъ, который застегивался пуговицами, обыкновенно пятнадцатю, окаймлялся металлическимъ кружевомъ или же тесьмою, густо расшитою золотомъ. Тѣлогрѣи были холодныя и теплыя, напр., на куняцахъ или соболяхъ ³⁾).

¹⁾ С. г. гр., I, 302—303, 340.—Оп. Шуи, 403.—Времен., V. См., 22—25.—А. Юр., 47, 444.—А., отн. до юр. быта, 563.—Olear., 212.—Паэрле, 54.—А. г. Шуи, 186.—Das Gr. Reich. von Mosc., 208.—Доп. къ Акт. Ист., I, 76.

²⁾ А., отн. до юр. б., 563.—А. И., I, 211. III, 63.—Olear., 183.—Carlisle, 333.—Crull., 138.—Das Gr. R. v. Mosc., 205.

³⁾ Доп., I, 76.—А. И., II, 405.—Достоп. Кремл., 61.—Опис. Шуи, 403.

Женскія шубы отличались отъ мужскихъ, ибо упоминается названіе женская шуба. Шуба, повидимому, у женщинъ означала не всегда одно только мѣховое платье, потому что встрѣчается названіе холодная шуба ¹⁾. Если лѣтникъ въ женскомъ одѣяніи соотвѣтствовалъ зипуну въ мужскомъ, то ошанень и тѣлогрѣя соотвѣтствовали кафтану, а шуба означала вообще верхнюю накидную одежду. Кромѣ шубы, встрѣчаются названія женскихъ охабней, однорядокъ, ферязей, которые женщины носили съ поясомъ; въ другихъ случаяхъ эти верхнія одежды вообще назывались шубы. Мѣховыя женскія шубы дѣлались на соболѣ, куницахъ, лисицахъ, горностаяхъ, бѣлкахъ, зайцахъ, смотря по состоянію, покрывались сукнами и шелковыми матеріями, какъ-то: объярью, камкою, атласомъ, тафтою—цвѣтовъ червчатого, желтаго, зеленаго и бѣлаго; послѣдній цвѣтъ на женскихъ шубахъ былъ въ употребленіи въ XVI вѣкѣ, но въ XVII шубы покрывались часто цвѣтными тканями съ золотыми узорами. Отъ верху до низу напереди былъ разрѣзъ; онъ застегивался пуговицами и окаймлялся кружевомъ металлическимъ, кованымъ или плетенымъ, либо шелковымъ, расшитымъ золотомъ и усаженнымъ дробницами. Вдоль разрѣза по обѣимъ сторонамъ дѣлались нашивки съ золотыми вышивками и съ кистями, а по шеѣ пристегивалось къ шубѣ ожерелье изъ другого мѣха, напр., шуба бѣличья или лисья, а ожерелье къ ней бобровое. Рукава женскихъ шубъ украшались по краямъ кружевомъ, они особливо снимались и хранились, переходя отъ матерей къ дочерямъ, какъ семейная драгоценность ²⁾.

Въ торжественныхъ случаяхъ женщины надѣвали на обыкновенныя свои платья богатую мантию, называемую по-русски подволокою или приволокою. Она дѣлалась изъ шелковой матеріи, цвѣта червчатого, бѣлаго, но чаще всего изъ золотной или сребротканной, съ вошвами (вѣроятно, вшитыми мѣстами). Край этой мантии были съ особенною нарядностью разукрашены золотымъ шитьемъ, жемчугомъ и драгоценными камнями; они пристегались къ подволокѣ и снимались, когда нужно было, и назывались подволочнымъ запущьемъ ³⁾. На голову замужнія женщины надѣвали волосники или поддубрусники: то были шапочки на подобіе скуфьи изъ шелковой матеріи, нерѣдко изъ золотной, дѣлались съ узломъ, посредствомъ котораго можно было ихъ суживать и расширять и съ опшивкою или оторочкою по краю; эти опшивки унизывались жемчугомъ и камнями и перешивались съ одного волосника на другой и такимъ образомъ переходили изъ рода въ родъ. Волосникъ игралъ большую роль въ судьбѣ замужней женщины, ибо онъ былъ символомъ брачнаго состоянія и составлялъ необходимую и главную принадлежность приданаго. По понятіямъ вѣка, для замужней женщины считалось и стыдомъ и грѣхомъ оставлять напоказъ свои волосы: опростоволосеть (открыть волосы) женщину было для нея большимъ безчестіемъ. Скромная женщина боялась, чтобы даже члены семейства, исключая мужа, не увидали ея волосъ; а въ Новгородской Землѣ вошло-было даже въ обычай замужнимъ женщинамъ брить себѣ волосы, но этотъ обычай не одобрялся Церковью. Правило скромности переходило въ щегольство, и нѣкоторыя женщины, укрывая волосы

¹⁾ А. г. Шуй, 187.

²⁾ С. г. гр., I, 303, 340, 407. — Olear., 220. — А. Н., II, 18, 21. — Доп., I, 76. — Кильбург., 76. — А. г. Шуй, 133, 174, 187.

³⁾ С. г. гр., I, 302, 340. — Das Gr. Reich. v. Mosc., 205.

подъ волосникомъ, стягивали ихъ такъ туго, что едва могли моргать глазами: это казалось имъ красиво. Поверхъ волосника накладывался платокъ, обыкновенно бѣлый, и подвязывался подъ подбородокъ; его висячіе концы густо усаживались жемчугомъ. Этотъ платокъ назывался убрусомъ. Это былъ обыкновенный домашній головной уборъ. Когда женщины выходили въ церковь или въ гости, то надѣвали кики: то была шапка съ возвышенною плоскостью на лбу, называемую кичнымъ челомъ; чело было разукрашено золотомъ, жемчугомъ и драгоценными камнями, а иногда все состояло изъ серебрянаго листа, подбитаго матеріею. По бокамъ дѣлались возвышенія, называемыя переперы, также разукрашенные; изъ-подъ нихъ, ниже ушей, спадали жемчужные шнуры, числомъ около четырехъ или до шести на каждой сторонѣ и достигали плечъ. Задняя часть кики дѣлалась изъ плотной матеріи, или соболинаго, или боброваго мѣха и называлась подзатыльникъ. По окраинѣ всей кики пристегалась жемчужная бахрома, называемая поднизью. Третій родъ головного убора былъ кокошникъ, у богатыхъ также обложенный жемчугомъ.

Когда женщина выѣзжала, то на убрусъ надѣвала шляпу бѣлаго цвѣта съ полями, у богатыхъ покрытыми золотными матеріями, жемчужинами и камнями; съ этой шляпы спадали на спину длинные снурки; когда шляпа была бѣлаго цвѣта, снурки обыкновенно были красные. Также надѣвали шапки, очень часто чернаго цвѣта, изъ бархата или другой матеріи, отороченныя дорогимъ мѣхомъ, иногда съ золотою запоною напередѣ и съ поднизью или кружевомъ по окраинѣ. Дѣвицы носили на головѣ вѣнцы: они имѣли форму городовъ и теремовъ; напримѣръ, изображеніе дома въ нѣсколько ярусовъ, отдѣлявшихся одинъ отъ другого жемчужными поясками. У вѣнцовъ были поднизи, называемыя рясы. У другихъ вѣнцы были проще фигурою и состояли только изъ золотой проволоки въ нѣсколько рядовъ, которые иногда украшались кораллами и камнями. Дѣвичій вѣнецъ былъ всегда безъ верха, потому что открытые волосы считались символомъ дѣвчества. Очень часто эти вѣнцы состояли изъ широкой повязки, вышитой золотомъ и усаженной жемчугами. Такая повязка сѣживалась на затылкѣ и связывалась широкими лентами, иногда вышитыми, спадавшими на спину. Зимомъ дѣвицы покрывали голову широкою шапкою, собольею или бобровою, съ верхомъ изъ шелковой матеріи; она называлась столбунцемъ; изъ-подъ шапки выпадали на спину одна или двѣ косы, въ которыя вплетались красныя ленты. Иныя вовсе не заплетали себѣ косъ, а носили волосы распущенными по плечамъ. Дѣвицы простого состоянія носили повязки, которыя спереди были шире, сзади сѣживались и наконецъ спускались на спину длинными концами. Въ знакъ печали женщины и дѣвицы остригали себѣ волосы, какъ мужчины ихъ растили по этому поводу. У дѣтей женскаго пола волосы всегда были острижены, точно какъ и у мальчиковъ, и дѣвочку можно было узнать только по небольшимъ пучкамъ волосъ на вискахъ ¹⁾.

Какъ женщины, такъ и дѣвицы носили серьги. Какъ только дѣвочка начинала ходить, мать прокалывала ей уши и втыкала серьги или кольца; обычай этотъ равно сохранялся и у знатныхъ, и у простыхъ. Самая обычная форма се-

¹⁾ De Bruyns, 48.—С. г. гр., I, 303, 406.—А. И., II, 406.—А. Ю., 419.—А., отн. до юр. 6., 563.—Достоп. Крем., 72.—Olear., 135, 179, 211.—Fletch., 273, 275.—Crull., 138.—Das Gr. Reich. v. Mosc., 205.—Опис. Шуи, 403.

регъ была продолговатая; инья назывались двоичны, то-есть двойныя, другія одинцы. Вообще серьги русскія были очень длинны. Бѣдныя женщины носили мѣдныя, болѣе зажиточныя—серебряныя, богатая женщины—золотыя съ драгоценными камнями, преимущественно яхонтами и изумрудами, или золотыя со множествомъ мелкихъ камушковъ, называемыхъ искрами. У нѣкоторыхъ были серьги изъ цѣльныхъ драгоценныхъ камней, обдѣланныхъ въ формахъ: грушевидной, круглой, овальной и тому подобное, иногда просверленныхъ насквозь, съ двумя вставленными въ дырочки жемчужинами ¹⁾).

На рукахъ женщины носили обручи или зарукавья, то-есть браслеты, также съ жемчугами и камнями, а на пальцахъ перстни и кольца, которыхъ нерѣдко было такъ же много, какъ и у мужчинъ. Женскіе перстни отличались отъ мужскихъ между прочимъ тѣмъ, что на нихъ не вырѣзывалось печатей и они вообще не были такъ массивны, какъ мужскіе; перстни эти были большею частью золотые съ искрами, то-есть мелкими камешками, или съ сердоликами; у небогатыхъ серебряные позолоченные, съ мелкими жемчужинами. Шея женщины и дѣвicy была увѣшана множествомъ крестовъ, образковъ и нѣсколькими рядами монистъ жемчужныхъ и золотыхъ, иногда составленныхъ въ видѣ цѣпочки, на которыхъ висѣли рядами коротенькія цѣпочки, каждая съ крестикомъ. Кромѣ монистъ, знатныя женщины носили золотыя и серебряныя позолоченныя цѣпи, на которыхъ висѣли большіе кресты, отдѣланные финифтью. Вообще на шеяхъ и на груди знатныхъ госпожъ въ Московіи, какъ и повсюду, укладывались большіе капиталы. За всякой невѣстой зажиточнаго состоянія везли на новоселье огромные сундуки съ нарядами и сверхъ того большое количество сыпного жемчуга, необходимаго для поправки платьевъ, иногда болѣе пуда. На платьяхъ, которыя надѣвались въ торжественныхъ случаяхъ, накладывалось невѣроятное множество украшеній. Платье Натальи Кирилловны, которое на нее надѣли послѣ взятія во дворецъ и нареченія царскою невѣстой, было такъ тяжело отъ вышиваній и жемчугу, что у невѣсты, когда она поносила его немного, заболѣли ноги ²⁾).

Не довольствуясь обильными украшениями, пестрившими до крайности одежду, русская женщина бѣдилась и румянилась и приводила въ смѣхъ иностранцевъ своимъ неискusstvomъ въ этомъ дѣлѣ; недурныя собою отъ природы, русскія женщины совершенно искажали свою красоту, налѣпливая на щеки краски до того, что, по замѣчанію Оlearія, казалось, будто бы кто-нибудь размалевалъ ихъ кистью. Этого мало: онѣ размалевывали себѣ шею и руки бѣлою, красною, голубою и коричневою красками, окрашивали рѣсницы и брови и притомъ самымъ уродливымъ образомъ—чернили свѣтлыя, бѣлили черныя. Женщины, которыя были хороши собою и сознавали какъ не идетъ собственно для нихъ такой обычай, принуждены были покоряться ему, чтобъ не подвергаться насмѣшкамъ. При Михаилѣ Федоровичѣ одна русская боярыня, княгиня Черкасская, красивая собою, не хотѣла румяниться, но тогдашнее общество издѣвалось надъ нею: такъ силенъ былъ этотъ обычай; а между тѣмъ Церковь его не оправды-

¹⁾ А. Ю., 47, 419.—А. И., II, 405.—А. г. Шуй, 185.—Барбер., 85.

²⁾ А. г. Шуй, 183, 185.—А. Юр., 418, 428.—А. И., II, 405.—Барбер., 50.—С. г. гр., I, 34.—Fletch., 274.—Petr., 317.—Das Gr. Reich. v. Mosc., 215.—Врем., V, См., 22.

вала, и въ 1661 году новгородскій митрополитъ запрещалъ пускать въ церковь набѣленныхъ женщинъ ¹⁾).

Въ рукахъ у женщины былъ платокъ, называемый ширинкою; у богатыхъ эти ширинки были шелковыя съ золотыми каймами и кистями. Зонтики были въ употребленіи у знатныхъ госпожъ; ихъ носили надъ ними рабыни ²⁾).

Бѣдныя поселянки ходили въ длинныхъ рубахахъ; на рубахи надѣвали лѣтники, иногда бѣлаго цвѣта, похожіе также на рубаху, иногда крашеные, а голову повязывали платкомъ изъ крашенины или шерстяной матеріи, подвязывая его подъ подбородокъ. Сверху всего, вмѣсто накидного платья, поселянки надѣвали одежду изъ грубаго сукна или сереяги, называемую сѣрникъ. При большей зажиточности поселянки носили на головахъ платки шелковыя, а сверху лѣтника однорядку изъ красной или синей крашенины, зенденя или зуфи; зимою носили овчинные тулупы. Дѣвцы дѣлали себѣ кокошники изъ древесной коры въ видѣ короны. Впрочемъ, при малѣйшей возможности мужъ не скупился принарядить свою жену. Въ тѣ времена у посадскихъ и у крестьянъ встрѣчались такіе богатые наряды, какихъ теперь трудно отыскать въ этихъ классахъ. Ихъ дорогія одежды были скроены просто и переходили изъ рода въ родъ. О томъ, чтобы платье сидѣло хорошо — не имѣли понятія. По большей части одежды кроились и шились дома: отдавать на сторону не считалось даже признакомъ хорошаго хозяйства. Русскіе не заботились ни объ изяществѣ формы, ни о вкусѣ, ни о согласіи цвѣтовъ, лишь бы блестѣло и пестрѣло. Въ ихъ одеждахъ не было тали: онѣ были мѣшки, приходившіеся на каждую, лишь бы не очень высокаго и не очень низкаго роста и вполне соответствовали пословицѣ: не ладно скроено, да крѣпко шито. По русскимъ понятіямъ, красота женщины состояла въ толстотѣ и дородности; женщина стройнаго стана не считалась красавицею, напротивъ, ей предпочитали тучную, мясистую. Притомъ русскіе считали особенною красотою, чтобы у женщины были продолговатая уши, и нѣкоторыя записныя щеголихи вытягивали ихъ себѣ насильно. Этотъ обычай какъ нельзя болѣе согласовался съ раскрашиваньемъ и съ покроемъ платьевъ, чтобы для иностранцевъ и для насъ въ настоящее время, усвоившихъ западныя понятія, представить въ русской женщинѣ верхъ безвкусія и уродливости.

Какъ мужскія, такъ и женскія дорогія одежды почти всегда лежали въ клѣткахъ, въ сундукахъ подъ кусками кожи водяной мыши, которую считали предохранительнымъ средствомъ отъ моли и затлости. Только въ большіе праздники и въ торжественные случаи, какъ, напр., свадьбы, ихъ доставали и надѣвали; въ обыкновенные воскресные дни русскіе ходили въ менѣе богатомъ нарядѣ, а въ будни не только простой народъ, но и люди обоого пола средняго сословія и дворяне не щеголяли одеждою. Часто дворяне и ихъ жены ходили въ платьяхъ изъ грубаго холста или сукна, притомъ грязныхъ, поношенныхъ и часто съ заплатками; зато, когда надобно было показать себя, русскій скидалъ свои отрешья, вытаскивалъ изъ клѣтей отцовскія и дѣдовскія одежды и навѣшивалъ на себя, на женъ и на дѣтей все, что собрано было по частямъ имъ самимъ, отцами, дѣдами и бабками. Имѣть хорошее платье почиталось необходимымъ для сколько-нибудь зажиточнаго хозяина. Богатая одежда служила при-

¹⁾ Olear., 180.—Crull., 189.—Petr., 307.—А. И., IV, 297.

²⁾ А. г. Шуй, 174.—Mejerb.

знакомъ благосостоянія и достоинства, и нерѣдко случалось, что бѣднякъ, когда приходилась ему нужда прикинуться не бѣднякомъ, бралъ у сосѣда на прокатъ платье и платилъ за это. Съ этимъ взглядомъ во время прїѣзда въ Москву чужеземныхъ пословъ правительство раздавало дякамъ, придворнымъ и гостямъ вышитыя золотомъ кафтаны, чтобы прїѣзжимъ чужеземцамъ показать толпу одѣтыхъ въ золото, чтобъ чужеземцы заключили о Россіи, что эта страна сильная, богатая и народъ въ довольствѣ живетъ подъ царскимъ скипетромъ ¹⁾.

Чтобы дать понятіе о гардеробѣ мужчины средняго состоянія, мы приведемъ здѣсь одежду подьячаго Красулина, сосланнаго въ Колу. У него было три однорядки—одна темнозеленая, двѣ вишневая; три кафтана: одинъ праздничный камчатный, другой дорогильный, третій суконный; два были червчатаго цвѣта, а третій зеленый; штаны красныя суконныя; красныя ферязи; четыре шубы, изъ которыхъ одна покрыта камкою съ серебрянымъ кружевомъ и серебряными пуговицами, а три покрыты дорогами желтаго и краснаго цвѣтовъ; два ожерелья стоячихъ, одно оксамитное, другое шитое золотомъ пополамъ съ серебромъ по черному бархату, третье простое черное бархатное; два тулупа и нѣсколько лоскутовъ сукна и небогатыхъ матерій ²⁾.

Х.

Пища и питье.

Русская кухня вполнѣ была національная, то-есть основывалась на обычаѣ, а не на искусствѣ. Лучшая повариха была та, которая присмотрѣлась какъ готовится у людей. Измѣненія въ кушаньяхъ вводились незамѣтно. Кушанья были просты и не разнообразны, хотя столы русскіе и отличались огромнымъ количествомъ блюдъ; большая часть этихъ блюдъ были похожи одно на другое, съ небольшими различіями. Богатые господа составляли себѣ роспись кушаньевъ на цѣлый годъ; счетъ шелъ по церковнымъ праздникамъ, по мясоѣдамъ и постамъ; для каждаго дня, сообразно со значеніемъ его въ церковномъ кругѣ, назначался заранѣе столъ; впрочемъ, это не стѣсняло возможности выбора кушаньевъ и по охотѣ, потому что въ росписи писалось множество кушаньевъ, изъ которыхъ можно было выбирать.

Обычай свято сохранять посты, наблюдаемый какъ бѣдными поселянами, такъ и царями, и боярами, раздѣлялъ русскій столъ на два отдѣла: скромный и постный, а по припасамъ, изъ которыхъ готовились кушанья, они могутъ быть раздѣлены на пять отдѣловъ: мучнистыя, молочныя, мясныя, рыбныя и растительныя.

Русскіе ѣли хлѣбъ преимущественно ржаной; онъ былъ принадлежностью не только убогихъ людей, но и богатаго стола. Русскіе даже предпочитали его пшеничному, приписывали ему больше питательности. Названіе хлѣбъ значило собственно ржаной. Иногда, впрочемъ, къ ржаной мукѣ примѣшивали ячную, но

¹⁾ Врем., I. Домостр., 54.—Petr., 2, 86.—Carlisle, 322.—Mejerb., 100.

²⁾ Врем., VI. Смѣсь, 33—34.

это не могло быть постояннымъ правиломъ, потому что ячменя было мало. Пшеничная мука употреблялась на просфоры, а въ домашнемъ быту на калачи, которые вообще для простого народа были лакомствомъ въ праздничные дни—отъ этого и поговорка: калачомъ не заманишь. Лучшій сортъ калачей пекся изъ крупчатой муки въ видѣ колецъ не въ большомъ размѣрѣ; другой сортъ дѣлался изъ толченой муки, круглыми булками: эти калачи назывались братскими; былъ третій родъ, называемый смѣсными калачами: ихъ пекли изъ пшеничной муки пополамъ съ ржаною. Это дѣлалось не только отъ недостатка, но находили въ такой смѣси особый вкусъ: къ царскому столу подавались такіе калачи. Вообще хлѣбы, какъ ржаные, такъ и пшеничные, готовились безъ соли, и не всегда заботились, чтобъ мука была свѣжа. Домострой, образецъ хозяина въ XVI вѣкѣ, совѣтуетъ печь хлѣбы преимущественно изъ муки, которая уже подвергается затхлости, и научаеъ давать такую же муку займаы тому, кто попроситъ ¹⁾.

Въ XVI и XVII в. въ большомъ употребленіи въ народѣ было толокно, приготовленное изъ овсяной муки съ водою; въ сухомъ видѣ оно отпускалось служилымъ людямъ для продовольствія на ряду съ ржаною мукою ²⁾.

Изъ кушаньевъ, приготовляемыхъ изъ тѣста, занимаютъ первое мѣсто пироги. По способу печенія они были пряженые и подовые. Подовые были всегда изъ квасного тѣста, пряженые иногда изъ квасного, иногда изъ прѣснаго. Мука для нихъ употреблялась пшеничная крупчатая или толченая, смотря по важности дня, когда они готовились; пеклись также и ржаные пироги. Всѣ вообще русскіе пироги встарину имѣли продолговатую форму и различную величину; большіе назывались пирогами, малые пирожками. Въ скоромные дни они начинались баранинмъ, говяжьимъ и заячьимъ мясомъ, нѣсколькими мясами разомъ, напр., бараниной и говяжьимъ саломъ, также мясомъ и рыбою вмѣстѣ, съ прибавкою каши или лапши. На масленицѣ пекли пряженые пироги съ творогомъ и съ яйцами на молокѣ, на коровьемъ маслѣ, съ рыбой вмѣстѣ съ искрошенными яйцами, или съ тѣльнымъ, какъ называлось рыбное блюдо, приготовляемое въ родѣ котлетъ. Въ постные рыбные дни пеклись пироги со всевозможнѣйшими родами рыбъ, особенно съ сигаи, снятками, лодогой, съ однѣми рыбными молоками или съ визигой, на маслѣ коноплянмъ, маковомъ или орѣховомъ; крошенная рыба перемѣшивалась съ кашей или съ сарапинскимъ пшеномъ. Въ постные нерыбные дни пеклись они съ рыжиками, съ макомъ, горохомъ, сокомъ, рѣпкою, грибами, капустою, на какомъ-нибудь растительномъ маслѣ, или сладкіе съ изюмомъ и другими разными ягодами. Сладкіе пироги пеклись и не въ постъ вмѣсто пирожныхъ. Вообще пироги, за исключеніемъ сладкихъ, подавались къ горячему: *межъ угъ*.

Другой видъ печенья изъ тѣста былъ коровай—сдобный хлѣбъ, съ различными способами приготовления. Былъ коровай битый, который взбивался съ масломъ въ сосудѣ, ставленный—въ родѣ кулича на молокѣ, яцкій на большомъ количествѣ яицъ, коровай съ сыромъ, коровай братскій и проч. Яйца, масло, или говяжье сало, сыръ и молоко служили добавкою въ коровай, а различные

¹⁾ А. И., II, 283, 428.—Коших., 63.—Steph. Borr. Nacl., 308.—Мейерб. примѣч., 476.—Колл., 17. Врем., I. Домостр., 102.

²⁾ А. И., I, 327.

виды его зависѣли отъ того, сколько класть муки и съ чѣмъ ее клали и въ какомъ количествѣ.

Къ печеньямъ изъ тѣста принадлежали: курникъ, то-есть пастеть, начиненный курицею, яйцами, бараниною съ масломъ или говяжьимъ саломъ; оладьи, котломъ, сырники, блины, хворосты, кисели. Оладьи дѣлались изъ крупчатой муки, яиць, коровьяго масла, а въ постные дни безъ яиць съ орѣховымъ масломъ и подавались вообще съ патокой, сахаромъ или медомъ. Оладьи огромнаго размѣра назывались приказными оладьями, потому что ихъ приносили приказнымъ людямъ на поминки. Подобное кушанье составляла котлома, отличавшаяся отъ оладей тѣмъ, что количество яиць въ ней было меньше; она подавалась съ патокой. Сырники готовились изъ творога, яиць, молока съ небольшимъ количествомъ крупчатой муки. Блины дѣлались красные и молочные: первые изъ гречневой, вторые изъ пшеничной муки; молоко и яйца входили въ послѣдній сортъ. Блины не составляли принадлежности масленицы, какъ теперь,—символомъ масленицы были пироги съ сыромъ и хворосты,—вытянутое тѣсто съ масломъ. Некли также тѣстяныя шишки, левашники, перепечи, орѣшки: всѣ эти виды подавались въ маслѣ; такія же кушанья готовились въ постъ съ растительнымъ масломъ. Кисели дѣлались изъ овсяной и пшеничной муки и подавались въ скоромные дни съ молокомъ, въ постные съ постнымъ масломъ. Каша приготавливалась изъ крупъ овсяныхъ или гречневыхъ, пшеничная каша была рѣдко. Изъ молочныхъ кушаньевъ въ употребленіи была вареная лапша съ подливомъ въ нее свѣжаго топленаго молока, варенцы, молочная каша разныхъ видовъ, губчатый сыръ изъ творога со сметаною, кислый сыръ ¹⁾).

Мясныя кушанья были вареныя или жареныя. Вареныя подавались въ штяхъ, ухѣ, разсолѣ и подъ взварами; пити забѣливались сметаною во время варенія, а не при столѣ. Обыкновенный приварокъ къ штямъ была кочанная и крошенная, свѣжая и кислая капуста. Къ штямъ подавалась гречневая каша. Ухой назывался супъ или похлебка. Огромное количество разныхъ приностей составляли принадлежность русской ухи въ разныхъ видахъ: уха съ гвоздикомъ называлась черною ухою, съ перцемъ бѣлою, а безъ приностей голою. Разсолъ былъ родъ нынѣшней солянки: варилось мясо въ огуречномъ разсолѣ съ примѣсью приностей. Зваромъ назывался всякаго рода соусъ. Жареныя мясныя кушанья были верченныя, шестыя, печеныя, сковородныя. Баранина составляла самый обычный видъ мясныхъ кушаньевъ въ скоромные дни съ весны до поздней осени. Домострой научаетъ какъ поступать съ бараньимъ мясомъ: купивъ дѣлаго барана, слѣдовало облупить его и распределить на нѣсколько дней части его мяса; грудника подавалась на уху или шти; лопатки и почки на жареное; хрюки подавались подъ зваромъ; ножки начинивались яйцами, рубецъ кашею; печенку изсѣкали съ лукомъ и, обернувъ перепонкою, жарили на сковородѣ; легкое приготавливали со взболтаннымъ молокомъ, мукою и яйцами; изъ головы вынимали мозги и дѣлали изъ нихъ особую похлебку или соусъ съ приностями, а изъ густо-свареной съ бараньимъ мясомъ ухи, ставя ее на ледъ, приготавливали холодный студень. Для говядины служили яловыя коровы, поэтому говядина вообще носила встарину названіе яловичины. Яловицъ покупали осенью и убивали; мясо солили въ прокъ, а потроха, къ которымъ причисляли губы,

¹⁾ А. И., I, 327, 328. II, 428. IV, 150.—Врем., VI, Книги о ѣствахъ.

уши, сердце, ноги, печень, языки, служили для обыденной пищи и подавались подъ студнемъ, подъ зварами, съ кашей, на жареное. Вообще свѣжей говядины русскіе ѣли мало, а употребляли болѣе соленую. Многіе содержали въ дворахъ своихъ свиней и откармливали ихъ въ теченіе года, а передъ праздникомъ Рождества колодили. Свиное мясо солилось или коптилось, и ветчина употреблялась на зимнія шти, а голова, ноги, бишки, желудокъ подавались свѣжими въ разныхъ приготовленияхъ, какъ-то: голова подъ студнемъ съ чеснокомъ и хрѣномъ; изъ кишекъ дѣлали колбасы, начинивая ихъ смѣсью мяса, гречневой каши, муки и яицъ. Русскіе встарину любили свинину, кажется, больше, чѣмъ теперь. Зайцы подавались душеные (духовые), разсолные (въ разсолѣ вареные), и подъ зварами, особенно сладкими. Были люди, которые считали зайцевъ нечистыми животными, какъ и теперь, но другіе объясняли, что зайца ѣсть не грѣшно, только надобно смотрѣть, чтобъ онъ не былъ задушенъ во время травли. Стоглавъ запрещаетъ продавать на торгахъ зайцевъ безъ испущенія крови. Такое же предостереженіе издано было отъ московскаго патріарха въ 1636 г. ¹⁾; но нигдѣ не видно, чтобы Церковь вооружалась противъ употребленія зайцевъ въ пищу вообще. Наравнѣ съ зайцами нѣкоторые чуждались, или, по крайней мѣрѣ, остерегались оленины и лосины; но мяса этихъ звѣрей составляли роскошь царскихъ и боярскихъ торжествъ.

Куры подавались въ штахъ, ухѣ, разсолѣ, жареныя на рожнахъ, вертелехъ, называемыя по способу ихъ приготовленія нарожными и верченными. Шти съ курицей назывались богатыми штами и всегда забѣливались. Къ жареной курицѣ обыкновенно подавали что-нибудь кислое: укусъ или лимонъ. Куря рафленое былъ употребительный въ XVII в. соусъ изъ курицы съ сарацинскимъ пшеномъ, изюмомъ и разными пряностями, курия безкостное—соусъ изъ курицы безъ костей, съ начинкою изъ баранины или яицъ съ шафранною похлебкою. За роскошными обѣдами подавались особыми блюдами куриные цупки, шейки, печенки и сердца. Другія птицы, употребляемыя въ пищу, были утки, гуси, лебеди, журавли, цапли, тетерева, рябчики, куропатки, перепела, жаворонки; утки—во штахъ и жареныя, гуси—шестные, начинивались гречневой крупой и приправлялись говяжьимъ саломъ; изъ гусей готовили полотки, которые ѣли зимою съ хрѣномъ и уксусомъ; гусиные потроха шли въ уху или въ особыя кушанья подъ зварами. Рябчики, тетерева и куропатки—кушанья зимнія—обыкновенно подавались: первый приправленный съ молокомъ, прочіе жареные съ сливами и другими плодами. Лебеди во всякое время считались изысканнымъ блюдомъ: ихъ подавали подъ зваромъ съ топешками, т.-е. изрѣзанными ломтиками калача, опущенными въ коровье масло; потроха лебяжьи, какъ и гусиные, подавались подъ медвянымъ зваромъ, иногда же съ говядиной, или въ пирогахъ и перепечахъ. Прочей дичи въ Московіи было много и она была дешева, но вообще русскіе не очень любили ее и мало употребляли. Каждое мясо имѣло свои огородныя и пряныя приправы; такъ, рѣпа шла къ зайцу, чеснокъ къ говядинѣ и баранинѣ, лукъ къ свининѣ.

Исчисляя мясныя кушанья, нельзя не упомянуть объ одномъ оригинальномъ кушаньѣ, которое называлось *похмелье*; это изрѣзанные ломтики холодной

¹⁾ А. А. Э., III, 402.

баранины, смѣшанной съ мелкоискрошенными огурцами, огуречнымъ рассоломъ, уксусомъ и перцемъ; его употребляли на похмелье ¹⁾).

Московское Государство изобиловало рыбою, составляшею половину года обычную пищу. Употребительные роды рыбъ были: лососина, привозимая въ Москву съ сѣвера изъ Корелы, осетрина шехонская и волжская, волжская бѣло-рыбца, ладожская лодога и сырть, бѣлозерскіе снятки и рыбы всѣхъ небольшихъ рѣкъ: судаки, караси, щуки, окуни, лещи, гольцы, пискари, ерши, вандыши, хохолки, вьюны. По способу приготовленія рыба была свѣжая, вяленая, сухая, соленая, провѣсная, вѣтряная, паровая, подвареная, въ прокъ шипаная, копченая. По принятому обыкновению закупать для дома свѣстные припасы въ оптовомъ количествѣ, вездѣ продавалось множество рыбы, приготовленной въ прокъ посредствомъ соли. Домовитый хозяинъ покупалъ для домашняго обихода большой запасъ и складывалъ въ погребъ, а чтобы она не испортилась, то вывѣшивалъ на воздухъ, и это называлось вывѣтривать: тогда уже рыба получала названіе провѣсной, а если хорошо вывѣтривалась, то *вѣтреной*. Съ тѣхъ поръ рыба складывалась уже не въ погребъ, а въ сушильѣ пластами и прутами; пластовая рыба клалась на придѣланныхъ къ стѣнамъ сушиля полицлахъ, а прутовая кучею подъ рогожами. Русскіе не умѣли хорошо солить рыбу, какъ не умѣютъ этого дѣлать и теперь: она у нихъ воняла; но простой народъ, по замѣчанію иностранцевъ, не только не отворачивался отъ нея, но еще предпочиталъ ее свѣжей. Взявъ въ руки рыбу, русскій подносилъ ее къ носу и пробовалъ: достаточно ли она воняетъ, и если въ ней вони было мало, то клалъ и говорилъ: еще не поспѣла. При затруднительности путей сообщенія свѣжей рыбой могли пользоваться только жившіе около рыбныхъ мѣстъ; въ Москву свѣжая красная рыба доставлялась только для царскаго стола и для знатныхъ князей и бояръ; она привозилась живая и содержалась въ прудахъ, сдѣланныхъ нарочно въ ихъ садахъ; масса жителей довольствовалась соленою осетриною, приготовляемою на астраханскихъ учугахъ.

Горячія рыбныя кушанья были: шти, уха и рассольное. Рыбная уха дѣлалась изъ разныхъ рыбъ, преимущественно чешуйчатыхъ, а также изъ рыбьихъ потроховъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ пшеномъ или съ крупами и съ большимъ прибавленіемъ перца, шафрана и корицы. По способамъ приготовленія въ рускомъ столѣ различалась уха рядовая, красная, черная, олеканная, вялая, сладкая, пластовая; въ уху бросали мѣшечки или толченики, приготовленные изъ тѣста съ искрошенной рыбой. Шти дѣлались кисля съ свѣжей и съ соленою рыбой, иногда съ нѣсколькими сортами рыбъ вмѣстѣ, часто съ рыбой сухой въ родѣ истертой въ порошокъ муки; при эти горячихъ кушаньяхъ подавали пироги съ рыбными начинками или кашею. Рассольное приготовлялось обыкновенно изъ красныхъ рыбъ: осетрины, бѣлужины и лососины. При горячихъ кушаньяхъ подавали пирожки съ разными рыбными начинками и съ кашею. Въ постные дни лѣтомъ подавалось ботвинье съ лукомъ и разными кореньями. Изъ тертой рыбы разныхъ родовъ, смѣшанныхъ вмѣстѣ съ примѣсью крупы или пшена, приготовлялось кушанье, называемое рыбная каша; а въ скоромные дни примѣшивали туда и мяса; такую же кашу клали и въ пироги. Приготовляли изъ рыбъ

¹⁾ Врем., VI, Книги о бѣствахъ.—А. И., II, 431.—Пав. Тов.—Олеар., 209.—Петр., 318.—Jenkins, 350.

тѣльное въ родѣ котлетъ: смѣшивали съ мукою, обливали орѣховымъ масломъ, прибавляли туда пряностей и некли: это называлось рыбнымъ караваемъ. Жареную рыбу подавали облитую какимъ-нибудь зваромъ. Икра была въ числѣ обычныхъ кушаньевъ: свѣжая зернистая изъ осетра и бѣлорыбицы составляла роскошь; но во всеобщемъ употребленіи была паюсная, мѣшечная, армянская—раздражающаго свойства, и мятая—самаго низшаго достоинства, которую покупали бѣдные простолюдины. Икру вообще употребляли съ уксусомъ, перцемъ и искрошеннымъ лукомъ. Кромѣ сырой икры, употребляли еще икру вареную въ уксусѣ или маковомъ молокѣ и пряженую; въ посты русскіе дѣлали икряники или икряные блины: это была взбитая, послѣ продолжительнаго битья, икра, съ примѣсью крупчатой муки, и потомъ запареная.

Въ тѣ постные дни, когда считалось грѣхомъ употреблять рыбу, пища русскихъ состояла изъ растительныхъ веществъ: ѣли кислую и ставленную капусту, свеклу съ постнымъ масломъ и уксусомъ, пироги съ горохомъ, съ начинкою изъ растительныхъ веществъ, гречневую и овсяную кашу съ постнымъ масломъ, луковники, овсяный кисель, левашники, оладьи съ медомъ, корованъ съ грибами и съ пшеномъ, разнаго рода грибы вареные и жареные (масленики, грузди, сморчки, рыжики), разныя приготовленія изъ гороха: горохъ битый, горохъ тертый, горохъ цѣженный, сыръ гороховый, то-есть твердо сбитый мятый горохъ съ постнымъ масломъ, лапшу изъ гороховой муки, творогъ изъ маковаго молока, хрѣнь, рѣдку и разныя овощныя приготовленія: зварь изъ овощей и коливо.

Вообще ко всякимъ кушаньямъ русскіе любили примѣшивать пряныя приправы, а въ особенности лукъ, чеснокъ и шафранъ. Отъ большого употребленія чесноку русскіе, по замѣчанію иностранцевъ, носили съ собою неприятный запахъ. Иностранцы сознавались, что не могли ѣсть вонючей русской ухи, въ которой иногда, кромѣ рыбы и воды, былъ только чеснокъ. Эти два зелья—лукъ и чеснокъ—дѣлались какъ бы предметомъ первой необходимости: такимъ образомъ, они давались въ числѣ кормовъ, которые обязаны были жители давать писцамъ, посылаемымъ для составленія писцовыхъ книгъ. Перець, горчица и уксусъ ставились всегда на столѣ, какъ необходимость обѣда, и каждый гость бралъ, сколько хотѣлъ. При изготовленіи кушаньевъ обыкновенно не употребляли соли, какъ это дѣлается во многихъ мѣстахъ и теперь; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ русскіе не любили соленаго: это дѣлалось для того, чтобы каждый гость могъ брать сколько хотѣлъ, и въ тѣ времена русскіе не находили разницы во вкусѣ того, что посолено во время приготовленія кушанья, отъ того, что солили уже на столѣ. Зато всѣ любили соленое въ прокъ, и не только употребляли, какъ уже сказано, мясо и рыбу больше въ соленомъ видѣ, но и заправляли съ солью и уксусомъ разныя овощи и плоды: огурцы, сливы, яблоки, груши, вишни. У домовитыхъ хозяевъ всегда стояло нѣсколько посуды съ такими соленьями, нагнетенныхъ камнями и застѣченныхъ въ ледь. Они подавались къ жареному мясному и рыбному, а бѣлая соленая капуста была обычнымъ запасомъ на зиму, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ ¹⁾).

Русскія лакомства состояли изъ плодовъ свѣжихъ или же приготовленныхъ

¹⁾ Врем., I, Домостр., 102. VIII, Торг. книги.—Русск. Вѣстн. 1841, 733.—Olear., 209.—Кильбург., 20.—Ювій, 16.—Барбер., 56.—Herberst., 38.—А. И., I, 328. IV, 520.—Доп., III, 206, 327.—Коллинсъ, 40.—Strauss, 195.

въ патоку, съ медомъ и сахаромъ. Плоды эти были отчасти туземнаго происхожденія, отчасти привозные. Хозяева употребляли яблоки и груши въ патоку и въ квасу, то-есть клали въ боченки и наливали патокой, потомъ закрывали, но не плотно, чтобы «кислый духъ выходилъ», или же, отобравши свѣжихъ яблоковъ, прорѣзывали въ нихъ отверстія и наливали туда патоки; изъ малины дѣлали морсь, употребляемый съ водою, изъ брусники брусничную воду. Было въ обыкновеніи лакомство, называемое леваши: его дѣлали изъ малины, черники, смородины и земляники. Ягоды сначала уваривали, потомъ протирали сквозь сито и вслѣдъ затѣмъ варили снова, уже съ патокой, густо мѣшая во время варенія, потомъ выкладывали эту густую смѣсь на доску, прежде смазанную патокой, и ставили на солнцѣ или противъ огня; когда она высыхала, то свертывали ее въ трубочки. Другое лакомство было пастила, приготовляемая изъ яблокъ. Яблоки клали въ сыту и парили, потомъ протирали сквозь сито, клали патоку и снова запаривали, мѣшали, били, мяли, потомъ выкладывали на доску и давали подняться вверхъ, наконецъ складывали въ мѣдныя луженныя творила, давая закиснуть, и опрокидывали внизъ. Пастилу дѣлали также и изъ другихъ овощей, напримѣръ, изъ калины.

Рѣдку въ патоку приготовляли такимъ образомъ: сначала искрашивали рѣдечный корень въ мелкіе ломтики, вздѣвали на спицы, такъ, чтобы ломтикъ не сталкивался съ другимъ ломтикомъ, и вываливали на солнцѣ или въ печакѣ послѣ печенья хлѣбовъ; когда въ растеніи не оставалось сырости, толкли его, просѣвали на сито, между тѣмъ варили въ горшечкѣ бѣлую патоку и, уваривъ, выливали въ рѣдечную муку, прибавляя туда разныхъ пряностей: перцу, мускату, гвоздики, и, запечатавъ горшечекъ, ставили въ печь на два дня и двѣ ночи. Смѣсь эта должна быть густа, какъ паюсная икра, и называлась маюня; такую же маюню приготовляли подобнымъ способомъ изъ сухихъ вишенъ. Изъ арбузовъ, которые привозились въ Московію съ низовьевъ Волги, приготовлялось такое лакомство: изрѣзавъ арбузъ пальца на два отъ коры кусками не толще бумаги, клали на сутки въ щелокъ. между тѣмъ варили патоку съ перцемъ, инбиремъ, корицею и мускатомъ и потомъ клали туда арбузы. Подобнымъ образомъ приготовляли лакомства и изъ дынь. Русскіе варили въ сахарѣ и въ патоку привозные плоды: изюмъ съ вѣтвями, коринку, смоквы, инбирь и разныя пряности. Обыкновенное русское лакомство было взваръ, приготовляемый изъ винныхъ ягодъ, изюму, финиковъ, вишенъ и другихъ плодовъ съ медомъ, сахаромъ или патокой, съ большимъ количествомъ гвоздики, кардамона, корицы, шафрана, инбиря и проч.; одинъ родъ взвара назывался медвянымъ, другой кваснымъ. Къ лакомствамъ слѣдуетъ отнести также приники или коврижки, старинное національное печенье. Сахаръ и леденецъ, привозимые русскимъ изъ-за границы, служили предметомъ лакомствъ для богатыхъ. На царскихъ и боярскихъ пирахъ ставили на столъ приготовленныя изъ сахара изображенія орловъ, голубей, утокъ, городовъ, башенъ, теремовъ, людей и также цѣлыя сахарныя головы. По способу приготовленія и по цвѣту различалось нѣсколько видовъ сахара; сахаръ свороборинный, сахаръ зеренчатый, узорочный, леденецъ бѣлый и красный. Все это привозилось чрезъ Архангельскъ и переходило въ народное употребленіе изъ-за боярскихъ столовъ ¹⁾.

¹⁾ Врем., VI, Кн. о ѣств., 28.—Оlear., 174. — А. И., I, 327. II, 14, 426.—Доп., III, 206.

Напитки, употребляемые русскими встарину, были квасъ, морсъ, пиво, медъ, водка и виноградная вина. Квасъ пили всѣ, отъ царя до послѣдняго крестьянина. Повсемѣстно въ посадахъ можно было встрѣтить и квасоварныя заведенія, и квасниковъ, продающихъ квасъ въ лавкахъ и квасныхъ кабакахъ. Въ монастыряхъ квасъ былъ обычнымъ питьемъ братіи въ будни. Квасы были разнаго сорта: кромѣ простого, такъ называемаго житнаго, приготовляемаго изъ ячменнаго или ржаного солода, были квасы медвяные и ягодные. Медвяный приготовлялся изъ разсыченаго въ водѣ меда, процѣженнаго, съ примѣсю калача вмѣсто дрожжей. Этотъ растворъ стоялъ нѣсколько времени съ калачомъ, потомъ сливали его въ бочки. Его качество зависѣло отъ сорта и количества меда: для царей, напримѣръ, собирали лучшей медъ во всемъ государствѣ на квасъ; такого же рода медвяные квасы дѣлались въ нѣкоторыхъ монастыряхъ, имѣвшихъ свои пчельники; и оттого медвяный квасъ въ народѣ носилъ эпитетъ монастырскаго. Ягодные квасы дѣлались такимъ же образомъ изъ меда и воды съ добавкою ягодъ, вишенъ, черемухи, малины и проч.; этого рода квасъ также можно встрѣтить было чаще всего въ монастыряхъ, а у зажиточныхъ людей онъ служилъ для угощенія людей низшаго званія. Пиво дѣлалось изъ ячменя, овса, ржи и пшеницы; для народа оно варилось въ казенныхъ пивоварняхъ при кабакахъ, а люди зажиточные, имѣвшие дозволеніе готовить у себя напитки, дѣлали его для домашняго обихода въ своихъ дворахъ и хранили въ ледникахъ подъ снѣгомъ и льдомъ. Русское пиво, по замѣчанію иностранцевъ, было вкусно, но мутно. Нѣкоторые хозяева *подпаривали* его патокою, то-есть готовое пиво сѣживали съ дрожжей и сливали въ другую бочку, потомъ, взявши этого пива ведро, примѣшавъ туда патоки, варили до кипятка, потомъ простуживали и сливали назадъ въ бочку, а иногда подбавляли туда ягодныхъ смѣсей. Послѣдняго рода пиво называлось поддѣльнымъ пивомъ.

Оригинальное и лучшее русское питье было медъ; всѣ путешественники, посѣщавшіе Московію, единогласно признавали достоинство нашего меда и славили его въ далекихъ странахъ.

Меды были вареные и ставленые; первые варились, вторые только наливались. Кромѣ того, по способу приготовления и по разнымъ приправамъ меды имѣли названія: простой медъ, медъ прѣсный, бѣлый, красный, медъ обарный, медъ боярскій, медъ ягодный. Медъ, называемый обарнымъ, приготовляли слѣдующимъ образомъ: разсычали медовый сотъ теплою водою, процѣживали сквозь частое сито, такъ, чтобы медъ отдѣлился отъ восчины, потомъ клали туда хмелю, полагая на пудъ меда полведра хмеля, и варили въ котлѣ, безпрестанно снимая пѣну ситомъ; когда же эта жидкость уваривалась до того, что въ котлѣ оставалась ея только половина, тогда выливали изъ котла въ мѣрникъ и простуживали не на сильномъ холодѣ, бросали туда кусокъ ржаного хлѣба, натертаго патокою и дрожжами, давали жидкости вскиснуть, не допуская до того, чтобы она окисла совершенно, наконецъ сливали ее въ бочки. Боярскій медъ отличался отъ обарнаго тѣмъ, что при разсыченіи меда бралось медоваго сота въ шесть разъ больше, чѣмъ воды; онъ кисъ въ мѣрникахъ недѣлю, потомъ его сливали въ бочку, гдѣ онъ стоялъ другую недѣлю съ дрожжами; потомъ уже его сливали съ дрожжей, подпаривали патокою и наконецъ сливали въ другую бочку. Ягодный вареный медъ приготовлялся такимъ образомъ: ягоды варились съ медомъ до тѣхъ поръ, пока совершенно раскипали;

тогда эта смѣсь снималась съ огня; ей давали отстояться, потомъ ее процѣживали, сливали въ медъ, уже сваренный прежде съ дрожжами и хмелемъ, и запечатывали.

Ставленные меды приготавливались какъ квасы, но съ дрожжами или хмелемъ и потому отличались отъ квасовъ своимъ охмеляющимъ свойствомъ. Ставленный ягодный медъ былъ прохладительный и пріятный напитокъ. Его дѣлали обыкновенно лѣтомъ изъ малины, смородины, вишенъ, яблокъ и проч. Въ посудину клали свѣжихъ свѣлыхъ ягодъ, наливали водою (вѣроятно отварною) и давали стоять до тѣхъ поръ, пока вода не принимала вкуса и цвѣта ягодъ (дня два или три), потомъ сливали воду съ ягодъ и клали въ нее отдѣленного отъ воска чистаго меда, наблюдая, чтобъ выходило по кружкѣ меда на двѣ или на три воды, сообразно желанію придать напитку болѣе или менѣе сладости, потомъ бросали туда нѣсколько кусковъ печеной корки, дрожжей и хмеля, и когда смѣсь эта начинала вскисать, то хлѣбъ вынимали прочъ, чтобъ она не приняла хлѣбнаго вкуса, медъ на дрожжахъ оставляли отъ пяти до восьми дней въ тепломъ мѣстѣ, а потомъ снимали и ставили въ холодное. Нѣкоторые бросали туда пряности: гвоздику, кардамонъ, инбирь. Медъ ставленный держался въ засмоленныхъ боченкахъ и былъ иногда до того крѣпокъ, что сшибалъ съ ногъ.

Къ разряду прохладительныхъ напитковъ относился березовый сокъ или березовецъ, добываемый въ апрѣлѣ изъ березъ.

Русская водка дѣлалась изъ ржи, пшеницы, ячменя. Водка вообще называлась виномъ и раздѣлялась на сорта: обыкновенная водка носила названіе простаго вина; лучше этого сортъ назывался вино доброе; еще выше — вино боярское; наконецъ, еще высшій сортъ было вино двойное, чрезвычайно крѣпкое. Нѣкоторые употребляли тройную и даже четверную, то-есть четыре раза перегонную водку и умирали отъ нея. Кромѣ этихъ водокъ, дѣлалась водка сладкая, насыщенная патокой: эта водка назначалась единственно для женскаго пола. Хозяева настаивали водку на всевозможнѣйшихъ пряностяхъ и разныхъ душистыхъ травахъ; настаивали на корицѣ, мятѣ, горчицѣ, звѣробѣѣ, бадагѣѣ, съ амброй, на селитрѣ, съ померанцевой и лимонной коркой, съ можжевельникомъ и дѣлали наливки на разныхъ ягодахъ. Русскіе пили водку не только передъ обѣдомъ, но и во время обѣда, и послѣ обѣда, и во всякое время дня.

Иностранныя вина въ XVI вѣкѣ употреблялись только въ знатныхъ домахъ, и то въ торжественныхъ случаяхъ; но по мѣрѣ того, какъ торговля стала настъ болѣе и болѣе знакомить съ европейскою жизнью, употребленіе виноградныхъ винъ распространилось между зажиточными людьми, а въ XVII вѣкѣ явились въ Москвѣ погреба, гдѣ не только продавали вино, но куда сходились пить веселыя компаніи. Изъ винъ въ большемъ употребленіи были: греческое, церковное, мальвазія, бастръ, алканъ, венгерское, бѣлое и красное французское, ренское, романея. Иногда въ вина русскіе примѣшивали пряности.

У зажиточныхъ хозяевъ напитки хранились въ ледникахъ или подвалахъ, которыхъ было иногда нѣсколько при домѣ. Они дѣлались съ разными отдѣлами, въ которыхъ ставили бочки, лѣтомъ во льду. Бочки были беременныя или полубеременныя. Въѣстимость тѣхъ и другихъ не всегда и не вездѣ была одинакова, вообще же можно положить беременную бочку въ тридцать, а полубеременную въ пятнадцать ведеръ. Въ монастырскихъ подвалахъ бочки отлича-

лись своею огромностью, напримѣръ, въ три сажени въ длину и въ двѣ въ ширину; онѣ никогда не сдвигались съ своего мѣста, а питье пропускалось въ нихъ и добывалось изъ нихъ черезъ отверстие, продѣланное въ сводѣ погребѣ. Напитки наливали изъ бочки сначала въ оловяники или мѣрники—большую посуду, потомъ уже разливали для подачи къ столу въ меньшіе сосуды ¹⁾).

Въ числѣ разныхъ напитковъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ появился въ Россіи, какъ рѣдкость и новость, чай. Первый разъ чай былъ присланъ въ даръ Михаилу Ѳеодоровичу отъ монгольскаго государя. Во второй половинѣ XVII вѣка знатныя лица употребляли его какъ лекарство и приписывали ему цѣлительную силу, не предвидя, что этотъ напитокъ отдаленнаго народа сдѣлается современнымъ національнымъ русскимъ питьемъ.

XI.

Образъ домашней жизни.

Предки наши, какъ знатные, такъ и простые, вставали рано: лѣтомъ съ восходомъ солнца, осенью и зимою за нѣсколько часовъ до свѣта. Встарину счетъ часовъ былъ восточный, заимствованный изъ Византіи вмѣстѣ съ церковными книгами. Сутки дѣлились на дневные и ночные часы; часъ солнечнаго восхода былъ первымъ часомъ дня; часъ заката—первымъ часомъ ночи. Само собою разумѣется, что при такомъ времясчисленіи количество дневныхъ и ночныхъ часовъ на самомъ дѣлѣ могло быть одинаково и равно только во время равноденствія, а потому это время и принималось за норму: изъ двадцати-четырехъ суточныхъ часовъ двѣнадцать относили къ дню, а другіе двѣнадцать къ ночи; несмотря на то, что на самомъ дѣлѣ во время лѣтняго солнцестоянія число дневныхъ, а во время зимняго число ночныхъ часовъ доходило до семнадцати. Седьмой часъ утра по нашему часосчисленію былъ первымъ часомъ дня; седьмой часъ вечера—первымъ часомъ ночи. Счисленіе это находилось въ связи съ восточнымъ богослуженіемъ: на исходѣ ночи отправлялась заутреня; богослужебные часы: первый, третій, шестой и девятый знаменовали равноименные дневные часы, а вечерня—окончаніе дня. Русскіе согласовали свой домашній образъ жизни съ богослужебнымъ порядкомъ, и въ этомъ отношеніи дѣлали его похожимъ на монашескій. Разумѣется, что такой порядокъ могъ имѣть мѣсто только тамъ, гдѣ спокойная и обезпеченная жизнь на одномъ мѣстѣ позволяла располагать временемъ по произволу.

Вставая отъ сна, русскій тотчасъ искалъ глазами образа, чтобъ перекреститься и взглянуть на него; сдѣлать крестное знаменіе считалось приличіе, смотря на образъ; въ дорогѣ, когда русскій ночевалъ въ полѣ, онъ, вставая отъ сна, крестился, обращаясь на востокъ. Тотчасъ, если нужно было, послѣ оставленія постели надѣвалось бѣлье и начиналось умыванье; зажиточные люди

¹⁾ А. И., I, 335. II, 13, 286.—А. А. Э., I, 308. III, 92.—Petr., 318.—Др. Русск. Вивл., VI, 298.—Доп., I, 217. III, 305. VI, 87, 88, 324.—С. г. гр., III, 254.—Русск. Достоп., I, 63.—Коших., 61.—Контар., 20—Olear., 205.—Jenkins., 358, 361.—Herberst., 29, 43.—Барбер., 79.—Врем., I, Домостр., 81. VI, Книг. о ѣств., 23—26.—Кильб., 190.

мылись мыломъ и розовой водой. Послѣ омовеній и умываній одѣвались и приступали къ моленію.

Если день былъ праздничный, тогда шли къ заутрени и благочестіе требовало, чтобъ встать еще ранѣе и придти въ церковь со звономъ еще до начала служенія заутрени. Если же день былъ простой или почему-нибудь нельзя было выходить, хозяинъ совершалъ должное богослуженіе по книгѣ, когда умѣлъ грамотѣ.

Въ комнатѣ, назначенной для моленія, — крестовой — или когда ея не было въ домѣ, то въ той, гдѣ стояло побольше образовъ, собиралась вся семья и прислуга, зажигались лампы и свѣчи, курили ладаномъ. Хозяинъ, какъ домовладыка, читалъ предъ всѣми вслухъ утреннія молитвы; иногда читались такимъ образомъ заутрени и часы, смотря по степени досуга, умѣнья и благочестія; умѣвшіе пѣть пѣли. У знатныхъ особъ, у которыхъ были свои домашнія церкви и домовые священнослужители, семья сходилась въ церковь, гдѣ молитвы, заутреню и часы служилъ священникъ, а пѣлъ дьячекъ, смотрѣвшій за церковью или часовнею, и послѣ утренняго богослуженія, священникъ кропилъ святою водою.

Окончивъ молитвословіе, погашали свѣчи, задергивали пелены на образахъ и всѣ расходились къ домашнимъ занятіямъ. Тамъ, гдѣ мужъ жену допускалъ до управленія домою, хозяйка держала съ хозяиномъ совѣтъ, чтѣ дѣлать въ предстоящій день, заказывала кушанье и задавала на цѣлый день уроки въ работахъ служанкамъ. Въ такихъ домахъ на хозяйкѣ лежало много обязанностей. Она должна была трудиться и показывать собою примѣръ служанкамъ, раньше всѣхъ вставать и другихъ будить, позже всѣхъ ложиться: если служанка будить госпожу, это считалось не въ похвалу госпожѣ. При такой дѣятельной женѣ мужъ ни о чемъ не заботился по домашнему хозяйству; жена должна была знать всякое дѣло лучше тѣхъ, которые работали по ея приказанію: и кушанье сварить, и кисель поставить, и бѣлье выстирать, и выполоскать, и высушить, и скатерти, и полавочки послать, и такимъ своимъ умѣньемъ внушала къ себѣ уваженіе. Но не всѣхъ женъ удѣломъ была такая дѣятельная жизнь; большею частью жены знатныхъ и богатыхъ людей, по волѣ мужевъ, вовсе не мѣшались въ хозяйство; всѣмъ завѣдывали дворецкій и ключникъ изъ холоповъ. Такого рода хозяйки послѣ утренняго моленія отправлялись въ свои покои и садились за шитье и вышиваніе золотомъ и шелками со своими прислужницами; даже кушанье къ обѣду заказывалъ самъ хозяинъ ключнику. Ключникъ не всегда спрашивалъ объ этомъ хозяина, а зналъ напередъ, чтѣ слѣдуетъ готовить по годовой росписи; обыкновенно въ такомъ случаѣ ключникъ получалъ отъ хозяина деньги на извѣстный срокъ и по истеченіи срока отдавалъ отчетъ. Въ утреннее время считалось нужнымъ обойти службы. Хозяинъ навѣщалъ конюшню, ходилъ по стойламъ, смотрѣлъ: наложена ли подъ ногами лошадей солома, заложенъ ли имъ кормъ, приказывалъ предъ своими глазами давать лучшимъ лошадямъ овса, а страднымъ (т.-е. рабочимъ) овсяной муки или невѣяницы, приказывалъ проводить лошадей передъ собою къ желобамъ, устроеннымъ вблизи конюшни для водопоя; потомъ заходилъ въ хлѣвы: коровій, свиной, птичій, приказывалъ скотникамъ пригонять передъ себя нѣсколько отборныхъ штукъ скота, кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ и посыпалъ зерно курамъ и гусямъ, потому что когда самъ хозяинъ изъ своихъ рукъ кормитъ ихъ, то отъ того плодо-

роді умножается. Иногда, воротившись послѣ такого обзора, хозяинъ призывалъ дворецкаго, завѣдывавшаго всѣми кладовыми и надворными строеніями, и слушалъ его доклады; когда нужно было, то осматривалъ съ нимъ что-нибудь, давалъ распоряженія къ домашнимъ работамъ, разбиралъ дѣла между слугами. Послѣ всѣхъ домашнихъ распоряженій хозяинъ приступалъ къ своимъ обычнымъ занятіямъ: купецъ отправлялся въ лавку, ремесленникъ брался за свое ремесло, приказные люди наполняли приказы и приказныя избы, а бояре въ Москвѣ стекались къ царю и занимались дѣлами. Приступая къ началу дневного занятія, будь то приказное писательство, или черная работа, русскій считалъ приличнымъ вымыть руки, сдѣлать предъ образомъ три крестныхъ знаменія съ земными поклонами, а если предстоитъ случай или возможность, то принять благословеніе священника.

Въ десять часовъ по нашему счету (въ шестомъ часу дня) служились обѣдни. По духу времени въ тѣ времена цари, въ сопровожденіи бояръ и думныхъ людей, всякій день ходили въ церковь, да и частные люди, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, при первой возможности хаживали къ обѣдни и въ будни, особенно въ пятницы и субботы; всякій же церковный праздникъ толпа народа наполняла храмы, но текуція дѣла, однако, не прерывались отъ этого.

Въ полдень наступало время обѣда. Холостые лавочники, парни изъ простонародія, холопы, пріѣзжіе въ городахъ и посадахъ наполняли харчевни; люди домовитые садились за столъ дома или у пріятелей въ гостяхъ. Цари и знатные люди, живя въ особыхъ покояхъ въ своихъ дворахъ, обѣдали отдѣльно отъ прочихъ членовъ семьи; жены съ дѣтьми трапезовали особо; но незнатные дворяне, дѣти боярскіе, посадскіе и крестьяне — хозяева осѣдлые, вмѣстѣ съ женами и съ прочими членами семьи; впрочемъ, иногда семейные члены, составлявшіе съ своими семьями одно семейство съ хозяиномъ, обѣдали отъ него и особо; во время же званыхъ обѣдовъ особы женскаго пола никогда не обѣдали тамъ, гдѣ сидѣлъ хозяинъ съ гостями. Столъ накрывался скатертью, но не всегда это наблюдалось: очень часто люди незнатные обѣдали безъ скатерти и ставили на голый столъ соль, уксусъ, перецъ и клали ломтями хлѣбъ. Двое домашнихъ служебныхъ чиновъ завѣдывали порядкомъ обѣда въ зажиточномъ домѣ: ключникъ и дворецкій. Ключникъ находился въ поварнѣ при отпускѣ кушаньевъ, дворецкій при столѣ и при поставкѣ съ посудой, стоявшемъ всегда противъ стола въ столовой. Нѣсколько слугъ носили кушанья изъ поварни; ключникъ и дворецкій, принимая ихъ, разрѣзывали ихъ на куски, отвѣдывали и тогда уже отдавали слугамъ ставить предъ господиномъ и сидѣвшими за столомъ.

Въ обычномъ царскомъ быту кушанье прежде всего отвѣдывалъ поварь, въ присутствіи дворецкаго, который являлся за каждою переменю съ толпою жильцовъ; сдавъ кушанье жильцамъ, дворецкій шелъ впереди ихъ въ столовую и передавалъ крайнему, который также отвѣдывалъ и ставилъ предъ царемъ. Обыкновенно кушанье подавали разрѣзанное на тонкіе куски, такъ что можно было взять ихъ въ руки и понести въ ротъ; отъ этого тарелки, поставленныя въ началѣ обѣда передъ обѣдавшими, не перемѣнялись, потому что каждый бралъ руками съ стоявшаго предъ гостями блюда куски и клалъ въ ротъ, касавшись своей тарелки только тогда, когда случалось бросать на нее обгрызанную кость. Жидкое кушанье иногда подавалось на два или на три человѣка

въ одной мисѣ, и всѣ ѣли изъ нея своими ложками. Такой способъ обѣдать приводилъ въ омерзѣніе иностранцевъ, чуждыхъ нашимъ обычаямъ; имъ не нравилось и то, что русскіе за столомъ зѣвали, вытягивались, рыгали и къ запаху чеснока, лука и гнилой рыбы присоединяли другія неприятныя зловонія.

Прежде всего пили водку и закусывали хлѣбомъ, потомъ подавали въ скоромные дни холодныя кушанья, состоявшія изъ варенаго мяса съ разными приправами, потомъ ѣли горячія, потомъ жареныя, а далѣе разные звары, за ними молочныя кушанья, лакомыя печенья и, наконецъ, овощныя сласти. Въ постные дни тѣмъ же порядкомъ подавали холодную рыбу или капусту, потомъ жидкія кушанья, далѣе жареную рыбу, звары и наконецъ овощи. На званныхъ обѣдахъ было иногда чрезвычайное множество кушаньевъ—до сорока и до пятидесяти перемѣнъ. Слуги, подававшіе кушанья, назывались стряпчими, несли блюда голыми и притомъ нечистыми руками.

Послѣ обѣда хозяинъ пересматривалъ посуду, и находя все въ порядкѣ, хвалилъ дворецкаго и стряпчихъ, потчивалъ ихъ хмельнымъ, иногда всѣхъ дарилъ, и вся прислуга обыкновенно обѣдала послѣ господскаго стола.

Послѣ обычнаго обѣда ложились отдыхать. Это былъ повсемѣстный и освященный народнымъ уваженіемъ обычай. Спали, пообедавши, и цари, спали бояре, спали купцы, затворивъ свои лавки; уличная чернь отдыхала на улицахъ; тогда въ Москвѣ на Вшивомъ рынкѣ собиралась толпа мужчинъ, которые тамъ стриглись и отъ этого рынокъ былъ постоянно устланъ волосами, будто полстью. Не спать или по крайней мѣрѣ не отдыхать послѣ обѣда считалось въ нѣкоторомъ смыслѣ ересью, какъ всякое отступленіе отъ предковскихъ обычаевъ. Извѣстно, что въ числѣ подозрѣній, обличавшихъ въ Самозванцѣ нецарское происхожденіе и уклоненіе къ латинской вѣрѣ, было и то, что онъ не спалъ послѣ обѣда. Этотъ отдыхъ былъ тѣмъ необходимѣе, что обыкновенно русскіе любили очень плотно покушать, имѣя возможность и достатокъ.

Вставши отъ послѣобѣденнаго сна, русскіе опять принимались за обычные занятія. Цари ходили къ вечернѣ, а часовъ съ шести вечера по нашему счету предавались уже забавамъ и бесѣдамъ. Впрочемъ, смотря по важности дѣла, иногда бояре собирались во дворецъ и вечеромъ, сидѣли тамъ за дѣлами часовъ около трехъ. Въ приказахъ собирались по вечерамъ. Въ 1669 году постановлено правиломъ, чтобы приказные люди сидѣли съ перваго до восьмого часа ночи,—такъ какъ это было зимою, то, вѣроятно, до десяти часовъ по нашему счету, считая первымъ часомъ ночи не седьмую часть суточного дѣленія, сообразно восточно-византійскому счисленію, а четвертый, когда ночь дѣйствительно наступала въ Москвѣ. Вечеръ въ домашнемъ быту былъ временемъ развлеченій; зимою собирались другъ къ другу родные и пріятели въ домахъ, а лѣтомъ въ палаткахъ, которыя нарочно раскидывались предъ домами. Русскіе всегда ужинали, а послѣ ужина благочестивый хозяинъ отправлялъ вечернее моленіе. Снова затепливались лампы, зажигались свѣчи передъ образами; домочадцы и прислуга собирались на моленье. Послѣ такого молитвословія считалось уже невозможнымъ ѣсть и пить; всѣ скоро ложились спать. Сколько-нибудь зажиточные супруги имѣли всегда особые покои съ тою дѣлюю, чтобъ не спать вмѣстѣ въ ночи предъ господскими праздниками, воскресеньями, средами и пятками и въ посты. Въ эти ночи благочестивые люди вставали и тайно молились предъ образами въ спальняхъ; ночная молитва считалась пріятнѣе Богу, чѣмъ дневная:

«тогда бо ноцію умъ ти есть легчае къ Богу и могутъ тя убо на покаяніе обратити нощныя молитвы паче твоихъ дневныхъ молебъ... и паче дневныхъ молебъ приклонитъ ухо свое Господь въ нощныя молитвы». Впрочемъ, нѣкоторые старинныя духовныя поученія не обязывали супруговъ удаляться отъ облаго ложа въ посты Петровскій и Рождественскій: «а въ Петрово говѣнье и въ Филиппово невозбранно мужемъ съ своими женами совокуплятися, развѣ блюсти среду, пятокъ и субботу и недѣлю и господскихъ праздниковъ». На Святой недѣлѣ цари обыкновенно опочивали отдѣльно отъ царицъ, и когда царю угодно было спать вмѣстѣ съ царицею, то послѣдней давалось объ этомъ знать заранѣе и назначалось: или приходитъ къ царю, или царя къ себѣ ожидать, а на другой день оба ходили въ мыльню. Такъ наблюдалось между всѣми болѣе или менѣе и вообще считалось необходимымъ послѣ ночи, проведенной супругами вмѣстѣ, ходить въ баню прежде, чѣмъ подойти къ образу. Набожные люди почитали себя недостойными даже и омывшись на другой день вступить въ церковь и стояли предъ дверьми храма, хотя черезъ это и подвергались двусмысленнымъ взглядамъ, а иногда и замѣчаніямъ молодыхъ людей, которые догадывались, что это значило ¹⁾).

Русскіе вообще ходили въ баню очень часто; она была первою потребностью въ домашней жизни, какъ для чистоплотности, такъ и для какого-то наслажденія. Почти въ каждомъ зажиточномъ домѣ была своя мыльня, какъ уже сказано объ этомъ; сверхъ того для престолярдіи и для пріѣзжихъ вездѣ по городамъ существовали общественныя или царскія мыльни, гдѣ за входъ платили деньги, составлявшія во всемъ государствѣ вѣтвь царскихъ доходовъ. По извѣстію Кошихина, ежегодно собиралось такимъ образомъ до двухъ тысячъ рублей со всѣхъ мыленъ, находившихся въ вѣдомствѣ конюшеннаго дворца. Мыльни вообще топились каждую недѣлю одинъ, а иногда и два раза. Въ лѣтніе жары запрещалось ихъ топить въ предупрежденіе пожаровъ, съ нѣкоторыми исключеніями для больныхъ и родильницъ, по волѣ воеводъ. Тогда-то особенно наполнялись царскія мыльни; впрочемъ, запрещеніе топить свои собственныя касалось болѣе посадскихъ и крестьянъ; люди высшаго значенія всегда пользовались исключеніемъ. Баня для русскаго была такою необходимостью, что по поводу запрещенія топить ихъ жители грозили правительству разбрестись врознь изъ своихъ домовъ.

Обыкновенно ходили въ мыльню послѣ обѣда, не страшась отъ этого вредныхъ послѣдствій. Жаръ былъ нестерпимый. На скамьяхъ и полкахъ постилалось сѣно, которое покрывали полотномъ. Русскій ложился на него и приказывалъ себя бить до усталости, потомъ выбѣгалъ на воздухъ и бросался лѣтомъ въ озеро или рѣку, подлѣ которыхъ обыкновенно строились мыльни, а зимою катался по снѣгу или обливался холодною водою на морозѣ. Всегда кто ходилъ въ мыльню, тотъ и парился: это было всеобщимъ обычаемъ. Въ общественныхъ мыльняхъ было два отдѣленія, мужское и женское; они отдѣлялись одно отъ другого перегородками, но входъ и въ то, и въ другое былъ одинъ; и мужчины,

¹⁾ Рук. Пог. Собр. Публ. Библ. № 1310. — Рум. Муз. № 359. — А. И., II, 287. — Врем., I, Домостр., 17, 27, 64, 75. — П. С. З., I, 828. — Доп., I, 55. — Fletch., 254—260. — Olear., 142, 193. — Mejerb., 60—63. — Petr., 318. — Das Gr. Reich. v. Mosc., 196—203. — Маржер., 29. — Кильб., 67.

и женщины, входя и выходя въ одну дверь, встрѣчались другъ съ другомъ нагишомъ, закрывались вѣниками и безъ особеннаго замѣшательства разговаривали между собою, а иногда разомъ выбѣгали изъ мыльни и вмѣстѣ катались по снѣгу. Въ болѣе отдаленную старину было въ обычай и мужчинамъ, и женщинамъ мыться въ одной мыльнѣ, и даже чернецы и черницы мылись и парились вмѣстѣ.

Жившіе въ Москвѣ нѣмцы заимствовали отъ русскихъ ихъ мыльни, но придали имъ болѣе комфорта. Эти мыльни приобрѣли въ Москвѣ славу. Вмѣсто голыхъ скамей, у нихъ были тюфяки, набитые пахучими травами; передбанники были особые и чистые, гдѣ можно было удобно раздѣваться и одѣваться; такого удобства нельзя было встрѣтить въ русскихъ баняхъ. Послѣ мытья обтирали и клали въ постель; тутъ женщина приносила медъ для подкрѣпленія.

Баня была самымъ главнымъ лекарствомъ отъ всякихъ болѣзней: коль скоро русскій почувствуетъ себя нездоровымъ, тотчасъ выпьетъ водки съ чеснокомъ или перцемъ, закуситъ лукомъ и идетъ въ баню париться.

Для простого народа баня была школой той удивительной нечувствительности ко всѣмъ крайностямъ температуры, какою отличались русскіе, удивляя этимъ иностранцевъ. Но что касается до высшихъ классовъ общества, то, при сидячей жизни, бани порождали бездѣйствіе и изнѣженность; въ особенности женщины высшаго состоянія отличались этимъ и казались хилыми и брюзгливыми ¹⁾.

ХП.

Здоровье и болѣзни.

Въ русскомъ образѣ жизни было соединеніе крайностей, смѣсь простоты и первобытной свѣжести дѣвственнаго народа съ азіатскою изнѣженностью и византійскою расслабленностью. Когда знатный человѣкъ одѣвался весь въ золото и жемчугъ, ѣдалъ на серебрѣ и заставлялъ подавать себѣ десятки кушаньевъ заразъ, деревенскій бѣднякъ во время частыхъ неурожаевъ ѣлъ хлѣбъ изъ соломы или изъ лебеды, коренья и древесную кору. Когда знатныя женщины и дѣвицы не занимались даже хозяйствомъ и, осужденныя на бездѣйствіе только для того, чтобъ убить томительную скуку своихъ горницъ и повалушъ, брались за вышиванья убрусовъ и церковныхъ облаченій, крестьянскія женщины работали вдвое болѣе своихъ мужьевъ. Съ одной стороны, достоинствомъ всякаго значительнаго человѣка поставлялась недѣятельность, изнѣженность, неподвижность; русскія женщины нерѣдко пили особаго рода водку, чтобъ растолстѣть; съ другой стороны, русскій народъ приводилъ въ изумленіе иностранцевъ своею терпѣливостью, твердостью, равнодушіемъ ко всякимъ лишениямъ удобствъ жизни, тяжелымъ для европейца, умѣренно трудолюбиваго, умѣренно терпѣливаго и знакомаго съ правильнымъ и расчетливымъ комфортомъ. Съ дѣтства пріучались русскіе переносить голодъ и стужу. Дѣтей отнимали отъ

¹⁾ А. И., II, 417.—А. А. Э., IV, 58.—Стогл. Вопр., 18.—Olear., 268.—Mejerb., 151.—Strauss., 205.—Fletch., 268.—Carl., 347.—Jenkins. Nacl., 361.

грудей послѣ двухъ мѣсяцевъ и кормили грубою пищею; ребятишки бѣгали въ однѣхъ рубашкахъ, безъ шапокъ, босикомъ по снѣгу въ трескучіе морозы; юношамъ считалось неприличнымъ спать на постели, а простой народъ, какъ уже было замѣчено, вообще не зналъ, что такое постель. Посты приучали народъ къ грубой и скудной пищѣ, состоявшей изъ кореньевъ и дурной рыбы; живучи въ тѣснотѣ и дыму, съ курами и телятами, русскій простолюдинъ получалъ нечувствительную, крѣпкую натуру. На войнѣ русскіе удивляли враговъ своимъ терпѣніемъ: никто крѣпче русскаго не могъ вынести продолжительной и мучительной осады, при лишеніи самыхъ первыхъ потребностей, при стужѣ, голодѣ, зноѣ, жаждѣ. Подвиги служилыхъ русскихъ людей, которые открыли сибирскія страны въ XVII вѣкѣ, кажутся невѣроятными. Они пускались въ невѣдомые края съ скудными запасами, нерѣдко еще испорченными отъ дороги, истративъ ихъ, принуждены бывали по нѣскольку мѣсяцевъ сряду питаться мхомъ, бороться съ ледянымъ климатомъ, дикими туземцами, зимовать на Ледовитомъ морѣ, а по возвратѣ изъ такого тяжелаго путешествія нерѣдко въ благодарность были обираемы и оскорбляемы воеводами. Но какъ ни противоположнымъ кажется образъ жизни знатныхъ и простыхъ, богатыхъ и бѣдныхъ, натура и у тѣхъ, и у другихъ была одна: пусть только бѣдному простаку неблагопріятствуетъ счастье, и онъ тотчасъ усвоитъ себѣ неподвижность, тяжеловатость, обрюзглость богатаго или знатнаго лица; зато знатный и богатый, если обстоятельства поставятъ его въ иное положеніе, легко свыкнется съ суровой жизнью и трудами. Прихоти были огромны, но не сложны и не изысканны. Съ одинакимъ возрѣніемъ на жизнь, съ тѣми же вѣрованіями и понятіями, какъ у простолюдиновъ, знатные люди не успѣли отдѣлиться отъ массы народа и образовать замкнутое въ себѣ сословіе. Посты имѣли въ этомъ отношеніи благотѣльное вліяніе на нравственность и на поддержку основъ равенства въ народѣ; посты не давали богачу утопать въ обжорствѣ и сластолюбіи до невозможности низойти къ убогому столу простолюдина. Въ посты царь ѣлъ одну пищу съ крестьяниномъ. Небезопасное положеніе края, частыя войны, неудобства путей и затруднительность сообщенія между частями государства не допускали высшіе слои русскаго народа опуститься въ восточную нѣгу: они всегда должны ожидать слишкомъ внезапной разлуки съ своими теплыми домами и потому не могли къ нимъ пристраститься; слишкомъ часто приходилось голодать имъ поневолѣ, чтобъ быть не въ силахъ обходиться безъ пряностей и медовъ; слишкомъ повсемѣстно встрѣчали смерть, чтобъ дорожить вялою жизнью. Съ другой стороны, въ простолюдинѣ, даже въ его нищетѣ проглядывала наклонность къ восточной изнѣженности и вялости, одолѣвавшей богачей: русскій мужикъ любилъ поспать, покачаться на печкѣ, понѣжиться и, если удивлялъ иностранцевъ терпѣніемъ, то не отличался сознательнымъ трудолюбіемъ.

При способности и готовности переносить труды и лишенія, русскій народъ хотя не отличался долговѣчностью, но пользовался вообще хорошимъ здоровьемъ. Изъ болѣзней только эпидемическія наносили иногда значительныя опустошенія, потому что мѣры противъ нихъ были слабы и ограничивались неискуснымъ стараніемъ не допустить заразы распространяться съ мѣста на мѣсто. Моровыя повѣтрія нерѣдко оставляли ужасныя слѣды по всей Россіи. Изъ обыкновенныхъ болѣзней, которымъ русскіе чаще всего подвергались, были геморроидальныя, столь свойственныя нашему климату, упоминаемая встарину

подъ разными наименованіями припадковъ головной боли, теченія крови, запоровъ (закладъ), болей въ спитѣ и тому подобное. Нервные болѣзни если не были слишкомъ часты, зато обращали вниманіе своими явленіями: эпилептическіе, каталептическіе, истерическіе припадки приписывались порчѣ и вліянію таинственныхъ силъ, при посредствѣ злыхъ духовъ; болѣзни эти имѣли разныя народныя наименованія, какъ, напримѣръ, камчюгъ, френъчугъ, ѳснованіе, разслабленіе, трясеніе, икота и проч.; нѣкоторые случаи происходили отъ дѣйствительныхъ болѣзней, иные отъ воображенія. Въ XVI вѣкѣ занесена въ Россію сифилитическая болѣзнь (тайнымъ согнтіе), а въ слѣдующемъ столѣтіи она довольно распространилась и наносила оцущошенія въ черномъ народѣ. Простудныя болѣзни рѣдко поражали русскаго, приученнаго къ перемѣнамъ воздуха и температуры. Какъ особые случаи, упоминаются встарину: каменная болѣзнь, отекъ, сухотка, грыжа, зубная боль, глухота, нѣмота, слѣпота, шолуди, происходившіе отъ неопытности, которая нерѣдко порождала и другія болѣзни, такъ, наприм., имѣла вредное вліяніе на зрѣніе. Вообще отъ болѣзней искали средствъ болѣе всего въ церковныхъ обрядахъ и прибѣгали также къ травникамъ, составлявшимъ классъ самоучекъ-лекарей, отдавались имъ часто съ чрезвычайнымъ легковѣріемъ. Ученые медики были иностранцы и находились только при царскомъ дворѣ, и то въ небольшомъ количествѣ. При Иванѣ Васильевичѣ лекарь иноземець былъ необходимымъ лицомъ для царя, но лечиться у него частнымъ лицамъ было можно не иначе, какъ подавши челобитную объ этомъ ¹⁾. То же соблюдалось долго и впослѣдствіи, когда число врачей при дворѣ увеличилось. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Москвѣ существовала одна аптека, изъ которой отпускались лекарства по челобитнымъ, и притомъ такъ, что тѣмъ, которые были не очень значительны, отпускалось и по челобитной не то, что нужно, а то, что дешевле стоило, не обращая вниманія, могло ли оно принести дѣйствительную пользу. Иногда лекаря отправлялись на войну съ лекарствомъ и тамъ вообще мало приносили пользы. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ были двѣ аптеки, но только изъ одной продавали жителямъ лекарства, и то по высокимъ цѣнамъ ²⁾, а потому эта аптека гораздо менѣе приносила дохода казѣ, чѣмъ стоявшій рядомъ съ нею кабакъ. Разумѣется, врачи, призываемые изъ-за границы, не всегда были хороши, и по зову русскаго царя отважно спѣшили въ Россію шарлатаны. Поэтому было опредѣлено, чтобъ врачъ, пріѣзжающій въ Россію, прежде въ пограничномъ городѣ показалъ степень своего искусства и вылечилъ кого-нибудь. Медики, жившіе при дворѣ, были чрезвычайно стѣснены обычаями и предразсудками. Въ ихъ занятіяхъ не уважали науки, не ставили ихъ искусства выше знахарскаго. Часто сами цари обращались къ травникамъ и знахарямъ, какъ бы въ укоръ медикамъ, состоявшимъ при ихъ дворѣ. Когда медикъ пользовалъ особу женскаго пола, принадлежащую къ царскому семейству—для него не нарушались строгія восточныя церемоніи, всегда окружавшія эту особу. Медикъ долженъ былъ пользоваться больную и угадывать болѣзнь, не видя ея лично, а единственно слѣдуя рассказамъ прислужницы. Если при такомъ способѣ лѣченія онъ ошибется, ему ставили ошибку въ вину. Ему не дозволяли узнать дѣйствіе лекарства на организмъ больной: если съ одного

¹⁾ А. И., II, 82.—Док., I, 156.

²⁾ Кильб., 184.

пріема болѣзнь не облегчалась — по понятіямъ русскихъ, это значило, что лекарство не поможетъ, медику приказывали давать другое и не дозволяли повторять одного и того же нѣсколько разъ. Что касается до народа, то вообще онъ не вѣрилъ иноземнымъ врачамъ. Духовенство признавало грѣхомъ лечиться у челоѣка не православной вѣры и въ особенности вооружалось противъ медиковъ-евреевъ, такъ что въ XVI вѣкѣ русскій за то, что прибѣгалъ къ пособію еврея, подвергался отлученію отъ церкви. Время, однако, брало свое и въ этомъ отношеніи: при Алексѣѣ Михайловичѣ, при царѣ столь набожномъ, одинъ изъ придворныхъ медиковъ былъ еврей ¹⁾.

ХІІІ.

Семейные нравы.

Всѣ иностранцы поражались избыткомъ домашняго деспотизма мужа надъ женою. Въ отношеніяхъ между двумя полами русскіе видѣли одно животное влеченіе. Въ Москвѣ, замѣчаетъ одинъ путешественникъ ²⁾, никто не унижится, чтобъ преклонить колѣно предъ женщиною и воскурить предъ нею еиміамъ. По законамъ приличія, порожденнымъ византійскимъ аскетизмомъ и грубою татарскою ревностью, считалось предосудительнымъ даже вести съ женщиною разговоръ. Вообще женщина считалась существомъ ниже мужчины и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ нечистымъ; такимъ образомъ женщинѣ не дозволялось рѣзать животное: полагали, что мясо его не будетъ тогда вкусно. Печь просфоры позволялось только старухамъ. Въ извѣстные дни женщина считалась недостойною, чтобъ съ нею вмѣстѣ ѣсть.

Въ одномъ старинномъ поученіи такъ отзываются о прекрасномъ полѣ: «Что есть жена? Сѣть утворена прельщаючи челоѣки во властехъ, свѣтлымъ лицемъ убо и высокими очима намизаючи, ногама играючи, дѣлы убиваючи, многы бо уязвивши низложи, тѣмже въ добротѣ женствѣй мнози прельщаются и отъ того любви яко огнь возгарается... Что есть жена? Святымъ обложница, покоище змѣино, діаволь увѣтъ, безъ увѣта болѣзнь, поднѣчающая сковрада, спасаемымъ соблазнь, безъисцѣльная злоба, купница бѣсовская» ³⁾. Русская женщина была постоянною невольницею съ дѣтства до гроба. Въ крестьянскомъ быту хотя она находилась подъ гнетомъ тяжелыхъ работъ, хотя на нее, какъ на рабочую лошадь, взваливали все, что было потруднѣе, но по крайней мѣрѣ не держали взаперти. У казаковъ женщины пользовались сравнительно большею свободою: жены казаковъ были ихъ помощницами и даже ходили съ ними въ походы ⁴⁾. У знатныхъ и зажиточныхъ людей Московскаго Государства женскій полъ находился взаперти, какъ въ мусульманскихъ гаремахъ. Дѣвицы содержали

¹⁾ А. И., III, 289, 390, 474.—Доп., II, 179, 242. V, 401—Jenkins., 361.—Fletch., 247—268.—Ювій, 45, 51.—Кодл., 22.—Crull., 146.—Olear., 201, 215, 217.—Herberst., 39.—Petr., 314.—Врем., I. Домостр., 40.

²⁾ Mejerb., 145.

³⁾ Пор. Собр. Публ. Библ., Рук. № 1298.

⁴⁾ А. И., III, 43.

въ уединеніи, укрывая отъ человѣческихъ взоровъ; до замужества мужчина долженъ быть имъ совершенно неизвѣстенъ; не въ правахъ народа было, чтобъ юноша высказалъ дѣвушкѣ свои чувства или испрашивалъ лично ея согласія на бракъ. Самые благочестивые люди были того мнѣнія, что родителямъ слѣдуетъ бить почаще дѣвицъ, чтобы онѣ не утратили своего дѣвства. Чѣмъ знатнѣе былъ родъ, къ которому принадлежала дѣвица, тѣмъ болѣе строгости ожидало ее: царевны были самыя несчастныя изъ русскихъ дѣвицъ; погребенныя въ своихъ теремахъ, не смѣя показываться на свѣтъ, безъ надежды когда-нибудь имѣть право любить и выйти замужъ, онѣ, по выраженію Кошихина, день и ночь всегда въ молитвѣ пребывали и лица свои умывали слезами. При отдачѣ замужъ дѣвицу не спрашивали о желаніи; она сама не знала, за кого идетъ, не видѣла своего жениха до замужества, когда ее передавали въ новое рабство. Сдѣлавшись женою, она не смѣла викауда выйти изъ дома безъ позволенія мужа, даже, если шла въ церковь, и тогда обязана была спрашиваться. Ей не представлялось права свободнаго знакомства по сердцу и праву, а если дозволялось нѣкотораго рода обращеніе съ тѣми, съ кѣмъ мужу угодно было позволить это, то и тогда ее связывали наставленія и замѣчанія: что говорить, о чемъ умолчать, что спросить, чего не слышать. Въ домашнемъ быту часто ей не давали права хозяйства, какъ уже сказано. Ревнивый мужъ приставлялъ къ ней шпіоновъ изъ служанокъ и холоповъ, а тѣ, желая поддѣлаться въ милость господину, нерѣдко перетолковывали ему въ другую сторону каждый шагъ своей госпожи. Выѣзжала ли она въ церковь или въ гости, неотступныя стражи слѣдили за каждымъ ея движеніемъ и обо всемъ передавали мужу. Очень часто случалось, что мужъ по наговору любимаго холопа или женщины билъ свою жену изъ одного только подозрѣнія. Даже и тогда, когда мужъ поручалъ женѣ смотрѣть за хозяйствомъ, она была не болѣе, какъ ключница: не смѣла ни послать чего-нибудь въ подарокъ другимъ, ни принять отъ другого, не смѣла даже сама безъ позволенія мужа сѣсть или выпить. Рѣдко дозволялось ей имѣть вліяніе на дѣтей своихъ, начиная съ того, что знатной женщины считалось неприличнымъ кормить грудью дѣтей, которыхъ поэтому отдавали кормилицамъ; мать вполнѣдствіи имѣла надъ ними менѣе надзора, чѣмъ няньки и дядьки, которые воспитывали господскихъ дѣтей подѣ властью отца семейства. Обращеніе мужьевъ съ женами было таково: по обыкновенію, у мужа висѣла плеть, исключительно назначенная для жены и называемая *дуракъ*; за ничтожную вину мужъ таскалъ жену за волосы, раздѣвалъ до-нага, привязывалъ веревками и сѣкъ дуракомъ до крови — это называлось учить жену; у иныхъ мужьевъ вмѣсто плети играли ту же роль розги, и жену сѣкли, какъ маленькаго ребенка, а у другихъ, напротивъ, дубина — и жену били, какъ скотину. Такого рода обращеніе не только не казалось предосудительнымъ, но еще вмѣнялось мужу въ нравственную обязанность. Кто не билъ жены, о томъ благочестивые люди говорили, что онъ домъ свой не строить и о своей душѣ не радить, и самъ погубленъ будетъ и въ семь вѣцѣ и въ будущемъ, и домъ свой погубить. Домострой человѣколюбиво совѣтуетъ не бить жены кулакомъ по лицу, по глазамъ, не бить ее вообще желѣзнымъ или деревяннымъ орудіемъ, чтобъ не изувѣчить или не допустить до выкидыша ребенка, если она беременна; онъ находитъ, что бить жену плетью и разумно, и больно, и страшно, и здорово. Это нравственное правило проповѣдовалось православною церковью, и самимъ царямъ, при вѣнчаніи, митрополиты и патріархи

читали нравоученія о безусловной покорности жены мужу. Привыкшія къ рабству, которое влачить суждено было имъ отъ пеленокъ до могилы, женщины не имѣли понятій о возможности имѣть другія права и вѣрили, что онѣ въ самомъ дѣлѣ рождены для того, чтобъ мужа ихъ били, и даже самые побои считали признакомъ любви. Иностранцы рассказываютъ слѣдующій любопытный анекдотъ, переходившій изъ устъ въ уста въ различныхъ варіаціяхъ. Какой-то итальянецъ женился на русской и жилъ съ нею нѣсколько лѣтъ мирно и согласно, никогда не бивши ее и не бранивши. Однажды она говоритъ ему: «За что ты меня не любишь?»—«Я люблю тебя», сказалъ мужъ и поцѣловалъ ее.—«Ты ничѣмъ не доказалъ мнѣ этого», сказала жена.—«Чѣмъ же тебѣ доказать?»—спрашивалъ онъ.—Жена отвѣчала: «ты меня ни разу не билъ».—«Я этого не зналъ,—говорилъ мужъ,—но если побои нужны, чтобъ доказать тебѣ мою любовь, то за этимъ дѣло не станеть». Скоро послѣ того онъ побилъ ее плетью и въ самомъ дѣлѣ замѣтилъ, что послѣ того жена стала къ нему любезнѣе и услужливѣе. Онъ поколотилъ ее въ другой разъ такъ, что она послѣ того нѣсколько времени пролежала въ постели, но однако не роптала и не жаловалась. Наконецъ въ третій разъ онъ поколотилъ ее дубиною такъ сильно, что она послѣ того черезъ нѣсколько дней умерла. Ея родныя подали на мужа жалобу; но судьи, узнавши всѣ обстоятельства дѣла, сказали, что она сама виновата въ своей смерти; мужъ не зналъ, что у русскихъ побои значать любовь и хотѣлъ доказать, что любить сильнѣе, чѣмъ всѣ русскіе; онъ не только изъ любви билъ жену, но и до смерти убилъ. Женщины говорили: «кто кого любитъ, тотъ того лупить, коли мужъ не бьетъ, значить не любить»; пословицы эти и до сихъ поръ существуютъ въ народѣ, такъ же, какъ и слѣдующая: «не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ на волѣ», показывающая, что неволя считалась принадлежностью женскаго существа. Иногда родители жены при отдачѣ ея замужъ заключали письменный договоръ съ зятемъ, чтобъ онъ не билъ жены. Разумѣется, это исполнялось неточно. Положеніе жены всегда было хуже, когда у нея не было дѣтей, но оно дѣлалось въ высшей степени ужасно, когда мужъ, соскучивъ ею, заводилъ себѣ на сторонѣ любовную. Тутъ не было конца придирамъ, потасовкамъ, побоямъ; нерѣдко въ такомъ случаѣ мужъ заколачивалъ жену до смерти и оставался безъ наказанія, потому что жена умирала медленно и, слѣдовательно, нельзя было сказать, что убилъ ее онъ, а бить ее, хотя по десяти разъ на день, не считалось дурнымъ дѣломъ. Случалось, что мужъ такимъ образомъ приневоливалъ ее вступить въ монастырь, какъ свидѣтельствуемъ народная пѣсня, гдѣ изображается такого рода насиліе. Несчастливая, чтобъ избѣжать побоевъ, рѣшалась на самовольное самозаключеніе, тѣмъ болѣе, что и въ монастырѣ ей было больше свободы, чѣмъ у дурного мужа. Если бы жена заупрямилась, мужъ, чтобъ разлучиться съ немилою-постылою, нанималъ двухъ-трехъ негодяевъ лжесвидѣтелей, которые обвиняли ее въ прелюбодѣяннѣ; находилъ за деньги и такой, что бралъ на себя роль прелюбодѣя: тогда жену насильно запирали въ монастырь ¹⁾).

Не всегда, однако, жены безропотно и безотвѣтно свосили суровое обра-

¹⁾ Врем., I. Домостр., 29, 68.—Доп., I, 54.—Павл. Іов., 51.—Fletch., 246.—Olear., 217.—Petr., 324.—Mejerb., 145.—Carlisle, 341.—Crull., 160, 162.—Strauss, 203.—Herberst., 34.

женіе мужьевъ и не всегда оно оставалось безъ наказанія. Иная жена, бойкая отъ природы, возражала мужу на его побои бранью, часто неприличнаго содержания. Были примѣры, что жены отравляли своихъ мужьевъ, и за это ихъ закапывали живыхъ въ землю, оставляя наружу голову, и оставляли въ такомъ положеніи до смерти; имъ не давали ѣсть и пить, и сторожа стояли при нихъ, не допуская, чтобъ кто-нибудь изъ состраданія не покормилъ такую преступницу. Прохожимъ позволялось бросать деньги, но эти деньги употреблялись на гробъ для осужденной или на свѣчи для умилоствленія Божія гнѣва къ ея грѣшной душѣ¹⁾. Впрочемъ, случалось, что имъ оставляли жизнь, но замѣняли смерть вѣчнымъ жестокимъ заточеніемъ. Двухъ такихъ преступницъ за отравленіе мужьевъ держали трое сутокъ по шею въ землѣ, но такъ какъ онѣ попросились въ монастырь, то ихъ откопали и отдали въ монастырь, приказавъ держать ихъ порознь въ уединеніи и въ кандалахъ. Другія жены мстили за себя доносами. Какъ ни безгласна была жена передъ мужемъ, но точно такъ же были мужья безгласны передъ царемъ. Голосъ жены, какъ и голосъ всякаго, и въ томъ числѣ холопа, принимали въ уваженіе, когда дѣло шло о злоумышленіи на особу царскаго дома или о кражѣ царской казны. Иностранцы рассказываютъ замѣчательное событіе: жена одного боярина, по злобѣ къ мужу, который ее билъ, доносила, что онъ умѣетъ лечить подагру, которою царь тогда страдалъ, и хотя бояринъ увѣрялъ и клялся, что не знаетъ этого вовсе, его истязали и обѣщали смертную казнь, если онъ не сыщетъ лекарства для государя. Тотъ въ отчаяніи нарвалъ какихъ попало травъ и сдѣлалъ изъ нихъ царю ванну; случайно царю послѣ того стало легче, и лекаря еще разъ выскли за то, что онъ, зная, не хотѣлъ говорить. Жена взяла свое. Но еще случалось, что за свое униженіе женщины отомщали обычнымъ своимъ способомъ: тайною измѣною. Какъ ни строго запирали русскую женщину, она склонна была къ тому, чтобъ положить мужа подъ лавку, какъ выражались въ тотъ вѣкъ. Такъ и быть должно. По свойству человѣческой природы, рабство всегда рождаетъ обманъ и коварство. Часто женщина напивалась пьяна и тогда, если только представлялся случай, предавалась первому мужчинѣ.

Иностранцы единогласно говорятъ, что русская женщина не была неприступна и для нихъ, несмотря на всеобщее омерзѣніе, внушаемое нехристями, къ которымъ въ Россіи причисляли всѣхъ вообще неправославныхъ. На эти случаи у женщинъ образовались свои собственные догматы. «Женщинѣ соблудить съ иностранцемъ», говорили онѣ: «простительно; дитя отъ иностранца родится—крещеное будетъ; а вотъ какъ мужчина съ иновѣркою согрѣшитъ, такъ дитя будетъ некрещеное, оно и грѣшнѣе: некрещеная вѣра множится».

У зажиточныхъ домовитыхъ людей все было такъ устроено, что казалось невозможно сблизиться мужчинѣ съ ихъ женами; однако примѣры измѣнъ такихъ женъ своимъ мужьямъ были нерѣдки. Запертая въ своемъ теремѣ жена проводила время съ служанками, а отъ скуки вела съ ними, какъ говорилось, пустошныя рѣчи, пересмѣшныя, скоромскія и безлѣпныя и пріучалась располагать свое воображеніе ко всему непѣломудренному. Эти служанки вводили въ домъ разныхъ торговокъ, гадальщицъ и въ томъ числѣ такихъ женщинъ, которыя назывались «потворенныя бабы», то-есть, *что молодья жены съ чу-*

1) De Bruyns, 20.

жими мужи сваживаютъ. Эти соблазнительницы вели свое занятіе съ правильностью ремесла и очень искусно вѣдрялись въ дома, прикидываясь чѣмъ угодно и чѣмъ нужно, даже набожными богомолками. Всегда ихъ можно было застать тамъ, гдѣ женщины и дѣвки сходились, напримѣръ: на рѣкѣ, гдѣ мылось бѣлье, у колодца, куда ходили съ ведрами, на рынкахъ и т. п. Заводили знакомство съ служанками, а черезъ нихъ доходили и до госпожъ; такая искусница, коль скоро вотрется въ домъ, непременно надѣлаетъ тамъ какой-нибудь бѣды: или самой госпожѣ соблазнить, или же дѣвку-служанку подманить обокрасть госпожу и бѣжать съ любовникомъ, съ которымъ нерѣдко вмѣстѣ ограбятъ ее и даже утопятъ. Вотъ такого рода женщины были пособницами волокитъ, и случалось такъ, что разомъ одна тайно служила мужу отъ жены, а женѣ отъ мужа.

Хотя блудодѣяніе и преслѣдовалось строго нравственными понятіями и даже въ юридическихъ актахъ блудники помѣщались въ одинъ разрядъ съ ворами и разбойниками, но русскіе мужчины предавались самому неистовому разврату. Очень часто знатные бояре, кромѣ женъ, имѣли у себя любовницъ, которыхъ доставляли имъ потворенныя бабы, да сверхъ того не считалось большимъ порокомъ пользоваться и служанками въ своемъ домѣ, часто насильно. По извѣстіямъ одного англичанина, одинъ любимецъ царя Алексѣя Михайловича завелъ у себя цѣлый гаремъ любовницъ, и такъ какъ его жена была этимъ недовольна, то онъ почелъ лучшимъ отравить ее ¹⁾. Вообще же мужчинѣ и не вмѣнялся развратъ въ такое преступленіе, какъ женщинѣ. Многіе, чувствуя, что они грѣшатъ, старались уменьшить тяжесть грѣха сохраненіемъ разныхъ религіозныхъ приличій, напримѣръ, снимали съ себя крестъ и занавѣшивали образа, готовясь къ грѣшному дѣлу. Въ простонародѣ развратъ принималъ наглыя формы. Патріархъ Филаретъ обличалъ служилыхъ людей, что они, отправляясь въ отдаленныя мѣста на службу, закладывали женъ своихъ товарищамъ и предоставляли имъ право имѣть съ ними сожительство, какъ будто вмѣсто процентовъ за полученную сумму. Если же мужъ не выкупалъ жены въ означенный срокъ, займодавецъ продавалъ ее для блуда кому-нибудь другому, другой — третьему, и такъ женщина переходила изъ рукъ въ руки. Другіе, не жеваясь вовсе, находились въ блудномъ сожительствѣ съ родными сестрами и даже съ матерями и дочерьми ²⁾. Простыя женщины распутнаго поведенія доходили до потери всякаго стыда, напримѣръ, голыя выбѣгали изъ общественныхъ бань на улицы въ посадахъ и закликали къ себѣ охотниковъ. Олеарій рассказываетъ, что онъ былъ свидѣтелемъ, какъ въ Новгородѣ во время стеченія народа по случаю богомолья пьяная баба, выходя изъ кружала, упала на улицѣ въ непристойномъ положеніи. Вдругъ идетъ пьяный мужикъ и, увидя ее полунагую, бросился на нее, какъ звѣрь, но упалъ безъ чувствъ, потому что и самъ былъ мертвецки пьянъ. Тогда мальчишки столпились около этой четы и подтрунивали надъ нею ³⁾.

Женщина получала больше уваженія, когда оставалась вдовою и притомъ была матерью. Тогда какъ замужняя не имѣла вовсе личности сама по себѣ,

¹⁾ Колл., 36.

²⁾ С. г. гр., III, 245, 246.

³⁾ Olear, 394:

вдова была полная госпожа и глава семейства. Личность вдовицы охранялась религиознымъ уваженіемъ. Оскорбить вдовицу считалось величайшимъ грѣхомъ. «Горе обидящему вдовицу», говоритъ одно старое правоученіе: «лучше ему въ домъ свой ввергнуть огонь, чѣмъ за воздыханія вдовиць быть ввержену въ геену огненную» ¹⁾. Впрочемъ, какъ существу слабому, пріученному съ дѣтства къ униженію и неволѣ, и тутъ не всегда приходилось ей отдохнуть. Примѣры непочтенія дѣтей къ матерямъ были перѣдки. Бывало, что сыновья, получивъ наслѣдство послѣ родителя, выгоняли мать свою, и та должна была просить подаванія. Это не всегда преслѣдовалось, какъ видно изъ одного примѣра XVI вѣка, гдѣ выгнанной матери помѣщиковъ царь приказалъ удѣлить на содержаніе часть изъ помѣстьевъ ея мужа, но сыновьямъ, какъ видно, не было никакого наказанія ²⁾. Иногда же, напротивъ, овдовѣвшая поступала безжалостно съ дѣтьми, выдавала дочерей насильно замужъ, бросала дѣтей на произволъ судьбы и т. п. ³⁾.

Между родителями и дѣтьми господствовалъ духъ рабства, прикрытый ложною святостью патріархальныхъ отношеній. Почтеніе къ родителямъ считалось по нравственнымъ понятіямъ ручательствомъ здоровой, долгой и счастливой жизни. О томъ, кто злословитъ родителей, говорилось: «да склюютъ его вороны, да съѣдятъ его орлы!» Была и есть на Руси пословица: «отчая клятва изсушитъ, матерняя искоренитъ». Впрочемъ, отецъ, какъ мужчина, и въ дѣтскомъ уваженіи пользовался предпочтеніемъ. «Имѣй, чадо»,—поучаетъ отецъ сына:—«отца своего, аки Бога, мать свою, аки самъ себе» ⁴⁾. Несмотря на такія нравственныя сентенціи, покорность дѣтей была болѣе рабская, чѣмъ дѣтская и власть родителей надъ ними переходила въ слѣпой деспотизмъ, безъ нравственной силы. Чѣмъ благочестивѣе былъ родитель, чѣмъ болѣе проникнуть былъ ученіемъ православія, тѣмъ суровѣе обращался съ дѣтьми, ибо церковныя понятія предписывали ему быть какъ можно строже: «Наказуй отецъ сына изъ млада, говоритъ одно старинное поученіе: учи его ранами бояться Бога и творить все доброе и да укоренится въ немъ страхъ Божій, а если смолода не научишь—большдо какъ можно научить» ⁵⁾. Слова почитались недостаточными, какъ бы они убѣдительны ни были, нужно учить дѣтей «розгами, да не пріимеши про нихъ нынѣ отъ челоуѣкъ сорома и будущихъ мукъ» ⁶⁾; и общее нравственное правило отцовъ въ отношеніи къ дѣтямъ выражалось въ такой формулѣ, какую передаетъ намъ благочестивый авторъ Домостроя: «Сына ли имаша, не дошедъ внити въ юности, но сокруши ему ребра; аще бо жезломъ біеши его, не умретъ, но здравъ будетъ, дщерь ли имаша—положи на ней грозу свою». Этотъ суровый моралистъ запрещаетъ даже смѣяться и играть съ ребенкомъ. Зато и дѣти, работѣнныя въ присутствіи родителей, съ дѣтства пріучались насмѣхаться надъ ними вмѣстѣ съ сверстниками изъ слугъ, приставленными къ нимъ для товарищества. «Въ Московіи, говоритъ одинъ иностра-

¹⁾ Публ. Библ. Погод. Собр., 1313.

²⁾ Доп., I, 110.

³⁾ Доп., I, 116.

⁴⁾ Погод. Собр. рук. П. Б., 1772.

⁵⁾ Рум. Муз. Собр., 359.

⁶⁾ Погод. Собр., № 1024.

нець, нерѣдко можно встрѣтить, какъ сынъ смѣется надъ отцомъ, дочь надъ матерью ¹⁾. Грубыя привычки усваивались ими съ малолѣтства и сопровождали ихъ до старости. «Лучше, говоритъ одинъ русскій моралистъ, имѣть у бедра мечъ безъ ноженъ, нежели неженатаго сына въ своемъ домѣ; лучше въ домѣ коза, чѣмъ взрослая дочь; коза по елищю ходитъ—молоко принесть; дочь по селищю ходитъ—стыдъ принесть отцу своему» ²⁾.

XIV.

Порядокъ домоуправленія.

При маломъ развитіи городской ремесленности и мелочной торговли дворъ зажиточнаго человека, не только въ его вотчинѣ, но и построенный въ самой Москвѣ, представлялъ подобіе цѣлаго города: тамъ производились всевозможнѣйшія работы, нужныя для домашняго обихода; тамъ ткали холсты, шили бѣлье, сапоги, платье, дѣлали мебель и всякую деревянную утварь, вышивали золотомъ и шелками. Все нужное для дома обыкновенно покупалось оптомъ. Поставы матерій и суконъ накоплялись въ господскихъ сундукахъ, такъ что доставало на много лѣтъ, на цѣлую жизнь и передавалось дѣтямъ. У расчетливаго хозяина всегда былъ огромный запасъ разнаго съѣстнаго: хлѣба, соленаго мяса, рыбы, сухарей, толкна, ветчины и проч. Благоразумный человекъ не только ничего не покупалъ врознь, но иногда еще и продавалъ изъ остатковъ. Только незначительные и бѣдные люди питались съ рынка и зато платили въ три раза дороже, чѣмъ богачи, покупавшіе все нужное оптомъ ³⁾.

Когда у хозяина рождалась дочь, онъ для нея дѣлалъ особый сундучокъ или коробъ и откладывалъ туда каждый годъ всякаго рода имущество въ счетъ будущаго приданаго, и въ то же время возвращали на ея долю скотину: все вмѣстѣ называлось ея надѣлкомъ. Въ случаѣ ея смерти до замужества надѣлокъ обращался на поминаніе души усопшей. Такимъ образомъ съ самаго рожденія члена семейства приготавливали ему запасъ на жизнь.

Все въ такомъ домѣ носило характеръ замкнутости и разобщенія со всѣмъ остальнымъ. Все въ немъ старались покрыть тайною для чужихъ. Ворота были заперты и днемъ и ночью, и приходящій долженъ былъ, по обычаю времени, постучаться слегка и проговорить: «Господи Іисусе Христе, помилуй насъ!» и потомъ дожидаться, пока ему скажутъ: аминь». По нравственнымъ понятіямъ вѣка, честный человекъ долженъ былъ стараться, чтобы никто того не слыхалъ, не видалъ, что у него дѣлается во дворѣ, и самъ не пытался узнавать, какъ живутъ въ чужихъ дворахъ. Все въ домѣ и кладовыхъ хранилось подъ замками. Многое извѣстно было одному только хозяину, какъ, напримѣръ, деньги, которыя почитались драгоценнѣе вещей; такъ что многіе держали ихъ не иначе, какъ зарытыми въ землѣ, а иные отдавали на сохраненіе въ монастыри, что называлось поклажею. Обиліе домовитаго двора и разобщеніе домашней жизни съ

¹⁾ La Relig. des Moscov., 87.

²⁾ Сборн. Рум. Муз., 359.

³⁾ Док., I, 76.

вѣншностью совпадало съ обычаемъ держать въ дворахъ большое населеніе. Старинная недѣлимость семей соединяла иногда нѣсколько боковыхъ родственныхъ линій около одного родственника или старѣйшины. То были дѣти, братья, племянники хозяина и даже дальнѣйшіе его родственники, жившіе съ ними не въ раздѣлѣ, смотря по обстоятельствамъ и по желанію. По смерти хозяина члены или соглашались продолжать жить вмѣстѣ, или старшій дядя ихъ отдавалъ ту часть, какая слѣдовала членамъ многочисленнаго семейства; тогда отдѣлялись другія семьи и образовывали новые дворы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Россіи этотъ обычай наблюдался въ большемъ размѣрѣ и строже въ своемъ основаніи, въ другихъ слабѣе, такъ что наслѣдники сѣншили дѣлиться и основывать новыя семьи. Въ новгородскихъ областяхъ дѣти обыкновенно дѣлились отцовскимъ имуществомъ, но оставляли одну часть общую для всѣхъ ¹⁾. Обычай жить вмѣстѣ съ родственниками наблюдался болѣе или менѣе у всѣхъ сословій, — менѣе у знатныхъ людей, имѣвшихъ способы дѣлиться скорѣе. У иныхъ родственники, жившіе при дворѣ, входили въ уровень съ прислугою. Такъ, напримѣръ, одинъ гость въ 1696 году, нанимая сторожа, заключалъ съ нимъ условіе, что онъ будетъ ѣсть и пить съ хозяйскими братьями ²⁾. У крестьянъ и у посадскихъ этотъ обычай соблюдался при значительномъ развѣтвленіи рода; тогда, когда связь между родственниками дѣлалась уже слабою, они расходились, а иногда тѣ, которые бѣднѣли и поставляли себя въ обязательное отношеніе къ главнымъ хозяевамъ, нисходили на степень подсосѣдниковъ, приписанныхъ къ семьѣ, но не составляли ея прямыхъ членовъ. Несмотря на то же совокупленіе кровныхъ, обыкновенно мало было ладу въ семьяхъ, и всѣ члены большой семьи нерѣдко жили между собою во враждѣ ³⁾. Зато духъ общинности, столь свойственный русскому праву, не ограничивалъ такихъ скуновъ однимъ родствомъ, но соединялъ людей, не имѣвшихъ между собою кровныхъ связей. Такъ былъ примѣръ, что нѣсколько человекъ соглашались и покупали одинъ дворъ, совершивъ кучую на общее имя, и дворъ принадлежалъ не одному лицу, а всѣмъ вмѣстѣ ⁴⁾. Кромѣ родственниковъ, при дворѣ знатнаго господина, имѣвшаго у себя домашнюю церковь, жилъ священникъ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы членомъ семьи. Если онъ былъ женатъ и имѣлъ дѣтей, то жилъ въ особой избѣ и получалъ мѣсячный кормъ, а если былъ монахъ или вдовецъ, то пользовался обѣдомъ вмѣстѣ съ хозяиномъ ⁵⁾. Сверхъ священника жилъ въ такихъ дворахъ крестовый дякъ домашней церкви, завѣдывавшій ея устройствомъ. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ зажиточныхъ домахъ жили сироты, мальчики и дѣвочки, которыхъ благочестивые отцы семействъ воспитывали и обучали какому-нибудь занятію, а по достиженіи совершеннолѣтія отпускали, чтѣ называлось благословлять въ міръ ⁶⁾.

Все это вмѣстѣ уясняетъ систему построекъ старинныхъ дворовъ, заключавшихъ въ себѣ по нѣскольку избъ. Но то, чтѣ составляло общее достояніе сколько-нибудь зажиточнаго человѣка, это—множество слугъ при дворѣ. Богатые

¹⁾ А. Ю., 53.

²⁾ А., отн. до ю. б., I, 711.

³⁾ La Relig. des Mosc., 87.

⁴⁾ А., отн. до юр. б., I, 462.

⁵⁾ Кош., 119.

⁶⁾ Врем., I. Домостр., 109.

и знатные держали у себя огромное число прислуги мужского и женского пола, иногда число их превышало пятьсотъ, а у важныхъ лицъ доходило даже до тысячи. Господа измѣряли честь и значеніе свое огромнымъ количествомъ дворни. Это были или вѣчные холопы проданные, или сами себя продавшіе въ рабство съ потомствомъ, или военно-плѣнные, или кабальные, то-есть такіе, которые, занимая деньги, обязывались служить вмѣсто платежа процентовъ, или отданные въ кабалу по суду за неплатежъ долга, или наконецъ бѣглецы люди, то-есть посадскіе, убѣжавшіе отъ тягла, служилые, бѣжавшіе изъ службы, и наконецъ чужіе холопы и крестьяне, перебѣжавшіе отъ одного господина къ другому.

Всякій господинъ старался населить свой дворъ преимущественно мастеровыми и вообще умѣлыми людьми. По ихъ занятіямъ и свѣдѣніямъ давались имъ должности. То были повара, приспѣшники, хлѣбники, квасовары, портные, столяры, сапожники, кузнецы, коновалы, швеи, сторожа и проч. ¹⁾ У знатныхъ господъ были люди, вооруженные луками, стрѣлами и самопалами, въ бѣлыхъ и сѣрыхъ епанчахъ, въ татарскихъ шапкахъ: они исполняли должность тѣлохранителей. Но кромѣ дѣловыхъ людей, были еще толпы слугъ, которые не имѣли опредѣленныхъ занятій и въ самомъ дѣлѣ ничего не дѣлали. Обыкновенно двое изъ слугъ были главноначальствующими лицами: ключникъ и дворецкій. Ключникъ былъ главный распорядитель, иногда значившій у господина больше, чѣмъ жена и родня, жившая въ дворѣ. Не занимаясь хозяйствомъ, господинъ отдавалъ ключнику на руки все домоуправленіе. Онъ былъ приходорасходчикъ, завѣдывалъ клѣтками и всѣми строеніями, держалъ у себя повѣренные ему ключи и отъ этого получалъ наименованіе своего званія. Господинъ выдавалъ ему содержаніе иногда за недѣлю, а иногда за мѣсяцъ впередъ. По окончаніи срока господинъ повѣрялъ его, при повѣркѣ вычиталъ то, что ему слѣдовало на проѣздъ, и сверхъ того дарилъ за службу. Другое начальственное лицо изъ двора—дворецкій, завѣдывалъ вообще всѣми дворовыми людьми, доносилъ обо всемъ случившемся въ дворѣ господину, разбиралъ разные случаи спора между слугами, наказывалъ ихъ по приказанію господина. Нѣкоторые изъ слугъ пріобрѣтали особенную довѣренность и благосклонность господина; увѣрившись, что на нихъ можно положиться, онъ отправлялъ своихъ холоповъ для управленія вотчинами, дѣлалъ имъ порученія по торговлѣ или по хозяйству. Прислуга женскаго пола находилась подъ управленіемъ хозяйки, если мужъ довѣрялъ ей; въ противномъ случаѣ ею завѣдывала какая-нибудь изъ женщинъ, обыкновенно жена ключника. Одна изъ прислужницъ была приближенная къ госпожѣ и называлась ея постельницею. Кормилицы и няньки дѣтей были большею частью изъ прислуги и пользовались предъ другими особеннымъ почетомъ. Однѣ изъ служанокъ—обыкновенно дѣвицы—занимались исключительно вышиваньями вмѣстѣ съ госпожою и другими особами хозяйскаго семейства женскаго пола, другія—обыкновенно замужнія—исправляли черныя работы, топили печи, мыли бѣлье и платье, пекли хлѣбы, готовили разные запасы, третьимъ отдавалась на уроки пряжи и тканья. У лицъ, жившихъ нераздѣльно съ хозяиномъ, прислуга была общая. Въ распорядкахъ домашняго быта у домохозяевъ соблюдались такіе же обычаи, какъ въ царской придворной жизни: главный хозяинъ въ своемъ дворѣ игралъ роль государя, и въ самомъ дѣлѣ назывался государемъ: слово это означало домо-

¹⁾ А. II, II, 176.—Вор. Акты, I, 145.—Petr., 313.

владыку, другіе члены семейства находились у него въ такомъ же отношеніи, какъ родственники царя; слуги были то же, что служилые у царя,—и потому-то всѣ, служащіе царю, начиная отъ бояръ до послѣднихъ ратныхъ людей, такъ какъ и слуги частнаго домохозяина, назывались холопами. Господинъ, какъ царь, окружалъ себя церемоніями; напримѣръ, когда онъ ложился спать, то одинъ изъ слугъ стоялъ у дверей комнаты и охранялъ его особу. Господинъ награждалъ слугъ и оказывалъ имъ свое благоволеніе точно такъ же, какъ поступалъ царь съ своими служилыми: жаловалъ имъ шубы и кафтаны съ своего плеча, или лошадей и скотину, посылалъ имъ отъ своего стола подачу, что означало милость. То же дѣлала госпожа съ женщинами: однѣхъ примодвляла, т.-е. награждала ласковымъ словомъ, другихъ дарила или посылала имъ подачу съ своего стола. При дворѣ частныхъ домохозяевъ, какъ и при дворѣ царскомъ, сохранялся обычай отличать заслуги и достоинство слугъ большимъ количествомъ пищи. При огромномъ количествѣ слугъ въ дворѣ богатаго господина существовали приказы, такіе точно, какъ въ царскомъ управленіи государствомъ, подъ главнымъ контролемъ ключника и дворецкаго, какъ сказано выше. Прислуга вообще раздѣлялась, какъ служилые царскіе люди, на статьи: большую, среднюю и меньшую. Принадлежавшіе къ большей статьѣ получали большее содержаніе; нѣкоторые получали, сверхъ одежды, денежное жалованье отъ двухъ до десяти рублей въ годъ, другіе же одежду, нѣкоторые одно содержаніе. Домострой со- вѣтуетъ, чтобъ слуги по возможности были сыты государскимъ жалованьемъ и одѣты своимъ руководѣлемъ. Такимъ образомъ имъ давалось льготное время, которое служилые люди употребляли для пріобрѣтенія себѣ одежды. Вообще слуги у русскихъ господъ ходили въ изорванныхъ одеждахъ, но когда нужно было показаться предъ гостями, имъ выдавалось платье, лежавшее въ клѣткахъ; ключникъ, по приказу господъ, выдавалъ имъ его, а они впоследствии обязаны были воротить все въ цѣлости, въ противномъ случаѣ подвергались побоямъ. Въ этомъ отношеніи въ господскихъ домахъ дѣлалось то же, какъ въ царскомъ дворѣ, гдѣ въ важное время пріема иноземныхъ пословъ служилымъ людямъ выдавалось платье и потомъ отбиралось.

Женатые служилые жили отдѣльно въ избахъ; нѣсколько семей помѣщались въ одной и получали на содержаніе мѣсячину; холостые и дѣвки обыкновенно жили при господской поварнѣ, мыльнѣ, конюшнѣ, сараяхъ, въ людскихъ избахъ, для того построенныхъ; дѣвушки, занимавшіяся вышиваньемъ, спали въ сѣняхъ и отъ этого назывались *спынными*. Господа соединяли парней и дѣвушекъ бракомъ, часто противъ ихъ желанія, и праздновали ихъ свадьбы у себя въ домѣ: это доставляло для господъ развлеченіе въ однообразной ихъ жизни.

Содержать хорошо слугъ считалось дѣломъ богоугоднымъ, наравнѣ съ милостынею. Въ нашихъ старыхъ книгахъ благочестиваго содержанія были нравоученія такого рода: *имйте рабы свои, аки братію и рабыни аки сестры себѣ, яко и тѣ стѣя адамѣ есть* ¹⁾. По большей части прислуга содержалась дурно, даже и тамъ, гдѣ хозяинъ имѣлъ благія намѣренія въ отношеніи своей дворни: потому что ключники и дворецкіе, выбранные господиномъ изъ нихъ же, завѣдуя ихъ содержаніемъ, старались половину положить въ свой карманъ. Во многихъ боярскихъ домахъ многочисленную дворню кормили дурно испе-

1) Румянц. Сборн., 359.

ченнымъ хлѣбомъ и тухлою рыбою, мясо рѣдко они видѣли, и самый квасъ давался имъ только по праздникамъ. Голодные и оборванные, и при этомъ ничѣмъ не занятые, они шатались по городу, братались съ нищими, просили милостыни и часто по ночамъ нападали на прохожихъ съ топорами и ножами, или залускали въ голову имъ кистени, производили пожары, чтобъ во время суматохи расхищать чужое достояніе. Господа смотрѣли на такіе поступки своихъ рабовъ сквозь пальцы ¹⁾.

Вообще господа обращались съ своими слугами деспотически и охотѣе слѣдовали такимъ пастырскимъ нравоученіямъ, какъ, напр., «*аще ли рабъ или рабыни тебя не слушаетъ и по твоей волѣ не ходитъ то плети нанѣ нещадѣ*» ²⁾, чѣмъ такимъ, гдѣ заповѣдовалось господамъ считать рабовъ за братьевъ. Нерѣдко случалось, что господинъ насилывалъ своихъ рабынь, не обращая вниманія на ихъ мужей, растлѣвалъ дѣвицъ: случалось, что убивалъ до смерти людей изъ своей дворни,—все ему сходило съ рукъ ³⁾. Самые слуги не имѣли понятія, чтобъ могло быть иначе и не оскорблялись побоями и увѣчьями: за всякимъ тычкомъ не угодяешься, гласитъ пословица; рабу все равно было, справедливо ли или несправедливо его били: господинъ сыщеть вину, коли захочетъ ударить,—говорили они. Тѣ слуги, которые не составляли достоянія господъ, коими присуждены были къ работѣ за деньги или же отдавши себя во временную кабалу, не только не пользовались особенными льготами отъ безусловной воли господъ, но даже подвергались болѣе другихъ побоямъ и всякаго рода стѣсненіямъ ⁴⁾. У русскихъ было понятіе, что служить слѣдуетъ хорошо тогда только, когда къ этому побуждаетъ страхъ,—понятіе общее у всѣхъ классовъ, ибо и знатный господинъ служилъ вѣрою и правдою царю, потому что боялся побоевъ; нравственное убѣжденіе вымыслило пословицу: за битаго двухъ небитыхъ дають. Самые милосердые господа должны были прибѣгать къ палкамъ, чтобъ заставить слугъ хорошо исправлять ихъ обязанности: безъ того слуги стали бы служить екверно ⁵⁾. Произволь господина удерживался только тѣмъ, что слуги могли отъ него разбѣжаться, притомъ обокравши его, и другіе не пойдутъ къ нему въ кабалу. Напротивъ, господинъ славился тѣмъ, что хорошо кормилъ слугъ. Русскіе не цѣнили свободы и охотно шли въ холопы. Въ XVII вѣкѣ иные отдавали себя рубля за три на цѣлую жизнь. Получивъ деньги, новый холопъ обыкновенно пропивалъ ихъ и проматывалъ, и потомъ оставался служить хозяину до смерти. Иные же, соблазнившись деньгами, продавали себя съ женами, съ дѣтьми и со всѣмъ потомствомъ. Иногда же бравшіе деньги закладывали заимодавцу сыновей и дочерей, и дѣти жили въ неволѣ за родителей. Были и такіе, которые поступали въ холопы насильно: еще до воспрещенія перехода крестьянамъ, помѣщикъ нерѣдко обращалъ ихъ въ холопы. Въ XVII вѣкѣ служилые люди торговали самымъ возмутительнымъ образомъ женскимъ поломъ въ Сибири. Они насильно брали безпомощныхъ сиротъ дѣвицъ, иногда сманивали у своихъ товарищей женъ, дѣлали на нихъ фальшивые крѣпостные

1) Mejerb., 139.—Str., 197, 199.

2) Пог. Собр., 1228.

3) А., отн. до юр. быта, I, 558.

4) Колл., 34.

5) Барбер., 32.—Olear., 797.—Strauss, 194.

акты и потомъ передавали изъ рукъ въ руки, какъ вещь. Толпы слугъ вообще увеличивались во время голода и войны; во время голода потому, что многіе изъ дневного пропитанія отдавали себя навѣки въ рабство, а во время войнъ дворяне и дѣти боярскіе, убѣгая отъ военной службы, записывались въ холопы, а тѣ, которые возвращались съ войны, приводили домой военно-плѣнныхъ, которыхъ обращали въ рабство: такимъ образомъ въ классѣ холоповъ было много поляковъ и литовцевъ; ихъ заставляли насильно принимать православіе и насильно женили или выдавали замужъ. Правительство въ XVII вѣкѣ хотѣло оградить военноплѣнныхъ отъ жестокаго жребія и потому запрещало обращать ихъ въ рабство. Уложеніе предоставляетъ свободу тѣмъ изъ плѣнниковъ, которые сами не пожелаютъ остаться. Рабъ въ полномъ нравственномъ смыслѣ этого слова, русскій холопъ готовъ былъ на все отважиться, все терпѣть за своего господина и въ то же время обмануть его и даже погубить. Когда господа между собою ссорились, ихъ люди, встрѣтившись гдѣ-нибудь въ веселомъ мѣстѣ, напр., въ корчмѣ или въ кабацкѣ, заводили споры и драки за честь своихъ господъ; это переходило иногда въ большіе размѣры, когда людей у господина было очень много или же крестьяне точно такъ же принимали участіе. Люди и крестьяне враждующихъ между собою владѣльцевъ нападали другъ на друга по дорогамъ, дѣлали набѣги за границы, били другъ друга, поджигали, неистовствовали всякими способами ¹⁾. Зато въ то же время толпы рабовъ были зломъ для своихъ господъ; въ домѣ они заводили между собою смуты, драки и убійства, иногда изъ мщенія къ господину доносили на него, обвиняя въ злоумышленіи на царя, и даже выдерживали пытку, которой ихъ предавали. Очень часто холопы обкрадывали господъ и убѣгали; иные молодцы тѣмъ и промышляли, что, давши на себя кабалы, проживали нѣсколько времени у тѣхъ, кому ихъ давали, потомъ обкрадывали своихъ хозяевъ, убѣгали отъ нихъ, приставали такимъ образомъ къ другимъ, къ третьимъ. Правительство приказывало господамъ не принимать никого въ холопы безъ отпускныхъ, но этого приказанія не всѣ слушались; притомъ же многіе молодцы являлись съ нарядными (фальшивыми) отпускными. Нерѣдко тѣмъ дѣло не оканчивалось, что кабалный обкрадетъ хозяина да уйдетъ отъ него; удалцы сталкивались съ подобными себѣ пріятелями, поджигали дома и дворы своихъ господъ, иногда убивали или сожигали ихъ самихъ съ женами и дѣтьми, а потомъ бѣжали на Донъ или на Волгу. Когда помѣщикъ отпраивлялся на войну и оставлялъ управленіе своего дома старикамъ и женщинамъ—тугъ своевольство дворни не находило предѣловъ; часто, воротившись на родину, помѣщикъ ихъ находилъ весь свой домъ въ разореніи и запустѣніи. Кромѣ множества слугъ, въ господскихъ дворахъ проживали иногда нищіе, призрѣваемые изъ милосердія, въ надеждѣ этимъ угодить Богу. Они носили названіе богомольцевъ. Этотъ обычай существовалъ и у царей, у которыхъ жили такъ называемые верховые богомольцы, обыкновенно старые, увѣчные воины, потѣшавшіе государя въ часы вечернихъ досуговъ разказами о приключеніяхъ своей молодости, проведенной въ брани и опасностяхъ ²⁾.

¹⁾ Улож., гл. XI, 134.—А. А. Э., II, 258.—П. С. З., I, 732.

²⁾ Доп., I, 398. III, 138, 318. IV, 246, 261.—П. С. З., I, 360.—Улож., гл. XX.—А. И., I, 327. II, 176, 220.—А., отн. до юр. б., I, 15, 377, 411, 558, 574, 615.—С. г. гр., III, 240.—Врем., I. Домостр., 15, 52, 83.—Herberst., 34, 54.—Fletch., 28.—Chensl.,

Представленная здѣсь картина домашняго образа жизни была возможна только у зажиточныхъ господъ. Нельзя сказать, чтобъ такихъ хозяевъ было много: несмотря на пышность, господствующую въ показной сторонѣ русской жизни и домашней и общественной, вообще Великая Русь была страна бѣдная; ея богатства лежали въ землѣ нетронутыя, а тѣ, которыя обращались въ обществѣ, распредѣлялись неблагоприятнымъ для массы народа образомъ. Самые бояре и знатные люди не такъ были богаты, какъ то казалось. Для нихъ не было никакого ручательства противъ произвола. Грозный у многихъ богатыхъ вельможъ отнималъ родовыя имѣнія, чтобъ искоренить въ нихъ чувство предковскаго права, и взамѣнъ давалъ помѣстья въ отдаленныхъ провинціяхъ, гдѣ владѣльцы не могли уже получать прежнихъ доходовъ ¹⁾. Кромѣ воли царя, для всѣхъ всемогущей, какъ воля неба, всегда существовали обстоятельства неблагоприятныя для упроченія состоянія. Дворяне и дѣти боярскіе безпрестанно жаловались на тягость службы и разоренія своихъ имѣній. Когда приходилось идти на службу, мать или жена дворянина отдавали въ залогъ свои наряды, чтобъ снарядить на войну мужа или сына. Много обѣдѣвшихъ дворянъ, дѣтей убитыхъ на царской службѣ, скитались безъ насущнаго пропитанія. Интересъ казенный или царскій поглощалъ всѣ интересы. Начнетъ ли торговый и промышленный человѣкъ жить съ устроениемъ (съ комфортомъ), на него навязываютъ какую-нибудь разорительную должность вдалекѣ отъ его обычнаго мѣста жительства. Начнетъ ли допускать въ образѣ жизни устроение приказный человѣкъ,—его подозрѣваютъ въ плутовствѣ, запутываютъ въ какое-нибудь дѣло, касающееся интересовъ казны и обираютъ или засылаютъ куда-нибудь на службу, гдѣ онъ прослуживается. Но въ особенности тяжело было состояніе сельскаго крестьянскаго класса. Пять дней работалъ крестьянинъ на господъ, а ему оставался одинъ только день въ недѣлю да праздники ²⁾, и поэтому крестьяне находились въ плачевномъ положеніи, такъ что у многихъ ничего нельзя было сыскать дома, кромѣ овчиннаго тулупа, коровы да лошади, и то были люди еще не послѣдней бѣдности. На сѣверѣ три лошаденки и три коровы были признакомъ зажиточнаго поселянина; если же, кромѣ этого, крестьянинъ имѣлъ три свиньи, двѣ козы, пять паръ овецъ да нѣсколько куръ и утокъ, тотъ уже былъ богачемъ ³⁾. Лѣтомъ крестьяне пахали, косили, жали, зимою молотили, рубили и пилили лѣсъ и дрова или скитались и просили милостыни. Это было обыкновенное явленіе во время неурожаевъ, потому что тогда не принимали никакихъ мѣръ противъ нихъ, а они были часты. Преслѣдуемые налогами, поборами, гоньбами, отдачею людей въ войско, разными повинностями, государственными и владѣльческими, при случившемся неурожаѣ, они часто умирали съ голода или въ отчаяніи разбѣгались врознь: пустѣли цѣлыя уѣзды. Многіе толпами уходили въ Сибирь. Крестьяне, жившіе у дѣтей боярскихъ и у дворянъ, были особенно обременяемы, и зато, когда господа ихъ уходили на службу, разбѣгались, и, воротившись въ имѣніе со службы, владѣлецъ нерѣдко находилъ его пустымъ.

251.—Оп. Шуи, 391.—А. г. Шуи, 70.—Olear., 197, 207.—Petr., 313.—Mejerb., 166.—Коших., 61.

¹⁾ Fletch., 28.

²⁾ Das Gr. Reich. v. Mosc.

³⁾ А. А. Э., I, 192.

Отыскиваніе крестьянъ для владѣльцевъ было такъ же затруднительно, какъ и отыскиваніе холоповъ, въ особенности тогда, когда крестьяне приставали къ знатымъ владѣльцамъ; притомъ же, отыскавши и утвердивши вновь за собою крестьянина, владѣлецъ не всегда получалъ отъ этого выгоды, часто выходило наоборотъ: крестьяне подговаривали и другихъ къ новому бѣгству и тогда же сожигали владѣльческую усадьбу изъ мщенія. Повсюду ходили такъ называемые бобыли и захребетники, то-есть люди, не имѣвшіе у себя ничего, кромѣ того, что могло быть носимо за плечами; шатались не одни крестьяне, шатались и посадскіе,—одни подъ именемъ старцевъ изъ монастыря въ монастырь, другіе нищю братію, ибо общество, безжалостное къ нуждамъ и скудости семействъ, было милостиво для нищаго, хотя неоднократно случалось, что такая нищая Христова братія сталкивалась съ боярскими холопами и производила пожаръ, чтобъ потомъ грабить и красть въ суматохѣ ¹⁾).

XV.

Выѣздъ изъ дома и путешествіе.

По стариннымъ понятіямъ русскихъ, ходить пѣшкомъ для важнаго чело-вѣка считалось предосудительнымъ и неприличнымъ, и хотя бы нужно было сдѣлать нѣсколько шаговъ отъ двора по улицѣ, бояринъ или значительный дворянинъ почиталъ необходимымъ для поддержанія своего достоинства ѣхать, а не идти. Мужчины по городу ѣздили, лѣтомъ верхомъ, зимою въ саняхъ. Русскія сѣдла дѣлались изъ дерева и сухихъ жиль; они были низкія, плоскія, стремена короткія; сѣдло клалось на чепракъ, который накладывался на попону и покровецъ. Края попоны или покрывца выказывались изъ-подъ чепрака и поэтому красиво убирались; чепракъ украшался различно, смотря по достатку и по случаю выѣзда. Сѣдла чаще всего были обиты сафьяномъ съ золотыми узорами, иногда же бархатомъ; луки позолачивали. Чепракъ покрывался всегда другою матеріею. Узды дѣлались съ серебряными ухватами и съ серебряными оковами на мордѣ лошади и, сверхъ того, снабжались серебряными, иногда позолоченными пѣпочками, издававшими звуки при каждомъ движеніи лошади. Подъ морду лошади подвѣшивались ожерелья, составленныя изъ ремней, унизанныхъ серебряными, у богатыхъ даже золотыми бляхами; ближе къ головѣ лошади эти ожерелья были уже, а къ концу расширялись до двухъ пальцевъ шириною; на ногахъ, сверхъ копытъ, у верховой лошади привѣшивали маленькіе колокольчики, а сзади у сѣдла прикрѣпляли небольшія литавры, мѣдныя или серебряныя: всадникъ ударялъ въ нихъ бичемъ для возбужденія охоты въ лошади и для того, чтобъ проходящіе давали дорогу. Бичи дѣлались изъ татарской жимолости (привозимой съ береговъ Волги); ручка ихъ обдѣлывалась мѣдью или моржевою костью. Молодцы, сидя верхомъ, гарцовали и красовались тѣмъ, что, ударяя въ литавры, заставляли лошадь дѣлать внезапный прыжокъ, и при этомъ кольца, пѣпочки и колокольчики на ногахъ лошади издавали звуки.

Зимнія мужскія сани обыкновенно запрягались въ одну лошадь и покры-

¹⁾ А. И., II, 167. IV, 537. V, 120.—Доп., III, 114: IV, 177.

вались медвѣжьей шкурою, называемою медвѣдно, а сверху закрывались полстью. Эта полсть была часто изъ простого войлока, а иногда суконная съ образцами или нашивками изъ бархата и другой какой-нибудь дорогой матеріи; къ краямъ полсти привѣшивались ремни или шнуры другого цвѣта, чѣмъ самая полсть, и обыкновенно одинакаго съ образцами. У знатныхъ самыя сани обивались атласомъ или адаманскою. На спинку саней, вообще не очень высокую, клали персидскій или турецкій коверъ; края его свѣшивались назадъ: въ этомъ поставляли щегольство. Вообще, русскія сани были невелики, дѣлались для одного только человѣка, рѣдко для двухъ, но не болѣе; онѣ имѣли часто форму лодки съ краями, загнутыми и спереди и сзади. Кучеръ — обыкновенно молодой парень — сидѣлъ верхомъ на той же лошади, которая везла сани, опираясь на дугу, невысокую и наклоненную назадъ. Голова лошади убиралась цѣпочками, колечками, разноцвѣтными перьями и звѣриными хвостами — лисьими, волчьими или собольими. Когда господинъ усаживался въ сани, то у ногъ его становились на тѣхъ же саняхъ два холопа; нѣсколько холоповъ шло по бокамъ, а сзади бѣжалъ мальчикъ-козакъ. Царь, Алексѣй Михайловичъ ѣздилъ парадно къ обѣднѣ въ саняхъ, представлявшихъ видъ длиннаго ящика, который служивался къ ногамъ, а съ задней части сдѣланы были уступы, какъ полки въ банѣ; сани были запряжены въ одну лошадь, украшенную разными побрягушками и перьями. Два ближніе боярина стояли на запяткахъ, а два стольника по обѣимъ сторонамъ царя, у его ногъ, на полозьяхъ и поддерживали полсть. По сторонамъ шла толпа придворныхъ и стрѣльцовъ съ ружьями. Всѣ были безъ шапокъ, и только ближніе бояре держали ихъ въ рукахъ ¹⁾.

Кромѣ обыкновеннаго стариннаго способа ѣздить въ саняхъ на одной лошади, въ XVII вѣкѣ начали ѣздить въ нѣсколько лошадей въ каретахъ и зимою и лѣтомъ. Въ 1681 году было указано, что только бояре могутъ ѣздить на двухъ лошадяхъ, а въ праздники на четырехъ, во время же свадебъ и сговоровъ на шести. Всѣ прочіе, не исключая и стольниковъ, должны ѣздить лѣтомъ непремѣнно верхомъ, а зимою въ саняхъ на одной лошади ²⁾. Вообще, ѣзда въ саняхъ считалась почетнѣйшею ѣзды на колесахъ; въ торжественныхъ случаяхъ сани употреблялись и лѣтомъ, особливо духовными лицами. Такъ, патриархъ іерусалимскій, пріѣзжавшій въ Москву для посвященія въ патриархи Филарета, ѣхалъ въ Успенскій соборъ въ саняхъ, хотя это было 24 іюня. Архіереи обыкновенно ѣзжали къ обѣднѣ въ саняхъ и лѣтомъ, какъ и зимою: спереди служка несъ посохъ, позади шли служки ³⁾.

Жены и особы женскаго пола семействъ боярскихъ и дворянскихъ ѣздили въ закрытыхъ экипажахъ и лѣтомъ, и зимою. Лѣтніе назывались колымаги, зимніе каптаны. Колымаги дѣлались на высокихъ осяхъ, иногда съ лѣстницами, иногда же вовсе безъ ступеней, какъ лѣтнія, такъ и зимнія. Внутри онѣ обивались краснымъ сукномъ или червчатымъ бархатомъ и закрывались по бокамъ суконными или шелковыми занавѣсами, иногда съ дверцами въ нихъ; въ эти дверцы вставлялись маленькія слюдяныя окна, задернутыя занавѣсками. Боковые занавѣ-

¹⁾ Mejerb., 101, 198.—Барбер., 37, 51.—Olear., 48, 205.—Carlisle, 337.—Jenkins. Nacl., 351.—Врем., XIII, 8.—А. И., II, 72.—Кильб., 32.

²⁾ С. Г. Гр., IV, 395.

³⁾ Доп., II, 215.

вѣсы пристегивались плотно къ краямъ экипажа такъ, чтобъ вѣтеръ никакимъ образомъ не могъ распахнуть ихъ. У нѣкоторыхъ знатныхъ особъ такіе экипажи были чрезвычайно богаты; напримѣръ, у боярина Морозова была карета, ограбленная народомъ во время бунта, снаружи она была обложена золотомъ, обита внутри собольими высококаго достоинства съ окованными серебромъ колесами ¹⁾.

Закрытая отовсюду, знатная госпожа сидѣла въ своей колымагѣ или каптанѣ на подушкѣ; у ногъ ея сидѣли рабыни. Такую колымагу или каптану везла обыкновенно одна лошадь; но случалось, что знатныя лица ѣздили и на нѣсколькихъ: тогда лошади припрягались одна къ другой не рядомъ, какъ дѣлается теперь, а гуськомъ, одна спереди другой; построжки между послѣднею и предпослѣднею на краю поѣзда были вдвое длиннѣе, чѣмъ между предшествовавшими. Лошади обвѣшивались еще наряднѣе, чѣмъ въ мужскихъ поѣздахъ, волчьими, лисьими, собольими хвостами, кольцами, цѣпочками и круглыми шариками, въ видѣ львиной головки, и покрывались попонами изъ бархата, или объяри, обложенными золотою и серебряною бахромою съ кистями по угламъ. Кучеръ или сидѣлъ верхомъ на одной изъ лошадей, или шелъ пѣшкомъ; возжей у него чаще всего не было вовсе, а иногда онѣ привѣшивались; идя возлѣ лошадей, кучеръ помакивалъ арапникомъ изъ заячьей кожи съ набалдашникомъ изъ сайгачьяго рога. По бокамъ шли тридцать или сорокъ холоповъ, называемыхъ скороходами. Въ числѣ ихъ черѣдко находились и такіе, которымъ, по приказанію господина, поручалась обязанность быть аргусами госпожи, и смотрѣть, чтобъ какъ-нибудь ея взоры чрезъ приподнятую занавѣску не встрѣтились со взорами молодыхъ людей, способныхъ, при случаѣ, на всякую наглость. Если, такимъ образомъ, проѣзжалась сама царица, то экипажъ ея везли двѣнадцать лошадей бѣлой масти; съ нею сидѣли боярыни; сзади провожали ее придворныя рабочія женщины и прислужницы (мастерицы и постельницы), сидя на лошадяхъ верхомъ по-мужски. Обычай женщинъ садиться верхомъ на лошадь по-мужски былъ встарину въ среднемъ классѣ народа, но сталъ выходить въ XVII вѣкѣ ²⁾.

Лошади въ Москвѣ были въ употребленіи татарскія, пригоняемыя во множествѣ изъ Астрахани и ея окрестностей ежегодно. Онѣ не отличались ни красотою, ни статностью, напротивъ, были даже дурны собою, узкобрюхія, съ тяжелой головой, съ короткой шею, зато очень крѣпкія, бѣжали скоро и сносили всякій трудъ. Но такъ какъ эти достоинства годились не столько для городской ѣзды, сколько для дорожной, то у богатыхъ были лошади персидскія и арабскія, очень красивыя, хотя, по замѣчанію иностранцевъ, дурно выѣзженныя. Русскіе щеголяли особенно бѣлыми лошадьми. У зажиточныхъ хозяевъ во дворахъ было всегда много лошадей разныхъ разрядовъ: однѣ были исключительно верховыя; другія запрягались въ сани и назывались санники; третья носили имя колымажныхъ, потому что закладывались только въ лѣтніе экипажи; четвертыя служили для посылокъ и разѣздовъ ³⁾.

Въ дорогу отправлялись зимою въ саняхъ; женщины въ закрытыхъ каптаныхъ; обыкновенно сани везли двѣ лошади. Протяженія измѣрялись верстами:

¹⁾ Olear., 255.—Коших., 14.—Das Gr. Reich. v. Mosc., 208.

²⁾ Барбер., 50.—Olear., 215, 217, 255.—Petr., 307.—Коших., 26.—Кильб., 13.—Доп., IV, 103.

³⁾ Коших., 65.—Olear., 28.—Mejerb., 101.

въ верстѣ считалось тысяча сажень; но въ XVII вѣкѣ возникла новая верста въ 700 сажень; кромѣ того, существовала приблизительная мѣра драницами, употребительная въ малонаселенныхъ краяхъ Россіи. Русскія дорожныя сани были четверугольной формы, напоминавшія собою гробъ, назади шире, напередѣ уже. Ихъ дѣлали по большей части изъ древесной коры или лубья и предпочитали деревяннымъ по легкости. Собственно мужскія сани были не широки и очень длинны, такъ что можно было лечь въ нихъ свободно челомъ, а иногда и двумъ рядомъ. Сзади ихъ обивали рогожею, на бокахъ кожами и закрывали сверху мѣхами. Отправляясь въ дорогу, русскій одѣвался какъ можно теплѣе и сверху набрасывалъ епанчу, въ предохраненіе отъ снѣга и дождя; на головѣ у него была шапка, покрытая и подбитая мѣхомъ, на рукахъ теплыя рукавицы, на ногахъ мѣховыя ноговицы, а за пазухой на цѣпочкѣ или на ремнѣ скляница съ виномъ; сверху онъ укрывался медвѣднимъ или медвѣжьей шкурою. Путешественникъ вылѣзалъ изъ своей берлоги одинъ разъ въ сутки поѣсть. Запасы хранились въ тебенькахъ. Женскія дорожныя сани были такой же формы, снабжались по сторонамъ жердями, постановленными перпендикулярно со всѣхъ сторонъ по краямъ, на нихъ навѣшивалось сукно; сани закрывались имъ сверху и съ боковъ и только на одной сторонѣ оставалась для выхода задернутая узкая пола. Сани женскія дѣлались гораздо шире мужскихъ, такъ что въ нихъ можно было сидѣть и лежать двумъ или тремъ женщинамъ вмѣстѣ, потому что госпожа не ѣздила безъ прислужницъ.

Зимній путь считался удобнѣе и легче лѣтняго, и всѣ иностранцы отдавали честь скорой ѣздѣ зимою. Только съ начала зимы встрѣчались неудобства, когда пролагались вновь зимнія дороги; разъ проложенная тропа оставалась въ первоначальномъ видѣ на всю зиму. Если мужику случалось проѣхать въ началѣ зимы и онъ выбиралъ непрямую дорогу — колея эта не измѣнялась, потому что искать новыхъ путей по сугробамъ было опасно. При ѣздѣ на ямскихъ упряжки были очень велики: напримѣръ, шестьдесятъ, семьдесятъ верстъ и болѣе; однако, русскіе ямщики бѣжали безъ отдыха, особенно когда возили царскихъ гонцовъ. Чтобъ частному челомъ ѣхать на ямскихъ, нужно было взять подорожную: и его везли скоро и дешево, потому что подорожныя встарину наводили страхъ. Когда ямщики везли по подорожной, то кричали и свистали въ дудочки, давая этимъ знать, чтобъ всѣ встрѣчные сворачивали съ дороги, а опоздавшимъ отвѣшивали по спинамъ удары кнутомъ. Проѣхавши каждую версту, ямщикъ давалъ объ этомъ знать пронзительнымъ крикомъ: верста! Подѣзжая къ яму, начиналъ ямщикъ свистать сквозь зубы и этимъ подавалъ знакъ; услыша сигналъ, въ яму начиналась бѣготня: одни выводили лошадей, другіе несли упряжь. Вообще по подорожной ямщики брали до двухъ рублей за 350 верстъ. Что касается до частныхъ лицъ, если они не имѣли протекціи для того, чтобъ приобрести подорожную, то должны были нанимать частныхъ ямщиковъ, которыхъ вездѣ было много; но тогда ѣзда обходилась дороже.

Лѣтомъ ѣзда была несравненно хуже, ибо русскія дороги представляли во все лѣто не только неудобства, но и опасность для жизни, не говоря уже о веснѣ, во время водоразлитія, когда цѣлыя села казались плавающими. Починка дорогъ возлагалась на жителей по сошному дѣленію, подъ надзоромъ руководителей, называемыхъ жожами, при выборныхъ цѣловальникахъ, — они обязаны были мостить мосты и гати, заравнивать овраги; но повинности эти исправлялись очень

небрежно и дороги были до крайности дурны. Проѣзжіе лѣтомъ старались избѣгать сухопутныхъ поѣздокъ и чрезвычайно мало ѣздили, особенно съ женщинами; самые ямщики лѣтомъ пренебрегали своими обязанностями, и проѣзжіи, достигавшія яма, могъ дожидаться нѣсколько часовъ, пока соберутъ ямщиковъ и приведутъ лошадей изъ табуна или съ полевыхъ работъ. У кого не было своего лѣтняго экипажа, тому давался возъ, покрытый рогожею; коверъ и подушку проѣзжающій долженъ былъ возить съ собою. По причинѣ всѣхъ этихъ неудобствъ охотнѣе и чаще ѣздили по рѣкамъ на судахъ, которыя можно было найти съ гребцами вездѣ, гдѣ дорога прилегала къ рѣкѣ; съ казенною подорожною можно было пользоваться казенными стругами и гребцами, точно такъ же, какъ ямщиками и ихъ лошадьми. Величина струговъ и количество гребцовъ на нихъ соизмѣрялись съ шириною рѣки и протяженіемъ пути отъ одной пристани до другой. Струги, на которыхъ усаживалось много пассажировъ, напр., человекъ пятьдесятъ или шестьдесятъ, дѣлались широкіе, съ одной мачтой и обыкновенно съ шестнадцатю веслами; подъ палубой устраивались клѣтки и перегородки для пассажировъ и ихъ багажа. Къ мачтѣ привязывался огромный холщевой парусъ, распускаемый во время попутнаго вѣтра. вмѣсто руля употреблялся длинный и широкій шестъ, опущенный въ воду; другой его конецъ прикрѣплялся къ шесту, который утверждался неподвижно на стругѣ. Рулевой шестъ имѣлъ при своемъ окончаніи двѣ рукояти; когда нужно было поворотить стругъ, кормщикъ дѣйствовалъ посредствомъ веревокъ, которыя обвязывались около этихъ рукоятокъ ¹⁾. На волокахъ, то-есть на переѣздахъ отъ одной рѣки до другой, стояли наготовѣ ямщики, для найма проѣзжающимъ и для возки тяжестей.

Величайшее неудобство русскихъ дорогъ, какъ зимнихъ, такъ и лѣтнихъ, было отсутствіе гостиницъ и всякаго рода пристанищъ для путешественниковъ. Правда, кое-гдѣ при монастыряхъ существовали гостиницы, служившія иногда облегченіемъ для путешественника, но не могли входить въ условія повсемѣстныхъ дорожныхъ удобствъ. Зимой останавливались въ крестьянскихъ избахъ большею частью курныхъ, гдѣ нестерпимый жаръ и вонь приводили въ трепетъ иностранцевъ, но мало беспокоили русскую натуру. Лѣтомъ не заходили въ строенія вовсе и готовили себѣ пищу на воздухѣ. Какъ зимою, такъ и лѣтомъ проѣзжіи брали съ собою большой запасъ хлѣба, сушеннаго мяса, рыбы, сала, меду, а другіе припасы набирали отъ города до города ²⁾.

XVI.

Пріемъ гостей.—Обращеніе.

Въ пріемѣ гостей русскіе наблюдали тонкія различія сословныхъ отношеній. Лица высшаго званія подъѣзжали прямо къ крыльцу дома, другіе въѣзжали

¹⁾ De Bruyns, 76.

²⁾ А. И., II, 25. III, 107, 210. IV, 365. — А. А. Э., I, 431. — Доп., III, 99, 103. IV, 13. — С. Г. Гр., II, 61. — Врем., XIII. Расх. кн. Никона. — Русск. Вѣстн., 1851, IX, 406. — Барбер., 38. — Petr., 283, 312, 319. — Olear., 152. — Borrow., 309. — Crull., 154. — De Bruyns, 19.

на дворъ, но останавливались на нѣкоторомъ разстояніи отъ крыльца и шли къ нему пѣшкомъ; тѣ, которые почитали себя гораздо низшими предъ хозяиномъ, привязывали лошадь у воротъ и пѣшкомъ проходили весь дворъ—одни изъ нихъ въ шапкахъ, а другіе, считавшіеся по достоинству ниже первыхъ, съ открытой головою. Въ отношеніи царскаго этикета были подобныя же различія: одни имѣли право только въѣзжать въ Кремль, другіе останавливались у воротъ царскаго двора, и никто, подъ опасеніемъ кнута, не смѣлъ провести черезъ царскій дворъ лошади. Со стороны хозяина встрѣча гостя также соразмѣрялась съ его сословнымъ достоинствомъ. Важныхъ гостей сами хозяева встрѣчали у крыльца, другихъ въ сѣняхъ, третьихъ въ комнатахъ. Существовалъ обычай дѣлать нѣсколько встрѣчъ прибываемымъ гостямъ. Такимъ образомъ у воротъ гостя встрѣчаетъ лицо низшаго званія въ домѣ; въ другомъ мѣстѣ, напр., у крыльца, другое лицо, выше перваго; въ третьемъ—еще высшее, или самъ хозяинъ. На этомъ обычаѣ устраивали при дворѣ почетныя встрѣчи: въ одномъ мѣстѣ встрѣчалъ гостя столыжнъ, въ другомъ сокольничій, въ третьемъ бояринъ. Когда отецъ Михаила Ѳеодоровича, Филаретъ Никитичъ, возвратился изъ плѣна, то ему устроено было три встрѣчи на дорогѣ: первая въ Можайскѣ, вторая въ Вязьмѣ, третья въ Звенигородѣ, гдѣ уже встрѣчалъ его самъ царь. Такъ же точно и по пріѣздѣ его въ Москву къ церкви у саней встрѣтили его архіепископъ съ двумя архимандритами, у дверей митрополитъ съ архимандритами и двумя игуменами, а въ церкви митрополитъ по степени достоинства выше предыдущаго ¹⁾).

Въ отношеніи права входить во дворецъ—одни, ближайшіе люди, пользовались правомъ входить въ комнату государя; другіе, ниже первыхъ, только въ переднюю; третьи ожидали царскаго выхода на крыльцѣ; а люди меньшихъ чиновъ не смѣли взойти и на крыльцо.

Подобныя оттѣнки различія въ пріемѣ гостей наблюдались у частныхъ лицъ. Вообще старшіе не ѣздили въ гости къ младшимъ; на этомъ основаніи и царь никогда не посѣщалъ подданнаго. Но если къ хозяину пріѣзжалъ гость, котораго хозяинъ особенно чествовалъ и который по служебнымъ, семейнымъ или общественнымъ условіямъ требовалъ уваженія, хозяинъ разставлялъ слугъ встрѣчать гостя: напримѣръ, у воротъ его встрѣчалъ дворецкій, у крыльца сынъ или родственникъ хозяина, а потомъ въ сѣняхъ или передней хозяинъ въ шапкѣ или съ открытой головою, смотря по достоинству гостя. Другихъ же гостей не встрѣчали; напротивъ, сами гости ожидали выхода хозяина въ передней. Вѣжливость требовала, чтобъ гость оставилъ въ сѣняхъ свою палку, и вообще говорить, держа въ рукѣ палку, а тѣмъ болѣе опершись на нее, считалось невѣжествомъ. Снявъ шапку, гость держалъ ее въ рукѣ съ платкомъ въ ней. Вошедши въ комнату, гость долженъ былъ прежде всего креститься, взирая на иконы, и положить три поясныхъ поклона, касаясь пальцами до земли, потомъ уже кланяться хозяину; въ поклонахъ ему соблюдалась также степень уваженія къ его достоинству. Такимъ образомъ, предъ одними только наклоняли голову, другимъ наклонялись въ поясъ, предъ третьими вытягивали руки и касались пальцами до земли; тѣ же, которые сознавали свое ничтожество предъ хозяиномъ или зависимость отъ него, становились на колѣни и касались лбомъ земли: отсюда выраженіе «бить челомъ». Равные и пріятели привѣтствовали другъ друга подачею правой руки,

¹⁾ Доп., II, 215.—С. Г. Гр., III, 184.

поцѣлуемъ и объятіями, такъ что одинъ другого цѣловали въ голову и прижимали къ груди. Хозяинъ приглашалъ гостя садиться или говорилъ съ нимъ стоя, также соразмѣряя степень его достоинства: на этомъ основаніи, не приглашая гостя садиться, и самъ или стоялъ, или сидѣлъ. Самое почетное мѣсто для гостя было подъ образами; самъ хозяинъ сидѣлъ по правую сторону отъ него. Гость изъ сохраненія приличія воздерживался, чтобъ не кашлять и не сморкаться. Въ разговорѣ наблюдалось тоже отношеніе достоинствъ гостя и хозяина; такъ, привѣтствуя свѣтскихъ особъ, спрашивали о здоровьѣ, а монаховъ о спасеніи; однимъ говорили *вы*, а себя въ отношеніи вышнихъ лицъ называли *мы*; произносили разные записные комплименты, величая того, къ кому обращались, а себя унижая, въ родѣ слѣдующихъ: «благодѣтелю моему и кормилицу рабски челомъ бью; кланяюсь стопамъ твоимъ, государя моего; прости моему окаянству; дозвожь моей худости». Въ обращеніи съ духовными въ особенности изливалось тогдашнее риторство: говоривши съ какимъ-нибудь архіереемъ или игуменомъ, расточали себѣ названія грѣшнаго, нищаго, окаяннаго, а его величали православнымъ учителемъ, великаго свѣта смотрителемъ, и пр. ¹⁾ Вообще, желая оказать уваженіе, называли лицо, съ которымъ говорили, по отчеству, а себя уменьшительнымъ полуименемъ. Было въ обычаѣ гостю предлагать что-нибудь съѣстное во всякое время, а особенно водку и какія-нибудь лакомства, какъ, на примѣръ, орѣхи, фиги, финики и проч. Прощаясь, гость обращался прежде всего къ образамъ, полагалъ на себѣ тоекратно крестное знаменіе съ поклонами, потомъ цѣловался съ хозяиномъ, какъ и при входѣ въ домъ, если хозяинъ его удостоивалъ этимъ по достоинству, и, наконецъ, уходя, опять знаменовалъ себя крестомъ и кланялся образамъ. По мѣрѣ достоинства, хозяинъ провожалъ его ближе или далѣе порога.

Въ обращеніи съ низшими себя по большей части русскій былъ высокомеренъ, и часто тотъ, кто унижался и сгибался до земли передъ старшимъ, вдругъ дѣлался надмененъ, когда богатство или важная должность отдавали ему въ зависимость другихъ. Въ русскомъ характерѣ было мало искренности; дружба цѣнилась по выгодамъ; задушевные друзья расходились, коль скоро не связывала ихъ взаимная польза, и часто задняя мысль таилась за изліяніями дружественнаго расположенія и радушнымъ гостепріимствомъ. Довольно было любимцу государя приобрести царскую немилость, чтобъ всѣ друзья и пріятели, прежде низко кланявшіеся ему, не только прекратили съ нимъ знакомство, но не хотѣли съ нимъ говорить и даже причиняли ему оскорбленія. Такъ, заточенную въ монастырь великую княгиню Соломону оскорбляли не только словами, но и побоями ²⁾.

Въ русскомъ обращеніи была смѣсь византійской напыщенности и церемонности съ грубостью татарскою. Въ разговорѣ наблюдались церемоніи и крайняя осторожность; нерѣдко случалось, что невинное слово принималось другими на свой счетъ; отсюда возникали тяжбы, которыхъ смыслъ состоялъ только въ томъ, что одинъ про другого говорилъ дурно ³⁾; съ другой стороны, при малѣйшей ссорѣ не было удержу въ самыхъ грубыхъ изліяніяхъ негодованія. Обыкновенно,

¹⁾ Доп., I, 27, 31.

²⁾ Olear., 189, 205.—Mejerb., 75,—Herberst., 10.—Tuberv., 485.—Барбер., 33.

³⁾ Mejerb., 66.—Оп. Шуц., 345.

первое проявленіе ссоръ состояло въ неприличной брани, которая до сихъ поръ, къ сожалѣнію, составляетъ дурную сторону нашихъ нравовъ; эта брань до того была обыкновенна, что позволяли ее себѣ духовныя лица, даже монахи, и притомъ въ самой церкви ¹⁾. Самыя женщины и дѣвцы слѣдовали общему обыкновенію ²⁾, и даже дѣти,—говоритъ Олеарій,—разсердившись на родителей, повторяли слышанное ими отъ взрослыхъ, а родители не только не остававляли ихъ, а еще и сами бранили ихъ такъ же. Церковь преслѣдовала это обыкновеніе и духовные поучали, чтобъ люди другъ друга не лаяли позорною бранью, отца и мать блуднымъ позоромъ и всякою безстыдною, самую позорною нечистотою языки свои и души не сквернили ³⁾. Неоднократно цари хотѣли вывести русскую брань кнутомъ и батогами. При Алексѣѣ Михайловичѣ ходили въ толпахъ народа передѣтые стрѣльцы и замѣчая, кто бранился позорною бранью, тотчасъ того наказывали ⁴⁾. Разумѣется, эти средства были недѣйствительны, потому что сами стрѣльцы въ свою очередь не могли удержаться отъ крѣпкаго словца. Впрочемъ, очень часто вспыхнувшая ссора тѣмъ и ограничивалась, что обѣ стороны поминали своихъ родительницъ, и не доходили до драки; а потому брань сама по себѣ не вмѣнялась и въ брань: «красна брань дракою» — говоритъ пословица. Если же доходило дѣло до драки, тутъ русскіе старались прежде всего вцѣпиться одинъ другому въ бороду, а женщины хватать одна другую за волосы. Поединки на сабляхъ и пистолетахъ, обычные на Западѣ, у русскихъ были совершенно неизвѣстны. У насъ были своего рода дуэли: поссорившись между собою, люди садились на лошадей, нападали другъ на друга и хлестали одинъ другого бичами. Другіе бились палками и часто другъ друга убивали до смерти; но самая обыкновенная русская драка была кулачная: противники старались всегда нанести одинъ другому удары или прямо въ лицо, или въ дѣтородныя части ⁵⁾. Смертные случаи были нерѣдки, но уменьшались съ тѣхъ поръ, какъ прекратились судебные поединки на палкахъ и дубинахъ. Зато въ XVII вѣкѣ развилось другого рода мщеніе — доносы, средство часто очень удачное. Стоило подать на недруга ябеду, чтобы втянуть его въ разорительную тяжбу; хотя и самому приходилось терпѣть, но зато такая тяжба имѣла нѣкоторымъ образомъ характеръ поединка. Иногда изъ злобы подкладывали къ недругу вещь, потомъ подавали челобитную о пропажѣ этой вещи и изъясляли подозрѣніе, что она у того-то; производился обыскъ и вещь находилась: тутъ начинался длинный процессъ тяжбы, сопровождаемый пытками ⁶⁾. Во всѣхъ классахъ народа было множество ябедниковъ и доносчиковъ. Одни изъ нихъ промыслили собственно для себя. Такимъ образомъ посвящали себя этому занятію служащіе люди и дѣти боярскіе: они разъѣзжали по посадамъ и селеніямъ, заѣзжали къ богатымъ жителямъ, заводили ссоры, потомъ составляли челобитныя о бояхъ, грабежахъ и обидахъ и, запугавъ крестьянъ, брали съ нихъ отступное во избѣжаніе проволочекъ и наѣздовъ приставовъ и рассыль-

¹⁾ Ворон. Акты, I, 158.—А. И., III, 319.—Стогл., в. 29.

²⁾ Москвит. 1843, I, 238.

³⁾ А. А. Э., III, 404.

⁴⁾ Olear., 195.—Crull., 141.

⁵⁾ Crull., 141.—Olear., 190.—Strauss, 127.

⁶⁾ Olear., 187.

щиковъ ¹⁾). Другіе, напротивъ, работали для другихъ и, точно какъ итальянскіе *bravi* кинжаломъ, служили своимъ искусствомъ тѣмъ, которые у нихъ его покупали. Хотя ихъ и преслѣдовали и клеймили позоромъ, но правительство вмѣстѣ съ тѣмъ покровительствовало само доносамъ, когда они касались его интересовъ. Такимъ образомъ служилый человекъ, помѣщикъ или вотчинникъ, если открывалъ за своимъ товарищемъ какія-нибудь уклоненія отъ обязанностей службы, влекуція потерю помѣстья, то вознаграждался именно тѣмъ самымъ помѣстьемъ, которое отнималось у того, кого онъ уличалъ. Оттого между служилыми людьми не было товарищества; всѣ другъ другу старались повредить, чтобъ выиграть самимъ. Но всего дѣйствительнѣе для ябедника, всего опаснѣе для соперника, было объявленіе слова и дѣла государева, то-есть обвиненіе въ нерасположеніи къ царю. Обвиненнаго подвергали пыткамъ, и когда онъ въ бреду страданія наговаривалъ на себя, то казнили, — что нужды, что онъ могъ быть невиненъ? Дѣло, касавшееся высокой особы, было столь важно, что невелика бѣда, если за него пострадають и невинные. Нигдѣ не было откровенности; всѣ боялись другъ друга; негодяй готовъ былъ донести на другого: всегда въ такомъ случаѣ можно было скорѣе выиграть, чѣмъ проиграть; отъ этого въ рѣчахъ господствовала крайняя осторожность и сдержанность. Шпіоновъ было чрезвычайное множество: въ ряды ихъ вступали тѣ бѣдные дворяне и дѣти боярскіе, которые, за уклоненіе отъ службы, тоже по доносу другихъ, лишились своихъ помѣстьевъ; они вторгались всюду: на свадьбы, на похороны и на пиры — иногда въ видѣ богомольцевъ и нищей братіи. И царь, такимъ образомъ, многое зналъ, что говорилось при него подданными.

XVII.

Пиршества.—Пьянство.

Все, что въ настоящее время выражается вечерами, театрами, пикниками и проч., встарину выражалось пирами. Пиръ былъ обыкновенною формою общественнаго сближенія людей. Праздновала ли Церковь свое торжество, радовалась ли семья или провожала изъ земного міра своего сочлена, или же Русь раздѣляла царское веселіе и славу побѣдъ — пиръ былъ выраженіемъ веселости. Пиромъ тѣшились цари; пиромъ веселились и крестьяне. Желаніе поддержать о себѣ доброе мнѣніе у людей побуждало каждаго порядочнаго хозяина сдѣлать пиръ и созвать къ себѣ добрыхъ знакомыхъ.

Какъ все въ русской жизни, при рѣзкой противоположности знатности и простонародности, богатства и бѣдности, носило одинакія основанія, русскіе пиръ у всѣхъ сословій сопровождался одинакими чертами, пріемами и обрядами. Русскія пиршества были двухъ родовъ: собственно пиры и братчины; первые давало одно лицо, вторыя были складчины многихъ хозяевъ и преимущественно существовали между поселянами. Пиръ частныхъ лицъ давались въ дни Пасхи, Рождества Христова, Троицы, Николина дня, Петра и Павла и масленицы, при торжественныхъ семейныхъ случаяхъ — бракахъ, рожденіи и крещеніи дѣтей, при

¹⁾ Доп., IV, 349.

погребеніи, поминовеніи усопшихъ, въ день именинъ, по случаю новоселья и при вступленіи служащаго лица въ должность. Царскіе пиры, кромѣ семейныхъ случаевъ и церковныхъ торжествъ, давались по поводу коронаціи, посвященія митрополитовъ и патріарховъ, при объявленіи царевича народу и по случаю приема иностранныхъ пословъ.

Когда домовитый хозяинъ учреждалъ пиръ и приглашалъ гостей, то звать однихъ посылалъ слугъ, а къ другимъ ѣздилъ самъ, различая тѣхъ, кому онъ дѣлаетъ честь приглашеніемъ, отъ тѣхъ, у которыхъ онъ долженъ искать чести пріѣзда въ его домъ. При семейныхъ и пріятельскихъ пиршествахъ приглашались и жены гостей, но не къ мужскому столу, а къ особенному женскому, который жена хозяина учреждала въ то же время гостямъ своего пола.

Комната, назначенная для пира, заранѣе убиралась, устилалась коврами; на окнахъ висѣли занавѣсы, на карнизахъ клали наконники, постилали на столы и лавки нарядныя скатерти и полавочки, заправляли свѣчи въ паникадилы и уставляли поставецъ посудю. Для пира избиралась обыкновенно столовая, а иногда назначали для него сѣни, которыя были просторнѣе всѣхъ покоевъ. Столы устанавливались вдоль стѣны передъ лавками, а если было много гостей, то и рядами; мѣсто подъ образами въ углу было для хозяина, давшаго пиръ.

Каждый изъ приглашенныхъ гостей садился въ шапкѣ на мѣсто, сообразное своему званію и достоинству. Мѣсто по правую руку отъ хозяина считалось самымъ почетнымъ. За нимъ другія мѣста нисходили по степенямъ, такъ что одно было ниже другого и, такимъ образомъ, существовало три разряда мѣстъ: высшій, средній и низшій, какъ это выражается въ поэмѣ XVII вѣка «Горе-Злочастіе»:

„А идетъ онъ въ мѣсто среднее,
Гдѣ сидятъ дѣти гостинныя!“

Сѣсть выше другого, считавшаго себя выше достоинствомъ, значило нанести ему оскорбленіе; на частныхъ пирахъ наблюдался, какъ въ царскихъ пиршествахъ и въ боярской думѣ, обычай мѣстничества. Скромный и благочестивый человѣкъ, исполняя буквально евангельскія слова, садился нарочно на мѣсто ниже того, какое ему слѣдовало, чтобъ хозяинъ свелъ его оттуда и перевелъ на высшее. Напротивъ, заносчивые люди, встрѣтаясь съ соперниками, съ которыми у нихъ давно не ладилось, пользовались случаемъ, чтобъ насолить имъ, и садились выше ихъ, заводили споры, поставляли хозяина въ затрудненіе, и нерѣдко доходило до дракъ.

Предъ началомъ пира выходила жена хозяина и была челомъ гостямъ малымъ обычаемъ, то-есть кланялась въ поясъ, потомъ становилась у дверей. Господинъ кланялся имъ до земли и просилъ цѣловать жену. Въ отвѣтъ на это каждый гость также кланялся до земли и цѣловался съ хозяйкой, а отошедши отъ нея, опять дѣлалъ поклонъ. Хозяйка подносила каждому гостю, по очереди, чарку вина. Первый гость получалъ чарку и отдавалъ ее хозяину, прося выпить прежде. Хозяинъ приказывалъ прежде начать женѣ. Та отвѣдывала и отдавала мужу. Муж выпивалъ. Тогда уже начинали пить гости, одинъ за другимъ, и всякій разъ какъ только гость пилъ, кланялся ему до земли. Окончивъ эти церемоніи, жена уходила въ свое женское обще-

ство. Гости усаживались за столъ. Тогда хозяинъ раздѣлялъ хлѣбъ на кусочки и изъ собственныхъ рукъ подавалъ гостямъ, одному за другимъ, вмѣстѣ съ солью. Этотъ обрядъ символически означалъ радушіе и гостепрѣимство. Существовало повѣрье, что хлѣбъ-соль прогоняетъ вредное вліяніе злыхъ духовъ. За обѣдомъ получать хлѣбъ-соль отъ хозяина—значило пользоваться его дружельюбіемъ; ѣсть вмѣстѣ хлѣбъ-соль—вообще означало согласіе и любовь. Послѣ раздачи хлѣба-соли, носили кушанье обычнымъ порядкомъ.

Гости ѣли обыкновенно по два человѣка съ одного блюда; хотя передъ ними и становились тарелки, но онѣ не перемѣнялись, какъ уже было сказано. Предъ почетнѣйшими гостями становили опричныя блюда, т.-е. особья. Хозяину всегда подавали опричное блюдо; онъ раздавалъ съ него куски гостямъ, сидѣвшимъ близко него, а тѣмъ, которымъ не могъ подать, отсылалъ на тарелкахъ съ слугами. Эти куски означали расположеніе. Въ то же время самъ хозяинъ накладывалъ кушанья въ блюда и тарелки и отсылалъ отсутствующимъ, которые почему-нибудь не могли прибыть. Слуга, поднося подачу отъ хозяина, говорилъ: «чтобъ тебѣ, государь, кушать на здоровье!» Отвергнуть подачу считалось оскорбленіемъ.

Когда былъ пиръ во полупирѣ, какъ выражаются пѣсни, и приносили круглые пироги,—кушанье, составлявшее необходимую принадлежность пира,—тогда двери изъ внутреннихъ покоевъ растворялись; изъ нихъ выходили жены сыновьевъ хозяина, братьевъ, племянниковъ и вообще родственниковъ, жившихъ съ нимъ не въ раздѣлѣ, съ виномъ и чарками. Мужья этихъ женщинъ вставляли изъ-за стола, становились у дверей и, кланяясь, просили гостей цѣловать ихъ женъ. Гости принимали отъ женщинъ чарки съ виномъ и цѣловались съ каждой, съ поклонами, какъ прежде съ хозяйкой. У нѣкоторыхъ этотъ обрядъ исполнялся иначе. Жена хозяина не являлась предъ началомъ пира, а приходила теперь, въ сопровожденіи женскихъ особъ семейства и прислужницъ, несшихъ вино и сосуды. Хозяйка подносила почетнѣйшему гостю вино и немедленно удалялась, потомъ приходила снова въ другомъ уже платьѣ и угощала другого гостя, опять уходила и снова являлась переряженная въ иное платье и потчивала третьего гостя; то же дѣлалось въ отношеніи всѣхъ гостей по одиночкѣ, и каждый разъ хозяйка являлась въ новомъ нарядѣ. Эти переряживанья служили для показанія роскоши и богатства хозяина. Обнесши такимъ образомъ всѣхъ гостей, хозяйка становилась у стѣны, при краѣ стола, опустивши голову. Гости подходили къ ней и цѣловались; иногда, послѣ поцѣлуевъ, она дарила гостей ширинками, вышитыми золотомъ и серебромъ. Этотъ обычай цѣлованья съ хозяйскими женами очень древній; еще въ XII вѣкѣ не одобрялъ его Іоаннъ Пророкъ ¹⁾; онъ удержался, какъ памятникъ древней славянской свободы женскаго пола, несмотря на то, что вліяніе Византіи и татаръ измѣнило убѣжденіе русскаго народа въ этомъ отношеніи.

Отличительная черта русскаго пиршества была — чрезвычайное множество кушаньевъ и обиліе въ напиткахъ. Хозяинъ величался тѣмъ, что у него всего много на пиру — гостьба толсто-трапезна! Онъ старался напоить гостей, если возможно, до того, чтобъ ихъ отвезти безъ памяти во-своися; а кто мало пилъ, тотъ огорчалъ хозяина. «Онъ не пьетъ, не ѣстъ,—говорили о такихъ,—онъ не

¹⁾ Русск. Достоп., I, 98.

хочетъ насъ одолжать!» Пить слѣдовало полнымъ горломъ, а не прихлебывать, какъ дѣлають куры. Кто пилъ съ охотою, тотъ показывалъ, что любитъ хозяина. Женщины, въ то же время пировавшія съ хозяйкой, также должны были уступать угощеніямъ хозяйки до того, что ихъ отвозили домой безъ сознанія. На другой день хозяйка посылала узнать о здоровьѣ гости. — «Благодарю за угощеніе, — отвѣчала въ такомъ случаѣ гостя: — мнѣ вчера было такъ весело, что я не знаю, какъ и домой добрела!» Но, съ другой стороны, считалось постыднымъ сдѣлаться скоро пьянымъ. Пиръ былъ въ нѣкоторомъ родѣ война хозяина съ гостями. Хозяинъ хотѣлъ во что бы то ни стало напоить гостя до-пьяна; гости не поддавались и только изъ вѣжливости должны были признать себя побѣжденными послѣ упорной защиты. Нѣкоторые, не желая пить, изъ угожденія хозяину притворялись пьяными къ концу обѣда, чтобъ ихъ болѣе не привуждали, дабы такимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ не опьянѣть. Иногда же случалось на разгульныхъ пирахъ, что заставляли пить насильно, даже побоями.

Пиршества были длинны и тянулись съ полудня до вечера и позже. По окончаніи стола еще продолжалась попойка. Всѣ сидѣли на прежнихъ мѣстахъ. Хозяинъ наливалъ въ чашу вина, становился посрединѣ съ открытой головою и, поднявъ вверхъ чашу, говорилъ напыщенное предисловіе, а потомъ пилъ за чье-нибудь здоровье: начинали съ царя, а потомъ пили за членовъ царскаго семейства, за бояръ, властей и за разныхъ лицъ, смотря по дѣли, съ которою давали пиръ. Выпивъ, хозяинъ оборачивалъ чашу вверхъ дномъ надъ головою, чтобъ всѣ видѣли, что въ ней нѣтъ ни капли и какъ онъ усердно желаетъ добра и здоровья тому, за кого пьетъ. Послѣ того хозяинъ возвращался на свое мѣсто и подавалъ каждому изъ гостей, по очереди, чашу съ виномъ; каждый гость долженъ былъ выходить изъ-за стола, становиться посрединѣ, пить за здоровье того, за кого предлагалось пить; потомъ всѣ садились на свои мѣста. При этихъ задранныхъ тостахъ пѣли многая лѣта тому, за чье здоровье пили. Можно представить, какъ долго тянулась эта церемонія, когда, напримѣръ, пивши за государя, слѣдовало приговаривать его полный титулъ.

Во время пировъ кормили и слугъ, прѣхавшихъ съ гостями, и одинъ до-вѣренный слуга долженъ былъ наблюдать, чтобъ эти низшаго достоинства гости не передрались между собою и не надѣлали чего-нибудь вреднаго хозяину.

Въ обычаѣ было послѣ пира подносить хозяину подарки. Нерѣдко русскій дѣлалъ пиръ и щедро повѣлъ и кормилъ гостей для того, чтобъ потомъ получить отъ нихъ подарковъ гораздо на большую сумму, чѣмъ какой стоило ему угощеніе. Такъ поступали въ городахъ воеводы: они учреждали пиры и зазывали къ себѣ гостей для того, чтобъ выманить подарки. Случалось, что гости, не желая, поневолѣ, въ угожденіе сильному человѣку, являлись на пиршество. Впрочемъ, существовалъ обычай и хозяину дарить гостей. Воеводы обратили и такой обычай въ свою пользу. Чобъ болѣе обязать своихъ гостей, воевода созывалъ къ себѣ на пиръ богатыхъ посадскихъ, самъ дѣлалъ имъ подарки, а тѣ должны были отдавать за нихъ вчетверо. Если же бы кто-нибудь былъ невнимателевъ и оставилъ безъ подарка начальственное лицо, учреждавшее пиръ, то у него безъ церемоній вымогали и насильно, потому что требовать подарковъ не считалось предосудительнымъ. Поднося подарокъ, говорилось: «чтобъ тебѣ, государь, здравствовать!» Обычай дарить соблюдался и въ царскихъ пирахъ, приглашен-

ные на пиръ во время царскихъ свадебъ или по поводу коронаціи должны были подносить царю дары, а на праздничныхъ царскихъ столахъ духовные, приглашенные къ обѣду, получали отъ царя подарки.

Праздничныя и семейныя пиршества у степенныхъ и набожныхъ особъ отличались характеромъ благочестія. Обыкновенно послѣ литургіи духовенство приносило въ домъ крестъ, иконы, частицы св. мощей, святили воду, мазали ею въ дождь всѣ иконы, кропили во всѣхъ покояхъ, окуривали весь домъ ладаномъ, иногда же приносили святую воду изъ церкви и кропили ею домъ. По окончаніи молитвословія начиналась трапеза. Духовныя лица занимали почетнѣйшія мѣста между гостями. Въ одномъ старинномъ поученіи говорится: «посади ихъ и постави имъ трапезу, якоже самому Христу; самъ же имъ буди во службѣ, и жена твоя, и дѣти твои, аще ли нужда будетъ ти сѣсти, то на нижнемъ мѣстѣ сяди, и твори имъ имя твоя знаемо, да у олтаря Божія молитва за тя, яко темьянъ возносится»¹⁾. На столѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, ставили просфору Пресвятыя Богородицы, какъ это дѣлается въ монастыряхъ. Трапеза начиналась молитвою «Достойно есть»... При поставкѣ на столѣ перваго кушанья хозяинъ приглашалъ гостей ласковымъ и благочестивымъ словомъ. Во время всего пира дѣячки пѣли духовныя пѣсни, приличные празднику или событію, по поводу котораго учреждалась трапеза. Въ сѣняхъ и на дворѣ кормили нищихъ. Пируя съ духовенствомъ и гостями, хозяинъ высылалъ своихъ сыновей и родныхъ угощать эту меньшую братію. Нѣкоторые очень благочестивые люди даже сажали нищихъ за одинъ столъ съ собою и съ гостями. По окончаніи обѣда возносились чаши Пресвятыя Богородицы; всѣ пили во славу Божіей Матери, потомъ пили за здоровье царя, бояръ, за воинство, за хозяина и гостей съ пѣніемъ всѣмъ многолѣтія, а также и за упокой усопшихъ, если это согласовалось съ цѣлью пиршества или съ значеніемъ праздника, когда пиршество отправлялось. Послѣ стола хозяинъ раздавалъ нищимъ, у него обѣдавшимъ, милостыню.

Не таковъ былъ характеръ пиршествъ у разгульныхъ людей. На этихъ пирахъ иногда не удаляли и женскій полъ; мужчины и женщины подавали другъ другу питье и цѣловались, брались за руки и играли между собою. Хозяинъ приглашалъ гуляровъ и скомороховъ: тутъ-то пѣлись старинныя геройскія пѣсни; потомъ, когда хмель далеко заходилъ въ голову, начинали пѣть пѣсни удалыя, срамныя; скоморохи тѣнили компанію непристойными фарсами; часто забавлялись соблазнительными анекдотами, шумѣли, свистали, плескали одинъ въ другого виномъ, а иногда и дрались; и часто хозяинъ вмѣстѣ съ слугой выталкивалъ ихъ, облитыхъ кровью. Случались и убійства, особенно изъ-за мѣстъ. Въ началѣ, когда сходятся на пиръ, говорить одно старое обличительное слово, каждому хочется сѣсть на высшее мѣсто, но надобно же кому-нибудь сидѣть и на низшемъ; огорченный не хочетъ и скрываетъ гнѣвъ въ сердцѣ, пока трезвъ, когда же напьется, то въ изступленіи ума начинаетъ словами задирать того, на кого сердится; если тотъ еще не напился, то промолчить; забѣяка отпустить ему еще что-нибудь похуже и доведеть до того, что тотъ выйдетъ изъ себя, начнется брань и одинъ другого шпырнетъ ножомъ. «Гдѣ бо слышано инако ножеваго убійства, томко въ пиянственныхъ бесѣдахъ и играхъ, паче же о праздницѣхъ», — говорить это обличительное слово²⁾.

¹⁾ Погод. Сборн. № 1024.

²⁾ Арх. ист. юр. св. Калач. Кн. II, пол. 2-я. Пирь и братч., 49.

Крестьянскія *пирушки*, даваемые по поводу семейныхъ праздничныхъ торжествъ хозяевами, назывались *особымъ пивцомъ*, потому что тогда дозволялось имъ варить пиво, брагу и медъ для домашняго питья. Обыкновенно это позволеніе дѣлалось четыре раза въ годъ: на Великій день, Дмитріевскую субботу, на масленицу и на Рождество Христово или въ другой день, вмѣсто какого-нибудь изъ этихъ праздниковъ. Право это крестьянинъ имѣлъ на три дня; иногда же и на недѣлю; сверхъ того, такое же разрѣшеніе давалось по поводу крестинъ и свадебъ. Крестьянинъ долженъ былъ каждый разъ испрашивать дозволенія начальства, и это дозволеніе давалось съ разборомъ — только лучшимъ людямъ. По окончаніи льготнаго времени кабацкій голова печаталъ оставшееся питье до другого праздника.

Братчины носили названіе ссыпныхъ братчинъ или ссыпчинъ, и участники въ братчинѣ назывались ссыпцами, вѣроятно оттого, что встарину каждый жертвовалъ на вареніе пива и браги зерномъ. Такъ какъ ссыпцовъ могло быть много, то для распоряженія и соблюденія порядка выбирался староста. На братчинахъ происходили разныя происшествія и споры, а потому братчинамъ издавна давали право самосуда. Такъ въ Псковской судной граматѣ говорилось: «и братчины судить, какъ судили». Это право предоставлялось братчинамъ и до конца XVII вѣка. Однако, въ послѣднее время уголовныя дѣла не подлежали ихъ домашнему разбирательству. Братчины собирались по большей части въ праздники и потому назывались именами праздниковъ, какъ-то: братчина Никольщина, братчина Покровщина, братчина Рождественская; на Пасху было въ обыкновеніи по селамъ учреждать большую братчину въ понедѣльникъ. Въ этихъ сельскихъ братчинахъ участвовали не только крестьяне, но и владѣльцы вмѣстѣ съ ними заурядъ. Братчины еще чаще, чѣмъ частныя пиры, сопровождались безчинствами и на нихъ нерѣдко происходили драки и убійства, а потому благочестивые люди не совѣтовали участвовать на этихъ складчинахъ¹⁾.

Русскій народъ издавна славился любовью къ попойкамъ. Еще Владимиръ сказалъ многозначительное выраженіе: «Руси веселіе пити: не можемъ безъ того быти!» Русскіе придавали пьянству какое-то героическое значеніе. Въ старинныхъ пѣсняхъ доблесть богатыря измѣрялась способностью перепить другихъ и выпить невѣроятное количество вина. Радость, любовь, благосклонность находили себѣ выраженіе въ винѣ. Если высшій хотѣлъ показать свою благосклонность къ низшему, онъ поилъ его, и тотъ не смѣлъ отказываться: были случаи, что знатный человекъ, ради забавы, поилъ простого, и тотъ, не смѣя отказываться, пилъ до того, что падалъ безъ чувствъ и даже умиралъ. Знатные бояре не считали предосудительнымъ напиваться до потери сознанія — и съ опасностью потерять жизнь. Царскіе послы, вѣздившіе за границу, изумляли иностранцевъ своею неумѣренностью. Одинъ русскій посолъ въ Швецію въ 1608 г., въ глазахъ чужестранцевъ, обезсмертилъ себя тѣмъ, что напился крѣпкаго вина и умеръ отъ этого. Какъ вообще русскій народъ былъ жаденъ къ вину, можетъ служить доказательствомъ слѣдующее историческое событіе: во время бунта въ Москвѣ, когда были убиты Плещеевъ, Чистовъ и Траханіотовъ, сдѣлался пожаръ. Очень

¹⁾ А. И., IV, 340. — А. А. Э., I, 80, 421. III, 199. — Древн. Русск. Вѣвл., VI, — Доп., I, 195. VI, 99. — Пск. Суд. Гр., 17. — Olear., 193, 205, 260. — Mejerb., 63, 137. — Коших., 49, 119. — А. г. Шуи, 119. — Das Gr. Reich. v. Mosc., 196, 203. — Carlisle, 148.

скоро дошелъ онъ до главнаго кабака... народъ бросился туда толпою; всѣ спѣшили черпать вино шапками, сапогами, всѣмъ хотѣлось напиться дарового вина; забыли и мятежъ; забыли и тушить пожаръ; народъ валялся пьяный мертвецки и такимъ образомъ мятежъ прекратился, и большая часть столицы превратилась въ пещель. До того времени, какъ Борисъ введеніемъ кабаковъ сдѣлалъ пьянство статью государственнаго дохода, охота пить въ русскомъ народѣ не дошла еще до такого поразительнаго объема, какъ впоследствии. Простой народъ пилъ рѣдко: ему дозволяли сварить пива, браги и меда и погулять только въ праздники; но когда вино начало продаваться отъ казны, когда къ слову «кабакъ» приложился эпитетъ царевъ, пьянство стало всеобщимъ качествомъ. Размножились жалкіе пьяницы, которые пропивались до ниточки. Очевидецъ рассказываетъ, какъ вошелъ въ кабакъ пьяница и пропилъ кафтанъ, вышелъ въ рубашкѣ и, встрѣтивъ пріятеля, воротился снова, пропилъ бѣлье и вышелъ изъ царева кабака совершенно голый, но веселый, некручинный, расцѣвая пѣсни и отпуская крѣпкое словцо нѣмцамъ, которые вздумали-было сдѣлать ему замѣчаніе. Эти случаи были часты въ Москвѣ; и въ городахъ, и въ деревняхъ — вездѣ можно было видѣть людей, лежащихъ безъ чувствъ въ грязи или на снѣгу. Воры и мошенники обирали ихъ и часто послѣ того зимою они замерзали. Въ Москвѣ на масленицѣ и на святкахъ въ земскій приказъ каждое утро привозили десятками замерзшихъ пьяницъ.

Распространенію пьянства въ народѣ способствовали кабацкіе головы и цѣловальники, которые прибѣгали ко всевозможнѣйшимъ мѣрамъ, чтобъ избавиться отъ наказанія за недоборы въ царской казнѣ, если они держали кабаки на вѣру, или чтобъ воротить заплаченное въ казну, если брали вино на откупъ. Они давали пьяницамъ въ долгъ какъ можно побольше, а между тѣмъ прибавляли счетъ, пользуясь тѣмъ состояніемъ, когда пьяные не въ силахъ уже были ни размышлять, ни считать; потомъ, когда искушенные такимъ легкимъ средствомъ получаютъ хмельное даже и безъ наличныхъ денегъ, пьяницы порядочно запутаются въ разставленной на нихъ сѣти, кабацкіе головы объявляютъ, что пора платить; оказывается, что платить нечѣмъ; тогда забирали имущество должниковъ втрое дешевле настоящей его цѣны; при этомъ страдали и невинные, жившіе не въ раздѣлѣ съ должниками.

Случалось, что люди порядочнаго происхожденія, то-есть дворяне и дѣти боярскіе, запивались до того, что спускали свои помѣстья и пропивались до-нага. Изъ такихъ-то молодцовъ образовался особый классъ пьяницъ, называемый кабацкіе ярыги. У этихъ удалцовъ не было ни кола, ни двора. Они жили во всеобщемъ презрѣніи и таскались по міру, прося милостыни; они толпились почти всегда около кабаковъ и въ кабакахъ, униженно вымаливая у проходящихъ чарочку вина Христа-ради. Готовые на всякое злодѣяніе, они составляли при случаѣ шайку воровъ и разбойниковъ. Въ народныхъ пѣсняхъ и разсказахъ они представляются искусителями молодыхъ неопытныхъ людей. Нѣкоторые пьяницы оправдывали себя тѣмъ, что они, напившись, ведутъ себя смирно: «то есть не пьяница, — говорили они, — иже упився ляжетъ спать, то есть пьяница, иже упився толчетъ, бьетъ, сварится». На это проповѣдники Церкви отвѣчали имъ: «и кроткій упився согрѣшаетъ, аще и спать ляжетъ: кроткій убо пьяница, аки болванъ, аки мертвецъ валяется, многажды бо осквернився и домочився смердитъ, егда убо кроткій пьяница въ святой праздникъ лежитъ не могій двигну-

тиса аки мертвъ, расслабивъ свое тѣло, мокръ, налився яко мѣхъ до горла; богобоязливымъ же, наслаждающимъ сердца въ церквахъ пѣнія и чтенія, аки на небеси мнятся стояще; а пьяница не могій главы своея возвести, смрадомъ отыгая отъ многа питья, чимъ есть рознь поганыхъ»¹⁾. Церковные наставники объясняли, что отъ пьянаго человѣка удаляется ангель хранитель и приступаютъ къ нему бѣсы²⁾; пьянство есть жертва дьяволу, и отецъ лжи и зла говоритъ, что ему эта жертва милѣе, чѣмъ жертва идолопоклонниковъ: «николи же тако возвеселихся о жертвѣ поганыхъ человѣкъ, яко отъ пьяныхъ крестьянъ: въ пьяницахъ бо вся дѣлеса моего хотѣнья: лучше ми отъ поганыхъ крестьянъ и запоецъ, нежели отъ поганыхъ идоломолецъ, яко и поганыхъ Богъ соблюдаетъ, а пьяницъ ненавидитъ и гнушается ихъ; азъ же радуюся о нихъ, яко мои суть пьяни»³⁾.

Духовенство не только не отличалось трезвостью, но еще перещеголяло другія сословія въ расположеніи къ вину. На свадьбахъ священнослужители до того напивались, что надобно было ихъ поддерживать.

Чтобъ положить границы неистовому пьянству въ кабакахъ, правительство, вмѣсто нихъ, завело кружечные дворы, гдѣ продавали вино пропорціямъ не менѣе кружекъ, но это не помогло. Пьяницы сходились въ кружечные дворы толпою и шили тамъ по цѣлымъ днямъ. Другіе охотники до питья покупали не только кружками, но ведрами, и продавали тайно у себя въ корчмахъ.

Больѣ всего пристанищемъ самыхъ отъявленныхъ негодяевъ были тайныя корчмы или ронаты. Подъ этимъ названіемъ разумѣлись еще въ XV и XVI вѣкахъ притоны пьянства, разврата и всякаго безчинства. Содержатели и содержательницы такихъ заведеній получали вино въ казенныхъ заведеніяхъ или курили тайно у себя и продавали тайно. Вмѣстѣ съ виномъ въ корчмахъ были игры, продажныя женщины и табакъ. Какъ ни строго преслѣдовалось содержаніе корчемъ, но оно было до того выгодно, что многіе рѣшались на него, говоря: «барыши, полученные отъ этого, до того велики, что вознаграждаютъ и за кнутъ, котораго можно было всегда ожидать, коль скоро начальство узнаетъ о существованіи корчмы»⁴⁾.

XVIII.

Увеселенія.—Игры.—Забавы.

У высшихъ классовъ порывы всякой веселости были подчинены правиламъ церковнаго порядка. У тѣхъ, которые хотѣли быть и казаться благочестивыми, церковное пѣніе было единственнымъ развлеченіемъ. Встарину существовали для него школы: мальчики учились у церковныхъ дьячковъ и составляли пѣвческіе

¹⁾ Злат. мат. рук., л. 341. Сл. о постѣ.

²⁾ Румян. Сборн., № 359.

³⁾ Румянц. Сб., 186.

⁴⁾ Врем., IV. См., 58. V. Лѣт. Норманск., 4. — Доп., I, 55. — А. г. Шуй, 197. — Маржер., 16. — Оlear., 194, 195, 258. — Petr., 309. — Fletch., 44. — Crull., 145. — Mejerb., 130. — Strauss, 196, 214.

горы. Нишіе, прося милостыню, и колодники, которыхъ выводили изъ тюрьмы собирать подаваніе, съ жалобными причетами пѣли пѣсни нравственнаго и религіознаго содержанія и приводили въ чувство тогдашнюю публику. Музыка преслѣдовалась Церковью положительно. Самыя народныя пѣсни считались бѣсовскимъ потѣшеніемъ. Православная набожность хотѣла всю Русь обратить въ большой монастырь. Однако, русскій народъ постоянно соблазнялся запрещеннымъ плодомъ; даромъ, что инструментальная музыка возбранялась не только Церковью, но даже и свѣтскою властью, славянская натура вырывалась изъ византійской рамки, въ которую ее старались заключить. Въ поученіи Ефрема Сирина, передѣланномъ на русскій ладъ, говорится, что Христосъ посредствомъ пророковъ и апостоловъ призываетъ насъ, «а дьяволъ зоветъ гуслыми и плесцѣ и пѣснями неприязненными и свирѣлыми». Богъ вѣщаетъ: приидите ко мнѣ вси, и никто не двинется; а дьяволъ устроитъ сборище (заречеть сборъ), и много набирается охотниковъ. Заповѣдай постъ и бдѣнье — всѣ ужаснутся и убѣгутъ, а скажи «пирове ли, вечера ли, пѣсни пріязны, то всѣ готовы будутъ и потекутъ, аки крылаты» ¹⁾. У русскихъ были свои національные инструменты: гусли, гудки (ящики со струнами), сопѣли, дудки, сурьмы (трубы), домры, накры (родъ литавръ), волынки, ленки, мѣдные рога и барабаны ²⁾. Всѣмъ этимъ тѣшили православный людъ скоморохи, составлявшіе у насъ въ нѣкоторомъ смыслѣ особенный ремесленный цехъ, постоянно преслѣдуемый ревнителями благочестія. Иногда они образовывали вольную труппу изъ гуляющихъ людей всякаго происхожденія, иногда же принадлежали къ дворнѣ какого-нибудь знатнаго господина. Они были не только музыканты, но соединяли въ себѣ разные способы развлекать скуку толпы: одни играли на гудкѣ, другіе били въ бубны, домры и накры, третьи плясали, четвертые показывали народу выученныхъ собакъ и медвѣдей. Между ними были глумцы и стихотворцы-потѣшники, умѣвшіе веселить народъ прибаутками, складными разсказами и краснымъ словцомъ. Другіе носили на головѣ доску съ движущимися куклами, поставленными всегда въ смѣшныхъ и часто соблазнительныхъ положеніяхъ; но болѣе всего они отличались и забавляли народъ позорами или дѣйствами, т.-е. сценическими представленіями. Они разыгрывали роли, наряжались въ странное (скоморошное) платье и надѣвали на себя маски, называемыя личинами и харями. Обычай этотъ, любимый народомъ, былъ очень древенъ, и еще въ XIII вѣкѣ митрополитъ Кирилль осуждалъ «позоры нѣкаки бѣсовскіе со свистаніемъ, и кличемъ, и воплемъ». Въ числѣ такихъ позоровъ было, между прочимъ, вожденіе кобылки, какое-то языческое торжество, называемое благочестивыми лицами бѣсовскимъ. Безъ сомнѣнія, всѣ эти позоры заключали въ своихъ основаніяхъ остатки древней славянской мѣологии, сильно искаженные въ продолженіе многихъ вѣковъ. Скоморохи ходили большими компаніями, человекъ въ пятьдесятъ и болѣе, изъ посада въ посадъ, изъ села въ село и представляли свои позоры преимущественно въ праздники; «дѣтныя безумныя невѣгласы дожидаются недѣли (воскреснаго дня), чтобъ собираться на улицахъ и на играхъ», — говорится въ предисловіи къ слову о недѣлѣ св. Евсевія ³⁾, — «и тутъ обрящещи ина гудяща, ина плещуща, ина

¹⁾ Рум. Муз., рук. 186.

²⁾ Рум. Муз., рукоп. № 374.

³⁾ Румянц. Муз., № 182. Злат. мат., 210.

цоюща пустошная, пляшуща, ови борющася и помизающа другъ друга на зло». Въ самый праздничный день гульба начиналась съ самаго утра, народъ отвлекался отъ богослуженія, и такъ веселье шло цѣлый день и вечеръ за полночь; мѣстами представленій были улицы и рынки; отъ этого самое «удипа» иногда означало веселое игрище; и старые, и малые глазѣли на нихъ и давали имъ—кто денегъ, кто вина и пици ¹⁾. Скоморохи возбуждали охоту въ зрителяхъ, и послѣдніе сами принимались пѣть, играть, плясать и веселиться. Зимю разгулье скомороховъ было преимущественно на святкахъ и на масленицѣ; тутъ они ходили изъ дома въ домъ, гдѣ были попойки, и представляли свои потѣхи; нѣкоторые, не совсѣмъ разборчивые въ средствахъ возбудить веселье гостей, приглашала ихъ на свадьбы; когда ѣхали къ вѣнцу, впереди бѣжали смѣхотворцы и глумцы, кричали и кривлялись, а на свадебномъ шире гудочки и гусельники сопровождали звуками инструментовъ своихъ свадебныя пѣсни. Вообще же пѣсни ихъ были большею частью содержанія, оскорбляющаго стыдливость; ихъ танцы были непристойны; наконецъ, ихъ позоры также имѣли предметомъ большею частью что-нибудь соблазнительное и тривіальное, какъ это можно видѣть изъ сохранныхъ Оларіемъ изображеній скомороха, сидящаго верхомъ на другомъ скоморохѣ и представляющаго, какъ видно, половое совокупленіе животныхъ, и другаго скомороха въ самомъ отвратительномъ и непристойномъ образѣ. Веселость неразвитою челоуѣка всегда ищетъ потѣшнаго въ томъ, что образованное чувство находить только пошлымъ.

Правительство, слѣдуя внушеніямъ Церкви, не разъ приказывало воеводамъ ломать и жечь ихъ инструменты и хари, и бить батогами тѣхъ, кто созывалъ къ себѣ пѣсенниковъ и глумцевъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ однажды въ Москвѣ не только у скомороховъ, но и вообще въ домахъ музыкальные инструменты сожигали; такимъ образомъ ихъ было истреблено пять возовъ. Лишенные всякаго покровительства власти, скоморохи нерѣдко терпѣли и отъ частныхъ лицъ; ихъ зазывали въ дома и, вмѣсто того, чтобъ давать имъ, отнимали у нихъ, что они получали, ходя по міру, да вдобавокъ еще колотили. Эти случаи побуждали ихъ также прибѣгать къ насильственнымъ поступкамъ: принужденные для своей безопасности ходить большими ватагами, они также иногда нападали на проходящихъ и проѣзжихъ, грабили и убивали ихъ. Было повѣрье, что подъ видомъ такихъ весельчаковъ ходили бѣсы: «умысли сатана, какъ отвратити людей отъ церкви, и собравъ бѣсы, преобрази въ челоуѣки и идяше въ сборѣ величѣ упестренѣ въ градъ и вси біяху въ бубны, друзіи въ козицы и въ свирѣли и иини, возложше на яскураты, идяху на злоумысленіе къ челоуѣкомъ; мнози же оставивши церковь и на позоры бѣсовъ течаху». Прозорливые мнихи видѣли, какъ лукавые бѣсы невидимо били христіанъ желѣзными палицами, отгоняя ихъ отъ Божьяго храма къ играмъ и «ужами за сердце почепивше и влечаху» ²⁾.

Въ праздничные дни народъ собирался на кулачные и палочные бои. Эти примѣрныя битвы происходили обыкновенно при жилыхъ мѣстахъ; зимою чаще

¹⁾ Слово о Христ. Ж. М. Н. Просв. 1854 г. Октябрь.

²⁾ Погод. Сборн., № 1288.—Оп. арх. Ив., 296, 298.—Стогл., вопр. 16, 18.—Русск. Достоп., I, 114.—А. И., IV, 125, 355.—Оп. Шум, 452.—Москв., 1843, 238.—Herberst., 42.—Olear., 93, 302.—Carlisle, 206.

всего на льду. Охотники собирались въ партіи, и такимъ образомъ составлялись двѣ враждебныя стороны. По данному знаку свисткомъ обѣ бросались одна на другую съ криками; для возбужденія охоты тутъ же били въ накры и въ бубны; бойцы поражали другъ друга въ грудь, въ лицо, въ животъ—бились неистово и жестоко, и очень часто многіе выходили оттуда калѣками, а другихъ выносили мертвыми. Палочные бои имѣли подобіе турнировъ и сопровождались убійствами еще чаще кулачныхъ боевъ. Зато на нихъ-то въ особенности русскіе приучались къ ударамъ и побоямъ, которые вообще были неразлучны со всѣмъ теченіемъ русской жизни и дѣлали русскихъ неустрашимыми и храбрыми на войнѣ. Сверхъ того, молодые люди собирались въ праздники—боролись, бѣгали взапуски, скакали на лошадахъ въ перегонки, метали кошемъ въ кольцо, положенное на землѣ, стрѣляли изъ луковъ въ войлочные щѣди и въ поставленныя шапки. Въ этихъ играхъ побѣдители получали награды и выигрывали заклады. Вѣроятно, встарину существовалъ обычай увѣнчивать удалыхъ и ловкихъ, какъ это показываетъ старинная поговорка: «безъ борца нѣтъ вѣнца». Церковь карала отлученіемъ предающихся такимъ забавамъ; въ правилѣ митрополита Кирилла, вошедшемъ въ Кормчую и такимъ образомъ постоянно служившемъ церковнымъ закономъ, участники такихъ забавъ изгонялись изъ церквей (да изгнани будутъ отъ сыновъ божьихъ церквей); а убитые въ примѣрныхъ схваткахъ, кулачныхъ и палочныхъ бояхъ и вообще заплатившіе нечаянно жизнью за удовольствіе потѣшиться на этихъ турнирахъ «да будутъ, — сказано въ томъ же правилѣ Кормчей,—прокляти и въ сей вѣкъ и въ будущій; аще ли нашему законоположенію кто противится, ни приношенія изъ нихъ принимать, рекше просфурь и кутія, свѣчи; аще же умретъ таковъ, къ симъ іерей не ходитъ и службы за нихъ не творитъ»¹⁾. Также, конечно, по церковному взгляду предосудительны были и всѣ игрища.

Женщины и дѣвицы, лѣтомъ, въ праздники водили хороводы и собирались для этого обыкновенно на дугахъ близъ селеній. Русскія пляски были однообразны: онѣ состояли въ томъ, что дѣвицы, стоя на одномъ мѣстѣ, притопывали, вертѣлись, расходились и сходились, хлопали въ ладоши, выворачивали спину, подпирались руками въ бока, махали вокругъ головы вышитымъ золотымъ платкомъ, двигали въ разныя стороны головою, подмигивали бровями,—всѣ эти движенія дѣлались подъ звуки инструмента какого-нибудь скомороха. Въ высшемъ обществѣ пляска вообще считалась неприличною; но господа и госпожи по праздникамъ иногда заставляли предъ собою плясать своихъ рабовъ, особенно литовскихъ и татарскихъ плѣнниковъ. По церковному воззрѣнію, пляска, особенно женская, почиталась душегубительнымъ грѣхомъ: «о, злое проклятое плясаніе! (говоритъ одинъ моралистъ); о, лукавыя жены многовертимое плясаніе! пляшущи бо жена любодѣйца діавола, супруга адова, невѣста сатанина; вси бо любящія плясаніе безчестіе Іоанну Предтечѣ творять — со Иродьею неугасимый огнь и неусыпаяй червь осудитъ!»²⁾. Даже смотрѣть на пляски считалось предосудительнымъ: «не зрите плясанія и иныя бѣсовскихъ всякихъ игоръ злыхъ прелестныхъ, да не прельщены будете, зряще и слушающе игоръ всякихъ бѣсов-

¹⁾ Публ. Библ., рукоп. № 49.

²⁾ Злат. Мат. рук. Публ. Библ., стр. 341.

скихъ; таковыя суть нарекутся сатанины любовницы»¹⁾. Любимое препровожденіе времени женскаго пола во всѣхъ классахъ были качели и доски. Качели устраивались двумя способами; перваго рода качели дѣлались очень просто: прикрѣплялась къ веревкѣ доска, на нее садились, а другіе веревками качали; другаго рода качели строились сложнѣе, какъ и въ настоящее время дѣлаются въ городахъ.

Въ праздникъ Пасхи нѣкоторые составляли себѣ изъ этого прибыточный промыселъ: устраивали качели, пускали качаться за деньги и за каждый разъ брали по серебряной деньгѣ съ лица. Женщины простаго званія, посадскія и крестьянки качались на улицахъ, а принадлежащія къ зажиточнымъ и знатнымъ семействамъ — у себя въ дворахъ и садахъ. Качанье на доскахъ происходило такъ: на бревнѣ клали доску, двѣ женщины становились по крайнмъ ея и, подпрыгивая, подкачивали одна другую, такъ-что когда одна подымалась, то другая опускалась. Сверхъ того, женщины качались какъ-то на колесѣхъ.

Зимнее увеселеніе мужчинъ и женщинъ было кататься на конькахъ по льду: дѣлали деревянныя подковы съ узкими желѣзными полосами, которыя напередѣ загибались вверхъ, такъ что желѣзо удобно рѣзало ледъ. Русскіе катались на конькахъ съ удивительною легкостью и проворствомъ. Также зимою катались на салазкахъ. Зимніе праздничные вечера проводились въ домашнемъ кругу и съ пріятелями: пѣли пѣсни, бахары (разсказчики) разсказывали сказки, собесѣдники загадывали загадки, наряжались, смѣшили другъ друга, дѣвушки гадали. Вообще и на эти увеселенія Церковь смотрѣла неблагоклонно: «не есть законъ христіанну всякому баснословити, ибо рече Христосъ во Евангеліи: о всякомъ глаголѣ празднѣ въздадять слово чловѣци въ день единый»²⁾. Цари запрещали народу всякую веселость; но въ то же время и царскія семейства забавлялись пѣснями, которыя пѣли имъ потѣшники, сказками, смотрѣніемъ на пляску и даже разными дѣйствами или сценическими представленіями. Во дворцѣ были веселые гусельники, скрипичники, домрачей, цымбальники, органисты; штатъ двора составляли, между прочими, дураки-шуты и дурки-шутихи, карлы и карлицы, потѣшавшіе высокихъ особъ своими шалостями. Это дѣлалось даже и при благочестивомъ Теодорѣ Іоанновичѣ, несмотря на всю монашескую обстановку двора; точно такъ же и у знатныхъ господъ былъ свой подобный придворный штатъ шутить, шутихъ, сказочниковъ, пѣсельниковъ, скомороховъ, не знавшихъ никакой другой обязанности, кромѣ той, чтобы въ часы досуга потѣшать господъ и гостей. Изъ такихъ потѣшниковъ были такіе, которыхъ обязанность состояла въ томъ, чтобъ напиваться до-пьяна и дѣлать всякаго рода дурачества въ пьяномъ состояніи³⁾. Строгий и набожный царь Алексѣй Михайловичъ, при всемъ своемъ аскетическомъ благочестіи, въ дни рожденія и крещенія дѣтей своихъ устраивалъ на дворѣ музыку изъ инструментовъ того времени, несмотря на то, что духовные называли такіе инструменты бѣсовскими сосудами; а подъ конецъ своего царствованія этотъ государь до того подчинился иноземному вліянію, что допустилъ у себя театр; сначала играли предметы изъ священной исторіи, а далѣе.

1) Публ. Библ., рукоп. № 1, 64.

2) Пог. Сборн. Публ. Библ., № 1321.

3) De Bruyns, 12.

узнавши, что другіе монархи увеселяются танцами, царь отважился смотрѣть на балетъ «Орфей».

Игры, имѣвшія иѣлью выигрышъ, были въ употребленіи въ Россіи: зернь, карты, шахматы и тавлеи или шашки. Зернь—были небольшія косточки съ бѣлою и черною стороною. Выигрышъ опредѣлялся тѣмъ, какою стороною упадутъ онѣ, если будутъ брошены; искусники умѣли всегда бросать ихъ такъ, что онѣ падали тою стороною, какою хотѣлось. Эта игра, какъ и карты, считалась самымъ предосудительнымъ препровожденіемъ времени, и въ каждомъ наказѣ воеводамъ предписывалось наказывать тѣхъ, кто будетъ ею заниматься. При Алексѣѣ Михайловичѣ однажды жадность къ деньгамъ пересилила эту нравственную боязнь власти; въ Сибири въ 1667 г. зернь и карты отданы были на откупъ, но въ слѣдующемъ году правительство устыдилось такого поступка и опять уничтожило откупъ и подвергло ихъ преслѣдованію. Игры эти тѣмъ менѣе казались возможнымъ допустить, что онѣ были любимымъ занятіемъ лѣнтяевъ, гулякъ, негодяевъ, развратныхъ людей; пристанище ихъ было въ корчмахъ или въ кабакахъ, гдѣ имъ для игры отводили тайныя кабацкія бани. Какъ бываетъ всегда со всѣмъ запрещеннымъ, по мѣрѣ большихъ преслѣдованій зернь и карты болѣе привлекали къ себѣ охотниковъ. Игры эти были повсемѣстны, особенно между служащими людьми. Русскіе распространили употребленіе ихъ между инородцами Сибири: остяками, татарами и другими, и такъ какъ русскіе играли лучше инородцевъ, то оставались всегда въ выигрышѣ и пріобрѣтали отъ нихъ дорогіе мѣха. Карты были въ меньшемъ употребленіи, но, какъ забава, были допущены даже при дворѣ; такъ, при Михаилѣ Федоровичѣ для забавы маленькому Алексѣю Михайловичу съ своими сверстниками куплены были карты. Что касается до шахматовъ, эта игра была любимымъ препровожденіемъ времени царей и бояръ, да и вообще русскіе очень любили ихъ встарину, какъ и тавлеи или шашки. Однако, благочестіе и эти игры причисляло къ такой же бѣсовщинѣ, какъ зернь, карты, музыку.

На ряду съ зернью и картами считали непозволительнымъ удовольствіемъ табакъ; но какъ ни строго преслѣдовали это бѣсовское зелье, однако, въ XVII вѣкѣ онъ былъ всенародно распространенъ на Руси. Русскіе получали его отчасти отъ европейскихъ торговцевъ, отчасти съ Востока отъ грековъ, армянъ, персіянъ, турокъ, отчасти отъ малороссіянъ. Были такіе охотники до табаку, что готовы были отдать за него послѣднюю деньгу и всегда почти платили за него вдвое и втрое противъ настоящей цѣны, потому что онъ былъ запрещенъ. Табакомъ по Россіи торговали удалыя головы, готовые рисковать и познакомиться съ тюрьмою и съ кнутомъ, лишь бы копѣйку зашибить. При продажѣ табаку его называли не настоящимъ именемъ, а какимъ-нибудь условнымъ названіемъ, напримѣръ: свекольный листь, толченый яблочный листь. Табакъ курился не изъ чубука, а изъ коровьяго рога, посредникъ котораго вливалась вода и вставлялась трубка съ табакомъ большой величины. Дымъ проходилъ чрезъ воду. Курильщики затягивались до того, что въ два или въ три пріема оканчивали большую трубку, и нерѣдко ослабѣвали и падали безъ чувствъ. Нѣсколько такихъ молодцовъ сходились «попить заповѣднаго зелья табаку» и передавали другъ другу трубку. «Ахъ, какое чудесное зелье табакъ! Нѣтъ ничего лучше въ свѣтѣ табаку; онъ мозгъ прочищаетъ!»—говорили они, очнувшись отъ одурѣнія, сопровождавшаго излишнее куреніе слишкомъ крѣпкаго табаку. Люди благоче-

стивые и степенные, напротивъ, остерегали, что если «который человѣкъ начнетъ дерзати бѣсовскую и богоненавистную и святыми отреченными табаку, то въ того человѣка мозгъ ускрутить и вмѣсто того мозга впадетъ въ главу его тая смердящая воня, изгубить въ немъ весь мозгъ его, начнетъ тако смердящая тая воня пребывати во главѣ его и неточію во единой главѣ его, но и во всѣхъ костяхъ его тая смердящая воня вселится вмѣсто мозговъ. И аще ли кій человѣкъ которымъ ухищреніемъ начнетъ творити таковое дѣло бѣсовское, таковому бо человѣку не подобаетъ въ церковь божію входить, и креста и евангелія цѣловати, и причастія отнюдь не давати, свѣщи или просфоры или ефиману и всякаго приношенія, и съ людьми ему не мытися и не ясти, дондеже престанеть отъ таковыя дерзости» ¹⁾. Въ одной старинной легендѣ разсказывается, что бѣсъ досталъ сѣмена табачныя изъ глубины ада и посѣялъ ихъ на могилѣ блудницы. Воспитанныя разложившимся ея тѣломъ, адскія сѣмена произвели траву, а бѣсъ научилъ употребленію ея людей, которые, сами того не зная, отдаются въ державу дьявола.

Какъ зервь и карты, табакъ при Алексѣѣ Михайловичѣ однажды нѣсколько времени служилъ корыстолюбію правительства, и въ Сибири былъ отданъ на продажу отъ казны, но вскорѣ опять подвергся запрещенію, по убѣжденію духовенства.

Самою достойнѣйшею высшаго класса забавою считалась охота, хотя благочестивые ригористы и на нее смотрѣли неблагоклонно. У насъ она не была принадлежностью только высшихъ классовъ, какъ на Западѣ, потому что звѣрей было слишкомъ много; но простолюдины занимались ею для выгодъ и какъ повинностью. Въ XVI вѣкѣ тяглые люди обязаны были ходить на волчьи, лисьи и медвѣжьи поля, что на тогдашнемъ языкѣ значило гоняться за звѣремъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ не разъ государи выѣзжали изъ Москвы охотиться около Можайска, гдѣ было множество зайцевъ, и около Переяславля. Въ разныхъ мѣстахъ были устроены дворы для содержанія собакъ и пойманныхъ звѣрей, приготовленныхъ для примѣрной травли. Владѣльцы имѣній собирали сосѣдей, устраивали поля и приготавливали все необходимое для стола. Государь выѣзжалъ въ поле съ большою свитой князей и бояръ, самъ одѣтый въ золотомъ терликѣ или чугѣ, съ двумя продолговатыми ножами и кинжаломъ за поясомъ и съ кистенемъ за спиною; въ рукахъ у него былъ хлыстъ, длиною въ локоть, съ мѣднымъ гвоздемъ на концѣ; ближніе люди около него держали сѣкиры и шестоперы. Половина охотниковъ были одѣты въ черномъ, другая половина въ желтомъ платьѣ. Окруживъ рощу, всѣ разомъ вскрикивали и пускали гончихъ собакъ, тѣ выгоняли зайцевъ, а тутъ спускали другихъ собакъ, называемыхъ курцы (борзья), съ пушистыми хвостами. Когда собаки ловили зайцевъ, охотники кричали: уй! уй! Такимъ образомъ затравляли до трехсотъ зайцевъ заразъ. Послѣ того всѣ отправлялись къ деревянной башнѣ, около которой были раскинуты шатры; шатеръ государя отличался, какъ и слѣдовало, особымъ великолѣніемъ. Всѣ входили въ свои шатры. Государь перемѣнялъ платье и приглашалъ гостей; подавали закуску, преимущественно изъ лакомствъ; придворные подносили государю кушанье съ подобострастіемъ на колѣняхъ; по обычному столовому этикету, государь подавалъ и посылалъ отъ себя подачи; между закусками подавали на-

¹⁾ Рум. Муз., рукоп. № 374.

питки. Такъ описывается охота Василя Іоанновича ¹⁾. Это описаніе можетъ подать вообще понятіе о ходѣ охоты и у частныхъ лицъ. Было въ обычаѣ ловить медвѣдей и волковъ живыхъ тенетами, чтобъ потомъ устраивать зрѣлища ихъ травли. Какъ государи, такъ и знатные господа любили эту забаву. По современнымъ извѣстіямъ, такія забавы владѣльцевъ были нерѣдко очень тяжелы для крестьянъ и людей ихъ. Насильно ихъ сгоняли, «неволею было собираемо людское множество», держали по нѣскольку дней, отбивая отъ земледѣльческихъ работъ; приставники, т.-е. холопы, близкіе къ господину, брали съ нихъ посулы, чтобъ не гонять. И гоняли тѣхъ, кто не могъ или не хотѣлъ дать: во время охоты, придираясь къ чему-нибудь, били и истязали ихъ; да вдобавокъ нерѣдко такія увеселенія оканчивались «многообразнымъ человѣкомъ губительствомъ на различныхъ игрищахъ и въ ловитвахъ ²⁾; въ лѣсахъ и въ болотахъ снѣгомъ и студеніемъ померзаеми, дождемы и бурей пореваеми, всяческимъ же голодомъ изнураеми, и мнози человѣци многими виды живота лишаеми, отъ звѣрей уязвляеми и умерщвляеми, и ины многи напасти содѣвахуся имъ таковыми въ ловитвахъ злыми стремленіи; ихъ же въ грѣсѣхъ непщевашу, о семъ же и вивы на ся не полагаху, но паче радовахуся, во утѣшеніе вмѣняху себѣ и глаголаху: вельми утѣшихомся; еще же и покаянія о сихъ не поминаху». Охотники, доставлявшіе живыхъ медвѣдей, всегда получали награжденія кубками и одеждами. Пойманныхъ звѣрей содержали въ клѣткахъ, пока господину не вздумается посмотреть на травлю. Заставляли медвѣдей сражаться съ собаками и съ людьми. Въ послѣднемъ случаѣ устраивалась арена, обнесенная стѣною, надъ которою дѣлались мѣста для зрителей. На эту арену входили охотники, потомъ впускали медвѣдя и запирали арену. Звѣрь становился на заднія лапы и ревѣлъ; искусство бойца состояло въ томъ, чтобъ не допустить его броситься на себя: предупреждая нападеніе, онъ самъ бросался на него, поражалъ между переднихъ лапъ рогаткою и упирался въ нее ногою; такимъ образомъ случалось, что медвѣдь погибалъ съ перваго удара. Побѣдителя призывали передъ господъ и давали ему выпить, а потомъ жаловали матеріями или сукномъ ³⁾. Благочестивые пастыри тшетно вопили противъ такихъ увеселеній и забавъ и грозили епитиміею не только тѣмъ, которые ихъ устраивали, но и тѣмъ, которые смотрѣли на нихъ: «аще кто медвѣдя или иная животная различная игралища прехищряя, и глумы бѣя, и на позоры человѣки собираяя, и ловитвамъ прилѣжкаяя, и ристанія творяя на коняхъ и колесницахъ, и самоборства, и прочая боренія и всякія скоморошества — и не токмо самъ кто сія творяя, но и слушаая, и то сихъ въ слабость едино запрещеніе имать, еже сихъ съ епитиміею каятися и престати отъ таковыхъ» ⁴⁾.

Соколиная и кречетная охота издавна считалась благородною забавою князей и царей. Птицы ловились въ Сибири и на берегахъ Печоры посредствомъ стѣей, къ которымъ привязывали для приманки голубей. Кречеты цѣнились въ особенности; этотъ родъ соколовъ былъ огромнаго роста—до двухъ футовъ, съ необыкновенною легкостью въ полетѣ, цвѣтовъ: бураго, пестраго, сѣраго, красно-

¹⁾ Herberst., 87

²⁾ Рум. Рум. Муз., № 380.

³⁾ Fletch., 203.—Strauss, 185.—Herberst., 88.—Доп., I, 199, 205.

⁴⁾ Рум. Муз., № 380.

ватаго и бѣлаго; бѣлые кречеты цѣнились выше всѣхъ по достоинству. Птицъ этихъ слѣдовало приучать и сдѣлать ручными, то-есть, чтобъ онѣ, по желанію охотника, слетали съ его руки, хватали налету добычу и возвращались къ нему съ нею. Чтобъ довести ихъ до такого состоянія, нѣсколько сутокъ (трое или четверо) не давали имъ спать: для этого надѣвали имъ на ноги путы и сажали на кольцо, повѣшенное на веревку. Какъ только птица начинала засыпать, сокольникъ потрясалъ кольцо; отъ этого безпокойства она забывала прежнюю свободу и впадала въ безпамятство. Однако, послѣ нѣкотораго времени птица опять дичала и снова надобно было ее приучать. У царей этимъ занимались сокольники, составлявшіе особый отдѣлъ въ числѣ царской дворни. Званіе это существовало встарину при князьяхъ. Еще въ XIV вѣкѣ великіе московскіе князья по договорамъ съ Великимъ Новгородомъ посылали въ Двинскую Землю своихъ сокольниковъ на промыселъ за птицами. Василій Іоанновичъ, любитель охоты, бралъ вмѣстѣ съ собаками на охоту и кречетовъ. При Іоаннѣ Васильевичѣ сокольники получили правильную организацію; учреждено было званіе сокольникаго, начальника сокольниковъ. Изъ сѣверовосточной Руси привозили царю každогодно кречетовъ въ большихъ коробахъ, обитыхъ въ срединѣ овчинами. При царѣ Борисѣ охота съ кречетами и соколами составляла обычную царскую потѣху. Но никогда соколиная охота не была въ такой чести, какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ. Этотъ царь любилъ ее до страсти. Сокольники поставлены были по достоинству выше стольниковъ, а соколичій былъ царевъ любимецъ. У него былъ помощникъ, называемый подсоколичимъ и начальныя сокольники; въ вѣдѣніи каждаго изъ нихъ были рядовые сокольники, а при нихъ состояли поддатни или ученики; царь облакалъ возведеніе ихъ въ должности византійскою обрядностью. Каждый изъ царскихъ кречетовъ носилъ особое названіе; изъ такихъ названій нѣкоторыя были и не русскія (Гамаюнъ, Малець, Бѣляй, Смѣляй, Уморъ, Ширяй, Промышляй, Мастеръ, Арбачъ, Буянъ, Армачъ, Ардачъ, Казакъ, Алай, Адаръ, Бумаръ, Амаръ, Любава, Людава). Любимое поле охоты у царя Алексѣя было въ Коломенскомъ селѣ; но иногда царь ѣздилъ съ сокольниками по болѣе отдаленнымъ краямъ, напримѣръ, около Твери и Владиміра. Охотились за всѣми птицами; но преимущественнѣе царь любилъ охоту за такими, съ которыми дѣло не обходилось безъ боя, и гдѣ его любимые соколы и кречеты одерживали побѣды. Каждая такая стычка называлась ставкою; царь особенно любилъ ставки съ коршунами. Кречеты дѣлали разные маневры: враги то расходились, то сходились; иногда воздушное поле битвы простиралось версты на три, и на этомъ пространствѣ происходило до семидесяти ставокъ въ одну добычу. Случалось, что кречеть залеталъ далеко и пропадалъ: тутъ наступало время досады и гнѣва; но зато наступало время радости, когда бѣглець возвращался. Царь записывалъ время знатныхъ побѣдъ, одержанныхъ кречетами, челигами и соколами, ихъ полеты кверху и книзу. Иногда царь посылалъ своихъ птицъ въ подарокъ постороннимъ государямъ, особенно въ Персію, потому что шахъ персидскій ихъ любилъ. Русскія птицы цѣнились до 1.000 руб. за штуку.

XIX.

П р а з д н и к и.

Праздники были временем отклонения отъ обычнаго порядка по ежедневной жизни и сопровождались разными обычаями, укоренившимися въ домашней жизни. Благочестивые люди вообще почитали приличнымъ ознаменовать праздничное время дѣлами благочестія и христіанскаго благотворенія. Ходить въ церковь къ установленному богослуженію была первая потребность; кромѣ того, хозяева приглашали къ себѣ духовенство, служили въ домѣ молебны и считали долгомъ кормить нищихъ и подавать милостыню. Такимъ образомъ цари учреждали трапезы на нищихъ въ собственныхъ своихъ хоромахъ и, покормивши ихъ, изъ собственныхъ рукъ раздавали деньги, отправлялись въ богадѣльни, посѣщали тюрьмы и давали милостыню заключеннымъ. Такія благотворительныя путешествія происходили особенно предъ большими праздниками: предъ Пасхою и Рождествомъ Христовымъ, также на масленицѣ; но совершались и въ другіе господскіе и богородичные праздники. Обычай этотъ наблюдался повсемѣстно знатными господами и вообще зажиточными людьми. Алчныхъ кормить, жадныхъ поить, нагихъ одѣвать, больныхъ посѣщать, въ темницы приходять и ноги умывать — по выраженію времени, составляло самое богоугодное препровожденіе праздничныхъ и воскресныхъ дней. Были примѣры, что за такія благотворительныя поступки цари повышали въ чины, какъ за службу. Дни праздничные считались приличнѣйшимъ временемъ для пировъ, какъ уже было сказано выше. Законодательство русское помогало Церкви, возбранявшей отправлять житейскіе труды въ праздничное время¹⁾; запрещало судить и сидѣть въ приказахъ въ большіе праздники и воскресные дни, кромѣ, впрочемъ, важныхъ нужныхъ государственныхъ дѣлъ; торговые люди должны были прекращать свои занятія наканунѣ воскреснаго и праздничнаго дня за три часа до вечера; и даже въ будни, по случаю храмовыхъ праздниковъ и крестныхъ ходовъ, запрещалось работать и торговать до окончанія богослуженія; но эти правила исполнялись плохо, и несмотря на строгую подчиненность церковнымъ формамъ въ жизни, несмотря на то, что русскіе даже время считали не иначе, какъ праздниками, къ изумленію иностранцевъ, они торговали и работали и по воскресеньямъ, и по господскимъ праздникамъ. Зато простой народъ находилъ, что ничѣмъ такъ нельзя почитать праздника, какъ пьянствомъ, чѣмъ больше былъ праздникъ, тѣмъ ниже былъ разгулъ, тѣмъ болѣе выбиралось въ казну дохода въ кабакахъ и кружечныхъ дворахъ, — даже во время богослуженія пьяницы уже толпились около питейныхъ домовъ: «кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ», говорилъ и говоритъ народъ великорусскій.

Въ XVI и XVII вѣкахъ новый годъ праздновался 1 сентября. Этотъ праздникъ назывался днемъ лѣтопроежденія. Въ Москвѣ все духовенство собиралось въ Кремль, тысячи народа толпились на площади. Патриархъ съ клиромъ и духовенствомъ выходилъ на Красную площадь; выходилъ царь въ сопрово-

¹⁾ Уложеніе X, § 25.

ждейи множества, бояръ и ближнихъ людей, въ великолѣпныхъ нарядахъ. Патриархъ цѣловался съ царемъ въ церкви, осѣнялъ его благословеніемъ, потомъ осѣнялъ весь народъ на всѣ стороны, призывая благословеніе на предыдущій годъ. Такое же благословеніе торжественно давали и епископы. День этотъ проводился весело русскимъ народомъ.

Въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ толпы привлекались на зрѣлище пещнаго дѣйствія, которое отправлялось во многихъ мѣстахъ и долѣе сохранялось въ Новгородѣ. Что оно нѣкогда было и въ Москвѣ, указываетъ существованіе «халдеевъ», которые, по извѣстію Олеарія, дурачились по улицамъ во время святокъ. Зрѣлище происходило въ церкви ¹⁾. Особенностью праздника

¹⁾ Этотъ оригинальный обрядъ совершался въ воскресенье предъ праздникомъ Рождества Христова. Если праздникъ приходился въ понедѣльникъ или во вторникъ, тогда пещное дѣйствіе совершалось въ недѣлю св. праотца, а если праздникъ былъ въ одинъ изъ прочихъ пяти дней, то въ недѣлю св. отца. Приготовленія къ нему начинались еще за нѣсколько дней, напримѣръ, въ среду. Тогда въ церкви разбирали паникадило надъ амвономъ и приготовляли подобіе печи. Въ субботу, послѣ обѣдни, пономари по приказанію ключаря принимали амвонъ: на его мѣсто ставили печь и около нея большіе желѣзные *шандалы* съ витыми свѣчами. Начиналась вечерня; благовѣсть къ ней, ради торжественности, длился цѣлый часъ. Тутъ въ первый разъ появлялись люди, которые должны были представлять дѣйство чуда надъ отроками. Это были: отроцкій учитель съ тремя отроками и халдеи. Отроки одѣты были въ стихари съ вѣнцами на головахъ, халдеи въ странномъ одѣяніи, называемомъ халдейскимъ платьемъ, въ шлемахъ, съ трубками, въ которыхъ была вложена плавучая трава, съ свѣчами и съ пальмами. Когда святитель входилъ въ храмъ, впереди его шествовали отроки съ зажженными свѣчами; одинъ халдей шелъ по правую руку, другой по лѣвую. Во время входа въ алтарь святителя халдеи оставались въ трапезѣ,—отроки входили въ алтарь съверными дверьми и пѣли вмѣстѣ съ подъяками. Въ заутрени, за 6 часовъ до разсвѣта, происходило представленіе. Святитель входилъ въ храмъ также съ отроками и халдеями въ томъ же порядкѣ, какъ и наканунѣ, въ вечернѣ; отправлялась заутрени, отроки все это время находились въ алтарѣ. Но когда оканчивали седьмую пѣснь канона, посвященную, какъ извѣстно, воспоминанію событія трехъ отроковъ, тогда начинали пѣть особый канонъ въ честь ихъ, гдѣ ирмосы и причеты были составлены примѣнительно къ повѣствованію пророка Давида объ отрокахъ. На седьмой пѣснѣ этого канона отроцкій учитель творилъ по три поклона предъ образами и, поклонившись святителю, говорилъ: „благослови, владыко, отроковъ на уреченное мѣсто предпоставити!“ Святитель благословлялъ его по главамъ, говоря: „благословенъ Богъ нашъ, изволивый тако!“ Тогда учитель отходилъ, обвязывалъ отроковъ по шеямъ убрусамъ и, по знаку святителя, отдавалъ халдеямъ; халдеи, держась за концы убрусовъ, шли: одинъ впереди, другой позади отроковъ; отроки держались другъ друга руками. Дошедши до приготовленной печи, одинъ изъ халдеевъ, указывая на печь пальмою, говорилъ: „дѣти царевы!... видите ли сію печь, огнемъ горящу и вельми расплаяему!“ Другой добавлялъ: „сія печь уготовася вамъ на мученіе“. Одинъ изъ отроковъ, представлявшій лицо Ананіи, говорилъ: „видимъ мы печь сію, но неужасаемся ея: есть бо Богъ нашъ на небеси, ему же мы служимъ,—той силеиъ изъяти насъ отъ печи сея!“ Представляющій лицо Азаріи продолжалъ: „и отъ рукъ вашихъ избавитъ насъ“; а Мисайлъ доканчивалъ: „а сія печь будетъ не намъ на мученіе, но вамъ на обличеніе“. Потомъ протодіаконъ зажигалъ свѣчи отроцскія и стоялъ на царскихъ дверяхъ, а отроки пѣли: „и потщимся на помощь“, какъ бы готовясь къ мученію. По окончаніи пѣнія протодіаконъ, стоявшій со свѣчами, вручалъ ихъ святителю; отроки подходили къ нему и каждый получалъ отъ

Рождества Христова было славить Христа. Священники ходили изъ дома въ домъ. Въ самый день Рождества было въ обычаѣ печь крупичатые калачи или перепечи и посылать пріятелямъ въ дома. Вечера святокъ, какъ и теперь, были временемъ гаданій и дѣвичьихъ забавъ. Въ простонародьи сохранились въ эти дни завѣтные обряды язычества. Въ навечеріе Рождества Христова бѣгали по

него свѣчу, цѣлуя руку святителя. Учитель развязывалъ каждого отрока предъ полученіемъ святительскаго благословія. Послѣ того начинался такой діалогъ между халдеями: „Товарищъ!“—Чего?—„Это дѣти царевы?“—Царевы.—„Нашего царя повелѣнія не слушаютъ?“—Не слушаютъ.—„А златому тѣлу не поклоняются?“—Не поклоняются.—„И мы вкинемъ ихъ въ печь?“—И начнемъ ихъ жечь.—Тогда брали подъ руки Ананію и вкидали въ печь, потомъ говорили Азаріи:—„А ты, Азарія, чего сталъ? И тебѣ у насъ то же будетъ“. Тоже брали Азарію и вели въ печь. Наконецъ, такимъ же образомъ поступали и съ Мисаиломъ. Чередной звонарь являлся съ горномъ, наполненнымъ угольями, и ставилъ подъ печь. Протодіаконъ возглашалъ: „Благословенъ еси Господи Боже отецъ нашихъ! Хвалю и прославлено имя твое во вѣки!“ Отроки повторяли этотъ стихъ, а халдеи ходили около печи съ трубкою, со свѣчами и съ пальмами, метали изъ трубокъ плавучую траву, примѣриваясь пальмами, какъ будто раздувая огонь. Протодіаконъ читалъ пѣснь отроковъ: „И прави путіе твои, и судьба истинны сотворилъ еси“. За нимъ пѣли дьяки; когда же протодіаконъ возглашалъ: „и распалишеси пламень надъ пещію“,—отроки пѣли: „яже обрѣте о пещи халдейстѣй“. Тогда ключарь принималъ отъ священника благословіе *ангела спущати въ печь*. Діаконы брали у халдеевъ трубки съ плавучей травой и огнемъ; протодіаконъ громко возглашалъ: „Ангель же Господень сниде купно со Азаріиною чадію въ печь“, и когда дѣхидилъ до стиха: „яко духъ хладенъ и шумящъ“, тогда являлся ангель, держа свѣчу и спускался сверху съ громомъ въ печь; халдеи, державшіе въ это время свои пальмы высоко, падали, а дьяконы оналяли ихъ свѣчами. Отроки зажигали въ вѣнцы свои три свѣчи ангела. Халдеи между собою вступали въ такой разговоръ: „Товарищъ!“—Чего?—„Видиши ли?“—Вижу.—„Было три, а стало четыре“... Грозенъ и страшенъ зѣло, образомъ уподобился Сыну Божію.—Отроки въ печи держали ангела—два за крылья, а одинъ за лѣвую ногу. Потомъ ангель подымался и бросалъ отроковъ сверху. Протодіаконъ читалъ пѣснь отроковъ; отроки пѣли ее въ печи, а вслѣдъ за ними повторяли ее дьяки праваго, потомъ лѣваго клироса: халдеи зажигали вновь потухшія свѣчи и стояли съ поникшими головами; когда же пѣснь доходила до мѣста „благословите тріе отроцы“, ангель снова спускался съ громомъ и трясеніемъ въ печь, а халдеи отъ страха падали на колѣни. По окончаніи всей пѣсни ангель подымался вверхъ; халдеи подходили къ пещи, отворяли двери пещи, стояли безъ шлемовъ или туриковъ (которые спадали у нихъ при первомъ появленіи ангела) и вели между собою слѣдующій разговоръ: „Ананія! гряди вонъ изъ пещи!“—„Чего сталъ? Поворачивайся,—неиметь васъ ни огонь, ни солома, ни смола, ни сѣра“. „Мы чалия—васъ сожгли, а мы сами сторгѣли!“—Послѣ того халдеи выводили за руки отроковъ изъ пещи, одного послѣ другого, сами надѣвали на себя турики, брали въ руки свои трубы съ плавучею травой и огнемъ и становились по обѣ стороны отроковъ. Обрядъ оканчивался многолѣтіемъ царю и всѣмъ властямъ. Заутрени продолжалась обычнымъ порядкомъ. Послѣ славословія протопопъ съ отроками входилъ въ печь и читалъ тамъ Евангеліе. По окончаніи заутрени печь принималась и ставилась снова амвонъ на прежнее мѣсто (Древн. Русск. Вивлію., VI, 371 и дал.). Новгородская халдейская печь до нашего времени сохранялась въ главѣ собора св. Софіи и въ настоящемъ (1860) году перевезена въ Императорскую Академію Художествъ. Это, такъ сказать, полукруглый шкафъ безъ крышки, съ боковымъ входомъ, на подмосткѣ. Стѣны ея раздѣлены на части продольными колонками, очень искусно украшенными рѣзбою. По стѣнкамъ находились нѣкогда изображенія, теперь несуществующія. Рѣзба была позолочена.

городу или по селу и кликали коледу и усень или таусень; въ навечеріе Богоявленія кликали пугу. Эти обычаи наблюдались не только по разнымъ глухимъ мѣстамъ Руси, но и въ столицѣ, у подножія Кремля. Вообще время отъ дня Рождества Христова до Богоявленія проводилось разгульно; пьянство доходило до безчинства, тутъ-то чаще происходили кулачные бои; по улицамъ ходили толпы пѣсельниковъ, а халдеи, отправлявшіе предъ праздникомъ дѣйство чуда надъ отроками, бѣгали въ своихъ нарядахъ по городу и обжигали встрѣчнымъ бороды. На праздникъ Богоявленія нѣкоторые купались въ рѣкѣ, послѣ окончанія водоосвященія; въ особенности подвергали себя такой пытке тѣ, которые во время святокъ позволяли себѣ разныя увеселенія и переряживанья.

На масленицѣ безчинства было еще болѣе; тогда ночью по Москвѣ опасно было пройти черезъ улицу; пьяницы приходили въ неистовство, и каждое утро подбираемы были трупы опившихся и убитыхъ. Въ воскресенье, передъ постомъ, родные и знакомые посѣщали одинъ другого и прощались. Равнымъ образомъ и, встрѣтаясь на улицахъ, говорили другъ другу: «прости меня, пожалуй!»—Отвѣтъ былъ: «Богъ проститъ тебя».—Тогда, послѣ обѣдни, вспоминая родителей, ѣздили по церквамъ и монастырямъ и прощались съ гробами усопшихъ. Съ наступленіемъ великаго поста начинались дни воздержанія; тѣ самыя, которые въ мясоѣдъ и на масленицѣ позволяли себѣ неумѣренность въ пищѣ и питъѣ, теперь питались однимъ кусочкомъ хлѣба съ водою въ день; мужья убѣгали женъ; встрѣчаясь другъ съ другомъ, знакомые напоминали одинъ другому о христіанскомъ житіи и постѣ, въ ожиданіи свѣтлаго праздника. Встарину, какъ принадлежность поста, существовалъ обычай посылать другъ другу такъ называемыя укрузи съ разными фруктовыми лакомствами и виномъ. Это дѣлалось, какъ видно, по праздникамъ и субботамъ, когда Церковь ослабляетъ строгость великаго поста. День вербнаго воскресенія привлекалъ зрителей на оригинальную церемонію веденія осла, принадлежащую къ сферѣ церковныхъ обрядовъ. Пасха праздновалась, какъ и теперь, всю недѣлю, и крашенныя яйца, какъ и теперь, составляли особенность праздника. Всю страстную недѣлю повсюду толпились продавцы красныхъ яицъ; другіе расписывали ихъ золотомъ; нѣкоторыя яйца были гусиныя или куриныя, вареныя, а иныя деревянные; при христосованіи считали необходимымъ дать яйцо, а если христосовались люди неравнаго достоинства, то яйцо давалъ высшій низшему. Въ этотъ праздникъ существовалъ обычай, по которому бояре, а за ними и другія сословія, являлись къ царю и подносили подарки; точно такъ же подносили дары крестьяне господамъ. Эти подарки назывались великоденскими припасами; съ своей стороны и господа ихъ дарили, когда пѣловали ¹⁾). На святой недѣлѣ по улицамъ городовъ и посадовъ господствовала крайняя пестрота одеждъ и всеобщее удовольствіе; всю недѣлю звонили въ колокола, вѣруя, что этотъ звонъ утѣшаетъ на томъ свѣтѣ усопшихъ. Русскіе, встрѣчаясь между собою, пѣловались: никто не могъ отказаться отъ пасхальнаго поцѣлуя; однако, высшіе не всегда дозволяли это низшимъ себя; такъ, царь не христосовался ни съ кѣмъ, исключая патриарха, а давалъ пѣловать свою руку. Встарину существовалъ обычай христосоваться съ мертвыми, теперь почти уже вышедшій изъ употребленія. Въ день Пасхи, послѣ заутрени, ходили на могилы родителей и родственниковъ и восклицали: Христосъ воскрес!

¹⁾ De Bruyns, 33.

и бросали яйцо на могилу. Такъ точно и царь христосовался съ усопшими предками въ Архангельскомъ и Вознесенскомъ монастыряхъ. Благочестивые люди старались святые дни воскреснаго праздника провести въ дѣлахъ милосердія, и въ эти дни особенно кормили нищихъ, раздавали милостыню, посылали пособіе заключеннымъ. Но въ массѣ простого народа духовное торжество воскресенія Христова уступало мѣсто матеріальной радости: толпы наполняли кабаки, на улицахъ шатались пьяные, и такъ же, какъ на масленицѣ, по ночамъ случались убійства.

Изъ церковныхъ праздниковъ въ простомъ народѣ суббота передъ Троицынымъ днемъ и рождества Іоанна Предтечи сопровождалась полуязыческими обрядами. Троицкая суббота, день всеобщаго поминовенія усопшихъ, была вмѣстѣ съ тѣмъ днемъ забавъ и веселишей. Народъ собирался на кладбищахъ (по жалыникомъ): сначала плакали, голосили, причитывали по роднымъ, потомъ появлялись скоморохи и гудцы и причудницы: плачь и сѣтованіе измѣнялись въ веселіе; пѣли пѣсни и плясали ¹⁾). Въ праздникъ Купала во многихъ мѣстахъ народъ безсознательно праздновалъ языческую ночь, проводя ее въ забавахъ. Мы имѣемъ любопытное описаніе такого народнаго праздника въ Псковѣ въ 1505 г. Когда наступалъ вечеръ 23 іюня, весь городъ поднимался; мужчины, женщины, молодые и старые, наряжались и собирались на игрище. Тутъ являлись неизбѣжные скоморохи и гудцы съ бубнами, сопѣлями, дудками и струнными гудками: начиналось, по выраженію современника, *ногамъ скаканіе, хребтамъ выгланіе*. Женщины и дѣвцы плясали, прихлопывая въ ладоши, и пѣли пѣсни, принадлежащія этому празднику. По извѣстію монаха, который считалъ эти забавы угожденіемъ ѡсамъ, въ эту ночь происходило много соблазнительнаго, по поводу сближенія молодыхъ людей обохъ половъ.

XX.

ДОМАШНІЕ ОБРЯДЫ.

Родины и крестины.—Вракъ.—Новоселье.—Смерть.— Погребеніе.

Пиры и увеселенія сопровождали семейныя событія. Рожденіе младенца ознаменовывалось всегда домашнимъ торжествомъ. Зажиточные люди учреждали родинные столы, а крестьяне приготовляли особое пиво и брали для того разрѣшеніе отъ начальства ²⁾). Родильницы получали отъ гостей подарки, обыкновенно деньгами: это соблюдалось и у знатныхъ, но только для исполненія обычаевъ; ибо родильницѣ въ домѣ боярскомъ давали по золотому, хотя такая сумма не могла чего-нибудь составить для тѣхъ, кому дарили ³⁾). Русскіе спѣшили крестить; и чаще всего крещеніе совершалось въ восьмой день по рожденія, но иногда въ сороковой, такъ какъ эти числа напоминали въ младенческой жизни

¹⁾ Стогл., вопр. 27.

²⁾ А. А. Э., I, 421.

³⁾ Mejerb., 159, 161.

Иисуса Христа событія Обрѣзанія и Срѣтенія; имя нарекали чаще всего случайно, по названію святого, котораго память случалась въ день крещенія. Крещеніе происходило у всѣхъ сословій въ церквахъ и допускалось въ домахъ только въ крайнемъ случаѣ, по болѣзни новорожденнаго, да и тогда соблюдалось, чтобъ обрядъ происходилъ непременно не въ той комнатѣ, гдѣ дитя родилось ¹⁾. Изстари, какъ показываютъ это Вопросы и отвѣты Кирика, комната, гдѣ родился младенецъ, нѣсколько дней считалась оскверненною. Выборъ воспріемниковъ падалъ чаще всего на духовнаго отца или родственника. При крещеніи на младенца надѣвали крестъ мѣдный, серебряный или золотой, который оставался на немъ во всю жизнь, какъ символъ его принадлежности къ христіанскому обществу. Воспріемнику священникъ возлагалъ на шею бѣлый платокъ и связывалъ его обоими концами; а по окончаніи обряда платокъ этотъ снимался и оставался въ церкви ²⁾. Послѣ обряда въ тотъ же день учреждался крестинный столъ, и при этомъ, кромѣ гостей, кормили и нищихъ. Царь въ день крещенія своего дитяти дѣлалъ торжественный столъ для патріарха, духовныхъ властей и свѣтскихъ сановниковъ; по окончаніи обѣда духовные благословляли новорожденнаго, а прочіе гости подносили ему дары. Въ царскомъ быту это былъ единственный разъ, когда царское дитя показывали до совершеннолѣтія;—съ тѣхъ поръ оно оставалось на долгое время погребеннымъ въ глубинѣ постельныхъ хоромъ. Крещеніе царскаго младенца не ограничивалось однимъ обычнымъ крестиннымъ столомъ. По городамъ и монастырямъ ѣздили жильцы съ грамотами, возвѣщающими о рожденіи царскаго дѣтища, и всѣ монастыри спѣшили везти новорожденному подарки; тѣмъ, которые мало давали, замѣчалось, что они мало желаютъ добра царскимъ дѣтямъ. Въ свою очередь, однако, по случаю рожденія дитяти царь прощалъ виновныхъ и оказывалъ различныя милости ³⁾.

Духовное рожденіе считалось значительнѣе тѣлеснаго и оттого день рожденія оставался незамѣтнымъ, а день ангела или именины во всю жизнь праздновался каждымъ, кому состояніе позволяло. Съ утра именинникъ или именинница рассылали гостямъ именинные пироги; знатность лица, которому посылались пироги, измѣрялась величиною посылаемаго пирога. Гости, по приглашенію, сходились на именинный столъ и приносили именинникамъ подарки; духовные благословляли именинниковъ образами, а свѣтскіе подносили матеріи, кубки или деньги ⁴⁾. Въ царскомъ быту царь въ день своихъ именинъ, по выходѣ изъ храма отъ обѣдни, раздавалъ изъ своихъ рукъ именинные пироги; то же дѣлала царица у себя на свои именины. Совершеннолѣтніе царевичи сами за себя раздавали пироги, а въ день именинъ царевны или малолѣтняго царевича раздавалъ ихъ за именинниковъ царь; но все-таки почиталось необходимымъ, чтобъ отъ именинника были розданы пироги. Если бояринъ или окольничій былъ именинникъ, то являлся съ пирогами къ царю; царь принималъ пирогъ и спрашивалъ именинника о здоровьѣ, потомъ именинникъ представлялся царицѣ и также подносилъ ей пироги ⁵⁾. Съ другой стороны, царю, какъ и частнымъ лицамъ, на

¹⁾ Strauss, 217.

²⁾ Стогл., гл. 45.

³⁾ Доп., I, 119.

⁴⁾ Доп., I, 141.—Врем., XIII. Расх. кв. Никона, 10, 30 и дал.

⁵⁾ Котоших., 25.

именины подносили подарки, и эти подарки, какъ и подносимые царю и въ другихъ случаяхъ, уже обратились въ законъ. Всѣ торговые люди необходимо должны были поднести царю подарки, которые отсылались на казенный дворъ и съ казеннаго двора продавались; нерѣдко случалось, что купецъ покупалъ на казенномъ дворѣ ту самую вещь, которую когда-то подарилъ царю, и теперь подносилъ ее государю въ другой разъ. За именинными столами приглашенные гости пѣли многолѣтіе, а послѣ стола именинникъ, съ своей стороны, иногда отдаривалъ гостей: по крайней мѣрѣ такъ водилось у царей ¹⁾).

Несмотря на предпочтеніе духовнаго рожденія плотскому, у русскихъ долго было въ обычаѣ, кромѣ христіанскаго имени, имѣть еще прозвище или некрестное имя; обычай этотъ водился въ удѣльные времена между князьями, которые, кромѣ крещенаго имени, всегда имѣли еще княжеское старославянское и болѣе были извѣстны подъ послѣднимъ. Въ XVI и XVII вѣкахъ мы встрѣчаемъ множество именъ или прозвищъ, которыя существовали вмѣстѣ съ крещенымъ именемъ и употреблялись чаще послѣдняго, такъ что и въ дѣловыхъ бумагахъ назывался человекъ не христіанскимъ своимъ именемъ, а прозвищемъ; напр. Первый, Смирный, Девятый, Злодѣй, Козель, Паукъ, Русинъ, Злоба, Шестакъ, Неупокой, Нехорошко, Бѣляница, Дунай, Май, Поспѣлка, Роспуга, Мясоѣдъ, Кобякъ ²⁾. Даже священники носили такія имена ³⁾. Иногда было три имени: прозвище и два крещеныхъ имени—одно явное, другое тайное, извѣстное только тому, кто его носилъ, духовнику, да самымъ близкимъ. Это дѣлалось по вѣрованію, что лихіе люди, зная имя человека, могутъ дѣлать ему вредъ чародѣйственными способами и вообще иногда легко сглазить человека ⁴⁾. Поэтому въ глазахъ людей прикрывались чуждымъ именемъ, скрывая настоящее. Случалось, что человека, котораго всѣ знакомые знали подъ именемъ Дмитрія, послѣ кончины, на погребеніи, духовные поминали Ѳедотомъ; и только тогда открывалось, что онъ былъ Ѳедотъ, а не Дмитрій. Случалось, что крещеное имя перемѣнялось на другое, по волѣ царя; напр., дѣвицу Марію Хлопову, взятую въ царскій дворъ въ 1623 г. съ намѣреніемъ быть ей невѣстою государя, переименовали въ Анастасію; но когда государь раздумалъ и не захотѣлъ взять ее себѣ женою, тогда она опять стала Маріа ⁵⁾. Другіе—особенно бѣглецы—самопроизвольно перемѣняли свои имена, прозвища, и оставались навсегда съ новыми и такъ были записываемы ⁶⁾. Нерѣдко цари давали почетныя прозвища людямъ, и эти прозвища оставались навсегда и потомъ переходили въ фамильныя прозванія; напримѣръ, въ 1564 году одного мордвина царь нарекъ Дружиною ⁷⁾. Прозвища классическія, столь обыкновенныя впоследствии въ семинаріяхъ, были

¹⁾ Дом. Б. Русск. Цар. От. Зап. 1854 г. Январь, 33.

²⁾ А. И., II, 213. III, 192. IV, 19, 75.—Доп., I, 76, 83, 85. II, 154.—Врем., XVIII. См., 54.

³⁾ Доп., I, 392.

⁴⁾ Это свѣдѣніе, какъ кажется, нигдѣ не напечатанное, открыто Н. В. Калачовымъ, сообщившимъ его мнѣ.

⁵⁾ С. Г. Гр., III, 261.

⁶⁾ П. С. З., I, 596.

⁷⁾ Врем., V. См., 52.

въ употребленіи еще въ XVII вѣкѣ, ибо въ 1635 году встрѣчается фамилія Нероновыхъ ¹⁾.

Бракъ сопровождался самыми затѣйливыми обрядами, и никогда семейная жизнь не облакалась такимъ блескомъ, какъ въ эти торжественныя минуты жизни.

Русскіе женились вообще очень рано. Бывало, что женихъ имѣлъ отъ 12 до 13 лѣтъ ²⁾. Русскіе какъ будто спѣшили уйти отъ соблазновъ холостой жизни. Рѣдко случалось, чтобъ русскій долго оставался неженатымъ, если только не болѣзнь была этому причиною, или какое-нибудь горе не мыкало имъ въ разныя стороны, или если онъ не расположенъ былъ вступить въ монастырь. При ранней женитьбѣ совершенно было естественно, что женихъ и невѣста не знали другъ друга до брака: и тотъ, и другая, будучи еще дѣтьми, играли страдательную роль подъ вліяніемъ родителей и удалены были отъ людского взора. Вообще нравственныя понятія того времени не позволяли молодымъ людямъ обоимъ половъ видѣться и уговариваться между собою. Женихъ не смѣлъ даже сказать, что желаетъ жениться; родителю предоставлялось распоряжаться его судьбою. Только тогда, когда женихъ вступалъ во второй бракъ, или былъ уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, или не имѣлъ родителей, приступъ къ бракосочетанію дѣлался имъ самимъ лично. Иногда же первый шагъ начинался и со стороны родителей невѣсты. Желая сбыть дочку, родители засылали къ жениху близкаго имъ человѣка сватомъ: онъ обыкновенно начиналъ рѣчь похвалою честному имени рода жениха и невѣсты, говорилъ о взаимной любви двухъ родовъ и представлялъ выгоды, какія могутъ произойти отъ соединенія ихъ родствомъ. Если родители жениха соглашались, то приступали къ сватовству обычнымъ порядкомъ ³⁾. Сами цари дѣйствовали такимъ образомъ, — Михаилъ Ѳеодоровичъ предлагалъ дочь свою за датскаго принца ⁴⁾. Иногда браки начинались по волѣ высшихъ лицъ; такъ, цари и великіе князья женили своихъ бояръ и ближнихъ людей и сами выбирали имъ невѣсть, а господа совершали браки между своими слугами, также не испрашивая ихъ согласія. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ правительство, желая умножить народонаселеніе въ Сибири, хотѣло непременно, чтобъ пашенныя крестьяне, тамъ поселенные, отдавали дочерей своихъ за ссыльных; но какъ честные поселяне не хотѣли брать себѣ въ зятя мошенниковъ и воровъ, то ихъ принуждали къ тому силою и брали за ослушаніе большую пеню ⁵⁾.

Родители, вознамѣрясь женить сына, совѣтовались съ близкими родственниками и часто не говорили объ этомъ самому жениху ничего. Избравши домъ, съ которымъ не стыдно было породниться, они посылали къ родителямъ невѣсты свата или сваху для предварительнаго объясненія. Если родители невѣсты не желали вовсе отдать дочери за предлагаемаго жениха, то отговаривались обыкновенно тѣмъ, что она еще молода или подобнымъ предлогомъ. Если же были согласны, то не заявляли объ этомъ тотчасъ, но говорили, что посоветуются съ роднею и назначали день рѣшительнаго отвѣта. Когда наконецъ давалось со-

¹⁾ А. И., III, 333.

²⁾ Jenkins. Nacl., 360.

³⁾ Petr., 321.

⁴⁾ С. Г. Гр., III, 406.

⁵⁾ А. И., IV, 60.

гласіе, свать или посредникъ просиль дозволенія видѣть невѣсту. Случалось, что такое дозволеніе не получалось, иногда отъ гордости, иногда оттого, что невѣста была дурна собою. Но чаще случалось, что родители дозволяли видѣть дѣвицу, и тогда посылалась какая-нибудь родственница жениха, или же ѣхала сама его мать: во всякомъ случаѣ эта женщина называлась смотрительницею. Показъ невѣсты происходилъ различнымъ образомъ: иногда смотрительницу вводили въ убраную комнату, гдѣ невѣста стояла въ лучшемъ своемъ нарядѣ съ лицомъ, закрытымъ покрываломъ; иногда же невѣста сидѣла за занавѣсомъ, и занавѣсъ отдергивался, когда приближалась смотрительница. Смотрительница прохаживалась съ нею по комнатѣ, заговаривала съ нею, стараясь выпытать, умна ли она, хороша ли. «не безъязычна ли и рѣчью во всемъ исполнена» ¹⁾. Бывало, если у родителей дочь-невѣста уродъ, то вмѣсто ея приводили меньшую и выдавали смотрительницѣ за невѣсту, а если не было другой дочери, то подставляли служанку. Женихъ не имѣлъ права самъ видѣть невѣсты до брака, и слѣдовательно долженъ былъ довольствоваться тѣми извѣстіями о ней, какія передавала ему смотрительница. Онъ узнавалъ обманъ не прежде, какъ послѣ вѣнчанья. Обманутый женихъ могъ жаловаться духовнымъ властямъ; производился розыскъ; спрашивали сосѣдей, знакомыхъ и дворовыхъ людей, и если обманъ открывался, то виновнаго наказывали кнутомъ и бракъ расторгали; но это случалось очень рѣдко; гораздо обыкновеннѣе подводили дѣло такъ, что женихъ поневолѣ долженъ былъ жить съ своею суженою, и ему говорили позднее нравоученіе: «не провѣдавъ подлинно, не женись!» Зато мужъ въ такомъ случаѣ, въ утѣшеніе себѣ, колотилъ жену, принуждалъ ее постричься, а иногда тайно умерщвлялъ: поэтому нѣкоторые женихи, чувствуя въ себѣ довольно силы и значенія передъ семьею невѣсты, настаивали, чтобы имъ самимъ дозволено было видѣть невѣсту, и родители дозволяли, если дорожили женихомъ; но тогда уже отдѣлаться жениху было трудно. Правда, если невѣста ему не нравилась, онъ не женился; зато долженъ былъ убѣгать всякаго разговора о своихъ прошедшихъ отношеніяхъ, а иначе родители невѣсты, злясь на него, могли подать жалобу духовнымъ властямъ о томъ, что онъ ихъ безчеститъ: дурно говорить о невѣстѣ и отбиваетъ жениховъ; такая жалоба могла послѣдовать даже и въ такомъ случаѣ, когда женихъ вовсе ничего не говорилъ; жениха принуждали жениться, или заплатить безчестье, если онъ уже успѣлъ жениться на другой ²⁾. Впрочемъ, если женихъ и видѣлъ невѣсту—и тогда онъ не могъ уберечься отъ обмана, ибо онъ ее послѣ того уже не видалъ болѣе до самой свадьбы, и родители невѣсты, если были безчестные люди, могли все-таки подмѣнить невѣсту, какъ и въ томъ случаѣ, когда видѣла ее смотрительница. Одинъ молодой человекъ—вѣроятно не имѣвшій родителей—задумалъ жениться и поручилъ свату найти ему невѣсту. Пріятель условился съ однимъ посадскимъ обмануть его; у этого посадскаго была кривая на одинъ глазъ дочка. Родитель этой красавицы общалъ пріятелю награду, если онъ сбудетъ ее за охотника. Свать отправляется къ жениху и говоритъ, что онъ можетъ увидѣть невѣсту изъ окна, когда она пройдетъ по улицѣ. Дѣвицу провели во всемъ убранствѣ, и женихъ смотрѣлъ на нее изъ окна; дѣвица, идя, держалась такъ, чтобъ жениху виденъ былъ одинъ ея здо-

¹⁾ Котомих., 120.

²⁾ Котомих., 126.

ровый глазъ. Женихъ не замѣтилъ другого и согласился жениться. Плохое житье было и мужу, и женѣ: выигралъ зато одинъ свать ¹⁾.

Великокняжескія, а впослѣдствіи царскія свадьбы начинались смотромъ дѣвиць. Собирали изъ разныхъ сторонъ дѣвиць дворянскихъ фамилій, и царь смотрѣлъ на нихъ и выбиралъ себѣ по вкусу. Когда великій князь Василій Ивановичъ собирался жениться, то на смотръ къ нему собрали тысячу пятьсотъ дѣвиць ²⁾. Иванъ Васильевичъ Грозный приказывалъ князьямъ, дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ отовсюду свозить дочерей своихъ *дѣвокъ*. Въ Новгородской области изъ всѣхъ пятинъ должны были помѣщики свозить ихъ въ Новгородъ къ намѣстнику, а намѣстникъ обязанъ былъ доставлять ихъ къ царю, по требованію. Это была обязанность всѣхъ отцовъ, и кто оказывался виновнымъ въ непослушаніи и медленности, тотъ подвергался опалѣ и казни ³⁾. Эта честь вообще не слишкомъ соблазняла отцовъ, ибо тогда многіе вяземскіе и дорогобужскіе дворяне получили выговоръ за промедленіе. При второмъ бракосочетаніи царя Алексѣя Михайловича дѣвицы были собраны въ домѣ Артамона Сергѣевича Матвѣева, и царь, — въ противность принятому издавна обычаю не посѣщать домовъ подданныхъ своихъ, — смотрѣлъ на нихъ въ окошко изъ потаенной комнаты. Онъ выбралъ трехъ и приказалъ довѣреннымъ женщинамъ освидѣтельствовать ихъ душевныя и тѣлесныя достоинства, а потомъ уже, по рекомендаціи этихъ смотрительницъ, избралъ Наталью Кирилловну. Избранную царскую невѣсту брали во дворецъ, облакали въ драгоценныя одежды, нарекали царевною, и она жила въ совершенномъ отчужденіи отъ царя до самаго брака; ибо и цари, подвергаясь общимъ народнымъ нравственнымъ обычаямъ, дозволяли себѣ только однажды видѣть невѣсту.

Послѣ смотра происходилъ сговоръ — первая часть брачнаго праздника или вступленіе къ торжеству. Сговорный день назначался родителями невѣсты. Родители жениха, самъ женихъ и его близкіе родственники пріѣзжали къ нимъ. Это случалось иногда до обѣда, иногда послѣ обѣда, вечеромъ, смотря по тому, какъ угодно было назначить хозяйкамъ. Тутъ родители невѣсты принимали гостей съ почестями, выходили къ нимъ на встрѣчу, кланялись другъ другу до земли, сажали гостей на почетныхъ мѣстахъ въ переднемъ углу, а сами садились подлѣ нихъ. Нѣсколько времени они молчали, глядя другъ на друга: такъ слѣдовало по приличію. Потомъ жениховъ отецъ или его старый родственникъ говорилъ церемоніальную рѣчь и въ ней выражалъ, что они пріѣхали для добраго дѣла, а родители невѣсты отвѣчали, что рады такому пріѣзду. Тогда составлялся уговоръ, писалась рядная запись, гдѣ означалось, что обѣ стороны постановляли: въ такое-то время женихъ обязывался взять себѣ въ жену такую-то, а родственники ея должны были ее выдать и дать за ней такое-то приданое. Сроки были различныя, смотря по обстоятельствамъ: иногда свадьбы совершались и черезъ недѣлю послѣ сговора, а иногда между сговоромъ и вѣнчаніемъ проходило нѣсколько мѣсяцевъ. Приданое всегда было важнымъ условіемъ русской свадьбы и состояло въ постели, платьяхъ, домашней утвари и украшеніяхъ, въ рабахъ, въ деньгахъ и недвижимыхъ имѣніяхъ, если дѣвица была дворянскаго

¹⁾ Strauss, 199. — Колл., 11.

²⁾ Herb., 19.

³⁾ С. Г. Гр., II, 43.

происхожденія. Отъ жениха ничего не требовалось; старинный обычай давать за невѣсту вѣно въ XVI и XVII в. совершенно исчезъ ¹⁾. Обыкновенно приданое доставлялось въ домъ новобрачнымъ послѣ свадьбы; но недовѣрчивые родители жениха нерѣдко требовали, чтобъ оно было доставлено до свадьбы, держась по-словницы: «денежки на столъ, дѣвушку за столъ». Все писалось въ рядныя записи подробнымъ образомъ, и въ обезпеченіе вѣрности условій назначалась неустойка или попятное ²⁾. Та сторона, которая отступала, обязывалась платить извѣстную сумму: такія суммы были велики, смотря по состоянію, и всегда таковы, что могли быть тягостны для несоблюдающаго обязательство. Рядную записи писалъ подъячій, котораго нарочно при этомъ приглашали ³⁾, иногда въ той же рядной записи прибавлялось условіе, чтобъ мужу не бить жены своей ⁴⁾, и въ случаѣ нарушенія условія ея родители могли искать судомъ на зятѣ, который безъ того не обязывался къ такой кротости по одному своему званію супруга. Невѣсты не было при створѣ. Но по окончаніи условій одна изъ женщинъ, изъ семейства или изъ родни невѣсты, приносила жениху и его родственникамъ подарки отъ имени невѣсты. Створъ имѣлъ юридическую силу. Отказаться послѣ него отъ брака—значило оскорбить семью.

Долго ли, коротко ли было время отъ створа до свадьбы, только женихъ не видалъ своей невѣсты, какъ выше сказано. Когда день, назначенный для бракосочетанія, приближался, у жениха и у невѣсты дѣлались приготовленія; собирали поѣзжанъ, снаряжали разные свадебные чины, по духу времени составлявшіе необходимость брачнаго торжества; они должны были исполнять разныя символическія должности какъ со стороны жениха, такъ и со стороны невѣсты. Свадебные обряды изображали вступленіе жениха и невѣсты въ иную жизнь и представляли какъ бы торжественное возведеніе ихъ въ новое достоинство. Они имѣли подобіе съ возведеніемъ старинныхъ князей въ достоинство ихъ власти, а потому-то женихъ носилъ названіе князя, а невѣста—княгини. Главный чинъ со стороны жениха былъ тысячкій, точно такъ же, какъ нѣкогда существовала должность съ подобнымъ названіемъ во времена удѣльно-вѣчевья. Онъ сопровождал повсюду жениха, такъ что безъ него женихъ не ступалъ шагу. Затѣмъ слѣдовали посаженные отцы и матери, если не было родныхъ; въ противномъ случаѣ ихъ должность исполняли настоящіе родители. Отецъ и мать жениха благословляли его на бракъ; отецъ и мать невѣсты выдавали невѣсту. Съ обѣихъ сторонъ выбирались старшіе и меньшіе дружки и двѣ свахи изъ замужнихъ женщинъ: одна сваха женихова, другая невѣстина. Съ обѣихъ сторонъ выбирались сидячіе бояре и боярыни, которые должны были образовывать почетный совѣтъ; также съ обѣихъ сторонъ назначались свадебные дѣти боярскіе или поѣзжане, сопровождавшіе шествіе жениха и невѣсты и во время церемоній представлявшіе второй классъ гостей послѣ бояръ. Наконецъ, къ свадебному чину принадлежали лица, выбранныя изъ прислуги: свѣчники, коровайники и фонарщики. Сверхъ всѣхъ свадебныхъ чиновъ былъ одинъ, очень важный, котораго должность была отпускать свадьбу отъ всякаго лиха и предохранять ее отъ кол-

¹⁾ Fletch., 240.

²⁾ Оп. г. Шуи, 415.

³⁾ Petr., 321.

⁴⁾ Колл., 11.

довства и порчи, ибо свадебное время считалось особенно удобнымъ для порчъ и колдовскихъ лиходѣйствъ. Онъ назывался ясельничій или конюшій ¹⁾.

Наканунѣ свадьбы собирались къ жениху его гости, а къ невѣстѣ гости, составлявшіе ея поѣздъ; и тѣ, и другіе пировали. Въ царскихъ свадьбахъ царь сидѣлъ съ невѣстою за однимъ столомъ и всѣ приносили поздравленіе. У простыхъ же въ эти дни выбранные свадебные чины съ обѣихъ сторонъ находились отдѣльно. У посадскихъ и у крестьянъ велось въ обычаѣ, что женихъ въ то время посылалъ невѣстѣ въ подарокъ шапку, пару сапоговъ, ларецъ, въ которомъ находились румяна, перстни, гребешокъ, мыло и зеркальце ²⁾; а нѣкоторые (XVI вѣка, а можетъ быть также и въ XVII) посылали еще принадлежности женскихъ работъ: ножницы, нитки, иглы, а вмѣстѣ съ ними лакомства, состоявшія въ изюмѣ и фигахъ, и розгу. Это было символическимъ знакомъ того, что если молодая жена будетъ прилежно работать, то ее стануть за это кормить сладостями и баловать, а иначе будутъ сѣчь розгами ³⁾.

Вѣнчаніе происходило большею частью вечеромъ. Утромъ въ день торжества (иногда же наканунѣ) сваха невѣсты отправлялась въ домъ жениха готовить брачное ложе. Существовало вѣрованіе, что лихіе колдуны и колдуньи могутъ внести порчу и нагнать злыхъ духовъ въ тотъ домъ, гдѣ *рядятъ свадьбу*. Противъ этого наблюдали разныя средства. Между прочимъ, сваха обходила кругомъ хоромину, гдѣ устраивалось брачное торжество, и кровать, гдѣ постигалось брачное ложе, съ рабиною въ рукахъ, на которой нарѣзывались символическіе знаки ⁴⁾. Ея шествіе совершалось церемонно. За свахою челоуѣкъ пятьдесятъ, а иногда и до ста прислужниковъ несли на головахъ разныя принадлежности брачнаго ложа и брачной комнаты. Брачною юмнатою избирался сѣнникъ, часто нетопленный. Необходимо было, чтобъ на потолокѣ не было земли, чтобъ, такимъ образомъ, брачная спальня не имѣла никакого подобія съ могилою. Сѣнникъ обивался по стѣнамъ и устилался по помосту коврами; подъ стѣнами всегда были лавки съ полавочниками; по четыремъ угламъ комнаты втыкалось по стрѣлѣ, а на стрѣлы вѣшали соболей, въ княжескихъ и царскихъ свадьбахъ по сороку, а въ другихъ по одному соболю; да сверхъ того на оконечности стрѣлы втыкался калачъ. На лавкахъ по угламъ ставили по оловянику питейнаго меда; надъ дверьми и надъ окнами, какъ внутри, такъ и снаружи, на стѣнахъ прибавали по кресту. Когда въ этотъ покой вносили постель, то впереди несли образа Спаса и Богородицы и большой крестъ. Постель готовилась на кровати или на широкой скамѣ такимъ образомъ: сперва настилали снопы (въ царскихъ свадьбахъ число ихъ было тридевятъ, то-есть двадцать-семь, а въ обыкновенныхъ свадьбахъ по сороку: то и другое число имѣли символическія значенія и вѣроятно употреблялись по произволу); на снопы клали коверъ, а на него перины; на свадьбѣ Михаила Θεодоровича положено было семь перинъ, одна на другую ⁵⁾ у простыхъ клали иногда по двѣ перины и болѣе, по желанію. На перины клали изголовье и двѣ подушки; на подушки натягивались шелковыя

¹⁾ Оп. г. Шуи, 456.

²⁾ Olear., 215.—А. г. Шуи, 63.

³⁾ Дженк., 560.

⁴⁾ Буслаева. О нар. поэз., 32.

⁵⁾ Др. Русск. Вивл., XIII, 169.

наволоки; постель была застлана шелковою простынею, на нее сверху постилали холодное одѣяло; въ довершеніе всего клали на подушку шапку, а въ ногахъ теплое одѣяло, соболье и кунье съ оторочкою изъ болѣе богатой матеріи, чѣмъ самое одѣяло, — шубу и коверъ, и закрывали простынею ¹⁾. Вокругъ постели устраивались тафтяные занавѣсы. Надъ постелью ставились образа и крестъ, тѣ самые, которые предшествовали при вносѣ постели. Образа были задѣрнуты убрусами или застѣнками, смотря по ихъ величинѣ. Возлѣ самой постели ставили кади или открытыя бочки съ пшеницею, рожью, овсомъ и ячменемъ. Это означало обиліе, котораго желали новобрачнымъ въ ихъ новомъ домоводствѣ ²⁾. На царскихъ свадьбахъ сѣнникъ устраивался во дворцѣ. Между тѣмъ, и у жениха, и у неvěсты пекли свадебные хлѣбы или короваи и готовили столъ.

Когда время вѣнчанія приближалось, неvěсту начинали одѣвать въ самое лучшее платье и навѣшивали на нее сколько возможно болѣе украшеній; въ это время дѣвицы пѣли ей свадебныя пѣсни. Между тѣмъ въ парадно-убранной комнатѣ ставили столы, накрывали ихъ брачными скатертьми, уставляли украсницами, солоницами и перечницами, устраивали поставецъ, какъ водилось вообще на пирахъ, и убирали мѣсто для жениха и неvěсты на возвышеніи или рундукѣ. На этомъ мѣстѣ клали бархатныя или камчатныя золотныя изголовья, а сверху покрывали ихъ соболями; подлѣ самаго мѣста становилось одно лицо изъ свадебныхъ чиновъ: это лицо держало въ рукѣ пукъ соболей; его должность была *опахивать* новобрачныхъ. Передъ мѣстомъ ставили столъ, накрытый тремя скатертьми, одна на другой; на нихъ клали соль въ солоницѣ, калачъ или перепечу и сыръ. Надъ мѣстомъ прибывали икону, и, кромѣ того, въ комнатѣ, назначенной для торжества, ставили во всѣхъ четырехъ углахъ по одной иконѣ.

Въ то же время женихъ въ домѣ своихъ родителей собирался съ своими поѣзжанами. Убравшись въ вѣнчальный нарядъ, онъ ожидалъ, какъ ему дадутъ знать, что пора ѣхать за неvěстою. Съ гостями его находился непременно и священникъ, который долженъ былъ вѣнчать.

Послѣ того, какъ въ домѣ неvěсты все было готово и сама неvěста одѣта, ей на голову возлагали вѣнецъ—символь дѣвчества, и вели съ торжественнымъ шествіемъ въ залу, гдѣ было устроено мѣсто для нея съ женихомъ. Впереди шли женщины-плясицы, которыя плясали и пѣли пѣсни. За ними коровайки несли на полкахъ, обшитыхъ богатыми матеріями, короваи. На короваяхъ лежали золотыя монеты, называемыя въ описаніи царскихъ свадебъ пѣнзями. Потомъ слѣдовали свѣчники съ свѣчами и фонарики съ фонарями для свѣтъ. Какъ у жениха, такъ и у неvěсты было по свѣчѣ; два свѣчника несли одну свѣчу, потому что онѣ были массивны, на примѣръ, женихова въ три пуда, неvěстина въ два пуда. На свѣчахъ надѣвались серебряныя или серебряно-вызолоченныя обручи и бархатныя или атласныя кошельки. Возлѣ свѣчъ несли обручальныя свѣчи и богоявленскую (водокрещенную) свѣчу, которою зажигали брачныя свѣчи. Въ царскихъ свадьбахъ, отправляемыхъ во дворцѣ, свѣчи жениха и неvěсты несли разомъ предъ будущею царицею. Въ частныхъ свадьбахъ жениховы короваи, свѣчи и фонари несли передъ нимъ, когда онъ прибывалъ къ неvěстѣ. За коровайниками, свѣчниками и фонариками неvěсты шель дружка и несъ опало:

¹⁾ Оп. г. Шуп, 187, 403.

²⁾ Olear., 211.

то была большая металлическая миса; въ ней лежали на трехъ углахъ хмель, собольи и бѣличьи мѣха, платки шитые золотомъ, червонцы и деньги. Двое по сторонамъ предшествовали княгинѣ или невѣстѣ и *держали путь*, чтобы никто не перешелъ дороги. За ними двѣ свахи вели невѣсту въ вѣнцѣ, подъ покрываломъ. За невѣстою слѣдовали сидячія боярыни, составлявшія ея свадебный чинъ: двѣ изъ нихъ держали по мисѣ или по блюду. На одномъ лежала кика—головной уборъ замужней женщины съ принадлежностями, какъ-то: подбрусникомъ или волосникомъ, гребешкомъ и чаркою съ медомъ, разведеннымъ въ водѣ или винѣ. На другомъ лежали уборы, назначенные для раздачи гостямъ. Блюдо съ осыпаломъ и съ убурусами ставилось на столѣ передъ главнымъ мѣстомъ, гдѣ лежала перепеча съ сыромъ. По бокамъ становились коровайники, свѣчки и фонарики. Невѣсту сажали на мѣсто, а возлѣ нея сажали какое-нибудь лицо, чаще всего брата или родственника, иногда мальчика возрастомъ. Всѣ составлявшіе чинъ невѣсты садились по своимъ мѣстамъ, каждый по своему чину.

Когда всѣ усаживались, отецъ и мать невѣсты, дѣйствительные или нареченные, посылали дружку къ жениху. Приходя, онъ извѣщалъ, что время ему идти по невѣсту.

Священникъ первый вставалъ съ мѣста и провозглашалъ: «Достойно есть!» Вставали родители, брали по образу и становились рядомъ. Женихъ кланялся имъ въ ноги, цѣловалъ образъ и получалъ родительское благословеніе. Вслѣдъ затѣмъ поѣздъ отправлялся; въ такомъ торжественномъ шествіи впереди шли коровайники съ короваями, свѣчки и фонарики съ своими принадлежностями, потомъ священникъ съ крестомъ, потомъ бояре, за ними женихъ, котораго вели подъ руки тысяцкій, за ними поѣзжане, то-есть всѣ, составлявшіе чинъ жениха. Они садились на лошадей верхами или въ сани. Когда такимъ образомъ шествіе достигало двора невѣсты, родители невѣсты выходили къ нимъ на встрѣчу. Они входили въ приготовленный покой, гдѣ уже сидѣла невѣста. Женихъ молился, знаменуясь крестомъ, и кланялся образамъ на всѣ четыре стороны, потомъ вмѣстѣ съ дружкомъ подходилъ къ своему мѣсту; слѣдовало выкупать это мѣсто у того мужчины или мальчика, который сидѣлъ подлѣ невѣсты; послѣдній, получивъ нѣсколько монетъ, уступалъ свое мѣсто и женихъ садился подлѣ невѣсты на одну подушку съ нею. Въ царскихъ свадьбахъ лицо, сидѣвшее подлѣ невѣсты, сводили съ мѣста, взявши подъ руки.

Эти обычай сходки жениха съ невѣстою были одинаковы и въ царскихъ свадьбахъ, съ тою разницею, что на свадьбѣ у царей все это происходило въ одномъ и томъ же дворцѣ. Царь собирался въ одной изъ палатъ, царица въ другой; сначала царица шла въ Грановитую палату; ей предшествовалъ священникъ и кропилъ святою водою мѣсто, гдѣ она садилась. На этомъ мѣстѣ лежало сорокъ соболей, которые были подняты, когда она садилась: возлѣ нея садился какой-нибудь изъ знатныхъ князей. Когда все было устроено, посылали дать знать царю. Царь отправлялъ прежде своего нареченнаго отца; тотъ, вошедши въ царицыну палату, кланялся на всѣ стороны, ударялъ челомъ будущей государынѣ и садился на большомъ мѣстѣ возлѣ жены своей, если она была здѣсь. Посидѣвъ немного, этотъ нареченный отецъ посылалъ къ царю одного боярина съ рѣчью: «государь царь и великій князь всея Россіи! бояринъ такой-то велѣлъ говорить: прося у Бога милости, время тебѣ идти, государю, къ своему дѣлу». Государь вставалъ, принималъ благословеніе митрополита и со всѣмъ своимъ

поѣздомъ шелъ въ Грановитую палату. Впереди его шли двое духовныхъ особъ: благовѣщенскій протопопъ съ крестомъ и крестовый недѣльный священникъ. Священники кропили водою путь, тысяцкій велъ царя подъ руку, за нимъ слѣдовали стольникъ съ копакомъ и стряпчѣ. Прибывши въ палату и благословившись, царь подходилъ къ своему мѣсту, большой дружка подымалъ посаженное близъ невѣсты лицо, а царь садился на его мѣсто возлѣ будущей жены.

Когда такимъ образомъ усаживались, начинали разносить кушанье и ставить на столы. Гости ѣли, но, впрочемъ, какъ говорить Котошихинъ, не для того, чтобъ наѣсться, а только для чина. Едва ставили на столъ всѣ блюда перваго кушанья, какъ священникъ прочитывалъ «Отче Нашъ», потомъ молитву покровенія главы. По окончаніи послѣдней молитвы сваха подходила къ отцу и матери невѣсты и просила благословенія невѣсту чесать и крутить. «Благослови Богъ!» отвѣчали родители. Зажигались свадебныя свѣчи богоавленскими свѣчами; свѣчники, поставивъ свои свѣчи, держали протянутый между женихомъ и невѣстою большой кусокъ тафты съ нашитымъ крестомъ, такъ что женихъ и его поѣзжане, которые сидѣли на одной съ нимъ сторонѣ, не могли видѣть невѣсты. Сваха снимала съ невѣсты покрывало, потомъ вѣнокъ; другая женщина подносила мису съ кикой и гребнемъ. Сваха омочала гребень въ чарку съ медомъ и расчесывала невѣсту, потомъ свивала или скручивала ей волосы и надѣвала волосникъ, кикку и подзатыльникъ и наконецъ закрывала, иногда тѣмъ же покровомъ, который раздѣлялъ ее отъ жениха. Вѣнокъ отдавался на сохраненіе на память о дѣвчествѣ. Послѣ того подносили свахѣ мису съ осыпаломъ; она осыпала невѣсту и жениха и онашивала сорока соболями, которые держалъ, какъ выше сказано, одинъ изъ свадебныхъ чиновъ, называемый держальникомъ. У посадскихъ людей во время расчесыванія былъ такой обычай: когда женихъ и невѣста сидѣли, отдѣленные другъ отъ друга покровомъ, имъ приказывали приложить щеки къ покрову. Передъ ними держали зеркальце, и женихъ здѣсь могъ увидѣть въ зеркалѣ лицо своей будущей жены и дружелюбно ей улыбнуться; въ то же время одинъ изъ гостей подходилъ къ нимъ въ вывороченномъ шерстью вверхъ тулупѣ и желалъ невѣстѣ столько дѣтей, сколько было шерстинокъ въ тулупѣ.

Во все продолженіе обряда укручиванія невѣсты сидячія боярыни и дѣвицы пѣли свадебныя пѣсни, а дружка, взявъ ножъ, подходилъ къ отцу и матери невѣсты и говорилъ: «благословите рѣзать перепечу и сыръ». «Благослови Богъ!» отвѣчали тѣ. Дружка рѣзалъ перепечу и сыръ на мелкіе куски, клалъ на большое блюдо, накладывалъ туда же множество ширенокъ и отдавалъ подружескому или меньшему дружкѣ; самъ получалъ отъ невѣсты вышитый ея руками убрусъ и подносилъ его жениху, а меньшей дружка разносилъ и раздавалъ всѣмъ гостямъ куски перепечи и ширинки, также посылалъ отцу и матери жениха, остававшимся въ своемъ домѣ. Въ то же время сваха осыпала свадебныхъ бояръ и гостей, то-есть бросала въ толпу ихъ горстями все, что было на осыпалѣ — серебряныя деньги, хмель, куски матеріи и проч., и всякъ на лету хваталъ, что успѣвалъ схватить.

Между тѣмъ, подавали другую яству, за нею подавали третью: какъ только она появлялась на столѣ, сваха подходила къ родителямъ невѣсты и просила благословенія — *молодыхъ везти къ вѣнцу*. «Благослови Богъ!» отвѣчали тѣ. Всѣ вставали. Родители брали по образу, обыкновенно въ окладахъ, съ драгоцѣн-

ными украшеніями. Подлѣ нихъ становился священникъ. Новобрачные кланялись и принимали благословеніе. Отецъ и мать раздѣливали ихъ кольцами, и взявъ дочь за руку, отдавали ее жениху, взаимно кланяясь другъ другу. Наконецъ, отецъ бралъ плеть и ударялъ ею свою дочь, говоря: «по этимъ ударамъ ты, дочь, знаешь власть отца; теперь эта власть переходитъ въ другія руки; вмѣсто меня за послушаніе тебя будетъ учить эту плетью мужъ!» Съ этими словами онъ передавалъ плеть жениху, а тотъ, принявъ плеть, говорилъ: «я не думаю имѣть въ ней нужды, но беру ее и буду беречь, какъ подарокъ». Онъ закладывалъ ее за кушакъ.

Между тѣмъ, въ продолженіе этого обряда коровайники и свѣчки выходили. За ними выступали свадебные гости. Устлался путь кусками матеріи, и новобрачные шли по этимъ кускамъ къ дверямъ. Женихова и невѣстина свахи вели невѣсту за руки, все еще закрытую. Тысящій устраивалъ порядокъ шествія. Между тѣмъ, тѣ, которые держали сорокъ собелей, взятыхъ съ мѣста, гдѣ сидѣли новобрачные, клали ихъ опять на то же мѣсто, а скатерть, на которой рѣзали перенечу и сыръ, складывали и отдавали ключнику.

На дворѣ передъ крыльцомъ стояло множество обѣданныхъ лошадей и колымагъ или каптановъ. Когда свадьба происходила у бояря, близкихъ особъ царя, то имъ на этотъ торжественный день давались царскіе лошади и экипажи.

Сани невѣсты убирались какъ можно понаряднѣе, поволакивались атласомъ, а на сѣдалищѣ клалась бархатная подушка; богатый коверъ спускался со спинки; подъ дугою привѣшивались, какъ водилось, лисьи и волчьи хвосты. Къ такимъ санямъ подводилась невѣста; въ саняхъ сидѣло другое лицо: его слѣдовало свести, точно такъ, какъ сводился сидѣвшій подлѣ невѣсты вмѣсто жениха. Невѣста садилась въ сани вмѣстѣ съ двумя свахами. Надъ нею держали собелей. Подобный обрядъ наблюдался и въ отношеніи жениха: у крыльца стоялъ его аргамакъ, а на аргамакѣ сидѣлъ другой; и когда являлся женихъ, тотъ вставалъ и шелъ пѣшкомъ, а женихъ садился на аргамака и ѣхалъ къ вѣнчанью. Если же, по причинѣ непогоды, нельзя было ѣхать верхомъ, то женихъ садился съ тысящикимъ въ сани или въ коляску, а тотъ, кто прежде сидѣлъ въ саняхъ, шелъ пѣшкомъ. Женихъ долженъ былъ ѣхать съ своимъ поѣздомъ впередъ и прибыть въ церковь ранѣе невѣсты. Въ самыхъ простыхъ свадьбахъ новобрачные ѣздили, а не ходили пѣшкомъ. Въ царскомъ бракосочетаніи путь до церкви устлался камками, и двадцать человѣкъ дѣтей боярскихъ царицыныхъ наблюдали, чтобъ никто не переходилъ пути между женихомъ и невѣстою. Въ простонародныхъ свадьбахъ впереди поѣзда пѣли свадебныя пѣсни, и забавники отпускали шутки. Это не одобрялось Церковью, и духовные называли вообще свадебныя пѣсни нелѣпнымъ крикомъ и козлогласованіемъ.

Когда молодые входили въ церковь, ясельничій съ своими двумя помощниками стерегъ коня и сани, чтобъ кто-нибудь не перешелъ дороги между верхнимъ конемъ жениха и санями невѣсты, и чтобы вообще лихіе люди не надѣлали чего-нибудь дурного колдовствомъ.

Путь отъ церковныхъ дверей до наоя устлался кусками матеріи; самое мѣсто передъ наюемъ также устлалось и, сверхъ того, на немъ клали собелей. Когда свадьба была вечеромъ, то женихъ и невѣста тотчасъ послѣ прихода въ церковь становились на свои мѣста; но иногда свадьбы бывали послѣ обѣдни: тогда женихъ и невѣста становились у церковныхъ столбовъ, слушали литургію

и по окончаніи ея подходили къ налою. Въ царскихъ свадьбахъ XVI вѣка вѣнчаніе происходило послѣ обѣдни, а въ XVII — вечеромъ, и тогда высокая чета вѣнчалась тотчасъ по прибытіи въ храмъ. Послѣ вѣнчанія невѣсту раскрывали, и священникъ читалъ новобрачнымъ поученіе: въ немъ обыкновенно представлялъ ихъ ходить часто въ церковь, слушаться своихъ духовниковъ, хранить посты и праздники, подавать милостыню, а мужу повелѣвалъ учить жену палкою, какъ подобаеть главѣ. Потомъ онъ бралъ жену за руку, вручалъ мужу и приказывалъ имъ подѣловаться. Жена иногда въ знакъ повинovenія припадала къ ногамъ супруга и касалась челою его сапога, мужъ же покрывалъ ее полою платья въ знакъ будущаго покровительства и защиты ¹⁾. Наконецъ, священникъ давалъ новобрачнымъ деревянную чашу съ виномъ; мужъ принималъ, отпивалъ и давалъ женѣ; та отвѣдывала и передавала опять мужу. Такимъ образомъ оба пили три раза, наконецъ мужъ допивалъ, бросалъ подъ ноги чарку и тонталъ ее, разомъ съ женою, приговаривая: «пусть такъ подъ ногами нашими будутъ потоптаны тѣ, которые стануть посѣвать между нами раздоръ и нелюбовь». Существовало повѣрье, что кто изъ супруговъ прежде успѣетъ наступить ногою на чашу, тотъ надъ другимъ будетъ сохранять первенство; но какъ ни старались воспользоваться этимъ жены, однако рѣдко имъ удавалось. Подходили свадебные гости и поздравляли обвѣнчавшихся, а между тѣмъ тысяцскій уже посылалъ дружку впередъ къ отцамъ жениха и невѣсты и къ оставшимся въ домѣ свадебнымъ чинамъ извѣстить, что молодые обвѣнчались въ добромъ здоровьѣ. Въ то же время дружка разрѣзывалъ коровай, и священникъ отсылалъ его (вѣроятно, черезъ того же дружку) отцамъ обоихъ семействъ, какъ символъ будущаго ихъ свойства и родственной пріязни ²⁾, и оба рода давали обѣтъ быть людьми одного стола и одного хлѣба — *хлѣбосолами*, и жить дружно, какъ зерна одного колоса. Объ этомъ обычаѣ рассказываетъ Флетчеръ, какъ о происходившемъ въ церкви, но, какъ извѣстно, родители въ церкви не бывали, слѣдовательно, обычай соблюдался черезъ посылку. Впрочемъ, вѣроятно, онъ не всегда наблюдался, а въ царскихъ свадьбахъ никогда, ибо тамъ равенства между семьями не было и быть не могло.

При выходѣ изъ церкви сваха осыпала новобрачныхъ сѣменами льна и конопли, желая имъ счастья; другіе дергали жену за рукавъ, показывая видъ, будто хотять разлучить ее съ женихомъ, а жена тѣсно прижималась къ своему суженому. На знатныхъ свадьбахъ существовалъ обычай бросать окружающимъ монеты ³⁾. Изъ церкви весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа, у простого народа съ свадебными пѣснями, криками и плясками.

Послѣ вѣнчанія весь поѣздъ отправлялся въ домъ мужа, а на царской свадьбѣ въ тотъ покой, гдѣ было окручиваніе; но когда въ XVI вѣкѣ свадьбы происходили послѣ обѣдни, то царица отправлялась въ свои покои; свѣчи и коровай уносили въ сѣнникъ къ постели, а царь ѣздилъ по монастырямъ и, возвращаясь домой, посылалъ звать жену и всѣхъ гостей къ обѣду. Вѣроятно, на свадьбахъ частныхъ людей, если вѣнчаніе было послѣ обѣдни, новобрачные разѣжались по своимъ домамъ, а уже къ вечеру жену привозили въ домъ мужа

¹⁾ Fletch., 247.

²⁾ Fletch., 247.

³⁾ Пазрле, 50.

и тамъ происходило брачное торжество. Если же, какъ чаще случалось, вѣнчаніе было вечеромъ, то всѣ, какъ выше сказано, ѣхали прямо къ жениху. Когда поѣздъ прибывалъ въ его домъ, на встрѣчу выходили отецъ и мать жениха съ образомъ и съ хлѣбомъ-солью и благословляли новобрачныхъ. При входѣ въ домъ потѣшники, по распоряженію ясельничаго, играли въ сурьмы и бубны «чинно, нематежно, благолѣпно, доброгласно». Тогда новобрачные садились за столъ; всѣ также садились на свои мѣста. Невѣста была уже открыта, и должна была непрерывно плакать, выражая разлуку съ родителями и страхъ новаго образа жизни, а женщины и дѣвцы пѣли печальныя пѣсни. Ни женихъ, ни невеста ничего не должны были ѣсть, хотя передъ ними и ставили кушанья. Когда гостямъ подавали третью перемену—лебеда, передъ новобрачными ставили жареную курицу; дружка бралъ эту жареную курицу и обертывалъ скатертью, вторую изъ трехъ скатертей, положенныхъ на столъ передъ новобрачными до вѣнчанья. Онъ обращался къ отцу и матери и говорилъ: «благословите вести молодыхъ опочивать». Тѣ отвѣчали: «благослови Богъ!» и шли къ дверямъ; отецъ останавливался у дверей, а мать уходила къ сѣннику. Тогда дружка уносилъ символическую курицу въ сѣнникъ, за нимъ шли свѣчники и коровайники и ставили свѣчи въ кадъ съ пшеницею, стоящую у изголовья брачнаго ложа. Тисяцкій, дружка, свахи вставали. Вставали женихъ и невеста и подходили къ дверямъ; отецъ бралъ за руку невесту и говорилъ жениху: «Сынъ нашъ! Божіимъ повелѣніемъ» (если же свадьба устраивалась по приказанію царя, то прибавлялось: и царскимъ жалованьемъ) «и благословеніемъ нашимъ и матери твоей велѣлъ тебѣ Богъ сочетатися законнымъ бракомъ и понять *такую-то*; приеми ее и держи, какъ человѣколюбивый Богъ устроилъ въ законѣ нашей истинной вѣры, и святые апостолы и отцы предаща». Сынъ бралъ свою жену за руку, выходилъ съ нею изъ дверей и шелъ до сѣнника; тутъ встрѣчала ихъ мать или сваха въ вывороченной вверхъ шерстью шубѣ и осыпала новобрачныхъ. Такимъ образомъ новобрачные входили въ сѣнникъ. Гости уходили въ покой, откуда вышли, и продолжали пировать, а дружка и сваха вступали съ новобрачными въ сѣнникъ и раздѣляли ихъ: дружка жениха, сваха невесту, и сами потомъ уходили къ гостямъ.

Тогда встарину между женихомъ и невестою происходилъ обрядъ разуванія, очень древній обрядъ, дошедшій къ русскимъ отъ временъ язычества. Онъ состоялъ въ томъ, что жена, въ знакъ покорности, должна была снять съ мужа сапоги. Въ одномъ изъ сапоговъ была монета. Если ей удавалось снять прежде тотъ сапогъ, въ которомъ была монета — это значило, что ей будетъ счастье; въ противномъ случаѣ значило, что ей придется угождать мужу и разувать. При этомъ мужъ, въ знакъ своей власти, ударялъ будущую соупутницу своей жизни по спинѣ плетью, полученною отъ тестя.

Когда молодые были въ сѣнникѣ, а гости пировали въ комнатѣ, около сѣнника ходилъ или ѣздилъ ясельничій съ обнаженнымъ мечемъ для предохраненія отъ всякаго лиходѣйства. По прошествіи нѣкотораго времени отецъ и мать посылали дружку узнать о здоровьѣ новобрачныхъ; если женихъ черезъ дверь отвѣчалъ, что онъ въ добромъ здоровьѣ, это значило, что между ними *доброе совершилось*, и тысяцкій тотчасъ посылалъ къ родителямъ невесты сказать, что новобрачные въ добромъ здоровьѣ; дружка за то получалъ подарки, и всѣ свадебныя гости отправлялись въ сѣнникъ кормить новобрачныхъ. Какъ женихъ,

такъ и невѣста ничего не ѣли въ тотъ день; теперь пищу для нихъ была та самая курица, которую дружка прежде ихъ уносилъ въ сѣнникъ, обернувши ска-тертью; кромѣ этого символическаго блюда, давали еще и другія кушанья. На царскихъ свадьбахъ государи кормили передъ сѣнникомъ въ сѣняхъ, а царицу въ самомъ сѣнникѣ. Взявши курицу, новобрачный долженъ былъ, по старинному обряду, отломить у нея ножку и крыло и бросить черезъ плечо назадъ. По дру-гимъ извѣстіямъ, этотъ обрядъ совершался предъ положеніемъ въ постель. Во время кормленія новобрачныхъ мужъ подавалъ гостямъ вино и всѣ пили съ по-здравленіями. Потомъ новобрачныхъ снова укладывали въ постель, а гости воз-вращались въ прежнюю комнату и продолжали веселиться; тогда веселіе часто переходило въ оргію и нерѣдко забывались всякія приличія. Музыки не было; только трубили въ сурьмы, били въ бубны и накромы.

На другой день новобрачныхъ вели, при звукѣ сурьмы и литавръ и пѣ-ніи пѣсень, въ отдѣльныя мыльни. Въ мыльняхъ ихъ мыли виномъ и медомъ. Жена шла въ мыльню съ свахою и матерью жениха и показывала знаки своего дѣвства; съ нею снимали сорочку и вмѣстѣ съ простынею прятали, какъ сви-дѣтельство цѣломудреннаго поведенія. Мужъ мылся съ тысяцкимъ и дружкой; тогда молодая жена присылала ему въ мыльню сорочку, обыкновенно унизан-ную жемчугомъ. На царскихъ свадьбахъ цари кушали въ мыльнѣ, а царицы въ избушкѣ. По выходѣ изъ мыльни новобрачный шелъ впередъ въ сѣнникъ, за нимъ приходила новобрачная. Тутъ являлись женщины, а впереди нихъ сваха несла горшечекъ или два горшечка, поставленные на одномъ блюдѣ и обернутые соболями; въ этихъ горшкахъ была каша; сваха кормила ею и мужа и жену; передъ мужемъ держалъ горшечекъ дружка, передъ женою сама сваха; этотъ обычай наблюдался и у царей и у крестьянъ. На царскихъ свадьбахъ проис-ходилъ въ это время обрядъ раскрыванья; бояринъ, нареченный отецъ царскій, раздвигалъ стрѣлою покровъ, заслонявшій царицу; до того времени даже и послѣ вѣнчанія ее никто не видалъ; только послѣ этого обряда всѣ подходили къ ней и могли имѣть счастье увидеть ея свѣтлыя очи. Послѣ этого всѣ шли къ столу. Въ частныхъ свадьбахъ этотъ послѣдній обрядъ не наблюдался; и послѣ кормленія кашею женихъ, вмѣстѣ съ своимъ родителемъ, съ тысяцкимъ, дружкой и со всѣми свадебными поѣзжанами, ѣхалъ къ родителямъ невѣсты. Вступая къ нимъ въ домъ, новобрачный билъ челомъ и благодарилъ за то, что они вскормили и вспоили дочь свою, его жену, и ласково приглашалъ ихъ къ себѣ на обѣдъ, со всѣми гостями невѣстина чина. Тогда у жениха былъ торжественный пиръ, называемый княжимъ: это названіе было и у крестьянъ, которые никогда не равнялись князьямъ, и у царей, которые всегда были выше всѣхъ князей. Когда въ концѣ пира подавали на столъ овощи и разныя ла-комства, отецъ и мать благословляли новобрачныхъ образами и всѣ гости дарили ихъ разными вещами и тканями. Всѣ ѣли, пили въ изобиліи и веселились. Но если бы случилось, что невѣста не сохранила своего дѣвства — общее веселье омрачалось. Посрамленіе ожидало бѣдныхъ родителей новобрачной. Отецъ мужа подавалъ имъ кубокъ, проверченный снизу, заткнувъ отверстиемъ пальцемъ; когда свать бралъ кубокъ, отецъ жениха отнималъ палецъ и вино проливалось на одежду при всеобщемъ поруганіи и насмѣшкахъ, и тогда самая печальная участь ожидала въ будущемъ ихъ дочь въ чужой семьѣ. Впрочемъ, этого избѣгали, если бы и такъ случилось. Котошихинъ говоритъ, что въ подобныхъ случаяхъ

новобрачный тайно пенялъ тестя и тещу. Вѣроятно, что такіе случаи не только въ высшихъ кругахъ, но даже и между посадскими были очень рѣдки, тѣмъ болѣе, что дѣвицъ отдавали молодыми.

Въ этотъ день новобрачный, если онъ имѣлъ къ царю доступъ, послѣ посѣщенія родителей невѣсты являлся во дворецъ со всѣмъ поѣздомъ, состоявшимъ обыкновенно изъ лицъ, имѣвшихъ право являться къ царской особѣ. Государь принималъ ихъ сидя и въ шапкѣ. Всѣ кланялись въ землю. Государь милостиво спрашивалъ ихъ о здоровьѣ (такой вопросъ считался большою милостію), поздравлялъ жениха съ законнымъ бракомъ, благословлялъ его съ женою образами и жаловалъ подарками, состоявшими обыкновенно въ соболяхъ и разныхъ матеріяхъ или серебряныхъ сосудахъ, а въ заключеніе приказывалъ подать всѣмъ по кубку романае, да по ковшу вишневаго меда: всѣ выпивали и уѣзжали домой. Новобрачная не ѣздила съ мужемъ къ царю, а посылала къ царицѣ и царевнамъ подарки, шитые золотомъ и серебромъ тафтяные уборы. Царица и царевны, принимая эти знаки челобитья, спрашивали ихъ о здоровьѣ. Если же бы случилось, что невѣста не сохранила дѣвства, то мужъ, имѣвшій несчастье взять за себя такую жену, не смѣлъ явиться царю на глаза.

На слѣдующій день, т.-е. на третій день послѣ брака, было пиршество у родителей невѣсты. При окончаніи стола отецъ и мать невѣсты благословляли новобрачныхъ, а гости дарили ихъ. На свадьбахъ рѣдко дарили деньгами, а по большей части вещами, также скотомъ и лошадьми. По окончаніи пировъ дары отсылались на рынокъ и оцѣнивались, потомъ женихъ долженъ былъ отдаривать за нихъ подарками равнаго достоинства. Герберштейнъ говоритъ, что, по обычаю, женихъ долженъ былъ въ теченіе года непременно отдарить всѣхъ, которые ему поднесли подарки послѣ свадьбы; иначе же, если онъ въ продолженіе этого времени не исполнилъ своего долга, то долженъ былъ дарить вдвое. Если же онъ не отсылалъ принятыхъ вещей къ цѣновщикамъ, то отдаривалъ по желанію тѣхъ, которые ему дарили. Въ эти послѣсвадебные дни пиршество невѣста почти ничего не говорила, кромѣ формальныхъ обрядныхъ рѣчей. Ея малословность считалась достоинствомъ. Зато всѣ другія женщины, приглашенные на свадебное торжество, пользовались большею свободою, чѣмъ когда-либо, и часто случалось, что доходило до безумія, женщины, въ обыкновенное время скромныя и цѣломудренныя, тогда напивались, позволяли себѣ смѣлыя выходки и даже невольно впадали въ грѣшки среди общаго смятенія. Въ эти-то минуты разгула, по народнымъ вѣрованіямъ, всего удобнѣе колдуны могли портить людей, не ображенныхъ молитвою и богомысліемъ отъ ихъ навѣтовъ. Тогда вдругъ на кого-нибудь находила скорбь. На одной посадской свадьбѣ, въ XVII в., мать жениха, а потомъ и сноха вдругъ начали кликать безъ ума и памяти. Явился знахарь, взялъ ихъ поставить на прежнюю степенъ, но, набравши за это денегъ, не сдѣлалъ ничего хорошаго, и онѣ подали на него челобитную.

Царскія свадебныя торжества продолжались нѣсколько дней. На другой день отправлялся княжій столъ, на третій — столъ отъ царицы: нареченные родители благословляли высокую чету, а гости подносили дары; на четвертый день царь дѣлалъ столъ духовенству, и при окончаніи обѣда патріархъ и власти благословляли новобрачныхъ образами и всѣ гости дарили имъ кубки и ковши, а потомъ царь отдаривалъ ихъ деньгами, тканями и чествовалъ подачами. Въ слѣдующіе дни дѣлались столы другимъ сословіямъ: столъникамъ, страпчимъ,

дворянамъ, гостямъ, иноземнымъ людямъ и выборнымъ посадскимъ, которые нарочно къ царскому торжеству прѣзжали съ поздравленіями. Всѣ подносили царю дары. Зато и царь, въ эти свѣтлые въ его жизни дни, изливалъ обильно щедроты: нѣсколько дней кормилъ простое духовенство на дворѣ, раздавалъ ему деньги, посылалъ въ города деньги и молебныя грамоты, ѣздилъ съ молодою царицею по монастырямъ, кормилъ и дарилъ чернецовъ; вездѣ чернецы привѣтствовали царя и царицу окладными образами и подносили хлѣбъ и соль. Царь не забывалъ угнетенныхъ и нищихъ, посѣщалъ богадѣлни и тюрьмы, и отпускалъ на свободу узниковъ, посаженныхъ за долги или за неважныя преступленія. Не всегда, впрочемъ, подносимые царямъ дары принимались; такъ, при бракосочетаніи царицы Натальи Кирилловны царь ихъ не принялъ.

Свадебные обряды были одинаковы какъ у первобрачныхъ, такъ и у тѣхъ, которые женились или выходили замужъ въ другой и третій разъ; но второй бракъ не имѣлъ уже той святости, какую облекался первый. Если оба изъ супруговъ были вдовцы, то на нихъ не возлагали вѣнцовъ на голову, а держали на плечахъ. Церковный обрядъ третьяго брака состоялъ въ одномъ молитвословіи, безъ вѣнчанія, и вообще третій бракъ не одобрялся Церковью. Фотій въ одномъ изъ своихъ посланій, писанныхъ въ началѣ XV вѣка, приказываетъ священникамъ и вообще не допускать мірянъ до третьяго брака, приводя слова Григорія Богослова: «первый бракъ законъ, второй по нужи прощеніе слабости ради человѣчская, третьи—законопреступленіе, четвертый — нечестье, понеже свинское есть житіе» ¹⁾. Несмотря на воспрещеніе четвертыхъ браковъ Церковью, они случались, и правительство дозволяло дѣтямъ, рожденнымъ отъ четвертаго брака, пользоваться правами законныхъ дѣтей въ отношеніи наследства ²⁾. Нѣкоторые сходились для брачнаго сожитія безъ всякаго благословенія Церкви ³⁾, и жены такихъ назывались невѣнчанными. Эти браки были въ обычаѣ у козаковъ ⁴⁾. Встарину нѣкоторые, вопреки кореннымъ основаніямъ христіанскихъ понятій о семейной нравственности, имѣли у себя двѣ жены разомъ, вѣроятно, по языческому обычаю ⁵⁾.

Новоселье въ старой русской жизни было торжественнымъ событіемъ; хозяинъ, входившій въ новопостроенный домъ, приглашалъ духовенство освящать его и созывалъ родныхъ и знакомыхъ. Гости являлись непременно съ хлѣбомъ и солью—символами желанія обилія и благополучія; русскіе вѣрили, что приносимый хлѣбъ съ солью въ новомъ домѣ изгонялъ вліяніе злого духа ⁶⁾. Люди, не чуждавшіеся колдовства и ворожбы, напротивъ, являлись на новоселье съ черною кошкою, съ чернымъ пѣтухомъ, тащили растворенную квашню и катали три хлѣба, а потомъ замѣчали, какъ эти хлѣбы ложились, и записывали «на хартіяхъ, и ключи въ псалтырь вложить, оттуду ложная вѣщующе» ⁷⁾. Надобно было умѣючи выбирать самое мѣсто, на которомъ хотятъ строить новый домъ;

¹⁾ Доп., I, 329.

²⁾ П. С. З., I, 828.

³⁾ А. А. Э., I, 462.

⁴⁾ А. И., III, 43, 1615 года

⁵⁾ Р. Дост., 91.

⁶⁾ D. Gr. R. v. Mosc., 200.

⁷⁾ Рум. Муз., рукоп. № 374.

для узнанія хорошо или дурно мѣсто наблюдались разныя гаданья: напримѣръ, клали дубовую кору и оставляли ее на три дня; на четвертый поднимали и замѣчали, что подъ корой; если тамъ находили паука или муравья — то считали мѣсто лихимъ; напротивъ, если находили червяковъ или черную мурашку, то можно было ставить домъ безопасно. Гадали еще о томъ же посредствомъ трехъ хлѣбовъ, которые спускали на землю изъ-подъ пазухи: «если всѣ три хлѣбца лягутъ кверху коркою верхнею, то мѣсто добро; тутъ съ Божіею помощію, ничего не боясь, ставить избу и всякія хоромы; если же лягутъ вверхъ исподнею коркою, тутъ не ставь и то мѣсто покинь. Когда же только два хлѣбца лягутъ кверху верхнею коркою, еще ставь—добро, а когда же падетъ одинъ хлѣбецъ кверху своимъ верхомъ, а два къ исподу, то не вели ставить на томъ мѣстѣ»¹⁾. Во время пиршества на новосельѣ комната устилалась травою, и на большомъ столѣ, покрытомъ скатертью, клали принесенные хлѣбы и ставили въ солоницахъ соль. Послѣ пиршества каждый изъ гостей долженъ былъ что-нибудь подарить хозяевамъ.

Смерть человѣка сопровождалась завѣтными обычаями. По понятію русскихъ, умирать среди семейства въ полной памяти считалось благодатью небесною для человѣка. Чувствуя приближеніе смерти, русскій составлялъ завѣщаніе, распредѣлялъ свое состояніе и вмѣстѣ съ тѣмъ назначалъ для успокоенія своей души какія-нибудь добрыя дѣла. Богоугодными дѣлами, достойными великой минуты смерти, почиталось раздаваніе милостыни, надѣленіе монастырей и въ особенности освобожденіе рабовъ²⁾. Предъ смертію вспоминалось увѣщаніе Церкви, которая хотя и терпѣла рабство, но въ сущности не одобряла его, и поучала, что «все еси созданіе Господне, все плоть едина, и все міромъ единѣмъ помазаны, и все въ руки Господни, его же хочешь обнищаваетъ»³⁾. Такъ въ завѣщаніяхъ князей нашихъ всегда почти есть распоряженія объ отпускѣ рабовъ⁴⁾. То же соблюдалось до позднѣйшихъ временъ господами. Нерѣдко господинъ не только отпускалъ на волю всѣхъ холоповъ, но еще раздавалъ отпущеннымъ по нѣскольку рублей, что называлось выдѣлкою⁵⁾. Также благочестивымъ дѣломъ считалось платить и прощать долги⁶⁾. Иногда умирающій учреждалъ послѣ себя монастырямъ кормы и кормы на нищую братію, самъ раздавалъ понамъ разныя вещи и суммы на церкви⁷⁾, назначалъ по себѣ чтеніе псалтыря. Все это называлось строить душу. Все это соединялось съ вѣрованіемъ, что человѣкъ будетъ осуждаемъ послѣ кончины по тѣмъ поступкамъ, съ которыми застанетъ его смертный часъ: «въ коемъ бо дѣлѣ въдоситъ ти смерть, въ томъ же осужденъ будеши, ли въ постѣ, ли въ бдѣніи, ли въ лѣности»⁸⁾. Около умирающаго собиралось семейство, слуги и близкіе знакомые; ему подносили образа и онъ каждого благословлялъ особымъ образомъ; въ числѣ

¹⁾ Буслаевъ, О нар. поэз., 35.

²⁾ Herberst., 30.

³⁾ Доп., I, 361.

⁴⁾ С. Г. Гр., I, 51, 82.

⁵⁾ А., отв. до юр. б., I, 551, 556, 565.—А. г. Шуи, 136.

⁶⁾ С. Г. Гр., I, 272, 303.

⁷⁾ С. Г. Гр., I, 32.

⁸⁾ Погод. Сборн., № 1298.

окружавших его смертную постель непременно находился духовный отец ¹⁾. Многие для большей вѣрности спасенія души облекались предъ смертію въ монашескую одежду, а иные принимали и схиму, какъ это дѣлали цари. Если больной послѣ того жилъ нѣсколько времени, то уже ничего не вкушалъ, и на землѣ находился какъ бы за предѣлами земной жизни; и если бы случилось ему выздоровѣть, то непременно долженъ былъ поступить въ монастырь ²⁾. Когда начиналось предсмертное томленіе, тогда читалась отходная. Когда умиралъ царь или особа изъ царской семьи, звонили въ колокола и пѣли великій канонъ; бояре, думные и ближніе люди являлись во дворецъ въ черныхъ платьяхъ.

Какъ только человѣкъ испускалъ дыханіе, на окнѣ ставили чашу съ святой водой и мису съ мукой или съ кашей ³⁾ (вѣроятно съ кутьей). Это былъ какой-то остатокъ язычества, существовавшій не у однихъ русскихъ, но и у татаръ. Мертвеца обмывали теплою водою, надѣвали сорочку и закрывали въ бѣлое покрывало или саванъ, обували въ сапоги или башмаки, а руки складывали крестообразно. На царя надѣвали царское одѣяніе, на голову ему возлагали корону. Толпы знакомыхъ стекались въ домъ умершаго; начинался плачъ и причитаніе. Жена покойника обыкновенно заводила первая, причитывая «ахъ ты, мой милый, мой ненаглядный! Какъ же ты меня покинул! На кого меня, сироту, оставилъ? Али я тебѣ не хороша была; али не хорошо наряжалась и убиралась? али мало тебѣ дѣтей народила?» Другіе вопили: «зачѣмъ тебѣ было умирать? Ты былъ такой добрый, щедрый! Али у тебя не было чего съѣсть и спать? Али у тебя женушка некрасива была? Али царь тебя не жаловалъ?» Посылали собирать духовенство, и при этомъ обычай требовалъ каждому духовному лицу, приглашаемому на погребеніе, послать въ подарокъ водки, меда и пива. Тѣло лежало на столѣ, пока изготовлялся гробъ. Обыкновенно гробъ дѣлался деревянный, какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ, съ тою разницею, что у богатыхъ обивался внутри и снаружи матеріями разнаго цвѣта: напримѣръ, внутри червчатымъ, а снаружи вишневымъ бархатомъ. Когда мертвеца клали въ гробъ, нѣкоторые, по какому-то повѣрью, привѣшивали къ гробу кафтанъ покойника, а въ ротъ ему клали нѣсколько мелкихъ монетъ, какъ-будто для издержекъ въ дальней дорогѣ на тотъ свѣтъ. Лѣтомъ русскіе хоронили очень скоро—обыкновенно въ теченіе двадцати-четырехъ часовъ по смерти, и нерѣдко скончавшійся утромъ былъ уже погребенъ при захожденіи солнца. Если по какому-нибудь случаю, напр., ожидая прибытія родныхъ, погребеніе откладывалось, то трупъ вносили въ ледникъ, для предупрежденія зловонія. Мертвеца выносили изъ дома закрытымъ гробовою крышкою, сверху покрытою покровомъ или же шубою; такъ, на погребеніе князьямъ Черкасскимъ выдавались изъ казны соболы шубы ⁴⁾. Гробъ не везли, а несли на рукахъ, обыкновенно шесть чело-вѣкъ, и если покойникъ или покойница успѣвали принять монашество, то непременно монахи или монахини. Въ такомъ случаѣ обыкновенно хоронили въ монастыряхъ. Для эффекта нанимались плакальщицы, которыя шли впереди и по бокамъ похороннаго шествія съ распущенными волосами и нарочно искажен-

¹⁾ А. А. Э., II, 86.

²⁾ Mejerb., 483.

³⁾ Колл., 7,—Strauss, 207.

⁴⁾ А. И., IV, 300.

ными лицами. Онѣ кривлялись и вопили, то громко вскрикивали и заливались плачевными причетами, то заводили тихимъ, пискливымъ голосомъ, то вдругъ умолкали и потомъ заводили снова; въ своихъ причетахъ онѣ изображали заслуги покойника и скорбь родныхъ и близкихъ. Всѣ сопровождавшіе гробъ шли съ зажженными свѣчами, обвязавъ платками головы. Мертвого иногда вносили въ церковь и оттуда по совершеніи панихиды выносили на кладбище.

Когда гробъ готовились опустить въ могилу, крышу приподнимали и всѣ должны были подходить къ гробу и цѣловаться съ мертвымъ, впрочемъ позволялось прикладываться и къ гробу. Жена должна была вопить и причитывать, а плакальщицы показывали свое искусство хоромъ. Священникъ давалъ въ руки мертвого отпустительную грамоту которую иностранцы, по невѣдѣнію, почитали рекомендательнымъ письмомъ — сами не знали къ кому, кто думалъ къ св. Петру, а кто къ св. Николаю. Послѣ опущенія гроба въ могилу всѣ цѣловали образа, а потомъ ѣли кутью, непременно каждый три раза, наблюдая такой порядокъ, что прежде всего подходила къ кутьѣ жена, за нею дѣти, потомъ родственники, наконецъ гости, слуги и всѣ посторонніе.

Зимомъ не спѣшили хоронить, и особенно знатныхъ и богатыхъ предавали землѣ не въ первый день послѣ смерти. Тѣло выносили въ холодную церковь и ставили тамъ иногда дней на восемь; въ это время духовенство служило каждодневно литургію и панихиды. Уже на восьмой день предавали мертвого землѣ. Для людей бѣднаго и даже средственнаго состоянія было чрезвычайно дорого нанимать копать могилу зимомъ; поэтому мертвецовъ ставили въ усыпальницу или притворы при колокольняхъ, и тамъ держали до весны. Весною семейства разбирали своихъ мертвецовъ и хоронили на кладбищахъ. Должность эту исправляли особые рабочіе, которые назывались гробоконателями. Они получали плату съ cadaго погребенія. Бѣдняки, которымъ не на что было похоронить своихъ родныхъ, просили милостыни на погребеніе, и благочестивые зажиточные люди считали богоугоднымъ дѣломъ похоронить бѣдняка; также изъ христіанской благотворительности отправляли погребеніе содержавшимся въ тюрьмахъ преступникамъ.

Кладбища располагались отдѣльно за городомъ, но часто хоронили близъ церквей въ селеніяхъ и посадахъ. По понятію русскихъ, мѣсто для кладбища было свято, и тревожить прахъ мертвыхъ считалось преступленіемъ. Такъ, когда Іоаннъ III перестроилъ Москву и переставляли церкви и монастыри, его поступокъ возбудилъ негодованіе архіепископа Геннадія. «А вѣдь тое для—писалъ онъ—что будетъ воскресеніе мертвыхъ не велѣно ни съ мѣста двинути, oprичъ тѣхъ великихъ святыхъ». Ограды около церкви и кладбища были лишены деревьевъ. Это считалось нечестіемъ, на основаніи словъ Второзаконія: «не насадиши садовъ, ни древа подлѣ тѣбѣ Господа Бога твоего»¹⁾. Неприкосновенность кладбищъ долго наблюдалась свято, и въ 1672 г., когда до свѣдѣнія царя дошло, что въ Архангельскѣ на мѣстѣ, гдѣ было кладбище, поставили торговые амбары, царь велѣлъ ихъ снести²⁾. Въ самой Москвѣ повсюду при церквяхъ были могилы, и земля подъ кладбищами считалась церковною; духовные, пользуясь этимъ, строили на ней свои лавки и амбары; но въ 1681 г. опять велѣно прекратить такіа постройки³⁾.

¹⁾ Посл. Генн. А. А. Э., I, 481.

²⁾ Доп., VI, 208.

³⁾ А. И., V, 117.

Издавна могилы родителей и предковъ были святыней для русскаго народа, и князья наши, заключая договоръ между собою, считали лучшимъ знаменіемъ его крѣпости, если онъ будетъ произнесенъ на отцовскомъ гробѣ ¹⁾).

Утопленниковъ и удавленниковъ не хоронили на кладбищахъ; напротивъ, существовало даже вѣрованіе, что если гдѣ-нибудь похоронятъ утопленника или удавленника, то за это весь край постигаетъ бѣдствіе; на этомъ основаніи встарину народъ, приведенный въ волненіе какимъ-нибудь несчастіемъ, напр., неурожаемъ, выгребалъ такихъ мертвецовъ изъ могилы ²⁾). Но вообще ихъ хоронили въ убогомъ домѣ, если они не были самоубійцы. Убогіе дома были не только въ Москвѣ, но и въ другихъ мѣстахъ. Въ нихъ хоронили вообще отверженныхъ, которые не считались достойными быть погребенными на кладбищѣ. Такъ и воровъ и разбойниковъ, казенныхъ или умершихъ отъ ранъ, хоронили въ убогомъ домѣ ³⁾ безъ отпѣванія. Самоубійца зарывали въ лѣсу или въ полѣ, но даже и не въ убогомъ домѣ ⁴⁾).

Царское погребеніе совершалось черезъ шесть недѣль послѣ смерти. Тѣло государя шесть недѣль стояло въ домовой церкви въ гробу: крестовые дьяки денно и ношно читали надъ нимъ псалтирь, и попеременно дневали бояре, окольничіи и стольники надъ усопшимъ. Между тѣмъ по всему государству посылались гонцы, которые во всѣ монастыри и церкви возили деньги для служенія панихидъ; въ праздники при служеніи панихиды ставили кутью; эти панихиды по всѣмъ церквамъ и монастырямъ царства русскаго служились въ теченіе шести недѣль, каждый день, исключая воскресеньевъ. Въ сороковой день послѣ кончины совершалось погребеніе царственной особы. Отовсюду стекались въ Москву духовныя власти, архимандриты и игумены. Въ погребальной процессіи впереди шло духовенство; наблюдалось, чтобъ важнѣйшія особы, архіереи и патріархъ, шли сзади прочаго духовенства, а за духовными слѣдовали свѣтскіе сановники, бояре и окольничіи, за ними царское семейство, а за нимъ боярыни. Множество народа толпилось за гробомъ, безъ чиновъ и различія достоинства. Прощанія съ царственными особами не происходило при опушеніи гроба; съ ними прощались ближніе прежде, при выносѣ въ домашнюю церковь послѣ кончины. Опустивъ тѣло въ могилу, не засыпали его землею, а закрывали каменною доскою. Пышность и издержки на погребеніе соразмѣрялись съ значеніемъ усопшей особы, такъ что погребеніе царя производилось великолѣпнѣе, чѣмъ царевичей, а погребеніе царевичей великолѣпнѣе погребенія царевенъ.

Вообще у всѣхъ классовъ сорокъ дней послѣ смерти опредѣлялись на поминовеніе. Семейные нанимали духовныхъ читать псалтирь по усопшимъ. Чтеніе это у иныхъ происходило въ двухъ мѣстахъ разомъ: въ домѣ, гдѣ умеръ покойникъ, и на могилѣ; для этого устраивался на могилѣ деревянный голубецъ, покрытый сверху рогожею; тамъ стоялъ образъ, и каждое утро при зажженной свѣчѣ монахъ или церковный дьячекъ читалъ псалтирь ⁵⁾). Семейные носили скорбное платьє цвѣта чернаго или синяго, и непременно худое и изодранное;

¹⁾ С. Г. Гр., I, 35.

²⁾ Повѣдка въ Кирилл.-Б. монаст., 2, 37.

³⁾ Врем., XI. См., 35.

⁴⁾ Врем., XI. См., 34.

⁵⁾ Olear., 316.

быть одѣту опрятно и прилично въ это время считалось неуваженіемъ къ памяти усопшаго. Въмѣстѣ съ молитвами объ усопшихъ отправляли кормы, или поминальные обѣды; такихъ было, смотря по обстоятельствамъ и желанію семейныхъ, не менѣе двухъ и не болѣе четырехъ—въ третій, девятый и двадцатый и, наконецъ, очистительный въ сороковой день, такъ называемый сорочины: тогда снимался трауръ. Чаще всего поминали три раза; толковали, что троекратное поминовеніе совпадаетъ съ перемѣнами, какія испытываетъ тѣло покойника въ гробу; въ третій день измѣняется его образъ, въ девятый распадается тѣло, въ сороковой истлѣвается сердце. Это троекратное поминовеніе совпадаетъ съ вѣрованіемъ о путешествіи души на томъ свѣтѣ: въ третій день ангелъ приводитъ душу на поклоненіе Богу. «Яко жь бо отъ царя земнаго послани будутъ воины привести нѣкоего и связавше его повѣдаютъ ему повелѣніе царево, трепещеть же и держащихъ и ведущихъ его немилостивно къ путному шествію, аще и ангелы отъ Бога послани будутъ пояти душу человѣчу». Если въ этотъ третій день совершаются приношенія памяти усопшаго въ церкви, то душа получаетъ «утѣшеніе отъ скорби прежь бывшія ей отъ разлученія тѣлеснаго, и разумѣть отъ водящаго ю ангела, яко память и молитва ея ради въ церкви Божіей принесена, и такъ радостна бываетъ». Съ тѣхъ поръ начинаются путешествія ея съ ангеломъ, который показываетъ ей блаженство рая и муки ада. Въ девятый день ей дается отдыхъ. Душа, сохраняя еще земныя привязанности, слетаетъ то къ дому, гдѣ жила съ тѣломъ, то къ гробу, гдѣ лежитъ тѣло, въ которомъ была заключена; душа добродѣтельная посѣщаетъ мѣсто, гдѣ она «имѣяше обычай дѣлать въ правду». Тогда душѣ грѣшной «указываетъ ангелъ мѣста, гдѣ она согрѣшила, и ей необходима для ободренія молитва Церкви. Наконецъ, въ сороковой день ангелъ приводитъ ее снова къ Богу и тогда ей назначается мѣсто по заслугамъ: «добрѣ держитъ святая церковь въ четырнадцатый день, память сотворяя о мертвомъ» ¹⁾. Кутья была главною принадлежностью поснаго обѣда. О кутьѣ говорилось такъ: «кутья благовѣрная святымъ воня; святіи бо не ядятъ не пьютъ, но вонею и благоуханіемъ тѣмъ сыти суть» ²⁾. Обычай поминовенія былъ и во времена язычества и потому къ нему примѣшивались посторонніе обряды, неодобряемые Церковью. Такъ преподобный Феодосій запрещаетъ ставить по усопшимъ обѣды и ужины, класть на кутью яйца и ставить воду; безъ сомнѣнія, яйца и вода были символами древняго языческаго поминовенія.

XXI.

Вѣрованія.

Въ нашихъ лѣтописяхъ принятіе христіанства выставляется какъ бы безъ борьбы; кажется, будто Русь, омывшись въ купели крещенія, тотчасъ же забыла свой прежній язычскій міръ со всѣми твореніями его вымысла. Не совсѣмъ такъ было на дѣлѣ. Къ сожалѣнію, намъ остались такіе отрывки духовнаго противо-

¹⁾ Св. Макарія. Погод. Сборн. Публ. Библ., № 1321.

²⁾ Публ. Библ., рукоп., стр. 203.

дѣйствія остаткамъ язычества со стороны духовныхъ пастырей, что мы по нимъ не можемъ себѣ уяснить теперь ни сущности языческихъ вѣрованій, ни степени ихъ перерожденія, ни исторіи ихъ измѣненій, ни приложенія къ разнымъ видамъ внутренней и внѣшней жизни. Духовные равнымъ образомъ порицали и преслѣдовали все, что носило на себѣ память язычества—были ли то дѣйствительныя вѣрованія и убѣжденія, или только наружные обряды, игрушки, забавы, потерявшіе уже прежній смыслъ и серьезное значеніе, такъ точно, какъ теперь купальный огонь, вожанье козла на масленицѣ, или малороссійское колядованье. Изъ многого, что осталось и теперь, мы не знаемъ, то ли значеніе оно имѣло въ XVI и XVII вѣкѣ, какъ въ XIX. Выше было показано, что въ XVI вѣкѣ купальское празднество, какъ народная забава, съ примѣсю таинственнаго вѣрованія, отправлялось во всей силѣ. Точно такъ же и языческое веселье: призваніе мертвыхъ выразилось въ обрядѣ жечь солому и кликать мертвыхъ, осуждаемомъ «Стоглавомъ». Въ XVII вѣкѣ во многихъ мѣстахъ отправлялись разныя увеселенія—остатки язычества. Въ 1620 г. царь Михаилъ Ѳеодоровичъ велѣлъ кликать кличь чрезъ бирючей, чтобъ люди не ходили съ кобылками, не сходились на игрища мірскія «и коледы бѣ и овсеня и плуги не кликали» ¹). Но соединялся ли съ этими забавами какой-нибудь смыслъ для народа и въ какой степени—неизвѣстно. Долѣе и полнѣе всѣхъ языческихъ вѣрованій сохранялись, кажется, остатки поклоненія роду и рожаницамъ. По свидѣтельству «Домостроя», въ XVI вѣкѣ еще вѣрили въ *родословіе*, рекше въ *рожаницы* ²). По толкованію въ словѣ св. Григорія въ сборникѣ, хранящемся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ ³), видно, что ученые люди стараго времени признавали родъ и рожаницъ божествами славянъ-язычниковъ наравнѣ съ упырями и берегинями (извѣстными намъ изъ чешскихъ памятниковъ), Перуномъ, Хорсомъ, Мокошью (о которыхъ упоминаетъ намъ Несторова лѣтопись) и вилами, нимфами, о которыхъ фантастическія преданія сохранились у сербовъ. Обряды, сопровождавшіе поклоненіе роду и рожаницамъ, состояли въ приношеніи этимъ фантастическимъ существамъ въ жертву хлѣба, сыра, меда, куръ и какого-то смѣшаннаго питья (Вопросы Кириковы изъ парамейнаго списка XV вѣка). Обряды эти имѣли смыслъ какъ для рожденія, такъ и для смерти человѣка. Бабы (воспринимавшія младенцевъ) варили кашу *на собраніе рожаницамъ*; въ честь имъ стригли первые волосы съ дѣтей; а въ память умершихъ ставили роду и рожаницамъ особую трапезу. Эта трапеза долго считалась необходимою, хотя въ то же время готовили кутейную трапезу, принятую Церковью. Трапеза называлась трапезою роду и рожаницамъ ⁴). Изъ слова Христолюбца, хранящагося въ Румянцевскомъ музеѣ (№ 181), можно заключить, что поклоненіе роду и рожаницамъ сопровождалось разными увеселеніями: пляскою, музыкою, пѣснями, зажиганіемъ огня; по крайней мѣрѣ, объ этомъ говорится разомъ: «не подобаеть крестьянамъ игорь бѣсовскихъ играти: иже есть плясба, гудьба, пѣсни бѣсовскія, и жертвы идольскія, иже огневи молятся и виламъ, и Мокоши и Симу реглу и Перуну и роду и рожаницамъ и всѣмъ тѣмъ, иже суть имъ подобна».

¹) А. И., III, 96.

²) Врем., I. Домостр., 43.

³) Повѣдка въ Кирилло-Бѣлоз. мон., 2, 93.

⁴) Ст. Срезневск. въ „Архивѣ Калачова“, II, 1, 102, 103.

Что при поклоненіи роду и рожаницамъ дѣйствительно пѣли пѣсни, видно изъ Троицкаго сборника XVI вѣка, гдѣ въ укорѣ говорится: «а вы поете пѣснь бѣсовскую роду и рожаницамъ». Въ одномъ старинномъ переводѣ пророка Исаи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еврейскій народъ порицается за поклоненіе идоламъ, эти идола нѣсколько разъ названы родомъ и рожаницами, съ очевиднымъ намѣреніемъ переводчика примѣнить мѣсто пророка къ современнымъ заблужденіямъ: это показываетъ, что вѣрованіе роду и рожаницамъ держалось долго и сильно. Что собственно разумѣлось въ языческія времена подъ этими именами, объяснить трудно и было бы здѣсь неумѣстно, еслибъ существованіе этого остатка язычества не удерживалось въ описываемое нами время. Подъ родомъ, кажется, слѣдуетъ понимать вообще судьбу или участь—долю (греческое слово *ἔμμενυ* переведено словомъ *рожденіе*). Родъ употребляется всегда въ единственномъ числѣ, и, слѣдовательно, по древнему вѣрованію существовалъ одинъ родъ для всѣхъ; напротивъ, рожаницы всегда въ множественномъ числѣ, и это показываетъ, что для каждаго полагалась своя рожаница. Существовало вѣрованіе, что въ тотъ день, когда рождался младенецъ, по вліянію рожаницы, давался ему *морозъ* и *осудъ*. Это вѣрованіе совпало вмѣстѣ съ астрологическими вѣрованіями о вліяніи планетъ на рожденіе человѣка; ибо въ одномъ азбуковникѣ о рожаницахъ говорится, что «рожаницами елліны называли семь звѣздъ, называемыхъ планеты, и кто въ какую планиту родился, тотъ по той планитѣ любопрятся предвозвѣщати нравъ младенца». Несомнѣнно, что рожаницы были геніи—хранители жизни. Ихъ изображали кумирами, какъ это видно изъ выраженія: «служать Богу и волю его творять, а не рожаницамъ—кумирамъ суетнымъ». Передъ этими-то кумирами отправлялись празднества и трапезы роду и рожаницамъ.

Что поклоненіе частнымъ семейнымъ языческимъ божествамъ оставалось долѣе другихъ вѣрованій язычества, это понятно и естественно, потому что человѣкъ изъ сферы міеологіи долѣе удерживаетъ то, что относится къ его личности и къ тѣсному кругу жизни, и, напротивъ, легко забываетъ преданія и складъ понятій о существѣ міра, твореніи земли, исторію боговъ и героев. Мы, однако, не знаемъ, въ какой степени и гдѣ именно и между кѣмъ въ XVI и XVII в. удержались эти поклоненія старымъ божествамъ.

Полнѣе обрисовываются для насъ языческіе обычаи у финскихъ народовъ, населявшихъ сѣверную Русь. Такимъ образомъ, въ XVI вѣкѣ въ Водской пятинѣ (нынѣшней Санктпетербургской губерніи) сельскіе жители были только по имени христіане. Они совершали моленія деревьямъ и камнямъ и приносили жертвы, сопровождаемыя пированьемъ. Вмѣсто священниковъ, они призывали къ себѣ чуждскихъ колдуновъ *арбуевъ*: рождался ли младенецъ—прежде позовуть арбуя, тотъ наречетъ новорожденному имя, а потомъ уже родители зовутъ христіанскихъ духовныхъ. Не носили хоронить мертвыхъ на кладбища, а погребали ихъ на курганахъ и коломищахъ (?). Эти полухристіане не соблюдали постовъ и въ особенности не терпѣли Петрова поста,—вѣроятнo потому, что тутъ у нихъ было время языческихъ празднествъ,—убѣгали христіанскаго брака и предпочитали жить съ женщиною по взаимной любви, безъ вѣнчанія. Архіепископъ Макарій обратилъ вниманіе на такія уклоненія отъ Церкви, приказывалъ священникамъ сожигать мольбища, вѣнчать тѣхъ, которые соединились бракомъ безъ обряда, освящать ихъ святою водою, какъ бы возобновляя утраченную благодать, при-

нятую вѣкогда въ таинствахъ крещенія, и увѣщавать арбуевъ, а непослушныхъ изъ нихъ отправлять въ Новгородъ. Дѣти боярскіе, поселенные въ этихъ мѣстахъ, были обязаны наблюдать, чтобъ народъ не убѣгалъ отъ церковныхъ обрядовъ. Въ Пермской землѣ въ XVI вѣкѣ ¹⁾ люди ходили на поклоненіе истукану золотой бабѣ; когда кого постигало бѣдствие или болѣзнь, передъ истуканомъ золотили въ бубны и этимъ думали помочь своей бѣдѣ. Такимъ образомъ, финскіе народы на пространномъ сѣверѣ тогдашней Россіи были въ такомъ же положеніи, какъ теперь чуваша и черемисы или какъ въ прежніе, болѣе отдаленные вѣка были крещеные русскіе, когда, по свидѣтельству Іоанна Пророка, приносили жертвы болотамъ и колодцамъ, и безъ благословенія пастырей сходились и расходились съ женами ²⁾. Около Казани и во всѣ стороны въ ея окрестностяхъ въ XVI вѣкѣ такъ называемые новокрещенные чуваша, черемисы и вотяки не ходили въ церковь, не соблюдали постовъ и призывали къ родильницамъ не поновъ, а бабъ; хоронили на кладбищахъ татарскихъ; по необходимости повѣнчавшись въ церкви, совершали еще разъ брачные обряды дома, или вѣсто женъ держали у себя плѣнныхъ ливонкозъ ³⁾.

Въ описываемое нами время русской народъ, если и потерялъ старыя формы язычества, но сохранялъ его духъ въ самыхъ христіанскихъ вѣрованіяхъ. Безъ знанія законовъ, безъ малѣйшаго понятія о существованіи ихъ, неразвитый человекъ находится подъ вліяніемъ таинственныхъ силъ и во всемъ окружающемъ ищетъ чего-то такого, на чтѣ хочетъ опереться въ своемъ безсиліи. Обычныя явленія природы наводили страхъ: явленіе кометы, затменіе солнца, падающіе камни производили волненіе умовъ и уныніе ⁴⁾. Въ народномъ воображеніи существовали разныя фантастическія существа, помѣщаемыя въ природѣ. Обыкновенно отдаленныя страны служили для воображенія мѣстопребываніемъ такихъ существъ и сценою чудесныхъ событій. Такъ, на сѣверѣ Россіи, мрачномъ, лѣсистомъ, суровомъ, народная фантазія помѣщала пещеру змѣи аспиды, змѣи крылатая съ птичьимъ носомъ и съ двумя хоботами,—эта пестрая змѣя живетъ въ отдаленныхъ печорскихъ горахъ, не садится на землю, а на камень, а куда полетитъ, можетъ всю землю опустошить. Но есть заклинатели-знахари—обаянники, которые умѣютъ ее заговаривать ⁵⁾.

Пустынные берега широкой Волги также представлялись въ народномъ воображеніи въ чудесномъ свѣтѣ. Говорили, что выше Саратова есть гора Зміева,

¹⁾ Chensl. Nacl., 213.

²⁾ Прав. Іоан., 94.

³⁾ А. А. Э., I, 436.

⁴⁾ А. И., IV, 331.

⁵⁾ Аспидъ, змѣя крылатая, носъ имѣетъ птичей и два хобота, и въ коей землѣ вселится—ту землю пусты учинить; живетъ въ горахъ каменныхъ, не любитъ ни трубнаго гласа: пришедше же обаянницы обаяти ю и копають ямы и садятся въ ямы съ трубами и покрываются дномъ желѣзнымъ и замазываются сунклитомъ и ставятъ у себе угліе горячее: да разжигаютъ клещи, и егда вострубить, тогда она засвищетъ яко горѣ потрятися, и прилетѣвши къ ямѣ, ухо свое приложитъ на землю, а другое заткнетъ хоботомъ, и нашедъ дыру малу, начнетъ битися; человекъ же ухвативши ю клещами горящими держать крѣпче; олу ярости же ея сокрушаются клещи не едины, не двои и не трои, и тако сожжена—умираетъ; а видомъ она пестра всякими цвѣты и на земли не садится, только на камень. (Погод. Сборн. Публ. Библ., 1344).

гдѣ обиталъ шестиглавый драконъ, налетавшій на Русь и причинявшій опустошенія; но богатырь убилъ его, а драконъ превратился въ камень ¹⁾). Русскіе увѣряли иностранцевъ, что на низовьяхъ Волги растеть животное-растеніе—баранецъ: оно приноситъ плодъ, похожій на ягненка. Стебель его идетъ черезъ пупокъ и возвышается на три пяди; ноги мохнатыя, роговъ нѣтъ, передняя часть какъ у рака, а задняя совершенное мясо. Оно живетъ, не сходя съ мѣста, до тѣхъ поръ, пока имѣетъ вокругъ себя пищу. Показывали мѣховыя шапки и увѣряли удивленныхъ западныхъ европейцевъ, что эти шапки изъ мѣха «баранца».

Съ утратою міологическихъ образовъ, съ потерей антропоморфическихъ представленій силъ природы еще долго остается прежній взглядъ на природу, и народъ ищетъ въ окружающихъ его явленіяхъ таинственнаго, относительно къ себѣ, смысла, не давая уже себѣ отчета, откуда истекаетъ этотъ смыслъ, или привязывая его къ новымъ вѣрованіямъ. На этомъ основаніи удерживаются въ народѣ примѣты и гаданья. Можно сказать, что жизнь каждаго русскаго, по мѣрѣ болшей или меньшей личной наклонности къ мистической созерцательности, вся была управляема примѣтами. Предвѣщательность и знаменательность явленій для него была такъ широко развита, что обратилась въ систему. Въ числѣ запрещенныхъ книгъ ходили по рукамъ волховники или сборники примѣтъ и гаданій, въ назиданіе людямъ. Вотъ, на примѣръ, какого рода примѣты имѣли знаменательность для воображенія: храмъ трещитъ (трескъ въ стѣнѣ), ухозвонъ, кости подъ колпиками свербятъ—путь будетъ; длани свербятъ—пѣнизи иматъ; очи свербятъ—плакать будутъ; вороноградъ, куроликъ (пѣніе курицы)—худо будетъ; утица крикнетъ, гусь гогочетъ, окомигъ (дрожь въ рѣсницахъ), огонь бучить (трескъ дровъ), песь воетъ, мышенискъ (пискъ мышей), мышъ порты (платье) грызеть, кошка въ окнѣ мышца держать, сонъ страшень, слѣнца встрѣтитъ—изгоритъ нѣчто; огонь питить, искра изъ огня, кошка мяукаетъ—падетъ человѣкъ; свѣща угаснетъ, конь ржетъ, волъ реветъ, трава шумить, древо скрипитъ, сорока поцекочетъ, дятель желна (долбитъ древо), стѣнощелкъ (червячки въ стѣнахъ), жаба воркуетъ ²⁾). Нѣкоторыя примѣты служили къ предузнаванію погоды и физическихъ явленій: дымъ высоко въ избѣ ходить (въ курной)—къ погодѣ; мышъ въ жильѣ высоко гнѣздо совѣтъ—снѣгъ великъ будетъ и погода будетъ. Другія служили признаками войны, голода и другихъ народныхъ бѣдствій; наприм., «берегъ подымается и море дичится, и вѣтры сухіе или мокрые тянутъ, и облака дождевыя и снѣжныя и вѣтряныя, и громъ гремитъ, и буря вѣетъ, и лѣсъ шумитъ, и древо о древо скрипаетъ, и волки воютъ, и бѣлки скачутъ—морь будетъ, и война возстанетъ, и вода пребудетъ, и плодовъ въ лѣтѣ въ коемъ не будетъ или умалится» ³⁾). Вотъ сколько примѣтъ, и сверхъ того втрое было больше, чѣмъ здѣсь означено; а изъ нихъ многія сохранились до сихъ поръ. Вѣрили въ сонъ и составляли обширную систему знаменательныхъ истолкованій; вѣрили въ чохъ, въ полазъ (вѣроятнo насѣкомыхъ, — выводъ предвѣшаній изъ различныхъ ихъ движеній), вѣрили въ

¹⁾ Olear., 361.

²⁾ Русск. Вѣстн., 1842, 2, 259.

³⁾ Рум. Сборн., рукоп. № 374.

встрѣчу ¹⁾, то-есть считали встрѣчу съ одними предметами счастливымъ, съ другими несчастнымъ предзнаменованіемъ. Къ несчастнымъ въ древности принадлежали: встрѣча съ монахомъ, съ лысымъ конемъ, съ свиньею. Преподобный Феодосій въ XII вѣкѣ укорялъ ²⁾ тѣхъ, которые при такихъ встрѣчахъ ворочались назадъ. Эти примѣры изъ XII вѣка, безъ сомнѣнія, существовали въ XVI и XVII вѣкахъ, потому что сохранились и въ наше время. Кромѣ множества гаданій, которыя и теперь служатъ святочной забавой, встарину были цѣлыя системы гаданій, записанныя въ книгахъ и гадальныхъ тетрадахъ. Они носили общее названіе Рафли ³⁾. Къ такимъ книгамъ принадлежали «Аристотелевы врата», «Шестокрыль» и астрологическія гаданья, занесенныя къ намъ съ Запада: «Острономы», «Зодійи». «Альманахъ», «Звѣздочетье»,—сущность послѣднихъ состояла въ отысканіи вліянія, какое имѣли на судьбу человѣка и на обстоятельства его жизни небесныя свѣтила, дни и часы: «о злыхъ часѣхъ и о народженіи человѣчествѣмъ въ которую звѣзду или часъ, добръ или золь, и получая счастковъ и богатству и нищеты и въ народженіи добродѣтелемъ, и злобамъ, и долготѣству житія и скращенія смерти—и сія вся кошуны и басни суть» ⁴⁾. Въ этихъ разнообразныхъ учебникахъ волшебства заключались, по выраженію одного іерарха ⁵⁾, такія вещи, «ихъ же не подобаеть не точію описывати, но ниже помышляти, ради хулы, и многія скверности и отступничества». Къ этой категоріи гаданій относились такъ называемыя *рождественныя волхвованія*, которыя производили чародѣи по призыву матерей надъ младенцами. узнавали и опредѣляли ихъ судьбу ⁶⁾. Смѣлая и суевѣрная женщина, будучи беременна и желая узнать, кого она родить, давала изъ рукъ своихъ медвѣдо (конечно, ручному, которыхъ часто водятъ скоморохи на потѣху людямъ) хлѣбъ и прислушивалась къ голосу, какой издастъ звѣрь: если онъ рыкнетъ—значить, она родить дѣвицу, а если замычитъ, то мальчика ⁷⁾. Объ образованіи младенца составились полудязыческія, полухристіанскія вѣрованія. Одно писаніе говоритъ, что человѣкъ состоитъ изъ восьми частей: «сердце отъ камени, тѣло отъ персти, кости отъ облакъ, жилы отъ мглы, кровь отъ Чернаго моря, теплота отъ огня, очи отъ солнца, духъ отъ свята Духа» ⁸⁾. Другое писаніе объясняетъ, что во время беременности женщины ея ангель-хранитель беретъ части «у земли, или у воды, или у желѣза, или у камени, или у дерева, или у огня, или у всякія вещи смертныя, и возметъ отъ того ангель материнъ и кинетъ на отроча то, и отъ того зараждается въ немъ духъ» ⁹⁾. Человѣческія свойства зависятъ отъ преобладанія какой-нибудь изъ восьми частей состава его тѣла: «отъ земли—тѣло: тотъ человѣкъ темень, неговорливъ; отъ моря—кровь въ человѣцѣ и тотъ человѣкъ прохладенъ; отъ огня—жарь: тотъ

¹⁾ А. И., IV, 125. С. Р. Барбер., 43.

²⁾ Изв. Акад., VI, 278.

³⁾ А. А. Э., III, 259. Стогл., вопр. II, 22.

⁴⁾ Пог. Сборн., № 1294.

⁵⁾ Прав. Собесѣдн. 1855. Кн. 11, 64.

⁶⁾ Ст. Срезн. Арх. Калач., II, 1, 105.

⁷⁾ Рукоп. Румянц. Муз., № 374.

⁸⁾ Рукоп. Румянц. Муз., № 358.

⁹⁾ Погод. Сборн. Публ. Библ., № 1315.

человѣкъ сердить; отъ камня — кость: тотъ человѣкъ скупъ, немилостивъ; отъ солнца — очи: тотъ человѣкъ богатыривать и безстрашенъ; отъ вѣтра — дыханіе: тотъ человѣкъ легкоуменъ; отъ облака — мысль: тотъ человѣкъ похотливъ; отъ свѣта — свѣтъ: тотъ человѣкъ святъ, не мыслить земнаго, но мыслить небесная» ¹⁾. Къ другимъ гаданьямъ прибѣгали въ разныхъ предначинаніяхъ, чтобы узнать, удачно ли они пойдутъ, въ разныхъ неудачахъ и бѣдствіяхъ, чтобы узнать, чѣмъ помочь. Одинъ изъ старинныхъ родовъ гаданій назывался *получай* ²⁾. Какъ онъ совершался — неизвѣстно, но его названіе заставляетъ думать, что цѣль его была — отысканіе средствъ къ приобретенію.

Самое распространенное вѣрованіе было въ могущество человѣческой воли и выражающаго ее слова. Все собственно такъ называемое наше старое чародѣйство основывалось главнымъ образомъ на убѣжденіи въ силѣ воли и слова. Волшебникъ или чародѣй въ обширномъ смыслѣ былъ человѣкъ, который силою своего слова могъ производить желаемое, узнавать будущее, измѣнять направленіе обстоятельствъ, властвовать надъ судьбою другихъ людей и даже повѣлывать силами природы. Заговоръ, или *примолвленіе*, игралъ главную роль въ волшебствѣ. Правда, волшебники дѣйствовали и посредствомъ разныхъ вещей; но народное понятіе приписывало силу не самымъ вещамъ, а слову, которое имъ сообщало эту силу. Сила исходила не изъ природы, а изъ человѣка, изъ его души. То была сила духовная. Даже самое леченіе или отравы людей посредствомъ травъ приписывались не цѣлебному или вредоносному свойству самихъ растений по ихъ природѣ, а человѣку, который сообщалъ имъ это свойство своею волею, и потому леченіе травами преслѣдовалось Церковью наравнѣ со всякими другими волшебствами, подъ именемъ *зелейничества*. Полагали, что растеніе совершенно безвредное можетъ быть убійственно, если волшебство сообщить ему злокачественную силу. Въ 1632 году, во время войны съ Литвою, запрещено ввозить въ Московское Государство хмель, потому что лазутчики довели, что какая-то *баба-вѣдунья* наговариваетъ на хмель, чтобы тѣмъ хмелемъ, когда онъ будетъ ввезенъ въ Московію, произвести моровое повѣтріе ³⁾. Волшебники носили разныя наименованія, которыя имѣли свои особые оттѣнки, хотя часто значеніе ихъ смѣшивалось. Между такими видами волшебниковъ были волхвы, чародѣи, чаровницы, зелейщицы, обаянники, кудесники, сновидцы, звѣздочеты, облако-прогонники, облако-хранительники, вѣдувы, вѣдуньи, лихія бабы ⁴⁾. Обаянниками назывались фокусники, которыхъ призывали или посѣщали, «хотяще нѣкая отъ нихъ увидѣти неизреченная» ⁵⁾. Они же заклинали змѣй и злыхъ животныхъ. Кудесникъ совершалъ разныя заклинанія и чародѣйственные обряды (кудесы бьютъ) и предвѣщалъ будущее. Сновидцы разсѣвали въ народѣ разныя предзнаменованія на основаніи видѣнныхъ ими сновъ и увѣряли, что они приняли извѣщеніе свыше. Иногда они толковали сны другимъ, приходившимъ къ нимъ. Иногда разсказывали о собственныхъ видѣніяхъ. Во время народныхъ бѣдствій они толковали народу причины несчастія, часто указывали на какія-

¹⁾ Тамъ же.

²⁾ Врем., I, Домострой, 43.

³⁾ А. А. Э., III, 283.

⁴⁾ Доп. къ Суд. Д. И., I, 252.

⁵⁾ Врем., I, Домострой, 43.

нибудь лица, называя их виновниками, и обрекали их народному мщенію. Облакопрогонники, какъ ихъ называетъ «Домострой», были волшебники, которые, по народному понятію, повелѣвали дождемъ и ведромъ, и черезъ то самое могли насылать урожай или неурожай. Вѣрованіе это очень древнее, какъ видно изъ нашихъ лѣтописей по разсказу о избіеніи въ Ростовѣ въ XI вѣкѣ и въ Суздальѣ въ 1124 году женщинъ за то, что будто бы онѣ спрятали въ себя хлѣбное жито и сѣбствныя запасы. Въ XVI вѣкѣ разсказывали, что во время осады Казани, въ 1552 году, татарскіе колдуны и колдуньи, стоя на стѣнахъ города, махали одеждами на русское войско и насылали вѣтеръ и дождь. Столь же древнее было вѣрованіе въ волшебниковъ, снѣдающихъ солнце и луну («погибе солнце и бысть яко мѣсяць, его же глаголить невѣгласи снѣдаемое солнце». Ип. Лѣт.). Въ Кормчей книгѣ эти волшебники называются волкодлаками («влькодлаци луну изѣдоша или слънце». Арх., II, стр. 48). Вѣдунами и вѣдуньями назывались вообще лица обоего пола, вѣдавшія тайную силу управлять обстоятельствами жизни. Всѣ лица, занимавшіяся волшебствомъ, составляли въ иныхъ мѣстахъ какъ бы особыя цехи, передавали одни другимъ свое искусство и промышляли имъ, помогая тѣмъ, которые къ нимъ прибѣгали въ житейскихъ нуждахъ. Иногда этимъ занимались и мужчины ¹⁾, но чаще пожилыя и старыя женщины. Во всѣхъ мѣстахъ Россіи можно было отыскать ихъ. Особенное уваженіе существовало къ тѣмъ, которые жили на сѣверѣ въ Корельской Землѣ. Тамъ искалъ ихъ великій князь Василій Іоанновичъ, когда, женившись въ другой разъ на молодой Глинской, хотѣлъ имѣть дѣтей и прибѣгалъ къ чародѣямъ, чтобъ они помогли ему къ плодотворенію. Въ самой Москвѣ жило множество колдуній и преимущественно въ Замоскворѣчѣ. Такъ въ первой половинѣ XVII вѣка тамъ были извѣстны жонки: Улька, Наська Черниговка, Дунька, Оеклица, Машка Козлиха, какъ видно изъ дѣла, возникшаго въ 1638 году по поводу подозрѣнія въ порчѣ царицы Евдокии ²⁾. Эти чаровницы предлагали свои услуги посредствомъ наговоровъ надъ какою-нибудь вещью. Такимъ образомъ, къ московской чародѣйкѣ Наськѣ Черниговкѣ прибѣгали женщины, страдавшія отъ побоевъ, которыми надѣляли ихъ мужья. Колдунья должна была *отымать серцо и ревность у мужьевъ*; а когда жены жаловались на холодность мужьевъ, приворожить ихъ и отнять *серцо и умъ*. Она наговаривала на соль, мыло и бѣлила, приказывала женщинѣ умываться мыломъ и бѣлиться бѣлилами, а соль давать въ питье и въ ѣству мужьямъ, брала у женщины воротъ рубашки и сжигала его, наговаривала на пепелъ и приказывала также сыпать его въ питье мужу. Завораживая соль, чародѣйка говорила: «какъ тое соль люди въ ѣствѣ любятъ, такъ бы мужъ жену любилъ». Надъ мыломъ говорилось: «сколь скоро мыло съ лица смоеся, столько бы скоро мужъ жену полюбилъ»; когда сжигался воротъ рубашки, колдунья говорила: «какова была рубашка на тѣлѣ, таковъ бы мужъ до жены былъ». Сожженный воротъ рубашки служилъ также слугамъ для умиловленія господъ: надобно было этого пепла насыпать на слѣдъ, когда господинъ или госпожа будутъ идти. Одна изъ такихъ жертвъ обмана наивно сознавалась, что послѣ того, какъ она исполнила надъ своимъ мужемъ все, чему научила ее колдунья, мужъ ея, вмѣсто ожидаемой перемѣны

¹⁾ Правосл. Собес. 1855, кн. II, 64.

²⁾ О ворожбѣ, Забѣлина. Ком., 491—492.

поведенія и ласки, чуть не убилъ ее; тогда она, увидя, что нѣтъ помощи отъ чародѣйства, бросила съ досады наговорныя вещи. Ревнивые мужья хотѣли отъ ворожей узнавать о невѣрности своихъ жень. Ворожею призывали въ домъ: она присматривалась къ сердцу женщины, которую мужъ подвергалъ испытанію; если ворожея замѣчала, что у жены сердце трепещетъ, то укоряла ее въ невѣрности и отдавала невинную на произвольную расправу мужа. Если въ домѣ случилась пропажа, призванная ворожея пристально присматривалась къ брюху. Другія колдуньи своими наговорами помогали купцамъ, когда у нихъ заляжется товаръ. Тогда колдунья наговаривала на медь, приговаривая: «какъ пчелы ярося роятся, такъ бы къ такому-то торговому человѣку купцы для его товару сходились». Потомъ она приказывала торговому человѣку умываться этимъ медомъ. Мужчины-колдуны заговаривали ратнымъ людямъ отъ стрѣльбы и отъ меча, когда тѣ шли на войну, «къ ласковости отъ человѣкъ», когда подначальный хотѣлъ расположить своего начальника; охотникамъ на ловленіе звѣрей, а охотникамъ до прекраснаго поля на блудъ ¹⁾. Если на кого царь или князь гнѣвъ держитъ—надобно при себѣ носить подъ лѣвою пазухою правое око орла, *завязавъ въ ширинку*. Этого орла нужно поймать непременно на Ивановъ день о вечернѣ, понести на распутѣ между дорогъ и заколотъ острую тростію. Лѣвый глазъ того же орла, смѣшанный съ коровьею кровью, рекомендовался охотникамъ и рыболовамъ: «лѣвое око его добро смѣшать съ коровьею кровію и селезеневою, да все то изсуши, да завяжи въ синій платъ чистый. И когда хочешь ловить рыбу, и ты привяжи къ цѣпю и наловишь рыбы много. Та же вещь ко многимъ ловушкамъ годна—ко звѣринымъ и птичьимъ и ко всякой ловлѣ» ²⁾. Начинаяшій судиться или позванный черезъ пристава или недѣльщика къ судебному отвѣту снѣшилъ къ колдуну, который заговаривалъ языкъ и сердце противной сторонѣ ³⁾. Идя на судъ, надобно снять съ березки *переперъ*, который трясется, и говорить: «такъ, какъ сей переперъ трясется, такъ бы мой супостатъ (имрекъ) и его языкъ трепетался» ⁴⁾. Когда еще въ обычаѣ были судебныя поединки, чародѣи являлись на помощь; нерѣдко спорщики готовы были помириться, но чародѣи начинали предъ ними *бить кудесы* и разжигали снова ⁵⁾. Чародѣи совѣтовали такимъ образомъ запастись силою для судебного поединка: «убей змѣю черную саблею или ножемъ, да вынь изъ нея языкъ; да вверти въ тафту зеленую и въ черную, да положи въ сапогъ въ лѣвой, а обуи на томъ же мѣстѣ. Идя прочь назадъ, не оглядывайся. А кто тебя спроситъ, гдѣ былъ ты, и ты съ нимъ ничего не говори. А когда надобно и ты въ тотъ сапогъ положи три зубчика чесноковыя, да подъ правую пазуху привяжи себѣ утиральникъ, и бери съ собою, когда пойдешь на судъ или на поле битвы». Когда холопъ обкрадывалъ господъ и бѣжалъ, призывали ворожею и она произносила заклятіе надъ бѣжавшимъ:

Невозможно перечислить всѣхъ вещей, надъ которыми вѣдуны и вѣдуньи совершали свои таинственныя заклинанія и примолвленія, но между прочимъ они

¹⁾ Прав. Собес. 1855, кн. II, 64.

²⁾ Бусл. О нар. поэз., 31.

³⁾ Арх. Калач., II, 2. Отд. шестое, 50.

⁴⁾ Бусл. О нар. поэз., 30.

⁵⁾ Стогл., вопр. 17.

совершались надъ кореньями, зельями, водою, огнемъ, костями, громовыми стрѣлами, каменьями, надъ медвѣжьимъ ноготкомъ, надъ мертвою рукою, надъ рубашкой мертвеца, надъ выбраннымъ изъ-подъ человѣческой ноги слѣдомъ, надъ вѣтромъ, надъ зеркаломъ, надъ узлами, и проч. Вѣра въ чудодѣйственную силу кореньевъ была распространена въ Россіи повсемѣстно. Цари и сильные міра боялись отъ кореньевъ не только вреда своему здоровью, но даже политическихъ перемѣнъ. Влюбленные и охотники до прекраснаго пола прибѣгали къ колдуньямъ просить приворотнаго корешка или приворотныхъ зелей, собираемыхъ, какъ думали, въ таинственную ночь Купала. Приворотный корень назывался «обратимъ», т.-е. обращающій ¹⁾). Колдунья давала этотъ корень женщинѣ, та должна была положить его на зеркало и смотрѣться въ него. «Какъ смотрюсь въ зеркало да не насмотрюсь (приговаривалось при этомъ), такъ бы такой-то на меня не насмотрѣлся». Въ одномъ изъ травниковъ XVII в. подобное приворотное свойство приписывается нѣсколькимъ травамъ, напримѣръ, травѣ *кукоосъ*: «въ ней корень на двое, одинъ мужичекъ, а другая женочка: мужичекъ бѣленекъ, а женочка смугла. Когда мужъ жены не любитъ, дай ему женской испить въ винѣ, и съ той травы станетъ любить». То же приписывалось травѣ *одоленъ*: «кто тебя не любитъ, то дай пить,—не можетъ отъ тебя до смерти отстать; а когда пастухъ хочеть стадо пасти и чтобъ у него скотъ не расходился—держатъ при себѣ, то не будетъ расходиться; похочешъ звѣрей приучить,—дай ѣсть, то скоро приучишь» ²⁾). Къ числу вѣрованныхъ о приворотныхъ средствахъ принадлежитъ очень странное о травѣ «симтаринѣ», которую называли во травахъ царь трава, о шести листахъ: «первый синь, другой червленъ, третій желтъ, а четвертый багровъ; а братъ вечеромъ на Ивановъ день, сквозь золотую гривну или серебряную; а подъ корнемъ той травы человѣкъ, и трава та выросла у него изъ ребръ. Возьми человѣка того, разрѣжь ему перси, вынь сердце. Если кому дать сердца того человѣка, изгаснетъ по тебѣ. Если мужъ жены не любитъ, возьми голову его и поставь противъ мужа,—только что увидитъ, будетъ любить пуще прежняго. Десная рука его—добро; если которая жена мужу не вѣрна или мужъ женѣ, стерши мизиннымъ перстомъ, дай пить» ³⁾). Насылка на вѣтеръ и выборъ слѣда были чародѣйства злыя: они производились съ цѣлю сдѣлать зло человѣку, и потому ихъ боялись особенно. Въ подкрестныхъ записяхъ на вѣрность царю вѣрнопопданный присягалъ, между прочимъ: *вѣдомствомъ по вѣтру никакого лиху не насылти на слѣду не вынимати*. Насылка по вѣтру состояла въ томъ, что лихой колдунъ, знавшій искусство возбуждать вѣтры и направлять ихъ куда угодно своими заговорами, производилъ вѣтеръ, потомъ бросалъ по вѣтру пыль и примольвлялъ, чтобъ такъ по вѣтру понесло пыль на такого-то человѣка, чтобъ его корчило, мяло, раздувало, сушило и проч., и проч. Если обреченная жертва попадалась подъ такой вѣтеръ, то съ ней сбывалось все, чего желалъ ей колдунъ. Выборъ слѣда изъ-подъ ноги сохраняется до сихъ поръ. Выбранный слѣдъ замазывали въ печи или сожигали, и оттого изсыхалъ тотъ, изъ-подъ чьей ноги былъ взятъ слѣдъ. Впрочемъ, выбирали слѣдъ и не для злой цѣли, а для того, чтобъ приворожить къ себѣ. Заговоры надъ мерт-

¹⁾ Доп., I, 18.

²⁾ Арх. Кал. 1858, I, 78, 81.

³⁾ Буслаева О народн. поэм., 31.

выми человеческими костями, рукою и зубами, совершались на воровство: *на татбу мертвого зуби волливленіемъ* ¹⁾. Тогда, какъ и теперь, воры употребляли руку трупа для усыпленія хозяевъ въ домѣ, когда хотѣли ихъ обокрасть. Встарину также наговаривали на просфору. Приносили просфору къ ворожеѣ, которая произносила надъ ней примовленія, и этой просфорѣ сообщалась сила давать успѣхъ въ дѣлахъ тому, кто ее держитъ у себя ²⁾. Одинъ изъ самыхъ обычныхъ способовъ передачи волшебной силы были наузы или узлы; надъ ними наговаривали и отдавали желающему: имъ приписывали силу предохранять отъ разныхъ несчастій. Матери брали отъ волшебниковъ чародѣйственные узлы и навязывали ихъ на дѣтей («Баба начнетъ на дѣти наузы класти, смѣривати, плюющее на землю, рекше бѣса проклинать»). Этотъ древній обычай высказанъ въ нашей старой лѣтописи, въ повѣствованіи о Всеславѣ, котораго мать даже родила при участіи волшебства (отъ волхвованія); ему волхвы навязали наузъ на голову; онъ носилъ его всю жизнь, и вліянію этого чародѣйственного узла приписывались его воинственность и жестокость («того ради немилостивъ на кровопролитіе»). Многіе приходили къ ворожеямъ и брали отъ нихъ наузы для предохраненія отъ всякаго рода опасностей («нѣкая бѣсовская обаянія наузы»).

Встарину узлы навязывали на оружіе и думали сообщать ему твердость и уничтожать силу противнаго оружія, какъ это видно изъ стариннаго заговора: «завяжу я по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному на пицаляхъ, на лукахъ, и всякомъ ратномъ оружіи. Вы, узлы, заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пицали, снутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія; въ моихъ узлахъ сила могуча!» На этомъ основаніи вѣрили, что нѣкоторые изъ ратныхъ людей умѣли такъ завязывать чужое оружіе, что ихъ самихъ не брали ни пули, ни сабли. Такое мнѣніе существовало и сохранилось въ преданіи о Стенькѣ Разинѣ. Наузы давались отъ вліянія злыхъ чародѣевъ и отъ зломыслія враговъ вообще, какъ видно изъ заклятій: «завяжи, Господи, колдуну и колдунѣ, вѣдуну и вѣдунѣ, и упирцу, на раба Божія (такого-то) зла не мыслити отъ чернца, отъ черницы, отъ красной дѣвицы, отъ бѣловолосаго, отъ черноволосаго, отъ рыжеволосаго, отъ русоволосаго, отъ одноглазаго, разноглазаго, и отъ упирца» ³⁾. Конечно, отъ этого стариннаго вѣрованія во всемогущество наузовъ осталось выраженіе: *завязать*, въ мысль не допустить, преградить. Это особенно видно въ малороссійскомъ языкѣ, въ выраженіяхъ въ родѣ слѣдующихъ: «завязанный свѣтъ!» «Мині якъ завязано» (т.-е. неудается). Видно, что наузы давались не столько для того, чтобъ сообщить какую-нибудь силу тому, кому давались, сколько для того, чтобъ предохранить отъ враждебнаго дѣйствія и уничтожить его силу. Чаще всего наузы давались противъ болѣзней не какъ лекарство, а какъ предохранительное средство.

Народное воображеніе всегда старалось отыскивать фантастическія причины болѣзней. Вообще болѣзни происходили отъ вліянія злыхъ духовъ или даже сами были злыми духами, или отъ злого умысла и силы слова, которое можетъ управлять природою человѣка какъ на добро, такъ и на зло. Лихорадка, обыкновенная болѣзнь, представлялась бѣсомъ-трящею («недуги лечатъ чарами и

¹⁾ Прав. Собес. 1855, кн. II, 64.

²⁾ А. А. Э., I, 228—229.

³⁾ Арх. Калач., кн. II, полов. 2. Отд. шестое, 53.

наузы, нѣкотораго бѣса глаголемаго трящю прогоняюще». Арх. Кал., II, полов. 2). Этому бѣсу трящѣ подвластны выходящія изъ огненнаго столба двѣнадцать (по другимъ семь) простоволосыхъ дѣвицъ, дочерей Иродовыхъ (Невѣя, Сinya, Легкая, Трясуница, Желтуница, Мученица, Огненная, Аки-ледь, Временная, Безымянная, Вешняя, Листопадная). Имена семи—не русскія: Лилія, Хорторія, Зыгрѣя, Невея, Тухія, Нешія, Жыднѣя, еще старшая Трясавица; «а иныи всѣ повинны насъ слушати» (вѣроятно каждая изъ насъ). Ихъ прогоняли заговорами, завязывали наузами и отписывали письменами. Въ этихъ письменахъ писались еллинскія имена лихорадокъ; записочки давали носить больнымъ; другіе писали имена лихорадокъ на яблокѣ и яблоко клали въ церкви во время литургіи. Множество разныхъ болѣзней приписывалось урокамъ, призорамъ и сглазамъ. Подъ уроками разумѣлись злодѣйственныя рѣчи; подъ послѣдними недобрые взоры ¹⁾. Лечение состояло въ томъ, чтобъ отогнать и уничтожить дѣйствіе враждебной губительной силы. Ворожеи употребляли наузы, примолвленія, разныя манипуляціи и зелья ²⁾. Наузы, какъ выше сказано, были болѣе предохранительное средство; они не допускали враждебную силу дѣйствовать, когда придетъ случай («Хотя мало поболѣмъ, или жена, или дитя, то оставльше Бога, врача душамъ и тѣламъ, ищемъ проклятыхъ бабъ чародѣицъ наузовъ... глаголюще нанъ наузы навязывати»). Примолвки и заговоры употреблялись какъ для предотвращенія болѣзней, такъ еще болѣе какъ прямое средство противъ недуга, уже поразившаго болящаго. Иногда заговоры говорились безъ особенныхъ обрядовъ и безъ посредства вещей, но чаще ворожеи наговаривали на какіе-нибудь предметы, особенно съѣдомые и испиваемые, и сообщали имъ силою своего желанія цѣлительное свойство. Вода играла въ этихъ случаяхъ главнѣйшую роль, особенно въ тѣхъ болѣзняхъ, когда признавалось, что онѣ постигли болящаго отъ призора или сглаза: тогда надобно было смыть или обрызнуть прочь призоръ, то-есть вліяніе дурнаго взора. Бросивъ въ ковшъ съ водою три угля, ворожея въ своемъ примолвленіи уговаривала воду обмыть съ хвораго «хитки и притки, уроки и призоры, скорби и болѣзни, шипоты и ломоты, злу худобу, и понести за сосновый лѣсъ, за осиновый тынъ». Кромѣ цѣлящаго свойства, водѣ, употребляемой съ знаменательными обрядами, приписывали также и предохранительное; волхвы и бабы-вѣдуньи совѣтовали купаться въ рѣкахъ и озерахъ во время грозы и въ новолуніе, умываться съ серебра, а потомъ встрѣчать молодой мѣсяцъ, и этими средствами хотѣли предохранить отъ недуговъ на будущее время ³⁾. Время предъ восходомъ солнца считалось особенно знаменательнымъ: тогда ходили купаться, мыли платье, ткали и пряли, вертѣли масло и дѣлали другія домашнія работы, думая, что дѣланное до солнечнаго восхода имѣетъ что-то особенно важное ⁴⁾. Кромѣ воды, очень часто ворожеи наговаривали на вино, на чеснокъ, на уксусъ, на соль; а когда наговаривали грыжу, то употребляли медвѣжьей ноготокъ и громовую стрѣлу, обмывали ихъ и приговаривали: «какъ старой женкѣ дѣтей не

¹⁾ Арх. Калач., II, 2. Отд. шестое, 56.

²⁾ А. А. Э., I, 462.

³⁾ А. И., IV, 125.—Арх. Кал., II, 2, 51.

⁴⁾ Рум. Муз., рук. № 374.

раживать, такъ бы у такого-то грыжи болѣзни не было». Громовыя стрѣлки ¹⁾, то-есть камешки на подобіе стрѣлъ, которые почитались упавшими съ неба во время удара молніи, служили у ворожей средствомъ при многихъ леченіяхъ; но Церковь преслѣдовала ихъ, какъ и всякія другого рода средства. «Стрѣлки, топоры громовныя—нечестивая, богомерзкая вещь; аще недугы и подсыванія и огненныя болести лечить, аще и бѣсы изгоняеть, и знаменія творить—проклята есть, и ти исцѣляема ею» ²⁾. Если у кого-нибудь случалась жаба въ горлѣ, ворожей лечила тогда *придавливаніями* съ примолвленіями; когда больной жаловался на боль въ желудкѣ, ворожей называли это вообще *нутрянною* болѣзнию и лечили разными манипуляціями, между которыми самый обыкновенный способъ былъ накладывать горшки съ примолвленіями. Для всякихъ болѣзней были свои особыя примолвки и свои обряды, по правиламъ патологии знахарей. Наружное обмываніе или мазаніе больного тѣла было обычнымъ приемомъ волхвовъ: для мазанія употреблялись всевозможнѣйшія вещи, какія только могли прійти необузданной фантазіи: «мастію, кою либо мажутъ или скипидаромъ, или нефтью, или мышьякомъ, или кровію человѣческою, или млекою, женскимъ и скотскимъ, или медомъ, или росою, или сѣрою, или дегтемъ, или хмелемъ» ³⁾.

Къ симпатическимъ средствамъ принадлежали въ XVII вѣкѣ орловъ камень, рога единорога и змѣиные рожки. Орлову камню, по современному сужденію, «Богъ далъ дивныя угодыя таковы, что несвѣдущимъ людямъ нельзя про него и вѣры взять». Воображали, что этотъ камень находятъ въ орловомъ гнѣздѣ. «А держитъ орелъ тотъ камень въ своемъ гнѣздѣ для обереганья дѣтей своихъ, потому что тотъ камень оберегаетъ отъ всякихъ прищечей, отъ повѣтрія и отъ всякихъ золь» ⁴⁾. Рогъ единорога считался рѣдкимъ и драгоценнымъ средствомъ не только для исцѣленія отъ тяжелыхъ болѣзней, но и для поддержанія цвѣтущаго здоровья вообще на всю жизнь. Это вѣрованіе о рогѣ единорога распространили иностранцы въ XVII вѣкѣ, и самъ царь Алексѣй Михайловичъ въ 1655 г. соглашался за три такіе рога заплатить десять тысячъ рублей соболями и мягкою рухлядью ⁵⁾. Говорили, что онъ длиною до шести пядей и свѣтелъ, какъ свѣтло ⁶⁾. Небогатые не могли доставать такихъ дорогихъ средствъ и употребляли такъ называемые змѣиные рожки. Ихъ толкли въ порошокъ и давали пить въ случаѣ какой-нибудь «нутрянной» болѣзни. Эти змѣиные рожки очень часто (и вѣроятно всегда) были не что иное, какъ простыя кости ⁷⁾. Нѣкоторыя предохранительныя симпатическія средства назначались для скотины: «около скота волхвуетъ: и съ каменемъ, и желѣзомъ, и сковородою, и съ иконами спускаютъ скоты свои» ⁸⁾. «Если хочешь скота много держать, то медвѣжью голову пронеси сквозь скотъ на Ивановъ день до солнца и вкопай посреди двора, и скотъ будетъ вестися; а если у кого скотъ мретъ, и ты съ

¹⁾ Врем., I. Домостр., 38.

²⁾ Румянц. Муз., рук. № 231. Кормч.

³⁾ Румянц. Муз., рукоп. № 374.

⁴⁾ Буслаева О народн. поэзіи, стр. 28.

⁵⁾ А. И., IV, 242.

⁶⁾ Рум. Муз., рук. № 374.

⁷⁾ А. И., II, 46.

⁸⁾ Рум. Муз., рук. № 374.

умерлаго вели кожу содрать и продать, и что возьмешь за кожу и ты вели на тѣ деньги купить сковороду желѣзную и вели на ней печь что хочешь, мясо или рыбу, и ѣшь съ той сковороды что хочешь, а скоть твой съ тѣхъ мѣсть не мреть и здравъ будетъ. Кто животину купить приводную, мерина или корову, и приведши ко двору велѣть растянуть поясъ женскій отъ верей до верей, да замокъ положить къ веревѣ, а колоду замочную къ другой веревѣ, и проведши животину сквозь замокъ, замкнуть и поясъ взять опоясаться, и черезъ мужской поясъ животину водятъ же отъ верей до верей растянувши»¹⁾.

Къ числу чародѣевъ принадлежали, какъ выше было сказано, и зелейщики—знатоки силы травъ и кореньевъ: у нихъ былъ свой травникъ, который они передавали другъ другу. Эти травники переходили изъ рукъ въ руки въ спискахъ. Травы собирались *знаючи*, то-есть съ таинственнымъ умѣньемъ доставать ихъ: въ какихъ мѣстахъ, въ какое время и какимъ способомъ. Купальская ночь признавалась лучшимъ временемъ для этого; нѣкоторыя травы считались цѣлительными въ извѣстныхъ болѣзненныхъ припадкахъ. По приказанію Алексѣя Михайловича, одинъ сибирскій знахарь сообщилъ чрезъ воеводу правительству подмѣченныя имъ свойства нѣкоторыхъ травъ. Изъ этихъ извѣстій и изъ другихъ мы узнаемъ, что у знахарей были травы на всѣ болѣзни и на всѣ случая. Изъ донесенія упомянутого выше знахаря видно, что въ грыжѣ давали сѣмя травы, называемой зелейщиками — *елкій*, настоенное для взрослыхъ въ винѣ, а для дѣтей въ молокѣ; другіе совѣтовали пить въ укусѣ траву *ушко*; въ болѣзняхъ застоя мочи и въ трудныхъ родахъ давали въ окуновой теплой ухѣ или въ молокѣ траву *колунъ*. Корень девясила употреблялся для жеванія отъ зубной боли; ирной корень настаивался на водкѣ и давался отъ удущья; отъ запоровъ давали губку листовницы, называемую *кимана*, въ винѣ или въ горячей водѣ; отъ той же болѣзни сибирскій знахарь рекомендовалъ корень травы, называемой *земляная свѣчка*. Изъ травы подъ названіемъ *тѣтушковы пальцы* дѣлали припарку противъ желваковъ и другихъ затвердѣній. Отъ побоевъ и ранъ лечили питьемъ изъ звѣробоя на водкѣ; въ тѣхъ же случаяхъ употребляли винный настой травы *излюдинъ* и травы *мартя*. По другому травнику, отъ побоевъ и ранъ рекомендовали травы: *девятициль* (или девясиль), *хмельникъ*, *ужикъ* и *папутникъ*²⁾. Настой послѣдней травы давали пить внутрь и примачивали имъ больныя мѣста снаружи. Иногда знахари лечили микстурою изъ разныхъ травъ, кореньевъ и животныхъ веществъ; вотъ, напримѣръ, образецъ знахарскаго рецепта: «знаеть (онъ) около Якутска масло, ростомъ кругло, что яблоко большое и малое, ходитъ живо, а живетъ въ глухихъ и глубокихъ озерахъ; будетъ какой человѣкъ боленъ нутряною красною грыжею или ломъ въ костяхъ, или мокрота бываетъ нутряная, и сидѣти въ банѣ и послѣ того баннаго сидѣнья сдѣлать составъ: часть того масла, большую часть нефти, часть скипидару, часть деревяннаго масла, да добыти полевыхъ кузнечиковъ зеленыхъ, что по травамъ скачють, да наловить коростеликовъ красныхъ, что летаютъ въ поляхъ и тѣ статьи положить въ горячее вино, и дать стоять день одиннадцать или тринадцать; и послѣ того баннаго сидѣнья велѣть того больного человѣка тѣмъ составомъ тереть по всему тѣлу, и велѣть быть въ теплой хороминѣ, пока

¹⁾ Бусл. О нар. поэзіи, 35.

²⁾ Арх. Кал. 1858, I, 82.

тотъ составъ войдетъ; а дѣлать такъ не по одно время; и то масло ѣдятъ и пьютъ отъ многихъ нутряныхъ болѣзней» ¹⁾). Нѣкоторымъ травамъ приписывалось чародѣйственное вліяніе противъ душевныхъ недуговъ и вредоноснаго дѣйствія зависти одного человѣка къ другому. Тотъ же сибирскій знахарь совѣтуетъ настаивать на винѣ или на уксуѣ земляныя груши и ѣсть ихъ сырыя въ случаѣ тоски или сердечной болѣзни; а противъ испуга или дурного вліянія, оставленнаго осужденіемъ завистливаго человѣка, указываетъ, какъ на цѣлительное средство, на траву, называемую *ероя*: слѣдуетъ болящаго окуривать этой травой, тереть его по лицу и, намоча въ водѣ, давать ѣсть ²⁾). Были травы, которымъ приписывали значеніе универсальныхъ лекарствъ; такъ, въ одномъ травникѣ XVII вѣка ³⁾ о травѣ *изюдинъ* (растетъ по старымъ рощистямъ, ростомъ въ пядь, собою мохната и листочки мохнаты) говорится: «кто тое траву ѣсть, и тотъ человѣкъ, живучи, никакая скорбь не узритъ тѣлу и сердцу». Трава *кудрявгый купыр* имѣла силу предохранять отъ отравы того, кто ее ѣлъ натошакъ. О травѣ *плакунъ* говорится, что ее надобно заранѣе пріобрѣсть для того, чтобъ искать всякую другую траву, «а безъ тое травы никакой травы не рветъ, потому что отъ нихъ помощи не будетъ». Существовало повѣрье о разрывѣ-травѣ, съ помощью которой узники ломали свои оковы и воры отпирали замки. Такая трава въ травникѣ, о которомъ упомянуто выше, называется *блль*: растетъ въ водѣ, а коренья добры; возьми и положи въ замокъ, то отомкнется. Другимъ травамъ приписывали предохранительную силу; о травѣ *Петровъ крестъ* говорится, что отъ нея «никакая скорбь, не вяжется, помируетъ Богъ отъ всякія пакости; а въ пиръ поѣдешъ, возьми ее съ собою отъ еретика и напрасныя смерти». То же думали о *папертъ*, которую доставать слѣдовало только въ Купальскую ночь и потомъ носить всегда при себѣ; «гдѣ пойдетъ—на того человѣка никто сердить не бываетъ, хотя и не другъ, а на зло и не помыслить». О травѣ *полотой нивъ* существовало такое наставленіе: «надобно кинуть золотую или серебряную деньгу, а чтобъ желѣзнаго у тебя ничего не было; а какъ будешь рвать ее, и ты пади на колѣно, да читай молитвы, да стоя на колѣнѣ хватать траву ту, обвертѣвъ ее въ тафту, въ червчатую или бѣлую, и беречь ту траву отъ мерзкаго часа; а хочешь иди на судъ, или на бой, ино никто тебя не переможетъ» ⁴⁾). Траву *осотъ* рекомендовали держать торговымъ людямъ: «хочешь богатъ быть—носи на себѣ; гдѣ ни поѣдешъ, и во всякихъ промыслахъ Богъ поможетъ, а въ людяхъ честно вознесешися». Зелѣ *понтуникъ*, повѣшенное на дворѣ, отгоняло всякія гадовъ и вредныхъ насѣкомыхъ. Травѣ *переносъ*, кромѣ такихъ же предохранительныхъ свойствъ отъ укушенія гадовъ и дѣйствія нечистыхъ духовъ, приписывалась такая сила, что если изъ нея «сердечко положи въ ротъ и поди въ воду, то отъ него вода разступитца»; а травы *прострѣль* (сонъ трава) и *укрой* предохраняли домъ, гдѣ ихъ держали, отъ нечистыхъ духовъ. Когда рвать прострѣль, то слѣдовало положить на то мѣсто, откуда взять корень, великоденское яйцо. Подобныя средства употреблялись противъ порчи: подъ этия именованія въ обширномъ смыслѣ разумѣлось во-

¹⁾ Доп., VI, 364.

²⁾ Ibid., 361, 364.

³⁾ Арх. Кал. 1858, I, 78—83.

⁴⁾ Бусл. О нар. поэз., 30.

обще нанесеніе вреда человѣческому здоровью отъ злоумышленія или зложелательства, при участіи нечистой силы; но въ тѣсномъ смыслѣ сюда относились по преимуществу тѣ нервныя болѣзни, которыя внезапною и исключительнымъ ужасомъ припадковъ потрясаютъ воображеніе, настроенное къ таинственнымъ толкованіямъ. Не только вѣрили, но даже избѣгали сомнѣнія въ томъ, что причины такихъ явленій надобно искать исключительно во влияніи злыхъ духовъ, а не въ обыкновенной природѣ. Очень часто въ разныхъ мѣстностяхъ появлялись бѣснующія и кликуши; въ особенности онѣ толпились тамъ, гдѣ была какая-нибудь чудотворная икона или мощи святого, — вообще мѣста, прославленныя религиозною святостью. Кликушами они назывались оттого, что выкликали или кликали на кого-нибудь, то-есть указывали, что такой-то ихъ испортилъ. Припадки ихъ усиливались во время литурги: тутъ, по выраженію вѣка, они *мечтаются всякими казнопдѣйствы*. Женщины страдали этимъ преимущественно. О такихъ бѣснующихся ходили изустныя и письменныя исторіи самыя мрачныя и вмѣстѣ самыя затѣйливыя. Въ одномъ изъ сборниковъ XVII вѣка есть замѣчательная повѣсть въ этомъ родѣ объ одной священнической дочери, въ первую ночь своего брака подвергнувшейся власти бѣсовъ, потому что мужъ ея неосторожно вышелъ, оставивъ дверь отворенною и неосѣненною крестнымъ знаменіемъ. Бѣсы таскали ее на болото, терзали и мучили. Она дѣлалась беременною и рождала чудовищъ, на подобіе змѣй, которыя сосали ее до крови. Послѣ неслыханныхъ мученій эта страдалица исцѣлилась спасительнымъ влияніемъ чудотворной иконы Пресвятой Богородицы. Независимо отъ несчастныхъ, которые дѣйствительно страдали нервными недугами, несравненно болѣе было такихъ, которые или усвоили себѣ эти припадки отъ воображенія, или же притворялись; выкидывая разные фарсы, показывали толпѣ видъ, будто пророчествуютъ. Стоглавый соборъ просилъ царя, чтобъ онъ повелѣлъ жителямъ гонять отъ себя лукавыхъ пророковъ и пророчицъ, которые являлись тогда во множествѣ. То были преимущественно старыя дѣвки: онѣ бѣгали босыя, съ распущенными волосами, тряслись, падали, коверкались, бились, и такимъ образомъ предсказывали будущее и возвѣщали народу разныя заповѣди, въ родѣ слѣдующихъ: «бабы, не прядите и печей не топите по средамъ и по пятницамъ: святые апостолы и святая пятница намъ являлись и не велѣли». Другія же подушала людей на всякіе пороки. Появленіе кликушъ въ городахъ было истиннымъ наказаніемъ для всего общества; ихъ указанія часто принимались и преслѣдовались судомъ. По одному клику бѣснующейся женщины брали обвиняемаго ею человѣка и подвергали пыткамъ; иногда притворныя кликуши служили орудіемъ корыстолюбивымъ воеводамъ и дьякамъ; послѣдніе нарочно подушала ихъ обвинять богатыхъ хозяевъ, чтобъ потомъ придраться и обирать послѣднихъ; а если кто-нибудь, обезумленный страданіями пытки, наскажетъ на себя, что онъ дѣйствительно колдунъ, того сжигали въ струбѣ. Между тѣмъ правительство, получивъ извѣстіе о распространеніи порчи и появленіи кликушъ въ какомъ-нибудь краѣ, посылало туда нарочныхъ сыщиковъ отыскивать и выводить вѣдуновъ и вѣдуній: всеобщее зло удвоивалось. Часто обыкновенная болѣзнь человѣка служила началомъ дѣла о колдовствѣ ¹⁾. Большое воображеніе искало причинъ болѣзни и тотчасъ нападало на ту мысль, что болѣзнь происхо-

¹⁾ А. г. Шуи, 95. — Опис. Шуи, 337, 340.

дять отъ суностать ¹⁾. Томить сухота сердечная, ѣсть-пить не хочется, свѣтъ бѣлый не милъ,—вѣрно напустили, можетъ быть, изъ-подъ вѣтру, или со слѣда, а можетъ быть, зелья чревоотравнаго дали, чтò чаровница собирала въ ночь Купала. Домашніе придумывали, отъ кого бы могла случиться бѣда. Они имѣли право указывать на вѣдува и просить сыску; а нужно, чтобъ только заподозрили въ вѣдовствѣ—до пытки недалеко, особенно если у истцовъ есть средства расположить въ свою пользу правосудіе. Въ 1606 году въ Перми производилось дѣло о томъ, что нѣкоторые вѣдуны напускали на людей икоту. Обвиняемыхъ жгли, давали на пыткахъ по три встряски, потомъ сажали въ тюрьму. Если послѣ всѣхъ операций подсудимый не признавался, то наряжали обыскъ: священники, посадскіе, старосты и цѣловальники съ выборными обывателями подавали голоса для окончательнаго обвиненія или оправданія. И обвинители, и обвиняемые равно не бесполезны были для воеводъ и дьяковъ. Самый ничтожный фактъ, если его не могли объяснить, былъ достаточенъ, чтобъ обвинить человѣка въ колдовствѣ. Такимъ образомъ, во время пожара въ Москвѣ при Михаилѣ Федоровичѣ, хотѣли сжечь, какъ колдуна, одного нѣмца живописца за то, что нашли у него черепъ и никакъ не могли объяснить себѣ, для чего онъ его держитъ ²⁾.

Порча сообщалась черезъ разные предметы. Выше было упомянуто о томъ, какъ наносили порчу здоровью человѣка, посредствомъ вѣтра или выимки слѣда. Равнымъ образомъ, колдуны пересылали свое зложелательство черезъ *подметъ* разныхъ вещей, къ которымъ случайно могъ прикоснуться тотъ, на кого обращалось злое намѣреніе. Вотъ, на примѣръ, въ Шуѣ въ 1672 году производилось уголовное дѣло о колдовскомъ подметѣ: одинъ посадскій подалъ челобитную, что въ углу на краю своего огорода онъ нашель куски печенаго хлѣба, калачи и нѣсколько меда ³⁾. Волшебство также легко переходило черезъ все, чтò принадлежитъ къ конской упряжи и вообще къ ѣздѣ. Отъ этого къ царскимъ лошадямъ не допускали никого, чтобъ «лихой человѣкъ не положилъ зелья и коренья лихова въ ихъ государевы сѣдла, и въ узды, и въ войлокъ, и въ рукавки, и въ наузы, и въ кутазы, и въ возки, и въ сани, и въ полость санную, и въ коверъ, и въ попонку». Въ 1598 году русскіе присягали Борису, своему государю «въ ѣствѣ и въ питьѣ, и въ платѣ или въ иномъ въ чемъ лиха напасти не учиняти; людей своихъ съ вѣдовствомъ, да и со всякимъ лихимъ кореньемъ не посылати, и вѣдуновъ и вѣдуней не добывати, на слѣду всякимъ вѣдовскимъ мечтаніемъ не испортити, ни вѣдовствомъ по вѣтру никакого лиха не насылати», и проч. ⁴⁾. Во время войны боялись, чтобы чужіе государи не подослали волшебницъ испортить государеву семью ⁵⁾, и успѣхи Самозванца всеобщее мнѣніе ничему другому не могло приписать, кромѣ вѣдовства ⁶⁾. Опасеніе, чтобъ лихіе люди не нанесли порчи царю и царскому семейству, не имѣло границъ. Чуть только случилось прихворнуть государынѣ или кому-нибудь изъ царскихъ дѣтей, сейчасъ подозрѣвали, что ихъ испортили, сглазили или напустили на нихъ ху-

¹⁾ С. Г. Гр., III, 264.

²⁾ Олеар., 134.

³⁾ Оп. гор. Шуѣ, 341.

⁴⁾ А. А. Э., II, 58.

⁵⁾ О ворожбѣ, Забѣл., 485.

⁶⁾ Доп., I, 255.

дому. Женщины, составлявшія дворню царицы, жили, по большей части, въ неприязни между собою, соперничали одна съ другой и взаимно одна на другую доносили. Если въ домашнемъ царскомъ быту возникалъ какой-нибудь споръ между супругами—и этому искали причины въ вѣдовствѣ и порчѣ¹⁾. Болѣзнь царскаго младенца приписывалась глазу и порчѣ, и оттого маленькихъ царевичей и царевенъ старательно оберегали отъ человѣческихъ взоровъ, полагая, что дурное дѣйствіе недобраго глаза легче подѣйствуетъ на малолѣтняго, чѣмъ на взрослога²⁾. То же господствовало и въ домахъ знатныхъ господъ; господа, заболѣвши, подозрѣвали слугъ, что они нанесли имъ вредъ вѣдовствомъ, а слуги, разсердившись на господъ, дѣйствительно прибѣгали къ вѣдунамъ и вѣдуньямъ, чтобъ съ помощью ихъ знаній отомстить господамъ. Между тѣмъ, волхвы, знахари, ворожеи, вѣдуны пользовались всеобщимъ легковѣріемъ и дѣлались повѣренными въ житейскихъ дѣлахъ всѣхъ классовъ народа; одни портили, другіе снимали порчу, предохраняли отъ нея или отгадывали, кто испортилъ. Такимъ образомъ, между чародѣями происходили своего рода поединки, гдѣ оружіемъ было ихъ искусство. Они соперничали другъ съ другомъ; одинъ думалъ своимъ вѣдовствомъ уничтожить вѣдовство другого, а между тѣмъ, кто-нибудь доказывалъ на нихъ, и обѣ стороны попадались въ руки блюстителей порядка и правосудія, собиравшихъ равные плоды и съ злого, и съ добраго колдовства, а еще болѣе тѣхъ, кто прибѣгалъ къ тому и другому роду колдовства. Церковь строго преслѣдовала всякое вѣдовство, не щадя даже и леченія, принадлежавшаго вообще къ зелейничеству. Въ монастырскихъ имѣніяхъ волхвовъ и бабъ ворожей считали наравнѣ съ ворами и разбойниками. Правительство въ XVI в. опредѣлило, слѣдуя внушеніямъ Церкви, преслѣдовать волхвовъ, чародѣевъ и звѣздочетовъ, какъ клятвопреступниковъ, хулителей и подстригателей усовъ³⁾. Не только преступниковъ подвергали кнуту и лишенію имущества, но цѣлая община, гдѣ жили чародѣи и волхвы, облагалась денежною пеней⁴⁾. Въ XVII вѣкѣ повсемѣстно преслѣдовали вѣдуновъ, вѣдуній и зелейниковъ⁵⁾, сажали подъ стражу проѣзжихъ людей за то единственно, что находили у нихъ корешокъ⁶⁾, заточали въ монастырь того, кто вздумалъ бы попробовать поучиться заговорнымъ словамъ⁷⁾; сожигали и тѣхъ, кто имѣлъ ихъ при себѣ⁸⁾. Народная мечь преслѣдовала колдуновъ и колдуній въ эпохи общественныхъ бѣдствій, напр., засухи или излишней мокроты, вредной для хлѣба; тогда дѣлали заключеніе, что несчастіе происходитъ отъ вѣдуновъ, умѣющихъ владѣть обиліемъ и скудостью, и обрекали на сожженіе тѣхъ, къ которымъ рѣдкій изъ народа не прибѣгалъ прежде въ своихъ нуждахъ⁹⁾. Вообще преслѣдовавшіе чародѣйство, какъ зло, часто уступали всеобщему суевѣрію и обращались къ нему за помощью. Самъ благо-

¹⁾ О ворожбѣ, Забѣл. Ком., 490.

²⁾ Котоших., 14.

³⁾ Доп. къ судеб. А. И., I, 252.

⁴⁾ А. А. Э., I, 267.

⁵⁾ Доп., III, 79.

⁶⁾ А. И., III, 225.

⁷⁾ А. А. Э., IV, 31.

⁸⁾ Дѣло о Ст. Раз., А. И., IV.

⁹⁾ Поѣздка въ Кирилл.-Бѣлоз. мон., II, 37.

честивый царь Алексѣй Михайловичъ, столь преслѣдовавшій вѣдовство, какъ богопротивное дѣло, въ 1650 году приказывалъ стольнику Матюшкину высылать крестьянъ въ Купальскую ночь искать серабориннаго цвѣта, инпериковой и мятной травъ и дягилю ¹⁾, а предъ концомъ своей жизни, въ 1675 году, приказывалъ ²⁾ воеводамъ въ Сибири, которая по своей отдаленности представлялась въ народномъ воображеніи страню таинственныхъ силъ и чудесъ, собирать знахарей, узнавать отъ нихъ о травахъ и самыя травы присылать въ Москву.

Благочестивые люди не только гнушались обращаться къ чародѣямъ, но вообще считали грѣхомъ искать въ чемъ бы то ни было помощи отъ несчастій, кромѣ молитвы, и приписывать ихъ чему бы то ни было, кромѣ Божія гнѣва.

Во время морового повѣтрія при Алексѣѣ Михайловичѣ многіе полагали, что бѣдствіе это происходитъ «отъ звѣздъ тлетворныхъ, и воздымленій, и воспареній земныхъ и морскихъ, и праховъ, и зловонія мертвечинъ, и дождей лѣтнихъ»; другіе же укоряли такихъ толкователей и доказывали, что другой причины, кромѣ кары Божіей за грѣхи, не слѣдуетъ искать. Патриархъ Никонъ, не отвергая послѣдняго толкованія, допускалъ, однако, и толкованія перваго рода ³⁾, и на этомъ основаніи доказывалъ, что тотъ не грѣшитъ, кто уклонится изъ города, гдѣ свирѣпствуетъ зараза, что, напротивъ, тотъ, кто подвергаетъ себя явной опасности, равняется тому, кто самъ на себя наложитъ оружіе. Но такъ какъ встарину даже въ «Стоглавѣ» объяснено, что Богъ наказываетъ страну, человѣковъ и скотовъ падежемъ и тлетворными вѣтрами, иногда же пожарами, иногда же голодомъ и войною за тяжелые пороки и, въ томъ числѣ, за содомскій грѣхъ ⁴⁾, то старые благочестивцы вооружались противъ подобныхъ умствованій и совѣтовали, по примѣру святыхъ мужей, Бога ради переносить съ благодареніемъ многоразличные недуги и болѣзни ⁵⁾.

Убѣгая чародѣйства, набожные люди вѣрили его силѣ въ простотѣ ума, и если случалось кому заболѣть, то хотя и приписывали свое несчастіе напуску или волхвованію, однако, не прибѣгали къ добрымъ колдунамъ, а искали помощи въ религиозныхъ обрядахъ и всегда были подъ страхомъ вліянія таинственныхъ силъ; вездѣ видѣли бѣсовъ, которые очень часто въ ихъ воображеніи походили больше на шалуновъ, чѣмъ на искусителей къ пороку. Духовныя лица, благочестивые старики и старухи сами боялись бѣсовъ, а другихъ ими пугали и требовали, чтобъ чловѣкъ былъ всегда насторожѣ противъ враговъ чловѣческаго рода, вооруженный молитвою и крестнымъ знаменіемъ. Иногда бѣсы поселялись во дворахъ и домахъ, производили стукъ, пугали привидѣніями и вообще дѣлали разныя шалости. Вѣрившіе знахарству употребляли противъ этого различныя симпатическія средства, напр., «сожечь совиныя кости и тѣмъ дымомъ хранину свою кадить и дворъ курить—и исчезнетъ бѣсъ, а потомъ ослинымъ саломъ назнаменуи двери, и всякое зло, которое найдетъ на дворъ, исчезнетъ. Для того же хорошо держать корольковое камень: отъ него нечистый духъ бѣ-

¹⁾ Доп., III, 254.

²⁾ Доп., VI, 375.

³⁾ П. С. З., I, 395—399.

⁴⁾ Стогл., гл. 15.

⁵⁾ Врем., I. Домостр., 41.

гаеть, потому что тотъ камень крестообразно растеть». Набожные люди прогнали изъ домовъ своихъ бѣсовъ внесеніемъ чудотворныхъ иконъ, какъ о томъ гласить надпись на оградѣ церкви Гребенской Божіей Матери въ Москвѣ. Ангель хранитель всегда стоитъ на стражѣ вѣренной ему души противъ дѣйствія злого духа, и потому къ нему нужно поминутно обращаться. Каждый день, въ первый часъ дня, ангель хранитель является на поклоненіе Богу и объявляетъ всѣ дѣла и мысли человѣческія. Поэтому надобно всегда прилежно молиться и благодарить Бога въ конецъ дня и въ конецъ ночи, именно когда ангелы являются для поклоненія Богу ¹⁾. Этою молитвою человѣкъ предохраняетъ себя отъ навѣтовъ злыхъ духовъ. Приступая къ какому-нибудь дѣлу, слѣдовало прежде всего помолиться и освѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, иначе бѣсы сдѣлаютъ какую-нибудь пакость. Готовится ли женщина топить печь или варить ѣству, или садится она за пιάльцы,—слѣдовало прежде всего умытъ руки, сдѣлать три земныхъ поклона, проговорить «*достойно есть*», перекреститься и, принимаясь за самую работу, еще разъ призвать Божіе благословеніе, сказавши «Господи, благослови!» Если это исполняется, тогда сами ангелы помогаютъ невидимо, и дѣло спорится и хорошо дѣлается, и ѣства и питье выйдутъ въ прокъ, и шитво крѣпко сошьется. Напротивъ, если при работѣ начнутся смѣхи, игры и празднословіе, тутъ нечистые духи-бѣсы радуются и посмѣиваются, а ангелы отойдутъ въ сторону и тоскуютъ: тогда и ѣство плохо сварится, и хлѣбъ дурно спечется, и шитво сошьется не крѣпко и не ладно ²⁾. Идя по воду къ источнику или рѣкѣ, женщина должна была, опуская въ воду ведра, сказать молитву, а иначе бѣсы какъ разъ испортятъ воду. Многіе освящали свою посуду и, принося въ церковь, просили священниковъ окропить ее святою водою, прочесть надъ ней молитву и проѣсть духовную пѣснь. Послѣ этого надѣялись, что кушанье, сваренное и поданное въ такой посудѣ, будетъ и лучше, и неприступно для шалостей бѣса. Ложась спать, слѣдовало окрестить кругомъ ложе и всѣ углы, чтобъ не допустить бѣсовъ до какихъ-нибудь проказъ надъ спящимъ. Существовали особыя молитвы, которымъ приписывали бѣсоизгонительную силу. Между прочимъ, обращались и въ этомъ къ святому врачу Никитѣ такимъ образомъ: «за шесть дней бѣгайте отъ меня бѣсы молитвами святого, славнаго мученика, врача Никиты. Благословенъ Богъ во вѣки, аминь. Самъ Господи блюди раба своего (имрекъ) на пути, на постели, у воды, на встрѣчѣ и на всякомъ мѣстѣ владычества Его; отпусти сатана и отъ сего дома, и отъ всего созданія, и отъ всѣхъ сихъ четырехъ стѣнъ и отъ четырехъ угловъ. Здѣ святая Богородица Христа рожаеть, здѣ четыре евангелиста почиваютъ, здѣ святые апостолы Петръ и Павелъ, здѣ святой Кириллъ крестъ держитъ и хранитъ ложеніе раба Божія (имрекъ) во имя Отца и Сына и святого Духа. Крестъ на мнѣ, крестъ у меня, крестъ надо мною, крестомъ ся огражаю, крестомъ діавола побждаю и отъ 4-хъ стѣнъ, отъ 4-хъ угловъ; здѣ тебѣ, окаянный діаволе, ни части, ни мѣста, всегда нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь» ³⁾. Передъ посѣвомъ приносили хлѣбное зерно въ церковь и святили его; такъ дѣлали и послѣ жатвы ⁴⁾. Во время ѣства или питья благочестивые крестились чуть не

¹⁾ Рукоп. Рум. Муз., № 358.

²⁾ Врем., I. Домостр., 27, 28.

³⁾ Рук. Рум. М., 359.

⁴⁾ Fletch., 217, 251.

за каждымъ глоткомъ, прогоняя дьявола ¹⁾. При выѣздѣ изъ дома непременно нужно было призвать священника и отслужить молебень, иначе бѣсы чего-нибудь настроятъ въ дорогѣ. Когда дворянинъ отправлялся въ дальній путь на воеводство, тогда ужъ недостаточно было моленія простого священника; онъ отправлялся къ архіерею и получалъ отъ него благословенную икону ²⁾. Нѣкоторые были столь благочестивы, что носили въ рукахъ четки и, при всякомъ свободномъ случаѣ, перебирали ихъ, ходя и сидя, шептали сряду шестьсотъ разъ: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя грѣшнаго», а потомъ сряду сто разъ: «Владычица моя Богородица, помилуй мя грѣшнаго!» Грамотные объясняли, что если кто такъ дѣлаетъ три года сряду, то въ первый годъ въ него вселится Христосъ, во второй годъ Духъ святый, а въ третій годъ самъ Богъ отецъ ³⁾. Такимъ образомъ, при всякомъ начинаніи дѣла, и важнаго, и неважнаго, русскій благочестивый человѣкъ всегда прибѣгалъ къ религиозному обряду. Одно старинное поученіе о крестномъ знаменіи говорить: «безъ него ни начинай, ни кончай ничтоже, но и спя, и вставая, и дѣлая, и путемъ шествуя, аще или по морю плаваеши, или рѣкою возишися—вся своя узы животворящимъ крестомъ утверди и не причинить тебѣ зло» ⁴⁾. Быть благочестивымъ, по понятію большинства, значило: знаменоваться крестомъ, класть земные поклоны, почитать образа, ходить въ церковь съ приношеніями, слушаться духовенства и хранить посты.

Чѣмъ кто былъ благочестивѣе, тѣмъ больше у него было въ домѣ образовъ, тѣмъ наряднѣе они были украшены. Иконы были первою необходимостью; гдѣ не было иконъ, тотъ домъ для русскаго не могъ показаться христіанскимъ. Украшенія образамъ давались часто въ благодарность за оказанную помощь: напримѣръ, русскій купецъ молится предъ образомъ св. Николая и просить успѣха въ торговлѣ; если ему повезетъ, онъ, въ знакъ признательности, дѣлаетъ угоднику золотой или серебряный окладъ. Были и противные случаи.

Если у хозяина дурно идутъ дѣла, несмотря на его усердныя молитвы, онъ, помогая себѣ въ житейскихъ нуждахъ, сниметъ съ образа окладъ. Повсюду было множество чудотворныхъ образовъ. Они являлись гдѣ-нибудь на поляхъ и въ лѣсахъ, производили чудеса; о нихъ доносили правительству, а правительство устанавливало празднество ⁵⁾. Кромѣ такихъ св. иконъ, которыхъ чудотворенія признавались Церковью, были въ частныхъ домахъ иконы, которыя почитались чудотворными въ тѣсномъ кругу семейныхъ знакомыхъ. Молельщикъ замѣчалъ, что желаніе его исполняется, когда онъ молится особенно такому-то образу. Дѣйствіе приписывалось не только заступничеству святого, котораго ликъ изображался на образѣ, а силѣ, заключающейся въ самой иконѣ. Поэтому, если, напримѣръ, русскій былъ съ кѣмъ-нибудь въ ссорѣ или тяжбѣ, то боялся, чтобъ соперникъ его не помолился этому образу и чтобъ такимъ образомъ не получилъ успѣха противъ него самого. Изъ уваженія къ св. иконамъ считалось грѣхомъ прикоснуться рукою къ лику святого, и это вѣрованіе было, между прочимъ,

¹⁾ Petr., 317.

²⁾ Расх. кн. Ник. Врем., XIII.

³⁾ Врем., I. Домостр., 19.

⁴⁾ Рук. Рум. М., 186.

⁵⁾ А. И., IV, 52.

поводомъ къ тому, что иконы обладавались одеждою ¹⁾. Когда образъ несли, то изъ благоговѣнія держали надъ головою высоко, и всякъ, кто встрѣчался, долженъ былъ креститься и кланяться ²⁾. Если въ комнатѣ совершалось что-нибудь непристойное—образа задерживали пеленою. Уваженіе къ иконамъ не дозволяло выражаться, что образа покупаются; говорили же: мѣняются; хозяинъ, желая промѣнять свой старый образъ на новый, приносилъ его въ иконную лавку, оставлялъ и клалъ деньги; если купецъ находилъ, что даютъ дешево, то, ни слова не говоря, отодвигалъ отъ себя деньги, и покупатель долженъ былъ прибавлять, пока купецъ находилъ достаточнымъ. Если образъ сгорить, непристойно было сказать: онъ сгорѣлъ, а слѣдовало выразиться: *онъ выбылъ*, какъ и о сгорѣвшей церкви говорилось: *она вознеслась*, а не сгорѣла. Впрочемъ, старые образа позволялось бросать въ рѣку, сказавши *прости* ³⁾; но тотъ, кто находилъ образъ на водѣ, почиталъ такую находку знакомъ благодати. Поруганіе св. иконъ, по русскимъ понятіямъ, наводило гнѣвъ Божій на цѣлый край: въ 1642 году многіе подавали царю совѣтъ начать войну съ турками на томъ основаніи, что турки овладѣли въ Азовѣ образомъ св. Іоанна Предтечи; это внушало опасность навлечь на всю Россію месть святого ⁴⁾. Въ равной степени русскіе чествовали книгу св. Евангелія, хотя бы и въ частномъ домѣ. Св. Евангеліе слѣдовало брать въ руки не иначе, какъ съ благоговѣніемъ, съ поникшею главою и послѣ крестнаго знаменія ⁵⁾.

Св. крестъ считался знаменіемъ мира и союза. Всякій договоръ или обѣщаніе по своей важности подтверждались цѣлованіемъ креста, а нарушеніе такого договора называлось преступленіемъ противъ крестнаго цѣлованія. Каждый имѣлъ на себѣ непремѣнно крестъ; духовные запрещали снимать крестъ съ шеи, когда человѣкъ идетъ купаться въ рѣку или мыться въ мыльнѣ ⁶⁾. Коль скоро приводилось что-нибудь важное обѣщать или утвердить истину сказаннаго, снимали его съ себя и цѣловали. Встарину было въ обычаѣ мѣняться грудными крестами; сдѣлавшіе такую мѣну, считали себя обязанными быть задушевными друзьями и помогать одинъ другому во всѣхъ случаяхъ жизни.

Св. мощи были всеобщимъ предметомъ поклоненія; къ нимъ стекались болящіе и искали исцѣленій. Независимо отъ поклоненія мощамъ, хранившимся въ церквахъ и монастыряхъ, многіе богатые люди имѣли у себя въ домѣ частицы мощей въ крестахъ или на образахъ; возбранялось носить крестъ съ мощами на шеѣ ⁷⁾. Вода, которою обмывали мощи, считалась цѣлительною и употреблялась набожными людьми въ разныхъ недугахъ. Встарину очень часто появлялись мощи, и кромѣ тѣхъ, которыя были открыты и признаны Церковью, возникало въ разныхъ мѣстахъ поклоненіе памяти усопшихъ, которые, по образу жизни, заслуживали уваженія народа. Такъ, въ 1626 году въ Пошехонскомъ уѣздѣ народъ сталъ собираться около рябины, которая выросла на могилѣ убитаго разбойни-

¹⁾ Дженк., 359.

²⁾ Herberst., 28.

³⁾ Колл., 9.

⁴⁾ С. Г. Гр., III, 389.

⁵⁾ Relig. des Moscov., 13.

⁶⁾ Румянц. Сборн., 359.

⁷⁾ Румянц. Муз., рукоп. № 359.

ками инока Адриана, и народный говоръ гласилъ, что многіе страждущіе получали на этомъ мѣстѣ исцѣленіе ¹⁾.

Съ этими вѣрованіями соединялось уваженіе къ храму Божію. Строить церковь считалось дѣломъ христіанской добродѣтели и лучшимъ средствомъ къ спасенію и отпущенію грѣховъ. Нельзя было пройти мимо церкви, не сдѣлавши троекратнаго знаменія съ поклономъ.

Благочестивый человѣкъ считалъ большимъ грѣхомъ не пойти въ церковь въ праздникъ не только къ литургіи, но къ вечернѣ и къ заутрени. «Когда вы услышите кленаніе въ церкви,—говорить одно духовное поученіе,—оставляйте всякое дѣло и идите въ церковь» ²⁾. Слѣдовало въ церкви стоять со тцаніемъ и трепетомъ, не обращая взоровъ, потушивъ глаза и сложивъ крестообразно руки, и не вести другъ съ другомъ пустошныхъ рѣчей: «велико милосердіе Божіе (говорить то же поученіе), что огонь,—не сойдетъ съ неба и не пожретъ ведущихъ разговоры во время божественнаго пѣнія». Склоняться на стѣну и переступать съ ноги на ногу отъ усталости считалось грѣхомъ; равнымъ образомъ, считалось недостойно славы Божіей уходить изъ церкви прежде окончанія служенія ³⁾. Палку оставляли внѣ церкви. Во избѣжаніе сходства съ католиками, встарину православные не становились на колѣни, но благочестивые люди усердно клали поклоны и отъ этого на лбу у нихъ были шишки ⁴⁾. Женщины входили въ особыя двери и стояли въ особомъ притворѣ; знатныя госпожи становились въ церквахъ за рѣшетками, стояли, потупя глаза въ землю, и старались особенно показывать видъ скромности, когда мимо нихъ проходилъ священникъ. Простыя женщины не такъ часто ходили въ церковь, какъ мужчины, и обыкновенно на короткое время, чтобъ поклониться иконамъ ⁵⁾. Всякому сколько-нибудь достаточному человѣку вѣнялось въ благочестивую обязанность явиться въ храмъ Божій съ приношеніемъ, напримѣръ, со свѣчю, съ просфорою, еміамомъ, ладаномъ, кутьею или милостынею ⁶⁾. По толкованію набожныхъ людей, даръ тогда только принимался Богомъ, когда было приношеніе отъ праведнаго имѣнія ⁷⁾, и когда богомолецъ не таитъ въ душѣ ни къ кому ни злобы, ни гнѣва. «Аще кто идетъ къ церкви со страхомъ Божіимъ, со всѣмъ сердцемъ, гнѣва не имѣетъ, но сіяетъ душа его яко солнце, и восходитъ молитва его яко темьянъ: тогда ангелъ мой исходитъ изъ алтаря, нося кисть въ руку свою и знаменаетъ его на челѣ и тако почіетъ на немъ Духъ святой» ⁸⁾. Давать въ монастыри считалось особенно спасительнымъ дѣломъ: «что имате потребно—несите къ намъ, то бо все въ руцѣ Божіи влагаетъ» ⁹⁾. Кромѣ денежныхъ вкладовъ и недвижимыхъ имѣній, нѣкоторые дарили одежды ¹⁰⁾ и посылали братіи

¹⁾ А. И., III, 229.

²⁾ Рум. Муз., рукоп. № 359.

³⁾ Рум. Муз., рукоп. № 359.

⁴⁾ Колл., 26.—Дженкинс., 338.

⁵⁾ Mejerb., 169.—Oleag., 348.

⁶⁾ Злат. Матица. Публичн. Библ., стр. 203.

⁷⁾ Врем., I. Домостр., 9.

⁸⁾ Румянц. Муз., рукоп. 182.

⁹⁾ Поуч. всяк. христ. рукоп.

¹⁰⁾ С. Г. Гр., I, 342.

кормы, то-есть съѣстные припасы. Нѣкоторые знатные люди доставляли въ монастыри каждагодня пропорціи. Во время болѣзни или предъ кончиною страждущіе думали уменьшить тяжесть грѣховъ вкладами въ церкви, и завѣщали иногда въ разныя церкви и монастыри особые вклады ¹⁾ и кормленія на братію ²⁾. Если умирающій не успѣвалъ распорядиться формально, то наслѣдники, зная его волю, считали долгомъ поскорѣе исполнить ее для успокоенія души усопшаго ³⁾. Нерѣдко старый человѣкъ, чувствуя истощеніе силъ, поступалъ въ иноческій чинъ и при этомъ всегда давалъ даръ или доходъ; въ такихъ случаяхъ богатые помогали бѣднымъ, давая имъ на постриженіе ⁴⁾. По народнымъ понятіямъ, сдѣлать вкладъ по душѣ значило проложитъ душѣ вѣрный путь къ спасенію, и это вѣрованіе было причиною большихъ богатствъ монастырскихъ.

Но уже распространилось достаточно ученіе о томъ, что давать на монастыри недвижимое имѣніе не только не спасительно, а даже вредно. Въ книгѣ «Златой Матицѣ» ⁵⁾, въ одномъ поученіи рассказываетъ, что нѣкій святой отецъ имѣлъ видѣніе объ одномъ умершемъ, котораго считали всѣ спасеннымъ, потому что онъ записалъ въ монастырь имѣніе, и который въ самомъ дѣлѣ за то самое былъ осужденъ: «и осуждена бысть душа его мучитися святаго ради, и молящися святѣй Богородицѣ и предтечѣ Іоанну о душѣ той и слышахъ гласъ глаголющъ: кто дастъ село, да отпустить то село отъ монастыря, тогда душа отпушена будетъ отъ муки».

Священники и монахи были лучшими совѣтниками и друзьями благочестивыхъ людей. Каждый имѣлъ у себя духовника, къ которому прибѣгалъ въ своихъ житейскихъ нуждахъ: приглашалъ для совѣта и утѣшенія во время какой-нибудь печали, болѣзни или царской опалы. Для духовника не было скрытой домашней тайны. Онъ былъ наставникомъ и другомъ, занималъ въ домѣ всегда первое мѣсто; для него не щадили приношеній; ему кланялись до земли ⁶⁾. Осуждать духовныхъ считалось, по нравственному ученію, большимъ грѣхомъ: «чѣсть вамъ подобно на священники хулы возвѣщати», говоритъ одно поученіе ⁷⁾, «ибо по вся дни за тя, и за твою братью, и за вся вѣрныя службу творять и завтра, и въ полудни, и въ вечеръ молятъ Бога въ церкви и въ домѣхъ, и у креста молитвы творять... Ученія его (священника) слушай, и аще право учить, не пытай его ученія и не укоряй его, добре бо за тя Бога молишь. Клеветы же не пріймай ни на единаго чернца глаголь; аще видиши согрѣшивша, послушай Бога рекшаго: не осужайте, да не осужени будете; минова же ты на пути не стыдися главы своея поклонити». Другое благочестивое размышленіе о судномъ днѣ ⁸⁾ восклицаетъ: «о, горе тому человѣку въ день судный, аще кто станетъ попа укоряти: не попа укоряетъ, но Церковь Божию». Государи, столь неприступные, преклонялись предъ духовными властями

¹⁾ А., отн. до юр. б., I, 557.

²⁾ Доп., I, 186.

³⁾ Доп., I, 5.

⁴⁾ Врем., XIII. Расх. кн., 39.

⁵⁾ Погод. Сб., № 1024.

⁶⁾ Врем., I. Домостр., 21.

⁷⁾ Пог. Сборн. Публ. Библ., № 1313.

⁸⁾ Сборн. XVII в., принадл. профессору Буслаеву.

и Алексѣй Михайловичъ обращался съ патріархомъ Іосифомъ столь почитательно, что кланялся ему до земли ¹⁾). Конечно, этотъ обрядъ смиренія не мѣшалъ царямъ поступать иногда очень самовластно съ духовными лицами. Съ своей стороны, духовенство, котораго было чрезвычайное множество, не пропускало случая, чтобъ не получить выгодъ отъ своихъ совѣтовъ. На большой дорогѣ и на берегу рѣкъ всегда можно было встрѣтить духовныхъ, которые, завидя проѣзжаго, слѣшили благословить его крестомъ, чтобы получить награду за свое благословеніе ²⁾).

Послѣ духовныхъ благочестіе обращалось къ такъ называемымъ юродивымъ и нищимъ. Въ какомъ почетѣ были встарину юродивые, видно изъ того, что самъ Иванъ Васильевичъ Грозный терпѣливо выслушалъ горькія рѣчи юродиваго, приглашавшаго его въ постъ поѣсть мяса, на томъ основаніи, что царь ѣсть человѣческое мясо. Кромѣ юродивыхъ мужчинъ были также юродивыя жонки, ходившія со двора на дворъ, уважаемыя хозяевами и вмѣстѣ забавлявшія хозяйскихъ дѣтей. Иногда юродивые жили при домахъ, особенно при архіерейскихъ; такъ, Никонъ, когда выѣзжалъ въ дорогу, то бралъ съ собой какого-то юродиваго Василя Босога.

Вѣра, что подача нищему есть достойное христіанское дѣло и ведетъ къ спасенію, породжала толпы нищенствующихъ на Руси. Не одни калѣки и старицы, не люди здоровые прикидывались калѣками. Множество нищихъ ходило по міру подъ видомъ монаховъ и монахинъ и странствующихъ богомольцевъ, съ иконами,—просили какъ будто на сооруженіе храма, а въ самомъ дѣлѣ обманывали. Въ каждомъ зажиточномъ домѣ поношенное платье раздавалось нищимъ ³⁾). Въ большихъ городахъ на рынкахъ каждое утро люди покупали хлѣбъ, разрѣзывали на куски и бросали толпѣ оборванныхъ и босыхъ нищихъ, которые такимъ образомъ выпрашивали себѣ дневное пропитаніе. Случалось, что эти самые нищіе, напросивши кусковъ, засушивали ихъ въ печкѣ и послѣ продавали сухарями ⁴⁾, а потомъ снова просили. Часто дворяне и дѣти боярскіе, пострадавшіе отъ пожара или непріятельскаго вѣшества, просили милостыни, стыдясь заняться какою-нибудь работой. Если такому попрошаю скажутъ, что онъ здоровъ и можетъ работать, дворянинъ обыкновенно отвѣчалъ: «я дворянинъ, работать не привыкъ; пусть за меня другіе работаютъ! Ради Христа, Пресвятыхъ Дѣвы и святаго Николая чудотворца и всѣхъ святыхъ, подайте милостыню бѣдному дворянину!» Часто такія лица, наскуча просить милостыню, перемѣняли нищенское ремесло на воровское и разбойничье ⁵⁾). Вообще, прося милостыни, нищіе возбуждали состраданіе унизительными причетами, напримѣръ: «дайте мнѣ и побейте меня. Дайте мнѣ и убейте меня!» Другіе читали нараспѣвъ духовные стихи жалобнымъ голосомъ. Благочестивые люди приходили въ умиленіе отъ этого рода пѣсенъ. Между нищими вообще было множество злодѣевъ, способныхъ на всякія незаконныя дѣла. Въ XVII вѣкѣ они крали дѣтей, уродовали ихъ, калѣчили руки и ноги, выкалывали глаза, и если жертвы умирали, то ихъ

¹⁾ А. А. Э., IV, 79.

²⁾ Карл., 32.

³⁾ Врем., I. Домостр., 51.

⁴⁾ Оlear., 317.

⁵⁾ Petr., 314.

хоронили въ погребахъ, а если переживали муку, то возили по селеніямъ, чтобъ возбуждать видомъ ихъ страданій участіе. Случалось, что вдругъ пропадетъ дитя, игравшее гдѣ-нибудь на улицѣ: его сманивали нищіе, соблазняя яблоками и орѣхами. Въ XVII вѣкѣ разсказывали одинъ ужасный случай. Пропало у матери дитя. Черезъ нѣсколько времени въ толпѣ нищихъ мать услышала жалобный крикъ: «мама! мама!» Открылось, что эти нищіе, числомъ четверо, отправляли уже семнадцать лѣтъ такую спекуляцію и много дѣтей украли и изуродовали ¹⁾. Несмотря на такіе случаи, расположеніе къ нищимъ отъ этого не охладѣвало. Русскій, видя несчастнаго, который проситъ подаенія во имя Христа и святыхъ, не считалъ себя въ правѣ судить его, а полагалъ, что долгъ христіанина помочь тому, кто проситъ; справедливо ли или несправедливо онъ проситъ, и куда бы ни употребилъ то, что ему дано — въ этомъ судить его Богъ. На такомъ основаніи русскіе также сострадательны были къ колодникамъ, преступникамъ, содержавшимся въ тюрьмахъ, которыхъ посылали съ сторожами просить милостыни для пропитанія. Благочестивые люди отправляли въ тюрьмы кормы и раздавали колодникамъ передъ праздниками одежды. Самъ царь въ урочные святые дни, когда ради вселенскихъ церковныхъ воспоминаній кормили нищихъ и раздавали имъ подаеніе, отправлялся лично въ тюрьмы къ заключеннымъ и подавалъ имъ милостыню изъ собственныхъ рукъ. Даже иногда *тюремные сидѣльцы* получали сравнительно болѣе, чѣмъ содержавшіеся въ богадѣльняхъ раненые воины ²⁾. Иностранцамъ казалось странно, что люди, наказанные кнутомъ, не только не отмѣчались народнымъ презрѣніемъ, но еще возбуждали къ себѣ участіе и внушали даже нѣкотораго рода уваженіе къ своимъ страданіямъ. Никто не стыдился не только ласково говорить съ ними, но даже вмѣстѣ съ ними ѣсть и пить ³⁾. Съ другой стороны, и палачи не были въ презрѣніи ⁴⁾; это званіе отдавалось иногда торговымъ людямъ и такъ было выгодно, что его перебивали другъ у друга. Такимъ образомъ всеуравнивающее сострадательное чувство заставляло въ несчастномъ видѣть одно несчастье и подходить къ нему съ добрымъ движеніемъ сердца, а не съ осужденіемъ.

Храненіе поста было для всѣхъ безусловною обязанностью. Начиная отъ царя и доходя до послѣдняго бѣдняка, всѣ строго держались употребленія пищи по предписаніямъ Церкви въ извѣстныхъ времена. Великій постъ и успенскій, среды и пятки соблюдались съ большею строгостью, а прочіе два: петровъ и рождественскій (филиппово заговѣнье) слабѣе ⁵⁾; лицамъ, находящимся въ супружескомъ союзѣ, не предписывается тѣлеснаго воздержанія въ эти посты; многія благочестивыя семейства въ продолженіе четырехдесятиницы ѣли только въ опредѣленные недѣльные дни, а въ другіе совѣтъ не вкушали пищи. Послѣдніе два дня передъ Пасхою почти повсемѣстно проводились безъ пищи, по церковному уставу. Постъ считался средствомъ умиловленія Божія гнѣва и въ случаяхъ общественныхъ бѣдствій, и въ частныхъ несчастіяхъ. Въ эпоху Смутнаго времени, въ 1611 г., наложили постъ на недѣлю: въ понедѣльникъ, вторникъ и среду

¹⁾ Mejerb., 166—167.

²⁾ Дом. Б. Р. Ц. О. З., 1853 г. Янв., 58.

³⁾ Olear., 175.

⁴⁾ Strauss, 25.

⁵⁾ Рум. Муз., рук. 359.

не ѣсть ничего, а въ четвергъ и пятницу сухояденіе ¹⁾. Въ 1650 году, по поводу съѣденія хлѣба саранчею, наводненій, пожаровъ и скотскаго падежа, положено въ рождественскій постъ поститься строго обыкновеннаго и ходить каждый день къ заутренѣ, литургіи и вечернѣ ²⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всеобщій постъ налагался на жителей въ предупрежденіе бѣдствій, о которыхъ носились слухи со стороны; такъ въ 1668 году, по случаю разнесшейся вѣсти о землетрясеніи въ Шемахѣ, въ Астрахани и Теркѣ, наложили строгій постъ. Если въ какой-нибудь общинѣ, посадской или сельской, случалась болѣзнь, скотскій падежъ, неурожай или какое-нибудь другое несчастье, жители думали избавиться отъ него наложеніемъ строгаго поста на всѣхъ членовъ своей общины. Такъ, напримѣръ, налагались обѣтныя *пятницы*, то-есть столько-то пятницъ проводить безъ пищи. Другіе, по благочестію, сверхъ установленныхъ Церковью каждонедѣльныхъ постныхъ дней—середы и пятницы,—постились постоянно по поведѣльникамъ. Но если по понятіямъ маломыслящаго поста достаточно достигался соблюденіемъ воздержанія отъ пищи и неотступленіемъ отъ налагаемыхъ обычаемъ правилъ, то для истинно благочестиваго наружный постъ былъ бесполезенъ безъ дѣла христіанской любви. Въ одномъ старинномъ словѣ «о Хлѣбѣ» говорится: «кій успѣхъ убо челоуѣку алкати плотію, а дѣлы разоряюще; кій успѣхъ челоуѣку отъ яди воздержатися, а на блудъ совокуплятися; каѣя убо польза немьющемуся, а нагого не одѣжуще. Каѣя польза есть плоть свою иссушающему, а не кормящему алчнаго; кій успѣхъ есть уды съкрушати, а вдовицъ не миловати, кій успѣхъ есть самому томитися, а сиротъ томимыхъ не избавляти» ³⁾. Другое поученіе съ такою рѣзкостью выражается о безплодіи соблюденія наружнаго поста безъ внутренняго благочестія: «аще кто не пьетъ питья, ни мясъ ясть, а всяку злобу держитъ, то не хуже есть скота; всякъ бо скотъ не ясть мясъ, ни питья пьетъ; аще ли кто на голѣ земли лежитъ, а зломыслитъ на друга, то ни тако хвалися; скотъ бо постели не требуетъ, ни постелющаго имать» ⁴⁾.

Несмотря на глубоко-нравственное значеніе, какое вообще придавали строгому подчиненію Церкви, русское благочестіе основывалось больше на вниманіи къ ви́шнимъ обрядамъ, чѣмъ на внутреннемъ религіозномъ чувствѣ. Духовенство почти не говорило проповѣдей, не было училищъ, гдѣ бы юношество обучалось закону Божію.

Русскіе вообще рѣдко исповѣдовались и причащались; даже люди набожные ограничивались исполненіемъ этихъ важныхъ обрядовъ только однажды въ годъ—въ великую четыредесятницу. Другіе не исповѣдовались и не подходили къ святымъ дарамъ по нѣскольку лѣтъ. Притомъ исповѣдь для толпы не имѣла своего высокаго значенія: многіе, чтобъ избѣжать духовнаго наказанія отъ священниковъ, утаивали свои согрѣшенія и послѣ даже хвалились этимъ, говоря съ насмѣшкою: «что мы за дураки такіе, что станемъ поцу сознаться» ⁵⁾. Часто владыки жаловались на холодность къ религіи и обличали мірянъ въ

¹⁾ А. А. Э., II, 247 (337).

²⁾ С. Г. Гр., III, 459.

³⁾ Погод. Сборн., № 1024.

⁴⁾ Рум. Муз., рук. № 186.

⁵⁾ Mejerb., 181—182.

уклоненіи отъ правилъ Церкви. Въ XVI вѣкѣ митрополитъ Макарій замѣчалъ, что въ Новгородской Землѣ простолюдины не ходятъ въ церковь, избѣгаютъ причащенія; а если и приходятъ когда-нибудь въ храмъ, то смѣются и разговариваютъ между собою, не показывая вовсе никакого благочестія ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ до свѣдѣнія патриарха Филарета дошло, что въ Сибири русскіе, сжившись съ некрещеными народами, забыли даже носить на себѣ кресты, не хранятъ постныхъ дней и сообщаются съ некрещеными женщинами ²⁾. Нѣкоторые русскіе въ восточныхъ провинціяхъ Московскаго Государства, живя въ наймахъ у татаръ, соблазнялись увѣщаніями ихъ хозяевъ и принимали татарскую вѣру ³⁾. Коль скоро нѣтъ внутренняго благочестія, наружное соблюдается только до тѣхъ поръ, пока дѣйствующія извнѣ обстоятельства поддерживаютъ привычку; въ противномъ случаѣ и самые обряды не тверды, и человекъ гораздо легче ихъ нарушаетъ, нежели какъ кажется, судя по той важности, какую онъ придаетъ имъ. Сообщники Стеньки Разина ѣли въ постъ мясо, безчинствовали во время богослуженія, кощунствовали надъ святынею и убили архипастыря, несмотря на его священный санъ; а при Михаилѣ Ѳедоровичѣ Иванъ Хворостининъ, какъ только познакомился съ литературными трудами Запада, тотчасъ началъ вести такую жизнь, что навлекъ на себя укоръ патриарха въ томъ, что противъ Свѣтлаго Воскресенія былъ пьянъ, до свѣта за два часа ѣлъ мясную ѣству и пилъ вино ⁴⁾.

Отдѣленные отъ прочихъ народовъ, съ своей особой вѣрой, русскіе составили себѣ дурное понятіе о другихъ христіанскихъ народахъ, а долгое страданіе подъ игомъ нехристіанъ укоренило въ нихъ непріязненность вообще къ иновѣрцамъ. Русскіе считали только однихъ православныхъ въ цѣломъ мірѣ христіанами и въ отношеніи вѣры смотрѣли съ презрѣніемъ на всѣхъ иноземцевъ ⁵⁾, хотя они мало-по-малу сближались съ ними, принимали начала ихъ жизни въ свою жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуя, что они многому должны отъ нихъ учиться, вознаграждали это непріятное сознаніе національнымъ высокомеріемъ. Греція передала намъ къ мусульманамъ свою антипатію, которая еще болѣе усилилась на русской почвѣ, соединившись съ воспоминаніями татарскаго ига. Всѣ западные христіане являлись въ понятіи русскаго подъ именемъ нѣмцевъ; ихъ признавали некрещеными ⁶⁾. По понятію строгаго благочестія не только дружба съ нѣмцами, но самое прикосновеніе къ нимъ оскверняло православнаго. На этомъ основаніи, когда великіе князья и цари принимали пословъ и допускали ихъ къ рукѣ, то обмывали руку, чтобъ стереть съ нея оскверняющее прикосновеніе еретика ⁷⁾. Духовные постоянно остерегали православныхъ отъ кумовства и братства съ латинами и армянами ⁸⁾ и побуждали правительство къ мѣрамъ, преграждавшимъ сближеніе съ иностранцами. Въ 1620 году духо-

¹⁾ А. И., I, 287. Доп., I, 27—30.

²⁾ С. Г. Гр., III, 245.

³⁾ А. А. Э., I, 436—438.

⁴⁾ С. Г. Гр., III, 331.

⁵⁾ Olear., 189.

⁶⁾ Доп., III, 250.

⁷⁾ Herberst., 83.

⁸⁾ А. А. Э., I, 463.

венство просило не допускать вѣмцевъ покупать дворы и держать у себя русскихъ людей, потому что отъ этихъ вѣмцевъ бываетъ православнымъ оскверненіе ¹⁾). Такъ патріархъ Никонъ, человекъ, возвысившійся по образованію надъ своимъ вѣкомъ, выпросилъ у царя изгнаніе изъ Бѣлаго-города въ Москвѣ купцовъ иностранной вѣры ²⁾). Въ особенности сильна была въ XVI и XVII вѣкѣ ненависть къ католицизму. Католическая вѣра называлась не иначе, какъ еретическая, проклятая ³⁾, и католики считались погибшими для царствія Божія людьми ⁴⁾). Послѣ Смутной эпохи ненависть эта усилилась. Русскіе хотя и считали нехристями протестантовъ, но терпѣли ихъ въ своемъ отечествѣ, а на католиковъ не могли ни смотрѣть, ни слышать о нихъ, имъ не позволялось жить въ предѣлахъ Московскаго Государства ⁵⁾). Эту ненависть поддерживали еще поступки католиковъ въ Западной Руси и событія въ Малороссіи, въ которыя втянулась Московія. Русскіе видѣли въ нихъ прямыхъ враговъ своей вѣры, покушающихся ее истребить. Когда царь Алексѣй Михайловичъ завоевалъ Вильну, то почиталъ себя въ правѣ выгонять всѣхъ униатовъ, и требовалъ, чтобъ тѣ, которые захотятъ остаться въ городѣ, возвратились къ православію ⁶⁾; а когда завоеванъ былъ Могилевъ, то запретили католикамъ и евреямъ быть въ немъ чиновниками ⁷⁾). Народъ ненавидѣлъ также наравнѣ съ католиками и жидовъ ⁸⁾). ни одному жиду не позволено было жить въ Петербургѣ; а духовные и благочестивые люди остерегали народъ не принимать отъ евреевъ, занимавшихся медициною, лекарствъ.

Съ непріязнью къ иноземцамъ соединялось и отвращеніе ко всему, что составляло для русскихъ достояніе чужеземщины. Такимъ образомъ, русское благочестіе почитало преступленіемъ учиться наукамъ, искусствамъ или чужеземнымъ языкамъ: на это смотрѣли какъ на колдовство или навожденіе дьявола ⁹⁾). Самые вельможи обращались съ иностранцами холодно и всегда старались показать, что они себя считаютъ выше ихъ ¹⁰⁾). Простой народъ вѣрилъ, что все, что не русское, пропитано дьявольскою силою, и когда иностранцы ѣхали при посольствѣ въ Москвѣ, то мужики, увидя ихъ, крестились и спѣшили заператься въ свои избы, «какъ будто бы,—говорить одинъ англичанинъ,—мы были зловѣщія птицы или какія-нибудь пугалы» ¹¹⁾; только смѣльчаки выходили смотрѣть на иноземцевъ, какъ на рѣдкое произведеніе природы ¹²⁾).

Правительство хотя поддавалось постоянно невыгодному взгляду на иноземщину,—взгляду, который поддерживало духовенство, но въ то же время пользо-

¹⁾ А. И., III, 115.

²⁾ Библ. для Чтен., XV, отд. III, стр. 101.

³⁾ Дѣло Башкина. А. А. Э., I.—С. Г. Гр., III, 19.

⁴⁾ Контор., III.

⁵⁾ Olear., 317.

⁶⁾ А. И., IV, 261.

⁷⁾ А. И., IV, 227.

⁸⁾ Olear., 317.

⁹⁾ Crull., 143.

¹⁰⁾ Olear., 189.

¹¹⁾ Карл., 205.

¹²⁾ Olear., 346.

валось услугами иностранцевъ и привлекало ихъ въ свою страну. Этой системѣ слѣдовали всѣ государи, одинъ за другимъ. Иоаннъ Васильевичъ Грозный былъ расположенъ къ иностранцамъ, считалъ ихъ открыто выше и лучше своего народа, производилъ себя отъ нѣмецкой крови ¹⁾ и оправдывалъ передъ ними свои злодѣйства тѣмъ, что, по его выраженію, царствовалъ не надъ людьми, а надъ звѣрьми ²⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ, несмотря на его правовѣріе, большая часть военныхъ начальниковъ была изъ иностранцевъ, и наконецъ при дворѣ начали входить иноземные обычаи. Остановливая ненависть народа, правительство неоднократно издавало указы, чтобъ народъ не бранилъ нѣмцевъ и вообще всякихъ иностранцевъ, въ томъ числѣ и малороссіянъ, поносными словами ³⁾; а въ отношеніи нехристіанскихъ народовъ, входившихъ въ систему Русскаго государства, удерживало фанатизмъ прозелитизма, запрещая инородцевъ крестить насильно ⁴⁾ и покупать мальчиковъ для крещенія. Время показывало, что и въ народѣ вообще неприязнь къ иноземцамъ не такъ была крѣпка, какъ чрезвычайна. Собственно въ русскомъ народѣ не существовало національной неприязни къ иностранцамъ: она была только религіозная, какъ къ иновѣрцамъ, и потому иностранецъ, принявшій русскую вѣру, пользовался всегда особеннымъ расположеніемъ ⁵⁾. Множество плѣнниковъ входило въ число домашнихъ слугъ ⁶⁾. Такимъ образомъ разныя народности на Руси смѣшивались съ русскою народностью, вливая въ нее чуждые элементы. Въ числѣ служилыхъ людей повсемѣстно были нѣмцы, поляки, литовцы. Сначала сближала съ иностранцами торговля: въ Архангельскѣ, главномъ торговомъ пунктѣ, браки между иностранцами и русскими женщинами сдѣлались уже не рѣдкимъ исключеніемъ ⁷⁾. Какъ ни казалась велика неприязнь ко всему польскому, въ Смутное время едва только объявлено было о воцареніи Владислава, многіе великорусскіе дворяне начали въ письмахъ своихъ и официальныхъ бумагахъ писать полурусскимъ языкомъ, сбливаясь на ладъ западнорусской рѣчи ⁸⁾.

¹⁾ Флетч., 15.

²⁾ Das Gr. Reich. v. Mosc., 152—153.

³⁾ С. Г. Гр., IV, 469.

⁴⁾ А. И., IV, 109.

⁵⁾ Herberst., 31.

⁶⁾ А., отн. до ю. б., I, 556.

⁷⁾ Доп., V, 285.

⁸⁾ А. И., II, 357.

СТАРИННЫЕ ЗЕМСКІЕ СОБОРЫ.

I.

Въ древности, когда народъ не сплотился еще въ политическія общества, каждое поселеніе управлялось сходомъ хозяевъ жилищъ и выбранными отъ нихъ, изъ ихъ же среды лицами. Такой порядокъ былъ общимъ всѣмъ народамъ, стоявшимъ на первобытныхъ ступеняхъ гражданственности. И у насъ было то же. «Живяше кождо съ родомъ своимъ», выразился древній лѣтописецъ о бытѣ нашихъ предковъ въ отдаленныя невѣдомыя времена. Наша историческая жизнь въ послѣдовательномъ повѣствованіи источниковъ является со времени возникновенія единого княжескаго рода и съ усвоенія за нимъ права имѣть своихъ членовъ правящими лицами у всѣхъ народцевъ, составлявшихъ славяно-русское племя. Русь въ это время дѣлится на земли, и въ каждой землѣ долженъ быть князь, какъ правитель, судья и предводитель военныхъ силъ по признанію въ такомъ достоинствѣ всю землю, которая по отношенію къ нему, какъ къ властвующей силѣ, называлась его «волостью». Главнымъ пунктомъ въ землѣ былъ городъ, укрѣпленное поселеніе, гдѣ пребывалъ князь и гдѣ обыкновенно сходились на совѣтъ съ нимъ объ общихъ дѣлахъ жители земли; совѣтъ этотъ назывался вѣчемъ. Но земли, въ свою очередь, дѣлились на болѣе мелкія земли, и въ такихъ мелкихъ земляхъ возникали города, называемые по отношенію къ главному городу пригородами; они вмѣстѣ съ послѣднимъ составляли одну единицу общей земли, а потому и были подчинены главному городу. Однако, при степеніи благопріятныхъ для пригородовъ обстоятельствъ пригороды иногда приобрѣтали самобытность и даже полную независимость и тогда призывали къ себѣ особыхъ князей. Дробились такимъ образомъ земли, дробились и княженія. Въ древней Руси все отличалось неопредѣленностью: не было ни точнаго раздѣленія жителей на сословія, ни законности въ приобрѣтеніи княженія для лицъ княжескаго рода, ни правилъ составленія вѣчей, ни условій состоятельности вѣчевыхъ приговоровъ; во всемъ господствовала личная свобода и все направлялось по степенію событий. Г. Сергіевичъ превосходно изобразилъ этотъ характеръ нашей старинной политической жизни въ своей книгѣ «*Вѣче и князь*», которая, будучи лучшимъ изслѣдованіемъ въ нашей наукѣ, должна надолго остаться настольною книгою для всякаго желающаго уразумѣть нашу древнюю жизнь, хотя едва ли можно согласиться съ почтеннымъ авторомъ ея въ томъ, что будто ¹⁾ племенное различіе не имѣло рѣшительнаго вліянія на образование

¹⁾ Мнѣніе г. Сергіевича справедливо только до извѣстной степени. Несмотря на долгое пребываніе народныхъ частей въ одномъ политическомъ единеніи, и теперь еще

волостей. Это утверждает авторъ на томъ основаніи, будто славянскія племена, заселявшія Россію, не отличались рѣзкими особенностями, которыя бы могли надолго обусловить особый для каждого племени ходъ политическаго развитія. При увеличивавшемся дробленіи русско-славянскаго міра издавна, однако, свѣтилось сознание, что Русская Земля есть едина, отлична отъ другихъ, нерусскихъ странъ и всѣ части Русской Земли составляютъ одно общее для всѣхъ отечество. Такая идея еще въ темныя для насъ времена привела къ единству княжескаго рода; эта идея высказалась и въ томъ вниманіи, какое оказывали къ ней лѣтописцы, охватывая въ своихъ повѣствованіяхъ всѣ русскія земли разомъ. Эта идея выразилась и въ поэтической скорби о раздробленіи русскихъ силъ пѣвца Игорева. Но болѣе всего эту идею проводила и поддерживала православная церковь, которая при всѣхъ политическихъ дробленіяхъ пребывала всегда единою для цѣлаго русско-славянскаго міра, какъ въ своемъ іерархическомъ строѣ, такъ и въ единообразіи богослуженія и церковнаго вѣрученія. Древняя дотатарская Русь не додумалась до соединительнаго органа всѣхъ земель своихъ; попытки нѣкоторыхъ князей устроить княжескіе съѣзды остались неудавшимися и притомъ сами по себѣ были недостаточными для цѣли. Удѣльно-вѣчевой строй представлялъ такое броженіе, въ которомъ ощутительными были противорѣчивыя стихіи: изъ него могла выработаться и федерація свободныхъ земель, и строгая монархія, смотря по тому, куда событія повернуть судьбу русско-славянскаго міра. Татарское завоеваніе повернуло его къ тому, что въ ея историческомъ ходѣ явился перевѣсъ къ единовластію.

Справедливо можно усматривать первичныя зачатки единовластія въ Ростовско-суздальской Землѣ уже въ XII вѣкѣ, но они, безъ сомнѣнія, не пустили бы такихъ ростковъ, если бы не явилось на содѣйствіе ихъ развитію иноплеменное завоеваніе. Въ XIV вѣкѣ возникло ясное и опредѣлительное стремленіе къ единовластію надъ всею Русью въ Москвѣ, прямой отрасли Владиміра на Клязьмѣ, взявшей надъ нимъ первенство подобно тому, какъ Владиміръ нѣкогда захватилъ первенство надъ старѣйшими городами своей земли—Суздальемъ и Ростовомъ. Въ Москвѣ развилось это стремленіе, въ Москвѣ окрѣпло оно въ XV вѣкѣ, а въ XVI Москва стала центромъ Московскаго Государства, подчинившаго всѣ русскія области, за исключеніемъ тѣхъ, которыя отошли къ иному, образовавшемуся изъ русскихъ же стихій государству — Великому Княжеству Литовскому. Признаками московскаго владычества было поглощеніе земской областной жизни, уничтоженіе вѣчевого строя, стѣсненіе личной свободы и порабощеніе народныхъ массъ волѣ великаго князя и его намѣстниковъ и волостелей. Здѣсь не мѣсто вспоминать, какъ русскія земли одна за другою подпадали подъ власть Москвы: фактъ былъ для всѣхъ неизбѣжный и необходимый, но вездѣ онъ возбуждалъ горькія жалобы привыкшихъ къ прежнему свободному строю. Дошли до потомства и стenanія ростовцевъ, потерявшихъ свою областную самобытность еще при Иванѣ Давидовичѣ Калитѣ ¹⁾, и стenanія псковичей, ли-

можно замѣтить въ нравахъ, образѣ жизни, вѣрованіяхъ и въ языкѣ народа нѣкоторыхъ губерній и уѣздовъ отбѣны, соответствующія древнему дѣленію на земли и волости.

1) „Увы, увь тогда граду Ростову, паче же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и имѣніе, и честь, и слава, и потягнуша къ Москвѣ... егда видоста во градъ

шившихся своей свободой уже при Василии Ивановичѣ, въ началѣ XVI вѣка ¹⁾. Господство великокняжескихъ намѣстниковъ дѣлалось сносите только тогда, когда присланный изъ Москвы намѣстникъ былъ самъ по себѣ человѣкъ дорогаго нрава, но вообще приходило въ званіи намѣстниковъ больше такихъ, которыхъ управляемые жители находили «лихими». Но мало-по-малу начались дѣлаться шаги къ возвращенію покореннымъ областямъ если далеко не полной былой свободы, то, по крайней мѣрѣ, нѣкотораго участія жителей въ ихъ мѣстномъ управленіи. При великомъ князѣ Василии Ивановичѣ велѣно было въ Новгородѣ выбрать изъ улицы лучшихъ людей сорокъ восемь человѣкъ и къ цѣлованію привести, а по государеву великаго князя Іоанна Васильевича слову «оставили судити съ намѣстники старосту купецкого, а съ тиуны судити цѣловальникомъ по четыре на всякій мѣсяць» ²⁾. Въ малолѣтство Іоанна Васильевича, когда государствомъ управляли бояре, начались подаваться отъ жителей разныхъ областей жалобы на злоупотребленія и насилія намѣстниковъ, и бояре стали давать грамоты, дозволявшія участіе выборныхъ отъ народа лицъ въ судѣ и расправѣ. Такъ, въ управленіе Шуйскаго даны грамоты каргопольцамъ ³⁾ и бѣлозерцамъ ⁴⁾. Сущность этихъ грамотъ, выданныхъ въ 1539 году, состояла въ томъ, что довѣрялось въ волости избрать трехъ или четырехъ лицъ изъ дѣтей боярскихъ, а при нихъ быть старостамъ, десятскимъ и лучшимъ людямъ изъ крестьянъ, человѣкъ по пяти и по шести, и передать имъ судъ и расправу по уголовнымъ дѣламъ. Въ послѣдовавшее затѣмъ управленіе Бѣльскаго возвращено было псковичамъ ихъ старинное право «по всеѣмъ городамъ большимъ и по пригородамъ и по волостямъ лихихъ людей обыскивать самимъ крестьянамъ между собою по крестному цѣлованію и казнить ихъ смертною казнію, не водя къ намѣстникамъ и ихъ тиунамъ». «Намѣстники, сообщаетъ лѣтописецъ, были этимъ очень недовольны, а крестьянамъ была великая радость и облегченіе, и судъ перешелъ въ руки псковскихъ цѣловальниковъ и сотскихъ, которые стали производить судъ въ «судницѣ» (судной избѣ) на княземъ

Ростовъ, тогда возложиста велику нужу на градъ и на вся живущая въ немъ и не мало отъ ростовець москвичемъ имѣнія своя отдаваху съ нужею, а сами противу того раны на тѣлеси своемъ съ укоризною взимающе» (Карамз., IV, прим. 303).

¹⁾ „И начаша намѣстники надъ псковичами силу велику чинити... и отъ ихъ насилства и налоговъ многіе разбѣгаша по чужимъ городомъ, а кои иноземцы жили во Псковѣ и ти розыдохаша во свои земли, ано не мочно во Псковѣ жити, толко одны псковичи остана, ано земля не разступится, а вверхъ не взлетѣтъ“. (И. С. Р. Л., т. IV, стр. 288).

²⁾ Это свѣдѣніе Карамзиннымъ заимствовано изъ извѣстной ему архивной ростовской лѣтописи. Оно сбивчиво: установленіе 48 цѣловальниковъ приписывается великому князю Василию Ивановичу, о введеніи же въ судъ съ намѣстниками старосты купецкаго и съ тиунами цѣловальниковъ говорится, что это совершилось по слову великаго князя Іоанна Васильевича. Изъ этого мы предполагаемъ, что собственно это учрежденіе въ его исполненіи относится къ государствованію сына Василия Ивановича, великаго князя Іоанна Васильевича и, вѣроятно, къ его младенчеству или отрочеству, такъ какъ онъ въ юности принялъ уже титулъ царскій, а не назывался только великимъ княземъ (Карамз. Ист. Госуд. Росс., т. VII, прим. 362).

³⁾ Дополн. къ Акт. Истори., I, стр. 32.

⁴⁾ А. Арх. Эксп., I, стр. 164.

дворѣ, надъ рѣкою Великою» ¹⁾). Въ короткій періодъ управленія Вѣльскаго не только во Псковѣ, но и въ другихъ мѣстностяхъ дано или, правильнѣе сказать, возвращено было жителямъ участіе въ судѣ. Такъ, въ Сольгаличѣ дано обывателямъ право избрать десятскихъ, пятидесятскихъ и сотскихъ и предоставить имъ вмѣстѣ съ городовымъ приказчикомъ (такіе были въ дворцовыхъ волостяхъ, а Сольгаличъ былъ волостью дворцовой) творить судъ и казнить смертью преступниковъ ²⁾). Такое же право дано крестьянамъ сель Прилуцкаго монастыря. То же произошло на сѣверѣ, въ Двинской Землѣ, гдѣ керетчанамъ и ковдянамъ дано право выбирать цѣловальниковъ, которые должны быть на судѣ съ великокняжескими денщиками и слободчиками, посылаемыми въ эти края, а послѣднимъ запрещалось безъ цѣловальниковъ творить судъ и расправу ³⁾).

Есть основаніе думать, что извѣстными намъ актами не ограничивалась тогдашняя дѣятельность правительства, и что эти акты стали намъ извѣстны только потому, что попались въ Сборникъ Археографической Коммиссіи случайно; но въ оное время дано было еще не мало такихъ грамотъ и въ другія мѣста, и при Вѣльскомъ положено основаніе того самоуправленія областного, которое распространилось такъ широко впоследствии подъ вліяніемъ избранныхъ совѣтниковъ, окружившихъ на нѣкоторое время молодого царя Ивана Васильевича. Не даромъ Курбскій, одинъ изъ такихъ совѣтниковъ, съ сочувствіемъ и похвалами отзывался объ этомъ Вѣльскомъ ⁴⁾. Но туго на Руси могли прививаться подобныя начатки свободной жизни, несогласныя съ утвердившимся уже господствомъ произвола власти.

Въ 1547 году пріѣхали въ Москву псковичи жаловаться на намѣстника государева. Московскій государь, уже достигшій тогда совершеннолѣтія, опалился на нихъ, безчестовалъ ихъ, обливалъ горячимъ виномъ, жегъ имъ бороды и волосы на головѣ и приказалъ разложить ихъ нагишомъ на землѣ съ тѣмъ, чтобъ истязать. Къ счастью псковичей, въ это время неожиданно московскій «колоколъ благовѣстникъ отпаде», государь ускакалъ въ Москву по такой вѣсти и «жалобщиковъ не истеря» ⁵⁾. Скоро затѣмъ случился въ Москвѣ страшный пожаръ, а за пожаромъ и страшный народный бунтъ, въ которомъ не оказывалось пощады государевымъ родственникамъ, а затѣмъ произошло многознаменательное по послѣдствіямъ явленіе священника Сильвестра передъ царемъ. Молодой царь впалъ въ ребяческую боязнь и подпалъ подъ вліяніе умныхъ людей, на которыхъ указалъ овладѣвшій совѣстью царя Сильвестръ. Тогда царь приказалъ собрать со всего государства земскихъ людей на соборъ. Явленіе новое и никогда не бывалое. Прежде, какъ мы выше привели, существовали вѣча, собранія народныя по землямъ, но общаго вѣча, такъ сказать, вѣча вѣчъ, не было, и никто даже не подавалъ объ этомъ мысли. На прежнихъ вѣчахъ не было никакого выбора, никакого представительства отъ мѣстностей или сословій, каждый какъ свободный человѣкъ шелъ самъ за себя, и дѣла рѣшались на вѣчѣ не большинствомъ, а общимъ

¹⁾ Пск. первая лѣт. П. С. Р. Лѣт., IV, 305.

²⁾ А. Арх. Эксп., I, 169—170.

³⁾ Ibid., стр. 176.

⁴⁾ Карамзинъ, Ист. Гос. Росс., VIII, прим. 117.

⁵⁾ Пск. первая лѣт. П. Собр. Р. Л., IV, 307.

желаніемъ, выражаемымъ тѣмъ, что кто сильнѣе духовно и матеріально, тотъ и беретъ верхъ. Это было возможно въ каждой изъ земель, да и то инья были до того пространны, что затруднительно было изъ отдаленнаго пригорода идти на вѣче въ главный городъ, и это, между прочими другими побужденіями, содѣйствовало отложеніямъ пригородовъ и образованію отдѣльныхъ земель и княжешій. Теперь, когда Москва подчинила себѣ такія широкія пространства русскихъ земель, немисливо было уже сходиться на общій совѣтъ людямъ за какихъ-нибудь триста или пятьсотъ верстъ. Неизбѣжно вытекало отсюда, что если призывать на совѣтъ Русскаго Государства людей, то надобно въ областяхъ выбирать нѣсколькихъ и отправлять въ столицу въ качествѣ пословъ или представителей своей области. Такъ и возникли земскіе соборы — сходки выборныхъ людей всего Московскаго Государства по призванію верховной власти — явленіе, въ первый разъ возникшее при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и нѣсколько разъ повторявшееся по разнымъ важнымъ случаямъ вплоть до царствованія Петра Великаго, начавшаго преобразовывать весь строй своего государства на западно-европейскій образецъ того времени. Чтò побудило царя Ивана Васильевича вызвать такое явленіе къ жизни? Мы едва ли ошибемся, когда, принимая во вниманіе нравственныя свойства этого государя, скажемъ, что его побудила къ этому трусость, составлявшая отъ юности до старости отличительную черту его характера. Царя Ивана Васильевича перенугалъ народный бунтъ. Онъ трепеталъ отъ страха не только за свою родню, которую москвичи стали истреблять, но и за собственную жизнь. Шелъ вопросъ о томъ, какъ спасти себя и свою царскую власть. Онъ тогда слушался совѣтовъ и совершенно отдался въ руки Сильвестра и людей, на которыхъ послѣдній указалъ ему, какъ на умныхъ и полезныхъ помощниковъ. На это есть указанія источниковъ того времени и собственное признаніе царя Ивана Васильевича въ его письмахъ къ Курбскому. Тутъ-то, вѣроятно, и подали ему совѣтъ обратиться ко всему русскому народу, покаяться передъ всѣмъ міромъ въ своихъ ошибкахъ, въ дурномъ управленіи государствомъ и приступить къ усовершенствованію законодательства гражданскаго и церковнаго. Въ такихъ-то видахъ былъ созванъ въ Москву земскій соборъ изъ выборныхъ людей всего Русскаго Государства. Къ большому сожалѣнію, мы не знаемъ не только подробностей, но и главныхъ чертъ этого перваго земскаго собора. Не дошло до насъ ни царской грамоты о созваніи выборныхъ людей, ни дѣяній соборныхъ. Знаемъ только, что царь, благословившись у митрополита и духовныхъ властей, вышелъ на лобное мѣсто передъ толпу собравшихся изъ городовъ русскихъ выборныхъ людей, проговорилъ предъ ними рѣчь, кажался въ томъ, что до сихъ поръ управление государствомъ велось дурно, просилъ у всѣхъ прощенія, но приписывалъ все бывшее зло боярамъ, правившимъ государствомъ во время его малолѣтства, увѣрялъ, что самъ онъ отъ всего чистъ, кланялся на всѣ стороны, сознавалъ, что уже воротить того, чтò было прежде сдѣлано, нельзя, убѣждалъ до срока оставить всѣмъ свою вражду другъ къ другу и прекратить ссоры и распри, кромѣ важныхъ дѣлъ, и общалъ самъ быть всѣмъ судьею, неправды разорять и похищенное возвращать. Въ заключеніе царь поручилъ Алексѣю Адашеву принимать отъ всѣхъ и разсматривать челобитныя и назначилъ изъ бояръ верховныхъ судей ¹⁾). Послѣ этого собора принялись за работу:

¹⁾ Карамз. Ист. Гос. Росс., т. VIII, примѣч. 182, 183, 184.

составленъ былъ новый судебникъ, составлены уставныя грамоты, въ силу которыхъ по всѣмъ городамъ, пригородамъ, волостямъ и погостамъ велѣно выбрать старость и дѣловальниковъ, сотскихъ и пятидесятскихъ: судъ и мѣстное управленіе передавались отъ царскихъ намѣстниковъ и волостелей народу въ лицѣ выбранныхъ послѣднимъ должностныхъ лицъ. Затѣмъ занялись церковною реформою, слѣдствіемъ чего былъ Стоглавъ. Не только церковныя законоположенія обсуждались и утверждались духовенствомъ, самый судебникъ, касавшійся исключительно гражданскихъ или мірскихъ дѣлъ, и уставныя грамоты—все это было представлено на обсужденіе духовенства для разсмотрѣнія: согласно ли оно съ правилами Церкви и съ прежними законами царскихъ прародителей ¹⁾. Царь просилъ духовныхъ, собранныхъ на церковный соборъ, побесѣдовать, посовѣтовать и извѣстить его на счетъ обычаевъ, которые въ послѣднее время «поисшаталися, или что въ самовластіи учинено по своимъ волямъ, или преданія законы нарушены» ²⁾. Духъ новыхъ законодательныхъ преобразованій былъ въ высшей степени консервативенъ и даже, такъ сказать, ретрограденъ: идеалъ правды былъ позади, а не впереди, и не даромъ все отдавалось подъ окончательный контроль Церкви, которая всегда привыкла мыслить такъ, что вообще лучшимъ надобно признавать то, что было старѣе. Если въ новомъ устроеніи является свобода для областной народной жизни, то это потому, что дѣйствительно была у русскаго народа свобода встарину; хотя уже она и не могла воскреснуть въ прежнемъ видѣ, но теперь, однако, она должна была отзываться въ жизни поколѣній не твердыми, какъ показало будущее, чертами. Духовенство не могло не одобрить такихъ измѣненій, когда усматривало, что они дѣлались на томъ основаніи, что такъ было встарину. Такое подчиненіе царя духовенству было только временное, совершившееся подъ вліяніемъ трусости; впоследствии, когда царь Иванъ Васильевичъ удостовѣрился, что власть его тверда, онъ въ письмѣ къ Курбскому указывалъ, что «никакъ не подобаетъ священникомъ царская творити», что каждое царство, обладаемое попами, подвергается разоренію, и ссылался на примѣръ Византійской державы, подчинявшейся духовенству ³⁾. О томъ, кто все это дѣлалъ и кто всѣмъ тогда заправлялъ, мы находимъ достаточное указаніе въ повѣтствованіи Курбскаго ⁴⁾, который сообщаетъ, что Сильвестръ и Адашевъ «собрали къ царю мужей разумныхъ и совершенныхъ, стариковъ, украшенныхъ благочестіемъ и страхомъ божіимъ, а также и такихъ, которые были еще не стары, но искусны въ военныхъ и земскихъ дѣлахъ, и до такой степени усвоилъ ихъ къ нему въ дружбу, что онъ безъ ихъ совѣта ничего не устраивалъ и даже не мыслилъ». Согласно съ этимъ извѣстіемъ самъ царь сознается, что отъ него тогда «отнята была власть, данная отъ прародителей, все дѣлалось такъ, какъ захотятъ бояре, которые утвердились между собою дружбою и даже у царя ничего не спрашивали, какъ бы его вовсе не было» ⁵⁾. Такимъ образомъ, слѣдствіемъ перваго земскаго собора было ограниченіе царской воли и отдача власти въ руки кружка бояръ, указанныхъ царю Адашевымъ и Сильвестромъ. Имѣлъ ли бывшій соборъ прямое вліяніе на такое явленіе—мы

¹⁾ Стогл., стр. 39.

²⁾ Ibid., стр. 40.

³⁾ Сказ. кн. Курбск., II, стр. 33—39.

⁴⁾ Ibid., I, стр. 11—12.

⁵⁾ Ibid., т. II, стр. 57.

не знаемъ, такъ какъ объ этомъ соборѣ намъ извѣстно только очень немного. Впрочемъ, ограниченіе царской воли было только фактическое, а не легальное, и потому временное, продолжавшееся только до той поры, пока самому царю угодно будетъ находиться въ возложенныхъ на него путяхъ.

Итакъ, первый земскій соборъ, о которомъ мы такъ мало знаемъ, не оставилъ непосредственно отъ себя какихъ-нибудь прочныхъ плодовъ, потому что законодательныя преобразованія хотя и явились тотчасъ послѣ него, однако нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобъ они исходили изъ него и не могли бы возникнуть и быть приведены въ исполненіе, еслибъ выборныхъ на земскій соборъ не было вовсе присылаемо въ Москву. Замѣчательно, что этотъ соборъ происходилъ на площади, по крайней мѣрѣ, тамъ говорилъ съ нимъ царь, тогда какъ о многихъ другихъ земскихъ соборахъ, бывшихъ въ Московскомъ Государствѣ, намъ извѣстно, что они отправлялись въ царскихъ палатахъ. Никакихъ законоположеній о созывѣ выборныхъ для земскаго собора не начертывалось ни тогда, ни послѣ; важнымъ почитали тогда не форму земскаго собора, не способъ, какимъ онъ отправлялся, а только главную цѣль, для которой онъ собирался; цѣль эта была потребность верховной власти говорить съ народомъ, объявить ему свою волю, узнать отъ него общій взглядъ Земли на какое-нибудь важное событіе. Достигалась ли эта цѣль созваніемъ собора или какимъ-либо инымъ путемъ—все равно, лишь бы цѣль была достигнута. Отъ этого цари по надобности созывали соборы неполные, то-есть изъ нѣкоторыхъ только сословій или мѣстностей, причастныхъ къ вопросамъ, о которыхъ будетъ идти рѣчь, или даже безъ призыва выборныхъ обращались къ массамъ сословій и жителей. Въ 1565 г. тому же царю Ивану Васильевичу оказалась надобность говорить съ народомъ. Было это по поводу опричнины. Хотѣлось царю Ивану Васильевичу заручиться народнымъ согласіемъ на совершеніе казней, которыя онъ задумывалъ надъ тѣми, которыхъ не любилъ, или, по крайней мѣрѣ, народнымъ равнодушіемъ къ такимъ казнямъ. Царь прибѣгнулъ къ такой выходкѣ. Онъ уѣхалъ въ Александровскую слободу и оттуда послалъ сказать митрополиту, что отходитъ вонъ изъ царства, и отправилъ къ нему списокъ измѣнамъ бояръ, воеводъ и приказныхъ людей, обвинялъ ихъ, что захватили царскія земли и пораздавали своей роднѣ, что они не хотятъ оборонять государство отъ иноземныхъ непріятелей, удаляются отъ службы и творятъ насилія крестьянамъ; жаловался и на то, что духовные заступаются за виновныхъ, когда царь замыслилъ кого-нибудь изъ нихъ подвергнуть суду и расправѣ. Царь извѣщалъ, что по этой причинѣ онъ удаляется отъ престола и намѣренъ поселиться тамъ, гдѣ ему Богъ извѣститъ. вмѣстѣ съ тѣмъ отправлена была грамота къ купцамъ и московскимъ посадскимъ людямъ; грамоту эту велѣно было прочесть дьякамъ; въ ней говорилось, чтобъ жители Москвы не держали никакого сомнѣнія, что на нихъ нѣтъ царскаго гнѣва и царской опалы. Царь образовывалъ между своими подданными въ Москвѣ какъ бы два враждебные одинъ другому стана: въ одномъ—бояре и служилые, въ другомъ—торговые и черные люди. Но общее недоразумѣніе соединило тѣхъ и другихъ вмѣстѣ, хотя, быть можетъ, по разнымъ побужденіямъ. Отправилась къ царю депутація съ челобитною отъ всѣхъ: править какъ ему угодно и казнить измѣнниковъ¹⁾. Царь послѣ того учредилъ опричнину и воз-

¹⁾ См. Александроневск. лѣтоп. Русск. Истор. библиот., III, стр. 247—255.

вратился въ Москву: оба чина, и служилый, и не служилый (beide Stände) явились къ нему, и потомъ всѣ чины государства изъявили ему благодарность за его заботливость (von allen Ständen für solche vorwilligte Sorgfältigkeit Dank gesagt) ¹⁾. Это, конечно, не былъ земскій соборъ въ его формѣ, но цѣль, въ глазахъ верховной власти была достигнута та же, для которой долженъ былъ, повидимому, созываться земскій соборъ: царь объяснился съ народомъ и услышалъ отъ него мнѣніе. Полнаго собора царь, какъ видно, созывать не рѣшался, но тутъ было заявлено мнѣніе и духовныхъ, и служилыхъ, и неслужилыхъ, правда, только московскихъ и тѣхъ, которые случайно находились въ Москвѣ. Но и въ другихъ соборахъ не отовсюду непременно вызывали выборныхъ людей.

Но черезъ годъ, въ іюль 1566 года, тѣмъ же царемъ былъ созванъ земскій соборъ, уже по формѣ болѣе имѣющей права на это названіе, хотя все-таки неполный. Еще въ 1558 году началась война у царя съ Ливонскимъ Орденомъ. По поводу начатія этой войны разстроилось согласіе въ боярскомъ кружкѣ, овладѣвшемъ царскою волею: одни были за войну, другіе противъ войны. Съ нѣмцами война велась чрезвычайно удачно для Московскаго Государства, но оно втянулось въ войну съ другимъ государствомъ—польско-литовскою Рѣчью-Посполитою, которой отдался въ подданство бывшій гротмейстеръ Ордена, снявшій съ себя рыпарскій санъ. Тогда война пошла съ поперебѣннымъ счастьемъ. Успѣхъ царя Ивана Васильевича былъ великъ: онъ завоевалъ Полоцкъ съ его территоріею, но потомъ князь Радзивилль, военачальникъ силъ литовскихъ, разбилъ при Оршѣ московское войско. Король Сигизмундъ Августъ предложилъ перемиріе. Царю не легко было вести эту войну, такъ какъ она длилась уже восемь лѣтъ и стоила государству большихъ издержекъ. И вотъ царь собралъ земскихъ людей на совѣтъ. Соображая тогдашнія обстоятельства, можно открыть побужденія, руководившія царемъ при созывѣ этого собора. При самомъ начатіи войны онъ слышалъ мнѣнія, не одобрявшія эту войну, и хотя тѣ, которые тогда были противъ войны, служили царю добросовѣстно въ этой же войнѣ, но на искренность ихъ онъ не могъ положиться. По справедливому замѣчанію историка Соловьева ²⁾, царю хотѣлось знать, чтó думаютъ о войнѣ другія сословія, а при раздѣленіи на опричнину и земщину, совершенномъ въ прошломъ передъ тѣмъ году, онъ не могъ узнать этого ни черезъ опричниковъ, стоявшихъ враждебно къ остальному народонаселенію, ни чрезъ опальныхъ земскихъ бояръ, которые бы никакъ не посмѣли сказать ему правды, какъ сами думаютъ. Притомъ отъѣздъ Курбскаго сильно тревожилъ его и онъ безпрестанно боялся, чтобъ и другіе бояре и военачальники не послѣдовали примѣру Курбскаго. Ему хотѣлось поставить на видъ всѣмъ, что война ведется по общему хотѣнію всей Русской Земли.

На созданномъ тогда соборѣ было девять архіереевъ, двадцать два монаха, изъ которыхъ пятнадцать были настоятелями монастырей съ титулами архимандритовъ и игуменовъ; были бояре, околичичи и всѣ думные люди, были дворяне, дѣти боярскіе, гости и купцы изъ Москвы и Смоленска. Духовенство одно услышало лично отъ государя изустно вопросы, предложенные къ обсу-

¹⁾ Taube und Kruse. Ewers, Beiträge zur Kenntniss Russlands und seiner Geschichte, 196.

²⁾ Ист. Россіи, VI, стр. 259.

женію; боярамъ и другимъ членамъ царской думы дали такіе же вопросы—на письмѣ. Главный вопросъ заключался въ томъ: стоять ли противъ недруга короля польскаго или согласиться на предлагаемое примиреніе? Польская сторона уступала царю Полоцкъ и занятіе въ Ливоніи московскими силами мѣста; царь уступалъ съ своей стороны Курляндію и нѣсколько городовъ по сю сторону Двины, но требовалъ уступить ему Ригу. Соглашеніе на томъ не состоялось и польско-литовскіе послы предлагали государю сѣзхаться съ ихъ королемъ на границѣ. Вотъ что слѣдовало обсудить и по всему этому подать мнѣніе.

Духовенство дало въ такомъ смыслѣ коллективный отвѣтъ: велико смиреніе государево, что онъ уступаетъ королю пять городовъ въ Полоцкомъ повѣтъ, да въ Задвинѣхъ земли верстъ на 60 или на 70 въ стороны, да Озерище и волость Усвятскую, а въ Ливонской Землѣ и въ Курляндской за Двиною шестнадцать городовъ, да на сей сторонѣ Двины пятнадцать ливонскихъ городовъ съ уѣздами и со всѣми угодьями, принадлежащими къ этимъ городамъ, и вдобавокъ отпускаетъ взятыхъ въ плѣнъ въ Полоцкѣ Довоину съ товарищами и съ семьями ихъ безъ окупа, своихъ же плѣнныхъ дѣтей боярскихъ выкупаетъ за деньги. Болѣе уже ничего нельзя уступить и за тѣ города, что хочетъ забрать къ себѣ король: Ригу, Кесь (Венденъ), Володимерецъ (Вольмаръ), Ровно (по-латышски Раунасъ-Пильлисъ, по-нѣмецки Раненбургъ) и Куковосъ (Кокенгузенъ) — слѣдуетъ стоять, потому что эти города близко подошли къ Юрьеву (Дерпту) и Пскову. Иначе изъ тѣхъ городовъ будетъ происходить разореніе церквамъ, построеннымъ въ тѣхъ городахъ, что отошли подъ власть великаго государя, да не мало тѣсноты станетъ и Пскову и Новгороду. При этомъ замѣчали, что царь началъ войну по правдѣ, магистра (Фюрстенберга) и епископа (дерптскаго Германа) взяли въ плѣнъ, многіе города царь покорилъ и православіемъ просвѣтилъ. Остальные же, видя свое изнеможеніе, отдались королю. Еслибъ великій государь не наступилъ на Ливонскую Землю, то король не могъ бы ни одного города ливонскаго себѣ взять. Не по правдѣ король беретъ эти города: они—вотчина великаго государя отъ прародителей, начиная съ великаго князя Ярослава Владимировича. У короля съ великимъ государемъ перемирье было, а война началась отъ короля: его люди напали на городъ Тарвасть, уже покоренный царскимъ оружіемъ, и взяли его. Предлагаетъ король Полоцкъ, и земли къ нему даетъ по сей сторонѣ Двины на пятнадцать верстъ и на пять верстъ внизъ, а за Двиною земли не даетъ, чтобъ Двина была рубежемъ. Можно ли городу стоять безъ уѣзда и селъ? И деревня не живетъ безъ полей и угодьевъ. Какъ же городу-то быть безъ уѣзда?

Видно, что духовные говорили такъ, какъ было угодно государю. Бояре и всѣ думные люди сказали отъ себя то же, что и духовные, но въ прибавку къ тому указали, что на сей сторонѣ Двины мѣста, уступаемыя королемъ къ Полоцку, все дурныя по своимъ качествамъ, а лучшія мѣста остались за рѣкою Двиною, и если въ такомъ положеніи принять условія и постановить перемирие, то какъ только пройдетъ перемирный срокъ, Полоцкъ неволею долженъ будетъ сдаться королю; сверхъ того, если оставить ливонскіе города королю, то король пополнитъ въ нихъ свои военныя силы, и тѣ будутъ угрожать не только Юрьеву, но и Пскову. Лучше, коли такъ, не мириться, а биться. Насчетъ сѣзда московскаго государя съ польскимъ королемъ на границѣ всѣ думные люди представляли это волѣ государя, но замѣтили, что литовскіе послы нарочно вы-

думываютъ предлоги, чтобъ имѣть время укрѣпить ливонскіе города, заключить договоръ Литвы съ Польшею и усилиться. Теперь, — соображали они, — у короля съ цесаремъ не согласно, а какъ начнется у ляховъ съ цесаремъ война, тогда ляхи не подадутъ уже помощи литовцамъ. Этого король опасается, а потому и хочетъ скорѣе съ нами замириться. Не пригоже намъ поэтому теперь съ королемъ мириться, а возложимъ надежду на Бога: онъ гордымъ противникъ. Будемъ класть головы свои за великаго государя.

Дворяне и дѣти боярскіе, прибывшіе на соборъ по выбору, дѣлились на двѣ статьи: первой статьи было 97, второй съ дѣтьми боярскими 99. Они представили тѣ же доводы, что и думные люди, и выразились такъ: вѣдаетъ то Богъ и великій государь: его государская воля, а мы, холопи государевы, готовы на государское дѣло. Спрошенные особо торопецкіе и великолущкіе помѣщики (первые въ числѣ трехъ, послѣдніе въ числѣ шести), какъ ближайшіе тогда участники въ войнѣ, сказали то же, что и прежніе и, кромѣ того выразились такъ о земляхъ, należącychъ къ Полоцку, въ такихъ словахъ: За одну десятину земли Полоцкаго и Озеричинскаго повѣтовъ лучше головы положимъ, чѣмъ намъ быть запертыми въ Полоцкѣ!

Дьяки и приказные люди въ числѣ двадцати восьми были такого же мнѣнія, что лучше отважиться на войну, чѣмъ согласиться на перемиріе, предлагаемое королемъ.

Гости, въ числѣ двѣнадцати, московскіе торговые люди въ числѣ тридцати восьми и смольняне въ числѣ двадцати двухъ, изложивши мысль о невозможности мириться на предлагаемыхъ условіяхъ, сказали: мы люди не служилые, службы не знаемъ, вѣдаетъ Богъ да государь, мы же не токмо за свои животы не стоимъ, но и головы свои кладемъ за государя, чтобъ государева рука была вездѣ высока. Смольняне прибавили: и село безъ земли стоитъ покинуть, и черезъ улицу лихой сосѣдъ лихо, а городу безъ земли какъ быть! Только будетъ около Полоцка королевская земля, король около Полоцка городъ поставитъ и дороги отниметъ и Полоцкъ будетъ тѣснить ¹⁾.

Соборъ этотъ былъ не полный, потому что выборныхъ отъ посадовъ и уѣздовъ изъ неслужилыхъ людей, кромѣ Москвы и Смоленска, не было.

II.

Въ 1580 году при томъ же царѣ Иванѣ Васильевичѣ былъ соборъ еще болѣе предыдущаго неполный, такъ какъ на немъ были только духовные и думные люди; и тѣ и другіе всегда на соборахъ участвовали по ихъ сану, а не по выбору. Велась тогда тяжелая для Московскаго Государства война противъ польскаго короля Стефана Баторія. Предложено было на обсужденіе то обстоятельство, что государству угрожаютъ и угры, и поляки, и литовцы, и вѣмцы ливонскіе и свейскіе, и татары крымскіе, и ногайцы, всѣ они «образомъ дивіяго звѣря распыхався, гордостію дмящеса, хотяху истребити православіе»; между тѣмъ во владѣніи епархій и монастырей состоятъ принесенныя нѣкогда въ даръ

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., I, 554.

Богу села и пожни, они «въ пустошъ изнуряются на пьянственные и иные проторы,... а воинственному чину оскудѣніе приходитъ веліе». По этому предложению митрополитъ Антоній и духовныя власти вмѣстѣ съ царскимъ синклитомъ уложили: всѣ недвижимыя имущества, села, пожни и сѣножати, данныя Богу и состоящія въ вѣдѣніи митрополита, архіереевъ и монастырей, не должны исходить изъ-подъ ихъ вѣдѣнія, никакимъ судомъ и тяжбою не могутъ быть отчуждены, и если бы какое-либо имущество стояло за монастыремъ безъ крѣпости, должно за нимъ оставаться, а впередъ не тягаться съ монастырями о вотчинахъ. Затѣмъ на будущее время, начиная съ 15-го января 1580 года, вотчинники не должны по душамъ отдавать своихъ вотчинъ въ монастыри, но могутъ давать деньги по цѣнѣ вотчинъ, самыя же вотчины должны переходить къ наследникамъ, за неимѣніемъ же наследниковъ вотчины эти будутъ отбираемы на государя, а монастырямъ будетъ выплачиваемо изъ государственной казны. Затѣмъ архіереямъ и монастырямъ вотчинъ не покупать, и въ залого не брать, а что послѣ этого уложенія будетъ поступать къ нимъ покупкою или залогомъ, то отбирать безденежно; все же, состоящее въ залогѣ у архіереевъ и монастырей въ настоящее время, слѣдуетъ отобрать на великаго государя, а въ деньгахъ вѣдаетъ Богъ и государь, какъ пожалуетъ своихъ богомольцевъ. Впередъ вообще владыкамъ и монастырямъ не прибавлять своихъ земель, а довольствоваться тѣми землями, которыя теперь у нихъ остались, бѣдные же монастыри пусть бьютъ челомъ великому государю и государь, по совѣту съ освященнымъ соборомъ и съ боярами, приговорить какъ устроить тѣ монастыри ¹⁾.

По смерти царя Ивана Васильевича, очень скоро послѣ вступленія на престолъ его преемника или, быть можетъ, въ самое время этого вступленія, былъ въ Москвѣ земскій соборъ, который по недостаточности остается еще какъ бы загадкою. Въ ночь, послѣдовавшую за днемъ смерти царя Ивана Васильевича, по извѣстію русскихъ источниковъ, въ царскомъ дворцѣ происходили между боярами какія-то смуты. Нагіе, родственники послѣдней изъ женъ царя Ивана Васильевича, были взяты подъ стражу и разсланы по городамъ, а ихъ имущества были отписаны на государя. Потомъ отправлена была въ Угличъ сама царица Марія съ малолѣтнимъ сыномъ Димитріемъ. По объясненіямъ, сообщаемымъ иностранцами Горсеемъ и Петреемъ, въ пользу Димитрія былъ тогда изъ бояръ Богданъ Бѣльскій, которому царь Иванъ поручилъ въ опеку Димитрія; подобравши на свою сторону людей, Бѣльскій заперся въ Кремлѣ и хотѣлъ овладѣть правленіемъ, но бояре, поднявши толпу народа, пошли на него съ пушками и провозгласили царемъ Феодора Ивановича ²⁾. И въ русскихъ источникахъ есть намеки на эту смуту, но чрезвычайно разнорѣчивые, неясные и сбивчивые ³⁾, сходящіеся только въ томъ, что въ концѣ концовъ Богданъ Бѣльскій былъ отправленъ именемъ царя Феодора Ивановича въ Нижній-Новгородъ. Такъ какъ несомнѣнно извѣстно, что Богданъ Бѣльскій былъ отъ покойнаго государя назначенъ опекуномъ Димитрію, а ссылка Богдана совпадаетъ съ отправкою самого Димитрія съ матерью въ Угличъ, то кажется вѣроятнымъ, что смута, происхо-

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., I, 584—585.

²⁾ Сказ. иностр. о Росс., т. I, стр. 148.

³⁾ Ник. лѣт., VIII, стр. 6.—Арцыбаш. Повѣств. о Россіи, т. III, стр. 2.

дившая въ то время, имѣла тотъ смыслъ, что Богданъ Вѣльскій пытался объявить государемъ Дмитрія.

По извѣстію англичанина Горсея, 4-го мая собрался земскій соборъ, состоявшій изъ духовныхъ, бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ и вообще служилыхъ, составлявшихъ въ государствѣ какъ бы высшій классъ народа (and all the nobility whatsoever). Этотъ соборъ призналъ царемъ Феодора Ивановича. Съ этимъ извѣстіемъ иностраннаго источника совпадаетъ, по смыслу, русское извѣстіе о томъ, что «придоша къ Москвѣ изъ всѣхъ городовъ Московскаго Государства и молиша со слезами царя Феодора Ивановича, чтобъ, не мѣшкая, сѣлъ на Московское Государство и вѣнчался царскимъ вѣнцомъ» ¹⁾. Справедливо замѣтилъ Соловьевъ, что, вѣроятно, въ царской думѣ возникъ вопросъ: кому изъ двухъ оставшихся сыновей умершаго царя передать престолъ, и тогда созвали земскій соборъ рѣшить, кто будетъ государемъ ²⁾. Вопросъ былъ, дѣйствительно, запутанъ и рѣшить его могла только воля всей Земли. Изъ этихъ двухъ сыновей Ивана Васильевича оба не обладали тогда качествами, пригодными къ принятію на себя верховной власти: одинъ былъ малолѣтокъ, другой слабоумень. Къ большому сожалѣнію, въ современныхъ документахъ не отыскано до сихъ поръ даже упоминовенія объ этомъ соборѣ. Быть можетъ, этотъ соборъ совпадаетъ съ извѣстнымъ намъ по актамъ ³⁾ соборомъ, происходившимъ 1584 года въ іюнѣ, составленнымъ изъ духовенства, бояръ и синклита (подъ послѣднимъ могла разумѣться не только постоянная царская дума, но и привлеченные къ ней выборные дворяне и дѣти боярскіе, тѣмъ болѣе, что вопросъ, разрѣшаемый тогда на соборѣ, ихъ особенно касался) объ уничтоженіи тарханъ, то-есть грамотъ на изытіе нѣкоторыхъ имѣній отъ общихъ всѣмъ другимъ повинностей. Наибольшая часть такихъ имѣній принадлежала архіереямъ и монастырямъ; тарханныя владѣнія не платили никакой царской дани, не несли никакихъ розметовъ; при такой льготѣ вся тягость того, отъ чего тарханныя владѣнія были освобождены, падала на земли, розданныя служилымъ людямъ. Отъ этого крестьяне съ земель, принадлежавшихъ служилымъ, уходили на тарханныя земли и «великая тощета воинскимъ людямъ прииде». Митрополитъ Діонисій со всѣмъ освященнымъ соборомъ, съ боярами и синклитомъ приговорили тогда: всѣ тарханы отставить и платить всякія царскія подати и земскіе розметы тарханамъ, какъ духовныхъ лицъ, такъ и боярскихъ и княжескихъ владѣній, а всякимъ людямъ изъ тархановъ, которые стануть торговать, платить таксу государеву. Это постановлялось въ тѣхъ видахъ, «чтобъ не было оскудѣнія воинству и убытку царской казнѣ». Тотъ же соборъ подтвердилъ приговоръ собора, бывшаго въ 1580 году при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, о вотчинахъ архіерейскихъ и монастырскихъ ⁴⁾.

Смерть царя Феодора Ивановича прекращала царственную линію. Предстоялъ вопросъ: кто теперь будетъ царемъ и откроетъ собою дорогу новому царскому роду въ Русскомъ Государствѣ. Рѣшить его могла только сама Русская Земля. Главное лицо въ государствѣ, оставшееся послѣ кончины царя и послѣ отхода

¹⁾ Ник. лѣтоп., т. VIII, стр. 5.

²⁾ Ист. Росс., т. VII, стр. 251.

³⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. I, стр. 594—595.

⁴⁾ Собр. госуд. гр., *ibid.*

его вдовы въ монастырь, былъ патріархъ Іовъ. Онъ созвалъ земскій соборъ для выбора новаго государя, но самъ, расположенный къ Борису Годунову, уже на дѣлѣ правившему всею Россіею при покойномъ царѣ, слабоумномъ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, патріархъ думалъ заранѣе устроить выборъ такъ, чтобы престоль достался Годунову. Было даже намѣреніе не созывать выборныхъ людей изъ всѣхъ городовъ Московскаго Государства, а ограничиться спросомъ московскихъ жителей и тѣхъ съ ними пріѣзжихъ изъ городовъ, которые на ту пору случайно очутились въ столицѣ; но самъ Борисъ тогда объявилъ, что не приметъ вѣнца безъ воли людей, выбранныхъ отъ всей Земли Русской. На этотъ соборъ собралось до ста духовныхъ особъ, бояръ, окольныхчихъ и прочихъ думныхъ людей сорокъ пять, стольниковъ сорокъ пять, дьяковъ по приказамъ двадцать семь, стряпчихъ девятнадцать, ключниковъ тринадцать, барашей два, жильцовъ тридцать восемь, дворянъ (по подписямъ включая тѣхъ, которые за другихъ подписывались) сто девятнадцать, головъ стрѣльцкихъ пять, гостей двадцать одинъ, гостиной сотни два, суковной сотни три; изъ жидецкихъ торговыхъ людей тридцать четыре принадлежали Москвѣ, а изъ городовъ только двое изъ новгородскихъ пятинъ и одинъ изъ Ржева. Соборъ былъ не полный и вообще все дѣло заранѣе было рѣшено, такъ что всѣ были настроены въ большинствѣ избрать Годунова. Духовные не смѣли противорѣчить представленіямъ патріарха, которому были подчинены, служилыхъ большинство располагалось въ пользу Годунова надеждами на его щедрость и обѣщаніями. Московскіе торговцы ожидали отъ его царствованія милостей и льготъ. Борисъ, какъ извѣстно, игралъ роль не желающаго принимать царскаго вѣнца, и удалился въ Новодѣвичій монастырь и на всякія просьбы отвѣчалъ отказомъ, пока, наконецъ, патріархъ Іовъ не поднялъ на ноги московскаго народа и не устроилъ крестнаго хода въ монастырь съ цѣлью умолить упрямаго Бориса сдѣлаться государемъ. Есть извѣстіе (хотя передаваемое Татищевымъ, которому нельзя во всемъ вѣрить, однако, тѣмъ не менѣе, принятое историкомъ Соловьевымъ за достовѣрное), что князья Шуйскіе стали-было говорить, что если Борисъ не хочетъ принимать престола, то не надобно его къ этому приневольвать, а слѣдуетъ выбирать кого-нибудь другого ¹⁾ и что тогда именно рѣшился патріархъ устроить крестный ходъ. Наканунѣ того дня, какъ долженъ былъ совершиться этотъ крестный ходъ, патріархъ Іовъ, показывая видъ недовольства упрямствомъ Бориса, говорилъ, что если на этотъ разъ не упростишь они его принять престоль, то онъ, патріархъ, и съ нимъ всѣ русскіе архіереи снимутъ съ себя свои святительскія облаченія, за ослушаніе Бориса не будетъ въ Москвѣ отправляться литургіи и тогда взыщетъ Богъ на Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ. Это было средство, съ одной стороны, понудить Годунова поступить по желанію избравшихъ его, а съ другой возбудить народъ поступать такъ, какъ хотѣлось патріарху. Для русскаго человѣка того времени страшнымъ дѣломъ было прекращеніе богослуженія и можно было на все уговорить его, лишь бы избѣжать ему такой бѣды. Собственно просить Бориса должны были только выборные люди, собравшіеся избирать государя, но при ничтожномъ числѣ въ числѣ выборныхъ неслужилыхъ для городовъ ихъ мѣсто пополняла московская чернь, увлеченная въ крестный ходъ. Современники, описывая, какъ народъ во дворѣ Новодѣвичьяго монастыря умолялъ Бориса принять русскій вѣнецъ, со-

¹⁾ Сол. Ист. Росс., т. VIII, примѣч. 12.

общаютъ, что сторонники Бориса сгоняли туда московскихъ посадскихъ людей и приказывали имъ плакать, вопить и просить Бориса вступить на престолъ, и заранѣе угрожали пенею въ два рубля тому, кто не отправится съ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь; когда же толпа стояла на монастырскомъ дворѣ у келліи, гдѣ сидѣлъ Борисъ и гдѣ его упрасивали духовные сановники и бояре, то изъ оконъ этой келліи подавались знаки, приставы побуждали стоящихъ на дворѣ кланяться и вопить со слезами, а неохотно кланявшихся ободряли пинками; многіе, за недостаткомъ слезъ, натирали себѣ глаза слюною, и хоть не хотѣли, но поневолѣ были по-волчьи, а патріархъ и архіереи, упрасивавшіе въ келліи Бориса, указывали ему на трогательное зрѣлище плачущаго народа ¹⁾. И такое зрѣлище, наконецъ, до того привело Бориса въ умиленіе, что онъ изъявилъ согласіе принять вѣнецъ.

Этотъ земскій соборъ былъ не полонъ и поставленъ былъ въ такое положеніе, что долженъ былъ дѣлать угодное патріарху, но трудно рѣшить: слѣдуетъ ли поэтому назвать его неправильнымъ, такъ какъ ни до того времени ни послѣ не было начертано правилъ для отправленія земскихъ соборовъ и, слѣдовательно, нельзя было опредѣлить законности или незаконности пріемовъ, съ которыми они происходили. При ихъ созываніи была, какъ мы уже выше сказали, одна руководящая мысль—говорить съ Землею, съ народомъ; но если мы видимъ, что призывались одни служилые, а неслужилыхъ не было, или послѣднихъ было мало, то это только показываетъ, что такой неполный созывъ признавался достаточнымъ, чтобы говорить власти съ Землею и слышать голосъ народный.

Были примѣры, что считалось возможнымъ не созывать вовсе выборныхъ, а извѣщать народъ, что извѣстное государственное дѣло свершилось по единодушному желанію народа, хотя никто въ самой Москвѣ изъ народа не показывалъ такого желанія.

Такой случай произошелъ въ Московскомъ Государствѣ скоро.

Царь Борисъ, какъ извѣстно, умеръ скоропостижно, оставивъ престолъ въ крайней опасности. На Московское Государство шелъ претендентъ, угрожавшій отнять власть у династіи Годуновыхъ. Сынъ Бориса Ѳеодоръ объявленъ былъ царемъ, но патріархъ Іовъ, зная, что новая династія еще не укрѣпилась и соображая, что противъ нея ополчается врагъ, который можетъ склонить на свою сторону чувство и совѣсть народа, счелъ полезнымъ издать грамоту, въ которой воцареніе Борисова наслѣдника изображалъ дѣломъ народнаго избранія и извѣщалъ въ ней всѣхъ русскихъ людей, будто «всенародное множество народа Россійскаго царствія» молило со слезами Ѳеодора Борисовича, чтобы онъ принялъ послѣ отца власть, а его мать царицу Марію Григорьевну просило благословить сына на царство ²⁾. Не зная хорошо событій того времени, по этой грамотѣ можно было бы предположить, что тогда съѣзжались выборные люди изъ всѣхъ областей Русской Земли, потому что только такимъ способомъ могъ бы въ Москвѣ услышаться голосъ «всенароднаго множества народа Россійскаго царствія» и молить Ѳеодора Борисовича о привятіи на себя царской власти. Ничего подобнаго не было, и въ то время, когда въ однихъ официальныхъ актахъ старались по-

¹⁾ Врем. Общ. моск. ист. и древн., т. XVI. Иное сказаніе о Самозванцахъ, стр. 8.

²⁾ Акты Арх. Эксп., II, 87.

казать видъ, будто власть принята Федоромъ Борисовичемъ по единодушному моленію всего народа, въ другихъ высказывается недовѣріе къ народу и опасеніе сопротивленій. Такъ, въ окружной граматѣ, посланной отъ имени молодого царя и его матери въ разныя стороны, приказывалось воеводамъ и приказнымъ людямъ беречь накрѣпко, чтобы не оставалось ни единого человѣка, который бы не цѣловалъ креста ¹⁾. Названный Димитрій предъ прибытіемъ своимъ въ Москву извѣщалъ окружную грамотою всю Россію, что его признали и приглашали всѣ сословія на прародительскій престолъ ²⁾. И здѣсь показывалось дѣло такъ, какъ будто былъ тогда созванъ земскій соборъ, но его не было. Впрочемъ, Димитрій сдѣлался царемъ по волѣ народа болѣе, чѣмъ кто иной.

Существовала издавна идея, что въ важныхъ случаяхъ самъ народъ устраиваетъ судьбу свою и земскій соборъ является только одной изъ формъ, въ которой стала выражаться эта идея. Однако, эта форма еще не установилась, не освятилась долговременнымъ обычаемъ и многими примѣрами, не вошла въ государственное законодательство, и та идея, которой выраженіемъ эта форма служила, могла высказываться равносильно и другими способами. При воцареніи названаго Димитрія она такъ и явилась: бояре и думные люди представлялись ему въ Тулѣ и принесли челобитную отъ всего Московскаго Государства ³⁾. Когда послѣ того онъ слѣдовалъ къ Серпухову, по дорогѣ встрѣчали его соборныя толпы народа и привѣтствовали новаго государя. Въ Серпуховѣ въ богато-убранномъ шатрѣ молодой царь угощалъ думныхъ людей, прибывшихъ къ нему снова изъ Москвы встрѣчать его и ударить челомъ. Подъ Москвою въ селѣ Коломенскомъ опять привѣтствовала его огромная толпа: тутъ были и духовные, и мірскіе люди всякаго чина, тутъ были и посадскіе, и уѣздные люди, прибывшіе изъ разныхъ городовъ и селъ. Всѣ люди Московскаго Государства были тогда въ восторгѣ отъ радости, что найденъ законный царь, считавшійся погибшимъ; всѣ несли ему, по обычаю, и дары, и хлѣбъ-соль.

20-го іюля онъ вѣхалъ въ Москву при громадномъ стеченіи ликующаго народа. Не только москвичи, не только прибывшіе изъ близкихъ городовъ и селъ привѣтствовали его, пріѣхало туда не мало изъ далекихъ русскихъ краевъ смотреть на невиданный праздникъ Руси, по случаю чуднаго обрѣтенія царя, о которомъ давно уже служились панихиды. Это было истинное всенародное признаніе, гораздо искреннѣйшее и дѣйствительнѣйшее, чѣмъ то, которое совершилось бы при посредствѣ сѣзда выборныхъ отъ всей Земли Русской. При названомъ Димитріи земскій соборъ не собирався; но по поводу суда надъ Василіемъ Шуйскимъ было какое-то собраніе изъ всѣхъ сословій; къ сожалѣнію, мы не знаемъ, какъ и изъ кого оно составлялось. Названный царь Димитрій, хотя не истинный сынъ царя Ивана Васильевича, но тѣмъ не менѣе талантливѣйшій и симпатичнѣйшій изъ московскихъ государей, погибъ жертвою собственнаго добродушія и легкомысленности. Его низложила и умертвила шайка злоумышленниковъ при содѣйствіи подущенной толпы пьяницъ и отъявленныхъ негодяевъ, нарочно выпущенныхъ изъ тюремъ. Воцареніе Шуйскаго было дѣломъ кружка бояръ и толпы подкупленныхъ сторонниковъ, между тѣмъ хотѣли придать ему видъ законности

¹⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. II, стр. 187.

²⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. II, стр. 200.

³⁾ Костомаровъ. Смутн. время М. Г., I, стр. 207—209. Изд. 1868.

и разослали во всё предѣлы Московскаго Государства грамоту, въ которой увѣряли русскихъ, будто всё духовные сановники, такъ называемый освященный соборъ, всё бояре и думные люди, всё дворяне и дѣти боярскіе, гости, торговые и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства били челомъ князю Василю Шуйскому, чтобъ онъ принялъ престолъ ¹⁾. И теперь дѣлался видъ, какъ будто по поводу этого событія созываемо было всенародное собраніе чиновъ Московскаго Государства, но его отнюдь не было. При низложеніи Шуйскаго Захаръ Ляпуновъ съ Салтыковымъ и Хомутовымъ да съ кружкомъ единомышленныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ за Серпуховскими воротами собрали «всенародное множество», пригласили туда духовныхъ и мірскихъ сановниковъ и дали этому сборищу видъ земской думы московскихъ людей всякихъ чиновъ. Тутъ, послѣ недолгихъ возраженій патріарха Гермогена, хотя не любившаго Шуйскаго, но считавшаго долгомъ поддерживать его, какъ лицо, облеченное верховною властью, это сборище порѣшило бить челомъ Шуйскому, чтобъ онъ оставилъ царство. И здѣсь голосъ этого сборища имѣлъ или хотѣлъ имѣть значеніе земскаго собора; оно хотя имъ никакъ не было, но, какъ мы выше сказали, не все только въ этой послѣдней формѣ могла, по народному воззрѣнію того вѣка, выразиться воля Земли; въ этомъ сборищѣ за Серпуховскими воротами такая воля выразилась даже правильнѣе, чѣмъ при восшествіи Шуйскаго на престолъ. За Шуйскаго никто не хотѣлъ стоять на этомъ сборищѣ, а во все продолженіе четырехлѣтняго царствованія царя Василя Ивановича вся земля Московскаго Государства относилась къ нему такъ, что сборище за Серпуховскими воротами смѣло могло говорить, что Русская Земля не хочетъ, чтобъ онъ оставался долѣе на престолѣ ²⁾.

Признаніе паремъ вмѣсто низложеннаго Василя Шуйскаго королевича Владислава было дѣломъ партіи, состоявшей изъ боярѣ и дворянѣ. Но по приглашенію старѣйшаго изъ боярѣ князя Мстиславскаго они собирались за городомъ и такому сборищу придано было значеніе собранія всей Земли Русской. Вслѣдъ затѣмъ 17 августа 1610 года бояре, князя Мстиславскій, Голицынъ и Мезецкій и двое думныхъ дьяковъ заключили съ польскимъ военачальникомъ Жолкѣвскимъ договоръ, по которому, отъ лица всей Земли: духовныхъ и мірскихъ властей, служилыхъ и неслужилыхъ, жилецкихъ людей всего Московскаго Государства, изъявлялось желаніе имѣть на московскомъ престолѣ польскаго королевича, съ тѣмъ, чтобы онъ принялъ православную вѣру ³⁾. Здѣсь была ложь; но она объяснялась тогда крайнею необходимостью, потому что Москву окружали враги, собравшіеся съ двухъ сторонъ терзать Россію и требовавшіе отъ русскихъ покорности.

III.

Въ годы междуцарствія русскій народъ оставался безъ руководящей верховной власти, долженъ былъ самъ собою выбиваться отъ многихъ постигшихъ

¹⁾ Собр. госуд. гр. и дог., II, 304.

²⁾ Собр. госуд. грам. и догов., I, 607.

³⁾ Собр. госуд. грам. и догов., II, стр. 406.

его напастей и устраивать свою судьбу. Тогда политическая его дѣятельность проявилась въ частныхъ собраніяхъ по городамъ и ихъ уѣздамъ. Народныя сходки составляли постановленія, города сносились съ городами, гонцы бѣгали изъ одного города въ другой съ отписками, толковали повсюду о томъ, какъ спасти православленную вѣру отъ наслія и Русское Государство отъ иноземнаго покоренія, составлялись въ областяхъ ополченія, соединялись съ ополченіемъ другихъ областей и такимъ образомъ поднимались народныя возстанія съ цѣлью изгнать враговъ, застѣвшихъ тогда въ столицѣ. Такъ составилось первое ополченіе, неудавшееся отъ преждевременной гибели Ляпунова. Такъ впоследствии составилось другое ополченіе, нижегородское, избравшее предводителемъ князя Пожарскаго. Находясь еще въ Ярославлѣ на пути къ Москвѣ, руководители возстанія разсылали грамоты въ разные города и приглашали избрать и прислать къ нимъ выборныхъ земскихъ людей, которые бы могли обсудить и рѣшить, что дѣлать далѣе и какъ устроить отечество. Пожарскій, въ виду разнородныхъ мнѣній и попытокъ, не бралъ на себя слишкомъ многого, а просилъ прислать выборныхъ по два человѣка изъ всякаго чина людей и отписать вмѣстѣ съ присланными свой совѣтъ объ избраніи государя ¹⁾. Послѣ освобожденія Москвы была разослана другая грамота о томъ, чтобъ вездѣ по городамъ выбирали лучшихъ и разумныхъ людей для избранія государя на государство Владимірское, Московское, Новгородское, на царство Казанское, Астраханское и Сибирское и на всѣ государства русскія кого Богъ дастъ, чтобъ такое избраніе было отъ Бога, а не отъ человѣка ²⁾. По оставшимся намъ извѣстіямъ онаго времени было два съѣзда выборныхъ людей подъ Москвою: одинъ въ декабрѣ 1612 года, о которомъ мы почти не имѣемъ свѣдѣній ³⁾, второй въ январѣ 1613 года, и тогда открытъ былъ земскій соборъ. Но и здѣсь показалось, что, по тогдашнимъ возрѣніямъ, главное состояло не въ формѣ собора, какъ способа выраженія народной мысли, а въ самой цѣли, для которой соборъ созывался, хотя бы такая цѣль была достигнута и инымъ путемъ. Хотя подъ Москвою были уже выборные люди, съхавшіеся съ цѣлью избранія царя, но сочли нужнымъ еще послать «вѣрныхъ и богобоязненныхъ людей, во всякихъ людяхъ мысли ихъ про государское обиранье провѣдывать» во всѣхъ городахъ и уѣздахъ ⁴⁾ и, кажется, избраніе Романова рѣшили полученные на соборѣ отзывы болѣе, чѣмъ согласіе выборныхъ лицъ, находившихся тогда подъ Москвою въ качествѣ членовъ самаго собора. Изъ этого видно, что хотя русскій народъ по необходимости избралъ присылку выборныхъ лицъ изъ всѣхъ мѣстностей своего жительства способомъ заявленія всеобщей народной воли, но не могъ еще усвоить себѣ такого способа исполнѣ, какъ бы чувствовалъ его недостаточность и возвращался по возможности къ прежнему, давнему способу вѣчевого строя, когда общее мнѣніе всѣхъ выражалось на самомъ дѣлѣ всѣми, а не довѣренными отъ всѣхъ немногими лицами, которыя, по человѣческому естеству, не всегда могли быть вѣрными носителями чужихъ мнѣній. То же народное возрѣніе просвѣчиваетъ въ грамотѣ объ избраніи Михаила, когда разсказывается, что приходили просить на царство Михаила Феодоровича Рома-

¹⁾ Акты Арх. Эксп., II, 256 (346).

²⁾ Собр. госуд. грам. и догов., III, 9.

³⁾ Времен. моск. общ. ист. и др., III, стр. 292.

⁴⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. I, стр. 613.

нова не только выборные люди, прибывшіе отъ земскаго собора, но и все православное христіанство всея Русскія земли съ женами и дѣтьми, тогда «жены сущихъ своихъ младенцевъ на землю пометаху» ¹⁾.

Когда на земскій соборъ привезено было изъ Костромы согласіе избраннаго въ цари Михаила Ѳеодоровича Романова, тогда была составлена утвержденная грамота за благословіемъ владыкъ и за подписомъ духовныхъ и мірскихъ особъ, участвовавшихъ на соборѣ ²⁾. Всѣхъ подписей насчитать можно 262, но сколько именно было тогда участниковъ на этомъ соборѣ—теперь рѣшить невозможно, такъ какъ и въ грамотѣ, созывавшей выборныхъ, не указывалось сколько при-слать ихъ, а предоставлялось всѣмъ выбрать ихъ «сколько пригоже» ³⁾. При томъ же подъ Москвою была тогда вся вооруженная земская сила и никого нельзя было изъять отъ права заявлять гласно свою мысль объ избраніи, да и въ видахъ руководившихъ дѣломъ было, напротивъ, предоставлять русскимъ лю-дямъ какъ можно шире и свободнѣе объ этомъ важномъ вопросѣ высказаться: доказательствомъ тому служить упомянутая посылка по разнымъ городамъ съ цѣлью узнать о всеобщемъ народномъ мнѣніи. Въ самой грамотѣ лица, прила-гавшія тамъ свои подписи, прилагали ихъ не только за себя, но и за своихъ земляковъ, находившихся тогда вмѣстѣ съ ними, а сколько такихъ земляковъ было налицо съ тѣми, которые подписывались—неизвѣстно. Выборные были не отъ сословій, а отъ мѣстностей, отъ городовъ и уѣздовъ, и оттого за нѣкоторые города подписывались мѣстные духовные, хотя духовенство выставило за свое сословіе подписи впереди.

По мнѣнію Бѣляева ⁴⁾, соборъ, избравшій Михаила, оставался при царѣ до конца 1615 или до начала 1616 года. Это мнѣніе основано на томъ, что въ періодъ этого времени были издаваемы грамоты отъ земскаго собора, но мы собственно не знаемъ всѣ ли избравшіе царя оставались членами остававшагося собора или только изъ всѣхъ удержаны немногіе, а также неизвѣстно—не были ли они всѣ распущены тотчасъ, а потомъ вмѣсто нихъ выбирались и присыла-лись иные. Акты онаго времени не даютъ на счетъ этого свѣдѣній, но что зем-скій соборъ въ первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича сильно дѣйстви-тель—это не подлежитъ сомнѣнію. Земскій соборъ занимался устройемъ разо-ренной Русской Земли и охранялъ царское самодержавіе, которое при молодости и неопытности царя совсѣмъ было пошатнулось: бояре, писавшіе условія Василю Ивановичу Шуйскому при его воцареніи и избиравшіе на условіяхъ въ цари Владислава, думали-было и новоизбраннаго царя Михаила Ѳеодоровича опутать выгодными для нихъ ограниченіями самодержавной власти. По извѣстію Кото-шихина ⁵⁾, всѣ цари послѣ царя Ивана Васильевича, вплоть до Алексѣя Михай-

¹⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. I, стр. 627.

²⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. I, стр. 636.

³⁾ Собр. госуд. грам. и догов., I, 612.

⁴⁾ Рѣчь, читанная 12-го января 1867 года на торжественномъ актѣ московскаго университета, стр. 269.

⁵⁾ Какъ прежніе цари, послѣ царя Ивана Васильевича, обирали на царство: и на нихъ были иманы писма, чтобъ имъ быть не жестокимъ и неопалчивымъ, безъ суда и безъ вины никого не казнити ни за что, и мыслити о всякихъ дѣлахъ съ боярыи и съ думными людьми собача, а безъ вѣдомости ихъ тайно и явно никакихъ дѣлъ не дѣ-

ловича, и въ числѣ ихъ Михаилъ Θεодоровичъ давали на себя обязательство не казнить никого безъ суда и безъ вины, совѣтоваться во всѣхъ дѣлахъ съ боярами и безъ вѣдома ихъ ничего ни явно, ни тайно не дѣлать. По извѣстію, записанному въ Псковской лѣтописи, бояре, пользуясь молодостью Михаила Θεодоровича, взяли съ него подъ присягою грамату, которою царь обязывался никого изъ людей знатнаго происхожденія не казнить смертью, а въ случаѣ преступленій отсылать виновныхъ въ заточеніе, но если кому-нибудь изъ нихъ приходилось быть отравленнымъ въ заточеніе, то они за виновнаго ходатайствовали, пока не успѣвали въ своемъ ходатайствѣ ¹⁾. Они высокомерно обращались съ своимъ государемъ, не хотѣли покоряться ему и слушаться его, отнюдь его не боялись, надѣясь на то, что онъ былъ милостивъ къ нимъ, любилъ ихъ и все дѣлалъ по ихъ прошеніямъ. Не даромъ они еще прежде хотѣли себѣ государя взять изъ чужихъ странъ, много разъ просили себѣ на царство изъ Польши, изъ Швеціи, а своего государя Василя задали въ Литву, возлюбили-было литовскаго короля, но отъ него же были разорены и Богъ воздалъ имъ по ихъ же хотѣнію. Къ счастью, премилосердый Господь не изволилъ отдать христіанской вѣры въ разореніе латинамъ и вложилъ православнымъ въ умъ избрать и посадить на царство отъ своихъ единовѣрныхъ христіанъ царя, а окаянный злой совѣтъ (бояръ) отвергли ²⁾.

Лѣтописецъ, знавшій событія своего времени, ясно показываетъ, что въ эпоху избранія на царство Михаила Θεодоровича Романова желанія и виды бояръ и думныхъ людей стояли въ разрѣзъ съ желаніемъ большинства народа и содѣйствіе земскаго собора въ правленіи, въ первые годы царствованія молодого

лати... А блаженныя памяти царь Михайло Θεодоровичъ, хотя самодержцемъ писался, однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлать ничего (Котоших. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Гл. VIII, стр. 100).

¹⁾ Сему благочестивому и праведному царю, смиренія его ради, не безъ мятежа сотвори ему державу врагъ дѣяволь древній, возвыся паки владущихъ на мздоиманіе, наипаче же насиловаху православнымъ, емлюще въ работу силно собѣ... а царя нивотчеже вмѣниша и не боящяся его, понеже дѣтескъ сый. Еще же и лестію уловивше: первіе егда его на царство посадиша, и къ ротѣ приведоша, еже отъ ихъ велможска роду и боярска, аще и вина будетъ преступленію ихъ, не казнити ихъ, но разсылати въ затокы; сиде окаянный умыслиша, а въ затокѣ воему случится быти, и онѣ другъ о другѣ ходатайствуютъ ко царю и увѣщаютъ и на милость паки обратитися (Полн. собр. русск. лѣтон., т. V, стр. 64).

²⁾ Гнушахуся своего государя и гордихуся, не хотяще въ покореніи и въ послушаніи пребывати и не боящяся отнюдь, понеже милостивъ бѣ, и любяше и миловаше ихъ и вся подаваше имъ, яже они прошаху, и своеволни бѣша, якоже и преже рѣхъ; издавна бо похотѣша собѣ государя взяти отъ чуждыхъ странъ, просиша многажды изъ Полши и изъ Свеи, а своего государя царя Василя въ Литву отдаша и литовскаго короля возлюбиха, отъ него же и разорени бѣша, Богъ имъ воздалъ по ихъ желанію. Но и еще премилостивый Владыка Господь не изволи разорити вѣры христіанскія отъ латинъ, и вложи во умъ православнымъ избрати и посадити на царство отъ своихъ единовѣрныхъ христіанъ царя въ Русіи, а ихъ окаянный и злой совѣтъ отвергоша и не восхотѣша; аще бы и попустилъ Богъ по ихъ повелѣнію тако быти, то не бы такъ облада Русскою землею и насилывали христіаномъ, но и сами бы до конца погублени были отъ любимыхъ ими. (Полн. Собр. русск. лѣтон., т. V, стр. 66).

и неопытного государя, было очень полезно, потому что сдерживало боярскія козни. Къ сожалѣнію, мы знаемъ только въ общихъ чертахъ и только по официознымъ памятникамъ о дѣятельности земскаго собора въ тогдашніе смутные годы; мы ничего не знаемъ въ подробностяхъ объ отношеніяхъ и бывшихъ столкновеніяхъ выборныхъ земскихъ лицъ съ боярствомъ, а если опираться на исходившіе тогда акты, то можно заключить, что у выборныхъ съ боярствомъ все обстоило согласно. Земскій соборъ послѣ избранія царя послалъ во всѣ города Московскаго Государства грамоты о томъ, чтобы всѣ принесли присягу ¹⁾, и грамоту къ польскому королю о несоблюденіи имъ данныхъ обѣщаній, объ отказѣ королевичу Владиславу въ московскомъ престолѣ, съ требованіемъ вывести изъ предѣловъ Московскаго Государства польскія войска и отпустить задержанныхъ въ плѣну пословъ ²⁾. Грамоты эти были запечатаны красною печатью казанскаго митрополита и черною печатью земскаго собора, изъ чего видно, что въ это время созданное собраніе земскихъ людей считало себя какъ бы уже правильнымъ государственнымъ учрежденіемъ, съ собственнымъ порядкомъ дѣлопроизводства. Въ 1613 и 1614 годахъ издавались указы о сборѣ денегъ на содержаніе ратныхъ людей не только отъ имени царя, но и «по приговору духовныхъ и мірскихъ всякихъ чиновъ людей» ³⁾. Къ атаману Заруцкому, волновавшему юго-востокъ Россіи вмѣстѣ съ Мариною Мнишекъ, отправлена была увѣщательная грамота отъ собора всѣхъ духовныхъ и земскихъ людей, хотя другая такая же грамота къ тому же Заруцкому послана отъ имени государя ⁴⁾. Въ томъ же 1614 году, въ сентябрѣ, земскій соборъ послалъ такую же увѣщательную грамоту въ Ярославль атаманамъ и козакамъ, убѣждая отстать отъ воровства и идти на службу царю противъ нѣмецкихъ людей къ Тихвину, а если они будутъ упрямиться, то поручалось мѣстной власти, собравши охочихъ боярскихъ людей, монастырскихъ слугъ и даточныхъ съ посадовъ и увѣздовъ, промыслять надъ ворами ⁵⁾.

IV.

Въ теченіе 1615 года не видно грамотъ по приговору земскихъ людей, но тѣмъ не менѣе значительно то, что въ актахъ того года различаются между собою дѣла государскія отъ дѣлъ земскихъ. Такъ въ наказѣ князю Куракину, посланному съ товарищи въ Тулу, говорится, что имъ поручаются дѣла государскія и земскія ⁶⁾. Тоже въ наказѣ, данномъ въ іюлѣ 1615 года князю Пожарскому, отправленному въ Карачевъ и Брянскъ противъ шайки Лисовскаго, сказано, что государь посылаетъ его для своего государскаго и земскаго дѣла ⁷⁾. И въ наказѣ Ѳеодору Шереметеву, посланному во Псковъ для защиты этого города отъ шведовъ, говорится, что онъ посылается «для государева и земскаго

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 14.

²⁾ Ibid., стр. 22—31.

³⁾ Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 70.

⁴⁾ Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 64.

⁵⁾ Собр. госуд. гр. и догов., т. III, стр. 102.

⁶⁾ Ibid., т. III, стр. 125—130.

⁷⁾ Ibid., стр. 131—136.

дѣла»¹⁾. Въ 1616 году въ январѣ послѣдовала царская грамота въ Пермь о томъ, чтобы прислано было въ Москву для государева «и земскаго дѣла на со- вѣтъ пермичь посадскихъ лучшихъ и середнихъ трехъ человѣкъ добрыхъ и раз- умныхъ и постоянныхъ»²⁾. Это было уже вторичное требованіе, въ кото- ромъ сказано было, чтобы они по прежней и по настоящей грамотѣ прислали выборныхъ людей, чтобъ затѣмъ государское и земское дѣло не стало. Этотъ земскій соборъ установилъ налогъ съ посадскихъ, съ ихъ торговъ и промысловъ пятую деньгу, то-есть пятый процентъ, а съ уѣздныхъ, съ поселянъ по 120 рублей съ сохи. Этотъ налогъ опредѣлялся на жалованье ратнымъ людямъ. По расчету, основанному на опредѣленіи такого налога, слѣдовало взять со Строгановыхъ, богатѣйшихъ въ то время гостей и солепромышленниковъ, шестнадцать тысячъ рублей³⁾, и о взыскаініи съ нихъ такой суммы состоялся царскій указъ отъ 20 апрѣля, но въ указѣ отъ 23-го того же мѣсяца⁴⁾ говорится, что по все- мірному приговору съ нихъ, Строгановыхъ, слѣдовало получить сорокъ тысячъ рублей по ихъ вотчинамъ и промысламъ. Изъ этого оказывается, что сначала на соборѣ составили приговоръ въ одномъ смыслѣ, а потомъ обсуждали вопросъ снова и пришли къ другому приговору. Налогъ на Строгановыхъ былъ для нихъ обременителенъ и это сознавалъ самъ царскій указъ, въ которомъ уговаривали Строгановыхъ заплатить эту сумму, хотя бы имъ пришлось разориться, потому что иначе, если не будетъ средствъ содержать ратную силу, то постигнетъ разо- реніе все православное государство и тогда у самихъ Строгановыхъ животовъ и дворовъ не будетъ. Положеніе государства было критическое: шла война разомъ и со шведами, и съ Рѣчью-Посполитою и внутри еще не вполне улеглось бро- женіе; нужны были чрезвычайныя усилія, которыя только и были возможны при единомысліи всей Русской Земли; а чтобъ достичь такого единодушія, необходимы были земскіе соборы.

Въ 1618 году угрожалъ Московскому Государству королевичъ Владиславъ, предъявлявшій свои права на московскій престолъ по избранію, состоявшемуся послѣ низложенія Шуйскаго. Въ августѣ этого года польскій королевичъ распу- стилъ грамоту, въ которой хотѣлъ обольстить московскихъ людей общаніемъ хранить всѣ права и обычаи и прибавить народу новыя права и льготы «по приговору съ боярами и со всею Землею»⁵⁾. Въ противодѣйствіе врагу царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ сентябрѣ того же года созвалъ земскихъ выборныхъ на соборъ и объявилъ «митрополитамъ, архіереямъ и всему освященному собору, боярамъ и прочимъ думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ москов- скимъ, дворянамъ городовымъ, дѣтямъ боярскимъ и всякихъ чиновъ людямъ, что идетъ на Москву королевичъ Владиславъ съ польскими и литовскими людьми и съ нѣмцами, хочеть Москву взять, церкви разорить, вѣру пограть и учинить свою проклятую еретическую латинскую вѣру». Царь, изъявляя намѣреніе защи- щаться противъ врага, убѣждалъ всѣхъ противъ него биться и не поддаваться на непріятельскія прелести. Всѣ общали, и тогда соборъ приговорилъ боярамъ

¹⁾ Ibid., стр. 141—145.

²⁾ Акт. Арх. Эксп., т. III, стр. 111.

³⁾ Акт. Арх. Эксп., т. III, стр. 113—114.

⁴⁾ Ibid., стр. 114—116.

⁵⁾ Собр. госуд. грамотъ и договор., т. III, стр. 168.

(которые поименованы въ приговорѣ) и другимъ думнымъ людямъ заняться обороною столицы, ставши со вѣренными ихъ начальству ратными отрядами по разнымъ частямъ Москвы—на Замоскворѣчѣ, у Чертольскихъ, у Арбатскихъ, у Никитскихъ, у Срѣтенскихъ воротъ и за Яузю: поименовывалось, сколько войска числомъ должно стоять въ каждомъ мѣстѣ и изъ какихъ городовъ служилые будутъ составлять каждый отрядъ. Кромѣ служилыхъ въ войскѣ, назначенномъ для обороны столицы, значились торговые люди гостиной, суконной и черныхъ сотенъ и даточные люди съ пищалями и рогатинами ¹⁾, а по городамъ назначены были бояре съ ратными силами въ Нижній-Новгородъ, во Владиміръ, въ Рязань и въ украинные города на югъ отъ столицы ²⁾ съ правомъ, предоставленнымъ этимъ боярамъ, верстать служилыхъ людей помѣстьями, назначать имъ жалованье, сыскивать и наказывать непослушныхъ и уклоняющихся отъ службы. Кромѣ служилыхъ, опредѣлено было взять на ратную службу даточныхъ съ посадовъ и съ уѣздовъ по десяти человекъ съ сохи и ополчить татаръ, мордву и черемись, чтобы воспрепятствовать шедшимъ на содѣйствіе королевичу черкасамъ перейти рѣку Оку ³⁾.

Послѣ заключенія мира, который, по выраженію царской грамоты, «царь общимъ совѣтомъ пріа» ⁴⁾, созванъ былъ снова земскій соборъ. Въ грамотѣ, посланной по этому поводу въ Новгородъ, заранѣе излагались вопросы, предлагавшіе къ обсужденію на этомъ соборѣ земскихъ людей. Царь, совѣтуясь съ возвратившимся изъ плѣна своимъ родителемъ, возведеннымъ теперь въ санъ патріарха, Филаретомъ Никитичемъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и съ боярами, усмотрѣли, что Московское Государство разорилось во время прошедшихъ войнъ отъ непріятелей и своихъ воровъ и вездѣ возникъ беспорядокъ; подати берутся неправильно, то по писцовымъ, то по дозорнымъ книгамъ, и выходило, что инымъ приходилось тяжело, другимъ легко; дозорщики, отправляемые для осмотра пострадавшихъ отъ разоренія областей, дѣлали свое дѣло неправильно. Изъ замосковныхъ и украинныхъ городовъ посадскіе люди, льгота себѣ, наѣхали въ Москву и жили у своихъ родныхъ и друзей, а назадъ возвращаться не хотятъ, чтобы въ своихъ городахъ имъ податей не платить, иные заложились за монастыри и за бояръ и также не хотятъ платить въ тѣхъ посадахъ и уѣздахъ, куда были приписаны, оставшіеся же на прежнихъ мѣстахъ жалуются на тягость и просятъ о льготахъ, иные молятъ, чтобъ ихъ оборонить отъ сильныхъ людей. Тогда на съѣзжавшемся соборѣ приговорено было въ неразоренные города и уѣзды послать писцовъ, а въ разоренные дозорщиковъ, приведа напередъ тѣхъ и другихъ къ присягѣ. Посланные съ такимъ порученіемъ должны будутъ сыскивать посадскихъ и высылать въ ихъ прежніе города и уѣзды, а разореннымъ мѣстностямъ давать льготы, сообразно степени разоренія; также закладчиковъ отъ владыкъ, монастырей, бояръ и другихъ чиновъ особъ, за которыми они заложились, вернуть въ ихъ прежнія мѣста жительства, а на тѣхъ, за которыми они, самовольно заложась, проживали, доправить всякія подати, слѣдующія съ закладчиковъ за прошлые годы, и, наконецъ, сыскивать просильныхъ людей, на

¹⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. III, стр. 169—177.

²⁾ Собр. гос. грам. и догов., III, 177—184.

³⁾ Ibid., 182.

⁴⁾ Ibid., стр. 184—185.

которых послѣдуютъ жалобы, указъ же о такомъ сыскѣ учинить князьямъ Черкасскимъ и Мезецкому. Наконецъ, поручалось посылаемымъ узнать и выписать: сколько съ какихъ городовъ слѣдуетъ по окладу всякихъ доходовъ денежныхъ и хлѣбныхъ, сколько въ дѣйствительности въ послѣднихъ годахъ было дохода и расхода, и что осталось недобраннаго, что уцѣлѣло отъ бывшаго разоренія, что гдѣ роздано въ помѣстья и вотчины, и сколько затѣмъ доходовъ и расходовъ указано, и что останется за расходами. Число выборныхъ на этомъ соборѣ было заранѣе опредѣлено: изъ духовнаго чина по одному, изъ дворянъ и дѣтей боярскихъ по два, да изъ посадскихъ по два человѣка добрыхъ и разумныхъ, которые бы сумѣли разсказать про всѣ бывшія обиды, насильства и разоренія, и подать бы могли совѣтъ—чѣмъ полниться Московскому Государству, чѣмъ ратныхъ людей пожаловать и какъ устроить Московское Государство, чтобы все въ немъ пришло въ достоинство ¹⁾. Царская грамота о созваніи этого собора прочитывалась вслухъ всѣмъ въ соборной церкви города, куда приходила, потомъ производился выборъ; воеводы брали выборные списки и отправляли выборныхъ людей въ столицу.

Въ 1621 году былъ созванъ опять земскій соборъ ²⁾ по поводу угрожавшей снова войны съ Польшою. Соборъ этотъ открылся 12-го октября въ Золотой большой грановитой палатѣ въ присутствіи царя и патріарха. На этомъ соборѣ были: духовные сановники, владыки, настоятели монастырей и протоіереи, бояре и думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне московскіе, жильцы, дворяне и дѣти боярскіе, выборные изъ городовъ, дьяки и приказные люди, головы, сотники стрѣлцкіе, донскіе атаманы и козаки, и разныхъ городовъ гости, и торговые и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства.

Царь и патріархъ объявили всему собранію, что «отъ польской стороны нарушается постановленное перемиріе, порубежные люди пишутъ своего королевича Владислава московскимъ царемъ, чинятъ задоры въ пограничныхъ мѣстахъ Московскаго Государства, присвоиваютъ государевы земли, строятъ на нихъ свои слободы и остроги, въ Путивльскомъ уѣздѣ дѣлаютъ селитру, въ уѣздахъ Брянскомъ, Луцкомъ и Торопецкомъ грабятъ помѣстья дворянъ и дѣтей боярскихъ, бьютъ ихъ самихъ и сгоняютъ изъ помѣстій. Кромѣ того, полоняниковъ русскихъ всѣхъ оставшихся въ Польшѣ не отпускаютъ и государево имя пишутъ съ украинною; въ прошломъ (1620) году прислали въ Москву посланниковъ и тѣ отзывались о государѣ непригоже: будто царя Ивана Васильевича не слѣдуетъ писать дѣдомъ, а царя Ѳедора Ивановича дядею нынѣшнему государю. Поэтому царь, съ благословенія отца своего патріарха, желаетъ стоять противъ польскаго короля. Турскій султанъ уже десятый годъ ведетъ войну съ поляками и въ апрѣлѣ прислалъ въ Москву грека Кантакузина и двухъ чаушей, съ подарками къ царю: желаетъ онъ быть въ братской любви съ великимъ государемъ и проситъ, чтобы великій государь помогаль ему въ войнѣ противъ поляковъ и свои города отобралъ бы у поляковъ; крымскій царь къ великому государю пишетъ, что польскій король подущалъ его воевать Московское Государство, но онъ воевать не пошелъ, а пошелъ вмѣстѣ съ турками на поляковъ, и онъ, крымскій царь,

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 208—210.—Акт. Арх. Эксп., т. III, стр. 143—145.

²⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 227.

просить, чтобъ Московскаго Государства ратныя силы пошли на поляковъ. Еще и свейскій король присылалъ къ великому государю пословъ не разъ, съ тѣмъ, чтобъ заодно воевать противъ польскаго короля. Великій государь уже посылалъ въ Польшу къ панамъ-радѣ свои грамоты объ исправленіи и грозилъ, что если не исправятся, то пойдетъ войною. Теперь поляки въ тѣснотѣ отъ свейскаго короля, отъ турокъ и татаръ; если намъ смолчать польскому королю, а они отъ тѣсноты избавятся и съ неприятелями своими помирятся, тогда будутъ больше зломыслить на Московское Государство. Съ другой стороны, если намъ теперь съ туркомъ и съ Крымомъ заодно, по ихъ прошенію, не воевать противъ поляковъ, то какъ бы намъ черевъ то не войти въ большую недружбу съ турскимъ салтаномъ и съ крымскимъ царемъ, да еще и со свейскимъ королемъ».

На это заявленіе всѣ участвовавшіе на соборѣ отвѣчали, что надобно стоять противъ враговъ. Духовные обѣщали молить Бога о побѣдѣ и одолѣніи, бояре, думные и служилые люди сказали, что рады биться, не шадя головъ своихъ. Гости и торговые люди изъявили готовность въ помочь государевой казнѣ давать деньги, «какъ кому мочно по ихъ прожиткамъ».

Тутъ дворяне и дѣти боярскіе били челомъ, чтобъ ихъ въ городахъ разобратъ кому лично государеву службу служить, чтобъ изъ нихъ никакой челоувѣкъ «въ избылыхъ не былъ».

На основаніи этого собора указано было послать бояръ, дворянъ и дяковъ въ города: Ярославль, Кострому, Галичъ, Вологду, Нижній, Великіе Луки, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Кашинь, Торонецъ, Брянскъ, Владиміръ, Муромъ, Рязань, Шацкъ, Тулу, Калугу, Бѣлевъ, Мценскъ, Путивль и въ такъ называемые тогда польскіе города: Бѣлгородъ, Осколь, Курскъ, Елецъ, Воронежъ, Казань, Ливны, —разбирать дворянъ и дѣтей боярскихъ въ уѣздахъ тѣхъ городовъ и въ другихъ сопредѣльныхъ уѣздахъ, нарочно для того по разбору служилыхъ, приписанныхъ къ этимъ указаннымъ поименно городамъ¹⁾. Посланные по приговору земскаго собора бояре и дворяне, прибывши въ назначенный каждому городъ, должны были созывать для пересмотра дворянъ и дѣтей боярскихъ изъ мѣстностей, указанныхъ по росписи, но не всѣхъ вдругъ, чтобы лишняго скопа людей въ городѣ не было, потомъ надлежало прибывшихъ пересмотрѣть и произнести къ нимъ рѣчь по данному наказу, въ которой излагалась предыдущая исторія неправдъ съ польской стороны и необходимость снова начать съ поляками войну, если они не исправятся. Послѣ того посланные, сообразно земскому приговору, должны были выбрать изъ тѣхъ же дворянъ и дѣтей боярскихъ окладчиковъ, и привести ихъ къ крестному цѣлованію. Окладчики обязаны были по правдѣ показать за кѣмъ состоятъ какія помѣстья, сколько получается дохода и какова можетъ быть каждому помѣщику служба, сообразно съ своимъ помѣстьемъ, но слѣдовало также разспрашивать и самыхъ помѣщиковъ, о которыхъ будутъ показывать окладчики, и если между окладчиками и окладываемыми помѣщиками возникнетъ споръ, то разспрашивать цѣлымъ городомъ, а если и тогда произойдетъ споръ, то посылать дозировать такія помѣстья дворянъ и дѣтей боярскихъ иныхъ городовъ. Затѣмъ молодыхъ дѣтей дворянъ и дѣтей боярскихъ, годныхъ къ службѣ, верстать помѣстьями и денежнымъ окладомъ по статьямъ, а также и тѣхъ, которые хотя уже отставлены, но еще могутъ нести служебныя обязан-

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 227—233.

ности, обратиться на службу. Нужно было произвести дознание о запустѣвшихъ помѣстьяхъ и вотчинахъ отъ чего онѣ запустѣли: отъ военнаго ли разоренія или отъ собственнаго «воровства» ихъ владѣльцевъ, и сдѣлать тѣмъ и другимъ списки особыми статьями, а у тѣхъ помѣщиковъ, о которыхъ окладчики покажутъ, что они уклоняются отъ службы воровствомъ, отбирать и отписывать на великаго государя помѣстья и вотчины; указано такъ же поступать и съ тѣми, которые бы явились на службу не въ томъ надлежащемъ видѣ, въ какомъ показали о нихъ окладчики. Но самихъ окладчиковъ за неправду, если сыщется, бить кнутомъ. Наконецъ, слѣдовало сыскивать тѣхъ помѣщиковъ, которые покинули свои помѣстья и, не сдавши ихъ другимъ, живутъ въ закладчикахъ или холопахъ ¹⁾.

Ожидаемой войны противъ Польши тогда не послѣдовало, потому что у Московскаго Государства разомъ отнялись союзники, предлагавшіе дѣйствовать заодно противъ поляковъ. Султанъ Османъ, воевавшій съ Польшею, былъ умерщвленъ своими янычарами, а съ шведскимъ королемъ польскій король успѣлъ заключить перемиріе; отвязаться одному Московскому Государству на войну при тогдашней своей слабости, не оправившись еще отъ недавнихъ ранъ, нанесенныхъ ему тѣми же поляками, было невозможно.

Черезъ одиннадцать лѣтъ, однако, въ 1632 году вспыхнула война съ Польшею, гдѣ уже воцарился сынъ короля Сигизмунда III, Владиславъ, нѣкогда избранный московскимъ царемъ. Тогда въ ноябрѣ собранъ былъ земскій соборъ, на которомъ были созваны духовные сановники, бояре и думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне, приказные люди, гости и торговые люди и всякихъ чиновъ люди Московскаго Государства. Вопросъ шелъ о деньгахъ на жалованье ратнымъ людямъ и на содержаніе ихъ во время войны. На торговыхъ людей во всемъ Московскомъ Государствѣ наложена была пятая денга съ ихъ животовъ и промысловъ, какъ дѣлалось прежде, но распространялся ли соотвѣтствующій налогъ на сошныхъ людей, земледѣльцевъ—неизвѣстно. Съ бояръ же, съ думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ и приказныхъ людей въ городахъ положено взять на жалованье ратнымъ людямъ, кто чтѣ дать. По этому приговору всѣ означенныя лица приносили пожертвованія на вспоможеніе ратнымъ людямъ по составленнымъ росписямъ и отдавали назначенному для приема такихъ денегъ князю Пожарскому съ товарищами ²⁾, а для сбора пятой денги съ торговыхъ людей посылали въ города архимандритовъ и игуменовъ и дворянъ добрыхъ, которые получали деньги отъ выборныхъ самими посадскими людьми лицъ. Въ 1634 г. января 29 созванъ былъ опять земскій соборъ, отправлявшійся въ столовой избѣ царскихъ палатъ. Указано быть на этомъ соборѣ духовнымъ сановникамъ, боярамъ и другимъ думнымъ людямъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, гостямъ, торговымъ и всякихъ чиновъ людямъ Московскаго Государства.

Отъ имени царя было объявлено, что за многія неправды была объявлена война польскому королю и послано было царское войско съ бояриномъ Шеинымъ, который многіе города литовскіе повоевалъ и осадилъ Смоленскъ. Но польскій король Владиславъ «накупилъ» крымцевъ и тѣ украинные царскіе города по-

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 235—245.

²⁾ Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 313—314.

воевали, и дворяне, и дѣти боярскіе, у которыхъ помѣстья въ тѣхъ городахъ, услышавши объ этомъ, ушли изъ-подъ Смоленска, оставя Шейна съ небольшимъ числомъ ратныхъ людей. Польскій король пришелъ съ своимъ войскомъ къ Смоленску, чтобъ удержать этотъ городъ за Польшю и Литвою и чтобы, «по умышленію проклятаго папы римскаго, въ Московскомъ Государствѣ истинную нашу православную вѣру христіанскую греческаго закона превратить въ свою еретическую проклятую наежскую вѣру». Вспоминалось затѣмъ разореніе, какое прежде претерпѣла Русская Земля отъ поляковъ и литовцевъ. Извѣщалось, что государь послалъ на выручку войска своего къ Смоленску боярина своего кн. Черкаскаго Дмитрія Мамстроковича съ ратными людьми, но государева казна, собранная прежде на жалованье и на кормъ ратнымъ людямъ, была истрачена и ей «безъ прибыльныхъ казны быть не умѣть». Въ прошломъ году, по приговору властей, бояръ и всѣхъ чиновъ людей выборныхъ Московскаго Государства, посылались въ города архимандриты, лучшіе дворяне и приказные люди собирать пятую деньгу съ животовъ и промысловъ торговыхъ людей. Но въ Москвѣ и въ городахъ гости и торговые люди многіе давали ту пятую деньгу не по соборному уложенію и не по своимъ промысламъ, а неправдою. Въ прежнее же время, когда воцарился государь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ казнѣ денегъ не было, а со всей Земли Московской на ратныхъ людей были поборы, и было тогда собрано денегъ больше, чѣмъ въ послѣднее время, хотя въ то время было скуднѣе, теперь же «Московское Государство въ тишинѣ пополнилось гораздо. И вамъ бы, властямъ духовнымъ и боярамъ, и околичнымъ, и думнымъ людямъ, стольникамъ, дворянамъ, которые на Москвѣ, и которые въ городахъ воеводами, дать денегъ на жалованье ратнымъ людямъ, что съ боярами и воеводами подъ Смоленскомъ, а торговымъ людямъ дать пятую деньгу по животамъ и промысламъ».

Всѣ бывшіе тогда на соборѣ отвѣчали, что готовы дать денегъ; тѣ, которымъ не назначенъ былъ размѣръ взноса, обѣщали сколько можно, торговые люди обязались платить пятую деньгу ¹⁾. Однако и на этотъ разъ сборъ шелъ также не совсемъ охотно, какъ и въ началѣ войны. Въ мартѣ того же года посланъ былъ указъ Печерскаго нижегородскаго монастыря архимандриту: ему поручено было въ Нижнемъ-Новгородѣ собрать запросныя деньги съ духовныхъ властей, монастырей, бояръ, воеводъ, дьяковъ, губныхъ старостъ, городскихъ приказчиковъ и со всѣхъ приказныхъ людей, а съ гостей и торговыхъ людей пятую деньгу по ихъ животамъ и промысламъ. Но архимандритъ прислалъ денегъ скудно и теперь снова указывалось ему прислать своихъ монастырскихъ и келейныхъ денегъ и обложить своихъ монастырскихъ служекъ, смотря по ихъ животамъ и промысламъ ²⁾.

Въ 1637 году былъ созванъ опять земскій соборъ по поводу нападенія на украинные города крымцевъ въ отмщеніе за взятіе донскими козаками Азова. На этомъ соборѣ были духовныя власти, бояре и думные люди, стольники, стряпчіе, дворяне и всякаго чина люди. Приговорили боярамъ, стольникамъ, стряпчимъ, жильцамъ, городovýmъ дворянамъ, дѣтямъ боярскимъ, стрѣльцамъ, козакамъ, всякимъ ратнымъ людямъ идти на службу противъ непріятеля, съ двор-

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 345—347.

²⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. III, стр. 348—349.

цовыхъ сель взять ратныхъ даточныхъ по человѣку съ двадцати дворовъ, а съ земель и вотчинъ митрополитовъ, архіереевъ и большихъ монастырей по человѣку съ десяти дворовъ, съ помѣстій же и вотчинъ бояръ и думныхъ людей, стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, дьяковъ и всякихъ иныхъ чиновъ по человѣку съ двадцати дворовъ, съ среднихъ и меньшихъ монастырей съ десяти дворовъ по четыре лошади; а съ городовъ, посадовъ и съ уѣздовъ съ черныхъ волостей съ десяти дворовъ вмѣсто даточнаго человѣка двадцать рублей, по два рубля съ двора, но разверстывали бы межъ себя такъ, чтобы людямъ бѣднымъ передъ прожиточными людьми тягости не было ¹⁾).

V.

Въ 1642 году созванъ былъ соборъ, о которомъ сохранились полнѣе свѣдѣнія, чѣмъ о другихъ, происходившихъ въ царствованіе Михаила Фёдоровича. Этотъ соборъ былъ созванъ по случаю завоеванія турецкаго города Азова донскими козаками. Шелъ вопросъ: отдавать ли Азовъ туркамъ или удержать его и отважиться на войну съ бусурманами? Царь указалъ быть на соборѣ: «крутицкому митрополиту, владыкамъ и всему освященному собору, боярамъ и всѣмъ думнымъ сановникамъ, стольникамъ, стряпчимъ, дворянамъ, московскимъ жильцамъ, головамъ и сотникамъ стрѣleckимъ, дворянамъ изъ городовъ и дѣтямъ боярскимъ, гостямъ, торговымъ людямъ сотенъ: гостинной, суконной и черныхъ, и всякимъ служилымъ и жилецкимъ людямъ». Указано было выбрать по городамъ «людей разумныхъ и свѣдущихъ изъ всякихъ чиновъ и лучшихъ, и среднихъ, и меньшихъ людей: изъ большихъ статей человѣкъ по 20, и по 15, и по 10, и по 7, а не изъ многихъ людей человѣкъ по 5, и по 6, и по 4, и по 3 и по два». Вѣроятно, подъ большими статьями разумѣлись кручныя собирательныя числа, изъ которыхъ собирали выборныхъ людей на соборъ, и предоставлялась по мѣстностямъ свобода, сколько гдѣ ихъ выбрать. Въ столовой избѣ, куда вошли прибывшіе въ Москву выборные, были уже царскіе бояре и прочіе члены царской думы: тамъ было всѣмъ вслухъ прочтено дѣло о взятіи козаками Азова и сдѣланы были вопросы: разрывать ли миръ съ турками и Крымомъ и принимать ли Азовъ отъ козаковъ? Если разрывать миръ и принимать Азовъ, то нужно будетъ много войска и много денегъ на жалованье ратнымъ людямъ и на хлѣбныя и пушечныя запасы не на одинъ годъ. Гдѣ взять денегъ и запасовъ?

По прочтеніи всего этого, выборнымъ розданы были списки всего прочтеннаго для вѣдома. Такое же писаніе послано къ крутицкому митрополиту, которому поручалось собрать духовенство, чтобы всѣ объявили свою мысль государю на письмѣ.

Въ столовой избѣ тѣхъ, которымъ сдѣлано было объявленіе и розданы списки, было:

- 1) Стольниковъ десять; при нихъ особый дьякъ.
- 2) Дворянъ московскихъ двадцать два, головъ стрѣleckихъ четыре, жильцовъ двѣнадцать. У нихъ у всѣхъ особый дьякъ.

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. III, стр. 419.

3) Дворянъ городовыхъ и дѣтей боярскихъ изъ городовъ: Владиміра—три, Суздаля—три, Юрьева Польскаго—три, Луха—одинъ, Гороховца—одинъ, Переяслава-Залѣскаго—три, Нижняго-Новгорода—два, Муромъ—три, Арзамаса—три, Мещеры—три, Коломны—три, Рязани—восемь, Тулы—три, Коширы—три, Алексина—три, Серпухова—два, Калуги—три, Воротынска—два, Дихвина—два, Серпейска—три, Бѣлева—три, Козельска—три, Мещовска—три, Можайска—два, Звенигорода—одинъ, Ярославца-Малаго—два, Черни—два, Новосіля—три, Рязска—три, Великаго-Новгорода: изъ Деревской пятины—одинъ, изъ Бѣжецкой—одинъ, Ржевы-Володиміровой—два, Зубцова—два, Торопца—два, Смоленска—четыре, Вязмы—три, Ростова—два, Ярославля—три, Костромы—четыре, Галича—четыре, Торжка—два, Старицы—одинъ, Бѣлоозера—два. У нихъ у всѣхъ одинъ особый дьякъ.

4) Гостей—три, торговыхъ людей гостинной сотни—пять, суконной сотни—четыре, черныхъ сотенъ: Дмитровской—два, Новгородской—два, Срѣтенской—два, Заяузской слободы—два, Покровской сотни—два, Кожевничкой полусотни—одинъ, Устюжской полусотни—одинъ, Ордынской сотни—два, Мясницкой полусотни—одинъ, Кузнецкой слободы—одинъ, Голутвинской слободы—одинъ, Екатерининской слободы—одинъ, Алексѣвской слободы—одинъ, Никитской слободы—одинъ.

Января 13 получено отъ крутицкаго митрополита заявленіе духовенства въ такомъ смыслѣ, что предлагаемое дѣло—царскаго синклита, а не духовное, ихъ же духовныхъ лицъ дѣло молить Бога, а «въ подможенье рады они помогать сколько силъ ихъ станеть».

Стольники, спрошенные 8 января, въ поданномъ отъ нихъ письмѣ отвѣчали, что во всемъ воля великаго государя, а ихъ мысль такова, что Азовъ велѣтъ взять и быть въ немъ донскимъ козакамъ, въ прибавку же къ нимъ послать рать изъ воинскихъ вольныхъ людей, а сами они, столтники, на службу идти готовы.

Дворяне московскіе, спрошенные 3 генваря, отвѣчали на поданномъ письмѣ, что оставляется на волю государеву принять Азовъ и послать туда ратныхъ людей, а нынѣ держать бы Азовъ донскимъ атаманамъ, и велѣлъ бы государь помочь имъ людьми и хлѣбными и пушечными запасами, и велѣлъ бы охочихъ прибрать въ украинныхъ городахъ изъ своего государева жалованья, потому что тамошніе люди на Дону бывали, и имъ та служба за обычай, если же охочихъ людей будетъ мало, то велѣлъ бы государь помочь имъ людьми изъ украинныхъ же городовъ, а хлѣбные и пушечные запасы тѣмъ людямъ въ Азовъ будутъ доставляться откуда государь укажетъ.

Изъ дворянъ московскихъ подали особое мнѣніе Никита Беклемишевъ и Тимошей Желябужскій въ такомъ изложеніи: «государю извѣстны неправды турецкаго салтана и крымскаго царя. Крымскій царь всегда великому государю шертъ давалъ и всегда дгалъ: по вся годы воевали татары украинные города, увозили въ Азовъ православныхъ христіанъ и тамъ продавали въ свои бусурманскія орды въ порабощеніе, а крымскій царь за то бралъ пошлины съ девяти десятиаго. Когда король польскій воевалъ подъ Смоленскомъ, крымскій посылалъ своихъ царевичей съ крымскими людьми на войну противъ царской державы въ украинныя мѣста, и оттого украинныхъ городовъ помѣщики разѣхались изъ-подъ Смоленска. За такія неправды не велѣлъ бы государь посылать кавны

своей въ Крымъ, и та его казна пригодится ратнымъ людямъ на жалованье. Азовъ взятъ немногими донскими козаками, и съ той поры, какъ взятъ Азовъ, украинные города стали спокойнѣе отъ татаръ. Въ прошломъ году турскій царь прислалъ подъ Азовъ пашей и крымскаго царя, но ихъ злую мысль Господь разрушилъ: козаки отсидѣлись и бусурманы погибли. И теперь ему великому государю велѣтъ бы принять Азовъ, держать его донскими атаманами и козаками, а въ прибавку козакамъ послать бы охочихъ вольныхъ людей, oprичь крѣпостныхъ и кабалныхъ, и дать имъ денежное и хлѣбное жалованье. А сидѣтъ бы имъ въ Азовѣ подъ атаманскимъ началомъ, городъ поправлять и укрѣплять, пока Богъ Азова отъ турокъ и крымцевъ не защититъ, собирать же имъ деньги на жалованье съ тѣхъ, которые великому государю не служатъ ни въ Москвѣ, ни въ городахъ, да и съ тѣхъ, которые хотя и служатъ, но находятся по воеводствамъ и по приказамъ у корыстныхъ дѣлъ, сколько государь укажетъ, чтобъ неслужилые со служилыми вровнѣ были; сборъ этотъ производить добрымъ лицамъ, выбраннымъ нарочно для того изъ всякихъ чиновъ по два или по три человекъ. Даточныхъ людей указалъ бы великій государь имать съ большихъ монастырей и съ пожалованныхъ людей, за которыми вотчинъ и помѣстій много. А у другихъ не состоящихъ постоянно въ службѣ (не у слугъ) за окладами много лишней земли, да они ѣздятъ по воеводствамъ, и бѣднымъ людямъ съ такими пожалованными людьми не стянутъ. И велѣлъ бы государь разобрать: съ малопомѣстныхъ и безпомѣстныхъ даточныхъ людей, и за даточныхъ денегъ не брать противъ городскихъ дворянъ, потому что городовые послѣ службы живутъ себѣ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ, а московскіе по его государеву указу на Москвѣ живутъ безъ сѣзда и колодниковъ держать и въ посылки ихъ посылають такія, которыя никакой корысти имъ не приносятъ, и Земляной городъ и всякія городовыя дѣла они дѣлають, и деньги платятъ на колодцы, парусы, мосты, рѣшеточныя и посаженныя со дворовъ, а городовые дворяне всего этого не знаютъ. А если угодно будетъ великому государю еще сверхъ того ратнымъ людямъ на жалованье собирать, то указалъ бы выборнымъ людямъ со всѣхъ земель, съ вотчинъ и съ помѣстій собирать поворотню хотя бы по гривнѣ со двора, и тѣхъ денегъ на многіе годы станетъ на жалованье войску и на запасы. Затѣмъ, какъ великій государь укажетъ. Если Азовъ останется за великимъ государемъ, то и нагай большой, и казыевы, и кантемировы улусы, и горскіе черкасы, и темрюкскіе и кженскіе, и бесленѣвскіе, и адинскіе — всѣ будутъ служить великому государю, а только Азовъ будетъ за туркомъ, тогда и послѣдніе нагаи изъ-подъ Астрахани откочують къ Азову».

Головы и сотники стрѣлцкіе во всемъ положились на волю государеву, а сами за себя изъявили готовность служить гдѣ имъ великій государь укажетъ.

Володиміръцы дворяне и дѣти боярскіе сказали: пусть будетъ такъ, какъ укажетъ великій государь и его бояре, они же сами готовы служить, но при этомъ замѣтили, что бѣдность ихъ города извѣстна великому государю и его боярамъ.

17 января дали отвѣтъ дворяне и дѣти боярскіе городовъ Нижняго-Новгорода, Муромъ и Луха: «во всемъ его государева воля, принять или не принять Азова и гдѣ денегъ взять, во всемъ его воля, а бояре вѣчныя ихъ промышленники, и они готовы служить гдѣ укажутъ, сколько мочи станетъ».

Дворяне и дѣти боярскіе городовъ: Суздаля, Юрьева-Польскаго, Перея-

славя-Залѣскаго, Вѣлой, Костромы, Смоленска, Галича, Арзамаса, Великаго Новгорода, Ржевы, Зубцова, Торопца, Ростова, Пошехонья, Новаго-Торга, Гороховца дали такой отвѣтъ: «надобно велѣть принять Азовъ, а если не принять Азова, то съ нимъ вмѣстѣ образъ Іоанна Предтечи достанется бусурманамъ. Не навѣсть бы черезъ то гнѣвъ отъ Бога и отъ святого Іоанна Предтечи и чудотворца Николая на все Русское царство, потому что ихъ помощью по изволенію Божию такой дальній украинный городъ достался благочестивому государю безъ государевой казны, безъ подъема большихъ ратей, такими малыми людьми. Они, великіе свѣтильники, подали милость и заступленіе такимъ малымъ людямъ отсидѣться отъ многихъ нечестивыхъ ордъ и многочисленныхъ людей помощью Бога, который хотѣлъ явить преславныя чудеса благочестивому государю и всей Русской Землѣ. Послать бы къ козакамъ на помощь пѣшихъ ратныхъ людей государевыхъ стрѣльцовъ, да стараго сбора солдатъ, сколько государь укажетъ; пушечнаго запаса у тебя, государь, много, а хлѣбныхъ запасовъ можно для скорого подъема взять изъ украинскихъ зарѣцкихъ (т.-е. за Окою) городовъ, съ живущаго со всѣхъ безъ выбора и изъ государевыхъ дворцовыхъ селъ; а для великаго поспѣшенья взять бы запасовъ съ Троицкаго Сергіева монастыря и съ иныхъ монастырей, сколько государь укажетъ. Людей ратныхъ въ полевые и повольскіе города вели, государь, въ Москвѣ и другихъ городахъ прибрать стрѣльцовъ и солдатъ сколько надобно, на будущее же время хлѣбныхъ запасовъ вели, государь, брать со всей земли безъ выбора и будетъ тѣхъ запасовъ ратнымъ людямъ не на одинъ годъ. Учинилось государю вѣдомо, что турскій визирь идетъ Азовъ осадить: велѣть бы рать строить и людей собирать, какъ бывало при прежнихъ царяхъ, при Иванѣ Васильевичѣ и при Федорѣ Ивановичѣ, и при иныхъ государяхъ, когда они съ боярами сами въ походъ ходили, а съ вотчинъ боярскихъ и съ помѣстій, и монастырей, и отъ властей даточные люди были конные и пѣшіе. И нынѣ, государь, при тебѣ многіе бояре пожалованы многими вотчинами и помѣстьями, и съ нихъ бы ратныхъ конныхъ и пѣшихъ взять для бусурманскаго нашествія; а твои, государь, дьяки и подъячіе пожалованы вотчинами и помѣстьями, и будучи у твоихъ государевыхъ дѣлъ они богачьютъ неправеднымъ мздоимствомъ: купили себѣ вотчины и дома построили, палаты каменные такія неудобосказаемыя, какихъ прежде у великородныхъ людей не было, которымъ бы и достойно было въ такихъ палатахъ жить; съ ихъ бы вотчинъ и помѣстій взять конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей и противъ домовъ ихъ и пожитковъ обложить бы ихъ деньгами на жалованье ратнымъ людямъ, сколько государь укажешь».

«Съ вотчинъ властей и монастырей взять бы даточныхъ конныхъ и пѣшихъ, сколько государь укажешь; да вели, государь, отъ нихъ росписи взять по ихъ святительскому и иноческому обѣщанію, сколько за ними крестьянъ въ вотчинахъ, а за утайку утаенныхъ крестьянъ отбирать бы отъ нихъ на великаго государя. Да и нашей братьи есть такіе, что, не хотя государевой службы отбывать, пишутся по московскому списку и въ иные государевы чины, и будучи въ городахъ у государевыхъ дѣлъ отяжелѣли и обогатѣли большими богатствами, а иные пожалованы вотчинами и помѣстьями большими и черезъ то еще купили себѣ многія вотчины. Съ ихъ помѣстій и вотчинъ взять бы даточныхъ конныхъ и пѣшихъ, и самихъ ихъ съ ихъ пожитковъ обложить бы деньгами на жалованье ратнымъ людямъ. Кромѣ всѣхъ этихъ, дворцовые царскіе всякихъ чи-

новъ люди пожалованы вотчинами и помѣстьями, да имъ же ежегодно идетъ государево денежное жалованье; а они бывають черезъ годъ или черезъ два года на приказахъ (приказчиками) въ дворцовыхъ селахъ и наживаютъ великіе пожитки, полевой же службы не служатъ, а когда бывають въ Москвѣ, то, находясь у царскихъ дѣлъ, не проживають тамъ нажитаго прежде. И съ нихъ, государь, когда не будутъ нести полковой службы, вели взять даточныхъ конныхъ и пѣшихъ, а съ ихъ пожитковъ деньги въ свою государеву казну. Со вдовъ, недорослей и съ отставныхъ нашей брати дворянъ и дѣтей боярскихъ взять бы также даточныхъ людей. Въмѣсто тѣхъ людей, которые посланы будутъ въ Азовъ въ украинные и повольскіе города, вели, государь, набрать стрѣльцовъ и солдатъ, только не изъ нашихъ крѣпостныхъ и старинныхъ людшекъ и крестьянишекъ. Мы готовы работать головами и всею душою. Вели, государь, нашу братью, бѣдную безпомѣстную, взыскать помѣстнымъ и денежнымъ жалованьемъ. Вели, государь, учинить по всей землѣ роспись всеъмъ вотчинамъ и помѣстьямъ, сколько за кѣмъ крестьянъ у всякихъ чиновъ людей, допрашивая ихъ по ихъ крестному цѣлованію. Вели, государь, установить: со сколькихъ крестьянъ служить государеву службу безъ жалованья, а за лишнихъ крестьянъ брать бы деньги на жалованье ратнымъ людямъ. Если же кто при допросѣ утаитъ своихъ крестьянъ, у тѣхъ вели утаенныхъ крестьянъ отбирать безповоротно на себя, великаго государя. Коли нужно еще будетъ денегъ, вели, государь, взять у патриарха и у властей ихъ домовую казну, а съ торговыхъ людей, съ ихъ промысловъ, вели, государь, взять на то же, сколько тебѣ, государю, Богъ извѣститъ. Вели, государь, счесть приказныхъ людей и дьяковъ, и подъячихъ, и таможенныхъ головъ по приходнымъ книгамъ въ Москвѣ и въ городахъ, чтобъ государева казна не потерялась, а пошла бы ратнымъ людямъ на жалованье. Вели ту свою государеву казну собирать своимъ гостямъ и земскимъ людямъ; тѣмъ же, которые нынѣ по городамъ на воеводствахъ и у приказныхъ дѣлъ, вели, государь, быть на твоей государевой службѣ противъ бусурманъ. Вотъ тебѣ, государь, насъ дворянъ и дѣтей боярскихъ разныхъ городовъ наша мысль и сказка. Затѣмъ, какъ тебѣ, государю, Богъ извѣститъ и твоя государева дума одержитъ и твоихъ государевыхъ бояръ».

Дворяне и дѣти боярскіе городовъ: Мещеры, Коломны, Рязани, Тулы, Коширы, Алексина, Калуги, Торусы, Серпухова, Вѣлева, Козельска, Лихвина, Серпейска, Воротынска, Медыни, Ярославца-Малаго, Боровска, Болхова, Мценска, Ряжска, Карачева, дали отвѣтъ въ такомъ же смыслѣ, какъ и предыдущіе, прибавивши, что «если отдать Азовъ бусурманамъ, то ихъ тѣмъ не укротить, а можно еще пуще тою отдачею турокъ на себя подвинуть». Взять запасы для ратныхъ людей, которые будутъ посланы въ Азовъ, совѣтовали они изъ шацкихъ и тамбовскихъ волостей, да изъ комарицкой волости. Они совѣтовали обязать нести службу безъ жалованья всѣхъ тѣхъ, у кого окажется пятьдесятъ крестьянъ, а съ тѣхъ, за кѣмъ крестьянъ болѣе, брать деньги и запасы на ратныхъ людей. «А мы, холопи твои»,—выражались они въ концѣ своей сказки,—«съ людьми своими и со всею своею службишкою на твою государеву службу противъ твоихъ государевыхъ недруговъ готовы, гдѣ ты, государь, укажешь; только разорены мы, холопи твои, пуще турскихъ и крымскихъ бусурманъ московскою волокитою и отъ неправдъ и неправедныхъ судовъ. Вотъ наша, холопей твоихъ, разныхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ мысль и сказка».

Гости и торговые люди сотенъ гостиной и суконной насчетъ Азова и посылки туда ратныхъ и ихъ содержанія сказали, что то дѣло служилыхъ людей, за которыми есть вотчины и помѣстья. «За нами, торговыми людьми, нѣтъ ни вотчинъ, ни помѣстій, а службы мы—замѣчали они—несемъ въ Москвѣ и въ городахъ по вся годы безпрестанно и многіе изъ насъ оскудѣли и обнищали отъ такихъ службъ и отъ платежа пятинныхъ денегъ, которыя давали во время смоленской войны. Мы за крестнымъ цѣлованьемъ собираемъ твою государеву казну противъ прежнихъ лѣтъ съ прибылью, въ прежнее время собиралось ее сотъ до пяти и до шести, а нынѣ собирается нами со всей земли тысячь до пяти, до шести и болѣе. Наши торжишки стали худы оттого, что иноземцы, нѣмцы и кизильбаши, прѣзжаютъ въ Москву и въ иные города съ большими торгами, и въ городахъ наши люди обнищали отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, и торговые людишки, что ѣздятъ по городамъ для торговаго промысла, отъ воеводскихъ задержаній и насильствъ, торговъ своихъ избыли. При прежнихъ государяхъ были губные старосты и тогда посадскіе люди сами судились промежъ себя, и воеводъ въ городахъ не бывало; воеводы посылались только въ украинные города для береженья отъ турецкихъ, крымскихъ и ногайскихъ непріятелей. Просимъ пожаловать свою государеву вотчину, возрѣть на бѣдность нашу. Если изволишь, государь, принять Азовъ, если для содержанія ратныхъ положишь на всю землю, вели, чтобы въ твоёмъ государствѣ никто въ твоей вотчинной землѣ въ избылыхъ не былъ. Мы же готовы служить тебѣ, государю, своими головами и помереть за Божіи церкви, за твое государево здоровье и за православную вѣру».

Черныхъ сотенъ и слободъ старосты насчетъ Азова и ратныхъ людей сказали то же, что и торговые люди гостиной и суконной сотенъ, а о себѣ заявили: «Мы—сироты твои сотскіе, старостишки и всѣ тяглые людишки оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, отъ пятинныхъ денегъ, отъ даточныхъ людей и отъ подводъ во время смоленской службы, отъ поворотныхъ денегъ, отъ городского земляного дѣла, отъ платежа великихъ государевыхъ податей и отъ многихъ цѣловальничьихъ службъ, которыя мы служимъ въ Москвѣ и въ городахъ съ гостями и oprичъ гостей. Въ твоихъ государевыхъ приказахъ на всякій годъ съ насъ берется сто сорокъ пять цѣловальниковъ, да на земскомъ дворѣ стоятъ безъ сѣзда нашихъ семьдесятъ пять челоуѣкъ ярыжныхъ, да извозчиковъ съ лошадьми на случай пожаровъ, и мы платимъ этимъ ярыжнымъ и извозчикамъ каждый мѣсяцъ большія подможныя деньги и отъ великой бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и слободъ разбрелись розно и дворюшки свои покинули»¹⁾.

Акты, относящіеся до этого земскаго собора, не дошли до насъ цѣликомъ; нѣтъ окончательнаго приговора, но изъ событій онаго времени мы узнаемъ, что хотя на соборѣ служилые люди оказали полную готовность начать войну съ турками, однако, правительство сообразило, что на такое смѣлое предпріятіе отважиться опасно; къ этому же молдавскій господарь увѣдомилъ московское правительство, что султанъ поклялся, въ случаѣ войны съ Московскимъ Государствомъ, истреблять православныхъ въ своёмъ государствѣ. Царь приказалъ донскимъ казакамъ оставить Азовъ, а на слѣдующій годъ отправилъ въ Констан-

¹⁾ Собр. госуд. грам. и догов., т. III, стр. 378—400.

тинополь посольство съ подарками визирю и султанскимъ приближеннымъ, и дѣло съ Турціей покончилось тѣмъ, что султанъ на отпускѣ московскихъ пословъ общалъ послать повелѣніе крымскому хану и кафимскому пашѣ, чтобъ они не посылали воинскихъ людей на земли московскаго государя, за то потребовалъ, чтобы и московскій государь далъ повелѣніе донскимъ козакамъ не беспокоить владѣній турецкаго султана ¹⁾).

Соборъ 1642 года, однако, тѣмъ памятенъ и замѣчательнъ, что на немъ такъ гласно заявлялись жалобы на злоупотребленія тогдашняго управленія воеводами и приказными людьми, возбуждавшія, какъ видно, повсемѣстный ропотъ въ народѣ. Не менѣ замѣчательно, что у людей, не владѣвшихъ вотчинами и помѣстьями, существовала непріязнь и зависть къ землевладѣльцамъ, особенно богатымъ. Послѣдствій, въ смыслѣ улучшеній, не было, потому что такіе соборы не имѣли обязательной силы надъ правительствомъ и стремленія пріобрѣсть ее не было замѣтно. Изъ того же дѣянія земскаго собора видно, что земскіе люди все полагали на волю великаго государя. Русскіе не смѣли даже подумать, чтобы отъ ихъ государя могло происходить что-нибудь худое, а еслибъ и чувствовали какой-нибудь гнетъ, то всегда готовы были приписать это карѣ Божіей за свои собственные грѣхи. Не такъ, однако, относились они къ боярамъ и вообще высокопоставленнымъ лицамъ, управлявшимъ государствомъ: оправдывая царя, они всегда рады были взвалить на нихъ всякія обвиненія, и когда мѣра терпѣнія переисполнялась, то не останавливались ни предъ какими крайностями, что и показали народные бунты, вспыхнувшіе въ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Москвѣ, въ Новгородѣ и въ другихъ городахъ,—бунты, сопровождавшіеся и убійствами начальствовавшихъ лицъ.

По извѣстію Котошихина, при восшествіи на престолъ Алексѣя Михайловича созывался земскій соборъ, который и избралъ на царство сына умершаго государя ²⁾. Что это былъ настоящій земскій соборъ, показываетъ то, что авторъ, сообщая о томъ извѣстіи, говоритъ о числѣ выборныхъ изъ каждаго города и описываетъ пиры, происходившіе послѣ избранія, на которыхъ новоизбранному царю подносили подарки. Объ этомъ соборѣ нѣтъ никакихъ упоминаній въ дошедшихъ до насъ актахъ того времени, но это не даетъ права подвергать сомнѣнію дѣйствительность передаваемого Котошихинымъ событія, такъ какъ до насъ многое не дошло изъ старыхъ дѣлъ, а многое еще не обнародовано изслѣдователями и издателями.

Мало официальныхъ свидѣтельствъ осталось и о другомъ земскомъ соборѣ, созданномъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ по поводу составленія Уложенія. Юля 16-го 1648 года государь съ патриархомъ, духовенствомъ, боярами и думными людьми, по челобитью многихъ всякихъ чиновъ людей, приговорили: «вы-

¹⁾ Соловьевъ. „Ист. Росс.“, т. IX, стр. 303—308.

²⁾ Патриархъ, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и весь духовный чинъ, соборовали, и бояре, и окольные, и думные люди, и дворяне, и дѣти боярскіе и гости, и торговые и всякихъ чиновъ люди, и чернь послѣ смерти прежняго царя обрали на царство сына его нынѣшняго царя и учинили коронованіе въ соборной болшой первой церквѣ и молили Бога... а было тѣхъ дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и посадскихъ людей, для того избранія, человекъ по два изъ города. (Котоших. О Россіи въ царств. Алекс. Мих. Гл. I, стр. 4).

писать изъ правилъ св. Апостолъ и св. отецъ, и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей пригодныя для государскихъ и земскихъ дѣлъ статьи, и собрать указы прежнихъ царей и боярскіе приговоры, справить ихъ съ старыми судебниками, а на которыя статьи указовъ государевыхъ и боярскихъ приговоровъ не было, и тѣ бы статьи вновь написать и изложить по его государеву указу, общимъ совѣтомъ, чтобъ Московскаго Государства людямъ отъ большаго до меньшаго чина судъ и расправа были во всѣхъ дѣлахъ всѣмъ равно». Указалъ государь все то собрать и въ докладъ написать князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, Ѳеодору Ѳеодоровичу Волконскому, Семену Васильевичу Прозоровскому и дьякамъ Гаврилѣ Леонтьеву и Ѳеодору Грибоѣдову. Для такого великаго государскаго и земскаго дѣла царь указалъ и бояре приговорили: «выбрать изъ стольниковъ, стряпчихъ, изъ дворянъ московскихъ и изъ жильцовъ изъ чину по два человѣка, также всѣхъ городовъ изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ взять изъ большихъ городовъ, опрѣчь Новгорода, по два человѣка, а изъ новгородцевъ съ пятины по человѣку—изъ меньшихъ городовъ по человѣку, изъ гостей—трехъ человѣкъ, изъ гостинны и суконныя сотенъ по два человѣка, а изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ и изъ городовъ съ посадовъ — по человѣку, добрыхъ и смышленныхъ людей, чтобы государево его царственное и земное дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердить и на мѣрѣ поставити» ¹⁾. По царскому указу въ городахъ воеводы или губные старосты въ губныхъ станахъ должны были собирать тѣхъ, которые должны выбирать выборныхъ, прочесть имъ царскій указъ, а по исполненіи выбора—отправить выбранныхъ въ Москву ²⁾. Въ октябрѣ 1649 составленное Уложеніе слушалъ государь съ патриархомъ, духовенствомъ, боярами и другими думными людьми, а въ отвѣтной палатѣ, гдѣ сидѣли выборные люди съ бояриномъ Юрьемъ Алексѣвичемъ Долгоруковымъ, было предъявлено имъ Уложеніе и, по царскому указу, всѣ къ тому Уложенію подписались и съ этого экземпляра напечатана была книга и разослана въ Москвѣ по приказамъ и въ города для руководства—всѣмъ судящимъ лицамъ ³⁾.

Хотя дѣянія этого важнаго земскаго собора до насъ вполнѣ не дошли и мы не имѣемъ подъ рукою всѣхъ заявленій, представленныхъ тогда выборными людьми, но остались, однако, нѣкоторыя указанія на подававшіеся тогда чело-битныя выборныхъ, которыя были приняты во вниманіе и внесены въ законодательство. Такъ, выборные всякихъ чиновъ указали, что около Москвы и другихъ областныхъ городовъ, именовъ патриарха, владыкъ, монастырей, бояръ, думныхъ людей, дворянъ и т. п. знатныхъ того времени особъ, заведены дворы и пѣлыя слободы, гдѣ жили въ качествѣ закладчиковъ за сильными особами бѣжавшіе отъ тяготы люди, занимались торговлею и промыслами и пользовались льготами, тогда какъ черезъ то самое увеличивалась тягость на людяхъ, оставшихся въ тѣхъ тяглыхъ общинахъ, откуда закладчики ушли. Такихъ много было въ Москвѣ и въ ея предмѣстьяхъ, называемыхъ слободами. Въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Благовѣщенской слободѣ, принадлежавшей патриарху, сверхъ записанныхъ въ писцовыхъ книгахъ, было до шестисотъ ремесленныхъ и торговыхъ людей, которые туда сошли изъ разныхъ городовъ «для легости». Около Москвы за

¹⁾ Собр. госуд. гр. и догов., т. III, стр. 438.

²⁾ Акты Арх. Эксп., т. IV, стр. 40.

³⁾ Полн. собр. зак. Росс. имп., т. I, стр. 2—3.

Землянымъ городомъ были изстари версты на три и на четыре отъ города выгоны для выпуска скота, и близъ другихъ городовъ около посадовъ были такіе же выгоны и выѣзды въ лѣсъ по дрова, а все это захватили бояре и ближніе люди, и московскіе дворяне, и дьяки подъ свои загородные дворы и огороды, а въ иныхъ мѣстахъ монастырскіе люди и ямщики (пользовавшіеся также льготами) распахали тамъ землю и въ лѣса не стало проѣзда. Выборные просили всѣхъ такихъ торговыхъ и промышленныхъ людей на посадахъ и въ слободахъ взять за великаго государя въ тягло, наравнѣ съ посадскими. По этой челобитной состоялся указъ: всѣ заведенные частными лицами дворы и слободы, гдѣ жили ихъ закладчики, взять въ тягло, а тѣхъ изъ нихъ, которые прежде находились въ тяглѣ въ посадахъ, воротить на ихъ прежнія мѣста, впредь же состоящимъ въ тяглѣ не записываться въ закладчики подъ страхомъ жестокаго наказанья кнутомъ и ссылки въ Сибирь на Лену. О тѣхъ же селахъ, слободахъ и деревняхъ, которыя хотя не близко отъ посада, но въ которыхъ живутъ торговые и промышленные люди, указано было произвести сыскъ: если по этому сыску окажется, что они были издавна городскіе посадскіе люди, такихъ переводить въ посады, а тѣмъ, которые, издавна бывши крестьянами, завели себѣ лавки и начали заниматься торговлею и промыслами, велѣно торговля и промысловыя заведенія продать тяглымъ людямъ. Но о такихъ селахъ, которыя не очень близко были къ посадамъ, велѣно ждаты дальнѣйшаго указа ¹⁾. Челобитныя эти подавались въ смыслѣ уравниенія всѣхъ въ отправленіи государственныхъ и земскихъ повинностей. Другая челобитная выборныхъ людей указывала на то, что послѣ указовъ и соборныхъ приговоровъ, состоявшихся еще при царяхъ Иванѣ Васильевичѣ и Федорѣ Ивановичѣ, о неприниманіи впередъ духовнымъ властямъ и монастырямъ земель, многіе приобрѣли себѣ и по царскому пожалованію, и чрезъ вкладъ отъ всякихъ чиновъ людей по душамъ своимъ и, наконецъ, покупками и взятіемъ въ залогъ вотчины, села и всякія угодья. Челобитчики домогались, чтобъ эти земли, взявъ отъ монастырей, раздать по разбору служилымъ, безпомѣстнымъ и малопомѣстнымъ дворянамъ и дѣтямъ боярскимъ. На эту челобитную не послѣдовало полнаго рѣшенія, а велѣно было сдѣлать выписку о вотчинахъ духовныхъ властей, монастырей и церкви ²⁾. Но не ко всѣмъ заявленіямъ, сдѣланнымъ тогда на соборѣ, правительство отнеслось такъ снисходительно. Есть извѣстіе, что князь Львовъ, а съ нимъ сто двадцать человѣкъ, осмѣлились выразить свое неудовольствіе по поводу нѣкоторыхъ статей Уложенія и за то сосланы были въ Соловецкій монастырь ³⁾. Впослѣдствіи этимъ Уложеніемъ недоволенъ былъ патріархъ Никонъ, называлъ его книгою проклятою, противною св. Евангелію, правиламъ св. апостолъ и св. отцевъ ⁴⁾. Въ своихъ отвѣтахъ боярину Стрѣшневу патріархъ выразился объ этомъ соборѣ: вѣдомо всѣмъ, что соборъ былъ не по волѣ, боязни ради междоусобія отъ черныхъ людей, а не истинныя ради правды ⁵⁾. Но и заклятые враги Никона, раскольники, были также недовольны уложеніемъ и называли его «книгою богопротивною,

¹⁾ Акты Арх. Эксп., т. IV, стр. 44—47.

²⁾ Акты Арх. Экспед., т. IV, стр. 49.

³⁾ Щаповъ. Земскій соборъ 1648—1649 годовъ, стр. 6.

⁴⁾ Соловьевъ. Ист. Росс., т. XI, стр. 352.

⁵⁾ Рѣчь Бѣлаева, стр. 224.

антихристовою»¹⁾. Изъ этого можно съ вѣроятностью заключить, что соборъ, утвердившій Уложеніе, не былъ дѣломъ всего народа русскаго и много было въ послѣднемъ противнаго. Тѣмъ не менѣе, однако, созданное имъ Уложеніе надолго оставалось единственнымъ кодексомъ законодательнымъ, единственнымъ мѣриломъ правосудія для русскаго народа.

VI.

Въ 1653 году 1 октября былъ созванъ соборъ по поводу присоединенія Малороссіи. Сначала отправлялось праздничное богослуженіе въ церкви Покрова (Василія Блаженнаго), гдѣ присутствовалъ царь съ боярами и, вѣроятно, со всѣми выборными, потомъ совершенъ былъ крестный ходъ въ Кремль. Соборъ собрался въ Грановитой палатѣ. Были на этомъ соборѣ участниками: патриархъ Никонъ, владыки, въ числѣ которыхъ митрополитъ сербскій, архимандриты, игумены, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, бояре, окольные, думные люди, стольники, стряпчие, дворяне московскіе, жильцы, дворяне изъ городовъ, дѣти боярскіе, гости, торговые люди сотенъ гостиной, суконной и черныхъ, и «всякихъ чиновъ люди» и стрѣльцы²⁾.

Прочтено было всѣмъ вслухъ о прежнихъ отношеніяхъ къ Польшѣ, о томъ, что, вопреки договору, нѣкоторые поляки пишутъ царское именованіе и царскій титулъ не по вѣчному докончанію, а иные «злудѣи» пишутъ о московскомъ государѣ съ большою укоризною и своего короля пишутъ царемъ московскимъ и обладателемъ. По этому поводу хотя и были посольства отъ царя въ Польшу, но король и польскіе паны-рада государскую честь поставили ни во что. Сверхъ того происходили въ порубежныхъ мѣстахъ отъ польскихъ людей большіе задоры и насилія людямъ царскимъ, и поляки не учинили по письмамъ царскихъ воеводъ никакой расправы. Наконецъ, гетманъ Богданъ Хмельницкій и все Войско Запорожское много разъ присылали къ великому государю пословъ, жалуясь, что паны-рада и вся Рѣчь-Посполитая неволятъ православныхъ запорожскихъ черкасъ къ римской вѣрѣ и они поневолѣ призывали къ себѣ на помощь противъ поляковъ крымскаго хана съ ордуою, а теперь просятъ царское величество принять ихъ подъ крѣпкую руку и учинить имъ своими войсками помощь на гонителей христіанской вѣры — поляковъ. Государь посылалъ къ польскому королю и къ панамъ-радѣ пословъ и объявилъ, что онъ проститъ вины тѣмъ людямъ, которые неправильно писали царское именованье, если король и паны-рада помирятся съ запорожскими черкасами, по Зборовскому договору отдадутъ имъ церкви, обращенныя въ унію, и впередъ не стануть дѣлать гоненій на христіанскую вѣру греческаго закона, но король и паны-рада и то дѣло поставили ни во что, отказали въ мирѣ черкасамъ и пошли на нихъ войною при царскихъ великихъ послахъ. Гетманъ Богданъ Хмельницкій нынѣ съ своимъ посланцемъ писалъ, что если великій государь надъ ними, православными христіанами, не

¹⁾ Шаповъ. Земск. соб., 1648—1649, стр. 6.

²⁾ Собр. госуд. гр. и догов., томъ III, стр. 481. — П. С. З. Р. Имп., т. I, стр. 293—301.

сжалится и войска своего имъ не пошлетъ, а иновѣрцы ихъ подѣ себя подобють, то они волю ихъ по нуждѣ чинить будутъ.

Бояре царскіе первые подали голосъ, что нельзя болѣе терпѣть польскому королю и слѣдуетъ принять въ подданство гетмана Богдана Хмельницкаго. При этомъ кто-то изъ бояръ далъ такое оправданіе подобному поступку со стороны московскаго государя: король Янъ Казимиръ присягалъ, что ему вѣры христіанской не тѣснить и другихъ къ тому не попускать, а будетъ онъ присяги своей не сдержитъ, то тѣмъ чинить своихъ подданныхъ свободными отъ всякой вѣрности и послушанія. А какъ Янъ Казимиръ присяги своей не сдержалъ и на православную христіанскую вѣру греческаго закона возсталъ и многія церкви разорилъ и въ унию обратилъ, то запорожскіе черкасы стали теперь присягою королевскою вольные люди, и чтобъ ихъ не отпустить въ подданство турецкому царю или крымскому хану, доведется гетмана Богдана Хмельницкаго и все Войско Запорожское съ городами и землями принять.

Затѣмъ были допрашиваемы по чинамъ порознь всѣ бывшіе на соборѣ. Всѣ рѣшали, что великому государю — пожаловать гетмана Богдана Хмельницкаго и все Войско Запорожское для православной христіанской вѣры и святыхъ Божіихъ церквей, велѣтъ, по ихъ челобитью, принять ихъ подѣ свою государскую высокую руку. Служилые люди объявили, что они за государскую честь учнутъ съ литовскимъ королемъ битися, не щадя головъ своихъ, и рады помереть за государскую честь; торговые и всякихъ чиновъ люди—что они вспоможенъемъ и за государскую честь головами своими рады помереть.

При царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ, уже въ послѣдній годъ его царствованія и жизни, царь дѣлалъ созвывы выборныхъ лицъ, но не разомъ призывалъ всѣ чины Московскаго Государства, а созывалъ чины отдѣльно, сообразно специальностямъ, касавшимся этихъ чиновъ. Такъ, въ ноябрѣ 1681 года состоялся церковный соборъ, столько же важный, какъ тотъ, который собирався при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, и составилъ Стоглавъ¹⁾. Подобно тому, какъ дѣлалось при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, и теперь отъ имени царя предлагались вопросы или предложенія, а духовный соборъ подавалъ на нихъ отвѣты или рѣшенія. Такихъ предложеній было шестнадцать. Указана была потребность основать новыя епархіи, особенно въ виду того, что умножались церковные противники. Правительство предлагало завести у митрополитовъ подначальныхъ имъ епископовъ, но соборъ нашель это неудобнымъ, опасаясь, что тогда между архіереями будутъ происходить распри о «высости». Соборъ предпочель учредить въ нѣкоторыхъ городахъ новыя независимыя епархіи. Такимъ образомъ основаны были архіепископства въ Сѣвскѣ (къ нему города съ уѣздами: Сѣвскъ, Брянскъ, Трубчевскъ, Путивль и Рыльскъ), въ Холмогорахъ (къ нему города съ уѣздами: Холмогоры, Архангельскъ, Мезень, Кевроль, Пустозерскъ, Пинега, Вага съ пригородками), въ Устюгѣ (къ нему Устюгъ, Сольвычегодскъ, Тотьма съ пригородками), епископства въ Галичѣ, Арзамасѣ, Уфѣ, Тамбовѣ (Тамбовъ, Козловъ, Доброе Городище съ пригородками), Воронежѣ (Воронежъ, Елецъ, Романовъ, Орловъ, Костянскъ, Коротоаякъ, Усмонь, Острогожскъ и пр.), Волховѣ (Волховъ, Мценскъ, Карачевъ, Кромы, Орель, Новосиль) и въ Курскѣ; вятская епископія повышена въ архіепископію. На содержаніе новыхъ архіерействъ отчислялись

¹⁾ См. дѣянія этого собора: Акты Историческіе, т. V, стр. 108—118.

разные монастыри съ ихъ вотчинными крестьянами и со всѣми угодьями. Со стороны царя сдѣлано было указаніе на отдаленныя страны Восточной Сибири, гдѣ пространства были такъ велики, что до епархіальнаго города приходилось ѣхать годъ и болѣе, а между тѣмъ, эти страны удачно становятся притономъ противниковъ Церкви. Но соборъ не рѣшалъ тамъ учреждать епархій, малолюдства ради христіанскаго народа, ограничился одною архіепископіею въ Енисейскѣ и постановилъ посылать на Лену и въ Даурию архимандритовъ и священниковъ для наученія въ вѣрѣ.

По вопросу о противодѣйствіи расколу духовный соборъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи матеріальной силы, отдавалъ это дѣло мірской власти. Вотчинники и помѣщики должны извѣщать воеводъ и архіереевъ о раскольникахъ, архіереи прикажутъ дѣйствовать противъ нихъ духовными мѣрами увѣщаній, а воеводы будутъ посылать служилыхъ людей противъ тѣхъ раскольниковъ, которые окажутся непослушными увѣщаніямъ архіереевъ. Сверхъ того соборъ просилъ государя не давать граматъ на дозволеніе основывать новыя пустыни, въ которыхъ обыкновенно отправляли богослуженіе по старымъ книгамъ. Въ тѣхъ же видахъ велѣно уничтожить въ Москвѣ палатки и амбары съ иконами, называемыя часовнями, въ которыхъ священники служили молебны по старымъ книгамъ и куда народъ стекался толпами, вмѣсто того, чтобъ идти въ церкви и слушать литургію. Наконецъ, постановлено учредить надзоръ, чтобы не продавались старопечатныя книги и разные писанныя листочки и тетрадки съ выписками изъ св. писанія, направленными противъ господствующей Церкви въ защиту старообрядства.

На этомъ же церковномъ соборѣ обращено было вниманіе на разныя безчинства, противъ которыхъ напрасно вооружались и прежніе соборы: запрещалось монахамъ шататься, въ монастыряхъ держать крѣпкіе напитки подъ предлогомъ, что держать ихъ для гостей, устраивать пиры, разносить по кельямъ пищу; вездѣ, какъ настоятелю, такъ и братіи, одежду надлежало получать изъ монастырской казны, а денегъ на одежду никому не выдавать; въ домахъ внѣ монастыря никого не постригать, для бродящихъ чернецовъ устроить принадлежавшій Троицко-Сергіеву монастырю Пятницкій монастырь, собрать ихъ туда изъ Москвы и держать подъ строгимъ надзоромъ, и подобное устроить въ другихъ епархіяхъ. Замѣчено, что много было черницъ, которыя, постригшись дома, пребывали не въ монастырѣ, а въ мірскихъ жилищахъ, или шатались по перекресткамъ и улицамъ и просили милостыню. Такихъ черницъ велѣно собрать и устроить для нихъ обители изъ нѣкоторыхъ монастырей, бывшихъ прежде мужскими. Монахинямъ запрещалось самимъ управлять своими вотчинами, а это поручалось назначеннымъ отъ правительства старымъ дворянамъ. Въ домовыхъ церквахъ запрещалось держать вдовыхъ священниковъ, потому что они, какъ было замѣчено, вели себя безобразно, а тѣмъ «великимъ» людямъ, которымъ дозволялось имѣть у себя домовыя церкви, слѣдовало испрашивать къ этимъ церквамъ священниковъ отъ архіереевъ. Обращено было вниманіе на нищихъ, которые, толпясь въ церкви, своими криками о подаваніи прерывали ходъ богослуженія. Ихъ велѣно было разобрать, слабыхъ и больныхъ содержать въ особомъ мѣстѣ на счетъ государевой казны, а дѣлнвыхъ, но здоровыхъ приставить къ работѣ. Въ монастыряхъ—завести больницы.

Дозволено было посвящать священниковъ въ православныя приходы, на-

ходившіеся во владѣніи Польши и Швеціи, но только съ тѣмъ, если послѣдуетъ о томъ просьба отъ прихожанъ съ надлежащими документами и грамотами отъ своего правительства. Это правило было важно въ томъ отношеніи, что открывало путь русской Церкви вмѣшиваться въ духовныя дѣла сосѣдей.

Все это было предложено отъ имени государя и только одобрено, принято и уставлено соборомъ. Но по одному сдѣланному предложенію соборъ уклонился отъ принятія царскаго желанія. Указывалось собору, что въ печатной чиновной книгѣ, по которой приводились къ присягѣ и состоявшіе на службѣ въ вѣрности своему долгу и во всякихъ расправныхъ дѣлахъ, находятся многія страшныя и непрощаемыя клятвы, которыя къ тѣмъ дѣламъ неприличны. Соборъ далъ такой отвѣтъ: такъ какъ многіе грѣшатъ особенно при сборахъ царской казны, нарушая данную присягу, и тѣмъ подвергаются клятвѣ и убиваютъ себя вѣчною смертію, то пусть великій государь изволить наложить на такихъ людей прещеніе и страхъ по своимъ градскимъ законамъ.

Кромѣ всего изложеннаго, на этомъ соборѣ постановлено нѣсколько частныхъ правилъ о содержаніи нѣкоторыхъ предметовъ благочестія, хранившихся собственно въ Москвѣ: о частицѣ животворящаго древа, о частицахъ святыхъ мощей, о ризѣ Господней, присланной изъ Персіи еще при патриархѣ Филаретѣ, разрѣзанной на кусочки: по опредѣленію настоящаго собора всѣ эти кусочки велѣно было собрать вмѣстѣ въ одинъ ковчегъ и хранить въ Успенскомъ соборѣ.

Столько же важенъ, если еще не важнѣе, былъ соборъ служивыхъ людей. 24 ноября 1681 года указомъ царскимъ велѣно было созвать, подъ предсѣдательствомъ боярина князя Вас. Васильев. Голицына, выборныхъ изъ служилого сословія—изъ стольниковъ, стряпчихъ, московскихъ дворянъ, жильцовъ, городскихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ. Они собрались 12 января 1682 года. Бояринъ князь Голицынъ съ товарищи объявилъ имъ царскій указъ:

«Въ мимошедшее время на бояхъ съ государевыми людьми, государевы неприятели показали новыя въ ратныхъ дѣлахъ вымыслы и поэтому надлежитъ въ государскихъ ратяхъ учинить разсмотрѣніе и лучшее устройство и перемѣнить на лучшее то, что показалось на бояхъ неприбыльно».

Выборные люди нашли, что полковую службу стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ удобнѣе будетъ росписать не въ сотни, какъ прежде бывало, а въ роты, считая въ полку по шести ротъ, а въ ротѣ по 60 человекъ, и быть въ ротахъ начальниками ротмистрамъ и поручикамъ, изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ и жильцовъ изъ всѣхъ родовъ и чиновъ безъ мѣстъ и безъ подбора, кому въ какомъ чинѣ быть великій государь укажетъ. Послѣ принятія такого желанія выборные подали челобитную такого рода: они, выборные люди и братья ихъ, и дѣти, и сродники написаны въ ротмистры и поручики, а изъ родовъ Трубецкихъ, Одоевскихъ, Куракиныхъ, Троекуровыхъ, Репнинныхъ, Шеинныхъ, Лобановыхъ-Ростовскихъ, Ромодановскихъ и иныхъ важныхъ родовъ въ эти чины никого не написали за малолѣтствомъ; опасно, чтобъ отъ нихъ послѣ не было укоризны и попреку тѣмъ, которые въ означенные чины поступили, поэтому выборные люди бьютъ челомъ, чтобъ тѣхъ высокихъ родовъ дѣти были также написаны въ ротмистры и поручики, какъ они въ службу поспѣютъ. Затѣмъ для совершенной въ ратныхъ, посольскихъ и другихъ всякихъ дѣлахъ прибыли и лучшаго устройства указалъ бы великій государь всѣмъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ и ближнимъ людямъ и всѣмъ чинамъ быть на Москвѣ въ приказахъ и въ

полкахъ у ратныхъ дѣлъ, и у посольскихъ дѣлъ и въ городахъ быть межъ себя безъ мѣстъ, гдѣ кому великій государь укажетъ и никому ни съ кѣмъ впредь разрядомъ и мѣстами не считаться, всѣ разрядные случаи и мѣста отставить и искоренить, чтобъ впредь отъ тѣхъ случаевъ въ государевыхъ ратныхъ и во всякихъ дѣлахъ помѣшки не было.

Это челобитье было представлено государю. До сихъ поръ остается неизвѣстнымъ: было ли оно составлено по добровольному начинанію, возникшему среди выборныхъ, или какъ-нибудь было имъ намѣчено сверху. Во всякомъ случаѣ мысль о необходимости искоренить старинный обычай мѣстничанья въ то время уже достаточно созрѣла, такъ какъ во всѣ предшествовавшія войны при Михаилѣ и Алексѣѣ, по царскому повелѣнію, всѣ были безъ мѣстъ, а въ посольскихъ дѣлахъ мѣстничанье давно было устранено. Царь, получивши такую челобитную, представилъ этотъ вопросъ на обсужденіе и на совѣтъ собранію изъ духовныхъ лицъ и думныхъ особъ. Духовенство признало обычай мѣстничанья противнымъ духу христіанства, Божіей заповѣди о любви, источникомъ вреда для царственныхъ дѣлъ. Бояре и всѣ думные люди сказали, «что въ мимошедшія лѣта во многихъ государскихъ ратныхъ, и въ посольскихъ во всякихъ дѣлѣхъ чинилися отъ тѣхъ случаевъ великія пакости и нестроеніе и непріятелямъ радость», а между царскими людьми «нелюбовь и великія продолжительныя вражды»; а потому приговорили «разрядные случаи отставить и искоренить». Государь указалъ «для совершеннаго искорененія и вѣчнаго забвенія, тѣ всѣ прошенія о случаяхъ и о мѣстахъ записки предати огню, чтобъ та злоба и нелюбовь совершенно погибла и впредь непамятна была. А что еще есть въ Розрядѣ случаевъ и о мѣстахъ записки, а у кого такія жъ книги и записки»,—приказано собрать и сжечь. Затѣмъ впередъ вездѣ на службѣ всѣмъ быть безъ мѣстъ, никакими прежними случаями не считаться, никому ни надъ кѣмъ «мимошедшими находы не возноситься», никому въ укоризну прежняго ничего не ставить и не безчестить.

Слыша царское рѣшеніе, патріархъ и духовные сановники, а за ними и члены царской думы воскликнули: «да погибнетъ во огни оное Богомъ ненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не воспоминается во вѣки!»

Въ тотъ же день всѣ разрядныя книги преданы были огню въ сѣняхъ государевой передней палаты. Тамъ во время ихъ горѣнія стояли: князь Михаилъ Юрьевичъ Долгорукій, думный дьякъ Василій Семеновъ и нѣсколько архіереевъ по указанію патріарха.

Донесли государю и патріарху объ исполненіи указа. Патріархъ сказалъ тогда думнымъ людямъ: «Дѣло, совершенное съ благословенія освященнаго собора совѣтомъ всего синклита, соблюдайте крѣпко и нерушимо; а буде кто не принесетъ хранящіяся у него книги и записки, належащія до такихъ случаевъ, а станетъ держать у себя въ дому, тотъ пусть опасается за то гнѣва отъ великаго государя и церковнаго запрещенія, какъ преобидникъ царскаго повелѣнія и нашего благословенія презиратель».

«Да будетъ тако, яко рече онъ святѣйшій патріархъ!» единогласно произнесли бояре и всѣ думные люди.

Государь похвалилъ бояръ и всѣхъ думныхъ людей за совершенное доброе дѣло и объявилъ, что прикажетъ въ разрядѣ держать родословныя книги всѣмъ

ихъ родамъ и дозволяетъ каждому хранить такія же книги и у себя въ дому. Указано быть нѣсколькимъ родословнымъ книгамъ по различнымъ достоинствамъ службы. Въ одну изъ этихъ книгъ помѣщались тѣ роды, которыхъ члены были въ званіи бояръ и вообще думныхъ людей еще въ царствованіе царя Ивана Васильевича, а также и тѣ, которыхъ члены въ оное время находились въ посольствахъ, на воеводствахъ или у царя въ близости. Въ другую книгу вписывались тѣ роды, изъ которыхъ съ царствованія царя Михаила Ѳеодоровича были въ званіи воеводъ, въ посольствахъ, или записаны были въ десятняхъ (войсковыхъ спискахъ) въ первой высшей статьѣ. Въ третью вписывались тѣ, которые въ десятняхъ были записываемы въ среднюю или меньшую статью, а въ четвертую—которые за службу своихъ отцовъ или за свою собственную были записаны въ московскій списокъ. Такой указъ былъ прочитанъ вслухъ бояриномъ на Постельномъ крыльцѣ. Соборное дѣяніе объ уничтоженіи мѣстничества было подписано патриархомъ, всѣми духовными властями, всѣми думными и выборными людьми ¹⁾. Неизвѣстно, этимъ ли только дѣломъ ограничилась тогдашняя дѣятельность земскаго собранія выборныхъ служилыхъ людей или они послѣ того занимались еще какими-нибудь дѣлами по устроенію службы.

За собраніями по дѣламъ церковнымъ и служебнымъ въ декабрѣ 1681 года указано было на слѣдующій годъ созвать въ Москву выборныхъ людей торговаго званія съ посадовъ во всѣхъ городахъ, кромѣ сибирскихъ, для уравниенія ихъ выборныхъ службъ, всякихъ повинностей и платежа податей. Для такой цѣли указано было выбрать изъ гостей четырехъ человекъ, а изъ сотенъ: гостиной, суконной и московскихъ черныхъ сотенъ и слободъ, изъ всѣхъ посадовъ и изъ дворцовыхъ сель и слободъ по два человекъ добрыхъ и знающихъ дѣло. Они обязаны были привезти съ собою окладныя книги, хранившіяся постоянно въ земскихъ избахъ и именныя списки лучшихъ, середнихъ и меньшихъ людей ²⁾. Что дѣлали они въ Москвѣ—намъ неизвѣстно, какъ равно неизвѣстно, не состояла ли дальнѣйшая дѣятельность выборныхъ людей служилого сословія послѣ уничтоженія мѣстничества въ какой-нибудь связи съ дѣятельностью этихъ вышанныхъ неслужилыхъ выборныхъ людей.

Въ концѣ апрѣля 1682 года скончался царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ. Между близкими вельможами возникло разногласіе по вопросу о престолонаслѣдіи. Изъ двухъ братьевъ умершаго бездѣтнымъ царя одинъ былъ слабъ здоровьемъ и малоуменъ, другой малолѣтенъ. При старшемъ братѣ, Иоаннѣ должна была бы управлять умная сестра его Софія, при меньшомъ, малолѣтнемъ Петрѣ, мать послѣдняго Наталья Кирилловна, вторая супруга царя Алексѣя Михайловича. Съ возведеніемъ того и другого на престолъ не самъ царь своею особою управлялъ бы государствомъ. Одни вельможи, соображая свои личные интересы, были за объявленіе царемъ Иоанна, другіе—за Петра. Патриархъ предложилъ вопросъ этотъ предать рѣшенію всѣхъ чиновъ Московскаго Государства.

Созвали всѣ чины Московскаго Государства. Соловьевъ ³⁾ догадывается, что въ этомъ случаѣ въ смыслѣ Московскаго Государства понимался одинъ царствующій градъ Москва. Но нельзя не принять во вниманіе, что незадолго до

¹⁾ Собр. госуд. грам. и договор., т. IV, стр. 396—410.

²⁾ Полн. Собр. Законовъ Росс. Имперіи, томъ II, стр. 366.

³⁾ Ист. Росс., томъ XIII, стр. 338.

конца царствованія Ѳедора Алексѣевича созванные выборные изъ служилыхъ и неслужилыхъ, оставаясь еще въ Москвѣ, могли представлять собою чины Московскаго Государства. По официальному документу того времени ¹⁾, подтверждаемому и извѣстіями другихъ современниковъ и очевидцевъ событій ²⁾, тогда созвали стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ московскихъ, дворянъ городовыхъ, дѣтей боярскихъ, гостей, торговыхъ людей московскихъ сотенъ и иныхъ чиновъ людей. Патріархъ съ духовенствомъ, съ боярами и прочими думными людьми вышелъ на крыльцо, чтò передъ Переднею, а созванные поставлены были наверху, размѣстившись на площадкахъ верхней и нижней, чтò передъ церковью Нерукотвореннаго Спаса. Патріархъ произнесъ имъ рѣчь, и спрашивалъ: кого желаютъ избрать на царство? Всѣ провозгласили Петра, одинъ только голосъ Сумбулова раздался за Іоанна ³⁾. Тогда духовенство и бояре обратились къ Петру и, какъ говорятъ, старшій братъ добровольно уступилъ меньшему свое первородное право. «Тогда ему, великому государю, подданные государевы: касимовскіе и сибирскіе царевичи, и бояре, и окольничіе, и думные и ближніе люди, и стольники, и генералы, и полковники, и стряпчіе, и дворяне московскіе, и дьяки, и жильцы, и начальные люди, и городовые дворяне, и дѣти боярскіе, и приказные, и всякихъ чиновъ ратные люди, и гости, и гостиницы сотни, и стрѣльцы, и пушкари, и черныхъ сотенъ сотскіе, и торговые, и тяглые, и всякихъ чиновъ Московскаго Государства люди всѣ вѣру учинили» ⁴⁾. Уже одно упоминаніе объ участіи дворянъ городовыхъ и дѣтей боярскихъ показываетъ, что тогда въ Кремлѣ спрашивались не одни только жительствовавшіе въ столицѣ постоянно. То же подтверждается царскою грамотою отъ 3-го мая донскому войску: въ ней излагается избраніе въ цари Петра всѣми чинами Московскаго Государства и притомъ говорится, что въ числѣ этихъ чиновъ Московскаго Государства и «донскіе козаки, которые нынѣ на Москвѣ, станичный атаманъ Пахомъ Сергѣевъ съ товарищи всѣ вѣру учинили» ⁵⁾. Что во время кончины царя Ѳедора Алексѣевича и избранія Петра были въ столицѣ выборные люди, созванные еще покойнымъ царемъ, показываетъ царская грамота отъ 6-го мая о распущеніи всѣхъ городовъ и уѣздныхъ всякихъ чиновъ людей, которые по указу бывшаго государя присланы были къ Москвѣ для разборовъ и изравненія во всякихъ службахъ и податяхъ ⁶⁾. Сопоставляя эти извѣстія, кажется, можно остановиться на томъ, что выраженіе официальныхъ памятниковъ объ избраніи Петра Алексѣевича по смерти царя Ѳедора Алексѣевича всякими чинами Московскаго Государства нельзя относить къ области той риторики, какую мы встрѣчаемъ въ грамотахъ объ избраніи на престолъ Ѳедора Борисовича, Василя Шуйскаго или королевича Владислава.

По окончаніи послѣдовавшихъ затѣмъ смуть и номинальнаго двуцарствія,

¹⁾ Полн. Собр. Законовъ Росс. Имперіи, томъ II, стр. 384—388.

²⁾ Сахаровъ. Записки русскихъ людей: Желябужскаго, стр. 2; Медвѣдева, стр. 3—4; Крекшина, стр. 27—28; Матвѣева, стр. 6.—Голиковъ. Дѣянія Петра Великаго, томъ I, изданіе 2-е, стр. 13.

³⁾ Матвѣева, стр. 6.—Голиковъ. Дѣянія, томъ I, стр. 13.

⁴⁾ Полн. Собр. Законовъ Росс. Имп., т. II, стр. 386.

⁵⁾ Полн. Собр. Закон., т. II, стр. 393.

⁶⁾ Акты Истор., т. V, стр. 133.

утвердилось единовластіе Петра и для Россіи наступили иныя времена. Страстный преобразователь не созывалъ къ себѣ на совѣтъ выборныхъ Русской Земли, потому что замыслилъ преобразовать Русскую Землю такъ, какъ ему казалось лучшимъ, по западно-европейскимъ образцамъ своего вѣка, а не такъ, какъ бы, можетъ быть, захотѣло большинство такихъ выборныхъ, еслибъ, ихъ созвавши, о томъ стали спрашивать. Не малочисленная часть русскаго общества сочувствовала главной задачѣ своего царя-преобразователя и прощала ему то, что не могло нравиться въ приложеніяхъ къ жизни, а противники трепетали предъ желѣзною волею и суровостью властелина, не останавливавшагося ни передъ чѣмъ, когда нужно было карать своихъ противниковъ. Иныя времена пошли для Россіи и послѣ Петра. Нѣсколько разъ оставался престолъ празднымъ, прекращались царственныя линіи, но въ такихъ случаяхъ не созывали къ совѣту и устройствію государства всякіе чины государства, какъ бывало въ прежній московскій періодъ русской исторіи; дѣло рѣшалось кружкомъ вельможъ или дворцовымъ переворотомъ при содѣйствіи гвардіи въ столицѣ, издавались законы, но при составленіи ихъ не приглашались тѣ, которые должны были этимъ законамъ подчиняться. Только при Екатеринѣ II, которая, при своемъ совершенно иноземномъ происхожденіи, хотѣла болѣе другихъ русскихъ государей казаться русскою, явилась попытка возобновить оставленный и забытый способъ единенія власти съ народомъ.

VII.

Дѣятельная и заботливая государыня, замѣтивъ въ своемъ государствѣ недостатки правосудія, начертала наказъ проекта новаго Уложенія законовъ и, «дабы лучше можно было узнать нужды и чувствительные недостатки народа», повелѣла собрать по Имперіи депутатовъ по одному отъ дворянъ каждаго уѣзда, отъ жителей каждаго города, отъ однодворцевъ, государственныхъ крестьянъ, пахотныхъ солдатъ и другихъ наименованій служилыхъ, составляющихъ ландмилицію, по одному изъ каждой провинціи и отъ осѣдлыхъ инородцевъ крещенныхъ и некрещенныхъ, каждаго народца по одному также въ каждой провинціи, а опредѣленіе числа депутатовъ отъ козаковъ и Войска Запорожскаго предоставлено было ихъ начальству. Всѣ депутаты получали отъ избирателей полномочія и наставленія.

Эта выборная коммиссія открыла свои засѣданія въ числѣ 460 человекъ въ Москвѣ 31-го іюля 1767 года. До конца этого года ея засѣданія происходили въ Москвѣ, а въ слѣдующемъ году, съ половины февраля по декабрь, въ Петербургѣ. По видамъ занятій учреждено было изъ членовъ этой коммиссіи три коммиссіи: дирекціонная, организовавшая девятнадцать частныхъ коммиссій для разныхъ отраслей законодательства; экспедиціонная, занимавшаяся редакціею и наблюдавшая, чтобы труды всѣхъ коммиссій частныхъ были изложены по правиламъ языка и слога, и коммиссія о разборѣ депутатскихъ наказовъ и проектовъ, представлявшая выписки изъ нихъ полному собранію коммиссіи, отсылавшему ихъ въ дирекціонную коммиссію.

Характеристическою чертою этой коммиссіи, этого воскрешеннаго земскаго

собора выборныхъ русскихъ людей, былъ антагонизмъ между сословіями, чего не представляли земскіе соборы до-петровской московской Руси. Каждое сословіе старалось удержать свои права и расширить ихъ даже въ ущербъ другимъ сословіямъ. Дворяне ревниво стояли за свое право рабовладѣнія и хотѣли лишить купцовъ предоставленнаго послѣднимъ отъ Петра Великаго права приобретать населенныя имѣнія къ своимъ заводамъ и фабрикамъ, а купцы не только желали сохранить право, которое за ними уже было, но домогались права покупать крѣпостныхъ людей по одиночкѣ съ тѣмъ, чтобъ имѣть приказчиковъ и подносчиковъ изъ невольниковъ. Купцы указывали на то обстоятельство, что вольнонаемнымъ трудомъ невозможно было имъ пробавляться. Духовные требовали для себя также права покупать крестьянъ и дворовыхъ людей. Того же добивались козаки. Дворяне, стараясь не допустить другія сословія до рабовладѣнія, подъ самыми гуманными и благовидными предложениями вооружались противъ этого, но доказывали, что для государства очень полезно оставлять право рабовладѣнія исключительно за дворянами, потому что долгъ дворянъ—служить отечеству и государю съ особеннымъ усердіемъ и своимъ воспитаніемъ приготавливать себя къ управленію подданными государя, а потому полезно для нихъ имѣть рабовъ, дабы, научась съ младенчества управлять своими деревнями, они становились бы способными управлять частями государства. Когда послышались было голоса о томъ, что надобно ограничить произволь дворянъ-рабовладѣльцевъ, то противъ такихъ заявленій поднялся сильный ропотъ. Купцы, домогаясь уравненія съ дворянами по праву рабовладѣнія, хотѣли, однако, за своимъ сословіемъ оставить исключительное право вести торговлю, воспретивъ ее другимъ сословіямъ безусловно, не дозволяя дворянамъ имѣть заводы и фабрики въ своихъ собственныхныхъ имѣніяхъ. Въ средѣ самого дворянства происходили горячіе споры между защитниками права лицамъ, рожденнымъ не въ дворянскомъ званіи, приобретать его службою, какъ было установлено Петромъ Великимъ и сторонниками родовитости, хотѣвшими до крайней степени ограничить доступъ къ дворянству, дѣлая дворянское достоинство привилегією знатныхъ и старинныхъ родовъ. Вообще въ этой комиссіи былъ одинъ только согласный кличъ, что необходимо въ Россіи рабство. Оказывалось, что русскій народъ все еще двоился на двѣ половины—властвующихъ и безправныхъ, бьющихъ и биемыхъ. Это требованіе рабства, противъ котораго, за недопущеніемъ поработенныхъ въ число депутатовъ, невозможно было подняться энергическимъ голосамъ, было прямо противоположно тогдашней наклонности государыни уничтожить рабство въ Россіи; однако, общій духъ общества до того былъ за рабство, что Екатерина сама прониклась имъ, и во вторую половину своего царствованія уже не только не стремилась искоренить рабство, а еще сама поддерживала и распространяла. Замѣчательно, что депутаты комиссіи заявили убѣжденія, противоположныя убѣжденію своей государыни и по отношенію къ пыткамъ. Они не только не признавали безчеловѣчность и юридическую неполезность этого способа добиваться на судѣ истины, но приписывали умноженіе преступленій тому, что вмѣсто пытокъ стали довольствоваться увѣщаніями преступниковъ, и произносили такой мудрый приговоръ, что «безъ пытки никакого злодѣянія искоренить и въ страхъ злодѣевъ привести нельзя».

Наши либеральные мыслители ставили въ заслугу комиссій, что въ ней говорилось о необходимости заводить училища. Но дворянство, говоря о такой

необходимости, хлопотало только о себѣ, такъ какъ въ предполагаемыхъ имъ училищахъ допускались только лица дворянскаго званія, а хотя дворяне нѣкоторыхъ уѣздовъ просили о заведеніи для бѣдныхъ дворянъ такихъ училищъ, куда бы допускались дѣти купцовъ и приказныхъ, но добивались, чтобы дворяне пользовались передъ другими сословіями такими преимуществами, чтобы опредѣлялись въ службу оберъ-офицерскими чинами, умѣя читать и писать и зная немного ариметики и географіи. Общимъ приговоромъ комиссіи положено было завести въ городахъ и мѣстечкахъ приходскія школы, подъ вѣдѣніемъ епархіальнаго начальства и градоначальниковъ, съ учрежденіемъ званія главнаго начальника земскихъ школъ. Въ этихъ школахъ дѣти должны были обучаться азбукѣ церковной и гражданской, краткому катехизису и началамъ ариметики, геометріи и русской географіи. Городскіе депутаты заговаривали даже объ учрежденіи академіи и университетовъ, но то были не болѣе, какъ хорошія и праздныя рѣчи.

Въ числѣ депутатовъ были также прибывшіе изъ тѣхъ краевъ Имперіи, въ которыхъ, по прежней ихъ мѣстной исторіи, существовали иныя стремленія, чѣмъ въ остальныхъ краяхъ государства. Такими краями были тогда Малороссія и Остзейскій край. Въ Малороссіи недавно только было упразднено выборное гетманское управленіе, но порядокъ козацкій еще оставался; тамъ было желаніе возстановить Гетманщину, между тѣмъ какъ такое желаніе противорѣчило видамъ государственной политики, какой держалась Екатерина. Самъ присланный въ комиссію депутатъ Скоропадскій былъ поборникомъ мѣстнаго національнаго направленія, и какъ говорили, самъ надѣялся быть избраннымъ въ гетманы. «Но я осмѣливаюсь увѣрять ваше величество»,—писалъ Екатеринѣ Румянцевъ, управлявшій тогда Малороссією, — «что когда таковыя и ему подобныя останутся безъ дѣйствія и дѣль, а напротивъ, благонамѣренные и сею болѣзнію самовладства и независимости не зараженные вашего императорскаго величества милостію отличатся и войдутъ въ чины и дѣла, правительства жъ и служба получаютъ прямыя для себя уставы, то и тѣ, какъ великое всегда желаніе къ чинамъ, особливо къ жалованію имѣющіе, скоро перемѣнятъ мысли и поступки» ¹⁾. Румянцевъ зналъ и понималъ малороссіянъ. Старшины, въ разныя времена присвоившіе своимъ родамъ козацкія земли, добивались законнаго признанія за ними въ собственность этихъ земель; малороссійское шляхетство хотѣло уравниенія правъ своихъ съ великорусскимъ дворянствомъ, хотѣло герольдіи, дворянскихъ дипломовъ сравненія малороссійскихъ военныхъ и статскихъ чиновъ съ чинами общими въ Имперіи, и наче всего хотѣло по закону крѣпостнаго права, драгоцѣннѣйшей изъ привилегій дворянскаго званія, которымъ фактически малороссійское шляхетство уже пользовалось, потому что даже многіе изъ вольныхъ козаковъ обращены были въ мужики и очутились въ рабскомъ положеніи. Лифляндцы и эстляндцы ссылались на свои старинныя права, оставленныя краю по присоединеніи къ Россіи, и депутаты ихъ подали въ комиссію особо выработанный для своего края проектъ Уложенія законовъ. Императрицѣ это показалось очень непріятно, и заявленія малороссіянъ и остзейцевъ способствовали закрытію комиссіи, которое послѣдовало подъ предлогомъ открывавшейся войны съ Турціею ²⁾.

¹⁾ Солов. Ист. Росс., т. XXVII, стр. 138.

²⁾ О комиссіи, Сborn. Имп. Русск. Ист. Общ., т. XIV.

Одинъ изъ нашихъ либеральныхъ мыслителей Шаповъ находить ¹⁾, что «собрание этой комиссіи вдругъ повернуло государство отъ застоя къ быстрому, живому и широкому историческому движенію путемъ разнообразныхъ, всестороннихъ радикальныхъ реформъ. Одни данные необработанные матеріалы для новаго Уложенія, доставленные и собранные комиссіею 1767 года и 19 частными комиссіями, подвинули на полстолѣтіе впередъ законодательную дѣятельность и послужили къ созданію всѣхъ тѣхъ учреждений, которыми болѣе всего прославилось царствованіе Екатерины и ознаменовались въ Россіи семидесятые и восьмидесятые года прошедшаго вѣка. Таковы: учрежденіе для управленія губерній (6 ноября 1775 года), уставъ благочинія (8 апрѣля 1782 года), указъ объ учрежденіи народныхъ училищъ (7 сентября 1782 года), городское положеніе (21 апрѣля 1785 г.) и многіе другіе. Проекты всѣхъ этихъ законоположеній начертаны были комиссіями депутатовъ. По окончаніи первой турецкой войны въ 1774 году всѣ эти проекты были мало-по-малу извлекаемы изъ архива комиссіи и, подверженные пересмотру, дополненные, измѣненные, согласно съ видами петербургскаго правительства, уже подъ редакціею и прессою бюрократіи, приводились въ исполненіе. Главная же существенная работа и заслуга въ составленіи всѣхъ этихъ законоположеній все-таки исключительно принадлежитъ общей комиссіи 1767 года и частнымъ комиссіямъ. Многія идеи депутатской комиссіи 1767 года стали насущными вопросами XIX вѣка, заняли лучшіе государственные умы». Таковъ взглядъ Шапова. Все это можетъ казаться послѣдовательнымъ, но не надобно упускать изъ вида той двигательной силы, которая и въ XVIII, и во всякомъ другомъ вѣкѣ руководитъ человѣческими мыслями и дѣлами. Эта сила—духъ времени. Конечно, нѣкоторые изъ депутатовъ были изъ немногихъ еще въ тѣ годы русскихъ, усвоившихъ до извѣстной степени плоды западно-европейскаго просвѣщенія, и находились подъ вліяніемъ господствовавшихъ тогда на Западѣ философскихъ идей; несомнѣннѣе еще то, что сама великая государыня была пропитана этими идеями, а съ нею вмѣстѣ оказывали онѣ свое дѣйствіе и на государственныхъ людей, принимавшихъ участіе въ законодательствѣ и управленіи. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если въ учрежденіяхъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка проглядываетъ сходство съ нѣкоторыми проектами, подававшимися въ комиссію. Не видимъ, однако, чтобъ такіе проекты принимались цѣликомъ и съ сознаниемъ, что имѣютъ особую цѣну именно оттого, что были одобрены этой комиссіею; напротивъ, по выраженію самого Шапова, «приводились въ исполненіе пересмотрѣнные и измѣненные согласно видамъ петербургскаго правительства». Гораздо правильнѣе можно признать важность вліянія комиссіи на перемѣны, происшедшія во взглядахъ и направленіи внутренней политики Екатерины. До тѣхъ поръ мы видимъ, что императрица была податлива къ французскому ученію о равноправности и свободѣ и ненавидѣла крѣпостное право. Не такова была она въ послѣдствіи. Никто изъ русскихъ государей не возвысился до такой степени дворянства въ смыслѣ привилегированнаго сословія, никто не упрочилъ такъ власти дворянъ надъ ихъ рабами. Многія обстоятельства произвели такую перемѣну и поддерживали новое направленіе государыни, а въ числѣ ихъ была, безспорно, комиссія. Государыня приказала собрать со всей Земли депутатовъ и дозволила

¹⁾ Земск. соборъ 1648—1649 годовъ и собраніе депутатовъ 1767 г.

имъ высказываться въ известной степени свободно для того, чтобы этимъ способомъ имѣть возможность познакомиться съ умоначертаніемъ народнымъ, чтобы узнать, чего желаетъ себѣ Россія? И что же узнала она? Что Россія болѣе всего желаетъ рабства, что Россія держится раздѣленіемъ своихъ жителей на гнетущихъ или желающихъ гнести другихъ и на безгласныхъ, гнетомыхъ. Послѣ такого дознанія, какое же примѣненіе французскихъ либеральныхъ идей къ русской жизни могла сдѣлать великая государыня? И ея здравый природный умъ, и ея начитанность и, наконецъ, болѣе всего опытъ показали ей, что въ ея положеніи для охраненія самодержавія верховной власти и всего соединеннаго съ нимъ порядка и спокойствія въ государствѣ необходимо не только не разрушать правъ высшаго класса надъ крѣпостными крестьянами, но расширять ихъ и поддерживать, чтобы тѣмъ привязать къ самодержавной власти дворянъ, мелкихъ властелиновъ. И великая государыня не ошиблась. Въ Малороссіи и въ Слободской Украинѣ поселане еще не были прикрѣплены къ землѣ за своими помѣщиками. Екатерина сравняла эти края съ остальною Россією, а черезъ то, бесспорно, выиграла много. Гетманщина не могла бы такъ скоро и легко примириться съ уничтоженіемъ своего давняго порядка, если бы тамошніе сильные и вліятельные люди не увидали собственной выгоды въ такомъ уничтоженіи. И кто же первый указалъ эту истину либеральствовавшей еще государынѣ, какъ не депутаты этой комиссія, показывавшіе, что людямъ, ее составляющимъ, болѣе всего желательно быть рабовладѣльцами? Да, если что важнаго учинило въ нашей исторіи это послѣднее собраніе земскихъ людей, то именно, что оно осватило и узаконило рабовладѣніе въ Россіи почти на цѣлое столѣтіе.

Наши земскіе соборы нельзя ни въ какомъ отношеніи разсматривать какъ что-то похожее на западно-европейскіе парламенты и національнныя собранія народныхъ представителей. Это не были учрежденія, установленныя закономъ, съ своими пріемами въ составѣ, дѣлопроизводствѣ и съ опредѣленною сферою для дѣятельности. Они не опирались ни на какомъ государственномъ актѣ, въ родѣ какой-нибудь великой хартіи, золотой буллы или чего-нибудь подобнаго. Не было опредѣленныхъ навсегда правилъ: по какимъ поводамъ созывать соборы, въ какіе сроки должны быть созываемы подобныя сборища; не было опредѣлено обязанностей ни предсѣдателя, ни секретаря этого собранія, и тому подобнаго. Все зависѣло отъ воли царя—прикажетъ выбрать изъ такихъ-то мѣстъ столько-то лицъ, изъ такого-то и такого чина, и выборнымъ ѣхать въ Москву... тамъ ихъ спрашиваютъ, о чемъ сами хотятъ спрашивать, не болѣе,—они отвѣчаютъ, толкуютъ, но толки ихъ и замѣчанія не имѣютъ сами по себѣ смысла верховнаго рѣшенія: ихъ слушаютъ, сколько хотятъ, и распускаютъ выборныхъ, когда захотятъ. Словомъ сказать, это былъ способъ узнать въ данное время народное умоначертаніе, какъ говорилось при Екатеринѣ, и, кажется, пришли къ мысли созывать въ столицу такія сборища главнымъ образомъ по причинѣ всеобщей малограмотности въ оное время. Если бы въ XVII вѣкѣ могли существовать, какъ въ нашъ вѣкъ, журналы и газеты, то не нужно было бы созывать земскихъ соборовъ: достаточно было бы дозволить объ известныхъ вопросахъ излагать свободно разсужденія, и потомъ правящая власть могла бы сообразить различныя мнѣнія, уразумѣть, что думаетъ о такихъ-то данныхъ русское общество, а потомъ уже полагать отъ себя рѣшенія. Все равно, сужденія земскихъ соборовъ не имѣли обязательной для власти силы; напримѣръ, въ 1642 году зем-

скіе люди рѣшили, чтобъ вести войну съ турками, однако, войны не послѣдовало. Соборамъ, какъ можно видѣть, придавалась большая сила по вопросу объ избраніи царей, и это, очевидно, оттого, что избранный могъ забрать въ свои руки матеріальную силу, способную укротить противниковъ. Но и въ такихъ случаяхъ мы видимъ, что согласіе земскихъ выборныхъ не обезпечивало власти царя, если на противной царю сторонѣ оказывалась сила. Бориса избраніе не спасло отъ Самозванца, явившагося съ такимъ именемъ, которое въ глазахъ народа имѣло болѣе права, а Петръ хоть и выбранъ былъ выборными людьми, но подъ напоромъ стрѣльческаго бунта принужденъ былъ раздѣлить престолъ съ братомъ. Внутреннія и внѣшнія обстоятельства подняли-было земскіе соборы при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, когда Земля, сплотивши безъ государя распатанное государство и избравши себѣ царя, должна была вмѣстѣ съ нимъ приводить къ совершенію дѣло, ею начатое еще безъ государя. Тогда земскіе соборы стали собираться такъ часто, что, казалось, становились необходимыми органами государственнаго управленія. Но государство начало приходить въ прежній строй, и земскіе соборы собираются рѣже, а наконецъ, къ концу XVII вѣка, такъ сказать, испаряются. Мы не встрѣчаемъ и тѣни существованія въ нихъ чего-нибудь подобнаго тому, что называется на Западѣ оппозиціею власти. Выборные люди всегда почти, заявляя свое мнѣніе, когда у нихъ его спрашиваютъ, обыкновенно прибавляютъ, что во всемъ будетъ государская воля, какъ великому государю Богъ извѣститъ. Не видно также, чтобъ русскіе люди сколько-нибудь дорожили созываніемъ выборныхъ людей, какъ своимъ правомъ, а скорѣе смотрѣли на выборы и на поѣздку въ Москву, какъ на повинность, исполняемую по царской волѣ, что доказывается примѣрами. когда правительство, созывая выборныхъ, принуждено бывало писать повторительные указы объ ихъ прибытіи въ столицу, чтобъ не было остановки государевымъ и земскимъ дѣламъ. При такомъ взглядѣ и при такихъ отношеніяхъ къ дѣлу понятно, что эти соборы собирались только до тѣхъ поръ, пока верховной власти угодно было ихъ собирать, а когда государи перестали устраивать земскіе соборы, то никто не домогался, чтобъ они созывались, никто не заявлялъ потребности въ нихъ, и они забылись до такой степени, что въ настоящее время исторія ощущаетъ недостатокъ въ свѣдѣніяхъ о земскихъ соборахъ едва ли не болѣе, чѣмъ о многихъ другихъ общественныхъ явленіяхъ старинной русской жизни.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДЕВЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ.

	СТРАН.
I. Жилыя мѣстности	6
II. Города	8
III. Москва	16
IV. Посады	22
V. Слободы	26
VI. Села и деревни	27
VII. Дворы и дома	30
VIII. Домашняя мебель и утварь	42
IX. Одежда	52
X. Пища и питье	67
XI. Образъ домашней жизни	76
XII. Здоровье и болѣзни	81
XIII. Семейные нравы	84
XIV. Порядокъ домоуправленія	90
XV. Выѣздъ изъ дома и путешествіе	97
XVI. Приѣмъ гостей. Обращеніе	101
XVII. Пиршества. Пьянство	105
XVIII. Увеселенія, Игры, Забавы	112
XIX. Праздники	121
XX. Домашніе обряды. Родины и крестины. Бракъ. Новоселье. Смерть. По- гребеніе	125
XXI. Вѣрованія	146
<hr/>	
Старинные земскіе соборы	177

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА

Историческія монографіи и изслѣдованія

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Томъ двадцатый.

ИЗДАНИЕ

Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ

(„Литературнаго Фонда“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1905.

ОЧЕРКЪ ТОРГОВЛИ
МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА

ВЪ XVI и XVII СТОЛѢТІЯХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Совокупность мѣстныхъ особенностей и вѣковыя обстоятельства исторіи наложили своеобразное очертаніе на всѣ проявленія жизни народа, населявшаго Россію. Плоскость пространства, суровый климатъ, отдаленность отъ театра умственной и гражданственной дѣятельности цивилизованнаго человѣчества, близость къ кочующимъ племенамъ, отъ которыхъ Россія должна была защищать первые начатки своей образованности, слишкомъ слабые не только для того, чтобъ обновить жизнь другихъ, но и для того, чтобъ развиваться своенародно при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ; наконецъ, долговременное иго татарское, изъ-подъ котораго Россія освобождалась медленно, не путемъ открытаго сопротивленія и борьбы, но пользуясь игрою случая и выборомъ обстоятельствъ,—все это вмѣстѣ приготовило для Россіи тотъ образъ, въ которомъ быть ея явился въ XVI вѣкѣ, когда она, освободившись отъ чуждаго завоеванія, установилась на основаніи государственнаго единства и начала новый періодъ своей исторіи, опредѣляемый названіемъ московскаго. Эти условія жизни отразились, между прочимъ, и на русской торговлѣ. Количественное богатство матеріаловъ страны, болѣе дѣятельной и обширной, чѣмъ плодоносной; скудость руководѣльныхъ произведеній; трудъ производителя, тяжелый, вынуждаемый чаще всего вѣчными побужденіями необходимости и неизбѣжности, иногда тою отвагою, которая рождается вслѣдствіе терпѣнія, рѣдко изобрѣтательностью и сознательною надеждою на успѣхъ; неудобства путей сообщенія, подвергавшія торговцевъ невыразимымъ лишеніямъ и опасностямъ; незнаніе техники чужеземныхъ произведеній; невѣдніе способовъ ихъ пріобрѣтенія и сбыта своихъ собственныхъ; недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ и чужой добросовѣстности, а вслѣдствіе того стремленіе обманомъ предупредить обманъ; задержки и препятствія, которыя на каждомъ шагу полагались торговой дѣятельности,—вотъ черты, отличавшія русскую торговлю и составлявшія ея исключительный характеръ.

Паденіе Новгорода, убивъ древній порядокъ раздѣльности и вѣчевого порядка удѣльнаго періода, не осталось безъ важныхъ измѣненій въ торговлѣ. Іоаннъ III, переселивъ во внутренность Московіи знатнѣйшія новгородскія фамиліи, разрушилъ вѣковую корпорацію новгородскихъ гостей, которые до того времени составляли какъ бы компанію, державшую въ своихъ рукахъ всю торговую дѣятельность древняго русскаго міра и исключительно управлявшую тор-

говлею съ Западомъ. Но собственно Новгородъ, въ смыслъ его мѣстности, еще долго не терялъ прежняго значенія; подъ властью Москвы онъ, по крайней мѣрѣ, до открытiя бѣломорскаго пути, не перестаетъ быть важнѣйшимъ пунктомъ торговыхъ сношенiй Россiи съ Европою. Въ Новгородѣ былъ главный обмѣвъ русскихъ сырыхъ произведенiй на иноземныхъ рукодѣльныхъ. Съ разныхъ сторонъ Россiи стекались туда купцы, москвичи, тверитяне, смоляне, съ медомъ, воскомъ, мѣхами, солью, рыбою, лѣсомъ, пенькою, льномъ, угольями ¹⁾, и возвращались съ сукнами, матерiями, драгоценными металлами ²⁾. Покупаемые или вымѣниваемые русскiе товары отправлялись изъ Новгорода двумя путями: въ Иванъ-городъ и въ Псковъ, а изъ Пскова въ Ригу и Литву ³⁾. Изъ иностранныхъ купцовъ, торговавшихъ въ Новгородѣ въ началѣ XVI вѣка, первое мѣсто занимали фламандцы, за ними литвины. Такое стеченiе купцовъ давало ему значенiе перваго торжища во всей Россiи ⁴⁾.

Изъ городовъ, сосѣднихъ съ Новгородомъ, занимало важное мѣсто Бѣлоозеро, переволочный торговый пунктъ между Новгородомъ и сѣверо-востокомъ Россiи; тамъ былъ постоянный торгъ или ярмарка, куда съѣзжались купцы тверскiе, новгородскiе и другихъ городовъ, а равно и изъ монастырей, занимавшихся тогда большою торговлею. Сами бѣлоозерскiе торговцы производили значительныя закупы разныхъ оптовыхъ товаровъ, напримѣръ, соли съ Сѣвернаго моря, и перепродавали купцамъ другихъ городовъ. Въ XVI вѣкѣ не только самый городъ, но и прилежащiя къ нему населенiя начали принимать торговый характеръ; но московское правительство, наблюдая свои выгоды и опасаясь, что при расширенiи торговыхъ пунктовъ трудно будетъ слѣдить за собиранiемъ пошлинъ, въ 1497 году уничтожило торги въ селахъ, исключая одного города и волости Углы ⁵⁾. Судьба Пскова была подобна судьбѣ Новгорода. Паденiе вѣча въ 1510 году сопровождалось такими же переселенiями псковскихъ купеческихъ фамилiй во внутренность Московскаго Государства и замѣщенiемъ ихъ москвитянами. И здѣсь угасла вѣковая торговая корпорацiя мѣстныхъ старожиловъ, а новыя общественныя условiя не дозволили новому купечеству современемъ сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ было прежде. Василий Юанновичъ уничтожилъ вмѣстѣ съ гражданскою свободою Пскова и торговую вольность его, ввелъ тамгу и пошлины, лежавшия на торговлѣ въ Московскомъ государствѣ, которыхъ никогда не знали во Псковѣ ⁶⁾. Такимъ образомъ, выгоды, которыя извлекали псковскiе купцы, бывшия, по положенiю своего отечества, факторами между Европою и Россiею, не оставались уже для нихъ исключительнымъ достоянiемъ, а переходили въ руки правительства. Но Псковъ не пересталъ быть городомъ, важнымъ для торговли. Онъ стоялъ на распутьи торговаго обмѣна. Мы выше замѣтили, что часть товаровъ, выходящихъ изъ Новгорода, проходила въ Псковъ. Самый Псковъ имѣлъ три пути сбыта и привоза: первый до Иванъ-города, вѣроятно, водяной, второй къ Ригѣ,

1) Акты Археографической Экспедицiи, изд. 1836 г., I, 323, 324.

2) Ibid., I, 398—400.

3) Собрание государственныхъ грамотъ и договоровъ, хранящихся въ Государственной Коллегiи Иностранныхъ Дѣлъ, II, 89—91.

4) Anglorum Navigatio ad Moscovitas, 10. (Edit. Starczewski).

5) А. А. Э., I, 100—101.

6) Полн. Собр. Русск. Лѣт., т. IV, изд. Археогр. Ком., 1848 г. Псков. лѣт., I, 282.

третій въ Литву ¹⁾. Главные иностранные купцы, торговавшіе во Псковѣ, были ливонцы, скупавшіе въ этомъ городѣ огромное количество воску и меду. Эти два матеріала изъ всей обширной Россіи приходили преимущественно во Псковъ и оттуда шли въ Ригу, которая снабжала ими всю Европу ²⁾.

Въ Москву въ XV вѣкѣ стекалось множество европейскихъ купцовъ изъ Польши и Германіи ³⁾ для покупки мѣховъ, которые въ московской торговлѣ занимали первое мѣсто между вывозными товарами ⁴⁾. Торговля эта происходила въ гостиниомъ дворѣ; онъ въ началѣ XVI вѣка помѣщался въ обширномъ каменномъ зданіи, котораго лавки поражали глаза разнообразіемъ привозимыхъ товаровъ. Самое торговое время въ Москвѣ была зима, по причинѣ болѣе удобнаго сообщенія, въ особенности для пріѣзжавшихъ изъ Литвы чрезъ Смоленскъ, потому что лѣтняя дорога этого пути находилась постоянно въ самомъ дурномъ положеніи. Лѣтнимъ путемъ служила Москва-рѣка, судоходная версть за сорокъ выше Можайска; по ней проходили въ Москву суда съ товарами и пригоняли лѣсъ, но вообще этотъ путь не былъ вполне удобенъ по причинѣ извилистаго русла рѣки, и зимній путь считался лучшимъ. Въ XVI вѣкѣ не всѣ иностранцы имѣли право торговать въ Москвѣ; туда пріѣзжали преимущественно поляки; нѣмцы, шведы и ливонцы ѣздили въ Новгородъ ⁵⁾. Каждый торговецъ, привозившій въ Москву свои товары, долженъ былъ показать ихъ таможеннымъ чиновникамъ, которые составляли имъ подробную опись и оцѣнку и представляли на благоусмотрѣніе государя; если великій князь пожелаетъ купить въ свою казну что-нибудь изъ привезенныхъ товаровъ, то купецъ не имѣлъ права торговать, пока не окончится выборъ для великокняжеской казны. Такія задержки и стѣсненія, вѣроятно, были причиною того, что вообще иноземные купцы охотнѣе ѣздили въ Новгородъ, гдѣ это правило не наблюдалось въ такой строгости, и если существовало, то ограничивалось нѣкоторыми статьями, а потому-то англичане, пріѣхавшіе въ Россію, нашли Новгородъ въ торговомъ отношеніи значительно царской столицы ⁶⁾.

На сѣверо-востокъ отъ Москвы въ первой половинѣ XVI вѣка имѣлъ торговое значеніе Дмитровъ ⁷⁾, потому что изъ него открывался важный путь въ Волгу: суда шли по Яхромѣ въ Сестрью, изъ Сестри въ Дубну, а Дубною входили въ Волгу. Такимъ образомъ, товары, привозимые изъ восточныхъ странъ, могли доходить водою въ Дмитровъ, а оттуда сухонутьемъ перевозились въ Москву. Дмитровъ, между прочимъ, былъ средоточіемъ рыбной торговли, имѣвшей въ тотъ вѣкъ важное значеніе внутри края; по вышеупомянутому пути доставлялась рыба изъ Шексны ⁸⁾. Въ окрестныхъ селахъ Кимрѣ и Рогачевѣ образова-

¹⁾ Herberstein. *Historiae Ruthenicae Scriptores exteri saeculi XVI.* (Изд. Старчевскаго), I, 51—52.

²⁾ Каменнае (Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи, изд. Каллистр. и Семенова), 31.

³⁾ Контарини (Библиотека иностранныхъ писателей о Россіи, изд. Каллистратова и Семенова), 111.

⁴⁾ Herberst., 40.

⁵⁾ Ibid., 41.

⁶⁾ Angl. Navigat., 10.

⁷⁾ Herberst., 52.

⁸⁾ А. А. Э., I, 309.

лись также торговые пункты для хлѣба, соли и скота ¹⁾. Далѣе, на устьѣ Шексны образовался рыбный рынокъ; множество купцовъ съѣзжались туда изъ разныхъ краевъ Россіи для скупа шексенской рыбы, которая славилась повсюду; между прочимъ, монастыри посылали туда своихъ людей и крестьянъ для покупки значительныхъ партій рыбы.

На устьѣ Мологи существовала первая въ то время въ Россіи ярмарка. Она была близъ прежняго Холопьяго-городка, построеннаго, какъ говорило преданіе, новгородскими рабами, которые въ отсутствіе господъ воспользовались ихъ супружескими правами, а по возвращеніи господъ бѣжали на устье Мологи и тамъ построили укрѣпленіе и защищались въ немъ отчаянно, но наконецъ были взяты силою ²⁾. Подъ именемъ Холопьяго-городка еще въ XVI вѣкѣ существовало поселеніе; въ разстояніи же нѣсколькихъ верстъ отъ него, при самомъ устьѣ Мологи, стояла на скалѣ церковь; въ виду ея простирался широкой лугъ, на которомъ собиралась знаменитая ярмарка. Преданія, сохранившіяся о ней въ концѣ XVII вѣка, когда она давно уже не существовала, уступивъ мѣсто другимъ торжищамъ, даютъ ей очень важное значеніе. Торгъ продолжался ежегодно въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ. Широкое устье Мологи до того было заграждено судами, что люди безъ перевозовъ переходили по судамъ съ одного берега на другой. Купцы разныхъ странъ—нѣмцы, поляки, литовцы, греки, итальянцы и персіяне—раскладывали на обширномъ дугу свои товары, удивлявшіе красотою узорочья незнакомую съ фабричною и искусственною производительностью Россію. Семьдесятъ кабаковъ съ питьемъ разливали веселость въ толпѣ. Оборотъ на этой ярмаркѣ былъ такъ великъ, что сборщики пошливъ приобрѣтали въ казну великаго князя до 180 пудовъ серебра. *Бывшій тогда въ память свою намъ повѣдаши яже отъ отецъ своихъ слышаша*, говоритъ описывавшій невиданную уже имъ ярмарку діаконъ Каменевичъ-Рвовскій, писавшій въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія ³⁾. Герберштейнъ, посѣщавшій Россію тогда, когда ярмарка Холопьяго-городка еще существовала, говоритъ, что туда стекались шведы, поляки, литовцы, но преимущественно татары и турки ⁴⁾. Торгъ этого торжища былъ преимущественно мѣновой, такъ что почти обходилось безъ серебра и золота. Пріѣзжіе купцы промѣнивали шитыя одежды, ткани, ножи, топоры и посуду на сырыя произведенія края, въ особенности на мѣха ⁵⁾. Это извѣстіе современника показываетъ, что сказаніе конца XVII вѣка преувеличено, но тѣмъ не менѣе послѣднее служитъ доказательствомъ, что ярмарка Холопьяго-городка дѣйствительно была очень важною въ свое время, когда оставила въ грядущихъ вѣкахъ такую память о своемъ существованіи.

Въ сѣверо-восточной Россіи Вологда и Устюгъ были города уже съ торговымъ значеніемъ. Край Вологодскій былъ богатъ льномъ и саломъ, и Вологда была сборнымъ пунктомъ этихъ произведеній, отправляя ихъ въ Новгородъ ⁶⁾. Въ Устюгѣ былъ мѣновой торгъ мѣхами, которые добывались на Двинѣ и на Вагѣ,

1) Ibid., 213.

2) Herberst., 51.

3) Карамзинъ. Истор. Гос. Росс., изд. 1817, IV. Пр. 323.

4) Herberst., 40.

5) Herberst., 53.

6) Angl. Navig., 10.

а также привозимы были сосѣдными восточными инородцами: югрою, вогуличами, печерянами, пермяками и отчасти русскими промышленниками, которые сами ходили въ глубины сѣверо-восточныхъ лѣсовъ ¹⁾. Изъ Бѣлоозера приходили въ Устюгъ, чрезъ Кубенское озеро, суда съ хлѣбомъ и разными произведеніями природы и рукодѣля для обмѣна съ инородцами на мѣха; между прочимъ, Кирилло-Бѣлоозерскій монастырь ежегодно отправлялъ въ Устюгъ суда съ товарами, преимущественно съ кожей ²⁾. Торговое плаваніе отъ Устюга до Холмогоръ по Двинѣ существовало въ началѣ XV вѣка, и въ Холмогорахъ была ярмарка, на которой торговали мѣхами ³⁾. Смѣльчаки-промышленники спускались изъ Холмогоръ въ Сѣверное море, направляли путь вдоль праваго берега, входили въ Мезенскую губу, проплывали по Мезенѣ, потомъ по Пезѣ, а оттуда короткимъ волокомъ переходили въ рѣку Цыльму и входили въ широкую Печору, по которой достигали Пустозерска. Нѣкоторые ходили въ Усу, а оттуда волокомъ переправлялись въ Сыгву, спускались въ Обь и доходили даже до Иртыша ⁴⁾. Само собою разумѣется, что этотъ путь былъ продолжителенъ и исполненъ опасностей и большихъ затрудненій. Тамъ промышленники ловили пушныхъ звѣрей или вымѣнивали мѣха у туземцевъ; другіе вымѣнивали моржей для зубовъ, цѣнныхъ въ то время въ торговлѣ; иные привозили изъ отдаленныхъ краевъ рѣдкихъ птицъ—соколовъ и кречетовъ, составлявшихъ любимую забаву знатныхъ ⁵⁾. Въ землѣ самоѣдовъ, недалеко Мезеня, въ селеніи Лампожнѣ, была ярмарка, на которую съѣзжались изъ Холмогоръ разные купцы, для вымѣна шкуръ и мѣховъ отъ самоѣдовъ, какъ это свидѣтельствуетъ грамота Іоанна IV, въ 1547 году, гдѣ сказано: «Самоѣды пріѣзжаютъ въ Лампожны торговати съ русаки». Нѣкоторые изъ Устюга предпринимали промышленныя и торговыя путешествія въ Вятку и Пермь: путь ихъ лежалъ изъ Устюга по рѣкѣ Югу, а потомъ волокомъ они переходили въ Вятку; этотъ путь, однако, не считался безопаснымъ, потому что купцы претерпѣвали несчастія отъ разбоевъ воинственныхъ черемисъ ⁶⁾. Въ Вятскомъ краѣ привлекала промышленниковъ ловля бобровъ въ рѣкахъ и бѣлогахъ въ дремучихъ лѣсахъ: этимъ промысломъ занимались татары и продавали свою добычу русскимъ купцамъ. Такимъ образомъ, ловля бобровъ происходила въ XVI вѣкѣ въ рѣкѣ Чепцѣ и въ озерѣ того же имени ⁷⁾. Кромѣ мѣховъ, русскіе торговцы покупали въ Вятскомъ краѣ лошадей, которыя тогда уже приобрѣли извѣстность ⁸⁾.

Какъ ни затруднительны, какъ ни опасны были путешествія въ глубинѣ суроваго, негостепріимнаго, дикаго сѣверо-востока, однако, польза, какую полу-

¹⁾ Павелъ Іовій (Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, изд. Каллистратова и Семенова).

²⁾ Дополненія къ Актамъ историческимъ, собранныя и изданныя Археографическою Коммиссіею, 12 томовъ. 1846—1872, т. I, 236.

³⁾ Angl. Navigat., 10.

⁴⁾ Herberst., 55.

⁵⁾ Раф. Барберини (Библіотека иностранныхъ писателей о Россіи, изд. Каллистратова и Семенова), 49.

⁶⁾ Herberst., 57.

⁷⁾ Акты Археогр. Эксп., I, 217.

⁸⁾ Herberst., 56.

чали отъ нихъ торговцы, была столь велика, что заставляла ихъ отвѣживаться на все: въ XVI вѣкѣ въ короткое время торговцы могли составить огромный капиталъ отъ такихъ поѣздокъ, потому что они вымѣнивали цѣнные пушные мѣха на совершенную бездѣлицу; напримѣръ, за желѣзный топоръ пермскій дикарь давалъ столько мѣховъ, сколько можно было, связавъ ихъ вмѣстѣ, продѣтъ въ отверстіе топора, куда вкладывается топориче ¹⁾). Эта торговля знакомила сѣверо-восточныхъ дикарей съ первыми зачатками цивилизаціи, ибо русскіе привозили имъ хлѣбъ, одежды, посуду ²⁾). Тогда какъ одни промышленники, выходя изъ Двины въ море, отправлялись на востокъ, другіе отправлялись по морю на западъ, въ землю лопарей, и вымѣнивали рыбу за первые предметы гражданственнаго быта ³⁾). По берегамъ Ледовитаго моря русскіе промышленники занимались ловлею бѣлыхъ медвѣдей, моржей, рыбы и вываркою соли. Каргопольцы, порожане, устьмошане, мехренжане ѣздили къ морю лѣтомъ на судахъ, зимою на саняхъ и привозили оттуда большой запасъ соли, которую складывали въ Турчасовѣ и Порогѣ, гдѣ наемные казаки набирали ее въ рожи. Они продавали ее, между прочимъ, бѣлоозерскимъ купцамъ ⁴⁾). Соль вываривалась въ большомъ количествѣ въ вотчинахъ Соловецкаго монастыря и составляла важный доходъ его, приобретаемый торговлею ⁵⁾). И другіе монастыри имѣли тамъ соляныя варницы, напримѣръ, монастырь св. Николая у Неноксы.

Изъ городовъ волжскаго бассейна Ярославль, Нижній и Балахна въ первой половинѣ XVI вѣка были торговыми городами. Страна, прилегавшая Ярославлю, славилась своимъ хлѣбородіемъ, а потому городъ Ярославль былъ мѣстомъ хлѣбнаго закупа ⁶⁾). Въ Нижнемъ и Балахнѣ существовали торжища: это видно, между прочимъ, изъ привилегіи, данной Данилову монастырю въ Переяславлѣ, на безошлинную отправку разныхъ произведеній изъ монастырскихъ имѣній на продажу въ Нижній и Балахну ⁷⁾). Казань еще въ XV вѣкѣ ⁸⁾ передавала Россіи мѣха, получаемые изъ Джагатая, и, вѣроятно, черезъ Казань доставлялись въ Россію бухарскія шелковыя ткани ⁹⁾). Изъ мѣховъ, доставляемыхъ въ Россію Казанью, славилась преимущественно бѣлка, которыхъ ловили на Яикѣ, куда русскіе еще не успѣли проникнуть ¹⁰⁾). Что въ XV вѣкѣ русскіе купцы ѣздили также въ Казань, это видно изъ грамоты митрополита Іоны въ 1461 г. къ казанскому царю, въ которой онъ проситъ покровительства къ своимъ людямъ, отправленнымъ въ Казань съ *ружлядью*; митрополитъ напоминаетъ казанскому царю, что онъ всегда былъ благосклоненъ къ русскимъ купцамъ, пріѣзжавшимъ въ Казань для торговли ¹¹⁾). Торговля съ татарами не всегда была без-

¹⁾ Пав. Іов., 41.

²⁾ Herberst., 78.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ А. А. Э., I, 200.

⁵⁾ Herberst., 52.

⁶⁾ Ibid.

⁷⁾ А. А. Э., I, 212.

⁸⁾ Барберини, 96.

⁹⁾ Ibid., 57.

¹⁰⁾ Herberst., 41.

¹¹⁾ Акты Историческіе, I, 119.

опасна; такъ, въ 1523 году въ Казани перебили всёхъ русскихъ купцовъ ¹⁾. Но русскіе вели постоянную съ ними торговлю: доставляли татарамъ европейскія шерстяныя матеріи, отъ нихъ получали лошадей, которыя были тогда въ большомъ уваженіи ²⁾. Татары обыкновенно вели съ русскими мѣновую торговлю, но иногда продавали свои товары на чистую монету ³⁾. По извѣстію Барбаро ⁴⁾, въ XV вѣкѣ русскіе посылали суда свои по Волгѣ въ Астрахань за солью. Въ концѣ XV вѣка между Москвою и Астраханью ходили караваны. Путешествіе это было очень затруднительно, по недостатку пристанища, продовольствія и частымъ разбоямъ на пути. Поэтому купцы старались везти свои товары тогда, когда астраханскій царь посылалъ московскому великому князю подарки, что случалось почти каждый годъ. Съ этимъ посольствомъ отправлялось до трехсотъ русскихъ и восточныхъ купцовъ съ товарами, а татары за караваномъ гнали стада лошадей, которыя служили имъ не только для продажи въ Россію, но и для пищи во время дороги, потому что они не брали съ собой хлѣба. Караванъ шель по правой сторонѣ Волги, но иногда сначала по лѣвой, для избѣжанія нападена отъ татаръ Золотой Орды; самое опасное мѣсто было тамъ, гдѣ Волга въ своемъ теченіи сближается съ Дономъ. Потомъ караванъ переправлялся на правую сторону Волги на плотахъ и шель по степи до жилыхъ предѣловъ Россіи. Путь его лежалъ чрезъ Рязань и Коломну. Дорогъ совершенно не было. Негдѣ было укрыться отъ дожда и зноя. Путники ночевали подъ открытымъ небомъ, ограждаясь повозками въ видѣ укрѣпленія. Для предосторожности ставили трехъ часовыхъ: одного на правой, другого на лѣвой сторонѣ табора, третьяго позади. Каждую минуту можно было ожидать нападена. Глаза не встрѣчали въ этой безбрежной степи ничего, кромѣ верблюдовъ и растерянныхъ лошадей или татаръ въ повозкахъ. Такъ передаетъ намъ картину этого путешествія очевидецъ Контарини, который ѣхалъ въ Москву съ караваномъ съ 10 августа по 23 сентября ⁵⁾. Въ Астрахани въ XV—XVI вѣкахъ, до покоренія ея Іоанномъ, была ярмарка, куда съѣзжались армянскіе и персидскіе купцы ⁶⁾. Астрахань была тогда важнѣйшимъ пунктомъ торговли Венеціи съ Востокомъ. Торговля эта шла черезъ Тачу или Азовъ, отстоявшій на восемь дней пути отъ Астрахани. Но уже въ послѣдней половинѣ XV вѣка Контарини замѣтилъ, что Астрахань представляла новыя мазанки среди старыхъ красивыхъ развалинъ ⁷⁾. Она не могла поправиться со времени разрушенія ея Тамерланомъ.

Другой путь Россіи на югъ былъ Дономъ до Азова и по Азовскому морю до Кафы ⁸⁾. Мѣстомъ отправки русскихъ произведеній, выходившихъ изъ Руси этимъ путемъ, и пунктомъ складки привозимыхъ былъ Данковъ, городъ обширный и замѣчательный. Плаваніе по Дону до Азова совершалось въ двадцать

¹⁾ Ист. Г. Росс., VII, 124.

²⁾ Пав. Іовій, 27.

³⁾ Контарини, 92.

⁴⁾ Барбаро (Библиотека иностр. писателей о Россіи, изд. Калистратова и Семёнова), 95.

⁵⁾ Контарини, 92—103.

⁶⁾ Пав. Іовій, 68.

⁷⁾ Контарини. Capit., VII, 170—174.

⁸⁾ Барбаро, 60.

дней ¹⁾. Въ 1499 году мы встрѣчаемъ еще другой пунктъ нагрузки на рѣкѣ Мечѣ, на урочищѣ, называемомъ Каменнымъ Конемъ ²⁾. Азовъ былъ наполненъ торговцами, и не только выгоды привлекали иноземцевъ въ тотъ городъ, но и свобода и веселость жизни ³⁾. Впрочемъ, донская торговля не могла достигнуть большого размѣра, потому что Донъ не во всякое время былъ судоходенъ, а только весною и въ дождливое осеннее время ⁴⁾. Третій путь Россіи на югъ былъ по Днѣпру. Вязма была главнымъ пунктомъ, гдѣ нагружались и разгружались суда съ товарами ⁵⁾. Водяной путь оканчивался Кіевомъ: отсюда товары шли до Кафы караваномъ по степи. Это путешествіе сопровождалось большими опасностями отъ татарскихъ набѣговъ, а потому торговля по днѣпровской системѣ не могла имѣть большаго успѣха ⁶⁾.

Таковы были главные пункты и главные исходы русской торговли до прибытія англичанъ. Пути сообщенія находились вообще въ самомъ невыгодномъ состояніи и ужасали иностранцевъ, пріѣзжавшихъ въ Россію. Вся Московія (говорить Павелъ Ювій) была непроходима въ лѣтнее время по причинѣ грязи и дурныхъ дорогъ; весною таящіе снѣга превращали поля въ совершенныя болота и въ дождливое лѣто лужи стояли по дорогамъ до осени. Не говоря уже о такихъ путяхъ, какъ, напримѣръ, на сѣверо-востокъ или въ Астрахань, гдѣ путешественникъ каждый разъ отправлялся какъ бы для открытія новыхъ земель, самые обыкновенные торговые пути были въ дурномъ состояніи. Дорога изъ Новгорода къ Ивань-городу—важнѣйшій путь сбыта русскихъ произведеній за границу—шла по узкимъ, невыносимымъ тропинкамъ, посреди лѣсовъ и степей; не было ни гостинницъ, ни дворовъ, гдѣ бы путешественникъ могъ отдохнуть; окрестности казались безлюдною пустынею; только кое-гдѣ мелькали деревушки ⁷⁾. Дорога отъ Новгорода въ Москву шла по дикой пустынѣ ⁸⁾. Путь отъ Вильны до Москвы чрезъ Смоленскъ былъ непроходимъ лѣтомъ и только одна дорога изъ Пскова въ Ригу была самая удобная и населенная ⁹⁾.

Изъ всѣхъ статей русской торговли мѣха занимали въ то время важнѣйшее мѣсто. Торговля съ Россією, несмотря на всѣ затрудненія, занимала умы въ Европѣ болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Во-первыхъ, въ Европѣ была тогда чрезвычайная мода на мѣха ¹⁰⁾, а Россія могла доставлять этотъ товаръ; во-вторыхъ, при неточности тогдашнихъ географическихъ свѣдѣній торговцы Европы вздумали проложить путь въ Индію чрезъ Россію и тѣмъ подорвать монополію Испаніи и Португаліи. Генуэзецъ Павелъ Ювій предполагалъ, что стоило только перевезти товары изъ Индіи волокомъ въ рѣку Оксъ (Аму-Дарью), которая, по его мнѣнію, впадала въ Каспійское море, и потомъ провозить ихъ Волгою, по Россіи,

1) Раф. Барбер., 13.

2) Ист. Г. Р., VI, 268.

3) Herberst., 46.

4) Ibid., 45.

5) Ibid., 41.

6) Контар., 135.

7) Раф. Барберини, 9.

8) Пав. Юв., 70.

9) Ibid.

10) Chancellor, Hakluyt's, 280.

а потомъ до Вѣлаго моря, и оттуда въ Европу ¹⁾). Эта-то надежда, основанная на недостаточности географическихъ свѣдѣній, привела къ намъ предприимчивыхъ англичанъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Въ Англіи образовалось общество подъ названіемъ Мистерія (The Mistery) Его основателемъ былъ знаменитый Себастьянъ Каботъ, открывшій Сѣверную Америку. Ближайшая цѣль этой компаніи была—открытіе новаго пути въ Китай и Индію чрезъ сѣверныя страны стараго полушарія; къ тому побуждало стремленіе Англіи подорвать монополію Португаліи и Испаніи во всемірной торговлѣ. Эта компанія въ 1552 году снарядила три корабля: «Бона-эсперанца» (120 тоннъ), «Бона-конфиденція» (90 тоннъ) и «Эдуардъ Бонавентура» (160 тоннъ). Главнымъ командиромъ экспедиціи былъ Гугъ Виллоуби, помощникомъ его Ричардъ Ченслеръ. Это была первая экспедиція англичанъ въ полярныя страны. 11 мая 1553 года три корабля снялись съ якорей у Гетфорда. Два изъ нихъ, «Эсперанца» и «Конфиденція», подъ начальствомъ Виллоуби, отдѣлились отъ третьяго, осенью 1553 года попали въ сувой около Святого Носа и, загнанные непогодой въ Нокуевскую губу, были заперты льдомъ. Адмиралъ погибъ со всѣмъ экипажемъ отъ холода и голода. Весною на слѣдующій годъ рускіе рыболовы нашли тѣла несчастныхъ мореходцевъ съ ихъ кораблями.

Третій корабль экспедиціи, «Эдуардъ Бонавентура», присталъ 24 августа 1553 года къ устью Двины и высадился у посада, называемаго Ненокса. Оттуда командиръ корабля отправился въ Холмогоры, явился тамъ воеводѣ Фофану Макарову и земскому судѣ; они послали къ царю Ивану Васильевичу съ донесеніемъ о прибытіи странниковъ, а между тѣмъ перевели корабль въ безопасную Унскую губу. Не дожидаясь царскаго позволенія, которое должно было послѣдовать въ отвѣтъ на донесеніе холмогорскаго начальства, Ченслеръ самъ поѣхалъ на саяхъ въ Москву и получилъ желаемое царское дозволеніе на дорогѣ. Допущенный къ царской аудіенціи, Ченслеръ подалъ царю Ивану Васильевичу грамоту отъ имени Эдуарда VI, написанную ко всѣмъ вообще владыкамъ сѣверныхъ странъ, куда судьба бросила бы посланную экспедицію. Англійскій король просилъ благосклонно принять отправленныхъ мореходцевъ. Іоаннъ Васильевичъ обласкалъ странниковъ какъ нельзя лучше и отвѣчалъ Эдуарду VI дружелюбною грамотою, въ которой изъявлялъ позволеніе англійскимъ торговцамъ торговать въ Россіи свободно безъ всякихъ задержекъ. Ченслеръ уѣхалъ изъ Москвы въ мартѣ 1554 года и возвратился въ отечество прежнимъ путемъ. Тогда въ Лондонѣ образовалось другое общество или торговая компанія съ цѣлью торговли съ Россією и открытія неизвѣстныхъ земель на сѣверѣ. Компанія эта переименовала свое названіе; такимъ образомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ она называлась

¹⁾ Пав. Іов., 59.

Компанію для торговли съ Россією, Персією и сѣверными странами, вообще же въ сокращенномъ образѣ выраженія она называлась *русскою компанією*. Патентъ королевы Маріи ¹⁾ утвердилъ ея организацію. Первенствующее лицо компаніи назывался губерноръ; Себастьянъ Каботъ былъ назначенъ въ эту должность на всю жизнь, а по смерти его члены компаніи должны были выбрать другого голосами. Сверхъ того, компанія ежегодно выбирала двадцать восемь правительственныхъ главныхъ членовъ; изъ нихъ четверо назывались консулами, а двадцать четыре ассистентами. Въ отсутствіе губернатора три консула съ двѣнадцатью ассистентами управляли компанією. Торговля и судебныя дѣла требовали рѣшенія пятнадцати голосовъ, включая въ это число голоса губернатора и двухъ консуловъ; если же губернатора не было налицо, то для составленія законнаго рѣшенія нужно было не двухъ, но трехъ консуловъ. Компанія имѣла право покупать и вообще приобрѣтать земли, не болѣе, однако, какъ на 60 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, издавать свои правила и учрежденія, если только они не были противны законамъ государства, наказывать членовъ компаніи, налагать на нихъ пени и для того имѣть въ разныхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ жить члены, полицейскихъ чиновниковъ, называемыхъ сержантами, плавать по морю, но подъ англійскимъ флагомъ, строить и снаряжать свои корабли, нанимать матросовъ, торговать во всѣхъ портахъ, дѣлать завоеванія и приобрѣтать страны и города въ новооткрытыхъ земляхъ, пользоваться ласковымъ приемомъ русскаго государя и противодействовать всякому совмѣстничеству не только торгующихъ въ Россіи иностранцевъ, но и англійскихъ подданныхъ, не принадлежащихъ компаніи.

Въ 1555 году Ричардъ Ченслеръ отправился самъ въ Москву въ качествѣ посла, былъ принятъ отлично и выхлопоталъ у Іоанна льготную грамоту для англійской компаніи ²⁾. Русскій царь давалъ ей право свободной и безошпинной торговли оптомъ и въ розницу, дозволилъ заводить дворы въ Холмогорахъ и Вологдѣ, безъ платежа съ нихъ податей, подарилъ дворъ въ Москвѣ у церкви св. Максима; дозволилъ имѣть собственный судъ и расправу, а если кто-нибудь войдетъ съ ними въ торговое состояніе, то судъ принадлежалъ царскому казначею; ни таможенники, ни воеводы и намѣстники не смѣли вѣдывать въ ихъ торговля дѣла и задерживать ихъ; они могли держать у себя русскихъ приказчиковъ, но не болѣе одного въ каждомъ дворѣ; царь обѣщалъ имъ справедливость, въ случаѣ какого-нибудь оскорбленія со стороны русскихъ.

Когда Ченслеръ отправился въ отечество, съ нимъ поѣхалъ посланникъ Іоанна Васильевича къ англійской королевѣ, Ненея. У береговъ Шотландіи корабль «Эдуардъ Бонавентура» потерпѣлъ крушеніе, Ченслеръ утонулъ, а Ненея благополучно избѣгнувъ опасности, прибылъ въ Лондонъ и пользовался тамъ чрезвычайно радушнымъ приемомъ. Такъ основалось торговое сношеніе Англии съ Россією.

Съ тѣхъ поръ каждый годъ приходилъ въ Россію большой поѣздъ англійскихъ кораблей съ товарами. Они плавали вокругъ Норвегіи и Швеціи и доплывали къ устью Двины, стараясь всегда совершить это путешествіе въ благопріятное лѣтнее время до наступленія заморозовъ на Сѣверномъ морѣ. Компанія не

¹⁾ Hakl., 298—307.

²⁾ Hakl., 295—298. С.-Петербург. Вѣдомости 1857 г., № 46, стр. 224.

ограничивалась торговлею съ Россією, но хотѣла продолжать первоначальные свои планы открытія новыхъ путей на Востокъ. Лѣтомъ 1555 года Стефанъ Борро, съ товарищами, изъ Колы совершилъ путешествіе до Оби, посѣтилъ Печору, Новую Землю и Вайгачъ ¹⁾. Познакомившись съ берегами Сибири и увидѣвши невозможность проникнуть этимъ путемъ туда, куда бы хотѣлось, англичане начали искать другого направленія. Въ 1557 году явился къ царю одинъ изъ членовъ компаніи, Антоній Дженкинсонъ, уже бывшій передъ тѣмъ въ Россіи. Онъ предложилъ царю открыть торговую дорогу Россіи съ Китаемъ чрезъ Бухарію. Это казалось тѣмъ возможнѣе, что въ то время было слышно, что изъ Китая ходятъ въ Бухару караваны. Дженкинсонъ былъ человѣкъ бывалый, образованный; Востокъ уже былъ ему извѣстенъ, ибо онъ передъ тѣмъ жилъ въ азіатскихъ турецкихъ владѣніяхъ. Іоаннъ далъ ему дозволеніе на проѣздъ до Астрахани, велѣлъ всѣмъ воеводамъ на пути оказывать путешественнику всевозможнѣйшія пособія, снабдилъ Дженкинсона рекомендательными письмами къ закаспійскимъ владѣтелямъ, подражая въ этомъ случаѣ англійскому правительству, такимъ же образомъ познакомившему его съ англичанами. Путешествіе это совершено по водѣ Московоу-рѣкою съ Коломны, оттуда Окою до Нижняго-Новгорода, а потомъ Волгою въ Астрахань. Дженкинсонъ оставилъ Москву 23 апрѣля 1558 года, а въ Астрахань прибылъ 14 іюля. Изъ Астрахани онъ поплылъ по Каспійскому морю, счастливо достигъ Бухары, но тутъ узналъ, что Китай еще слишкомъ далеко и что караваны, ходившіе между Китаемъ и Бухарою, уже перестали ходить. Онъ отказался отъ своихъ плановъ и воротился въ Москву, куда прибылъ въ сентябрѣ 1559 года ²⁾.

Въ 1561 году Дженкинсонъ снова прибылъ въ Москву и предложилъ новый проектъ: проектъ торговли съ Персією. Въ это время случился въ Москвѣ персидскій посланникъ. Дженкинсонъ, снова напутствуемый Иваномъ Васильевичемъ, отправился съ персидскимъ посланникомъ по Волгѣ, достигъ до Астрахани, и поѣхалъ отсюда въ Персію; но это путешествіе было столь же неудачно, какъ и бухарское. Персія была передъ тѣмъ въ войнѣ съ Турцією. На это рассчитывала компанія, думая, что неприязненныя отношенія къ этой державѣ поставятъ Персію въ необходимость получать европейскіе товары чрезъ Россію. Вышло на этотъ разъ не такъ, какъ хотѣли англичане и русскіе. Персія опять получала товары черезъ Турцію. Во всякомъ случаѣ, предприимчивость Дженкинсона не осталась безъ важныхъ результатовъ для Россіи впоследствии.

Въ 1567 году королева Елисавета утвердила торговлю англичанъ съ Россією новымъ патентомъ компаніи. Въ этомъ патентѣ она предоставила и другимъ подданнымъ своимъ, непринадлежащимъ компаніи, торговать въ Россіи въ разныхъ мѣстахъ, кромѣ порта св. Николая. Бѣломорскій путь предоставлялся компаніи потому, что, какъ думали на Западѣ, былъ открытъ людьми, составлявшими компанію. Компанія должна была вести торговлю не иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ, и непременно держать на нихъ матросовъ англійскихъ, а не другихъ націй ³⁾. Иванъ Васильевичъ опредѣлилъ права компаніи другою льготною грамотою, выданною Дженкинсону и послѣ утвержденною при посольствѣ

¹⁾ Nakl., 313.

²⁾ Jenkinson, Nakluyt's, 362.

³⁾ Nakl., 415—418.

Рандольфа въ Россію ¹⁾). Компанія попрежнему могла торговать въ Россіи безпошлинно и свободно, но обязана была показывать привозимые товары въ царскую казну, для выборки изъ нихъ того, что понадобится—старое русское право, соблюдаемое еще въ XV вѣкѣ въ Москвѣ. Члены компаніи могли торговать черезъ Россію съ Востокомъ, но также съ соблюденіемъ подобнаго условія доставки привозимыхъ съ Востока товаровъ для выборки въ царскую казну; имъ дозволено въ русскихъ городахъ заводить конторы и подворья, а въ Вологдѣ канатную фабрику ²⁾; въ Вологдѣ отведено мѣсто для иску желѣзной руды; судъ между купцами компаніи и русскими отданъ опричникамъ, а въ случаѣ вины англійскихъ купцовъ и вообще лицъ, принадлежавшихъ къ вѣдомству компаніи, царь предоставлялъ себѣ право арестовать ихъ и налагать секвестръ на ихъ имущества, равно разбирать долговые дѣла чрезъ своихъ совѣтниковъ. Не позволялось займодавцу посадить должника англичанина въ тюрьму, но велѣно брать за него поручительство въ уплатѣ; дозволялось англійскимъ купцамъ посылать свои комиссіи въ русскіе города для защиты отъ воровъ и разбойниковъ; купцы компаніи могли держать русскихъ работниковъ; допускалось хожденіе англійской монеты въ Москвѣ, Новгородѣ и Псковѣ; дозволялось англичанамъ для своихъ торговыхъ поѣздокъ брать ямскихъ лошадей, давъ только знать чиновникамъ, сколько они ихъ берутъ, чтобы не было убытка казнѣ. Царь предоставлялъ англійской компаніи исключительно Холмогоры, рѣку Печору, рѣку Обь, Колу, Мезень, Печенгу, Соловецкій островъ и всѣ гавани двинскія и на сѣверъ отъ Двины, такъ что никакой корабль, хотя бы и англійскій, не могъ приставать туда, если не принадлежалъ англійской компаніи. Наконецъ англичане не имѣли права, безъ особаго дозволенія королевы, приставать къ Нарвѣ и Ивань-городу, и никакой иностранецъ и не принадлежащій компаніи англичанинъ не имѣлъ права проходить черезъ Россію въ Персію, Вухарію, Индію и Китай; члены компаніи имѣли право сами ловить такихъ путешественниковъ и конфисковать ихъ имущества ³⁾. Пользуясь такими важными правами, компанія захватила важнѣйшія мѣста въ Россіи. Въ 1567 году въ Москвѣ у св. Максима была главная контора англичанъ; въ Холмогорахъ у нихъ открыта была прядильная фабрика, заведенная купцомъ Ричардомъ Греемъ; въ Новгородѣ, Псковѣ, Ярославлѣ, Казани, Астрахани, Костромѣ, Ивань-городѣ, Корелѣ были у нихъ подворья, гдѣ они продавали свои товары ⁴⁾. Торговля съ русскими была для нихъ такъ же выгодна, какъ торговля русскихъ съ сѣверовосточными инородцами; напимѣръ въ 1557—1562 годахъ въ Нижнемъ-Новгородѣ одинъ купецъ, Христофоръ Гудсонъ, продалъ сукно, по его собственному сознанию, стоившее со всѣми издержками втрое менѣе того, за сколько оно было имъ продано ⁵⁾. Захвативъ въ свои руки торговые пути, произвольно возвышая цѣны на свои произведенія, понижая на русскіи, англичане оказывали презрительное обхожденіе русскому народу и черезъ то возбуждали противъ себя неудовольствіе; нерѣдко самъ царь, ихъ покровитель, раз-

¹⁾ Nakl., 425—429.

²⁾ *Historica Russiae Monumenta, etc.* (А. И. Тургенева, изд. Археографической Коммисіи, 1841—1842. Спб. Два тома), II, 367.

³⁾ Nakl., 418.

⁴⁾ Nakl., 426.

⁵⁾ Журналъ Минист. Народн. Просв. 1856. Часть 89, Отд. V, 96.

дѣляя его. Уже въ 1569 году онъ жаловался на англичанъ послу Рандольфу ¹⁾. То же было въ 1572 году. Царь разгнѣвался на членовъ компаніи и по этому поводу пріѣзжалъ въ Москву старый знакомецъ Дженкинсонъ ²⁾. Многіе казенные Іоанномъ въ припадкѣ его страсти къ мучительству остались должными компаніи, и англичане не знали, съ кого получать долги свои; сверхъ того, за многіе товары не были выплачены деньги изъ казны. Іоаннъ хотя удовлетворилъ требованія компаніи, но ограничилъ торговлю ея Москвою и городами собственно московскими, а въ Казань и Астрахань англичане могли ходить только съ царскаго дозволенія и должны были платить половину положенной таможенной пошлины ³⁾. Послѣ несчастной ливонской войны, когда Іоаннъ уступилъ Швеціи Нарву и другимъ европейцамъ дозволено было торговать въ Сѣверномъ морѣ, англичане, постоянно стремясь къ тому, чтобъ вытѣснить совмѣстниковъ и распорядиться самовольно торговымъ бытомъ Россіи, сильно негодовали на это; съ своей стороны, русскіе обвиняли ихъ въ плутовствѣ, жаловались, что они продаютъ гнилыя сукна и матеріи, сносятся съ царскими непріятелями и называютъ русскихъ глупцами и невѣждами. Посланникъ англійскій, Томасъ Боусъ, несмотря на то, что въ началѣ былъ принятъ дурно, началъ-было преклонять царя снова на сторону англичанъ, но Іоаннъ умеръ внезапно. Одинъ изъ заклятыхъ враговъ англичанъ и благопріятель нѣмцевъ въ торговлѣ, дьякъ Щелкаловъ сказалъ тогда англійскому послу: англійскій царь умеръ ⁴⁾.

Англичане домогались вытѣснить окончательно изъ Россіи голландцевъ, фламандцевъ и нѣмецкихъ купцовъ, желали торговли исключительно для себя. Но противники ихъ также дѣйствовали и, какъ увѣряли англичане, склоняли дьяковъ въ свою пользу подарками. Царь Феодоръ отпустилъ Боуса ласково, а вслѣдъ затѣмъ послалъ въ Лондонъ гонца Бекмана, предлагая возратить всѣ прежнія привилегіи англичанамъ, если королева Елисавета дозволитъ также свободную торговлю въ Англіи русскимъ. Елисавета замѣтила, что это несовмѣстно съ выгодами Англіи, но не отвергала совершенно предложенія и домогалась прежде всего исключительно торговли въ Россіи для компаніи, закрытія входа въ Россію всѣмъ иностранцамъ купцамъ и даже англичанамъ, не принадлежавшимъ къ компаніи ⁵⁾. Съ отвѣтомъ на такое предложеніе царь отправилъ въ Лондонъ англійскаго гостя, жившаго въ Россіи, Іеронима Горсея. Въ письмѣ царя было сказано, что нельзя выгнать изъ Россіи купцовъ различныхъ государствъ, издавна здѣсь торговавшихъ, единственно изъ угожденія нѣсколькимъ англичанамъ, съ которыми королева не хочетъ равнять своихъ подданныхъ. Елисавета, узнавъ, что русскій государь находится въ рукахъ своего любимца Бориса Годунова, обратилась къ нему; любимецъ заранѣе думалъ воздвигнуть себѣ тронъ, а потому и считалъ нужнымъ расположить въ свою пользу Англію, но онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобъ отдать русскую торговлю и весь зависящій отъ нея бытъ русскаго общества въ руки англичанъ. Въ 1587 году дана англичанамъ новая привилегія, которою царь позволялъ англійской компаніи торго-

¹⁾ Накл., 225—229.

²⁾ Накл., 452.

³⁾ И. Г. Р. IX. Прим. 382.

⁴⁾ Накл., 521.

⁵⁾ Ист. Г. Росс., X, 29.

вать свободно и безошплинно, но не иначе, какъ оптовою торговлею, а отнюдь не въ развѣсъ и не въ аршинъ, а винами не въ разливку; повелѣвалъ не брать въ кабалу русскихъ людей, не позволять подъ своимъ именемъ торговать русскимъ; членамъ компаніи позволялось ходить черезъ Россію въ прочія земли только съ тѣмъ, чтобы брать товары отъ казны и промѣнивать и продавать ихъ для казны. Такимъ образомъ, русское правительство, повидимому, исполняя требованіе англичанъ, тѣмъ не менѣ хотѣло обратитъ данныя льготы въ свою пользу. Эта жалованная грамота обезпечивала имущество разбитыхъ бурей кораблей. Право держать подворья для компаніи предоставлено въ городахъ: Москвѣ, Холмогорахъ, Ярославлѣ, Вологдѣ и у морского пристанища у Пудожемскаго устья, о дворахъ другихъ городовъ не упоминается; нѣтъ въ числѣ такихъ городовъ даже Новгорода и Пскова ¹⁾).

Англія не была довольна этими правами, потому что хотѣла полного преобладанія. Какъ видно, англійское правительство, требуя для компаніи исключительныхъ правъ, тайно за этимъ другіе болѣе обширные виды политическаго преобладанія въ Россіи. Съ этой цѣлью Елисавета и не хотѣла допускать въ Россіи торговли другихъ англичанъ, непринадлежащихъ компаніи. Въ самомъ дѣлѣ, если бы позволить англичанамъ вообще торговать въ Россіи, то естественно дѣны на продукты, ихъ количество, сбытъ, — все это подвергалось бы вліянію обстоятельству, но компанія, состоящая изъ тѣснаго кружка купцовъ, имѣющая исключительное право торговли во всей странѣ, могла управлять всѣми торговыми дѣлами этой страны произвольно и назначать какія ей угодно цѣны; владѣя капиталами, могла увеличивать и уменьшать количество вывозныхъ и ввозныхъ статей, давать направленіе торговымъ путямъ, — однимъ словомъ, обращать всю торговлю чужой страны въ исключительную пользу своей націи. Компанія не связана была прямо съ остальнымъ англійскимъ народомъ; компанія знала одно правительство, отъ правительства зависѣло ея существованіе, ея права, слѣдовательно, обязанная исключительно правительству, она должна была сдѣлаться его органомъ и орудіемъ. Утвердить въ Россіи монополию компаніи, значило подчинить Россію англійскому правительству. Русскіе купцы видѣли, что англичане подчиняютъ ихъ себѣ и что выгоды ихъ начинаютъ зависѣть отъ чужеземцевъ, и роптали; иностранные торговцы были также ожесточены противъ англичанъ, нехотѣвшихъ давать ходу другимъ народамъ.

Вскорѣ снова возникли недоумѣнія между русскимъ правительствомъ и компаніею.

Англійскіе гости въ XVI вѣкѣ составляли одно цѣлое тѣло. Каждый членъ компаніи производилъ торговыя операціи и займы на имя всей корпораціи. Это повлекло къ недоразумѣніямъ. Одинъ изъ членовъ компаніи, Антонъ Мершъ, задолжалъ болѣе 23.000 рублей. Гости отказывались платить за него на томъ основаніи, что онъ занималъ на свое имя, а не на имя цѣлаго общества, и притомъ указывали на то, что царскіе приказные люди выдали ему особую льготную грамоту на торговлю, безъ вѣдома и спроса гостей, что нѣкоторые русскіе купцы, стакнувшись съ Мершемъ, торговали съ нимъ тайно отъ прочихъ гостей, дали ему на себя кабалы съ умысломъ, что Мершъ никогда не за-

¹⁾ Ibid. Прим. 53.

платить, а будутъ платить за него прочіе гости ¹⁾. Русскіе же представляли, что все, взятое Антономъ Мершемъ, должно быть выплачено всѣми членами компаніи, къ которой принадлежалъ англійскій банкротъ. Это послужило поводомъ къ пріѣзду посла, доктора Флетчера, въ 1588 году. Споръ былъ продолжителенъ съ обѣихъ сторонъ. Англичане жаловались, что русскіе покупали у нихъ товаръ въ долгъ и, не заплатя денегъ, отдавали товаръ назадъ; другіе же, надѣлавши долговъ, не платили ихъ ²⁾, а приказные люди не давали англичанамъ управы и даже подстрекали русскихъ не платить долговъ своихъ ³⁾. Англичане жаловались и на самое русское правительство за то, что ограбили Джона Копеля, одного изъ членовъ англійской компаніи. Русскіе бояре возражали, что Джонъ Копель не былъ англичаниномъ, а родомъ изъ Любека, жилъ въ Россіи, ложно именуя себя англійскимъ гостемъ, и оказался виновнымъ въ сношеніяхъ съ шведскимъ и датскимъ правительствами, жаловались, что англичане ванимаютъ русскихъ работниковъ и употребляютъ ихъ на противозаконныя дѣла; такъ одинъ ярославецъ Вахрумъ, живучи у англійскаго гостя, былъ у него лазутчикомъ и тайно перевозилъ за границу черезъ литовскія земли англичанъ ⁴⁾; указывали на то, что англичане, желая отстранить совѣстничество другихъ націй, покушаются на мѣры насильственныя: перехвачено было письмо Горсея, котораго такъ еще недавно правительство облакало своимъ довѣріемъ, къ другому англичанину Тромболу; въ этомъ письмѣ излагается намѣреніе задержать корабль купца Бѣлборода, которому правительство дѣлало препорученія, приказывая ихъ держать втайнѣ отъ англичанъ ⁵⁾: на этотъ разъ ѣхали на кораблѣ Бѣлборода гамбургскіе купцы, враги англичанъ. Правительство нашло такой замыселъ въ высшей степени преступнымъ. Флетчеръ оправдывалъ своихъ единоземцевъ, доказывалъ, что торговля съ Англійей приноситъ Россіи выгоды, что привилегія англичанамъ слѣдуетъ возстановить ради того, чтобъ не прекратилась дружба между англійскою королевою и русскимъ царемъ ⁶⁾. Главное требованіе его—не допускать другихъ иноземцевъ въ Бѣлое море и въ Новгородъ безъ воли королевы, кромѣ членовъ компаніи,—требованіе, справедливость котораго англичане доказывали тѣмъ, что тѣ, которые нашли новый торговый путь, должны пользоваться имъ исключительно,—это требованіе было отвергнуто. Бояре, бывшіе на переговорахъ съ англійскимъ посольствомъ, доказывали, что несправедливо запираеть для всѣхъ море изъ угожденія какимъ-нибудь десяти человѣкамъ ⁷⁾. Равномѣрно отвергнуто было домогательство способствовать англичанамъ въ отысканіи новыхъ земель и китайскаго пути, но позволено ѣздить свободно изъ Москвы въ Персію, Бухарію и Шемахію, не платя пошлинъ съ товаровъ. Этого права не имѣли другіе иностранцы въ Россіи и царь давалъ

¹⁾ Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей (25 томовъ, изд. 1849—1857 г.), т. VIII, Статейный списокъ Флетчера, стр. 9.

²⁾ Ibid., 27.

³⁾ Врем., VIII, Ст. сп. Флетч., 41.

⁴⁾ Ibid., 30.

⁵⁾ Памятники Дипломатическихъ Сношеній Древней Россіи съ державами иностранныхими (С. П. Б. изд. 1851). Часть I, 1214.

⁶⁾ Врем., VIII, Ст. сп. Флетч., 48.

⁷⁾ Ibid., 46.

его англичанамъ изъ особенной любви къ королевѣ¹⁾. Также только подъ предлогомъ особаго расположенія къ англійской королевѣ царь дозволялъ англичанамъ имѣть свои дворы въ Москвѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, тогда какъ торговцы другихъ націй, напримѣръ, подданные султана, королей польскаго и французскаго должны были ставить свои товары на общихъ гостиныхъ дворахъ²⁾. Русское правительство обѣщало справедливую управу для англичанъ, въ чемъ только они себя найдутъ обиженными, и принять мѣры, чтобы царскіе чиновники не дѣлали англійскимъ купцамъ никакихъ стѣсненій³⁾. Впрочемъ, правительство не согласилось на домогательство англичанъ имѣть право всякаго должника изъ русскихъ, задолжавшаго англійскимъ гостямъ, преслѣдовать посредствомъ своего гостинаго приказчика и отбирать у него имущество безъ суда, а предоставило англичанамъ взыскивать съ должника обыкновеннымъ порядкомъ, по суду и управѣ, чрезъ приказныхъ людей⁴⁾. Дѣло Мерша трудно было рѣшить; оно окончено тѣмъ, что русскій царь согласился, чтобы англичане заплатили половину требуемой суммы: двѣнадцать тысячъ рублей⁵⁾. Чтобы на будущее время избѣгнуть недоразумѣній относительно того, кого слѣдуетъ считать гостемъ и кого не слѣдуетъ, Флетчеръ далъ предложеніе, чтобы всѣ англійскіе гости, торговавшіе въ Россіи, должны были состоять подъ вѣдѣніемъ гостинаго приказчика, который имѣлъ у себя списокъ гостей и вообще всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ вѣдомству компаніи; другой экземпляръ того же списка долженъ находиться въ Посольскомъ приказѣ. Приказчикъ могъ вычеркнуть имена тѣхъ, которые у него записаны въ списокѣ, и тотчасъ же эти имена были вычеркиваемы изъ экземпляра, хранившагося въ Посольскомъ приказѣ. Такимъ образомъ, компанія отвѣчала только за дѣла тѣхъ, которыхъ имена находились въ обоихъ экземплярахъ гостинаго списка и помѣщались въ жалованной грамотѣ⁶⁾. Въ эту категорію входили не только гости, но и всѣ, которые у нихъ жили и служили. За ихъ поступки, исключая уголовныхъ, отвѣчала вся компанія, и всякій заемъ, сдѣланный кѣмъ бы то ни было, лежалъ равно на всѣхъ членахъ. Флетчеръ напрасно хотѣлъ отмѣнить правило въ отношеніи служившихъ у членовъ компаніи людей: русскіе не согласились и имена всѣхъ людей компаніи должны были быть вписанными въ списокъ вмѣстѣ съ гостями. Англичане домогались, чтобы судъ надъ членами компаніи былъ отданъ правителю государства, Борису Годунову; но имъ отвѣчали, что Годуновъ озабоченъ государственными дѣлами, судъ будетъ отданъ его приказнымъ людямъ, впрочемъ, вершить дѣла окончательно будетъ самъ Борисъ⁷⁾. До сихъ поръ англичане имѣли право держать русскихъ приказчиковъ и скупщиковъ, но теперь оно было у нихъ отнято подъ предлогомъ противозаконныхъ поступковъ жившаго у нихъ ярославца Вахруша⁸⁾. Въ самомъ же дѣлѣ правительство хотѣло этимъ за-

1) Ист. Г. Росс., X, 204.

2) Ст. сп. Флетч., 17.

3) Hist. Russ. Monum., II, 406.

4) Ст. сп. Флетч., 31.

5) Ист. Г. Росс., X. Прим. 337.

6) Ст. сп. Флетч., 23.

7) Ст. сп. Флетч., 27.

8) Ibid., 30.

прещеніемъ остановить исключительное господство англичанъ въ торговлѣ, подрывавшее русскихъ купцовъ и самые доходы правительства. Такъ же точно правительство не согласилось на просьбы англичанъ давать имъ ямскія подводы для торговыхъ поѣздокъ, объясняя, что ямы учреждены для государственныхъ, а не для торговыхъ дѣлъ; удобство поѣздокъ предоставлено было добровольному уговору съ извозчиками. Правительство разрѣшило англичанамъ покупать всѣ русскіе товары невозбранно, но опредѣлило, что воскъ не иначе можетъ идти за границу, какъ въ промѣнѣ на сѣру, порохъ и селитру ¹⁾.

Изъ донесенія Иеронима Горсея, писаннаго около этого времени, видно, что англичане снова получили право безпошлинной торговли, но англійскіе купцы должны были заплатить 500 фунт. стерл. за пошлины прошлыхъ годовъ и пожертвовать 350 фунт. стерл. на постройку новой каменной стѣны въ Москвѣ ²⁾.

Тогда Флетчеръ подавалъ своему правительству предложеніе, въ случаѣ царь разгнѣвается на англійскихъ гостей, послать военные корабли къ берегамъ Печоры и захватить русскіе товары тамошней ярмарки, оборотъ которой простирался до 16.000 фунтовъ стерлинговъ ³⁾. Но Елисавета, казалось, очень дорожила дружественными отношеніями къ Россіи и, какъ бы въ угодность русскому царю, запретила сочиненіе Флетчера о Россіи; въ сущности это сочиненіе вообще написано въ такомъ духѣ, который не могъ нравиться властолюбивой Елисаветѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, торговля съ Россією приносила Англій неисчислимыя выгоды и въ настоящемъ, и въ будущемъ. Современные англичане сознавались, что ни въ какой другой странѣ торговля не представляла такой важной будущности, какъ въ Россіи. Какъ Россія нуждалась въ произведеніяхъ природы, чуждыхъ ея сѣверному климату, и въ произведеніяхъ искусствъ и ремеслъ, которая еще чужды были русскому народу, такъ равно вся Западная Европа нуждалась въ произведеніяхъ сѣвера. До того времени торговля Европы съ Россією производилась черезъ Данію, Швецію, Любекъ, Гамбургъ, Лифляндію и Польшу. Англія была чужда выгодъ, которая приносила эта торговля. Но открытіе сѣвернаго пути давало англичанамъ новое, независимое отъ участія другихъ странъ сообщеніе съ Россією. Англія могла получать изъ Россіи и, какъ надѣялась, изъ Персіи и вообще съ Востока нужныя для Европы статьи, не опасаясь соперничества ни Даніи, ни Швеции, ни Германіи, которыхъ совѣстничество было бы неизбѣжно въ торговлѣ балтійской; даже въ случаѣ войны, задерживавшей торговлю, Англія спокойно могла бы совершать свои торговые операціи черезъ Ледовитое море. Проложеніе пути черезъ Россію въ Персію, о которомъ тогда всѣ мечтали, указывало англичанамъ надежду на то преобладаніе въ торговлѣ, которымъ пользовались тогда Португалія и Испанія. Англичане думали доставлять въ Европу восточныя произведенія скорѣе черезъ Астрахань, Волгу и сѣверныя страны Россіи, чѣмъ Венецію, Генуя, Мессина, Рагуза путемъ Средиземнаго моря. Такъ разсуждали въ тотъ вѣкъ англичане ⁴⁾.

Несмотря на дружелюбныя сношенія правительства, торговля въ Россіи

¹⁾ Ibid., 6.

²⁾ Hist. Russ. Monum., II, 399—400.

³⁾ Ист. Г. Росс., X, Прим. 344.

⁴⁾ Hist. Russ. Monum., II, 379—381.

встрѣчала, однако, непрерывныя недоразумѣнія. Въ 1592 году лордъ Борлей, отправляя въ Москву новаго агента компаніи, Джона Мерики, жаловался Борису, что русскіе чиновники въ двинскомъ портѣ, имѣя право, по договору, выбирать предварительно англійскіе товары для царской казны, сулятъ англійскимъ купцамъ чрезвычайно низкія цѣны, такъ что англичанамъ невозможно продавать свои товары сообразно ихъ требованіямъ; тогда чиновники обязываютъ англійскихъ купцовъ продавать всѣ товары непременно въ теченіе трехъ недѣль, и такимъ образомъ принуждаютъ поневолѣ отдавать товары въ казну съ убыткомъ ¹⁾). На слѣдующій годъ Елисавета обращалась къ Борису съ письмомъ о покровительствѣ англійскимъ купцамъ чрезъ своего посланника Томаса Мильда. Правитель въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ обѣщалъ всю свою готовность къ исполненію желанія королевы ²⁾). Вступивъ на престолъ, Борисъ оказывалъ англичанамъ постоянное покровительство, но не только не распространялъ ихъ правъ, стѣснительныхъ для другихъ иностранцевъ, а еще старался даровать торговцамъ другихъ націй свободу торговли въ Россіи. Посланникъ короля Іакова I, Джонъ Смитъ, просилъ для англичанъ свободнаго прохода въ Персію и Китай, но получилъ уклончивый отвѣтъ; царь изъяснялъ ему, что въ Персіи господствуютъ беспорядки, путешествіе очень опасно, и онъ, заботясь объ англійскихъ гостяхъ, не можетъ позволить имъ отваживаться на явныя опасности ³⁾).

По возстановленіи порядка въ Россіи, при Михайлѣ Феодоровичѣ, англійскіе купцы получили подтвержденіе своихъ привилегій на беспошлинную торговлю ⁴⁾, съ уговоромъ доставлять въ царскую казну сукна, матеріи и прочія рукодѣльныя произведенія непременно по той цѣнѣ, по какой они продаются въ собственномъ ихъ отечествѣ ⁵⁾, прибывая къ Архангельску, объявлять и записывать предъ таможенными головами и цѣловальниками свои товары, отнюдь не брать чужихъ товаровъ вмѣсто своихъ, не вывозить шолку за границу и не привозить табаку. Въ 1619 году имъ воспрещено было держать закладней изъ русскихъ людей ⁶⁾. Привилегіи англичанамъ даны на двадцать-три человѣка ⁷⁾, но они торговали въ числѣ семидесяти. Захвативъ въ руки свои всю торговлю и стремясь къ монополіи, они раздражали русскихъ гостей. Англичане искусно подерживали высокую цѣну своихъ и низкую русскихъ товаровъ ⁸⁾. Они придерживали привозимые товары и не пускали ихъ въ продажу, пока, отъ недостатка ихъ въ оборотѣ, цѣны на нихъ поднимались; тогда только англичане начинали ихъ продавать и тотчасъ же переставали, когда товары начинали дешеветъ. Такимъ образомъ, то подымая, то понижая цѣны, они наживали огромныя проценты на свои капиталы ⁹⁾. Они всюду разсылали своихъ агентовъ для закупки русскихъ товаровъ, и такъ какъ пользовались правомъ не платить пошлинъ, чрезвы-

¹⁾ Ibid., 408.

²⁾ Ibid., 418.

³⁾ Ист. Г. Росс., XI, 78.

⁴⁾ Доп. къ Акт. Ист., III, 149, V, 182.

⁵⁾ Ibid., V, 183.

⁶⁾ Собр. Гос. Гр., III, 214.

⁷⁾ Акты Арх. Эксп., IV, 14.

⁸⁾ Доп., V, 187.

⁹⁾ Собр. Г. Гр., III, 455—456.

чайно стѣснительныхъ не столько по суммѣ платежа, сколько по самой процедурѣ, то естественно могли всегда имѣть перевѣсъ предъ русскими закупщиками; притомъ, владея большими капиталами, они давали мелкимъ торговцамъ и промышленникамъ чистыя деньги впередъ, брали съ нихъ кабалы, и такимъ образомъ мелкие торговцы были уже обязаны доставлять свои товары и произведения непременно англичанамъ: не платя пошлинъ, англичане всегда могли имъ дать выгоды цѣну, чѣмъ русскіе оптовые торговцы. Такой порядокъ, какъ и замѣтилъ англійскій посланникъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, былъ выгоденъ для мелкихъ и небогатыхъ торговцевъ и для народа вообще, но разорителенъ для русскихъ оптовыхъ торговцевъ ¹⁾.

Правда, англичане не могли добиться исключительной торговли въ Россіи, но послѣ увидѣли, что совмѣстничество нѣмцевъ, голландцевъ, датчанъ для нихъ не страшно; напротивъ, и его можно обратить въ свою пользу. Закупая русскіе товары, они продавали ихъ въ Архангельскомъ портѣ купцамъ другихъ націй, которые въ нихъ нуждались, и тѣмъ же порядкомъ покупали у нихъ ихъ привозимые товары, а потомъ перепродавали русскимъ съ барышемъ; такимъ образомъ, русскіе купцы никакъ не въ силахъ были тягаться съ ними и не могли ничего ни купить у иностранцевъ, ни продать имъ безъ посредства англичанъ. Случалось, что русскій гость, рѣшившись на конкуренцію съ англичанами, посылалъ свои товары въ Архангельскъ; но члены компаніи сговорятся и понизятъ цѣну, а напротивъ, цѣнность иностранныхъ товаровъ повысятъ, такъ что русскій торговецъ принужденъ бываетъ уѣхать назадъ, истратившись напрасно за провозъ ²⁾. Сверхъ того, англичане привозили сукна и матеріи худого достоинства и вмѣсто того, чтобъ продавать по условію въ казну по заморской цѣнѣ, продавали съ выгодой, прибавляя цѣнность товара ³⁾. Всѣ эти причины въ совокупности побудили въ 1646 году русскихъ гостей подать челобитную на англичанъ: изложивъ всѣ обстоятельства, служившія къ подрыву русскаго купечества, они просили ограничить ихъ произволъ изданіемъ такихъ учрежденій, которыя бы передали торговлю въ руки русскихъ купцовъ. Алексѣѣ Михайловичъ придрался къ политическому перевороту, низведшему въ 1649 году короля Карла на эшафотъ, и въ качествѣ карателя народа, который «убилъ до смерти государя своего Карлуса» ⁴⁾, закрылъ для него входъ въ Россію, ограничивъ торговлю его только Архангельскимъ портомъ ⁵⁾. Послѣ воцаренія Карла II прибылъ въ Москву англійскій посолъ графъ Карлейль съ предложеніемъ возобновить прежнія торговыя сношенія и выдать компаніи подтвержденіе старинныхъ привилегій. Уже нельзя было отговариваться смертью Карла, ибо графъ Карлейль извѣщалъ, что новый король все простилъ своимъ подданнымъ; русское правительство прямо высказало свои обвиненія на англичанъ, именно, что они умышленно привозятъ въ Россію дурные товары, что продаютъ въ казну товары вовсе не по заморской цѣнѣ, какъ было постановлено въ условіи, съ которымъ единственно имъ позволили торговать свободно и беспошлинно, и что, пользуясь отъ Россіи важными льготами,

¹⁾ Carlisle. Relat., 137.

²⁾ А. Аpx. Э., IV, 15—18.

³⁾ Доп. къ А. И., V, 182—183.

⁴⁾ Ibid., V, 187.

⁵⁾ Собр. Гос. Гр., III, 455—456.

они не хотѣли участвовать въ платежѣ пятинной деньги, наложенной на всѣхъ вообще торговыхъ людей для содержанія войска ¹⁾. На это англійскій посольъ возражалъ, что, напротивъ, англійскіе гости говорятъ, что они доставляли въ Москву товары дешевле, чѣмъ доставляли ихъ голландцы и гамбургцы, именно по той цѣнѣ, по какой они продавались въ Англии, но съ трудомъ получали деньги, а получая ихъ, принуждены были давать чиновникамъ подарки и взятки ²⁾; что же касается до тѣхъ, которые не хотѣли участвовать въ платежѣ пятинной деньги, то они уже умерли, а нынѣшніе обѣдѣли отъ потери привилегій. Когда бояре говорили, что ограниченіе англичанъ сдѣлалось по челобитью русскихъ торговыхъ людей, посольъ замѣтилъ, какъ выше было сказано, что русскіе гости для того желаютъ вытѣснить англичанъ, чтобъ самимъ захватить въ свои руки торговлю; но не то сказали бы мелкіе торговцы, еслибъ спросили ихъ ³⁾. Вопреки выраженію русскихъ гостей, будто англичане *оголодали* ⁴⁾ русское царство, вывозя отсюда съѣстные припасы, Карлейль припомнилъ, что во время голода англичане привозили въ Россію хлѣбъ и продавали его по умѣренной цѣнѣ, стараясь объ избавленіи отъ ужаснаго бича страны, которая ихъ пріютила. Но всѣ старанія графа Карлейля остались напрасны; все чѣмъ могъ Алексѣй Михайловичъ усладить для англичанъ свой горькій отказъ, было оставленіе имъ надежды на возвращеніе прежнихъ правъ, которыхъ дѣйствительно не думали болѣе возвращать никогда ⁵⁾.

Голландцы постоянно пользовались значительными правами, хотя меньшими, чѣмъ англичане, ихъ соперники. При Іоаннѣ Васильевичѣ, Теодорѣ Іоанновичѣ, Борисѣ Годуновѣ, Василии Шуйскомъ они составляли компанію гостей и пользовались жалованными грамотами царей ⁶⁾. Подобно англичанамъ, они имѣли свои дворы въ Архангельскѣ, Москвѣ, Вологдѣ, Холмогорахъ, Усть-Колѣ и освобождались отъ обязанности становиться на гостиныхъ дворахъ ⁷⁾. Царь Михаилъ Теодоровичъ въ 1614 году подтвердилъ прежнія права грамотою, выданною тремъ факторамъ гостинной голландской компаніи. Они могли постоянно пріѣзжать въ Архангельскъ и Колу и торговать всякими товарами по вольной цѣнѣ; дворы ихъ освобождались отъ всякихъ пошлинъ и тягла; они не подлежали суду бояръ и воеводъ по городамъ, исключая уголовныхъ дѣлъ; въ торговыхъ и вообще во всякихъ гражданскихъ они судились въ Посольскомъ приказѣ. Во уваженіе къ потерямъ, которыя компанія понесла въ продолженіе Смутнаго времени, царь далъ имъ право на беспошлинную торговлю въ теченіе трехъ лѣтъ, а послѣ того они должны были платить половину установленной въ Россіи торговой пошлины ⁸⁾. Голландцы, какъ англичане и другіе иноземцы, должны были, прибывши къ Архангельску, прежде всего продавать лучшіе товары въ казну и не производить

¹⁾ Carlisle, 136.

²⁾ Ibid., 174.

³⁾ Ibid., 137.

⁴⁾ А. Арх. Эксп., IV, 15.

⁵⁾ Самуиль Коллинсъ Читенія Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей, изд. 1846, I, Отд. III, 38.

⁶⁾ А. Арх. Эксп., III, 20—21.

⁷⁾ Доп. къ А. И., III, 194—195.

⁸⁾ А. Арх. Эксп., III, 20—21.

частной торговли до совершеннаго закупа для казны ¹⁾). Въ XVI вѣкѣ, когда устье Двины было исключительною собственностью англичанъ, голландцы, фламандцы и датчане торговали черезъ Ревель, Ригу и Дерптъ ²⁾; но вскорѣ Вѣлое море было открыто и для другихъ народовъ: тогда голландскіе корабли ежегодно прибывали въ Архангельскъ съ грузомъ. Такъ было въ XVII вѣкѣ ³⁾. Между ними и англичанами господствовала постоянная вражда; голландцы, говорилъ Самуиль Коллинсъ, налетаютъ какъ саранча и всюду бросаются. куда манятъ ихъ выгоды; они отбиваютъ у англичанъ хлѣбъ. Они старались унижить и осмѣять англичанъ, рисовали на нихъ каррикатуры, сочиняли пасквили. изображали Англію въ видѣ безхвостаго льва, съ тремя опрокинутыми коронами, или въ видѣ множества собакъ, съ обрѣзанными ушами и хвостами ⁴⁾. Англичанинъ жалуется, что голландцевъ принимаютъ лучше, чѣмъ англичанъ, потому что они, подкупая подарками бояръ, располагаютъ правительство въ свою пользу. Неудовольствіе русскихъ купцовъ на иностранцевъ, торговавшихъ въ Россіи, которое мы видѣли преимущественно относительно англичанъ, распространялось и на голландцевъ. Въ 1629 году новгородскіе гости жаловались на торговаго голландца, что онъ торгуетъ всякими товарами врознь и посылаетъ русскихъ людей, служащихъ у него приказчиками, въ заонежскіе погосты для скупа хлѣба и рыбы, съ цѣлью отправки за границу ⁵⁾. Въ челобитной 1646 года московскіе торговцы высказали негодованіе свое на голландцевъ. Голландцевъ они обвиняли, такъ же, какъ и ихъ враговъ англичанъ, въ умышленномъ повышеніи и пониженіи цѣнъ на товары. Какъ англичане, такъ равно и голландцы дорожили неопытностью русскихъ. Когда какой-то ярославецъ, торговый человекъ, ѣздилъ съ пушными товарами въ Амстердамъ, тамошніе купцы, сговорясь, не купили у него товаровъ ни на одинъ рубль, и русскій купецъ долженъ былъ воротиться со своимъ грузомъ въ Архангельскъ; едва онъ вступилъ на русскую почву, какъ тѣ же самые голландскіе купцы, которые плыли съ нимъ изъ Амстердама, купили у него весь его пушной товаръ по высокой цѣнѣ. Русскіе укоряли ихъ въ неблагодарности. «Вы торгуете у насъ свободно, говорили они, и мы не составляемъ противъ васъ заговоровъ». Голландцы чистосердечно отвѣчали, что это сдѣлано было именно для того, чтобъ русскіе не ѣздили къ нимъ; иначе они, голландцы, потеряютъ свои выгоды, коль скоро русскіе станутъ пріѣзжать къ нимъ ⁶⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ голландцы были сравнены съ другими иностранцами, но послѣ паденія англичанъ голландцы пользовались въ Россіи большими выгодами; по крайней мѣрѣ, голландскіе купцы могли брать жалованья граматы и торговать въ Россіи, не страшась грозныхъ совѣтниковъ. Ихъ товары въ это время покупались съ болѣею охотою, чѣмъ англійскіе ⁷⁾.

Ганзеатическіе города послѣ паденія Новагорода не имѣли уже того преобладанія въ русской торговлѣ, какъ въ Средніе вѣка. Стремленіе Іоанна III

¹⁾ Доп., IV, 143.

²⁾ Nakl., 287.

³⁾ А. Арх. Эксп., passim.

⁴⁾ Коллинсъ, 38—39.

⁵⁾ А. Арх. Эксп., III, 264.

⁶⁾ Ibid., IV, 19.

⁷⁾ Коллинсъ, 38.

ввести въ Россію иноземные пріемы гражданственности возбуждало зависть въ ливонцахъ и въ купцахъ ганзеатическихъ городовъ. Нѣмцы боялись образованности въ Россіи; для нихъ гораздо выгоднѣе было имѣть дѣло съ народомъ, стоящимъ только на степени земледѣльческаго развитія. Ревельскій Городовой Совѣтъ, по наущенію Ганзы, задерживалъ иностранныхъ художниковъ и ремесленниковъ, ѣхавшихъ въ Россію по приглашенію великаго князя; нѣмцы преслѣдовали ихъ на морѣ въ качествѣ морскихъ разбойниковъ ¹⁾. Слѣдствіемъ такихъ поступковъ со стороны Ганзы и Ливоніи была непріязнь къ нимъ русскаго правительства. По поводу задержанія и грабежа псковскихъ купцовъ въ Дерптѣ и Ригѣ и нападенія русскихъ на предѣлы Ливоніи началась опустошительная война съ Орденомъ, задерживавшая ходъ торговыхъ сношеній ²⁾. Въ 1492 году Іоаннъ III построилъ Иванъ-Городъ: это возбудило досаду не только Ордена въ политическомъ отношеніи, но и городовъ въ торговомъ: имъ опасно казалось образованіе новаго порта, когда прежде иностранные товары приходили въ Россію черезъ ливонскіе города. Въ Ревелѣ сожгли двухъ русскихъ торговцевъ; въ отмщеніе за то Іоаннъ уничтожилъ ганзеатическую контору въ Новѣгородѣ, столь долгое время приносившую Ганзѣ неисчислимыя выгоды, задержалъ купцовъ и, засадивъ ихъ въ тюрьму, конфисковалъ ихъ имущества. То былъ важный ударъ для торговли Ганзы съ русскими. Дѣло по поводу этого происшествія тянулось и при Василии Іоанновичѣ; по ходатайству императора Максимилиана, великій князь хотя изъявлялъ охоту дозволить возобновить торговые сношенія съ Ганзою, но отказывалъ въ удовлетвореніи убытковъ, понесенныхъ купцами въ Новѣгородѣ ³⁾. Въ 1539 году правившіе въ малолѣтство царя Ивана Васильевича бояре подтвердили торговый договоръ съ Ганзою ⁴⁾. Въ XVI вѣкѣ, въ царствованіе Іоанна IV, ганзейская торговля въ Россіи находилась не въ цвѣтущемъ состояніи. Тому причиною было соперничество англичанъ, отстранявшихъ всѣми силами иностранныхъ торговцевъ, внутреннее ослабленіе союза чрезъ взаимныя несогласія ⁵⁾, соперничество съ ливонскими городами ⁶⁾, искавшими извлечь для себя личныя выгоды изъ этой торговли, и, наконецъ, тяжелыя и продолжительныя военныя обстоятельства въ Прибалтійскомъ краѣ. По утишеніи ливонской войны ганзеатическіе города тщетно думали возобновить древнюю новгородскую контору ⁷⁾. На пяти сеймахъ никакъ не могли согласиться послать въ Москву посольство для ходатайства о возстановленіи конторы; ливонскіе города сильно этому препятствовали, желая, чтобы торговля съ Россією непремѣнно шла черезъ нихъ. Наконецъ, въ 1593 году Любекъ, отъ лица соединенныхъ съ нимъ семидесяти двухъ городовъ, отправилъ въ Москву посломъ Захарія Майера, съ предложеніемъ возобновить дружескія торговыя связи съ Россією, даровать

¹⁾ G. Fr. Müller. Sammlung russischer Geschichte. 9 томовъ. Petersb. 1732 — 1764, т. V, 484.

²⁾ Псковск. Лѣт., 151.

³⁾ Пам. Диплом. снош., I, 158.

⁴⁾ Ист. Г. Росс., VIII, 57.

⁵⁾ Supplementum ad Historica Russiae Monumenta, изд. Археографической Комиссии. Спб. 1848, 249.

⁶⁾ Ibid., 272.

⁷⁾ Ibid.

нѣмецкимъ купцамъ право производить торговлю въ Россіи свободно и безо-
 шлинно, и держать собственныя подворья. Царь Феодоръ далъ имъ жалован-
 ную грамоту, по которой позволено имъ торговать свободно въ Иванъ-Городѣ,
 Новѣгородѣ и Псковѣ, съ платежемъ пошлины, взимаемой съ прочихъ торгов-
 цевъ ¹⁾). Эта грамота исполнялась плохо, ибо на другой же годъ любечане
 жаловались, что таможенное начальство во Псковѣ беретъ съ нихъ пошлинъ
 болѣе, чѣмъ сколько слѣдуетъ по жалованной грамотѣ. Въ 1603 году Любекъ,
 съ другими союзными городами, снова обратился къ царю, и царь дозво-
 лилъ имъ свободно торговать въ Россіи, въ Новѣгородѣ и Псковѣ, приплывать
 съ кораблями въ Архангельскъ и Холмогоры за грузомъ, продавать товары и
 возвращаться назадъ, обѣщалъ ввести одинакіе вѣсы и мѣры, содержать ган-
 зейскихъ купцовъ подъ своимъ покровительствомъ. Любечане опять домогались
 безошлинной торговли, но имъ отвѣчали, что если позволить торговать безъ
 платежа пошлинъ имъ, то слѣдуетъ позволить то же и другимъ; однако, въ
 знакъ особаго расположенія, царь опредѣлилъ, чтобъ они платили только половину
 обыкновенной пошлины, какъ и голландцы ²⁾). Но вскорѣ подѣ фирмою Любека
 начали прѣзжать торговцы изъ другихъ городовъ, и царь отмѣнилъ платежъ по-
 ловинной пошлины, а опредѣлилъ, чтобъ и любечане платили полную наравнѣ
 съ другими ³⁾). Въ смутное время торговля съ Гавзою упала. При Михаилѣ Тео-
 доровичѣ ганзейскіе города просили снова о свободной торговлѣ въ Россіи, и
 вмѣстѣ съ ними за нихъ ходатайствовали Нидерландскіе Штаты ⁴⁾, но права
 по этой просьбѣ, вновь данныя городамъ, были нарушены ими же, неизвѣстно
 какъ ⁵⁾). Купцы ганзейскіе получили запрещеніе ѣздить въ Россію; только нѣ-
 которые изъ нихъ подкупали дьяковъ и брали жалованныя грамоты ⁶⁾). При
 царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1652 году, дана новая грамота Любеку на право
 торговли, съ платежемъ пошлинъ въ Россіи наравнѣ съ другими; сверхъ того,
 купцамъ позволено прѣзжать въ Москву, привозить узорочные товары для цар-
 ской казны и ефимки, которые слѣдовало брать у нихъ по ходячей цѣнѣ ⁷⁾,
 въ XVI вѣкѣ торговля ганзейскихъ городовъ совершалась чрезъ Ливонію ⁸⁾,
 въ XVII черезъ Архангельскъ. Такъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ гамбургцы
 ежегодно приплывали къ Архангельску ⁹⁾, а нѣкоторые вели въ Россіи торговлю
 сухопутьемъ отъ Архангельска ¹⁰⁾.

Изъ другихъ европейскихъ сосѣднихъ державъ Швеція является въ постоян-
 ныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Россією, однако, часто прерываемыхъ войнами.
 Такимъ образомъ, при Іоаннѣ III торговля съ Швецією пришла въ упадокъ.
 Василій возобновилъ торговую взаимность народовъ договоромъ съ Густавомъ

¹⁾ Ibid., 240.

²⁾ Supplem., 259—264.

³⁾ Полное Собрание Законовъ Россійской Имперіи, изд. 1830 г., I, 267.

⁴⁾ Supplem., 268.

⁵⁾ П. С. З., I, 267.

⁶⁾ А. Арх. Экон., IV, 17.

⁷⁾ П. С. З., I, 268.

⁸⁾ Supplem., 268.

⁹⁾ Доп. къ А. И., V, 287.

¹⁰⁾ Кильбургеръ, 156.

Вазою, которымъ предоставлена свобода шведскимъ купцамъ торговать во всей Россіи ¹⁾ и имѣть свое подворье въ Новѣгородѣ. Правительница Елена въ 1537 году заключила съ тѣмъ же государемъ договоръ, утверждавшій взаимную торговлю. Въ царствованіе Іоанна IV съ тѣмъ же государемъ установленъ договоръ, по которому русскимъ купцамъ позволялось ѣздить чрезъ Швецію въ европейскія страны на шведскихъ корабляхъ, а шведамъ дозволено торговать въ Новѣгородѣ, Москвѣ, Казани и Астрахани и проходить въ Индію и Китай ²⁾. Но вообще въ царствованіе Іоанна торговля съ Швеціею была въ упадкѣ отъ совмѣстничества англичанъ и отъ военныхъ обстоятельствъ. Между пограничными жителями обѣихъ сторонъ въ XVI вѣкѣ не переставали драки, грабежи и убійства ³⁾. Въ 1595 году дана шведамъ привилегія на свободную торговлю въ Россіи. Шведскіе купцы, какъ изъ собственно шведскихъ, такъ изъ финляндскихъ и эстляндскихъ городовъ, могли свободно плавать по Ладожскому озеру и приставать повсюду своими судами, равно подниматься по Нарвѣ, входить въ Чудское озеро и достигать Пскова. Сверхъ того, шведскимъ купцамъ дано право торговать въ Москвѣ, Новѣгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ во всей Россіи на востокѣ, сѣверѣ, югѣ, западѣ, и не только въ мѣстахъ, уже принадлежавшихъ русскому государству, но и въ тѣхъ, которыя впередъ могутъ быть когда-нибудь присоединены къ Россіи, держать свои подворья не только въ Новѣгородѣ, Псковѣ и Москвѣ, гдѣ они ихъ уже имѣли, но и въ другихъ городахъ, гдѣ до того времени ихъ не было. Слѣдовало только наблюдать, чтобъ это право принадлежало буквально шведамъ, а не торговцамъ другихъ націй подъ шведскою фирмою; поэтому на русскихъ границахъ не слѣдовало основывать новыхъ пристаней; зато шведы обязывались пропускать торговцевъ всѣхъ націй, которые будутъ везти товары для царской казны, съ тѣмъ только, чтобъ на такіе товары были взяты выписи въ Ревель или Выборгѣ. Съ своей стороны шведское правительство дозволяло русскимъ купцамъ ѣздить съ товарами въ Швецію, Финляндію и Эстляндію и торговать свободно. Относительно платежа пошлинъ положено, чтобъ какъ шведскіе купцы въ Россіи, такъ и русскіе въ Швеціи платили пошлины, установленныя въ обоихъ государствахъ ⁴⁾. Эти привилегіи были возобновлены и послѣ Столбовскаго мира. Въ Новгородѣ вообще позволено было торговать только тѣмъ изъ иностранныхъ торговцевъ, которые будутъ имѣть жалованныя грамоты; одни шведскіе торговцы могли торговать тамъ безпрепятственно и держать свою контору ⁵⁾. Тогда по Ладожскому озеру и Пейнусу происходило плаваніе торговыхъ шведскихъ судовъ, а суда русскія ходили въ Выборгъ, Ревель ⁶⁾ и Стокгольмъ, называвшійся у русскихъ *стекольнымъ городомъ* ⁷⁾. Въ это время многіе русскіе изъ края, уступленнаго Швеціи, разсѣялись по русскимъ селеніямъ Новгородскаго края и вели выгодную для себя и для жителей Россіи контрабандную торговлю, но на это обратило вниманіе правительство въ 1628 году ⁸⁾. Между вывози-

¹⁾ Ист. Г. Росс., VII, 144.

²⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, VI, 34, 138.

³⁾ Доп. къ А. И., I, 71—72.

⁴⁾ Suppl., 242—244.

⁵⁾ А. Арх. Эксп., III, 265.

⁶⁾ Полн. Собр. Зак., I, 541.

⁷⁾ Акты Историческіе, IV, 128.

⁸⁾ А. Арх. Эксп., III, 261.

мыми изъ Швеціи товарами первое мѣсто занимало желѣзо, какъ въ массѣ, такъ и въ издѣліяхъ ¹⁾. Русскіе возили въ Швецію, между прочимъ, хлѣбъ; въ 1649 году запрещено было возить хлѣбъ въ Швецію; но этотъ вывозъ былъ такъ выгоденъ для русскихъ, что крестьяне продолжали контрабандную торговлю. Впрочемъ, вообще торговля Россіи съ Швеціею не была значительна, ибо возрастающая въ большомъ размѣрѣ торговля на Бѣломъ морѣ съ англичанами, голландцами и Гамбургомъ ²⁾ убивала торговлю какъ съ Швеціею, такъ съ Даніею и Пруссіею. Мы имѣемъ извѣстіе подъ 1630 годомъ, что въ балтійскіе порты Нарву и Иванъ-Городъ не приходило почти никакихъ грузовъ ³⁾. Въ половинѣ XVI вѣка война съ Швеціею прервала торговые сношенія. По Кардисскому договору шведскимъ купцамъ предоставлено торговать свободно по всей Россіи, но преимущественно въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Ладогѣ, Ярославлѣ, Холмогорахъ, Переяславлѣ, Тихвинѣ и Александровской пустынѣ ⁴⁾. Они могли имѣть свои подворья въ Москвѣ, Новгородѣ, Псковѣ и Переяславлѣ, а изъ шведскихъ городовъ, предоставленныхъ по договору для пріѣзда русскихъ купцовъ, были Стокгольмъ, Рига, Выборгъ, Ревель, Ижора, Корела, Ругодивъ (Нарва), Канцы; изъ нихъ въ Стокгольмѣ, Ригѣ, Ревелѣ и Ругодивѣ русскіе могли строить торговые дворы ⁵⁾. Впрочемъ, Кардисскій договоръ въ отношеніи торговли есть повтореніе условій 1595 года. Въ платежѣ пошлинъ торговцы обоихъ народовъ подвергались мѣстнымъ условіямъ, безъ всякихъ особыхъ привилегій. Во второй половинѣ XVII вѣка нѣсколько разъ было то запрещается, то вновь разрѣшается вывозить хлѣбъ и сѣстные припасы въ Швецію. Такъ, въ 1685 году запрещено вывозить лѣсъ, свиное и говяжье сало и мясо въ Швецію, но на слѣдующій годъ, по просьбѣ олонецкаго земскаго старосты, снова позволено. Сухопутная торговля съ Швеціею шла черезъ Олонѣцкъ, гдѣ устроена была таможня ⁶⁾.

Бракосочетаніе Іоанна III съ Софіею Палеологъ имѣло значеніе передачи интересовъ угасшей Греціи обновлявшейся Россіи. Это событіе освѣжило и скрѣпило древнюю связь Россіи съ Греціею, и Греція вмѣстѣ съ тѣмъ передала Россіи ненависть къ своимъ завоевателямъ. Поэтому между русскимъ и турецкимъ правительствами никогда не могло существовать согласія, напротивъ, постоянно господствовала тайная непріязнь; однако, взаимныя нужды связывали обѣ націи торговыми сношеніями, тѣмъ болѣе, что торговый классъ въ Турціи состоялъ изъ грековъ, пользовавшихся особымъ сочувствіемъ въ Россіи. Вскорѣ послѣ завоеванія Константинополя встрѣчаемъ пріѣзды въ Россію съ товарами не только грековъ, но даже и турковъ. Въ 1499 году Іоаннъ III посылалъ въ Турцію пословъ и исходатайствовалъ свободу торговли русскимъ купцамъ во владѣніяхъ султана, гдѣ они до того времени подвергались разнаго рода стѣсненіямъ и насиліямъ ⁷⁾. Въ государствованіе Василія турки и греки пріѣзжали въ Москву для

¹⁾ Доп. къ А. И., V, 219.

²⁾ Доп. къ А. И., V, 287.

³⁾ Собр. Г. Гр., III, 309.

⁴⁾ Доп. къ А. И., IV, 271.

⁵⁾ Полн. Собр. Зак., I, 541—Доп., IV, 270—272.

⁶⁾ Акты Ист., V, 238.

⁷⁾ Ист. Г. Росс., VI, 268.

торговли: такъ турецкій посольскій Искандеръ, родомъ грекъ, три раза ѣздилъ въ Москву для покупки товаровъ ¹⁾; то же повторалось и въ малолѣтство Ивана Васильевича ²⁾; въ 1576 и 1580 годахъ были подобныя торговыя посольства, султановы послы прїѣзжали въ Москву для покупокъ ³⁾. Въ царствованіе Іоанна Васильевича, несмотря на нерасположеніе Россіи къ Турціи, турецкіе подданные торговали въ Москвѣ, какъ и подданные русскаго государя въ турецкихъ владѣніяхъ ⁴⁾. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ торговля съ Турціею была обезпечена договоромъ 1594 года, но торговыя сношенія не приняла большого размѣра, по причинѣ возникавшихъ тогда непріязненныхъ отношеній между державами. Въ это время путь между Россіею и Турціею былъ уже не безопасенъ отъ нападеній запорожцевъ. Такимъ образомъ, въ 1564 году кievскіе черкасы на Овечьихъ водахъ погромили турчанъ и арменскихъ торговыхъ людей, изъ турецкихъ подданныхъ ⁵⁾.

Греки всегда пользовались особыми привилегіями, платили меньше пошлинъ и получали ласковый прїемъ отъ правительства ⁶⁾. Это дѣлалось изъ уваженія къ ихъ единовѣрью съ русскими. Греки и молдаване каждагодно привозили въ столицу драгоцѣнные камни, жемчугъ, металлическія издѣлія и вообще разныя женскія украшенія и конскіе приборы. Русскіе также получали отъ нихъ драгоцѣнныя турецкія ткани и матеріи ⁷⁾. Прїѣзжая въ Москву, эти греческіе торговцы подносили въ даръ царю лучшіе изъ своихъ товаровъ, и вообще были обязаны, явившись въ столицу, прежде всего показать свои товары для выборки въ царскую казну: только тогда давалось имъ позволеніе торговать въ городѣ ⁸⁾. Во вниманіе къ ихъ единовѣрью, прїѣзжіе греки получали помѣщеніе, *кормъ* отъ казны хлѣбомъ и мясомъ, конскій кормъ и дрова ⁹⁾. Нѣкоторые изъ греческихъ торговцевъ жили въ Москвѣ постоянно, на особомъ греческомъ подворьѣ ¹⁰⁾. Въ половинѣ XVII вѣка греки и волохи торговали въ Путивлѣ, пограничномъ на югъ городѣ Московскаго Государства ¹¹⁾. Послѣ торговаго устава 1667 года, когда русскіе купцы успѣли выпросить у правительства стѣснительныя для иностранцевъ торговыя учрежденія, и греки подверглись платежу пошлинъ наравнѣ съ другими иноземцами ¹²⁾. Впрочемъ, если они торговали на золотые и ефимки, то освобождались отъ платежа пошлинъ, съ обязанностью отдавать монеты въ казну и брать изъ нея русскія деньги ¹³⁾. Несмотря на это уравненіе съ другими иноземцами, греки дозволяли себѣ контрабандныя выходки, и оттого въ

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, 143.

²⁾ Ист. Росс. Солов., VI, 41.

³⁾ Ист. Г. Росс., IX, прим. 133.

⁴⁾ Ист. Г. Росс., IX, 259.

⁵⁾ Ibid. Прим. 103.

⁶⁾ Carlisle, 73.

⁷⁾ Врем., II, 83.

⁸⁾ Кошихинъ, Григорій. О Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича. Слб. 1840, 117.

⁹⁾ Коших., 84.

¹⁰⁾ Кильбург., 13.

¹¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 202.

¹²⁾ Поля. Собр. Зак., I, 827.

¹³⁾ Собр. Г. Гр., IV, 202.

1672 году приказано осматривать их построже ¹⁾. Торговля съ греками тогда упала; прїѣзжали въ Россію только мелкіе торговцы, продававшіе поддѣльныя стекла за драгоценныя камни, поэтому они потеряли право торговли ²⁾. Въ 1676 году имъ позволено снова торговать въ Путивлѣ ³⁾. Но они опять были обвинены въ противозаконныхъ развѣздахъ съ товарами по поселкамъ, почему снова послѣдовали распоряженія о строжайшемъ надзорѣ за ними ⁴⁾.

Въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ русскіе вели торговлю съ восточными народами, бухарцами, персами, шамаханцами, крымцами, калмыками ⁵⁾. Торговля съ Хивой, Бухаріею и Шамахіею перешла къ русскимъ по завоеваніи Астрахани, гдѣ издавна она находила себѣ истокъ и гдѣ попрежнему сосредоточивалась, когда уже Астрахань сдѣлалась русскимъ городомъ. Въ 1557—1558 годахъ владѣтели Хивы и Самарканда прислали къ покорителю Астрахани Іоанну Васильевичу пословъ для обезпеченія правъ своихъ торговцевъ, и торговля Россіи съ ихъ землями утверждена была взаимнымъ договоромъ. Астрахань начала наполняться купцами изъ Шамахіи, Дербента, Юргенджа и другихъ восточныхъ городовъ. Въ послѣдующіе годы царствованія Іоанна IV торговля была обезпечена новыми договорами съ шамахинскимъ царемъ въ 1563 году, а съ бухарскими владѣтелями въ 1567 и 1569, и *государь грамоты къ ихъ государемъ послалъ о купечествѣ* ⁶⁾. Съ тѣхъ поръ установилась правильная торговля съ этими странами. Между Астраханью и Караганскимъ пристанищемъ дважды въ годъ было торговое сообщеніе на государевыхъ бусахъ, на которыхъ юргенджскіе и бухарскіе купцы приплывали въ Астрахань, платя за помѣщеніе на бусахъ во время проѣзда, другіе же ѣздили въ Астрахань степью ⁷⁾. Они останавливались въ Астрахани съ своими товарами на особомъ подворьѣ, которое называлось бухарскимъ ⁸⁾. Русскіе купцы съ своей стороны ѣздили компаніями или артелями въ Хиву и Бухарію: эти путешествія были не безопасны; такъ, въ 1646 году татары ограбили русскихъ купцовъ, ѣздившихъ въ Хиву, за это арестовали въ Астрахани съ товарами хивинцевъ и бухарцевъ ⁹⁾. При Михаилѣ Феодоровичѣ возникла конкуренція между астраханскими мѣстными купцами и хивинцами. Русскіе подговаривали воеводъ не брать на судъ хивинцевъ, чтобъ заставить ихъ продавать дешевле свои товары ¹⁰⁾. Это показываетъ, что торговля русская была очень важна для Хивы, и что въ Астрахани было много хивинскихъ купцовъ, ибо въ противномъ случаѣ купцы страшились бы стѣснять ихъ. Алексѣй Михайловичъ расширилъ эту торговлю, давъ въ 1668 году, по просьбѣ юргенджскаго хана, привилегію на свободное прибытіе хивинскихъ купцовъ въ Астрахань, общалъ имъ покровительство правительства, обезпеченіе со стороны

¹⁾ Полн. Собр. Зак., I, 885.

²⁾ Полн. Собр. Зак., II, 75.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., II, 104.

⁵⁾ Кильбург., 10.

⁶⁾ Ист. Г. Росс., VIII. Прим. 415. Т. IX, прим. 258.

⁷⁾ Доп., IV, 257.

⁸⁾ Акты Ист., III, 253.

⁹⁾ Акты Ист., IV, 50.

¹⁰⁾ Акты Ист., III, 475.

мѣстныхъ властей и дачу подводъ по достоинству ихъ товарныхъ промысловъ и пошлиннаго сбора ¹⁾. Черезъ руки бухарцевъ къ русскимъ доходили и индійскіе товары. Бухарцы, кромѣ Астрахани, вели торговлю въ Сибири и торговали на гостиномъ дворѣ въ Tobольскѣ; они снабжали Сибирь рукодѣльными потребностями жизни, и торговля съ ними была очень важна въ Сибири, какъ видно изъ челобитной сибиряковъ въ 1597 году, въ которой они просятъ, какъ милости, чтобъ къ нимъ приходили изъ Бухаріи торговые люди съ товарами ²⁾. Бухарцы, торгуя въ Tobольскѣ, составляли тамъ нѣкотораго рода компанію, почему въ дѣловыхъ бумагахъ употребительно выраженіе *тобольскіе бухарцы*. Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ имъ льготу ѣздить для торговаго промысла въ Казань, Астрахань, въ Архангельскъ къ пристави и въ приморскіе города, съ правомъ не быть задержанными судомъ, исключая долговыхъ обязательствъ и уголовныхъ дѣлъ, нанимать подводы, покупать суда и вообще быть безопасными отъ притѣсненій воеводъ. Въ 1686 году эта грамота была подтверждена снова ³⁾. Торговля съ бухарцами въ Tobольскѣ въ половинѣ XVII вѣка была стѣснена тѣмъ, что бухарцамъ не позволено было вывозить главнаго и почти единственнаго произведенія сибирскаго края—пушныхъ товаровъ ⁴⁾.

Ни съ какою странною торговля не имѣла въ тотъ вѣкъ такого значительнаго вліянія на умы, какъ торговля съ Персією, ибо, какъ мы сказали, на нее смотрѣли какъ на средство произвести совершенное измѣненіе въ торговыхъ сношеніяхъ цѣлаго міра. Этотъ взглядъ, безъ сомнѣнія, раздѣляли тогда и русскіе, а потому русское правительство находилось постоянно въ дружескомъ отношеніи къ персидскому; при томъ два государства—Россію и Персію—связывала обоюдная неприязнь къ Турціи. Еще до прибытія англичанъ у русскихъ были сношенія съ Персією, и въ Москву пріѣзжали персидскіе посланники по торговымъ дѣламъ: это видно изъ того, что Дженкинсонъ поѣхалъ въ Персію вмѣстѣ съ персидскимъ посланникомъ, возвращавшимся тогда изъ Москвы. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, во время царствованія шаха Аббаса, образовались болѣе тѣсныя и самыя дружественныя отношенія двухъ государствъ, поддерживаемыя взаимною ненавистью къ туркамъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ ежегодно отправлялись въ Персію царскіе посланники, которые, поддерживая торговыя сношенія подданныхъ обѣихъ державъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ закупщиками товаровъ для царя и пользовались при персидскомъ дворѣ всѣмъ нужнымъ содержаніемъ ⁵⁾. Въ 1634 году основана была голштинская компанія, которая получила право торговли съ Персією черезъ Россію на десять лѣтъ съ платою шестисотъ ефимковъ въ годъ и съ воспрещеніемъ вывозить изъ Россіи такіе товары, которыми торговали русскіе, какъ-то: издѣлія шелковыя, бумажныя и металлическія; эта компанія, по своему ограниченію и притомъ по большому количеству пошлинъ, какимыъ подвергались ея члены въ Россіи, не могла приносить выгоды ⁶⁾. При Алексѣѣ Ми-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., I, 742.

²⁾ Собр. Г. Гр., II, 129.

³⁾ Полн. Собр. Зак., II, 816.

⁴⁾ Доп., IV, 355, 361.

⁵⁾ Olearius, Adam. Vermehrte Neue Beschreibung der Moscovitischen und Persischen Reyse и проч., изд. 1656, стр. 225.

⁶⁾ Акты Ист., III, 330.

хайловичъ торговля съ Персією приняла большій размѣръ: шахъ Аббасъ II въ 1664 году далъ русскимъ привилегію на свободную торговлю во всѣхъ персидскихъ владѣніяхъ безъ платежа пошлинъ, найма за подводы и платы за стоянку на гостиныхъ дворахъ и въ лавкахъ съ товарами; сверхъ того, шахъ приказывалъ мѣстнымъ властямъ своего государства оказывать русскимъ купцамъ особую почесть ¹⁾. Средоточіемъ персидской торговли для Россіи была Астрахань ²⁾, которая вела эту торговлю черезъ Дербентъ ³⁾. Персидскіе купцы, пріѣзжая въ Астрахань, становились на особомъ дворѣ, называемомъ Гилянскимъ ⁴⁾. Они прибывали въ Астрахань по Каспійскому морю на государевыхъ бусахъ; у иныхъ были товары отъ шаха, а у иныхъ свои собственные. При Михаилѣ Теодоровичѣ (1628 года) съ первыхъ, во уваженіе къ шаху, не брали пошлинъ, а вторые были обложены пошлинами, довольно высокими ⁵⁾. Нѣкоторые персидскіе купцы отиралялись изъ Астрахани вверхъ по Волгѣ до Казани ⁶⁾, а иные доплывали до Москвы и тамъ предоставлялось имъ стоять съ товарами на посольскомъ дворѣ ⁷⁾. Наравнѣ съ греками они пользовались правомъ получать *поденный кормъ*—хлѣбомъ и мясомъ, равно сѣно и дрова ⁸⁾. Казна выбирала для себя лучшіе изъ товары, обыкновенно вознаграждая за то мѣхами; на возвратномъ пути они пользовались правомъ брать гребцовъ на суда безденежно и также во время дороги получали содержаніе ⁹⁾. Персидскіе товары были въ большомъ ходу въ Россіи; въ Москвѣ былъ особый Персидскій гостиный дворъ съ лавками ¹⁰⁾. Самъ царь Алексѣй Михайловичъ, который вель значительную персидскую торговлю, подобно своему отцу, безпрестанно посылалъ въ Персію посланниковъ къ шаху съ цѣловальниками и приказывалъ закупать персидскіе товары, которые препровождались въ Шамаху, а оттуда въ Баку, гдѣ нагружались въ бусы и отиралялись въ Астрахань ¹¹⁾. Главнымъ вывознымъ изъ Персіи товаромъ былъ шолкъ-сырецъ и его-то правительство брало исключительно въ свои руки, такъ что при Михаилѣ Теодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ русскіе, покушая или вымѣнивая шолкъ-сырецъ, привозили его въ Москву и сдавали въ казну государя, а казна продавала европейскимъ купцамъ ¹²⁾. Въ 1667 году правительство, по соглашенію съ персидскимъ шахомъ, поручило это дѣло *армянской* компаніи: основатели ея были персидскіе подданные, армяне Стефанъ Ромодамскій и Григорій Лусиковъ. Эта компанія обязывалась закупать въ Персіи и возить въ Россію шолкъ, который до того времени въ большомъ количествѣ шелъ въ Европу другими путями. Складочнымъ мѣстомъ шолковой торговли была Астрахань, куда компанія подрядилась возить свой товаръ двумя путями: по морю и

1) Полн. Собр. Зак., I, 603.

2) Кильбург., 122.

3) Акты Ист., III, 21.

4) Акты Ист., III, 253.

5) Акты Ист., III, 259.

6) Коших., 116.

7) Собр. Г. Гр., IV, 73.

8) Коших., 84.

9) Ibid., 116.

10) Кильбург., 127.

11) Акты Ист., IV, 238.

12) Собр. Г. Гр., IV, 277.

сухопутьемъ черезъ городъ Терекъ. Въ случаѣ, если бы продажа шолка не могла состояться въ Астрахани, армянамъ предоставлялось везти шолкъ въ Москву и далѣе въ порубежные города: Новгородъ, Смоленскъ и Архангельскъ, наконецъ, при *накопившемся* количествѣ шолка имъ позволялось ѣздить и за границу, съ тѣмъ, однако, чтобъ непременно возвращаться чрезъ Россію и платить на возвратномъ пути пошлины. Эта компанія торговала и другими товарами, какъ-то: верблюжьею шерстью. Правительство обязывалось давать ея членамъ для обереганія отъ разбоевъ во время плаванія по Волгѣ ратныхъ людей и вознаграждать ихъ въ случаѣ потопленія судовъ или убытка, происшедшаго отъ небреженія провожатыхъ. Компанія не освобождалась отъ разныхъ поборовъ и пошлинъ ¹⁾, но могла возить съ собою безошлинно до десяти пудовъ разной домашней рухляди и състныхъ припасовъ, въ томъ числѣ вино и табакъ, которыхъ, однако, не могла продавать ²⁾. Привилегія, данная компаніи, возбуждала зависть русскаго купечества. Гости жаловались, что у нихъ отнимаютъ хлѣбъ, доказывали, что до основанія армянской компаніи русскіе гости сами покупали у восточныхъ купцовъ товары и доставляли въ царскую казну, а потомъ брали ихъ изъ казны на комиссію и перепродавали иностранцамъ, а полученную за то звонкую золотую и серебряную монету сполна доставляли въ казну; тогда какъ теперь получившая права компанія, продавая персидскіе товары иностранцамъ, отвозить золото и серебро въ свое отечество; европейскіе товары переходятъ къ восточнымъ народамъ черезъ руки армянъ, а восточные товары достаются европейцамъ чрезъ тѣ же руки; напротивъ, они бы переходили черезъ русскія руки и доставляли пользу, какъ казнѣ, такъ и купечеству, еслибъ персидская торговля сосредоточивалась исключительно у русскіихъ гостей и они были бы посредниками между Востокомъ и Европою ³⁾. Эти представленія имѣли только отчасти успѣхъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; въ 1673 году заключенъ новый договоръ съ армянскою компаніею въ прежнемъ смыслѣ, но съ нѣкоторыми отміннами, а именно: армяне не могли уже ѣздить съ персидскими товарами за границу, *коль скоро съ тѣми государствами какія ссоры будутъ*. Эта послѣдняя оговорка была поставлена только для вида, сущность же дѣла была та, что правительство, настроенное гостями, хотѣло ограничить ихъ поѣзды за границу и собирать ихъ товары въ Россію. Сверхъ того, правительство уже болѣе не обязывалось давать вознагражденія за товары, погибшіе отъ потопленія или отъ небреженія провожатыхъ, но въ первомъ случаѣ давало имъ единственно ту льготу, что потонувшіе товары освобождались отъ платежа за нихъ пошлинъ, а во второмъ предоставляло имъ искать судомъ на тѣхъ, которыхъ небрежность и неисполнительность были виною понесенныхъ убытковъ. Такимъ образомъ, правительство представленіемъ гостей воспользовалось настолько, насколько могло принести выгоды самому себѣ. Для большаго успѣха въ дѣлѣ съ компаніею правительство выпросило у шаха грамоту, которая воспрещала его подданнымъ продавать шолкъ мимо армянской компаніи и обязывала армянъ возить его единственно въ Россію ⁴⁾. Закоренѣлая вражда съ Турціею была причиною такой:

¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 205

²⁾ Ibid., IV, 206—207.

³⁾ Ibid., IV, 277—278.

⁴⁾ Собр. Г. Гр., IV, 280—283.

сговорчивости шаха въ пользу Россіи. Персіи не хотѣлось, во что бы то ни стало, чтобъ персидскіе товары, особенно шолкъ, проходили въ Европу чрезъ Турцію и доставляли послѣдней средства къ выгодамъ. Притомъ отправка до Персидскаго залива шолку, который родился въ Гилянѣ, стоила дороже, чѣмъ отправка до Астрахани Каспійскимъ моремъ. Русскіе, говоритъ одинъ иностранецъ ¹⁾, не умѣли, однако, пользоваться неисчислимыми выгодами, какія представляла имъ торговля съ Персією, и стѣсняли ее. Персидскіе купцы при вѣздѣ въ Астрахань подвергались обременительному для нихъ пересмотру всего товара, перепискѣ, оцѣнкѣ. Если они хотѣли вѣзти въ Россію, то платили, сверхъ заплаченныхъ уже съ товаровъ пошлинъ, еще проѣзжія пошлины. При всякомъ переѣздѣ изъ города въ городъ ихъ пускали не иначе, какъ пославши напередъ туда, куда они вѣдутъ, росписи ихъ товарамъ. Если они не успѣли распродать въ Россіи всѣхъ товаровъ, то, возвращаясь въ отечество, платили отъѣзжія пошлины ²⁾.

Русскіе неохотно допускали иностранцевъ пользоваться черезъ Россію выгодною торговлею съ Персією. При Іоаннѣ IV только англичанамъ и отчасти шведамъ дозволено чрезъ Россію посѣщать Персію и восточныя страны; прочіе иностранные купцы не имѣли права даже торговать безъ особаго дозволенія съ Казанью и Астраханью ³⁾, которыя считались хотя принадлежащими Русскому царству, но не Московскому Государству. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ хотя дано право на торговлю съ Персією голштинской компаніи, но съ высокими пошлинами. При Алексѣѣ Михайловичѣ, особенно послѣ Торговаго устава 1667 года, правительство стремилось, сколько возможно, отстранить иностранцевъ отъ восточной торговли. Но желаніе пріобрѣтать больше выгодъ для казны заставляло поручить значительнѣйшую часть этой торговли армянской компаніи. Правительство не надѣялось и не могло получить столько выгодъ отъ русскихъ купцовъ, сколько отъ армянъ; ибо при покровительствѣ, какое оказывалъ русской торговлѣ шахъ, можно было предполагать, что весь персидскій шолкъ перейдетъ въ Россію. Шахъ много давалъ для подданныхъ царя; надобно же было и въ Россіи дать что-нибудь для подданныхъ шаха. Видя, что Россія не сладитъ съ мыслью извлечь пользу изъ торговли шолкомъ, голландскій посолъ предлагалъ позволить голландцамъ торговать съ Персією и съ армянами и обѣщалъ Россіи цвѣтущее состояніе ея торговли. На это гости, постоянно стараясь отстранить иностранцевъ отъ преобладанія въ русской торговлѣ, возражали, что лучше вмѣсто цвѣта пусть голландцы покажутъ плодъ, а по ихъ мнѣнію, гораздо будетъ выгоднѣе для Россіи, если сами русскіе стануть скупать шолкъ у персіянъ и перепродавать его европейцамъ, тѣмъ болѣе, что этотъ матеріалъ очень нуженъ для Западной Европы. Голландцы не могли добиться дозволенія, по крайней мѣрѣ, на два года въ видѣ опыта торговать съ персіянами черезъ Россію. Гости возражали, что если въ теченіе двухъ лѣтъ голландцы не нанесутъ вреда русской торговлѣ и даже доставятъ ей видимую пользу, то дозволеніе будетъ вредно потому, что договоръ продолжится на дальнѣйшій срокъ и окрѣпнетъ, а потомъ голландцы овладѣютъ русскою торговлею навсегда, какъ сдѣлали въ Восточной Индіи. Въ случаѣ крайности, гости соглашались только дозволить въ

¹⁾ Кильбург., 122.

²⁾ Акты Ист., III, 259.

³⁾ Ст. сп. Флетч., 47.

Архангельскѣ армянамъ торговать съ иноземцами, но отнюдь не въ цѣлой Россіи ¹⁾).

Россіи суждено было только предупредить другихъ европейцевъ въ географическихъ открытіяхъ, которыя послѣ, однако, въ наукѣ остались не за русскими. Такъ, прежде путешествія Ченслера по Бѣлому морю, которое англичане называли *открытіемъ* сѣвернаго пути, русскіе, дьякъ Григорій Истома, а потомъ Власовъ совершили морскія путешествія вокругъ Норвегіи ²⁾. Такъ же точно козакъ Дежневъ открылъ Беринговъ проливъ прежде Беринга, имя котораго осталось за отдаленнымъ проливомъ ³⁾. Такъ предприимчивый тверской купецъ Аванасій Никитинъ посѣтилъ Индію прежде открытія туда пути португальцами ⁴⁾. Съ первой половины XVI вѣка начинаются у насъ сношенія съ Индією, правда, не важныя, но замѣчательныя по характеру рѣдкости. Въ 1533 году ⁵⁾ пришло въ Москву посольство отъ индійскаго султана Бабура, и хотя это посольство не установило прочныхъ сношеній Россіи съ Индією, но русское правительство изъявило желаніе, чтобъ *люди промежь ихъ ѣздили*. Послѣ покоренія Астрахани въ числѣ восточныхъ народовъ, толпившихся въ этомъ городѣ, были индійцы, пріѣзжавшіе туда чрезъ Персію ⁶⁾. Первое посольство въ Индію было въ 1646 году. Царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ къ великому шаху посломъ князя Козловскаго и съ нимъ двоихъ купцовъ, казанскаго Сыроѣзжина и астраханскаго Тушканова. Купцы эти имѣли наказъ извѣдать страну въ торговомъ отношеніи, ея произведенія, ея вывозныя статьи, цѣнность ихъ, торговлю съ западными европейцами, таможенное устройство и пути сообщенія. Имъ дано 5.000 рублей для покупокъ тамошнихъ произведеній. Но эта торговая экспедиція не достигла своей цѣли. Персидскій шахъ, бывши во враждѣ съ великимъ моголомъ, не пропустилъ русскихъ гонцовъ. Притомъ же Персія, конечно, должна была завистливо смотрѣть на возникающія сношенія Россіи съ Индією, ибо индійскіе товары, состоявшіе преимущественно во врачебныхъ потребностяхъ и пряностяхъ, шли черезъ Персію. Шахъ вѣжливо отдѣлался отъ просьбы дать русскимъ гонцамъ провожатыхъ, указывая на опасный путь по причинѣ междоусобій и безпорядковъ. Алексѣй Михайловичъ долженъ былъ ограничить свое желаніе сблизиться съ Индією единственно тѣмъ, что приказалъ астраханскимъ воеводамъ доставлять индійскимъ купцамъ, пріѣзжающимъ въ Астрахань, большія удобства передъ другими восточными торговцами. Индійцы получали право посѣщать не только Астрахань, но столицу и внутренніе города Россіи. Такимъ образомъ, въ январѣ 1650 года два индійскіе купца Солокна и Лягутъ продавали въ Ярославлѣ разныя ткани, кушаки, ковры, платки, фаты, шолкъ, набранные ими отчасти въ Индіи, отчасти въ Персіи. Въ столицѣ они познакомили русскихъ съ индійскою матерією камкою. Въ 1651 году русскіе гости просили царя дозволить имъ отправлять свои товары въ Индію и устроить, при посредствѣ персидскаго правительства, свободное сообщеніе Россіи съ Индією

¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 337—339.

²⁾ Herberst., 77.

³⁾ Доп., IV, 15.

⁴⁾ Ист. Г. Росс., VI, прим. 629.

⁵⁾ Ibid., VII, 158.

⁶⁾ Труды и Лѣтоп. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн., VII, 124.

через Персію. Алексѣй Михайловичъ дозволилъ гостю Шорину отправить двухъ гостинныхъ приказчиковъ Родіона и Ивана Никитинныхъ съ русскими товарами и снабдилъ ихъ грамотами къ персидскому шаху и великому моголу. Но и это торговое, посольство не достигло своей цѣли, отчасти снова отъ неблагорасположенія Персіи, отчасти же въ самомъ дѣлѣ отъ беспорядковъ въ Индіи, возникшихъ по смерти великаго могола между его сыновьями, оспаривавшими другъ у друга наслѣдство. Въ 1663 году прибыли въ Москву индійскіе армяне съ грузомъ товаровъ и поднесли Алексѣю Михайловичу въ даръ разныя украшенія: корону, перстни, запону, нашивки, матеріи, ладанъ, благовонія и фрукты. Царь взялъ у нихъ не все, но часть, и по средней оцѣнкѣ выдалъ имъ настоящую цѣну въ 10.472 руб. соболями, сукнами и другими товарами, но не деньгами. Армяне были недовольны такимъ пріемомъ, потому что обыкновенно царская щедрость награждала подносителей даровъ вдвое противъ настоящей цѣны самыхъ даровъ. Армяне заключили съ правительствомъ договоръ доставлять въ аптекарскій приказъ лекарства, особенно чепучинный корень (*Radix chinae*), но правительство не согласилось, чтобъ привозъ этихъ товаровъ былъ освобожденъ отъ пошлинъ. Въ 1669 году царь, не оставляя мысли о постоянной торговлѣ съ Индіею, задумалъ отправить туда русскій караванъ. Предпріятіе это было столь ново, что надлежало предварительно отправить кого-нибудь для изслѣдованія пути, а потому Алексѣй Михайловичъ послалъ въ Бухарію, Хиву и Балкъ посланникомъ Бориса Пазухина для извѣданія пути въ Индію. Пазухинъ возвратился въ 1673 году. Онъ доносилъ, что центромъ, куда нужно будетъ послать караванъ, долженъ быть Джанабадъ, индійская столица. Путь къ нему идетъ отъ Астрахани моремъ, до Караганскаго пристанища, оттуда въ теченіе трехъ недѣль до Хивы, изъ Хивы въ теченіе трехъ недѣль до Балка, отъ Балка на Парванъ, оттуда на Чарикуръ, Кабуль, Пешауръ, Аттокъ, Ротасъ, Лагоръ, Султанпуръ и Джанабадъ, что выходило отъ Астрахани пути четыре мѣсяца съ половиною верблюжьимъ ходомъ. Спрошенные по поводу этого донесенія индійцы, случившіеся въ то время въ Москвѣ, совѣтовали держать другой путь изъ Караганскаго пристанища въ Юргенджъ, Бухару, а оттуда въ Балкъ, изъ Балка въ Кабуль. По собраннымъ свѣдѣніямъ, въ 1675 году отправленъ чрезъ Бухарію, по указанію индійцевъ, караванъ подъ начальствомъ посла астраханца Маметъ-Исупа Касимова съ разными товарами, состоящими преимущественно въ мѣхахъ, предназначенныхъ для подарковъ властителю индійскому Эврейнзебу. Пропущенные дружелюбно бухарскимъ и балкинскимъ властями, русскіе достигли Кабула въ 1676 году. Вассалъ Эврейнзеба Мекреметъ-Ханъ, управлявшій Кабуломъ, донесъ о прибытіи гостей своему властителю, но тотъ принялъ новость вовсе не такъ, какъ ожидали. Онъ не захотѣлъ быть въ сношеніяхъ съ Россіею, отговариваясь тѣмъ, что прежде не было такихъ сношеній и что магометанская вѣра препятствуетъ дружитья съ христіанами. Мекреметъ-Ханъ не позволялъ русскимъ продавать товары; опечталъ какъ подарки царскіе, такъ и товары купцовъ, привезенные для продажи, взялъ товары эти по той цѣнѣ, по какой ему было угодно, и еще съ вычетомъ пошлинъ, да при этомъ таможенные чиновники замѣтили, что у нихъ и холопы не носятъ такихъ дурныхъ соболей, какіе русскій царь присылаетъ въ подарокъ ихъ государю. Впрочемъ, индійскій шахъ выдалъ имъ въ видѣ подарка двѣ тысячи рупій, подтверждая, чтобы русскіе немедленно удалились изъ его владѣ-

ній. Съ этихъ поръ, какъ видно, индiйцы перестали пользоваться въ Россiи такимъ гостепрiимствомъ, какъ прежде, ибо въ 1684 году одинъ индiецъ жаловался на притѣсненiя его единоземцамъ, которыя дѣлали астраханскiе воеводы, а въ 1688 году, по просьбѣ гостей, право индiйцевъ торговать въ Россiи ограничено одною Астраханью. Неудачи въ устроении торговыхъ сношенiй съ Индiею не удержали русское правительство еще разъ въ 1695 году попытаться послать въ Индiю купца Семена Маленькаго съ товарищами, съ наказомъ продать тамъ русскiе товары и купить для царской казны индiйскихъ произведенiй. Эта новая экспедицiя была удачною. Русскiе купцы безпрепятственно достигли Индiи и получили отъ намѣстника индiйскаго шаха грамоту на безостановочный пропускъ. На возвратномъ пути моремъ изъ Сурата они были ограблены морскими разбойниками ¹⁾.

Покоренiе Восточной Сибири повело Россiю къ торговымъ сношенiямъ съ отдаленнымъ Китаемъ. Они возникли не ранѣе половины XVII вѣка. Первый гононецъ въ Китай былъ Ярыжкинъ. Въ 1654 году было посольство въ Китай Федора Байкова, сибирскаго казака Малинина и бухарца Бабурель-Бабаева съ товарами ²⁾. Байковъ воротился въ Tobольскъ въ 1658 году. Послѣ него ѣздилъ тарскiй сынъ боярскiй Иванъ Перфильевъ, а въ 1675 году Николай Спафарiй. Такимъ образомъ возникли торговыя сношенiя съ Китаемъ. Начало ихъ Языковъ относить къ Спафарiю, но Кильбургеръ, писавшiй въ 1674 году, приписываетъ ихъ Байкову. Главный пунктъ этой торговли былъ въ Tobольскѣ. Годъ отъ году она принимала бoльшiе размѣры. Китайскiе купцы привозили туда пестрыя ткани, одноцвѣтную китайку, разные драгоцѣнные камни, фарфоръ, чай, бодьянъ, хину, ремень, бобровую струю, шолкъ, который оказался лучше и крѣпче персидскаго и шамахинскаго. Право купцовъ прiѣзжать въ Россiю ограничивалось Tobольскомъ. Отсюда купленные и вымѣненные товары развозились по Россiи; часть ихъ направлялась въ Москву, другая въ Архангельскъ для передачи иностранцамъ ³⁾. Въ 1689 году бояринъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ былъ посломъ въ Китай, заключилъ съ китайскимъ правительствомъ мирный договоръ, по которому установлено правильное и постоянное сношенiе съ Китаемъ. Съ тѣхъ поръ русскiе начали ѣздить въ Китайскую Имперiю съ русскими товарами и промѣнивали ихъ на китайскiе. Вскорѣ для предотвращенiя контрабандной торговли правительство стѣснило свободныя поѣздки въ Китай и приказало не иначе пускать русскихъ торговцевъ въ Китай, какъ съ грамотою, выданною изъ Сибирскаго Приказа; слѣдовательно, купецъ, желавшiй изъ Сибири отправиться въ Китай, долженъ былъ прежде обратиться въ Москву и выхлопотать себѣ грамоту, что составляло для него источникъ многихъ издержекъ, проволочекъ и затрудненiй. Купецъ, получившiй наконецъ грамоту, долженъ былъ ѣхать непременно черезъ Иркутскъ и Нерчинскъ, и возвращаться тѣмъ же путемъ, чтобы платить пошлины съ вывозимыхъ и привозимыхъ товаровъ ⁴⁾. Правительство хотѣло, чтобы китайская торговля сосредоточивалась въ его рукахъ и производилась чрезъ его посредство. Въ 1694 году опредѣлено ежегодно посылать

¹⁾ Труды и Лѣтоп. Имп. Моск. Общ. Ист. и Древн., VII, 125—167.

²⁾ Акты Ист., IV, 202.

³⁾ Кильбург., 132.

⁴⁾ Акты Ист., V, 373.

въ Китай купцовъ отъ правительства для торговли съ китайцами ¹⁾. Въ 1695 году отправлены въ Китай священныя принадлежности для основаніи русской церкви, учреждаемой для русскихъ купцовъ, пребывающихъ въ Китаѣ ²⁾. Въ 1696 году купецъ Спиридонъ Лангусовъ получилъ отъ казны порученіе везти въ Китай мѣха и промѣнивать на золото и разныя ткани ³⁾. Торговымъ пунктомъ китайской торговли избранъ Нерчинскъ, туда прибывали и отбывали караваны съ русскими и китайскими товарами ⁴⁾.

Вообще русская власть въ отношеніи торговли съ иностранцами, съ одной стороны, нуждаясь сама въ произведеніяхъ заграничныхъ и сознавая, что русскій народъ стоитъ на слишкомъ низкой степени промышленнаго развитія для того, чтобъ производить то, что привозили ему иностранцы, давало имъ въ Россіи большія торговыя права, иногда не безопасныя для будущаго, какъ, напримѣръ, привилегіи англичанъ; съ другой же стороны, она оказывала недобвѣріе къ иностранцамъ, боясь, чтобъ не употребили во зло покровительства и гостепрѣимства, оказываемаго имъ въ Россіи. Иностранцы заслуживали и то, и другое. Они наполняли казну царей и дома знатныхъ особъ предметами изысканной жизни, привозили имъ одежды, украшенія, лакомства, но они постоянно, на каждомъ шагѣ не скрывали самаго очевиднаго презрѣнія къ русскому народу, смотрѣли на Россію, какъ на страну дикую и необразованную и потому-то особенно имъ полезную. Пребываніе въ Россіи иностранцевъ не оказывало ни малѣйшаго благодѣтельнаго вліянія ни на улучшеніе нравовъ, ни на просвѣщеніе, ни на благосостояніе народа; иностранцы всѣми способами старались отклонить Россію стать въ уровень съ западными странами, чтобъ самимъ не терять выгодъ, которыя они получали отъ русскаго государства. Съ своей стороны, власть, сохраняя неприкосновенность православнаго ученія и древняго гражданскаго порядка, установившагося въ Россіи, отстраняла всякое нравственное сближеніе русскихъ съ иностранцами. Вообще, торговые иностранцы въ Россіи пользовались большею благосклонностью правительства до половины XVII вѣка, чѣмъ послѣ того до Петра. Объ англичанахъ и говорить нечего; но и торговцы другихъ народовъ—голландцы, шведы, персы, греки—всѣ имѣли какія-нибудь льготы или привилегіи, показывавшія, что власть дорожитъ сношеніями съ иноземными державами ⁵⁾. Между прочимъ, всѣ иностранцы пользовались особымъ отъ русскихъ судопроизводствомъ, ибо ихъ не предавали пыткамъ; но въ половинѣ XVII вѣка, въ 1661 году, персіяне, тезики (азиатскіе турки) и греки (объ иноземцахъ другихъ націй неизвѣстно) подвергались торговой казни за продажу табаку ⁶⁾. Кромѣ льготъ, предоставляемыхъ торговцамъ извѣстныхъ націй по договорамъ съ правительствами вообще, нерѣдко цари давали въ знакъ особыхъ милостей лицамъ и обществамъ изъ европейскихъ торговцевъ льготныя привилегіи. Царь Іоаннъ Васильевичъ даровалъ дерптскимъ купцамъ право безошлинной торговли въ Новгородѣ, Псковѣ и Иванъ-Городѣ, съ оговоромъ, что если

¹⁾ Ibid., 519.

²⁾ Ibid., V, 445.

³⁾ Ibid., V, 470.

⁴⁾ Ibid., V, 473.

⁵⁾ Ст. сп. Флетч., Врем., VIII, 25.

⁶⁾ Собр. Г. Гр., IV, 74.

они повезутъ свои товары въ Москву, Казань, Астрахань или другіе города Россіи, то должны платить пошлины наравнѣ съ русскими ¹⁾. Царь Борисъ въ 1599 году далъ жалованныя грамоты нѣмцамъ Игнатію Поперзаку и Андрею Витину, позволилъ имъ торговать въ Новгородѣ, Псковѣ, Иванъ-Городѣ безошлинно, даровалъ право ѣздить обратно изъ Россіи въ Литву, Ливонію и Германію. Какъ внутри государства въ вышеупомянутыхъ городахъ, такъ и при отъѣздѣ за границу и пріѣздѣ въ Россію они освобождались отъ пошлинъ ²⁾. Михаилъ Ѳеодоровичъ далъ подобныя же грамоты нѣмцамъ, Буку и Ивану Юрьеву; они могли торговать всякими товарами безошлинно, но съ условіемъ, не возить вмѣсто своихъ чужихъ товаровъ и не давать русскимъ людямъ торговыхъ комиссій ³⁾. Были заграничныя торговые дома, долго торговавшіе въ Россіи и пріобрѣвшіе особенное расположеніе правительства. Таковъ былъ въ XVII вѣкѣ гамбургскій торговый домъ Марселисовъ. По даннымъ имъ жалованнымъ грамотамъ они и ихъ приказчики не освобождались отъ платежа пошлинъ, не могли торговать въ раздробь, а непременно оптомъ. но зато могли имѣть свои дворы въ Архангельскѣ, Холмогорахъ, Колѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Москвѣ (но не въ другихъ городахъ), и разъѣзжать по всей Россіи съ товарами; воеводы не смѣли судить ихъ и придирались къ нимъ; въ случаѣ какого-нибудь иска на нихъ, они отвѣчали въ Посольскомъ приказѣ ⁴⁾. Въ XVII вѣкѣ пользовалась особымъ расположеніемъ царей торговая фамилія Келдермановъ, жившихъ въ Москвѣ. Они оказывали услуги царямъ въ продолженіе цѣлаго столѣтія. Андрей Келдерманъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ трижды былъ посылаемъ въ Англію, сынъ его Томасъ — въ Голландію, къ императору Леопольду и къ венеціанскому дожу. Царь довѣрялъ ему въ Архангельскѣ надсмотръ за продажей шолка и препоручалъ покупки разныхъ товаровъ для царскаго обихода; въ 1671 году наименовалъ его почетнымъ именемъ повѣреннаго Московскаго Государства и чести достойнаго, а въ 1685 году этотъ титулъ внесенъ въ его жалованную грамоту ⁵⁾. Многіе брали жалованныя грамоты отъ приказовъ, подкупивъ дьяковъ и приказныхъ людей, — въ томъ вѣкѣ это было легко; посулы и поминки могли тронуть сердца бюкстителей администраціи и хранителей царской прибыли; такимъ путемъ иноземцы получали грамоты на разныя льготы; иногда на торговлю съ пошлинами, а иногда даже и безъ пошлинъ ⁶⁾. Нерѣдко иностранцы, получивъ такія грамоты, передавали ихъ другимъ, и послѣдніе спокойно торговали подъ именемъ тѣхъ, кому даны грамоты, называя себя то ихъ братьями, то племянниками, то приказчиками: ибо всякая такая жалованная грамота распростиралась не только на одно лицо, но и на тѣхъ, которые состояли съ нимъ въ одномъ торговомъ капиталѣ и даже на тѣхъ, которые у нихъ служили. Такимъ образомъ, жалованная грамота, данная одному лицу, давала права, въ ней означаемыя, цѣлой компаніи, произвольно составленной. Были и такіе иностранцы, которые не задавали себѣ труда брать жалованныхъ

¹⁾ Suppl., 234.

²⁾ Собр. Г. Гр., II, 151.

³⁾ Собр. Г. Гр., III, 66, 88.

⁴⁾ Ibid., III, 370—372.

⁵⁾ Собр. Г. Гр., IV, 491, 492.

⁶⁾ Акты Арх. Эксп., IV, 17.

граматъ изъ приказа, а торговали себѣ, какъ хотѣли ¹⁾). Россія была широка; мало населена,—поймать трудно; а въ случаѣ и поймаются—посулы и поминки выручать. Вообще же побужденіе брать жалованныя граматы зависѣло не отъ однихъ торговыхъ причинъ; если жалованная грамота не давала торговцу безпошлинной торговли, то освобождала его отъ мѣстныхъ судовъ, а передавала всякій судъ съ нимъ Посольскому приказу; это уже было немаловажно. Всѣ вообще иноземцы и состояли въ вѣдѣвіи Посольскаго приказа; но когда случилось какое-нибудь дѣло, какая-нибудь жалоба иностранца на русскаго, — дѣло производилось въ томъ приказѣ, въ которомъ вѣдомъ былъ отвѣтчикъ. Такой приказъ требовалъ къ своему суду иностранцевъ, и тутъ-то начиналось судебное *волокиство*, и происходила для нихъ въ *торгахъ безпромыслица*, особенно тогда, когда отвѣтчикъ самъ служилъ въ приказѣ, а это случалось часто: подъячій, напримѣръ, набереть у иностранца въ долгъ и не платить, а иностранецъ долженъ тягаться съ нимъ въ томъ же приказѣ, гдѣ сидитъ самъ подъячій, а съ нимъ его пріатели, которые не только не думаютъ удовлетворить иноземца, но еще и сами хотятъ поживиться на его счетъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1628 году, однимъ только англичанамъ вообще дана была грамота на право быть судимыми единственно въ Посольскомъ приказѣ; другіе иноземные торговцы подвергались суду тѣхъ приказовъ, гдѣ былъ отвѣтчикъ. Исключались изъ этой категоріи тѣ, которые имѣли особыя жалованныя граматы. По Уложенію, всѣ иноземцы, живущіе въ Россіи, должны судиться тѣмъ же судомъ, какъ и подданные Московскаго государства ²⁾). Въ 1653 году дана была грамота голландцамъ и вообще всѣмъ торговымъ иноземцамъ на право быть судимыми въ одномъ Посольскомъ приказѣ; но послѣ того возникали челобитныя отъ иноземцевъ: они жаловались, что ихъ попрежнему тягають въ другіе приказы. Поэтому, въ 1664 году подтверждено было распоряженіе 1653 года ³⁾).

Между иноземцами и русскими господствовала неприязнь, переходившая часто въ явныя ссоры. Такъ въ Архангельскѣ, когда иноземные корабли приставали къ берегу и къ нимъ подходили русскіе досчаники и барки, всегда почти между гостями и домашними происходила драка; нерѣдко доходило и до смертоубійства ⁴⁾); это, впрочемъ, не мѣшало врагамъ торговать между собою тайкомъ и вмѣстѣ обманывать правительство ⁵⁾). Болѣе недружелюбны были отношенія иностранцевъ къ начальствовавшимъ лицамъ; послѣднія жаловались, что иноземцы бывають дерзки и не даютъ осматривать своихъ товаровъ. Въ особенности же споры происходили по поводу выбора товаровъ для царской казны, ибо иностранцамъ не позволялось продавать своихъ товаровъ прежде, чѣмъ не сдѣлають выборы для казны. Тогда иноземцы, вопреки требованіямъ начальства продавать въ казну самые лучшіе товары, скрывали ихъ, чтобы тайкомъ продавать въ частныя руки, а чиновникамъ показывали на выборъ товары похуже и назначали высокую цѣну: иноземные торговцы вообще находили, что имъ невы-

¹⁾ Ibid., IV, 18.

²⁾ Полн. Собр. Зак., I, Улож., гл. X.

³⁾ Доп., IV, 339.

⁴⁾ Ibid., 142.

⁵⁾ Ibid., 143.

годно и неприятно было имѣть дѣло съ казною, а еще болѣе съ чиновниками, которые всегда готовы были къ нимъ придратъся. Но въ особенности не терпѣли иноземныхъ торговцевъ русскіе оптовые торговцы-*гости* и богатые *купчины*. Они не могли не скорбѣть, видя, какъ иностранные торговцы отнимаютъ у нихъ хлѣбъ, занимаясь тѣмъ, чѣмъ бы по всѣмъ правамъ, какъ они думали, слѣдовало заниматься русскимъ: скупаютъ русскіе товары у мелкихъ торговцевъ, тогда какъ этотъ скупъ долженъ бы исключительно принадлежать гостямъ, торгуютъ въ розницу, и притомъ или вовсе не платя пошлинъ, или платя ихъ меньше, чѣмъ русскіе, да вдобавокъ не подвергаясь различнымъ повинностямъ, которыя отбывали русскіе торговые и промышленные люди. При Михаилѣ Теодоровичѣ, на Земскомъ Соборѣ 1642 года, гости и торговые люди въ своей сказкѣ жалуются, что нѣмцы, кизильбашцы (персіяне) и всякіе иноземцы торгуютъ всякими товарами, какъ въ столицѣ, такъ и по всѣмъ городамъ и черезъ то *съ городъхъ всякіе люди обнищали* ¹⁾. Въ 1646 году русскіе гости подавали челобитную, въ которой излагали всѣ обстоятельства, вредныя для казны и торговли, проистекающія отъ правъ, которыми пользовались въ Россіи иностранные торговцы. Постигавшія англичанъ обвиненія въ умышенномъ повышеніи и пониженіи цѣнъ на товары для своекорыстныхъ видовъ касались тогда въ болѣе или меньшей степени вообще торговцевъ всѣхъ иностранныхъ націй. Гости хотѣли захватить въ свои руки торговлю. Когда иностранцы, говорили они, приходили единственно въ порты, а не торговали въ Россіи, русскіе товары были дороже, а иностранные дешевле; теперь вышло наоборотъ: русскіе продаются за безцѣнокъ, а иностранные дорожаютъ, и притомъ иностранцы привозятъ къ намъ чтó похуже ²⁾. Такой протестъ гостей, лицъ близкихъ къ правительству и часто служившихъ ему въ торговыхъ и финансовыхъ операціяхъ, мало-по-малу расположилъ правительство въ ихъ пользу и противъ иностранцевъ. По торговому уставу 1653 г. иностранцы, торговавшіе въ Россіи, обложены были высшею пошлиною, чѣмъ русскіе торговцы; именно, вмѣсто десяти денегъ—двумя алтынами съ рубля, кромѣ, однако, Архангельска, да сверхъ того, по четыре деньги съ рубля за товары, которые они повезутъ изъ Россіи къ порту ³⁾. Но еще болѣе ограничены были льготы иностранныхъ торговцевъ, торговавшихъ по Россіи по Торговому уставу 1667 года. Они были обложены по гривнѣ съ рубля (20 денегъ), слѣдовательно, двойною въ сравненіи съ русскими купцами, такъ называемую *пропъжсею* пошлиною, какъ за товары, которые они ввезутъ внутрь государства, такъ и за тѣ, которые будутъ вывозить изъ Россіи за границу; независимо отъ того они должны были платить двухалтынную пошлину съ рубля, наложенную на нихъ уставомъ 1653 года ⁴⁾. Сверхъ того, они обязаны были, пріѣхавъ въ какой-нибудь городъ, продавать свои товары непремѣнно мѣстнымъ купцамъ, и не иначе, какъ оптомъ, равно должны были покупать и вымѣнивать русскіе товары не иначе, какъ у мѣстныхъ торговцевъ, а отнюдь не у пріѣзжихъ; если-жъ бы открылось, что иноземецъ продалъ свой товаръ иногородцу или купилъ русскій товаръ у иногородца, пріѣхавшаго въ городъ, то такой товаръ,

¹⁾ Собр. Г. Гр., III, 395.

²⁾ Акты Арх. Эксп., IV, 16—18.

³⁾ Полн. Собр. Зак., I, 304.

⁴⁾ Ibid., I, 686, 687.

какъ у того, такъ и у другого, отбирался на государя. Имъ запрещалось въ Россіи торговать между собою, за исключеніемъ московскихъ купцовъ иностраннаго происхожденія, которые могли пріѣзжать съ товарами и за товарами во всё армарки и въ порубежные города. Иностранцы не могли торговать въ розницу ни подъ какими условіями. Наконецъ, стѣсняя болѣе и болѣе иноземцевъ въ торговлѣ, уставъ 1667 года постановилъ брать съ нихъ пошлины даже и за тѣ товары, которые они привезли изъ-за границы и уже оплатили, но которые, не бывъ проданы въ Россіи, увозятся за границу снова. Вообще весь этотъ уставъ клонится къ тому чтобъ вытѣснить иностранцевъ изъ торговли внутри Россіи, ограничить ихъ торговыя операціи портами и поставить въ такое отношеніе, чтобъ выгода въ торговлѣ оставалась на сторонѣ гостей, которымъ такимъ образомъ предоставится возможность и свобода захватить въ свои руки оптовую торговлю Россіи ¹⁾. Хотя это слишкомъ ограничило иностранныхъ торговцевъ, но не уничтожило ихъ стремленія къ преобладанію въ русской торговлѣ. Иностранцы были стѣснены во внутренней торговлѣ Россіи, но не отстранены отъ нея. Въ Россіи жили иностранные торговцы, которые были полезны царю, исполняли его порученія, которыхъ нельзя было возложить на гостей, и потому получали особыя права торговать внутри Россіи и съ иностранцами въ Архангельскѣ ²⁾. При посольствахъ отъ европейскихъ государей пріѣзжали торговые люди съ товаромъ, которымъ дозволялось торговать на Посольскомъ дворѣ ³⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ уступалъ гостямъ, потому что они умѣли показать ему, какъ ихъ интересы совпадаютъ съ интересами казны, но дорожилъ торговыми сношеніями съ Европою и не отступалъ отъ своихъ приказаній таможеннымъ начальникамъ: обходиться съ иноземцами вѣжливо и *привѣтъ къ нимъ держать, чтобъ ихъ не отогнать* ⁴⁾. Москвитяне,—замѣчаетъ англійскій посланникъ ⁵⁾,—охотно терпѣли всѣхъ европейцевъ въ своей странѣ, лишь бы они были протестанты; только католики и жиды подвергались изгнанію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Открытіе бѣломорскаго пути произвело важное измѣненіе въ путяхъ и пунктахъ русской торговли. До того времени главнымъ мѣстомъ сношеній съ Европою была Нарва или Иванъ-Городъ (Ругодивъ) на Балтійскомъ морѣ, но послѣ основанія англійской компаніи этотъ портъ началъ упадать и упадалъ болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ развивалась бѣломорская торговля ⁶⁾. Глав-

¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 196—199.

²⁾ Ibid., 491.

³⁾ Полн. Собр. Зак., II, 323.

⁴⁾ Доп., III, 194.

⁵⁾ Carlisle, 73.

⁶⁾ Ст. Сп. Флетч., 16.

нымъ приморскимъ торговымъ городомъ сдѣлались Холмогоры ¹⁾). Здѣсь было первое складочное мѣсто привозныхъ товаровъ ²⁾). Кромѣ того, что преимущество положенія края, прибрежнаго къ судоходной рѣкѣ и близкаго къ морю, благоприятствовало процвѣтанію этого города, вся окрестность его изобиловала многими статьями тогдашняго вывоза: мѣхами, льномъ, шенькою. Охотники привозили въ Холмогоры въ большомъ количествѣ звѣриныя шкуры, изъ Лампожни доставляли оленьи кожи и зубы моржей, съ Сѣвернаго моря — соль и ворвань ³⁾). Англичане избрали этотъ незначительный до того времени городокъ пристанью, построили нѣсколько красивыхъ домовъ по англійскому образцу ⁴⁾ и завели прядильную фабрику, покуная для нея матеріалы въ Россіи, посредствомъ своихъ агентовъ ⁵⁾). Торговля въ Холмогорахъ была преимущественно оптовая и мѣновая; хотя англичане и занимались розничною торговлею въ Россіи, но въ другихъ городахъ. Металлъ принимался въ Холмогорахъ какъ товаръ, а не какъ номинальное выраженіе цѣнности. Если русскій продавалъ англичанину свои товары и получалъ за нихъ звонкую монету, то взвѣшивалъ ее и принималъ по сравненіи вѣса и стоимости съ своими деньгами, тѣмъ болѣе, что въ XVI вѣкѣ и русская монета имѣла значеніе товара, котораго стоимость каждый опредѣлялъ вѣсомъ и достоинствомъ, такъ же какъ и всякую другую вещь ⁶⁾).

Когда Холмогоры были главнымъ торговымъ пунктомъ бѣломорской торговли, далѣе къ устью Двины стоялъ одиноко Архангельскій монастырь; близъ него былъ построенъ англійскій гостиный дворъ, а при немъ четыре дома. Тамъ была первая, вступательная пристань ⁷⁾); тамъ купеческія суда разгружались и оттуда товары на досчаникахъ шли до Холмогоръ, а иногда прямо до Вологды. Въ 1584 году вокругъ монастыря и стоявшихъ около него строеній построенъ городъ, то-есть стѣна, и названъ Архангельскъ ⁸⁾). Вскорѣ въ этотъ новопостроенный городъ перешла холмогорская торговля. Неудивительно, что онъ сдѣлался главнымъ мѣстомъ истока и притока торговли въ Россіи. Многіе купцы изъ торговыхъ городовъ: Москвы, Ярославля, Вологды, Устюга, Костромы, Яренска, Сольвычегодска построили тамъ себѣ дома, нѣкоторые перешли туда на постоянное жительство, оставаясь безвыѣздно въ продолженіе двадцати и тридцати лѣтъ, тогда какъ ихъ агенты (покрученики) закупали по Россіи товары и доставляли къ порту ⁹⁾). Другіе если не жили сами, то завели тамъ дворы, ежегодно посѣщая Архангельскъ въ торговое время. Между тѣмъ, туда же стекались промышленники и съ другихъ сторонъ, какъ, напримѣръ, съ *Мурманскаго* моря съ рыбою и саломъ ¹⁰⁾).

Въ половинѣ XVII вѣка въ Архангельскъ приходило ежегодно отъ три-

¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, 408.

²⁾ Врем., VIII. Торг. кн.

³⁾ Chancellor. Nakl., 280.

⁴⁾ Randolph. Nakl., 422.

⁵⁾ Rich. Gray. Nakl., 338.

⁶⁾ Врем., VIII. Торг. кн.

⁷⁾ Randolph. Nakl., 422.

⁸⁾ Ист. Г. Росс., X, 30. Прим. 135.

⁹⁾ Доп., IV, 143.

¹⁰⁾ Ibid., III, 117.

дцати до сорока купеческих иностранных (английских, голландских, гамбургских, бременских) кораблей ¹⁾). Обыкновенное время торговли было исходить лета, и это время называлось ярмаркою. Было ли прежде положительно определено время начала и окончания этой ярмарки—неизвестно; но в 1663 году иноземцы жаловались, что время для ярмарки в Архангельскѣ очень коротко. Тогда по их просьбѣ установленъ былъ трехмѣсячный срокъ, именно: мѣсяцы июнь, июль и августъ, и притомъ съ тѣмъ, чтобъ послѣ указнаго срока не было торговли в Архангельскѣ. Но в 1664 году русскіе торговцы разныхъ городовъ били челомъ, что иноземные корабли приходятъ в Архангельскъ поздно, къ 15 августа, а русскіе торговцы, рано являясь в Архангельскъ, терпятъ убытки отъ проста, поэтому разрѣшено продолжать архангельскую ярмарку и послѣ 1 сентября до прихода послѣднихъ кораблей ²⁾). В 1667 году время ярмарки опять ограничено первымъ числомъ сентября, подъ тѣмъ предлогомъ, что многія суда, уплывая поздно изъ Архангельска къ Вологдѣ, бывають застигнуты льдомъ и оттого портятся товары ³⁾). Это сдѣлано собственно в видахъ сбереженія царскихъ товаровъ ⁴⁾). То же подтверждено в 1674 году. Но в самомъ дѣлѣ, несмотря на запрещенія, торгъ всегда оканчивался не ранѣе конца сентября. Иностранные купцы, приготовляясь къ отплытію в Архангельскъ, дѣлали в маѣ и июнѣ закупы товарамъ, назначеннымъ в Россію, и потомъ уже отправлялись в Архангельскъ, не ранѣе какъ в половинѣ іюля. Зная это, и московскіе купцы выѣзжали изъ Москвы в Архангельскъ на почтовыхъ во второй половинѣ іюля и никакъ не могли прибыть на мѣсто ранѣе двухъ недѣль. Самый дѣятельный торгъ происходилъ в августѣ, но расплата и расчеты продолжались до конца октября, и это было болѣе всего причиною продолжительности ярмарки. Иностранцы рассчитывали, что они дѣлають оборотъ своего капитала в торговлѣ съ Россіею в теченіе пяти мѣсяцевъ, именно: в маѣ и июнѣ закупають товары, в июль и августѣ привозять в Архангельскъ, а в концѣ сентября возвращають капиталъ съ процентами ⁵⁾). При Теодорѣ Алексѣевичѣ, в 1679 году, разрѣшено продолжать архангельскую ярмарку на безсрочное время, и всѣмъ, которые не успѣють продать и промѣнять своихъ товаровъ во время ярмарки, позволялось сложить ихъ в амбары и лавки и торговать по произволу ⁶⁾).

Каждогодно, вмѣстѣ съ открытіемъ торжища, правительство назначало для него торговое начальство. Главнымъ лицомъ былъ гость, определенный для сбора пошлинъ и управленія торговыми дѣлами; когда ярмарка оканчивалась, то и онъ уѣзжалъ в Москву съ собранною казною и таможенными книгами для отдачи думному дяку Новгородской Чети. Когда начали посылать такихъ начальствовавшихъ лицъ—неизвестно, но обычай этотъ былъ наблюдаемъ уже в царствованіе Михаила Теодоровича ⁷⁾). Подъ начальствомъ гостя было двое таможен-

¹⁾ Кильбург., 154.

²⁾ Доп., IV, 378—379.

³⁾ А. Истор., IV, 517.

⁴⁾ Собр. Г. Гр., IV, 201.

⁵⁾ Кильбург., 154—156.

⁶⁾ Акты Ист., V, 69.

⁷⁾ Полн. Собр. Зак., II, 222.

ныхъ головъ и выборные цѣловальники ¹⁾). Таможенные головы выбирались изъ торговыхъ людей московской гостинной сотни, а изъ цѣловальниковъ двое были изъ гостинной сотни, двое изъ суконной, и сверхъ того еще нѣсколько—*сколько приложе*—изъ мѣстныхъ жителей ²⁾). Но въ 1658 году замѣчено, что цѣловальники послѣдняго сорта выбраны были изъ пахотныхъ людей, ничего не смыслившихъ въ торговлѣ, а потому постановлено впередъ выбирать шесть цѣловальниковъ изъ торговыхъ людей городовъ: Ярославля, Вологды, Устюга, Костромы, Яренска и Сольвычегодска ³⁾). Вскорѣ это число цѣловальниковъ было удвоено. Въ 1667 году постановлено, чтобъ передъ открытіемъ ярмарки гость выѣзжалъ въ Архангельскъ съ однимъ таможеннымъ головою и шестью цѣловальниками, по два человѣка изъ городовъ: Каргополя, Устюга и Сольвычегодска, а другой таможенный голова или товарищъ гостя долженъ былъ ѣхать въ Вологду также съ шестью цѣловальниками, по два человѣка изъ городовъ: Ярославля, Костромы и Вологды, и находиться тамъ во все время нагрузки и сплава въ Архангельскъ купеческихъ судовъ съ товарами, а по окончаніи сплава ѣхать въ Архангельскъ; тамъ все таможенное начальство должно находиться вмѣстѣ въ продолженіе всей ярмарки ⁴⁾). Сверхъ того, имъ придавались подъячіе для веденія торговыхъ дѣлъ и записки пошлинъ ⁵⁾).

Въ Архангельскѣ устроена была корабельная пристань и при ней таможенный дворъ ⁶⁾). Еще въ 1635 году устье Двины съ обѣихъ сторонъ было ограждено стрѣleckими караулами, которые останавливали плывущія суда ⁷⁾). Въ 1667 году всякій иностранный корабль на самыхъ устьяхъ Двины встрѣчалъ шавцы, гдѣ былъ построенъ дворъ. Командиръ плывущаго корабля долженъ былъ объявить находящемуся въ этомъ дворѣ приказному человѣку названіе корабля, имя хозяина, имена торговцевъ, прибывшихъ или посылающихъ свои товары въ Россію на этомъ кораблѣ, и подать росписи самымъ товарамъ. Приказный человѣкъ дѣлалъ съ этой росписи выписку (копію) и отдавалъ шкиперу, а самый подлинникъ оставлялъ у себя; корабль слѣдовалъ къ Архангельску и, ставши на якорь, предъявлялъ копію, данную приказнымъ человѣкомъ, гостю, который записывалъ ее въ книгу, а потомъ дѣлалъ повѣрку, и если бы оказалось что-нибудь лишнее противъ выписи, то отбиралъ это лишнее на государя ⁸⁾). Въ 1689 году начальствовавшій Архангельскомъ и корабельною гаванью стрѣleckій полковникъ долженъ былъ разспросить прибывающихъ черезъ вожей или же таможенныхъ цѣловальниковъ: нѣтъ ли въ той странѣ, откуда они приходятъ, морового повѣтрія, и только послѣ такого разспроса допускать новоприбывшій корабль къ Архангельску. При этомъ слѣдовало каждому кораблю напоминать, чтобъ не бросали песку и каменьевъ, служившихъ балластомъ, въ Двину и не засаривали ея устья ⁹⁾).

¹⁾ Доп., III, 200.

²⁾ Ibid., III, 185.

³⁾ Доп., IV, 143—144.

⁴⁾ Собр. Г. Гр., IV, 191.

⁵⁾ Доп., V, 200.

⁶⁾ Ibid., III, 204.

⁷⁾ Акты Арх. Эксп., III, 391.

⁸⁾ Собр. Г. Гр., IV, 197.

⁹⁾ А. Ист., V, 309.

Какъ только корабль станетъ на якорѣ, таможенное начальство дѣлало осмотръ: нѣтъ ли на кораблѣ пушекъ, огнестрѣльнаго снаряда и военныхъ людей. Если бы отыскалось подобное, то таможенные начальники обязаны сдѣлать допросъ: для чего корабли привели съ собою военныхъ людей и привезли военные снаряды?

Иностранцы легко могли отговариваться тѣмъ, что это дѣлается для предохраненія во время плаванія, но тогда корабль долженъ былъ стоять за устьемъ, а не подходить къ городу ¹⁾. У иностранцевъ, съ нѣсколькими кораблями, приходящими изъ одной и той же страны, былъ одинъ корабль конвойный, вооруженный, и этотъ корабль долженъ былъ не входить въ устье, а стоять въ морѣ ²⁾; но въ 1685 году, по просьбѣ голландцевъ, гамбургцевъ и торговцевъ другихъ націй, позволено было входить въ устье и конвойнымъ кораблямъ ³⁾. Потомъ таможенники пересматривали всѣ товары въ тюкахъ, сундукахъ, кипахъ, считали ихъ и дѣлали *примѣрный вѣсъ*; при этомъ не обходилось безъ споровъ, часто жаркихъ съ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ, въ 1667 году голландцы и гамбургцы жаловались на таможенного начальника гостя Шорина, что онъ ставитъ неправильный вѣсъ, беретъ за модель для вѣса (примѣтываетъ) самые большіе тюки, заключаетъ по ихъ вѣсу о вѣсѣ другихъ, гораздо меньшихъ, и притомъ кладетъ въ вѣсъ веревки, самыя коробки и тюки. Гости имѣли наказъ вѣсить по согласію съ иноземными торговцами, но, однако, примѣняясь, чтобъ государевой казнѣ было *прибыльнѣе*, и такъ, чтобъ можно было взять побольше вѣсовыхъ пошлинъ.

Сообразно вѣсу и счету производима была вмѣстѣ съ цѣловальниками оцѣнка ⁴⁾. Иноземцы должны были объявлять цѣну своимъ товарамъ по совѣсти, и еслибъ оказалось, что они сказали не дѣйствительную цѣну, то ихъ товары отбирались въ казну ⁵⁾. При этомъ товары раздѣлялись на вѣсчіе (вѣсомые) и невѣсчіе (невѣсомые). Тогда спрашивали иноземныхъ торговцевъ: желаютъ ли они оставаться и торговать въ Архангельскѣ или ѣхать далѣе, и, сообразно ихъ отвѣту, облагали ихъ пошлинами. Вопросъ о желаніи ѣхать внутрь государства относился къ тѣмъ, которые на это имѣли право по жалованнымъ грамотамъ.

Торговля съ русскими происходила двумя способами: или на самыхъ корабляхъ безъ разгрузки иностранныхъ товаровъ, или же послѣ разгрузки въ гостиныхъ дворахъ. Русскіе могли подвозить на судахъ свои товары въ гавань, входить на иностранные корабли и тамъ производить мѣновую и покупную торговлю. При такомъ торгѣ должны были присутствовать таможенные головы, а если торгъ былъ не на слишкомъ большія суммы, то цѣловальники ⁶⁾. Таможенные чиновники ходили на иноземные корабли въ сопровожденіи вооруженныхъ служилыхъ людей—сотниковъ съ стрѣльцами—для обереганія русскихъ торговцевъ и для рѣшенія споровъ, которые безпрестанно возникали между рус-

¹⁾ Доп., III, 197.

²⁾ Полн. Собр. Зак., II, 675.

³⁾ Ibid., II, 675.

⁴⁾ Доп., III, 188.

⁵⁾ Собр. Г. Гр., IV, 198.

⁶⁾ Доп., III, 192.

скими и иностранными торговцами; въ случаѣ же важныхъ ссоръ, таможенное начальство обращалось къ воеводѣ ¹⁾).

Когда иностранный корабль хотѣлъ разгрузиться, то объ этомъ объявляли гостю, начальнику таможи, который составлялъ росписи товарамъ, записывалъ каждый товаръ въ книги особою статью, именно, какой товаръ, сколько его и кому принадлежить. Въ 1667 году гостю съ товарищами приказано было смотрѣть, чтобы на иностранныхъ товарахъ, получающихъ право разгрузки, были наложены клейма, съ обозначеніемъ, въ какихъ городахъ эти товары дѣлались и у какихъ фабрикантовъ. Это постановлено было въ предупрежденіе продажи дурныхъ товаровъ и ихъ поддѣлки ²⁾). Для выгрузки иностранныхъ товаровъ, равно какъ и для нагрузки русскихъ на иностранные корабли употреблялись *дригилли*, работники, опредѣленные для такого занятія отъ правительства. Они получали царское жалованье, за которое обязаны были носить царскіе товары, и сверхъ того отъ всякаго подъема съ частныхъ лицъ брали по двѣ деньги ³⁾). Они также стояли у вѣсовъ и взвѣшивали товаръ по требованіямъ. Впослѣдствіи они брали съ торговцевъ заработную плату по взаимному договору, а въ 1680 году было постановлено быть дригилямъ безъ жалованья, а у иноземцевъ брать то, чтѣ дадутъ, безъ уговора ⁴⁾). Выгруженные товары ставились на общемъ гостинномъ дворѣ; но англичане и голландцы имѣли привилегіи держать собственные дворы и амбары. Въ 1649 году какъ на общемъ гостинномъ дворѣ, такъ и на англійскомъ и голландскомъ, поставлены были цѣловальники, бравшіе пошлины съ торга, а съ ними стояли на караулахъ стрѣльцы и дѣти боярскіе, которые должны были смотрѣть, чтобы никто не вносилъ и не выносилъ товаровъ беспошлинно. Эти караульные отнюдь не должны были мѣшаться въ таможенные сборы. Сверхъ того, два цѣловальника стояли у воротъ гостинаго двора и также наблюдали, чтобы никто не вносилъ и не вывозилъ товаровъ, не записавъ въ таможенные книги. До 1658 года караульныхъ на гостинномъ дворѣ назначали воеводы, но оказалось, что воеводы посылали ихъ туда для *кормленья*, что они брали съ русскихъ и иноземныхъ купцовъ поминки и пропускали контрабанду, а если цѣловальнику и удавалось захватить кого-нибудь съ *тайными* товарами, то караульные не допускали вести его въ таможеню, а требовали, чтобы прежде сдѣланъ былъ докладъ воеводѣ, который умышленно протягивалъ дѣло, пока торговцы, давшіе взятки, успѣвали прятать свои товары и такимъ образомъ избавляться отъ преслѣдованія. Поэтому въ 1658 году велѣно было стрѣleckимъ головамъ и сотникамъ отводить пойманныхъ съ контрабандою прямо къ таможенному головѣ, а не къ воеводамъ ⁵⁾).

Вообще торговля какъ на корабляхъ, такъ и въ гостинныхъ дворахъ была оптовая: иностранцамъ запрещено было торговать въ розницу, сукна можно было продавать только кипами и поставами, шелковыя матеріи—косьяками, вѣсиче товары пудами, а питья бочками ⁶⁾). Поэтому такая торговля легко сохраняла

¹⁾ Ibid., III, 197—198.

²⁾ Собр. Г. Гр., IV, 197.

³⁾ Доп., III, 149.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., II, 326.

⁵⁾ Доп., IV, 144.

⁶⁾ Ibid., V, 195.

свой мѣновой характеръ. Съ мѣнового торго брались пошлины такъ же, какъ и съ товаровъ, продаваемыхъ на деньги; мѣнявшіеся товарами должны были объявлять цѣну своихъ товаровъ, и если таможенные начальники замѣчали хитрость, то могли цѣнить товары сами, и притомъ *большую, а не меньшую цѣною* ¹⁾. При всякой торговой сдѣлкѣ иностранецъ обязанъ былъ записывать свой торгъ въ книги и прикладывать свою руку ²⁾. Въ 1667 году, по предложенію иностранца Марселиса, постановлено, чтобъ для каждаго изъ торговавшихъ въ Россіи народовъ—именно, голландцевъ, англичанъ, гамбургцевъ, бременцевъ—былъ въ архангельской таможенѣ особый подъячій, и у него особая книга, гдѣ бы записывалось количество привозимаго товара и получаемая пошлина ³⁾. При запискахъ въ книги покупокъ, продажъ и мѣнъ очень часто происходили недомѣтнія и споры: такъ въ 1665 году голландскіе купцы жаловались, что гости не допускаютъ ихъ записывать въ книги своихъ торговъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы продавцы объявили слишкомъ дешевую цѣну продаваемымъ товарамъ ⁴⁾. Такая же жалоба послѣдовала отъ голландцевъ и гамбургцевъ въ 1685 году. Они жаловались, что гости и товарищи его съ мѣнового торго берутъ пошлины выше той цѣны, которая выставлена въ выписяхъ, данныхъ русскимъ купцамъ на ихъ товары въ тѣхъ городахъ, откуда они ихъ привозили. Но такая жалоба оказалась несправедливою, и правительство приказывало цѣнить товары такъ, какъ они продавались въ Архангельскѣ, принимая во вниманіе издержки провоза отъ того мѣста, откуда ихъ привезли въ Архангельскъ ⁵⁾. При отплытіи иностраннаго корабля за границу хозяинъ его или начальника долженъ былъ явиться въ таможеню, и гости или товарищи его давали ему свидѣтельство (выпись) за таможенною печатью, съ которымъ иностранцы свободно могли пройти черезъ устье въ море. вмѣстѣ съ тѣмъ, таможенное начальство должно было сообщать объ отходѣ кораблей воеводѣ и дьяку; городское начальство обязано было наблюдать за отплывающими, чтобы за ними не оставалось пошлинъ, казенныхъ и частныхъ долговъ ⁶⁾.

Русскіе купцы, привозившіе въ Архангельскъ свои товары на судахъ, должны были прежде всего подать въ таможеню выпись, данную имъ при нагрузкѣ ихъ суденъ въ Вологдѣ, и никто не смѣлъ выносить на берегъ ничего прежде предъявленія этой выписи. Таможенное начальство записывало выпись въ книгу и выдавало *память* на выгрузку, а между тѣмъ, цѣловальники отправлялись на судно и провѣряли: дѣйствительно ли товары въ томъ количествѣ и въ томъ видѣ, какъ записаны въ выписи, и еслибъ оказалось что-нибудь лишнее, то конфисковалось. Впрочемъ, для вѣсовыхъ товаровъ допускался привѣсокъ. Послѣ мѣны или покупки товаровъ и платежа пошлинъ русскій купецъ долженъ былъ записать въ книгу свой торгъ вмѣстѣ съ иностранцемъ, приложить руку и взять отъ таможеннаго начальства выпись за таможенною печатью для представленія въ томъ мѣстѣ, куда его товаръ послѣдуетъ ⁷⁾.

¹⁾ Доп., III, 188.

²⁾ Собр. Г. Гр., IV, 198.

³⁾ Доп., V, 287.

⁴⁾ Ibid., V, 205—206.

⁵⁾ Полн. Собр. Зак., II, 675—677.

⁶⁾ Доп., III, 192; V, 188.

⁷⁾ Собр. Г. Гр., IV, 191—192.

Покупаемые русскими купцами въ Архангельскѣ иностранные товары нагружались въ досчаники, которые иногда принадлежали самимъ хозяевамъ товаровъ, а иногда другимъ лицамъ, занимавшимся судовымъ промысломъ, преимущественно жителямъ Вологды, куда отправлялись товары. До уничтоженія привилегій англійской компаніи ходили досчаники, принадлежавшіе этой компаніи; въ началѣ ихъ было не болѣе трехъ, но въ 1646 году число ихъ возросло до сорока ¹⁾. Хозяинъ товара являлся къ гостю и подавалъ роспись товарамъ, которые онъ хочетъ везти изъ Архангельска; въ росписи означено было его имя и имя владѣтеля судна, на которое нагружали товаръ. Таможенное начальство записывало роспись въ книги, подписывало самый оригиналь, прикладывало къ нему печать, потомъ производило осмотръ, и если все оказывалось вѣрно, то позволяло нагружать судно, а если бы случилось, что товару болѣе, чѣмъ сколько написано въ росписи, то конфисковало лишнее. Такъ какъ часто случалось, что на одно судно складывались товары разныхъ купцовъ, то хозяинъ судна обязанъ былъ составить и принести гостю оптовую роспись всему товару, какой у него на суднѣ. Таможенное начальство подписывало ее, прикладывало печать, свѣряло съ частными росписями товаровъ, принесенными прежде каждымъ изъ купцовъ, и если роспись, представленная хозяиномъ судна, не противорѣчила росписямъ, принесеннымъ хозяевами товаровъ, то судно могло отправляться ²⁾. Непроданные русскіе товары, отправляемые назадъ, не подлежали пошлинамъ, но ихъ слѣдовало заявить въ таможи и записать въ *остальные*. Впрочемъ, купецъ могъ складывать непроданные товары въ Архангельскѣ до будущей ярмарки, но не иначе, какъ взявши на нихъ выписи изъ таможи ³⁾.

Кромѣ Архангельска, торговая пристань на сѣверѣ существовала въ Колѣ, гдѣ поэтому была и таможенный дворъ ⁴⁾. Жители Колы промѣнивали англичанамъ и датчанамъ рыбу на сукна и металлы и возили вымѣненное по морю въ Двину до Холмогоръ, а впоследствии до Архангельска, съ цѣлью промѣнять эти иностранные товары на хлѣбъ ⁵⁾. Въ Кеми ежегодно въ день св. Петра собирався торгъ съ лопарями. Привозили туда англичане, норвежцы, датчане свои товары и промѣнивали лопарямъ на ворвань, мѣха и рыбу. Въ этомъ торгѣ, какъ кажется, датчане имѣли перевѣсъ. Туда присылался таможенный русскій чиновникъ для собранія пошлинъ ⁶⁾. Въ Варужской волости близъ Архангельска производилась торговля рыбою и таможенные головы посылали туда цѣловальниковъ для наблюденія надъ правильнымъ ходомъ торговли и для взятія десятой пошлины ⁷⁾. Нѣкоторые иноземные корабли ходили въ устьѣ Печоры и приставали въ Пустозерскѣ для торговли, но это запрещалось строго, и пустозерскій воевода въ 1664 году получилъ приказаніе не давать иноземнымъ кораблямъ пристанища ⁸⁾. Другіе плавали по берегамъ моря и приставали къ селамъ,

¹⁾ Акты Арх. Эксп., IV, 17.

²⁾ Собр. Г. Гр., IV, 192.

³⁾ Собр. Г. Гр., IV, 192.

⁴⁾ Доп., III, 146; V, 193.

⁵⁾ Ibid., I, 213.

⁶⁾ Fletcher, The Russ. Commonwealth., 185.

⁷⁾ Доп., III, 203.

⁸⁾ Ibid., IV, 343.

вели контрабандную торговлю саломъ, рыбою и кожами ¹⁾, а чтобъ избѣгнуть преслѣдованія, подкупали волостныхъ цѣловальниковъ и брали отъ нихъ выписи, въ которыхъ было написано, что съ нихъ взята пошлина, но сколько и за что именно—не означено; съ такою фальшивою выписью иностранцы являлись въ Архангельскъ и, въ случаѣ придирки къ нимъ со стороны таможенного начальства, отдѣлывались тѣмъ, что показывали выпись. Въ 1667 году было снова подтверждено отнюдь не допускать иноземныхъ кораблей къ какому бы то ни было береговому поселенію, исключая Архангельска и Колы ²⁾. Впрочемъ, недалеко отъ самой корабельной пристани въ Архангельскѣ происходила контрабандная торговля. Иностранные корабли не становились въ гавани, а избирали себѣ мѣсто между островами въ Двинскомъ устьѣ; ночью русскіе на паузкахъ (родъ лодокъ) подплывали къ нимъ съ товарами; иностранцы нагружали ими свои корабли, а русскимъ передавали свои товары. Въ 1646 году, въ предупрежденіе такихъ злоупотребленій, правительство хотѣло устроить на островахъ каменные башни и протянуть черезъ рукава устья желѣзныя цѣпи; но посадскіе, которыхъ, какъ мѣстныхъ жителей, спрашивали объ удобствѣ исполненія проекта, увѣряли, что вовсе не знаютъ удобныхъ для этого мѣстъ; въ самомъ же дѣлѣ они боялись прекращенія контрабанды, которою занимались ³⁾. Въ 1649 году строго постановлено, чтобъ иноземные корабли отнюдь не становились внѣ корабельной гавани ⁴⁾. Въ 1658 году состоялся проектъ устроить пловучія надолобы, которыя были бы замкнуты желѣзными цѣпями, и ставить у надолобъ сильный караулъ изъ стрѣльцовъ, которые денно и ночью должны тамъ стоять, пока продолжается ярмарка, а когда ярмарка окончится, тогда бревна, разомкнувъ, складывать на берегу. Такими же надолобами преднамѣревались оградить самую гавань, чтобъ не допускать русскія суда подплывать къ иноземнымъ ⁵⁾. Этотъ проектъ, вѣроятно, въ нѣкоторой степени исполненъ, какъ видно изъ Торговаго устава 1667 года, гдѣ говорится о шанцахъ и караулахъ. Сверхъ этихъ контрабандныхъ выходокъ иноземцы ставивались съ русскими купцами, нанимали ихъ себѣ приказчиками и, избѣгая таможенной бдительности, отправляли свои товары въ Холмогоры, гдѣ продавали безошлинно, показывая видъ какъ будто бы товары были уже куплены русскими въ Архангельскѣ; въ Холмогорахъ же таможенное начальство состояло изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ цѣловальниковъ, которыхъ назначали изъ Архангельска и съ которыми легко было сладить ⁶⁾. Въ самомъ Архангельскѣ на гостиныхъ дворахъ происходила тайная безошлинная торговля: цѣловальники и дѣти боярскіе, стоявшіе на караулѣ, легко поддавались влиянію взятокъ, которыя имъ давали купцы, и пропускали ихъ товары, неоплаченные пошлиною ⁷⁾. Большія злоупотребленія дѣлались иноземцами, торговавшими внутри Россіи, въ отвозѣ ими товаровъ изъ Архангельска въ Москву, особенно въ первой половинѣ XVII вѣка. Иноземцы отговаривались въ Архан-

¹⁾ Ibid., III, 194.

²⁾ Ibid., V, 197.

³⁾ Доп., III, 61, 62, 203.

⁴⁾ Ibid., III, 204.

⁵⁾ Ibid., IV, 142.

⁶⁾ Ibid., V, 191—194.

⁷⁾ Ibid., III, 194.

гельскѣ, что будутъ платить пошлины въ Москвѣ при продажѣ, брали съ собой больше товаровъ, чѣмъ сколько записывали въ росписяхъ, и на дорогѣ торговали безошлинно. Иные покупали товары у прїѣзжихъ иноземцевъ и сказывались ихъ комиссіонерами, увѣряя, будто бы они везутъ товары не отъ себя, а отъ нихъ. Отпущенные изъ Архангельска, они сбывали эти товары не въ Москвѣ, куда дана имъ проѣзжая грамота, а гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ 1658 году по поводу открывшихся злоупотребленій такого рода велѣно пересматривать въ подробности товары, которые иноземцы повезутъ въ Москву, тогда какъ прежде того ихъ записывали только оптовыми числами ¹⁾. Прїѣзжающіе въ Архангельскъ иноземцы получали предувѣдомленія, что за контрабандную торговлю у нихъ отнимутъ на государя товары, и сверхъ того при многочисленномъ стеченіи народа назовутъ позорнымъ именемъ воровъ ²⁾.

При Михаилѣ Феодоровичѣ воеводы имѣли нѣкоторое вліяніе на торговля дѣла въ Архангельскѣ, но при Алексѣѣ Михайловичѣ они были переданы совершенно въ распоряженіе гостя и его товарищей—таможеннаго начальства. Воеводы не вмѣшивались въ торговля дѣла. Ихъ отношенія ограничивались только тѣмъ, что безъ ихъ вѣдома не долженъ былъ становиться на якорь и отходить иноземный корабль. Но иногда административная власть имѣла болѣе вліянія на торговля дѣла въ Архангельскѣ. Такимъ образомъ, въ 1689 году стрѣлецкій полковникъ Ружинскій, бывъ начальникомъ корабельной гавани, свидѣтельствовавалъ приходившіе корабли, вѣдалъ пошлавную и морскую заставы, разставлялъ у амбаровъ, чулановъ и лавокъ на гостиномъ дворѣ караульныхъ и даже цѣловальниковъ, смотрѣлъ за правильнымъ производствомъ торговли, чтобъ мѣняли и продавали оптомъ, а не въ розницу, чтобъ на гостинныхъ дворахъ не сидѣли съ огнемъ, чтобъ русскіе ночью не вели съ иноземцами контрабандной торговли, и чтобъ иноземцы не плавали по сторонамъ и не покупали тайкомъ русскіихъ товаровъ, а оказавшихся виновными представлялъ воеводѣ въ сѣзжую избу. Ему предоставлено было разбирательство дѣлъ между торговцами, судъ по долговымъ обязательствамъ и взиманіе судебныхъ пошлинъ ³⁾.

Доходъ, доставляемый таможеню казнѣ, до 1689 года не превышалъ суммы 72.000 рублей, ибо въ перечневыхъ росписяхъ этого года говорится, что до такой суммы сборъ не доходилъ въ теченіе двадцати лѣтъ слишкомъ со времени установленія Новоторговаго устава. Въ слѣдующіе затѣмъ годы сумма эта увеличивалась почти до 75.000 рублей (74.936), но потомъ стала упадать, изъ чего можно заключить, что сумму 70.000 р. можно признать среднюю цифрой дохода казны съ архангельской таможни. Сборъ былъ русскими деньгами, золотыми и ефимками. Большая часть сбора употреблялась на мѣстѣ для царскихъ покупокъ и на издержки для содержанія таможни, и вообще гость привозилъ въ Москву небольшую часть сбора въ звонкой монетѣ ⁴⁾.

Кораблеплаваніе въ Архангельскѣ развило особый свойственный краю промыселъ корабельныхъ вожей; это были русскіе лопманы, хорошо знавшіе мѣстность, какъ на морѣ, такъ особенно на Двинѣ. Они нанимались водить суда изъ

¹⁾ Доп., IV, 142—143.

²⁾ Ibid., III, 189.

³⁾ Акты Ист., V, 307—310.

⁴⁾ Перечн. роспись тамож. сбора, хранящ. въ рукоп. въ Румянц. Муз.

моря по Двинѣ до Архангельска, а равно и выводить, и брали за то хорошія деньги. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они дополняли собою полицію, ибо слѣдили за контрабандными поступками и доносили о нихъ. Составляя какъ бы особый, замкнутый въ себѣ самомъ цехъ, вожи долго пользовались монополією, причиняли иноземцамъ большія притѣсненія, вымогали большую плату, выдумывали разныя прищѣпки и придирки, и всячески отстраняли другихъ архангелогородцевъ отъ участія въ кораблеводствѣ, стараясь, чтобъ этотъ промыселъ оставался исключительно за ихъ артелью. Но въ 1671 году правительство позволило всѣмъ безъ исключенія опредѣляться въ лоцманы и договариваться съ иноземцами ¹⁾. Въ 1685 году подтверждено, чтобъ этотъ промыселъ отнюдь не стѣснялся откупамъ и подрядами, но чтобъ каждый, кто хотѣлъ, могъ наниматься у иноземцевъ. Вожи были въ вѣдомствѣ таможеннаго начальства ²⁾.

Морская торговля на Сѣверномъ океанѣ совершалась исключительно на иностранныхъ корабляхъ: русскіе если и отпраплялись за границу этимъ путемъ, что, впрочемъ, случалось очень рѣдко, то на отходящихъ чужеземныхъ судахъ. Проектъ построенія русскаго купеческаго флота явился, какъ кажется, не ранѣе 1666 года, по предложенію служившаго въ Россіи иноземца Густава фонъ-Кемпена ³⁾. Но онъ остался проектомъ.

На востокъ отъ Двины, на одномъ изъ острововъ Мезеня—Лампоженскомъ, попрежнему производился торгъ въ селеніи Лампожнѣ, съ самоѣдами, югрою и другими сѣверовосточными иноземцами. Послѣ прибытія англичанъ, какъ видно, въ Лампожнѣ было двѣ ярмарки въ годъ; на нихъ сѣзжались купцы изъ Холмогоръ и другихъ городовъ съ сукнами, оловянною и мѣдною посудю и проч. и привозили оттуда кожи, мѣха и рыбій зубъ. Путь отъ Холмогоръ до Лампожни производился на оленяхъ ⁴⁾.

Изъ Архангельскаго порта водяной торговый путь шелъ по Двинѣ до Устья Великаго, а оттуда Сухоною и Вологдою до города Вологды. Этотъ путь заключалъ въ себѣ тысячу сто верстъ и проходилъ мимо торговыхъ городовъ: Холмогоръ, Устьяга, Сольвычегодска и Тотмы ⁵⁾. Изъ этихъ городовъ Тотма при Михаилѣ Феодоровичѣ и Алексѣѣ Михайловичѣ сдѣлалась мѣстомъ значительной продажи заграничныхъ товаровъ и обмѣна сибирскихъ ⁶⁾. Плаваніе отъ Архангельска до Вологды совершалось въ досчаникахъ, насадахъ и болѣе мелкихъ судахъ, смотря по грузу. Досчаникъ имѣлъ до десяти сажень и болѣе ⁷⁾. Обыкновенные русскіе насады, плававшіе по Двинѣ и Сухоиѣ, были длинныя и широкія плоскодонныя суда, сверху покрытыя. Они шли надъ водою не выше четырехъ футовъ; для легкости при постройкѣ въ нихъ вовсе не клали желѣза: все было сдѣлано изъ одного дерева. При попутномъ вѣтрѣ употреблялись паруса, но въ противномъ случаѣ плаваніе было очень затруднительно, особенно когда плыли противъ теченія, тогда гребная работа оказывалась недостаточною;

¹⁾ Акты Ист., IV, 477.

²⁾ Полн. Собр. Зак., II, 675.

³⁾ Собр. Г. Гр., IV, 179.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр., 1856, II, Отд. V, 94—95.

⁵⁾ Накл., 408.

⁶⁾ Доп., III, 105.

⁷⁾ А. Арх. Эксп., I, 432.

къ носу судна привязывали длинные канаты, иногда ихъ привязывали къ бревнамъ; люди, идя по берегу, тянули судно вверхъ по рѣкѣ¹⁾. Это составляло промыселъ рабочихъ людей, которые по этому толпами собирались на берегахъ и занимались у судохозяевъ. Иногда нужно было до трехсотъ человекъ, чтобъ тянуть большое нагруженное судно. Лошадей не употребляли. Во время плаванія судовъ нерѣдко случались несчастія отъ неловкости и непредусмотрительности. Во время путешествія Карлейля англичане были свидѣтелями, какъ двѣ барки столкнулись вмѣстѣ и при этомъ утонуло семь человекъ²⁾.

Вологда послѣ Архангельска была важнѣйшимъ мѣстомъ сѣвернаго края. Англичане, по открытіи Бѣломорскаго пути, угадали важность этого города и хотѣли сдѣлать его средоточіемъ торговли. Отсюда былъ удобный путь въ Холмогоры водою³⁾. Вологда въ XVI вѣкѣ сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ англійскихъ товаровъ⁴⁾, и до построения Архангельска самымъ главнымъ, ибо товары, нагружаясь въ устьѣ Двины съ кораблей на суда, шли прямо въ Вологду, и весь путь по Двинѣ и Сухонѣ былъ исключительно въ рукахъ англичанъ⁵⁾. Англичане обратили особенное вниманіе на русскій ленъ, какъ на главный продуктъ вывоза; а какъ страна около Вологды особенно производила ленъ, то это тѣмъ болѣе утвердило ихъ въ намѣреніи основать въ Вологдѣ главный торговый пунктъ. ибо ленъ до того времени стекался въ Новгородъ, гдѣ англичане должны были выдерживать конкуренцію съ торговцами другихъ городовъ, между тѣмъ какъ въ Вологдѣ они были исключительно господами этой торговли. Вслѣдъ за льномъ большая часть и другихъ товаровъ шла въ Вологду; равномѣрно и ввозимые товары, на которые вымѣнивались русскіе, можно было всего удобнѣе найти въ этомъ городѣ. Такимъ образомъ, быстро процвѣтавшая Вологда подрывала старый Новгородъ⁶⁾. Въ XVI вѣкѣ въ Вологдѣ были деревянныя строенія и городъ не отличался ни красотою, ни многолюдствомъ⁷⁾; но въ половинѣ XVII вѣка англичане находили его большимъ и многолюднымъ⁸⁾. Онъ былъ обилень каменными домами, и самые вологодцы приобрѣли себѣ славу каменщиковъ и кирпичниковъ.

Послѣ построения Архангельска Вологда сдѣлалась перевозочнымъ путемъ между Москвою и внутренностью Россіи съ одной стороны и Архангельскомъ и Европою съ другой. Въ продолженіе зимы товары на санныхъ подводахъ стекались въ Вологду со всей Россіи⁹⁾. Это было самое дѣятельное время года для Вологды¹⁰⁾. Товары приходили преимущественно изъ Москвы, но также изъ Ярославля и Костромы¹¹⁾. Эти товары лежали въ Вологдѣ въ складкѣ до полой

1) Jenkins. Hakl., 348.

2) Carlisle, 27—36.

3) Hasse, Hakl., 287.

4) Killingsworth, Hakl., 293.

5) Паф. Барбер., 40.

6) Hasse, Hakl., 287.

7) Jenkins. Hakl., 349.

8) Carlisle, 38.

9) Собр. Г. Гр., IV, 191.

10) Carlisle, 38.

11) Собр. Г. Гр., IV, 191.

воды; съ наступленіемъ навигаціи начиналась ихъ нагрузка въ досчавики и насады и отправка до Архангельска. Обыкновенная плата за провозъ съ пуда была 15 коп. ¹⁾. Равнымъ образомъ, въ Вологду пріѣзжали иностранцы и дѣлали большой закупъ для отправки въ Архангельскъ ²⁾. Весною пріѣзжалъ въ Вологду одинъ изъ товарищей гостя начальника таможи въ Архангельскѣ, обыкновенно одинъ изъ членовъ московской суконной сотни, а съ нимъ цѣловальники отъ торговыхъ городовъ. Они наблюдали за нагрузкою товаровъ. Товары въ бочкахъ, кипахъ, ящикахъ и т. п. нагружались на суда, а таможенный начальникъ подписывалъ роспись товарамъ, отправляемымъ съ судномъ, по которой судно могло разгружаться у Архангельска ³⁾.

На время ярмарки въ Архангельскѣ Вологда теряла свой торговый характеръ, но пріобрѣтала его снова, когда досчавники и насады прибывали съ грузомъ *заморскихъ* товаровъ. До половины XVII вѣка таможня въ Вологдѣ устраивалась только временно на лѣто. Пользуясь этимъ, иностранцы пріѣзжали зимою въ Вологду и покупали тамъ русскихъ товаровъ, которые съ намѣреніемъ были оставляемы въ городѣ. Иностранцы покупали ихъ и отправляли по льду и, такимъ образомъ, избѣгали платежа пошлинъ. Но правительство, узнавъ о такомъ злоупотребленіи, оставляло цѣловальниковъ постоянно на зиму ⁴⁾. Тогда зимній провозъ контрабандныхъ товаровъ до Архангельска сталъ опасенъ, а провозить ихъ, оплачивая пошлинами, не представляло выгоды, ибо за провозъ зимнимъ путемъ платили по 25 к. съ пуда и болѣе ⁵⁾. Зимній путь остался господствующимъ для товаровъ, отправляемыхъ изъ Вологды въ Москву и обратно ⁶⁾. Нѣкоторые же, поспѣвая, отправляли товары и осенью, если успѣвали рано воротиться изъ Архангельска; но колесный путь сопряженъ былъ съ большими затрудненіями по причинѣ дурныхъ дорогъ ⁷⁾. Ранѣе другихъ товаровъ отправлялись царскіе товары, купленные въ Архангельскѣ для царскаго обихода, и они ранѣе всѣхъ доходили до Москвы, ибо ихъ возили на ямскихъ и земскихъ подводахъ, чтѣ составляло повинность жителей ⁸⁾.

Торговый путь изъ Вологды въ Москву лежалъ на Ярославль, Ростовъ, Переяславль ⁹⁾. По этой дорогѣ устроено было четырнадцать ямовъ ¹⁰⁾. Каждый ямъ отстоялъ отъ другого на тридцать и на сорокъ верстъ. О скорости зимняго пути на этой дорогѣ можно судить по тому, что Дженкинсонъ выѣхалъ изъ Вологды 1 декабря, а прибылъ въ Москву 6 того же мѣсяца ¹¹⁾. Карлейль говоритъ ¹²⁾, что между Вологдою и Москвою въ его время было только три пере-

¹⁾ Кильбург., 156.

²⁾ Доп., IV, 141.

³⁾ Собр. Г. Гр., IV, 191.

⁴⁾ Доп., IV, 141.

⁵⁾ Кильбург., 140.

⁶⁾ Раф. Варбер., 40.

⁷⁾ Killingsworth. Hakt., 293.

⁸⁾ Доп., III, 205—206.

⁹⁾ Hakt., 408.

¹⁰⁾ Ibid.

¹¹⁾ Jenkins. Hahl., 349.

¹²⁾ Carlisle, 50.

мѣны лошадей: въ Ярославль, Переяславль и Троицкъ, и англійское посольство ѣхало отъ Вологды до Москвы семнадцать дней. Впрочемъ, торговцы везли свои товары на ямахъ только по особымъ привилегіямъ; обыкновенно товары отправлялись обозами, только царскіе товары, какъ выше сказано, поспѣвали на перемѣнныхъ подводахъ. Однако, самые обозы ѣхали не мѣшкотно: они дѣлали отъ пятидесяти до семидесяти верстъ въ одну упряжку ¹⁾). Лѣтній путь по этой дорогѣ былъ очень затруднителенъ, по причинѣ лѣсовъ, болотъ и дурныхъ дорогъ ²⁾). Поэтому существовалъ другой путь, по которому представлялось болѣе возможности совершить лѣтнее путешествіе по водѣ. Герберштейнъ говоритъ, что ѣхали сухопутьемъ изъ Москвы въ Ростовъ, а оттуда водою, то-есть, Которостью, Волгою и Костромою, переходили семь верстъ волокомъ и входили въ какую-то небольшую рѣку (вѣроятно Лежу) и такимъ образомъ доходили до Вологды и Сухоны ³⁾). Независимо отъ Москвы, многіе товары изъ Архангельска отправлялись въ Ярославль, а оттуда сплавлялись въ Нижний, а равно изъ Нижняго стекались въ Ярославль и изъ Ярославля отправлялись въ Вологду. Такъ сбывались иностранцамъ разныя произведенія восточнаго края—кожи, овчины, икра, рыба, известъ ⁴⁾).

Москва была средоточіемъ торговой дѣятельности для всей Россіи. Значеніе ея возвышалось тѣмъ, что правительство само занималось торговыми операціями, и самъ царь, какъ выразился одинъ англичанинъ, былъ первый купецъ въ Россіи. Царская казна получала лучшіе узорочные товары, металлическія вещи и всякія драгоценности; все, чтѣ европейцы привозили лучшаго въ Россію, шло въ царскую казну. Лучшіе русскіе мѣха и, сверхъ того, разные продукты сѣвера, напримѣръ, моржовая кость и проч. были достояніемъ казны. Цари жаловали изъ своихъ сокровищницъ товарами и продавали ихъ иноземцамъ и русскимъ. Въ Москвѣ жили знатные и богатые, слѣдовательно, большая часть привозныхъ товаровъ сбывалась въ столицѣ. Изъ Москвы отправляемы были въ провинціи на службу начальники и служилые люди и дѣлали себѣ закупы. Въ Москвѣ жили богатѣйшіе оптовые торговцы—гости и гостинные люди, и потому значительнѣйшая часть вывозныхъ товаровъ собиралась здѣсь для слѣдованія къ Архангельскому порту. Сильная правительственная централизація, соединявшая всю Россію, отразилась и на торговлѣ: торговля всей Россіи управлялась Москвою; Москва давала ей вѣсь, мѣру, монету, направленіе. Московскіе гости и торговые люди были ближе къ правительству, чѣмъ торговцы другихъ городовъ, и потому переходъ въ московскіе списки торговыхъ людей изъ другихъ городовъ былъ почетенъ и совершался не иначе, какъ по милости правительства ⁵⁾). Всѣ эти обстоятельства условливали торговый характеръ русской столицы. Торговля Москвы не теряла своей дѣятельности круглый годъ, но вообще оживлялась зимой, послѣ привоза свѣжихъ заграничныхъ товаровъ изъ Архангельска. Иностранные торговцы—греки, персы, армяне, шведы, поляки, англичане посѣщали столицу. Нѣмцы составляли значительную часть въ народонаселеніи. Впрочемъ,

1) Das Grosse Reich von Moscovien, 179.

2) Herberst., 53.

3) Ibid., 77.

4) Доп., III, 145.

5) Акты Ист., IV, 65.

въ числѣ знатныхъ торговцевъ въ 1674 году было не болѣе десяти нѣмецкихъ семействъ. Такъ какъ русская торговля была большею частью мѣшковая, то это было, по замѣчанію одного иностраннаго купца ¹⁾, въ числѣ причинъ, что въ Москвѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича можно было купить произведенія Италіи, Франціи, Германіи, Турціи, Персіи почти за ту же цѣну, какъ въ ихъ отечествѣ, и это побуждало чужеземцевъ, посѣщавшихъ русскую старую столицу, называть ее счастливѣйшимъ мѣстомъ въ мірѣ.

Вся столица наполнена была признаками торговли, и ея особенность, поражавшая иностранцевъ, состояла въ томъ, что для каждаго рода товаровъ въ Москвѣ были особые ряды и рынки. Средоточіемъ московской торговли въ XVII вѣкѣ былъ Китай-городъ, обнесенный красною стѣною; внутри этой стѣны вовсе не было домовъ—находились одни ряды лавокъ. Въ тысяча шестьсотъ семидесятыхъ годахъ онѣ были по большей части каменные; однѣ принадлежали казнѣ и отдавались въ оброчное содержаніе, а другія составляли собственность частныхъ лицъ. Тамъ было три гостинные двора: Старый, Новый и Персидскій. Новый дворъ былъ большое четырехугольное каменное зданіе, двухъэтажное, въ верхнемъ и нижнемъ ярусахъ помѣщались лавки со сводами. Онъ построенъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1662 году. Въ срединѣ зданія находился большой дворъ въ сто восемьдесятъ квадратныхъ футовъ, гдѣ посрединѣ висѣли большіе городскіе вѣсы. Этотъ внутренний дворъ обыкновенно былъ въ родѣ биржи, ибо торговые люди приходили сюда для сдѣлокъ. Зимомъ онъ былъ загроможденъ саними съ товарами до такой стѣны, что невозможно было просунуться. Лавки принадлежали казнѣ и отдавались въ оброчное содержаніе отъ 18 до 25 руб. въ годъ. Нѣкоторыя же лавки были съ царскими товарами и открывались для торговли въ извѣстные времена. Старый гостинный дворъ былъ не такъ наряденъ, какъ Новый, и лавки отъ казны отдавались дешевле, напримѣръ, отъ 6 до 12 р. въ годъ ²⁾. Въ этомъ дворѣ продавались большею частью оптомъ мелкіе товары ³⁾. Третій гостинный дворъ назывался Персидскій, и назначенъ былъ исключительно для персидскихъ товаровъ. Тамъ было двѣсти сводообразныхъ лавокъ, гдѣ сидѣли персіяне, армяне и русскіе. Прежде продажѣ персидскихъ товаровъ на Персидскомъ дворѣ была дѣломъ казны, и для этого сидѣли въ лавкахъ гости и ихъ приказчики, которымъ довѣрялась казенная продажа, но потомъ торговля разрѣшена каждому русскому ⁴⁾. Надъ самой Неглинной находился Шведскій гостинный дворъ ⁵⁾. На Срѣтенской улицѣ въ XVI вѣкѣ были два гостинные двора: Литовскій и Армянскій ⁶⁾. Греки торговали на особомъ Греческомъ дворѣ, а у св. Максима Исповѣдника (на Варваркѣ), до уничтоженія привилегіи англійской компаніи, былъ знаменитый Англійскій дворъ—средоточіе европейской торговли для Россіи въ свое время. Сверхъ того, Посольскій дворъ, гдѣ останавливались иноземныя посольства, пріѣзжавшія къ царю, былъ также мѣстомъ торговли: въ свитѣ посланниковъ обыкновенно прибывали купцы съ то-

¹⁾ Кильбург., 176.

²⁾ Кильбург., 175—177.

³⁾ Das Gr. Reich v. Moscov., 118.

⁴⁾ Кильбург., 127.

⁵⁾ Das Gr. Reich v. Moscov., 119.

⁶⁾ Акты Ист., II, 19.

варами и вели съ русскими торговлю на Посольскомъ дворѣ ¹⁾. На гостинныхъ дворахъ торговали только оптомъ и вообще большими партіями; всѣ пріѣзжіе обязаны были складывать свои товары единственно въ гостинныхъ дворахъ, нанимая тамъ лавки и амбары ²⁾.

Розничная продажа товаровъ происходила въ *рядахъ*, и этихъ рядовъ было много въ Москвѣ, потому что каждому товару назначенъ былъ свой рядъ и свое мѣсто. Вблизи рынка, называемаго *Вшивымъ*, былъ доскутный рядъ или ветошный ³⁾. Но это названіе не шло къ нему, потому что тамъ можно было покупать очень цѣнныя вещи ⁴⁾. Неподалеку отъ Кремля былъ Охотный рядъ, гдѣ продавались съѣстные припасы и живыя животныя. Были ряды: горшечный, пряничный ⁵⁾, птичій, харчевой ⁶⁾, калачный, крашенинный ⁷⁾, суконный, сапожный, шапочный ⁸⁾, свѣчной ⁹⁾, коробейный ¹⁰⁾, соляной, медовый, восчаный ¹¹⁾, домерный, гдѣ продавались бубны, домры и барабаны, сурожскій, гдѣ, между прочимъ, продавались шелковыя матеріи ¹²⁾, житный и мучной ряды ¹³⁾. Послѣдніе въ первой половинѣ XVII вѣка находились въ той части города, которая называлась Царь-городъ; здѣсь же преимущественно жили хлѣбники и калачники съ своими мастерскими; здѣсь же были мясныя скамьи, гдѣ продавалось мясо; около нихъ былъ рынокъ, куда пригонялся скотъ, назначенный для убоя; тутъ же стояли царскіе кружечные дворы съ питьемъ ¹⁴⁾. Въ Китай-городѣ былъ *сѣвжій рыбный рядъ* ¹⁵⁾. Наконецъ, всѣ ремесленники, серебряники, мѣдники, скорняки, продавцы румянъ и даже кнутовъ и тростей имѣли свои особые ряды въ Москвѣ ¹⁶⁾. Улица отъ Персидскаго двора до Москвы-рѣки шла мимо овощнаго ряда, гдѣ торговали всякаго рода овощами лѣтомъ въ лавкахъ, а зимою въ погребахъ; она упиралась въ Рыбный рынокъ, находившійся на берегу Москвы-рѣки противъ Козьяго болота. Зимомъ здѣсь лежала горами замороженная рыба, привезенная на саяхъ изъ Новгорода, Ярославля, Астрахани и другихъ мѣстъ. Лѣтомъ въ этомъ мѣстѣ вонь была до того нестерпима, что иностранецъ не могъ пройти мимо, не зажимая себѣ носа, но русскіе, по замѣчанію иноземцевъ, не чувствовали этого вовсе ¹⁷⁾. Впрочемъ, не только здѣсь, но и въ Китай-городѣ, средоточіи московской торговой дѣятельности, была грязь и нестерпимая вонь ¹⁸⁾.

¹⁾ Полн. Собр. Зак., II, 323.

²⁾ Ibid.

³⁾ Акты Ист., III, 343.

⁴⁾ Кильбург., 180.

⁵⁾ А. Ист., V, 35.

⁶⁾ Ibid., III, 108.

⁷⁾ Временн., XIII, Расх. Кн. Никона, 5, 8.

⁸⁾ Расх. Кн. Никона, 8, 60.

⁹⁾ Ibid., 19.

¹⁰⁾ Ibid., 34.

¹¹⁾ Полн. Собр. Зак., II, 323.

¹²⁾ Расх. Кн. Ник., 8, 12, 34.

¹³⁾ Полн. Собр. Зак., II, 326.

¹⁴⁾ Olear., 147.

¹⁵⁾ А. И., III, 286.

¹⁶⁾ Olear., 147.—Кильбург., 52.

¹⁷⁾ Кильбург., 60—64.

¹⁸⁾ А. И., III, 117.

Передъ Кремлемъ, на Красной площади, находился главный рынокъ, гдѣ можно было закупать всякія домашнія потребности ¹⁾. Этотъ рынокъ постоянно былъ наполненъ и торгующими и праздношатающимися. Вблизи полукруга, устроеннаго для торжественныхъ церемоній во время праздника Входа Иисуса Христа въ Іерусалимъ, было особое мѣсто, гдѣ женщины продавали свои издѣлія домашней работы ²⁾. Около самаго Кремля было разставлено множество *шалашей, рундуковъ, скамей, вековъ*, гдѣ мелочные торговцы торговали всякой всячиной; то же встрѣчалось и по другимъ улицамъ и переулкамъ; но при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ было приказано ихъ снести, потому что они загораживали дорогу проѣзжимъ и подрывали торговлю въ рядахъ ³⁾. Вблизи главнаго рынка былъ рядъ винныхъ погребовъ: въ концѣ XVII вѣка иностранцы насчитывали ихъ до двухсотъ: въ однихъ продавались иноземныя вина, въ другихъ меды и проч. ⁴⁾. Нѣкоторыя лавки и торговыя помѣщенія принадлежали частнымъ лицамъ, другія—казнѣ и отдавались въ оброкъ изъ Большаго прихода торговымъ людямъ съ грамотою, въ которой прописывались правила, какъ пользоваться ими ⁵⁾.

Базары въ Москвѣ происходили обыкновенно по средамъ и пятницамъ. Лѣтомъ они отправлялись на большомъ рынкѣ, близъ церкви Василія Блаженнаго, а зимою на льду ⁶⁾. Во время торговаго сходбища тамъ была чрезвычайная давка, и надобно было, идя по базару, держать руки въ карманахъ ⁷⁾. Въ Москвѣ, кромѣ рынковъ Главнаго и Рыбнаго, было нѣсколько другихъ рынковъ или торжковъ преимущественно надъ рѣкою у пристаней, гдѣ останавливались суда. Такимъ образомъ, существовало нѣсколько хлѣбныхъ и сѣнныхъ торжковъ ⁸⁾. У Яззы былъ древесный рынокъ, на которомъ продавались лѣсъ, дрова и готовые срубленные избы: этотъ послѣдній промыселъ распространился въ Москвѣ отъ непрерывныхъ пожаровъ ⁹⁾. На Ивановской площади происходилъ торгъ людьми; русскіе продавали плѣнниковъ своимъ и чужимъ и совершали купчія крѣпости, которыя писались площадными подъячими ¹⁰⁾. Важное мѣсто въ московской торговлѣ занимаетъ близъ города конская площадка, гдѣ продавались пригонныя лошади, особенно татарскія, которыхъ изъ Астрахани въ Москву пригоняли ежегодно до 36.000 ¹¹⁾.

Если мы къ этому прибавимъ, что по всей Москвѣ были разсыяны мелкія лавки, то легко себѣ представить торговый характеръ старой столицы, который не покидалъ ее даже и въ праздники, ибо, несмотря на благочестіе русскихъ, они даже и въ праздничные дни не переставали торговать; но зато каждый день, и въ праздники, и въ будни, послѣ обѣда, лавки запирались, а передъ

¹⁾ Das Gr. Reich v. Moscov., 119.

²⁾ Olear. Reisebeschr., 147.

³⁾ Полн. Собр. Зак., II, 76.

⁴⁾ Das Grosse Reich v. Mosc., 118.

⁵⁾ Улож., гл. XVIII, § 9.

⁶⁾ Jenkins. Nakl., 350.—Das Gr. Reich v. Mosc., 119.

⁷⁾ Кильбург., 180.

⁸⁾ Полн. Собр. Зак., II, 326—328.—Das Gr. Reich v. Mosc., 120.

⁹⁾ Olear., 149.

¹⁰⁾ Собр. Г. Гр., IV, 145.

¹¹⁾ Главинихъ. У Мейерб. Аделунга, 167.

лавочками лавочники лежали на улицѣ: вся Москва спала мертвымъ сномъ послѣ каждаго обѣда ¹⁾).

Изъ Москвы шло шесть торговыхъ путей: одинъ вологодскій, о которомъ мы говорили; за нимъ слѣдуютъ: новгородскій, поволжскій, сибирскій, смоленскій и украинскій. Новгородскій путь лежалъ черезъ Тверь, Торжокъ, Вышній-Волочокъ и Валдай на разстояніи 435 верстъ ²⁾).

Несмотря на то, что открытіе бѣломорскаго пути подрывало значеніе Новгорода, онъ долго еще оставался болѣе или менѣе значительнымъ торговымъ городомъ. При началѣ двинской торговли англичане нашли Новгородъ большимъ и многолюднымъ городомъ, не менѣе Москвы ³⁾. Онъ имѣлъ свою монету и это право оставалось у него еще долго: послѣ возвращенія отъ шведовъ, при Михаилѣ Феодоровичѣ, въ Новгородѣ былъ устроенъ денежный дворъ ⁴⁾. Когда англичане привозили и увозили товары черезъ Вологду, русскіе купцы торговали съ нѣмцами и шведами и возили товары черезъ Новгородъ въ Нарву ⁵⁾ и Ниенъ (С.-Петербургъ). Во второй половинѣ XVI вѣка въ Новгородѣ было четыре гостинныхъ двора: 1) на Торговой сторонѣ, 2) на Софійской, 3) на Псковской, 4) на Тверской ⁶⁾. Дворъ на Торговой сторонѣ былъ исключительно предоставленъ нѣмцамъ, и, обнесенный острогами, представлялъ видъ твердыни ⁷⁾. Сверхъ того въ XVII вѣкѣ въ Новгородѣ былъ особый дворъ для чухновъ и латышей, пріѣзжающихъ изъ Орѣшка, Яма, Копорья ⁸⁾. Тяжелые товары складывались въ гостинныхъ дворахъ за городомъ, а легкіе въ тѣхъ, которые были устроены въ городѣ ⁹⁾. Гостинные дворы находились въ завѣдованіи головъ, которые смотрѣли за порядкомъ, начальствовали надъ дворниками и производили судъ между становившимися на гостинныхъ дворахъ какъ русскими, такъ и иноземцами ¹⁰⁾. Сельскія произведенія—сѣбствыя припасы, сѣно, овесъ, кожи, уголь, соль, хлѣбъ въ зернѣ, лѣсъ и проч. привозились на судахъ, а потому въ Новгородѣ существовали главныя пристани: у Ильинской улицы, у Ивановской улицы, подъ рыбнымъ рядомъ и подъ Псковскимъ дворомъ ¹¹⁾. На этихъ пристаняхъ могли вести торговлю не разгружаясь ¹²⁾. Въ гостинныхъ дворахъ торговля производилась оптовая, и пошлины, означаемыя въ граматахъ, касались объемистыхъ партій, напримѣръ, тысячей и сотенъ мѣховъ, кадей, лунки, пудовъ и тому подобное; равномѣрно сукна и матеріи продавались большими штуками, поставами и косяками ¹³⁾. Въ гостинномъ дворѣ въ Новгородѣ, какъ и въ Москвѣ, пріѣзжимъ предоставлялась торговля исключительно; поэтому существованіе нѣсколькихъ гости-

¹⁾ Olear., 206.

²⁾ Накл., 408.—Врем., XIII, Расх. Кн. Никона, 2—4.

³⁾ Шацелог, Накл., 28.

⁴⁾ Врем., III, Разр. Кн., 81.

⁵⁾ Доп., I, 124.

⁶⁾ А. Арх. Эксп., I, 398.

⁷⁾ Врем., III, Разр. Кн., 77.

⁸⁾ Ibid., 75.

⁹⁾ Ibid., 79.

¹⁰⁾ Ibid., 75.

¹¹⁾ А. Арх. Эксп., I, 401.

¹²⁾ Ibid., 326—327.

¹³⁾ Собр. Гос. Гр., IV, 196—197.

ныхъ дворовъ показываетъ, что Новгородъ былъ складочнымъ мѣстомъ торговли произведеній края и что съ разныхъ сторонъ торговцы привозили для сбыта скупленные ими въ своихъ городахъ русскіе товары и скупали въ Новгородѣ для своихъ городовъ иностранные. Мѣстные купцы возили свои оптовые товары къ себѣ въ дворы, гдѣ у нихъ были построены амбары и лавки. Подобно какъ въ Москвѣ, и въ Новгородѣ были также *ряды*, гдѣ находились въ связи между собою лавки, предназначенныя для продажи какого-нибудь одного товара, какъ, напримѣръ, были ряды: *саадашнѣй*, гдѣ продавалось все, что касалось до вооруженія, рядъ *стдельнѣй*, гдѣ можно было купить все, что относилось до верховой ѣзды, *серебрянѣй*, *иконнѣй*, *суконнѣй*, въ которомъ продавались сукна и матерія, и гдѣ были лавки богатѣйшихъ гостей; рядъ *книжнѣй*, гдѣ сидѣли попы и дьяконы ¹⁾. Сверхъ того, по всему посаду встрѣчались лавки съ мелочнымъ товаромъ, и самый мостъ на Волховѣ въ XVI вѣкѣ былъ застроенъ лавками и жилищами при нихъ ²⁾. Было въ Новгородѣ нѣсколько торговыхъ площадей, гдѣ торговали лѣсомъ, сѣномъ, лошадьми ³⁾; разнаго рода промышленники, напримѣръ, квасники, рукавичники, желѣзники, скорняки, саножники, холщевники ⁴⁾ торговали своими произведеніями при своихъ мастерскихъ. Изъ иностранныхъ торговцевъ многіе часто посѣщали Новгородъ; другіе жили тамъ постоянно: то были нѣмцы, шведы, литвины. Права ихъ въ XVII вѣкѣ, между прочимъ, были ограничены тѣмъ, что они не могли входить въ каменный городъ, и торговали только въ земляномъ. Въ 1632 году хотя позволено было имъ ходить и въ каменный, но для домашнихъ дѣлъ, а не для торговли ⁵⁾. Новгородцы также посѣщали заграничные края для торговыхъ цѣлей. Борисъ Фѣдоровичъ дозволилъ всѣмъ новгородскимъ людямъ ѣздить въ нѣмецкіе и литовскіе города ⁶⁾. Въ XVII вѣкѣ бывали частыя поѣздки торговцевъ изъ Новгорода за границу, и не только сами новгородцы, но оставковцы, ярославцы, москвичи, отправляя товары за границу, должны были везти ихъ черезъ Новгородъ ⁷⁾ и возвращаться черезъ него назадъ. Нерѣдко изъ Москвы нанимали извозчиковъ большими обозами черезъ Новгородъ вплоть до Нарвы, съ платою по 16 коп. съ пуда. Эти обозы состояли изъ множества сапей, запряженныхъ каждая въ одну лошадь; на каждыя сани взваливали по три берковца московскаго вѣса, а если товаръ былъ очень тяжелъ, то по три берковца нарвскаго.

Война Ливонская и лишеніе Балтійскаго моря не могли оставаться безъ вредныхъ послѣдствій для торговаго значенія Новгорода, которое и безъ того страдало отъ англійской конкуренціи. Наружное спокойствіе подъ правленіемъ Бориса, покровительствовавшаго мирной торговлѣ, было вскорѣ нарушено смутами эпохи самозванцевъ. Новгородъ подпалъ подъ чужую власть. Послѣ восприсоединенія его къ Россіи правительство хотѣло оживить торговое значеніе не только Новгорода, но и цѣлаго края, прилежащаго къ нему, поэтому дозволено

1) Врем., VIII, Оп. им. Тат., 32.

2) Раф. Барб., 9.

3) Врем., III, Разр. Кн., 125.

4) Доп., I, 81; II, 77.

5) А. Арх. Эксп., III, 286.

6) Доп., I, 249.

7) А. Арх. Эксп., III, 462.

всѣмъ прїѣзжающимъ изъ внутреннихъ областей Россіи и иностранцамъ торговать въ Новгородѣ во всякое время невозбранно, а иноземцамъ позволено даже ѣздить съ товарами по новгородскимъ пригородамъ, въ Псковъ и по псковскимъ пригородамъ ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ, особливо, когда шведы завели здѣсь главную контору, Новгородъ сдѣлался центромъ металлической торговли, которая въ немъ была тогда значительнѣе, чѣмъ въ XVI-мъ: свинецъ, мѣдь, желѣзо, получаемые изъ-за границы, шли черезъ Новгородъ ²⁾. Важнымъ предметомъ вывоза, между прочимъ, былъ хлѣбъ, такъ что русская хлѣбная торговля преимущественно направлялась въ эту сторону ³⁾. При Θεодорѣ Алексѣевичѣ новгородцы привозили въ Москву иностранные товары; это показываетъ, что торговля Новгорода тогда поднялась, ибо вмѣсто нѣмцевъ, привозившихъ въ Москву иностранныя питья, начали ихъ привозить новгородцы ⁴⁾. Конецъ XVII вѣка, поднимая старый балтійскій торговый путь, какъ бы приготавливалъ реформу Петра Великаго, которая убила Архангельскъ и перенесла къ берегамъ Балтійскаго моря средоточіе торговли и администраціи

Пути сообщенія Новгорода съ заграничными краями шли, первый на сто шестьдесятъ пять верстъ до Нарвы ⁵⁾, другой до Ніена. Въ XVII вѣкѣ въ зимнее время брали до Нарвы отъ двухъ съ половиною до трехъ копѣекъ съ пуда, въ лѣтнее—отъ четырехъ до шести копѣекъ; до Ніена, зимою отъ трехъ до трехъ съ половиною копѣекъ, лѣтомъ отъ четырехъ до пяти копѣекъ ⁶⁾. Кромѣ сухопутной дороги изъ Новгорода въ Нарву, былъ туда же путь водяной по Лугѣ и Мшагѣ, впадающей въ Шелонь, которая вливается въ Ильмень. Пространство между Лугою и Мшагой въ семь верстъ переѣзжали волокомъ. Третій путь шелъ на Псковъ, а оттуда въ Ригу двѣсти верстъ черезъ Нейгаузенъ, Говенъ, Венденъ и Нейшлотъ ⁷⁾ въ Литву. Тогда какъ англичане дали русской торговлѣ преобладающее направленіе къ Вѣлому морю, Псковъ образовался отдѣльнымъ пунктомъ торговаго сношенія Россіи съ Ливонією и черезъ нее съ Германією. Въ царствованіе Іоанна IV военныя обстоятельства Ливоніи на продолжительное время задерживали торговую дѣятельность этого города. Послѣ того Смутныя времена Россіи отражались неблагоприятно и на немъ, какъ на другихъ западныхъ городахъ Россіи. Когда спокойствіе возстановилось, Псковъ опять сдѣлался важнымъ мѣстомъ закупа русскихъ товаровъ и отправки ихъ въ Германію; товары эти были: ленъ—главное произведеніе Псковскаго края,—пенька, кожи, сало и красная юфта, которую выдѣлывали въ самомъ Псковѣ ⁸⁾. Эти товары составляли исключительный предметъ вывозной торговли въ Псковѣ и обозначались общимъ именемъ русскихъ товаровъ ⁹⁾. Они отправлялись въ Ригу, Ревель и Дерптъ; нѣмцы были главными ихъ закупщиками, но при Михаилѣ Θεодоровичѣ

¹⁾ Врем., III, Разр. Кн., 76—77.

²⁾ А. Арх. Эксп., III, 462.

³⁾ Врем., III, Разр. Кн., 77.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., II, 149.

⁵⁾ Накл., 408.

⁶⁾ Кальбург., 140.

⁷⁾ Накл., 408.

⁸⁾ Доп., V, 34.

⁹⁾ Ibid., 20.

и англичане успѣли проникнуть во Псковъ; пользуясь своими правами, они дѣлали тамъ значительный закупъ льна, вѣроятно для отправки въ Архангельскъ. Такимъ образомъ, въ 1619 году одинъ англійскій гость получилъ право покупать самъ и черезъ своихъ агентовъ ленъ въ Псковѣ и воеводы обязаны были давать ему дворъ въ городѣ ¹⁾). Гостиный дворъ для прїѣзда иноземныхъ купцовъ былъ не въ самомъ городѣ, но подъ городомъ ²⁾). Туда привозили на оптовую продажу разныя матеріи, сукна, металлическія издѣлія, жемчугъ. При Михаилѣ Феодоровичѣ казна брала съ купцовъ лучшія вещи вмѣсто пошлинь, а также покупала ихъ ³⁾).

Военныя обстоятельства при Алексѣѣ Михайловичѣ снова ослабили торговлю Пскова. Но болѣе всего препятствовала надлежащему развитію торговли и благосостоянія этого города домашняя, закоренѣлая вражда богатыхъ съ бѣдными, которая составляла отличительную черту Пскова. Эта вражда существовала въ былыя времена республики, какъ неотъемлемое качество всѣхъ республикъ, до сихъ поръ извѣстныхъ въ исторіи. Послѣ паденія свободы Пскова великій князь московскій перевелъ туда на жительство москвичей и эти москвичи сдѣлались людьми сильными; природные псковитяне остались *маломочными* и небогатыми. Послѣдніе ненавидѣли первыхъ уже не столько какъ высшее сословіе, но какъ пришельцевъ, поселенныхъ между ними съ тѣмъ, чтобъ унижить ихъ древнее отечество. Псковская лѣтопись упоминаетъ о враждѣ богатыхъ съ бѣдными подъ 1544 годомъ ⁴⁾). То же встрѣчаемъ мы, болѣе чѣмъ черезъ сто двадцать лѣтъ, въ Псковѣ. Правительство, замѣчая упадокъ торговли въ Псковѣ и безпорядки, возмущавшіе спокойствіе города, приказало собраться въ земской избѣ выборнымъ людямъ и сдѣлать постановленія. По этому предмету постановленія составлены были такъ, что вообще клонились къ выгодамъ богатыхъ и къ ущербу бѣдныхъ, потому что выборные были изъ *первыхъ* или *лучшихъ*, какъ они назывались. *Маломочные*, то-есть небогатые посадскіе люди, будучи не въ состояніи долго выдерживать застоя товаровъ, отдавали ихъ за дешевую цѣну иноземцамъ, тѣмъ болѣе, что, нуждаясь въ деньгахъ, брали отъ иноземцевъ деньги впередъ и подряжались поставлять въ срокъ товары, а за то, что брали впередъ деньги, дѣлали значительныя уступки. Нѣкоторые же нанимались у иноземцевъ комиссіонерами, брали отъ нихъ деньги и ѣздили дѣлать для нихъ закупы, а черезъ то подрывали русскихъ оптовыхъ торговцевъ. Поэтому, въ 1665 году выборные люди въ земской избѣ постановили, чтобъ маломочные торговцы не забирали впередъ отъ иноземцевъ денегъ, не подряжались поставкою товаровъ, не принимали у нихъ комиссій и вообще не сносились бы непосредственно съ иностранными купцами, чтобъ, такимъ образомъ, ви́шняя торговля была исключительно въ рукахъ оптовыхъ торговцевъ. Но чтобъ, въ то же время, не лишить и бѣдныхъ тѣхъ средствъ, которыя они имѣли при свободномъ торговомъ обращеніи съ иностранными закупщиками, постановили, что маломочные могутъ быть комиссіонерами у богатыхъ псковитянъ, а отнюдь не у иностранцевъ. Для этого лучшіе люди росписали во всемъ посадѣ и въ псковскихъ

¹⁾ Собр. Г. Гр., III, 213—214.

²⁾ Доп., V, 20.

³⁾ А. Арх. Эжп., III, 209.

⁴⁾ Поли. Собр. Русск. Лѣт., IV, 299.

пригородахъ (Торопцѣ, Великихъ Лукахъ, Островѣ), сохранявшихъ еще древнюю зависимость отъ главнаго города, маломочныхъ по *свойству и знакомству*, обозначивъ ихъ промыслы и занятія и давали имъ ссуды изъ земской избы. На эти ссуды маломочные могли покупать товары, исключительно русскіе, и въ декабрѣ и въ маѣ доставлять ихъ въ земскую избу, гдѣ *сидятъ лучшіе люди, у кого они будутъ въ запискѣ*. Для мѣновой торговли съ иностранцами учредили въ Псковѣ двѣ безошлинныя ярмарки: одну въ январѣ, съ 9-го числа, другую въ маѣ, также съ 9-го числа, на двѣ недѣли, но за указанными недѣлями предоставленъ еще льготный мѣсяцъ. Эти ярмарки должны были отправляться въ гостиныхъ дворахъ: въ двухъ изъ этихъ дворовъ продавались иноземные товары, а въ третьемъ, устроенномъ въ городѣ, русскіе: ленъ, пенька и кожевенныя произведенія. Пріѣзжіе въ Псковъ русскіе купцы могли торговать съ иноземцами только въ это время и то отъ лица псковскихъ купцовъ, именно, взявши отъ какого-нибудь мѣстнаго купца записку; притомъ обязаны были продавать товары не иначе, какъ по цѣнѣ, установленной въ земской избѣ, а отнюдь не произвольно. При продажѣ иноземцамъ русскихъ товаровъ двѣ трети улаты могли приниматься иноземными товарами, а одна треть непременно чистыми деньгами, ефимками, которые торговцы обязаны были приносить въ устроенный въ Псковѣ денежный дворъ и получать за нихъ русскія деньги: за одинъ фунтъ ефимковъ семь рублей. Эту денежную промѣною казна замѣняла для себя выгоды, какія могла бы получать отъ пошлиннаго сбора съ товаровъ во время ярмарки. Въ другое время года не позволялось торговать этими товарами съ иноземцами. Ярмарка, какъ кажется, относилась исключительно къ такъ называемымъ пяти большимъ товарамъ: салу, юфти, козамъ, льну и пенькѣ, ибо въ одномъ современномъ актѣ говорится: *опричь того всѣ товары, какъ у кого что будетъ, продавать иноземцамъ безсрокно* ¹⁾. Торговые иноземцы во всякое время года могли свободно пріѣзжать въ Псковъ, привозить и складывать свои товары въ гостиныхъ дворахъ, приговорясь къ мѣновому торгу на ярмарочный срокъ ²⁾. Земское правленіе города Пскова и пригородовъ сосредоточилось въ рукахъ богатыхъ, изъ которыхъ ежегодно пять или шесть должны были выбираться для засѣданія въ земской избѣ и составлять правительственный совѣтъ. Посылая къ царю челобитную объ утвержденіи новаго порядка, богатымъ нужно было собрать болѣе или менѣе значительную сумму на посулы и поминки дьякамъ въ приказахъ; они не затруднялись взвалить такія издержки, простиравшіяся до 400 рублей, на шею бѣднякамъ и разложили ихъ на среднихъ и меньшихъ людей, не удостоивая ихъ впоследствии даже отчетомъ, куда истрачены эти деньги. Напрасно бѣдные, пользуясь своимъ гражданскимъ правомъ, сами собирались въ земской избѣ и составляли облегчительныя для себя постановленія: послѣ ихъ собранія, въ той же земской избѣ, собирались снова богатые и передѣлывали все по-своему. Способы, какимъ образомъ богатые торговцы утѣсняли бѣдныхъ, изложены въ любопытной челобитной послѣднихъ, поданной въ 1666 году. Между прочимъ, богатые выбирали свою братію въ таможенные головы, въ цѣловальники и въ разныя должности, сопряженныя съ наблюденіемъ казеннаго интереса; эти выборные обкрадывали казну, дѣлились съ

¹⁾ Доп., V, 29.

²⁾ Ibid., V, 20.

товарищами, которые их выбирали, а потомъ, безъ согласія съ середними и меньшими, богатые выбирали изъ послѣднихъ въ цѣловальники вмѣсто своихъ и взваливали на нихъ весь недоборъ. Если же злоупотребленія открывались и дѣлался повальный обыскъ, то бѣдные должны были давать такія сказки, какія угодно было богатымъ, которые принуждали ихъ къ этому батогами ¹⁾. Такъ описываютъ свое состояніе бѣдные въ челобитной; но вообще надобно замѣтить, что въ извѣстіяхъ, сообщаемыхъ какъ тою, такъ и другою стороною, нельзя искать безпристрастной истины. Несомнѣнно только то, что управленіе богатыхъ не послужило ни къ развитію торговли, ни къ благосостоянію жителей. На другой же годъ воевода доносилъ, что *пожары великіе учинились, хлѣбъ и соль вздорожали, богатые наживались, бѣдные нищали* ²⁾; и потому правительство приказало этотъ *новый судъ отставить*, а вѣдать псковитянъ всякихъ чиновъ людей судомъ и расправою воеводамъ ³⁾. Къ этой скорой перемѣнѣ не мало послужило и то, что едва только купцы захватили въ руки правленіе края, какъ начали своевольно давать за границу проѣзжія грамоты, арестовать дворянъ, и наконецъ, что всего важнѣе, писать неправильно титулъ великаго государя ⁴⁾. Вражда маломочныхъ съ лучшими не прекратилась: одни другимъ старались вредить всѣми способами. Богатые доносили, что маломочные тайно возили за границу товары; въ томъ же обвиняли богатыхъ ихъ соперники: дѣйствительно, стрѣльцы поймали пятьдесятъ восемь саней съ товарами, отправленныхъ мимо таможи въ Ливонію псковскимъ купцомъ Поганкинымъ ⁵⁾. При такомъ общественномъ состояніи Псковъ не могъ быть цвѣтущимъ торговымъ городомъ и торговля его болѣе не возвышалась.

Изъ городовъ, лежавшихъ на сѣверъ отъ Москвы, выказываются предъ другими: Орѣшекъ, Бѣлоозеро, Тихвинъ, Устюжна, Каргополь, Ярославль, Везьегонскъ. Орѣшекъ по своему положенію былъ торговымъ пунктомъ сношеній съ шведами въ XVI вѣкѣ: тамъ были лавки съ сукнами, шелковыми тканями и разными иностранными товарами ⁶⁾. Такъ какъ желѣзо, будучи всегда главнымъ ввознымъ шведскимъ товаромъ, переходило черезъ Орѣшекъ, то въ немъ развился промыселъ кузнечества. По уступкѣ его шведамъ, онъ въ XVII вѣкѣ подъ именемъ Нотебурга былъ пристанью для торговаго плаванія по Ладожскому озеру ⁷⁾. Бѣлоозеро вело значительную оптовую торговлю солью, рыбой, хлѣбомъ ⁸⁾. Въ городѣ существовалъ обширный гостинный дворъ; главный торговый предметъ составляла рыба, добываемая изъ озера ⁹⁾. Въ XVI вѣкѣ Бѣлоозеро было перевалочнымъ пунктомъ торговаго сообщенія Вологды съ Нарвою и тѣмъ самымъ бѣломорской торговли съ балтійскою ¹⁰⁾. Въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ

1) Доп., V, 23—24.

2) Ibid., V, 33.

3) Ibid., V, 30.

4) Ibid.

5) Доп., V, 36.

6) Ibid., I, 165.

7) А. Арх. Эксп., III, 459.

8) А. А. Э., I, 223—224.

9) Доп., III, 327.

10) Накл., 408.

были большія ярмарки, три раза въ годъ: на Успеневъ день, на Введеніе и на память св. Кирилла бѣлозерскаго. Туда съѣзжалось множество торговцевъ, и такъ какъ разомъ съ ними пріѣзжали кабацкіе цѣловальники съ питьемъ, то поэтому торжища отличались такимъ пьянствомъ, что часто случались смертоубійства. Игуменъ просилъ перевести торгъ на Словенскій Волокъ, въ имѣніе монастыря. Ярмарки отправлялись здѣсь въ тѣ же сроки, какъ и на прежнемъ мѣстѣ. Туда съѣзжались торговые посадскіе люди и крестьяне уѣздовъ Бѣлозерскаго, Вологодскаго, Каргопольскаго, Новгородскаго, съ разными товарами, а въ томъ числѣ и хлѣбомъ. На срокъ ярмарки изъ Бѣлозерска пріѣзжало таможенное начальство ¹⁾. Другая славная ярмарка въ XVII вѣкѣ была близъ Александровской пустыни: туда пріѣзжали, между прочимъ, шведскіе купцы ²⁾. Тихвинцы занимались иностранною торговлею, возили русскіе товары водянымъ путемъ по Сяси, Ладожскому озеру до Орѣшка и вывозили ихъ въ Швецію, а товары иноземные доставляли черезъ Устюжну до Дмитрова въ Москву ³⁾. Въ XVII вѣкѣ въ Тихвинѣ зимою собиралась чрезнедѣльная ярмарка ⁴⁾. Устюжна-Желѣзнопольская въ XVI вѣкѣ была торговымъ городомъ, ибо туда съѣзжались за покупкою жельза и судовыхъ принадлежностей. Весегонскъ славился своею ярмаркою: она была возвышена Іоанномъ Грознымъ, который въ 1563 году, изъ угожденія Симонову монастырю, владѣвшему Весегонскомъ, запретилъ всякіе торги во всемъ округѣ. Ярмарка открывалась на заговѣнье Петровки. Рыба, соль, хлѣбъ и вообще сельскія произведенія находили себѣ сбытъ на этой ярмаркѣ. Туда съѣзжалось множество поселеній изъ сосѣднихъ краевъ, приплывали по Мологѣ купцы изъ Ярославля, Углича, Казани, Рязани, бывали купцы изъ Москвы, Твери, Великаго Новгорода. Весь пошляинный сборъ на этой ярмаркѣ принадлежалъ Симонову монастырю, который платилъ въ царскую казну 38 рублей въ годъ ⁵⁾. Старинный скупъ соли въ Каргополь и на Онегѣ не только не упалъ, но еще болѣе развился въ XVI и XVII вѣкахъ. Жители Турчасова, Мехренги, Порога привозили соль съ моря и складывали ее въ Турчасовѣ, а каргопольцы скупали и переправляли въ свой городъ ⁶⁾. Каргополь былъ главнымъ мѣстомъ закупа сѣверной соли. Бѣлозерцы и вологодцы, а иногда торговцы изъ другихъ городовъ пріѣзжали туда для покупки соли и развоза по Россіи. Соляная торговля развилась въ мѣстныхъ жителяхъ трудолюбіе и судовой промыселъ. Каргопольцы, турчасовцы и крестьяне другихъ поселеній записывались въ козаки, которые составляли особый цехъ, обязанный готовить соль къ вывозу. Каргопольцы имѣли готовыя судна для перевозки соли, и въ XVI вѣкѣ городъ получалъ ту привилегію, что пріѣзжавшіе для покупки соли торговцы непременно должны были нанимать суда у однихъ каргопольцевъ. Кромѣ соли, каргопольцы торговали въ большомъ количествѣ ворванью и рыбою, добывая эти товары изъ Колы. Словомъ, Каргополь былъ важнѣйшимъ мѣстомъ вывоза въ Россію произведеній Сѣвернаго моря. Неудивительно, что эта промышленность привлекла въ Карго-

¹⁾ А. А. Э., II, 72.

²⁾ Доп., IV, 272.

³⁾ А. А. Э., III, 461.

⁴⁾ Ibid., IV, 427.

⁵⁾ Ibid., I, 296—297.

⁶⁾ Собр. Г. Гр., II, 141—142.

поль ввозную торговлю. Изъ таможенной грамоты 1598 года видно, что въ Каргополѣ и Турчасовѣ было два гостинныхъ двора, на которыхъ продавались иноземныя сукна и русскіе мѣха. Сверхъ того часто и лѣтомъ на судахъ, и зимою на саняхъ прибывали къ городу русскіе торговцы съ товарами.

Водяное сообщеніе Москвы съ Астраханью, а черезъ этотъ городъ съ Персією и Востокомъ было: Москвою-рѣкою до Коломны, изъ Коломны Окою до Нижняго и отъ Нижняго Волгою до Астрахани. Плаваніе отъ Москвы до Нижняго требовало около одиннадцати сутокъ при благополучныхъ обстоятельствахъ. По пути лежали города: Коломна, Рязань, Касимовъ, Муромъ ¹⁾. Изъ города Шуи, Гороховца и другихъ, сосѣднихъ рѣкъ Тезѣ, городовъ и сель купцы плавали по этой рѣкѣ и достигали Оки ²⁾. Вообще окскій путь въ XVII вѣкѣ былъ не совсѣмъ безопасенъ, по причинѣ разбоевъ, господствовавшихъ и на Окѣ, какъ на Волгѣ ³⁾. Другая дорога лежала сухопутьемъ на Ярославль, а изъ Ярославля на судахъ Волгою ⁴⁾. Города Ярославль, Кострома, Кинешма, Юрьевецъ-Повольскій, лежавшіе на этомъ судоходномъ пути, имѣли торговое значеніе; тамошніе торговцы сплавливали свои товары по Волгѣ и привозили покупные въ свои города ⁵⁾. Въ Ярославлѣ особенно занимались судовымъ промысломъ ⁶⁾.

Нижній-Новгородъ съ половины XVI вѣка началъ возрастать въ торговомъ отношеніи. Уже англичане нашли выгоднымъ возить туда свои товары. Въ XVII вѣкѣ онъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ для торговли всего востока Россіи; товары стекались туда со всѣхъ сторонъ: и европейскіе изъ Архангельска черезъ Ярославль и Москву, и азіатскіе изъ Астрахани, и сибирскіе изъ Казани, и русскіе, предназначенные для отправки на Востокъ. Безпрестанно прибывали туда частные досчаники сверху и снизу по Волгѣ и по Окѣ, а зимою длинные ряды обозовъ тащились во всѣ стороны. Изъ одного богатаго нижегородскаго купца въ XVII вѣкѣ въ Нижнемъ развилась хлѣбная торговля. По мѣрѣ населенія плодороднаго края, лежавшаго на югъ отъ Нижняго, городъ сдѣлался мѣстомъ сбыта и закула хлѣба для отправки его въ столицу и сѣверныя провинціи. Въ особенности при отплытіи судоходнаго каравана въ Астрахань въ Нижнемъ было огромное стеченіе торговаго народа, такъ что все носило видъ ярмарки. Конечно, онъ обязанъ своимъ торговымъ значеніемъ счастливому положенію посредникъ продольнаго волжскаго пути, при соединеніи двухъ судоходныхъ рѣкъ Россіи. Правительство учредило тамъ главную таможеню, гдѣ брали проѣзжія пошлины за всѣ города, слѣдующіе за нимъ по теченію Волги.

Недалеко отъ Нижняго торговцевъ привлекала Макарьевская ярмарка, собиравшаяся ежегодно въ іюлѣ мѣсяцѣ подъ монастыремъ святого Макарія Желтоводскаго. Царь Михаилъ Федоровичъ подарилъ всѣ пошлинныя доходы этому монастырю *на свѣчи и ладанъ, и церковное строеніе, и братіи на пропитаніе*. Цари Алексѣй, Федоръ, Іоаннъ и Петръ подтверждали это монастырское право, которое, такимъ образомъ, не отмѣнялось весь XVII вѣкъ.

¹⁾ Olear. Reisebeschr., 334.

²⁾ Оп. гор. Шуи, 344.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Акты Ист., III, 210.

⁵⁾ А. А. Э., III, 278.

⁶⁾ Johnson. Hakl., 397.

Купцы съѣзжались туда какъ съ верховыхъ, такъ и съ низовыхъ городовъ (Свияжска, Чебоксарь, Казани, Алатыря, Симбирска, Саранска). Доставка и отправка товаровъ совершалась болѣе водянымъ путемъ, рѣже сухопутнымъ; но независимо отъ такихъ путей развозка товаровъ главнымъ образомъ направлялась въ одну сторону на Москву, а въ другую на Казань. Такимъ образомъ, эта ярмарка сдѣлалась посредницею торговаго сообщенія Европейской Россіи съ Сибирью—значеніе, остающееся за нею (нижегородскою) до сихъ поръ. Всякій купецъ, отправляясь на Макарьевскую ярмарку, долженъ былъ въ томъ городѣ, откуда выѣзжалъ, взять проѣзжую грамоту, и везъ свои товары безпренятственно до мѣста назначенія, безъ всякаго осмотра и задержекъ, а прибывъ на мѣсто, показывалъ свою проѣзжую грамоту, по которой производилась повѣрка, и если бы что-нибудь оказалось лишнее, то подвергалось конфискованію. Въ 1662 году царь Алексѣй Михайловичъ далъ право купцамъ, пребывающимъ на ярмаркѣ, быть свободными отъ всякихъ позывовъ, исковъ, отвѣтовъ и тяжбъ. Всякое разбирательство возникшаго между торговцами торговаго или долговаго дѣла принадлежало архимандриту Желтоводскаго монастыря съ братією, исключая дѣлъ о воровствѣ и разбояхъ. Несмотря на такія права, процвѣтаніе ярмарки задерживалось отъ непрерывнаго несоблюденія царскихъ привилегій. Воеводы, приказные и таможенники по дорогамъ придирались къ купцамъ, требовали осмотра, вымогали пошлины, брали поминки и взятки; а въ самое время ярмарки воеводы, по извѣстамъ ябедниковъ, посылали за купцами приставовъ съ наказными памятями, требуя ихъ къ суду, или разсылщиковъ подъ предлогомъ искать бѣглыхъ: эти разсылщики нападали на купцовъ среди ихъ торговой дѣятельности, придирались къ нимъ, отрывали отъ занятій и не отходили, пока неудовольствовались поминками, а между тѣмъ, жили, ѣли на счетъ монастыря, очень негодовавшаго на такихъ гостей, которые вообще нахальными поступками доводили купцовъ до того, что тѣ боялись ѣздить на Макарьевскую ярмарку. По жалобѣ архимандрита, правительство въ 1692 году снова подтвердило старыя привилегіи ярмарки, но онѣ все-таки плохо исполнялись ¹⁾.

Ярмарка въ Макарьевѣ развила судовой промыселъ. Купцы, накупая товаръ, нанимали у судопромышленниковъ струги и заключали съ ними условія везти товаръ къ мѣсту ²⁾. Плаваніе отъ Нижняго до Астрахани продолжалось около мѣсяца. Пристани, имѣвшія торговое значеніе на этомъ пути, были: Василь, Чебоксары, Ковшажскъ, Свияжскъ, Казань ³⁾. Изъ этихъ городовъ Казань въ XVII вѣкѣ сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ астраханской соли и рыбы, и вообще астраханскихъ товаровъ, назначаемыхъ для сѣверо-востока, а равно товаровъ, приходившихъ изъ Вятской и Пермской сторонъ. Въ Казани производилась казенная постройка судовъ, какъ для нуждъ правительства, такъ и для торговцевъ ⁴⁾. Тетюши были послѣднимъ городомъ населенной страны. За ними, до самой Астрахани, берега Волги представляли пустыню. Въ первой половинѣ XVII вѣка на этомъ длинномъ пространствѣ были только Самара, Саратовъ и Черный Яръ, позже построенъ Симбирскъ. Въ Самарѣ образовался перевозочный

¹⁾ Акты. Ист., V, 155—161.

²⁾ Опис. гор. Шуи, 343.

³⁾ А. Арх. Эксп., I, 405.

⁴⁾ Доп., IV, 314.

пунктъ яицкой рыбной промышленности, которая возникла въ 1639 году трудами гостя Гурьева, а потомъ сдѣлалась достояніемъ казны, и годъ отъ году принимала большіе размѣры ¹⁾. Торговцы черезъ Самару ѣздили на Яикъ покупать рыбу и икру, и привозили въ Самару, гдѣ съ нихъ брали десятую пошлину. Такихъ промышленниковъ въ концѣ XVII вѣка стало чрезвычайное множество и это сообщило Самарѣ торговую фizioномію ²⁾. Несмотря на запустѣніе, въ какомъ находилось Поволжье, гдѣ, кромѣ упомянутыхъ городовъ, путешествовавшіе при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ голштинцы не встрѣчали никакихъ селеній, торговля съ Астраханью постоянно оживляла пустынную Волгу. Такъ какъ плаваніе по Волгѣ сопряжено было съ опасностями, то суда шли вмѣстѣ другъ съ другомъ въ сопровожденіи отряда стрѣльцовъ, плывшихъ на передовомъ суднѣ. Это конвойное судно снабжалось орудіями. Такой поѣздъ назывался караваномъ. Судовые караваны ходили по Волгѣ между Нижнимъ и Астраханью дважды въ годъ; одинъ рейсъ назывался весеннимъ, другой осеннимъ караваномъ. Верховые товары приходили въ Астрахань лѣтомъ (напр., въ іюль), а низовые и персидскіе товары приходили въ Нижній осенью, и, по наступленіи зимы, развозились изъ Нижняго на саняхъ. Каждый годъ назначался начальникъ каравана, командовавшій стрѣльцами и дѣтьми боярскими; въ караванѣ бывали послы персидскіе въ Москву, московскіе въ Персію и служилые люди, отправалявшіеся въ Астрахань и низовые волжскіе города. Съ ними-то обыкновенно плыли съ товарами купцы разныхъ городовъ: москвичи, ярославцы, кинешемцы, костромитяне, юрьевцы, нижегородцы, арзамасцы, казанцы ³⁾. Уже при Іоаниѣ Васильевичѣ Грозномъ караваны, плававшіе между Нижнимъ и Астраханью, состояли изъ пяти-сотъ большихъ судовъ, изъ которыхъ одни построены были въ Нижнемѣ, а другія приплывали съ товарами изъ разныхъ сторонъ въ Нижній и ожидали тамъ начальника каравана. Когда все было готово, караванъ выступалъ съ обиліемъ запасовъ лѣсныхъ и военныхъ и съ каменными пушками ⁴⁾. Судна приводились въ движеніе гребцами, а при попутномъ вѣтрѣ распускались паруса. Приходъ каравана въ Астрахань возвѣщался двукратною пальбою изъ пушекъ, и весь берегъ внезапно оживлялся. Одни изъ прибывшихъ торговцевъ выгружались на берегъ, другіе оставались въ судахъ и ожидали къ себѣ покупателей ⁵⁾.

Кромѣ каравановъ, по Волгѣ по одиночкѣ ходили суда казенныя и частныя ⁶⁾. Иногда частные торговцы составляли товарищества и отправаляли свои суда, связавъ ихъ вмѣстѣ, такъ что большое судно тянуло за собой маленькія ⁷⁾. Плаваніе по Волгѣ вверхъ было затруднительно, ибо гребцы могли управлять судами только при попутномъ вѣтрѣ (низовомъ), съ трудомъ управляли ими въ безвѣтріе, но когда подымался верховой вѣтеръ, тогда гребцы и рабочіе выходили на берегъ и тянули суда *лямкою*, проплывая въ день не болѣе четырна-

¹⁾ Полн. Собр. Зак., II, 222.

²⁾ А. Ист., V, 171.

³⁾ А. Истор., IV, 206.

⁴⁾ Jenkins. Нахл., 351.

⁵⁾ А. И., IV, 15.

⁶⁾ Ibid., III, 211.

⁷⁾ Olear., 361.—Доп., III, 145.

дцати верстѣ. Нерѣдко суда насканивали на мели, которыми Волга и въ то время была обильна ¹⁾).

Торговья русскія суда, плававшія по Волгѣ, были плоскодонныя, различались по длинѣ, ширинѣ и фигурѣ, и сообразно этому носили разныя названія. Большое судно длиною до десяти сажень и болѣе называлось *досчаникъ*, меньше досчаника были насады и кладныя струги ²⁾. Струги были *досчатые*, *полубленые* и *не полубленые*; *струги съ набоями*; они были мѣрою отъ шести до восьми сажень въ длину ³⁾; меньше ихъ были *кладныя* лодки, а еще менѣе— *неводникъ*; менѣе *неводника* — *плавная лодка*, *однодеревка* и *ботникъ* ⁴⁾. При большихъ судахъ, т.-е. досчаникахъ, стругахъ и насадахъ были маленькія лодки, называемыя *завозни*, *подвозки*, *паузки* ⁵⁾. Названіе струга самое употребительное, и часто принималось для означенія судна вообще.

Въ 1634 году на Волгѣ большой стругъ или насадъ вмѣщалъ отъ 300 до 500 ластовъ, и когда былъ нагруженъ, то опускался на двѣнадцать футовъ въ воду ⁶⁾. Въ концѣ XVII вѣка насады поднимали до тысячи ластовъ ⁷⁾. Для струга въ семь сажень длиною считалось достаточнымъ двѣнадцать человѣкъ гребцовъ ⁸⁾. Когда голштинское посольство по торговымъ дѣламъ отправлялось въ Персію, то, съ помощью русскихъ плотниковъ, сдѣлало себѣ судно, приспособленное къ плаванію по Волгѣ. Это судно было построено изъ досокъ, имѣло 120 футовъ въ длину, съ тремя мачтами и плоскимъ дномъ; въ глубину оно входило до семи футовъ; для него приготовлены были двадцать-четыре весла; на суднѣ устроены каюты, а подъ палубою подвалъ для кухни и кладовой. Это судно было вооружено каменными пушками, снабжено свинцомъ, порохомъ и оружіемъ противъ разбойниковъ. Къ судну была привязана шлюпка ⁹⁾. Оно было построено вообще по образцу тогдашнихъ русскихъ судовъ, но отличалось тѣмъ, что имѣло три мачты и превосходило русскія суда отдѣлкою, такъ что, когда голштинцы выплыли на немъ на Каспійское море, то персіане говорили, что *Кюльзюмъ* (Каспійское море) еще не видывалъ такого судна ¹⁰⁾.

Торговое плаваніе по Волгѣ чрезвычайно затруднялось разбоями волжскихъ козаковъ, жившихъ въ неизвѣданныхъ еще закоулкахъ лѣсистаго и скалистаго праваго побережья Волги. Не только большія суда погибали со всѣмъ грузомъ и экипажемъ добычею ихъ звѣрства, но случалось, что разбойники разбивали самыя караваны, прославляя свои подвиги въ пѣсняхъ:

„Мы рукой махнемъ—караванъ возьмемъ!“

Такимъ образомъ, при Михаилѣ Теодоровичѣ козаки напали на русскій караванъ у Чернаго Яра и истребили его. Они воспользовались тѣмъ, что суда

¹⁾ Olear., 372.

²⁾ А. А. Э., I, 390; II, 408.

³⁾ Доп., III, 144—145.

⁴⁾ А. А. Э., I, 390.

⁵⁾ Ibid., I, 432.

⁶⁾ Olear., 301.

⁷⁾ Кильбург., 122.

⁸⁾ Доп., III, 144.

⁹⁾ Olear., 337.

¹⁰⁾ Ibid., 378.

плыли по Волгѣ растянувшись, и напали на заднія; переднія же, гдѣ были стрѣльцы, охранявшіе караванъ, не могли скоро поспѣть къ заднимъ на помощь противъ теченія воды. Это событіе подало поводъ къ построенію Чернаго Яра ¹⁾. Были на Волгѣ мѣста, особенно прославленные разбоями, и торговцы всегда радовались, коль скоро удавалось проплыть ихъ благополучно. Таково было устье Уссы въ Жегулевскихъ горахъ, гдѣ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ козаки ограбили большое купеческое судно, плившее съ грузомъ въ Нижній ²⁾; таковы были: Козачья гора въ 115 верстахъ ниже Самары ³⁾, устье Камышинки, гдѣ голштинцы встрѣтили рядъ деревянныхъ крестовъ, поставленныхъ въ память падшихъ въ битвѣ съ козаками ⁴⁾.

Трудности плаванія по Волгѣ, особенно вверхъ, были поводомъ сухопутныхъ путешествій изъ Астрахани въ Москву и середину Россіи. Эти путешествія предпринимались въ то время, когда татары гоняли въ Москву лошадей для продажи, что носило названіе *ордо-базарной* станицы. Тогда за татарскими табунами ѣхалъ обозъ купцовъ разныхъ націй: русскихъ, армянъ, персіанъ, бухарцевъ и индійцевъ ⁵⁾.

Городъ Астрахань вскорѣ послѣ присоединенія къ Россіи найденъ посѣщавшими его англичанами незначительнымъ въ торговомъ отношеніи ⁶⁾. Русскіе привозили туда кожи, овчины, сбрюу, посуду, хлѣбъ, дрова въ небольшомъ количествѣ, единственно для нуждъ служилыхъ людей, которые поддерживали русскую власть въ отдаленномъ городѣ и составляли единственное русское народонаселеніе города. Персидскіе товары, именно: шелковыя и бумажныя ткани, краски, шелкъ, доставлялись татарами и были худого достоинства. Купцы, торговавшіе этими товарами, были бѣдны. Однако, съ этого уже времени Астрахань начинаетъ прибрѣтать свое высокое торговое значеніе, которое постепенно увеличивается. Въ Смутную эпоху оно было нарушено Заруцкимъ, разграбившимъ и разорившимъ городъ ⁷⁾. Но послѣ успокоенія Россіи Астрахань возвысилась снова. Въ 1670 году ея богатства были расхищены Стенькою Разинымъ. Хотя Астрахань послѣ того и поправилась, но уже къ концу XVII вѣка начала упадать всеобщая увѣренность въ возможности направить черезъ Россію торговлю всего Востока,—увѣренность, которая поддерживала торговое значеніе Астрахани. Еслибъ такое предположеніе осуществилось, Астрахань была бы важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ цѣлаго міра. Но не такъ рѣшилась исторія.

Сосѣдство съ Востокомъ дало Астрахани самое разнообразное народонаселеніе. Оно состояло изъ смѣси русскихъ съ азіатскими пришельцами: персіане, бухарцы, хивинцы, армяне, азіатскіе турки, греки, индійцы со всѣми отливами своихъ народностей не только посѣщали городъ, но владѣли въ немъ домами и вели постоянную торговлю ⁸⁾. Это разнообразіе особенно увеличивалось въ то

) Olear., 362.

²⁾ Ibid., 356.

³⁾ Ibid., 359.

⁴⁾ Ibid., 363.

⁵⁾ А. И., IV, 214—217.

⁶⁾ Jenkins. Наѡ., 365.

⁷⁾ А. И., III, 27.

⁸⁾ Olear., 374.

время года, когда Астрахань наполнялась иноземными и русскими торговцами, прибывавшими туда для временной торговли и раскладывавшими свои товары, то въ гостинных дворахъ, то въ насадахъ и бусахъ на пристани. Въ Астрахани было нѣсколько гостинныхъ дворовъ, какъ кажется, особыхъ для каждаго народа, напримѣръ: гиланскій, теицкій, бухарскій, русскій и татарскій — не гостинный дворъ, но базарь, у Мочаговскихъ воротъ ¹⁾. Тогда какъ другимъ иностранцамъ позволялось обзаводиться даже домами, татары могли торговать не въ самомъ городѣ, а только за оградой его на базарѣ: на этомъ татарскомъ базарѣ были татарскія лавки съ разными товарами; важный торгъ былъ овцами, которыхъ пригоняли изъ ногайскихъ стеней ²⁾, и раскупали въ Астрахани, вѣроятно, для выгонки сала. Не одни только татары подвергались ограниченіямъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1625 году, тезики—подданные турецкаго султана изъ Азіатской Турціи—были отстранены отъ астраханской торговли ³⁾, вѣроятно, вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній дворовъ.

Мѣстная розничная торговля въ Астрахани велась въ рядахъ, лавкахъ, полкахъ, шалашахъ. Мелкою торговлею занимались не только посадскіе, но и стрѣльцы, и вообще служилые люди. Торговья помѣщенія давались отъ казны на оброкъ. Въ 1623 году доходъ этотъ простирался до 341 руб. 32 алтынъ 4 деньги ⁴⁾.

Важность астраханской торговли должна разсматриваться въ двоякомъ отношеніи: по передачѣ въ Россію восточныхъ произведеній и по снабженію Россіи мѣстными произведеніями астраханскаго края. Торговое сообщеніе Астрахани съ Персією, Хивою и Бухарією совершалось, какъ мы уже сказали, по Каспійскому морю и сухопутьемъ.

Для торговли по Каспійскому морю правительство держало такъ называемыя *бусы*, приспособленныя къ морскому плаванію суда. Судовой промыселъ составлялъ въ Астрахани достояніе власти: существовало большое казенное заведеніе, называемое дѣловой дворъ, который былъ управляемъ начальникомъ, назначеннымъ изъ дѣтей боярскихъ, и цѣловальниками ⁵⁾. Бусы ходили постоянно дважды въ годъ между Астраханью и Караганскимъ пристанищемъ для торговли съ Хивою и Бухарою. Одинъ поѣздъ совершался весною, другой осенью. Отправляя бусу, воевода поручалъ управленіе ея какому-нибудь сыну боярскому или служилому человѣку, давалъ ему стрѣльцовъ, пушкарей и нѣсколько пушекъ съ военными запасами. Въ 1687 году на такой бусѣ была одна пушка, пудъ пороха, полпуда дрови, сорокъ ядеръ, двадцать стрѣльцовъ, пушкарь, плотникъ и пять человѣкъ юрговскихъ татаръ. Въ 1661 году на такой бусѣ было двѣ пушки—одна нарядная пищаль да мѣдный тюфякъ. Начальникъ бусы обязанъ былъ пересматривать проѣзжія грамоты своихъ торговыхъ пассажировъ и повѣрять ихъ товары; а если бы оказалось что-нибудь сверхъ того, что написано въ проѣзжей грамотѣ, или же при купцѣ нашелся такой *покрученикъ* или работникъ, который не записанъ въ грамотѣ, то начальникъ отводилъ незаписан-

¹⁾ А. И., III, 163—164. Доп., IV, 256.

²⁾ Доп., IV, 255—256.

³⁾ А. И., III, 213.

⁴⁾ Доп., II, 85.

⁵⁾ А. И., III, 203.

ныхъ людей и отправлялъ незаписанный товаръ къ воеводѣ. Повѣрка товаровъ не производилась посредствомъ подробнаго пересмотра и взвѣшиванія ихъ: начальникъ бусы осматривалъ только цѣлость таможенныхъ печатей, которыми должны быть опечатаны нагруженные товары. Во время плаванія начальникъ обязанъ былъ охранять бусу и отражать разбойничьи нападенія, еслибъ они случились. По прибытіи въ Караганское пристанище онъ выбиралъ двухъ или трехъ иноземцевъ и отправлялъ въ Хиву и Бухарію извѣщать народъ, что пришла русская буса и туземные купцы должны посидѣть на торгѣ. Эти посланцы носили мѣстное названіе *хабарщиковъ*. Тогда къ берегу съѣзжались купцы и начинался торгъ. Командиръ бусы долженъ былъ наблюдать, чтобъ иноземцы не дѣлали русскимъ оскорбленій. Какъ долго продолжался торгъ—неизвѣстно; но судя потому, что буса отплыла изъ Астрахани въ октябрѣ, а посидѣла назадъ къ зимѣ, должно думать, что онъ продолжался около мѣсяца. При окончаніи торжища командиръ бусы извѣщалъ, что кто изъ иноземцевъ захочетъ ѣхать съ ними тотчасъ, тотъ можетъ нагружаться; равномерно, кто захочетъ, можетъ пріѣзжать въ Астрахань сухопутьемъ, или, наконецъ, ѣхать на будущій годъ съ весеннимъ поѣздомъ русской бусы, и въ такомъ случаѣ долженъ посидѣть явиться на берегъ, чтобъ не опоздать. По возвращеніи домой командиръ, не приставая къ городу, посылалъ на лодкѣ извѣстить воеводу, что буса возвратилась; являлись таможенники, осматривали, описывали товары и облагали ихъ пошлинами. Тогда уже буса могла пристать и разгрузаться ¹⁾.

Сношенія съ Персією производились также на казенныхъ бусахъ, которыя приставали въ Баку и Дербентѣ; оттуда купцы ѣздили въ Шамаху, гдѣ происходилъ торгъ персіянъ съ русскими. На этихъ бусахъ ѣздили въ Персію русскіе купцы разныхъ городовъ и пріѣзжали въ Астрахань персіяне. Этимъ путемъ ѣздили бусы съ царскими товарами. Довѣренные торговцы, которые везли эти товары, прибывали въ Шамаху; тамъ оставалось нѣсколько цѣловальниковъ, другіе ѣздили во внутренность Персіи, скѣпали товары и свозили въ Шамаху; отсюда ихъ везли къ пристани, нагружали и доставляли до Астрахани. Воеводы обязаны были посылать навстрѣчу паузки для принятія товаровъ ²⁾. Сверхъ того въ Астрахань приходили персидскія бусы, по наружному виду отличныя отъ русскихъ. Это были суда небольшія, высоко стоящія надъ водою, фигуροю похожія—по замѣчанію европейскаго путешественника—на ванны, со множествомъ бревенъ и перекладинъ, утвержденныхъ между собою клинами, открытыя, безъ насосовъ, такъ что воду выливали мѣхами, съ однимъ парусомъ, какъ и русскія, но лучше русскихъ судовъ умѣвшія лавировать въ морѣ ³⁾. Какъ только такая буса приближалась къ Астрахани, воевода посылалъ къ ней таможеннаго голову, или нарочнаго цѣловальника, подъячаго и стрѣльцаго сотника съ стрѣльцами для выгрузки. Таможенники прежде всего требовали отъ управлявшаго бусою, обыкновенно называемаго шаховымъ гонцомъ, свѣдѣнія—есть ли у него шахова грамота, сколько у него людей, купцовъ, съ какими товарами? Послѣ допроса происходила перепись всѣхъ людей и товаровъ. Тогда лучшіе изъ товаровъ—узорочные, т.-е. драгоцѣнные камни, золотыя и серебряныя цѣпи, складни, за-

¹⁾ А. И., IV, 50, 205.—А. И., V, 265.—Доп., IV, 257—260.

²⁾ А. И., IV, 238.

³⁾ Olear., 378.

поны, перстни — отбирались въ пользу царя, а купцамъ выдавали деньги. Въ случаѣ отысканія заповѣдныхъ товаровъ, напримѣръ, табаку, ихъ отбирали въ сѣзжую избу. По окончаніи обыска и переписи буса подплывала ближе, но никто не смѣлъ выходить на берегъ, пока роспись не представится воеводѣ и отъ него не послѣдуетъ разрѣшенія ¹⁾. Во время пребыванія въ городѣ иноземные купцы были подъ строжайшимъ наблюденіемъ; послы съ своею свитою подвергались также строгому надзору: имущество ихъ перерывали, чтобъ отыскать какіе-нибудь заповѣдные товары; пятьдесятъ человекъ стрѣльцовъ стояли постоянно на караулѣ; послы жили на Посольскомъ дворѣ и не смѣли сноситься съ единоземцами; тѣмъ не менѣе, однако, съ ними обращались очень почтительно ²⁾.

Плаваніе по Каспійскому морю подвергало купцовъ различнымъ опасностямъ: во-первыхъ, нерѣдко бусы были разбиваемы бурями, господствующими на этомъ морѣ; во-вторыхъ, по морю крейсировали морскіе разбойники, которые нападали на суда, грабили и умерщвляли людей. Слѣдствіемъ такихъ приключеній были неоднократно разоренія купеческихъ семействъ и вообще то, что торговля на Каспійскомъ морѣ не достигала высокой степени, но постоянно оставалась въ одномъ и томъ же положеніи. Для охраненія купцовъ царь Алексѣй построилъ первый русскій корабль «Орель», но Стенька Разинъ истребилъ его. Послѣ того переводчикъ посольскаго приказа Виніусъ подалъ проектъ соорудить галеры или каторги (вооруженныя суда) для перевоза грузовъ и вмѣстѣ для защиты отъ разбойниковъ ³⁾.

Туземныя произведенія, вывозимыя въ Россію изъ Астраханскаго края, были соль и рыба (отчасти вино), но объ этомъ войдемъ въ подробности при исчисленіи статей торговли вообще.

Сибирская торговля возникла вскорѣ по открытіи Сибири и достигла важнаго значенія, ибо предметы вывоза изъ Сибири состояли преимущественно въ мѣхахъ, которые были важнѣйшимъ произведеніемъ Россіи. Вскорѣ по завоеваніи Сибири многіе смѣльчаки отправились въ невѣдомыя пустыни для звѣринныхъ промысловъ; потомъ страсть отыскивать *новыя землицы* и принуждать инородцевъ платить ясакъ сдѣлалась господствующею между служилыми людьми: это привлекало въ Сибирь русскихъ. Само правительство старалось о заселеніи новоприобрѣтеннаго края, строило города, поселяло пахотныхъ людей для земледѣлія и населяло Сибирь ссыльными. Русское населеніе, отодвинутое отъ прежняго отечества на большое разстояніе, нуждалось въ подвозѣ пищи, одежды, предметахъ домашняго быта, а потому товары, удовлетворявшіе этой потребности, были первыми статьями ввоза въ Сибирь изъ Россіи. Въ концѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII русскіе купцы возили въ Сибирь хлѣбъ ⁴⁾, также русскій холстъ ⁵⁾, готовыя однорядки, юфти, кожи, оружіе и военные снаряды, столь необходимыя въ этой странѣ противъ звѣрей и людей, и прочіе товары, боль-

¹⁾ А. И., IV, 38—39.

²⁾ Ibid., IV, 17.

³⁾ Доп., V, 405.

⁴⁾ А. А. Э., II, 163, 257.

⁵⁾ Доп., IV, 276.

шею частью простого достоинства русскаго издѣлія ¹⁾). Купцы, которые вели торговлю съ Сибирью, были изъ Москвы—большою частью знатные гости, посылавшіе въ Сибирь своихъ покручениковъ и прикащиковъ, родомъ изъ Казани и такъ называемыхъ поморскихъ городовъ: Устюга-Великаго, Вятки, Перми, Тотмы и Сольвычегодска; эти агенты, скупая хлѣбъ въ Россіи, отправляли его въ Сибирь водою, потому-то въ этихъ послѣднихъ, такъ называемыхъ поморскихъ городахъ образовался складъ хлѣба, назначеннаго для Сибири. Торгъ былъ больше мѣншой, какъ съ инородцами, такъ и съ русскими поселенцами; первые не знали толку въ монетѣ, а послѣдніе нуждались болѣе въ произведеніяхъ Европейской Россіи, чѣмъ въ деньгахъ; деньги, прибывая въ Сибирь, скоплялись тамъ безъ ходу; такимъ образомъ, когда при Алексѣѣ Михайловичѣ выпущены были мѣдныя деньги, то купцы, ѣздившіе за мѣхами, скупали на нихъ дешевою цѣною мѣха, а сами вымѣнивали у сибиряковъ серебряныя деньги и не привозили въ Сибирь русскихъ товаровъ; отъ этого въ Сибири сдѣлалась страшная дороговизна на всякіе русскіе товары—сукна, холсты, кожи, и правительство приказало у купцовъ, привозящихъ въ Сибирь деньги, отбирать на государя деньги и купленные на нихъ мѣха ²⁾). Простота жизни въ Сибири долго исключала потребности изысканнаго быта, удовлетворяемаго въ Россіи заграничными товарами. Въ 1609 году въ Пермской землѣ во всѣхъ городахъ не оказалось иноземныхъ суконъ, камокъ, тафты; торговые люди не привозили этихъ товаровъ въ Сибирь ³⁾). Впослѣдствіи, однако, во второй половинѣ XVII вѣка, большая развитость жизни привлекала въ Сибирь и иностранные товары, доставляемые изъ Архангельска ⁴⁾).

Торговый путь, какъ равно и служилый, изъ Москвы въ Сибирь былъ водяной, до самаго Соликамска, то-есть Москвою-рѣкою, Окою, Волгою и Камою. Изъ Соликамска везли товары волокомъ до Верхотурья, которое считалось первымъ сибирскимъ городомъ. Тамъ была учреждена таможня: ѣдущіе съ товарами должны были оплачивать ихъ пошлинами и брать проѣзжія грамоты. Кромѣ Верхотурья поставлены были еще двѣ заставы—Собская и Обдорская для сбора пошлинъ; но купцы, чтобъ избѣжать платежа пошлинъ и, главное, придирокъ и задержекъ отъ чиновниковъ, самовольно проложили себѣ другой путь черезъ Кунгуръ и Уфу на Катайскій острогъ. Воеводы посылали стрѣльцовъ для преслѣдованія ихъ. Только въ 1680 году учреждена была въ Катайскомъ острогѣ постоянная таможенная застава ⁵⁾).

Въ Верхотурь служилые люди, ѣхавшіе въ Сибирь на службу, дѣлали закупы разныхъ потребностей въ большомъ количествѣ, не надѣясь ихъ найти въ Сибири, или желая купить дешевле, и это побуждало купцовъ привозить туда значительное количество разныхъ запасовъ. Тутъ же, и еще въ Верхотурскомъ уѣздѣ въ Ляминской волости, производился торгъ съ вогуличами; русскіе вымѣнивали у нихъ мѣха, лосинныя и оленьи кожи, хмель, рыбу, и потому въ послѣднемъ мѣстѣ учреждена была таможня для пошлиннаго сбора. Другое тор-

¹⁾ А. И., IV, 327.

²⁾ Ibid., IV, 327.—Доп., IV, 276.

³⁾ А. А. Э., II, 256.

⁴⁾ Meyerberg, 241.

⁵⁾ А. И., V, 90, 363.

говое мѣсто въ томъ же уѣздѣ была слобода Ирбитъ, гдѣ еще въ первой половинѣ XVII вѣка образовалась ярмарка, существующая и въ наше время. Въ 1649 году туда стекалось множество промышленниковъ и торговцевъ ¹⁾. Къ концу XVII вѣка Ирбитская ярмарка стала главнымъ мѣстомъ закупа хлѣба и вообще всѣхъ товаровъ, идущихъ въ Сибирь. Туда приходили товары бухарскіе и китайскіе и раскупались для вывоза въ Россію. Ярмарка эта происходила въ январѣ, послѣ Богоявленія. По отдаленности мѣста тамъ вкрались злоупотребленія относительно пошлинныхъ сборовъ, такъ что торговля велась часто совсѣмъ безошлинно; постоянной таможи не было. а верхотурскіе воеводы, обязанные посылать туда людей для сбора, не исполняли этого точно. Правительство въ 1687 году обратило на это вниманіе, тѣмъ болѣе, что ирбитскій торгъ тогда почти совершенно подорвалъ торговлю въ Верхотурьѣ; оно приказало постоянно посылать туда цѣловальниковъ для пошлиннаго сбора. Это подтверждено въ 1689 году ²⁾. Въ 1694 году правительство, наблюдая свои выгоды, постановило, чтобъ торговцы въ Ирбитской слободѣ во время ярмарки торговали не иначе, какъ въ государевыхъ амбарахъ и лавкахъ, а не въ собственныхъ, и велѣло всѣ частныя лавки, какія были построены въ слободѣ, описать и запечатать впередъ до государева указа ³⁾.

Изъ Верхотурья путешественники садились на казенные досчаники, складывали свои товары, платили за это въ казну и плыли водою мимо Туринска и Тюмени до Тобольска ⁴⁾. Тобольскъ былъ въ XVII вѣкѣ важнѣйшимъ торговымъ городомъ Сибирскаго края ⁵⁾. Хлѣбъ, назначенный для Сибири, стекался въ этотъ городъ, скупался тамъ и развозился повсюду. Тобольскъ имѣлъ обширный гостинный дворъ. Туда пріѣзжали бухарцы, которымъ дана была привилегія такого рода, что никто, кромѣ нихъ, не могъ торговать бухарскими товарами, но зато они не могли, какъ мы уже замѣтили, покупать дорогихъ мѣховъ, да и самыя мѣха низшаго достоинства позволено было имъ покупать только въ маломъ числѣ и не иначе какъ для собственнаго употребленія. Бухарскіе товары изъ Тобольска развозились русскими купцами по Сибири и на Ирбитскую ярмарку; а между тѣмъ со всей Сибири стекалась въ Тобольскъ мѣховая торговля. Сверхъ того калмыки пригоняли въ Тобольскъ значительныя партіи своихъ лошадей ⁶⁾.

Промышленники и торговцы пускались внутрь Сибири на царскихъ досчаникахъ, устроенныхъ собственно съ цѣлью провоза служилыхъ людей и казенныхъ снарядовъ. Эти досчаники дѣлались обыкновенно въ восемь сажень длиною и снабжались огромнымъ парусомъ. Они плыли мимо Сургута, Нарыма и Кетскаго острога до Маковского острога; тутъ товары укладывались на сухопутныя подводы и везлись до Енисейска ⁷⁾; другіе же разгружались въ городахъ, мимо которыхъ плыли и къ которымъ приставали. Въ Сибири, гдѣ только былъ городъ, тамъ образовывалась и торговля, ибо огромное разстояніе между

¹⁾ А. И., IV, 125.

²⁾ А. И., V, 335.

³⁾ Ibid., V, 421—423.

⁴⁾ Доп., II, 169—170.

⁵⁾ Meyerberg, 241.

⁶⁾ Доп., IV, 335, 360—362.

⁷⁾ Ibid., II, 170.

жилыми мѣстами не позволяло торговлѣ сосредоточиваться въ извѣстныхъ мѣстахъ преимущественно. Такимъ образомъ Туринскъ, Тюмень, Сургутъ, Нарымъ, Кетскъ были посѣщаемы купцами, которые привозили туда русскіе товары и продавали мѣстнымъ торговцамъ. Въ Енисейскѣ въ 1647 году былъ значительный наплывъ торговцевъ, существовали гостинный дворъ и таможенная изба ¹⁾).

Промышленники и купцы плыли изъ Енисейска по Верхней Тунгукѣ и по впадающему въ нее Илимѣ. На рѣкѣ Илимѣ въ ближайшемъ разстояніи отъ рѣки Муки, принадлежащей къ ленскому бассейну, былъ Илимскій острогъ, близъ котораго происходилъ значительный торгъ. Это мѣсто извѣстно было подъ именемъ *Ленскаго волока*: тамъ было зимовье, гостинный дворъ, амбары, таможня, казенные постоянные дворы для прѣзжающихъ торговцевъ и гарнизонъ служилыхъ людей для ихъ охраненія. Сюда прѣзжали туземцы для промѣна мѣховъ на русскія издѣлія и русскіе поселенцы Сибири для покупки припасовъ. Въ числѣ товаровъ былъ лѣсъ для постройки и топлива ²⁾. Плаваніе по Тунгукѣ и Илимѣ отъ Енисейска до Ленскаго волока продолжалось шестьдесятъ одинъ день. Путь считался по рѣкамъ, впадающимъ въ Тунгукѣ и Илимѣ, а этихъ рѣкъ было чрезвычайное множество. Плаваніе замедлялось по причинѣ пороговъ, ибо надобно было выходить на берегъ и проводить черезъ пороги досчаники; при этомъ грузъ выносили и несли на себѣ, а суда взводили черезъ скалы канатами. Сухопутный путь по Ленскому волоку до рѣки Муки продолжался одинъ только день для пѣшехода съ ношею. Но этотъ путь затруднялся горами. Торговцы имѣли примѣтою какой-то колодезь; до этого колодца нанимали вьючныхъ лошадей, плата по гривнѣ съ пуда, а у колодца стояли извозчики съ телѣгами, которыхъ нанимали до Муки, плата лѣтомъ по пяти алтынѣ, а осенью по полтинѣ съ пуда. Такимъ образомъ они достигали рѣки Муки, гдѣ весною ходили суда, а лѣтомъ плоты, и отправлялись по рѣкѣ Муку въ рѣку Куту, куда впадаетъ Мука, а Кутю входили въ Лену; зимою же торговцы нанимали на Ленскомъ волоку извозчиковъ и ѣхали вплоть до Муки по льду въ теченіе двухъ дней. По берегамъ рѣкъ Муки и Куты въ 1651 году были уже русскія поселенія, исключительно занимавшіяся судопромышленностью ³⁾. Въ половинѣ XVII вѣка промышленники плавали по рѣкамъ Чичую, Олекмѣ, Омкѣ и другимъ и промѣнивали тунгузамъ разныя вещи на мѣха ⁴⁾, и потому на Ленѣ рано развился судовой промыселъ, ибо въ 1639 году были суда: досчаники, шитики, каюки, струги, набойни ⁵⁾, разной величины и вмѣстимости. Въ половинѣ XVII вѣка русскіе торговали въ Якутскѣ ⁶⁾; въ Жиганскомъ зимовьѣ и Молодахъ съ 1645 года жили торговые люди и учреждена была таможня съ цѣловальниками ⁷⁾. Съ 1660 года нѣкоторые привозили товары въ Охотскъ временно для промѣна, а другіе оставались тамъ на жительство ⁸⁾. Въ это время тамъ уже

¹⁾ Доп., III, 108.

²⁾ Ibid., II, 154—160.

³⁾ Ibid., II, 239, 245.

⁴⁾ Ibid., II, 162.

⁵⁾ Ibid., II, 157.

⁶⁾ Доп., III, 305—309.

⁷⁾ Ibid., III, 40.

⁸⁾ Ibid., IV, 213.

развивался судовой промыселъ: продавали суда разной величины—шитики, каюки зырянскіе, струги, набойницы и мелкія лодки ¹⁾. Русскіе промышленники и торговые люди были товарищами служилыхъ людей въ ихъ изумительныхъ подвигахъ открытія новыхъ землищъ, и вмѣстѣ съ ними выдерживали героическую борьбу съ ужасною служею, недостатками и дикими народами ²⁾. Эти промышленники составляли партіи, выбирали себѣ *ватага*, строили стругъ или досчаникъ, наполняли его хлѣбными запасами пудовъ до трехсотъ и болѣе, и отправлялись въ невѣдомыя страны. Такъ торговецъ Григорій Вижевцовъ съ пятью своими покручениками по Олекмѣ открылъ путь въ Тунгирь ³⁾. Въ 1635 г. такая партія была истреблена тунгузами на устьѣ Вилюя. Въ 1650 году такая же ватага промышленниковъ достигла устья Лены на восьми кочахъ, соединилась съ партіею служилыхъ людей,—они поплыли по морю до Яны, миновали ея устье, дошли до Святого Носа и до Хромой Губы; 29 августа хотѣли сойти на твердую землю, но, охваченные южнымъ вѣтромъ, унесены на досчаникахъ въ открытое море и носились въ немъ пять дней, пока сѣверный вѣтеръ не принесъ ихъ къ берегу; такимъ образомъ они достигли устья Индигирки, а потомъ устья Колымы ⁴⁾. Въ этомъ путешествіи промышленники составляли какъ бы запасную экспедицію для служилыхъ и снабжали ихъ запасами, однако товарищеское отношеніе не мѣшало имъ брать съ служилыхъ огромныя цѣны на съѣстные припасы. Въ эти негостепріимныя края завлекала ихъ также охота добывать моржовую кость ⁵⁾.

Въ концѣ XVII вѣка Нерчинскъ сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ для возникшей торговли съ Китаемъ. Въ 1697 году постановили, чтобъ всѣ уѣзжающіе въ Китай и пріѣзжающіе изъ Китая непременно являлись въ Нерчинскъ для платежа пошлинъ, а потомъ Нерчинскъ сдѣлался складочнымъ мѣстомъ китайской торговли ⁶⁾, и въ 1699 г. былъ построенъ въ Нерчинскѣ гостинный дворъ ⁷⁾.

Торговля въ Сибири была до крайности стѣснена, во-первыхъ, самимъ правительствомъ, во-вторыхъ, чиновниками. Страсть къ мѣхамъ у правительства была столь велика, что кромѣ ясака и поминочной рухляди (т.-е. той, которую инородцы приносили въ дары воеводамъ, а послѣдніе должны были отдавать въ казну) правительство вымѣнивало мѣха на разные русскіе товары и тѣмъ подрывало операціи купцовъ ⁸⁾. Никакой торговецъ не смѣлъ приступить къ покупкѣ мѣховъ, прежде чѣмъ соберутъ царскій ясакъ; это дѣлали изъ боязни, чтобъ въ руки торговцевъ не попадали отличные мѣха; когда же соберутъ ясакъ, тогда позволялось купцамъ торговать мѣхами, но не иначе какъ на гостинныхъ дворахъ: положительно было запрещено купцамъ ѣздить по юртамъ и покупать мѣха; они могли дѣлать эти покупки на гостинныхъ дворахъ у пріѣзжавшихъ въ

¹⁾ Ibid., IV, 211.

²⁾ Ibid., II, 231.

³⁾ Ibid., III, 102.

⁴⁾ Ibid., III, 280—283.

⁵⁾ Ibid., III, 283, 349.

⁶⁾ А. И., V, 466—468.

⁷⁾ Ibid., V, 519.

⁸⁾ Ibid., IV, 521.

городъ инородцевъ. Естественно, что купецъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ платить дороже ¹⁾. Впослѣдствіи даже постановлено (въ 1674 году), что если въ ясакѣ окажется какая-нибудь недоимка, то отбирать у туземцевъ лучшіе мѣха въ пользу царя; а какъ всегда въ ясачныхъ мѣхахъ могла оказаться недоимка, то и всегда можно было придаться; и здѣсь-то открывались случаи воеводамъ дѣлать разныя прижимки съ цѣлью взять взятку ²⁾. За торговья поѣздки въ юрты отбирали въ казну товары, а за такую поѣздку, совершенную въ другой разъ, наказывали кнутомъ ³⁾. Только въ отдаленныхъ земляхъ Сибири, напримѣръ, въ Якутскѣ, дозволялось торговцамъ покупать мѣха и въ юртахъ, но непремѣнно послѣ сбора царскаго ясака и притомъ съ тѣмъ, чтобъ они возвращались въ Якутскъ и отдавали въ казну десятого звѣря самаго лучшаго ⁴⁾. Несмотря на трудность путешествія, промышленники подвергались разнымъ стѣснительнымъ пошлинамъ и, сверхъ того, исполняли отяготительную повинность—быть выбранными въ цѣловальники къ ясачному сбору и къ разнымъ статьямъ казеннаго интереса. Въ Якутскѣ воеводы и дьяки—въ другихъ мѣстахъ Россіи вообще отстраненные, хотя на бумагѣ, отъ торговаго управленія—могли быть батогами и кнутомъ головъ и цѣловальниковъ ⁵⁾. Всего обременительнѣе для торговцевъ было то, что они находились въ безусловномъ распоряженіи воеводъ, дьяковъ и подъячихъ, которыхъ поступки нигдѣ не были столь произвольны, какъ въ Сибири. Торговцы въ городахъ обложены были взятками въ пользу властей: такъ въ Енисейскѣ приказчики торговцевъ гостиной сотни, отправляемые въ Сибирь для скупа мѣховъ, должны были давать воеводамъ и подъячимъ сорокъ рублей съ тысячи соболей и по четыре рубля съ сотни всякихъ другихъ мѣховъ; въ городѣ Кетскѣ брали съ тысячи тридцать рублей, а съ сотни три рубля. Въ 1646 году эти злоупотребленія вынудили жалобы торговцевъ, и правительство, снисходя къ ихъ жалобамъ, запретило воеводамъ, дьякамъ, подъячимъ и вообще служилымъ людямъ мѣшаться въ торговлю дѣла, исключая тобольскаго воеводу, дававшего тогда купцамъ проѣзжія памяти ⁶⁾, а равно запретило имъ торговать самимъ ⁷⁾. Но это мало помогло. Въ Сибири воеводы перемѣнялись часто, и въ наказѣ каждому изъ нихъ при вступленіи въ должность прописывалось, чтобъ онъ не поступалъ какъ его предшественникъ; но едва проходилъ годъ, какъ возникали жалобы, что новый воевода идетъ по слѣдамъ прежняго. Притѣсненія, дѣлаемые воеводами и подъячими торговцамъ въ Сибири, были такъ велики, что въ 1609 году, избѣгая притѣсненій воеводъ, грабившихъ у купцовъ хлѣбъ, никто не возилъ въ Сибирь хлѣба и отъ того тамъ произошла ужасная дороговизна ⁸⁾. По закону, каждый торговецъ, пріѣзжая въ Сибирь, обязанъ былъ платить годовой оброкъ за право промысловъ и торговли въ Сибири какъ за свою особу, такъ и за всѣхъ своихъ приказчиковъ и покру-

1) Ibid., III, 219—220.

2) Ibid., IV, 525.

3) Ibid., III, 220.

4) Ibid., IV, 446.

5) Доп., III, 308.

6) А. И., IV, 33.

7) Доп., III, 309.

8) А. А. Э., II, 257.

ченниковъ, которые съ нимъ прибывали. Этотъ оброкъ платили въ Верхотурѣ, какъ ближайшемъ къ Россіи сибирскомъ городѣ, и послѣ платежа торговецъ бралъ отпись (квитанцію) въ платежѣ, но на такія отписи другіе воеводы не обращали вниманія и вымогали отъ него чуть не въ каждомъ городѣ такіе же годовые оброки. Сверхъ того воеводы обязаны были давать проѣзжимъ купцамъ сѣно и брали съ нихъ *стѣнное* (въ Верхотурѣ по 6 алт. 4 ден. съ воза), но въ самомъ дѣлѣ никакого сѣна не давали ¹⁾.

Кромѣ изложенныхъ торговыхъ путей, были еще два: на Смоленскъ въ Литву и на югъ къ предѣламъ Малороссіи. Оба эти направленія не могли способствовать цвѣтущему состоянію торговли. Торговля Москвы съ Польшею и Литвою въ XVI и XVII вѣкахъ нарушалась непрерывными войнами и постоянно враждою двухъ правительствъ. Положеніе торгующихъ купцовъ было не безопасно, когда были примѣры, что правительства, возобновивъ между собою едва потухающую вражду, задерживали купцовъ и конфисковали ихъ имущества. Такъ было при Василии Іоанновичѣ въ 1508 году ²⁾. Въ промежутки, когда военныхъ дѣйствій между Литвою и Москвою не было, жители порубежныхъ земель безпрестанно дѣлали другъ на друга разбойничьи наѣзды, грабежи и разоренія. Такое сочетаніе обстоятельствъ, конечно, не благоприятствовало развитію торговли. Купцы, пріѣзжавшіе изъ Польши и Литвы, не пользовались въ Москвѣ ни благосклоннымъ приемомъ правительства, ни расположеніемъ народа, особенно католики и жида, которыхъ не терпѣли москвитяне. Такъ въ 1673 году царь Алексѣй Михайловичъ, узнавши, что въ Москвѣ находятся съ товарами литовскіе купцы изъ Могилева и Шклова, приказалъ ихъ выслать изъ Москвы въ порубежные города, гдѣ единственно и предоставлялось имъ торговать ³⁾. Только въ 1678 г. ⁴⁾ постановлено, что торговцы польскіе подданные могутъ пріѣзжать въ Москву, а русскіе въ столицы Рѣчи-Посполитой: Варшаву, Краковъ и Вильно, но ограничиваясь единственно столицами, непременно съ проѣзжими памятьми и съ платою пошлинъ по уставамъ обоихъ государствъ, равномерно постановили, чтобъ торговое плаваніе по Двинѣ открыто было для русскихъ. На такихъ же условіяхъ утвердилъ торговыя сношенія такъ называемый вѣчный миръ, заключенный послѣ долгой войны въ 1686 году ⁵⁾.

Въ Сѣверской области въ половинѣ XVII вѣка началось нѣкотораго рода торговое движеніе. Средоточіемъ его былъ Путивль. Туда, какъ выше было замѣчено, пріѣзжали съ своими товарами греки и молдаване ⁶⁾. Въ Торговомъ уставѣ 1667 года Путивль означенъ между значительными торговыми городами на ряду со Псковомъ и Новгородомъ, куда русскіе купцы привозили свои товары и гдѣ находили заморскіе ⁷⁾. Въ Брянскомъ уѣздѣ въ концѣ XVII вѣка славилась Свинская ярмарка. О ней упоминается подъ 1681 годомъ. Въ объясненіи гостей и торговыхъ людей, данномъ по поводу указа о выборѣ въ та-

¹⁾ А. И., V, 250.

²⁾ Акты, отн. къ Зап. Росс., II, 46.

³⁾ Полн. Собр. Зак., I, 912.

⁴⁾ Ibid., II, 172.

⁵⁾ Ibid., II, 781.

⁶⁾ Собр. Гос. Гр., IV, 195.—П. С. З., II, 104.

⁷⁾ Собр. Гос. Гр., IV, 195.

моженные чиновники, говорится, что изъ разныхъ торговыхъ городовъ *посадскіе лучшіе люди отъѣзжаютъ къ городу Архангельску и на Макарьевскую, и на Свинскую, и на инья ярмарки для торговыхъ своихъ промысловъ и въ дома свои не пріѣзжаютъ многое время.* Изъ этого видно, что Свинская ярмарка, поставленная въ числѣ первоклассныхъ торжищъ, была значительна и привлекала къ себѣ многихъ торговцевъ ¹⁾. Въ числѣ привозимыхъ съ этой ярмарки въ Москву товаровъ значатся сафьяны и хозы, носившіе тогда название свинскихъ ²⁾. Въ 1683 году въсовыя пошлины, собираемыя на этой ярмаркѣ, пожалованы Кіевопечерскому монастырю въ вознагражденіе потерянныхъ въ Подоліи старинныхъ имѣній ³⁾. Торговля съ Малороссіею не могла быть въ двѣтущемъ состояніи по причинѣ смутнаго состоянія этой страны. Послѣ пораженія поляковъ гетманомъ Хмельницкимъ въ 1648 году великороссійскіе купцы нахлынули въ Малороссію и очень выгодно покупали и вымѣнивали разныя драгоценности, приобретенныя козаками на поляхъ Корсунскихъ и Пилявецкихъ ⁴⁾. Послѣ присоединенія Малороссіи къ Россіи царь Алексѣй Михайловичъ, лаская новыхъ подданныхъ, даровалъ Кіеву жалованную грамоту, по которой кіевскимъ торговымъ людямъ предоставлялась вольная и безошлинная торговля по всей Россіи ⁵⁾. Но эти права не могли имѣть важныхъ результатовъ для торговли.

По мѣрѣ населенія украинскихъ городовъ Великой Россіи и обработки плодородныхъ земель, возникали тамъ торговыя сношенія. Плодородіе почвы Рязанскаго, Тамбовскаго, Воронежскаго края въ половинѣ XVII вѣка начало привлекать туда скупщиковъ хлѣба. Въ Воронежѣ въ 1640 году были оброчныя торговыя лавки и ряды, подобно какъ въ Москвѣ, особые для разныхъ предметовъ, напримѣръ, мясной рядъ, рыбный рядъ ⁶⁾. Въ послѣднихъ годахъ XVII вѣка города Лебедянъ, Елецъ, Козловъ, Воронежъ, Коротоаякъ, Острогожскъ начинали быть рынками мѣстныхъ произведеній, но вообще въ слабой степени, ибо край не былъ еще достаточно населенъ, пути были затруднительны, а чиновники притѣсненіями отгоняли торговцевъ. Въ 1695 году донскіе козаки, пріѣзжавшіе туда по случаю неурожая на Дону покупать хлѣбъ, жаловались, что съ нихъ берутъ страшныя пошлины и *за тяжкими взятками купить хлѣба невозможно* ⁷⁾. Города Вѣлгородъ и Валуйки были пунктами торговыхъ сношеній съ ногайскими татарами, жившими на берегахъ рѣки Донца. Они пріѣзжали туда для покупки хлѣбныхъ и вообще съѣстныхъ запасовъ, но должны были, для предостереженія, останавливаться не иначе, какъ за чертою, и являться въ небольшомъ числѣ ⁸⁾.

Вообще торговые поѣзды въ древней Россіи совершались лѣтомъ преимущественно водою, зимою на саняхъ. Торговцы везли свои товары по широкимъ рѣкамъ на судахъ большого размѣра, а для малыхъ рѣкъ употребляли суда, при-

¹⁾ П. С. З., II, 340.

²⁾ Ibid., II, 322.

³⁾ Ibid., II, 500.

⁴⁾ Пам. Кіевск. Ком., I, 3, 358.

⁵⁾ Акты, отн. къ Зап. Росс., IV, 408.

⁶⁾ Ворон. Акты, I, 59.

⁷⁾ С. Г. Гр., IV, 648—649.

⁸⁾ Ibid., IV, 68.

способленныя къ руслу этихъ рѣкъ, и потому товары при переходѣ изъ малыхъ рѣкъ въ большія и обратно перекладывались въ суда, соразмѣрныя предстоящему водяному пути. Обыкновенно при впаденіи однѣхъ рѣкъ въ другія жили судопромышленники, снабжавшіе торговцевъ судами; у иныхъ же торговцевъ были въ такихъ мѣстахъ собственные дворы и тамъ стояли въ запасъ суда. Такъ, напримѣръ, монастыри, занимавшіеся встарину обширною торговлею, имѣли въ такихъ мѣстахъ свои подворья ¹⁾. Необходимость въ судахъ развила и оразнообразила изстари судовой промыселъ; для всякаго русла были свои суда, и потому въ старыхъ памятникахъ мы встрѣчаемъ множество названій разнаго рода судовъ и лодокъ, которыя отчасти сохранились и теперь, отчасти утратились. Самое большое судно на всѣхъ большихъ рѣкахъ называлось досчаникъ, за нимъ слѣдовали насады, суда полубленныя, набои, суда прикольные, суда поводцовыя, набабъ, байдакъ, барка, шестерикъ, стругъ, матица, оханка, каюкъ, морянка, водовикъ, карбась, коломенка, учанъ ²⁾. Изъ нихъ стругъ сначала означалъ лодку. Казенный стругъ при Михаилѣ Теодоровичѣ помѣщалъ отъ пяти до шести человекъ ³⁾. Впослѣдствіи этимъ названіемъ обозначали вообще средняго размѣра судно. Нѣкоторыя суда назывались по мѣсту и происхожденію своего употребленія: тихвинка, бѣлозерка, ржевка, устюжка. Маленькія лодки при большихъ назывались наузки, завозни и подвозки. Отличительная черта русскихъ судовъ того времени была та, что они строились совершенно безъ желѣза, вмѣсто желѣзныхъ гвоздей употреблялись деревянные и доски были соединены лыками изъ древесной коры. На суднѣ была поставлена мачта, къ ней привязанъ широкій парусъ ⁴⁾. Плаваніе по рѣкамъ, особенно малымъ, сопряжено было съ затрудненіями и опасностями: когда дулъ противный вѣтеръ, приходилось по три дня и по недѣлѣ стоять на мѣстѣ, и оттого происходила *безпромислица*, какъ выражались на промышленномъ языкѣ ⁵⁾. Случалось, что торговецъ, рѣшившись отправиться по рѣчному пути осенью, застигнутъ былъ заморозами и зимовалъ съ своимъ стругомъ на рѣкѣ ⁶⁾. Случались иногда потопленія. Для этого правительство предписывало воеводамъ, въ случаѣ потопленія купеческихъ судовъ, изыскивать мѣры къ отысканію товаровъ и, по нахожденіи, отдавать ихъ хозяевамъ, съ платою въ государеву казну десятого процента, что называлось десятая выть ⁷⁾. Кромѣ борьбы съ природою, которую побѣждать русскіе умѣли болѣе желѣзнымъ терпѣніемъ, чѣмъ искусствомъ, торговцы терпѣли часто отъ мытчиковъ, которые собирали съ плывущихъ судовъ пошлины, извѣстныя подъ названіемъ мытъ. Эти мытчики брали отъ казны ея доходъ на откупъ и позволяли себѣ всяческой произволь. Плаватели, кромѣ опредѣленнаго мыта, не отдѣлывались отъ нихъ безъ того, чтобъ не заплатить еще взятку, а иначе продержатъ ихъ мытчики самовольно недѣли двѣ или три ⁸⁾.

¹⁾ А. И., IV, 550.

²⁾ А. А. Э., I, 296, 401.—С. Г. Гр., I, 173.—П. С. З., II, :23.

³⁾ Врем., VIII. Ст. Слѣс. пос. Милославскаго, 2.

⁴⁾ Petrei Chronic., 312.

⁵⁾ Врем., VII. Матер. для Истор. Иконоп., 105.

⁶⁾ А. И., IV, 375.

⁷⁾ Врем., III. Разр. Кн., 78.

⁸⁾ А. И., II, 85. А. И., III, 112.

Такъ какъ встарину въ Россіи каналовъ не существовало, то въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было изъ одной рѣки въ другую близкую достигнуть водянымъ путемъ, плаватели выгружались изъ судовъ и перевозили товары волокомъ до другой рѣки. На волокахъ находились извозчики, которые подражались везти товары въ телѣгахъ и *посмычняхъ двойныхъ или одинакихъ*, судя по клажѣ ¹⁾, иногда же товары возили на *вьюкахъ*, то-есть, вьючныхъ лошадахъ ²⁾. Пока совершался подрядъ съ извозчиками, товары складывались въ устроенныя мѣста, называемыя *пристанища*. Въ XVII вѣкѣ при выкладкѣ товаровъ изъ рѣки на волокъ торговцы обязаны были платить хозяевамъ земель, гдѣ были пристанища, не съ вѣса, но съ клади или съ судна. Въ Казани платили на пристанищѣ съ соляной клади по рублю, съ рыбной по полполтинѣ ³⁾.

Правительство не заботилось объ улучшеніи лѣтнихъ дорогъ и потому то же, что писали о русскихъ лѣтнихъ дорогахъ путешественники XVI вѣка, повторялось и въ концѣ XVII вѣка. Мосты были рѣдки, а тѣ, которые существовали, по выраженію иностранцевъ въ XVI вѣкѣ, не держались, а плавали ⁴⁾. Обыкновенно употреблялись вмѣсто мостовъ перевозки на судахъ и плотахъ, которые содержались отъ правительства съ платою въ казну. По Торговому уставу 1653 года постановлено на большихъ рѣкахъ брать за перевозки весною и осенью: съ товарной телѣги десять денегъ, но съ торговыхъ людей того же уѣзда, гдѣ находился перевозъ, только шесть денегъ, съ проѣзжей телѣги четыре деньги, съ верхового три деньги, съ пѣшаго двѣ деньги, а въ межень лѣтомъ съ товарной телѣги шесть денегъ, съ торговцевъ того же уѣзда три деньги, съ верхового двѣ деньги, съ пѣшаго одну деньгу; на малыхъ рѣкахъ во всякое время съ торговой телѣги двѣ деньги, съ проѣзжей и верхового одну деньгу, а съ пѣшаго полденьги ⁵⁾. Въ большихъ городахъ для перевозовъ воеводы назначали команды. Такъ въ Астрахани перевозъ былъ подъ завѣдованіемъ назначеннаго сына боярскаго съ двумя цѣловальниками и десятью стрѣльцами, которые обязаны были перевозить всякаго, кто имѣетъ проѣзжія грамоты ⁶⁾. Тамъ, гдѣ были мосты, собиралась мостовщина. Въ частныхъ имѣніяхъ владѣльцы устанавливали перевозки и собирали за нихъ деньги, а равно и мостовщину, но это не всегда позволялось. Вообще правительство хотѣло оградить путешественниковъ отъ притѣсненій частныхъ владѣльцевъ. По Уложенію ⁷⁾ запрещено замышлять владѣльцамъ всякаго рода сборы въ имѣніяхъ, кромѣ тѣхъ, которые съ давнихъ лѣтъ утверждены жалованными грамотами, и притомъ владѣльцы обязаны были починивать мосты и дороги въ своихъ владѣніяхъ. Запрещалось, между прочимъ, строить мельницы и класть гати на рѣкахъ, гдѣ былъ струговой ходъ ⁸⁾.

1) П. С. З., I, 331.—Доп., I, 77.

2) А. А. Э., I, 296.

3) Ibid., I, 390.

4) Herberst., 81.

5) С. Г. Гр., III, 492.

6) А. И., III, 203.

7) Гл. IX.

8) Оп. Шуи, 370.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Зимнія дороги Россіи славились своими удобствами ¹⁾. Но мы думаемъ, что это удобство удвоивалось въ глазахъ современника отъ сравненія съ крайнимъ неудобствомъ лѣтнихъ путей: и въ настоящее время зимнія дороги у насъ не совсѣмъ удобны по причинѣ ухабовъ. Зима собирала со всѣхъ сторонъ извозчиковъ къ подрядамъ ²⁾. Извозчики эти были крестьяне, преимущественно дворцовые и монастырскіе. Они навимались по записямъ въ *двозъ*, то-есть, обязывались доставлять товары по назначенію ³⁾. Иные возили свои товары на ямахъ ⁴⁾, но подъ этимъ именемъ, вѣроятно, надобно разумѣть частные ямы, то-есть то, что теперь называется сдаточные. Ямщики везли въ одну упряжку по пятидесяти тогдашнихъ (семисотсаженныхъ) веретъ ⁵⁾ въ одну лошадь.

Торговыми пунктами были посады; это слово означало встарину то, что теперь городъ. Слово же городъ означало каменное, земляное или деревянное укрѣпленіе, гдѣ жили воеводы и служилые и приказные люди, и гдѣ находились административныя и казенныя зданія. Торговыя заведенія хотя и были иногда въ тогдашнихъ городахъ, но гораздо чаще въ посадахъ. Торговыми заведеніями въ посадахъ были: гостинные двory, ряды и двory посадскихъ, гдѣ часто были ихъ собственные лавки и амбары ⁶⁾.

Гостинные двory были назначены для пріѣзжихъ купцовъ и уѣздныхъ (сельскихъ) людей съ товарами ⁷⁾. Торгъ въ нихъ производился оптомъ. Во всякомъ посадѣ, гдѣ былъ торгъ, долженъ былъ находиться и гостинный дворъ ⁸⁾. Открывая торгъ, правительство учреждало таможенію и изъ таможенныхъ доходовъ строило гостинныя избы для пріѣзжихъ торговцевъ и брало съ нихъ плату: *избное и полавочное* ⁹⁾. Величина гостинныхъ дворовъ была различна, смотря по важности города въ торговлѣ, но вообще гостинные двory имѣли общія черты: это были обширные двory, обнесенные заборами, съ кровлями и съ воротами подъ навѣсомъ, съ висячими замками; на дворѣ ставилась важня, то-есть вѣсы съ принадлежностями; по срединѣ двора устраивалась таможенная изба и стоялыя избы для пріѣзжихъ торговцевъ, которыя дѣлались различной величины, напримѣръ, въ три или четыре сажени шириною и длиною, и строились на омшеникахъ или погребяхъ, также, вѣроятно, для храненія товаровъ; при избахъ были сѣни, а въ сѣняхъ чуланы. Для лошадей устраивались конскіе сараи. Соб-

1) Carlisle, 373. Jenkins. Hakl., 351.

2) Das Gr. Reich v. Mosc., 179.

3) С. Г. Гр., IV, 203.

4) Das Gr. Reich v. Mosc.

5) Сказ. о Самозв., III. Примѣч. 182.

6) А. И., IV, 546.

7) А. А. Э., I, 399.

8) А. И., II, 58.

9) Доп., II, 160.

ственно гостинный домъ, помѣщеніе товаровъ, было длинное зданіе, въ родѣ внутренней галлерей, часто двухъэтажной, съ отдѣленіями, которыя назывались амбары и лавки. Въ новгородскихъ гостинныхъ дворахъ было три разряда такихъ отдѣленій: 1) амбары—общія отдѣленія, которыя находились въ завѣдованіи дворниковъ гостинаго двора: тамъ могли помѣщаться нѣсколько купцовъ съ своими товарами; 2) затворныя лавки: тамъ помѣщалось два или три купца по взаимному соглашенію между собою,—эти отдѣленія отличались отъ амбаровъ тѣмъ, что запирались; 3) отдѣльныя лавки, гдѣ помѣщался исключительно одинъ торговецъ съ своимъ товаромъ. Товары, помѣщенные въ амбарахъ, хранились въ коробахъ, которые прикрѣплялись къ шестамъ; по величинѣ своей коробки раздѣлялись на большіе, средніе и малые, и носили названіе по товарамъ, которые въ нихъ заключались; такимъ образомъ были коробки: мѣховые, шелковые, румяненные, шапочные, красильные, женскіе (то-есть, съ товарами, относящимися къ женскому убранству), суконные, и т. п. Кромѣ коробовъ, товары складывались на *носильцы*. Нѣкоторые же товары обходились безъ коробовъ и прямо вѣшались на шести или спицы. Такимъ образомъ были, напримѣръ, сапожные шести и сѣдельныя спицы. Громоздкіе товары, какъ-то: соль, рыба, хлѣбное зерно, шерсть, складывались въ особыхъ пристроенныхъ амбарахъ, если ихъ хозяева не нанимали затворныхъ лавокъ. Дворники гостинаго двора завѣдовали порядкомъ, собирали плату за помѣщенія и отвѣчали за цѣлость товаровъ въ амбарахъ; но въ отдѣльныхъ и затворныхъ лавкахъ купцы сами хранили свои товары и получали отъ дворниковъ замки.

Дворники собирали съ пріѣзжихъ торговцевъ за избу избное, за амбары амбарное, или амбарщину, за лавки полавочное. Въ Новгородѣ въ XVI вѣкѣ амбарщину собирали съ коробовъ, отъ семи денегъ до двухъ алтынѣ за коробъ, смотря по величинѣ короба и по цѣнности товаровъ, а за громоздкіе товары по уговору, за лавку по десяти денегъ. За лавки затворныя и отдѣльныя брали отъ алтына до четырехъ съ половиною алтынѣ, смотря по цѣнности и объему товаровъ. Купцы, державшіе свои товары въ амбарахъ, могли на ночь складывать ихъ въ затворной лавкѣ съ особою платою. Такіе поборы въ разныхъ городахъ были различны: напримѣръ, въ Бѣлозерскомъ гостинномъ дворѣ въ XVI вѣкѣ брали амбарщины по четыре деньги на недѣлю ¹⁾).

Очень часто гостинные дворы, какъ и таможны, были на откупахъ у торговыхъ людей, а иногда откупщики брали на откупъ какую-нибудь одну вѣтвь доходовъ, напримѣръ, поворотную пошлину ²⁾).

Лавки раздѣлялись на настоящія или *полныя лавки* и *полулавки*. Лавкою считалось такое помѣщеніе, которое простиралось мѣрою до двухъ сажень, а полулавка была вдвое меньше. Впрочемъ, были лавки и болѣе и меньшей величины. Въ такомъ случаѣ полавочное собиралось по расчету, по мѣрѣ уклоненія отъ нормальной двухсаженной лавки. За полулавку платилась половина ³⁾).

Никто изъ пріѣзжихъ торговцевъ, не владѣвшихъ въ посадѣ собственными дворами, не имѣлъ права становиться съ товарами и торговать въ посадѣ гдѣ бы то ни было, исключая гостинаго двора. Несоблюденіе этого правила наказыв-

¹⁾ А. А. Э., I, 225.—Доп., V, 433.—Старин. А. гор. Шуи, 206.

²⁾ С. Г. Гр., II, 89—90.

³⁾ Доп., I, 165.

валось штрафомъ ¹⁾. Впрочемъ, тѣмъ, которые привозили свои товары на судахъ и на саняхъ или на возахъ, позволялось продавать ихъ оптомъ, не выкладывая изъ саней и не выгружая изъ судовъ, но притомъ платя дворникамъ гостиннаго двора пошлину подъ названіемъ *поворотной*, которая взимаема была вообще съ отъѣзжающихъ изъ города за товарами ²⁾. Это дозволеніе торговать не раскладываясь подчинялось различнымъ правиламъ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ, напримѣръ, въ Каргополѣ позволялось торговать съ саней и съ возовъ и въ розницу, но съ тѣмъ, чтобъ цѣнность продаваемаго не превышала двухъ рублей, и всякій торговецъ, если не хотѣлъ торговать въ самомъ городѣ, могъ складывать свой товаръ въ частныхъ домахъ, только заплативъ за то дворникамъ гостиннаго двора *теплое* ³⁾. По указу 1681 года ⁴⁾ дозволялось закупать оптомъ хлѣбъ у пріѣзжихъ съ саней и съ возовъ; сверхъ того, многіе оптовые торговцы, не принадлежавшіе къ посаду, а также и монастыри, имѣли на посадахъ свои дворы и пользовались особыми правами складывать въ нихъ свои товары и торговать ими. Впрочемъ, несмотря на свои права, они нерѣдко подвергались притѣсненіямъ отъ воеводъ, которые, желая придратъся, чтобы сорвать что-нибудь, принуждали ихъ раскладываться непременно на гостинныхъ дворахъ ⁵⁾. Нерѣдко пріѣзжіе по необходимости должны были нарушать правила и не везти своихъ товаровъ на гостиные дворы, потому что эти дворы находились въ неисправномъ состояніи ⁶⁾.

Главная мѣстная торговля производилась въ рядахъ. Въ обзорѣнн Москвы и другихъ важнѣйшихъ торговыхъ городовъ показаны были главнѣйшія черты этихъ торговыхъ заведеній. Почти вездѣ наблюдалось то же разграниченіе предметовъ торговли и каждый изъ нихъ имѣлъ свой рядъ въ посадѣ. Но до 1667 г., то-есть до Новоторговаго устава, это не наблюдалось строго, ибо каждый торговецъ имѣлъ право свободно торговать у себя на дворѣ и строилъ лавку или амбаръ. Торговья помѣщенія, какъ въ рядахъ, такъ и дворахъ ⁷⁾, были: амбары, погреба, лавки, прилавки, полки, шалаши, веки, столы, скамьи, рундуки. Прилавокъ былъ не то, что полулавка въ гостинномъ дворѣ: такъ, напри- мѣръ, въ Переяславлѣ-Рязанскомъ въ XVII вѣкѣ брали за лавку оброкъ одиннадцать алтынъ двѣ деньги, а за прилавокъ только десять денегъ. Стулья и скамьи стояли для мелкихъ торговцевъ между лавками и прилавками; на скамьяхъ, между прочимъ, продавали мясо. Въ шалашахъ продавались разные мелкіе, большею частью изготовленные съѣстные припасы, напримѣръ, пироги, печенка, вареное мясо и проч., для удовлетворенія голода простолюдиновъ, собирающихся на торгахъ. Всѣ эти мелкія торговья помѣщенія были на торгахъ или базарахъ ⁸⁾. Со всѣхъ нихъ, какъ и съ лавокъ, собирался оброкъ посредствомъ цѣловальниковъ, которые вели счетъ полученнымъ деньгамъ и записывали приходъ

¹⁾ А. А. Э., I, 399.

²⁾ С. Г. Грам., II, 90.—А. гор. Шул., 206.

³⁾ С. Г. Гр., II, 139.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., II, 327—328.

⁵⁾ А. И., IV, 546.

⁶⁾ А. г. Шул., 91—92.

⁷⁾ Доп., V, 434.

⁸⁾ Врем., XI. О позем. влад. въ Моск. Госуд., 35.—Доп., II, 85.

въ оброчныя книги. Но иногда, вмѣсто выборныхъ цѣловальниковъ, этотъ оброкъ собирали служилые люди, напримѣръ, стрѣлечкіе головы, а цѣловальники были при томъ только свидѣтелями; такъ дѣлалось въ Астрахани въ XVII вѣкѣ. Этотъ оброкъ составлялъ казенный интересъ и относился въ сѣвскую избу. Такъ какъ всякій самъ, имѣя на посадѣ дворъ и принадлежа къ сословію торговцевъ, могъ держать лавки и амбары въ своемъ дворѣ, то долженъ былъ платить пошлины таможенникамъ, когда отвозилъ къ себѣ купленный на торгу товаръ, но дворники гостинаго двора не имѣли права брать съ него что бы то ни было ¹⁾. Кромѣ того, многіе въ XVI вѣкѣ продавали свои товары, нося по городу и по дворамъ. Торговый уставъ 1667 года, стараясь вообще подвести торговлю подъ опредѣленные и точныя правила, запретилъ торговать мимо *извычайныхъ* рядовъ и лавокъ: *и тѣмъ бы ряды не оскужали и лавочные люди въ убожествѣ не были бѣ* ²⁾. Однако, это строго не соблюдалось, ибо при Феодорѣ Алексѣевичѣ въ 1676 году правительство подтверждало, чтобъ мелкіе торговцы не торговали въ шалашахъ и на скамьяхъ, рундукахъ и векахъ, на Красной площади въ Москвѣ, и вообще, чтобъ не было нигдѣ торговли, кромѣ рядовъ ³⁾. Въ 1681 году опять подтверждалось ⁴⁾, *чтобъ всякихъ чиновъ люди не въ указныхъ мѣстѣхъ не торговали и отъ того его великаго государя казны напрасной истери и недоборовъ не было*.

Кромѣ гостинныхъ дворовъ, частныхъ дворовъ, подворьевъ и лавокъ, внутренняя торговля происходила на ярмаркахъ и рынкахъ, которые носили старинное названіе торговъ и торжковъ. Большое разстояніе между торговыми городами и неудобство частаго сообщенія условливали необходимость размноженія годовыхъ торжищъ, куда бы могли сѣзжаться торговцы въ опредѣленное время. Эти торжища открывались съ разрѣшенія правительства, и власть, наблюдая свои доходы, ограничивала слишкомъ большое размноженіе торговъ, стараясь соединить торжища въ нѣкоторыхъ городахъ и важнѣйшихъ селахъ. Такъ, напримѣръ, въ 1539 году въ Новоторжскомъ уѣздѣ запрещена торговля въ селеніяхъ, исключая посада Новаго Торга и села Мѣдни ⁵⁾. Также точно для поддержки Весеюгонской ярмарки запрещено торговать во всемъ околоткѣ около Весеюгонска ⁶⁾. Торги были годовые, каждонедѣльные и каждодневные. Достойно замѣчанія, что большею частью торги открывались въ монастырскихъ имѣніяхъ, отчасти потому, что жители церковнаго вѣдомства были зажиточнѣе и не такъ стѣснены, какъ жители другихъ вѣдомствъ, а во-вторыхъ, потому, что монастыри нерѣдко испрашивали ярмарочные доходы въ свою пользу на церковное строеніе, свѣчи и ладанъ, и для собственной пользы старались привлекать къ себѣ торговцевъ. Вообще съ лицами духовнаго званія было удобнѣе и легче имѣть дѣло. Такъ лучшія русскія ярмарки, и въ томъ числѣ Макарьевская, возникли въ монастырскихъ имѣніяхъ и подъ монастырскимъ наблюденіемъ и управленіемъ. Вообще торжища въ древней Россіи происходили по поводу пре-

¹⁾ С. Г. Гр., II, 90.—А. А. Э., I, 399—400.

²⁾ С. Г. Гр., IV, 204.

³⁾ Полн. Собр. Зак., II, 76.

⁴⁾ С. Г. Гр., IV, 385.

⁵⁾ А. А. Э., I, 165.

⁶⁾ Ibid., 296.

стольныхъ праздниковъ и, слѣдовательно, соединялись съ религіознымъ значеніемъ. Чѣмъ святѣ мѣсто, тѣмъ болѣе прїѣзжало туда людей и для благочестія, и для мірскихъ выгодъ, а равно и для мірскаго веселія, потому что съ открытіемъ торжища являлись и кабаки. Подобная ярмарка, хотя и не столь важная, какъ другія, встрѣчается въ день Рождества Христова въ имѣніи Евфиміевскаго монастыря, селѣ Ковровѣ (нынѣшнемъ городѣ Владимірской губерніи). Въ 1641 г. она была отдана отъ казны на откупъ, а потомъ передана въ распоряженіе монастыря ¹⁾. Въ вотчинѣ Николаевскаго монастыря, въ уѣздѣ Бѣжецко-Верхскомъ ²⁾, былъ торжокъ, отданный монастырю; въ городѣ Торжкѣ на посадѣ торгъ былъ въ распоряженіи Борисоглѣбскаго монастыря ³⁾.

При открытіи každонедѣльнаго торга или рынка правительство брало во вниманіе челобитную жителей и положеніе мѣста, особенно степень его отдаленности отъ другого торга ⁴⁾. Иногда разстояніе пятнадцати верстъ отъ рынка признавалось достаточнымъ для заведенія новаго ⁵⁾. Для торга назначался какой-нибудь недѣльный день. Такъ, напримѣръ, въ селѣ Грязлевицахъ Вологодскаго уѣзда, принадлежавшемъ Корниліеву монастырю, былъ торгъ по понедѣльникамъ ⁶⁾. Въ селѣ Борисоглѣбскомъ, принадлежавшемъ Троицкому монастырю, былъ торгъ по пятницамъ ⁷⁾. Въ одной изъ вотчинъ Ярославскаго Спасскаго монастыря былъ торгъ по субботамъ ⁸⁾. Въ большихъ городахъ были каждодневные рынки ⁹⁾. Въ небольшихъ селахъ отправлялись торжки, гдѣ продавались съѣстные припасы и потребности крестьянскаго быта, обыкновенно по воскресеньямъ: эта торговля подчинялась однимъ общимъ правиламъ о сборѣ пошлинъ. Въ концѣ XVII вѣка, именно въ 1682 году, правительство воспретило торговать по воскресеньямъ и установило: когда случится время торга въ воскресенье, отлагать его на другой день ¹⁰⁾. Случалось, что цари уступали доходы съ торговъ и частнымъ лицамъ, какъ, напримѣръ, при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ торги въ селахъ Чарондѣ и Коротковѣ уступлены боярину Димитрію Годуну ¹¹⁾. Монастырскія начальства и частныя лица, получавшія права сбора торговыхъ доходовъ, нерѣдко отдавали ихъ на откупъ своимъ крестьянамъ, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ волостяхъ Троицко-Сергіева монастыря ¹²⁾. Гостинный дворъ, важня, ряды и вся операція вѣса и сбора была въ распоряженіи владѣльцевъ торга, такъ что не допускались даже работники или извозчики не изъ крестьянъ того вѣдомства, которому принадлежитъ торгъ. Такъ въ XVII вѣкѣ въ Торжкѣ, гдѣ торгъ на посадѣ, какъ выше сказано, былъ отданъ Борисоглѣб-

¹⁾ А. А. Э., III, 445.

²⁾ Ibid., 443.

³⁾ А. А. Э., II, 275.

⁴⁾ А. А. Э., I, 443.

⁵⁾ Ibid., 452.

⁶⁾ П. С. З., II, 88.

⁷⁾ А. А. Э., II, 64.

⁸⁾ А. А. Э., I, 414.

⁹⁾ Ibid., 431.

¹⁰⁾ Полн. Собр. Зак., II, 485.

¹¹⁾ А. А. Э., I, 431.

¹²⁾ А. А. Э., II, 64.

скому монастырю, не позволялось подражаться въ извозъ и быть у вѣсовъ никому, кромѣ крестьянъ этого монастыря ¹⁾). Тамъ, гдѣ надзоръ за торгами и торговые сборы были въ распоряженіи казны, назначались или выбирались таможенные чиновники и получали уставную грамоту, которая опредѣляла какъ сборъ пошлинъ, такъ равно и порядокъ торгова ²⁾). Но часто казенные доходы съ торгова отдавались на откупъ ³⁾).

По свидѣтельству иностранцевъ, русскіе отъ большихъ до малыхъ чрезвычайно любили торговлю ⁴⁾). Европейцы, бывавшіе въ Россіи послами, удивлялись, что въ Россіи всѣ важныя лица безъ изъятія и сами посланники, отправляемые къ иностраннымъ дворамъ, занимаются торговлею. Русскіе сановники, говоритъ Мейербергъ ⁵⁾), продаютъ, покупаютъ и мѣняютъ, не замѣчая, что унижаютъ этимъ свое достоинство. Но многое, что было для европейцевъ униженіемъ, не имѣло тогда того же значенія для русскихъ. Такимъ образомъ, и русскіе монастыри не только не считали предосудительнымъ участвовать въ торговыхъ оборотахъ, но значительная часть внутренней торговли Россіи въ XVI вѣкѣ была въ ихъ рукахъ, какъ это доказываютъ ярмарки. Многіе изъ монастырей пользовались правами беспошлинной торговли до извѣстной степени. Въ особенности торговля солью находилась въ распоряженіи монастырей. Троицкій монастырь въ XVI вѣкѣ получилъ отъ Іоанна IV привилегію торговать беспошлинно солью и разными товарами ⁶⁾). При Михаилѣ Феодоровичѣ этотъ монастырь ежегодно посылалъ за солью въ Астрахань. Судно имѣло право, сверхъ беспошлинной порціи, брать неопредѣленное количество соли для торговли, но съ платою пошлинъ ⁷⁾). Соловецкій монастырь, владѣвшій соляными промыслами, имѣлъ право продавать беспошлинно до 130.000 пудовъ соли ⁸⁾). Свяжскій-Богородицкій монастырь могъ ежегодно нагружать 20.000 пудовъ соли въ Астрахани на собственное судно и продавать ее или мѣнять на товары, нужные для монастырскаго обихода. При Михаилѣ Феодоровичѣ количество это увеличено на 30.000; соль эта продавалась или промѣнивалась въ Казани, Нижнемъ, Москвѣ, и взаменъ монастырь получалъ за нее хлѣбъ, масло, медъ, сукна, мѣха, овчины, лошадей, скотъ беспошлинно ⁹⁾). Такія же привилегіи на извѣстныхъ количествахъ имѣли монастыри: Кирилловскій, Архангельскій, Каргопольскій, Симоновъ, Спасо-Прилудскій ¹⁰⁾). Многіе имѣли право вести беспошлинную оптовую торговлю извѣстнымъ количествомъ хлѣба, рыбы, масла, скота и покупать фабричныя произведенія на монастырскій обиходъ ¹¹⁾); если же покупали на продажу въ количествѣ, превышавшемъ дозволенное для беспошлинной торговли, то платили обычныя по-

¹⁾ Ibid., 275.

²⁾ А. А. Э., I, 452.

³⁾ Ibid., 414, 452. — Доп., V, 382.

⁴⁾ Кильбург., 11.

⁵⁾ Meyerberg, 165.

⁶⁾ А. А. Э., I, 381.

⁷⁾ А. И., III, 272.

⁸⁾ А. А. Э., III, 426.

⁹⁾ А. А. Э., III, 119.

¹⁰⁾ А. А. Э., III, 427. — А. И., I, 462; III, 76, 185, 375; IV, 57.

¹¹⁾ А. А. Э., III, 120.

шины ¹⁾). Но иногда количество груза для беспошлинной торговли не ограничивалось, напримеръ, для Иверскаго монастыря на Валдаѣ-озерѣ при Алексѣѣ Михайловичѣ ²⁾). Монастырскою торговлею занимались старцы, которымъ поручаемо было это занятіе, купчины, то-есть комиссіонеры, и монастырскіе слуги ³⁾). Во многихъ городахъ и въ разныхъ пунктахъ торговой дѣятельности, напримеръ, на волокахъ, монастыри имѣли свои подворья, которыя въ торговомъ отношеніи пользовались разными льготами, напримеръ, свободою отъ сбора повинностей, лежавшихъ вообще на дворахъ ⁴⁾). Подобныя подворья бывали иногда очень обширны, какъ, напримеръ, монастырскій дворъ въ Вологдѣ имѣлъ шестьдесятъ сажень въ длину и восемь поперекъ, и эта обширность свидѣтельствовала о большомъ размѣрѣ торговли. Монахи XVI и XVII вѣковъ занимались повсюду торговлею хлѣбомъ, скотомъ и другими произведеніями монастырскихъ имѣній ⁵⁾). Въ нѣкоторыхъ монастыряхъ занимались разными ремеслами и продавали свои произведенія, какъ, напримеръ, въ Оеранонтовскомъ монастырѣ близъ Каргополя корельчатяя ложки съ костями, бывшія въ употребленіи на Руси ⁶⁾). Съ 1667 г., когда сдѣланы большія преобразованія въ торговлѣ, запрещено было монахамъ и монахинямъ торговать, кромѣ произведеній своего рукодѣлья, и то съ разрѣшенія игумена и игуменьи ⁷⁾). Но это не относилось къ праву торговли произведеніями монастырскихъ имѣній. При Алексѣѣ Михайловичѣ правительство уклонялось отъ дарованія правъ беспошлинной торговли монастырямъ, какъ это видно изъ отвѣта Тихвинскому монастырю, просившему о беспошлинной покупкѣ желѣза въ Швеции: правительство дозволило покупать желѣзо, но съ платежемъ пошлины по Торговому уставу ⁸⁾). Феодоръ Алексѣевичъ въ 1677 году уничтожилъ тарханныя грамоты, даваемыя монастырямъ на беспошлинную торговлю, но между тѣмъ все еще были незначительныя исключенія, напримеръ, Вязицкому Николаевскому монастырю въ 1679 году дано право на беспошлинную покупку для монастыря на 420 рублей, а продать онъ могъ только на 100 рублей ⁹⁾).

Собственно торговые люди, то-есть исключительно торговое сословіе, были: гости, сотни—гостинная, суконная и черныя въ Москвѣ и посадскіе люди въ городахъ. Сословіе гостей, очень древнее, пользовалось еще въ X вѣкѣ важными правами, какъ это видно изъ Игорева Договора ¹⁰⁾). Въ XV вѣкѣ гости и гостинная сотня составляли одно сословіе, какъ видно изъ акта подъ 1433 годомъ, гдѣ между первоклассными торговыми людьми поставлены *гости* и *суконники* ¹¹⁾). Впослѣдствіи почетнѣйшіе—лучшіе, по старинному выраженію—люди гостинной

¹⁾ Полн. Собр. Зак., II, 212.

²⁾ Полн. Собр. Зак., I, 337.

³⁾ А. А. Э., I, 405.

⁴⁾ Ibid., 429.

⁵⁾ Коллинсъ, 9.

⁶⁾ Врем., XIII, Расх. Кн. Ник., 55.

⁷⁾ П. С. З., I, 699—701.

⁸⁾ Доп., V, 409.

⁹⁾ А. И., V, 29.—П. С. З., II, 212.

¹⁰⁾ П. С. Русск. Лѣт., I, 29—33.

¹¹⁾ С. Г. Гр., I, 104.

сотни получали жалованныя грамоты, которыя давались не сословію, но лицу¹⁾. Они образовали уже какъ бы нѣсколько отличное отъ другихъ членовъ гостинной сотни сословіе. Въ ихъ жалованныхъ грамотахъ дозволялось имъ ѣздить въ пограничныя государства, находящіяся въ мирныхъ отношеніяхъ съ Россією, и торговать разными товарами, исключая заповѣдныхъ; гость и его дѣти, братья, племянники, жившіе съ нимъ не въ раздѣлѣ, освобождались отъ суда и расправы воеводъ и дьяковъ и судились въ опредѣленномъ Приказѣ,—при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Приказѣ Большой Казны,—имѣли право не цѣловать креста сами, если это имъ нужно было по судебному дѣлу, но посылали вмѣсто себя своихъ людей; могли держать для дома *безъявочно* и *безвыимочно* всякое питье, освобождались отъ всякихъ поборовъ во время пути на рѣкамъ и дорогамъ, отъ мыть, перевозовъ, головщины и тому подобнаго,—отъ лежащихъ на торговыхъ посадскихъ людяхъ обязанностей мостить мосты, давать суда и запасы, ставить подводы на ямахъ для казенной надобности, отъ выбора въ службу въ гостинной сотнѣ; имѣли право топить бани и держать во всякое время въ домѣ огонь; могли покупать вотчины; двory ихъ освобождались отъ тягла, дачи подмоги на земскій дворъ, отъ постоевъ и всякихъ тяглыхъ повинностей²⁾. Торговые люди гостинной сотни пользовались въ царствованіе Грознаго, Θεодора, Бориса и Шуйскаго почти такими же правами. Михайль Θεодоровичъ подтвердилъ эти права въ награду за терпѣніе и вѣрность, оказанную въ Смутное время³⁾. Но права торговцевъ гостинной сотни отличались отъ правъ гостей тѣмъ, что послѣдніе могли свободно ѣздить за границу и покупать вотчины, а на гостино-сотенныхъ торговыхъ людей эти права не простирались⁴⁾; сверхъ того, члены гостинной сотни по обязанности и по очереди были избираемы въ должности, а гости освобождались отъ выбора товарищами, но назначались по особому царскому распоряженію⁵⁾. Впрочемъ, что касается до покупки вотчинъ, то въ 1666 году и гостямъ запрещено покупать вотчины безъ особыхъ подписныхъ челобитныхъ, то-есть безъ особаго разрѣшенія, послѣдовавшаго на ихъ челобитную⁶⁾. То же подтверждено и въ 1679 году⁷⁾.

Имѣли ли подобныя права, и если имѣли, то въ какой степени, члены суконной сотни, объ этомъ нѣтъ ясныхъ свѣдѣній, кромѣ того, что и они, какъ члены гостинной сотни, могли держать питье безвыимочно и безъявочно⁸⁾. Какъ торговцы гостинной, такъ и суконной сотни могли покупать на свой обиходъ безплатно съѣстныхъ припасовъ на 60 рублей, *по человѣку смотря*⁹⁾.

Нравственное различіе между этими отдѣлами высшаго русскаго купечества—гостями, торговцами гостинной и суконной сотни, состояло въ чести, которою отличалось каждое сословіе по выбору своихъ членовъ въ болѣе или ме-

¹⁾ Коших., 28—29.—Доп., IV, 149.

²⁾ Доп., IV, 149—150.—П. С. З., II, 221—224.—А. И., V, 68.

³⁾ А. И., V, 67.—Доп., III, 150.

⁴⁾ Коших., 111.

⁵⁾ А. И., V, 68.

⁶⁾ П. С. З., I, 640.

⁷⁾ П. С. З., II, 210.

⁸⁾ Коших., 111.

⁹⁾ С. Г. Гр., IV, 196.

нѣе важныя должности и по величинѣ суммы, слѣдующей за безцѣстью, нанесенное торговцу, которая была различна не только для сотенъ, но и для подраздѣленій каждой сотни: ибо вся сотня, какъ и всякое сословіе въ Россіи, раздѣлялась на *лучшихъ, среднихъ и меньшихъ* членовъ ¹⁾). Они различались по службѣ тѣмъ, что гостямъ поручаемы были самыя высшія торговыя и финансовыя должности, а торговые люди гостинной сотни были у нихъ товарищами: суконники выбирались въ должности, меньшія въ сравненіи съ тѣми, въ которыя выбирались торговцы гостинные, напримѣръ, гости назначались таможенными головами, гостинники у нихъ старшими, а суконники меньшими цѣловальниками ²⁾); или же торговецъ гостинной сотни выбирался головою, а суконники у него товарищами. Сверхъ того, гостей посылали головами въ самыя важнѣйшіе торговыя города, а гостинники выбирались во второстепенные. Бывали случаи, что гости были возводимы въ санъ думныхъ дьяковъ ³⁾ и, вѣроятно, изъ этого при Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1659 году возникъ между гостями и дьяками споръ о первенствѣ: этотъ споръ продолжался десять лѣтъ и окончился, однако, тѣмъ, что дьяки признаны выше гостей ⁴⁾).

Гости, а иногда и торговцы гостинной сотни, смотря по важности порученій, надзирали надъ пристанями, надъ рыбными и соляными промыслами; имъ поручали покупать для царской казны товары и запасы и производить отъ казны торговыя операціи ⁵⁾. Государь поручалъ имъ заключать подряды съ иноземцами ⁶⁾. Лица высшаго купечества были призываемы царемъ на совѣтъ; они подавали разные финансовыя проекты, какъ, напримѣръ, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ гость Веневитиновъ подалъ проектъ брать съ мордвы деньгами, вмѣсто занасовъ ⁷⁾. За подобныя-то услуги они получали особенныя жалованныя грамоты. Случалось, что иноземцы были возводимы въ санъ гостей за услуги русскому царю; напримѣръ, въ 1660 году, братья Бернарды, голландцы, пожалованы титуломъ гостей ⁸⁾. Право за возвышеніе предъ глазами правительства представлялъ размѣръ капитала, на который торговцы совершали свои обороты. Такимъ образомъ, гости торговали суммою отъ 20.000 до 100.000, что составляло въ тотъ вѣкъ большія деньги ⁹⁾.

Какъ гости, такъ и торговцы гостинной и суконной сотни, имѣли своихъ головъ и старшинъ ¹⁰⁾. Сотни составляли корпораціи, обязанныя повинностями, относящимися до городского порядка, а главное, до выборовъ въ должности. Поэтому сотни выбирали изъ своихъ членовъ служилыхъ на очередь и, когда приходила надобность, стоявшій на очереди обязанъ былъ принимать должность, въ которую предназначался.

1) Улож., гл. X, § 94.—Доп., III, 151.

2) Коших., 111.

3) Коших., 18.

4) П. С. З., I, 484.

5) А. И., V, 68.

6) С. Г. Гр., IV, 202—203.

7) А. И., V, 68.

8) С. Г. Гр., IV, 66.

9) Коших., 111.

10) Кильбург., 256.

Число членовъ въ сословіяхъ высшаго купечества вообще не было значительно. При Феодорѣ Иоанновичѣ число торговцевъ гостиной сотни въ Москвѣ было 350, суконной 250, но въ Смутное время сотни пришли въ упадокъ, такъ что надобно было наполнять ихъ. Въ 1649 году гостей было 13 человекъ, гостиной сотни 158, суконной 116. Нѣсколько позже, по извѣстію Кошкина, число гостей простиралось до 30, а людей гостиной и суконной сотни около 200 человекъ въ каждой. Впрочемъ, корпораціи ихъ заключали гораздо болѣе лицъ, которыя пользовались вообще правами сословія. Въ приведенныхъ числахъ означаются только хозяева, а привилегіи и права, данныя хозяину, простирались не только на его родственниковъ, жившихъ съ нимъ не въ раздѣлѣ, но и на приказчиковъ ¹⁾.

Гостиная и суконная сотни были пополняемы изъ черныхъ сотенъ и посадскихъ людей, изъ лучшихъ между ними, т.-е. такихъ, которыхъ торговля занятія по своему размѣру поставляли выше ихъ собратьевъ. Для этого нужно было согласіе сотенъ. Когда правительство повелѣвало пополнить сотню, члены ея сами выбирали новыхъ членовъ изъ черныхъ сотенъ, слободъ и посадовъ. Часто по этому поводу происходили споры, потому что черныя сотни и посады старались удержать у себя въ общинѣ тѣхъ, которые побогаче, чтобъ повинность, которая прежде падала на послѣднихъ, не падала теперь исключительно на остальныхъ: повинности не уменьшались отъ уменьшенія членовъ общины. Намъ неизвѣстны примѣры перехода изъ суконной сотни въ гостиную, но часто, какъ въ ту, такъ и другую, брали изъ однихъ и тѣхъ же низшихъ торговыхъ сословій ²⁾. Въ 1647 году постановлено, чтобъ тѣ, которые взяты изъ городовъ въ московскія сотни, служили выборную службу въ тѣхъ городахъ, гдѣ находились прежде, и, какъ видно, въ то время не было взято новичковъ для московскихъ сотенъ изъ Архангельска, Астрахани и Казани, потому что въ эти города на службу посылались обыкновенно природные москвичи ³⁾. Такой переходъ почитался честью, но не всегда подобная честь была пріятна тѣмъ, которымъ оказывалась. Такимъ образомъ, въ 1654 году гороховцы, назначенные въ гостиную сотню, били челомъ, чтобъ ихъ не брали, отговариваясь недавнимъ разореніемъ отъ пожара, и при этомъ заплатили взятку воеводѣ и дьяку ⁴⁾. Торговые люди, переходя въ высшія сотни, должны были жить въ Москвѣ, продать свои тяглыя дворы на прежнихъ мѣстахъ и оставить прежніе промыслы, съ которыми свыклись, или же, въ противномъ случаѣ, платить двойное тягло, въ Москвѣ и городахъ ⁵⁾. Притомъ же они знали, что по переходѣ въ Москву ихъ выберутъ въ должности и оторвутъ отъ обычныхъ торговыхъ и промышленныхъ занятій.

Вообще высшія купеческія сословія не пользовались расположеніемъ низшихъ; гости были въ особенности нетерпимы и торговцами и народомъ. Въ случаѣ какого-нибудь смятенія гостямъ первымъ сломать головы, замѣчаютъ во

¹⁾ А. А. Э., I, 115.—А. А. Э., II, 116.—А. И., III, 118.—Доп., III, 153—160.—Кошх., 111.

²⁾ Доп., III, 153.

³⁾ А. А. Э., IV, 42.

⁴⁾ Полн. Собр. Зак., I, 332.

⁵⁾ Улож., гл. XIX, § 34.

второй половинѣ XVII вѣка голландецъ ¹⁾). Назначаемые въ разныя должности по посадамъ, они утѣсняли мѣстныхъ торговцевъ ²⁾). Разсѣявшись по всѣмъ предѣламъ государства, ихъ приказчики дѣлали вездѣ закупы и, пользуясь льготами, предоставленными хозяевамъ, подрывали второстепенныхъ купцовъ ³⁾). Приближенные къ царю гости умѣли сочетать интересы казны съ собственными выгодами, и подавали проекты монополій, которыя были стѣснительны для низшихъ торговцевъ и обременительны для народа, а полезны только для собственного кармана гостей ⁴⁾). При Алексѣ Михайловичѣ въ особенности высшее московское купечество возвышалось въ своемъ значеніи. Новоторговый уставъ 1667 года былъ преимущественно его дѣломъ. Онъ показываетъ стремленіе высшаго купечества умножать свои выгоды, обогащая царскую казну.

Низшіе слои торговаго класса въ Москвѣ были черныя сотни и слободы, въ городахъ посадскіе и слободскіе люди. По смыслу закона, они имѣли равныя права ⁵⁾). Въсѣтъ съ торговцами сюда входили ремесленники и промышленники; впрочемъ, въ самыхъ посадахъ нерѣдко послѣдніе составляли отдѣльныя корпораціи. Такъ въ Переяславль-Залѣскомъ были оброчники, между которыми числились разныя ремесленники: сапожники, кушцы, хлѣбники; они получали отъ царя Іоанна Васильевича несудимыя грамоты и, составляя часть посадской общины, въ то же время были отдѣльными обществами.

Посадскіе и слобожане носили вообще названіе людей, съ прибавленіемъ эпитета: посадскіе или черныхъ сотенъ, или такой-то слободы, для отличія отъ сельскихъ, носившихъ названіе крестьянъ ⁶⁾).

Число московскихъ черныхъ сотенъ при Михаилѣ Феодоровичѣ простиралось до десяти; въ указѣ о хлѣбномъ и калачномъ вѣсѣ ⁷⁾ для взвѣски хлѣбовъ и калачей велѣно было изъ каждой сотни выбрать по одному цѣловальнику, и вслѣдствіе этого приходилось выбрать десять цѣловальниковъ. Кромѣ сотенъ, были еще полусотни, что видно, между прочимъ, изъ того же указа; *черныхъ сотенъ устюжскія полусотни* ⁸⁾). Въ числѣ полусотенъ была мясничная, которой названіе указываетъ на ея занятія. Названія другихъ сотенъ давались по мѣстности, гдѣ они жили въ частяхъ города, напримѣръ, дмитровская, срътенская, покровская, ордынская; а нѣкоторыя носили названіе другихъ городовъ, напримѣръ: новгородская, устюжская полусотня. Это указываетъ на то, что онѣ первоначально переведены изъ этихъ городовъ ⁹⁾).

Каждая сотня составляла одну цѣлую общину, такъ что самое мѣсто, гдѣ она была поселена, соединялось съ понятіемъ о ея повинностяхъ. Сдѣлка, заключенная однимъ изъ членовъ сотни, часто падала на цѣлую общину. Такъ, многіе члены черныхъ сотенъ закладывали свои мѣста нетяглымъ или бѣло-

1) Кильбург., 156.

2) Доп., III, 240.

3) Meyerb., 165.

4) Кильбург., 156—158.

5) Улож., гл. X, § 94.

6) А. А. Э., II, 61.

7) Врем., IV, 12.

8) Врем., IV, 30.

9) С. Г. Гр., III, 384.

мѣстамъ, т.-е., непринадлежавшимъ къ общинѣ, и кредиторы взыскивали свой долгъ съ цѣлой сотни. По этому поводу при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ запрещено продавать или закладывать тяглыя мѣста, принадлежавшія не лицамъ, но общинамъ ¹⁾. То же подтверждалось въ 1649 году ²⁾. Обязанности черныхъ сотенъ были тѣ же, какъ и въ другихъ городахъ, съ тою разницею, что Москвою правительство занималось болѣе, чѣмъ другими городами, а потому на черныхъ сотняхъ лежали болѣе сложныя повинности въ отношеніи городского благоустройства, какъ-то: мощеніе улицъ, содержаніе разнаго рода лицъ, которымъ отводились квартиры и которыхъ въ Москвѣ было всегда больше, чѣмъ въ другихъ городахъ ³⁾. Онѣ давали ежегодно сто сорокъ пять цѣловальниковъ и семьдесятъ пять ярыжекъ на земскій дворъ, обязаны были содержать ихъ, а также и извозчиковъ, стоявшихъ на земскомъ дворѣ съ лошадьми на случай пожара ⁴⁾, и платить имъ жалованье. Сверхъ того, черносотенные люди были выбираемы въ разныя должности и исправляли различныя казенныя порученія ⁵⁾. Кромѣ черныхъ сотенъ и полусотенъ, около Москвы были слободы, изъ которыхъ нѣкоторыя составляли собственно служилыя общины, какъ, напри- мѣръ, стрѣлецкая, пушкарская, но иныя были населены торговцами и промышленниками и составляли общины съ такимъ же управленіемъ и повинностями, какъ и сотни. Такова была, между прочимъ, слобода Кадашевка, состоявшая изъ двухъ тысячъ дворовъ, гдѣ жители занимались дѣланіемъ холста, имѣли свои лавки и промышленныя заведенія ⁶⁾.

Черныя сотни и слободы раздѣлялись на десятки и имѣли выборныхъ начальниковъ—сотскихъ и десятскихъ. Во второй половинѣ XVII вѣка упоминается объ административномъ мѣстѣ, называемомъ сотенною палатою, гдѣ сидѣли выборные совѣтники, называемые старостами ⁷⁾.

Посады, населенныя торговцами и промышленниками, составляли общины—миръ. Земля подъ посадами и около нихъ, принадлежавшая посадѣ по праву, была достояніемъ цѣлой общины, и никакъ не лицъ ⁸⁾. Основная связь, соединявшая общину, состояла, какъ и въ черныхъ сотняхъ, въ тяглѣ, т.-е. платѣ съ мѣста и съ промысловъ. Раскладка такой платы зависѣла отъ общины, и всѣ поборы налагались миромъ. Всякій, какого бы онъ званія ни былъ, поселившись на тяглою мѣстѣ, обязанъ былъ нести тягло, и самыя духовныя лица не освобождались отъ него ⁹⁾. Отъ поселенія на тяглою землѣ зависѣло участіе въ дѣлахъ и повинностяхъ общины ¹⁰⁾. Вообще, поборы были съ мѣсть, такъ что правительству въ отношеніи финансовъ нужно было знать только мѣста на посадѣ; посадѣ обязанъ былъ платить и за пустыя мѣста, какъ и за жилия,

1) А. И., III, 96.

2) А. А. Э., IV, 51.

3) А. И., III, 104.

4) С. Г. Гр., III, 397.

5) Коших., 111.

6) Коших., 84.

7) С. Г. Гр., IV, 351.

8) Оп. гор. Шуи, 309.

9) А. А. Э., IV, 52, 71.—А. А. Э., III, 178.

10) А. А. Э., III, 16.

коль скоро они значились въ писцовыхъ или дозорныхъ книгахъ ¹⁾. Въ 1649 году запрещалось посадскимъ продавать и закладывать свои дворы, погреба, варницы и вообще всякія промышленныя и торговыя заведенія, подъ опасеніемъ кнута ²⁾.

Повинности, которымъ подвергались посады, были тѣ, отъ которыхъ освобождались гости ³⁾. Нѣкоторые изъ посадскихъ, въ знакъ особой милости, пользовались иногда какими-нибудь особыми привилегіями, напримѣръ, въ Псковѣ ⁴⁾. Инымъ посадскимъ правительство давало право держать *безвыимочно* питье въ разные торжественные случаи, напримѣръ, во время свадебъ и крестинъ, но съ явкою таможенному головѣ и съ платежемъ определенной за то суммы ⁵⁾. Въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ, въ Угличѣ, такое право давалось на большіе праздники ⁶⁾. Вообще же такія права жаловались только лучшимъ и середнимъ посадскимъ людямъ, а не худшимъ или молодчимъ ⁷⁾.

Связь общины не ограничивалась однимъ тягломъ и повинностями, но имѣла и нравственное значеніе. Община посадскихъ считала себя въ правѣ заступаться за своего члена, какъ бы за цѣлую общину, и всякая обида, нанесенная посадскому, касалась всего міра. Челобитная подавалась отъ лица всей общины міромъ ⁸⁾. Равномѣрно, въ случаѣ дурного поведенія члена, община дѣлала распоряженіе о высылкѣ его изъ посада, хотя при Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ видно, посады уже не самовольно изгоняли своихъ членовъ, а должны были подавать о томъ челобитныя ⁹⁾. По мѣрѣ бѣльшаго или меньшаго объема независимости въ выборномъ порядкѣ, была сильнѣе или слабѣе нравственная связь посадской общины.

Посады раздѣлялись на сотни и десятки. Это дѣленіе обществъ торговыхъ людей было стариннымъ обычаемъ. Въ Новгородѣ встарину торговецъ долженъ былъ быть записанъ непременно въ сотню, какъ крестьянинъ—смердь—въ погостъ: «кто купецъ, поидетъ въ свое сто, а смердь поидетъ въ свой погостъ» ¹⁰⁾. Выборныя лица, наблюдавшія за порядкомъ въ посадахъ, назывались сотскіе, пятидесятскіе и десятскіе ¹¹⁾; обязанность ихъ была смотрѣть за благочиніемъ и предупрежденіемъ преступленій. Число ихъ было неравно, смотря по величинѣ и населенности посадовъ, или по болѣе и менѣе спокойному состоянію края. Такимъ образомъ, если увеличивалось число уголовныхъ преступленій, то увеличивалось число выборныхъ полицейскихъ чиновниковъ посада ¹²⁾. При Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ посады имѣли свои выборныя управленія и свой судъ, не-

¹⁾ А. гор. Шуи, 74.

²⁾ А. И., IV, 63.

³⁾ См. выше.

⁴⁾ А. А. Э., I, 323.

⁵⁾ А. А. Э., III, 212.

⁶⁾ А. А. Э., IV, 90.

⁷⁾ А. А. Э., III, 191.

⁸⁾ А. г. Шуи, 18, 137.

⁹⁾ Оп. г. Шуи, 455.

¹⁰⁾ С. Г. Гр., I, 8, 12, 20, 28.

¹¹⁾ А. И., IV, 312.

¹²⁾ Оп. г. Шуи, 225, 230—231.

зависимый от воеводъ и приказныхъ людей, и такимъ образомъ составляли муниципальные корпораціи, но въ XVII вѣкѣ этотъ порядокъ началъ измѣняться. Хотя на земскомъ соборѣ 1642 года торговые люди осмѣлились припомнить, что при прежнихъ государяхъ посадскіе торговые люди управлялись и судились сами собою и приписывали этому прежнее цвѣтущее состояніе посадовъ, но уже не домогались явно возстановленія прежняго порядка ¹⁾.

Впрочемъ, по наружности эта выборная власть существовала еще и въ XVII вѣкѣ и сосредоточивалась въ земской избѣ. Тамъ засѣдали земскій староста, ларечный цѣловальникъ—блюститель общинной казны, и земскіе цѣловальники. Они составляли правленіе посада, завѣдовали сборомъ податей, собирали мѣръ или посадское собраніе и хранили казну. Эти земскіе старосты, а вмѣстѣ съ ними и цѣловальники, выбирались на одинъ годъ, съ 1 сентября по 1 сентября, и по окончаніи службы сдавали дѣла и деньги другимъ, послѣ нихъ выбраннымъ ²⁾. Обыкновенно въ посадѣ былъ одинъ только земскій староста, но въ Новѣгородѣ по числу концовъ города было ихъ пять и они назывались пятиконечными старостами ³⁾, а при каждомъ были выборные цѣловальники. Сверхъ того, въ Новѣгородѣ были еще улицкіе старосты, собиравшіе дани и распредѣлявшіе повинности по дворамъ ⁴⁾. Всѣ челобитныя, равно какъ и всѣ приговоры писались и составлялись отъ имени этихъ выборныхъ правителей и отъ лица всей общины, выбравшей ихъ ⁵⁾. Но кромѣ земскихъ старостъ, были еще въ нѣкоторыхъ посадахъ излюбленные судьи, которыхъ кругъ юридической дѣятельности былъ обширнѣе, ибо они имѣли право уголовного слѣдствія и суда вмѣстѣ съ губными старостами, такъ что составляли совѣтъ у губныхъ старостъ ⁶⁾. Объемъ ихъ власти и судебнаго дѣйствія былъ въ разныхъ городахъ различенъ; напримѣръ, въ одномъ они разбирали и уголовныя дѣла, но въ другихъ судебская ихъ дѣятельность касалась только разбирательства споръ между посадскими объ имуществахъ и оскорбленіяхъ, а уголовныя дѣла не подлежали ихъ сужденію. Въ городахъ, гдѣ являются излюбленные судьи, не видно земскихъ старостъ, но остается одна полицейская власть сотскихъ, пятидесятскихъ и десятскихъ ⁷⁾. Эти излюбленные судьи собирали вмѣстѣ съ тѣмъ и доходы казны. Для сбора торговыхъ доходовъ выбирались таможенные головы и цѣловальники, составлявшіе таможенное управленіе; иногда же этихъ таможенниковъ въ посады правительство назначало само ⁸⁾. Вообще права посадскихъ въ отношеніи ихъ управы и суда чрезвычайно сбивчивы, представляютъ въ разныхъ мѣстахъ различныя отгѣнки и измѣненія, и эта сбивчивость замѣтнѣе въ XVII вѣкѣ, когда цари утверждали грамоты своихъ предшественниковъ, часто противорѣчащія одна другой. Напримѣръ, царь Іоаннъ Васильевичъ далъ Устюжнѣ-Желѣзнопольской гра-

¹⁾ С. Г. Гр., III, 395.

²⁾ Опис. гор. Шуи, 315—318.—А. И., IV, 40; А. И., V, 214—215. - Доп., IV 341.

³⁾ Доп., II, 78.

⁴⁾ Доп., I, 134.

⁵⁾ Опис. гор. Шуи, 317.

⁶⁾ А. А. Э., III, 73.

⁷⁾ А. А. Э., II, 118, 120.

⁸⁾ А. А. Э., III, 216.

мату, по которой судъ предоставлялся волостелю и при немъ выборнымъ отъ посада лицамъ ¹⁾, а въ другой своей граматѣ, писанной уже послѣ отѣны суда волостелей, отдалъ судъ въ посадѣ излюбленнымъ судьямъ, которые въ уголовныхъ дѣлахъ находились какъ бы свидѣтелями при губныхъ старостахъ ²⁾. Михаилъ Теодоровичъ утвердилъ обѣ эти грамоты ³⁾. Впрочемъ, несмотря ни на грамоты, ни на вѣдшее подобіе свободнаго выбора управленія, торговые посадскіе люди на дѣлѣ оставались во власти воеводъ, а ихъ земскіе старосты и дѣловальники были не болѣе какъ сборщики податей и зависѣли отъ произвола воеводъ и приказныхъ.

Издавна посадскіе люди составляли отдѣльное сословіе; издавна считалось необходимымъ поддерживать общинное единство, и потому никто не долженъ былъ жить въ посадѣ, не будучи записанъ въ тягло, которое несли торговые люди. Въ 1555 году въ Новгородѣ священники жаловались, что уличскіе старосты брали съ нихъ двойныя дани за то, что они поселены на тяглой землѣ, и правительство, по такой просьбѣ, повелѣло ихъ перевести на бѣлыя (нетяглыя) мѣста ⁴⁾, но не сочло несправедливымъ, что старосты повышали на нихъ дань, потому что посады имѣли право повышать и понижать раскладку поборовъ по своему усмотрѣнію. Послѣ Смутнаго времени эта замкнутость посадской общины начала нарушаться. Многіе посадскіе выходили самовольно изъ посада и закладывались въ крестьяне или холопы, а между тѣмъ община должна была отбывать тягло за ихъ пустыя мѣста; равномерно многіе, не принадлежавшіе къ посадскому сословію, селились на посадскихъ мѣстахъ и занимались торговлею и промыслами. Къ такимъ лицамъ принадлежали служилые люди, стрѣльцы, козаки, пушкари, крестьяне патриаршіе, властелинскіе, монастырскіе, люди и крестьяне помѣщиковъ и вотчинниковъ, подьячіе, священническія и церковнослужительскія дѣти, пономари и вообще люди не тяглые, извѣстные подъ общимъ именемъ гулящихъ. Они заводили въ посадахъ лавки, погреба, амбары и торговли, не отбывая никакого тягла, ни повинностей. Другіе жили въ посадѣ подъ видомъ приказчиковъ посадскихъ людей, дѣлились съ своими мнимыми хозяевами, а въ самомъ дѣлѣ торговали отъ себя. Пользуясь этимъ, многіе посадскіе записывались въ служилые для вида и продолжали торговать на прежнемъ мѣстѣ, убѣгая повинностей общины подъ тѣмъ предлогомъ, что они болѣе не посадскіе, а служилые. Такимъ образомъ вся тягость повинностей лежала исключительно на остальныхъ, записанныхъ въ тягло, а изъ нихъ также многіе начинали идти по слѣдамъ цваричей: выписывались изъ тягла въ служилые или же разбѣгались съ своихъ мѣстъ ⁵⁾. Это неоднократно возбуждало ропотъ; правительство же теряло свои доходы и потому при Алексѣ Михайловичѣ принялось за уничтоженіе такихъ злоупотребленій. Сначала въ Псковѣ, потомъ въ Новгородѣ сдѣлано распоряженіе, чтобы всѣ, живущіе на посадскихъ тяглыхъ мѣстахъ, несли тягло, давали поборы, были избираемы въ службу, чтобы такимъ образомъ

¹⁾ А. А. Э., III, 76—78.

²⁾ А. А. Э., III, 73—76.

³⁾ Ibid., 76—78.

⁴⁾ Доп., I, 134.

⁵⁾ А. А. Э., IV, 37, 52.—Полн. Собр. Зак., I, 235.—А. А. Э., IV, 54.—Улож., гл. XIX, стр. 108—113.—А. Ист., IV, 65.—Доп., IV, 339.

занятіе торговлей и промыслами соединялось непрѣмѣнно съ исполненіемъ посадскихъ повинностей ¹⁾. Въ 1649 году это распространилось на всѣ посады. Всѣ, которые въ посадахъ устроили торговыя и промышленныя заведенія, должны были записаться въ тягло, не исключая и крѣпостныхъ людей, коль скоро они приобрѣли въ посадахъ дворы; если же у нихъ не было дворовъ, а однѣ лавки, погреба и проч., то они должны были въ теченіе трехъ мѣсяцевъ продать ихъ посадскимъ людямъ, подъ опасеніемъ бесплатнаго лишенія, въ случаѣ непродажи въ урочное время. Вместе съ тѣмъ постановлено, что всякій, кто будетъ жить въ посадѣ, хотя бы и временно, долженъ записаться въ тягло ²⁾. Въ эту категорію входили и лица, происходившія изъ духовнаго званія, дьячки и пономари ³⁾. Постановлено, чтобъ всѣ, бѣжавшіе изъ посадовъ, были возвращены на прежнія мѣста, не взирая ни на какія ихъ сдѣлки во время побѣга ⁴⁾. Дѣти и племянники тяглыхъ посадскихъ впередъ не смѣли оставлять посада ⁵⁾, и никто изъ посадскихъ не могъ опредѣляться въ службу, если только онъ не былъ по крайней мѣрѣ третьимъ изъ сыновей посадскаго человѣка ⁶⁾. Для большей замкнутости посадскаго сословія постановлено, чтобъ непосадскій человѣкъ былъ обращаемъ въ тягло, если женится на дочери посадскаго съ условіемъ жить въ домѣ отца ея ⁷⁾, или же на бѣглой посадской дѣвкѣ ⁸⁾ или, наконецъ, на вдовѣ, которая, по смерти мужа, сообразно старымъ обычаямъ, составляла тягло ⁹⁾. Посадскимъ запрещено торговать въ селахъ, какъ это прежде дѣлалось ¹⁰⁾; запрещено также нетяглымъ покупать лавки, амбары и брать ихъ въ залогъ ¹¹⁾. Впрочемъ, и послѣ того строгость этихъ правилъ нарушалась; напримѣръ, въ Шуѣ въ 1654 году крестьянинъ продалъ свою постройку, поставленную на посадской землѣ ¹²⁾. Само правительство въ 1649 году сдѣлало исключеніе въ пользу служилыхъ стрѣльцовъ, пушкарей, козаковъ, затынщиковъ, кузнецовъ, воротниковъ, предоставляя имъ право торговать въ посадахъ, не записываясь въ тягло ¹³⁾. Въ Новгородѣ это право ограничивалось, однако, суммою ста рублей; сумма выше этой подвергала запискѣ въ тягло. Пользуясь исключеніями, предоставляемыми служилымъ, не только служилые, но и другіе, напримѣръ, монастырскіе и владѣльческіе крестьяне продолжали торговать въ посадахъ.

Пригородныя села около посадовъ назывались слободами. Именемъ слободы въ старой Руси означалось такое поселеніе, гдѣ жители занимались какимъ-нибудь ремесломъ или промысломъ и вообще какимъ-нибудь однимъ занятіемъ.

¹⁾ А. А. Э., IV, 37, 51.

²⁾ А. И., IV, 65.

³⁾ А. А. Э., IV, 52.

⁴⁾ Собр., Гос. Грам., III, 209.

⁵⁾ А. И., IV, 67.

⁶⁾ Улож., гл. XIX, § 26—32.—А. И., IV, 64.

⁷⁾ А. И., IV, 64.

⁸⁾ А. И., IV, 65.

⁹⁾ А. А. Э., IV, 55.—А. И., IV, 64.

¹⁰⁾ Улож., гл. XIX, § 9, 20.

¹¹⁾ А. А. Э., IV, 53.

¹²⁾ Оп. г. Шуи, 309.

¹³⁾ А. А. Э., IV, 54.—Доп., III, 45.

Такимъ образомъ мы встрѣчаемъ слободы рыболовныя, слободы бобровниковъ и такъ далѣе. Эти названія означаютъ, что жители были исключительно преданы ловлѣ рыбы или звѣрей. Слободы около посадовъ населены были разнаго рода промышленниками и торговцами; по закону, онѣ должны были быть приписаны къ посаду и составлять съ нимъ одно тягло ¹⁾. Но во многихъ мѣстахъ около посадовъ, на посадскихъ земляхъ, слободы заведены были боярами и вообще частными владѣльцами и населены ихъ людьми, которые занимались торговлею, не участвуя въ тяглѣ. Поэтому въ 1648 году по просьбѣ тяглыхъ посадскихъ людей разныхъ городовъ всѣ такія слободы велѣно отобрать и приписать къ посадамъ въ тягла ²⁾.

Въ 1667 году подтверждено, чтобы всякій занимающійся торговлею или ремесломъ, былъ непременно записанъ въ чинъ, хотя бы даже онъ торговалъ только временно, напримѣръ, на одинъ годъ, и повсемѣстно приказано не допускать торговли безъ объявки и записки ³⁾. Правительство ставило преграду къ повсемѣстному занятію торговлею, потому что оно наносило ущербъ земледѣлію, которое русскіе нерѣдко покидали, предпочитая торговые промыслы. Такъ, напримѣръ, въ Сибири, куда правительство, поощряя земледѣліе, выселяло пашенныхъ крестьянъ, эти крестьяне разбѣгались и занимались торговлею по разнымъ городамъ ⁴⁾; правительство въ 1621 году приказало ихъ собирать и посадить вновь на пашню. Эта черта указываетъ на врожденную старинную склонность великорусскаго народа къ торговлѣ.

Посадскіе раздѣлялись на лучшихъ, среднихъ и меньшихъ или молодчихъ. Въ основаніе такого различія принимались ихъ капиталы и промыслы. При раскладкѣ посадскихъ людей въ соху (административное дѣленіе жителей вообще по сбору податей) полагали меньшее число дворовъ лучшихъ посадскихъ людей въ одной единицѣ, чѣмъ число дворовъ среднихъ и меньшихъ людей; наоборотъ, полагали большее число дворовъ бѣдныхъ посадскихъ, дабы на каждого приходилось платить менѣе и чтобъ такимъ образомъ богатый платилъ болѣе, чѣмъ бѣднякъ ⁵⁾. Но это не всегда соблюдалось съ должною справедливостію и часто случалось, что богатые въ посадѣ утѣсняли бѣдныхъ, какъ мы видѣли тому примѣръ при обзорѣннн Пскова.

Духъ общинности, исконная и отличительная черта великорусскаго народа встарину, скрѣплявшій торговцевъ въ ихъ посадахъ, сотняхъ, слободахъ, соединялъ ихъ торговыя предпріятія и способствовалъ образованію компаній и товариществъ или складчинъ. Нѣсколько купцовъ складывали вмѣстѣ свои капиталы, а къ нимъ присоединялись другіе, побѣднѣе, каждый съ своею частью, и предоставляли смышленнымъ товарищамъ торговые обороты. Часто къ нимъ приставали стрѣльцы, козаки и разные служилые люди, а иногда и воеводы, но тайкомъ, потому что воеводамъ запрещалось торговать какимъ бы то ни было образомъ, а между прочимъ и участвовать въ торговыхъ складчинахъ. Такія

1) А. А. Э., IV, 37, 51.

2) А. А. Э., IV, 45—47.

3) С. Гос. Гр., IV, 204.

4) С. Гос. Гр., III, 219.

5) Врем., XI. О поз. влад. въ Моск. Гос., 60.

складчины предпринимали торговля операціи въ отдаленныхъ странахъ. Подобная компанія была ограблена въ Хивѣ въ 1646 году. Торговля въ Сибири также производилась складчинами ¹⁾. Мелкіе торговцы и промышленные крестьяне уѣздовъ Шуйскаго, Суздальскаго и другихъ, прилежащихъ Клязьмѣ и ея бассейну, составляли пѣшеходныя компаніи, что называлось «въ ходьбу ходить», и они сами назывались *ходобушники*. Они отправлялись въ украинные города; предметъ ихъ торговли были *иконы*, что называлось не *продавать*, но *мѣнять* иконы ²⁾.

Зажиточные торговцы, какъ, напримѣръ, гости, держали у себя покручниковъ и приказчиковъ, которыхъ посылали въ разныя стороны. Они торговали отъ имени своего хозяина и каждый, кто имѣлъ съ ними дѣло, имѣлъ его какъ бы съ самимъ хозяиномъ. Впрочемъ, Торговый уставъ 1653 года освобождалъ хозяевъ отъ отвѣтственности за братьевъ, племянниковъ и приказчиковъ, если они окажутся виновными въ нарушеніи торговыхъ сдѣлокъ безъ вѣдома хозяевъ. Приказчики и покручники находились у хозяина въ такой патріархальной зависимости, какъ его домочадцы. У хозяина, который велъ торговлю лавочную, они сидѣли въ лавкахъ, а по вечерамъ являлись къ нему для счетовъ. Нерѣдко хозяинъ проводилъ въ бесѣдѣ съ ними цѣлыя часы, посвящая одинъ вечеръ одному приказчику или покручнику, другой иному и т. д. Эти молодые люди, служа у хозяевъ, научались отъ нихъ торговой оборотливости и въ свою очередь современемъ дѣлались купцами. Если хозяинъ находилъ особенную исправность и прилежаніе въ своемъ покручникѣ, то отличалъ его какою-нибудь почестью, напримѣръ, сажалъ съ собою обѣдать, или подавалъ отъ себя кушанье, или дарилъ ему платъ съ своего плеча, соблюдая тѣ же обычаи, какіе бывали при дворѣ у царя съ вельможами. За дурное поведеніе, лѣность и нерасторопность онъ бранилъ его, а смотря по винѣ и бивалъ, или налагалъ на него пеню. Если же никакими мѣрами нельзя было привести покручника на путь истины, то хозяинъ сылалъ его со двора; добрый хозяинъ долженъ былъ прибѣгнуть къ этой послѣдней мѣрѣ безъ занальчивости, ласково, съ сожалѣніемъ, послѣдній разъ покормивши своего покручника, и приписывать его неисправность врожденной глупости, потому что если кого и *ударъ не иметъ*, то это было явнымъ признакомъ крайней непонятливости ³⁾. Молодые купцы научались отъ родителей и старыхъ родственниковъ изъ ихъ примѣра, ихъ словесныхъ наставленій и, наконецъ, изъ ихъ записокъ, ибо въ XVI и XVII вѣкѣ было въ обычаѣ составлять торговыя книги или памятныя записки о торговлѣ, какъ это показываетъ одна уцѣлѣвшая торговая книга ⁴⁾. Она, какъ будто, написана опытнымъ торговцемъ съ цѣлью служить руководствомъ для молодыхъ. Впрочемъ, не думаемъ, чтобъ подобные мемуары были встарину въ большомъ употребленіи, при всеобщей малограмотности тогдашняго общества, когда самые богатые торговцы, какъ, напримѣръ, гости, не знали грамоты: такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ въ полученіи

¹⁾ А. Ист., IV, 50.—Доп., IV, 354.—Улож., гл. X, § 276.

²⁾ А. гор. Шуи, 120—123.

³⁾ Врем., I. Домостр. Сильвестра, 99.

⁴⁾ Врем., VIII. Торговая книга.—Зап. Арх. Общ., изд. 1851 г., т. I. Торговая книга, стр. 106—139.

жалованной грамоты вмѣсто безграмотнаго гостя Аѳанасія Федотова подписался духовный его отецъ ¹⁾).

Малообразованность русскаго купечества не мѣшала ему изумлять иностранцевъ природною смѣтливостью и оборотливостью. Московскій купецъ, торгуя съ англичаниномъ, дѣлалъ въ годъ нѣсколько оборотовъ съ однимъ и тѣмъ же капиталомъ. Онъ бралъ у англичанина оптомъ товары—сукна и матеріи—въ долгъ, съ уговоромъ выплатить деньги въ теченіе года или полугода, и сбывалъ тотчасъ же на деньги мелкимъ торговцамъ, которые продавали купленное въ розницу. Получивъ деньги, купецъ тотчасъ же покупалъ на нихъ товаръ, который скоро промѣнявалъ на другой, другой на третій и при каждой мѣнѣ получалъ малые проценты, но выигрывалъ быстротою оборота, такъ что нерѣдко могъ купленное у англичанина за два рубля сукно продавать за полтора ²⁾. Нѣмцы особенно изумлялись этой непонятной для нихъ быстротѣ и изворотливости. Случалось, что русскій, промѣнявши нѣмцу юфть, пеньку, поташъ на сукна и матеріи, чрезъ нѣсколько времени вымѣненный у нѣмца товаръ продаетъ ему же по такой дешевой цѣнѣ, что хоть сейчасъ можно отвезти въ Амстердамъ ³⁾. Безъ сомнѣнія, этому способствовалъ мѣновой характеръ торговли: русскій приобретае свой товаръ у производителей по очень дешевой цѣнѣ и могъ отдавать нѣмцу хотя съ барышемъ для себя, но чрезвычайно сходно для послѣдняго. Зато цѣны на товаръ въ Россіи до крайности измѣнялись иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней, особенно на предметы повседневнаго удобства жизни. Недостатокъ путей сообщенія ставилъ такой порядокъ дѣлъ непремѣннымъ условіемъ, ибо коль скоро подвозъ произведеній увеличивался—цѣнность его упала, коль скоро подвозъ приостанавливался, она поднималась. Отъ этого купцы считали всего выгоднѣе пріѣзжать на торги съ товаромъ какъ можно ранѣе, пока не успѣютъ навести такого же товара, и этимъ часто выигрывали ⁴⁾.

Владѣльцы земель продавали купцамъ свои произведенія обыкновенно ранѣе и обязывались къ сроку доставить на торгъ; для этого заключались торговыя записи. Въ обезпеченіе вѣрности доставки на срокъ, а равно вѣрности приѣма, съ обѣихъ сторонъ, а иногда съ одной, полагалась двойная недоимка; такая запись, въ случаѣ несоблюденія условія, могла быть купчимъ актомъ. Такимъ же порядкомъ и купецъ накупалъ оптомъ товару изъ первыхъ рукъ и перепродавалъ его иностранцамъ. Годовыя условія обыкновенно писались съ сентября по сентябрь.

Замѣчательною чертою русской старой торговли было то, что продажа была чаще всего оптовая. Въ старыхъ актахъ, гдѣ говорится о пошлинахъ, всегда упоминаются большею частью оптовыя единицы. Домовитый и расчетливый хозяинъ всегда старался покупать для себя запасы оптомъ на долгое время, потому что при этомъ выигрывалъ четверть съ рубля. Рано вставши, онъ самъ ходилъ на рынокъ присматриваться, нѣтъ ли *навозу*, и какъ купецъ норовилъ поспѣть съ своимъ товаромъ, когда подобнаго товару было меньше, такъ, напротивъ, покупатель старался явиться къ торгу, когда наведутъ побольше то-

¹⁾ Доп., IV, 150.

²⁾ Olear., 206.

³⁾ Кильб., 15.

⁴⁾ Herberst., 41.

вару. Товаръ, который не портится, закупался на годъ и больше, какъ, напримеръ, лѣсъ и дрова, доски, лубя и прочее. Съѣстные припасы покупались пудами и бочками, ибо мясо и рыба употреблялись большею частью соленья, а зимою и свѣжее не портилось. Рукодѣльные товары, закупаемые въ лавкахъ, приобретались также большими пропорціями. Зажиточный хозяинъ покупалъ сукна и матеріи поставами и косяками, матеріалы для женскихъ работъ литрами, и потому домъ его былъ полонъ всякой всячины на долгое время: это считалось знакомъ разсчетливости и ума. При этомъ замѣчали, что покупаемые въ розницу товары хуже, и при такой продажѣ больше обмана. Накупивъ товара, домохозяинъ считалъ долгомъ пригласить купца къ себѣ на *почестку*, угостить хлѣбомъ-солью, а напоследокъ еще и подарить. *Въ томъ убытка нѣтъ*, говорили старички, *дружба-де впередъ познать: всегда мимо тебя товару доброго не продасть и мнило не возметъ и худова не дастъ*. Къ числу старинныхъ обычаевъ принадлежить обычай давать въ *позомокъ* (на придачу) какую-нибудь незначительность. Поэтому, розничная продажа была преимущественно для небогатыхъ и простолюдиновъ ¹⁾.

Иностранцы описываютъ русскихъ купцовъ большими плутами. Обычай запрашивать и торговаться былъ искони характеристикой русскаго торговца. Если вещь стоила рубль, купецъ непременно запроситъ за нее десять рублей, смотря по лицу, которое у него покупаетъ. Отъ этого многіе, желая купить большую пропорцію товара, приходили въ лавки не иначе, какъ въ сопровожденіи знатоковъ, на которыхъ они, впрочемъ, не всегда могли положиться, потому что эти знатоки бывали въ стачкѣ съ купцами, и взявши съ покупателя за то, чтобъ сторговать для него дешево и хорошо, возмутъ тоже съ купца, чтобъ помочь ему обмануть покупателя. Божиться въ торговлѣ было нипочемъ, хотя божбамъ русскихъ купцовъ никто не вѣрилъ ни изъ ихъ соотечественниковъ, ни изъ иностранцевъ ²⁾, и даже замѣчали, что чѣмъ болѣе русскій купецъ божится, тѣмъ скорѣе обманываетъ. Иногда торговецъ, расхваливая свой товаръ, ссылался на покупателей, называлъ ихъ по именамъ, подтверждалъ слова свои божбою, а на самомъ дѣлѣ обманывалъ ³⁾. Поддѣлка и обмѣнъ вещей были въ обычаѣ: часто русскій надѣлялъ иностранца подкрашенными мѣхами; а иногда покупатель придетъ въ лавку и начнетъ торговать вещь, купецъ спрашиваетъ за нее большую цѣну, покупатель даетъ менѣе; купецъ какъ будто не слышитъ и уходитъ прочь, потомъ начинаетъ мало-по-малу сдаваться и уступаетъ желанію покупателя; но въ самомъ дѣлѣ онъ ловко успѣетъ обмѣнить вещь, такъ что покупатель самъ этого не замѣчаетъ и беретъ не то, что торговалъ прежде ⁴⁾. Подобные поступки не казались русскому предсудительными; онъ оправдывалъ себя пословицею: «на то щука въ морѣ, чтобъ карась не дремалъ!» ⁵⁾—пословицею, которая, какъ видно, была до того въ употребленіи, что даже иностранцы затверживали ее.

Замѣчательно, что еще въ XVI вѣкѣ въ Россіи охотнѣе покупали у ино-

¹⁾ Доп., II, 139.—Домостр., 70.—А. И., I, 301.

²⁾ Olear., 272.

³⁾ Herberst., 41.

⁴⁾ Раф. Барбер., 34.

⁵⁾ Кильбург., 15.

странцевъ, чѣмъ у своихъ; но русскіе купцы умѣли сами прикидываться иностранцами, къ удивленію посѣщавшихъ Россію чужеземцевъ ¹⁾. Такая смѣтливость и изворотливость торговаго человѣка была причиною, что правительство довѣряло купцамъ политическія шпіонства: напримѣръ, въ 1650 году велѣно было въ Псковѣ набрать торговыхъ знающихъ людей и послать въ Ригу, Ревель и шведскія владѣнія, чтобъ вывѣдать о политическихъ дѣлахъ Швеціи ²⁾.

Не должно приписывать плутоватость русскаго торговца какой-нибудь народной порчѣ. Нѣтъ, это было необходимое условіе той степени образованности, на которой еще стояла Россія, и обстоятельствъ, сопровождавшихъ развитіе торговли. Торговля, какъ и всякая другая вѣтвь человѣческой общественной образованности, проходитъ различныя положенія. Въ первобытныя времена она была соединена съ разбоемъ и набѣгами; на низкой степени цивилизованнаго общества она неразлучна съ коварствомъ и обманомъ, и чѣмъ выше общество становится на пути нравственнаго и умственнаго образованія, тѣмъ болѣе и торговля отношенія принимаютъ характеръ честности. Но иностранцы, изображающіе совершенно справедливо русскіхъ купцовъ въ столь грязномъ видѣ, не были, однако, и сами вполне изъяты отъ того же взгляда на дѣло торговли. Герберштейнъ сознается, что русскіе, обманывая иностранцевъ, въ свою очередь покупаютъ у нихъ за тринадцать червонцевъ вещи, которыя стоятъ не болѣе одного или двухъ ³⁾. Иностранцы смотрѣли на Россію, какъ на страну выгодную для нихъ, преимущественно по ея невѣжеству, потому что русскіхъ можно было легко обманывать; русскіе купцы недовѣряли имъ и платили имъ тою же монетою. Притомъ, русская торговля встрѣчала безчисленныя препятствія и затрудненія, заставлявшія купца быть всегда въ страхѣ и смотрѣть на свой промыселъ, какъ на войну, ибо онъ вездѣ видѣлъ покушенія на свое достояніе и выгоды. Русскіе торговцы, какъ и вообще русскіе люди, оставались внѣ связи съ образованнымъ человѣчествомъ, а это сообщало имъ характеръ самоотдѣльности, невѣдѣнія и враждебности ко всему остальному. Если иноземцы старались держать русскаго купца въ невѣжествѣ, то и власть не желала, чтобъ русскіе сближались съ европейцами и ѣздили въ чужіе края. Торговыхъ лицъ отпускали съ товарами за границу не иначе, какъ съ крѣпкою порукою и съ особымъ дозволеніемъ, которое получить было не легко. Если-жъ бы торговецъ вздумалъ поѣхать самовольно за границу, то у него отбиралось все имущество, родственниковъ его подвергали пыткамъ, допрашивая, съ какой цѣлью онъ уѣхалъ, а послѣ пытокъ отправляли въ ссылку ⁴⁾. Впрочемъ, Уложеніе сдѣлало исключеніе въ пользу жителей порубежныхъ городовъ; отъѣздъ за границу былъ смягченъ для нихъ ⁵⁾. Иностранцы, которые бы могли заводить въ Россіи какія-нибудь промышленныя заведенія и знакомить Россію съ техникою товаровъ, покупаемыхъ русскими купцами у иностранцевъ, не поощрялись отъ правительства достойнымъ образомъ ⁶⁾, да притомъ и правительство не могло имъ довѣрять, потому что

¹⁾ Herberst., 44.

²⁾ А. А. Э., IV, 69.

³⁾ Herberst., 41.

⁴⁾ Кошх., 41.—Das Gr. Reich v. Mosc., 178.—Кильбург., 13.

⁵⁾ Улож., VI, § 5.

⁶⁾ Кильбург.

къ услугамъ его всегда готовы были явиться шарлатаны, авантюристы, съ единственной цѣлью обмануть невѣжество и довѣріе.

Такимъ образомъ, купцы русскіе постоянно были во мракѣ относительно большей части того, чѣмъ торговали, страшились обмана, не довѣряли, были обманываемы и въ свою очередь обманывали.

Совмѣстничество власти чрезвычайно останавливало дѣятельность торговаго класса. Царская казна имѣла въ своихъ рукахъ не только значительныя вѣтви торговли, но и вообще веда торговлю всѣми предметамъ: она покупала чрезъ своихъ агентовъ воскъ, поташъ, пеньку и проч., отправляла въ Архангельскъ и промѣнивала на заграничныя товары и тѣмъ подрывала купцовъ, торговавшихъ тѣми же товарами ¹⁾). Никакой купецъ не въ силахъ былъ состязаться съ такимъ богатымъ и всемогущимъ соперникомъ на торговомъ поприщѣ. Купецъ, явившійся на ярмарку въ Архангельскъ, не смѣлъ торговать, прежде чѣмъ не окончится торговля царская. Этого мало. Обычай выбирать изъ купленныхъ или вымѣненныхъ у иностранцевъ товаровъ лучшіе виды для царской казны, не только лишалъ торговца хорошихъ сортовъ товаровъ, но и отнималъ у него время простое и ожиданіями. Наконецъ и то, что оставалось на долю купца, было обложено множествомъ пошлинъ и стѣснено казенными монополіями.

Множество случаевъ, когда купца могла постичь конфискація всего его имущества, внушали ему вѣчную боязнь; русскіе купцы страшились обращаться явно съ большими капиталами и сохраняли ихъ втайнѣ, дабы сберечь копѣйку про черный день ²⁾, когда постигнетъ ихъ опала или невзгода и отнимуть у нихъ все явное имущество. Этому обычаю прятать деньги также не мало способствовало тогдашнее понятіе вѣка, поставлявшее все народное богатство исключительно въ звонкой монетѣ: власть старалась сосредоточить въ своемъ владѣніи какъ можно больше золота и серебра; торговцы, собирая деньги, подражали въ этомъ власти. Торговецъ былъ всегда подъ надзоромъ власти какъ ребенокъ, не могъ составлять никакихъ соображеній, не зная, что съ нимъ будетъ завтра; такъ, напримѣръ, онъ не могъ заключить никакого договора съ иностранцемъ, ибо не зналъ, утвердить ли или не утвердить его власть. Необезпеченный закономъ, онъ былъ постоянно подъ произволомъ воеводъ, таможенныхъ и приказныхъ людей, которые при удобномъ случаѣ не забывали пользоваться на счетъ купца лихоимствомъ. Русскій купецъ, говорить одинъ англичанинъ ³⁾, раскладывая свои товары, боязливо осматривался на всѣ стороны: не идетъ ли къ нему царскій чиновникъ, чтобъ взять у него что получше, и притомъ даромъ. Собиратели пошлинъ непременно постараются сорвать съ торговца что-нибудь лишнее ⁴⁾. На заставахъ, мостахъ, перевозахъ и проч., кромѣ установленныхъ поборовъ, его не пропускаютъ безъ взятки ⁵⁾. Посадскія общины въ XVII вѣкѣ были угнетены воеводами, которые вмѣшивались въ общинное управленіе. Воеводы и приказные люди, подъ разными предлогами сохраненія порядка, хватили торговцевъ, сажали въ тюрьму, вымогали взятки, разгоняли торги, брали на-

¹⁾ Коллинсъ, 18—19.—*Dar Gr. Reich v. Mosc.*, 176.

²⁾ *Das Gr. Reich v. Mosc.*, 178.

³⁾ *Fletch. The Russ. Commonw.*, 46.

⁴⁾ Доп., I, 213.

⁵⁾ Доп., II, 77—78.

сильно товары, били торговцевъ батогами ¹⁾; сталкивались съ ябедниками, которые подавали челобитныя на зажиточныхъ торговцевъ; воеводы и подъячіе, несмотря на явную лживость иска, заводили дѣло съ тѣмъ, чтобъ обирать купцовъ ²⁾. Правда, правительство не лишало посадовъ права жаловаться на этихъ судей и правителей; намъ остались жалобы цѣлыхъ посадовъ на воеводу, — жалобы, въ которыхъ посадскіе грозили разбрестись розно ³⁾. Правительство дѣйствительно старалось ограничить своеволие воеводъ и приказныхъ надъ торговымъ классомъ. Въ 1620 году имъ запрещено не только участвовать въ торговлѣ, но даже покупать что-нибудь у посадскихъ, исключая съѣстного ⁴⁾. Но эти ограниченія ничего не значили, ибо воеводы и приказные, обладая административною и судейскою властью, всегда могли найти беззаконныя средства къ поживѣ. Торговый уставъ 1667 года, для избѣжанія проволочекъ, приказалъ вѣдать всѣхъ торговцевъ въ одномъ Приказѣ, котораго обязанность была охранять ихъ отъ *воеводскихъ налоговъ* ⁵⁾; но, во-первыхъ, воеводы и приказные все-таки имѣли возможность чинить свои *налоги*, а во-вторыхъ, въ Приказѣ, который долженъ былъ охранять ихъ, сидѣли такіе же подъячіе. Сосредоточенность судебныхъ дѣлъ въ Москвѣ подвергала посадскихъ невыносимымъ стѣсненіямъ: они должны были ѣздить въ Москву съ мѣста своего жительства, иногда за тысячу верстъ, оставлять свои промыслы, проживаться въ Москвѣ, утучняя подъячихъ плодами своей изворотливости прежнихъ лѣтъ. Жалобы посадовъ на свое начальство поступали въ руки подъячихъ Приказа, которые тянули дѣло по нѣскольку лѣтъ; воевода, на котораго жаловались посадскіе, смѣнялся, а вмѣсто него были присылаемы другой и поступалъ такъ же, какъ и прежній ⁶⁾. Но не только воеводы и подъячіе утѣсняли торговцевъ, случалось, что сосѣдній помѣщикъ или вотчинникъ набѣждалъ на посадъ и дѣлалъ въ немъ разныя безчинства. Посадскіе жаловались, дѣло длилось; съ нихъ брали взятки и, наконецъ, изъ Приказа присылали воеводу грамоту, которая предписывала ему охранять посадскихъ людей; а этотъ воевода первый готовъ былъ дѣлать съ ними всякія своевольства ⁷⁾. Купецъ терпѣлъ и отъ своего же брата, коль скоро онъ былъ выбранъ въ таможенники и дѣлался нѣкоторымъ образомъ чиновнымъ человекомъ; таможенники, *по свойству* и дружбѣ, пропускали безъ пошлинъ своихъ, а съ чужихъ брали лишнее, чтобъ наверстать недоборъ ⁸⁾.

Если ко всему этому прибавить трудность и опасность перевозки торговыхъ грузовъ и приключенія, какимъ торговецъ подвергался въ дорогѣ отъ разбойниковъ, которыми такъ изобиловала наша матушка Русь и на водяныхъ, и на сухихъ путяхъ ⁹⁾, то мы легко поймемъ, почему русскій купецъ долженъ

¹⁾ А. А. Э., III, 421.—Оп. гор. Шуи, 317, 325—327.

²⁾ А. гор. Шуи, 106.

³⁾ Оп. г. Шуи, 279.

⁴⁾ А. А. Э., III, 159.

⁵⁾ С. Г. Гр., IV, 203.

⁶⁾ Дон., I, 82.

⁷⁾ А. г. Шуи, 106.

⁸⁾ Русск. Вѣстн., 1842, VI, 62.

⁹⁾ А. И., V, 465.—Улож., X, § 276.

былъ сдѣлаться плутомъ, и почему, несмотря на склонность къ торговлѣ и на способность и изворотливость, русскій купецъ былъ бѣденъ ¹⁾).

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Русскій вѣсъ въ основаніи своемъ не сложенъ. Высшая единица, бывшая повсемѣстно въ употребленіи, называлась берковецъ и заключала десять пудовъ ²⁾; каждый пудъ имѣлъ сорокъ *гривень* или *гривенокъ большихъ*, т.-е. фунтовъ; гривна дѣлилась на двѣ *гривенки малыя* или *скаловыя*; гривенка скаловая имѣла сорокъ восемь золотниковъ ³⁾. *Золотникъ* имѣлъ двадцать пять *почекъ* ⁴⁾, а при взвѣшиваніи денегъ считались *пироги*, которыхъ было въ почкѣ четыре ⁵⁾. Кромѣ обыкновеннаго фунта, были еще *литра* и *ансырь*: литра—фунтъ греческій, заключала семьдесятъ два золотника; на нее вѣсили преимущественно шелкъ и пряденое золото и серебро ⁶⁾; *ансырь*, вѣсъ бухарскій, заключалъ сто двадцать восемь золотниковъ, но уже въ концѣ XVI вѣка онъ сравнялся съ русскимъ фунтомъ или большою гривною ⁷⁾, и скоро вышелъ изъ употребленія. *Безмень*—вѣсомая единица, бывшая въ большомъ употребленіи въ XVI вѣкѣ ⁸⁾, и вѣсъ на безмень назывался *безменнымъ*. Онъ заключалъ два фунта съ половиною или пять гривенокъ, нѣсколько подходилъ къ нынѣшнему килограмму и, въ свою очередь, раздѣлялся на *полубезмени* ⁹⁾. Но въ послѣдствіи единица безменнаго вѣса постепенно увеличивалась до десяти, пятнадцати и до двадцати фунтовъ, и, наконецъ, сдѣлалась совершенно неопредѣленною, такъ что самое названіе осталось только за орудіемъ вѣса. Сто фунтовъ или большихъ гривенокъ, или два пуда съ половиною составляли единицу вѣса, называемую *контарь* ¹⁰⁾,—названіе, которое соединялось, какъ и безмень, съ орудіемъ вѣса. Десять пудовъ составляли *батманъ*, вѣсъ, татарскій, перешедшій къ русскимъ, какъ видно, изъ Казани, ибо носилъ названіе *казанскаго*. Онъ въ свою очередь раздѣлялся на *полубатманы*, заключавшіе пять пудовъ ¹¹⁾. Кромѣ берковца, воскъ вѣсился на *четверть восковую*, заключавшую двѣнадцать пудовъ ¹²⁾. Са-

¹⁾ Fletch.—Кильбург.

²⁾ Собр. Г. Гр., IV, 179.

³⁾ John Hasse. Nakl., 285.—Торг. Кн., 114. Зап. Арх. Общ., 1.

⁴⁾ Торг. Кн., 114. Зап. Арх. Общ., 1.

⁵⁾ Ист. Г. Росс., X, прим. 437.

⁶⁾ А. И., V, 46.—Домостр., 90.—Зап. Арх. Общ., I, 114.

⁷⁾ Торг. Кн., 114. Зап. Арх. Общ., I.

⁸⁾ Ibid.—Hasse. Nakl., 285.

⁹⁾ А. А. Э., I, 138.

¹⁰⁾ Уст. рат. дѣль, I, 85.

¹¹⁾ Зап. Арх. Общ., I, 72. Въ поволжскихъ городахъ онъ въ употребленіи до сихъ поръ въ томъ же видѣ.

¹²⁾ Торг. Кн., 114. Зап. Арх. Общ., I.

мая большая единица вѣса была *ласть*, заимствованный съ Запада, но этотъ вѣсъ, кажется, не былъ постояннымъ и опредѣленнымъ. Въ началѣ XVI вѣка въ ластѣ было 180 пудовъ, но потомъ только 90 ¹⁾, въ Псковѣ ластѣ соли вѣсилъ отъ 12 до 14 берковцевъ, слѣдовательно, отъ 120 до 140 пудовъ, а въ Торговой книгѣ ластѣ подается въ 12 бочекъ, а каждая бочка въ шесть пудовъ, что составляетъ въ ластѣ 72 пуда ²⁾.

Вообще, однако, употребительнѣйшими вѣсовыми единицами были берковцы, пуды, гривны и гривенки. Вѣсовыя единицы дѣлились еще на *половины* и *четверти* или *чети*, напр., *полпуда*, *полуривенка*, *четь гривенки*, а чети въ свою очередь на *пол-чети* ($\frac{1}{8}$), *пол-чети* на *пол-пол-чети* ($\frac{1}{16}$), эти же на *пол-пол-пол-чети* ($\frac{1}{32}$). Было также дѣленіе третное, напр., гривенка на *пол-трети гривенки* ($\frac{1}{6}$), *пол-пол-трети* ($\frac{1}{12}$), *пол-пол-пол-трети* ($\frac{1}{24}$). При счетѣ вѣса иногда единица ставилась съ прибавленіемъ, а иногда съ вычетомъ дробей, напр., вмѣсто того, чтобъ сказать: двѣ гривенки и пол-гривенки, говорили: *три гривенки безъ полуривенки* ³⁾.

Вѣсъ новгородскій и псковской были отличны отъ московскаго до конца XVII вѣка. Новгородскій былъ менѣе московскаго на восемь фунтовъ и семьдесятъ-два золотника въ берковцѣ, а псковской на десять фунтовъ и тридцать два золотника, или иначе: новгородскій фунтъ равняется 93 золотникамъ, 92 долямъ, а псковской 92 золотникамъ и $76\frac{4}{5}$ долямъ московскаго ⁴⁾.

Орудія вѣса были *пудовые вѣсы*, *безмены*, *контари*, *терези* и *скалы*. Пудовые вѣсы дѣлались съ пудовыми, полупудовыми, четыпудовыми и гривенными гириями ⁵⁾. Терези были большіе вѣсы для громоздкихъ товаровъ, на нихъ употребляли кладовыя гири пудовъ по пяти и по шести. Безмены были издавна въ употребленіи, какъ и теперь: ихъ дѣлали въ Костромѣ, ибо въ XVI вѣкѣ упоминается о костромскихъ безменахъ ⁶⁾. Контари употреблялись на таможенныхъ, а также на соляныхъ и рыбныхъ промыслахъ ⁷⁾. Скалы были небольшіе вѣсы для взвѣса мелкихъ товаровъ; въ томъ числѣ на нихъ вѣсили золото, серебро и разныя драгоценности. Самый мелочный вѣсъ называется *скаловый* ⁸⁾.

У иностранцевъ берковецъ назывался шиффунтъ. Русскій фунтъ или гривна расходился съ англійскимъ на одну унцію, такъ что въ русской гривнѣ было 12, а въ англійскомъ фунтѣ 13 унцій ⁹⁾. Въ отношеніи голландскаго вѣса рус-

¹⁾ Ист. Г. Росс., VI, прим. 421.

²⁾ Торг. Кн., 114. Зап. Арх. Общ., I.

³⁾ Ук. о хлѣбн. и калачн. вѣсу. Врем., IV, 2—8.

⁴⁾ Кильбург., 265.

⁵⁾ Полн. Собр. Зак., II, 321, 323.

⁶⁾ Акты Ист., I, 285.

⁷⁾ Собр. Г. Гр., IV, 193. — Теперь на соляныхъ промыслахъ контарями называются большіе вѣсы, состояще изъ рычага и присоединенной къ нему доски, на которую ввозятъ телѣгу съ грузомъ. Повидимому, такую же форму они имѣли и прежде, потому что правительство, запрещая частнымъ лицамъ держать вѣсы, дѣлало исключеніе для контарей на соляныхъ и рыбныхъ промыслахъ не для торговли, но для смѣты вѣса при наймѣ съ извозчиками. Происхожденіе этого названія—итальянское, и теперь въ южной Италіи существуетъ оловяная единица салтаго.

⁸⁾ John Hasse. Nakl., 285.

⁹⁾ Hasse. Nakl., 285.

скій пудъ былъ менѣе голландскаго на 7 фунтовъ 18 золотниковъ $54^{6/10}$ доли. Въ сравненіи съ гамбургскимъ вѣсомъ, русскій пудъ заключалъ гамбургскихъ 33 фунта съ четью. Въ Нарвѣ русскій пудъ вѣсилъ $34^{3/4}$ нарвскихъ, а въ Любекѣ 35 фунтовъ любскихъ ¹⁾. Въ Двинскомъ портѣ при торговлѣ съ иностранцами употреблялся нѣмецкій *пудокъ* (лисфунтъ), который равнялся полпуду русскаго вѣса ²⁾.

Мѣры сыпучихъ тѣлъ были *оковы* или *бочки*, *четверти*, *осьмины* и *четверики*. Бочка или кадъ называлась *оковою*, потому что была окована ³⁾. Окова имѣла четыре четверти, каждая четверть двѣ осьмины, осьмина четыре четверика или мѣры ⁴⁾. Сверхъ того употреблялись четвертныя и третныя дѣленія каждой единицы, напр., *пол-четверти*, *пол-пол-четверти*, *пол-осьмины*, *пол-четверика*, *пол-пол-четверика*, *пол-пол-пол-четверика*, или *пол-трети*, *пол-пол-трети четверика*, равномѣрно и съ вычитаніемъ дробей, напр., *четверикъ безъ пол-пол-трети четверика* ⁵⁾. Четверть московская муки въ 1620 и въ 1660 году вѣсила пять пудовъ ⁶⁾, а ржи зерномъ $6^{1/4}$ пудъ ⁷⁾, но въ 1681 году это отношеніе было уже измѣнено, ибо названо *прежнеймъ* вѣсомъ ⁸⁾. Въ XIV вѣкѣ четверть равнялась тремъ бушелямъ лондонской мѣры ⁹⁾, слѣдовательно, въ сравненіи съ нынѣшнею мѣрою старая четверть имѣла около четырехъ четвериковъ съ гарниемъ. Но хлѣбныя чети не вездѣ были равны. Кромѣ московской, существовали чети новгородская, псковская, печорская. Чтобы составить двѣ новгородскихъ чети, нужно было три чети московскихъ, слѣдовательно, новгородская вѣсила восемь съ половиною пудовъ; псковская была вѣсколько болѣе новгородской, а печорская на незначительный объемъ болѣе псковской ¹⁰⁾. Въ XVI вѣкѣ зерно мѣрили *пузами*. Подлинно неизвѣстенъ объемъ этой мѣры, но это была опредѣленная, а не глазомѣрная единица, ибо существовали пузы клейменные таможенными печатями, чтобы сохранить узаконенную ихъ пропорцію ¹¹⁾. Въ сѣверныхъ странахъ мѣрили *коробьями*, которые имѣли три *зобня*. Но въ концѣ XVI вѣка эта мѣра замѣнена четвертною.

Линейныя русскія мѣры были *аршинъ*, *локоть* и *сажень*. Аршиномъ преимущественно мѣрили иностранныя, а локтемъ туземныя произведенія. Аршинъ заключалъ четыре *пяди*; каждая пядь дѣлилась на четыре *четверти*; но впоследствии пядь начали называть четвертью, а четверть *верникомъ*. Эти единицы дѣлились тоже на половинныя, четвертныя и, вѣроятно, третныя дроби, напримѣръ *пол-пяди* или *полторы пяди* ¹²⁾. Изъ иностранныхъ мѣръ того вре-

¹⁾ Кильбург., 138—139.

²⁾ Торг. кн., 14. Врем., VIII.

³⁾ Русск. достоп., I, 176.

⁴⁾ Торг. кн., 115. Зал. Арх. Общ., I.

⁵⁾ Акты Ист., III, 206.

⁶⁾ Акты Ист., III, 119.

⁷⁾ Доп., IV, 197.

⁸⁾ А. И., V, 119.

⁹⁾ Hasse. Nakl., 286.—Fletch. The Russ. Commonw., 14.

¹⁰⁾ Кильбург., 139—140.

¹¹⁾ Русск. достоп., I, 132.

¹²⁾ Доп., V, 195.—А. И., I, 283.—А. А. Э., IV, 102.—З. А. О., I. Записка для обозрѣнія Русскихъ Древностей, 72, 77.

мени русскій аршинъ ближе всего подходилъ къ фландрійскому эллю, но былъ длиннѣе на палець ¹⁾. Локоть равнялся половинѣ англійскаго ярда ²⁾. Торговая книга опредѣляетъ локоть 10 вершковъ, и два аршина составляли три локтя ³⁾. Локотью измѣряли, между прочимъ, иконы, отчего попадаетъ названіе *икона локотница* ⁴⁾. Косовая сажень заключала три аршина ⁵⁾.

Жидкости измѣрялись бочками, котлами, ведрами, джбанами, корчагами, братинами, ендовами, галенками (галлонами), кружками, чарками, ковшами. Вместимость большей части этихъ мѣръ неизвѣстна, да и врядъ ли она была опредѣлена, но зависѣла отъ различной величины сосуда. Такъ, напр., котель могъ быть въ три ведра, въ два ведра, въ полуведро и въ двадцать ведеръ ⁶⁾. Болѣе опредѣленною изъ этихъ единицъ было ведро, потому что на него продавались казенныя питія, и поэтому ведро было самая обычная единица въ торговлѣ. Въ половинѣ XVII вѣка ведро было въ восемь вершковъ и раздѣлялось на полуведро, четь ведра, кружки и чарки.

Чаще всего у русскихъ употреблялись произвольныя глазомѣрныя единицы, какъ-то: лукны, кади, рогозины, пузы, узолки, круги и т. п. ⁷⁾. Поэтому, когда англичане начали торговлю съ Россіею, то нашли такое разнообразіе въ вѣсѣхъ и мѣрахъ, что первое ихъ требованіе было установить однообразный вѣсъ и мѣры ⁸⁾. Правительство еще до пришествія англичанъ обращало на это вниманіе. Въ 1550 году учреждены печатныя мѣдныя мѣры для сыпучихъ тѣлъ; онѣ посылались въ посады и уѣзды, гдѣ старосты, сотскіе и цѣловальники обязаны были, собравшись съ земскими людьми, сдѣлать по такимъ моделямъ деревянныя мѣры, которыя клеймили *пятномъ* (клеймомъ) и отдавали *помѣрщикамъ*, лицамъ, опредѣленнымъ для мѣры во время продажи. Продавцы и покупатели хлѣба и другихъ сыпучихъ тѣлъ обязаны были являться къ помѣрщикамъ и продавать по установленной мѣрѣ; въ случаѣ же нарушенія правилъ торговли подвергались штрафу въ первый разъ двухъ рублей, во второй—четыре, а въ третій тюремному заключенію ⁹⁾. Эти мѣры были *осьмины*. Въ 1555 году были повсюду государевы (казенныя) вѣсы и при нихъ вѣсчій сторожъ и вѣсцы,—лица, опредѣленныя для взвѣса товаровъ ¹⁰⁾. При Іоаннѣ Васильевичѣ запрещено имѣть кому-нибудь вѣсы, хотя бы даже и не для продажи, но всѣ должны были ходить къ городскимъ вѣсамъ и вѣсить на нихъ товары съ платежемъ вѣсового *пудовщикамъ* ¹¹⁾. Обвѣсъ и обманъ считался издавна преступленіемъ; старинная пословица говоритъ: въ цѣнѣ купецъ воленъ, а въ вѣсѣхъ неволенъ ¹²⁾.

¹⁾ Кильбург., 146.

²⁾ Hasse. Nakl., 286.

³⁾ Торг. кн., 113. З. А. О., I.

⁴⁾ А. И., I, 283.

⁵⁾ Торг. кн., 115.

⁶⁾ А. И., I, 285.

⁷⁾ Собр. Г. Гр., II, 135.

⁸⁾ Killingsw. Nakl., 293.

⁹⁾ Доп., I, 62.

¹⁰⁾ Ibid., I, 82.

¹¹⁾ Акты Арх. Эксп., I, 324.

¹²⁾ Арх. Историко-Юрид. Свѣд., относящихся до Россіи, изд. Ник. Калачова, II, половина вторая, 86.

Однако, народъ всегда уклонялся отъ единообразія установленныхъ вѣсовъ и мѣръ и продолжалъ продавать по старинѣ на круги, рогожи, лукна, пузы, возы и пр. Правительство нѣсколько разъ подтверждало однообразіе вѣса и мѣръ. Въ 1598 году было запрещено продавать сыпучія тѣла возами и вообще неопредѣленными единицами, а равно вѣсовые товары на кади, пузы и пр.; первые слѣдовало продавать въ пятенныя (клеименныя) мѣры, а вторые на пуды, съ платою въ первомъ случаѣ *помѣрнаго*, во второмъ *тѣсчаго* ¹⁾. Въ Москвѣ опять были слиты мѣдныя осьмины и разосланы во всѣ города для сдѣланія по ихъ образцу деревянныхъ осьминъ ²⁾. Нарушеніе строгости узаконенныхъ правилъ мѣръ и вѣса заставляло правительство еще нѣсколько разъ возобновлять такія же распоряженія. Въ 1624 году опять установили мѣдныя осьмины, полусосьмины и четверики въ гребло, и приказали по ихъ образцу сдѣлать деревянныя съ желѣзнымъ гребломъ, причемъ также установлена высокая *заповѣдь* или пеня за нарушеніе правилъ ³⁾. Въ 1645 году являются установленныя печатныя аршины ⁴⁾. Въ 1653 году, по изданному тогда Торговому уставу, во всей Россіи учреждены мѣдныя мѣры въ кружало съ желѣзными обручами, печатныя сажени въ три аршина, желѣзные аршины и вѣсы противъ фунтовъ ⁵⁾. По Новоторговому уставу 1667 года подтверждено, чтобъ вездѣ въ рядахъ были казенныя вѣсы, дабы при продажѣ и покупкѣ можно было на нихъ взвѣшивать. Иноземцамъ запрещено держать у себя вѣсы, но русскимъ дозволялось имѣть въ домахъ вѣсы, не заключавшіе болѣе десяти пудовъ и безмены въ три пуда, а на соляныхъ и рыбныхъ промыслахъ позволялось имѣть контари для смѣты при наймѣ извозчиковъ, но не для продажи ⁶⁾. Въ 1681 году подтверждено, чтобъ, согласно Торговому уставу, вездѣ не держали вѣсовъ, кромѣ узаконенныхъ мѣстъ. Нормальные пудовые вѣсы съ полупудовыми и четь-пудовыми гириями, вѣсчіе контари, терези находились подъ надзоромъ таможеннаго головы, котораго обязанность была вообще наблюдать за правильностью развѣски на гостиномъ дворѣ и въ рядахъ, а для вѣсовой операціи приставлены были дрягили, бравшіе за то плату. Тогда же для измѣренія суконъ и матеріи учреждены были желѣзные печатныя аршины, которые на гостиныхъ дворахъ давались пріѣзжимъ торговцамъ съ платою по гривнѣ съ человѣка за аршинъ, а при окончаніи торгова торговецъ обязанъ былъ отдавать его назадъ въ таможеню. Въ рядахъ должны были находиться такіе же аршины. Хлѣбныя мѣры въ Москвѣ въ рядахъ и на торгахъ были за орденною печатью ⁷⁾.

Въ XVI и XVII вѣкѣ монетный счетъ заключалъ *рубли, полтинны, гривны, гроши, копейки, денги, полуденги и пулы*. Подъ именемъ рубля разумѣлось числительное количество монетъ, подобно фунту стерлинговъ въ Англіи. Главная ходячая монета была денъга (отъ татарскаго слова *дингъ* серебро),

¹⁾ Собр. Г. Гр., II, 135—138.

²⁾ А. И., II, 25.

³⁾ А. А. Э., III, 217.

⁴⁾ З. Арх. Общ., 72.

⁵⁾ С. Г. Гр., III, 492.—А. А. Э., IV, 102, 131.—П. С. З., I, 304.

⁶⁾ С. Г. Гр., IV, 193.

⁷⁾ П. С. З., II, 321—326.

монета мелкая, имѣвшая два вида; *большая* и *малая, новгородка* и *московка*, деньги *копѣйная* или копѣйка и *деньга мечевая* или собственно *деньга*. Въ XIV вѣкѣ былъ только одинъ родъ денегъ, которыхъ нормальное количество въ рублѣ было сто; два рубля, т.-е. двѣсти такихъ мелкихъ монетъ, называемыхъ деньгами, вѣсили гривенку. Но въ Москвѣ начали удаляться отъ этой нормы. При Донскомъ деньги вѣсили отъ 24 до 17 долей, при Василии Димитріевичѣ отъ 22 до 15 долей, при Василии Темномъ вѣсъ ихъ началъ значительно уменьшаться и низошелъ до 12 и 11 долей, а при Іоаннѣ III до 9 долей, такъ что московская *деньга*, расходясь съ новгородскою, которая оставалась съ большимъ вѣсомъ, стала половинною: новгородская вѣсила 18, а московская только 9 долей ¹⁾). Впрочемъ, не должно думать, что такое положеніе было установлено правительствомъ: такъ какъ производство денегъ было дѣломъ мастеровъ, то, поэтому, господствовалъ произволъ, и въ одно и то же время дѣлались деньги и съ большимъ и съ меньшимъ вѣсомъ. Несомнѣнно только, что, колеблясь три государствованія: Донского, Василия Димитріевича и Темнаго, вѣсъ ихъ постепенно понижался, пока образовались двѣ различныя монеты. При Василии Іоанновичѣ вѣлѣно было дѣлать 250 денегъ на гривенку, такъ что изъ гривенки слѣдовало дѣлать новгородками два рубля съ половиною и съ одною гривною или десятью новгородками ²⁾), что даетъ $17^{46/76}$ на новгородку и $8^{57/70}$ долей на московку ³⁾). Но это правило подвергалось произволу; мастера старались выдѣлывать изъ гривенки серебра болѣе положеннаго, а плуты разрѣзывали монеты пополамъ и каждую половину давали за цѣльную, такъ что вскорѣ число денегъ въ рублѣ дошло до пятисотъ. Во время правленія Елены это злоупотребленіе наказывалось чрезвычайно строго: преступникамъ лили въ ротъ расплавленное олово или отсѣкали руки. Правительница постановила дѣлать изъ гривенки серебра безъ примѣси триста денегъ или три рубля. Новыя деньги имѣли изображеніе всадника съ кошемъ, поражающаго змія, отчего и начали называться копѣйками ⁴⁾). Съ этихъ поръ въ Москвѣ было двѣ деньги: копѣйная, большая, равная новгородской, и малая или мечевая—съ изображеніемъ всадника на конѣ съ мечемъ или бичемъ въ рукѣ. Первая имѣла $15^{27/75}$, а послѣдняя $7^{54/75}$ долей. Рубль заключалъ 16 золотниковъ серебра (слѣдовательно, равнялся 3 р. 20 к. по нынѣшнему счету). Но количество серебра въ рублѣ постепенно уменьшалось вмѣстѣ съ объемомъ денегъ. Такъ, при Іоаннѣ Васильевичѣ дѣлали изъ гривенки уже $3^{1/10}$ или $6^{1/5}$ изъ фунта. При Θεодорѣ Іоанновичѣ число 3 оставалось нормальнымъ, но при Михаилѣ Θεодоровичѣ изъ фунта чеканили $8^{77/100}$ или въ каждомъ рублѣ 10 золотниковъ $90^{750/877}$ долей (по нынѣшнему счету 2 р. $18^{3/4}$ к.), при Алексѣ Михайловичѣ изъ фунта— $9^{21/100}$ или въ рублѣ 10 золот. $40^{600/921}$ долей (по нынѣшнему счету 2 р. 8 к.). При Θεодорѣ Алексѣвичѣ эта такса поддерживалась, но во время двугарствія изъ фунта чеканили $10^{1/4}$ руб. или на рубль 9 золотниковъ $35^{5/41}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. $87^{1/2}$ к.); въ 1697 году— $10^{3/4}$ или въ рублѣ 8 золотниковъ $89^{13/43}$ до-

¹⁾ Chaudoir, S. baron. „Aperçu sur les monnaies russes“, I, 121.—Опис.- Русск. Монетъ Черткова, 412.

²⁾ Ист. Г. Росс., VIII. Прим. 67.

³⁾ Chaud. Aperçu sur les monn. russes, 121.

⁴⁾ Ист. Г. Росс., VIII. Прим. 67.

лей (по нынѣшнему счету 1 р. $78\frac{3}{4}$ к.); въ 1698 году—13 р. 16 к., или въ рублѣ 7 золотниковъ $27\frac{56}{1368}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. $45\frac{1}{2}$ к.); въ 1699 году—14 р. 18 к., или въ рублѣ 6 золотниковъ $73\frac{668}{700}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. 35 к.); въ 1703 году—15 р. или въ рублѣ 6 золотниковъ $38\frac{6}{15}$ долей (по нынѣшнему счету 1 р. 27 коп.), а 16 августа 1711 года прекратился выпускъ мелкихъ денегъ и возникли настоящіе серебряные рубли изъ фунта 14 р. 40 коп. При уменьшеніи количества серебра естественно уменьшился размѣръ денегъ, но число монетъ въ рублѣ оставалось то же ¹⁾). Притомъ, такъ какъ прежнія деньги всегда были цѣннѣе послѣдующихъ, то въ народѣ постоянно существовало понятіе о старыхъ и новыхъ деньгахъ, и за старыя деньги давали новыя съ *наддачею* ²⁾).

Послѣ Елены копѣечный или стоденежный счетъ уступилъ въ обычаѣхъ двухсотденежному счету. По крайней мѣрѣ во всѣхъ старинныхъ актахъ XVI и XVII вѣковъ до половины царствования Алексѣя Михайловича почти не упоминается о копѣйкахъ и когда говорится *рубль*, то большею частью принимаются его дѣленія на двѣсти денегъ и десять гривенъ, полагавъ въ каждой гривнѣ по 20 денегъ. Но какъ новгородская денѣга была больше московской малой и подходила къ копѣйкѣ, то въ народномъ языкѣ различались двѣ денѣги: новгородка и московка. Нормальное отношеніе ихъ было таково, что новгородскую составляли двѣ московскихъ. Привычки измѣрять количество рубля двумястами денегъ, русскіе самыя новгородскія денѣги клали по 200 денегъ на рубль, почему возникло два рубля, рубль новгородскій и рубль московскій. Нормальное дѣленіе рубля было таково: рубль раздѣлялся на полтины, гривны и алтыны; полтина означала половину рубля, гривна заключала двадцать денегъ, а алтынъ шесть денегъ (отъ татарскаго слова *алти*—шесть). Но какъ рубль новгородскій былъ вдвое болѣе рубля московскаго, то три денѣги новгородскія равнялись алтыну московскому, и алтынъ новгородскій равенъ былъ двумъ московскимъ. Но такое отношеніе не оставалось неизмѣннымъ. Изъ Уставной грамоты 1587 года на отдачу въ откупъ пошлинь говорится: *и на тѣхъ заповѣди полтина новгородская безъ гривны, а въ московское число рубль и два алтына четыре денѣги* ³⁾. Если мы допустимъ, что слово *безъ гривны* слѣдуетъ принимать въ московскомъ значеніи, перевода на новгородскій счетъ, то выйдетъ, что 80 денегъ новгородскихъ равнялись 216-ти, а не 160, какъ бы слѣдовало; если-жъ мы допустимъ, что *безъ гривны* значитъ *безъ десяти новгородскихъ денѣгъ*, тогда этому послѣднему количеству будетъ равняться 40 денегъ новгородскихъ, ибо въ такомъ случаѣ мы должны будемъ принимать полтину въ 50, а не въ 100 денегъ и въ первомъ случаѣ получимъ, что сто денегъ новгородскихъ равнялись двумстамъ семидесяти московскимъ, а въ послѣднемъ, что онѣ равнялись 540. Вѣроятнѣе принять первое.

При Василинъ Іоанновичѣ, по извѣстію Герберштейна, были еще денѣги тверскія и псковскія. Тверскія были равны московскимъ ⁴⁾, а псковскихъ было

¹⁾ Chaud., 124. („*Нынѣшній счетъ*“ опредѣленъ авторомъ въ 1862 г., въ послѣднемъ изданіи „Очерки Торговли М. Г.“ *Примѣч. издат.*).

²⁾ Доп., V, 190.

³⁾ С. Г. Гр., II, 93.

⁴⁾ Herberst., 39.

два рода: большая и малая; первая имѣла отъ 14 до 19 долей, вторая, полушка, $3\frac{1}{2}$ доли ¹⁾; проба новгородокъ была $81\frac{1}{6}$, псковской $83\frac{1}{6}$, московской $88\frac{1}{2}$, копѣйки Ивана Васильевича $92\frac{1}{2}$ ²⁾.

Кромѣ вышеозначенныхъ денегъ, были еще *полуденги* ³⁾. Двѣ полуденги составляли деньгу. Въ нашихъ грамотахъ часто упоминаются полуденги; иначе онѣ назывались полушками ⁴⁾; кажется, эта микроскопическая монета заимствована изъ Пскова, гдѣ, какъ выше упомянуто, были московскія деньги въ $3\frac{1}{2}$ доли. Въ концѣ XVII вѣка полушки вышли изъ употребленія.

Первый опытъ къ выпуску серебряной монеты высшаго размѣра сдѣланъ былъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ 1654 году. Издавна въ царскую казну собирали иностранную монету, преимущественно нѣмецкіе рейхсталеры, и перечекаивали на мелкую русскую монету. Но царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ каждый рейхсталеръ перечекаивать въ рубль безъ всякой добавки металла и выпускать за рублевую монету, хотя рейхсталеръ въ обращеніи не стоилъ и половины русскаго рубля ⁵⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ начали чеканить четверти рублевая и выпускать ихъ по 5 алтынъ 2 деньги. Вскорѣ правительство, вмѣсто перечекаенныхъ рублевиковъ, начало къ самымъ рейхсталерамъ прикладывать *признаки*, то-есть штемпели безъ перечеканки, и выпускало ихъ по 21 алтыну съ 2 деньгами ⁶⁾. Должно думать, и рублевики ходили не полный рубль, то-есть не 33 алтына 2 деньги, заключавшіеся въ русскомъ рублѣ, но также 21 алтынъ 2 деньги, потому что четверти рублевая, выпущенная вмѣстѣ съ рублевиками, составляли дѣйствительно четверть суммы въ 21 алтынъ 2 деньги, принятой для рейхсталеровъ съ *признаками*. Если же на этихъ рублевикахъ начеканено *рубль*, то, при тогдашней неопредѣленности монетнаго содержанія, можно было понимать рубль и въ большемъ и въ меньшемъ размѣрѣ.

Мѣдныя монеты встарину назывались пулы ⁷⁾. По свидѣтельству Герберштейна, при Василии Ивановичѣ шестьдесятъ пулъ шло на одну московскую деньгу. Очень трудно услѣдить видоизмѣненія отношеній этой монеты къ серебру и опредѣлить ея цѣнность. Въ половинѣ XVI вѣка одинъ англичанинъ говорилъ, что въ одной серебряной монетѣ заключалось 18 пулъ ⁸⁾. Гвагнини полагаетъ въ московской деньгѣ сорокъ пулъ ⁹⁾. Но въ 1586 году въ Новгородѣ въ деньгѣ считалось приблизительно сто пулъ, какъ это видно изъ грамоты о сборѣ поворотной пошлины, гдѣ опредѣляется со ста стерлядей пошлины три деньги, а съ одной стерляди по три пула ¹⁰⁾. Петрей говоритъ, что въ одной серебряной деньгѣ заключалось сто двадцать пулъ ¹¹⁾. Вѣроятно при высокихъ

1) Чт. въ И. М. О. И. и Др. № 4, 127—137.

2) Chaud., 126.

3) Hasse. Nakl., 285.

4) Маржереть, 50. Petrei Chronic., 310.

5) Meyerberg, 180.

6) Коших., 78.

7) Herberst., 39.

8) Hasse. Nakl., 285.

9) Gwagnini. Mosc. Descript., 5. Editio Starczewski.

10) А. А. Э., I, 399.

11) Chronic. Mosc., 310, изд. Археогр. Ком.

количествахъ слѣдуетъ принимать деньги новгородскую, а при меньшихъ московскую. Цѣнность пулы естественно должна была измѣняться при тѣхъ измѣненіяхъ, какими подвергались серебряныя монеты, притомъ собственный размѣръ ея былъ чрезвычайно неодинаковъ, какъ это можно видѣть изъ приводимаго г. Чертковымъ извѣстія, что пулы существовали въ 9 и въ 79 долей. Петрей говоритъ о пулѣ, какъ о монетѣ въ его время, въ началѣ XVII вѣка, уже вышедшей изъ употребленія, и прибавляетъ, что она пригодна была только для платы бѣднякамъ, которые работали четверть часа. Въ XVII вѣкѣ нѣтъ помина объ этой монетѣ.

Но Алексѣй Михайловичъ возобновилъ въ другомъ видѣ мелкую монету. Видя, что финансы государства пришли въ разстройство отъ продолжительной войны съ Польшею, царь, желая скопить какъ можно болѣе серебра, приказалъ всѣми мѣрами собирать въ казну ходячія серебряныя деньги и выпустить вмѣсто нихъ мѣдныя копѣйки, денежки, грошевики и полтинники ¹⁾. Мейербергъ говоритъ, что царь, накупивъ на 160 серебряныхъ копѣекъ мѣди, выпустилъ изъ нихъ денегъ сто рублей и съ тѣми издержками, какія нужны были для содержанія одного воина, содержалъ ихъ шестьдесятъ ²⁾. Чтобъ привлечь къ себѣ все серебро, велѣно было собирать недоимки прошлыхъ лѣтъ ³⁾, а равно десятую и пятую деньги, собираемую съ торговыхъ людей на содержаніе войска, непременно серебряными деньгами, а ратнымъ людямъ давать жалованье мѣдью ⁴⁾. Хотя правительство строго приказывало, чтобъ никто не смѣлъ возвышать цѣнность товаровъ, и чтобъ вездѣ мѣдныя деньги принимались за ту же цѣну, по какой прежде ходили серебряныя, но такъ какъ и тогда понимали, что серебро дороже мѣди, то, поэтому, на мѣдныя деньги стали скупать серебряныя и прятать ихъ и тѣмъ подняли цѣну серебра; между тѣмъ товары начали возвышаться въ цѣнѣ, и служилые люди, получая жалованье мѣдными деньгами, начали покупать по возвышеннымъ цѣнамъ необходимыя средства для содержанія, а легкость производства мѣдной монеты искушала многихъ на такое художество. Впервыхъ, гости и цѣловальники изъ торговыхъ людей, которымъ порученъ былъ надзоръ за работою мѣдныхъ денегъ на денежныхъ дворахъ, привозили туда купленную на собственное иждивеніе мѣдь и работали деньги для себя, а потомъ ихъ выпускали; во-вторыхъ, денежные мастера, служившіе на денежномъ дворѣ, также серебряники, оловянщики, работали по ночамъ въ погребахъ своихъ мѣдныя деньги и также распускали ихъ въ народъ ⁵⁾. Отъ этого количества мѣдныхъ денегъ до чрезвычайности увеличилось. Въ одной Москвѣ выпущено было поддѣльной монеты на 620.000 рублей ⁶⁾. Между тѣмъ въ Сибири не позволено было вводить мѣдныхъ денегъ; но купцы, отправляясь туда съ запасомъ мѣдныхъ, вымѣнивали на нихъ серебряныя, и такимъ образомъ собирали серебро въ свои руки. Правительство никакъ не въ силахъ было собрать прежняго серебра въ ходячей монетѣ, ибо всѣ старались припрятывать его подальше, или

¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 26.—Коших., 79.

²⁾ Meyerb., 315—319.

³⁾ Собр. Гос. Гр., IV, 26—27.

⁴⁾ Коших., 78.

⁵⁾ Коших., 79—80.—С. Г. Гр., IV, 124—125.

⁶⁾ Meyerb., 315—319.

перелить на вещи. Цѣнность серебра такимъ образомъ увеличивалась, искусственная же цѣнность мѣди упала. Мѣдные деньги выпущены были въ 1658 году. Съ сентября 1658 по 1 число марта 1659 года на рубль серебряныхъ денегъ было прибавки только восемь денегъ, съ 1 марта по 1 юля 2 алтына 4 деньги, съ 1 юля по 1 сентября 3 алтына 2 деньги, съ 1 сентября по 1 декабря 5 алтынъ, съ 1 декабря по 1 марта 1660 года 10 алтынъ, съ 1 марта по 1 юня 20 алтынъ, съ 1 юня по 1 сентября 23 алтына 2 деньги, съ 1 сентября по 1 декабря 26 алтынъ 4 деньги, съ 1 декабря по 1 марта 1661 года за 1 рубль серебряныхъ денегъ давали мѣдныхъ 2 рубля, съ 1 марта по 1 юня 2 р. 8 алтынъ 2 деньги, съ 1 юня по 1 сентября 2 рубля съ половиною, съ 1 сентября по 1 декабря 3 р., съ 1 декабря по 1 марта 1662 года 4 р., съ 1 марта по 1 юня 6 р., съ 1 юня по 1 сентября 8 р., съ 1 сентября по 1 марта 1663 года 9 р., съ 1 марта 1663 года по 1 апрѣля 10 р., съ 1 апрѣля по 1 мая 12 р., съ 1 мая по 15 юня 15 р. ¹⁾). За сто копѣекъ серебряныхъ давали 1500 мѣдныхъ. Такой кризисъ произвелъ всеобщій ропотъ и наконецъ возмущеніе. Народное негодованіе преслѣдовало царскаго тестя Мило-славскаго и царицына родственника Матюшкина. Толпа народа, взволнованная крикунами, бросилась въ село Измайловское, требуя отъ царя расправы, но стрѣльцы укротили мятежниковъ. Жестокія казни и ссылки постигли, по словамъ современника, до 15.000 народа ²⁾). Тогда царь увидѣлъ необходимость уничтожить мѣдные деньги и снова ввести серебряныя. Приказано упразднить производство мѣдныхъ денегъ, выдавать служилымъ жалованье снова серебромъ, въ рядахъ торговать на серебро и платить серебряными деньгами всякіе долги, хотя бы занятые и на мѣдные деньги. Всѣ мѣдные деньги дозволено сносить въ Приказъ въ теченіе срока въ Москвѣ двухнедѣльнаго, а въ городахъ мѣсячнаго для выдачи за нихъ по двѣ серебряныхъ деньги за рубль, а равно позволено всѣмъ перелить въ посуду и на всякія другія вещи мѣдные деньги, но отнюдь не держать ихъ въ домахъ, подѣ страхомъ наказанія ³⁾). Послѣ того снова начали ходить однѣ серебряныя деньги и копѣйки и серебряныя алтынники, но полушекъ уже не было. Такъ было до Петра, когда начали бить серебряныя рубли.

Правительство приписало неудачу своей операціи (нѣсколько разъ отчасти возобновленной и въ XVIII вѣкѣ) только однимъ поддѣлкамъ, но иностранцы замѣчали, что само правительство слишкомъ горячо начало собирать золото и серебро и раздавать за нихъ мѣдь. Такимъ образомъ, народъ въ свою очередь собиралъ драгоцѣнные металлы ⁴⁾.

Русскія золотыя монеты почти не употреблялись въ торговомъ оборотѣ. Цари чеканили ихъ только въ важныхъ случаяхъ, напримѣръ, чтобы раздать ихъ въ награду особамъ, оказавшимъ услуги престолу и отечеству. Есть много случаевъ, когда цари раздавали военачальникамъ золотыя монеты, но, быть можетъ, это были монеты иностранныя. Немного такихъ случаевъ, гдѣ положительно извѣстно, что монеты эти были дѣйствительно русскія. Такъ въ 1469 году

¹⁾ П. С. З., I, 578—579.

²⁾ Коших., 83.

³⁾ Собр. Г. Гр., IV, 121—124.

⁴⁾ Meyerberg, 315—319.

Иванъ Васильевичъ послалъ князю Василю Ухтомскому двѣ золотыя деньги. Существуетъ золотая монета Ивана Васильевича, чеканенная по образцу венгерскихъ червонцевъ и, вѣроятно, венгерскими мастерами.

При Феодорѣ Иоанновичѣ были русскія золотыя монеты съ изображеніемъ св. Георгія. При Владиславѣ были русскія копѣйки, вѣсившія отъ $9\frac{1}{2}$ до $11\frac{1}{2}$ долей золота. Русскія золотыя монеты извѣстны были подъ названіемъ золотыхъ московокъ. При Михаилѣ Феодоровичѣ и Алексѣ Михайловичѣ чеканили въ Россіи иностранные червонцы, какъ это видно изъ экземпляра, хранящагося въ вѣнскомъ кабинетѣ. Русская золотая монета изображала одинъ рубль или сто копѣекъ ¹⁾.

Русскія деньги по наружному виду показываютъ, что форма ихъ заимствована отъ татаръ. Онѣ были неправильной фигуры, болѣе овальныя и столь малы, что легко могли затеряться. Купцы при расчетѣ имѣли привычку набирать ихъ въ ротъ до пятидесяти штукъ и, такимъ образомъ, иногда обсчитывали покупателей ²⁾. Встарину изображенія на нихъ были произвольныя: цвѣты, четвероногія, птицы, деревья и проч., но въ XVI вѣкѣ онѣ принимаютъ однообразный видъ. Копѣйка, какъ выше сказано, имѣла изображеніе всадника на конѣ, поражающаго копьемъ змія; на другой сторонѣ надпись: царь и великій князь (такой-то). Новгородская денѣга, равная, по закону, въ цѣнности копѣйкѣ, имѣла изображеніе князя, сидящаго на престолѣ: передъ нимъ кланяющійся до земли человекъ; на другой сторонѣ также царское имя ³⁾. Московская малая денѣга, московка, имѣла изображеніе скачущаго всадника съ поднятымъ мечемъ или бичемъ. Тверская имѣла съ обѣихъ сторонъ надписи ⁴⁾. Серебряныя рублевки, перечеканенныя Алексѣемъ Михайловичемъ изъ рейхсталеровъ, носили изображеніе двуглаваго орла, съ надписью вокругъ головы: *мѣта* (такого-то), а подъ ногами *рубль*, на оборотѣ изображеніе всадника на конѣ, а кругомъ вычеканенный царскій титулъ; серебряныя четвертины или полуполтины носили изображеніе человека на конѣ съ надписью вокругъ: *полуполтина*, а на оборотѣ царское имя; на серебряныхъ алтынникахъ, попадающихся отъ конца XVII вѣка, былъ двуглавый орелъ, на оборотѣ слово *алтынникъ*, а вверху годъ. На мѣдныхъ полтинникахъ было такое изображеніе, какъ и на серебряныхъ рублевикахъ, только подъ двуглавымъ орломъ вмѣсто слова *рубль* выбито было слово *полтинникъ*; на мѣдныхъ алтынникахъ и грошовикахъ было такое же изображеніе всадника на конѣ съ надписью вокругъ: *алтынникъ*, а на грошовикахъ *четыре денѣги*. Мѣдныя копѣйки и денѣги носили такія же изображенія, какъ и серебряныя ⁵⁾. Золотыя денѣги имѣли тѣ же изображенія.

Въ XVI вѣкѣ каждый золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеръ могъ чеканить монету. Правительство требовало отъ нихъ, чтобъ эта монета имѣла опредѣленный вѣсъ и чистоту. Жители приносили къ мастерамъ слитки серебра и получали отъ нихъ выдѣланную монету. Великіе князья иногда давали позволеніе мастерамъ чеканить монету съ ихъ именемъ, какъ, напримѣръ, Иванъ

¹⁾ Chaud., 109.

²⁾ Olear. Reisebeschr.

³⁾ Gwagn. Mosc. Descr., 5.

⁴⁾ Herberst., 39.

⁵⁾ Собр. Г. Гр., IV, 26—27.

Васильевичъ позволилъ Аристотелю Болонскому чеканить монету съ собственнымъ именемъ и съ изображеніемъ всадника, а подъ нимъ цѣтка ¹⁾. Въ торговыхъ оборотахъ на монету смотрѣли, какъ на товаръ и взвѣшивали ее на скаловые вѣски. Естественно, что отъ права всякому производить монету возникали большія злоупотребленія и обманы, какъ этому мы видимъ примѣры при Василіи Ивановичѣ и при правительницѣ Еленѣ. При царѣ Иванѣ Васильевичѣ денежные мастера были уже подъ болѣе строгимъ надзоромъ правительства. Еще въ малолѣтство этого государя въ Новѣгородѣ былъ денежный дворъ, гдѣ по царскому указу назначенный московскій гость съ товарищами вѣдалъ денежныхъ мастеровъ ²⁾. Въ Торговой книгѣ, писанной въ послѣднихъ годахъ царствованія Іоанна Васильевича, говорится, что иностранные рейхсталеры *плаваютъ на государевомъ дворѣ денежномъ* и какъ притомъ идетъ рѣчь о доставкѣ покупного серебра въ Москву, то изъ этого видно, что и въ Москвѣ въ то время монетное производство было въ рукахъ правительства ³⁾. Но въ XVI вѣкѣ оно не было еще совершенно изъято отъ участія частныхъ лицъ. Петрей говоритъ, что монету дѣлали въ Новѣгородѣ, Псковѣ, Москвѣ и Твери, и что были знатнѣйшіе граждане и купцы, облеченные дозволеніемъ чеканить монету, только съ именемъ царя и съ опредѣленнымъ изображеніемъ ⁴⁾. При Михаилѣ Феодоровичѣ монету чеканили въ тѣхъ же четырехъ городахъ ⁵⁾ и для того въ этихъ городахъ были заведены денежные дворы. Денежные мастера, работавшіе на дворахъ, получали царское жалованье. Для предупрежденія злоупотребленій на денежныхъ дворахъ были двое головъ: одинъ изъ дѣтей боярскихъ, другой изъ гостей или торговыхъ людей и, сверхъ того, нѣсколько цѣловальниковъ, выбранныхъ изъ посадскихъ людей и приведенныхъ къ крестному цѣлованію ⁶⁾.

По поводу распространившагося въ 1637 году дѣланія фальшивой монеты и привоза ея изъ-за границы правительство издало строгія мѣры въ таможенныхъ и преслѣдовало жестоко тѣхъ, которые имѣли у себя денежные формы (маточники) ⁷⁾. Всѣ старыя деньги велѣно было собрать и перечеканить на денежномъ дворѣ ⁸⁾. Такимъ образомъ въ это время русская монета была исключительно произведеніемъ казны. При Алексѣѣ Михайловичѣ денежные дворы были въ Москвѣ, Новѣгородѣ и Псковѣ ⁹⁾; на денежномъ дворѣ начальствовали дворянинъ и дьякъ, а при нихъ для приѣма и опѣнки серебра находились вѣрные (выборные и приведенные къ крестному цѣлованію) головы и цѣловальники ¹⁰⁾. Во время выпуска мѣдныхъ денегъ въ тѣхъ же городахъ учреждены были *денежные дворы мѣднаго дѣла*, но по прекращеніи выпуска уничтожены и попрежнему возстановлены денежные дворы серебрянаго дѣла ¹¹⁾. Къ концу XVII

¹⁾ Библ. иностр. писат. о Росс., 190.

²⁾ Соф. Врем., 387.

³⁾ Торг. кн., 116. З. А. О., I.

⁴⁾ Petrei Chronic., 319.

⁵⁾ Olear. Reisebeschr., 213.

⁶⁾ Врем., III. Разрядн. кн., 81.

⁷⁾ Собр. Г. Гр., III, 360.

⁸⁾ Доп., III, 193.

⁹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 121.

¹⁰⁾ Коших., 77, 79.

¹¹⁾ Собр. Г. Гр., IV, 121—126.

вѣка денежные дворы въ городахъ не существовали: оставался одинъ денежный дворъ въ Москвѣ ¹⁾.

Русская страна, не знавшая у себя ни золота, ни серебра, естественно должна была заботиться о привлеченіи драгоцѣнныхъ металловъ изъ-за границы, и въ томъ числѣ иностранной монеты: русскіе перечекаивали ее на свою монету. Поэтому правительство постоянно хлопотало, чтобъ чрезъ торговлю и платежъ пошлинъ переходило какъ можно болѣе иностраннаго золота и серебра въ Россію. Еще при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ правительство имѣло объ этомъ сильное попеченіе ²⁾. При преемникахъ его оно держалось того же направленія, обращало иностранную монету въ свою собственность и выпускало русскія деньги ³⁾. Но при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ стремленіе собирать въ казну иностранныя деньги доходило до страсти ⁴⁾.

Звонкая иностранная монета, ходившая въ Россіи, была золотая и серебряная и принималась на вѣсъ, какъ и всякій другой товаръ ⁵⁾. Иностранныя золотыя монеты, ходившія въ Россіи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, были:

Червонцы или дукаты угорскіе ($23\frac{3}{4}$ карата), голландскіе ($23\frac{7}{12}$ карата), польскіе ($23\frac{1}{2}$ карата), флорентинскіе (въ 72 грана), рейнскіе, корабленики или англійскіе шифснобли (shiffs nobles или Roses nobles), имѣвшіе на одной сторонѣ изображеніе корабля съ мечемъ и щитомъ, а на другой розы (въ $136\frac{56}{79}$ грановъ три), португальскіе, самыя большіе по объему (въ португальскую унцію) ⁶⁾. Русскіе измѣряли ихъ вѣсъ своими деньгами; въ концѣ XVI вѣка угорскіе вѣсили 10 денегъ съ полуденьгою, корабленики 3 алтына 3 деньги, а португальскіе 17 алтынъ и 3 деньги ⁷⁾.

Цѣнность иностранныхъ золотыхъ монетъ въ сравненіи съ русскими была подвержена измѣненіямъ. Она возвышалась передъ важными торжественными случаями, какъ, напр., передъ царскою свадьбою или крестинами царевичей, когда бояре и представители общинъ приносили царю подарки, состоявшіе изъ червонцевъ, положенныхъ въ дорогихъ кубкахъ или на блюдахъ; равномѣрно червонцы дорожали каждый годъ передъ Пасхою, ибо русскіе, приходя христоваться къ боярамъ и вообще знатнымъ лицамъ, приносили имъ въ подарокъ разныя драгоцѣнности и въ томъ числѣ червонцы ⁸⁾. Притомъ, такъ какъ червонцы принимались на вѣсъ и по качеству золота, то цѣнность ихъ зависѣла и отъ этихъ обстоятельствъ. Чѣмъ золото было краснѣе, тѣмъ считалось лучше и дороже, чѣмъ блѣднѣе, тѣмъ хуже и дешевле ⁹⁾; наконецъ измѣненіе цѣнности русскаго рубля измѣняло и отношенія къ нему иностранныхъ монетъ. Угорскіе и голландскіе червонцы были въ одинаковой цѣнѣ между собою ¹⁰⁾. Въ

¹⁾ Das Gr. Reich v. Moscov., 181.

²⁾ Раф. Барб., 35.

³⁾ А. И., IV, 313.—Доп., III, 190.

⁴⁾ Коших., 77.

⁵⁾ Врем., VIII. Торг. кн., 10.

⁶⁾ Chaud., 62—64.

⁷⁾ Торг. кн., 117. Зап. Арх. Общ., I.

⁸⁾ Маржер., 50, 51.

⁹⁾ Кильбург., 146.—Gwagn. Mosc. Descript., 5.—Fletch. The Russ. Commonw., 32.

¹⁰⁾ Ист. Г. Росс., IX. Прим. 731.

концѣ XVI вѣка иностранцы опредѣляли цѣнность ихъ отъ 50 до 60 денегъ (вѣроятно новгородскихъ), въ Торговой книгѣ дукать угорскій оцѣненъ въ 17 алтынъ 3 деньги ¹⁾. Въ началѣ XVII вѣка цѣнность дукатовъ была отъ 18 до 21 алтына, а иногда, по мѣрѣ большаго требованія, достигала и одного рубля ²⁾. Въ половинѣ XVII вѣка червонецъ стоилъ рубль. Въ послѣднихъ годахъ царствованія Алексѣя Михайловича и при Θεодорѣ Алексѣевичѣ они колебались между рублемъ и рублемъ двадцатью пятью копейками. Но вообще въ это время нормальная цѣнность его была рубль, ибо такъ велѣно было брать его отъ иностранцевъ за пошлины въ казну. Если мы переведемъ тогдашнюю цѣнность на нынѣшній вѣсъ металла, то найдемъ, что цѣнность червонца колебалась между 1 руб. 80 коп. и 2 руб. 50 коп. русской настоящей монеты. Рейнскіе червонцы были равноцѣнны дукатамъ, но какъ въслѣдствіи начали ихъ чеканить изъ 72 долей чистаго золота, дополняя остальное количество серебромъ, то они упали въ цѣнѣ. Польскіе червонцы въ XVI вѣкѣ были меньше рубля: ихъ было $2^{916}/1000$ въ одномъ русскомъ рублѣ, но въ началѣ XVII вѣка 200 рублей оцѣнено въ 660 флориновъ польскихъ, слѣдовательно $2^{15}/60$ составляли рубль. Португальскіе червонцы съ крестомъ составляли относительную рѣдкость. Каждый вѣсилъ десять дукатовъ; въ концѣ XVI вѣка онъ принимался за пять рублей съ четвертью; корабленики—за одинъ рубль десять денегъ.

Изъ иностранныхъ серебряныхъ монетъ ходили въ Россіи англійскіе шиллинги, голландскіе гульдены, нѣмецкіе рейхсталеры и разныя талеры, вообще называемые у насъ ефимками (Joachim's Thaler). Номинальная цѣна шиллингу была два алтына, и рубль ходилъ 16 шиллинговъ 8 пенсовъ, но въ самомъ дѣлѣ русскій рубль по его измѣнчивости принимали за 13 и даже за 12 шиллинговъ ³⁾; голландскіе гульдены въ XVII вѣкѣ ходили отъ шести алтынъ четырехъ денегъ до восьми алтынъ ⁴⁾. Рейхсталеры, называемые у насъ ефимками, составляли особую заботу правительства, старавшагося наполнять ими казну ⁵⁾. Цѣнность ихъ на русскія деньги была различна, но вообще вращалась около полтины. При Иванѣ Васильевичѣ талеры ходили 13 алтынъ $1^{5}/9$ деньги ⁶⁾, въ Торговой книгѣ имъ назначена цѣна отъ 12 алт. съ деньгою до 14 алт. 5 денегъ, смотря по качеству, ибо замѣчено было, что прежніе талеры были добрѣе, а потому и цѣнились дороже ⁷⁾. Маржереть говоритъ, что въ его время русскіе покупали ефимки за 12 алтынъ или 36 большихъ денегъ (72 московки), а при перечежанкѣ получали 42 большія деньги (84 московки) или 14 алтынъ ⁸⁾.

При Михаилѣ Θεодоровичѣ рейхсталеръ цѣнился въ половину ⁹⁾. Русскіе выдѣлывали свой рубль изъ двухъ рейхсталеровъ и при этомъ получали выгоду,

¹⁾ Торг. кн. З. А. О., I, 117.

²⁾ Дневн. Марини.

³⁾ Накл., 235.

⁴⁾ Док., V, 218, 234.

⁵⁾ Собр. Г. Гр., III, 316, 409.

⁶⁾ Солов., Истог. Россіи, VI, 143.

⁷⁾ Торг. кн., 116. З. А. О., I.

⁸⁾ Маржер., 50.

⁹⁾ Olear., 49.

ибо тогдашній рубль былъ менѣ двухъ рейхсталеровъ двумя лотами вѣса серебра ¹⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ велѣно брать у прїѣзжихъ иностранныхъ торговцевъ талеры по 13 алт. 2 деньги и по 14 алтынъ, а правительство сначала, какъ выше сказано, перечекивало ихъ, впоследствии выставляло на нихъ только московскій гербъ и годъ и пускало въ оборотъ по 21 алтыну съ двумя деньгами. При этомъ казна выигрывала на каждомъ талерѣ отъ 7 алтынъ двухъ денегъ до 8 алтынъ. По выпускѣ мѣдныхъ денегъ, когда серебро поднялось въ цѣнѣ, возвысилась цѣнность талеровъ. Мейербергъ говоритъ, что 64 серебряныхъ копѣйки составляли рейхсталеръ ²⁾, что при переводѣ на болѣе обычный тогдашній счетъ составляло 20 алтынъ 4 деньги. По Торговому уставу 1667 г. приказано было брать у прїѣзжихъ иностранцевъ въ пошлину рейхсталеръ по полтинѣ (по 14 талеровъ въ фунтѣ) ³⁾. При этомъ велѣно было брать любскіе талеры, а избѣгать *крестовыхъ* (съ изображеніемъ креста), въ которые тогда подмѣшивали мѣди. Въ 1674 году рейхсталеръ ходилъ отъ 55 до 58 копѣекъ ⁴⁾. Итальянскіе талеры принимались дешевле, потому что были легче; шведскіе, носившіе простонародное названіе плѣшивцевъ, при передѣлкѣ въ деньги обходились въ 12 алтынъ безъ новгородки, то-есть, безъ двухъ денегъ. Отъ этого торговцы совѣтовали ихъ брать въ вѣсъ четвертью меньше, потому что въ нихъ серебро было нечисто ⁵⁾.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Описавъ пути торговли и законы, которымъ она была подчинена, изложивъ состояніе торговаго класса въ Русскомъ Государствѣ въ XVI и XVII вѣкахъ, исчисливъ мѣры, вѣсы и деньги, употреблявшіяся въ тогдашней русской торговлѣ, мы теперь приступимъ къ исчисленію ея предметовъ:

1. Предметы царства ископаемаго.

Соль. Русская земля производила въ различныхъ мѣстахъ значительный запасъ соли, хотя производство ея далеко не обнимало всей возможности добыванія даже и по тогдашнимъ силамъ. Соль добывалась на Сѣверномъ морѣ, въ Вычегдѣ, въ Пермской землѣ—Соликамскѣ, Чердынѣ, въ Тотмѣ, Сольгаличѣ, Киржачѣ, Мангазіи, Старой Русѣ, на Холуѣ въ Ряполовскомъ Стародубѣ, на Волгѣ въ различныхъ мѣстахъ и особенно около Астрахани. На всемъ протяженіи запад-

¹⁾ Olear., 213.

²⁾ Meyerb., 315.

³⁾ Доп., V, 185.

⁴⁾ Кильбург., 119.

⁵⁾ Торг. кн., 16. Врем., VIII.

наго берега Онежской Губы занимались вываркою морской соли. Соловецкій монастырь имѣлъ варницы, между прочимъ въ Керецкой волости, и добывалъ соль посредствомъ наемныхъ солепромышленниковъ, которыхъ въ половинѣ XVII вѣка было у него до 700 человекъ, постоянно жившихъ и получавшихъ отъ монастыря денежное жалованье и готовое содержаніе: Добывая ежегодно до 100.000 пудовъ соли, монастырь отправлялъ ее въ Вологду и Устюгъ, для промѣна на разные запасы и хлѣбъ, котораго не было въ сѣверныхъ приморскихъ странахъ. Монастырь пользовался правомъ безошпинной торговли солью, но вообще платилъ въ казну 530 р. за всѣ угодья и промыслы, какіе только принадлежали ему ¹⁾. Ко времени подвоза монастырской соли въ Вологду купцы, торговавшіе ею, прибывали въ этотъ городъ. Въ 1668 году продажа монастырской соли въ Вологдѣ подчинилась правиламъ: выбирались нарочные цѣловальники изъ посадскихъ людей и назначалось двое отставныхъ дворянъ: они обязаны были наблюдать за продажею соли, записывать деньги, взятые за нее, по статьямъ и по числамъ, и увѣдомлять Разрядъ о количествѣ проданной соли ²⁾. На Онегѣ Каргополь былъ, какъ уже замѣчено, важнымъ пунктомъ соляной сѣверной торговли. Немаловажная часть соли сбывалась въ Холмогорахъ, ибо сосѣдніе жители береговъ Ваги привозили туда хлѣбъ, масло, простыя сукна и прочіе товары, которые промѣнивали поморцамъ на соль ³⁾. Каргопольцы, усть-мехренжане и порожане ѣздили за солью къ солеварнямъ, а равно и сами солепромышленники привозили соляные грузы и складывали въ Турчасовѣ и Каргопольѣ. Соль доставлялась въ эти мѣста по Онегѣ съ большимъ затрудненіемъ по причинѣ пороговъ; поэтому на порогахъ были всегда готовы козаки и тяглецы; первые исключительно занимались выгрузкою и нагрузкою соли, послѣдніе были изъ мѣстныхъ жителей; ихъ промыселъ былъ—тянуть суда черезъ пороги и вообще вверхъ по рѣкѣ. Коль скоро судно, нагруженное солью, достигало пороговъ, таможенники, постоянно долженствовавшіе находиться на этомъ мѣстѣ, посылали козаковъ и тяглецовъ, первыхъ для перегрузки, вторыхъ для перетяжки и провоза судовъ. Привозимая на мѣсто соль складывалась въ амбарахъ у мѣстныхъ купцовъ или въ особо устроенныхъ сараяхъ на гостиномъ дворѣ. При выгрузкѣ соли козаки должны были складывать ее въ стопы, а при продажѣ приѣзжимъ купцамъ набивать въ рогожи, и брали за то по полуденьгѣ отъ рогозины или мѣха ⁴⁾. Козаки были въ завѣдованіи таможенниковъ, которые должны были всегда имѣть ихъ шестьдесятъ человекъ наготовѣ, и никто, кромѣ козаковъ, не смѣлъ заниматься этимъ промысломъ. Соль изъ Каргополя шла преимущественно въ Бѣлоозеро, а оттуда развозилась по всей Россіи. Въ Пермской землѣ были значительныя солеварни у Строгановыхъ ⁵⁾. Вываренная на нихъ соль складывалась въ сапцы: въ каждомъ сапцѣ было шесть пудовъ ⁶⁾; она отправлялась въ Нижній на продажу ⁷⁾. На мѣстѣ она стояла за пудъ 1¹/₂ коп. или

¹⁾ А. А. Э., III, 153—154.

²⁾ Доп., V, 389.

³⁾ А. А. Э., III, 154.

⁴⁾ А. А. Э., I, 179.

⁵⁾ Доп., II, 105.

⁶⁾ Доп., II, 138.

⁷⁾ С. Г. Гр. IV, 194.

3 деньги, но въ Москвѣ 6 алтынъ 2 деньги. Соль тотемская вываривалась въ незначительномъ количествѣ и отправлялась также въ Нижній. Она была достоинствомъ лучше морской и пермской и бѣлизною не уступала люнебургской, которая тогда славилась въ Европѣ. Соль, добываемая въ Сольгаличѣ, служила только для удовлетворенія потребности сосѣдняго народонаселенія ¹⁾. Недалеко отъ Новгорода, близъ Старой Русы, добывалась соль натуральная изъ озера, и въ концѣ XVI вѣка почиталась лучшею въ Россіи ²⁾. Въ XV вѣкѣ еще не было добыванія этой соли и Великій-Новгородъ получалъ соль изъ-за границы, а въ XVII вѣкѣ соль старорусская продовольствовала сѣверо-западный край Россіи ³⁾. Соляные промыслы на озерѣ принадлежали посадскимъ людямъ, хотя и находились въ дворцовыхъ и черныхъ селахъ, и посадскіе очень ими дорожили, ибо въ 1617 году просили не раздавать въ помѣстья волостей, лежавшихъ близъ озера, чтобъ имъ самимъ не лишиться у частныхъ владѣльцевъ права добывать соль ⁴⁾. При соляной операціи назначались цѣловальники, выборные изъ посадскихъ, находившіеся подъ надзоромъ воеводы и обязанные наблюдать за операціею ⁵⁾. Старорусская соль сбывалась въ Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ, Вязьмѣ, Ржевѣ, Дорогобужѣ ⁶⁾. Соляные промыслы въ Старой Русѣ, и, какъ кажется, повсюду, въ XVI вѣкѣ были обложены податью, такъ называемою сотною солью ⁷⁾. Эта пошлина состояла изъ трехъ денегъ на сотню (вѣроятно пудовъ) ⁸⁾. Въ 1646 году была положена высокая пошлина на соль—каждый солеторговецъ обязанъ былъ платить по 2 гривны съ пуда ⁹⁾. Но вскорѣ вспыхнувшее неудовольствіе народа заставило уничтожить эту подать.

Самые важнѣйшіе соляные промыслы въ Россіи, безспорно, были волженскіе. Около Нижняго существовало добываніе соли, впрочемъ незначительное. Пониже Симбирска русскіе выламывали соль, сушили на солнцѣ и складывали въ кучи на подобіе кургановъ, потомъ клали въ суда и отправляли въ Нижній ¹⁰⁾. Между Симбирскомъ и Самарой въ половинѣ XVII вѣка заведено было усолье, бывшее на откупъ отъ казны, потомъ въ 1660 году оно пожаловано монастырю Саввы Сторожевскаго, а въ 1674 году поступило въ завѣдованіе казеннаго воеводы. Оно не имѣло важнаго значенія, тѣмъ болѣе, что его разорили казаки ¹¹⁾. Самое обильное добываніе соли было около Астрахани изъ соленыхъ озеръ. Эта соль находилась исключительно въ вѣдѣніи казны, а промышленникамъ предложено было являться на озера и нагребать соль, съ платою за то въ казну. При Михаилѣ Феодоровичѣ за право нагребать соль въ астраханскихъ озеряхъ платили по 1 деньгѣ съ пуда. При Алексѣѣ Михайловичѣ, во время всеобщаго

1) Кильбург., 58.

2) Fletch. The Russ. Commonw., 22.

3) Пам. Дипл. Снош., I, 95.—А. И., V, 413.

4) А. А. Э., III, 125.

5) Доп., V, 389.

6) А. И., V, 413.

7) С. Г. Гр., I, 387.

8) The Russ. Commonw., 22—23.

9) А. А. Э., IV, 5.

10) Olear., 353.

11) А. И., V, 187.

повышенія пошлины на соль, астраханское соледобываніе обложено было только половиннымъ количествомъ этой пошлины ¹⁾). Впослѣдствіи плата за соль оставалась та же, какъ и при Михаилѣ Феодоровичѣ: по 1 деньгъ за пудъ, но сверхъ того за право нагрѣвать соль платили по 1 алтыну съ сотни пудовъ. Во все продолженіе XVII вѣка въ астраханскихъ соленыхъ озерахъ наблюдали такой порядокъ: соляные торговцы, отправляясь въ Астрахань за солью, должны были брать изъ Приказа подписныя челобитныя, т.-е. подавать челобитныя, на которыхъ дьяки подписывали позволеніе. Эти подписныя челобитныя служили торговцамъ вмѣсто свидѣтельства. На соляныя озера посылаемы были дѣти боярскіе и цѣловальники (при Михаилѣ Феодоровичѣ одинъ сынъ боярскій съ двумя цѣловальниками). Они обязаны были надзирать за правильностью промысла, между прочимъ, чтобъ торговцы не продавали никому нагрѣбленной соли; при нихъ складывали соль въ паузки, завозни и струги, а они измѣряли эти небольшія суда въ длину и ширину и отсылали въ Караузикъ, гдѣ была общая соляная приставь. Тамъ находились ларечный цѣловальникъ съ двумя цѣловальниками, а при Алексѣѣ Михайловичѣ и отрядъ стрѣльцовъ. Они обязаны были надзирать за пересыпкою соли изъ мелкихъ судовъ въ большія. Эта пересыпка производилась черезъ заорленныя (клейменныя) кади въ двадцать пудовъ каждая, а какъ предполагалось, что вѣсъ соли впослѣдствіи отъ высушки убавится, то насыпали съ *наддачею* ²⁾). Здѣсь промышленники платили пошлину. Астраханская соль отправлялась на казенныхъ судахъ въ Нижній и тамъ оплачивалась ³⁾ пошлиною, исключая той, которую нагрѣбали монастыри, имѣвшіе привилегію на беспошлинную торговлю извѣстнымъ количествомъ соли. Провозъ до Нижняго-Новгорода предполагалъ увѣсъ (уменьшеніе вѣса) отъ высушки соли; при обложеніи пошлинами, а равно и при продажѣ происходили споры и недомѣнкія, поэтому въ 1667 году велѣно въ Нижнемъ-Новгородѣ на тысячу пудовъ набранной въ астраханскихъ озерахъ соли и записанной въ такомъ числѣ въ проѣзжихъ грамотахъ считать сто пудовъ увѣсу ⁴⁾). Такимъ образомъ, Нижній-Новгородъ былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ соли въ государствѣ: отсюда она развозилась во всѣ стороны и продавалась на ярмаркахъ и торгахъ, на гостиныхъ дворахъ, въ амбарахъ и въ лавкахъ.

Въ XVI вѣкѣ соль продавалась мѣхами, рогозинами и лубьями. Рогозина заключала въ себѣ десять пудовъ, а три луба составляли рогозину, но были рогозины и въ шесть пудовъ; а въ XVII вѣкѣ правительство приказывало продавать соль на пуды, взвѣшивая ее; въ Новгородѣ соль привозилась на оптовую продажу бочками, вѣсомъ отъ трехъ до девяти пудовъ въ бочкѣ ⁵⁾). Соль составляла предметъ торговли на всѣхъ рынкахъ и назначалась преимущественно для внутренняго потребленія. Потребность ея въ большихъ количествахъ поддерживалась обычаемъ употреблять рыбу и даже мясо солеными. Въ XVI вѣкѣ русская соль не вывозилась за границу. Англичане не признали ее въ числѣ то-

¹⁾ А. А. Э., IV, 5.

²⁾ А. И., III, 277.—А. И., IV, 519.

³⁾ Кильбург., 57.

⁴⁾ С. Г. Гр., IV, 194.

⁵⁾ С. Г. Гр., II, 137.—А. А. Э., II, 275.—Таможенная Новгородская книга 1613 года, хранящаяся въ Стокгольмскомъ Государственномъ Архивѣ.

варовъ, годныхъ къ вывозу, и нашли въ ней дурныя качества ¹⁾, но въ XVII вѣкѣ голландскій купецъ Кильбургеръ не находилъ ее дурною; изъ этого можно заключить, что въ теченіе столѣтія русскіе соляные промыслы не остались безъ улучшенія. Соль отправлялась, какъ мы выше сказали, въ Швецію и въ Литву. Въ половинѣ XVII вѣка соль значится и между товарами, которые въ Вологдѣ покупали англичане ²⁾. Впрочемъ, отвозъ соли за границу не могъ быть значителенъ, ибо правительство не только не поощряло его, но часто и воспрещало. Такъ при царѣ Михаилѣ Теодоровичѣ въ Псковѣ запрещено было подъ смертною казнью вывозить соль за рубежъ ³⁾. Притомъ для иностранцевъ соль русская годилась, какъ видно, только въ крайности, такъ что нѣмцы, жившіе въ Москвѣ, не могли къ ней привыкнуть и выписывали себѣ соль изъ Германіи ⁴⁾. Цѣна на соль въ половинѣ XVII вѣка и въ срединѣ Россіи была за пудъ около шести алтынъ и двухъ гривенъ ⁵⁾ (при сравненіи съ деньгами настоящаго времени около сорока копѣекъ). Цѣна эта не всегда и не вездѣ была одинакова, ибо на строгановскихъ солеварняхъ сапець соли въ шесть пудовъ стоилъ иногда двѣ гривны, а иногда цѣна, возвышаясь, достигала четырехъ гривенъ. Въ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка былъ въ употребленіи родъ соли, называемой крупкою; цѣна соли была тогда въ Новгородѣ отъ 2¹/₂ до 4¹/₄ рублей за берковецъ ⁶⁾.

Металлы. Россія почти не обрабатывала своихъ металловъ. При Іоаннѣ III находка печерскихъ рудниковъ была, кажется, столь же бесплодна, какъ многочисленныя попытки правительства къ отысканію руды въ XVI и въ XVII вѣкахъ. Только желѣзо выдѣлывалось *въ горнахъ и домницахъ* ⁷⁾ въ Орѣшкѣ, въ землѣ Корельской, Каргополѣ, Тихвинѣ, Новгородѣ, Устюжнѣ, прозванной Желѣзнопольскою ⁸⁾ и около Коширы ⁹⁾. Это не были правильные заводы, а только крестьянскіе опыты. Теодоръ Ивановичъ даровалъ англичанамъ право завести желѣзные заводы на Вычегдѣ ¹⁰⁾. Русское желѣзо не считалось хорошимъ по качеству. Изъ него выдѣлывались сошники, гвозди и разныя принадлежности крестьянскаго быта. Укладъ тихвинскій былъ дешевле новгородскаго и продавался по 4 рубля за 1000 вершковъ, а укладъ новгородскій 10 рублей за 1000 вершковъ. Укладъ корельскій стоилъ за пудъ отъ 20 до 23 алтынъ ¹¹⁾. При Михаилѣ Теодоровичѣ нѣмцы, по приглашенію царя присланные саксонскимъ герцогомъ, открыли желѣзную руду близъ Тулы и начали ее обработку ¹²⁾. Въ семи верстахъ отъ Тулы поставленъ былъ горнъ, гдѣ вытягивалось прутовое желѣзо. Потомъ этотъ заводъ отданъ иностранцамъ Петру Марселісу и Тильману Акемѣ или Акману, съ условіями пользоваться имъ безоброчно двадцать лѣтъ, а по-

¹⁾ Lett. of the Mosc. comp. Nakl., 345.

²⁾ Доп., III, 148.

³⁾ А. А. Э., III, 192.

⁴⁾ Кильбург., 82.

⁵⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Никона, 26.

⁶⁾ Тамож. Новг. кн. въ Стокг. Госуд. Арх.

⁷⁾ Доп., I, 163.

⁸⁾ Ист. Г. Росс., X, 253.—Торг. кн., 136. Зап. Арх. Общ., I.

⁹⁾ Herberst., 44.

¹⁰⁾ Ст. Спис. Флетч., 28 —Nakl., 227.

¹¹⁾ Торг. кн., 136. З. А. О., I.

¹²⁾ Olear., 157.

тожь платить съ каждой плавильной печи по сту рублей и въ продолженіе какъ льготныхъ лѣтъ, такъ и послѣднихъ доставлять въ казну желѣзо оружейное по 20 алтынъ, досчатое по 26 алтынъ 4 деньга, прутовое по 13 алтынъ 2 деньга, ядерное по 10 алтынъ за пудъ, а проволочное съ убавкою противъ ходячей цѣны ¹⁾. Въ 1656 году существовали въ томъ же краю еще два завода: одинъ на рѣкѣ Угодѣ, а другой въ Поротовскомъ уѣздѣ на рѣкѣ Протвѣ. Въ 1664 году у Марселиса заводы были отняты, а поротовскій и угодскій отданы Акману (Акману) съ племянниками и имъ дана на содержаніе волость. Царь подтвердилъ имъ тѣ же привилегіи, какія даны были заводчикамъ отцомъ его, съ уговоромъ доставлять 11.250 пудовъ прутового и 3.750 пудовъ связнаго желѣза въ казну по установленной цѣнѣ 16 алтынъ 4 деньга за пудъ. Вскорѣ Марселису возвращенъ былъ заводъ, и въ 1668 году онъ доставлялъ въ казну 20.000 пудовъ прутового и связнаго, 5.000 кованыхъ досокъ, 6.000 ядеръ, 20 пушекъ и разной мелочи по условленнымъ съ казною цѣнамъ ²⁾. Эти заведенія имѣли право, сверхъ доставки въ казну, продавать желѣзо въ частныя руки и за границу, но непременно за звонкую монету, которую были обязаны доставлять въ казну и брать за нее русскую монету по установленной цѣнѣ ³⁾. Заводъ Марселиса имѣлъ три печи и десять молотовъ съ двойными горнами; заводъ протвинскій—двѣ печи и четыре молота; состояніе угодскаго завода неизвѣстно. Сверхъ того, въ 52 верстахъ отъ Москвы былъ казенный павловскій заводъ, но онъ шель плохо. Въ самой Москвѣ за Неглинной былъ монетный заводъ, существовавшій еще прежде: тамъ лили пушки и колокола ⁴⁾. Лучшій заводъ былъ протвинскій. На этомъ заводѣ выдѣлывалось полосовое желѣзо трехъ сортовъ, пушки, выдержавшія опыты въ Голландіи, двери, ставни, якоря въ 22 четв. длины и столько же ширины, солеварные цѣбны, сабельные клинки, ядра, ручныя мукомольныя мельницы, топоры, бердыши, лопаты, засовы, телѣжныя принадлежности, гвозди и проч. Въ 1668 году желѣзо съ заводовъ продавалось въ казну отъ 8 алтынъ до 1 р. 15 алт. за пудъ. Самое цѣнное желѣзо было листовое кровельное по 1 р. 15 алт. за пудъ. Кованыя дверныя доски продавались по 30 алт. за пудъ, желѣзо въ ядрахъ, пушкахъ и плитахъ по 8 алт. за пудъ. Топоры, бердыши, шпаги, пики, полупики продавались поштучно; стволъ мушкетный, шпага, сабля продавались по 20 алтынъ, полуника 4 деньга, топоръ и бердышъ 5 алт., ручная мельница 5 руб., гвозди и всякая мелочь 23 алт. 2 деньга за пудъ, связное желѣзо 16 алт. 4 деньга за пудъ, сохи по 2 гривны за пару. Въ 1674 году въ общей продажѣ желѣзо полосовое продавалось у Марселиса отъ 5 до 5¹/₂ гривенъ или отъ 16 алт. 4 деньга до 19 алт. 2 денегъ; у Акмана отъ 6 до 6¹/₂ гривенъ или отъ 20 алт. до 22 алт. 2 денегъ, листовое у Марселиса по рублю, у Акмана по 1 р. 3 алт. 2 деньга, двойное по 1 р. 6 алт. 4 деньга, литыя вещи по полтинѣ ⁵⁾.

Несмотря на эти домашнія заведенія, Россія не обходилась безъ иностраннаго желѣза. Въ 1671 году привезено въ Россію 1.957 пудовъ, въ 1672—

¹⁾ С. Г. Гр., III, 408—409.

²⁾ Доп., V, 390—394.

³⁾ С. Г. Гр., III, 409.

⁴⁾ Olear., 149.—Кильбург., 69—71.

⁵⁾ Доп., V, 390—399.—Кильбург., 71.

123.901 пуд., въ 1673—672 пуда. Желѣзо, привозимое въ Россію, доставлялось преимущественно изъ Швеціи черезъ Новгородъ. Привозъ желѣза подвергался общему характеру русскаго привоза: именно, одинъ разъ привозили значительное количество товаровъ, а въ другіе годы несравненно менѣе, и отъ того случался недостатокъ въ странѣ. Такъ при Алексѣѣ Михайловичѣ Тихвинскій монастырь, нуждаясь въ желѣзѣ для связокъ въ каменной постройкѣ, просилъ особаго дозволенія послать въ Швецію свои товары для промѣна на желѣзо ¹⁾. Видно, что поблизости нельзя было купить желѣза. Въ Россіи издавна работали всякія желѣзныя издѣлія. Такъ въ Муромѣ дѣлали клепаны, которые украшались серебряными рѣзными черенками и носили названіе муромскихъ ²⁾; въ Бѣжецкомъ-Верху — а можетъ быть и въ другихъ мѣстахъ — работали косы и серпы ³⁾. Въ Ярославлѣ дѣлались разныя стальные вещи и въ томъ числѣ висячіе замки, сходные по фигурѣ съ персидскими ⁴⁾. Въ Астрахани занимались дѣланіемъ булатныхъ сабель и панцирей; особенно этимъ искусствомъ отличались черкесы, тамъ жившіе. Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ ихъ потребовать въ Москву ⁵⁾. Но тѣмъ не менѣе Россія получала изъ-за границы отъ шведовъ, голландцевъ, англичанъ, частію изъ Персіи разныя желѣзныя и стальные вещи, и въ томъ числѣ оружіе: послѣднее было особенною заботою правительства, желавшаго, чтобы въ Россіи было побольше оружія. Въ 1633 году торговцы голландскіе условились доставлять въ Россію сабельныя полосы, ядра и порохъ ⁶⁾. Напротивъ, правительство запрещало продавать оружіе и всякія металлическія вещи татарамъ и прочимъ инородцамъ ⁷⁾. Здѣсь дѣйствовали двѣ причины: предотвращеніе бунтовъ и желаніе сохранить въ государствѣ побольше оружія. Нельзя не замѣтить, что такая продажа оружія была очень выгодна, потому что, несмотря на запрещеніе правительства, русскіе вели съ инородцами тайную торговлю оружіемъ.

Изъ привозныхъ въ Россію стальныхъ издѣлій расходились въ торговлѣ ножи, ножницы, замки, булавки и иголки. Ножи привозились въ Архангельскѣ *стырскіе*, съ желтыми черенками, *чацкіе* (датскіе) съ черными черенками, *свицкіе* (шведскіе) разносторонніе: одна сторона *сандальная*, другая бѣлая, и *уорскіе*; ножи считались въ оптовой продажѣ парами, десятками паръ, сотнями паръ. Они были разной величины. Шилья отличались *халаянскія*, продавались въ оптовой продажѣ тысячами и были трехъ сортовъ. Иголокъ и булавокъ привозили въ Россію довольно большое количество: въ 1671 году привезено 623.000 иголокъ и 154.000 булавокъ, въ 1672 году пять тоннъ и 1 ящикъ, въ 1673 году 639.000 большихъ иглъ, 545.000 иголокъ и 120.000 булавокъ ⁸⁾.

Въ XVI вѣкѣ привозимое въ Россію желѣзо продавалось *четвертинами*,

¹⁾ Доп., V, 409.—А. И., IV, 193.

²⁾ Врем., VII, Оп. Им. Ц. Ив. В., 12.

³⁾ П. С. З., I, 281.

⁴⁾ Кильбург., 69—70.

⁵⁾ А. И., IV, 301.

⁶⁾ С. Г. Гр., III, 336.

⁷⁾ А. А. Э., III, 362.

⁸⁾ Кильб., 89. Торг. кн., 126, З. А. О., I.

которыя заключали въ себѣ *поллицы*. Въ Торговой книгѣ четвертина иностраннаго желѣза означена въ 300 полицъ. Въ концѣ XVI вѣка сто паръ ножей угорскихъ и посольскихъ стоили отъ 6 рублей до 2¹/₂, свицкихъ 2 рубля, цацкихъ 40 алтынъ, а стырскихъ 20 алтынъ; четвертина, заключавшая 300 полицъ, цѣнилась отъ 2¹/₂ до 6 рублей, изъ чего видно, что цѣны на этотъ предметъ были очень неровны¹⁾. Желѣзной проволоки пудъ стоилъ отъ 1 до 3 р.²⁾; четвертина бѣлаго желѣза или жести 5 рублей³⁾; дюжина круглыхъ замковъ 1 рубль⁴⁾. Въ половинѣ XVII вѣка за пудъ желѣза заплачено 1 р. 10 алт.⁵⁾. Въ 1674 году шведское желѣзо цѣнилось отъ 4³/₄ до 6 руб. за берковецъ⁶⁾. Двѣ цѣны людскихъ стоили 16 алт. 4 деньга, два замка—4 алт., большой замокъ 2¹/₂ алт.⁷⁾, тысяча гвоздей отъ 1 руб. 3 алт. до 2 руб.⁸⁾; большой котель 1 рубль 19 алтынъ 2 деньга⁹⁾; топоръ 3 алт. 2 деньга¹⁰⁾ или гривна, а въ Сибири топоръ продавался за 1 рубль и дороже¹¹⁾; коса стоила 5 алт., серъ 1 алт.¹²⁾. За подковку лошадей за четыре ноги съ подковами въ XVII в. брали 4 алтына¹³⁾. Оружіе въ XVII вѣкѣ можно было купить: мушкетъ отъ 1¹/₂ руб. до 2 руб., самопалъ за ³/₄ руб., списъ за 24 алт., алебарду за 2 р., протазанъ за 4 руб., сайдакъ за 1¹/₂ руб.¹⁴⁾; панцырь можно было купить за 20 алт.¹⁵⁾; самопалы, карабины и булатныя сабли шведскаго желѣза цѣнились отъ 5 до 7 руб.¹⁶⁾, но булатныя сабли персидскія цѣнились очень дорого, по 40 и по 50 руб., а хонжаръ персидскій можно было купить около 25 р.¹⁷⁾.

Прочіе металлы всѣ безъ исключенія доставлялись въ Россію изъ чужихъ краевъ. Мѣдь доставляли намъ англичане, датчане, шведы и голландцы. Она была красная и желтая¹⁸⁾ и привозилась въ полицахъ, т.-е. пластинахъ и издѣліяхъ. Въ торговлѣ различали разные виды мѣди: однопечатную, троепечатную, трубчатую, козарскую, тазовую въ сосудахъ и колокольную. Въ концѣ XVI и началѣ XVII вѣка тазовая цѣнилась за берковецъ отъ 14 до 30 р., трубчатая и троепечатная отъ 14 до 24 р., однопечатная отъ 13¹/₂ до 20¹/₂ р., мѣдная проволока отъ 14 до 30 р. за берковецъ¹⁹⁾, колокольная мѣдь отъ 2 р. до

1) Торг. кн., 126—127, З. А. О., I.

2) Ист. Г. Росс., X. Пр. 462.—Торг. кн., 127.

3) Ист. Г. Р., X. Пр. 462.

4) Ист. Г. Р., X. Пр. 462.

5) Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 57.

6) Кильб., 118.

7) Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 23, 26.

8) Доп., III, 168.

9) Доп., V, 240.

10) Врем., XX, Смѣсь, 28.

11) Доп., II, 173.

12) Врем., XX, См., 28.

13) Врем., XIII. Расх. кн., 21.

14) С. Г. Гр., III, 325.—Оп. г. Шуй, 385.

15) Оп. им. Тат., 38, Врем., VIII.

16) Кильб., 89.

17) Врем., VIII. Оп. Им. Тат., стр. 10.

18) Доп., III, 143.

19) Торг. кн., 126. З. А. О., I.

2½ за пудъ или отъ 20 до 25 руб. за берковецъ; мѣдные тазы въ концѣ XVI вѣка 2½ р. за пудъ, кровельная мѣдь отъ 4½ до 6 р. за пудъ; мѣдный подсвѣчникъ стоилъ 8 алт., мѣдный рукомойникъ полтину, мѣдная лохань тоже, мѣдное паникадило 1 р. ¹⁾). Въ началѣ XVII вѣка гривна мѣди цѣнилась въ 2 алт. 4 деньги, или 6 р. 12 алт. 2 деньги за пудъ ²⁾); въ половинѣ XVII в. мѣдная ендова съ носкомъ стоила полтора рубля, братина съ узорами полтину ³⁾); въ 1674 году пудъ тазовой мѣди отъ 5 до 7 руб., котлы отъ 4½ до 6 руб., колокольной мѣди отъ 4½ до 5 руб., проволоки 5 руб., кровельной мѣди отъ 4½ до 6 руб. ⁴⁾), въ 1675 году 8 пудовъ мѣди стоили 38 руб. и 13 алтынъ.

Олово привозили въ Россію датчане и англичане. Оно было брусчатое (брусками), лычное (полосовое), рогожное (свертками). Оловянные издѣлія, привозимыя къ намъ, были: блюда, тарелки, чашки, стаканы, кружки, вообще столовая посуда, которая встарину была во всеобщемъ употребленіи между зажиточнымъ классомъ. Цѣнность олова въ концѣ XVI вѣка была: за пудъ брусчатого отъ 40 алт. до 60 алт., лычнаго отъ 1½ до 3 р., рогожнаго отъ 1 р. 13 алт. 2 деньги до 2 р. ⁵⁾); въ началѣ XVII вѣка гривенка олова въ издѣліи стоила 2 алтына 2 деньги ⁶⁾). Англійское олово привозилось прутьями и продавалось во второй половинѣ XVII вѣка отъ 5¼ до 6 р. за пудъ, и отъ 5½ до 7½ р. Олово привозилось въ боченкахъ и ящикахъ. Такимъ образомъ въ 1671 году привезено 57 боченковъ блюде и тарелокъ 18 ящиковъ, да 117 дюжинъ стакановъ ⁷⁾). Свинецъ привозился къ намъ *свиньями* ⁸⁾), въ десяти свиньяхъ было вѣса 82 пуда съ четвертью. Царь Алексѣй Михайловичъ позволилъ всякому свободно покупать свинецъ, только записывая въ таможенѣ, и привозить въ Москву, для отдачи въ казну, откуда купцу выдавались деньги ⁹⁾). Пудъ свинца стоилъ въ XVI вѣкѣ 10 алт. ½ деньги; въ 1649 году въ Новгородѣ продавался отъ 20 до 30 алт. за пудъ ¹⁰⁾), въ 1674 году въ Москвѣ отъ 7 до 12 р. за берковецъ ¹¹⁾).

Золото и серебро привозились въ Россію въ монетахъ, слиткахъ и издѣліяхъ. О привозѣ золота и серебра въ монетахъ мы уже имѣли случай говорить. Въ концѣ XVI вѣка на одномъ кораблѣ привезено 16.200 талеровъ ¹²⁾). Въ 1671 г. привезено 27.839 червонцевъ, 50.000 рейхсталеровъ; въ 1672 г. 111.320 червонцевъ, 56.629 рейхсталеровъ; въ 1673 г. 15.682 червонца и 12.000 рейхсталеровъ ¹³⁾). При покупкѣ золота и серебра въ слиткахъ купецъ поставлялъ

¹⁾ И. Г. Р., X. Пр. 462.

²⁾ Оп. им. Тат. Врем., VIII.

³⁾ А. г. Шуц, 176.

⁴⁾ Кильб., 118.

⁵⁾ Торг. кв., 125—126, З. А. О., I.

⁶⁾ Врем., VIII. Оп. им. Тат., 19.

⁷⁾ Кильб., 116.

⁸⁾ А. И., II, 135.

⁹⁾ Доп., III, 189.

¹⁰⁾ Доп., III, 177.

¹¹⁾ Кильб., 118.

¹²⁾ И. Г. Р., X. Пр. 462

¹³⁾ Кильб., 81, 115.

обязанностью не иначе покупать его, как разсѣкая пруть металла, дабы увидѣть средину. Плата за металл въ слиткахъ и издѣльяхъ разсчитывалась всегда по отношенію къ цѣнности монеты. Слитки покупались цѣною ниже монеты, потому что разсчитывали на передѣлку ихъ въ монету и принимали во вниманіе угарь, а издѣлія покупались выше монетной цѣны осьюю долею при простой работѣ; болѣе изысканная работа цѣнилась дороже, по договору. Былъ обычай вѣсить золото на русскую монету; считалось, что золотникъ золота вѣсилъ 1 алтынъ съ полуденьгою ¹⁾. Естественно, когда деньги были меньше вѣсомъ, то ихъ должно было идти болѣе. Предки наши любили украшать свои поставцы (буфеты) золотомъ и серебряною посудомъ, а себя разными золотыми и серебряными украшеніями, которыя частію дѣлаемы были русскими мастерами, а еще болѣе получались изъ-за границы. То были: золоченые серебряные кубки, братины, столы, ковши, солонки, чарки, стаканы, кружки, золотыя кольца, перстни, серьги, пуговицы, бляхи и проч.

Золотникъ золота въ концѣ XVI вѣка цѣнился въ слиткахъ въ 13 алт. 2 деньги ²⁾. Но если золото было краснѣе — что считалось за достоинство, — то платили дороже; за блѣдное платили дешевле. Непонятна такая дешевизна золота. Въ 1585 году гривенка серебра оцѣнена въ 5 р., слѣдовательно, фунтъ въ 10 руб. ³⁾ (32 руб. на наши деньги). При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ фунтъ позолоченаго серебра оцѣненъ въ 9½ руб. ⁴⁾, а во второй половинѣ XVII вѣка въ 10 руб. Золото въ издѣльяхъ цѣнилось чрезвычайно различно, тѣмъ больше, что золотыя вещи были украшаемы драгоценными камнями; такъ золотая чаша съ тремя яхонтами и двумя изумрудами стоила 444 руб. 13 алт. 2 деньги, образъ въ 87 золотниковъ съ двумя изумрудами и четырьмя яхонтами 273 р. ⁵⁾. Въ началѣ XVII вѣка чарка золотая въ 41 золотникъ оцѣнена въ 28 р., а 20 гривенокъ и 5 золотниковъ разной серебряной посуды оцѣнены въ 60 р. 10 алт. 2½ деньги ⁶⁾. Въ XVII вѣкѣ серебряный стаканъ стоилъ 3 р. и 3 р. 16 алт. 4 деньги, серебряная чарка золоченая 3 р., серебряная ложка 16 алтынъ. По извѣстію Кильбургера, въ 1671 году привезено въ Архангельскъ для ввоза въ Россію пять пудовъ серебряной посуды, въ 1672 году 3 серебряныхъ кружки, 22 фунта серебряной посуды, 6 печатей съ камнями, 9 перстней, 34 серьги; въ 1673 г. 4 дюжины серебряныхъ стакановъ, двѣ съ половиною дюжины серебряныхъ чарокъ, 84 перстня, 7 золотыхъ колецъ и одна серебряная курильница. Привозъ, видно, былъ не равный, а разный и вообще незначительный, но въ то время русскіе получали эти товары отъ грековъ и отъ армянъ изъ Персіи.

Ежегодно въ Россію ввозилось значительное количество золота и серебра для вышиванія: пряденаго, волоченаго и цѣвочнаго золота и серебра, бити, канители, трунцала, проволоки и фольги или блестокъ. Обычай вышивать одежды распространилъ торговлю этимъ предметомъ, тѣмъ болѣе, что русскіе не умѣли

¹⁾ Торг. кн., 118. З. А. О., I.

²⁾ Торг. кн., 117—118. З. А. О., I.

³⁾ Доп., I, 199.

⁴⁾ Врем., VII. Мат. для ист. иконоп., 10.

⁵⁾ Врем., II, См. 23.

⁶⁾ Оп. им. Тат., 34—35. Врем., VIII.

сами готовить металловъ для вышиванья ¹⁾). Золото и серебро для вышиванья продавалось на литры ²⁾ и катушками или цѣвками. Въ цѣвкѣ *цѣвочниго* золота было обыкновенно 6 золотниковъ, и каждый золотникъ заключалъ 10 нитей. Самое дорогое золото было нюрнбергское, за нимъ венеціанское, миланское, гамбургское; серебро извѣстно амстердамское ³⁾. Кромѣ настоящаго золота и серебра, было золото и серебро низшаго сорта: полужолотье и полусеребрѣ ⁴⁾, и, наконецъ, ниже этого сорта было поддѣльное золото и серебро или мишура. О количествѣ привоза этого товара приблизительно можно судить по нѣкоторымъ отрывочнымъ извѣстіямъ. Такъ въ концѣ XVI вѣка на одномъ кораблѣ привезено 200 литръ пряденаго золота ⁵⁾. Въ 1672 году привезено изъ-за гравицы 3.131 клубковъ венеціанской и голландской золотой проволоки и только 19 серебряной, два ящика золотой и серебряной бити и 70 фунтовъ галуна; въ 1673 году до 3.000 клубочковъ золота и серебра, два ящика и сверхъ того еще два пуда золотой бахромы. Поддѣльнаго золота и серебра въ 1672 году привезено 111.180 клубочковъ, заключавшихъ въ себѣ 6 пудовъ 25 фунт., и 206 коробовъ канители, да кромѣ того много поддѣльной серебряной фольги, которою небогатые щеголи украшали свои одежды ⁶⁾. Въ половинѣ XVI вѣка фунтъ золотой проволоки цѣнился отъ 7 до 8 руб. ⁷⁾. Въ 1585 г. цѣвка съ четвертью пряденаго золота стоила 18 алтынъ двѣ деньги ⁸⁾. По Торговой книгѣ въ концѣ XVI вѣка литра цѣвочнаго золота стоила отъ 4 съ полтиной до 6 руб. ⁹⁾. Литра пряденаго золота вообще стоила 5 руб., мужское канительное ожерелье 20 руб. ¹⁰⁾.

Сверхъ покупаемыхъ разныхъ металлическихъ издѣлій, предметомъ торговли служили произведенія русскихъ золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ, мѣдниковъ и оловятниковъ. Золото и серебро въ издѣліяхъ обращалось на предметы религиозные: на расятія, ризы, иконы, оклады евангелій и пр. ¹¹⁾, но также работали кубки *склянничною, пуговою и рѣзною* работою ¹²⁾, золотыя цѣпи съ кольцами разнаго вида: *репьеватыя, кумафаренныя, ребристыя, витыя, воблыя, гнутыя* ¹³⁾. Мѣдники и оловятники готовили тазы, котлы, подсвѣчники съ большою затѣйливостью ¹⁴⁾; золотошвей продавали разные вышитыя вещи, напримѣръ, *золотыя шапки* и проч. ¹⁵⁾.

Кромѣ этихъ металловъ, въ Россію ввозили другіе металлы и минералы:

¹⁾ С. Г. Гр., III, 337.

²⁾ С. Г. Гр., II, 89.—Доп., III, 143.

³⁾ Кильб., 115—116.

⁴⁾ Доп., III, 105.

⁵⁾ И. Г. Росс., X. Прим. 462.

⁶⁾ Кильб., 115—117.

⁷⁾ Раф. Барбер., 156.

⁸⁾ Доп., I, 193.

⁹⁾ Торг. кн., 129. З. А. О., I.

¹⁰⁾ И. Г. Р., X. Пр. 462.

¹¹⁾ Врем., VII. Оп. им. царя Ив. Вас.

¹²⁾ Ibid., 25.

¹³⁾ Ibid., 28—29.

¹⁴⁾ Расх. кн. Ник., 44. Врем., XIII.

¹⁵⁾ Ibid., 33.

киноварь, которую употребляли для печатей и продавали за фунтъ отъ 9 алт. до 2 р. ¹⁾, а за золотникъ въ половинѣ XVII вѣка по 1 деньгѣ ²⁾, сурьму, ртуть, сулему, квасцы, купоросъ, буру, ярь ³⁾, и между прочимъ значительное количество бѣлизы, бывшихъ тогда въ большомъ употребленіи у русскихъ женщинъ.

Драгоценные камни. Обычай украшать драгоценными камнями золотые сосуды и наряды привлекалъ въ Россію драгоценные камни; они составляли предметъ покупокъ значительныхъ лицъ и богачей. Они доставлялись отчасти изъ Европы черезъ Архангельскъ, но болѣе отъ грековъ и персіянъ. Употребительные у русскихъ камни были: яхонты синіе и красные, лалы, изумруды, вареники, бирюзы, бечеты, баканы, ящеры, достоканы (топазы), винисы. Яхонтъ былъ самый дорогой камень. Красный яхонтъ продавался до 10 р. за золотникъ, синій 4 р., лаль до 10 р., лаловыя серьги стоили отъ 50 до 60 р., изумруды отъ 4 до 10 р. ⁴⁾.

Строительный камень и кирпичъ. Постройка каменныхъ церквей, а въпослѣдствіи и каменныхъ домовъ, развивала у русскихъ торговлю известью, камнемъ и кирпичемъ. Во многихъ городахъ преимущественно занимались каменнымъ и кирпичнымъ промысломъ. Къ нимъ принадлежать: Вологда ⁵⁾, Псковъ ⁶⁾, Бѣлоозеро ⁷⁾, Переяславъ ⁸⁾, гдѣ занимались дѣланіемъ извести. Эти мѣста были исходными пунктами торговли камнемъ и кирпичемъ, которою занимались гости въ большомъ размѣрѣ. По Волгѣ ходили суда, нагруженные кирпичемъ, известью и бутовымъ камнемъ. Кремни составляли также немаловажную вѣтвь этого рода торговли, ибо въ 1648 году одинъ купецъ отплавилъ 37.000 кремней съ однимъ транспортомъ ⁹⁾. Камень измѣрялся паузками ¹⁰⁾, кремни сотнями, а известь бочками ¹¹⁾. Иностранцы покупали у русскихъ алебастръ, и Алексѣй Михайловичъ, узнавши, что во ста верстахъ отъ Холмогоръ находится алебастровая гора, хотѣлъ захватить въ свои руки этотъ промыселъ для отправки за границу ¹²⁾. О цѣнности каменныхъ матеріаловъ можно судить по слѣдующимъ извѣстіямъ. Въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ кирпичъ продавался отъ 2 р. 10 алт. до 2 р. съ половиною за тысячу, а въ городахъ дешевле и дороже, судя по мѣрѣ близости къ заводамъ; на заводахъ отъ 1 р. 10 алт. до 2 р. Известь въ Москвѣ продавалась отъ 4 алт. до 6 алт. 4 деньги за бочку ¹³⁾.

Слюда. Встарину вмѣсто стекла употребляли слюду для оконницъ и фонарей. По извѣстію англичанина въ XVI вѣкѣ она пропускала болѣе свѣта, чѣмъ

¹⁾ Торг. кн., 125. З. А. О., I.

²⁾ Расх. кн. Ник., 24. Врем., XIII.

³⁾ Кильб., 99.

⁴⁾ Врем., VIII. Оп. им. Тат., 35.

⁵⁾ А. И., IV, 357.

⁶⁾ Доп., I, 136.

⁷⁾ Доп., II, 146.

⁸⁾ А. А. Э., I, 167.

⁹⁾ Доп., III, 145.

¹⁰⁾ А. И., IV, 136.

¹¹⁾ Кильбург., 78.

¹²⁾ С. Г. Гр., IV, 179.

¹³⁾ Кильб., 94.

тогдашнее стекло и притомъ въ фонаряхъ не подвергалась воспламененію ¹⁾. Главное добываніе слюды было въ Керецкой водости Соловецкаго монастыря, который обязанъ былъ давать въ пользу царя десятину. Работа при добывкѣ слюды производилась бобылями ²⁾. Въ 1667 году царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ искать слюду въ казенныхъ селеніяхъ и хотѣлъ этотъ промыселъ, какъ многіе другіе, сдѣлать удѣломъ правительства ³⁾. Въ XVII вѣкѣ находили слюду около Енисейска ⁴⁾. Слюда продавалась пудами, фунтами ⁵⁾ и четами. Первоначальная торговля ею была совершенно мѣновая, ибо сѣверъ нуждался въ хлѣбѣ и получалъ его за слюду. 350 четей ржи въ Керецкой волости отдать за полторы чети слюды казалось дешево ⁶⁾. По виду и качеству своему она раздѣлялась на бѣлую и красноватую. Последняго рода слюда цѣнилась гораздо дешевле бѣлой ⁷⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ большая часть слюды больше аршина въ длину принадлежала казнѣ, ибо и съ частныхъ промысловъ брали царскую десятину лучшими кусками, а обрѣзки оставляли людямъ ⁸⁾. Пудъ слюды продавался въ Москвѣ отъ 15 до 150 р., смотря по качеству и по величинѣ кусковъ ⁹⁾. Слюдный фонарь въ Москвѣ стоилъ два алтына съ деньгами ¹⁰⁾.

2. Предметы царства растительнаго.

Земледѣльческія и огородныя произростенія Россія въ XVI и XVII вѣкахъ не заключала въ себѣ такого хлѣбнаго богатства, какъ впоследствии, потому что плодороднѣйшіе края настоящаго нашего отечества не составляли еще его достоянія; наши значительныя пространства земли были бесплодны. Сѣверная Россія вообще не представляла условій плодородія. Въ Сибири хлѣбопашество хотя и возникло въ XVII вѣкѣ, но не могло удовлетворять потребностямъ страны. Плодороднѣйшія части Московіи были: на сѣверо-востокъ отъ Москвы Ярославская область, на югъ все побережье Оки, земля Рязанская и земля Нижегородская ¹¹⁾. Берега Оки давали отъ 20 до 30 зеренъ ¹²⁾. На сѣверъ были плодородными берега Сѣверной Двины, которая весеннимъ разливомъ такъ увлажняла землю, что, несмотря на суровость климата, произростенія родились безъ особыхъ усилій человѣка ¹³⁾. Въ XVII вѣкѣ, по мѣрѣ заселенія пространства на

1) Fletch.

2) А. И., IV, 365.

3) А. И., IV, 441.

4) Доп., IV, 224.—Доп., V, 96.

5) Зап. Арх. Об., I. Торг. кн., 134.—Доп., V, 96.

6) Доп., V, 341.

7) Торг. кн., 134.

8) Кильб., 46.

9) Кильб., 40.

10) Расх. кн. Ник., 9. Врем., XIII.

11) Раф. Барб., 13, 31, 38.—Fletch. The Russ. Commonw., 7.

12) Herberst., 44.

13) Пав. Гов., 30.

югъ отъ Оки, между Окою, Волгою и Дономъ развивалось земледѣліе и эта страна сдѣлалась мѣстомъ хлѣбнаго закупа.

Болѣе распространенные роды хлѣбныхъ произрастеній въ Россіи были: рожь, овесъ и гречиха. Пшеница производилась въ маломъ количествѣ, какъ это можно видѣть изъ того, что при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ для англійскаго посольства, ѣхавшаго въ Москву, приказано было устроить на всю дорогу запасъ пшеничной муки, какъ такого предмета, который не вездѣ можно было достать, тогда какъ другого рода муку ¹⁾ велѣно было забирать на дорогѣ. Въ одной ружной грамотѣ ²⁾ царь жалуетъ монастырю въ ругу разнаго рода хлѣбъ, а пшеницы даетъ только на просфоры. Сатирической русскій поэтъ XVII вѣка недаромъ выразился, что русская земля *оретъ все рожью*.

Хлѣбная торговля происходила вездѣ, гдѣ только были торги; крестьяне привозили туда свои хлѣбныя произведенія ³⁾. Но главный сбытъ хлѣба былъ: 1) на вино; купцы скупали хлѣбъ у производителей и подряжались откупщикамъ и кабацкимъ головамъ, а равнымъ образомъ доставляли на винокурни хлѣбъ и сами владѣльцы пахотныхъ земель; нѣкоторые же занимались сами винокуреніемъ и поставляли въ казну готовое вино; 2) въ Москву, гдѣ купцы скупали его значительными партіями; 3) въ бесплодныя страны сѣвера и въ Сибирь; 4) за границу. Въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ хлѣбные торговцы составляли товарищества, и, по мѣрѣ дѣйствій такихъ товариществъ, цѣны на хлѣбъ то возвышались, то упадали. Весною на стругахъ, зимою на саняхъ привозили въ Москву хлѣбъ разнаго рода; зорко сторожили его закупщики, кулачики и вязчики, которые *идъ покупаютъ, вяжутъ вязку и вязкою мноую цѣну на все прибавляютъ* ⁴⁾. Они покупали у пріѣзжихъ хлѣбъ оптомъ и ссыпали въ свои амбары и лавки, а иногда, чтобъ не допустить товарищей купить въ Москвѣ дешево, заранѣе выѣзжали изъ города и покупали у пріѣзжихъ хлѣбъ на дорогѣ до вѣзда въ столицу. Другіе посылали своихъ агентовъ въ хлѣбородные уѣзды: Темниковскій, Краснослободскій, Шацкій, Рязанскій, Мосальскій, Калужскій и другіе, и покупали на мѣстѣ дешево, а привезя въ Москву, продавали по высокой цѣнѣ. Эти-то скупщики доставляли хлѣбъ на винокуреніе. Въ 1660 году правительство собрало московскихъ гостей, торговцевъ гостиной сотни, суконной и черныхъ сотенъ. Послѣ многихъ толковъ и разсужденій опредѣлено ограничить покупку хлѣба такъ, чтобъ утреннее время до шестого часа въ Москвѣ опредѣлить исключительно на покупку хлѣба бѣднымъ людямъ, по малымъ количествамъ, а потомъ уже допускать скупщиковъ, которые покупали хлѣбъ для перепродажи ⁵⁾. Въ этомъ же году правительство приказало всенародно объявить жителямъ уѣздовъ Калужскаго, Воротынскаго, Мосальскаго, Медынскаго, Перемышльскаго, чтобъ они непременно возили хлѣбъ въ города, и особенно въ Москву, и не продавали его на мѣстахъ скупщикамъ ⁶⁾. Но закупки хлѣба въ Москвѣ не прекращались, какъ это видно изъ постановленія въ 1681 году ⁷⁾,

¹⁾ Ст. Сп. Флетч., I. Врем., VIII.

²⁾ А. А. Э., I, 168.

³⁾ А. А. Э., I, 415.

⁴⁾ С. Г. Гр., IV, 69.

⁵⁾ С. Г. Гр., IV, 69.

⁶⁾ П. С. З., I, 518.

⁷⁾ П. С. З., II, 328.

по которому закупщикамъ и подрядчикамъ запрещено покупать большія партіи хлѣба и отдавать ихъ въ казенные подряды, а равно не перекупать хлѣба за городомъ, съ цѣлью вздорожить его.

Хлѣбная торговля была обложена пошлиною, называвшеюся помѣрною, прежде съ разныхъ мѣръ, а съ 1653 года съ цѣнности: по 10 денегъ съ рубля, на основаніи общепринятой тогда таможенной системы пошлинъ. Въ Москвѣ хлѣбная торговля была въ завѣдованіи помѣрной избы, гдѣ находился голова, ларечный цѣловальникъ и выборные цѣловальники. Они обязаны были ходить по хлѣбнымъ торжкамъ и на хлѣбныя пристани и осматривать каждый приходившій съ хлѣбнымъ грузомъ стругъ, допрашивать: какой хлѣбъ, сколько мѣрою, по какой цѣнѣ, и собирать помѣрную пошлину. Другіе цѣловальники собирали пошлины съ мелкой продажи. Вообще цѣловальники помѣрной избы обязаны были наблюдать за правильностью мѣръ, чтобъ вездѣ были казенные четверики и чтобъ закупщики не отступали отъ установленныхъ правилъ. Собирая пошлины, они записывали въ книги: сколько съ кого ихъ взято, чей хлѣбъ, откуда привезенъ, и вели такимъ образомъ статистику хлѣбной торговли ¹⁾.

Въ сибирской торговлѣ хлѣбъ занималъ важнѣйшее мѣсто; купцы приобрѣтали сибирскіе мѣха, промѣнивая на нихъ русскіе товары и хлѣбъ въ особенностяхи. Въ Верхотурьѣ, Соликамскѣ, Чердынѣ—вездѣ былъ большой закупъ хлѣба, какъ казеннаго, поставляемаго для служилыхъ, отправляемыхъ въ Сибирь на службу, такъ и частнаго, скупаемаго промышленниками ²⁾. Главный торговый пунктъ былъ Верхотурье, а потомъ Ирбитъ. Правительство приказывало, чтобъ покупаемый въ Ирбитѣ хлѣбъ непременно былъ отправляемъ въ Сибирь, а отнюдь не въ русскіе города. Въ Сибири средоточіемъ хлѣбной торговли былъ Тобольскъ. Правительство заботилось о томъ, чтобы въ Сибири не поднималась цѣна хлѣба, а потому въ наказѣ, данномъ въ 1664 году тобольскому воеводѣ, приказывается не допускать служилыхъ людей до покупки большого количества хлѣба, свыше пяти или шести четвертей ³⁾. Купцы возили хлѣбъ въ сѣверныя области для промѣна его на рыбу и ворвань. Сбытъ за границу происходилъ черезъ Архангельскъ и Нарву, и также въ Польшу и Малороссію западнымъ сухимъ путемъ. Но вообще торговля хлѣбомъ не могла принять большого размѣра отъ разныхъ причинъ. Европейцы въ тѣ времена еще не нуждались въ хлѣбѣ до такой степени, какъ впоследствии. Правда, Россія и тогда уже могла продавать большее или меньшее количество избытка, но за границу отправлялся преимущественно только хлѣбъ, купленный казною, которою частные люди были ограничены въ вывозѣ. Вообще же, по стариннымъ понятіямъ, вывозить въ большомъ количествѣ хлѣбъ за границу считалось опаснымъ и вреднымъ. Такимъ образомъ, торговцы, жалуясь въ своей челобитной на англичанъ и прочихъ иноземцевъ, выражаются, что они оголодали русскую землю, вывозя за границу хлѣбъ. Мы часто встрѣчаемъ запрещеніе вывозить хлѣбъ за границу. Такъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ 1622 году запрещено вывозить за границу хлѣбъ, мясо, рыбу, медъ, воскъ и благородные металлы ⁴⁾. Въ 1649 году запрещено вывозить хлѣбъ въ Швецію ⁵⁾. Въ

¹⁾ С. Г. Гр., II, 92; III, 490—492; IV, 71, 384.—П. С. З., II, 326—328.

²⁾ А. И., III, 176.

³⁾ Доп., IV, 354.

⁴⁾ А. И., III, 173.

⁵⁾ Доп., III, 237.

1661 году запрещено на бусахъ, отправляемыхъ на Караганское пристанище для торговли съ Хивою и Бухарію, возить на продажу хлѣбъ и металлы ¹⁾. Въ особенности правительство воспрещало отпускъ хлѣба въ Литву, когда съ этимъ государствомъ происходили непріязненные столкновения ²⁾.

Хлѣбъ продавался зерномъ, мукою, толокномъ и печеными хлѣбами. Продажа зерномъ была въ большомъ ходу, потому что, по старому обычаю, многіе имѣли у себя ручныя мукомольныя мельницы и приготавливали муку для домашняго употребленія ³⁾. Но во многихъ мѣстахъ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ городахъ, были водяныя и вѣтряныя мукомольныя мельницы; нѣкоторыя водяныя мельницы принадлежали казнѣ и отдавались въ оброкъ ⁴⁾. Мельники покупали зерно у прѣзжихъ землевладѣльцевъ, превращали его въ муку и были сами продавцами своего произведенія на рынкахъ и торжкахъ ⁵⁾. Мука содержалась въ рогожевыхъ мѣхахъ ⁶⁾ или въ куляхъ: въ кулѣ вмѣщалось двѣнадцать четей съ осминою муки, а зерна до тринадцати четей ⁷⁾. Мука пшеничная была трехъ сортовъ: *расхожая*, *толченая* и *крупчатая*. Первая была достоинствомъ вдвое ниже второй, вторая вдвое ниже третьей. Мука ржаная была *несыная* или *рѣшетная* и *ситная*; послѣдняя высшаго достоинства и высшей цѣны ⁸⁾. Обыкновенно *хлѣбами* назывались хлѣбы ржаные, пшеничные назывались *колаци*. Ячмень сѣялся мало въ сравненіи съ другими хлѣбными произрастеніями и употреблялся на солодъ для пива. Крупа была гречневая и овсяная, пшено не было въ большомъ употребленіи. Хлѣбное зерно продавали бочками и полубочками, изъ нихъ извѣстны бочка *селедовка* и бочка *смоленская*, составлявшая половину первой ⁹⁾; овесъ въ XVI вѣкѣ продавался *мѣхами* и *полумѣхами*; мѣхъ имѣлъ четыре *зобни*. Въ Новгородской землѣ хлѣбное зерно измѣрялось коробами, во многихъ другихъ мѣстахъ и на сѣверѣ *пузами*. Но узаконенныя мѣры были: чети, осьмины, полусосьмины и прочія дѣленія осьмины, какъ выше объяснено ¹⁰⁾.

Урожай и неурожай хлѣба опредѣлялъ его дешевизну или дороговизну. По случаю неурожая цѣнность хлѣба возвышалась иногда въ десять разъ болѣе обыкновенной. Въ XVI вѣкѣ стоимшее три деньги въ неурожайный годъ стоило тридцать денегъ ¹¹⁾. Относительная дешевизна или дороговизна хлѣба зависѣла также отъ большаго или меньшаго удаленія отъ хлѣбныхъ полей, напр., въ Сибири и сѣверныхъ странахъ хлѣбъ былъ постоянно дороже, чѣмъ въ срединѣ Россіи. Большій или меньшій закупъ хлѣба имѣлъ вліяніе на повышение цѣнъ. Наконецъ, военныя обстоятельства измѣняли цѣнность хлѣба въ высокой степени,

¹⁾ Доп., IV, 257.

²⁾ Разр. кн., 77. Врем., III.

³⁾ Das Gr. Reich v. Mosc., 115.

⁴⁾ А. А. Э., III, 89.

⁵⁾ А. А. Э., III, 362.

⁶⁾ А. И., III, 119.

⁷⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 46.

⁸⁾ А. И., I, 327.

⁹⁾ Торг. кн., 134. З. А. Общ., I.

¹⁰⁾ Доп., IV, 196.

¹¹⁾ Herberst., 42.

потому что правительство должно было кормить все свое войско, собирая такимъ образомъ значительное количество хлѣба отъ жителей. При Іоаннѣ III бочка овса стоила 10 денегъ, десять печеныхъ хлѣбовъ 10 денегъ ¹⁾. При Василіи Ивановичѣ рожь цѣнилась отъ 4 до 6 денегъ за четверть, въ Вологдѣ до 14 денегъ ²⁾. Въ Новгородѣ коробъ ржи цѣнился въ 10 денегъ, коробъ овса отъ 5 до 10 денегъ ³⁾. Въ 1589 году средняя цѣнность сѣна означена по четверти рубля за копну вообще, возъ соломы стоилъ двѣ деньги ⁴⁾. Въ Москвѣ пшеница, по извѣстію Флетчера, иногда была столь дешева, что продавалась по 2 алтына за четверть ⁵⁾, но въ неурожайные годы она доходила до 13 алтынъ ⁶⁾. По Торговой книгѣ ⁷⁾ бочка (заключавшая въ себѣ четыре четверти) пшеницы продавалась въ Москвѣ 13 алт. 2 д. (около 1 р. 27, на нынѣшнія деньги). гречневыхъ крупъ 6 алт. 4 д.; провозъ до Мурманскаго (Сѣвернаго) моря обходился въ 10 алтынъ, а составитель Торговой книги, исчисливъ московскую цѣну, имъ назначенную, и провозъ въ 10 алтынъ съ бочки, почему-то говоритъ, что бочка пшеницы обойдется самому купцу въ 33 алт., а бочка гречневыхъ крупъ въ 22 алтына. Въ началѣ XVII вѣка цѣны на хлѣбъ въ Новгородѣ ⁸⁾ были: овесъ по 5 алт., рожь по 10 алт., пшеница 25 алт., мука пшеничная 1 р. за четь. Въ Москвѣ, во время осады Тушинскимъ воровъ, цѣна на рожь поднялась до 2 р., пшеницы и крупъ до 3 р., сѣна возъ стоилъ до 4 р. ⁹⁾. Когда положеніе столицы стало овободитѣе, то Шуйскій, желая успокоить жителей провинцій на счетъ распространившихся слуховъ объ ужасной дороговизнѣ въ столицѣ, писалъ, что четь ржи стоитъ полтину, четь овса 4 гривны, возъ сѣна 20 алтынъ; слѣдовательно, эти цѣны въ то время были довольно обыкновенными ¹⁰⁾. Въ 1614 году въ Бѣлозерскѣ четверть овса продавалась по 8¹/₃ алтынъ ¹¹⁾. Въ Пермской землѣ въ 1615 году четь ржи стоила 1¹/₂ р., крупъ и толокна 2 р. ¹²⁾; въ Чердынѣ крупа, толокно и рожь круглымъ числомъ цѣнились около 2¹/₂ р. за четверть ¹³⁾. Въ Шуѣ четь муки ржаной стоила полтину, пять четей сухарей полтора рубля ¹⁴⁾. Цѣна ржаной муки въ Москвѣ при Михаилѣ Оеодоровичѣ была отъ 6 алт. 4 д. до 31 алт. 4 д. за четь, пшеничной отъ 10 алт. до 40 алт. за четь ¹⁵⁾; но обычная цѣна была первой отъ 8 до 16 за четь, пшеничная же мука была очень разноцѣнна, судя по качеству; такимъ образомъ,

¹⁾ А. А. Э., I, 92.

²⁾ Herberst., 54.

³⁾ Врем., XI. Переписная Оклад. кн., 2.

⁴⁾ Врем., XI. О поз. влад., 22.

⁵⁾ The russ. commonw., 14.

⁶⁾ Карамз. Ист. Гос. Росс., X, 250.

⁷⁾ З. А. Общ., I, 134.

⁸⁾ Оп. им. Тат., 20—21. Врем., VIII.

⁹⁾ А. И., II, 250.

¹⁰⁾ С. Г. Гр., II, 346.

¹¹⁾ Доп., II, 37.

¹²⁾ А. И., III, 56.

¹³⁾ А. А. Э., III, 90.

¹⁴⁾ Оп. г. Шуя, 385.

¹⁵⁾ Врем., IV. Указъ о хлѣбн. и колач. вѣсу, 13, 23, 29.

расхожая была въ 12 алт. 3 д., а лучшая 13 алт. 3 д. за осьмину ¹⁾. Въ срединѣ Россіи, напр., въ Калугѣ, средняя цѣна ржаной муки и овса была 12 алт. На сѣверѣ Россіи рожь цѣнилась отъ 7 алтынъ до 1 р. за четверть ²⁾. Въ западной Сибири средняя цѣнность ржаного хлѣба и овса была 1 р. за четверть, а крупъ и толокна до 1½ р. ³⁾; въ Енисейскѣ пудъ ржаной муки стоилъ полтину, на Ленѣ пудъ ржи стоилъ полтора рубля ⁴⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ, въ первой половинѣ его царствованія, средняя цѣна ржаной муки въ Москвѣ была 18 алт. за четверть (около 1 р. 10 к. по нынѣшнему счету), пшеничной отъ 30 алт. до 1 р. 6 алт. 4 д. (около 1 р. 86 к. и 2 р. 50 к. на наши деньги), гречневыхъ крупъ до 22 алтынъ 4 д., гороху четь отъ 5 алт. до 32 алтынъ; въ Вологдѣ, въ тѣ же времена, ржаная мука стоила 11 алт. 2 д., гречневая крупа 18 алт. 4 д., овсяная крупа 21 алт., пшеница отъ 26 алт. до 1 р., просо 1 р. 10 алт., толокно 13 алт. за четь, а пшено 53 алт. 2 д. за пудъ ⁵⁾. Въ 1674 году рожь цѣнилась за четверть 60 и 70 тогдашнихъ копѣекъ (отъ 20 до 23 алт. 2 д.), солодъ 45 коп. (15 алт.), овесъ 32 к. (10 алт. 2 д.), гречневая крупа 1 р. 20 к. (1 р. 6 алт. 2 д.), пшено 1 р. 60 к. (1 р. 20 алт.) ⁶⁾, бѣлой муки пудъ 1 р. Въ Псковѣ и Новгородѣ во второй половинѣ XVII вѣка средняя цѣна ржи, овса, ячменя вообще была отъ 10 до 22 алт. ⁷⁾. Въ Суздали и Владимірѣ четверть ржаной муки стоила около полъ-рубля или 16 алтынъ 3 д. ⁸⁾; въ Арзамасскомъ уѣздѣ, въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича, рожь продавалась отъ 16 алт. 2 д. до 20 алт. за четь, пшеница 16 алт. 4 д. за четь, но дурная пшеница продавалась даже по 6 алтынъ, ржаные сухари по 10 алт. за четь, а овесъ отъ 5 до 10 алт., смотря по качеству: пять алтынъ платили за самый дурной овесъ ⁹⁾. Въ Олонцѣ въ 1658 г. четверть ржи стоила 40 алтынъ съ полугривною ¹⁰⁾. Въ западной Сибири и въ Пермской области цѣна ржи была отъ 1 р. до 2 р. 11 алт. за четь ¹¹⁾, гречневыхъ крупъ и толокна до 1½ рублей за четверть ¹²⁾. Въ 1689 году четверть ржи оцѣнена въ 4 гр., чтѣ составляетъ 13 алт. 2 д., овесъ въ полуполтину, а четверть пшеницы въ 20 алт. ¹³⁾. Цѣнность хлѣбныхъ произведеній въ оптовой продажѣ была дешевле, чѣмъ при продажѣ четвериками ¹⁴⁾.

Печеный хлѣбъ для продажи приготавливали хлѣбники и калачники, и часто сами были продавцами своихъ издѣлій. Впрочемъ, въ городахъ существовали

¹⁾ Ук. о хлѣбн. и колач. вѣсу, 2, 57, 58.

²⁾ А. И., III, 370.

³⁾ А. И., III, 151, 169.

⁴⁾ Доп., II, 252.

⁵⁾ Расх. кн. Ник., 28, 37, 45, 46, 59.

⁶⁾ Кильб., 71, 187.

⁷⁾ Доп., III, 132. Доп., V, 28.

⁸⁾ Оп. гор. Шуй, 385.

⁹⁾ Врем., VI, См., 1—13.

¹⁰⁾ Доп., IV, 395.

¹¹⁾ Доп., V, 332.

¹²⁾ Доп., IV, 197.

¹³⁾ Врем., XX, Смѣсь, 28.

¹⁴⁾ Врем., XIII. Расх. кн., 4.

хлѣбные и калачные прасолы, которые сами не пекли хлѣбовъ, но покупали у хлѣбниковъ и калачниковъ и продавали ¹⁾). Въ Москвѣ хлѣбники и калачники составляли особыя корпораціи, обязанныя наблюдать установленныя отъ правительства правила. Для этого издавна производилась хлѣбная *извѣстка*, посредствомъ выборныхъ цѣловальниковъ изъ торговыхъ людей, которые, соображая цѣнность муки, устанавливали: сколько слѣдуетъ изъ четверти муки выпекать хлѣбовъ. Такія извѣстки производились не ежегодно, но возобновлялись въ неопредѣленные сроки; всегда бралась большая или меньшая цѣнность муки, какая по соображеніямъ могла оказаться на будущее время, и по этимъ предполагаемымъ цѣнамъ опредѣлялось, сколько изъ четверти слѣдуетъ печь хлѣбовъ и калачей. Хлѣбы и калачи были алтынныя, грошевыя, двухденежныя и денежныя. Число выпекаемыхъ изъ четверти хлѣбовъ и калачей разныхъ цѣнъ было различно, смотря по цѣнности муки; чѣмъ мука дороже, тѣмъ больше изъ четверти выпекалось алтынныхъ, грошевыхъ, двухденежныхъ и денежныхъ калачей, и наоборотъ, при дешевой муке хлѣбовъ и калачей было меньше, но зато они были обьемистѣе. Хлѣбники покупали муку несѣяную, и для того въ своихъ заведеніяхъ имѣли *мукосѣвъ*. Хлѣбы были ситныя и рѣшетныя, калачи тертые и коврижчатые ²⁾). Кромѣ хлѣбовъ, продавались пироги: это были большіе шпичныя хлѣбы и стоили до трехъ алтынъ ³⁾). Передъ Пасхою продавались куличи. Въ 1651 году куличъ стоилъ 3 алтына 2 деньги ⁴⁾). Повсемѣстное употребленіе пива, браги и кваса развило у русскихъ издавна промыселъ солодовничества. Въ Москвѣ солодовники составляли особое сословіе, и жили на извѣстныхъ отведенныхъ мѣстахъ. Въ Твери занимались солодовничествомъ многія посадскія семейства и вывозили солодъ на продажу ⁵⁾). Въ разныхъ мѣстахъ этотъ промыселъ занималъ рабочія руки и составлялъ предметъ торговли ⁶⁾).

Встарину продажа помѣрная на четверти, осьмины и четверики касалась не только однихъ хлѣбныхъ произрастеній, но относилась также къ овощамъ и плодамъ. Лукъ, клюква, брусника, сухіе грибы, рѣпа, орѣхи, яблоки, груши и проч. продавались четями ⁷⁾). Впрочемъ, для нихъ существовали и другія мѣры: яблоки высихъ сортовъ, такъ называемыя наливныя ⁸⁾, сохранявшіяся въ Москвѣ въ погребахъ, продавались счетомъ, огурцы *тысячами*, малина и вишня *кузовами*, чеснокъ *плетенищами*, соленья *кадами* и *чанами*. Въ половинѣ XVII вѣка въ Москвѣ четверикъ луку стоилъ 3 алт. 2 деньги, въ Вологдѣ четверть луку 21 алт. 2 деньги ⁹⁾). Въ Москвѣ свѣжихъ огурцовъ тысяча стоила 9¹/₂ алтынъ, кадъ соленыхъ огурцовъ 10 алт., чанъ соленой капусты 20 алт., ведро рыжиковъ 9 алт., кузовъ малины 11 алт. ¹⁰⁾). Арбузы и дыни составляли ла-

¹⁾ Врем., IV. Ук. о хлѣбн. и колачн. вѣсу.

²⁾ Ibid.

³⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 17.

⁴⁾ Расх. кн. Ник., 52.

⁵⁾ Доп., V, 407.

⁶⁾ Доп., V, 422.

⁷⁾ А. А. Э., III, 444.

⁸⁾ Кильб., 190.

⁹⁾ Расх. кн. Ник., 30, 48. Врем., XIII.

¹⁰⁾ Ibid., 57, 61.

комство знатныхъ, привозились изъ Астрахани или воспитывались въ парникахъ, и вообще были немногочисленны въ торговлѣ ¹⁾. Въ 1674 году въ Москвѣ дыня продавалась отъ 1 до 4 алт. ²⁾.

Хмель составлялъ предметъ повсемѣстной внутренней торговли. Его разводили повсюду, между прочимъ въ Пермской землѣ у солвинскихъ и у иренскихъ татаръ и вогуличей; хмель промѣнивался ими на русскій хлѣбъ. Въ Москвѣ продажа хмеля производилась въ особомъ ряду. На всѣхъ торжкахъ это былъ обыкновенный товаръ. Хмель продавался по 12 рублей за берковецъ. Продавался также и кипами; это были огромныя кучи; цѣна ихъ зависѣла отъ вѣса ³⁾. Дрожжи въ Москвѣ продавались такъ, что за 2 алт. 2 деньги можно было купить дрожжей для выпеченія хлѣбовъ изъ цѣлой четверти муки ⁴⁾.

Торговля сѣномъ производилась на сѣнныхъ площадкахъ, и самая продажа носила названіе *трушенья сѣнного*. Сѣнное *трушенье* отдавалось на откупъ, а иногда на волю посадскимъ людямъ. Такимъ образомъ, въ Муромѣ сѣнное трушенье было шестнадцать лѣтъ на откуну, а въ 1640 году пожаловано посаду безоброчно ⁵⁾. Сѣно продавалось *копнами*, *возами* и *острамками*; два острамка составляли возъ. Въ концѣ XV вѣка возъ сѣна цѣнился въ 2 алт.; въ 1582 году копна сѣна стоила полполтины ⁶⁾. Въ 1652 году острамокъ сѣна стоилъ отъ 5 до 6 алт. ⁷⁾.

Казенное вино. Въ XVI вѣкѣ, до Θεодора Іоанновича, продажа вина ограничивалась ярмарками и торжками, гдѣ ставились временныя кабаки ⁸⁾. Но вообще правительство преслѣдовало порокъ пьянства и не хотѣло его распространенія въ народѣ. Борисъ ввелъ казенную продажу вина съ цѣлью доставить казнѣ новый источникъ доходовъ ⁹⁾. Въ первые годы правительство получало отъ 800 до 3000 рублей. Съ тѣхъ поръ казенное вино, пиво и медъ составляли собственность государя. Продажа напитковъ совершалась въ кабакахъ, а съ 1653 года на кружечныхъ дворахъ ¹⁰⁾. Борисъ хотя первый ввелъ казенныя кабаки, но вскорѣ долженъ былъ уступить народному нерасположенію къ этой мѣрѣ и, вступивъ на престолъ, уничтожилъ кабаки въ Новгородѣ, желая преклонить къ себѣ народъ, ибо *отъ тѣхъ кабаковъ были всякимъ торговымъ посадскимъ людямъ нужда, и убытки, и тѣснота, и оскуднѣніе* ¹¹⁾. Воеводы жаловались Михаилу Θεодоровичу, что пьянство въ кабакахъ производило разореніе народа, и за такія замѣчанія получали выговоръ, съ подтвержденіемъ увеличивать кабацкіе сборы и унимать отъ пьянства служилыхъ людей.

Продажа вина совершалась двумя способами: чрезъ вѣрныхъ кабацкихъ

1) Olear., 373.

2) Кильбург., 187.

3) Кильбург., 28. Новг. Там. кн. 1613 г. въ Стокг. Госуд. Арх.

4) Ук. о хлѣбн. и колачн. вѣсу. Врем., IV.

5) А. А. Э., III, 437.

6) Врем., XI. О позем. влад., 22.

7) Расх. кн. Ник., 4. Врем., XIII.

8) А. А. Э., I, 292.

9) Fletch. The Russ. Commonw., 44—45.

10) А. И., IV, 199.

11) Доп., I, 249.

головъ и цѣловальниковъ, выбранныхъ изъ торговыхъ людей и приведенныхъ къ присягѣ, и чрезъ отдачу на откупъ. Впослѣдствіи, при Алексѣѣ Михайловичѣ, откупы были уничтожены. Въ Москвѣ царское вино хранилось въ царскихъ подвалахъ ¹⁾ и продавалось съ отдаточнаго двора ²⁾. Производство вина было казенное и подрядное. Около Москвы въ XVII вѣкѣ было много казенныхъ винокурень, но количество производимаго ими вина далеко не было достаточнымъ ³⁾. Кабачные головы и откупщики (гдѣ продажа была на откупѣ) гнали сами вино, покупая нужные запасы: первые на казенныя, вторые на собственные деньги ⁴⁾. Поэтому, кружечные двory представляли большія фабричныя заведенія: это были обширные двory, обнесенные со всѣхъ сторонъ заборомъ и стѣною, на подобіе укрѣпленій. Въ дворѣ находились избы, гдѣ собирались *питухи* ⁵⁾, —ледники, подвалы, поварня, гдѣ дѣлалось пиво и медъ, винокурня съ кладовою и торговая бани. Кружечные двory заводимы были въ большихъ городахъ и селахъ. Въ 1677 году постановлено, чтобы кружечные двory существовали только въ тѣхъ поселеніяхъ, гдѣ не менѣе 500 душъ, и притомъ непременно на вѣрѣ, а не на откупѣ ⁶⁾. Изъ кружечныхъ дворовъ головы и цѣловальники посылали цѣловальниковъ съ виномъ на ярмарки и торжки, гдѣ были заводимы временныя кабаки ⁷⁾

Кромѣ производства вина на казенныхъ винокурняхъ и кружечныхъ дворахъ, владѣльцы имѣній держали у себя винокурни и уговаривались съ вѣрными головами или откупщиками доставлять на кружечные двory извѣстное количество ведеръ. Въ случаѣ неустойки, они подвергались пени противъ подрядной цѣны вдвое ⁸⁾, почему, вступая въ подрядъ, непременно должны были представить поручительство. Подобные подрядчики или уговорщики, какъ они назывались, выставляли вино и на московскій отдаточный дворъ ⁹⁾, но сверхъ того казною покупаемо было вино въ Малороссіи и Ливоніи, и привозилось въ Москву для продажи ¹⁰⁾.

Казенное вино продавалось ведрами, полуведрами, четами ведра, братинами, кружками и чарками. Вино продавалось дороже послѣдними тремя мѣрами, чѣмъ ведрами, полуведрами и четами. Братины составляли восьмую часть ведра ¹¹⁾, а кружка составляла двѣнадцатую часть кабацкаго ведра ¹²⁾. По качеству вино въ XVII вѣкѣ раздѣлялось на простое, вино съ махомъ, двойное и тройное. Вино съ махомъ заключало $\frac{2}{3}$ простого и $\frac{1}{3}$ двойного ¹³⁾.

Цѣнность вина была различна, смотря по урожаю или неурожаю хлѣба и

¹⁾ Коших., 60.

²⁾ П. С. З., II, 486.

³⁾ Кильбург., 74.

⁴⁾ Доп., II, 66.

⁵⁾ Доп., III, 118.

⁶⁾ П. С. З., II, 149.

⁷⁾ П. С. З., II, 336.

⁸⁾ П. С. З., II, 340.

⁹⁾ Коших., 60—61.

¹⁰⁾ Кильбург., 74.

¹¹⁾ Кильбург., 141.

¹²⁾ Врем., VIII. Оп. им. Тат., 18.

¹³⁾ Коших., 60.

вообще по цѣнѣ его, и потому въ однихъ мѣстахъ Россіи вино было дешевле, въ другихъ дороже. Въ 1607 году въ Новгородѣ вино на публичной продажѣ имѣнія было продано за 10 алтынъ ведро ¹⁾). При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ 1619 году, въ Шуѣ цѣна вина была четыре рубля съ половиною за шесть ведеръ ²⁾, а въ 1625 году въ Москвѣ ведро вина продавалось по два рубля ³⁾. По извѣстію Кошихина, при Алексѣѣ Михайловичѣ подрядчики ставили на отдаточный московскій дворъ вино отъ 8 до 10 алт. за ведро, а въ 1660 году подрядчики ставили на кружечные дворы вино отъ 16 до 23 алт. за ведро, а казна продавала отъ 4 до 8 р. ⁴⁾. Въ 1663 г., по уничтоженіи мѣдныхъ денегъ, вино вездѣ продавалось ведрами, полуведрами, четвертями по 1 р., кружками по 1 р. 16 алт., а чарками ведро по 2 р. ⁵⁾. Позже братина вина въ продажѣ стояла отъ 5 до 9 алтынъ, слѣдовательно, за ведро отъ 1 р. 7 алт. до 2 р. 7 алт. 2 деньги. Въ 1681 году постановлено, чтобы на московскомъ отдаточномъ дворѣ и вездѣ въ Москвѣ вино продавалось ведрами, полуведрами, четвертями, по полтинѣ за ведро, а при продажѣ кружками и чарками по 20 алт. за ведро, а въ городахъ различно, судя по тому, какъ дорогъ хлѣбъ, но принято правиломъ, чтобы непремѣнно цѣна продаваемого отъ казны вина была вдвое выше той, по которой сама казна покушаетъ вино, а при продажѣ кружками и чарками прибавлялась, сверхъ этой двойной цѣнности, одна гривна. Такъ въ сѣверныхъ городахъ: Устюгѣ, Холмогорахъ, Колѣ назначено продавать вино по 20 алт. за ведро, въ распивной же продажѣ кружками и чарками по 23 алт. 2 деньги; въ Восточной Россіи, напр., Кай-городкѣ, ведрами по 1 р. 3 д. за ведро, а кружками и чарками дороже этой суммы одною гривною ⁶⁾. Въ началѣ XVII вѣка въ Новгородѣ ведро простого пива оцѣнено въ 4 алтына ⁷⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ бочка пива стояла 2 р., и эта цѣна приносила казнѣ большія выгоды, ибо солоду четверть стояла 45 коп., а берковецъ хмеля отъ 11 до 12 руб. ⁸⁾.

Казенная продажа вина оказывала тѣмъ вреднѣйшее вліяніе на нравственность и благосостояніе жителей, что она предназначалась почти для одного только простонародья. Бояре, дворяне, помѣщички, вотчинники, гости, торговцы гостинной и суконной сотень и многіе знатные посадскіе люди имѣли право—одни всегдашнее, другіе временное—приготавливать вино, пиво и медъ для домашняго обихода. Это право уничтожено отчасти въ 1682 году на томъ основаніи, что правительство сбавило цѣну на казенное вино кружечныхъ дворовъ и ограничило ее двойнымъ количествомъ той суммы, по какой оно пріобрѣталось казною; однако, помѣщикамъ и вотчинникамъ предоставлялось еще право приготавливать въ своихъ домашнихъ лаварняхъ горячіе напитки. Въ то же время постановлено

1) Врем., VIII. Оп. им. Тат., 19.

2) Оп. гор. Шуи, 385.

3) А. И., III, 212.

4) Коших., 61.—П. С. З., I, 169.

5) С. Г. Гр., IV, 122.

6) П. С. З., II, 311, 333.

7) Врем., VIII. Оп. им. Тат., 19.

8) Кильбург., 187.

покупать вино не иначе, какъ на чистыя деньги ¹⁾, а не въ долгъ, по памятямъ, за поручательствомъ, и подъ заклады, какъ это дѣлалось прежде ²⁾.

Всякое тайное производство вина и горячихъ напитковъ называлось корчемствомъ и преслѣдовалось строго закономъ ³⁾. Относительно покупки иностраннаго хлѣбнаго вина и разныхъ привозныхъ водокъ еще въ 1649 году сдѣланы были запрещенія ⁴⁾, но, впрочемъ, при Алексѣѣ Михайловичѣ въ Москвѣ можно было покупать иностранныя водки на аптекарскомъ дворѣ штофами. Штофъ тминной водки въ 1674 году стоилъ 16 коп. или 5 алт. 2 д. ⁵⁾.

Лень, пенька и холстъ. Ленъ и пенька были важными произведеніями въ древней русской заграничной торговлѣ ⁶⁾, и англичане почитали ихъ главнымъ предметомъ отвоза. Ленъ разводился преимущественно около Вологды, въ странѣ, прилегающей этому городу, что, какъ мы уже замѣтили, подало англичанамъ понятіе о важности этого города въ торговомъ отношеніи, а также въ Новгородской и Псковской областяхъ. Коноплю преимущественно разводили въ Смоленской области около Дорогобужа, Вязмы ⁷⁾ и Трубчевска. Иностранцы замѣчали, что производство льна и пеньки, равно и торговля этими произведеніями не могли въ Россіи достигнуть той степени развитія, какъ бы можно было надѣяться, по причинѣ налоговъ и стѣсненій, какими были отягощены и торговцы, и поселяне, не обезпеченные въ своемъ имуществѣ ⁸⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ близъ Москвы разводили значительное количество льна и пеньки въ селѣ Измайловскомъ ⁹⁾. Русскій ленъ былъ двухъ родовъ: большой и малый; первый цѣнился выше второго въ алтынъ на берковецъ; онъ былъ длиннѣ послѣдняго, чище и безъ кострицъ; его шло на берковецъ 22 тюка, а послѣдняго 27 и 28 тюковъ. Въ Новгородѣ былъ родъ льна, называемый сланецъ. Въ Новгородѣ ленъ и пенька продавались связками. Въ 1613 году въ Новгородѣ сто тридцать связокъ льна и пеньки укладывались на двухъ возахъ и цѣнились въ 20 р. ¹⁰⁾.

Русскіе въ половинѣ XVI вѣка не умѣли дѣлать канатовъ, почему англичане завели прядильную канатную фабрику, допуская на нее и русскихъ рабочихъ. Основателемъ ея былъ Ричардъ Грей; и въ 1558 году приготовили на ней 70.000 пудовъ ¹¹⁾. Въ концѣ XVI вѣка русскіе уже отиравли за границу чесаный ленъ, трепаную коноплю и канаты ¹²⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ въ семи верстахъ отъ Москвы построено заведеніе для обработки льна и пеньки. Оно находилось подъ завѣдованіемъ царицы и приносило царской казнѣ большія выгоды. Царь содержалъ работниковъ съ ничтожными издержками и, получая большое количество пеньки и льна, промѣнивалъ на дорогія иностранныя сукна

1) П. С. З., I, 337.

2) Доп., III, 278.

3) П. С. З., II, 332.

4) Доп., III, 199.

5) Кильбург., 187.

6) Пав. Ювій, 40.

7) Fletch. The Russ. Commonw., 22.

8) Fletch., 18.

9) Русск. Стар. (Маргинава), 129.

10) Hasse. Nakl., 227. — Новгор. Там. кн. 1613 г. въ Стокг. Госуд. Арх.

11) Nakl., 338.

12) Торг. кн., 133. З. А. Общ., I.

и матеріи ¹⁾). Въ дворцовыхъ селахъ Смоленскаго края съ крестьянъ собирався оброкъ пенькою, что составляло въ 1667 году 881 берковецъ ²⁾).

Въ XVI вѣкѣ русскіе выдѣлывали холстъ очень дурно, и знатные выписывали для себя заграничный ³⁾, а во второй половинѣ XVII вѣка изъ Архангельска отправлено за границу русскаго холста, называемаго *ватманомъ*, 168.500 аршинъ ⁴⁾. Около Москвы дворцовая слобода Кадашевка вся населена была *хамовниками* (ткачами), выработывавшими полотно, и царица Наталья Кирилловна носила исключительно русское кадашевское полотно: это подвигало вообще знатныхъ особъ употреблять отечественныя полотняныя издѣлія вмѣсто выписныхъ ⁵⁾. Въ Ярославскомъ уѣздѣ, въ селахъ Брейтовѣ и Черкасовѣ, жили *хамовники* и *дѣловцы* и ткали уборы, полотенца, скатерти: имъ заказывали за деньги работать и цари ⁶⁾. Въ Вологдѣ приготавливали холщевыя цвѣтныя палатки, такіе же пологи, продаваемые въ Москвѣ ⁷⁾. Въ Валдайскомъ и Каргопольскомъ уѣздахъ, на Двинѣ и Вагѣ также занимались приготовленіемъ холста. Несмотря, на то, русскіе не переставали выписывать иностранныя полотна изъ Голландіи, и притомъ совсѣмъ не умѣли дѣлать парусины, такъ что, когда для новопостроеннаго при Алексѣѣ Михайловичѣ корабля «Орла» нужно было на паруса парусины, то выписано изъ Голландіи 5000 аршинъ ⁸⁾. Каждогодно въ Архангельскѣ привозили нѣсколько сотъ кусковъ холста, сшитыя рубашки, постельныя наволоки, салфетки, одѣяла и проч. ⁹⁾.

Вывозъ льна и пеньки за границу происходилъ у насъ двумя путями: черезъ Архангельскъ и Нарву, и наурявлялся во Фландрію, Голландію и Испанію. Въ XVI вѣкѣ этотъ товаръ направлялся въ Балтійское море, но уже въ концѣ XVI вѣка туда отправлялось незначительное количество ¹⁰⁾, а главный сбытъ его былъ въ Холмогорахъ. Въ концѣ XVII вѣка этотъ товаръ отправлялся снова преимущественно въ Балтійское море; замѣчали, что количество вывозимой пеньки увеличивалось съ каждымъ годомъ ¹¹⁾. Въ половинѣ XVI вѣка берковецъ конопли въ Новгородѣ стоилъ 1½ руб., въ Холмогорахъ 2 руб., льна въ Новгородѣ 3 р., въ Холмогорахъ 4 р. ¹²⁾. Въ 1557 г. англичане получали ленъ, платя отъ 20 до 28 шиллинговъ за центнеръ ¹³⁾. Фунтъ бѣлыхъ нитокъ стоилъ отъ 3 до 4 денегъ ¹⁴⁾. Въ концѣ XVI вѣка ленъ продавался въ Холмогорахъ 27 алт. 3 д. за пудъ или 8 р. съ четвертью за берковецъ, а конопли трепаной пудъ 11 алт. или берковецъ 3 р. 10 алт. Во

¹⁾ Кильбург., 39.

²⁾ Доп., V, 326.

³⁾ Барбер., 50.

⁴⁾ Кильб., 40.

⁵⁾ Кильбург., 75.

⁶⁾ А. А. Э., III, 424.

⁷⁾ Кильбург.

⁸⁾ Доп., V, 378.

⁹⁾ Кильбург., 87.

¹⁰⁾ Fletch., 18.

¹¹⁾ Кильбург., 35.

¹²⁾ Hawtrey. Nakl., 337.

¹³⁾ Killingsw. Nakl.

¹⁴⁾ Раф. Барбер., 57.

Фландрии пудъ русскаго льна цѣнился по 1 руб., конопля пудъ по полтинѣ; въ Голландіи пудъ льна — 40 алт., конопля 13 алт. 2 д.; въ Испаніи пудъ льна—2 р., конопля по 1 р. Какъ много вывозилось того и другого, видно изъ того, что въ Торговой книгѣ совѣтуютъ договариваться съ иностранцами на большія количества, напр., на 100 и на 1.000 берковцевъ ¹⁾. Въ Новгородской землѣ ленъ продавался *кирбеями*, въ Олонецкой землѣ *куделями*, каждая кудель стоила въ 1658 году 30 алт. ²⁾. Въ 1674 г. берковецъ льна стоилъ въ Нарвѣ 7 р. ³⁾. Русское полотно продавалось на *холсты*; холсты раздѣлялись на аршины и локти. Холсты, т.-е. куски полотна, были разномѣрны: напр., были куски въ двѣнадцать арш. и въ 10 аршинъ, въ двѣнадцать локтей и въ 10 локтей ⁴⁾. Русскій холстъ былъ не шире трехъ четвертей аршина. Въ началѣ XVII вѣка холстъ лощеный въ 12 аршинъ проданъ за 12 алт., холстъ въ 10 локтей за 9 алтынъ ⁵⁾. Холстъ, называемый людской, т.-е. тотъ, который покупался господами для ихъ слугъ, въ XVII вѣкѣ продавался за аршинъ по одному алтыну и дешевле, напр., 5 алт. 2 д. за 10 локтей; крашенина (крашеный холстъ) по 2 алтына. Въ Сибири, въ Енисейскѣ, аршинъ холста стоилъ 3 алт. съ гривною. Холстъ ватманъ, отправляемый, какъ выше сказано, за границу, стоилъ отъ 5 до 6 к. или до 2 алт. за аршинъ ⁶⁾. Рубаха, годная для простонародія, стоила отъ 8 до 10 алтынъ, а портки 3 алт. ⁷⁾, рубаха женская высшаго разряда—1 р., рубаха мужская, вышитая золотомъ по воротнику—2 р., портки съ тачками, какъ носили зажиточные люди, 12 алтынъ ⁸⁾; простыня бѣлая въ началѣ XVII вѣка стоила 2 алт. 2 д., вологодскій пологъ на большую кровать стоилъ въ Москвѣ отъ 1 р. 20 к. до 1 р. 50 к. ⁹⁾.

О цѣнности въ Россіи привозныхъ полотенъ можемъ судить изъ нѣкоторыхъ отрывочныхъ извѣстій. Такъ, въ концѣ XVI вѣка на одномъ кораблѣ привезли 23 амстердамскихъ полотенца въ 2 р. и 155 въ 1 р. Полотна продавались поставами. Они были различнаго цвѣта. Поставецъ амстердамскаго полотна дымчатаго цвѣта стоилъ отъ 40 алт. до 1 р. 10 алт.; сахарнаго цвѣта полотна были дороже ¹⁰⁾. Нѣмецкія нитки продавались мотками на фунты: фунтъ стоилъ 3 алт. 2 деньга ¹¹⁾. Во второй половинѣ XVII вѣка гамбургское полотно продавалось отъ 6 до 9 р. за кусокъ, англійское отъ 1 р. 50 к. до 1 р. 90 к., рашъ отъ 5¹/₂ до 9 р. Куски были различны: иногда въ 22 аршина и болѣе ¹²⁾. Между полотняными матеріями былъ въ употребленіи *отласецъ посконный*, употребляемый на переплетъ церковныхъ книгъ въ XVI вѣкѣ ¹³⁾.

¹⁾ Торг. кн., 131. З. А. Общ., I.

²⁾ Доп., IV, 395.

³⁾ Кильбург., 40.

⁴⁾ Оп. им. Татищ., 8. Врем., VIII.

⁵⁾ Оп. им. Татищ., 8. Врем., VIII.

⁶⁾ Кильбург., 35.

⁷⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 25, 39.

⁸⁾ А. г. Шуя, 111, 176.

⁹⁾ Кильбург., 35.

¹⁰⁾ И. Г. Р., X. Прим. 462.

¹¹⁾ Торг. кн., 127. З. А. О., I.

¹²⁾ Кильбург., 115.

¹³⁾ А. И., I, 284.

Льняное сѣмя и масло скупались купцами въ Новгородѣ, Костромѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ и сбывались за границу черезъ Архангельскъ. Въ концѣ XVI вѣка бочка-селедовка масла стоила въ Москвѣ 2 р. 25 алтынъ, а въ Архангельскѣ продавалась по 6 р. 20 алтынъ ¹⁾. Въ половинѣ XVII вѣка четь льняного сѣмени стоила отъ 18 алт. до 26 алт.; пудъ сѣмяннаго масла стоилъ 1 р. 10 д., а ведро 27 алт. ²⁾. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича ежегодно отпускалось его въ Архангельскъ до 600 ластовъ, цѣною по 24 р. за ластъ ³⁾.

Бумага писчая хотя дѣлалась еще при царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ, но дурно ⁴⁾, а потому русскіе постоянно получали ее изъ-за границы. Въ Торговой книгѣ цѣнность бумаги означена 4 гривны за стопу ⁵⁾. Въ половинѣ XVII вѣка стопа бумаги стоила 22 алтына, въ мелкой продажѣ дестями она продавалась отъ 7 до 8 денегъ за дестъ ⁶⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ было въ Россіи двѣ бумажныя фабрики, одна на рѣкѣ Нахрѣ, другая на Яузѣ. Обѣ производили дурную бумагу ⁷⁾, а потому правительство не могло обойтись безъ ввозной бумаги. Цари поручали покупать бумагу для производства дѣлъ въ приказахъ гостямъ въ Архангельскѣ, и въ 1645 году куплено было 860 стопъ ⁸⁾; въ 1664 году куплено 300 стопъ ⁹⁾; въ 1671 году привезено 28.454 стопы обыкновеннаго формата, въ 1672—3.079, въ 1673—643 стопы. Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя Михайловича бѣлая бумага хорошаго достоинства стоила отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 40 к. за стопу, низшаго—отъ 70 к. до 1 р. 20 к., амстердамская—отъ 1 р. 30 к. до 1 р. 50 к. за стопу; французская почтовая была въ той же цѣнѣ. Русская бумага, несмотря на то, что была ниже иностранной, продавалась по той же цѣнѣ: отъ 1 р. до 1 р. 50 к. Игральныя карты были предметомъ торговли: въ 1674 году онѣ стоили отъ 23 до 36 к. за дюжину ¹⁰⁾.

Хлопчатая бумага привозилась къ намъ кипами и мѣшками, отчасти изъ Европы черезъ Архангельскъ, отчасти съ Востока черезъ Астрахань. Въ 1585 году гривенка хлопчатой бумаги стоила 2 алтына ¹¹⁾. Въ половинѣ XVII вѣка фунтъ хлопчатой бумаги стоилъ 4 алтына ¹²⁾. Въ 1674 году пудъ ея стоилъ отъ 2¹/₂ до 5 рублей. Изъ бумажныхъ матерій, привозимыхъ въ Россію, извѣстны: бязь, бумазея, киндякъ бумажный, камка бумажная, кумачъ, китайка, миткаль, разныя узорчатыя одѣяла и скатерти. Онѣ получались преимущественно съ Востока, но въ XVII вѣкѣ начали ввозить къ намъ бумажныя матеріи и европейцы. Въ

¹⁾ Торг. кн., 134. З. Арх. Общ., I.

²⁾ Расх. кн. Ник., 21, 36, 53. Врем., XIII.

³⁾ Кильбург., 38.

⁴⁾ Раф. Варб., 34.

⁵⁾ З. Арх. Общ., I, 127.

⁶⁾ Расх. кн. Ник., 28, 51, 55. Врем., XIII.

⁷⁾ Кильбург., 73.

⁸⁾ Доп., III, 143.

⁹⁾ Доп., IV, 378.

¹⁰⁾ Кильбург., 73, 115.

¹¹⁾ Доп., I, 193.

¹²⁾ Расх. кн. Ник., 10. Врем., XIII.

XVI вѣкѣ аршинъ бязи стоилъ 1 алтынъ ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ кумачъ продавался по 40 алт. за кусокъ, бумазая около алтына за аршинъ ²⁾, узорчатая скатерти и бумажныя матеріи отъ 3 до 3¹/₄ алт. за аршинъ; за 27 аршинъ китайки можно было заплатить около десяти алтынъ.

Поташъ, смола, смольчугъ составляли постоянно предметъ вывоза въ большомъ количествѣ, но торговля этими произведеніями была чрезвычайно стѣснена участіемъ власти. Эти статьи въ Россіи легко было добывать по причинѣ большого количества лѣсовъ. Цари имѣли казенные заводы, на которыхъ производились работы подъ надзоромъ выборныхъ цѣловальниковъ; сверхъ того, многія частныя лица содержали заводы, называемые на тогдашнемъ языкѣ будными станами. Нѣкоторые принадлежали боярамъ и ближнимъ людямъ, другіе гостямъ и торговцамъ. Со всѣхъ заводовъ собиралась въ пользу царя десятая бочка ³⁾. Множество такихъ заводовъ разбѣяно было по землямъ Новгородской и Двинской. Въ украинскихъ городахъ развели поташные заводы въ такомъ изобиліи, что правительство сочло это вреднымъ, какъ по причинѣ истребленія лѣсовъ, такъ и потому, что на эти заводы опредѣлялись бродяги, и будные станы сдѣлались притонами безчинства ⁴⁾. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича лучшій поташный заводъ принадлежалъ Морозову и находился въ Сибири, а второй послѣ него былъ казенный заводъ ⁵⁾. Поташъ покупался былъ голландцами и фламандцами. Въ Московіи покупали его бочками и продавали въ Архангельскъ на вѣсъ. Бочки, въ которыхъ содержался поташъ и зола, носили особое названіе зольныхъ бочекъ и заключали каждая полъ-ласта ⁶⁾. Кромѣ собственно поташу, выдѣлывали еще низкій сортъ его, называемый вайдашъ, въ который русскіе для плутовства подмѣшивали и простой золы ⁷⁾. Поташъ продавался пудами, хотя и въ бочкахъ, а вайдашъ просто бочками.

Смола покупалась иностранцами преимущественно для корабельныхъ потребностей ⁸⁾. Смола въ 1647 году сдѣлалась исключительнымъ достояніемъ царской казны. Ее покупали головы и цѣловальники у жителей, а казна перепродавала иностранцамъ. Съ 1659 по 1664 годъ вывозная торговля смолою отдана на откупъ англичанину Гебдону, такъ что всѣ производители должны были сбывать ее непременно этому откупщику ⁹⁾.

Царь Алексѣй Михайловичъ взявъ въ свои руки торговлю поташемъ и смольчугомъ; вмѣстѣ съ пенькою, юфтью, соболями и говяжьимъ саломъ, они были въ числѣ указныхъ шести товаровъ, которые запрещалось частнымъ торговцамъ сбывать прямо иностранцамъ, но слѣдовало доставлять въ казну, въ Приказъ большого прихода, черезъ выборныхъ людей, скупавшихъ ихъ повсюду; казна же продавала ихъ иностранцамъ ¹⁰⁾. Эти товары сбывались въ Архангельскъ

¹⁾ Доп., I, 193.

²⁾ Кильбург., 115.

³⁾ Коших., 116.

⁴⁾ П. С. З., I, 486.

⁵⁾ Кильбург., 38.

⁶⁾ Торг. кн., 6. Врем., VIII.

⁷⁾ Кильбург., 38.

⁸⁾ Доп., III, 199.

⁹⁾ Доп., V, 196.

¹⁰⁾ Доп., IV, 281.

на царскихъ подводахъ ¹⁾. Такимъ образомъ, казна была факторомъ между русскими промышленниками и иностранными купцами. Въ 1664 году эта монополія была уничтожена; позволено всёму и каждому торговать съ иностранцами, а вмѣсто того повышена пошлина гривною съ рубля ²⁾.

Въ XVI вѣка поташъ покупался у смолянъ, производившихъ этотъ матеріалъ, по 12 р. за ластъ. Бочка русскаго поташа стоила въ Голландіи отъ 4 до 8 рейхсталеровъ. Бочка смолы стоила 1 р. 10 алт. 4 деньги; смола была двухъ сортовъ: черная и бурая; первая была выше достоинствомъ и выше цѣною ³⁾. Бочка вару въ 7 пудовъ стоила 2¹/₂ р., деготь 5 р. за берковецъ. Въ половинѣ XVII вѣка бочка смолы въ Москвѣ стоила 1 р., въ Архангельскѣ продавали ластомъ отъ 18 до 20 р. за ластъ, какъ дегтя, такъ и смолы ⁴⁾; тогда производствомъ ея занимались преимущественно на берегахъ Онеги и Ваги.

Въ половинѣ XVII вѣка заведены были въ Россіи мыльные заводы, куда находилъ сбытъ поташъ. Лучшимъ русскимъ мыломъ считалось костромское—крѣпкое и сѣрое цвѣтомъ. Мыло продавалось досчечками. Досчечка простого мыла въ 2¹/₂ локтя стоила 50 к., а костромское 2 р. 70 к. ⁵⁾. Изъ привознаго мыла въ Торговой книгѣ упоминается мыло холяпское и испанское: оно продавалось брусками и на вѣсъ. Холяпскаго тысяча брусковъ стоила отъ 16 до 25 р., а испанское отъ 2¹/₂ до 4 алтынъ за фунтъ ⁶⁾.

Производство стекла въ Россіи началось при Михаилѣ Феодоровичѣ ⁷⁾ и развилось при Алексѣѣ Михайловичѣ. Существовало два завода, измайловскій и духанинскій ⁸⁾. Стекло обрабатывалось довольно сносно, но не могло удовлетворять всёму потребностямъ. Въ половинѣ XVII вѣка каждый годъ въ Россію привозилось отъ 80.000 до 90.000 листовъ стекла изъ Ливоніи и Малороссіи, а изъ Европы привозили зеркала, зеркальцы и зеркальныя стекла въ большомъ количествѣ, въ особенности мелкаго размѣра, потому что такія были въ ходу, и всякій женихъ считалъ обязанностью подарить своей невѣстѣ зеркальце. Въ концѣ XVI вѣка дюжина зеркалецъ стоила 40 алтынъ. Привозили также стеклянныя стаканы, чарки, разныя скляницы, очки и прочія издѣлія ⁹⁾. Зеленая скляница въ XVII вѣкѣ цѣнилась въ 2 алт. ¹⁰⁾, венецкая скляница въ гривну ¹¹⁾. Хрустальныя вещи были очень дороги; хрустальная бѣлильница при Алексѣѣ Михайловичѣ стоила 2 р. ¹²⁾. Янтарь въ концѣ XVI вѣка стоилъ фунтъ отъ 10 алт. до 4 рублей ¹³⁾.

¹⁾ Коших., 116.

²⁾ Доп., IV, 377.—П. С. З., I, 577.

³⁾ Торг. кн., 134—136. З. Арх. О., I.

⁴⁾ Кильбург., 40.

⁵⁾ Кильбург., 70.

⁶⁾ Торг. кн., 127. З. Арх. О., I.

⁷⁾ С. Г. Гр., III, 352.

⁸⁾ Кильбург., 77.

⁹⁾ И. Г. Росс., X. Примѣч. 462.—Кильбург., 91.

¹⁰⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 50.

¹¹⁾ Врем., VIII.—Оп. им. Тат., См., 21.

¹²⁾ Врем., V, См., 22.

¹³⁾ Торг. кн., 125. З. А. О., I.

Лѣсной товаръ: бревна, кряжи, брусья, дрова, лубья, тесь, доски, верей, жолобы, лыки, уголь, мохъ, лапти, рогожи и разныя деревянныя издѣлія, ложки, осляди, блюда, солонки, чашки, лучины и также срубы или готовыя избы служили предметомъ торговли на торгахъ, въ особенности въ городахъ, прилежавшихъ къ судоходнымъ рѣкамъ. Въ такихъ городахъ образовывались лѣсныя пристани или лѣсные рынки ¹⁾. Въ столицу привозили чрезвычайное множество лѣса и дровъ, а также деревянныя хоромы, нужныя для жителей по причинѣ безирестанныхъ пожаровъ. вмѣстѣ съ тѣмъ привозилось много мха, нужнаго для законопаченья этихъ складныхъ домовъ ²⁾. Лѣсная порубка производилась преимущественно на Двинѣ, на Клязьмѣ, по Волгѣ, около Вязьмы, Калуги, Козельска и другихъ мѣстъ, прилежавшихъ къ Окскому бассейну ³⁾. Вывозъ лѣса за границу происходилъ черезъ Двинскій портъ изъ ближайшихъ придвинскихъ лѣсовъ, а также изъ Смоленской области по Западной Двинѣ ⁴⁾. Иностранцы покупали у русскихъ старыя хвойныя деревья на мачты.

Въ половинѣ XVI вѣка англичане покупали въ Тотмѣ бревна отъ 15 до 16 сажень въ длину и въ полъ-аршина въ узкомъ концѣ отруба ⁵⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ на рѣкѣ Югѣ нашли превосходныя мачты и тогда составила изъ иностранцевъ компанія для вывоза лѣса за границу; она взяла у казны на откупъ торговлю лѣсомъ и въ 1670 году нагрнула 4 корабля. Эта компанія получала огромные барыши, ибо дерево обходилось за всѣми издержками отъ 25 до 30 коп., а она продавала его отъ 4 до 5 рублей ⁶⁾.

Мастерства: плотничное, столярное, судостроительное и мелкихъ деревянныхъ издѣлій были издавна растространены въ Россіи. Были мѣста, которыя славились какими-нибудь издѣліями; такъ, напр., въ Козьмодемьянскѣ работали ящики и сундуки ⁷⁾; въ Калугѣ дѣлали красивыя ложки и разныя деревянныя вещи, нужныя для домашняго обихода ⁸⁾; въ Каргополѣ красныя корельчатыя ложки ⁹⁾; въ Холмогорахъ дѣлались сундуки, обитые красною юфтью или тюленью кожей, извѣстные въ Москвѣ подъ именемъ холмогорскихъ: въ нихъ привозили въ Москву товары и потомъ продавали для домашняго обихода очень дешево ¹⁰⁾. Въ Вязьмѣ работали сани, извѣстныя по всей Россіи подъ именемъ вяземскихъ ¹¹⁾.

Бревна, брусья и тесницы продавались, смотря по ихъ величинѣ. Въ Новгородѣ въ XVII вѣкѣ большое бревно въ длину отъ 8 до 9 саж., а въ отрубѣ отъ 8 до 9 вершковъ стоило отъ 8 до 10 алтынъ. Бревна меньшей величины продавались дешевле, напр., 7 сажень въ длину за 5 алт., въ 3 сажени—полъ-алтына, причѣмъ, разумѣется, бралась во вниманіе толщина. Тесь въ Новгородѣ

¹⁾ А. А. Э., III, 363.

²⁾ Olear., 146, 149.

³⁾ Доп., V, 223.—А. А. Э., III, 363.

⁴⁾ Fletch., 33.

⁵⁾ Hawtrey. Harl., 337.

⁶⁾ Кильбург., 51.

⁷⁾ Olear., 346.

⁸⁾ Herberst., 44.

⁹⁾ Врем., XIII. Расх. кн., 55.

¹⁰⁾ Кильбург., 64.

¹¹⁾ Оп. им. Тат., 13. Врем., VIII.

продавался сотнями, и сотня стоила отъ 1 р. до 2 р., смотря по величинѣ досокъ отъ 2 до 6 сажень ¹⁾). Въ Москвѣ семисаженный брусъ стоилъ 15 алт., брусъ въ 5 сажень 8 алт. 2 деньги, четырехъ и тресаженный брусъ отъ 5 до 6 алтынъ, бревна еловыя въ три сажени четыре деньги съ половиною за бревно. Тридцать тесницъ сосновыхъ стоили 2 р., сорокъ тесницъ въ три сажени каждая длиною 1 р. 16 алт. 4 д. ²⁾). На Олонцѣ сто бревенъ стоили 6 р. ³⁾). О цѣнности дровъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ можно судить по тому, что дровъ на восемь денегъ достаточно было для того, чтобъ нанечь хлѣба изъ четверти муки ⁴⁾). Въ XVI вѣкѣ (1582 г.) сажень дровъ цѣнилась отъ 3 до 4 алтынъ, или около 40 коп. серебромъ на нынѣшнія деньги ⁵⁾). Въ Галичѣ сажень дровъ продавалась по 10 и 14 к. ⁶⁾). Въ Верхотурѣ сажень дровъ цѣнилась отъ 20 алтынъ до 1¹/₂ р., тысяча вѣшниковъ 2 р., пудъ лыка 10 алт., досчаникъ, приготовленный для плаванія, отъ 40 до 50 р. ⁷⁾). Изъ деревянныхъ издѣлій красныя ложки работы Кирилловскаго и Терапонтскаго монастырей съ костью въ Вологдѣ проданы десятокъ за 4 алтына, а безъ костей—60 окрашенныхъ стоили 8 алтынъ. Въ Москвѣ десять ложекъ стоили отъ 5 денегъ до 2 алтынъ. Онѣ покупались и сотнями. Сотня ложекъ цѣнилась 20 алтынъ. Столъ дубовый съ ящикомъ стоилъ 9 алт. 2 деньги ⁸⁾), сани и телѣга въ XVI вѣкѣ около ¹/₄ р. ⁹⁾), а въ половинѣ XVII вѣка сани стоили около пяти алтынъ съ половиною; за десять саней заплачено одинъ рубль пятнадцать алтынъ; дуга 2 деньги ¹⁰⁾), коробъ лубяной для укладки товаровъ въ XVI вѣкѣ 4 алтына ¹¹⁾), а коробъ для сѣдла въ XVII вѣкѣ 8 денегъ, дубовый сундукъ, окованный желѣзомъ, съ замкомъ, 6 р. 8 алт. 2 д. ¹²⁾). Въ Сибири изъ деревянныхъ издѣлій въ повсемѣстной продажѣ были лыжи, продаваемыя около 3 р. ¹³⁾). Рогожи преимущественно дѣлались въ Валдайскомъ уѣздѣ, и, кромѣ большого внутренняго употребленія, отправлялись за границу. Онѣ раздѣлялись въ торговлѣ на большія, малыя и двойныя или цыновки; послѣднія были особенностью Россіи: онѣ дѣлались изъ липовой коры очень плотно. Рогожи продавались сотнями и тысячами по разнымъ цѣнамъ: малыя отъ ¹/₄ до 2 р., большія отъ 2¹/₄ до 3 руб., цѣна же цыновокъ простиралась до 4, 5 и 6 р. за сотню. Въ половинѣ XVI вѣка ежегодно вывозили ихъ въ Двинскій портъ до 400.000, въ Нарву болѣе 2.000 ¹⁴⁾). Тысяча рогожъ продавалась тогда отъ 12 до 18 р. ¹⁵⁾). Три рогожныхъ мѣшка,

1) Доп., III, 167—168.

2) Врем., XIII. Расх. кн., 10, 27.

3) Доп., IV, 395.

4) Ук. о хлѣб. и колач. вѣсу. Врем., IV.

5) Врем., XI. О позем. влад., 22.

6) Кильб., 168.

7) А. И., III, 365—366.

8) Расх. кн., 9. Врем., XIII.

9) А. А. Э., I, 414.

10) Расх. кн., 21, 37. Врем., XIII.

11) Доп., I, 193.

12) Расх. кн., 34, 37. Врем., XIII.

13) Доп., II, 173.

14) Кильб., 45.

15) Доп., III, 148.

въ которыхъ возили муку, стоили 6 денегъ, по 2 деньги за мѣшокъ, въ Москвѣ ¹⁾).

Вина, бакалейные и москотильные товары. Иностранцы привозили въ Россію вина, сахаръ, пряности, лакомства. Вина продавались бочками, которыя были *беременные* и *полубеременные* ²⁾, также *галенками*. Но съ 1614 года запрещено иностранцамъ продавать привозныя вина галенками, а позволено единственно бочками и *куфами* ³⁾. Это постановлено въ предупрежденіе розничной продажи, которую, однако, и потомъ иностранцы позволяли себѣ въ подрывъ мѣстнымъ торговцамъ ⁴⁾ въ Архангельскѣ. Продолженіе тайной розничной винной продажи принудило правительство въ 1667 году издать новыя строжайшія правила и назначить въ наказаніе двойную пошлину за противозаконную розничную продажу вина, а русскихъ, покупающихъ такимъ образомъ, постановило подвергать пени (заповѣди): за первый разъ $\frac{1}{2}$ р., за второй 1 р., а за третій два рубля ⁵⁾.

Въ половинѣ XVII вѣка вообще вкусъ къ винамъ въ Россіи распространился такъ, что иностранцы привозили винъ гораздо болѣе, чѣмъ прежде, и потому правительство, страшась, чтобъ распространеніе вина не подрывало казенной продажи хлѣбнаго вина, повысило пошлины на иностранное вино ⁶⁾.

Въ XVII вѣкѣ иноземныя вина были преимущественно французскія и испанскія, продавались бочками, куфами, пипами и оксофтами ⁷⁾. Ихъ привозили голландцы, англичане, нѣмцы и шведы: послѣдніе покупали французское вино и доставляли въ Россію ⁸⁾. Распоряженіе, чтобъ иностранцы продавали привозныя вина единственно оптомъ, сосредоточивало эту торговлю въ рукахъ гостей и вообще первоклассныхъ купцовъ. Купленные у иностранцевъ вина содержались въ погребахъ въ бочкахъ и продавались галенками и кружками; галенкою называлась посуда изъ луженой мѣди, довольно непріятная по своей фізіономіи. Въ Москвѣ погреба были вмѣстѣ и тавернами, потому что покупателю всегда предлагали пробовать покупаемое вино изъ склянницъ, и подѣ этимъ предлогомъ продавали его чарками и рюмками. Погреба были частныя и казенныя ⁹⁾. Каждо-одно царь, отправляя гостя съ цѣловальниками въ Архангельскъ для закупки товаровъ, приказывалъ въ числѣ ихъ покупать значительныя порціи винъ, которыя служили не только для царскаго стола и нуждъ двора, но и для публичной продажи ¹⁰⁾. Всѣ частныя погреба были обложены оброкомъ. Въ Москвѣ, при Алексѣѣ Михайловичѣ, за погребъ платили до 9 р. годового оброка ¹¹⁾.

Употребительныя у русскихъ въ XVI и XVII столѣтіяхъ виды винъ были: мускатель, аликанте, канарское, романея, бастертъ или бастръ, испанское, вен-

¹⁾ Расх. кн., 37. Врем., XIII.

²⁾ Доп., III, 206.

³⁾ А. А. Э., III, 21.

⁴⁾ Доп., III, 195.

⁵⁾ Доп., V, 192—193.

⁶⁾ С. Г. Гр., IV, 198.

⁷⁾ Кильб., 93.

⁸⁾ Доп., V, 411.

⁹⁾ Кильб., 189.

¹⁰⁾ Доп., III, 206.

¹¹⁾ Кильб., 189.

ское ¹⁾, малвазія, кинарея, бѣлое и красное французское церковное ²⁾, разныя привозныя водки ³⁾, укусы романейскій, ренскій съ травкою и безъ травки ⁴⁾ и разносолъ, питье, воспрещаемое въ розничной продажѣ вмѣстѣ съ другими винами и водками ⁵⁾. Въ концѣ XVI вѣка платили за бочку аликанте и мускателя 12 р., канарскаго—10 р., ренскаго краснаго и испанскаго—6 р., жунскаго—2 р. ⁶⁾. Въ началѣ XVII вѣка въ Новгородѣ ведро романей продано за 25 алт., ведро ренскаго—30 алт., аликанте—1 р., разносолу 13 алт. 2 д. ⁷⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ цѣны на вина были гораздо значительнѣе: за пипу испанскаго платили отъ 50 до 80 р., бѣлаго французскаго—отъ 20 до 30 р., краснаго—отъ 10 до 18 р. ⁸⁾. Вина высшаго достоинства подвергались большой пошлинѣ; аликанте, бастръ, малвазія и мускатель облагались пошлинами въ 60 ефимковъ за бочку, романей по 40 ефимковъ, ренское 20 ефимковъ, а церковное вино подвергалось только шести ефимкамъ съ бочки; съ водокъ брали по 6 ефимковъ съ погребца. Сверхъ того иноземцы, которые пожелали бы сами везти на оптовую продажу во внутренность государства свое вино, платили еще пятиалтынную съ рубля пошлину ⁹⁾.

Торговля съ англичанами развивала въ русской жизни употребленіе сахара и сахарныхъ лакомствъ. Подъ именемъ сахара у русскихъ разумѣлся не одинъ собственно сахаръ, но вообще всякія лакомства, конфекты и пряности, приготовленныя въ сахарѣ, такъ, напр., говорилось: сахаръ на гвоздикѣ, сахаръ на корицѣ, сахаръ на миндальныхъ ядрахъ и проч. Собственно сахаръ у насъ раздѣлялся на головной ¹⁰⁾, коробчатый, сахаръ на спицахъ ¹¹⁾, горшечный или мелисъ и леденецъ ¹²⁾. Головной сахаръ былъ бѣлый и желтый. Въ концѣ XVI вѣка фунтъ бѣлаго продавался отъ 1 гривны до $\frac{1}{4}$ р., желтаго отъ 8 д. до гривны, коробчатого—отъ полугривны или 1 алт. 4 д. до гривны или 3 алт. 2 д., сахаръ на спицахъ стоилъ отъ 3 до 5 алтынъ, леденецъ отъ 10 до 20 алтынъ ¹³⁾. По другому извѣстію, въ концѣ XVI вѣка головного сахару привезено было однажды 42 пуда по 4 р. пудъ, и 12 пудовъ коробчатого также по 4 р. пудъ ¹⁴⁾. Переводя тогдашнія деньги на настоящія по вѣсу и принимая рубль XVI вѣка за 3 р. 20 к. XIX вѣка, мы найдемъ, что пудъ сахару стоилъ тогда на наши деньги 12 р. 80 к., а фунтъ продавался отъ 32 коп. до $\frac{3}{4}$ р. и до 80 коп., но худшаго сахару фунтъ доходилъ и до 16 коп. Въ 1674 году пудъ горшечнаго сахару или мелиса стоилъ отъ 4 до 6 р. (на наши деньги отъ 8 р.

¹⁾ Врем., VIII. Торг. кн., 21.

²⁾ Доп., III, 206.

³⁾ П. С. З., II, 558.

⁴⁾ Доп., III, 206.

⁵⁾ Доп., V, 195—196.

⁶⁾ Торг. кн., 21. Врем., VIII.

⁷⁾ Врем., VIII. Оп. им. Тат., 17.

⁸⁾ Кильб., 115.

⁹⁾ С. Г. Гр., IV, 198.

¹⁰⁾ Ibid.

¹¹⁾ Торг. кн., 16. Врем., VIII.

¹²⁾ С. Г. Гр., IV, 198.—Кильбург.

¹³⁾ Врем., VIII. Торг. кн., 16.

¹⁴⁾ И. Г. Р., X. Прим. 462.

32 к. до 12 съ полтиною), сѣраго леденцу отъ 6 до 10 р. (отъ 12¹/₂ до 21¹/₂ на наши деньги). Сахаръ привозился въ Россію въ бочкахъ, ящикахъ, коробкахъ въ небольшомъ количествѣ, потому что онъ составлялъ только принадлежность лакомствъ. Въ 1673 г. ввезено леденца 42 бочки, горшечнаго сахара—2 бочки, конфетнаго—2 бочки и 6 ящиковъ леденца. Вообще ежегодно можно положить количество привозимаго въ Россію сахара отъ 50 до 60 бочекъ, но каждаго рода привозъ былъ то болѣе, то менѣе въ тотъ или другой годъ; напр., одинъ годъ привозили болѣе горшечнаго сахара, другой годъ болѣе леденца. Приготовленныхъ въ сахарѣ плодовъ и пряностей привозили болѣе, чѣмъ чистаго сахара, напр., въ 1671 году привезено было 943 бочки винныхъ ягодъ, 367 бочекъ и 200 коробовъ изюму, 98 бочекъ варенаго инбирю, 70 бочекъ конфетъ; въ 1672 году—677 боченковъ винныхъ ягодъ, 481 тонна изюму и 1 бочка коринокки; въ 1673—834 тонны и 1608 коробовъ варенаго инбирю и 35 бочекъ варенныхъ лимоновъ ¹⁾. Въ числѣ подобныхъ лакомствъ были сахаръ на инбирѣ и арбузы, вареные въ сахарѣ; перваго въ XVI вѣкѣ фунтъ стоилъ отъ 10 до 20 алт., а послѣднихъ—фунтъ отъ 3 до 10 алт. ²⁾. Въ XVII вѣкѣ пудъ цукатовъ стоилъ отъ 3¹/₈ до 6 рублей.

Русскіе чрезвычайно любили всякія пряности, особенно перецъ, шафранъ и корицу; вообще пряности составляли необходимую принадлежность хорошаго стола ³⁾. Изъ привозимыхъ въ Архангельскъ пряностей упоминаются: перецъ, шафранъ, мускатный цвѣтъ, корица, кардамонъ, гвоздика; они продавались мѣшечками, ящиками, боченками, кипами и связками. Перцу привезено было въ 1671 году 162 связки, въ 1672—121 связка, въ 1673—5 боченковъ, 116 кипъ и 50 связокъ; шафрана въ 1671—4 бочки, 3 ящ., 2 пуда, въ 1672—4 мѣшечка, 1 ящ., 3 ф., въ 1673—1 ящ., 11 ф.; кардамона въ 1671—3 боч., 2 мѣшка, въ 1672—6 тоннъ, 1 связка, 5 п. и 5 ф.; гвоздики въ 1671—11 бочекъ, въ 1672—6 бочекъ 3 п., въ 1673—9 боч. 4 п.; корицы въ 1672—2 пучка, 3 ящ., въ 1673—6 пуч., 2 связки и одинъ мѣшокъ ⁴⁾. Мускатный орѣхъ и цвѣтъ привозились въ небольшомъ количествѣ. Деревянное масло привозилось въ значительномъ количествѣ; въ 1671 привезено 666 бочекъ, въ 1672—135, въ 1673—801.

Перецъ былъ черный и дикій; первый цѣнился выше—въ 5 р. за пудъ, а дикій—въ 1 р. за пудъ ⁵⁾. Въ розничной продажѣ въ XVI вѣкѣ перецъ продавался за фунтъ отъ 20 денегъ ⁶⁾ до 12 алт. ⁷⁾, но средняя его цѣна была отъ 6 до 8 алтынъ. Въ первой половинѣ XVII вѣка фунтъ перцу стоилъ 6 алтынъ ⁸⁾. Шафранъ въ XVI вѣкѣ продавался за фунтъ отъ 2 до 3 р., въ половинѣ XVII вѣка—отъ 1 р. 8 алт. и 1 р. 25 алт. до 2 р. 10 алтынъ ⁹⁾.

¹⁾ Кильбург.

²⁾ Врем., VIII. Торг. кн., 16, 18.

³⁾ Herberst., 41.

⁴⁾ Кильбург., 87, 117.

⁵⁾ Ист. Г. Р., X. Прим. 462.

⁶⁾ А. А. Э., I. 403.

⁷⁾ З. А. О., I. Торг. кн., 124.

⁸⁾ Расх. кн. Ник. Врем., XIII.

⁹⁾ Ibid.—Кильбург.

Гвоздика и корица въ половинѣ XVI вѣка продавались фунтъ по 1 р. ¹⁾, въ концѣ XVI вѣка по 20 алтынъ ²⁾, въ половинѣ XVII вѣка по 26 алт. 4 д. ³⁾; въ 1674 г. пудъ отъ 25 до 70 рублей ⁴⁾. Кардамонъ въ XVI вѣкѣ фунтъ стоилъ полтину ⁵⁾, въ 1674 году пудъ стоилъ отъ 13 до 25 р. ⁶⁾. Инбирю фунтъ стоилъ въ половинѣ XVI вѣка отъ 5 до 8 алтынъ ⁷⁾, въ концѣ XVI вѣка отъ 4 до 6 алтынъ 4 д. ⁸⁾, а въ половинѣ XVII вѣка отъ 2 алт. 8 д. до 5 алт. 2 д. ⁹⁾. Пудъ изюму въ концѣ XVI вѣка продавался отъ 13 алт. 2 д. до 1 р. ¹⁰⁾, средняя же цѣна была ему 23 алт. 2 д. за пудъ ¹¹⁾, а въ половинѣ XVII вѣка, отъ 1¹/₃ р. до 2 р. ¹²⁾. Черносливу пудъ стоилъ въ XVI вѣкѣ отъ 11 грошей до ¹/₂ р. ¹³⁾. Винныя ягоды продавались въ XVII вѣкѣ отъ 1¹/₂ до 2¹/₄ р. за пудъ ¹⁴⁾. Пудъ сарацинскаго пшена въ XVII вѣкѣ стоилъ 2 р. 19 алт. 4 д. ¹⁵⁾, рису отъ 80 коп. до 1 р. 60 к. ¹⁶⁾. Орѣхи были въ торговлѣ: скатвые, зеленые, бѣлые, синіе; зеленые цѣнились въ XVI вѣкѣ 2 р. за пудъ, а синіе—отъ 2 алт. до гривны за фунтъ, орѣхи бѣлые—отъ 1 алт. до 1 алт. 4 д. за фунтъ ¹⁷⁾; въ XVII вѣкѣ орѣхи вообще продавались отъ 16 до 30 р. за пудъ ¹⁸⁾. Грецкіе орѣхи продавались счетомъ. Въ концѣ XVI вѣка тысяча грецкихъ орѣховъ стоила 11 алтынъ. Лимоны покупались поштучно; въ концѣ XVI вѣка платили 2 д. за штуку ¹⁹⁾. Чернильные орѣшки въ XVI вѣкѣ продавались отъ 6 до 8 талеровъ за пудъ, т.-е. отъ 2 р. 5 алт. 3 д. или отъ 2 р. 18 алт. 1 д. до 2 р. 29 алт. 2 д. или до 3 р. 12 алтынъ ²⁰⁾. Въ XVII столѣтіи пудъ чернильныхъ орѣшковъ продавался отъ 3 до 6 рублей ²¹⁾. Цѣнность деревяннаго масла въ первой половинѣ XVII вѣка была отъ 3 алт. 1 д. до 4 алт. 2 д. за фунтъ ²²⁾, во второй половинѣ—за фунтъ отъ 2 алт. 2 д. до 12 алт. 3 д., или отъ 2 до 5 р. за пудъ ²³⁾. Ладанъ привозился въ

1) Раф. Барб., 56.

2) Торг. кн., 123. З. А. О., I.

3) Расх. кн., 35. Врем., XIII.

4) Кильбург.

5) Торг. кн., 123. З. А. О., I.

6) Кильбург.

7) Барбер., 56.

8) Торг. кн., 123. З. А. О., I.

9) Расх. кн. Врем., XIII.

10) Торг. кн., 123. З. А. О., I.

11) Ист. П. Р., X. Прим. 462.

12) Врем., XIII. Расх. кн. Кильбург., 116.

13) Ibid.

14) Кильбург.

15) Расх. кн., 47. Врем., XIII.

16) Кильбург.

17) Торг. кн., 122—123. З. А. О., I.

18) Кильбург.

19) Торг. кн., 128. З. Арх. Общ., I.

20) Барберини.

21) Кильбург., 116.

22) Расходн. кн., 56. Врем., XIII.

23) Кильбург., 116—117.

Россію въ значительномъ количествѣ: такъ въ 1671 г. привезено было 401 бочка и 13 ящиковъ ладану. Русскіе любили самый лучшій ладанъ. Въ XVI вѣкѣ ладанъ продавался около 7 р. 5 алт. 5 д. или около 8 р. 13 алт. 2 д.; въ концѣ XVI вѣка пудъ бѣлаго ладана продавался отъ 2 до 9 р., желтаго—отъ 1 р. 21 алт. 4 д. до 7 рублей ¹⁾. Въ первой половинѣ XVII вѣка ладанъ продавался и по 10 д. и по 5 алт. за фунтъ ²⁾, слѣдовательно пудъ отъ 1 руб. 13 алт. до 6 рублей. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича бѣлый ладанъ продавался отъ 6 до 10 р., а сѣрый отъ 3 до 6 р. за пудъ ³⁾. Кромѣ европейцевъ, къ намъ привозили ладанъ съ Востока; такъ въ 1694 году армяне привезли 95^{1/2} пудовъ ладану ⁴⁾. Ладанъ худшаго достоинства назывался темьянъ: пудъ его стоилъ отъ 20 алт. до 1 р. ⁵⁾. Въ Россіи обрабатывали его темьянные мастера. Въ 1623 году въ Псковѣ такая работа происходила въ темьянной избѣ передъ таможенными головами и цѣловальниками, съ платою пошлыны по 7 алт. съ пуда. Они обязаны были класть двѣ доли ладанной муки и одну долю воску ⁶⁾.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ числѣ разныхъ привозныхъ травъ явился и чай: его привозили изъ Китая вмѣстѣ съ бадьяномъ. Онъ продавался фунтами въ бумагѣ, на которой были написаны китайскія буквы. Иностранцы говорили о немъ, какъ о рѣдкости. Русскіе начинали употреблять его въ питьѣ съ сахаромъ и приписывали ему цѣлительную силу противъ желудочнаго разстройства ⁷⁾, а также считали предохранительнымъ средствомъ противъ пьянства и пили его на похмелье ⁸⁾. Сибирскіе купцы привозили хину: ее продавали въ Москвѣ отъ 10 алт. до 13 алт. 2 деньги.

Солодковый корень и ревенъ составляли предметы вывозной торговли. Солодковый корень собирался по берегамъ Волги и продавался въ Москвѣ кусками, очищенными отъ коры. Въ концѣ XVI вѣка онъ стоилъ отъ 1 д. до 3 алт. за фунтъ ⁹⁾, а во второй половинѣ XVII вѣка за пудъ до 2 р. 13 алт. 2 д. ¹⁰⁾. Торговля ревенемъ была собственностью казны. Ревенъ получался изъ Бухаріи и переходилъ въ Европу черезъ Россію. Главное мѣсто его склада было въ Тобольскѣ, куда привозили его бухарцы и татары, а также и русскіе, ѣздившіе за нимъ въ Бухарію. Въ 1657 году подъ смертной казнью запрещалось торговать ревенемъ. Привозившіе въ Тобольскъ ревенъ должны были отдавать его начальству, которое препровождало его въ казну ¹¹⁾. При Феодорѣ Алексѣевичѣ позволялось купцамъ, записавшимся въ Тобольскѣ, везти самимъ ревенъ въ Москву на продажу въ казну, но отнюдь не торговать имъ на дорогѣ, такъ чтобы количество,

¹⁾ Торг. кн., 124. З. Арх. Общ., I.

²⁾ Расх. кн., 24, 27. Врем., XIII.

³⁾ Кильбург., 116—117.

⁴⁾ А. И., V, 420—421.

⁵⁾ Врем., VIII. Торг. кн., 18.

⁶⁾ А. А. Э., III, 192.

⁷⁾ Колл., 23.

⁸⁾ Кильбург., 65.

⁹⁾ Торг. кн., 122. З. А. Общ., I.

¹⁰⁾ Кильбург., 71.

¹¹⁾ С. Г. Гр., IV, 28—29.

доставляемое въ Москву, было именно то, которое значилось въ пробзжей грамотѣ, выданной въ Тобольскѣ ¹⁾. Въ концѣ XVII вѣка ревенъ отыскивали и въ Сибири. Въ 1696 году приказано искать это растеніе вокругъ Нерчинска ²⁾, а годъ передъ тѣмъ торговля ревенемъ въ Тобольскѣ, Томскѣ, Тарѣ и повсюду въ Сибири, какъ въ городахъ, такъ и въ степяхъ, гдѣ ревенъ могъ быть найденъ, отдана на откупъ гамбургскому торговцу Поппе на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ не продавалъ его безошлинно за границу ³⁾ и не посылалъ для закупки его по Сибири нѣмцевъ.

Несмотря, однако, на строгія мѣры, тайная торговля ревенемъ была сильно распространена въ Россіи ⁴⁾. Въ торговлѣ отличали два рода корня ревеня: копытчатый и черенковый ⁵⁾. Первый, высшаго достоинства, различали по добротѣ, круглотѣ, плотности и чернокрасному цвѣту ⁶⁾; фунтъ ревеня въ XVI вѣкѣ стоилъ отъ 2 до 10 алтынъ ⁷⁾.

Въ XVII вѣкѣ довольно важна сдѣлалась торговля мареною. Многіе торговцы оставляли другіе предметы, чтобъ обратить дѣятельность на марену. Марена произрастала около Терка на протяженіи шестидесяти верстъ. Жители Терка и гребенскіе козаки собирали ее и продавали персидскимъ купцамъ. Каждогодно изъ Персіи приходило по шести и осьми бусъ, которыя нагружались единственно мареною. Потребность ея увеличилась отъ того, что въ Персіи въ то время распространено было тканье окрашенныхъ матерій. Марена продавалась мѣхами; каждый мѣхъ заключалъ полтора пуда. Персидскіе купцы платили за пудъ отъ 17 до 20 алт., а въ Персіи продавали отъ 1½ р. до двухъ рублей. Однажды, когда воровскіе козаки преградили путь персидскимъ купцамъ до Терка, цѣна на марену въ Персіи возросла до 7 р. за пудъ. Правительство долго не знало объ этомъ промыслѣ, пока одинъ кадашевецъ, желая отличиться, не подалъ проекта взять его промыселъ въ казну. Царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ объявить жителямъ Терка, чтобъ они не продавали марены въ Персію, а доставляли ее въ казну, которая будетъ платить имъ съ прибавкою. Въ 1650 году велѣно было соорудить въ Теркѣ амбары для складки марены и выбрать поля для обработки марены наймомъ отъ казны ⁸⁾.

Изъ произведеній Россіи, вывозимыхъ за границу, остается упомянуть о листовничной губкѣ и капѣ. Первая добывалась на сѣверѣ и отпускалась за границу; въ половинѣ XVII вѣка отпускъ ея приблизительно доходилъ до 60 пудовъ. Купцы различали ея доброту по мѣрѣ мягкости, легкости, ломкости, бѣлизны и сладости на вкусъ. Древесная губка считалась хуже, ибо она была жестка ⁹⁾. Капомъ назывался застывшій березовый сокъ, который въ твердомъ состояніи можно было употреблять на токарныя работы. Изъ него дѣлали ложки

¹⁾ А. И., V, 91.

²⁾ А. И., V, 468.

³⁾ А. И., V, 444.

⁴⁾ Кильбург., 49.

⁵⁾ С. Г. Гр., IV, 28.

⁶⁾ Кильбург., 49.

⁷⁾ Торг. кн., 122. З. А. О., I.

⁸⁾ А. И., IV, 143.

⁹⁾ Кильб., 49.

и чарки для питья. Онъ былъ очень дорогъ. Ложка изъ капа стоила отъ 40 до 60 коп., чарка до 5 рублей.

Табакъ—зелье, строго запрещенное—былъ, однако, въ повсемѣстномъ употребленіи, ибо русскіе его любили. Въ половинѣ XVII вѣка фунтъ табаку стоилъ 40 алтынъ ¹⁾.

3. Предметы царства животнаго.

Многочисленныя рѣки Россіи издавна были богаты рыбою. Обычай свято сохранять посты, установленные Церковью, развилъ у насъ повсемѣстно рыбные промыслы и рыбную торговлю. Не было рѣки или озера, гдѣ бы не занимались рыболовствомъ; не было базара, гдѣ бы рыба не была самымъ обыкновеннымъ товаромъ ²⁾. Но мѣста, гдѣ производились рыбныя ловли и куда поэтому склонялась рыбная торговля, были берега Сѣвернаго моря, русла рѣкъ: Двины, Ваги, Пинеги, Мезени, Волхова; озера: Ладожское, Бѣлое, Ильмень, Селигеръ, Переяславское, Галицкое; русла Шексны, Оки, Дона и Волги на всемъ ея протяженіи, а въ особенности въ низовьяхъ около Астрахани ³⁾. Обыкновенные, составлявшіе цѣнные предметы оптовой торговли, роды рыбъ были: семга, треска, лососина, сига, лодога, святки и красная рыба, подъ которою разумѣлись: осетръ, стерлядь, бѣлорыбица, бѣлуга, севрюга (по старинному шеврига). Ловля семги производилась у Колы, на лаповской границѣ, въ Двинѣ выше Архангельска, въ Мезенѣ, Пинегѣ, Емцѣ и вообще по морю, но главный промыселъ былъ въ Колѣ, гдѣ ежегодно налавливали ее до 200 ластовъ ⁴⁾. Треска и палтусъ ловились на Ледовитомъ морѣ ⁵⁾. Сиги, лососи, лодоги, сырты были рыбы Ладожскаго озера и его протоковъ, напримѣръ, рѣки Волховца ⁶⁾. Святки ловились въ Бѣломъ озерѣ и также въ сѣверныхъ рѣкахъ ⁷⁾. Сельди—въ Бѣломъ морѣ ⁸⁾, въ разныхъ рѣкахъ и озерахъ: въ Селигерѣ ⁹⁾, въ Валдайскомъ ¹⁰⁾, въ Галицкомъ ¹¹⁾, но лучшими сельдами считались переяславскія ¹²⁾. Ловля красной рыбы производилась преимущественно въ Волгѣ ¹³⁾; но красная рыба попадалась также

¹⁾ Кильб., 60.

²⁾ А. г. Шуи, 64.

³⁾ П. С. З., I, 286, 368. II, 213. — А. А. Э., I, 113, 389. II, 117, 275. III, 13, 16, 79, 158, 219, 248. — А. И., I, 327. III, 193. IV, 360, 460. V, 28. — Доп., I, 125, 213, 394. II, 87, 93, 151. III, 327. IV, 338. V, 48. — Врем., XIII. Расх. кн. Ник. — Olear., 204, 353, 361, 367, 373. — Fletch., 27. — Jenkins., 364. — Herberst., 44. — Кильбург., 22.

⁴⁾ Кильбург., 22. — Доп., IV, 338, 380.

⁵⁾ А. И., IV, 360.

⁶⁾ А. А. Э., III, 157—158.

⁷⁾ А. А. Э., II, 180.

⁸⁾ Herberst., 52.

⁹⁾ А. А. Э., II, 275.

¹⁰⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 2.

¹¹⁾ А. А. Э., I, 387.

¹²⁾ А. И., I, 327.

¹³⁾ А. И., III, 272—274.

въ Окѣ ¹⁾, въ Бѣломъ озерѣ и въ Шекснѣ ²⁾, гдѣ стерляди отличались вкусомъ. Въ Волгѣ ловилась рыба, обращающая на себя вниманіе по своей оригинальности, подъ названіемъ чиберика; у ней носъ былъ длинный, какъ у утки, на обоихъ бокахъ спины черныя и бѣлыя пятна, брюхо бѣлое; она была очень вкусна ³⁾. Кромѣ этихъ породъ, во всѣхъ русскихъ рѣкахъ ловились и продавались для мѣстнаго продовольствія: щуки, пискари, окуни, карпы, лещи, судаки, караси, гольцы и проч. Мѣста, удобныя для рыбной ловли, назывались *тонями*, съ придачею названія рыбъ, которыхъ преимущественно ловили въ этихъ тоняхъ. Такъ, напримѣръ, были тони сиговыя, снѣтійныя ⁴⁾. Въ Заонежѣ рыбныя ловли означались *мердами* ⁵⁾, на Волгѣ *связками* и *частиками*. Частикъ составлялъ сто сажень: въ частичкѣ было двѣ связки съ четвертью, слѣдовательно, въ связкѣ было около 45 сажень ⁶⁾. Въ Астрахани мѣста, гдѣ ловили красную рыбу и приготавливали ее соленьемъ, назывались *учуи* ⁷⁾. Ловля рыбы совершалась неводами, баграми, крюками, которые у рыболововъ назывались *гарвами*, *переметными керешками*, *таласами* и проч.; рыболовы во время ловли плавали на карбасахъ, челнахъ и сакахъ, а иногда строили *ызы* или заборы для загона туда рыбы ⁸⁾. По временамъ года рыбная ловля называлась вешняя, осенняя и подледная ⁹⁾. Хотя рыболовствомъ занимались повсюду, но во многихъ мѣстахъ рыболовы составляли слободы, т.-е. корпораціи или цехи, съ правами, сопряженными съ этимъ занятіемъ. Такія рыболовныя слободы существовали, напримѣръ, на Галицкомъ озерѣ ¹⁰⁾, на Переяславскомъ, гдѣ жили царскіе рыболовы ¹¹⁾, на Волгѣ близъ Романова ¹²⁾, на Бѣломъ озерѣ, на Дону, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Они носили названіе *рыбныхъ ловцовъ* ¹³⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ занимались рыбнымъ промысломъ другого рода работники, и назывались *неводчики* ¹⁴⁾. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ, на Переяславскомъ озерѣ, рыбные ловцы обязаны были доставлять натурою сельдей въ опредѣленное время, и такое хозяйственное для царя значеніе Переяславскаго озера сохранялось неизмѣнно въ продолженіе вѣковъ ¹⁵⁾. На Бѣломъ озерѣ рыбный промыселъ отправлялся также записанными въ особый списокъ и составлявшими корпорацію ловцами; они были обязаны ловить рыбу для царской казны. Въ городѣ былъ построенъ рыбный дворъ, гдѣ находился приказчикъ, а съ нимъ цѣловальники, выбранные изъ бѣлозерскихъ посадскихъ: они выбирались жителями для надзора,

¹⁾ Herberst., 114.

²⁾ Доп., IV, 92. V, 48.

³⁾ Olear., 367.

⁴⁾ А. А. Э., III, 157.

⁵⁾ А. И., III, 71.

⁶⁾ А. А. Э., I, 412.

⁷⁾ А. И., IV, 133.

⁸⁾ А. И., I, 327.—А. А. Э., I, 425.—Доп., II, 99.

⁹⁾ А. А. Э., I, 389.

¹⁰⁾ А. А. Э., I, 113.

¹¹⁾ А. А. Э., I, 114.—А. И., IV, 458.

¹²⁾ А. А. Э., III, 248—251.

¹³⁾ Доп., V, 47.

¹⁴⁾ С. Г. Гр., I, 327.

¹⁵⁾ А. А. Э., I, 114.—А. И., IV, 458.

укладки, отправки рыбы, для строенія садковъ, гдѣ хранилась пойманная живая рыба до отправки. Сверхъ того, жители были обязаны доставлять гребцовъ. Живая рыба отправлялась въ прорѣзныхъ судахъ до Ярославля, подъ надзоромъ выборныхъ цѣловальниковъ и доходила до Москвы, гдѣ шла во всеобщую продажу отъ казны. Рыбные ловцы не смѣли никому продавать царской рыбы на сторону ¹⁾. Но кромѣ рыбныхъ ловцовъ, составлявшихъ сословіе, обязанное ловить рыбу для царской казны, на бѣлозерскія ловли допускались и другіе оброчники или закупщики—крестьяне и бобыли разныхъ вѣдомствъ, платя пошлины съ лодокъ, съ челновъ, съ саковъ, съ керешекъ. а впоследствии, въ половинѣ XVII вѣка, съ цѣнности рыбы ²⁾. Въ другихъ мѣстахъ рыбные ловцы хотя составляли сословіе, но, вмѣсто доставки рыбы натурою, платили оброкъ по оброчнымъ граматамъ и продавали уловъ свой свободно. Такимъ правиламъ, между прочимъ, подчинены были ильменскіе и галицкіе рыболовы ³⁾. Тверскія и городенскія рыбныя ловли отдавались на оброкъ. На Ладожскомъ озерѣ хотя ладожскіе рыболовы и ловили для царя извѣстное количество рыбъ, напримѣръ, при Феодорѣ Іоанновичѣ 640 сиговъ, 640 лодогъ и 640 сыртей ⁴⁾, иной годъ болѣе, другой менѣе, смотря по приказанію, но тѣмъ не менѣе промышленникамъ предоставлялось свободно заниматься рыбною ловлею, съ платою оброка или бережной пошлины. Отъ этихъ пошлинъ освобождались только монастыри, имѣвшіе тарханныя граматы ⁵⁾. На рѣкѣ Волховѣ, на Птиновскомъ островѣ (и вѣроятно на всемъ Ладожскомъ озерѣ) за ловлю сиговъ бралась, кромѣ бережной пошлины, за отвозъ въ Ладогу наловленной рыбы *ладоужина*, а за набивку рыбъ въ бочку *бочечное* ⁶⁾. Въ Вотской и Обонежской пятинахъ рыбныя ловли отдавались въ оброкъ рыболовамъ и для сбора законныхъ пошлинъ посылались сытники ⁷⁾. На Сѣверномъ морѣ, Двинѣ и вообще на сѣверныхъ рѣкахъ рыбныя ловли были свободны, и, повидимому, не считались царскою собственностью, какъ въ другихъ мѣстахъ, но въ пользу царя собиралась десятая рыба со всѣхъ, кромѣ монастырскихъ людей и крестьянъ, когда монастыри пользовались тарханными граматами, освобождавшими ихъ отъ этихъ повинностей ⁸⁾. Выборные цѣловальники ѣздили по рыболовнымъ и собирали рыбу натурою, а потомъ привозили къ воеводамъ. Такъ въ 1663 году значится 61 пудъ десятой рыбы, доставленной двинскому воеводѣ ⁹⁾. На Волгѣ, какъ, напримѣръ, въ Казани, Самарѣ, Саратовѣ и Царицинѣ ¹⁰⁾, царскія ловли отдавались съ оброка. Астраханскіе рыбные промыслы, самые важнѣйшіе въ Россіи, составляли исключительное достояніе царской казны и производство ихъ совершалось различнымъ способомъ: или вѣрные головы и цѣловальники держали ихъ на вѣрѣ, и про-

¹⁾ Доп., I, 349, 396.—Доп., IV, 92—93.

²⁾ Доп., V, 48.

³⁾ А. А. Э., I, 113, 387.—Доп., I, 125.—П. С. З., I, 368.

⁴⁾ А. А. Э., I, 389.

⁵⁾ А. И., V, 28.—П. С. З., II, 212.

⁶⁾ А. А. Э., III, 158.

⁷⁾ Доп., I, 188.

⁸⁾ А. И., III, 52.

⁹⁾ Доп., IV, 338.

¹⁰⁾ А. А. Э., III, 219.

изводили промышленныя работы хозяйственнымъ образомъ, или они отдавались на откупъ, или на оброкъ. Тѣ же мѣста, которыя оставались безъ производства работы, назывались порожжими ¹⁾. Рыбная ловля въ Астрахани обходилась вообще дороже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Волги, потому что наемъ работниковъ стоилъ дороже, поэтому производство работъ отъ казны и содержаніе рыболовныхъ заведеній на вѣрѣ почиталось не исполнѣ выгоднымъ дѣломъ и правительство считало гораздо удобнѣе отдавать учуги на откупъ, а собственно рыбныя ловли (связками и неводами) на оброкъ. Въ половинѣ XVII вѣка высокая откупная плата за учуги произвела то, что множество учуговъ оставались порожжими; поэтому правительство приказывало отдавать ихъ дешево, лишь бы они не оставались пустыми ²⁾. Нѣкоторые же учуги отдавались въ оброкъ, напримѣръ, въ 1652 году патриарху, съ платою 427 р. 24 алт. 1 д. въ годъ. Работы на учугахъ производились наемными людьми, прибывавшими для этого промысла ежегодно изъ верховыхъ провинцій, а на патриаршихъ учугахъ патриаршими людьми, нарочно для того посылаемыми подъ надзоромъ патриаршихъ приказныхъ или дѣтей боярскихъ ³⁾. Откупщики учужинные и рыболовы-оброчники были сами продавцами рыбы, и правительство приказывало, чтобъ рыбные ловцы продавали одну только свѣжую рыбу, а отнюдь не соленую, чтобъ не подрывать учужинковъ. Поэтому, продажа свѣжей рыбы съ астраханскихъ ловель была подъ надзоромъ нарочно назначенныхъ для того дѣтей боярскихъ ⁴⁾.

Владѣльцы частныхъ рыбныхъ ловель также производили работы или посредствомъ своихъ людей и крестьянъ ихъ, или отдавали ихъ на оброкъ. Рыбныя ловли Соловецкаго монастыря въ XVII вѣкѣ были всѣ отданы на откупъ ⁵⁾. Оброчная плата за частныя ловли зависѣла нерѣдко отъ положенія ихъ и отъ сосѣдства, такъ что иногда никто не хотѣлъ брать въ оброкъ рыбныхъ ловель по причинѣ непокойнаго сосѣдства ⁶⁾. Ловли, производимыя посредствомъ крестьянъ, назывались въ Новгородской землѣ вежами, какъ это видно изъ одной грамоты, гдѣ ловля *вежами* противопоставляется ловлѣ *съ оброка* ⁷⁾. Вообще частныя рыбныя промыслы не могли имѣть большого значенія по причинѣ совмѣстничества казенныхъ. Достаточно для подтвержденія этого указать на нѣкоторые случаи. Въ Казани при Михаилѣ Феодоровичѣ, въ 1624 году ⁸⁾, были различныя рыбныя ловли: царскія, митрополичьи, монастырскія, — всѣ онѣ отдавались на оброкъ. Было замѣчено, что царскій рыбный доходъ началъ уменьшаться оттого, что оброчные ловцы, вмѣсто того, чтобъ брать въ оброчное содержаніе царскія рыбныя ловли, находили для себя выгоднѣе снимать ловли митрополичьи и монастырскія, да кромѣ того отправлялись въ Самару и Саратовъ, гдѣ тогда уже развивалось рыболовство. Правительство запретило имъ брать въ оброкъ владычнія и монастырскія ловли, равно уходить въ низовья, но

¹⁾ Доп., II, 151.

²⁾ А. И., IV, 133.

³⁾ П. С. З., I, 286.

⁴⁾ А. И., III, 193.

⁵⁾ Кильб., 28.

⁶⁾ Оп. г. Шуи, 346—347.

⁷⁾ А. И., V, 2.

⁸⁾ А. А. Э., III, 219.

приказывало непременно брать въ оброкъ царскія рыбныя ловли. На Волгѣ и Шекснѣ въ 1626 году запрещено было продавать красную свѣжую рыбу ¹⁾, а при Теодорѣ Алексѣевичѣ митрополичьи рыбныя ловли на Ильменѣ, отдаваемые оброчникамъ, которые, въ свою очередь, раздавали ихъ захребетникамъ, велѣно отобрать въ казну и платить митрополиту ту сумму, какую давали оброчники ²⁾.

Торговля рыбою въ Московскомъ Государствѣ была царская и частная. Рыба, доставляемая съ астраханскихъ царскихъ рыболовныхъ заведеній, состоявшихъ на вѣрѣ, отправлялась на судахъ въ Москву и лучшая изъ нея доставлялась къ царскому столу, а остальная шла на продажу ³⁾. Астрахань—важнѣйшее мѣсто добыванія рыбы—была вмѣстѣ съ тѣмъ важнымъ рыбнымъ рынкомъ. Торговля производилась какъ свѣжею, такъ и соленою рыбою. Свѣжая продавалась въ городѣ на *исадахъ*, какъ выше сказано, самими ловцами, снимавшими воды на оброкъ ⁴⁾. Такъ какъ у нихъ скупали рыбу прасолы, которые потомъ значительно набавляли цѣну на рыбу, то правительство, стараясь остановить ихъ самовольство, установило, чтобы прасолы являлись на торгъ не иначе, какъ послѣ 3-го часа дня, и притомъ дозволяло имъ брать барышей не болѣе пяти алтыновъ съ рубля ⁵⁾. Каждый годъ приплывали въ Астрахань весною и осенью суда и привозили хлѣбные запасы, а вывозили рыбу и икру ⁶⁾; купцы прѣѣзжали за рыбою изъ разныхъ верховыхъ мѣстъ, особенно изъ Казани, Нижняго и Ярославля ⁷⁾.

При наборѣ рыбы на учугахъ покупатели обращались къ начальству и просили дать имъ сына боярскаго или цѣловальника для безспорной укладки рыбы и платежа пошлины. При нагрузкѣ измѣряли рыбъ казенною мѣрою. Въ Астрахани и вообще на Волгѣ подъ словомъ *рыба* разумѣлась извѣстная единица рыбной мѣры. Такъ, напримѣръ, чтобъ составить рыбу, нужно было то или другое количество рыбнаго товара. Рыба раздѣлялась на *полурыбники*. Два полурыбника составляли рыбу; пять *шевригъ*, три *теши* и три *косяка* въ Астрахани принимались за рыбу ⁸⁾. Въ гребномъ суднѣ укладывалось отъ 3.000 до 5.500 рыбъ ⁹⁾, но обыкновенно судно измѣривали въ длину и поперекъ и дѣлали гадательныя заключенія о вмѣщеніи въ немъ рыбнаго товара. Купцы, возившіе изъ Астрахани рыбу вверхъ по Волгѣ, оплачивали ее пошлиною въ Нижнемѣ, и при этомъ какъ и по поводу соляныхъ грузовъ, происходили недоумѣнія: глазомѣрные расчеты величины суда, безъ знанія геометріи, оказывались ошибочными; при томъ счетъ рыбъ въ Нижнемѣ былъ не тотъ, что въ Астрахани, такъ что въ Нижнемѣ считали на рыбу не пять, но три шевриги и принимали каждую тешу и косякъ за цѣлую рыбу ¹⁰⁾ въ измѣрительномъ смыслѣ этого слова.

¹⁾ А. И., III, 235.

²⁾ А. И., V, 2.

³⁾ Коших., 116.

⁴⁾ А. И., III, 192.

⁵⁾ А. И., III, 193.

⁶⁾ А. И., III, 278.—П. С. З., I, 286.

⁷⁾ А. И., III, 272.

⁸⁾ Доп., II, 86—87.

⁹⁾ А. И., III, 272.

¹⁰⁾ А. И., III, 273.

Рыба въ продажѣ была свѣжая, просольная и сушеная. Свѣжая—лѣтомъ доставлялась къ мѣсту продажи въ прорѣзныхъ судахъ, а зимою мерзлая; просольная продавалась бочками. Бѣлуга и осетрина продавались штуками, что называлось *длинною рыбою*. тешами, косяками и спинками, также разсѣкались по звенамъ и клались въ бочки ¹⁾). Осетринные и бѣлужьи *пунки* продавались лукнами. Соленые сиги, семга, лососина, лодога продавались всегда бочками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и на вѣсъ пудами, а мелкія рыбы: снятки, вандыши, хохолки—осьминами, какъ и грибы ²⁾). Сушеная рыба была прutowая, вяленая и вѣтренная ³⁾). Икра въ торговлѣ различалась по цвѣту, по приготовленію и по мѣсту добыванія. По цвѣту встрѣчается различіе между черною и темнобурою; оба рода добывались въ Астрахани и вообще на Волгѣ; первый родъ добывался изъ осетровъ и стерлядей, а второй изъ бѣлугъ и назывался также армянскою икрою: зерны ея были величиною съ перецъ ⁴⁾). Ловля бѣлугъ предпринималась преимущественно для икры, такъ что при большомъ изобиліи, добывши икру, выбрасывали прочь самое туловище бѣлуги ⁵⁾). Была еще икра желтая, добываемая изъ шукъ; она составляла пищу для простаго народа. По способу приготовленія икра раздѣлялась на зернистую или *немятую* и *паюсную*, которая продавалась *штуками* ⁶⁾). Главное мѣсто добыванія икры была Астрахань, гдѣ она солилась и часто высушивалась на солнцѣ ⁷⁾). Посоливъ икру, ее клали въ корыта, чтобъ вытекли жирные соки, потомъ укладывали въ бочки и давили крѣпко, пока она не превращалась въ твердую массу ⁸⁾). Мятая или паюсная икра составляла достойніе казны. Въ половинѣ XVII вѣка никто не смѣлъ ею торговать, исключая откупщиковъ, которые снимали казенные икряные учуги ⁹⁾). Немятая икра была свободный товаръ и цѣнилась ниже паюсной. Въ Москву привозили ее зимою на саяхъ, и хозяева, купивъ ее, держали въ погребахъ на льду ¹⁰⁾). По мѣсту приготовленія у насъ икра была: астраханская учужная, казанская, яицкая. Коллинсъ говоритъ, что въ его время была въ продажѣ икра, которую дѣлали изъ бѣлугъ, добываемыхъ въ Оби ¹¹⁾). Въ XVI вѣкѣ икра продавалась *корсоками* и *лукнами* ¹²⁾). Но обыкновенная продажа икры была *пошевами*. Пошевъ заключалъ въ себѣ шесть пудовъ или немного болѣе ¹³⁾). Но икра, какъ и рыба, продавалась и бочками, а также и на вѣсъ пудами.

Торговля рыбой подвергалась безчисленнымъ мелкимъ поборамъ, принадлежавшимъ собственно этой вѣтви торговли, какъ-то: съ рыбной кладки, съ рыб-

1) А. И., I, 327.—Коших., 62—63.

2) А. А. Э., II, 180.

3) Домостр., 90.

4) Олеар., 21.

5) Коллинсъ, 39—40.

6) Коших., 63.

7) Олеар., 204.

8) Колл., 39.

9) Олеар., 204.

10) Кильбург., 21.

11) Коллинсъ, 32.

12) А. А. Э., I, 295.

13) Доп., III, 146.

наго боя, съ рыбной выборки, съ рыбной раздѣлки, съ мытья, со складки, съ бочки. Но въ 1654 году эти поборы замѣнены обычной рублевою пошлиною¹⁾.

Рыбный товаръ былъ предметомъ вывоза за границу, но трудно опредѣлить, въ какой степени. Роды рыбъ, отправляемыхъ за границу, были: семга, палтусъ и треска — вообще рыбы водъ сѣвернаго бассейна. Жители Кольской области, занимаясь ловлею трески и палтуса, промѣнивали ихъ англичанамъ и датчанамъ на сукно, мѣдь и олово²⁾. Соленая семга въ изобилии отправлялась за границу и продавалась въ Голландіи, Фландріи и Франціи³⁾. Икра отправлялась съ царскихъ волжскихъ учуговъ въ Архангельскъ. Алексѣй Михайловичъ отдалъ всю торговлю паюсною икрою иностранцу Ферпортену на десять лѣтъ, съ условіемъ платить за пудъ по три рейхсталера, что приносило царю до 40.000 рейхсталеровъ. Большое количество русской икры шло въ Англію, Нидерланды, Францію и особенно Италію, гдѣ она считалась лакомствомъ, подъ именемъ *saviago*⁴⁾. Въ числѣ вывозныхъ статей рыбнаго товара былъ клей, называемый карлукъ. Онъ добывался изъ бѣлугъ около Астрахани и принадлежалъ казѣ. Въ 1637 году отнущено было въ Нарву 1.450 пудовъ этого товара⁵⁾. Ежегодная добыча его простиралась до 300 пудовъ. Въ Москвѣ онъ продавался отъ казны.

Въ половинѣ XVI вѣка (1563 года) лучшая свѣжая осетрина продавалась по 30 алтынъ за штуку, стерлядь по 4 алтына, лосось по 3 алт. 2 д., бѣлорыбца 5 алтынъ⁶⁾; но во время подвоза въ приволжскихъ городахъ, какъ, напримѣръ въ Ярославлѣ, гдѣ число привозочной рыбы простиралось до 3.000 штукъ однихъ осетровъ, можно было купить цѣлаго осетра за 7 алтынъ⁷⁾. Соленая осетрина продавалась по полтинѣ за штуку, бѣлорыбца по 2½ алт., бочковая рыба: лососина, лодожина, сиговина продавалась за бочку по 1 руб. 22 алтына, бочка соленой щуки по 40 алтынъ, семга — за пудъ 3 алт. 2 д., паюсная икра — 13 алт. 2 д. за пудъ⁸⁾. Въ концѣ XVI вѣка соленая кольская семга въ Холмогорахъ продавалась по 2 алтына за штуку; въ бочкѣ вмѣщалось до двадцати штукъ, а иногда цѣлая бочка достигала цѣны 4 руб.⁹⁾. Бочка переяславскихъ сельдей, въ которую входило слишкомъ до двухсотъ штукъ, стоила 11 алтынъ 4 деньги¹⁰⁾. Треска продавалась сухая и соленая. Первая отправлялась болѣе въ Балтійское море, послѣдняя въ Сѣверное. Сто штукъ сухой трески составляли четыре пуда, и пудъ продавался по 13 алт. 2 д., а соленая на Сѣверномъ морѣ стоила 23 алт. 2 д.¹¹⁾. Въ XVII вѣкѣ пудъ трески въ Москвѣ стоилъ 26 алт. 2 д.¹²⁾. Въ Астрахани въ 1623 году се-

1) П. С. З., I, 330.

2) Доп., I, 213.

3) Торг. кн., 3. Врем., VIII.

4) Olear., 204.

5) Кильбург., 46.

6) А. И., I, 327.

7) Ж. М. Н. Пр. 1856. Февр., 104.

8) А. И., I, 327.

9) Торг. кн., 3. Врем., VIII.

10) А. И., I, 327.

11) Торг. кн., 3. Врем., VIII.

12) Кильбург., 187.

врюга по таксъ стоила: съ икроу 7 денегъ, безъ икры 5 денегъ; осетръ и бѣлуга мѣрю *въ пять шеврѣ* продавались: икряные по 5 алт. 4 ден., а яловые по 4 алт. 1 ден. ¹⁾ Но позже, въ 1628 году, сто рыбъ осетровыхъ оцѣнено въ 70 рублей, что выходитъ по 23 алтына за штуку ²⁾. Вообще въ Астрахани можно было у ловцовъ получать рыбу очень дешево, напр., за 200 стерлядей по 15 грошей или десять алтынъ, а за 12 большихъ карповъ четыре деньги ³⁾. Въ Москвѣ въ половинѣ XVII вѣка двадцать бѣлугъ стоили 18 р., а 20 осетровъ 8 р. ⁴⁾ Семга въ половинѣ XVII вѣка продавалась по полтиннѣ, а иногда цѣна ея возвышалась и до 70 и до 80 коп.; соленая при отвозѣ за границу продавалась по 12 коп. или 4 алтына ⁵⁾. Пошевъ икры въ 6 пудовъ съ небольшимъ цѣнился въ XVII вѣкѣ около 13 руб., слѣдовательно, пудъ немного болѣе 2-хъ рублей ⁶⁾. Фунтъ икры въ Москвѣ продавался 2 алт., десятокъ пучковъ вязиги — 1 алт. 3 деньги съ полуденною ⁷⁾. Пудъ клею въ XVI вѣкѣ—отъ 2 до 5 рублей ⁸⁾. 0 цѣнъ шукъ, лещей, окуней и проч. можно заключить приблизительно изъ того, что въ 1652 году въ Валдаѣ 200 окуней и 27 шукъ стоили 1 р. 26 алт. 4 д., а 50 шукъ, 16 окуней и 17 лещей— 1 р. 11 алт. 4 д. ⁹⁾.

Жемчугъ былъ важнымъ предметомъ ввоза, потому что составлялъ самое обычное украшеніе русскихъ нарядовъ. Жемчугъ раздѣлялся на бурмитскій и зерновой. Въ торговлѣ смотрѣли, чтобъ жемчугъ былъ окатенъ (кругль), сходчивъ и водою чистъ. Цѣнность его была различна, смотря по величинѣ и чистотѣ. Жемчугъ бурмитскій продавался на жемчужины. Жемчужина, вѣсившая двѣ серебряныхъ деньги, продавалась рубля за два, вѣсившая 4 д.— за 4 р., а вѣсившая алтынъ—рублей по 8. Зерновой жемчугъ продавался на золотники и цѣна золотнику была различна, смотря по тому, сколько зеренъ войдетъ въ золотникъ: чѣмъ меньше, тѣмъ дороже и наоборотъ. Золотникъ жемчуга изъ 20 зеренъ стоилъ 1 р. 6 алт. 4 д., изъ 25 зеренъ—1 р. 3 алт. 2 д., золотникъ въ 30 зеренъ—1 р., золотникъ изъ 50 зеренъ—полтину, а изъ шестидесяти зеренъ—13 алт. 2 д. Цвѣтъ жемчуга всегда принимался во вниманіе: чѣмъ бѣлѣе, тѣмъ онъ былъ дороже; желтаго жемчугу никто не хотѣлъ покупать ¹⁰⁾. Жемчужное ожерелье, какое носили мужчины въ XVII вѣкѣ, можно было купить за 6½ руб., а женскія, судя по достоинству, были иногда очень дороги, напр., въ 200 рублей. 0 степени привоза можно приблизительно судить изъ извѣстія, относящагося къ концу XVI вѣка, гдѣ сказано, что на кораблѣ привезено жемчугу 1.203 золотника по 2 руб. съ полтиной, а 476 золотн. по 1 руб. 26 алт. ¹¹⁾. По свидѣтельству Кильбургера, въ 1672 году привезено въ

¹⁾ А. И., III, 193.

²⁾ А. И., III, 274.

³⁾ Olear., 372—373.

⁴⁾ Кильбург., 21.

⁵⁾ Кильбург., 22.

⁶⁾ Доп., III, 146.

⁷⁾ Врем., XIII. Расх. кн., 25, 29.

⁸⁾ Торг. кн., 7. Врем., VIII.

⁹⁾ Расх. кн. Ник., 2. Врем., XIII.

¹⁰⁾ Торг. кн., 122. З. А. О., I.

¹¹⁾ И. Г. Р., X. Прим. 462.

Россію 2.000 штукъ крупнаго и 9 фунтовъ мелкаго, въ 1613 году — 26 фунтовъ 22 золотника, 21 ящикъ, 2 дюжины, 19 нитокъ и 420 штукъ крупнаго ¹⁾). Сверхъ привознаго жемчугу, у насъ былъ свой, добываемый въ Двинѣ ²⁾), но онъ уступалъ привозному.

Моржовая кость, называемая въ русской торговлѣ *рыбимъ зубомъ*, добывалась на Сѣверномъ морѣ ³⁾), напр., около Мезеня; лѣтомъ промышленники для моржоваго промысла плавали на Новую Землю, на Вайгачь ⁴⁾), но обильнѣйшее добываніе моржовой кости было въ Сибири, на Восточномъ Океанѣ, по берегамъ Мотыклея, Анадыра ⁵⁾) и на Сѣверномъ Океанѣ у устья Колымы. Въ этихъ странахъ въ половинѣ XVII вѣка найдено такое огромное количество костей, что ими можно было нагружать суда ⁶⁾). Она сбывалась преимущественно въ Царьградъ, Крымъ, Персію и Бухарію ⁷⁾), гдѣ ее употребляли на оправу ножей и кинжаловъ; отчасти она шла и въ Европу; сверхъ того, нѣкоторые употребляли внутрь порошокъ изъ моржовой кости, приписывая ему цѣлительную силу. До половины XVII вѣка промышленники обязаны были платить десятую кость въ пользу царя ⁸⁾), но царь Алексѣй Михайловичъ обратилъ всю торговлю моржовою костью въ казенную монополію. Въ 1649 году въ Архангельскѣ и Холмогорахъ велѣно объявить, чтобъ всѣ везли кости въ таможенную, а таможенники будутъ выдавать имъ деньги по оцѣнкѣ; на всѣхъ торгахъ велѣно отбирать *рыбий зубъ* и отсылать въ казну ⁹⁾). Чѣмъ крупнѣе кость, тѣмъ считалось цѣннѣе. Иногда пудъ выходилъ изъ трехъ костей, иногда изъ четырехъ, иногда изъ восьми и болѣе. Мельче кость, именно отъ 8 до 16 костей въ пудѣ, считалась гораздо малоецѣннѣе ¹⁰⁾). Въ половинѣ XVII вѣка въ Сибири моржовая кость цѣнилась среднею цѣною по 1 р. за фунтъ ¹¹⁾). Кромѣ моржей, ловили еще морскихъ волковъ, изъ зубовъ которыхъ дѣлались ножи ¹²⁾).

Пушныя товары въ глазахъ иностранцевъ казались самымъ важнѣйшимъ источникомъ богатства Россіи. Но это богатство не было неисчерпаемо. Въ началѣ XVI вѣка вся Россія была наполнена безчисленнымъ множествомъ звѣрей, но въ половинѣ XVII вѣка въ Европейской Россіи промыслы пушныхъ звѣрей упадали ¹³⁾), а въ концѣ XVII вѣка чувствовался недостатокъ мѣховъ уже въ самой Сибири. Впрочемъ, XVI и XVII вѣка были временемъ высшаго значенія мѣховою торговлею. До перехода русскихъ за Уральскія горы Россія получала мѣха изъ лѣсовъ, которыми покрыты были ея европейскія владѣ-

1) Кильбург., 107.

2) Herberst., 59.

3) Доп., III, 81.

4) Доп., V, 172.

5) Доп., III, 348; IV, 10.

6) Доп., III, 349.

7) Доп., III, 81.—Fletch., 23.

8) Доп., III, 81.

9) Доп., III, 191.

10) Доп., IV, 99.

11) Доп., III, 349.

12) Раф. Барб., 47.

13) Коших., 74.

нія. Лѣсистые берега Оки доставляли бѣлокъ, куницъ, горностаевъ ¹⁾. Въ Смоленской области непроходимые лѣса изобиловали лосями, вепрями, рысями, куницами и бобрами ²⁾. Во многихъ мѣстахъ на рѣкахъ и озерахъ жили такъ называемые бобровники, которые, какъ и рыболовы, составляли особую корпорацію звѣролововъ, обязанныхъ доставлять ко двору мѣха ³⁾. Такіе бобровники жили, между прочимъ, въ Дмитровскомъ уѣздѣ. Но важнѣйшія и богатѣйшія мѣста звѣриныхъ промысловъ были берега Ваги, Двины и Печоры ⁴⁾. На Устюгѣ ловились черныя лисицы, а на Вагѣ лисицы черныя и лисицы пепельнаго цвѣта ⁵⁾. Берега Печоры обильны были соболями, куницами, бобрами, волками и бѣлками ⁶⁾. Открытіе Сибири развернуло для Россіи неслыханныя сокровища пушного богатства на пространствѣ отъ Уральскихъ горъ до Восточнаго Океана. Съ тѣхъ поръ вся дѣятельность мѣхового промысла перешла въ Сибирь.

Торговля мѣхами раздѣлялась между правительствомъ и купцами или, лучше сказать, главное ядро ея было въ рукахъ власти, а купцамъ доставались избытки. Власть приобрѣтала мѣха слѣдующими способами: 1) отъ инородныхъ подданныхъ, платившихъ мѣхами дань, называемую ясакомъ; эта дань или доставлялась самими инородцами начальствующимъ лицамъ того уѣзда, гдѣ они жили, или же служилые люди посылаемы были въ юрты (жилища инородцевъ) и приносили ясакъ воеводамъ, которые поручали выборнымъ торговымъ людямъ оцѣнивать мѣха и потомъ отправлять въ Москву. 2) Кромѣ ясака, воеводы получали отъ инородцевъ при платежѣ ясаковъ *поминки* мѣхами. Воеводы, какъ и служилые люди, закономъ могли принять ихъ, но не смѣли оставлять у себя, тѣмъ менѣе продавать, а должны были препровождать въ казну, откуда имъ выдавали деньги. 3) Торговцы, покуная мѣха въ Сибири, обязаны были давать въ казну десятаго звѣря и притомъ самаго лучшаго; сверхъ того начальство могло у промышленниковъ и торговцевъ во всякое время отобрать въ казну мѣха, коль скоро они окажутся высшаго достоинства. Кромѣ употребленія мѣховъ на царское жалованье, казна веда ими значительный торгъ. Торговля эта поручалась гостямъ и цѣловальникамъ изъ торговцевъ ⁷⁾. При Феодорѣ Іоанновичѣ купцы отъ казны посылались для скупа мѣховъ и получали награды за удачныя приобрѣтенія ⁸⁾. Въ Москвѣ были казенныя лавки, гдѣ продавались мѣха. Казенные мѣха отправлялись въ Сѣверный портъ, а также промѣнивались грекамъ, армянамъ, персіанамъ, бухарцамъ на восточные товары. Впослѣдствіи, когда возникли торговыя сношенія съ Китаемъ, мѣха сибирскіе сдѣлались важнымъ предметомъ вывоза въ Китай. Вообще очень часто казенные мѣха имѣли значеніе ходячей монеты и выдавались въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было выдавать деньги. Такимъ образомъ, посольству, отправленному въ Константинополь, вмѣсто необходимой суммы для раздачи милостыни разнымъ церквамъ и монастырямъ, правительство дало

¹⁾ Herberst., 46.

²⁾ Доп., V, 76.

³⁾ А. А. Э., I, 120.

⁴⁾ Chancellor, 80.

⁵⁾ Herberst., 54.

⁶⁾ Herberst., 55.

⁷⁾ Коших., 74.

⁸⁾ Доп., I, 199.

мѣха ¹⁾. Стараясь привлечь въ Россію серебро, правительство давало порученія гостямъ и цѣловальникамъ въ Архангельскѣ промѣнивать мѣха на ефимки ²⁾.

Частная торговля мѣхами была чрезвычайно стѣснена совмѣстничествомъ власти, какъ мы уже имѣли случай объяснить. Русскіе купцы во многихъ мѣстахъ не смѣли торговать въ юртахъ, а въ отдаленной Сибири хотя это и было дозволено, но не иначе, какъ послѣ сбора ясака и притомъ съ условіемъ отдавать въ казну лучшихъ звѣрей. Во многихъ мѣстахъ русскимъ промышленникамъ было вовсе запрещено самимъ заниматься звѣроловствомъ, а предоставлялось это занятіе однимъ инородцамъ, платившимъ ясакъ; это касалось до татаръ, остяковъ, вогуличей, чувашей ³⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ купцы не имѣли права продавать мѣха высокаго достоинства свыше 20 р. за пару и 300 р. за сотню ⁴⁾ по московской цѣнѣ. Запрещалось въ Сибири частнымъ торговцамъ отпускать мѣха въ другія государства, особенно въ Бухарію, откуда купцы пріѣзжали для закупки мягкой рухляди ⁵⁾. Въ Европейской Россіи запрещалось продавать мѣха грекамъ, армянамъ, персіянамъ ⁶⁾, потому что казна принимала на себя надѣленіе мѣхами торговцевъ этихъ народовъ. Что касается до торговли въ Архангельскѣ, то купецъ, отправляющій за границу мѣха, былъ стѣсненъ тѣмъ, что не смѣлъ продавать своихъ товаровъ, прежде чѣмъ не продадутся казенные; притомъ казенные были лучше и могли продаваться дешевле, чѣмъ частные, поэтому купецъ всегда рисковалъ понести убытки. Иногда правительство устанавливало запрещенія торговать какими-нибудь изъ мѣховъ, напр., въ 1675 году запрещено было торговать голубыми и черными песцами и повсюду велѣно было у проѣзжихъ торговцевъ отбирать этого рода мѣха и выдавать за нихъ деньги ⁷⁾. Такъ въ числѣ указныхъ шести товаровъ (вмѣстѣ съ ненькою, смольчугомъ, юфтью, поташемъ, саломъ) при Алексѣѣ Михайловичѣ были соболи ⁸⁾.

Частные торговцы пріобрѣтали мѣха посредствомъ мѣны съ инородцами въ Сибири и въ Сѣверной Россіи ⁹⁾, мѣны, дозволенной на гостиныхъ дворахъ, а въ отдаленной Сибири и въ юртахъ, и посредствомъ покупки отъ казны. Они сбывали мѣха внутри Россіи и вывозили въ Архангельскъ и Нарву ¹⁰⁾. Нерѣдко мѣха привозили въ Архангельскъ не изъ Москвы, гдѣ было главное средоточіе мѣховой торговли, но прямо изъ Сибири по Двинѣ. Гости и торговцы, стѣсняемые коммерческимъ совмѣстничествомъ власти, умѣли изворачиваться въ свою пользу. Такъ торговцы въ Сибири давали воеводамъ взятки, и воеводы оставляли въ ихъ рукахъ лучше мѣха, а въ казну отсылали мѣха худшаго достоинства, увѣряя, что лучше достоинствомъ доставленныхъ въ казну не было; въ самой Москвѣ гости, бывъ призваны для оцѣнки казенныхъ мѣховъ, оцѣнивали казен-

¹⁾ Врем., IX. Наказъ посламъ, 49.

²⁾ Доп., III, 190.

³⁾ Доп., V, 429.

⁴⁾ Коших., 74.

⁵⁾ Доп., IV, 355.

⁶⁾ П. С. З., II, 325.

⁷⁾ А. И., IV, 539.

⁸⁾ Доп., IV, 273, 281.

⁹⁾ А. И., II, 27, 57.

¹⁰⁾ Кильбург.

ные мѣха дороже, чѣмъ они стоили, а между тѣмъ сами торговали мѣхами и скупали въ Сибири мѣха посредствомъ своихъ агентовъ, успѣвавшихъ подкупать воеводъ и пріобрѣтать для своихъ хозяевъ лучшіе мѣха. Такимъ образомъ у казны были мѣха похуже, чѣмъ у гостей, а казна должна была продавать ихъ дороже, чѣмъ гости. Эти злоупотребленія, однако, послужили еще къ большому стѣсненію мѣховой торговли. Въ 1697 году совершенно запрещено частнымъ торговцамъ покупать въ Сибири мѣха соболей и черныхъ лисиць, а предоставлялось купцамъ, желающимъ вести этого рода торгъ, и внутри и вывоза за границу, не иначе, какъ купивъ мѣха въ казнѣ ¹⁾.

Изъ пушныхъ звѣрей первое мѣсто занимали соболи и лисицы. Соболей продавали парами и сороками. Сверхъ цѣлыхъ мѣховъ продавали отдѣльно соболи лапки, брюшки, душки, соболи опушки. Хвосты продавали поштучно, а лапки, брюшки, душки шивались въ мѣха и продавались парами и сороками. Лучшіе соболи продавались всегда отдѣльно отъ брюшекъ ²⁾. Соболи держались въ мѣшкахъ изъ синей холстины, которые сверху и снизу открывались, и чѣмъ тѣснѣе былъ мѣшокъ, тѣмъ считалось лучше для мѣховъ. Соболи сортировались на три рода: добрые, середніе и плохіе. Низшій сортъ соболей назывался недособоли ³⁾. Въ концѣ XVI вѣка въ Холмогорахъ соболи, которые обходились въ Перми по 10 р. за сорокъ, продавались по 25 р. ⁴⁾. Въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемъ разныя цѣны соболей, смотря по достоинству. Въ 1608 году пара соболей въ Новгородѣ продавалась за 2¹/₄ р. ⁵⁾. Въ 1647 году въ Енисей, слѣдовательно, на мѣстѣ добыванія, 11 сороковъ соболей оцѣнены въ 951 р. 16 алт. 4 деньги, слѣдовательно, по 86 р. 13 алт. за сорокъ, а 11 сороковъ собольихъ пупковъ 44 р. 23 алт. 2 деньги, слѣдовательно, по 4 руб. 2 алт. ¹⁰/₁₁ д. ⁶⁾. При Михаилѣ Феодоровичѣ средняя цѣна соболей означена въ 50 р. за сорокъ ⁷⁾, т. е. соболи въ эту цѣну расходились болѣе другихъ сортовъ. Но отличные соболи цѣнились до 200 р. за сорокъ; такимъ образомъ, десять сороковъ соболей, посланныхъ въ даръ визирю въ 1643 году, оцѣнены въ 2.000 р. ⁸⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ обращались казенные соболи, достоинствомъ отъ 30 до 300 рублей за сорокъ; при раздачѣ дворянамъ жалованья соболями давали особамъ первой статьи въ 50 р., второй—въ 40, третьей—въ 30 р. за сорокъ, или парами: людямъ первой статьи—по 10 р., второй—по 7 р., третьей—по 5 р., а *доставльнымъ*—по 3 р. за пару ⁹⁾. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича соболи мѣха были отъ 10 до 1.000 р. за сорокъ ¹⁰⁾, но соболи въ 1.000 р. за сорокъ были чрезвычайная рѣдкость и даже соболи выше 400 р. за сорокъ не составляли обыкновеннаго товара. По средней цѣнности можно по-

¹⁾ А. И., V, 472, 474.

²⁾ Кильбург., 23.

³⁾ А. И., IV, 53.

⁴⁾ Врем., VIII.—Торг. кн., 5.

⁵⁾ Оп. им. Тат., 5.—Врем., VIII.

⁶⁾ Доп., III, 109.

⁷⁾ Olear., 226.

⁸⁾ Наказъ посл. Врем., IX, 80.

⁹⁾ Коших., 52.

¹⁰⁾ Кильбург.

ложить, что соболья шуба въ XVII вѣкѣ стоила отъ 40 до 50 р.¹⁾ Соболю хвосты цѣнились отъ 3 алт. 2 д. до 10 алт. за штуку, или отъ 6 р. до 18 р. за сорокъ²⁾. Хвосты цѣною выше составляли уже рѣдкость³⁾. Иностранцы, покупая у русскихъ соболей сороками, считали ихъ циммерами; циммеръ составлялъ 20 паръ⁴⁾.

При сборѣ ясаковъ слово *соболь*, какъ въ рыбной торговлѣ слово *рыба*, имѣло вообще значеніе мѣха, такъ что, напримѣръ, три бобра зачислены были за восемь соболей; шкуры другихъ звѣрей измѣрялись также единицею названія *соболь*: говорилось, что столько-то шкуръ такого-то звѣря составляютъ соболя⁵⁾.

Лисицы были семи родовъ: черныя, чернобурья, черночеревья, бурья, сиводушчатая, бѣлая и красная⁶⁾. Черныя лисицы доставались въ Восточной Сибири⁷⁾; были извѣстны лисицы *уфимскія*, *устюжскія*, простая *русская*. Лисьи мѣха были въ большомъ употребленіи, особенно на мужскія шапки⁸⁾. На шубы зажиточные люди употребляли соболей. Большое употребленіе лисьихъ мѣховъ было причиною, что цѣны на эти мѣха поднимались до чрезвычайности, такъ что въ концѣ XVII вѣка иностранцы находили выгоднымъ ввозить въ Россію французскихъ лисицъ⁹⁾. Лисицы въ Сибири цѣнились: бурья и красная по полтинѣ, сиводушчатая—по 26 алтывъ за штуку¹⁰⁾, а черная—отъ 10 до 50 р.¹¹⁾ Въ XVI вѣкѣ за мѣхъ чернобурой лисицы платили отъ 30 до 40 червонцевъ¹²⁾. Въ началѣ XVII вѣка пара лисицъ въ Новгородѣ куплена за 30 алт.¹³⁾, а при Алексѣѣ Михайловичѣ мѣхъ черной лисицы стоилъ въ Москвѣ до 60 р., лапчатый мѣхъ, сшитый изъ черныхъ лисицъ, стоилъ отъ 20 до 36 р. Бѣлая лисица цѣнилась отъ 25 до 30 коп. за штуку¹⁴⁾. Простыя лисицы продавались сотнями, и сотня въ XVI вѣкѣ стоила 2 р.¹⁵⁾. Горлатныя лисьи шапки, которыя были въ большомъ употребленіи, стоили отъ 1 р. до 10 р.¹⁶⁾.

Куницы въ XVI вѣкѣ ловились по берегамъ Оки, но впоследствии онѣ тамъ уже составляли рѣдкость и этотъ звѣрь добывался на сѣверо-востокѣ и востокѣ Россіи. Лучшими куницами считались башкирскія. Въ XVI вѣкѣ замѣчали, однако, что русскія куницы уступали шведскимъ¹⁷⁾. Въ XVII вѣкѣ въ торговлѣ онѣ раздѣлялись на дѣсныхъ и каменныхъ. Каменныхъ вообще было

1) А. И., IV, 276.

2) Кильбург., 27.

3) Ibid.

4) Olear., 50.

5) А. И., IV, 53.

6) З. А. О., I.—Торг. кн., 133.—Доп., III, 109; IV, 72.

7) Доп., IV, 120.

8) Herberst., 41.

9) Кильбург., 28.

10) Доп., III, 109.

11) Доп., II, 153.

12) Раф. Барбер., 41.

13) Оп. им. Тат., 6. Врем., VIII.

14) Кильбург., 25.

15) Врем., VIII.—Торг. кн., 5.

16) А. И., IV, 276.—Доп., I, 205.

17) Herberst., 41.

мало. Куньи мѣха продавались сороками и всегда почти въ цѣлостномъ состояніи, а не такъ, какъ соболи, т.-е. съ лапками, брюшками, душками вмѣстѣ; только куньи хвосты продавались отдѣльно ¹⁾). Въ XVI вѣкѣ куницы продавались по 13 р. 2 гр. или по 40 еф. за сорокъ; онѣ служили предметомъ отправки за границу. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подражаться на сто сороковъ. Вообще куница цѣнилась втрое ниже соболя, соразмѣрно относительному ихъ достоинству. Англичане обратили вниманіе на мѣха этого рода, потому что они были дешевле и, слѣдовательно, доступнѣе большинству покупателей ²⁾). Въ XVI вѣкѣ русскія куницы въ изобиліи отправлялись изъ Фландріи въ Испанію, гдѣ стоили 40 червонцевъ за сорокъ ³⁾). Въ началѣ XVII вѣка въ Новгородѣ куница стоила около 6 алтынѣ. Кунья шуба безъ покрывки стоила около 12 рублей. Куницы употреблялись на рукавицы ⁴⁾).

Бобры встарину были повсемѣстнымъ звѣремъ, какъ это доказываютъ частные случаи, гдѣ упоминается о бобровникахъ ⁵⁾ и о бобровыхъ гонахъ. Въ XV и XVI вѣкѣ въ землѣ Рязанской и около Воронежа производилась значительная ловля бобровъ. Но умноженіе народонаселенія истребило этихъ пугливыхъ звѣрей и ограничивало мѣсто ихъ ловли преимущественно Сибирью. Впрочемъ, русскіе бобры были ниже достоинствомъ, чѣмъ сибирскіе. Количество бобровъ, столь обильное, уменьшилось скорѣе другихъ звѣрей. Въ 1635 году правительство заботилось уже о сохраненіи бобровъ и строго запрещало ловить бобровъ и выдръ канканами ⁶⁾. Въ концѣ XVII вѣка мѣха бобровъ уже къ намъ ввозили и промѣнивали на бобровую шерсть ⁷⁾. Бобры раздѣлялись на настоящіе и кошкоки, а по цвѣту были черные, чернокаріе, каріе, рыжіе ⁸⁾. Лучшими считались черные. Бобры продавались десятками ⁹⁾ и юфтями. Въ выписи объ отправленныхъ черезъ нижегородскую таможену въ 1648 году товарахъ сказано: четыре юфти бобровъ ¹⁰⁾. Въ Торговой книгѣ XVI вѣка обычная цѣна черному бобру означена 2 р., причѣмъ авторъ совѣтуетъ подражаться доставлять заграничнымъ торговцамъ до 5.000 бобровъ разомъ ¹¹⁾. Судя по степени взиманія пошлинъ, въ 1586 году въ Новгородѣ боберъ въ $\frac{1}{4}$ былъ цѣннѣе соболя, ибо за 30 бобровъ брали ту же пошлину, какъ за 40 соболей ¹²⁾. При Феодорѣ Іоанновичѣ 5 бобровъ, подаренныхъ царичѣ, стоили 8 рублей.

Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича цѣнность бобровъ за десятокъ въ оптовой продажѣ была отъ 8 до 30 рублей ¹³⁾. Бобры употреблялись преимущественно на женскія шапки и ожерелья, но нигдѣ не видно, чтобы бо-

¹⁾ Кильб., 25.

²⁾ Lett. of the Mosc. Comp. Nakl., 333.

³⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 132.

⁴⁾ Оп. им. Таг., 6.—Врем., VIII.—Оп. гор. Шун, 454.

⁵⁾ С. Г. Гр., I, 327.

⁶⁾ А. А. Э., III, 393.

⁷⁾ Кильбург., 75.

⁸⁾ Доп., IV, 201.

⁹⁾ С. Г. Гр., II, 89, 139.

¹⁰⁾ Доп., III, 145.

¹¹⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 133.

¹²⁾ С. Г. Гр., II, 89.

¹³⁾ Кильб., 115.

бровые мѣха служили для шубъ. Пудъ бобровой струи въ XVI вѣкѣ стоилъ 3 рубля ¹⁾. Въ 1674 году фунтъ сибирской бобровой струи стоилъ 4^{1/2}, а украинской—1^{1/2} рубля. Фунтъ бобровой шерсти въ то же время въ Архангельскѣ стоилъ около 3 рублей ²⁾. Русскіе вычесывали бобровую шерсть не только изъ новыхъ бобровыхъ мѣховъ, но и изъ поношенныхъ и продавали иностранцамъ; она отпавлялась во Францію, гдѣ изъ нея дѣлались шляпы. При этомъ русскіе дозволяли себѣ подмѣшивать въ бобровую шерсть нѣсколько кошачьей; это побудило французское правительство запретить покупку русской бобровой шерсти, а между тѣмъ и голландцы начали заниматься выческою бобровой шерсти ³⁾.

Бѣлки были самымъ употребительнымъ мѣхомъ. Ихъ добывали повсюду; но добываемыя въ средней Россіи были худшаго достоинства—рыжія и короткошерстныя. Таковы были бѣлки кляземскія. Лучше ихъ считались бѣлки устюжскія, вологодскія, шувайскія ⁴⁾, еще лучше мезенскія, казанскія и вятскія, но самыя лучшія сибирскія, которыя вообще мало доходили до Москвы съ тѣхъ поръ, какъ китайцы стали скупать ихъ и вывозить въ свою землю ⁵⁾. Въ началѣ XVI вѣка бѣлки продавались пучками; въ каждомъ пучкѣ было по десяти мѣховъ. Бѣличьи мѣха различались по достоинству; лучшіе были съ краснымъ отливомъ (прокрасныя), а худшіе—молочваго цвѣта. Бѣлки послѣдняго сорта продавались отъ 1 до 2 денегъ за штуку ⁶⁾. Вообще же бѣлки въ Московскомъ Государствѣ продавались тысячами ⁷⁾. Бѣличьи брюшки отрѣзывались отъ спинокъ, шивались и продавались отдѣльно мѣхами. Въ XVI вѣкѣ въ Холмогорахъ бѣлки служили предметомъ вывоза и стоили за тысячу 40 ефимковъ, шевней тысяча—10 ефимковъ. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подряжаться съ иностранцами на 100.000 штукъ ⁸⁾. Въ началѣ XVII вѣка въ Новгородѣ мѣхъ бѣличій хребтовый стоилъ около 2 р., а черевій—около 40 алтынъ ⁹⁾. Во Фландріи тысяча русскихъ бѣлокъ стоила отъ 25 до 40 рублей. При Алексѣѣ Михайловичѣ тысяча бѣлокъ стоила отъ 23 до 30 рублей ¹⁰⁾. Хребтовая бѣличья шуба, покрытая краснымъ сукномъ, стоила около 8 рублей, а крытая бархателю 5 рублей ¹¹⁾, непокрытая до 3 р. 20 алт. 4 д.; шуба изъ бѣличьихъ черевъ—двумя рублями ниже хребтовой.

Изъ другихъ пушныхъ звѣрей въ торговлѣ были употребительны мѣха горностаевъ, песцовъ, медвѣдей, лосей, рысей, росомахъ, зайцевъ, выхухолей. Лучшіе горностаи были сибирскіе, но они сдѣлались рѣдкостью въ Москвѣ, ибо китайцы во множествѣ вывозили ихъ изъ Сибири. Горностаи цѣнились по своей бѣлизнѣ. Въ началѣ XVI вѣка можно было купить горностаю по 3 или 4 деньги

¹⁾ Раф. Барбер., 57.

²⁾ Кильб., 40.

³⁾ Кильбург., 47.

⁴⁾ С. Г. Гр., II, 139.

⁵⁾ Кильбург.

⁶⁾ Herberst., 41.

⁷⁾ С. Г. Гр., II, 139.

⁸⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 132.

⁹⁾ Оп. им. Тат., 6.—Врем., VIII.

¹⁰⁾ Кильбург., 26.

¹¹⁾ А. И., IV, 161.

за штуку ¹⁾. Въ половинѣ XVI вѣка 14 горностаевъ стоили 8 алтынъ 2 д. ²⁾; въ концѣ XVI вѣка горностаи продавались сотнями по 3 р. за сотню, а во Фландріи сотня русскихъ горностаевъ стоила 5 рублей. Они вывозились за границу и шли болѣе всего въ Испанію. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подражаться съ иноземными купцами на пятьсотъ штукъ ³⁾. Нагольная горностаевая шуба стоила 17 рублей ⁴⁾. Песцы были бѣлые, черные и голубые. Черные въ концѣ XVI вѣка продавались по 5 алтынъ за штуку, бѣлые стоили, кажется, вдвое. Въ мѣновой торговлѣ вообще они продавались десятками. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подражаться съ иностранцами на 500 штукъ ⁵⁾. Въ XVII вѣкѣ они очень вздорожали. Медвѣды были черные, бѣлые и бурые. Въ концѣ XVI вѣка медвѣжья шкура бурыхъ и черныхъ стоила 20 алтынъ, шкура молодыхъ медвѣжатъ 10 алтынъ. Ихъ вывозили, вѣроятно, не въ большомъ количествѣ, ибо въ Торговой книгѣ совѣтуютъ подражаться только на 40 или 50 ⁶⁾. Шкура бѣлаго медвѣдя въ XVII вѣкѣ стоила въ Москвѣ отъ 2¹/₂ до 3 рублей ⁷⁾. Медвѣды употреблялись на шубы, на полости и на рукавицы. Барсуки употреблялись не въ большомъ количествѣ на обивки сундуковъ и на хомуты. Волки въ концѣ XVI вѣка продавались у Двинского порта, и авторъ Торговой книги совѣтуетъ подражаться съ иноземцами на 5.000. Цѣна волка была 3 ефимка—отъ 1 р. 3 алт. 2 д. до 1 р. 11 алт. 1 д.; во Фландріи русской волкъ стоилъ 8 ефимковъ ⁸⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ русскіе волки продавались по 80 к. или 23 алт. 2 деньги, сибирскіе отъ 90 к. или 30 алт. до 1 р., а черные сибирскіе, отличавшіеся мягкостью и длиннотою шерсти, до 4 р. ⁹⁾. Россомахи служили предметомъ вывоза и отправлялись болѣе всего къ англичанамъ, которые сбывали ихъ въ Австрію. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подражаться на 8.000. У Двинского порта росомаха стоила 1 р. 13 алт. 2 деньги, а въ Англіи продавалась отъ 3 до 4 р. ¹⁰⁾. Въ началѣ XVII вѣка росомачьи рукавицы стоили 4 алтына; въ то же время цѣна росомахи была отъ 90 коп. до 1 р. съ полтиною и болѣе. Кошки черныя въ XVI вѣкѣ въ Холмогорахъ продавались по 2 алт. за штуку и отправлялись къ фландрійцамъ, которые сбывали ихъ во Францію и Италію; во Фландріи русская кошка стоила 4 руб. за сорокъ. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ сговариваться на сто тысячъ ¹¹⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ черная кошка продавалась отъ 30 до 36 к. или отъ 10 до 12 алтынъ за штуку ¹²⁾. Лучшіе зайцы ловились въ степяхъ, прилегающихъ къ Крыму и назывались русаками. Они были свѣтлосѣраго цвѣта. Въ концѣ XVI вѣка зайцы продавались по полтинѣ за десятокъ. Авторъ Торговой книги совѣтуетъ подра-

¹⁾ Herberst., 40.

²⁾ Раф. Барбер.

³⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 133.

⁴⁾ Доп., I, 205.

⁵⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 132.

⁶⁾ Ibid., 133.

⁷⁾ Кильбург., 29.

⁸⁾ З. А. О., I, 132.

⁹⁾ Кильбург., 29.

¹⁰⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 132.

¹¹⁾ З. А. О., I.—Торг. кн., 132.

¹²⁾ Кильбург., 29.

жаться съ иностранцами на тысячу мѣховъ. Въ XVII вѣкѣ заячій мѣхъ на шубу стоилъ отъ 1 р. до 1 р. 3 алт. 2 д. Выхухоль продавалась отъ гроша до алтына за штуку. Въ крымскихъ степяхъ ловились кабарги, изъ которыхъ добывался мускусъ. Кабарги продавались отъ 1 р. до 1 р. съ полтиною и до 4 р. за штуку, ибо были рѣдки. Фунтъ мускуса стоилъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ отъ 12 до 15 р., а кабаргинской струи 8 рублей ¹⁾). Кильбургеръ упоминаетъ объ одномъ степномъ звѣрѣ, называемомъ перевозчикъ; онъ былъ величиною съ крысу, цвѣта пестраго, желтаго, чернаго и бѣлаго; онъ шивался въ мѣха. Сайгачьи шкуры и рога были предметомъ торговли; изъ роговъ дѣлались набалдашники для тростей и разныя токарныя вещи.

Несмотря на богатство Россіи звѣрми, въ XVII вѣкѣ русскіе получали мѣха изъ-за границы. Въ Россію привозились, кромѣ французскихъ лисицъ, какъ было сказано выше, еще выдры и ильки. По извѣстію Кильбургера, въ 1673 г. ввезено французскихъ лисицъ черезъ Архангельскъ 330, а черезъ Нарву 180 штукъ, ильковъ до 40 сороковъ: ильки всѣ шли по Волгѣ въ Персію ²⁾).

При Теодорѣ Иоанновичѣ вывозилось изъ Россіи мѣховъ на 500.000 рублей ³⁾, а о вывозѣ мѣховъ при Алексѣѣ Михайловичѣ можно приблизительно судить по извѣстіямъ, сообщаемымъ Кильбургеромъ. Такъ въ одно лѣто отпущено изъ Архангельска соболей 579 сороковъ, собольихъ хвостовъ 18.742 штуки, собольихъ опушекъ 598, собольихъ кончиковъ 15.550, лисицъ 15.970 штукъ разныхъ сортовъ, куницъ 300 сороковъ, звѣрей, называемыхъ иностранцами *minken* (?), 281 сороковъ, горностаевъ 288 сороковъ, кошекъ 180.795 штукъ ⁴⁾).

Лошади составляли важную вѣтвь внутренней торговли. Народъ русскій, находясь въ такомъ положеніи, что долженъ былъ всегда ожидать войны, необходимо дорожилъ лошадьми; притомъ самое обрабатываніе полей производилось лошадьми. Главный пунктъ конской торговли была Москва, ибо туда ежегодно разъ, а иногда и нѣсколько разъ, татары изъ Астрахани пригоняли большія партіи татарскихъ лошадей для продажи. Отправка конскаго базара или ордобазарной станицы въ Москву проходила въ Астрахани. Воеводы призывали въ приказную избу нагайскихъ мурзъ и спрашивали ихъ, сколько они могутъ въ предстоящее лѣто отправить въ Москву лошадей; послѣ того табунные головы составляли росписи, въ которыхъ означали, сколько будетъ отправлено лошадей и съ кѣмъ именно. Для охраненія конопродавцевъ воеводы отряжали до двухсотъ челоувѣкъ стрѣльцовъ, подъ главнымъ предводительствомъ сотниковъ; вмѣстѣ съ ними выбирались распорядители всей компаніи—*станичники* изъ дѣтей боярскихъ, а при нихъ толмачъ. Наконецъ, съ стрѣльцами отряжалось до 150 челоувѣкъ конныхъ вооруженныхъ татаръ. Съ станичниками былъ станичный вожь, знавшій примѣты степи, по которой имъ приходилось слѣдовать. При выступленіи изъ Астрахани лошади не подвергались оплатѣ пошлинами. Но зато татары не смѣли продавать лошадей на пути до Москвы. Вмѣстѣ съ этою ордобазарною станицею отправлялись въ Москву купцы съ разными товарами ⁵⁾, а по заклю-

¹⁾ Кильбург., 40.

²⁾ Кильбург., 75.

³⁾ Fletch., 16.

⁴⁾ Кильбург., 23, 39.

⁵⁾ А. И., IV, 217.

ченному Феодоромъ Алексѣевичемъ съ калмыцкими тайшами договору къ татарамъ присоединялись и калмыки съ своими лошадьми ¹⁾). На урочищѣ Коровьи Луки станичники дѣлами смотрѣ людямъ, лошадямъ, и всѣхъ, кто оказывался лишнимъ противъ списка, составленнаго въ Астрахани, записывали особо, ибо эти лишніе люди не получали царскаго жалованья по прибытіи въ Москву. Одинъ экземпляръ составленной такимъ образомъ станичниками росписи отсылался обратно въ Астрахань, другой они везли съ собою въ Москву. Въ то же время станичники отмѣчали аргамаковъ и вообще лучшихъ лошадей, которыя, по ихъ соображеніямъ, могли оказаться пригодны для царской конюшни. Послѣ этого смотря станица слѣдовала до Царицына, гдѣ воевода давалъ имъ еще придаточный отрядъ стрѣльцовъ. Путь ихъ лежалъ на Тамбовъ и Шацкъ, но иногда они шли по берегу Волги черезъ Саратовъ. Во время пути станичники не позволяли ни татарамъ, ни торговцамъ, ни стрѣльцамъ отлучаться изъ каравана, назначали караулы на станахъ, когда приходилось становиться на отдыхъ или на ночлегъ, наблюдали за согласіемъ между членами каравана, и въ случаѣ нападенія на караванъ калмыковъ должны были биться противъ нихъ вмѣстѣ съ охранявшими караванъ стрѣльцами и вооруженными татарами. Достигнувъ такимъ образомъ перваго украиннаго города Рязанской провинціи или жилыхъ мѣстъ, они снова производили смотрѣ всему каравану, посылали нѣсколькихъ стрѣльцовъ по окрестнымъ селамъ съ предостереженіемъ, чтобъ жители берегли свои поля, а по возвращеніи разсылныхъ отпускали назадъ конвойные отряды стрѣльцовъ и татаръ и ѣхали вплоть до Москвы съ торговцами и только девятью стрѣльцами. Достигнувъ столицы, станичники посылали въ казенный дворецъ извѣстить о своемъ прибытіи ²⁾).

Торгъ происходилъ въ концѣ города на конской площади. Сначала воеводы выбирали лошадей для царской конюшни, пятнали ихъ и отсылали, а деньги за этихъ лошадей выдавались уже послѣ. Такихъ выбранныхъ для царскихъ конюшенъ лошадей бывало отъ 5.000 до 8.000 ³⁾). Послѣ того позволялся свободный торгъ всѣмъ ⁴⁾). Во время торга брали пятевные деньги и деньги за записку въ книгу каждой проданной лошади. Эти деньги составляли доходъ конюшеннаго приказа. По окончаніи торга татарамъ и калмыкамъ дѣлали угощеніе: устраивали столъ на царскомъ дворѣ и, по окончаніи стола, дарили на платье. Возвращаясь домой, они получали суда и проводниковъ до Казани безденежно. Количество пригоняемыхъ въ Москву татарскихъ лошадей ежегодно простиралось до 50.000 и болѣе ⁵⁾), но въ концѣ XVII вѣка станицы перестали-было приходить, и правительство дозналось, что татары нашли для себя выгоднѣе сбывать лошадей въ Крымъ и Азовъ. Тогда запрещено было татарамъ подъ смертною казнью продавать лошадей мимо власти ⁶⁾). Страхась подрыва своихъ интересовъ, власть запрещала русскимъ покупку лошадей въ Астрахани у татаръ. До 1625 года астраханскіе воеводы и приказные люди покупали у татаръ лошадей

¹⁾ С. Г. Гр., IV, 348.

²⁾ А. И., IV, 218—219.

³⁾ Коших., 73.

⁴⁾ А. И., IV, 219.

⁵⁾ Коших., 73.

⁶⁾ А. И., V, 419.

и отправляли въ свои имѣнія въ Россію, а за ними и торговые люди, прїѣзжавшіе въ Астрахань, покупали у татаръ лошадей и гоняли ихъ въ Россію, но въ 1625 запрещена такая торговля ¹⁾. Равно и татарамъ воспрещалось гонять куда бы то ни было лошадей для продажи, кромѣ Москвы ²⁾. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ это правило наблюдалось во всей силѣ. Власть не хотѣла, чтобъ частные люди владѣли отличными лошадьми, достойными быть въ царской конюшнѣ. На этомъ основаніи въ 1665 году въ поволжскихъ городахъ у торговцевъ отбирали на царя лошадей, когда почитали ихъ достойными царской конюшни, платя хозяевамъ отъ 1 до 2 рублей ³⁾. Поэтому, такъ какъ пригонъ татарскихъ лошадей въ Москву происходилъ только въ извѣстные сроки и какъ притомъ только въ Москвѣ совершался большой торгъ нагайскими лошадьми, то цѣны на этихъ лошадяхъ очень поднимались: послѣ отхода станицы барышники, скуная татарскихъ лошадей отъ 5 до 15 р. за лошадь, покормивъ ихъ съ мѣсяцъ, продавали за большія деньги ⁴⁾. Въ Сибири торгъ лошадьми производился свободнѣе, ибо калмыкамъ позволялось пригонять лошадей въ Тобольскъ и другіе города и продавать безприсяжственно ⁵⁾.

Впрочемъ, кромѣ лошадей, покупаемыхъ отъ татаръ и калмыковъ, русскіе покупали ихъ еще и отъ персіянъ, турковъ и дагестанцевъ ⁶⁾. Наконецъ, изъ Европы доставляли упряжныхъ лошадей, но уже къ концу XVII вѣка этотъ пригонъ прекратился. Русскіе имѣли и свои конскіе заводы. Еще Іоаннъ Васильевичъ считалъ необходимымъ улучшить породы домашнихъ лошадей ⁷⁾. Торговля русскими лошадьми происходила повсемѣстно по одиночкѣ на конскихъ площадкахъ, которыя были почти въ каждомъ торговомъ городѣ и на сельскихъ торгахъ. Торговля лошадьми подлежала издавна пошлинѣ, извѣстной подъ именемъ пятенной и сопровождалась стѣснительными административными и юридическими обрядами. По Судебнику, при покупке лошадей должно находиться пять или шесть свидѣтелей ⁸⁾. Продавецъ лошади давалъ покупателю кунчую или конскую запись, гдѣ обозначались лѣта и шерсть лошади; въ этой кунчей продавецъ обязывался очищать покупателя отъ всякихъ убытковъ, могущихъ возникнуть отъ нечистой продажи и, въ такомъ случаѣ, платить проторы, какія покупатель заявитъ въ своей сказкѣ. Продавецъ долженъ былъ представить за себя поручителя, который бы могъ платить за него, въ случаѣ его несостоятельности ⁹⁾. Брالی пошлинъ съ рубля по 3 деньги, да сверхъ того съ записки, съ лѣтъ, съ шерсти, *по чѣмъ уложено*. Не заплатившій пошлинъ и продавшій лошадь мимо этихъ формъ, равно какъ и купившій подвергался пени по рублю съ челоуѣка. Эти пошлины доставляли царской казнѣ до 10.000 руб. въ годъ доходу ¹⁰⁾. Такая процедура установлена какъ для увеличенія доходовъ власти,

¹⁾ А. И., III, 215.

²⁾ А. И., III, 210.

³⁾ А. И., IV, 344.

⁴⁾ Коших., 73.

⁵⁾ С. Г. Гр., III, 164.

⁶⁾ Кильб., 81.

⁷⁾ Барбер., 36.

⁸⁾ А. И., I, 248 - 249.

⁹⁾ Оп. гор. Шуи, 401.

¹⁰⁾ Коших., 66.

такъ равно и для предупрежденія конокрадства. Сборъ пошлинь на конскихъ площадкахъ отдавался иногда на откупъ ¹⁾.

Увеличеніе цѣнности лошадей указываетъ намъ сличеніе оцѣнки лошадей по поводу иска о покражахъ, составленной при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, и оцѣнки, составленной по тому же поводу при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. При Іоаннѣ Васильевичѣ положено взыскивать за коня (нагайскаго) 5 руб., за нагайскую кобылу—3 р., за жеребенка конскаго (подростка)—2 р., за мерина 2 р., за кобылу (русскую) — 1¹/₂ р.; при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ за коня 8 р., за нагайскую кобылу—6 р., за жеребенка конскаго — 3 р., за мерина — 4 р., за кобылу—3 р., за жеребенка—1¹/₂ рубля. Но въ народной торговлѣ они были дороже, ибо въ Бѣлозерскѣ въ 1614 году меринъ оцѣненъ въ 10 р. ²⁾, а въ 1619 году въ Шуѣ меринъ цѣнился отъ 4¹/₂ до 6 р., кобыла отъ 3 до 3¹/₂ р. ³⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ средственныя татарскія лошади цѣнились отъ 5 до 15 р.; въ Сибири меринъ стоилъ отъ 3 до 6 р. ⁴⁾; въ Устюгѣ—отъ 1 до 10 р. ⁵⁾. Въ Новгородской землѣ хорошей меринъ цѣнился отъ 4 до 5 р. ⁶⁾. Въ Черномъ Яру лошадь можно было купить отъ 1 р. до 2 р. ⁷⁾. Лошади боярскія, аргамаки, цѣнились значительно дороже. Въ началѣ XVII вѣка грузинскій аргамакъ оцѣненъ въ 65 р., другіе два отъ 30 до 40 р., боярскій меринъ отъ 12 до 16 р.; лошади же людей боярскихъ отъ 2 до 10 р.; старыя и больныя продавались отъ 20 до 40 алтынѣ. Кобылы были дешевле. Въ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка цѣнность лошади колебалась между 1¹/₂ и 3 р. ⁸⁾.

Скотъ и живность. Изобиліе даровъ природы, сравнительная многочисленность и недостатокъ сбыта производили при благоприятныхъ обстоятельствахъ дешевизну, удивлявшую иностранцевъ. Корова составляла *стягъ*, и эта мѣра была сравнительною единицею для предметовъ живности. Говядина продавалась стягами, стягъ дѣлился на полоти и заключалъ въ себѣ иногда десять, иногда пять полотей, ибо полоти были не равны. Въ торговомъ быту стягъ равнялся десяти баранамъ, двадцати гусямъ и зайцамъ, тридцати пороссятамъ, уткамъ и тетеревамъ, тридцати сырамъ, тридцати курамъ и тысячѣ яицъ ⁹⁾. *Окорокъ* обыкновенно равнялся половинѣ полоти и раздѣлялся на *части*. Коровье масло продавалось *вѣсомъ, горихами и берестенями* ¹⁰⁾, сало свиное *короваями* ¹¹⁾, молоко *ведрами и кувшинами*. Средняя цѣна стягу въ XVI и XVII вѣкѣ приводится около 2 р., но иногда спускалась до 1 р. Въ 1555 году въ Новгородѣ яловица цѣнилась въ 2 руб. ¹²⁾. При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ оцѣнка для иска

¹⁾ А. А. Э., II, 62.

²⁾ А. А. Э., III, 85.

³⁾ Оп. г. Шуи, 385.

⁴⁾ А. И., III, 74, 167.

⁵⁾ Доп., III, 100.

⁶⁾ А. И., V, 62.

⁷⁾ А. И., IV, 344.

⁸⁾ Оп. им. Тат., 31. Врем., VIII. — Новгор. Тамож. кн. 1613 г. въ Столгол.

Гос. Арх.

⁹⁾ А. А. Э., I, 295, 322.—С. Г. Гр., II, 137.

¹⁰⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 26, 27.—С. Г. Гр., II, 140.

¹¹⁾ Врем., VII. Кн. посѣв., ужин. и умолот., 9, VIII.—Оп. им. Татищева, 19.

¹²⁾ А. И., III, 301.—Доп., I, 125.

о покражахъ составлена была такъ: корова и быкъ 1 р., коза 6 алт. 4 д., свинья и овца 1 гривна ¹⁾). Въ 1573 году полоть мяса въ Новгородской землѣ оцѣнена въ 5 новгородскихъ денегъ ²⁾). Въ 1582 г. цѣнились: баранъ живой гривна, полоть свиного мяса гривна, гусь живой и битый 2 алт. 2 д., пороса живое и битое 1 алт., 40 яицъ 2 д., гривенка масла коровьяго 1 деньга. При Ѳеодорѣ Иоанновичѣ въ Москвѣ часть говядины стоила 4 д., баранья туша безъ кожи—2 алт., курица—2 д., гусь—2 гроша, утка—4 д., ведро молока 6 д. ³⁾). Мясо говяжье соленое, равно и соленое масло коровье составляли предметы вывоза. Въ концѣ XVI вѣка соленое говяжье мясо продавалось по 2 р. 10 алт. 2 д. за бочку въ 8 пудовъ, пудъ коровьяго масла, покупаемый иностранцами для суконныхъ красокъ — 20 алт., а безмень продавался среднюю цѣною по одному алтыну и по 8 денегъ. Составитель Торговой книги совѣтуетъ подражаться перваго на сто бочекъ, а послѣдняго на тысячу пудовъ. Цѣнность говяжьего мяса въ Голландіи доходила до 7 ефим., или отъ 2½ р. до 3 р. 5 алт., а масла пудъ продавался во Фландріи по рублю, въ Испаніи по 2 р.; свиное мясо, соленое по-русски безъ копоти, оказывалось иностранцамъ негоднымъ для покупки, и потому русскіе выучились его коптить, и составитель Торговой книги совѣтуетъ подражаться съ иностранцами на сто полостей. Пудъ его обходился кушцу 26 алт. 4 денги; коровье масло соленое привозилось на продажу бочками. Въ Новгородѣ въ 1613 г. бочка масла въ 6 пудовъ съ половиною стоила 12 р., и вообще въ то время средняя цѣна пуду масла была 2½ р. ⁴⁾). При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ оцѣнка по поводу исковъ о покражахъ поставлена такъ: за корову и быка 2 р., за козу 10 алт., за овцу и свинью 2 гривны ⁵⁾, слѣдовательно, вдвое противъ оцѣнки при царѣ Ѳеодорѣ. Въ первой половинѣ XVII вѣка мы находимъ цѣны: ягненокъ — 10 к., курица — 7 денегъ ⁶⁾, небольшой, по жирный быкъ — 1 р., баранъ и овца—3 алт. 2 д., а въ Ладогѣ овца отъ 12 до 18 к. ⁷⁾. Въ Шуѣ, 1619 г., корова стоила 3 р., быкъ — 2 р., овца—2 гривны ⁸⁾, полоть ветчины — 13 алт. 2 д. ⁹⁾, гусь — 2 алт. съ деньгою. Въ 1633 по дорогѣ изъ Москвы яловица стоила отъ 1½ до 2 р., баранъ отъ 5 алтынъ до 2 гривенъ, курица—отъ 4 до 6 д. ¹⁰⁾. Въ первыхъ десяти годахъ царствованія Алексѣя Михайловича пудъ коровьяго масла продавался отъ 30 алтынъ до 1 р. 10 алт., а гривенками въ розницу по алтыну за гривенку, яицъ десятокъ 3 д., а сотня до 2 алт. 4 д., въ Вологдѣ 400 яицъ—11 алт. 2 денги; за 120 красныхъ яицъ—5 алт. 2 д., за триста 10 алтынъ; ведро сметаны (въ Вологдѣ) 11 алт. 4 д., кувшинъ молока (въ

¹⁾ А. И., III, 301.

²⁾ А. И., I, 349.

³⁾ Ст. Сп. Флетч., 2.

⁴⁾ Торг. кн., 134. З. Арх. О., I.—Новгор. Тамож. кн. 1613 г. въ Стокгольмск Госуд. Арх.

⁵⁾ А. И., III, 301.

⁶⁾ Маржер., 15.

⁷⁾ Olear., 151, 338.

⁸⁾ Оп. г. Шуи, 386.

⁹⁾ Ibid., 385.

¹⁰⁾ Olear. Ibid.

Москвѣ) — 8 денегъ, пудъ свиного мяса — 11 алт. ¹⁾. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича въ Москвѣ пудъ говядины стоялъ 9 алтынъ 2 д. (на наши теперешнія деньги 57 коп.), овца (около Новгорода) — отъ 4 алт. до 4 алт. 5 д. и (ближе къ Москвѣ) отъ 10 алт. (60 коп. сер. нашихъ) до 12 алтынъ, поросенокъ — отъ 1 алтына четырехъ денегъ до двухъ алтынъ (отъ 8 до 12 коп.), гусь — отъ 3 алтынъ (18 коп. нашихъ) до трехъ алтынъ двухъ денегъ, утка — 1 алтынъ 4 д. (10 коп. сер. нашихъ), курица — 1 алтынъ (нашихъ 6 коп.). пара цыплятъ и голубей 4 деньги, заяцъ отъ 1 алт. до 1 алт. двухъ денегъ, тетеревъ отъ 2 алт. четырехъ денегъ до трехъ алтынъ (18 коп. нашихъ), рябчикъ 2 деньги; пудъ копченаго мяса и сала 13 алт. (нашихъ около 80 коп. сер.), коровьяго масла пудъ 1 р., а фунтъ отъ 5 алт. 2 д. до 6 алт. (нашихъ 36 коп.), десятокъ яицъ 4 деньги (нашихъ 4 коп.), индѣйка отъ 5 алт. до 5 алт. 4 д. ²⁾. Эти припасы были всегда дешевле зимою, чѣмъ лѣтомъ, по удобству подвоза. Правительство строго приказывало наблюдать, чтобъ не торговали больною скотиною ³⁾.

Сало было однимъ изъ главныхъ предметовъ вывозной торговли. Русское сало, отпускаемое за границу (не включая свиного), было ворвань (китовое, моржовое и тюленье) и говяжье. Китоловничество производилось на Сѣверномъ и Бѣломъ морѣ. Каждогодно передъ заморозами китоловы отправлялись къ морю и оставляли тамъ суда свои до весны. Эти суда рѣдко принадлежали одному лицу, но почти всегда нѣсколькимъ, составлявшимъ артель или компанію. Такимъ образомъ, пять или шесть судовъ принадлежали такой компаніи. При появленіи весны, но прежде чѣмъ ледъ начнетъ таять, китоловы приходили къ своимъ судамъ и тянули ихъ въ открытое море по льду. Такой флотъ состоялъ обыкновенно изъ семнадцати судовъ; суда эти были большія и широкія, и служили имъ домами во время китоловнаго похода. Въ это весеннее время происходила самая дѣятельная китовая ловля, ибо тогда киты выходили изъ глубины моря и ложились на льдинахъ противъ солнца. Иногда ихъ было до 4.000 и до 5.000 на одной льдинѣ. Китоловныя судна плавали отрядами, подавая другъ другу сигналы, чтобъ не потерять между собою связь, и какъ только одному отряду удавалось завидѣть китовъ, онъ тотчасъ подавалъ сигналъ другимъ; всѣ спѣшили къ указанному мѣсту и напали на китовъ съ баграми; иногда китамъ удавалось схватить багоръ, разломать льдину, обдавать своихъ враговъ водою и подвергать ихъ опасностямъ. Послѣ бойни китовъ китоловы тянули ихъ, обдирали шкуру, извлекали сало, а тѣла покидали, и уходили съ добычею на берегъ, гдѣ немедленно принимались варить добытое сало ⁴⁾. Сбытъ ворвани производился въ Холмогорахъ и на Двинѣ ⁵⁾. Сверхъ того ворвань привозилась на продажу въ Каргополь ⁶⁾. Отсюда она, вѣроятно, шла въ Нарву, ибо часть сѣверной ворвани сбывалась и въ балтійскіе порты. Сало китовое отпускалось за границу въ бочкахъ и шло во Фландрію и Испанію, гдѣ употреблялось на мыло и на

¹⁾ Расх. кн. Цик. Врем., XIII.

²⁾ Кильбург.

³⁾ А. А. Э., III, 361—362.

⁴⁾ Fletch., 19, 20.

⁵⁾ Доп., III, 117.—Торг. кн. Врем., VIII.

⁶⁾ С. Г. Гр., II, 141.

разныя техническія работы. Правительство облагало этотъ промыселъ десятымъ процентомъ, какъ и рыбный ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ, однако, китоловный промыселъ былъ очень стѣсненъ тѣмъ, что правительство, признавъ его своею собственностью, отдавало на откупъ, и предоставляло единственно откупщикамъ, а не другимъ, покупать ворвань у китолововъ. Откупщики давали имъ какую угодно цѣну и тѣмъ принуждали покидать промыселъ. Эта откупная система вовсе не была полезна власти, потому что прежде казна получала съ китоловнаго промысла отъ 4.000 до 5.000 р., а откупъ могъ давать ей едва только 200 рублей ²⁾.

Говяжье сало вывозилось за границу въ большомъ количествѣ, ибо русскіе не употребляли телятины, и откармливая подростковъ телковъ, убивали ихъ на сало. Купцы скупали его въ провинціяхъ: Казанской, Нижегородской, Московской, Ярославской, Тверской, въ Городецкѣ, Угличѣ, Смоленскѣ, въ Украинныхъ городахъ, и отправляли въ Архангельскъ, пользуясь водяными путями ³⁾. Въ торговлѣ различалось бѣлое и желтое сало; первое было дороже послѣдняго; какъ то, такъ и другое было *черешеное* (вареное) и *сырое*. Первое было предпочтительнѣе другого.

Вообще салотопные промыслы и отпуски сала за границу были производимы въ большемъ размѣрѣ въ XVI вѣкѣ, чѣмъ послѣ того. Въ половинѣ XVI вѣка вывозилось за границу до 100.000 пудовъ сала, а въ концѣ этого столѣтія только до 30.000 ⁴⁾. Въ Торговой книгѣ, составленной около того же времени, авторъ не совѣтуетъ подражаться на количество, превышающее 1.000 пудовъ ⁵⁾. Въ XVII вѣкѣ этотъ упадокъ былъ значительнѣе. Причиною тому—стѣсненіе торговли отъ власти, дошедшее до того, что говяжье сало сдѣлалось исключительно монополією казны ⁶⁾, въ числѣ указныхъ шести товаровъ, и никто не могъ продавать его иноземцамъ, а долженъ былъ представлять въ казну. Но уменьшенію вывоза способствовало и плутовство русскихъ при продажѣ сала иностранцамъ. Уже въ половинѣ XVI вѣка англичане замѣтили, что русскіе мѣшали въ продаваемое сало часть чернаго и пригнилаго, а въ ворвань подливали воды ⁷⁾. То же самое говорили о русскомъ салѣ иностранцы въ XVI вѣкѣ, прибавляя, что русскіе дѣлали нарочно для сала толстыя бочки, чтобъ прибавить вѣсу ⁸⁾. Сверхъ того, уменьшенію вывоза способствовало распространеніе салныхъ свѣчъ въ Россіи въ XVII вѣкѣ. Прежде знатные употребляли восковыя свѣчи, а бѣдные довольствовались лучинами ⁹⁾. Говяжье сало отправлялось въ Европу на дѣланіе свѣчъ. Оно продавалось бочками и коробьями, но также и на вѣсъ, берковцами и пудами ¹⁰⁾.

При Іоаннѣ Васильевичѣ пудъ сала въ Москвѣ стоилъ 9¹/₂ алтынъ ¹¹⁾.

¹⁾ А. И., IV, 550.

²⁾ А. А. Э., IV, 19.

³⁾ Fletch., 18.—Кильбург., 36.

⁴⁾ Fletch., 18.

⁵⁾ Топр. кн., 130. З. Арх. Общ., I.

⁶⁾ Доп., IV, 273, 281.

⁷⁾ Lett. of the Mosc. Comp. Nakl., 346.

⁸⁾ Fletch., 18.

⁹⁾ Fletch., 18.

¹⁰⁾ Lett. of the Mosc. Comp.

¹¹⁾ Раф. Барбер., 56.

Въ 1557 году англичане за центнеръ говяжьяго сала платили 17 шиллинговъ, а за тонну ворвани 9 ф. стерл. ¹⁾). Вскорѣ, по поводу требованія за границу, цѣна сала поднялась. Сало говяжье обходилось купцамъ въ покупкѣ: бѣлое по 22 алтына (на наши деньги около 2 р. сер.), а желтое по 19 алтынъ 5 д. за пудъ; сами купцы поставили сало иностранцамъ по 40 алтынъ, лучшее же и по 2 р. ²⁾). Цѣнность его за границею простиралась: во Фландріи до 1 р. въ Испаніи до 2 р. Ворвань продавалась въ бочкахъ отъ 1 р. 26 алт. до 2 р. 5 алт. за бочку, въ Голландіи—до 3 р. 32 алт., а во Фландріи—до 4 р. за бочку ³⁾).

Въ половинѣ XVII вѣка въ Вологдѣ берковецъ сала стоилъ отъ 7¹/₂ до 10 руб. ⁴⁾). Въ Москвѣ пудъ сала стоилъ около 7 алтынъ ⁵⁾). Ворвань, привозимая на продажу иноземцамъ въ Архангельскъ, продавалась отъ 1 до 1¹/₂ р. за бочку и покупалась преимущественно бременцами, до 600 бочекъ въ годъ ⁶⁾). Свѣчи продавались сотнями, полсотнями и десятками. Въ 1652 году сотня сальныхъ свѣчъ стоила отъ 7 до 10 алтынъ ⁷⁾).

Конскій волосъ, свиная щетина и гусиный пухъ закупались купцами въ разныхъ городахъ и селахъ и отправлялись за границу. Въ концѣ XVI вѣка конскій волосъ продавался по 1 алтыну за фунтъ. Пухъ былъ сѣрый и бѣлый: сѣрый стоилъ 3 р., а бѣлый 6 р. за пудъ ⁸⁾). Во второй половинѣ XVII вѣка пудъ лучшаго бѣлаго пуха стоилъ 8 руб., а сѣраго 4 руб. Свиная щетина при Алексѣѣ Михайловичѣ возилась за границу въ количествѣ отъ 5.000 до 6.000 пудовъ, приблизительно по цѣнѣ отъ 4 до 4¹/₂ р. за пудъ ⁹⁾).

Кожѣ, составлявшія предметъ и внутренней и вывозной торговли, были яловичныя, оленьи, лошадиныя, лосиныя, буйволовыя, козиныя и овечьи. Мѣстомъ закупа оленьихъ кожъ была Лампожня, гдѣ, какъ мы уже говорили, скупались онѣ у самоѣдовъ и откуда отправлялись въ Холмогоры. Прочіе роды кожъ выдѣлывались въ разныхъ краяхъ Россіи. Въ Холмогорахъ занимались кожевничествомъ, и Кандалакскій монастырь ежегодно отправлялъ туда оленьи и конскія кожи для обработки. Кожевенное производство наиболѣе процвѣтало въ областяхъ: Казанской, Нижегородской, Костромской, Ярославской, въ Вѣжецкомъ Верху ¹⁰⁾, Новгородской и Псковской ¹¹⁾). Выдѣлкою лошадиныхъ и соленыхъ буйволовыхъ кожъ занимались въ Ростовѣ, Вологдѣ, Новгородѣ, Муромѣ, Перми; другими же кожами преимущественно въ Казани. Лошадиныя кожи дѣлались широкими, а яловичныя были узки и приготавливались изъ маленькихъ телковъ ¹²⁾). Яловичныя кожи окрашивались чернымъ цвѣтомъ, и чѣмъ

¹⁾ Killingsw. Hakl.

²⁾ З. А. О., I. Торг. кн., 129—130.

³⁾ Ibid., 130.

⁴⁾ Доп., III, 148.

⁵⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 9.

⁶⁾ Кильбург., 38.

⁷⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 14, 18.

⁸⁾ Торг. кн., 134. З. Арх. О., I.

⁹⁾ Кильбург., 71.

¹⁰⁾ П. С. З., I, 230.

¹¹⁾ Кильбург., 34.

¹²⁾ Fletch., 18. З. А. О., I.

цвѣтъ кожи былъ чернѣе, тѣмъ она считалась выше достоинствомъ ¹⁾. Красная юфть выдѣлывалась въ областяхъ: Казанской, Новгородской, Псковской, въ Москвѣ, Костромѣ и Ярославлѣ. Лучшею юфтью считалась казанская и вообще восточныхъ провинцій, за нею по достоинству слѣдовала новгородская, а псковская была хуже ²⁾. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ уже сказано, красная юфть была въ числѣ указанныхъ шести товаровъ. Красная юфть продавалась въ оптовой торговлѣ кипами: 5.000 кипъ заключали въ себѣ 225.000 паръ юфти. Въсомъ кипа была отъ 1 до 1½ пуда. Лосиные кожи доставлялись изъ сѣверныхъ провинцій, къ югу отъ Двинского устья и изъ Сибири, были въ употребленіи въ Россіи, особенно на нижнюю одежду военныхъ и служили предметомъ вывоза ³⁾. Въ 1634 году правительство дало одному нѣмцу привилегію на выдѣлку лосиныхъ кожъ, запрещая въ теченіе десяти лѣтъ русскимъ выдѣлывать лосиные кожи въ разстояніи пятидесяти верстъ отъ завода ⁴⁾. Овчины были простыя и нагайскія; послѣднія получались, между прочимъ, и изъ персидскихъ владѣній ⁵⁾. Скупая ихъ въ сыромъ состояніи, купцы доставляли ихъ въ города, гдѣ занимались ихъ выдѣлкою ⁶⁾. Между прочимъ, въ Вологдѣ занимались этимъ промысломъ. Въ оптовой торговлѣ овчины продавались портищами ⁷⁾. Сафьяны вывозились въ Россію изъ Персіи и Турціи. Турецкіе считались по достоинству выше персидскихъ. По цвѣту они были зеленые, красные, синіе, черные; зеленые и красные считались лучшими и продавались дороже ⁸⁾. Сафьяны въ оптовой торговлѣ продавались *сафьянами* и *бунтами* ⁹⁾.

Содержатели кожевенныхъ заводовъ или сами скупали кожи въ деревняхъ, или закупали сырыя отъ купцовъ, а обдѣланныя кожи сбывали купцамъ, которые продавали ихъ частью въ большихъ городахъ, а частью отвозили большими партіями въ Архангельскъ. Въ Тотьмѣ и Вологдѣ ¹⁰⁾ въ зимнее время былъ значительный складъ кожевеннаго товара, который съ весною отправлялся къ Двинскому порту. Запросъ на русскія кожи изъ-за границы былъ такъ великъ, что Московское государство не въ силахъ было удовлетворять его собственными произведеніями, и купцы закупали значительные запасы кожъ въ Ливоніи и Малороссіи ¹¹⁾, обыкновенно зимою. Эти сырыя кожи они сбывали по кожевеннымъ заведеніямъ. Но, въ свою очередь, выдѣланныя въ Великой Россіи кожи находили себѣ сбытъ въ Малороссіи.

Въ XVI вѣкѣ англичане обратили вниманіе на лошадиныя кожи преимущественно предъ другими кожевенными произведеніями и наблюдали, чтобъ при скупкѣ ихъ онѣ были цѣлы и сухи ¹²⁾. При Іоаннѣ IV въ Холмогоры вывози-

1) Торг. кн., 131. З. А. О., I.

2) Кильбург., 43.

3) Кильбург., 34.

4) С. Г. Гр., III, 350.

5) А. И., V, 421.

6) Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 48.

7) С. Г. Гр., II, 140.

8) Кильбург., 129.

9) А. И., V, 46.

10) Дон., III, 106.—Кильбург., 43.

11) П. С. З., I, 535.

12) Lett. of the Mosc. Comp. Hakl., 342.

лось ихъ до 100.000 кожъ, а въ концѣ XVI вѣка количество вывоза упало до 30.000 ¹⁾. Въ половинѣ XVII вѣка вывозъ русскихъ кожъ увеличивался годъ отъ году. Около 1674 года вывозилось въ годъ до 75.000 кипъ юфти; буйволовоыхъ соленыхъ и козлиныхъ вывозилось въ Архангельскъ до 4.500 штукъ, тюленьихъ около 30.000.

Русскіе издавна славилась искусствомъ выдѣлывать кожевенныя произведения ²⁾. Между прочимъ, бичи нигдѣ не дѣлались такъ хорошо, какъ въ Россіи ³⁾.

Цѣнность кожъ по Торговой книгѣ въ концѣ XVI вѣка означена такимъ образомъ: сырыя яловичныя кожи продавались по 2 р. 10 алт. 1 д.; во Фландріи цѣна ихъ колебалась между 3 и 4 р.; въ Испаніи доходила до 7 р.; телячьи бѣлыя, покупаемая на опушки платьевъ вмѣсто горностаевъ, продавались по 2 алт. 3 д.; кожа дубленая въ Вологдѣ стоила отъ 20 алтынъ до 23 алт. 2 денегъ; красная юфть стоила отъ 40 алтынъ до 2 р., желтая юфть продавалась по 4 алт. 2 д.; лосиная кожа—по 27 алт. 3 д.; во Фландріи онѣ доходили до 2 р., а въ Испаніи—до 3 и до 4 р. Замша продавалась по 1 р. 10 алт. 4 д. Оленьи кожи—отъ 10 алт. до $\frac{1}{2}$ р. ⁴⁾. За выдѣлку кожъ платили въ XVI вѣкѣ по 5 алт. за кожу ⁵⁾.

Въ XVII столѣтіи соленыя кожи стоили до 70 р. за сотню, буйволовыя до 50 р., козлиныя до 36 р., одна тюленья стоила 5 алтынъ. Кожаныя рукавицы продавались отъ 3 алт. 2 денегъ до 4 алт. за пару и служили предметомъ вывоза за границу. Въ 1673 г. въ Нарву отправлено было ихъ до 4.300 паръ; онѣ продавались въ оптовой продажѣ отъ 5 до 8 р. за сотню ⁶⁾. Въ Сибири русскія кожаныя рукавицы продавались дорогою цѣною. Сафьянъ голубой, желтый и красный стоилъ за пару отъ 26 до 30 алтынъ, а турецкій зеленый—отъ 1 рубля 10 алт. до 1 рубля 13 алтынъ, бѣлый турецкій—до 4 р. ⁷⁾. Въ 1678 году бунтъ сафьяна стоилъ отъ $3\frac{1}{2}$ до 4 р. ⁸⁾. Сапоги яловичные стоили 8 алтынъ, тимовые—4 гривны; сафьянные—отъ 10 алт. до 14 алт., бахилы дѣтскіе—6 алтынъ; сапоги красные телячьи—отъ 18 алт. до 22 алт., а за четверо дано 1 р. 20 алт. Тулупъ овчинный стоилъ отъ 25 алт. до 1 р., бурка изъ войлока—12 алт., а самый войлокъ—8 алтынъ. Сѣдло простое съ войлокомъ среднею цѣною отъ полтины до 20 алт. и болѣе. Сафьянное сѣдло съ войлокомъ—около сорока алтынъ и болѣе, смотря по отдѣлкѣ и украшенію. Простая узда стоила около двухъ гривенъ; но узды, украшенныя серебромъ и бархатомъ, разумѣется, цѣнились по степени украшенія. Вожжи въ Москвѣ стоили по 2 деньги за каждую; три хомута съ личными шлеями стоили 12 алт. 4 д. Патронгашъ стоилъ отъ 24 до 80 к., кушакъ верблюжьей шерсти—отъ 25 до 36 к., кожаный кошелекъ кошачьей кожи—отъ 4 до

¹⁾ Fletch., 18.

²⁾ Раф. Барбер., 34.

³⁾ Кильбург., 51.

⁴⁾ З. А. О., I. Торг. кн., 131—132.

⁵⁾ Раф. Варб., 57.

⁶⁾ Кильбург., 48.

⁷⁾ Кильбург., 128.

А. И., V, 46.

12 к., кожаный стулъ — 11 алтынъ, тюфякъ красной кожи — отъ 20 алтынъ до 1¹/₂ р. ¹⁾).

Воскъ и медь. Съ незапамятныхъ временъ Россія производила въ изобиліи воскъ и медь ²⁾: эти произведенія служили предметомъ торговли. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ пчеловодствомъ занимались преимущественно въ земляхъ Казанской, Нижегородской, Муромской, Сѣверской, Смоленской, около Дорогобужа и Вязьмы ³⁾. Въ Рязанской землѣ издавна существовала пчелиный промыселъ ⁴⁾. Въ Казанской и Нижегородской земляхъ имъ занимались инородцы: черемисы, чуваша и особенно мордва, доставлявшая самый лучшій сортъ меда ⁵⁾. Находившіеся въ вѣдомствѣ Верхотурья татары и остяки сѣльвинскіе и иренскіе занимались пчеловодствомъ и платили подати медомъ и воскомъ ⁶⁾. Пчелы водились въ лѣсахъ и содержались въ бортяхъ; но подѣ именемъ борти разумѣлось не только выѣстилице пчелъ, но и пчѣлое заведеніе. Люди, занимавшіеся пчеловодствомъ, назывались бортники ⁷⁾. Въ нынѣшней Нижегородской губерніи пчѣлы села не занимались ничѣмъ другимъ, кромѣ пчелъ, и носили названіе бортниковъ ⁸⁾. Часто бортники составляли особую корпорацію, какъ рыболовы и бобровники; такъ, въ великокиржескихъ дворцовыхъ селахъ были бортники, обязанные доставлять медъ и воскъ для обихода двора ⁹⁾.

Въ XVII вѣкѣ царя старались о поддержаніи пчелинаго промысла въ своихъ имѣніяхъ ¹⁰⁾.

Торговлею воскомъ и медомъ занимались сами производители; они и крестьяне разныхъ вѣдомствъ привозили въ города медъ и воскъ большими массами. Такъ, напр., жители с. Костры привозили въ Москву на продажу большое количество, такъ что однажды для патріарха куплено у нихъ 72 пуда, а въ другой разъ 113 пудовъ ¹¹⁾. Но также и купцы скунали въ разныхъ мѣстахъ медъ и воскъ отъ производителей, привозили на продажу въ большіе города и отправляли за границу. Такъ, въ Верхотурскомъ уѣздѣ русскіе купцы дешево покупали медъ и воскъ у татаръ и остяковъ ¹²⁾. Торговля этими произведеніями образовала между крестьянами классъ медовыхъ подвозниковъ ¹³⁾, которые подряжались везти медъ и воскъ по назначенію; медъ патокою продавался бочками. Въ Новгородѣ въ 1613 г. бочка меду-патоки вѣсила 10 пудовъ и цѣнилась до 14 р. ¹⁴⁾. Воскъ продавался кругами ¹⁵⁾, медъ въ кадьяхъ;

¹⁾ Врем., VIII. Смѣсь. Оп. им. Татищева, 8, 11—15. Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 21, 38, 41, 48, 60.—Оп. г. Шуи, 385.—Кильбург., 78.

²⁾ Несторъ, II. С. Р. Лѣт., I.

³⁾ Fletch., 17.

⁴⁾ С. Г. Гр., I, 393.

⁵⁾ Кильбург., 61.

⁶⁾ А. А. Э., III, 84.

⁷⁾ С. Г. Гр., I, 74.

⁸⁾ А. И., II, 141.

⁹⁾ С. Г. Гр., I, 397.

¹⁰⁾ Доп., V, 327.

¹¹⁾ Врем., XIII. Расход. кн. Никона, 15, 22, 26.

¹²⁾ А. А. Э., III, 84.

¹³⁾ С. Г. Гр., I, 327.

¹⁴⁾ Новгород. Тамож. кн. 1613 г.

¹⁵⁾ А. А. Э., I, 321.

въ XVI вѣкѣ кадъ заключала отъ 7 до 8 пудовъ, а въ XVII вѣкѣ около 4 п. или отъ 3 п. 8 гривенокъ до 3 пуд. 12 фунт. 34 золотн. ¹⁾). Въ древности воскъ продавался на капи ²⁾). Но въ XVI и XVII столѣтіяхъ при оптовой продажѣ медъ и воскъ взвѣшивался на важняхъ ³⁾ и продавался на берковцы, пуды, безмены и восчанья четверти ⁴⁾), ибо пошлины взиались съ вѣса. Продажа воска и меда издавна подвергалась высокимъ пошлинамъ и подчинялась строгимъ правиламъ. Въ Новгородѣ, между прочимъ, сообразно очень древнему установленію, воскъ могъ продаваться единственно у св. Ивана на Опокахъ.

Эти товары были у насъ старинными статьями вывоза. Въ удѣльные времена воскъ вывозили въ Ригу ⁵⁾); въ XV вѣкѣ ливонцы покупали его у русскихъ и снабжали имъ цѣлую Европу ⁶⁾). По открытіи Бѣломорскаго пути воскъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ покупки для англичанъ. Въ царствованіе Грознаго они ежегодно вывозили изъ Россіи болѣе 50.000 пудовъ воска; но при Θεодорѣ Іоанновичѣ число пудовъ вывозимаго ими воска упало до 10.000 ⁷⁾). Иногда правительство налагало временныя запрещенія на выпускъ воска за границу, или устанавливало особыя правила для торговли имъ. Такъ, при Іоаннѣ Грозномъ въ 1555 г. послѣдовало запрещеніе вывозить воскъ ⁸⁾), а при Θεодорѣ Іоанновичѣ было позволено не иначе отдавать его иностранцамъ, какъ въ промѣнъ на сѣру. Правительство, какъ кажется, старалось сдерживать слишкомъ большой вывозъ воска, дабы онъ не вздорожалъ во внутренности государства: повсемѣстное употребленіе восковыхъ свѣчъ въ церквахъ при богослуженіи и въ зажиточныхъ домахъ требовало заботиться объ оставленіи въ Россіи значительнаго количества его. Въ XVII вѣкѣ ежегодно вывозили за границу до 35.000 пудовъ воска ⁹⁾).

Въ началѣ XV вѣка въ Новгородской землѣ берковецъ меда стоилъ 1 р. Въ половинѣ XVI в. цѣнность воска и меда была: перваго по 10 алтынъ, второго по полтинѣ за пудъ. Въ 1557 г. англичанинъ цѣнилъ русскій медъ въ 4 ф. ст. за центнеръ ¹⁰⁾). Къ исходу XVI вѣка пудъ воска стоилъ 4½ р., а безмень продавался до 10 алтынъ, но позже цѣна его упала до 2 р. 10 алт. 2 д. за пудъ, а наконецъ, до 1½ р. и 20 денегъ за пудъ, такъ что составитель Торговой книги называетъ такую цѣнность *за помятъ* дешевою. Безмень меда продавался до 6 алт. 4 ден., средняя же цѣна его была 3 алт. 2 ден., а пудъ 3 р. 6 алт. 4 деньги, но позже она упала до 1 р. 20 алт. Во Фландріи русскій воскъ продавался по 3 р., а въ Испаніи по 6 р. за пудъ. На количество вывоза его за границу въ послѣдней половинѣ XVI в. приблизительно указываетъ составитель Торговой книги, совѣтуя договариваться съ иностран-

¹⁾ Расх. кн. Никона, 15. Врем., XIII.

²⁾ С. Г. Гр., II, 4.

³⁾ Расх. кн. Никона, 15. Врем., XIII.

⁴⁾ Торг. кн., 114, 131. З. А. О., I.

⁵⁾ С. Г. Гр., II, 4.

⁶⁾ Кампензе, 31.

⁷⁾ Fletch., 17.

⁸⁾ Доп., I, 124.

⁹⁾ Кильбург., 74.

¹⁰⁾ Killingsw. Naki.

цами на сто берковцевъ воску ¹⁾). При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ пудъ воска стоилъ 3 р. 4 алт. 1 ден., а пять пудовъ меда оцѣнены въ 1¹/₄ р. ²⁾). Въ половинѣ XVII вѣка въ Москвѣ пудъ воска стоилъ 3 руб. 25 алт., а пудъ меда отъ 22 алт. до 28 алт., пудъ патоки 26 алт. 4 ден., а въ другихъ городахъ, на-примѣръ, въ Вологдѣ, 25 алт., въ Холмогорахъ 28 алт. 2 ден.; за фунтъ восковыхъ свѣчей въ Вологдѣ заплачено 4 алт., а въ Москвѣ 4 алт. 2 деньги. За сосканіе свѣчъ свѣчной мастеръ (свѣчникъ) бралъ задѣльной платы 9 алт. съ 30 гривенокъ или 15 фунтовъ ³⁾).

4. Шерстяныя и шелковыя матеріи.

Русскіе не умѣли дѣлать суконъ и матерій, и потому должны были получать ихъ изъ-за границы, платя за нихъ туземными произведеніями ⁴⁾). Впрочемъ, въ русскихъ селахъ дѣлались простыя сукна, составлявшія предметъ потребленія для низшаго, преимущественно сельскаго класса; это были сукна сермяжныя, однорядочныя ⁵⁾). По достоинству они различались на лучшія, среднія и худшія и составляли предметъ торговли на сельскихъ торгахъ ⁶⁾). Сермяжное сукно было бѣлое ⁷⁾ и сѣрое: изъ послѣдняго дѣлались верхнія одежды или епанчи; въ половинѣ XVII вѣка сѣрая суконная епанча стоила 13 алт. 2 д.; зипунъ сермяжный стоилъ 20 алтынъ ⁸⁾). Впрочемъ, въ половинѣ XVII вѣка русскіе занимались и окраскою своихъ домашнихъ произведеній; такъ, тогда уже въ селѣ Тейковѣ (нынѣшней Владимірской губерніи) крестьяне занимались красильными работами ⁹⁾). Кромѣ суконъ, русскіе дѣлали шерстяныя полсти и войлоки. Этими занимались преимущественно въ Калугѣ и вообще на берегахъ Оки. Войлоки употреблялись на сѣдла, на бурки и находили себѣ сбытъ за границу ¹⁰⁾). Въ 1584 г. полсть оцѣнена въ 6 алт. ¹¹⁾). Въ исходѣ XVI в. полсть шириною въ 2 аршина безъ 3 вершковъ и длиною до 3³/₄ арш. продавалась по 1 р. ¹²⁾). Войлочную бурку можно было купить за 12 алт. ¹³⁾).

Уже Борисъ намѣревался ввести въ Россію фабричное суконное производство и поручалъ нѣмцу Бекману достать въ Любекѣ суконныхъ мастеровъ ¹⁴⁾). Въ XVII вѣкѣ московскій купецъ иностраннаго происхожденія, фонъ-Шведень, завелъ суконную фабрику, но получилъ убытокъ; между тѣмъ иностранцы за-

¹⁾ Торг. кн. З. А. О., I, 131.

²⁾ А. А. Э., III, 90.

³⁾ Расх. кн. Врем., XIII, 5, 45, 47, 49.

⁴⁾ Раф. Барб., 36.

⁵⁾ А. И., IV, 327.

⁶⁾ А. А. Э., II, 64.

⁷⁾ А. И., I, 285.

⁸⁾ Расх. кн. Ник., 35, 37, 59. Врем., XIII. — Оп. г. Шуи, 385.

⁹⁾ Оп. г. Шуи, 343.

¹⁰⁾ Кильб., 40.

¹¹⁾ Доп., I, 193.

¹²⁾ Торг. кн. З. А. О., I.

¹³⁾ Барберини.

¹⁴⁾ А. И., II, 33.

мѣчали у насъ, что около Каспійскаго моря водятся довольно тонкорунныя овцы и полагали, что изъ шерсти русскихъ овецъ можно дѣлать даже такое сукно, какое въ тѣ времена выдѣлывалось въ Гамбургѣ ¹⁾. До открытія Вѣломорскаго пути сукна и матеріи доходили къ намъ черезъ Ригу, Ревель и Польшу ²⁾. Во время господства англичанъ надъ русской торговлею, предки наши получали сукна и матеріи чрезъ ихъ руки и цари жаловали обыкновенно англійскими сукнами ³⁾. Эта торговля приносила англичанамъ большія выгоды: сорокъ процентовъ на сто не были необыкновеннымъ барышомъ ⁴⁾.

Торговцы Любека и Гамбурга также привозили въ Россію мануфактурныя издѣлія Европы, а во второй половинѣ XVII вѣка ихъ доставляли русскимъ преимущественно голландцы ⁵⁾. Кромѣ европейцевъ, русскимъ доставались восточныя ткани изъ Турціи ⁶⁾, Персіи, Индіи черезъ руки персіянъ ⁷⁾, и наконецъ отъ китайцевъ, когда возникли съ ними торговыя сношенія ⁸⁾. Старые акты указываютъ на древній бытъ нашъ и сохраняютъ множество наименованій суконъ и матерій, изъ которыхъ многія объяснить трудно; русскіе давали имъ собственныя названія и употребляли иноземныя, но не уступали другимъ народамъ въ обыкновеніи коверкать чужестранныя названія. Обыкновенныя названія суконъ, бывшія у насъ въ XVI и XVII вѣкахъ, слѣдующія: брюкиишъ (брюггское, brüggich), полубрюкиишъ, облякиишъ, аглинское, полуаглинское, лундыишъ (лондонское), инское (ипрское), настрафиль, новоеское, рословское (рослагенское), свицкое (шведское), новогонское, колгырь, костринишъ, трекунское, голландское, анбурское (гамбургское), шебединское, мехельское, влосское (италійанское), гунгиливеишъ, лимбарское (лимбургское), брабантское, шарлатъ и скорлатъ (французскія сукна), муравское (моравское), четцкое (богемское), мышенское, лятчина или лѣтчина (употребляемые на одеждѣ: *лытники*), еренга, гловское, инбарское, жеганское, утрофимъ (утрехтское); иные сорта назывались по цвѣту, напр., багрець, кармазинъ и пр. ⁹⁾. Сукна въ торговлѣ продавались *кипами, половинками, поставами, портищами, аршинами, локтями* и просто *сукнами*. Кипа раздѣлялась на половинки. Кипы были разныя и заключали въ себѣ различное число половинокъ; такъ, въ концѣ XVI вѣка въ кипѣ рословскаго сукна было 25, а въ кипѣ новоескаго 57 половинокъ ¹⁰⁾. Половинка заключала отъ 20 до 25 аршинъ. Предъ концомъ царствованія Іоанна Грознаго половинка сукна, данная въ золотую палату подъ образа, стоила 2 р., а въ другомъ мѣстѣ говорится, что сукно продавалось по гривнѣ аршинъ, и 23 аршина стоили 2 р. ¹¹⁾.

¹⁾ Кильб., 174.

²⁾ Lett. of the Mosc. Comp.

³⁾ Матер. для истор. иконоп.

⁴⁾ Ж. М. Н. Пр. 1856. Февр., 96.

⁵⁾ Кильб.

⁶⁾ Оп. им. Ив. Вас., 11, 15. Врем., VII.—Врем., II. См., 23.

⁷⁾ А. И., III, 330.

⁸⁾ А. И., V, 104.

⁹⁾ Торг. кн. Врем., VIII. З. А. Общ., I.—Доп., I, 197—199, 209. Доп., III, 106, 186, 207. — С. Г. Гр., II, 139.—Кильб., 87, 118.

¹⁰⁾ Торг. кн., 118. З. А. О., I.

¹¹⁾ Доп., I, 192—193.

Въ Торговой же книгѣ сказано, что въ кипѣ было 25 половинокъ, а изъ половинки выходило 25 аршинъ. Поставъ ¹⁾ былъ оптовая единица, равнозначительная нынѣшнему слову штука или кусокъ. Едва ли существовало определенное правило относительно содержанія аршинъ въ поставахъ, и когда говорилось, что такое-то сукно заключаетъ столько-то аршинъ, то подъ этимъ разумѣлся поставъ. Такъ, въ Торговой книгѣ сказано, что мѣра сукну настрафилю отъ 32 до 40 аршинъ, а вслѣдъ затѣмъ прибавлено, что въ Ругодивѣ (Нарвѣ) поставъ покупаютъ за 40 ефимковъ ²⁾; изъ другихъ же извѣстій ³⁾ мы узнаемъ, что настрафиль продавался за аршинъ $\frac{1}{2}$ рубля, что довольно приблизительно совпадаетъ съ цѣнностью ефимковъ въ отношеніи рублей, определяемую тою же Торговою книгою. Поставы были въ 40, 30 и, наконецъ, 20 аршинъ, и такимъ образомъ часто означаютъ то же, что и половинка. При Алексѣѣ Михайловичѣ кусокъ привознаго сукна имѣлъ отъ 22 до 24 аршинъ ⁴⁾. Но вообще опловыя единицы суконныхъ товаровъ не могли означать определенныхъ и постоянныхъ мѣръ, потому что сукна привозились въ Россію изъ разныхъ мѣстъ и опловыя количества соображались съ тѣми мѣрами, которыя были въ употребленіи въ тѣхъ городахъ, гдѣ дѣлались сукна; а въ тотъ вѣкъ, какъ извѣстно, въ Европѣ господствовало еще большее разнообразіе, чѣмъ теперь. Портище, какъ кажется, означало кусокъ сукна около четырехъ аршинъ, ибо мы находимъ указанія на подобное содержаніе этой единицы ⁵⁾. Портище сукна давалось, какъ приближительная мѣра на одежду человѣка, ибо четыре аршина считалось достаточнымъ для взрослога; но такъ какъ одно сукно было шире, другое уже, то, поэтому, англійскаго сукна на одежду давалось 4 аршина, а гамбургскаго пять ⁶⁾. Подобное значеніе имѣло неопределенное названіе *сукно*, когда давалась кому-нибудь на одежду пропорція сукна: такъ въ 1585 году въ числѣ подарковъ, розданныхъ духовнымъ лицамъ и причту, пономарю дано сукно рословское, стоящее полтину, а въ другомъ мѣстѣ говорится, что аршинъ рословскаго сукна стоилъ гривну, слѣдовательно, *сукно*, данное на одежду, заключало пять аршинъ, именно столько, сколько приблизительно могло быть потребно на одежду ⁷⁾. Мы уже выше, при исчисленіи мѣръ, говорили объ отношеніяхъ аршина и локтя между собою. Русскіе мѣрили сукна аршинами и переводили на нихъ иностранныя мѣры. Торговая книга учитъ, что въ 52 локтяхъ самой употребительной тогда мѣры надобно считать 43 аршина ⁸⁾. Ширина суконъ была различна, но вообще вращалась около двухъ аршинъ съ частями третьяго. Такимъ образомъ мехельское сукно имѣло два аршина три четверти ширины, англійское — два аршина шесть вершковъ, настрафиль — два аршина съ четвертью, лятчина — два аршина съ двумя вершками. Поставы и половинки окаймлялись покроями раз-

1) Доп., III, 207.

2) Торг. кн., 138.

3) Доп., I, 209.

4) Кильб., 115.

5) Доп., I, 199.

6) Врем., VII. Матер. для ист. икон., 89.

7) Доп., I, 193, 197.

8) Торг. кн., 118.—Врем., VIII.

личной ширины, которыя продавались особо и употреблялись на дѣланіе ша-
тровъ ¹⁾).

Употребительнѣйшихъ цвѣтовъ сукна были: червчатая, синія, темносинія, вишневыя, лазоревыя, желтыя, лимонныя, ивбирныя, свѣтлозеленыя, темнозеле-
ныя, аспидныя, голубыя, мурамленыя. Въ нѣкоторыхъ видахъ суконъ одни изъ
цвѣтовъ были дороже, другіе дешевле, такъ, напримѣръ, въ новоевскомъ голу-
бой, синій и лазоревый цвѣта были дороже, а въ настрафиль лазоревый, голу-
бой и зеленый дешевле; въ лунскомъ — свѣтлозеленый дороже, въ брюкишѣ —
свѣтлозеленый и цѣнный дешевле ²⁾. Червчатый цвѣтъ и вообще красные
отливы были въ большомъ употребленіи. Послѣ нихъ въ модѣ были голубые
цвѣта; такъ въ XVI вѣкѣ изъ разныхъ цвѣтовъ дѣлаемыхъ въ Англіи каразей,
называемыхъ русскими еренгою, доставлялись преимущественно голубыя ³⁾. Чер-
ные цвѣта почти не употреблялись ⁴⁾.

Лунское, англійское, багрецъ, скорлатъ были дорогими сортами, настра-
филь — средній сортъ, сколько замѣтно, бывший въ большомъ употребленіи; ро-
словское, еренга, гамбургское, муравское, лимбургское были дешевые сорта.
Когда, напримѣръ, царь жаловалъ сукнами, то особамъ первой статьи давались
лунское и англійское, а второй и третьей статей — настрафиль и гамбургское.
Лунское сукно въ XVI вѣкѣ цѣнилось отъ 16 р. до 30 р. ⁵⁾ за поставъ, смо-
тря по относительной добротѣ его. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ аршинъ темно-
зеленаго лунскаго стоилъ 1½ р. ⁶⁾. Въ XVI в. поставъ англійскаго червчатаго
стоилъ 15 р. ⁷⁾, но низшаго достоинства, или, какъ говорилось тогда, средней
земли, можно было поставъ купить за 6 р. ⁸⁾. При Ѳеодорѣ Іоанновичѣ 62 по-
става англійскаго сукна оцѣнены въ 500 р. ⁹⁾. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ ар-
шинъ англійскаго вишневаго сукна оцѣненъ въ 31 алтынъ 4 д., а темнолимон-
наго — въ 34 алтына 2 деньги ¹⁰⁾. Въ концѣ XVI вѣка можно было приобрести
однорядку краснаго лунскаго сукна за 13 р. 21 алтынъ 4 деньги ¹¹⁾. Въ XVII
вѣкѣ однорядка англійскаго темносиняго сукна оцѣнена въ 5 р. ¹²⁾. Аршинъ
скорлата въ XVI вѣкѣ стоилъ 3 р. ¹³⁾; въ половинѣ XVII вѣка аршинъ карма-
зина 1 р. 10 алтынъ ¹⁴⁾. Мехельское высшаго сорта обходилось кушцу за ар-
шинъ отъ 2 р. до 1 р. 21 алт., а низшаго — отъ 1 р. 11 алт. съ деньгою до
1 р. 3 алт. съ деньгою ¹⁵⁾. Настрафиль въ XVI вѣкѣ стоилъ полтину за ар-

¹⁾ Оп. им. Татш., 4. Врем., VIII.

²⁾ Торг. кн., 118.

³⁾ Ж. М. Н. Пр. 1856, II, 92.

⁴⁾ Торг. кн. З. А. Общ., I.

⁵⁾ Доп., I, 199.—И. Г. Р., X. Прим. 462.

⁶⁾ Врем., VII. Мат. для ист. иконоп., 8.

⁷⁾ Доп., I, 191.

⁸⁾ И. Г. Росс., X. Прим. 462.

⁹⁾ Ст. Сп. Флетч., 40.

¹⁰⁾ Врем., XII. Мат. для ист. икон., 8.

¹¹⁾ Доп., I, 199.

¹²⁾ Оп. г. Шуй, 453.

¹³⁾ Доп., I, 199.

¹⁴⁾ А. И., V, 46.

¹⁵⁾ Торг. кн. З. Арх. Общ., I.

шинъ ¹⁾; на кораблѣ, привезшемъ въ Россію разные товары, поставъ настрофила оцѣненъ въ 13 р. ²⁾. Въ началѣ XVII вѣка аршинъ кострына сизаго съ искрой оцѣненъ въ полуполтину, гунгилинень—30 алтынъ, стамедъ вишневыи—12 алт., шебединское зеленое и вишнеевое—по гривнѣ за аршинъ ³⁾. Рословское въ концѣ XVI вѣка продавалось по 1 р. 20 алтынъ за половинку въ 25 аршинъ, слѣдовательно, по 12²⁰/₂₅ денегъ за аршинъ, и по 1 р. за половинку или по 8 денегъ за аршинъ: первое называлось двоепечатное, второе—однопечатное. Аршинъ новоеесскаго приходился около двухъ алтынъ; колтырь, утрофимъ продавались за поставъ отъ 13 р. 13 алтынъ 2 денегъ до 10 р. 31 алт. 4 деньги. Каразен или еренги были двухъ родовъ: англійскія и шотландскія. Первыя по-русски назывались большою, а послѣднія малою еренгою. Первыя стоили за поставъ отъ 4 р. 12 алт. 4 д. до 5 р. 11 алтынъ 2 денегъ, а вторыя отъ 5 р. 15 алт. 5 денегъ до 6 р. 22 алт. 3 денегъ. Муравское отъ 5 р. 28 алтынъ до 7 р. 4 алт. за поставъ. Лимбургское было самое дешевое: отъ 2 р. 30 алт. 4 денегъ до 3 р. 18 алт. 4 денегъ ⁴⁾. Вообще въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка одѣться порядочно, но не богато, въ суконное платье стоило около 2 руб. Аршинъ порядочнаго краснаго сукна можно было купить отъ четырехъ гривенъ или 13 алтынъ 2 деньги ⁵⁾ до 1 рубля ⁶⁾. Въ половинѣ XVII вѣка шелковыя и бумажныя ткани вытѣснили изъ употребленія сукна, и англійскія сукна надали въ цѣнѣ ⁷⁾; но купцы жаловались, что англичане возвысили цѣну сукнамъ до того, что сукно, стоившее прежде 4 гривны и полтину за аршинъ, доходило до 40 алтынъ ⁸⁾. Сверхъ того замѣчено, что англичане, вмѣсто хорошихъ суконъ, которыя находили себѣ сбытъ и въ другихъ европейскихъ земляхъ, удовлетворяли Россію худшими сортами, которые въ мочкѣ сбѣгали отъ 6 вершковъ до полуаршина въ портищѣ, тогда какъ въ сукнахъ, которыя они привозили прежде, сбѣгало въ портищѣ не болѣе одного вершка или двухъ ⁹⁾.

Въ 1671 году привезено было кармазиннаго сукна 22 кипы, 587 половинокъ, полукармазиннаго — 8 кипъ, 248 половинокъ; въ 1672 г. кармазиннаго—47 половинокъ; въ 1673 г. кармазиннаго—77 и полукармазиннаго—12; въ 1671 году англійскаго—81 кипа, 64 половинки, голландскаго—9 кипъ, 22 половинки, гамбургскаго—41 кипа и 267 половинокъ; въ 1672 г. англійскаго и голландскаго 9 половинокъ и 3 связки, голландскаго—13 половинокъ, гамбургскаго—294 половинки и 19 связокъ; въ 1673 году—на тридцати корабляхъ—13 гамбургскаго, 6 голландскаго и 1 англійскаго, на четырнадцати корабляхъ—21 половинка голландскаго, 13 гамбургскаго и 18 изъ сорта, называемаго vierlothen. Кромѣ суконъ привозили камлоты, тришъ, саржу, шерстяную камку ¹⁰⁾

¹⁾ Доп., I, 209.

²⁾ И. Г. Р., X. Прим. 462.

³⁾ Он. им. Татищ., 4. Врем., VIII.

⁴⁾ Торг. кн. З. Арх. Общ., I, 118—120.

⁵⁾ Доп., I, 198.

⁶⁾ Врем., XIII. Расх. кн. Ник., 36.

⁷⁾ Сам. Колл., 38.

⁸⁾ А. А. Э., IV, 20.

⁹⁾ А. А. Э., IV, 16.

¹⁰⁾ Кильбург., 87, 117.

и ковры. Въ XVI вѣкѣ большой коверъ на бѣлой землѣ длиною 5 аршинъ и шириною 3 аршина стоилъ 10 р. ¹⁾).

Шелковая матерія, употреблявшіяся встарину, были: бархатъ, камка, атласъ, обьяри, тафта, мухояръ, дорѣги, зендень, зуфъ, байберекъ, киндякъ, бевинъ, грегренъ. Но болѣе другихъ были употребительными: бархатъ, атласъ, камка, обьярь и тафта. Онѣ, какъ мы уже говорили, привозились изъ Европы и также съ Востока и носили названія по мѣстамъ своей обработки. Современный вкусъ любилъ матеріи вышитыя и вытканныя золотомъ и серебромъ, а потому бархатъ, атласъ, камка и обьярь очень часто были *золотыи*. Фонъ матеріи назывался *землею*, а золотое или серебряное тканье или же цвѣты по фону назывались *травами*. Цѣны ихъ были чрезвычайно различны, смотря по работѣ и по количеству золота.

Бархаты были венецицкіе, бурскіе, бурматные, литовскіе. Бурскій (изъ города Bourge) бархатъ былъ часто золотной, или же земля его была одноцвѣтная, а по ней травы вытканы шелкомъ другихъ цвѣтовъ, напримѣръ, на червицѣ (на красномъ полѣ) шелкъ зеленъ съ золотомъ ²⁾). Малиновая земля была въ большемъ употребленіи у русскихъ. Цѣна бурскаго бархата въ XVI вѣкѣ была отъ 40 алтынъ до 2 рублей ³⁾). Венецицкій гладкій бархатъ одноцвѣтный продавался въ концѣ XVI вѣка по 1 руб. за аршинъ ⁴⁾). Между привезенными въ Россію товарами въ концѣ XVI вѣка бархатъ оцѣненъ въ 1½ рубля за аршинъ ⁵⁾). При Алексѣѣ Михайловичѣ европейскій бархатъ цѣнился отъ 2¼ до 3¼ р. за аршинъ ⁶⁾). Литовскій косматый бархатъ былъ изъ низшихъ сортовъ и цѣнился въ началѣ XVII вѣка около 6 алтынъ за аршинъ ⁷⁾). Самый низшій сортъ бархата назывался бархатель ⁸⁾)—родъ нынѣшняго пписа. Но самый высокій сортъ бархата былъ турецкій; онъ обыкновенно былъ малиноваго цвѣта съ золотыми, серебряными или разноцвѣтными шелковыми узорами ⁹⁾).

Камка въ торговлѣ различалась: бурская, венецицкая, — мисюрская ¹⁰⁾ (очень старинный сортъ, употребительный еще въ XV вѣкѣ), куфтеръ (очень толстая, плотная матерія), соломянка ¹¹⁾ кармазинная, есская, итальянская, амстердамская ¹²⁾, — адамашка двоеличная, кизильбашская ¹³⁾, индійская ¹⁴⁾, китайская ¹⁵⁾). Эта шелковая матерія была самая употребительная встарину и отличалась вообще плотностью и толщиной; чѣмъ камка толще, тѣмъ была цѣннѣе. Почти

¹⁾ Торг. кн., 22. Врем., VIII.

²⁾ Доп., I, 197.

³⁾ Доп., I, 209.

⁴⁾ Доп., I, 193.

⁵⁾ И. Г. Росс. Прим. 462.

⁶⁾ Кильбург., 115.

⁷⁾ Оп. им. Тат., 5. Врем., VIII.

⁸⁾ А. И., IV, 161.

⁹⁾ Врем., II. См., 23.

¹⁰⁾ Доп., I, 199.—С. Г. Гр., I, 302—303, 339—340.

¹¹⁾ Торг. кн., 128. З. Арх. Общ., I.

¹²⁾ Кильбург., 115.

¹³⁾ А. И., II, 17.

¹⁴⁾ Врем., VII. Мат. для ист. иконоп., 8, 104.

¹⁵⁾ А. И., V, 104.

всегда камка была узорчатая; на иной былъ узоръ большой, на другой малый; чѣмъ больше узоръ, тѣмъ цѣннѣе считалась матерія. Земля или фонъ матеріи дѣлалась цвѣтовъ: краснаго, зеленаго, желтаго, рудожелтаго, бѣлаго, лазореваго, вишневаго, двоеличневаго ¹⁾, но чаще всего русскіе выбирали красный цвѣтъ а узоры по ней были или золотые, или серебряные, или шелковые другихъ цвѣтовъ, отличныхъ отъ цвѣта земли, или шелковые вмѣстѣ съ золотомъ и серебромъ. Узоры изображали листья, деревья, травы, рѣки, горы и т. п. По величинѣ и расположенію узоровъ камка раздѣлялась на травчатую и мелко травчатую. Камка была гораздо уже сукна, напримѣръ: кармазинная въ аршинъ безъ четверти или безъ двухъ вершковъ, соломянка аршинъ съ двумя верхиками или полутора верхкомъ ²⁾, индійская вдвое менѣе англійскаго сукна ³⁾. Камка была нѣсколько уже бархату, ибо когда бархату нужно было на одежду 12 аршинъ, камки 13 аршинъ ⁴⁾. На перину въ два аршина безъ двухъ вершковъ длиною и въ одинъ аршинъ съ четвертью шириною шло камки (червчататаго кармазина) 6 аршинъ, и ширина ея равнялась ширинѣ тогдашняго тверскаго и троицкаго холста ⁵⁾. Для женской одежды потребно было камки девять аршинъ: вѣроятно, почти столько же достаточно было и для мужской, потому что мужская одежда въ то время также дѣлалась до пять ⁶⁾. Вообще среднимъ выводомъ камка была въ полтора раза дороже сукна и немного не вдвое дешевле бархата, такъ что когда аршинъ бархата стоилъ 1 р., аршинъ камки соразмѣрнаго достоинства стоилъ отъ 18 до 19 алтынъ ⁷⁾. Венецицкая камка цѣнилась въ XVI вѣкѣ отъ 19 до 20 алтынъ за аршинъ ⁸⁾; куфтеръ была разныхъ родовъ и продавалась отъ 40 алт. до 1¹/₂ р. ⁹⁾, а въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ камка-куфтеръ продавалась по рублю ¹⁰⁾ (вѣроятно пониже сортъ); адаманка продавалась отъ 20 алт. до ¹/₂ р., соломянка—отъ 10 до 13 алтынъ, кармазинная—отъ 40 алт. до 1 руб. ¹¹⁾. Но эти цѣны означены для оптовой продажи; въ розницу камка продавалась дороже. Камка бурская, часто вытканная золотомъ, цѣнилась выше другихъ сортовъ ¹²⁾. Индійская камка при Михаилѣ Теодоровичѣ цѣнилась въ 20 алтынъ за аршинъ ¹³⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ амстердамская камка цѣнилась отъ 11 алт. 4 д. до 18 алт. 2 д., итальянская отъ 25 алт. до 30 алт. ¹⁴⁾.

Объяръ была золотая, серебряная и шелковая. Первая составляла самыя богатые наряды царей и вельможъ. Объяръ была цвѣтовъ: желтаго, бѣлаго, рудо-

¹⁾ Доп., III, 207.

²⁾ Торг. кн., 128. З. Арх. Общ., I.

³⁾ Врем., VII. Мат. для ист. иконоп., 104.

⁴⁾ Доп., I, 200.

⁵⁾ Дом. бытъ Русск. Цар. Забѣл. От. Зап. 1850. Июль, 55.

⁶⁾ Доп., I, 199.

⁷⁾ Доп., I, 197, 200.

⁸⁾ Доп., I, 199—200.

⁹⁾ Зап. А. О., I. Торг. кн., 128.

¹⁰⁾ Врем., VII. Мат. для ист. иконоп., 10.

¹¹⁾ Зап. А. О., I. Торг. кн., 128.

¹²⁾ Доп., I, 199.

¹³⁾ Врем., VII. Мат. для ист. икон., 8.

¹⁴⁾ Кильбург., 115.

желтого, зеленого, малинового. Ширина ея была различна. Золотная и серебряная обьярь дѣлалась часто съ узорами и такъ, что по золотной землѣ выдѣлывались серебряные узоры, а на серебряной золотые. Венецкая обьярь была безъ золота съ разноцвѣтными травами по бѣлой землѣ. Аршинъ золотной и серебряной обьяри съ узорами цѣнился въ XVII вѣкѣ отъ 10 до 11^{1/2} р. и вообще привималось, что цѣнность аршина обьяри приближалась къ цѣнѣ фунта серебра ¹⁾. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича обьярь (вѣроятно шелковая) продавалась отъ 1 р. до 6 алт. 4 денегъ до 2 р. за аршинъ ²⁾. Шелковая обьярь, употребляемая женщинами на ихъ тѣлогрѣи и лѣтники, цѣнилась наравнѣ съ тафтой высшаго достоинства; на примѣръ, въ описаніи приданого княгини Лыковой обьярь зеленая и алая тафта оцѣнены были въ 4 р. Не дороже считалась обьярь, вышитая *вошью* ³⁾.

Атласъ былъ немного ниже бархата въ цѣнѣ, но очень часто ткался съ золотомъ и серебромъ и потому цѣны на него были разнообразны. Въ XVI вѣкѣ аршинъ атласа стоилъ 40 алтынъ, въ XVII вѣкѣ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что аршинъ атласа стоилъ 2^{1/3} и 4 алтына 2 деньги ⁴⁾. Когда давали атласъ въ награду за службу, онъ стоилъ 40 р., а иногда сто рублей ⁵⁾. Въ XVII вѣкѣ цвѣтной атласъ привозился изъ Голландіи и Италіи, и первый извѣстенъ былъ подъ названіемъ амстердамскаго, послѣдній болонскаго; первый былъ въ одной цѣнѣ съ амстердамскою, а второй съ итальянскою камкою. Атласы турецкіе дѣлались малиновые съ золотыми узорами. Высокаго достоинства была матерія *алтабасъ*, получаемый тоже изъ Турціи—золотной съ серебряными травами ⁶⁾, но былъ и алтабасъ простой разныхъ цвѣтовъ; въ XVII вѣкѣ аршинъ зеленого атласа стоилъ 30 алтынъ ⁷⁾.

Тафта въ торговлѣ различалась: шамская, бурская, венецкая, нѣмецкая, такайская, лукская, китайка. Ширина этой матеріи была различна: шамская и бурская девяти вершковъ, венецкая полтора аршина. Иногда была тафта шириною равна сукну; такъ при Михаилѣ Теодоровичѣ давалось на платьѣ сукна и тафты равное количество, четыре аршина, а напротивъ камки восемь аршинъ ⁸⁾. Отъ ширины ея и отъ достоинствъ зависѣла разная цѣна: шамская стоила отъ 8 до 10 алтынъ, лучшею считалась червчатая и стоила до 12 алт., бурская отъ 3 до 5 алтынъ, венецкая широкая отъ 19 до 21 алтына, нѣмецкая отъ 3 до 5 алтынъ ⁹⁾. При Михаилѣ Теодоровичѣ аршинъ широкой тафты продавался отъ 22 до 28 алтынъ ¹⁰⁾. При Алексѣѣ Михайловичѣ лукская тафта продавалась отъ 20 до 26 алт. 4 денегъ, волнистая отъ 21 алтына до 30 алтынъ ¹¹⁾. При Теодорѣ Алексѣевичѣ аршинъ

¹⁾ Врем., II. См., 23.

²⁾ Кильбург., 115.

³⁾ Врем., V. Смѣсь, 24.

⁴⁾ Врем., VII. Матер. для ист. икон., 10.

⁵⁾ Врем., VII. Смѣсь, 60—61.

⁶⁾ Врем., II. См., 22—23.

⁷⁾ Врем., VII. Матер. для ист. икон., 10.

⁸⁾ Врем., VII. Матер. для ист. икон., 9.

⁹⁾ З. А. О., I. Торг. кн., 128.—Оп. им. Татищ., 4, 5. Врем., VIII.

¹⁰⁾ Матер. для ист. иконон., 10. Врем., VII.

¹¹⁾ Кильбург., 115.

узкой тафты можно было купить за 5 алтынъ ¹⁾. Худшіе сорта тафты были китайка и клеенка: первая продавалась отъ 2 до 3 алтынъ за аршинъ ²⁾, а вторая отъ 8 до 12 денегъ ³⁾.

Дороги — матерія старинная восточнаго произведенія, ибо между прочимъ славились дороги шляжскія и дороги канаваты. Эта матерія отличалась тѣмъ, что дѣлалась съ полосами, напримѣръ: зелеными, бѣлыми и вишневыми, или, напр., съ бѣлыми, багровыми и червчатыми ⁴⁾. Мухояръ былъ какъ шелковый, такъ и бумажный ⁵⁾, и употреблялся преимущественно на покрывку шубъ и верхнихъ одеждъ. Зуфъ, называемая костоманская, принадлежала къ болѣе простымъ шелковымъ матеріямъ, ибо три рубля можно было заплатить за такое количество зуфи, за какое камки слѣдовало заплатить 5 р. ⁶⁾. Между шелковыми произведеніями въ торговлѣ были въ большомъ употребленіи кушаки: изъ нихъ турецкіе были самаго высшаго достоинства; бѣлый атласный турецкій кушакъ длиною въ 5 аршинъ и 5 вершковъ, поперекъ 6 вершковъ, стоилъ 4 руб., червчатый съ золотомъ стоилъ отъ 1 р. до 2 р. ⁷⁾, поясокъ шелковый простой стоилъ 3 алтына 2 деньги ⁸⁾. Изъ Персіи вывозили въ Россію персидскіе шелковые платки, продаваемые въ оптовой торговлѣ тонами ⁹⁾. Матерія продавались въ оптовой продажѣ косяками. Косякъ заключалъ въ себѣ разное число аршинъ, напримѣръ, иногда 81, иногда 37, иногда 25 и такъ далѣе ¹⁰⁾. Косяки дѣлились еще на полукосяки и кондики ¹¹⁾. Кондикъ, повидимому, равнялся полукосяку, ибо съ двухъ кондиковъ брали ту же пошлину, какъ и съ одного косяка.

Шелкъ былъ исключительнымъ достояніемъ казны, которая вымѣнивала его у персіянъ; пудъ обходился казнѣ 30 р., а перепродавался 45 рублей. Эта торговля впослѣдствіи была разрѣшена подданнымъ, и въ 1674 году можно было доставать шелкъ и у частныхъ лицъ, какъ и въ казнѣ. Партія ахдасскаго шелку стоила 36 р., черный мохнатый шелкъ былъ дешевле: сученый шелкъ привозился не изъ Персіи, но изъ Европы. Десять золотниковъ бурскаго шелку въ XVI вѣкѣ стоили 10 алтынъ ¹²⁾. Въ концѣ царствованія Алексѣя Михайловича золотникъ сученаго чернаго шелку стоилъ 5 денегъ, а краснаго одинъ алтынъ двѣ деньги ¹³⁾.

Количество привозимыхъ въ Россію въ годъ шелковыхъ издѣлій было неравномѣрно, какъ это видно изъ извѣстій о привозѣ и вывозѣ, сообщаемыхъ за три года — 1671, 1672 и 1673. Въ 1671 году было привезено объяри сере-

¹⁾ А. И., V, 46.

²⁾ Ист. Г. Росс. Прим. 462.

³⁾ З. А. О., I. Торг. кн., 128.

⁴⁾ А. И., II, 18. А. И., V, 320.

⁵⁾ П. С. З., II, 122.

⁶⁾ Доп., I, 199.

⁷⁾ Врем., VIII. Оп. им. Татищ., 2, 3.

⁸⁾ Врем., XIII. Расх. кн., 29.

⁹⁾ А. И., V, 320.

¹⁰⁾ Доп., III, 143.

¹¹⁾ С. Г. Гр., II, 89.

¹²⁾ Доп., I, 193.

¹³⁾ Кильбург., 127.

бряной 32 куска, шелковой—84, атласа—342 куска, брикъ-атласа 34 куска, бархата — 28 кусковъ, камки — 204 штукъ, тафты — 441 штука; въ 1672—объари золотной и серебряной—14 куск., шелковой—43, атласа—192 куска, камки—259, тафты—53; въ 1673—золотной и серебряной объари болѣе 10 кусковъ, шелковой—162 куска, атласа—212, бархата—20 куск., камки—378, тафты — 977 ¹⁾). Вообще и здѣсь, какъ въ другихъ мѣстахъ, Кильбургеровы извѣстія неясны, отрывочны и могутъ только приблизительно служить для сужденія о ввозѣ, пока не отыщутся другія извѣстія.

КОНЕЦЪ ДВАДЦАТАГО ТОМА.

¹⁾ Кильбург., 87.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ДВАДЦАТАГО ТОМА.

	СТРАН.
Глава первая	233
Глава вторая	241
Глава третья	271
Глава четвертая	312
Глава пятая	335
Глава шестая: 1. Предметы царства ископаемаго	349
2. Предметы царства растительнаго	361
3. Предметы царства животнаго	385
4. Шерстяныя и шелковыя матеріи	413

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. И. КОСТОМАРОВА

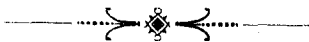
Историческія монографіи и изслѣдованія

КНИГА ВОСЬМАЯ.

Томъ двадцать первый.

ИЗДАНИЕ

Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ
(„Литературнаго Фонда“).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.

1905.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

ЮЖНО-РУССКАГО

НАРОДНАГО ПѢСЕННАГО ТВОРЧЕСТВА.

ВВЕДЕНИЕ.

Къ произведеніямъ народной словесности принадлежать: 1) сказанія, сказки и легенды, 2) загадки, 3) поговорки и пословицы, 4) заговоры и заклинанія, 5) преданія и 6) пѣсни. Въ первыхъ преимущественно выражается фантазія народа, во вторыхъ—его остроуміе, въ третьихъ—его умъ, въ четвертыхъ—его вѣрованія, въ пятыхъ—его память, въ пѣсняхъ, обнимающихъ, впрочемъ, кругъ и всего предыдущаго, главнымъ образомъ выражается его чувство. Въ настоящемъ сочиненіи мы будемъ имѣть дѣло только съ пѣснями. Народными пѣснями мы называемъ только такія, которыя въ данномъ ихъ видѣ не имѣютъ и никогда не имѣли одинаго автора, не только такого, котораго бы мы могли назвать по имени, но даже и безыменнаго, о существованіи котораго было бы основаніе догадываться. Въ европейской наукѣ такое понятіе не господствуетъ: на Западѣ собиратели и изслѣдователи народныхъ произведеній причисляютъ къ нимъ и такія, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что они созданы единымъ лицомъ; это дѣлается потому, что народъ усвоилъ эти произведенія. У нихъ народная пѣсня—то, что поется народомъ, у насъ же то, что создано народомъ. Если сопоставить произведенія изустной словесности, обращающіяся въ простонародіи, съ произведеніями словесности письменной, то различіе между чисто народными и популярными пѣснями въ нѣкоторомъ отношеніи напоминаетъ различіе между оригинальными сочиненіями и подражательными и даже переводными. Хотя послѣднія и часто оказываютъ громадное вліяніе на развитіе образованнаго общества, но нельзя признавать за ними того значенія, какое признаемъ за оригинальными. Необходимость положить грань между чисто народнымъ и популярнымъ для насъ вытекаетъ изъ того кореннаго различія, какое существуетъ въ натурѣ между нашею народною жизнью и жизнью западныхъ народовъ. Нашъ народъ стоитъ на болѣе первобытной почвѣ, чѣмъ народы западные. У насъ сравнительно меньше распространена грамотность, и жизнь менѣе усвоила тѣхъ формъ, которыя выработала западная цивилизація.

Поэзія прирождена человѣку, и поэтическое творчество, слѣдуя однимъ общимъ для всѣхъ законамъ, можетъ, относительно своего проявленія, находиться на различныхъ степеняхъ, сообразно постепенному ходу культуры. Чѣмъ общество первобытнѣе, тѣмъ меньше въ немъ простора для личности, тѣмъ незамѣтнѣе проявленіе нравственныхъ индивидуальныхъ особенностей, тѣмъ крѣпче

единство въ понятіяхъ, нравахъ и пріемахъ жизни у членовъ общества между собою,—тамъ и поэзія не представляетъ признаковъ личнаго творчества; плоды поэтическаго вдохновенія, зарождаясь отрывочными чертами, не записываются и не сберегаются, какъ достойніе личностей: письменность — важнѣйшій рычагъ для поднятія личности—еще не служитъ для выраженія и укрѣпленія человѣческой мысли; поэтическіе проблески, появляясь въ началѣ двумя-тремя чертами, образомъ, сравненіемъ, очерченіемъ, короткимъ разсказомъ или воспоминаніемъ,—передаются изъ устъ въ уста и подъ вліяніемъ поэтическаго настроенія другихъ лицъ видоизмѣняются, добавляются; выраженное однимъ принимается другимъ такъ близко къ сердцу, что послѣдній не сознаетъ, что это не его собственное созданіе и потому нимало не стѣсняется прибавлять что-нибудь, сообразно впечатлѣніямъ, производимымъ явленіями окружающей его среды или ощущеніями собственнаго сердца; такимъ образомъ, зачатки пѣсни, добавляясь, расширяются и вмѣстѣ съ тѣмъ сталкиваются съ зачатками другими, соединяются съ ними, перекрещиваются: иное переходитъ отсюда туда, другое—оттуда сюда, и такъ образуются большія пѣсни, имѣющія видъ цѣльности содержанія и законченности: но, достигши такого вида, пѣсня хотя получаетъ уже нѣкоторую прочность и крѣпость, однако, обращаясь въ народѣ изустнымъ путемъ, не изымлетса отъ дальнѣйшихъ видоизмѣненій и подъ вліяніемъ такихъ перемѣнъ въ народной жизни, которыя производятъ переворотъ въ народной поэзіи, разлагается совершенно, отчасти оставляя свои элементы для составленія новыхъ пѣсенъ.

Пѣсня всегда близка къ жизни; народный человѣкъ выражаетъ ею то, что у него на душѣ въ данную минуту; онъ принимается за пѣсню потому, что она подходитъ къ тому, что онъ чувствуетъ, а чувствуетъ онъ всегда то, что вызывается у него явленіями дѣйствительной жизни. Эта чрезвычайная близость пѣсни къ сердечнымъ ощущеніямъ, истекающимъ прямо изъ жизни, и побуждаетъ измѣнять пѣсню, чтобы сдѣлать ее примѣнительнѣе къ ближайшей средѣ. Такимъ образомъ, не говоря уже объ общемъ качествѣ человѣческой природы—забывать и измѣнять подробности и выраженія слышаннаго, причина, почему пѣсня разбивается всегда на различные варианты, лежитъ въ самомъ ея существѣ. Но такъ какъ при всемъ разнообразіи въ частныхъ явленіяхъ народная жизнь въ своей общности долго остается одна и та же, то при всѣхъ видоизмѣненіяхъ, въ какихъ является народная поэзія, она долго сохраняетъ въ главныхъ чертахъ своихъ однообразие; пѣсни прежнихъ поколѣній переходятъ къ послѣдующимъ поколѣніямъ въ продолженіе вѣковъ, и поздніе варианты, отступая отъ прежнихъ въ подробностяхъ, удерживаютъ духъ и суть содержанія. Рѣшительные перевороты въ народной поэзіи происходятъ только тогда, когда перевороты происходятъ и въ ходѣ самой народной жизни. Но и тогда, когда уже новыя условія жизни творятъ новыя пѣсни, въ этихъ новыхъ можно открывать заимствованные изъ прежнихъ, уже отжившихъ пѣсенъ глубоко усвоенные народомъ обороты, краски, образы, даже цѣлыя повѣствованія, примѣненные уже къ признакамъ болѣе поздняго времени. Насколько двигалась жизнь, настолько и пѣсенность. Насколько народная жизнь позднѣйшихъ поколѣній при всѣхъ переворотахъ, мало оставлявшихъ измѣненій въ культурномъ отношеніи, обращалась къ старымъ началамъ, за неизмѣнимъ новыхъ, настолько и новыя пѣсни походили на старыя.

Развѣтвленіе народныхъ пѣсенъ имѣетъ различныя степени, зависящія отъ условій народной жизни. Пѣсня, сложившись въ одномъ углу народнаго отечества, переходитъ въ другой, въ третій и видоизмѣняется. Если между разными, даже отдаленными, краями, населенными однимъ и тѣмъ же народомъ, образуется постоянное и дѣятельное сообщеніе, то народныя пѣсни поются въ болѣе близкихъ между собою вариантахъ и, напротивъ, скудость сообщенія производитъ такое сильное разнообразіе, что одна и та же пѣсня въ различныхъ мѣстахъ поется въ такихъ отличныхъ одинъ отъ другого вариантахъ, что они кажутся отдѣльными пѣснями.

Этому процессу подвергались всѣ народы въ мірѣ. Но такъ какъ извѣстныя и неуловимыя условія ихъ дѣтства образовали у нихъ различныя способности, нравы, стремленія, то и ходъ ихъ развитія былъ неодинаковъ; этому помогали и климатическая обстановка, и перевороты въ народномъ бытѣ, и сношенія съ иноплемениками. Духовная дѣятельность однихъ была богаче, другихъ бѣднѣе, у однихъ направлена въ одну, у другихъ въ иную сторону.

Самый важнѣйшій переворотъ въ народной жизни есть распространеніе грамотности и книжности. Оно совершенно измѣняетъ ходъ и способы проявленія поэтическаго творчества. Грамотность не даетъ уже проблескамъ вдохновенія разгуливать по свѣту и, будучи общимъ для всѣхъ достояніемъ, служить элементами для бессознательнаго составленія пѣсенъ. Грамотный поэтъ передаетъ плодъ своего вдохновенія письму, сразу даетъ ему и объемъ и крѣпость, обдумываетъ его, трудится надъ нимъ,—оно является въ законченной формѣ, оно дѣлается духовнымъ достояніемъ личности. Другіе грамотные люди если полюбятъ это созданіе и станутъ повторять его, то сознаютъ, что произведеніе, которое дѣйствуетъ на ихъ душу, принадлежитъ не имъ; извѣстно ли по имени лицо поэта, или неизвѣстно—все равно: на его твореніи лежитъ отпечатокъ того, что оно первоначально есть твореніе единой личности. Если отъ долгаго изустнаго обращенія возникаютъ варианты, то они болѣе или менѣе имѣютъ значеніе искаженій, а не нормальнаго состоянія, какое имѣютъ, напротивъ, варианты чисто народныхъ произведеній. Благодаря письменности, существуетъ первоначальная форма, служащая нормою. Это постоянство формы поэтическаго произведенія, это появленіе его въ законченномъ видѣ изъ-подъ рукъ единаго автора, наконецъ, эта принадлежность его этому автору—вотъ важныя отличія произведенія литературнаго отъ чисто народнаго, такъ какъ существенные признаки послѣдняго — принадлежность всей массѣ народа и неизбежная безграничная варіація. Кромѣ того, грамотность ведетъ за собою измѣненіе въ языкѣ и пріемахъ выраженія настолько, насколько она способствуетъ развитію образованности. Отличіе языка книжнаго, языка образованнаго общества отъ языка простонароднаго есть явленіе повсемѣстное и зависитъ отъ того неравенства, съ какимъ обыкновенно народъ идетъ по пути къ образованности. Конечно, если бы вся народная громада одновременно получала образованіе—такого бы различія не было; но обыкновенно образованный классъ народа малочисленнѣе остальной массы, коснѣющей, сравнительно, въ большомъ невѣжествѣ; знакомство образованныхъ людей съ бѣльшимъ запасомъ предметовъ, большая широта взглядовъ и понятій неизбежно порождаютъ значительное количество словъ, выраженій, оборотовъ, построеній рѣчи, чуждыхъ для простолюдина; создается литература, недоступная для послѣдняго, по недостатку свѣдѣній и привычки обобщать и

раздѣлять понятія. Все написанное примыкаетъ къ этой литературѣ, а также и пѣсня, какъ только начнетъ писаться и составляется лицами грамотными, усваиваетъ свойства образованнаго языка и входитъ въ область литературы. Эта литература состоитъ изъ твореній различныхъ личностей, поэтому уже составляетъ противоположность съ безличными твореніями изустной народной словесности. Сила образованности такъ велика, что народъ, чувствуя ея превосходство, при всякомъ близкомъ соприкосновеніи съ образованнымъ обществомъ, по возможности, перенимаетъ его приемы, подражаетъ языку образованныхъ людей и схватываетъ пѣсни, составленныя болѣе или менѣе литературнымъ складомъ. Такимъ образомъ литературная поэзія проходитъ и въ народъ, начинаетъ дѣлаться популярною. Но такъ какъ число не только образованныхъ, но даже просто только грамотныхъ возрастаетъ все-таки не въ сильной пропорціи въ сравненіи съ массою, пребывающею въ прежнемъ положеніи, то рядомъ съ письменною пѣсенностью, немногу входящею въ народъ, продолжаетъ существовать прежняя, изустная, творятся и перетворяются чисто народныя пѣсни стародавнимъ способомъ, подвергаясь, однако, вліянію литературности въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ простолюдинъ находится безпрестанно въ такихъ условіяхъ, которыя помогаютъ ему усваивать приемы образованнаго общества. Отъ этого нерѣдко происходитъ искаженіе и упадокъ поэзіи. Простолюдинъ, не получивъ правильнаго образованія даже и въ первоначальномъ видѣ, а только нахватавшись кое-чего изъ образованной среды, думаетъ примкнуть къ ней; онъ начинаетъ пренебрегать своими старыми пѣснями: онѣ уже не соответствуютъ стремленіямъ къ той жизни, какою ему хочется жить: онъ перенимаетъ пѣсни литературнаго склада, но, по недостатку знакомства и съ языкомъ, и съ способами выраженія чувствъ и мыслей, и съ предметами образованной среды, уродуетъ ихъ иногда самымъ дикимъ и бессмысленнымъ образомъ, а между тѣмъ онъ еще не настолько разорвалъ связь съ условіями прежней жизни, чтобъ отрѣшиться отъ ея проявленій, и потому, рядомъ съ заимствованными пѣснями литературнаго склада онъ поетъ пѣсни чисто народнаго происхожденія, искажая ихъ добавками и видоизмѣненіями, смахивающими на приемы и рѣчь того класса, который стоитъ выше простолюдина въ культурномъ отношеніи. Въ такъ называемыхъ захолустьяхъ, то-есть въ мѣстностяхъ удаленныхъ отъ культурныхъ центровъ, народная поэзія менѣе испытываетъ этого вліянія, хотя она тамъ суживается, подобно тому, какъ суживается самая жизнь, изъ которой она истекаетъ.

На западѣ литературное вліяніе давно уже начало сталкиваться съ поэзією чисто народнаго происхожденія. Еще ранѣе XVI вѣка въ массѣ народа расходились пѣсни, завѣдомо сложенныя едиными авторами, нерѣдко такими, которые приобрѣли громкое имя и оставили на письмѣ потомству свои произведенія. Поэтому тамъ не такъ легко и наглядно отдѣляется популярное отъ народнаго, какъ у насъ, и въ сборникахъ пѣсенъ западно-европейскихъ народовъ слова: popular songs, chansons populaires, canti popolari, die Volkslieder не вполнѣ имѣютъ то значеніе, какое мы соединяемъ съ словомъ народныя пѣсни. Въ настоящее время тамъ, гдѣ грамотность и школьное образованіе распространились сильно, бессознательное народное творчество исчезло; пѣсни чисто народныя еще существуютъ тамъ, гдѣ образованіе слабѣе, но уже въ смѣшеніи съ популярными.

У насъ (болѣе или менѣе и у другихъ славянъ) этого рода творчество еще

можно назвать живучимъ, но оно сильно склоняется къ паденію, по мѣрѣ того какъ грамотность и житейское сближеніе съ образованною средою измѣняютъ жизнь и воззрѣнія простолюдина. Навѣрное можно сказать, что распространеніе грамотности и книжнаго образованія убьетъ его; само собою разумѣется, мы не пожалѣемъ, если ради всеобщаго просвѣщенія необходимо пожертвовать этимъ драгоценнымъ достояніемъ протекшихъ вѣковъ, памятниками духовной дѣятельности нашихъ предковъ. Остается только желать, чтобъ эти памятники были поскорѣ собраны и сохранены для науки.

Историческое значеніе народныхъ пѣсенъ можетъ опредѣляться для насъ сообразно тому, чего мы желаемъ отъ исторіи. Если мы станемъ отыскивать въ народныхъ пѣсняхъ источниковъ для исторіи политическихъ переизмѣнъ, государственнаго строя, войнъ, развитія общественнаго быта,—пѣсни окажутся скуднымъ источникомъ. Не надобно забывать, что пѣсни принадлежатъ простолюдину и можетъ выражать только его жизнь и его взгляды. Если прежде пѣсни были равнымъ достояніемъ цѣлаго народа, то это было въ такое время, когда весь народъ стоялъ на той же первобытной малокультурной почвѣ, на какой теперь остался простолюдинъ. Но и въ этой сферѣ онѣ во многомъ не дадутъ намъ желаемыхъ свѣдѣній. Такъ, для познанія устройства матеріальнаго быта простолюдина онѣ недостаточны, хотя мѣстами и заключаютъ въ себѣ вѣрныя черты. Пѣсни—важный, но никакъ не исключительный источникъ для нашего знакомства съ народными понятіями, воззрѣніями, вѣрованіями, воспоминаніями: для этого необходимы, и часто болѣе, чѣмъ пѣсни, другіе памятники народнаго слова. Но тамъ, гдѣ идетъ дѣло о чувствѣ народа—пѣсни незамѣнимы ничѣмъ. Быть можетъ, намъ возражать, что это относится только къ одному роду пѣсенъ—къ лирическимъ, а не къ эпической поэзіи. Но мы, въ такомъ случаѣ, замѣтимъ, что эпическій элементъ входитъ въ пѣсню только подъ условіемъ возбужденія чувства. Пѣсни былевая, то-есть пѣсни, относящіяся къ событіямъ и лицамъ, поются именно оттого, что поющій сочувствуетъ этимъ событіямъ или лицамъ, и оттого-то былевая пѣсня скоро забывается и исчезаетъ, какъ скоро предметъ ея содержанія перестаетъ трогать сердце. Есть въ народѣ преданія и воспоминанія, которыя хотя сохраняются въ памяти, но не переходятъ въ пѣсни: это оттого, что они недостаточно прилегаютъ къ народному сердцу или слишкомъ мѣсны, чтобы подѣйствовать на чувства большой массы народа. Самъ народъ, говоря о какомъ-нибудь событіи или личности съ сердечнымъ участіемъ, какъ бы въ усиленіе этого участія говорить: у насъ про это даже пѣсня сложена. Что касается древняго эпоса, то настоящая его форма есть сказаніе (die Sage), иногда подходящее къ пѣснѣ по мѣрности рѣчи, но вполнѣ отличное отъ нея по духу, составу, изложенію и способамъ передачи и распространенія. Это можно замѣтить и на великорусскихъ такъ называемыхъ былинахъ, которыя собственно не поются, а пересказываются нараспѣвъ; однородность ихъ съ сказками доказывается тѣмъ, что онѣ (какъ извѣстно, по крайней мѣрѣ, о нѣкоторыхъ) совершенно превращаются въ сказки и произносятся, какъ послѣднія. Въ южно-русскихъ народныхъ пѣсняхъ эпическая форма касается только историческихъ событій, вообще совершающихся въ мѣрѣ дѣйствительномъ и всегда подъ условіемъ возбужденія чувства. Только въ образахъ, отрывочно уцѣлѣвшихъ въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, преимущественно въ обрядныхъ (напримѣръ, въ галицкихъ колядкахъ, но не безъ опасности попадать въ натяжки) можно отыскивать слѣды

древняго эпоса. Господство чувства въ пѣсняхъ тѣсно связано съ ихъ близостью къ жизни.

Безспорно, пѣсни составляютъ, рядомъ съ другими произведеніями народнаго слова, драгоценный источникъ для знакомства со всякаго рода проявленіями духовной жизни; но самымъ первостепеннымъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ и ничѣмъ не замѣнимымъ источникомъ для историка пѣсни представляются со стороны народнаго чувства. Чувство есть основа всякаго проявленія духа, возбудитель мысли и поступковъ, корень нравственнаго бытія. Познать чувство человѣка—значитъ познать его сокровенную природу. Понятно, что при такомъ значеніи пѣсенъ историкъ народа долженъ считать ихъ для себя однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ, такимъ, безъ котораго онъ едва ли можетъ ясно разумѣть тотъ человѣческій міръ, который хочетъ изображать.

Составляя исключительно достояніе простонародья, пѣсни окажутся историкѣ полезными и важными для уразумѣнія и культурныхъ сферъ общества, такъ какъ духовное состояніе простолудина во многомъ близко къ тому состоянію, въ какомъ находится и весь народъ, изъ котораго выдѣлилось образованное общество, неизбежно удержавшее въ себѣ, однако, коренныя народныя свойства, унаслѣдованныя отъ предковъ, и притомъ же духовная связь образованнаго общества съ массою простонародья не разрывается, если только первое не усваиваетъ чужого языка и чужой народности и не отрѣзывается совершенно отъ своего корня. У насъ образованное общество, при всѣхъ отличіяхъ отъ народа, даже при напускномъ пренебреженіи къ родной рѣчи, гораздо болѣе заимствовало отъ простаго русскаго народа, чѣмъ ему давало.

Русская народность дѣлится на двѣ вѣтви: южно-русскую (иначе мало-русскую) и сѣверно-русскую (иначе великорусскую). Этнографическое различіе между ними такъ велико, что народная пѣсенность той и другой должна разсматриваться отдѣльно. Мы займемся южно-русскою.

Языкъ южно-русскій, составляя одно изъ нарѣчій славянскихъ, раздѣляется на три нарѣчія: украинское (самое распространенное), полѣсько-сѣверское (отличное отъ перваго нѣкоторыми фонетическими особенностями, изъ которыхъ самое видное перемѣна гласныхъ не въ мягкое *i*, какъ въ украинскомъ, а въ средній звукъ *и*, а иногда въ *у*) и червоно-русское или русинское (одинакое по фонетикѣ съ украинскимъ, но отличающееся отъ него нѣкоторыми грамматическими особенностями, между прочимъ—постановкою возвратнаго *ся* впереди глагола, къ которому принадлежитъ, удержаніемъ вспомогательнаго глагола въ прошедшихъ временахъ глаголовъ—«*ходивъ емъ*», какъ въ славяно-церковномъ, сохраненіемъ твердаго знака вмѣсто мягкаго при окончаніи третьяго лица настоящаго времени глаголовъ, напр., *стоитъ* вм. *стоить*, а также достаточнымъ запасомъ словъ, ему только принадлежащихъ, неупотребительныхъ въ украинскомъ и полѣсько-сѣверскомъ). Тонкій наблюдатель можетъ въ каждомъ изъ этихъ нарѣчій подмѣтить разнорѣчія, замѣтныя, впрочемъ, на пограничныхъ рубежахъ нарѣчій, вслѣдствіе перелива признаковъ одного нарѣчія въ другое или переселенія жителей. Особое разнорѣчіе у южно-руссовъ, живущихъ въ Венгріи, еще мало обследованное, хотя принадлежитъ къ червоно-русскому нарѣчію, но имѣетъ свои признаки, любопытныя по близости къ древнему языку. Всѣ три нарѣчія не представляютъ между собою такой разницы, чтобы говорящіе ими не понимали другъ друга

или могли признавать одни других за иной народъ. Литературныя произведенія, писанныя въ Россіи всѣ на украинскомъ нарѣчій, читаются съ равнымъ наслажденіемъ и въ Галиціи. На всѣхъ трехъ нарѣчійхъ поется множество пѣсень одного содержанія, одного духа и размѣра, хотя въ разныхъ вариантахъ. Въ Червоной Руси, кромѣ большинства пѣсень, общихъ для всего южно-русскаго края, есть запасъ и своихъ мѣстныхъ, сколько намъ извѣстно, такихъ, какиихъ нѣтъ въ другихъ краяхъ; таковы нѣкоторыя изъ колядокъ, замѣчательныя по своей древности, коломійки—афористическія коротенькія пѣсни, былевыя пѣсни о событіяхъ, случившихся въ Галиціи. Какъ въ Галиціи, такъ и въ западной Украинѣ есть пѣсни, сочиненныя въ полупольскомъ тонѣ и до нѣкоторой степени приобрѣвшія популярность. Подобно тому, въ мѣстахъ, гдѣ южно-русская народность соприкасается съ сѣверно-русскою, возникаютъ пѣсни съ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ сѣверно-русскаго элемента. Кромѣ того, развѣтвленіе пѣсень въ разныхъ краяхъ, отдаленныхъ одинъ отъ другого, доходитъ до того, что варианты одной и той же пѣсни съ перваго раза кажутся пѣснями отдѣльнаго мѣстнаго происхожденія.

Всѣ пѣсни могутъ быть раздѣлены на три главныхъ отдѣла: обрядныя, былевыя и бытовыя.

Обрядныя раздѣляются на два вида: а) относящіяся къ временамъ года и б) относящіяся къ семейной жизни. Къ первому виду принадлежатъ: весеннія пѣсни—веснянки, болѣею частью съ играми; лѣтнія: троицкія и петривочныя, купальскія—принадлежація къ народному празднику купала (24 іюня); рабочія: гребецкія, заживныя и (не вездѣ) обжиночныя съ обрядами, отправляемыми по уборкѣ хлѣба,—наконецъ, колядки—пѣсни святочныя—и щедрівки, которыя поются наканунѣ новаго года. Ко второму виду принадлежатъ свадебныя, которыхъ чрезвычайное множество, колыбельныя, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ особенныя пѣсни при крестинахъ и, наконецъ, погребальныя или причитанья.—Былевыя пѣсни по формѣ распадаются на два отдѣла: а) собственно пѣсни, которыхъ содержаніе составляетъ какое-нибудь событіе, и б) думы. Слово дума въ народѣ, сколько мы знаемъ, не употребительно: это слово сочиненное; но такъ какъ оно получило гражданство въ литературѣ, то мы оставляемъ его. Думою называется такое повѣствованіе, которое излагается мѣрною рѣчью съ приемами, расположенными такъ, что одна повторяется нѣсколько разъ сряду. Количество слоговъ между приемами неравномѣрное. Нельзя думу назвать стихами въ нашемъ смыслѣ, но нельзя назвать и прозою: когда дума поется, тотчасъ видно, что это не проза, и раздѣленіе рѣчи на стихи опредѣляется интонаціею пѣнія. Думы поютъ только слѣпцы, сопровождая звуками бандуры или кобызы; этому даже учатся, какъ особому искусству. Свойственныя эпической поэзіи повторенія очень обычны въ думахъ. Думы проникнуты одною мыслью и представляютъ нѣкоторую стройность, но развѣтвляются на варианты, какъ и пѣсни. Способъ ихъ пѣнія склоняется къ речитативу, но не отличается монотонностью великорусскихъ былинъ,—это все-таки пѣніе; бандуристы не всѣ думы поютъ однимъ и тѣмъ же голосомъ и стараются придать различную экспрессию повышеніемъ и пониженіемъ голоса, скоростью и медленностью пѣнія. Съ сказкою думы не имѣютъ ничего общаго: въ нихъ господствуетъ историческая жизненная стихія, чудснаго и превеличеннаго нѣтъ, исключая вариантовъ явно съ позднѣйшими передѣлками. Хотя многое отличаетъ ихъ отъ остальныхъ пѣсень, но еще больше признаковъ,

побуждающих причислять ихъ къ пѣснямъ. Самъ народъ отличаетъ ихъ отъ другихъ пѣсенъ настолько же, насколько иные роды пѣсенъ, оставаясь несомнѣнно пѣснями, отличаются другъ отъ друга. Такимъ образомъ, если думы поются исключительно бандуристами и кобзарями, и притомъ не иначе, какъ съ музыкою, то есть пѣсни, которыя также поются подъ извѣстными условіями, не иначе, какъ извѣстнаго рода лицами и при опредѣленныхъ обстоятельствахъ: напримѣръ, свадебныя пѣсни поются только дѣвцами, составляющими группу спутницъ невѣсты—дружками, веснянки также дѣвцами не иначе, какъ весною, а колядки и щедривки не иначе, какъ зимою на святкахъ.

Самый важнѣйшій признакъ, побуждающій признавать думы пѣснями, есть тотъ, что всѣ онѣ проникнуты чувствомъ, и главною ихъ цѣлью возбуждать чувство. Этотъ признакъ въ думахъ бросается въ глаза даже болѣе, чѣмъ въ пѣсняхъ, гдѣ иногда чувство скрывается подъ свойственными народной поэзіи символическими изображеніями.

Былевья пѣсни въ южно-русской поэзіи не имѣютъ той плавности разсказа, какою отличаются думы; въ нихъ болѣе преобладаетъ и, главное, непосредственнѣе выказывается драматическая форма.

Бытовья пѣсни съ меньшею строгостью и точностью могутъ быть раздѣлены на отдѣлы, чѣмъ былевья и обрядныя; одна и та же пѣсня можетъ принадлежать къ двумъ и нѣсколькимъ изъ разрядовъ, на которые мы захотимъ ихъ раздѣлять; кромѣ того, не всегда строго можно отличить бытовую пѣсню отъ небытовой, такъ какъ драматическая форма, особенно свойственная южно-русской народной поэзіи, преобладаетъ вездѣ, и нерѣдко бытовая пѣсня изображаетъ какъ будто какое-то событіе, такъ что причислять ее къ бытовымъ можемъ мы только на томъ основаніи, что изображаемое въ ней событіе оказывается повседневымъ и всеобщимъ явленіемъ бытовой жизни. Мы въ числѣ бытовыхъ пѣсенъ различаемъ пѣсни козацкія, изображающія обычныя и повседневныя явленія козацкой жизни; къ нимъ подходятъ и нѣкоторыя думы, которыя хотя и воспѣваютъ опредѣленное событіе, но такое, которое слишкомъ часто могло повторяться; прощаніе козака съ семьею или съ милою женщиною и смерть козака—самыя обычныя темы этихъ пѣсенъ. За ними слѣдуютъ чумацкія пѣсни, потому пѣсни бурлацкія или сиротскія: бурлакъ—бездомный и безсемеинный молодець—составляетъ особый типъ въ народной поэзіи; потомъ—пѣсни рекрутскія, въ которыхъ всегда почти представляется скорбь разлуки рекрута съ семьею и семьи о судьбѣ его; за ними—пѣсни поселянскія, изображающія общественныя условія быта поселяннина: здѣсь всего любопытнѣе тѣ, которыя касаются крѣпостнаго права; наконецъ, слѣдуютъ два самыхъ плодovitыхъ разряда бытовыхъ пѣсенъ: пѣсни семейно-родственныя и пѣсни любовныя, и эти пѣсни всего труднѣе подчиняются строгому отдѣленію отъ прочихъ, такъ какъ многія изъ нихъ въ равной степени могутъ относиться къ различнымъ ступенямъ народнаго быта и жизни. Мы коснулись этой классификаціи только для того, чтобъ уяснить наши указанія на пѣсни, такъ какъ намъ придется часто дѣлать эти указанія въ ходѣ настоящаго сочиненія; собственно же для нашей цѣли—представить въ пѣсняхъ народа его исторію, эта классификація имѣетъ второстепенное значеніе. Для исторіи, въ ея истинномъ, обширномъ смыслѣ, пѣсня изъ каждаго разряда можетъ доставлять матеріалъ не по одной ея принадлеж-

ности къ этому разряду, а по различнымъ жизненнымъ чертамъ, разбѣяннымъ по всѣмъ вообще пѣснямъ.

Прямыми важнѣйшими источниками для знакомства съ пѣсенностью южно-русского народа, при составленіи настоящаго труда, служили намъ, во-первыхъ, печатные, а, во-вторыхъ, рукописные сборники.

Важнѣйшіе изъ печатныхъ были слѣдующіе:

1. Три сборника М. А. Максимовича: одинъ, изданный подъ названіемъ «Малороссійскія пѣсни» въ 1826 г., другой—«Украинскія пѣсни», изданный въ 1834 г.; третій, изданный подъ названіемъ: «Сборникъ украинскихъ пѣсенъ. Отдѣлъ первый. Украинскія думы» въ 1849 г.

2. «Запорожская Старина» И. Срезневскаго, въ 2 ч. 6 тетр. 1833—38.

3. «Малороссійскія и червоно-русскія думы и пѣсни». 1836. (Изданы г. Лукашевичемъ безъ имени автора).

4. «Народныя южно-русскія пѣсни» Амвросія Метлинскаго. 1854.

5. «Писни украинського люду». Д. Лавренка. 1864. (Помѣщены только любовныя).

6. «Записки о Южной Руси». Кулиша. 1856.

7. «Українські писни». Баллиної. Харьковъ. 1863.

8. «Сборникъ памятниковъ народнаго творчества въ сѣверо-западномъ краѣ», изд. подъ редакцію г. Гильтебранта. 1866.

9. Очень богатый сборникъ галицкихъ пѣсенъ, напечатанный въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей въ разныхъ нумерахъ съ 1863 по 1866 г. включительно. Сюда вошли пѣсни изъ прежде изданныхъ галицкихъ сборниковъ: Вацлава изъ Олеска (Piesni Polskie i Ruskie ludu Galicyjskiego. 1833), Жеготы Паула (Piesni ludu Ruskiego w Galicyi. 1840); Русалки (Русалка Днистровая. 1841); Русской свадьбы (Ruskoje wesile opisanoje przez J. Lozińskiego. 1835).

Кромѣ печатныхъ источниковъ, у автора этого сочиненія было подъ рукою значительное рукописное собраніе пѣсенъ, записанныхъ имъ самимъ въ разныхъ краяхъ, населенныхъ южно-русскимъ народомъ еще въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія; одна часть изъ нихъ, именно пѣсни, записанныя на Волыни, была напечатана въ Малорусскомъ сборникѣ, изданномъ г. Мордовцевымъ (этотъ печатный сборникъ сильно пострадалъ отъ цензора, который, находя въ этихъ пѣсняхъ на каждомъ шагѣ не нравственное и неприличное, вычеркивалъ и цѣлыя пѣсни, и мѣста изъ пѣсенъ и черезъ то изуродовалъ ихъ); нѣкоторыя сообщены были собирателемъ покойному А. Л. Метлинскому и поступили въ его сборникъ; остальные нигдѣ не были напечатаны (и передадутся для напечатанія Географическому Обществу). Независимо отъ этого, сверхъ того, г-жа М. А. Маркевичъ передала автору этого сочиненія довольно значительное количество пѣсенъ, записанныхъ отчасти ею, а также ея покойнымъ супругомъ, А. В. Маркевичемъ; передъ самымъ уже приготовленіемъ къ печати сообщилъ ему сборникъ пѣсенъ Д. К. Морозъ. Наконецъ, профессоръ Дерптскаго университета А. А. Котляревскій удѣлилъ автору право пользоваться для настоящаго труда сборникомъ думъ, записанныхъ въ началѣ текущаго, а можетъ быть еще и въ концѣ прошедшаго столѣтія. Авторъ считаетъ долгомъ изъявить всѣмъ этимъ лицамъ свою благодарность. Въ послѣднее время русское Географическое Общество предприняло издать сборникъ какъ пѣсенъ, такъ и другихъ

памятниковъ народной южно-русской словесности, собранныхъ по порученію общества и приведенныхъ въ порядокъ П. П. Чубинскимъ. Намъ извѣстна только часть этого богатаго собранія.

Мы выше сказали, что пѣсни подвергаются тѣмъ же измѣненіямъ, какія испытываетъ народная жизнь. Естественно, эти измѣненія и опредѣляемые ими періоды народной жизни живо отражались въ пѣсняхъ, но самая близость пѣсень къ жизни дѣлается причиною ихъ исчезанія. По мѣрѣ того, какъ перестаютъ дѣйствовать на народъ условія прежняго, но уже измѣненнаго строя жизни, перестаютъ дѣйствовать на его сердце и воображеніе пѣсни, вытекавшія изъ впечатлѣній, полученныхъ подъ вліяніемъ этого строя, и забываются. Если бы пѣсни записывались въ прежнія времена, то, конечно, мы бы имѣли въ нихъ самую богатую, вѣрную и полную картину народной жизни того періода, въ которомъ возникали. Но этого не было. Пѣсни исчезали за явленіями, ихъ вызывавшими, некому было ихъ сохранять въ безграмотномъ народѣ, когда онѣ болѣе не удовлетворяли этого народа. И теперь до насъ дошли только остатки прежняго въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ; слѣды прошлаго отражаются въ нихъ настолько, насколько вліяніе самыхъ жизненныхъ признаковъ, съ которыми эти пѣсни состояли въ связи, напечатлѣлось на жизни послѣдующихъ поколѣній; чѣмъ болѣе времени проживалъ народъ, удаляясь отъ прошедшаго, тѣмъ это прошедшее теряло для него свои подробности, оставляя въ народной жизни только главные черты, и періоды прошлаго въ народныхъ пѣсняхъ отражаются только самыми продолжительными временами и общими чертами. Такимъ образомъ, все прошедшее южно-русскаго народа въ его пѣсняхъ выражается: 1) *періодомъ язычества или отдаленной древности*, 2) *періодомъ княжескимъ* или вообще историческимъ *до-козацкимъ*, 3) *періодомъ козичества* и, наконецъ, 4) *періодомъ по-козацкимъ* ¹⁾.

¹⁾ Мы избрали для малорусскихъ пѣсень, которыя по необходимости должны будутъ приводиться въ настоящемъ сочиненіи, правописаніе, состоящее въ томъ, что мягкое *и* выражается буквою *і*, твердое—буквою *и*, а буква *е* выговаривается твердо, исключая послѣ гласныхъ.

Примѣчаніе редакціи. По независящимъ отъ редакціи обстоятельствамъ, правописаніе, указанное авторомъ, измѣнено.

I.

Періодъ языческій. — Отдаленная древность.

Наши свѣдѣнія о язычествѣ нашихъ предковъ столько же скудны, сколько и неясны. Намъ остались названія языческихъ божествъ, которыя намъ не вполне понятны или вовсе непонятны. О большинствѣ этихъ божествъ и вообще мифологическихъ названій трудно окончательно сказать: народныя ли они или заимствованныя, были ли они въ уваженіи у цѣлой массы или только у одного класса народа; равнымъ образомъ трудно рѣшить, въ какой степени мы имѣемъ право прилагать къ своей языческой древности извѣстія о язычествѣ другихъ славянъ. Но кромѣ извѣстій о мифологическихъ божествахъ и способѣ поклоненія имъ, извѣстій темныхъ, есть въ нѣкоторыхъ памятникахъ хотя немногочисленныя, но, сравнительно, болѣе ясныя указанія на обожаніе природы вообще, важныя преимущественно оттого, что ихъ смыслъ объясняется нашими пѣснями. Такъ, напримѣръ, намъ прямо говорятъ, что предки наши обожали стихіи, небесныя свѣтила, огонь (напримѣръ, у Кирилла Гуровскаго: уже не нарекоша Богомъ стихія, ни солнце, ни огонь; или у другого: и огневи молятся, зовуть его сварожичемъ), воду, деревья, животныхъ (напримѣръ, въ словѣ Григорія: «Овъ требу створить на студеньци, дъжда иски отъ него... овъ рѣку богинею нарицаеть и звѣрь живущъ въ ней яко Бога нарицаа»; или у Іоанна пророка: «еже жрутъ бесомъ, болотомъ и колодеземъ»; или въ лѣтописи: «бяху же тогда поганіи жруще озеромъ, кладяземъ и рощеніемъ», или въ разныхъ порченіяхъ: «уже бо не нарекутся богомъ древеса», «жертву приносяще огневи и камелію, и рѣкамъ и источникамъ и берегинымъ»; или въ уставѣ Владимира: «аще кто молится подъ овиномъ или у рощенія или у воды»; или въ житіи Константина Муромскаго: «дуплинамъ древянымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и симъ поклоняющеса», и проч.). Кромѣ прямыхъ указаній, есть много еще такихъ, которыя, при сопоставленіи ихъ между собою и съ народными вѣрованіями, обычаями, пѣснями, приводятъ также къ несомнѣнному убѣжденію въ томъ, что предки наши обожали природу; слѣды этого обожанія остались въ народной поэзіи такъ, какъ, быть можетъ, многіе и не допускаютъ.

Отличительная и господствующая черта поэтического воззрѣнія въ нашихъ южно-русскихъ народныхъ пѣсняхъ есть символизанія природы. Подъ именемъ символа мы разумѣемъ образное выраженіе нравственныхъ идей посредствомъ

нѣкоторыхъ предметовъ физической природы, причѣмъ этимъ предметамъ при дается болѣе или менѣе опредѣленное духовное свойство. Такого рода воззрѣніе не могло возникнуть иначе, какъ въ глубокой древности, въ періодъ юношескаго состоянія народа. Пѣсня въ моментъ своего образованія выражаетъ только то, что чувствующая и творящая сила души считаетъ правдою, во что вѣрить, а вѣрить въ духовное свойство воды, деревьевъ, камней—человѣкъ могъ только при условіяхъ пребыванія въ слишкомъ юношескомъ состояніи своего духовнаго развитія. Одухотвореніе или — что совпадаетъ у юнаго народа — обоготвореніе разныхъ явленій физической природы составляло, по всему видно, сущность нашей мифологіи. Это, однако, не было уже признакомъ первобытнаго, младенчествующаго состоянія. Еще прежде, чѣмъ человѣкъ сталъ придавать то и другое духовное качество разнымъ предметамъ, встречаемымъ въ окружающей его природѣ, и такимъ образомъ создавалъ для себя въ ней символы, онъ относился ко всей природѣ во всей цѣлости, не отличая въ ней частей и образовъ, обращаясь ко всему безразлично. Раздѣленіе представленій совершалось постепенно: прежде для него существовала только вода, а потомъ уже онъ различалъ рѣки, озера, источники, болота. Точно такъ же было время, когда человѣкъ относился ко всѣмъ деревьямъ вообще, какъ къ лѣсу, а потомъ уже началъ отличать дубъ, липу, кленъ и т. п., или къ птицамъ вообще, какъ къ летающимъ существамъ, а потомъ уже выдѣлилъ изъ нихъ кукушку, орла, голубя и проч. И теперь еще можно замѣтить, какъ простолюдинъ, выдѣляя изъ огромной массы травъ такія, которыя то тѣмъ, то другимъ обратили на себя его вниманіе, относится безразлично ко множеству такихъ, для которыхъ у него нѣтъ особаго названія, повидимому не желая себѣ задавать труда отыскивать въ нихъ особенности и означая ихъ общимъ именемъ — трава: *«такъ себѣ, трава»*, говоритъ онъ. Древній человѣкъ, у котораго восприимчивость къ явленіямъ природы была сильнѣе, привыкшій видѣть въ цѣлой природѣ себя и не отдѣлять себя отъ природы, соединялъ съ выдѣлѣвшимися въ его созерцаніи явленіями и предметами природы особые признаки и явленія своего нравственнаго міра: раздѣленіе признаковъ послѣдняго развивалось вмѣстѣ съ раздѣленіемъ признаковъ окружающей его природы. Такимъ образомъ, во-первыхъ, въ силу качествъ, заключавшихся во внѣшнихъ предметахъ и вызывавшихъ сообразныя впечатлѣнія въ человѣческой душѣ, а во-вторыхъ, въ силу отношеній, въ какія былъ человѣкъ поставленъ къ этимъ внѣшнимъ предметамъ, они стали дѣлаться для человѣка символами; вмѣстѣ съ тѣмъ человѣкъ создавалъ объ этихъ предметахъ мифы, вымышленныя событія изъ нравственнаго міра примѣнительно къ этимъ физическимъ предметамъ. Мифы и символы обусловливаютъ и взаимно производятъ другъ друга. Мифъ, соединенный съ какимъ-нибудь предметомъ физической природы въ сознаніи человѣка, сообщаетъ этому предмету постоянное присутствіе того духовнаго значенія, которое заключается въ самомъ мифѣ.

Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи мифологіи въ человѣчествѣ было отложеніе мифовъ отъ тѣхъ предметовъ физической природы, съ которыми они были связаны, и полное ихъ облеченіе въ идеальныя человѣческія формы. Такъ, въ греческой мифологіи Зевсъ означалъ небо, Аполлонъ—солнце, Артемида — луну, Посейдонъ—воду, Гефестъ—огонь и проч. Но эти мифическія существа отличались уже отъ тѣхъ физическихъ предметовъ, которые означали и съ которыми прежде были нераздѣльны; они стали человѣкообразными владыками, богами

надъ тѣми предметами, которыми они были сами. Вслѣдъ затѣмъ воображеніе устроило между ними семейную жизнь, разныя связи и отношенія, создало для нихъ исторію, примѣнило къ опредѣленнымъ мѣстностямъ ихъ подвиги и мнимыя событія, происходившія съ ними. Затѣмъ начали твориться и плодиться новыя божества, которыхъ значеніе соединялось уже не съ предметами, непосредственно ощущаемыми посредствомъ чувствъ, но съ свойствами, признаками и дѣйствіями, постигаемыми посредствомъ размышленія: такъ производительная сила природы явилась въ личности Афродиты, а половое влеченіе приняло образъ ея неизмѣннаго сопутника Эроса; борьба въ природѣ нашла себѣ олицетвореніе въ Арѣѣ; быстрота воздушныхъ перемѣнъ, въ сопоставленіи съ измѣняемостью житейскихъ положеній человѣка — въ Гермесѣ; таинственный мракъ смерти преобразился въ Плутона со всѣмъ его подземнымъ царствомъ; земледѣльческая культура чело-вѣческаго общества олицетворилась въ Димитрѣ, а чело-вѣчскій разумъ сталъ поклоняться своей могучей красотѣ въ образѣ прекраснѣйшей, непорочной дѣвы—Аѳины. У нашихъ предковъ процессъ отложенія миеовъ отъ предметовъ физической природы и ихъ чело-вѣческаго обособленія не совершился и, вѣроятно, едва только начинался: это наглядно подтверждается символическою природою въ нашихъ пѣсняхъ,—символическою, вполне соответствующею болѣе ранней, хотя и не самой первой ступени миеологическаго развитія. Несомнѣнное отсутствіе жрецовъ и храмовъ у нашихъ предковъ, а слѣдовательно, и недостатокъ положительной религіи совмѣстны только съ этою раннею ступеню. Иностранныя названія нѣсколькихъ божествъ, которыхъ истуканы, по свидѣтельству нашей древней лѣтописи, были поставлены въ Кіевѣ уже не задолго до господства христіанства,—названія Мокوشي, Хорса, Симарегла и, вѣроятно, Перуна—заставляютъ полагать что зачатки положительной религіи привносились къ намъ извнѣ и не успѣли пустить корней въ народѣ. Отъ нихъ не осталось никакихъ слѣдовъ. Названія Дажьбога и Стрибога, безспорно, славянскія (мы оставляемъ подъ сомнѣніемъ загадочнаго Велеса, требующаго особаго ученаго разъясненія); но, насколько они намъ извѣстны, эти миеическія существа, должно быть, находились еще въ тѣсной связи съ физическими предметами. Дажьбогъ значилъ солнце, Стрибогъ—дѣдъ или отецъ вѣтровъ (въ малорусской сказкѣ «витривъ батко»), предполагаемую силу, производящую вѣтры. Если, какъ вѣроятно, о нихъ (особенно о первомъ, такъ какъ въ «Словѣ о полку Игоря» Дажьбогъ является прародителемъ, а въ лѣтописи онъ сравнивается съ подобнымъ существомъ у египтянъ, царствовавшимъ на землѣ, слѣдовательно, можно предполагать, что существовали какіе-нибудь миеы о воплощеніи солнца и вообще о пребываніи его на землѣ въ чело-вѣческомъ видѣ) и были миеы, соответствующіе процессу отложенія отъ физическаго предмета, то эти миеы должны были принадлежать къ числу первообразныхъ и малоразвитыхъ миеовъ чело-вѣчества; въ противномъ случаѣ, они, во-первыхъ, пустили бы отъ себя отпрыски другихъ развѣтвленныхъ миеовъ, во-вторыхъ, они едва ли бы могли такъ утратиться, не оставивъ важнаго вліянія и отпечатка на народѣ, такъ долго сохранявшемъ слѣды пріемовъ языческой жизни. Есть извѣстіе объ обоготвореніи огня подъ миеическимъ названіемъ Сварожича: «и огневи молятся, зовуть его Сварожичемъ»; но изъ этого самаго извѣстія очевидно, что миеическое названіе давалось самому веществу огня; такимъ образомъ, божество огня, нашъ Гѣфестъ, не отложилось еще отъ своего матеріала.

Остатки древних мифических названий в наших пѣсняхъ очень незначительны. Къ нимъ принадлежатъ: имя Ладо, обыкновенно встрѣчаемое въ весеннихъ пѣсняхъ съ приѣвками: лелю-Ладо, и диду-Ладо; имя Купала—въ смыслѣ народного праздника (по всѣмъ вѣроятіямъ, въ древности отправлявавшегося въ честь солнца и воды); имя Морена—олицетвореніе воды или моря и вмѣстѣ — смерть, убивающая сила; быть можетъ, сюда отнести слѣдуетъ и приѣвъ «ой дай Боже!», часто употребительный въ колядкахъ, допуская, что здѣсь сохранилось древнее призываніе Дажьбога, хотя, съ другой стороны, сомнѣніе въ справедливости такого толкованія не будетъ лишено оснований.

При такой скудости всего того, что можетъ указывать на признаки обособленія мифовъ и отложенія ихъ отъ предметовъ физической природы, съ которыми они были связаны, природа является въ этихъ пѣсняхъ съ глубоко-древнимъ символическимъ и мифическимъ характеромъ. Со многими предметами до сихъ поръ соединяются мифы, хотя большею частью въ неясныхъ обломкахъ. Но еще болѣе въ южно-русскихъ пѣсняхъ со многими изъ явленій и предметовъ физической природы связано символическое значеніе. Мы, конечно, не станемъ утверждать, чтобы вся символика существующихъ теперь пѣсень была тою же и такою же, какою она была въ отдаленной языческой древности; многое утратилось, другое сбилось, перепуталось, иное видоизмѣнилось подъ вліяніемъ позднѣйшихъ условий или, оставаясь въ сущности древнимъ, до такой степени укрылось подъ новѣйшимъ способомъ выраженія, что уже кажется новымъ явленіемъ. Не слѣдуетъ забывать того, что народъ послѣ принятія христіанства продолжалъ жить съ прежними языческими возрѣніями и привычками, сохранившимися до сихъ поръ, но въ то же время подвергался и вліянію своей слѣдующей исторіи. Эта живучесть древняго язычества, способствуя сохраненію главной сути старины, въ то же время способствовала и измѣняемости въ формахъ выраженія; древнія поэтическія міровозрѣнія не могли сберегаться, какъ археологическія драгоценности; они не были предметомъ благоговѣйныхъ воспоминаній объ отжившемъ, давно минувшемъ; они продолжали вращаться въ дѣйствительной духовной жизни народа и потому неизбежно должны были подчиняться жизненному потоку и подвергаться видоизмѣненіямъ; отъ этого инны формы возникали вновь, но непремѣнно на старой подкладкѣ. Ниже, при изложеніи символикы, мы увидимъ, что нѣкоторыя символическія растенія въ Малороссіи носятъ латинскія названія, но самая ихъ символика и приемы, съ которыми она проявляется въ народной поэзіи, заставляютъ насъ видѣть въ сущности древнюю туземную основу. Вообще приемы отношеній человѣка къ природѣ въ южно-русскихъ пѣсняхъ таковы, что могли образоваться только во времена господства мифологическихъ возрѣній въ духовной жизни народа. Нѣтъ описаній ради самыхъ описаній, исключая развѣ самыхъ новѣйшихъ пѣсень; предметы физической природы всегда почти являются въ сопоставленіи съ явленіями нравственнаго человѣческаго міра; часто человѣкъ говоритъ съ ними, какъ съ подобными себѣ по разуму существами, часто и они отзываются ему человѣческимъ языкомъ, да и они сами между собою нерѣдко обращаются, какъ существа мыслящія и чувствующія по-человѣчески. Инны, сохраняя постоянно одинъ главный символическій смыслъ, служатъ какъ бы іероглифами для выраженія человѣческихъ ощущеній. Однимъ изъ позднѣйшихъ видоизмѣненій, вѣроятно, слѣдуетъ считать сопоставленіе по созвучію, когда предметъ физической

природы приводится, потому что его названіе созвучно съ какимъ-нибудь словомъ въ изображеніи человѣческаго состоянія; но и здѣсь едва ли можно искать причины такой формы въ одномъ только созвучіи и часто не трудно бываетъ подмѣтить, что сопоставляемый предметъ своимъ свойствомъ или обычнымъ уже символическимъ значеніемъ производилъ впечатлѣніе, которое способствовало появленію формы сопоставленія по созвучію. Однимъ словомъ, при всѣхъ неизбѣжныхъ отпечаткахъ, какіе наложили послѣдующія времена на символику народа, безспорно истекающую изъ отдаленной древности, она въ южно-русскихъ пѣсняхъ сохранила свои глубоко древніе основы и приемы, что можетъ еще служить превосходнымъ источникомъ для уразумѣнія духа народа въ эпоху сѣдой древности, особенно при совмѣстномъ изученіи другихъ памятниковъ народнаго слова. Мы, однако, не касаемся послѣднихъ, такъ какъ цѣль наша—представить только то, что даютъ намъ исключительно пѣсни. Отсюда само собою разумѣется, что трудъ нашъ не будетъ ученымъ изслѣдованіемъ о язычествѣ и языческой древности нашихъ предковъ; довольно будетъ того, если, какъ мы надѣемся, изслѣдователи этой древности найдутъ въ немъ указанія, болѣе или менѣе приведенныя въ порядокъ, на драгоценный и едва ли чѣмъ-либо замѣнимый матеріалъ для своихъ изслѣдованій.

Изъ всѣхъ славянскихъ пѣсней южно-русскія особенно богаты и важны для древней символики, гораздо богаче великорусскихъ. Мы рѣшили изложить здѣсь народную символику, насколько она высказывается въ этихъ пѣсняхъ, раздѣливъ ее, сообразно естественной классификаціи и предметовъ, на четыре отдѣла: 1) символика небесныхъ тѣлъ и воздушныхъ явленій, 2) символика земли, мѣстностей и воды, 3) символика растений и 4) символика животныхъ.

Небесная свѣтила.—Солнце, луна и звѣзды чаще всего встрѣчаются въ колядкахъ, особенно всѣ виды вмѣстѣ. Это побуждаетъ думать, что празднество Рождества Христова замѣнило у нашихъ предковъ такое языческое празднество, которымъ чествовались небесныя свѣтила. Иногда солнце и мѣсяцъ, вмѣсто звѣздъ, являются съ дождемъ и вѣтромъ, иногда солнце съ мѣсяцемъ безъ звѣздъ.

Въ колядкахъ, особенно карпатскихъ, мы усматриваемъ слѣды мифологической исторіи, соединенной съ чествованіемъ небесныхъ свѣтилъ. Божья мать идетъ по «давней» тропинкѣ; ищетъ она своего сына. Она встрѣчаетъ свѣтлое солнце.—Помогай Богъ, мать Божія! говоритъ ей солнце.—Дай Богъ тебѣ здоровья, свѣтлое солнышко! отвѣчаетъ ему Божія мать.—Ты, солнышко, высоко свѣтишь, далеко видишь,—не видало ли ты моего сына?—Солнце отвѣчаетъ ей: Не видало, не слыхало.—Идетъ она дальше и встрѣчаетъ мѣсяцъ. То же привѣтствіе, тотъ же вопросъ. Мѣсяцъ отвѣчаетъ то же, что солнце.—Божія мать встрѣчаетъ звѣздочку:—Ты, звѣздочка, высоко восходишь, далеко видишь,—говоритъ она,—не видала ли ты моего сына?—Звѣздочка отвѣчаетъ: И видала, и слыхала, онъ стоитъ на горной равнинѣ и устраиваетъ свадьбу¹⁾.

¹⁾ Ой доловъ, доловъ на колонины,
Славень си, нашъ милый Боже,
На високости славень есь!

Тамъ ми лежить давно стежейка,
Ой ишла ми нѣвъ Бижаа мати,
А стричать ей свѣтае сонейко,

Что здѣсь Божія матеръ (вѣроятно) замѣнила собою другое опенское языческое божество, видно изъ того, что въ другой колядкѣ то же самое, что здѣсь; относится ко вдовицѣ, и конецъ пѣсни нѣсколько иной. — И здѣсь сынъ той, которая о немъ спрашиваетъ, устраиваетъ свадьбу, но уже ясно — себѣ; у него, Иваненька, какъ онъ называется въ этомъ вариантѣ, сваты — лѣсныя птицы, соловьи — музыканты; мелкая рыба ему жена, а водяная лоза дружина ¹⁾.

Бигъ помогай, Бигъ, Бижая мати!

„Боже, дай здоровья свитле сонейко!

„А ти, сонейко, високо свитишь,

„Високо свитишь, далеко видишь,

„Цись не видило моего сина?

— Нить, не видило, нить, не слыхало. —

Ой пишла жъ она дале стежейковъ,

Ой стричать ей ясень мисячокъ.

— Бигъ, помогай Бигъ, Бижая мати!

„Боже дай здоровья, ясень мисячокъ!

„А ти, мисячку, високо свитишь,

„Високо свитишь, далеко видишь.

„Ци есь не видивъ моего сина?

— Нить, я не видивъ, нить, я не слыхавъ.

Ой пишла жъ она дале стежейковъ.

Та стричать ей ясна зирничка,

— Бигъ помогай ти, Бижая мати!—

„Боже, дай здоровья, ясна зирничко.

„А ти, зирничко, високо сходишь,

„Цись не видила моего сина?

— Ой я видила, ой я слыхала,

Ой доловъ, доловъ на полонини,

Тамъ овинъ стоить, весилля строить.

(Чт. 1864. I, 38).

¹⁾ Ходить вдовойка, глядять синойка,

Ей стричать ей свитле сонейко:

„Бигъ, помогай Бигъ, свитле сонейко!

— Боже, дай здоровья бидна вдовице!

„А ти, сонейко, яснейко свитишь,

„Яснейко свитишь, далеко видишь.

„Цись не видало мого синойка,

„Мого синойка, ей Ивановка“.

— Нить, не видало, нить, не слыхало!—

Тотъ же вопросъ дѣлается такимъ же порядкомъ мѣсяцу, а потомъ вдова встрѣчаетъ звѣзду:

„А ти, зирничко, високо сходишь,

„Високо сходишь, далеко видишь,

„Цись не видило мого синойка,

„Мого синойка, ей Ивановка?“

— Ой я видала, ой я слыхала

— Твого синойка, ей Ивановка;

— Ему сваткове—въ лиси птацкове,

— Ему музики—въ лиси словики,

— Ему жинойка—дрібна рибойка,

— Ему дружина—въ води лозина.

(Ibid. 44).

Изъ третьей колядки можно даже предположить, что эта вдовица могла быть не кто иная, какъ то же солнце, а мужъ ея, отецъ новорожденнаго — мѣсяцъ, звѣзды же — его братья, и что при послѣдующемъ смѣшеніи образовъ меньшее существо, играющее здѣсь главную роль, до того отдѣлилось отъ солнца, съ которымъ было тождественно, что даже говоритъ съ нимъ какъ съ постороннимъ. Въ этой колядкѣ Иванцѣ поѣхалъ за горы за виномъ (поѣхавъ до гиръ на вино) или, можетъ быть, за виноградомъ, потому что въ карпатскихъ пѣсняхъ нерѣдко виноградныя ягоды называются виномъ. Встрѣтили его семь разбойниковъ. Они стали вывѣдывать у него, есть ли у него отецъ, мать, братья и сестры, Иванцѣ открываетъ имъ, что у него отецъ — мѣсяцъ, мать — солнце, сестры — звѣзды, да еще прибавилъ брата — сокола, уже не на небѣ, а на землѣ, что, впрочемъ, на символическомъ пѣсенномъ языкѣ означаетъ удалого красиваго молодца ¹⁾).

Не удивительно такое разнообразіе и противорѣчіе въ пѣсняхъ: вообще мифологическое представленіе о солнцѣ вездѣ подвергалось противорѣчивымъ образамъ, — солнце представлялось то мужскимъ, то женскимъ существомъ, то братомъ, то мужемъ, то женою мѣсяца. Мы едва ли ошибемся, если въ этомъ новорожденномъ младенцѣ, о которомъ идетъ рѣчь во многихъ колядкахъ на разные лады, будемъ видѣть рождающійся годъ, возвращающуюся силу жизни, которая проявляется въ природѣ возрастаніемъ солнечной теплоты и у всѣхъ почти племенъ, сколько извѣстно, въ болѣе ясныхъ или тусклыхъ образахъ выразилась представленіемъ о рождающемся божествѣ. Къ этому образу относится также карпатская колядка объ Оленѣ, называемой «Матерью Бога милого», колядка, которой половина есть вариантъ приведенной нами колядки о матери; но послѣ того, какъ звѣздочка объявляетъ матери о ея смѣѣ, начинается описаніе съ христіанскими признаками ²⁾).

- ¹⁾ Поѣхавъ Иванцѣ до гиръ на вино,
Самъ молодъ, гей самъ молодъ,
Самъ молодежкѣй,
У тимъ лисойку у зеленѣйкимъ спочивать;
Подибали жъ го симъ розбійникивъ.
Стали ся его вывыводати:
„Ци маешъ ти, Иванцю, ридногъ батейка?“
— Въ мене батейко—ясенъ мислячокъ!
„Ци маешъ, Иванцю, ридну матинку?“
— Въ мене матинка—ясне сонейко!
„Ци маешъ, Иванцю, ридну сестройку?“
— Въ мене сестройка—ясна зирнойка!
„Ци маешъ, Иванцю, ридного братейка?“
— Въ мене братейко—сивъ соколойко.

(Чт. 1864. I. 53).

- ²⁾ „Эй я видила, ей я стригила,
„Синойка твого, Бога милого,
„Пишовъ же овинъ на монастыря,
„Сами му ся врата й отворили,
„Сами му дзвони передзвонили,
„Сами му свичи та взагаряли,
„Свичи взагаряли, ангели грали.
„Поздри, панночко, у гору високу,

Въ святочныхъ пѣсняхъ поется о построении храма или церкви; въ ней одно окно—солнце, другое—мѣсяцъ, третье—звѣзда или звѣзды. Этотъ образъ мы встрѣчаемъ въ колядкахъ въ разныхъ мѣстахъ Малороссіи обыкновенно съ примѣніемъ солнца къ хозяйкѣ, мѣсяца къ хозяину, а звѣздъ къ его дѣтямъ ¹⁾. Но въ галицкихъ колядкахъ строеніе такой церкви приписывается вороному коню.

Сынъ разгнѣвался на отца и отдѣлилъ для себя изъ стада вороного коня. Стадо пошло на тихій Дунай на золотые мосты. Обвалились золотые мосты, потонуло стадо, погибъ и вороной конь. По этому поводу вспоминаются, отъ лица сына, разгнѣвавагося на отца, достоинства погибшаго коня. «Онъ замѣчалъ все, что я ему покажу: ушами подслушивалъ, глазами считалъ звѣзды, конытами билъ бѣлый камень и строилъ церковь съ тремя окнами и съ тремя дверьми: первое окно—ясное солнце, второе окно—ясный мѣсяцъ, третье—ясная звѣзда; одними дверьми самъ Господь входилъ, другими св. Пречистая, третьими св. Николай» ²⁾.

„А на тій гори три деревини
 „А на тимъ древи крести роблено,
 „Крести роблено, Христа мучено“.
 Поздрила она на гору високу,
 На гори високій три гроби лежить:
 У однимъ гроби лежить самъ Господь,
 А въ другимъ гроби лежить синь Вожій,
 А въ третимъ гроби сама Пречиста;
 Предъ самимъ Богомъ ангели грають,
 Предъ синомъ Божиимъ свичи вграють,
 Предъ святовъ Пречистовъ ружа проквитать.
 А зъ той ружи пташокъ вилятать,
 Пташокъ вилятать по цилимъ свиту,
 По цилимъ свиту то росповидать.

(Чт. 1864. I. 47).

¹⁾ Ой на гори на каминій

Тамъ волохи церкву ставлють,
 Церкву ставлять, викино будують,
 Одно виконце—яснее сонце,
 Друге виконце—ясень мисячокъ,
 Трете виконце—ясни зирки,
 Ясне сонечко—то господина,
 Ясенъ мисячокъ—то господарь,
 Ясни зирочки—то его дяточки.

(Мелл. 343).

²⁾ Ой бо винъ мене добре готовавъ.

А ушеньками слухи слуховавъ,
 А оченьками звизди раховавъ,
 А копитами бидь-каминь лулавъ,
 Бидь каминь лулавъ, церковь муровавъ,
 Съ трома виконцями, съ трома дверцями,
 Одно жъ оконце—ясное сонце,
 Друге жъ оконце—чомъ ясенъ мисяцъ,
 Трете жъ оконце—ясна зирница,
 Одними жъ дверци самъ Господь ходить,
 Другими дверци—свята Пречиста,
 Третими жъ дверци—святой Миколай.

(Чт. 1866. I. 609).

Едва ли можно оспаривать, что личности христіанскаго міра подставлены или представлены послѣ и притомъ до крайности непрочно и некстати. Повидимому, храмъ, въ которомъ окна — солнце, мѣсяцъ и звѣзды, долженъ означать небо, а гнѣвъ сына на отца даетъ поводъ полагать, что въ языческой древности было что-то похожее на борьбу юныхъ божествъ съ старѣйшимъ поколѣніемъ. Чудный конь — выраженіе творческой силы — божескій конь, конечно, стоитъ въ ближайшемъ отношеніи и съ конями Перкуна (deewe sirai) и съ конями Одина и, вѣроятно, еще ближе съ конемъ Свентовита, котораго холили и кормили жрецы при храмѣ этого божества въ Арконѣ.

Безразличное отношеніе звѣздъ къ людской жизни удалило въ пѣсняхъ звѣзды отъ мѣсяца и солнца; онѣ замѣстились дождемъ и отчасти вѣтрами. Въ тѣхъ же карнатскихъ колядакахъ, на которыя мы указываемъ, какъ на самый богатый запасъ остатковъ языческой старины въ народной поэзіи, солнце, мѣсяцъ и дождь являються тремя братьями; мѣсяцу приписывается сила замораживанья, солнцу — размораживанья, а дождь даетъ зелень ¹⁾. Женская личность, которая переименовалась то въ христіанское имя Богородицы, то въ неопредѣленное названіе вдовицы, сама происходитъ изъ источника, который образовался изъ слезъ, падавшихъ изъ очей какого-то лица, которому въ колядкѣ усвоено имя Николая. Она бѣдила ризы и крѣпко заснула; къ ней приходять три гостя неоднакіе: то были солнце, мѣсяцъ и дождь. Солнце хвалитъ себя и говорить: «Нѣтъ никого важнѣе меня: я какъ взойду — освѣщу церкви, костелы и всѣ престолы». Мѣсяцъ говорить: «Нѣтъ никого важнѣе меня: я какъ взойду — освѣщу гостей на дорогѣ, воловъ въ возѣ». А дождь говорить: «Я какъ пойду три раза на яровой хлѣбъ — возрадуются жита, пшеницы и всякая ярина» ²⁾.

- ¹⁾ Зъ за той гори, зъ за високои,
Видни ми виходять трѣхъ бративъ риднихъ:
Едень братцейко — свитле сонейко,
Другий братцейко — ясець мисячокъ,
Третій братцейко — дробень дождчейко,
Мисячокъ ся бере заморозити
Гори й долини и верховини,
Глубокъ поточейки и бистри ричейки;
Сонейко ся бере розморозити
Гори й долини и верховини,
Глубокъ поточейки и бистри ричейки;
Дождчйчокъ ся бере зазеленити
Гори, долини и верховини.

(Чт. 1864. I. 4).

- ²⁾ Эй двори мегени, столи стелени,
А за тимъ столомъ св. Никола,
Головойку схиливъ, слезойку вронивъ,
А зъ той слезойки ясна керничка,
Зъ ясной кернички Богородичка,
Риза билила, твердо заснула!
Пришли до неи гостейки трое,
Гостейки трое не еднакіи,
Едень гостейко — ясне сонейко,
Другий гостейко — ясець мисячокъ,
Третій гостейко — та дробень дождчикъ.

Эти же три гостя въ другой колядкѣ изображаются приходящими къ тому хозяину, которому колядуютъ, и ему говорятъ тѣ же самыя слова о своихъ достоинствахъ, какія говорили Богородицѣ ¹⁾. Въ той же колядкѣ приходитъ въ гости къ хозяину самъ Богъ съ товарищами: первый товарищъ — ясное солнышко, другой — бѣлый мѣсяцъ, а третій — дробный дождикъ. Смыслъ таковъ, что пришествіе Бога знаменуется собственно приходомъ однихъ только этихъ товарищей. Поется еще колядка, гдѣ разсказывается, какъ хозяинъ приготовляетъ столъ и проситъ Бога къ себѣ на вечерю. Въ одно окно свѣтитъ солнце, въ другое — мѣсяцъ, кругомъ ясныя звѣзды. Приходитъ Богъ съ Богородицею и святыми, а хозяинъ угощаетъ Бога зеленымъ виномъ, Богородицу сладкимъ медомъ, а святыхъ производящею горилкою ²⁾. Въ Карпатской ще-

Сонейко гварить: не е надь мене!
 Ой якъ я зйду въ недѣлю рано,
 Поосвичаю церкви, костѣли,
 Церкви, костѣли и вси престולי.
 А мисяцъ, гварить не е надь мене!
 Ой якъ я зйду въ ноци съ ливночи:
 Поосвичаю гости въ дорози,
 Гости въ дорози, волойки въ вози,
 А дожчикъ гварить: не е надь мене!
 Ой якъ я впаду три рази на арь,
 Та зрадуются жита-пшеници,
 Жита-пшеници и вся арина.

(Чт. 1864. I. 40).

- ¹⁾ Та вжежъ до тебе въ ригъ приходитъ,
 Въ ригъ Бигъ приходитъ—три товарищи;
 Первый товаришъ—ясне соненько,
 Другій товаришъ та бѣлий мисяцъ,
 Третій товаришъ—дрибній дожчикъ.
 А що жъ намъ рече первый товаришъ,
 Первый товаришъ—ясне соненько?
 — Ой якъ зйду разомъ зъ зорями,
 Та радуеса весь миръ на земли.
 А що жъ намъ рече другій товаришъ,
 Другій товаришъ—та бѣлий мисяцъ?
 — Ой якъ я зйду темной ноци;
 Та радуеса весь миръ на земли.
 А що намъ рече третій товаришъ,
 Третій товаришъ—дрибній дожчикъ?
 Ой якъ я зйду разомъ зъ зорями,
 Та радуеса жито-пшеница,
 Житій пшеница и всяка пшеница,
 Ой якъ зйду мисяца мая,
 То радуеса весь миръ на земли.

(Чт. 1864. I. 19—20).

- ²⁾ Просить Боженька на вечереньку,—
 Въ одно віконце свѣтитъ му сонце,
 Въ друге віконце та ясець мисяцъ,
 Ясни зорі свѣтятъ въ-около.
 Посадивъ Бога посередъ стола,
 Святу Пречисту при другіємъ столі,

дривкѣ ¹⁾ (поется наканурѣ Нового года) посылается орелъ (въ одномъ стихѣ онъ названъ орломъ, а въ другомъ замѣненъ соколомъ) сѣсть на море. И онъ сидитъ на морѣ и видитъ, какъ плыветъ корабль съ тремя воротами: въ однихъ воротахъ—свѣтитъ мѣсяцъ, въ другихъ восходитъ солнце, а въ третьихъ—самъ Господь держитъ ключи, отворяетъ и выпускаетъ души. Христіанское вліяніе прибавило къ этому, что не выпускаются туда тѣ души, которыя не уважали родителей, обижали старшихъ братьевъ и сестеръ. Господь, отворяющій рай, вѣроятно, тождественъ съ тѣмъ лицомъ, которое въ одной веснянкѣ отпираетъ небо и выпускаетъ весну, а по другому варианту росу.

Въ колядкахъ и щедривкахъ частая форма представлять хозяина—мѣсяцемъ, его жену—солнцемъ, а дѣтей его—звѣздами: это выражается съ разными измѣненіями. Какъ на особенно оригинальный оборотъ, мы укажемъ на одну колядку, въ которой говорится, что плывъ ²⁾ по рѣкѣ кленовый листъ и на немъ написано три имени: солница, мѣсяца и звѣздъ: солнце означаетъ хозяйку, мѣсяцъ—хозяина, а звѣзды—его дѣти, точно такъ же, какъ и въ приведенномъ выше образѣ построенія церкви съ тремя окнами.

Солнце (одно). Изъ историческихъ памятниковъ намъ извѣстно, что рускіе въ язычествѣ боготворили солнце, и, какъ оказывается, у нихъ была мифологическая исторія о царствованіи его подъ именемъ Дождь-Бога. Есть одна пѣсня, въ которой съ перваго раза можно признать (какъ нѣкоторые ученые и дѣлали) слѣды явнаго боготворенія солнца. Въ этой пѣснѣ женщина, обращаясь къ солнцу, называетъ имя Бога ³⁾.

Уси святги на-коло неи,
Пріймае Бога зеленимъ виномъ,
Святу Пречисту солодкимъ медомъ,
Уси святги шумновъ горивковъ.

(Чт. 1864. I. 31).

- ¹⁾ Ой вирле вирле,
Сивий соколе!
Високо сидишь, далеко видишь,
Сидай ти соби на синимъ мори:
На синимъ мори корабель въ води.
Въ тимъ кораблику трое воротци:
Въ першихъ воротейкахъ мисячокъ свитить,
Въ другихъ воротейкахъ—сонейко зходить,
Въ третихъ воротейкахъ—самъ Господь ходить,
Самъ Господь ходить, ключи тримае,
Ключи тримае—рай одмикае,
Рай одмикае, души выпускае, и пр.

- ²⁾ Тамъ плавае кленовъ листокъ,
На тимъ листку написано
Три письмечка:
Первое письмо—ясень мисячокъ,
Другее письмо—ясне сонечко,
Третье письмо—ясни зори
Ясний мисячокъ—самъ господарь,
Ясне сонце—ѣго жинка,
Ясни зирки—ѣго дити.

(Метл. 342).

- ³⁾ Ой пиду я темнимъ лугомъ,

Но трудно утверждать, что она подь этимъ словомъ Богъ разумѣтъ солнце. Быть можетъ, она произноситъ эти слова: помогай Боже, какъ иеждометіе, равносильное «дай Богъ». Во всякомъ случаѣ, здѣсь все-таки обращеніе къ солнцу, какъ къ живому существу. Вѣроятно, слѣды древняго уваженія къ солнцу отразились и въ одной карпатской пѣснѣ, совершенно проникнутой, впрочемъ, христіанскимъ элементомъ. Въ ней говорится, что ясное солнышко жаловалось Богу на людскія беззаконія: «не буду», говоритъ оно, «рано всходить свѣтъ освѣщать; стали теперь злые хозяева: въ воскресный день рано дрова рубять, а мнѣ въ лицо летятъ щепки; злыя хозяйки въ пятницу рано бучать платки, а мнѣ на лицо выбрасываютъ золу, а злыя дѣвушки въ воскресные дни рано чешутъ косы и мечутъ мнѣ въ лицо волосы»¹⁾.

Богъ отвѣчаетъ ему: «Свѣти, солнышко, такъ, какъ свѣтило. Я буду знать, какъ покарать ихъ на томъ свѣтѣ, на страшномъ судѣ».

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ солнце изображается колесомъ, — представленіе старое, общее многимъ мифологіямъ²⁾, также и яблокомъ³⁾. Въ одной свадебной пѣснѣ оно представляется купающимся въ разъяренномъ морѣ⁴⁾. Образъ

Оре милый своимъ плугомъ,
Чужа мила поганяе,
Икъ сонечку промовляе:
Поможь, Боже, чоловіку,
Щобъ такъ оравъ поколь вику!

(Метл. 57).

- 1) Скаржилося свитле сонейко,
Свитле сонейко милому Богу:
Не буду, Боже, рано схожати,
Рано схожати, свить освищати,
Бо зли газдове понаставали,
Въ неділю рано дрова рубали,
А ми до личка триски падали;
Бо зли газдини понаставали,
Въ пятноіку рано хуста зворили,
А ми на лица золу виливали,
Бо зли дивойки понаставали,
Въ неділю рано коси чесали,
А ми до лица волося метали.

(Маякъ. XI, 51).

- 2) Напр., въ веснянкѣ:
Кропивное (вѣроятно, жгучее—отъ кропь, укропъ) колесо
По надъ лисомъ котиться.

Или въ слѣдующей свадебной:

Колесомъ, колесомъ въ гору

Сонце йде

Въ нашій Маріи

Рай ся вѣе.

(Чт. 1864. I. 102).

- 3) Котилося яблочко зъ гори до долу;
Чась вамъ, дивочки, зъ гулянья до дому.

- 4) У неділеньку рано
Море ся розъяряло;
Сонейко ся купало.

(Лозинск. 42).

куранья солнца въ морѣ встрѣчается и въ сказкахъ и есть остатокъ мѣологическаго представленія объ отношеніяхъ солнца къ водѣ, какъ супруговъ.

Въ обыкновенныхъ житейскихъ и любовныхъ пѣсняхъ солнце не принадлежитъ къ предметамъ, особенно часто употребляемымъ. Вообще оно носитъ эпитетъ *ясное* и сохраняетъ въ поэзіи характеръ радостный, веселый. Есть народное выраженіе: «сонейко играло»; народъ вѣритъ, что солнце играетъ утромъ въ воскресные дни, особенно въ день Пасхи. Это выраженіе встрѣчается и въ пѣсняхъ ¹⁾. Разсвѣтъ и восходъ солнца представляется временемъ особенно веселымъ и сравнивается съ веселымъ гуляньемъ ²⁾. Невѣста, возвращающаяся съ вѣнчанія или идущая къ вѣнцу, сравнивается съ солнцемъ, которое поднимается вверхъ по небу ³⁾.

Дѣвица называетъ своего возлюбленнаго своимъ солнцемъ ⁴⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ женихъ сопоставляется съ солнцемъ ⁵⁾. Какъ тучи закрываютъ солнце, такъ враги лишаютъ женщину присутствія милаго ⁶⁾. А когда она лишается навсегда своего милаго, то блескъ солнца представляется ей противоположностью съ тьмою безнадежности въ ея душѣ ⁷⁾. Закрытіе солнца тучами есть образъ печальнаго расположенія духа ⁸⁾. Съ яснымъ солнечнымъ днемъ, когда вѣтеръ не даетъ солнцу слишкомъ грѣть, сравнивается млѣніе сердца, когда хотя не потеряна еще надежда, но нѣтъ вблизи милаго предмета ⁹⁾.

Солнце—женскій образъ. Изъ приведенной колыбки объ Иванцѣ, у котораго отецъ—мѣсяцъ, а мать—солнце, видны слѣды представленія солнца въ

- 1) Ой у неділю рано сонечко грало;
Мати свого сина въ походъ виражала.

Или въ купальской:

Купала на Ивана!

Играло сонечко на Ивана.

- 2) Безъ малого соловейка и *свить* не свитает,
Безъ мого миленького *гулянья* не мае.

И въ свадебныхъ пѣсняхъ поется:

Ой красно, красно, звидки сонечко ходить,

- 3) Сонечко гори йде;

Ганночка зъ винчанья йде.

(Гильтебр. 83).

или

Въ крузи сонечко йде,

Молода Маруся до шлюбу йде.

- 4) Нема мого миленькаго, нема *мою сонця*.

- 5) Одсунь, Марусю, виконце,

Та подивись на сонце:

Чи високо сонце на небі,

Чи хорошии Івасько на кони?

- 6) За тучами громовими *сонечко* не сходить,

За вражими ворогами мій милии не ходить.

- 7) Свитить сонце, свитить сонце, на хату леліе:

Не ма того и не буде на кого надія.

- 8) Ясно, ясно сонце сходить, хмаренько заходить.

Смутень, смутень нашъ отаманъ по табору бродить.

- 9) Ой соненько ясно свитить, витьеръ повивае,

Ой якъ я ёго не вижу, мое-серце мліе.

(Метл. 443).

женскомъ видѣ и притомъ въ любовныхъ отношеніяхъ къ мѣсяцу. Въ одной веснянкѣ разговоръ дѣвicy съ молодымъ предпосылается, для сопоставленія, разговоръ солнца съ мѣсяцемъ; солнце спрашиваетъ мѣсяцъ: рано ли онъ восходить, поздно ли заходить? Мѣсяцъ недоволенъ этимъ вопросомъ: что тебѣ до этого?—говоритъ онъ,—я всхожу на разсвѣтѣ, а захожу въ сумеркахъ ¹⁾).

Съ жаркимъ лѣтнимъ солнцемъ сравнивается горячее сердце дѣвicy, а зимнее солнце угодобляется сердцу вдовы, уже пережившему пламень любви. Лѣтнее солнце хотя иногда и покрывается облаками, но все-таки даетъ теплоту, а зимнее хоть и ярко свѣтитъ, но не грѣетъ; вѣтъ тогда холодный вѣтеръ ²⁾. Заходящее солнце, какъ соотвѣтственный образъ, сопоставляется съ кончиною человѣка. Такъ въ одной чумацкой пѣснѣ описывается сначала заходъ солнца, а потомъ смерть чумака ³⁾).

Но палящій жаръ, иссушающій растенія, наводитъ подобіе съ бѣдностью и лишеніями: такъ, въ одной пѣснѣ бѣдная женщина говоритъ, что недостатки иссушили ее, какъ ясное солнце иссушаетъ красную (червонную) калину. Однообразное теченіе солнца сравнивается съ блужданіемъ молодца, не знающаго отдыха и покоя ⁴⁾).

- 1) Ой тамъ за лисомъ, за боромъ,
За синенькимъ моремъ,
Тамъ сонечко грало,
Зъ мисяцемъ розмовляло,
Мисяца питало:
— Чи рано сходишь, чи пизно заходишь?—
— Ясное мое сонечко!

А що тобі до того.

До зиходу мого?

Я зйду свитаючи,

А зйду смеркаючи.

- 2) У вдовы серце, якъ зимнее сонце:

Ой хочъ воно ясененько грає,

Холодний витеръ віє;

А въ дивчини серце, якъ литнее сонце:

Хочъ воно й хмарисеньке,

Все теплесеньке.

- 3) Котилося та яснее сонце

По надъ горою,

А по надъ тею чумацькою

Та дорогою;

Та котилося та яснее сонце,

Стало примеркати;

Ой ставъ же той славний чумаченько

Товариства прохати:

Ой ви товарищи, ви мили братя,

Товарищи мои,

Та не кидайте мене, молодого,

У чужій стороні, и пр.

- 4) Хожу блужу, хожу блужу, якъ те сонце въ крузи!

Чи я стану, чи я роблю, мое серце въ тузи.

Звѣзду

Мѣсяць. Въ пѣсняхъ есть слѣды того міросозерцанія, при которомъ обращались къ этому свѣтилу, какъ къ разумному и могучему существу, и просили у него помощи. Это ясно указывается въ одной волынской веснянкѣ, гдѣ дѣвица идетъ ночью къ колодцу, находящемуся на горѣ подь вербою, обращается къ мѣсяцу и проситъ объявить ей, за кого она выйдетъ — за милого или за нелюба ¹⁾. Въ другой пѣснѣ — обращеніе къ мѣсяцу съ просьбою засвѣтить на весь прекрасный міръ, спустить внизъ рога свои, освѣтить дуброву и показать степныя дороги. Такое обращеніе можно почестъ остаткомъ языческой молитвы ²⁾. Въ галицкой свадебной пѣснѣ полумѣсяць, окончивъ свой путь и освѣтивъ только половину земли, приходитъ къ морю и не почиваетъ, а говоритъ: Вотъ, Господи Боже, если бы я былъ цѣль, я бы всю землю освѣтилъ ³⁾. Въ болѣе слабой степени, чѣмъ приведенные образчики, носятъ на себѣ слѣды того же первобытнаго отношенія къ свѣтилу, какъ къ разумному существу, нерѣдкія въ любовныхъ пѣсняхъ обращенія къ мѣсяцу; напр., дѣвица обращается къ мѣсяцу и проситъ, чтобъ онъ свѣтилъ ея милому, когда милый пойдетъ отъ нея домой или въ долину съ своими волами, но чтобъ не свѣтилъ ему и зашелъ въ тучу, когда милый пойдетъ къ другой дѣвицѣ ⁴⁾. Молодые люди обоого пола сходятся на ночныя игрища (улицы), и такихъ игрищъ можетъ быть нѣсколько въ одномъ селѣ; и вотъ дѣвицы, посѣщающія одну изъ этихъ улицъ, просятъ мѣсяць къ себѣ на улицу, потому что у нихъ на улицѣ красивыя молодцы ⁵⁾. Такъ какъ

1) Ой на гори подь вербою
 Стоявъ колодязъ зъ водою;
 Тамъ дивчинонька воду брала,
 До мисяця промовляла:
 Мій мисяченьку, мій батеньку,
 Скажи мині всю правдоньку:
 Чи я пиду за милого,
 Чи я пиду за нелюба.

2) Ты мисяцю, який же ты ясний!
 Ой засвити на весь свить прекрасный!
 Ой спусти внизъ роги,
 Засвити по диброви,
 Покажи вси въ стелу дороги!

3) Половиною мисяченьку на неби
 Половину земли освитивъ,
 Прийшовъ надъ море, не спочивъ:
 Ой, милый Боже, коби цилій,
 То би землейку освитивъ.

(Лозинск. 23).

4) Ой засвити, мисяченьку, тими долинами,
 Куда иде мій миленькій на ничъ зъ волоньками.
 Ой мисяцю, мисяченьку, не свити никому,
 Тильки мому миленькому, якъ иде до дому.
 Ой засвити, мисяченьку, тай розжени хмару,
 А якъ пиде до другої, то зайди за хмару.

5) Перейди, мисяцю,
 Та на нашу улицу,
 А на нашій улиці
 Та все хлопци, молодци.

эти улицы оканчиваются обыкновенно парными любовными свиданіями, то дѣвушка просит мѣсяцъ покровительствовать ея свиданію съ милымъ и называетъ мѣсяцъ перекроемъ, то-есть «перекрывающимъ» любовниковъ, такъ какъ слабый свѣтъ его благопріятствуетъ тайнымъ свиданіямъ ¹⁾. Дѣвица проситъ мѣсяцъ и звѣздочку не свѣтить, когда на вечерницахъ нѣтъ ея милаго, и свѣтить, когда онъ тамъ ²⁾. Иногда даже дѣвица требуетъ отъ мѣсяца невозможнаго, напр., чтобъ онъ разбился на двѣ половины и одною свѣтилъ ей, а другою ея милому.

Мѣсяцъ часто является въ пѣсняхъ съ звѣздой (зорею), которая изображается его сестрою. Въ свадебныхъ пѣсняхъ поется: послала звѣзда къ мѣсяцу: мѣсяцъ, мой братецъ, не выходи раньше меня; взойдемъ оба разомъ, освѣтимъ небо и землю; ужаснется звѣрь въ полѣ, обрадуется пугникъ въ дорогѣ ³⁾. Въ галицкой колядкѣ поется, что мѣсяцъ шелъ посломъ отъ Бога къ хозяину (которому колядуютъ) съ извѣстіемъ, что къ нему будетъ въ гости самъ Богъ. Сестра звѣздочка просила его подождать, но мѣсяцъ отвѣчалъ, что ему надобно спѣшить: онъ въ послахъ отъ Бога ⁴⁾.

Въ другихъ пѣсняхъ мѣсяцъ и звѣздочка не братъ и сестра, а между ними показываются какъ будто любовныя отношенія. Такъ, въ одной, очень распространенной, пѣснѣ вечерняя звѣзда говоритъ, что ей неприлично всходить «противъ» мѣсяца (или прежде него), какъ и дѣвицѣ неприлично выходить самой къ козаку прежде него ⁵⁾. И молодецъ съ дѣвицею, какъ пара, ставятся въ подобіе мѣсяца и звѣздочки ⁶⁾. Восходъ мѣсяца—образъ брака; дѣвица говоритъ,

1) Ой мисяцю перекрою, зайдѣ за комору,
А я зъ своимъ миленькимъ трошки поговорю

2) Не свити, мисяченку, не свити, зирнице,
Нема мого миленького—смутни вечерници...
Свити, свити, мисяченку, най свитять зирници...
Есть мій милий чернобривий—весели вечерници.

3) Слала зоря до мисяця:
Мисяченку, мій братику,
Не зиходь попередь мене,
Та зійдемо обое разомъ,
Освитимо небо и землю,
Та острахнется звирь у поли,
Та зрадується гисть у дорози.

4) Ой ишовъ мисяцъ черезъ небойко,
За нимъ зирничка ёго сестрича:
Мисяце брате, почекай мене,
Я не чекаю, бо часу не маю,
Бо иду въ писли видъ Господа Бога,
Видъ Господа Бога до ёго мосценъки.

5) Не подоба зирци противъ (по другому варианту—раньше) мисяця зиходити.
Не подоба дивци противъ (по другому варианту—прежде) козака виходити.

6) Зійшла зоря, зійшла зоря, мисяцъ опизнився,
Вийшла дивка на улицю, козакъ опизнився. (Метл. 118).

Или:

Вийди, вийди, молода дивчино,
Поговоримъ зъ тобою,
Якъ мисяцъ зъ зорею...

что она жала рожь, но не вязала сноповъ, — любила молодца, но не говорила ему правды; что она тогда снопы повяжетъ, когда мѣсяць взойдетъ; тогда скажетъ правду милому, когда онъ возьметъ ее за себя замужъ ¹⁾). Молодецъ, находясь посреди множества дѣвиць, выбираетъ себѣ одну и чувствуетъ недостатокъ, когда ея нѣтъ съ нимъ; и у мѣсяца изъ многихъ звѣздъ есть любимая звѣздочка ²⁾). Нерѣдко замѣчаемое явленіе на небѣ, что какая-нибудь звѣзда случайно какъ будто идетъ вмѣстѣ съ мѣсяцемъ, подало поводъ къ составленію такого представленія, что звѣзда сопровождаетъ мѣсяць, какъ его близкая подруга. Время явленія мѣсяца вмѣстѣ со звѣздочкою считалось счастливымъ временемъ для рожденія, и козакъ, родившійся въ такое время, успѣваетъ во всемъ что задумаетъ, особенно въ любви ³⁾). Въ этомъ же смыслѣ молодецъ приглашаетъ мѣсяць и звѣздочку свѣтить надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находится предметъ его сердечнаго вниманія ⁴⁾). Поэтому и въ свадебныхъ пѣсняхъ, величая жениха и желая ему счастья, поютъ, что мать обгородила его мѣсяцемъ и опоясала солнцемъ ⁵⁾). Мать невесты, отправляя новобрачную въ домъ мужа, даетъ ей въ проводники и покровители мѣсяць и звѣздочку ⁶⁾). Сами новобрачные уподобляются мѣсяцу и звѣздочкѣ ⁷⁾). Въ смыслѣ пары въ колядкахъ хозяина сравни-

¹⁾ Тоди снопи вязатиму,

Коли мисяць зійде;

Тоди скажу ёму правду,

Якъ винь мене визьме.

²⁾ Уси мои звиздочки,

Уси изо мною,

Та вси, мои ясни,

Передо мною,

Тильки моєи зирочки

Нема зо мною,

Одною моєю ясною

Нема зо мною.

³⁾ Зійшовъ мисяць изъ зорею, та й обгородився,

Счастливою годинопьки козакъ уродився,

Куди винь подумає, той Богъ помагає,

Черезъ ту дивчинопьку, що ёго кохає.

⁴⁾ Свити, свити, мисяченьку, и ти, зоре ясна!

Ой свити тамъ на подвирьи, де дивчина красна.

⁵⁾ Мисяцемъ обгородила,

Сонечкомъ пидперезала.

⁶⁾ Отсе тобі проводничокъ —

Ясний мисячокъ.

Отсе тобі проводничка —

Ясная зирниця.

(Метл. 228).

⁷⁾ Сіяла зирочка, сіяла;

Зъ кимъ ти, Марьечко, шлюбъ брала?

Зъ тобою, Ивасю, зъ тобою,

Якъ ясний мисяць зъ зорею.

Почимъ ти мене, Марьечко, признала,

Що ти мене мисяцемъ назвала?

По мови, по мови,

Що бувъ царський винецъ на голови.

вають съ мѣсяцемъ ¹⁾, а хозяйку съ звѣздочкой ²⁾. Но съ мѣсяцемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ звѣздочкою, сравнивается въ другой колядкѣ сама дѣвица ³⁾.

Такъ какъ въ поэтическомъ представленіи народа составилъ образъ, что мѣсяць и звѣздочка — любовная пара, то въ пѣсняхъ является по нѣскольку мѣсяцевъ разомъ. Въ весеннихъ играхъ пересчитываются присутствующіе молодцы, и всякій изъ нихъ называется мѣсяцемъ ⁴⁾, съ прибавленіемъ его собственнаго имени; точно такъ же пересчитываются присутствующія дѣвицы и каждая называется звѣздочкою, съ прибавленіемъ ея собственнаго имени ⁵⁾; а потомъ соединяютъ молодцовъ и дѣвицъ попарно, указывая, что такая-то дѣвушка — звѣздочка такого-то мѣсяца ⁶⁾. Въ такомъ же смыслѣ въ одной галицкой пѣснѣ два солдата называются двумя мѣсяцами ⁷⁾, подобно тому, какъ въ словѣ объ Игоревомъ походѣ два княжича названы двумя мѣсяцами. Но такъ какъ народъ подмѣтилъ, что мѣсяць не всегда идетъ по небу со звѣздочкою и не всегда одна и та же звѣздочка провожаетъ его, то мѣсяць получилъ прозвище непостояннаго (перебирчика) ⁸⁾; и если сближеніе молодца и дѣвицы нашло себѣ подобіе въ отношеніяхъ мѣсяца и звѣздочки, то разлука и непостоянство также находятъ себѣ подобіе на небѣ ⁹⁾. Съ мѣсяцемъ сравнивается молодець, которому дѣвицы не должны вѣряться ¹⁰⁾. Тотъ же смыслъ и въ той пѣснѣ, гдѣ,

1) По двору ходить, якъ мисяць зходить.

2) По синяхъ зходить, якъ зоря зходить.

3) Ой расна красна калина въ лузи,
А ще красниша (имярекъ отца) дочка;
По двору ходить, якъ мисяць сходить.
Въ синечки вйшла, якъ зоря зйшла.

4) Первый мисячокъ—молодий Василько,
Другий мисячокъ—молодий Иванько.

5) Первая зирка—молода Оленка,
Другая зирка—молода Маруся.

Или:

Черезъ наше село везено деревце.
Везено деревце зъ за моря далеко,
А зъ того деревця зроблено комирку.
Стояло свитило мисляцивъ чотири.
У тій комирци роблено кроватки.
Стояло свитило зирочокъ чотири;
На тій кроватци дивочки спали,
Дивочки спали, писни спивали.

6) Молода Оленка—Василькова зирка,
Молода Маруся—Иванькова зирка.

7) У Тарнополи два мисяченьки ясни,
Ой вандровали два жовнироньки красни.

8) Перебирчику, мисяченьку, перебирчику,
Усихъ зирочекъ перебравъ,
Одну собі зирочку сподобавъ.

9) Розійдемось, серце, зъ тобою,
Якъ на неби мисяць зъ зорею.

(Метл. 55).

10) Зйшовъ мисяць, нема ёму впишу,
Не стій, дивко, зъ парубкомъ, не йми ёму впри.

утѣшая дѣвицу, плачущую о невѣрномъ, говорятъ ей, что она полюбила молодца *стоя по мѣсяцу* ¹⁾. Сообразно съ этимъ представленіемъ о мѣсяцѣ, съ мѣсяцемъ сравнивается волокита, подбирающийся къ чужой женѣ и получившій за то наказаніе ²⁾. Свѣтъ мѣсяца, холодный и слабый, сопоставляется съ томленіемъ сердца ³⁾, а отсутствіе солнца и свѣтъ мѣсяца, вмѣсто солнца, выражаетъ грусть, сопровождая печальное прощанье матери съ сыномъ ⁴⁾.

Звѣзды. Во множественномъ числѣ это слово рѣдко встрѣчается въ народной поэзіи. Исключеніе составляютъ тѣ обрядныя пѣсни, о которыхъ мы говорили уже, и гдѣ звѣзды встрѣчаются вмѣстѣ съ солнцемъ и съ мѣсяцемъ или съ однимъ мѣсяцемъ. Есть, кромѣ того, немногія мѣста въ пѣсняхъ, гдѣ говорится, и то вскользь, о звѣздахъ, напр., сравниваются копны хлѣба со звѣздами ⁵⁾ (въ заживныхъ пѣсняхъ и колядкахъ) или молодецъ приглашаетъ дѣвицу считать звѣзды, что означаетъ прохождение времени ночью на воздухѣ ⁶⁾. Гораздо чаще въ пѣсняхъ упоминается одна звѣздочка (зирка или зоря), подъ которою чаще всего разумѣется вечерняя звѣзда.

Звѣзда (зоря)—символь радости, счастья и красоты. Въ колядкахъ поется, что мѣсяцъ, идя по небу, встрѣчается съ ясною звѣздою и спрашиваетъ ее, гдѣ она остановится. — У такого-то (имя того, кому колядуютъ), на его дворѣ, на его хатѣ, — отвѣчаетъ звѣзда, — у него въ хатѣ будетъ двѣ радости: первая радость—сына женить, а другая радость—дочь отдавать замужъ ⁷⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста сравнивается съ звѣздою ⁸⁾. Въ одной пѣснѣ рассказы-

1) Не плачь, не плачь, дивчинонько, така твоя доля,
Полюбила козаченька по мисяццю стоя.

2) Ой невидтиль мисяцъ свите,
Видкиль ясни зирки;
Унадився коломиць до чужой жинки;
Упадився, унадився, якъ кабанъ у жито:
Та вже въ его реберь нема,
Голова побита.

3) Свитить мисяцъ та не гріе;
У дивчини сердце мліе.

4) Свитить мисяцъ надъ горою, а сонця не має,
Мати сина въ дороженьку смутно проважае.

5) Скильки на неби зирочокъ,
Тильки на поли копочокъ;
Зироньки небо свитили,
Кононьки поле укрили.

6) Ти въ комори, я на дворѣ,
Вийдемъ разомъ, зличимъ зори.

7) Ишовъ перейшовъ мисяцъ по небу
Та стрився мисяцъ зъ ясною зорею.
—Помагай Бигъ, зоре! де маешъ стати?
„У пана Хоми на ёго дворѣ,
На ёго дворѣ, у ёго хати;
У ёго хати двѣ радости буде:
Першая радисть—сына женити,
Другая радисть—дочку отдавати.

8) Походящая зирочко —
Та Марьечко дивочко.

вается, что козаку приснился сонъ, будто надъ его хатю упала звѣзда, и эта звѣзда, какъ оказалось впослѣдствіи, значила новорожденного сына ¹⁾). Молодець, который хочетъ жениться на бѣдной дѣвушкѣ, ожидая съ нею счастья, сравниваетъ ее съ звѣздою ²⁾), а также дѣвица, прося отъѣзжающаго милаго ворочаться къ ней скорѣе, обращается къ звѣздѣ и проситъ ее свѣтить, а не скрываться ³⁾); постоянное расположеніе молодца къ дѣвицѣ, радующее ее, вызываетъ сравненіе съ теченіемъ звѣзды ⁴⁾). Мерцаніе звѣзды, которое выражается глаголомъ *zorie*, сравнивается съ счастьемъ женщины смотрѣть на своего возлюбленного ⁵⁾). Звѣзда посреди темной ночи означаетъ единственное утѣшеніе посреди житейскихъ невгодъ. Такъ, женщина, рассказывающая въ пѣснѣ, какъ отъ нея отрекается отецъ, мать, родные, а не покидаетъ одинъ милый, прибавляетъ къ каждому отдѣлу своей пѣсни стихъ: ночь моя темная, а звѣздочка ясная ⁶⁾).

О, еслибъ я была такъ хороша, какъ ясная звѣздочка!—воскликаетъ дѣвица:—свѣтила бы моему милому, пока бы не угасла ⁷⁾).

Звѣзда—блестящая красота дѣвицы. «Я знаю», говоритъ молодець, «отчего моя Марья такая прекрасная: предъ нею упала звѣзда; упала съ неба звѣзда и разсыпалась, а Марья собрала ее и заткнула себѣ за волосы ⁸⁾». Въ другой пѣснѣ, очень распространенной, козакъ увидалъ, какъ между двумя горами восходила звѣзда: думалъ онъ, что это звѣзда, но то была молодая дѣвица, шед-

¹⁾ А зиронька—то дитионька.

²⁾ Въ мене худибонька—

Ти сама,

Якъ на неби зиронька ясна.

³⁾ Свити, зоре, свити, зоре, свити, не ховайся,
Якъ пойдешъ, мое серце, то швидко вертайся.

⁴⁾ Якъ зиронька по хмароньци бродить,
Такъ Василько до Марьечки ходить.

⁵⁾ Зійшла зоря, зійшла зоря,
Та не назорилася,
Прийшовъ милий изъ походу—
Я й не надивилася.

⁶⁾ Та казали люде,
Батько въ гости буде,
А батенько іде,
На двіръ не погляне....
Ничь моя темна, а зиронька ясна....
Тильки моя доленька безчасна.

То же повторяется о матери, братѣ, сестрѣ, наконецъ о миломъ:

А мій милий іде,

У двіръ завертає.

Ничь моя темна, а зиронька ясна:

А вжежь моя доля не безчасна!

⁷⁾ Кобъ я була така красна, якъ зиронька ясна,
Свѣтила би миленькому, доки би мѣ не згасла.

⁸⁾ Ой упала зоря зъ неба,
Марья зорю позбирала, та й затикалася!

шая за водою ¹⁾. Въ пѣсняхъ заживныхъ жнецы сравниваютъ свою госпожу (хозяйку) съ вечернею звѣздою ²⁾. Красота дѣвицы заставляетъ засматриваться на нее самую вечернюю звѣзду, что выражаетъ желаніе счастья дѣвицѣ, такъ какъ звѣзда—символъ счастья и радости ³⁾.

Такъ какъ звѣзда означаетъ радость и счастье, то паденіемъ звѣзды выражается прекращеніе радостей и удовольствій. Отсутствие милаго въ одной пѣснѣ выражено паденіемъ звѣзды ⁴⁾, а въ другой пѣснѣ этимъ образомъ означено прекращеніе гулянья на улицѣ. Дѣвица говоритъ, что покатила и упала звѣзда, и затѣмъ проситъ козака провести ее домой ⁵⁾.

Паденіе звѣзды въ источникъ значитъ выходъ замужъ—и, кажется, неудачный.

Говоря объ участіи небесныхъ свѣтилъ въ народной поэзіи, нельзя не остановиться на одной пѣснѣ, принадлежащей къ разряду тѣхъ, которыя поются лѣтомъ и, по имени Петрова поста, называются петровичными. Въ этой пѣснѣ рассказывается, какъ невѣстка подговариваетъ свою золовку спать у нея и какъ потомъ отдаетъ ее одному изъ явившихся четырехъ братьевъ. «О, невѣстка моя, предательница!»—воскликаетъ дѣвица:—«предала ты меня въ темную ночь, ровно въ полночь! Не знаютъ о случившемся со мною ни отецъ, ни мать. Выпровожала меня ночь темная, снаряжаетъ меня ясный мѣсяць, пляшутъ по мнѣ ясныя звѣзды, тоскуеть обо мнѣ зеленая дуброва... ⁶⁾».

1) И видиль гора
И видиль гора,
А промижь тими горами
Зходила зоря;
Я жь думавъ зоря;
Я жь думавъ ясна,
А жь то моя молода дивчина
По водицю йшла.

2) Розгорися, вечерня зоре, передь ранкомъ стол,
Приберися, наша господиня, передь нами жнеями. (Метл. 322).

3) Ой ти, зирочко вечерня,
Чому рано не зиходила?
Чомъ мисяца не договила?
Ой я рано ископилася,
На дивчину задивилася,
Якъ дивчина та купалася...

4) Ой упала зоря зъ неба —
Никому свитити;
Нема мого миленького,
Немаю зъ кимъ жити!

5) Котилася зоря зъ неба, —
Та й впала до долу;
А хто жь мене, молодую,
Проведе до дому?
Проводь, проводь, козаченьку,
Проводь, не барися. (Метл. 277).

6) Кликкала невистка зовицю на-ничъ.

Припѣвъ послѣ каждаго стиха съ послѣдующимъ затѣмъ повтореніемъ двухъ словъ предшествовавшего стиха:

Видоизмѣненія дня. Заря въ малорусской поэзіи не имѣеть олицетворенія и, кажется, не имѣла прежде особаго названія, кромѣ — утро (ранокъ), передъ разсвѣтомъ (досвитокъ), вечеръ (вечирь). Название заря хотя употребляется въ настоящее время въ смыслѣ зари (Morgenröthe), но, повидимому, это слово заимствовано уже въ послѣднее время. Раннее утро—самое обычное время въ народной поэзіи. Въ *раннюю пору* (особенно въ недѣлю—въ воскресенье) мать провожаетъ сына въ походъ; *рано* умираетъ козакъ или чумаки въ дорогѣ; *рано* разбужаетъ дѣвица милаго, чтобъ ему идти въ дорогу; *рано* начинается свадебное веселье; *рано* мать приходитъ къ дочери изъ далекой стороны; *рано* веселые соловьи поютъ, возвѣщая разсвѣтъ; *рано* кукуетъ зозуля (кукушка); *рано* плачетъ мать по сынѣ и жена по мужѣ, сидя подъ окошечкомъ. Вечеръ и ночь — обычное время любовныхъ свиданій: «не ходи ко мнѣ днемъ», говоритъ молодцу дѣвица, «приходи ночью при свѣчахъ, чтобъ люди не знали»¹⁾. Это совпадаетъ и съ ходомъ жизни: поселяне днемъ заняты работою, но какъ настаетъ вечеръ, молодые люди обоюго пола собираются вмѣстѣ—дѣломъ на воздухѣ на улицѣ, зимою — въ хатахъ на вечерницахъ, и тутъ-то, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, поется пѣсень, и тутъ происходятъ тѣ любовныя отношенія, которыя воспѣваются въ пѣсняхъ; такимъ образомъ, въ пѣсняхъ любов-

Гей рано мол!

Ой ходи, зовице, до мене на ничь.

А въ мене комирочка та рубленая,

А въ мене двери тесовіи,

А въ мене замки та нимецквіи,

А въ мене короватъ та новенькая,

А въ мене постиль та биленькая,

А въ мене положокъ перебирчастий.

Темненькой ночи, та й опивночи,

Стукотить, грюкотить у комирочки,

Та невихно моя, та голубко моя!

Ой татаре йдуть, та мене вьзѣмуть!

Ой зовице моя, та голубко моя!

Тожъ то не татаре, то поночлежнички,

То поночлежнички—чотири братички.

Що у синѣму—замки видбивае,

А въ голубому—двери видчїняе,

А въ зеленому—положокъ ниднявъ,

А въ чорвоному—тай зовицю взявъ.

Ой невихно моя, та израднице!

Израдила мене темной ночи,

Темной ночи та й опивночи.

Не зна объ мині ни отецъ ни мати.

Виправляє мене темной ночи,

Варяжае мене ясенъ мисяць,

Пляшуть по мині ясній зори,

Тужить по мині зелена дуброва...

¹⁾ Ой не ходи въ день, не смиши людей,

Приходи въ ночи, при ясній свичи,

Щобъ люде не знали, та й не осужали.

ныхъ, которыя составляютъ чуть ли не половину всѣхъ существующихъ народныхъ пѣсенъ, болѣе всего чувствуется вечернее и ночное время. Но темная ночь является въ пѣсняхъ и печальнымъ образомъ ¹⁾. Изъ одной галицкой пѣсни оказывается, что рожденіе ночью считалось несчастливымъ для рожденнаго. Женщина говоритъ своей матери: или ты меня родила ночью, что всѣмъ дѣтямъ дала добрую судьбу, а мнѣ лихую ²⁾. Впрочемъ, такое представленіе рѣдко. Вообще ночь въ малорусской народной поэзіи не имѣетъ значенія ни страшнаго, ни убивающаго, ни печальнаго.

Небо носить въ народномъ поэтическомъ языкѣ эпитетъ—высокое; оно же и мѣстопребываніе Бога ³⁾. Оно имѣетъ предѣлъ: соколъ, хотя съ трудомъ, можетъ до него долетать ⁴⁾. Въ одной колядкѣ Богъ съ Петромъ разговариваютъ о томъ, что болѣе — небо или земля. «Ссучимъ снурокъ, измѣримъ небо: небо оказывается больше: оно ровное, а на землѣ горы и долины, разныя возвышенія» ⁵⁾. Небо запирается и отпирается, и по всему видно, запирается на зиму и отпирается весною. Въ одной веснянкѣ говорится о пѣкомъ Ураѣ, который проситъ мать отдать ему ключи отомкнуть небо и выпустить весну, по другимъ вариантамъ росу ⁶⁾. Въ соответствующей (отчасти) бѣлорусской пѣснѣ онъ называется Юріемъ ⁷⁾. Впрочемъ, это Ярѣ—Ярило, олицетвореніе весны, божество, извѣстное у западныхъ славянъ подъ именемъ Яровита, однозначительный съ скандинавскимъ Фро или Фрикко, какъ олатинизировалъ его Адамъ Бременскій, котораго древнее чествованіе осталось въ весеннихъ обрядахъ разныхъ странъ Россіи, и во многихъ отношеніяхъ его личность замѣнилась св. Юріемъ. То же

1) Темная ниченька невидная,
Головонька моя бидная!

2) Чи ти мене, мати, въ ночи уродила:
У всіхъ дитей добра доля, въ мене несчастлива.

3) Боже мій въ високого неба!

4) Ой високо соколови до неба литати;
Хочъ високо не високо—треба долитати.

5) Петро каже: земля бильше;
Господь каже; небо бильше.
Посуцимо шнуръ, змиряймо небо!
Небо бильше, що скризъ воно ривне,
Земля маленька, що гори, долини,
Гори, долини, всяки могили.

6) Та Урай матку кличе:
Та подай, матко, ключи,
Одимкнути небо,
Випустити весну.

Или же:

Випустити росу,
Дивоцкую красу, и пр.

7) Святій Юрій, Божій посоль,
До Бога пашовъ,
А узявъ ключи золотые,
Атамкнувъ землю сиресенькую,
Пусьдивъ росу циплюсенькую.

понятіе объ отпираниі неба выражается, хотя въ болѣе христіанской одеждѣ, въ карпатской колядкѣ, въ которой разсказывается, какъ по дорогѣ къ небу пришли души къ воротамъ небеснымъ, и одну изъ нихъ Богъ не пустилъ за грѣхи ¹⁾.

Вѣтеръ въ народной поэзіи представляется олицетвореннымъ, напримѣръ, въ веснянкахъ о Шумѣ и Шумихѣ; къ сожалѣнію, пѣсня эта потеряла древній свой образъ, отъ котораго, вѣроятно, остались, сравнительно въ цѣломъ видѣ, одинъ или два первыхъ стиха ²⁾. Вѣтеръ носитъ обычные эпитеты — буйный и тихій или (въ Галиціи) повольный; иногда употребляется во множественномъ числѣ; такъ, напр., голубь, вылетѣвъ изъ тумана, ищетъ своей голубки и, встрѣчаясь съ буйными вѣтрами, спрашиваетъ, не видали ли они ее ³⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ приглашаютъ вѣтеръ провожать невесту и развѣвать ея косу ⁴⁾: развѣвающиеся волосы—образъ дѣвства ⁵⁾. Вѣтеръ—собесѣдникъ грустной женщины ⁶⁾; она проситъ его развѣять тоску ея и лихую долю ⁷⁾; въ разлукѣ съ милымъ она проситъ вѣтеръ повѣять въ ту сторону, гдѣ находится ея милый, извѣстить его, что она тоскуетъ о немъ ⁸⁾. Призывая милаго къ себѣ, она упо-

¹⁾ По нидъ небо е стежейка,
Стежейка ажъ до неба,
Що ишли ми нѣвъ три душейки,
Пришли вони передь небо,
Затуркали о двереньки, и пр. (Чт. 1863. IV. 24).

²⁾ Шумъ ходить по диврови,
А Шумиха рибу ловє;
Що вловила, то й пропила,
Своїй дочки не вгодила.

³⁾ Литает, голубки шукає,
Зустрився въ яру міжъ горами
Зъ буйними витрами.
Ой, ви витри буйнесенькі;
Ви далече пробували,
Чи не чули, а чи не видали голубки моєї?
— Хочъ и чули, хочъ видали—не знаємъ яка.

⁴⁾ Не вій, витре, дивровою,
Повій, витре, дорогою,
За нашею молодою,
Розмай косу...

⁵⁾ Нехай мои чорни кудри буйний витеръ має;—
Нехай мене, молодої, ніхто не займає.

⁶⁾ Чомусь, моя мила, важенько вдихає,
Зъ буйнесенькимъ витромъ розмовляє.

⁷⁾ Повій, витре, повій, витре, по полю, по полю,
Та рознеси, та рознеси мою лиху долю.

Или:

Повій, витре буйнесенькій, звидки я тя прошу,
Розвій тугу, розвій тугу, що на сердци ношу, (Чт. 1864. IV, 328).

⁸⁾ Повій, витре, у гороньку,
Зъ України у Литвоньку,
Занеси висть милому,
Що я тужу по нему.

доблаєть его вѣтру, обращаясь къ послѣднему и заставляя его отвѣчать на ея обращеніе: какъ трудно вѣять вѣтру черезъ глубокія ущелья, такъ трудно прибывать милому изъ далекаго края ¹⁾). Она просить вѣтеръ перенести милому въ чужбину всю любовь, всѣ сладкія воспоминанія ²⁾). Она по вѣянію вѣтра узнаєтъ, когда онъ пишетъ письма ³⁾), но также вѣтеръ своимъ вѣяніемъ даетъ ей знать о разговорѣ ея милого съ иною дѣвицею ⁴⁾). Отданная въ другую сторону замужъ, женщина посылаетъ вѣтеръ въ ту сторону, гдѣ у ней родные ⁵⁾). Ей грустно на чужой сторонѣ, когда она смотритъ на рощу и замѣчаетъ, что вѣтеръ не колышетъ вѣтвями ⁶⁾). Она проситъ вѣтеръ, чтобъ онъ принесъ къ ней родныхъ издалека ⁷⁾). Въ одной пѣснѣ такая грустная женщина пишетъ письмо слезами и пересылаетъ съ буйными вѣтрами ⁸⁾). Преступная мать, бросившая свое дитя—плодъ незаконной любви—въ колодець, обращается къ вѣтру, проситъ его покрыть ея преступленіе, нанести тучу съ дождемъ, чтобы дождь залилъ всѣ дорожки и тропинки, чтобы люди не ходили къ колодцу, не будили ея сына ⁹⁾). Но иногда вѣтеръ усиливаетъ грусть и его просятъ затихнуть ¹⁰⁾). Буйный вѣтеръ сопровождаетъ козака въ степи и на морѣ; онъ ему высушиваетъ кудри, расчесанныя терномъ и вымытыя дождемъ ¹¹⁾); иногда онъ бываетъ

1) Повій витре, новій буйний, изъ глибокого яру!

Прибуди, прибуди, мій миленькій, зъ далекаго краю!

Ой радъ би я повивати, та яри глибоки,

Ой радъ би я прибувати, та краи далеки!

2) Повій, витре буйнесеній зъ за крутои гори;

Та забери изъ собою уся любощи мої;

Однеси ихъ у чужину, де миленького маю!

3) Витеръ віє, витеръ дує, калину колише,

Деє мій милий чернобривий мина листоньки пише,

4) Витеръ віє, витеръ повиває;

Деє мій милий зъ пишою розмовляє.

5) Повинь, витроньку, зъ гори въ долиноньку,

А зъ гори въ долину, де маю родину.

(Метл. 244).

6) Ой гаю мій, гаю зелененькій,

Що на тоби, гаю, витроньку не має,

Витроньку не має, гилля не колише?

7) Ой повій, витроньку, зъ гори на долину,

Та принеси до мене здалека родину.

8) Писала листи дрибними слезами,

А посилала буйними витрами

9) Нанеси хмарочку, хмарочку чорненку,

Та щобъ пишовъ та дрибний же дощикъ,

Та щобъ позаливавъ вси стежки-дорожки,

Щобъ туди люди, люди не ходили,

Щобъ зъ колодязя води не носили,

Щобъ мого сина, сина не збудили.

10) Ой не шуми, витре, въ зеленімъ гаю,

Не завдавай, жалю, бо я въ чужимъ краю.

11) Мене, нене, змиють дожди,

А розчешуть густі терни,

А висушать буйни витри.

и враждебень ему, сбиваетъ его съ ногъ въ степи ¹⁾, и на морѣ, когда скроются на небѣ звѣзды, вступить мѣсяць въ тучи, подуетъ буйный вѣтеръ, поднимется противная волна черноморская и разбиваетъ врознь козацкія суда ²⁾. Въ одной козацкой пѣснѣ буйный вѣтеръ увидѣлъ козацкія кости на чужой сторонѣ и принесъ ихъ на его родину ³⁾. Самъ удалый молодець сравнивается съ буйнымъ вѣтромъ ⁴⁾.

Тучи и облака часто сливаются въ одномъ словѣ хмара, а большая туча называется чорна хмара. Въ пѣсняхъ вообще хмара — образъ житейскихъ препятствій; какъ тучи и облака закрываютъ солнце, такъ разныя неудачи и лишеныя мѣшаютъ счастью и наслажденіямъ жизни. Дѣвица, которую перестаетъ посѣщать милый по просякамъ враговъ, сравниваетъ этихъ враговъ съ тучами, закрывающими солнце ⁵⁾. Закрытіе звѣзды чернымъ облакомъ сопоставляется съ положеніемъ дѣвицы, которую мать не пускаетъ къ милому ⁶⁾. Хмара означаетъ также клевету, дурную молву. Молодець говоритъ: надъ моими воротами черная хмара, а на мою дѣвицу дурная молва. А я эту черную хмару розмашу перомъ, а худую молву я ни во что ставлю: возьму дѣвицу за себя замужъ ⁷⁾.

Черныя тучи — образъ чего-то непривѣтливаго, недобраго, угрожающаго. Смѣлый козакъ выражаетъ свою отвагу тѣмъ, что не боится ни грома, ни тучи ⁸⁾. Есть употребительная въ нѣсколькихъ пѣсняхъ форма: шла черная туча, шла туча и сивая; — всегда этотъ образъ заключаетъ въ себѣ тотъ смыслъ, что было горе, а настало еще и горшее ⁹⁾. Туча — гнѣвъ: «видно, что находятъ тучи —

- 1) Буйный вѣтеръ въ поли повивае,
Бидного козака зъ нигъ валяе. (Макс. ук. д. 44).
- 2) На неби уси звизди пошмарило,
Половина мисяця въ хмари вступило,
А изъ низу буйный вѣтеръ повивае,
А по чорному морю супротивная филя вставае:
Судна козацки на три части розбивае.
- 3) А я (говорить вѣтеръ), побачивъ,
Що винь въ чужій сторони,
Та принсь козакови
Кости у ридний край.
- 4) Изъ за гори буйный вѣтеръ зъ за гори,
Прихавъ козаченько зъ сторони.
- 5) За тучами громовими сонечко не сходить,
За вражими ворогами мій милий не ходить.
Ой ви, тучи громовіі, розійдитесь ризно!
Ходи, ходи, мій миленький, хочь не рано — пизно!
- 6) Рада бъ зирка зійти, — чорна хмара закривае;
Рада бъ дивка вийти, — мати не пускае.
- 7) Надъ моими воротами чорненъкая хмара,
А на мою дивчиноньку поговоръ та слава.
А я тую чорну хмару перомъ розмашаю,
А я тую худу славу за промашку маю,
А я свою дивчиноньку за себе приймаю.
- 8) Не боиться козаченько ни грома, ни тучи:
Хорошенько въ кобзу грае, до дивчини идучи.
- 9) Наступала чорна хмара, — настала и сива;
Не одбуде синь за батька, а батько за сына.

дождикъ каплетъ; видно, что сердится, — поглядываетъ искоса» поетъ дѣвица, замѣчая, что ея милый недоволенъ. Въ одной галицкой пѣснѣ поется: какой чортъ тебя прогнѣвилъ, тотъ пусть тебя и упрасиваетъ; куда черныя тучи ходятъ, туда и тебя пусть носятъ ¹⁾). Здѣсь смыслъ тотъ, что мѣсто, куда уходятъ тучи—мѣсто страшное. Быть можетъ, здѣсь остатокъ первобытнаго мнѣческаго представленія о борьбѣ свѣтлаго начала съ темными силами, которою выражалось явленіе грозы на небѣ. Есть карпатская колядка, гдѣ представляется, что изъ-за горной равнины выходитъ черная туча; то не туча, говоритъ пѣсня, то—стадо овецъ; впереди него идетъ овчаръ; подпоясался онъ тремя шурками, а за шурками у него три трубы: первая дубовая, вторая оловянная, третья золотая. Слышно по чистому полю, какъ онъ затрубить въ дубовую трубу; слышно по лѣсамъ-борамъ, какъ онъ затрубить въ оловянную; слышно даже на небѣ, какъ онъ затрубить въ золотую ²⁾). Въ этой колядкѣ хотятъ польстить хозяину овцеводу: представляютъ его очень богатымъ: овецъ у него такое изобиліе, что стадо ихъ кажется тучею. Что касается до трубъ, то это идеализація пастушьего рожка, подобно тому, какъ идеализацію военной трубы представляетъ колыбельная пѣсня, гдѣ мать воображаетъ себѣ, какъ сынъ ея, достигши совершеннолѣтія и вступая въ козацкое войско, возьметъ съ собою три трубы: въ первую заиграетъ, когда будетъ садиться на боевого коня, во вторую, когда съѣдетъ со двора, а въ третью, когда станетъ въ ряды козаковъ. Подобный образъ выходненія тучъ въ другой колядкѣ (волынской) сопоставляется съ войскомъ ³⁾).

- ¹⁾ Якій тебе дидько гнивавъ, —
Най ты такой просить;
Куди ходять чорни хмари,
Най ты туди носитъ.

(Чт. 1864. IV. 390).

- ²⁾ Ой за гори, изъ-за полонини,
Гой дай Боже!
Виходить же ми чорна хмарочка,—
Ой не е жъ то ми чорна хмарочка,
Ой е жъ то ми овецъ гурмочка.
Идежъ передъ нихъ овчариночка,
Заперезався грома ужевками,
А за ужевками три трумбеточки:
Одна трумбета гей дубиная,
Друга трумбета гей циновая,
Третья трумбета гей золотая.
Ой чути-чути въ чистее поле,
Ой якъ затрубить а въ дубиню,
Ой чути-чути а въ лиси въ бори.
Ой якъ затрубить а въ циновую;
Ой чути-чути ажъ на небеса,
Ой якъ затрубить а въ золотую.

(Чт. 1866, I. 610).

- ³⁾ По за лисомъ, лисомъ темненькимъ
Виступала чорная хмарочка,
Ой тожъ не хмара—то зъ виська пара;
Тамъ (имя, кому колядуютъ) коникомъ игравъ,
Коникомъ игравъ, мичемъ воювавъ.

Въ п'ѣснѣ о нашествіи турокъ на Почаевъ съ черною тучею сравнивается турецкое войско ¹⁾.

Туча, выступающая по небу, — образъ грядущей бѣды. Въ рекрутской п'ѣснѣ (Харьк. г.) наступающія тучи означаютъ приближеніе рекрутскаго набора. «Изъ-за темнаго лѣса, изъ-за зеленой роши выступала туча черная, а другая непогодная; тамъ лежало три дорожки битыя, слезами политыя; идутъ три молодца, впереди Ивасенько: въ правой рукѣ онъ коня ведетъ, а въ лѣвой держитъ листъ бумаги: написано, нарисовано—кому въ службу идти ²⁾».

Подобное начало есть въ другой п'ѣснѣ, которой содержаніе — прощаніе дочери съ матерью ³⁾.

Въ думѣ о смерти Богдана Хмельницкаго тучи, закрывающія солнце, сопоставляются съ печалью козаковъ о своемъ гетманѣ ⁴⁾.

Скорое исчезновеніе облаковъ служить образомъ прекращенія любовныхъ сношеній ⁵⁾. Туча, но безъ дождя, сравнивается съ лихою судьбою ⁶⁾.

Влюбленный молодець, у котораго съ ума не выходитъ возлюбленная, сравниваетъ состояніе своего духа съ нависшими тучами ⁷⁾.

Дождь вообще въ народной поэзіи имѣетъ доброе значеніе и сравнивается со счастьемъ любви, тогда какъ черная туча, исчезающая безъ дождя, озна-

1) Ой виступає турецьке військо,
Якъ чорная хмара.

2) Изъ-за лису, лису темного
Изъ-за гаика зеленого,
Виступала туча чорная,
А другая непогожая;
Тамъ лежало три дороженьки,
Три дороженьки та убитіи,
Слизоньками та прилитіи;
Туди ишли три молодчики;
Попереду Ивасенько иде,
Въ правій руци кониченька веде,
Въ ливій бидій листъ бумаги несе:
Написано, намалевано—
Кому-кому та у службу йти.

3) Изъ-за лису, лису темного,
Изъ-за гаика зеленого,
Виходила туча чорная,
А другая непогожая...

4) То не чорні хмари ясне сонце заступали,
Не буйні витри въ темнімъ лузи бушовали,
То козаки Хмельницького ховали,
Батька свого оплакали.

(Макс. Укр. Д. 80).

5) Кохалися, любилися, якъ голубивъ пара,
А тепера розійшлися, якъ чорная хмара.

6) Чи зъ хмарою, чи зъ дождикомъ, чи зъ лихою долею?
Хочъ зъ хмарою, не зъ дождикомъ, а зъ лихою долею!

7) Ой звисли чорні хмароньки, звисли,
Не зійде мині одна дивчина зъ мисля.

часть разлуку¹⁾). Дѣвица, приглашая къ себѣ козака, говорить: дождикъ поливайчикъ! поливай, поливай, а козакъ къ дѣвицѣ: приходи, приходи!—Радѣбы я поливать, да облачка нѣтъ; радѣ бы я приходилъ, да ночка мала²⁾). Съ своей стороны дѣвица общается прилетѣть къ милому черною тучкою и пасть на его подворье частымъ дождичкомъ³⁾). Дождь сооставляется съ бракомъ⁴⁾, а тучи и громъ, сопровождающе дождь, съ толками и пересудами людскими⁵⁾). Дождь—благодать. Выше приводились пѣсни, гдѣ солнце, мѣсяць и дождь описываютъ свои благодѣянiя человѣку; въ одной колядкѣ—дождь приходитъ въ гости къ хозяину одинъ, безъ небесныхъ свѣтилъ, и общается ему упасть на его ниву въ маѣ три раза: у него родится рожь, пшеница и всякое хлѣбное зерно⁶⁾). Въ такомъ же смыслѣ счастья, благодати, дѣвица проситъ дождь полить на ея дѣвичьи символическіе цвѣты—розу, борвинокъ, василекъ, мяту, на ея красу—русую косу и румяное лицо⁷⁾; а въ свадебной пѣснѣ, которая поется сиротѣ-невѣстѣ, умершая мать проситъ Бога пустить ее на землю къ дочери въ видѣ дождя, мглы, сопровождающей дождь, и росы на травѣ⁸⁾). Подобно тому, въ галицкихъ пѣсняхъ усопшій отецъ невѣсты проситъ Бога пустить его черною тучею, частымъ дождичкомъ и яснымъ солнцемъ въ окно⁹⁾).

Въ значеніи веселія и радости о пляшущихъ свадебныхъ дружкахъ пѣсня

- 1) Черни хмари розійдуться и дождчу не буде;
Изъ пашого коханячка ужитку не буде.
- 2) Дождчику-поливайчику! поливай, поливай,
Козаченьку, до дівчини прибувай, прибувай!
Ой радѣ би я поливати—хмарочки нема;
Ой радѣ би я прибувати—ниченька мала.
- 3) Коня не томи, людей не труди,
Бо я жъ до тоби сама прилину,
По надъ селенько чорновъ хмароньковъ,
На подвиренько дрибнимъ дождичкомъ. (Чт. 1866. I. 611).
- 4) Ой, Боже, Боже, погоди,
Дрибний дождикъ, изійди!
- 5) Ой не пиде дробний дождикъ безъ тучи, безъ грому;
Ой не виїде дивка за-мижъ та безъ поговору.
- 6) Та упаду на маї тричи,
Та уродиться жито-пшениця,
Жито-пшениця, всяка пашниця.
- 7) Стороною, дождчику, стороною,
Та на мою рожу повную,
Та на мій барвинокъ хрещатенькій,
Та на мій василечокъ запашенькій,
Та на мою мяту кучеряву,
Та на мою косу русяву,
Та на мое личко рум'яне.
- 8) Дрибнимъ дождичкомъ,
У поли миглицю,
У трави росицю. (Гильтебр. 277).
- 9) Зъ чорновъ хмаровъ на село
Дрибнимъ дождичкомъ на землю,
Яснымъ сонечкомъ въ виконце. (Лозинск. 32).

выражается, что онѣ навели облака своими (движущимися при пляскѣ) одеждами и произвели дождь своими косами ¹⁾).

Роса въ веснянкахъ сравнивается съ дѣвичьею красотою ²⁾. Роса—благодать, называется—Божія роса. Съ росою сравниваются воли и коровы, означающіе зажиточность поселянина ³⁾. Опаденіе росы съ вербы отъ вѣянیا вѣтра—утрата дѣвичьей красоты отъ сближенія съ красивымъ молодцомъ ⁴⁾. Паденіе росы на волосы дѣвицы—символь потери дѣвства ⁵⁾. Съ лѣтнею росою, скоро исчезающею отъ солнечныхъ лучей, сравнивается скоропреходящая невзгода молодыхъ лѣтъ ⁶⁾.

Туманъ, подобно тучамъ, есть образъ неизвѣстнаго угрожающаго. Изъ тумана выступаетъ молодець на бой. Въ одной колядкѣ, очень распространенной, сохранившей, какъ кажется, остатокъ мифологическаго міросозерцанія и, быть можетъ, воспринявшей воспоминанія о древнихъ походахъ на Византію, изъ тумана выѣзжаетъ молодець на дивномъ конѣ, подъѣзжаетъ къ Цареграду, вызываетъ на бой царя изъ Цареграда: происходитъ битва, и царь, видя его богатырство, изъявляетъ желаніе отдать за него дочь, а съ нею половину царства и треть счастья ⁷⁾. Подобно тому, въ пѣснѣ о поединкѣ между козаками Шам-

1) Наробили хмарно юпочками,
Испустили дождчикъ кисоньками.

2) Выпустити росу,
Дивоцькую красу...
Дивоцькая краса,
Якъ висиння роса.

3) Воли та корови—
То Божа роса.

4) Въ конци гребли—стоять верби, припали росою;
Не хвалися, дивчинонько, своєю красою;
Во якъ витерь повивае—роса опадае,
Якъ приступитъ гарний хлопець—красу утеряеш.

5) Ой ти парубокъ, а я дивчина красна,
Ой ти ниченьку спавъ, а я твои воли пасла;
Упала роса на биле личко;
Не такъ на личко, якъ на русу косу;
Ей Богу, мамцю, винчика не доношу.

6) Моя пригода, моя пригода, якъ въ литку роса;
Якъ сонце пригріе, а витерь повіе—спаде вона вся.

7) Изъ поля-поля туманъ устае,
А зъ того туману молодець иде;
Та підъїзжае підъ Царегородъ,
Та викликае царя зъ города:
Ой царю, царю, ввидъ на войну!
Якъ изъихались—такъ и вдарились;
Ударили конити, якъ громъ на неби,
Засяли шабли, якъ сонце въ хмари...
Пидъ ними кони поприпадали,
Золоти гриви поцрилягали,
Турецькій царь другимъ наказавъ:
Ой колибъ я знавъ, чий то синъ воковавъ,
То я бъ за ёго свою дочерь отдавъ,

раемъ и Зарваемъ — оба выѣзжаютъ на битву другъ противъ друга изъ тумана ¹⁾.

Въ козацкихъ пѣсняхъ туманъ сопровождаетъ разные случаи, когда предполагается неизвѣстность и опасность. Мать прогоняетъ сына: въ это время туманъ покрываетъ поле ²⁾. Сынъ пускается въ даль, въ неизвѣстность. Дума о нобѣгѣ трехъ братьевъ изъ Азова, по нѣкоторымъ вариантамъ, сопоставляетъ ихъ отважное бѣгство съ образомъ поднимающагося тумана ³⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ туманъ, вмѣстѣ съ громомъ и звономъ, предшествуетъ нашествію турокъ ⁴⁾. Въ семейныхъ пѣсняхъ женщина, тоскующая о томъ, что у ней есть родные далеко и отрекаются отъ нея, видитъ на полѣ туманъ ⁵⁾. Вьющійся кудрями по дорогѣ туманъ сопоставляется съ лихою долею, которая гдѣ-то бродитъ по дорогѣ ⁶⁾.

Въ общераспространенной пѣснѣ, которая начинается словами: туманъ, туманъ по долинѣ, и гдѣ описывается, какъ плачетъ дѣвица, которую возлюбленный покинулъ и приглашаетъ къ себѣ на свадьбу съ другою ⁷⁾, — туманъ при другихъ символическихъ образахъ означаетъ грустное расположеніе духа и чувство неизвѣстности оставленной дѣвицы. Подобно тому, и въ другой пѣснѣ,

Свою дочь отдавъ, царство одисавъ:

Половину царства, третину счастья!

1) Ой зъ-за гори, зъ-за крутенькой густий туманъ уставае...

А зъ-видъ туману козакъ Шамрай синимъ конемъ вигравае...

Ой зъ-видъ гаю, зъ-видъ зеленого густий туманъ уставае,

А зъ-видъ туману, зъ-видъ густенького козакъ Зарвай стрилле...

(Метл. 451).

2) Туманъ поле покривае,

Мати сина прогане.

3) Не великѣ тумани вставали,

Якъ три брати зъ турецкой неволи втикали.

4) Ци то въ поли туманъ кытитъ,

Ци гримъ гремитъ, ци звинъ звенить... (Чт. 1863. III. 41).

5) Туманъ полемъ, туманъ полемъ, туманъ туманиться,

Хочъ и е въ мене ридъ далеко,

Та мене цурається.

6) Туманъ, туманъ по дорози у кучери вьється;

Десь-то моя лиха доля шляхомъ волочється. (Метл. 463).

7) Туманъ, туманъ по долини,

Широкий листъ на калини,

А ще ширший на дубочку,

Кличе голубъ голубочку...

За густими за лозами

Плаче дивка слизоньками.

„Не плачь, дивко, не журися,

Ще я, молодь, не женився:

А якъ буду женитися,

Прошу, сердце, дивитися,

Меду-пива напитися“.

—Твое пиво та не диво.

Дивнишая твоя зрада...

въ которой дѣвица груститъ о своей будущности, съ туманомъ сопоставляется гнетущая сердце тоска ¹⁾. Такой же смыслъ неизвѣстности и грусти имѣть пѣсня, описывающая, что изъ тумана вылетаетъ голубь и спрашиваетъ у буйныхъ вѣтровъ, не видали ли они его голубки ²⁾.

Въ любовныхъ пѣсняхъ страннымъ образомъ сравниваются съ туманомъ черныя брови красавицы ³⁾. Но это чуть ли не позднѣйшая перестановка стиха о туманѣ совсѣмъ изъ другой пѣсни, именно той, гдѣ женщина говоритъ, что у ней далеко есть родные, но отрекаются отъ нея.

Громъ въ пѣсняхъ упоминается рѣдко, и обыкновенно съ тучею. Народное воображеніе выдумало громовую стрѣлу, и въ одной пѣснѣ есть это суевѣріе ⁴⁾. Сонъ дѣвицы, слышавшей громъ, значилъ то, что ея милый былъ убитъ въ чужомъ краѣ ⁵⁾. Пораженіе громомъ — божіе наказаніе. Угнетенные крестьяне изъявляютъ желаніе, чтобы ихъ пановъ поразилъ громъ ⁶⁾. Но въ свадебныхъ пѣсняхъ дождевая туча означаетъ невѣсту, а громъ съ своими раскатами — жениха, котораго сопровождаютъ музыканты ⁷⁾.

Снѣгъ не принадлежитъ къ любимымъ въ пѣсняхъ явленіямъ природы. Малорусскій пѣсенный міръ вращается посреди цвѣтущей весенней и лѣтней природы. Даже въ колядкахъ, которыя поются исключительно зимою, не видно зим-

1) Ой на гори дождь иде,

А въ долини туманъ;

На моему серденьку

Туга та печаль.

2) Горами-ярами туманъ налягае;

Помижъ тими туманами сивъ голубъ лигае,

Якъ полетивъ сивий голубонько помижъ туманами,

Та й збустрився сивий голубонько зъ буйними витрами.

Ви, витроньки, ви буйнесеньки, далече бували:

Чи видали, чи не видали ви моеи пари?

3) Туманъ полемъ; туманъ полемъ, туманочку трюшки,

А въ дивчини чорни брови, якъ у тѣи волошки.

4) Ой упала стріла посередъ двора,

Та вбила стріла вдовиного сина.

5) Носивсь по за хмарами страшний гримъ:

То забить козаченько у краю чужимъ.

6) Бодай панивъ громи вбили,

Якъ намъ руки потомили.

7) Ой говорила туча зъ громомъ.

Чи славенъ ти будешъ зъ стукомъ-грюкомъ?

Та що ти прийдеши зъ стукомъ-грюкомъ,

А я за тобою зъ дрибенькимъ дождемъ.

Чи славенъ ти будешъ зъ стукомъ-грюкомъ,

Чи я славнѣйша зъ дрибнимъ дождемъ?

Ой говорила Маруся зъ Іванькомъ:

Ой ходимо, Іванько, до церквйки,

Та що ти прийдеши зъ музиками,

А я за тобою изъ дружечками;

Чи славенъ ти будешъ та музиками,

А чи я славнѣйша изъ дружечками?

ного времени. Снѣгъ въ пѣсняхъ—иногда образъ терпѣнія. Бѣдный сирота, работникъ, подгибая ноги, идетъ по выпадающему снѣгу и жалуется на мать—зачѣмъ она родила его ¹⁾. Несчастливая въ замужествѣ женщина, вспоминая, что ей лучше было въ дѣвцахъ, сопоставляетъ свое положеніе со снѣгомъ, который, выпавъ, растаялъ и сдѣлался водою ²⁾. Въ одной любовной пѣснѣ дѣвица сравниваетъ свою сердечную тоску со снѣгомъ, тающимъ въ рукѣ ³⁾. Крѣпкій замерзшій снѣгъ сопоставляется съ холодностью сердца къ женщинѣ ⁴⁾, и также съ тоскою и скукою. Образъ падающаго снѣга на замерзшую криницу, у которой козакъ поить коня, а дѣвица наливаетъ ему воду — сопровождаетъ разлуку съ дѣвцею молодца, идущаго въ военную службу ⁵⁾.

Мятедь—символь непристойнаго брака, брака не кстати. Во полѣ мятедь; зачѣмъ старикъ не женится; какъ ему жениться, когда нѣкому печалиться ⁶⁾. Въ этой пѣснѣ тотъ смыслъ, что такъ какъ прошло для старика время жениться, то на свадьбѣ приличнѣе тосковать, чѣмъ веселиться. Подобный смыслъ въ галицкой пѣснѣ, гдѣ подъ образомъ мятели говорится о вступленіи въ бракъ недостойной женщины и отъ имени другой дается жениху совѣтъ покинуть негодную и взять другую—ее, трудолюбивую ⁷⁾.

Морозъ — символъ страданія. Пѣсенный міръ вообще чуждается зимняго времени года, а мороза тѣмъ болѣе. Ой! дай, Боже, дождь, лишь бы не морозъ ⁸⁾,—такъ начинается одна пѣсня. Съ морозомъ, поражающимъ орѣшникъ,

¹⁾ Билий снижокъ винадае,
Бурлакъ лизки підгинае,
Отця неньку споминае:
Мати моя старенькая!
На що мене породила—
Счастя-доли не ділила?

²⁾ Упавъ снижокъ на обличокъ, та ставъ волицею,—
Лучче було дивчиною, чимъ молодежию.

³⁾ Ой визьму я снигъ у руку—снигъ у руки танае,
Тяжко-важко на серденьку, якъ вечирь настане.

⁴⁾ Упавъ снижокъ на обличокъ, та вже не ростане!
Пишовъ би я до иншої—серце не пристане.

⁵⁾ Ой у доли снижокъ пролітае,
А въ криници вода замерзае,
Ой тамъ козакъ коня наповае,
А дивчина воду підливае;
Козакови серденько вмливае,
Понду я государю служити!

⁶⁾ Ой у доли метелиця:
Чому старий не жениться?
Ой якъ ёму женитися,
Що нікому журитися.

⁷⁾ Ой на гори метелиця:
Видаеся негідница;
Покинь, покинь негідну;
Возьми мене, робитну!

⁸⁾ Ой дай, Боже, дождь,
Аби не морозъ...

сравнивается судьба женщины, у которой недобрый мужъ ¹⁾. Дурное обращение мужа съ женою выражается образомъ, что мужъ водить ее босикомъ на морозъ ²⁾. Морозъ, сдавливающей воду, сравнивается съ сердцемъ, недружелюбно относящимся къ другому сердцу ³⁾. Морозъ, поражающій дубъ,—образъ несчастія козака, котораго постигаетъ необходимость идти въ походъ и разлучиться съ своею милою ⁴⁾. Въ одной пѣснѣ (вѣроятно, купальской, доставленной намъ изъ Подоли) смерть сопоставляется съ морозомъ и представляется танцующею съ морозомъ ⁵⁾.

Огонь въ малорусскихъ пѣсняхъ не принадлежитъ къ часто упоминаемымъ предметамъ и не имѣетъ яснаго символическаго значенія. Общее въ поэзіи другихъ народовъ сравненіе любовнаго чувства съ жаромъ, пламенемъ—почти чуждо малорусской поэзіи, если изъ области ея выбросить пѣсни, недавно уже заимствованныя. Исключеніе составляетъ въ этомъ отношеніи, между чисто малорусскими пѣснями игра въ «горю дуба», гдѣ на вопросъ: зачѣмъ ты горишь? слѣдуетъ отвѣтъ: за тобою, или: по тебѣ, молодой ⁶⁾. Въ купальскихъ пѣсняхъ, гдѣ огонь долженъ бы играть важную роль, онъ, насколько намъ извѣстно, встрѣчается только два раза (да и то въ одной, не чисто купальской, а изъ такъ-называемыхъ петривочныхъ, которыя нерѣдко смѣшиваютъ съ купальскими); но въ обѣихъ пѣсняхъ дальнѣйшее содержаніе не имѣетъ отношенія къ огню, о которомъ упоминается въ началѣ. Въ первой, послѣ пылающаго дуба слѣдуетъ описаніе, какъ дѣвица бѣлила полотно и воображала себѣ свою будущность—пойдетъ ли она за милого или за немилago ⁷⁾. Содержаніе второй ⁸⁾—шуточное.

¹⁾ Зеленькая лешинонька, чога гилья опускаешъ?

Молодая молодежи, чога слѣзи проливаешъ?

Ой я гилья опускаю, бо морозъ натискае;

Ой я слѣзи проливаю, що лихого мужа маю.

²⁾ Запорожець, мамо, запорожець

Водивъ мене босу на морозецъ!

³⁾ Витерь віе, вода шумить—морозъ натискае,

Твое серце мому серцю вярне не спріае. (Чт. 1863. IV. 269).

⁴⁾ Розвивайся, сухой дубе, завтра морозъ буде!

Убирайся, козаченко, завтра походъ буде!

Я морозу не боюся—вранци розвивюся:

Я походу не боюся—вранци уберуся.

⁵⁾ Смерте, смерте, иди на лиса,

Иди на беззвисть, иди на море,

И ти, морозе, великий, лисий,

Не приходи до насъ зъ своей комори!

Смерть зъ морозомъ танцювала

И на море десь погнала.

⁶⁾ Горю, горю дубе.

Чого ти горишъ?

Красной дивици.

Якоя?

Тебе молодон.

⁷⁾ Ой гори, гори, сухой дубе!

Паше подомья зъ тебе дуже!

⁸⁾ На Купала огонь горить

Нашимъ хлопцямъ живить болить.

Въ веснянкахъ огонь встрѣчается нѣсколько разъ и притомъ въ непонятныхъ образахъ. Въ одной говорится, что дѣвица въ день Преполовенія погнала стадо рогатаго скота, потеряла корову и зажгла ¹⁾ дуброву. Еще загадочнѣе другая веснянка, гдѣ представляется, что дѣвица зажгла дубраву своею блестящею одеждою ²⁾. Изъ третьей веснянки можно предполагать, что тутъ есть какая-то связь съ веснянкою о воротарѣ (см. ниже). Такимъ образомъ, въ игрѣ, которую сопровождаетъ пѣніе веснянки о воротарѣ, дѣвины носятъ на протянутыхъ рукахъ ребенка; въ другихъ мѣстахъ та же игра—хождение съ ребенкомъ, и непременно женскаго пола, на протянутыхъ рукахъ—сопровождается пѣсней о зажженной дубровѣ, и погашеніе этого пожара приписывается лицу ³⁾, которое изображаетъ носимая на рукахъ дѣвочка. Это, должно быть, обломки древняго мифологическаго представленія, относящагося къ почитанію солнца, огня и воды, наиболѣе выражавшагося въ весеннихъ празднествахъ. Быть можетъ, зажигающая дѣвица была образъ солнечной палящей силы, а гасящая вода,—дождь, обращающій палящую силу въ плодотворную. Одежда дѣвицы, зажигающая своимъ блескомъ дуброву, вѣроятно, есть тѣ же ризы, которыя въ колядкахъ, по однимъ вариантамъ, просто госпожа, а по другимъ—Богородица, бѣлила на Дунаѣ, и которыя вѣтры унесли на небеса на одѣяніе Богу ⁴⁾, тѣмъ болѣе, что

1) У преполовну середу

Погнала дивка череду,
Та загубила корову,
Та запалила дуброву?

2) Ой мила дивонька черезъ двурь, черезъ двурь,
На ней суконька въ девять пулъ, въ девять нуль;
Стала суконька сяяти, сяяти,
Стала диброва палати, палати.
Идить, парубки, диброви гасити, гасити;
Решетомъ водицю носити, носити,
Скильки въ решети води е, води е,
Стильки въ парубкивъ правди е, правди е.

Потомъ опять повторяются первые четыре стиха, а затѣмъ поется:

Идить, дивоньки, диброви гасити, гасити,
Кубонькомъ водицю носити, носити;
Скильки въ кубоньку води е, води е
Стильки въ дивочокъ правди е, правди е.

3) Ой вербовая дощечка, дощечка,
Тамъ ходила Настечка, Настечка,
Та цебромъ воду носила, носила,
Зелену диброву гасила, гасила,
Скильки въ цебри води е, води е,
Стильки въ дивочокъ правди е, правди е.

Потомъ повторяются первые два стиха, а за ними:

Решетомъ воду носила, носила,
Зелену диброву гасила, гасила;
Скильки въ решети води е, води е,
Стильки въ парубкивъ правди е, правди е.

4) На тихимъ Дунаѣ, на крутимъ бережку,
Тамъ господиня ризи билила...

въ другой колядкѣ самый праздникъ Рождества представляется въ видѣ огненнаго дива ¹⁾, что дѣлается понятнымъ, если вспомнить, что праздникъ Рождества замѣнилъ языческія празднованія—возвращенія или возрожденія солнечной палящей силы. Съ образомъ зажженной дубровы состоитъ въ переносной связи пѣсня о курящейся дубровѣ, съ которою сравнивается дѣвица тоскующая ²⁾.

Въ одной веснянкѣ поется о пожарахъ (т.-е. огняхъ) на пятой недѣлѣ великаго поста ³⁾. Здѣсь можно было бы разумѣть обычай выжигать на степяхъ сухую прошлогоднюю траву раннею весною, но такъ какъ это не единственный признакъ огня въ веснянкахъ, то и въ этой пѣснѣ скорѣе надобно видѣть указаніе на древнее значеніе огня въ языческія времена. Игра «горю дуба», о которой мы упоминали, относится къ тому же.

Въ одной пѣснѣ пыланіе зажженной соломы сопоставляется со смертью дѣвицы ⁴⁾.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста говоритъ матери: загребай, матушка жарь: будетъ тебѣ жалко дочки ⁵⁾. Здѣсь, кажется, та мысль, что когда мать будетъ топить печь, то пожалѣетъ о своей дочери; вспомнивъ, какъ она раздѣляла и

Ой десь узялись буйніи витри,
Та взяли ризи нидь небеса,
Вси небеса розчинилися,
А въ тні ризи самъ Богъ убрався.

- 1) Уси святіи ослономъ сили,
Тильки немае святого Риздва.
Рече Господь святому Петру:
„Петре, Петре, послуго моя!
„Пиди принеси святее Риздво“.
Не ввійшовъ Петро якъ пивъ-дороги,
Здибало Петра чудо чуднее,
Чудо чуднее, огнемъ страшное.
Петро злякнувся, назадъ вернувся.
Рече Господь до святого Петра:
„Ой Петре, Петре, послуго моя!
„Чожь ти не принись святого Риздва?“
— Ой здибало мене чудо чуднее,
— Чудо чуднее огнемъ страшное!
— А я жакнувся, назадъ вернувся.—
„Ой не есть то, Петре, ніяке чудо,
„А то есть святее Риздво:
„Було ёго взяти, Петре, на руки,
„Сюди принести, на стиль покласти.
„Зрадовались би уси святіи,
„Що передъ ними Риздво сило“.

2) Зелененькая дибривонька, чомъ не горишь, тильки куришся?
Молодая дивчинонька, чомъ не живешь, тильки журишся?

3) Пожари горили
На билій недвля.

4) Роспалю я куль соломи, не горить—палае.
Бижи, бижи, козаченьку,—дивчина вмирае.

5) Загрибай, мати, жарь, жарь,—
Буде тоби дочки жаль, жаль.

облегчала труды матери.—Дѣвица сравниваетъ сожалѣніе молодца о томъ, что она не вышла на улицу съ горящими угольями тогда, какъ она не топила печи и ничего не варила ¹⁾. Здѣсь тонка печи и варка сопоставляется съ выходомъ на улицу и бесѣдою дѣвицы.

Горящая свѣча символизируетъ доброе желаніе и какъ будто заключаетъ въ себѣ таинственную силу помощи. Дѣвица хочеть зажечь свѣчу и послать къ Богу, чтобъ ея милому былъ счастливый путь ²⁾. Козакъ просить дѣвицу засвѣтить восковую свѣчу, пока онъ перейдетъ въ бродъ быструю рѣку ³⁾. Въ одной веснянкѣ поется о зажженныхъ свѣчахъ предъ солнцемъ и предъ мѣсяцемъ ⁴⁾. Не было никакого повода возникнуть такому образу въ христіанскія времена, притомъ же этотъ образъ встрѣчается въ весеннихъ пѣсняхъ, въ которыхъ болѣе сохранилось слѣдовъ глубокой старины. Поэтому мы думаемъ, что символизмъ свѣчи (или вообще свѣтильника) въ малорусскихъ пѣсняхъ не возникъ изъ христіанскихъ приемовъ, а составляетъ одинъ изъ признаковъ древняго языческаго міросозерцанія.

Сгорѣніе — образъ невозвратной потери. Несчастный сирота спрашиваетъ свою судьбу: не утонула ли она, или не сгорѣла ли? Если утонула, то просить приплыть ее къ берегу, а если сгорѣла, то ему остается только сожалѣть ⁵⁾.

Четыре времени года въ малорусскихъ пѣсняхъ выразились неравно. Какъ мы уже сказали, зима почти ускользаетъ изъ нихъ; зимнихъ образовъ нѣтъ даже въ колядкахъ, которыя поются исключительно въ зимнее время. То же и съ осенью, хотя это веселое время свадебъ ⁶⁾ и вечер-

1) Не топила, не варила — на приничку жарь, жарь,
Якъ не вийду на улицу, — комусь буде жаль, жаль.

2) Ой засвичу яру свичу, та пошлю до Бога,
Та щобъ мому миленькому счастлива дорога.

3) Ой засвити, дивчинонько, восковую свичку:
Нехай же я перебреду сю биструю ричку.

4) Засвичу свичу
Проти сонечка.
Тихо йду,
А вода по камню.
А вода по билому,
Ище тихше.
Засвичу свичу
Проти мисяця.
Тихо йду, и пр.
Не горить свича
Проти (т.-е. въ сравненіи съ свѣтомъ солнца) сонечка,
Тихо йду, и пр.
Не горить свича
Проти мисяця,
Тихо йду.

5) Чи ти въ води потонула, чи въ огни згоріла?
Коли въ води потонула — приплинь къ береженьку,
Коли жъ въ огни погоріла — жаль мому серденьку.

6) А Маруся Ивасеви рученьку даіа:

ницъ ¹⁾), сборищъ молодежи обоого пола, происходящихъ не подъ открытымъ небомъ, а въ хатахъ, о чемъ вскользь сообщаютъ и пѣсни. Время глубокой осени живо представляется только въ одной шуточной пѣснѣ, гдѣ о молодцѣ, любителѣ пережѣнныхъ сердечныхъ ощущеній, говорится, что онъ прозябъ какъ пень, стоя подъ окномъ, и промокъ какъ волкъ, шатаясь по улицѣ ²⁾. Самое любимое время—весна, которой посвященъ цѣлый рядъ пѣсенъ—веснянки или (въ Подоліи и въ Галиціи) гаивки. Признаки весенней природы разбѣяны въ этихъ пѣсняхъ повсюду: разлитіе водъ, развиваніе деревьевъ, сѣяніе хлѣбныхъ и огородныхъ растений, пѣніе птицъ и болѣе всего—беззаботная, игривая веселость, отгнѣяемая, однако, сумракомъ ожиданія житейскихъ невзгодъ ³⁾, нерѣдко насмѣшливая, сообразно малорусской натурѣ ⁴⁾. Послѣднее качество высказывается въ цѣломъ рядѣ пѣ-

Отсежь тобі, Ивасеньку, рученька моя;
Яко диждемо до осени—буду я твоя!

Или:

Ой коли бъ намъ у осени на ручничку стати,
Не разлучать насъ зъ тобою ни отецъ, ни мати.

¹⁾ Уже минули суниченьки и полуниченьки,
Уже настали осинніи та вечерниченьки. (Метл. 328).

²⁾ Измерзь якъ пень, підъ викончкомъ стоя;
Промокъ якъ волкъ, по улицахъ ходи.

³⁾ Розлилися води на четири броди,
(Припѣвъ): гей дивки, весна красна, зилъя зелененьке.
У першому броди зозуля ковала;
У другому броди—соловейко щечече,
У третѣму броди—сопилочка грае,
Въ четвертому броди—дивчина плаче.
Зозуленька чуе—литечко чуе,
Соловейко щечече—сади розвивае,
Сопилочка грае—улицю скликае,
Дивчина плаче—недоленьку чуе,
Недоленьку чуе, за нелюба йдучи.

Или:

Ой чижику, мала пташечко,
Скажи мни щирю правдочку,
Кому вола, кому нема воленьки:
Дивонькамъ своя воленька:
То за стричечку, то за виночокъ,
То на улочку, то у таночокъ.
Молодичкамъ нема воленьки:
На припичку горщикъ бжжить,
У запичку буркунъ сидить,
У колисци дитя кричить.
Горщикъ каже—одставъ мене,
Буркунъ каже—укрий мене,
Дитя каже—росповий мене.

⁴⁾ Спивали дивочки, спивали,
Въ решето писеньки складали,
Тай повисили на верби;
Якъ налинули горобци—

сень, гдѣ дѣвицы подсмѣиваются надъ молодцами, самихъ себя изображаютъ въ хорошемъ свѣтѣ, а ихъ въ комическомъ видѣ ¹⁾).

Значительная часть этихъ пѣсенъ сопровождается играми сценическаго свойства. Должно быть, въ языческое время многія изъ нихъ были религіознымъ освященіемъ разныхъ занятій, предстоящихъ въ наступающее лѣто ²⁾). Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ здѣсь сѣяніе проса, жита, льна, мака, гороха, пасеніе скота; въ число такихъ занятій входила и война, какъ показываетъ одна веснянка, въ которой дѣвицы, разбиваясь на двѣ половины, показываютъ видъ, что идутъ воевать однѣ противъ другихъ и поютъ: «пустите насъ воевать этотъ свѣтъ! Не пустимъ, не пустимъ ломать мосты—отвѣчаютъ другія. А мы какъ захотимъ—мосты разломаемъ и заберемъ всѣ деньги» ³⁾). Игра въ зайчика съ пѣсенкою, гдѣ изображается пойманный зайчикъ ⁴⁾), указываетъ на охоту. Многія игры и пѣсни изображаютъ событія семейной жизни. Есть пѣсни, въ которыхъ весна представляется олицетворенною. Ее торжественно приглашаютъ (закликаютъ), обращаясь къ какой-то матери съ припѣвомъ, бесспорно языческимъ: ой лелю-ладо ⁵⁾),—припѣвомъ, который вообще употребляется при многихъ ве-

Звалили решето до долу:
 Чась вамъ, дивочки, до дому,
 Мишати свинямъ полову;
 А ви, хлопци, за нами,
 Лижьте полову зъ свинями!

1) Ой наши парубки
 Поихали на лови,
 Та вловили комаря,
 Стали ёго дилити,
 Сему-тому по стегну,
 А Микити тулушець,
 Що хороший молодець;
 А Васидеви голова,
 Що великий безъ ума;
 А Йвасеви хвостиче,
 Що великий хвастиче.

2) Ой збирайся, родино,
 Щобъ намъ жито родило,
 И житечко и овесь,
 Ой збирайся ридь увесь;
 И пшевица и ячминь,
 Щобъ намъ жать було смашній.

3) Пустите насъ, пустите насъ сей свить воевати,—
 Не пустимо, не пустимо мости поламати.
 А ми якъ схочемо—
 Мости положимо,
 То вси гроши заберемо.

(Чтен. 1864. III. 191).

4) Зайчику сиренький,
 Зайчику биленький,
 Якъ зажену зайчика
 Клищемъ булавинечкомъ,
 Та накуда зайчику вискочити.

5) Благослови, мати,

снянкахъ. Въ другой веснянкѣ, обращаясь къ веснѣ, приглашаютъ развиваться дуброву ¹⁾. Въ третьей поется: «о, весна, весна, съ красными днями! Что ты намъ принесла? Я принесла вамъ лѣто, зелень хлѣбную, хрещатый барвинокъ, пахучій василекъ» ²⁾. Въ четвертой перечисляются занятія, ожидающія людей разнаго возраста—дѣтей, стариковъ, старухъ, хозяевъ-земледѣльцевъ, замужнихъ женщинъ и дѣвицъ ³⁾. Сама весна изображается матерью: у нея дочь—дѣвица; она, сидя въ садикѣ, шьетъ рубашку къ своей свадьбѣ ⁴⁾, или, выгнавъ бычка за ворота, прыдетъ, съ намѣреніемъ употребить пряжу отцу на полотенце, матери на серпанокъ (головное бѣлое покрывало) ⁵⁾, а милому на подарокъ ⁶⁾. Эта весна или же, можетъ быть, дочь ея—веснянка—олицетворяется въ игрѣ; дѣвицы выбираютъ изъ среды своей самую красивую, обвѣщиваютъ ее всю зеленью, на голову кладутъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, сажаютъ на возвышенномъ мѣстѣ, а передъ нею кладутъ кучу вѣнковъ. Всѣ поютъ и пляшутъ передъ нею. Потомъ она бросаетъ на воздухъ вѣнки, и дѣвицы должны ловить ихъ. Такой вѣнокъ сохранялся до будущей весны, какъ память прошедшей весны, если дѣвица не выходитъ замужъ до будущаго года. Вѣроятно, всѣ эти представленія олицетворенной весны какъ въ пѣсняхъ, такъ и въ играхъ истекаютъ изъ глу-

Ой лелю-ладо, мати!

Весну закликати,

Зиму провозжати.

¹⁾ Ой весно, весно, веснице,

Часть тобі, дуброво, розвиться.

²⁾ Ой весна, весна, днемъ красна,

Що та намъ, весна красна, принесла?

Принесла вамъ литечко,

Зеленее житечко,

Хрещатенькій барвиночокъ,

Запашенькій василечокъ.

³⁾ Ой весна, весна, що намъ принесла?

Ой принесла тепло й добре литечко,

Малимъ диткамъ ручечки бити,

А старимъ дидамъ раду радити,

А старимъ бабамъ посиданнячко,

А господарямъ поле орати,

А молодцямъ кросенця ткати,

А дивонькамъ та й погуляти!

⁴⁾ Весна, весна весняночка,

Де твоя дочка паняночка?

Моя дочка у садочку,

Шие вона сорочку

Шовкомъ та бязью,

Къ своєму весяльлю.

⁵⁾ Весна, весна весняночка,

Де твоя дочка паняночка?

Погнала бачку за воритечка:

Пасися бачку, поки спяду мичку

Своему батеньку на рукавичку,

Своей матянці на серпаночокъ,

⁶⁾ Своему миленькому на подарочокъ.

бокой языческой древности. Вѣроятно, также слѣдуетъ видѣть остатокъ древняго мѣстнаго изображенія наступающаго лѣта или начала плодотворной дѣятельности солнца въ видѣ новорожденнаго младенца—въ веснянкѣ, соединенной съ игрою, называемой воротарь, распространенной во всемъ малорусскомъ краѣ, и во многихъ мѣстахъ или вовсе потерявшей названіе воротаря, или измѣнившей его на «володаря». Зовутъ привратника (воротаря). Онъ спрашиваетъ: кто тамъ у воротъ кличетъ? Царская (или панская) слуга. Что принесла? Крошечное дитя.—Въ чемъ оно посажено? Въ золотомъ креслѣ.—Чѣмъ оно играетъ? Серебряными орѣшками.—Что оно подкидаетъ вверхъ? Золотое яблочко ¹⁾. Точно также древнее представленіе упадающей и снова воскресающей въ теченіи круга годичнаго силы солнца образомъ умершаго и ожившаго человѣческаго существа—отразилось въ игрѣ Кострубонько, съ соответствующими пѣснями ²⁾, которыя, однако, въ настоящее время уже сильно разложились. Этотъ Кострубонько—то же, что великорусскій Ярило, или сохранившееся въ нѣкоторыхъ великорусскихъ мѣстностяхъ безыменное погребеніе весны. Пѣсня говоритъ: «умерь, умерь Кострубонько (уменьшительное отъ Кострубъ—нечоса, насмѣшливое прозвище,

¹⁾ Ворогарю, воротарю?

Хто, хто у ворить кличе?

Царская (или панская) служечка.

А що въ неи принесено?

Мизильнее дитя.

А въ чимъ воно посажено?

Въ золотимъ кресли.

А чимъ воно цятається?

Срибними оришками.

А чамъ воно подкидається?

Золотимъ яблучкомъ.

Или:

Володарь, володарь,

Чи дома господарь?

Та нема ёго въ дома:

Поцхавъ по дрова.

Церква замикана,

Церква одмикана...

А хто въ теи церквци?

Золотее дитятко.

А що зъ воно робить?

Золотого ножика держить.

А що воно крає?

Срибнее яблочко.

(Быть Подол. Шейк., ч. 1, 27).

²⁾ Умерь, умерь Кострубонько,

Умерь, умерь голубонько.

Умерь та й не дیشه...

Кострубонька поховали,

Ниженьками припттали.

Прийди, прийди, Кострубонько,

Стану зъ тобою на шлюбоньку,

Унедילו въ недилочку,

При раннѣму снадавчачку.

безъ сомнѣнія, явившееся въ послѣдствіи, подѣ внушеніемъ христіанскаго презрѣнія къ языческимъ празднествамъ и забавамъ), умерь голубчикъ, умерь и не дышетъ» (только... колышетъ, прибавляютъ молодцы, тѣмъ самымъ подавая поводъ искать связи Кострубонька съ великорусскимъ непристойнымъ Ярилою и съ древнимъ мифологическимъ символизмомъ лингама и фальлуса, особенно съ египетскимъ мѣномъ о воссозданіи умерщвленнаго Тифномъ Озириса изъ его дѣтородныхъ частей, спасенныхъ Изидою); его похоронили, притоптали ногами. Это одна половина пѣсни. Другая представляетъ Кострубонька ожившимъ и говоритъ о бракѣ Кострубонька: «приди ко мнѣ, Кострубонько, вступи въ бракъ со мною въ день недѣльный, при раннемъ завтракѣ». Въ западной Малороссіи игра въ Кострубонька сопровождается неоднократными восклицаніями «Христось Воскресе», чтѣ еще болѣе побуждаетъ предполагать, что въ древности пѣсня эта со сценическими дѣйствіями выражала такой образъ, который, по внѣшнимъ признакамъ, имѣлъ сходство съ христіанскимъ представленіемъ о смерти и воскресеніи Христа.

Лѣту также посвящены особые разряды пѣсень—троицкія, петровочныя, купальскія, наконецъ, пѣсни, сопровождающія сельскія работы—гребецкія и заживныя. Всѣ носятъ на себѣ признаки времени года. Здѣсь встрѣчаете короткую ночь, которая не дала дѣвицѣ выспаться ¹⁾, вѣнки изъ лѣтнихъ цвѣтовъ, купанье ²⁾, высокую траву въ саду, гдѣ могутъ скрываться волки ³⁾, и бѣленье полотень ⁴⁾, и комаровъ, которые кусаются ⁵⁾; здѣсь являются и русалки ⁶⁾—

¹⁾ Мала ничка петривочка—

Не выспалась наша дивочка.

²⁾ Купалочка купалася

На бережку сушилася.

³⁾ А въ мого батька садъ надъ водою,

Садъ надъ водою—зильля горою,

А въ тому зильлю вовки завили.

⁴⁾ Тамъ Катерина биль билила,

А биличи говорила:

Биле мос, биле крамне, тоненьке.

⁵⁾ Та вже три дни три неділи,

Якъ мого нелюба комари збили

Или:

Та вже сонце на гори:

Кусаются комари.

⁶⁾ Сидили русалки

На кривій берези;

Просили русалки

Въ дивочокъ сорочокъ,

Въ молодиць намитокъ:

Хочъ вона худенька,

Та аби бь биленька.

Или:

Проведу я русалочку до бору,

Сама я вернуся до дому.

Ой коли жь ми русалочки проводили,

Щобъ до насъ часто не ходили,

Та нашого житечка не ломали.

эти фантастическія существа, въ поэтическомъ міровоззрѣніи народа составляющія принадлежность лучшаго періода лѣтняго времени. Лѣтнее время, особенно до начала работъ, такъ называемой рабочей поры—время веселое. Дѣвица жалуется, что она не видала лѣта, что для нея ни кукушка не куковала, ни соловьи не щебетали,—ее мать не пускала гулять на улицу ¹⁾. Мы не встрѣчали олицетворенія лѣта съ именемъ лѣта, какъ весны, но есть пѣсня, гдѣ олицетворяется петровка, т.-е. время Петрова поста, срединное лѣто, обыкновенно время наибольшей солнечной силы и высшаго блеска природы. Дѣвицы встрѣчаютъ петровку и заплетаютъ ей русую косу; потомъ проводятъ ее и расплетаютъ, когда кукушка прячется въ капусту, т.-е. перестаетъ куковать ²⁾.

Земля—мать; обыкновенный ей эпитетъ—матушка сырая земля. Она—символь богатства и изобилія. Она запирается и отпирается какъ небо. Это отпирание, символизирующее весеннее оживленіе природы, совершается въ одной колыдкѣ святымъ Юріемъ, вѣроятно, замѣнившимъ, подъ христіанскимъ вліяніемъ, другое мифическое лицо ³⁾. На свадьбахъ говорятъ такое обычное привѣтствіе: будь здорова какъ вода, а богата какъ земля.

Земля—главное мѣстопробываніе умершихъ. Повидимому, пѣсенный міръ, насколько онъ еще пребываетъ съ языческимъ міросозерцаніемъ, за предѣлами земли, не знаетъ никакого общаго для всѣхъ отжившихъ мѣстопробыванія. Иногда пѣсня встрѣчаетъ ихъ въ деревьяхъ, птицахъ, камняхъ, но чаще всего ищетъ ихъ въ землѣ,—той самой землѣ, куда живые положили ихъ послѣ смерти; пѣсня заставляетъ ихъ изъ-подъ земли вести разговоры съ ходящими по землѣ и приписываетъ имъ такія ощущенія, какія бы могъ имѣть живой человѣкъ,

¹⁾ На мори вода хитається,

Дивчина лита пятається:

— Ой молоди молодици,

— Чи були ви на юлици?

— Ой чи було лито, чи не було;

— Чомусь мини невеличке воно?

— Ни зозуленьки не кували,

— А ня соловейки не щебетали;

— Мене мати гулять не пускала!

²⁾ Ой коли ми Петривочки диждали,

То ми їй русу косу заплитали;

Теперь же ми Петривочку проведемо,

Мя жъ їй русу косу росплетемо.

Ужежъ тая Петривочка минається,

Зозуля у капусту ховається.

³⁾ Ой вставай, пане, вельми рано,

И самъ уставай и челядь буди.

По твому полю самъ Госпидь ходить,

Самъ Госпидь ходить—три святци водить;

Ой першый святець—святій Юрья;

А другій святець—святій Петро,

А третій святець—святій Илья:

Святій Юрій—землю одмикае,

Святій Петро—жито зажинае,

А святій Илья—въ копи складае.

положенный въ могилу и остающийся тамъ съ признаками жизни. На свадьбѣ сиротѣ-невѣстѣ поютъ, что она проситъ къ себѣ на пирь умершаго родителя или мать: умершіе подають ей голосъ не съ неба, не изъ рая, но также не изъ ада,—чего можно было ожидать отъ народа, много вѣковъ исповѣдующаго христіанскую вѣру,—они отвѣтъ дають изъ земли; они сообщаютъ дочери, что хотѣли бы придти къ ней да не въ силахъ: на грудь имъ земли навалили, глаза ихъ засыпаны пескомъ—нельзя имъ глянуть, уста ихъ запеклись кровью—не могутъ они проговорить слова ¹⁾. То же говоритъ и умершій отецъ жениха, если женихъ не имѣетъ родителей ²⁾. Умершій молодецъ также изъ глубины земли говоритъ своей милой, чтобъ она не плакала по немъ, стоя на его могилѣ, и не сыпала бы на него земли, потому что сама она знаетъ, что тяжело подъ землею ³⁾. Въ другомъ вариантѣ этой же пѣсни прибавляется еще матеріальнѣе: тяжело сердцу и животу ⁴⁾. Въ иной пѣснѣ, очень распространенной, овдовѣвшій отецъ носить на рукахъ ребенка надъ могилою своей жены и вызываетъ къ ней, чтобъ она встала, потому что расплакалось дитя. Умершая изъ-подъ земли отвѣчаетъ: «пусть оно плачетъ: оно перестанетъ, а мать не встанетъ изъ могилы; пусть оно плачетъ; оно перетерпитъ, а матери никогда не будетъ» ⁵⁾. Подобно тому въ пѣснѣ о чумахъ, умершемъ во время путешествія и погребенномъ въ зеленомъ буеракѣ, мать въ видѣ кукушки прилетаетъ на его могилу и проситъ подать ей правую руку. «Я бы радъ былъ и обѣ руки подать,—отвѣчаетъ ей умершій,—да насыпали сырой земли—поднять не могу» ⁶⁾. Такой способъ воззрѣнія указываетъ на ту отдаленную эпоху первобытнаго человѣческаго развитія, когда, похоронивъ себѣ подобное существо, люди, не успѣвшіе

¹⁾ Прибуди, прибуди, мій таточку (моя матинко), тепера ко мни.

Ой дай мни порадонокку бидній сироти!
Ой рада бь я, дятя мое, прибути къ тоби:
Насипано сирой земли на груди мни,
Засипани нискомъ очи—не гляну къ тоби,
Закипили уста кровью—не мовлю къ тоби.

²⁾ Ой радъ би я соловейкомъ прилитати,
Придавила сыра земля, та не могу встати.

³⁾ Не стій на могили, не плачь надо мною,
Не плачь надо мною, не сипай землею,
Сама мила знаешь, що важко пидъ нею!

⁴⁾ А моя могила край Дунаечку,
Ой край Дунаечку—тяжко на сердечку.
Не стій на могили, не кидай писочку,
Бо з тяжко и важко серцю й животочку.

(Метл. 72).

⁵⁾ Та встань мила, та встань, дорогая,
Росплакалась дитина малая!
Нехай плаче—воно перестане,
А матинка изъ земли не встане!
Нехай плаче—воно перебуде,
А матинки до вѣку не буде!

⁶⁾ Прилетила зозуленька, та й сказала: куку!
Подай, синю, подай, орле, хочь правую руку.
Ой радъ бы я, моя мати, обидви подати:
Насипано сирій земли—не можно пидняти.

расширить своего мыслительнаго горизонта до созданія болѣе сложныхъ и свободныхъ образовъ, воображали себѣ умершихъ съ признаками жизни тамъ, гдѣ оставили ихъ трупы, и для этого, погребая мертвыхъ, клали съ ними съѣстные припасы. Первобытныя вѣрованія угасли, но представленія, соединенныя съ этими вѣрованіями, удержались и въ противоположность христіанскимъ понятіямъ, которыя мало отразились въ пѣсняхъ. Эти древнія представленія въ настоящее время имѣютъ значеніе какъ бы отрицанія всякаго существованія послѣ смерти и погребенія, по крайней мѣрѣ, такъ само собою показывается въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ. Въ одной пѣснѣ отъ имени умершей жены, которую мужъ умоляетъ встать, говорится: еще никто не видѣлъ того, чтобъ умершій всталъ изъ навы ¹⁾. **Нава**, очевидно, какая-то область мертвыхъ; но эта область не что иное, какъ глубина земли. Вышеприведенныя слова пѣсни показываютъ, что, по народному воззрѣнію, въ этой навѣ лежатъ безъ движенія.

Любовники въ своихъ взаимныхъ обѣтахъ надѣются жить вмѣстѣ только на этомъ свѣтѣ; о мечтаніяхъ за гробомъ нѣтъ и помину: ихъ на вѣкъ разлучаетъ заступъ, лопата, дубовая хата, глубокая могила и высокая насыпь ²⁾.

Впрочемъ, народная фантазія, какъ извѣстно, допускаетъ иногда и явленіе умершихъ между живыми; самое слово нава близко съ стариннымъ словомъ навѣ—мертвецъ, но этотъ навѣ все-таки имѣлъ пребываніе въ землѣ (навѣ изъ гроба исходящій); съ перемѣною буквы *н* въ *м* образовалось слово мавки—русалки, несомнѣнно тѣни умершихъ, пугавшія живыхъ людей, но ихъ постоянное жилище въ той же землѣ, почему онѣ и называются «земляночки» ³⁾. Встрѣчаемый въ пѣсняхъ образъ превращеній въ деревья и травы также не выводитъ умершихъ изъ земли болѣе того, насколько корень растенія остается въ землѣ. Такимъ образомъ, все указываетъ, что, по древнимъ понятіямъ, преимущественное и общее для всѣхъ отжившихъ пребываніе было въ землѣ. Согласно этому представленію, земля, въ пѣсняхъ, есть послѣднее желанное убѣжище для страданія. Въ малорусскихъ пѣсняхъ несчастный не боится смерти и не льститъ себя надеждами благополучія на томъ свѣтѣ: онъ надѣется на одну дѣйствительную успокоительницу—землю. Къ ней припадаетъ и проситъ принять себя сиротка-дѣвица, у которой земля уже приняла дорогихъ родителей ⁴⁾. Въ ней

¹⁾ Та ще того ніхто не видавъ,
Щобъ умершій зъ нави вставъ.

²⁾ Уже насъ не розлучать ні пипъ, ні громада,
Тильки насъ розлучитъ заступъ та лопата,
Заступъ та лопата, дубовая хата,
Глибокая яма, висока могила!

³⁾ Русалочки-земляночки
На дубъ лизли,
Кору гризли...

⁴⁾ Ой дивчина плоскинь брала,
Къ сирій земли припадала:
Земле моя, сиренькая,
Приняла ти отця й неньку.
Прийми мене молоденьку,
Якъ вишеньку зелененьку,
Якъ ягідку червоненьку.

ищетъ прибѣжища и атаманъ погибшаго, вѣроятно въ бою, военнаго отряда: «о, земля сырая, матушка родная!—восклицаетъ онъ, припадая къ землѣ:—много приняла ты войска запорожскаго, прими и меня молодца-атамана» ¹⁾. Могила въ иносказательномъ образѣ выраженія представляется женою или невѣстою погребеннаго. Есть чрезвычайно распространенная въ разныхъ видахъ пѣсня, гдѣ козакъ посылаетъ коня къ родителямъ передать имъ вѣсть о судьбѣ сына и приказываетъ ему не говорить, что онъ убитъ, а велить сказать, что онъ женился, взявъ себѣ въ полѣ могилу—красную дѣвицу ²⁾. Къ этому, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ, прибавляется: она горда и пышна; ходитъ въ зеленой одеждѣ, не склонить головы ни предъ царемъ, ни предъ королемъ ³⁾. Другой обычный образъ могилы въ видѣ дома или хаты. Вотъ везутъ козака съ поля битвы, изрубленнаго, изстрѣленнаго. Мать и сестра встрѣчаютъ его. Мать хочетъ искать цѣлебныхъ средствъ. Зачѣмъ ихъ искать?—говорятъ ей козаки:—надобно хату строить: три доски сосновыхъ, а четвертая кленовая, безъ оконъ, безъ дверей: тамъ почиваетъ козакъ-молодецъ ⁴⁾. Изъ пѣсень видно, что надъ гробомъ насыпали высокую «могилу»—холмъ ⁵⁾.

Могилою называется въ пѣсняхъ не только обычное мѣсто погребенія, но также насыпь—курганъ, который, какъ извѣстно, очень часто дѣйствительно оказывается могилкою отдаленныхъ временъ. Въ малорусскихъ пѣсняхъ эти могилы—одинъ изъ любимыхъ поэтическихъ предметовъ. Есть очень распространенный пѣсенный мотивъ о томъ, что могила говорила въ степи съ вѣтромъ и просила вѣтеръ повѣять, утолить зной, чтобы на ней росла зеленая трава. Къ этому мотиву прилетаются пѣсни различнаго содержанія, напр., на могилѣ, говорящей съ вѣтромъ, сидитъ козакъ, тоскующій въ чужомъ краю, сопоставляющій свою грусть съ грустнымъ видомъ кургана, который никакъ не уприситъ вѣтеръ по-

1) Ой ударивсь пань отаманъ обь сирую землю:

Земле, земле сирая, ти матуса ридная!
Приняла ти виська много запорозького:
Прийми мене отамана молоденьбаго.

2) Не кажи, коню, що я вбитий лежу,

А скажи, коню, що я оженився:
Та взявъ соби дивчиноньку—
Въ чистимъ поли могилоньку.

Или:

Та взявъ соби паняночку,
Въ чистимъ поли земляночку.

3) Горда та пишна въ зеленій сукни ходитъ,

Цареви королеви голови не склонитъ.

4) На що, мати, лики одати?

Треба хату добувати,
Ой три доски соснови,
А четверта клинова,
Безъ виконецъ, безъ дверецъ,
Тамъ спить козакъ молодець.

5) Соснова хата—висока могила,

Висока могила на рученькахъ,
Червона калина въ головонькахъ.

вѣять на него ¹⁾). Въ другой пѣснѣ на могилу, обожженную солнцемъ и напрасно умоляющую вѣтеръ повѣять на нее, приходитъ дѣвица, утратившая своего милаго ²⁾). Въ третьей пѣснѣ, которая также начинается разговоромъ могилы съ вѣтромъ, разсказывается, какъ молодая женщина, отравившая своего мужа, плачетъ о своемъ горѣ и преступленіи ³⁾).

Могилы въ пѣсняхъ—мѣсто разныхъ житейскихъ положеній, преимущественно военного быта, но иногда и сельскаго. У могилы прощается козакъ съ родными; они долго стояли на могилѣ, провожая глазами родного ⁴⁾). На могилѣ засыпаетъ козакъ, привязавши своего коня къ дереву, вдругъ является дѣвица, будитъ его ударомъ дубовой вѣточки по лицу, извѣщаетъ, что татары хотятъ изрубить молодца ⁵⁾). На могилѣ происходитъ побоище; слѣдъ его остался на могилѣ; она покрыта кровью ⁶⁾).

¹⁾ У стену могила зъ витромъ говорила:

Повій, витре, буйнесенъкий, щобь я не чорнила,
Щобь я не чорнила, щобь я не марнила,
Щобь на мни трава росла, та щобь зеленела.
Ой витерь не віє, а сонечко гріє,
Тільки краємъ край дунаю трава зеленіє.
Сидить козакъ на могилі, та й гадку гадає,
На Украину поглядає, тяженько вздыхає.
Бодай тая ричка куширомъ заросла,
Що вона мене молодого въ чужий край занесла.

²⁾ Гей въ полю могила зъ витромъ говорила,
Гей повій ти, витре, гей новій, буйшенъкий,
Щоби мѣ ся зминила!

И витерь не віє—сонце допикає,
Гей та ино мене дивча якъ калина
Квѣтомъ прикриває,
Квѣтомъ прикриває и росить слезами. (Чт. 1863. IV. 176).

³⁾ Де у поли могила зъ витромъ говорила,
Тамъ молода старого изъ гроба будила.

(Чт. 1863. IV. 191).

⁴⁾ Довго, довго вони на могилі стояли,
Довго, довго вони козаченька вичьми провожали (ук. д. Мак., с. 8)

⁵⁾ Привязавъ коня къ дубиньонци,
А самъ спать лигъ на могилоньци,
Де взялася молода дивчина,
Та зломилы зъ дуба гилочку,
Та вдарила козаченька по личеньбу:
Встань, козаче, татари йдуть.

⁶⁾ Козакъ полемъ проѣзжає,
Ой выхавъ край могилы,
Край могилы верховини.
Ой могило верховино,
Чому рано не горіла?
Ой я рано не горіла,
Бо кривцею обкипила.
А якою? Козацькою
Половину изъ ляцькою.

Изъ безчисленныхъ кургановъ южнаго края нѣкоторые прославлены народною поэзіею по именамъ. Такова Савурь-могила, сдѣлавшаяся нарицательнымъ именемъ высокой стѣнной могилы, подобно тому, какъ Дунай сталъ нарицательнымъ именемъ большой рѣки. Вотъ близъ этой Савурь-могилы по широкой долинѣ проходить запорожцы ¹⁾. Вотъ на Савурь-могилу вѣзжааетъ козакъ—посмотрѣть, гдѣ ему придется погибнуть въ бою ²⁾. На этой Савурь-могилѣ, по одному варианту, козакъ Голота побѣждаетъ бородача татарина и потомъ восклицаетъ: о, Савурь-могила! сколько я на тебѣ гулялъ, а еще такой добычи не добывалъ! ³⁾. На Савурь-могилѣ умираетъ несчастный бѣглець изъ Азова, покинутый своими конными братьями ⁴⁾. Съ именемъ Савурь-могилы соединяется имя любимѣйшаго народною поэзіею героя Морозенка: татары, предъ страшною казнью, съ него содрали кожу и ведутъ его на Савурь-могилу, чтобъ онъ съ ней взглянулъ послѣдній разъ на свою Украину ⁵⁾.

На другой могилѣ—Сорочей, происходитъ битва съ ляхами ⁶⁾ и близъ этой могилы погибаетъ Перебийнось ⁷⁾. Есть еще могила Товста, гдѣ палъ Цимбаленко, одинъ изъ героевъ гайдамачины ⁸⁾. Могила, подъ названіемъ Костяная, представляется въ пѣсняхъ рубежомъ Украины, отбитой козаками и утраченной безпокойными польскими панами ⁹⁾.

Въ пѣсняхъ сельскаго и семейнаго быта могила упоминается всегда почти какъ мѣсто грусти. На могилѣ козакъ, одинокій горемыка, думаетъ о своемъ тяжеломъ житѣ на чужбинѣ; на могилѣ сирота плачетъ о своемъ сиротствѣ ¹⁰⁾.

1) Ой Савурь-могила, широка долина, орель пролітає,
Іде висько, славне запоризьке, якъ макъ процвітає.

2) Ой бижи, бижи, вороний коню, на Савурь-могилу;
Ой нехай же я тамъ побачу, де я молодь загину.

3) Ой Савурь-могило! скільки я по тобі гуляв,
А ще такой здобичи не добувавъ! (Укр. думи Макс. 16).

4) Кул. З. о Южи. Росс., I, 38. Макс. Сб. Укр. п. 1849, 22. См. ниже объ этой думѣ.

5) Ой повели Морозенка на Савурь-могилу;
Дивись, дивись, Морозенко, на свою Украину!

6) Ой поведемъ, джуро малий, на Сорочу могилу;
Одвідаємъ, джуро малий, вражу лядську силу.

(Метл. 401).

7) Оттеперъ же, ляхи, оттеперъ же, паны, ви слави зажили,
Що неживого Перебийниса підъ могилою положили.

(Метл. 401).

8) Пили, пили запорозци, та гуляли,
Підъ Товстою могилою баталію мали,
Підъ Товстою могилою зацвила калина,
Тамъ убито Цимбаленка—вдовиного сина.

9) Оттакъ знай, лаше, що по Случъ наше, по Костяную могилу,
Якъ не схотили, забутовали, та й утериля Украину.

10) Ой зйду я на могилу,
Та погляну на долину:
Могила висока,
Долина глибока;
Тяжко въ свити жити.

на могилу хочеть взойти бѣдная мать, которая съ ироніей надъ своею судьбою говоритъ, что забереть дѣтей въ мѣшокъ и распуститъ ихъ по всей Украинѣ ¹⁾. Степную могилу проклинаеть дѣвица за то, что она утратила подъ нею свое счастье ²⁾.

Гора въ пѣсняхъ чаще всего носить эпитеты крутая и высокая, она—символь трудности и невозможности. Такимъ образомъ, желаніе воротить протекшія лѣта молодости сравнивается съ желаніемъ развернуть крутыя горы ³⁾. Трудность выражается образомъ—перескочить или перейти черезъ крутую гору ⁴⁾. Препятствіе въ любви изображается хожденіемъ по калину черезъ крутую гору ⁵⁾. Твердость каменной горы сравнивается съ молчаливостью и скрытностью дѣвицы, хранящей свои тайны ⁶⁾. Въ малорусской пѣсенности вообще одинъ изъ любимыхъ пріемовъ начинать пѣсню горою или какимъ-нибудь признакомъ, соединеннымъ съ горою ⁷⁾. Три горы—признакъ отдаленія вмѣстѣ съ тремя рѣками и

1) Ой годи вже журитися—нехай на петривку,
Ой заберу дити въ торбу—виду у мандривку;
Ой зійду я на могилу, та розвяжу я торбину,
Та раслушу дрибни дити на всю Украину.

2) Водай тая стеновая могила запала,
Що я шидь нею изъ козакомъ жито жала,
Счастья-долю утерала!

3) Ой тамъ дивка воду брала,
Крути гори розвертала,
Лита свои завертала.
Крути гори, розвернитесь,
Лита мои, завернитесь!
Крути гори розвернуться,
Лита мои не вернуться!

4) Круту гору перескочу.

5) Черезъ круту гору у лугъ по калину;
Любивъ козакъ дивчиноньку, якъ батько дитину.
Чи я жъ ёго не люблю, самъ Богъ тее знае,
Карай, Боже, розлучника, що насъ розлучае.

6) Ой ти горо камъяная, чомъ не дунаешься?
Скажи, скажи, дивчинонько, изъ кимъ кохаешься.
Хиба жъ би я зъ писку була, щобъ я дуналася,
Хиба жъ би я дурна була, щобъ я призналася.

7) Ой по горахъ, по долинахъ,
По козацькихъ украинахъ,
Свий голубъ вилитае;
Ой тожъ козакъ вихожае,
Товарища викликае и пр.

Или:

Ой на гори, на гори,
Тамъ горили огня,
А за тими огнями
Столи тесові,
За тими столами
Чумаки сидили.

Или:

трема степями ¹⁾). Въ одной, очень распространенной пѣснѣ съ двумя горами сравниваются двѣ дѣвицы ²⁾).

Долина въ пѣсняхъ нерѣдко мѣсто свиданія молодцовъ съ дѣвицами, особенно близъ ключа, куда дѣвица ходитъ за водою ³⁾). Молодецъ находитъ свою красавицу въ долинѣ ⁴⁾). Долина также мѣсто сбора молодцовъ ⁵⁾). Эпитеты долины—широкая и глубокая. Въмѣстѣ съ горами три глубокихъ долины—символь дали ⁶⁾). Въ козацкихъ пѣсняхъ долина—иногда мѣсто смерти козака ⁷⁾). Въ одной думѣ воспѣвается долина, на которой умираетъ козакъ, смертельно раненый; эта долина называется Кюдина; умирающій проклинаетъ ее, потому что онъ потерялъ на ней сначала коня, потомъ товарища, наконецъ и самъ на ней кладетъ голову ⁸⁾). Другая знаменитая долина—Черкения, гдѣ палъ прославленный думою Ивась Коновченко.

За горою за високою
Сидитъ голубь зъ голубкою.

Или:

Ой на гори, на гори,
Тамъ ихали мазури.

Или:

Изъ-за гори изъ-за кручи ривлять вози йдучи;
Попереду чумаченько курить люльку йдучи.

Или

Какъ поетъ дѣвица:

Ой зйду я на гороньку,
Та погляну въ долиноньку,
Ой тамъ ходять паняночки,
Та збирають хвіялочки.

¹⁾ За три гори та високиі,
За три ріки та глибоккі,
За три степи та широкиі.

Или:

За горою за крутою
Живуть люде слободою,
То не люде—сопостати,
Взяли парня у салдати.

²⁾ Одна гора високая, а другая низька,
Одна мила далекая, а другая близька.

³⁾ Чт. 1863. IV. 302.

⁴⁾ Ой тамъ гора, ой тамъ гора, ой тамъ долинонька,
А мижъ тими гороньками моя дивчинонька.

⁵⁾ ... Не такъ горочки, якъ долиночки,
Де збиралися парубочки.

⁶⁾ За три гори та високиі,
За три долини глибоккі!

⁷⁾ Ой загинула козацька головонька
На широкиі на долини,
Та безъ отця, безъ матусеньки,
Безъ ридної родини.

⁸⁾ На узбоччи долина била двоохъ Сокиривъ козацькихъ,
Тамъ козакъ постреленній, порубаний, на рани на смерть знемогае
При соби отця—неньки немає;

Степь—по-малорусски *степь*—встрѣчается въ пѣсняхъ только какъ черта мѣстности. Это—отечество запорожцевъ; они называютъ ее: степь широкая, край веселый ¹⁾). Кому случалось на степи гулять, тому можно было угадать, что такое запорожець ²⁾). Степь часто бывала мѣстомъ битвы. «Случалось мнѣ», говоритъ козакъ, въ подписи подъ его стариннымъ народнымъ изображеніемъ,— «варить на степи пиво; пили его и турки, и татары, и ляхи на удивленіе; много и теперь лежитъ съ похмелья отъ этой пирушки мертвыхъ головъ и костей» ³⁾). Степь—предполагаемое мѣсто кончины козака. Тотъ же козакъ, который рассказываетъ, какъ онъ варилъ на степи пиво, соболѣзнуетъ, что если придется ему умирать на степи, то некому будетъ похоронить его: татаринъ погнушается, а ляхъ не приступитъ, развѣ какое-нибудь звѣрье стащитъ въ бугракъ ⁴⁾). Подобно тому въ другой пѣснѣ мать, провожая сына, восклицаетъ: «кто-жъ будетъ глядѣть за тобою при смерти, когда ты будешь умирать на степи!» ⁵⁾). Прекрасная дума объ азовскихъ братьяхъ представляетъ образчикъ смерти козака на степи не отъ ранъ, а отъ тѣхъ лишений и трудностей, которыя были соединены съ характеромъ степи.

Дорога въ пѣсняхъ носить различные эпитеты: убитая, широкая; большая дорога называется *шляхъ*, маленькая тропинка—*стежка*. Есть употребительный мотивъ, который прилагается къ пѣснямъ разнаго содержанія (козацкимъ, рекрутскимъ): шли ляхи на три шляхи, а козаки на четыре, а татары покрыли собою поле ⁶⁾),—мотивъ, перешедшій въ различныя пѣсни изъ одной, относящейся къ совмѣстной войнѣ поляковъ и козаковъ противъ татаръ. Въ ко-

Тоди козакъ долину Кодиону трома клятьбами проклинае:
 Бодай ти, долино Кодино, лихими болотами заадала,
 Щобъ у весну Богу николи не зорила, не позоряла,
 Що я на тоби трича гулявъ:
 Перший разъ гулявъ—
 То коня вороного втерявъ;
 Другий разъ гулявъ—
 Товарища сердечного втерявъ;
 Третій разъ гулявъ—
 Свою голову козацьку накладавъ.

¹⁾ Степь широкий—край веселый—край запастила.

²⁾ Кому трапилось хочъ разъ у степу гуляти,
 То може той и прозвище мое угадати.

³⁾ Лучалось мнѣ на степу варити пиво;
 Пивъ турчинъ, пивъ татаринъ, пивъ и ляхъ на диво;
 Багато и теперь лежитъ на степу зъ похмѣлля—
 Мертвыхъ головъ и кистокъ одъ того веселья.

(Кул. Зап. о Ю. Р. 1. 318).

⁴⁾ Хоча мнѣ не страшно на степу вмирати,
 Тільки жалко, що нікому буде поховати:
 Татаринъ цурається, а ляхъ не приступитъ,
 Хиба яка звирюка за ногу у байракъ сцунитъ.

(Ibid.).

⁵⁾ Якъ ти будешъ на степу вмирати,
 А хтожъ буде смерти доглядати.

⁶⁾ Ишли ляхи на три шляхи,

зацких пѣсняхъ отъбжающей козакъ просить своихъ родныхъ, чтобы приливали дорожку, — что означаетъ воспоминаніе (сопровожаемое попойкою), — и утѣшать его дѣвицу ¹⁾). Въ чумацкихъ пѣсняхъ ходить по дорогамъ значить вообще путешествіе ²⁾). Стежки, протоптанныя къ окнамъ хатъ, показываютъ, что тамъ есть дѣвица ³⁾), а заростаніе стежки — символъ разлуки ⁴⁾).

Песокъ — принадлежность смерти. Въ одной пѣснѣ выражается досада такимъ образомъ: «пусть бѣлый песокъ точить твои вражи очи!» ⁵⁾). Это значить — чтобы ты умеръ. Несчастливая женщина, томясь въ чужой семьѣ, говоритъ: «пусть мои глаза точить песокъ въ сырой землѣ; пусть не кручинитъ моей головы чужая мать» ⁶⁾). Въ другой пѣснѣ жена, ненавидящая мужа, говоритъ, что ей лучше ѣсть въ землѣ песокъ, чѣмъ ужинать съ немилымъ ⁷⁾). Умершій отецъ, котораго въ свадебныхъ пѣсняхъ призываютъ на свадьбу его дочери, говоритъ, что онъ — подъ тремя замками, и одинъ изъ этихъ замковъ — песокъ ⁸⁾). Въ козацкихъ пѣсняхъ невозможность козаку возвратиться домой сравнивается съ произрастаніемъ песку, посѣяннаго на камнѣ и политаго слезами: здѣсь песокъ избранъ потому, что онъ — символъ смерти ⁹⁾).

Камень — символъ трудности. Дѣвица, которую хотять отдать замужъ за немилаго, катитъ камень по слѣдамъ его и говоритъ: «какъ тяжело катить этотъ камень, такъ мнѣ тяжело жить съ немилымъ» ¹⁰⁾). Сирота на чужбинѣ сравниваетъ себя съ камнемъ, которому бы нужно было плыть по водѣ ¹¹⁾).

А козакъ на чотири,
А татари поле вкрили.

¹⁾ Ой приливайте дороженьку, щобъ ниломъ не принала,
Та розважайте дивчиноньку, щобъ зъ лачка не спала.

²⁾ По дорогахъ ходячи,
Сири воли водячи.

³⁾ Ой знати, знати, въ кого есть дочки:
Топтани стежечки нидь виконечки.

⁴⁾ По стеженци, куди ходивъ, трава зеленіе.

⁵⁾ Бодай твои вражи очи билий писокъ точивъ!

⁶⁾ Нехай мои чорни очи въ земли писокъ точе!
Нехай мини чужа мати голови не клопоче!

⁷⁾ Лучче мини, мати, въ земли писокъ исти,
Нижь изъ нелюбимъ вечерати систи.

⁸⁾ Першій замочокъ — гробочокъ,
Другій замочокъ — писочокъ,
Третій замочокъ — трава мурава.

(Гильтебр. 200).

⁹⁾ Возьми, сестро, писку жменю,
Посій ёго на каменю,
Ходи, сестро, зироньками,
Поливай ёго слизоньками:
Коли той писокъ зійде,
Тоди братъ твій зъ виська прийде.

¹⁰⁾ По ёго слиду каменемъ поточила:
Ой якъ мини важко сей каминь точити,
То такъ важко зъ нелюбомъ жити.

¹¹⁾ Ой якъ тяжко каменеви нидь воду плинути,
А ще тяжче сиротини на чужини жити.

Женщина, проживающая съ немилымъ мужемъ, говорить, что ей легче поднимать тяжелый камень, чѣмъ проводить жизнь съ нелюбимъ ¹⁾. Въ козацкихъ пѣсняхъ отъѣзжающій изъ родины козакъ говорить, что онъ воротится тогда, когда тяжелый камень поплыветъ по водѣ, а перья павлина потонетъ ²⁾. Невозможность произрастать чему-нибудь на камнѣ сопоставляется съ такими явлениями нравственнаго міра, которыя хотягь сдѣлать невозможными. Дѣвица даетъ избѣнившему ей козаку заклятіе, чтобъ онъ женился тогда, какъ въ мельницѣ на камнѣ родится куколь ³⁾. Неподвижность камня сопоставляется съ привычкою: въ одной галицкой пѣснѣ тяжесть разлуки сравнивается съ разлукою камня съ тою водою, въ которой онъ лежалъ ⁴⁾. Но въ одной веснянкѣ камень или камушекъ означаетъ милаго (въ смыслѣ перстня) ⁵⁾.

Есть пѣсни о превращеніи живыхъ существъ въ камень. Молодецъ, женатый и имѣющій дѣтей, влюбился въ чужую жену и задумалъ бѣжать съ нею. Онъ пришелъ къ своему коню и сталъ съ нимъ совѣтоваться. Конь просилъ не дѣлать того, что онъ замышлялъ. Молодецъ не послушался и поѣхалъ. Бѣдутъ они черезъ поле, бѣдутъ черезъ другое; на третьемъ полѣ стали они отдыхать. Сталъ чужой мужъ у чужой жены разспрашивать: «послушай, чужая жена, дуброва ли это шумить, или моя жена бѣдетъ въ погоню за нами? Соловьи ли это щебечуть, или мои дѣтки плачутъ?—Не дуброва шумить: то моя жена въ полѣ бѣдетъ; не соловьи щебечуть: это мои дѣтки плачутъ. Бѣги, жена чужая, бѣги по полю куніею, а ты, конь вороной, стань зеленымъ яворомъ, а я, молодой козакъ, лягу бѣлымъ камнемъ! Бѣжала жена, бѣжала и сѣла на камнѣ, жалобно заплакала. О, чтобъ этому камню было тяжело лежать здѣсь, мнѣ же еще тяжелѣе горевать съ дѣтками ⁶⁾.

1) Легше мнѣ, мати, тяжкій каминь зняти,
А нижъ изъ нелюбомъ видъ коротати.

2) Якъ тяжкій каминь на верхъ виплине,
А павине пирья на спидъ потоне.

3) Бодай же ти, козаченьку, тоди оженився,
Якъ у млини на камини кукиль уродився.

4) Розлучили каминь зъ водовъ,
Розлучили мене зъ тобовъ.

(Чт. 1863. IV. 24).

5) Якъ покотиться каминець
Молодій Настенци въ рукавець,
Якъ думала—каминець,
Ажъ то Иванько молодець;
Якъ думала биленький,
Ажъ то Иванько молоденький.

6) Ой идуць вони поле, идуць другее,
На третьему поли стали вони спочивати.
Ой ставъ чужий мужъ до чужої жони промовляти:
Ой послухай, чужа жоно, чи дибривонька гуде?
Чи дибривонька гуде, чи милая въ погоню иде?
Чи соловейки щебечуть, чи то жъ мои дѣтки плачуть?
Не дибривонька гуде—то милая въ погоню иде;
Не соловьи щебечуть—ой то жъ мои дѣтки плачуть.
Бижи, чужа жоно, по полю кунюю,
А ти кинь вороненький, стань зеленимъ яворомъ,

Въ другой пѣснѣ, наоборотъ, въ яворъ превращается молодець, а въ камень его конь. Въ народныхъ разсказахъ есть еще разныя превращенія въ камень. Такимъ образомъ, тѣ каменные бабы, которыя попадаются нерѣдко на степяхъ южной Руси, по народному воззрѣнiю, были люди, превращенные въ камень за то, что плевали на солнце. Вѣроятно, этому соотвѣтствуетъ и заклятіе, выражающее желаніе, чтобы тотъ, на кого оно падеть — окаменѣлъ. Такъ русская плѣнница, которую татарка (оказавшаяся потомъ ея дочерью) заставляеть качать своего ребенка, говоритъ: «чтобъ это дитя окаменѣло» ¹⁾.

Въ пѣсняхъ нерѣдко на камнѣ — мѣстопребываніе птицъ, орла и сокола. Съ сидящимъ на камнѣ орломъ разговариваетъ козакъ и спрашиваетъ его о милей ²⁾.

Золото и серебро — символы (преимущественно золото) богатства, великолѣпія, обилія. Народный образъ выраженія многія вещи называетъ золотыми и серебряными, означая тѣмъ ихъ изящество, превосходство. Такимъ образомъ, мы встрѣчаемъ золотыя удила, золотыя подковы ³⁾, серебряныя сѣдла ⁴⁾, золотыя гривы у коней ⁵⁾, серебряныя весла ⁶⁾. Въ колядкахъ поется, что Богъ нашеть, у воловъ его золотые рога, и то, что родится на этой нивѣ, будетъ имѣть серебряный стебель, золотой колось ⁷⁾. Въ галицкихъ колядкахъ поется о какой-то золотой рясѣ — золотомъ растеніи, которое стерегла красная дѣвица ⁸⁾.

Вода, въ различныхъ видахъ и примѣненіяхъ, играетъ важную роль въ народной поэзіи. Извѣстно, что въ языческія времена приносились жертвы «озеромъ и кладземъ»; въ числѣ случаевъ, подлежащихъ епископскому суду, подобно церковному уставу Владимира, было языческое моленіе у воды. Водопоклоненіе оставалось долго у русскихъ въ своей силѣ, какъ показываетъ правило митрополита Іоанна, осуждающее тѣхъ, которые «жрутъ бѣсомъ, и боло-томъ, и колодяземъ». Русскій народъ уже по принятіи христіанства избѣгалъ

А я ляжу, молодь козакъ, та билесенькимъ каменемъ.
Та бигла жона, бигла, та на камени сила;
Та на камени сила, жалибненько заплакала:
Ой щобъ сѣму каменю тутъ тяжко-важко лежати,
А ще жь мини тяжче й важче зъ дитками горевати!

(Метл. 228).

- ¹⁾ Бодай дитя скаменило.
²⁾ Ой у поли край дороги билий каминь лежить,
А на тимъ камини сизь орель сидить;
Ой сидитъ же винь, сидитъ и думку гадае,
Йде козакъ дорогою и орла питае

Или:

На Чорному морі, на білому камні,
Тамъ ясенький сокіль квилить, проквилляе.

- ³⁾ Метл. 112, Пѣс. Валл. 89.
⁴⁾ Чт. 1863. III. 40.
⁵⁾ Чт. 1864. I. 33.

- ⁶⁾ Мидяни човна, срибніи весла,
⁷⁾ Посіємо ми яру ишеницю,
Та вродить же ся що стебло-срибло,
Що стебло-срибло, золотий колось.

- ⁸⁾ См. ниже: Божье дерево.

(Колядк.).

церковнаго брака и замѣнялъ вѣнчаніе языческимъ обрядомъ плесканія. Этотъ обрядъ, потерявъ свою религіозную силу, долго еще сохранялся какъ забава— въ обычаѣ дѣвицъ и молодцовъ обливать другъ друга водою, что соблюдалось въ Малороссіи весною, преимущественно на святой недѣлѣ. Можно признать остатками древняго водопоклоненія тѣ частыя упоминанія о водѣ въ веснянкахъ и купальскихъ пѣсняхъ, особенно въ припѣвахъ ¹⁾, которые вообще долѣе сохраняются въ древнемъ видѣ, чѣмъ самыя пѣсни. Въ купальскихъ пѣсняхъ, какъ и въ обрядѣ этого языческаго праздника, вода играетъ важную роль, купанье въ водѣ составляетъ необходимую принадлежность праздника. Въ самыхъ пѣсняхъ во многихъ видахъ является вода; поется о купаньи Ивана, о паденіи его въ воду ²⁾, о блескѣ и волненіи моря ³⁾, о купаньи Купалочки ⁴⁾. Но что всего важнѣе, поется о Моревѣ или Морянкѣ, которая была, вѣроятно, не что иное, какъ олицетворенная вода, море,—богиня водъ и вмѣстѣ, какъ показываютъ чешскіе памятники, богиня смерти, такъ какъ и въ самомъ языкѣ названія смерти и моря, повидимому, сродны (море, мру, mors, mare). Понятно, что пѣсни, относившіяся къ этому мифологическому существу, искажались по мѣрѣ того, какъ религіозный культъ обратился въ забаву и въ пѣсни вошли инныя, хотя болѣе или менѣе соотвѣтствующія прежнему содержанію, черты. Такъ еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ чучело, называемое Мореною, украшаютъ его вѣнкомъ изъ черноклена съ разными полевыми цвѣтами, наряжаютъ въ дѣвичью одежду, а потомъ, раздѣвши, бросаютъ въ воду. Это чучело означало морскую богиню, и бросаніе въ воду было, вѣроятно, символомъ ея господства надъ водою. Но съ забвеніемъ языческихъ вѣрованій обрядъ бросанія въ воду женскаго изображенія подалъ поводъ къ представленію объ утонувшей дѣвицѣ, за которою, однако, осталось мифологическое имя Морены, верѣдко, по созвучію, замѣняемое христіанскимъ именемъ Маринны. Такимъ образомъ, пѣсни, касающіяся Морены, въ настоящее время есть пѣсни объ утонувшей дѣвицѣ ⁵⁾. Въ одной изъ такихъ пѣсней поется, что Морена, утопая, уро-

¹⁾ Тихо йду,
А вода по каминю,
А вода по билому
Еще тихше.

Или:

Ой ви рики, розливайтесь,
Лука-берега, заливайтесь,
Къ намъ (имкъ села сосѣдняго) передайтесь!

²⁾ Ой купався Иванъ
Та въ воду впавъ.

³⁾ Стриль-вода олелила,
А на моря хвиля била.
Купала на Ивана!

⁴⁾ Купалочка купалася.
Та на бережку сушилася.

⁵⁾ Прийшлось дивци Маринци передъ вѣсти.
Передъ вѣсти, на дунай плисти,
Дивка Маринка утонула.

Или:

Ой ненько, ненько, Моренка втонула,

нила въ воду серебряные ключи, потомъ слѣдуетъ обращеніе къ рыбакамъ, чтобъ они не ловили Морены, а только достали серебряные ключи ¹⁾. Предоставляя толкованіе значенія этихъ ключей специальнымъ изслѣдованіямъ, касающимся міеологіи, укажемъ, какъ на важную черту, на то, что о серебряныхъ ключахъ, брошенныхъ въ море, мы встрѣтили упоминаніе уже не въ купальской пѣснѣ, а въ простой любовной, какъ въ качествѣ сравнительнаго сопоставленія. «Зазвенѣли ключи серебряные, утопая въ морѣ; заплакала дѣвица, высматривая своего милого» ²⁾. Если мы сопоставимъ эти ключи съ тѣми, которыми, въ веснянкѣ, стпирается небо, то придемъ къ заключенію, что между всѣми этими ключами надобно искать древней связи.

Одно и то же лицо Морены является и подъ другими названіями: такимъ образомъ, ту же Морену слѣдуетъ видѣть въ одной загадочной петровочной пѣснѣ о сироткѣ, которая, стоя на камнѣ въ морѣ, закликаетъ козака и превращаетъ его въ яворъ, растущій посреди моря ³⁾. Та же Морена является въ купальскихъ пѣсняхъ, а въ Галиціи въ веснянкахъ подъ именемъ Ганны. Этой Ганнѣ братья дали держать коней; она ихъ упустила въ чистое поле, а сама спряталась въ синее море, и какъ погружалась, три слова сказала: «чтобъ люди не брали въ морѣ воды, не собирали на водѣ пѣны, не стряхивали съ травы росы. Въ морѣ вода — Ганнина красота, на водѣ пѣна — Ганнина измѣна (?), на травѣ роса — Ганнина коса ⁴⁾. Къ этому прибавляютъ еще березу,

Моренка втонула, плахта зринула.

Или:

Ой наша Моренонька гуляла,
Зъ високого терему въ воду скакала.

¹⁾ Утонула Моренонька, утонула,

Та срибниі ключи впустила.

Ой рибалки, рибалочки,

Не ловить мини Мореночки,

Уловить мини срибни ключи!

²⁾ Ой брязнули срибни ключи, въ мори потонаючи;

Заплакала дивчинонька, милого виглядаючи.

³⁾ На мори, на синѣму,

На каменю та на билому,

Тамъ сиритка хусти прала

Дунай рику сколотила,

Ставъ козаченько коня наповати,

Ставъ сириточку проклинати:

— Бодай же ти, сиритко, литъ не дойшла.

Литъ не дойшла, замужъ не пишла,

А молодю завдовила,

Зъ маленькими диточками,

Обливалася слизоньками!

«Бодай же ти, козаченько,

Середъ моря яворомъ ставъ,

Сиделечко ялиною,

Нагаечка гадиною!»

⁴⁾ Дали ей кони держати;

Упустила кони въ чистое поле,

Сама сховалась (въ другихъ вариантахъ кинулась) въ синее море,

калину, терень, грушу, а въ иныхъ мѣстахъ другія растенія ¹⁾, такъ какъ эта пѣсня представляетъ разнообразныя варианты. Безъ сомнѣнія, мифологическій элементъ водопоклоненія отражается и въ колядкахъ, гдѣ разсказывается, какъ святой Никола уронилъ слезу и изъ этой слезы образовалось озеро, въ которомъ купался самъ Богъ ²⁾. Еще нагляднѣе выразилось водопочитаніе въ пѣснѣ, въ которой богъ попросилъ у дѣвицы пить, но дѣвица не дала ему пить, сказавши, что вода нечиста: «нападало въ воду кленоваго листьа, а съ горы налетѣло песку». — «Сама ты, дѣвка, не чиста», сказала ей богъ, «а вода всегда чиста». За это дѣвица понесла наказаніе и провалилась сквозь землю ³⁾. Замѣчательно, что образъ паденія листьевъ въ воду, и непременно кленовыхъ, а въ галицкихъ пѣсняхъ и яворовыхъ встрѣчается нѣсколько разъ въ народной поэзіи.

Вода дунайская въ свадебныхъ пѣсняхъ упоминается какъ особенно достойная быть употребленною для коровай ⁴⁾.

Вода—символь здоровья, молодости и красоты. Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣстѣ желаютъ быть здоровою, какъ вода ⁵⁾. Вода—символь веселости и благодушія ⁶⁾.

Якъ пуринала, три слова сказала:
Щобъ на синимъ мори води не брали,
На води пини щобъ не сбирали,
На трави роси щобъ не трусили:
На мори вода—Ганнина краса,
На води пина—Ганнина змина,
На трави роса—Ганнина коса.

1) Чт. 1866. III. 680 (см. ниже деревья).

2) Головку склонивъ—слизюньку зрививъ;
Де слиза впала, тамъ озеро стало,
А въ тимъ озері самъ богъ купався.

3) Ишовъ божокъ дорогою,
Зустривъ дивку изъ водою.
— Ой дай, дивко, води пити,
Смажни уста окропити.—
„Не дамъ, старцю, води пити,
„Бо вода есть нечиста:
„Нападало зъ клѣну листа,
„Зъ клѣну листу нападало,
„Зъ гори писку налетило“.
— Ой, ти дивко, сама нечиста,
А вода есть завше чиста.—
Стала дивка, излякалась,
Передъ богомъ заховалась;
Скоро дивка въ церкву вѣшла,
На симъ сажень въ землю пишла.

4) У нашому короваю
Пшениченька зъ гаю,
Водиця зъ дунаю.

5) Щобъ наша Марусенька здорова була,
Здорова, здорова, якъ вода...

6) А щобъ ти, моя миленька, така веселенька,

Вода—зеркало для дѣвицы, отражающее ея красоту ¹⁾.

Вода имѣетъ значеніе для любви и брака. Одна пѣсня какъ бы напоминаетъ древніе брачныя обычаи, совершавшіеся при водѣ и при посредствѣ воды ²⁾. При водѣ происходитъ любовный разговоръ ³⁾ и сравнивается съ ея шумомъ ⁴⁾.

Хожденіе около воды — символъ ухаживанія за женщиною ⁵⁾, а дѣвица, отвѣчающая любви молодца, приглашая его къ себѣ, вспоминаетъ при этомъ о волненіи или плесканіи воды ⁶⁾. Если хожденіе около воды означаетъ ухаживаніе, то питье воды—взаимную любовь, сватовство и бракъ. Дѣвица говоритъ своей матери: «пей, матушка, ту воду, что я наносила; зови, матушка, зятемъ того, кого я полюбила!—Не буду воды пить, буду разливать, отвѣчаетъ мать; не любь мнѣ зять—буду разлучать!—Не разливай воды, матушка, возражаетъ дочь, тяжело носить; не разлучай меня съ милымъ, не тебѣ съ нимъ жить!» ⁷⁾.

Якъ у лити въ чорній гори вода холодненька.

Или:

Тимъ травка зелена, що близько вода,

Тимъ дівка хороша, що ще молода.

1) Пусти мене, моя мати, до броду по воду,
Нехай же я подивлюся та на свою вроду.

2) Ой у поли озерецько,
Тамъ плавало ведерецько,
Сосновее ведерецько,
Дубовее денечко.

Ходимо, повинчаймось,
Мое сердечко

(Метл. 127).

3) Ой у броду беру воду, на камини стою;
Люба мині розмовонька, миленькій, зъ тобою.

4) Вода шумить, зъ берегівъ ломить,
Калина процвітає.

Деся мій миленькій голубонько сивенькій
Зъ иншою розмовляє.

5) Ой не ходи коло води, жовтоногий копче;
Есть у мене красчий тебе, дороженьку топче.
Ой не ходи коло води билими ногами,
Есть у мене красчий тебе зъ чорними бровами.

6) Хитай вода берегами,
Хитай вода лугомъ,

Чомусь до ми не приходивъ,
Якъ есь ишовъ зъ плугомъ, (Чт. 1864. IV. 339).

7) Ой пій, мати, тую воду,
Що я наносила,
Зови, мати, того зятемъ,
Що я полюбила.—
— Ой не хочу води пати—
Буду розливати;
Нелюбого зятя маю—
Буду разлучати.—
— Не розливай води, мати,
Бо тяжко носити;

Въ другой пѣснѣ козакъ, обращаясь къ матери дѣвицы, просить воды напиться—выслать дочь на улицу. Мать отвѣчаетъ: «стоитъ вода въ сѣняхъ, коли хочешь — напейся; сидитъ дочь у окна, коли хочешь — смотри; не за тѣмъ я вскормила дочь, чтобъ пускать ее гулять на улицу; я вскормила ее для своей пользы, чтобъ она принесла мнѣ изъ криницы холодной воды (то-есть, чтобы честно вышла замужъ).—Негодная вода въ прудѣ, пойду къ криницѣ, говорить на это козакъ; не хороша дочь твоя, пойду ко вдовѣ» ¹⁾. Пить — на поэтическомъ языкѣ значить любить ²⁾. Козакъ, встрѣчая дѣвицу, просить у ней пить воды и развеселить ему сердце. Здѣсь—иносказаніе: козакъ ухаживаетъ за дѣвицею и добивается взаимности. Дѣвица хочетъ ему высказать, что мать не велѣла ей отдаваться козаку легкомысленно, что слѣдуетъ сдѣлать его привязанность прочною, чтобъ онъ пересталъ ходить ночью къ другой дѣвицѣ. Это выражается также иносказательнымъ способомъ. Дѣвица говоритъ, что мать не велѣла давать этой воды; вотъ какъ принесетъ она ее домой, такъ станутъ чаровать; очаруютъ ему руки и ноги и черные глаза, чтобы не ходилъ въ темную ночь къ другой ³⁾.

Умыванье также означаетъ любовь. Дѣвица говоритъ своему милому: «у меня есть криница подъ заборомъ—умоюсь, душа моя вѣстѣ; у меня есть и платокъ, вышитый шелкомъ, — утремся оба, хоть я и буду за то битомъ» ⁴⁾. Умыванье и питье, особенно изъ криницы—средства нравиться. «Ахъ, бѣда мнѣ!—

Не розлучай, мати, зъ милимъ:

Не тоби зъ нимъ жити.

- ¹⁾ Добри вечеръ, стара мати, дай води напиться,
Вишли доньку на улицу та хочь подивиться.—
„Стоить вода у синечкахъ—коли хочь напейся,
Сидитъ донька у виконци—коли хочь дивися.
Не для того я, козаче, дочку годувала,
Щобъ я ні на улицу гуляти пускала.
Годувала соби доньку для своій пригоди,
Щобъ принесла изъ криници холоднои води“.
—Непогожа въ ставу вода—пиду до криници;
Нехороша дочка твоя—пиду до вдовици.—

- ²⁾ Вскуди гори, вскуди гори, нигде води пити;
Пишли хлопци за границю—никого любити.

или:

Ой у поли криница безодна,
Тече зъ неи водица холодна,
Якъ я схочу, то й напьюся,
Кого люблю—обіймуса
И никого не боюся.

- ³⁾ Ой дай, дивко, води пити, розвесели сердце.
—Не велела мнѣ мати теи води дати;
Якъ принесу до домоньку—будемъ чаровати,
Очаруемъ руки й ноги и чорніи очя,
Щобъ не ходивъ до дивчини (также до иншої) теменькомъ ночи.
- ⁴⁾ Ой тамъ криница пидъ перелазомъ;
Умиймось, серденько, обоє разомъ,
Въ комори хусточка шовками шита,
Утримось, серденько, хочь буду бита.

поеть молодець: — я бѣжалъ черезъ рѣку и не умылся! Вернусь и умоюсь да на свою милую посмотрю!»—Не ворочайся и не умывайся, отвѣчаетъ дѣвица, ты мнѣ и безъ того, душа моя, нравишься ¹⁾. Мать посылаетъ сына къ криницѣ умыться водою и напиться воды, чтобъ его полюбили всѣ замужнія женщины и дѣвицы въ слободѣ ²⁾.

Въ пѣсняхъ остались слѣды древняго значенія купанья для дѣтей и вліянія на ихъ будущую судьбу въ жизни. Несчастливая женщина восклицаетъ: «или ты, мать, меня маленькую не купала, или ты меня проклинала, чтобъ я была бездольная» ³⁾. А также: «или ты меня, мать, купая, проклинала, чтобъ я была бездольная?» Что здѣсь разумѣется не христіанское крещеніе, видно изъ того, что въ пѣсняхъ говорится о купаньи дѣтей съ барвинкомъ, мятою, любисткомъ, съ разными травами ⁴⁾. Съ этимъ соотношеніемъ купанья и «доли» стоитъ, вѣроятно, въ связи и тотъ образъ, что дѣвица съѣтъ долю (судьбу) надъ водою, въ нѣкоторыхъ вариантахъ надъ моремъ, и говорить своей долѣ: «иди, доля, за водою, а я пойду за тобою» ⁵⁾. Въ другой пѣснѣ мать изъ могилы говорить зывающей къ ней дочери: «какъ ты сюда ко мнѣ нашла дорогу: черною ли тучею, частымъ ли дождичкомъ, или тихую водою, пошла твоя доля за водою» ⁶⁾.

Здѣсь вода какъ будто служитъ путемъ къ умершимъ. Доля, идущая за водою—образъ печальный и означаетъ несчастную судьбу. Подобно тому, дѣвица, потерявшая дѣвственность, пускаетъ на дунай свою косу—символь дѣвическаго состоянія ⁷⁾, и самое грустное чесаніе косы сопоставляется съ тихимъ теченіемъ дуная ⁸⁾. Сирота безпріютный, плача о томъ, что у него нѣтъ доли, блуждаетъ

- 1) Ой беда, беда, що я не вдався,
Бигъ черезъ риченьку та не вмивався;
Ой завернуса та й умикюся,
На свою милую хочъ подивляюся.
Ой не вертайся и не вмивайся;
Ти жъ мини, серденько, й такъ сподобався!
- 2) Пиди, синку, до криници, умийся водою,
Та щобъ тебе полюбили уси слободою.
Пиди, синку, до криници—напийся водици,
Та щобъ тебе полюбили дивки й молодици.
- 3) Чи ти мене, мати, малою не купала,
Чи ти мене проклинала, щобъ доли не мала?
- 4) Чи ти мене, мати, въ барвинку купала,
Купаючи проклинала, щобъ доли не мала?
- 5) Сіе долю изъ приполю:
Иди, доле, за водою,
А я у слідъ за тобою!
- 6) Ой куди ти, доню, йшла
Що тутъ мене изнайшла?
Чи черною хмарою,
Чи дрибнимъ дождичкомъ.
Чи тихою водою?
Пишла твоя доля за водою.
- 7) Пливи, косо, за водою,
Щобъ наложивъ, нелюбъ головою.
- 8) Ой тихо, тихо дунай воду несе,

надъ водою ¹⁾). Вообще вода, будучи въ природѣ стихіею оживляющею, благотвѣтельно, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ и убивающее свойство, такую же является и въ пѣсняхъ; вода, будучи символомъ красоты, здоровья и веселости, имѣетъ и печальное значеніе. Какъ холодная вода сопоставляется съ веселостью, такъ теплая съ бѣдою ²⁾. Мутная вода—образъ печали дѣвицы ³⁾, а тоска, охватывающая сердце, сравнивается съ водою, покрывающею луга и берега ⁴⁾. Любовное страданіе находитъ себѣ подобіе въ шумѣ воды ⁵⁾. Вода сравнивается также со слезами ⁶⁾ и кровью ⁷⁾. Но болѣе всего мрачная сторона воды выражается въ образахъ утопленія и произвольнаго и невольнаго. Произвольное утопленіе обычный способъ самоубійства въ пѣсняхъ. Это средство избавиться и отъ житейскихъ невзгодъ, и отъ житейской скуки. Дѣвица, потерявшая любовь милого или же просто томящаяся недостаткомъ взаимной любви, говоритъ: «къ чему мнѣ красота и статность? Развѣ пойти утопиться съ высокаго моста?» ⁸⁾. Несчастливая въ замужествѣ женщина говоритъ своей матери: «завяжи мнѣ, матушка, глаза китайкою, веди меня топить въ Дунай темною ночью» ⁹⁾. Въ другой пѣснѣ съ подобнымъ мотивомъ дочь говоритъ матери, что надобно было утопить ее

А ще тихие дивка косу чеше.

Или (свадебная):

До дуная стежечка
Туда бигла Настечка:
Надъ дунаемъ стояла
Русу косу чесала.
Ой падайте, волосы,
Та изъ моєї коси,
Ой падите, не тоните,
До батенька илините.

(Лозинск. 40).

- ¹⁾ Хожу блужу по берегу—тиженько вздыхаю,
Бидна моя головонька, що доли не маю.
- ²⁾ Бижить вода зъ пидъ каминя, не холодна, тепла,
Мати моя риденькая—визволь зъ сѣго пекла.
- ³⁾ Чого вода коломутна? чи не хвила била?
Чого дивка заплакана? чи не мати била?
- ⁴⁾ Ой лужечки бережечки вода поняла,
Молодую дивчиньку журба обяла.
- ⁵⁾ Шумить вода, шумить вода, по каминью гучить—
Хто плакати та й не сміє—люба то научить. (Чт. 1864. IV. 331).
- ⁶⁾ Де матинка плаче—
Кривавая ричка,
Де сестричка плаче—
Слизная кривичка. (Чт. 1863. IV. 193).
- ⁷⁾ А въ нашой Бондаривни червоная стричка,
Куди несли Бондаривну—кривавая ричка.

Или:

Поглянется козакъ Нечай на правее плече;
За нимъ, за нимъ, Нечаенкомъ, кривавая ричка тече.

- ⁸⁾ Шкода моеї уродоньки й високого росту;
Хиба пиду утоплюся зъ високого мосту!
- ⁹⁾ Ой завяжи, моя мати, китайкою очи,
Веди топить до дунаю теменькой ночи!

тогда, когда она была еще ребенкомъ. «Не смотрѣть было на красоту—утопить было меня въ холодной водѣ; не смотрѣть было на то, что я одна дочь у родителей—тонить было меня въ глубокой криницѣ» ¹⁾). Мысль, что лучше утопиться, чѣмъ выходить замужъ за немилаго человѣка, выразилась въ образѣ разсказа; дѣвица просить козака взять ее съ собою въ челнокъ, вдругъ вѣтеръ поднимаетъ волны, грозитъ вывернуть дѣвицу.... она просить козака спасти ее, общается отъ имени родителей коня и сѣдло. Козакъ изъявляетъ желаніе взять ее за себя замужъ. Дѣвица говоритъ, что ей лучше утонуть, чѣмъ выходить за него замужъ: въ морѣ утонетъ—успокоится, съ нимъ навѣкъ пропадетъ ²⁾). Несчастнѣй горемыка всходитъ на крутую гору, глядитъ на быструю воду, ему приходитъ въ мысль утопиться ³⁾, и даже молодецъ, которому на свѣтѣ скучно оттого, что ему не удастся жениться, думаетъ броситься въ воду ⁴⁾). Есть въ пѣсняхъ разные разсказы о невольномъ утопленіи. Такова очень распространенная пѣсня объ утонувшемъ молодцѣ, послѣ котораго плаваютъ платокъ; видитъ это дѣвица, ломаетъ руки и просить рыбаковъ вытянуть утонувшаго молодца, чтобъ посмотрѣть на него, общая имъ за то и деньги и меду ⁵⁾). Эта пѣсня разбилась на разные варианты, смѣшалась съ другими пѣснями, но въ сущности она есть пѣсня о Василѣ, превратившемся по смерти въ цвѣтокъ василекъ. Въ другой пѣснѣ, весенней, безспорно глубоко древней, описывается, какъ дѣвица пускаетъ на воду вѣнокъ изъ винограда, приговаривая: кто этотъ вѣнокъ поймаетъ, тотъ меня возьметъ. Молодецъ бросается ловить вѣнокъ и тонетъ, приказывая своему коню не говорить, что онъ утонулъ, а сказать, что онъ жевился, взявъ себѣ женище—чистое водище, собиралъ себѣ въ сваты морскихъ раковъ, а въ свахи щукъ; рыбы языки были у него музыкою, а вѣнчалъ его, вмѣсто пона, желтый песокъ ⁶⁾). Есть также пѣсня о томъ, какъ тонетъ чумакъ въ синемъ

- ¹⁾ Булюбъ тоби не вважати на хорошу вроду;
 Булюбъ мене утопити въ холодную воду.
 Булюбъ тоби не вважати, що я единиця;
 Булюбъ мене утопити, де глужба криниця.

- ²⁾ Лучче буду въ синимъ мори потонати,
 Нижъ зъ тобою вить коротати:
 Въ мори утону—одпочину,
 А зъ тобою на вить загину!

- ³⁾ Ой вийду я, вийду на гору крутую,
 Ой стану я, гляну на воду биструю:
 Тамъ вода леле—на неі дивлюся,
 Таку думку маю—пиду утоплюся.

- ⁴⁾ Чорни брови маю, та й не оженюся:
 Хиба пиду до риченьки—та й утоплюся.

- ⁵⁾ Втонувъ, втонувъ козаченько, лишъ хусточка плавле,
 Ходить дивча по берегу, били ручки ламле.
 Ой нате вамъ, рибалочки, та пивзолотого,
 Та витянитъ козаченька та хочъ неживого:
 Ой нате вамъ, рибалочки, меду пивбарильца,
 Та витянитъ козаченька та хочъ подивиться.

- ⁶⁾ По саду хожу, виноградъ сажу,
 А посадивши та й поливаю,
 А поливаючи та й нацинаю,

морѣ, мать хочеть спасти его и не можетъ ¹⁾. Потонуть вообще—образъ всякой погибели. Въ этомъ смыслѣ несчастіе описывается иносказательно потопленіемъ доли обыкновенно въ морѣ, и несчастная дочь просить у матери пустить ее купаться въ морѣ, нырять и искать своей доли ²⁾.

Есть образъ, любимый народною поэзіею и повторяемый во многихъ видахъ: что дѣвица утопаеть и приглашаетъ отца, мать, братьевъ, сестеръ спасти ее; они не идутъ, а ея милый бросается къ ней на помощь ³⁾.

Въ числѣ образовъ, въ которыхъ является въ пѣсняхъ вода, довольно частый — челнокъ, наполненный водою; онъ вообще символъ полноты чувствъ, напримѣръ: «плыветь челнокъ полонъ воды и качается, сидитъ молодець близъ дѣвицы и выпрашиваетъ ее» ⁴⁾; или: «плыветь челнокъ полонъ воды, плыветь и весло: зачѣмъ, душа моя, ты меня такъ не любишь, какъ я тебя?» ⁵⁾; или: «плыветь челнокъ полонъ воды, — какъ бы онъ не перевернулся: пошолъ мой

А наципавши, виночокъ зовью,
Виночокъ зовью, на воду пуцу.
Хто винокъ пймае, той мене вьзьме!
Обизвавсь молодець на сивимъ кони:
— Я винка пймаю и тебе возьму! —
Ступивъ ногою — по поясъ въ води,
Ступивъ ногою — та й зъ головою.
— Ой бижи, коню, зъ сидломъ до дому,
— Не кажи, коню, що я вбився,
— А кажи, коню, що я женився,
— А взявъ жонухну чисту водухну,
— Збиравъ я свати — изъ моря раки,
— Збиравъ свашечки зъ моря шучечки,
— Мини музики — рибини язики,
— Мини попочокъ — жовтий писочокъ.

¹⁾ Та не найшовъ счастья доли, найшовъ сине море,
Ой якъ зійшовъ середъ моря, тай ставъ потопати,
Червоною хустиною на берегъ махати;
Нихто того чумаченька не йде рятовати,
Тильки иде рятовати ридненькая мати.
Изострила рибалочокъ, та й стала прохати;
Рибалочки молоди чинить мою волю,
Ой розкиньте тонкий невидъ по синѣму морю! —
Рибалочки молодні воленьку вволили,
Роскинули тонкій невидъ — сина удовили;
Тягнуть сина до бережка — вода зъ рота льється,
Его мати старенькая въ сиру землю бється. (Метл. 462).

²⁾ Потопае моя доля у синѣму мори!
Пусти мене, моя мати, на море купаться;
Буду плавать, пуринати, доленьки шукати.

³⁾ За рученьку схопивъ
Зъ дунаечку вихопивъ.

⁴⁾ Пливе човедъ, води повенъ та й ся вихилюе:
Сидитъ хлопецъ коло панны, та й ся випитуе.

⁵⁾ Пливе човенъ води повенъ, пливе и весельце;
Чомъ ти мене такъ не любишь, якъ я тебе, сердце.

милый въ путь,—какъ бы онъ скоро не вернулся» ¹⁾). Въ послѣднемъ примѣрѣ дѣвица сравниваетъ съ челнокомъ, наполненнымъ водою, своего милаго, думая, что онъ такъ ее любитъ, что не станетъ долго странствовать и вернется домой, соскучившись о ней.

Изъ видовъ естественнаго собранія водъ въ пѣсняхъ встрѣчаются чаще криница, рѣка и море. Озеро и прудъ рѣдки.

Криница значить вообще ключъ, источникъ; но специальное значеніе этого слова остается за такимъ ключемъ, который обдѣланъ въ срубъ и отличается отъ колодца (колодязь) тѣмъ, что края сруба почти наравнѣ съ землею и воду можно доставать не посредствомъ машины, называемой журавлемъ, какъ изъ колодца, а черпая прямо ведромъ. Впрочемъ, въ пѣсняхъ «колодязь» нерѣдко смѣшивается съ криницею.

Мы знаемъ, что источники и колодцы въ язычествѣ имѣли религиозное значеніе: имъ приносили жертвы. Поэтому едва ли мы ошибемся, если будемъ видѣть остатки мифологическихъ представленій въ той колядкѣ, въ которой изъ слезъ святаго Николы образуется вода. Выше мы приводили ее по одному варианту: тамъ изъ слезъ образовалось озеро. Въ другомъ вариантѣ изъ тѣхъ же слезъ происходитъ криница, а изъ криницы богородица ²⁾). Эту богородицу ничто не позволяетъ намъ считать христіанскою; вѣроятно, это существо языческое, олицетворенная криница, богиня, нимфа, вполнѣдствіи принявшая христіанское имя. Копаніе криницы—образъ ухаживанія за дѣвицею, приготовленія къ сватовству и самаго сватовства ³⁾). У криницы мѣсто первой любви и вообще любовныхъ свиданій. Молодецъ вспоминаетъ, что у полевой криницы дѣвица плѣнила его сердце ⁴⁾). Особенно любимый народною поэзіею образъ — козакъ поить коня, а дѣвица беретъ воду; тутъ между ними происходитъ разговоръ ⁵⁾):

¹⁾ Пливе човень води повень—колибъ не схитнуса;

Пшовъ милый у дорогу—колибъ не вернуса!

²⁾ Головку склонивъ, слизоньку зронивъ.

А зъ той слизоньки ясна криница,

А зъ тей кринички богородичка.

³⁾ Не копавши криниченьку водици не пити;

Не сватавши дивчионьки, изъ нею не жити.

Или:

Викопаю криниченьку въ зеленимъ саду.

Чи не пиде дивчионька рано по воду.

Пришла моя дивчионька ранише усихъ,

Та набрала ведерочка повнише усихъ.

Просивъ въ неи ведеречка—вона не дала;

Бодай тебе, дивчионько, журба обняла.

⁴⁾ Ой у поли криниченька,

Тамъ холодна водиченька:

Тамъ дивчина воду брала,

Мое сердце завязала.

⁵⁾ Ой зъ-за гори туча вихожае,

А зъ другою дождчикъ накрапае,

А въ криници вода прибувае,

Тамъ козакъ коня наповаеть,

Молода дивчина воду пидливае,

козакъ просить дѣвицу напоить коня изъ криницы, а скромная дѣвица отвѣчаетъ, что она еще не принадлежитъ ему, чтобъ поить его коня ¹⁾. Въ другой пѣснѣ козакъ, встрѣчаясь съ дѣвицею у криницы, замѣтилъ, что она боса, — хочетъ купить ей черевички, а дѣвица говоритъ, что у ней есть отецъ и мать, — они ей купятъ ²⁾. Дѣвица близъ криницы приглашаетъ козака въ домъ своихъ родителей ³⁾. У криницы стоитъ дѣвица, ожидая своего милаго ⁴⁾. Когда же придется ей слишкомъ застояться съ своимъ милымъ у криницы, милый научаетъ ее, какъ отолгаться предъ матерью, когда ее станетъ разспрашивать, гдѣ она такъ долго была, — «налетѣли сѣрые гуси, возмутили воду въ криницѣ, а я молода постояла, пока вода стала свѣтлою» ⁵⁾. Пѣсня хочетъ выразить, что за молодца хотятъ выйти замужъ вдова и дѣвица, а мать молодца желаетъ, чтобы сынъ ея женился на дѣвицѣ, а никакъ не на вдовѣ; это выражается въ такихъ образахъ: и вдова и дѣвица ходятъ къ источнику близъ дома молодца, и молодецъ говоритъ вдовѣ, чтобъ она не ходила, потому что мать его не любитъ этого, не сдѣлаетъ сруба для криницы, не оплететъ ее барвинкомъ, не обмететъ василькомъ (символизмъ этихъ растений см. ниже въ отдѣлѣ о растенияхъ); но дѣвицѣ онъ говоритъ совсѣмъ противоположное ⁶⁾.

Козакъ до дивчины стиха промовляе.

Бо винъ ні сватити мае.

1) Козаченьку мій, ще я не твоя,

Щобъ я тобі наповала коника зъ видра.

2) Ой у поли верба—холодна вода,

Тамъ дивчина чорнявая водицю брала.

Дивка одъ води, козакъ до води:

— Постій, дивко чорнявая, дай коню води!—

— Не могу я встать, трава, роса,

Дивка боса, ниженьки болять.—

— Коли моя дивка будетъ, черевички купю.

— Не купуй ти мини, купи самъ собі,

Есть у мене отецъ-мати, куплять и вони.

3) Ой у поли криниченька на чотири зводи,

Тамъ козаки наповали воронні кони.

Тамъ дивчина воду брала, руту нидливала,

Молодого козаченька у гости прохала.

Есть у мене отецъ-мати—будуть шанувати;

Медомъ виномъ козаченька будуть частувати.

4) Ой у поли криниченька: видно дно:

Чомусь мого миленького не видно?

Ой стояла при криници цілий день.

Не видала миленького вже тиждень.

(Метл. 206).

5) Налетили сирі гуси,

У криници воду зколотили,

А я молода постояла,

Пока водица свитла стала.

6) Ой на гори новий димъ,

Тамъ рублена криниця,

И холодна водиця;

Та внадилась удова ходити,

Молодого Петруся любити.

Полный воды колодець — символъ отдачи дѣвицы въ замужство. Мать, почерпая изъ колодца воду, сожалѣетъ о предстоящей разлукѣ съ дочерью ¹⁾ (о печальномъ образѣ замерзшей криницы см. выше о снѣгѣ).

Криница между дорогами — символъ сиротства и безпомощности. Подобно тому, какъ изъ криницы, находящейся близъ дорогъ, кто захочетъ, тотъ и пьетъ воду, такъ надъ сиротой всякій, кто захочетъ, тотъ и ругается ²⁾. Колодець въ пѣсняхъ — мѣсто сокрытія дѣвичьихъ преступленій. Есть общераспространенная пѣсня о ковалевой дочери Катеринѣ, утопившей своего ребенка въ колодець (см. выше о вѣтрѣ).

Рѣчка часто называется дунаемъ, въ смыслѣ нарицательнаго имени большой рѣчки, и вообще носить эпитеты тихой или быстрой. Маленькая рѣчка — ричка — почти всегда «быстрая».

То мифологическое представленіе объ образованіи изъ слезъ св. Николая воды, которое, по однимъ вариантамъ, относится къ озеру, по другимъ къ криницѣ, примѣняется также и къ рѣкѣ; здѣсь роняетъ слезу не святой Николай и не святой Петръ — ангель. По этой рѣкѣ плыветъ корабль, на которомъ сидитъ молодець, читающій книгу и пишущій письма. «Кто научилъ тебя читать книгу и писать письма?» Такой вопросъ ему задается. Онъ отвѣчаетъ: «меня научила мать родная, купая меня въ кудрявомъ нивѣ (по другому варианту въ кудря-

Обизветься Петрусь молоденькій;

— Не ходи, вдово, по воду;

Моя матинка сѣго не любить,

И криниченьки не зрубить,

И барвиночкомъ не оплете,

И василечкомъ не обмете.—

Ой, на гори новый димъ,

Тамъ рублена криница,

И холодна водица,

Та внадилась дивчина ходити,

Молодого Петруся любить.

Обизветься молодой Петрусь:

— Ой, ходи дивчино, по воду,

Моя матинка сее любить,

И криниченьку зрубить,

И барвиночкомъ оплете,

И василечкомъ обмете—

¹⁾ Ой у городи стоявъ колодязь,

Стоявъ колодязь повенъ воды.

Ой ви́де мати теи води брати,

Та зъ новенькими ведерками,

И тихъ повненькихъ не набрала.

Та слизеньками доливала:

Ой годувала дочку не годъ не два.

Та згодувавши—людямъ слуга,

Батеньку й матинци на векъ туга.

²⁾ Ой такъ мини добре промижъ ворогами,

Якъ тои криниченьци промижъ дорогами;

Хто иде, хто йде—водици напьеться.

Зъ мене молодой хто схоце сміеться.

вой мятѣ)»¹⁾. Быть можетъ, это—какой-то мифологическій изобрѣтатель письменъ, такъ какъ у языческихъ славянъ существовали, по свидѣтельству монаха Храбра, какія-то черты и рѣзы, которыми они передавали свои мысли до нѣкоторой степени; но, быть можетъ, этотъ образъ молодца на кораблѣ есть не болѣе, какъ способъ величанія молодца, которому колядуютъ. Но этотъ образъ, составляя самъ по себѣ предметъ особой колядки, является въ другой колядкѣ съ солнцемъ, мѣсяцемъ и происхожденіемъ рѣки изъ слезы. Пусть этотъ вопросъ рѣшатъ ученые, болѣе и спеціальнѣ насъ занимающіеся мифологіею.

Въ другой пѣснѣ, также колядной, дунай истекаетъ изъ крови замученнаго Христа²⁾; вѣроятно, здѣсь именемъ Христа, какъ часто бывало, замѣнилось другое, мифическое имя, и самый этотъ образъ состоитъ въ связи съ происхожденіемъ Дуная изъ крови въ великорусскихъ пѣсняхъ. Въ одной бѣлорусской пѣснѣ мы встрѣтили также черты, указывающія на превращеніе въ дунай человѣческаго существа. «Суди, Боже, дождать весны! Поѣду, разгонюсь, превращусь въ дунай». Молодая вдова брала воду изъ дуная, разговаривала съ дунаемъ: «Дунай, дунайчикъ! Не тяжело ли тебѣ плескаться въ луга, обмывать бѣлый камень, разрывать желтый песокъ?» Потомъ слѣдуетъ обращеніе ко вдовѣ какъ бы отъ дуная³⁾. Такой оборотъ напоминаетъ разговоръ князя Игоря съ Донцомъ въ «Словѣ о полку Игоря». Въ одной старой думѣ, сообщенной намъ почтеннымъ профессоромъ Дерптскаго университета А. А. Котляревскимъ, изображается разговоръ Диѣпра Словуты (Диѣпре Словутицю—«Слово о полку Игоря») съ Дунаемъ: здѣсь Дунай уже имя собственное. Диѣпръ спрашиваетъ Дуная: «Что это я своихъ козаковъ не видалъ? Или твое дунайское гирло ихъ пожрало, или твоя дунайская вода моихъ козаковъ забрала?—Промолвилъ тихій Дунай: Диѣпръ, батюшка Словута, самъ я себѣ думаю и гадаю, что дѣтей своихъ у себя не вижу; уже четверть года—три мѣсяца—проходитъ, какъ твои»

¹⁾ А въ бору, въ бору волохи гудуть,
Волохи гудуть, церковь будуютъ,
Зъ грома верхами, зъ грома викнами.
Въ перше виконце—вдарило сонце,
Въ друге виконце—ясний мясячокъ,
Въ третье виконце—анголь динувъ.
Анголь динувъ, слизоньку зронивъ,
А зъ тоя слѣзи бижить риченька:
На тій риченьци пліве корабель,
На тимъ кораблі молодой козакъ.
Въ книжку читае, листоньки пише.
Хто тебе навчивъ книжку читати,
Книжку читати, листи писати?
Навчила мене ридная мати,
Въ кудрявимъ пиви купаючи,
Въ дорогú крамнину сповиваючи.

²⁾ Колись то було изъ предка вика,
Коли жидовъ Христа мучила,
Шипови шпильки за ногти гнала,
Зъ пальця-мизинця кривця капала.
Де кривця капне, тамъ дунай стане.

³⁾ См. пѣсни изд. Гильдебрантомъ, стр. 228.

дѣтей у меня нѣтъ. Не мое дунайское гирло ихъ пожрало, не моя дунайская вода твоихъ дѣтей забрала,—турки ихъ не перестрѣляли, не изрубили, не ото-слали въ Царьградъ. Всѣ мои цвѣты луговые и низовые поблекли, не видя твоихъ козаковъ» ¹⁾).

Далѣе разсказывается о томъ, что козаки разоряли огнемъ и мечомъ бурманскіе города, набирали вдоволь добычи и возвращались до рѣки (?) Хортицы, тамъ переправлялись, прибывали къ стародавней Сѣчѣ и въ Сѣчѣ дѣлили добычу, пили медъ и водку, просили Господа Бога за весь міръ. Это разсказывается какъ бы по свидѣтельству низовыхъ рѣкъ, названныхъ помощницами Днѣпра ²⁾). Подобное же выраженіе о рѣкахъ помощницахъ Днѣпра встрѣчается въ думѣ о Ганжѣ Андуберѣ ³⁾), гдѣ рѣки, помощницы Днѣпра, означаютъ козаковъ гетмана. Есть еще иное представленіе о Дунаѣ: въ одной изъ колядокъ онъ истекаетъ изъ божьихъ слезъ и объ этомъ говорятъ между собою мѣсяцъ и звѣздочка ⁴⁾).

Разливъ рѣки сопоставляется съ разгуломъ любви ⁵⁾)... Но вообще въ мало-русской пѣсенности рѣка приходится чаще всего въ значеніи препятствія.

¹⁾ Пѣтається Днипро тихого Дуная:

Тихий Дунаю, що я своїхъ козаківъ не видаю?
 Чи твоє дунайське гирло моїхъ козаківъ пожерло,
 Чи твоя Дунай—вода моїхъ козаківъ забрала?
 Промовить тихий Дунай до Днипра Словути:
 Днипре, батько Словуто! самъ я собі думаю-гадаю,
 Що твоїхъ козаківъ у себе не видаю;
 Уже чверть рока—три місяці вибиває,
 Якъ твоїхъ козаківъ у мене немає;
 Не мое Дунайське гирло твоїхъ козаківъ пожерло,
 Не моя Дунай-вода твоїхъ козаківъ забрала,
 Ихъ турки не порубали, не постріляли,
 До города Царьграда въ полонъ не забрали.
 Всі мої квіти луговні й низові понидили,
 Що твоїхъ козаківъ у себе не вилили.

²⁾ Которні козаки черкеськимъ полемъ гуляли,
 Ріки низові, помішники Днипрові, добре знали.

³⁾ Ой ріки, каже, ви, ріки низові,
 Помішники Днипрові,
 Або мині помочи дайте,
 Або мене зъ собою візьміте!

(Метл. 380).

⁴⁾ Ишовъ, перейшовъ місяць по небу,
 Та й зостричався зъ ясною зорею.
 Зирниче-сестрице, ходимо вкупи,
 Ходимо вкупи Бога шукати,
 Найти намъ Бога въ пана господаря,
 На стіль схилився, слизюньку зронивъ,
 Де слиза капне, тамъ дунай стане.

⁵⁾ И на той бочокъ
 И на сей бочокъ
 Ріка розлилася;
 Стоить дивка зъ парубкомъ,
 Та ще й обнялася.

Перейти или даже перескочить рѣку значить преодолѣть препятствія. Молодецъ, разлученный съ возлюбленной, которая въ его отсутствіе вышла замужъ за другого, изображаетъ свои чувства такимъ образомъ: онъ хотѣлъ бы поѣхать на другой берегъ рѣки, гдѣ находится его милая, но она ему говоритъ, что достаточно посмотрѣть на нее издали; вѣдь говорила она ему, когда стояли они вмѣстѣ подъ уборомъ: не ходить бы ему въ Крымъ за солью, а то застанеть ея подъ уборомъ замужней женщины ¹⁾). Подобно тому, молодецъ, который не можетъ придти ночью къ своей милой на свиданіе, воображаетъ предъ собою дунай: вѣтъ ни челна, ни весла, нѣтъ ему возможности добраться до своей цѣли ²⁾). Молодецъ приглашаетъ дѣвицу подать ему руку черезъ рѣку ³⁾, то-есть разрушить ту преграду, которая поставляется между молодежью обоего пола, или же—идти къ нему въ бродъ черезъ рѣку ⁴⁾, что уже значить предаться ему, несмотря ни на что. Съ своей стороны молодецъ бредеть черезъ рѣку къ своей милой ⁵⁾ и въ такихъ-то случаяхъ является образъ зажженной свѣчи, которою дѣвица должна освѣщать путь своему милому ⁶⁾. Дѣвица хочетъ сказать, что она во что бы то ни стало хочетъ выйти замужъ за своего милаго и выражаетъ эту мысль образомъ перескакиванія черезъ рѣку ⁷⁾, а въ одной галиц-

1) Колябъ мнѣ новий човенъ, та й новее ще веселечко,
Сивъ би поихавъ на той бережечокъ, де дивчина мое сердечко.
На що тобі новий човенъ и новее ще веселечко?
Стань, подивись здалека на мене, козаченько мое сердечко.
Чи я жь тобі не казала, якъ стояли нидь новиткою,
Не ходитъ було у Крымъ по соль—то застанешъ нидь намиткою.

2) Пробиваю край Дунаю,
Я за тебе все думаю,
Коби човенъ и веселце,
Ночоваль бихъ у тя сердце.
А ни човна, ни повода,
Мушу ночувати дома.

(Чт. 1866. I. 535).

3) Черезъ риченьку, черезъ биструю,
Подай рученьку, подай другую...

Или:

Ой тамъ за ричкою ходить молоденька,
„Черезъ ричку подай ручку дивчино миленька!“
— Ой рада бь я, мій миленькій, обидви подати,—
Сидить въ хати нидь виконцемъ ридненькая мати.—

4) Нема броду, нема лёду, нема переходу,
Коли мене вирне любишь,—бреди черезъ воду!
— Перебрела дви риченьки, половину ставу:
Не вводи мене, козаченько, въ великую славу.

5) Нема лёду, нема броду, нема переходу..
А Василько до Оксави бредетъ черезъ воду.

6) Ой засвити, дивчинонько, восковую свичку:
Нехай же я перебреду сю биструю ричку.

Или:

Ой зсучу я яру свичку, та й пошлю на ричку;
Буде мому миленькому видно на всю ничку.

7) Тече ричка невеличка—схочу перескочу:
Одай мене, моя мати, за кого я схочу!

кой пѣснѣ съ трудностью полюбить старика сопоставляется трудность перескочить рѣку ¹⁾). Рѣшительное расторгненіе любовной связи также выражается образом перескакиванія черезъ рѣку ²⁾). Разлука съ родными и близкими также вызываетъ образъ перехода черезъ рѣку: «Хоть по шею въ воду, лишь бы къ своимъ роднымъ; хоть и обмокну, да у своихъ родныхъ обсохну,—все-таки съ своими родными побесѣдую» ³⁾). Эта же мысль выражается цѣлымъ рассказомъ. Женщина, грустя въ чужой сторонѣ, недовольная и своимъ замужествомъ, прорывается къ роднымъ и воображаетъ себѣ, что приглашаетъ перевозчиковъ перевезти ее: перевозчики не дослышали, и она сама садится въ челнокъ, отпихиваетъ его отъ берега и плыветъ къ своимъ роднымъ. Съ берега замѣчаетъ ее мать и зоветъ къ себѣ ⁴⁾).

Подобно тому сирота, молодецъ, находясь на чужбинѣ, изображаетъ свое горькое житіе такъ, какъ будто ему велятъ плыть черезъ Дунай, и онъ въ раздумьи—плыть ли ему или утопиться ⁵⁾). Рѣка—цуть въ чужую сторону и съ тѣмъ вмѣстѣ какъ бы виновница сиротства въ чужой сторонѣ. Молодецъ прокликаетъ ту рѣку, которая занесла его въ чужой край и разлучила съ родными ⁶⁾). Сообразно съ этимъ представленіемъ рѣка Дунай—символь отдаленности. Молодецъ, находясь въ разлукѣ съ дѣвицею, спрашиваетъ ее: гдѣ она находится? и затѣмъ слѣдуетъ отвѣтъ отъ дѣвицы: «я нахожусь близъ Дуная, вспоминаю о тебѣ, душа моя». Мужъ, которому жена опротивѣла, хочетъ спровадить ее далеко отъ себя и выражаетъ эту мысль такимъ образомъ, что онъ

- 1) Колибъ ричка не величка—я бь перескочила,
Колибъ милый не сивенькій—я бь его любила!
- 2) Перескочу бистру ричку, а ни доторкнуся,
Перестану ты любить, а ни подивлюся. (Чт. 1864. 338).
- 3) Хочь по шию въ воду, та до своего роду,
Хоча обмочуся, въ роду обсушуся,
Таки съ своимъ родомъ та наговорюся.
- 4) Сама я сама якъ билина въ поли:
Не давъ мини Господь Богъ ни счастья, ни доли,—
Ни счастья, ни доли, ни дружини по любви.
Ой пиду я молодая, до броду по воду.
Перевизчики! перевизить до роду!
Перевизчики де-сь то не почувли.
Сила соби въ човничокъ, одъ берега одпихнула,
Оглянулась назадъ себе, та въ долони плеснула.
Нихто не почуе, тильки ридная мати,
Одчинея кватироньку: „ходи, доню, до хати.
Бреди, бреди, моя доню, холодною рикою,
Ходи, доню, до хати, поговори зо мною!“
- 5) Горе мини на чужини—зовуть мене заволокою,
Велятъ мини Дунай плисти, Дунай ричку та глибокую.
Чи мини плисти, чи мини брести, чи мини въ неи утопитися,
Бидна моя та головонько, ни до кого прихилитися!
- 6) Бодай тая ричка куширомъ заросла,
Що вона мене молодого въ чужий край занесла!
Бодай тая ричка риби не влодила;
Що вона мене молодого зъ родомъ розлучила!

сажает свою немилую жену на корабль и пускает ее по Дунаю ¹⁾. Въ запорожской пѣснѣ плачь кошевого атамана о разрушеніи Сѣчи сравнивается съ грѣкою, которая подмываетъ утесъ: этимъ выражается глубина печали ²⁾.

Море—хотя въ настоящее время предметъ мало знакомый большей части малорусскаго народа по мѣстамъ его жительства, но встарину оно, какъ и поле, было поприщемъ козацкаго удалства. Козакъ любилъ море и вспоминалъ о немъ, уже переставъ быть участникомъ геройской славы отцовъ своихъ ³⁾.

Въ разрядѣ былевыхъ думъ есть нѣсколько специально освященныхъ козацкими подвигами на морѣ. Въ одной изъ нихъ—объ Алексѣѣ Поповичѣ—море представляется живымъ существомъ; кошевой велитъ ему исповѣдывать грѣхи ⁴⁾ и одному изъ козаковъ, за кѣмъ больше грѣховъ, броситься въ море для утоленія его гнѣва ⁵⁾. По одному изъ вариантовъ этой думы, сознавшемуся въ грѣхахъ своихъ онъ приказываетъ разрубить мизинецъ и спустить въ море крови, и море, умилостивленное этою кровью, успокоивается ⁶⁾.

Здѣсь, вѣроятно, остатокъ языческаго міровоззрѣнія, напоминающей тѣ человѣческія жертвы, которыя совершали древніе южноруссы въ своихъ морскихъ походахъ для спасенія себя отъ морскихъ бурь.

Къ веснянкамъ есть припѣвъ: играй, море, играй, синее ⁷⁾, и это заставляетъ предполагать, что въ древности почитаніе моря входило въ весенній

¹⁾ Та купивъ чумака корабель новый,

Корабель новый, ще веселечко;

Посадивъ милу у корабличокъ,

Одпихнувъ иі та одъ бережка.

Корабель плыве, ажъ Дунай реве,

А мила сидитъ, якъ свича горить.

²⁾ Тече ричка невеличка, підмивае кручи;

Ой заплакавъ панъ кошовий до царици йдучи.

³⁾ Гуляли ми на поли и на мори,

А теперъ zostалися боси и голи.

⁴⁾ Сповідайтеся, панове, Черному морю

И мини отаману кошовому.

⁵⁾ Въ Чорнее море впадите,

Виська козацького не губите!

⁶⁾ Добре ви дбайте,

Олексія Поповича на чердакъ виводите,

Правои руки пальця мизинця урубайте,

Християнської крови въ Чорнее море впускайте.

Якъ буде Чорнее море кровь християнску пожирати,

То буде на Чорному мори супротивна валечная—хвиля утихати.

Тоди козаки добре дбали,

Олексія Поповича на чердакъ виводили,

Правое руки пальця мизинця урубали,

Християнської крови въ Чорнее море впускали.

Стало Чорнее море кровь християнскои пожирати,

Стала на Чорнимъ мори супротивная валечная хвиля утихати.

(Вариантъ Котляревск.).

⁷⁾ Грай, море, грай, синье!

Или:

Грай, море; свити, зоре!

культу Лады. Тотъ же приѣвъ встрѣчается ¹⁾ и въ другого рода пѣсняхъ.

Въ пѣсняхъ, вообще, море, являясь съ признаками, общими водѣ, чаще всего имѣетъ мрачное значеніе. Даже играніе моря сопровождается грустныя событія: напримѣръ, рано въ воскресенье играло синее море, а мать отправляла дочь въ далекій путь ²⁾; или, какъ поется въ свадебной пѣснѣ ³⁾: играло море, а дѣвица тонула. Несчастливая дочь проситъ у матери позволить ей купаться въ морѣ—искать утраченной доли ⁴⁾. Мать надъ синимъ моремъ плачетъ о погибшемъ сынѣ ⁵⁾. Козакъ сидитъ надъ моремъ и жалуется на свою долю; чужіе люди ничего не дѣлаютъ и хорошо живутъ, а онъ работаетъ, старается—и у него нѣтъ ничего; доля изъ-за моря отвѣчаетъ ему, что виновата не доля, а его воля ⁶⁾. Въ другой пѣснѣ также козакъ тяжело плачетъ надъ моремъ ⁷⁾.

Въ иной пѣснѣ молодець сидитъ на камнѣ, стоящемъ на синемъ морѣ, играетъ на сопилкѣ и груститъ о своемъ одиночествѣ ⁸⁾.

Видя летящаго орла надъ моремъ, козакъ груститъ о своемъ сиротствѣ въ чужой сторонѣ ⁹⁾. Птицы на морѣ—образъ нерѣдкій и всегда почти печальный ¹⁰⁾, потому что здѣсь играетъ роль море: безъ него птицы эти не составляютъ въ народной поэзіи печальнаго символа. Иногда образомъ птицъ на морѣ начинаются пѣсни: такъ, соколъ съ орломъ купаются на морѣ, соколъ разспрашиваетъ орла, а орелъ рассказываетъ ему, что гдѣ-то въ полѣ стоитъ шатеръ

1) Грай, море, грай, синье,
Чорне море, добре море...

2) Въ неділю рано синье море грало;
Виряжала мати дочку въ чужу стороночку,
Въ чужу стороночку, въ далеку дорогу.

3) Въ неділю рано синье море грало,
Настусенька потопала.

4) Пусти мене, моя мати, на море купаться;
Буду плавать, пуринати, доленьки шукати.

5) Ой при мори, при синьему,
Плаче мати по синові.

6) Тай сивъ надъ водою, проклинае долю:
Доле моя, доле, чомъ ти не такая,
Чомъ ти не такая, якъ доля чужая?..
Обизвалася доля по тимъ боѣи моря:
Козаче-бурлаче, дурший розумъ маешъ,
Що ти свою долю марно проклинаешъ:
Та невинна доля, винна твоя воля.

7) Сидитъ козакъ били моря,
Та й тяженько плаче.

8) На синимъ мори каминь мармуровий,
На нимъ сидитъ хлопець чорнобровий,
Сидитъ соби, въ сопилочку грае;
Тяжко ёму на серденьку, що дружиньоньки немає.

9) Летивъ орелъ по надъ моремъ, та й летючи крикнувъ:
Тяжко жити на чужини, бо я не привикнувъ.
Летивъ орелъ по надъ моремъ: ой дай, море, пити!
Ой якъ тяжко сиротини на чужини жити.

10) Ой надъ моремъ та билий каминь,
Тамъ козакъ зъ орломъ гадае.

и тамъ лежить убитый козакъ ¹⁾; или «плавали лебеди на морѣ синемъ,—заплакали черноморцы о своемъ горѣ» ²⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ соколы купались на морѣ, пили воду и полетѣли на сговоръ, гдѣ разлучаютъ невѣсту съ родителями ³⁾. Въ другой пѣснѣ эти соколы замѣнены ангелами на морѣ ⁴⁾: образъ все-таки печальный, потому что главнымъ образомъ идетъ дѣло о разлукѣ.

Трудность переплыть море служить сравненіемъ трудности перенести горе ⁵⁾. Утопленіе въ морѣ ⁶⁾ имѣетъ ту особенность, что море не принимаетъ желающаго утопиться. Замѣчательно, что такого оборота нѣтъ тамъ, гдѣ говорится объ утопленіи въ рѣкѣ. Въ этомъ случаѣ море принимается въ смыслъ смерти. Вообще, это выраженіе равносильно выраженію: земля не принимаетъ. Тутъ слышится древняя связь моря съ смертью, выражающаяся рѣзко въ образѣ Морены — богини смерти и воды. Въ купальской пѣснѣ смерть посылается на море. Въ древности море было общимъ кладбищемъ: самый древній способъ погребенія былъ пусканіе мертвеца на лодкѣ по водѣ. Дно моря—символь погибели; несчастный, не ожидая себѣ облегченія, говорить, что его доля утонула и находится на днѣ моря. И въ думѣ объ Олексѣѣ Поповичѣ, о которой мы упоминали выше, выраженіе: молитва вынимаетъ душу изо дна моря—значить вообще, что молитва спасаетъ отъ крайней погибели. Отсюда и рекрутскій наборъ, который всегда ненавидѣлъ народъ, вызываетъ сближеніе съ моремъ: создается образъ, что по морю плыветъ корабль, на которомъ сидятъ молодцы, ѣдятъ, пьютъ и совѣтуются между собою, кого отдавать въ рекруты ⁷⁾.

- 1) Ой на мори, на синѣму,
Сокиль зъ орломъ купается,
Сокиль орла питається:
— Чи не бувъ орле на чужій стороні?
Ой у поли та наміть стоить,
А тамъ козакъ убитъ лежить.
- 2) Ой плавали лебедоньки на синѣму мори,
Заплакали черноморци объ своему гори.
- 3) Ой на мори, на камини
Два соколи воду пили,
Знялись вони, политили
До Маруси на заручини,
Де Марусю розлучають
Изъ батенькомъ и зъ ненькою.
- 4) Ой на мори, на камени
Тамъ стояли два анголи.
- 5) Ой якъ тяжко плисти море,
Ой такъ тяжко знести горе.
- 6) Ой зійду я на гороньку,—
Синьє море грає;
Ой радъ би я утопитись,—
Море не приймає:
Прийми мене, сине море.
Бо й такъ мина горе.
- 7) Ой по морю, по синѣму морю,
Тамъ плавало суденце, малѣване денце,
А у тому суденцю пятьдесятъ молодцівъ,

Символика растений.

А. Травянистыя.

Рута, мята, шевлія (*salvia*) шалфей, также фіалка ¹⁾, и отчасти, вѣроятно, лебеда—въ народной поэзіи символы дѣвственности, строгости нравовъ, женской неподатливости, удаленія отъ любви, разлуки и одиночества. Рута занимаетъ первое мѣсто. Сѣять руту, поливать ее—образы, частые въ народной поэзіи, всѣ вообще имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ дѣвческаго незнакомства съ половою любовью и храненія чистоты. Вѣнокъ вообще есть символъ дѣвческаго состоянія, а вѣнокъ изъ руты самый дѣвственный ²⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ рута играетъ важную роль въ значеніи чистоты невѣсты; въ веснянкахъ рута прославляется припѣвами ³⁾, какъ образъ дѣвственности и весенней природы и вмѣстѣ юнаго, полного невинности возраста дѣвицы, которымъ почти исключительно принадлежитъ пѣніе веснянокъ. Рута носитъ эпитетъ ярой (то-есть молодой, яркозеленой) и крутой, то-есть суровой, крутой въ томъ смыслѣ, въ какомъ это прилагательное примѣняется къ человѣку.

Дѣвица, выражая свою рѣшимость хранить свою дѣвственность, говоритъ, что она посѣтитъ руту и будетъ ее поливать ⁴⁾, а при первомъ сближеніи съ молодцомъ, опасаясь увлечься и потерять невинность, проситъ его не пускать своего коня топтать ея руту, то-есть не воспользоваться ея молодостью и не обмануть ее ⁵⁾. Если дѣвица въ обращеніи съ молодцомъ не дозволяетъ себѣ никакихъ изліяній любви—это выражается образомъ поливанія руты; въ одной пѣснѣ, приведенной уже нами выше, дѣвица, разговаривая съ козакомъ близъ

Вони пьютъ, идять, соби раду радять,
Кого въ некрути взять.

¹⁾ Названія этихъ травъ не туземныя, а латинскія. Рута и шалфей играли важную символическую роль въ среднихъ вѣкахъ, но не въ томъ смыслѣ, какой получили у малоруссовъ. Имъ приписывали охранительную силу, какъ показываютъ латинскіе стихи:

Non est metus mortis
Cui est salvia in hortis.

Или:

Salvia cum ruta

taciunt tibi pocula tuta. (Макс. Малор. пѣс. 1867. XVII).

²⁾ Въ западной средневѣковой Европѣ вѣнокъ изъ руты и шалфея былъ символомъ весны. Въ римованной хроникѣ Оттокара, гдѣ разсказывается убійство императора Альбрехта племянникомъ его Іоанномъ Альбрехтомъ, на праздникъ перваго мая раздавались рыцарямъ вѣнки изъ руты и шалфея (*Uhlandvolkeslieder. II. R. Abhandlung*, стр. 32.

³⁾ Зеленая рутонька жовтий цвѣть!

⁴⁾ Ой посію яру руту, буду пидливати.

⁵⁾ Пусти коня по отави, та въ зализнимъ пути,

Прошу тебе—хай не ходитъ по моеи руги.

Бо на руги жовтий цвѣть, сама зелененька,

Прошу тебе: не зрадь мене, бо я молоденька!

криницы, воду брала, руту поливала, козачка въ гости зазывала къ ея отцу и матери, а не тайно къ себѣ. Невѣста, сожалѣя о покидаемомъ родительскомъ домѣ, просить отца не отдавать ее и дозволить ей еще сносить въ его домѣ вѣнокъ изъ руты, то-есть остаться непорочно дѣвицею, но отецъ отвѣчаетъ, что и такъ уже она сносила не одинъ и не два вѣнка изъ руты, и не разъ пренебрегала добрыми людьми ¹). Свадебныя дружки поютъ невѣстѣ: «отчего ты печальна? Вѣдь твоя рута зелена» ²), разумѣя чистоту ея до замужества. Брачное нарушеніе дѣвства выражается образомъ разсыпанной руты ³). Какъ молодой дѣвицѣ, чуждой еще любовнаго чувства, идетъ рута, такъ она не кстаети замужней женщинѣ, особенно пожилой; въ одной насмѣшливой пѣснѣ говорится о пожилой женщинѣ, которая имѣетъ притязаніе казаться подобною молодой дѣвицѣ, что она себѣ заткнула руту за намитку ⁴).

Молодцу, ищущему взаимности отъ дѣвицы, естественно, не нравится строгость дѣвицы, и онъ просить ее не поливать руты ⁵). Сама дѣвица, желая предаться любви, говорить, что ей досадно, зачѣмъ рута растетъ въ огородѣ и разрастается по берегу ⁶), ей за врагами, подмѣчающими ея свиданія, нельзя любить милаго, и она рѣшается истребить суровую траву: ея враги лягутъ спать, а она погуляетъ ⁷). Образъ срыванія руты, а также увяданія означаетъ прекращеніе дѣвства и податливость дѣвицы любовнымъ ощущеніямъ. Рута увядаетъ подъ ногами дѣвицы, которая стоитъ (выраженіе само по себѣ въ народномъ языкѣ означающее или предполагающее любовь) съ молодцомъ ⁸). Лишеніе невинности дѣвицы выражается также срываніемъ вѣнка изъ руты. Дѣвица, сознаваясь матери, что она потеряла невинность, говорить, что съ нея сорвалъ вѣнокъ изъ руты молодой козакъ ⁹).

Если половая любовь не теритъ руты, то любовь родственная не чуждается ея, выражается такими образами, относящимися къ рутѣ, которыми обыкновенно означается удаленіе отъ половой любви ¹⁰).

1) Не дай мене, мій батенько, одъ себе,
Най же я схожу зъ руты виночокъ ще въ тебе!
— Не единъ-есь не два зъ руты виночки зходила;
Не разъ-есь не два добрыми людьми згордила.

(Жег. Паул. I. 99).

2) Чого, Марьечко, смутненька:

Твоя рутонька зелененька!

3) Розсипалася руточка

Зъ золотого кубочка.

4) Захотила вража баба молодою бути;

Нашихала за намитку зеленой руты.

5) Ой перестань, дивчинонько, руту підливати;

Нехай же я перестану тяженько вздыхати.

6) Крута рута берегами поре.

7) Ой пиду я руты крутій верхи позриваю;

Вороженьки спати ляжуть, а я погуляю.

8) Де Маруся зъ Иванькомъ стояла,

Тамъ ярая рутонька зивьяла.

9) Ихавъ полемъ козакъ молоденькій,

Зирвавъ зъ мене винокъ рутянькій.

10) Подолянка руту сіе,

Рута не всегда непременно соединяется съ представлѣніемъ о дѣвственности, но иногда означаетъ удаленіе отъ половой любви, разлуку съ предметомъ любви и одинокую жизнь, хотя бы это относилось къ лицамъ, не сохранившимъ дѣвства, или, по крайней мѣрѣ, уже знакомымъ съ любовнымъ чувствомъ. Молодецъ, разлучаясь съ возлюбленною, проситъ ее каждый день утромъ и вечеромъ прикладывать зеленую руту къ головѣ, чтобы быть здоровою ¹⁾, то-есть не предаваться любовной тоскѣ и удаляться отъ любовныхъ ощущеній вообще. Быть можетъ, прежде здѣсь былъ смыслъ буквальный: рута дѣйствительно признавалась съ свойствомъ утolenія любовныхъ побужденій. Умершій изъ супруговъ завѣщаетъ оставшемуся въ живыхъ не вступать въ бракъ и не печалиться, а посвятить ярую руту на надгробномъ камнѣ ²⁾. Дѣвица-сирота, живя между врагами, не имѣя никого близкаго сердцу, выражаетъ свое житье образомъ посѣянной руты ³⁾; а также дѣвица, разлучившись съ милымъ, зная, что ей уже не сойтись съ нимъ, говоритъ, что у нея въ саду три куста руты ⁴⁾.

Рута также символъ непривѣтливости женщины ⁵⁾ и даже жестокости и злодѣянія, совершаемаго надъ личностью другого пола. Такъ въ пѣснѣ, въ которой описывается отравленіе молодца посредствомъ яда, даннаго ему дѣвцею въ пирогахъ, говорится, что въ одномъ концѣ этого пирога была кругая рута (по другому варианту шевлія и рута), а въ другомъ гибельный ядъ ⁶⁾. Въ другой пѣснѣ мужъ, отравленный своею женою, которая потомъ на его могилѣ раскаивается въ своемъ поступкѣ, отвѣчая ей изъ могилы, называетъ ее кругою руту ⁷⁾. Наконецъ, рута вырастаетъ на могилѣ пана, убитаго своею паньей ⁸⁾

Sie-sie, nidливае,
Ой братъ сестру обіймае,
Обіймае не чужую.

- 1) Приложи ти, моя мила, до головки руты;
Клади рано, изъ вечера, щобъ здоровій бути.
- 2) Не кажу тобі женитоньки,
Не кажу тобі тужитоньки,
Посій же ти руту круту на симъ каменю.
- 3) Насіяла крутои руты поміжь берегами;
Ой якъ миня тяжко-важко проміжь ворогами.
- 4) Ой у мене у городи три кончики руты;
Кохавшися, любившися, вкупи намъ не бути.
- 5) У заличку рута,
Господиня крута.
- 6) Въ першимъ рози у пирози та кругая рута,
Въ другимъ рози у пирози лихая отрута.
- 7) Руту моя круто, зеленая руту,
Першесь мене истроила, не дала-сь ми жити,
А теперъ ми не даешь шей въ гроби лежати.

(Чт. 1863. IV. 190).

- 8) Пани пана забила,
Въ огородку ёго сховала,
Рутку на немъ посіяла:
Росни, рутко, високо,
Якъ пань въ земли глибоко;
А рутка ся збахтала,
Ажъ до вишна достала.

(Чт. 1866. III. 729).

(бѣлорусскій вариантъ этой пѣсни послужилъ Мицкевичу основой для его баллады—Лилія).

Въ тѣхъ же значеніяхъ, въ какихъ является въ пѣсняхъ рута одна, она является вмѣстѣ съ мятою и даже какъ бы составляя одно растеніе съ двойнымъ названіемъ *рута-мята*. Въ свадебныхъ пѣсняхъ дружки спрашиваютъ пѣвѣсту: зачѣмъ она болѣе не ходитъ въ садъ и не полетъ своей руты-мяты? Невѣстѣ влагается такой отвѣтъ: «уже мнѣ теперь, подружки, не до руты, когда связали съ Иваномъ руки» ¹⁾, то-есть—теперь уже она лишается дѣвства, выходя замужъ. Оставляя родительскій домъ, невѣста хочетъ выразить мысль, что мать, разлучившись съ дочерью, будетъ скучать о ней и, вспомя лѣта ея дѣвства, заплачетъ; она говоритъ къ матери: вставай, матушка, равенько, поливай мою руту-мяту частенько, поздними вечерними зарями—своими частыми слезами ²⁾. Прополоть (въ смыслѣ—не выполоть другую траву между рутою, а вырвать ту самую, о которой идетъ рѣчь) руту-мяту значить овладѣть любовью дѣввицы ³⁾. Подобно тому, какъ рута, и рута-мята, враждебная половой любви, можетъ служить символомъ любви родственной,—женщина, ожидавшая къ себѣ отца и мать, садитъ руту-мяту, но рута-мята не принимается, это—символъ того, что отъ бѣдной женщины отрекаются родные ⁴⁾.

Рута является также съ *шевлію* символомъ разлуки съ милымъ, а соединеніе съ нимъ выражается образомъ вырванія этихъ растений по слѣдамъ возлюбленнаго ⁵⁾.

Мята одна, подобно рутѣ, носить эпитетъ крутой и является почти со-

1) Чому ти, Марусенько, у садъ неходишь,

Ой чому ти руты-мяты не полешь?

Ой теперь мині, дівочки, не до руты,

Що звязали изъ Иванькомъ руки.

(Метл. 125).

2) Ой оддаешъ мене, матинко, одъ себе

Зостається рута-мята уся въ тебе.

Уставай, моя матинко, рапенько,

Та поливай руту-мяту частенько,

Пизними вечерними зорями

И своїми дрибними слезами.

3) Посію я руту-мяту надъ водою,

Та вродиться рута-мята зъ лободою.

Ой хто тую руту-мяту прополе,

То той мене, молодую, пригорне.

4) По городу хожу,

Руту-мяту сажу;

Рута-мята та не принялася,

Родинонька видрилася.

Та казали люде:

Батько въ гости буде,

А батенько иде,

На двіръ не погляне.

5) Нема мого миленького, нема ёго тута,

Посходила по слідонькамъ шевлія та рута;

Я шевлію пересію, руту пересмичу,

Таки свого миленького къ собі переключу!

вершенно въ тѣхъ же образахъ и всегда въ томъ же смыслѣ, какъ и рута; напр., дѣвица сѣсть крутую мяту между берегами: ей тяжело отъ враговъ; она рѣшается сорвать верхи у крутой мяты: уже ея враги спать легли ¹⁾), подразумевается—она уйдетъ на свиданіе съ молодцомъ; здѣсь—то же, что и въ вышеприведенной пѣснѣ о рутѣ. Отказывая молодцу во взаимности, дѣвица говоритъ ему: «не ходи по избѣ, не топчи кудрявой мяты» ²⁾); напротивъ, предаваясь милому, она проситъ его вмѣстѣ съ нею походить по избѣ и потоптать кудрявую мяту ³⁾). Дѣвица, желая молодцу дать знать аллегорически, что она не очень податлива, на вопросъ его: «не изъ барвинка (символь любви) ли ты свита?» отвѣчаетъ: «нѣтъ, не изъ барвинка, а изъ кудрявой мяты» ⁴⁾). Подобно тому, какъ невѣста, уходя изъ родительскаго дома, поручаетъ матери ходить за своею рутую-мятою, такъ невѣста поручаетъ своей матери мяту, которая пригодится ея младшей сестрѣ, остающейся пока въ дѣвичество. Эта сестра будетъ украшать себя мятою и любоваться ея благовоннымъ запахомъ ⁵⁾). Мята, съ одинакимъ символическимъ значеніемъ, какъ и рута, отличается отъ послѣдней тѣмъ, что рута никогда не примѣняется къ мужскому полу; напротивъ, мята, въ пѣсняхъ, представляется украшеніемъ шапокъ молодцовъ ⁶⁾). Есть также образъ купанья въ мятѣ, примѣняемый къ лицамъ мужского пола: мы уже приводили такой образъ; въ другой пѣснѣ дѣвица спрашиваетъ молодца: «не въ любисткѣ ли ты купался?» Молодецъ отвѣчаетъ ей: «не въ любисткѣ, а въ мятѣ, потому что хочу тебя взять за себя замужъ» ⁷⁾). Въ этихъ примѣрахъ примѣненія мяты къ мужскому полу проглядываетъ тотъ же символъ чистоты, незнакомства съ любовными наслажденіями и нравственной крѣпости. Такъ какъ молодецъ намѣренъ жениться на дѣвицѣ, то, изъ уваженія къ ея чистотѣ и

- 1) Ой посию круту мяту промежь берегами,
Ой якъ мени та тяженько передь воротами,
Ой буду я крутій мяти вершечки зривати,
Та вже мои вороженьки полягали спати.
- 2) Не ходи по хати,
Не топчи кудрявой мяти.
- 3) Ой походимо по хати:
Потопчимо, мій миленькій,
Кудрявую мяту.
- 4) Либонь же ти, дивчинонько,
Зъ барвиночку звита?
Не зъ барвинку, не зъ барвинку,
Зъ кудрявой мяти...
- 5) Чи я тобі, Марусенько, зъ весни не казала:
Не копай грядки, не сади мятки,—хто буде їи поливати,
Ой есть у мене ненька старенька—буде їи поливати,
Раннею зорею, вечернею водою буде їи проймаи,
Ой есть у мене молодша сестра—буде їи затикати,
Їи запахомъ найпахнющимъ буде ся любовати.
- 6) Крутая мята хлопцямъ на шапата
- 7) Чи ти въ любистку купався,
Що ти мини сподобався?
Не въ любистку—тільки въ мяти,
Бо я хочу тебе взяти!

своей собственной, не хочет предаваться любви, болѣе или менѣе безпорядочной и непозволительной по принятымъ понятіямъ, а потому и выражаетъ эту мысль тѣмъ символическимъ образомъ, что онъ купался въ мятѣ—цѣломудренномъ зельѣ.

Шевлія сама по себѣ выдается, какъ символъ одиночества и удаленія отъ половой любви. Сынъ говоритъ матери: «хожу по саду, сажу шевлію, черезъ тебя, матушка, остаюсь неженатымъ» ¹⁾. Женщина, у которой мужъ пьяница и драчунъ, говоритъ, что она посѣяла бы шевлію, но за морозами не всходитъ это растеніе, а еслибъ оно и взошло, то отъ солнца засохнетъ ²⁾, то-есть: женщина хотѣла бы избавиться отъ мужа и брачной жизни, да нѣтъ ей возможности. Шевлія также символъ сохраненія супружеской вѣрности. Въ одной пѣснѣ мужъ, застающій въ своемъ домѣ разные признаки, обличающіе недавнее любовное свиданіе его жены съ другимъ лицомъ, говоритъ между прочимъ: отчего эта шевлія истоптана?—Жена, выдумывающая всякую всячину въ отвѣтъ на мужнины вопросы, говоритъ, что разыгрались лошади и истоптали шевлію ³⁾. Купанье въ шевліи, какъ и въ любисткѣ, сообщаетъ, повидимому, способность нравиться. Дѣвица спрашиваетъ милаго: не купался ли онъ въ шевліи? «Не тебѣ, отвѣчаетъ молодець, знать, въ чемъ меня купала мать: въ любисткѣ ли въ шевліи—за тобою томится сердце» ⁴⁾.

О значеніи шевліи въ смыслѣ разлуки мы говорили уже, упоминая о рутѣ.

Фіалка является рѣдко и, сколько намъ извѣстно, только въ галицкихъ мѣсняхъ. Нѣкоторыя черты указываютъ въ ней также символъ дѣвственности: такъ, напримѣръ, дѣвица, утратившая невинность, видитъ, что дѣвицы ходятъ по долинѣ и собираютъ фіалки себѣ на вѣнки для воскреснаго дня, а она своей вѣнокъ утратила ⁵⁾, слѣдовательно не можетъ носить вѣнка изъ фіалокъ.

¹⁾ По садочку хожу,

Шевліеньку сажу;

Черезъ тебе, моя мати,

Нежонатий хожу.

²⁾ Посію шевлію раненько въ неділю;

За лютими морозами шевлія не сходить;

Ой хочь вона зійде—одь сонця зовьяне:

Иде милий зъ корчми пьяний, на мене не гляне;

Я не одчинюся, бо тебе боюся.

³⁾ Ой Ганусю, душечко,

Чого шевлія потоптана?

— Кони ся розбрикали,

Шевлію потоптали.

⁴⁾ Чи ти въ шевліи купався,

Що такъ мипи сподобався?

— Тоби, дивчя, не питати,

Въ чимъ купала мене мати;

Чи въ любистку, чи въ шевліи:

За тобою сердце мліе.

⁵⁾ На долини ходять паняночки,

Та збирають хвіялочки,

На неділю на виночки,

А я свій утратила,

Здѣсь можно бы невозможность дѣвицѣ носить вѣнокъ изъ фіалокъ относить вообще къ вѣнку, а не къ фіалкамъ, такъ какъ вообще вѣнокъ есть символъ дѣвическаго состоянія; но есть другія пѣсенныя мѣста, гдѣ прямо цвѣтокъ фіалки, самъ по себѣ, безъ вѣнка, означаетъ дѣвственность; такъ въ свадебной пѣснѣ отецъ говоритъ выходящей замужъ дочери, что ей уже не нуженъ этотъ синій цвѣтокъ, такъ какъ ей теперь завязанъ свѣтъ¹⁾, т.-е. что ей предстоитъ брачная жизнь, исполненная труда и заботъ. Подобно тому, какъ топтаніе мяты дѣвицею вмѣстѣ съ молодцомъ означаетъ, что дѣвица знакомится съ любовью и выходитъ изъ состоянія строгаго дѣвства, — въ галицкой пѣснѣ дѣвица ходитъ по фіалкамъ и гороритъ своей матери, что уже не мило ей разговаривать съ нею, а милѣе съ кѣмъ-то другимъ—съ молодцомъ²⁾. Въ одной пѣснѣ барвинокъ, василекъ и фіалка одни за другими служатъ украшеніемъ для дѣвицы, и дѣвица разговариваетъ съ ними. Дѣвица рветъ фіалки и украшается ими, думая, что голосъ милаго не можетъ къ ней достигнуть черезъ лѣсъ, а вышло наоборотъ³⁾. Здѣсь фіалка также приведена въ смыслѣ дѣвственности и удаленія отъ любви. Украшеніе фіалками сопоставляется съ желаніемъ не слышать голоса милаго.

Трехцвѣтная фіалка (*viola tricolor*)—по-малорусски братъ съ сестрою—упоминается въ пѣснѣ, гдѣ разсказывается о превращеніи въ этотъ цвѣтокъ брата и сестры, которые, не узнавъ другъ друга, сочетались кровосмѣсительнымъ бракомъ: «Въ городѣ на рынкѣ или козаки водку; пьютъ они, гуляютъ, на шинкарю покрикиваютъ: шинкарка молодая, налей-ка меду-вина! — Не повѣрю не продамъ: на тебѣ изорванный жупанъ.—Хоть на мнѣ изорванный жупанъ, да у меня цѣлый кувшинъ денегъ.—О, если у тебя кувшинъ денегъ, — я за тебя отдамъ дѣвицу, а дѣвицу не какую-нибудь работницу — приличную барышню; какъ она заговоритъ—словно въ колокола зазвонитъ, а какъ она засмѣется—словно дунай разольется. Въ субботу они сговаривались, а въ воскресенье обвѣнчались; тогда стали разспрашивать другъ друга о происхожденіи.— Скажи мнѣ, душа моя, какого ты рода?—Я изъ Кіева Войтенкова, по батюшкѣ Ивановна!—О, какой теперь свѣтъ насталь, что братъ сестры не узналъ! Я

Пидь яворомъ зелененькимъ

Зъ козаченькомъ молоденькимъ.

¹⁾ На що жъ тобі, моя доню, сей синенькій цвѣть?

Що вже тобі, дитя мое, завязаний свѣтъ?

²⁾ Ой заквітля хвіалоньки, заквітля,

Цили гори и долини закрили!

Ходять по нихъ Марисенька сплшна,

За невь, за невь ей мати стиха.

Не ходь же ти, моя мати, за мною,

Не мила ми розмова зъ тобою!

Лемъ ми мила розмова зъ кямъ иншимъ,

Зъ тимъ Василемъ молоденькимъ наймильшимъ. (Чт. 1866. III. 721).

³⁾ По диброви ходила, не находилася,

Кликала миленького, не докликала,

Та нарвала хвіялочки тай затикалася,

Я жъ думала, хвіялочки, що лисокъ той висоць.

Ажъ заходить миленького та до мене голосокъ.

изъ Кіева Войтенко, по батьокѣ Ивановичъ! Пойдемъ, сестра, по горѣ: развѣмся травою; пойдѣмъ, сестра, по лугамъ: развѣмся цвѣтами. Ты будешь синій цвѣтъ, а я буду желтый цвѣтъ. Будутъ люди косить—за насъ Бога молить; будутъ люди рвать цвѣты — собирать съ насъ грѣхи. Будутъ люди говорить: вотъ та трава, что съ братцемъ сестрица ¹⁾).

Это превращеніе, какъ мы догадываемся, имѣеть связь съ символизмомъ растенія, принадлежащаго къ разряду противныхъ половой любви Подобно тому,

1) У городи на ривку

Пьють козаки горилку;

Пили вони, гуляли,

На шинкарку гукали:

— Шинкароцько молода,

— Усипь меду и вина!

„Не повірю, не продамъ.

„Во на тоби жунашь драпъ!“

— Хочь на мини жунашь драпъ,

— Есть у мене грошей джбанъ.—

„Якъ у тебе грошей джбанъ,

„Я за тебе дивку дамъ,

„А дивку не наймичку,

„Присталую папчочку:

„Якъ вона заговорить,

„Мовь у дзвони задзвонить,

„А якъ вона засміється,

„Дунай розилється!

У суботу змовлялись,

А въ неділю звищались,

Тоди роду питались:

— Скажи мини, серденько,

— Якого ти родоньку?—

„Я зъ Кіева Войтивна,

„По батькови Йванивна!“

— Який теперь свить наставъ,

— Що братъ сестри не признавъ!

— Я зъ Кіева Войтенко,

— По батькови Йваненко!

— Ходимъ, сестро, горою,

— Розвѣємось травою;

— Ходимъ, сестро, лугами,

— Розвѣємось квітами.

— Ой ти будешь синій цвѣтъ,

— А я буду жовтий цвѣтъ!

— Будуть люде косити—

— За насъ Бога молити,

— Будуть люде квити рвати—

— Изъ насъ грѣхи избирати;

— Будуть люди казати:

— Отсе жъ тая травиця,

— Що зъ братикомъ сестриця.

какъ рута находится въ благопріятномъ отношеніи къ любви между братомъ и сестрою, въ трехцвѣтную фіалку превращаются братъ съ сестрою. Нечаянно сблизившись недозволительно для нихъ пологою любовью, они прекращаютъ такія отношенія, превратившись въ такое растеніе, которое противно пологой любви и благопріятствуетъ братской. По другой пѣснѣ ¹⁾ въ трехцвѣтную фіалку превратились не братъ съ сестрою, а мать съ дочерью, послѣ того, какъ та и другая по незнанію вышли замужъ—первая за сына, вторая за брата.

Связь *лебеды* съ исчисленными нами символами удаленія отъ любви можно выводить изъ того, что это растеніе встрѣчается, вмѣстѣ съ рутою, какъ ея дополненіе, и съ мятою. Въ одной пѣснѣ отъ имени дѣвницы говорится: посью

- 1) Надъ Дунаемъ глубокимъ,
Стоить явиръ високий,
А зъ пидъ того явора
Вийшла вдова молода,
Два синочки повила,
И на каминь зложила,
И сама ихъ хрестила,
И въ корабель зложила,
И на дунай пустила:
„Ой ви жовтїи лиски,
„Кормить ви мои дитки!
„Ти, очереть, не шуми,
„Синивъ моихъ не свари!
„Ви, береги, не гудить,
„Синивъ моихъ не будить!“
На виснадцатомъ году
Пишла вдова по воду,
Стала вдова воду брать,
Ставъ корабель припливать.
— Чого, вдово, думаешъ,
Чому води не берешъ?—
„Ой я думу гадаю—
„За дончика ити маю,
„За одного сама йду,
„За другого дочъ даю“.
— Ой ти, вдово молода,
— Дурна твоя голова!
— Ти за сина сама идешъ,
— За другого дочъ даешъ.
„Ходимъ, доню, въ монастирь,
„Нехай же насъ Богъ простить!
„Ходимъ, доню, въ чисте поле,
„Розійдемось квітами;
„Зъ тебе буде жовтий цвить,
„Зъ мене буде синій цвить;
„Буде слава на весь свить,
„Буде слава славою,
„Що живе синъ зъ мамою.—

руту надъ водою;—родится рута съ лебедею ¹⁾; въ другой—на рѣчь молодца, что онъ желаетъ на ней жениться, но, не имѣя собственной хаты, поведетъ ее въ чужую, она отвѣчаетъ: «сострой хату изъ лебеды, а въ чужую не веди; сострой хату изъ кудрявой мяты, а чужой я не буду знать» ²⁾. Такъ какъ намъ уже извѣстна символика мяты, то, по нашему мнѣнію, дѣвица хочетъ сказать молодцу, чтобъ онъ оставилъ свое намѣреніе жениться; лебеда здѣсь является «сосимволомъ» мяты. Но затѣмъ символическое значеніе этого зелья остается сбивчивымъ и неопредѣленнымъ, такъ что, по нѣкоторымъ признакамъ, оно отъ символа дѣвства, а слѣдовательно одиночества, скуки, перешло въ символъ крайности и бѣдности. Такъ замужняя женщина, которую мужъ дурно содержитъ, ходила по огороду, сломила лебеду и вслѣдъ затѣмъ говоритъ мужу: «что я у тебя, мой милый, служила развѣ работницею? Если работницею, такъ заплати мнѣ за службу, а если я у тебя хозяйка, то не води меня босикомъ ³⁾. Въ другой пѣснѣ лебеда сопоставляется съ вдовою, которая ходить съ ребенкомъ ⁴⁾, и ее хочетъ зарубить татаринъ; она проситъ не рубить ее, а повести къ роднымъ для выкупа; отецъ отрывается отъ нея, свекоръ тоже, но нашелся молодецъ, который ее выкупилъ.

Есть въ южнорусскихъ пѣсняхъ странные образы, въ которыхъ является лебеда. Мать спрашиваетъ сына, ходилъ ли онъ къ вдовѣ на вечерницы и чѣмъ его угощали. — «Варила вдова рыбу съ лобками ⁵⁾, отвѣчаетъ сынъ, прилагая при этомъ нѣжныя эпитеты матери.—А гдѣ она поймала эту рыбу? спрашиваетъ мать.—Въ огородѣ на лебедѣ ⁶⁾, отвѣчаетъ сынъ. Другой образъ еще страннѣе. Дѣвица варила лебеду и послала козакъ за водою,—исчезъ козакъ; лебеда ⁷⁾ же вскипѣла безъ воды.

- 1) Ой посію рутоньку надъ водою,
Та вродиться рутонька зъ лободою,
- 2) Поставъ хату зъ лободи
Та въ чужую не веди.
Поставъ хату зъ кудрявои мяти,
А чужои мини не знати.
- 3) По городу ходила,
Лободоньку зломилла;
Чи я въ тебе, мій миленький,
За наймичку служила?
Ой якъ же та за наймичку,
То ти мини заплати,
А якъ же та за хозяйку,
То босою не води.
- 4) Ой по гори лобода,
Тамъ ходила удова
Зъ маленькою дитиною...
- 5) Варила, ненько, щире серденько,
Рибоньку зъ лобками.
- 6) Піймала, ненько, щире серденько,
Въ городи на лободи....
- 7) Ой на гори, серденько, на валу,
Тамъ варила дивчина лободу,
Та й послала козаченька по воду.

Въ противоположность, такъ сказать, букету травянистыхъ растений, составляющихъ символику удаленія отъ любви, народная поэзія представляетъ другой букетъ символическихъ травъ, означающихъ половую любовь въ разныхъ видахъ. Болѣе всѣхъ ясными и опредѣленными являются барвинокъ (*vinca per-vinca*), василекъ (*osyrum basilicum*) и любистикъ (*levisticum*)—по-великорусски заря. Всѣ три не туземныя названія, два испорченныя латинскія, василекъ—греческое *οσυρον βασιλικον*; названіе василька, а можетъ быть и самое растеніе перешло изъ Византіи. У грековъ происхожденіе его примѣняется къ легендѣ о нахожденіи креста—ср. *Gretseri opera. Ratisb. 1734. II, 430*, какъ у малоруссовъ и у грековъ оно издавна клалось подъ крестъ. Можно предполагать, что эти растенія замѣнили или другія названія тѣхъ же растений, болѣе древнія, или совсѣмъ другія растенія.

Въ купальской пѣснѣ всѣмъ тремъ этимъ растеніямъ дается мифологическое единое происхожденіе изъ изрубленнаго и посѣяннаго существа мужскаго пола, называемаго (разумѣется, въ позднѣйшемъ искаженіи древняго названія) Иваномъ ¹⁾. Древность этого образа подтверждается подобными образами въ пѣсняхъ другихъ славянъ; такъ, напр., въ польской пѣснѣ изъ дѣвицы изрубленной и посѣянной въ огородѣ должны вырости три зелья: рута, лилія и шалфей (*Kozłowski. Lud. zesz. I, 42*).

Барвинокъ занимаетъ первое мѣсто. Онъ болѣе всего символъ брачнаго торжества—свадьбы, но также перѣдко вообще любви и удовольствій, приближающихъ къ любви. Онъ носитъ эпитеты зелененькій (вѣчно зеленый—по-нѣмецки *Immergrün*) и крещатый, по расположенію вѣтвей, которыя стелятся по землѣ. Различныя видоизмѣненія, происходящія съ этимъ растеніемъ—сажаніе, возрастаніе, цвѣтеніе, увяданіе, полотіе, топтаніе, рваніе, плетеніе—приводятся примѣнительно къ разнымъ положеніямъ свадьбы и любовныхъ сношеній. Сажаніе барвинка—символическій образъ приготовленія къ браку. Здѣсь представляется

Ни козаченька, ни води,
Та скипила лободонька безъ води.

1) Иване, Ивашечку,
Не переходь дороженьку!
Якъ перейдешъ—виновать будешъ:
Посичемо, порубимо,
Посичемо тебе на дрибний макъ,
На дрибний макъ, на капусту,
Посіемо тебе въ трѣхъ городцяхъ.
Та вродиться три зельячка:
Въ першымъ городци—любисточокъ,
Въ другимъ городци—барвиночокъ,
Въ третимъ городци—василечокъ.
Любисточокъ—для любощивъ,
Барвиночокъ—сади устилае,
Василечокъ—три запахи мае.

Послѣдніе три стиха измѣняются и такъ еще:

Барвиночокъ—для дивочокъ,
Любисточокъ—для любощивъ,
Василечокъ—для запаху.

совершенная противоположность тому, что говорится о символах удаления от любви. Такъ какъ садить руту или мяту значитъ соблюдать дѣвство, а ходить по нимъ (также по фіалкамъ) и топтать ихъ—значитъ знакомиться съ пологою любовью и предпочитать молодца родителямъ, такъ садить барвинокъ означаетъ именно приближеніе къ любви и предпочтеніе любовныхъ и супружескихъ чувствъ родственнымъ. Дѣвица садить барвинокъ: за нею идетъ отецъ. Не ходи, — говоритъ она,—за мною, батюшка: не мила мнѣ бесѣда съ тобою ¹⁾. Дѣвица садить барвинокъ вмѣстѣ съ своимъ суженымъ, а потомъ нарываеъ себѣ полный передникъ барвинку собственной посадки ²⁾. Мать невѣсты сама ходитъ за барвинкомъ, поливаетъ его—это образъ материнской заботы о выдачѣ дочери въ замужество; придетъ пора, и срѣжетъ его невѣста (княгиня) ³⁾. Барвинокъ срѣзывается на вѣнокъ. Сама невѣста рѣжетъ его своими руками ⁴⁾, а также и ея подружки—свадебный чинъ со стороны невѣсты, дружки ходятъ за барвинкомъ для своей княгини ⁵⁾. Барвиновый вѣнокъ—символь короткаго, но поэтическаго и праздничнаго періода въ жизни дѣвицы, состоянія невѣсты, послѣ котораго наступаетъ иная жизнь, когда уже для нея не существуютъ никакіе вѣнки и цвѣты. Невѣста хотѣла бы его «позолотити», чтобы только долѣе поносить. Но вмѣстѣ

1) Зелененькій барвиночокъ садила,
За нею батенько тихенько:
„Сади, сади, Марьечко, зялячко:
— Не ходи ти, мій батенько, за мною:
Не мила мині беседонька зъ тобою.
Ой ходи, ходи, Ивасенько, за мною,
Мила мині беседонька зъ тобою.—

2) Зъ зими на весну походить;
Иванё городецъ городить.
Городи, Иване, городецъ,
Будемо садити барвинець,
То тобі, то мині на винець.
Ой скочила Марисенька въ городецъ,
А за нею Иванё молодець!
Ой скочила Мариня на хвильку,
Наризала запаску барвинку,
Тильки то їи присивку.

(Чт. 1866. 626).

3) Де ти, барвинку, рись, рись,
Що-сь такий красний вирись?
Я въ лиси при керниці,
При студеній водици;
Мене вода підходила,
Мене вода холодила,
Прийшовъ часъ годиненька:
Виризала княгиненька.

(Чт. 1866. III. 618).

4) Ходитъ Марьечка по садочку,
Риже барвиночокъ соби на виночокъ.

(Русск. вес. 43).

5) Въ долину, паяночки, въ долину,
По хрещатій барвинокъ,
Своій дивчини на винокъ,
Та ще зъ руточки два виночки..

съ тѣмъ этотъ же вѣнокъ надѣлалъ ей и горя, разлучая ее съ родителями ¹⁾. Уже заранѣе думаетъ дѣвица объ этомъ завѣтномъ вѣнкѣ. Молодецъ, нарвавши барвинку, показываетъ его дѣвицамъ. Угадайте, что это за зелье? говорить онъ, и дѣвицы застѣнчиво отвѣчаютъ, что это барвинокъ—на вѣнокъ (т.-е. свадебный) дѣвицамъ ²⁾.

Въ веснянкахъ дѣвица плететь барвиновый вѣнокъ и приходитъ въ раздумье, за кого придется ей выйти замужъ: если бы она вышла замужъ за милого, она бы сплела его еще лучше, повѣсила бы его въ «теремѣ» на золотомъ колкѣ, на шелковомъ свуркѣ ³⁾. Барвинокъ украшаетъ не только въ видѣ вѣнка голову невѣсты, но и шапку жениха (шапка—такой символъ мужскаго молодечества, какъ вѣнокъ дѣвчества). О, мой хрещатый барвинокъ! не разстилайся по саду: туда пойдетъ мой немилый, стопчетъ тебя ногами, сорветъ тебя руками. Разстелись, барвинокъ, когда будетъ идти мой милый, стопчетъ тебя ножками, сорветъ ручками и заткнетъ за шапочку, на свою золотую головку ⁴⁾.

Барвинокъ—свадебное зелье, вмѣстѣ съ тѣмъ и символъ тѣхъ дѣвческихъ увеселеній, той беззаботной жизни, которая начинаетъ знакомиться съ любовью въ танкахъ и играхъ. Дѣвица, которой хорошо у родителей, ходитъ отъ ночи до ночи въ танкѣ (хороводѣ), въ хрещатомъ барвинкѣ, въ пахучемъ василькѣ ⁵⁾. Вырву я,—говоритъ дѣвица,—барвинъ-листикъ, синій цвѣтъ, совью себѣ вѣнецъ, пойду въ хороводъ; какъ глянетъ тотъ, кто мнѣ не любъ,—въ-

- 1) Наробивъ мни, винку, горя,
 Бо ежежъ мене зъ моимъ батенькомъ
 На вики розлучено!
- 2) То зильячко барвинокъ, барвинокъ,
 Паняночкамъ на винокъ, на винокъ...
- 3) Ой винку мій, винку, хрещатий барвинку,
 Я жъ тебе звила вчора зъ вечора;...
 Ой якъ бы жъ я знала що за милого пиду,
 Ябъ ище красчий звила,
 Та повисила бъ у тереми,
 На золотимъ килку, на шовковимъ шпурку!
- 4) Ой мій хрещатий барвинку!
 Не розстилайся по всѣму садочку:
 Туди йтима мій нелюбъ,
 Стопче тебе ногами,
 Зирве тебе руками.
 Ой розстелись, барвинку,
 Якъ буде йти мій миленький:
 Стопче тебе ниженьками,
 Зорве тебе рученьками,
 Та заткне тебе за шапочку,
 На золотую головочку!...
- 5) Зъ ночи до ночи въ таночку
 Въ хрещатенькимъ барвиночку,
 Въ запашненькимъ василечку.

нецъ мой вянетъ; какъ глянеть милый,—вѣнецъ мой цвѣтеть ¹⁾. Почевать въ барвинку—значить предаваться любовнымъ наслажденіямъ ²⁾.

Барвинокъ означаетъ также молодца-любownika. Дѣвица называетъ его барвинкомъ ³⁾. Разстиланіе барвинка по землѣ—то приглашеніе дѣвицы молодцомъ ⁴⁾, то наоборотъ ⁵⁾. Мать на вопросъ сына: зачѣмъ онъ еще не женился, совѣтуетъ ему погулять, потому что онъ еще молодъ, и сопоставляетъ съ нимъ возрастаніе барвинка ⁶⁾. Невѣщеніе барвинка—образъ измѣны ⁷⁾, а увяданіе—несчастнаго брака и дурного обращенія мужа съ женою или любовницею ⁸⁾. Барвинокъ представляется также растущимъ и на могилѣ вмѣстѣ съ рутою и мятою. Мы встрѣчаемъ такой образъ въ одной галицкой пѣснѣ, гдѣ описывается, какъ козака въ битвѣ убилъ нечаянно его братъ и онъ заповѣдаетъ посадить на своей могилѣ эти три растенія ⁹⁾. Однако, это пѣсня—въ формѣ сравнительно позднѣйшей, такъ какъ здѣсь, очевидно, все пригоняется къ рѣмѣ. Въ тѣхъ же значеніяхъ, которыя указаны нами, барвинокъ упоминается съ василькомъ. Оба растенія вмѣстѣ—принадлежность свадьбы ¹⁰⁾, и дѣвица проситъ отца обсадить ее крещатымъ барвинкомъ и пахучимъ василькомъ ¹¹⁾, а отецъ

1) Щилю, ломлю барвинъ листокъ,
Барвинъ листокъ—синій цвѣтокъ.
Совью винець, иду въ танецъ...
Нелюбъ глане—винець тане,
Милый глане—винець цвите. (Чт. 1864. III. 680).

2) Ночувала нячку въ зеленомъ барвинку,
Зъ тобою, мій недовирку?

3) Ой Янку, мій Янку, хрещатий барвинку.
Ой въ чистому полю дивчина траву жала,
Прійшовъ до неи Янко
Хрещатий барвинко.

4) Ой стелися, барвиночку, не коренемъ, листомъ;
Викликає козакъ дивку не голосомъ, свистомъ.

5) Зелененький барвиночку, стелися низенько,
А ти милый, чорнобривий, присунься близенько.

6) Рости, рости, барвиночку, ще ти зелененький,
Гуляй, гуляй, мій синоньку, ще ти молоденький.

7) Зелененький барвиночку, чому рано не цвѣтешъ?
Чому милый, чорнобривий, не по правди живешъ?
Прійде вечеръ, ти до иншої йдешъ!

8) Хрещатенький барвиночку, завявъ въ прискриночку.
Звлявъ, зсушивъ, вражий сину, чужу дитиночку.

9) Посадимо на немъ трояке зилья:
Першее зиленько—пахнющая мятка,
Щобъ поминала ёго ридна матка;
Другее зиленько—крещатий барвинокъ,
Щоби поминавъ ёго увесь ёго ридокъ;
Третее зиленько—рутка дрибнесенька,
Щоби поминала его милесенька.

10) Хрещатий барвиночокъ въ городи,
А пахнуций василекъ у комори,
Дрибний слизоньки на столѣ. (Чт. 1864. I. 112).

11) Обсади мене, мій батенько, крещатымъ барвиночкомъ,

говорить, что онъ обставитъ ее полными кубками и обсадитъ нарядными дружками. Въ пѣснѣ, которую мы приводили, говоря о символическомъ значеніи криницы, мать юноши, желая, чтобъ онъ женился на дѣвицѣ, которая ходитъ за водою къ ея криницѣ, оплететъ эту криницу барвинкомъ и обмететъ василькомъ ¹⁾. Барвинокъ здѣсь—символь согласія матери на бракъ ея сына, а *василекъ* означаетъ привѣтливость.

Это послѣднее растеніе, состоя въ одной символической связи съ барвинкомъ, преимущественно означаетъ любовную привѣтливость. Въ такомъ смыслѣ дѣвица, приглашая молодца и обѣщая быть къ нему привѣтливою, сопоставляетъ это дѣйствіе съ сѣніемъ и поливаніемъ васильковъ ²⁾. Въ томъ же смыслѣ въ свадебныхъ пѣсняхъ о молодомъ поется, что его нельзя не полюбить, когда онъ вошелъ въ свѣтлицу василькомъ ³⁾. Этотъ же смыслъ растенія слышится и въ той пѣснѣ, гдѣ мать замечаетъ васильками слѣды любовнаго свиданія своей дочери ⁴⁾: мать снисходительно смотритъ на поступки своей дочери и скрываетъ ихъ изъ приличія. Но васильки, какъ зелье любовное, сопоставляются также и сами по себѣ, и вмѣстѣ съ барвинкомъ, съ разгуломъ любовнымъ: дѣвица хвалитъ запахъ васильковъ—и хочетъ побѣжать на улицу ⁵⁾; выростаніе васильковъ и вмѣстѣ барвинка, примѣняясь вообще къ браку и любви, примѣняется также и къ кутежу молодца ⁶⁾.

Есть образъ, встрѣчаемый въ нѣсколькихъ пѣсняхъ: у молодца скрипка изъ василька, а струны на ней изъ руты; онъ играетъ, а его слышно вдаль ⁷⁾. Изъ пѣсни, которую мы приводимъ, видно, что смыслъ этого образа таковъ: козакъ любезенъ, красивъ, привѣтливъ; дѣвица считаетъ его лучшимъ молодцомъ въ свѣтѣ, но она съ нимъ въ разлукѣ. Музыка—символь его извѣст-

Обсїй мене ти, мїй батенько, залашневькимъ василечкомъ.
Обставлю тебе, доненько, повненькими кубочками,
Обсажу я тебе, моя доненько, пшшними дружечками.

¹⁾ И барвиночкомъ оплете,
И василечкомъ обмете.

²⁾ Посїю я василечки, буду поливати,
Ходи, ходи, козаченьку, буду привитати.

³⁾ У свитлицю василечкомъ идиходить.

⁴⁾ Де стояли, розмовляли—пидкивочки знати,
Колибъ мини та Господи раннишъ матки встати,
Та вирвати василечка, та позамитати,
А я таки та проспала, ненька раннишъ встала,
Василечки повирвала, та позамитала.

⁵⁾ Василечки, василечки, якъ хороше пахнуть!
Колибъ мини у вечери на улицу грахнути!

⁶⁾ Ой по гори василечки зходять,
Пидъ горою барвинокъ послався,
Молодь козакъ роспився, розгулявся. (Балл. 401).

⁷⁾ Не рада-бъ я журитися, милий покидае,
Покидае, одъязжае въ Китай городочокъ,
Въ Китай Китай—городочку красчого не мае.
Кїнь вороний, самъ молодий у скриночку грае.
Що скрипочка зъ василечокъ, а струни изъ руты.
Якъ заграе на синимъ мори, то и до насъ чути! (Метл. 20).

ности, славы, какъ прекраснѣйшаго молодца. Есть очень распространенная пѣсня объ утонувшемъ молодцѣ Василѣ: «Посію я васильки, буду поливать; ходи, ходи, Василь, буду тебя принимать привѣтливо! Приди, приди, Василечокъ, приди ужинать какъ не придешь уживать,—приди обѣдать; не придешь обѣдать, приди хоть провѣдать; а не придешь провѣдать—будетъ тебѣ худо: ты утонешь у берега, гдѣ и воды (большой) не будетъ». Такое заклятіе положила на него дѣвица. Василь не послушался и утонулъ. Плаваетъ платокъ, вышитый дѣвицею, она плачетъ о Василѣ потому, что любитъ его ¹⁾. Хотя здѣсь не говорится прямо о превращеніи этого утонувшаго молодца Василя въ растеніе, но можно предполагать, что пѣсня эта имѣетъ такой смысл, и, вѣроятно, въ ней затерялся конецъ, тѣмъ болѣе, что въ различныхъ вариантахъ этой пѣсни конецъ бываетъ различенъ. Къ этому предположенію побуждаетъ насъ еще и то, что въ галицкомъ вариантѣ этой пѣсни Василь молодецъ сопоставляется съ растеніемъ василькомъ; дѣвица называетъ этого Василя «пахучимъ зельемъ». Тамъ представляется событіе иначе. Дѣвица подарила Василю платокъ, но хочетъ выходить за другого, а Василю говоритъ, чтобъ онъ ее пригласилъ на свою свадьбу. Затѣмъ Василь утонулъ, а дѣвица бѣжитъ и нанимаетъ молодцовъ, чтобъ они достали сначала платокъ, а потомъ самого утонувшаго Василечка. Послѣдній оборотъ, именно просьба къ рыболовамъ, чтобъ они вытянули изъ воды утонувшаго, мы встрѣчаемъ въ пѣснѣ, въ которой говорится не о Василѣ, а просто объ утонувшемъ козакѣ ²⁾; но всѣ подобныя пѣсни, должно быть, варианты одной и той же пѣсенной были, относящейся къ смерти Василя или Василечка, сопоставляемаго съ растеніемъ. Если въ извѣстныхъ намъ вариантахъ, при такомъ сопоставленіи, не говорится, однако, прямо, чтобъ утонувшій превратился въ цвѣтокъ-василекъ, то существуетъ преданіе, что этотъ цвѣтокъ выросъ на могилѣ юноши, по имени Василя.

Любистокъ—хотя растеніе любимое въ народной жизни и явно принад-

¹⁾ Посію я василечки, буду поливати;

Ходи, ходи, Василечку, буду привитати,

Прийди, прийди, Василечку, прийди вечеряти.

Далѣ:

Якъ не прийдешь вечеряти, прийди обидати;

Якъ не прийдешь обидати, прийди одвидати;

Якъ не прийдешь одвидати, неславонька буде,

Ой утонешь при бережку, хочь води не буде.

Втонувъ, втонувъ Василечко, а хусточка плавле;

Ходить дивчя по бережку, били ручки ламле;

Не жаль мини хустиночки, що я вишивала,

А жаль мини Василечка, що я поховала.

²⁾ Ой Василю, Василечку, ти запашне зильля,

Якъ ти будешъ женитися, кличь мя на весилья,

Ой буду, ой буду, коли не забуду,

Якъ забуду, якъ забуду, про тебе (пробуду) (?).

Хочь бийтеса рубайтеса, я одного буду,

Василькови фустку кунью, Иванкова буду.

Втонувъ, втонувъ Василечокъ, лишь фусточка плавле,

Катеринка бѣжить, били ручки ламле. (Чт. 1863. IV. 119).

лежащее къ любовнымъ символамъ народной поэзіи, упоминается, однако, рѣдко, зато рѣзко. Купанье въ любисткѣ сообщаетъ свойство правиться ¹⁾, и это купанье даетъ счастье въ жизни ²⁾.

«*Ромашка* — ромень, зилья — принадлежить къ той же группѣ любовныхъ травъ. «Ромень по дорогѣ разстиляется; мой милый чернобривый посылаетъ мнѣ черезъ людей поклонъ. Что мнѣ въ этомъ роменѣ, когда онъ цвѣтетъ, а ягоды нѣтъ; что мнѣ въ этомъ поклонѣ, когда его самого нѣтъ?» ³⁾.

Въ вариантѣ этой пѣсни, при сохраненіи всѣхъ словъ, ромень замѣненъ зелененькимъ барвиночкомъ. Дѣвицы копають ромень, чтобы чародѣйскимъ дѣйствіемъ надъ нимъ нагнать кручину на молодцовъ: «Эй, на гору, копать ромень! Ахъ, мое зелье, ромень! Зачѣмъ я тебя копаю, когда я не умѣю чародѣйствовать». Потомъ обращеніе къ молодцу: «подожми крылышки, чтобы тебѣ было тяжело безъ меня» ⁴⁾.

То же значеніе имѣетъ *розмай-зилья*—быть можетъ, тотъ же ромень, а быть можетъ и отдѣльное даже чуть ли не баснословное растеніе. Молодецъ, будучи богатымъ, посылаетъ сказать дѣвицѣ, что онъ ее болѣе не любитъ, потому что у него семьсотъ воловъ въ загонѣ, мелкому скоту счета нѣтъ и т. п., а дѣвица въ одномъ литникѣ. Услыхала это дѣвица, побѣжала изъ улицы: ахъ, матушка родимая! Что будемъ дѣлать? Козакъ пересталъ любить. Бѣги, дочка, въ рощу, копай «зелье-розмай». Побѣжала въ рощу копать зелье-розмай. Еще она и до рощи не дошла, какъ нашла розмай-траву. Полоскала она его на льду, а варила на меду; какъ поставила на жару и говоритъ: кипи, корень, понемногу! Еще корень не вскипѣлъ, какъ козакъ прилетѣлъ! Зачѣмъ же ты прилетѣлъ, когда не хочешь любить?—Какъ же мнѣ не летать, когда ты колдовать умѣешь!—Есть у меня чары—черныя брови» ⁵⁾.

1) Чи ти въ любистку купався

Що такъ мини сподобався.

2) Чи ти мене, моя мати, въ любистку не купала,

Що ти мини счастья та доли не даровала.

3) Ромень-зилья (по другому выговору ромунъ-зилья) по дорози
растиляється;

Десь мій милий чернобривий черезъ люди поклоняється.

А що мини по ромену—ромень цвите, ягідокъ нема;

А що мини по поклону, коли его самого не має.

4) На гору! копать зилья ромену!

Ой мое зилья ромену!

На що я тебе копаю,

Що я чаровати не знаю!

Пидгорни крильця пидъ себе,

Щобъ тоби важко безъ мене!

5) Ой ви хлопци, молодци,

Накажите дивоньци,

Нехай мене не любить,

Свого вику не губить.

Бо я хлопець убогий:

Симъ сотъ воливъ въ обори,

Сотня коней на стани,

Къ любовнымъ зелямъ принадлежать *розмаринъ и млія* (лелія), встрѣчающіеся, однако, преимущественно въ галицкихъ пѣсняхъ. Дѣвица говоритъ молодцу: «приди, козакъ, въ мой садикъ: понюхаешь розмарина, поцѣлуешь румяное личико» ¹⁾. Въ другой пѣснѣ молодець поетъ: «подъ моими дверьми, поды моими окнами посѣяла моя милая бѣлую лилію, а вмѣсто лиліи всходитъ розмаринъ: это—моя милая уже водится съ другимъ; посѣяла лилію, а взошелъ розмаринъ: это—моя милая пошла за другого замужъ» ²⁾. Есть угорская пѣсня о томъ, какъ выросли эти два цвѣтка на могилахъ двухъ любовниковъ. Жили двѣ сосѣдки. У одной былъ сынъ бѣлый Яничко, у другой—дочь бѣлая Ганичка. Они такъ полюбили другъ друга, что даже и въ церкви кидали другъ въ друга золотымъ яблочкомъ. Мать Ганички приказала сдѣлать стѣну отъ сосѣдки. Яничко сталъ хворать. Мать, утѣшая его, говоритъ ему, что сдѣлаетъ корчму, пойдутъ туда и паны и паньи—авось пуститъ и Ганичку ея мать. Но

А самъ въ синимъ жупани,
 Явивнику безъ лику,
 А дивчина въ литнику.
 Якъ тее дивчя почуло,
 Та зъ ульни майнуло:
 — Ой матинко, ненечко,
 — Болить мое сердечко;
 — Ой що будемо робить,
 — Покида козакъ любить!
 „Бижи, донько, до гаю,
 „Копай зильля-розмаю“.
 Ой побигла до гаю,
 Копать зильля-розмаю.
 Ще до гаю не дійшла,
 Розмай-зильлячко знайшла.
 Полоскала на лёду,
 Та варила на меду,
 Поставила на жару;
 Кици, корню, помалу.
 Ой ще корень не скипивъ,
 А вже козакъ прилетивъ,
 — Ой чого жь ти прилетивъ,
 — Коли любить не схотивъ?
 „Якъ же мини не литати.
 „Коли вмієшь чаровати“.
 — Есть у мене чароньки,
 — Тиі чорни бривоньки.

¹⁾ Прийди, козаче, до мого городочку,
 Понюхаешь зильлячка розмаринного,
 Поцилуєшься личенька румяного.

²⁾ По-предъ мои окна, по-предъ мои двери,
 Насяла миленька билон леліи;
 Леліи насяла, розмарія сходитьъ:
 Южъ моя миленька изъ иншими ходитьъ;
 Леліи насяла, розмарія зійшла:
 Южъ моя миленька за иншого пишла! (Чт. 1863. IV. 337).

Ганичку мать не пустила. Потомъ мать Яничка хотѣла сдѣлать ремянный мостикъ: авось, когда пань и паньи пойдуть по этому мостику, пустятъ и Ганичку. Но и на мостикъ не пустили Ганичку. Наконецъ, мать Яничка общаетъ сыну выстроить церковь, чтобы, когда пойдуть туда пань и паньи, и Ганичку мать пустила. Но мать Ганичкина не пустила и въ церковь своей дочери. Яничко умеръ. Ганичка, услыхавъ о его смерти, схватила ведро, побѣжала къ водѣ и утопилась. И такъ легло одно тѣло съ другимъ, а души ихъ почиваютъ съ Богомъ. Съ одной стороны церкви похоронили Яничка, съ другой—Ганичкѣ вырыли печальную могилу. На Яничковой могилѣ росъ розмаринъ, на Ганичкиной—бѣлая прекрасная лилія. И выросли они до верха церкви. Мать Гануси представляла лѣстницы, срѣзывала верхи растений. Яничково тѣло проговорило изъ могилы: пренедобрая мать, не дала намъ жить, дай намъ почивать! Хотя тѣло въ могилѣ гнѣтъ, обращается въ прахъ, но любовь наша живетъ и за могилой ¹⁾.

Какъ ни поэтично можетъ показаться эта пѣсня, но она, по своему строю, чужда духу малорусской пѣснениости и, очевидно, заимствованная.

Къ любовнымъ зелямъ принадлежатъ, хотя не часто приводимые въ пѣсняхъ: *волошки* ²⁾ (*centaurea cyanus*), *нагидки* ³⁾ (*calendula officinalis*), *шафранъ* ⁴⁾ (*crocus sativus*), *крокисъ* ⁵⁾ (*carthamus tinctorius*),

- ¹⁾ . . . Зъ одной страни церкви Яничка сховали,
Зъ другой про Ганичку смутний гробъ выбрали.
На Яничовомъ гроби росла розмария,
На Ганичиномъ била прекрасна лелія.
Тоти двое зеля такъ повирастали,
Ажъ ся ихъ вершочки верхъ церкви схаджали.
Ганусина мати на томъ застоля,
Драбини ставляла, вершки сожинала.
Яничково тило съ гробу прогварило:
„Ей мати, ти мати, пренедобра мати.
Не дала-сь намъ жити, дай намъ почивати!
Хочъ тило во гроби гнѣе, порохнѣе,
Але наша любовь и за гробомъ жѣе. (Чт. 1866. Ш. 7).
- ²⁾ Ой у поли, въ чистимъ поле зацвили волошки,
Полюбивъ тебе, дивчино, що чорнява трошки.
- ³⁾ Ой у мене въ огороди зацвили нагидки,
Тимъ я тебе полюбила, що не знаю звидки.
- ⁴⁾ Въ огороди шахвранъ, шахвранъ,
Стоить Миколай якъ панъ, якъ панъ,
Коло его петрушечка, стоить Марьчечка душечка.
- ⁵⁾ Сяла зиронька, сяла;
Зъ кимъ ти дивочка стояла?
Зъ тобою, козаче, зъ тобою,
Пидъ зеленою вербою.
Де дивочка стояла,
Тамъ яра рута зивьяла;
Де козакъ стоявъ,
Тамъ крокисъ посходивъ.

петрушка ¹⁾, пастернакъ ²⁾, чернобривци (Tagetes patula) ³⁾, росода ⁴⁾.

Лень чаще всего имѣеть также любовное значеніе. Въ веснянкѣ выражается раздумье дѣвицы, съ кѣмъ придется ей брать лень, который представляется только-что сѣемымъ ⁵⁾. Вторженіе молодца въ лень, посѣянный дѣвицею, — символическій образъ овладѣнія сердцемъ дѣвицы, а самый лень прославляется какъ символъ дѣвической красоты ⁶⁾. Сѣяніе льна составляетъ предметъ весенней игры. Дѣвица беретъ лень — образъ чистый въ народной поэзіи въ описаніяхъ разныхъ положеній жизни. Дѣвица беретъ лень и прикладываетъ къ лицу, а потомъ задаетъ себѣ вопросъ: кому будетъ хранить вѣрность это личико ⁷⁾. Дѣвица беретъ лень и сожалеетъ объ утраченномъ возлюбленномъ ⁸⁾.

Макъ — символъ красоты и нарядности. Дѣвица срываетъ макъ и прикладываетъ къ своему лицу. «Вотъ еслибъ у меня, говоритъ она, было такое ли-

- 1) Зеленая петрушечка близко перелазу
Солоденьки губки були въ моей любви зразу.
- 2) Пастернакъ, песторакъ, зеленая гичка;
Люби мене, мій миленькій, хочъ я невеличка.
- 3) Перше було литечко — а теперъ нема.
Посіяла чернобривци, та вже не пора:
Поки мои чернобривци розцвигуть,
А вже жъ мою русу косу расплетуть,
А вже жъ мои чернобривци разцвили,
А вже жъ мою русу косу заплели!
- 4) Ой ходимо, мое серце, до саду,
Посіємо, мое серце, росаду;
А вже наша росада сходить,
Вже до мене мій миленькій ходить.
- 5) Ой за лисомъ, лисомъ, за темнимъ зеленимъ,
Ой лелю-ладо, за темнимъ зеленимъ.
Пахари пахали чотириа сохами,
Пятою бороною: насіємо лену.
Горю горювати! Зъ кимъ мина сей лень брати.
- 6) Посію я лень
Передъ батьковимъ дворомъ;
Та вродився льониченко,
Та внадився паниченько,
Та витоптавъ лень.
Чи не лёнь — то бувъ
Чи не врода ёго,
Жемчужное насіячко,
Золотее коринячко,
Самъ шовковий лёнь!
- 7) Ой у поли зелененькимъ
Брала дивка лень дрибненькій,
До личенька прикладала,
Лице мое биденъке,
Кому будешъ виреньке?
- 8) Брала лень, всю долину исходила,
Не ма того и не буде, кого я любила.

чико»¹⁾. Описывая козака-молодца, идущаго въ шинюкъ на попойку въ нарядной одеждѣ, пѣсня говоритъ, что онъ идетъ словно панья, а шапка на немъ словно цвѣтущій макъ²⁾. Въ смыслѣ картинности и нарядности съ макомъ сопоставляются рекруты³⁾ и чумаки⁴⁾. Въ одной любовной пѣснѣ съ расцвѣтомъ мака сопоставляется козакъ, идущій съ любовнаго свиданія⁵⁾. Но болѣе всего маковый цвѣтъ служитъ эмблемою счастливой жизни, ея скоропроходимости. Существуетъ поговорка: «нашъ вѣкъ, какъ маковый цвѣтъ» и эта поговорка облекается въ пѣсенные мотивы. Несчастливая въ замужествѣ женщина говоритъ: «проходить мой вѣкъ, какъ маковый цвѣтъ, что днемъ цвѣтеть, а ночью опадаетъ⁶⁾. Ахъ, мой бѣлый свѣтъ, какъ маковый цвѣтъ! Зачѣмъ тебя завязали въ бѣлую намитку»⁷⁾.

Макъ составляетъ предметъ весняночной игры: дѣвушки сценически представляютъ, какъ макъ сѣють, боронятъ, жнутъ, вытрясываютъ, а самое построение дѣвческаго хора сдѣлывается съ макомъ⁸⁾. Въ историческихъ пѣсняхъ съ цвѣтущимъ макомъ сравнивается козакъ-молодецъ⁹⁾.

Бурковина или буркунъ зилья (*melilothus officinales*) — символъ вѣрности. Это растение приводится въ сопоставленіе съ чумачихою, которая не можетъ успокоиться во время разлуки съ мужемъ¹⁰⁾. Дѣвица предостерегаетъ своего милаго, чтобъ онъ не ходилъ безъ нея на улицу, не полюбилъ другой, и приводитъ бурковину¹¹⁾. Козакъ въ дорогѣ вспоминаетъ о своей милой; ему по-

1) Урвала соби чорвоний мачокъ,

Та приложила до свого личенька,—

Якъ бы у мене таке личенько!

2) Иде до шинка якъ пани яка,

А на ему сличокъ якъ макъ процвітає.

3) Въ чистимъ поли маки процвітають,

На битій дорози рекрути висгупають.

4) Ой по горахъ маки цвѣтуть;

То не маки, то чумаки—

Изъ Криму идуть, рибу везуть.

5) Ой зацвила макивочка, почала бринити,

Иде козакъ одъ дивчини—починає днити.

6) Пішовъ мій свить, якъ маковъ цвѣть,

Що въ день цвите, въ ночи опаде,

Оттакъ, моя мати, мій вѣкъ пропаде.

7) Ой мій свитку, білий свитку ставя,

Якъ маковий квітку!

На що тебе завязали въ білую намитку!

8) Маки, маки, макивочки,

Золотіи головочки!

Станьте, дивочки, такъ,

Якъ зеленій макъ!

9) Морозенко козаченько якъ макъ роспускався.

10) Въ огороди буркунъ зилья по тичини вѣтєся;

Молодая чумачиха за чумакомъ бѣтєся.

11) . . . бурковина стеле,

Не ходи, козаче, на улицу безъ мене;

Косарики косять—бурковина вьяне,

Не люби иншую, бо серденько вьяне.

стелью — желтая бурковина; при этомъ онъ заповѣдываетъ мысленно своей возлюбленной оставаться ему вѣрною и не ходить на улицу ¹⁾).

Хмель — (хмель) — символъ волокитства, разгула, непостоянства. Мать спрашиваетъ сына, который возбуждаетъ ропотъ своими шалостями, гдѣ онъ ночевалъ, и сравниваетъ его съ хмелемъ ²⁾). Съ хмелемъ сравнивается разгульный молодецъ, идущій къ дѣвицѣ и наигрывающей на инструментѣ — на кобзѣ или свистѣлкѣ ³⁾).

Хмель — образъ вѣтреннаго молодца, на котораго дѣвица не должна полагаться. Дочь говоритъ матери: «ахъ, хмель, хмель! зеленъ, кудреватъ! Любить меня, матушка, хорошій чернявий». Дочка моя, отвѣчаетъ мать, все это неправда; если онъ тебя и возьметъ, то любить не будетъ ⁴⁾). Но съ увядающимъ хмѣлемъ сравнивается такой молодецъ, который, наконецъ, плѣнился дѣвицею и сохнетъ отъ любви ⁵⁾).

Съ хмелемъ сравнивается также и дѣвица, которая перебирала молодцами, кружила имъ головы, а наконецъ вышла за вдовца ⁶⁾).

Въ свадебныхъ пѣсняхъ хмѣль — символъ пиршества. «Катится хмель изъ межгородья; подкатился подъ ворота. Стелись, стелись, хмель, по плетню, играйте музыканты на дворѣ» ⁷⁾).

Въ козацкихъ пѣсняхъ хмѣль сопоставляется съ храбрымъ и отважнымъ

- 1) Ой ти козаче, хрещатий барвиночку,
Хтожь тоби постеле въ дорози постилечку.
Ой постеле, мила, жонта бурковина;
Ти жь минн, дивчино, и въ дорози мила.
Що витирь новіе — бурковину розстеле,
Не ходи, дивчино, на улицу безъ мене.
- 2) Хвалилися молодци, що ти шкоду робишь...
Де ти хмелю зимовавъ,
Де ти синку почувавъ?
- 3) Наберу я хмелю жменю, та посію надъ водою,
Ой здалека чути козака орла, якъ иде зъ кобзурою.
- 4) Ой хмелю, хмелю зелений кудрявий.
Любить мене, моя мати, хорошій чорнявий.
Доненька моя, то неправдонька вся:
Хочь винь тебѣ визьме, а любить не буде.
- 5) Зеленая хмелинонька одъ сонця зивъяла,
Дивчинонька козакови та свить завязала.
- 6) Ой ти хмеленьку, буйнее зилъля,
Мало разуму маешь,
Ой пьяного, нетверезого,
Зъ разуму спровожаешь!
Ой ти, дивчино перебирнице,
Много перебирала,
Усимъ молодцямъ догону дала,
А удивцеви ся дистала.
- 7) Катиться хмель, зъ межн города,
Та підкотився підъ ворота.
Стелися, стелися, хмеленьку, по тину
Грайте, музики, по двору.

воинномъ ¹⁾). Фамилія Хмельницкаго, происходя отъ слова хмель, побуждала называть его просто Хмелемъ, такъ какъ въ народѣ существовалъ символъ, подхидившій къ характеру Богдана ²⁾).

Сходное значеніе молодца дается *укропу*. Дѣвица не велитъ расти укропу въ огородѣ, не велитъ старому топтать ея мяты, то-есть не отдается ему, и, напротивъ, говоритъ: расти укропъ въ моемъ огородѣ; топчи молодець мою мяту ³⁾).

Хлебныя растенія — особенно *рожь* (жито) и *пшеница* любимы въ народной поэзіи. Въ колядкахъ и щедривахъ они являются въ особенности какъ признаки довольства и благосостоянія, чего желаютъ колядницы тѣмъ, кому колядуютъ. На нихъ лежитъ отпечатокъ святости. Самъ Богъ со святыми даруетъ эти признаки счастья и даже самъ пашетъ на нивѣ—это, какъ кажется, остатокъ древняго, общаго многимъ народамъ вѣрованія о небесномъ происхожденіи земледѣлія. «Отворяй дворъ, ворота со двора! Богъ тебя зоветъ, даръ тебѣ даетъ: широкое поле, густое жито, коренастое, стебlistое, колосистое, ядреное, чтобъ изъ колоса выходила цѣлая миса зерна, а изъ снопа цѣлыхъ три бочки ⁴⁾». Въ другой колядкѣ Богъ пашетъ, а ему помогаетъ св. Петръ; Божія Матерь носить зерно и просить Бога: роди, Боже, яровую пшеницу и рожь, пусть будутъ стебли какъ тростникъ, колосья какъ былины; жнецы будутъ молодичи, а вязальники молоденькіе, конны будутъ какъ звѣзды, а снопы какъ горы ⁵⁾. Въ

1) Чи не той-то хмель, хмель,
Що по тичини вьється?
Чи не той-то козакъ Нечай,
Що съ ляхами бьється?

2) Ой Хмелю, Хмельниченку,
Висипався хмель изъ миха,
Та наробивъ ляхамъ лиха!

3) Ой не рости, кропе,
Высоко въ городи,
Ой не ходи, старий,
Коло моей хати!
Не топчи ти, старий,
Кудрявои мяти!
Ой порости, кропе,
Высоко въ городи,
Ой походи, молоденький,
Коло моей хати,
Потопчи, молоденький,
Мою кудрявую мяту!

4) Одчиняй двери, ворота отъ себе!
Богъ тебе зове, даръ тоби дае:
Широке поле, жито густее,
Коренистее, стебlistее,
Колосистее, ядренистее:
Изъ колосочка— миса житечка,
А изъ снопочка— три зъ верхомъ бочки.

5) Ей въ поли, поли, чистейкимъ поли,
Тамъ же ми оре золотий плужокъ,
А за тимъ плужкомъ ходитъ самъ Господь;
Ему погонятъ та святий Петро,

щедривкахъ (а также въ нѣкоторыхъ колядкахъ) даяніе свыше обилія представляется въ образѣ ржаной плети, которою размахиваетъ Богъ или же св. Ілія ¹⁾. Согласно съ этимъ воззрѣніемъ на хлѣбное зерно, какъ на символъ и признакъ благосостоянія, худое состояніе стоящей на полѣ пшеницы сопоставляется съ дурнымъ состояніемъ человѣка въ нравственномъ отношеніи ²⁾. Также засѣянная пшеницею нива сопоставляется съ положеніемъ человѣка, окруженнаго добрыми друзьями, а опустѣлая—съ положеніемъ посреди враговъ ³⁾.

Хлѣбныя растенія примѣняются къ разнымъ положеніямъ любви. Сѣяніе и возрастаніе пшеницы и ржи сопоставляется съ годностью молодца къ женитьбѣ ⁴⁾ и дѣвицы къ замужеству ⁵⁾. Сѣяніе также сравнивается со средствами возбуждать любовь ⁶⁾. Рожь, въ противоположность сорной травѣ, означаетъ красивую дѣвицу ⁷⁾, но въ противоположеніи съ пшеницею вдову, а пшеница дѣвицу ⁸⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ овесъ означаетъ жениха, а пшеница невѣсту ⁹⁾.

Матинка Божа насинячко носить,
Насиня носить, нана Бога просить:
Зароди, Божейку, яру пшеничку,
Яру пшеничку, ярейке житце;
Буде тамъ стебевле саме тростове,
Будуть колосойки яко били нойки,
Будуть ми женци сами молодци,
А вязальнички сами молодчики;
Будуть копойки, яко звиздойки,
Будуть стогойки, яко горойки.

(Чт. 1864. I. 8).

¹⁾ Дала ему (Богу) мати житяную пугу:

Де пугою махне,
Тамъ жито росте!

²⁾ Ой чия то пшениченька, що колось схилився, —

Ой то того козаченька, що такъ замурився;
Ой вже тую пшениченьку та горобци пють,
А вже того козаченька та палками бють.

³⁾ Були колись яри пшениченьки,

А теперъ облоги;
Були колись вирни сусидоньки,
А теперъ вороги.

(Метл. 42).

⁴⁾ Насіяно пшениченьки, та никому жати,

Питається сийъ матери: которую брати.

⁵⁾ Ой часъ, мати, жито жати, бо колось схилився,

Ой часъ, мати, замижъ дати, бо голось зминився.

⁶⁾ Ой я жита не сіяла—само жито сходить;

Козака не чаровала—самъ до мене ходить.

⁷⁾ Жито, мати, жито, мати, жито не метлиця;

Чомъ дивчини не любити—лиця, дивка билолыця.

⁸⁾ Не буду я жита жати, ино пшениченьку.

(Чтен. 1864—IV. 342. 1863—IV. 268).

⁹⁾ Ой сийъ, мати, овесець,

Щобъ нашъ овесъ расень бувъ,

Щобъ нашъ Юрасько красень бувъ.

Ой сийъ, мати, пшеницю,

Щобъ наша пшениця рясна була,

Щобъ наша Маруся красна была.

(Метл. 122).

Уборка хлѣба сопоставляется съ ходомъ любви ¹⁾, а трудность работъ съ томленіемъ сердца, ожидающаго возврата милого ²⁾.

Просо въ народной поэзіи составляетъ предметъ весенняго хоровода, одного изъ самыхъ старинныхъ, съ припѣвомъ: ой дидь-ладо! Древность пѣсни, принадлежащей къ этой хороводной игрѣ, доказывается уже тѣмъ, что она болѣе, чѣмъ какая другая подобная, сохранилась въ одинаковомъ видѣ не только на всемъ пространствѣ, заселенномъ малорусскимъ племенемъ, но и въ великой Руси. Сущность ея такова: хороводъ разбивается на двѣ половины; одна поетъ, что сѣяла просо, другая—что вытопчетъ его лошадыми; первая говоритъ, что перейметъ коней, другая, что ихъ выкупить, предлагаетъ сто, тысячу рублей; первая не соглашается; наконецъ, вторая предлагаетъ дѣвицу, и первая соглашается ³⁾. Въ любовныхъ пѣсняхъ просо сравнивается съ косою дѣвицы ⁴⁾. Полоніе проса—случай свиданія съ козакомъ, который снимаетъ съ себя рукавицы и отдаетъ дѣвицѣ, чтобъ она не колола себѣ рукъ ⁵⁾.

Гречиха—гречка,—въ народныхъ пѣсняхъ сопоставляется съ бѣдностью и лишениями. Названіе гречкосій—презрительное. Въ думѣ объ Иванѣ Коновченкѣ козакъ спѣшитъ въ походъ, между прочимъ для того, чтобъ его не на-

¹⁾ Я у поли жито жала—а ще спонивъ не визала;

Я козака полюбила, а ще правди не казала.

²⁾ Ой у поли, при дорози ишениченька яра;

Тамъ молода дивчинонька ишениченьку жала;

Болятъ ручки, болятъ нижки, ишениченьку жнучи.

Та вже мини надокучило миленького ждучи. (Балл. 77).

³⁾ Ой ми просо сіяли, сіяли,

Ой диду-ладо, сіяли, сіяли!

(Этотъ припѣвъ повторяется послѣ каждого стиха съ прибавленіемъ послѣдняго слова).

А ми просо витопчемъ, витопчемъ.

Ой чимъ же вамъ витоптатъ, витоптатъ?

А ми кони випустимъ, випустимъ.

А ми кони переймемъ, переймемъ.

А ми кони викупимъ, викупимъ.

Ой чимъ же вамъ викупить, викупить?

А ми дамо сто рубливъ, сто рубливъ.

Не хочемо сто рубливъ, сто рубливъ.

А ми дамо тысячу, тысячу.

Не хочемо тысячи, тысячи.

А ми дамо дивицю, дивицю.

Ми дивицю вьзьмемо, вьзьмемо.

⁴⁾ Ой на гори жито, а въ долини просо:

Ой жаль мини тебе, русаяя косо!

Ой просо, просо волотѣтя,

Ой косо, косо золотѣтя!

⁵⁾ Въ чистимъ поли дивка просо поле,

Просо поле, били ручки коле.

Козакъ итме, рукавички зниме,

Щобъ дивчя пололо,

Билихъ ручокъ не кололо.

звали гречкосієм¹⁾). Жѣнщина равняетъ двѣ горсти проса съ цѣлюю кадью гречихи и сопоставляетъ съ этимъ количествомъ свою нищету²⁾. Въ другой пѣснѣ гречка сопоставляется съ несчастіемъ дѣвицы, отъ котораго она предостерегается³⁾. Въ третьей пѣснѣ—бѣдная дѣвушка, которую соблазняютъ, представляется сѣющею гречиху⁴⁾. Съ опаданіемъ блага цвѣта гречихи сравнивается измѣна молодца⁵⁾. Но въ колядкахъ гречиха, однако, поминается съ другими родами хлѣба, какъ даръ Божій⁶⁾. Гречиха годна на вареники, а хлѣбъ гречневый—гречаникъ—въ пѣсняхъ имѣетъ значеніе самаго послѣдняго по достоинству. Въ шуточной пѣснѣ описывается, какъ женщина угощаетъ солдатъ (москалей) гречаниками очень плохого качества⁷⁾. Совсѣмъ противополож-

1) Тильки будуть мене, мати,

На підпитку гречкосіємъ, домонтаремъ величати.

(Укр. Д. Макс. 83).

2) Посію я дижку гречи, а дви жмени проса;

Ходила я въ черевичкахъ—теперь хожу боса.

(Чт. 1864. IV. 323).

3) Чорна гречка, били крупи

Не попадайся, дивця, въ руки:

Бо якъ въ руки попадешся,

То-то лиха наберешся!

4) Ой зъ подоля витерь віе,

Подолянка гречку сіе;

Сіе, сіе, досивае,

За козакомъ поглядае.

Иде козакъ долинами,

Подолянку сидай зъ нами!

Не будешъ ти въ насъ робила,

Срибломъ злотомъ будешъ шила!

Срибломъ злотомъ вишивала,

Чорни очка заплакала:

Чого плачешъ, моя мила?

Бо ми доля омилла и пр.

(Чт. 1863. III. 87).

5) Ой на гречци билий цвѣть—та вже опадає.

Любивъ мене гарній хлопецъ, та вже покидає.

6) Пане господарю! Вігъ тебе кличе!

Дає два лани жита, а третій пшеници,

А третій пшеници на паляниці,

А четвертый гречки на варенички.

7) Гопъ мой гречаники.

Гопъ мой невдалики!

Гопъ мой не вдалися,

На черини не спекляся!

Моловъ батько не віючи,

Пекла мати не сіючи.

Зъ помійниці воду брала—

Гречаники учиняла.

Наихали Москали,

Гречаники пиди. *моу*

Наихали копитани,

Гречаники похватали.

ное качество считается за пшеничнымъ хлѣбомъ—паяльницами. Это признакъ хорошаго житья. Въ пѣснѣ о Саввѣ Чаломъ его привольное житье, купленное измѣною козацкому дѣлу, выражается тѣмъ образомъ, что онъ ѣлъ все сало да паяльницы ¹⁾. Такое же значеніе бѣдности, ничтожности имѣеть чечевица, которая въ одной шуточной пѣснѣ называется безсчастною ²⁾.

Горохъ—предметъ весенней игры съ пѣснью: «вейся, горошекъ, въ три стручка, роди, Боже, въ четыре. Чтобъ тебя черви не точили! Чтобъ наши молодцы женились ³⁾».

Также и *огурцовъ* народная поэзія коснулась въ формѣ весенней игры. Дѣвицы переплетаются руками, думая изображать вьющіеся стебли огуречной травы, съ примѣнительными припѣвами ⁴⁾. Въ одной любовной пѣснѣ огуречный цвѣтъ сопоставляется съ плачемъ дѣвицы въ отсутствіе своего милаго ⁵⁾.

Тыква, гарбузь и дыня въ одной пѣснѣ сопоставляются съ хозяиномъ и хозяйкою ⁶⁾. Есть шуточная ябснѣя, въ которой огородныя растенія представляются въ видѣ семьи. Гарбузь—хозяинъ, отецъ семейства, дыня—хозяйка, огурцы—его дѣти, а морковь—сестра ⁷⁾.

1) Ой бувъ Сава та ивъ сало, та все паяльници.

2) Поихайъ би въ лисъ по дрова—
Въ мене жинка чорноброва...
Треба дома сидить,
Треба жинки глядить,
Щобъ и хтось не пришовъ,
Чтобъ и щось не принись,
Або сала шматокъ, або мила брусокъ,
Або тея безсчастноя чечевиця мишокъ.

3) Війся горошокъ въ три стручечки,
Роди Боже въ чотири,
Щобъ тебе черви не точили,
Щобъ наши парубки ся женили.

4) Зеленьки огирочки развивайтєся,
Молоді дивочки завивайтєся!

5) Зеленьки огирочки—жовтєньки цвѣточки,
Не ма мого милєнького—плачуть карі очки.

6) А хто любить гарбузь, а я люблю дыньку,
А хто любить господаря, а я господиньку!

7) Ходить гарбузь по городу—
Питаєтєся свого роду:
Чи вси живи, чи здорови,
Вси родичи гарбузови?
Обизвалась жовта дыня,
Гарбузова господиня:
Уси живи и здорови,
Вси родичи гарбузови.
Обизвались огирочки,
Гарбузови сини и дочки:
Уси живи и здорови,
Вси родичи гарбузови.
Обизвалась морквця,
Гарбузова сестриця и пр.

Сѣяніе вообще приводится въ иносказательномъ образѣ. Такъ существуетъ образъ сѣянія судьбы ¹⁾. Въ военныхъ пѣсняхъ поле битвы изображается въ видѣ пахотнаго поля ²⁾. Есть образъ сѣянія тоски (туги) ³⁾. Какъ этотъ образъ, такъ и предшествовавшій встрѣчаются въ пѣснѣ «О полку Игоря». Въ пѣснѣ о Марусѣ и гайдамакахъ грусть жены о мужѣ и нетерпѣливое ожиданіе его возвращенія выражено въ слѣдующей формѣ: «Маруся изорала поле мыслями, заборонила карими глазами, полила частыми слезами ⁴⁾. Женщина, сиротствующая въ чужой сторонѣ, хочетъ посѣять свой «родъ» мелкимъ сѣменемъ ⁵⁾.

Конопля въ народной поэзіи—образъ, большею частью грустный. Дѣвица-сирота беретъ коноплю и проситъ сырую землю принять ее (см. выше о землѣ); конопля, растущая въ полѣ, сопоставляется съ измѣною молодца дѣвицѣ ⁶⁾. Конопля, намоченная въ водѣ—образъ несчастнаго жителя женщины на чужбинѣ ⁷⁾. Но уклоненіе отъ этого печальнаго значенія представляетъ шуточная пѣсня, гдѣ вторженіе журавля въ коноплю символизируетъ нарушеніе дѣвства (брачное) ⁸⁾.

Полынь—символъ горемычнаго жителя. Солдаты сравниваютъ съ нимъ свой солдатскій бытъ ⁹⁾. Въ пѣснѣ, гдѣ описывается дурное обращеніе свекрови съ невѣсткою, говорится, что она поила ее полынемъ, вмѣсто того, чтобы поить

¹⁾ Ходила дивчина по полю;

Сіяла долю изъ приполю.

²⁾ Чорна рилля заорана,

А кулями засіяна,

Билимъ тиломъ зволочона,

А кровию сполочона.

³⁾ Ой посію тугу

Та по всѣму лугу,

По лугахъ, береженькахъ,

По мюнхъ вороженькахъ.

⁴⁾ Изорала Марусенька мисленьками поле,

Карими оченьками тай заволочила,

Дрибними слизоньками все поле змочила.

⁵⁾ Де тебе, роде, узяти?

Чи посіяти дрибнимъ насиньчкомъ?

⁶⁾ Ой у поли конопель—верхи зелененьки;

Покидае милій милу—вороги раденьки.

⁷⁾ Ой якъ тяжко конопельци въ сирій води гнити,

А ще тяжче молодежи на чужини жити.

⁸⁾ Та внадився журавель

До бабинихъ конопель;

Таки, таки журавель,

Таки, таки цибатий.

⁹⁾ Ой ти полинь трава,

Ой ти гиркая трава,

Черезъ тебе, полинюшка,

Гирше въ свити нема.

Ой ти служба моя солдацкая,

Черезъ тебе, черезъ службу,

Гирше въ свити нема.

медомъ и виномъ, какъ приказалъ уѣхавшій сынъ ¹⁾). О дѣвушкѣ, которая тяготится своимъ положеніемъ въ родительскомъ домѣ, говорится, что батюшкинъ хлѣбъ ей пахнетъ полынью ²⁾). Несчастливая въ замужествѣ женщина сопоставляетъ горечь своего житія съ горечью полыни ³⁾).

Крапива—крапива встрѣчается рѣдко, но всегда въ смыслѣ зла и несчастья. Дѣвица не хочетъ идти замужъ, зная, что у ней будетъ лихая свекровь, и сравниваетъ ее съ жгучею крапивою ⁴⁾). Бѣдная женщина говоритъ, что бросить она дитя въ крапиву, а каково этому дитяти въ крапивѣ, таково и ей на чужбинѣ ⁵⁾).

Въ другой пѣснѣ дѣвица приноситъ своему соблазнителю ребенка и говоритъ, что закинетъ его въ крапиву, если отецъ не возьметъ его ⁶⁾). Въ этой же пѣснѣ образъ терпѣнія, которое она испытываетъ, ожидая себѣ наказанія, выражается тѣмъ, что она рубитъ крапиву, а за нею ползетъ ея ребенокъ ⁷⁾).

Камышъ—очереть—въ шуточныхъ пѣсняхъ съ осокой представляютъ любовную двойственность ⁸⁾; съ сухимъ очеретомъ сопоставляется глуповатый молодецъ, котораго дѣвушка дурачить ⁹⁾).

Въ малорусской поэзіи мы встрѣчаемъ нѣсколько растений, имѣвшихъ несомнѣнно поэтическое значеніе, но смыслъ его въ настоящее время темень, такъ

¹⁾ Веливъ ей наловати медомъ та виномъ,

А вона и наповала гиркимъ полинемъ.

²⁾ Батькова хлиба не хочеться,

Баткивъ хлибъ полинемъ пахне.

³⁾ Гиркий полинь, гиркий полинь, гирько его исти;

А еще гирше видъ полину изъ нелюбомъ систи.

(Чт. 1864. IV. 552).

⁴⁾ Не пиду я городами, бо кропива жалкая,

Не пиду я во осени замижь, бо свекруха злая.

⁵⁾ Покину дитину въ кропивину,

А сама пиду гулять въ Украину.

Ой якъ ти дитини въ кропивини,

То такъ мини гулять на чужини.

⁶⁾ Ой на тоби, козаченько, малую дитину;

Якъ не визмешъ, въ кропиву закину.

⁷⁾ Дивчинонька кропиву шаткуе,

А за нею дитина рачкуе.

Люли-люли ти, маленький синѣжу,

Набьютъ мини та за тебе сплику!

Люли-люли ти, маленький враже,

За тобою вся худоба ляже!

⁸⁾ Очереть та осока,

Чорни брови въ козака,

На те мати родила,

Щобъ дивчина козаченька любила.

⁹⁾ Ой сухой очереть та прибреховатий,

Чи ти мене не пизнавъ, пришелеповатий,

Ти думаешъ, дурню, що я тебе люблю,

А я тебе, дурню, словами голублю;

Ти думаешъ, дурню, що я покохаться,

А я зъ тебе, дурню, аби посміяться.

какъ эти растенія встрѣчаются очень рѣдко и даже нѣкоторыя, сколько намъ извѣстно, по одному только разу, таковы: папоротникъ «царь-зилья», сонь-трава, «трой-зилья», Божье дерево, ряса и жемчужная трава.

Папоротникъ—папороть—встрѣчается въ одной пѣснѣ ¹⁾, гдѣ по одному варианту—дѣвочка-жидовочка, по другому русалочка загадываетъ три загадки: что горитъ безъ пламени, что растеть безъ корня и что цвѣтетъ безъ цвѣту? Такъ отгадывается эта загадка: безъ пламени горитъ золото, безъ корня растеть камень, безъ дѣвѣта цвѣтетъ папоротникъ. По тому варианту, гдѣ загадываетъ дѣвочка-жидовочка (дѣвчя-жидѣвчя), козакъ отгадываетъ, по другому дѣвица не отгадала и русалочка защекотала ее ²⁾.

Хотя этотъ образъ состоитъ въ связи съ извѣстнымъ суевѣріемъ о цвѣтеніи папоротника въ ночь на Ивана Купала, въ отношеніи поэтической сживолики онъ остается для насъ неяснымъ.

О *царь-зилья* (*Delphinium elatum*) одна пѣсня говоритъ, что оно растеть въ глубокой долинѣ, на высокой могилѣ и надъ нимъ кукуетъ кукушка. Оставшись одно, послѣ того какъ вся трава скошена, и дуброва вся опустошена, оно проситъ дѣвицу обполоть ее, но дѣвица не смѣетъ, потому что у воротъ стоитъ немилый и держитъ палки, которыми грозитъ бить ее по плечамъ ³⁾. Образъ совершенно непонятный.—Изъ другой пѣсни можно заключить, что этому зелью приписывали какую-то дѣлительную силу. Голубка говоритъ голубю, что не можетъ вымолвить словечка—сердце у ней обкипѣло кровью.—Я достану царь-зелья,—говоритъ голубь,—попарю твое сердце.—Не поможетъ царь-зилья—развѣ Богъ одинъ поможетъ ⁴⁾. *Сонь трава* (*anemone pulsatilla*) встрѣчается

1) Ой що горить безъ полонья?

Ой що росте безъ кориня,

А що цвите безъ всякого цвиту

(По галицкому варианту):

А що ми квітне безъ синего цвиту?

Горить золото безъ полонья,

Росте каминь безъ корине,

Цвите папороть безъ цвиту.

2) Дѣвчинонька загадочки не видгадала,

Русалочка ии залоскотала.

3) Уся травица покошена,

И диброва спустошена.

Зосталось царь-зильячко,

Обполи мене, моя дивочко!

Ой рада бь я обполоти,

Та стоять нелюбь у вороть,

Держить кіи тоненькіи

На мои плечи биленькіи.

Ой голубонько сивий,

Словця не промовлю;

Обкипило сердце

Чорвоною кровью.

Ой голубонько сива,

Царь-зилья достану,

Серденько попарю!

въ одной только пѣснѣ, которую наши этнографы отвесли къ гетману Ивану Свирговскому. Хотя начальные два стиха этой пѣсни ¹⁾ очевидно выдуманы, но дальнѣйшіе ²⁾ могутъ быть народными, по крайней мѣрѣ мы не имѣемъ основанія положительно отвергать ихъ народность. Сестра рвала сонъ-траву и спрашивала старуху, что значить этотъ сонъ-трава — козацкую ли силу или козацкую могилу? Отвѣтъ на это таковъ: этотъ сонъ-трава выросъ въ полѣ, поймала эту траву недоля и дала моей дочери. Полно тосковать, моя дочь: уже нашъ Иванъ теперь въ могилѣ. Повидимому, эта пѣсня имѣетъ связь съ повѣрьею, существующимъ, по свидѣтельству Маркевича и Сахарова (укр. мелодіи и русск. чернокн. 43), въ Украинѣ и Великой Руси, о томъ, что, положивъ сонъ-траву подъ подушку, можно увидѣть и узнать во снѣ тайну, которую пожелають. Но, приводя эту пѣсню, мы все-таки принуждены отнести ее къ разряду такихъ, о народности которыхъ можетъ возбуждаться до извѣстной степени сомнѣніе, о чемъ скажемъ послѣ. *Трой-зилья* упоминается въ пѣснѣ, которой содержаніе таково ³⁾: Маруся заболѣла, обвязала чернымъ шелкомъ голову. Приѣхали трое

Ой голубонько сивій,
Царь-зилья не поможе,
Хяба намъ поможе
Та нашъ мялый Боже!

¹⁾ Плакала стара баба Грициха,
Мовъ перепелиха, мовъ перенслиха.

²⁾ Молода сестра сонъ-траву рвала,
Старую питала, старую питала:
— Чи той сонъ-трава козацкая сила?
— Чи той сонъ-трава козацкая могила?

Ой той сонъ-трава голубонько зростився у поли,
Та піймала ту траву недоля та дала мойй дони.
Ой доню моя, доню, годи сумовати,
Що нашого молодого Ивана въ могили шукати.

³⁾ Марисенька на дгижку (по др. варианту во полози) лежала,
Чорнимъ шовкомъ головку связала;
Наіхали три козаки зъ повку,
Розвязали Маруси головку.
Одинъ каже: я Марусю люблю,
Другой каже: я Марусю возьму,
Третій каже: на шлюбоньку стану.
Ой хто мни трой-зилья (по волынск. варианту трех-зилья) достане,
Той зо мною на шлюбоньку стане.—
Обизвався козакъ молоденькій:
Есть у мене три кони на стани:
Першій коникъ якъ голубъ сивенькій,
Другій коникъ якъ лебедь биденекій.
Однимъ конемъ море перешину,
Другимъ конемъ поле переиду,
Третимъ конемъ трой-зилья достану.
Ой ставъ козакъ трой-зилья копати;
Стала надъ нимъ зозуля ковати:
Кидай, кидай трой-зилья копати,
Иди Марусю зъ весилья стричати.

козаковъ; одинъ говоритъ: я Марусю люблю; другой говоритъ: я Марусю люблю; третій: я съ Марусей обвѣнчаюся.—Маруся сказала: кто мнѣ достанетъ трой-зилья, тотъ со мною обвѣнчается. Откликнулся молодой козакъ: у меня три коня въ конюшнѣ; первый—сизъ какъ голубь, другой черенъ какъ галка, третій бѣлъ какъ лебедь. На первомъ конѣ переплыву море, на другомъ переѣду поле, а на третьемъ достану трой-зилья. Вотъ сталъ козакъ копать трой-зилья; стала надъ нимъ куковать кукушка: перестань копать трой-зилья; иди встрѣтить Марусю—она идетъ съ своей свадьбы! ъдетъ козакъ по полю, ъдетъ и по другому; какъ сталъ онъ сворачивать на третье поле—встрѣчаетъ Марусю: она идетъ съ своей свадьбы! На то меня мать родила (говоритъ Маруся) чтобъ я дурачила козака ¹⁾. По другому варианту козакъ снялъ съ Маруси голову и сказалъ: вотъ тебѣ, Маруся, свадьба, не посылай козака за зельемъ! ²⁾. Трой-зилья—растеніе совершенно баснословное и едва ли не напрасно было бы искать въ ботаникѣ этого растенія.

Божье дерево—Вижъ дерево (*Artemisia abrotanum*) упоминается только въ галицкой колядкѣ ³⁾; оно должно вырости, вмѣстѣ съ мятою и барвинкомъ изъ посяяннаго непла трехъ дѣвицъ, убитыхъ мачихою за то, что не устерегли

Иде козакъ поле и другое,
А на третье та ставъ звороцати,
Ставъ Марусю зъ весилья стричати.

¹⁾ Ой на тее та мати родила,
Щобъ дивчина козака дурила?

²⁾ Ой ставъ козакъ шаблю витигати,
Ставъ Маруси головку здіймати,
Ой у поли макивка бринила,
То Маруси головка злетила.
Ой у поли макивка зацвила,
То Маруси головка загнила.
Оттожъ тобі Марусю трой-зилья
Не починай безъ мене весилья!

³⁾ Посіяла ленку за загуменку,
Ленокъ ся не вродивъ ленъ конопельки.
На тихъ конопелькахъ золота ряса.
Обдзюбають ю дрибни пташкове.
Оганяли ей три сиритойки.
Ште, ге, ге, ге! дрибни пташкове
Не обдзюбайте золоту рясу:
Эй бо ми маме люту мачиху,
Она насъ спалить на дрибний цошелець,
Она насъ посіе въ загородойци,
Та зъ насъ ся вродить тройке зилья:
Перше зилейко—виждеревочокъ,
Друге зилейко—крутая мята,
Третье зилейко—зелений барвинокъ.
Виждеревочокъ—дивкамъ до кисочокъ,
Крутая мята—хлопцемъ на шапята,
Зеленій барвинокъ—дивчатамъ на винокъ.

Прим. Хотя Божье дерево собственно кустарникъ, но мы помѣщаемъ его здѣсь такъ, какъ оно упоминается разъ съ травянистыми растеніями.

отъ пташекъ золотой ряски на конопляхъ. *Золотая ряска* есть фантастическое представленіе золотыхъ блестокъ на подобіе водяной травы ряски. Что касается до самой этой травы въ нагурѣ, то-есть водяной ряски, то она иногда встрѣчается въ пѣсняхъ и принадлежитъ къ любовнымъ растеніямъ ¹⁾. Золотая ряска встрѣчается еще въ другой галицкой же пѣснѣ, гдѣ описывается, что дѣвица стерегла золотую ряску, налетѣли райскія пташки, стряхнули ряску. Дѣвица, пробужденная звукомъ золотой рясы, собрала ее и понесла къ золотыхъ дѣлъ мастеру, который долженъ былъ дѣлать ей золотую шубу, золотой поясъ, серебряный перстень и перловую тканку на голову ²⁾.

Жемчужная трава—фантастическое растеніе, вырастающее изъ посѣянаго жемчуга. Въ пѣснѣ петровочной поется: «мы вспашемъ поле орлами, а заѣдемъ жемчугомъ!» ³⁾ Въ другой веснянкѣ говорится, что дѣвица умывалась водою, утиралась китайкою, повѣсила китайку на морѣ, посѣяла жемчужину на полѣ ⁴⁾.

- 1) Одбивае одъ берега шука риба ряску;
Утерила дивчинонька у козака ласку;
А я туя дрибну ряску зберу у запаску,
А ввечери козакови идійду нидъ ласку.

(Метя. 8).

- 2) А въ поли близко дороги прип. Бояая мати а все въ золоти ходила.
Садокъ сажений на осторожоний;
А въ тимъ садочку била постилка,
А въ тій постелци игречная дива
Ряси стерегла, и тамъ заснула,
Райски пташочки рано злинули,
Рано злинули ряску, зшайнули,
Золота ряска дуже звенила,
Дуже звенила, диву збудила,
А дива встала, ряску збирала,
Збирала ряску, чомъ до поясу
Понесла жъ собі до золотника.
А помогай Бигъ золотниченьку,
Золотниченьку, ремесниченьку;
А зроби мнѣ золоту шубу,
А зъ обривочкнѣвъ золотій поясъ,
А зъ отрусочкнѣвъ срибний перстенець,
По тимъ останку перлову тканку.
А вберу жъ я ся въ неділю рано
Перлова тканка головку клонить,
Шолковій поясъ лядвоньки ломить,
Золотая шуба слидъ замитае,
Срибний перстенець пальчики щипле.

(Чт. 1866. I. 644).

- Ой Петре, Павле, Иване!
Та зоримо поле орлами,
Та засіємо жемчугами.
Ой лугомъ, лугомъ вода иде,
А надъ тимъ дужечкомъ стежечка иде;
Ой тудю й шла молода дивчина,
Та тою водицею вмивалася,
Червоною китайкою втиралася;

Въ галицкихъ колядкахъ жемчужная трава является вмѣстѣ съ золотою рясою. Черная гора не родила ни жита, ни пшеницы, а родила она жемчужную траву, золотую рясу. Гордый молодецъ пустилъ коня въ жемчужную траву; а самъ припалъ къ сырой землѣ и скоро заснулъ. Вдругъ откуда ни взялись буйныя вѣтры съ дождями, зашумѣли въ жемчужной травѣ, зазвенѣли въ золотой рясѣ. Гордый молодецъ пробуждается, сѣдаетъ коня и говоритъ: конь мой сизый, будь счастливъ! Поѣдемъ въ чистое поле въ темный лѣсокъ, за чернымъ туромъ за крупнымъ звѣремъ ¹⁾.

Въ галицкихъ пѣсняхъ упоминается растеніе, называемое «билое тило». Дѣвица посѣяла это растеніе, потомъ, собравъ, приложила къ своимъ косамъ и сказала: вотъ какъ бы у меня были такія косы, я бы годилась тогда мѣщанскому сыну ²⁾. Въ другой пѣснѣ, по галицкому варианту, упоминается «бѣлый цвѣтъ», который долженъ вырости изъ разбѣяннаго по полю пелла молодца, котораго отравила сестра по наущенію чужеземца, встрѣтившаго ее тогда, когда она шла косить траву ³⁾. Неизвѣстно, впрочемъ, есть ли это особое растеніе,

Повисила китаечко на мори,
Посіяла жемчужину на поли.

- ¹⁾ Зачорнилася чорная гора,
Шо не зродила жита пшеницю,
Але зродила жемчужну траву,
Жемчужну траву, золоту рясу.
Ихавъ надъ нею гордый молодець,
Та пустивъ коня въ жемчужну траву.
Ой а самъ припавъ, икъ сирий земли.
Та скоро припавъ, такъ борзо заснувъ.
Ой деси взяли буйни витрове,
Буйни витрове шарти дождове,
Та зашумили въ жемчужну траву,
Та зазвенили въ золотій ряси.
Гордый молодець въ тимъ прохопився,
Коня сидлае, гадку гадае;
Коню жъ мій, коню сивий, будь ти счастливий.
Пойдеможь ми въ чистее поле,
Въ чистее поле та темний лисокъ.
За чорнимъ туромъ за грубимъ звиромъ. (Чт. 1864. I. 69).

- ²⁾ Пишла ланночка въ чистее поле,
Та посіяла билое тило...
Урвала жъ соби билое тило.
Та приложила жъ ёго къ своимъ косонькамъ,
Коби жъ у мене таки косоньки,
Годили жъ бимъ ся мисткому сину
Мисткому сину къ метицевъ бути. (Чт. 1864. I. 84).

- ³⁾ Эй шло дивча на травичку,
До тихого Дунаечку,
Въ правій руди серникъ несло,
Въ ливій руди плахту несло.
Стритивъ ии чужоземець,
Чужоземець-незнаемець.

называемое бѣлымъ цвѣтомъ, разумѣется ли подѣ этимъ какое-нибудь растеніе, цвѣтущее бѣлымъ цвѣтомъ, не названное здѣсь по имени, или это бѣлый цвѣтокъ вообще безотносительно къ одному какому-нибудь растенію.

Кромѣ растений съ особыми названіями, въ народной поэзіи является — *травя* въ неопредѣленномъ значеніи всякихъ травянистыхъ растений, преимущественно не высокихъ (такъ какъ для высокихъ есть другое общее названіе — бурьянъ). Трава сопоставляется съ различными положеніями любви и семейной жизни: Хожденіе по травѣ дѣвицы—символическій образъ счастливой любви ¹⁾: хожу по травѣ и не нахожусь; кого люблю, я вѣрно не налюблюсь. Дѣвица, разлюбившая молодца, сожалѣтъ о травѣ, по которой ходила ²⁾. Трава дѣлается шелковою тамъ, гдѣ проѣзжалъ милый, и дѣлается гнилою и увядшею тамъ, гдѣ проѣзжалъ немилый сердцу дѣвицы ³⁾, а равнымъ образомъ вянетъ и чернѣтъ тамъ, гдѣ видѣлись любовники, которые потомъ разлучились ⁴⁾.

Дивча, дивча, зчаруй брата!
Кедь есь зѣ нами пійти рада
Якъ би я го счаровала,
Кедь я не маю зилья того,
Бѣей до саду вишневою,
Тамъ ти найдешъ зилья того,
И намочъ го во шкляници,
Буде ити братчикъ зѣ поля,
Дай ми пити, сестро моя.
Братчикъ піе зо шкляници,
„Посмотри, сестро, на мои дити!
Задзвонили на дзвиници,
А сестрици на граници:
„Закуйте мя въ билий каминь
Най не чую дзвонивъ за нимъ,
Напальте жѣ зѣ мя тогъ попелу,
Тай посійте мя по полю:
Най зѣ мя росте билий квитъ;
Най то знае цилий свить.

(Чт. 1863. IV. 309).

- ¹⁾ По травици хожу, не нахожуся,
Кого вирне люблю, не налюблюся. (Метл. 147).
- ²⁾ Шкода трави мурави, щомъ по не ходила;
Шкода мене молоденьки, щобъ дурня любила. (Чт. 1864. IV. 325).
- ³⁾ Чорвоная калинонька вишче млина стояла,
Що вона видала:
Куди нелюбъ ихавъ—тамъ трава гнила,
Куди милий ихавъ—тамъ трава шовкова,
Куди мій нелюбъ поихавъ—тамъ трава зивыла,
Куди мій миленькій лоихавъ,
Ой туди трава вже шовкова.
- ⁴⁾ Ой пиду я, пиду,
Де зѣ милимъ стояла;
Тамъ була травка,
Була зеленъька,
А теперь вже повъяла,
Ой пиду я, пиду,

Рослая зелёная трава сопоставляется съ хорошимъ, а сухая съ дурнымъ состояніемъ замужней женщины ¹⁾. Увиданіе травы вообще означаетъ печаль. Дѣвица, которая отъ печали склоняется на столю, сравнивается съ падающею травою ²⁾, а также мать, тоскующая послѣ отдачи замужъ дочери, печалится, словно трава наклоняется и плачетъ, какъ трава сохнетъ ³⁾.

Покось травы или срываніе — образъ взятія дѣвицы изъ родительскаго дома ⁴⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ есть такой образъ: дѣвица жнетъ траву и просить трехъ козаковъ помочь ей; первому общаетъ навлиный вѣнокъ, второму — золотой перстенецъ, третьему самую себя ⁵⁾. Разлука съ милымъ означается тѣмъ, что по той тропинкѣ, по которой онъ прежде ходилъ, вырастаетъ трава ⁶⁾, а образъ невозможности достигнуть желаемаго — выростаніе травы на помостѣ въ хатѣ ⁷⁾.

Былина — символъ бѣдности, одиночества, сиротства. Сирота говоритъ: я какъ былина въ полѣ; нѣтъ моей бѣдной головѣ утѣшенія въ чужой сторонѣ! ⁸⁾. Больной козакъ лежитъ какъ былина ⁹⁾. Дѣвица говоритъ милому, что она не былина — у ней есть отецъ, мать и родные ¹⁰⁾.

Иногда въ пѣсняхъ встрѣчаются цвѣты, безъ обозначенія, о какихъ извѣстныхъ растеніяхъ говорится. Но это — случаи рѣдкіе. Такъ въ колыбельныхъ пѣсняхъ, обращаясь къ ребенку, поютъ, что мать его пошла въ поле, откуда принесетъ три цвѣточка: одинъ — дающій сонъ, другой — ростъ, а третій — сча-

Де зъ милымъ сидила;
Тамъ була травка
Була зелененька —
А теперь почорнила!

- 1) Ой у саду при долини трава по калина,
Ой за добримъ чоловикомъ жинка якъ калина.
Ой у саду на горбочку трава жовкніе;
Ой за лихимъ чоловикомъ жинка помарніе. (Чт. 1863. IV. 267).
- 2) Шовковая трава по полю полягла;
Молодая Марусенька до стола прилягла. (Метя. 142).
- 3) Росла трава, росла, та й похилилася;
Дала мати дочку за мижъ — та й зажурилася.
Росла трава, росла трава, стала посихати;
Дала мати дочку за мижъ — та й стала плакати.
- 4) Коло моря трава густо:
Кто тую травичю покосить,
Той мене у батенька попросить;
А кто тую травичю порве,
Той мене одъ батька возьме.
- 5) Чт. 1864. I. 76.
- 6) По стеженци куди ходивъ — трава зеленіе.
- 7) Якъ виросте травиченька въ хати на помости.
- 8) Якъ былина въ поли на чужій стороні,
Нема порадоньки бидній голови.
- 9) Стоить мила, якъ калина;
Лежить милий, якъ былина.
- 10) Ти не витерь, ти не буйній, а я не былина,
Есть у мене отецъ, мати и уся родина.

стіе ¹⁾. Въ рекрутскихъ пѣсняхъ взятіе молодца сопровождается удаваніемъ цвѣтовъ въ саду ²⁾.

Вѣнокъ изъ цвѣтовъ—вообще принадлежность и священный символъ дѣвственности. Уваженіе къ вѣнку чрезвычайно: онъ выше горы, яснѣе звѣзды; стояли подъ вербою три дѣвицы: одна въ бархатѣ, другая въ золотѣ, а третья только въ вѣнкѣ. Та, что въ бархатѣ—годится топить печь, та, что въ золотѣ—мыть ложки, а та, что въ вѣнкѣ—въ хороводѣ ³⁾.

Вѣнокъ до того священъ, что дѣвица, утратившая дѣвство, не смѣетъ надѣть его, и въ одной галицкой пѣснѣ, убившая своего незаконнаго ребенка, сама выдаетъ себя тѣмъ, что не осмѣливается надѣть вѣнка; по этому признаку открыли виновницу преступленія и подвергли ее утопленію ⁴⁾. Потерять вѣнокъ—лишиться дѣвства; дѣвица потеряла вѣнокъ; мать допрашиваетъ ее: гдѣ она его

1) Ой первую зросливу,

А другую сонляву.

2) Ой у саду зелененькимъ квіточка повьяли,
Помижъ тими квіточками дорожки лежали,
Помижъ тими дорожками кузоньки стояли,
Помижъ кузоньками ковали ковали;
Вони кують и гартують билое залко,
Не на вора-розбійника, на вдовиного сина,
Ой піймали изъ вечера—повезли въ городочокъ,
Поставили у станочокъ—забрили лобочокъ.

3) Ище вишчій одъ гори,
Ще яснийшій одъ зори...

Или:

Пидъ вербою три дивчини стояли,
Одна стоить въ оксамити,
Друга стоить въ щиромъ злоти,
Третья стоить у виночку.
Въ оксамити—пичъ палити,
Въ щиримъ злоти—ложки мити,
А въ виночку—до таночку.

4) Три братчики рибарчики рыбоньку ловили.
Ой не ймали шуку рыбу, миле дѣтя ймали,
Витягли ту дитиночку та на бережечокъ;
Пшла слава на все село, ой на всіхъ дивочокъ,
Ой ви пани, ой ви вѣйти, скликайте громаду,
Щоби сій дитиночки найти ридну маму,
А вдарили ранесенько у голосний дзвинь:
Ой сходиться та до двора паняночки вси.
Вси дивочки паняночки до двора ступали,
Та й на своихъ головонькахъ все виночки мали.
А молода Марисенька по затиллю йде,
Та и на свой головоньци винца не несе.
Марисенько, Марисенько, чомъ винца не ма?
Болила мя головонька, томъ ю не ввила.
Ой узали Марисеньку пидъ били боки,
Та кинули Марисеньку у дунай глибокій. (Чт. 1863. III. 54).

дѣла? Я на рѣкѣ полотно бѣлила, въ воду вѣнокъ уронила ¹⁾, — отвѣчаетъ дѣвица. Наконецъ, когда мать пристаётъ къ ней неотвязчивѣе, она сознается, что вѣхаль молодой козакъ и сорвалъ съ нея вѣнокъ ²⁾. Дѣвица, убѣгая изъ родительскаго дома, оставляетъ матери своей—вѣнокъ на колку ³⁾. Отдать вѣнокъ милому—значитъ отдаться ему вполне. Дѣвица, выходя замужъ, снимаетъ свой вѣнокъ. Есть образъ любимый въ народной поэзіи: дѣвица пускаетъ на воду свой вѣнокъ, и кто его поймаетъ на водѣ, тотъ будетъ ея супругомъ ⁴⁾. Въ заживныхъ пѣсняхъ прославляется вѣнокъ изъ колосьевъ, который работниками представляется хозяину, какъ символъ окончанія тяжелаго жатвеннаго труда ⁵⁾.

Б. Кустарники и деревья.

Роза-рожа (тамъ, гдѣ почему-нибудь нѣтъ настоящей розы, ее замѣняетъ *Rosa althea*)—символъ красоты и забавъ. По пѣсенному мировоззрѣнію, это—прекраснѣйшій цвѣтокъ на свѣтѣ. Скажи мнѣ правду, моя душа (въ нѣкоторыхъ вариантахъ этой пѣсни съ такимъ вопросомъ обращаются къ какому-то мальчику), какое растеніе лучше всѣхъ въ свѣтѣ: хрещатый ли барвинокъ, пахучій ли василекъ или красная роза? На это слѣдуетъ такой отвѣтъ: хрещатый барвинокъ устилаетъ сады, пахучій василекъ имѣетъ три запаха, а лучше розы, красной розы, нѣтъ ничего на свѣтѣ ⁶⁾. Дѣвица, хвалясь предъ матерью

1) Я на ричци биль билила;

Тамъ я, мати, винчикъ загубила.

2) Треба мати правду сказати:

Ихаль полемъ козакъ молоденькій,

Зирвавъ зъ мене виночокъ зелененькій.

3) Ст. 1863. III. 74—78.

4) Пиду и въ садочокъ, та вирву листочокъ,

Да зовью виночокъ—пуцу на ставочокъ;

Кто виночокъ пойме, той мене возьме.

5) Наше село веселе,

Ми виночка несемо,

Не зъ золота,—зъ ярици,

Зъ назимой шпеници,

Не зъ золота, а зъ жита;

Намъ горилка налита.

.....

Ой обжинки, паночку, обжинки!

Дай намъ меду горилки;

Прочиний, пане, ворота,

Несемъ тобі винки изъ злота!

6) Та скажи мини правду, мое сердця (въ др. вариантѣ: мале пахолы, въ третьемъ—обращеніе къ дубровѣ),

Надъ якую травину на свити нема!

Чи надъ той-то хрещатий барвинокъ,

Чи надъ той-то зашашний василекъ,

Чи надъ тую червоную роженку?

Хрещатенькій барвиночокъ сади устила,

своею красотою, сравниваетъ себя съ полною розою ¹⁾; прикладывая розовый цвѣтокъ къ своему лицу, дѣвица говорить ²⁾: еслибъ у нея было такое личико, то она бы могла выйти замужъ за цесаревича.

Рожа—символь удовольствій, молодости. Предаваться живымъ забавамъ, веселости,—на пѣсенномъ языкѣ называется скакать въ рожу. Въ веснянкахъ говорится, что молодцы и дѣвицы скачутъ въ рожу и калину ³⁾, а старыя дѣды и бабушки—въ колючки и въ крапиву ⁴⁾. Въ этомъ смыслѣ въ свадебныхъ пѣсняхъ братъ невѣсты, желая сказать, что сестра его еще молода и ей предстоятъ забавы и удовольствія молодости, выражается, что сестрѣ его не слѣдуетъ выходить замужъ, потому что уже процвѣтаетъ роза, а вмѣстѣ съ тѣмъ крещатый барвинокъ устилаетъ садикъ и пахучій василекъ поднимается до плетня ⁵⁾. Свадебное торжество въ пѣсняхъ изображается въ образѣ пути, усѣянаго розами: по одному варианту это путь на дворъ, гдѣ происходитъ пляска ⁶⁾, а по другому—въ церковь ⁷⁾.

Рожа—украшеніе дѣвицы. Молодецъ спрашиваетъ дѣвицу: отчего она не откликалась къ нему, когда онъ ѣхалъ мимо ея воротъ; она отвѣчаетъ, что тогда цвѣла роза и она ⁸⁾ украшала себѣ ею волосы. Букетъ изъ розъ—по-

Запашенький василечокъ три запахи ма,
А надъ тую роженку,
А надъ тую червоную,
На свити нема!

¹⁾ Ти думаешь, моя мати, що я не хороша,
А я, мати, такъ хороша, якъ повная рожа.

²⁾ По загуменьє червона рожа;
Надійшла тудя красна паннонька,
Урвала соби червону рожу, та приклала къ своему личеньку:
Коби жъ у мене таке личенько, ладила жъ бимъ ся за цисаронька!
(Чт. 1866. I. 615).

³⁾ То въ рожу, то въ калину,

⁴⁾ То въ бодлаки, то въ крапиву. (Чт. 1864. III. 182).

⁵⁾ Та нейди, сестрице, молодою замижъ;

Та вже рожа процвітає,
А хрещатенькій барвинокъ
Устилає садочокъ,
А запашенькій василечокъ
Изъ тиномъ ривнятися.

(Метл. 205).

⁶⁾ Ламлите роженку,
Стелить дороженьку,
Щобъ мягче ступати,
На двиръ танцювати.

⁷⁾ Ламлите роженку,
Стелить дороженьку
Нашому молодому
До Божого дому.

⁸⁾ Чи ти чула, дивчинонька, якъ я тебе кликавъ,
Мимо твои воритечка сивимъ конемъ ихавъ?
Ой хочъ чула, хочъ не чула—не озивалася,
Въ саду буда, рожа цвила, а я затикалася.

(Метл. 10).

дарокъ милому ¹⁾); милый, лаская свою возлюбленную, называетъ ее красною розою ²⁾).

Цвѣтущая роза означаетъ также здоровье. Женщина, отданная замужъ въ далекую сторону, пускаетъ по водѣ розовый пучокъ. Мать, увидя его и замѣтивъ, что цвѣты поблекли на водѣ, заключаетъ, что дочь ея больна ³⁾). Мысль, что отецъ бережетъ красоту и здоровье дочери, а напротивъ, свекоръ не заботится въ равной степени о своей невѣсткѣ, выражается такъ: женщина говоритъ, что посадить розу и поставить сторожемъ своего отца, — сторожъ надежный: роза не ошипана ⁴⁾); то же препоручаетъ она свекру, но сторожъ оказывается ненадежнымъ: роза ошипана ⁵⁾).

Въ весеннихъ пѣсняхъ и играхъ роза олицетворяется въ видѣ дѣвицы и ей придаетъ мать. Тума (дѣвушка изъ помѣси татарской и малорусской крови) водила хороводъ; ведетъ, ведетъ и станетъ, поглядитъ на дѣвицу, всѣ ли дѣвицы въ хороводѣ. Нѣтъ одной рожки. Мать чесала рожу и научала ее: дочь моя, роженъка, не становись близь тумы: тума сведетъ тебя съ ума: сожметъ тебѣ ручку, сниметъ съ тебя золотой перстень ⁶⁾). Варианты этой пѣсни замѣчательны. Въмѣсто тумы—поютъ также дунай ⁷⁾ и туманъ ⁸⁾ а въ вариантѣ, за-

1) Прийди, миленькій, до мене,

Зивью тобі квітоньку

Зъ рожевого квітоньку.

2) Ой ти, дивчино, червоная рожа!

3) Ой зирву я зъ рожки квітку, та пушу на воду:

Пливи, пливи, зъ рожки, квітко, та до мого роду.

Ой прилила зъ рожки квітка, та й стала крутиться;

Вийшла мати води брати, та й стала журиться,

Либонь же ти, мол донку, недужа лежала:

Що вже твоя зъ рожки квітка на води зовьяла.

4) Посажу я рожу, поставлю сторожу,

Поставлю сторожу, батенька мого;

Ой невна сторожа,—не щипана рожа,

5) Неввна сторожа,—пощипана рожа.

6) Тума танчокъ водила;

Веде, веде та й стане,

На дивочокъ погляне:

Чи вси дивочки въ таночку?

Тильки рожки не мае;

Мати рожу чесала,

А чешучи навчала:

Донько моя, роженъко,

Не становись край туми!

Тума зведе изъ ума,

За рученьку издавде,

Золоть перстень издїме.

7) Дунай танчикъ водивъ,

Веде, веде та й стане

.....

Донько моя, роженъко,

Не становись край Дуная:

Дунай зведе изъ ума.

8) Туманъ танчикъ водивъ

писанномъ въ Кіевской губерніи, сама мать называется рожею ¹⁾, въ вариантѣ же изъ Воронежской губерніи рожа носитъ двойное и непонятное имя рожиспажи (? ²⁾). Мы не возьмемся разрѣшать, какая редакція правильнѣе. Что касается до олицетворенія розы и ея дочери вообще, то міеологическую древность этого представленія едва ли можно подвергать сомнѣнію. Есть весенняя игра такого рода: одна дѣвушка представляетъ собою дочь рожиспажи: она садится на землѣ; впереди нея садятся гуськомъ дѣвицы; одна дѣвушка не садится, но ходитъ и спрашиваетъ каждую изъ сидящихъ на землѣ дѣвицъ: не рожа ли она? Дѣвицы отвѣчаютъ: «ни», а когда очередь дойдетъ до той, которая изображаетъ собою рожину дочь, дѣвицы поютъ: я рожина дочь, я какъ барышня! Гдѣ твоя мать?—Въ свѣтлицѣ на скамѣ, вѣтъ вѣнки ³⁾. Подобная игра есть у чеховъ. Дѣвицы садятся гуськомъ на землѣ; задняя называется Pani Růžová. Одна изъ дѣвицъ называется chodačka; она не садится, а ходитъ и спрашиваетъ сидящихъ; когда же дойдетъ до задней, которая называется pani Růžová послѣдняя въ свою очередь спрашиваетъ: чего тебѣ нужно?—Chodačka отвѣчаетъ: золотой ключъ отъ неба (chi zlaty klíč od nebe).—Упали ключи въ колодець. Вытани себѣ одинъ! (Upadly mi klíče do studne: vytáhni si ieden) говоритъ pani Růžová.—Какой?—Крайній. Тогда chodačka беретъ за руку дѣвочку, сидящую напередѣ, ведетъ ее и заставляетъ становиться на колѣни передъ pani Růžová. Игра эта, отправляемая въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, искажена прибавленіями и перемѣнами, возникшими подъ вліяніемъ христіанскихъ представленій. Дѣвочка, которую берутъ за руку и водятъ, называется ангельчикомъ (andělíček). Chodačka всячески старается размѣшить ее, и если успѣетъ, то ангельчикъ дѣлается чортикомъ, а если ангельчикъ удержится отъ смѣха, то говорятъ, что онъ возносится на небо. Сквозь эти позднѣйшіе наросты виднѣются, однако, слѣды древняго языческаго продолженія игры. Pani Růžová спрашиваетъ ангельчика: на какую сторону онъ пойдетъ: на солнечную или на

. и пр.

Донько моя, роженъко,
Не становись край тумана:
Туманъ звезде изъ ума!

- 1) Чи вси дивочки въ таночку.
Тильки роживни не мае;
Рожа дочку чесала,
А чешучи навчала:

Донько моя, роживно, и пр.

- 2) Чи вси дивочки въ таночку?
Роже-слажи не мае;
Мати рожу чесала,
А чешучи навчала:

Донько моя, роженъко,
Не становись край Дуная.

- 3) Я рожина дочка,
Якъ паняночка.
Де твоя мати?
Въ свѣтлицѣ, на скамниці,
Винки вье!

мѣсячную. Хороводъ разбивается на двѣ половины: солнечицъ (slunečnic) и мѣсячницъ (měsíčnic); на челѣ первыхъ raní Růžová, на челѣ другихъ chodačka; потомъ обѣ половины снова соединяются ¹⁾. Черта эта заставляетъ насъ предполагать, что съ этой игрой нѣкогда соединялось почитаніе свѣтилъ. Самые ключи отъ неба показываютъ, что эта весенняя игра состоитъ въ связи съ тѣмъ представленіемъ объ отпираниі неба и земли, о которомъ мы говорили. Мать рожі, вѣроятно, одна и та же мать, у которой Урай (въ другихъ вариантахъ Юрій) проситъ ключей отъ неба. Если бы мы не боялись скороспѣвшихъ заключеній, то признали бы эту мать рожі однимъ и тѣмъ же существомъ, что и весна, у которой дочь—весняночка.

Образъ чесанія матерью дочери, вѣроятно, составляетъ одну изъ чертъ исторіи древняго олицетворенія розы, и образъ этотъ до того усвоился народною поэзію, что мы нѣсколько разъ встрѣчаемъ сопоставленіе розы съ чесаніемъ дѣвицы. Такъ, въ одной веснянкѣ поется: въ долинь роза стояла; подъ розою дѣвица чесала русую косу, ожидала къ себѣ милаго ²⁾; въ свадебныхъ пѣсняхъ поется: братъ сестру раслетаетъ, все розу воспоминаетъ ³⁾. Что эти образы имѣютъ начало въ отдаленной древности, доказываетъ тѣмъ, что подобное встрѣчается въ словацкихъ пѣсняхъ; бѣлая роза процвѣтала; мать дочь залетала ⁴⁾.

Роза является вмѣстѣ съ калиною признакомъ веселья. «Пойду я, говорить дѣвица, ущельемъ-долиною, сломаю розу съ калиною. Вѣтеръ вѣетъ, роза процвѣтаетъ. У моихъ воротъ играетъ свистѣлка, а меня мать бранитъ, не пускаетъ на улицу. Я украдкою уйду и нагуляюсь. Я вѣдь не стара еще, я не погуляла; я еще молода—охотница гулять» ⁵⁾. Образы срыванія розы и ломанія калины сопоставляются съ раздумьемъ дѣвицы о томъ: выходить ли ей замужъ, или остаться въ дѣвицахъ ⁶⁾. Замужняя женщина, тоскуя о минув-

¹⁾ Erben. Prostonarodni české písní, a říkadla 68. О нѣмецкомъ олицетвореніи розы—Frau Rose—Mannhardts Germ. Mythen.

²⁾ Городе, городе, куда ти спойшь воритьми?

Чи на улицу широку, чи на долину глубоку?

А въ долини рожа стояла,

Пидъ рожою дивочка русу косу чесала.

Къ соби миленького бажала.

³⁾ Ой братъ сестру рослитае.

Все рожу поминае.

(Метл. 204).

⁴⁾ Бѣла ружа преквитала,

Матка дцеру залетала.

(Nar. Sp. Koll. 225).

⁵⁾ Ой пиду я яромъ-долиною,

Ой зломлю я, зломлю рожу зъ калиною,

Витеръ повивае—рожа процвитае;

Пидъ моими воротами свистилочка грае;

Мене мати лае, на улицу не пускае.

Я хочъ одкрадуся, та нагуляюся,

Бо я ще не стара, ще я не гуляла;

Ще я молоденька—гуляти раденька!

⁶⁾ Ой пиду я горою-долиною.

Знайду я соби роженку зъ калиною;

Чи рожу рвати, чи калину ломати,

Чи замужъ ити, чи дивою зистати.

(Чт. 1870. IV. 155).

шихъ днѣхъ дѣвчества и о разлукѣ съ родными, встрѣчаетъ въ полѣ калину и розу, которыя припоминають ей бывшее и заставляють заплакать ¹⁾).

Есть пѣсня о превращеніи молодца въ розу, а дѣвицы въ калину ²⁾. Пѣсня эта въ томъ видѣ, въ какомъ мы ее слышали, очевидно, варіантъ пѣсни о превращеніи молодца въ тернъ, а дѣвицы въ калину (см. ниже). Однако, едва ли можно съ увѣренностью сказать, что въ основѣ здѣсь лежитъ одно только мифологическое событіе. Пѣсни могли смѣшаться, или, лучше сказать, пѣсня о тернѣ и калинѣ могла быть перенесена на розу и калину вслѣдствіе того, что существовала легенда, а можетъ быть и пѣсня о превращеніи молодца въ розу, а дѣвицы въ калину, превращеніе же въ тернъ и калину составляло особую легенду. Это можно заключить изъ того, что и въ другихъ пѣсняхъ роза и калина сопоставляются съ мужескою и женскою двойственностью ³⁾. Съ расцвѣтшею розою сравнивается молодецъ козакъ. Такъ, напримѣръ, о знаменитомъ героѣ Уманской рѣзни, Максимѣ Зализнякѣ, пѣсня говоритъ, что онъ цвѣтетъ въ Украинѣ, какъ въ огородѣ роза ⁴⁾, тогда какъ нѣтъ примѣра, чтобы козакъ сравнивался съ калиною, которая есть исключительно женскій образъ.

Есть въ народной поэзіи странный образъ: роза, растущая на морозѣ, это — символъ любовнаго страданія ⁵⁾.

Калина, вообще, символъ женственности въ обширномъ смыслѣ. Вся духовная жизнь женщины — ея дѣвчество, невинность, любовь, замужняя жизнь, радости, горести, родственныя чувства — все находитъ себѣ примѣненіе въ калинѣ. Калина представляется слышащею, видящею, думающею и говорящею. Въ веснянкахъ спрашиваютъ ее, что говорить о красотѣ молодцовъ и дѣвиць, и калина даетъ отвѣтъ въ смыслѣ благопріятномъ для дѣвицъ и невыгодномъ для молодецкой красоты ⁶⁾. Воображенію представляется, что калина находится

¹⁾ Ой пішла вона горою не долиною,
Та й знашла вона роженьку зъ калиною.
Узяла вона роженьку пригинати,
Взяли їи дрибни слези обливати.

²⁾ Пішовъ козакъ дорогою, дівка долиною;
Зацвівъ козакъ роженькою, дівка калиною!

³⁾ Пішовъ козакъ зъ побережжа,
Ой якъ повная рожка,
А дівчина зъ долини,
Якъ червона калина.

⁴⁾ Максимъ козакъ Зализнякъ, козакъ зъ Запорожжа,
Процвітає на Украини якъ въ городи рожка.

⁵⁾ Сію рожу по морозу, по снігови сходити,
Великое закоханье до биди приводить. (Чт. 1864. IV. 341).

⁶⁾ Ти, калино червоно,
Ти при лузі стояла,
Ти чувала, видала.
Що въ Києви дзвонють,
А на ринку говорють?..
— Парубоцька краса
Въ дѣттю пуринає,

въ какомъ-то раздумьи. «Что ты, калина, желаешь ли дождя, боишься ли суши, что грустна?» спрашиваютъ ее. «Нѣтъ», отвѣчаетъ калина, «я не желаю дождя, не боюсь суши, я такъ себѣ стою, да думаю: какъ мнѣ зацвѣсти» ¹⁾. Калиновыя рощи (луга) сочувствуютъ положенію женщины и соболѣзнуютъ о ея несчастіяхъ. Въ пѣснѣ о женщинѣ, превратившейся въ кукушку, говорится, что когда она стала жалобно куковать, то калиновыя рощи стали отъ печали раскачиваться ²⁾. То же въ галицкой пѣснѣ объ Оленочкѣ, которую братъ хотѣлъ продать туркамъ; она умертвила себя, и турки съ досады стали рубить въ куски ея тѣло: тогда калиновыя рощи расколыхались отъ великой печали ³⁾. Образъ этотъ напоминаетъ «Слово о полку Игоря», гдѣ древо съ тугою преклоняется къ землѣ послѣ нечаянной смерти князя Ростислава.

Калина обыкновенно носитъ эпитетъ красной (червоной). Влюбленный молодецъ называетъ свою возлюбленную вмѣстѣ и полною розою и калиною ⁴⁾; дѣвица приравниваетъ калину къ своему лицу и говоритъ: ахъ, кабы я была такая, какъ эта горячая калина ⁵⁾. Не меньше любимъ въ народной поэзіи и бѣлый цвѣтъ цвѣтущаго калиноваго деревца. Молодецъ, называя свою милую красною калиною, вмѣстѣ съ тѣмъ придаетъ ей названіе бѣлаго дерева, разумѣя цвѣтъ ⁶⁾. Калиновый цвѣтъ—ласкательное выраженіе въ обращеніи дочери къ матери ⁷⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ невѣста ломаетъ цвѣтущія вѣтви калины и спрашиваетъ отца: будетъ ли она,—разумѣется, послѣ свадьбы,—такая, какъ эта калина? ⁸⁾. Здѣсь цвѣтъ калины—символь дѣвчества и красоты, свойствен-

А дивоцька краса
Въ молоци пуринае,
Въ меду вѣринае.

1) Червоная калино, чога въ тузи стоишь,
Чи дождчу жадаешь, чи суши ся боишь.
Я дождчу не жадаю, суши не боюся.
Стою соби та гадаю, якъ зацвѣсти маю.

2) Якъ стала ковати, жалибно плакати,
Стали калинови луги зъ туги розлягати.

3) Ажъ ся калинови луги
Зъ великом дуже туги
Зачали ся розлягати.

(Чт. 1863. III. 40).

4) Ой ти дивчино, червона калино,
Якъ мини на тебе дивитися мило!

5) Калиноньку ламала,
У пучечки вязала,
До личенька ривцала:
Ой колибъ я такая,
Якъ калина жаркая!

6) Червоная калинонька билее деревце,
Чомъ до мене не говоришь, мое любе сердце?

7) Ой мати моя, калиновый цвѣтъ!..

8) Якъ прийшла Марусенька,
Наламала си квіту,
Калинового цвѣту;
Пришла до свитлоньки,

ной дѣвичей молодости; сообразно съ этимъ выходъ замужъ и, слѣдовательно, окончаніе дѣвичей жизни выражается отцвѣтаніемъ калины ¹⁾; такъ какъ съ дѣвичествомъ совпадаетъ веселость, которая соединяется и съ любовью, то отцвѣтаніемъ калины выражается также и печаль дѣвицы по поводу разлуки съ милымъ ²⁾, а нецвѣтеніемъ калины обозначается вообще одинокая и грустная жизнь женщины. Убогая дѣвица, у которой при хатѣ нѣтъ ни забора, ни кола, говоритъ, что тамъ только стоитъ кустъ калины, но и та не цвѣла ³⁾. Калиновый цвѣтъ представляется съ свойствомъ утишать волненіе и томленіе сердца ⁴⁾.

Возрастаніе калиноваго дерева примѣняется къ разнымъ положеніямъ женщины. «Гдѣ ты, калина, росла, что ты такая прекрасная, такая тонкая, высокая, широколистная?—Выросла въ лѣсу при источникѣ, близъ холодной воды ⁵⁾. Спрашиваютъ затѣмъ дѣвицу: гдѣ она выросла, такая красивая, и слѣдуетъ отвѣтъ: у батюшки въ прокладѣ, на сладкомъ медку ⁶⁾. Робость и скромность дѣвицы сопоставляется съ положеніемъ калины, растущей въ укромномъ мѣстѣ, надъ водою ⁷⁾. Напротивъ, калина, растущая въ дурномъ мѣстѣ, надъ болотомъ, сравнивается съ глухою женщиною, которая любила пьянаго старика ⁸⁾.

Поставила на столычку,
Проти свого личенька,
Питалася батенька:
Чи буду я така,
Якъ калиненька тая?

- ¹⁾ Добре було калиноньци та при водиченьци,
Добре було дивчиноньци та при матиноньци.
Калинонька одцвитає, цвитокъ опадає,
Иде дивчина видь матинки, гараздъ їй минає.

(Zeg. Pauli 1. 71).

- ²⁾ Стоитъ калина—опавъ на їй цвить;
Десь мій миленький шишовъ кривъ свить.

- ³⁾ Коло мого двора
Ни плота, ни кола,
Тильки стоить кущъ калини,
Та й та не цвила!

- ⁴⁾ Цвить калину ламала, до серденька клала.
Чи не перестане мое сердце тужити?

- ⁵⁾ Де ти, калино, росла,
Щось така красна,
Тонка, та високая
Листомъ широкая?
— У лузи при криници,
При студеній водици.

- ⁶⁾ У тата въ холодочку,
На солодкимъ медочку.

- ⁷⁾ Чорвоная калинонька надъ водою стоишь,
Молодая дивчинонько, щожъ ти ся мя боишь?
Ой коби я не червона, я бъ ту не стояла,
Ой кобъ я не молода, я бъ ся ты не бала.

(Zeg. Pauli. 11. 173).

- ⁸⁾ Ой у лузи при болотя калина,
Дурна буза нерозумна дивчина:

Порханіе пташекъ по вѣтвямъ калины—ухаживаніе молодцовъ за дѣвицею ¹⁾. Птички любятъ калину, ѣдятъ ея ягоды и даже надоѣдаютъ ей: калина просилась изъ лугового лѣса въ дубову: наскучили ей райскія пташки, обломали на ней зелень, поклевали ягоды ²⁾. На калинѣ вѣтъ гвѣздо соколъ, поетъ соловей ³⁾, кукуетъ кукушка ⁴⁾, кричатъ даже воронъ ⁵⁾; послѣдній образъ сопоставляется съ плачемъ сиротки на чужой сторонѣ.

Подъ калиною происходитъ любовное свиданіе, и козакъ, отправляясь къ дѣвицѣ на ночное свиданіе, привязываетъ своего коня къ калинѣ—символическому дереву ⁶⁾. Въ томъ же смыслѣ любовнаго значенія дворъ, гдѣ отдають дѣвицу замужъ, представляется обсаженнымъ калиною и огороженнымъ терномъ, составляющимъ съ калиною, какъ увидимъ ниже, любовную пару ⁷⁾.

Колебаніе калиноваго деревца и наклоненія вѣтвей его къ землѣ—образы женской печали. Калина качается безъ вѣтру—это дѣвица за лозами убивается за своимъ милымъ ⁸⁾; калина наклонилась—это дѣвица задумалась: куда это дѣлась ея доля, а доля изъ-за моря откликается къ ней и говоритъ, что она несчастлива ⁹⁾; калина наклонилась надъ водою—это дѣвица беретъ воду и

Полюбила козаченька старого,

Веде зъ корчми пьяного.

1) Коло млина калина,

А по тій калини пташечки ходили;

То жъ дивочку молодци любили.

2) Просилася калинонька зъ лужейка въ дубову,

Бо вже мини надокучили райскіи пташкове,

Гилья мини поламали, игдойки обдлюбали.

(Рус. Вел. 75).

3) Стану гляню въ долину

На червону калину:

На червоій калини

Соловейко маленький

Въ его голосъ тошенький.

4) Заковала зозуленька въ калиновимъ лузи,

Тужить, тужить мое сердце за тобою дуже!

5) На могили червона калина,

На калини чорний воронъ криче,

На чужини сиротина плаче.

6) Ой привизавъ кониченька къ червоій калини,

А самъ пишовъ до дивчини на били перини.

(Метл. 98).

7) Зпати, Ганнусенько, знати,

Зъ которой вона хати:

Двиръ ии обтершений,

Калиною обсажений.

(Zeg. Pauli. 1—86).

8) Червоная калинонька безъ витру хитається,

Молода дивчина за лозами за милимъ убивається.

9) Калина схилилася;

Дивчина збулилася,

Де доля подилася.

Обизвалася доли

По тимъ боци моря:

Дивчина вродлива,

Та доля несчастлива!

грустить о молодцѣ ¹⁾). Съ калиною, опустившею внизъ вѣтви, сопоставляется и несчастная въ замужествѣ женщина ²⁾), и жена чумака, оставшаяся съ дѣтьми, когда мужъ ея уѣхалъ въ дорогу ³⁾). Еще болѣе грустный образъ представляетъ калина почернѣвшая: съ нею сравнивается глубоко тоскующая женщина ⁴⁾ Женщина, принужденная жить въ чужой сторонѣ, которую уговариваютъ не печалиться, сопоставляется со сломленною и въ иномъ мѣстѣ посаженною калиною ⁵⁾). Женщина, страдающая отъ невѣрности мужа, также сопоставляется со сломанною и брошенною калиною ⁶⁾). Подъ калиною вообще женщина ищетъ отдыха отъ житейскаго горя: подъ нею садится оплакивать свое горе и вдова съ ребенкомъ ⁷⁾), и молодая женщина, которую тяготитъ бракъ со старикомъ ⁸⁾).

Но съ роскошно-растущею калиною сравнивается мать, родившая козацкаго сына-красавца ⁹⁾). Вѣтеръ, вѣющій на калину—образъ вниманія молодца къ дѣвицѣ. Но вѣтеръ вѣетъ, а калина не зрѣетъ: это приводится въ сравненіе съ тѣмъ, что козакъ любитъ дѣвицу, но не объясняется въ любви, потому что хочетъ свататься на ней впоследствии ¹⁰⁾). Поспѣваніе калины—годность дѣ-

1) Ой у лузи калина на воду схилилась;

Брала воду молода дивчина,

За хлопцемъ тужила,

Бо хлопца любила.

2) Червоная калинонька, чого гилля опускаешъ?

Молодая молодежи, чого слѣзи проливаешъ?

3) Въ темнимъ лузи калинонька, схилилися вिति;

Покинувъ чумакъ жинкуй маленькиі дити.

4) Калина червона, чого почорнила?

Чи ти витру боишся, чи дождчу бажаешъ?

Ой я витру боюся, и дождчу бажаю:

Кого вирне люблю, за тимъ умираю!

5) Въ чистимъ поли стоить куць калини;

Ой я тую червону калину изъ корнемъ зломаю.

Та посажу червону калину въ себе крий виконця.

Рости, рости, червона калино, рости, не хилися;

Живи, мила, въ чужій сторони: живи, не журися!

Росла, росла червона калина, та й похилилася.

Жила, жила мила въ чужій сторони, та й закурилася.

6) Ой возьму я червону калину,

Зломлю, зтрощу та й покину:

Зъ невірною дружиною

Я не живу, тильки гину.

7) Сама сяду пидь калиною

И зъ маленькою дитиною.

8) Пожену я сири воли на широку на долину,

Сама пиду спочивати пидь червону калину.

Прихожу я пидь калину—калина зелененька,

Тяжко мни за старенькимъ, бо я молоденька.

9) Ой червоная калина весь дугъ закрасила;

Породила мати козацькаго сына,

Дала ему станъ хороший и чорнии очи.

10) На калину витерь вѣе, калина не спіе;

вицы къ браку или вообще наступленіе времени брака. Въ свадебныхъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ такой образъ: отецъ невѣсты подходитъ къ калинѣ; вѣтеръ не вѣетъ, солнце не грѣетъ, калина не спѣетъ. Подходятъ мать, братья, сестры — то же; но когда подходитъ къ калинѣ женихъ — и вѣтеръ вѣетъ, и солнце грѣетъ, и калина спѣетъ ¹⁾. Женихъ подходитъ къ калинѣ, чтобъ срубить ее — это символъ брачнаго соединенія. Сперва подходятъ къ калинѣ свадебный староста и сваха; калина не дается имъ и говоритъ: не для тебя калина посажена, не для тебя Маруся изряжена; но жениху она говоритъ противное: для тебя калина посажена, для тебя Маруся изряжена ²⁾. По совершеніи вѣнчанія новобрачную сравниваютъ съ изрубленною калиною ³⁾. Когда же новобрачная оказывается цѣломудренною, тогда отъ ея имени поютъ: поѣду я въ рощу луговую по калину, сломлю вѣтку калиновую, да заткну себѣ за намитку: пусть моя калина вянетъ; пусть мои родные веселятся» ⁴⁾.

Ходитъ въ лугъ по калину и ломать ее — въ пѣсняхъ занятіе дѣвиць. Въ одной пѣснѣ соколъ говоритъ: «гдѣ-то я буду вить себѣ гнѣздышко? — Въ луговомъ лѣсу при долинѣ, на красной калинѣ. Будутъ дѣвицы ломать калину, будутъ въ мое гнѣздышко засматривать» ⁵⁾. Дѣвица, жалуясь на свое несчастье, посылаетъ свою лихую долю заблудиться въ лѣсу, но лихая доля отвѣчаетъ ей, что какъ только дѣвица пойдетъ въ лѣсъ ломать калину, она тотчасъ за нее вѣспнётся ⁶⁾. Мать молодца видитъ тропинку, по которой дѣвица ходитъ въ рощу по калину, и догадывается, что дѣвица любитъ ея сына ⁷⁾. Сломанныя вѣтви съ ягодами служатъ знакомъ любви: дѣвица бро-

Козакъ дивчиноньку любить — заняты не сміе;

Ой тимъ їи не займає, що сватати має.

¹⁾ И вѣтеръ вѣе, и солнце гріе,
И калина спіе.

²⁾ Зъ пидъ боку шабельку вѣймає,
Та на тую калину замеряє;
Стала тая калинонька промовляти:
За для тебе ся калина сажена,
За для тебе тая Маруся изряжена.

³⁾ Сичена калина, сичена.
Наша Марьечка виччана.

⁴⁾ Ой пиду я у лугъ по калину,
Та й сломлю калинову витку,
Та застромлю за билу намитку.
Нехай моя калина вяне,
Нехай моя родина гуляе.

⁵⁾ Ой зажурился сивий соколонько:
Ой бидна мой головонька,
Ой дежъ я буду гнѣздечко свивати?
Ой у лузи, на долини на червоний калини:
Будутъ дивки калину ломати...

⁶⁾ Хочъ и пиду, молода дивчино, въ лѣси заблужуся,
А якъ пидешъ калини ломати — я за тебе учинлюся!

⁷⁾ Черезъ гору стежка, а въ гай по калину,
Тамъ дивчина ходила симъ день по калину.
Ой дивчино, дивчино, чого гаємъ блудишь?
Видай ти, дивчино, мого сына любить.

сають ими въ козака ¹⁾). Ходить по калину и не находить калины значить искать возможности видѣть милаго друга и не увидать ²⁾). Но сломанныя и связанныя въ пучокъ ягоды, подобно тому какъ и самое дерево, служатъ также символомъ брака ³⁾). Для мужчины ломать калину или ходить по калину—значить способность къ супружеской жизни. Молодая женщина посылаетъ стараго мужа въ дѣсь по калину и грозить покинуть его, если не наломаетъ онъ калины ⁴⁾). Въ этомъ же смыслѣ молодая женщина въ насмѣшку посылаетъ своего стараго мужа по калину, а сама тѣмъ временемъ вводитъ къ себѣ молодца ⁵⁾).

Калина представляется также посаженною на могилѣ. Жена говоритъ мужу: «Я умру, мой милый, умру, сдѣлай мнѣ кленовый гробъ, насыпь высокую могилу, посади мнѣ въ головкахъ калину; пусть склоняются калиновыя вѣтви; ко мнѣ придутъ маленькія дѣти» ⁶⁾). На могилахъ двухъ супруговъ, которые пали жертвою злой матери, посадили калину и шиповникъ: вѣтка къ вѣткѣмъ наклоняется, а мать за дѣтьми убивается ⁷⁾). Калина на могилѣ означаетъ любовь. Дѣвушка, томясь отъ любви, говоритъ: посадите мнѣ, сестры, въ головкахъ калину: пусть всѣ знаютъ, что погибаю отъ любви ⁸⁾). Калина, поса-

1) Ой на гори калина,
Тамъ дивчина ходила,
Калиноньку ламала,
На козака кидала.

2) Ой пиду я, пиду, въ зеленый лугъ по калину,
Чи не зачю, чи не зобачу свою вирную дружину?
И калини не наломала,
И дружини не видала.

3) Чи я въ лузи не калина була?
Чи я въ лузи не червона була?
Взяли мене подомали и въ пучечки повязали.
Така доля моя!..
Чи я въ батька не дитина була?
Чи я въ батька не кохана була?
Взяли мене замижъ дали, и свить мини завязали..
Така доля моя!

4) Диду, диду! У лугъ по калину;
Якъ не пидешъ, не наламишъ—далеби покину!

5) Пиди, старий, бородатий, калину ломати;
Ой привела молодого тихенько до хати!

6) Ой умру я, мій миленькій, умру,
Зроби, милий, кленовую труну.
Насипъ, милий, високу могилу,
Посади, милий, въ головкахъ калину,
Изъ калини щобъ схилилися вить,—
Прійдуть до мене маленькіи дити.

7) Посадили синові червону калину
Молодий невестци зелену шипшину;
Гилка до гилки прихияється,
Матц за дитьми убивається.

8) Посадить ми, мои сестри, въ головкахъ калину,
Нехай кожній о тимъ знае, що зъ коханья гину.

женная въ головахъ покойника, даетъ ему спокойствіе во гробѣ. Въ одной пѣснѣ дочь говоритъ матери, чтобъ она надъ нею посадила калину: будетъ прилетать кукушка и рано куковать, а ей въ землѣ будетъ легко лежать ¹⁾. Козакъ, умирая въ чужой сторонѣ, проситъ посадить въ головахъ калину: пташки будутъ прилетать, ѣсть калину, а козаку будутъ приносить вѣсти отъ родныхъ ²⁾.

Есть пѣсня о превращеніи въ калину дѣвицы, а ея возлюбленнаго — въ тернѣ. Содержаніе этой пѣсни таково: козакъ любилъ дѣвицу, но люди разлучили ихъ. Козакъ тоскуетъ и хочетъ утопиться. Дѣвица говоритъ ему: «не топись, не губи души; лучше пойдемъ обвинчаемся, если меня любишь». Козакъ клянется, что любить ее. Они пошли вѣнчаться, но не застали дома священника. «Или твое несчастье, или моя несудьба!» восклицаетъ козакъ и приказываетъ запрягать коней. Они ѣдутъ вѣнчаться къ чужому священнику. Ёдутъ они по одному полю, ѣдутъ по другому; какъ стали сворачивать на третье поле, сталь спотыкаться конь. «Воротимся, дѣвица, сказалъ козакъ, намъ здѣсь не вѣнчаться». Козакъ пошелъ по горѣ, а дѣвица по долинь; козакъ сталь на горѣ терномъ, а дѣвица въ долинь калиною. Вышла мать козака рвать теренъ, а мать дѣвицы ломать калину. Это не теренъ — это мой сынокъ! Это не калина—это мое дитятко! ³⁾.

- 1) Посади, матинко, червону калину,
Туди буде, матинко, зозуля литати,
Вона буде, матинко, раненько кувати:
Мини буде, матинко, легенько лежати!
- 2) Казавъ соби насипати високу могилу,
Казавъ соби посадити въ головкахъ калину.
Будуть пташки прилитати калиноньку исти,
Будуть мини приносити видь родоньку висти!
- 3) Чомъ дубъ не зелений? Листъ туча прибила.
Козакъ невеселый—лихал година!
Якъ мини, братци, веселому бути:
Любивъ я дивчину—розлучили люди.
Теперь мини, братци, пароньки не буде.
Тильки мини пари, що очици кари,
Тильки всей любви, що чорные брови.
Чорни брови маю, та й не оженюся,
Хиба иду зъ горя зъ мосту утоплюся.
—„Не топись, козаче, бо душу загубишь.“
Ходимъ, повинчаймось, коли вирне любишь“.—
„Люблю тебе дуже.. скарай мене Боже!..
Буду тебе цилувати, поки сонъ изможе!“
Вже нацилювався и намилювався,
Якъ у саду соловейко та нащетавався!
Пишли вони винчатись—нема поца дома!
„Чи твое несчастья, чи моя недоля,
Що ми не zostали сѣго поца дома?“
Запрягай же, хлонку, коня вороного,
Пойдемъ винчатись до поца чужого.
Ихали ми поле, ихали друге,

Несмотря на признаки, указывающіе сравнительно позднее составленіе этой пѣсни въ томъ видѣ, въ какомъ она поется въ настоящее время, основа ея древняя, какъ можно заключать изъ того, что совмѣстность терна и калины въ народной поэзіи довольно глубоко укоренилась. Такъ, напримѣръ, въ выше-приведенной свадебной пѣснѣ дворъ невѣсты представляется обгороженнымъ терномъ и обсаженнымъ калиною. Въ одной колядкѣ—фантастической соколъ вьетъ себѣ гнѣздо и обкладываетъ его терномъ, а внутри кладетъ калину ¹⁾. Въ другой пѣснѣ женщина, тоскуя о разлукѣ съ родными, говоритъ, что ея дорога къ роднымъ заросла терномъ, покрылась листьями, и калина нависла надъ нею ²⁾. Наконецъ, самый стихъ о превращеніи изъ приведенной выше пѣсни является съ измѣненіями въ другихъ пѣсняхъ уже не въ смыслѣ повѣстнаго событія, но какъ поэтическое сравненіе ³⁾. Есть еще пѣсня о превращеніи, гдѣ терень и калина играютъ хотя не главную, но важную роль. Это вариантъ пѣсни о женскомъ существѣ, бросившемся въ воду (см. выше о водѣ), которому дается имя Ганны. Здѣсь эта Ганва, бросаясь въ воду, произноситъ такіа слова: «не ломать цвѣтовъ съ калины, не щипать на горѣ (а въ пѣснѣ о превращеніи козака въ терень онъ превращается на горѣ) терна. Цвѣтъ калины—Ганнино лицо, а терень—ея очи» ⁴⁾.

Въ народной поэзіи есть еще два образа, относящіеся къ калинѣ: это калиновый мостъ и калиновая стрѣла. Въ свадебныхъ пѣсняхъ поется, чтобы на пути къ посаду, на который съ особенною торжественностью сажаютъ ново-

На третьему поди ставъ кинь спотыкаться.
„Вернимось, дивчино, намъ тутъ не винчатись!“
Пишовъ козакъ горою, дивка долиною,—
Ставъ на гори козакъ терномъ,
А въ долини дивчина калиною!
Вийшла сина мати того терну рвати,
Дивчинина мати калини ломати.
Сежь не терночокъ, се мій синочокъ,
Се не калина—се моя дитина!

¹⁾ На тимъ явори сивъ сокиль сидитъ,
Сивъ сокиль сидитъ, гниздечко вьетъ;
Обкладае го острымъ терничкомъ,
Остримъ терничкомъ, сухимъ бильячкомъ,
А въ середину—цвить та калинку. (Чт. 1864. I. 64).

²⁾ Терномъ поросла, листомъ припала,
Червоною калиною понависала.

³⁾ Ишовъ козакъ по гори, дивка пидъ горою,
Зацвивъ козакъ терномъ, дивка калиною.
Ой ти живешъ на гори, а я пидъ горою,
Ой чи тужишъ такъ за мною, якъ я за тобою.
Ой колибъ ти такъ за мною, якъ я за тобою,
Жили бъ, жили, мое сердце, якъ риба зъ водою!

⁴⁾ Щобъ зъ калиноньки цвиту не рвати,
Та щобъ на гори терну не щипати:
Бо калиновый цвить—Ганнино личко,
А на гори терень—Ганнини очи.

брачныхъ, мостили калиновые мосты ¹⁾). Точно то же поется и о пути новобрачныхъ въ домъ жениха изъ дома невесты ²⁾). Другой случай, гдѣ является калиновый мостъ—жалоба состарѣвшейся дѣвицы на то, что ея молодяя лѣта минули. Она хочетъ догнать свои молодяя лѣта. догоняетъ ихъ на калиновомъ мосту и проситъ ихъ прибыть къ ней, хотя на часикъ, въ гости ³⁾). И тамъ, и здѣсь калиновый мостъ—символь молодой, здоровой, веселой жизни. Калиновая стрѣла упоминается въ одной пѣснѣ, въ которой описывается поединокъ между поповымъ и вдовинымъ сыновьями за дѣвицу ⁴⁾).

Вишня нѣсколько разъ является также женскимъ символомъ, хотя не въ такой степени, какъ калина. Часто вишня означаетъ дѣвицу ⁵⁾), иногда убогую и красивую ⁶⁾). Дѣвица чародѣйка, очаровавшая козака, сравнивается съ кудрявою вишнею-черешнею ⁷⁾). Произрастаніе ягодъ на вишнѣ сопоставляется съ дѣвичьюю веселостью ⁸⁾). Дѣвицѣ нельзя ходить на улицу гулять, какъ вишнѣ родить ягодъ за холодомъ. Заочинивая дѣвицу къ веселости, обращаются къ зеленой вишнѣ ⁹⁾). Но вишня сопоставляется также и съ замужнею женщиною: вишня не пускаетъ листьевъ зимою, женщина плачетъ оттого, что у нея невѣрный другъ ¹⁰⁾). Вишня сопоставляется также съ матерью и притомъ въ известной намъ пѣснѣ — съ убогою, подобно тому какъ дѣвица убогая сравнивается съ вишнею ¹¹⁾).

1) А до того посаду пишного
Мостить мости калинови.

2) Помостили мости

Зъ калиновой трости...

(Метл. 229).

3) Ой нагнала лита мои на калиновимъ мости,

Ой вернитесь, вернитесь, хочъ на часокъ въ гости! (Метл. 364).

4) То тоби, поповичу, тая дивка:

Въ твоимъ сердци калинова стрилка.

Ой вдовинъ синь, дарюю тоби дивку;

Вийми зъ серденька калинову стрилку.

Ой якъ тяжко каминь підіймати,

Тяжче калинову стрилку виймати

5) Ой якъ вишня, якъ черешня ягідками рясна;

Молоденька дивчинонька на личенько красна.

6) Богата, губата, та ще къ тому пишна,

Убога, хороша якъ у саду вишня.

7) Ой вишенько, черешенько, верхомъ кучерява,

Дивчинонька козаченька та й причаровала.

8) Ой вишенько, черешенько, чомъ ягідъ не родишь?

Молодая дивчинонька, чомъ гулять не ходишь?

Ой якъ мни та родити та за холодами;

Ой якъ мни гулять ходити та за воротами.

9) Рости, рости, вишенька, бо ти зелененька.

Гуляй, гуляй, дивчинонько, поки молоденька.

10) Ой вишенько, черешенько, чомъ листь не пуцаешь?

Молодая молодице, чого слѣзы проливаешь?

Ой я листу не пускаю, бо лютую зиму маю;

Ой я слѣзы проливаю, невирного друга маю.

11) Ой у саду вишня ягідки зродила;

Я зъ тобою, мій миленькій, диточокъ сплудила.

Въ пѣсняхъ встрѣчается и вишневый садикъ. Онъ—принадлежность жилища дѣвicy 1) и ея любимое мѣстопробываніе. Тамъ она чешетъ свою косу 2), поливаетъ и рветъ свои цвѣты, тамъ происходятъ и любовныя свиданія 3). Вишневый садикъ—принадлежность хозяйственного комфорта. Старикъ, уговаривая молодую женщину полюбить его, общается ей въ числѣ разныхъ удобствъ и вишневый садикъ 4).

Береза—также женскій символъ; она особенно означаетъ замужнюю женщину и, между прочимъ, мать. «Вчера была красная калина, теперь стала бѣлая береза», поется о вышедшей замужъ дѣвушкѣ 5). Есть пѣсня о превращеніи въ березу замужней женщины, которая терпѣла много отъ свекра, прекравшаго ее каждымъ кускомъ хлѣба. Ея отецъ отправился рубить березу и узналъ въ ней свою дочь 6). Но есть другое превращеніе—утонувшей особы женскаго пола,—пѣсня, напоминающая Ганну и чуть ли не составляющая ея видоизмѣненія. «Братъ говорилъ сестрѣ: не становись на доску... Она не послушалась и утонула; а какъ утонула, сказала три слова: не руби, братецъ, бѣлой березы, не коси шелковой травы, не рви чернаго терна: бѣлая береза—это я, молодая, шелковая трава—моя русая коса, а чернѣй терень—мои карія очи» 7).

Ой у саду вишенька помижъ вишеньками;
Що я бидна зроблю зъ моими диточками.

1) А въ неи зъ синечекъ, та двое дверечекъ
У вишневый садочокъ.

2) У садочку черешенька,
А лидь нею дивчинонька
Русу косу чесала.

3) Почувала ничку въ вишневымъ садочку,
И зъ тобою, сивий соколочку.

4) Куплю тобі хатку, та ще й синожатку,
И ставокъ, и млянокъ, и вишневый садокъ.

5) Вчора була червона калина,
А теперь стала бѣлая береза.

6) Ось иде батенько берези рубати.
—Не рубай, батеньку, бѣлой берези,
Бо я не березонька—я твоя дитинонька!—
„Ой, коли дитина, чого такъ збила,
А коли береза, чого засмутила?“
—Я въ батька була—чорвона калина.
А въ свекра стала—бѣлая береза!

Замужній хлѣбъ добрый, тильки що вимовний;
Хто ёго роскусить, той плакати мусить;
Вкровоъ свекоръ дусту, якъ кленового лиогу,
Питається мене—чи злиси, невиско?
Не збила у хати, зъйла за дверима,
Не збила сухою, облила слизами!

7) Казавъ братъ сестрици: не становись на кладку!
Сестрици не слухала, на кладку ступила,
Кладка схитнулася, сестрици втонула,
Якъ потопала, три слова сказала:
„Не рубай, братику, бѣлой березоньки,

Въ рекрутской пѣснѣ береза, опускающая вѣтви, сопоставляется съ матерью, оплакивающею сына, котораго отдають въ солдаты ¹⁾. Дѣвица, уходя изъ родительскаго дома, срываетъ вершину съ березки и примѣняетъ ее къ своимъ родителямъ, остающимся безъ нея ²⁾. Женщина, идущая къ матери на совѣтъ, обращается къ березѣ по противоположенію символа тому, что онъ изображаетъ ³⁾.—Береза поставляется къ дубу, какъ мать къ сыну ⁴⁾ или сыновьямъ.

Вѣроятно, въ смыслѣ же символа матери береза является въ такомъ образѣ: подъ березой сидитъ братъ съ сестрою,—братъ богатый, сестра бѣдная,—и сестра говоритъ брату: «одна насъ, братъ, мать родила, да не одно счастье намъ дала: тебѣ—роскошь, а мнѣ—горе» ⁵⁾. Въ такомъ же значеніи символа матери въ одной галицкой пѣснѣ береза сопоставляется съ печальною матерью, которая носить на рукахъ плодъ беззаконной любви ⁶⁾.

Иногда береза примѣняется и къ дѣвицѣ. Со срубленною березою сравнивается невѣста ⁷⁾, а съ наклонившеюся березою ⁸⁾ дѣвица, плачущая по ми-

Не коси, братику, шовковой травы,
Не зривай, братику, чорного терну:
Бѣлая березонька—то я молоденька,
Шовкова трава—то моя руса коса,
Чорный терень—то мои карі очи.

1) Годи, берези, зеленій стояти,
Пора тобі, березо, гилья опускати;
Беруть, березо, молодця въ солдати;
За нимъ плаче его стара мати.

2) Ихала дивочка зъ нидь винця,
Зломала береаку зъ верхивця.
Стій, моя березко, безъ верха,
Живи, моя матинко, безъ мене.

3) Ой березо, березо,
Не стій край дороги,
Не шуми по диброви,
Бо я туди йтиму
До матинки на порадю.

4) Ой дубъ до берези верхомъ похилився;
Козаченько свой неньци низько поклонився.

5) Ой у поли нидь березою,
Тамъ сидитъ братъ зъ сестрою...
Одна насъ, брате, мама породила,
А не одно намъ счастья вдарила:
Тоби, брате, панованья, а мині злидни...

6) А тамъ доловъ, на долини береза стояла;
Смутна мати на рученькахъ дитину тримала:
На поляни, на поляни шугай траву косить,
За шугаємъ смутна мати дитиноньку носитъ. (Чт. 1866. III. 707).

7) Мовила береза диброви:
Не стій, диброво, зашуми,
На мене, березу, не дивись:
Бо я сѣгодня била й зелена,
А завтра буду зрубана.

8) Зелена березонька похилилася;
Дивчинонька за милимъ зажурилася.

ломъ. Нигдѣ не встрѣчается любовнаго свиданія подъ березою, но есть случаи потери дѣвства; въ одной пѣснѣ поется: «подъ бѣлою березою дѣвица стояла, хорошая, чернява, бѣлолица» ¹⁾, а потомъ описывается, какъ ее соблазняютъ и увозятъ. Въ другой пѣснѣ дѣвица сознается, что потеряла свой вѣнокъ, то-есть свое дѣвство, подъ березою ²⁾.

Мы знаемъ двѣ пѣсни, въ которыхъ береза представляется говорящею — въ одной съ дубомъ, въ другой съ кукушкою. Въ первой — береза хвалится своей корою, широкими листьями, высокими вѣтвями, а дубъ говоритъ ей, что это все не она себѣ дала, а дали ей солнце, вѣтеръ и дождикъ ³⁾. Въ свадебной галичкѣ пѣснѣ съ березою, которая также хвалится своими достоинствами, сопоставляется дѣвица, которая хвалится своими косами, а дружки приписываютъ ей красоту попеченіямъ матери ⁴⁾. Въ другой пѣснѣ, гдѣ изображается разговоръ кукушки съ березою, кукушка спрашиваетъ: «что это ты, береза, не зелена?» Береза отвѣчаетъ: «какъ же мнѣ быть зеленою? Подо мною стояли татары; они обрубали вѣтви своими саблями, потоптали землю конскими подковами, доставали ключевой воды, поили своего пашу и говорили: паша, нашъ капитанъ, пойдемъ въ темный лѣсъ за ляхами. Эти ляхи — коварные люди; какъ поймаетъ, такъ мы ихъ на висѣлицу ⁵⁾».

1) Пидъ билою березою дивчина стояла,
Хороша, чорнява, личкомъ билава.

2) Утратила свій виночокъ
Пидъ билою березою,
Не пьяною, тверезою.

3) Ой хвалилася березонька,
Що на мині кора та билесенька,
Що на мині листя та широкее,
Що на мині гилья та високее.
Ой обизветься зелений дубочокъ:
Ой не хвалися, била березонька;
Не ти свою кору вибилала,
Не ти свое листя широчила,
Не ти свое гилья височила.
Вибилало кору яснее сонце;
Широчивъ листя буйний витерь;
Височивъ гилья та дрибний дождчикъ!

4) Не хвалися, дивочко, своими косами:
Не ти ихъ, дивочко, викохала,
Викохала ихъ ридна матинка.

5) У поли береза стояла;
На тій берези зозуля кувала;
Зозуля берези питала:
Чому ти, березо, не зелена?
— Ой якъ же мині зеленою бути:
Пидо мною татары стояли,
Шабельками гилья обтинали,
Пидкивками землю трахували,
Кирничной води добували,
Въ криштолови шклянки наливали,

Береза, по народному вѣрованію.—любимое дерево русалокъ; онѣ любятъ качаться на березѣ ¹⁾.

Къ женскимъ символамъ принадлежитъ *лещина* (орѣшникъ), встрѣчаемая въ пѣсняхъ, хотя и не часто ²⁾. Въ одной пѣснѣ лещина противопоставляется дубу, который, сообразно своей постоянной символикѣ, здѣсь ясно означаетъ молодца ³⁾. Въ козацкой пѣснѣ молодецъ, уѣзжая въ степь, говоритъ своимъ роднымъ, что ему вымоютъ голову дожди, а расчешетъ лещина, иронически выражая ту мысль, что, лишенный попеченія любимой женщины, онъ будетъ довольствоваться тѣмъ, что изображаетъ женщину ⁴⁾. Орѣхъ—символь приглашенія къ любви ⁵⁾.

Къ разряду женскихъ символовъ можно причислить и *тополь*. Есть пѣсня о превращеніи въ тополь женщины, заклѣтой злою свекровью, въ отсутствіе сына. Возвратившись домой, сынъ спрашиваетъ мать, куда она дѣла его жену. Мать отвѣчаетъ: пошла пасти стадо въ поле. Сынъ говоритъ: «изъѣздилъ я Польшу и всю Украину, да невидалъ такого тополя, какъ у насъ на полѣ. Отъ яснаго солнца не краснѣетъ, отъ буйнаго вѣтра не чернѣетъ» (иначе: отъ буйнаго вѣтра не качается, отъ яснаго солнца не окрашивается).—«Возьми, сынокъ, острый топоръ, руби тонкій тополь въ полѣ».—Какъ ударилъ первый разъ, дерево зашумѣло, ударилъ въ другой,—издало гулъ, похожій на человѣческую рѣчь, а какъ ударилъ въ третій,—оно проговорило: «не руби меня, я—твоя милая. Это мать твоя такъ намъ надѣлала: маленькихъ дѣтокъ осиротила, тебя вдовцомъ сдѣлала» ⁶⁾. Есть еще иная легенда о превращеніи женской лич-

Та своего башу наповали—

— Ой ти башо, нашъ конитане!

Ходимо въ темній лугъ за ляхами;

А твѣ ляшки зрадливи люде;

А якъ піймаемо—шибениця буде!

¹⁾ На грѣній неділи

Русалки сиділя...

Сиділи русалки

На кривій берези.

²⁾ Зашуміла лещинонька,

Заплакала дивчинонька.

Или:

Зеленая лещинонька видь сонця зав'язла;

Невірная дружина свить зав'язала.

³⁾ Таки дубъ, таки дубъ, таки не лещина;

Прибувавъ, ночувавъ хлопецъ молодчина.

⁴⁾ Мене, мати, змиють дожди,

А висушать буйни витри,

А розчеше густая лещина:

О тожъ моя любая дивчина!

⁵⁾ Вийду за ворота, роскушу оришокъ,

Роскушу оришокъ, та вийму ядерце:

Вийди, вийди, дивчино, потишь мое сердце!

⁶⁾ Мати сина та оженила

Молоду невестку та зненавидила.

Ой послала мати сина въ далеку дорогу,

ности въ тополь. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малороссіи есть обычай «вести тополю», обыкновенно отправляемый на троицной недѣлѣ. Дѣвицы избирають изъ среды своей подругу, привязываютъ ей поднятыя вверхъ руки къ палкѣ и водятъ съ припѣвами ¹⁾. Быть можетъ, этотъ обычай въ темной области міеологіи окажется въ связи съ великорусскою березкою, но въ малорусскомъ народѣ соединяется съ нимъ преданіе, что въ тополь превратилась дѣвушка, ожидавшая своего жениха въ степи на могилѣ (на курганѣ). Только при такомъ значеніи дѣлается понятнымъ въ припѣвахъ приглашеніе, обращенное къ тополю: «не развивайся!» Дѣвицы какъ будто хотять удержать ее отъ превращенія въ дерево. Слова: «не поддавайся буйному вѣтру» — заставляютъ предполагать, что, вѣроятно, силѣ вѣтра приписывалось самое превращеніе, какъ и теперь народное вѣрованіе приписываетъ вѣтру всякаго рода измѣненія съ человѣкомъ. Достойно замѣчанія, что и въ другихъ пѣсняхъ встрѣчаются сближенія вѣтра и тополя. Въ галицкой пѣснѣ поется, что буйные вѣтры вѣяли на тополь, но не свѣяли съ него листьевъ, пока не повѣялъ восточный вѣтеръ; такъ точно много молодцовъ ухаживало за дѣвицею, но никто ее не взялъ, пока не явился женихъ ²⁾. Въ другихъ пѣсняхъ тополь является при разныхъ положеніяхъ жен-

Молоду невестку у поле до льону.

Випроважала та й заклінала:

„Не виберешь льону—не приходи до дому.

Та стань у поли тонкою тополю!“

Ой прихавъ синь зъ далекои дороги,

Та й поклонився матери въ ноги.

„Матусю, матусю, де дила Марусю?“

— Не схотила, синку, у доми робити,

Пишла у поле стадечка глядити.—

„Изъїздивъ я Польщу и всю Украину,

Та не бачивъ тополи, якъ на нашихъ поли;

Одъ ясного сонця не почорвоніе,

Одъ буйного витру та не почорніе“.

(Иначе:

Одъ буйного витру та не колихається,

Одъ ясного сонця та не викрашається).

— Ой бери, синку, гострую сокиру,

Та рубай въ поли тонкую билину.—

Ой першій разъ цюкнувъ—вона зашумила,

Другий разъ цюкнувъ—та загомонила,

Третій разъ цюкнувъ—вона промовила:

„Не рубай мене, бо я твоя мила,

Се твоя матуся намъ такъ поробила,

Маленькі дити та посиротила,

Тебе, молодого, вдивцемъ нарядила“.

¹⁾ Стояла тополя край чистого поля.

• Стій, топоменько, не розвивайсь,
Буйному витроньку не поддавайсь!

²⁾ Една була тополонька въ тимъ сади,
Една була дивчинонька въ тимъ доми.
Буйніи витри віяли,

ской жизни. Напр., двѣ дѣвцы сопоставляются съ двумя тополями ¹⁾; замужняя женщина говорить, что отецъ делѣялъ ее когда-то какъ бѣдую тополь ²⁾ и свое несчастное замужество сравниваетъ съ рубленіемъ тополя ³⁾. Женщина, скучая въ чужой сторонѣ, жалуется, что ей не съ кѣмъ побесѣдовать, а мужъ говорить ей, чтобъ она пошла побесѣдовать къ двумъ тополямъ. «Уже я ходила и говорила, — отвѣчаетъ жена, — да ничего мнѣ не сказалъ тополь, не развеселилъ моего сердца ⁴⁾: здѣсь тотъ смыслъ, что женщинѣ хочется побесѣдовать съ женщинами, а мужъ въ насмѣшку указываетъ ей на тополь именно оттого, что въ его народномъ поэтическомъ воззрѣніи тополь символизируетъ женщину.

Грабина (грабъ—*carpinus betulus*), несмотря на то, что очень обыкновенное дерево въ лѣсахъ правой стороны Днѣпра, встрѣчается, однако, сколько намъ извѣстно; только въ одной пѣснѣ, которая есть не что иное, какъ вариантъ пѣсни о превращеніи женщины въ тополь, только тополь замѣняется грабиною ⁵⁾.

Зѣ тополи листу не звіяли:
Ажъ восходовий витерь повіявъ,
Уси хлопци за дивчиною вважали,
А дивчиноньки не взяли.
А Ивасенько якъ наваживъ,
То й дивчиноньку соби взявъ.

1) Ой у поли дви тополи одна другу перехилуе;
У городи дви дивчини—одна другу перенитуе.

(Лавр. 113).

2) Кохавъ мене батько якъ билу тополю..

3) Та було бѣ не рубити билон тополи,
Було бѣ не давати до тяжкой неволи.

4) Чоловиче мій, дружино моя,
Вже я ходила, вже говорила.
До мене тополи не промовила,
На сердци печали не розвеселила.

5) У поли крапивонька жалливал,
У меня свекруха сварливал!
Журила невестку день и ничь:
„Иди, невестко, одъ мене причь!
Иди дорогою широкою,
Та стань у поли грабиною,
Тонкою, та високою.
Кудрявою, кучерявою.
Туди итима мій синъ зъ виська,
Буде на тебе дивитися,
Прийде до дому хвалитися“.—
— Ой я, матинко, и свить пройшовъ,
Та не бачивъ дива дивнишого,
Якъ у поли грабинонька
Тонка, та висока.
Кудрява, кучерява.—
„Ой бери, синку, гострую сокиру,
Та рубай зъ кориня грабину“.
Перший разъ цюкнувъ—биле тило,
Другий разъ цюкнувъ—кровъ дзюрнула,

Липа встрѣчается въ пѣсняхъ чрезвычайно рѣдко, хотя это дерево не только повсюду растетъ, но и любимо въ домашнемъ быту. По одной купальской пѣснѣ можно ее примкнуть къ женскимъ символамъ. Она изображается утопающею и проситъ помощи у дуба, но дубъ говоритъ, что пусть ей помогаетъ кленъ, потому что онъ живетъ съ ней ¹⁾. Въ одной пѣснѣ событіе о превращеніи женщины въ дерево отнесено къ липѣ (см. ниже о яворѣ). Въ другой, петровочной, подъ липою происходитъ свиданіе и разговоръ козака съ сироткою семилѣткою, загадывающею ему загадки ²⁾. Эта семилѣтка должна быть русалка, такъ какъ въ другой пѣснѣ подобныя загадки загадываетъ русалка дѣвицѣ.

Дубъ—символь мужескій. Въ пѣсняхъ онъ постоянно означаетъ мужчину, преимущественно молодца. Въ купальскихъ пѣсняхъ прямо означаются красною калиною—дѣвицы, а зелеными дубами—молодцы ³⁾. Во многихъ пѣсняхъ дубъ

Третій разъ цокнуть—проговорила:

„Не рубай мене, зелененькую,
Не розлучай мене, молоденькую!
Не рубай мене зъ гилочками,
Не розлучай мене зъ диточками,
У мене свекруха розлушиница:
Розлучила мене зъ дружиною
И зъ маленькою дитиною!“

¹⁾ Ой на рици на Дунаи,

Тамъ липонька потонае:
Та на верхъ гилочка впливае,
Вона дубочка прикликае:
Та подай, дубочку, хочъ гилочку!
Та нехай тоби кленокъ дае,
Що винъ зъ тобою вирно живе.

²⁾ У городи видъ липкою

Стоявъ козакъ зъ сириткою,
Сириткою—семилиткою.
Куди идешъ, произжаешъ,
Чи загадки не вгадаешъ?
А що росте безъ кориня?
А що вьється по дереву?
А що бижить безъ прогону?
А що свитить круту гору?
А що гріе безъ жарости?
А що лежить кинця нема?
Козаченько одгадуе:
Каминъ росте безъ кориня,
А хмель вьється по дереву,
Вода бижить безъ прогону,
Мисяць свитить круту гору,
Сонце гріе безъ жарости;
А шляхъ лежить—кинця нема.

³⁾ Та йшли дивочки та по ягідочки;
Червоная каливонька—то дивочки;
Зелені дубочки—то парубочки.

сопоставляется съ различными положеніями молодца, напр., съ дубомъ зеленымъ сравнивается прѣзжавшій къ женщинѣ и ночевашій у нея молодецъ ¹⁾). Густые листья на дубѣ—слова ²⁾ и мысли козака ³⁾, а опаденіе листьевъ—его безразсудство ⁴⁾. Съ печальнымъ козакомъ сопоставляется дубъ наклоненный ⁵⁾ или прибитый грозой ⁶⁾. Образъ дуба до того сроднился съ образомъ молодца, что дѣвица, заблудившись въ лѣсу, думаетъ сначала, что передъ нею дубъ, а оказывается молодой лѣсникъ ⁷⁾. Двое пирующихъ мужчинъ сопоставляются съ двумя дубами ⁸⁾.

Сухой дубъ сопоставляется съ козакомъ, котораго постигаетъ невзгода, напримѣръ, походъ, разлучающій козака съ его возлюбленною ⁹⁾, а также съ дурнымъ ¹⁰⁾ или съ развратнымъ ¹¹⁾ молодцомъ; сухой дубъ противопоставляется зеленому, какъ немилый человекъ милому ¹²⁾.

Такъ какъ вообще въ пѣсняхъ природа часто радуется вмѣстѣ съ человекомъ и раздѣляетъ его горе, то и дубъ представляется въ близкихъ отноше-

1) Ой дубъ, таки дубъ,
Таки зелененькій;
Прибувавъ, ночувавъ
Хлопецъ молоденькій!

2) Ой ти дубе кучерявий, гилья твое рясне,
Ой козаче молоденькій, слово твое красне!

3) Ой ти дубе кучерявий, рясный листъ на тоби;
Ой козаче, молоденький розумъ у тебе.

4) Ой ти дубе кучерявий, широкий листъ онаде,
Дурний козакъ молоденькій—безъ розуму пропаде.

5) Зелений дубе, чего похилився?
Молодий козаче, чего зажурився?

6) Чомъ дубъ не зелений? Листъ туча прибила.
Козакъ невеселый—лихая година.

7) Яжъ думала, то дубъ зелененькій,
Ажъ то стоить гайдаи молоденькій.

8) Похилився дубъ дубови;
Поклонився кумъ кумови,
За любую гостинуюку,
За красную бесидуюку!

(Чт. 1864. I. 138—139).

9) Розвивайся, сухой дубе, завтра морозъ буде;
Убирайся, козаченьку, завтра походъ буде.
Я морозу не боюся, таки розвивюся;
Я походу не боюся, вранци уберуся.
Таки зъ своєю дивчиною та попрощаюся.

10) Сухий дубъ, сухой дубъ, сухой не зелений,
На що мене полюбивъ, коли ти мерзеный.

11) Якъ изъ тебе, сухой дубе, зелений не буде,
Такъ изъ тебе, пройдисвите, господарь не буде.
Пройдисвите, зайдисвите, вси дороги знаешъ,
На которе мисце прийдешь, то дивчину маешъ.

12) Сухий дубъ на долини, а зелений въ лиси,
Мене мати годувала, якъ ластивку въ стриси;
Мене мати годовала, въ папиръ завивала,
Молодими вибирала, за нелюба дала.

ніяхъ къ сердечнымъ ощущеніямъ человѣка. Въ любовныхъ пѣсняхъ говорится: когда мы сошлись и полюбили другъ друга, тогда сухіе дубы развивались, а когда мы разошлись, то и зеленые и молоденькіе усохли ¹⁾).

Козакъ относится къ дубу, какъ къ мыслящему существу и спрашиваетъ: будетъ ли ему принадлежать любимая дѣвица ²⁾. Въ одной пѣснѣ дубъ противопоставляется отцу, а береза матери; сирота въ чужой сторонѣ говорить, что ему не къ кому пріютиться: пріютится онъ къ дубу, а дубъ—не батюшка; пріютится къ березѣ, а береза—не матушка ³⁾. Въ галицкой пѣснѣ съ паденіемъ дуба на дубъ сопоставляется ссора, возникшая у молодца съ его матерью ⁴⁾.

Есть въ народной поэзіи образъ—голубь, сидящій на дубѣ; въ одной пѣснѣ любовнаго содержанія голубь сидитъ на дубѣ—на мужескомъ деревѣ, а голубка на женскомъ—на вишнѣ ⁵⁾. Въ другой—голубь своимъ гудѣньемъ, сидя на дубѣ, предсказываетъ козаку грозящее ему безчестье ⁶⁾. Въ третьей описывается, какъ на дубѣ сидѣли два голубочка, потомъ снялись и полетѣли ⁷⁾. Въ иной пѣснѣ подъ дубомъ сидѣлъ голубь съ голубкою ⁸⁾; вдругъ козакъ убилъ голубя, а голубка тоскуетъ. Подобныхъ образовъ сидѣнія голубей на дубѣ можно привести еще нѣсколько: они замѣчательны потому, что имѣютъ соотношеніе съ тѣми двумя голубями, которые представляются сидящими на двухъ дубахъ, стоящихъ посреди моря ⁹⁾ (см. ниже о голубѣ). Это обломокъ мѣа о всемірномъ

¹⁾ Якъ ми зъ тобою спизналися,—

Сухи дуби розвивалися;

А якъ кохатися перестали,—

То й однолѣтки повсихали.

(Чт. 1864. IV. 338).

²⁾ Ихавъ козакъ черезъ байракъ—помагай Бигъ, дубе,

Ой чи моя, чи не моя дивчинька буде?

³⁾ Прихилиюся й къ дубочку

А дубочокъ та не батенько;

Прихилиюся й къ берези,

А береза та не матинка.

⁴⁾ Дубъ на дуба повалився;

Синь зъ мамкою посварився.

(Чт. 1870. IV. 196).

⁵⁾ Сидить голубъ на дубочку,

Голубка на вишни;

Скажи минн, мое сердце,

Що маешъ на мисли.

⁶⁾ Подивлюся я на дубъ чорними очима,

А на дубоньку сивъ голубонько гуде;

А на козака неславенька буде.

⁷⁾ Ой на дубоньку два голубоньки

Цлювалися, миловалися,

Сизими крилечками обіймалися;

Знялись вони полетили...

⁸⁾ Пидъ дубиною, пидъ зеленою,

Сидить голубъ и зъ голубкою...

⁹⁾ Колись то було зъ початку свита,

Тоди не було неба, ни земли,

Неба, ни земли, немъ сине море,

А середъ моря та два дубойки,

деревъ, составляющемъ одну изъ крупныхъ чертъ первобытной арийской мифологии и отразившемся, между прочимъ, въ додонскомъ дубѣ древней Греціи, который кажется особенно близкимъ къ нашимъ дубамъ, такъ какъ здѣсь и тамъ играютъ роль голуби.

Въ малорусской поэзіи есть одна нерѣдкая форма—письмо, написанное на древесномъ листѣ и посылаемое къ роднымъ или близкимъ. Дубовый листъ упоминается при такомъ оборотѣ. Дѣвушка, потерявшая невинность, хочетъ извѣстить отца о своемъ несчастіи посредствомъ такого письма ¹⁾.

Кленъ (клинь-дерево) встрѣчается въ пѣсняхъ не часто, но изъ немногихъ мѣстъ видно его значеніе также въ качествѣ мужескаго символа. Съ кленомъ, разрастающимся въ разныя стороны раскидисто, сравнивается козакъ, ухаживающій за дѣвицею и не обращающій вниманія на людскіе толки ²⁾. Въ одной козацкой пѣснѣ съ кленомъ сопоставляется предводитель отряда, котораго козаки похоронили, а съ опаденіемъ листьевъ съ клена—собственная гибель этого отряда безъ начальника ³⁾. Развитіе клена—прибытіе сына къ отцу, или ожиданіе отца ⁴⁾. Въ любовныхъ пѣсняхъ дѣвица поетъ, что клень зеленѣетъ тамъ, куда проѣзжаетъ ея милый, и вянетъ тамъ, куда проѣзжаетъ немилый ⁵⁾. Но въ пѣсняхъ болѣе играетъ роль кленовый листъ, чѣмъ само

Сили унали два голубойки,
Два голубойки на два дубойки.

¹⁾ Пливи, доле, за водою,
А я у слидъ за тобою;
Допливемо до дубчика,
Та вирвемо по листочку,
Та спишемо по письмечку,
Та пошлѣмо до батенька:
Нехай батько не турбуе,
И виночка не готуе;
Я свій винокъ утратила и пр.

²⁾ Ой у поли клинь-дерево ризно,
Ходить козакъ до дивчини ризно.
Ой не ходи, козаче, до мене:
Буде слава на тебе й на мене.
Я неслави по виць не боюся:
Кого люблю, стану—обіймуся.

³⁾ Росло, росло клинь-дерево, та у гору високо;
Закопали отамана въ сиру землю глибоко.
Росло, росло клинь-дерево, та й ставъ листь опадать,
Зосталися гайдарики, сами стали пропадать.

⁴⁾ Клинь-дерево розвивається:
Батько сина сподивається.

⁵⁾ Ой куди мій нелюбий поихавъ,
Ой туди трава полегла,
И клинь-дерево зовьяло,
И* мое серденько зостряло.
Куди мій миленький поихавъ,
Ой туди трава вже повкова,
И клинь-дерево зелено
И мое серденько весело.

дерево кленъ. Въ веснянкѣ дѣвица хочетъ написать на кленовомъ листѣ письмо къ отцу и просить его дозволенія погулять ¹⁾). Дѣвица хочетъ закрыть кленовымъ листомъ слѣдъ своего милаго, чтобъ ея милаго другіе не любили ²⁾ (здѣсь, вѣроятно, разумѣется извѣстный способъ привораживанія посредствомъ слѣда). Съ кленовымъ листомъ сравнивается судьба новобрачной, удаленной отъ родительскаго дома ³⁾). Старикъ, вспоминая о своихъ молодыхъ лѣтахъ, спрашиваетъ: не завились ли они въ кленовый листъ ⁴⁾ и не полетѣли ли въ лѣса.

Въ пѣснѣ, въ которой разсказывается, какъ дѣвица, шедшая съ водою, прогнѣвила Бога, ходившаго по землѣ, тѣмъ, что не дала ему воды и назвала воду нечистою, она говоритъ, что въ воду нападало кленовыхъ листьевъ ⁵⁾).

Въ щедровкахъ поется, что на кленовомъ листѣ написаны имена солнца, луны и звѣздъ, которыя означаютъ хозяина, хозяйку и дѣтей ⁶⁾). Въ пѣсняхъ того же разряда говорится о томъ, что чрезъ село везли кленъ; изъ него дѣлается церковь, въ которой три хоругви, принадлежащія молодцамъ, называемымъ по имени: имъ въ честь колядуютъ ⁷⁾). Всѣ эти неясныя черты о кленѣ

1) Ой пиду я въ зеленый листь,
Та вищилю кленовий листь,
Та вишлю пислоньки до батенька:
Чи звелить батенько гуляти.

2) Ой пиду я у лисочокъ,
Вирву кленовий листочокъ,
Та прикрию слидочокъ,
Щобъ не припавъ слидочокъ,
Щобъ пташечки не ходили,
И слидочкивъ не зробили,
Щобъ мого голуба сивого
Инши не любили.

3) Кленовий листочокъ!
Куди тебе витьеръ несе
Чи въ гору, чи въ долину,
Чи въ чужую украину?
Молода дивчинонька!
Куди тебе батько оддае.
Чи мижъ турки, чи мижъ татари,
Чи въ чужую землю
У великую семью?

(Метл. 222).

4) Лита мои молодіи, де ся ви подили?
Чи завились въ кленовий листь та въ лись полетили?

5) Бо вода есть нечиста.
Нападало зъ клѣну листа.

6) Ой по рици, по осоци
Тамъ плавае кленовъ листокъ,
На тямъ листу написано
Три письмечка:
Первое письмечко—ясень місяць,
Друге письмо—ясне сонце,
Третье письмо—ясни зори.

(Метл. 342).

7) Черезъ наше село
Клинь-дерево везено

и о кленовомъ листьѣ указываютъ, что съ этимъ деревомъ соединялись нѣкогда особья представленія, теперь уже угасшія и оставшіяся только въ обломкахъ.

Виноградъ—символь дѣвческаго состоянія, молодости, а также веселости и благоденствія. Дѣвица у родителей проводитъ веселые дни юности для того, чтобы достаться мужу: это выражается образомъ разведенія винограда. Виноградъ ея вытопчетъ женихъ съ боярами. Дѣвицѣ жаль его. «Не жалѣй винограда, говоритъ ей отецъ,—пожалѣй о своихъ молодыхъ лѣтахъ. Минетъ твое веселое житье у батюшки» ¹⁾). Подъ виноградомъ дѣвица рядится и любитъ своимъ нарядомъ ²⁾). О дѣвицѣ-красавицѣ говорится, что она родилась въ саду и выросла въ виноградѣ ³⁾). Дѣвица разговариваетъ съ своимъ виноградомъ и проситъ его расти, цвѣсти, родить ягоды, если она пойдетъ за милого, и, напротивъ, не расти, не цвѣсти и не родить ягодъ, если ей суждено идти за немилото ⁴⁾). Вѣнокъ изъ виноградныхъ листьевъ, означающій дѣвичество, представляется пущеннымъ по водѣ: кто его поймаетъ, тотъ дѣвицу до-

Високе, зелене,
А зъ того деревци
Висока церкивця,
А у тій церкивци
Три корогивци.

- ¹⁾ Ой ходила дивочка по городу,
Та садила соби виноградъ изъ приноду,
Та забула воритечки зачинити,
Та мусила свого батенька упросити:
Ой зачини, мій батенько, ворота,
Не пускай Ивасенька зъ боярами,
Бо витопче садъ-виноградъ погами.
Ой не жалуй, дитя мое, сихъ виновихъ вить,
Та пожалій, дитя мое, молоденькихъ литъ,
Шо винні квіточки зростуться,
Батенькови роскоши минуться.
- ²⁾ Передъ воритьми виноградъ росте,
А зъ нидъ винограду та вода тече:
Тамъ Марусенька билася,
Свого батенька просилася,
Чи хорошенько вбралася.
- ³⁾ Вона въ саду родилася, въ винограду зрела.
Моли Бога, молодой козаче, щобъ за тебе пішла.
- ⁴⁾ Ой у городи виноградъ сажень,
Ой хто его «садивъ? Молода Маруса,
А садючи та говорила:
Винограде, виноградочку,
Якъ не піду я за милого замижъ,
Винограде, не приймайся,
У виточки не ропускайся;
А якъ піду за милого замижъ—
Винограде, приймайся,
У виточки ропускайся!

будеть ¹⁾). Прибытіе жениха изображается еще и въ образѣ сокола, прилетѣвшаго въ садъ, гдѣ растеть виноградъ,—тамъ онъ ищетъ голубки ²⁾).

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ показывается, что народное поэтическое міровоззрѣніе соединяетъ съ виноградомъ представленіе о благоденствіи. Такимъ образомъ, въ одной свадебной пѣснѣ говорится, что виноградъ стелется на доброе житье новобрачнымъ ³⁾. Въ одной галицкой колядкѣ виноградъ—символь семейнаго счастья и зажиточности. Отецъ и мать дѣвицы и сама дѣвица, которая садитъ виноградъ, называются виноградными ягодами; дѣвицѣ желаютъ выйти за поповскаго сына (идеаль болѣе богатого быта для земледѣльцевъ), чтобы не работать, пить медь-вино, да ключами позванивать, т. е. надзирать за хозяйствомъ ⁴⁾. Виноградъ — также образъ пиршества и праздника. Дѣвица бережетъ виноградъ и отгоняетъ отъ него райскихъ птичекъ, потому что для ея семьи онъ нуженъ на свадьбу: для женитьбы молодыхъ и для выдачи замужъ дѣвицы ⁵⁾).

¹⁾ По садочку хожу,

Виноградъ сажу,

А посадивши поливаю,

А поливши нащипаю,

А нащипавши винка зивью,

Винка зивью, на воду пуцу.

Хто винка пійме, той мене визьме.

²⁾ Летить, летить соколонько черезъ садъ,

Та вдарився крилечками нъ виноградъ,

Та вдарився крилечками та й питае:

Чи тутъ моей голубоньки не має.

³⁾ У вишневи́мъ саду виноградъ стелеться,

Нашимъ диткамъ на добрий бить стелеться. (Гильтебр. 207).

⁴⁾ Садъ підмитала, грядки копала,

Грядки копала, вино садила,

Вино садила, слово мовила;

Ой рости, вино, тонко, високо,

Тонко, високо—въ корні глибоко.

Ой не зродило но три ягодо́йци:

Перша ягодо́йка—еи матейка,

Другая ягодо́йка—еи батейко,

Третя ягодо́йка—сама молода,

Сама молода заручена...

Ажъ до Люблина за поновогъ сина,

За поновогъ сина, щобъ не робила,

Щобъ не робила, мидь-вино пила,

Мидь-вино пила, ключьми дзвонила.

(Чт. 1864. I. 92).

⁵⁾ Зажурилася крутая гора,

Що не зродила шовкова трава,

Тилько вродився зеленъ виноградъ;

Красная панна саду стерегла.

Та налинули райски пташкове.

Ой ишла, ишла райськи пташечки,

Намъ того вина барзо потреба;

Есть у насъ синки—на жениньячко,

Есть у насъ дочки—на даваньнячко.

Виноградъ является преимущественно въ обрядныхъ пѣсняхъ, свадебныхъ и колядкахъ; въ прочихъ, бытовыхъ, мы встрѣчаемъ только выраженіе садъ-виноградъ ¹⁾, подь которымъ уже не разумѣется специально виноградной лозы. Это не болѣе, какъ поэтическое названіе всякаго сада, тогда какъ въ приведенныхъ нами выше примѣрахъ, взятыхъ изъ обрядныхъ пѣсенъ, несомнѣнно идетъ дѣло о виноградной лозѣ. Въ настоящее время этого растенія почти нѣтъ въ быту малорусскаго поселянина, но, по извѣстію архидіакона Павла, сопровождавшаго патріарха Макарія антиохійскаго въ половинѣ XVII вѣка (The travels of Macarius, part. II. transl. by X. C. Belfour, p. 206—211), въ Малороссіи въ садахъ росли виноградныя лозы и даже дѣлалось изъ нихъ вино. Такъ какъ виноградъ является въ такихъ пѣсняхъ, которыя наиболѣе древни и наименѣе подвержены искаженіямъ и заимствованіямъ, то поэтому мы можемъ предполагать, что знакомство съ виноградомъ истекаетъ изъ далекой древности.

Изъ плодовыхъ деревьевъ и кустовъ въ народныхъ пѣсняхъ встрѣчаются *яблоня, груша, тернь, ожина* (ежевика). Яблочное дерево имѣетъ значеніе только по плодамъ. Яблоко—символь любви и привѣтливости. Въ подольской колядкѣ поется, что дѣвица стерегла яблоки золотыя. Просиль у ней отецъ, мать, братья; она не дала, говоря, что бережетъ ихъ для милаго ²⁾, а когда пришелъ ея милый, она сказала, что теиерь сниметъ яблоки ³⁾, потому что берегла для него. Этотъ мотивъ очень распространенъ и въ другихъ мѣстахъ Малороссіи и въ Галиціи ⁴⁾. Въ угорской пѣснѣ дѣвица проситъ вѣтеръ свалить ей два яблочка—одно ей, другое милому ⁵⁾.

Дѣвица покачиваетъ яблоко по слѣдамъ милаго, это—знакъ согласія на любовь ⁶⁾, тогда какъ по слѣдамъ стараго, немилана она катитъ камень. Яблоко,

¹⁾ Закотилося сонечко за садъ-виноградъ...

Или:

Черезъ садъ-виноградъ по воду ходила.

²⁾ А въ лиску, въ лиску на жовтихъ лиску,

Росла яблонька тонка, висока,

Тонка, висока, листомъ широка,

Зродила вона золоти яблочка.

Ябка стерегла гречная панца.

Прийшовъ до неи батенько ей:

Ой здийми, доню, золоти яблуска,

Бигъ ми не здійму, милому держу.

³⁾ Оттеперъ здійму, бо тобі держу.

⁴⁾ Чт. 1864. I. 93; I. 74.

⁵⁾ Подуй, витроньку, зъ Дуная,

Сваль ми яблочко зъ конаря,

Сваль же ми едно, або дви:

Едно милому, друге ми.

Кому жъ я го мамъ даровати?

Даровала бы я го старому,

Не мило сердцу мому;

Лемъ го дарую молодому,—

То мило сердцу мому“.

⁶⁾ Ой по слиду старого

(Чт. 1866. III. 729).

подаренное мылымъ, имѣеть привлекающее свойство; молодець даль дѣвицѣ яблоко: она раскусила первое и узнала его, раскусила другое — и полюбила его ¹⁾. Яблоко также означаетъ вниманіе къ роднымъ ²⁾.

Въ веснянкахъ золотое яблочко является въ рукахъ таинственнаго младенца, котораго приносятъ или привозятъ къ воротамъ ³⁾. (О мнѣическомъ значеніи золотого яблока смотри у Аванасьева. Поэт. возр. 11. 307). Съ яблокомъ сравнивается лицо красавицы ⁴⁾.

Груша не имѣеть опредѣленнаго постоянного значенія. Иногда съ опаденіемъ грушевого цвѣта сравнивается скоронреходимость радостей ⁵⁾.

Въ угорскихъ пѣсняхъ есть пѣсня о томъ, какъ дѣвица, попросившись съ мылымъ, ждала его столько времени, сколько онъ велѣлъ—два года, а потомъ, вопреки его заказу, не ждать его долѣе двухъ лѣтъ, прибѣгла къ чарамъ и творила ихъ надъ сухою грушою. Это такіе чары, что мертвое тѣло заговорить ⁶⁾. Въ силу этихъ чаръ надъ сухою грушей, въ четвергъ ввечеру (у литовцевъ въ это время особенно являются привидѣнія) явился къ ней умершій милый. Она удивилась, что у него лицо было блѣдно и волосы слеглись. Онъ зоветъ ее подъ черешню. Вдругъ запѣлъ пѣтухъ. Мертвецъ приказалъ ей идти домой не оглядываясь, а не то она погибнетъ ⁷⁾. Эта пѣсня, однако, намъ ка-

Покотила каминемъ,
А по слиду молодого
Покотила яблучкомъ;
Ой якъ мило та любо
Яблучкови котиться,
Ой такъ мило та любо
Молодому жениться.

1) Одно твое яблучко раскусила,
Тебе, миленькій, признала;
Друге твое яблучко раскусила,
Тебе, милый, полюбила.

2) Якъ будете по яблучку рвати—зирвить и мое,
Якъ понесете до отца, до неньки—понесить и мое.

3) Ой чимъ воно цятається?
Сривними оришками.
Ой чимъ воно пидкидається?
Золотимъ яблучкомъ.

4) Биле личко якъ яблуко, стало якъ калина.

5) Ой на грушци билий цвѣтъ—та вже опадає.
Любивъ козакъ дивчиноньку—теперъ покидає. (Чт. 1864. I. 50).

6) За два роки го чекала,
А на третій чарувала...
Суху грушку подливала.
Боже, Боже, чьто за чари,
Же мертве тило прогварить!
Въ четверъ вечеру по вечери,
Не вистало и полночи,
Иде милый дуркаючи.

(Чтен. 1866. III. 709—710).

7) Якъ они тамъ посадали,
То когутъ заснивали.
Идъ до дому, моя мила,

жется не древняго происхожденія и если усвоена народомъ до какой-нибудь степени, то сложена на нѣмецкій образецъ. Баллады совсѣмъ не въ духѣ малорусской пѣсенности; никогда рассказы о мертвецахъ и чертахъ не облекаются въ пѣсенныя формы. Притомъ въ западную южно-русскую пѣсенность вошла даже другая пѣсня, отчасти похожая на приведенную нами, но уже явно составленная по мѣркѣ Бюргеровой Леноры.

Терень, кромѣ приведеннаго выше превращенія молодца (см. выше о калинѣ), въ малорусскихъ пѣсняхъ встрѣчается какъ образъ очей ¹⁾. Дѣвица прикладываетъ терень къ глазамъ и говоритъ: еслибъ у меня были такія очи, я бы вышла замужъ за господчика ²⁾, а въ пѣснѣ объ утонувшей Ганнѣ, по нѣкоторымъ ея вариантамъ, въ терень превращаются ея очи ³⁾. Въ колядкѣ поется о золотомъ тернѣ, служащемъ какъ бы оградой господарю, котораго прославляютъ ⁴⁾.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ говорится о терновомъ огнѣ или терновыхъ огняхъ, т.-е. о горящемъ тернѣ ⁵⁾; между этими пѣснями особенно поразительна одна, въ которой изображается хороводъ около терноваго огня ⁶⁾. Далѣе рассказывается о какомъ-то княжичѣ (князя) Иванкѣ, котораго панъ приказалъ посадить въ тюрьму. Если мы сопоставимъ съ иною пѣснью игру въ горѣлки или «горю дуба», то, быть можетъ, не ошибемся, если сдѣлаемъ такую догадку, что въ глубокой древности языческіе хороводы отправлялись при горѣнии костровъ и для этого употреблялся, между прочимъ, тернь, имѣвшій священное значеніе.

Верба (*Salix fragilis*) въ пѣсняхъ—символь сборищъ и свиданій, что вполне сообразно съ бытомъ, такъ какъ это дерево растетъ не только въ огородахъ, но въ селахъ на улицахъ, при дворахъ, при плотинахъ,—вездѣ, гдѣ бывають сборища. Подъ вербою въ пѣсняхъ водять хороводы ⁷⁾, собираются

Жебись ся не обизрила,
А скоро ся ти оглянешь,
Та ти заразь тамъ пропадешь, я проч.

1) Чорни очи якъ терночокъ,
А бривоцьки якъ шнурочокъ.

2) Урвала соби чорного терну,
Та приложила къ своимъ оченкамъ:
Коби жъ у мене такіи очи,
Годила бимъ ся та паничени.

(Чт. 1864. I. 83).

3) У лузи терень—Ганнины очи.

4) Ой славень, славень нашъ господарь,
Золотимъ терномъ обгородився.

5) Ой по гори, по гори,

Терновіи огни,

Коло тихъ огнивъ

Дванадцять молодивъ.

(Чт. 1863. IV. 157).

6) А тамъ на лукахъ на барзъ широкихъ,

Тамъ же ми горить терновий огникъ,

Коло огня ходить широкий танецъ,

А въ танци ходить княгня Иванко.

(Чт. 1864. I. 57).

7) Ой пидь вербою, пидь зеленою,

Ой тамъ круглий танецъ иде.

улицы ¹⁾, дѣвицы приманивають къ себѣ молодцовъ ²⁾, женщины бѣлятъ полотна ³⁾. Въ веснянкахъ приглашаютъ дѣвицу обмести вербу и мѣсто подь нею: туда прїѣдетъ и станеть съ товаромъ молодець, — у него хорошія кольца: всѣмъ дѣвицамъ онъ продаетъ, а одной изъ нихъ даетъ даромъ ⁴⁾.

Въ другой пѣснѣ, петровочной, поется, что подь вербою стоятъ кони осѣдланные, съ уздами и нагайками, совсѣмъ готовые — только сѣсть на нихъ, да ѣхать сватать дѣвиць ⁵⁾. Здѣсь опять подь вербою сборище. Подь вербою — свиданія молодцовъ съ дѣвицами ⁶⁾, она — свидѣтельница и ссоръ женъ съ мужьями ⁷⁾. Верба стоитъ на распутьи, все видитъ, все слышитъ, и къ ней обращается дѣвица, желая узнать, куда уѣхалъ ея милый ⁸⁾.

Верба, растущая на дворѣ дѣвицы, имѣетъ какъ бы приворотное значе-

1) Що на нашій улиці

Верба зеленіе;

Ой тимъ вона зеленіе,

Що челядь молода.

А на чужій улиці

Верба не зелена,

Ой тимъ вона не зелена,

Що челядь мерзена!

2) Пидь вербою дивочка

Русу косу чесала,

На молодцивъ моргала.

3) Ой пидь вербою, пидь зеленою

Тамъ молодциъ биле билела.

4) Ой пидь вербою не метено.

Пидь зеленою не прометено.

Та встань, Настечко, ранесенько,

Обмети вербу чистесенько,

Ой тамъ Нвасько зъ крамомъ стане,

Зъ крамомъ хорошимъ — зъ обидцима,

Усимъ дивочкамъ роспродае,

Дивци Настечци такъ дае.

5) Ой пидь вербою зеленою

Тамъ стоять кони посидлани,

И посидлани и поуздани,

И нагаечки ночешлени.

Тильки систи та поихати,

У Високее дивокъ сватати.

6) На гори верба, пидь вербовъ вода.

Черчала мѣ ей дивча молода,

Дивча видь води, козакъ до води,

Зачекай мѣ кречна панно,

Дай конимъ води.

(Чт. 1863. III. 130).

7) На двори верба, пидь вербою калюжа,

Розсердилась жинка та на свого мужа.

8) Ой вербо, вербице,

Ти на роспутьи стояла.

Далеко чула, видала,

Куди їхавъ мій миленький?

ніе. Вѣтреный молодець говоритъ любящей его дѣвицѣ, которой онъ измѣняетъ, чтобъ она посадила у себя близъ воротъ вербу; онъ хотъ поидеть и къ другой, а зайдетъ къ ней. Дѣвица отвѣчаетъ, что она садила и поливала, да не принимается верба, и сопоставляетъ это обстоятельство съ тѣмъ, что молодець, котораго она любила, отвращается отъ нея ¹⁾.

Верба—признакъ собранія молодцовъ ²⁾, и запорожскій кошевой атаманъ собираетъ подъ вербою свою козацкую раду ³⁾. Верба примѣняется, сверхъ того, къ различнымъ положеніямъ женщины, и потому въ этомъ отношеніи сходится съ другими женскими символами изъ деревьевъ. Такъ верба, у которой вода подмываетъ корень, сопоставляется съ женщиною, вышедшею замужъ за старика ⁴⁾. Въ другой пѣснѣ дѣвица, за которую бьются молодцы, сравнивается съ вербою, у которой гнутся вѣтви, да не переломятся ⁵⁾.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ съ наклоненною вербою сравнивается обвѣнчанная новобрачная ⁶⁾, а съ расколотою вербою — перебрывшаяся изъ родительскаго дома въ домъ мужа ⁷⁾.

Верба сопоставляется не только съ женскимъ, но и съ мужскимъ лицомъ: «время тебѣ, верба, развиться, поется въ одной веснянкѣ,—время тебѣ, Ваня жениться» ⁸⁾.

- 1) Ой посади, молода дивчино, у воротъ вербу;
Ой я буду до другой йти, то й до тебе зайду.
Ой уже я садила, уже поливала, та не приймається;
Ой кого я любила, кого я кохала, той мене цурається.
- 2) Ой пидь вербою, пидь зеленою,
Стояла рада хлопцивъ громада.
- 3) Та стоить верба сама одна,
Та вона соби гостя має,
Гостя має, кошового:
Прихваь кошовий для порадоеньки.
- 4) Ой не стій, вербо, надь водою,
Непогожа вода пидь тобою;
У день и у ничь пробуває,
У тебе коринь висихає,
Зверху гильлячко посихає.
Козакъ дивку вговоряє:
Не иди, дивча, за старого:
Старий вири не діймає,
На улицю не пускає.
- 5) Ой ти, вербо зелененькая,
Та на тоби голлячче гнеться!
Нехай гнеться, не поломається;
Таки на мни листъ знайдеться! (Гильт. 82).
- 6) Схилилася верба зъ верху до кориня;
Винчалася Маруся зъ ранку до полудня. (Метл. 188).
- 7) Росколалася верба одь верха до корене,
Взята Марійка, взята одь отца, одь матери. (Чт. 1866. I. 555).
- 8) Ой вербо, вербо, вербице,
Чась тоби, вербо, розвиться;
Ой чась тоби, Иваську, жениться.

Въ пѣсняхъ встрѣчается шумъ вербъ. Въ козацкихъ пѣсняхъ и думать-онъ является съ зловѣщимъ значеніемъ ¹⁾. Въ любовныхъ пѣсняхъ онъ находитъ воспоминанія объ утраченной любви ²⁾, а съ опаденіемъ листьевъ съ шумящихъ вербъ сравнивается разлука съ милымъ ³⁾.

Яворъ (*Acer pseudoplatanus* — чинаровидный кленъ; но именемъ явора въ другихъ мѣстахъ не называется какое-нибудь опредѣленное дерево, такъ что собственно это названіе исключительно пѣсенное и въ жизни неизвѣстно)—символь печали, несчастья и грусти. Во всѣхъ почти пѣсняхъ, гдѣ только является это дерево—содержаніе болѣе или менѣе грустное.

Яворъ — свидѣтель смерти и убійствъ. Подъ яворомъ лежитъ убитый козакъ ⁴⁾; подъ яворомъ разбойники умерщвляютъ свою жертву ⁵⁾; подъ яворомъ козакъ застаётъ свою дѣвицу на свиданьи съ другимъ и убиваетъ соперника ⁶⁾. Сопилка, съ которою послѣдній ходилъ къ дѣвицѣ, называется яворовой. Образъ явора сопоставляется съ фактомъ гибели человѣка вообще ⁷⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ мужъ убиваетъ свою жену, а оставшемуся послѣ нея ребенку дѣлаетъ изъ явора колыбель и оставляетъ младенца въ лѣсу ⁸⁾; здѣсь колыбель изъ явора—символь безвыходнаго положенія покинутого ребенка.

- ¹⁾ То не верби луговиі зашумили;
То безбожниі ушкали налетили. (Укр. Д. 25).
- ²⁾ Шумлять верби, въ кинецъ гребли, що я насадила;
Нема теперь того тута, кого я любила.
- ³⁾ Шумлять верби, шумлять верби, а листь опадае,
Жалуй мене, мій батенько, милий покидае!
- ⁴⁾ Пидъ яворомъ зелененькимъ
Лежить козакъ молоденький,
Пострилявий, порубаний.
- ⁵⁾ Повели въ чисте поле зъ голими мичами,
Зняли зъ ёго головоньку пидъ трома яворами. (Вацл. изъ Олеск.).
- ⁶⁾ Ступай, ступай, сивий коню, зъ гори на долину;
Догаяймо пидъ яворомъ молоду дивчину.
Та що жъ вона, пане брате, пидъ яворомъ робить?
Ой тамъ вона зъ розлучникомъ на гулянья ходить.
Довоможи, мицний Боже, розлучника вбити;
Най не ходить, де я хожу, дивчину любити.
Най не ходить, най не носить сопилки въ кишени!
Сопилочка яворова, денце ялинове.
Любилися, кохалися,—теперь перестануть!
- ⁷⁾ За воротьми въ папороти ливиръ зелененький;
Загибъ, загибъ у Сидниці Песехъ молоденький. (Чт. 1863. IV. 515).
- ⁸⁾ Завивъ ёго до лисойка,
Справивъ ёму колысойку
Зъ яворовогъ деревойка.
Буде витрець подувати,
Буде синокъ такъ думати,
Же го колише родна мати,
Буде дожчикъ покраляяти;
Буде синокъ такъ думати,
Же го купать ридна мати. (Чт. 1863. IV. 172).

Гробъ иногда представляется сдѣланнымъ изъ явора ¹⁾. Въ свадебной пѣснѣ, которая поется сиротѣ-женуху, яворъ сопоставляется съ гробомъ родителя, котораго сынъ призываетъ къ себѣ на свадьбу ²⁾.

Дѣвица подъ яворомъ теряетъ свое дѣвство и впоследствии сожалѣетъ о своемъ безразсудствѣ ³⁾; несчастная плѣнница, растлѣнная татаринномъ, даетъ знать родителю, чтобъ онъ не готовилъ ей приданого, что она утратила его подъ яворомъ съ невѣрнымъ татаринномъ ⁴⁾. Козакъ, лишивъ дѣвицу невинности, насмѣхается надъ ея горемъ ⁵⁾, играя на скрипкѣ подъ яворомъ. Подобный образъ встрѣчается въ пѣснѣ, въ которой злая мать научаетъ сына истязать жену ⁶⁾, которая, какъ описывается въ той же пѣснѣ, и умерла отъ побоевъ. Вода, текущая изъ-подъ явора — символъ плача ⁷⁾. Любовное свиданіе подъ яворомъ — образъ, означающій печаль, возникающую послѣ свиданія ⁸⁾.

1) Ой скажу я собі явирь зрубати,
Явирь зрубати, домовину збудовати.

2) Ой прилетили два голубоньки,
Та крикнули надъ яворомъ.
Ой заплакавъ Ивасенько
Надъ батькивськимъ гробомъ;
Ой прошу я тебе, мой батенько,
На весильлячко до себе!
Ой радъ би я соловейкомъ прилитати, —
Прилягла сира земля, та не могу встати.

3) Утратила свій виночокъ,
Черезъ дурний розумочокъ,
Пидъ яворомъ зелененькимъ
Зъ козаченькомъ молоденькимъ.

4) Най ся тато не турбуе
И посагу не готуе;
Я вже посагъ утратила
Пидъ яворомъ яворинномъ,
И зъ невирнымъ татаринномъ.

5) Ой у гаю явирь зелененький,
Пидъ яворомъ козакъ молоденький.
Сидить собі, на скрипочку грае,
Струна струни вирне розмоляє:
Нема винув довиному сину,
Звивъ зъ розуму молоду дивчину.

6) Пидъ яворомъ козакъ молоденький
Стиха собі на кобзоньци грае;
Струна струни голосу додае,
Ой мати такъ сина навчае:
Маешъ, синку, жинку молоденьку,
Не дай же їй роспусту тиженьку.
А зъ вечера комора бренила,
А въ пивночи нагайка шумила,
На розвиги мильенька заснула.

7) Зъ пидъ явора вода тече,
Тече вода риченьками,
Плаче мила слизоньками.

8) У городи зелена яворина;

Яворъ въ пѣсняхъ черѣдко изображается съ наклоненными вѣтвями надъ водою. Такой образъ примѣняется къ козаку, который, уѣхавъ въ Московщину, тамъ умеръ ¹⁾. Тотъ же образъ въ пѣснѣ о Саввѣ Чаломѣ, какъ символъ предчувствія наступающей бѣды ²⁾. Этотъ же образъ сопоставляется съ прекращеніемъ любви. Козакъ, самъ находясь въ чужой сторонѣ, откланялся дѣвицѣ, то-есть извѣстилъ ее, что разлучается съ нею навсегда ³⁾. Молодецъ, указывая на наклоненный яворъ, говорить, что если онъ не женится на той, которую любить, то навсегда останется неженатымъ ⁴⁾. Мужъ, недовольный своимъ супружествомъ, самъ себя называетъ яворомъ ⁵⁾, а ревнивый молодецъ сопоставляетъ мученіе своего сердца, возбуждаемое разговоромъ его возлюбленной съ другимъ молодцомъ—съ яворомъ, стоящимъ надъ водою ⁶⁾ и палимымъ солнечнымъ жаромъ. Привороженный молодецъ, страдающій отъ любви, идетъ спать подъ яворъ ⁷⁾. Молодецъ, пораженный горькимъ несчастіемъ, идетъ въ лѣсъ подъ яворъ оплакивать свое горе ⁸⁾. Яворъ помѣщается и въ саду: и здѣсь онъ—символъ грусти ⁹⁾.

Ой тамъ дивчина зъ козакомъ говорила.

Зъ тобою говорю—не наговорюся,

До дому прииду—зъ жалю розибьюся,

1) Стоить явирь надъ водою—въ воду похилився,

На козака пригодонька—козакъ зажурился.

Не хилися, явороньку, ще ти зелененькій;

Не журился, козаченьку, ще ти молоденькій.

Не радъ явирь хилитися—вода корни мие,

Не радъ козакъ журитися—та серденько мне.

2) Стоить явирь надъ водою, въ воду похилився.

Иде Сава зъ Немирова, тяжко зажурился.

3) Стоить явирь надъ водою, въ воду похилився,

Изъ чужини до дивчини козакъ оделонився.

4) Коло млина яворина, явирь похилився;

Якъ не возьму котру люблю—не буду женився!

5) Стоить явирь надъ водою,

Повидае свою долю:

Моя жинка некрасная;

Людьски жинки якъ ластивки,

Моя жинка якъ жидивка.

6) Стоить явирь надъ водою, въ нѣго соненько гріе,

Ой не стій же, мила, зъ инчимъ на розмови,

Бо мни серденько мліе.

(Чт. 1863. IV. 286).

7) На добра-ничъ усімъ на ничъ,

Теперь же я пиду спати;

За воротами зеленъ явирь,—

Тамъ я буду почувати.

Ой чи явирь, хочъ не явирь,

Такъ зеленая ялина;

Мижъ усима дивчатами

Одна дивчина мни мила.

8) Ой пиду я боромъ, боромъ.

Та стану я пидъ яворомъ;

Явороньку зелененькій!

Пропавъ мій вискъ молоденькій!

9) У садочку явирь зелененькій,

Яворь, являясь въ началѣ пѣсни, тѣмъ самымъ указываетъ на ея печальное содержаніе и вообще опредѣляетъ грустный тонъ всего послѣдующаго. Это мы видимъ, напримѣръ, въ колыбельной пѣснѣ, которая начинается словами: «надъ моремъ-Дунаемъ вѣтеръ качаетъ яворь» ¹⁾. Далѣе слѣдуетъ грустное чувство матери, соображающей себѣ, какъ она будетъ разставаться съ сыномъ, когда онъ пойдетъ въ войско. Такъ пѣсня о кросомѣстелѣ, гдѣ разсказывается, какъ вдова бросила гъ Дунай сыга, а потомъ черезъ двадцать лѣтъ печально вышла за него замужъ, начинается яворомъ: вѣз-подъ явора выходитъ эта вдова и этимъ опредѣляется печальное и мрачное содержаніе пѣсни ²⁾.

Въ народной поэзіи мы встрѣчаемъ также яворовый листъ. Въ одной угорской пѣснѣ поется, что солдатъ томится въ неволи, и пѣсня начинается словами: широкъ листъ на дубѣ, а еще шире гъ яворѣ. Дубъ здѣсь—символъ молодца, а яворъ—несчастія, горести, сообразно содержанію пѣсни ³⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ говорится: пошла-бъ я къ криницѣ за лодою, да криница не чиста: напало гъ криницу лѣстѣгъ съ явора. Сдѣлайте, молодцы, калиновый мостикъ, вычистите изъ криницы яворовые листья ⁴⁾. Зная уже символикацію криницы и калины, а также и калиноваго мостика, смыслъ этой пѣсни, повидимому, загадочный, дѣлается понятнѣе: женщина хочетъ разогнать свою грусть и проситъ молодцовъ пособить ей.

Вещи изъ явора также имѣютъ печальное символическое значеніе: дѣвица, томясь сердечнымъ недугомъ и не находя себѣ ни въ чемъ покоя, говоритъ, что она хочетъ брать воду, но вода не берется, и ея яворовый коромыселъ сгибается въ дугу ⁵⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ новобрачная, съ грустью разлучаясь съ родителями и родительскою хатою, называетъ свои сѣни яворовыми ⁶⁾.

Явирь зелененький, козакъ молоденький,
Козакъ молоденький тяжко зажурився!

1) По надъ моремъ-Дунаемъ

Витеръ явирь хитае.
Ой, сине мий Иване,
Дитя мое кохане!

2) По надъ моремъ глубокимъ,

Стоитъ явирь високий,
А зъ пидъ того явора
Вийшла вдова молода.

3) Широкий листъ на дубини,

А ще ширший на явори.
Сидитъ жовниръ у неволи
Сидитъ, сидитъ, тяжко здише,
Та й до тата листи више.

(Чт. 1866. I. 596).

4) Ой пила би'мъ та й водицю, водица нечиста:

Напало у кирничку яворовогъ листа;
Ой уробитъ лединчики, мостокъ калиновий,
Вичистити изъ кирнички листокъ яворовий! (Чт. 1864. IV. 369).

5) Ой у бору воду беру—вода не береться,
Яворовий коромисель у дужечку гнетъся.

6) Синечки мои яворови,

Будете неметени:
Ненька старенька, а сестра маленька,
Я пиду видъ батенька.

(Метл. 214).

Объ этомъ деревѣ въ пѣсняхъ есть мнѣшескія исторіи: то яворъ съ другими деревьями вырастаетъ изъ могилы и какъ бы изъ тѣла лица, похищеннаго насильственной смертью, то живая личность, гнетомая тяжелымъ горемъ, превращается въ яворъ. Одна пѣсня, говоря объ убитомъ козакѣ, заставляетъ вырастать яворъ изъ его ногъ ¹⁾, а другая, галицкая, пѣсня рассказываетъ, что два явора выросли изъ ногъ убитой и погребенной дѣвicy ²⁾. Но гораздо полнѣе и связнѣе представляется исторія двухъ супруговъ, погибшихъ жертвою злой свекрови ³⁾. Последняя, возненавидѣвъ свою невѣстку, хотѣла отравить ее, но сынъ выпилъ яду вмѣстѣ съ женою. И похоронили сына подъ церковью, а невѣстку подъ колокольнею. На могилѣ сына выросъ яворъ, а на могилѣ невѣстки бѣлый тополь. Мать приходитъ поминать сына и проклинать невѣстку и видитъ, что ихъ могилы стали придвигаться одна къ другой, а яворъ сталъ склоняться къ тополю. И мать сказала: вѣрно, дѣти, вы крѣпко любили другъ друга, когда верхушки ваши склонились одна къ другой. Галицкій вариантъ этой пѣсни,

- 1) Куди впали били ноги,
Тамъ виросли два явора.
- 2) Де Настини били ноги,
Тамъ виросли два явори.
- 3) Оженила мати сина молодого,
Та взяла невистку та не до любви,
Не билее личко, не чорні брови,
Та не знала мати, якъ розлучати:
Послала сина до виська служити,
Нелюбу невистку до стадечка пасти.
Та послужи, синку, та два годочки,
А на третій до мене въ гостиночку прийдешь.
Якъ прийшовъ же синъ у саму неділю,
Нелюба невистка въ самій понеділокъ.
Посадила сина та за стольчикомъ,
Нелюбу невистку за скамницею;
Чествовала сина и виномъ и медомъ,
Нелюбу невистку та отрутою.
Виьемо, жинко, по половинци,
Щобъ насъ поховали въ одній домовинци,
Та виьемо, жинко, по цилій чарци,
Щобъ насъ поховали обохъ въ одній ямци.
Якъ умеръ же синъ та у неділю,
Нелюба невистка та у понеділокъ.
Поховали сина та пидъ церквою,
Нелюбу невистку пидъ дзвинницею.
Вирись на синові зеленій явирь,
На невистонци біла тополя.
Стали ихъ могили та присуватися,
Ставъ явирь до тополи та прихилатися.
Вийшла тоди мати сина поминати,
Нелюбу невистку та проклинати...
Либонъ же ви, дитки, виренько любились,
Що ваши вершечки до купки схилились!

вмѣсто тополи, ставить на могилѣ невѣстки березу ¹⁾, а вариантъ Гродненской губерніи—липу ²⁾. Глубокая древность этой пѣсенной легенды доказывается

3) На середѣ села седила вдова.
 Ой мала жь вона сына Василя,
 Ой мала жь вона, до школи дала,
 Зо школи взяла, въ вѣйско видала,
 Въ вѣйско видала, на вѣйну пислала...
 Чекае рочокъ, не йде синочокъ,
 Чекае другій, не йде сиць любій;
 На третій рочокъ иде синочокъ,
 Синочокъ иде, невистку веде.
 Ой вийшла мати зь новои хати,
 Ой взяла жь вона сына витати.
 Винесла вона дви слянци вина,
 А третя бутылка сама тротина.
 До сионька пѣе червонимъ виномъ,
 Невистци дае саму тротину.
 Сивъ вина не пивъ, пидъ коня вильявъ,
 А тротиньку по половинци;
 Невистка пѣе, та й омливае,
 А сиць ся дивить, зь коня ся хילה.
 „Знала сь насъ мати, якъ чаровати,
 Знай же насъ, мати, вкунци сховати!“—
 А мати сына не послухала,
 Якъ сама хтила, такъ ихъ сховала:
 Сына Василя пидъ оконцями,
 А невисточку пидъ воротцями;
 На сину Василю соненько сходить,
 По невистонци увесь миръ бродить;
 На сионькови явиръ зелененькій,
 На невистонци била березонька:
 Береза росте, розростаеся,
 Листъ до листонька привертаеся;
 А явиръ росте, розростаеся,
 Листъ видъ листонька видвертаеся.

(Чт. 1863. IV. 186—187).

2) Мати сына оженила,
 Да невистку ни злюбила.
 Дала сину каплунъ исти,
 А невистци чимирици;
 Сивъ жь тое зознавъ,
 Своей милой исти ни давъ,
 — „Иижмо, мила, пиродъ мое,
 А потомъ будемъ исти твое,
 Пожремъ разомъ обое“.—
 Померъ сивъ въ видилокъ,
 А невистка въ понидилокъ.
 Кладуть сына въ церкви,
 А невистку на цвинтари.
 На синови вирось зилѣнь яворъ,

общностью не только народной поэзии других славянских народов, но и прочих, принадлежащих къ арийскому племени. Такъ, у сербовъ есть пѣсня, въ которой рассказывается, что двое любовниковъ были погребены вмѣстѣ и на могилѣ молодца выросло сосновое дерево, а на могилѣ дѣвицы красная роза, и роза прильнула къ соснѣ. Въ старинной англійской балладѣ William and Margareth на могилѣ красавицы вырастаетъ роза, а на могилѣ рыцаря боярышникъ (Ministrelsy of the Bord., 221). Подобные образы есть и въ скандинавской поэзии. (Uldralgte dunskevis, p. 352). Замѣчательно, что въ нашихъ пѣсняхъ дерево на могилѣ невѣстки бзмѣняется: то тополь, то береза, то липа, а деревомъ на могилѣ мужа остается все одинъ и тотъ же яворъ.

Въ яворъ превращается живой человекъ: это молодецъ, котораго мать прогнала отъ себя. Извѣстные варианты этой пѣсни—галицкіе: мать прогоняетъ сына за то, что съ пятницю пѣлъ, въ субботу умывался (?), въ воскресенье завтракалъ. Сестра спрашивала брата, когда онъ прійдетъ гостемъ. «Когда камень пуститъ корень, а верба родитъ яблоки», отвѣчалъ ей братъ. Мать терпѣла два года, на третій пошла искать его и стала подъ яворомъ. Начала она рвать листья съ явора, а яворъ сказалъ ей: «не рви, родимая, листья—это мои волосы. Куда только ты, мать, ни посмотрѣла, верхи деревьевъ увяли. Куда, говорить яворъ, ты ни шла—за тобою кровавая рѣчка бѣжала» ¹⁾).

На нивистди била липа.
Яворъ стину пробивае,
Зъ липки листокъ доцягае,
Листъ зъ листкомъ злипається,
Въ матки скинѣється.

(Гильтебр. 64).

¹⁾ Иди, синку, причь отъ мене,
Най не маю грихъ на тебе,
За пятничне спиваненько,
За недильне спиданенько.
Пишовъ синокъ до сестроушки,
Та найстарша коня дала,
Середуша осидлала,
Наймолодша виправляла:
„Коли, брате, гостемъ будешъ?“—
— Тогди, сестро, гостемъ буду,
Та якъ каминь коринь пустить,
Та якъ верба ябно вродить.—
Терпила рикъ, терпила два,
А третого не стерпила:
Пишла мати въ лисъ шукати,
Стала соби пидъ яворецъ,
Та й узала листье рвати.
А явиръ взявъ промовляти:
Не рви, ненько, та листьенько,
Ео то мое водосьенько!
Куди съ мати подивила,—
Всѣ вершечки увялила;
Куди мати, каже, пишла,
То кровава ричка бигла.

(Чт. 1866. I. 585—86).

Другой, также галицкій, вариантъ излагаетъ эту легенду нѣсколько иначе. Мать разсердилась на сына и проклѣяла его. Сынъ, разгнѣвавшись, простился съ сестрами и далъ имъ обѣщаніе тогда воззрѣваться, когда камень поплыветъ по водѣ, а перо потонетъ, когда солнце будетъ ходить обратнымъ путемъ.

Сынъ уѣхалъ сначала въ темный лѣсъ, а тамъ еъ чистое поле: конь его прерратился въ камень, а онъ самъ въ зеленый яворъ. Мать стала плакать о сынѣ и пошла искать его еъ поле. Сталъ дождь капать; мать стала на бѣлый камень подъ яворъ; стали ее кусать мухи; она начала ломать вѣтви; тогда изрекъ ей слово яворъ: «о, мать проклѣтая! Ты не дала мнѣ проживать въ селѣ, не даешь и въ роцѣ стоять. Бѣлый камень—мой конь, зеленые листья—моя одежда, тонкіе прутья—мои пальчики». А мать растосковалась и расбѣялась прахомъ ¹⁾.

1) Въ неділю рано мати сина лала,
Мати сина лала, та й проклінала,
А синойко ся дай розгнівавши,
Казавъ старшій сестрѣ хліба напечи,
А середульшій коня вивести,
А наймолодшій коня всидляти.
Найстарша сестра хліба напекла,
А середульша коня вивела,
А наймолодша коня всидлала.
Коня всидлала, та й ся звидовала:
„Колижъ, братцю, къ намъ гостейкомъ прийдешъ?“ —
— Озьми, сестрице, билий каминець,
Билий каминець, легкое перо,
И пусти ти ихъ на тихий Дунай:
Якъ билий каминець на верхъ виплине,
А легкое перо на спидь упаде.
Подумай, сестро, що въ сего буде?..
Коли сонейко на зопакъ зйде,
Втоди, сестрице, гостьомъ въ васъ буду.—
Навернувъ коньомъ одъ схода сонця
И поихавъ си въ темний лисочокъ.
Віхавъ овинь въ чистое поле,
Ставъ ту коничокъ билимъ каминемъ,
Винь молодецький зеленимъ яворомъ.
Ой стала мати за синомъ плакати
И пошла она его гледати:
Вийшла она въ чистейке поле,
Въ чистейке поле, въ болоничейко.
Ой ставъ ей дождчикъ кропити,
Стала она на билий камень,
На билий камень подъ зелень явиръ.
Ой стали ей мушки кусати;
Стала она галузки ламати;
Прорикъ яворецъ до неї словце:
„Ой мати, мати, мати проклѣята!
Не дала есь ми въ сели вметати,
Еще ми не даешь въ поляю стояти.“

Есть еще одинъ вариантъ—угорскій, похожій на предыдущій, но здѣсь мать сама, проклиная сына, приказываетъ ему превратиться въ яворь, а коню его въ камень. Это происходитъ на праздникъ русалій. Черезъ недѣлю мать пошла искать сына, искала на ярмаркѣ и не нашла, а возвращаясь домой ушла отъ дождя въ лѣсъ и тамъ узнала въ яворѣ своего сына ¹⁾.

Въ пѣснѣ изъ Глуховского уѣзда жена прокляла своего мужа и велѣла ему превратиться въ яворь; его конь долженъ былъ сдѣлаться горою, сабля—

Билій каминець—мій сивий коничокъ,

Зелене листьа—мое одиння,

Дрибни прутики—мой пальчики!

А мати его ся розжаловала,

Та и на порохъ ся розсіала.

1) На сами святи Русала,

Мати синочъка прокляла,

А якъ она го провляла,

Та го до лиса послала,

Вигнала его до лиса:

„Иди ти соби до биса!

Жеби ти тамъ сталь яворомъ,

А твій коничокъ каменемъ!“

Якъ тому тиждень переходилъ,

Матери жаль ся уробилъ:

„Ей Боже, Боже, Боже мой,

Ахъ, где ся подилъ тотъ синь мой.

А буде ярмакъ на Левочи,

Пійду я, пійду плачучи,

Пійду я, пійду на него.

Глядати сина моего“.

Ходить отъ краму до краму,

Смотрить до очей каждому.

Треба ся домовъ вертати,

Не можъ ту сина познати;

Якъ ишла домовъ, дощъ падалъ,

Та ей до лиса тамъ загналъ.

А стала она подъ яворъ,

Вздихала: „Боже, Боже мой!

Ей яворъ, яворъ зелений,

Якій ти красний, румений:

Таки на тоби голузки,

Якъ мого сина волоски,

Таки на тоби листочъки,

Якъ мого сина губочъки“.

А яворъ ку ней промовилъ:

„Ой иди, мамо, ти домовъ,

Отъ тамо до дому своего,

Ужь я не пійду до него!

Идъ оганяти худобу,

Бо я до дому не пойду,

Я ту остану яворомъ,

А сивий коникъ каменемъ!“

дорогою, шапка—кочкою, а синяя одежда чистымъ полемъ. Пошла вдова жать въ поле; дождь сталъ капать; она укрылась подъ яворъ и говорила: «яворушка зеленый! прикрой моихъ дѣтокъ-сиротокъ!»—Яворъ сказалъ ей: «я не яворъ, я—твоимъ дѣтямъ батюшка; вспомни, какъ ты меня отправляла въ путь и проклинала» ¹⁾). Во всѣхъ этихъ пѣсняхъ, при всемъ ихъ разнообразіи, общимъ остается то, что въ яворъ превращается человѣкъ въ силу произнесеннаго надъ нимъ заклятія. Но въ археологическомъ отношеніи едва ли не важнѣе всѣхъ та пѣсня, гдѣ козакъ встрѣчаетъ на морѣ сиротку, которая закляла его въ яворъ, стоящій посреди моря. Мы уже приводили эту пѣсню.

Въ весеннихъ пѣсняхъ встрѣчается яворъ въ припѣвахъ къ такой пѣснѣ, въ которой, повидимому, нѣтъ ничего грустнаго. Но припѣвъ могъ быть отнесенъ и къ другой пѣснѣ, а не къ той, къ которой онъ принадлежалъ прежде. Въ купальскихъ пѣсняхъ является яворъ съ сосною, въ противоположеніе мужской личности женской. Молодецъ говоритъ, что онъ срубилъ яворъ и спугнулъ съ него трехъ соколовъ; эти соколы оказываются молодцами, которые вслѣдъ за тѣмъ называются по именамъ; потомъ онъ срубилъ сосну и спугнулъ съ нея трехъ кукушекъ, которыя также оказываются дѣвцами съ собственными именами ²⁾). Здѣсь, какъ намъ кажется, проглядываетъ мрачное значеніе явора

¹⁾ Жона мужа виряжала,
Виряжаючи, проклинала:
„Бодай ихавъ, не доихавъ,
Щобъ ему кинь горою ставъ,
А шабелька дорогою,
А шапочка кунцюю,
Сили сукни чистимъ полемъ
А самъ молодъ яворонькомъ!“
Пишла вдова въ поле жати,
Стала хмара набигати,
Та й ставъ дождь накралати.
Пишла вдова пидъ явора,
— „Явороньку зелененькій!
Прикрой дити сиритоньки!“ —
„Ой и я жъ не яворонько,
Я жъ тимъ дитямъ та батенько.
Згадай, якъ мене виряжала,
Виряжаючи проклинала!“

(Метл. 291).

²⁾ Нихго того не видавъ
Якъ я явора зрубавъ,
Три соколи зигнавъ:
Першій соколонько—молодий Иванько,
Другій соколонько—молодий Петрусько,
Третій соколонько—молодий Пархимко.
Нихго того не видавъ,
Якъ сосонку зрубавъ;
Три возули зигнавъ:
Першая возуленька—молода Орися,
Другая возуленька—молода Явдося,
Третя возуленька—молода Настуся.

какъ и сосны: молодець срубилъ яворъ и согналъ съ него соколѣвъ, то-есть освободилъ молодцовъ отъ грусти и тоски и пустилъ ихъ беселиться.

Между галицкими пѣснями есть колядка, въ которой колыбель младенца Христа представляется висящею на яворахъ ¹⁾; мы едва ли ошибемся, если объяснимъ, что присутствіе яворовъ здѣсь означаетъ земныя невзгоды и страданія, ожидающія Христа въ земной жизни, тѣмъ болѣе, что въ другомъ вариантѣ той же колядки жиды покушаются надѣлать зла младенцу ²⁾.

Но въ галицкихъ пѣсняхъ есть, однако, слѣды такого значенія явора, которое не сходится со всѣми приведенными примѣрами. Такимъ образомъ, въ колядкахъ поется, что среди двора стоитъ яворъ, на которомъ золотая кора и серебряная роса; прекрасная дѣвица обдираетъ золотую кору и стряхиваетъ серебряную росу, потомъ несетъ то и другое къ золотыхъ дѣлъ мастеру, чтобъ онъ сдѣлалъ золотую чашу и серебряный кубокъ: изъ чаши будетъ пить самъ Господь, а изъ кубка хозяинъ, въ честь котораго колядуютъ ³⁾.

Въ другой колядкѣ наверху явора соколъ вьетъ гнѣздо; въ срединѣ дерева въ борти—пчелы, а у корня черные бобры; все это, какъ предметы богатства, предоставляется хозяину ⁴⁾ и хозяйкѣ.

1) А въ полю, въ полю два яворойки,
На яворонькахъ суть ретязойки,
На ретязойкахъ колисанойки,
Въ колисайноди Бижее дитя:
Колисала го Бижая мати,
Ей колисала, твердо заснула;
Прилетѣли къ ней вирдове цтаси,
Полетѣли зъ нимъ ажъ пидъ небеса.

(Чт. 1864. I. 43).

2) На тихъ яворахъ висить скобойка,
А въ тій скобойци колисанойка,
Въ тій колисанойци самъ милій Господь.
Тамтади лежить давна стежейка,
Товъ стежейковъ идетъ симъ-сотъ жидивъ.
Едни ми гварять: заколишиме!
Други ми гварять: переверниме!
А трети гварять: зъ собовъ возьмиме!

(Чт. 1864. I. 41).

3) Стоить явиръ посередъ двора,
На явори золота кора,
Золота кора, срибная роса,
А уточила (?) красная панна,
Золоту кору, тай обгручила,
Срибную росу тай обгрусила,
И понесла до золотничка:
Ой золотничку, голубоньку,
Зроби миני золотий келихъ,
Золотий келихъ, срибний кубокъ.
А зъ келиха самъ Господь пье,
А изъ кубка самъ господарь.

4) Ой тамъ за дворомъ, за чистоколомъ,
Стоить ми, стоить зелений явиръ,
А въ тимъ явори три користоньки:
Една ми користь—въ верху гниздонько,

Такимъ образомъ, въ обѣихъ этихъ колядкахъ яворъ является уже не съ обычнымъ своимъ мрачнымъ значеніемъ, а скорѣе представляется образомъ богатства. Но нельзя поручиться, чтобы здѣсь было одно и то же дерево подъ именемъ явора, тѣмъ болѣе что въ чешскихъ и словацкихъ пѣсняхъ яворъ является совсѣмъ не тѣмъ глубоко-грустнымъ символомъ, какъ въ южно-русскихъ, и, можетъ быть, западно-славянское воззрѣніе отразилось здѣсь на западныхъ окраинахъ южно-русскаго племени. Наконецъ, надобно принять во вниманіе и то обстоятельство, что одно дерево могло замѣнить другое съ ослабленіемъ ясности мнѣологическихъ воззрѣній. Такъ, въ чрезвычайно любопытной колядкѣ о сотвореніи міра (см. ниже о голубяхъ) въ одномъ ея вариантѣ—дубъ, въ другомъ—яворъ и, при соображеніи съ другими подобными образами, можно склониться къ тому, что яворъ замѣнилъ дубъ неправильно.

Лоза—также постоянный символъ несчастья и слезъ, чему не мало способствуетъ и созвучіе словъ, постоянно встрѣчаемое въ тѣхъ образахъ, гдѣ въ народныхъ пѣсняхъ является это дерево: лозы—слезы—примѣнительно къ разнымъ положеніямъ и дѣвицы и молодца, и замужней женщины, и козака и дѣтей ¹⁾). Калина въ лозѣ—образъ несчастнаго замужества ²⁾). На пути козаку расцвѣтаютъ лозы—невзгода ³⁾). Дѣвица, не дождавшись милаго, сопоставляетъ

Въ верху гнздонько, сивъ соколонько;

Друга ми користь—а въ середини,

А въ середини въ борти пчолоньки;

Трети ми користь—у коринячка,

У коринячка чорніи бобри.

Сивъ соколонько—пану на славу,

Яри пчолойки—Богу на хвалу,

Чорніи бобри—та на шубоньку,

Та на шубоньку господионьци.

(Чт. 1864. I. 52).

¹⁾ Еще козакъ не захавъ за густіи лози,

Вже облили дивчионьку дрибненькі слези.

Или:

Деь мій милий далеко

За густими за лозами

Умивасться слизами.

Или:

Пишли дити за лозами,

Виливаються слизами,

Тоби бь, тату, такъ Бигъ давъ,

Якъ се ти насъ розигнавъ.

Или:

Заростало Запорожъе густими лозами,

Та вмилися козаченьки дрибними слизами.

²⁾ Ой у лози калинонька въ лози,

Теперь моя головонька въ тузи.

А вжежъ въ лози калинонька зацвила,

А вжежъ мене мати за пъяницю дала.

³⁾ Ой зацвили густі лози

Козакови при дорози,

Козакъ блудить, козакъ нудить.

себя съ лозами ¹⁾. Лоза—страданіе отъ враговъ ²⁾. Ночевать въ лозахъ или подъ лозою—образъ бѣдствія ³⁾. Лоза—постель утопленника ⁴⁾. Есть пѣсня, въ которой молодець бросаетъ свою возлюбленную въ Дунай и самъ общается за нею послѣдовать. Она, конечно мертвая, приплыла къ густымъ лозамъ ⁵⁾.

Хвойныя деревья: *ялина* (ель) и *сосна*—также печальные символы. Ель встрѣчается рѣдко. Въ пѣснѣ, которую мы приводили выше, говоря объ яворѣ, она равняется съ этимъ послѣднимъ и сопоставляется съ томленіемъ изнывающаго отъ любви молодца, которому и ѣда не идетъ на умъ ⁶⁾. Ель, въ другой пѣснѣ, является на могилѣ матери ⁷⁾, и здѣсь она имѣетъ только индифферентный смыслъ, такъ какъ на самомъ дѣлѣ нѣтъ обычая сажать ель на могилахъ. Въ иной пѣснѣ объ умершемъ козакѣ—она матеріалъ для гроба ⁸⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ она—символь смиренія, безгласности ⁹⁾.

Съ сосною сопоставляется плачущая дѣвица ¹⁰⁾, еще чаще замужняя женщина ¹¹⁾

1) Хилитесь, густы лози, видкиль витерь віе,
Дивитесь, кари очи, видкиль милий інде;
Хилилися густы лози, та вже перестали,
Дивилися кари очи, та й плакати стали.

2) Тяжко лозамъ хилитися черезъ береженьки;
Тяжко очамъ дивитися черезъ вороженьки.

3) Пидь лозиною всю ничь ночувала,
И зъ лозиною всю ничь розмовляла:
Ой лозино, ти жовтий цвите,
Пропала я, охъ мій бидний квите!
Ой лозино, ой ти жъ зелененька,
Пропала я, та щей молоденька!

4) Моя постилонька у води лозинонька.

5) Ой взявъ милий милу пидь биленьки боки,
Пустивъ милу на Дунай глубокий.
„Пливи мила, миленька водою,
А я заразъ плину за тобою!—
Ой виплила, мила, за густі лози,
Ой облили мене дрибненькі слѣзи!“

6) Хоч не явирь, хоч не явирь,
Такъ зелена ялина;
Кличе мати вечеряти,
Вечеронька мини не мила.

7) Найшла въ поли ялину,
Матинчину могилу.

(Чт. 1863. IV. 263).

8) Будешь мати домъ яловий,
Темненькую хатиноньку,
Високою могилоньку.

9) Похилее дерево ялина,
Покирнее дятятко Маруса.

10) Ой стояла сосоночка напроти сонечка,
Ой плакала дивчинонька, сидя въ виконечка.

11) Віе витерь въ чистимъ поли,
По крутому береженьку,
По жовтенькому писочку,
По хрещатимъ барвиночку.

и мать-вдова ¹⁾). Женщина, скучая въ разлукѣ съ родными, воображаетъ ихъ гуляющими подь вишнею ²⁾, а самую вишню помѣщаетъ подь сосною, вѣроятно, знаменуя этимъ послѣднимъ образомъ собственную грусть о томъ, что она не съ родными. Козакъ, тоскуя въ чужой землѣ, въ Турецкой, говорить, что его занесла туда вода, которая пошла отъ сосны ³⁾. Сосна, колымаемая вѣтромъ, возбуждаетъ у сироты думы о его лихой судьбѣ ⁴⁾. Ночевать подь сосною—образъ горя и слезъ. Козакъ увезъ дѣвицу и спрашиваетъ ее: гдѣ она будетъ ночевать. Дѣвица говоритъ, что подь сосною ⁵⁾, и потомъ—слѣдуютъ слезы ⁶⁾.

Сосна играетъ роль въ одной пѣсенной исторіи очень трагическаго свойства. Это пѣсня о молодцѣ, который соблазнилъ дѣвицу, а потомъ увезъ ее въ боръ и привязалъ къ соснѣ, а сосну зажегъ. Пѣсня эта чрезвычайно распространена и перешла повсюду въ Великую Россію. Дѣйствующія лица въ этой

Вода сосну подмивает,
Горностаи коринь подыдае,
Зверху сосна усихает;
На верхъ сосни пчолы вьются,
Въ молодой слѣзи льются.

1) Ой сосенка, сосенка!

Дежь ти такъ виросла?
Ой виросла я въ лужку,
При крутому бережку,
Заскрипило деревце:
Я въ луку стоячи заплакала,
Я, вдова, своего сина годуючи.

(Гильтебр. 53).

2) Ой у саду сосна,

Пидь сосною вишня;
Тамъ моя родина
На гулянья вийшла,
Родина гулае, мене не поминае.
Покладу я кладку на биструю ричку;
Пиду до матинки хочъ у темну ничку.

(Гильтебр. 54).

3) Ой сосно, сосно кучерява,

Изросла на жовтимъ писочку,
На крутимъ бережечку;
Туди вода ишла,
Вона мене занесла
Въ чужу землю—въ Туреччину.

4) Витеръ повивает, сосенку хитае.

Не хитайся, сосно, мини жити тошно!
Тошно на чужини, якъ на пожарини;
Няхто не пригорне при лихій години!

5) Ой де мемо ночувати, моя мила дивчино!

Ой пидь сосною пидь зеленою, мій нелюбе, зъ тобою!

6) Чомъ же ми ся повмиваемъ, моя мила дивчино!

Вмнемося—ти росую, я слизою, мій нелюбе, зъ тобою.
Що жъ ми мемо поснидковати, моя мила дивчино!
Ой ти ягодоньки, я слизоньки, мій нелюбе, зъ тобою!

(Чт. 1863. IV. 200—20).

пѣснѣ, по настоящей общеходячей редакціи, — донецъ и шинкарка. Собственно въ томъ видѣ, въ какомъ она поется, эта пѣсня кажется первоначально скорѣе великорусскою, донскою, зашедшею въ Малороссію, но мотивъ ея, именно сожженіе женщины, является въ чистой малорусской пѣснѣ о пани-Марусенькѣ. Послѣдняя пѣсня — время гайдамацкихъ: гайдамаки убили пана и приѣзжаютъ съ вѣстью къ его женѣ, Марусѣ. Не всегда, но въ нѣкоторыхъ вариантахъ этой пѣсни мы встрѣчаемъ описаніе, какъ козаки-гайдамаки сожгли Марусю, привязавъ ее къ соснѣ ¹⁾. Въ галицкихъ пѣсняхъ мы находимъ подобную нашей пѣснѣ — пѣсню о донцѣ, но вмѣсто донца тамъ дѣйствуетъ волошинъ: онъ соблазняетъ дѣвицу и увозить ее при пособіи товарищей; приѣхавши въ лѣсъ, ей приказываютъ стлать постель. «Меня, говоритъ она, моя мать еще не отдавала вамъ на то, чтобъ я вамъ стлала постель подъ зеленымъ яворомъ». Тогда волошинъ говоритъ: «встань, кремень, вырубь огонь! Зажигай сосну сверху и снизу! Гори, гори, зеленая сосна, теки, черная смола, на бѣлое тѣло шинкаркѣ, чтобъ ей не хотѣлось идти отъ насъ прочь» ²⁾.

Галицкій вариантъ, по языку и тону, не можетъ быть послѣдующимъ видоизмѣненіемъ пѣсни о донцѣ и шинкаркѣ, тѣмъ болѣе, что онъ принадлежитъ къ разряду колядокъ, пѣсень древняго склада. Поэтому, мы полагаемъ, что въ народныхъ пѣсняхъ мотивъ о сожженіи женщины, привязанной къ соснѣ, очень древній, быть можетъ, относящійся къ мифологическому періоду и, вѣроятно, онъ состоитъ въ связи съ словацкою пѣсню о сожженіи дѣвицы посредствомъ зажженной липы, — пѣсню, въ которой Колларъ видѣлъ либо принесеніе въ жертву, либо же древнюю кару, постигающую дѣвицу, утратившую невинность ³⁾, а можетъ быть и казнь за волшебство.

¹⁾ Якъ взяли Марусю лугами-ярами,
Та повезли Марусю битими шляхами,
Привязали Марусеньку до сосни плечима,
До сосни плечима, въ темний бирь очима;
Запалили сосну зъ верху до кориня.
Сосенка горить, Маруся кричитьъ:
„Не есть ви козаки, есть ви гайдамаки!
Уже мое биле тило та й понеломъ сило;
Уже моя руса коса до гори димомъ шишла“.

²⁾ А вже вчинили дивичини зраду:
Ой ведуть мило, та й ведуть другу,
Ой на третя жъ би видпочивати,
Пустили жъ они коники пасти,
Казали ей все лижко класти,
„Мене ще мамка ба и не виддала,
Щоби я зъ вами все лижко клала.
Ой пидъ яворомъ, пидъ зелененькимъ,
Изъ Волошиномъ та й молоденькимъ“.
— Устань кременя, викреши огню,
Запали сосну въ верху и споду:
Ой гори, гори зелена сосно,
Ой течи, течи, чорная смоло
Та на шенкарча, на биле тило,
Щоби шенкарча причъ не хотило!

(Чт. 1864. I. 88).

³⁾ Горела липа, горела,

Въ свадебныхъ обрядахъ сосна не имѣетъ, повидимому, того грустнаго значенія, какое ей придается въ пѣсняхъ; такъ, изъ сосновыхъ вѣтвей дѣлается вильце, украшенное разными украшениями и цвѣтами. Но сосна здѣсь означаетъ не себя, а другое дерево, и употребляется на вильце только зимою, потому что на вильце требуется дерево зеленое, а она одна въ это время года зеленѣетъ; если же свадьба бываетъ въ такое время года, когда можно достать иное зеленое дерево, то употребляютъ вѣтви яблони, груши, черемухи, калины. Вѣроятно, въ древности для этой цѣли назначалась специально калина, такъ какъ и теперь калиновыми ягодами неизменно должно убираться вильце. Въ пѣсняхъ, приуроченныхъ къ обряду убирания вильца, поется о калинѣ ¹⁾, и намъ кажется, что сосна здѣсь стала замѣнять калину, что сдѣлалось уже при ослабленіи прежняго строгаго сознанія поэтической символики.

Говоря о соснѣ, мы не можемъ не упомянуть о чрезвычайно странной пѣснѣ, которой смыслъ для насъ совершенно непостижимъ. «За воротами, за праворотами (?) стоитъ сосна; она ярче сребра, прекраснѣе золота; въ этой соснѣ корабль плыветъ; въ томъ кораблѣ красная дѣвица; пришелъ маленькій мальчикъ; она на него засмотрѣлась; она поклонилась хоругви ²⁾. А я (говорить, повидимому, мальчикъ) гетмана упрошу, тебя молодую замужъ за себя возьму». Никакъ нельзя поручиться, чтобы тутъ и первоначально была сосна: могло быть, конечно, другое дерево, могли образы совсѣмъ перепутаться и исказиться, что, вѣроятно, и произошло.

Осина въ пѣсняхъ малорусскихъ почти не встрѣчается; только въ галицкихъ колядкахъ поется, что Божія Матерь шла черезъ гору съ Младенцемъ-Спасителемъ и стала на пути отдыхать; тогда всѣ деревья склонили свои вѣтви, но проклятая осина не поклонилась, а съ нею также показалъ строптивость и проклятый тернъ. За это проклятой осинѣ суждено трястись, а терну—колоть до страшнаго суда ³⁾. Это преданіе (совпадающее съ апокрифическимъ преда-

Подъ ноуу паненка сѣдѣла;
Кедь на ню искри падали,
Вшецци младенци плакали.

(Nar. Spiew. 1. 429).

- ¹⁾ Якъ ми вильце вили,
Вси лужечки сходили,
Червону калину поламали.
- ²⁾ За воритыми, за праворитыми,
Тамъ стоить сосна видъ срибла ясна,
Видъ срибла ясна, видъ злата красна,
А у тій сосни корабель плыве,
А въ тій корабель кречная панна;
Прийшло до неї мале пахоля,
Вона на ёго задивилася,
Короговци поклонилася.
А я гетмана перепрошу,
Тебе, молоду, замужъ возьму.

- ³⁾ Стало ий ся стало галузья кланяти,
Бучья й коринья и всяке творинья,
Лемъ ся не вкланили проклята осика,
Проклята осика! и прокляте терня.
Проклята осика! бодай ся трасла

нiемъ о поклоненiи деревьевъ Христу), повидимому, нѣмецкое, по крайней мѣрѣ оно существуетъ въ Германiи (см. *Nork Mythol. der Volksg.* 951), и можно предполагать, что оно вошло въ Галицiю отъ нѣмцевъ. Но есть другая пѣсня, гдѣ трясенiе осины происходитъ изъ другого источника. Идетъ рѣчь о какой-то дѣвицѣ. Ея отецъ пашетъ землю и говоритъ: нѣтъ моей дѣвочки, некому водить воловъ! Старшiй братъ сѣетъ пшеницу и говоритъ: нѣтъ моей сестры, некому носить пшеницу! Среднiй братъ собирается боронить и говоритъ: нѣтъ моей сестрицы, некому водить лошадей! Старая мать ткеть и говоритъ: нѣтъ моей дѣвочки, некому навивать челноки. Меньшой братъ вынимаетъ пистолеть и собирается за сестрой. Какъ только сестра это услышала, такъ отъ печали разсыпалась въ прахъ. Тогда черные вороны отправляли надъ нею погребенiе, а мелкiя пташки хорошо ѣли. Поклонились деревья и корни и всякое творенiе. Не поклонилась несчастная осина. Дрожи же ты, осина, отнынѣ до вѣка, до страшнаго суда ¹⁾. Эта странная пѣсня непонятна, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ начала содержанiя, да кромѣ того, можетъ быть, въ ея настоящемъ видѣ она смѣшалась съ другими пѣснями, но все-таки она показываетъ, что въ первой пѣснѣ о Младенцѣ-Христѣ трясенiе осины не христiанскаго происхожденiя, а скорѣе этотъ образъ, будучи древнимъ языческимъ, приспособился къ христiанскимъ представленiямъ, и Богородица, какъ во многихъ другихъ пѣсняхъ, такъ и здѣсь, замѣнила какое-то другое мифологическое лицо. Поэтому, несмотря на сходство съ нѣмецкимъ преданiемъ, образъ трясенiя осины едва ли можно считать заимствованнымъ, особенно въ болѣе позднее время.

Въ галицкихъ колядкахъ проклятымъ деревомъ представляется ива, и начало проклятiя надъ нею отнесено къ страданiю Христа. «Когда жиды мучили Христа, клали ему на голову терновый вѣнецъ, подносявали его ежевикой и хмелемъ и забивали ему подъ ногти щепки разнаго рода, ни одно дерево не пошло подъ ногти, но согрѣшила червивая ива; она одна пошла подъ ногти, пролилась кровь, и самъ Господь проклялъ иву: чтобъ тебя, ива, точили черви отъ младости до старости, отъ корня до верхушки!» ²⁾.

До суда суднаго, до вику вичнаго;
А прокляте терня! бодай-есь-кололо,
До суда суднаго, до вику вичнаго!

¹⁾ Скоро того дивча скоро вислухало,
Заразъ ся одъ жалю на прахъ розсипало,
А чорни гаврани погрибъ отправляли,
А дрибни птачкове барзъ красно спивали.
Вшитко ся кланяло древо и кориня,
Древо й кориня и вшитко створиня,
Лемъ ся не вклонила несчастна осина.
Бодай ся трепала одъ нини до вика,
Одъ нини до вика до вика вичнаго,
До вика вичнаго, до суда страшнаго.

(Чт. 1866. III. 719).

²⁾ Якъ жидова Христа мучили,
Терновый винокъ на голову клали,
Ожиною, хмелемъ вперезували;
Всякое древо за ногти клали;
Всякое древо за ногти не йшло,
Червива ива та й прогришила,

Вотъ, насколько намъ извѣстно, всѣ растенія, какъ травянистыя, такъ и деревянистыя, встрѣчаемыя въ народныхъ пѣсняхъ съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ символическимъ значеніемъ. Намъ остается указать еще на значеніе лѣса вообще.

Лѣсъ въ народныхъ пѣсняхъ является въ видахъ и наименованіяхъ: *луга* (лѣсъ на низменномъ мѣстѣ) *дуброви* (дуброва), *гай* (роща), *мисъ* и *бирь* (боръ). Последніе два вида въ пѣсняхъ встрѣчаются рѣже. Близость человѣка къ природѣ рѣзко выражается въ пѣсенныхъ отношеніяхъ къ лѣсу. Народное сердце очень любитъ его. Къ лѣсу обращаются, какъ къ существу способному принимать участіе въ человѣческихъ ощущеніяхъ. Молодецъ находится въ раздумьи: жениться ли ему или оставаться холостымъ; онъ обращается къ роцѣ за совѣтомъ ¹⁾. Видя роцу въ опустошенномъ видѣ, спрашиваютъ ее: что это значить, а роца отвѣчаетъ, что была холодная зима; шло войско, ночевало подъ роцею и опустошило ее ²⁾. Дѣвица разспрашиваетъ у дубровы: какая птица раньше встаетъ, какое растеніе лучше цвѣтетъ, кому худо, кому хорошо на свѣтѣ жить? Дуброва даетъ ей отвѣтъ ³⁾ (отвѣтъ о цвѣтахъ тотъ самый, какой мы привели

За ноги пишла, кривцю пустила.

Червиву иву самъ Господь проклялъ.

Бодай ты, иво, черва точила,

Видь молодости ажъ до старости,

Видь коринячка ажъ до вершечка!

¹⁾ Ой, гаю, гаю, ридний брате,
Порадь мене, гаю, що маю робити:
Чи мині женитися, чи такъ волочитися?

²⁾ Чого, гаю, невеселій?
Чого, гаю, незеленій?
Якъ я маю зеленити:
Була зима студена,
Ишло військо великое,
Пидо мною ночувало,
Коринячка потоптало,
Коринячка копитами,
А гильлячка шабельками.

(Гильтебр. 34).

³⁾ Зелена дибривонько, скажи мині правдоньку.
Котора плашина ранній уставае;
Чи той-то малий воробейко,
Чи той соловейко,
Чи сивая зозуля?
Малий воробейко устае раненько,
А той соловейко щибече раненько,
А сива зозуля трошки засыпае.
Зелена дибривонько скажи мині правдоньку:
Кому красче, кому гирше въ свити проживати,
Чи бидній вдови, чи мужній жони,
Чи той прекрасній дивици?
Бидна вдова хлибъ-силъ зароблае,
Мужняя жона все склади складае,
А у той дивици и думки не мае.

выше, говоря о розѣ). Въ галицкихъ колядкахъ дуброва своимъ шумомъ даетъ знать охотнику, что въ ней есть дивный звѣрь ¹⁾. Скорбное чувство ищетъ у рощи участія къ своему горю. Мать, разлученная съ сыномъ, обращается къ рощѣ и говоритъ ей, что у нея нѣтъ болѣе любимаго дитяти ²⁾. Дѣвушка, потерявшая дѣвство, бросаетъ въ воду вѣнокъ и посылаетъ его по водѣ въ лѣсъ, чтобы рощи тосковали съ нею объ ея горѣ ³⁾. Шумъ лѣса усиливаетъ печаль сиротствующаго въ чужой сторонѣ молодца ⁴⁾, и женщина, разлученная съ милымъ, проситъ дуброву не шумѣть тогда, когда она будетъ идти черезъ нее, а зашумѣть тогда, когда она будетъ отъ нея вдалькѣ ⁵⁾. Но есть пѣсня, въ которой, наоборотъ, безмолвіе рощи производитъ томительное чувство на одинокую и грустную особу, находящуюся въ чужомъ краю ⁶⁾. Переполненное грустью сердце хочетъ избавиться отъ тяжести и разсѣять грусть по лѣсу ⁷⁾.

Гай сопоставляется съ молодцомъ ⁸⁾, а разныя качества рощи—съ разными положеніями человѣка, напр., дубровы съ плачемъ дѣвицы ⁹⁾, шумъ «луга»

¹⁾ Ой зашумила зеленъ диброва,
Ой чожъ ти шумишь, ой чожъ ти звенишь?
Ой шумью, шумью, бо въ соби чую
Дивное звіря, тура-олени. (Чт. 1864. I. 84).

²⁾ Ой гаю мій, гаю!
Котору дитину
Кохала, любила—
У себе не маю!

³⁾ Задай тугу зеленому лугу,
Задай жалю зеленому гаю!

⁴⁾ Ой не шуми, луже, ти зелений гаю,
Не завдавай сердцю жалю, бо я въ чужимъ краю!

⁵⁾ Ой не шуми, дибривонько,
Та не шуми, зеленая,
У три ряди сажена;
Та не шуми надо мною,
Якъ я буду ити тобою.
Но зашуми тои хвили,
Якъ я буду за три мили.

(Чт. 1863. 4).

⁶⁾ Ой гаю мій, гаю, густий, зелененький!
Що на тоби, гаю, витроньку не мае,
Витроньку не мае, гилья не колише?
Братецъ до сестрици часто листи пише:
Сестро моя, сестро, сестро украинко,
Чи привикла, сестро, на Вкраїни жити?
Ой брате мій, брате, треба привикати:
Одъ роду далеко—никимъ наказати.

⁷⁾ Ой роспуцу тугу
Та по всему лугу!

⁸⁾ Ой гай, мати, гай,
Гай зелененький!
Виїжає зъ України
Козакъ молоденький.

⁹⁾ Зашумила дибривонька зеленейка;
Заплакала дивчинонька молодейка.

съ думами козака, котораго волнуєть мысль о предстоящей женитьбѣ и о горѣ, неразлучномъ съ семейною жизнью ¹⁾. Густота лѣса сравнивается съ трудностью знать, что станется впередъ, или съ трудностью возвратить потерянное ²⁾. Развиваніе лѣса сопоставляется со сватовствомъ ³⁾, а рубка лѣса означаетъ сближеніе съ дѣвицею ⁴⁾.

СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХЪ.

А. Птицы и насѣкомыя.

Кукушка у всѣхъ арійскихъ народовъ является съ болѣе или менѣе очевидными слѣдами древняго мифическаго значенія. Поэтическія воззрѣнія народовъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга пространствами и историческими судьбами, представляютъ очень близкое сходство между собою; такъ, между прочимъ, обычай спрашивать кукушку о числѣ оставшихся лѣтъ жизни или дѣвчества, существующій у насъ, есть и у другихъ европейскихъ народовъ. Древность мифическаго значенія кукушки, кромѣ общности поэтическихъ воззрѣній, подтверждается еще и прямыми свѣдѣніями о роли, какую играла эта птица въ древнихъ мифологіяхъ. Такъ, у древнихъ индусовъ, какъ показываютъ ведическіе гимны, божество Индра превращалось въ кукушку, и эта птица, подъ разными наименованіями, сообразно разнымъ видамъ своей породы (*sakuni*, *sakunta*, *karinjala*, *gavana*, *gavatha*, *kokila*), была символомъ и вѣстницею благополучія, охраняющею отъ злыхъ людей и отъ всякихъ опасностей, дарующею благоденствіе, долготлѣтіе и счастливое потомство. Это представленіе древности является и въ греческой мифологіи. Зевсъ, воспылавъ страстью къ гордой и неприступной Герѣ и не добившись отъ нея взаимности, увидѣвъ ее на горѣ Оорнаксѣ, произвелъ громъ и прилетѣлъ къ ногамъ Геры въ видѣ кукушки, будто бы спасающейся отъ дождя и бури. Гера пріютила кукушку, и такимъ образомъ Зевсъ достигъ своей цѣли, но не иначе, какъ ставши ея за-

Или:

Зашумила дибриновѣйка, якъ ся развивала;
Заплакала дивчиновѣйка, якъ ся выдавала.

1) — Ой не шуми, луже, луже

Надъ моею головою! —

„Ой якъ мини не шумити,

Буйний витрець повиває!“

Ой задумаєь козакъ женитися:

Оженюся, зажурюся,

И зъ дѣтьми, зъ жоною

И зъ своею годовою!

2) Ой гаю, мій гаю, густий не прогляну!

Сама я не знаю, що робити маю.

3) Лугомъ иду, коня веду, развивайся луже.

Сватай мене козаченьку, люблю тебе дуже:

4) Коло гаю конемъ граю, гаю не рубаю;

Люблю, люблю дивчиновѣчку, ні не займаю!

коннымъ супругомъ (Paus. 11—17). На этомъ-то основаніи у статуи Геры, находившейся въ Аргосѣ, въ одной рукѣ былъ скипетръ съ изображеніемъ кукушки. У Гезіода кукушка (*κὐκὺς*)—провозвѣстница благодатнаго дождя и урожая: представленіе это мы встрѣчаемъ и въ нашихъ пѣсняхъ. Уваженіе къ кукушкѣ осталось и у нынѣшнихъ грековъ, которые величаютъ кукушку ласкательными именами и, подобно намъ, спрашиваютъ ее о лѣтахъ жизни ¹⁾. (О подобныхъ представленіяхъ у прочихъ европейскихъ народовъ можно найти свѣдѣнія въ превосходномъ изслѣдованіи Маннгардта: *der Kukuk* (см. *Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde*. 3 B. 2 H.).

Изъ разныхъ старинныхъ извѣстій о кукушкѣ ни одно такъ не близко къ намъ, какъ извѣстіе, записанное въ польской лѣтописи Прокоша. Оставляя въ сторону все, что можетъ сказать строгая историческая критика объ этой лѣтописи, мѣсто, нами приводимое ниже, имѣетъ признаки древняго достовѣрнаго извѣстія, и для успокоенія тѣхъ для которыхъ важнѣе всего авторитеты, мы можемъ прибавить, что оно было защищено знаменитымъ Яковомъ Гриммомъ. Тамъ говорится, что въ языческой древности у поляковъ божеству Живѣ былъ построенъ храмъ на горѣ Живцѣ; туда въ первые дни мая сходилось множество народа. Молили божество о благополучіи и долгоденствіи. Болѣе всего добивались услышать ранѣе другихъ кукушку и вѣрили, что будутъ жить столько лѣтъ, сколько разъ она прокукуетъ. Они думали, что богъ, верховный правитель вселенной, превращается въ кукушку и возвѣщаетъ имъ время ихъ жизни. Убить кукушку считалось преступленіемъ, достойнымъ наказанія ²⁾. Замѣтимъ при этомъ, что до сихъ поръ въ народѣ у насъ существуетъ мнѣніе, что убить кукушку грѣхъ.

Въ малорусской пѣсенности кукушка (*зозуля*, древняя зезица, старочешская *zezulice*) является именно въ такомъ видѣ, который согласуется съ древнѣйшими представленіями о превращеніи божества въ эту птицу. Кукушка— добрый геній человѣка, всевѣдущая прорицательница. Она не символъ грознаго рока, безчувственнаго, поражающаго безъ жалости; она если предсказываетъ и дурное, какъ доброе, то все-таки жалѣетъ о человѣкѣ, предостерегаетъ его и оплакиваетъ его гибель. Она говоритъ правду ³⁾; ея кукованье есть какъ бы особый языкъ, понимаемый поэтическимъ чутьемъ.

Дѣвица говоритъ, что еслибъ она была кукушка, она бы облетала всю Украину, узнала бы своего милаго, сѣла бы возлѣ него и сказала бы ему всю

¹⁾ Κοῦκο μου κούκασι μου
κι ἀγγυροκούκασι μου
ποσοὺς ἡρόνος θινὰ ζῆσα.

²⁾ Divinitate Zywie fanum exstructum erat in monte ad ejusdem nomine Zywiec dicto, ubi primis diebus mensis maji innumerus populus pie conveniens precabatur ab ea, quae vitae auctor habebatur longam et prosperam valetudinem. Praecipue tamen litabatur ab iis qui primum cantum cuculi audivissent, ominantes superstitiose tot annos se victuros quoties vocem repetiisset. Opinabantur enim supremum hunc universi moderatorem transfigurari in cuculum, ut ipsi annuntiaret vitae tempora, unde crimine ducebatur capitalique poena a magistratibus afficiebatur qui cuculum occidisset.

³⁾ Зозуля кувала, правдоньку казала;

Що вона кувала, то правду казала.

(Укр. Д. Макс. 62).

правду ¹⁾). Кукушкина правда связана съ получениемъ счастливой доли; въ одной пѣснѣ женщина говоритъ: зачѣмъ ты, кукушка боровая, не куковала рано—мнѣ правды не сказала? Чужія дѣвушки рано встали, разобрали счастливую долю, а мнѣ встрѣтилась лихая доля ²⁾). Дочь, собираясь умирать, велитъ на своей могилѣ посадить калину: на этой калинѣ будетъ куковать кукушка и скажетъ матери правду, а ей будетъ легко лежать въ землѣ ³⁾). Также на могилѣ молодца, отравленнаго дѣвицею изъ ревности, въ одной пѣснѣ, садятъ калину, чтобы кукушка прилетала и куковала: умерь, умерь козакъ черезъ дѣвицу; пусть все это знаютъ ⁴⁾). Здѣсь кукушка даже, какъ видно, и обличительница преступленія. Такимъ образомъ кукушка имѣетъ отношеніе и къ отжившимъ. Это еще рѣзче выказывается въ причитаньи дочери надъ матерью, гдѣ дочь спрашиваетъ кукушку: не видала ли она ея умершей матери, и проситъ передать ей, что дочери горько на свѣтѣ жить безъ матери ⁵⁾). Въ другомъ причитаньи—сестры надъ братомъ—сестра говоритъ, что будетъ куковать кукушка и щебетать соловей, а она спроситъ у кукушки: не видала ли она ея брата ⁶⁾).

1) Ой коли бь я зозуленька, то бь я крыльця мала,
 Я жь би тую Украину кругомъ облігала,
 Я би свого миленького въ свитахъ признавала,
 Я би коло милого сила,
 Я жь би своему миленькому всю правду повіла.

2) Ой боровая зозуленько,
 Чому ти рано не кувала,
 Чому правди не казала?
 Чужи дивки рано встали,
 Счасти-долю розібрали,
 А я молода опизнилася,—
 Лиха доли збустрілася.

3) Туди буде, матинко, зозуля литати,
 Вона буде, матинко, раненько кувати.
 Тоби буде, матинко, всю правду казати,
 Мни би буде, матинко, легенько лежати.

(Метл. 45).

4) Викопали козаченьку високу могилу,
 Посадили на могилі червону калину,
 Щобъ зозуля литала и рано ковала:
 Померь, померь козакъ черезъ дивчину, щобъ вси люди знали.

5) Коли буде зозуля ковати,
 Я буду иі питати:
 Чи не бачила моеі пеньки ридненької?
 Скажи ій, зозуленько, якъ мни тошно,
 Якъ мни гирко безъ пеньки жити.

6) На червоній калині
 Зозуля буде кувати,
 Соловейко щебетати,
 А ми свого братика
 Въ гости будемъ дожидати.
 На порози стояла,
 Зозуля ковала,
 А я про свого братика

Кукушка часто изображается, какъ и въ предшествующей пѣснѣ, вмѣстѣ съ соловьемъ, и въ такомъ случаѣ она—символь благодушія. «Пусть тебѣ кукушка, а мнѣ соловей»,—говоритъ дѣвица молодцу; «пусть мнѣ будетъ легко, а тебѣ весело»¹⁾. Въ иной пѣснѣ сестра проситъ брата пріѣхать къ ней, развеселить ее, и сопоставляетъ отраду сердца съ кукушкой и соловьемъ²⁾. Въ галицкихъ колядкахъ, которыя, какъ мы уже не разъ замѣчали, особенно дышатъ древностью, кукушка—вѣстница и какъ бы даровательница обилія и благополучія. Дѣвица хотѣла бы прорубить лѣсъ, достать кукушку и пустить ее въ садъ, чтобъ она кукуваньемъ своимъ будила хозяина и провозвѣщала ему большой урожай хлѣба³⁾. Въ другой колядкѣ сама кукушка говоритъ, что ей не безопасно въ орѣшникѣ,—тамъ могутъ разорить ея гнѣздо; не безопасно при потокѣ на осокѣ,—вода затопитъ; хочетъ она вить гнѣздо въ вишневомъ садикѣ, чтобы будить хозяина и извѣщать его, что у него будетъ изобиліе скота⁴⁾. Она—принадлежность лѣта и его радостей. Дѣвица, говоря, что ей

Въ ней питала:

Чи не бачила мого братяка?

1) Нехай мнѣ зозуленька, тоби соловейко,
Нехай мнѣ такъ легенько, тоби веселенько!

2) Хочь сивою зозулею або соловейкомъ,
Нехай мнѣ розвеселитъ мое бидне серденько.

3) „Ей коби я мала ясну шабевку,
Вистивала би и лись-буковину,
Лись-буковину, вшитку ялину,
Жебимъ поймала сиву зазулейку,
Пустила бъ ей до свого садойка,
Жеби она ми ранейко кукала,
Ранейко кукала, газду забуждала:
„Встань, газдо, горе, билий день на дворе,
Встань волюйкимъ дати, часъ пійти орати.
Часъ пійти орати чорну земличку,
Чорну земличку на яру ишеничку,
На яру ишеничку, на озиме житце!
Буде тамъ стебевде—саме тростове,
Будуть колосойки, яко бязиннойки,
Будуть тамъ женци—сами молодци,
А вязальнички—сами молодчики,
Будуть снопойки, якъ на неби звиздойки,
Будуть стогойки, яко горойки,
Будуть возойки, якъ чорни хмаройки,
Звезуть они, звезуть, за поле до стодоли“.

(Чт. 1864. I. 77—78).

4) Стала ся томити, де ма'ть гнзидо вити:
„Вила бимъ го, вила, въ лиси при дорози,
Въ лиси, при дорози, та на личинойци:
Личинойку рушитъ, рознотрушитъ,
Гнзидо рознотрушитъ, дити ми оглушитъ“.
Кужула зозула въ седи и проч.
„Вила бимъ го, вила, при потичейку,
При потичейку, на ситничейку;
Водиця прійде, гнзидо забере,

было скучно и она не видала лѣта, выражается, что ей не куковала кукушка; она прячется, какъ наступаетъ зима ¹⁾; она возвѣщаетъ годовыя перемѣны ²⁾. Она все знаетъ, вездѣ бывала, и ее обмануть нельзя. Свадебные гости поютъ о золотыхъ горахъ и шелковыхъ травахъ, но кукушка обличаетъ ихъ вымыслы: все я облетала, но не видала золотыхъ горъ и шелковыхъ травъ; вездѣ горы каменные и травы зеленныя ³⁾. Отъ этого къ ней дѣвица обращается съ вопросомъ: долго ли она будетъ оставаться у родителей ⁴⁾ и каково ей будетъ у свекрови ⁵⁾, и кукушка пророчитъ ей недоброе житье ⁶⁾. Такой же смыслъ

Гниздо ми забере, мене осиротить;
 Буду го вити на вишнимъ садойку,
 На вишнимъ садойку, ажъ на вершейку,
 Та я си буду рано кукати,
 Рано кукати, газду зобуждати:
 Вставай, газдо, горе, билий день на дворе!
 Стала ти ся радисть въ твоёму дворе:
 Коровици ти ся вси положили,
 Сиве стадейко та породили.

(Ibid., стр: 79).

- 1) Ой ковала, зозуленька ковала,
 Якъ упала тяжка зима, вона ся сховала;
 Якъ упала тяжка зима, ковати забула. (Чт. 1864. IV. 329).

- 2) Заковала зозуленька у садочку,
 Прихиливши головоньку и къ листочку,
 Ой не буде садъ зимою зеленити,
 Таки буде зъ видъ снижечка листь чорнити;
 А якъ буде та литечко та й тепленьке,
 Такъ и буде садовника та й ряшенька.

- 3) У насъ трави шовковиі,
 У насъ гори золотіі.
 Була тамъ зозуленька,
 Видила вона тое:
 Всюди я облетила,
 Золотихъ гирь не видила;
 Всюду гори каменіі,
 Травоньки зеленіі.

(Žeg. Pauli. I. 103).

- 4) Прилетила зозуленька зъ темного лисочку,
 Сила, пала, заковала въ вишневымъ садочку.
 Ой якъ вийшла Марусенька въ неи запитала:
 Скажи, скажи, зозуленько, чи довго буду у батька?

- 5) Закувала зозуленька на хати въ загати;
 Якъ я буду пробувати въ свекрушиній хати?

(Чт. 1864. IV. 372).

- 6) Закувала зозуленька у садочку:
 Ой чи буде такъ у свекра, якъ у батька?
 Ой чи пустить на улицу погуляти?
 — Лихий свекоръ погуляти та не пустить,
 Ой хоть пустить молодую, та пригруститъ:
 Иди, иди, дитя мое, не барися,
 У синечки, за дверечки та й вернися,
 Увійшовши у свитлицю поклонися.

имѣть веснянка, очень распространенная въ различныхъ вариантахъ, гдѣ дѣвица представляетъ себя уже замужемъ и просить дубровную кукушку не куковать рано и не будить ее, потому что ее разбудить свекоръ съ попреками ¹⁾. Здѣсь дѣвица говоритъ кукушкѣ: не кукуй,—въ томъ смыслѣ, что она прокуковала ей именно то, что потомъ описывается и что совѣтъ не отрадно и не желательно для дѣвицы. Но въ другой веснянкѣ сирота-дѣвица, которую чужая, а не родная мать утомляетъ невозможною работою, просить кукушку закуковать ей въ «комори» и какъ бы облегчить ея судьбу ²⁾. Кукушка предсказываетъ и открываетъ разныя нравственныя отношенія и случаи жизни. Кукушка кукуетъ о томъ, что дѣвицу ожидаетъ знакомство съ молодымъ ³⁾. Дѣвица, услышавъ кукушку, плачетъ, потому что узнаетъ по ея кукованью, что ей придется кончать жизнь не тамъ, гдѣ родилась ⁴⁾. Кукуетъ кукушка, и дѣвица соображаетъ: кто будетъ ее любить и томиться по ней ⁵⁾, — узнаетъ, гдѣ ея милый и что дѣлаетъ ⁶⁾. Кукушка сообщаетъ ей о невѣрности ми-

1) Ой дибривная зозуленько,
Та не куй рано у диброви,
Та не буди мене молодон!
Избудать мене раній тебе:
У мене свекорко—не батенько,
У мене свекруха—не матинка:
Уставай, невихно, перобитнице...

2) Ой зозуленько та дибривная,
Ой не куй рано въ диброви,
Ой закуй мини у комори:
Въ мене матусенька старая,
Ще до того и чужая,
Наказала мини робити:
Та решетомъ воду носити,
Зъ попелу джу мисити.

3) Закувала зозуля дибривная,
Хвалилася молода дивчина:
Що въ неи коса до пояса,
Що въ неи личко биленькее,
Що въ неи бривки чорненькїи.
Ой обизветься молодой козаць:
Ой не хвалися, молода дивчино,
Не ти сее личко вибилала,
Не ти сїи брови вичернила.

4) Заковала зозуленька на гаю, на гаю;
А де жь я ся не родила, вмирати гадаю.
Заковала зозуленька на хати, на рози;
Заплакала дивчинонька въ синехъ на порози.

5) Заковала зозуленька въ вишневымъ саду,
А хто жь буде припадати до мого слиду?
Ой е въ мене такій хлопецъ, буде припадати,
Буде мене молоденьку, шо разъ споминати...

(Чт. 1863. IV. 294).

6) Тамъ на загуменю тополя стояла,
И на тїй тополи зозуля ковала;

лаго ¹⁾), предсказываетъ ей разлуку съ милымъ ²⁾), предостерегаетъ ее отъ увлеченія любовью: такъ, напримѣръ, дѣвица берется вымыть козаку рубашку, а кукушка велитъ ей оставить эту работу и идти жать пшеницу ³⁾). Отказывая молодцу въ любви, дѣвица ссылается на кукушку, какъ на изрекшую приговоръ, что она не для него выросла ⁴⁾). Въ свадебныхъ пѣсняхъ кукушка кукуетъ на калинѣ, какъ бы произнося приговоръ, что свадьба должна совершиться, и наводитъ грусть на отца невѣсты, который разлучается съ дочерью ⁵⁾). Она зоветъ новобрачную на посадъ ⁶⁾); ее посылаютъ вѣстницею къ матери невѣсты послѣ вѣнчанія послѣдней ⁷⁾), чтобы мать приготовила брачное пиршество.

Зозуленька куе, соловій то чуе:
 Богъ самъ знае, видае, де мій милий почуе!
 Ой ци винь въ обози, въ далекій дорози,
 Ой ци зъ однораломъ въ чужимъ краю на залози!
 А винь въ чистимъ полю по обози ходитъ,
 Свого пана однорала висулги ся проситъ:
 „Пусти жъ мене пане, пусти мя до дому,
 Ай бо затужила дивчина за мною!“ (Чт. 1863. IV. 285).

- ¹⁾ Закукала зозуленька,
 Кукала вва біла:
 Иншу милу любку маешъ. (Чт. 1866. I. 541).
- ²⁾ Сива зозуленька въ гай полетела,
 Въ гай полетела на калину сила,
 Сила на калину, та й стала кувати:
 Кого я любила, того не видати.
- ³⁾ Ой виперу, вимаглюю,
 Козацьку сорочку.
 Ой летила зозуленька,
 Та й стала кувати:
 Годи, годи чорнявал,
 Сорочку прати;
 Возьми серпи, иди въ степи —
 Пшениченьки жати.
- ⁴⁾ Ой у садочку заковала сивая зозуля, —
 Не для тебе я уросла красная дивуля.
- ⁵⁾ Въ огороди калинька,
 Куе на ій зозуленька
 Ажъ мій батенько чуе:
 Сива зозуленько,
 Не задавай мене жалейку;
 Я и безъ тебе жаль маю,
 Що дивоньку замижъ даю.
- ⁶⁾ Ой летила зозуленька черезъ садъ.
 Ой кликала Марусеньку на посадъ.
- ⁷⁾ Сива мала пташечко,
 Рябая зозуленько,
 Ой полить дорогою,
 Занеси матинци висти:
 Нехай матинка чуе,
 Нехай приготуе,

Мать, находясь въ разлукѣ съ сыномъ козакомъ, обращается къ кукушкѣ, чтобъ узнать, чтѣ съ нимъ ¹⁾).

Нерѣдко кукушка — вѣстница или прорицательница грядущаго несчастья. Такъ, сирота узнаетъ по кукованію, что ей ничего не остается на свѣтѣ, и проситъ сырую землю разступиться и взять ее ²⁾. Кукушка предсказываетъ рекрутамъ-новобранцамъ ихъ судьбу ³⁾. Въ галицкихъ гайдамацкихъ пѣсняхъ кукованье кукушки дѣлается сигналомъ ихъ сбора на добычу ⁴⁾ и прорицаніемъ того, что ихъ догонять солдаты ⁵⁾. Въ пѣснѣ объ утонувшемъ молодцѣ Василѣ кукушка поетъ въ лозахъ на калинѣ, какъ бы предсказывая, чтѣ будетъ съ молодцомъ ⁶⁾. Въ другой пѣснѣ кукушка предсказываетъ козаку утопленіе въ водѣ и какъ бы предостерегаетъ его ⁷⁾. Также она предостерегаетъ влюбленнаго молодца и кукованіемъ своимъ пророчитъ ему бѣду. Этого молодца отравила (причаровала) дѣвица ⁸⁾. Кукушка приноситъ также вѣсти о смерти близ-

Нехай застеле тисовіи столи,
Нехай поставитъ зелене вино.

- ¹⁾ Зозуленько сивенька, ти всюди летаешъ,
Чи ти мого сина у вичи видаешъ?

- ²⁾ Въ мене ньька не ридная,
И ридъ мене оддалея.
Розступися, сира земле,
Бо я вйду мала въ тебе!
Ой летила зозуленька
Черезъ садъ куючи;
Та вже мини надокучило
На симъ свити горюючи.

- ³⁾ Ой летила зозуленька черезъ садъ куючи:
Заплакали новобранци до приему идучи.

- ⁴⁾ Заковала зозуленька та меже лисами;
Ой ходи, Байчуку, на здобичь и зъ нами. (Чт. 1863. IV. 160).

- ⁵⁾ Заковала зозуленька, заковала жовта;
Здогнали лединкивъ на Рокети ровта. (Чт. 1863. IV. 161).

- ⁶⁾ Закувала зозуленька въ лозахъ, въ очерети,
Кличе мила Василицу къ соби вечерети.

- ⁷⁾ Закувала зозуленька, заковала,
Зъ вишневого саду вилтала,
На синее море поглядала;
Що синее море замерзае,
Ледкомъ тоненькимъ,
Та й припадае
Снижкомъ билесенькимъ.
Туди козаченько нагнався,
А пидъ нимъ кинь вороній розигрався,
Ой ставъ козаченько потопати и пр.

- ⁸⁾ Ой летила зозуленька черезъ садъ куючи,
Плакавъ, плакавъ козаченько до дивчини йдучи.
Ой чіи то воли по горахъ ходили,
Ой то того козака, що ми въ трѣхъ любили:
Першая любила — подарочки шила,
Другая любила — сестра розлучила,
Третія любила — та й причаровала.

киѣ. Въ одной пѣснѣ молодецъ, котораго убиваютъ, передъ смертью обращается къ кукушкѣ и поручаетъ ей принести вѣсть его женѣ; кукушка исполняетъ это порученіе ¹⁾. Оборотъ этотъ очень древній, такъ какъ мы встрѣчаемъ вариантъ почти подобнаго въ шотландскихъ балладахъ: убитый охотникъ посылаетъ птицу (только не кукушку, а дрозда) передать вѣсть о его смерти матери (Chambers Ball. 181. См. Уланда Volksl. Abhandl. Schrift. 127). Въ пѣснѣ объ убитомъ молодцѣ Лебеденкѣ кукушка жалобнымъ кукованьемъ приноситъ вѣсть матери о смерти сына ²⁾. Въ думѣ о трехъ братьяхъ, убѣжавшихъ изъ Азова, кукушка садится въ головахъ исклеваннаго орлами и истерзаннаго волками тѣла козака и оплакиваетъ его, какъ сестра брата или мать сына ³⁾. Въ другой думѣ, при такомъ же положеніи, кукушкѣ влагается меланхолическое размышленіе ⁴⁾; подобное встрѣчается въ одной нѣмецкой балладѣ, гдѣ лѣсная птичка оплакиваетъ голову убитаго, не имѣющаго около себя никого близкаго (Mannhardt. 65, 68. Umland. 3, 87).

Но есть въ пѣсняхъ мѣста, гдѣ за кукушкой не признается всевѣдущей силы. Такъ, въ одной пѣснѣ заблудившійся въ лѣсу козакъ проситъ кукушку указать ему дорогу, но кукушка отвѣчаетъ, что она ему не скажетъ, а пусть онъ спроситъ объ этомъ соловья ⁵⁾. Затѣмъ въ той же пѣснѣ слѣдуетъ восклица-

¹⁾ Лети, лети, зозуленько, та й сядь на воротяхъ;
Нехай вийде моя мила въ червонихъ чоботяхъ!
Прилетила зозуленька та й пала на хати.
Чи не вийде его мила до двору изъ хати?
Ой не вийшла его мила, а найменьша свистъ;
Ой принесла зозуленька найсмутнишу вистъ.

²⁾ Прилетила зозуленька та й сила,
Та й почала зозуленька жалибно кувати.
Пишла жъ наша Лебедиха сусидивъ питати:
Сусидочки голубечки, який мині сонъ снівся,
Либонь мій синъ Лебеденко сю ничь оженився.

³⁾ Де ся взяла сива зозуленька,
Въ головкахъ сидала, жалибно кувала;
Якъ сестра брата або мати сина оплакала. (Макс. Укр. Дум. 23).

⁴⁾ У неділю рано порану,
Сива зозуля вилитала,
На могилу сидала,
Жалибно ковала:
Голово козацька; голово молодецька,
Чи е въ тебе на Руси отецъ або мати,
Або сестра найменьша?
Якъ би отецъ, мати видали,
Билу постиль би на смерть слали,
Або сестра найменьша видала,
То въ неділю бь раненько вставала,
Жалибненько оплакала,
Такъ якъ би зозуля закувала!

⁵⁾ Зозуленько сивенькая,
Та скажи мині дорогу,
Куди ихати до роду,

ніе: какой же глупецъ козакъ, что спрашиваетъ кукушку ¹⁾. Еще рѣче вы-
сказывается это въ другой пѣснѣ, гдѣ дѣвица спрашиваетъ кукушку, сколько
времени она останется въ дѣвицахъ, и недовольная отвѣтомъ кукушки говоритъ:
чтобъ ты, кукушка, семь лѣтъ не куковала за то, что мнѣ не сказала правды ²⁾.

Быть можетъ, здѣсь нужно видѣть вліяніе сравнительно позднѣйшихъ вре-
менъ, когда уже прежняя языческая вѣра въ прорицанія кукушки поколеба-
лась. Но, можетъ быть, это представленіе имѣетъ связь съ тѣмъ стариннымъ
представленіемъ, по которому кукушка могла быть ложною, т.-е. что-то дру-
гое принимало видъ или казалось людямъ кукушкою, не бывши на самомъ дѣлѣ
ею. Такимъ образомъ въ нѣмецкой пѣснѣ спрашиваютъ кукушку, сколько вре-
мени остается жить, и при этомъ приговариваютъ: смотри же, не солги, не
обмани, а то значить ты не настоящая кукушка ³⁾. Здѣсь же мы можемъ при-
вести одно мѣсто изъ галицкихъ пѣсней, гдѣ мать сердится на кукушку за
то, что она разбудила ея ребенка ⁴⁾. У германскихъ народовъ кукушка, кромѣ
того, имѣетъ эротическое значеніе и часто представляется въ пѣсняхъ симво-
ломъ молодца и любителя прекраснаго пола ⁵⁾; у насъ въ народѣ такого пред-
ставленія не могло образоваться уже и потому, что тамъ кукушка (der Ku-
kuk) мужескаго рода, у насъ—женскаго; но въ одной веснянкѣ есть странный
образъ, невольно побуждающій искать аналогіи съ древне-греческимъ мифомъ о
превращеніи женоподобнаго Зевса въ эту птицу. Вставай, челядь, городите го-
родъ, закрѣпите его терномъ, чтобы не прилетѣла сизая кукушка и не похи-
тила дѣвичьей красы ⁶⁾. Подобный образъ встрѣчается въ другой веснянкѣ о

Ой до роду, до родини,
До вирненькой дружини?
— „Ой козаче, дивенце,
Не скажу я тобі сердце,
Спитай же ти соловейка:
Винь ранесенько встае,
И високо литае,—
Винь дороженьку знае!

1) Козаче бурлаче, дурний розумъ маєшъ,
Що зозули питаєшъ!

2) Бодай же ти, зозуленько, симъ лить не кувала,
Що ти мни молоденькій правди не сказала!

3) Kukuksknecht,

Segg mi recht

Segg mi wâr

Wie viel Iahr ich leben soll.

Betrüg mich nicht

Betrüg mich nicht

Sonst bist du der rechte Kukuck nicht

(Mannh. 232).

4) Бодай зъ тебе, зозуленько, сиве перье впало,
Збудила съ ми дитиновку, ще би було спало!

5) Ibid. 248 и т. д., напр.

Der Kukuck ist ein braver Mann

Der sieben Frauen halten kann.

6) Вставай, челядонько,

Городъ городити,

соколѣ, гдѣ онъ соотвѣтствуетъ постоянной символизациі этой птицы. Такъ какъ эта пѣсня стоитъ особнякомъ и ничего другого въ такомъ же смыслѣ мы не отыскали въ пѣсенности, то и нѣтъ возможности привести объ этомъ болѣе предположеній.

Кукушка иногда въ пѣсняхъ символъ женщины — жены, сестры, матери; лица, плачущія надъ убитымъ козакомъ, называются тремя кукушками ¹⁾. Но преимущественно кукушка — символъ матери ²⁾. Въ одной пѣснѣ сыновья сопоставляются съ соколами, а мать съ кукушкой ³⁾; въ другой — мать въ видѣ кукушки прилетаетъ на могилу погребеннаго сына и проситъ подать ей изъ могилы руку ⁴⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ невеста изображается кукушкой, а ея дружки — галками ⁵⁾.

Кукушка также означаетъ и замужнюю женщину. Козаку, у котораго во

Теренькомъ тернито,

Щоби не злетила

Сива ей зозуленька,

Щоби не схватила

Паняньской краси.

(Чт. 1864. III. 181).

¹⁾ Ой надлетило дви, три зозуленьки,

Вси три просивеньки, та вси три смутненьки:

Ой одна упала по конци головки,

А другая впала по конецъ нижочокъ,

А третя упала по конецъ серденька:

По конецъ головки—то мати старенька,

По конецъ нижочокъ—сестричка ридненька,

По конецъ серденька—то его миленька! (Чт. 1863. IV. 192—193).

²⁾ Прилетитъ тамъ зозулейка,

Зозулейка риднейкая...

Зозулейка прилетаетъ,

Зъ за бучейка дазираетъ,

Ходъ, синойку, до домойку,

Ней ти змию головойку!

(Чт. 1863. I. 473).

³⁾ Якъ би я, мати, сокиль—

Я бѣ до тебе прилинувь;

Якъ би я сива зозуля—

Я бѣ до тебе прилинула.

⁴⁾ Прилетила зозуленька та й сказала: куку!

Подай, синку, подай, орле, хочъ правую руку!

⁵⁾ Та летять галочки въ три рядочки,

А зозуленька попереду,

Та вси галочки на гильяхъ сили,

А зозуленька на калини;

Та вси галочки защибетали,

А зозуленька заковала.

Та йдутъ дружечки та рядъ по ряду,

А Марусенька по переду;

Та вси дружечки за столомъ сили,

А Марусенька на посади;

Та вси дружечки заснивали,

А Марусенька заплакала!

время отсутствія изъ своего дома умерла жена, снится, что изъ его двора вылетѣла кукушка ¹⁾). Но въ этомъ значеніи первое мѣсто занимаетъ пѣсня о превращеніи въ кукушку замужней женщины, которую мать отдала замужъ за немилаго человѣка и запретила бывать у себя по однимъ вариантамъ семь лѣтъ, а по другимъ безъ означенія срока ²⁾). Пѣсня эта чрезвычайно распространена во многихъ, очень различныхъ вариантахъ. Такого же содержанія и такого тона есть пѣсня великорусская, и это указываетъ на глубокую древность ея темы. Въ галицкомъ вариантѣ превращеніе женщины въ кукушку, повидимому, совершается уже послѣ ея смерти, постигшей ее отъ жестокаго обращенія мужа или отъ самоубійства, вызваннаго жестокостью мужа ³⁾).

¹⁾ Що на мій димъ пчоли внали,
На подвір'є зоря упала,
А зъ двора зозуля вилетіла.
„Ахъ синовьку, мій зятоньку,
Тидь же скоро до домоньку.
Маешъ дома пригодноньку!
Бо пчолов'ьки—то слизоньки,
А зоронька—дитинонька,
А зозуленька—Марисенька“.

(Чт. 1863. IV. 183).

²⁾ Ой оддала дочку въ чужу стороньку,
Та й приказала симъ литъ въ гостяхъ не бувати;
Пожила годочокъ, пожила и другий,
На третій годочокъ—стало мнини нудно,
Стало мнини нудно, на серденьку трудно,
Безъ свого отця, безъ своєї пеньки!
Пороблю я крильця, та зъ щирого сердца,
Та й полечу до отця, до неньки!
Летіла, сиділа—сади потопила,
А все своїми дрибними слизами,
Та й прилетіла до нової хати,
До нової хати, та й стала ковати,
Чи не вийде мати изъ нової хати;
Мати виходила та й заговорила:
„Чи ти зозуленька, чи ти голубонька,
Чи ти моя дочка изъ-за нелюбочка?
Ой якъ зозуленька—лети ковати,
А якъ моя дочка—то прошу до хати“.
— Ой не хочу, мати, до твоєї хати,
Коли заказала въ гостяхъ не бувати;
Такъ я полечу въ темний лісъ кувати!

³⁾ „Коли съ ми детятко, де жъ твоє биле тило?“—
— Мое биле тило нидь нагайкою зитлило,—
„Коли съ ми детятко, де жъ твої чорні очі?“
— За нелюбомъ виплакала мѣ якъ у день, такъ въ ночи.—
„Бодай его руки та дзѣбали круки,
Бодай его очі билій пісокъ точивь!“

(Чт. 1863. IV. 196).

Или (угорская):

„Дивко моя любя, где же твоє тило?“
— Мое, мати, тило съ вятромъ улетило:

Кромѣ самой птицы кукушки, въ пѣсняхъ встрѣчаются кукушкины перья. Кукушка летѣла черезъ Дунай и уронила перо: каково этому перу на Дунаѣ, таково сиротѣ въ чужомъ краю ¹⁾. Въ другой пѣснѣ кукушкины перья напали въ криницу; они замѣняютъ кленовый листъ другихъ пѣсенъ (см. выше о кленѣ).

Соловей (*соловейко* съ эпитетомъ: «малый, маленькій») — пѣвецъ утра; въ пѣсняхъ онъ представляется чаще всего поющимъ (щебече) на зарѣ; онъ — символъ веселья, удовольствія. Его пѣніе возвѣщаетъ свѣтъ (и въ пѣснѣ объ Игорѣ: соловьи веселыми пѣснями свѣтъ повѣдаютъ) и радость. Съ нимъ сопоставляетъ дѣвица явленіе своего милаго ²⁾. Дѣвица, воображая для себя веселое житье, хочетъ, чтобъ къ окну ея прилетѣли соловьи и щебетали для нея ³⁾. Женщина, ожидая прихода матери, проситъ соловья не щебетать и не обивать ранней росы, — пусть обобьетъ росу ея матушка: этимъ выражаетъ она ту мысль, что удовольствіе видѣть мать для нея лучше самыхъ пѣсенъ соловья и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она какъ бы хочетъ соловья сдѣлать соучастникомъ своего благодушія ⁴⁾. Но также и ночью поетъ соловей и веселитъ душу ⁵⁾.

Соловей, какъ мы уже замѣтили, нерѣдко упоминается вмѣстѣ съ кукушкою, какъ символъ благодушія. Въ колядкѣ, желая хозяйну, чтобъ ему было хорошо, выражаются, чтобъ онъ былъ какъ соловей въ луговой, а кукушка въ буковой рошѣ, и какъ ласточка на подворьи ⁶⁾. Мать разговариваетъ съ сыномъ; оба изъявляютъ другъ другу благодушную любовь (сыновнюю и материн-

Нягай го мужь не бивае!

„Доне моя, доне, где твои волоси?“

— Мои, мамо, власи тихій Дунай посить,

Нягай ихъ мужь не тирмосить! (Чт. 1866. III. 703).

¹⁾ Ой летила зозуленька черезъ поле гай,
Та впустила рябе перце на тихий Дунай.
Ой якъ тому сивенькому перцю на Дунаи,
Оттакъ мини сиротини на чужому краю!

²⁾ Безъ милого соловейка и свить не свитае,
А безъ мого миленького гуляньня не мае.
Якъ вилетить соловейко то й свита ранише,
А якъ вийде мій миленький — гулять всеселише.

³⁾ Щобъ до мене соловейки прилitalи,
Щобъ мини раненько щебетали!

⁴⁾ Ой ти соловейко, пташечка мала,
Ой не щебечи садомъ летаючи,
Ой не обивай раньней роси;
Нехай обибе матинка моя,
До мене йдучи, одвидуючи,
Мого життя роспитуючи!

(Метл. 245).

⁵⁾ Зашебечи соловейко у ночи;
Розвесели мои чорни очи.

⁶⁾ Якъ соловейчика при тузи въ лузи,
А зозулечка при буковинци,
При буковинци, при верховинци,
А ластивочка на подвиречку.

(Чт. 1864. I. 36).

скую), и этот образ сопоставляется съ соловьемъ и кукушкою ¹⁾. Невѣста сирота посылаетъ соловья и кукушку—перваго къ умершему отцу, послѣднюю въ «Украину» за родными, но ни тотъ, ни другой не возвратились, потому что нѣтъ возможности добыть для нея то, чего она желаетъ ²⁾. Дѣвица и соловья, подобно какъ кукушку, спрашиваетъ о своей судьбѣ ³⁾ или о томъ, гдѣ ея милый ⁴⁾.

Впрочемъ, это качество прорицанія соловей раздѣляетъ и съ другими птицами (см. ниже).

Пѣніе соловья улаживаетъ горе одиночества въ чужой сторонѣ ⁵⁾; но при сильномъ горѣ оно также усиливаетъ и боль, какъ вообще нерѣдко веселое не въ силахъ разогнать тоску и еще болѣе увеличиваетъ ее своею противоположностью и безсиліемъ ⁶⁾. Съ соловьемъ сопоставляется молодой козакъ, играющій

1) У першому сади соловейко свище,
У другому сади зозуля кує,
У третьому сади мати съ синомъ стояла, и пр.

2) Молода Марьечка
Калиноньку прогортала,
Батенька шукала.
Пошлю соловейка,
Пошлю маленького
По батенька риденького,
А зозуленьку на Бкраиноньку,
По свою родинюньку.
Ни соловейка зъ гаю,
Ни батенька зъ раю,
Ни зозули зъ України,
Ни моєї родини.

3) „Ворожи ми, соловіюку,
Чи буду я такъ до вилу?“
— Не журися, дивчинонько,
Прійде на тя годинюнька!

(Чт. 1863. IV. 318).

4) „Соловейко малесенький,
Въ тебе голось тонесенький!
Скажи, де мій миленький?“
— Твій миленький на риночку,
Пье винъ вино-горилочку.

5) Соловейко, мало пташечко,
Въ тебе голось тонесенький,
Защобечи ти мини,
Бо я на чужій сторони.

6) Соловей маленький,
Въ тебе голось тоненький!
Ти раненько спиваешь,
Мое сердце вриваешь.
Не щобечи раненько,
Бо й самъ знаешь, маленький,
Який то жаль тяженький!
Бо якъ въ день, такъ въ ночи
Стоить милый передь очи.

на дудочкѣ ¹⁾). Голосъ соловья—вообще счастье, и потеря голоса соловьемъ сопоставляется съ потерей счастья и доброй доли ²⁾). Свиваніе соловьемъ гнѣзда—образъ приготоуленія молодца къ женитбѣ, причѣмъ галка представляется парю соловья ³⁾). Такъ какъ соловей служитъ символомъ благодушія и веселія, то бѣдствіе выражается въ народной поэзи, между прочимъ, образомъ разоренія соловьиного гнѣзда или поимкою соловья въ неволю. Вотъ изъ корабля вышли казаки; они стрѣляютъ и убиваютъ соловьиныхъ дѣтей; остается отецъ-соловей и плачетъ о погибели дѣтей и о своемъ сиротствѣ ⁴⁾). Въ другой пѣснѣ казаки, стрѣляя, обожгли соловью крылья; соловей встрѣчаетъ сестрицу-перепелку, которая ему говоритъ: не сказывала ли я тебѣ: не вей гнѣзда въ дубровѣ; свей гнѣздо въ степи при дорогѣ,—тамъ будутъ идти чумаки, а ты станешь щебетать рано и чумаковъ будить ⁵⁾). Соловья хватаютъ соколы: это—образъ молодца, взятаго въ неволю ⁶⁾). Соловей любитъ свободу: чернецъ, у котораго соловей улетѣлъ изъ клѣтки, просить его воротиться, пѣть ему и общасть ему соли и воды изъ самаго чистаго ключа, но соловей согласенъ лучше пить воду изъ рѣки, лишь бы оставаться на волѣ ⁷⁾).

1) Чи той, мати, соловей, що кризь садъ литає,
Чи той, мати, молодець, що въ дудочку грає?

2) Чому, чому, соловейку, не спиваєшь,
Деся ти, соловейку, голосу не маєшь?
— Потерявъ я свой голосъ въ вишневи́мъ садочку.—
Чому, чому, кавалиру, чому не чу́дешъ?
Деся ти, кавалиру, счастья-доли не маєшь?—
— Потерявъ я счастья-долю черезъ тебе, дивчино.

(Гильт. 132).

3) Ой тамъ на гори
Соловейко гнзздо звивъ,
Та всю ниченьку не спавъ,
Соби галочку прикликавъ:
„Ой чи будешъ, галочко,
Моимъ дитямъ маткою!“

4) Якъ прилетивъ батенько соловейко:
„Дитки мой, дитки соловьята!
Хто жъ буде у садочку щебетати,
Мене старенькаго розважати?“

5) Тай зустривъ соловейко перепилку:
„Ой здорова, здорова, сестрице перепилко“.
— Здоровъ, здоровъ, брате соловейку.
А чи я тобі брате не казала:
Не бгай гнззда у диброви,
Зобгай гнзздечко въ степу край дороги:
Ай тамъ чумаченьки будуть прохожати,
То вони будуть рано уставати,
А ти будешъ раненько щебетати,
Та будешъ чумаченькивъ пробужати.

6) Налетили соколи изъ чужой стороны,
Узяли соловейка въ чужую сторону.

7) Повернися до клитоньки,
Будешъ мини сливатоньки;

Чижь (*чижижк*), сколько намъ до сихъ поръ извѣстно, упоминается въ одной только пѣснѣ, но въ нѣкоторыхъ вариантахъ онъ же называется соловьемъ, а въ другихъ воробьемъ, оставаясь чижомъ (*чижижк-соловейчику*, или *чижижк-горобейчику*). Дѣвица спрашиваетъ его, кому нѣтъ воли, и онъ объявляетъ ей, что воля—дѣвушкамъ, а неволя—замужнимъ женщинамъ ¹). Пѣсня эта очень древняя, какъ видно изъ того, что подобная существуетъ и въ Великоросіи. Смѣшеніе этихъ птицъ произошло оттого, что всѣмъ имъ въ отдѣльности приписывалась одинаковая способность прорицанія.

Воробей (*горобецъ*) въ веснянкахъ—образъ молодца, впрочемъ недостойнаго любви; съ тремя воробьями дѣвица сравниваетъ трехъ молодцовъ, за которыхъ не хочетъ выходить замужъ ²). У несчастнаго козака, котораго бьютъ палками, представляется пшеница, которую клюютъ воробьи ³). Въ веснянкахъ же въ игрѣ «макъ» обращаются къ воробью, чтобъ онъ сказалъ: какъ съютъ макъ ⁴).

Въ одной шуточной веснянкѣ говорится, что дѣвицы пѣли пѣсни и складывали ихъ въ рѣшето, а потомъ повѣсили это рѣшето на вербѣ; налетѣли воробьи и свалили рѣшето съ пѣснями на землю ⁵).

Дамъ ти соли й водици
Зъ якъ найчистой криници.
— Не хочу я води зъ криници,
Волю ся въ рици напиги,
Але вольности зажити.

(Žeg. Pauli. II. 44).

- ¹) Ой *чижижк-соловейчику-горобейчику*,
Скажи мини всю правдоньку:
Кому воля, кому нема волечки?
— Дивочкамъ своя волечка,
То за стричечку, то за виночокъ,
То на улочку, то у таночокъ.
Молодичкамъ нема волечки:
Ой у пичи горщикъ бижитъ,
У колисци дитя кричить,
У запечку нелюбъ сидитъ.
Горщикъ каже: одставъ мене,
Дитя каже: росповий мене,
Нелюбъ каже: поцилуй мене.
- ²) На улици три горобчика,
А на улоньци три парубка:
Не давай, ненько, ни за одного,
Бо не буде добра ни видъ одного!
- ³) Ой чия жъ то пшеничка, що горобци пьютъ?
Ой то того козаченька, що палками бьютъ.
- ⁴) Воробейчику, чи бувавъ ти у садку,
Чи видавъ ти, якъ макъ сьютъ?
- ⁵) Спивали дивочки, спивали,
Въ рѣшето писеньки складали,
Та и повисили на верби:
Якъ налізули горобци,
Звалили рѣшето до долу;
Чась вамъ, дивочки, до дому!

Жаворонокъ (по малоросс. *жайворонокъ*) упоминается въ одной веснянкѣ, какъ признакъ начала весны ¹⁾. Въ одной пѣснѣ, въ разговорѣ между братомъ и сестрою, сестра называетъ брата жаворонкомъ, а братъ сестру перепелкою ²⁾. Въ одной угорской пѣснѣ жаворонокъ начинаетъ справлять погребеніе Иисусу Христу, умершему на крестѣ, а за нимъ слѣдуютъ голубь и другія птицы ³⁾.

- 1) Ой чому ти, жавороночку,
Рано зъ вирия вилитавъ?
Ище по горонькахъ сниженьки лежать,
Ище по долинахъ криженьки стоять.
Ой коли пора прийшла,
Неволенька вийшла!
Ой я тиі криженьки крилечками розжену,
Ой я тиі сниженьки ногами потопчу.

2) Метл. 220.

- 3) Ой повичъ же ми, соловію, правду,
Де я свого Спасителя найду,
Ци ли на гори, ци ли на долини,
Ци ли на крижовий висить деревини?
Гори и долини треба розмирати,
А на тій гори треба умерати.
На полудне солнце наступае,
А южь на крести Христось умерае.
Жиди взяли, во грибъ поховали
И каменіємъ запечатовали.
Жаворонокъ пискати, въ гору ся нидноситъ,
Господу Богу погрибъ оголошати.
И ти, голубе, дармо не гуркаешъ,
Господу Богу погрибъ отпраляешъ.
Ище пташкоче-жалостно пискали,
Господу Богу погрибъ отпраляли. (Чт. 1866. III. 736).
Колись то було зъ початку свята,
Подуй же, подуй, Господи,
Зъ духомъ святимъ по землі!

Втоди не було неба ни землі,
Неба ни землі, нимъ сине море,
А середь моря та два дубойки,
Сили, упали два голубойци,
Два голубойци на два дубойки,
Почали соби раду радити,
Раду радити и гуркотати:
Якъ ми маємо свить основати?
Спустиме ми ся на дно до моря:
Винесеме си дрибного писку,
Дрибного писку, синёго каменъце.
Дрибний писочокъ посіеме ми.
Синій каминець подунеме ми.
Зъ дрибного писку—чорна земляца,
Студена водиця—зелена травиця;
Зъ синёго каминьця—синее небо,
Синее небо, свитле сонейко,

Голубь (по малоросс. *голубь*) в древности имѣлъ мифологическое значеніе, котораго самымъ виднымъ остаткомъ можетъ служить галицкая колядка о сотвореніи міра. Двое голубковъ (по другому варианту трое) садятся на два дуба (по другому варианту—на зеленый яворъ) посреди первобытнаго моря, существовавшаго до сотворенія неба и земли. Они хотятъ спуститься на морское дно и достать песку для сотворенія земли, воды, растений и синяго неба (по другому варианту—золотого камня, изъ котораго образуются небо и небесныя свѣтила). Здѣсь удержались слѣды глубоко-древняго арійскаго мифологическаго представленія. Подобные образы открываются въ зендской мифологiи, гдѣ изображаются два чудныя дерева: одно—дерево жизни и исцѣленія, а другое, стоящее посреди первобытнаго моря Варушана, содержитъ въ себѣ всякія сѣмена; на его вершинѣ—мионическая птица (объясняемая соколомъ) разноситъ, при посредствѣ воды, эти сѣмена по всему міру (Windischmann. Zoroastrische Studien. 1863, S. 165—176). Въ древней Инди встрѣчается подобное; въ послѣдней части Ригъ Веды говорится о деревѣ, изъ котораго созданы небо и земля, на немъ двѣ птицы обнимаются (Kuhn. Die Herabkunft des Feures. 1859, S. 126—129): послѣдній признакъ сближаетъ съ ними нашихъ голубей, которые сами по себѣ—птицы любви. Вѣроятно, изъ двухъ приведенныхъ нами вариантовъ тотъ, въ которомъ два голубя, сохранилъ болѣе стариннаго смысла, чѣмъ послѣдній, въ которомъ число три могло возникнуть подъ влияніемъ представленій о христіанскомъ уваженіи къ троичности.

Съ этимъ глубоко-мионическимъ представленіемъ должны были нѣкогда состоять въ связи и другіе образы голубей въ пѣсняхъ, поражающіе своею странностью. Вотъ, напримѣръ, поется о двухъ голубяхъ, сидѣвшихъ на дубѣ: они слетѣли и покрыли своими крыльями всѣ степи, взвеселили весь свѣтъ своими

Свитле сонейко, ясенъ мисячокъ,
Ясенъ мисячокъ и вси звездойки.

Или:

(Коли не било зъ нещада свита,
Подуй же, подуй, Господи,
Изъ святимъ духомъ по землі!

Тогда не било неба, ни земли,
Ано лемъ било синое море,
А середь моря зеленый явирь,
На яворойку три голубоньки,
Три голубоньки радоньку радять,
Радоньку радять, якъ свить сновати:
„Та спустимеса на дно до моря,
Та дистанеме дрибногo писку,
Дрибний писочокъ посіеме ми,
Та намъ ся стане чорна земляца;
Та дистанеме золотий каминь,
Золотий каминь посіеме мо,
Та намъ ся стане ясне небойко,
Ясне небойко, свитле сонейко,
Свитле сонейко, ясенъ мисячкь,
Ясенъ мисячкь, ясна зирница,
Ясна зирница, дрибни звездойки“.

(Чт. 1864. I. 5).

голосами ¹⁾. Вѣроятно, это одни и тѣ же голуби, которыхъ мы встрѣчали въ колядкѣ о сотвореніи міра, тѣмъ болѣе, что и здѣсь ихъ двое, и здѣсь мѣсто ихъ на дубѣ, какъ въ первомъ изъ вариантовъ упомянутой колядки. Кромѣ того, въ иной колядкѣ поется о двухъ голубяхъ, которые объявляютъ, что они ангелы, слетѣвшіе съ неба для того, чтобъ узнать, живутъ ли люди такъ, какъ прежде жили ²⁾. Съ перваго взгляда можно здѣсь видѣть христіанское происхожденіе; но, соображая существованіе такихъ представленій о голубяхъ, которыя никакъ не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что въ народной поэзіи удержалось ихъ древнее міологическое значеніе, можно съ большею вѣроятностью подозрѣвать и здѣсь языческую основу, принявшую отчасти формы, подходящія къ христіанству. Сущность здѣсь та, что въ образѣ голубей являются высшія существа мыслящія; но и голуби, творящіе небо и землю, конечно, означали или символическое изображеніе высшихъ существъ, или же ихъ орудіе.

Есть слѣды легендъ о превращеніи въ голубя или о явленіи въ видѣ голубиномъ человѣческой личности. Такъ, въ одной пѣсни мать сожалѣетъ, что она не слышала, какъ подъ ея окномъ ворковала сизая голубка. «Что это значить, что ко мнѣ дочь не приходитъ?»—говоритъ потомъ эта мать.—«Или ея не протоптанная дорожка изъ далекой стороны заросла травой?»—Дочь, неизвѣстно откуда, отвѣчаетъ ей: «не слыхала ты, матушка, какъ я у тебя подъ угольнымъ окошечкомъ гудѣла голубкою» ³⁾. Вѣроятно, здѣсь разумѣется умершая, такъ какъ вообще существуетъ представленіе объ явленіи души въ видѣ птицы ⁴⁾, между прочимъ, и въ видѣ голубя, по народнымъ разсказамъ. Вездѣ въ пѣсняхъ, какъ мы замѣтили, голубь является несомнѣнно символомъ любви. Дѣвица

- 1) Ой на дубоньку два голубоньки,
Зиялись вони, полетили,
Крыличками вси стени вкрили,
Голосами весь свить звеселили
- 2) Пане господарю, на твоимъ дворі
Ой два голуби пшениченьку дзюбають!
Хоче господарь на ихъ стріяяти;
Стали до его та й промовляти:
„Господарю вашъ! Не бий же ти насъ.
Ми не голуби, ми есть ангели,
Ми винтуемъ и виглядуемъ:
Що се діється на билимъ свити;
Чи теперъ все такъ, якъ колись було?
Ой теперъ не такъ, якъ колись було:
Що братъ на брата тай ворогуе,
А сестра сестри чари готуе!“
- 3) Не почувла, моя матинко,
Якъ я въ тебе була;
Пидь покутнимъ виконечкомъ
Я голубкою гула.
- 4) Прилетила пташка, била мене впала:
Таки очи, таки брови, якъ у мого пана!
Прилетила пташка—малѣвани крильця:
Таки очи, таки брови, якъ у мого Гриця.

называет своего милаго сизымъ голубемъ ¹⁾, а молодець—дѣвицу сизою голубкою ²⁾; братья и сестры между собою выражаютъ такъ же свою родственную привязанность ³⁾; любовь между молодцомъ и дѣвицею сравнивается съ любовью голубей ⁴⁾. Свойственное первобытному человѣку стремленіе передать свои сердечныя ощущенія природѣ выражается, между прочимъ, тѣмъ, что влюбленные, видя въ жизни голубей подобіе своихъ отношеній, думаютъ, что голуби принимаютъ участіе въ ихъ житіи ⁵⁾.

Разныя приемы и случаи изъ жизни голубей служатъ въ народной поэзіи установленными символическими выраженіями любовныхъ отношеній. Таковы прежде всего половыя нѣжности голубковъ—образъ человѣческихъ отношеній подобнаго рода ⁶⁾. Голуби вмѣстѣ пьютъ воду ⁷⁾: это—образъ любовнаго сближенія; одни голуби пьютъ воду, другіе возмущаютъ ее ⁸⁾: это—образъ препятствій, причиняемыхъ влюбленнымъ. Знакомство дѣвицы съ любовью символически выражается такимъ образомъ: дѣвица нарвала калины, продала ее и купила голубка; она сыплетъ ему пшеницу, ставитъ передъ нимъ воду, а онъ не клюетъ пшеницы, не пьетъ воды, все воркуетъ ⁹⁾. Въ другой пѣснѣ дѣвица

1) Мій миленькій, голубонько сивенькій!

2) Дивчинонька мила, голубонька сива!

3) Сестро моя миленька, голубонька сивенька!

Братіку мій милий, голубоньку сивий!

4) Кохалися, любилися, якъ голубигъ пара.

5) На дубоньку два голубчиги

И цілуются и милуются,

Моєму життю дивуються.

6) Ой у саду та пидъ дутькою

Сидить голубъ изъ голубкою,

Цілуются та милуются,

Сами собі та дивуються:

Що у голуба та сиза голова,

А въ голубки позолочувана.

А въ Иваса та на думци було:

Колибъ моя та Параска така,

То я бь ні цілувавъ, милувавъ...

7) Ой у броду, броду,

Пьютъ голуби воду;

И цілуются и милуются,

Сивими крилами обіймаються.

8) Два голуби воду пили, а два колотили;

Бодай же тимъ тяжко-важко, що насъ розлучили!

9) Цвить калину ломала,

Та понесла въ городокъ,

Та продала за шажокъ,

Та купила голубця,

Та принесла до дому,

Та пустила до долу,

Сипле ему пшеници,

Ставле ему водици:

Винъ пшеници не хоче,

Винъ водици не хоче,

Та все собі буркоче.

говорить, что къ ней прилетаетъ голубь. Мать говоритъ, что надобно его приручить: насыпать пшеницы по колѣна, а воды по крылья. Это, какъ ниже объясняется въ той же пѣснѣ, значить: лечь спать съ козакомъ, положить одну руку ему подъ голову, а другою обнять, прижать къ сердцу и поцѣловать¹⁾ (въ нѣкоторыхъ вариантахъ этой пѣсни не голубь, а соколъ. См. ниже о соколѣ). Если приручить голубя значить сойтись съ молодцомъ, то выпустить голубя — потерять молодца²⁾. Купанье голубя въ водѣ — символъ любовнаго волокитства и нѣжностей³⁾. Разлетъ голубей врознь — разлука⁴⁾; сидѣнье врознь голубя и голубки — нечистосердечіе и недоразумѣнія между влюбленными⁵⁾. Разлука, причиненная влюбленнымъ насильственными дѣйствіями другихъ, выражается образомъ нападенія другой птицы на голубей⁶⁾. Голубка, лишившаяся своего голубка, представляется образомъ вѣрности. Орель — виновникъ разлуки; къ овдовѣвшей голубкѣ налетаютъ голуби, но голубка говоритъ имъ, что уже теперь не будетъ ни съ кѣмъ сближаться⁷⁾. Въ другой пѣснѣ убиваетъ голубя стрѣлецъ, а въ утѣшеніе оставшейся голубкѣ нагоняетъ къ ней толпу голубей и предлагаетъ ей выбрать себѣ возлюбленнаго, но голубка отвѣчаетъ, что не хо-

1) „Голубь, мати, голубь, мати, голубь прилтае“.

— Давай, донько, принадоньку, нехай привикае!—

„Яку жь мини, моя мати, принадоньку дати?“

— Посишь пшовьця по колинця, водици по крыльця!—

„Козакъ, мати, козакъ, мати, козакъ приізае!“

— Давай, донько, принадоньку, — нехай привикае!—

„Яку жь мини, моя мати, принаду давати?“

— Стели, доню, постель білу, лягай изъ нимъ спати:

Одну ручку пидь головку, другою обняти.

Пригорнути до серденька, та й поціловати.

2) Ой гаю, мій гаю, густий, непрогляну,

Та впустила голубонька, та вже не піймаю!

Хочь піймаю, не піймаю, та вже не такого:

Приложу ручку къ сердечку, та вже не такому!

3) Чи се тая криниченька, що голубь купався?

Чи се тая дивчиненька, що я женихався?

4) Коло рачки, коло броду,

Пили два голуби воду,

Вони пили, полетили,

Крилежками стрепенули,

Про любощи спом'янули,

Про любощи, про милощи,—

А любощи та милощи

Та хуже всякой болисти.

Болисть буду, перебуду,

Кого люблю, не забуду.

5) Сидить голубь на берези, голубка на кладци;

Скажи мини, мое сердце, що маешь на гадци.

6) Надлетивъ орель старій,

Розигнавъ голубивъ зъ пари.

7) Бильше не хочу знатися ни зъ кимъ,

Пиду кризь землю, исти не буду,

Пити не буду, жити не стану.

четь жить, не станетъ ни ѣсть, ни пить. Въ иной пѣснѣ голубку похищаетъ воронъ, кормить ее пшеницею, поить водою; она не ѣсть и не пьетъ. Здѣсь—образъ насилія надъ дѣвцею со стороны сильнаго ¹⁾. Голубь, летающій безъ пары и ищущій голубки—образъ покинутаго возлюбленною или лишеннаго возлюбленной молодца ²⁾.

Сивый цвѣтъ голубей—образъ пріятности ³⁾.

Воркованіе голубей—грусть ⁴⁾; оно сопоставляется съ плачемъ влюбленныхъ ⁵⁾. Оно возбуждаетъ и усугубляетъ тоску несчастнаго ⁶⁾. Подобно кукуванью кукушки оно имѣетъ значеніе приговора ⁷⁾ и прорицанія ⁸⁾ (несчастія). Летаніе голубей—образъ нерѣдко грустный ⁹⁾ и, какъ вообще летаніе птицъ, возбуждаетъ тоску по утраченной молодости ¹⁰⁾. Голубь представляется переносчикомъ вѣстей между влюбленными. Молодецъ, не видя своей милой, посылаетъ за нею голубя съ письмами ¹¹⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ встрѣчаемъ образъ,

1) Надлетивъ воронъ зъ чужихъ сторонъ,
Голубку взявши, къ соби призвавши,
Сипле пшеницю, лае водицю,
Голубка не ѣсть, голубка не пье... (Žeg. Pauli. 11—82).

2) Горами-долами туманъ налягае,
А мижъ тими туманами сивъ голубъ летае.
Якъ полетивъ сивий голубонько поміжъ туманами,
Та зустрився сивий голубонько зъ буйными витрами.
Ви, витроньки буйнесенки, далеко бували?
Чи видали ви, чи не видали ви моєи пари?

3) Сивий голубъ, сивий голубъ, голубка сивина,
Милый отецъ, мила мати, дружина милиша.

4) Ой пье голубъ воду, голубка буркоче:
Либонъ мене мий миленький покинути хоче.

5) Ой загуе сивий голубонько, сидючи на тичини;
Ой заплаче молодой козаче по своїй дивчини.

6) Нема въ мене дружиноньки, ни счастья, ни доли;
Самъ зостався на чужини, якъ билина въ поли!
Ходить голубъ коло хати, сивий, волохатий:
Якъ загуе жалибенько—на сердцю тяженько.

7) Загули два голубоньки та надъ криницею:
Горе мѣни, моя мати, жити за пѣницею!

8) Ой у ласи на гориси два голубоньки гуде:
Отсежь тоби, мій синоньку, пригодонька буде!

Или:

Ой на дубоньку сивъ голубонько гуде,
А на козака неславонька буде.

9) Ой вилитае сивий голубонько взъ темного лугу;
Ой не завдавай, молода дивчино, мому серденьку тугу.

10) По надъ гору високую голуби литають,
Я гаразду не зазнала, та й лита мивають.
Я гаразду не зазнала, та й вжо не зазнаю,
Почимъ же васъ, лита мои, споминати маю.

(Чт. 1863. IV. 263).

11) Чогось моя мила до мене не ходить?

въ которомъ голубъ дѣлается символомъ дѣвчества. Голубъ ходитъ по столу и обмакиваетъ крылья свои въ пиво; онъ угощаетъ дѣвицъ, но обходитъ невѣсту, которая уже выходитъ изъ дѣвческаго круга. Будучи символомъ любви, онъ предсказываетъ этимъ дѣвицамъ любовь и оставляетъ ту, которая уже познакомилась съ любовью ¹⁾.

Ласточка (малор. *ластивка*) — символъ домовитости. Въ колядкахъ поется, что ласточка прилетаетъ къ хозяину подь окно (древность подобнаго образа доказывается сходствомъ съ явленіемъ ласточки подь окномъ въ Любушиномъ судѣ) и кличетъ его посмотреть, что у него отелились коровы, и онъ возьметъ деньги, когда выростутъ телята ²⁾. Въ галицкомъ вариантѣ этой же колядки ласточка приказываетъ хозяину послать челядниковъ къ скоту, а самому осмотрѣть пчель ³⁾. Въ томъ же символическомъ значеніи домовитости молодець, желающій жениться и обзавестись семьей, посылаетъ ласточку искать

Чи їй мати заказала,
Чи ся зъ иншимъ закохала?
Нанишу я три листоньки,
Та пошлю я голубонька,
Голубокъ лигае,
Дивчини шукае.

1) Милій Боже, ходитъ голубъ по столу;
Крыльця въ пивце вмочае,
Вси панночки частуе,
А Марусеньку минае,
Бо вже зъ наняства вистае,
До старихъ людей пристае.

2) Прилетила ластивочка,
Сила соби на виконци;
Стала соби щебетати.
Господаря викликати:
Вийди, вийди господарю,
Подвися до товару:
У тебе дви корови отелилося,
Два бичка народилося,
Тамъ-то чорни, тамъ-то красни,
Щей хороши,
Будешъ мати за ихъ гроши.

3) Ой ластивонька та прилитае,
Господаренька та пробужае:
Ой устань, господареньку,
Побуди свою всю челядоньку,
Та пишли же ихъ по оборонькахъ,
Чи ся коровки та потелили?
Та пишли же ихъ по стаенкахъ,
Чи ся кобилки пожеребили?...
А самъ си пиди по насиченькамъ,
Чи ти ся пчоли та пороили,
Та пороили, понароили?

себѣ подругу ¹⁾). Иногда ласточка означает мать ²⁾. Упастъ ласточкою—выраженіе, означающее покорность и любезность ³⁾. Въ одной купальской пѣснѣ купающаяся ласточка сопоставляется съ дѣвицею, которая хвалится своею кошою и личикомъ ⁴⁾. Въ другой пѣснѣ, веснянкѣ, съ ласточками сравниваются красивыя дѣвицы въ противоположность безобразнымъ, похожимъ на воронъ ⁵⁾.

Перепелка (по-малор. *перепилка, перепелиця*)—женскій символъ. Малоруссы любятъ давать названія птицъ въ качествѣ ласкательныхъ именъ женщинамъ: перепілочка—одно изъ самыхъ употребительныхъ. Въ пѣсняхъ съ перепелкою сопоставляется мать-вдова, обремененная дѣтьми ⁶⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ съ перепелкою сравнивается невѣста, но въ томъ смыслѣ, что ее ожидаютъ въ жизни семейныя трудности и заботы ⁷⁾. Въ заживныхъ пѣсняхъ съ

1) Пошлю жъ бо я ластивоньку

На чужую сторононьку,
Нехай пролітає,
Дружини шукає,
Дружини такої,
До сподоби моеї,
Щобъ роду тихенького,
Щоби личка биленького,
Щоби чорні брови,
Сама до розмови.
— Я всю Польщу облітала,
Дружини не здібала,
Дружини такої
До сподоби твоеї.

2) Матинко-ластивко! головка болить.

Или:

... Въ тій макивиці ластивка
Ой вивела двое дітей.

(Żeg. Pauli. I. 92).

3) Упаду я ластивонькою,

Передъ матинкою.

4) Ой на Купала на Ивана

Та купалася ластивонька,
Та на бережку сушилася,
Дивка Марьечка хвалилася,
Що въ неї коса ажъ до пояса,
А биле личко якъ яблучко.

5) Ой у нашій сторони

Красні дивки якъ ластивки,
А тутъ—якъ ворони!

6) Перепілочко, не литай по ночи,

Бо повиколуюєшъ на стернинку очи.
Якъ мині вдова по ночамъ не литати,
Коля въ мене дрибні дити—ничимъ годувати?
Не журися, матинко-перепілочко, нами;
Якъ підростемъ, то розлетимось сами,
По густимъ ліси, по чистому полю.

7) Зажурилася перепілочка:

„Бідна моя головонько,

перепелкою сравнивается хозяйка, а съ мелкою пташкою ея работницы въ полѣ ¹⁾. Въ одной шуточной пѣснѣ избалованная въ дѣвчествѣ женщина говорить мужу, что онъ будетъ ее лелѣять какъ перепелку ²⁾. Въ другой шуточной, но аллегорической пѣснѣ перепелка—разборчивая невѣста—отказывается въ рукѣ щеглу и выходитъ замужъ за соловья ³⁾. Въ ряду весеннихъ пѣсней есть пѣсня о перепелкѣ, гдѣ эта птица—образъ женщины. Пѣсня сопровождается игрою: одна дѣвица изображаетъ перепелку, прочія дѣвицы поютъ, что у перепелки умеръ муженекъ, и она изъявляетъ знаки печали ⁴⁾; потомъ поютъ, что у ней ожилъ муженекъ ⁵⁾, и она становится веселою. Игра эта, вѣроятно, есть видоизмѣненіе Кострубонька. Всѣ эти примѣры показываютъ, что перепелка означаетъ женщину замужнюю или вдову. Но есть пѣсни, гдѣ перепелка озна-

Що я рано зъ виря вилетила,
 Нигде мни гнізда звити,
 Нигде мни дитки сплодити!⁴
 — Не журися, перепилочко,
 Есть у мене три сади зелени:
 Що въ першому сади—та гніздо зивьемъ,
 А въ другому сади—дитокъ виведемъ,
 А въ третьему сади—дитокъ нагодуемъ.

- ¹⁾ Полетела перепилочка по полю,
 Убирала дрибни пташки до бору...
 Ой ходила наша пани по полю,
 Та збирала челядоньку до двору.
- ²⁾ Ой ти знавъ, на що бравъ мене невеличку:
 Будешъ ти мене кохати якъ перепеличку.

³⁾ Перепилочка овдовила,
 Заміжъ ити захотила.
 Ой прихавъ щигликъ зъ пишна,
 Сивъ соби въ саду на вишни.
 Перепеличенька вийшла зъ хати,
 Та й на ёго дивиться:
 „Ой ти щиглику, ти багатий,
 Ой ти привикъ довго спати.
 На тоби сукни дуже приборни,
 А до роботи не здібни“.

Ой прихавъ соловей зъ пишна,
 Та й сивъ соби въ саду на вишни,
 Зачавъ писню щебетати.
 Перепилочка вийшла зъ хати,
 Та й на его дивиться:
 „Ось мій мужъ, любий, коханий,
 Того я давно ждала,
 Щобъ соловейка замужъ взяла,
 Ой щобъ ти все не спавъ,
 А зо мною розмовлявъ“.

⁴⁾ А въ перепилочки умеръ мужичокъ...

⁵⁾ А въ перепилочки оживъ мужичокъ.

часть, повидимому, и дѣвицу, и у ней возлюбленнымъ — иногда голубь ¹⁾, иногда соколь ²⁾.

Утка (по-малорусски — *утка, утинка*, также *качка*) — женскій символъ, большею частію грустный. Въ свадебныхъ пѣсняхъ съ уткою сравнивается сирота-невѣста, напрасно призывающая умершую мать ³⁾ или отца. Въ другой свадебной же пѣснѣ съ уткою, которая боится зимы, сопоставляется невѣста, которая боится житья у свекра ⁴⁾. Дѣвица, которая груститъ о томъ, что мать не пускаетъ ее гулять, сопоставляетъ себя съ уткою ⁵⁾. Молодецъ называетъ свою возлюбленную въ ласкательномъ смыслѣ сѣрою уткою ⁶⁾, а дѣвицу, которую молодецъ любилъ, но которая просватана за другого, онъ сравниваетъ съ застрѣленною уткою ⁷⁾. Въ одной пѣснѣ съ уткою сравнивается вдова, ходящая плакать на могилу своего мужа ⁸⁾. Въ козацкой пѣснѣ съ уткою, пла-

1) Перепилочка мала, невеличка,

По полю лятае, траву прогортае,
Траву прогортае, голуба шукае.

2) Перепилочка мала, невеличка,

Очереть прогортае, сокола шукае:
„Соколоньку ясный, молодець ти красний!
Гордуешь ти мною, якъ витеръ травою,
Туманъ долиною, сонце калиною,
А морозъ водою, козакъ дивчиною“.

3) Ой плавала сира утка тихо по водѣ;

Ой кликала Марусенька матиньку къ собі:
Прибуди, прабуди, моя мати, тепера ко мни;
Ой дай мни порадовьку бидний сироти.

4) Пливе утинка коло берега,

Коло лини, коло коринни,
Та боїться вона лютой зимѣ;
Ой хочъ вона боїться, хочъ не боїться,
Та на моря зимовать буде.
Ой боїться Марьечка свекорка свого
И наруганячка его;

Хочъ боїться вона, не боїться,
Та у свекорка викувать буде.

5) Та на мори утинка купалася,

Та на бережку сушилася;
Я, молода, журилася:
Мене мати не пускала
И въ комибочку замикала.

6) Дивчинонько, сира утко, чи сватати хутко?

7) Та вже моя утинка,

Та застреленая, та й понесеная;
Та вже моя дивчина,
Та полюбленая, та й засватаная.

8) — Ой не литай, сира утко, до озера води пити;

Засядають два стрельчики, хочуть тебе вбити. —
„Ой якъ мни не литати до озера води пити:
Есть у мене на озері маленькі дити.
Въ мене дити маленькі нездужають въ степь летити“.

вающею по озеру, сопоставляется плачущая жена козака, ушедшаго въ походъ ¹⁾. Утка означаетъ мать въ одной весенней игрѣ съ принадлежащею пѣсеню ²⁾.

Селезень (по-малоросс. *селезень*, также въ западной Малороссіи *качурь*) — образъ молодца ³⁾ вмѣстѣ съ уткою, означающею дѣвицу, составляетъ подобіе любовной пары ⁴⁾, а въ свадебныхъ пѣсняхъ — жениха и невѣсты ⁵⁾. Въ одной

— Ой не ходи, удивонько, на цвинтарь тужити:

Засидають два диверки, хочуть тебе вбити.—

„Ой якъ мині не ходити на цвинтарь тужити:

Положила миленького, zostалися мой дити,

Мои дити малолити, ни зъ кимъ мині жити“.

(Метл. 291).

¹⁾ На бистрому на озері геть плавала качка.

Не по однимъ козаченьку плакала козачка.

(Максим. изд. 1834. 112).

²⁾ Утка йшла по берегу,

Сирая по крутому,

Вела дитей за собою,

И старого и малого,

Й середнего зъ пидь-бильшого.

Пиди, утиди, до дому:

Въ тебе семеро дитей,

Восьмий селезень,

Девятая утка,—

Ворочайся хутко!

³⁾ Пливи, пливи, селезень, поки води стане;

Вийди, вийди, хлопчино, якъ вечеръ настане.

⁴⁾ Ой ти селезень, а я утинка;

Ти полинешь, а я тутенька.

Или:

Ой на ставу, на ставочку,

Піймавъ качуръ чириночку,

Посадивъ ю подли себе,—

Люблю тебе, якъ самъ себе.

(Чт. 1863. IV. 317).

⁵⁾ Де бувъ селезень?

Де була утинка?

Селезень на ставку,

Утинка на плавку;

А теперъ же вони

На однимъ плавку,

Та идять же вони

Дрѣбную ряску,

Та пють же вони

Зъ одной криници.

Де бувъ Пархимко?

Де була Кулинка?

Пархимко у батенька,

Кулинка у свого,

А теперъ же вони

За однимъ столомъ.

пѣснѣ изображается козакъ, который везетъ на возѣ дѣвицу ¹⁾; онъ сопоставляется съ селезнемъ, а дѣвица съ уткою; послѣдняя проситъ у селезня позволить ей покупаться, а селезень отвѣчаетъ, что пустить ее, но въ степи ²⁾ (тамъ, гдѣ она не можетъ въ свое удовольствіе воспользоваться свободою); такъ и козакъ общается дѣвицу, которую взялъ въ дѣвичьемъ вѣнкѣ, пустить подъ уборомъ замужней женщины ³⁾ (или дѣвушки, потерявшей невинность и, потому, обязанной покрывать волосы). Въ весенней игрѣ селезень представляется молодцомъ, выбирающимъ себѣ дѣвицу ⁴⁾.

Утки, плавающія попарно, возбуждаютъ тоску въ одинокомъ молодцѣ, по противоположности образа, видимаго имъ, съ его собственнымъ положеніемъ ⁵⁾.

Утка и селезень, подобно многимъ другимъ птицамъ, переносятъ вѣсти ⁶⁾.

Лебедь (по малорусс. *лебидка, лебидонька*, множ. *лебеди*)—также символъ женскій, и плаваніе лебедей сопоставляется съ разными видами женской жизни. Дѣвица выходитъ на гулянье и сравниваетъ себя съ бѣлою лебедью на Дунаѣ ⁷⁾. Молодецъ говоритъ, чтобы дѣвица привыкала къ чужой сторонѣ, и сопоставляетъ это привыканіе съ плаваніемъ лебеди по теченію воды ⁸⁾. Съ плаваніемъ лебеди

1) Козакъ іде на конику,

Дивку везе на возику,

Поганяе коня та дрючиною,

Називае дивчину дружиною.

2) Селезень летить, утинку кличе,

А въ его утинка та прохалася:

„Ой пусти мене, мій селезеньку,

Та мижь утата та покупатися“.

— Не тутъ тебе взявъ и не тутъ пушу.

Узявъ я тебе на синимъ мори,

3) Узявъ я тебе въ чистому поли.

Пушу я тебе та у виночку,

Пушу я тебе та у рубочку!

4) Ходить качурь въ гороховимъ винку;

Вибирай си, качурику, що найкрасчу дивку. (Чт. 1866. III. 689).

5) Ой зійду я на горбочокъ,

Та гляну я на ставочокъ:

Пливуть качки въ два рядочки,

Одно другого вперезае,

Кожна соби пару мае;

А я живу въ Божій карі,

Не давъ мнѣ Господь парі.

6) Доливь, доливь, качурику, доливь за водою,

Поклонись мому роду, що я сиротою. (Чт. 1863. IV. 238).

Или:

Ой пушу я утку по тихимъ Дунаю:

Пливи, пливи, утко, де родину маю.

(Чт. 1863. IV. 451).

7) Ой вийду я на улицю, гуляю, гуляю,

Якъ білая лебидонька на тихимъ Дунаю.

8) Пливуть лебеди та по тихій воді,

Тихо за водою;

Привикай, привикай, молода дивчино,

Помижь чужиною.

(Лавр. 91).

противъ теченія сравнивается грусть разлуки ¹⁾. Дѣвица проситъ козака не обезславить ее и сопоставляетъ себя съ лебедью, плавающею поперекъ пруда ²⁾. Двое лебедей, плавающихъ вмѣстѣ, имѣютъ символическое соотношеніе съ любовью и вступленіемъ въ бракъ ³⁾. Двое лебедей, пьющихъ воду и потомъ разлетѣвшихся—образъ любовниковъ, подобный тому, какой существуетъ и относительно голубей ⁴⁾. Дѣвица жалуется своему возлюбленному, что она уронила въ воду свой вѣнокъ изъ руты, и молодецъ отвѣчаетъ, что у него есть пара лебедей: онъ пошлетъ ихъ ловить вѣнокъ; но лебеди не могли уже поймать вѣнка ⁵⁾. Въ свадебныхъ пѣсняхъ лебеди расплели навѣки косу невѣсты ⁶⁾.

Лебедь прилагается также и къ замуженной женщинѣ ⁷⁾. Съ лебедями, которые, плавая, треплютъ крыльями, сопоставляетъ себя женщина, которая не можетъ свыкнуться съ чужою стороною ⁸⁾. Лебедь съ лебедятами—образъ матери, обремененной семействомъ ⁹⁾.

1) Ой якъ лебидоньци плисти проти води тяжко,
Такъ мини, козаченько, жити безъ тебе важко. (Метл. 109).

2) Ой плавала лебидонька та поперекъ ставу;
Не вводи мене, козаченьку, въ великую славу.

3) Два лебеди на води—обоє биленьки;
Ой будемо, сердце, въ пари, бо ще молоденьки.

4) Коло млинну, коло броду,
Два лебеди пили воду,
Напившись полетили,
Крилечками стреленули,
Про любви спомянули. (Лавр. 88).

5) Ой не турбуйся, молода дивчина, о своей пригоди;
Маю жъ бо я пару лебедивъ:
Попливать проти води.
Лебеди пливать—виночки потопають...

6) Ой сидили лебеди на води,
Та полетили на рики;
Роспустили русу косу на вики:
Отсе тобі, Марьечко, за тое,
Не плети кисоньку у двое!

7) Ой плавала лебидонька за тихою водою;
Дала мати дочку замижъ молодою.

8) Пливать лебеди
Та по тихій води,
Крилечками треплють;
Чужа сторона,
Въ мене роду нема,—
Туть я не привикну. (Лавр 92).

9) Ой на мори на синенькому
Пливе лебедь зъ лебедятами,
Изъ маленькими дитатами,
Ненько наша, лебидочко,
Погодуй насъ хочъ тришечки,
Погодуй насъ хочъ годочокъ,
Поки вбьемось у пушочокъ,
А зъ пушочка та въ крилечки,

Подобно другимъ птицамъ, и лебедь говорить то, что видитъ и знаетъ, *говоритъ правду*, по пѣсенному образу выраженія. Это мы встрѣчаемъ въ одной пѣснѣ, и страннымъ способомъ: орель принуждаетъ лебедь говорить правду; онъ бьетъ ее, и лебедь высказываетъ ему, что дѣлается въ городѣ Кистринѣ, гдѣ происходитъ битва московскихъ людей съ татарами. Рѣки протекаютъ кровавыя, мостятъ мосты головами солдатскими ¹⁾. Подобный образъ встрѣчается въ великорусской хороводной пѣснѣ, гдѣ также орель нападаетъ на лебедь и терзаетъ ее. Есть въ малорусской пѣсенности очень замѣчательный образъ, также близкій къ упомянутымъ выше образамъ страданія лебеди. Дѣвица беретъ воду и загоняетъ лебедь съ лебедятами: вдругъ гдѣ ни взялся стрѣлецъ; онъ убилъ лучшую лебедь; перья лебяжки рассыпались по лугамъ, а кровь разлилась красными рѣками: это не кровь—это красота дѣвичья ²⁾. Здѣсь, какъ будто обломъ какой-то мифологической исторіи, въ которой лебедь была женщина. Это можно заключить изъ того, что въ великорусскихъ былинахъ есть личность женскаго пола, называемая «лебедь бѣлая»; ея древняя исторія распалась на совершенно противоположные и несходные образы, дошедшіе до насъ въ былинахъ: по однимъ вариантамъ, эта лебедь бѣлая—вѣрная и любимая супруга любящаго ее богатыря, по другимъ—она коварная предательница того же богатыря, который является уже грязнымъ пьяницею.

Въ одной козацкой пѣснѣ съ крикомъ лебеди на морѣ сонастается грусть черноморцевъ, потерявшихъ своихъ коней ³⁾.

Стреленемъ, та й полинемо
Въ чистее поле жвитися:
Тоди перестанемъ журитися.

¹⁾ Ой на мори на синенькому
Тамъ плавала била лебидонька
Зъ маленькими лебедятами.
Де ся взявъ сизопирій орель,
Ставъ лебидку бити й забивати,
Стала лебидка до ёго промовляти:
„Ой ни бий мене, сизопирій орлоньку,
Скажу тобі всю щирую правдоньку:
Якъ у тимъ мѣсти у Кистрини
Та бьется орда уже три дни,
Бьется вона три дни й три години,
Розбилася вона на три половини;
Течуть рички та все кровавіи,
Черезъ ти рички мостять мости,
Мостять мости та все головками,
Головками та все московськими“.

(Макс. пѣс. 116).

²⁾ Ой плавала лебидочка зъ лебедятами;
Де ся взяла чорнявая воду брати;
Взяла тні лебедята загаяти;
Де ся взявся жвавий хлопецъ ще й стрилецъ,
Убивъ соби що найкрасчий лебедець.
Порозсплавъ биле ниря лугами,
Порозливавъ кровь червону риками,
То не кровь—то дивочая краса.

³⁾ Ой плавала лебидонька на синему мори;

Лебеди иногда являются въ пѣсняхъ вмѣстѣ съ гусьми и даже какъ бы одною птицею подъ двойнымъ названіемъ во множественномъ числѣ—гуси-лебеди. Такимъ образомъ, въ свадебныхъ пѣсняхъ поется, что гуси-лебеди, означающіе здѣсь свадебныхъ гостей, зовутъ невѣсту на посадъ. Очень замѣчательна одна галицкая колядка, въ которой гуси-лебеди изображаются сидящими на деревѣ и видящими съ него то, что творится въ чистомъ полѣ и на синемъ морѣ. Они видятъ: плыветъ корабль, въ немъ красавица дѣвица; она обращается къ какому-то молодцу и проситъ взять ее съ корабля, обѣщая награду отъ братьевъ, которыхъ у нея семьдесятъ, а изъ нихъ трое родныхъ ¹⁾. Образъ непонятный и такъ какъ онъ является въ колядкахъ, то, вѣроятно, онъ древній и, можетъ быть, обломокъ какого-то мифологическаго представленія.

Гуси сами по себѣ не имѣютъ опредѣленнаго символическаго значенія, хотя встрѣчаются въ пѣсняхъ перѣдко. Съ летящими дикими гусьми сравнивается толпа дѣвицъ ²⁾ и толпа козаковъ ³⁾.

Гусиный крикъ—образъ вѣстей ⁴⁾. Тоскующая женщина посылаетъ гусей

Ой тамъ пасли чорноморци въ чистимъ поли кони;
 Ои крикнула лебидонька, море переливши;
 Заплакали чорноморци, кони погубивши.

¹⁾ А въ лиску, въ лиску, на жовтимъ писку.

Росте деревце тонко, високо,
 Тонко, високо, въ коринь глубоко,
 Въ коринь глубоко, листомъ широко.
 На тимъ деревци гуси-лебеди
 Ой сидятъ же вни, далеко видять,
 Ой видять жи вни чистое поле.
 Чистое поле, синее море;
 На синимъ мори корабель плыве,
 А въ тимъ корабли кречна панночка,
 Кречна панночка, та й Марусенька,
 Обзиваеся до паниченька,

До паниченька, поповиченька:

„Ой паниченьку, поповиченьку!

Ой возьми мене та зъ кораблика,

Бо е у мене симдесять бративъ,

Симдесять бративъ, а три ридненьки,

Ой держать мини та партъ велику.

А якъ мня возьмешъ, все тото дадутъ“.

(Чт. 1864. I. 89).

²⁾ Летили гуси рядкомъ-рядкомъ,
 Крикнули кони разкомъ-разкомъ;

Летили гуси сизокрили,—

У насъ все дивки чорнобриві;

Летили гуси волохаті,

У васъ все дивки пикаті.

³⁾ Налетили гуси, стали жирувати;

Напхали козаченьки, стали ночувати.

⁴⁾ Летили гуси рядкомъ-рядкомъ,

Та крикнули гуси разкомъ-разкомъ,

Та вийшли люди дивитися,

Інде Івасько женитися.

къ своимъ роднымъ и велить имъ не говорить, что ей жить дурно, а приказываетъ сказать, что она роскошествуетъ ¹⁾, и вѣроятно гуси, въ одной пѣснѣ, такой женщинѣ принесли вѣсть отъ ея родныхъ, такъ какъ она, упомянувши о гусяхъ, просится у своего мужа къ роднымъ ²⁾. Летаніе дикихъ гусей, какъ вообще летаніе птицъ, наводитъ грусть о прожитыхъ лѣтахъ ³⁾, а дѣвушка, потерявшая невинность, изображается гонящею гусей на рѣку и въ то же время плачущею о своемъ горѣ ⁴⁾.

Въ одной пѣснѣ плаваніе гусей сопоставляется съ любовною бесѣдою ⁵⁾, а въ другой женщина, желающая погулять, сравниваетъ себя съ гусынею ⁶⁾.

Чайка (по-малорусски называется не та птица, которая носить это названіе въ Великороссіи, но та, которая по-великорусски называется *чубисомъ* или *шолницею*) въ одной очень извѣстной пѣснѣ изображаетъ бѣдную мать, которой плохо жить: и жнецы хотятъ забрать у ней дѣтей, и птицы ее обижаютъ ⁷⁾. Въ ней обыкновенно видятъ аллегорическое изображеніе Малороссіи;

¹⁾ Пливить, пливить, били гуси, та до мого роду,

Та не важить, били гуси, що я тутъ горюю,

А скажите, били гуси, що я роскошю.

²⁾ Ой у броду, броду, или гуси воду;

Пусти мене, мій миленький, та до мого роду,

Бо я въ свого роду ище не гуляла,

И въ своей родиноньки въ гостяхъ не бувала.

³⁾ Изъ-за гори високои гуси вилитають;

Ще роскоши не зазнала, вже літа минають;

Не зазнала въ отця, въ неньки, замижемъ не буду;

Почимъ же я літа мои споминати буду?

⁴⁾ Ой гила, сирі гуси, гила на Дунай!

Завязала головоньку,—теперь сиди та й думай!

Ой гила, гила, сирі гуси, гила на море!

Завязала головоньку,—горе жъ мині, горе!

⁵⁾ Пливить, гуси, пливить, гуси, бистрою рикою;

Вийди, вийди, дивчинонько, розмовся зо мною

⁶⁾ Коби мині не чепець, не шовкова хустка,

То я бъ соби погуляла, якъ на ставу гуска.

⁷⁾ Ой беда чайци,

Чайци небози,

Що вивела дитки,

При битій дорози,

Киги, киги! злетивши въ гору,

Тильки втопиться въ Чорному морю!

Жито поспило,

Приспило дило,

Йдуть женци жати,

Дитокъ забирати.

Ой дити, дити,

Де васъ подити?

Чи мині втопиться,

Чи зъ гори убиться?

И куликъ чайку,

Взявъ за чубайку;

ее приписывали то Хмельницкому, то Мазепѣ, то послѣднему запорожскому атаману Калнышу. Но едва ли въ своемъ корнѣ это не народная пѣсня, гдѣ, наравнѣ съ другими символическими образами, взятыми изъ жизни птицъ, обычными въ народной поэзіи, изображается бѣдная, горемычная мать. Въ Кіевской губерніи мы слышали отрывки думы о чайкѣ, въ которой подъ видомъ этой птицы разсказывается аллегорически судьба бѣдной матери семейства, обижаемой сильными людьми; но, къ большому сожалѣнію, невозможно было записать ее, оттого что кобзарь почти совершенно позабылъ ее и, вспоминая отрывочно разныя мѣста, не могъ пропѣть или проговорить ничего въ стройномъ видѣ.

Подобный образъ бѣдной семьи представляетъ пѣсня о птичкѣ *ремезъ*. Обращаются къ этой птичкѣ съ совѣтомъ не вить гнѣзда надъ водою—надъ Десною, потому что рѣка можетъ затопить дѣтей ея ¹⁾. Вариантъ этой пѣсни,

Чайка кигиче:

„Эгинь ти, куличе,

И бугай дугу,

Ще зъ лози дугу!“

— Не кричи чайко,

Бо буде тяжко!—

„Якъ не кричати,

Якъ не литати:

Дитки маленьки,

А я ихъ мати!“

Ой беда чайци,

Чайци небози,

Що вивела дитки,

При самій дорози:

Хто йде, той ихне,

Таки душно не мине,

Кигикъ, кигикъ,

Злетивши въ гору,

Тильки втопиться

Въ Чорному морю.

И куликъ чайци

Не пидпомога,

Тилько зневага,

Що близько дороги.

И бугай дугу,

Не вдавайся въ тугу.

Бо повিশу чайку,

Не кричи въ дугу!

Якъ не кричати,

Якъ не плакати:

Дитки маленьки,

Жаль—я ихъ мати!

Всякъ хоче бити,

Нькому хоронити

Диточокъ въ гнизди,

При тяжкій биди.

(Вариантъ вжи. части Ворон. губ.).

¹⁾ Ой ти ремезе, ти ремезоньку,

Та не мости гнизда надъ Десною;

съ прибавленіемъ, обращается въ щедровку. Совѣтуетъ ремезу не вить гнѣзда въ чистомъ полѣ, гдѣ за плугомъ ходятъ святые Петръ и Павелъ, а Божія Матерь носить имъ вѣсть и молить Бога объ урожаѣ: совѣтуетъ ремезу свить себѣ гнѣздо въ лѣсу: орѣшникъ будетъ развиваться и прикроетъ его птенцовъ ¹⁾).

Куликъ въ одной пѣснѣ сопоставляется съ бѣдною вдовою, обремененною дѣтьми ²⁾).

Синица въ одной пѣснѣ-колядкѣ собираетъ съ конопли золотую росу и несетъ къ золотыхъ дѣлъ мастеру, чтобы сдѣлалъ ей перстень ³⁾). Есть очень распространенная въ разныхъ вариантахъ пѣсня о свадьбѣ щегла съ синицею ⁴⁾).

Бо Десна Десница шо день прибуває,
Вона твоихъ дитокъ позатоляє.

- 1) Ой ти ремезе, ти ремезочку,
Не клади хатки на льодочку:
Льодочокъ ся буде розтавати,
Твою хату забирати;
Не клади хатки и въ чистимъ поли:
Въ чистимъ поли плужокъ оре,
А въ тимъ плужку чотири воли половні,
А у ихъ роги золотні.
Святий Петро за плугомъ ходить,
Святий Павло воли гонить,
Пресвятая Дива исти носить,
Исти носить, пава Бога просить:
Уроди, боже, жито-пшеницю,
Жито-пшеницю и всяку пшеницю.
Поклади гнѣздо въ густимъ лиси,
Въ густимъ лиси, та на гориси:
Горихъ ся буде розвивати,
Твою хаточку прикривати.

- 2) Принавъ куликъ надъ водою:
За дурною головою
Пишла замужъ молодою,
Тай зосталася вдовою
Зъ маленькими диточками.
Мали дити—мале лихо:
Побильшають, погиршають!

- 3) Ой у поли конопельки,
На конопелькахъ золота роса:
Ой тамъ синица походила,
Тую росу потрусила,
До злогничка повосила:
Ой злогничку, голубочку,
Искуй мни перстеника.

- 4) Ой сивъ соби щигликъ, та й думасъ:
Загадався: женитися має;
Полюбивъ соби синицю, прекрасную птицю,
Хорошую та гожую, горобця сестрицю.
Соловей коника сидлае,
Весілья збирае.

По однимъ вариантамъ всѣ птицы на этой свадьбѣ вели себя благочинно; сначала описывается ихъ обѣдъ ¹⁾, потомъ танцы, какъ слѣдуетъ на свадьбѣ ²⁾.

Сокиль за дружбу,
А староста журавель,
Сорока свитилка,
Сваха перенилка,
Журавель зъ гусакомъ настройте музыки,
Каня ся закрала,
Курчать покрала
На щиглове весилья.
Конту видняла.
А джмилъ меду додае,
Всѣхъ гостей приймае,
А сорока плеще,
Гостей припрашае.

По другому варианту:

Самъ панъ орель за старосту,
Шнакъ за дружбу, косъ въ ту службу.
Хрущъ зъ крукомъ маршалкомъ,
Журавель хоружимъ,
А индикъ—панъ синдикъ,
Боцянь—пидхоружимъ,
Нава садить каретою,
Каня йде пихотою,
Куропатва, перенилка—
Свашка пристойная дивка,
А соя для покоя за пани сваху.

- ¹⁾ Шляхетный боцянь сивши близъ индика,
А журавель при боку самого синдика,
Орель сидить коло нави,
Нанившия сладкой кави,
А тетери шафранъ терли,
Даютъ обидь соби,
А гусакъ исть въ смакъ кашу и зъ росоломъ,
Лебедь піе, гукое, сидить за столомъ,
Орель бере за печеню,
Иструбъ налхавъ повну жменю,
А каня ся запихае,
Сорока вина додае,
А нава ласкава гости частуе.
- ²⁾ Вставши гости по обиди, взялися до танцю,
Орель поглянувъ на паву: пий моя коханцю!
Журавель сою поить,
Боцянь зъ канею ся стронить.
Зъ соколомъ зазуль коломъ на передъ ними,
Кругулецъ иде въ танецъ, взявши соби пляшку;
Когуть квакъ заспивавъ, випивъ меду миску,
А гулахо дае знати—
Вивать палить изъ гармати;
Качоръ пороху додае,

Но въ другихъ вариантахъ дѣло оканчивается дракою и невѣста должна была бѣжать ¹⁾; щеголь сталъ печалиться о женѣ, и воробей указалъ ему, что она на крапивѣ. Она убѣгаетъ отъ него потому, что онъ больно щипается ²⁾. По другому варианту онъ ее находитъ на калинѣ и приводитъ къ себѣ ³⁾.

Тема этой пѣсни очень древняя: она не только является въ пѣсняхъ другихъ славянскихъ народовъ (напр., великорусскія Сахарова 222. 223. Пѣсни разг. № 26 — польскія Козловскаго Lud. zesz. 11.152), но и въ нѣмецкихъ, гдѣ, однако, женихомъ представленъ соловей, а невѣстою снегирь (Uhland Volksl. № 10).

Чечотка въ одной очень распространенной у странствующихъ слѣщцовъ и кобзарей, аллегорически-шуточной пѣснѣ — мать семи дочерей, которыхъ выдаетъ замужъ ⁴⁾. Она угощаетъ своихъ зятьевъ, а потомъ ѣдетъ къ нимъ въ

Бо му стрилби не достае,
 Все стройно, достойно и циломудрно.
 Ще ся натимъ не стало и часъ не збуае:
 Ще разъ бильше гостей прибуае,
 Прийшла чапля изъ роботы,
 А чайка робить хворботы,
 Музиканти въ торобанты грають добраничъ.
 Сковронки на скрипки, канарки спивали,
 Яструби на труби, дудки на цимбали,
 Ластивки на свиставки, соловій на обои,
 А бекаси тнуть на баси:
 Согласно, прекрасно и концептовно. (Zeg. S. 11. 98—100).

¹⁾ Сова сидитъ за столомъ, скоса поглядае,
 А вороны стари жони пишли танцьваты,
 А крочище взявъ дрючище, пишовъ пидгоняти.
 А сичъ на порози ставъ на сторожи,
 Погудькало уперлося, лягло на дорози,
 А горобецъ впився, зъ черногузомъ побився,
 Якъ ударивъ черногуза, ажъ той повалився,
 Якъ взяли ся бити, взяли мордовати,
 Молодая синица мусила втикати.

²⁾ Сивъ щигликъ зажурився, сивъ тай думае:
 Оженився утратився: а жинки не мае;
 Горобчикъ братичокъ его поражае,
 Гляди иі на крапиви — тамъ вона сидае.
 Заросився щигликъ по сами колінця,
 Шукаючи на синицю доброго полинця.
 Навиженая синиця щигла покидае,
 Бо бояться его скубня, що добре кусае.

³⁾ Горобчикъ хлопчикъ добрый ему приятель...
 Закотивъ си щигликъ штани по сами колінця,
 Ходить, глядитъ и шуае и жинки питае.
 Иди, швагру, на калину: такъ вона сидае,
 Прививъ иі до дому, посадивъ на прилавку,
 Посадивъ на прилавку, давъ ий паляницю.

⁴⁾ Полетела чечоточка въ вишневий садокъ;
 Ой вивела чечоточка семеро дитокъ;

гости и вездѣ получаетъ дурной приѣмъ. Пѣсня эта имѣетъ подобіе думы и любима народомъ. Есть подобнаго содержанія дума, гдѣ разсказываются подобныя

Явдосю, Хвевросю, Орину и Марину и Горпину ѿ Катерину.

И Настусю свою,

Що найменшую,

Що найкрасчюю.

Ой вона жъ ихъ годовала ѿ замижъ отдавала:

За Ивана Явдосю, за Романа Хвевросю,

За Демида Орину, за Давида Марину,

А Горпину за Яцька, Катерину за Стецька,

А за пана за Самійла Настусю свою,

Що найменшую,

Що найкрасчюю.

Наихали до чечотки любі зяті,

Поставили короговци та все хороши:

Изъ Харькова панъ Иванъ, изъ Зинькова панъ Романъ,

Изъ Полтави панъ Демида, зъ Кременчука панъ Давидъ,

Изъ Хорола панъ Яцько, зъ Пирятина панъ Стецько,

А зъ Чернечого села панъ Самійло.

Наихали до чечотки любі старости:

И Данило и Форисъ, и Гаврило и Денись,

И панъ Марко и Захарько ѿ Северинъ.

Наихали до чечотки любі свашки:

Кася, Вася и Ганнуся, Сося, Прися и Маруся,

ѿ Варварина любая дитина.

Сама сила чечоточка та на покути,

Якъ и стала чечоточка пити та гуляти,

И просила вона Бога и молила за мужа свого,

ѿ за себе саму:

Поздоровъ, Господи, самого того,

Господина чечота ѿ чечотку его,

И зятей и дитей, и свашокъ и дружокъ,

И бояръ и старость, подстарость, и музыкъ и возникъ,

И всихъ домовихъ.

Поздоровъ, Господи, всихъ моихъ людей,

Поздоровъ Господи приізжихъ гостей,

Щобъ пили, гуляли, танцювали.

Жарговали, медъ-вино подпивали,

Пивомъ ся похмеляли.

Поздоровъ, Господи, всихъ моихъ зятивъ,

Поздоровъ, Господи, всихъ моихъ дочокъ,

Колибъ ви, Господь давъ, дочечки здорови були,

Колибъ ви, кожна, по симъ дочокъ привели,

Колибъ ви, сванечки, здорови були,

Колибъ по симъ синивъ кожна привели.

Просилася чечоточка у свого чечота,

Просилася чечоточка у свого старого:

Пусти мене мій старенький до зятивъ погуляти.

До Харькова одъ Лубень

Чухрала первый день,

приключенія теши уже безъ всякой аллегоріи. То же содержаніе служитъ предметомъ старой великорусской пѣсни, и мы думаемъ, что пѣсня эта въ своемъ основаніи принадлежитъ къ древнимъ.

СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХЪ.

А. Птица и настькомья.

Павиль (по-малоросс. *пави*) иногда изображаетъ женщину ¹⁾. Чаще въ пѣсняхъ встрѣчается не сама эта птица, а перья ея; изъ нихъ дѣвица дѣлаетъ

До пана Ивана до любезного своего,
 А у пана Ивана погуляла.
 Якъ собака коло ворить постояла;
 До Зинькова одъ Лубень
 Чухрала другій день,
 До пана Романа до любезного своего,
 А у пана Романа погуляла, поживилась,
 Якъ сучечка кризь ворота подвилась;
 До Полтави одъ Лубень
 Чухрала третій день,
 До пана Демида до любезного своего,
 А у пана Демида погуляла,
 Якъ корова край кошари постояла;
 До Креженчука изъ Лубень
 Чухрала четвертій день,
 До пана Давида до любезного своего
 А у пана Давида погуляла,
 Зъ помійниці помні похлибтала;
 До Хорола изъ Лубень
 Чухрала пятій день,
 До пана Яцька любезного своего,
 А у пана Яцька погуляла,
 Все мисочки, тарилочки полизала;
 До Пирятина зъ Лубень
 Чухрала шостій день.
 До пана Грицька до любезного своего.
 А у пана Грицька погуляла,
 Якъ кишечка пидъ столомъ поникала;
 До Чернечого зъ Лубень
 Чухрала семьй день,
 До пана Самійла зятя своего наймильшого.
 А у пана Самійла погуляла,
 Дубовихъ кивъ скуштовала,
 і тикаючи тини поламала.
 Якъ прибигла чечоточка до дому,
 Поздоровъ, Боже, самого того,
 Господина чечота и чечотку его.

¹⁾ Прилетила пави,
 Прибижала мила.

себѣ вѣнокъ (павяный вѣнокъ): такъ въ одной очень распространенной колядкѣ, которую поютъ дѣвцамъ ¹⁾. Въ галицкой колядкѣ павяный вѣнокъ срываютъ съ дѣвицы вѣтры ²⁾. Дѣвица ищетъ свой вѣнокъ и на берегу рѣки встрѣчаетъ рыболововъ, которые, на вопросъ дѣвицы: не видали-ль они ея вѣнка, спрашиваютъ ее: что имъ будетъ, когда они поймутъ ея вѣнокъ. Дѣвица общается одному золотой перстень, другому платокъ, а третьему саму себя ³⁾. Въ иной колядкѣ поется, что въ Угорской землѣ нива заборожена павлинымъ перомъ ⁴⁾. Образы эти, конечно, древни: павлинья перья издавна были естественнымъ украшеніемъ, вещь обычною въ домашнемъ обиходѣ. Потому-то и козакъ, прощаясь съ родными и желая сказать, что онъ никогда не возвратится домой, говорить, что когда павлиное перо потонетъ, тогда родные дождутся его ⁵⁾. Здѣсь павлиное перо приведено, конечно, какъ предметъ часто попадающійся на глаза. Должно думать, что павлиное перо встарину было дѣвичьимъ украшеніемъ преимущественно въ зимнее время, когда не было ни зелени, ни цвѣтовъ на вѣнки, и можетъ быть оттого-то павлинья перья играютъ роль въ колядкѣ, одной изъ самыхъ распространенныхъ пѣсенъ исключительно зимняго времени. Затѣмъ оно стало символомъ убрания и довольства и въ послѣднемъ смыслѣ изображается нива, забороженная павлинымъ перомъ.

¹⁾ А въ лиску, въ лиску, на жовтимъ лиску,

Тамъ павя ходитъ, пирячко ронить;
Марьечка ходитъ, пирячко збира,
Пирячко збира, въ рукавць склада,
Зъ рукавця бере, виночокъ плете.

²⁾ Пошла дивчина рано по воду.

Та схопилися буйни витрове,
Буйни витрове, шайни дождчове,
Та исхонили навяний винокъ,
Занесли его въ тихий Дунаецъ.

³⁾ Та надійшли туда три риболови.

„Помай Бигъ, май Бигъ, три риболове,
Три риболови, паньски синове.

Чи не стричали павяний винокъ?*

— Бодай здорова, кгречна панночко,—

Хоть и стричали, коли не знали:

А шожъ намъ буде за перимецъ? —

„Едному буде хустка шюкова,

Хустка шюкова зъ билои ши;

Другому буде золотий перстень,

Золотий перстень зъ билого палця;

Третому буде сама молода,

Сама молода та якъ ягода“.

(Чт. 1864. I. 85—86).

⁴⁾ Угорська земля пречъ поерана,

Пречъ поерана и носіяна,

Павянимъ перцемъ заволочена,

Ясними мечи обгороджена,

Обгороджена одъ злои тучи.

(Чт. 1864. I. 5).

⁵⁾ Тоди я, вене, приду до васъ,

Якъ павине пирье на спидъ потоне,

А млиновий каминь на верхъ виплине. (Макс. Сб. У. Д. 107).

Пѣтухъ (по-малоросс. *пивень, пивникъ*, древн. *куръ*. Въ зап. Малоросс. польское: *когутъ*) и *курица* (по-малоросс. *курка, курочка, куриночка, квочка*—насъдка) не имѣютъ опредѣленнаго символическаго образа. Въ 'веснянкахъ дѣвица сопоставляетъ съ кучею куръ молодцовъ, собравшихся на улицѣ, а своего милаго, котораго при ней нѣтъ, съ пѣтухомъ, и просить пѣтушка дать ей взаймы крыльевъ, чтобы полетѣть и узнать, гдѣ ея чернобровый ¹⁾. Въ веснянкахъ съ насѣдкой сравнивается мать, а съ пыпятами—молодцы, и послѣднимъ придаются разные насмѣшливые признаки ²⁾. Пѣтухъ и курица въ одной веселой пѣснѣ изображаютъ мужа и жену ³⁾. Иногда пѣтухъ—вѣстникъ несчастія: его пѣніе извѣщаетъ мать о смерти сына ⁴⁾. Женщина жалуется, что пѣтухъ разбудилъ ее, и проклинаетъ его ⁵⁾. Оборотъ этотъ тѣмъ замѣчательнѣе, что онъ древній: подобный есть въ великорусскихъ пѣсняхъ.

Въ галицкихъ пѣсняхъ есть легендарное преданіе о томъ, что когда русскій Богъ воскресъ, то его увидала первая жидовская дѣвочка и сказала своему отцу; но старый жидъ отвѣчалъ ей, что еслибъ она не была его дочь, онъ бы за такія слова приказалъ бросить ее въ Дунай: пусть жареный пѣтухъ, что лежитъ передъ нимъ на тарелкѣ, полетитъ, тогда онъ повѣритъ, что русскій Богъ возсталъ изъ мертвыхъ. Вдругъ пѣтухъ полетѣлъ, и жидъ остолбенѣлъ ⁶⁾.

¹⁾ Все курочки до купочки, пивень ходить ризно;

Уси хлопци на улици, а мій ходитъ изно.

Курашечко, чубашечко, позичъ мини крилець,

Ой долину, одвидаю, де мій чернобривець.

²⁾ Ой сидила квочка та коло килочка;

Та вивела квочка четверо дитокъ:

Иваська, Петруська, Василька, Миколку;

У того Иваська та кривіи ноги,

У того Петруська кучерява голова,

У того Василька великіи зуби,

У того Миколки біліи руки.

Кривими ногами жарь загрибати,

Кучерявою головою пичъ вимитати,

Великими зубами кориння глотати,

Білими руками листи писати.

³⁾ На улици пивничокъ громаде,

Ой винь свою куриночку проваде:

„Иди, иди, куриночко, до дому.

Та не давай пирьячка ни кому“.

— Хіба жъ би я, пивничку, безъ ума,

Щобъ я свое пирьячко давала.

⁴⁾ Злетивъ пивень на ворота,

Каже: кукуруку!

Не сподивайсь свого сина,

Матинко, до вику.

⁵⁾ Бодай той когутъ знидивъ,

Що мене рано збудивъ!

⁶⁾ ... Ой дивчи, дивчи жидивчи,

Ой кобись то такъ не моя дитина,

Я казавъ би ты въ Дунай кинути,

Вводи русскій Богъ изъ мертвихъ уставъ,

Галка—отчасти женскій символъ. Соколы представляются молодцомъ ей подь пару ¹⁾. Предостерегаютъ галку, чтобъ она не летала въ вишневый садъ: тамъ соколъ караулитъ ее, сидя на яворѣ; пусть дѣвица не ходитъ рано за водою: тамъ стережетъ ее козакъ ²⁾. Эта пѣсня какъ будто изображаетъ древнее умыканье дѣвицъ у воды. Въ свадебныхъ пѣсняхъ, какъ мы уже указывали, говоря о кукушкѣ, галки означаютъ свадебныхъ дружекъ. Нерѣдко и одиночно дѣвица сравнивается съ галкою ³⁾. Но галка не исключительно изображаетъ только женскій полъ; есть пѣсня, въ которой галки сопоставляются съ козаками ⁴⁾. Въ одной сиротской пѣснѣ одинокій молодецъ въ чужой сторонѣ какъ бы сопоставляетъ самъ себя съ галкою, которая сидитъ на соснѣ, качаемой вѣтромъ ⁵⁾.

Галка—вѣстница. Она кличетъ новобрачную на посадъ, напоминая ей, что уже наступило время ⁶⁾. Козаки посылаютъ галку на Донъ ѣсть рыбу и

Коли тотъ каплунъ передь мя злетитъ,
Передь мя злетитъ, красно запіе.
Есть передь жидомъ тарель точений,
Тарель точений, каплунъ печений;
А каплунъ злетивъ, та й на облокъ сивъ,
Красенько запивъ, а жидъ остовпивъ.

¹⁾ Чорна галочка невеличечка,

На що сокола перемовила?

Ой не я ёго перемовила:

Перемовило пирья чорнее.

Ой дивчинонько молоденька,

На що Грицика перемовила?

Перемовило личко билее,

Личко билее, слово вирнее.

²⁾ Чорная галочко, не лети въ вишневый садъ:

Стереже тебе сокиль, на явороньку сидючи.

Молода дивчино, не йди рано по воду:

Стереже тебе козаченько, на конику сидючи,

На тебе пильно поглядаючи.

³⁾ Чорна галочка невеличка по дороженьци скаче;

Дурна дивча неразумная за козаченькомъ плаче.

⁴⁾ Ой галочки, чорнопирочки, круту гору вкрили,

Пишли наши козаченьки, жалю наробили.

Ой галочки, чорнопирочки, піднімйтесь у гору;

Молоденькі козаченьки, вернитесь до дому.

Ой ради бѣ ми піднятися,—туманъ налягае;

Ой ради бѣ ми вернутися,—атаманъ не пускае.

⁵⁾ Вилитала галка зъ зеленого гайка,

Сила-пала галка на зеленій сосни,

На тоненькій гильци, на самій вершинци.

„Не хитайся сосно, мини жити тошно!

Не ламайся, гайко, мини жити тошно!

Гирко сиротини жити на чужини!“

⁶⁾ Ой летила галочка черезъ садъ,

Та крикнула галочка на весь садъ:

Ой часъ тобі, Марьечко, на посадъ.

принести имъ вѣсть отъ кошевого, но галка отказывается ¹⁾. Но подобное порученіе даетъ галкѣ дѣвица: она посылаетъ ее на Донь ѣсть рыбу и привести ей вѣсточку отъ милого, и галка исполняетъ порученіе и приноситъ желанную вѣсть ²⁾. Молодецъ, не зная, гдѣ его милая, спрашиваетъ объ этомъ галку, и она сообщаетъ ему то, что ему нужно знать ³⁾. Другой молодецъ поручаетъ галкѣ сообщить его роднымъ, что онъ остался сиротою, что у него люди отбили дѣвицу ⁴⁾. Въ пѣснѣ о сотникѣ Харькѣ галка приноситъ его женѣ роковую вѣсть объ его смерти ⁵⁾.

Соколъ и орелъ—символы мужественной красоты, отваги, удалства; во многомъ оба эти образа сходны между собою до того, что даже существуетъ въ народной поэзіи соколъ-орелъ, какъ бы одна двойственная птица ⁶⁾; но, всматриваясь глубже въ значеніе того и другого образа, можно, однако, найти между ними отличіе. Орелъ заключаетъ въ себѣ болѣе суровости и мрачности; такъ, между прочимъ, орлы представляются терзающими тѣло убитаго козака, между тѣмъ какъ о соколахъ нѣтъ ничего подобнаго.

Соколъ—символическій образъ богатыря. «Не видали ли вы моего сына-сокола?» спрашиваетъ мать козака у его товарищей. «Не тотъ ли твой сынъ, что семь полковъ сбиль, а за восьмымъ полкомъ сложилъ голову?» съ своей стороны спрашиваютъ у ней козаки ⁷⁾. Мать, лаская сыновей своихъ, называетъ

1) Ой полети, полети, чорная галка, на Динь рибѣ исти,
Та принеси, принеси, чорная галко, одь кошового висти.

Та вжежъ минѣ не литати на Динь рибѣ исти,
Та вжежъ минѣ не носити одь кошового висти.

2) Ой полети, полети, чорная галко, на Динь рибѣ исти,
Та принеси, принеси, чорная галко, одь милого висти.

Полетѣла чорна галка, та й не барилася,
Та принесла таку звистку, щобъ не журилася.

3) Галочко моя, галочка чорненька,
Скажи минѣ, галочко, де моя миленька?

А твоя миленька въ лузи надь водою
Умивається горичою слизою,
Утирається зильлямъ кропивою.

4) Ой летѣла чорна галка та по надь водою;
Наважи ти мому роду, що я сиротою,
Сиротою невеликою недавно остався,
Черезъ тую молоду дивчину, що я величався,
Величався, не сміявся, думавъ—моя буде;
Розражали добри люде,—дивчини не буде.

5) Ой летѣла черезъ тѣ будинки та чорненькая галка;
Ой зосталася сотничка Харчика, якъ прибудная ярка.

(Метл. 527).

6) Ой пиду я лужкомъ, бережкомъ,
Чи не зостринуся зь орломъ-соколомъ.
Соколоньку ясний, ой, ти орле мій,
Чи не плаче, чи не тужить дивчина по мині?

7) „Чи не бачили мого сина-сокола?“

— Чи не то твій синъ, що симъ полкивъ убивъ,

За восьмимъ полкомъ голову схиливъ?

(Укр. Дум. 148).

ихъ соколами ¹⁾). Въ колядкѣ поется: люди говорятъ: это соколъ летить, а тесть скажетъ: это мой зять идетъ ²⁾). Также дѣвица называетъ молодца яснымъ соколомъ ³⁾ и употребляетъ это имя въ ласкательномъ смыслѣ, обращаясь къ своему милому ⁴⁾. Молодецъ-соколъ припадаетъ къ окну дѣвицы и проситъ у ней руку ⁵⁾. Съ соколами сравниваются козаки, которые въ одной пѣснѣ приѣзжаютъ ко вдовѣ съ извѣстіемъ о смерти ея мужа ⁶⁾. Молодецъ, желающій жениться, сравниваетъ себя съ соколомъ ⁷⁾, ищущимъ пары, а о дѣвицѣ, которая была разборчива насчетъ молодцовъ и изъ всѣхъ наконецъ избрала себѣ одного милаго, поется, что она перебирала соколами, всѣхъ пустила въ поле, а себѣ оставила одного ⁸⁾. Тотъ же образъ прирученія, который мы приводили выше, говоря о голубѣ, относится и къ соколу ⁹⁾. Упустить сокола—на пѣсенномъ языкѣ значить упустить жениха ¹⁰⁾. Новобрачный вступаетъ за брачный столъ соколомъ ¹¹⁾. Какъ соколъ, перелетѣвъ черезъ четыре дѣса, сѣлъ на орѣшникѣ

1) Сии мои, сии, яси соколоньки,
Тимъ же я васъ не женила, що ви молоденьки.

2) Люде кажутъ: се сокиль летить;
Тестенько скаже: се мій зять иде.

3) Соколоньку ясний, молодець ти красний!

4) Ой якъ пидеешь, милий, на ничь, заграй хочь въ сонилку,
А я вийду, послухаю, чи ти тамъ сокилку.

5) Чи не той то соколонько,
Що зь орломъ литае,
До виконци пидлитае:
Ой стукку, стукку!
Подай, сердце, руку!

6) Налетили соколи изъ чужої сторони,
Сили-пали соколи въ удивоньки на двори,
Криличками увесь двирь укрили,
Ниженьками у синечки вступили,
Оченьками всю свитлоньку збудили.

7) Сивий соколонько по полю литае,
По своихъ роскошахъ чароньки шукае;
А я молодець въ свити гадаю,
Що л соби пароньки не маю.

(Метл. 45).

8) Ой ти, дивонько-перебиронько,
Тожъ то си перебираешъ:
Вже вси соколи впустила въ поле,
Но одного не пускаешъ,—
Того сокола дрибненька мова
Золоти крильци хороши.

(Чт. 1863. IV. 191).

9) Сокиль, мати, сокиль, мати, сокиль прилитае!
Давай, донько, принадоньку,—нехай привикае.
Козакъ, мати, козакъ, мати, козакъ прибуває!
Давай, донько, принадоньку,—нехай привикае.

10) Упустила соколонька, та вже не піймаю,
Розсердила миленького, та вже не вблагаю.

11) Ой зять намъ ся стелить
По подвирью хмелемъ,
По синехъ василькомъ,

и горделиво хвалится передъ лѣсомъ своею быстротою и ловкостью, такъ же-нихъ, проѣхавъ села, остановился на избранномъ имъ тестевомъ дворѣ ¹⁾). Когда молодцу говорить, чтобъ онъ подождалъ жениться до осени, онъ сопоставляетъ трудность ожиданія съ трудностью летѣть соколу подъ небо; но ему говорятъ, что какъ ни далеко до неба, а соколу все-таки надобно долетать,—и козаку надобно ожидать, какъ ни кажется ему долго ²⁾).

Образъ печальнаго сокола, которому трудно или вовсе нельзя вить гнѣзда, сопоставляется съ затруднительнымъ положеніемъ молодца, напр., козака, отъѣзжающаго въ походъ ³⁾, или рекрутовъ ⁴⁾).

Есть въ пѣснѣй такой образъ: соколь купается съ орломъ и спрашиваетъ его: не бывалъ ли онъ на его родинѣ, не печалится ли о немъ милая, а орель сообщаетъ ему, что печалится и плачетъ ⁵⁾). Здѣсь или два козака въ аллегорич-

А къ хати барвинкомъ,

А за столомъ-столомъ

Сивесенькимъ соколомъ.

(Чт. 1866. III. 659).

- ¹⁾ Линувъ соколонько черезъ три лиси,
Черезъ три лиси, черезъ чотири,
На пятимъ лиси павъ на оришье,
Павъ на оришье, зъ лисомъ говорить:
Ой лису, лису, чомъ ти не шумишь?
Чомъ ти не шумишь, чомъ тихо стоишь?
Черезъ тебе лину, крильцемъ не тину,
Крильцемъ не тину, перцемъ не рухну.
Гихавъ Ивасько черезъ три сели,
Черезъ три сели, черезъ чотири,
На пятумъ сели зостановився,
Зостановився въ тестенька на двори.

(Гилът. 87).

- ²⁾ Ой високо соколови до неба литати,
Ой далеко козакови до осени ждати;
Хочъ високо, невисоко,—треба долитати;
Хочъ далеко, недалеко,—треба дожидати.

- ³⁾ Зажурився сивий соколонько:
Бидна мое головонька,
Що я рано зъ виря вийшовъ:
Нигде систи гнизда звити,
Малихъ дитей расплодити;
Що по горахъ сніги стоять,
А по долинахъ ріки протякають и пр,

- ⁴⁾ Ой зажурився сивий соколонько,
Що нигде систи гнизда звити;
Изивью гниздечко хочъ зъ травини,
Роспушу дитоньки по всій Украини;
Ой самъ полину поле черезъ поле,
Поле черезъ поле, за синее море!
На битій дорози рекрути ступають;
Ой вийшла мати сына пизнавати.

- ⁵⁾ Ой на мори на синьому,
Сокиль зъ орломъ купается,
Сокиль въ орла питається:

чешкомъ образѣ сокола и орла, или же орелъ—дѣйствительно птица, а соколъ—козакъ.

Аллегорическій образъ сокола послужилъ предметомъ для пѣлой думы объ «ясномъ соколяти, бездолномъ дитяти», относящейся, безъ сомнѣнія, къ разряду пѣсенныхъ народныхъ произведеній о невольникахъ въ Турецкой землѣ. Дума эта рассказываетъ, что соколы, прилетѣвшіе изъ чужой стороны, свили себѣ гнѣздо шерлатнее (скарлатное), снесли яйцо жемчужное и вывели дитя, которое названо бездолнымъ, то-есть несчастнымъ, потому что ему суждено претерпѣть неволю ¹⁾. Когда старый соколъ полетѣлъ искать живности, стрѣлки изъ Царьграда взяли соколенка, завезли его въ Царьградъ и отдали лицу, которое въ думѣ, по извѣстному намъ варианту, названо Иваномъ Богословцемъ ²⁾. Этому имени едва ли нужно придавать важное значеніе, такъ какъ, вѣроятно, кобзарь замѣнилъ имя что-то другое, взявши его изъ существующей думы объ Иванѣ Богуславцѣ, о которой мы будемъ говорить впоследствии на своемъ мѣстѣ. Овладевшій соколенкомъ наложилъ на ноги ему серебряныя путы, а на глаза жемчужную повязку ³⁾, какъ дѣйствительно поступали встарину знатные любители соколиной охоты съ любимыми птицами. Старый соколъ, возвратившись домой, узнаетъ отъ сизокрылаго орла о плѣнѣ своего соколенка и проситъ совѣта, какъ ему повидать свое дитя. Орелъ даетъ ему совѣтъ полетѣть въ Царьградъ и постараться прежде сказать своему дитяти *правду*, чтобъ онъ не прельщался ни серебряными путами, ни жемчугомъ, ни тѣмъ, что ему въ Царьградѣ хорошо жить,—пусть онъ поступитъ по-козаки. Какъ будетъ его господинъ гулять по

„Ой чи не бувъ, орле, въ мой стороні,
Ой чи не журиться мой мила обо мни?
Ой журиться, побивається,
Синзеньками умивається.

1) Вилинули соколи изъ чужой стороны,
Сили-пали въ лиси, на привоздобному дереву ориси,
И звили собі гніздо драгоцінное, шерлатнее,
И знесли вони собі яйце жемчужнее,
И вивели вони собі дитя бездолнее.

2) И полетивъ старій соколъ на чужу украинну живности доставати;
Винъ живности не доставъ,
А тильки безридне та бездолне ясне сокола, свое ридне дитя,
утерявъ.

И шли стрільци булахивци (?) изъ Царегорода,
Щерлатнее гніздо усмотрили,
Орихъ дерево изрубилі,
И бездолне, безридне ясне сокола собі забрали,
Та въ Цареградъ ёго занушили,
Та Ивану Богословцеві на утиху ему отдавали.

3) Срибрені путі ему на ноги накладає,
И жемчугомъ глаза *) ему закриває,
И по Цареграді онъ похожає,
Свое сердце звеселіє
И душу свою яснимъ соколамъ утишає.

*) Новѣйшій анахронизмъ.

Царьграду и носить его на руках, онъ пусть какъ будто въ изнуреніи склонитъ свою голову; господишь смилосердуется надъ нимъ и велитъ своимъ слугамъ снять съ ногъ молодого сокола путы, а съ глазъ жемчугъ, выпустить за Царьградъ на высокій валъ, чтобы тамъ овѣяло его вѣтромъ и соколенокъ сталъ бы здоровъ ¹⁾. Дума не описываетъ, какъ старый соколъ исполнилъ со-

1) А старый соколъ зъ чужой украины прибуває,
Сизокрилого орла на своей украины стричає:

„Ой, здоровъ, здоровъ, сизокрилий орле!

Якъ ти тутъ живешъ, проживаешъ,

На свой украины пролитаешъ?

Чи чувъ ти, прочувъ, чи бачивъ, пробачивъ,

Чи мое дитя бездольне, безридне, ясне сокола, на мой украины
хочъ мало ще гулає?“

— Э гей, ни, ясний соколе, твого дитяти на сій украины немає,

А твое дитя бездольне, безридне, ясне сокола,

У вири бусурманській,

У каторзи турецькій,

У городи Царегради пробуває,

У Ивана Богословца на ёго втихи проживає.—

То старый соколъ до орла сизокрилого словами промовляє:

„Якъ же мни свое дитя бездольне, безридне, ясне сокола, у вири
увидити,

Свое сердце звеселити?—

Сизокрилий орелъ до ёго словами промовляє,

Бить-то (будто) гирко плаче-ридає:

„Ти не знаешъ, старый соколе, що робити.

Полеги ти на Царьгородъ городъ, жалибенько заквили,

Своимъ голосомъ виру бусурманську, каторгу турецьку звесели,

А своему дитяти бездольному, безридному, ясному соколяти, всю
правду скажи:

Нехай винъ на серебряни пути не взирає,

На жемчугъ не поглядає,

Що ему тамъ хороше жити,

Е що исти, е що пити,

Та нехай воно соби козацький звичай знає:

Якъ Иванъ Богословець буде по Царьгради городи гуляти

И его на рукахъ носити,

Свое сердце утишати,

То воно соби такъ безпечне головоньку свою нехай склоняє;

То Иванъ Богословець буде велике милосердие мати,

Буде зъ своихъ рукъ слугамъ отдавати

И слугамъ своимъ промовляти:

Ой ви слуги мои дорогі!

Возьмите срибни пути дитяти бездольному, безридному, ясному
соколяти, зъ нигъ скидайте

И жемчугъ зъ головоньки зъ очей здіймайте,

Та за Царьградъ городъ вихождайте,

Та на високий валъ его викидайте,

Чи не буде тихий витерь повивати,

Чи не буде дитя безриднее, бездольне, ясне сокола здоровья соби
мати.

вѣтъ своего друга—орла, но по смыслу рѣчи видно, что онъ сдѣлалъ именно такъ, какъ говорилъ орелъ, и это ему вполне удалось. Господинъ, у котораго находился соколенокъ, приказалъ своимъ слугамъ поступить съ плѣнникомъ такъ; какъ предсказалъ орелъ старому соколу. Его слуги, исполняя повелѣнiе господина, вышли за городъ Царьградъ и покинули соколенка на высокому валу ¹⁾. Это аллегорiя отъпуска на волю невольника. Старый соколъ уже дожидался сына и, какъ пришла пора, спустился на землю, подхватилъ на крылья своего соколенка и унесъ на высоту далеко ²⁾. Затѣмъ онъ дѣлаетъ дитяти вопросъ: что лучше—проживать ли въ Царьградѣ или метаться по бѣлому свѣту, и самъ же отвѣчаетъ, что послѣднее лучше перваго ³⁾. Дума оканчивается тѣмъ, что старый соколъ пролетаетъ надъ Царьградомъ, издаетъ жалобный голосъ и изрекаетъ проклятiе на Царьградъ за то, что хотя въ немъ много серебра и золота, изобилiе яствъ и питья, но нѣтъ отрады человѣку ⁴⁾. Дума эта въ дошедшемъ до насъ образѣ, конечно, принадлежитъ козацкимъ временамъ и притомъ, сколько намъ кажется, цвѣтущему періоду поэтического творчества козацкой пѣсенности; но основа аллегорического изображенiя символа очень древняя, и мы полагаемъ, что ранѣе, чѣмъ народное творчество изобразило аллегорически событiе изъ своей человѣческой жизни посредствомъ событiя изъ жизни символа, послѣднее уже существовало само по себѣ безъ аллегорiи, по крайней мѣрѣ въ приблизительно сходныхъ чертахъ. Намъ побуждаетъ допускать это предположенiе, болѣе или менѣе примѣнительное ко всякимъ подобнымъ аллегорiямъ, то, что всегда символы, кромѣ сопоставительной стороны съ человѣческими дѣйствiями, имѣютъ еще и миическую сторону: дѣйствуютъ и мыслятъ какъ разумныя существа; сами по себѣ они подлежатъ собственной исторiи, которая хотя и потускнѣвшими отъ времени чертами все еще червѣдко выказывается.

1) Го вони тее зачували

За Царьградъ городъ вихождали,
Дитя бездольне, безридне, ясне сокола, на високий валъ вигидали.

2) А старий сокиль свои крила на землю спускае,

И свое дитя бездольне, безридне, ясне сокола на крила хапае,
Та лидь високу висоту лидношае.

3) До свого дитяти бездольного, безриднаго, яснoго соколяти, промовляе:

А що мое дитя, ясне сокола, чи лучче въ Царигради у Ивана

Богословца проживати,

Чи лучче по билому свиту ганяти?

Ой же лучче, дитя мое бездольне, безридне, ясне сокола, по билому
свиту гуляти,

Нижь у Ивана Богословца у городи Царигради, у вири бусурманскій,
у каторзи турецкій пробувати.

4) Го старий сокиль ясний черезъ Царьградъ городъ перелятае,

То винъ жалибненько квилить, проквילה,

Царьградъ городъ кляне, проклинае:

Хочь ти, Царьградъ городъ, на все не жадень,

На срибло та золото,

У тоби хороше жити, е въ чимъ людямъ ходити,

Есть що исти й пити,

Но тильки чоловікови нема одрадошти!

Соколь сообщает вѣсти. Молодецъ видитъ двухъ летающихъ соколовъ и спрашиваетъ ихъ, не были ли они на его родинѣ и не тоскуютъ ли о немъ родители ¹⁾; а жена чумака хочетъ узнать отъ сокола, что дѣлаютъ чумаки, и соколь объявляетъ ей, что чумаки проигралъ въ кости своихъ воловъ ²⁾. Новобрачная посылаетъ сокола къ отцу сказать ему, чтобъ онъ встрѣтилъ ее, когда она будетъ возвращаться съ вѣнчанія ³⁾.

Въ свадебныхъ пѣсняхъ также сирота посылаетъ сокола за умершимъ отцомъ на небо ⁴⁾.

Соколь возвѣщаетъ судьбу. Женщина, которая тяготится бракомъ съ немилымъ, слышитъ голосъ сокола, сидящаго на тополи (любимое дерево сокола, такъ какъ и въ веснянкахъ представляются соколы на тополѣ, а потомъ въ сопоставленіи оказываются молодцами), и понимаетъ, что это онъ о ней поетъ ⁵⁾.

Древнее мифологическое значеніе сокола не разъ проглядываетъ въ пѣсняхъ. Можно съ вѣроятностью полагать, что въ глубочайшей древности у арийскихъ племенъ эта птица уже стала опредѣленнымъ мифическимъ образомъ. У древнихъ индійцевъ птица изображала солнце и этою птицею былъ соколъ (Mannhardt. Die getteracet. 29). Съ развѣтвленіемъ племени образы видоизмѣнились, хотя основа древняя оставалась: такимъ образомъ, у германцевъ мѣсто

¹⁾ Изъ-за гори два сокола лине;

Мои жъ ви та оба сокола,
Чи не були у моеи сторони?
Чи не тужать отецъ мати по мині?
Плачуть, плачуть, розбиваються,
Слизоньками умиваються,
Хустиною утираються;
Стара мати на лижечку,
Праву ручку на серденьку держить.

²⁾ Соколоньку, скажи всю правдоньку.

Катерино, та ти жъ наша пани,
Скажу тобі всю правду й неправду,
Скажу тобі вси чумацьки злоти:
Програвъ чумаки сирі воли въ кости.

³⁾ Дети, дети, соколоньку, до батька мого,

Нехай же винъ столи тесови застилає,
Нехай свичи воскові зажигає,
Нехай мене молодую ожидає.

(Метл. 170).

⁴⁾ Пиплю сокола повище неба,

Мини батенька треба;
Чорну галочку на Вкраиночку
По свою всю родиночку.
Ни сокола зъ неба, ни батенька зъ раю.

(Метл. 150).

⁵⁾ Иду милу, иду другу,

А никого не здибую.
Ино сокиль на тополи
Шіе писню лихій доли.
Ой соколе, соколочку,
Не смуди ми головочку.
Бо вже мене засмучено,
Що зъ нелюбомъ излучено.

(Чт. 1863. IV. 247).

сокола во многомъ занималъ лебедь. У древнихъ персовъ соколъ былъ мнѣнческою птицею: онъ помѣщается на одномъ изъ двухъ всемирныхъ деревьевъ, именно на деревѣ, изъ котораго происходятъ сѣмена всѣхъ деревьевъ въ мѣръ. Соколъ пребываетъ на этомъ деревѣ и разноситъ съ него сѣмена, передавая дождю для оплодотворенія (Windischmann Zoroastrische Studien, 166—167). У насъ на подобномъ деревѣ, стоящемъ также, какъ и у персовъ, посреди моря, сидятъ голуби; но мнѣнческій характеръ сокола проявляется въ другихъ образахъ: такъ, напримѣръ, приведенное нами летаніе сокола къ небу и на небо намекаетъ на символическое отношеніе этой птицы къ небу. Еще ярче высказывается оно въ галицкой щедровкѣ, гдѣ соколъ-орелъ высоко сидитъ и далеко видитъ. Садись, говорятъ ему, на синемъ морѣ, — тамъ плыветъ корабль, въ которомъ трое воротъ: въ однихъ воротахъ свѣтитъ мѣсяць, въ другихъ — всходитъ солнце, въ третьихъ — самъ Богъ ходитъ съ ключами и отпираетъ рай, выпускаетъ души ¹⁾. Здѣсь синее море не что иное, какъ небо, которое въ первобытныхъ миеологическихъ выраженіяхъ изображалось моремъ. Въ одной галицкой колядкѣ есть очень замѣчательный мнѣнческій соколъ: онъ сидитъ на яворѣ и вьетъ гнѣздо, онъ обкладываетъ его терномъ, кладетъ въ средину калину, а на вершину золото. Лѣсной (охотникъ) молодецъ хочетъ стрѣлять въ него изъ лука, но соколъ проситъ не стрѣлять его: онъ будетъ молодцу полезенъ; когда молодецъ будетъ жениться, соколъ переведетъ его (черезъ воду) и возьметъ на свои крылья его невѣсту ²⁾. Древность этого образа, котораго сущность состоитъ

¹⁾ Ой вирле, вирле, сивий соколе!

Високо сидишь, далеко видишь.

Сидай ти соби на синимъ мори,

На синимъ мори корабель на воли,

Въ тимъ кораблейку трое воротци:

Въ першихъ воротейкахъ мисячокъ свитить,

Въ другихъ воротейкахъ соненько сходитъ,

Въ третихъ воротейкахъ самъ Господь ходить,

Самъ Господь ходить, ключи тримае,

Ключи тримае, рай видмикае,

Рай видмикае, души выпускае,

Ено еднот не допускае,

Що витци, матеръ не заць не мае,

Старшаго брата познаважала,

Старшу сестройку споличковала.

(Чт. 1864. I. 158).

²⁾ Стоить ми, стоить зелений явиръ,

Повійний, повійний витре,

Прихили явиръ до земли!

На тимъ явори сивъ соколъ сидить,

Сивъ соколъ сидить, гнзедчко вивать,

Обкладае го острымъ терничкомъ,

Острымъ терничкомъ, сухимъ бильечкомъ,

А въ серединку — цвѣть та калинку,

А на вершечку — широе злото.

Туда милала гладка стеженька,

До сивъ сокола намиряючи:

Надійшовъ нею гайний молодець,

въ томъ, что птица, представленная разумнымъ существомъ, помогаетъ человѣку въ добываніи красавицы, несомнѣнно доказывается похожими образами не только у славянъ, но и у другихъ одноплеменныхъ народовъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательное сходство представляетъ древне-нѣмецкая былина о св. Освальдѣ, англійскомъ королѣ (дѣйствительно существовавшемъ въ VII столѣтіи и принявшемъ христіанство нортумберландскомъ королѣ), который посредствомъ ворона сначала завелъ сношенія съ красавицею, на которой хотѣлъ жениться, а потомъ, при помощи ворона, и досталъ ее, преодолевъ большія затрудненія. Въ довершеніе сходства съ нашею колядкою Освальдъ послѣ перваго подвига ворона оскорбилъ его, а воронъ потомъ опять-таки пригодился ему; такъ и нашъ молодецъ хочетъ убить сокола, который можетъ ему пригодиться впоследствии (Uhlands Schriften III. Alte hoch- und nieder deutsche Volkslieder. Abhandl. 111—117). Что у насъ соколъ, а у нѣмцевъ воронъ, это не должно насъ смущать, такъ какъ вообще образы видоизмѣняются при неизмѣнности основанія; впрочемъ, въ другомъ средневѣковомъ поэтическомъ произведеніи—шотландской балладѣ—соколъ (Gochauk-Taubenfalke) переноситъ красавицъ вѣсти и письма отъ своего господина.

Такъ же замѣчательна по своей странности другая колядка, гдѣ соколъ, сидя на калинѣ, говоритъ дѣвицѣ: «прекрасная дѣвица, иди за меня замужъ! У меня есть три бѣлыхъ города (здѣсь городъ въ древнемъ, болѣе обширномъ смыслѣ загородья, огороженного пространства): въ первомъ городѣ мы сами будемъ жить, въ другомъ городѣ—яровая пшеница, въ третьемъ—зеленое вино (виноградъ)». Но дѣвица догадалась, что это обманъ, и сказала ему: «еслибъ у тебя были три бѣлыхъ города, не сидѣлъ бы ты на калинѣ, а сидѣлъ бы ты въ бѣломъ городѣ, клевалъ бы ты яровую пшеницу, а не мелкій песокъ, пилъ бы ты зеленое вино, а не луговую воду»¹⁾. Этотъ соколъ такое же ра-

Золотимъ лукомъ потрясаючи,
Ясновъ шабельковъ вививаючи,
Та явъ сокола стрилковъ стридати,
Стрялковъ стрилати, шаблевъ рубати.
Сивъ сокиль каже: „не стрилй мене,
Не стрилй мене, не рубай мене!
Коли ти будешъ ой женитися,
Я тоби стану та въ пригодоныци:
Срибними пидкивками вибразкуючи,
Ясновъ шабельковъ вививаючи,
Сивовъ шапочковъ насуваючи,
Ряснями суконцями потрясаючи
Тебе молодого самъ перепроваджу,
Твою княгиню на крыльци возьму,
А твои гроши возьму на ноши“.

¹⁾ Ой при лужейку, при бережейку,
(припѣвъ: калино, гей калино,
Чомъ тебе вода пидмила?)
Тамтади лежить здавна стежейга,
На калинойци сивъ соколойко,
А товъ стежейковъ иде двойга.

(Чт. 1864. I. 68).

зумное существо, какъ и первый, но хочеть добыть красавицу не для молодца, а для себя. Быть можетъ, это молодець-чародѣй, превратившійся въ сокола, какъ это бываетъ въ сказкахъ, но вѣроятнѣе какое-нибудь мифологическое существо, о которомъ существовала исторія, подобная греческимъ похищеніямъ Зевса. Въ нѣмецкой мифологіи боги принимали образъ сокола (Simrock Myth., 30). Съ соколомъ галицкой колядки, повидимому, находится въ соотношеніи веснянка, въ которой молодая ключница ведетъ сторожу замкнуть «жарты» (шутки) четырьмя замками, чтобы не залеталъ сизый соколъ и не выносилъ дѣвичьей красоты ¹⁾.

Орель (обыкновенно *сизый*, какъ соколъ—*сизый*), какъ мы уже сказали,—мужескій символъ. Мать называетъ сыновей своихъ сизыми орлами ²⁾, а дѣвица своего возлюбленнаго сизокрилымъ орломъ ³⁾. Въ думѣ объ Ивасѣ Коновченкѣ, отрицательнымъ способомъ сравненія, козакъ, поражающій татаръ ⁴⁾, уподобляется орлу, гонящему ястребовъ, а въ думѣ о невольникахъ плѣнники сравниваются съ орлами ⁵⁾. Такое же сравненіе встрѣчается и въ другихъ пѣс-

„Бигъ помогай, Бигъ, сивъ соколойко.—

— Бодай здорова, красна дивойко.

Красна дивойко, подь ти за мене!

Ой маю же я три гради били:

Въ однимъ градойку сами будеме,

Въ другимъ градойку яра шпеничка,

Въ третимъ градойку зелене вино.—

„Ой жеби ти мавъ три гради били,

Не сидивъ би ти на калинойци,

Лемъ би ти сидивъ у граду билимъ;

Ой жеби ти мавъ три гради били,

Не дзѣбавъ би ти на лузи нисокъ.

Лемъ би ти дзѣбавъ яру шпеничку;

Ой жеби ти мавъ три гради били,

Не пивъ би ти си лугову воду,

Лемъ би ти си пивъ зелене вино“.

(Чт. 1864. I. 73).

¹⁾ Молодая ключница по замкахъ ходила,

Молодого сторожа за руку водила.

Стороже, жарты замкни въ чотири замки,

Щоби не залитавъ сивий соколонько,

Щоби не вносили паненьской краси. (Чт. 1866. III. 681).

²⁾ Сини мои, сизи орли, ще й соловейки,

Тимже я васъ не женила, що ви молоденьки.

Или:

Подай, сине, подай орле, хочъ правую руку.

³⁾ Куди идешъ одъязжаешъ, сизокрилий орле.

А хто жъ мене молодую безъ тебе пригорне?

⁴⁾ Не сизый орель яструбивъ ганяе,

Вдовиченко Коновченко на воронимъ кони розъїзжае.

Мечемъ своимъ якъ блискавка сяе,

Трохъ татаръ янычаръ зъ коней збивае. (Укр. Дум. 85).

⁵⁾ У святу неділю не сизи орли закледали,

Якъ же бідни невольники у тяжкій неволи заплакали.

(Укр. Дум. 10).

няхъ, гдѣ изображается молодець въ неволѣ¹⁾). Козакъ молодець—орель, а дѣвица—орлица²⁾). Молодець между своими товарищами, какъ между орлами³⁾).

Летаніе орла—символь быстроты⁴⁾). Молодець хотѣлъ бы, чтобъ у него были орлиныя крылья, леталъ бы онъ къ дѣвицамъ⁵⁾ или къ своей возлюбленной⁶⁾). Въ одной пѣснѣ орель споритъ въ быстротѣ съ конемъ⁷⁾: образъ, вѣроятно, очень старинный, такъ какъ онъ встрѣчается въ великорусской поэзіи. Одинъ изъ любимыхъ образовъ въ народной поэзіи—летаніе орла надъ моремъ—сопоставляется съ разными положеніями и ощущеніями молодца⁸⁾). Орлы, пьющіе воду изъ криницы—образъ, означающій овладѣніе дѣвицею другими⁹⁾).

Орлы, товарищи козаковъ, сопровождаютъ ихъ въ походы въ степяхъ¹⁰⁾). Орель—свидѣтель козацкой смерти въ степи: онъ и пожираетъ его тѣло. Въ думѣ о трехъ братьяхъ, бѣжавшихъ изъ Азова, орлы-чернокрыльцы лѣзутъ къ умирающему, но еще живому козаку: онъ проситъ ихъ помедлить, пока онъ

1) Въ славнимъ мисти Жаботини,
На високиѣ замку,
Сидить орель у кайданахъ
За Гандзю коханку.

2) Ой дивчина орлица
До козака горнеться
А козакъ якъ орель...

Или:

Пригорнулася, прилягла,
Вже орлица до орла.

3) Ой вийду я за ворота, стану мижъ орлами;
Чи не вийде дивчинонька зъ чорними бровами.

4) Кину перомъ, лину орломъ, конемъ поверну,
Та до свого та гетьмана таки прибуду.

5) Хотивъ би я орломъ бути, та бистро литати,
Литавъ би я що вечора дивчатъ розглядати.

6) Колибъ я мавъ орловні крила,
Полинувъ би, де моя мила.

7) Закладався орель зъ конемъ
А за тні криниченьки:
Ой чи скоришъ ти добижишъ,
Мини крильця повтинаешъ?
Ой кинь бижить, земля дрижить,
Орель летить, перо дзвинять;
Ой кинь бижить все ярами,
Орель летить все дугами.

8) Летивъ орель по надъ моремъ: ой дай, море, пити;
Ой якъ тяжко убогому багату любити!
Летивъ орель по надъ моремъ, на воду схилився;
Иде козакъ изъ чужини, тяжко зажурився.
Десь мій милий чорнобривий тяжко зажурився.

9) Та вже зъ тои криниченьки орли воду пють;
Та вже мою дивчиноньку замижъ отдають.

10) Та Савуръ могила, та Савуръ могила, сивий орель пролітає,
Иде висько славне запоризьке, та якъ макъ процвітає.

испустить духъ... По смерти его орлы садились у головы его, наступали на его черныя кудри, выдирали изъ лба глаза, обирали бѣлое тѣло около желтыхъ костей. Это были похороны козацкія ¹⁾. Въ другой думѣ изнемогающій отъ ранъ козакъ силится подняться, достать ружье и послать подарокъ чернокрыльцамъ-орламъ, которые какъ будто приняли на себя обязанность присматривать за умирающимъ козакомъ ²⁾. Въ одной пѣснѣ изображается, какъ орелъ оторвалъ отъ козацкаго трупа руку, и эта рука проговорила къ нему: ахъ, еслибъ это знали отецъ и мать, они бы похоронили бѣлое тѣло ³⁾. Есть пѣсня, гдѣ козакъ, умирая въ степи, проситъ орла дать знать его матери и сказать, что ея сынъ женился на королевнѣ могилѣ, которую выслужилъ у крымскаго хана благодѣтеля ⁴⁾. Орелъ приноситъ горестныя вѣсти роднымъ убитаго козака.

¹⁾ Стали орлы чернокрыльци налитати,
Стали въ головкахъ козацкихъ сидати:
Ставъ козакъ словами промовляти:
„Орлы мои чернопири, гости невесели,
Заждѣть мини малую часинку:
Якъ буде чорная хмара наступати,
Буде дрибний дождчикъ накрапати,
Буде козацка душа зъ билимъ тиломъ розлучати“.
То не чорная хмара наступала,
То душа козацка зъ билимъ тиломъ розлучала.
Стали орлы чернокрыльци налитати,
Въ головкахъ козацкихъ сидати,
На чорній кудри наступати,
Изъ лоба очи видирати,
Коло жовтої кости тило козацке оббирати:
Тожь вони похорони козацкѣ одправляли.

²⁾ Орлы чернокрыльци,
Козакови дозирци,
Налитають,
Козацкую душу доглядають.
То вже козакъ молодой отца й неньку споминає:
„Поможи мини, отцева й матчина молитва,
На колинцяхъ стати,
Семипядну нищаль достати,
По три мирци пороху підсипати,
По три пульки свинцовихъ набивати,
Орламъ чернокрыльцямъ,
Козацкимъ дозирцямъ,
Великий подарунокъ давати“.

³⁾ Десь узався сизоперий орелъ,
Та взявъ руку зъ козацкаго трупу,
Та понисъ руку у чистее поле,
Та й ставъ руку бити, побивати;
Стала рука до орла промовляти:
Колибъ сее отецъ и мати знали,
Вони бъ сее тило поховали!

⁴⁾ Винь до его промовляє:
„Сизий орле, побратаймося;

Вотъ идетъ вдова съ ребенкомъ и сѣла отдыхать; орель сидитъ надъ водою и извѣщаетъ ее, что знаетъ ея мужа: три раза на день кормится имъ, щиплетъ его бѣлое гѣло, разноситъ желтыя кости по горамъ, по долинамъ и ущельямъ ¹⁾. Такія вѣсти орлы не только переносятъ людямъ, но сообщаютъ ихъ птицамъ. Такъ, напримѣръ, орель купается съ соколомъ и на вопросъ сокола, не видалъ ли онъ чумаковъ, рассказываетъ, какъ орда ихъ изрубила, а частію взяла въ плѣнъ ²⁾. Потомъ орель полетѣлъ туда, гдѣ случилось бѣдствіе, и въ заключеніе обращается къ матери: а ты, мать, сидишь дома, не знаешь, не вѣдаешь, что сдѣлалось съ сынками ³⁾.

Якъ ти брате, орле, будешъ
Зъ лоба очи видирати,
Дай же мой невѣци знати;
Якъ у тебе моя мати
Буде про мене питати,—
Скажи: служитъ винъ у хана
У кримського добродія,
Та вислуживъ королевоньку—
Въ чистимъ поли могилоньку!⁴⁾

(Укр. нѣсн. Макс. 152).

¹⁾ Та йшла вдова долиною
Изъ малою дитиною;
Сила вдова оддыхати,
Плаче вдова и ридаетъ,
Що пана въ неи не має.
Сидить орель надъ водою,
Розмовляє зъ удовою:
„Не плачь, вдово, не журися,
Ой я твого пана знаю,
Трейчи на день попасъ маю,
И снідаю й обидаю,
Полуднюю й вечерюю,
Биле тило вищипую,
Жовти кости розношую
Ой по горахъ, по долинахъ,
По широкихъ байрачинахъ“.

(Метл. 288).

²⁾ Ой на мори, на синьому,
Сокиль зъ орломъ купается,
Сокиль орла питається:
„Чи не бувъ, орле, на Украини,
Чи не бачивъ, орле, чумачні“?—
— Всихъ чумакивъ орда взяла,
Котрихъ старихъ порубала,
А молодихъ въ полонъ взяла.
Надъ ричкою Самаркою
Горять огни терновіи,
Варять каши яловіи,
Туди орель прилитае,
Чумачню одвидаетъ:
Которіи порубани,
Которіи въ полонъ взяти.
Оттуть же имъ прихилище,

Осиротѣвшій козакъ обращается къ орлу съ вопросомъ, что ему дѣлать. Отецъ и мать померли,—не съ кѣмъ жить. Зачѣмъ спрашиваешь, когда самъ знаешь?—говоритъ ему орелъ. Не ходи въ ту сторону, гдѣ у тебя нѣтъ родныхъ ¹⁾. Однако не послушался козакъ орла. Козакъ въ чужой сторонѣ, въ степи. Онъ безпокоится: кто присмотритъ за нимъ, когда онъ будетъ умирать въ степи. Орелъ говоритъ ему: есть, братъ, много насъ, сизокрылыхъ орловъ; будемъ, братъ, присматривать за тобою при смерти, будемъ поминать тебя твоимъ же тѣломъ, похоронимъ кости твои въ терновыхъ кустахъ ²⁾.

Иногда, однако, являются болѣе дружелюбныя отношенія козаковъ къ орлу. Встрѣчаетъ козакъ орла, сидящаго на камнѣ, и спрашиваетъ его, что дѣлается у него дома, тоскуетъ ли о немъ милая. Орелъ сообщаетъ ему, что его милая даже заболѣла отъ тоски по немъ ³⁾. Тогда, по одному варианту ⁴⁾, извѣщаетъ невѣстку о скоромъ прибытіи мужа мать послѣдняго, а по другому собственно не говорится кто, но по смыслу можно заключить, что это исполняетъ тотъ же орелъ ⁵⁾. Козакъ, разлучаясь съ возлюбленною, обѣщаетъ ей пересылать письма посредствомъ сизыхъ орловъ ⁶⁾. Въ веснянкахъ орелъ является также птицею дружелюбною человѣку: онъ заохочиваетъ дѣвицъ къ играмъ, а самъ обѣщаетъ полетѣть и принести зеленое лѣто, крещатый барвинокъ, старымъ людямъ поспѣвы, мужамъ орать, женщинамъ жать, а дѣвочкамъ гулять ⁷⁾. Здѣсь

Сира земля примище!

А ти, мати, дома сидишь,

И не знаешь, не видаешь,

Що зъ синочками зробилось!

¹⁾ Скажи мнѣ, орле, що мнѣ робити:

Померъ отецъ, мати, ни при кому жити!

— На що ти питаєшь,

Що самъ добре знаєшь?

Не йди въ ту сторону, де роду не маєшь.

²⁾ Е въ мене, брате, много сизокрылого орла,

Будемъ твоей смерти, брате, доглядати,

Будемъ твоимъ тиломъ та тебе поминати,

Твои жовти кости по тернахъ ховати.

(Метл. 447).

³⁾ Въ чистимъ поли билъ каминь лежить,

Ой на тимъ камни сизъ орелъ сидить,

Ой сидить же винь та розмишляе,

Иде козакъ дорогою, та орла питає:

„Ой чи бувъ, орле, въ мой сторонѣ,

Ой чи тужить моя мила по мнѣ?“—

— Ой тужить, тужить на лизку лежить,

Правою рученькою за сердце держить.

(Метл. 242. Ср. вариантъ галицкій. Чт. 1863. IV. 185).

⁴⁾ Чт. 1863. IV. 185.

⁵⁾ Ой уставай, мила, несучи тоби висть:

Ой прийде до тебе миленькій гисть.

⁶⁾ А самъ поиду, а самъ поиду въ велику дорогу,

Буду писати й пересилати сизими орлами. (Баллан. 117).

⁷⁾ Грайте, дивочки, безъ орла,

Поки я принесу, принесу

Зеленое литечко, литечко,

орель является миѳической птицею. Намъ кажется, что древняя миѳическая птица солнца и животворной силы разбилась на разные образы и между прочимъ на сокола и орла. На востокѣ ясно древнее значеніе сокола; въ Греціи соколъ, сколько извѣстно, не имѣлъ значенія, зато миѳическою птицею Зевса былъ орель. У насъ это значеніе имѣеть, между прочимъ, соколъ-орель; такъ какъ въ пѣсенномъ языкѣ нерѣдко это одна птица съ двойнымъ названіемъ, то и естественно, что однѣ и тѣ же миѳическія черты есть и въ соколѣ и орлѣ. Въ веснянкѣ орель, приносящій лѣто и устанавлиющій занятія людей, есть тотъ же восточный соколъ, разсѣвающій животворныя сѣмена, и тотъ же греческій орель, сопутникъ Зевса. Въ такомъ же смыслѣ, вѣроятно, надобно понимать странную въ настоящее время веснянку, гдѣ поется, что орель изоралъ поле и насѣялъ пшеницы и ячменя ¹⁾; а также и одну петровочную пѣсню, гдѣ говорится объ ораніи орлами и о засѣяніи поля жемчугомъ въ видѣ начала къ тому, что не имѣеть съ этимъ началомъ связи ²⁾. Быть можетъ, къ миѳическому міровоззрѣнію относится, по своему основанію, колядка, гдѣ повѣствуется что орлы строили церкви, и одинъ изъ нихъ давалъ приказанія класть бѣлый камень, на камень дубовое сырое дерево, наверхъ его бѣлое желѣзо, а на самой вершинѣ поставить золотой крестъ. Въ этой церкви самъ Богъ — священникъ, а дьяками—ангелы; сами собою загораются свѣчи, сами собою читаются книги, само собою отправляется богослуженіе ³⁾.

Хрещатий барвинокъ, барвинокъ,
Старимъ дидамъ, сянѣня, сянѣня,
Чоловикамъ оранѣня, оранѣня,
Молодицямъ гречку жати, гречку жать,
Вамъ, дивочкамъ, погулять, погулять,
Вамъ, молодимъ, погулять, погулять.

1) Орель поле изоравъ
И пшеници насѣявъ,
Дивочкамъ на коровай,
Молодицямъ на пиво,
Парубочкамъ на диво.
Орель поле изоравъ
И ячминю насѣявъ,
Парубочкамъ на коровай,
Молодицямъ на пиво,
Чоловикамъ на диво.

2) Ой Петре, Павле, Иване!
Та зѣоримо поле орлами,
Та засѣемо жемчугами,
Та поставимъ стовпи золотіі,
Та повисимъ коври шовковіі.

3) Муровали еи (церковь) три вирлоньки,
Ино единъ не муровавъ,
Но имъ тилько розказовавъ:
„Кладить на сидѣ биле каминья,
По каминю сиру дубину,
А по дубини та клениноньку,
По кленинонці явориноньку,

Воронъ (малор. *воронь, крикъ, крячокъ, заврань*, съ эпитетомъ черный)—птица съ неизмѣнно-мрачнымъ значеніемъ. Онъ пожираетъ трупъ убитаго козака ¹⁾ и приноситъ матери роковую вѣсть ²⁾. Его крикъ — плачь ³⁾, горе ⁴⁾ и предвѣщаніе смерти ⁵⁾. Такое же мрачное значеніе въ народной поэзіи имѣетъ *филина* (*пугачъ*), подобно тому, какъ въ народныхъ вѣрованіяхъ онъ—предвѣстникъ несчастья или смерти. Въ одной пѣснѣ, гдѣ описывается болѣзнь, а потомъ смерть чумака въ дорогѣ, этому несчастью предшествуетъ повторяющійся крикъ филина на холмѣ (на могилѣ ⁶⁾). Въ пѣснѣ, въ которой изображено козачество, тоскующее о минувшемъ (въ пѣснѣ, однако, не чисто народной, а соединенной съ другою, болѣе распространенною), также является кричащій филинъ ⁷⁾.

Пидь самый верхъ биле зализо,
На самый верхъ золотий крестъ⁴.
А въ тій церковци самъ Богъ пономъ,
А дячата—анголата,
Сами ся свичи посвители,
Сами ся книги почитали,
Сами ся служби повидиравали.

(Чт. 1864. I. 51).

- 1) Летить воронъ зъ чужихъ сторонъ,

Винъ на личку усиде,
Очи зъ лоба выдирае...

- 2) А я твого сына знаю,

Зъ лоба очи видираю.
Иди, стара, до домоньку,
Возьми писку въ билу ручку;
Посій його въ городочку;
Коли той писокъ изийде,
Тоди синъ до тебе прийде.

- 3) Летить воронъ зъ чужихъ сторонъ, жалибненько кряче;
Не одинъ отецъ, мати за синомъ заплаче.

Или:

Летить воронъ по надъ моремъ, та й жалибно кряче,
Сидить козакъ била моря, та сидючи плаче.

- 4) Летить воронъ, чорний воронъ, нижки пидобгавши;

Тяжко мици въ святи жити, родини не мавши.

- 5) Ой у поли чорний воронъ кряче.

Ой тожъ винъ мою голову баче.

Или:

Нехай плаче, нехай плаче, та вже не виплаче;
Бо надъ синимъ, надъ Нечаемъ чорний воронъ кряче.

- 6) Сидить пугачъ на могилі, та якъ пугу, такъ пугу!

Дотягайте, слави чумаченьки, до темного лугу.
Ой ради бъ ми посишати, та чумака запедужавъ.
Та правою рученькою за серденько вхопився и пр.

- 7) Ой сивъ пугачъ на могилу

Та й крикнувъ винъ: пугу!
Чи не дасть Бигъ козаченькамъ хочъ теперъ потугу!
Що день ждемо, що ничъ ждемо,
Поживи не маемъ;
Давно була Хмельниченька, уже не згадаемъ!

Народное мировоззрѣніе причисляетъ къ птицамъ въ известномъ смыслѣ и часъкомыхъ, какъ летающихъ тварей. Изъ нихъ, впрочемъ, въ народной поэзіи встрѣчаются только *пчелы*, *комарь* и *жукъ*. Пчелы означаютъ слезы. Козаку приснился сонъ, что на его дворѣ сѣли пчелы. Ему объясняетъ ворожея, что это — слезы ¹⁾ и потомъ онъ узнаетъ, что его жена родила младенца и умерла. Въ другихъ пѣсняхъ пчелы также сопоставляются съ плачемъ и слезами ²⁾. Вероятно, также въ приближеніи съ этимъ печальнымъ значеніемъ пчелъ, женщина, терпящая нужду, говоритъ, что мать дала за нею въ приданое только пчелъ, которыя разлетѣлись ³⁾. Но пчелиный рой сопоставляется и не съ одними печальными явленіями. Такъ, въ свадебныхъ пѣсняхъ пчелиный рой — какъ бы символъ благополучія новобрачныхъ ⁴⁾, и съ самою невѣстою, окруженною друзьями, сопоставляется пчелиный рой ⁵⁾. Согласно съ этимъ значеніемъ въ колядкахъ представляется, что пчелиная матка собираетъ пчелъ роиться и носить медъ хозяину, а воскъ на свѣчи Богу ⁶⁾.

Комарь составляетъ предметъ шутивныхъ пѣсень. Въ одной, очень распространенной, пѣснѣ описывается смерть и погребеніе комара. При этомъ играютъ роль мухи. По однимъ вариантамъ комарь женился на мухѣ, потомъ слѣдуетъ его смерть, и старыя мухи отправляютъ ему погребеніе ⁷⁾. По другимъ — не

¹⁾ А що пчилюньки, то слизюньки.

²⁾ На верхъ сосни пчолы вьются,
Въ молодой слези льются.

³⁾ Та дала ми моя мамка за високи гори,
Не дала ми бильше ничогъ, лише одни бджоли;
А бджоли ся разлетили, лишь я ся лишила.
А теперьсь ми моя мамко на вики втопила. (Чт. 1864. IV. 329).

⁴⁾ Вився рій, вився:
На садокъ полетивъ
На Василькову (имя жениха) сосну.

⁵⁾ Не гуди, рою,
По надъ головою:
То не рій гуде,
То Маруся до дому йде.

⁶⁾ Ой шумить гуде, дибровою йде,
Пчилюнька мати пчилючокъ веде,
Ой пчилючки мои, диточки мои,
Ой десь ми будемъ при саду мати,
Рои роити, медокъ носити,
Медокъ-солодокъ пану господарю,
А жовтий воскъ — Богу на свичу.

Ой щось за гукъ учинився,
Що комарь та на муси оженився,
Та взявъ соби жинку молодичку!
Якъ полетивъ комарочокъ у лисочокъ,
Та й сивъ комарочокъ на дубочокъ.
Ой сивъ комарочокъ на дубочку,
Прихиливши головоньку и къ листочку.
Де ся взяли буйни витри,
Та звалили комарика та на мости,

говорится о бракосочетаніи комара, а описывается его смерть, сожалѣніе мухи (очевидно его подруги) и погребеніе ¹⁾. Пѣсня оканчивается родомъ эпитафіи ²⁾, которая въ галицкомъ вариантѣ подробнѣе и произносится отъ лица покойника ³⁾.

Другая насмѣшливая пѣсня изъ веснянокъ описываетъ, какъ молодцы поймали комара и дѣлили его между собою (см. выше).

Жукъ въ шуточныхъ пѣсняхъ—символь молодца ⁴⁾.

Б. Четвероногія.

Изъ домашнихъ четвероногихъ животныхъ въ народной поэзіи занимаетъ первое мѣсто *конь*. Это—вѣрный другъ, товарищъ молодца, существо умное и любящее. Мать говоритъ сыну, который жалуется, что ему не съ кѣмъ бесѣдовать, что она купить ему коня, — пусть онъ съ нимъ разговариваетъ въ тем-

Розбивъ, поламавъ свои кости.
Де-ся-взяли стариі мухи,
Взяли того комарика лядь руки,
Наихали гости зъ Прилуки,
Вони тому комарику труну будовали,
Чорними сукнами труну оббивали,
Край шляху, при дорози поховали.

1) Гукнуло, стукнуло въ лиси,
Комаръ зъ дубу повалився,
Розтовкь соби головище
На дубове коренище.

Вилитала муха зъ хати,
Комарушка жаловати:
„Ой комарю, мій комарю,
То ми тя жаль не по малу!

Поховали ёго въ лиси,
Ай у лиси, при ориси
(Или: при дубовимъ копариси).

2) Ой що се лежить за покойникъ,
Чи панъ, чи гетманъ, чи полковникъ?
Ой се лежить козачище,
Се старого виська товарище.

3) Насадыте ми петрушоньки,
Зеленои маруноньки,
Тоту будуть дѣвки рвати,
Комарушка шановоти.
Ай тутъ ёго лежить тило;
Не одного оно іяло,
А тутъ лежить ёго сало,
Не одного смаровало;
А тутъ лежить ёго труба,
Которая пала съ дуба.
Ой ду-ду-ду, ду-ду, ду-ду.
Комарушка не забуду.

(Чт. 1866. III. 565).

4) По дорози жукъ, жукъ, по дорози чорний,
Подивися, дивчино, який я моторний.

ную ночь ¹⁾. И действительно, разговоръ козака съ своимъ конемъ—одна изъ обычныхъ формъ въ пѣсняхъ. Вотъ влюбленный козакъ спрашиваетъ у своего коня совѣта, что ему дѣлать: писать ли къ милой письмо, или самому къ ней поѣхать ²⁾. Въ другой пѣснѣ козакъ спрашиваетъ у своего коня, гдѣ милая, и конь указываетъ ему ея мѣстопребываніе ³⁾. Видя, что хозяинъ печаленъ, конь хочетъ узнать отъ него причину печали, и молодецъ сообщаетъ ему, что люди говорятъ, что дѣвица уже не принадлежитъ ему ⁴⁾. Съ своей стороны, замѣчая, что конь его грустенъ, козакъ спрашиваетъ, не тяжело ли онъ коню и не тяжела ли для коня козацкая сбруя. Конь отвѣчаетъ ему, что тяжело для него безпутство козака, такъ какъ онъ, козакъ, гуляетъ до полуночи въ шинкѣ, а его конь, вызывая господина изъ шинка, въ это время копытами выбьетъ въ землѣ яму по колѣна ⁵⁾. Конь остерегаетъ козака отъ порока. Хозяинъ сообщаетъ коню свое намѣреніе бѣжать съ чужою женою, а конь представляетъ ему безнравственность этого поступка ⁶⁾. Въ другой пѣснѣ молодецъ, огорченный измѣною женщины, въ досадѣ проклинаетъ коней своихъ за то, что когда онъ ѣздилъ къ невѣрной, они не заржали, не дали ему знать о ея невѣрности.

- ¹⁾ Куплю тобі, синку, коня вороного,
Прийде темна нічка—говори до ёго.
- ²⁾ По садочку хожу,
Коня въ рукахъ вожу.
До коника стиха промовляю:
Порадь мене, що я молоденький.
Чи мині листи писати,
До милої слати,
Чи самому систи поїхати?
- ³⁾ „Сивий коню, сивий коню, сива твоя грива!
Скажи мині, сивий коню, де моя дівчина?“—
— Ой тамъ гора, тамъ друга, гей тамъ долинонька,
Меже тими гороньками твоя дівчинонька. (Чт. 1863. IV. 302).
- ⁴⁾ „Ой чого ти, козаченьку, плачешь;
Либонь же ти вечеряти хочешь?“—
— Ой вжежь мині, коню, вечера не мила.
Люде кажуть: вже не твоя дівчина.
- ⁵⁾ „Ой чого ти, мій коню, нудишь?
Чи я тобі, мій коню, важокъ.
Ой чи моя козацкая зброя?“—
— Ни ти мині, мій пане, не важокъ,
А ни твоя козацкая зброя?
А тимъ я смутненький, що ти молоденький:
Куди погадаешь, туди й погасаешь,
Нигде того шинка не минаешь,
До півночи въ шинкарки гуляєшь,
А я сирой землі по коліна вибью,
Поки свого пана изъ шинка не вивзу.
- ⁶⁾ „Ой коню мій, коню, порадь же ти мене,
Хочу поїхати тобою причь и зъ чужою женою.“—
— Ой пане, мій пане, молодий розумъ маешь,
Що свою жону покидаешь, изъ чужою причь гадаешь.

«Ты самъ негодный, отвѣчаютъ ему кони, зачѣмъ не женишься, бѣды не знаешь, молодымъ хочешь казаться» ¹⁾).

Бдучи на свиданіе къ дѣвицѣ, козакъ просить коня заржать, чтобъ его возлюбленная услышала, и конь раздѣляетъ радость своего хозяина; козакъ дѣлаетъ окликъ, а конь ржетъ; дѣвица услышала ²⁾).

Конь—товарищъ козака въ битвахъ.—Насъ—говорить конь козаку—стерегутъ съ боковъ, встрѣчаютъ спереди, а сзади поговя бѣжить.—«Не смущайся, мой вороной конь,—отвѣчаетъ ему козакъ,—мы сторожу обминемъ, отъ погони уйдемъ, со встрѣчными побьемся».—Закидана дорога валежникомъ,—говоритъ конь козаку. Козакъ ему отвѣчаетъ: «а ты у меня, конь вороной, перескочишь этотъ мелкій валежникъ» ³⁾. Конь оказываетъ козаку услуги. Вотъ козакъ соблазняется деньгами, хочетъ продать коня и говоритъ ему объ этомъ. «Не продавай меня,—говоритъ конь,—помнишь ли, какъ мы убѣгали отъ турокъ и татаръ, какъ за нами пули орали землю, а стрѣлы летали какъ свѣтъ?» ⁴⁾. Конь чувствуетъ и удачу и несчастья хозяина. Прощаясь съ родными, козакъ говоритъ имъ, что грустить нечего: онъ воротится, потому что конь его заигралъ подъ нимъ ⁵⁾. Козаку весело на душѣ, когда конь его играетъ, потому что козакъ, по этой примѣтѣ, надѣется себѣ благополучія; козакъ просить сво-

¹⁾ „Ой кони жъ мои, вороненькіи, бодай жъ ви поздижали!
Ой якъ я издивъ до невриници, чому жъ ви не заржали?“—
— Ти самъ негідникъ, ти самъ обридникъ, що живки не маєшь,
Жинки не маєшь, биди не знаєшь, молодимъ ся тримаєшь.

(Чт. 1863. IV. 262).

²⁾ Ой заржи, вороний коню, на круту гору идучи;
Нехай зачує моя мила, сидати готуючи.
Коничокъ заржавъ, козакъ засвиставъ, дивчина почула.

³⁾ „Изъ бокивъ та сторожають,
А зъ переду зъустричають,
А сзадю поговя бижить“.—
— Не журися, коню вороненькій,
Ми видъ погони втечемо,
А сторожу та обминемо,
А зъ устричею та побьемося,
Ой низомъ, кониченьку, низомъ!—
„Закидана дороженька хмизомъ“.
— А ти въ мене, кинь вороненький,
Перескочишь той хмизъ та дрибнецький!—

⁴⁾ — Коню мій коню, я тебе продамъ,
Я жъ тебе продамъ за сто червонихъ!“—
„Пане мій, пане, не продавай мене:
Не продавай мене, спогадай мене:
Якъ ми зъ тобою зъ виська втикали,
За нами гнались турки, татаря,
За нами пули землю зборали,
За нами стрили, якъ снигъ, литали“.

(Метл. 337).

⁵⁾ Ой не плаче, не журитесь, въ тугу не вдавайтесь;
Загравъ мій кинь вороненький, назадъ сподивайтесь.

(Макс. пѣсн. 140).

его коня заиграть подь нимъ — разбить его тоску ¹⁾). Конь спотыкается, останавливается, когда предчувствуетъ горе. Въ пѣснѣ о Берестечской битвѣ у коня Хмельницкаго, когда джура (оруженосецъ) сталъ сѣдлатъ этого коня, задрожали ноги ²⁾). Въ пѣснѣ о сотникѣ Харькѣ козаки говорятъ своему атаману, чтобъ онъ не печалился, а Харько отвѣчаетъ: «какъ же мнѣ, молодцы, не печалиться, когда мой буланый конь подо мною и ржетъ, и останавливается» ³⁾): это послужило предзнаменованіемъ гибели Харька ⁴⁾), — и другой его конь, вороной, ржетъ въ конюшнѣ, чувствуя, что господина его нѣтъ на свѣтѣ. Но болѣе всего проявляется сердечная связь между козакомъ и его конемъ тамъ, гдѣ конь — свидѣтель смерти своего хозяина. Козакъ поить своего коня, а конь не пьетъ и ржетъ, чувствуетъ несчастье: ржаніе, болѣею частью, дурное предзнаменованіе... И этотъ козакъ умеръ, а умирая, завѣщаль, чтобы конь его шелъ за его тѣломъ; конь заржетъ надъ нимъ, и услышать родители, скажутъ: «вѣрно, нашего сына Ивана нѣтъ на свѣтѣ, когда вороной конь подаетъ голосъ» ⁵⁾). Въ одномъ изъ вариантовъ пѣсни о Харькѣ, когда этого сотника стали умерщвлять, его конь закричалъ жалобно ⁶⁾). Есть цѣлый рядъ пѣсенъ, въ которыхъ, при всѣхъ разнообразіяхъ, проводится одинъ и тотъ же основной мотивъ разговора умирающаго въ степи или уже мертваго козака съ своимъ конемъ. Козакъ лежитъ въ полѣ смертельно раненый; надъ нимъ стоитъ конь, и козакъ посылаетъ коня извѣстить родныхъ или жену; всегда почти при этомъ смерть изображается въ видѣ брака съ могилою. Вотъ подъ яворомъ лежитъ убитый козакъ; надъ козакомъ стоитъ конь, не отходить отъ тѣла; ужъ онъ пробилъ въ землѣ яму по колѣна. Убитому козаку жаль коня: не стой надо мною, — говоритъ онъ ему, — вижу твою привязанность ⁷⁾). Встань, мой господинъ-хозяинъ, —

¹⁾ Заграй, коню, заграй пидо мною,
Розбий тугу по темному дугу.

²⁾ Якъ ставъ джура, якъ ставъ малий коника сидлати,
Стали пидъ тимъ кониченькомъ ниженьки дрижати.

³⁾ Ихавъ сотникъ черезъ Уланикъ, на сидельце схилився;
За нимъ, за нимъ симъ сотъ козакивъ: стій, батько, не журися!
„Ой якъ мини, пани молодци, ой якъ не журиться,
Коли пидо мною буланый кинь и рже и становиться“.

⁴⁾ Ой заржавъ же вороний коникъ въ стани, на помости;
Та вже вбито Харька сотника
Въ Морозовци на мости. (Макс. 122).

⁵⁾ Ой у поли криниченька, тамъ водиця прибуває;
Ой тамъ молодой козакъ кониченька наповае;
Ой кинь и рже, води не цѣ — пригодоньку чуеть...
Отамане, товарищу, чини мою волю,
Виведь коня, винесь збрю за тиломъ за мною;
Ой нехай зарже кинь вороний, стоячи надо мною,
Ой щобъ зачули отець-мати, сидючи въ кимнати.
Ой десь нашего сына Ивана на свити не мае,
Що коничокъ вороненький голосокъ подаває!

⁶⁾ Ой якъ стали Харька, якъ стали сотника изъ свита згубляти,
Ой и ставъ же ёго коникъ, коникъ вороненький, жалибненько
кричати. (Мегл. 527).

⁷⁾ Надъ нимъ коникъ зажурился,

говорить въ другой подобной пѣснѣ конь,—хоть приподними ко мнѣ голову свою, укажи мнѣ дорогу ¹⁾.—Кому ты меня отдаешь—турку ли, татарину? спрашиваетъ конь убитаго хозяина, который на это отвѣчаетъ ему: «тебя турокъ не поймаешь, а татаринъ не осѣдлаетъ» ²⁾. Вслѣдъ затѣмъ убитый козакъ посылаетъ коня къ матери: она будетъ коню подкладывать сѣна, подсыпать овса, поить водою и сквозь слезы спрашивать про сына ³⁾, и тутъ конь долженъ сказать ей о томъ, что сынъ ея женился. Не удивительно что при такомъ важномъ значеніи коня красота его является въ гиперболическихъ образахъ; такъ, въ колядкѣ, которая поется молодцу, прославляется его конь. Нѣтъ у короля такого коня; у этого коня глаза—какъ звѣзды, уши золотыя, грива серебряная, а хвостъ шелковый ⁴⁾. Въ другой колядкѣ поется, что отъ молодца убѣжалъ конь, и молодецъ предлагаетъ тому, кто поймаетъ коня, чашу золота и двѣ чаши серебра ⁵⁾. Ему не пришлось платить, потому что коня поймала дѣвица, которую онъ взялъ себѣ женою ⁶⁾.

По колина въ землю вбвися.

„Не стій, коню, надо мною,

Бо я вижу щирить твою“.

1) Ой устань, пане хозяине,

Ой хочь поведи головку до мене,

Прокажи шляхъ-дорожку мвни.

2) „Ой кому мене вручаешь,

Кому мене покидаешь:

Чи турчину, чи татарину?“—

— Тебе турчинъ не піймае,

А татаринъ не осидлае.

3) Буде тебе за поводи брати,

Буде тобі сина підкидати,

Буде тобі вивса видспати,

И скризь слѣзи про мене питати;

Та не кажи, коню, що я вбвися,

А кажи, коню, що я оженився.

(Максим. 158).

4) Нема въ короля такого коня.

А въ того коня звиздови очи,

А въ того коня золоти ушки,

А въ того коня срибная грива,

А въ того коня шовковий хвостикъ.

Звиздови очи далеко видать,

Золоти ушки далеко чують,

Срибная грива грудь покривае,

Шовковий хвостикъ слидъ замитае.

5) Ой хто мого коня изловить,

Тому буде чаша золота,

Чаша золота и дви чаши срибла.

6) Ишла дивчина рано по воду,

Взяла коника за поводочки,

Повела коня у ставницю,

А молодого у свитлицю.

Золото мое и срибло мое,

А ти моя красная панна

За конемъ такіе же близкіе, хотя въ меньшей степени, друзья человѣка—*воли* (волы). Подобно тому, какъ конь предчувствуетъ бѣду на своего хозяина, и воли не пасутся и не пьютъ воды, чуя скорую кончину своего хозяина-чумака ¹⁾. Умирая «въ дорогѣ», чумакъ обращается къ своимъ воламъ съ нѣжнымъ участіемъ: кто-то будетъ надъ ними господиномъ ²⁾. Воли, какъ конь надъ убитымъ козакомъ, стоятъ и жалобно ревуть надъ могилою чумака, своего хозяина ³⁾.

Ораніе земли волами сопоставляется съ теченіемъ человѣческой жизни. Воли не орятъ (правильнѣе дурно орятъ); лѣто проходить напрасно ⁴⁾.

Вообще воли и коровы—образъ зажиточности и благополучія, что вполне естественно въ поэзіи земледѣльческаго народа. Дѣвица, желая сказать богатому молодцу, что онъ богатъ, а она бѣдна, зато красива, говоритъ, что у него воли и коровы, а у нея только черныя брови ⁵⁾, и самъ молодець, сравнивая двухъ дѣвиць—одну богатую, другую бѣдную, но красивую, характеризуетъ первую тѣмъ, что у ней воли и коровы ⁶⁾. Хвастливый молодець, величаясь своимъ богатствомъ и называя себя иронически бѣднякомъ, говоритъ, что у него семь сотъ воловъ, а мелкому скоту числа нѣтъ ⁷⁾. Съ ироніею, въ противоположномъ смыслѣ, свекровь, попрекая невѣстку ея бѣдностью, говоритъ, чтобъ она подоила коровъ, которыхъ пригнала съ собою ⁸⁾.

Въ колядкахъ хозяину поютъ, что Богъ ему далъ три рода счастья и

¹⁾ Чому съ воли мои не пасуться, та не хочуть води пити?

Лучче було хозяйновати, ніжъ по дорогахъ ходити...

Занедужавъ чумаченько, задумавъ умерти,

Та нікому чумакови доглядити смерти.

Или:

Воли ревуть, води не пьють, пригодоньку чують,

Бодай же ви, сирі воли, та до Криму не сходили,

Що ви мене, молодого, на вискъ засмутили!

Померъ, померъ чумаченько...

²⁾ Воли мои половині, хто надъ нами паномъ буде,

Ой якъ мене, чумака Макара, на свити не буде?

³⁾ Померъ, померъ чумакъ Макаръ, сидючи на вози,

Поховали чумака Макара въ степу при дорози,

Стоять воли сирі, половині, ревуть, ремигають.

⁴⁾ Воли мои половині, чому не орете?

Лита мои молоді, чому марно идете?

⁵⁾ Багачу, багачу, я тебе давно бачу:

Що въ тебе, багачу, воли та корови,

А въ мене, багачу, та чорні брови.

⁶⁾ Одна мила далекая, а другая близька,

А у тои далекои воли та корови,

А у сеи близьенькои та чорні брови.

⁷⁾ Бо я хлопець убогий—

Симъ сотъ воливъ въ обори,

Яливнику безъ лику!

⁸⁾ Та встань, невистко, та встань, небого,

Та подій ти корови,

Що ихъ навела, що нагнала до моеи обори.

одинъ изъ этихъ родовъ счастья—волы и коровы, остальные два—здоровье и хлѣбъ ¹⁾.

Овцы вмѣстѣ съ *козами* служатъ иногда какъ бы добавочнымъ къ воламъ и коровамъ признакомъ благоденствія, напр., въ нѣкоторыхъ колядкахъ и въ той пѣснѣ, которую мы привели выше, гдѣ дѣвица говоритъ богачу о воллахъ и коровахъ, слѣдуютъ слова: у тебя, богачъ, козы и овцы, а у меня ласковыя слова ²⁾. Съ овцою, отбившеюся отъ стада, сравнивается одинокая сирота ³⁾, несчастная женщина, лишившаяся мужа, и лихая доля ⁴⁾.

Съ *козломъ* и *козою* въ народной поэзіи соединяются остатки языческой старины. Древнее весеннее жертвоприношеніе козла, подробно описанное въ извѣстіяхъ о литовскомъ язычествѣ и существовавшее у славянъ, отражается и до сихъ поръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Малорусскаго края есть обычай водить козла,—обычай, потерявшій свои прежнія принадлежности и состоящій только въ томъ, что на масленицѣ дѣвцы бѣгаютъ по селу и поютъ пѣсни о козлѣ или козѣ съ припѣвами: «ой лелю-ладо» ⁵⁾, и «ой диду-ладо»; припѣвы эти исключительно принадлежатъ веснянкамъ, такъ что пѣсни о козлѣ—самыя раннія веснянки и открываютъ собою великое древнее народное торжество весны, котораго признаками служатъ всѣ вообще веснянки и весеннія игры. Изъ одной пѣсни, гдѣ вмѣсто козла—коза, видно, что обычай водить козла или козу и, вѣроятно, жертвоприношеніе, которое за тѣмъ слѣдовало, соединялись съ надеждою или прорицаніемъ урожая въ грядущее лѣто ⁶⁾. Другая пѣсня довольно

1) Ой вийди, вийди, пане господарю,
Кличе тебе Господь на порадонокку,
Дарує тобі три доля-счастья:
Першая доля—счастья-здоровья,
Другая доля—воли и корови,
Третяя доля—жито-пшениця.

2) У тебе, багачу, кози й овечки,
А у мене, багачу, ласкови словечки.

3) Ходить, бродить по улиці якъ прибудна вивця;
Ни съ кимъ стати промовити вирного словця.

4) Ой у поли, при дорози тамъ вивця пасеться,
Ой тамъ моя лиха доля шляхомъ волочеться.

5) Та вскочивъ козель въ огородъ, въ огородъ,
Ой лелю-ладо, въ огородъ;
Та поивъ козель лукъ-чосникъ,
Ой лелю-ладо, лукъ-чосникъ!
И билюю петрушку, петрушку,
Ой лелю-ладо, петрушку!
И чорную чернушку, чернушку,
Ой лелю-ладо, чернушку!

6) Го-го козо, го-го сира,
Ой розходися, розвеселися,
При своєму двори, при господари.
Де коза ходить, тамъ жито родить.
Де коза тупъ-тупъ,
Тамъ жита симъ купъ:
Де коза рогомъ, рогомъ,

явно указывает на самое жертвоприношение, которое, должно быть, совершалось при посредствѣ старика ¹⁾). Это имѣетъ, какъ видно, прямое соотношеніе съ извѣстною великорусскою пѣснью о томъ, какъ хотять козла зарѣзать: сидитъ старикъ, держитъ ножъ, а возлѣ него котель стоять.

Изъ прочихъ домашнихъ животныхъ въ пѣсняхъ является *котъ*—спутникъ младенческой жизни, преимущественно упоминаемый въ колыбельныхъ пѣсняхъ. Приглашаютъ кота качивать ребенка ²⁾); котъ приноситъ сонъ дѣтямъ ³⁾); за-прещаютъ ему мурлыкать, чтобы не разбудить дитяти ⁴⁾); дѣлаютъ намеки на его шаловливость и плутоватость ⁵⁾). Онъ проситъ ѣсть ⁶⁾), лазитъ всюду и испытываетъ непріятности ⁷⁾); посылаетъ кошечку за водою, кошечка падаетъ въ воду, а онъ вытягиваетъ ее за хвостъ и пр. ⁸⁾). Кромѣ того, котъ—символъ волокиты, проказника по любовнымъ дѣламъ. Это проглядываетъ даже въ колыбельныхъ пѣсняхъ ⁹⁾). Въ другихъ—большею частью шуточного тона—это ясное.

Тамъ жито стогомъ, стогомъ;

Де коза хвостомъ, хвостомъ,

Тамъ жито ростомъ, ростомъ.

¹⁾ Не ходи, козо, у тее сельце,

А въ тому сельци все люде стрильци;

Устрелять козу въ правее ухо,

Скризь полотенце въ широе сердце.—

— Ой я не боюсь тихъ людей стрильцинь,

А тильки боюсь старого дида:

Устрелить козу въ правее ребро.

²⁾ Иди, коте, до хати,

Мое дитя колихати.

³⁾ Ой кить-воркить ходить по гори,

Та носитъ сонъ въ рукави,

Чужимъ диткамъ продае,

А нашему такъ дае.

⁴⁾ Ой ти, коте, не гуди,

Мое дитя не збуди.

⁵⁾ Люли-люли, коточокъ,

Укравъ бабинъ клубочокъ,

Та й заховався у куточокъ.

⁶⁾ Ой коте, котку,

Та не сиди въ кутку.

Не проси папка,

Подбиваю лапки.

Ой ну, мовчи, коте,

Дитина спать хоче!

⁷⁾ Ой коте-котку,

Не лизь на колодбу...

Унавъ кить изъ труби,

Одбивъ соби груди.

⁸⁾ Пославъ кить кицю,

Та упала киця у криницю;

Пишовъ котикъ ратовати,

За хвистъ кицю витягати.

⁹⁾ Ой ти коте-коточокъ,

Дѣвица пригласила къ себѣ въ сѣни молодца; мать изъ хаты спрашиваетъ: кто тамъ ходитъ въ сѣняхъ. Дочь отвѣчаетъ, что это котъ ловить мышей ¹⁾. Въ другой пѣснѣ дѣвица выпускаетъ отъ себя милаго въ образѣ кота ²⁾. Въ третьей—мужъ подстерегаетъ, въ образѣ кота, молодца, который ухаживаетъ за его женою ³⁾.

Изъ дикихъ звѣрей въ пѣсняхъ встрѣчаются—куница, соболь, ласочка, олень, туръ, волкъ и медвѣдь.

Куница и *соболь* символизируютъ молодца и дѣвицу ⁴⁾. О превращеніи въ куницу чужой жены, убѣжавшей съ женатымъ молодцомъ, превратившимся въ камень, см. выше о камнѣ. Соболь—ласкательное прозвище молодца ⁵⁾. Въ одной

Та не ходи въ садочокъ,
Не полохай дивочокъ,
Нехай зовьють виночокъ.

¹⁾ Донько моя, Марусенько, хто по синяхъ ходить?
Мати моя, матусенько, котокъ мишки ловить.

²⁾ Я, молода, уставала,
Виконечко одчиняла,
Сирого кота впускала.
Возьму котика въ припилъ,
Ой винесу я на двирь,
Та й пуцу кота за двирь,
Щобъ батенько не чувавъ,
Люде не вбачили,
Що ми зъ имъ гуляли.

(Лавр. 27).

³⁾ Ой що жъ то за котикъ, що дви лани має.
Винъ до мого сала часто заглядає.
Ой винъ ходитъ по нидь-стиньню, нидмовляе мою жиньку.

⁴⁾ Та наказувала куночка
Свому чорному соболу:
„Ой бувай, та соболоньку,
Та у мене та въ суботоньку“.—
— Ой радъ би я та бувати,
Тебе, куночку, видати,
Та у тебе лози густі,
А риченьки бистріі.—
„А я лозоньки порублю,
Бистри риченьки впиру“.—
— Ой бувай, бувай козаченьку
У мене у суботоньку“.—
— Ой радъ би я бувати.
Тебе, дивочку, видати,
Та у тебе двори нові,
Ще й замочки крипкі,
Ще й батенко сердитий—
„А я замочки одимкну,
Воритечки одчиню,
Свого батенька вблагаю“.

⁵⁾ Козаченьку, мій соболу,
Визьми мене и зъ собою.

карпатской колядкѣ мы встрѣчаемъ *бобровъ*, какъ предметъ богатства для хозяина ¹⁾).

Ласочка является въ одной карпатской колядкѣ въ чрезвычайно странномъ образѣ. Дѣвица отправляется за водою и видитъ дивнаго звѣря—ласочку, которая оказывается не ласочкою, а Божьей Матерью ²⁾). Можно предположить, что здѣсь была какая-то мифологическая исторія о появленіи въ видѣ животного женскаго существа, внезапно потомъ принявшаго свой собственный видъ—одинъ изъ обыкновенныхъ образовъ мифическаго міра, оставшійся во многихъ сказкахъ: Божія Матерь замѣнила что-то иное.

Олень и туръ встрѣчаются преимущественно только въ галицкихъ пѣсняхъ. Понятіе объ этихъ звѣряхъ сбилось до того, что образовался одинъ звѣрь—туръ-олень. Въ одной колядкѣ поется, что хозяйка (газдина) посылаетъ слугъ поймать и убить тура-оленя и повѣсить его шкуру и рога въ ея покоѣ ³⁾).

¹⁾ Ой тамъ за дворомъ, за чистоколомъ,
Ой дай, Боже!
Стоить ми, стоить, зеленый явиръ,
А въ тймъ явори три користоньки;
Одна ми користь—въ верху гниздонько,
Въ верху гниздонько, сивъ соколонько;
Друга ми користь—въ середини,
А въ середини, въ борти пчолоньки;
Третья ми користь—у кориненька,
У кориненька чорні бобрі.

(Чт. 1864. I. 52).

²⁾ Ой пишла жъ она зъ двома ведерци:
Въ едно начерпла, зъ другимъ ся вергла,
Вергла ся борзо до матинокки:
Видила жъ бо я дивное звиря,
Дивное звиря—ластивляточку;
Не е бо тото ластивляточка;
Але е жъ тото Божая Мати!

(Чт. 1864. I. 90).

³⁾ Стоить ми, стоить, свитлонька нова,...
Ой дай Боже!
А въ тій свитлонци гей газдиненька,
В' на соби ходить, зъ ч'лядью говорить,
Зъ ч'лядью говорить, въ квартиру ся дивать,
Дивится, дивить, въ чистое поле;
Ой висмотрила дивное звирье,
Дивное звирье, тура-оленя,
На головици жъ му та девять рижкивъ.
Ой крикнула жъ в'на на свои слуги:
„Служенки жъ мои найвирнійши!
Берить же соби шовкови сити,
Други застрійте ясні стрилы,
Чей спімаете дивное звирье,
Дивное звирье, тура-оленя.
Якъ поймаете, видъ разу вбѣете,
Видъ разу вбѣете, роги зшибете,
Роги зшибете, щубу здоймете,
Ой принесете, та й повисите,

Здѣсь ясно воспоминаніе о древней охотѣ на этихъ звѣрей, о которой не разъ говорится въ нашихъ старинныхъ лѣтописяхъ и сочиненіяхъ. Затѣмъ эти звѣри представляются въ чрезвычайно мнѣческой оболочкѣ. Такъ въ одной колядкѣ, на примѣръ, черный туръ говоритъ молодцу, который промахнулся, что онъ убьетъ его послѣ, въ воскресенье, и чрезъ то добудетъ такую славу, что достанетъ себѣ дѣвицу ¹⁾. Въ другой колядкѣ на одномъ изъ роговъ тура-олена поставленъ теремъ, а въ этомъ теремѣ красная дѣвица ²⁾; далѣе описывается, что она шинокъ держитъ и за неплатежъ денегъ беретъ съ трехъ молодцовъ — коня, саблю и шубу. Кажется, все, что относится къ этой дѣвицѣ и молодцамъ, составляетъ особую пѣсню, не имѣющую связи съ рогами тура и приставленную къ пѣснѣ о турѣ случайно. Но вообще тотъ образъ, что на рогахъ у тура или оленя происходятъ сцены человѣческой жизни, вѣроятно, былъ присущъ народной поэзіи и основался на забытомъ теперь мифологическомъ представленіи; на это указываетъ другая колядка, въ которой поется, что отъ вѣтра высохъ Дунай и заросъ зельемъ; по этому зелью пасется олень; на немъ пятьдесятъ роговъ и тарелка; на тарелкѣ золотой стольчикъ; на стольчикѣ молодецъ играетъ на гуслихъ и поетъ ³⁾.

Волки встрѣчаются въ козацкихъ пѣсняхъ въ мрачныхъ образахъ. Волки растаскиваютъ кости умершаго козака ⁴⁾. Козакъ, ожидающій смерти въ степи,

Та повисите въ новій свитлонци,
 Въ новій свитлонци, чомъ на стинонци,
 Все жъ того буде гей газдиненьци. (Чт. 1864. I. 48—49).

- ¹⁾ Якъ надбали чорного тура,
 Чорного тура, грубого звиря,
 И сніпокъ стрилокъ не достриляе,
 И сивъ коничокъ изъ нигъ снадае,
 Гордый молодець зъ страху вливає,
 А чорний туръ такъ промовляє:
 «Не біяся мене, не забудь ти мене.
 Поїдешъ же ти въ неділю рано,
 Тогда жъ ти мене та й постріляшъ,
 А за славоньку панну достанешъ». (Чт. 1864. I. 63).

- ²⁾ Дивнее звиря тура-олена,
 Що на голови девять рижичківъ,
 А на десятимъ теремъ збудовавъ,
 А въ тимъ терми гречна панночка. (Чт. 1864. I. 84).

- ³⁾ Ой за гори-долу витерь повивае,
 Дунай висихае, зильемъ заростае,
 Зильемъ трепетьомъ, вшелкимъ листомъ;
 Дивное звирье спасуе зилье,
 Спасуе зилье сивий оленецъ,
 На тимъ оленци пядесятъ риживъ,
 Пядесятъ риживъ, еденъ тарелець,
 На тимъ тарельци золотий стильчикъ,
 На тимъ стильчику гречний молодець
 На гусли грае, красно спивае. (Рус. Днѣстр. 58).

- ⁴⁾ Вовки сироманци набигали,
 Козацьки кости розношали

называетъ волковъ и лисицъ своими братьями и сестрами ¹⁾. Волкъ — образъ страха вообще: мать, предостерегая своего сына отъ всякаго рода опасностей, иносказательно говоритъ, чтобъ онъ не ходилъ въ темный лѣсъ, гдѣ его можетъ съѣсть волкъ ²⁾. Вообще погибель выражается символическимъ образомъ съѣденія волкомъ. Дѣвица, которая хочетъ выразить мысль, что ей не жаль, еслибъ она лишилась немилаго, и жаль было бы, еслибъ погибъ ея милый, представляетъ это такимъ образомъ, будто того и другого съѣли волки ³⁾.

В. Пресмыкающіяся и рыбы.

Змѣя (по-мал. *змія, гадюка*)—образъ злой женщины. Злая мать, которая подстрекнула козака убить жену, называется гадиною ⁴⁾. Гадина служитъ отравы или для чаръ, по народному выраженію ⁵⁾. Гнетомый горемъ молодецъ сравниваетъ тоску съ гадиною, вьющеюся около его сердца ⁶⁾. Но змѣя является и въ болѣе привѣтливомъ образѣ. Молодецъ увидаль змѣю подъ бѣлымъ камнемъ и хотѣлъ изрубить ее. «Не руби меня», сказала ему змѣя. «Я пригожусь тебѣ, какъ ты будешь жениться: я намощу тебѣ перстневые мосты, поставлю золотые столбы, повѣшу шелковые ковры. Какъ будешь везти свою дѣвицу, мосты зазвенятъ, столбы заблестятъ, ковры заколыхаются, загорятъ восковыя свѣчи» ⁷⁾.

По байракахъ, по долинахъ,
По козацкихъ прикметахъ.

¹⁾ Ой у поли вовки та лисици,
Ой тожъ мои брати и сестрици.

(Метл. 282).

²⁾ Не йди, синку, въ темний лѣсъ,
Ой тамъ тебе вовкъ изыѣсть.

³⁾ Вовки завили, милого зыли,
А я журюся, пиду утоплюся,
Вовки завили, нелюба зыли,
Я не журюся, та веселюся.

(Метл. 313).

⁴⁾ Прилисла къ ему чорна гадина,
То не гадина—то мати его!...
Ой ти, мати моя, чорна гадина.

⁵⁾ На камини гадинонька,
На гадину сонцѣ пече,
Изъ гадини ропа тече.
Пидставъ, дивко, коновочку
Пидъ гадючу головочку.

⁶⁾ Чогось мини, братци, горилка не пьється?
Туга коло серця якъ гадина вьється.

⁷⁾ У поли, въ поли та билъ каминь лежить,
А пидъ тимъ камнемъ та змія лежить;
Ой тая змія та промовила:

„Не рубай мене, не сичи мене!
Буду я тобі въ великій пригоди:
Ой якъ ти будешь та женитися,
Помощу мости все перстневиі,
Поставлю стовни все золотні,
Повишу коври все шокковиі.

Подобные столбы и ковры встрѣчаются въ другой пѣснѣ купальской, гдѣ говорится объ ораніи поля орлами и о засѣваніи жемчугомъ.

Рыба въ народной поэзіи—символь раздолья, простора, веселаго житья. Изъ разныхъ породъ рыбъ преимущественно является въ пѣсняхъ щука, имѣющая иногда значеніе видового названія рыбы — щука-рыба. За щукою окунь иногда является какъ бы парюю къ щукѣ. Молодецъ противопоставляетъ щукѣ, ведущей раздольное житье въ водѣ, свое бездолье ¹⁾. Дѣвица хочетъ гулять, какъ рыба по Дунаю ²⁾, — какъ щука-рыба съ окунями, такъ она съ молодцами ³⁾. Дѣвица желала бы жить съ милымъ, какъ рыба съ водою ⁴⁾, да и мать любить дочь, какъ рыба воду ⁵⁾. Одиночество противопоставляется рыбѣ, у которой всегда есть своя пара ⁶⁾, а житейскія трудности и бѣды сопоставляются съ плаваніемъ рыбы противъ воды ⁷⁾, съ пребываніемъ рыбы въ мутной водѣ ⁸⁾ или вовсе безъ воды ⁹⁾. Рыба, подобно птицѣ, посылается вѣстницею ¹⁰⁾. Есть одна галицкая пѣсня, показывающая какъ будто на вѣрованіе, что утопленники превращаются въ рыбъ. Бѣдная вдова, гнетомая панщиною,

Ой якъ ти будешъ дивочку везти,
Забрызчатъ мости все перстневіі,
Засяють стовпи все золотіі,
Замають коври все шовковіі,
Засяють свичи все восковіі“.

- 1) Щука рыба въ мори гуляе до воли,
А я одинъ сиротина, та не маю доли.
- 2) Щука рыба по Дунаю,
А я молода погуляю.
- 3) Щука рыба зъ окунцями,
Я молода зъ молодцами!
- 4) Ой коби ти такъ за мною, якъ я за тобою,
Жили бь, жили, мое сердце, якъ рыба зъ водою.

(Чт. 1864. IV. 335.)

- 5) Кохалася мати мною, якъ рыба водою.
- 6) Щука рыба грае, соби пару мае,
А я, бидний сиротина, пароньки не маю.

Или:

Щука рыба грае, соби пару мае,
А я стою та гадаю, що пари не маю.

- 7) Ой якъ тяжко та рибоньци проти води плисти,
А ще тяжче, кохавшись, не мати користи.
- 8) Ой якъ гирько рибоньци,
Въ коломутній водици,
Оттакъ мини, сиротиньци,
Въ чужій стороньци.

(Чт. 1868. III. 189.)

- 9) Якъ трудно та нудно
Білій рибоньци безъ води, безъ води,
Такъ трудно, такъ нудно,
Молодому козакови безъ жони.

(Чт. 1863. IV. 321.)

- 10) Пливи, пливи, щука рыба, уплинь за водою,
Скажи мому миленькому, що я сиротою.

(Метл. 57.)

бросаетъ въ озеро свое дитя и говорить: ты будешь въ озерѣ какъ рыбка плавать, а я до смерти плакать подѣ Маковицею (мѣсто происшествія) ¹⁾.

Здѣсь мы оканчиваемъ наше обзорѣніе символики природы. Безѣ сомнѣнія, оно очень недостаточно; богатство южно-русской пѣсенности велико и далеко не все нами исчерпано.

Къ мифологическому періоду народной жизни слѣдуетъ отнести и олицетвореніе *доли*, которое встрѣчается въ южно-русскихъ пѣсняхъ. Доля—мифическое существо, дѣйствующее на жизнь человѣка, дающее счастье и несчастье.

У каждаго—своя доля. Она для него прирожденная, «родимая» ²⁾. Она дается родителями и преимущественно матерью. Такъ сирота, осужденный служить у чужихъ людей, вспоминаетъ родителей и жалуется на мать, что она, родивъ его, не удѣлила ему счастливой доли ³⁾. Но по другому представленію дитя само добываетъ себѣ долю; такъ дѣвица пеняетъ на мать, зачѣмъ не разбудила ее,—другія встали раньше и взяли себѣ по доброй долѣ, а она опоздала, и ей досталась лихая доля ⁴⁾. Въ одной свадебной пѣснѣ какъ будто языческія представленія сталкиваются съ христіанскими; являются двѣ доли разомъ: одна—дается невѣстѣ Богомъ, а другая—родителемъ ⁵⁾.

Несчастье представляется по отношенію къ доли двумя различными образами: или существованіемъ у человѣка лихой доли, или отсутствіемъ доли.

Несчастливая женщина приписываетъ свое горе тому, что мать ей дала при

¹⁾ Утопить ты мати, не будешь ся знати,
Будешь тамъ въ озерѣ на вѣки плавати.
Ти будешь въ озерѣ якъ рыбка плавати.
Я пидѣ Маковицею до смерти плагати. (Чт. 1866. III. 700).

²⁾ Ой я твоя доля родима,
Та не вельми счастлива.

³⁾ Билий снижокъ випадае,
Бурлакъ нижки идгинае,
Отця-неньку споминае:
Мати моя старенькая!
На шо мене породила,
Счасти-доли не вдлила,
Розбесчастнаго пустила.

⁴⁾ Сама, мати, провинила,
Мене рано не збудила:
Чужи дочки рано встали,
Та по добрій доли взяли,
А я, мати, спизнилася,
Лиха доля судилася.

⁵⁾ Ой славень, славень Марусинь посадь,
По всіхъ вѣконцяхъ ангели сидять,
Ангели сидять, доленьку судять,
А надъ дверьми самъ Господь стоить,
Самъ Господь стоить, книжечку читае,
Книжечку читае, доленьку роздае.
Марусю дитятко, чия доля липша?
Ой чи божая, чи батенькова?

рожденіи лихую долю ¹⁾. Нѣтъ возможности отвязаться отъ ней: лихой доли ни продать, ни промѣнять; люди поумнѣли, не хотятъ покупать ²⁾. Несчастная преситъ ее потеряться въ полѣ, утопиться въ водѣ, заблудиться въ лѣсу, просвятиться въ церкви — все напрасно: лихая доля вездѣ удѣляется за нее ³⁾. Эта лихая доля иначе называется беда (бѣда), которая, по выраженію пѣсни, одинакова отъ Кіева до Кракова ⁴⁾; она неотвязно слѣдуетъ за козакомъ, съ нимъ родилась, съ нимъ вѣнчалась она ⁵⁾.

Впрочемъ, несчастная доля не всегда слѣдуетъ тѣнью за человѣкомъ; иногда она вдалекѣ отъ него, а между тѣмъ управляетъ его жизнью на зло ему. Такъ, дѣвица слышитъ голосъ своей доли изъ-за моря, какъ она пророчитъ ей несчастное замужество ⁶⁾.

- 1) Породила меня мати у святу неділю;
Дала мнѣ лиху долю; де ні покину!
- 2) Лиху долю ни продати и ни промѣнати:
Теперь люди поразумнили—не йдуть купувати.
- 3) „Та пиди, доле, пиди, несчастная, въ поли загубися,
А за мною, та за молодю, та не волочися“.
—Хочь я пиду, молода дивчино, въ поли загублюся,
А якъ пидешь пшеници жати, я за тебе вчеплюся.—
„Та пиди, доле, пиди, несчастная, въ лиси заблудися,
А за мною, та за молодю, та не волочися!“
—Хочь я пиду, молода дивчино, въ лиси заблудюся,
А якъ пидешь калини ломати, я за тебе вчеплюся.—
„Та пиди, доле, пиди, несчастная, въ води утопися,
А за мною, та за молодю, та й не волочися“.
—Хочь я пиду, молода дивчино, въ води утоплюся,
А якъ вийдешь рано води брати, я за тебе вчеплюся.—
„Та пиди доле, пиди, несчастная, въ церкви присвятися,
А за мною, та за молодю, та й не волочися“.
—Хочь я пиду, молода дивчино, въ церкви присвячюся,
А якъ ирийдешь молитись Богу, я за тебе вчеплюся.
- 4) А хто биди не знае,
Нехай мене спитае;
А я въ биди обидавь,
А я биду одвидавь:
Одъ Кіева до Кракова,
Всюди беда однакова!
- 5) Ой пиду жь я, пиду, та зь сѣго краю пиду,
Ой покину я та у симь краю биду.
Ой оглянусь я за крутою горою,
Ажъ иде беда слидочкомъ за мною...
Ой чого ти, бидо, за мною вчепилася?
—Я зь тобою, безталанний, зь тобою родилася.
Ой чого жь ти, бидо, за мною ввизалася?
Я зь тобою, безталанний, зь тобою винчалася.
- 6) Ой дивчино зьумилася
Де доленька подилася.
Обизветься ні доля
Ажъ на тимь то боци моря:

Но существуетъ другое представленіе: человекъ несчастенъ оттого, что у него нѣтъ доли, никакой доли. Такимъ образомъ, доля имѣеть здѣсь значеніе существа добраго, приносящаго счастье. Несчастливая женщина приписываетъ свои бѣдствія тому, что мать умышленно не дала ей доли, купала ее и проклинала, желая, чтобы дочь ее не имѣла доли ¹⁾. Въ этомъ смыслѣ несчастіе называется недоля, бездолье, а несчастная женщина—бездольница ²⁾. Человекъ не только не имѣеть доли отъ младенчества, но и теряетъ ее; доля уходитъ отъ него, отстываетъ, пропадаетъ... Образы потери и исканія доли обычны и любимы въ народной поэзіи. «Гдѣ ты моя доля?» восклицаетъ женщина; «заблудилась ли ты въ лѣсу, опоздала въ полѣ, или ты была на пиру, пила медь-горьлку? За-чѣмъ меня забыла» ³⁾. Устарѣвшая несчастная женщина хочетъ запрятать воловь или лошадей и догонять убожавшую долю. Она догоняетъ ее на калиновомъ мосту (то-есть воспоминаетъ о молодыхъ лѣтахъ) и проситъ долю придти къ ней въ гости. Доля не возвращается: «было-бъ тебѣ,—говоритъ она,—меня прежде уважать, каждый день вечеромъ стлать постель» ⁴⁾. Чаще всего пропавшая доля—за моремъ или въ морѣ. Козакъ, возвращаясь съ Дону, садится надъ водою, проклиная долю, а доля откликается къ нему изъ-за моря (см. символику моря). Въ другой пѣснѣ козакъ идетъ искать долю и спрашиваетъ старика, гдѣ ему искать своей доли: въ Сѣчѣ ли, въ Самарѣ, или въ чистомъ

„Ой я твоя родима,
Та не дуже счастлива...
Ой ти пидешъ, дивко, замижъ,
Тоди будешъ постиль стлати,
Та не будешъ на їй спати,
Край кровати стоятимешъ,
Матинку споминатимешъ:
Породила мене мати,
Та не вмила прикопати
Та малою дитиною“...

1) Купаючи кляла, щобъ доли не мала.

2) Ой дежъ наша бездольница
На чужій стороні?

3) Изъ за гори витерь віе,
Моя доля въ гости йде.
Чи ти, доле, въ лиси заблудилась,
Чи у поли опизнилась,
Чи въ бесѣди була,
Медь-горилку пила, —
Де ти, доле, була,
Що мене забула?

4) Ой запряжу сири воли, воронні кони,
Ой поїду доганяти счастливої доли.
Ой дигнала свою долю на калиновимъ мости.
„Вернись, вернись, моя доля, хочъ до мене въ гости“.
—Не вернуса я до тебе, не буду у тебе.
Будо бъ мене шановати, будобъ поважати,
Будо бъ мени що-вечира билу постиль стлати!

полѣ. Старикъ говоритъ, что его доля выплываетъ на другой берегъ моря ¹⁾. Въ одной пѣснѣ, о которой мы упоминали уже, говоря о символическомъ значеніи моря, дочь проситъ мать дозволить ей купаться въ морѣ и искать въ немъ своей доли. Есть повторяемый нѣсколько разъ въ пѣсняхъ образъ, какъ человѣкъ ловитъ свою долю въ морѣ или въ рѣкѣ неводомъ, какъ рыбу, и не можетъ поймать. Козакъ ходилъ искать доли въ лѣсу и не нашель, но встрѣтилъ рыболововъ, которыхъ просилъ закинуть неводъ въ воду и поймать его долю. Рыболовы исполнили его желаніе, но поймали вмѣсто доли рыбу ²⁾. То же дѣлаетъ женщина ³⁾. Съ этимъ сближеніемъ доли съ водою состоитъ въ связи также любимый народною поэзію образъ, какъ дѣвица, потерявшая невинность, посылаетъ свою долю за водою ⁴⁾.

О потопленіи и сгорѣніи доли упоминалось выше, при изложеніи символики воды и огня. Такимъ образомъ доля, будучи тѣсно связана съ существомъ человѣческой личности, представляется подверженною уничтоженію прежде самого человѣка.

¹⁾ Пшовъ козакъ дорогою доленьки шукати,

Гей та зостривъ винъ старого диди,

Ставь ёго питати:

„Скажи минн, старый диду,

Де шукати доли?

Гей чи въ Сичи, чи въ Самари,

Чи въ чистому поли?“—

—Ой ни въ Сичи, ни въ Самари,

Ни въ чистому поли:

Гей виринае твоя доля

По тимъ боци моря!

²⁾ Ой пиду я гаемъ,

Гаемъ зелененькимъ,

Доленьки шукати.

Не знайшовъ я доли,

Знайшовъ реболовци,

Гей ви, реболовци,

Та ридниі братци!

Завкадайте невидь,

Та на биду ричку,

Та піймайте долю

Мини молодому.

Не знайшовъ я долю,

А піймали рибку.

³⁾ Ой пиду я доломъ по надъ синимъ моремъ

Доленьки шукати, доленьки шукати.

Не найшла я доли, найшла реболови.

Ой ви, реболочки, ви реболови!

Закиньте невидь видъ Днипра до моря,

Чи не випливе къ вамъ счастливая доля!

Невидь закидали, й доли не піймали.

(Метл. 366).

⁴⁾ Ой у поли надъ водою сіяла дивка долю,

Ой сіяла, говорила: пливи, доле, за водою!

Говоря о долѣ, мы считаемъ нужнымъ упомянуть о пѣснѣ, вѣроятно уже не древней, въ которой выразилась философія народа. Доля представляется уже существомъ, принадлежащимъ не каждому лицу исключительно, но всѣмъ вообще людямъ: это уже какая-то фортуна; она, какъ послѣдняя, слѣпа, помогаетъ злымъ, негоднымъ людямъ, а добрыхъ заставляетъ терпѣть нужду: все имъ не удастся, за что они ни возьмутся. Тѣ, къ которымъ милостива лукавая доля, живутъ въ свѣтѣ спустя рукава; живутъ хорошо люди безъ ума, но плохо съ умомъ, но безъ доли ¹⁾. Эта пѣсня распространена, но она очевидно сочиненная. Словомъ «доля» иногда въ переносномъ смыслѣ называетъ жена своего мужа или мужъ жену.

1) Ой доля людская доля есть слипая,
 Часто служить злимъ, негіднимъ, и злимъ помогае,
 Добри жъ терпять нужду, по мѣру товчуться,
 И все не въ ладъ имъ приходитъ, за що ни возьмутся;
 До кого жъ у свити ласкова ся доля лукава;
 То той живе въ свити спустивши рукава;
 Безъ розуму въ свити люди живутъ гарно,
 А зъ розумомъ безъ доли виеъ проводить марно.

II.

Южная Русь до козачества.

Народная южно-русская жизнь, мимо всяких второстепенных надѣловъ на основаніи различій, представляемыхъ временемъ и мѣстностью, можетъ быть раздѣлена на три періода: до-козацкій, козацкій и по-козацкій.

При обзорѣни способа явленія природы въ народныхъ пѣсняхъ мы видѣли, что народная поэзія сохранила древнѣйшія представленія и, наконецъ, во всемъ способѣ отношеній человѣка къ природѣ до сихъ поръ господствуетъ въ ней то первобытное мировоззрѣніе, которое могло возникнуть и образоваться въ глубочайшей древности, въ эпоху младенчества народовъ. Но не то окажется, когда мы начнемъ въ пѣсняхъ отыскивать слѣды наступившихъ послѣ того періодовъ—удѣльно-вѣчевыхъ временъ, особенно, когда станемъ надѣяться, что найдемъ прямыя воспоминанія о событіяхъ этихъ временъ.

Окажется, что привычки и приемы народной жизни очень крѣпки, а народная память сравнительно слаба. Не даромъ и въ жизни отдѣльнаго человѣка то, что составляло сумму его равныхъ впечатлѣній и образовало его индивидуальность, оказываетъ на человѣка сильнѣйшее вліяніе, удерживается въ немъ при всѣхъ перемѣнахъ жизни, становится для его духовнаго существа какъ бы подкладкою, тогда какъ послѣдующія ощущенія стираются скорѣе. Замѣтимъ еще, что періодъ, въ который народъ находился подъ господствомъ натуральной религіи, намъ хотя неизвѣстенъ, но, конечно, былъ продолжительнѣе періода отъ принятія христіанства до козачества, тѣмъ болѣе, что при слабости и медленности, съ какою христіанскія начала вытѣсняли древнія языческія, народъ все еще переживалъ языческій періодъ, хотя и считался христіанскимъ народомъ.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что отношенія народа къ природѣ и способы его поэтическаго выраженія въ удѣльно-вѣчевыя времена были похожи на тѣ, какіе представляютъ намъ сохранившіяся теперь пѣсни. Уже одно то, что въ теперешнихъ пѣсняхъ есть слѣды временъ болѣе древнихъ, чѣмъ княжескія времена, даетъ намъ право признавать логически несомнѣннымъ, что въ промежуткѣ между болѣе глубокою древностью и болѣе близкими къ намъ вѣками существовали эти же слѣды, и конечно въ большей свѣжести, чѣмъ позже. Въ этомъ же отношеніи важно для насъ и то, что «Слово о полку

Игоря» представляет поразительное внутреннее сходство съ южно-русскою народною поэзію, а это происходит оттого, что пѣвецъ XII вѣка черпалъ свои вдохновенія изъ того же источника, изъ котораго истекли наши пѣсни; народная поэзія прежнихъ вѣковъ была прародительницею поэзіи позднѣйшихъ и передала позднѣйшей даже многія свои выраженія цѣликомъ. Наконецъ, есть пѣсни, которыя не только по духу, міровоззрѣнію и поэтическимъ приѣмамъ, но даже по описываемымъ событіямъ имѣютъ почти дубликаты въ пѣсняхъ великорусскихъ (какъ, напр., превращеніе женщины въ кукушку, споръ коня съ орломъ, исторія матери, взятой въ плѣнъ татаринომъ, прежде похитившимъ ея дочь, убійство жены по наущенію матери), другихъ славянскихъ (какъ, напр., пѣсня объ отравленіи сестрою брата по наущенію молодца, посредствомъ змѣйнаго яда, помѣщенная въ довольно близкомъ вариантѣ въ собраніи моравскихъ пѣсень Сумиля, стр. 187) и даже другихъ арійскихъ народовъ (напр., пѣсня объ утонувшемъ молодцѣ, котораго дѣвица хочетъ вытащить изъ воды, встрѣченная нами въ нѣмецкомъ сборникѣ Кретшмера).

Такого рода пѣсни, конечно, древни: онѣ не могли быть заимствованы однимъ народомъ отъ другого въ позднія времена; да притомъ пѣсни дѣйствительно заимствованныя (какъ, напр., великорусскія, которыя поютъ малоруссы, и, наоборотъ, малорусскія, передѣланныя на великорусскій ладъ) съ перваго раза даже для малоопытнаго взгляда обличаютъ свое происхожденіе. Указанное нами сходство съ пѣснями другихъ народовъ происходитъ не отъ чего иного, какъ отъ общности древнихъ мотивовъ, которые если и переходили отъ народа къ народу, то передѣлывались и вполне усваивались, на чтѣ нужно было продолжительное время. Вѣроятно, такихъ пѣсень, а еще болѣе древнихъ найдется и много, но онѣ относятся къ семейному быту и не заключаютъ въ себѣ ничего такого, чтѣ бы показывало въ нихъ тотъ или другой періодъ народной исторіи: онѣ изображаютъ то, что равнымъ образомъ могло быть въ разныя времена, такъ какъ семейная жизнь менѣе и медленнѣе, чѣмъ общественная, подвергается кореннымъ измѣненіямъ. Оттого-то народъ и удержалъ такіе мотивы, которые, будучи древняго происхожденія, не противорѣчили его строю жизни и въ болѣе позднія времена. Но послѣдующія поколѣнія народовъ, заимствуя отъ предшествовавшихъ поколѣній и поэтическое міровоззрѣніе, и поэтическіе приемы, и чувствуя тѣмъ же способомъ, какимъ чувствовали предки, не могли, однако, сочувствовать всему, чему въ свое время сочувствовали эти предки, и относиться съ одинаковымъ участіемъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя, въ силу измѣнившихся историческихъ обстоятельствъ, не могли уже повторяться. То, чтѣ оставалось попрежнему и было близко народному сердцу, чтѣ могло вновь случиться, какъ случалось прежде, къ тому народъ все еще относился такъ, какъ относились отцы его и прадѣды. Но много было и такого, чтѣ уже не могло занимать потомковъ, какъ занимало предковъ, и потомки, увлеченные потокомъ иныхъ жизненныхъ переворотовъ, забывали старое. У потомковъ являлись другіе интересы, другія условія и притомъ болѣе могучія, шире захватывавшія народную жизнь. Воспоминанія о временахъ Владимира и вообще объ эпохѣ Кіевского стола исчезли изъ Южной Руси и ушли въ Великую Русь: тамъ, потерявъ свои древнія формы, они нашли совершенно инныя, да и въ Великой Руси ихъ мѣсто оказалось тамъ, гдѣ народъ менѣе всего жилъ дѣятельною жизнью,—тамъ, гдѣ ничѣмъ другимъ болѣе живымъ нельзя было замѣнить ихъ. Въ Южной Руси

періодъ козачества былъ настолько могучъ, до такой степени поднялъ всю народную массу и въ такомъ волненіи держалъ нѣсколько поколѣній сряду, наконецъ, такъ много вызвалъ новыхъ условій, создалъ новые идеалы, увлекавшіе народъ, что очень естественно было прежнему лишиться народного сочувствія и исчезнуть изъ народной памяти, которая всегда, при той степени духовнаго развитія, на какой находился южно-русскій народъ, подчиняется чувству: народъ помнить въ своей поэзіи только то, чему сочувствуетъ. Періодъ козачества чрезучуръ потрясъ его существо: народъ слишкомъ много видѣлъ впереди, чтобъ оглядываться назадъ, слишкомъ много ожидалъ, чтобы вспоминать, слишкомъ много страдалъ въ настоящемъ и боролся, чтобы сѣтовать и уныло мечтать о прошломъ. Достаточно было нѣсколькимъ поколѣніямъ прожить въ такомъ напряженномъ положеніи, въ какомъ находилась Южная Русь въ XVI и XVII вѣкахъ, чтобы всякія воспоминанія о прежнихъ удѣльно-вѣчевыхъ и послѣдовавшихъ за нимъ литовскихъ временахъ испарились изъ народной памяти. Да притомъ и по существу своему условія временъ предшествовавшихъ козачеству не могли западать такъ глубоко въ душу народа, какъ условія временъ козачества, когда народную массу всецѣло увлекала борьба съ невѣрными, безпрестанно уносившая изъ населенныхъ мѣстъ Южной Руси цвѣтъ народа въ степи и на море. Позднѣе, когда наступила еще сильнѣйшая борьба съ Польшею, освященная знаменемъ религіи и вмѣстѣ связанная съ социальными идеалами освобожденія народа отъ власти пановъ и свободнаго обладанія землею,—тогда возникла изъ предыдущей другая, внутренняя, тяжелая и неудавшаяся борьба народнаго стремленія къ волѣ и равенству подъ сродною для народа формою окозаченія,—борьба, такъ сказать, съ враждебною судьбою, поставившею такому стремленію непреодолимыя препятствія и извнѣ, и въ самомъ народѣ.

Ничего такого, по крайней мѣрѣ, насколько намъ известно, не представляютъ прежнія до-козацкія времена. Нѣкогда на первомъ планѣ въ народной жизни было вольное дружинное начало, составленіе воинственныхъ шаекъ, примыкавшихъ къ тому или другому князю. Время было кипучее, жизни было много, но она истрачивалась на болѣе или менѣе мелкія распри земель и князей, изрѣдка только задаваясь болѣе высокими предпріятіями защиты края противъ внѣшнихъ враговъ. Другая часть народа, конечно многочисленная, погружена была въ свои обычныя будничныя заботы о существованіи, часто прерываемыя всякаго рода бѣдствіями,—то междуособіями, разорительными сегодня для того, завтра для другого уголка страны, то иноплеменными нашествіями и погромами.

Въ оное время была своего рода поэзія, которой образчикомъ (хотя уже, при народной основѣ, въ литературной передѣлкѣ) служить «Слово о полку Игоря»; но такая поэзія не была общимъ достояніемъ и ея интересы не могли всегда обнимать народныхъ идеаловъ; правда, пѣвецъ Игоря стоитъ выше дружинника: по своей широтѣ взгляда онъ — челоуѣкъ земскій, но вмѣстѣ съ тѣмъ предметы, занимающіе его, не всенародны: какова бы ни была эта поэзія, мы не видимъ, чтобъ она была выраженіемъ какихъ-нибудь дѣятельныхъ всенародныхъ стремленій. Дружинный элементъ еще до татаръ началъ передѣлываться въ аристократію, которой народная масса не могла сочувствовать. Въ послѣдующія затѣмъ времена, при всей недостаточности нашихъ свѣдѣній объ этихъ временахъ, мы все-таки не видимъ народной дѣятельности, всенародныхъ

стремлений: мы замѣчаемъ порою то княжескій деспотизмъ (особенно въ XIII вѣкѣ), то аристократію князей и бояръ. Понятно, что если у народа и были какія-нибудь пѣсни, касавшіяся этихъ временъ, то онѣ не могли имѣть того смысла, какъ въ позднѣйшія времена пѣсни козацкія, и должны были умолять и исчезнуть, какъ скоро народное сердце забилось сильнѣе, настала другая жизнь, несравненно шире первой, жизнь дѣятельная и всенародная, съ общими для массы стремлениями и идеалами. Такимъ образомъ между козацкимъ періодомъ и предшествовавшими временами образовалась пропасть. Народъ южно-русскій могъ казаться не прямо происшедшимъ отъ прежнихъ поколѣній, жившихъ на той же землѣ, а какъ будто пришлымъ откуда-то, новымъ народомъ: и дѣйствительно, были такіе гадалки, которые даже съ каедръ считали малоруссовъ потомками торковъ и берендѣевъ и т. п. Ихъ смущало отсутствіе въ этомъ народѣ всякихъ воспоминаній о томъ, что совершалось на его землѣ, — отсутствіе всякаго, повидимому, сочувствія къ прежнимъ судьбамъ своего отечества. На самомъ же дѣлѣ этотъ народъ, почти не помня своихъ князей и какъ будто не желая оказывать къ нимъ никакого вниманія, глубоко сохранилъ многое изъ того, съ чѣмъ жилъ еще до появленія въ его странѣ этихъ князей. Не удивительно, что онъ не показывалъ нѣжныхъ чувствъ къ памяти этихъ князей своихъ и даже забылъ объ ихъ существованіи. Паны и шляхта, съ которыми онъ боролся, были прямое перерожденіе князины и дружинщины былыхъ временъ.

Тѣмъ не менѣе, однако, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ показываются, а еще болѣе въ нѣкоторыхъ сборникахъ изданныхъ пѣсень намъ хотять показывать слѣды княжескаго періода.

Въ драгоцѣнномъ своемъ сочиненіи «Записки о Южной Руси» П. А. Кулишъ помѣстилъ нѣчто въ родѣ думы о походѣ князя-язычника въ Царьградъ. Событіе глубочайшей древности: это то самое, о которомъ византійскіе писатели протрубили, какъ о первомъ принятіи крещенія русскими. Это скорѣе изустный разговоръ, чѣмъ дума: его записалъ нѣкто Шишацкій-Иличъ (писавшій въ «Черниговскихъ Вѣдомостяхъ» въ пятидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія), въ селѣ Красиловкѣ, Козелецкаго уѣзда, отъ восьмидесятилѣтней старухи Гуйдики. Рассказывается, что встарину у невѣрныхъ былъ богъ Посвистачъ. Князь собралъ совѣтъ изъ своихъ слугъ и предложилъ вопросъ, что дѣлать на случай его смерти. Слуги дали ему совѣтъ жениться и вызвались достать ему красавицу.

Они отправились на корабляхъ въ христіанскую землю. Князю было какое-то предчувствіе грядущей бѣды. Когда они доплыли до христіанской земли, тамошній народъ собрался на берегу и молилъ Бога разогнать вѣтромъ и потопить вражескіе корабли. Вдругъ поднялась буря, разбила врознь корабли, и войско стало тонуть. Князь воскликнулъ тогда: «Посвистачъ не настоящій богъ. Что, онъ спалъ, что ли, или въ Маножѣ гулялъ?! Вотъ христіанскій Богъ—настоящій Богъ!» Онъ съ остатками кораблей отплылъ въ свою землю и, собравъ старыхъ людей, держалъ совѣтъ, какъ посылать въ христіанскую землю посольство и принимать христіанскую вѣру. Одни отговаривали, другіе молча досадовали, третьи совѣтовали такъ поступить. Затѣмъ дума говорить о пирѣ у князя и обрывается на этомъ: она, вообще, какъ безъ начала, такъ и безъ конца ¹⁾.

¹⁾ „Оде слуги мои вирни, намъ треба знать,

Разказъ очень вялъ, риемованный, онъ походить на думы, но вовсе не имѣеть ни поэтическаго порыва, ни силы выраженія, ни стройности повѣствованія, свойственныхъ послѣднимъ. Г. Кулишъ замѣчаетъ, что «пѣснь какого-то соловья стараго времени дошла до насъ въ убогомъ видѣ». Но этотъ справед-

Кого послѣ мене на царство оставить,
 Щобъ вами, разумными головами, добре-предобре править,
 Часомъ моеи смерти, щобъ ви знали,
 Кого царѣвать поставитъ“.

Отъ ему й кажутъ:
 „Що ти, нашъ старшій князю, наша голова народна,
 Що ти самъ можешъ добрый советъ дать,
 И своимъ розумомъ помирковать.
 А коли дозволишь, такъ ми тоби отъ що скажемъ:
 Не прикажи насъ казнить и рубать,
 А позволь тоби красную княгиню достать,
 Позволь корабели стругать,
 Да на сине море выиждать“.

Тутъ старшій князь усмихнувся..
 Повеливъ корабли снаряжать
 И нови дубовать,
 А въ корабли войско насажувать
 И кадки меду уставлять,
 Щобъ було съ чимъ по синему морю гулять,
 Да красную княгиню затримать и шановать.
 Якъ зобрали жъ да збудовали корабли,
 Тогди ставъ князь у волосяну даху одягатыця,
 Да золотимъ чересломъ пидперязуватыця.
 Стали вирниі слуги его на майданяхъ громадятьця,
 Да свойму богу Посвистачу молитьця,
 Щобъ винъ имъ годицу давъ,
 Да моря не турбовавъ.
 Стали за симъ вони збиратьця,
 Да корабели свои у море выпускаць,
 Стали корабели свои чайми пидимать:
 Якъ стадо лебедивъ вони одъ берега одиливали,
 По синему морю якъ бжолѣ сновали,
 Що ажъ море собою, неначе хмарами тими, крѣйма укривали.
 Иде князь старшій зъ своимъ войскомъ по круглому морю до земли
 християнської,

Щобъ тамъ у якъ своими кораблями усихъ постановити
 •И соби красную княгиню въ замужже достати.
 Якъ стали вони до християнської земли доижджати,
 Стало старшого князя удале сердце недобре зачувати,
 И каже винъ своимъ раднымъ слугамъ:
 „Эй ви слуги мои, рати вирниі!
 Щось моя душа недобре чуетъ:
 Що ни совъ не йде, ни хлиба иззисти,
 Ни води испити..
 Коли бъ намъ часомъ оттуть своихъ душъ не положити!“
 Тогди стари головы стали князя резонити,

ливый приговоръ не помѣшалъ ему сказать, что открытіемъ этого памятника южно-русской народной поэзіи Шишацкій-Иличъ сдѣлалъ въ ея исторіи эпоху, и его заслуга не уступаетъ заслугѣ графа Мусина-Пушкина, перваго издателя «Слова о полку Игоревѣ» («Зап. о Южн. Руси», I, 171).

Що на синему морю имъ ничего боятись:
 Бачь, вони свого бога Посвистача прохали моря не турбовати.
 Якъ тильки жъ до берега християнського вони стали допливать,
 Ставъ чорний орелъ надъ моремъ литать,
 А литавши ставъ винъ голосомъ казати:
 „Шхе, руська кость пахне!“
 Ставъ народъ християнський до моря зиходитця,
 Да Бога свого прохати,
 Щобъ винъ корабели вражеськи витромъ розогнавъ,
 Чи водою потопивъ.
 Ставъ Богъ християнський бурю піднимати,
 Да круглее сине море изъ свого ложа вивертати.
 Тогди корабли по морю безъ ладу гуляли,
 Чайми ихъ витромъ ламало,
 Да по води роскидало.
 Стало війско князя старшого у мори потопати,
 Ставъ тогди старший князь своимъ раднимъ слугамъ казати:
 „Эй ви слуги мои вирни!
 Не естъ се богъ нашъ Посвистачъ Богъ настоящий,
 Що винъ сѣеи бури не втипивъ,
 Да наши корабли въ такій сили потопивъ.
 Десь нашъ богъ Посвистачъ спавъ,
 Чи въ Макоши гулявъ...
 Естъ-то Богъ настоящий—
 Богъ християнський!“
 Тогди старший князь корабли свои останни завергавъ,
 Да назадъ одливавъ.
 Якъ прихавъ князь старший у свою невірную землю,
 Ставъ винъ совитъ старихъ людей зивати да збирати,
 Да въ християнську землю посилати,
 Щобъ вони тамъ виру заимали
 Да християнського Бога и соби Богомъ зазнали.
 Довго стари голови мовчали.
 Одни свого старшого князя отъ сѣеи думки одвертали,
 Другі сами соби нарекали,
 А трейти стали старшого князя важити,
 Щобъ швидче човни бударажити,
 Да у християнську землю одливати.
 Стали вони вижджати,
 Стали тогди уси пиръ пировати,
 Да крипимъ медомъ дорогу доливати.
 Не день и не два вони тамъ гуляли,
 Покиль ажъ посланци зъ старшимъ княземъ назадъ повертались.
 У дутки грали
 И въ брацквти бряжчали...

Если бы намъ сказали, что подобная дума была записана отъ бандуриста, мы бы наотрѣзъ сказали, что это невозможно. У бандуриста, который все-таки поетъ, сопровождая пѣніе музыкой, дума не можетъ обратиться, съежиться въ такую прозу, неудобную для думъ. Но намъ говорятъ, что ее записали отъ 85-лѣтней женщины. При этихъ условіяхъ искаженіе такого рода дѣйствительно возможно, но здѣсь возникаютъ другіе вопросы и недоумѣнія: мы не встрѣчали примѣра, чтобы женщины выучивали и пѣли думы; если-жъ эта дума, «брошенная бандуристами», обратилась въ изустный рассказъ, какъ поясняетъ г. Кулишъ, то рассказъ уже не могъ быть достояніемъ одной только Гуйдихи въ цѣломъ свѣтѣ. Можно предположить, что дума, которую никто не пѣлъ, кромѣ бандуристовъ, умираетъ съ какимъ-нибудь послѣднимъ, знавшимъ ее, бандуристомъ: вѣроятно, такая участь и постигла очень многія думы; но извѣстный рассказъ не умираетъ съ однимъ какимъ-нибудь лицомъ, а между тѣмъ г. Кулишъ сообщаетъ намъ, что Гуйдихи уже нѣтъ на свѣтѣ и, вѣроятно, нынѣшнее поколѣніе ея класса людей, сколько мы его знаемъ, не сохранило въ памяти темнаго сказанія о какихъ-о языческихъ плователяхъ по круглому морю. Нѣтъ, если, быть можетъ, никто, кромѣ Гуйдихи, не могъ передать его въ томъ видѣ, въ какомъ она его передавала, то невозможно, чтобы уже кромѣ нея не зналъ никто содержанія ея риёмованнаго рассказа, если только такой рассказъ существовалъ. Событіе, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно могло быть предметомъ рассказа. Свѣдѣнія въ народѣ могли поддерживаться даже книжнымъ путемъ; многіе духовные знали о томъ, что русскіе язычники когда-то напали на Цареградъ, что молитвами къ Богу произвели бурю, которая потопила корабли, и это произвело на язычниковъ такое впечатлѣніе, что они крестились: другое изъ старины удерживать въ памяти народу труднѣе было, чѣмъ это событіе, если только оно входило въ народную память. Такимъ образомъ мы не находимъ невозможнымъ, если намъ скажутъ, что рассказъ о немъ существуетъ, но также возможно, что его и нѣтъ; если же только онъ существовалъ, то никакъ не могъ быть достояніемъ одного лица, и какъ скоро окажется, что его никто не знаетъ и не слышалъ, тогда прямо возникаетъ сомнѣніе, чтобы и Гуйдиха его знала, и прославленное открытіе надобно признать поддѣлкой, можетъ быть, того же Шишацкаго-Илича (въ добросовѣстности г. Кулиша мы увѣрены, но вѣдь онъ самъ не записалъ и не слышалъ его).

Въ самой этой такъ называемой думѣ есть выраженія если не вполне побуждающія насъ признавать эту думу за поддѣлку, то возбуждающія важныя сомнѣнія; такъ, напримѣръ, стихи:

Якъ стадо лебедивъ вони одъ берега одпливали,
По синѣму морю якъ бжолі сновали,
Що ажъ море собою, неначе хмарами тими, крийма укривали.

представляютъ искусственный складъ рѣчи: едва ли гдѣ можно отыскать рядомъ на одинъ и тотъ же предметъ три сравненія, изъ которыхъ два выраженія черезъ *якъ*, а третье—съ творительнымъ падежомъ; *бжолі сновали*—выраженіе не народное и никогда не говорится о пчелахъ *сновали*. Стихъ:

Да круглее сине море изъ своего ложа виверстати.

также представляетъ вычурность выраженія, чуждую народной рѣчи; самый эпи-

теть—круглое море—здѣсь является первый разъ въ народной поэзіи и кажется намъ сомнительно-народнымъ. Море называется обыкновенно по внѣшнимъ, бросающимся въ глаза признакамъ: *синее* море, *широкое* море, *глубокое* море, но круглое море предполагаетъ измѣренье и изслѣдованіе географическаго положенія моря. Для народной пѣсни такой эпитетъ слишкомъ наученъ. Наконецъ, намъ кажется сомнительнымъ присутствіе Макоши (котораго неизвѣстно по какимъ причинамъ произвели въ славянскаго бога тишины. «Записки о Южн. Руси», I, 177). Едва ли могло уцѣлѣть имя божества совершенно непонятное и чуждое народному языку въ настоящее время, особенно еще тамъ, гдѣ выраженіе о немъ приправлено юморомъ, тогда какъ народъ именно способенъ острить только надъ тѣмъ, что ему извѣстно и близко. Дума эта, искажаясь и разлагаясь (а самъ издатель ея соглашается, что она дошла до насъ въ убогомъ и жалкомъ видѣ), раньше всего должна была бы утратить имя языческаго божества, ставшее непонятнымъ. По нашему мнѣнію, и выраженіе *у ляхъ поставити* — также искусственное. Въ заключеніе мы скажемъ, что, не отрицая окончательно возможности народной основы этой думы, мы считаемъ ее сомнительною и поэтому полагаемъ, что она не можетъ занять мѣста въ ряду извѣстныхъ намъ произведеній народной поэзіи.

Въ «Запискахъ о Южной Руси» приведенъ такъ называемый «Отрывокъ изъ пѣсни о разореніи Кіева Батыемъ»¹⁾. Пѣсня эта взята изъ описанія Васильковского уѣзда, составленная *Зуликовскимъ* по-польски; онъ относитъ ее къ Батыевымъ временамъ, полагая, что такъ какъ народная пѣсня часто замѣняетъ старыя имена своихъ богатырей новыми, то поэтому имя Батя замѣнилось именемъ Орлика, а имена Мангу и Петы именами Грицька и Андрія. Но, отлагая въ сторону крайнюю произвольность такого толкованія, мы обратимъ вниманіе на то, что здѣсь собственно не одинъ отрывокъ, а три и, повидимому, изъ различныхъ пѣсень, по крайней мѣрѣ первый не представляетъ никакой связи съ послѣдующими. Что касается до второго и третьяго, то хотя во второмъ говорится объ оборонѣ Кіева, а въ третьемъ о разореніи какого-то города невѣрными, но мы не видимъ основаній, почему именно то, что описывается въ третьемъ, должно относить къ Кіеву, а не къ иному городу. Отчего же, на примѣръ, не къ Каменцу, взятому турками и татарами въ 1672 году, гдѣ дѣйствительно происходили сцены поруганія христіанской святыни. То, что во вто-

¹⁾ Да не славнѣйшій городъ Медведивка изъ своимъ городами,
 Якъ славнѣйшій Пилипъ Орликъ зъ двома козаками:
 Одинъ Грицько, другий Андрій, на виру гонитель,
 Всимъ городамъ украинськимъ винь бувъ розоритель:
 Въ неділю рано-пораненьку у вси дзвони дзвонять,
 И старіи, и маліи въ весь голосъ голосять,
 На коліна упадають и Бога просять:
 „Поможи намъ, Боже, Кіевъ городъ боронити,
 Дождемо Цершою Пречистою будемъ обидь становити“.
 Въ неділю рано-пораненьку города достади,
 Всимъ церквамъ украинськимъ верхи позбивали,
 Полотняни образи пидъ кульбахи клали,
 Дзвонами спижовими кови наповали,
 Въ святихъ церквахъ кони становили.

ромъ отрывкѣ говорится о Кіевѣ, не можетъ также давать намъ право приурочивать это непременно къ Батыю, такъ какъ Кіевъ много разъ, въ болѣе позднія времена, былъ угрожаемъ татарами и находился въ такомъ положеніи, что могла быть рѣчь объ его оборонѣ: хотъ бы, напримѣръ, въ 1687 году (Лѣтоп. Самов., 79) языкъ этихъ отрывковъ ничуть не отзывается признаками древности и, напротивъ, носить на себѣ отпечатокъ искусственности, такъ что нѣтъ никакого основанія видѣть въ этихъ отрывкахъ какихъ-нибудь остатковъ поэзіи до-козацкаго періода или даже смутныхъ воспоминаній о немъ. Гораздо больше права на дѣйствительное значеніе памятника до-козацкаго періода остается за легендою о Михайликѣ и золотыхъ воротахъ, приведенною П. А. Кулишомъ въ I т. «Записокъ о Южной Руси» (стр. 3—5). Собственно сказки и легенды не входятъ въ предметъ нашего изслѣдованія, но есть нѣкоторое основаніе заключить, что нѣкогда это была дума, которая утратилась и оставила по себѣ изустную народную легенду, въ которой народъ удержалъ отъ прежней думы четыре стиха, составляющіе рѣчь Михайлика къ киевлянамъ. Когда татары (здѣсь, вѣроятно, во времена Батю) подступили къ Киеву, витязь Михайликъ попалъ стрѣлою въ миску обѣдавшему татарину (главному изъ нихъ). Поднимая, что въ Кіевѣ есть славный богатырь, татаринъ послалъ къ киевлянамъ сказать, что онъ отступитъ отъ города, если ему выдадутъ Михайлика. Кіевляне согласились. Тогда Михайликъ сказалъ имъ: «О, кіяне, кіяне, честная громада! Вашъ свѣтъ нигуда не годится. Если бы вы Михайлика не выдавали, пока свѣтъ стоитъ свѣтомъ и солнце свѣтитъ, татары не взяли бы Кіева»¹⁾. Вслѣдъ затѣмъ онъ поднялъ на свое копье киевскія золотыя ворота и проѣхалъ черезъ татарское войско невидимо для татаръ. Враги бросились въ Кіевъ въ пустое мѣсто, гдѣ стояли золотыя ворота, унесенныя на копѣ богатыремъ. Михайликъ съ золотыми воротами уѣхалъ въ Царьградъ и до сихъ поръ живетъ въ Цареградѣ: передъ нимъ стоитъ стаканъ воды и лежитъ просфора; другого онъ ничего не ѣстъ. Ворота стоятъ въ Цареградѣ, но будетъ такое время, когда Михайликъ возвратится въ Кіевъ и поставитъ ворота на свое мѣсто. Теперь же пока они стоятъ въ Цареградѣ, и если кто, пройдя мимо нихъ, скажетъ: «быть вамъ ворота на старомъ мѣстѣ», золото такъ и заблеститъ, а если скажетъ: «не быть вамъ ворота на старомъ мѣстѣ», золото такъ и померкнетъ.

Видно, что дума, которой слѣды замѣтны въ этой легендѣ, существовала до паденія Константинополя, такъ какъ и въ легендѣ Царьградъ, очевидно, еще христіанскій городъ. Видно, что народъ питалъ еще желаніе и надежду возобновленія прежней независимости и значенія Кіева, выразивъ это въ образѣ возвращенія Михайлика въ Кіевъ съ золотыми воротами. По этому остатку можно заключить, что прежняя дума относительно своего духа и способа поэтическаго воззрѣнія отличалась отъ тѣхъ, которыя намъ остались отъ временъ козачества. Здѣсь господствуетъ эпическій характеръ, сближающій это произведеніе съ великорусскими былинами: вѣроятно, Василій Пьяница въ послѣднихъ (Кирѣв., т. I, ч. 2)—есть тотъ же, но искаженный, Михайликъ. Въ малорусскомъ произведе-

¹⁾ Ой кіяне, кіяне, панове громада!

Погана ваша рада:

Якъ би ви Михайлика не отдавали,

Поки свить сонце, вороги бь Кіева не доставали.

ни эпическая гипербола имѣетъ смыслъ аллегоріи. Михайликъ—какъ бы олицетвореніе народной самосилы, которая когда-то должна подняться. По извѣстному намъ иному варианту той легенды, онъ называется Михайло Симидитокъ и представляется необыкновеннымъ ребенкомъ: ему предстоитъ возрасти въ Цареградѣ. Этотъ мотивъ — изображать необыкновенныя качества ума и тѣлесной силы въ дѣтяхъ—присущъ южнорусскому вымыслу. Такъ въ древней повѣсти о Басаргѣ, купцѣ кievскомъ, дѣйствуетъ тоже необыкновенный ребенокъ, а въ сказкѣ о дѣвкѣ семилѣткѣ—маленькая дѣвочка изумляетъ своею смѣтливостью и находчивостью. Въ сказкахъ болѣе или менѣе одинаковыхъ или сходныхъ съ великорусскими третій сынъ—въ великорусскихъ редакціяхъ обыкновенно дурачокъ, въ малорусскихъ—часто малолѣтокъ. Въ этой чертѣ мы осмѣливаемся видѣть глубоко-лежащее въ народѣ предпочтеніе грядущаго предъ прошедшимъ, будущихъ поколѣній предъ отжившимъ, юнаго предъ увядающимъ.

Кромѣ этого, въ нѣкоторыхъ обрядныхъ пѣсняхъ, преимущественно колядкахъ (особенно галицкихъ), мы встрѣчаемъ такія черты, которыя сильно присущи удѣльно-вѣчевому строю южнорусскаго края. Такимъ образомъ въ нѣкоторыхъ колядкахъ обращаются къ хозяину (пану господарю), приписывая ему признаки, которые никакъ не приличны поселянину и вполнѣ приличны древнему князю; повидимому, такого рода колядки пѣлись когда-то князьямъ и боярамъ и, переживъ ихъ, теперь уже совсѣмъ не кстатн поются поселянамъ. Такъ, напримѣръ, господаря нѣтъ дома, онъ уѣхалъ въ Судомиръ (едва ли Сендомиръ, а скорѣе аллегорическое названіе города, гдѣ происходитъ судъ и устанавливается миръ) судить суды и раздавать села: населили три села людьми¹⁾. Князья, какъ извѣстно, раздѣляли по землѣ творить судъ, раздавали села и населяли ихъ пришлыми людьми. Въ другой пѣснѣ онъ ѣдетъ въ Судомиръ судить суды и получаетъ за то три села, — черта очень важная, объясняющая историческій фактъ древняго удѣльно-вѣчевого быта. Князю села давались въ вознагражденіе за его обязанности, въ числѣ которыхъ былъ судъ. У господаря дворъ представляется какъ городъ, гдѣ живетъ князь; тамъ собирается народное собраніе—древнее вѣче²⁾; его дворъ также обнесенъ каменною стѣною, тамъ со-

¹⁾ Ой поихавъ винъ до Судомира
Суди судити, села дилити,
Насадилн вини три села людьми. (Чт. 1864. I. 11).

Или:

Поихавъ же винъ до Судомира.
Щожъ тамъ поихавъ?—Суди судити.
Щожъ ему дано за тотн суди?—
Ой дано ему та три селечки. (Чт. 1864. I. 33).

²⁾ У господаря остроженный двирь.
Остроженный двирь, тамъ збирається збирь,
Все старі люди радять радочку,
Невеличкую, стародавнюю.

Или:

Стояла сосна високого роста,
Пидь тою сосною громада людей,
А мижъ ними гречний панъ
Свого коня въ рученькахъ водить.

бираются люди, ставятъ шатры, въ тѣхъ шатрахъ сидитъ господинъ; онъ выдѣлываетъ стрѣлы и кладетъ на лукъ: лукъ и стрѣлы сами по себѣ уже признаки давняго угасшаго быта ¹⁾. Это приготовленіе къ войнѣ.

Въ другой колядкѣ видимъ древняго князя, собирающаго удалую рать и идущаго вмѣстѣ съ родителемъ на чужое княженіе; онъ готовитъ золотой лукъ (т.-е. въ золото оправленный), снопъ стрѣлъ и зоветъ отца вмѣстѣ съ собою идти на Галичъ ²⁾. Есть черты, напоминающія значеніе княжескаго стага, очень важнаго знака по лѣтописямъ ³⁾. Много есть колядокъ, сходныхъ по содержанию, распространенныхъ по всей странѣ, гдѣ живетъ малорусское племя: изображается, что молодецъ собираетъ войско, приступаетъ къ городу и задаетъ ему страху: жители приходятъ въ смятеніе и предлагаютъ ему окупъ ⁴⁾ то тѣмъ, то другимъ; обыкновенно, въ колядкѣ молодецъ не беретъ ни денегъ, ни даровъ, а добываетъ себѣ красную дѣвицу: послѣдняя черта выражаетъ только обычное желаніе неженатому молодцу жениться. Колядки эти носятъ черты княжескихъ временъ, когда дѣйствительно удалые князья съ своими дружинами и ратями осаждали города и брали съ нихъ окупъ или предавали на щить. Любимое раз-

1) Обмуровавъ двирь билымъ камнемъ,
А воретечка зъ жовтой миди.
А тамъ люди ставятъ намети,
А въ тихъ наметахъ сидитъ панъ Иванько,
Стрилочки струже, на лучокъ кладе,
А зъ лучка бере та й заправляе.

2) Коня сидлае, зброю збирае,
Бере винъ соби та сніпокъ стрилокъ,
Золотий лучокъ, яснѣ шабельку,
Та до батенька винъ промовляе:
„Най ся батенько борзо збирае,
Ой поїдемо та до Галича“.

(Чт. 1864. I. 62).

3) По пидь Каменецъ битий гостинець;
Тамъ вѣйско стоить, ладу не знае.
Панъ (имр.) прійшовъ, ладь вѣйску знайшовъ.
Ставъ звивъ корогу, берегомъ пійшовъ.

4) Тамъ вѣйско ишло, ладу не найшло;
Иванько ишовъ, ладь вѣйску найшовъ,
Веливъ гармати порихтувати,
Въ Вирвий городъ стрили пускати.
Вси мишаночки излякалися,
По ринку ходять, рученьки ломлять,
Рученьки ломлять и радоньку радять,
Що тькому паняти за дару дати,
Винесли ему мису червонихъ и пр.

(Метл. 335).

Или:

Ой пидь Львовомъ на оболоню,
Тамъ Ивасенько коникомъ грае,
Коникомъ грае, лукъ натягае,
Лукъ натягае, на злоту баню стриле,
Вийшли до него та три мишане,
Винесли ему мису червонихъ.

(Чт. 1864. I. 64).

влеченіе князей, о которомъ въ дѣтописяхъ сохранились повѣствованія, — охота — отразилось также и въ колядкахъ. Въ повсемѣстно-распространенной колядкѣ представляется молодець, который будитъ свою братію, велитъ сѣдлать коней, скликать псовъ и ѣхать на охоту: братьямъ будетъ куница въ деревѣ (дуплѣ), а ему достанется дѣвица въ теремѣ. Кромѣ образа, чрезвычайно подходящаго къ древней княжеской жизни, самый языкъ этой колядки вѣтъ древностью, какъ показываютъ слова, теперь уже не употребительныя: *кура* вѣсто пѣтуха (півні), *теремъ*, *лукъ* ¹⁾. Составленіе дружинъ, пристававшихъ къ князьямъ въ надеждѣ выгоды, нашло себѣ также память въ колядкахъ. Изображается сборъ молодцовъ, которые готовятся идти на службу къ пану ²⁾, даже въ далекую

- 1) Ой рано, рано кури запили,
 А ще ранійше панъ Михайло вставъ,
 Панъ Михайло вставъ, лучкомъ задзвонивъ,
 Лучкомъ задзвонивъ, бративъ побудивъ;
 Братци, вставайте, кони сидлайте,
 Кони сидлайте, хорти сьликайте;
 Поїдемы, братци, въ чистее поле,
 Въ чистее поле, на полованьє;
 Навидавъ и вамъ куну въ дереви,
 Куну въ дереви, дивку въ тереми;
 Вамъ, братци, буде куна въ дереви,
 А мини, братци, дивка въ тереми.

Или:

Поїдемо ми въ чистее поле,
 Въ чистее поле, въ темний лясокъ,
 За чорнимъ туромъ,
 За грубимъ випремъ.

- 2) А въ чистимъ поли, близько дороги,
 Стоять намети, били шовкови,
 А въ тихъ наметахъ все громадове,
 Радонько радять, коби врадили.
 Ой не справляймо на жони шуби,
 На жони шуби, на дочки злото,
 Ано справляймо мидяни човна,
 Мидяни човна, срибни весла,
 Та пускаймося края Дуная;
 Чуюможъ ми тамъ доброго нана,
 Доброго пана, то пана Петра,
 Що платить добре за заслужейку.
 Ой дає на рикъ по сто червонихъ,
 По коникови по вороному,
 По жуланови по китаєву,
 По ясній стрильци, по хороший дивци.

Или:

Ой чи много насъ, панове молодци,
 Изложимося та по золотому,
 Купимъ соби золотого човна,
 Та поїдемо пана шукати,
 Пана шукати, на ями Івана,

страну--въ Царьградъ, куда, какъ извѣстно, ходили русскіе опредѣляться на службу у греческихъ императоровъ¹⁾. Эти же дружины возводили и проговяли князей. Эту черту, какъ намъ кажется, слѣдуетъ видѣть въ одной колядкѣ, гдѣ молодець беретъ въ плѣнъ короля (князь могъ легко замѣниться въ плѣнѣ королемъ, тѣмъ болѣе, что въ Червонной Руси Данило остался въ исторіи подъ именемъ короля). Король проситъ, чтобъ его отпустили или убили, но молодець говоритъ, что онъ не убьетъ его и не пуститъ, а повезетъ въ Русскую землю: въ Русской землѣ нѣтъ короля, такъ плѣнникъ будетъ королемъ²⁾. Но въ другомъ вариантѣ подобной колядки молодець побѣждаетъ такимъ же образомъ и беретъ въ плѣнъ турецкаго царя и хочетъ его везти въ Чешскую землю, гдѣ нѣтъ короля, и самъ молодець какъ бы за такой подвигъ будетъ королемъ въ Чешской землѣ³⁾. Здѣсь первоначальные образы видоизмѣнились: турецкій царь явился впоследствии, а Чешская земля, должно быть, вошла сюда изъ какого-то другого народнаго памятника, въ которомъ, быть можетъ, оставалась память Данилова похода въ Чехію (въ 1254 г. См. Полн. Собр. лѣт., II, 184), или же русскихъ во времена гуситовъ.

Походы князей въ чужія земли для пріобрѣтенія славы и богатствъ нашли себѣ только отголосокъ въ колядкахъ и притомъ очень ясно, такъ что въ этомъ случаѣ прямо говорится о княгинѣ и ея мужѣ--князѣ, воротившемся изъ Угорь домой: братья спрашиваютъ его, что дѣлается въ Угорской землѣ⁴⁾.

То ми ему будемъ вирне служити,
То винъ намъ буде добре платити,
Що недилоньки по золотому,
Що мисяченька по чорвопому.

- 1) Ой пустиможь ся на тихий Дунай,
Долинь Дунаемъ шидь Цареградъ;
Ой чаемо тамъ добраго пана,
Що платитъ добре за заслуженьку.
Ой дае на рикъ по сто червонихъ,
По коникови та й по шабельци,
По пари суконъ та й по шапочци,
Та й по шапочци, та й по панночци. (Чт. 1864. I. 67).

- 2) Коника гонивъ, короля ловивъ,
По чагарочку, по пожарочку,
А въ его король силне прохався:
„Або мене зотни, або мене пусти,
А ни тебе зотну, а ни тебе пуцу,
Повезу тебе у свою землю,
А въ Руській земли нема князя,
Ти будешъ королемъ, намъ слава буде“.

- 3) Ой якъ го узривъ, та й мечемъ извивъ,
Якъ панокъ нашъ тавъ, то туръ царя стявъ;
Ой взявъ же его по пидли коня,
А повизъ его въ Ческую землю,
А въ Ческій земли короля нема;
Ой ти, паночку, господаречку,
А въ Ческій земли королемъ будешъ. (Чт. 1864. I. 30).

- 4) Тисови синци, яворови схици
Ходить ми по нихъ молода княгиня;

Въ другомъ вариантѣ говорится, что мужъ приѣхалъ изъ горъ и привезъ женѣ дары ¹⁾, а въ иномъ сестра хвалится, что братъ ея приѣхалъ съ войны и привезъ ей подарковъ ²⁾. Въ иной колядкѣ описывается походъ въ «нѣмеччину», откуда молодецъ везетъ деньги, которыми будетъ платить войску ³⁾.

Въ колядкахъ можно найти и другія черты правовъ удѣльно-вѣчевого быта, извѣстныя намъ по лѣтописямъ. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ изъ лѣтописныхъ источниковъ, какъ нѣкоторые князья приглашали къ себѣ мастеровъ иноземцевъ и воздвигали храмы (см., напр., Полн. собр. лѣт., II, 136), но также встрѣчаемъ и примѣры своеволия князей, которые при случаѣ и грабили ихъ (тамъ же, II, 111), и это встрѣчаемъ въ колядкѣ: волохи строятъ церковь, а панъ велитъ засадить ихъ въ тюрьму и забрать у нихъ серебро ⁴⁾. Достоинно

На тій княгини кований поясъ,
 На тймъ пояси золоти ретязка,
 На тихъ ретязькахъ мидяни ключи.
 Мидяни ключи тихо дзвините,
 Тихо дзвините, пана не збудите,
 Бо теперь нашъ панъ зъ Угорь приіхавъ;
 Зійшлися къ нему вшитки панове,
 Вшитки панове, его братове,
 Стали ся ёго вивидувати:
 Ой пане, пане, що тамъ чувати,
 Що тамъ чувати въ Угорський земли?
 Угорська земля пречъ поѣрана,
 Пречъ поѣрана и посіяна,
 Павянимъ перцемъ заволочена,
 Ясними мечами обгорожена,
 Обгорожена одъ злои тучи.

- 1) Наша княгинька господинючка
 Ключами дзвонить, до нихъ говорить:
 „Ой ключи мои срибни, золоти,
 Ой не дзвоните, не голосите,
 Ой мого пана та не збудите,
 Бо мій панъ теперь зъ гирь приішовъ,
 Привизъ винъ мени дорогіи дари.
- 2) Теперь мій братикъ зъ войны приіхавъ,
 А привизъ мени та три радоши,
 Первая радощъ—перловий винокъ,
 Другая радощъ—золотий перстень,
 Третья радощъ—дорога суковька.
- 3) Зъ нѣмещини иде, грошики несе,
 Грошики несе, коника веде,—
 Грошиками виську платити,
 А коникомъ зъ виськомъ ся бити.
- 4) Генъ тамъ волохи церкву мурують,
 Ой коло споду каминичейкомъ,
 А въ середини деревичейкомъ,
 А къ вершечькови срибломъ, золотомъ.
 Видили ми то панскіи слуги,
 Скоро ввидили, пану повили:

замѣчанія, что такой поступокъ не порицается, а какъ бы славится; точно такъ же оглоскомъ тѣхъ временъ, когда грабежъ не всегда былъ предосудителенъ, но даже считался дѣломъ молодечества и доблести, можетъ считаться колядка, въ которой изображается дѣвица, ограбившая трехъ купцовъ ¹⁾. Въ колядкахъ встрѣчаемъ и внезапные набѣги иноплеменниковъ, которые могли въ оное время быть печенѣгами, половцами или уграми, а впоследствии замѣнились въ пѣсняхъ турками ²⁾.

Въ этомъ отношеніи особенно выдается рѣзкостью чертъ, переносящихъ въ княжескія времена, одна червоно-русская колядка (о которой мы уже упоминали по поводу символики терна): разведенъ огонь терновый, водятъ около него хороводъ (по-малор. «танецъ»), а въ хороводѣ (замѣтимъ, что слово танецъ иносказательно употреблялось и въ смыслѣ битвы) ходитъ князь Иванко съ соколомъ на головѣ; въ одной рукѣ у него гусли, а другою ведетъ коня. Увидалъ его панъ и приказалъ взять въ неволю; его соколъ жалобно кричитъ, — хочется ему взлетѣть на голову князю; играютъ гусли, — вспоминаютъ Иванка; его конь скребетъ землю, — хочется ему въ поле; Иванко плачетъ, — хочется ему къ милой ³⁾.

Подобный образъ взятія въ плѣнъ князя былъ не рѣдкостью; но эта

Идете же ви, идете, волохивъ возьмите,
Волохивъ возьмите, въ темницю всадите,
Въ темницю всадите, срибло заберите.

(Чт. 1864. I. 12).

¹⁾ А вна жъ бо ся помирковала,
Три крамарчики заграбовала:
Въ одного взяла сивъ кониченька,
Въ другого взяла ясну шабельку,
Въ третьего взяла дорогу шубу.
²⁾ Ой стучить, гримить зъ поля сторожа,
Та вдариться въ жовти ворота,
Пане Иване, чи спишь, чи не спишь?
Ой коли не спишь—Господь зъ тобою:
Що въ твои городи турки вступили,
Ой я тихъ туркивъ та не боюся.

(Чт. 1864. I. 84).

³⁾ А въ таньци ходитъ княгиня Иванко,
На головойци сокола носить,
Въ правій ручейци коничка водить,
Въ ливій ручейци гусевки носить,
Нихто не видивъ, лемъ лански слузи
Скоро ввидили, пану доновили:
Ой идте, идте, Иванка звязите,
Иванка звязите, ту го приведите,
Соколойка пустте до сокивници,
Гусовки шмарьте до гусевници,
Коничка вставте до конничейки,
Иванка всадте до темничейки.
Соколикъ квилить, головойки хоче;
Гусевки граутъ, Иванка споминаутъ;
Коничокъ гредє, до поля хоче;
Иванко плаче, до милейкой хоче.

(Чт. 1864. I. 57).

иѣсня болѣе всего напоминаетъ намъ судьбу Ивана Берландика, изгнанника и скитальца, который притомъ иѣсколько времени находился въ неволѣ и въ оковахъ. Мы, однако, не рѣшимся утверждать, чтобъ эта колядка непременно относилась къ нему. Довольно того, что его судьба можетъ служить образчикомъ той бытовой стороны княжескаго періода, которая выражается въ приведенной нами иѣснѣ.

Наконецъ замѣтимъ, что слѣды воззрѣній, вообще присущихъ княжескому періоду, видны отчасти и въ княжескихъ обрядахъ, тѣсно соединенныхъ съ принадлежащими къ нимъ иѣснями. Женихъ носить названіе князя, а невѣста—княгини, сопутники жениха—его бояре; одинъ изъ нихъ называется старшимъ, точно такъ же, какъ и около князя были старшіе и младшіе бояре. Подруги невѣсты—«дружки»—названіе, напоминающее дружину. Новобрачныхъ, въ знакъ вступленія въ ихъ достоинство, сажаютъ на посадъ, такъ точно, какъ и князей сажали на столъ, въ знакъ вступленія въ должность. Даже весь свадебный ритуаль какъ будто представляетъ въ семейной жизни параллельный образъ тому, что происходило въ общественной жизни. Женихъ соединяется съ невѣстою, какъ князь съ землею. Какъ у земли были свои бояре, свои старосты, какъ у князя свои, такъ у жениха и невѣсты свой свадебный чинъ. Сначала обѣ стороны становятся какъ будто бы въ позицію, готовые перейти во вражду; сторона невѣсты хочетъ показать свою самостоятельность, братъ невѣсты готовится защищаться и не давать жениху мѣста, а потомъ заключаетъ съ нимъ договоръ и взводитъ его на посадъ. Вблизи него держатъ знакъ, называемый мечъ, что, какъ извѣстно, было символомъ княжеской власти. Это сближеніе происходитъ оттого, что одинакій складъ древнихъ представленій отражался одинаковымъ образомъ какъ въ области семейной, такъ и общественной.

Исторія козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества ¹⁾.

Народная поэзія, касаясь періода козачества, можетъ быть классифицирована, сообразно историческимъ явленіямъ, на слѣдующіе циклы или разряды.

1. Борьба козачества съ могомеданскимъ міромъ. Она выразилась:

- а) рядомъ козацкихъ походовъ на Черное море, которыхъ послѣдствіями были набѣги на приморскіе турецкіе и татарскіе города;
- б) столкновениями козаковъ съ крымскими, ногайскими, буджацкими татарами на степяхъ;
- в) нападеніями мусульманъ на жилия мѣстности Южной Руси.

¹⁾ Въ 1872 году въ журналѣ „Бесѣда“ печаталось сочиненіе „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Предлагаемое нынѣ изслѣдованіе считаемъ непосредственнымъ продолженіемъ означеннаго сочиненія. На этотъ разъ для приводимыхъ въ выносахъ текстовъ южно-русскихъ пѣснопѣній принимаемъ общерусское правописаніе, употреблявшееся съ древнихъ временъ въ южно-русской письменности. Считаемъ нужнымъ объяснить, что, по выговору южно-русскаго нарѣчія, согласная *г* выговаривается какъ латинское *h*; гласныя буквы выговариваются: *и* тверже, чѣмъ обыкновенно принято, занимая средину между звуками *и* и *ы*, *е* какъ *э*, а *я* какъ мягкое *и*. Сверхъ того въ нѣкоторыхъ словахъ буква *о* выговаривается различно, смотря по мѣстностямъ: иногда—и большею частью, какъ мягкое *и*, иногда же удерживается звукъ *о*, въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ какъ *у*, какъ *ю* и какъ *уй*, такъ, напр., *конь* можетъ выговариваться—*конь*, *кинь*, *кунь*, *кюнь*, *куинь*. Во всѣхъ такихъ случаяхъ пишемъ *о*, такъ какъ нѣтъ возможности иначе опредѣлить этого звука *). Народныя пѣснопѣнія, которыя при этомъ сочиненіи служатъ матеріаломъ, могутъ быть раздѣлены на думы и собственно пѣсни. Думами (въ народѣ это названіе неизвѣстно) принято называть такія народныя произведенія, всегда почти эпическаго содержанія, которыя собственно не поются, но декламируются нарастѣвъ подъ звуки инструмента кобзы или бандуры и лиры, что составляетъ достоинствіе не всего народа, а кобзарей, пѣвцовъ, обыкновенно слѣпыхъ, которые ходятъ съ мѣста на мѣсто съ своими инструментами и распѣваютъ передъ желающими. Думы опредѣленнаго размѣра стиховъ не имѣютъ, но въ мѣрной рѣчи употребляются рѣзмы, которыя въ пѣніи соотвѣтствуютъ повышенію и пониженію голоса.

*) *Примѣчаніе редакціи.* По независимымъ отъ редакціи обстоятельствамъ, правописаніе, указанное авторомъ, измѣнено.

2. Борьба южно-русского народа съ Польшею:

а) Хмельничина;

б) послѣ Хмельницкаго.

3. Внутреннія общественныя явленія, возникшія вслѣдствіе борьбы съ Польшею.

1. Борьба козачества съ могомеданскимъ міромъ.

А. Морскіе козацкіе походы.

Черноморская буря.—Галерные невольники.—Самийла Кишка.—Богуславецъ.—Маруся Богуславка.—Соколь.—Пѣсня о взятіи Варны.

Козацкіе морскіе походы были нѣкогда очень громки и производили много шума даже въ отдаленныхъ странахъ Европы. Кромѣ указаній у многихъ историковъ онаго времени, свидѣтельствомъ важнаго значенія козацкихъ морскихъ походовъ для своего времени могутъ служить отдѣльныя сочиненія, издававшіяся специально о козацкихъ подвигахъ на языкахъ странъ, по географическому своему положенію очень далекихъ отъ театра описываемыхъ событій ¹⁾. Понятно, какъ важно и любопытно видѣть, какъ отражались эти событія въ поэтическихъ памятникахъ туземнаго южно-русскаго населенія.

Скажемъ прежде всего, что и въ этомъ циклѣ народная память не всегда сходится съ писанною исторіею. Многое, что прославлено историками, остается для народа неизвѣстнымъ, и о многомъ, что народъ прославляетъ, трудно бываетъ докопаться въ писанныхъ историческихъ матеріалахъ.

Изъ думъ, которыхъ содержаніе касается козацкихъ морскихъ походовъ, самая распространенная дума объ Олексѣѣ Поповичѣ. Очевидно—это имя полу-миоическаго древняго витязя, являющагося въ великорусскихъ былинахъ подъ

¹⁾ Укажемъ для примѣра на нѣкоторыя:

Relazione della segnalata vittoria ottenuta da Cosacchi di Zaporovia. Bologna. 1683.

Nuova Relazione che contiene nuove Battaglie da Cosacchi e Tartari. Roma. 1684.

Relazione della ricca presa fatta da Cosacchi nel Mare Negro. Bologna. 1685. Venezia e Modena. 1688.

Relazione vera e distinta della segnalata vittoria riportata dal principe cosacco nel Mare Negro contra turchi e tårtari. Venetia. 1690.

Nueva relacion della senalata vittoria consequida del principe cosaco en el Mar Negro contra los Turcos y Tartaros. 1691.

Relazione novissima della segnalata vittoria ottenuta dalli cosacchi, Valachi e Moldavi contro Tartari. Venezia. 1684.

Relazione dell' incursioni, vittorie prese di diverse citta e prigionii fatti da Cosacchi nella Tartaria Crimense. Venezia. 1684.

Vielfache hoechsterfreuliche relation von der Cosacken preiswürdigen Sieg wieder die Tartaren und Türcken heldenmüthigst erhalten. 1683.

Relazione con la quale s' hanno diverse notizie di quello si vâ operando nella Polonia da Cosacchi ed altri con l'attaco e presa del luogo di Perkop. Venezia e Milano.

именем Алеши Поповича, одного из богатырей Владимира Краснаго Солнышка, а в летописных списках под именем Александра Поповича, который является то витязем Владимира, то гораздо позже при описании битвы Мстислава Удалого с суздальцами. Это древнее имя перешло и в малорусскую поэзию козацких времен и прилипло к думѣ, принадлежащей, по своей основной идее, к разряду религиозно-нравственных, когда певец, распевая их предъ народомъ, имѣлъ цѣлью возбудить у слушателей благочестивыя размышленія о наградахъ за добродѣтели и карѣ за пороки. Дума переноситъ насъ на Черное море. Тамъ плаваютъ козацкія суда. Вотъ на бѣломъ утесѣ жалобно кричитъ птица, называемая в думѣ соколомъ-бѣлозоромъ; крикъ ея предвѣщаетъ бѣду. Поднимается буря ¹⁾. Козацкая флотилія разбила на три части. Одну часть дунайское гирло забрало, другая занесена в агарскую (по другому варианту в арабскую) землю, а третья тонетъ посреди Чернаго моря ²⁾. Тамъ былъ козацкій гетманъ, названный в однихъ ³⁾ вѣдѣніяхъ Грицько Коломийченко, а в другихъ ⁴⁾—Грицько Зборовскій. Былъ тамъ и войсковой писарь Олексій пирятинскій поповичъ. Козацкій предводитель, видя приближеніе послѣдней минуты для всѣхъ, находившихся съ нимъ на суднѣ, съ возвышеннаго мѣста объявляетъ, чтобы всѣ исповѣдовали свои грѣхи Богу, Черному морю, всему днѣпровскому войску и ему, кошевому атаману, такъ какъ вѣрно бѣдствіе посылается теперь на всѣхъ за тяжелые грѣхи кого-нибудь изъ нихъ. Пусть всѣ принесутъ покаяніе, а тотъ, кто окажется грѣшнѣе всѣхъ прочихъ, пусть самъ бросится в море ради избавленія всего войска отъ гибели ⁵⁾. Всѣ молчали;

¹⁾ На Чорному морѣ, на бѣлому камнѣ

Тамъ ясенькій сокиль бѣлозорецъ квилить проквилеае,

На небо поглядае, смутно себе мае,

Що на синему морѣ недобре щось починае:

Усѣ звѣзды на небѣ похмарило,

Половину мѣсяца хмарами закрыло;

А зъ низу буйный вѣтеръ повѣвае,

По Чорному морю супротивну хвилю пидіймае.

²⁾ Одну часть гирло дунайське забрало,

Другу—въ землю агарську занесло,

А третя середь Чорнаго моря потонае.

³⁾ При той части бувъ Грицько Коломийченко,

Гетманъ козацкій запорожскій.

(По варианту, записанному в Харьковѣ).

⁴⁾ При той части бувъ Грицько Зборовскій,

Отаманъ козацкій запорожскій.

(Максимовичъ. Сборн. Укр. пѣс. 50).

⁵⁾ Якъ стало судно потопати,

Ставъ Грицько Коломийченко на чердакъ вихожати,

Словами промовляти:

Може ктось межъ вами великій грѣхъ мае,

Що ся хуртовина на насъ налягае,

Судно наше потопляе:

Сповѣдайтеся, панове, милосердому Богу,

Чорному морю и всему войску Днѣпровому,

И менѣ отаману кошовому!

никто не вспомнил за собою тяжких грѣховъ; къ удивленію всѣхъ, войсковою писарь Олексѣй Поповичъ просить бросить его въ море, какъ самаго грѣшнѣйшаго. Какъ,—говорятъ ему,—ты берешь въ руки св. писаніе и насъ, простаковъ, наставляешь всякому добру, какъ же на тебѣ лежитъ больше грѣховъ? ¹⁾ Олексѣй Поповичъ объявляетъ, что онъ, выѣзжая въ походъ изъ города Пирятина, не принималъ благословенія отъ родителей, ссорился съ братомъ, отнималъ хлѣбъ-соль у сосѣдей, разѣзжая по улицамъ верхомъ, толкалъ стрелами вдовъ и дѣтей и не снималъ шапки передъ церковью, храмомъ Божиимъ. Не волны это,—заключаетъ Олексѣй свою исповѣдь,—не волны поднимаются на Черномъ морѣ, караетъ меня отцовская и материнская молитва ²⁾.

Тутъ (по вариантамъ: записанному нами въ Харьковѣ, и по тому, который напечатанъ въ сборникѣ Максимовича) чистосердечное покаяніе тотчасъ оказываетъ свое спасительное дѣйствіе: буря утихаетъ, и казаки, всѣ цѣлые, съ своимъ судномъ пристають къ острову Тендреву ³⁾. Но по варианту, сооб-

Нехай той, кто найбільше грѣхивъ має,
Въ Чернѣмъ морѣ одинъ потопавъ,
Війска козацького не загубляе.

(Вариантъ, записанный въ Харьковѣ).

- ¹⁾ Добре, братія, вчиніте,
Чорвою китайкою очи зав'яжіте,
До шифъ бѣлий камѣнь причепіте,
Карбачемъ затіте,
Въ Чорнее Море зипхитіте!
Нехай я одинъ погибаю,
Війска козацького не загубляю!
То казаки тее зачували,

Словами промовляли:

Ты святое письмо въ руки берешь, читаешь,
Насъ простыхъ людей на все добре наставляешь,
Якъ-же ты на собѣ найбільшій грѣхъ маєшь!

(Ibid. Ср. Максимов. Сборн. Укр. пѣс., стр. 50—51).

- ²⁾ Якъ я зъ города Пирятина, панове, выѣзжавъ,
Опрошенъ съ панотцемъ и съ паниматкою не бравъ,
И на свого старшого брата великій грѣхъ покладавъ,
И близькихъ сусѣдивъ хлѣба-соли безневинно збавлявъ,
Дѣти малыи, вдовы старни стреленемъ въ груди топтавъ,
Безпечне по улицѣ конемъ гулявъ,
Противъ церкви, дому Божого, проѣзжавъ, шапки съ себе не здымавъ,
За те, панове, великій грѣхъ маю, теперъ погибаю!
Не есть се, панове, по Чорному морю хвиля встававъ,
А есть се мене отцевська и матчина молитва карає.

(Максимов. Сборн. Укр. п. 51).

- ³⁾ То якъ ставъ поповичъ Олексѣй грѣхи свои сповѣдати,
То стала злая хуртовина по Чорному морю стихати.
Судна козацьки до-горы якъ руками підіймала,
До Тендрева острова прибывала.
То всѣ казаки дивомъ дивовали,
Що по якому Чорному морю по быстрѣй хвилѣ потопали,
А нѣ одного козака зъ тѣмъ себе не втерляли!

(Вар. запис. въ Харьковѣ.—Макс. Сб. Укр. пѣс., стр. 52).

щенному намъ г. Котляревскимъ и записанному съ устъ народа не позже начала нынѣшняго столѣтія, — вслѣдъ за исповѣдью Олексѣя Поповича, гетманъ возводитъ его на чердакъ и приказываетъ обрубить ему на правой рукѣ палець-мизинець, и море, поглотивши спущенную въ него кровь, утихаетъ. Такимъ образомъ, по этому варианту, который старѣе прочихъ, къ чисто христіанской идеѣ о силѣ покаянія предъ Богомъ примѣшивается идея уже чисто-языческаго: умилостивленіе человѣческой кровью разъяренной морской пучины ¹⁾ — такой же мотивъ, какъ и въ великорусской былинѣ о Садкѣ богатымъ купцѣ.

Во всѣхъ указанныхъ вариантахъ спасенные отъ гибели козаки выходятъ на берегъ. Олексѣй Поповичъ беретъ въ руки св. писаніе и произноситъ правоученіе — главнымъ образомъ, онъ велитъ почитать родителей и слушать ихъ, потому что ихъ молитва вынимаетъ человѣка изъ дна морского, искупляетъ отъ смертныхъ грѣховъ, вездѣ оказываетъ помощь — и на сушѣ, и на морѣ ²⁾.

Имя древняго русскаго богатыря, преобразившагося въ пиратинскаго поповича, привилось однако, новидимому, случайно къ идеѣ, составляющей суть этой думы. Есть подобнаго содержанія дума, въ которой нѣтъ и намекъ на Олексѣя Поповича. Мы знаемъ три варианта этой думы: одинъ напечатанъ въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша (см. т. I, стр. 29), другой — въ Сборникѣ Лукашевича: Малорусскія и червонорусскія думы и пѣсни (стр. 61), третій — записанный отъ кобзаря Вересаея и напечатанный въ I-мъ томѣ Записокъ Юго-западнаго Отдѣла русскаго Географическаго Общества (стр. 5). По всѣмъ тремъ вариантамъ въ этой думѣ, вмѣсто Олексѣя Поповича, дѣйствуютъ два брата: они не вызываются броситься въ море; нѣтъ здѣсь и гетмана, который приглашалъ бы козаковъ исповѣдоваться и добровольно броситься въ пучину; — они просто при-

¹⁾ Добре вы дбайте

Олексѣя поповича на чердакъ выводѣте,
Правои руки пальца мизинца урубайте,
Христіанської крови въ Чорнее море впускайте,
Якъ буде Чорнее море кровь христіанську пожирати,
То буде на Чорнѣмъ морѣ супротивная валечная хвиля утихати.
Тогдѣ козаки добре дбали,
Олексѣя поповича на чердакъ вывожали,
Правои руки пальца мизинца урубали,
Христіанськую кровь въ Чорнее море впускали.
Стало Чорнее море кровь христіанську пожирати,
Стала на Чорнѣмъ морѣ супротивная валечная хвиля утихати.

²⁾ Отже тогдѣ Олексѣй поповичъ изъ судна вихомае,

Бере святее письмо въ руки, читае,
Всѣхъ добрыхъ людей на все добре наставляе,
До козаківъ промовляє:
Отъ тымъ бы то, панове, треба людей поважати,
Панотця и паниматку добре шанувати,
Бо который чоловікъ тее уробляє,
Повѣкъ той счастья собѣ мае,
Смертельный мечъ того минае,
Отцева й матчина молитва зо дна моря виймае,
Отъ грѣховъ смертельныхъ душу откупае,
На полѣ й на морѣ помогае!

знають только поднявшуюся на морѣ бурю карою за свои грѣхи и пересчитываютъ ихъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ Олексѣй Поповичъ. По Кулишовскому варианту, который распространеннѣе двухъ другихъ, они виноваты уже тѣмъ, что пошли въ войско оба, тогда какъ родители дозволили идти только одному, а другому велѣли заниматься хлѣбопашествомъ ¹⁾. Черта, стоящая замѣчанія. Видно, что черезчуръ многолюдные побѣги молодцевъ въ степи и на море ослабляли въ краѣ хозяйства; печальные плоды этого должны были раньше другихъ понять люди старые и потому разсудительные; это и выразилось въ думѣ: уже составилось нравственное правило, что изъ двухъ братьевъ въ семьѣ одному только, по благословенію родителей, позволительно искать рыцарской славы, а другому слѣдовало работать за плугомъ, косою и цѣпомъ, потому что все это—почтенное занятіе, вопреки горячимъ удалцамъ, чествившимъ презрительно такихъ хозяевъ-земледѣльцевъ названіемъ гречкосѣевъ и домонтарей. Далѣе братья сознаются въ грубомъ обращеніи съ матерью ²⁾. Гуляя по улицамъ, они не только топтали дѣтей, какъ Олексѣй, но раздавливали ихъ до смерти своими конями ³⁾; три старухи хотѣли ихъ вразумить, а они имъ отвѣтили грубо ⁴⁾; наконецъ, они были гуляки и, предпочитая церкви корчму, заводили танцы въ то время, когда другіе козаки нанимали поповъ служить себѣ молебны ⁵⁾. Покаяніе ихъ возымѣло силу; буря утихла; они добрались до пристани, ухватились за бѣлый камень и, вышедши на сухой берегъ, провозгласили нравоученіе о почитаніи родителей. Въ вариантахъ Лукашевича и Вересая является лицо, повидимому, безъ органической связи съ остальнымъ въ думѣ; оно промелькаетъ мимоходомъ, но оставляетъ чрезвычайно поэтическое впечатлѣніе. Это—безродный сирота, которому съ вышеупомянутыми братьями приходилось ждать гибели отъ бури на морѣ: ему не съ кѣмъ было на цѣломъ свѣтѣ и проститься во время бѣды ⁶⁾. Когда братья, спасшись отъ бѣды, пришли въ Русь къ своимъ родителямъ, и родители спросили ихъ: хорошо ли имъ было въ пути, тутъ они вспомнили о чужестранцѣ, вспомнили, какъ тяжело было ему видѣть смерть, когда не съ кѣмъ было ему проститься и некому было поду-

1) Панъ отецъ-маті позволили одному въ войско вступати,
А другому дома хлѣба пахати.

А то мы, брате, не добре вчиняли:
Обидва конѣ посѣддали, у войско вступали.

2) — Стременемъ у груди отнихали.

3) Дѣти маленьки киньми розбивали,
Кровь христіянську безневинно проливали.

4) Тамъ стояли три жоны стареньки;
Може думали-гадали противъ насъ що добре сказати,
Да мы тымъ съ гордостью да нышностью
Противнымъ словомъ отказали.

5) Не пытали церкви святой,
А пытали корчмы новои,
Чужи козаки по церквамъ молебнѣ наймали,
А мы въ шинку пьемъ, гуляемъ, танцѣ-музыку наймаемъ.

6) Между ними третій чужій чуженица,
Бездильный, безридный, безпомощный потопае,
Нѣ прощенья, нѣ поратунку нѣ звидкель не мае.

мать о его спасеніи! ¹⁾). Этотъ чужестранецъ исчезаетъ безслѣдно, и даже не видно, спасся ли онъ разомъ съ двумя братьями или погибъ въ волнахъ.

Такія думы, какъ приведенныя нами, должны были удовлетворять нравственнымъ понятіямъ народа; не въ меньшей степени, но еще сильнѣе должны были въ старое время затрогивать народное сердце тѣ думы, которыя изображали горькую судьбу христіанскихъ невольниковъ, страдавшихъ на турецкихъ галерахъ. Въ XVI и XVII столѣтіяхъ русскихъ плѣнниковъ было тамъ неисчислимое множество; ихъ цѣнили, какъ выносливыхъ и дюжихъ работниковъ, и потому перепродавали изъ рукъ въ руки, изъ одного края въ другой. Это были отчасти козаки-молодцы, потерпѣвшіе неудачу въ своихъ морскихъ походахъ, но болѣе всего плѣнники, захваченные татарскими набѣдниками и проданные въ рабство. Слагались и распѣвались пѣсни о судьбѣ такихъ несчастливцевъ, и не въ одномъ селѣ или городѣ слушались онѣ со слезами, а нерѣдко съ рыданіями и причитаніями. У многихъ въ памяти были близкіе по крови и по сердцу, когда-то безвѣстно пропавшіе и, можетъ быть, гдѣ-нибудь томившіеся въ турецкой неволѣ. Такія пѣснопѣнія возбуждали въ слушателяхъ желаніе отыскивать и выкупать невольниковъ. Выкупъ невольниковъ въ тѣ времена былъ своего рода ярмаркою; мусульмане ипогда заранѣе давали знать христіанамъ, что тамъ-то въ ихъ землѣ и у такихъ-то есть невольники, и кушцы, которые веди торгъ невольниками, какъ теперь ведутъ торгъ скотомъ, привозили свой живой товаръ на извѣстное мѣсто, на украинской границѣ отъ татарскихъ степей, и объявляли цѣну. Иногда же и самъ хозяинъ, поймавшій невольника, везъ его, предлагая выкупить. Находились охотники выкупать ихъ не только по кровному родству, но и по христіанскому благочестію, потому что, по нравственнымъ понятіямъ вѣка, выкупить невольника было богоугоднымъ, душеспасительнымъ дѣломъ. Случалось инымъ невольникамъ и такое горе, что не находилось желающихъ ихъ выкупать, и тогда бусурмане увозили ихъ обратно. Печальное и почти безнадежное положеніе ожидало бѣдняковъ тогда, когда ихъ запродавали куда-нибудь въ далекую землю, напримѣръ, въ арабскую. Объ этомъ сохранила память народная южно-русская поэзія. Одна дума раскрываетъ внутренній міръ такого невольника въ отдаленной землѣ, разобщеннаго съ родиною. Онъ можетъ послать къ своимъ родителямъ развѣ одного только голубка и ему поручить просить ихъ, чтобъ они сбывали все свое достояніе и выручали сына изъ неволи, но чтобъ дѣлали это какъ можно поскорѣе, потому что съ наступленіемъ теплаго времени уже трудно будетъ сыскать его: прибѣгутъ турки-янычары и запродадутъ его за Красное море въ арабскую землю ²⁾). Въ другой

¹⁾ Добре, пань-отець и паниматко, на синѣмъ морѣ гуляти,
Тильки не добре чужому чуженицѣ на чужинѣ помирати,
Тому нѣ съ кѣмъ опрошенья приняти,
На чужинѣ порятунокъ дати!

²⁾ Поклоняється бѣдний невольникъ,
Изъ землѣ турецкой изъ вѣры бусурманской,
У города христіаньски, до отця до матусѣ,
Що не можетъ винъ имъ поклонитися,
Тильки поклоняється голубонькамъ сивенькимъ:
— Ой ти голубонько сивенькій!

думъ изображаются невольники галерные, которые отъ невыносимыхъ страданій желаютъ, чтобы буря сорвала съ якорей турецкія каторги, которыя имъ чрезмѣрно опротивѣли ¹⁾). Затѣмъ описываются страданія невольниковъ: кандалы развѣдаютъ ихъ ноги; сырая ременная кожа проточила имъ тѣло до самыхъ костей; турецкій паша приказываетъ своимъ янычарамъ бить невольниковъ терновыми прутьями и таволгою. Исполняется приказаніе начальства: кровь льется, тѣло обивается около костей ²⁾). Невольники, при видѣ собственной текущей

- Ты высоко лѣтаешь, ты далеко буваешь,
 — Полени ты въ города христіянські,
 — До отця мого до матусѣ;
 — Сядь, пади на подвирѣѣ отцевскѣмъ,
 — Жалобненько загуди,
 — Объ моеи пригодѣ козацкѣ спомъяни;
 — Нехай отець-мати мою пригуду козацкѣю знаять,
 — Статки-маетки збувають,
 — Велики скарбы собирають,
 — Головоньку козацкѣю зъ тяжкою неволѣ вызволяють. ¶
 — Бо якъ стане Чорнее море согрѣвати,
 — То незнатиме отець любовь мати
 — У которѣй каторзѣ шукати:
 — Чи у пристанѣ Козловскѣй,
 — Чи у городѣ Царѣградѣ на базарѣ!
 — Будуть ушкалы турки-янычары набѣгати,
 — За Червонее море у Орабську землю запродавати!—
- ¹⁾ У святу недѣлю не сизѣ орлы заклекотали,
 Якъ то бѣднѣ невольники у тяжкѣй неволѣ заплакали,
 У гору руки підіймали,
 Кайдавами забряжчали,
 Господа милосердного прохали да благали:
 — Подай намъ, Господи, зъ неба дрибень дождичь,
 — А зъ низу буйный вѣтеръ;
 — Ой чи бы не встала по Черному морю быстрая хвиля,
 — Ой чи бы не повирывала якорѣвъ зъ турецкѣй каторги!
 — Да вже намъ ся турецька бусурманська каторга надохла!—
- ²⁾ Кайданы залѣзо ноги повривало,
 Сырая сыриця до жовтои кости тѣло козацкѣ проѣдала.
 Баша турецкѣй бусурманскѣй,
 Недовѣрокъ христіянскѣй,
 По рынку винъ покажае,
 Самъ винъ тее добре зачуває.
 На слуги свои, на янычары зо-зла гукае:
 „Кажу я вамъ, турки-янычары, добре дбайте,
 „Изъ ряду до ряду захожайте,
 „По три пучки тернины и червонѣй таволги набирайте,
 „Вѣдного невольника по тричи въ однѣмъ мѣстѣ затинайте!“
 То (тѣ) слуги-янычары добре дбали,
 Изъ ряду до ряду захожали,
 По три пучки тернины й червонѣй таволги набирали,

крови, проклиная турецкую землю ¹⁾. Дума эта, какъ и всѣ подобнаго содержания думы, гдѣ поется о невольникахъ, оканчивается воззваніемъ къ Богу, чтобъ онъ избавилъ христіанскихъ невольниковъ отъ каторги и возвратилъ ихъ на родину, въ край веселый, въ міръ крещеный, въ города христіанскіе. Безъ сомнѣнія, такія думы, возбуждая въ слушателяхъ состраданіе къ участи невольниковъ, подвигали молодцовъ козаковъ къ браннымъ подвигамъ противъ мусульманъ для освобожденія страдающихъ въ неволѣ земляковъ и единовѣрцевъ.

При сочувствіи народа къ горькой участи невольниковъ естественно возникли и съ наслажденіемъ слушались думы болѣе отраднаго содержания, гдѣ описывалось освобожденіе отъ плѣна, представлялись народному воображенію и народному чувству образы героевъ, которые какимъ-нибудь необычнымъ способомъ избавлялись отъ ужасной неволи. Образчикомъ такого рода поэтическихъ произведеній можетъ служить дума о Самийлѣ Кишкѣ, поражающая какъ своею объемистостью, такъ и замѣчательною отчетливостью въ изображеніяхъ. Дума эта была напечатана въ Сборникѣ Лукашевича «Малорусскія и Червонорусскія думы и пѣсни», изданномъ въ 1836 году, записанная, какъ сообщаетъ издатель, въ Полтавской губерніи со словъ кобзаря-слѣпца. Профессоръ университета св. Владиміра А. А. Котляревскій сообщилъ мнѣ вариантъ этой думы въ рукописномъ собраніи малорусскихъ думъ, записанныхъ, какъ показываетъ по черкѣ, въ концѣ прошлаго или въ началѣ текущаго столѣтія. Кромѣ того, профессоръ новороссійскаго университета Зайкевичъ удѣлилъ мнѣ иной вариантъ той же думы, записанный отъ кобзаря въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губерніи. Вариантъ г. Котляревскаго болѣе древней редакціи, судя по нѣкоторымъ чертамъ, на которыя мы укажемъ.

Вариантъ г. Зайкевича начинается описаніемъ, какъ герой думы попалъ въ неволю. Турецкій паша, плывая галерою по Черному морю, прибылъ въ гости къ Самийлѣ Кишкѣ, который съ сорока козаками находился въ урочищѣ Базавлукъ; тамъ паша захватилъ всѣхъ этихъ молодцовъ, заковалъ и увезъ ²⁾. Съ

По гречи въ однѣмъ мѣстѣ бѣднаго невольника затинали,
Тѣло казацьке коло жовтої кости оббивали,
Кровь христіанську-неповинну проливали.

- 1) Стали бѣднѣ невольники на собѣ кровь христіанську zobачати,
Стали землю турецьку бусурманську клясти проклинати.
„Ты земле турецька, бусурманська, розлука христіанська!
„Не одного ты розлучила съ отцемъ съ матѣрью,
„Брата съ сестрою, мужа съ вѣрною жоною!“

или (по другому варианту):

Земле турецька, вѣро бусурманська!
Ты еси наповнена срібромъ, златомъ, дорогими напитками,
Тільки бѣдний невольникъ у тобѣ пробуває,
Праздника Рожества будь ли Воскресенія не знає.

- 2) Ой у лузѣ Базавлудѣ тамъ стоявъ курѣвъ бурлацькій
Тамъ бувъ-пробувавъ Кишка Самийло, тетманъ козацькій,
И мавъ винъ собѣ товариства сорока чоловіка.
То турецьке паня молоде баша
По Чорному морю безпечне галерою гулявъ,
Да до Кишки Самийла въ-гостѣ прибувавъ,

этого начинается исторія, рассказываемая думою. Въ другихъ вариантахъ этого нѣтъ. Дѣйствіе открывается прямо въ Черномъ морѣ. Самийло Кишка и его товарищи — давніе невольники на турецкой галерѣ. По варианту Лукашевича прошло уже пятьдесятъ четыре года съ той поры, какъ они въ неволѣ, по варианту Котляревскаго — сорокъ лѣтъ ¹⁾. Галера плыветъ, по варианту Лукашевича, изъ Трапезунта въ Козловъ, а по варианту Котляревскаго — изъ Козлова въ Трапезунтъ. Галера эта разукрашена златошными лентами, уставлена пушками и покрыта сверху бѣлою турецкою габою ²⁾, а другой вариантъ прибавилъ еще два украшенія: она окрашена христіанскою кровью и обсажена невольниками ³⁾. На этой галерѣ было семьсотъ турокъ ⁴⁾, а вариантъ Лукашевича прибавляетъ еще четыреста янычаръ ⁵⁾. Старшій надъ всѣми былъ Алканъ-паша, по одному варианту трапезунтскій князь ⁶⁾, по другому — молодое трапезунтское дитя, то-есть, просто молодой человѣкъ. По обоимъ вариантамъ было тамъ триста пятьдесятъ ⁷⁾ невольниковъ, считая безъ войсковыхъ старшинъ. Вариантъ Котляревскаго указываетъ только двухъ старшинъ: Самийла Кишку, гетмана запорожскаго и Марка Рудого, судью черкаскаго, а вариантъ Лукашевича прибавляетъ еще третьяго: Мусей Грачъ — войсковый трембачъ (трубачъ). Очень можетъ быть, что этотъ Грачъ, выражая не собственное прозвище, а названіе его занятія, есть позднѣйшая прибавка въ думѣ, измышленная ради рими, что нерѣдко бываетъ въ произведеніяхъ малорусской народной поэзіи. Слѣдуетъ за ними еще ключникъ галерный, бывшій нѣкогда, по одному варианту, переяславскій полковникъ, по другому — сотникъ; былъ онъ тридцать лѣтъ въ неволѣ, вотъ уже двадцать четыре года живетъ на свободѣ — сталъ онъ туркомъ ради того, чтобы жить въ утѣхахъ, на вѣчную свою погибель захотѣлось ему быть великимъ господиномъ ⁸⁾. Въ вариантѣ Лукашевича эта личность называется

То такъ до нихъ въ-гостѣ прибувавъ.

Що всѣхъ козаківъ гетманськихъ запорозькихъ на мѣстѣ заставъ,
Залѣзні имъ нута подававъ.

1) Уже вони сорокъ лѣтъ (въ рукописи поправлено другою рукою: многіе годы) въ неволѣ пробували,

Объ землѣ христіянськѣй нѣчого не знали.

2) Златосіяніми киндаками побивана

(въ вариантѣ Котляревскаго: обвивана).

Гарматами арештована

Турецкою бѣлою габою покровена.

3) Третімъ цвѣтомъ процвѣтана,

Христіянскою кровію хварбована,

Четвертымъ цвѣтомъ процвѣтана —

Невольниками осажена.

(вариантъ Котляревскаго).

4) Сѣмсотъ турківъ,

5) Янычаръ штыреста.

6) У тѣй галерѣ пробувало сѣмъ сотъ турокъ-янычаръ,

Межъ ними бувъ старшимъ старшиною,

Алканъ-паша, трапезонтськое дитя молодее

(вариантъ Котляревскаго).

7) Пивчварта ста.

8) Ляхъ Бутурлакъ ключникъ галерскій,

ляхомъ Вутурлакомъ, а въ вариантѣ Котляревскаго Иляшомъ или Ляшомъ (т.-е. Ильею) Вутурлакою. Въ вариантѣ Котляревскаго Алканъ-паша, направляясь морскимъ путемъ изъ Козлова въ Трапезонтъ, дѣлаетъ истязанія невольникамъ ¹⁾, а въ вариантѣ Лукашевича это происходитъ позже, послѣ бывшаго Алкану-пашѣ сновидѣнія.

По обоимъ вариантамъ (слѣдуя у Лукашевича изъ Трапезонта въ Козловъ, а у Котляревскаго изъ Козлова въ Трапезонтъ) галера приходитъ въ Кефу, гдѣ, по варианту Лукашевича, отдыхали продолжительное время, а по варианту Котляревскаго, только переночевали.

Здѣсь Алкану-пашѣ привидѣлся сонъ: будто козаки невольники истребили на галерѣ всѣхъ турокъ, а его самого Кишка Самийло изрубилъ и бросилъ въ море. Алканъ-паша рассказываетъ о своемъ сновидѣнн туркамъ, и никто изъ нихъ не можетъ объяснить ему смысла этого сновидѣнія. Объясняетъ ему отступникъ ключникъ галерный: нечего Алкану-пашѣ бояться; нужно только строже содержать невольниковъ. Рассказъ объ этомъ въ вариантѣ Котляревскаго проще и короче ²⁾, а въ вариантѣ Лукашевича онъ распространеннѣе и прини-

Сотникъ переяславскій,
Недовѣрокъ христіанскій,
Що бувъ тридцать лѣтъ въ неволѣ,
Двадцять штыре якъ ставъ на волѣ,
Потурчився, побусурманився,
Для панства великого,
Для лакомства несчастного.

(вариантъ Лукашевича).

¹⁾ Алканъ-паша, трапезонтское дитя, добре винъ дбае,

На неволникивъ по два по три кайданы набивае,
Тодѣ березиною по голыхъ рукахъ христіанскихъ затинае,
Кровь христіанську проливае,
Добре вы, неволники, дбайте,
Скорѣйше галеру до города Трапезонта догоняйте!

²⁾ То Алкану-пашѣ трапезонтському

Опивночи приснився сонъ чуденъ да причуденъ.

То Алканъ-паша отъ сна прочитае,

Промежду турками-янычарами похожае:

— Который бы межъ нами турокъ могъ сей сонъ отгадати,

— Могъ бы я ёго великимъ паномъ наставляти!

— Да приснився менѣ сонъ чуденъ да причуденъ.

— Видитьса: козаки неволники моихъ турокъ-янычаръ всѣхъ порубали,

— Въ Чорнее море вкидали;

— А видитьса Кишка Самийло, гетманъ запорожскій

— Мене на руки бравъ,

— Менѣ съ плечъ голову зѣймавъ,

— Въ Чорнее море вкидавъ!—

То межъ турками-янычарами шѣкто не мигъ сёго сна отгадати,

Тильки бувъ межъ ними старшій старшиною

Ляшъ Вутурлака полковникъ переяславскій

Недовѣрокъ христіанскій,

А винъ ключникъ галерскій.

маєть тонъ ¹⁾, отстаююцій отъ простоты повѣствованія перваго варіанта, бывшаго, вѣроятно, болѣе старою редакціею думы. Въ варіантѣ Лукашевича Алканъ-паша приплываєть въ Козловъ свататься за дѣвку Санджакивну (дочь губер-

Той мигъ сей сонъ отгадати,
 Ставь словами промовляти:
 Велю я тобѣ, пане молодой, зъ неволникивъ старыи кайданы знімати,
 А новыхъ по два по три набивати,
 То буде твоя галера въ цѣлости пробувати.
 То турки-янычаре зъ неволникивъ старыи кайданы знімали,
 Новыхъ по два по три набивали,
 Скоренько до города Трапезонта пригоняли.

- 1) То представитья Алкану-пашатѣ,
 Трапезонтському молодому панятѣ,
 Сонъ дивенъ, барзо дивенъ на причудѣ.
 То Алканъ-паша, трапезонтское княжа,
 На туркивъ-янычарѣ на бѣдныхъ неволникивъ покликає:
 — Турки, каже, турки-янычаре
 — И вы бѣднѣ неволники!
 — Который бы мигъ турчинъ-янычарѣ сей сонъ отгадати
 — Мигъ бы я ему три грады даровати,
 — А который бы мигъ бѣднѣй неволникъ отгадати.
 — Мигъ бы я ёму листы вызволенѣ писати,
 — Щобъ не мигъ его нѣгде нѣкто зачинати.—
 Сее турки зачували—нѣчого не сказали,
 Бѣднѣ неволники хочъ добре знали, собѣ промовчали.
 Тильки обизветься межъ туркивъ ляхъ Бутурлакъ, ключникъ галерскій,
 Сотникъ переяславскій, недоуѣрокъ христіанскій:
 „Якъ-же, каже, Алкане-пашо, твий сонъ отгадати,
 „Що ты не можешъ намъ повѣдати?“
 — Такій менѣ, небожата, сонъ приснився,
 — Богъ дай, нѣколи не явился!
 — Видитья: моя галера цѣткована, малѣвана,
 — Стала вся обидрана, на пожарѣ спускана,
 — Видитья: мои турки-янычаре стали всѣ въ нень порубанѣ,
 — А видитья: мои бѣднѣ неволники,
 — Которыи були у неволѣ,
 — Тѣ всѣ стали на волѣ.
 — Видитья: мене гетманъ Кишка на три части ростявъ,
 — У Чорнее море пометавъ!
 То скоро ляхъ Бутурлакъ зачувавъ,
 Къ нему словами промовлявъ:
 „Алкане-пашо! трапезонтскій княжату,
 „Молодой паняту:
 „Сей тобѣ сонъ не буде ни мало зачипати,
 „Скажи менѣ получше бѣдного неволника доглядати,
 „Съ ряду до ряду сажати,
 „По два по три старыи кайданы исправляти,
 „На руки на ноги надѣвати,
 „Червоной таволги по два дубця брати,
 „По шняхъ затинати,

натора), и она приглашаетъ его въ городъ со всѣмъ своимъ войскомъ, сама беретъ его за руку, ведетъ въ каменную свѣтлицу, сажаетъ за скамью, угощаетъ дорогими напитками, а войску, бывшему у него на галерѣ, устраиваетъ угощеніе посреди рынка ¹⁾. Образъ—скорѣ козацкаго, чѣмъ мусульманскаго міра. По варианту Котляревскаго, Алкань-паша приплываетъ къ себѣ, въ свой Трапезонтъ, какъ видно, въ свой гаремъ входитъ, и дѣвка Санджакивна не болѣе какъ одна изъ его женъ. Алкань-паша беретъ съ собою турокъ, а ключника оставляетъ на галерѣ стеречь скованныхъ невольниковъ ²⁾.

Затѣмъ слѣдуетъ самая существенная часть думы — подвигъ Самийла Кишки, рассказъ о томъ, какъ онъ перебилъ турокъ, овладѣлъ галерою и отплылъ на ней съ своими козаками въ отечество. Здѣсь-то вполнѣ оказывается превосходство болѣе старой редакціи въ вариантѣ Котляревскаго въ сравненіи съ позднѣйшею амплификаціею въ вариантѣ Лукашевича. По этому послѣднему, ляхъ Вутурлакъ приглашаетъ Самийлу Кишку отречься отъ христіанства. Кишка съ омерзѣніемъ отвергаетъ такое приглашеніе; ляхъ Вутурлакъ бьетъ его по щекѣ и грозитъ обращаться съ нимъ суровѣе, чѣмъ съ прочими невольниками. Услышавши это, турки съ похвалою отзываются объ отступникѣ-ключникѣ передъ пашею. Но вдругъ, ни съ сего, ни съ того, ключникъ, подпивши, вздумалъ любезничать съ Кишкою, захотѣлъ съ нимъ вести бесѣду о вѣрѣ христіанской, сталъ поить его виномъ, а Самийло Кишка, воспользовавшись этимъ, взялъ у соннаго ключника ключи отъ кандаловъ и роздалъ невольникамъ; они отперли свои кандалы, но, по совѣту своего гетмана, не снимали ихъ съ ногъ, ожидая полуночнаго времени. Прибылъ Алкань-паша и приказалъ туркамъ освидѣтельствовать кандалы на невольникахъ. Турки осмотрѣли, но не дотрогивались до кандаловъ руками, а Кишка самъ обвязалъ себя втрое цѣпью. Турки спокойно заснули, увѣренные, что ключникъ хорошо сдѣлалъ свое дѣло ³⁾.

„Кровь христіанську на землю проливати!“

Скоро турки сее зачували,

Тогдѣ бѣднихъ невольниковъ до опачинъ руками пріймали,

Щироглыбокою морської воды доставали,

Отъ пристанѣ галеру далеко отпускали.

¹⁾ До города Козлова

До дѣвки Санджакивны на залѣты поспѣшали,

Да до города Козлова прибували;

Дѣвка Санджакивна на встрѣчу выходжала,

Алкана пашу въ городъ Козловъ со всѣмъ вийскомъ затижала,

Алкана за бѣлу руку брала,

У свѣтлицѣ камяницѣ зазывала,

За бѣлу скамью сажала,

Дорогими напитками наповала,

А вийско середь ринку сажала.

²⁾ Стали до города Трапезонта приплывати,

Стали галеру до берегу припинати,

Ставъ Алкань-паша молодой до дѣвки Санджакивны прибувати,

Ставъ туркивъ-янычаръ съ собою брати,

Тилько ключника на галерѣ оставляти.

³⁾ То Алкань-паша, трапезонтское княжа.

Не барзо дорогіи напитки вживае,

Якъ до галеры двохъ турчинивъ на подслухи посылае,
 Щобъ не могъ ляше Бутурлакъ Кишку Самийла отмыкати,
 У поручъ себе сажати,
 То скоро тѣ два турчины до галеры прибували,
 То Кишка Самийло, гетманъ запорозькій, словами промовляе,
 „Ай ляше Бутурлаче, брате старесенькій!
 „Колись и ты бувъ въ неволѣ, якъ мы тепера:
 „Добре ты вчини, хочъ насъ старшину одимки,
 „Хай бы и мы въ городѣ побували,
 „Цанське весѣльля добре знали!“

Каже ляхъ Бутурлакъ:

— Ой, Кишко Самийло, гетмане запорозькій, батько козацькій!
 — Добре ты вчини: вѣру христіянську пидъ нозѣ пидтопчи,
 — Крестъ на собѣ поломни!
 — Аще будешъ вѣру христіянську подъ нозѣ топтати,
 — Будешъ у нашего пана молодого за ридного брата пробувати.—
 То скоро Кишка Самийло тее зачувавъ,

Словами промовлявъ:

„Ой, ляше Бутурлаче, недовѣрку христіянскій!
 „Вогдай же ты того не диждавъ,
 „Щобъ я вѣру христіянську пидъ нозѣ топтавъ.
 „Хочъ я буду до смерти бѣду да неволю пріймати,
 „А буду въ землѣ козацькѣй голову христіянську покладати.
 „Ваша вѣра погана,
 „Ваша земля проклята!“

Скоро ляхъ Бутурлакъ тее зачувае,

Кишку Самийла въ шокъ затинае.

— Ой, каже, Кишко Самийло, гетмане запорозькій!
 — Будешъ ты мене въ вѣрѣ христіянскѣй укоряти,
 — Буду тебе паче всѣхъ неволникивъ доглядати,
 — Старни и новни кайданы направляти,
 Ланцюгами за-поперекъ втрое буду брати!

То тѣ два турчина тее зачували,

До Алкана-паши прибували:

— Алкане-пашо! трапезонтское княжѣ!
 — Безпечне гулий!
 — Доброго й вѣрного ключника маешъ:
 — Кишку Самийла въ шокъ затинае,
 — Въ турецькую вѣру ввертае!—

То Алканъ-паша, трапезонтское княжѣ, великую радость мало,
 Пололамъ дорогѣи напитки роздѣляю,
 Половину на галеру отсылало,
 Половину съ дѣвкою Санджакивною уживало.

Ставъ Алканъ-паша дорогѣи напитки нити, лидпивати,

Стали умыслы козацьку голову ключника розбивати.

— Господи! Есть у мене що и спити, и сходити,
 Тильки нѣ зъ кимъ объ вѣрѣ христіянскѣй поговорити!
 До Кишки Самийла прибувае,

Поручъ себе сажае,
 Дорогого напитка метае,

Въ вариантѣ Котляревскаго ¹⁾ все это разсказывается съ большою есте-

По два по три кубка въ руки наливає.
 То Кишка Самийло по два по три кубка у руки бравъ,
 То въ рукава, то въ пазуху скризь третю хусту до долу пускавъ.
 Ляхъ Бутурлакъ по единому выпивавъ,
 То такъ напився,
 Що съ нигъ свалился.
 То Кишка Самийло тее угадавъ,
 Ляха Бутурлака до лижка замѣсть дитины спати клавъ,
 Самъ висемдесять чотыри ключи съ пидъ головы выймавъ,
 На п'яти чоловѣкъ по ключу дававъ:
 „Козаки молодці! добре майте,
 „Одинъ другого одмыкайте,
 „Кайданы изъ рукъ, изъ нигъ не скидайте.
 „Полуночной години ожидайте!“
 Тогдѣ козаки одинъ другого отмыкали.
 Кайданы съ рукъ и съ нигъ не кидали,
 Полуночной години ожидали,
 А Кишка Самийло чогось догадавъ,
 За бѣдного неволника ланцюгами втрое себе прійнявъ,
 Полуночной години ожидавъ.
 Стала полуночная година наступати,
 Ставъ Алканъ-паша съ виїскомъ до галеры прибувати,
 То до галеры прибувавъ, словами промовлявъ:
 — Вы турки-янычаре помаленьку ячѣте,
 — Мого вѣрного ключника не збудѣте.
 — Сами жь добре помѣжь рядами прохожайте,
 — Всякого чоловѣка осмотрийте,
 — Бо теперь винъ подгулявъ,
 — Щобъ кому пильги не давъ. —
 То турки-янычаре свѣчи въ руки брали,
 Помѣжь рядивъ прохожали,
 Всякаго чоловѣка осмотрили,
 Богъ помогъ, за замокъ руками не прійняли:
 „Алкане-пашо, безпечне почивай!
 „Доброго и вѣрного ключника маешъ,
 „Винъ бѣдного неволника зъ ряду до ряду посажавъ,
 „По два по три старьи кайданы новьи посправлявъ,
 „А Кишку Самийла ланцюгами втрое прійнявъ“.
¹⁾ Тогдѣ турки-янычаре въ галеру вхожали,
 Безпечне спати полягали,
 А которыи хмелнии були на сонъ знемогали,
 Коло пристанѣ козловської спати полягали.
 Двохъ янычаръ ставъ на подслухи посылати,
 Що буде ляхъ Бутурлака съ гетманомъ Самийломъ розмовляти.
 Тогдѣ Иляшъ Бутурлака до Кишки Самийла словами промовляе:
 — Колибъ ты Кишка Самийло свою вѣру христїянську потоптавъ,
 — Уже бь я тебе зъ кайданивъ росковавъ,
 — И съ собою за однимъ столомъ сажавъ! —
 То Кишка Самийло будто свою вѣру христїянську поломае,

ственностью. Ильяшъ Бутурлака уговариваетъ Кишку отречься отъ христіанства и принять мусульманскую вѣру. Кишка притворно соглашается. Бутурлака расковаль его, и тогда началась попойка. Самъ Алканъ-паша присылаетъ изъ города на галеру дорогіе напитки своему ключнику, пирующему съ новымъ ренегатомъ. Мусульманское запрещеніе пить вино не даетъ намъ повода считать такого факта невозможнымъ, такъ какъ мусульмане относительно этого запрещенія нерѣдко держались взгляда, который по-русски у насъ выражается поговоркою: не всякое лыко въ строку. Кишка искусно притворяется пьянымъ, между тѣмъ, пронеситъ горѣлку мимо себя, а Ильяша Бутурлаку постарался онъ напоить до полнаго опьяненія и, вынувъ у него, соннаго, ключи, отомкнулъ кандалы невольниковъ и опять положилъ ключи ключнику, у котораго они должны были всегда находиться. Алканъ-паша прибылъ на галеру, велѣлъ осмотрѣть невольниковъ, повѣ-

А Бога милосердаго въ сердцѣ собѣ має.

Ильяшъ Бутурлака Кишку Самийла зъ кайданивъ росковавъ,

И съ собою за однимъ столомъ сажавъ,

Про козацьки звичаи роспытавъ.

То турки-янычары тогдѣ тее выслушали,

До Алкана-паши прибували,

Словами промовляли:

„Алкане-пашо! Пійте—гуляйте,

„Тильки яша Бутурлаку не забувайте!“

Алканъ-паша пье да гуляе,

Въ галеру напитки посылае.

Якъ ставъ Ильяшъ Бутурлака пиддивати,

Ставъ гетмановѣ по три чарки горѣлки давати,

То Кишка Самийло по однѣй чарцѣ выпивае,

А по другѣй въ рукавъ выливае,

А третю чарку черкасскому судѣ посылае.

То вже Ильяшъ Бутурлака якъ испився,

То на лижко звалився.

То Кишка Самийло отъ ёго пьяного зъ за-пояса ключи отобравъ,

Усѣмъ неволникамъ у руки подававъ:

„Вы, братцѣ, сами себе отмыкайте,

„Брязку не вчинѣте,

„Иляша Бутурлаки не збудѣте!“

Тогдѣ неволники сами себе отмыкали,

Брязку не вчинили,

Иляша Бутурлаку не збудили.

Тогдѣ Кишка Самийло Иляшу Бутурлацѣ ключи до пояса привязавъ.

Опивночної години Алканъ-паша, дитя молодеє,

Отъ дѣвки Санджакивны съ турками до галеры прибувавъ.

То вже самъ лягає-спочиває

И тильки двоохъ туркивъ ради смотрѣньня кайданивъ посылає;

То тыи турки межъ неволниками похожали,

За кайданы руками не хватали,

До Алкана-паши прибували,

Словами примовляли:

— Теперь ты, пане нашъ молодой, почивай,

— Тильки яша Бутурлаку не забувай!—

рилъ, что все обстоит благополучно и успокоился. Ильяшъ Бутурлака представляется въ этомъ вариантѣ, очевидно, не принадлежавшимъ къ той группѣ козаковъ, которая попала въ неволю вмѣстѣ съ Самийломъ Кишкою. Это — ренегать, въ иное время или при иныхъ обстоятельствахъ измѣнившій вѣрѣ.

Далѣе слѣдуетъ избиеніе турокъ невольниками: въ вариантѣ Лукашевича, по которому часть турокъ, бывшихъ на галерѣ, легла спать не на суднѣ, а на берегу, козаки въ полночь, побросавши въ море снятыя съ себя кандалы, вышли на берегъ и тамъ избивали, а самъ Кишка изрубливаетъ Алкана-пашу и кидаетъ въ море куски его тѣла. Всѣ турки погибаютъ; оставляется въ живыхъ ляхъ Бутурлакъ войсковымъ ярыгою — (лазучникомъ) для порядка ¹⁾ (т.-е. когда нужда въ немъ окажется). Въ вариантѣ Котляревскаго этого выхода козаковъ на берегъ нѣтъ. Все совершается на галерѣ. И этотъ ходъ событія кажется естественнѣе; напротивъ, кажется невѣроятнымъ, чтобы триста пятьдесятъ коза-

- 1) Тогдѣ Кишка Самийло полуночної години дождавъ,
Самъ межъ козакивъ уставъ,
Кайданы зъ рукъ и зъ нигъ у Чорнее море поронявъ,
У галеру вхожае, всѣхъ козакивъ побужавъ,
Саблѣ булатныи на выбирь выбирае,
До козакивъ промовляе:
„Вы панове молодцѣ, кайданами не стучѣте,
„Ясини не вчинѣте,
„Нѣ которого турчина не збудѣте“.
То козаки добре зачували
Сами съ себе кайданы скидали,
У Чорнее море кидали,
Нѣ одного турчина не збудили.
Тогдѣ Кишка Самийло до козакивъ промовляе:
„Вы, козаки молодцѣ, добре братіе, майте!
„Отъ города Козлова забѣгайте,
„Турокъ-янычаръ у пень рубайте.
„Которыхъ живцемъ у Чорнее море бросайте!“
Тогдѣ козаки отъ города Козлова забѣгали,
Турокъ-янычаръ у пень рубали,
Которыхъ живыхъ въ Чорнее море бросали.
А Кишка Самийло Алкана-пашу изъ лижка взявъ,
На три части ростявъ
У Чорнее море побросавъ,
До козакивъ промовлявъ:
„Панове молодцѣ, добре лбайте,
„Всѣхъ у Чорнее море побросайте,
„Тильки ляха Бутурлака не рубайте,
„Между вийскомъ для порядку за ярызу вийскового зоставляйте!“
Тогдѣ козаки добре мали
Всѣхъ туркивъ у Чорнее море пометали,
Тильки ляха Бутурлака не срубали,
Между вийскомъ для порядку за ярызу вийскового зоставляли.
Тогдѣ отъ пристанѣ галеру отпускали,
Сами Чорнымъ моремъ далеко гуляли.

ковъ, только-что освободившихся изъ неволи, рѣшались выходить на берегъ въ большой городъ, гдѣ ихъ легко могла окружить толпа вооруженныхъ мусульманъ. По варианту Котляревскаго, Самийло Кишка, послѣ расправы съ турками, торопится скорѣе сняться съ якоря, чтобы въ Трапезонтѣ не узнали о томъ, что произошло на галерѣ, и не предприняли бы мѣръ къ погонѣ за освободившимися козаками ¹⁾.

Въ вариантѣ Лукашевича слѣдуетъ затѣмъ плачь дѣвки Санджакивны о томъ, что отъ ней такъ скоро уѣхалъ Алканъ-паша: она бы желала переночевать съ нимъ одну ночь, хотя бы за то навлекла на себя упреки отъ своихъ родителей ²⁾. Образъ малорусской жизни, совсѣмъ не идущій къ повѣствованію; въ вариантѣ Котляревскаго этого мѣста нѣтъ, и, безъ сомнѣнія, оно — позднѣйшая вставка.

Слѣдуетъ пробужденіе ключника. Въ вариантѣ Котляревскаго онъ сталь-было выговаривать Кишкѣ его поступокъ, но Кишка пригрозилъ ему бросить его въ море, если онъ будетъ ему говорить упреки ³⁾. По варианту Лукашевича,

¹⁾ Тогдѣ Кишка Самийло до неволикы въ словами промовляе:

„Неволики! изъ рукъ, и зъ нигъ кайданы спускайте,

„Брязку не учинѣте,

„Гурокъ-янычаръ не збудѣте,

„Саблѣ булатны въ руки хватайте,

„Туркамъ головы знѣмайте,

„Въ Чорнее море вкидайте.

„Тильки Иляша Бутурлаку незаймайте,

„Для порядку козацкого заставляйте!“

Кишка Самийло Алкана-пашу трапезонтськее дитя молодее на руки бравъ,

Съ плечъ голову знѣмавъ,

Въ Чорнее море вкидавъ,

До козакы въ словами промовляе:

„Нумо жъ, мы, братця, сюю турецкую галеру

„Отъ пристанѣ трапезонтськой далѣ отгоняти,

„Щобъ не могли турки трапезонтцѣ насъ догоняти!“

²⁾ Да ще у недѣлю барзо рано поравеньку

Не сива зовуля заковала

Якъ дѣвка Санджакивна коло пристанѣ похожала,

Да били руки ламала,

Словами промовляла:

Алкане-пашо, трапезонтськее княжату!

На що ты на мене такее велике пересердіе маешъ?

Що отъ мене сѣгоднѣ барзо рано выѣжаешъ!

Когды бѣ була отъ отця отъ матери сороба й наруги прийняла,

Съ тобою хочъ единую ничъ переночовала.

(Малор. и Червонор. думы и пѣсни, стр. 22).

³⁾ Стало ясне сонце схожати,

Ставъ Иляшъ Бутурлака отъ сна прочинати,

Тогдѣ по галерѣ поглядае,

Що нѣ одного турка не мае,

Тогдѣ до козакы въ промовляе:

— Козаки панове молодцѣ, нехай бы я мигъ знати,

— Кого межъ вами паномъ назвати?—

ключникъ ведетъ себя униженно ¹⁾; въ этомъ мѣстѣ вариантъ Лукашевича представляетъ больше естественности и, быть можетъ, сохраняетъ древнюю редакцію думы.

Слѣдуетъ затѣмъ встрѣча съ плывущими турецкими галерами, и тутъ пригодился козакамъ оставленный въ живыхъ ключникъ; онъ именемъ Алкана-паши не велитъ встрѣтившимся турецкимъ судамъ приближаться къ галерѣ, чтобъ не разбудить Алкана-пашу. По варианту Котляревскаго, эти встрѣчныя турецкія суда были въ числѣ девяти. Бутурлака, завидя ихъ издали, посовѣтовалъ Самийлу Кишкѣ часть козаковъ заковать въ кандалы, а другую часть ихъ одѣть въ турецкое платье, чтобы туркамъ, бывшимъ на встрѣтившихся судахъ, показалась галера въ своемъ прежнемъ видѣ: съ турецкимъ войскомъ и съ закованными невольниками-гребцами. Бутурлака взомель на чердакъ съ турецкимъ знаменемъ, закричалъ къ туркамъ, что Алканъ-паша спитъ и нуждается въ покоѣ послѣ веселой ночи, проведенной съ дѣвкою Санджакивною, и тѣмъ удалилъ турецкія суда, а потомъ, обратившись къ козакамъ, сказалъ, что теперь надобно поскорѣе гнать галеру къ Сѣчу ²⁾. Въ вариантѣ Лукашевича ляхъ Бутурлакъ

Козаки словами промовляли:

„Иляше Бутурлако, полковнику переяславскій!

„Ты и самъ добре знаешь,

„На що ты насъ пытаешь?“

Тогдѣ ляхъ Бутурлака зъ лижка вставае,

До Кишки Самийла пристунае:

— Эй, гетмане запорозкій, зрадивъ ты мене старого

— И мого пана молодого!—

А Кишка Самийло словами промовляе:

„Якъ будешь ты менѣ се задавати,

„То буду я тебе въ Чорнее море укидати,

„А то я тебе мигъ для порядку козацького оставляти“.

¹⁾ У недѣлоньку, у полуденну годину ляхъ Бутурлакъ отъ сна пробужае,

По галерѣ похожае,

Що нѣ одного турчина у галерѣ не мае.

Тогдѣ ляхъ Бутурлакъ съ лижка вставае,

До Кишка Самийла прибувае, въ ноги впадае:

— Ой Кишко Самийло, гетмане запорозкій,

— Батьку козацькій!

— Не будь же ты на мене,

— Якъ я бувъ на останцѣ вѣку моего на тебе!—

(Малор. и Червонор. думы и пѣсни, стр. 22).

²⁾ Въ обѣднѣй годинѣ стали ихъ девять галеръ турецкихъ встрѣчати,

Ставъ Иляшъ Бутурлака словами промовляти:

— Кишко Самийло, гетмане запорозкій!

— Половину козакивъ у кайданы забивай,

— А половину въ турецькее платья наряжай!—

Тогдѣ Кишка Самийло половину козакивъ у кайданы забивае,

А половину въ турецькее платья наряжае.

Иляшъ Бутурлака на чердакъ выхожае,

Турецькую короговъ выставляе,

До туроць-янычаръ словами промовляе:

— Турки-янычаре! Не близько вы підходѣте,

подаєть мудрый совѣтъ козакамъ еще заблаговременно до встрѣчи съ турецкими судами. Онъ знаетъ, что изъ Царьграда будутъ плыть двѣнадцать галеръ съ поздравленіемъ Алкану-пашѣ, послѣ его сватовства. Козаки, неизвѣстно зачѣмъ, направляются къ Царьграду; ихъ на пути встрѣчаютъ галеры, идущія изъ Царьграда. Ключникъ подаєть знакъ, велитъ не шумѣть, потому что Алканъ-паша на похмельѣ спитъ; но вслѣдъ затѣмъ съ обѣихъ сторонъ раздаются, въ знакъ взаимныхъ вѣжливостей, пушечные выстрѣлы, что, разумѣется, противорѣчить данному приказанію не шумѣть и не разбудить пашу ¹⁾. Такимъ образомъ, въ

— Цитѣте не кричѣте,
 — Мого пана молодого не збудѣте!—
 — Бо мій панъ цѣлу ничь съ дѣвкою Санджаквиною гулявъ,
 — А тепера винь спочивае,—
 Тогдѣ турки-янычаре тее зачували,
 За три версты галеры турецькыи отвертали.
 Тогдѣ Иляшъ Бутурлака словами промовае:
 — Эй, нумо, козаки, галеру швиденько до Сѣчи пригоняти:
 — Щобъ не могли турки того дызнати,
 — Назадъ галеры привертати.—

¹⁾ Богъ тобѣ помигъ неприятели побѣдити,
 — Да не вѣтмишень у землю христіянську вступити.
 — Добре ты вчини:
 — Половину козакивъ у оковы до опачинъ посади,
 — А половину въ турецькее дорогое платѣти наряди.
 — Бо ще будемо отъ города Козлова до города Царь-града гуляти,
 — Будуть изъ города Царьграда дванадцять галеръ выбѣгати,
 — Будуть Алкана-пашу съ дѣвкою Санджаквиною по залѣтахъ поздравляти—
 — То якъ будемъ отвѣтъ давати?

Якъ ляхъ Бутурлакъ научивъ,
 Такъ Кишка Самийло, гетманъ запорозькій, учинивъ:
 Половину козакивъ до опачинъ у оковы посадивъ,
 Половину въ турецькое дорогое платѣти нарядивъ,
 Стали отъ города Козлова до города Царьграда гуляти,
 Стали зъ Царьграда дванадцять галеръ выбѣгати,
 И галеру изъ гарматъ торкати,
 Стали Алкана-пашу съ дѣвкою Санджаквиною по залѣтахъ поздравляти.
 Тогдѣ ляхъ Бутурлакъ чо-сь догадавъ,
 Самъ на чердакъ выступавъ,
 Турецькимъ бѣлымъ завивайломъ махавъ,
 Разъ мовитъ по-грецьки,
 У друге по-турецьки,
 Кажє: —ы турки-янычаре, по маленьку, братіє, ячѣте,
 — Отъ галеры отвернѣте,
 — Бо теперь винь пидгулявъ, на впокои спочивае,
 — На похмелья знемогае,
 — До васъ не встане—головы не зведе...
 — Казавъ: якъ буду назадъ гуляти,
 — То не буду вашой милости и по вѣкъ забувати!—
 Тогдѣ турки-янычаре отъ галеры отвертали,
 До города Царьграда убѣгали,
 Изъ дванадцяти штукъ гарматъ гримали,

вариантъ Лукашевича вводится двоякая несообразность: козаки плывутъ по направлению къ Царьграду, когда имъ отнюдь не слѣдовало избирать такого пути, а надлежало плыть въ противоположную сторону къ русскимъ предѣламъ. Ляхъ Бутурлакъ предупреждаетъ встрѣтившихся турокъ, чтобъ не производил шума и, безъ сомнѣнія, поступаетъ такъ для того, чтобъ скрыть отъ турокъ положеніе галеры, находившейся уже во власти козаковъ. Вопреки просьбѣ ляха Бутурлака, турки съ своихъ судовъ стрѣляютъ, хотя и отступивши немного. Съ галеры тоже даются выстрѣлы. Отъ такихъ выстрѣловъ Алканъ-паша долженъ былъ пробудиться и, спросивши въ чемъ дѣло, могъ появиться передъ соотечественниками, которые оказывали ему почести. Но Алкана-паши не было и тайна освобожденія невольниковъ могла открыться. Въ вариантѣ Котляревскаго это естественноѣ.

Прибывши къ русскимъ берегамъ, козаки встрѣтили своихъ соотечественниковъ подъ начальствомъ Семена Скалозуба, которые держали сторожу у устья Днѣпра. Увидя турецкую галеру, направляющуюся въ лиманъ, козаки начали было палить по ней изъ пушекъ, но Кишка Самийло выставилъ козацкую красную хоругвь; — тогда козаки бросились къ галерѣ и притянули ее къ берегу. Въ вариантѣ Лукашевича это разсказывается подробно и притомъ съ эпическими повтореніями ¹⁾; въ вариантѣ Котляревскаго обычный повѣствовательный тонъ дѣлается здѣсь особенно короткимъ.

Ясу раздавали.

Тогдѣ козаки собѣ добре дбали,

Сѣмъ штукъ гармать собѣ арештовали,

Ясу раздавали.

(Малор. и Червононор. думы и вѣсни, стр. 23).

1) На Лиманъ рѣку испадали,

Къ Днѣпру-Славути пивенько укланяли.

„Хвалимъ ты, Господи, и благодаримъ!

„Були пятьдесятъ штыри годы въ неволѣ,

„А теперъ чи не дастъ намъ Богъ хоть на часъ по волѣ!

А у Тендревѣ островѣ Семень Скалозубъ съ вийскомъ на заставѣ стоявъ,

Да на тую галеру поглядавъ,

До козакивъ словами промовлявъ:

— Козаки, нанове-молодцѣ! Що сѣя галера чи блудить,

— Чи свѣтомъ нудить,

— Чи много люду царьского мае,

— Чи за великою добычью гоние?

— То вы добре дбайте;

— По двѣ штукъ гармать набирайте,

— Тую галеру зъ гризної гарматы привѣтайте,

— Гостинця їй дайте.

— Если бѣдныи неволники, то помочи дайте!

Тогдѣ козаки промовляли:

„Семене Скалозубе! гетьмане запорозькій, батьку козацкій!

„Десь ты самъ боишься,

„И насъ козакивъ страшишься?

„Есть сѣя галера не блудить,

„Нѣ свѣтомъ нудить,

Виѣсто Теңдрева и днѣпровскаго лимана, гдѣ, по варианту Лукашевича, возвращающихся изъ неволи козаковъ встрѣчаетъ сторожевой отрядъ, по варианту Котляревскаго, освобожденные невольники достигаютъ прямо «города Сѣчи». Ильяшъ Бутурлака оказываетъ еще услугу козакамъ: когда ихъ братья сѣчвики, не узнавши, кто плыветъ, хотѣли-было палить по судну, Бутурлака подаетъ гетману Самийлѣ Кишкѣ совѣтъ выставить на чердакѣ судна козацкое знамя ¹⁾. Вопросительнаго замѣчанія, что это за галера, влагаемаго, по варианту Лукашевича, въ уста сторожевыхъ козаковъ — здѣсь нѣтъ. Козаки, увидавши козацкую хоругвь, притягиваютъ крючьями галеру къ берегу. Невольники выступаютъ изъ галеры. Тогда Семень Скалозубъ, и въ вариантѣ Котляревскаго названный гетманомъ, подходитъ къ нимъ и узнаетъ Самийлу Кишку. — Ты, сказалъ онъ: — сорокъ лѣтъ (въ рукописи написано число 40, и нуль неизвѣстно зачѣмъ и кѣмъ перечеркнуто) былъ въ неволѣ и не потерялъ ни одного козака изъ своего войска! — Кишка нарядилъ Семена Скалозуба въ турецкую одежду и далъ козакамъ приказаніе изрубить Ильяша Бутурлаку ²⁾. Въ вариантѣ Лука-

„Нѣ много люду царського мае,

„Нѣ за великою добычью гоняе.

„Се можетъ давить бѣдный невольникъ зъ неволѣ вѣткае!“ —

— Вы вѣры не диймайте,

— Хоть по двѣ гарматы набирайте,

— Тую галеру зъ гризной гарматы привѣтайте,

— Гостинци вѣй дайте:

— Якъ турки-янычаре, то у лень рубайте,

— Если бѣдный невольникъ, то помочи дайте,—

Тогдѣ козаки якъ дѣти не гараздъ починали,

По двѣ штуки гарматы набирали,

Тую галеру зъ гризной гарматы привѣтали,

Три доски въ суднѣ пробивали,

Воды днѣпровой напускали.

Тогдѣ Кишка Самийло, гетманъ запорозькій, чогось догодавъ,

Самъ на чердакъ выступавъ,

Чорвоны, хрещатя давни корогви изъ кишенѣ выймавъ,

Роспустивъ, до воды похиливъ,

Самъ низенько вклонивъ:

¹⁾ Стали сѣчовѣ козаки тее зобачати,

Стали вони зъ пушокѣ гримати,

— Нумо, братцѣ, сюю турецьку галеру розбивати,

— Щобъ могли турки въ Чорному морѣ потопати! —

Ильяшъ Бутурлака тее зачувае,

До Кишки Самийла словами промовляе:

Кишко Самийло, гетмане запорозькій!

Ты межъ козаками пробуваешъ,

Чи козацкихъ звичаѣвъ не знаешъ?

Козацкую цѣвтную хрещатую корогву на чердакъ выноси,

Будуть сѣчовми козаки тее зобачати,

Будуть нашу галеру крюками за лавки хватати,

До берега ближче привертати.

²⁾ Стали козаки зъ галеры выступати,

Семень Скалозубъ гетманъ до галеры ближче приступае,

шевича его не постигаетъ такая безжалостная кара: онъ, этотъ ляхъ Бутурлакъ, исчезаетъ безслѣдно. И въ этомъ мѣстѣ мы отдадимъ преимущество варианту Котляревскаго, сообщающему любопытную черту нравовъ и понятій. Услуги, оказанныя отступникомъ козакамъ, не снимали съ него пятна отступничества отъ вѣры, тѣмъ болѣе, что эти услуги были невольными. Ставши мусульманиномъ, Бутурлака ругался надъ прежними своими единовѣрцами и довѣрять ему, оставивши жить среди козаковъ, по козацкому понятію, было невозможно. Разъ уже измѣнивши вѣрѣ и козачеству, онъ могъ при случаѣ поступить такъ же и въ другой разъ и сдѣлать козакамъ пуще зло.

Дума, по варианту Котляревскаго, кончается замѣчаніемъ, что Кишка Самийло прибылъ въ Сѣчь около праздника Покрова, а въ рождественскій постъ около Николина дня умеръ ¹⁾).

Вариантъ Лукашевича ведетъ свой разсказъ далѣе; описывается, какъ козаки дѣлили привезенную турецкую добычу: матеріи шли по достоинству на козаковъ и атамановъ, серебро и золото подѣлено на три пая,—одинъ пошелъ на церкви, бывшія патрональными у сѣчевиковъ: то были Межигорскій и Терехтемировскій монастыри и Покровская церковь въ Сѣчѣ. Эти церкви, по замѣчанію той же думы, козаки строили и содержали на свой счетъ съ тѣмъ, чтобъ за строителей совершались повседневныя моленія; другой пай шелъ въ раздѣлъ между товарищами, а третій — покрылъ издержки пиршества, устроеннаго по поводу радостнаго возвращенія Кишки съ товарищами его изъ многолѣтней неволи ²⁾. Мы думаемъ, что эта послѣдняя часть варианта Лукашевича не можетъ,

Гетмана Самийла тамъ познавае,

И ще до ёго словами промовляе:

„40 годивъ ты въ неволѣ пробувавъ,

„Нѣ одного козака зъ свого вийська не втерывъ!“

Тогдѣ Кишка Самийло зъ галеры виступае.

Семена Скалозуба въ турецьку одежу наряжае,

До козакивъ словами промовляе:

„Козаки ланове молодцѣ!

„Ильяша Бутурлаку взрубайте!

„А то мы тогдѣ тимъ ёго не рубали,

„Що для порядку козацького оставляли!“

¹⁾ Приѣхавъ Кишка Самийло въ осени о Покровѣ,

Да умеръ въ Пилиповку объ Миколѣ!

²⁾ Тогдѣ златосинѣи киндяки на козаки,

Златоглавы на атаманы,

Турецькую бѣлую габу на козаки на бѣляки,

А галеру на пожаръ спускали.

А сѣбро злато на три части паювали:

Первую часть брали на церкви накладали,

На святого Межигорського Спаса,

На Терехтемировскій монастырь,

На святую сѣчовую Покровъ давали,

Котори давнѣмъ козацькимъ скарбомъ будовали,

Щобъ за ихъ, вставаючи й лягаючи, милосердного Бога благали,

А другую часть помежъ собою паювали,

А третю часть брали: очертами сѣдали, пили да гуляли,

подобно нѣкоторымъ предшествовавшимъ частямъ, быть позднѣйшею амплификаціею и составлять принадлежность древней редакціи думы. Позднѣйшіе кобзарі не могли знать ни названій матерій, теперь уже ни для кого неизвѣстныхъ, ни способа обращенія съ добычею у запорожцевъ, а между тѣмъ, эти черты въ думѣ сходны съ извѣстіями, оставшимися намъ о запорожскомъ бытѣ. Вслѣдъ за описаніемъ пиршества, вариантъ Лукашевича сообщаетъ, что Кишка умеръ въ монастырѣ, который, непонятнымъ для насъ образомъ, помѣщается въ Кіевѣ-Каневѣ. Въ вариантѣ Лукашевича, въ концѣ, къ думѣ приложенъ финалъ, который прикладывается у кобзарей ко многимъ козацкимъ думамъ. Онъ заключаетъ прославленіе богатыря, котораго подвиги изложены въ думѣ, и молитву о многлѣтн козацкаго народа.

Вариантъ Заікевича очень скуденъ. Кобзарь, очевидно, позабылъ многое изъ думы и сообщилъ записавшему только то, что случайно удержалось у него въ памяти. По вступленію, приведенному уже выше, и по многимъ другимъ мѣстамъ можно, однако, видѣть, что этотъ вариантъ—обломокъ другой редакціи, въ существенныхъ чертахъ отличной отъ вариантв Котляревскаго и Лукашевича. Пребываніе Самийла Кишки въ неволѣ не растягивается на большое число лѣтъ. Указывается только на возрастъ Вутурлака, которому дается шестьдесятъ лѣтъ, и это лицо—не Ильшъ и не ляхъ, какъ въ предшествовавшихъ вариантахъ, а «малороссійскій христіанинъ» ¹⁾. Захвативши въ полонъ Кишку съ товарищами, турецкій паша (не называемый Алканомъ-пашою) поплылъ къ дѣвкѣ Санджакивнѣ, но куда именно, мѣсто не обозначается. Слуга паши, Вутурлака—не отступникъ, а христіанинъ, сговаривается съ Кишкою Самийломъ, какъ погубить турокъ и освободиться изъ неволи ²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ разговоръ паши

Изъ семипядныхъ пищалей гримали,
 Кишку Самийла по волѣ поздравляли:
 — Здоровъ, кажуть, здоровъ Кишко Самийло, гетмане запорозькій!
 — Не загинувъ еси въ неволѣ,
 Не загинешъ съ нами козаками по волѣ!
 Правда, панове, полягла Кишки Самийла голова
 Въ Кіевѣ-Каневѣ (?) монастырѣ.
 Слава его не вмре, не поляже,
 Буде слава славна помежъ-козаками,
 Помежъ друзьями, помежъ лыцарями,
 Помежъ добрыми молодцями!
 Утверди Боже, люду царського народу христіянського,
 Войска запорозького, донского
 Со всею чернью дѣпровою, низовою,
 На многіа лѣта, до конца вѣка!

(Малор. и Червонор. думы и пѣсни, 27).

¹⁾ А коло себе винъ мавъ Ивана Вутурлаку

Шестидесяти лѣтъ малороссійського христіанина,
 Той бувъ ёму вѣрній слуга.

²⁾ Паша у дѣвки Санджакивны цѣлий мѣсяць гуляе,

А Иванъ Вутурлака на пристаѣ съ Кишкою Самийломъ пробувае
 Живность собѣ получае,

Съ Кишкою Самийломъ, съ гетманомъ козацкимъ, розмовы собѣ

хорошіа мае:

съ Бутурлакою, но отъ этого разговора остался отрывокъ, изъ котораго нельзя видѣть о чемъ собственно шла рѣчь ¹⁾). Затѣмъ—Бутурлака отдастъ козакамъ ключи отъ кандаловъ съ тѣмъ, чтобъ они, освободившись, убили нашу ²⁾). Затѣмъ пропускъ,—очевидно, здѣсь слѣдовало описаніе освобожденія невольниковъ и истребленіе турокъ. Коротко говорится, что освобожденные поплыли по Черному морю и приплыли къ какому-то дѣду Солонкѣ, который узнаетъ Самийла Кишку, поздравляетъ его и спрашиваетъ: не забылъ ли онъ царя Бога? Я Бога милосерднаго не забуду, а турецкому пашѣ служить не буду, отвѣчаетъ Кишка ³⁾). Этимъ вариантъ Зайкевича оканчивается или, вѣрнѣе, обрывается.

Сравнивая варианты этой думы между собою, мы найдемъ, что вариантъ Котляревскаго сохранилъ болѣе простоты и естественности разсказа, чѣмъ вариантъ Лукашевича, подвергавшійся позднѣйшей амплификаціи. Но зато въ вариантѣ Котляревскаго есть пропуски, и особенно въ концѣ думы, а въ вариантѣ Лукашевича есть мѣста, несомнѣнно принадлежащія древней редакціи, которыхъ недостаетъ въ вариантѣ Котляревскаго. Сличеніе вариантовъ очень полезно въ томъ отношеніи, что даетъ намъ возможность понять, хотя отчасти, какими путями и способами видоизмѣнялись думы. Не будучи записываема и переходя отъ пѣвца къ пѣвцу, наша дума уже въ древнее время подвергалась разнымъ видоизмѣненіямъ и разбивалась на варианты. Но эти варианты не могли тогда вносить въ думу ничего чуждаго быту, духу и приемамъ того круга, въ какомъ эта дума первоначально сложилась и распространилась. Кобзарь или бандуристъ, по личному вдохновенію, могъ вносить одну-другую черту или замѣнить прежде бывшую новою, но не могъ создавать анахронизмовъ противъ народнаго быта и времени; самъ онъ былъ слишкомъ близокъ къ тому жизненному кругу, въ которомъ создавалась и стала распространяться расиѣваемая имъ дума.

„Що вжежъ, Кишко Самийло, полно (великоруссизмъ) пану нашому
служити,

„Християнської вѣры ломити,

„Що мы есть за християне, що будемъ ёму служити?

„Можно по Божому закону християнському ёго и згубити!

- 1) Молодее паня турецьке баша отъ дѣвки Санджакивны на пристаць прибуває,

До Бутурлаки Ивана словами промовляе:

Будешъ ты до мого отця прибувати,

Словами промовляти;

Будешъ ты отъ мого отця сребреники получати.

- 2) Бутурлака ключи козакамъ отдавъ,

Щобъ вони съ себе залѣзні путы поздымали,

Турецьке паня молоде баша съ мѣсця брали.

Въ Чорнее море метали.

- 3) Тогдѣ стали безпечне по Чорному морю гуляти,

Да до дѣда Солонки въ-гостѣ прибувати,

То дѣдъ Солонка у вичи Самийла Кишку зобачавъ:

— Ой здоровъ, здоровъ—каже—Кишко Самийло!—

— Якъ ты живешъ, проживаешъ,

— Чи ты царя Бога не забуваєшь?—

„Я Бога милосердного не забуду,

„А турецькому башѣ служити не буду!“

Не могъ онъ ни въ какомъ случаѣ сообщить думѣ уродства, противнаго народному вкусу и народному поэтическому чутью: всякая неумѣстная прибавка къ думѣ не была бы усвоена другими кобзарями, и, какъ плодъ бездарности одного какого-нибудь лица, она исчезла бы скоро сама собою. При всякомъ измѣненіи въ выраженіяхъ кобзарями руководить могло только одно побужденіе—желаніе угодить слушателямъ. Но съ теченіемъ времени условія жизни становились иными; поэтическая потребность въ народѣ обращалась къ инымъ сферамъ; рассказы о событіяхъ такой среды, въ которой народъ уже болѣе не вращался, потеряли свою прежнюю свѣжесть, перестали съ прежнею силою дѣйствовать на сердце, а потомъ уже не для многихъ оставались даже и предметомъ развлеченія. Тогда думы подвергались двойнымъ измѣненіямъ, одному вслѣдъ за другимъ. Сперва онѣ расширялись и, такъ сказать, пухли и надувались, теряли простоту и естественность разказа, принимали анахронизмы противъ условій жизни прежнихъ временъ, уклонялись отъ господствовавшего нѣкогда въ народѣ вкуса и усваивали черты сухости и вялости, обыкновенно сопровождающія такіа повѣствованія, въ которыхъ не участвуетъ сердце повѣствователя. Потомъ съ думами стало происходить противоположное прежнему: онѣ стали сокращаться. Кобзари забывали то одну, то другую часть думы. На трехъ вариантахъ думы о Самийлѣ Кишкѣ мы видѣть можемъ явленіе такой процедуры, вѣроятно, общей всѣмъ думамъ. Въ вариантѣ Котляревскаго дума эта ближе къ своей древней редакціи, въ вариантѣ Лукашевича она въ значительной степени подвергается амплификаціи, а въ вариантѣ Зайкевича она уже сокращается и забывается. Теперь, сколько намъ извѣстно, дума эта почти вышла изъ употребленія, но крайней мѣрѣ, даже такой кобзарь, какъ Остапъ Вересай, ее не знаетъ. Если бы она не была до сихъ поръ записана въ тѣхъ вариантахъ, на которые мы указывали выше, то это превосходное произведеніе народной поэзіи козацкаго времени исчезло бы, и мы бы не имѣли о его существованіи ни малѣйшаго представленія, какъ не имѣемъ о многомъ такомъ, что, не бывши никогда записаннымъ отъ народа, исчезло навсегда.

Личность героя этой думы въ историческихъ источникахъ является сбивчиво и противорѣчиво. Письмо кошевого Сѣрка къ крымскому хану сообщаетъ, что гетманъ или кошевой, носившій имя Самийла Кишки, воевалъ противъ турокъ около 1575 года (см. Лѣтоп. Величка, II. 380. Симоновск. 7). Если допустить, что плѣнъ Самийлы Кишки происходилъ около этого времени, то замѣтимъ, что въ думѣ говорится о Семенѣ Скалозубѣ, а лѣтопись Самовидца называетъ Семена Скалозуба гетманомъ, бывшимъ послѣ 1577 года (Лѣтоп. Самов. 2). По другимъ извѣстіямъ той же лѣтописи Самовидца и Лѣтописнаго Повѣствованія Ригельмана (Лѣтоп. Самов. 4. Ригельм. 36—37), гетманъ Самийло Кишка попался въ плѣнъ около 1619—1620 годовъ. Изъ книги: *Listy Stanisława Zołkiewskiego 1584—1620 гг.*—мы узнаемъ, что Самийло Кишка былъ старшимъ у козаковъ запорожскихъ въ генварѣ 1602 года, участвовалъ въ лифляндской войнѣ, которую вела Рѣчь Посполитая противъ шведовъ, и пребывалъ въ этомъ званіи до марта того же года, когда старшимъ козацкимъ подписался другой—Гаврило Крутневичъ, который также недолго начальствовалъ, потому что въ декабрѣ того же года козаки ворочались изъ лифляндскаго похода въ Украину, а старшимъ у нихъ былъ Иванъ Куцьковичъ. Изъ этого можно заключить, что Кишка воевалъ на морѣ и былъ взятъ турками прежде похода въ

Лифляндію, пменно около 1575 года, какъ указываетъ письмо Сѣрка къ хану крымскому, а возвратился въ 1598 или 1599 г., когда на Запорожьѣ начальствовалъ Семень Скалозубъ, называемый въ современномъ письмѣ асауломъ (Listy Zolkiewsk. 80. 104). Такъ думаютъ издатели историческихъ малорусскихъ пѣсенъ—гг. Драгомановъ и Антоновичъ. (Ист. пѣсни малор. народа, I, 228). Но могло быть, что событіе плѣна и освобожденія случилось послѣ похода въ Лифляндію, и Самийла Кишка, утративши свое старшинство надъ козаками, могъ снова его получить по выбору и потомъ уже отправиться въ морской походъ и достаться въ плѣнъ туркамъ. Не разъ въ дѣйствительности случалось то, что описывается въ этой думѣ: когда козаки, находясь въ плѣну, успѣвали воспользоваться случаемъ, истребляли турокъ и, овладѣвши непріятельскимъ судномъ, возвращались въ отечество. Объ одномъ такомъ событіи извѣстіе мы случайно встрѣтили въ дѣлахъ Архива Юстиціи: оно относится къ девяностымъ годамъ XVII вѣка и представляетъ такое сходство съ тѣмъ, что описывается въ думѣ о Самийлѣ Кишкѣ, что мы бы не затруднились признать тождество событий, если бы насъ не удерживала хронологическая несообразность.

Можно указать, какъ на думу, самую близкую по духу и содержанию съ думою о Самийлѣ Кишкѣ, на думу объ Иванцѣ Богуславцѣ, гетманѣ запорожскомъ. Намъ она извѣстна по двумъ вариантамъ: одинъ сообщенъ г. Котларевскимъ въ его старинномъ рукописномъ сборникѣ, о которомъ мы говорили; другой вариантъ помѣщенъ въ историческихъ малорусскихъ пѣсняхъ, изданныхъ гг. Драгомановымъ и Антоновичемъ (т. I, стр. 241—242). Дума эта представляетъ такую близость съ думою о Самийлѣ Кишкѣ, что кобзари при пѣніи нерѣдко смѣшивали части двухъ этихъ думъ, и пашу, который дѣйствуетъ въ думѣ о Богуславцѣ, называли Алкань-пашою. Кромѣ того, въ одной части этой думы видно сходство съ думою о Марусѣ Богуславкѣ, напечатанной въ запискахъ о Южной Руси Кулиша (т. I, стр. 210).

Дѣйствіе происходитъ въ крымскомъ городѣ Козловѣ. Тамъ стоитъ каменная темница, вдѣланная въ землю глубиною на семь сажень. Тамъ сидятъ уже десять лѣтъ невольники: ихъ числомъ семьсотъ, а между ними гетманъ запорожскій Иванецъ Богуславецъ ¹⁾. Далѣе разсказывается: Иванецъ Богуславецъ извѣщаетъ ихъ, что въ этотъ день у христіанъ великая суббота, а завтра будетъ Свѣтлое Воскресенье. Невольники за это проклинаятъ его, а онъ говоритъ имъ, чтобъ они его не проклинали, что онъ ихъ освободитъ. Весь этотъ разговоръ Иванца Богуславца съ невольниками есть не что иное, какъ перенесенный изъ другой думы кобзарями разговоръ Маруси Богуславки съ такими же невольниками. Сходство образа темницы и сидящихъ въ ней невольниковъ, и, еще болѣе, быть можетъ, сходство именъ Богуславецъ и Богуславка произвели это

¹⁾ У городѣ Козловѣ стояла темница камѣнная,
Сѣмь сажень въ землю вмурованная,
У тѣхъ темницѣ пробувало сѣмь сотъ козакивъ
Бѣдныхъ невольникивъ.
Межь ними старшины козацкою не бувало.
Бувъ одинъ старшій старшиною
Иванецъ Богуславецъ гетманъ запорожскій,
Вони десять лѣтъ пробували въ неволѣ.

смѣшеніе думъ. Проклятiе, произносимое невольниками въ думѣ объ Иванцѣ Богуславцѣ, совершенно некстати, тогда какъ оно у мѣста въ думѣ о Марусѣ, гдѣ отступница говоритъ то же самое невольникамъ, какъ бы ругаясь надъ ними.

Здѣсь оканчивается сходство думы объ Иванцѣ Богуславцѣ съ думою о Марусѣ Богуславкѣ. Далѣе вся дума объ Иванцѣ относится уже къ иному событію.

Вдова наши, названная въ вариантѣ Котляревскаго Алканъ-пашовою (имя Алкана перенесено изъ думы о Самийлѣ Кшкѣ), а въ вариантѣ Драгоманова и Антоновича «панѣ Кизлевская» входитъ въ темницу и предлагаетъ Иванцу принять бусурманскую вѣру и пановать въ городѣ Козловѣ, а всѣхъ невольниковъ общаетъ отпустить въ христіанскую землю. Иванецъ Богуславецъ соглашается и общаетъ жениться на ней съ тѣмъ, если она не будетъ упрекать его христіанскою вѣрою (то-есть, отступничествомъ отъ христіанской вѣры) ¹⁾.

Въ вариантѣ Драгоманова и Антоновича панѣ Кизлевская предлагаетъ ему то же, но онъ отвергаетъ предложеніе, и разсерженная Кизлевская приказываетъ своимъ мурзакамъ связать ему руки сыромятною кожею и положить противъ солнца. Когда солнце стало пригрѣвать его, а разсыхавшаяся сыромятная кожа начала его беспокоить, онъ закричалъ, что согласенъ покинуть христіанскую вѣру и перейти въ бусурманство. Тогда Кизлевская приказала мурзакамъ развязать его и вести въ ея теремъ на пиръ свадебный ²⁾. На этомъ обрывается

¹⁾ У недѣлю рано пораненьку

Алканъ-пашовая турецкая отъ мужа zostавала,

Своего мужа поховала,

До темницѣ прихожала,

Темницу отмыкала,

Помежъ невольниками похожала,

Иванца Богуславца за бѣлую руку брала,

Словами промовляла:

„Иванче Богуславче! колибъ ты вѣру христіанську поламавъ,

„А нашу бусурманську на собѣ бравъ,

„Уже-бъ ты въ городѣ Козловѣ пановавъ!

„Я-бъ твоихъ невольниківъ всѣхъ зъ темницѣ выпушала,

„Въ землю христіанську хорошенько провожала!..

Иванецъ Богуславецъ те зачувае,

Словами промовляе:

— Алканъ-пашовая, панѣ молодая!

— Якъ не будешъ ты мене христіанскою вѣрою урѣкати,

— Буду я за жону тебе брати!—

²⁾ „Покитай-же ты, Иванце Богуславце,

„Вѣру свою христіанську пидъ ноги,

„А воспріймай нашу бусурманську у руки,

„Да будемъ пити-гуляти,

„Мене за тебе проинвати!

— Да бодай-же, панѣ Кизлевская, вѣро бусурманская,

— Да не дидала того говорити,

— Щобъ я свою вѣру христіанську пидъ ноги пидтопавъ,

— А твою бусурманську на руки воспринявъ!—

Якъ крикнула панѣ Кизлевская, вѣра бусурманская

вариантъ Драгоманова и Антоновича. Но вариантъ Котляревскаго ведетъ разсказъ далѣе. Послѣ того, какъ Иванецъ Богуславецъ согласился принять бусурманскую вѣру и сдѣлаться мужемъ турецкой госпожи, семь недѣль прошло. Алканъ-пашовая не брала въ ротъ ничего опьяняющаго и не дѣлала упрековъ своему мужу, а всѣхъ его товарищей-невольниковъ отпустила въ христіанскую землю. Но на восьмой недѣлѣ, отвѣдавъ хмельного, стала она гулять съ молодыми турецкими господами, а мужа своего упрекнула.—Смотрите,—сказала она своимъ туркамъ,—какой у меня прекрасный мужъ. Только онъ побусурманился ради роскоши турецкой!—Тогда Иванецъ бѣжитъ къ Черному морю, садится въ ладью и догоняетъ своихъ козаковъ ¹⁾).

Затѣмъ описывается, какъ покинутая турецкая госпожа бросается къ берегу моря и проклинаетъ Ивана: «чтобъ Господь милосердный лишилъ тебя этого свѣта, какъ ты мнѣ, молодой, измѣнилъ!»

Образъ этой женщины перенесенъ въ думу о Самийлѣ Кишкѣ по варианту Лукашевича, приложенъ къ дѣвкѣ Санджакивнѣ и неумѣстно, тогда какъ здѣсь, въ думѣ объ Иванцѣ Богуславцѣ онъ совершенно у мѣста.

Козаки, по требованію Ивана Богуславца, повернули вмѣстѣ съ нимъ на-

Да на бѣсовыхъ мурзакивъ;

— Да возьмѣтъ-же Иванца Богуславца

— Козака дѣстрового, отамана вѣскового,

— Да свяжѣтъ ему руки сыроу сырицею,

— Да положѣтъ его передъ праведнымъ сонечкомъ.—

Якъ стало сонечко пригрѣвати,

Стала сырица ссыхати,

Ставъ Иванецъ Богуславецъ да на пробу кричати:

„Покидаю вѣру христіанську пидъ ноги,

„А воспріймаю вашу бусурманську на руки!“

Тогдѣ крикнула панѣ Кизлевская, вѣра бусурманская

Да на бѣсовыхъ мурзакивъ:

— Развяжѣтъ Иванцю Богуславцю

— Козаку дѣстровому, отаману вѣсковому бѣлыи руки,

— Да возьмѣтъ его пидъ пышныи боки,

— Да ведѣтъ его у теремъ высокій:

— Будемо пити-гуляти, мене за его пропивати!

¹⁾ То вже Алканъ-пашовая, панѣ молодая,

Сѣмъ недѣль хмелю не заживала,

Христіанською вѣрою не урѣкала,

Якъ стала на восьму недѣлю хмель заживати,

Стала съ молодыми турецкими панами гуляти,

Стала Иванцевѣ Богуславцевѣ

Христіанською вѣрою урѣкати:

„Дивѣтсья, панове, якій у мене мужъ прекрасный,

Да винь у насъ побусурманився для роскоши турецкой.

Иванецъ Богуславецъ те зачуває,

До Чорного моря швиденько прибѣгае,

У човень сѣдае,

Козакивъ середь Чорного моря догоняе,

До козакивъ въ судно вступае.

задъ въ Козловъ, напали неожиданно ночью на сонныхъ турокъ, изрубил ихъ, забрали много сокровищъ. Самъ Иванецъ Богуславецъ не пощадилъ своей освободительницы. Наконецъ, всѣ козаки уплыли въ Сѣчу и тамъ раздѣлили награбленныя въ Козловѣ богатства, а Ивану Богуславцу произнесли такую же похвалу, какая была произнесена Самийду Кишкѣ за то, что онъ не потерялъ ни одного козака изъ своего войска. Дума оканчивается молитвою, или воззваніемъ къ Богу объ избавленіи и о возвращеніи въ христіанскую землю невольниковъ ¹⁾.

Лицо, подъ названіемъ Ивана Богуславца, является въ псевдо-исторіи Конисскаго при описаніи похода Скалозуба. По извѣстію, сообщаемому этимъ сочиненіемъ, Скалозубъ, взятый въ плѣнъ турками, былъ отвезенъ въ Царьградъ и тамъ заморенъ голодомъ, а писарь его Богуславецъ, захваченный въ плѣнъ при городѣ Козловѣ, былъ вырученъ запорожцами, при содѣйствіи жены турецкаго паши Семиры, которая выѣхала вмѣстѣ съ Богуславецемъ въ Украину и стала его женою (Ист. Русовъ, стр. 32). Хотя Исторія Русовъ, неправильно приписываемая Конисскому, преисполнена лжи и безцеремонныхъ вымысловъ, но указываемое нами мѣсто можетъ служить доводомъ, что составители не всегда произвольно выдумывали сами, но иногда заимствовали свои извѣстія изъ народныхъ думъ, пѣсень и преданій. По крайней мѣрѣ, вѣроятно, имъ была извѣстна дума объ Иванцѣ Богуславецѣ; трудно только рѣшить: сами ли они выдумали развязку, болѣе счастливую для турчанки и болѣе безукоризненную для Иванца Богуславца, или существовала редакція этой думы съ такою развязкою.

Максимовичъ, довѣряя вполне рассказамъ Конисскаго, отнесъ къ тому же Ивану Богуславцу пѣсню, гдѣ послѣ нѣкотораго лишняго вступленія, въ которомъ прославляется Днѣпръ, принимающій въ себя семьсотъ четыре рѣки, представляется козакъ, управляющій ладьею на Черномъ морѣ. Онъ видитъ, что плыветъ одинокое судно; въ немъ сидитъ турокъ съ турчанкою; турчанка вышиваетъ ручникъ. Кому-то онъ достанется: турку ли, татарину, или козаку мо-

¹⁾ Якъ стала темная ничка наступати

Стали козаки до города Козлова назадъ прибувати,

Стали на Турківъ сонныхъ набѣгати,

Стали ихъ рубати,

Городъ Козловъ огнемъ-мѣчемъ воевати,

Стали турецькіи лѣхи розбивати,

Срѣбро-золото, дорогую одѣжду забирати.

Ставъ Иванецъ Богуславецъ Алханъ-Пашовую молодую рубати,

Ставъ отъ пристанѣ Козловської поспѣшати,

И ще до свѣту до города Сѣчи прибувати,

Въ городѣ Сѣчѣ сокровища турецькіи роздѣляти.

Стали козаки словами промовляти:

— Иванецъ Богуславецъ, гетмане запорозькій!

— Десять лѣтъ ты въ неволѣ пробувавъ,

— Нѣ одного козака не втерявъ!

Визволь, Господи, неволники зъ неволѣ,

У край веселый между народъ хрещений!

(Варіантъ Котляревскаго).

лодому? Онъ достанется молодому кошовому ¹⁾. Заключение Максимовича о томъ, что здѣсь разумѣется Иванъ Богуславецъ—произвольно. Смыслъ пѣсни теменъ. Неизвѣстно, что думаетъ козакъ, встрѣчая турецкое судно: ограбить ли его или овладѣть турчанкою и взять ее къ себѣ въ жены. И то, и другое можно подозревать, но ни то, ни другое не идетъ исключительно къ одному Иванцу Богуславцу. Болѣе вѣроятности имѣеть предположеніе Драгоманова и Антоновича: не относится ли эта пѣсня къ событію, бывшему въ 1602 году, когда козаки овладѣли на морѣ турецкимъ купеческимъ судномъ, шедшимъ изъ Кефы; событіе это въ свое время произвело такое впечатлѣніе, что по этому поводу чуть не послѣдовало разрыва между Рѣчью Посполитою и Оттоманскою державою. (Ист. пѣсни малор. нар. I. 245).

Выше замѣчено, что нѣкоторыя части думы объ Иванѣ Богуславцѣ представляютъ сходство съ думою о Марусѣ Богуславкѣ. Въ думѣ этой, до сихъ поръ извѣстной намъ по одному варианту, напечатанному въ запискахъ о Южной Руси Кулиша, и по другому, записанному Метлинскимъ, но похожему на первый, изображается малороссіянка-плѣнница, уже сжившаяся съ своимъ положеніемъ: она отеклась отъ христіанства и находится въ милости у своего господина. Всѣ живыя связи ея съ отечествомъ порваны, но при случаѣ въ ней пробуждаются воспоминанія дѣтства: она вспомнила, что наступаетъ день Свѣтлаго Воскресенія—великое празднество на ея родинѣ, и въ этотъ день хочетъ освободить христіанскихъ невольниковъ, которые тридцать лѣтъ томились въ каменной тюрьмѣ, гдѣ-то на скалѣ, на Черномъ морѣ, не видя Божьяго праведнаго солнца. Маруся Богуславка приходитъ къ нимъ и спрашиваетъ: какой сегодня день? Почему намъ знать? говорятъ невольники. Сегодня великая суббота, завтра Свѣтлое Воскресенье, говоритъ имъ Маруся. Воспоминаніе о великомъ днѣ христіанскаго міра раздражило невольниковъ. Они проклинають отступницу, которая извѣстила ихъ объ этомъ, какъ будто для расгравленія ихъ горя. Маруся Богуславка обѣщаетъ ихъ освободить, когда панъ ея поѣдетъ въ мечеть ²⁾.

¹⁾ Гей зъ устьѣ Днѣпра да до вершини

Сѣмъ сотъ рѣчокъ и чотырѣ,

То усь вони у Днѣпръ впали,

У Днѣпръ правный (?) несказанный.

Да повѣйте, вѣтры низовьи,

Да на парусы безодни (?).

Ой сидитъ козакъ да на деменѣ,

И винъ деменомъ повертае,

И на Чорнее море поглядае.

Ой плыве судно однимъ одно:

У ёму турчанъ сидитъ, съ туркенею,

А туркенья сидитъ, вона не гулае,

Шовковенькій рушникъ вышивае.

Ой кому сей рушникъ буде?

Чи турчину, чи татарину,

Чи козаковъ молодому?

Ой се буде кошовому молодому!

²⁾ Що на Чорному морѣ, на каменѣ бѣленькому

Тамъ стояла темница кам'яная.

На другой день, въ праздникъ Пасхи, Маруся исполняетъ свое обѣщаніе—

Що у тѣй темницѣ пробувало сѣмь-сотъ козакивъ,
Бѣднихъ невольникивъ.

То вони тридцять лѣтъ у неволѣ пробувають,
Божого свѣту, сонця праведного у вичи не видають.

То до нихъ дѣвка бранка,
Маруся попивна Богуславка,

Приходяе,

Словами промовляе:

— Гей козаки,

— Бѣднѣ неволники!

— Угадайте, що въ нашѣй землѣ христіянськѣй за день тепера?

Що тогдѣ бѣднѣ неволники зачували,

Дѣвку бранку

Марусю попивну Богуславку

По рѣчахъ признавали,

Словами промовляли:

„Гей дѣвко бранко,

„Маруся, попивна Богуславко!

„Почимъ мы можемъ знати, що въ нашѣй землѣ христіянськѣй за день
тепера?..

Що тридцять лѣтъ у неволѣ пробуваємъ,

Божого свѣту сонця праведного въ вичи не видаємъ?

То мы не можемъ знати, що въ нашѣй землѣ христіянськѣй за день тепера?

Тогдѣ дѣвка бранка,

Маруся попивна Богуславка, ■

Тее зачувае,

До козакивъ словами промовляе:

— Ой козаки, вы бѣднѣ неволники!

— Що сѣгоднѣ у нашѣй землѣ христіянськѣй великодна суббота,

— А завтра святѣй праздникъ роковѣй день Великдень!

То тогдѣ тѣ козаки тее зачували,

Бѣлымъ лицемъ до сырой землѣ припадали,

Дѣвку бранку,

Марусю попивну Богуславку,

Кляли-проклинали:

„Да богдай ты, дѣвка бранко,

„Маруся попивна Богуславка,

„Счастя й долѣ не мала,

„Якъ ты намъ святѣй праздникъ роковѣй день Великдень, сказала!“

То тогдѣ дѣвка бранка,

Маруся попивна Богуславка,

Тее зачувала,

Словами промовляла:

— Ой козаки, вы бѣднѣ неволники!

— Да не лайте мене, не проклиняйте!

— То якъ буде нашъ панъ турецькѣй до мечети видѣвзжати,

— То буде менѣ дѣвцѣ бранцѣ,

— Марусѣ попивнѣй Богуславцѣ,

— На руки ключи видавати;

— То буду я до темницѣ прихожати,

выпускаетъ невольниковъ и говоритъ имъ: «Бѣгите въ города христіанскіе, только прошу я васъ, не пропустите города Богуслава; скажите тамъ моимъ родителямъ: пусть не сбываютъ ни гуртовъ, ни великихъ имѣній, пусть не собираютъ капиталовъ, пусть не выкупаютъ меня изъ неволи: я уже отурчилась, обусурманилась для турецкой роскоши, для несчастнаго лакомства ¹⁾».

Невозможно рѣшить: послужило ли какое-нибудь событіе къ составленію этой художественной думы; несомѣнно, однако, что въ ней много исторически-бытовой правды. Плѣнниковъ и плѣнницъ было всегда множество у мусульманъ, и по временамъ большая часть ихъ была русскаго происхожденія. При многихъ достовѣрныхъ извѣстіяхъ о звѣрскомъ обращеніи мусульманъ съ христіанскими невольниками, въ нашихъ архивныхъ дѣлахъ есть не мало показаній возвратившихся изъ турецкой и татарской неволи русскихъ полоненниковъ, которые приносили извѣстія о примѣрахъ человѣчнаго и добраго отношенія мусульманскихъ господъ къ невольникамъ. Иной русскій полоненникъ, прослуживши гдѣ-нибудь въ Сиріи или Аравіи лѣтъ десять или пятнадцать у господина, получалъ свободу и даже деньги для возвращенія въ отечество. Такъ поступали даже съ

— Темницу видмыкати,

— Васъ всѣхъ, бѣдныхъ невольниковъ на волю выпускати!—

1) То на святій праздникъ, роковой день Великсенъ,

Ставь панъ турецкій до мечети видѣзжати,

Ставь дѣвцѣ бранцѣ

Марусѣ попивнѣ Богуславцѣ,

На руки ключи выдавати.

Тогдѣ дѣвка бранка,

Маруса попивна Богуславка,

Добре дбае:

До темницѣ прихождае,

Темницу видмыкае,

Всѣхъ козакивъ,

Бѣдныхъ невольникивъ,

На волю выпускае,

И словами промовляе:

— Ой козаки,

— Вы бѣднѣ невольники!

— Кажу я вамъ: добре дбайте,

— Въ города христіански утѣкайте;

— Тильки прошу я васъ: одного города Богуслава не минайте,

— Моему батьку и матерѣ знати давайте!—

— Нехай мий батько добре дбае,

— Гуртивъ, великихъ маетковъ нехай не збуває,

— Великихъ скарбивъ не збѣрае,

— Да нехай мене дѣвки бранки,

— Марусѣ попивны Богуславки,

— Зъ неволѣ не выкупае.

— Бо вже я потурчилась,

— Побусурманилась

— Для роскоши турецкой,

— Для лакомства несчастнаго!

такими, которые оставались христианами; ренегатамъ же почти вездѣ жилось недурно у мусульманъ. Плѣнницу могла ожидать судьба лучшая, чѣмъ плѣнника: плѣнница могла понравиться господину и стать его женою. Въ исторіи мусульманскаго міра указываются женщины малороссійскаго происхожденія, игравшія важную роль. Въ XVI вѣкѣ жена турецкаго султана Сулеймана I-го, Роксана или Роксолана, малороссіянка, поповна изъ Рогатина, имѣла огромное вліяніе на султана и на всю его политику. Въ XVII вѣкѣ любимая жена Османа II-го была малороссіянка и притомъ незнатной породы. Въ XVIII вѣкѣ султанша, мать Османа III-го, отличавшаяся мусульманскою набожностью, была также русская по происхожденію (Драгоманова и Антоновича «Народныя Историческія пѣсни» I, стр. 237). Кто знаетъ: можетъ быть, и образъ Маруси Богуславки созданъ подъ впечатлѣніемъ слуховъ объ этихъ женщинахъ, достигшихъ величія, а слухи эти могли доходить до запорожцевъ, часто дѣлавшихъ набѣги на турецкія области. Въ особенности подъ Марусею Богуславою могла укрыться знаменитая Роксолана, которая такъ же, какъ и Маруся нашей думы, была поповна, мѣсто же ея родины—Рогатинъ легко могъ, при долговременномъ обращеніи думы въ устахъ народа, превратиться въ Богуславъ. Въ думѣ не досказывается, но съ вѣроятностію можно подразумѣвать, что Маруся Богуславка поступаетъ въ увѣренности, что господинъ не сдѣлаетъ ей ничего дурного, или же освобождаетъ своихъ земляковъ съ предварительнаго согласія самого господина. До какой степени ренегатка могла принимать близко къ сердцу горе своихъ прежнихъ единовѣрцевъ и соотечественниковъ, показываетъ примѣръ судьбы крымскаго хана Ислама-Гирея, котораго, говорятъ, отравила его любимая жена, родомъ малороссіянка, отомщая ему за то, что, бывши нѣсколько лѣтъ сряду помощникомъ козаковъ въ ихъ борьбѣ съ поляками, ханъ вдругъ повернулъ на сторону поляковъ-враговъ и позволялъ своимъ ордамъ разорять южнорусскія поселенія.

Мы не въ силахъ объяснить причину замѣчательнаго факта, но укажемъ на его существованіе. Имя Богуславца въ народной поэзіи козацкой прильнуло какъ-то къ образу козацкаго героя, сошедшагося съ невѣрными и служащаго имъ; кажется, по этому соотношенію и поповна Маруся, ренегатка, стала «Богуславою». Есть еще дума *о соколѣ*; дума аллегорическаго содержанія, гдѣ козаки являются подъ видомъ соколовъ. Старый соколъ летитъ въ чужину доставать себѣ живности и теряетъ своего сына, котораго стрѣльцы, схвативъ, завезли въ Царьградъ и отдали Ивану Богуславцу, проживающему въ Царьградѣ въ бусурманской вѣрѣ. Иванъ Богуславецъ опутываетъ молодому соколу ноги, закрываетъ ему глаза и употребляетъ его на потѣшную охоту. Между тѣмъ, старый соколъ возвращается въ свою сторону и тутъ встрѣчаетъ низокрылаго орла, который сообщаетъ ему, что его дитя проживаетъ въ Царьградѣ у Ивана Богуславца въ бусурманской вѣрѣ, на турецкой каторгѣ. Орелъ совѣтуетъ старому соколу полѣтѣть въ Царьградъ и сказать своему дитяти правду: чтобъ оно не прельщалось ни серебряными путами, ни жемчугомъ, которымъ у него закрыты глаза, ни хорошою жизнью въ Царьградѣ, гдѣ есть что пить и ѣсть; пусть поступитъ оно по-козацки; какъ будетъ господинъ носить его на рукахъ, пусть соколенокъ начнетъ какъ бы въ изнуреніи склонять голову: Иванъ Богуславецъ умилосердится, прикажетъ своимъ слугамъ снять съ ногъ соколенка путы, съ глазъ жемчугъ, велитъ выпустить его за Царьградъ на высокой валь, чтобъ тамъ его обвѣяло вѣтромъ. Затѣмъ Иванъ Богуславецъ приказалъ сво-

имъ слугамъ вынести соколенка за Царьградъ и оставить его на высокомъ валу. Старый соколъ подхватилъ свое дитя на крылья и унесъ. Дума оканчивается тѣмъ, что старый соколъ пролетаетъ надъ Царегородомъ и проклинаетъ его за то, что хотя въ немъ много сребра и золота, вдоволь яствъ и питья, но нѣтъ тамъ человѣку отрады ¹⁾.

До сихъ поръ въ ряду народныхъ произведеній, касающихся морскихъ походовъ козацкихъ, мы приводили только думы. Къ такимъ произведеніямъ, которыя слѣдуетъ означать собственно названіемъ пѣсень, принадлежитъ пѣсня о взятіи Варны, напечатанная въ Сборникѣ галицко-русскихъ пѣсень Жеготы Паули. Она не записана изъ устъ народа, а выписана изъ стараго рукописнаго собранія XVII вѣка, хранившагося въ Старосамборскомъ замкѣ и писаннаго какимъ-то Юріемъ Ковалемъ Грушатицкимъ вмѣстѣ съ другими малорусскими памятниками. Пѣсня эта разбивается на двѣ части, почти не имѣющія между собою связи: это, должно быть, два пѣсенныхъ отрывка, попавшіе случайно въ одну пѣсню, можетъ быть, по сходству мотивовъ, какъ это нерѣдко бываетъ въ народныхъ пѣсняхъ.

Въ первой части какая-то царица проклинаетъ Черное море за то, что оно взяло къ себѣ ея единственнаго сына. Развѣ бы я—говорить потомъ эта царица—не заплатила войску золотыми червонцами и бѣлыми талерами, развѣ бы не одѣла его красною китайкою за козацкую услугу ²⁾.

Затѣмъ уже начинается собственно пѣсня о взятіи Варны. Козаки въ раздумьи, съ какого конца брать имъ Варну: съ моря ли или съ поля, или съ небольшой рѣчки. Они поймали турка, стараго знахаря, который сказалъ имъ, что надобно приступить къ Варнѣ не съ моря, не съ поля, а съ небольшой рѣчки.

1) Старый соколъ лсний черезъ Царьградъ городъ перелѣтае,

Винъ жалобно квелить проквилеае,

Царьградъ городъ кляне, проклинае:

Хочъ ты, Царьграде городе, на все не жадень

На сребро, на золото,

У тобѣ хороше жити, ё въ чимъ людямъ ходити,

Ё шо ѣсти й пити,

Тилько чоловѣковѣ нема отрадости..

(Эта дума напечатана въ „Бесѣдѣ“ 1872 г. № 11, стр. 14—16, по поводу народной пѣсенной символики птицъ, а потому считаю излишнимъ снова повторять ее здѣсь).

2) Кляла царица, вельможна панѣ,

Чорнее море проклинала:

Богдай же море не процвѣтало,

Вѣчными часы висыхало,

Да шо мого сника единачка,

Единачка у себе взяло!

Ци бы я вийску не заплатила

Червоными золотыми

Да бѣленькими талерами?

Ци бы я вийско не пріодѣла

Червоною китайкою,

За услужейку козацкую?

И такъ поступили козаки: поплыли челнами по рѣчкѣ, ударили изъ ружей и пушекъ: турки покинули Варну, убѣжали и проклинали рѣку, надѣлавшую имъ бѣды. Пѣсня оканчивается словами: была Варна издавна славною, по славнѣе ея козаки, которые взяли Варну и забрали въ ней турокъ ¹⁾.

Событіе, воспѣваемое въ этой пѣснѣ, Жегота Паули отнесъ къ 1605 году.

То же принимаютъ и издатели историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа гг. Драгомановъ и Антоновичъ (т. I, стр. 248), ссылаясь на Исторію Малой Россіи Бантыша-Каменскаго (т. I, стр. 182).

Въ «Исторіи о козакахъ Запорожскихъ», составленной въ 1739—1740 годахъ, по изысканіямъ Бодянскаго, инженеръ-подпоручикомъ княземъ Мышецкимъ и напечатанной въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей въ 1847 году, объ этомъ событіи сказано, что неизвѣстно, за давностью времени, въ какомъ году оно происходило, а въ «Краткомъ описаніи о козацкомъ малороссійскомъ народѣ Симоновскаго», напечатанномъ въ тѣхъ Чтеніяхъ того же 1847 года, время взятія Варны, какъ и Трапезунта, указано около 1620 года, и по поводу этихъ козацкихъ подвиговъ возгорѣлась война между Портою и

¹⁾ А въ недѣленьку поранейку
Зобрали ся громадойки
До козацькой порадойки,
Стали рады додавати;
Отколь Варны мѣста достати:
Ой чи съ моря, чили съ поля,
Чили съ той рѣчки невелички?
Послали посла ажъ подъ Варну,
Поймавъ же посевъ турчанина,
Старейкого ворожбита.
Стали ёго выпытовати:
Отколь Варны мѣста достати,
Ой ци съ поля, цили съ моря,
Цили съ той рѣчки невелички?
А нѣ съ поля, а нѣ съ моря,
Ино съ той рѣчки невелички.
А въ недѣлейку поранейку
Бѣгнуть, плынуть човенцями,
Поблискують веселцями.
Вдарили разомъ зъ самопаловъ
Въ седми пядесять запаловъ,
Якъ полсоткою зъ гарматы,
Стали козаки до ней ся добувати,
Стали турки утѣкати,
Тую рѣчку проклинати:
Богдай рѣчка не процвѣтала
Вѣчными часы высыхала,
Що насъ туркивъ у себе взяла!
Була Варна здавну славна,
Славнѣйшии козаки,
Що той Варны мѣста достали
И въ ней туркивъ достали.

Польшею (стр. 11). Также и польскій историкъ Шайноха къ этому послѣдному времени относитъ это событіе. (Dwa lata Dziejow naszych, т. I, 85).

Б. Сухопутные козацкіе походы противъ мусульманъ.

Байда.—Козакъ Голота.—Атаманъ Матяшъ.—Иванъ Коновченко.—Козакъ Михайло.—Козакъ Василь.—Козакъ и конь.—Атаманъ Ѳедоръ Безродный.—Самарскіе братья.—Азовскіе братья.—Морозенко.—Дѣти Сѣрка.—Долина Кодына.—Супрунь.—Чупрунь.—Головатый.—Послѣдняя борьба Сѣчи съ мусульманами.

Самою старинною пѣсней въ этой области можно признать пѣсню о козацкѣ Байдѣ, подъ именемъ котораго справедливо усматриваютъ князя Димитрія Вишневецкаго. О немъ составилось преданіе, записанное у польскихъ историковъ, будто онъ, взятый въ плѣнъ турками и привезенный въ Царьградъ, за то, что отказался принять мусульманство, какъ ему тогда предложили, по приказанію турецкаго султана Селима II, былъ сброшенъ съ высокой башни, зацѣпился за крюкъ ребромъ и въ такомъ положеніи провисѣлъ два дня, прославляя Христа и проклиная Мугамеда. Другіе прибавляютъ, что онъ просилъ лукъ со стрѣлами и убилъ нѣсколькихъ турокъ, пустивши стрѣлы, одну вслѣдъ за другою, въ собравшуюся глазѣть на него народную толпу. Султанъ Селимъ, услышавши объ этомъ, самъ пріѣхалъ посмотреть на него. Вишневецкій пустилъ въ него оставшуюся еще стрѣлу, но промахнулся отъ изнеможенія, и тогда султанъ приказалъ разстрѣлять его стрѣлами. (M. Bielski kron. str. 614. Starowolski Bellatores Sarmatorum. stron. 188. Stanisł. Temberski Chronologia synoptica palmitis Coributei). Это преданіе, зашедшее въ польско-латинскія книги, было народнымъ, и оно-то послужило основою для настоящей пѣсни.

Турецкій царь подговариваетъ козака Байду, чтобъ онъ взялъ за себя его дочь, а козакъ Байда отвѣчаетъ, что его, султана, вѣра проклятая, а дочь поганая (по иному варианту дочь хорошая, да вѣра проклятая)¹⁾. Турецкій царь приказалъ схватить козака Байду и повѣсить ребромъ на крюкъ²⁾.

¹⁾ Въ Царѣградѣ да на рыночку

(поютъ еще вмѣсто „въ Цареградѣ“ „въ Берестечку“ и „въ Кіевѣ“).

Да пьеть Байда да горѣлочку,

Да пьеть Байда да кивается,

На своего цюрю (или на своего хлопця) поглядается:

Ой цюрю жъ мій молодесенькій,

Да чи будешъ менѣ вѣрнесеній?

Да турецкій царь заѣзжае,

Либонь Байду подмываетъ:

Возьми въ мене доньку царѣвнючку,

Да будешъ мати за жионьку.

(Или: „будешъ паномъ на всю Украинючку“).

Твоя, царю, вѣра проклятая,

Твоя, царю, дочка поганая!

(Или: твоя, царю, дочка хорошая,

твоя, царю, вѣра поганая!).

²⁾ Ой, крикнуй царь на гайдуки,

„Возмѣть Байду добре въ руки,

Байда висить и говорить своему цюрь (правильнѣе джурѣ—оруженосу):
подай мнѣ лукъ и стрѣлы; убую я три голубки на ужинъ для царя и для его
дочери. Какъ выстрѣлилъ Байда, такъ и попалъ въ царя, а царицѣ попалъ въ
затылокъ, дочери же его, царевнѣ, въ головку. Вотъ тебѣ царь—произнесъ тогда
Байда:—за кару надъ Байдою. Было-бъ тебѣ знать—какъ его карать: снять бы
съ него голову, на ворономъ конѣ его самому бы ѣздить, а его слугу приго-
лубить къ себѣ ¹⁾).

Замѣчательно, что эта пѣсня о событіи XVI вѣка, раннихъ временъ коза-
чества одна только уцѣлѣла и дошла до насъ, по крайней мѣрѣ, если не счи-
тать такихъ, которыхъ подлинность народнаго происхожденія можетъ быть оспа-
риваема. Много, вѣроятно, содѣйствовала тому затѣйливость рассказа, но, должно
быть, память о Вишневецкомъ (оставшемся подъ кличкою Байды) надолго врѣза-
лась въ народное сердце. Это былъ одинъ изъ раннихъ предводителей козац-
кихъ, положившій починъ поступательному движенію козачества на югъ и, такъ
сказать, указавшій на грядущіе вѣка козакамъ дорогу въ турецкія области.
Несмотря на его знатное происхожденіе, въ этомъ человѣкѣ было то, что всегда
могло нравиться козакамъ: онъ не слишкомъ слушался верховной власти и не
слишкомъ дорожилъ ея милостью къ себѣ, самовольно ходилъ воевать, само-
вольнo поступалъ на службу московскому государю и самовольно оставилъ ее.
Войско козацкое, состоявшее подъ его начальствомъ, не было княжескою или

Возмѣть Байду, изважѣте,
На такъ ребромъ зачепѣте“.

- ¹⁾ Ой висить Байда да не день не два,
Да не одну ничку да годиночку,
Ой висить Байда да и гадае,
Да на своего хлопца (или цюру) поглядае:
Ой ты хлопче (или цюро) молодесенькій,
Подай менѣ лучокъ да тугесенькій,
Подай мене лучокъ и три стрѣлочки,
(или: подай менѣ лучокъ и стрѣлочокъ пучокъ)
„Ой бачу я три голубочки,
Хочу я убити для ёго дочки,
Нехай же я убую царю,
Да на славную вечерю.
Где я вмѣрю, тамъ я вцѣлю,
Где я ввижу, тамъ я врѣжу!
Якъ стрѣливъ—царя уцѣливъ,
А царицу у потылицю,
А ёго дочку въ головочку.
„Отъ тобѣ, царю, за Байдину кару!
Було тобѣ знати, якъ Байду карати:
Було Байдѣ голову изтяти,
Его тѣло поховати,
Воронимъ конемъ ѣздити,
Хлопца (или: цюру) собѣ зголубити.

(Žegot. Pauli. I. 192).

Максимов. Укр. пѣсни 107.

Драгом. и Антон. I. (145—153).

панскою дружиною, а скорѣе было оно вольною шайкою, добровольно признававшю князя Вишневецкаго своимъ излюбленнымъ предводителемъ. Онъ не долюбивалъ ни пановъ литовскихъ, ни Великаго Княжества Литовскаго, а тѣмъ паче польскихъ пановъ и Польши. Уклоняясь отъ польскаго и отъ литовскаго, онъ сталъ самъ по себѣ въ своей Украинѣ, и если признавалъ надъ собою первенство короля польскаго и великаго князя литовскаго, то только уступая необходимости. Что-то его какъ будто тянуло прочь изъ государственныхъ предѣловъ, и слѣдствіемъ такой тяги былъ его походъ въ Молдавію, гдѣ онъ попался въ плѣнъ туркамъ для того, чтобъ быть отправленнымъ въ Царьградъ на мучительную расправу. Димитрій Вишневецкій былъ болѣе козакъ, нежели панъ, и ужь никакъ не походилъ онъ на такого пана, какого типъ сталъ козакамъ ненавистенъ въ образѣ пана-ляха. По этимъ-то признакамъ личность Вишневецкаго-Байды оставалась долго въ свѣтломъ воспоминаніи у козачества, а его трагическая кончина сдѣлалась предметомъ пѣснопѣнія, удержавшагося даже и тогда, когда память о Вишневецкомъ совершенно испарилась.

Въ малорусской народной поэзіи есть цѣлая группа думъ и пѣсень, изображающихъ степныя битвы и схватки козаковъ съ татарами и гибель козаковъ въ степи. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣснопѣній—съ собственными именами козацкихъ богатырей, другія же безъ собственныхъ именъ, съ однимъ нарицательнымъ—козакъ; но вообще и тамъ, гдѣ есть собственное имя, трудно бываетъ содержимое въ пѣснѣ приурочить къ тому или другому событію и ко времени. Пѣсни эти вообще для исторіи гораздо важнѣе, по изображенію бытовыхъ чертъ прошедшей жизни и по выраженію народныхъ взглядовъ, чѣмъ по отношенію къ фактической правдѣ.

Со второй половины XVI вѣка и весь XVII вѣкъ между козаками и татарами въ степяхъ происходило непрестанное состязаніе: кто кого одолѣетъ, кто съ кого возьметъ добычу. Татарамъ главная и желательная добыча была чело-вѣкъ—ясырь. У нихъ развился своего рода промыселъ: ловить русскихъ людей, забирать ихъ въ полонъ и продавать. Опустошительныя набѣги на украинскіе городки и села (о чемъ подробно скажемъ въ своемъ мѣстѣ) вызывали и со стороны козаковъ походы противъ татаръ въ степи; кромѣ того, козакъ ѣздилъ на югъ въ степи ради звѣриной и рыбной ловли и соляной добычи; но ѣздить туда нельзя было иначе, какъ совершая въ то же время военный походъ, потому что всегда можно было встрѣтить татаръ, ищущихъ своего рода промысловъ. Такимъ образомъ, часто завязывалась борьба между козакомъ и татаринномъ на широкой степи. Татаринъ не старался убить противника, напротивъ, домогался схватить его живого и здороваго, зацѣпить на чамбулъ и потомъ везти на продажу. Козакъ же всегда думалъ убить встрѣчнаго татарина: брать его въ полонъ было ему не для чего, и плѣнникъ былъ бы для него лишнею тягостью. Если татаринъ, не въ силахъ будучи обороняться, сдавался козаку, то козакъ часто безъ жалости убивалъ его; не дѣлалъ онъ этого только въ такомъ случаѣ, когда попадался ему татаринъ завѣдомо ему знатный и за него можно было взять выкупъ или промѣнять на плѣнннаго козака; шадилъ козакъ татарина еще и тогда, когда тотъ могъ служить языкомъ во время войны съ крымцами; но и въ послѣднемъ случаѣ козаки изъ многихъ попавшихся имъ въ полонъ татаръ оставляли для языковъ только небольшое число, а остальныхъ побивали. И вотъ въ одной думѣ татаринъ представленъ глуповатымъ. Онъ заранѣе хва-

лится поймать козака и продать его. Встрѣчая въ степи козака, татаринъ сразу бросается на него и кричить: Я тебя схвачу, продамъ и возьму за тебя серебряныя деньги.— Не богатъ ты уможь! отвѣчаетъ козакъ. Не бывалъ ты межъ нами, козаками, не ѣдалъ нашей козацкой каши, не знаешь козацкихъ шутокъ! У меня кармавъ набить пулями. Я дамъ тебѣ гостинецъ. Выстрѣлить козакъ, убьеть татарина, возьметъ себѣ его двухъ коней: одного поведетъ къ шинкаркѣ пропивать, а на другомъ, котораго при себѣ велъ татаринъ для будущаго плѣнника, станетъ самъ гулять по Киеву и будетъ вспоминать единого Бога ¹⁾).

Въ прекрасной думѣ, записанной г. Кулишомъ отъ кобзаря Архипа Нико-
ненка и напечатанной въ Запискахъ о Южной Руси (томъ I, стр. 14), козакъ, такимъ образомъ побѣждающій татарина, промышленяющаго ловлею людей, называется козакъ-Голота, то-есть голицыба-козакъ. Это одинъ изъ рѣзкихъ типовъ онаго времени. При бурныхъ потрясеніяхъ, какія испытывала Южная Русь, многіе впадали въ крайнюю нищету, въ особенности при господствовавшемъ между козаками пороку пьянства, какъ говорится въ одной пѣснѣ, что козакъ коли не

¹⁾ Ой гдесъ за Килимомъ городомъ козаченько гуляе,

А зъ Килима города татаринъ выѣжае.

Загадавъ татаринъ татарцѣ нару коней сѣдлати,

Да того козаченька догоняти.

Якъ выбѣгъ татаринъ старый, бородатый,

На розумъ небогатый,

Выбѣгъ того козаченька догоняти,

— Ты, козаченьку молоденькій,

— Пидь тобою кинь вороненькій!

— Коли бъ я тебе пиймавъ,

— Я бъ тебе у Килимъ городъ запродавъ,

— И срѣбнѣ бъ за тебе гроши побравъ.—

А козаченько оглядається,

И карбачемъ отбивається.

„Ой ты, татаринъ, старый, бородатый,

„Да на розумъ небогатый!

„Ты межъ нами козаками не бувавъ,

„И козацкой каши не ѣдавъ,

„И козацкихъ жартивъ не знаешь!

„Гдесъ у мене бувъ съ кулями гаманъ,

„Я жъ тобѣ гостинца дамъ.“

Якъ ставъ ёму гостинца посылати,

Ставъ татаринъ съ коня похилати.

„Ой ты, татаринъ старый, бородатый,

„На розумъ небогатый!

„Еще ты мене не пиймавъ,

„Да вже въ Килимъ городъ запродавъ!

„Отъ теперъ твого одного коня вороного

„Поведу до шинкарки пропивати,

„А другимъ твоимъ конемъ воронимъ

„Буду по Киеву городу гуляти,

„Ой гуляти, гуляти, гуляти,

„Да единого Бога вспоминати!

бьетъ враговъ, такъ пьетъ и допивается до того, что и сорочки не имѣеть ¹⁾). При иныхъ условіяхъ общественнаго строя обнищавшіе должны были бы отпра- вляться для поправленія своего положенія въ большіе города, въ мѣста скопле- нія людей, и тамъ добывать себѣ хлѣбъ заработками. Такъ теперь обыкновенно дѣлается. Но въ давнія времена въ Украинѣ обнищавшій молодецъ уходилъ въ степь на югъ, и если не приставалъ къ запорожской морской экспедиціи, то, доставши коня и оружіе, искалъ себѣ счастья на степи. Тамъ, при случаѣ и при счастья, могъ онъ сдѣлать, какъ говорится въ наше время, для себя ка- кую-нибудь аферу, хотя часто невѣрную и всегда не безопасную; но въ тѣ вре- мена опасностей нигдѣ нельзя было избѣжать, и опасностей не боялись. Дума съ обычнымъ народнымъ юморомъ изображаетъ нищенскую наружность козака-Голоты и его одежду, которую для смѣха называетъ дорогою. На немъ три сер- мяги: одна плохая, другая негодная, а третья стоящая того, чтобъ ее бросить въ хлѣвъ. На козака лапти изъ вязовой коры, а онучи, названныя въ насмѣшку китайчатами—изъ настоящей бабьей дерюги, ²⁾оборы къ нимъ шелковые, изъ на- стоящей бабьей сурови. На головѣ у него шапка баранья, сверху въ ней дыра, сшита она травою, подбита вѣтромъ; какъ вѣтеръ подуеетъ, такъ ее и продуетъ: молодого козака прохладждаетъ ³⁾). Но при такомъ нарядѣ у козака одно боль- шое достоинство: онъ не боится ни огня, ни меча, ни болота ³⁾).

Таковъ украинскій аферистъ давнихъ лѣтъ. Противъ него выступаетъ афе- ристъ татаринъ. На послѣднемъ нарядѣ совѣмъ иной: татаринъ, отправляясь на людоловлю, надѣваетъ на себя дорогое платьѣ, обувается въ сапоги, на головѣ у него бархатная шапка; онъ садится на коня и смѣло гонится за козакомъ ⁴⁾). Еще сидя въ домѣ своемъ, онъ завидѣлъ развѣзжающаго козака и говоритъ своей татаркѣ, что поѣдетъ ловить его съ тѣмъ, чтобы продать. Какъ только въ степи онъ догналъ козака, тотчасъ кричитъ, что хочетъ поймать и продать

¹⁾ Козакъ душа правдивая сорочки не мае.

²⁾ Правда: на козаковѣ шаты дорогіи,

Три семерязѣ лихіи,

Одна недобра, друга негожа,

А третья и на хлѣвъ не згожа.

А ще правда: на козаковѣ постолы вязовѣ,

А онучи китайчатѣ,

Щирѣ жиночи ряднянѣ,

Волоки шовковѣ

Удвое жиноцки щирѣ валовѣ.

Правда: на козаковѣ шапка бирка,

Зверху дирка,

Травою шита,

Вѣтромъ підбита;

Куды вѣе, туды провѣвае,

Козака молодого прохоложае.

³⁾ Не боиться нѣ огня, нѣ меча, нѣ третѣго болота.

⁴⁾Дороге платья надѣвае,

Чоботи обуваетъ,

Шлякѣ бархатный на свою голову надѣвае,

На коня сѣдае,

Безпечне за козакомъ-Голотою ганяе.

его въ городъ Килію, и тутъ же прибавляетъ, что уже похвалился передъ великими господами пашами взять за свою добычу много червонцевъ и дорогихъ суконъ ¹⁾. Не промахъ козакъ-Голота, знаетъ козацкіе обычаи: посмотрѣлъ онъ на татарина съискоса, какъ волкъ, и говоритъ ему тѣ же слова, которыя привели мы въ предыдущей думѣ, потомъ стрѣляетъ въ татарина и убиваетъ наповаль, но не довѣряя себѣ—точно ли онъ убилъ врага, подѣзжаетъ къ нему лежащему, бьетъ чеканомъ по затылку и тогда только удостовѣряется, что у татарина нѣтъ болѣе дыханія ²⁾. Тогда начинается переодѣванье. Козакъ-Голота снимаетъ съ убитаго татарина сапоги, платье, бархатный шлыкъ, все это надѣваетъ онъ на себя, беретъ за поводья коня и отправляется на немъ въ Сѣчу, притонъ всѣхъ подобныхъ ему молодцовъ. Тамъ онъ пьетъ, гуляетъ и благословляетъ поле, на которомъ ему удалось достать кое-какую добычу ³⁾. Козакъ-Голота—не эгоистъ; онъ добрый товарищъ: онъ кончаетъ выраженіе своего восторга желаніемъ, чтобъ и всѣ козаки пили и гуляли, да получали отъ непріятелей добычу, еще лучшую, чѣмъ онъ, чтобъ топтали подъ ногами враговъ своихъ ⁴⁾. Дума оканчивается восхваленіемъ подвиговъ, которымъ приписывалось нравственное достоинство ⁵⁾.

- 1) Я тебе хочу живцемъ въ руки взять,
Въ городъ Килію запродати,
Передъ великими панами пашами выхвалати,
Много червонныхъ не лѣчачи набрати,
Дорогін сукна не мѣрячи посчитати.
- 2) Безъ мѣры пороху насыпае
Татарину гостинца въ груди посылае,
Ой ще козакъ не прихѣрився,
А татаринъ и къ лихий матери съ коня покотився!
Винь ему вѣры не диймае,
До ёго прибувае,
Келепомъ межи плечи гримае,
Колижъ оглядитися—ажъ у ёго и духу не мае
- 3) Винь тогдѣ добре дбавъ,
Чоботы татарськїи истягавъ,
На свои козацькїи ноги обувавъ,
Одежу истягавъ,
На свои козацькїи плечи надѣвавъ,
Бархатный шлыкъ издїймае,
На свою козацьку голову надѣвае,
Коня татарського за поводы бравъ,
У городъ Сѣчу припавъ,
Тамъ собѣ пье-гуляе,
Поле Килимське хвалить выхваляе:
„Ой поле Килимське.
„Богдай же ты лѣто и зиму зеленѣло,
„Якъ ты мене при несчастливѣй годинѣ сподобило!“
- 4) Дай же, Боже, щоби всѣ козаки пили да гуляли,
Хороши мисли мали,
Отъ мене ще бильшу добычу брали,
И непріятеля лядъ возѣ топтали!
- 5) Слава не умре, не поляже!

Въ драгоценномъ рукописномъ сборникѣ Котляревскаго есть одна дума, гдѣ представленъ счастливый подвигъ надъ мусульманами атамана Матяша съ своею козацкою шайкою. Дѣйствіе происходитъ на устьѣ «Самарки Богу» (быть можетъ, Савранки, впадающей въ Бугъ), на урочищѣ Семеновъ Козацкій Рогъ ¹⁾. Двѣнадцать козаковъ бравославцевъ (вѣроятно Браславцевъ) небывальцевъ (новичковъ въ воинскомъ дѣлѣ) ²⁾, расположились на отдыхъ, разложили «терновый» огонь, разсѣдлали коней и распустили пастись по полю, а свои семинядныя пищали сложили въ уголку ³⁾. Они—небывальцы, оттого и неосторожны. Но атаманъ ихъ Матяшъ—человѣкъ старый и бывалый; онъ совѣтуетъ имъ не поступать такъ, напоминаетъ, что мѣсто, на которомъ они находятся—долина Кайнарская, а отъ ней недалеко и земля татарская. Молодежь подсмѣивается надъ старымъ воиномъ въ такихъ выраженіяхъ, какими въ предшествовавшей думѣ козакъ-Голота угощаетъ татарина ⁴⁾. Матяшъ не отвѣчалъ имъ, отошелъ отъ нихъ, разложилъ себѣ, отдѣльно отъ другихъ, терновый огонь и держалъ при себѣ осѣдланнаго коня. Чуть наступила ночь, какъ налетѣли съ горы въ долину турки-янычары и захватили въ полонъ двѣнадцать бравославцевъ-небывальцевъ. Но атаманъ Матяшъ тотчасъ выручаетъ ихъ ⁵⁾. Тогда, по его приказанію, всѣ вскакиваютъ на коней и одерживаютъ надъ турками побѣду. Дума преувеличиваетъ число побѣжденныхъ турокъ до десяти тысячъ: шесть тысячъ изъ нихъ побѣждаетъ одинъ Матяшъ, а четыре тысячи одолеваютъ бравославцы. Они набираютъ у побѣжденныхъ золота и серебра и поспѣшаютъ въ Сѣчу; тамъ дѣлятъ они между собою добычу и молятъ Бога за стараго атамана Матяша. Видно,—говорятъ ему,—твоя мать присвятилась въ небѣ; ты былъ

Отъ нянѣ и до вѣка,
Даруй, Боже, на многи лѣта!

1) На устьи Самарки Богу
Семенова козацкаго Рогу.

2) Дванадцять козаківъ бравославцівъ небывальцівъ.

3) Стали козаки вечера дожидати,
Стали терновыи огнѣ розкладати,
Стали по чистому полю козацкїи конѣ пускати,
Стали козацкїи сѣдла отъ себе далеко покидати,
Стали козацкїи семиняднїй пищалѣ по закутамъ ховати.

4) Козаки панове молодцї!
Небезпечне вы майте,
Козацкїи конѣ изъ припоны не пушайте,
Сѣдла козацкїи нидь голову підкладайте,
Бо се долина Кайнарська,
Недалече здесь земля татарська.
Где-сь ты козацкою каши не їдавъ,
Где-сь ты козацкїихъ звичаївъ не знавъ,
Що ты намъ, козакамъ бравославцямъ, великїй страхъ задавъ!

5) Не буйни вѣтры повѣвали,
Якъ турки-янычары зъ чистого поля, зъ горы въ долину припали,
Дванадцять козаківъ бравославцівъ въ полонъ забрали.
Атаманъ Матяшъ на доброго коня сѣдає,
Шість тисячъ турокъ-янычаръ побѣдає,
Бравославцівъ небывальцівъ изъ полону отбиває.

въ чистомъ полѣ и не утратилъ никого изъ насъ бравославцевъ-небывальцевъ ¹⁾. Тѣмъ и кончается дума, которая сохранила бы строго историческій характеръ, если бы не примѣшано было—конечно позднѣйшими кобзарями—тысячныхъ чиселъ побѣжденныхъ турокъ.

Въ ряду пѣснопѣній этого отдѣла пользуется до сихъ поръ большою распространенностью у кобзарей дума объ Ивасѣ Коновченкѣ, извѣстная намъ по шести главнымъ вариантамъ: одинъ—изъ собранія Котляревскаго; второй, записанный нами въ Харьковѣ въ 1840 году отъ бандуриста, очень похожій на предыдущій, но отличающійся болѣе новыми выраженіями; третій, напечатанный въ сборникѣ Лукашевича, записанный отъ того же бандуриста, который сообщилъ думу о Самийлѣ Кишкѣ, пространнѣе съ признаками позднѣйшей амплификаціи; четвертый, напечатанный въ сборникѣ Метлинскаго, записанный г. Кулишомъ отъ кобзаря Андрея Шута въ Сосницкомъ уѣздѣ; пятый, сообщенный намъ Д. К. Морозомъ, и шестой, напечатанный въ сборникѣ Максимовича 1834 года. Кромѣ этихъ записано было нами отъ кобзарей еще три варианта, но съ пропусками, и они не представляютъ большой важности.

Дѣйствіе начинается въ городѣ Корсунѣ. Передъ нами одно изъ важныхъ явленій козацкой жизни: вербовка охотниковъ въ походъ противъ бусурманѣ. Мы знаемъ, что кромѣ козаковъ реестровыхъ, признаваемыхъ закономъ и правительствомъ, безспорно принадлежавшими къ козацкому сословію, въ козачество постоянно порывались посполитые люди, и они-то, составляя шайки, убѣгали на Низъ, гдѣ, называя себя козаками самовольно, задирали татаръ и турокъ. Козаки, легально носившіе это званіе, нерѣдко не только не противодѣйствовали этому стремленію народа, но содѣйствовали ему. Сами гетманы и полковники, при случаѣ, когда имъ нужно было военной силы поболѣе, устраивали изъ такихъ удалцовъ охотные козацкіе полки. Въ приводимой нами думѣ такого рода сборъ охотныхъ происходитъ въ Корсунѣ, по приказанію тамошняго полковника Хвилоненка. Полковникъ (по вариантамъ Метлинскаго и Лукашевича) черезъ своихъ асауловъ (которымъ онъ далъ для этого значокъ—красный прапоръ) скликаетъ въ народѣ охотниковъ ²⁾ идти съ нимъ подъ бусурманскій городъ

1) На конѣ козацкіи сѣдайте,
 Менѣ старому помощи давайте!
 Тогдѣ козаки на конѣ сѣдали,
 Чотыри тсячи безбожныхъ бусурменѣвъ побѣждали,
 Срѣбло-золото турецьке отъ ихъ забирали,
 До города Сѣчи швиденько поспѣшали,
 Въ городѣ Сѣчѣ безпечне себе мали,
 Срѣбло й золото турецьке между собою роздѣляли,
 За отамана Матьяша Господа Бога прохали:
 „Где-сь твоя мати въ небѣ присвятилась,
 Що ты въ чистѣмъ полѣ пробувавъ,
 Изъ насъ бравославцѣвъ небувальцѣвъ
 Нѣ одного козака изъ війска не втерявъ!

2) Асаулы по улицяхъ розсылавъ,
 Червонии праперки у руки давъ;
 Асаулы по улицяхъ пробѣгали
 Червонии праперки у рудяхъ проношали,
 Козаківъ на Черкень долину у охотне війско выкликали. (Метлинск. 414).

Тягинь (Бендеры), на долину Черкень доставать «славы рыцарства». Это не была праздная риторическая фраза; это значило приглашеніе сдѣлаться козакомъ изъ мужика, потому что кто поступить въ ряды охотниковъ и пойдеть съ прочими въ походъ, тотъ, воротившись изъ похода, уже будетъ считать себя козакомъ какъ бы по праву, и ни за что не захочеть возвратиться къ прежнимъ мужичьимъ повинностямъ, чего такъ домогались польскіе паны, когда властвовали надъ козаками. Охотники, которыхъ приглашаетъ къ себѣ въ походъ Хвилоненко—винники и броварники, то-есть батраки, работающіе на винокурняхъ и нивоварняхъ, народъ, конечно, бѣдный, молодой и безсемейный ¹⁾. Вариантъ Лукашевича присоединяетъ къ нимъ грубниковъ (печниковъ или истопниковъ) и лазниковъ (банщиковъ), а вариантъ Котляревскаго заставляетъ Хвилоненка приглашать еще всякихъ пьяницъ и игроковъ; Харьковскій же вариантъ присоединяетъ къ нимъ еще воровъ и разбойниковъ ²⁾. Нѣтъ ничего мудренаго, если въ набираемая ополченія попадали нечистые народные элементы разомъ съ честною молодежью, и начальники умышленно допускали къ себѣ всякій сбродъ. Асаулы, отправленные для созыва охотниковъ, закликая такой народъ, тутъ же и подсмѣиваются надъ нимъ: полно вамъ, валяясь по печамъ, кормить мухъ своими толстыми рожами, глаза дымомъ выкуривать, пачкать сажею свои плечи ³⁾. По варианту Лукашевича, асаулы собираютъ только чернорабочій народъ: винниковъ, броварниковъ и прочую братію, а самъ Хвилонъ или Хвилоненко приглашаетъ въ охотники людей, болѣе степенныхъ и зажиточныхъ какъ изъ козаковъ, такъ и изъ посполитыхъ, такихъ, что носятъ желтые сафьянные сапоги и красные суконныя одежды (едаманы) ⁴⁾.

1) Корсунскій полковникъ Хвилонъ якъ ставъ въ охотне вѣско виражати,
Крикне-покрикне на винники, на броварники,
На пьяницѣ, на костерники:
Которому не хочеться по винницяхъ горѣлокъ курити,
Которому не хочеться по броварняхъ нивѣ варити,
Которому не хочеться въ кости дурно грати,
Идѣть зо мною въ охотне вѣско гуляти!

(Вариантъ Котляревскаго).

2) Збирайтесь охотники,
Вы воры розбойники,
Пьяницѣ, костерники,
Винники, броварники.

3) Годѣ вамъ по винницяхъ горѣлокъ курити,
По броварняхъ нивѣ варити,
По лазняхъ лазень тонити,
Годѣ вамъ по грубахъ, по запѣчкахъ валятися,
Товстимъ видомъ мухъ ждовати,
Очей своихъ молодецькихъ дымомъ выкуряти,
Своими молодецькими плѣчми сажи вытирати,
Ходѣть съ Хвилономъ Корсунскимъ полковникомъ
На Черкень-долину въ охотне вѣско гуляти.

(Варианты: Харьковск. Лукашевича: Малор. и Червонор. думы и пѣсни, стр. 37).

4) Котори козаки то и мужики
Не хотять по рилѣхъ спотикати,

Такая вербовка не ограничилась городомъ Корсунемъ и его ближайшими окрестностями. Корсунскій полковникъ Хвилоненко отправляется въ другой полковой городъ Черкасы, водружаетъ тамъ цвѣтное знамя съ изображеніемъ креста и дѣлаетъ призывъ къ тамошней полковой старшинѣ, къ молодымъ козакамъ и войсковымъ слугамъ ¹⁾. Въ Черкасахъ (по варианту Метлинскаго, въ Крыловѣ) жила вдова Грициха Коновчиха (то-есть, вдова Григорія Коновки) съ молодымъ сыномъ. Было это, какъ видно, семейство не козацкое, а посполитое, земледѣльческое, зажиточное въ своей средѣ. Мать не отпускала сына въ наемники, на работу къ чужимъ людямъ, хотѣла дожить при немъ вѣкъ свой, а по смерти своей надѣялась отъ него поминовенія ²⁾. По однимъ вариантамъ, Ивасъ Коновченко услышалъ призывъ Хвилоненка на рынокъ ³⁾, по другимъ—въ полѣ, куда мать услала его изъ предосторожности, чтобъ онъ не увлекся призывомъ въ охотники ⁴⁾. Денегъ готовыхъ не было. Ивасъ проситъ мать свою продать жиду воловъ и купить ему коня: хочется ему идти на Черкень-долину сражаться за вѣру, добывать рыцарской славы ⁵⁾.

Характеристиченъ отвѣтъ матери, которая вообще въ думѣ представляется законченно-очерченной личностью. Она, какъ женщина простая, посполитая, хочетъ, чтобъ сынъ ея оставался въ обычной для нея земледѣльческой средѣ; какъ любящая мать, она страшится въ козачествѣ военной опасности для сына; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдуя за общимъ мнѣніемъ своего вѣка, питаетъ уваженіе къ козачеству, хочетъ, поэтому, дружить съ козаками и думаетъ достичь этого тѣмъ, что сынъ ея, оставаясь земледѣльцемъ, будетъ приглашать къ себѣ

За плугомъ синиы ломати,
Жовтого сапьяну каляти,
Чорвоного едаману пълломъ набивати.

- ¹⁾ Цвѣтнѹю хрещатѹю короговъ выставляе,
То вже крикне-покрикне на сотники, на полковники,
На отаманы, на асаулы,
На козакы молодши, на слуги войсковыи.

(Вариантъ Котляревскаго).

- ²⁾ Вона ёго до зросту лѣтъ держала,
Въ наймы не пускала,
Чужимъ рукамъ на стараніе не давала,
При старости лѣтъ дожити дожидала,
По смерти славы-памѣяти сподѣвала.

(Варианты: Котляревск. Харьковск. Метл. 414. Лукаш. 37).

- ³⁾ Котляревск. Лукашев. 37.

- ⁴⁾ Ище жъ то вдова гласъ козацькій зачувае,
Сына свого Иваса вдвиченка у поле до плуга отсылае.

(Метлинск. 414).

- ⁵⁾ Мати моя, мати удово, старая жоно!
Когда бы ты, мати, чотыри воли половни а три чабаныи позаймала,
До города Крылова отогнала,
До жида орндаря, ще пятдесять золотыхъ приплатила,
Коня менѣ на славу козацькѹю купида,
Що моя душа козацькая, молодецькая, дуже возлюбля.

(Лукашев. Мал. и Черв. Д. и П. 38).

въ гости козаковъ и оказывать имъ хлѣбосолюство ¹⁾. Но сынъ понялъ несогласимость того, что такъ легко возможнымъ казалось женскому воображенію матери. Хотя я, отвѣчалъ онъ, и буду зазывать къ себѣ козаковъ на хлѣбъ на соль, но козаки будутъ прикладывать ко мнѣ прозвища, стануть величать меня домохлѣбомъ, лѣнтаемъ, гречкосѣемъ ²⁾.

Козакъ-воинъ, въ тотъ воинственный вѣкъ, смотрѣлъ свысока на земледѣльца, а страсть малоруссовъ прикладывать насмѣшливыя прозвища, столь обычныя въ народѣ до сихъ поръ, встарину служила не для одного поводомъ ко вступленію въ охотное козачество. И Ивася Коновченка судьбу рѣшили страхъ насмѣшки.

На другой день послѣ того, въ воскресенье, мать, отправляясь въ церковь, заперла все оружіе, но забыла запереть висѣвшую на стѣнѣ семипядную пищаль, а по другому варианту еще и саблю ³⁾. Оружіе въ домѣ не только козаковъ, но и посполитыхъ въ тотъ вѣкъ было не рѣдкостью, особенно въ пограничныхъ краяхъ, подвергавшихся внезапнымъ татарскимъ набѣгамъ.

Ивасъ, вышедши утромъ на рынокъ, услышалъ опять призывъ Хвилоненка; тотъ призывъ былъ послѣдній и сопровождался ѣдкой насмѣшкой надъ всякимъ,

1) Сыну мій, Ивасю Коновченку,

Чи у тебе нѣчого зѣсти,

Чи нѣ въ чимъ хорошенько походити?

Чи тебе городова старшина не знае,

Чи тебе мѣщанська челядь не поважае?

Чи тебе козацька громада не поважае?

Лучше ты будешь тѣ волю чабаныи и половныи у плугъ запрягати,

Будешь по рильцѣ хлѣбъ орати,

Будешь козакивъ и мужикивъ на хлѣбъ на силъ къ собѣ зазывать,

Будуть тебе козаки и безъ лицарства знати.

(Вариантъ Харьковск.).

2) Мати моя, старенькая жоно!

Не хочеться менѣ на волю козацькимъ голосомъ гукати,

Не хочеться менѣ въ пылу китайки пылити;

Хочъ я буду козакивъ до себе на хлѣбъ на силъ зазывать,

Будуть менѣ козаки прозваніе прикладати,

Домонтаремъ, гречкосѣемъ, полежаемъ прозывать,

Лучше я пійду, мати, на Черкень долину гуляти,

За вѣру христіянську одностойно стати.

(Харьков. Лукашев. 38).

3) Въ недѣлю рано пораненьку

Вдова старенькая до Божѣи церкви отхожала,

Все оружіе въ кимнату позамыкала,

Тилько одну семипядну пищаль на стѣнѣ zostавляла.

(Варианты: Котляревск. Харьковск.).

или:

Всю зброю козацькую замыкала,

Саблѣ булатныи, пищаль семипядныи на стѣнѣ zostавляла,

Дзвинь зачувала —

До Божого дому до церкви отхожала.

(Малор. и Черв. Д. и П., стр. 39).

кто почему-нибудь станет медлить сборомъ въ походъ. Кто будетъ ожидать отцовскихъ да материнскихъ обѣдовъ, тотъ будетъ догонять меня за шесть миль ¹⁾. Не утерпѣлъ Ивась, схватилъ попавшееся ему на глаза оружіе и пѣшкомъ пошелъ за войскомъ ²⁾. Сосѣди сказали объ этомъ его матери въ церкви ³⁾. Старуха Коновчиха, добродушная и глубоко любящая сына, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самолюбивая и своенравная, привыкли до сихъ поръ видѣть отъ сына повиновеніе материнской волѣ, не вынесла, когда услышала, что сынъ затѣялъ распорядиться безъ ея воли своею судьбою и разразилась проклятіями; о, чтобъ ты, сынъ мой Иванъ, не имѣлъ счастливой доли за то, что ты меня, вдову старую, покинулъ на хозяйствѣ ⁴⁾. По вариантамъ Мороза и Лукашевича, проклятіе это еще рѣзче: поднявши руки къ небу, мать проситъ Бога, чтобъ сынъ ея погибъ отъ пули на третьей стычкѣ съ непріателемъ ⁵⁾. По варианту Метлинскаго, для такого проклятія представляется иного рода побужденіе: Ивась Коновченко отбилъ запертую комнату, куда мать припрятала оружіе, вооружился и, выходя изъ своего двора, встрѣтилъ въ воротахъ мать; онъ обошелся съ нею грубо, сказалъ ей, что ея мѣсто сидѣть въ углу да качать ребенка, хотя бы чужого. Вотъ эта-то выходка и раздражила огорченную мать ⁶⁾. Но скоро, по варианту

- 1) Ивась изъ постелѣ встаетъ,
На рынокъ выхожае,
Слухае, послухае,
Що Корсунскій полковникъ промовляе:
— Который козакъ буде батькивськихъ и матчиныхъ обѣдивъ дожидати,
— Той буде мене за шість миль отъ города Черкасъ доганяти!—
(Вар. Харьковск.).
- 2) Саблю булатную у руки бере,
Пицаль семипядную на плече кладе,
За війскомъ пѣшки иде. (Малор. и Червонор. Д. и П. 39).
- 3) Сосѣди въ церковь уходили, вдовѣ сказали:
Ты, вдово, въ церквѣ стоишь, нічого не знаешь,
Що твого сына Ивася въ домѣ не мае.
- 4) Щобъ ты, сынъ мий Иванъ, счастья-долѣ не мавъ,
Якъ ты мене вдову, жону стареньку, на господарствѣ покидавъ!
- 5) До господы прибувала
По зброѣ козацкѣй признала,
Що Ивася у господѣ не застала,
Слѣзми плакала рыдала,
До небесъ руки пидиймала,
Свого сына Ивася проклинала:
Богдай мий сыну, слезы на тебе упали,
Богдай вони тебе на третѣи стрельбѣ спотыкали!
- 6) Тогдѣ Ивась Коновченко шаблю булатну и пицаль семипядну забирае,
Козацьке собѣ запалчиве сердце мае,
Келеномъ кимнату отбивае,
Всю козацьку зброю на плечи забирае,
Пѣхотою въ охотнѣ войско поспѣшае,
Матѣрь старенькую на воротяхъ стрѣчае,
Изгорда словами промовляе:
— Эй мати моя вдово, старенька жоно!

Лукашевича, въ тотъ же день ¹⁾, а по варианту Котляревскаго на другой ²⁾, а по варианту Метлинскаго ³⁾, черезъ два дня мать стала жалѣть, просила Бога не исполнить ея желанія зла сыну и обратитъ на нее самую произнесенное ею на сына проклятіе.

Видоизмѣненія въ вариантахъ нашей думы не лишены важнаго значенія для изслѣдователя народныхъ воззрѣній, такъ какъ здѣсь идетъ рѣчь о важнѣйшемъ нравственномъ понятіи, охраняющемъ дружелюбныя отношенія между родителями и ихъ дѣтьми. Вообще, въ этой думѣ несчастіе, постигшее впослѣдствіи Ивася Коновченка, состоитъ въ связи съ проклятіемъ, произнесеннымъ матерью въ пылу досады; хотя, по варианту Метлинскаго, сила проклятія не столько выказывается по своему существу, какъ произнесенный роковой способъ выраженія материнской досады, сколько по дурному поступку, который подалъ поводъ къ произнесенію проклятія.

Опамятовавшись отъ увлеченія гнѣвомъ, мать скорѣе спѣшитъ доставить сыну то, чего онъ просилъ у нея—коня; воображеніе матери беспокоитъ образъ Ивася, который, вслѣдъ за конными, долженъ бѣжать пѣшкомъ и томитъ себѣ ноги ⁴⁾. Денегъ у нея не было: чтобъ купить что-нибудь цѣнное, земледѣльцу

— Не подобало-бъ тобѣ козаковѣ молодому и дороги переходити,
— Подобало-бъ тобѣ въ кутку сидѣти,
— Да хоть чужую дитину малую колыхати,
— Абы якъ зъ успокоемъ хлѣба-соли уживати.

Тогдѣ то вдова, старенька жона, удариться обѣ-пола руками,
Обильється дрибными слѣзами.

Промовить стиха словами:

„Эй Ивасю вдовиченку, дитя мое,

„Богдай ты и туды не дийшло,

„И видти не прійшло!

Щобъ тебе перва куля не миновала,

У першѣ вѣйськовоѣ потребѣ споткала! (Метл. 416—417).

¹⁾ Знову отъ великого сердца отхожала,

Обѣдати сѣдала,

У загороду вхожала,

Словами промовляла:

Господи милосердый! будь мене мои слова старую на постелѣ споткали,

Що я на своего сына Ивася нарѣкала, (Малор. и Черв. Д. и П. 39).

²⁾ Рано въ понедѣлокъ отъ сна вдова прочинала,

Словами промовляла:

— Бѣдна, побѣдна моя голова вдовина!

— Що я своего сына ругала проклинала,

— Счастья-долю ёго козацьку потеряла!— (Бар. Котляр.).

³⁾ Два днѣ своего сына кляне-проклинае,

На третій день подумаетъ, погадае,

Руки до Бога здиймае,

Господа съ небесъ благае:

„Дай менѣ, Госноди, сѣ слова передь собою мати,

„А своего сына Ивася вдовиченка хочъ разъ у вичи повидати!“

(Метл. 417).

⁴⁾ Нехай винъ по походахъ пѣшки не ходитъ,

Своихъ молодецькихъ нижокъ не врывае.

(Метл. 418).

приходилось всегда сбывать что-нибудь из хозяйства. Денежнымъ челоѣкомъ и тогда, какъ теперь, былъ жидъ корчмарь (орандарь), къ которому, собственно, и стекалась вся добыча козацкая. Къ нему отправляетъ вдова своихъ воловъ (по другому варианту, съ прибавкою двухъ лошадей), доплачиваетъ пятьдесятъ (по варианту Мороза сто) золотыхъ, покупаетъ коня ¹⁾ и посылаетъ съ нанятымъ для того козакомъ, да еще прибавляетъ подарокъ козаку на горѣлку и на жупанъ за то, что доставитъ сыну ея коня ²⁾. Этотъ козакъ догналъ отрядъ Хвилоненка за двѣнадцать миль (по варианту Метлинскаго, на Гайманъ-долинѣ) отъ Черкасъ между пѣхотою ³⁾. Я думалъ, сказалъ молодець, что меня мать знать не хочетъ ⁴⁾ и проклинаетъ, а она обо мнѣ старается! ⁵⁾. Еслибъ то Богъ далъ мнѣ совершить этотъ походъ, не пошла бы моя мать по чужимъ дворамъ спотыкаться, занимать хлѣба-соли; я бы содержалъ ее до смерти ⁶⁾ и уважалъ ⁷⁾; а въ вариантѣ Котляревскаго Ивасъ хотѣлъ бы даровать матери въ услуженіе двѣнадцать плѣнныхъ турокъ ⁸⁾. Здѣсь оканчивается первая половина думы. Вторая содержитъ въ себѣ описаніе подвиговъ Ивася Коновченка, его смерти и погребенія.

¹⁾ Чотыре волы чабаны, а три половны

До города Крылова до жида орандари,

Ще пятьдесятъ золотыхъ приплатила,

Коня на славу козацьку купила.

(Вар. Котляревск.).

или:

Тогдѣ вона добре дбала, чотыри волы чабаны и два конѣ воронны зѣ
стада вырчала,

До жида орандари отговила,

Сто золотыхъ еще доплатила и пр.

(Вар. Мороза).

²⁾ И зѣ жидомъ рандаромъ торгъ торговала,

Ивасю вдовиченку коня на славу сноровляла,

Ще козаку запорозькому сѣмъ кийъ на жупанъ даровала,

А три кони на медъ да на оковиту горѣлку:

Эй козаче, козаче, колибъ ты добре дбавъ,

Гдѣ мого сына нагонишь, тамъ его оконишь!

(Метл. 418).

³⁾ За дванадцать миль корсуньскаго полковника догоняе,

Скоро полковника дигнавъ, мѣжъ пѣхоту вѣбавъ,

Ивася Коновченка мѣжъ пѣхотою признавъ,

Доброго коня ёму въ руки подавъ.

(Вар. Котляр.).

⁴⁾ Я жѣ думавъ, братцѣ, що обо мнѣ мати не знае не вѣдае.

(Вар. Котляр.).

⁵⁾ Я жѣ думавъ, що мене мати у домѣ клене-проклинае,

Ажѣ вона обо мнѣ велике стараніе мае!

(Метл. 418. Мал. и Черв. Д. и П. 40).

⁶⁾ Колибъ менѣ Богъ помигъ сією дорогою у потребу сходити,

Не пишла бѣ моя мати по чужихъ дворахъ спотыкати,

Хлѣба да солѣ позмчати,

Мигъ бы я ѣи при собѣ до вѣку содержати.

(Мал. и Черв. Д. и П. 40).

⁷⁾ Знавъ бы я якъ свою матѣрь у домѣ споважати.

(Метл. 418).

⁸⁾ Мигъ бы я ѣи дванадцать турокъ на послугу даровати.

(Вар. Котляр.).

Козаки прибыли къ цѣли. Вотъ Черкень-долина. По козацкому обычаю, битва открывалась герцами: то были передовыя схватки: съ обѣихъ сторонъ выступали на поле отважнѣйшіе молодцы и вступали между собою въ единоборство. Герцы въ козацкомъ быту имѣли особенно поэтическое значеніе: здѣсь могла проявиться личная храбрость ярче, нежели тогда, когда козаки выступали въ бой дружнымъ строемъ (лавою). Полковникъ Хвилоненко вызываетъ охотниковъ на герцы ¹⁾. Дума, для увеличенія славы своего героя, заставляеть всѣхъ замолчать ²⁾. Вызывается съ согласіемъ одинъ Ивасъ Коновченко ³⁾. Корсунскій полковникъ замѣтилъ, что онъ еще молодъ, не видалъ козацкой крови: какъ увидить, такъ и сомлѣеть! ⁴⁾. У полковника найдется для этого постарше козакъ ⁵⁾. Ивасъ Коновченко поражаетъ полковника своею смышленостью, которая, по народному воззрѣнію, проявляется мѣткимъ и удачнымъ сравненіемъ. Ивасъ представляетъ Хвилоненку въ примѣръ старую и молодую утку: молодая такъ же хорошо плаваетъ, какъ и старая ⁶⁾. Полковникъ отвѣчалъ, что если онъ ему загадалъ такую загадку, то благословляетъ его погулять на герцѣ ⁷⁾. Слѣдуетъ битва. Коновченко показываетъ чудеса храбрости ⁸⁾. Вариантъ

¹⁾ Козаки молодці!

Который межъ вами козакъ обереться, щобъ на доброго коня сѣдати,
Щобъ и зъ крымцями да съ нагайцями на роспутѣ погуляти.

(Вар. Котляр.).

²⁾ То всѣ козаки замовчали.

(Вар. Котляр.)

³⁾ Благослови ты менѣ, пане Хвилоне, на доброго коня сѣдати,
Съ крымцями да съ нагайцями на послынку погуляти!

(Вар. Харьковск.).

⁴⁾ Ты Ивасю Коновченку, дитина молода,

На полѣ й на морѣ не бувала,

Козацкой крови не видала,

Якъ кровь христіанську узришь —

Такъ и сомлѣешь!

(Вар. Котляр.).

или:

Корсунскій полковникъ до ёго словами промовляе:

Сыну, Ивасю вдовиченку, ты дитя малее,

Ты козацкого звѣчаю не знаешь,

Ты не способенъ гараздъ козакамъ и каши наварити,

А то-бъ то ты вийшовъ першій разъ на герець погуляти,

Славы козацкой спробовати.

(Вар. Мороза.)

⁵⁾ Еще у мене обереться старѣйшій козакъ на долині Черкенѣ погуляти.
(Малор. и Черв. Д. и П. 41).

⁶⁾ Пане Хвилоне! пійди ты на рѣку

Да піймай ты утя старее и малее,

И пусти ты ихъ на тихій Дунай,

Чи не полыве малее якъ и старее.

(Вар. Харьк.).

⁷⁾ Коли ты мигъ менѣ загадку таку загадати,

Благословляю тебе на герцѣ погуляти.

⁸⁾ Межъ крымцѣ и нагайцѣ вбѣгас,

Шестьдесятъ крымцѣвъ да нагайцѣвъ съ коней зямае,

Головы збивае,

Чотырнадцять рыцарей турецькихъ на арканѣ хватае,

Живцемъ до козацкого намету прыгонае. (Вар. Котляр., Харьк.).

Лукашевича замѣчаетъ, что Ивась Коновченко, встрѣчая стараго человѣка, оказываетъ ему уваженіе, какъ отцу, а встрѣчая молодого, обращается съ нимъ, какъ съ роднымъ братомъ ¹⁾, а по варианту Метлинскаго прибавляется, что Ивась, ѣдучи на бой, снялъ шапку, положилъ на себѣ крестное знаменіе, вспомнилъ отцовскую и материнскую молитву и сердечно простался со всякимъ козакомъ ²⁾.

По возвращеніи съ боя Корсунскій полковникъ оказываетъ Ивасю Коновченку почетъ, называетъ его братомъ, приглашаетъ его въ свой шатеръ поговорить о козацкихъ примѣтахъ ³⁾. По варианту Лукашевича, полковникъ Хвилоненко, сохраняя свой постоянно шуточный и насмѣшливый характеръ, говорилъ: я думалъ, что ты дитя молодое еще не дошелъ до разума и не знаешь козацкихъ обычаевъ, а ты, видно, за плугомъ ходилъ да все козацкіе обычаи собиралъ ⁴⁾. Ивась Коновченко садится рядомъ съ полковникомъ ⁵⁾, радуется,

Или:

По три янычары артельникы турецкихъ у степь заганяе,
По чотыри арканами накидае,
До палаты притягае,
Коло ихъ чересы червоны обирае:
То винъ хорошенько по-козацки велику добычъ мае. (Вар. Мороза).

Или:

На турецкыя таборы набѣгавъ,
Турецкыя наметы поперевертавъ,
Турокъ пятьдесятъ пидъ мечъ узивъ,
Девятеро живцемъ изывавъ. (Вар. Метл. 420).

Или:

Первого рыцаря стрѣчавъ, чоломъ давъ: съ плечъ голову знявъ,
Другого сострѣчавъ—и тому такій отвѣтъ подаровавъ,
Самыхъ найстаршихъ пятьсотъ человѣкъ рыцарей пидъ мечъ пускавъ,
Шести живцемъ пиймавъ. (Мал. и Черв. Д. и П. 42).

¹⁾ Старого человѣка сострѣчае,
За ридного батька поважае,
Молодого сострѣчае—
За ридного брата почитае. (Малор. и Черв. Д. и П. 42).

²⁾ Шликъ съ себе скидавъ,
Хрестъ на собѣ складавъ,
Отдеву й матчину молитву сиоминавъ,
И зъ усякимъ козакомъ сердечне прощеніе мавъ. (Вар. Метл. 420).

³⁾ Эй Ивасю вдовиченку, братецъ мий ридный!
Где-сь ты, каже, у походахъ бувавъ,
Козацкихъ звичаевъ признавъ:
Прошу жъ теперъ до мого намету,
Садемъ мы съ тобою, поговоримо объ козацкихъ прикметахъ. (Метл. 420).

⁴⁾ Я казавъ: ты дитя молодее съ розумомъ не дийшо,
Звичаю козацкого не знаешъ,
Ажъ бачу: ты за плугомъ похожавъ,
Всѣ звичаи козацкыи собиравъ! (Малор. и Черв. Д. и П. 42).

⁵⁾ Тогдѣ Ивась Коновченко
Съ Хвилономъ полковникомъ корсунскимъ по-плѣчъ сѣдае. (Метл. 426).

что полковникъ зоветъ его братомъ и говоритъ полковнику: благослови мнѣ, панъ полковникъ, напитаться оковитой: я еще лучше побьюсь съ крымцами и нагайцами. Ивась Коновченко — отвѣчалъ полковникъ: — я слыхаль отъ старыхъ людей, что эта оковитая (водка, лат. aqua vitae) очень вредная вещь: не одного человѣка она со свѣта свела! ¹⁾. По варианту Котляревскаго, полковникъ послѣ этой рѣчи вышелъ на время изъ шатра, а Ивась Коновченко безъ спросу самъ хватилъ достаточное количество горѣлки, сѣлъ на коня и пустился въ бой съ крымцами и нагайцами ²⁾. По другимъ вариантамъ, самъ полковникъ дозволилъ ему выпить, но тутъ же предрекалъ ему бѣду, если онъ пьяный пустится въ бой ³⁾. По варианту Мороза, Ивась Коновченко два раза, одинъ за другимъ, выѣзжалъ на бой и ворочался съ побѣдою, но въ третій разъ, не послушавшись полковника, напился водки изъ бочки, черезъ трубочку, и пустился въ битву ⁴⁾. По вариантамъ Лукашевича, Мороза и Метлинскаго, въ

- ¹⁾ Ивась Коновченко тее зачувае,
Великую радисть мае,
Що корсунскій полковникъ братомъ ёго называе.
То винъ словами промовляе:
— Корсунскій полковнику пане Хвилоне,
— Благослови менѣ оковитой горѣлки напитаться,
— То я могу еще и лучше съ крымцами и нагайцами побитися.—
Полковникъ словами промовляе:
„Ивась Коновченко! я слыхавъ отъ старыхъ людей,
„Що снѣ оковитая горѣлка барзо надить,
„Не одного чоловѣка зъ сѣго свѣта збавить. (Вар. Котляревск.).
- ²⁾ У той часъ годину где-сь корсунскій полковникъ отгодився,
Ивась Коновченко доволно горѣлки напивси,
На доброго коня сѣдае,
Межъ крымцѣвъ и нагайцѣвъ вбѣгае.
- ³⁾ Ой Ивасю Коновченку, ще ты дити молодее,
Будешъ ты хмель уживати,
Будешъ передъ мене, пана молодого,
На долину Черкенѣ голову козацьку покладати.

(Малор. и Черв. Д. и П. 43).

Или:

Не велю я тобѣ, сыну, оковитой напивати,
Да ийти съ бусурманами на долину гуляти,
Коли жъ уже ты хочешъ ѣи напивати,
То велю въ моему намѣтѣ лягти спочивати.

(Макс., изд. 1834, стр. 55).

- ⁴⁾ А винъ на radoцахъ, якъ узивъ пити-гуляти,
Смѣлости сердцю пиддавати,
То ще въ третій разъ на герець выхожавъ гуляти.
А корсунскій полковникъ до ёго словами промовляе:
Сыну Ивасю вдовиченку! Я тобѣ не велю въ третій разъ выхожати,
На герець гуляти,
Бо ты теперъ горѣлочку попиваешъ, а горѣлочка часомъ израдлива,
Хоть якого козака зъ свѣта избавляла.
А винъ отъ полковника тѣ слова зачувавъ,
Та ще собѣ хорошеньку цѣвочку до рукъ прибравъ,

этотъ разъ Ивась Коновченко является уже не такимъ благочестивымъ и благо-
 нравнымъ, какъ при первомъ его выѣздѣ въ бой, и отъ этого-то Богъ не по-
 могъ ему ¹⁾). Въ прочихъ вариантахъ этой черты нѣтъ. По варианту Котлярев-
 скаго, Ивась Коновченко и въ этотъ свой послѣдній выѣздъ на бой успѣлъ
 еще свалить съ коней семьдесятъ человекъ враговъ; но потомъ бусурманы до-
 гадались, что козакъ въ хмелю, отбили его отъ козацкаго табора, окружили,
 свалили съ коня, покрыли смертельными ранами, но коня его не поймали. Пол-
 ковникъ, увидя, что козацкій конь безъ всадника мечется по полю, посылаетъ
 козаковъ ловить его и найти тѣло убитаго козака ²⁾). По варианту Лукашевича,
 для этой цѣли отряжается огромное число козаковъ ³⁾).

Да и до кухвы дохвотився,
 Да зъ кухвы нишкомъ цѣвочкою горѣлки нанвися,
 Самъ молодець добрый на коника схватився...

1) Шляка не здиймае, хреста на собѣ не слагае. (Метл. 421).

Или:

Старого козака стрѣчае, гордымъ словомъ зневажае.
 Молодого стрѣчае, опрошенья не пріймае, стременомъ о грудь поторкае,
 То Богъ ему не помогъ. (Мал. и Черв. Д. и П. 43).

Или:

По табору повѣжае, да зъ казанивъ козакамъ каши перевертае,
 Да старого й молодого козака уништожае,
 Самъ у собѣ выхваляется, що винь у собѣ велике лыцарство мае;
 Що-жь-то я козакъ добрый, да пидо мною шей кинь добрый.

(Вар. Мороза).

2) Межь кримицъ да нагайцѣ вѣбгае,
 Сѣмдесятъ чоловѣкъ съ коней збивае.
 Стали безбожнии бусурманы козака въ хмелю признавати,
 Стали отъ табора козацкаго далѣ отбавляти,
 Скоро отъ табора козацкаго отбавляли,
 Округъ ёго оступали,
 Тамъ ёго посѣкли—порубали,
 Смертельными ранами даровали,
 Тильки козацкаго коня не пиймали.
 Кинь козацкій по табору играе,
 Нѣбы ясенъ сокидъ лѣгае.
 Корсунскій полковникъ зобачае и промовляе:
 „Не дурно нашого Коновченка кинь по табору играе,
 „Знати: ёго въ живыхъ не мае.
 „Вы, панове, сами не добре учинили,
 „Що льяного чоловѣка зъ своихъ рукъ спустили.

Добре, вы братія, дбайте,

На конѣ козацкій сѣдайте,
 Козацкее тѣло позбирайте,

До козацкаго намету привезѣте. (Вариант. Харьков. и Котляр.).

3) Самъ Хвилоненко у полудню годину зъ намету выступае,
 На таборъ поглядае,
 Що кинь козацкій полежъ гуляе,
 Винь до козакивъ промовляе:
 Эй козаки молодцѣ, добре дбайте,
 Кости да карти покидайте,

Затѣмъ во всѣхъ вариантахъ слѣдуетъ погребеніе Коновченка ¹⁾. Но въ вариантѣ Метлинскаго и въ Галицкомъ его принесли къ полковнику, хотя раненнаго, но еще живого. Такъ какъ, по этому варианту, Ивасъ Коновченко оскорбилъ мать свою при выступленіи изъ дома въ походъ, то смерть его является какъ бы карою за такой дурной поступокъ, и онъ самъ произноситъ, что его покарала родительская молитва. Затѣмъ слѣдуетъ разговоръ съ полковникомъ Хвилоненкомъ. Полковникъ спрашиваетъ: похоронить ли его здѣсь на мѣстѣ смерти, или отвезти въ Крыловъ? Нѣтъ, — отвѣтилъ умирающій, — не причиняйте печали и тоски моей матери; похороните меня на Черкенѣ долини ²⁾.

По-мѣжъ собою вистѣмъ тысячь вѣйска на вибирь вибирайте,
Штыри тысячи по тѣло поспылайте,
А штыри тысячи коня козацького пѣймаць поспылайте.

- 1) Шаблями надилками суходилъ конали,
Шалками, приполами персть вибирали,
Ивасъ Коновченку могилу насыпали,
Въ семиньядиѣ пицалѣ гримали,
У суремки жалибно выгравали,
Славу козацьку выхваляли. (Максим., изд. 1834, стр. 56).

Или:

Высоку могилу насыпали,
У головонькахъ червонный прапоръ постановили,
Изъ семиньядныхъ пицалей прозвонили.

(Малор. и Червон. Д. и П. 45).

- 2) Козаки добре дбали,
На конѣ сѣдали,
На Черкенѣ долину пробѣгали,
Ивася вдовиченка у трупу тѣло знаходили.
Вжежь винъ и очима не згляне,
И руками не здийме,
И ногами не пѣйде,
Тилько словами промовляе:
„Помалу, братця, не вразте моихъ смертелныхъ ранъ:
„Не булатными шаблями мене порубали,
„Не ордынськими стрѣлами зъ коня збивали,
„Се мене отцева молитва да матчины слѣзы побили!“
Оттогдѣ козаки добре дбали,
Ивася вдовиченка взяли,
Передъ Хвилоня курсунського полковника у наметъ представляли,
Тогдѣ-жь то Хвилонъ курсунскій полковникъ зъ намету вихожае,
И стиха словами промовляе:
— Где-жь теперь, Ивасю вдовиченку, повелишь себе поховати!
— Чи до города Крылова отбавляти?
— Чи на Черкенѣ долини по-козацьки поховати!—
„Эй, Хвилоне, полковнику курсунскій, батьку старый!
„Не велю я тобѣ до города Крылова отбавляти,
„Моей матери тоски й печали задавати,
„А велю на Черкенѣ долини по-козацьки поховати!“

Въ Галицкомъ вариантѣ умирающій Ивасъ Коновченко говоритъ полковнику:
Ой, не кажѣть мамѣ, що такъ марне згибаю;

И было поступлено такъ, какъ желалъ онъ ¹⁾. Здѣсь конецъ второй части думы. Слѣдуетъ затѣмъ еще третья, посвященная матери убитаго въ бою богатыря.

Въ ночь съ субботы на воскресенье, передъ днемъ смерти Ивася Коновченка, приснился матери его такой сонъ. Видѣлось ей, будто сынъ ея женился и взялъ себѣ женою турчанку, гордую, пышную дѣвицу; она ни на кого не работаетъ барщины, никому не платитъ дани, никто къ ней въ уголь не стучитъ (то-есть, не вызываетъ къ исполненію повинностей, какъ обыкновенно дѣлали въ малороссійскихъ городахъ и селахъ); она одѣта въ зеленую одежду съ бѣлыми шурками, она такова, что ни царю, ни королю не поклонится. Старуха пошла къ сосѣдкамъ и стала рассказывать свой сонъ. Сосѣдки сразу поняли, что этотъ сонъ не къ добру, но не стали тревожить старухи, а увѣрили ее, что сонъ ея предвѣщаетъ благополучіе: сынъ ея воротится и будетъ дарить ее кармазиномъ (краснымъ сукномъ) ²⁾. По народному южнорусскому повѣрью, бракъ, видѣнный во снѣ, предвѣщаетъ смерть тому, кого видѣли вступившимъ въ бракъ. Но въ думѣ старуха-мать представляется какъ бы вовсе незнающею такого общераспространеннаго повѣрья, и вообще она представляется во всемъ очень простоватою.

Ожидая возвращенія козаковъ изъ похода, старуха готовится для

Але кажѣтъ, що три барвы (три цвѣта) на рикъ убераю,

Ой, убераю на веснѣ зелененькую,

А въ осени чорненъкую, а въ зимѣ бѣленькую.

(Чт. И. Общ. И. и Др. 1863. III. 11).

¹⁾ Оттогдѣ-жъ козаки добре дбали,

Штыками суходилъ копали, шапками землю выносили,

Ивася вдовиченка похоронили

Изъ ризныхъ пицаль подзвонили,

По Ивасю вдовиченку похоронъ исчинили.

(Мегл. 423).

²⁾ Въ субботу на недѣлю вдовѣ старенькѣй Коновчискѣ

Снився, приснився сонъ чуденъ на причудъ,

Барзо дивенъ да й предивенъ.

Вдова отъ сна прочинала,

На рынокъ выходжала,

Съ сусѣдами говорила:

— Сусѣду, приснився менѣ сонъ чуденъ да причуденъ,

— Що видиться менѣ: сынъ въ вѣйску оженився,

— Понявъ собѣ жону туркеню, горду да пышну,

— Въ зеленѣй сукнѣ, съ бѣлыми басанами:

— Вона подачи не дае,

— Никто до неї въ уголь не товкае,

— Вона панщины не робить,

— Царекѣ й королевѣ головы не склонить,

— Тільки вона собѣ правдивого судію Господа на небѣ мае!—

Сусѣди тее зачували,

Вдовинъ сонъ отгадали,

Тільки вдовѣ правды не сказали.

„Вдово небого! Буде твий сынъ зъ вѣйска прибувати,

„Буде тебе козацькимъ кармазиномъ даровати!“

угощенія ихъ медь и горѣлку ¹⁾. Козаки появляются. Идетъ первая сотня. Вдова спрашиваетъ о сынѣ. Козаки сказали ей, что сынъ ея женился на турчанкѣ и простоватая старуха принимаетъ ихъ слова въ буквальный смыслѣ, угощаетъ козаковъ и благодарить Бога, что далъ ей дожидаться невѣстки ²⁾. Идетъ другая сотня (по варианту Котляревскаго дивизія). Вдова еще разъ спрашиваетъ о сынѣ. Козаки говорятъ ей аллегорическій образъ брака, приведенный уже выше, изъ котораго можно было бы догадаться, что случилось; но вдова остается недогадливою, несмотря на то, что они ей рассказываютъ, почти до-словно, ея собственный сонъ ³⁾. Идетъ, наконецъ, третья сотня: ведутъ коня убитаго Ивася Коновченка—(по однимъ вариантамъ, ведетъ его самъ корсунскій полковникъ ⁴⁾, по другимъ, хоружій ⁵⁾, по третьимъ, два козака ⁶⁾). Тутъ только поняла вдова въ чемъ дѣло и въ ужасѣ упала ⁷⁾. По варианту Котляревскаго, судьба Коновченка и теперь объясняется послѣдствіемъ непреодолимой

¹⁾ Цеберъ меду, кинву горѣлки наточила.

(Малор. и Червон. Д. и П. 45).

Или:

Вдова не убога бувала:

Чотири бочки горѣлки и шѣсть меду на брамѣ становила.

(Вар. Котляревск.).

²⁾ Вдово небога! Не журися!

Твій сынъ оженився,

Понявъ собѣ жинку туркеню

Горду да пишну невѣсту;

Вдова тее зачувала,

Кождого козака частовала,

Словами промовляла:

„Хвала тобѣ, Господи,

„Що я собѣ тихой да веселои невѣстки диждала,

„Хочь буду козакамъ куренѣ підмѣтати,

„Абы мене могли при старости лѣтъ у себе держати!“

³⁾ Эй, мати, вдово, старенька жоно!

Не журися по своему сыну Ивасеньку!

Ужежъ теперь твій сынъ на Черкень-долинѣ оженився,

Понявъ винъ туркеню, препышную нанну,

Ужежъ теперь винъ въ войско не ходить,

Нѣ якои подачи не дае,

Никто въ козацкій уголь не стукае,

Оттогдѣ-то вдова недогадлива була.

(Метл. 423).

⁴⁾ Корсунскій полковникъ иде,

Коня въ рукахъ за поводы веде.

(Вар. Котляр. Вар. Мороза).

⁵⁾ Третя сотня пидъ полковою короговою,

По переду хоружій иде,

Вдовиного коня за поводы веде.

(Вар. Харьк.—Вар. Лукаш. Мал. и Черв. Д. и П. 45).

⁶⁾ Два козаки козацкого коня на поводахъ веде.

(Максим. Укр. пѣсни. 1834 г. 57).

⁷⁾ Вдова на воротахъ стае, коня признае,

Коня признала, до землѣ впала,

И слѣзьми плакала рыдала,

(Вар. Мороза).

силы произнесеннаго матерью въ пылу досады проклятiя. Вдова упрекаетъ и клянеть полковника; а Хвилоненко отвѣчаетъ ей, что виновата во всемъ она сама: зачѣмъ не пускала сына въ охотное войско и проклинала его ¹⁾). Въ вариантахъ Лукашевича и Мороза полковникъ оправдывается предъ вдовою тѣмъ, что не онъ посылалъ Ивася, а молодецъ самъ, напившись пьянъ, выѣхалъ на бой и оттого палъ ²⁾). Въ заключенiе, по всѣмъ вариантамъ, вдова угощаетъ и одариваетъ козаковъ, отправляя тѣмъ и свадьбу и похороны своему сыну ³⁾). Дума заканчивается прославленiемъ героя.

- ¹⁾ Скоро тее уздрѣла то барзо зомлѣла,
На ногахъ не устояла къ сырѣй землѣ грудью упала,
Въ гору руки пидиймала полковника проклинала:
Богдай ты, полковнику, счастья-долѣ не мавь,
Якъ ты мого сына зо всего вѣйска потерявь.
Полковникъ самъ не пшешъ бувае,
Зъ козацького коня злѣзае,
Вдову, старенькую жону, зъ землѣ пидиймае, словами промовляе:
— Вдово небога мене не проклинай,
— Счастья мого, долѣ козацькой не терай!
— Ты сама недобре починала,
— Що свого сына въ вѣйска охотнее не пускала,
— Сына своего проклинала,
— Счастья ёго и долю потеряла.

- ²⁾ Я твого сына на герецы не пускавь,
Винь самъ охоту козацькую мавь. (Малор. и Черв. Д. и П. 46).

Или:

Я ёму не ведѣвъ третій разъ выхожати.
Бо винь горѣлочку пошивавъ,
А винь постився да до кухни дохватився,
Да зъ кухни нишечкомъ цѣвочкою горѣлки напився. (Вар. Мороза).

- ³⁾ Тогдѣ вдова небога ся мала,
Три сотни вѣйска у свой домъ закликала.
— Оттепера козаки, панове молодцѣ, пйте и гуляйте,
— Разомъ похоронъ и весѣлья отправляйте!—
Тогдѣ козаки пили да гуляли
Изъ семипядныхъ пицалей гримали,
Славу козацькую выславляли. (Малор. и Черв. Д. и П. 46).

Или:

Тогдѣ вдова небога ся мала,
Сорокъ тысячъ (?) козацького вѣйска въ свий дворъ зазывала,
Трое сутокъ нѣ ѣсти, нѣ пити не забороняла,
Всѣхъ козакивъ якъ бояръ даровала,
Давала хустки тканѣ вышиванѣ,
Заразомъ похоронъ и весѣлья отправляла,
Козацькую славу прославляла. (Вар. Котляр.).

Или:

...До себе всѣхъ козакивъ зазывала,
Медомъ, виномъ да горѣлкою наповала,
За сына своего Ивася вдовиченка похороны да й весѣлья отправляла,
Словами промовляла:

Событіе, составляющее предметъ этой думы, Максимовичъ, въ своемъ изданіи Украинскихъ пѣсенъ 1834 года, отнесъ къ 1684 году. Его мнѣнію послѣдовали и другіе издатели (Метлинскій, Жегота Паули). Нельзя съ этимъ согласиться. Обстановка жизни, представленная въ этой думѣ, скорѣе можетъ указывать на времена, предшествовавшія эпохѣ Хмельницкаго; и спокойное пребываніе въ краѣ іудеевъ-арендаторовъ и денежные средства въ ихъ рукахъ, все это — черты времени до возстанія и до избіенія жидовъ. Въ концѣ же XVII вѣка, именно около 1684 года, край праваго берега Днѣпра былъ разоренъ и обезлюденъ. Полковникъ Хвидоненко дѣйствительно существовалъ въ первой половинѣ XVII вѣка и извѣстенъ, какъ товарищъ Гуни и Острилицы въ возстаніи противъ поляковъ: вмѣстѣ съ ними онъ, кажется, ушелъ въ Московское государство, по крайней мѣрѣ, его имя не встрѣчается послѣ усмиренья тогдашняго козацкаго возстанія.

Едва ли мы ошибемся, если отнесемъ къ періоду до Хмельницкаго днѣпріисни, впервые у насъ записанныя Максимовичемъ и теперь извѣстныя намъ уже и по другимъ вариантамъ. Въ первой изъ этихъ пѣсенъ ¹⁾ описывается

Гости мои милѣ да любѣ, пійте, гуляйте,
Да мого сына Ивася вдовиченка по смерти спомняйте!

(Вар. Мороза).

Или:

Всѣхъ козакивъ на хлѣбъ, на силъ зазывала,
Похоронъ и весѣлья Ивася отбувала,
Полковниковъ коня козацкаго даровала,
Старшимъ шаблѣ пицалѣ Ивасевъ роздавала

(Макс. 57).

Или:

Всѣхъ козакивъ на хлѣбъ, на силъ зазывала,
Усѣмъ рушники подавала
Тожъ вона Ивасевѣ похоронъ и весѣлья справляла.

(Вар. Харьк.).

¹⁾ Видкиль ѣдешъ? Отъ Дунаю.

А що чувавъ про Михайду?

Эге! Чувавъ? Я самъ видавъ:

Ишли ляхи на три шляхи,

А козаки на чотыри,

А татары поле крыли.

А въ тимъ війську козацкому

Ѣхавъ возокъ да й покрытый

Чорвою китайкою

Заслуговъ козацкою,

А въ тимъ возку бѣле тѣло,

Порубане, почорнѣле:

За тимъ возкомъ кинь лыцарскій,

Веде коня хлопъ козацкій,

Держить въ рудѣ списъ довгенькій,

А у другій — мечъ ясенькій,

А изъ меча кривця тече;

По Михайлѣ мати плаче.

Не дуже винъ порубаній:

Головонька на три части,

Бѣле тѣло на чотыри.

привозъ тѣла убитого козака-богатыря съ береговъ Дуная, куда ходили козаки разомъ съ ляхами. Богатырь называется Михайломъ, а въ Галицкомъ вариантѣ Михаемъ. Имя Михайла подало поводъ подозрѣвать въ этомъ богатырѣ отца Богдана Хмельницкаго—Михайла, убитого въ сраженіи подъ Цепорою. Это, разумѣется, одна догадка, впрочемъ, имѣющая за собою извѣстную степень вѣроятія, если допустить, что уваженіе къ освободителю Южной Руси распространилось и на его родителя. Еще болѣе вѣроятія, что эта пѣсня во всякомъ случаѣ относится къ эпохѣ совмѣстнаго движенія поляковъ и козаковъ противъ турокъ, когда происходили битвы Цепорская и Хотинская.

Другая пѣсня изображаетъ прощаніе козака съ матерью и сестрами, а потомъ мать напрасно ожидаетъ своего сына изъ «Гостина». вмѣсто сына возвращаются козаки и на вопросъ матери: не видали ли ея сына? говорятъ ей: не тотъ ли твой сынъ, что семь полковъ разбилъ, за восьмымъ полкомъ голову сложилъ? Надъ нимъ летала и куковала кукушка, кони ржали, когда везли его тѣло, скрипѣли подъ нимъ колеса и плакали слуги, слѣдуя за нимъ ¹⁾). Въ Га-

— Шукай, доню, лѣкароньки,
— Зеленой муравоньки.—
„На що, мати, лѣки дбати.
Треба досчокъ добувати,
Хоромину будувати,
Безъ дверь хата, безъ виконецъ
Бо вже прійшовъ ему кінець“.

(Макс. Укр. II).

Галицкій вариантъ:

Доливъ, доливъ долинами,
Бдуть турки съ татарами,
А мѣжъ ними визъ кований,
А въ тимъ возѣ Михай лежить,
Порубаний, постреляный,
Капле кривця у кирницю,
Съ кирниченьки рѣчка тече,
Надъ рѣчкою воронъ криче,
По Михай мати плаче.
— Не плачь, мати, не журися.
— Не дуже го порубано,
— Не дуже го постреляно,
— Головонька на четверо,
— А серденько на шестеро,
— А ниженки на гишечки,
— Бїле тѣло якъ макъ мѣло (мелко).
— Не плачь, мати, не журисъ,
— Бо вже сына поховано,
— Вже му хату збудовано,
— Безъ дверь хата, безъ виконецъ,
— Михаевѣ вѣчний кінець! —

(Чт. И. Общ. Ист. и Др. 1863. III. 24).

¹⁾ Ой мала вдова сына сокола
Выговдала, въ вїйсько отдала,
Ой старша сестра коня сѣдлала,
А середульша хустку качала,

лицкомъ вариантѣ этотъ богатырь названъ Василемъ ¹⁾. Максимовичъ догадывался, что названіе «Гостинь» есть испорченное названіе Хотина, и пѣсня эта отно-

А наймолодча выпровожала,
 А мати ёго выпытовала:
 Сину мій, коли прійдешъ до насъ?
 — Тогдѣ я, нене, прійду до васъ,
 — Якъ павине пѣрье на спидь потоне,
 — А млыновый камѣнь на верхъ выплыне, —
 „Вже жь млиновый камѣнь на верхъ выплывувъ,
 „А павине пѣрье на спидь потонуло,
 „А мого сына зъ Гостина не видно“.
 Выйшла на гору—ой все полки йдуть,
 Да мого сына коника ведуть.
 Пыталась вона всеи старшины:
 Чи не бачили сына сокола?
 Чи не то твій сынъ, що сѣмъ полкивъ вбивъ,
 За восьмымъ полкомъ голову схиливъ?
 Зозуля лѣтала надъ нимъ куючи,
 А коники ржали ёго везучи,
 Колеса скриѣли пидъ нимъ котючись,
 Служеньки плакали, за нимъ идучи.

(Макс. Укр. II. 1834. IX, стр. 157).

¹⁾ Галицкій вариантъ:

Ой мала вдова сына сокола,
 Выговдала, въ вѣйсько отдала,
 Ой старша сестра коня сѣдлала,
 А середульша хустку качала,
 А наймолодча шаблю подала,
 Якъ подавала, то й промовляла:
 — Ой, брате милый, брате Василю!
 — Коли жь ты прійдешъ до насъ въ гостину?
 „Выйди, сестричко, на круту гору
 „Да выглядай мене по край Дунаю“.
 Выйшла сестричка на круту гору
 Да гляне очкомъ на край Дунаю!
 На крутѣй горѣ бѣлъ камень лежить,
 Тамъ все сестричка за братомъ тужить.
 Выйшла сестричка на круту гору
 Да гляне очкомъ на край Дунаю:
 Ажъ тамъ козаки купоньками йдуть.
 Брата Василя коника ведуть.
 Ой вы козаки, ой вы шалѣвѣры,
 Где-сь вы мого братонька дѣли?
 Чи не той-то твій братъ, що три вѣйська збивъ,
 А за четвертымъ голову положивъ?
 Зозуля легѣла намъ нимъ куючи,
 Коники ржали ёго везучи,
 Колеса скриѣли пидъ нимъ котючись,
 Служеньки плакали за нимъ идучи.

(Чт. И. Общ. И. и Др. 1863 г. III. 25).

сится къ эпохѣ Хотинскаго сраженія, но въ Галицкомъ вариантѣ вмѣсто изъ «Гостина» поется «въ-гостину», т.-е. къ намъ въ гости. И такимъ образомъ смыслъ измѣняется. Во всякомъ случаѣ, всякъ, у кого есть чутье настолько, чтобы въ народной поэзіи отличить старое отъ болѣе поздняго, долженъ будетъ согласиться съ мнѣніемъ Максимовича, находившаго, что весь складъ этой пѣсни обличаетъ древнее происхождение: между прочимъ, указывалось на размѣръ стиха въ этой пѣснѣ и на сравненіе невозвратимости козака съ невозможностью тонуть тому, что по своей природѣ плаваетъ, и плавать тому, что должно тонуть; это напоминаетъ извѣстное выраженіе мирнаго договора князя кievскаго, Владимира Святого съ Болгарами Волжскими. Изъ древнѣйшихъ элементовъ, продолжавшихъ существовать въ народной поэзіи въ отрывочномъ видѣ, складывались пѣсни примѣнительно къ событіямъ поздняго времени. Такъ дѣлается теперь, такъ дѣлалось и прежде. Поэтому, если бы эта пѣсня составила въ ея данномъ видѣ въ эпоху Хотинской войны, то основа ея, вѣроятно, еще старѣе.

Такъ же точно, по своей основѣ, принадлежать глубокой древности тѣ пѣсни, гдѣ убитый козакъ представляется бесѣдующимъ съ своимъ конемъ: онъ посылаетъ его съ вѣстью къ своимъ роднымъ и приказываетъ сказать, что онъ женился: могила въ этомъ случаѣ аллегорически изображаетъ невѣсту. Общность такого образа съ малорусскимъ въ пѣсняхъ великоруссовъ, сербовъ и даже грековъ свидѣтельствуетъ о его древности. Въ южнорусской народной поэзіи такой образъ пріуроченъ къ явленіямъ степной борьбы козаковъ съ бусурманами. Вотъ, на примѣръ, надъ убитымъ козакомъ стоитъ его конь и спрашиваетъ: кому отдастъ его господинъ? Турку или татарину? Тебя турокъ не поймаетъ, а татаринъ не осѣдлаетъ, отвѣчаетъ козакъ ¹⁾ и приказываетъ бѣжать къ матери козака и извѣстить, что сынъ ея женился и взялъ жену боярышню въ чистомъ полѣ землянку ²⁾. Подобныхъ пѣсень такое множество, что приводитъ ихъ было бы и утомительно, и бесполезно.

Описаніе смерти козака въ степи, естественно, должно было сдѣлаться любимымъ образомъ въ народной пѣсенности. Такіе образы были милыми сердцу и воображенію многихъ. Родители вспоминали своихъ дѣтей, не возвратившихся изъ похода въ степь, сыновья своихъ отцовъ, погибшихъ въ степяхъ; много въ Украинѣ было женщинъ, лишившихся въ степяхъ своихъ мужьевъ и братьевъ, или томив-

1) — Кому мене вручаешь,
— Кому коня покидаешь,
— Чи турчину, чи татарину? —
„Тебе, коню, турчинъ не пиймае,
А татаринъ не осѣдае“.

2) Прибѣжи, коню, до двору,
Да вдарь копытомъ въ болону,
А вийде до тебе ненька старенька,
Козацькая матусенька,
Да не кажи, коню, що я убився,
А скажи, коню, що я оженився.
Да понявь собѣ паняночку,
Въ чистѣмъ полѣ земляночку,
Куды вѣтеръ не вѣе,
Куды сонечко не грѣе.

шихся незнаніемъ о постигшей ихъ судьбѣ, послѣ того какъ они, покинувши свой домъ, отправились на степные подвиги. Отъ такихъ-то сердечныхъ движеній исходили эти грустные пѣсни, часто сложенные на старой подыладкѣ, усвоенной бессознательно отъ прежнихъ поколѣній. Тогда же слагались о такихъ предметахъ думы, и распѣвали ихъ кобзари; слушались тѣ думы народомъ съ любовью, и нѣсколько такихъ дошло до насъ.

Такова, во-первыхъ, дума о смерти атамана Безроднаго, иногда называемаго Хведоромъ, иногда Хоюю Безроднымъ. Максимовичъ, на основаніи историческихъ соображеній, пытался опредѣлить: кто такой именно былъ этотъ атаманъ Безродный, но кажется, что это имя въ началѣ было не собственное, а нарицательное. Это типъ козака сироты, безъ рода, безъ племени. Это подтверждается тѣмъ, что иногда къ слову безродный прибавляютъ еще слово «безплеменный». Это кличка, которая могла даваться многимъ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время; хотя эта кличка легко могла перейти и въ собственное имя, какъ прозвище, но также могла даваться и такому, который уже носилъ другое прозвище. У насъ четыре варианта этой думы: одинъ напечатанъ въ сборникѣ Максимовича, другой—въ сборникѣ Метлинскаго, третій—въ Запискахъ Югозападнаго Отдѣла Географическаго Общества напечатанъ со словъ кобзаря Вересая, четвертый—въ рукописномъ собраніи Котляревскаго. Есть между ними отличія, но общаго между ними то, что козакъ Хведоръ (Федоръ) безродный, бездольный, безплеменный умираетъ на берегу Днѣпра отъ полученныхъ ранъ, разговариваетъ съ своимъ чурою, называемымъ въ одномъ вариантѣ Вересая собственнымъ именемъ «Ярема», посылаетъ его отыскать козаковъ. Стекаются товарищи и погребаютъ испутившаго духъ отъ ранъ.

По варианту Максимовича, молодой козакъ обѣдалъ надъ днѣпровскимъ заливомъ; вдругъ набѣжали ушкалы (татарскіе наѣздники), изрубили его, но не поймали его чуры (иначе джуры). Чура возвращается къ своему раненому господину и промываетъ его глубокія раны ¹⁾. По вариантамъ Котляревскаго и Вересая, изображается поле битвы, много козаковъ побито ²⁾, и одинъ Хведоръ Безродный чуть живъ лежитъ, по варианту Вересая, между трупами ³⁾, по ва-

1) По надъ сагою Днѣпровою,
Молодй козакъ обѣдае,
Не думае, не гадае,
Що на ёго молодого, ще й на чуру малого бѣда настагае,
То не вербы луговни зашумѣли,
Якъ безбожяѣ ушкалы налетѣли,
Хведора Безриднаго, отамана курѣннаго, постреляли, порубали,
Тильки чуры не пиймали.
То малый чура до козака прибувае,
Раны ёму глыбокѣи промывае. (Максим. Укр. П. 1834 г., стр. 26).

2) Тѣи дороги потреби вийсьвовои противъ землѣ царськой

Не богато вийска козацького понажено
И передъ мечемъ положено,
Нѣ одной души живой козацькой не оставлено.

3) По потребѣ, по потребѣ барзе царськой

Ей то тамъ-то много вийська понажено
То черезъ мечу положено,

ріанту Котляревскаго, подъ увѣсистою вербою надъ днѣпровскимъ заливомъ, и чура промываетъ ему раны ¹⁾. Въ вариантѣ Метлинскаго подобный же образъ: козакъ лежитъ израненный, но неизвѣстно, гдѣ, и какъ, и кѣмъ; близъ него слуга, зажженная свѣча въ рукахъ (эта свѣча, должно быть, позднѣйшее измышленіе) ²⁾. Далѣе, по варианту Максимовича, израненный Хведоръ Безродный слышитъ шумъ и посылаетъ чуру узнать, что это такое, и если ушкалы, то приказываетъ ему укрыться, а если козаки, то пригласить ихъ къ нему. Чура, пробѣжавши по берегу, увидаль козаковъ, замахалъ на нихъ шапкою, и когда козаки, плывя въ челнахъ, причалили къ берегу, просилъ ихъ поспѣшить къ его раненому господину ³⁾. Въ вариантѣ Котляревскаго, напротивъ, слуга совѣтуетъ своему господину черезъ войско днѣпровское подать вѣсть родителямъ и роднымъ. чтобъ доставили ему покрывало для погребенія ⁴⁾. Надобно при этомъ знать, какое важ-

То тамъ-то между тѣмъ трупомъ Хведоръ Безридный, бездольный пробувае.
(Зап. Юг. Отд. Геогр. Общ. I. 18).

- 1) Тильки надъ зеленою похилою вербою,
Надъ днѣпровою сагою, надъ холодною водою,
Лежить козаче молодой товарищу вийськовий,
Хведиръ Безридный, отаманъ курѣнный,
Постреленый, порубанный на раны смертельны знемогае,
Нѣ отецъ, нѣ мати, нѣ родина кривна сердечна того не знае,
Тильки у ёго слуга сидить,
Изъ днѣпровой саги холоднои воды набирае,
Раны козацькїи смертельны промывае. (Вариантъ Котляр.).

- 2) Надъ сагою днѣстровою
Лежить Хведоръ Безридный, безплеменный,
Постреленый, порубанный,
На раны смертельны знемоганный.
У головахъ сивый князь стоять,
А въ ниженькахъ слуга сидить,
А въ рученькахъ свѣча горить. (Метл. 440).

- 3) Чуро мий, чуро вѣрний слуго!
Пийди ты степомъ по-надъ-Днѣпромъ.
Послухай ты, чуро: чи то гуси кричать, чи лебеди ячать,
Чи ушкалы гудуть, чи козаки Днѣпромъ идуть?
Коли гуси кричать, або лебеди ячать—то жени,
Коли ушкалы идуть—то скорони,
Коли жъ козаки идуть—то объяви,
Нехай вони човны до берега привертають,
Мене, Хведора Безриднаго, навѣщають.
То чура малый по берегу пробѣгає,
Козакивъ зобачає,
Шапкою махає, словами промовляє:
Панове молодцѣ, добре вы дбайте, човны привертайте,
До отамава курѣнного прибувайте. (Укр. II. 27).

- 4) Пане мий молодой, Хведоре Безридный,
Добре мы дбаймо,
До твого отця—панѣ-матки, до родини сердечной вийськомъ Днѣпровымъ
накажѣмо.

Нехай твѣй отецъ и мати добре дбае.

ное значеніе придають вообще южноруссы такому покрывалу: многие, особенно старые люди, заранѣе готовятъ себѣ покрывало на смерть. «Не поможетъ мнѣ — говорить умирающій — тонкое покрывало: ты, мой слуга, на чужой сторонѣ — мнѣ и отецъ, и мать, и братъ, и сестра» ¹⁾. Онъ приказалъ снять съ его вышитаго золотомъ воротника шелковые снурки и, сѣвши на его коня, ѣхать въ козацкое войско ²⁾. Въ вариантѣ Вересая о покрывалѣ нѣтъ рѣчи, но Хведоръ отдаетъ своему джурѣ Яремѣ двухъ коней, красные снурки, отъ поля до воротника вышитые золотомъ, оружіе и велитъ проѣхать, чтобъ на него посмотреть ³⁾. Когда джура Ярема исполнилъ приказаніе, Хведоръ поблагодарилъ Бога, что его достояніе достанется такому доброму козаку, а потомъ, слыша шумъ, послалъ узнать, что это такое, и если то козаки плывутъ Днѣпромъ-Славутою, то объявиться передъ ними и поклониться кошовому и всему козацкому товариству ⁴⁾. По обоимъ вариантамъ — и Котляревскаго и Вересая — кошовый и запорожцы заподозрѣваютъ чужаку: не убилъ ли онъ своего господина. Слуга объясняетъ имъ, что его господинъ израненный лежитъ при смерти и упрасиваетъ прибыть къ нему, хотя бы, по крайней мѣрѣ, для того, чтобы похоронить его тѣло и не дать на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ ⁵⁾.

Покрывало тонесеньке тобѣ пересылае,

Нехай бы мы могли знати,

Якъ тебе на чужій сторонѣ поховати!

(Вар. Котляр.).

¹⁾ Хведиръ Безридный тее зачувае

Словами промовляе:

Слуго мий молодой,

Не поможе менѣ на чужій сторонѣ покрывало тоненьке,

Ты въ мене слуга на чужій сторонѣ отецъ и мати ридненьки,

И братъ и сестрица вѣрненьки.

²⁾ Добре ты, слуга молодой, дбай,

Изъ мого позлощистого комѣра шовкову тягину знѣмай,

На доброго коня сѣдай, промежду вийськомъ козацкимъ проѣжай,

Чи будешь ты угоденъ вийську Днѣпровому, отаману кошовому!

³⁾ Ой джура Яремо! дарюю тобѣ по смерти своѣй коня вороного,

А другого бѣлогривого,

И тягеля червоныи отъ пилъ до комѣра золотомъ гаптованѣ,

И шаблю булатную й пицаль семипядную.

Ой да добре жъ ты дбай, да на коня сѣдай,

Да предо мною повертай,

Да нехай я буду знати,

Чи удобенъ ты будешь помежъ козаками пробувати.

(Зал. Югоз. Отд. Геогр. Общ. I. 19).

⁴⁾ Ой ты їдь да надъ лугомъ Базавлукомъ,

Да по надъ Днѣпромъ-Славутою,

То якъ ушкалы гудуть, то ты скоронися,

А якъ козаки їдутъ Днѣпромъ-Славутою, то ты объявися,

Та шличокъ на копію искладай,

А самъ низько уклоняй,

Напередъ Господу Богу

И батьку кошовому, отаману вийськовому,

И всему товариству кривному й сердечному. (З. Югоз. О. Г. О. I. 20).

⁵⁾ Слуга молодой добре дбае,

По варианту Максимовича, запорожцы, извѣщенные чурою, застали еще въ живыхъ Хведора Безроднаго, и онъ, давши своему слугѣ наставленіе служить вѣрно войску, умеръ ¹⁾). По другимъ вариантамъ, Хведора уже не застали живымъ казаки, прибывшіе по извѣщенію чуры.

Описаніе погребенія почти въ однѣхъ и тѣхъ же чертахъ во всѣхъ вариантахъ. Подробнѣе всѣхъ оно въ вариантѣ Вересая. Казаки, нашедши тѣло Хведора Безроднаго, обмыли его, положили на красную китайку, выкопали саблями могилу, вынося изъ нея землю шапками и полами, похоронили въ ней Хведора

Межь вийськомъ козацькимъ поѣзжае.

Отаманъ кошовый тее зобачае,

Словами промовляе:

Слуго молодой, не своимъ ты конемъ поѣзжаешь,

Не своею збруею выхваляешься!

Где-сь ты своего пана вбивъ либо ранивъ,

Либо козацькои души тѣла збавивъ!

Слуга молодой добре дбае,

Изъ коня вставае, словами промовляе:

Отаманъ кошовый! Я своего пана не вбивъ и не зрадивъ,

Нѣ козацькои души тѣла не збавивъ;

Тождь ёго турецька булатна шабля порубала,

Тождь ёго стрѣлка татарська постреляла.

Отаманъ кошовый тее зачувае,

Словами промовляе:

Панове молодцѣ, добре вы дбайте,

На конѣ козацькѣи сѣдajte,

Коло лугу Базавлуку объѣзжайте,

Хведора Безроднаго живого заставляйте! (Вар. Котляр.)

Въ вариантѣ Вересая:

„А мий панъ лежить у лузѣ Базавлуцѣ,

Постреленый, порубаный на раны смертелныя знемогае.

То прошу я милости вашої всенижающе

У лугъ Базавлуку прибувати,

Тѣло козацьке молодецьке въ чистѣмъ полѣ находити й поховати,

Звѣру-птицѣ на поталу не дати“.

Ой то кошовый отаманъ вийськовый добре дбавъ

Изъ сѣмсотъ козакивъ пятьдесятъ выбиравъ

Да въ лугъ Базавлуку въ субботу посылавъ. (З. Ю. О. Г. О. I. 21).

¹⁾ Козаки тее зачували, до берега привертали,

Отамана навѣщали.

Тогдѣ козакъ чуру выхваляе,

Словами промовляе:

— Чуро мий, чуро вѣрный слуго!

— Коли ты будешъ вѣрно пробувати,

— Будуть тебе казаки поважати! —

То тее промовлявъ, опрощенъ зо всѣми бравъ,

Милосердому Богу душу отдавъ. (Макс. Укр. II. 27).

По варианту Котляревскаго:

Козаки добре дбали

Коло лугу Базавлуку объѣзжали,

Хведора Безроднаго живого не застали.

Безроднаго, насыпали надъ нимъ высокую могилу, воткнули на ней значокъ и поминули умершаго заплѣсневѣлыми сухарями ¹⁾. Въ вариантѣ Максимовича послѣ сходнаго съ предшествовавшимъ описанія погребенія приводится такое изреченіе: еще знала хорошо козацкая голова, чтобъ не умирать безъ козацкаго войска ²⁾. Эти слова составляютъ смыслъ того впечатлѣнія, какое должна была оставлять въ душѣ слушателей дума—чувство войскового товарищества и братства; козаку будто легче оттого, что привелось ему испустить духъ среди товарищей бранной жизни. Не меньше знаменателенъ финаль думы, по варианту Метлинскаго, хотя вообще неполному и случайно разорванному: слава его не умреть, не погибнетъ между нами, народными головами, пока солнце будетъ сіять и свѣтъ свѣтитъ, будемъ славу его всегда прославлять ³⁾. Слова: между народными головами показываютъ, что думы слагались между людьми, считавшимися передовыми въ козачествѣ, и пѣлись въ ихъ кругу ими самими, прежде чѣмъ становились достояніемъ бродячихъ кобзарей. Слава, игравшая такую важную роль, выражалась тѣмъ, что о славномъ козацкѣ слагалась дума и пѣсня и расходилась въ народѣ, и подвигъ богатыря переходилъ отъ поколѣнія къ поколѣнію.

За думою о Хведорѣ Безродномъ мы укажемъ на думу о трехъ братьяхъ, умирающихъ на берегу рѣки Самары у криницы Салтанки. Вся дума составляетъ одну только картину: трое братьевъ, изстрѣленныхъ, изрубленныхъ, борятся со смертью. Старшій проситъ середняго достать ему воды, середній не въ силахъ этого сдѣлать; оба просятъ меньшого заиграть, чтобъ услышали козаки и подали имъ помощь. Но меньшей также лишился силъ и не можетъ этого сдѣлать. Наконецъ всѣ трое умираютъ. Передъ нами четыре варианта этой думы: 1) изъ рукописнаго сборника Котляревскаго, 2) записанный нами въ 1840 году въ Харьковѣ, 3) напечатанный въ сборникѣ Метлинскаго, 4) напечатанный въ сборникѣ Максимовича. Варианты Котляревскаго и Харьковскій отличаются отъ

- 1) То вони у лугъ Базавлугъ прибували,
У субботу проти недѣли у четвертій полуночній годинѣ
Да тѣло молодецьке знаходили,
На червону китайку клали,
Тѣло козацьке молодецьке обмывали,
А шаблями суходили конали,
А шанками да приполами персть виносили,
Глибокую яму конали,
Хведора Безроднаго-безроднаго похоронили,
Высокую могилу высипали
И прапорокъ у головы устромили
И премудрому лицаревѣ славу учнили,
А тимъ вони ёго поминвали, що у себе мали,
Цвѣленькими сухенькими вийсковыми сухарями (З. Юг. О. Г. О. I. 21).
- 2) То ще добре козацька голова знала,
Що безъ вийска козацького не вмрала. (Макс. Сб. Укр. П. 27).
- 3) Слава ёго не вмре, не поляже
Міжду нами,
Народними головами,
Покудова буде свѣтъ свѣтити
И сонце сіяти,
Будемъ славу ёго всегда прославляти. (Метл. 441).

двухъ послѣднихъ тѣмъ, что въ нихъ нѣтъ нравственной причины несчастія, постигшаго трехъ братьевъ.

Въ началѣ сходно во всѣхъ вариантахъ изображается положеніе раненыхъ братьевъ ¹⁾. Слова старшаго брата, который проситъ у середняго воды, также сходны, за малыми отличіями ²⁾; только въ вариантѣ Котляревскаго старшій братъ прибавляетъ, чтобъ середній взялъ жбанъ ³⁾, а въ вариантѣ Метлинскаго, чтобъ онъ связалъ голову тетивою изъ лука ⁴⁾.

Отвѣтъ середняго брата представляетъ уже не маловажныя отличія по вариантамъ; въ особенности же слѣдующее затѣмъ обращеніе, чтобъ меньшій заигралъ на трубѣ ⁵⁾. Здѣсь поводъ къ игранію на трубѣ, по вариантамъ Харь-

- 1) Ой усѣ поля самарьски погорѣли, почорнѣли,
Тильки zostалися два терны дрибненьки,
Два байраки зелененьки,
У рѣчки Самары, у криниць Салтанки
Тамъ лежало три брати ридненьки,
Якъ голубоньки сивеньки,
Постреленѣ, порубанѣ, на раны смертелнѣ знемогали,
Порубанѣ кровью зийшли,
Постреленѣ къ сердцю прійшли. (Вар. Харьк.)

Или въ вариантѣ Метлинскаго:

Порубанѣ кровью исхожають,
Постреленѣ къ сердцю прилягають,
Кулѣ душу съ тѣломъ розлучають. (Метл. 438.)

- 2) Озоветься старшій братъ до середульшого словами,
Обильється гиркими слѣзами:
Братику мий милый,
Голубоньку мий сивый!
Добре дбай,
На ноги козацькїи вставай:
До рѣчки Самарки, або до криниць Салтанки
Холоднои воды зайди;
Раны мой смертелныи охолоди. (Харьк.)

- 3) Колибъ ты, братику добре дбавъ,
Щобъ ты на ноги козацькїи встававъ,
Збаноу козацькій въ руки бравъ—
До рѣчки Самарки, до криниць Салтанки
Холоднои воды заходивъ
Раны мой смертелныи охолодивъ. (Вар. Котляр.)

- 4) Добре ты вчини,
Зъ мого лука шовковую тетиву зними,
Козацькую голову звязи. (Метл. 438.)

- 5) Якъ-же менѣ, брате, на ноги козацькїи вставати,
Що у мене ноги козацькїи порубанѣ,
Руки козацькїи постреленѣ,
Голова моя козацька пробита.
Попросимо мы свого меньшого брата:
Нехай нашъ найменьшій братъ на ноги козацькїи вставае,
У тонкїи вийсковни суремки заграе. (Вар. Котляревск.)

Или:

ковскому и Максимовича, тотъ, чтобъ козаки, услышавши ихъ, прибыли къ нимъ и похоронили ихъ въ чистомъ полѣ ¹⁾, а до варианту Котляревскаго изъ-является желаніе, чтобъ козаки сообщили родителямъ израненныхъ, чтобъ они прїѣзжали къ сыновьямъ и совершили надъ ними приличное погребеніе ²⁾. Въ вариантѣ Метлинскаго собственно то же ³⁾, но съ признаками амплификаціи, вѣроятно, позднѣйшаго происхожденія. Отвѣтъ меньшого брата представляетъ еще больше отмѣнъ въ вариантахъ Котляревскаго и въ Харьковскомъ (въ послѣднемъ не упоминается вовсе объ отцѣ и матери): меньшей братъ отвѣчаетъ среднему, что если онъ заиграетъ на трубѣ, то ихъ услышать не козаки, а тѣ же турки янычары, которые ихъ изрубили, и теперь они, враги; явятся снова для того, чтобъ ихъ живьемъ задать на каторги, и лучше имъ помирать въ чистомъ полѣ, не увидавши ни отца, ни матери ⁴⁾. Затѣмъ слѣдуетъ смерть

Братику мий ридненькій,
 Якъ голубонько сивенькій!
 Чи ты менѣ, брате, вѣри не диймаешъ,
 Чи ты мене на-смѣхъ підіймаешъ?
 Чи не одна насъ шабля порубала,
 Чи не одна насъ куля постреляла?
 Що маю я на собѣ девять ранъ рубанѣ широки,
 А чотыри стреленѣ глибоки.
 Такъ мы, брате, добре вчинѣмо,
 Свого найменьшого брата попросѣмо,
 Нехай найменьшій братъ добре дбае,
 Хочъ на вколюшки встае,
 Вийскову суремку въ головкахъ достигае,
 У вийскову суремку добре грае—програе.

(Максим. Сб. Укр. Д. и П. 1849, стр. 18).

- ¹⁾ Нехай бы насъ страннѣ козаки зачували,
 До насъ дохожали, смерти нашон доглядали,
 Тѣло наше козацьке въ чистѣмъ полѣ поховали.

(Харьк. у Максим. ви. зачували: стали зачувати, до насъ дохожати и пр.).

- ²⁾ То будуть козаки чистѣмъ полемъ проѣзжати, гуляти,
 Будуть наши игры козацьки зачувати,
 Будуть вони до насъ прїѣзжати.
 Будемъ мы добре дбати,
 Отцевѣ й матерѣ въ землю христїянську поклонъ передавати,
 Щобъ насъ отецъ и мати добре знали,
 Вони-бъ до насъ прибували,
 Вони-бъ насъ хорошенько поховали. (Вар. Котляревск.).

- ³⁾ А вже въ насъ отецъ мати все добристь собѣ мали-бъ,
 Да въ чисте поле вони вхожали-бъ,
 Кошулѣ тоненьки, покрывала тоненьки вони выношали-бъ
 Наше тѣло козацьке-молодоцьке
 Хорошенько въ чистомъ полѣ поховали-бъ,
 Звѣру и птицѣ на поталу не дали-бъ. (Метл. 439).

- ⁴⁾ Меньшій братъ тее зачувае,
 Слово промовляє:
 Брати мои милѣ,
 Голубоньки сивѣ!

всѣхъ троихъ ¹⁾. Но въ вариантахъ Максимовича и Метлинскаго меньшей братъ представляетъ смерть всѣхъ троихъ братьевъ, какъ наказаніе, посланное отъ Бога за то, что они отправились въ охотное войско безъ позволенія родителей и не прощаясь съ ними ²⁾; а вариантъ Максимовича прибавляетъ еще, что они, проѣзжая мимо церкви, не снимали шапокъ и не призывали къ себѣ помощи милосердаго Бога ³⁾. Последняя черта, сохраненная вариантомъ Максимовича, пришта вѣ думу въ позднѣйшее время кобзарями изъ другихъ думъ, между прочимъ, изъ думы о Черноморской бурѣ. Впрочемъ и вся эта нравственная сентенція, влагаемая меньшому брату, едва ли есть принадлежность первоначальной редакціи думы. Цѣль настоящей думы—изобразить картину страдальческой смерти израненныхъ козаковъ въ дикой безлюдной степи, что постигало одинаково и добрыхъ, и худыхъ; поэтому, нравоученіе здѣсь какъ-то мало вяжется съ содержаніемъ.

Есть другая дума о трехъ братьяхъ, распространенная болѣе предшествовавшей. Эта дума о братьяхъ, убѣжавшихъ изъ Азова, гдѣ они находились въ неволѣ у турокъ. Намъ извѣстна эта дума по пяти вариантамъ: 1) изъ рукописнаго сборника Котляревскаго, 2) записанный нами въ 1840 г. въ Харьковѣ отъ бандуриста, 3) изъ сборника Максимовича, напечатаннаго въ 1849 году,

Чи не тѣ жь мене саблѣ турецьки порубали якъ и вась?

Чи не тѣ жь мене стрѣлки янычарьскы постреляли якъ и вась?

Якъ вамъ, братцѣ, не можно на ноги козацькы вставати, также й менѣ.

Хочь я буду въ тонкій суремки жалибненько грати,

То будуть турки-янычары, безбожныи бусурманы чистымъ полемъ гуляти,

Будуть наши игры козацькы зачувати,

Будуть до насъ наѣзжати,

Будуть намъ житьемъ каторгу задавати.

Лучше намъ, братцѣ, отгуть, въ чистѣмъ поле помирати,

Отця й панѣ матки и родины сердечной въ вичи не видати.

(Вар. Котляревск.).

¹⁾ Стала чорная хмара на небѣ наступати,

Стали козаки въ чистѣмъ полѣ помирати,

Стали свои головы козацькы на рѣцѣ Самарцѣ покладати.

Чимъ тая Самара стала славна,

Що вона много вийська козацького у себе видала. (Вар. Котляр.).

²⁾ Не есть се насъ сабля турецька порубала.

Не есть се насъ куля янычарьскы постреляла,

А есть се отцева й панѣматчина молитва насъ покарала,

Якъ мы въ охотне вийсько отъ отця отъ матерѣ отъ роду отѣзжали,

Мы съ отцемъ съ матерью и съ родомъ опрошенья не брали.

(Макс. 1849 г. 18).

Или:

Не добре мы, братця, сами починали,

Що всѣ три охотою въ вийско выступали,

Насъ отецъ и мати спинали,

Мы великую гордость собѣ мали,

Роспрошенья не пріймали.

(Метл. 439).

³⁾ А якъ противъ церкви дому божого проѣзжали,

Мы шапокъ съ головы не снимали,

Милосердаго Бога на помичъ не прохали.

(Максим. 18).

4) изъ записокъ о Южной Руси Кулиша, напечатанныхъ въ 1856 году, 5) кобзаря Вересая, напечатанный въ первомъ томѣ Записокъ Юго-Западнаго Отдѣла Географическаго Общества. Сущность этой думы состоитъ въ описаніи страданій и смерти одного изъ трехъ братьевъ, убѣжавшихъ изъ азовской неволи; меньшой братъ погибаетъ оттого, что принужденъ бѣжать пѣшкомъ, тогда какъ другіе два брата бѣжали верхомъ.

Въ Азовѣ сдѣлался большой туманъ—такъ начинается эта дума, по Харьковскому варианту, и въ это-то время двое братьевъ убѣжали изъ неволи, покинувши третьяго пѣшехода ¹⁾. По вариантамъ Максимовича, Кулиша и Вересая, туманъ не сопровождаетъ побѣга и не содѣйствуетъ ему, какъ это видно по Харьковскому варианту, а приводится вмѣстѣ съ поднявшеюся пылью въ качествѣ сравненія въ отрицательной формѣ ²⁾. По этимъ вариантамъ, всѣ три разомъ убѣжали, по Харьковскому же, третій пустился послѣ вслѣдъ за конными пѣшій.

Въ этомъ началѣ Харьковскій вариантъ, вѣроятно, ближе къ первоначальной редакціи думы, такъ какъ онъ заключаетъ болѣе правды: вполне естественно, что бѣжавшіе воспользовались такимъ временемъ, когда насталъ большой туманъ, и погоня за ними по первымъ слѣдамъ была трудна. Также естественно, что они двое, овладѣвши двумя конями, не имѣли времени позаботиться о средствахъ побѣга для третьяго брата.

Пѣшій бѣжить за конными. По варианту Котляревскаго, онъ разбиваетъ себѣ ноги о сырое коренье, а по другимъ, обжигаетъ себѣ ноги на пожарищѣ ³⁾. Пожаръ степной травы—явленіе очень обыкновенное, и татары часто умышленно производили его, чтобъ не допускать черезъ стены русскихъ и польскихъ военныхъ силъ; но въ настоящую думу образъ этотъ внесенъ, вѣроятно, позже, потому что если бы въ самомъ дѣлѣ бѣжавшіе изъ неволи наткнулись на степной пожаръ, то едва ли могли бы спастись и конные. Несчастный пѣшеходъ

¹⁾ Ой у городъ Азовѣ великіи туманы вставали,

Тогдѣ три брата ридненьки кинно зъ тяжкой неволѣ втѣкали,
Меньшого брата пѣшого-пѣшеницю покидали.

²⁾ Изъ города изъ Азова не великіи туманы вставали,

Три брата ридненьки зъ тяжкой неволѣ втѣкали. (Макс. Сб. 1849. 19).

Или:

Изъ города изъ Азова не пылы туманы вставали,

Тѣкавъ полчокъ малый невеличокъ,

Тѣкали три братики ридненьки.

(Кул. 32).

Или:

Ой то не пылы пылили, не туманы уставали,

Якъ изъ города Азова изъ тяжкой неволѣ три братика втѣкали,

Два кинныхъ, третій пѣшій-пѣшениця.

(Вар. Верес. З. Югоз. О. Г. Общ. I. 6).

³⁾ На сыре корѣвныя ноги козацьки збивае. (Вар. Котляр.).

На пожаръ нижки попалае,

Кровью слѣды заливае.

(Харьк.).

Или:

За кинными бѣжить-подбѣгае

Чорный пожаръ пидъ бѣлѣ ноги пидпадае.

Кровью слѣды заливае. (Кул. 32. Тоже въ вар. Верес. З. Юг. I. 6).

умоляетъ ѣдущихъ впереди конно братьевъ остановиться и посадить его съ собою ¹⁾), провезти хоть на милю ²⁾), хоть на полчетверти мили ³⁾), чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, зналъ дорогу: куда ему слѣдовать въ христіанскіе города ⁴⁾). По Кулишовскому варианту, онъ проситъ братьевъ скинуть съ лошадей добычу ⁵⁾), которую они везли, чтобъ дать ему мѣсто съ собою, но, кажется, это позднѣйшая прибавка; у такихъ бѣглецовъ едва ли могла быть добыча, — да и въ прочихъ вариантахъ этого нѣтъ. Старшій братъ отвѣчаетъ: по варианту Котляревскаго, что неудобно брать на себя такую тяжесть: изъ Азова за ними можетъ пуститься погоня; мы — говорить онъ — и сами не уйдемъ, и тебя не увеземъ. ⁶⁾ По варианту Вересаея ⁷⁾), старшій братъ прибавляетъ, что онъ можетъ пѣшимъ схорониться въ терновникахъ и оврагахъ, а ихъ скорѣе догонять и побьютъ! То же и по варианту Кулиша ⁸⁾). Окажите же мнѣ милосердіе, говоритъ несчастный, отрубите мнѣ голову и похороните въ чистомъ полѣ, не дайте на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ и птицамъ ⁹⁾). На это, по варианту

1) Станьте, братцѣ, подождѣте

Мене, меньшого брата пѣшу-пѣшенцю зъ собою визьмѣте.

2) — Хоть на одну милю въ города христіаньски подвезѣте.

(Вар. Харьковск.).

3) Хоть на полчетверти милѣ подвезѣте.

(Вар. Котл.).

4) Винь своихъ братьивъ догоняе, мѣждо конѣ вбѣгае,

Словами промовляе,

Гирко слѣзами рыдае, за стремена ханае:

Браты мои старшіи милѣ,

Якъ голубоньки сивѣ!

Ей то станьте, конѣ попасѣте,

Мене, меньшого брата, подождѣте,

Або назадъ завериѣте, да ца кони возьмѣте,

Хоть мало подвезѣте,

Нехай я буду знати

Куды въ города христіаньски до отца до матки въ гости прибувати.

(Вар. Верес. З. Юг. О. Г. О. I. 6).

5) Добычъ изъ коней скидайте,

Мене брата пѣхотинца мѣждо коней берѣте.

(Кул. 32).

6) Чи подобно, брате, дѣло, щобъ я тебе, ваготу, на коня бравъ,

Свого коня томивъ:

Будеть изъ города Азова тяжкая великая погоня,

Мы и сами не втечемъ

И тебе не увеземъ,

А якъ ты живъ и здоровъ будешъ,

То и самъ въ землю христіаньскую дийдешъ.

(Вар. Котл.).

7) Якъ изъ города Азова тяжка велика погоня буде,

То ты будешъ на тернахъ по байракахъ схоронитися,

А насъ погоня буде догоняти.

(Вар. Верес. Ibid.).

8) — Будуть крымцѣ нагайцѣ безбожнѣ бусурмане

Тебе, пѣшого-пѣшенцю, на спочинкахъ минати,

А насъ будутъ киньми догоняти

И назадъ у Турещину завертати.

(Кул. 33).

9) Добре вы, братцы, зробіте —

Мени наименьшому брату съ плечъ голову знимѣте,

Кулиша ¹⁾, старший брат отвѣчаетъ, что на такое дѣло у него рука не поднимется и сердце не осмѣлится. Но, по варианту Вересаея, подобный отвѣтъ исходить отъ обоихъ братьевъ ²⁾, а въ вариантахъ Котляревскаго ³⁾ и Максимовича ⁴⁾ этотъ отвѣтъ влагается въ уста только среднему брату, который представленъ вообще мягче и добродушнѣе старшаго брата, разсудительнаго практика и сурого эгоиста. Тогда меньшой братъ обращается къ братьямъ послѣднюю просьбу; онъ умоляетъ ихъ, когда они дойдутъ до терновыхъ кустовъ—наломать вѣтвей и разбросать по своему пути ⁵⁾, чтобы пѣшій, идя вслѣдъ за ковынями, могъ найтти дорогу на родину ⁶⁾. Въ Харьковскомъ вариантѣ нѣтъ трагическаго разговора между братьями. На просьбу меньшаго брата подождать брата не дали отвѣта и по-

Мое тѣло козацкѣ въ степу на дорозѣ поховайте,
Звѣру-птицѣ на поталу не дайте.

(Вар. Котляр. тоже у Верес. 6. Максим. 26. Кулиша 34).

- 1) Чи подобенство, брате, тебе рубати?

Одначе шабля не визьме,

Рука не зведеться.

Сердце не осмѣлится тебе рубати.

(З. о Ю. Р. 34).

- 2) То тѣ брати промовляють словами,

Обильлються гирко слѣзами:

Ой братяку нашъ меншій, милый,

Якъ голубонько сивый,

Ой хоть у насъ ясенъ мечъ,

Такъ наше сердце козацкее молодецкее не осмѣлится,

И рука наша козацка молодецка не воздыме,

И нашъ ясенъ мечъ твоеи головоньки не име,

На прахъ роспаде!

(З. Юг. О. Р. О. I. 7).

- 3) Средній братъ тее зачуває,

Словами промовляє:

Брате мий милый, голубонько сивый,

Наша рука козацкая на тебе не здийметься,

Сердце наше козацкѣ на тебе не осмѣлится,

Мечъ нашъ бузатный твоеи ши не иметъ

На дрибный макъ весь падеть.

(Вар. Котл.).

- 4) Сего, брате, зроду не чували,

Щобъ ридною кровью шаблѣ обмывали. (Макс. Сб. 1849 г. 20).

- 5) Коли не хочете, братцѣ, мене рубати,

То прошу васъ, братцѣ, якъ будете до байракивъ прибувати,

Терновѣ вѣтки въ запильля брати,

Мене признаку покидати.

(Макс. 21).

Или:

Хочъ одинъ же вы милосердіе майте,

Будете до тернивь, до байракивъ прибувати,

Такъ у боки забѣгайте,

Вѣти терновии рубайте,

По шляху покидайте!

(Кул. З. о Ю. Р. 34).

- 6) Нехай бы я могъ знати,

Куды въ землю христіянську до отця, до матери прибувати.

(Вар. Котляр.).

бѣжали отъ него ¹⁾). Но потомъ, по тому же Харьковскому варианту, происходитъ между уѣхавшими верхомъ братьями такая сцена. Середній братъ желаетъ остановиться, отдохнуть въ кустахъ, подождать меньшого брата, взять его съ собою на коня и подвезти, хоть немного. Старшій братъ съ своею безсердечною разсудительностью возражаетъ на это: Какой ты глупый! Развѣ тебѣ не надоѣла тяжелая неволя? Если мы станемъ ожидать своего меньшого брата, то тѣмъ временемъ нагонятъ насъ и изрубятъ, либо возьмутъ въ неволю, которая для насъ будетъ горше прежней ²⁾). Середній братъ—человѣкъ съ добрымъ сердцемъ, но со слабою волею: у него недостало рѣшимости воспротивиться брату и остаться самому ждать пѣшаго. Онъ упросилъ только согласія срывать вершины терновыхъ вѣтвей и разбрасывать на пути за собою для примѣты меньшому пѣшему ³⁾). Такимъ образомъ, въ другихъ вариантахъ это представляется выдумкою самого пѣшаго брата, а въ Харьковскомъ—выдумкою середняго брата. Затѣмъ, въ вариантахъ: Харьковскомъ ⁴⁾, Котляревскаго ⁵⁾ и

1) Тее братики зачували,
Видтиль побѣгали.

(Вар. Харьк.).

2) Скоро стали вони до Міуса до байрака добѣгати,
Ставъ середульшій братъ до старшого словами промовляти:
„Брате мий старшій ридненькій!
„Прощу я тебе тутъ спочиньмо,
„Бо тутъ хочъ и буде насъ погоня догоняти,
„То буде вона насъ на спочинку въ байракахъ минати,
„Станьмо хочъ трохи, меншого брата подождѣмо,
„На ковей возьмѣмо, у вѣру християнську хочъ трохи подвезѣмо.
„Нехай нашъ найменшій братъ буде знати,
„Куди у вѣру християнську до отця, до матери прибувати“.
То старшій братъ тее зачуває

Словами промовляє:

„Брате середульшій! дурный розумъ маєшь:
„Чи то тобѣ не далася тяжкая неволя знати?
„Бо’ якъ мы будемо свого меншого брата дожидати,
„Буде за нами зъ города Азова великая погоня угоняти,
„Буде насъ въ байракахъ нахожати,
„На три штуки рубати,
Або въ горшюю неволю буде насъ живцемъ завертати.

3) Тогдѣ середульшій братъ тее зачуває,

Словами промовляє:

Нумо, брате, хочъ верховѣття тернове стинати
Меншому братовѣ, пѣшому-пѣшеницѣ, на прикмету покидати.
Щобъ знавъ зъ тяжкою неволѣ въ християнську землю куди вѣкати.

(Вар. Харьковск.).

4) Скоро ставъ меншій братъ пѣша-пѣшениця

До Міуса до байрака добѣгати,
Ставъ верховѣття тернове знахожати,
Ставъ до свого сердца козацького молодецького прилядати,
Слѣзми заливати.

(Вар. Харьк.).

5) Ставъ меншій братъ девятого дни до тернивь до байракивь пробувати,

Ставъ терновѣ вѣття знахожати,

Словами промовляти:

Кулиша ¹⁾ описываются чувства кроткаго меньшого брата, выраженные въ то время, когда онъ находилъ вѣтви, брошенные на примѣту ему. Въ вариантѣ Максимовича этого нѣтъ, и терновыя вѣтви бросаетъ одинъ только середній братъ ²⁾.

Скоро потомъ, однако, братья выѣхали изъ кустарниковъ въ открытое поле на Муравскій шляхъ ³⁾. Тутъ происходитъ между братьями такой разговоръ: середній братъ предлагаетъ, за недостаткомъ древесныхъ вѣтвей въ степи, обрывать, по Харьковскому варианту, красныя кисти ⁴⁾, а по другимъ — подкладку своихъ жупановъ ⁵⁾. Но старшій братъ слишкомъ дорожилъ своею одеждою турецкою, захваченною при побѣгѣ ⁶⁾, чтобы въ ней пощеголять передъ родителями ⁷⁾ и передъ сосѣдями, которые, по случаю ихъ возвращенія изъ неволи, станутъ почитать ихъ и созывать въ гости ⁸⁾. По Кулишовскому варианту, онъ еще прибавилъ: будетъ нашъ братъ живъ-здоровъ, такъ и безъ нашихъ примѣтъ прибудетъ въ землю христіанскую ⁹⁾. Но на этотъ разъ слабохарактерность средняго брата уступила силѣ любви къ меньшому брату. Онъ не

„И-жъ то думавъ, що обо мнѣ брати нѣчого не дбали,

Вонижъ на мене великое милосердіе мали.

Терновее вѣтвѣти стинали,

Менѣ, найменшому брату, на примѣту покидали. (Вар. Котляр).

1) Боже мий милій, сотворителю небесній!

Видно, то мои братики сюды зъ тяжкою неволѣ втѣкали,

Объ мене велике стараніе мали!

Колибъ менѣ Господь помигъ изъ сеи тяжкою неволѣ озовської втѣкати,

Могъ бы я своихъ братикивъ при старости лѣтъ шанувати й поважати.

(З. о Ю. Р. 35).

2) Середульшій братъ милосердіе мае,

Верховѣтвѣти у тернивѣ стинае,

Меншому брату на примѣту покидае. (Макс. Сб. 1849. VII. 21).

3) Скоро стали два братива ридненьки до шляху Муравського добѣгати.

Не стало уже ни байраковъ, ни тернивѣ,

Тильки поле лелѣе, трава въ полѣ зеленѣе. (Вар. Харьк.).

4) Ну-мо червонѣ киты зъ пидъ чорного жупана выдирати,

Меншому брату, пѣшѣй-пѣшеницѣ, на примѣту покидати.

5) Нумо, брате, мы зъ себе зеленѣ жупаны скидати,

Червону да жовту китайку выдирати,

Пѣшому брату меншому на признаки покидати. (З. о Ю. Р. 36).

6) Чи подобенство, брате, щобъ я свое добро турецьке на шматы дравъ.

(Ibid).

7) Брате середульшій, дурный розумъ маешъ,

Що ты свою дорогу хвантину на дурную охоту терлешъ!

Якъ мы будемъ до отца, до неньки прибувати,

Якъ-то мы будемъ передъ отцемъ передъ ненькою гостѣвати.

(Вар. Котл.).

8) Буду я до отца, до неньки въ землю христіанську прибувати,

Будуть мене ближніи сосѣды почитати, поважати,

Будуть проти мене шапки знимати,

Будуть мене на хлѣбъ-на сіль зазывати.

(Вар. Харьк.).

9) Якъ винъ живъ-здоровъ буде,

То и самъ въ землю христіанську безъ нашихъ признаковъ прибуде.

(З. о Ю. Р. 36).

повиновался старшему брату, отсталъ отъ него, сталъ — по вариантамъ Котляревскаго ¹⁾, Кулиша ²⁾ и Вересаея ³⁾—вырывать изъ-подъ своего жупана подкладку и разбрасывать за собою. У Максимовича описаніе разбрасыванія подкладки совершается безъ предварительнаго разговора со старшимъ братомъ, а въ Харьковскомъ вариантѣ есть этотъ разговоръ, но самое разбрасыванье не описывается, хотя изъ послѣдующаго затѣмъ видно, что оно происходило.

Это не принесло, однако, пользы бѣдному пѣшеходу, а только ускорило его гибель. Увидавъ куски одежды, меньшей братъ подумалъ, что погоня догнала и изрубила его братьевъ; несмотря на собственные страданія, несмотря на суровость, съ какою обошлись съ нимъ братья, юноша плакалъ и тосковалъ о нихъ, хотѣлъ найти ихъ тѣла, чтобы предать погребенію и не дать на растерзаніе хищнымъ животнымъ ⁴⁾. Подобное произносить меньшей братъ и по варианту Вересаея ⁵⁾. По варианту Кулиша, на девятый

1) Середульшій братъ тее зачуває,
Назадъ отставає,
Зъ видъ свого жупана червону китайку выдирає,
Свому брату найменшому на прикмету покидає. (Вар. Котляр.)

2) То братъ середульшій милосердіє має,
Изъ свого жупана китайку червону да жовту выдирає,
По шляху стеде покладає,
Меншому брату признаки даває. (З. о Ю. Р. 36).

3) Ей то братъ середульшій добре дбає,
Зъ видъ лудану червону китайку виймає,
Дере шляхомъ роскидає,
Меншому брату, пѣшій-пѣшениць, прикмету даває. (З. Юг. О. Г. О. I. 8).

4) Ставъ до Муравського шляху добѣгати,
Ставъ червоніи кити (по вар. Котляревскаго: червону китайку) знакожати,
Слѣзми обливати, къ сердцю прикладати, словами промовляти:
Отъ сежъ сюды бративъ моихъ двоохъ кининыхъ побѣгало,
Отъ сежъ на ихъ озовська орда (въ вар. Котляр. погоня) набѣгала,
Мене на спочивку минала,
Моихъ бративъ у пень сѣвла-рубала,
Коли-бъ то менѣ Богъ давъ хоча тѣло ихъ неживее въ степу находити,
Мигъ бы я ихъ у степу поховати.
Мигъ бы суходиль шаблею копати,
Шапкою, приполомъ землю носити,
Тѣло козацьке въ степу законати,
Звѣру, птиць на поталу не дати.

(Вар. Харьк. и Котляр. у Максим. (Сб. У. П. 22) и у Кулиша (З. о Ю. Р. 37) от-
мѣны есть, но не важныя).

5) Ей и знать-то Азовська орда велики збитки мала,
Мене на спочивку минала,
А моихъ бративъ догонила, стреляла рубала,
А може живыхъ въ половѣ займала.
Ей Господи Боже мий, колибъ я могъ знати, чи моихъ бративъ постреляно!
Чи ихъ порубано, чи ихъ живыхъ у руки забрано?
Ей да пийшовъ бы я по тернахъ, по байракахъ блукати,
Тѣла козацького-молодецького шукати,

день ¹⁾ пути, ничего не ѣвши, не пивши, достигъ онъ Савуръ (или Осавуръ) могилы; но по варианту Котляревскаго выходить, что онъ страдалъ долѣе, такъ какъ въ девятый день онъ только нашель терновыя вѣтви, разбросанныя братьями ²⁾). Полно, — сказалъ онъ, достигши Савуръ-Могилы, — полно уже мнѣ гоняться пѣшему за конными братьями! Пора дать отдыхъ козацкимъ ногамъ ³⁾. Онъ взошелъ на Савуръ-Могилу и плакалъ на ней о братьяхъ ⁴⁾. Три горя его свалили: безхлѣбье, безводье и безродье ⁵⁾. Вѣтеръ буйный сбиваетъ его съ ногъ ⁶⁾. Онъ все болѣе и болѣе изнемогаетъ: трудно стало ему и глазами смотрѣть, и тѣломъ двинуться, и голову повернуть: куда вѣтеръ повѣетъ, туда онъ и клонится вмѣстѣ съ травкою! ⁷⁾. Чернокрылые орлы заглядываютъ ему въ глаза ⁸⁾. Орлы черноперые, гости невеселые, — произносятъ онъ, — подождите пока я не перестану видѣть свѣтъ Божій: тогда уже будете выбирать у меня изо лба очи ⁹⁾.

Да тѣло козацкѣ-молодецкѣ у чистѣмъ полѣ поховати,
Звѣру, штидѣ на поталу не дати. (З. Юг. О. Г. О. I. 9).

- 1) До Осавуръ-могили прибуває,
На Осавуръ-могилу зихожає,
Тамъ собѣ безпечне девятого дня опочивокъ має,
Девятого дня изъ неба воды погоды вижидає. (З. о Ю. Р. 38).
- 2) Ставъ меншій братъ девятого дня до тернивѣ, до байракивѣ прибувати,
Ставъ терновѣ вѣтвѣ знахожати. (Вар. Котляр.).
- 3) Ой годѣ менѣ за кинними братами угоняти,
Часть менѣ козацкимъ ногамъ вилъгу дати.
(Макс. Сб. У. II. 1849 г., стр. 22).
- 4) Ставъ же винъ до Савуръ-могили прибувати,
Ставъ на Савуръ-могилу всхожати,
Ставъ своихъ бративъ ридненькихъ оллакати.

(Варианты Харьк. и Котляр.).

- 5) Що одно безхлѣбье, а друге безвидье, а третье безридье,
Що бративъ своихъ ридненькихъ кинныхъ не нагнавъ,
Стали тѣ три недолѣ козака зъ нигъ валити. (Вар. Харьков.).

Или:

Одно безхлѣбье, друге безвидье, третье бездорожье.
На Савуръ-могилѣ голову склоняє,
Гирко рыдає. (Вар. Верес. З. Юг. О. Г. О. I. 9).

- 6) Буйный вѣтеръ въ полѣ повѣває,
Бѣдного козака зъ нигъ сбиває. (Вар. Харьк.).
- 7) На очи не гляне, на ноги не встане,
Головки козацкѣи не зведе,
Куды вѣтеръ повѣне, туды похилитись,
Куды траву поклонити, туды и поклонитись. (Вар. Котляр.).
- 8) Стали тогдѣ орлы чорнокрылѣ налѣтати,
Щилно въ очи козаковѣ заглядати. (Вар. Харьк. и Котляр.).

Или:

Ой тожъ орлы сизонери налѣтали,
Да на чорни кудри наступали. (Вар. Верес. З. Юг. О. Г. О. I. 9).

- 9) То винъ тее помѣчає,
Словами промовляє:
Орлы чорнокрылѣ, гости не милѣ (или не веселѣ),
Хочъ мало подождѣте;

По вариантам Харьковскому, Максимовича и Вересая, онъ затѣмъ умираетъ ¹⁾; но, по варианту Кулиша ²⁾, онъ еще приговариваетъ обращеніе къ собственной козацкой головѣ: бывала ты, голова, въ земляхъ турецкихъ, въ вѣрахъ бусурманскихъ, а пришлось тебѣ погибать отъ безхлѣбья и безводья; девятый день въ устахъ хлѣба не было: погибаю отъ безводья и безхлѣбья! Но это, какъ намъ кажется, поздняя амплификація; перенесено сюда мѣсто изъ другой думы. Въ вариантѣ Котляревскаго наступаетъ черное облако, когда козацкая душа разлучается съ тѣломъ ³⁾, въ вариантахъ Вересая ⁴⁾ и Кулиша ⁵⁾ эта мысль обращена въ форму отрицательнаго сравненія. Но, кажется, здѣсь вариантъ Котляревскаго правильнѣе, и черное облако здѣсь—остатокъ древняго, конечно, еще языческаго представленія души въ видѣ облака; а дождь, о которомъ выше говоритъ умирающій козакъ орламъ, состоитъ въ связи съ этимъ облакомъ.

Сообразно тому же древнему представленію души въ видѣ дождевого облака, въ одной свадебной южнорусской пѣснѣ встрѣчается явленіе умершей матери невѣсты въ образѣ облака и дождя.

Умершему, по народному южнорусскому понятію, нужны погребальщики и плакальщицы: мать, сестра, жена.

И вотъ для козака, испутившаго духъ одиноко въ степи, на Савурь-Мо-

Тогдѣ я прошу васъ налѣтати,
Зѣ лобу очи выбирати (или высмыкати),
Коли я не буду вже свѣту Божого видати.

(Вар. Харьк. сходно съ Максим. Сб. У. II. 1849 г. 22).

Или:

Зождѣть на малую часинку,
Якъ буде чорная хмара наступати,
Буде дрибенъ дождчикъ накрапати,
Буде козацька душа съ бѣлымъ тѣломъ розлучати. (Вар. Котляр.).

1) То тее промовлявъ,
За часъ, за годиву милосердому Богу душу отдавъ. (Макс. 22).

2) Мало не много спочивавъ,
Отъ руками не вистяже, ногами не пийде,
И ясно очима на небо не гляне,
На небо взирає, тяжело вдыхає:
Голово моя козацька! Бувала ты въ земляхъ турецкихъ,
У вѣрахъ бусурманскихъ.
А теперъ припало тобѣ на безхлѣбь, на безвидь погибати,
Девятый день хлѣба въ устахъ не маю,
На безвидь, на безхлѣбь погибаю. (З. о Ю. Р. 39).

3) Тогдѣ вже чорная хмара наступила,
Якъ душа козацька съ бѣлымъ тѣломъ розлучила. (Вар. Котляр.).

4) Да тожь не чорна хмара наступала.
Якъ душа козацька молодецька съ бѣлымъ тѣломъ ростривала.
(З. Юг. О. Г. О. I. 10).

5) Не чорная хмара налѣтала,
Не буйнѣ вѣтры вѣнуди,
Якъ душа козацька молодецька зѣ тѣломъ розлучалась.

(З. о Ю. Р. 39).

тилѣ, все это является. Похороны отправляютъ орлы и волки, терзая его тѣло, а оплакиваетъ его добрая птица кукушка. Въ вариантѣ Харьковскомъ сначала оплакиваетъ его кукушка, а потомъ уже совершаются ужасныя похороны ¹⁾; въ вариантѣ Максимовича прежде похороны, потомъ кукушка ²⁾. Въ вариантѣ Кулиша кукушки нѣтъ вовсе; а въ вариантахъ Котляревскаго ³⁾ и Вересая ⁴⁾

1) Где ся взяла сива зозуленька,
 Въ головкахъ сѣдала,
 Жалибно кувала,
 Якъ ридна сестра брата жалковала,
 Такъ вона меншого брата, пѣшу пѣшеницю, оплакала,
 Тогдѣ орлы налѣтали зѣ лоба очи высмыкали,
 Тогдѣ дрибна птица налѣтала,
 Коло жовтои кости тѣло оббирала,
 Тогдѣ ще й вовки сѣроманцѣ набѣгали.
 Бѣле тѣло рвали, жовту кисть по тернахъ, по, балкахъ розношали,
 Жалибно квилляли-проквилляли
 Тоже вони меншому брату, пѣшей пѣшеницѣ, похоронѣ видравляли.

(Вар. Харьк.).

2) Сб. Укр. Пѣс. 1849 г. 23 о кукушкѣ: Якъ сестра брата, або мати сина
 оплакала.

3) Стали орлы чорнокрыльцѣ налѣтати,
 Въ головкахъ козацькихъ сѣдати,
 На чорныя кудри наступати,
 Изъ лоба очи выдирати,
 Коло жовтои кости тѣло козацьке обдирати.
 Стали вовки сѣроманцѣ находжати,
 Козацькіи кости розношати,
 По долинахъ, байракахъ,
 По козацькихъ прикметахъ,
 Тильки козацька голова на Савурь-могилѣ пробуае;
 Никто теи головы не дбае,
 Кроме: сива зозуленька прилѣтала,
 Въ головахъ козацькихъ сѣдала,
 Жалибненько закувала, нѣбы словами промовляла:
 „Голово, голово, козацькая!
 „Якъ ты спила зѣла, хорошенько сходила.
 „По чужихъ земляхъ пробувала,
 „Козацьки звичай добре знала, —
 „Теперь ты ни обѣ чимъ не дбаешъ,
 „Кроме суда праведнаго Судии Господа съ небесъ жадаешъ!“

(Вар. Котляр.).

4) Орлы сизонерѣ налѣтали,
 Отъ жовтыхъ костей тѣло оббирали,
 А изъ лоба очи выймали, —
 Тоже вовки сѣроманцѣ зѣ великихъ стенихъ избѣгали,
 Отъ суставъ кости отривали,
 Да по тернахъ, по байракахъ розношали:
 Ей да тоже буйныи вѣтры повѣвали
 Да комъшами жовтыи кости покрывали;
 Ей то тоже козака нѣ отецъ нѣ мати оплакала,

сначала отправляются похороны козака, состоящія въ томъ, что орлы и волки терзаютъ трупъ его и разносятъ кости; остается на Савурь-Могилѣ одна голова козака, и къ этой головѣ прилетаетъ кукушка и оплакиваетъ ея судьбу такимъ причитаньемъ: Голова, голова ты козацкая! Ты пила-ѣла, хорошо поживала, по чужимъ землямъ пробывала, хорошо козацкіе обычаи знала; теперь тебѣ нѣтъ ни о чемъ заботы, ничего ты не желаешь, кромѣ праведнаго суда надъ собою отъ Судіи Господа! Мѣсто это есть въ другой думѣ, и не беремся рѣшать, отътуда ли сюда, или отсюда туда оно перешло. Скорѣе предположить можно первое, потому что обращеніе къ головѣ приличіе можетъ относиться къ козаку бывалому, пожилому, чѣмъ къ юношѣ, какимъ былъ меньшей изъ трехъ бѣжавшихъ братьевъ.

Но вотъ конные братья приближаются къ христіанскимъ городамъ ¹⁾. У рѣчки Самарки, близъ криницы Салтанки ²⁾ (это, должно быть, случайный переносъ изъ другой думы объ иныхъ трехъ братьяхъ, приведенной нами выше), они расположились отдыхать, уже не опасаясь погони за собою ³⁾. Старшій братъ уже теперь согласенъ дожидаться меньшого. Въ сердце середняго брата закрадывается тоска предчувствія: вѣрно уже нѣтъ на свѣтѣ меньшого брата ⁴⁾. По варианту Максимовича, эта тоска сразу овладѣваетъ обоими братьями ⁵⁾, а по варианту Кулиша, самъ старшій братъ соболѣзнуетъ о судьбѣ меньшого и хочетъ его подвезти, но середній братъ напоминаетъ, что уже девятый день прошелъ, и вѣрно теперь ихъ меньшой братъ умеръ отъ голода и жажды ⁶⁾.

Якъ сива зозули прилѣтала,

Да у головкахъ сѣдала, да жалибно закувала:

„Ой голову, голову козацька молодецькая!

„Сежь ты нѣ допила, нѣ доѣла, а нѣ хороше сходила,

„А и довелосѣ валятисѣ,

„Звѣру-птицѣ на поталу податисѣ“. (З. Юг. О. Г. О. I. 10).

1) Стали кинѣ братьи до городивъ христіанськихъ доѣзжати.

(Максим. Сб. Укр. П. 1849 г., стр. 23).

2) До рѣчки Самарки, до криниць Салтанки. (Вар. Котляр.).

3) Стали два братики кинѣ до Самарь рѣчки прибувати,

Тамъ три днѣ спочивати,

Меншого брата, пѣшу пѣшеницю, дожидали,

Зеленымъ сѣномъ конѣ годовали.

(Вар. Харьк.).

4) Братъ середульшій у велику тугу вступае,

Словами промовляє:

Щось недурно до мого сердца велика туга наступае,

Мабуть нашого меншого брата, пѣшѣй пѣшеницѣ, на свѣтѣ не мае.

(Вар. Харьк.).

5) Стала къ ихъ сердцямъ велика туга налягати. (Макс., *ibid.* 23).

6) Стала ихъ темна ничка обіймати,

Ставъ братъ старшій до середульшого промовляти:

— Станьмо, братику, туга конѣ попасьмо,

— Тутъ могили високи, трава хороша

— И вода погожа,

— Станьмо тутечка обождѣмо, поки сонце объѣтрѣе,

— Чи не прибуде къ намъ нашъ пѣшій пѣхотинець,

— Тогдѣ на ёго велике усердіе маю,

Такой припадокъ милосердія въ этомъ братѣ практикъ-эгоистъ очень естественъ въ то время, когда можно оказать добро другому, самому не подвергаясь опасности. Затѣмъ, здѣсь, на берегу Самары, происходитъ между братьями разговоръ, въ которомъ снова рѣзко высказываются характеры двухъ братьевъ. Старшій братъ задаетъ вопросъ: что имъ отвѣчать родителямъ, когда тѣ спросятъ ихъ о меньшомъ братѣ, и самъ даетъ совѣтъ сказать, что они были въ неволѣ не у одного господина, и когда собрались бѣжать, то и меньшого брата будили, да не добудились ¹⁾), а по варианту Кулиша, старшій братъ прибавляетъ, что надобно родителямъ сказать, что меньшей братъ самъ не захотѣлъ бѣжать съ нами, надѣясь лучшаго для себя счастья, когда останется въ неволѣ ²⁾). При этомъ, по обоимъ вариантамъ, Котляревскаго и Кулиша, старшій братъ, вѣрный своей эгоистической натурѣ, замѣчаетъ, что имъ двоимъ будетъ теперь лучше: когда родители помрутъ, то они достойнѣе ихъ раздѣлять себѣ

— Усю добычъ скидаю,

— Его, пѣшого, мѣждо коней хватаю!—

„Було-бъ тобѣ, брате, тогдѣ якъ я казавъ хватати;

„Теперь, деньятыи день минувъ,

„Якъ хлѣбъ-силъ ѣвъ,

Воду пивъ,

„Досѣ й на свѣтъ не мае!

(З. о Ю. Р. 40).

1) Старшій братъ тее зачувае,

Словами промовляе,

Уже й дрибными слѣзами поливає:

— Що мы, брате, будемъ думати, гадати,

— Якъ будемъ мы до отця, до нанѣ матки прибувати? .

— Якъ мы будемъ отцевѣ й матцѣ казати,

— Якъ будутъ насъ вони шитати?

— Якъ будемъ мы отцю й матцѣ по-правдѣ казати,

— Будуть насъ отецъ и мати проклинати!—

Середній братъ тее зачувае,

Словами промовляе:

„Будемъ мы, брате, отцю й матцѣ правду казати,

„То може, буде отецъ-мати на насъ великое милосердіе мати!“

Старшій братъ тее зачувае,

Словами промовляе:

— Оттакъ мы, братѣку, скажѣмо:

— Що у городѣ Азовѣ не у одного пана въ темницѣ пробували,

— Не одному пановѣ слуговали,

— Мы сами два насъ утѣкали,

— Свого найменшого брата отъ сна будили не збудили.

(Вар. Котляр.).

2) Не въ одного пана пробували, не одну неволю мали,

И ночной добы зъ тяжкою неволѣ втѣкали,

Такъ мы до ёго забѣгали,

Устань, брате, зъ нами козаками, зъ тяжкою неволѣ втѣкати!

Либонь-то винъ такъ отказавъ:

Тѣкайте жъ вы, братцы, а я буду тутъ оставаться,

Чи не буду собѣ лучшого долѣ-счастья мати. (З. о Ю. Р. 41).

на двѣ, а не на три части ¹⁾). Въ вариантахъ Харьковскомъ и Максимовича есть та же рѣчь старшаго брата къ середнему, но безъ намека о наслѣдствѣ; зато въ Харьковскомъ, какъ и въ другихъ вариантахъ, есть отвѣтъ середняго брата, что за ложь передъ родителями будетъ ихъ карать родительская молитва ²⁾.

Затѣмъ, варианты Харьковской и Котляревскаго оканчиваются сходно между собою: оба брата прѣзжаютъ домой. Старшій братъ на вопросы родителей началъ отлыгаться такимъ способомъ, какой придумалъ прежде ³⁾. Но середній братъ обличилъ его ложь ⁴⁾. Тогда родители прогнали отъ себя и проклинали старшаго, а средняго приняли къ себѣ ⁵⁾.

1) То будутъ отецъ-мати помирати,
Будеть худоба zostавати,
Будемъ мы худобу на двѣ части паювати,
Мѣжь нами третій не буде никто мѣшати. (Вар. Котляр.).

Или:

А буде отецъ-мати помирати,
И будемъ грунта-худобу на двѣ части паювати,
И третье межъ нами не буде мѣшати. (З. о Ю. Р. 42).

2) Якъ не будемъ отцю й матерѣ правды казати,
То буде насъ отцевська й материнська молитва карати.
(Вар. Максим. ibid. 23. Харьк. тоже).

Или:

Будемо мы передъ отцемъ маткою неправду казати,
Буде насъ Господь милосердый видимо й певидимо карати.
(Вар. Котл. тоже у Кулиша, но вм. „неправду казати“—олгати. (Зап. о Ю. Р. 41).

3) Стали вони до отця, до матусѣ приставати,
Стали отецъ-матуся за ворота выхожати;
Сыны мой ясиѣ соколы!

Где вы вашего меншого брата подѣвали?

Чи вы разомъ зъ неволѣ втѣкали?

(Въ вариантѣ Котляр. прибавляется: Чи вы его за конѣ турецькии, за сѣ шаты дорогіи лянчарамъ отдали?)

То старшій братъ имъ рече:

Отець-матуся! не въ одной неволѣ бували,

Не одному пану слуговали,

Не разомъ зъ неволѣ втѣкали.

(Въ вариантѣ Котляревскаго здѣсь прибавляется: сами зъ темницѣ втѣкали, своего брата будили не збудили).

4) Отець-матуся! У одной неволѣ бували

И одному пановѣ слуговали,

Изъ одной неволѣ втѣкали

Сами собѣ конѣ похватали,

Свому наименшому брату коня не ухватили.

Тильки не добре мы учинили,

Що свого брата на конѣ не брали,

По пивчверти милѣ до отця до матусѣ въ города християнські не пидвозили,

Я добре знаю, ще нашего меншого брата на свѣтѣ не мае,

Знать его козацькая голова въ стѣну при дорозѣ полягае.

(Вар. Харьк. и Котляр.).

5) Тодѣ отецъ-мати старшого сына зъ двора зигнали,

Но по вариантамъ Максимовича ¹⁾ и Кулиша ²⁾, братья не достигли родительскаго дома: на берегу Самары ихъ настигнули и изрубили бусурманы.

Первая редакція—по вариантамъ Харьковскому и Котляревскаго, должно быть, и ближе къ первоначальной редакціи думы, и правильнѣе, а вторая, по которой братья погибли отъ бусурманъ, есть позднѣйшій переносъ въ эту думу содержанія думы о трехъ братьяхъ самарскихъ, приведенной выше, по случайному совпаденію въ обѣихъ думахъ рѣки Самары. Конецъ настоящей думы, по вариантамъ Харьковскому и Котляревскаго, гармонируетъ съ предшествовавшей бесѣдою братьевъ о томъ, что имъ говорить родителямъ, когда тѣ станутъ ихъ спрашивать о меньшемъ братѣ, тогда какъ при окончаніи думы, по вариантамъ Максимовича и Кулиша, бесѣда эта останется внѣ связи съ думою. Притомъ же, во всемъ тонѣ этой думы чувствуется потребность нравственной пѣли, которая превосходно достигается концомъ по вариантамъ Харьковскому и Котляревскаго.

Было бы напраснымъ и бесполезнымъ трудомъ доискиваться съ точностью, когда составлена эта дума, и къ какому событію она относится. Съ большою вѣроятностью она относится вообще къ XVII вѣку, такъ какъ въ этомъ вѣкѣ, какъ намъ извѣстно, было много случаевъ дѣйствительныхъ побѣговъ русскихъ плѣнниковъ изъ Азова. Едва ли даже определенное, дѣйствительное какое-нибудь событіе легло въ началѣ въ основаніе этой думы; скорѣе всего это плодъ народнаго творчества изъ бытовыхъ матеріаловъ.

Едва ли не самая распространенная въ народѣ пѣсня этого отдѣла—пѣсня о Морозенкѣ. Это народное произведеніе при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края едва ли можетъ быть отнесено къ какой-нибудь эпохѣ или къ какому-нибудь историческому лицу. Одна личность съ именемъ Мороза или Морозенка является въ числѣ сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго. Но одно ли это лицо съ пѣсеннымъ Морозенкомъ—рѣшить нельзя, тѣмъ болѣе что въ пѣснѣ разсказывается о битвѣ Морозенка съ бусурманами, а мы не знаемъ ничего такого за историческимъ Морозенкомъ, современникомъ Хмельницкаго.

Кляли-проклинали:

Богдай ты, сынку, отъ нынѣ до вѣку счастья-долѣ не знавъ,

Що ты намъ объ меншѣмъ сынѣ правды не сказавъ!

А середнёго сына въ свий двирь прійняли.

(Вар. Котляр. по Харьк. тоже, но вмѣсто: „въ свий двирь прійняли“—у гости прійняли).

¹⁾ Въ той часъ безбожныи бусурманы набѣгали,

И тихъ двоухъ братьевъ порубали,

Тѣло козацкѣ карбовали,

Головы на шаблѣ здиймали,

Довго глумовали.

(Максим., *ibid.* 24).

²⁾ И не свзы орлы заклекотали,

Якъ ихъ турка-яныченки зъ за могилы напали.

Постреляли, порубали,

Ковѣ зъ добычею назадъ у городъ у турещину позавертали.

Полягла двоухъ братьевъ голова выще рѣчки Самарки.

А третя у Осавурь-могины:

А слава не вмире, не поляже

Отнынѣ и до вѣка.

(З. о Ю. Р. 42).

Пѣсня о Морозенкѣ, несмотря на многочисленные варианты, несомнѣнно одна, и всѣ варианты заключаютъ общія для всѣхъ ихъ черты. Пѣсня эта сложена по смерти героя, какъ это видно изъ того, что она начинается плачемъ Украины о немъ ¹⁾. Слѣдуетъ затѣмъ разговоръ козаковъ съ Морозихою, матерью Морозенка. Козаки, видя ея тоску, стараются развеселить ее и приглашаютъ вмѣстѣ съ ними выпить меда и вина, а Морозиха имъ отвѣчаетъ, что ей не пьется медъ-вино оттого, что ея сынъ, Морозенко, гдѣ-то бьется съ туркомъ ²⁾. Пусть бьется, пусть рубится—онъ этимъ тѣшится! ³⁾—прибавляется въ одномъ вариантѣ.

Пѣсня затѣмъ переноситъ насъ на поле битвы. Изъ-за горы крутой выступаетъ войско, которое называется гордымъ ⁴⁾ во всѣхъ вариантахъ, гдѣ только есть имя Морозенка.

Впереди Морозенко на сѣромъ конѣ. Во многихъ вариантахъ затѣмъ поется: «Онъ склонилъ голову коню на гриву; бѣдная моя голова: это чужая сторона!» ⁵⁾. Подобная сентиментальность не вяжется съ характеромъ всей пѣсни, и мы думаемъ, это случайная позднѣйшая прибавка, тѣмъ болѣе, что не во всѣхъ вариантахъ пѣсни о Морозенкѣ мы ее встрѣчали.

Слѣдуетъ битва съ бусурманами. Въ иныхъ вариантахъ дѣлается только намекъ на эту битву въ образѣ кровавой рѣчки, сопоставляемой съ красною лентою, которую носить на себѣ Морозенко ⁶⁾; въ другихъ вариантахъ описаніе битвы прямѣе и подробнѣе ⁷⁾. Морозенко попадаетъ въ неволю татарамъ ⁸⁾.

1) Ой, Морозе Морозенку! Ты славный козаче!

За тобою, Морозенку, вся Украина плаче.

2) Не такъ тая Украина, якъ те горде вийсько.

Заплакала Морозиха, идучи на мѣсто.

„Не плачь, не плачь, Морозихо, обь сыру землю не бійся,

„Иди съ нами, козаками, медъ-вина напійся“.

— Ой, що-сь менѣ, милѣ братя, медъ-вино не пьється.

Ой, гдесъ мий сынъ, Морозенко, да изъ туркомъ бьється.

3) Нехай бьється, рубається,

Винь у тому кохається.

4) Изъ-за горы, изъ-за кручи горде вийсько выступае,

По-самъ передъ Морозенко сивымъ конемъ выгравае.

5) Склонивъ же винь головоньку коню на гривоньку:

Бѣдна моя головонька, се чужая сторонька!

6) А въ нашего Морозенка да на шії стричка

(Или: червоная стричка).

Где проѣде Морозенко—крававал рѣчка.

Ой выѣхавъ Морозенко за керебердою.

7) Ой зустрѣвся Морозенко съ вражею ордою.

Ой бьється винь три днѣ, три днѣ, три години,

Ой лежить трупу, лежить орды на три милѣ.

Ой и ставъ же Морозенко да въ полѣ гуляти,

Стали тогдѣ Морозенка бусурмавы оступати.

Въ другомъ вариантѣ:

Стали ёго турки й ляхи оступати.

8) Морозенко, козаченько, якъ макъ распускався,

Морозенко, козаченько, въ неволю попався.

Его ведутъ на Савурь-Могилу и въ насмѣшку велятъ ему посмотрѣть на свою Украину ¹⁾; понимается, что это значить: въ послѣдній разъ посмотрѣть на нее. Въ заключеніе его казнятъ мучительнымъ способомъ: по однимъ, обобравши у него червонцы, снимаютъ съ него красную рубашку, то-есть кожу ²⁾, по другимъ, вынимаютъ сердце ³⁾ и потомъ сердце бросаютъ въ воду, а тругъ несутъ на Савурь-Могилу и произносятъ тѣ же слова, которыя въ другихъ вариантахъ говорятъ ему еще живому ⁴⁾; пѣсни оканчиваются прощаніемъ съ Морозенкомъ, котораго оплакиваетъ вся Украина ⁵⁾.

Или:

Ой чїа то корогивця, що на ратищѣ вѣться,
Ой то того Морозенка, що съ ордою бѣться.
Ой чїа то корогивця, що ратище изломила?
Ой то того Морозенка, що орда изловила!

Или:

За рѣчкою за быстрою покопанѣ шанцѣ—
Взяли, взяли Морозенка въ недѣлоньку вранцѣ.
Вѣжить, бѣжить татарюга Морозенка вязати,
Ой ставъ ѣму Морозенко всю правду казати:
Хочъ ты звяжешъ, татарюго, мои руки стуга,
Буде на васъ, козаченьки, велика потуга.

Или:

Хочъ ты звяжешъ, татарюго, мои бѣлѣ руки—
Не завдавай молодому смертельной муки.

- ¹⁾ Ой повели Морозенка на Савурь-могилу,
Дивись, дивись, Морозенку, на свою Украину.
²⁾ Посадили Морозенка на тесовѣмъ стильцѣ,
Сняли-сняли съ Морозенка зъ чересивъ червинцѣ.
Посадили Морозенка на жовтѣмъ пѣсочку,
Сняли-сняли съ Морозенка червону сорочку,
(Или: кроваву сорочку).
³⁾ Вони жъ его и нѣ били нѣ въ чверти рубали,
Тильки зъ его молодого живцемъ сердце взяли.

Или:

Невелику Морозенковѣ да кароньку дали,
Тильки зъ его молодого да серденько взяли,

Или:

Посадили Морозенка на бѣле ряденце,
Да выйняли зъ Морозенка кривавое сердце.

- ⁴⁾ Ой выйняли серденько да кинули въ воду;
Теперь дивись, Морозенко, на свою вроду.
Ой вынесли Морозенка на Савурь-могилу,
Теперь дивись, Морозенко, на свою Украину.
⁵⁾ Прощай, Морозенку, ты найславный козаче,
За тобою, Морозенку, вся Украина плаче.
Въ одномъ вариантѣ прибавляется:
На явору зеленому сизый орелъ криче,
За Морозомъ матусенька силнесенько плаче.

Въ рукописномъ сборникѣ Котляревскаго мы нашли одну, до сихъ поръ нигдѣ неслышанную и нечитанную, думу о вдовѣ Ивана Сѣрка и о его сыновьяхъ. Вѣроятно, это одна изъ множества такихъ, которыя безслѣдно исчезли для науки, не подпавши, подобно этой, счастливой случайности, извлекающей ее изъ забвенія.

Вдова знаменитаго въ XVII вѣкѣ кошевого атамана Ивана Сѣрка представляется въ этой думѣ жительствующею въ городѣ Мерехвѣ. Изъ современныхъ XVII в. актовъ мы знаемъ, что въ Мерехѣ, въ слободской Украинѣ, въ двадцати восьми верстахъ отъ Харькова дѣйствительно имѣлъ владѣніе Сѣрко, и тамъ жило его семейство. Въ думѣ вдова Сѣрчиха живетъ съ двумя сыновьями Петромъ и Романомъ.

Дума о женѣ кошевого Сѣрка и о ея двухъ сыновьяхъ рассказываетъ слѣдующее: Однажды старшій сынъ Сѣрка, Петръ сталъ спрашивать свою мать: что значить, что онъ не видитъ отца? Хотѣлъ бы онъ знать: куда ему идти, чтобъ искать своего отца? ¹⁾ Вдова отвѣчала, что отецъ ихъ отправился къ стародавнему Тору, чтобы тамъ положить свою козацкую голову ²⁾. Петръ подговорилъ съ собою мерехвянскаго сотника Пилипа (Филиппа) и взялъ съ собою своего джуру Голуба волошина (молдаванина). Доѣхали они до стародавняго Тора и встрѣтили тамъ торскаго атамана Якова Лохвицкаго. Петръ объявляетъ, что онъ сынъ Сѣрка, уже семь лѣтъ не видалъ своего отца и не знаетъ гдѣ онъ. Отвѣта на это нѣтъ въ думѣ; вѣроятно онъ былъ, но утратился. Петръ отправляется къ тремъ зеленымъ байракамъ (оврагамъ). Козаки предостерегаютъ его, чтобъ онъ не пускалъ далеко отъ себя своихъ лошадей, но Сѣрченко не послушалъ такого совѣта и поручилъ присмотрѣть за лошадьми своему джурѣ волошину Голубу ³⁾. Вдругъ изъ лѣсистыхъ овраговъ нападаютъ на этого джуру

ruskie w Galicyi, 146. Кромѣ того, у насъ было около двадцати вариантовъ подъ рукою, нигдѣ ненапечатанныхъ и записанныхъ въ разныхъ мѣстахъ изъ устъ народа).

¹⁾ Мати моя старенькая жоно!

Скільки я у тебе пробувавъ,
Отци свого Ивана Сѣрка въ очи не видавъ.
Нехай бы я мигъ знати,
Гдѣ свого отци Сѣрка Ивана шукати?

²⁾ До стародавнѣго Тору пийшовъ пробувати,
Тамъ ставъ винъ свою голову козацкую накладати!

³⁾ Козаки до Сѣрченка Петра словами промовляли:
Сѣрченко Петре! не безпечне себе май,
Коней козацкихъ отъ себе не пускай!
Сѣрченко Петро на те не повѣряе,
Пидъ тернами байраками лягає-спочиває,
Конѣ свои козацки далеко отъ себе отпускає,
Тильки Голуба волошина до коней посылає.
Турки тее зобачали,
Изъ тернивъ зъ байракивъ вьбѣгали,
Голуба волошина у полонѣ до себе брали,
И ще словами промовляли:
Голубе волошине! не хочемъ твоихъ коней воронихъ,
Хочемъ мы добре знати,
Щобъ твого пана молодого изрубати.

турки и берутъ въ плѣнъ. Турки ошиблись: они хотѣли схватить самого Петра Сѣрченка, а схватили его слугу. «Турки», сказалъ имъ волошинъ, чужой для козачества человѣкъ: «отпустите меня на волю; я за это услужу вамъ; самъ сниму съ него голову съ плечъ».

Турки довѣрилися ему и отпустили его. Тогда Голубъ волошинъ коварно выманилъ Петра Сѣрченка на битву ¹⁾ съ турками и самъ снялъ съ него голову. Турки между тѣмъ убили Филипа мерехванскаго сотника.

Но горскіе «стародавніе» козаки догнали турокъ, побѣдили ихъ, собрали козацкія тѣла и привезли ихъ въ свой стародавній курѣнь. Тамъ убитые козаки были погребены; при этомъ въ думѣ являются черты, которыя сдѣлались въ думахъ вообще, такъ сказать, ругинными въ описаніяхъ козацкихъ похоронъ въ степи ²⁾. Эпитетъ «стародавній», который дается и рѣкѣ Тору, и козацкому поселенію (курѣню), и козакамъ, тамъ живущимъ, показываетъ увѣренность въ томъ, что въ упомянутомъ краѣ было издавна жительство козаковъ, хотя, на основаніи историческихъ документовъ, этотъ край, принадлежавшій къ области слободскихъ полковъ, является населеннымъ козаками не ранѣе второй половины XVII вѣка.

Въ заключеніе горскій атаманъ Яцько Лохвицкій написалъ къ матери Сѣрченка о смерти ея сына. Письмо это пришло къ старухѣ въ то время, когда въ ея домѣ случилось ей другое горе: меньшей сынъ ея Романъ былъ при смерти. Сѣрчиха, получивши извѣстіе о смерти Петра, падаетъ на землю и произноситъ: «на мою голову три печали разомъ легло: первая печаль—уже семь лѣтъ не вижу я своего мужа Ивана; вторая печаль—нѣтъ въ живыхъ моего сына Петра, а третья печаль—умираетъ мой другой сынъ Романъ» ³⁾. Этимъ дума и оканчивается.

Голубъ волошинъ словами промовляе:

— Турки! коли вы можете мене отъ себе пускати,

— Могу я самъ ёму съ плечъ головуку сняти!—

¹⁾ Голубъ волошинъ до Сѣрченка Петра прибуває,

Словами промовляе:

Сѣрченко Петре, пане молодий,

На доброго коня сѣдай,

Межь турками посѣбшай!

Не успѣвъ Сѣрченко Петро межъ турки-янычары вбѣжати,

Ставъ ёму Голубъ волошинъ зъ плечъ головуку знимати.

²⁾ Козацьке бѣле тѣло посбирали,

До стародавнѣго курѣня привозили,

Суходиль шаблями копали,

Шанками приполами землю выносили.

³⁾ Яцько Лохвицкій тее зачуває,

До вдови старенькои Сѣрчихи Иванови въ городъ Мерехву листъ посляе.

Сѣрчиха Иванови въ городѣ Мерехвѣ письмо читае,

Словами промовляе,

Къ сырѣй землѣ крыжемъ упадае.

— Що вже теперъ на мой головѣ три печали пробуває:

Первая печаль—що я сѣмъ годъ пробувала,

Сѣрка Ивана въ вичи не видала;

Другая печаль—що Сѣрченка Петра на свѣтѣ живого не мае;

Третья печаль—що Сѣрченко Романъ умирае!—

При настоящихъ средствахъ мы не въ силахъ сказать: было ли какое-нибудь происшествіе поводомъ къ составленію этой думы, хотя это вѣроятно. Несомнѣнно, дума эта возникла не ранѣе конца XVII вѣка. Болѣе чѣмъ вѣроятнымъ признать можно, что когда-то о самомъ Сѣркѣ Иванѣ существовали думы, такъ какъ въ самыхъ лѣтонисяхъ этотъ богатырь представляется въ поэтическомъ свѣтѣ. Трудно допустить, чтобъ народная поэзія не коснулась его. Настоящая дума могла быть послѣдкомъ думъ о Сѣркѣ.

Участіе къ дѣтямъ Сѣрка до такой степени, чтобъ они могли стать предметомъ особой думы, можно предполагать плодомъ того интереса, какой возбуждали думы или дума о самомъ Сѣркѣ, умершемъ, какъ извѣстно, въ 1680 году, послѣ тридцатилѣтней богатой событіями дѣятельности въ исторіи козачества, преимущественно въ званіи кошевого атамана, которое онъ многократно принималъ и слагалъ съ себя для того, чтобы, по желанію уважавшаго его запорожскаго товарищества, снова принимать на себя. Характеръ думы о дѣтяхъ Сѣрка, о которой мы теперь говоримъ, носить, однако, на себѣ признаки упадка этого рода поэтическаго народнаго творчества: вялъ и отрывоченъ разсказъ, мало энергіи въ выраженіяхъ; только конецъ, изображающій плачь Сѣрчихи. при своей крайней простотѣ, дышетъ истиннымъ глубокимъ чувствомъ. Думы, какъ кажется, прекратились создаваться съ конца XVII вѣка. По крайней мѣрѣ о событіяхъ XVIII вѣка думъ нѣтъ и даже такія бурныя народныя эпохи, какъ возстаніе въ правобережной Украинѣ въ 1768 году и разореніе запорожской Сѣчи, отразившись во множествѣ народныхъ пѣсенъ, не выразились ни въ одной думѣ.

Къ послѣднимъ, по времени появленія, думамъ принадлежитъ очень замѣчательная дума о смерти козака на долині Кодымѣ или Кодени (какъ поютъ нѣкоторыя). Къ какому событію можетъ относиться эта дума—опредѣлить нельзя, потому что на долині кодымской, по которой течетъ рѣка Кодыма, впадающая въ Бугъ (Херсонской губерніи), были частыя схватки козаковъ съ татарами, а въ 1759 году Минихъ одержалъ тамъ надъ турками побѣду, въ которой участвовали козаки. Но дума наша не относится къ этому событію, тѣмъ болѣе, что въ ней нѣтъ и намекъ на какое-нибудь бывшее тамъ сраженіе. Рѣчь идетъ о козакѣ, который прибылъ на эту долину, гдѣ ему суждено было умереть не въ ряду войска съ другими, а одному. Несмотря на нѣкоторыя красоты этой думы, въ ней видны признаки упадка творчества этого рода произведеній народной поэзіи; они выказываются уже въ томъ, что въ нѣсколькихъ мѣстахъ она повторяетъ другія намъ извѣстныя думы, напр., выраженія о ранахъ: «пострелени—кровью зійшли, порубани—къ сердцю пришли»—взяты цѣликомъ изъ думы о трехъ братьяхъ, погибшихъ на рѣчкѣ Самаркѣ. Самый конецъ думы сложенъ по образцу думы о Хведорѣ Безродномъ; аллегорическія цвѣта на морѣ показываютъ вліяніе думы о Самойлѣ Кишкѣ, гдѣ три аллегорическія цвѣта примѣняются къ галерѣ. Намъ кажется, что дума эта сложена подъ давленіемъ вліянія прежнихъ думъ; сюжетъ ея—смерть козака въ стени—самый избитый; новаго, своеобразнаго здѣсь только двѣ черты: проклятіе, посылаемое долині Кодымѣ, и борьба умирающаго козака съ хищными птицами, выражаемая усиленъ выстрѣлить въ нихъ, когда онѣ налетѣли на него въ ожиданіи его смерти. Но самый образъ появленія хищныхъ птицъ къ умирающему козаку и разговоръ съ ними сильно напоминаетъ думу объ Азовскихъ братьяхъ. Выше мы показывали образчики того, какъ подъ струнами кобзарей думы перемѣшивались и части одной

думы заходили въ другую, напримѣръ, изъ думы о Богуславцѣ въ думу о Богуславкѣ и наоборотъ, или изъ думы о Самойлѣ въ думу о Богуславцѣ; но за исключеніемъ частей, которыя можно сейчасъ же признать привнесенными изъ одной думы въ другую, въ каждой изъ указанныхъ нами думъ есть такъ много самобытнаго, оригинальнаго, ей самой принадлежащаго, и самый сюжетъ ея содержитъ въ себѣ цѣльность и своеобразность. Въ думѣ же о смерти козака на долині Кодымѣ не представляется такихъ условій. Поэтому-то и вѣроятно, что и она сложена въ такую эпоху, когда хотя еще совершенно не прекратился обычай слагать думы, но уже мало хватало творчества къ созданію ихъ въ той свѣжести и силѣ, въ какой оно являлось въ прошедшія времена; первобытная редакція такихъ думъ невольно являлась шивкою образовъ и приемовъ, заимствованныхъ изъ прежнихъ думъ, и расходясь между кобзарями, новая дума не находила творческихъ элементовъ для своей переработки. Для незнакомаго съ ранними образцами и это подражательное народное произведеніе можетъ показаться замѣчательнымъ поэтическимъ явленіемъ. Дѣйствительно, народная поэзія, какъ и литература вообще, какъ и всякое умственное, духовное движеніе, непременно достигаетъ эпохи упадка, смѣняющей эпоху расцвѣта; но явленія времени упадка, нося на себѣ свойственный ему отпечатокъ, могутъ имѣть различное достоинство: одни могутъ еще показывать проблески стараго, другія, напротивъ, болѣе свидѣтельствуютъ о близости полнаго увяданія. Наша дума принадлежитъ къ явленіямъ перваго рода ¹⁾.

¹⁾ На узбоччѣ долины бѣли двохъ сокоривъ (?) козацкихъ,
 Тамъ козакъ постреленый, порубаный на раны смертелнѣ знемогае,
 И праведного судю зъ неба бажае:
 При собѣ отца-неньки не мае.
 Раны пострелянѣ—кровью зийшли,
 Порубанѣ—къ сердцю прийшли.
 Тогдѣ козакъ долину Кодину трома клятьбами проклинае:
 Бодай ты, долино Кодино, мхами, болотами западала,
 Щобъ у весну Божу нѣколи не зоряла не позоряла,
 Що я на тобѣ третій разъ гуляю,
 Въ тебе козацкоѣ здобычи собѣ нѣякоѣ не маю;
 Первый разъ гулявъ—коня вороного втерявъ,
 Другій разъ гулявъ—товарища сердечного втерявъ.
 Третій разъ гуляю—самъ голову козацкую покладаю.
 Орли чернокрыльцѣ,
 Козацкіи дозирцѣ,
 Налѣтають,

Козацкую душу доглядають.

То вже козакъ молодой отца й неньку споминае:

Поможи менѣ, отцева й матчина молитво, на колѣнцяхъ стати,

Семигядную пицаль у руки достати,

По три мѣрцѣ пороху підсыпати,

По три кулькѣ свинцевыхъ набивати,

Орламъ чернокрыльцямъ,

Козацкіимъ дозирцямъ,

Великій подарунокъ посылати.

То вже козакъ молодой

Товарищъ вийськовий

Такъ какъ борьба съ могомеданствомъ на югѣ Россіи собственно не окончилась иначе, какъ съ пріобрѣтеніемъ всего сѣвернаго побережья Чернаго моря, то и есть пѣсни этого разряда, относящіяся сравнительно къ позднимъ временамъ. Таковы пѣсни о Супрунѣ или Чупрунѣ. Супрунь помѣщенъ у Метлинскаго въ двухъ вариантахъ: въ первомъ Супрунь современникъ Калныша, послѣдняго кошевого (слѣдовательно, событіе, воспѣваемое въ пѣснѣ, отнесено ко временамъ прежде 1775 года). Онъ проситъ у Калныша дозволенія идти въ походъ въ воскресенье, а Калнышъ велитъ ему ждать до понедѣльника ¹⁾. Зачѣмъ это дѣлается, что изъ этого выходитъ — остается темнымъ. Супрунь (неизвѣстно послушавшись или не послушавшись Калныша) отправляется подъ Очаковъ бить орду, но попадаетъ въ плѣвъ. По этому варианту Супрунь обманулъ двухъ мурзаковъ, своихъ стражей, уприсовивъ ихъ повести его на Палѣву могилу посмотреть — гдѣ ему придется погибнуть. Простаки-мурзаки исполнили его желаніе, какъ видно изъ смысла дальнѣйшихъ стиховъ пѣсни, такъ какъ Супрунь очутился въ такомъ положеніи, что видитъ предъ собою свою великую силу, то-есть козацкое войско, и приказываетъ арестовать мурзаковъ, у которыхъ находится въ плѣну ²⁾.

По три мѣрдѣ підсыпае,
 По три кулькѣ набивае,
 Орламъ чернокрыльцямъ,
 Козацькимъ дозирцямъ,
 Великій подарунокъ посылае...
 Самъ на себе въ землю ширимъ сердцемъ впадае;
 Тисячу (?) пицаль на колянца одкидае.
 Ще й на море поглядае,
 Що море трома цвѣтами процвѣтае:
 Первымъ цвѣтомъ—островами,
 Другимъ цвѣтомъ—кораблями,
 Третімъ цвѣтомъ—молодыми козаками.
 Що козаки добри молодіцѣ,
 На долину Козину прибували,
 Срѣбла—злота много набирали,
 Козака постреленаго порубаного знахожали,
 Шаблями надилками яму копали,
 Въ семицядну пицаль прозвонили,
 Славу козацьку учинили,
 Шапками приполами семикипну висипали,
 На могилѣ прапорокъ устромили,
 Славу козацьку учинили.

1) А вже Чупрунь до Калныша листи посилае:

Ой чи зведишь, пане Калнышу, у недѣлю рушати?
 Ой чи зведишь, пане Калнышу, понедѣлка ждати?
 Ой не велью тобѣ, козаче Супруне, у недѣлю рушати,
 А велью тобѣ, козаче Супруне, понедѣлка ждати.

2) Ой не знавъ же козаць Супрунь якъ славы зажити,
 Веде вийсько запоризьке підъ Очакивъ, велитъ орду бити.

Ой вистреливъ зъ малою пушки, а зъ однеи двѣчи,
 А сунула вража орда, а осою въ-вичи.
 Ой козаковѣ Супруновѣ да назадъ руки вьязуть,

По другому варианту Метлинскаго же, въ которомъ перепутана географія (ѣдутъ изъ Кубани подъ Очаковъ, да заѣхали въ Варшаву; — должно думать, стихи, сюда принадлежащіе ¹⁾), занесены случайно изъ другой какой-то пѣсни). Супрунь попался въ неволю, но освобожденъ козаками ²⁾, потомъ онъ вступаетъ въ битву съ татарами снова, и ему бѣда—его ведутъ губить: онъ опять въ плѣну. Пѣсня завершается словами: «поведите меня, враги, на высокой курганъ: пусть знаетъ Украина, гдѣ погибъ Супрунь ³⁾». Есть еще у насъ подъ руками вариантъ, записанный нами въ Харьковской губерніи: Супрунь отправляется съ запорожцами бить Орду, но не подъ Очаковъ, какъ въ предшествовавшихъ вариантахъ, а неизвѣстно куда. Онъ попадаетъ въ плѣнъ. Онъ обращается неизвѣстно къ кому, проситъ передать вѣсть въ Сѣчь атаману, чтобъ онъ сбылъ имущество Супруна за безцѣнокъ и выручалъ его ⁴⁾. Вслѣдъ затѣмъ слѣдуетъ какъ бы отвѣтъ атамана. «Зачѣмъ мнѣ сбывать за безцѣнокъ Супруново имущество, когда мнѣ уже не видать въ глаза козака Супруна» ⁵⁾. Потомъ идутъ слова Супруна, обращенныя видимо къ татарамъ,

А козакъ Супрунь двомъ мурзакамъ правдоньки не кажетъ.

Ой поведѣть мене, да два мурзаки, да на Палѣву могилу,

Нехай же я самъ побачу, где марно загину.

Ой якъ глянувъ да козакъ Супрунь а на свою великую силу:

А берѣте двоихъ мурзакивъ, бо я ще не згину.

1) А въ середу пораненьку зъ Кубанѣ рушали,
А восьмои недѣлоньки у Варшавѣ стали.

2) А въ недѣлю пораненьку коникъ розигрався,
А къ вечеру нашъ панъ Супрунь въ неволю попался.
Надъ рѣчкою, надъ Дунаемъ орлы загравали,
А козаки отамана зъ неволѣ достали.

3) Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ короговка вѣтеться,
Ой тамъ-то нашъ да панъ Супрунь зъ татаринომъ бѣтеться
Надъ рѣчкою надъ Дунаемъ короговка мае:
Гдесъ нашего да Супруна на свѣтѣ не мае.
Ой не стрѣлы громовни, гармати ворожеськи
Напираютъ на козакивъ да на запорозьцѣвъ.
Бийте, бийте да Супруна, пана коменданта,
Бийте, бийте, не жалуйте, хочъ ридного брата.
Ой не орла не сокола збираються вбити,
Ой то жъ то пана Супруна ведутъ загубити.
Ой не ведѣть мене, братцѣ, въ глыбоку долину,
Ой поведѣть мене вороги на високу могилу,
Нехай буде знати Украина, где панъ Супрунь згинувъ.

(Метл. 429—430).

4) Ой не знавъ козакъ не знавъ Супрунь якъ славы захити,
Забравъ вийсько запоризьке—та пийшовъ орду бити.
Ой у субитоньку проти недѣленьки и зъ ордою стаяся,
А въ недѣлю въ обѣдню годину въ неволю попался.
Ой накажѣте або нанишѣте до отамана въ Сѣчѣ,
Ой нехай же винъ Супруново добро за безцѣнокъ збуває,
Нехай козака Супруна зъ неволѣ выручае.

5) На що менѣ Супрунове добро за безцѣнокъ збувати,
А вже менѣ козака Супруна въ вичи не видати.

у которыхъ онъ въ плѣну, чтобъ они вывели его на Савурь-могилу, а затѣмъ описывается, что «стойтъ запорожское войско», которое сравнивается съ блестящимъ золотомъ и съ цвѣтущимъ макомъ ¹⁾. По этому варианту здѣсь пѣсня прерывается. Къ сожалѣнію, всѣ три извѣстные намъ варианта не принадлежать къ лучшимъ, и потому остается ждать собранія другихъ для опредѣленія смысла и значенія этой пѣсни.

Въ 1770—1774 годахъ было дѣятельное участіе запорожцевъ въ войнѣ, происходившей тогда между Россіею и Турціею. Въ «Исторіи Новой Сѣчи» Скальковскаго приведено нѣсколько современныхъ извѣстій о подвигахъ запорожцевъ и, между прочимъ, подъ самымъ Очаковымъ; однако имени Супруна нѣтъ. Но, во-первыхъ, у запорожцевъ былъ обычай, сверхъ фамильнаго прозвища, придавать какое-нибудь другое—большую частью характерное или насмѣшливое, и, слѣдовательно, подъ именемъ Супруна здѣсь могло укрыться имя, извѣстное въ историческихъ сочиненіяхъ и официальныхъ документахъ совсѣмъ иначе; во-вторыхъ, народная память могла почитать такія личности и событія, которыя въ писанныхъ бумагахъ прошли вовсе незамѣченными. Въ самомъ дѣлѣ, если какой-нибудь простой козакъ, попавшись въ плѣнъ, умѣлъ ловко обмануть схватившихъ его татаръ и ускользнуть отъ нихъ, а потомъ, быть можетъ, опять попался въ плѣнъ и погибъ, — этого было достаточно, чтобъ на его личность поэзія народная обратила свое вниманіе болѣе, чѣмъ на какого-нибудь атамана, который за свою храбрость получилъ отъ правительства золотую медаль. Наконецъ, могло быть, что пѣсня о Супрунѣ существовала ранѣе, и событіе, описываемое въ ней, позже примѣнилось, чрезъ смѣшеніе воспоминаній, ко временамъ Калныша.

У Метлинскаго помѣщена особая пѣсня о Чупрунѣ. Хотя названія Супрунъ и Чупрунъ кажутся принадлежащими одному лицу, потому что пѣвцы въ своихъ пѣніяхъ ихъ смѣшиваютъ, однако здѣсь описывается нѣчто другое: козакъ попадаетъ въ неволю на морѣ ²⁾. Но потомъ, подобно какъ Супруна, и Чупруна ведутъ татары на могилу и приказываютъ ему взглянуть на свою Украину ³⁾; мотивъ, записанный изъ пѣсни о Морозенкѣ. Пѣсня прерывается сожалѣніемъ Чупруна о томъ, что въ Украинѣ у него остается чернобровая дѣвица ⁴⁾.

¹⁾ Хочъ выведѣть, хочъ вынесѣть на Савурь-могилу:

Хай гляну подивляюся где я марно загину.

А Савурь-могила, глыбока долина, сизый орелъ пролѣтае...

Стоять вийсько славно запоризьке якъ золото сяє;

А Савурь-могила, глыбока долина сизый орелъ пролѣтае...

Стоять вийсько славно запорожське якъ макъ процвѣтає.

²⁾ Ой у суботу пораненьку Чупрунъ розигрався,

А въ недѣлю пораненьку въ неволю попался,

Ой почали превражіи мурзальцѣ Чупруна вѣззати:

Бѣжить, бѣжить Петро Кошовенко руками махає;

Гдежъ нашъ панъ Чупрунъ молоденькій на морѣ пропадає.

³⁾ Ой повели превражіи мурзальцѣ да на високу могилу:

Поглянь, поглянь, Чупрунъ молоденькій, на свою Украину.

⁴⁾ Уже-жъ менѣ превражіи мурзальцѣ Украина не мила,

Остається на тѣй Украинѣ дѣвичинька чернобрива.

Послѣ разрушенія Сѣчи остатки запорожцевъ, не послѣдовашіе за своими братьями, убѣжавшими въ Турцію, участвовали во второй турецкой войнѣ и объ этомъ остались также пѣсни: одна, записанная Скальковскимъ (Ист. Нов. Сѣчи. III. 222) ¹⁾, о подвигахъ Антоны Головатого подъ Кинбурномъ и Очаковомъ, гдѣ запорожцы овладѣли островомъ Березанью; другая—о взятіи Измаила, записанная черноморцемъ Вареникомъ и сообщенная Метлинскому для его Сборника (Нар. Южнор. П. 431) ²⁾; въ этой пѣснѣ приписывается запорожцамъ побѣда. Вообще, однако, всѣ пѣсни послѣдняго времени, относящіяся къ циклу борьбы съ могомеданскимъ міромъ, носятъ сильно отпечатокъ эпохи упадка пѣсеннаго творчества въ народѣ. Недостатокъ одушевленія, подражательность старымъ приемамъ, отсутствіе оригинальности, неясность и аляповатость изображенія, вялость и несвязность мыслей въ повѣствованіи отличаютъ ихъ.

В. Вторженія татаръ и турокъ.

Ордынскій разгромъ. — Зять и теща. — Три плѣнныя дѣвицы. — Двѣ сестры. — Выкупъ плѣнницы. — Невыкупленный плѣнникъ. — Братъ покупаетъ сестру. — Продажа сестры братомъ. — Коваленко. — Козакъ на сторожевой могилѣ. — Нападеніе орды на чумаковъ. — Почаевское чудо. — Дорошенко.

Бѣдствія отъ вторженія «бусурманъ» въ южную Русь были нѣкогда явленіями частыми и должны были отражаться въ памяти и скорбномъ чувствѣ

¹⁾ Ой стояли на Таванѣ проти Яниколя;

Ой тамъ була хурговина изъ Чорного моря.

Ой въ недѣлю пораненьку якъ стало свѣтати,

Ой ставъ нашъ Головатый на хлонцивъ гукати.

„Пидиймайте, добрѣ хлонцѣ, парусы всѣ въ гору;

Ой бѣе турокъ изъ Кинбуру зъ пушокъ на тревогу“.

Пидняли добрѣ хлонцѣ всѣ парусы въ гору,

Пийшли Днѣпромъ противъ воды кораблѣ на воду,

Пийшли наши добрѣ хлонцѣ Днѣпромъ противъ воды,

Набралися сердечни превеликою бѣды.

Ой поглянувъ нашъ Головатый въ прозорную трубу,

Ой теперъ вражихъ туркивъ бояться не буду.

²⁾ Видь Килиі до Измайлова покопанѣ шанцѣ,

Ой вырубали турки новодинцивъ у середу вранцѣ.

А Чорноморцѣ храбрѣ запорозьцѣ черезъ Дунай переѣздили,

Вони жъ тую проклятую измайливську орду зъ батареи збили.

Ой дали жъ дали измайливські турки Надольскому башѣ знати,

Що не мусишъ, Анадольскій башо, противъ Чорномирцѣвъ стояти.

Ой ставъ же Измайливскій баша бѣлый флагъ выкидати,

Ой тогдѣ стали славнѣ Запорожьцѣ запасы и ружья видбирати.

Ой брали ружья й кони дорогіи

Брали и сукна дорогіи...

Усе размиліше...(!)

Которыхъ порубали—

То тихъ у востровѣ поховали,

А которѣ пораненѣ—у Килию одправляли.

(Метл. 431).

народа. Однако, пѣсенъ, относящихся къ этой сторонѣ прошедшей жизни, до сихъ поръ собрано было не такъ много, какъ можно было ждать, и собранныя—преимущественно галицкія. Конечно, наши этнографическія работы такого рода, что не даютъ намъ права дѣлать заключенія о несуществованіи того, что намъ неизвѣстно, но и при той недостаточной степени знакомства нашего съ народною пѣсенностью, на которую до сихъ поръ мы себя осуждаемъ, все-таки мы бы могли надѣяться встрѣтить ихъ болѣе, чѣмъ встрѣчали, особенно принимая во вниманіе то обстоятельство, что тамъ, гдѣ мы находили изустныя преданія о бывшихъ татарскихъ набѣгахъ, не отыскивали или мало встрѣчали пѣсенъ объ этихъ событіяхъ. Въ настоящее время, при всѣхъ нашихъ добросовѣстныхъ усиліяхъ, мы бы уже не въ силахъ были вообще овладѣть и десятою долею того богатства, какое представляла эпоха распѣта пѣсеннаго народнаго творчества, а потому, вѣроятно, много народныхъ пѣснопѣвій, относившихся къ упомянутой сторонѣ прошедшей жизни, испарилось наравнѣ со множествомъ пѣсенъ иного рода; но едва ли мы ошибемся, если обратимъ вниманіе на такія свойства татарскихъ набѣговъ, которыя предоставляли мало долговѣчности слагавшимся о нихъ пѣснямъ. Были эпохи громаднхъ бѣдствій, потрясавшихъ весь край и оставлявшихъ впечатлѣніе на весь народъ. Таково, на примѣръ, было разореніе, постигшее отъ татаръ южнорусскія земли, въ 1653 году, послѣ Жванецкаго договора, когда поляки купили себѣ миръ постыднымъ дозволеніемъ татарамъ брать ясырь въ русскихъ странахъ. Бѣдствіе это ускорило присоединеніе Малороссіи къ Московскому государству; и это бѣдствіе отразилось въ пѣснѣ, въ которой изображается, что Украинѣ некуда дѣться: орда топчетъ лошадьми дѣтей, рубить старыхъ, беретъ въ плѣнъ взрослыхъ и — какъ послѣдствіе этого — малорось отказывается служить и пану католику, и пану бусурману, а рѣшается служить восточному царю¹⁾. Но большая часть татарскихъ набѣговъ имѣли единичный характеръ, происходя то въ томъ, то въ другомъ краѣ, поражая то ту, то другую группу селеній, и въ каждомъ такомъ случаѣ татарскій набѣгъ касался только одного угла — часто небольшого; при томъ набѣги эти были всѣ однообразны; вездѣ одни и тѣ же черты: вездѣ народъ, слышавши о приближеніи татаръ, разбѣгался въ города или лѣса; иногда татары нападали на села нечаянно, сожигали дома и уводили плѣнниковъ, иногда ловили послѣднихъ по полямъ и лѣсамъ. Понятно, что если гдѣ-нибудь составитя былевая пѣсня о такомъ событіи, то она должна была походить на другую такую же, которая составила бы въ краѣ отдаленномъ отъ перваго. Эти пѣсни стгушевывались; черты ихъ были до того общи, что одной пѣснѣ нельзя было распространяться далѣе того края, гдѣ она возникла, потому что она встрѣчала другую подобную себѣ и, сталкиваясь съ нею, утрачивала первичный видъ, такъ какъ признаки ихъ сливались. Такимъ путемъ, какъ

1) Зажурилась Украина що нѣгде ся дѣти:

Вытоптала орда киньми маленькіи дѣти,

Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,

А молодыхъ середульшихъ у полонѣ загнала.

Ой служивъ же я служивъ пану католику,

А теперъ ёму служити не буду до вѣку!

Ой служивъ же я служивъ пану бусурману,

А теперъ служити стану восточному царю.

мы думаемъ, невозможно было составиться и распространиться такимъ пѣснямъ о татарскихъ набѣгахъ, которыя бы могли интересовать народъ на далекомъ пространствѣ; поэтому-то рассказовъ объ этихъ событіяхъ много, а пѣсенъ почти совсѣмъ нѣтъ. Если же въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ найдутся черты бытовья, по-видимому, указывающія на эту эпоху, то это такія, которыя, равнымъ образомъ, пригодны ко всякому краю малороссійскаго народа и не могутъ быть относимы исключительно къ извѣстной одной мѣстности и къ одному времени. Изъ пѣсенъ этого разряда укажемъ прежде всего на пѣсню, которой содержаніе таково: татары взяли въ плѣнъ женщинъ, дѣвицъ и дѣтей ¹⁾. Теща достается зятю ²⁾, то-есть татарину, который прежде взялъ въ плѣнъ дочь ея и женился на этой дочери. Не зная, какъ видно, что везетъ мать своей жены, татаринъ не обращается съ нею лучше того, какъ обыкновенно обращались татары съ плѣнными въ то время, какъ угоняли ихъ къ себѣ. Привязанная ремнемъ, она бѣжала за конемъ, на которомъ сидѣлъ взявшій ее въ плѣнъ татаринъ; колючія растенія до крови пробивали ей ноги, черный воронъ летѣлъ по ея слѣдамъ и пилъ ея кровь ³⁾. Татаринъ привезъ ее къ себѣ и говорилъ своей женѣ: «выходи, татарка, я привезъ тебѣ невольницу; она будетъ тебѣ работать до смерти» ⁴⁾. Дочь не узнала матери и приказывала ей исполнять разныя работы: пасти стадо, прясть пряжу и качать ребенка. Когда плѣнница качала ребенка, то приговаривала: «баю, баю, татарченокъ, а по дочкѣ мой внученокъ! Пусть околѣетъ все стадо, пусть сгоритъ пряжа, пусть окаменѣетъ ребенокъ» ⁵⁾. Слуга услыхалъ эти проклятія

¹⁾ Одинъ полонъ зъ жѣночками,
Другій полонъ зъ дѣвочками,
Третій полонъ зъ дѣточками.

²⁾ А тещенька зятеньковѣ

³⁾ Взявъ винъ ѣи по при конѣ,
По при конѣ на ременѣ.
Ой кинь бѣжить дорогою;
Тещу веде терниною,
Терня ноги пробивае,
Кривця слѣды заливае,
Черный воронъ залетае
То-ту кривцю испивае.

⁴⁾ Выйди, выйди, татаронько:
Привѣвъ е'мъ тѣ кухароньку,
Привѣвъ е'мъ тѣ невольницу,
Ажъ до смерти робѣтницу!

⁵⁾ Три работи загадала:
Оченьками стадо пасти,
Рученьками кужель прясти,
Ниженьками колысати.
Теща дитя колысала
Дай дитинѣ приспѣвала:
Люли, люли, татарчатко,
А по доньцѣ унучатко!
Богдай стадо выздыхало,
Богдай кужель спепелѣла,
Богдай дитя скаменѣло!

и донесъ госпожѣ. Госпожа прибѣжала и ударила мать свою по лицу ¹⁾. «Дочь моя любезная!» сказала тогда мать, «я не только тебя кормила, но и никогда тебя не била по лицу». — «Мать моя старая! Какъ ты меня узнала и назвала дочерью! — воскликнула дочь ²⁾. Мать объяснила, что у дочери остался признакъ: когда-то въ воскресенье рѣзала она барвинокъ и обрѣзала себѣ пальчикъ: по этому признаку узнала ее мать. Здѣсь дѣлается намекъ на то, что обрѣзъ, вѣроятно, совершился въ наказаніе за то, что она рѣзала ножомъ, слѣдовательно, работала въ воскресный день. Барвинокъ — символъ любви и рѣзать барвинокъ значитъ на пѣсенномъ языкѣ предаваться любви. Дочь предлагаетъ матери скорѣе скинуть свое рубище и надѣвать дорогія одежды, обѣщаетъ ей, что она будетъ госпожею вмѣстѣ съ нею. — Мои убогія лохмотья лучше твоихъ дорогихъ одеждъ — сказала мать ³⁾. Хочешь ли здѣсь быть госпожею или поѣдешь на родину? — спрашиваетъ ее еще дочь. — Лучше жить въ бѣдности на родинѣ, чѣмъ въ чужинѣ быть мнѣ госпожею! — былъ отвѣтъ ⁴⁾. Тогда дочь, исполняя ея волю, приказываетъ слугамъ везти мать ея на родину ⁵⁾.

Пѣсня эта очень старая. Подобнаго содержанія, даже со сходными выраженіями, есть пѣсня великорусская и притомъ распространенная. (Она помѣщена въ сборникѣ пѣсенъ, собранныхъ мною и г-жею Мордовцевою и напечатанныхъ въ «Лѣтописяхъ» Тихонравова).

Другая галицкая пѣсня изображаетъ, какъ турки гонятъ въ плѣнъ трехъ дѣвицъ: одна привязана къ ремню при лошадахъ, другая при возѣ, третью

-
- 1) Ой прибѣгла татаронька,
Вбѣгла боса безъ пояса,
Да вдарила по личеньку
Свою ридну матѣночку.
- 2) Дону моя прелюбезна!
Не тилькимъ ты годовала,
По личиньку мѣ ты не била.
Мамко жъ моя старенькая,
По чомъ же съ мя испизнала,
Що съ мя доненьковъ назвала?
Въ недѣлю съ барвинокъ рѣзала
Да'съ си пальчикъ видрѣзала,
Потому мѣ ты испизнала!
- 3) Мати моя старенькая,
Скидай зъ себе свои латы,
Вберай дорогіи шаты:
Будешъ съ нами пановати!
— Лѣпшѣ мой вбогѣ латы,
Нѣжъ дорогѣ твои шаты.
- 4) Чи схочешъ тутъ пановати
Чи поѣдешъ въ риднѣ край?
Волю дома бѣдовати,
Нѣжъ въ чужинѣ пановати!
- 5) Слуги жъ мои да й вѣрныѣ!
Впряжѣть конѣ вороныѣ,
Везѣть мамку въ ридный край.

везуть въ черной татарской мажѣ ¹⁾). Первая съ воплемъ взываетъ къ своей косѣ, которую не матушка расчесываетъ, а растрепываетъ бичемъ возница ²⁾. Вторая жалуется, что ноги ея не мать умываетъ, а песокъ разбѣдаетъ,—съ ножныхъ пальцевъ льется кровь ³⁾. Третья обращается къ своимъ глазамъ; но здѣсь пѣсня оканчивается непонятнымъ выраженіемъ ⁴⁾.

Въ другой подобной пѣснѣ двѣ сестры, идущія босикомъ по сжатому полю съ окровавленными ногами, плачутъ о потерянномъ дѣвствѣ: «пусть турокъ-мужъ отрѣжетъ косу и пошлетъ къ матери: пусть мать не беспокоится, не готовить приданаго; мы его потеряли подъ яворомъ съ молодымъ туркомъ ⁵⁾. Черты чрезвычайно живыя, правдивыя, драгоцѣнныя для исторіи народа!

Иногда несчастнымъ плѣнникамъ и плѣнницамъ (а послѣднихъ было больше, потому что ихъ-то болѣе всего ловили наѣздники) была надежда на возвращеніе, на выкупъ: ихъ похитители падки были на деньги. Но не всегда родители

1) Коли турки воювали,
Бѣлу челядь забирали,
И въ нашей понадоньки
Взяли воны три дѣвоньки.
Едну взяли по при конѣ,
По при конѣ на ременѣ,
Другу взяли по при возѣ,
По при возѣ на мотузѣ,
Третю взяли въ чорнѣ мажѣ.

2) То та плаче: ой Боже жъ мий!
Косо моя жовтенькая,
Не мати ты рощѣсуе,
Визникъ бичемъ рострѣпуе!

3) Ой Боже жъ мий—нижки мои,
Нижки мои бѣленькии!
Не мати васъ умывае,
Пѣсокъ пальцѣ розбѣдае,
Кривца пуки заливае.

4) Ой Боже жъ мий, очка мои,
Очка мои чорненькии,
Тилько орсакъ (?) проходили,
А бѣлый свѣтъ невидѣли.

5) Повели ихъ по жѣрницѣ (по скошенному волю)
А жѣрница нижки коле,
Чорну кривцю проливае,
Чорный воронъ залѣтае,
Тю кривцю попивае.
Сестра сестрѣ промовляе:
Проси, сестро, турка-мужа,
Нехай косу русу утне,
Най до мамки неи пошле,
Най ся мамка не фрасуе,
Най намъ вѣна не готуе!
Бо мы вѣно утратили
Подъ яворомъ зелененькимъ
За турчиномъ молоденькимъ.

были въ состояніи выкупить дѣтей, когда сами были бѣдны. Въ одной пѣснѣ бѣдная плѣнница кланяется своему господину турку и проситъ не губить ее: прїѣдетъ отецъ или мать—привезутъ выкупъ. Но ея надежда не сбывается: не везутъ выкупа. Дѣвица горько плачетъ ¹⁾). Эта пѣсня оканчивается счастливо для дѣвицы; если родные ее не выкупили, то выкупилъ ее молодецъ и сталъ для нея лучше родного брата ²⁾). Въ другой пѣснѣ изображенъ молодецъ, страдающій въ неволѣ, вѣроятно, татарской или турецкой, и напрасно черезъ письма умоляющій о выкупѣ отца, мать, братьевъ, сестеръ; за него требуютъ по четыре штуки лошадей, воловъ, коровъ, овецъ, всѣ родные отвѣчаютъ ему, что лучше имъ поминать его въ неволѣ, чѣмъ такъ дорого за него давать ³⁾). Бѣдный молодецъ сидитъ въ неволѣ, окованный сизымъ желѣзомъ, обвязанный бѣлыми ремнями ⁴⁾).

Продажа плѣнныхъ женщинъ выразилась въ одной пѣснѣ, гдѣ рассказано преданіе о томъ, какъ братъ купилъ сестру у турка.

Представляется образъ турка, продающаго на рынкѣ дѣвицу: много требуетъ онъ за нее серебра и золота ⁵⁾). Нашелся господинъ ⁶⁾), купилъ дѣвицу, приводитъ ее домой: вотъ онъ приказываетъ ей стлать постель. Дѣвица, исполняя приказаніе господина, горько заплакала ⁷⁾). Господинъ спрашиваетъ ее: есть ли у нея родные, и отчего она погибаетъ въ неволѣ? ⁸⁾). Дѣвица рассказываетъ, что у ней было три брата ⁹⁾): одинъ ушелъ въ Волощину, другой въ

1) Передъ нимъ дѣвча поклонъ бье;

Турчинъ, турчинъ, турчиночку,

Не губь мене молодежку:

Иде тато, одмѣнь несе,

Одмѣнь несе, возомъ везе,

Не дасть винъ мѣ загинути.

Одмѣнойки да ѣ не стало,

Дѣвча гирько заплакала!

2) Милый прїшовъ, да ѣ одмѣнивъ,

Лѣпший милый, якъ братъ ридный.

(Чт. 1863. III. 51).

3) Волѣю ты сынку въ неволеньцѣ поминати,

Нѣжъ такъ дорого за ты дати.

4) Сидитъ ледѣнь (молодецъ) у неволѣ,

Гей у синѣмъ залѣзачку,

Да ѣ у бѣлымъ ременячку.

(Чт. 1863. III. 78).

5) Ходитъ турокъ по рыночку,

Водитъ зѣ собовъ дѣвичночку,

Правитъ за ню срѣбло-злото,

Правитъ срѣбло не мѣрене,

А золото не важене.

6) Оѣ знайшовся одинъ панокъ.

7) Вона тую постѣль стлала

Да ѣ ревненько заплакала.

8) Яку маешь родиненьку

Чи богато роду маешь,

Що въ неволѣ погибнешъ?

9) Оѣ мала я три братчики,

Три братчики риднесенъки,

Угорщину, третій въ Туречину. Узнала ли бы ты ихъ?—спрашиваетъ господинъ. Нѣтъ,—говорить плѣнница,—не узнаю: мнѣ погибать въ неволѣ! Тогда господинъ открывається, что онъ ея братъ ¹⁾.

Но были и такіе безчувственные злодѣи, которые сами продавали своихъ родныхъ. Эта сторона древней жизни отразилась въ пѣснѣ о Романѣ, продавшемъ сестру свою Олену,—пѣснѣ, помѣщенной въ собраніи галицкихъ пѣсней (Чт. 1863. III. 37—42); она напечатана въ трехъ вариантахъ—одномъ пространномъ ²⁾ и двухъ ³⁾ болѣе краткихъ. Какой-то Романъ поѣхалъ на Сучаву на ярмарку и тамъ турки (по вариантамъ № 2 и 3, подпоивши его) искусили его продать сестру. Прельстившись деньгами ⁴⁾ и (по варианту 2-му) богатою сбреюю ⁵⁾, Романъ возвратился домой и пришелъ въ раздумье ⁶⁾. Но корыстолюбіе превозмогло. Онъ приказываетъ сестрѣ убрать домъ и домашнюю утварь ⁷⁾, а по варианту № 1-й и самой сестрѣ велитъ принарядиться ⁸⁾. Бѣдная жертва увидала приближающуюся толпу: братъ объявляетъ ей, что это турки и татары:

Где жъ вони ся поѣли.

Три братчики риднесеньки?

- 1) Одинъ пийшовъ въ Волощину,
Другій пийшовъ на Угорщину,
Третій пийшовъ въ Туречину.
Чи жъ бы ты ихъ не признала
Свои браття риднесеньки?

Вже ихъ теперь не признаю,

И въ неволѣ погибаю!

Що теперь за свѣтъ наставъ,

Що братъ сестры не признавъ!

- 2) Ой поѣхавъ Романонько } № 1.
До Сучавы на ярмарокъ }

- 3) На зеленѣмъ цариночку } № 2.
Пили турки горѣлочку. }

Ой пивъ и Романъ у Сочавѣ } № 3.
Цѣлый тыждень и зъ турчиномъ. }

- 4) Дамъ тѣ срѣбла не вагою,
Дамъ тѣ злота не личбою (варіан. 1).

- 5) За коники вороньи
И за сѣдла серебряны,
За уздѣла шовковыи и пр. (вар. 2).

- 6) Прійшовъ Романъ до домочку,
Склонивъ на стилъ головочку,
Да й гадае си думочку,
Чи продати Оленочку.

(Чт. 1863. III. 40, вар. 2).

- 7) Помый двори мостовыи,
Застель столы кедровыи,
Помый миски серебряныи,
И ложечки золотыи (вар. 2).

- 8) Ой сестричко Оленочко,
Русу косу собѣ измай,
Да й краснейко заплѣтайся,
Гостей завтра сподѣвайся.

(Чт. 1863. 38).

это ея свадебные бояре ¹⁾). Тогда Олена умертвила себя—по варианту 2-му мечем ²⁾, по варианту 1-му ножомъ, который выпросила у кухарки, какъ будто для того, чтобъ отрѣзать покрывало ³⁾, по варианту 3-му, допустивъ турокъ прѣбхать за нею и, попросивъ ножъ у самого турка, подъ предлогомъ срѣзать калину ⁴⁾—свадебную вѣтвь. Вариантъ прибавляетъ, что турки изрѣзывали и разстрѣливали съ досады ея мертвое тѣло ⁵⁾, а калиновые лѣса начали качаться отъ тоски.

Есть довольно распространенная пѣсня о Коваленкѣ, который собралъ въ воскресенье жнеповъ; вдругъ нахлынула орда и взяла его въ плѣнъ ⁶⁾. Это представляется карою отъ Бога за работу въ воскресный день ⁷⁾.

Едва ли изъ бытовыхъ пѣсенъ этого разряда есть пѣсня, распространенная въ различныхъ вариантахъ болѣе той, гдѣ козакъ, высланный по наряду на караулъ къ сторожевой могилѣ ⁸⁾, засыпаетъ подъ могилой (или на могилѣ); вдругъ является дѣвица, будитъ его и извѣщаетъ о приближеніи орды ⁹⁾.

1) Лишь-то турки и татаре,
А всѣ твои суть бояре.

2) До свѣтлицы хутко внала,
Мечъ вхопила, лыю стяла.
Ой Олено, сестро моя!
На щось собѣ шю стяла?
Лучче тутка погібати,
Нѣжь зъ татари пробувати.

3) Ой кухарко, кухарочко,
Дай мѣ ножа остренького
До завоя тоненького;
Тонкій завой укроила,
Нижь у сердце си встромила, и пр.

4) Ой, турчине, турчиночку,
Дай мѣ ножа остренького,
Най я пийду въ лужиночку,
Вырѣзати калиночку.
Жде годину, жде другую,
Далѣй пийшовъ по самую.
Волѣвъ е'мъ ся самъ пробити,
Нѣжь могъ е'мъ то тобѣ дати.

5) Вбѣгли турки до свѣтлоньки,
Вдрѣли тѣло Оленоньки;
Ой взяли ю за реберцѣ,
Да й кинули черезъ дверцѣ,
Стали до ёго стрѣляти,
А потимъ въ штуки рубати.

6) Ой жнуть жецѣ розжинаються,
На чорну хмару озираються;
Ой тожь не хмара, то орда йде,
А Коваленко передокъ веде,
Изъвязанѣ руки сьрицею.

7) Отгожь будешъ, ковалю, знати
Якъ недѣлоньку шанувати.

8) Гонять мамко на сторожу,
Пидъ чорный лѣсъ на могилу

9) Теперъ ничка да темненькая

Въ чумацкихъ пѣсняхъ встрѣчаются образы нападенія орды на чумаковъ. Соколы спрашиваютъ орла: не былъ ли ты, орелъ, въ Украинѣ, не видалъ ли ты чумаковъ? Орелъ отвѣчаетъ: всѣхъ чумаковъ орда взяла, старыхъ порубала, а молодыхъ взяла въ полонъ ¹⁾.

Въ другой пѣснѣ коротко описывается нападеніе орды на чумацкій обозъ ²⁾.

Всѣ приведенныя нами пѣсни, несмотря на ихъ малочисленность, однако, живо и наглядно воскрешаютъ для насъ нѣсколько сторонъ тѣхъ несчастныхъ отношеній, въ какихъ находился украинскій народъ къ посященіямъ татаръ и турокъ. Изъ крупныхъ явленій этого рода ничто не достигло такой популярности, какъ нашествіе турокъ на Почаевъ, обыкновенно указываемое въ 1675 г., и чудо Божіей Матери, совершенное по этому поводу. На событіе это, имѣвшее религиозное значеніе, сочинено много виршъ; многія были въ разныя времена напечатаны; но хотя ихъ распѣваютъ лирики и слушаетъ народъ, онѣ, большею частью, не потеряли первоначальной книжности, дубоватости и далекости

А дороженька далекая...

Где козакъ поле, где другее,

На третьему полю козакъ избѣжае

Ставь кинь вороний спотыкатися.

Менѣ молодому да дрѣматися.

Привязавъ коня до лециноньки (или до дубиноньки)

А самъ спать лѣгъ край могилоньки (или на могилоньцѣ)

Де ся взяла молода дѣвчина,

Та вырвала вона да былиночку

Та вдарила козаченька по личеньку.

„Вставай, козаче, годѣ тобѣ спати,

Наступае орда—хоче коня взяти,

Коня взяти, тебе порубати.

Коня визьмутъ—кинъ другій буде,

Тебе порубають—на свѣтѣ не буде.

Или вмѣсто пяти послѣднихъ стиховъ:

„Вставай, козаче, годѣ тобѣ спати,

А вже твого коня давно не видати.

Пишли татары да стороною

Взяли вони твого коня зъ собою;

Кинувся козакъ коня догонати,

Кинулась дѣвчина его переймати

Хай кинь пропадае—другій кинь буде,

Тебе зарубають—менѣ жаль буде.

1) Всѣхъ чумакивъ орда взяла,

Которныхъ старыхъ порубала,

А молодыхъ въ полонъ заняла.

2) Изъ за лѣсу зъ за рѣки,

Выходили чумаки,

Ой у яру становились,

Безъ опаски спать лягли;

Где не взялася орда,

Порубала чумака,

Порубала, посякла

И у полонъ зайняла.

отъ народнаго образа выраженія. Изъ слышанныхъ нами виршъ только одна, и то сравнительно, нѣсколько живѣе и народнѣе ¹⁾).

Въ сборникѣ Галицкихъ пѣсень (Чт. 1863. III, стр. 30) между пѣснями, обозначенными названіемъ думъ былевыхъ козацкихъ и относящихся къ извѣстнымъ событіямъ, помѣщена одна—скорѣе вирша, чѣмъ пѣсня, о Дорошенкѣ. Такъ какъ мы до сихъ поръ въ народной поэзіи не встрѣчали отраженія богатой событіями и чрезвычайно бурной эпохи этого гетмана, то это стиходѣйствіе не безъ значенія для исторіи. Обозначая въ рѣзкихъ выраженіяхъ печальную эпоху руины, опустѣнія края ²⁾, разрушенія и поруганія церквей ³⁾, отдачу народа въ неволю и всеобщій плачь на Украинѣ и въ Подольѣ ⁴⁾, оно

1) Надъ Почаевомъ ясная скала:

Ой тамъ вийсько турецьке бусурманське

Гору остуило, якъ чорная хмара,

Ой обточило и обсочило,

Хотѣли Почаевъ звоєвати...

Матко чудовна! почаевская!

Ходи насъ рятовати!

Отець Залѣзо зъ келий вийшовъ,

Слѣзми ся обливає:

— Ой рятуй, рятуй Божая Мати,

— Монастырьъ загибає!

„Ой не плачь, не плачь, отець Залѣзо,

„Монастырьъ не загине!

„Мусимо стати, чюдъ показати

„Монастырьъ рятовати!“

Ой якъ же вийшла Божая Мати,

Да на крижевъ стала

Кулѣ вертала, киньми дрясовала,

Воевати не дала.

А ти турки хочъ недовѣрки,

Дизнали що Божая Мати,

Обѣцалися до Почаева

Що року дань давати.

А ти турки й сами татары

Неславы наробили,

Въ славному мѣстѣ Вишневецѣ

Пѣсокъ кровью змочили.

А мы люде, мы христіане,

Бога вихваляймо,

Матцѣ чудовній—Почаевській

Усѣ поклонъ отдаймо!

2) За Дорошенка гетмана

Пуста Украина стала.

3) Церкви Божіи опустѣли,

Обителі розорили,

Оскверненная земля

Черезъ турецькое племя.

4) Украина тяжело вздыхаетъ,

Подолье плачетъ рыдає

тѣмъ важнѣе, что явно сочинено еще при жизни Дорошенка ¹⁾ сторонникомъ московской власти ²⁾ и вѣроятно духовнымъ; все это показываютъ стихи въ видѣ молитвы къ Богу. Но упоминая о немъ, мы все-таки не причисляемъ его къ народнымъ произведеніямъ и потому не входимъ въ его разсмотрѣніе.

2. Воряба южнорусскаго народа съ Польшею.

А. Хмельницина.

Дума о похищеніи королевской привилегіи. — Первая война Хмельницкаго. — Пѣсни о Желтоводской битвѣ. — Думы объ угнѣніяхъ народа отъ іудеевъ, объ ихъ изгнаніи и о корсунской побѣдѣ. — Перебійность, народный богатырь возстанія 1648 года. — Збаражская осада. — Насмѣшки надъ поляками. — Дума о походѣ въ Молдавію. — Нечай, народный богатырь второй войны Хмельницкаго. — Берестечское поражение. — Дума о состояніи народа послѣ второй войны. — Татарское опустошеніе 1653 года и присоединеніе Малороссіи къ Россіи. — Ропоть на Хмельницкаго. — Дума о смерти Богдана Хмельницкаго.

Въ существующихъ сборникахъ южнорусскихъ народныхъ произведеній находятся пѣсни и думы, относимыя къ событіямъ ранней борьбы козаковъ съ поляками до Богдана Хмельницкаго ³⁾, но многіе признаки сочиненности въ языкѣ этихъ произведеній, выдаваемыхъ за народные, анахронизмы въ изложе-

Чадь своихъ заповѣннхъ
И въ неволю отведенныхъ;
А въ Уманськимъ повѣтѣ
Брали жоны й дѣти
Самыхъ уманськихъ мѣщанивъ
Звоєванныхъ отъ поганивъ
Головы имъ лупили
До цезаря возили.

1) Ой Боже нашъ милостивый,
Ты-сь судія справедливый,
Не даждь бисурману
И Петру Гетману
Въ замыслахъ тое чинити,
Рачь ихъ отомстити
Абы южь перестали...

2) А московскому царевѣ
Дай силу Сударевѣ,
Покори бисурмана
Петра Гетмана.

(Чт. 1863. III. 33).

³⁾ Мы разумѣемъ: думу и пѣсни о Серпягѣ, подъ которыми думаютъ видѣть козацкаго гетмана Подкову, думу и пѣсни о Наливайкѣ, пѣсню о Лободѣ, пѣсню о Чураѣ, пѣсню объ отступникѣ Тетеренкѣ, думу о трехъ полководцахъ, относимую къ періоду временнаго упадка козачества послѣ возстаній Павлюка, Острианина и Гуни, и нѣкоторыя менѣе крупныя и отрывочныя произведенія, выдаваемыя за народные. Есть еще нѣсколько пѣсень объ эпохѣ Хмельницкаго, какъ, напримѣръ, двѣ пѣсни о пильвскомъ дѣлѣ, пѣсня о взятіи Бендеръ и пѣсня о жванецкой битвѣ, которыхъ касаться здѣсь не считаемъ умѣстнымъ, не имѣя достаточныхъ оснований разсѣять сомнѣнія въ ихъ подлинности.

нія историческихъ событій, сходные съ извѣстіями подложныхъ лѣтописныхъ сочиненій, и, наконецъ, то важнѣйшее обстоятельство, что до сихъ поръ въ народѣ не отыскано не только этихъ думъ и пѣсень, но даже и яснаго слѣда, чтобъ онѣ когда-нибудь прежде существовали,—все это возбуждаетъ сомнѣніе въ ихъ подлинности, и мы считаемъ умѣстнымъ въ настоящемъ сочиненіи не касаться ихъ вовсе, оставляя критическій разборъ ихъ другому изслѣдованію. Займемся только тѣмъ запасомъ, въ принадлежности котораго къ народному творчеству не является сомнѣній.

Славная эпоха освобожденія части южнорусскаго народа при Богданѣ Хмельницкомъ оставила по себѣ послѣдовавшимъ вѣкамъ обильную сокровищницу произведеній исторической былевой поэзіи. Вѣроятно, этотъ запасъ былъ бы еще богаче, если бы, даже относительно въ недавнее время,—тогда уже, какъ у насъ стали дорожить народными памятниками,—собираніе ихъ происходило съ большимъ участіемъ къ этому дѣлу и съ большею добросовѣстностью, чѣмъ это дѣлалось.

Изъ думъ и пѣсень, относящихся къ эпохѣ Хмельницкаго, первая по времени излагаемаго событія есть дума о Хмельницкомъ и Барабашѣ,—дума, гдѣ разсказывается, какъ Богданъ Хмельницкій, напоивши до-пьяна Барабаша, назначеннаго отъ короля Владислава старшимъ надъ всѣми козаками, похитилъ у него королевскую привилегію и потомъ воспользовался ею, чтобы возбудить въ народѣ возстаніе.

Поступокъ этотъ отмѣченъ у всѣхъ малорусскихъ лѣтописцевъ съ особымъ вниманіемъ; онъ, какъ по всему видно, занималъ долго и народныя воспоминанія. О немъ ходили и до сихъ поръ ходятъ въ народѣ изустные разсказы; о немъ-то въ оное время сложилась дума, которая широко распространилась и долго слушалась изъ устъ кобзарей съ сочувствіемъ. Тонъ этой думы чрезвычайно простъ, но силенъ; нѣтъ въ ней поэтическаго увлеченія, нѣтъ сравненій и сопоставленій, зато разсказъ драматиченъ. У насъ два варіанта этой думы и одинъ другому, по смыслу, не противорѣчатъ. Первый напечатанъ въ Сборникѣ Максимовича, второй—въ Сборникѣ Метлинскаго. Послѣдній отличается отъ перваго отчасти амплификаціею, отчасти же и тѣмъ, что сохранилъ нѣкоторыя характеристическія черты, потерявшіяся въ первомъ, и ведетъ повѣствованіе далѣе, излагая въ сжатомъ видѣ начало народнаго возстанія и смерть Барабаша, чего въ варіантѣ Максимовича нѣтъ.

Дума начинается посольствомъ козаковъ къ королю Владиславу. Въ послѣдніе дни сдѣбалась тревога въ Украинѣ. Никто не могъ отважиться стать за христіанскую вѣру; отважились только Барабашъ, да Климъ бѣлоцерковскій (въ варіантѣ Метлинскаго онъ, вмѣсто Клима, названъ Клиша бѣлоцерковскій). да Хмельницкій ¹⁾.

Подъ именемъ Клима или Клиши, вѣроятно, надобно разумѣть или Не-

¹⁾ Изъ день-години

Якъ сталась тревога на Украинѣ,

То нѣкто не може обирати

За вѣру христіанську одностойно стати.

Тильки обирались Барабашъ да Хмельницкій

Да Климъ (Клиша) бѣлоцерковскій.

стеренка, который ѣздил тогда къ королю вмѣстѣ съ другими козацкими старшинами, или же Ильяша Караимовича, котораго лѣтопись Самовидца смѣшиваетъ съ Барабашемъ, повѣствуя, что Хмельницкій сдѣлалъ съ Ильяшемъ то самое, что, по другимъ источникамъ и по свидѣтельству самой разбираемой нами думы, сдѣлалъ онъ съ Барабашемъ. Въ вариантѣ Метлинскаго, вмѣсто выраженія: сдѣлалась тревога въ Украинѣ, говорится: начинались великія войны; и здѣсь, быть можетъ, слѣдуетъ понимать намѣреніе Владислава начать войну съ Турціею, направивши на турецкіе предѣлы козаковъ,—намѣреніе, которое и открыло путь ко взрыву, происшедшему въ Украинѣ.

Три личности, обозначенныя въ думѣ, просятъ у короля универсаловъ. Король далъ ихъ въ руки Барабашу ¹⁾, назначилъ его гетманомъ, Клима (иначе Клишу) сдѣлалъ бѣлоцерковскимъ полковникомъ, а Хмельницкаго войсковымъ писаремъ ²⁾. Барабашъ, взявши королевскія грамоты, держалъ ихъ въ секретѣ и не давалъ о нихъ знать козакамъ—по одному варианту три года ³⁾, по другому полтора года, пока былъ гетманомъ ⁴⁾.

Далѣе: въ обоихъ вариантахъ драматически разсказывается похищеніе Хмельницкимъ у Барабаша королевскаго письма, и разсказывается согласно тому, какъ это событіе изложено въ лѣтописяхъ. Хмельницкій пригласилъ Барабаша быть у него кумомъ. Хмельницкій подпоилъ своего гостя и тогда говорилъ ему: дай мнѣ хоть прочитатъ королевскія грамоты ⁵⁾; или, какъ выразительнѣе въ вариантѣ Метлинскаго: «Нельзя ли, кумъ Барабашъ, молодой гетманъ, намъ вдвоємъ прочитатъ королевскія грамоты, дасть козакамъ порядокъ, стать дружно за христіанскую вѣру?» ⁶⁾. Влагаемое Хмельницкому вариантомъ Метлинскаго ближе къ правдѣ и потому, вѣроятно, ближе къ первоначальной редакціи думы. Хмельницкій, ѣздившій къ королю вмѣстѣ съ Барабашемъ, конечно, уже прежде зналъ, что такое заключается въ королевской грамотѣ, и странно было для него просить Барабаша дать ему прочитатъ эту грамоту, какъ что-то ему невѣдомое и новое. Хмельницкій именно могъ убѣждать Барабаша вмѣстѣ съ нимъ воспользоваться ею для пользы козакамъ. «Эй, кумъ Хмельницкій! — отвѣчалъ Барабашъ: — зачѣмъ намъ вдвоємъ читатъ королевскую грамоту и даватъ козакамъ

1) То король на версалахъ писавъ,
Самому Барабашу до рукъ подававъ.

2) Будь ты, Барабашъ, у городѣ Черкаському гетманомъ,
А ты Клиша въ Бѣлѣй-церкви полковничамъ,
А ты, Хмельницкій, у городѣ Чигиринѣ писаремъ войсковымъ. (Метл. 386)

3) А Барабашъ листы якъ узявъ,
Три годы козакамъ знати не дававъ. (Макс., изд. 1849 г., стр. 65).

4) Не багато Барабашъ гетьманъ
Молоднй гетьмановавъ,
Тільки пивтора года. (Метл. 386).

5) Годѣ тобѣ, пане куме, листы королевскіи держати:
Дай менѣ хоть прочитати! (Макс., изд. 1849 г., стр. 65).

6) Эй пане куме, пане Барабашу, гетьмане молодий,
Чи не могли бы мы съ тобою у-двохъ королевськихъ листивъ прочитати,
Козакамъ козацьки порядки подавати,
За вѣру христіанську одностойно стати? (Метл. 386).

порядокъ? ¹⁾. Вѣдь мы дани не даемъ, въ польскомъ войскѣ не служимъ. Не лучше ли намъ съ ляхами милостивыми панами жить мирно ²⁾, да водить съ ними хлѣбъ-соль ³⁾, чѣмъ идти натирать дуга, да кормить комаровъ своимъ тѣломъ?» ⁴⁾. Хмельницкій, слыша такія рѣчи, подавалъ куму лучшіе напитки до тѣхъ поръ, пока Барабашъ не упился и не заснулъ, упавши на постель ⁵⁾. Тогда Хмельницкій беретъ у соннаго: по варианту Максимовича — одни только ключи ⁶⁾, а по варианту Метлинскаго — еще, кромѣ ключей, перстень и платокъ ⁷⁾, и съ этими вещами посылаетъ своего чуру (или джуру) въ Черкасы къ панѣ Барабашевой за королевскими грамотами. Въ вариантѣ Максимовича описывается коротко, какъ чура отдалъ ей ключи и потребовалъ королевскія грамоты ⁸⁾, а въ вариантѣ Метлинскаго явленіе чуры излагается съ подробностями, впрочемъ мало видоизмѣняющими сущность. Барабашиха изображается въ думѣ женщиною смѣтливою; она поняла, что изъ этого выйдетъ дурное; она клянеть охоту своего мужа гулять съ Хмельницкимъ, но она не противится его волѣ ⁹⁾, не хочетъ

¹⁾ Эй пане куме, пане Хмельницкій, пане писарю вийськовий,
На-що намъ съ тобою королевськи листы читати,
На-що намъ козакамъ козацьки порядки давати? (Метл., *ibid.*)

²⁾ Ми дачи не даемъ, у вийсько польске не йдеме:
Не дучше бѣ намъ съ ляхами милостивыми панами мирно пробувати.
(Макс., изд. 1849 г., стр. 65).

³⁾ Съ-упокоемъ хлѣбъ-силъ на вѣкъ вѣчный уживати (Метл. 386).

⁴⁾ А нѣжъ пийти луизвъ потирати,
Своимъ тѣломъ комаривъ годовати. (Макс., изд. 1849 г., стр. 65).

⁵⁾ Тогдѣ-то Хмельницкій на кума свого Барабаша велике пересердіе мае,
Ще красчими напитками витае.
Оттогдѣ-то Барабашъ гетьманъ молодой
Якъ у кума свого Хмельницкого дорогого напитку напився,
Такъ у ёго спать повалився (Метл.).

У Максимовича:

То Барабашъ якъ упився,
На лижко спати повалився.

⁶⁾ Тогдѣ Хмельницкій ключи отбиравъ,
Чуру свого до города Черкасъ посилавъ. (Макс. 66)

⁷⁾ Изъ правой руки изъ мизиннёго пальца широко-золотый перстень знявъ,
Изъ лѣвой кишенѣ ключи виймавъ,
Изъ пидъ пояса шовковый платокъ висмыкавъ.
— Эй слуго мий, повѣренный Хмельницкого,
Ведю я тобѣ добре дбати,
На доброго коня сѣдати,
До города Черкаського до панѣ Барабашевой прибувати,
Кравельськи листы до рукъ добре пріймати. (Метл. 387).

⁸⁾ — Панѣ Барабашовой! Твѣй панѣ ставъ у насъ гуляти,
А тобѣ велѣвъ листы кравельськи подати. (Максим. 66).

⁹⁾ Эй не-зъ-горя-бѣды моему пану Барабашу
Схотѣлось на славный Украинѣ съ кумомъ своимъ Хмельницкимъ велики
бенкеты вчиняти;

На-що имъ кравельськи листы читати?

Не дучше имъ съ ляхами мостивыми панами съ упокоемъ хлѣбъ-силъ
уживати?

она своими руками творить того, что будет имѣть вредныя послѣдствія, только указываетъ чурѣ мѣсто, гдѣ хранятся требуемые документы ¹⁾. Чура взявъ ихъ въ шкатулкѣ, зарытой въ землѣ подь воротами, привезъ въ Чигиринъ и отдалъ Хмельницкому ²⁾. Барабашъ, пробудившись, тихо съѣзжаетъ со двора Хмельницкаго и совѣтуется съ Кречовскимъ (который въ думѣ названъ старостою, а въ самомъ дѣлѣ былъ въ то время переславскимъ полковникомъ) какъ бы найти способъ поймать Хмельницкаго и отдать ляхамъ ³⁾. По варианту Максимовича дума на этомъ и кончается, сохраняя за собою значеніе думы исключительно объ отнятій Хмельницкимъ у Барабаша королевской грамоты. Но вариантъ Метлинскаго присоединяетъ сюда возстаніе Хмельницкаго и расправу съ Барабашемъ. Хмельницкій совѣщается съ четырьмя полковниками ⁴⁾, въ которыхъ не трудно

Теперь нехай не зарѣкається Барабашъ гетьманъ молодой
На славний Украинѣ огнѣвъ да тернивъ изгашати,
Гѣломъ своимъ панськимъ комары годовати,
Отъ пана кума свого Хмельницкого. (Метл. 398).

- ¹⁾ Не могу я тобѣ листы кралевськи до рукъ подати,
А велю я тобѣ до ворить отхожавъ,
Кралевськи листы у шкатулѣ зъ землѣ виймати. (Метл. 388).

Или:

Где-сь моему нановѣ лихомѣ занудилось,
Що съ Хмельницкимъ гуляти схотѣлось!
Пийди въ глухимъ кинцѣ пидь воритьми
Листы королевськи въ шкатулѣ вийми! (Макс. 66).

- ²⁾ Скорямъ часомъ, пилною годиною до ворить отхожавъ,
Шкатулу зъ землѣ съ кралевськими листами виймавъ,
Самъ на доброго коня сѣдавъ,
Скорямъ часомъ, пилною годиною до города Чигирина прибувавъ,
Свому пану Хмельницкому кралевськи листы до рукъ добре отдававъ.
(Метл. 388).

- ³⁾ Да на старосту свого Кречовського кличе, добре покликае:
Эй старосто, каже, ты мий старосто Кречовський!
Коли-бъ ты добре дбавъ,
Кума мого Хмельницкого живцемъ узавъ,
Ляхамъ мостивимъ панамъ до рукъ подавъ,
Щобъ насъ могли ляхи милостивѣ паня за бѣлозоривъ почитати! (Метл. 389).

Или:

Тогдѣ Барабашъ рано прочинае,
У карманы поглядае, ажъ ключѣвъ не мае!
Винъ старосту Кречовського пробужае,
Двома коньми тихо съ двора зѣзжае,
Думае-гадае:
Якъ пана Хмельницкого до рукъ прибирати,
Ляхамъ отдати. (Максим. 66).

- ⁴⁾ Оттогдѣ-то припало ему зъ правон руки,
Чотири полковники:
Первый полковниче: Максиме Ольшанській,
Другій полковниче: Мартине Полтавській,
Третій полковниче: Иване Богуне,
А четвертый: Матвѣй Боруховичу. (Метл. 389).

узнать четырех главных дѣятелей возстанія, сподвижниковъ Богдана Хмельницкаго: Максима Кривовоса, Мартина Пушкаря, Ивана Богуна и Матвѣя Гладкого (ошибочно переименованнаго въ думѣ въ Боруховича—имя гадяцкаго полковника, бывшаго уже послѣ Хмельницкаго, въ концѣ XVII вѣка). Хмельницкій возбуждаетъ козаковъ, приказываетъ имъ читать русскій «Отче нашъ», бить ляховъ, мѣшать кровь ихъ съ желтымъ пескомъ, не давать на поруганіе вѣры. Козаки исполняютъ повелѣніе: исполненіе выражается тѣми же словами, въ какихъ даетъ имъ приказъ Хмельницкій. Мѣсто это встрѣчается цѣликомъ въ другой думѣ, которую приведемъ ниже и которая относится только къ жидамъ. Кобзари здѣсь перепугали думы. Но далѣе въ думѣ слѣдуетъ казнь надъ Барабашемъ: она состоитъ въ связи съ рассказомъ о похищеніи королевской грамоты, составляющимъ сущность содержанія думы. Барабашъ укоряетъ Хмельницкаго за его поступокъ и еще разъ, какъ бы въ видѣ совѣта, произноситъ тѣ же слова, которыя произносилъ прежде, когда отказывалъ Хмельницкому въ просьбѣ читать вмѣстѣ съ нимъ королевскую грамоту ¹⁾. За это Хмельницкій общается (почти такими же выраженіями, которыя встрѣчались въ думѣ о Самийлѣ Кишкѣ) снять съ него голову ²⁾, а вслѣдъ затѣмъ исполняетъ свою угрозу ³⁾. Дума, по варианту Метлинскаго, оканчивается обращеніемъ козаковъ къ Хмельницкому съ желаніемъ, чтобъ козакамъ подъ его начальствомъ жилось хорошо, чтобъ они пили да гуляли и не давали бы никому на поруганіе православной вѣры ⁴⁾. Затѣмъ слѣдуетъ многолѣтіе всему народу и слушающимъ думу. Ясно, что послѣднее обращеніе къ Хмельницкому принадлежитъ первоначальной редакціи, такъ какъ Хмельницкій изображается еще живымъ.

Въ приведенной думѣ три дѣйствующихъ лица. Всѣ они представлены выпукло, типично и исторически вѣрно, сообразно своему времени. Барабашъ — живой типъ мелкой, узкосмотрящей, эгоистической натуры, которая болѣе всего занята собственною безопасностью, часто не понимая того, что именно тамъ-то и нѣтъ безопасности, гдѣ она думаетъ найти ее. Для такой натуры ничего не значать ни горе ближнихъ, ни ихъ счастье и свобода — священнѣйшія идеи,

¹⁾ Эй куме, куме пане Хмельницкій,

Пане писарю вийсьвовий!

На щобъ тобѣ кралевськи листы у панѣ Барабашовой вызволити,

На що тобѣ козацьки порядки козакамъ давати?

Не лучше-бъ тобѣ съ нами ляхами мостивыми панами хлѣба-солѣ съ упо-
коємъ уживати (Метл. 390).

²⁾ Якъ ты будешъ менѣ сими словами докоряти,

Не зарѣкаюсь я тобѣ самому съ плечь головку якъ галку зняти. (Ibid.)

³⁾ Такъ гараздъ добре й учинивъ:

Куму свому Барабашевѣ гетьмановѣ молодому съ плечь головку якъ галку
знявъ,

Жону ёго и дѣтей живцемъ забравъ,

Турському салтану въ подарунокъ одиславъ.

Съ того часа Хмельницкій гетмановати ставъ. (Ibid.)

⁴⁾ Оттогдѣ-то козаки, дѣти друзѣ молодцѣ, стиха словами промовляли:

Эй гетьмане Хмельницкій,

Батя нашъ Зинове Богдане Чигиринській,

Дай Боже, щобъ мы за твоею головою пили да гуляли,

Вѣры своей христіанськой у поругу вѣчными часы не подавали. (Ibid., 391).

оживляющія добродѣтельнаго человѣка въ его общественной жизни. Нерѣдко такія натуры горько платятъ за свою слѣпоту и безсердечіе. Такихъ личностей вездѣ и всегда бываетъ много тамъ, гдѣ одинъ народъ подпадаетъ подъ матеріальное или духовное господство другого народа: изъ порабощенной и унижаемой массы выходятъ эти люди, отрѣзываются отъ соотечественниковъ и припадаютъ къ поработителямъ; иные поступаютъ такъ ради эгоистическихъ видовъ, другіе просто по трусости. Это такіе люди, которыхъ въ обыкновенное спокойное время называютъ практическими, житейски-благоразумными людьми. Пока поработители сильны, они дѣйствительно выигрываютъ; если же угнетенная сторона поднимаетъ голову, то они первые дѣлаются жертвою своего прежняго малодушія. Въ XVII вѣкѣ въ Украинѣ и вообще въ Южной Руси такою личностью былъ ожирѣвшій и ошляхетнѣвшій козацкій или мѣщанскій урядникъ, цѣловавшій руки вельможнымъ панамъ, ползавшій у ихъ ногъ и содѣйствовавшій имъ къ угнѣсенію своихъ русскихъ православныхъ земляковъ. Такимъ былъ Барабашъ: такимъ является онъ въ современныхъ историческихъ извѣстіяхъ, такимъ представляется онъ и въ приведенной думѣ. Жена его представляется въ думѣ умнѣе своего мужа; она способна усматривать опасность тамъ, гдѣ тотъ не видитъ, но она женщина своего времени: чужая и предвидя грядущую бѣду, она только заявляетъ объ этомъ, но не смѣетъ сопротивляться мужнину приказанію, — сама только не хочетъ быть участницею такого дѣла, въ гибельныхъ послѣдствіяхъ котораго увѣрена. Хмельницкій въ этой думѣ — человѣкъ умный, ловкій, хитрый, но преданный всею душою народному дѣлу, истинный вождь своего народа. Нельзя не обратить вниманія, что въ обоихъ извѣстныхъ намъ вариантахъ этой думы Хмельницкій нѣсколько различенъ: по одному варианту — онъ уже давно знаетъ Барабаша, ему не нужно его испытывать; ему остается какимъ-нибудь хитрымъ способомъ похитить у него спрятанный важный для козаковъ документъ. По другому варианту, напротивъ, Хмельницкій обращается къ Барабашу съ послѣднею попыткою склонить его къ служенію народному дѣлу и прибѣгаетъ къ хитрости только тогда, когда эта его попытка разбивается о бездушный эгоизмъ его кума. Хмельницкій въ думѣ не отличается великодушіемъ: онъ не только убиваетъ Барабаша, но продаетъ въ рабство его жену и невинныхъ дѣтей и за эту жестокость народная дума нимало не порицаетъ его: такая жестокость была въ народныхъ нравахъ онаго времени. Самъ Барабашъ представленъ не только до крайности неисправимымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и черезчуръ оглублымъ: видя Хмельницкаго уже торжествующимъ, онъ и теперь не въ состояніи отнестись къ нему иначе, какъ со своей прежней философіею; выше ея онъ нигдѣ и никогда стать не можетъ; онъ не умѣетъ даже и притвориться.

За этою характерною думою слѣдуетъ въ народной поэзіи рядъ пѣсенъ и думъ, относящихся къ первому году возстанія, какъ къ эпохѣ народнаго торжества. Изъ всего гетманствованія Хмельницкаго, продолжавшагося около девяти лѣтъ, только время отъ весны 1648-го до осени 1649 года было вполнѣ эпохою всенароднаго дѣла, и только это время было въ равной степени дорого всему южнорусскому народу, такъ какъ Зборовскій договоръ, состоявшійся въ августѣ 1649 г., начерталъ роковой рубежъ между козачествомъ и посполствомъ. Рубежъ этотъ вполнѣ былъ непроченъ и очень часто стирался, и самъ Хмельницкій, проведшій его, принужденъ былъ уступать напору народной

волны; но южнорусскій народъ уже никогда послѣ того не доходилъ до такого единодушія, до такого напряженнаго воодушевленія, какъ въ непродолжительный періодъ отъ Желтоводской битвы до Зборовскаго мира; и потому-то лучшія пѣсни и думы о временахъ Хмельницкаго принадлежатъ преимущественно этому періоду. Отличительное качество этихъ пѣснопѣній—восторгъ и вмѣстѣ юморъ, расточаемый надъ побѣжденными поработителями, которымъ народъ припоминаетъ содѣянные несправедливости. Рѣзко при этомъ выступаетъ на видъ игра словъ и риторика, вообще свойственная южнорусскому способу поэтическаго выраженія. Въ пѣснѣ, въ которой главнымъ образомъ вспоминается Желтоводская битва—первая (а поэтому особенно дорогая народной памяти) побѣда козаковъ надъ поляками, мы встрѣчаемъ игру слова «хмель» съ прозвищемъ гетмана Хмельницкаго ¹⁾. Сопоставленіе это, независимо отъ сходства, возбуждаемаго именемъ Хмельницкаго, само по себѣ въ народномъ духѣ, такъ какъ въ малорусской пѣсенности вообще растение хмель—символь удачества и отваги. Современники звали Богдана Хмельницкаго «хмелемъ» или (быть можетъ) хмѣлемъ, и такая кличка была, вѣроятно, всеобщая, такъ что проѣзжавшій черезъ Украину арабъ Павелъ діакочъ въ своихъ запискахъ иначе не называетъ славнаго козацкаго вождя, какъ «Ахмилъ», конечно, перенявши это названіе отъ тогдашнихъ малоруссовъ. «Не пей, Хмельницкій, этой Желтой воды черезъ мѣру», — обращается къ нему пѣсня, символически выражая этимъ мысль: «будь остороженъ, не отваживайся!» «Идетъ, — продолжаетъ та же пѣсня, — на тебя сорокъ тысячъ отборнаго ляхскаго войска!»—Сорокъ тысячъ—число символическое, означающее вообще на пѣсенномъ языкѣ мысль: много войска,—подобно тому, какъ встарину говорилось: «тьма» или «тьма темъ». «Я не боюсь ляховъ,—отвѣчаетъ Хмельницкій въ той же пѣснѣ,—я не тревожусь; знаю, что у меня не малая сила, да еще и орду веду за собою; а все это, враги ляхи, вамъ на бѣду!» ²⁾. Пѣсня не вдается въ описаніе битвы, а одною чертою рисуетъ пораженіе ляховъ: сказавши, что не боится ляховъ, Хмельницкій ѣдетъ къ Желтому Броду, и не мало ляховъ лежитъ, погрузивши головы свои въ водѣ ³⁾. Затѣмъ изображается бѣгство враговъ и ихъ погибель съ намекомъ на потери ихъ богатствъ, выраженнымъ въ образѣ растерянныхъ ими шубъ ⁴⁾; дѣлается намекъ и на ихъ неудавшееся стремленіе водвориться навсегда въ Украинѣ: они «строили тамъ себѣ дома, а теперь придется имъ

¹⁾ Чи не той-то хмель, хмель, що по тичинѣ вѣється?

Гей то нашъ панъ Хмельницкій, що зъ ляхами бється!

²⁾ „Ой не пій, Хмельницкій, дуже той Жовтої води;

Иде ляхивъ сорокъ тысячъ хорошої вроди!“

— А я ляхивъ не боюся и гадки не маю:

За собою потугу великую знаю;

Да ще й орду за собою веду:

А все, вражи ляхи, на вашу бѣду!

³⁾ Гей, поѣхавъ Хмельницкій и къ Жовтому Броду:

Гей не одинъ ляхъ лежить головою въ воду!

⁴⁾ Утѣкали ляхи, погубили шубы,

Не одинъ ляхъ лежать вищиривши зубы.

бѣжать въ свою Польшу ¹⁾. Пѣсня оканчивается словами: послѣ многихъ ляховъ плакали дѣти, остались вдовы ²⁾.

Какъ по мысли, такъ и по поэтическимъ образамъ и по юмористическому тону пѣсня эта представляетъ нѣкоторое подобіе съ другою, относящеюся къ той же битвѣ Желтоводской пѣсней, теперь уже исчезнувшюю. Мы списали эту пѣсню съ рукописи XVII вѣка, но, по неразборчивости почерка и по ветхости рукописи, не всѣ слова могли надлежащимъ образомъ прочитать. Безъ сомнѣнія, это произведеніе народнаго творчества также нѣкогда ходило въ народѣ. Здѣсь также сооставляется прозвище гетмана Богдана Хмельницкаго съ символическимъ хмелемъ. «Хмель высыпался изъ мѣшка и надѣлалъ бѣды ляхамъ. Научилъ онъ ихъ уму-разуму, выбилъ изъ нихъ чертовскую спесь. Въ Жолтую воду наложили для нихъ черезчуръ много хмельной травы: не устояли они на ногахъ, пустились бѣжать» ³⁾. Пѣсня обращается къ сыну короннаго гетмана Потоцкаго, Стефану, погибшему въ этой битвѣ: онъ хвалился прежде разорить Запорожье. «Что, гетманичъ бѣдняжка! Не попалъ на Запорожье, дороги не нашель въ Сидоровомъ оврагѣ!» ⁴⁾. Далѣе въ той же пѣснѣ казаки приглашаютъ ляховъ вести въ таборы молодцовъ козаковъ и отдавать имъ деньги за хутора, которые у нихъ паны отнимали ⁵⁾. «Уже теперь, ляхъ, не будешь отдавать козацкія хаты негодьямъ, не будешь брать пересудовъ (пошлина за панскій судъ, несносная для козаковъ, всегда хотѣвшихъ судиться только своимъ собственнымъ судомъ), не будешь воевать козаковъ! Вамъ милѣе жида разбойники, чѣмъ запорожцы молодцы! Вотъ крымскія овчины: снабдите ихъ (ляховъ) теперь тулупами. Вотъ что можетъ Хмельницкій! Помогай ему, Боже, бить этихъ куроубовъ (то-есть роскошно ядущихъ, такъ какъ куриное мясо считается въ народѣ праздничнымъ кушаньемъ) и не оставлять въ

¹⁾ Становили ляхи на Украинѣ хаты:

Приїдется ляшенькамъ у Польшу втѣкати.

²⁾ Гей тамъ поле, поле, а по полю квѣты,

Не по однимъ ляху заплакали дѣти;

Гей тамъ рѣчка, рѣчка, черезъ рѣчку глиця,

Не по однимъ ляху осталась вдовиця.

³⁾ Высыпався хмель изъ мѣха

И набравъ ляхамъ лиха,

Показавъ имъ розуму,

Вывернувъ дѣду думу;

До Жвотой водицѣ,

Наклавъ имъ дуже хмельницѣ,

Не могли на ногахъ стати,

Волили уткати.

⁴⁾ Гетманичу небоже,

Не туды на Запороже!

Не найшовъ гараздъ шляху

У Сидоровѣмъ байраку.

⁵⁾ Не утѣкай же, ляху,

Съ самого перестраху.

Вождай юнаковъ въ таборы,

Готуй деньги за хуторы.

живыхъ и жидовъ. Уже они убѣгаютъ съ валовъ: боятся ружьевъ! Татарской похлебки лучше хотятъ, чѣмъ козацкой плети» ¹⁾).

Въ лѣтописи Ерлича, современнаго Хмельницкому православнаго шляхтича въ Южной Руси, есть нѣсколько стихотвореній на южнорусскомъ языкѣ, по содержанию относящихся къ событіямъ эпохи Хмельницкаго. Нѣкоторыя — явно произведенія шляхетской стороны и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть включены въ рядъ народныхъ южнорусскихъ пѣснопѣній. Но два останавливаютъ наше вниманіе. Въ одномъ изображается торжество русскаго народа и прославляется Богданъ Хмельницкій ²⁾. Пѣснопѣіе это, какъ показываетъ его языкъ и складъ, могло быть сначала сложено бурсаками того времени; но, будучи по своему содержанию и духу сочувственно тогдашней народной массѣ, вѣроятно, оно было усвоено и пѣлось народомъ, и оттого-то Ерличъ помѣстилъ его въ своей лѣтописи. Второе, по своему строю, болѣе народное, чѣмъ первое, очень сходно съ несомнѣнно-народными произведеніями той эпохи и не обличаетъ въ себѣ слѣдовъ единой авторской головы. Это настоящая народная пѣсня. Въ этой пѣснѣ, съ обычнымъ тому времени юморомъ, казаки отправляютъ къ татарамъ плѣнныхъ ляховъ, взятыхъ послѣ корсунскаго погрома. «Вотъ какъ гордость надѣлала бѣды коронному гетману Потоцкому! Да и тебѣ приключилась скорбь, польный гетманъ Калиновскій! Идите-ко, жолнѣры, смѣло идите на зимнія квартиры! Въ Вѣлгородѣ (Акерманѣ, въ ордѣ Вѣлгородской) будетъ вамъ

- ¹⁾ Южь не будешь ихъ хаты
 Поганцямъ отдавати;
 Не будешь пересудивъ брати,
 А нѣ ихъ воувати!
 Милѣшь вамъ жида збойць,
 Нѣжь запорожць молодць.
 Отъ же маете крымчухи:
 Дайте имъ теперь кожухи.
 Отъ-же Хмельницкій може,
 Поможи ему, Боже,
 Тыхъ куркофдивъ бити
 И жидивъ не живити.
 Южь утѣкають зъ валовъ,
 Боятся самопаловъ.
 Волять татарської юки,
 Нѣжь козацкой пуки.

(Послѣдніе два стиха въ рукописи, бывшей въ нашемъ распоряженіи, искажены переписчикомъ; вѣроятно вмѣсто „татарської юки“ — слѣдуетъ читать: „татарської юки“, а вмѣсто „козацкой пуки“ — „козацкой пуги“)

- ²⁾ Честь Богу, хвала, на вѣки слава війську днѣпровому!
 Що съ Божой ласки загнали ляхки къ порту вислянному.
 А ридь проклятый жидивскій стятый, чиста Украина!
 А вѣра святая вцалѣ (въ дѣлости) зостала: счастлива година!
 И ты, Чигирине, мѣсто украинне, не меншую славу
 Теперь въ собѣ маешь, коли оглядаешь въ рукахъ булаву
 Зацного Богдана мудрого гетмана, доброго молодця,
 Хмельницкого чигиринского давнѣго запорожця.

помѣщеніе въ загонѣ! Пусть тѣмъ временемъ христіане ваши (подданные) подолыне поразведутъ курь, а то у нихъ выносили и выловили ихъ ваши слуги. Вы же сидите у татаръ до смерти въ тяжелыхъ кандалахъ! Какъ мы отъ васъ терпѣли, такъ вы отъ насъ теперь потерпите!»¹⁾

По духу къ этому произведенію подходитъ первая половина стихотворенія, занесеннаго въ Лѣтопись Грабянки при описаніи Корсунской побѣды. Она гласитъ такъ: «Вотъ какъ пышно побѣхали въ Крымъ рыдваны. Это—Потоцкій и Калиновскій, польскіе гетманы съ своими совѣтниками. А возы съ сокровищами остались козакамъ, чтобъ имъ было чѣмъ поправить свою скудную ружлядь»²⁾. Затѣмъ слѣдуетъ другая половина, ясно присочиненная бурсаками или дьячками и ни въ какомъ случаѣ не принадлежащая къ народной поэзіи.

Такимъ же духомъ насмѣшки надъ пораженными врагами проникнуты двѣ прекрасныя думы, относящіяся къ 1648 году: одна—о Корсунской битвѣ, другая—объ утѣсеніяхъ, причиняемыхъ южнорусскому народу іудеями, и о народномъ мщеніи надъ этими утѣснителями. Передъ нами по два варианта обѣихъ думъ: варианты первой напечатаны—одинъ въ Сборникѣ Максимовича 1849 года, другой—въ «Запискахъ о Южной Руси» Кулиша. Изъ вариантовъ второй думы напечатанъ одинъ у Кулиша, а другой не былъ еще нигдѣ напечатанъ и доставленъ былъ намъ въ рукописи Д. К. Морозомъ. Эти варианты двухъ думъ иногда смѣшиваются между собою: части второй думы заходятъ въ первую, и наоборотъ; иное въ одномъ вариантѣ поставлено впереди, тогда какъ въ другомъ то же самое поставлено послѣ. Поэтому мы рассмотримъ эти двѣ думы вмѣстѣ по предметамъ, входящимъ въ ихъ содержаніе. Эти предметы слѣдующіе.

- 1) Угнетеніе народа отъ іудеевъ.
- 2) Начало возстанія.
- 3) Вареніе пива: образъ битвы и пораженіе поляковъ.
- 4) Взятіе въ плѣнъ Потоцкаго.
- 5) Бѣгство поляковъ.
- 6) Плачь польскихъ женщинъ.
- 7) Бѣгство и плачь іудеевъ.

Угнетеніе русскаго народа іудеями, бывшее до возстанія Хмельницкаго, изображено очень картинно во второй изъ разсматриваемыхъ думъ. Оно состояло: а) въ устроеніи шинковъ или «орандъ» при дорогахъ; б) во взятіи на

1) Оттакъ пыха нарбила лиха коронному Потоцкому.
Оттакъ була и тобѣ скрута польному Калиновському!
Оттакъ, жолнѣре, идѣте смѣло на зимовиско,
Въ Бѣлгородѣ у загородѣ майте становиско.
Нехай христіане ваши подолыне пороспложують курь,
Що выловили и выносили ваши дзюры.
А вы въ татарахъ въ тяжкихъ кайданахъ до смерти сидѣте:
Якъ мы отъ васъ, такъ вы одъ насъ теперь потерпѣте!

2) Побѣхали бучно до Крыму рыдваны,
Съ совѣтниками обоє польскіи гетманы,
А возы скарбовни козакамъ зостали,
Абы съ нихъ худобу свою полатали.

откупъ рѣчныхъ угодій; в) въ собираніи мытъ съ проѣзжихъ; г) въ арендованіи церквей.

«Земле Польша, Украина подолька! (вѣроятно, земля подольная, равнина-подолье). Вотъ уже не годъ и не два прошло, какъ въ христіанской землѣ нѣтъ добра. Запечалилась, затруднилась бѣдная вдова: то не бѣдная вдова, то королевская земля» ¹⁾. Такой приступъ дѣлаетъ дума о жидакъ, по варианту, записанному Морозомъ.

У Кулиша это выражается такъ: «Отъ Кумейщины (отъ пораженія козаковъ подъ Кумейками) до Хмельнищины, отъ Хмельнищины до Бранщины (вѣроятно, эпоха забранія края къ русскому государству) въ королевской землѣ не было добра» ²⁾. Намъ кажется, здѣсь вариантъ Мороза древнѣе, у Кулиша же старое начало передѣлалось позднѣе кобзарями, но во всякомъ случаѣ знаковыми съ главными чертами прошедшаго своей родины.

Постановка шинковъ или орандъ по дорогамъ изображается въ вариантѣ Кулиша такъ: «какъ жида арендаторы взяли въ аренду всѣ дороги козацкія, то на одной мили заводили по три шинка, устроивали шинки на долинахъ, а на высокихъ курганахъ водружали большіе шести» ³⁾. Въ вариантѣ Мороза объясняется, почему именно заведеніе шинковъ было стѣснительнымъ. «Жида стали давать панамъ большой откупъ и заводили оранды одна отъ другой за милю. Идетъ украинскій козакъ мимо корчмы: жидъ выбѣгаетъ и хватаетъ за вихоръ украинскаго козака, да еще бьетъ его кулаками въ затылокъ. Козакъ-молодецъ, — говоритъ онъ, — чѣмъ буду я ляхамъ платить арендную плату, когда ты проходишь мимо корчмы и не заходишь туда? Да еще жидъ отнимаетъ у козака все оружіе, а козакъ величаетъ жида вельможнымъ паномъ. Тогда жидъ говоритъ своей жидовкѣ: — Хозяйка моя Рейза! Вотъ до какой чести дожилъ я въ Украинѣ: меня украинскій козакъ величаетъ вельможнымъ паномъ» ⁴⁾.

1) Земле Польша, Украина подолько!

Да вже не рікъ не два минає,
Якъ у христіянскій землѣ добра не має,
Якъ зажурилась да заклопоталась бѣдна вдова;
То не вдова — то кралевська земля! (вар. Мороза).

2) Якъ отъ Кумѣйщины да до Хмельнищины,
Якъ отъ Хмельнищины да до Бранщины,
Якъ отъ Бранщины да и до сѣго жъ дня
Якъ у землѣ кралевскій да добра не було (вар. Кулиша).

3) Якъ жида рандарѣ всѣ шляхи козацкія заорендовали,
Що на одній милѣ да по три шинки становили,
Становили шинки по долинахъ,
Зводили щоглы по високихъ моголахъ (вар. Кул.).

4) Ще стали жида великій откупъ давати,
Стали одинъ отъ одного на милю оранды становити.
Якъ иде украинскій козакъ да и корчму минає,
А жидъ выбѣгає да украинського козака за чубъ хватає,
Да ще єго двома кулаками по потылицѣ затинає.
— Козаче-левенче! А що я буду ляхамъ рату платити,
Що ты мимо корчмы идешъ да и корчму минаєшь?
Коло украинського козака всю зброю отбирає,
А на Украинѣ козакъ съ жидомъ похожає.

Въ вариантѣ Кулиша этотъ разговоръ жиды съ своею женою ставится послѣ. Отбирание жидомъ у козака оружія въ думѣ есть оставшаяся въ народѣ память о томъ, что передъ возстаніемъ Хмельницкаго паны, предвидя скорую вспышку народнаго мщенія, дѣйствительно отбирали у своихъ подданныхъ южно-руссковъ оружіе, и это исполнялось панскими подручниками—жидами.

Арендование іудеями рѣкъ выражается по варианту Мороза такъ: «одна рѣчка—Капрочка (?), другая—Гнилобережка (вѣроятно, Гнилой Тикачъ, или Гнидопять, впадающій въ Тетеревъ), третья рѣчка—Самарка за Днѣпромъ. Если пойдетъ человекъ къ водѣ для питья или ловить рыбу, то еще не добъжить до рѣки, а ужъ общаетъ жиду самое лучшее изъ улова» ¹⁾. По варианту Кулиша это излагается съ большими подробностями: «Жида взяли въ аренду на славной Украинѣ всѣ козацкія рѣки: на Самарѣ, на Саксанѣ (Саксаганѣ), на Гнилой, на Пробойной (?), на Кудесцѣ (?). Если какой-нибудь козакъ, либо мужикъ, вздумаетъ половить рыбы, чтобы покормить жену свою съ дѣтьми, то долженъ идти за позволеніемъ не къ пану, а къ жида и посулить ему часть улова. Идетъ козакъ мимо шинка, несетъ мушкетъ за плечами, хочеть застрѣлить утку, а жидъ-арендаторъ посматриваетъ изъ окна и говоритъ своей жидовкѣ:—Жидовка моя Рася, что этотъ козакъ затѣваетъ? Что это онъ не войдетъ въ кабакъ, да не купитъ на денежку водки и не попроситъ меня, чтобъ я дозволилъ ему на рѣкѣ застрѣлить утку и покормить ею свою жену и дѣтей? Потомъ жидъ-арендаторъ подкрадывается къ козаку и хватаетъ его за волосы. А козакъ поглядываетъ на жида съискоса, какъ медвѣдь, и называетъ жида милостивымъ паномъ. — Жидъ-арендаторъ, — говоритъ онъ, — милостивый панъ! Позволь мнѣ на рѣкѣ застрѣлить утку—накормить жену и дѣтей. Жидъ входитъ въ кабакъ и говоритъ потихоньку своей жидовкѣ:—Жидовка моя Рася! Быть мнѣ въ Бѣлой Церкви наставнымъ раввиномъ: козакъ назвалъ меня милостивымъ паномъ» ²⁾.

Ще ёго вельможнымъ паномъ называе.

А жидъ до жидивки словами промовляе:

Хозяйко моя Рейзя! Якои-то я на Украинѣ славы наживавъ,
Що мене украинскій козакъ вельможнымъ паномъ назвав!

¹⁾ Щежъ и тымъ жида не сконтентовали;

Ще рѣчки въ откупъ закушлани,—

Одна рѣчка Капрочка, другая рѣчка Гнилобережка,

А третья за Днѣпромъ Самарка.

Що ишовъ бы человекъ нити або рыбы ловити,

Да ще винъ до рѣчки не добъгае,

Уже винъ жидовъ за откупъ найкрасче общае.

²⁾ Ищежъ то жида на тымъ не перестали:

На славнѣй Украинѣ всѣ козацкія рѣки зарандовали,

Перва на Самарѣ, друга на Саксанѣ,

Третья на Гнилѣй, четверта на Пробойнѣй,

Пята—на рѣчцѣ Кудесцѣ.

Который бы козакъ альбо мужикъ исхотѣвъ рыбы вловити,

Жѣнку свою съ дѣтьми покормити,

То не иди до пана благословитися,

А пийди до жида рандаря да поступи ёму часть отдати,

Щобъ позволивъ на рѣчцѣ рыбы вловити.

Собіраніе жидами мытъ въ Украинѣ, по варіанту Мороза, производится на мостахъ, построенныхъ черезъ большія рѣчки. Жидаы берутъ съ верхомъ бѣдшаго по два гроша, съ пѣшаго по грошу и даже у бѣднаго нищаго отбирають то, что тотъ выпросилъ: пшепо и яйца ¹⁾. По варіанту Кулиша: жидаы взяли въ аренду торги и брали съ бѣдшаго возомъ ползлота, а съ пѣшаго по три денежки, у бѣдняги же нищаго брали куръ и яйца и еще спрашивали (здѣсь дума передразниваетъ іудейскій выговоръ): нѣтъ ли еще, котикъ, чего-нибудь? ²⁾. Почти то же повторяется въ думѣ о Корсунской побѣдѣ, по варіанту Кулиша, тамъ поляки послѣ своего пораженія, понесеннаго отъ козаковъ, съ досадою

Жѣнку свою съ дѣтьми покормити.

Тогдѣ-жъ то одинъ козакъ мимо кабакаъ иде,

За плечима мушкетъ несе,

Хоче на рѣчцѣ ута вбити,

Жѣнку свою съ дѣтьми покормити.

То жидъ рандаръ у квартиру поглядае,

На жидивку свою стиха словами промовляе:

„Эй жидивка моя Раса, що сей козакъ думае що винъ у кабакаъ не вступити,

За денежку горѣлки не купити,

Мене, жидарандаря, не перепросити,

Щобъ позволивъ ему на рѣчцѣ ута вбити,

Жѣнку свою съ дѣтьми покормити?“

Тогдѣ-то жидъ-рандаръ стиха лидхождае,

Козака за патлы хватае;

То козакъ на жидарандаря скося якъ медвѣдъ поглядае

Ище жидарандаря милостивымъ паномъ узывае.

„Эй жиду, каже, жиду рандаре,

Милостивый пане,

Позволь менѣ на рѣчцѣ ута вбити,

Жѣнку свою съ дѣтьми покормити!“

Тогдѣ жидъ-рандаръ у кабакаъ вхождае,

На жидивку свою стиха словами промовляе:

— „Эй жидивочко моя Раса!

Буть менѣ теперъ у Бѣлѣй Церквѣ наставнымъ равомъ:

Назвавъ мене козакъ милостивымъ паномъ!“

(Кулиша: „Записки о Южн. Руси“, т. I, стр. 59).

¹⁾ Где була велика рѣчка—мосты въ откупъ забрали,

Отъ верхового по два шаги брали,

Отъ пѣшого по шагу, а отъ бѣднаго старця,

Що винъ выпросити, те отбирали: пшепо и яйца!

²⁾ На славѣй Украинѣ всѣ козацкы торги заорандовали,

Да брали мыто-промыто:

Отъ воевого

По пив-золотого,

Отъ пѣшого пѣшеницѣ по три денежки мыта брали,

Отъ неборака старця

Брали курн да яйца,

Да ище пытае: „Ци нема, котикъ, ще цого?“

(Кул., 3. о Ю. Р., т. I, стр. 57).

упрекають жидовъ: «Ахъ, вы, жида, невѣрные сыны! Зачѣмъ произвели вы этотъ великій бунтъ, эту тревогу? Вы ставили на каждой милѣ по три корчмы, брали большіе мыта: отъ бѣдущаго возомъ ползолото, отъ пѣшнаго по два гроша, да еще не пропускали и бѣднаго нищаго: и у него отбирали пшено и яйца? Теперь собирайте свои сокровиша, да умиловивайте Хмельницкаго» ¹⁾).

Народныя преданія о жидовскихъ откупахъ и мытахъ, вошедшія въ думы, не всегда отличаются строгою точностью и вѣрностью въ подробностяхъ, какъ это можно видѣть изъ того, что названія рѣкъ, которыя брали въ откупъ іудеи, перепутаны. Не говоримъ уже о томъ, что количество мытнаго сбора въ одномъ вариантѣ не то, какое въ другомъ, такъ какъ оно въ разныхъ мѣстностяхъ могло быть не одинаково и на самомъ дѣлѣ. Сущность отъ этого не утрачивается. Ясно, что въ народной поэзіи отразилось впечатлѣніе тягости, лежавшей на жизни народа, память объ унижительномъ положеніи, въ какомъ находился южнорусскій человекъ подъ произволомъ зазнавашагося іудея.

Не лѣтонисцы, которыхъ личностей нужно бываетъ доискиваться, чтобы опредѣлить вѣрность ихъ взгляда, не акты, которыхъ подлинность и достоверность иногда бываетъ труднѣе доказать, чѣмъ имъ вѣрить,—самъ народъ, цѣлый народъ, устами нѣсколькихъ своихъ поколѣній, заявляетъ намъ и свидѣтельствуесть, что экономическія стѣсненія отъ іудеевъ были одною изъ главныхъ причинъ возстанія южнорусскаго народа,—возстанія, составившаго славнѣйшую страницу въ нашей исторіи.

Тотъ же народъ въ своихъ нѣспомѣніяхъ сообщаетъ намъ еще и о другой, болѣе, повидимому, духовной причинѣ возстанія. По варианту Кулиша говорится: «Жида арендаторы этимъ не удовольствовались: они взяли въ аренду всѣ козацкія церкви въ Украинѣ. Когда, случится, козаку или мужику Богъ дастъ дитя, то не ходи за благословеніемъ къ попу, а иди къ жида-арендатору и положи ему *шестьакъ*, чтобы позволилъ отворить церковь да окрестить ребенка. Когда какому-нибудь козаку или мужику дастъ Богъ сочетать бракомъ дитя свое, то не ходи къ попу за благословеніемъ, а иди къ жида-арендатору да положи ему битый талеръ, чтобы позволилъ отворить церковь да совершить бракосочетаніе» ²⁾).

¹⁾ Тогда дяхи чогось догадались,

На жидивъ нарѣкали:

Гей вы, жидове,

Поганськи сынове!

На що-то вы великій бунтъ тревоги зривали,

На милю по три корчмы становили,

Великія мета брали:

Видъ возового

По пив-золото,го,

Видъ пѣшнаго по два гроши,

А ще не минали й сердешного старця—

Видбирали пшоно да яйца!

А теперь вы тни скарби сбѣрайте,

Да Хмельницкаго бѣдайте. (Кул., З. о Ю. Р., т. I, стр. 225).

²⁾ И ще жъ то жида-рандарѣ на тимъ не перестали:

На славнѣй Украинѣ всѣ козацкія церкви заорандовали.

Какъ ни особенно возмутительнымъ кажется для насъ теперь это оскорбленіе религіозной святости, но по духу этой думы можно полагать, что и оно тяжелѣе и чувствительнѣе для народа отразилось болѣе въ смыслѣ экономическаго утѣсненія, тѣмъ собственно религіознаго, и отмѣтилось въ народной пѣснениости заурядъ съ другими утѣсненіями. Изъ двухъ вариантовъ думы о жидовскихъ утѣсненіяхъ только въ одномъ оно приводится и то не послѣ всѣхъ прочихъ, какъ бы можно было ожидать, признавая его самымъ невыносимымъ и унижительнымъ; напротивъ, послѣ описанія поруганій церкви слѣдуетъ фраза: «еще этимъ жида не удовольствовались», а далѣе рассказывается, что жида взяли въ аренду козацкія рѣки въ Украинѣ. Самый способъ извѣстія объ арендованіи церковей и церковныхъ требъ, гдѣ читателю бросаются въ глаза шестаки и битые талеры, показываетъ какъ будто, что здѣсь южнорусскому мужику всего чувствительнѣе было то, что жида его обирали.

Касаясь начала возстанія, вариантъ Мороза восходитъ къ тому событію, когда Хмельницкій обращался къ польскому королю, котораго дума ошибочно титудуетъ императоромъ. Хмельницкій подалъ ему въ руки просьбу, называемую въ думѣ указомъ, а король послалъ въ Черкасы (къ Барабашу) свой указъ. Хмельницкій, чигиринскій житель, реестровый козакъ, войсковою писарь, досталъ этотъ указъ, вышелъ съ нимъ на рынокъ и сталъ кличь кликать всему міру такимъ же способомъ, какой придается въ думѣ объ Иванѣ Коновченкѣ полковнику Хвилоненку. Онъ созываетъ охотниковъ — пивоваровъ, винокуровъ, приглашаетъ ихъ идти вмѣстѣ съ нимъ прогонять жидовъ и ляховъ изъ Украины, обѣщаетъ охотникамъ хоть три дня погулять по-козацки ¹⁾. Въ послѣднихъ

Которому бь козаку альбо мужику давь Богъ дитину появити,

То не иди до попа благословиться,

А иди до жида-рандаря,

Да положъ шостаки, щобъ позволивъ церкву отчинити.

Тую дитину охрестити,

И ще жь то: которому-бъ то козаку альбо мужику давь Богъ дитину одружити,

То не иди до попа благословиться,

А пийди до жида-рандаря,

Да положъ битый тарель, щобъ позволивъ церкву отчинити,

Тую дитину одружити. (Кул., З. о Ю. Р., т. I, стр. 57).

¹⁾ Якъ то бувъ панъ Хмельницкій житель чигиринскій

Козакъ лейстровый, писарь війсковый,

Якъ винъ сее зачувавъ, то указъ писавъ,

Императору до рукъ подававъ;

А императоръ указъ писавъ,

Въ Черкасы до рукъ отдавъ.

А панъ Хмельницкій якъ того указу до рукъ доставляе,

На рынокъ вихожае, знамена выставляе,

Друзьвъ панивъ молодцѣвъ на герець выкликае:

— „Друзь панове молодцѣ охотники винники броварники,

Годъ вамъ по броварняхъ пива варити,

По винницяхъ горѣлокъ курити,

Годъ вамъ по провальяхъ валятися!

Да идѣть вы жидивъ да ляхивъ зъ Украины згоняти,

То будете вы собѣ матъ хочъ на три днѣ хорошеенько по козацки погуляти“.

словахъ какъ будто слышится иронія надъ судьбою той громады народа, которая, по призыву Хмельницкаго, такъ горячо бросилась къ возстанію во имя обѣщаннаго всѣмъ козачества, а на самоѣ дѣлѣ, какъ послѣдствія показали, большинство возставшихъ трудилось только для того, чтобъ одна часть изъ нихъ поступила въ привилегированное сословіе, остальныхъ же силою стали принуждать къ пребыванію въ мужичествѣ, оставивши имъ одно воспоминаніе, что и они какихъ-нибудь дня три были козаками. Впрочемъ, для нѣкоторыхъ съ этимъ воспоминаніемъ соединилось и кое-что вещественное: дума вслѣдъ затѣмъ поясняетъ намъ, что эти оборвыши, которыхъ Хмельницкій тащилъ къ себѣ въ войско изъ винокурень и овраговъ, все-таки да поносили жидовскіе кармазины и, погулявши недолго по-козацки, успѣли-таки наполнить себѣ карманы серебряною монетою ¹⁾).

Началомъ думы о Корсунской битвѣ и о плѣнѣ Потоцкаго, по обоимъ вариантамъ ея, служить символическій образъ варенія пива въ смыслѣ битвы козаковъ съ поляками. Хмельницкій взываетъ къ козакамъ: «Друзья молодцы, братья козаки запорожцы! Подумайте хорошенько, да постарайтесь: начинайте-ко варить пиво съ ляхами! Будетъ ляшскій солодъ, а козацкая вода,—будутъ ляшскія дрова, а козацкіе труды ²⁾». Въ вариантѣ другой думы, о жидовскихъ откупахъ, по списку Мороза, встрѣчаемъ подобный же символическій образъ, но только по отношенію къ нѣсколько позднѣйшему событію — къ битвѣ на рѣкѣ Случѣ ³⁾).

За этимъ аллегорическимъ воззваніемъ Хмельницкаго къ своимъ козакамъ въ обоихъ вариантахъ — какъ Максимовича, такъ и Кулиша — слѣдуетъ игривое изображеніе этого варенія пива: вся сила впечатлѣнія сосредоточивается на римомахъ, изъ которыхъ одна относится къ символическому образу варенія пива,

¹⁾ Якъ почали молодці жидивъ да ляхивъ зъ України згоняти,

То въ кого не було и дранои невѣрної кожущини,

То и той надѣвавъ жидивські кармазины,

То вони собі хорошенько по козацки погуляли,

Да ще по кишняхъ срібні гроши мали.

²⁾ Ой обизветься нанъ Хмельницькій

Отаманъ батько чигиринській:

Гей друзі молодці,

Браття козаки запорожці!

Добре знайте (у Кулиша: дбайте),

Барзо гадайте,

И зъ ляхами пиво варити затирайте (у Кул. начинайте);

Лядській солодъ, козацка вода,

Лядські дрова, козацкіи труда. (Макс., 67; Кул., Зап. о Ю. Р. I. 223).

³⁾ Якъ почали жиди да ляхи

Съ паномъ Хмельницькимъ спалятися,

Щобъ пополамъ пива наварити,

То вжежъ то бували лядські дрова,

А Хмельницького вода,

Да бувъ жидивській ячмень,

А Хмельницького хмель,

То якъ вони на рѣчці Случи пиво наварили,

Тодѣ Хмельницькому славу на вѣки сотворили.

а другая, соответствующая первой, къ поражению ляховъ ¹⁾. У Кулиша это все относится въ Корсунской битвѣ, происходившей между Корсуномъ и Стебловомъ ²⁾, а въ вариантѣ Максимовича видно, что дума эта воспѣваетъ не только Корсунскую, но и предшествовавшую ей Желтоводскую битву, и образъ варенія пива относится къ послѣдней, происходившей въ день Преполовенія, называемый по-малорусски правою середию ³⁾. Вариантъ Кулиша, описывая собственно только одну Корсунскую битву, говорить, что ляхи, догадавшись въ чемъ дѣло, пустились бѣжать, а козаки кричали на нихъ: «Ахъ вы ляхи, собачьи сыны! Что это вы не дожидаете, нашего пива не допиваете?!» ⁴⁾. Вслѣдъ за этимъ разсказывается, что козаки поймали Потоцкаго и привели, связавъ какъ барана, къ своему гетману Хмельницкому ⁵⁾. Въ вариантѣ Максимовича, напротивъ, за вареніемъ пива, которое относится, какъ выше было сказано, къ Желтоводской битвѣ, слѣдуетъ бѣгство поляковъ и жидовъ и плачь побѣжденныхъ (о чемъ скажемъ подробно ниже), а потомъ уже Хмельницкій приказываетъ козакамъ перекопать рвомъ дорогу отъ села Ситниковъ до города Корсуна и поймать Потоцкаго ⁶⁾, — черта, относящаяся къ корсунскому дѣлу, и притомъ черта исто-

1) Ой за тее пиво

Зробили козаки съ ляхами превеликое диво,

Ой за той-то пивный молоть

Зробили козаки съ ляхами превеликій колоть;

Ой за той-то пивный квась—

Не одного ляха козакъ якъ бы скурвого сына за чуба потрясь. (Макс. 68).

2) Пидь Стебловомъ вони солодь намочили;

Ще й пива не сварили,

А вже козаки съ ляхами барзо посварили;

За тую бражку

Счинили козаки съ ляхами велику драчку,

За той молоть

Зробили ляхи съ козаками превеликій колоть,

А за той неznать-якій квась

Не одного ляха козакъ якъ-бы скурвого сына за чуба стрясь.

(Кул., З. о Ю. Р. I. 224).

3) Бо на праву середу

Заняли козаки ляхивъ якъ-бы череду.

(Макс. 68).

4) Ляхи чогось догадали

Видь козакивъ утѣкали,

А козаки на ляхивъ нарѣкали:

Ой вы ляхове

Песьки сынове!

Чомъ вы не дожидаете,

На шого пива не допиваете?

(Кул. 224).

5) Тогдѣ козаки ляхивъ догоняли,

Пана Потоцького ниймали,

Якъ барана связали

Да передъ Хмельницького гетьмана примчали.

(Кул. I. 224).

6) Гей обозвется панъ Хмельницкій

Отаманъ батько Чигиринскій;

Гей друзь молодцѣ,

Братья козаки запорожцѣ!

рически вѣрная, такъ какъ дѣйствительно важнѣйшій оборотъ, сдѣланный козаками въ этой битвѣ и давшій имъ побѣду, состоялъ въ томъ, что они успѣли въ пору перекопать дорогу и вообще путь, по которому приходилось идти отступавшему передъ ними польскому войску.

Въ обоихъ вариантахъ за плѣвненіемъ Потоцкаго слѣдуетъ насмѣшливое обращеніе къ нему козаковъ. У Кулиша оно полнѣе и живѣе. «Ахъ ты, панъ Потоцкій! Что это у тебя до сихъ поръ умъ бабій? Не умѣлъ ты проживать себѣ въ Каменцѣ-Подольскомъ да ѣсть жаренаго поросенка и курицу съ перцемъ и шафраномъ: и теперь не сумѣешь ты воевать съ нами козаками да уплетать ржаную саламать съ тузлукомъ (по объясненію Кулиша, рыбный рассоль). Велю-ко я тебя лучше отдать въ руки хану крымскому, чтобъ научили тебя крымскіе нагайцы жевать сырую кобылятину ¹⁾».

Бѣгство разбитаго польскаго войска, по варианту Максимовича, послѣ битвы, въ день Преполовенія, изображается снова такъ, что сила впечатлѣнія опирается на рѣчахъ, изъ которыхъ одна выражаетъ географическую мѣстность, чрезъ которую бѣжали поляки, а другая, соответствующая первой, признакъ трудности, сопровождавшей ихъ бѣгство ²⁾. Въ вариантѣ Кулиша такое же описаніе относится правильнѣе къ Корсунской битвѣ, съ подобными оборотами рѣчи изображаетъ болѣе бѣгущихъ іудеевъ, чѣмъ поляковъ ³⁾. Плачъ польскихъ женщинъ

Добре знайте, барзо гадайте,
Отъ села Ситниківъ до города Корсуна шляхъ канавою перекопайте,
Потоцкыого шиймайте,
Менѣ въ руки подайте. (Макс. 71).

¹⁾ Гей пане Потоцкій,
Чомъ у тебе й досѣ розумъ жѣноцкій?
Не умѣвъ ты еси въ Камяницѣ Подольскимъ пробувати,
Печеного поросяти, куриць съ перцемъ да съ шафраномъ уживати.
И теперь не сумѣешь ты зъ нами козаками воевати,
И житнѣй соломахи съ тузлукомъ уплѣтати,
Хиба велю тебе до рукъ хану крымскому дати,
Щобъ научили тебе крымски нагай сырой кобылины жовати.
(Кул., З. о Ю. Р. I. 225).

²⁾ Бо на праву середу
Заяли козаки ляхивъ якъ-бы череду.
Ой которыхъ гнали до Прута—
Була дориженька барзо круга,
Которыхъ до Бузька
(Бузь—городъ Тараш. уѣзда, уже нынѣ не существующій)—
Була дориженька барзо грузька,
А которыхъ до Хотина—
Тѣ бѣжучи попотѣли,
То кидали козаки ляхивъ въ воду,
Къ чортовѣй матери на прохолоду. (Макс. 68).

³⁾ Жидове чого-съ догадались,
На рѣчку Случъ тѣкали.
Которы тѣкали до рѣчки Случи,
Тѣ погубили чоботы й онучи,
А которы до Прута,

о своихъ погибшихъ въ бою мужьяхъ открываеся сравненіемъ вдовства ихъ съ черною тучею, нависшею надъ Польшею ¹⁾. Затѣмъ выступаютъ четыре плачущія польки: одна плачетъ о своемъ Грицѣ, похвавшемъ смотрѣть, какъ будетъ вариться козацкое пиво ²⁾, другая—о своемъ Янѣ, котораго козаки гдѣ-то связали какъ барана ³⁾, третья — о Кардашѣ, котораго козаки увели въ свой кошъ ⁴⁾, четвертая—о своемъ Якубѣ: «Ахъ, Якубъ, Якубъ,—говоритъ она по варианту Максимовича,—тебя уже во вѣки не будетъ съ Желтой-Воды, съ быстраго Прута!» ⁵⁾—«Нѣтъ моего Якуба,—говоритъ она по варианту Кулиша:—взяли его козаки Хмельницкаго и повѣсили на дубѣ» ⁶⁾. Такъ народъ издѣвается надъ горемъ семействъ своихъ пораженныхъ утѣснителей. Еще съ большимъ злорадствомъ тѣшится онъ надъ іудеями, придавая имъ черты растерянности и подлой трусости, постигшей ихъ при первомъ ударѣ послѣ прежняго еще недавняго, нахальства. Въ думѣ о Корсунской побѣдѣ выводится разомъ нѣсколько іудеевъ съ выраженіями ужаса и горя. Одинъ, самъ не зная что ему дѣлать, хватается за бичъ, какъ будто думая защищаться такимъ слабымъ оружіемъ ⁷⁾, другой восклицаетъ, что ему уже не придется быть дома на шабашѣ ⁸⁾ (при этомъ дума передразниваетъ іудейскій говоръ); третій, Абрамъ, спѣшитъ собрать свой мелочной товаръ, иглы, кремни, курительныя трубки, все складываетъ въ коробочку и улепетываетъ отъ козаковъ ⁹⁾; четвертый съ своимъ

То була видъ козакнѣ Хмельницкаго дориженька барзо крута;

На рѣчцѣ Случи

Обломил мистѣ идучи,

Да потопили всѣ клейноты и всѣ ляшки бубны;

Которы бѣгли до рѣчки Росѣ,

Тѣ zostалися голѣ й босѣ.

(Кул. З. о Ю. Р. I. 228).

¹⁾ Ой не чорная хмара надъ Польщою встала,

То жъ не одна ляшка удовою стала.

(Макс. 69).

²⁾ Ой обизветься перва панѣ ляшка: нема мого Гриця,

Где-сь похавъ дивиться,

Якъ буде козацке пиво вариться.

(Макс. 68).

³⁾ Ой обизветься друга панѣ ляшка—нема мого пана Яна.

Где-сь извязали козаки якъ-бы барана. (Макс. 68; Кул. З. о Ю. Р. I. 228).

⁴⁾ Озоветься друга панѣ ляшка: нема мого Кардаша!

Где-сь ёго Хмельницкаго козаки повели до свого коша. (Кул. 228).

⁵⁾ Ой обизветься трети панѣ ляшка: нема мого Якуба!

Ой Якубе, Якубе!

Где-сь тебе зъ Жвотной-воды зъ быстрой рѣчки Прута и до вѣку не буде!

(Макс. 68).

⁶⁾ Озоветься трети панѣ ляшка: нема мого пана Якуба!

Где-сь узали Хмельницкаго козаки да либонь повѣсили ёго где-сь на дубѣ.

(Кул. З. о Ю. Р. I. 228).

⁷⁾ Обизветься первый жидъ Гичикъ,

Да й хапається за бичикъ.

(Кул. З. о Ю. Р. I. 226).

⁸⁾ Обизветься другій жидъ Шлѣма:

Ой я пакъ не буду на сабасъ дома!

(Кул. З. о Ю. Р. I. 226).

⁹⁾ Ой озоветься третій жидъ Оврамъ:

У мене не великій крамъ,

Шпилки, голки,

товарищемъ смотритъ вдаль и видитъ выступающіи изъ-за горы козацкія знамена ¹⁾; пятый по этому поводу кричитъ: давайте скорѣе уходите въ Полонное ²⁾. Всѣхъ характеристичнѣе и забавнѣе одинъ, пазываемый въ вариантѣ Максимовича Юдкою, а у Кулиша Лейбою. Онъ съ горестью и ужасомъ обращается къ своей іудейской школѣ или синагогѣ и говоритъ: «Школа моя, школа каменная! Теперь тебя нельзя ни въ пазуху взять, ни въ карманъ спрятать! Придется тебя отдать на отхожее мѣсто козакамъ Хмельницкаго ³⁾».

Въ другой думѣ, о которой мы уже выше упоминали и которую г. Кулишъ озаглавилъ думою о жидовскихъ откупахъ, по двумъ ея вариантамъ: Кулиша и Мороза—іудеи рисуются еще полнѣе. Здѣсь описывается ихъ бѣгство и добываніе козаками Полоннаго, куда бѣглецы тогда укрылись. Проносится зловѣщая тревога. Іудеи-арендаторы собираются на свой сеймъ въ Бѣлюю-Церковь. «Что слышно въ славной Украинѣ?» — спрашиваютъ они другъ друга. — «Слышно, — говорятъ знающіе, — проявился тамъ у насъ гетманъ Хмельницкій!» — «Э, теперь отъ Бѣлой-Церкви до славнаго Запорожья не такъ, какъ прежде было, вездѣ стоитъ наша жидовская сторожа!» — говорятъ самонадѣянные арендаторы-богачи, разумѣя, что іудеевъ теперь населилось много и они черезъ ихъ посредство могутъ узнать заранѣе обо всемъ, что затѣвуютъ противъ нихъ русскіе. Но тутъ является нашъ знакомый бѣднякъ Абрамъ съ своимъ мелочнымъ товаромъ, которымъ, по замѣчанію думы, одурачивалъ онъ за Днѣпромъ козацкихъ женщинъ. Этотъ іудей лучше прочихъ знаетъ народъ въ Украинѣ и предупреждаетъ зазнавшихся арендаторовъ: «Ахъ вы жида, жида-арендаторы! Только повѣсть вѣтеръ съ Низу (т.е. изъ Запорожья), вся ваша жидовская сторожа погибнетъ» ⁴⁾.

Кремѣнныя, люльки,

Такъ и свій крамъ у коробочку славъ

Да козакамъ пятами наживавъ!

(Кул. З. о Ю. Р. I. 227).

¹⁾ Обизветься четвертый жидъ Давидко:

Ой брате Лейбо, ужежъ пакъ изъ-за горы козацки корогвы видко!

²⁾ Обизветься пятый жидъ Юдко:

Ой нумо до Полоннаго утѣкати прудко

(Ibid.).

³⁾ Тогдѣ жидъ Лейбо бѣжить,

Ажъ живить дрижить,

Якъ на школу погляне

Ёго сердце жидивськѣ зивьяне:

„Эй школо-жъ моя, школо мурована!

Теперь тебе нѣ въ пазуху зяти,

Нѣ въ кишеню сховати,

Але-жъ доведеться Хмельницкаго козакамъ—на срачъ на балаки покидати“

(Кул. З. о Ю. Р. I. 227).

Или по варианту Максимовича:

Ой школо-жъ моя школо!

Чи тебе продати,

Чи въ карманъ забрати?

А чи тому пану Хмельницкому

Отаману батьку Чигиринському

На срачъ подаровати?

(Макс. 69).

⁴⁾ Жида-рандарѣ у Бѣлюю-Церкву на сеймъ сбирались,

Одинъ до одного стиха словами промовляли.

Является Хмельницкій, во святой Божій день во вторникъ (на Духовой недѣлѣ) отправляетъ въ походы козаковъ истреблять жидовъ-арендаторовъ, не давать на поруганіе христіанской вѣры; не допускать жидовскаго шабаша ¹⁾. Но жида были догадливы: они бѣжали; Хмельницкій, прибывши въ Украину, не нашель тамъ уже ни одного іудея-арендатора ²⁾. Здѣсь дума, по варианту Мороза, играя приемами, изображаетъ, какъ іудеи бѣжали: одинъ хватаетъ доску, другой—ружье, третій—ось, четвертый—бичъ, тотъ—подгерсть (чалку, которою прикрѣпляютъ шворень въ малорусскомъ возѣ), а иной просто дубину; между ними встрѣчаемъ и знакомаго намъ іудея — мелочнаго торгаша: это созданный народною изобрѣтательностью типъ, котораго признаки подмѣнены ею въ безчисленномъ множествѣ іудейскихъ личностей въ натурѣ; онъ является въ народныхъ пѣсняхъ въ разныхъ положеніяхъ и подъ разными именами: здѣсь онъ называется Хвайдышъ; онъ уже старикъ, но забылъ свою старость, когда пришлось спастись отъ Хмельницкаго ³⁾. Іудеи укрылись, по варианту Кулиша, въ

„Эй жида вы, жида-рандарѣ,
Що теперъ у васъ на славній Украинѣ слышно?“
— Слышень,—говорять,—теперъ у насъ гетманъ Хмельницкій!—
„Якъ отъ Бѣлой-Церкви да до самого Запорожья
Не така стоить жидивська сторожа“.
Тогдѣ озовется одинъ жидъ Оврамъ:
У того бувъ не великій крамъ,
Тильки шильки да голки,
Що ходивъ по за Днѣпро да дуривъ козацьки жѣнки.
— „Эй жида вы, жида-рандарѣ!
Якъ изъ низу тихій вѣтеръ повѣне,
Вся ваша жидивська сторожа погине!“

- 1) Тогдѣ жъ-то якъ у святой божественный день у вѣвторокъ
Гетманъ Хмельницкій козакивъ до сходу сонця у походъ выправлявъ,
И стиха словами промовлявъ:
Эй козаки вы, дѣти друзѣ,
Прошу васъ, добре дбайте,
Отъ сна вставайте,
Руській отче нашъ читайте,
На славну Украину прибувайте,
Жидивъ рандарѣвъ упень рубайте,
Кровь ихъ жидивську у полѣ съ жовтымъ пѣскомъ мѣшайте,
Вѣры своей христіанської у поругу не подайте,
Жидивському шабашу не пильуйте. (Кул. З. о Ю. Р. I. 61).
- 2) Тогдѣ-то Хмельницкій на славну Украину прибувавъ,
Нѣ одного жида не застававъ (ibid.).
- 3) Которы жида шабашовали,
А которы до города Польного утѣкали,
— Вжежъ ты, рабине Мошку, бери на вѣзь дошку,
Ты, Срулю, бери порохъ да кулю,
А ты, Ицю, бери ручницю,
А ты, Гершку, бери пидгерстя,
А ты, Юсю, бери на поготовѣ ось,
А ты, Шмудю, бери дручья да двилю,
А ты, Ипекъ, бери бичикъ,

Полонномъ, по варианту Мороза—въ Польномъ городѣ. Мѣстечко Полонное на Волыни было въ тотъ годъ дѣйствительно сценою истребленія іудеевъ, но такія сцены тогда происходили и въ другихъ городахъ и мѣстечкахъ; въ думѣ мѣстечко Полонное или Польный городъ, по средству своего названія съ именемъ Польши, играетъ здѣсь роль идеальнаго города, означающаго вообще польскій край съ городами и мѣстечками, гдѣ запирались тогда бѣжавшіе изъ Украины іудеи и гдѣ козаки ихъ истребляли. Въ вариантѣ Мороза названіе Польный городъ ближе къ такому значенію. Хмельницкій, по словамъ думы, двинулся къ этому городу.

По варианту Мороза, іудеи, запершись въ Польномъ городѣ, послали одного изъ своей братіи, іудея Майорку, провѣдывать, далеко ли Хмельницкій, но жидъ Майорка сбился съ толку и самъ едва на третій день убѣжалъ все въ тотъ же Польный городъ ¹⁾). По варианту Кулиша, Хмельницкій, подступивши къ Полонному, посылаетъ въ городъ собственноручное письмо и требуетъ выдачи жидовъ-арендаторовъ, но осажденные отвѣчаютъ, что лучше всѣ погибнуть, а жидовъ-арендаторовъ не выдадутъ ²⁾). Черта историческая того времени. Подобныя требованія выдачи іудеевъ со стороны козаковъ въ тотъ роковой годъ бывали во многихъ мѣстахъ и отвѣты получались разные: бывали случаи, когда шляхта и мѣщане некрѣпко стояли за іудеевъ, но случалось и иначе. По словамъ думы, Хмельницкій, получивъ отказъ, въ другой разъ послалъ въ городъ письмо и грозилъ горожанамъ пушкою-сиротою, которая должна отворить для козаковъ желѣзныя ворота города ³⁾). Объ этой пушкѣ, кромѣ на-

Да будемо коня погоняти,
 Да будемо отъ пана Хмельницького до города Польного втѣкати.
 А якъ бувъ собѣ жидъ старый Хвайдышь,
 Да мавъ собѣ крамъ: шпильки да голки,
 А- третѣ люльки,
 То и той у клунки складавъ,
 Да за ними пѣшки бѣжавъ;
 Той старість свою утерявъ,
 Отъ пана Хмельницького утѣкавъ!

¹⁾ А якъ у Польный городъ убралися,
 То стали жиды Майорку на підслухи высылати:
 Чи ще-жъ то далеко панъ Хмельницькій зъ війскомъ пробуває?
 А жидокъ Майорка съ глузду спавъ
 Да ледвѣ и самъ винъ третѣго дня до города Польного припавъ.

²⁾ До города Полонного прибувавъ,
 Отъ своихъ рукъ листы писавъ,
 У городъ Полонне подававъ,
 А въ листахъ прописовавъ:
 „Ой полоняне полонянська громадо!
 Коли-бъ вы добре дбали,
 Жидивъ-рандарѣвъ менѣ до рукъ подали“.
 Тогдѣ-то полоняне ёму отписали:
 „Пане гетьмане Хмельницькій!
 Хоть будемъ одинъ на одному лягати,
 А не можемъ тобѣ жидивъ рандарѣвъ до рукъ подати“.

³⁾ Отъ тогдѣ-то Хмельницькій у-другій разъ листы писавъ,
 У городъ Полонне подававъ:

стоящей думы, сохранилось извѣстіе у историка козацкихъ войскъ Самуила Грондскаго; описывая осаду Замостья Хмельницкимъ, онъ рассказываетъ, что козаки страдали осажденныхъ скорымъ привозомъ въ козацкій станъ пушки-сироты, представлявшейся орудіемъ огромнѣйшаго размѣра. Въ настоящей думѣ именно это фантастическое орудіе послужило Хмельницкому для овладѣнія Полоннымъ или Польнымъ городомъ. Когда козаки стали палить изъ пушки-сироты, іудеи завопили: «Полоняне! ахъ, еслибъ вы отбили ворота, что со стороны Польши, и выпустили насъ хоть бы въ однѣхъ рубахахъ! Жили бы мы себѣ за Вислю, да учили бы дѣтей своихъ добру, чтобы они на козацкую Украину и съискоса никогда не посматривали» ¹⁾). Здѣсь, какъ и въ другихъ пѣсняхъ, народъ начертываетъ какъ для іудеевъ, такъ и для поляковъ границу рѣку Вислу; все пространство за этой рѣкою по направленію къ Руси онъ считаетъ своимъ, русскимъ достояніемъ. Не было въ Польномъ городѣ спасенія іудеямъ, какъ и въ дѣйствительности въ то время нигдѣ имъ не оказывали пощады козаки, распаленные не столько религіознымъ изувѣрствомъ, сколько духомъ справедливаго мщенія за крайнія нахальства и поруганія надъ русскимъ народомъ. Хмельницкій, взявши Полонное или иначе Польный городъ, далъ козакамъ три часа съ половиною времени погулять и поживиться на счетъ жидовъ-арендаторовъ ²⁾, а по варианту Мороза — онъ жидами оралъ, жидовками бороновалъ, а маленькихъ жидовскихъ дѣтей лошадьми потопталъ ³⁾. Тѣ іудеи, которымъ удалось убѣжать,

„Эй полоняне, полонянська громадо!

Не хороша ваша рада!

Есть у мене одна пушка сирота:

Отчиняться ваши залѣзні широкі ворота!“ (Кул., З. о Ю. Р. I, 62).

¹⁾ Тогдѣ-то у святый божественный день четвертокъ

Хмельницкій до сходу сонця устававъ,

Пидъ городъ Поляное ближе прибувавъ,

Пушку Сироту упереду постановлявъ,

У городъ Поляного гостинця подававъ,

Тогдѣ-то жиды-рандарѣ

Горькимъ голосомъ заволали:

— „Эй полоняне полонянська громадо!

Коли-бъ вы добре дбали,

Отъ Польщи ворота отбивали,

Да насъ за Вислу рѣку хочъ у однихъ сорочкахъ пускали!

То-бъ мы за рѣчкою Вислю пробували,

Да собѣ дѣтей дожидали,

Да ихъ добрыми дѣлами наущали,

Щобъ на козацкую Украину и кривымъ окомъ не поглядали“.

(Кул., З. о Ю. Р. I, 63).

²⁾ Отътогдѣ-то козакамъ у городѣ Полонозѣ дана воля на три часа съ половиною:

„Пійте, гуляйте,

Коло жидивъ-рандарѣвъ собѣ здобу хорошу майте!“ (Ibid.).

³⁾ До города Польного прибувавъ,

Да старыми жидами оравъ,

А жидивками бороновавъ,

А которы были малѣ дѣти, то винъ ихъ киньми порозбивавъ!

проклинали своихъ богатыхъ единоплеменцевъ за то, что прежде брали на Украинѣ чрезмѣрные поборы по откупамъ и черезъ то вооружили козаковъ. «Вотъ,—говорили они,—еслибъ ты, Мошка, бралъ съ откупа понемногу, то мы бы себѣ въ Украинѣ проживали и насъ козаки величали бы вельможными панями» ¹⁾. При этомъ является опять нашъ знакомецъ, тотъ іудей, который въ думѣ о Корсунской побѣдѣ—въ одномъ вариантѣ подъ именемъ Юдька, въ другомъ подъ именемъ Лейбы—плакалъ о грядущемъ поруганіи своей синагоги. И здѣсь онъ плачетъ о ней же, хотя называется Янкель, и не употребляетъ слишкомъ рѣзкихъ названій предметовъ. «Не бывать намъ болѣе въ тебѣ, наша школа богомольница! — восклицаетъ этотъ іудей. — Нельзя намъ тебя ни продать и получить за тебя деньги, ни въ карманъ спрятать,—придется тебя въ Украинѣ покинуть, козаки тебя уничтожатъ, стануть загонять въ тебя свиней неопрятныхъ» ²⁾.

Въ думѣ, по варианту Кулиша, козаки, взявши Полонное и овладѣвши достояніемъ іудеевъ, возвращаются въ свою Украину и тамъ дѣлятъ свою добычу тѣмъ же способомъ, о какомъ говорится въ думѣ о Самийлѣ Кишкѣ: одна часть поступила на церковь Покровскую въ Стѣчѣ и на Межигорскаго Спаса, другая пропивалась, а третья шла въ дѣлежъ между козаками. И не одинъ козакъ тогда просилъ Бога за пана Хмельницкаго, за то, что сносилъ на себѣ не одинъ жупанъ жидовскій ³⁾.

Вариантъ Мороза ведетъ повѣствованіе далѣе. Хмельницкій изъ Полнаго

1) Богдай ты, Мошку, счастья-долѣ не мавъ,
Якъ ты по богату на Украинѣ откупу бравъ!

А якъ-бы ты, Мошку,

Да бравъ на Украинѣ откупу по-трошку,

Такъ мы-бъ на Украинѣ проживали,

И насъ бы козаки вельможными панями величали!

2) А якъ то бувъ жидъ Янкель,

То винъ коло школы похожае,

Да по школѣ плаче рыдае:

„Школо наша, школо богомольнице!

Уже намъ у тобѣ не бувати,

И тебе не продавати,

И за тебе грошей не брати,

И у кишеню не ховати:

Треба тебе на Украинѣ покидати:

Да ще будуть тебе козаки уничтожати,

Да ще въ тебе будуть нескребенѣ свинѣ загонати!“

3) Тогдѣ-то козаки въ городѣ Полонозѣ пили-гуляли,

Здобу хорошу собѣ коло жидивѣ рандарѣвъ мали.

Обратно на славу Украину прибували;

Очертомъ сѣдали,

Срѣбло й злато на три части паѣвали:

Первую часть на Покровъ сѣвовую да на Спаса Межигорського отдали,

Другу часть на меду да на оковитѣй горѣлицѣ проивали,

Третю часть междо собою, козаками, паѣвали,

Тогдѣ-то не одинъ козакъ за пана гетьмана Хмельницкаго Бога просивъ,

Що не одинъ жидивскій жупанъ зносивъ. (Кул., З. о Ю. Р. I, 63).

города направляется къ рѣкѣ Случи и еще разъ приказываетъ своимъ козакамъ рубить ляховъ и жидовъ, а притомъ приговаривать такъ: «Примѣчайте, ляхи: по ту сторону рѣки Случи — ваше, а по сю сторону — пана Хмельницкаго» ¹⁾. Рѣка Случь при Хмельницкомъ сдѣлалась первымъ рубежомъ, отдѣлявшимъ козацкій край отъ Волыни, но постоянного значенія границы русскаго народа отъ Польши никогда она не имѣла, ни для всего этого народа, ни для самихъ козаковъ. Да и предѣлы собственно козацкой земли расширялись уже въ 1649 году, когда по перемирію, послѣдовавшему на короткое время въ началѣ этого года, границею поставлена была уже не Случь, а Горынь.

Затѣмъ въ вариантѣ Мороза, по поводу пораженія ляховъ и жидовъ на берегахъ Случи, повторяется тотъ же образъ варенія пива, который указанъ въ думѣ о Корсунской побѣдѣ. Наконецъ, вариантъ Мороза заключается тѣмъ рутиннымъ прославленіемъ героя думъ, которое составляетъ финаль, удобопримѣнимый ко всякой почти козацкой думѣ ²⁾.

Вникая въ смыслъ содержанія и въ тонъ этихъ двухъ думъ въ ихъ вариантахъ, мы легко усмотримъ между ними такую связь, что обѣ онѣ окажутся не только истекающими изъ одного источника, какимъ было господствовавшее настроеніе народнаго духа, но даже до нѣкоторой степени какъ будто частями одного цѣлаго произведенія, и эти части, отъ времени до времени, то распадались, то смѣшивались снова: это приводитъ насъ къ такому предположенію, что великая, небывалая до тѣхъ поръ эпоха единодушнаго стремленія народа къ одной цѣли отразилась и въ народной поэзіи соответствующими признаками единенія, а пѣснопѣнія о событіяхъ того времени, слагавшіяся вслѣдъ за самыми событіями, если бы всѣ сохранились до нашихъ дней, втроятно, безъ всякихъ литературныхъ натяжекъ съ нашей стороны предстали бы передъ нами цѣльною народною поэмою.

Наше предположеніе подтверждается тѣмъ, что съ этими думами, по

¹⁾ То панъ Хмельницкій,

Житель чигиринській.

То винъ ночей не досыпае,

Коло Случи рѣчки ляхивъ и жидивъ догоняе,

Скоро догнавъ у вечерѣ пизно,

И тамъ стало дуже по улицяхъ тѣсно:

И тамъ до ихъ прибуває,

Ще й на козакивъ гукае,

Да ще й словами промовляє:

Друзѣ, панове молодці! До Случи рѣчки прибувайте,

Жидивъ да ляхивъ у пень рубайте

И до ихъ козацкими словами промовляйте:

Ото буде на той бикѣ Случи ваше,

А по сей бикѣ Случи буде пана Хмельницкаго и наше!

²⁾ То хотя жъ то бувъ Хмельницкій

Житель чигиринській,

Козакъ лейстровый,

Писарь військовый,

Лицарь добрый да й умеръ, —

А таки слава его козацка молодецька не умре не поляже!

приемамъ и тону, очень сходны пѣсни, относящіяся къ событіямъ той же эпохи. Читатели могли видѣть это по тѣмъ пѣснямъ, которыя уже приведены выше. То же представляетъ и пѣсня, очень замѣчательная и распространенная въ народѣ: это—пѣсня о Перебийнось, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть лицо, извѣстное въ письменныхъ памятникахъ подъ именемъ Максима Кривоноса. По источникамъ послѣдняго рода, это былъ изъ самыхъ рьяныхъ и задорныхъ героевъ народнаго возстанія. И въ народной пѣснѣ о Перебийнось къ его имени примыкаетъ вся дѣятельность козаковъ, и пѣсня эта можетъ быть названа пѣснею о народномъ возстаніи 1648 года вообще. Причина, почему Перебийнось (иначе Максимъ Кривоносъ) сталъ до такой степени памятенъ и любезенъ народу, объясняется нѣсколькими данными, которыя о свойствахъ и характерѣ этого человѣка сообщаютъ намъ современные ему письма и повѣствованія. Видно, что это былъ козакъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, а не въ такомъ, въ какомъ заявлялъ себя такъ называемый реестровый козакъ, который хотя и ополчался за дѣло всенародное и возбуждалъ народную толпу слѣдовать въ рядъ съ собою, но потомъ, особенно въ виду неудачъ, становился въ разрѣзъ съ желаніемъ распространить козачество на весь южнорусскій народъ въ смыслѣ всеобщаго уравненія сословій и полной для всѣхъ одинакой свободы. Войско Перебийноса или Кривоноса преимущественно состояло не изъ реестровыхъ козаковъ, а изъ возставшихъ хлоповъ, — изъ тѣхъ, которымъ далеко не всѣмъ полагалось впоследствии остаться въ козацкомъ званіи. Кривоносъ не ограничивался какими бы то ни было стародавними рубежами козацкаго жительства, а разносилъ возстаніе куда только могъ по южнорусской землѣ. Пойманные поляками его соратники подъ пытками показывали, что у нихъ у всѣхъ было желаніе разнести это возстаніе до самыхъ береговъ Вислы. Кривоносъ безжалостно истреблялъ шляхту и жидовъ-арендаторовъ вездѣ, гдѣ только заставалъ ихъ среди русскаго кореннаго населенія, разорялъ и до-тла сожигалъ панскіе дворы, экономіи, костѣлы, — все, что только пахло прежнимъ утѣснительнымъ господствомъ ляховъ надъ Русью, — все, что противорѣчило всеобщему народному желанію не видѣть на Русской землѣ ни пана — властителя надъ народомъ, ни ксендза — представителя панской вѣры, ни жида — панскаго слуги и финансоваго агента пановъ, — никого, кромѣ свободнаго казака, независимаго, равнаго всѣмъ соотечественникамъ русскаго человѣка. Въ ту эпоху, по народному идеалу, не могло быть иного казака, кромѣ православнаго южнорусскаго обывателя, и, съ другой стороны, каждый православный южнорусскій обыватель имѣлъ невозбранное право быть козакомъ, гдѣ бы онъ ни жилъ на древле-русской землѣ: въ чертѣ ли, въ данное время проведенной на договорной бумагѣ для козацкихъ жилищъ, или же за этою чертой. За такимъ народнымъ идеаломъ шелъ Кривоносъ и не даромъ поляки ненавидѣли его болѣе всѣхъ другихъ козацкихъ предводителей. Іеремія Вишневецкій, величайшій противникъ окозаченія народа, былъ какъ бы личнымъ, непримиримымъ врагомъ Кривоноса. Самъ Хмельницкій, называвшій Кривоноса простакомъ, былъ имъ недоволенъ, такъ какъ Кривоносъ, подобно всей простонародной громадѣ, не хотѣлъ допускать никакихъ компромиссовъ, никакихъ перемирій съ ляхами, преслѣдовалъ одну цѣль — полное изгнаніе утѣснительныхъ элементовъ изъ среды южнорусскаго народа. Преслѣдовать эту цѣль наравнѣ съ Кривоносомъ прямо, неуклонно, гетману не позволяло его польско-шляхетское воспитаніе. Въ началѣ возстанія Хмельницкій, нуждаясь въ

силахъ, потакалъ народному стремленію къ оказаченію, и въ это время онъ былъ дѣйствительно народнымъ вождемъ. Но слишкомъ скоро сталъ онъ показывать, что не можетъ повимать общественной организаціи иначе, какъ въ словномъ раздвоеніи козака отъ посполитаго человѣка, такъ что на перваго должны падать привилегіи война, а на втораго — тягости мирнаго работника. Не всѣ въ его время изъ его полковниковъ думали такъ же; иные на первыхъ порахъ расходились во взглядахъ съ своимъ гетманомъ. Не видимъ никакихъ основаній не только утверждать, но даже подозрѣвать, чтобы кто-нибудь изъ тогдашнихъ второстепенныхъ предводителей возставшаго народа былъ способенъ Хмельницкаго къ осуществленію народныхъ задачъ; но часто бываетъ, что инныя личности пользуются въ потомствѣ памятью и сочувствіемъ не по силѣ ихъ историческихъ достоинствъ, а по той духовной связи стремленій, какая въ свое время существовала между ними и народною громадою. Къ такимъ личностямъ принадлежалъ Кривопись, на языкѣ народныхъ пѣсенъ — Перебийнось.

Пѣсня, о которой идетъ рѣчь, напечатана у Кулиша въ «Запискахъ о Южной Руси» (стр. 27) и въ Сборникѣ Метлинскаго (стр. 329); извѣстна намъ она и по другимъ, записаннымъ нами отъ народа, вариантамъ. Пѣсня эта всегда начинается воззваніемъ или приглашеніемъ повѣдать и послушать о томъ, что произошло въ Украинѣ ¹⁾. За этимъ слѣдуетъ извѣстіе, что за Дашевою (мѣстечко Кіевской губ., Липовецкаго уѣзда), подъ Сорокою (въ другомъ вариантѣ подъ Сорочою могилою), пропало множество ляховъ ²⁾. Перебийнось проситъ (вѣроятно, у Хмельницкаго) немного себѣ козаковъ—по одному варианту, семьсотъ ³⁾, по другому—немного, не означая числа ⁴⁾. Онъ рубить ляхамъ головы, а остальныхъ тонить въ водѣ ⁵⁾. Разное число козаковъ у Перебийноса, по разнымъ вариантамъ пѣсни,—признакъ случайный, едва ли имѣющій историческое основаніе; народная фантазія произвольно хочетъ дать своему герою меньше воинской силы, чтобы тѣмъ болѣе поднять и возвысить его подвигъ, а можетъ быть, первоначально это въ пѣснѣ имѣло тотъ смыслъ, что у Перебийноса было немного настоящихъ козаковъ, уже прежде считавшихся въ этомъ званіи и присланныхъ ему гетманомъ. Но это не значитъ, что у Перебийноса было мало военной силы, такъ какъ отрядъ его безпрестанно наполнялся возставшими хлопками, которые отовсюду примыкали къ нему, добываясь сдѣлаться козаками. Пѣсня отъ имени Перебийноса и его соратниковъ говоритъ ляхамъ, бросаемымъ въ воду: «пейте, ляхи, изъ грязныхъ лужъ воду болотную воду, за то что пивали въ Украинѣ пива и вина хорошія» ⁶⁾. Это, очевидно, намекъ на бражни-

1) Ой послушайте и повѣдайте

Що на Украинѣ повстало.

2) Що за Дашевою пидъ Сорокою

Множество ляхивъ пропало.

3) Перебийнисъ проситъ немного

Сѣмь-сотъ козакивъ съ собою.

4) Трохи козаченькивъ съ собою.

5) Рубае мечемъ головы съ плечей.

А рещту тонить водою!

6) Ой пійте, ляхи, зъ калюжи воды,

Воды болотяни,

чанье польских пановъ въ южнорусской землѣ. Ихъ чрезмѣрная роскошь, самодурное мотовство, широкое гостепрѣимство для лицъ своего сословія — все это падало тягостно на подвластный имъ русскій народъ. Проснувшись отъ долговременнаго рабскаго усыпленія, этотъ народъ со злорадствомъ припоминаетъ своимъ прежнимъ утѣснителямъ ихъ свойства. Въ противоположность роскошной жизни пановъ, доведшей ихъ до того, что за давнее питье хорошихъ винъ пришлось имъ теперь захлебываться въ болотной водѣ, южнорусскій рабъ сопоставляетъ свою горькую жизнь, всегда проводимую въ скудости, исполненную лишений, зато закаленную въ терпѣніи, и заставляетъ теперь пановъ удивляться: какъ это козакъ съ плохими средствами пропитанія можетъ ихъ одолевать. — Чѣмъ козакъ питается? — «Питается козакъ рыбищемъ-щукою да саламатю на водѣ», говорятъ паны, которымъ пѣсня тутъ же придаетъ эпитетъ собачьихъ сыновъ. — Оттого-то, — продолжаетъ пѣсня, — козакъ и славень, что наѣлся саламаты съ водою. Какъ станетъ съ ружьемъ, такъ сердце вянетъ (глядя на его жалкую фигуру), а ляхъ все-таки умираетъ отъ одного духа козацкаго ¹⁾. Видишь ли, ляхъ, — поется далѣе, — какъ панъ Хмельницкій поднялся вверхъ на желтомъ песку? (намекъ на Желтоводскую битву, первую побѣду Хмельницкаго). Отъ насъ, козаковъ, отъ насъ, богатырей, ни одинъ ляхъ не укрылся ²⁾ и за Вислою ³⁾. Видишь ли, ляхъ, какъ козакъ пляшетъ за тобою на ворономъ конѣ? Ты, ляхъ, испугаешься, упадешь съ коня, прикроешься землею ⁴⁾. Здѣсь пѣсня, очевидно, касается того паническаго страха, который овладѣлъ застигнутыми врасплохъ поляками, когда въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сряду они, вмѣсто сокрушеннаго подъ Корсуномъ войска, едва могли выставить другое, но такое, которое на Пилявскомъ полѣ разбѣжалось при одномъ появленіи мстящаго врага. Уже по самую рѣку Случь не было въ Украинѣ ни одного поляка, ни одного іудея и пѣсня восклицаетъ: вотъ видишь, ляхъ. по

А що пивали на тий Украинѣ
Пива да вина сытныи.

1) Дивують паны песькіи сныи.

Що козакъ уживае!

Вживае козакъ щуку-рыбаху

Ще й соломаху зъ водою.

Ой по тимъ козакъ да дуже славень:

Наѣвся соломахи зъ водою,

Зъ мушкетомъ стане, ажъ сердце вяне,

А ляхъ отъ духу вмѣрае!

2) Ой бачишь, ляше, якъ панъ Хмельницкій

На Жовтимъ пѣску підбився;

Одъ насъ козакивъ, одъ насъ юнакивъ

Нѣ одинъ ляшокъ не скрився.

3) Семи (?) козакивъ добрыхъ юнакивъ

И за Вислою не скрився.

(Г. Кулишъ толкуеть, что подъ этими семью козаками разумѣлись какіе-нибудь герои эпохи Хмельницкаго, особенно любимые и отлѣчаемые народомъ).

4) Ой бачишь, ляше, якъ козакъ пляше

На воронимъ (въ другомъ вариантѣ: на сивимъ) коню за тобою!

Ты, ляше, злякнешь и съ коня спаднешь,

Самъ прикроешься (въ другомъ вариантѣ: присыплешся) землею.

Случь все наше, по Костяную могилу ¹⁾. Есть ли гдѣ-нибудь такое урочище, которое носило бы названіе Костяной могилы—не знаемъ, но, кажется, здѣсь надобно разумѣть идеальную Костяную могилу, соединяющую въ себѣ представленіе о многихъ могилахъ, наполненныхъ костями, и выражающую совокупность жертвъ, принесенныхъ за очищеніе южнорусской земли. Какъ не захотѣли,—продолжаетъ пѣсня, обращаясь къ врагамъ,—забунтовали и утерjali Украину ²⁾. Здѣсь намекъ на то упорство, съ какимъ паны сопротивлялись всему тому, что могло охранить народъ южнорусскій отъ ихъ произвола. Но для русскаго народа мало того, что «ляхи» потеряли Украину,—на этомъ одномъ народное возстаніе видимо не остановится. Пѣсня произноситъ такое рѣшеніе: нависли ляхи, нависли словно вороны на вишнѣ: не уступимъ мы Польшу ляхамъ, пока въ насъ жизни есть сила ³⁾. Но какую же это Польшу хочетъ народъ не уступать ляхамъ?—Конечно, ту Польшу, которая населена южнорусскимъ народомъ, сочувствующимъ возстанію Украины. Это та Польша, о которой говорилъ Хмельницкій прѣзжавшему къ нему посломъ отъ Рѣчи Посполитой пану Адаму Киселю, выражаясь такими словами: «поможетъ мнѣ вся чернь по Люблинъ и по Краковъ, я не отступлюсь отъ ней: она вѣрная порука наша, чтобъ вы, усмиривши хлоповъ, не ударили на козаковъ. Будетъ съ меня Украины, Подоли, Волыни, довольно достатка въ княжествѣ нашемъ русскомъ, по Холмъ, по Львовъ, по Галичъ». Въ это время Хмельницкій выражался передъ панами вполне искренно, безъ тѣхъ дипломатическихъ пріемовъ, которые употреблялъ въ другіе разы,—говорилъ то, что думалъ и чего желалъ весь народъ. Это самое желаніе и выразилось въ разбираемой нами народной пѣснѣ. Что русская земля названа въ пѣснѣ Польшею, это естественно, такъ какъ она передъ тѣмъ принадлежала Польскому государству и слово Польша для южнорусскаго народа имѣло только географическое значеніе, а не означало тотъ панско-шляхетскій государственный организмъ, противъ котораго такъ усиленно боролся русскій народъ. Козаки и окозаченные хлопы воевали не съ Польшею, а съ панами-ляхами. Выгнать ляховъ изъ Польши не значило уничтожить Польшу: страна, населенная русскимъ народомъ и называвшаяся Польшею по ея зависимости отъ Польскаго государства, не перестала бы еще долго, по давней привычкѣ, называться Польшею. Далѣе пѣсня заканчивается указаніемъ, что предѣломъ притязанія на изгнаніе ляховъ изъ Польши была рѣка Висла. Ну-те, козаки, теперь скачите, беритесь въ боки,—загнали мы ляховъ даже за Вислу: не возвратятся къ намъ никогда (по другому варианту—не возвратятся и въ три года) ⁴⁾. За Вислою—другая Польша, настоящая ляхская Польша: до ней и до ея обитателей народу южно-

¹⁾ Ой бачишь, ляше, да и по Случь наше по Костяную могилу.

²⁾ Якъ не схотѣли, забунтовали да й утерjali Украину.

³⁾ Нависли ляхи, нависли
Якъ вороны на вишнѣ...
Не попустимо ляхамъ Польщи
Поки нашої жизности!

⁴⁾ Ну-же, козаки, ну-же у-скоки,
Поберемося въ-боки:
Загнали ляхивъ геть ажъ за Вислу,
Не вернуться *николи!*
Или:—и въ три роки!

русскому нѣтъ никакого дѣла, лишь бы тамошніе ляхи оставили его навсегда въ покоѣ. Собразно съ этимъ народнымъ мировоззрѣніемъ Хмельницкій въ той же приведенной выше своей рѣчи къ Адаму Киселю и его товарищамъ говорилъ: «Дойду до Вислы, стану надъ нею и скажу живущимъ далеко за нею ляхамъ: сидите себѣ, ляхи, да молчите: вашу всю знать, всѣхъ вашихъ князей туда загоно, а если стануть за Вислою кричать, я ихъ и тамъ найду!»

Такимъ образомъ въ этой превосходной пѣснѣ высказались всѣ завѣтныя желанія, вся политическая программа стремленій южнорусскаго народа въ его отношеніяхъ къ полякамъ.

Въ Сборникѣ Меглинскаго, кромѣ этой пѣсни, помѣщены еще двѣ пѣсни о Перебійносѣ, которыхъ содержаніе—битва съ ляхами и смерть Перебійноса. Къ сожалѣнію, пѣсни эти записаны въ Черноморской землѣ, въ сбитомъ и, кажется, даже искаженномъ видѣ. Онѣ смѣшиваются съ пѣснями о козацкѣ Нечаѣ, да кромѣ того сюда подмѣшаны мѣста изъ извѣстныхъ намъ бытовыхъ пѣсень. Въ первой изъ этихъ пѣсень о Перебійносѣ ляхи собираются убить Перебійноса, но онъ ихъ не боится и выступаетъ противъ нихъ—совершенно такъ же, какъ въ пѣснѣ о Нечаѣ. Битва Перебійноса съ ляхами происходитъ близъ Сорочей могилы и описывается такими же чертами, какъ битва Нечаля съ ляхами въ пѣснѣ о послѣднемъ, которую мы приведемъ ниже. Во второй пѣснѣ о Перебійносѣ ляхи поймали джuru Перебійноса и стали ему крутить пальцы, допрашивая: тѣмъ можно убить Перебійноса? Джура, какъ видно, не вытерпѣлъ пытки и объявилъ врагамъ, что для этого надобно употребить въ дѣло серебряную пуговицу ¹⁾.

У козаковъ было повѣрье, что между ними были *характерники*, то-есть люди, знавшіе таинственныя средства, охраняющія отъ непріятельскаго оружія; но вѣрилось также, что существуютъ средства противъ такихъ характерниковъ. Однимъ изъ такихъ средствъ считалась серебряная пуля, вмѣсто свинцовой, или серебряная пуговка, вложенная въ ружейный стволъ вмѣсто пули. Такимъ характерникомъ, очевидно, изображается и Перебійносъ. Пѣсня не говоритъ прямо, что онъ погибъ отъ невольной измѣны своего джуры, а даетъ только подразумевать, что именно такъ произошло. Пѣсня оканчивается разговоромъ Перебійноса съ своимъ джурую, какъ бы происходящимъ уже послѣ гибели Перебійноса и приводимымъ въ пѣснѣ какъ бы для смягченія вины джуры.—«Не захотѣлъ ты служить мнѣ,—говоритъ Перебійносъ,—будешь же ты ляхамъ стадо поить» (то-есть дурно ляхи тебѣ заплатятъ за измѣну). Джура отвѣчаетъ: «Радъ бы я служить тебѣ, панъ Перебійносъ, да угнались мы черезчуръ за ляхами и пришлось погибать!»

¹⁾ Ой догнали ляхивъ вражихъ синивъ да до рѣчки Жулины;

Ой уже ляхи вражи сини джуру уловили.

Ой стали джурѣ да й пальцѣ крутити.

— Скажи, джуро, скажи малый, да чимъ Перебійноса вбити!—

— „Ой видрѣште або видирѣште да срѣбного гудза:

То чи не вбѣете, або чи не скараете мого вѣрнаго друга!“—

— Ой не схотѣвъ ты менѣ, хлопку, хлопковати:

Будешъ ты ляхамъ стадо наповати!—

— „Ой радъ бы я тобѣ, пане Перебійносе, хлопковати,

Да угнались мы далеко за ляхами: доведеться погибати. (Метл. 403).

Въ другой пѣспѣ, помѣщенной въ томъ же Сборникѣ, джуро не попадаетъ въ плѣнъ къ ляхамъ; говорится о смерти Перебійноса послѣ выстрѣла изъ пистолета, сдѣланнаго джурою, такъ что, повидимому, Перебійнось погибаетъ отъ измѣны слуги своего. Сцена происходитъ близъ Сорочей могилы ¹⁾.

Какъ ни искажены и ни перебиты эти отрывки, но они показываютъ, что имя Перебійноса или Кривоноса было славно въ народной памяти, какъ имя любимаго народнаго богатыря.

Въ польскихъ историческихъ повѣствованіяхъ XVII вѣка разсказывается, что при осадѣ поляковъ подъ Збаражемъ, происходившей въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ 1649 года, русскіе отпускали насмѣшки надъ стѣсненными до крайности и терпѣвшими голодь польскими панами. Образчики такихъ насмѣшекъ передаются тогдашними писателями въ польскихъ и латинскихъ переводахъ. Собственно нѣтъ у насъ никакой думы или пѣсни, о которой бы ясно и несомнѣнно можно было сказать, что она относится къ этой осадѣ непосредственно. Но слѣды воспоминанія объ этомъ событіи, намъ кажется, можно видѣть въ одной пѣспѣ, которая должна быть приспособленною къ этому событію передѣлкою обрядной весенней пѣсни. Въ южнорусскихъ веснянкахъ есть обычный мотивъ, что дѣвицы насмѣхаются надъ молодцами и изображаютъ ихъ въ комическомъ положеніи. Тѣмъ же веснянкамъ присущи припѣвы, повторяемые послѣ известнаго количества стиховъ. Въ числѣ такихъ припѣвовъ, послѣ каждыхъ двухъ стиховъ пѣсни, есть такой:

Выступцемъ
Тихо иду,
А вода по камѣню,
А вода по бѣлому
Ище тихше.

Въ одномъ изъ вариантовъ этой пѣсни припѣвъ этотъ измѣняется такъ:

Выступцемъ,
Пане Вишневецкій,
Воевода грецькій,
Да выведи танчикъ
По нѣмецки!

(То-есть: мѣрнымъ ходомъ, панъ Вишневецкій, отважный воевода, пустишь-ка въ плясъ по-нѣмецки!)

Далѣе слѣдуетъ пѣсня съ повтореніемъ такого припѣва послѣ каждыхъ двухъ стиховъ: изображается, какъ молодцы сидѣли подѣ клѣтушкою и облупивали собакъ: они поломали свои ножи и тянули зубами собачьи шкуры ²⁾.

¹⁾ Ой поѣдьмо, малый джуро, да на Сорочу могилу,
Отвѣдаемъ, джуро малый, вражу лядську силу.
Не вспѣвъ козакъ Перебійнисъ да до могилы доѣхати,
Якъ узявъ джуро, узявъ малый пистолѣ зарядити,
Ой не вспѣвъ козакъ Перебійнисъ на могилу съѣздити,
Якъ узявъ джуро, да узявъ малый да зъ пистолѣвъ палити.
Ой теперъ же, ляхи, ой теперъ же, паны, вы сявы зажали,
Що неживого Перебійниса пидъ могилою положили. (Метл. 401).

²⁾ Ой що-то за хижка
Тамъ на врижку.

Полагаемъ, что эта пѣсня, по формѣ своей и по голосу несомнѣнно хоро- водная весенняя, была въ началѣ насмѣшкою надъ тѣми поляками, которые, будучи осаждены подъ Збаражемъ, дошли до такой степени голода, что ѣли собакъ, кошекъ, мышей, грызли зубами сапожную кожу. На это отношеніе нашей веснянки къ збаражской осадѣ 1649 года указываетъ имя воеводы Вишневецкаго, подъ которымъ легко узнать знаменитаго князя Іеремію — героя этой осады, свирѣпаго и лютаго врага русскаго народа и православной вѣры. Есть того времени извѣстіе, что во время збаражской осады былъ онъ раненъ въ ногу; и вотъ поэтому-то настоящая пѣсня приглашаетъ его пуститься въ плясъ по-нѣмcki.

Замѣтимъ между прочимъ, что казаки и поляки въ тѣ времена называли битву танцемъ въ переносномъ смыслѣ. Южнорусскіе люди, участвовавшіе въ войнѣ подъ Збаражемъ и издѣвавшіеся тамъ надъ стѣсненными врагами, сложили эту пѣсню, а возвратившись въ свои дома, передали ее своимъ семьямъ; итакъ, эта пѣсня, переходя отъ бабушекъ ко внучкамъ, утратила для послѣдующихъ поколѣній свой первоначальный смыслъ и осталась до сихъ поръ простою веснянкою, но сохранивши нѣкоторыя черты, которыя и теперь еще могутъ указывать на ея происхожденіе. Иначе, какъ въ веснянку, пѣсню чисто дѣвичью, могло попасть имя воеводы Вишневецкаго съ приглашеніемъ пуститься въ плясъ по-нѣмcki, посреди какихъ-то молодцовъ, которымъ пришлось грызть зубами собачьи шкуры?

Зборовскій миръ, постановленный Хмельницкимъ съ польскимъ королемъ Яномъ-Казимиромъ, не покончилъ борьбы южнорусскаго народа съ Польшею но еще создалъ новые поводы къ недоразумѣніямъ и кровопролитіямъ. Весь южнорусскій народъ единодушно поднялся за свою свободу, домогаясь всеобщаго ур- вненія подъ формою козачества, а по силѣ Зборовскаго договора получали же-

Выступемъ,
Пане Вишневецкій
Воеводо грецькій
Да вьведи танчиць
По нѣмецьки!

Пидь тою хижкою
Паничи сидѣли
Выступемъ и проч.

Паничи сидѣли
Собаць дупили,
Выступемъ и проч.

Собаць дупили,
Ножи поломали.
Выступемъ и проч.

Ножи поломали,
Зубами тягали,
Выступемъ,

Пане Вишневецкій,
Воеводо грецькій,
Да вьведи танчикъ
По нѣмецьки!

ланную свободу только сорокъ тысячъ въ значеніи привилегированнаго сословія. Остальные, во время войны считавшіе себя козаками, обращались въ посольство или чернь, то-есть простонародіе, которому тогдашнія общественныя условія угрожали прежнимъ, быть можетъ еще и болѣе тяжелымъ, порабощеніемъ. Изъ этого посольства люди, не мирившіеся съ своимъ положеніемъ, порывались въ козаки, то-есть на свободу. Дѣлаться свободнымъ въ тотъ вѣкъ въ Украинѣ значило то же, что сдѣлаться козакомъ, иначе, по нашему способу выраженія, стать военнымъ человѣкомъ. Иного пути въ тѣ времена и быть не могло; вездѣ желавшіе сбросить съ себя какое бы ни было ярмо должны были браться за оружіе. Въ Украинѣ всякая война способствовала приобрѣтенію свободы для извѣстнаго числа людей именно потому, что тогда удобнѣе было и льготнѣе людямъ изъ посольства вступать въ козачество, и существовавшимъ въ Украинѣ властямъ было тогда желательно увеличеніе числа военныхъ людей; а кто только вступалъ въ козаки, тотъ уже считалъ себя вольнымъ человѣкомъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока неблагоприятныя условія не вернули его силою къ прежнему положенію. Оттого всякая внѣшняя война въ Украинѣ для многихъ была болѣе или менѣе популярнымъ дѣломъ. Такъ было и въ 1650 году, когда Хмельницкій двинулъ свои силы на Молдавію. Грубые, драчливые инстинкты естественно господствовали издавна въ козачествѣ, какъ въ военномъ обществѣ, рядомъ съ другими болѣе высокими и нравственными побужденіями, а въ послѣднее время развивались при побратимствѣ съ татарами и высказались ярко въ этомъ походѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняетъ намъ побужденія къ этому походу въ козацкой громадѣ малорусскій старинный повѣствователь, котораго правдивое сказаніе, дошедши до насъ, получило названіе «Лѣтописи Самовидца» (стр. 16). Посполитые люди увеличивали собою козацкія силы и шли въ походъ съ реестровыми въ качествѣ охотнаго войска въ видахъ стать вольными людьми.

Объ этомъ-то походѣ сохранилась дума, извѣстная въ печати по двумъ вариантамъ: одинъ—въ Сборникѣ Максимовича (изд. 1849 года, стр. 71), другой—въ Сборникѣ Метлинскаго (стр. 391—395).

По своему духу эта дума отклоняется отъ поэзіи всенародной къ поэзіи козацкой, принимая это слово въ смыслѣ близкомъ къ военно-сословному. Здѣсь не то, что въ прежнихъ думахъ и пѣсняхъ, гдѣ Хмельницкій является народнымъ заступникомъ, двигателемъ народныхъ потребностей для всѣхъ южнорусскихъ людей, вообще доступныхъ и дорогихъ,—здѣсь козаки идутъ за своимъ гетманомъ, сами не зная зачѣмъ идутъ; ни съ кѣмъ изъ нихъ онъ не совѣтуется, а они слѣпо ему повинуются; одному Богу предоставляютъ они знать, зачѣмъ любимый предводитель ведетъ ихъ ¹⁾. Недавняя слава слишкомъ, видно, ослѣпила ихъ, просвѣчиваетъ уже обычный въ исторіи примѣръ, когда толпа,

¹⁾ Изъ низу Днѣпра тихій вѣтеръ вѣе, повѣває;
Військо козацьке у походъ вступає;
Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницькій думає-гадає,
Объ тимъ не знали нѣ сотники,
Нѣ отамани курфинни, нѣ полковники;
Тільки Богъ святий знає,
Що Хмельницькій думає-гадає (Макс.).

недавно оживленная единомышленным порывомъ борьбы за свою свободу, сразу и легко становится способною понасть подъ деспотизмъ того, кто руководилъ ею въ этой прошлой борьбѣ. По варианту Метлинскаго приводится черта, намекающая на то, какого рода частные интересы могли тогда подвигать многихъ, которые тогда пошли за Хмельницкимъ въ Молдавію. «За нимъ козаки идутъ — какъ молодая пчела гудуть; у иного нѣтъ ни сабли булатной, ни пицали семипядной: тотъ взваливаетъ на плечи дубину и поспѣшаетъ въ войско за гетьманомъ Хмельницкимъ» ¹⁾. Здѣсь, конечно, надобно разумѣть такихъ, которые по силѣ Зборовскаго договора не вошли въ козацкое званіе и теперь спѣшили на войну, чтобъ инымъ путемъ, черезъ вступленіе въ охотное войско, снова сдѣлаться козаками. За самимъ Хмельницкимъ дума не знаетъ какого-нибудь нравственнаго побужденія къ этой войнѣ, а набрасываетъ на него тотъ поэтический отсвѣтъ, какой въ сказкахъ и былинахъ дается древнимъ богатырямъ. У Хмельницкаго развернулась охота къ браннымъ подвигамъ; онъ вызываетъ на бой «Василія Молдавскаго» и заранѣе требуетъ отъ него уступокъ, если не захочетъ съ нимъ биться. Прибывши, по варианту Максимовича, въ Хотинъ ²⁾, а по варианту Метлинскаго — въ Сороку ³⁾, Хмельницкій посылаетъ къ Василію Молдавскому требовать, по первому варианту, половину Волосчины ⁴⁾, а по другому — волошскихъ городовъ, либо же полумисковъ, наполненныхъ червонцами ⁵⁾. По варианту Максимовича, Василій Молдавскій посылаетъ просить помощи у поль-

¹⁾ А ще самъ зъ города Чигирина рушавъ.

За нимъ козаки йдутъ,

Якъ ярая пчола гудуть,

Который козакъ не має въ себе

Нѣ шаблѣ булатной,

Нѣ пицали семипядной,

Той козакъ кій на плечи забирае

За гетьманомъ Хмельницкимъ у охотне вйсько поспѣшае (Метл.).

²⁾ Якъ до Днѣстра прибували,

Черезъ три перевозы переправу мали,

Самъ Хмельницкій напередъ рушавъ,

До Хотинъ прибувавъ,

У старшого капитана на кватирѣ ставъ,

До Василя Молдавського листы посилавъ.

³⁾ Пидъ городомъ Сорокою шанцѣ конавъ,

У шанцяхъ курѣнемъ ставъ,

И ще отъ своихъ рукъ листы писавъ,

До Василя Молдавського посилавъ.

⁴⁾ Що ты со мною будешъ гадати?

Чи будешъ биться,

Чи будешъ мириться?

Чи на перемирьє будешъ пріймати,

Чи славной Волосчины половину отдавати?

⁵⁾ Чи будешъ со мною биться,

Чи мириться?

Чи города свои волоськи уступати?

Чи червинцями полумиски сповняти?

Чи будешъ гетьмана Хмельницкаго богатя?

скаго короннаго гетмана Потоцкаго. Дума заставляет Василія Молдавскаго обращаться къ Потоцкому въ такомъ точно тонѣ, въ какомъ, въ другой думѣ, говорятъ съ этимъ самымъ Потоцкимъ козаки послѣ Корсунской побѣды. «Ахъ ты Потоцкій! Умъ у тебя то бабій! Ты хлопчешь только о дорогихъ напиткахъ да о пирушкахъ. Зачѣмъ не удержишь Хмельницкаго? Вотъ уже началъ онъ орать конскими копытами землю молдавскую и поливать молдавскою кровью ¹⁾. Но въ вариантѣ Метлинскаго Василь Молдавскій, прежде своего обращенія къ Потоцкому, отвѣчаетъ Хмельнику отказомъ на богатырскіе запросы послѣдняго и притомъ дѣлаетъ замѣчаніе, что приличнѣе было бы Хмельнику, считая себя меньшимъ, покориться Василю Молдавскому, какъ старѣйшему ²⁾. Такой отвѣтъ раздражилъ Хмельницкаго; подступаетъ онъ къ городу Сорокѣ и говоритъ такую рѣчь: «О, городъ, городъ Сорока! Не испугать тебѣ моихъ дѣтей козаковъ! Я покорю тебя, я возьму съ тебя не малая сокровища, обогащу тѣмъ свою голытьбу, стану выдавать ей мѣсячное жалованье, каждому по битому талеру» ³⁾. Видно, надежда на поживу была приманкой въ охотное войско не-

¹⁾ Василій Молдавскій thee зачувавъ,

До Потоцкаго листы посылавъ,

Словами промовлявъ:

Гетьмане Потоцкій!

У тебе розумъ жѣноцькій!

Ты за дорогими напитками, бенкетами уганяешъ,

Чѣмъ ты Хмельницкаго не еднаешъ?

Уже почавъ винъ землю кинськими копытами орати,

Кровью молдавською поливати.

²⁾ Господарь волоській листы читае,

Назадъ отсылае,

И въ листахъ приписуе:

Пане гетьмане Хмельницкій,

Батьо Зиновъ Богдане Чигиринскій!

Не буду я съ тобою нѣ битися,

Нѣ миритися,

Нѣ городивъ тобѣ своихъ волоськихъ уступати,

Нѣ червинцями полумискивъ сповняти;

Не лучше бѣ тобѣ покоритися меншому

Не нужли (нижли) менѣ тобѣ старшому!

³⁾ ... Хмельницкій якъ сѣи слова зачувавъ,

Такъ винъ самъ на добраго коня сѣдавъ,

Коло города Сороки повъзжавъ,

На городъ Сороку поглядавъ,

И ще съ-тиха словами промовлявъ:

— Эй городе, городе Сороко!

Ще ты моимъ козакамъ дѣтямъ не заполоха.

Буду я тебе доставати,

Буду я зъ тебе великіи скарбы мати.

Свою голоту сповняти,

По битому тарелю на мѣсяць жалованья давати. —

Отъ-тогдѣ-то Хмельницкій якъ похвалився,

Такъ гараздъ и учинивъ:

Городъ Сороку у недѣлю рано задобѣдя взявъ,

имущимъ; голь, какъ мы уже видѣли и прежде, отправлялась на войну какъ на промыселъ, чтобы тамъ добычею отъ непріятеля поправить скудное житіе свое. Въ предшествовавшей передъ тѣмъ годъ, 1649, южноруссы таки достаточно поживились грабежомъ панскаго и шляхетскаго достоянія (шарпаниною добръ панскихъ и шляхетскихъ), но очень многое изъ добытаго было скоро спущено съ рукъ московскимъ и волоскимъ купцамъ, устремившимся въ Украину покупать за безцѣнокъ вещи, которыхъ значенія цѣнить не умѣли продавцы. Кромѣ того былъ большой отливъ народонаселенія на войну въ 1649 году, и поэтому много пахотныхъ полей оставалось не обработанными: на слѣдующій годъ почувствовалась скудость и дороговизна хлѣба. Не мудрено, если условія тѣхъ лѣтъ дѣлали возможнымъ появленіе голи, бросившейся за поживою въ Молдавію, гдѣ Хмельницкій надѣялся ее на счетъ чужой земли. Вслѣдъ затѣмъ въ думѣ подробно упоминается о сожженіи и разграбленіи Сочавы. Тогда, по разказу думы, сочавцы, еще не повидавши въ глаза Хмельницкаго, убѣгаютъ въ Ясы, избѣгаютъ господара о вторженіи козаковъ и грозятъ отдаться подъ власть иного властителя, если Василь не постоитъ за нихъ. Василь ѣдетъ изъ Ясь въ Хотинъ и оттуда посылаетъ письмо къ Потоцкому ¹⁾. Обращеніе господара къ Потоцкому въ вариантѣ Меглинскаго ²⁾ приводитъ образце, чѣмъ въ вариантѣ Максимовича, который, должно быть, есть позднѣйшее сокращеніе и въ немъ уже многія существенныя черты выпали изъ думы. Слѣдуетъ затѣмъ—въ томъ же ва-

На рынку обѣдъ пообѣдавъ,
 Къ полуднѣй годинѣ до города Сичавы принавъ,
 Городъ Сичаву огнемъ запаливъ.
 И мечемъ сплюндровавъ.

- ¹⁾ Отъ-тогдѣ-то сочавцѣ гетьмана Хмельницкаго у-вичи не видали,
 Усъ до города Ясь повтѣкали,
 До Василя Молдавскаго съ-тиха словами промовляли:
 Эй Василю Молдавскій,
 Господарю нашъ волосьскій!
 Чи будешъ за насъ одностойно стояти,
 Будемъ тобѣ голодати;
 Колижъ не будешъ за насъ одностойно стояти,
 Будемъ иншому пану голодати.
 Отъ-тогдѣ-то Василь Молдавскій,
 Господарь волосьскій,
 Пару коней у колясу заклававъ,
 До города Хотинѣ отъѣзжавъ,
 У Хвилецкаго конитана станцѣею ставъ,
 Тогдѣ-жь-то отъ своихъ рукъ листы писавъ,
 До Ивана Потоцкаго кроля польскаго посылавъ.
- ²⁾ Щожъ то въ васъ гетьманъ русинъ
 Хмельницкій всю мою землю волоську обрушивъ,
 Все мое поле копьемъ изборавъ,
 Усъмъ моимъ волохамъ якъ галкамъ съ плечъ головки знавъ,
 Где були въ полѣ стежки-дорижки,
 Молдавськими головками повымощовавъ,
 Где були въ полѣ глибоки долины,
 Волоською кровію повывнювавъ.

ріантъ Метлинскаго—отвѣтъ Хмельницкому отъ Потоцкаго, котораго дума называетъ «кролемъ» польскимъ (не беремся рѣшать—ошибка ли это, или же дается ему такой титулъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ южноруссы въ насмѣшку звали польскихъ паювъ корольками или королевенятами). Польскій коронный гетманъ вспоминаетъ, какъ Хмельницкій когда-то побѣдилъ его. Дума говорить о пятнадцати рыцаряхъ, высланныхъ къ Жолтой Водѣ, которыхъ перебилъ Хмельницкій. Кромѣ того, въ думѣ сообщается, что трехъ сыновей Потоцкаго Хмельницкій, взявши въ плѣнъ, отдалъ въ неволю турецкому султану, наконецъ самого отца ихъ, Потоцкаго, продержалъ три дня прикованнымъ къ пушкѣ¹⁾. Здѣсь одинъ изъ многихъ образчиковъ того, какъ въ историческихъ пѣснопѣніяхъ искажаются дѣйствительныя событія, оставляя, однако, на себѣ слѣды правды. Гетманы польскіе отравили противъ Хмельницкаго отрядъ, который чуть не весь былъ истребленъ козаками при Жолтыхъ Водахъ: это въ думѣ выражается въ образѣ высылки пятнадцати рыцарей, которыхъ перебилъ Хмельницкій. Сынъ короннаго гетмана Потоцкаго, Стефанъ, былъ убитъ въ Желтоводской битвѣ, а самъ гетманъ, отецъ его, взятъ въ плѣнъ подъ Корсуномъ и отданъ татарамъ. Въмѣсто одного сына въ думѣ явилось любимое сказочною поэзіей число три, а потомъ ихъ троихъ Хмельницкій отсылаетъ турецкому султану. На этихъ вымышленныхъ сыновей дума переноситъ—впрочемъ, въ измѣненномъ видѣ—то, что на самомъ дѣлѣ случилось со старымъ Потоцкимъ. О прикованіи Потоцкаго къ пушкѣ говорятъ и нѣкоторыя украинскія лѣтописи: фактъ сомнительный, хотя подобныя приемы практиковались въ козацкой жизни; но едва ли Хмельницкій, человѣкъ, получившій и образованіе, и лоскъ, могъ позволить себѣ такую грубость.

Вариантъ Максимовича оканчивается сокращеннымъ воспоминаніемъ о подвигахъ Хмельницкаго и прославленіемъ его времени, «Тогда-то была честь и слава, тогда былъ и строй добрый въ войскѣ, не давали мы себя на посмѣяніе, а топтали ногами неприятеля»²⁾. Это окончаніе, быть можетъ, взято сюда

¹⁾ Оттогдѣ Иванъ Потоцкій,

Кролю польскій,

Листы читае, назадъ отсылае.

А въ листахъ приписуе:

Эй Василю Молдавскій

Господарю волоській,

Кожь ты хотѣвъ на своей Украинѣ проживати,

Було-бъ тобѣ Хмельницкаго у-вѣчнѣ часы не займати,

Бо дався менѣ гетьманъ Хмельницкій добре гараздъ знати:

У первѣй войнѣ

На Жолтѣй Водѣ

Пятнадцать моихъ лянцарѣвъ стрѣчавъ,

Невеликій имъ отвѣтъ дававъ,

Всѣмъ якъ галкамъ съ плечъ головки поздыймавъ,

Трохъ синицъ моихъ живцемъ узавъ,

Турському салтану въ подарунку одиславъ,

Мене Ивана Потоцкаго три днѣ на приковѣ край пушки державъ,

А нѣ пити менѣ нѣ їсти не дававъ.

²⁾ То павъ Хмельницкій добре учинивъ

Польшу засмутивъ,

изъ другой думы, или присоединено къ думѣ о молдавскомъ походѣ уже послѣ кончины Богдана Хмельницкаго, когда воспоминанія о немъ были еще очень свѣжи и дороги въ противоположность съ тѣмъ общественнымъ разстройствомъ, какое наступило въ Украинѣ тотчасъ послѣ его смерти.

Вторая война Хмельницкаго съ Польшею совсѣмъ иначе кончилась для козачества, чѣмъ первая. Козаки были жестоко поражены подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ и Хмельницкій принужденъ былъ заключить съ поляками бѣлоцерковскій миръ, по которому рубежи края, гдѣ допускалось существованіе козачества, ограничены были кievскимъ воеводствомъ вмѣсто прежнихъ трехъ воеводствъ: кievскаго, черниговскаго и брацлавскаго. Такимъ образомъ, наперекоръ народному стремленію распространить козачество на всѣ южнорусскія земли, оставшіяся въ непосредственной власти панства и шляхетства, пришлось потерять и то, что уже по Зборовскому договору состояло во владѣніи козацкаго гетмана. Само собою разумѣется, новыя условія, какія возникли послѣ бѣлоцерковскаго мира, еще менѣе могли обѣщать спокойствія въ будущемъ, чѣмъ тѣ, которыми народъ былъ недоволенъ послѣ мира Зборовскаго.

Вторая война не могла уже создать въ народѣ такихъ пѣсень, какія создала первая война,—пѣсень, въ которыхъ слышатся и восторгъ побѣды, и поруганіе надъ побѣжденнымъ тираномъ. Въ пѣсняхъ этой эпохи отразилась поэзія пораженія. Народнымъ героемъ этой эпохи представляется Нечай, лицо, извѣстное въ исторіи подъ именемъ брацлавскаго полковника Данила Нечая. Пѣсня о пораженіи и смерти этого козацкаго вождя распространена повсюду въ западной части южнорусскаго края. Народъ любитъ эту личность. Давнія событія сбились между собою, смѣшались въ народной памяти и Нечай представляется какъ бы главнымъ богатыремъ въ бывшей когда-то борьбѣ съ ляхами. Въ мѣстахъ, гдѣ поются о Нечай пѣсни, составились и различныя представленія объ этой личности: то онъ—верховный предводитель козаковъ противъ ляховъ, то онъ—соперникъ Хмельницкаго. Въ мѣстечкѣ Берестечкѣ, гдѣ сохранились вещественныя памятники эпохи пораженія козаковъ, одни изъ мѣстныхъ обывателей на вопросъ: что означаютъ на ихъ поляхъ окопы и курганы, отвѣчали, что здѣсь когда-то бились козаки съ ляхами и у козаковъ былъ тогда главный богатырь Нечай, который здѣсь и погибъ. Другіе, тамъ же, рассказывали, что на ихъ поляхъ когда-то бились другъ противъ друга двое козацкихъ предводителей: одинъ—Нечай, другой—Хмельницкій.

Но какъ ни видоизмѣнились въ теченіе долгаго времени прежнія преданія о Нечай, какъ ни исказилась въ современныхъ представленіяхъ историческая дѣйствительность, а все-таки несомнѣнно, что Нечай пѣсень и преданій есть Данило Нечай, брацлавскій полковникъ, погибшій въ битвѣ съ поляками, происходившей въ февралѣ 1651 года въ мѣстечкѣ Красномъ. Едва ли мы ошибемся, если въ лѣтописяхъ нашихъ отыщемъ причины, почему именно этотъ, а

Волосчину побѣдивъ,
Гетьманщину звеселивъ.
Въ-той часъ была честь слава,
Військова справа.
Сама себе на смѣхъ не давала,
Непріятеля нидь ноги топтала.

не другой какой-нибудь из сподвижников Хмельницкого, сталъ пѣсеннымъ народнымъ героемъ этой эпохи второй войны козаковъ съ поляками. Въ 1650 году народъ сильно взволновался противъ исполненія Зборовскаго договора, по которому сокращалось число козаковъ сорока тысячами, а не входившіе въ составленный козацкій реестръ предавались снова произволу пановъ. Нечай заступался за народъ, Нечай сталъ на челѣ недовольной громады, Нечай отважно заговорилъ съ гетманомъ, а Хмельницкій, который вообще не любилъ себѣ противорѣчій и расправлялся рѣшительными способами со всякимъ, кто осмѣлится не слушать его повелѣній, долженъ былъ перенести эту оппозицію и даже, по возможности, мирволить народнымъ стремленіямъ. Понятно, что такого человека, какимъ былъ Нечай, народъ любилъ и передалъ свою любовь къ его имени грядущимъ своимъ поколѣніямъ. Вѣроятно, это и было причиною, почему имя это вошло въ народную поэзію. Въ пѣсняхъ, однако, удержалось воспоминаніе не о его энергическомъ заступничествѣ за народъ, а о его смерти въ бою за народное дѣло. Смерть—любимый мотивъ козацкихъ пѣсенъ; смерть завершаетъ подвиги и поприще героя, и чтущіе его память невольно обращаются къ этому грустному, но торжественному и замѣчательнѣйшему моменту славной жизни богатыря.

Намъ извѣстно множество вариантовъ пѣсни о смерти Нечая. Пять ихъ (стр. 403, подъ литерами: а, б, в, г, д) напечатаны въ Сборникѣ Метлинскаго, два въ Сборникѣ Максимовича, изд. 1834 г. (стр. 97—101), одинъ въ Сборникѣ галицкихъ пѣсенъ Вацлава изъ Олеска (стр. 482), одинъ въ Сборникѣ галицкихъ же пѣсенъ Жеготы Паули (стр. 145): оба послѣдніе соединены въ собраніи галицкихъ пѣсенъ, помѣщенномъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» (1863 г., ч. III, стр. 7); сверхъ того у насъ въ рукахъ было два писанныхъ варианта, изъ которыхъ одинъ былъ записанъ мною въ Волынской губерніи, другой г. Руданскимъ въ Подольской. Наконецъ, въ изданіи «Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа», напечатанныхъ въ 1874 году, гг. Антоновичемъ и Драгомановымъ, помѣщено 38 вариантовъ (конечно, со включеніемъ приведенныхъ выше) этой пѣсни, показывающихъ, до какой степени популярно было воспѣваемое въ ней лицо.

Всѣ эти варианты замѣчательно сходны между собою и различаются другъ отъ друга сравнительно большею или меньшею полнотою. Если мы сравнимъ содержаніе пѣсни съ извѣстіями о битвѣ и смерти брацлавскаго полковника у современныхъ ему дѣписателей, то смѣло можемъ сказать, что мало такихъ пѣсенъ, въ которыхъ бы отразилась до такой точности историческая дѣйствительность, какъ въ пѣснѣ о Нечаѣ. Во всѣхъ вариантахъ за Нечаемъ удерживается одинъ типъ, одинъ характеръ. Это—козакъ во всей полнотѣ козацкой природы, отважный, разгульный, бѣзпечный и безразсудный. Свойства эти общенародныя, а потому народъ ихъ легко извивяетъ и даже они возбуждаютъ къ герою болѣе сочувствія. Нечай на масленицѣ гуляетъ съ «кумасею», попиваетъ съ нею вино и не обращаетъ вниманія на предостереженія, которыя ему дѣлаются.

На него внезапно нападаютъ ляхи, онъ ихъ не боится, самонадѣянно пускается въ битву, совершаетъ чудеса храбрости и погибаетъ подъ наплывомъ огромнаго числа непріятелей.

Первый образъ въ этой пѣснѣ тотъ, что козаки обращаются къ Нечаю

съ совѣтомъ, чтобъ онъ стерегся и убѣжалъ бы съ ними ¹⁾. «Не бойтесь, казаки,—отвѣчаетъ Нечай,—я поставилъ сторожу по всеѣмъ путямъ» ²⁾. По другому варианту, онъ восклицаетъ: «какъ я могу убѣгать отсюда и топтать ногами свою козацкую славу! У меня есть Шпакъ, онъ молодець; онъ мнѣ даетъ знать, когда нужно убѣгати!» ³⁾. Этотъ Шпакъ есть то самое лицо, которое въ исторіи Веснасіяна Коховскаго, описывавшаго своего времени событія, значится подъ именемъ Шпаценка (сына Шпакова) сотника. Обстоятельство, что въ пѣснѣ сохранилось вѣрно собственное имя, имѣвшее второстепенное участіе въ сообщаемомъ пѣсней событіи, придаетъ въ нашихъ глазахъ большую важность самому народному произведенію: сохранились такія черты, которыя могли только составлять принадлежность самой древней редакціи, слѣдовательно, пѣсня мало подвергалась искаженіямъ въ послѣдующія времена, по крайней мѣрѣ въ лучшихъ своихъ вариантахъ.

Далѣе въ пѣснѣ Шпакъ говоритъ, что онъ не успокоиваетъ его, Нечая, на счетъ опасностей, что во всякомъ случаѣ надобно ему быть наготовѣ—держати коня своего подъ сѣдломъ, а саблю подъ епанчою ⁴⁾, чтобъ можно было обороняться отъ ляховъ, когда тѣ явятся рубити Нечая. По галицкимъ вариантамъ, Нечай посылаетъ молодца провѣдати о ляхахъ, и молодець, сбѣгавши до Полоннаго, извѣщаетъ, что ляховъ идетъ сорокъ тысячъ безъ одинаго ⁵⁾ (эпическое число). Здѣсь Полонное—идеальная мѣстность, какъ и въ думѣ о расправѣ съ жидами; иначе, если бы разумѣти мѣстечко Волынской губерніи, носящее это названіе, то Нечаю незачѣмъ было посылать туда гонца на провѣдки при тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ тогда находился.

Нечай не обращаетъ вниманія на угрожающія вѣсти. Онъ ставитъ въ городѣ карауль, а самъ идетъ пить медъ-вино и ѣсти щуку-рыбу къ кумѣ ⁶⁾,

1) Ой изъ темного лѣсу изъ Чорного гаю,
Ой крикнули козаченьки: утѣкай (или втѣкаймо) Нечая!
(У Жеготы Паули первый стихъ такъ:
У Краснѣмъ при ставѣ зъ Зеленого гаю (географическая точность!).

2) Ой не бийтесь не бийтесь паны отаманы:
Я поставивъ стороженьку усѣма шляхами.

3) Якъ я маю козакъ Нечай звидсѣль утѣкати,
Славу свою козацкую пидъ ноги топтати!
Ой е у мене Шпакъ, Шпакъ... Отъ-той добрый хлопець,
Отъ-той менѣ дае знати коли утѣкати!

4) А я тебе, мий Нечая, не обезпечая,
Держи коня, держи въ сѣдлѣ для свого звычайю.
Ой я тебе мий Нечая неубезпечая,
Держи свою шабелечку да пидъ опанчею.
Коли прійдуть тебе ляхи, Нечая, рубати,
Що бы ся мавъ, мий Нечая, чимъ обороняти!

5) Сѣдай, сѣдай, малый хлопець, коня вороного,
А побѣжи въ чисте поле—чи йде лишкивъ много?
Вертається малый хлопець ажъ изъ Полоннаго,
А йде лишкивъ сорокъ тысячъ тилько безъ одного.

6) Ой поставивъ Нечай козакъ да сторожу (въ др. вар. три сторожи) въ мѣстѣ,
А самъ пишовъ до кумоньки щуку-рыбу ѣсти (Метл. вар. подольскій).

называемой по одному варианту Хмельницкою ¹⁾, а по другому Ведельскою, по третьему кумой любасею, то-есть кумою любезною ²⁾. Вдругъ взглядываетъ онъ въ оконную форточку и видитъ ляховъ: ихъ тамъ такъ много, какъ куръ на рынкѣ ³⁾.

По варианту Метлинскаго, Нечаю приносятъ вѣсть, что поставленная имъ въ городѣ сторожа уже пропала ⁴⁾. Нечай приказываетъ сѣдлатъ коня и вмѣстѣ съ своимъ джурою выѣзжаетъ на битву ⁵⁾. Во всѣхъ вариантахъ битва изображается сходными чертами. Нечай рубить ляховъ какъ капусту ⁶⁾, кладетъ ихъ какъ снопы ⁷⁾ въ четыре ряда ⁸⁾, сбиваетъ съ коней какъ солому ⁹⁾, кровь течетъ рѣкою ¹⁰⁾; наконецъ, Нечаевъ конь уже не можетъ выскочить изъ кучи

- ¹⁾ Козакъ Нечай, козакъ Нечай на тее не дбае,
Да съ кумою, Хмельницкою, медь-вино кругляе:
Ой поставивъ козакъ Нечай да сторожу въ мѣстѣ,
А самъ пишовъ до кумоньки шуки-рыбы ѳсти (Макс.).

²⁾ Да съ кумою любасею медь-вино кругляе.
(У Антон. и Драг., стр. 66: но съ кумою Ведельскою медь-вино кругляе).

- ³⁾ Якъ погляне козакъ Нечай у викно въ квартиру,
Ажъ тамъ ляхкивъ вражихъ сыннивъ якъ курей по рынку (вар. волянск.,
Макс.).

Или:

Подивиться козакъ Нечай въ горѣшню квартиру.
А вже ляхивъ вражихъ сыннивъ повнѣсенько въ рынку.

(Чт. 1863 г. III. 8).

- ⁴⁾ Ой сѣвъ же да Нечаенко да шуки-рыбы ѳсти,
Охъ и прилетѣли до Нечаенка да не мудрыи вѣсти.
Охъ иже ты, Нечаенко, да медь-вино кругляешъ,
А вже твоѣй стороженьки да на мѣсцѣ не мае.

- ⁵⁾ Ой крикнувъ да Нечаенко да на джуру малого:
Сѣдлай, джуро, коня вороного, а пидь мене гнѣдого.
Ой подтягай, да малый хлонче, да попруги истуга:
Буде на ляхивъ да на тихъ панивъ велика потуга.

- ⁶⁾ Не вспѣвъ Нечай, не вспѣвъ козакъ на коника сѣсти,—
Якъ взявъ ляхкивъ вражихъ сыннивъ на капусту сѣкти.

(Метл., вар. волянск.).

- ⁷⁾ Проѣхався козакъ Нечай отъ башты до башты,
Дай ставъ ляхкивъ вражихъ сыннивъ якъ снопки класти.

- ⁸⁾ Обернувся козакъ Нечай отъ брямы до брямы,
Выклавъ ляхкивъ вражихъ сыннивъ у чотыри лавы.

(По вар. Ант. и Драг., стр. 67).

Или:

Переѣхавъ козакъ Нечай видъ брамы до брамы,
Сколотивъ лашеньками якъ вовкъ вивцями. (Вар. подольск., Метл., Макс.).

- ⁹⁾ Ой проѣхавъ козакъ Нечай отъ дому до дому:
Почавъ класти вражихъ ляхивъ съ коней якъ солому.

(Вар. волянск., галицк.).

- ¹⁰⁾ Повернувся козакъ Нечай на лѣвее плече,
А вже зъ ляхивъ вражихъ сыннивъ кровь рѣчками тече.

(Макс., волянск., подольск., галицк.).

Или:

А за нимъ же Нечаенкомъ кровавая рѣчка тече.

(Метл. 3).

ляшскихъ труповъ и козакъ приходитъ въ опасное положеніе отъ избытка собственной побѣды ¹⁾. Черты эти составляютъ главные признаки пѣсни о поражени Нечая, но переносятся иногда и въ пѣсни о Перебийнось, Морозенкѣ, Саввѣ Чаломѣ, такъ что могутъ съ перваго взгляда показаться типическими пѣсенными изображеніями битвы вообще; но, присмотрѣвшись внимательнѣе, легко замѣтить, что въ пѣсняхъ о всѣхъ личностяхъ, кромѣ Нечая, черты эти являются случайно, и во многихъ вариантахъ пѣсень объ этихъ личностяхъ ихъ нѣтъ, тогда какъ онѣ неизбежны во всѣхъ вариантахъ пѣсни о поражени Нечая.

По варианту Метлинскаго, Нечай, видя за собою множество враговъ, пытается бѣжать, а панъ Потоцкій пустился за нимъ въ погоню ²⁾; по всѣмъ другимъ вариантамъ, на самомъ мѣстѣ боя конь Нечаевъ споткнулся и въ это мгновеніе поймалъ его за чуприну, по однимъ вариантамъ, панъ Потоцкій ³⁾, по другимъ—панъ Калиновскій ⁴⁾, по третьимъ же—панъ Хмѣлевскій ⁵⁾, а по галицкимъ—какой-то неизвѣстный ляхъ, называемый въ пѣснѣ бранною кличкой ⁶⁾.

Схватившій за чуприну Нечая ляхъ заговариваетъ съ нимъ съ издѣвками и сравниваетъ его съ хмелемъ ⁷⁾. Козакъ Нечай, находясь уже въ рукахъ враговъ, кричитъ своимъ козакамъ ⁸⁾, а по галицкому варианту—своему брату ⁹⁾,

¹⁾ Повернувся козакъ Нечай на правую руку,—

Не вискочить Нечаевъ кинь изъ ляцкого трупу.

(Варианты: галицкіе, волинскій, подольскій).

Или:

Конь вороний самъ молодой да не вискочить зъ трупу. (Метл. 3).

²⁾ Ой бросився козакъ Нечай зъ мѣста утѣкати,

За нимъ, за нимъ панъ Потоцкій да почавъ здоганяти.

Ой побігъ же да Нечай козакъ въ полѣ на долину,

Да исхвативъ панъ Потоцкій Нечая ззаду за чуприну. (Метл. 405).

³⁾ Ой питкнувся Нечаевъ кинь на малу тычину,

Пойнявъ ёго панъ Потоцкій съ коня за чуприну. (Вацл. из. Олеск.).

⁴⁾ Гей питкнувся пидъ Нечаемъ да кинь на корню,

Добравъ го ся Калиновскій съ верха за чуприну. (Żeg. Pauli, 144).

⁵⁾ Пимавъ ёго панъ Хмѣлевскій съ заду за чуприну.

(Вар. волинск.).

⁶⁾ Пошпотався пидъ Нечаемъ коникъ на купивку:

Зловивъ ляшокъ скурвий сынонь ёго за чуприну. (Чт. 1863. III. 8).

⁷⁾ А що теперь, козакъ Нечай, що теперь думаешъ,

Що зъ ляшками и съ панками вийну починаешъ?

Чи не ты той хмель, хмель, що по тычки вьешься?

Чи не ты той козакъ Нечай, що зъ ляшками бьешься?

Чи не ты той хмель, хмель, що у пивѣ граешъ?

Чи не ты той козакъ Нечай, що ляшкивъ рубаешъ?

Чи не ты той хмель, хмель, що у пивѣ киснешъ?

Чи не ты той козакъ Нечай, що ляшеньквивъ тиснешъ?

Годъ тобѣ, годъ, хмелю, да по тыну виться;

Годъ тобѣ, козакъ Нечай, вражій сыну, изъ ляшками биться!

⁸⁾ Ой который козаченько буде зъ васъ у мѣстѣ:

Поклонѣться моѣй жѣнци невѣстѣ.

(У Жеготы).

⁹⁾ Гей зобачивъ козакъ Нечай свого брата въ мѣстѣ:

чтобы передали поклонъ его женѣ: пусть выкунаетъ его, по крайней мѣрѣ его тѣло ¹⁾; посылаетъ также поклонъ матери, несчастной женщинѣ ²⁾; будетъ она только плакать, да уже ничего не выплачетъ: надъ ея сыномъ вьется черный воронъ ³⁾.

Поляки не хотѣли брать ни серебра, ни золота за его тѣло ⁴⁾: они изрубили его и пускали по водѣ ⁵⁾. Осталась только голова Нечая и катается по рынку.

Тогда козаки стали думать, гдѣ имъ похоронить голову козака Нечая, и говорятъ они: похоронимъ ее, братны, въ церкви Св. Варвары. Приобрѣлъ ты себѣ, козакъ Нечай, великую славу! По другому варианту, козаки хоронятъ его на могилѣ и садятъ надъ нимъ калину ⁶⁾. Это погребеніе головы Нечая встрѣчаемъ только въ вариантѣ, записанномъ нами на Волини, и въ другомъ, напечатанномъ у Метлинскаго. Въ другихъ нѣтъ о погребеніи, а въ одномъ изъ вариантовъ у Метлинскаго все тѣло убитаго Нечая козаки похоронили въ польскомъ костелѣ ⁷⁾. Это, быть можетъ, позднѣйшее искаженіе. У Максимовича послѣ всего задаются Нечаю такіе вопросы: гдѣ его воронье кони, окованныя повозки, суконныя и шелковыя одежды? На эти вопросы слѣдуютъ такого рода отвѣты: его воронье кони у польнаго гетмана, его повозки завезены въ кусты верболоза подъ Берестечкомъ, а его одежды забрали и истребили ляхи. Но эти стихи собственно принадлежатъ къ другой пѣснѣ, къ пѣснѣ о Берестечскомъ пораженіи, и относятся не къ Нечаю, а къ Хмельницкому, имя котораго здѣсь замѣнилось Нечаемъ, что вполне естественно, такъ какъ вообще берестечское

Поклонися моѣй жѣнцѣ, а своѣй невѣстцѣ (Žeg. 144).

- 1) Мае вона, нехай бере срібла злота досить,
Нехай мене выкупає и останку просить.
- 2) Вы молодѣ козаченьки, чи не були въ мѣстѣ:
Поклонїться матусеньцѣ несчастнїй невѣстѣ.
- 3) Нехай вона плаче да вже не виплаче,
Бо надъ синомъ надъ Нечаємъ чорний воронъ криче.
- 4) Не хотѣли вражи ляхи срібла-злота брати,
А волѣли Нечаенка въ дрибний макъ ссѣкати.
- 5) Ой не дбали вражи ляхи на козацьку вроду
Рвали тѣло по кусочку, пускали на воду (Макс.).
- 6) Не за довгїй довгїй часъ за малу годинку,
Качається Нечаєва головка по рынку.
Стали тогдѣ козаченьки думати-гадати:
Где козаченька Нечая голову сховати.
Поховаймо, панн братцѣ, въ церквѣ у Варвары.
Заживь еси, козакъ Нечай, великои слави!

По варианту, записан. въ Харьковской губ. (Антон. и Драгом., стр. 81).

- Ой нуможь мы премилее брата думати-гадати:
Где намъ сее тѣло Нечаєво бѣло где намъ его поховати.
Гей зийдемось, премилее браття, на високу могилу,
Да выкопаємъ, премилее браття, глыбокую яму,
Да посадимъ, премилее браття, червону калину,
Гей щобъ зайшла лицарська слава на всю Украину!

- 7) Похоронили его тѣло у польскѣмъ костелѣ,
А сами розийшлися козаченьки по своѣй господѣ. (Метл. 405).

дѣло приписывается въ народномъ преданіи Нечая, хотя дѣйствительнаго Нечая во время Берестечкой битвы уже не было на свѣтѣ.

Пораженіемъ и смертью Нечая не ограничилась память объ этомъ козакѣ-богатырѣ въ произведеніяхъ народнаго пѣсеннаго творчества. Еще въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія привелось мнѣ увидѣть записанную неизвѣстнымъ любителемъ пѣсню о Нечайѣ совсѣмъ иного склада и пошиба, чѣмъ та, которая описываетъ его пораженіе и смерть въ Красномъ. Черезъ нѣсколько времени услышалъ я самъ изъ устъ народа первую половину этой пѣсни, но не съ именемъ Нечая, а съ неопредѣленнымъ именемъ казака. Первая половина (именно та, которую слышалъ я въ народѣ) изображаетъ пріѣздъ казака къ своей возлюбленной, встрѣчу его дѣвицею, угощеніе и грусть дѣвицы, чувствующей, что козакъ пріѣхалъ съ нею прощаться передъ походомъ ¹⁾. Вторая по-

- 1) Ой по горахъ по долинамъ,
 По козацькимъ украинамъ,
 Сивъ голубонько лѣтае,
 Собѣ пароньки шукае,
 Ой тожъ Нечай похожае,
 Въ свистѣлочку выгравае,
 Чи менѣ, каже, жениться,
 Чи менѣ, каже, журиться?
 Чи менѣ листы писати?
 Будуть мене люди знати.
 Напишу я дрибнѣ листы
 Да положу за пазуху,
 Кониченька осѣдлаю,
 Кониченька вороного,
 Да пидь себе молодого.
 Їде козакъ дорогою
 Свѣтитъ мѣсяць дибровою.
 Ты, мѣсяцю, свѣти ясно,
 Ты, конику, бѣжи страшно!
 Ой ставъ мѣсяць примеркати,
 Ставъ коничокъ приставати,
 До дворика привертати.
 Вийшла съ двора миленькая,
 Голубонька сивенькая:
 Взяла коня за уздечку,
 А милого за ручечку,
 Повела коня въ ставницю,
 А милого у свѣтлицю,
 Дала коню вивса й сѣна,
 А милому меду й вина,
 Сама сѣла въ кинецъ стола,
 Сама сѣла задумала,
 Карѣ очи зарюмала.
 Чого, мила, задумала,
 Карѣ очи зарюмала?
 Ни жаль тобѣ вивса й сѣна,
 Чи жаль тобѣ меду й вина?
 Не жаль менѣ вивса й сѣна,

ловина (которую я не слышалъ, а только читалъ въ спискѣ) изображаетъ, какъ входятъ отецъ и мать этой дѣвицы, оказывающейся уже прямой невѣстою Нечая. Родители дѣвицы спрашиваютъ Нечая, когда имъ ждать его для вѣнчанія съ ихъ дочерью. Нечай загадочно говоритъ, что, быть можетъ, его поджидаютъ къ себѣ волны и стелятъ ему бѣлую постель, и онъ ляжетъ на ней спать и станетъ дожидаться къ себѣ милую, но она, черноокая, не придетъ къ нему ¹⁾. Слова Нечая о томъ, что его поджидаютъ волны, какъ намъ кажется, по своему смыслу состоятъ въ связи съ тѣмъ мѣстомъ въ пѣснѣ о смерти Нечая, гдѣ говорится, что ляхи рвали по кусочку его тѣло и бросали въ воду.

По стихосложенію обѣ половины отличны между собою и могли быть, отдѣльно каждая, самобытными пѣснями и притомъ козацко-бытовыми съ нарицательнымъ именемъ козака, замѣнившимся впоследствии собственнымъ именемъ Нечая, потому что въ народномъ представленіи онъ сдѣлался идеаломъ козака. Это особенно возможно предположить относительно первой половины.

Въ томъ предположеніи, что имя Нечая, какъ идеала козацкой красоты, легко замѣнять могло нарицательное имя козака, подкрѣпляетъ насъ еще и то, что въ одной пѣснѣ соколъ купается съ орломъ и спрашиваетъ орла, не бывалъ ли онъ на Дунаѣ, не слышалъ ли про Нечая? Затѣмъ говорится, что уже три дня и три недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ убили Нечая ²⁾. Слѣдуетъ послѣ того вариантъ очень распространенной пѣсни о томъ, какъ убитый

Не жаль менѣ меду й вина;
А жаль менѣ миленького
Голубонька сивенького.

- ¹⁾ Ой и вийшовъ старій батенько,
Ще й старая пенька..
Ой колижъ тебе, нашъ зятеньку,
До домоньку ждати,
До домоньку ждати
Бѣлу постѣль стлати
Съ донькою вѣнчати.
Ой Богъ знае, святѣ знають
Да що починають,
Ой Богъ знае, може хвилѣ
Мене пиджидають..
Пиджидають Нечаенка
Постѣль стелють бѣлу,
А я ляжу на ихъ спати,
Пиджидати милу.
А я буду пиджидати,
Да й просидю до ночи,
Да й не прийдуть да до мене
Мои чорні очі.

- ²⁾ Сокиль зъ орломъ купается,
Собиль въ орла пытається,
Чи бувъ, орле, на Дунаѣ,
Чи що чувавъ про Нечая,
А вже три днѣ, три недѣлѣ
Якъ Нечая въ войнѣ вбили.

въ степи козакъ посылаетъ своего коня къ роднымъ извѣстить, что онъ женился, и при этомъ въ переносномъ смыслѣ вмѣсто новобрачной изображается могила. Въ галицкомъ вариантѣ безъ предисловія о соколѣ и орлѣ эта пѣсня прямо относится къ Нечая ¹⁾).

Выше было замѣчено, что въ народныхъ воспоминаніяхъ о старинѣ битва подъ Берестечкомъ приписывается то Нечая, то Хмельницкому но имя Нечая усвоено болѣе Хмельницкаго. Въ пѣснѣ о Берестечкой битвѣ нѣсколько лицъ, пѣвшихъ эту пѣсню, произносили имя Нечая, и только одно лицо (послѣ нашего замѣчанія, что вмѣсто Нечая вѣроятно поютъ Хмельницкій) согласилось съ этимъ замѣчаніемъ, такъ какъ дѣйствительно знало, что подъ Берестечкомъ воевалъ противъ поляковъ Хмельницкій ²⁾. Эту пѣсню слышалъ я не въ иномъ

¹⁾ А вже три днѣ, три недѣлѣ
Якъ Нечая въ войнѣ вбили.
Надъ нимъ коникъ зажурився,
Копытами въ землю вбився.
Не стій, коню, надо мною,
Бо я вижу вѣрность твою.
Бѣжи, коню, дорогою,
Зеленою дубравою,
Якъ прибѣжишь до-домоньку,
Такъ ударь ты копытами
Передъ нашими воротами;
Вийде отець—утѣшитися,
Вийде мати—засмутитися.
— Гдѣ-жъ ты, коню, подѣвъ Ивана,
Мого сына твого пана?—
— „Насъ ляшеньки догонили,
Твого сына съ собовъ взяли.
Но ты, мати, не журися,
Взявъ винъ собѣ дружиноньку
Высокую могилоньку“ (Żeg. Pauli. I. 145).

²⁾ Выступали козаченьки зъ высокои горы,
Попереду козакъ Нечай на воронѣмъ конѣ.
Ступай, коню, дорогою широко ногами!
Недалеко Берестечко и орда за нами.
Стережися, пане Яне, якъ Жовтои Води:
Йде на тебе сорокъ тысячъ хорошой вроди.
Якъ ставъ джура, якъ ставъ малый коника сѣдлати—
Стали пидъ тимъ кониченькомъ ниженьки дрижати.
Заговорить козакъ Нечай до коня словами:
Не доторкайся, вражій коню, до землѣ ногами!
Чи не ты той хмель зеленый, що коло тычки вьешься?
Чи не ты той козакъ Нечай, що зъ ляхами бьешся?
Ой не я той хмель зеленый, по тычки не вьюся,
Ой не я той козакъ Нечай, зъ ляхами не бьюся.
А гдѣ-жъ твои, Нечаенку, вороньи конѣ?
У гетмана Потоцького стоять на пригонѣ!
А гдѣ-жъ твои, Нечаенку, кованьи возе?
Подо мѣстечкомъ Берестечкомъ заточенѣ въ лозы!

какомъ мѣстѣ, какъ въ самомъ Берестечкѣ. Нѣкоторые стихи этой пѣсни (въ которой, безъ всякаго сомнѣнія, имя Нечая вставлено анахронизмомъ вмѣсто имени Хмельницкаго) встрѣчаются въ вариантахъ приведенной выше пѣсни о поражении и смерти Нечая въ Красномъ. Седьмой и восьмой стихи являются, хотя нѣсколько въ иномъ видѣ, одиннадцатымъ и двѣнадцатымъ стихами варианта пѣсни о Нечаѣ, помѣщеннаго въ Сборникѣ Метлинскаго подъ знакомъ б¹). Стихи одиннадцатый и двѣнадцатый сходны съ тридцать-девятымъ и сороковымъ перваго изъ вариантовъ, напечатанныхъ у Максимовича²), стихи пятнадцатый и восемнадцатый похожи на стихи девятнадцатый и двадцать-четвертый втораго варианта у Максимовича³). Ясно, что двѣ народныя пѣсни, отпосившіяся ко второй войнѣ Хмельницкаго противъ поляковъ: пѣсня о поражении и смерти Нечая въ Красномъ и пѣсня о несчастномъ для козаковъ сраженіи подъ Берестечкомъ сбивались въ одну, и при этомъ имя Хмельницкаго замѣнялось, даже некстати, именемъ Нечая. — именемъ болѣе любимымъ народомъ.

Есть основаніе отнести къ Берестечкому поражению пѣсню, записанную на Волыни и самими пѣвцами относимую къ этому событію⁴). Пѣсня эта представляетъ черты, напоминающія обстоятельства того времени, когда послѣ страшнаго пораженія, нанесеннаго козакамъ и возставшему съ ними народу, остатки сражавшихся подъ Берестечкомъ сходились съ своими полковниками къ Хмельницкому: по свидѣтельству польскихъ дневниковъ, это происходило въ Паволочи. Стихи девятый и десятый о какомъ-то конѣ — непонятны, относясь къ какому-то неизвѣстному для насъ обстоятельству. Что касается до двухъ послѣднихъ сти-

Що я зъ вами, вражи ляхи, не по правдѣ бився
Якъ припустивъ коня вороного—мисть менѣ вломився!

1) Гей а выскочивъ козакъ Нечаенку самъ коника сѣдлати;

Гей пидь кониченькомъ пидь вороненькимъ стали ноженъки дрижати!

2) Чи не той-то хмель, хмель, що високо веться!

Чи не той-то козакъ Печай, що зъ лишками бьеться?

3) Ой гдѣжь твои, Нечаенку, ковани возы?

Пидь мѣстечкомъ Берестечкомъ заточенѣ въ лозы.

Ой гдѣжь твои, Нечаенку, воронни конѣ?

У гетьмана у польного стоять на пригонѣ!

Ой гдѣжь твои, Нечаенку, сукнѣ, блаватасы?

Гей посѣкли, порубали ляхи въ шабельтасы!

(Максим. Сб. изд. 1834, стр. 100).

4) Кину перомъ, лину орломъ, конемъ поверну,

А до свого отамана таки прибуду.

Чоломъ, чоломъ, нашъ гетьмане, чоломъ батьку нашъ!

А вже нашего товариства багацько не машъ!

Ой якъ же ви, пань молодцѣ, ой якъ ви ставали.

Що вы свое товариство навѣки втеряли?

Становились, нашъ гетьмане, плечемъ о-плече.

Ой якъ кригнуть вражи ляхи: у пень посѣчемъ!

Ой щожъ ви, пань молодцѣ, що за здобычь мали?

Вели коня у нарядѣ, а ляхи отняли!

Зима прійшла—хлѣба нема: тожь намъ не хвала!

Весна прійшла, лѣсь розвила, всѣхъ насъ покрыла.

ховъ этой пѣсни, то здѣсь выражается печальное состояніе Украины зимою послѣ несчастной второй войны Хмельницкаго противъ Польши, и потомъ поправленіе народнаго дѣла весною, когда вспыхнуло опять возстаніе.

Самый крупный памятникъ эпохи послѣ второй войны козаковъ съ поляками при Хмельницкомъ—дума о состояніи Украины послѣ Бѣлоцерковскаго договора и о возстаніи южнорусскаго народа въ 1652 году. Дума эта извѣстна намъ по двумъ вариантамъ: одинъ напечатанъ у Кулиша въ «Запискахъ о Южной Руси», другой—въ Сборникѣ Максимовича въ изданіи 1849 года по списку, доставленному ему г. Мурзакевичемъ. Въ подробностяхъ есть въ этихъ вариантахъ отличія, но въ содержаніи и тонѣ—полное единство. Дума заключаетъ въ себѣ послѣдовательно слѣдующіе предметы:

а) Угнетеніе южнорусскаго народа отъ польскихъ жолнѣровъ, послѣдовавшее оттого, что Хмельницкій допустилъ въ Украинѣ квартировать польскимъ войскамъ.

б) Первое столкновеніе козаковъ съ ляхами въ корчмѣ.

в) Посланіе козаковъ къ Хмельницкому съ просьбою дозволить начать возстаніе и отвѣтъ Хмельницкаго.

г) Воззваніе Хмельницкаго и изгнаніе поляковъ.

Дума начинается вопросомъ: хорошо ли сдѣлалъ Хмельницкій, постановивши съ ляхами договоръ въ Бѣлой Церкви и дозволивши имъ вступить въ Украину ¹⁾, по варианту Максимовича, на четыре мѣсяца ²⁾.

Послѣ этого вопроса описывается народное отягощеніе. Хмельницкій допустилъ стацію. Этимъ именемъ назывался постой войска, но подъ понятіе о стаціи подводились всякіе повинности и поборы, налагаемые съ народа въ пользу войска, квартировавшаго въ краѣ; говорилось не только стоять стацію, но говорилось также—давать стацію, брать стацію. Стація былъ предметъ въ высшей степени противный народу, тѣмъ болѣе, что польскіе жолнѣры, подъ предлогомъ стацій, совершали надъ жителями крайнія неистовства и нахальства, и оттого въ одномъ вариантѣ вмѣсто слова стація ³⁾ употреблено слово кривда ⁴⁾.

Обращеніе жолнѣровъ съ жителями подъ предлогомъ стаціи изображается такъ: когда наступилъ четвертый мѣсяць, паны-ляхи стали отбирать и у козаковъ и у мужиковъ ключи отъ кладовыхъ и сдѣлались хозяевами надъ козацкимъ и мужицкимъ достояніемъ ⁵⁾. Нахальство ихъ пошло далѣе: ляхъ отсылаеть

1) Ой чи гараздъ чи добре нашъ панъ гетьманъ Хмельницкій учинивъ,
Що зъ ляхами мостивими панамъ у Бѣлѣй Церкви замиривъ,
Да велѣвъ ляхамъ мостивимъ панамъ по козакахъ по мужикахъ стацѣю
стояти. (Кул. „Зап.“ I. 51).

2) Ой чи добре панъ Хмельницкій починавъ
Якъ зъ Берестецкого року всѣхъ панивъ-ляхивъ на Украину на чотырѣ
мѣсяцѣ выславъ. (Макс. 74).

3) Да не велѣвъ великои стаціи вимышляти.

4) А нѣ козаку, а нѣ мужику жодной кривды починати.

5) Стало на четвертый мѣсяць повертати,
Стали паны-ляхи способъ прибирати,
Отъ козацкихъ и отъ мужицкихъ комиръ ключи отбирати,
Надъ козацкимъ надъ мужицкимъ добромъ господарями знахожатись.

хозяина на конюшню, а самъ ложится съ его женою ¹⁾. Бѣдный хозяинъ со двора черезъ окно видитъ, что творится у него въ домѣ, и съ горя идетъ, по варианту Кулиша, въ кабакъ ²⁾, а по варианту Максимовича—въ корчму ³⁾ пропивать послѣднюю бездѣлицу, какую удалось ему передъ тѣмъ приобрести. Но ляхъ и тамъ ему не даетъ покоя. Хочется ляху знать: что про него и про его братію говорятъ козаки и мужики ⁴⁾; ляхъ, словно свинья, прикладываетъ свое ухо къ корчмѣ и подслушиваетъ ⁵⁾; и вѣроятно онъ услышалъ тогда что-то очень непріятное: вскочилъ ляхъ въ корчму и схватилъ козака за чубъ ⁶⁾; козакъ принимаетъ видъ смиренія, наливаетъ вина, какъ будто подносить ляху, вдругъ ударяетъ его склянницею промежъ глазъ, хватаетъ въ свою очередь ляха за чубъ и прикасается дубиною къ его ребрамъ ⁷⁾. «Ахъ ляхи, вы ляхи, господи вы милостивые! Отобрали вы у насъ ключи и стали хозяевами у насъ въ домахъ; ужъ хоть бы вы не совались-то въ нашу бестѣду» ⁸⁾. Такъ, по варианту Кулиша, говоритъ козакъ ляху; по варианту же Максимовича, раздражен-

¹⁾ Хозяина на конюшню отсылае,

А самъ и зъ ёго жоною на подушкахъ спочивае.

²⁾ То козакъ альбо мужикъ изъ конюшнѣ прихождае,

У кватирку поглядае,

Ажъ ляхъ мостивый панъ ище зъ ёго жоною на подушкахъ спочивае.

То винъ одинъ осьмакъ у карманѣ мае,

Пийде съ тоски да съ печалѣ въ кабакъ

Да й той прогулае.

³⁾ То вже не одинъ козакъ добраго клича и лучшой руки

Одинъ шостакъ розгадавъ,

Да й той къ катовѣй матерѣ въ корчмѣ прогулае.

⁴⁾ То ляхъ мостивый панъ отъ сна уставае юлицею иде,

Казавъ бы якъ свиня нескребена по переду ухомъ веде,

Ище слухае, прислухае:

Чи не судить ёго где козакъ альбо мужикъ...

⁵⁾ То ляхъ до корчмы прихожае,

Якъ свиня ухо до корчмы прикладае.

⁶⁾ А слухае ляхъ що козакъ про ляхивъ розмовляе,

То ляхъ у корчму вбѣгае и козака за чубъ хватае.

⁷⁾ То козакъ козацкій звычай знае,

То будто до ляха медомъ и оковитою горѣлкою припивае,

А тутъ ляха за чубъ хватае,

И склянницею межи очи морсьбае,

И келепомъ по ребрахъ торкае.

(Макс. 75).

Или:

То ему здається що ёго козакъ медомъ шклянкою, або горѣлки чаркою
витае.

Ажъ ёго козакъ межи очи шклянкою шмагае.

(Кул. „Зап. о Южн. Руси“ I).

⁸⁾ Эй ляхи вы ляхи,

Мостивыи паны!

Хотяжъ вы отъ насъ ключи поотбирали.

И стали надъ нашими домами господарями,

Хотяжъ бы вы на нашу кумпанію не находжали!

ный козакъ припоминаеть, въ тонѣ издѣвки, преступныя отношенія ляховъ къ женамъ козацкимъ ¹⁾).

Дума живо переноситъ насъ въ условія изображаемаго времени. Выведенный изъ терпѣнія оскорбленіями, насиліями и поруганіями, русскій бѣжить въ корчму, но не за тѣмъ только, чтобъ тамъ залить свое горе: корчма—обычное мѣсто сходбищъ, а слѣдовательно удобное и для совѣщаній и мѣропріятій; понятно, что насильникамъ ляхамъ корчма кажется самымъ опаснымъ мѣстомъ и оттого-то какъ ни ругаются они надъ поработченнымъ русскимъ народомъ, а боятся корчмы и шпионятъ за толпою народа, который тамъ собирается. Не удивительно, если и первое столкновеніе русскихъ съ своими угѣснителями происходитъ въ корчмѣ. Собравшись тамъ, русскіе совѣщаются, какъ имъ избавиться отъ враговъ ляховъ; тѣмъ временемъ ляхъ ихъ подслушиваетъ, вбѣгаетъ къ нимъ, и тутъ случайно полагается начало новому народному столкновенію. Вслѣдъ за этимъ приключеніемъ съ ляхомъ въ корчмѣ дума сообщаетъ, что козаки и мужики сходятся гдѣ-то между собою на совѣтъ и пишутъ къ Хмельницкому: «или вели намъ бѣжать подъ державу москаля, или позволь произвести великій мятежъ!» Но Хмельницкій не дозволяетъ имъ ни того, ни другого и только намекомъ даетъ имъ понять, что въ скоромъ будущемъ измѣнится порядокъ дѣлъ ²⁾. Такъ по варианту Максимовича. И нельзя не видѣть, какъ вѣрно здѣсь напечатлѣлась въ народной поэзіи сущность дѣйствительности давняго времени. Мы знаемъ изъ историческихъ источниковъ, что нахальства польскихъ жолнѣровъ въ разныхъ мѣстахъ Южной Руси вызвали отдѣльныя вспышки возстанія, кончившіяся истребленіемъ угѣснителей. Другіе южноруссы, не отваживаясь подвергать свою судьбу невѣрному исходу борьбы, предпочитали убраться заранѣе изъ родины въ южныя стени Московскаго государства, гдѣ такимъ образомъ положено было начало Слободской Украины. Хмельницкій не одобрялъ ни того, ни другого; нѣсколько храбрыхъ его сподвижниковъ въ первыхъ двухъ войнахъ съ Польшою, и въ числѣ ихъ миргородскій полковникъ Гладкій, были каз-

¹⁾ Не лучше-бъ тобѣ, ляше, превражій сыну,
На Украинѣ съ козацкою жѣнкою спати,
А нѣжъ у корчму вхождати?
Да вжежъ на Украинѣ не одна жинка курку зготовала,
Тебе, ляха кручого сына, на ничѣ чекала.

²⁾ То ужежъ то и козаки и мужики
У недѣлю рано Богу помолившись листы писали,
И въ листахъ добре докладали,
И до пана Хмельницкого у Полонне послали.
Гей пане Хмельницкій
Отамане Чигиринскій
Батьку козацкій!
Звели намъ пидъ москалей утѣкати,
Або звели намъ зъ ляхами великій бунтъ зрвати.
То Хмельницкій листы читае,
До козакивъ словами промовляе:
Гей стийте дѣти,
Ладу ждѣте!
Не благословляю васъ нѣ пидъ москаля тѣкати,
Нѣ зъ ляхами великого бунта зрвати.

нены смертю за потачку народнымъ волненіямъ. Хмельницькій считаль долгомъ благоразумной политики до поры до времени, скрѣпя сердце, мирволить поработителямъ и вмѣстѣ съ ними укрощать преждевременныя народныя движенія. Самъ народъ понималь тогдашнее свое положеніе и, по варианту Кулиша, бесѣда южнорусскаго народа съ козацкимъ гетьманомъ представляется до нѣкоторой степени искреннею и сердечною. Дума сознаеть опрометчивость козаковъ и сравниваетъ ихъ съ малыми дѣтьми за то, что они преждевременно стали собираться, затѣвать возстаніе и обращаться къ гетьману съ просьбою одобрить ихъ предпріятіе ¹⁾. Собственно козаки не просятъ у гетьмана помогать возстанію, а только возносятъ болѣзненные жалобы на свое горькое положеніе ²⁾. И Хмельницькій, съ своей стороны, не огорчаетъ ихъ прямымъ запрещеніемъ, а подаетъ дружелюбный совѣтъ подождать немного—до весны, до Свѣтлаго Воскресенія, когда, Богъ дастъ, придетъ весна и соберется во множествѣ вся голытьба ³⁾.

Окончаніе думы заключаетъ воззваніе Хмельницкаго, послѣдовавшее въ 1652 году, и вслѣдъ затѣмъ — народное возстаніе и изгнаніе ляховъ изъ Украины. Хмельницькій обращается, повидимому, къ запорожцамъ, такъ какъ приглашаетъ козаковъ прибывать въ Украину, слѣдовательно обращается къ такимъ, которые находятся не въ самой Украинѣ ⁴⁾. По варианту Максимовича, самъ Хмельницькій пріѣзжаетъ къ козакамъ, выбираетъ по три и по четыре изъ курѣня, потомъ слѣдуетъ приглашеніе браться за дубье да за оглобли и въ «ночку-четвертоньку» загонять ляховъ какъ кабановъ ⁵⁾. Это, по своему смыслу, могло

¹⁾ Тогдѣ козаки стали у радѣ якъ малыи дѣти,
Отъ своихъ рукъ листы писали,
До гетьмана Хмельницького послали,
А въ листахъ приписовали.

²⁾ Пане гетьмане Хмельницькій,
Батьку Зиновѣ нашъ Чигиринскій!
За що ты на насъ такій гнѣвъ положивъ,
На що ты на насъ такій ясыръ наславъ?
Уже-жь мы теперъ нѣ въ чому волѣ не маемъ;
Ляхи мостивны паны отъ насъ ключи поотбирали,
И стали надъ нашими домами господарями.

³⁾ Эй козаки дѣти, друзѣ, небожата,
Подождѣте вы мало, трохи, не-багато,
Якъ отъ святой Покровы до Свѣтлаго тридневного Воскресенія,
Якъ дастъ Богъ що прійде весна красна,
Буде наша голота рясна.

⁴⁾ Тогдѣ-то панъ Хмельницькій добре дбавъ,
Козакивъ до схида сонця въ походѣ выпроважавъ,
И стиха словами промовлявъ:
Эй козаки, дѣти друзѣ,
Прошу васъ, добре дбайте,
На славу Украину прибувайте,
Ляхивъ мостивыхъ панивъ у пень рубайте,
Кровь ихъ лядську у полѣ съ жовтымъ пѣскомъ мѣшайте,
Вѣры святой христіанської у поругу не подайте.

(Кул., З. о Ю. Р. I. 54).

⁵⁾ То вжежь Хмельницькій до козакивъ пріѣзжае,
Словами промовляе:

относиться къ массѣ украинскихъ мужиковъ, которыхъ должны возбудить бывшіе къ нимъ козаки. Выраженіе «ночка-четвертонька» не вполне ясно, но, можетъ быть, здѣсь какой-то недосказанный намекъ на батогское дѣло, гдѣ въ іюнѣ 1652 года было истреблено огромное скопище вооруженныхъ поляковъ, собравшихся противъ южноруссовъ. На томъ полѣ, гдѣ тогда были истреблены поляки, есть урочище, называемое «Четвертонька».

Въ вариантѣ Максимовича словами воззванія Хмельницкаго выражается исполненіе козаками гетманскаго приказа ¹⁾, а далѣе изображается въ комическомъ видѣ бѣгущій отъ народнаго мщенія ляхъ: онъ заползаетъ въ кустъ; мимо куста скачетъ козакъ и замѣчаетъ, что кустъ чего-то дрожитъ; отжирѣвшій ляхъ лежитъ тамъ и по своей толстотѣ представляетъ подобіе съ букомъ, въ какомъ бѣлье бучатъ; козакъ, завидя ляха, соскакиваетъ съ коня, хватаетъ ляха за чубъ и задѣваетъ его дубиною по ребрамъ. «О, лучше-бъ мои глаза стали на затылкѣ,—говоритъ несчастный ляхъ,—чтобъ я могъ изъ-за рѣки Вислы глядѣть назадъ себя въ Украину» ²⁾. По варианту Кулиша, здѣсь козакъ съ ироніею припоминаетъ врагамъ ихъ волокитство за козацкими женами, то-есть то, что изо всѣхъ оскорбленій должно было для сердца козака отзвѣтываться всего больше ³⁾.

Вариантъ Кулиша ведетъ повѣствованіе далѣе и кончается характеристическимъ описаніемъ разговора козаковъ съ ляхами, которыхъ они бросаютъ въ

Гей нуте, дѣти по три по чотырѣ зъ куренѣвъ уставайте,
И до дрючкивъ и до оглобель хватайте,
И ляхивъ-панивъ у ничку-четвертоньку такъ якъ кабанивъ загоняйте!
(Макс. 76).

- ¹⁾ То уже-жъ изъ курѣневъ по три по чотырѣ вставали,
До дрючкивъ и до оглобель хватали,
И ляхивъ-панивъ такъ якъ кабанивъ у ничку-четвертенку загоняли.
- ²⁾ То уже-жъ одинъ козакъ лугомъ бѣжить,
Коли дивѣться на кущъ, ажъ кущъ дрижить,
Коли дивѣться у кущъ, ажъ у кущѣ ляхъ якъ жлукто лежить.
То козакъ козацкій звчай знае
Изъ коня встаетъ,
И ляха за чубъ хватаетъ,
И келепомъ по ребрамъ торкаетъ,
То ляхъ до козака словами промовляетъ:
„Лучше-бъ, козурю, могли мои очи на потылицѣ стати,
Такъ бы я могъ изъ-за рѣки Вислы на Украину поглядати“.
(Макс. 77).

- ³⁾ То козакъ ляха за кущомъ знаходжае,
Келепомъ межъ плечи наганяе,
И стиха словами промовляетъ:
Эй ляхи-жъ вы ляхи,
Мостивыи паны.
Годѣ-жъ вамъ по закущами ваяться,
Пора до нашихъ жѣнокъ на опочивокъ итти.
Уже наши жѣнки и подушки поперебивали,
Васъ, ляхивъ, мостивыхъ панивъ, ожидали.

рѣку Вислу. Враги, прежде нахальные и высокомерные, теперь становятся кроткими, покорными; они унижаются передъ козаками, называютъ ихъ родными братьями, умоляютъ ихъ пустить за Вислу хоть въ однихъ рубашкахъ. Козаки говорятъ имъ: когда-то надъ этой рѣкою козаковали наши дѣды и спрятали на днѣ этой рѣки большіе клады. Когда найдете эти клады и подѣлитесь съ нами, тогда мы будемъ съ вами жить какъ съ родными братьями. Ступайте: вамъ дорога одна—до самого дна! ¹⁾).

И въ этой думѣ, какъ въ другихъ народныхъ произведеніяхъ, рѣка Висла назначается рубежомъ между Польшею и Русью. Козаки правый берегъ этой рѣки считаютъ какъ бы наследственнымъ достояніемъ русскаго народа и сохраняютъ преданіе о томъ, что ихъ дѣды когда-то жили и были свободными (козаковали) на берегахъ Вислы. То было вѣковое, глубокоукоренившееся вѣрованіе.

Въ 1653 году происходила третья война Хмельницкаго съ поляками. Она началась по поводу молдавскихъ дѣлъ, въ которыхъ ввязался сынъ Хмельницкаго Тимошей, поддерживавшій своего тестя на молдавскомъ государствѣ и погибшій отъ непріятельскаго оружія. За нимъ и самъ отецъ гетманъ принялъ участіе съ татарами, своими союзниками. Поляки были на противной сторонѣ. Осенью польскій король Янъ-Казимиръ со всѣми панами Рѣчи Посполитою былъ осажденъ козаками и татарами подъ Жванцемъ. Полякамъ тогда приходилось такъ же плохо, какъ подъ Зборовомъ въ 1649 году, но они спасли себя тѣмъ, что купили у хана униженный для себя миръ, обязавшись платить ему ежегодную дань, а для козаковъ обѣщали возстановить силу Зборовскаго договора, но вмѣстѣ съ тѣмъ дали дозволеніе татарамъ въ продолженіе шести недѣль разорять южнорусскій край и уводить въ неволю плѣнниковъ. Это событіе, происходившее въ декабрѣ 1653 года, почти совпадаетъ съ присоединеніемъ Украины къ Московскому государству, и оба эти событія отразились въ народномъ воспоминаніи единою пѣсней; въ ней изображается прежде горе бѣдной Украины: некуда ей дѣться; орда потоптала коньми малыхъ дѣтей, старыхъ людей изру-

1) Тогдѣ-то ляхи козакивъ ридными братами узывали:

Ой козаки, риднѣ братцѣ,
Коли-бъ вы добре дбали,
Да насъ за Вислу рѣчку хоть у въ однихъ сорочкахъ пускали.
Оттогдѣ-то ляхамъ Богъ погодивъ,
На рѣчцѣ Вислѣ лѣдъ обломивъ;
Тогдѣ козаки ляховъ ратовали,
За патлы хватали,
Да ще й далѣ пидъ лѣдъ пидпихали,
И съ-тиха словами промовляли:
Эй ляхи-жъ вы ляхи,
Мостивыи паны!

Колись наши дѣды надъ сею рѣчкою козаковали,
Да въ сѣй рѣчцѣ скарбы поховали,
Якъ будете скарбы находити,
Будемъ зъ вами пополамъ дѣлити;
Тогдѣ будемъ зъ вами за родного брата жити.
Ступайте. Тутъ вамъ дорога одна
До самого дна.

била, а взрослых погнала въ полонь ¹⁾). Затѣмъ отъ лица украинца говорится, что служилъ онъ прежде пану католику, а теперь вовѣки не станетъ ему служить; служилъ онъ также и пану бусурману, но теперь станетъ служить восточному царю. Пѣсня оканчивается такою картиною: ляхъ ходитъ на рынкѣ, пожимаетъ саблю, но козакъ не боится ляха, не снимаетъ передъ нимъ шапки. Ляхъ беретъ за плеть, а козакъ за дубину: вотъ тутъ тебѣ, вражій сынъ, будеть съ душой твоей разлука! ²⁾).

Въ этомъ разореніи южнорусскаго края, совершенномъ въ 1653 году, а можетъ быть вообще въ томъ дружелюбіи, съ какимъ гетманъ относился не разъ и къ крымскому хану и постоянно къ Оттоманской Портѣ, и находился въ дружескихъ связяхъ съ мусульманами, надобно искать источника нерасположенія къ нему въ народѣ, которое просвѣчивалось разомъ съ горячею любовью и уваженіемъ. По крайней мѣрѣ есть пѣсня, гдѣ имя Хмельницкаго произносится, какъ имя врага, а не защитника южнорусскаго народа. Такую пѣсню отыскалъ г. Кулишъ и помѣстилъ въ «Запискахъ о Южной Руси» (ч. I, стр. 322) ³⁾. Другой вариантъ, очень похожій на предыдущій, былъ записанъ мною и напечатанъ въ «Малорусскомъ Сборникѣ» г. Мордовцева (стр. 185) ⁴⁾. Третій ва-

- 1) Зажурилась Украина, що нѣгде прожити:
Вытоптала орда киньми маленькіи дѣти,
Малыхъ потоптала, старыхъ порубала,
А молодыхъ середульшихъ у полонь забрала.

Или:

Зажурилась Украина що нѣгде ся дѣти,
Гей вытоптала орда киньми маленькіи дѣти,
Ой маленькихъ вытоптала, великихъ забрала,
Назадъ руки постыгала, пидъ хана погнала.

- 2) Ой служивъ же я служивъ пану католику,
А теперь ёму служити не буду до вѣку;
Ой служивъ же я служивъ пану бусурману,
А теперь служити стану восточному царю.
Ходитъ ляшокъ по рыночку, шабельку стискае,
Козакъ ляха не боится, шапки не снимае,
Ось ляшокъ до канчука, а козакъ до дрюка:
Теперь тобѣ, вражій сыну, съ душею розлука!

(Макс. изд. 1834 г., стр. 108, ср. Малор. и Червонор. Д. и П., стр. 47;—Сб. Антон. и Драг. I, 74, 234).

- 3) Ой богдай Хмеля-Хмельницького
Перва куля не минула!
Що велѣвъ брати парубки й дѣвки
И молодѣ молодичѣ.
Парубки йдуть спѣваючи,
А дѣвчата рыдаючи,
А молодии молодичѣ
Старого Хмеля проклинаячи:
Ой богдай Хмеля Хмельницького
Перва куля не минула!

- 4) Ой Хмеле, Хмельниченку
Учинивъ еси ясу,
И мѣжъ панами великую трусу!

ріантъ, очень отличный отъ двухъ предыдущихъ, записанъ былъ покойнымъ А. Вас. Маркевичемъ и напечатанъ въ «Сборникѣ историческихъ пѣсенъ» Антоновича и Драгоманова (ч. 2, стр. 116) ¹⁾. По всѣмъ тремъ вариантамъ произносится проклятіе Хмельницкому: по второму изъ приведенныхъ вариантовъ за то, что велѣлъ орду забирать въ полонъ дѣвокъ и молодыхъ женщинъ, а въ первомъ изъ этихъ вариантовъ хотя собственно не говорится, что Хмельницкій велѣлъ ихъ забирать именно орду, но г. Кулишъ сообщаетъ, что Кондрать Тарануха, проговорившій ему эту пѣсню, какъ отрывокъ какой-то большой, имъ уже позабытой, объяснилъ, что, по сохранившемуся народному преданію, Хмельницкій отдавалъ народъ въ ясырь татарамъ и пѣсня эта однозначительно по своему смыслу съ такимъ преданіемъ. Въ третьемъ же вариантѣ, гдѣ нѣтъ помина объ орду и о забираниі народа, проклятіе на Хмельницкаго исходитъ исключительно отъ однихъ вдовъ: изъ всего народа недовольны гетманомъ только женщины, оставшіяся вдовами послѣ своихъ мужей, сложившихъ головы въ продолжительной борьбѣ съ поляками.

Послѣднее произведеніе народнаго творчества объ эпохѣ Хмельницкаго это — дума о смерти гетмана, известная въ двухъ вариантахъ, изъ которыхъ одинъ былъ напечатанъ въ Сборникахъ Максимовича (1834 г., стр. 44—47, и 1849 г., стр. 78 — 81), другой въ Сборникѣ Метлинскаго (стр. 395 — 399). Оба варианта въ подробностяхъ изложенія довольно отличны, но единая основа показывается сразу.

«Запечалился сѣдой гетманъ Хмельницкій. Нѣтъ при немъ ни сотниковъ, ни полковниковъ. Приходить ему время умирать». Такъ начинается дума. Хмельницкій приказываетъ своему писарю Выговскому (передѣланному въ Луговскаго) писать универсальные листы, разсылать по полкамъ и сотнямъ и созывать на раду старшинъ ²⁾.

Богдай тебе, Хмельниченку, перва куля не минула,
Що велѣвъ орду брати дѣвки й молодичѣ,
Парубки йдуть гукаючи, а дѣвчата спѣваючи,
А молодѣ молодичѣ старого Хмеля проклинуючи:
Богдай тебе, Хмельниченку, перва куля не минула!

¹⁾ Вийди, Василю, на могилу,
Поглянь, Василю, на Украинну;
Що Хмельницького військо йде.
Що все парубочки да дѣвочки,
Да безчастныи удовички.

Парубочки йдуть—у дудочки грають,
А дѣвочки йдуть—пѣснѣ спѣвають,
А удовички йдуть—сило рыдають,
Да Хмельницького проклинуючи:
Богдай того Хмельницького перва куля не минула,
А другая устрелила,
У серденько уцѣлила!

²⁾ Зажурилася Хмельницького сѣдая голова,
Що при йому нѣ сотниківъ, нѣ полковниківъ нема.
Чась приходити умѣрати,
Нѣкому порады дати.
Покликне винъ на Ивана Луговського

По варианту Метлинскаго мѣсто, гдѣ былъ сборъ созываемыхъ на раду, названо Загребельною могилою ¹⁾. Проходили праздники одинъ за другимъ: прошла Пасха, прошли Вознесеніе, Духова Недѣля, дни Петра и Павла, Ильи Пророка, — козаки не увидали своего гетмана. И вотъ, собравшись на раду, порѣшили они идти въ Суботово, мѣстопребываніе Хмельницкаго. Онъ имъ (вѣроятно, еще прежде) хвалился устроить тамъ ярмарокъ на день Спаса Преображенія ²⁾.

Козаки пришли оттуда въ Суботово, увидали Хмельницкаго, воткнули въ землю свои копыя, сняли съ себя шапки и отдавали низкій поклонъ своему гетману, спрашивая, что ему отъ нихъ нужно ³⁾. Хмельницкій объявляетъ, что онъ сталъ старъ, болѣзненъ, уже не въ силахъ гетманствовать и велить имъ учинить выборъ новаго гетмана изъ своей среды. Козаки отвѣчаютъ, что не хотятъ выбирать, а желаютъ, чтобы онъ имъ указалъ ⁴⁾. Хмельницкій указалъ имъ на Выговскаго. Козаки замѣтили, что этотъ человекъ живетъ близко съ ляхами, будетъ держаться ихъ стороны, а козаковъ начнетъ ставить ни во что ⁵⁾.

Писаря вѣйськового:

Иванъ Луговскій,

Писарь вѣйсковый!

Скорѣйше бѣжи,

Да листы пиши:

Щобъ сотники, полковники до мене прибували,

Хоть мало порады давали.

(Макс.)

¹⁾ До Загребельной могилы прибували.

²⁾ Хвалился панъ гетманъ Хмельницкій,

Батьо Зиновъ Богдану Чигиринскій,

У городъ Суботовъ

На Спаса Преображеніе ярмарокъ закликати.

³⁾ До города Суботова прибували,

Хмельницкого стрѣчали,

Штыхи въ суходиль востромляли,

Шлики съ себе скидали:

Хмельницкому низкій поклонъ отдали.

Пане гетьмане Хмельницкій,

Батьо Зиновъ нашъ Чигиринскій,

На що ты насъ потребуешъ?

⁴⁾ Прошу васъ, добре дбайте,

Собъ гетмана наставляйте!

Вже я часъ отъ часу хорѣю,

Междо вами гетьмановати не здою,

То велью я вамъ междо собою козака на гетманство обѣрати,

Буде междо вами гетьмановати,

Вамъ козацьки порядки давати.

Тогдѣ-то козаки съ-тиха словами промовляли:

Пане гетьмане Хмельницкій,

Батьо Зиновъ нашъ Чигиринскій!

Не можемъ мы сами междо собою козаками гетьмана обибрати,

А жолаемъ отъ вашої милости послыхати.

⁵⁾ Есть у мене Иванъ Луговскій,

Который у мене дванадцать лѣтъ за джурю пробувавъ,

Хмельницькій указавъ имъ на Павла Тетеренка. Но и того не захотѣли козаки. Хмельницькій спрашиваетъ, кого же хотятъ они? Козаки объявили, что желаютъ сына Хмельницкаго Юраска, названнаго въ думѣ по варианту Метлинскаго Еврахомъ ¹⁾).

Такимъ образомъ излагается это дѣло въ думѣ по варианту Метлинскаго, который вообще позднѣйшей редакціи и отзывается черезчуръ уже простонароднымъ тономъ, сложившись уже въ то время, когда дума могла быть достояніемъ исключительно простонародія. Въ вариантѣ Максимовича чувствуется какъ-то болѣе старая редакція, проникнутая козацкимъ тономъ.

По варианту Максимовича, Хмельницькій, еще не давая козакамъ приглашенія къ выбору гетмана, по своему усмотрѣнію прямо указываетъ сразу на четырехъ полковниковъ, годныхъ, по его мнѣнію, быть допущенными къ выбору: Автона Волочая Кіевскаго, Грицька Костыря Миргородскаго, Хвилона Чичая Кропивянскаго и Мартина Пушкаря Полтавскаго ²⁾. Кромѣ полтавскаго полковника, которымъ тогда дѣйствительно былъ Мартинъ Пушкарь, прозвища остальныхъ совсѣмъ не тѣ, какія носили извѣстные намъ полковники тѣхъ полковъ, о которыхъ въ думѣ упоминается. Но крещенныя имена ихъ были именно тѣ, что и здѣсь въ думѣ. Такъ кіевскимъ полковникомъ былъ Ждановичъ, по имени Антонъ, миргородскимъ—Лѣсницкій, по имени Григорій, кропивянскимъ—Джеджалій, по имени Филонъ. Максимовичъ очень удачно объяснилъ, что въ думѣ удержаны не официальные, значащіяся по всѣмъ тогдашнимъ документамъ, а народныя прозвища этихъ лицъ, такъ какъ обыкновенно у малоруссовъ мимо официального или документальнаго прозвища человѣку дается еще какая-нибудь народная, иначе—уличная, кличка и по такой кличкѣ человѣкъ бываетъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ по своему родовому документальному прозвищу. Козаки отвергаютъ всѣхъ четырехъ лицъ, предложенныхъ гетманомъ, и объявляютъ желаніе

Всѣ мои козацьки звичай признавъ,
 Буде междо вами козаками гетмановати,
 Буде вамъ козацьки порядки давати.
 Тогдѣ-то козаки стиха словами промовляли:
 Пане гетьмане Хмельницькій,
 Батю Зиновъ нашъ Чигиринській,
 Не хочемъ мы Ивана Луговського:
 Иванъ Луговській близько ляхивъ мостивыхъ панивъ живе,
 Буде зъ ляхами мостивыми панами накладати,
 Буде насъ козакивъ за-не-вищо мати.

¹⁾ Тогдѣ-то Хмельницькій стиха словами промовляє:

— „Эй козаки, дѣти, друзі!
 Коли вы не хочете Ивана Луговського,
 Есть у мене Павелъ Тетеренко“.
 — Не хочемъ мы Павла Тетеренка.—
 — „Дакъ скажѣть,—говорить,—кого вы жолаете?“
 — Мы, кажуть, жолаемъ Евраха Хмельниченка (Метл.).

²⁾ Коли хочете, панове, Автона Волочая кіевського,
 Або Грицька Костыря миргородського,
 Або Хвилона Чичая кропивянського,
 Або Мартина Пушкаря полтавського.

избрать его сына Юрася ¹⁾. Хмельницкій представляетъ, что онъ еще молодъ, не знаетъ козацкихъ обычаевъ ²⁾.

Но козаки отвѣчаютъ, что будутъ держать около него старыхъ людей, которые будутъ его наставлять, сами обѣщаются оказывать ему уваженіе и вспоминать о своемъ батькѣ, старомъ гетманѣ ³⁾. Хмельницкій, услышавши это, очень обрадовался, кланялся сѣдою головою, проливалъ слезы. Вскорѣ потомъ, — говорить далѣе дума, — онъ заболѣлъ еще тяжелѣе, со всѣми прощался и отдалъ душу милосердому Богу ⁴⁾. По варианту Метлинскаго, козаки кладутъ бунчукъ и булаву, возводятъ сына Хмельницкаго въ гетманское достоинство, палать изъ пищалей, поздравляютъ новаго гетмана ⁵⁾.

По варианту Метлинскаго, Хмельницкій посылаетъ своего сына на Ташлыкъ и приказываетъ ему: если онъ тамъ не будетъ долго гулять, то застанетъ отца въ живыхъ, а иначе — не застанетъ. «Еврасъ» долго гулялъ на рѣкѣ Ташлыкѣ и не засталъ отца въ живыхъ ⁶⁾. Въ своей основѣ это исторически вѣрно, по крайней мѣрѣ, Хмельницкій отправилъ сына на Ташлыкъ въ находившійся тамъ

1) А хочемъ мы сына твоего Юруса молодого,
Козака лейстрового.

2) Винь, панове молодцѣ, молодой розумъ мае,
Звычайевъ козацкихъ не знае.

3) Будемъ мы старыхъ людей били ёго держати,
Будуть вони ёго научати,
Будемъ ми ёго добре поважати,
Тебе, батька нашего гетьмана, вспоминати (Макс.).

4) То Хмельницкій тее зачувавъ,
Великую радость мавъ,
Сѣдою головою покловъ отдававъ,
Слѣзы проливавъ.
Скоро після того ще й гиршъ Хмельницкій занемогавъ,
Опрощенье со всѣми бравъ
Милосердому Богу душу отдавъ (Макс.).

5) . . . Бунчукъ, булаву положили,
Еврася Хмельниченка на гетманство настановили.
Тогдѣ изъ разныхъ пищаль погримали,
Хмельниченка гетьманомъ поздоровляли (Метл. 398).

6) Оттогдѣ Хмельницкій якъ благословеніе сыновѣ сдавъ
Такъ и въ домъ отправився и сказавъ ему:
Глядижъ, говорить, сыну мий,
Якъ будешъ немного Ташлыккомъ рѣкою гуляти,
На бубны, на цуромки wygrавати,
Такъ будешъ отца живого заставати!
А якъ будешъ много Ташлыккомъ рѣкою гуляти,
На бубны цуромки wygrавати,
Такъ не будешъ отца живого заставати!
Тогдѣжъ Еврасъ, гетьманъ молодой,
Ташлыккомъ рѣкою довогу гулявъ,
На бубны цуромки wygrававъ,
До дому приѣжавъ,
И отца живого не застававъ.

козацкій обозъ («Лѣтопись Самов.» изданія 1847 г., стр. 27.—«Лѣтопись Грабянки», стр. 152).

Погребеніе Хмельницькаго, по варіанту Метлинскаго, происходитъ гдѣ-то на высокой горѣ, въ Штомыномъ дворѣ, и сопровождается тѣми приѣмами, какіе обыкновенно приводятся въ думахъ при описаніи козака, умершаго въ степи ¹⁾. Поэтичнѣе и правдивѣе оно изображено по варіанту Максимовича отрицательнымъ сравненіемъ тучъ и вѣтровъ съ козацкою скорбью объ умершемъ гетьманѣ ²⁾.

По обоимъ варіантамъ дума, сообщивши о смерти и погребеніи Богдана Хмельницкаго, заглядываетъ въ дальнѣйшія страницы исторіи. По варіанту Метлинскаго, козаки почитали гетьманомъ сына Богданова только до тѣхъ поръ, пока слышали надъ собою старую голову Хмельницкаго; но когда не стало послѣдняго, они сказали ему: не идетъ тебѣ гетьмановать надъ нами козаками, а идетъ тебѣ наши козацкіе курѣни подметать ³⁾. По варіанту Максимовича, послѣ Хмельницкаго полтора года держалъ булаву «Луговскій», т.-е. Выговскій, а потомъ сотники и полковники, собравшись, избрали гетьманомъ Юрся Хмельниченка, и козаки произносили желаніе, чтобы далъ имъ Богъ жить при молодомъ гетьманѣ, какъ жили при старомъ, вкушать отъ него хлѣбъ-соль, разорять города турецкіе, добывать рыцарской славы козацкому войску ⁴⁾.

И по тому и по другому варіанту дума вѣрна здѣсь исторіи: варіантъ

¹⁾ Тогдѣ-то велѣвъ у Штомыномъ дворѣ

На высокой горѣ

Гробъ копати.

Тогдѣжъ-то козаки штыхами суходилъ копали,

Шлыками землю выносили,

Хмельницького похоронили,

Изъ розныхъ пицаль подзвонили,

По Хмельницькому похоронъ счинили.

²⁾ Не чорнии тучи ясне сонце заступали,

Не буйнии вѣтры въ темнѣмъ лузѣ бушували:

Козаки Хмельницького ховали,

Батька свого оплакали. (Макс., изд. 1849 г., стр. 81).

³⁾ . . . Козаки поки старую голову Хмельницького зачували,

Поты и Еврася Хмельниченка за гетьмана почитали;

А якъ не стали старой головы Хмельницкаго зачувати,

Не стали и Еврася Хмельниченка за гетьмана почитати.

Эй Еврасю Хмельниченку, гетьмане молодой!

Не подобало-бъ тебѣ надъ нами, козаками, гетьмановати,

А подобало-бъ тебѣ наши козацки куренѣ підмѣтати. (Метл. 399).

⁴⁾ Не багато Луговскій гетьмановавъ,

Пивтора года булаву державъ.

Скоро сотники, полковники прибували,

Юрся Хмельниченка гетьманомъ поставляли.

„Дай Боже,— козаки промовляли,—

За гетьмана молодого

Жити якъ за старого

Хлѣба-солѣ его вживати,

Города турецки плюндровати,

Славы лядарства козацкому войску доставати. (Макс. 1849 г., стр. 81).

Метлинскаго касается болѣе ранняго, вариантъ Максимовича — нѣсколько болѣе поздняго времени. Дѣйствительно, козацкіе старшины, угождая старику Богдану, дали ему слово возвести на гетманское достоинство его сына, но тотчасъ послѣ кончины Богдана избрали Выговскаго, а въ 1569 году, когда Выговскій, отпавши отъ царя, соединился съ поляками, отступились отъ него и избрали гетманомъ Юрія Хмельницкаго.

Мы рассмотрѣли весь находившійся въ нашемъ распоряженіи запасъ памятниковъ народной пѣсенности, относящейся къ эпохѣ Богдана Хмельницкаго. Многое, безъ сомнѣнія, унесено потокомъ времени еще тогда, когда наука не оцѣнивала важности простонародныхъ поэтическихъ произведеній и никому не являлась охота ихъ записывать и предавать печати. Но было бы слишкомъ самонадѣянно утверждать, что этнографія уже исчерпала всю народную сокровищницу въ этомъ отношеніи; вѣроятно, въ краѣ, населенномъ южноруссами, найдется не одинъ уголокъ, въ которомъ случайно собиратель народныхъ памятниковъ услышитъ неизвѣстную еще намъ какую-нибудь старинную пѣсню или думу о событіяхъ славной эпохи Хмельницкаго.

Б. Песнь Хмельницкаго.

Руина.—Чайка.—Перепелка.—Пѣсня о Дорошенкѣ.—Возобновленіе козачества въ правобережной Украинѣ.—Абазивъ.—Палій.—Палій и Мазепа.—Палій въ Сибири.—Палій подъ Полтавой.—Орликъ.—Цимбаленко и Швайка.—Гайдамащина.—Лѣсь Чута.—Лебеденко.—Пани Марусенька.—Левенцы.—Возстаніе Верлана.—Савва Чалій.—Битва подъ Солопковцами.—Медвѣдь.—Пятигоры.—Сотникъ Харько Жаботинскій.—Максимъ Залѣзнякъ.—Гопта.—Уманская рѣзня.—Усмирненіе Гайдамаковъ.—Казнь Гонты.—Швачка.—Панъ Каневскій староста и Бондаривна.—Панщина.—Пѣсни о страданіи народа подъ гнетомъ крѣпостного права у польскихъ пановъ.—Пѣсни объ уничтоженіи крѣпостничества.

Эпоха Богдана Хмельницкаго не окончила завязавшейся на животоѣ и на смерти борьбы южнорусскаго народа съ Польшею. Возникла и велась эта борьба за свободу южнорусскаго народа, а свобода не была достигнута вполнѣ; слѣдовательно, и вражда къ полякамъ не могла прекратиться. Въ самой той части южнорусскаго края, который Богданъ Хмельницкій успѣлъ уже освободить отъ польскаго господства и присоединить къ русскому міру, возникли пререкавія и недоразумѣнія съ московскою властью и поляки по смерти Богдана Хмельницкаго успѣли воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы образовать партію, которую можно было бы обманомъ отвлечь отъ Москвы къ Польшѣ. Отсюда отпаденіе Выговскаго и Юрія Хмельницкаго. Но партія, поддавшаяся обману, состояла только изъ козацкихъ старшинъ, да и тѣхъ большая часть недолго оставалась въ обольщеніи; народная же масса не пошла за ними, и новыя посягательства поляковъ на подчиненіе себѣ Украины встрѣчены были единодушнымъ энергическимъ отпоромъ. При гетманѣ Брюховецкомъ на правой сторонѣ Днѣпра разлилось горячее и широкое возстаніе народа противъ поляковъ, но оно не могло имѣть желаннаго успѣха безъ руководящей главы и почти безъ поддержки со стороны московской. Поляки все-таки не одолѣли этого возстанія собственными силами; имъ пособила московская политика, рѣшившаяся уступить Польшѣ обратно весь правый берегъ Днѣпра. Въ этомъ духѣ постановлено было Андрусовское пере-

мирі на 13 лѣтъ, и въ продолженіе этого срока предполагалось заключить окончательный миръ между Польшею и Московскимъ государствомъ. Всѣмъ малороссіянамъ отъ мала до велика ничего не могло быть противнѣе этого договора, такъ какъ договоръ этотъ стоялъ ребромъ противъ національнаго сознанія своего единства и крѣпкой принадлежности къ русскому міру. Вотъ пролетѣла разрушительною бурей десятилѣтняя эпоха Дорошенка. Ни за что не соглашаясь воротиться подъ ненавистное польское иго, не находя уже болѣе ни опоры, ни даже надежды на опору отъ московскаго правительства, украинскій народъ правой стороны Днѣпра былъ отданъ своимъ гетманомъ подъ верховное господство турецкаго султана; Украина подверглась опустошеніямъ и жители ея, убѣгая отъ господства и католическихъ пановъ и мусульманскихъ деспотовъ, уходили громадными толпами на лѣвый берегъ Днѣпра искать новаго отечества въ земляхъ, управляемыхъ единымъ подъ солнцемъ православнымъ монархомъ. Самъ Дорошенко, послѣ напрасныхъ метаній во всѣ стороны, отдался безусловно на милость того же монарха. Турки, не желая выпустить изъ-подъ своего господства Украины, выставили въ званіи своего подручника сына славнаго Богдана Юрія Хмельницкаго; но и это не удалось имъ: народъ продолжаетъ усерднѣе бѣжать изъ правобережной Украины въ Московское государство и, наконецъ, вся правобережная Украина совершенно пустѣетъ. Мы не въ состояніи рѣшить: до какой степени въ произведеніяхъ народнаго пѣсеннаго творчества отпечатлѣлась эта эпоха «Руины», какъ она называется въ современныхъ ей актахъ и въ народной памяти. Есть множество южнорусскихъ пѣсенъ, въ которыхъ говорится о переселеніи въ чужую сторону, о грустномъ житіи на чужой сторонѣ, о тоскѣ по оставленной родинѣ, есть даже такія, гдѣ говорится о бѣгствѣ въ Украину ¹⁾, о житіи въ Украинѣ чужой ²⁾ (при этомъ можетъ разумѣться слободская Украина, главный притонъ переселенцевъ съ праваго берега Днѣпра); но будетъ слишкомъ смѣло относить такія бытовыя пѣсни къ какому-нибудь опредѣленному историческому моменту. Гораздо съ большимъ правомъ позволимъ себѣ отнести къ эпохѣ «Руины» повсемѣстно распространенную пѣсню о чайкѣ, — пѣсню, въ которой подъ аллегорическимъ образомъ птицы «чайки» (по-великорусски — ~~пигалица~~) изображается Украина: такъ, по крайней мѣрѣ, издавна понимали и

¹⁾ Покинь батька, покинь матѣрь, покинь всю худобу,

Иди съ нами козаками на Украину на слободу.

На Украинѣ всёго много и паши и браги,

Не стоять тамъ вражи ляхи козацькїи враги,

На Украинѣ суха рыба изъ шапраномъ,

Будешъ жити изъ козакомъ якъ изъ наномъ,

А у Польци суха рыба изъ водою,

Будешъ жити съ вражимъ ляхомъ, якъ съ бѣдою!

²⁾ Ой гаю мій гаю, гаю зелененькій!

Що на тобѣ, гаю, вѣтроньку не має?

Вѣтроньку не має, гилля не колыше;

Братъ до сестриць часто листы пише;

Сестро моя, сестро, сестро Украинко!

Чи привыкла, сестро, на Украинѣ жити?

Ой брате мій, брате, треба привыкати:

Отъ роду далеко нѣкимъ наказати!

такъ теперь понимаютъ смыслъ этой пѣсни всѣ малороссіяне. Бѣдная «чайка» вывела при большой дорогѣ дѣтей и боится за нихъ: приближается время жатвы и жнецы могутъ забрать ихъ. Не знаетъ бѣдная птица, что съ собой дѣлать: утопиться ли или броситься съ горы и убиться ¹⁾. Чайку тѣснятъ двѣ птицы: куликъ и бугай (выпь); первый хватаетъ ее за хохольчикъ, другой грозить согнуть ее въ дугу за то, что она кричитъ; перваго она проклинаетъ, второму она жалобно объясняетъ, что нельзя ей не кричать, потому что у ней маленькія дѣти, а она ихъ мать ²⁾. Нельзя не согласиться со всеобщимъ толкованіемъ, что подъ этими двумя птицами разумѣлись два государства, спорившія за Украину—Польша и Московское государство; съ первой у ней нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго—и она ей отвѣчаетъ проклятіемъ, другой—она только жалуется; хотя и другая поступаетъ съ ней не очень дружелюбно, но она противъ ней не смѣетъ стать враждебно. Есть еще иная также аллегорическая пѣсня «перепелка»: маленькая птичка эта вылетаетъ рано, еще до свѣта, и ее предостерегаютъ, что она выколетъ себѣ глаза въ темнотѣ ³⁾. Перепелка говоритъ, что у нея маленькія дѣтки, нужно имъ найти кормъ ⁴⁾. Тогда дѣтки перепелята говорятъ матери: не печалься о насъ; мы подростемъ и разлетимся! Будетъ насъ много и по горамъ и по долинамъ, будетъ насъ много по чужимъ украинамъ ⁵⁾. И здѣсь въ перепелкѣ, какъ и въ чайкѣ, видятъ аллегорическій

¹⁾ Ой бѣда чайцѣ, чайцѣ небозѣ,

Що вывела дѣтки при битій дорогѣ.

Киги! киги! злетѣвши въ гору,

Прійшлось втопиться въ Чорному морю!

Жито послѣло, прислѣло дѣло;

Идуть женцѣ жаги, дѣтокъ забѣрати!

Киги! киги! злетѣвши въ гору,

Прійшлось втопиться въ Чорному морю!

Ой дѣти, дѣти! Где васъ подѣти?

Чи менѣ втопиться, чи съ горы убиться?

Киги! киги! Злетѣвши въ гору,

Прійшлось втопиться въ Чорному морю!

²⁾ И куликъ чайку, взявъ за чубайку;

Чайка кигиче: згинь ты, куличе!

Киги! киги! злетѣвши въ гору,

Прійшлось втопиться въ Чорному морю!

И бугай: бугу! гне чайку въ дугу;

Не кричи, чайко, бо буде тязко!

Киги! киги! и проч.

Якъ не кричати, якъ не лѣтати:

Дѣтки маленьки, а я ихъ мати!

Киги! киги! и проч.

³⁾ Перепѣлочка, мала невеличка.

Не вылѣтай рано по-ночи,

⁴⁾ Пывыколнешь на былиночку очи.

Ой якъ менѣ рано въ полѣ не летѣти,

Треба годовати маленькіи дѣти.

⁵⁾ Не журися матѣнко нами,

Щедростемо, розлетѣмося сами.

скій образъ Украины, которая до разсвѣта слишкомъ рано, когда еще вездѣ темно, выступаетъ въ свѣтъ—то-есть на историческое поприще, какъ привыкли мы выражаться въ наше время. Ея дѣти заранѣе говорятъ, что они разойдутся, разселятся, чтó и произошло съ южнорусскимъ народомъ, который, вынужденный въ эпоху «Руины» покидать свои древнія жилища на правомъ берегу Днѣпра, все двигался переселеніями своими къ востоку, пока, наконецъ, его колоніи (слободы) очутились вблизи Тихаго океана на берегахъ Усури.

Изъ произведеній пѣсеннаго творчества, прямо относящихся къ эпохѣ Руины съ именами тогдашнихъ историческихъ дѣятелей, мы укажемъ на пѣсню о Дорошенкѣ, которую мы привели выше, и гдѣ излагается печальная эпоха Руины.

Послѣ «Руины» и окончательнаго выхода жителей съ праваго берега въ мирныхъ договорахъ Россіи съ Турціею и Польшею постановлено было правобережной Украинѣ оставаться навсегда впустѣ. Но не все можно привести въ дѣло изъ того, чтó можно писать на бумагѣ. Украина праваго берега скоро стала снова заселяться. Польскій король Янъ Собѣскій, поставившій себѣ задачу войну съ турками, видѣлъ для этой цѣли полезность козацкой силы и въ 1684 году издалъ универсалъ о возобновленіи козачества, предоставляя ему украинскія пустыни для заселенія. Универсалъ этотъ, утвержденный въ слѣдующемъ году сеймомъ, произвелъ волненіе въ южнорусскомъ народѣ, жившемъ въ областяхъ, принадлежавшихъ Польшѣ, и въ краѣ, поступившемъ подъ власть московскаго государя. Народъ бѣжалъ въ пустыни правобережныя отовсюду, хотя малороссійскіе гетманы лѣваго берега Украины, Самойловичъ и преемникъ его Мазепа, по волѣ верховнаго московскаго правительства, употребляли суровыя и жестокія мѣры противъ бѣглецовъ. Въ правобережной Украинѣ явились козацкіе полки и надъ ними полковники: Самуель, Искра, Абазинъ и славный своего времени богатырь—Палѣй. Разомъ съ возобновленіемъ козачества возобновились прежняя вражда южноруссовъ съ поляками. Палѣй основался въ городѣ Хвастовѣ, бывшей нѣкогда маестности кievскаго католическаго епископа, и устроилъ изъ бѣглецовъ многочисленный козацкій полкъ, расположенный жительствовавъ на территоріи бывшаго бѣлоцерковскаго полка. Такъ какъ Палѣй съ своимъ полкомъ находился вблизи Польшы и Волыни, гдѣ сохранялось господство польской шляхты, то его полкъ болѣе другихъ сталъ вести борьбу съ поляками. Козаки безпрестанно нападали на панскія и шляхетскія имѣнія, изгоняли поляковъ и жидовъ, обращали мѣстности въ козачества и, такимъ образомъ, расширяли предѣлы козацкой области. Болѣе десяти лѣтъ велась такая борьба, поддерживаемая и другими полковниками въ новозаселявшейся Украинѣ, борьба, явно за давняша цѣлью освобожденія южнорусскаго народа отъ польскаго господства. Нѣсколько разъ Палѣй обращался къ московскому правительству съ моленіями взять подъ свою опеку правобережныхъ козаковъ и присоединить ихъ область къ лѣвобережной Украинѣ; но царь Петръ постоянно отказывалъ ему, не желая вступать въ непріязненныя отношенія къ Польшѣ. По смерти польскаго короля Яна Собѣскаго, въ царствованіе преемника его Августа II, въ 1699 году сеймовою конституціею уничтожалось козачество и отъ всѣхъ правобережныхъ козаковъ требовалось: либо добровольно поступить подъ власть пановъ и ста-

Буде насъ, мати, по горахъ по долинахъ,
Буде насъ, мати, по чужихъ украиннахъ.

рость, либо уходить из края. Паны являлись съ вооруженными командами, съ ними стали набѣжать ненавидные южнорусскому народу іудеи арендаторы.

Это произвело рѣшительное всеобщее возстаніе въ 1702 году. Главнымъ дѣятелемъ въ немъ съ южнорусской стороны былъ все тотъ же Палѣй. Его пособниками были полковники: Самусь въ Богуславѣ, Искра въ Корсунѣ, Абазинъ въ Немировѣ и другіе полковники въ подольскихъ городахъ. Вездѣ по Украинѣ козаки стали избивать польскія хоругви, пришедшія въ край для водворенія польскаго порядка, и разсылать воззванія къ крестьянамъ, призывая ихъ подниматься противъ своихъ владѣльцевъ. Провозглашалась конечная цѣль: освобожденіе всего народа и изгнаніе ляховъ изъ Украины навсегда ¹⁾. Вспыхнуло разомъ крестьянское возстаніе около Каменца, Летичева. Межибожа, Бара, на Волини около Константинова, Луцка... Вооруженныя шайки напали на панскіе двory, костелы, истребляли шляхту, ксендзовъ и жидовъ, отрубали имъ руки и ноги, насилывали женщинъ и дѣвицъ шляхетскаго званія; другіе поселяне забирали съ собою семьи свои, сожигали собственныя хаты и сѣтшили переходить въ Украину, въ козаки, по призыву козацкихъ полковниковъ. Полякамъ не легко было въ скоромъ времени погасить это возстаніе: войско польское было занято военными дѣйствіями противъ шведовъ, такъ какъ король Августъ II, въ союзѣ съ Петромъ, объявилъ тогда войну Карлу XII-му. Потому-то первыя попытки усмирить южноруссовъ кончились неудачею. 16 октября 1702 года польское войско, состоявшее изъ шляхетскаго ополченія воеводства подольскаго и волинскаго, подъ начальствомъ Потоцкихъ, было разбито козаками подъ Бердичевомъ. Но въ слѣдующую затѣмъ зиму поляки поправились. Коронный польный гетманъ Сѣнявскій разсѣялъ одну за другою крестьянскія шайки, выгнавъ Самуся и Абазина изъ Немирова, вступилъ въ Браславщину и, преслѣдуя Абазина, осадилъ его въ Ладыжинѣ; Абазинъ съ двумя тысячами возставшаго народа защищался отчаянно, потерялъ три четверти своихъ силъ и, наконецъ, самъ взятъ былъ въ плѣнъ.

Тогда началась расправа: множество подолянъ съ полковниками Дубинуо и Скоричемъ успѣли уйти въ Молдавію ²⁾, жители городовъ и селъ, участвовавшіе въ возстаніи, были осуждены поляками на безжалостное истребленіе и свирѣпыя кары. По предложенію Юсіа Потоцкаго, какъ свидѣтельствуемъ современный польскій историкъ Отвиновскій, всѣмъ крестьянамъ, кого только изъ нихъ подозрѣвали въ участіи въ возстаніи, рѣзали лѣвое ухо и, если вѣрить означенному историку, такимъ образомъ было тогда заклемено до 70.000 народа (Otwinowski, str. 42). Затѣмъ всѣ оставшіеся крестьяне подольскаго и волинскаго воеводства были обложены поборами и работами, а у тѣхъ, которые участвовали въ бывшемъ возстаніи, отнимали весь скотъ на прокормленіе войску. Самъ Абазинъ былъ посаженъ на колъ.

Почему именно Абазинъ, который не былъ, однако, главнымъ двигателемъ

¹⁾ Żeby od tego czasu Łaszkwowie z ojczyzn naszych ukraińskich ustępowali i więcej już na Ukrainie nie rozpościerali się.

²⁾ Poszli na wołoski kraj Kalus, Uszyca z włościami, Łojowce, Kozłow, Łatawa, Łaskowce, Jaryszow, Zwana, Mohylow, owo zgoła od samego Mohylowa począwszy wszystkie dobra które zbuntował Skorycz wielki zdrajca poszli za nim za Dniestr. (Арх. юроз. р. ч. III, 2 стр. 561)

этого возстанія, какъ можно заключать изъ современныхъ актовъ, является въ народной поэзіи одинъ, какъ герой этой эпохи, объяснить трудно по неимѣнью памятниковъ, которые бы вводили насъ въ подробности тогдашнихъ событій и всѣхъ бытовыхъ условій. Быть можетъ, этому содѣйствовалъ трагическій конецъ его. Пѣсня объ Абазинѣ напечатана въ числѣ галицкихъ пѣсень въ Читеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей (1863 г. ч. III, стр. 13). Она начинается какъ бы любовною пѣснью: женщина тоскуеть о своемъ миломъ, чернобровомъ Абазинѣ, козакъ пишетъ къ ней, что воротится къ ней черезъ пять недѣль съ половиною, но его возлюбленная не перестаетъ изнывать отъ тоски ¹⁾. Затѣмъ описывается какъ Абазинъ ѣдетъ на гнѣдомъ конѣ, подѣзжаетъ къ Ладыжину, преслѣдуемый ляхами. Дано знать козаку Палѣнку, чтобъ шель на выручку, но Палѣнку не подоспѣлъ и пришлось козакамъ погибать ²⁾.

Уже въ этой части пѣсни въ описаніи сѣзда козаковъ съ горы и въ обращеніи Абазина къ своему коню замѣтно сходство съ пѣсней о Берестечкомъ дѣлѣ, приписываемомъ Нечаю. Далѣе еще болѣе проявляется это сходство, показывающее, что ходившіе въ народѣ образы изъ пѣсни о Нечаѣ цѣликомъ вошли въ новосоставленную пѣсню объ Абазинѣ ³⁾. Тѣ же вопросы о его женѣ, воронныхъ коняхъ, возахъ, одеждахъ и прочая, подобные же отвѣты ⁴⁾. Сразу

¹⁾ Ой закурила затопила сырими дровами;
Ой не машь мого Абазина съ чорными бровами;
Ой у полѣ вѣтеръ дыше, былину колыше,
Козаченько до милои штыри листы пише!
Ой не тужи, моя мила, въ тугу не вдавайся,
За пившести недѣленьки мене сподѣвайся.
Видить мѣ ся козаченьку, въ тугу не вдаюся,
Противъ тебе выходжаю, безъ вѣтру валюся.
Коло гаю походжаю, гаю не рубаю,
А въ Вербивцѣ пробуваю милого не маю.

²⁾ Ой спускалися козаченьки зъ високои горы,
На передѣ Абазинъ да на гнѣдомъ конѣ,
Ой ступай ступай, гнѣдый коню, прудкою ступою;
Гей не далеко въ Ладыжинѣ лишеньки за мною!
Ой вдарено въ Бѣлой Церквѣ зъ ручної гарматы,
Щобы їхавъ Палѣнко козакъ рятовати,
Ой не выѣзжавъ Палѣнко козакъ рятовати,
Гей прійшлося козаченькамъ марне погибати.
Ой здыбалися козаченьки въ Ладыжинѣ въ лѣсѣ,
Не едень тамъ козаченько головою звѣсивъ!

³⁾ Ой не встигъ же Абазинъ на коника всѣсти,
Поглянеся назадъ себе,—повно ляхивъ въ мѣстѣ.
Ой то тобѣ, Абазине, видъ ляховъ заплата,
Середь рынку въ Немировѣ головонька знята.
Ой вдарився Абазинъ въ кулю головою;
Ой вжежъ менѣ не бувати зъ дѣтьми и зъ жоною.

⁴⁾ — А гдежъ твоя, Абазинъ, Базишиха панѣ?
— Пидь мѣстечкомъ Берестечкомъ зъ усѣма ляхами.
— Ой гдежъ твои, Абазине, воронни конѣ?
„Ой у мѣстѣ Берестечку въ куны на припонѣ.
— Ой гдежъ твои, Абазине, окованѣ возы?

опредѣлить можно, что пѣсня эта сложилась тогда, когда уже гений народнаго творчества руководствовался прежними старыми образцами.

Возстаніе народа было подавлено, но не уничтожено. Палѣй овладѣлъ Бѣлоу-Церковью и ни за что не хотѣлъ оставить ее вновь полякамъ. Самусь въ Богуславѣ, Искра въ Корсунѣ укрѣпляли свои городки, расширяли область козацкаго владѣнія и выжидали времени, чтобъ снова, вмѣстѣ съ Палѣемъ, подяться за освобожденіе Украины отъ польской власти. Душею народнаго движенія былъ постоянно Палѣй. Этотъ человекъ былъ родомъ изъ Борзны и назывался Семень Гурко. Прозвище Палѣй дано было ему запорожцами. Палѣй малорусски значитъ зажигатель. Получивши хорошее по тому времени воспитаніе, можетъ быть въ кievской коллегіи, Гурко служилъ козакомъ въ нѣжинскомъ полку, тамъ женился, овдовѣлъ и потомъ отправился въ Запорожье. Это было приблизительно въ началѣ шестидесятыхъ годовъ XVIII вѣка, такъ какъ извѣстно, что въ 1677 году у него была уже взрослая дочь, вышедшая за Танскаго. При королѣ Янѣ Собѣскомъ Палѣй вступилъ въ королевскую службу, участвовалъ въ войнахъ противъ турокъ и татаръ, сдѣлался предводителемъ охочаго полка козаковъ и установился, какъ сказано выше, въ Хвостовѣ. Тамъ женился онъ на второй женѣ, которая была вдова, сестра какого-то Саввы, и отъ перваго мужа имѣла сына; и братъ ея Савва и сынъ Семашко были ревностными пособниками Палѣя во все время его дѣятельности. Палѣй преслѣдовалъ неуклонно одну цѣль: заселить снова опустѣлую Украину и сдѣлать ее свободною отъ господства поляковъ. Территорія, занятая имъ, быстро населялась приходившими отовсюду малоруссами; охочій полкъ его возрасталъ числомъ козаковъ и становился все болѣе и болѣе опаснымъ для поляковъ. Подчиненные чрезвычайно любили начальника. Палѣй во всей Украинѣ обѣихъ сторонъ Днѣпра приобрѣлъ въ народѣ и славу и любовь, именно за то, что былъ вѣренъ народному идеалу, стремился къ такой цѣли, которая для всѣхъ малоруссовъ отъ мала до велика давно уже стала завѣтною задачею политическаго бытія—освободить южнорусскій народъ отъ власти всякаго панства, въ какой бы формѣ оно ни укрылось, и утвердить въ немъ вольный козацкій строй подъ верховной властью единаго русскаго православнаго монарха. Того желали всѣ малоруссы уже давно, но не желали того въ Москвѣ. Палѣй безпрестанно обращался къ царю Петру, умоляя принять подъ свою царскую руку правобережную Украину и повѣрить ее управленію малороссійскаго гетмана. О томъ же посылали прошенія Самусь и Искра. На всѣ такія мольбы отъ царя давался безпрестанно одинъ и тотъ же отказъ. Этого мало. Поляки, занятые войною со шведами, не могли обратитъ достаточно военной силы для уничтоженія Палѣя и обращались къ царю Петру съ просьбою оказать имъ съ своей стороны содѣйствіе къ подавленію мятежа въ Украинѣ, и царь Петръ по такой просьбѣ давалъ Палѣю приказаніе сдать полякамъ присвоенную имъ Бѣлоу-Церковь, не допускать своихъ козаковъ причинять разоренія польскимъ панамъ и шляхетству въ По-

„Подъ мѣстечкомъ Берестечкомъ заточенъ въ лозы,

— Ой где твои, Абазине, сукнѣ едамашки?

„Ой побрали вражи лахи паннамъ на запаски...

— Ой где твои, Абазине, писанни скрнѣ?

„Ой побрали вражи лахи, що пасали свинѣ.

лѣсьѣ, на Волинѣ и въ подольскомъ воеводствѣ, оставаться въ повиновеніи королю Августу и поставленнымъ отъ него властямъ. Палѣй не слушалъ царя, отдѣлывался отъ исполненія царской воли разными отговорками и проволочками. Между тѣмъ, въ Польшѣ произошелъ государственный расколъ. Карлъ XII, побѣдивши короля Августа, образовалъ въ Польшѣ противную послѣднему партію, которая при живомъ королѣ избрала въ короли другое лицо—познанскаго воеводу Станислава Лещинскаго. Тогда все польское шляхетство разбилось на два враждебные стана.

Одни поляки стояли за короля Августа, другіе за короля Станислава и, по обычному польскому легкомыслію, многіе по нѣскольку разъ перебѣгали то къ тому, то къ другому, мѣняя свою присягу и убѣжденія. Гетманъ Мазепа не любилъ втайнѣ Палѣя уже по разности принципозъ, которыхъ держались тотъ и другой: Мазепа, по своему воспитанію, впечатлѣніямъ юности, привычкамъ и составившимся убѣжденіямъ, былъ весь душою полякъ и пань; Палѣй—истинный козакъ, неумолимый врагъ всякаго поляка и пана. Мазепа, зная, какъ усиливалась въ народѣ любовь къ Палѣю, считалъ его для себя и опаснымъ соперникомъ въ будущемъ. Сначала Мазепа относился въ своихъ писаніяхъ, посылаемыхъ въ Москву, очень дружелюбно и сочувственно о Палѣѣ, потомъ изображалъ его безпросыпнымъ пьяницею, способнымъ, подъ вліяніемъ виновныхъ паровъ, на всякое безразсудство, наконецъ, сообщалъ, что Палѣй сблизается съ Любомирскими, которые тогда сдѣлались сторонниками Станислава Лещинскаго. Московское правительство дало Мазепѣ приказаніе найти, по своему усмотрѣнію, способъ захватить Палѣя и отдать подъ караулъ. Мазепа, на своемъ военномъ пути на Волинь, куда шелъ съ войскомъ по царскому указу въ іюлѣ 1704 года, пригласилъ къ себѣ въ станъ подъ Бердичевомъ Палѣя, арестовалъ его вмѣстѣ съ его пасынкомъ Семашкомъ, взялъ потомъ Бѣлую Церковь, назначилъ вмѣсто Палѣя полковникомъ другое лицо (нѣкоего Омельченка) и отправилъ Палѣя и Семашку въ Батуринъ. Тамъ ихъ держали нѣкоторое время въ тюрьмѣ, потомъ передали русскимъ властямъ. Палѣй былъ сосланъ въ Енисейскъ.

Уже не первый разъ Семенъ Палѣй былъ въ неволѣ. Еще нѣсколько лѣтъ назадъ поляки какимъ-то обманомъ схватили его и заслали въ Маріенбургъ (Лѣт. Граб., стр. 240. Симоновск. кр. опис. о козацк. малор. народѣ, стр. 118). Но Палѣю удалось уйти изъ заточенія (въ лѣтоп. Грабянки: по доволномъ сидѣніи, на нарочно подведеннаго коня, въ кайданкахъ спадши къ своему войску прибѣгъ). Въ исторіи Руссовъ (стр. 189) разсказывается, какъ козаки выручили своего полковника изъ заточенія: они снарядили большой воловий обозъ и наложили на везы товары, покрывъ ихъ кожами, а между товаромъ на возахъ подъ слоємъ шерсти и кожъ спрятано было триста молодцовъ. Подойдя къ городу Маріенбургу, они упросили дозволеніе везти обозъ въ городъ, а для пастыбища воламъ наняли городское поле подъ городомъ. Когда наступила ночь, скрытые въ фурахъ козаки вышли, пробрались въ замокъ, схватили привратниковъ, освободили Палѣя и увезли съ собою. Погоня ихъ поймавъ не успѣла. Приписываемая неправильно архіепископу Конисскому исторія Руссовъ до того преисполнена ошибками и выдумками, что извѣстія, сообщаемыя ею только одною, не могутъ имѣть никакого значенія; но здѣсь представляются данныя, побуждающія насъ догадываться, что сказаніе это о Палѣѣ не совершенно измышлено фантазією автора, а въ основаніи своемъ заимствовано изъ

народнаго преданія. Есть у насъ пѣсня, записанная изъ устъ народа въ Каневскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи; тамъ описывается сходное событіе, отнесенное къ городу Щуцкуну (?). Какой-то бурлакъ ночью созываетъ молодцовъ, народъ мастеровой (т.-е. искусный), приглашаетъ приобрести какой-то широкій листъ (т.-е. пробѣздную грамату), взять полтораста и семь возовъ, полтораста паръ воловъ, посадить на нихъ по семи молодцовъ, на каждомъ восьмомъ возѣ—погонялу, на каждомъ девятомъ—кухаря, а на каждомъ десятомъ сторожею и такъ ѣхать въ Щуцкунъ на базаръ. «Вотъ, какъ мы станемъ въ темныхъ улицахъ—придетъ къ намъ купецъ молодой и станетъ спрашивать: какой такой дорогой товаръ въ вашихъ возахъ? У насъ куницы, лисицы и черные соболи. Какъ откроется рогожа—а тамъ добрые молодцы»¹⁾. Конечно, такъ какъ имя Палѣя здѣсь не упоминается, то мы не считаемъ себя въ правѣ признавать несомнѣннымъ принадлежность этой пѣсни къ событію съ Палѣемъ, но, тѣмъ не менѣе, всякій увидитъ, что пѣсня эта, всего вѣроятнѣе, могла сложиться на основаніи такого событія, ставшаго народною легендою.

Гораздо рѣзче и вѣрнѣе отразилось въ произведеніяхъ народнаго пѣсеннаго творчества второе взятіе Палѣя въ неволю, совершенное Мазепою. Пѣсня объ этомъ довольно распространена въ разныхъ вариантахъ, мало имѣющихъ между собою существенной разницы. Думаетъ Мазепа: какъ бы ему звать Семена Палѣя къ себѣ на пирушку,—проситъ его на чашу вина, Палѣй смекаетъ, что Мазепа хочетъ его сгубить, отказывается и укоряетъ его прямо въ коварствѣ²⁾. Мазепа въ другой разъ зоветъ его—на охоту, увѣряетъ, что съ нимъ не сдѣлается ничего дурного. Палѣй на этотъ разъ поддается, ѣдетъ къ Мазепѣ и едва сходитъ съ коня, какъ Мазепа угощаетъ его медомъ и виномъ³⁾. Во время пирушки одинъ изъ собесѣдниковъ, Максимъ Искра, тайно предупре-

¹⁾ Крикнувъ на хлопцѣвъ бурлака въ ночи:

Гей сбѣрайтеся, братья, на усе народъ майстровый,
Ой закупи́мо мы, братья, да широкій листъ набольшій,
Зробимо, братья, пивтора́ста сѣмъ возивъ,
Закупи́мо мы, братья, пивтора́ста паръ воливъ,
Да якъ поса́димо, братья, по сѣмъ молодцѣвъ,
А на восьмому для поганяночка,
По девятому за-для-куховарочка,
По десятому за-для осторожности.
Поѣ́демо, братья, у Щуцкунъ на базаръ,
А якъ станемъ, братья, все по темнымъ улицамъ,
При́йде якъ намъ славный купецъ молодой!
— Гей що въ вашихъ возахъ да за товаръ дорогой?—
„У насъ куницѣ, да лисицѣ, да чорныи соболю!“
Якъ отърыне рогожу, ажъ тамъ добры молодцѣ.

²⁾ Ой не знавъ, не знавъ проклятый Мазепа якъ Палѣя ззвати.

Ой ставъ же ставъ проклятый Мазепа на бенкетъ запрошати.
— Ой прошу тебе, Семене Палѣю, по чаши вина нити.—
„Брешешъ, брешешъ, вражий сыну, хочешъ мене згубити“.

³⁾ — Ой при́йды, при́йды, Семене Палѣю, на охоту до мене;

— Ой не буде тобѣ, Семене Палѣю, кривды отъ мене“.
Ой при́йхавъ Палѣй Семень да ставъ зъ коня вставати,
Ставъ ёго песь Мазепа медомъ-виномъ частовати.

ждаетъ Палѣя, что Мазепа что-то недоброе затѣялъ ¹⁾. Семень Палѣй пьетъ-гуляетъ и ужъ склоняетъ голову, а въ это время чура (иначе джура) Мазепы готовить на него кандалы. Семень Палѣй упился до того, что свалился съ ногъ. Тогда Мазепа приказываетъ своимъ слугамъ заковать его и везти въ тюрьму, а самъ пишетъ къ царю, что Семень Палѣй измѣнникъ, хочетъ отступить отъ Царя, рубить московскихъ людей съ тѣмъ, чтобъ самому ему царствовать въ столицѣ. Палѣй, сидя въ темницѣ, возглашаетъ, что проклятый Мазепа лжетъ, самъ онъ сносится со шведами ²⁾.

Изъ многихъ вариантовъ этой пѣсни мы привели ее здѣсь по двумъ: одинъ напечатанъ въ Полтавскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1860 г. въ № 14—15. Другой, записанный въ селѣ Суботовѣ Чигиринскаго уѣзда, похожъ на предыдущій, видѣ не былъ напечатанъ.

Народъ не покинулъ своею любовью Палѣя и въ ссылкѣ. Сложилась пѣсня о его пребываніи въ Сибири. «Высоко восходитъ солнце, низко заходитъ, гдѣ-то нашъ Семень Палѣй бродитъ въ Сибири» ³⁾. Такъ начинается эта поэтическая пѣсня. Далѣе описывается, какъ Палѣй подзываетъ къ себѣ своего вѣрнаго чуру по имени Стоуся, и собирается идти въ часовню—молиться Богу; онъ чувствуетъ себя усталымъ, дряхлымъ отъ старости, ему нужно молиться, чтобы Богъ помиловалъ его душу грѣшную. Чура надѣваетъ на него сѣрый кафтанъ (свиту) и даетъ ему въ руки еловую вѣтвь. Семень Палѣй идетъ молиться

¹⁾ А тамъ Максимъ Искра сидитъ про Мазепу добре знаетъ,
Палѣевъ Семеновъ оттакъ промовляе:

Ой годѣ, Семене Палѣю, въ Мазепы вина пити,
Ой хоче Мазепа проклятый тебе вбити!

²⁾ Ой пѣ Палѣй пѣ Семень да головоньку клонитъ,
А Мазепинъ чура Палѣю Семену кайданы готовить.
Ой пѣ Палѣй ой пѣ Семень да изъ нигъ извалился,
Дуже тому гетьманъ Мазепа стоя звеселился.
Ой якъ крикне проклятый Мазепа на свои гайдучки:
Ой визьмѣтъ Палѣя Семена да у тѣсиѣ руки!
Ой якъ крикне пѣсь Мазепа проклятый на свои дейтары.
Ой визьмѣтъ Палѣя Семена да залите въ кайданы!
Ой залили Семена Палѣя у тугіи скрипицѣ,
Да вкинули Семена Палѣя въ темніи темницѣ;
Не давъ гетьманъ Палѣю Семену ни їсти ни пити,
Докиль не выславъ проклятый Мазепа на столицю листы,
Оттожь тебѣ, промовляе, царю: есть Палѣй измѣнникъ.
— Винъ тебе хоче вже отступати, въ пень Москву рубати,
— А самъ хоче вже на столицѣ царемъ царевати.
Ой щожъ мовитъ да Палѣй Семень сидючи у темницѣ:
„Бреше, бреше пѣсь проклятый Мазепа въ листахъ на столицѣ“.
Ой хмелю-жъ мий хмелю зелененькій чомъ головокъ не складаешъ?
Ой либонь ти, проклятый Мазепа, изъ шведомъ накладаешъ!
Ой хмелю-жъ мий хмелю зелененькій часъ изъ тичины до долу!
Не пускай, Семене Палѣю, тихъ шведивъ до дому!

³⁾ Высоко сонце сходить, низенько ложиться;
Ой гдѣсь-то панъ Семень Палѣй тепера журиться?
Высоко сонце сходить, низенько заходитъ;
Ой гдѣсь-то панъ Семень Палѣй по Сибиру бродить?

Богу и не знаетъ, что ему дѣлать: молиться или тосковать ¹⁾. Вотъ онъ возвращается домой, садится въ шатръ, беретъ въ руки бандуру. Отчего пѣсня помѣщается сосланнаго въ Сибирь Палѣя въ шатръ — указать мы не беремся: можетъ быть, это вошло въ пѣсню по рутинной привычкѣ изображать козака въ шатрѣ, какъ въ принадлежности боевой жизни. Но бандура въ давнія времена не была, какъ теперь, исключительнымъ достояніемъ пѣвцовъ ходячихъ да еще къ тому слѣпыхъ. Тогда всякій молодець-козакъ, умѣвшій владѣть струнами, возилъ съ собою бандуру для собственнаго утѣшенія, и съ помощью этого народнаго музыкальнаго инструмента слагались героическія пѣсни рыцарей. Палѣй, какъ видно, былъ поэтъ-творецъ: онъ поетъ пѣсню, совершенно подходящую къ его положенію, — пѣсню, исполненную философскаго размышленія: «бѣда жить въ свѣтѣ; тотъ, заложивши свою душу, украшаетъ себя золотымъ шитьемъ кафтанъ, а другой въ Сибири, словно въ дремучемъ лѣсу, словяется безпріютнымъ и одинокимъ» ²⁾.

Сосланному Палѣю не довелось угаснуть въ Сибирскихъ снѣжныхъ пустыняхъ, какъ многимъ его землякамъ, прежде него туда отправленнымъ. Мазепа отступилъ отъ царя, передался шведамъ. Тогда вспомнилъ царь о Палѣѣ, приказалъ освободить его и возвратить въ Украину. Это была одна изъ немногихъ уцѣлѣвшихъ жертвъ коварства малороссійскихъ старшинъ и московской несправедливости. Царь вспомнилъ тогда и о несчастномъ Самойловичѣ, но уже не было въ живыхъ ни его самого, ни потомковъ его мужескаго пола. Палѣй былъ въ царское войско и, по извѣстію украинскихъ лѣтописцевъ, участвовалъ въ полтавской битвѣ; хотя онъ былъ уже такъ немощенъ, что безъ поддержки не могъ сѣсть на коня, однако своимъ присутствіемъ и рѣчами ободрялъ своихъ земляковъ, воевавшихъ вмѣстѣ съ русскимъ войскомъ противъ шведовъ и мазепинцевъ. Народная фантазія въ своихъ изустныхъ легендахъ и отчасти въ пѣсняхъ даетъ большое значеніе этому участію и самую судьбу Палѣя расцвѣчиваетъ чудесными вымыслами. «Палѣй сидѣлъ въ заточеніи, замурованнымъ въ стѣнѣ, куда его запровадилъ чрезъ клевету (брехнею) Мазепа, замышлявшій поднять войну противъ царя. Когда шведъ осадилъ Полтаву, царь Петръ искалъ такого богатыря, который бы могъ отстоять Полтаву. Царю указали на Палѣя. Царь не зналъ даже, что Палѣй живъ на свѣтѣ и приказалъ представить его

1) Ой чуро мий чуро, мий вѣрний Стоусю.

Ой ходѣмо до канлицѣ, Богу помолюся!
Ой Боговъ помолюся, святымъ поклонюся,
Зледащѣвъ я понурый, старенькимъ сдаюся,
Старенькимъ сдаюся, молитися мушу:

Хай милуе Милостивый мою грѣшну душу!
Ой натягнувъ ёму чура да сѣрую свиту,
Да давъ ёму въ руки еловую вѣту.
Пийшовъ панъ Палѣй Семень Боговъ молитися,
Не то Боговъ молитися, а не то журитися.

2) Прийшовъ панъ Палѣй до дому да й сѣвъ у намѣтѣ,
На бандурицѣ выгравае: лихо жити въ свѣтѣ!
Той, душу заклавши, свиту, бачъ, гантуе,
А той по Сибиру, мовъ въ лузѣ, дубуе!

(Максим. Укр. Пѣсни 1834, стр. 113).

предъ свою особу. Вывели Палѣя изъ тюрьмы. Онъ былъ такъ старъ и дряхлъ, что весь трясся. Покормили, попили Палѣя дня три, сталъ онъ входить въ силу. Царь велѣлъ ему достать наилучшаго коня. Но не могли достать подходящаго Палѣю коня, пока онъ не увидалъ жидка, который везъ бочку воды на клячѣ. Эта кляча, худая и заморенная, былъ прежній боевой конь Палѣя, бѣлой масти. Ты бѣлъ, а я сѣдъ, сказала Палѣи коню,—послужимъ же бѣлому царю! Сѣлъ онъ на своего коня и поѣхалъ къ непріятельскому войску. Обладатель Палѣи такимъ даромъ, что будетъ ѣздить промежду чужимъ войскомъ и никто его не увидитъ, а на кого онъ кинетъ взглядъ, тотъ его взгляда не выдержитъ. Видитъ Палѣи: сидитъ Мазепа со шведомъ, по однимъ вариантамъ, въ шатрѣ, по другимъ—на вершинѣ какого-то каменнаго зданія, и пьютъ себѣ чай или обѣдаютъ. Палѣи зарядилъ серебряной пулею ружье, выстрѣлилъ и попалъ въ сосудъ, изъ котораго хлебалъ чай или ѣлъ какое-то кушанье Мазепа. Тотчасъ догадался Мазепа, что это Палѣи явился. На Мазепу напалъ страхъ и сообщилъ всѣмъ его приверженцамъ и всему шведскому войску. Царскіе непріатели пустились бѣжать въ такой суматохѣ, что сами своихъ убивали». По другимъ вариантамъ, проклятый Мазепа не бѣжалъ, а тотчасъ выпилъ ядъ, который при себѣ носилъ, и отъ дѣйствія отравы тутъ же, на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ, пропалъ, а Палѣи приказалъ палками, не тратя зарядовъ, прогнать непріятельскія силы. Былъ Палѣи «знатникъ», но не волшебствомъ, а чиномъ ангельскимъ далась ему та вѣщная наука—«по божому». Легенда эта ходитъ въ устахъ народа въ очень разнообразныхъ вариантахъ, и нѣкоторые варианты были напечатаны въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша (ч. I, стр. 115—128) и въ сборникѣ Малорусскихъ преданій и разсказовъ Драгоманова (стр. 201—208). Изъ этой приведенной нами легенды видно ясно, что народная фантазія приписала Палѣю Полтавскую побѣду надъ Мазепою и его союзниками. Сообразно тому, онъ является такимъ же богатыремъ-побѣдителемъ и въ думѣ, напечатанной у Максимовича въ изданіи 1849 года. Собирались—говорится въ этой думѣ—въ городѣ Лебединѣ (гдѣ, дѣйствительно, находилась главная царская квартира во время вторженія шведовъ въ Малороссію) цари и князи, и порѣшили воротить Семена Палѣя изъ Сибири ¹⁾, куда заслалъ его проклятый Мазепа, который безвинно сгубилъ еще Кочубея и Искру ²⁾. Въ великомъ посту, съ наступленіемъ весенней погоды прибылъ Семень Палѣи къ Бѣлому царю въ столицу, и радость была великому государю отъ пріѣзда такого великаго рыцаря ³⁾. Но если радость была царю, то бѣда грозила Мазепѣ. Сталъ онъ говорить шведскому королю: шведскій король, благодѣтель найяснѣйшій, мой государь! Доставать ли намъ Полтаву или уходить изъ-подъ Полтавы? Москва не даромъ насъ кругомъ обступила. У Семена Палѣя хоть немногочисленно охотное войско, только оно таково, что одна сотня будетъ гнать и рубить нашихъ тысячу и задасть

¹⁾ Да Семена Палѣя зъ Сибиру на Москву выслали.

²⁾ Начиная тее проклятый Мазепа, Якъ Искру и Кочубея безвинно самъ зъ сѣго свѣта зогнавъ, Семена Палѣя на Сибирь завдавъ.

³⁾ Скоро то ставъ Семень Палѣи, великимъ постомъ Весняною погодою до Бѣлого пара на столицу прибувати, То свѣтъ праведный государь великую радистъ має, Що до себе великого лыцаря Семена Палѣя у-гостѣ сподѣває.

намъ, «великимъ господамъ, большого страха». Король Шведскій на это сказалъ: «безумная у тебя голова, Мазепа! Развѣ у меня войско не вооруженное? Могу я рубить, крошить московскія силы. Не зарекаюсь побывать и на столицѣ бѣлаго царя ¹⁾. Но когда въ день Николая Чудотворца Семень Палѣй прибылъ подъ Полтаву вмѣстѣ съ Борисомъ Петровичемъ Шереметевымъ, сталъ король шведскій съ Мазепою тайно уходить, попытавшись, однако, въ послѣдній разъ, можетъ-быть, для сокрытія своего побѣга, завязать съ царскимъ войскомъ битву ²⁾. Далѣе говорится о томъ, будто въ Батурині они, непріатели, истребляли мужчинъ и женщинъ, жгли церкви, топтали ногами священныя вещи, потомъ плоты изготовили и убѣгали на другой берегъ Днѣпра ³⁾. Здѣсь въ думѣ—анахронизмъ: взятіе и разореніе Батурина совершено ранѣе, и не шведами, а русскими, подъ начальствомъ Меншикова, въ отищеніе за то, что Батуринъ держался Мазепы. Далѣе въ думѣ говорится, что Семень Палѣй непріателей подъ Полтавой побиваетъ и разметываетъ ихъ, какъ мякину.

Онъ прибываетъ къ Днѣпру и видитъ: на противоположномъ берегу ходитъ король шведскій съ Мазепою. Палѣй размахиваетъ саблею и кричитъ Мазепѣ черезъ рѣку: «помоли за меня Бога, Мазепа, что я тебя не догналъ, не изрубилъ тебя или не задалъ тебѣ живьемъ на вѣчно въ каторгу!» ⁴⁾. Дума

1) То Мазепа тогдѣ якъ почувъ,

Що ёго проклятого Мазепу лихо догоняе,

До короля шведського таки рѣчи промовляе:

„Королю шведській добродію, найяснѣйшій мій пане!

Чи будемъ ми бильше города Полтавы доставати,

Чи будемъ зъ нидь города зъ нидь Полтавы утѣкати?

Бо не дурно Москва стала насъ кругомъ оступати!

Бо у Семена Палѣя хочъ и не великое війско охотнее,

Тильки одна сотня буде нашу тысячу гнати и рубати,

Буде намъ великимъ панамъ великій страхъ задавати!“

То король шведскій те зачувае,

Словами промовляе:

— Мазепа безумная глава! Чи у мене військо не збройне?

Чи у мене військо не панцирне?

Да я ще тую Москву могу сѣкти и рубати,

Ще не зарѣкаюсь у Бѣлого царя на столицѣ побувати.

2) Скоро ставъ Семень Палѣй на святого отца Николая зъ Шереметомъ

Борисомъ Петровичомъ нидь Полтаву прибувати,

То ставъ король шведській изъ Мазепою тайно утѣкати,

На царськихъ людей ударяти,

Много царськихъ людей побивати.

3) А у городѣ Батурині мужикивъ да жѣнокъ у пень сѣкли да рубали,

Церкви падали, святги иконы нидь ноги топтали.

Плиты справляли,

На той бикъ Днѣпра утѣкали.

4) То Семень Палѣй нидь Полтаву прибுவаетъ,

Сѣче й рубаетъ, на всѣ стороны якъ полову метаетъ,

До Днѣпра прибுவаетъ, на той бокъ Днѣпра поглядае,

Що король шведскій зъ Мазепою на тимъ боцѣ Днѣпра похожае,

То винъ мечемъ махае,

Словами промовляе:

оканчивается сожалѣніемъ о томъ, что земля христіанская наполнилась тоскою и печалью, что родные не помышляютъ о своихъ родныхъ ¹⁾ и прославленіемъ Семена Палѣя за его побѣду надъ шведами ²⁾. Итакъ, по народному воззрѣнію, вся слава полтавской побѣды приписывается Палѣю, который, такимъ образомъ, сдѣлался какимъ-то мнѣческимъ богатыремъ, олицетворяющимъ въ своей личности всю силу цѣлаго народа. То же воззрѣніе высказывается и въ пѣснѣ о томъ же событіи, въ которой говорится: «еще хмель, хмель зеленый не взвился по тычинѣ, а ужъ Палѣй подъ Полтавою побился со шведомъ; еще хмель, хмель зеленый не склонилъ головокъ, а уже Палѣй Семень подъ Полтавою побилъ шведовъ. Крикнулъ, крикнулъ король шведскій, стоя на пушкѣ: Бѣжимъ, бѣжимъ, Мазепа, съ полтавскаго поля. И быстро тогда бѣжали шведы по лѣсамъ, по терновникамъ. А чтобъ они не дождали больше биться съ козаками» ³⁾.

Отчего же возникла такая любовь малорусскаго народа къ этому Палѣю? Оттого, что на правобережной Украинѣ онъ явился главнымъ проводникомъ идеи возстановленія козачества и возобновленія борьбы съ ненавистными ляхами за освобожденіе отъ ихъ власти всего южнорусскаго православнаго народа, а это была идея заветная и для всего народнаго бытія.

Послѣ своего возвращенія на родину Палѣй сталъ опять въ своемъ полку полковникомъ вмѣсто смѣненнаго тогда Омельченка, родственника Мазепы, хотя и неприставшаго къ возстанію гетмана противъ царя. Какъ только уѣхалъ Палѣй въ своей Хвастовщинѣ, такъ немедленно принялся за прежнее, сталъ разсылать своихъ козаковъ въ Полѣсье и волновать крестьянъ противъ польскихъ пановъ; по его призыву крестьяне волостей Горностай-польской, Козаровской, Бородянской отказались работать своимъ владѣльцамъ и давать имъ поборы ⁴⁾, а Палѣй записалъ ихъ въ компутъ своего козацкаго полка. Шляхта кievскаго воеводства жаловалась на козаковъ Палѣя, что они врываются въ шляхетскія владѣнія за рѣку Ирпень, а въ январѣ 1710 года обращалась къ королю и къ князю Меншикову ⁵⁾ съ просьбою удержать полковника Палѣя отъ покушеній

— Помоли ты, Мазепо, за мене Бога, що я тебе не догнавъ,
Альбо-бъ посѣкъ, альбо порубавъ,
Альбо живцемъ на вѣчну каторгу отдавъ!—

¹⁾ Земле, земле христіансько!

Егда ты була смутками и печалами наполнена,
Не знала где родина объ родинѣ помышляе!

²⁾ Дай Боже честь и хвалу свѣтъ праведному государю!

Дай Семену Палѣю, превеликому пану,
Що не давъ Шведу христіанъ на поталу!

³⁾ Да ще хмелю, хмелю, да ще зелененькій по тычинѣ не звився,

А вже Палѣй пидъ Полтавою изъ шведомъ побився,
Да ще хмелю, хмелю, да ще зелененькій головокъ не схиливъ,
А вже Палѣй пидъ Полтавою дай Шведивъ побивъ!

Тогда крикне, крикне ясныи король Шведскій на гарматѣ стоя:
Утѣкаймо, Мазепо, зъ Полтавскаго поля!

Тогда швидко, швидко шведы утѣкали лугами да тернами,—

Богдай вони не диждались биться съ козаками.

⁴⁾ (Арх. Югоз. Рос. З. 2. 710).

⁵⁾ (Ibid. 717—726).

на шляхетскія маетности и запретить ему разставлять козаковъ въ житомирскомъ и овручскомъ повѣтахъ. Но старикъ, уже немощный, не долго могъ вести свое завѣтное дѣло. Въ началѣ 1711 года уже его не стало на свѣтъ.

Тотчасъ по смерти Палѣя въ правобережной Украинѣ произошло смутное событіе, отразившееся въ народныхъ пѣсняхъ. Это было покушеніе Филиппа Орлика, бывшаго генеральнаго писаря при Мазепѣ, а по смерти послѣдняго, избраннаго въ званіе гетмана небольшимъ числомъ козаковъ, ушедшихъ съ Мазепою въ Турцію. Въ мартѣ 1711 года ворвался Орликъ въ Украину со сбродною толпою, состоявшею, кромѣ запорожцевъ и козаковъ, изъ поляковъ подъ начальствомъ Потоцкаго и Галецкаго и изъ татаръ бѣлогородскихъ и буджацкихъ подъ начальствомъ самого хана. Городки были малолюдны на правой сторонѣ Днѣпра, и жители не любили начальниковъ, насланныхъ туда гетманомъ Скоропадскимъ, а потому и не дѣлали большого отпора. Орликъ овладѣлъ Немировымъ, разбилъ высланнаго противъ него отъ Скоропадскаго съ козаками генеральнаго есаула Вутовича; Богуславъ и Корсунъ ему сдались. Въ Бѣлой Церкви сидѣлъ преемникъ Палѣя Танскій. Орликъ подступилъ къ этому городку. Что было бы далѣе—неизвѣстно, но разношерная дружина Орлика оказалась никуда негодною. Поляки ушли на Волынь подъ предлогомъ поддерживать партію, враждебную Петру и Августу, а татары ограбили гдѣ могли въ Южной Руси церкви и монастыри, надѣлали поруганій надъ святынею и ушли во-свои. Тогда и самъ Орликъ, хвалившійся взять самый Кіевъ, отступилъ за Днѣстръ. Этотъ набѣгъ, бывший въ числѣ поводовъ къ войнѣ Россіи съ Турціею, упоминается въ пѣснѣ, напечатанной въ первый разъ Руликовскимъ въ его описаніи Васильковскаго уѣзда, а потомъ перепечатанной Кулишемъ въ Запискахъ о Южной Руси (т. I, стр. 315), и обоими издателями отнесенный ко временамъ Батюга, несмотря на упоминаемое въ ней имя Пилипа Орлика: «Не такъ славенъ городъ Медвѣдовка между городами, какъ славнѣе всѣхъ Филиппъ Орликъ съ двумя козаками: одинъ былъ Грицько, другой Андрей. Гонитель вѣры, всѣмъ украинскимъ городамъ онъ сталъ разорительъ»¹⁾. Кого разумѣютъ здѣсь подъ этими двумя товарищами Орлика, мы опредѣлить не можемъ, не зная съ кѣмъ именно приходилъ тогда Орликъ, притомъ и самыя имена могли въ пѣснѣ измѣниться. Далѣе разсказывается, что ранымъ рано въ день воскресный гремятъ колокола, старыя и малыя молятъ Бога охранить городъ Кіевъ и общаются устроить обѣдъ въ день Успенія²⁾. Вѣроятно, здѣсь описывается тревога, происходившая тогда въ Кіевѣ, а обѣдъ въ день Успенія разумѣется обѣдъ въ Печерской Лаврѣ, гдѣ въ день храмоваго праздника всегда устраивались большіе обѣды для всего народа. Въ третьей части пѣсни говорится, что враги достали украинскіе города, посбивали съ церковей кресты, полотняные образы клали себѣ подъ сѣдла, поили коней

¹⁾ Да не славнѣйшій городъ Медведѣвка съ своими городами,
 Якъ славнѣйшій Пилипъ Орликъ съ двома козаками:
 Одинъ Грицько, другій Андрѣй. На вѣру гонитель,
 Всѣмъ городамъ украинскимъ винъ бувъ разоритель!

²⁾ Въ недѣлю рано-по-раненьку въ усѣ дзвоны дзвонять,
 И старши й молодши въ весь голосъ голосать,
 На колѣна упадають и Бога просять:
 Поможи намъ, Боже, Кіевъ городъ боронити,
 Дождемо первои Пречистой, будемъ обѣдъ становити.

изъ мѣдныхъ колоколовъ и въ церквахъ ставили коней ¹⁾. Это поруганіе святыни учинили татары, только тѣмъ и отличившіеся тогда въ походѣ, предпринятомъ для водворенія въ Украинѣ гетмана, поставленнаго въ турецкихъ владѣніяхъ.

Послѣ этого нашествія царь Петръ рѣшилъ отдать правобережную Украину Польшѣ, а козаковъ вывести на лѣвый берегъ, причемъ Петръ обѣщаль Меншикову оттуда «оныхъ скотовъ, въ подарокъ его милости для поселенія въ губернію, на пустыя мѣста, прислать», за исключеніемъ переводимыхъ къ гетману козаковъ; это дѣлалось съ украинцами за то, что «заднѣпрская Украина вся было къ Орлику и воеводѣ кievскому Юсію Потопцкому пристала, кромѣ Танскаго и Галагана» (Солов. XVI, 75). Такъ несчастная правобережная Украина, послѣ всѣхъ ужаснѣйшихъ бѣдствій неудавшейся борьбы за независимость южно-русскаго народа, продолжавшейся полстолѣтія, выдана была головою тѣмъ же деспотамъ, противъ которыхъ въ началѣ возстала.

Немедленно послѣ отдачи правобережной Украины во власть поляковъ запорожцы подъ начальствомъ атамановъ Поповича и Перебийноса и козаки, ушедшіе съ Мазепою въ Турцію, подъ начальствомъ бывшаго прилуцкаго полковника Горленка и сотника Швайки пытались еще разъ отстаивать Украину отъ поляковъ, но ничего не могли сдѣлать при несоразмѣрности своихъ силъ съ силами враговъ. Быть можетъ, къ этому времени относится не вполне понятная пѣсня о Цимбаленкѣ и Швайкѣ, въ которой говорится о сраженіи при Товстой Могилѣ, о смерти Цимбаленка, о какихъ-то нейорменцахъ (?), воевавшихъ съ нимъ заодно противъ ляховъ, и о козакѣ Швайкѣ, который кричитъ сотнику, чтобъ онъ не тратилъ козацкаго войска; а сотникъ отвѣчаетъ, что не можетъ удержать сильнаго напора многочисленныхъ враговъ ²⁾.

Но то, что устанавливается для будущей судьбы народовъ дипломатіею, не всегда открываетъ народу путь, по которому онъ потомъ пойдетъ. Могъ русскій царь отказаться отъ Украины и отдать ее Польшѣ; могли поляки счи-

¹⁾ Въ недѣлю рано-пораженку городѣ достали,
Всѣмъ церквамъ украинскимъ верхи позбивали,
Полотнянѣ образы нидь кульбаки клали,
Дзвонами слѣжовыми конѣ наповали,
Въ святыхъ церквахъ конѣ становили.

²⁾ Ой шили нили запорозці нили да гуляли,
Да нидь Товстою могилою баталію мали,
Да нидь Товстою могилою зацвѣла калина,
Тамъ убито Цимбаленка вдовиного сына.
Да було-бъ тобѣ, Цимбаленку, ляхивъ ловажати,
Не йти було нидь Товстою баталію счиняти,
Да нидь Товстою могилою широки роздолы,
Где догнали нейорменцѣвъ, то всѣхъ поколоди,
Да лежать, лежать нейорменцѣ (?) где два, где три въ ямцѣ,
Да йдуть наши запорозці якъ риплять сапьянцѣ.
Ой якъ крикне козакъ Швайка на сотника гризно:
„Не трать, не трать, вражій сину, козацкаго війська!“
— Не радъ же бы я ихъ тратити — не могу спинити,
Наважили сныи вражи й ноги не пустити.

татъ ее своею неотъемлемою собственностью; но южнорусскій народъ не хотѣлъ такого рѣшенія судьбы своей, не желалъ оставаться въ порабощеніи у ляховъ, которымъ отданъ головою царемъ своимъ, а сохранилъ вѣрность завѣщанной отъ предковъ цѣли національнаго бытія своего — освободиться отъ польской власти и соединиться съ остальными своими братьями, уже отошедшими къ русской державѣ. И этотъ народъ стремился къ этой завѣтной цѣли, вопреки усиліямъ Польши и Россіи удержать его въ намѣченномъ для него положеніи: въ концѣ концовъ народъ южнорусскій преодолѣлъ все препятствія. Его немощно-трудная, мелочная, а потому неудобобулавная для насъ борьба съ Польшею заняла весь XVIII вѣкъ до самаго окончательнаго разбора польскихъ областей. Способъ этой борьбы выразился въ гайдамачинѣ. Народъ, почти исключительно ограниченный простымъ крестьянскимъ классомъ, остался безъ руководящей интеллигенціи, безъ военной силы, безъ капиталовъ и фондовъ, безъ поддержки отъ вѣршихъ государственныхъ силъ и, однако, вступилъ въ борьбу съ непримиримымъ врагомъ. Борьба эта открылась возстаніями порабощенныхъ крестьянъ (хлоповъ) противъ польскихъ пановъ и ихъ управителей и іудеевъ арендаторовъ. Эти возстанія происходили спорадически въ Украинѣ, Подолии, Волыни и Полѣсьи. Такія же побужденія, такія же страсти, какія отличали хмельницину, дѣйствуютъ и въ гайдамачинѣ: та же отъявленная ненависть къ панамъ, шляхтѣ, католическому духовенству и іудеямъ, тѣ же кровавыя, часто грязныя сцены убійствъ, грабежей, мучительствъ, разореній панскихъ усадьбъ и костеловъ; тѣ же ужасныя казни, слѣдовавшія какъ репрессалии отъ поляковъ въ случаяхъ укрощенія мятежей; то же упорство со стороны южноруссовъ. Никакія суровыя мѣры не искореняли возстаній. «Наши подданные» — говорилъ одинъ волынской шляхтичъ — «по своей природѣ склонны къ преступленіямъ и бунтамъ: они помнятъ своихъ дѣдовъ, совершавшихъ достойныя оплакиванія поступки, и идутъ по слѣдамъ предковъ». Тѣ, которымъ удавалось избѣгать кары, скрывались въ лѣсахъ, окаймлявшихъ рубежъ Украины отъ южныхъ степеней, другіе забѣгали въ эти самыя степи, принадлежавшія Запорожью, иные находили себѣ убѣжище на лѣвой сторонѣ Днѣпра, гдѣ жители, такіе же южноруссы, какъ и они, сочувствовали имъ. Въ своихъ пріютахъ они составляли снова шайки и шли опять на борьбу, а къ ихъ шайкамъ тотчасъ же приступали другіе ихъ земляки. На это, между прочимъ, указываетъ пѣсня о лѣсѣ Чутѣ, гдѣ собирались бѣглецы въ шайки и откуда выходили грабить поляковъ и іудеевъ¹⁾. Такія шайки назывались гайдамацкими,

1) Славная Чута товстыми дубами,
Ще славнѣйша Чута низомъ козаками,
Що козаченьки завжде пробувають,
Изъ лицькои области здобычъ собѣ мають,
Що драли ляхивъ драли обдирали,
Где бувъ жидъ богатый и того не минали.
Драли адамашки видъ панської ласки,
Драли кармазины, сами повосили,
Драли оксамиты, шили шаровары.
Якъ загнали ляхивъ въ калыный болота,
Брали много срѣбла-злота.
Да загнали ляхивъ до лѣса до Чуты,

а сами участники въ нихъ гайдаками, удерживая, впрочемъ, и прежнее названіе, даваемое такимъ молодцамъ: *дзевенцы*. Окончательно еще не рѣшено: существовало ли это названіе гайдамаковъ еще въ XVII вѣкѣ, какъ на это указываютъ нѣкоторые лѣтописныя повѣствованія о временахъ Богдана Хмельницкаго, или же оно возникло не ранѣе XVIII вѣка, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые на томъ основаніи, что не встрѣчаютъ этого названія въ актахъ XVII вѣка. Во всякомъ случаѣ, это слово татарское и означаетъ гонителя или нарушителя общественнаго порядка. Лѣтъ двадцать гайдамацкое движеніе происходило отрывочно, между прочимъ, поддерживалось даже нѣкоторыми польскими шляхтичами, склонными къ своевольству посреди всеобщей безалаберщины, господствовавшей въ Рѣчи Посполитой, и нерѣдко имѣло видъ простаго разбойничества, такъ что гайдамаки обдирали не только поляковъ и жидовъ, но и своихъ; впрочемъ, безвыходное положеніе бездомныхъ скитальцевъ неволью вынуждало ихъ на такіе поступки: въ превосходномъ сочиненіи Кулиша «Записки о Южной Руси» приводится много любопытныхъ разсказовъ въ этомъ родѣ. Гайдамаки особенно нуждались въ лошадяхъ и не могли удержаться отъ искушенія отнять, гдѣ возможно, лошадь, какъ о томъ поетъ одна пѣсня о *Лебеденкѣ*, въ которой разсказывается, какъ трое гайдамаковъ отнимаютъ у *поселянина*, ѣхавшаго за мукою въ мельницу, лошадь и самого убиваютъ ¹⁾. Въ другой пѣснѣ такой молодець, *дзевенець*, овладѣваетъ панскими лошадьми, и самихъ пановъ убиваетъ ²⁾. Въ третьей пѣснѣ—къ госпожѣ, которая съ безпокойствомъ ожидала отсутствовавшаго мужа, пріѣзжаютъ козаки; но госпожа узнаетъ коня своего супруга и говоритъ пріѣхавшимъ, что они—гайдамаки. «По

Ой тамъ ляшенькамъ отпоръ дали;

Пам'ятайте, ляхи, где козацькіи шляхи,

Да насъ не забувайтесь,

Ще насъ сподѣвайтесь! (Малор. и Черв. Думы и Пѣсни. 57).

¹⁾ Ой поѣхавъ Лебеденку у млинъ за мукою,

Изострѣли Лебеденка да три гайдамаки;

Здоровъ, здоровъ, Лебеденку, здоровъ, батькивъ суну.

Отдай, отдай, Лебеденку, гнѣдую кобылу.

Не дамъ, не дамъ, вражи дѣти, хочь самъ тутъ загину!

Якъ пидняли Лебеденка на три списы къ горѣ,

Опустили неживого на жовтѣмъ пѣсочку!

Прилетѣла зозуленька да й сѣла на хатѣ,

Да й почала зозуленька жалибно ковати.

Выходила Лебедиха изъ новои хаты:

Сусѣдочки, голубочки, якій менѣ сонъ снявся,

Либонъ мий сынъ Лебеденко сю ничъ оженився!

²⁾ Ой пійшовъ Левенець затуживши,

Пійшовъ же винъ да пидъ лугомъ,

Да пидпиравчись тугимъ лукомъ.

Прійшовъ же винъ до криниць,

До холоднои до водиць:

Ой стоять конѣ да попутанѣ, да повяченѣ,

Вони отъ Левенця не утеченѣ!

Да лежать паны порубанѣ, да помученѣ,

Вони отъ Левенця не утеченѣ. (Малор. и Черв. Д. и П., стр. 51).

какимъ признакамъ ты это узнала?—спрашиваютъ ее. Я узнала коня!—отвѣчаетъ госпожа. Мы этого коня, говорятъ гайдамаки, у твоего пана купили, посчитали деньги въ зеленой дубравѣ, запили могорычъ изъ холоднаго ключа и подкатили твоего пана подъ гнилое бревно!»¹⁾

Съ тѣхъ поръ какъ запорожцы, послѣ изгнанія своего изъ старинныхъ мѣстъ своего жительства проживавшіе въ крымскихъ предѣлахъ въ Алешкахъ, въ 1733 г. воротились на свое прежнее пепелище, гайдамацкое движеніе яснѣе получаетъ видъ систематической борьбы за народные интересы противъ поляковъ и всего польскаго строя. Запорожцы приняли энергическое участіе въ этой борьбѣ и гайдамацкія шайки находили себѣ опору въ организованной военной силѣ. Запорожцы давали южнорусскимъ бѣглецамъ пріютъ въ своихъ городахъ (поселеніяхъ при рыбныхъ ловляхъ), пасѣкахъ и зимовникахъ, помогали имъ составлять шайки и принимали сами начальство надъ такими шайками. Съ этихъ поръ бѣглые хлопы уже перестаютъ составлять шайки или загоны изъ своей среды, а, убѣгая въ Запорожье, поступаютъ въ ряды вольныхъ запорожцевъ и появляются на борьбу со шляхтою въ Украину уже въ качествѣ запорожцевъ, а пристающіе къ нимъ гайдамаки изъ хлоповъ становятся также козаками. Идетъ дѣло къ возобновленію прежняго вольнаго козачества въ Украинѣ.

Кромѣ появленія запорожцевъ на прежнихъ мѣстахъ своего жительства была еще причина, оживившая народъ южнорусскій въ то же время. Въ томъ же году въ польскія области вступили русскія войска съ цѣлью содѣйствовать партіи, желавшей избрать въ короли саксонскаго принца, подъ именемъ Августа III, противъ партіи, придерживавшейся Станислава Лещинскаго. Часть русскаго войска расположилась въ южной Руси для противодействія шляхетскимъ конфедераціямъ, составленнымъ въ пользу Лещинскаго. Одинъ изъ полковниковъ въ этомъ русскомъ отрядѣ Полянскій, квартировавшій въ Умани, издалъ объ этомъ циркуляръ къ начальникамъ надворныхъ козацкихъ милицій, служившимъ у пановъ. Надобно замѣтить, что въ Польшѣ, при крайнемъ умаленіи военныхъ силъ Рѣчи Посполитой, главная войсковая сила состояла изъ такихъ милицій, набираемыхъ и содержимыхъ на собственный счетъ панами: эти милиціонеры назывались козаками, но носили, притомъ, прозвище надворныхъ, въ отличіе отъ вольныхъ козаковъ, которыхъ существованіе въ польскихъ земляхъ уже не дозволялось. Эти надворные козаки были посылаемы панами противъ гайдамаковъ, но, будучи одной вѣры и народности съ гайдамаками, болѣе сочувствовали этимъ послѣднимъ, чѣмъ своимъ господамъ. Одинъ изъ начальниковъ такой надворной команды въ Шароградѣ, мѣстности князей Любомирскихъ, по имени Верлацъ, получивши циркуляръ Полянскаго, поднялъ на ноги свою

- 1) Не есть вы, козаки, есть вы гайдамаки,
 Що вы мого пана молодого вбили.
 — Марусенько-панѣ, по чимъ ты пизнала?—
 „Потимъ я пизнала, правдоньку сказала,
 „Що я свого пана коника признала.—
 Неправдоньку кажешъ, неправду говоришъ,
 — А мы того коника въ твого пана купили,
 — Въ зеленѣй дубровѣ гроши полѣчили,
 — Въ холоднѣй кривницѣ могорычъ запили,
 — Пидъ гнилу колоду пана подкотили!

надворную команду, сталъ вербовать къ ней новыхъ козаковъ, принявъ званіе козацкаго полковника, раздѣливъ свой отрядъ въ качествѣ полка на сотни, а сотни на десятки, назначилъ сотниковъ и десятскихъ, какъ слѣдовало въ вольномъ козацкомъ полку, и объявилъ своимъ козакамъ, будто русскій полковникъ сообщилъ ему именной указъ Императрицы о томъ, что она принимаетъ подъ свою власть всю Украину и Русь по Збручъ и по Случъ, всѣ жители сдѣлаются вольными козаками и теперь дозволяется имъ истреблять иноземцевъ — ляховъ и жидовъ. Верланъ началъ скликать къ себѣ сербовъ и волоховъ, поселенныхъ въ краѣ, чиншовую шляхту, но, разумѣется болѣе всего хлоповъ, изъ которыхъ охотнѣе и прежде всѣхъ приставали къ нему винники (работники на винокурняхъ) и пасѣчники — люди бездомовные. Откликнулись на его призывъ начальники другихъ козацкихъ надворныхъ командъ и принесли присягу Императрицѣ съ своими подчиненными козаками. Увеличивая такимъ образомъ свои силы, Верланъ прошелъ по воеводствамъ Брацлавскому и Подольскому, разорялъ шляхту и жидовъ, приводилъ южноруссовъ къ присягѣ русской Императрицѣ, разбилъ польскіе отряды, занялъ города Броды и Жванецъ и отправилъ изъ своей, уже многочисленной, ватаги загоны къ Каменцу и Львову (Арх. Югоз. Р. ч. III, 3, стр. 108, 70, 95). Восстаніе разливалось и угрожало нешуточною бѣдою всему шляхетскому строю. Но шляхетство въ пору обратилось къ русскому главнокомандующему ландграфу Гессенъ-Гомбургскому, изъявляя повиновеніе королю Августу III, поддерживаемому русскою Императрицею, и умоляло русскаго военачальника оказать со стороны русскихъ войскъ посobie къ укрощенію крестьянскаго мятежа. Ландграфъ Гессенъ-Гомбургскій распорядился чрезъ посредство кievскаго губернатора приказатъ генералу русскихъ войскъ фонъ Гейне содѣйствовать къ усмирению гайдамаковъ и предавать казни пойманныхъ мятежниковъ. При пособіи русскаго войска возстаніе южнорусскаго народа было тогда на время погашено. Главный зачинщикъ Верланъ съ нѣкоторыми другими предводителями ушелъ въ Молдавію, многіе скрылись въ Запорожскихъ степяхъ и потомъ стали опять появляться въ Украинѣ съ гайдамацкими ватагами, другіе тогда же попались въ плѣнъ и были казнены русскими или подпали расправѣ польскихъ судовъ. Но были и такіе, что поддались приглашеніямъ поляковъ, общавшихъ имъ пощаду и прощеніе, и пристали къ польской сторонѣ. Между такими былъ Савва Чалый, прежде бывшій сотникомъ въ Комаргородѣ, а потомъ присягнувшій передъ Верланомъ русской Императрицѣ и заурядъ съ другими ему подобными грабившій и истреблявшій шляхту и иудеевъ (Ibid. III). По настоянію шляхты Брацлавскаго воеводства онъ былъ схваченъ русскими и препровожденъ въ тюрьму въ Бѣлой Церкви, но оттуда ушелъ неизвѣстно какимъ способомъ (*nescitur quo medio et modo wyszedłszy*), а въ 1736 году принесъ присягу на вѣрность Рѣчи Посполитой и сдѣлался слугою шляхетства. Въ 1738 году онъ разбилъ гайдамацкую ватагу, отнялъ у ней батовню (обозъ съ добычею), ворвался въ запорожскія владѣнія и разорилъ тамъ зимовники запорожцевъ. За такіе подвиги и за вѣрность Рѣчи Посполитой гетманъ коронный Юсифъ Потоцкій сдѣлалъ его начальникомъ своихъ надворныхъ козаковъ и подарилъ ему въ пожизненное владѣніе села Рубанъ и Степашки. Желая еще болѣе отличиться передъ своимъ благодѣтелемъ, Савва Чалый въ 1740 году съ надворными козаками Потоцкаго напалъ на Запорожскій гардъ, находившійся на рѣкѣ Бугѣ, разорилъ поселеніе и сжегъ церковь. Этого

подвига не могли уже простить ему запорожцы. У них была особая причина злобы къ этому человѣку: они считали его по породѣ своимъ и вмѣстѣ измѣнникомъ. Дѣдъ этого Саввы Яковъ Чалый былъ кошевымъ въ Запорожьѣ. По тогдашнимъ обычаямъ дѣти и потомки запорожскихъ старшинъ часто проживали и выросли въ Украинѣ, какъ и вообще изъ Украины приходили въ Запорожье служить козачеству, а изъ Запорожья переселялись въ Украину. Такъ случилось и съ Саввою; предки его служили въ Сѣчѣ, а онъ самъ уже поселился въ Украинѣ и занималъ тамъ должность сотника. Приставши къ гайдамацкому движенію, онъ сдружился и сблизился съ запорожцами, но потомъ, ради собственныхъ выгодъ, сталъ ихъ врагомъ. Преданіе говоритъ, что Савва былъ «характерникъ», подобно многимъ другимъ козацкимъ богатырямъ, которымъ приписывалось таинственное знаніе средствъ оставаться невредимымъ отъ непріятельскаго оружія. Какой-то чародѣй (ворожбитъ) открылъ запорожцамъ тайну, что Савву можетъ взять только тотъ, у кого въ одно время одна нога будетъ стоять на запорожской землѣ, а другая на польской. Козакъ Медвѣдовскаго куреня Игнатъ Голый смекнулъ, что надобно дѣлать и вызвался съ кравчиною (отрядомъ или ватагою) добыть Савву: онъ набралъ въ одинъ сапогъ запорожской земли подъ подошву ноги, а другую ногу оставилъ свободною. Нападеніе запорожцевъ на Савву составляетъ содержаніе превосходной народной пѣсни, которую, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ считать однимъ изъ лучшихъ произведеній народнаго творчества.

По этой народной пѣснѣ у Саввы былъ живъ еще отецъ: онъ старый запорожскій козакъ и находится въ Сѣчѣ. Сынъ его Савва не захотѣлъ служить козачеству, а перешелъ къ ляхамъ, приобрѣсть славу, и началъ онъ съ ляхами разорять православную церковь. Козаки запорожцы сошлись на раду и говорятъ старому своему товарищу Чалому: видишь, старикъ Чалый, что вытворяетъ твой сынъ? какъ только запорожцевъ поймаетъ — водить ихъ въ кандалахъ ¹⁾. Старый отецъ, какъ отецъ, думаетъ нельзя ли какъ-нибудь еще образумить преступнаго сына и отвѣчаетъ товарищамъ: ахъ, какъ бы мнѣ побывать въ Польшѣ, да повидать сына моего Савву ²⁾. По другому варианту старикъ Чалый уклонился отъ рады ³⁾. Козаки говорили, что Савву нельзя цѣлою Сѣчью взять, потому что онъ не только разоряетъ церковь, но спо-

1) Ой бувъ въ Сѣчѣ старый козакъ прозваніемъ Чалый,
 Выгодовавъ сына Саву козакамъ на славу,
 Не схотѣвъ же да панъ Сава козакамъ служити,
 Пийшовъ же винъ до ляшенькивъ славы залучити.
 Ой винъ пийшовъ до ляшенькивъ служби витравляти.
 И зъ ляхами православну церковь руйновати.
 Сбиралися запорожцѣ всѣ въ раду схожали,
 До козака до Чалого словами мовляли:
 Ой чи бачишь, старый Чалый, що сынъ Сава робить,
 Якъ пиймае запорожьцѣвъ—у кайданахъ водить.

2) Коли бь менѣ милѣ братъя въ Польшѣ побувати,
 Въ Польшѣ въ Польшѣ побувати, Саву повидати.

3) Чогожь менѣ, да панове, у раду ходити,
 Що хочете мого сына изъ свѣта згубити.

знался съ бѣсами и кое-что знаетъ волшебнаго. Но тутъ откликнулся Игнатъ Голый: я знаю какъ этого Савву поймать ¹⁾.

И вотъ, еще до разсвѣта, Игнатъ съ кравчиною сѣдлаетъ коней. Гдѣ-то, вѣроятно уже на пути къ Саввѣ, козаки расположились медь-вино пить; напали на нихъ ляхи, палятъ на нихъ въ окно покоя, въ которомъ козаки пировали, два ляха уже загородили Игнату путь скрещенными саблями, но козакъ Игнатъ выскочилъ изъ-подъ рукъ ихъ и убѣжалъ съ кравчиною. Бѣжить Игнатъ надъ Россью, одна нога у него въ сафьянномъ сапогѣ, другая босая ²⁾. Вотъ здѣсь-то, вѣроятно, намекъ на то преданіе о средствѣ взять Савву, которое приведено выше. Далѣе говорится, что Игнатъ уже не бѣжить, а идетъ тихо съ кравчиною по берегу Буга: будетъ бѣда Саввѣ, но некому предупредить его ³⁾. Савва живетъ у ляховъ роскошно, по народному способу представленія зажиточнаго быта, ѣсть все сало да бѣлый хлѣбъ пшеничный. — Савва не любилъ братьевъ козаковъ, а любилъ католиковъ, что все равно, какъ бы онъ не любилъ молодыхъ дѣвицъ, а чужемужнихъ женъ, Савва погубилъ, Савва протерялъ свою вѣру навѣки ⁴⁾.

Сидитъ Савва въ Немировѣ у пана ляха на обѣдѣ и, не вѣдая объ ожидающей его бѣдѣ, пьетъ-гуляетъ, ляха изъ себя корчитъ, и вотъ вдругъ прибѣгаетъ къ нему гонецъ изъ его дома. Что ты малый, — спрашиваетъ Савва, — все ли благополучно у насъ? Все благополучно, отвѣчаетъ гонецъ, только протаптывается дорожка къ твоему двору, изъ-за горъ стали выглядывать гайдамаки! О, я ихъ не боюсь, у меня есть военная сила; оборонюсь, не замедлю ⁵⁾,

¹⁾ Да не машь ёго, старій Чалый, всею Стѣюю взяти:

Бо не тильки да панъ Сава церковь да руйнуе,
И зъ бѣсами ставъ за-право и барзо знахорюе.

Обизвався Игнатъ Голый, каже: добре знаю,

Ой я того пана Саву у руки пиймаю.

²⁾ Да ще не свѣтъ, да ще жъ не свѣтъ, да ще не свѣтае,

А вже Игнатко съ кравчиною коники сѣдлае.

Посѣдлали кониченьки, стали медь-вино пити,

Стали ляхи, вражи сыны, у викно палити.

Обмахнулись два ляшенька на-вхрестъ шабельками,

Ой выскочивъ козакъ Игнатко по нидь рученьками.

Ой бѣжить бѣжить по надъ Россью, гдѣ холодна роса,

Одна нога у сапьянцѣ, а другая боса.

³⁾ Да пийшовъ Игнатко съ кравчиною по-надъ-Бугомъ тихо.

Ой нѣкому наказати: буде Савѣ лихо!

⁴⁾ Ой бувъ Сава да ѣвъ сало, да все палиницѣ,

Не кохавъ Сава молодыхъ дѣвчатъ да все молодичѣ,

Не кохавъ Сава панивъ козакивъ да все католики,

Загубивъ Сава, протесавъ Сава свою вѣру на вѣки!

⁵⁾ Ой бувъ Сава въ Немировѣ въ ляхивъ на обѣдѣ,

И не знае и не вѣдае о своей бѣдѣ.

Ой пѣ Сава и гулае ляхомъ вирубае,

А до ёго що до Савы гонецъ прѣважае.

„А що ты тутъ, малый хлопку, чи все гараздъ дома?“

— Протоптана, пане, стежка до вашого двора.

— Усе гараздъ, усе гараздъ усе хорошенько,

сказалъ Савва, стараясь казаться твердымъ, но въ то же время страхъ опасности начинаетъ его тревожить и онъ, продолжая еще пировать, говоритъ ляхамъ: что-то уже мнѣ и медь-вино не пьется, знать, на меня молодого, складается какая-то бѣда ¹⁾).

Пиръ кончился. Савва ѣдетъ съ своимъ джурою на ворономъ конѣ въ свой дворъ, находившійся, какъ намъ извѣстно изъ другихъ извѣстій, въ селѣ Степашкахъ. Онъ выѣхалъ изъ Немирова невеселъ, съ поникшею головою, словно яворъ, наклонившій свои вѣтви въ воду. Онъ жалуется на свою долю, называетъ ее щербатою ²⁾).

Онъ пріѣхалъ къ своему двору. Онъ спрашиваетъ у прислуги: Все ли благополучно? Ему отвѣчаютъ то же, что говорилъ гонецъ: побаиваются гайдамаковъ, радуются, что видятъ его, и сообщаютъ ему пріятную новость: его жена родила сына ³⁾).

Савва садится въ концѣ стола и пишетъ мелко письмо, а его жена, сидя на постели, качаетъ ребенка. Савва сидитъ въ концѣ стола, сталъ читать написанное, а его жена Анастасія начинаетъ тяжело вздыхать. Савва сидитъ въ концѣ стола и думаетъ думу, вотъ панъ Савва что-то замышляетъ. А сходи-ко, джура молодець (по другому варианту онъ посылаетъ дѣвку), въ погребъ да внеси оттуда горѣлки: выпью-ко я за здоровье жены! А сходи-ко, джура молодець, да внеси пива: выпьемъ-ко мы за здоровье маленькаго сына! А сходи-ко, джура молодець, да внеси меду: мнѣ чего-то тяжело, головы не поверну. Не успѣлъ джура, не успѣлъ молодець снять со стѣнъ ключей, какъ Игнатъ Голый съ кравчиною началъ ломать ворота. Не успѣлъ джура дойти до погреба, гайдамаки обступили кругомъ свѣтлицу. Не успѣлъ молодець вернуться изъ погреба въ хату, вскочили гайдамаки, стали Савву привѣтствовать: помогай Богъ тебѣ, Савва, какъ ты поживаешь, сидишь себѣ въ свѣтелкѣ да попиваешь вино!

— Выглядываютъ гайдамаки зъ-за-горы частенько.

Отъ-то лихо! Выглядуютъ! Я ихъ не боюсь,

Хиба жъ нема въ мене вѣйска? Я не забарюся или: оборонюся!

1) Да чому съ менѣ, милѣ братья, медь-вино не пьется,

Где-съ на мене, молодого, бѣдонька кладеться!

2) „Сѣдлай джура, сѣдлай малый, коня вороного,

А собѣ сѣдлай, джура, старого гнѣдого,

Да поѣдемъ до господы, хочъ насъ и не много!

Стоить явиръ надъ водою, въ воду похилився“.

Ѣде Сава зъ Немирова, тяжко засмутився;

Ѣде Сава зъ Немирова на воронимъ коню,

А ѣдучи да гадае про свою долю:

Ой ты доле, каже, доле, щербатая доле!

3) Ой пріѣхавъ да панъ Сава до своего двора.

Пытається челядоньки: чи все гараздъ дома?

За все гараздъ пане Сава, тильки одно страшно,

Выглядуютъ гайдамаки изъ-за-горы часто!

Гараздъ, гараздъ, пане Сава, ще дучче съ тобою,

Якъ мы тебе побачили на воронимъ коню.

Гараздъ, гараздъ, пане Сава, счастлива година:

Твоя жѣнка, наша панѣ породила сына.

Челомъ тебѣ бьемъ, въ добрый часъ: издалека къ тебѣ гости прибыли; чѣмъ-то ты ихъ будешь угощать? ¹⁾.

По нѣкоторымъ вариантамъ Савва сразу понимаетъ, что надъ нимъ издѣваются и говоритъ имъ, что они прѣехали убить его ²⁾, да и они сами намекаютъ ему объ этомъ тотчасъ же ³⁾, но, по другимъ, Савва говоритъ гайдамакамъ, что даровалъ ему Богъ сына и онъ ихъ будетъ просить къ себѣ въ кумовья ⁴⁾. Еслибъ ты, отвѣчаютъ ему гайдамаки, панъ Савва, точно хотѣлъ насъ брать къ себѣ въ кумовья, то не ходилъ бы до Гарда разорять церковь! Не за тѣмъ пришли мы къ тебѣ, чтобъ кумовать у тебя, а за тѣмъ, чтобъ разсчитаться съ тобою. Веди-ко насъ, панъ Савва, въ свою новую кладовую, да отдавай намъ свое козацкое оружіе. Гдѣ твои, панъ Савва, платья домашковыя, чтò ты нажилъ, вражій сынъ, по милости козаковъ своей женѣ на «запаски» (женская нижняя одежда у малороссіянокъ). Гдѣ твои, панъ Савва, битые талеры, чтò ты набралъ, водячи по Украинѣ ватаги? Гдѣ твои, панъ Савва, китайки да атласы, чтò ты набралъ на Украинѣ своей женѣ на пояса! Гдѣ твое, панъ Савва, козацкое оружіе: вонъ, вонъ оно виситъ на колку, да уже теперь не твое оно! Не за тѣмъ пришли мы къ тебѣ, чтобъ у тебя кумовать, а за тѣмъ, чтобъ съ тебя голову святъ! Бросился панъ Савва къ оружію, а гайдамаки говорятъ

- 1) Ой сѣвъ Сава въ концѣ стола да листоньки пише,
А Савиха на лѣженьку дитину колыше:
Ой люляй же люляй, люляй вродливый сыночку,
Най си лягну, най спочину, зложу головочку,
Сидить Сава въ концѣ стола, ставъ листы читати,
Его жѣвка Настасѣя тяженько вздыхати.
Сидить Сава въ концѣ стола, Сава думку дбае,
Отъ вже Сава да панъ Сава гадку замышляе:
Пійди, джуро, до пивницѣ да угочи горѣлки,
Ой я выпью за здоровье да своєї жѣнки.
Да пійди джуро, пійди малый, да принеси пива
Мы выпьемъ за здоровье маленького сына.
Да пійди джуро, пійди малый, да унеси меду:
Чогось менѣ тяжко-важко, головки не звезду!
Не вспѣвъ хлопець, не вспѣвъ джура ключей зъ стѣны зняти,
Ставъ Игнатъ Голый съ кравчиною ворота ломати.
Ой ще хлопець не постигнувъ по медъ до пивницѣ,
Обступили гайдамаки около свѣтлицѣ.
Не встигъ хлопець вернутися зъ пивницѣ до хаты—
Ускочили гайдамаки, стали привѣтати.
Помогай Богъ, пане Саво, гараздъ намъ ся маешъ,
Сидишь собѣ у свѣтлонцѣ виндо попиваешъ.
Здоровъ здоровъ, пане Саво, гараздъ намъ ся маешъ.
Издалека гости маешъ, чимъ ихъ привѣтаешъ?

2) Пріймавъ бы васъ виномъ пивомъ не будете пити,
Либонъ вы ся, козаченьки, прѣехали бити? (Чт. 1863 г. 19).

3) Ой чи медомъ ой чи пивомъ ой чи горѣлкою
Попрошайся, пане Саво, изъ сыномъ изъ жѣнкою (Макс. 93).

4) Ой не знаю милѣ братья чимъ же васъ витати.
Даровавъ намъ Богъ сына, буду въ кумы брати.

ему: постой, постой, панъ Савва, это вѣдь не въ чистомъ полѣ! ¹⁾). Кинулся панъ Савва къ своему ясному мечу; подхватили его двумя копыями съ праваго плеча. Кинулся панъ Савва къ своему оружію—его взяли и подняли двумя копыями вверхъ! «Вотъ же тебѣ, вражій сынъ, за твои выходки, чтобъ не зазывалъ насъ въ кумы къ твоей сукѣ улиткѣ!» ²⁾). Этимъ кончается большой вариантъ, записанный мною. Пѣвцы объясняли послѣднія слова такъ: Савва Чалый въ поруганіе запорожцамъ приглашалъ ихъ въ кумы къ своей собацѣ, которую звали улиткою, и они теперь, въ послѣднюю его минуту, припомнили ему эту оскорбительную выходку, и это случилось именно тогда, когда у Саввы родился сынъ, и онъ, застигнутый внезапно запорожцами, отъ страха приглашалъ ихъ быть воспріемниками его сына.

Въ другихъ вариантахъ изображается испугъ и бѣгство Савихи. Она выскакиваетъ въ окно и кричитъ своей кухаркѣ или просто прислугѣ (челяди), чтобъ спасали ея ребенка, общается, что прислуга будетъ жить хорошо, если она сама не пропадетъ ³⁾). Ребенокъ, родившійся тогда у Саввы Чалаго, былъ дѣйстви-

¹⁾ Коли бъ же ты, пане Саво, хотѣвъ въ кумы насъ брати,

Ты бъ не ходивъ да до Кгарду церковь руйновати.

Не зъ того прійшли до тебе да щобъ кумовати,

А мы зъ того прійшли до тебе, да щобъ розсчитати.

Ой веди насъ, пане Саво, у нову коморю,

Да отдавай, пане Саво, козацькую зброю.

А гдежъ твои, пане Саво, сукнѣ едамашки,

Що ты наживъ, вражій сыну, зъ козацькою ласки.

(По друг. варианту—Чт. 1863. III. 19—вмѣсто зъ козацькою ласки—
жѣнцѣ на запаски).

А гдежъ твои, пане Саво, бити талары,

Що ты набравъ по Украинѣ водячи ватаги!

(Въ др. вар. вмѣсто ватаги: затяги).

А гдежъ твои, пане Саво, китайки, атласы

Що ты набравъ по Украинѣ жѣнцѣ на поясы?

А гдежъ твоя, пане Саво, козацькая зброя?

Озде висить на килочку, да уже не твоя!

Мы не того прійшли къ тебѣ, да щобъ кумовати;

А мы прійшли щобъ изъ тебе головоньку сняти!

Гей порвался да панъ Савъ до своен збров;—

Почкай, почкай, пане Саво, то не въ чистѣмъ полѣ!

²⁾ Ой кинувся да панъ Сава до яснаго меча,

Ухватили на два списы изъ праваго плеча.

Ой кинувся да панъ Сава до ясної зброн,

Его взяли да й пидняли на два списы къ горѣ!

Отсежъ тебѣ, вражій сыну, за твои ужитки,

Щобъ не кликавъ у кумы до сучки улитки.

Въ галицкомъ вариантѣ гайдамаки, поднявши Саву на коня, говорятъ:

Годѣ, годѣ, пане Саво, годѣ воявати

Ой не булобъ, пане Саво, церковь рабовати (Чт. 1863. III. 20).

³⁾ А Савиха молодая викномъ утѣкала,

На молоду челядоньку спильна поглядала;

Хапай, хапай, челядонько, малую дитину,

тельно спасенъ, и когда выросъ, служилъ полякамъ, отличался подвигами храбрости, нося отцовское имя Саввы, и былъ убитъ во время барской конфедерации въ битвѣ съ Суворовымъ. Въ польской исторіи назывался онъ генераломъ Цалинскимъ.

Въ Галицкихъ вариантахъ прибавляются въ концѣ пѣсни стихи, которыхъ мы нигдѣ въ извѣстныхъ намъ вариантахъ, записанныхъ въ Малороссіи, не встрѣтили: видѣли многіе люди украинскую сову, которая принесла пану Саввѣ смертную рубашку; прилетѣли къ пану Саввѣ украинскія вороны; зазвонили пану Саввѣ разомъ во всѣ колокола ¹⁾. Эта прибавка кажется намъ позднѣйшею и даже не народною, а присочиненною.

Гайдамачество развивалось въ южной Руси болѣе и болѣе. Предводители вступали въ предѣлы Украины изъ запорожскихъ степей съ образовавшимися тамъ ватагами, грабили и разоряли дворы шляхетскіе и жидовскіе, истязали въ нихъ хозяевъ, особенно іудеевъ, подчасъ нападали даже на городки, какъ, напримѣръ, на Шаволовъ, Чернобыль, Грановъ, Умань, Летичевъ, Хвастовъ, проникали даже въ Подѣсье, въ окрестности Мозыря и Овруча. Крестьяне повсемѣстно имъ сочувствовали, одни приставали къ гайдамакамъ и увеличивали собою ихъ ватаги, другіе тайно призывали ихъ на расправу съ своими господами. Вездѣ гайдамаки могли найти себѣ и пропитаніе, и притонъ, и всякаго рода возможное пособіе отъ жителей крестьянскаго званія и православной вѣры. Помѣщики, напротивъ, не могли получать доходовъ съ своихъ маетностей, не могли безопасно ѣздить отъ одного къ другому и сѣзжаться въ городскіе суды по своимъ дѣламъ. Такъ было сплошь до 1768 года, когда разразилось самое сильнѣйшее гайдамацкое волненіе въ уманской рѣзнѣ. Появлялось и исчезало множество атамановъ гайдамацкихъ ватагъ, приобрѣвшихъ въ свое время извѣстность: Рудый, Жига, Грива, Харько, Иваница, Медвѣдъ, Невѣнчаний, Серета, Беркутъ, Мельникъ, Вечорка, Игнатко Голый, Сухій, Горкуша, Кривохата, Кошовенко, Дрика, Клеохвасъ, Иванъ Борода, Игнатъ, Блакитенко, Чабала, Выракуль, Таранецъ, Слинко Хощенко, Бородавка, Чернявченко, Гапонъ, Романъ Черный, Отрущенко, Ткаченко, Подоляка и другіе. Къ этому періоду, вѣроятно, относятся пѣсни, записанныя собирателями въ Червонной Руси и напечатанныя сначала въ сборникѣ Жеготы Паули, а потомъ съ прибавленіями еще иныхъ въ Чтеніяхъ за 1863 годъ. Такова, напримѣръ, пѣсня о битвѣ подъ Солопковцами (Чт. 1863, ч. III, стр. 13). Она начинается призывомъ идти подъ Гусятинъ грабить жидовъ ²⁾. Козаки грабили жидовъ въ Гусятинѣ и Иванковцахъ, какъ вдругъ поставленный на сторожъ козакъ запорожскій далъ знать, что идутъ яхи съ волинскимъ воево-

Будемъ жити, пановати, коли я не згину. (Макс. 94).

Или: Въ тѣмъ Савиха молоденька кризь виєно вѣдала,

Съ чистыхъ устоекъ по (?) словенько кухарцѣ виддала;

Ой кухарко, вѣрна слуга, подай мѣ дитину,

Будешъ доси пановати доки я не згину! (Чт. 1863. III. 19).

- ¹⁾ Гей бачили многи люде Вкраїнську совочку,
Що принесла пану Саввѣ смертєлну сорочку,
Прилетѣли къ пану Саввѣ Вкраїнські вороны
Задзвонили пану Саввѣ разомъ у всѣ дзвонь.

- ²⁾ Годѣ, годѣ, козаченьки, въ обозѣ лежати,
Ой ходѣмо пидъ Гусятинѣ жидивъ рабовати.

дою ¹⁾. Козаки пошли въ бой, прогнали десять тысячъ ляховъ, ударили на нихъ гдѣ-то на перекресткѣ дорогъ, потомъ выступили противъ нихъ изъ мѣстечка Зинкова и многихъ сбили съ лошадей, потомъ окончательно расправился съ ними Медвѣдь или Медвѣдонько (по галицкому говору Медвѣдойко), перетопивши ихъ въ городецкомъ озерѣ ²⁾.

Волинскій воевода только глядѣлъ съ горы, какъ региментарь (начальникъ украинскаго отряда польскаго войска) Борейко убѣгалъ съ поля битвы, сидя на конѣ безъ сѣдла. Несчастливый мѣсяць апрѣль былъ для ляховъ въ этомъ году: у Борейка изъ бока текла кровь. Борейко добѣжалъ къ воеводѣ, поклонился ему и сказалъ: уже теперь мнѣ не воевать съ козаками. Самъ воевода, строявшій во время битвы Борейка съ козаками въ резервѣ (на отводѣ), хотѣ и былъ славный рыцарь, но также бѣжалъ отъ страха ³⁾. Борейкова дружина растерялась, кричала, что нѣтъ болѣе господина и всѣмъ имъ остается разойтись ⁴⁾. Пѣсня далѣе говоритъ: несчастная была эта битва подъ Солопковцами для ляховъ ⁵⁾.

¹⁾ А въ пятницу до полуднѣ жиды рабовали,
А въ субботу въ Иванкивцяхъ худобу забрали,
Козаченько стороженько своимъ знати дае:
Ой зъ за горы високои да зъ зеленой дубины
Идутъ ляхи на три шляхи за пивторы милѣ.
Крикнувъ козакъ запорожскій да на свои люде:
Йдетъ волинскій воевода — баталія буде!

²⁾ Передъ собою десять тысячъ ляхивъ прогнали,
На крыжовий дороженьцѣ тамъ ся испиткали,
Дали ляхамъ привѣтавляи ажъ зъ коней спадали.
Выступили козаченьки изъ мѣста Зинкова,
Ой летѣли вражи ляхи съ коней якъ солома,
А добре ся паны ляхи съ козаками били,
Що лежить ихъ зъ пидъ Городка на пивтретѣ милѣ,
Гей показавъ Медвѣдойко богатырську славу,
Що потонивъ панивъ ляхивъ въ Городецкимъ ставу.

Въ другой пѣснѣ два послѣднихъ стиха замѣняются такими:

А козаки въ день и въ ночи за ними вганяли,
А нагнавши пидъ Городокъ тамъ ся потыкали,
Въ великое озериче тамъ ихъ повганяли.

³⁾ А Волинскій воевода съ горы поглядае:
Панъ Борейко безъ кульбаки охлявъ утѣкае.
Несчастливый мѣсяць квітень наставъ у сѣмъ року,
Рейментарю Борейковѣ потекла кровь зъ боку.
Поклонився панъ Борейко пану воеводѣ:
А вже жъ менѣ съ козаками воевати годѣ!

Въ другой пѣснѣ:

Воевода славный лыцарь на отводѣ зиставъ,
А учувши о неславѣ си страхомъ бѣжавъ.

⁴⁾ Борейкова дружиноика волае долами,
Одень каже до другого: вже пана не мамы!
Борейкова дружиноика волае до неба,
Одень каже до другого: розийтися треба!

⁵⁾ Несчастная баталія пидъ Солопковцями,
Лежать ляхи съ козаками да все купоньками.

Образовалась из их тѣл высокая насыпь ¹⁾. Все это оттого, что Борейкова дивизія пришла въ замѣшательство и разстроила ряды польскаго войска ²⁾.

Слѣдуетъ затѣмъ въ пѣснѣ восторгъ козаковъ о пораженіи враговъ, выражаемый сопоставленіемъ ружейной и пушечной стрѣльбы съ плачемъ и воплемъ польскихъ женщинъ о погибшихъ ляхахъ ³⁾.

Объ этомъ событіи въ Читеніяхъ напечатаны двѣ пѣсни настолько отличныя, что не могутъ быть признаны вариантами одной и той же, хотя и не заключаютъ противорѣчій. Тамъ же (Чт. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1863 г. III, стр. 15) о другомъ событіи, въ которомъ участвовалъ тотъ же Медвѣдь или Медвѣдойко, есть пѣсня такого содержания:

Бдутъ ляхи въ Украину и спрашиваютъ дорогу къ козацкому лугу, тесть къ тому лѣсу, гдѣ былъ заложенъ гайдамацкій станъ ⁴⁾. Ляхи изъ города Шарограда ⁵⁾ прошли черезъ Кичманскій лѣсъ съ помощью измѣны и пришлось пропадать лужецкой громадѣ ⁶⁾. Региментарь окружилъ со всѣхъ сторонъ лугъ, а Подгурскій заглядываетъ козакамъ въ глаза ⁷⁾. Козаки зовутъ изъ Вербокъ Медвѣдойка выручать лугъ, а не то пропадетъ все ихъ сборище въ лугѣ. Медвѣдойко прибѣжалъ, но не могъ сладить и долженъ былъ уходить назадъ. Но онъ посылаетъ сотника Сорича въ погоню за ляхами до Жабокрича. Подлѣ села Жабокрича, гдѣ былъ станъ ляховъ, они посадили на колъ троихъ козаковъ, словно трехъ скворцовъ. Не спрашивай теперь ляхъ дороги въ Украинѣ, а гляди только, гдѣ по дубамъ висятъ козачушки. Не одного козацкаго сына смерть постигла. Не гулять ужъ намъ, видно, тутъ, братья; Борейчики такіе-сякіе сыны стануть насъ вѣшать ⁸⁾. Здѣсь подъ Борейчиками разумѣется дружина павшаго

1) Несчастлива тая битва лиха наробила:

Въ Солошквцяхъ изъ ляшенькивъ висока могила!

2) Борейкова дивизія въ той часъ ся змѣшала,

Дай ляцькому всему війску шика поламала.

3) Въ славнѣмъ мѣстѣ у Камяницѣ стрѣльнули зъ гарматы,

Не по однимъ ляху заплакала мати;

Въ славнѣмъ мѣстѣ у Камяницѣ стрѣльнули зъ рушницѣ,

Не по однимъ по ляшеньку плакали сестрицѣ!

4) Бдутъ ляхи на Украину, все собѣ думаютъ

А до лугу козацкаго дороги пытають.

5) Стоять ляхи въ Шароградѣ. Въ Лузѣ дають знати:

Да вжежъ ляхи, пань браты, козакивъ витають.

6) Гей изъ лѣсу изъ Кичмана сталася тамъ зрада,

Ахъ пропала лужецкая велика громада!

7) Пань Любковскій реиментарь вколо лугъ обточивъ,

А Подгурскій съ молодцями въ очи имъ заскочивъ.

8) Выйди зъ Вербки, Медвѣдойко, лугу рятовати,

А вжежъ намъ тутъ, пане брате, приїде загигати,

Прибѣгъ зъ Вербки Медвѣдойко луга рятовати,

Не мигъ дати ляхамъ рады, мусивъ утѣгати.

Гей закликавъ Медвѣдойко сотника Сорича:

Сѣдай, брате, ляхивъ гнати ажъ до Жабокрича:

Виля села Жабокрича, где ляхи стояли,

Три козакивъ якъ шпакопкивъ на палъ повбивали.

Не пытайся на Украинѣ, ляше, дороженьки,

подъ Солопковцами региментаря Борейка, о которомъ говорилось въ предшествовавшей пѣснѣ.

О Медвѣдѣ или Медвѣдойкѣ мы узнаемъ изъ актовъ того времени, что такъ назывался одинъ изъ предводителей гайдамацкихъ. Онъ былъ разбитъ Саввою Чалымъ послѣ перехода послѣдняго на сторону поляковъ, но потомъ оправился и разомъ съ другими предводителями гайдамацкихъ ватагъ взялъ городки Паводочъ, Погребыще, ограбилъ въ окрестности шляхетскіе дворы, мучилъ и умерщвлялъ шляхту и жидовъ, а въ 1748 году вмѣстѣ съ предводителями гайдамацкихъ ватагъ: Рудемъ, Жилою, Харьковъ и Иваницею находился въ плѣну у русскихъ. Поляки требовали всѣхъ этихъ гайдамаковъ къ своему суду и жаловались на генерала Миниха, что тотъ ихъ не выдавалъ, подозрѣвали даже Миниха въ томъ, что онъ мирволитъ гайдамакамъ (Арх. югозападн. Росс. III, 2, стр. 111—409). О дальнѣйшей судьбѣ Медвѣдя, какъ и другихъ предводителей, мы не нашли извѣстій.

Въ числѣ галицкихъ пѣсень, относящихся къ періоду гайдамачины, слѣдуетъ обратить вниманіе на пѣсню о казни гайдамаковъ въ Пятигорахъ, напечатанную въ Сборникѣ Жеботы Паули (ч. I, стр. 162) и въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей (1863 г. ч. III, стр. 17). Въ ней говорится: какъ орелъ летаетъ по глубокой долинѣ, такъ разсылаютъ ляхи свои писанія по всей Украинѣ, извѣщая украинцевъ (то-есть своихъ поляковъ, живущихъ въ Украинѣ), чтобъ они жили спокойно и ничего не боялись, потому что въ Пятигорахъ перевѣшали много гайдамаковъ. Влестить ясный мѣсяць, рано въ воскресный день у сотника Лаврина повѣсили козаковъ. Атаманъ съ асаудомъ просятъ пана региментаря и жалобно взываютъ къ Богу: избавь насъ, Боже, изъ этой неволи, дай еще разъ засіять волѣ козацкой! А панъ региментарь, похаживая, говоритъ имъ: умѣли, сякіе-такіе сыны, воевать поляковъ! Зато вамъ надобно погибать въ Пятигорахъ ¹⁾. Плачъ козаковъ сравнивается со щебетаньемъ соловья на разные голоса. Они умываются слезами и ропщутъ на какого-то Заяца, своего козака, который соблазнилъ ихъ всѣхъ къ бунту противъ поляковъ ²⁾. Слѣдуетъ

Тильки гляди где по дубкахъ висять козаченьки.

По несчастній Украинѣ слынула новина

Не одного смерть спиткала козацького сына!

Да вжежъ намъ тутъ, пане брате, бильше не гуляти:
Борейчики, скурвѣ сыны, будуть насъ вѣшати.

¹⁾ Лѣтай, лѣтай, сивый орле, по глибокий долині,

Засылають паны листы по всѣй Украинѣ:

Живѣть, живѣть, украинцѣ, не бийтесь ничого,

Повѣшено въ Пятигорахъ козаченькивъ много.

Мрѣе, мрѣе ясенъ мѣсяць, а въ недѣлю рано,

У сотника а въ Лаврина козаківъ повѣшано.

Отаманъ же зъ асаудою пана рейментаря просятъ,

Да й до Бога жалибненько свои руки вносять:

Выволь же насъ, милый Боже, да зъ той неволѣ,

Да дай ще разъ засѣяти козацькою волѣ.

Панъ рейментарь похаже, имъ отповѣдае:

Умѣли-сте, скурвѣ спнове, полякивъ воевати,

За тое же вамъ потреба въ Пятигорахъ погибати.

²⁾ Щебетавъ же соловейко ризными голосами,

загнѣмъ скорбь семействъ козацкихъ, выражаемая въ сопоставленіи ружейной и пушечной стрѣльбы ¹⁾). Но тутъ же дѣлается какъ бы намекъ на будущую вражду съ поляками и взывается къ оставшимся въ живыхъ козакамъ объ отмщеніи за смерть товарищей ²⁾).

Мы не можемъ опредѣлить съ точностью къ какимъ именно годамъ относится эта прекрасная пѣсня и на нѣкоторыхъ основаніяхъ, о которыхъ скажемъ ниже, предполагаемъ, что событіе, здѣсь описанное, случилось во время уже близкое къ Уманской рѣзвѣ.

Почти всѣ пѣсни о гайдамачинѣ поются на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ совершались самыя событія въ нихъ изображаемая, и только немногія распространены на лѣвой, становясь достояніемъ всего южнорусскаго племени. Къ такимъ, кромѣ пѣсни о Саввѣ Чаломѣ, принадлежитъ и пѣсня о Харькѣ, Жаботинскомъ сотникѣ, убитомъ поляками въ 1766 году.

Послѣ избранія на польскій престолъ Станислава Понятовскаго недовольные имъ поляки составили барскую конфедерацию; она завязалась подъ знаменемъ самаго изувѣрнаго католическаго фанатизма и не хотѣла допускать въ Польшѣ никакой вѣротерпимости ни для какого исповѣданія, несогласнаго съ католичествомъ; но въ особенности члены этой конфедерации были озлоблены противъ православной вѣры, какъ религіи, господствовавшей въ Россіи, а русская Императрица, чувствуя силу свою и слабость Польши, настойчиво требовала свободы совѣсти для всѣхъ польскихъ подданныхъ не католическаго вѣроисповѣданія. Подъ покровительствомъ военной силы, вступившей въ Украину съ региментаремъ Вороничемъ, католическіе и униатскіе духовные преслѣдовали и истязали священниковъ, упорно державшихся отеческаго православія и обращали насильно приходы за приходами изъ православія въ унию. Со стороны православной дѣятельнымъ поборникомъ своей церкви явился тогда Матронинскаго монастыря игуменъ Мельхиседекъ Значко-Яворскій, намѣстникъ православнаго архіерея, имѣвшаго постоянное пребываніе въ Переяславлѣ на лѣвой сторонѣ Днѣпра. Этотъ игуменъ Мельхиседекъ съѣздилъ въ Варшаву и получилъ отъ короля привилегію, обезпечивавшую свободу православной церкви въ Украинѣ. Поляки вообще мало оказывали уваженія къ подобнымъ королевскимъ привилегіямъ въ пользу православной вѣры, всегда противной и ненавистой ихъ ксендзамъ и монахамъ; но въ это время, не любя тогдашняго своего короля Станислава Понятовскаго, они не только не хотѣли соображать свои поступки

Да вмылися козаченьки дрибными слѣзами:
Гей не слухати було бѣ Заяця, милии брати,
Не прийшло бѣ намъ небожатамъ марне погибати.
Бѣгавъ, бѣгавъ козакъ Заяць теперъ въ сѣть упавъ,
Не одинъ же козакъ добрый черезъ него пропавъ!

¹⁾ Вдарено въ Бѣлий Церкви зъ гризної гарматы,
Заплакала не одна козацькая мати;
А вдарено у Кіевѣ зъ гризної ручницѣ,—
Заплакали за козакомъ ридни сестрицѣ.

²⁾ Вытягнуно въ Пятигорахъ изъ тугого лука:
Да вжежь, пане рейментарю, съ тобою розлука!
Гей, которы козаченьки будуть въ свѣтѣ жити,
Не забудьте козацькой смерти видомстити.

съ выданною имъ привилегією, а еще болѣе озлобились за нее противъ православныхъ. По настоянію изувѣра Мокрицкаго, официала уніатской митрополіи, поставлена была сторожа съ цѣлью поймать Мельхиседека, собиравшагося ѣхать за Днѣпръ къ своему архіерею. Но Мельхиседека счастливо провель объѣзднымъ путемъ за Днѣпръ Харько Жаботинскій, сотникъ козаковъ маестностей князей Любомирскихъ. За это, по настоянію уніатскихъ духовныхъ, региментарь Вороничъ приказалъ Харьку схватить, привести къ нему въ обозъ подѣ Ольшанами и безъ всякаго суда и разслѣдованія отрубить ему голову въ конюшнѣ (Ист. изв. о возн. въ Польнѣ Уніи Вантышъ-Каменскаго, стр. 432—Кояловича: Исторія воссоединенія западно-русскихъ уніатовъ, стр. 41). Это событіе, бывшее какъ бы предвѣстникомъ большого гайдамацкаго возстанія въ 1768 году, извѣстнаго подѣ названіемъ коливщины, отразилось въ народной памяти, и о немъ сложилась пѣсня, распространенная повсюду въ разныхъ вариантахъ. Въ одномъ (довольно пространномъ, записанномъ мною) вариантѣ разсказывается, что Харько былъ схваченъ измѣннически въ Паволочи, куда пріѣхалъ въ гости къ какому-то паволоцкому пану съ семисотнымъ отрядомъ козаковъ. На пути въ Паволочъ конь Харьковъ останавливается и въ этомъ Харько видитъ дурное предзнаменованіе ¹⁾. По варианту, напечатанному въ Сборникѣ Метлинскаго (стр. 526—527), Харько, прибывши въ Паволочъ, былъ приглашенъ къ своей крестной матери въ панскія палаты и тамъ паны ляхи взяли его, пьянаго ²⁾. По галицкому варианту, помѣщенному въ Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей (1863 г. ч. III, стр. 21), Харько, проѣзжая черезъ мѣстечко Улановъ, смутился предзнаменованіемъ; онъ обращается мысленно къ своей женѣ, предсказываетъ, что она скоро заплачетъ, приготавливая завтракъ; потомъ Харько проситъ своего коня заиграть подѣ нимъ, потому что ляхи уже гонятся за нимъ ³⁾. По варианту Метлинскаго, Харьки умерщвляютъ въ конюшнѣ, какъ

¹⁾ Ой ѣхавъ сотникъ Харько черезъ Улане мѣсто, сѣвъ горѣлку пити.

А за нимъ, за нимъ сѣмъ сотъ молодцѣвъ: стий батьку не журися!

Ой якъ же менѣ, панове молодцѣ, якъ менѣ не журиться,

Коли пидо мною мий кинь буланый да ставъ становиться.

Ой и ставъ Харько, да и ставъ батько до Паволочи пріѣзжати:

Ой и ставъ же ёго панъ Паволоцькій медомъ-виномъ наповати.

Ой и ставъ Харько, ой и ставъ батько меду-вина пиддивати,

Да на лядськее бѣлее лѣженько да й ставъ спати лягати,

Ой и пріѣхали два козаченьки да изъ лядського полку,

Да узали Харька, узали батька, да забили въ колодку.

²⁾ Ой якъ ставъ сотникъ, ой якъ ставъ Харько у Паволочъ уѣзжати,

Ой и вийшовъ же а панъ Паволоченскій медомъ-виномъ частовати.

Ой якъ ставъ сотника, а сотника Харька, медомъ-виномъ частовати,

У панськи палацы и къ матцѣ хрещений у гостину зазывати.

Ой якъ ставъ же сотничокъ Харько меду-вина напиваться,

А потомъ ставъ сотникъ, а сотничокъ Харько да и ставъ забуваться,

На панськи перины ставъ винъ похилаться,

Ой теперъ же вы, ляшки, ой теперъ вы, паны, ой теперъ вы позволяйте.

Ой лежить же пьяный Харько да теперъ ёго збавляйте,

Теперъ маега часъ. маега годину, теперъ ёго осунайте!

³⁾ Ёхавъ сотникъ черезъ Уланивъ, горѣвки напився,

За нимъ за нимъ сѣмъ-сотъ молодцѣвъ: нашъ батьку не журися!

дѣйствительно съ нимъ и было; а его конь, видя смерть своего хозяина, испустилъ жалобное ржаніе, и Харька похоронили въ зеленомъ хвощѣ ¹⁾. По вариантамъ галицкому ²⁾ и Максимовича (изд. 1834 г. 122) ³⁾, Харька убиваютъ на мосту въ Морозовкѣ, и конь, не будучи свидѣтелемъ смерти хозяина, гдѣ-то стоя въ конюшнѣ, отзывается жалобнымъ ржаніемъ какъ бы по сочувствію. Вѣсть подаетъ, по однимъ вариантамъ, какъ бы воронъ ⁴⁾, по другому—галка ⁵⁾ сотничихѣ о томъ, что она осталась сиротою, словно овца заблудшая отъ стада ⁶⁾. Сотничиха проклинаетъ, по однимъ вариантамъ, полковника ⁷⁾ и всѣхъ ляховъ ⁸⁾, по другимъ—регентаря ⁹⁾, желая, чтобъ онъ не зналъ о собственныхъ дѣтяхъ за то, что оставилъ ее вдовою съ сиротами-дѣтьми. Въ вариантѣ, записанномъ мною, нѣтъ описанія смерти Харька. а только, вслѣдъ за взятіемъ Харька, приходятъ лихія вѣсти къ сотничихѣ въ то время, когда она готовила пищу и выбѣжала съ руками, испачканными тѣстомъ. Она произноситъ доставившимъ ей злую вѣсть желаніе болѣть три

Ѥхавъ сотникъ черезъ Уланивъ на гривоньку похилився.

Ой чого ты, пане сотнику, чого зажурився?

Якъ же менѣ, панове братья, да не журиться,

Коли пидо мною сивъ уланъ (буланъ) коникъ почавъ становитися.

Ой заржій, заржій, сивъ уланъ-коню, въ круту гору йдучи,

Ой заплачешь панѣ сотничка, снѣданья готуючи.

Ой заграй, заграй, сивъ уланъ-коню, хоть разъ пидо мною,

Бо вже ляшеньки вражіи синки настагають за мною.

1) Ой и заржавъ коникъ вороненькій а стоячи на станѣ,

А скололи Харька, скололи сотника въ голубимъ жунаѣ.

Ой якъ стали Харька, якъ стали сотника изъ свѣта згубляти,

Ой и ставъ же ёго коникъ, коникъ вороненькій жалибненько кричати.

Ой и заржавъ да коникъ буланенькій, стоячи на помостѣ.

Или (въ другомъ вариантѣ тамъ же напечатанномъ):

Ой щожъ тому да сотнику Харьку зробилось въ Паволочи?

Ой и поховали сотника Харька въ зеленѣй нехворостѣ.

2) Ой заржавъ, заржавъ сивъ-уланъ коникъ въ станѣ на помостѣ,

Бо вже вбито пана сотника въ Морозивцѣ на мостѣ.

3) Ой заржавъ же вороній коникъ въ станѣ на помостѣ.

А вже вбито Харька сотника въ Морозовцѣ на мостѣ.

4) Ой летить крычокъ черезъ байрачокъ да й жалибненько криче,

Стоить сотничка съ полковникомъ да й жалибненько плаче,

Или: (Макс. 1834 г. 122).

Ой летѣвъ воронъ зъ чужихъ сторонъ да жалибненько криче,

Ой иде сотничка до полковника да й жалибненько плаче.

(Чт. 1863. III, стр. 22).

5) Ой и летѣла черезъ тьи будынки а чорненькая галка.

6) Ой и zostалася сотничка Харчиха, якъ прибудная ярка.

7) Ой богдай же ты, полковнику, да наложивъ головою,

Що ты мене молоденьку да нарядивъ удовою.

Или:

8) Ой богдай же вы, вражи ляшеньки, наложили головою,

Що вы мене молоденькую да вчинили вдовою, (Чт. 1863. ч. III, стр. 22.)

9) Ой богдай же ты, пане лментарю, а не знавъ объ свои дѣти,

Що ты посиротивъ сотничку Харчиху и маленькіи дѣти. (Метл. 527).

года. Региментарь ходитъ съ оружіемъ за плечами, а сотничиха шатается, бѣдняжка, словно заблудившаяся овца ¹⁾). Въ галицкомъ вариантѣ между описаніемъ смерти Харька и вѣстью, несомою ворономъ Харчихъ, есть стихи, которыхъ нѣтъ въ прочихъ вариантахъ, такого содержанія: еслибъ вы, враги ляхи, хотѣли господствовать, то вамъ бы слѣдовало сотника Харька живого поймать ²⁾). Эти слова, очевидно, произносятъ козаки, и они какъ будто имѣютъ смыслъ ожиданія мщенія за смерть.

Послѣ казни Харька поляки усилили свои неистовства въ Украинѣ. Мельхиседекъ былъ таки схваченъ и послѣ разныхъ допросовъ засаженъ въ Дерманскій монастырь, откуда, впрочемъ, скоро освободился и уѣхалъ въ Переяславль. Вороничъ, убійца Харька, скоро послѣ казни этого человѣка занялъ войскомъ Жаботинъ, разставилъ жолнеровъ по домамъ обывателей, жолнеры обирали хозяевъ и творили надъ ними всякія насилія, а самъ региментарь хотѣлъ принудить жаботинцевъ силою принять унію и привелъ ихъ въ такой страхъ, что они, рѣшаясь оставаться вѣрными православной вѣрѣ, стали всемъ міромъ готовиться къ мученичеству (Коялов. Ист. возст. западн. ун. 56). Подъ Ольшаной, гдѣ убитъ былъ Харько, при многочисленномъ стеченіи согнаннаго южнорусскаго народа, былъ мучительно сожженъ Данило Кушнѣрь, ктиторъ церкви мѣстечка Мглѣва за то, что сиряталъ дароносицу ³⁾ вмѣстѣ съ прочими прихожанами, не желая отдавать святыни уніатамъ. Въ слѣдующемъ году страхъ въ народѣ усилился отъ слуховъ, что придетъ въ Украину составившаяся въ Подоліи барская конфедерація и начнетъ обращать всѣхъ насильно въ унію. Сверхъ того барская конфедерація хотѣла всѣхъ надворныхъ козаковъ, бывшихъ у пановъ украинскихъ, повернуть на войну противъ русскихъ войскъ, дѣйствовавшихъ тогда противъ конфедератовъ, а козаки не хотѣли идти воевать противъ русскихъ войскъ. Всѣ эти обстоятельства, возбуждая въ народѣ и усиливая вражду къ полякамъ, содѣйствовали тому, чтобы гайдамацкое движеніе, которое временами ослаблялось, но никогда не прекращалось, вдругъ возрасло и нашло бы себѣ рьяную опору въ народной массѣ. Козаки, не хотѣвшіе идти къ конфедератамъ, убѣгали толпою за Днѣпръ и тамъ сошлись съ запорожцами, пріѣзжавшими въ Переяславъ на богомолье. Въ числѣ этихъ запорожцевъ былъ знаменитый Максимъ Залѣзнякъ, который объявилъ имъ всемъ, будто русская Императрица издала грамоту, писанную золотыми буквами; въ этой грамотѣ она

¹⁾ А вже прислали панѣ сотничцѣ да лихія вѣсти,
Ой выбѣгла панѣ сотничка, а въ неѣ рученьки въ тѣстѣ.
Богдай же вамъ, панове молодцѣ, да три лѣта болѣти,
А що вы мене посиротѣли и дрибненькія лѣти.
А въ нашого пана лейвентаря за плечима ручниця;
Ой похожаетъ сотничка Харчиха бѣдная вдовиця.
А въ нашого пана лейвентаря за плечима янчарка;
Ой и похожаетъ сотничка Харчиха, якъ прибудная ярка.

²⁾ Ой коли-сте, вражи ляшеньки, хтѣли панувати,
То було жъ вамъ пана сотника живцемъ ишіймати.

(Чт. 1863 г. III, стр. 22).

³⁾ А не плащаница, какъ ошибочно было объяснено слово „гробница“ въ моемъ сочиненіи: „Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой“, по незнапію значенія слова гробница въ западной Украинѣ.

побуждала возстать за вѣру противъ барской конфедераціи, которая задалась намѣреніемъ истребить православіе въ Украинѣ. Эту подложную грамоту выдумалъ, по свидѣтельству современника поляка Моцинскаго, монахъ экономя Переяславскаго архіерея, мстившій за смерть своего племянника, казненнаго поляками (Сол. т. XXVII, стр. 306). Эта грамота произвела одурающее дѣйствіе на козаковъ. Они нарекли Залѣзняка своимъ предводителемъ, соединились съ запорожцами; всѣ перешли потомъ на правый берегъ Днѣпра и расположились станомъ близъ Матронинскаго монастыря въ лѣсу, на урочищѣ, называемомъ Холодный-Яръ.

Иноки сочувствовали гайдакакамъ и, какъ гласитъ преданіе, освятили оружіе, которымъ гайдаки готовились поражать враговъ православной вѣры и русскаго народа. Къ Залѣзняку отовсюду стекались новыя толпы гайдакаковъ изъ крестьянъ правобережной Украины. Они взяли мѣстечко Жаботинъ. Премникъ Харькъ, Мартынъ Вѣлуга, новый сотникъ жаботинскихъ козаковъ, присталъ къ Залѣзняку съ своими подчиненными. Убили жаботинскаго губернатора, поляка Степовскаго, занимавшаго тамъ должность намѣстника отъ владѣльца, перебили поляковъ и жидовъ, какіе не успѣли въ пору убѣжать изъ Жаботина. Полчище Залѣзняка съ каждымъ часомъ увеличивалось. Имя его стало громкимъ по Украинѣ, какъ возобновителя козацкой славы. Народная пѣсня о пребываніи его въ Жаботинѣ и о дальнѣйшемъ походѣ гайдакаковъ говоритъ: Максимъ козакъ Залѣзнякъ изъ славнаго Запорожья процвѣтаетъ въ Украинѣ, какъ роза въ саду ¹⁾. Онъ собралъ ²⁾ и распустилъ козацкое войско въ славномъ городѣ Жаботинѣ, и разлилась тогда козацкая слава по всей Украинѣ ³⁾. Враги пишутъ къ нему: выпусти изъ Жаботина хоть дѣтей ляхскихъ. Максимъ Залѣзнякъ, получивши ихъ письма, собираетъ въ одну толпу всѣхъ ляховъ и жидовъ и отдаетъ ихъ въ распоряженіе жаботинскому сотнику Мартыну Вѣлугѣ. Мартынъ Вѣлуга ходитъ по рынку, водить за собой пана губернатора и говоритъ: не одного ляха голова теперъ поляжетъ ⁴⁾.

Гайдамацкое полчище, увеличиваясь новыми охотниками, тотчасъ же разбивалось на ватаги или загоны, шли по разнымъ сторонамъ разорять шляхетскіе дворы, католическіе костелы, мучить безъ состраданія поляковъ и іудеевъ, не щадя ни дряхлой старости, ни беззащитнаго дѣтства. Вотъ, пришелъ—гово-

1) Максимъ козакъ Залѣзнякъ зъ славнаго Запорожья
Процвѣтае на Украинѣ, якъ въ городѣ рожа.

2) Зибравъ вѣйска десять тысячъ въ мѣстѣ Жаботинѣ.

3) Роспустивъ вѣйсько козацкее въ славнимъ мѣстѣ Жаботинѣ—
Гей, розлилась козацка слава по всѣй Украинѣ.

4) Гей, Максиме полковнику, ты славный воину,
Гей, выпусти зъ Жаботина хочъ лядську дитину.
Максимъ козакъ Залѣзнякъ листы отбирае,
Усѣхъ ляхивъ и зъ жидами до купы собирае.
Изигнавши усѣхъ ляхивъ зъ жидами до купы,
Отдавъ ляха губернатора да Вѣлугѣ въ руки.
Вѣлуга Мартинъ Жаботинскій да по рыночку ходить,
Свого пана губернатора за собою водить.
И водючи за собою да й до ёго каже:
Не одного теперъ ляха голова залаже! (Макс., изд. 1834 г., стр. 123).

рять пѣсня—смѣлянскій (изъ мѣстечка Смѣлы, принадлежавшаго также князьямъ Любомирскимъ) сотникъ Шило съ своими козаками; его отправляютъ въ Богуславъ, и какъ въѣхали козаки въ Богуславъ въ среду утромъ, тотчасъ завалили всѣ шанцы жидовскими трупами ¹⁾. Народная легенда передаетъ память о другомъ предводителѣ Неживомъ. Тотъ пошелъ тогда на Каневъ, сжегъ тамошній замокъ, погубилъ запершихся въ немъ поляковъ, сажалъ рядами жидовокъ и приказывалъ ихъ разстрѣливать, но оставлялъ въ живыхъ изъ нихъ тѣхъ, которыя изъявляли желаніе креститься. Другіе предводители, Бондаренко, Уласенко, Тимченко, Швачка, Гнида, поступали подобнымъ же образомъ въ другихъ мѣстахъ. Самъ Залѣзнякъ взялъ Лисянку, которую сдать гайдамакамъ принудили жители губернатора Кучесскаго. Козаки, взявши городъ, положили губернатору на спину сѣдло, сѣли на него верхомъ, потомъ закололи, перебили всѣхъ католиковъ и іудеевъ, а надъ дверьми францисканскаго костела повѣсили ксендза, іудея и собаку и написали надъ ними: ляхъ, жидъ да собака, усе вѣра однака! Этимъ гайдамаки мстили врагамъ за то, что у нихъ тогда вошло въ обычай называть православіе собачьею вѣрою (psia wiara).

Католики, іудеи и уніаты, не хотѣвшіе заранѣе возвратиться къ православію, безъ оглядки бѣжали изъ края, а многіе думали найти убѣжище въ Умани, городкѣ, принадлежавшемъ пану Потоцкому, укрѣпленномъ хотя не отлично, но лучше другихъ украинскихъ городковъ. Но и въ Умани, какъ вездѣ по Украинѣ, были и сторонники гайдамацкаго дѣла и къ Максиму Залѣзняку прибылъ оттуда козакъ, называемый въ пѣснѣ Дзюма. Онъ приглашалъ гайдамаковъ поспѣшить къ Умани, гдѣ накопилось множество ляховъ и жидовъ и показывалъ надежду, что оттуда не успѣетъ ускользнуть и духъ польскій, а обыватели уманскіе (разумеется православные) ждутъ не дождутся запорожцевъ ²⁾.

Въ Умани губернаторомъ, поставленнымъ отъ владѣльца, былъ нѣкто Младановичъ. Народа, пришедшаго туда искать спасенія отъ гайдамаковъ, было такъ много, что онъ не могъ помѣститься въ срединѣ города и множество расположилось таборомъ подъ городомъ въ рошѣ, называемой Грековымъ лѣсомъ; но для охраненія города противъ гайдамаковъ отъ этого народа мало можно было ожидать полезнаго. Собственно въ Умани гарнизонъ состоялъ изъ шестисотъ человѣкъ, но главная сила считалась въ козакахъ надворныхъ, въ числѣ двухъ тысячъ, подъ командою полковника Обуха. Полкъ дѣлился на сотни, которыя были подъ начальствомъ сотниковъ; изъ этихъ сотниковъ извѣстны оста-

¹⁾ Гей, якъ вийшовъ сотникъ Смѣлянскій зъ своими козаками:

Ступай, ступай, Шило сотнику, въ Богуславъ и зъ нами!
А въѣхали въ Богуславъ у среду въ-ранцѣ,
Накидали въ-тий-годинѣ жидивъ повнѣ шанцѣ.

²⁾ Дзюма козакъ Уманскій конемъ прѣвжае,

До Уманя Залѣзнякъ зъ собою подмовляє:
Гей, Максиме полковнику, ты, батьку козацькій,
Гей не втече изъ Уманя навѣтъ и духъ лядській!
Подъ Уманемъ славнымъ мѣстомъ великія кручи,
Гей, номлѣли Уманьчики Запорозьцѣвъ ждучи.

лись двое—Гонта и Ярема. Всѣ козаки были малороссіяне по происхожденію. Младановичъ, услышавши о распространяющемся гайдамацкомъ движеніи, выславъ этихъ козаковъ для укрощенія гайдамаковъ. Ему не приходила въ голову мысль объ измѣнѣ, хоть онъ недавно передъ тѣмъ приказалъ полковнику Обуху, чтобъ его козаки не распѣвали пѣсень о Хмельницкомъ, котораго имя не переставало еще наводить страхъ на поляковъ.

Высланные сотники Гонта и Ярема стали сноситься съ гайдамаками. Народная пѣсня говоритъ, что сотникъ Гонта стоялъ въ стени три недѣли и тутъ прѣхали къ нему Смѣлянчики, то-есть козаки изъ Смѣлой. Гонта не поддался на увѣщанія пристать къ нимъ. Онъ отвѣчалъ, что ни за что не пойдетъ разорять Умань и не подниметь рукъ на своего господина и отца ¹⁾.

Между тѣмъ, іудеи провѣдали, что у Гонты ведутся сношенія съ гайдамаками и донесли Младановичу. Тотъ велѣлъ кликнуть къ себѣ Гонту. Сотникъ Гонта явился тотчасъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ, съ нѣсколькими атаманамъ. На всѣ выставленныя противъ него обвиненія онъ отвѣчалъ отрицательно, съ рѣшимостью и со слезами на глазахъ клялся въ своей невинности. Уликъ противъ него не было, тѣмъ не менѣе нѣкоторые поляки тогда уже настаивали, чтобы отрубить ему голову. За Гонту ходатайствовала жена полковника Обуха. Но главное обстоятельство, почему Младановичъ не рѣшался круто поступить съ Гонтою, было то, что Гонта былъ въ милости у пана Потоцкаго и панъ подарилъ ему въ пожизненное владѣніе деревни Росошки и Сладовку. Ничто въ прежней жизни Гонты не могло возбудить подозрѣнія въ способности измѣнить полякамъ. Гонта былъ почти совсѣмъ ополяченъ, говорилъ и писалъ по-польски правильно и служилъ своему пану ревностно. Губернаторъ ограничился только тѣмъ, что приказалъ Гонтѣ въ другой разъ присягнуть предъ крестомъ и евангеліемъ, потомъ отправилъ его снова къ полку.

Тогда Гонта свидѣлся съ Залѣзнякомъ и вмѣстѣ съ Яремою и со всѣми козаками присталъ къ гайдамакамъ. Всѣ вмѣстѣ двинулись на Умань ²⁾.

Причина такой перемѣны Гонты была та, что Залѣзнякъ показалъ ему золотую грамату императрицы Екатерины, и Гонта искренно увѣровалъ въ ея подлинность.

По безопасности и легкомыслію въ Умани не ждали подобнаго. Пѣсня изображаетъ одобреніе, выражаемое, конечно, отъ лица враговъ гайдамацкаго дѣла: нечего бояться обывателямъ Умани, потому что въ Пятигорахъ перевѣшали много гайдамаковъ ³⁾. (Эта черта здѣсь повторяется такъ же, какъ она

¹⁾ Да стоявъ, стоявъ сотникъ Гонта въ стени три недѣли,
Наѣхали Смѣлянчики, да вонъ ся имъ звѣривъ.
— Годѣ, годѣ сотнику Гонта, у стени стояти,
Ходи зъ нами козаками Умань грабовати.
Ой, якъ менѣ, наны молодці, Умань грабовати,
И на свого пана батька руки підіймати?

(Макс. Укр. П. 1834 г., стр. 124).

²⁾ Гонта сотникъ Уманскій помѣжъ військомъ ходитъ,
А зъ Максимомъ Залѣзнякомъ черезъ листы говорить.
А въ недѣлю рано стати да у дзвони бити,
Гей, ставъ Гонта съ козаками пидъ Умань подходить.

(Макс. Укр. П., изд. 1834 г., стр. 124).

³⁾ Ой, гуляйте, уманьчики, не бійтесь нічого,

уже встрѣчалась въ одной изъ предшествовавшихъ, приведенныхъ нами, пѣсень, въ которой говорилось о Заяцѣ; изъ этого можно предположить, что событіе казни гайдамаковъ въ Пятигорахъ, о которомъ тамъ намекается, происходило во время, близкое къ эпохѣ Уманской рѣзни). Говорится затѣмъ о повѣшеніи какого-то Котовича, его любимая сестра приноситъ въ даръ региментарю червонцы и проситъ дозволенія снять съ висѣлицы трупъ своего брата. Региментаръ забираетъ у нея червонцы, а трупа Котовича съ висѣлицы снять не дозволяетъ ¹⁾. Намъ неизвѣстно, кто былъ этотъ Котовичъ и какая тутъ связь съ Уманскою рѣзнейю.

Подступивши къ Умани, гайдамаки прежде всего напали на таборъ, расположенный у Грескова лѣса, и перебили скопившихся тамъ католиковъ, униатовъ и іудеевъ. По извѣстіямъ современниковъ, въ этомъ таборѣ было до восьми тысячъ душъ. Въ Умани сто арестантовъ, содержавшихся подъ карауломъ, разломали тюрьму, истребили стражу и убѣжали къ гайдамакамъ. Туда же ушла вся экономическая прислуга, состоявшая изъ южноруссовъ. Въ городѣ не было воды. Отстояться отъ гайдамаковъ было невозможно, Младановичъ рѣшился вступить въ переговоры съ непріателемъ и послалъ въ подарокъ Залѣзняку и Гонтѣ брика съ дорогими матеріями. Гайдамацкіе предводители приняли подарки и отложили переговоры до слѣдующаго утра. На другой день оба гайдамацкіе предводители выѣхали верхомъ къ городскимъ воротамъ, передъ которыми на вѣншей сторонѣ былъ устроенъ мостъ, перекинутый черезъ глубокой ровъ. Вышелъ къ нимъ губернаторъ съ нѣсколькими поляками. Гонта объявилъ Младановичу, что идетъ съ товарищами противъ ляховъ по указу императрицы Екатерины.

Былъ постановленъ такой договоръ: шляхтѣ и всѣмъ вообще полякамъ выговаривалась безопасность, а іудеевъ съ ихъ имуществомъ отдавали на произволь гайдамаковъ. По заключеніи этого договора одинъ изъ поляковъ, бывшихъ при Младановичѣ, Ленартъ, сказалъ гайдамацкимъ предводителямъ: просимо на хлѣбъ на силъ, но другой полякъ, по имени Рогашевскій, не утерпѣлъ и крикнулъ: стрѣлять шельму! Этого было достаточно. Младановичъ стрѣлять не приказалъ и поспѣшно убѣжалъ въ костель, гдѣ уже была собрана толпа, но за нимъ вслѣдъ гайдамаки вошли въ городъ и принялись избивать іудеевъ, а потомъ принялись и за католиковъ; ихъ выволакивали изъ костела, кололи копьями, рѣзали ножами, рубили саблями и топорами, не разбирая ни пола, ни возраста. Поляки падали къ ногамъ разъяренныхъ гайдамаковъ и умоляли о пощадѣ. «Гарненко ляшеньки просяться, — сказалъ Гонтѣ какой-то козакъ: — треба имъ перепустити!» Гонта на это сказалъ. «А що зъ тобою буде, якъ мы

Вывѣшали гайдамакивъ въ Пятигорахъ много.

¹⁾ Да повѣсили Котовича на зеленѣмъ дубѣ;

Пріѣхала его сестра животомъ люба.

Да незличенъ червиньцѣ да въ запольѣ носить,

Хорошенько рейментаря, кланяючись, просить:

Да, дозволь пане рейментарю, червиньцѣ забрати,

Мого брата Котовича зъ шибеницѣ зняти.

Да дозволь пань рейментаръ червоньцѣ забрати,

Не дозволь Котовича зъ шибеницѣ зняти.

имъ перепустимо?» Дѣтей прокалывали насквозь, поднимая вверхъ на копьяхъ. Перебили всѣхъ духовныхъ и школяровъ въ базилианскомъ монастырѣ; глубокой колодезь на рынкѣ—до тридцати саженой, какъ говорятъ—заброшенъ былъ человѣческими трупами. Гайдамаки ругались надъ католическою святынею, плевали на распятія и иконы, выбрасывали св. дары, топтали ногами, говоря: «это ихъ богъ лядскій!» Младановичъ былъ убитъ вмѣстѣ съ другими, но его дѣтей—сына и дочь—гайдамаки пощадил и перекрестил насильно въ православной церкви, восприѣмниками были Залѣзнякъ и Гонта.

Послѣ этой кровавой расправы Залѣзнякъ назвалъ себя кievскимъ воеводою, а Гонта воеводою брацлавскимъ; по другимъ извѣстіямъ—Залѣзнякъ былъ нареченъ гетманомъ, а Гонта уманскимъ полковникомъ. Полагался зародышъ возстановленію гетманщины. Отъ поляковъ, казалось, южнорусскому возстанію тогда было неопасно, потому что у поляковъ тогда происходили крайнія безурядицы и междоусобія, но гибельнымъ врагомъ для гайдамацкаго дѣла оказалась военная сила той самой Императрицы, которой именемъ поднимали гайдамаки народъ южнорусскій. 7—8 іюня справились Залѣзнякъ и Гонта съ врагами въ Умани, а нѣсколько дней ранѣе того, 2 іюня, генераль-маіоръ Кречетниковъ принудилъ къ сдачѣ конфедератовъ въ Бердичевскомъ замкѣ и взялъ въ плѣнъ главнаго ихъ региментаря Пулавскаго (журн. Кречетн. Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. 1863 г. III, стр. 164); во второй половинѣ іюня Кречетниковъ послалъ поручика Кологривова съ донскими козаками къ Умани, приказавши не принимать противъ гайдамаковъ непріятельскихъ дѣйствій, а уговорить ихъ разойтись по домамъ, такъ какъ уже войско Императрицы всероссійской уничтожило польскихъ конфедератовъ и бояться ихъ нечего (ibid., стр. 171). По извѣстіямъ современниковъ поляковъ, козачій офицеръ Кривой поддѣлался къ Залѣзняку и Гонтѣ и уговорилъ ихъ распустить гайдамацкое скопище по домамъ, а самимъ идти съ козаками къ русскому войску. Залѣзнякъ и Гонта устроили прощальную пирушку и перенились, донцы ихъ перевязали (журн. Кречетн. Чт. 1863, III, стр. 175). Запорожцевъ было взято 65 человѣкъ, а разныхъ украинскихъ козаковъ 780, съ ними взято 14 пушекъ, до тысячи лошадей, которыя были розданы козакамъ русскаго войска. По рапорту Кологривова (Чт. ibid.), однако, видно, что отъ гайдамаковъ подѣ Уманью было оказано нѣкоторое сопротивленіе, послѣ котораго ихъ всѣхъ перевязали. Кречетниковъ далъ приказаніе: запорожцевъ, какъ русскихъ подданныхъ, отослать въ Кіевъ, а украинскихъ козаковъ выдать, какъ польскихъ подданныхъ, Враницкому, предводителю военныхъ силъ партіи, противной барской конфедерации,—все же награбленное гайдамаками возвратитъ хозяевамъ, если они найдутся, а въ противномъ случаѣ раздать карабинерамъ и донскимъ козакамъ.

Объ этомъ-то роковомъ для гайдамацкаго дѣла событіи народная пѣсня говоритъ: какъ вышелъ донской козакъ изъ-за Острой могилы, тогда Уманьчики (то-есть гайдамаки, взявшіе Умань) растеряли штаны свои; а Максимъ Залѣзнякъ безстрашно выѣхалъ изъ стана къ донскимъ козакамъ на встрѣчу ¹⁾. Они

¹⁾ Гей, якъ вийшовъ донскій козакъ зъ-за Гострой могилы,
Утѣкали Уманьчики, штаны погубили.
Максимъ козакъ Залѣзнякъ зъ лагря выѣжае,
Передъ донськими козаками и страху не мае.

говорили ему: ступай, Залѣзнякъ, полно тебѣ воевать! Идиho въ Печерскую работать Богу ¹⁾. Здѣсь звучитъ насмѣшка: Залѣзняка отвозили въ Печерскую крѣпость въ заточеніе. Но Залѣзнякъ—по словамъ той же народной пѣсни—сидя въ неволѣ, говоритъ себѣ въ утѣшеніе: не будетъ въ Украинѣ воли врагамъ ляхамъ! Течуть рѣчки со всего свѣта въ Черное море, миновалась въ Украинѣ жидовская воля! ²⁾. Такъ-то народная поэзія передаетъ память о Залѣзнякѣ потомству въ образѣ истиннаго героя. Потерпѣвши неуспѣхъ, лишившись свободы, онъ утѣшается тѣмъ, что все-таки трудился не даромъ, судьба все-таки устроитъ такъ, что цѣль, за которую онъ подвизался, будетъ достигнута хоть бы и инымъ путемъ, хотя бы и мимо него, уже лишеннаго свободы. Государственные люди и военачальники русской Императрицы далеки были признать въ гайдамакахъ борцовъ за униженную православную вѣру и за русскую народность противъ исконныхъ враговъ. Для нихъ они были не болѣе какъ подлые мужики, бунтовавшіе противъ господъ своихъ. «Дошли до насъ подлинныя извѣстія»—писалъ Кречетникову русскій посланникъ въ Варшавѣ князь Репнинъ—«что здѣшніе украинскіе мужики около Гуманя, Чигрина, Крылова, Черкасова и Богуслова взбунтовались противъ своихъ помѣщиковъ и какъ изъ оныхъ многихъ, такъ и часть жидовъ перерѣзали, а другихъ отъ себя разогнали. Причину сему приписываютъ фанатизму къ нашему закону, ибо хотя они униаты, но подлинно того въ своемъ невѣжествѣ сами не знаютъ, какого они закону, а считаютъ себя нашего. Однако нашъ высочайшій дворъ иного не желая, какъ спокойствія здѣшней земли, слѣдственно отнюдь не надлежитъ способствовать сему новому огню, а напротивъ, всячески надлежитъ стараться оный утѣшить (Чт. 1863 г. III, стр. 70). Для русскаго князя, православнаго потомка цѣлаго ряда православныхъ князей и бояръ казалось, что мужики эти только по своему мужицкому невѣжеству неправильно называли себя православными, а на самомъ дѣлѣ они были униаты, потому что господа ихъ хотѣли, чтобъ они были униаты. Правда, Репнинъ не предписывалъ употреблять противъ этихъ мужиковъ слишкомъ жестокихъ мѣръ, а приказывалъ уговаривать ихъ дружески, чтобъ они въ свои дома возвратились; но, признавая ихъ законными подданными пановъ, обязанными даже быть такой вѣры, какой хотѣли ихъ паны, русскія власти ничего не могли дѣлать иного, какъ выдавать непокорныхъ мужиковъ ихъ законнымъ панамъ на расправу; такъ и поступалъ генераль-маіоръ Кречетниковъ. Истребленіе гайдамаковъ онъ взялъ на свое попеченіе (Чт. 1863, III, 179) и разсылалъ разъѣзды для поимки ихъ, а пойманныхъ приказывалъ отсылать къ Браицкому ³⁾.

¹⁾ Ступай, ступай Залѣзняку! Годѣ вже гуляти:

Пійдемъ въ Кієвъ въ Печерськее Богу работати.

(Макс. Укр. Пѣсни, изд. 1834 г., стр. 124).

²⁾ И говоритъ Максимъ козакъ, сидячи въ неволѣ:

Не будуть мати вражи ляхи, на Украинѣ волѣ.

Течуть рѣчки зъ всѣго свѣту до Чорного моря,

Минулася на Украинѣ жидовська воля!

(Макс., *ibid.*).

³⁾ Такимъ образомъ, 14 іюля отведено было къ нему 865 человекъ, 18-го Кречетниковъ извѣщалъ Репнина о пойманныхъ 225 гайдамакахъ и о назначеніи московскому карабинерному полку истреблять гайдамаковъ (Чт., *ibid.*, стр. 183), 21-го іюля Кречетниковъ писалъ, что уже около двухъ тысячъ гайдамаковъ поймано и болѣе пяти

О взятіи Гонты рассказываетъ дочь Младановича графиня Кребсъ, будто Кречетниковъ самъ подошелъ къ Умани, но такъ какъ съ нимъ было мало войска, то онъ обходился съ гайдамаками дружески; десять дней въ станѣ гайдамаковъ происходили постоянно гулянки, угощали прибывшихъ великороссянъ и пѣли пѣсни подъ музыку бандуръ, но на одиннадцатый день прибыли изъ Кіева донцы съ повозками, наполненными кандалами. Тогда Кречетниковъ сказалъ Гонтѣ, что желаетъ познакомиться съ его родными: Гонта пригласилъ Кречетникова и весь его штабъ въ свое имѣніе село Росопки, и тамъ, когда гайдамаки, перепившись, уснули, донцы отогнали ихъ лошадей, похватали сонныхъ гайдамаковъ и заковали въ привезенныя съ собою кандалы (Ум. рѣзня, стр. 30). Авторъ ошибся, назвавши Кречетникова; этотъ генераль самъ лично не забиралъ гайдамаковъ подъ Уманью, но здѣсь можетъ быть ошибка только въ имени, а что-нибудь подобное сдѣлалъ съ Гонтою не Кречетниковъ, но другой, посланный Кречетниковымъ. Отосланнаго къ Браницкому Гонтѣ казнили въ Сербяхъ, куда привезли его вмѣстѣ съ двумя тысячами осужденныхъ на казнь гайдамаковъ. По свидѣтельству современниковъ, съ него рѣзали полосы кожи, а потомъ четвертовали. Гонта показалъ необыкновенное присутствіе духа, а по выраженію поляка Охонцаго (pmtigtn. I. 108) шелъ на казнь съ такимъ веселымъ видомъ, какъ бы на крестины къ куму. Когда палачи производили надъ нимъ свою адскую операцію, Гонта не вопилъ, не кричалъ, но произнесъ: «отб говорили що воно боляче, а воно нѣ кришки не болить». Графиня Кребсъ въ своихъ воспоминаніяхъ рассказываетъ, что когда палачъ приступалъ къ совершенію надъ нимъ казни, Гонта спросилъ: Почему здѣсь нѣтъ Залѣзняка и его указа? Тогда къ нему подбѣжали два солдата и забили ему ротъ землей (Уманск. рѣзня стр. 31). Русскій переводчикъ воспоминаній графини Кребсъ полагаетъ, что это извѣстіе недостоверно и Гонта не могъ такъ говорить въ виду отсутствія самаго указа (ibid., стр. 33). Намъ, напротивъ, кажется, что Гонта не только могъ, но долженъ былъ говорить такія слова, въ виду того, что этотъ человекъ, долгое время вѣрный панамъ, сотникъ надворныхъ панскихъ козаковъ, присталъ къ гайдамакамъ только въ силу своей вѣры въ существованіе такого указа могущественной русской Государыни.

Народная пѣсня почти согласно съ современными извѣстіями описываетъ смерть Гонты.

У пановъ въ Украинѣ—говорить эта пѣсня—были добрые оборонители; паны довѣрились сотнику уманскому Гонтѣ. У пановъ нашихъ въ Украинѣ добрый напитокъ, они умны и съумѣютъ найти себѣ выручку ¹⁾. Здѣсь, кажется

соть перевѣшано региментаремъ Браницкимъ (ibid., стр. 191). 27-го іюля, свидѣвшись съ Браницкимъ, Кречетниковъ послалъ три партіи въ тысячу человекъ для искорененія гайдамаковъ. (Чт., ibid., 195). 29-го іюля отправлено къ Браницкому 63 человекъ гайдамаковъ. 2-го августа поймано 28 человекъ. 8-го августа 49, изъ которыхъ 29, какъ польскіе подданные, отосланы къ Браницкому (ibid., 200). 16-го августа донесено о 165 человекъхъ, взятыхъ подполковникомъ Мещерскимъ и майоромъ Серезліемъ, 18-го отправлено къ Браницкому еще 15-ть человекъ и проч. и проч.

¹⁾ Мали паны на Украинѣ добръ оборонцѣ,

Звѣрилися сотниковѣ уманьскому Гонтѣ.

Мали паны на Украинѣ дуже добрый трукоеъ,

Паны ты розумныи дадутъ собѣ рятунокъ.

сквозить насмѣшка надъ промахомъ пановъ, оказавшихъ довѣріе Гонтѣ. Слово трунокъ—напитокъ употреблено въ переносномъ смыслѣ способностей, умѣнья. Далѣе говорится о взятіи Гонты:

«Уразумѣли паны и учинили между собою согласіе», подошли подъ Умань и изловили Гонту. «Слова: учинили между собою согласіе, кажется, выражаютъ согласіе поляковъ съ русскими военачальниками; и тѣ и другіе—паны» ¹⁾.

«Они его, Гонту»,—продолжаетъ пѣсня,—«сначала дружелюбно привѣтствовали, а потомъ, черезъ семь дней, сдирали съ него кожу, по-поясъ, облупили голову, насолили солью и потомъ ему, какъ честному чловѣку, назадъ приложили. Панъ рейментаръ похаживаетъ и говоритъ: смотрите, люди, кто только забунтуетъ, то всѣмъ такое будетъ» ²⁾.

Въ этой пѣснѣ тому, что относится къ Гонтѣ, предшествуетъ краткое изображеніе возмущенія страны, а потомъ, по поводу его, народная философія. Возмутилась Украина—попы и дьяки, погибли въ Украинѣ жида и поляки ³⁾. Далѣе говорится о прилетѣ въ Украину съ запада гусей ⁴⁾, въ смыслѣ, конечно, аллегорическомъ, но для насъ, теперь, темномъ; можно давать какія угодно предположенія и толкованія, но они не объяснятъ сути дѣла, тѣмъ болѣе, что, быть можетъ, слово «съ запада» вкралось въ пѣсню послѣ, по ошибкѣ, и вмѣсто него было что-то другое, образъ же гусей могъ относиться къ запорожцамъ. Какъ бы слѣдствіемъ прилета этихъ гусей и погибли въ Украинѣ невинныя души, погибли депутаты шляхетскаго происхожденія, погибла и мелкая шляхта, занимавшаяся земледѣліемъ» ⁵⁾.

Слѣдуетъ затѣмъ такое философское размышленіе: «о, Боже безконечный! что это теперь настало? Все вѣра, да вѣра, а любви мало! О, Боже безконечный! какъ прискорбно смотрѣть, что на этомъ свѣтѣ въ наше время вѣра бореть вѣру» ⁶⁾. Подобныхъ мѣстъ мало въ произведеніяхъ народной поэзіи и оно для насъ очень драгоцѣнно. Въ то время, когда религіозный вопросъ охватилъ отношенія между польскою и южнорусскою народностями, и сторонники двухъ

¹⁾ Паны тее зрозумѣвши згуду учинили,
Пидкинувшись пидъ Умань, Гонту изловили.

²⁾ Вони жъ ёго на самъ передъ барзо привѣтали,
Черезъ сѣмъ день зъ ёго кожу по поясъ здирали,
И голову облупили, сильно насолили,
Потимъ ёму, якъ честному, назадъ положили,
Панъ рейментаръ похожае: дивѣтеса, люде,—
Кто ся тильки збунтовавъ, то всѣмъ тее буде.

(Макс., изд. 1834 г., стр. 126).

³⁾ Збунтовалася Вкраина, попы й дьяки,
Погинули на Вкраинѣ жида й поляки.

⁴⁾ Прилетѣли на Вкраину изъ запада гуси.

⁵⁾ Погинули на Вкраинѣ невиннии души:
Погинули депутаты шляхетной вроды
Навѣтъ тая дрибна шляхта тии хлѣборобы.

⁶⁾ О, Боже мий пескойченый! що ся теперь стало?
Якъ то вѣра, такъ то вѣра, а милости мало!
О, Боже мий несконченый! дивитися горе,
Що тепера, на сѣмъ свѣтѣ, вѣра вѣру боре!

(Максим Укр. Пѣсни 1834 г., стр. 126).

вѣроисповѣданій стоятъ враждебно другъ противъ друга—католики, задаваясь идеею вѣкового папскаго всевластія и клерикальнаго деспотизма, а православные, думая только охранить существованіе и свободу своей древней религіи; когда эта враждебность высказывается въ очень рѣзкихъ чертахъ крайняго изуверства, раздается голосъ той любвеобильной истины, которая всегда хранилась въ глубинѣ крещенаго сердца, даже и тогда, когда страсти затемняли его духомъ злобы. Мы слышимъ этотъ голосъ именно въ этой пѣснѣ и, сколько можемъ себѣ припомнить, нигдѣ въ произведеніяхъ народнаго творчества не встрѣчали его съ такою ясностью.

Далѣе пѣсня показываетъ несочувствіе мятежамъ, такъ какъ вообще никакіе мятежи не оправдываются духомъ христіанской любви, повелѣвающей влагать ножъ въ ножны даже и такимъ, которые извлекаютъ его за правое и святое дѣло и помнить, что кто берется за ножъ, тотъ можетъ и погибнуть отъ ножа. «О, Боже мой безконечный! У насъ такъ да не будетъ! Помните, бунтовщики, вамъ это не пройдетъ даромъ»¹⁾.

Вмѣстѣ съ Гонтой захвачено множество гайдамаковъ, которые, подобно ему, должны были понести жестокія кары отъ пановъ. Есть одна пѣсня, упоминающая вмѣстѣ съ Гонтою о Швачкѣ и о Гнидѣ. «Прославился въ Украинѣ козакъ Швачка, говорить эта пѣсня:—учинилась съ ляхами большая драка. Славенъ былъ Максимъ Залѣзнякъ; славенъ сталъ и Гнида; не осталось въ Украинѣ ни ляха, ни жида! Прославился въ Украинѣ козакъ Гонта; онъ сажалъ жидовъ на колья рядами по верху забора. Гонта и Швачка рано въ день воскресный выработывали на жидовскихъ ногахъ красные сафьяновые сапожки». Это мѣсто поясняется преданіемъ, сохранившимся въ изустныхъ разсказахъ о свирѣпствахъ гайдамаковъ: они обдирали у жидовъ на ногахъ живьемъ кожу и говорили при этомъ, что наряжаютъ жидовъ и жидовокъ въ красные сапожки»²⁾. «Гонту и Швачку забрали двухъ вмѣстѣ словно парочку голубковъ»,—продолжаетъ пѣсня,—«хоть и взяли ихъ, да слава осталась»³⁾. Затѣмъ слѣдуетъ предостерегательное обращеніе къ запорожцамъ. Приглашаютъ ихъ подумать и поразмыслить, что съ ними быть можетъ. Погоня не сегодня—завтра пойдетъ по ихъ слѣдамъ и скажутъ имъ: довольно вамъ тутъ жить, довольно воевать»⁴⁾. Это предчувствіе судьбы, постигшей Запорожье черезъ семь лѣтъ.

1) О, Боже мій несконченый, въ насъ такъ не ведеться!
Пам'ятайте бунтовники, вамъ те не минеться.

2) Прославився на Украинѣ козаченько Швачка,
Счинилася промѣжъ ляхами великая драчка,
Славный козакъ Залѣзнякъ, прославився Гнида,
Що не зосталося на Украинѣ нѣ ляха нѣ жида,
Прославився на Украинѣ козаченько Гонта,
Що сажавъ жидивъ на килья рядомъ поверхъ плота.
Що Гонта да Швачка въ недѣлоньку въ-рандѣ,
Выробляли на ногахъ жидивськихъ червонѣ сапьянцѣ.

3) Якъ побрали попаровали, якъ голубивъ пару,
Якъ взяли Гонту й Швачку пару, зоставили славу,
Ой, вы козаки, вы запорозьцѣ, добри люди,
Поговорѣте, да помяркуйте, що зъ вами буде.

4) Ой вы козаки, вы Запорозьцѣ, нуте выступати,

Другая пѣсня о Швачкѣ помѣщена въ запискахъ о Южной Руси Кулиша (I, стр. 135). Сначала описывается какъ москали въ полдень въ среду забрали запорожцевъ. Швачка въ этой пѣснѣ, по всему видно, не гайдамакъ, а настоящій запорожець, не хочетъ отдаваться москалямъ въ плѣнъ, но москали умны, они нашли способъ связать Швачку вмѣстѣ съ осауломъ, и помѣстили ихъ на возахъ и повезли въ Бѣлую Церковь ¹⁾. Потомъ слѣдуютъ обращенія къ козакамъ съ вопросами: гдѣ дѣлились ихъ кони, серебряныя узды, копыя, ружья, голубые жупаны, красныя сафьянныя сапожки, и на все слѣдуютъ отвѣты въ такомъ смыслѣ, что все это досталось чужимъ, а ихъ постигли бѣды ²⁾. Въ заключеніе посылаютъ черную галку въ Сѣчь ѣсть рыбу и принести вѣсть кошевому атаману, но галкѣ не ворочаться назадъ, а молодцамъ уже не видаться съ кошевымъ ³⁾.

О судьбѣ Залѣзняка, взятаго русскими и отосланнаго въ Кіевъ, существуютъ разныя извѣстія, говорили, что онъ подвергся тѣлесному наказанію кнудомъ и сосланъ въ Сибирь, какъ вообще поступали тогда съ разбойниками; а поляки разносили слухи, будто императрица оставила его безъ наказанія, такъ какъ сама тайно подстрекала его къ истребленію поляковъ. Было еще преданіе, что, подвергшись наказанію, онъ водворенъ былъ не въ Сибири, а гдѣ-то въ Слободской Украинѣ и тамъ потерялся среди безчисленныхъ слободъ и хуторовъ, возникавшихъ въ этомъ плодородномъ и привольномъ краѣ. Образовалась легенда, будто Екатерина приказала его разстрѣлять, но Залѣзнякъ былъ характерникъ: пули его не брали. Въ 1839 году я слыхалъ думу о немъ, въ которой расказа-

Во завтра погоня до вашего слѣду буде припадати.

Годѣ вамъ тутъ жити, годѣ воевати.

¹⁾ Ой на козаченьковъ ой на Запорозьцѣвъ пригодонька стала,
Ой у середу да въ обѣднѣй часъ ихъ Москва забрала.
Крикнувъ Швачка да на осауду! Изъ коней до-долу!
Охъ и не даймося, панове молодцѣ, мы москалямъ у-неволю.

Москалики умнѣ, москалѣ розумнѣ, розуму добрали,
Ой напередъ Швачку изъ осаулою до-купи звязали,
Охъ и звязали и попаровали й на возы поклали,
Изъ Богуслава до Бѣлий Церкви ихъ въ неволю побралаи.

²⁾ Охъ где-жъ ваши, панове молодцѣ, воронны конѣ?
Ой наши конѣ въ пана на припонѣ, а сами мы въ неволѣ.
Охъ а гдежъ ваши, панове молодцѣ, да срѣбнны узды?
Ой наши узды въ коняхъ на занузды, а сами мы у нужды.
Охъ, а гдежъ ваши, панове молодцѣ, ясенькїи списы?
Ой наши списы вже въ пана у стрисѣ, а сами мы у дѣсѣ.
Охъ, а гдежъ ваши, панове молодцѣ, громкїи рушницѣ?
Ой наши рушницѣ въ пана у свѣтлицѣ, а сами мы въ темницѣ.
Охъ а гдежъ ваши, панове молодцѣ, голубни жупаны?
Ой наши жупаны поносили паны, а сами мы пропали!
Охъ а гдежъ ваши, панове молодцѣ, чоботы сапьянцѣ?
Ой наши сапьянцѣ позабирали райцѣ у недѣлоньку въ-ранцѣ.

³⁾ Охъ пошлемо галку, охъ пошлемо чорну а до Сѣчи рыбы ѣсти,
Ой нехай донесе, нехай донесе до кошового вѣсти.
Охъ уже гальцѣ, охъ уже чорнѣй да назадъ не вертаться!
Ой уже намъ, панове молодцѣ, изъ кошовымъ не видаться.

зывается, что Залѣзнякъ началъ говорить про Екатерину-царицу непристойныя рѣчи. Залѣзняка ведутъ къ царицѣ. Государыня приказываетъ разстрѣлять его. Сдѣлаю нѣсколько выстрѣловъ. Залѣзнякъ подхватываетъ руками всѣ пущенныя въ него пули, собираетъ ихъ въ полу своего кунтуша и говоритъ царицѣ: матушка Екатерина! Не трать понапрасну казны своей. Меня твои пули не проберутъ! Ступай, сказала Екатерина:—ступай прочь изъ моего царства и не возвращайся никогда: чтобъ ты въ моемъ царствѣ не творилъ смуть ¹⁾.

Какъ на характерную черту безправія и произвола польскаго панства, противъ господства котораго надъ народомъ шли гайдамаки, мы укажемъ на содержаніе очень распространенной въ народѣ, особенно на правой сторонѣ Днѣпра, пѣснѣ о Бондаривнѣ. Она касается забуддыжныхъ подвиговъ пана Потоцкаго старосты канѣвскаго, славнаго забіяки, о которомъ между поляками ходитъ множество затѣйливыхъ анекдотовъ, часто повторяемыхъ съ сожалѣніемъ о томъ, что подобныя явленія былой золотой панской вольности стали уже невозможны. Этотъ панъ, шатаясь съ своею ватагою (оршакомъ), гдѣ-то встрѣчаетъ кружокъ дѣвушекъ, собравшихся веселиться у сельской корчмы въ воскресный день. Понравилась ему одна дѣвушка, дочь бондаря (бочара). Панъ сталъ ей расточать свои ласки, а она, защищаясь отъ его ласокъ, замахнулась на него и зацѣпила рукою пана ²⁾. Гдѣ собственно это происходило—въ пѣсенныхъ вариантахъ не соблюдается на счетъ того никакого единства, въ одномъ вариантѣ поставится такой городъ, въ другомъ—иной. Но дѣло не въ собственномъ имени мѣста, гдѣ происходило событіе, а въ характерѣ самого событія. По совѣту старыхъ людей дѣвица пустилась бѣжать, но ее привели къ пану схватившіе панскіе гайдуки. Панъ спрашиваетъ ее: что для нея лучше, распивать ли медъ-вино или гнить въ сырой землѣ? Бондаривна отвѣчаетъ, что послѣднее ей въ десять кратъ угоднѣе перваго ³⁾. Тогда панъ Каневскій староста,

¹⁾ Дума эта была записана мною въ Харьковской губерніи въ 1839 году и потому была отослана М. П. Погодину для напечатанія въ Москвитинѣ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими думами, нигдѣ еще до того времени не напечатанными. Но М. П. Погодинъ не напечаталъ ихъ, и когда спустя потомъ двадцать лѣтъ я припомнилъ ему при личномъ свиданіи, онъ очень жалѣлъ, что оставилъ ихъ безъ вниманія. Въ числѣ посланныхъ тогда думъ была еще дума о кошевомъ атаманѣ Гречѣ, котораго, по навѣстамъ лукаваго писаря, запорожцы свергли съ атаманства и назначили табунищикомъ, но потомъ, узнавши его невинность, снова выбрали кошевымъ, а клеветника писаря заколотили до смерти дубинами.

²⁾ Въ славянѣмъ мѣстѣ (имкѣ) капелія грае,
Молодая Бондаривна у корчмы гуляе,
Ой пріѣхавъ панъ Канѣвскій, добры-день всѣмъ давъ,
Молодую Бондаривну ще й поцѣлювавъ.
Молодая Бондаривна ще жарты не знала,
Ударила рученькою да пана затяла.

³⁾ Говорили старѣ люде, говорили стиха:
Втѣкай, втѣкай, Бондаривно, буде тебе лихо!
Утѣкала Бондаривна да помежъ плотами,
А за нею три гайдуки съ голыми шаблями;
Узявъ ѣи старый жовниръ за бѣлую руку,
Припроводивъ Канѣвському на велику муку.

не привыкшіи сдерживать своих побуждений, не стерпѣвъ такого къ своей особѣ пренебреженія, выстрѣлили въ нее изъ ружья и убили сразу; въ пѣснѣ описывается, что когда несли ее, всю украшенную цвѣтами въ волосахъ, то капли крови оставляли за нею слѣды ¹⁾). Ее принесли, положили на лавкѣ, стали убирать къ погребенію ²⁾) и положили ей на голову вѣнокъ изъ барвинка, словно невѣстѣ, которую готовились вести къ вѣнцу ³⁾). Здѣсь въ пѣснѣ намечается на существовавшей прежде обычай хоронить дѣвицъ съ особыми обрядами, сходными съ свадебными, обычай, превосходно изображенный Основьяненкомъ въ его повѣсти Маруся.—Но панъ Канѣвскій староста не безсердечный злодѣй; онъ произвелъ убійство, можно сказать, нечаянно, по увлеченію; его благородное панское чувство скоро проснулось, ему жаль стало убитой и онъ поспѣшилъ удостоить своимъ панскимъ вниманіемъ ея похороны; онъ самъ лично пріѣхалъ въ убогую хату бондаря и глядя, на мертвую Бондаривну, произнесъ: хорошее дѣвичье было, а долженъ былъ стрѣлять ⁴⁾). Онъ не пожалѣлъ обить ея гробъ атласомъ и пригласилъ музыкантовъ, чтобы проводить усопшую въ вѣчное жилище съ почетомъ, и грустно заиграла музыка, когда стали опускать ея тѣло въ землю ⁵⁾). Въ заключеніи въ пѣснѣ изображается скорбь злополучнаго отца бондаря: онъ, въ припадкѣ тоски, бился головою о столъ и произносилъ: дочь моя! ты за всѣхъ положила голову! ⁶⁾). По народному преданію, приключеніе съ этой Бондаривной связывалось какъ-то съ возстаніемъ народа въ эпоху уманской рѣзни, когда однимъ изъ предводителей гайдамаковъ былъ нѣкто Бондаренко—отецъ или братъ убитой паномъ Бондаривны. Можетъ быть, и слова бондаря въ пѣснѣ: дочь моя! ты за всѣхъ положила голову! заключаютъ смыслъ угрозы, смыслъ тотъ, что смерть этой дѣвицы послужитъ побужденіемъ къ мести за всѣхъ, къ дѣлу народному.

Гайдамацкое движеніе, послѣ уманской трагедіи подавленное не поляками, а русскими военными силами, окончательно лишилось подогрѣвательнаго мате-

- Ой чи волишь, Бондаривна, меду-вина пити,
 — Ой чи волишь, Бондаривно, въ сырой землѣ гнити?—
 „Ой волю я десять разы въ сырий землѣ гнити,
 „Нѣжъ съ тобою, мий паночку, да медь-вино пити!“

- 1) А въ нашой Бондаривны за косами квѣтки,
 Куды несли Бондаривну кровавыи слѣдки.
 2) Ой принесли Бондаривну до новой хаты,
 Положили на лавоньцѣ стали убирати.
 3) Ой повили Бондаривнѣ вѣночокъ съ барвѣнку,
 Такъ убрали Бондаривну якъ до шлюбу дѣвку.
 4) Ой пріѣхавъ панъ Канѣвскій да й ставъ жалковати:
 — Хорошее дѣвичъ було, мусилемъ стрѣляти!—
 5) Ой казавъ же панъ Канѣвскій атласу набрати,
 Молодой Бондаривны домовину убрати;
 Ой казавъ же панъ Канѣвскій музыки достати,
 Да молодѣй Бондаривнѣ до гробу заграти.
 Якъ же стали Бондаривну въ землѣ опускати,
 Тогда велѣвъ панъ Канѣвскій ще жалибнѣшъ грати.
 6) Ударився старый Бондаръ объ стѣлъ головою:
 Наложилась, моя донько, за всѣхъ головою!

(по рукописному варианту, записанному мною въ Волынской губерніи).

ріала съ уничтоженіемъ Запорожской Сѣчи. Южнорусскій народъ въ польскихъ областяхъ почувствовалъ, что его унаслѣдованныя отъ предковъ надежды на помощь отъ русскаго престола не сбываются, долженъ былъ поневолѣ, какъ говорится, опустить руки и показывать видъ покорности польскимъ панамъ, хотя отдѣльные случаи то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ давали полякамъ чувствовать, что этотъ ненавидѣвшій ихъ народъ способенъ былъ, при первыхъ благоприятныхъ для него обстоятельствахъ, повторить гайдамаччину. Въ 1789 году въ шляхетскомъ обществѣ распространилась паника, носились зловѣщія слухи, что въ Украинѣ опять собираются рѣзать ляховъ и жидовъ, и что для этой цѣли уже гдѣ-то освятили ножи. Причинъ ненависти къ себѣ южнорусскаго народа поляки не видали, однако, въ своемъ панско-шляхетскомъ строѣ и въ своемъ католическомъ изуверствѣ искали они ихъ въ томъ, будто всероссійская императрица возбуждаетъ и поддерживаетъ эту ненависть чрезъ своихъ тайныхъ агентовъ. Какъ далеко было Петербургское правительство отъ того, чтобъ мирволить возстаніямъ народа противъ польскихъ пановъ, показываетъ, между прочимъ, то, что даже въ роковой для Рѣчи Посполитой 1794 годъ, когда уже Суворовъ съ войскомъ двигался къ Варшавѣ, сдѣлано было распоряженіе объ оставленіи части русскаго войска на Волыни на случай необходимости усмирять южнорусскихъ крестьянъ, если между ними вспыхнутъ бунты противъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ Россія, даже воюя съ поляками, оберегала ихъ отъ раздраженнаго южнорусскаго народа.

Уничтожилась Рѣчь Посполитая. Области ея пошли въ раздѣлъ между со-сѣдами. Южная Русь, бывшая такъ долго поприщемъ борьбы южнорусскаго народа съ Польшею, въ большей половинѣ присоединена была къ Россійской державѣ. Казалось, совершилось давнее стремленіе этого народа, такъ какъ въ ея движеніяхъ такое присоединеніе всегда проглядывало, какъ конечная цѣль. Но въ жизни народной было не то, что казалось по кабинетнымъ документамъ и по историческимъ книгамъ. Польское господство для этого народа не прекращалось еще долго. Народность южнорусская въ этомъ краѣ почти исключительно сосредоточилась на крестьянскомъ, мужичьемъ классѣ, а онъ весь почти оставался въ порабощеніи у владѣльцевъ, и послѣдними были поляки. Новая верховная власть показывала свою силу надъ мужикомъ только тѣмъ, что принуждала этого мужика быть безправнымъ рабомъ польскаго пана. Поэтому политическій переворотъ, совершившійся надъ Рѣчью Посполитой, мало касался южнорусскаго мужика, погруженнаго въ свои узкіе интересы насущной жизни. Правда, жизнь его уже ограждена была отъ полнаго произвола пана и жида, но и только. Положеніе южнорусскаго мужика походило на положеніе Іова, отданнаго Богомъ въ распоряженіе духу злобы, съ правомъ дѣлать надъ нимъ все, что захочетъ, но съ единымъ условіемъ не лишать его души. Мужикъ этотъ былъ не человѣкъ, не самодѣтельное существо, а рабочее животное, которое хозяинъ могъ бить, отягощать до изнуренія трудомъ и продавать. Такъ было до самаго освобожденія отъ крѣпостной зависимости. И вотъ, въ то время, когда съ нашихъ профессорскихъ кафедръ съ умиленіемъ говорилось о томъ, какъ этотъ народъ, долго томившійся подъ польскимъ гнетомъ, наконецъ воссоединился съ своимъ древнимъ отечествомъ, у этого народа, безграмотнаго и не знавшаго нашихъ историческихъ сочиненій о немъ, излагалась въ пѣсняхъ своя исторія со-всѣмъ подъ другою точкою зрѣнія. Вотъ народная пѣсня, записанная нами въ

Волынской губерніи. Наступила черная туча, настала еще и сизая. Была Польша, была Польша, а вотъ стала Россія! Не отбудеть отецъ за сына, ни сынъ за отца. Живутъ люди, живутъ слободою, идетъ мать на ниву, идетъ вмѣстѣ съ дочкой. Прошли онѣ на нивушку: помогай намъ Боже и святой воскресный день, господинъ великій! Съли пообѣдать: горекъ нашъ обѣдъ! Онѣ оглянулись назадъ—экономъ ѣдетъ. Приѣхалъ онъ на нивушку, нагайку расправляетъ: отчего васъ, вражыхъ людей, не трое? И началъ экономъ ругаться и драться: зачѣмъ же вы, вражьи люди, сноповъ не носите? А у нашего эконома красная шапка, какъ приѣдетъ онъ на барщину, скачетъ словно лягушка. А у нашего эконома шелковые чулки; плачутъ, плачутъ бѣдные люди съ барщины идучи. Натерты у воловъ шеи, а у бѣдныхъ людей руки. Собери, молъ, ярового хлѣба полторы копы, а озимаго — копу! Хоть какому мужику подъ силу все вымолотить, провѣять и въ амбаръ сложить. А вечеромъ, поужинавши, въ караулъ ступай. Пошли они въ шинокъ: дай, шинкарка, квартиру. Выпьемъ съ горя по стакану, да пойдемъ въ караулъ! Ходитъ попъ по церкви, читаетъ книжку. А отчего васъ, добрыхъ людей, въ церкви нѣтъ? Какъ же намъ, благодѣтель, въ церковь-то ходить. Намъ съ воскресенья до воскресенья велеть молотить ¹⁾. Въ другомъ вариантѣ этой пѣсни поется: «Отца гонять въ степь косить, сына молотить, дочку дѣвицу садить табакъ, а невѣстку со свекровью на ниву рожь жать. Съли они обѣдать: горекъ ихъ обѣдъ; осмотрятся они позади себя—ѣдетъ

- ¹⁾ Наступала чорна хмара, настала ще й сива,
 Була Польша, була Польша, да стала Россія:
 Не отбуде сынъ за батька, а батька за сына.
 Живуть люде, живуть люде, живуть слободою,
 Иде мати на ланъ жати разомъ и зъ дочкою,
 Прийшли вони до ланочку: помогай намъ, Боже,
 И святая недѣленька велика госпоже!
 Съли вони обѣдати: гиркій нашъ обѣде!
 Оглянуться назадъ себе ажъ окомонъ ѣде.
 Приѣхавъ винъ до ланочку, нагай роспускае:
 — Ой чомъ же васъ, вражихъ людей, по трое не мае?
 Ой зачавъ же ихъ окомонъ лаяти да бити.
 Ой чомъ же вамъ, вражимъ людямъ, снопявъ не носити?
 А въ нашого окомона червоная шапка:
 Якъ приѣде до панщины—скаче якъ та жабка.
 А въ нашого окомона шовковѣ онучи,
 Плачуть, плачуть бѣднѣ люди изъ панщины идучи,
 Пооблазили воламъ шѣ, бѣднимъ людямъ руки...
 Ой ярины по пивторы, а зимини копу;
 Треба стати поправитись, хоть якому хлопцу,
 Змолотити и звѣяти и въ шпихлѣрь собрати,
 А въ вѣчерѣ по вѣчерѣ да на варту стати.
 Прийшли вони до шинкарки: дай, шинкарко, квартиру,
 Выпьемъ зъ жалю по стакану, да й станемъ на варту.
 Ходить попокъ по церквичѣ у книжку читае:
 — Ой чомъ же васъ, да добрыхъ людей, у церквѣ не мае?—
 „Ой якъ же намъ, добродѣю, у церкву ходити,
 Отъ недѣлѣ до недѣлѣ кажуть молотити“.

экономъ... подѣхалъ, расправилъ нагайку, говорить: а зачѣмъ васъ, вражьихъ дѣтей, нѣтъ здѣсь всѣхъ? — Экономъ батюшка, что намъ дѣлать, мы покинули малыхъ дѣтей, некому ихъ приглядѣть. — Я велю малыхъ дѣтей въ прудѣ потопить, а вамъ, вражьимъ людямъ, всѣмъ приказываю ходить на работу ¹⁾.

Въ другой пѣснѣ мужикъ жалуется, что паны забрали у него рожь еще зеленую на сѣчку. Онъ ходилъ просить объ уплатѣ — его поколотили и прогнали ²⁾.

Мужики говорятъ, что имъ пришелъ чередъ ходить на винокурню въ работу цѣлую недѣлю. «Пришелъ я въ понедѣльникъ, пришелъ и во вторникъ: выѣхалъ панъ комиссаръ, далъ мнѣ сорокъ нагаекъ. Ходилъ я на работу всю недѣлю до субботы, а въ субботу пріѣхалъ самъ владѣлецъ и говоритъ: ничего не работаете. Въ воскресный день ранымъ рано стали звонить колокола, а асаулы съ козаками гонять насъ въ винокурню. Я, братъ, думалъ: помолюсь Богу, а асаулъ хватаетъ меня за голову, да бьетъ палкою по ушамъ! Въ чужомъ селѣ колокола гудуть, а въ нашемъ тихо; въ чужомъ селѣ нѣтъ ничего добраго, а въ нашемъ — горе. Наши асаулы знаютъ господскую милость, съ мужика сдеруть штаны, съ бабы юбку ³⁾. Пѣсня оканчивается приглашеніемъ по-

- ¹⁾ Женуть батька въ степь косити, сына молотити,
Третю дочку паняночку тютюну садити,
А невѣстку съ свекрухою у лань жито жати.
Сѣли вони обѣдати, гиркій ихъ обѣде,
Озирнуться позадь себе ажъ окомонъ ѣде.
Пидѣзжае панъ окомонъ, канчукъ роспускае.
„Чому, чому вражѣ люде, усѣхъ васъ не мае!“
— Окомоне, добродѣю, що маемъ робити?
— Повидали малѣ дѣти, нѣкому глядѣти.—
„А я велю малыхъ дѣтокъ въ ставкахъ потопити“.
„Да всѣмъ же вамъ, вражимъ людямъ, въ роботу ходити“.

По иному варіанту поется:

- Иде батько въ степь косити, а сынъ молотити.
Его дочка паняночка тютюну садити,
А ихъ мати старенька обѣдать носити,
А въ нашего дворянина (двороваго, приказчика) сивая кобыла;
Гей побила бѣдныхъ людей лихая година!
„Ой вы, люде-крестьяне, вы-люде безсчастнѣ,
„Ой выходѣте на лань жати по трое изъ хати:
— Ой якъ же намъ, дворянину, по трое ходити,
— Есть у насъ малыи дѣти, нѣкому глядѣти:
„А вы дѣти потопѣте, на лань жати идѣте!“
²⁾ Ой Содома, пане брате, Содома, Содома!
Нема въ мене сипка жита нѣ въ полѣ, нѣ дома!
Було въ мене, куме, жито зелене, зелене...
Заѣхали вражи паны, забрали на сѣчку.
Охъ пийшовъ я пане брате, платы поминати,
А вишь мене выбивъ добре, дай й выпхавъ изъ хаты.

- ³⁾ А що маемъ, пане брате, тепера робити?
Иде черга до винницѣ весь тыждень ходити.
Ой пийшовъ я въ понедѣлокъ, пийшовъ и во второкъ,
Ажъ выѣхавъ панъ комисаръ — давъ нагаѣвъ сорокъ.
Ой ходивъ я увесь тыждень ходивъ до суботы.

кинуть мѣсто жительства, оставивши разводиться тамъ воронамъ и идти въ степь въ гайдамаки.

Эта пѣсня, повидимому, тѣхъ время, когда еще не уничтожилось совершенно гайдамачество, и представляетъ образчикъ при какихъ житейскихъ условіяхъ крестьяне пополюжали собою гайдамацкія ватаги.

Въ Галиціи, гдѣ южнорусскій народъ попалъ подъ власть иностраннаго государства, встрѣчаемъ пѣсни такого же содержанія и даже составляющія варианты тѣхъ, которыя распространены въ народѣ, вошедшемъ въ составъ Россійской Имперіи. Вотъ для примѣра галицкая пѣсня:

«Пока старыя паны были непритязательны къ работамъ, тогда, бывало, цѣлую недѣлю на себя работай, а пану въ субботу. Теперь же настали паны иные: выгоняють въ понедѣльникъ на господскую ниву и гоняють до субботы, да еще говорятъ: отъ васъ, негодаевъ, нѣтъ никакой работы! Въ субботу назначаютъ на четырехъ кварту; выпилъ ли не выпилъ, а ступай на караулъ! Въ понедѣльникъ же съ восходомъ солнца, часу въ третьемъ господинъ окомонъ ѣдетъ на сѣрой кобылѣ. Запасся водочкой, чтобъ было чтò выпить; какъ выѣдетъ на господскую ниву, то велитъ всѣхъ бить. Тѣ, которыхъ побьютъ, вьются словно пискари, а наши господа окомоны смѣются надъ этимъ. Въ Лычковцахъ вѣтеръ вѣетъ, въ Постоловцахъ тихо; въ Лычковцахъ бѣды нѣтъ, а въ Постоловцахъ горе. Уже наша Постоловка обросла вербовникомъ; у кого было по шести воловъ, тѣ пошли съ мѣшками собирать милостыню!»¹⁾

Ажъ выѣхавъ и самъ дѣдичъ: чортъ-ма съ васъ работы!

А въ недѣлю дуже рано да у дзвонъ дзвонять

Осаулы съ козаками до винницѣ гонять,

Отъ, думавъ я, пане брате, Богу помолюся:

Осаула бере за лобъ бѣе кіемъ по ушахъ,

Въ чужимъ селѣ дзвонъ дзвонять, а въ нашому тихо;

Въ чужимъ селѣ добра чортъ-ма, а въ нашому лихо!

А нашиѣ осаулы знаютъ панську ласку,

Съ чоловѣка штаны деруть, а съ жинки запаску.

Ой ходѣмо, пане брате, да за крутѣ горы,

Нехай тута выводяться круки да вороны,

Ой ходѣмо, пане брате, въ степь да въ гайдамаки.

(Основа 1862 г. II. 98—99).

¹⁾ Доки були старѣ паны плохи на роботу

Цѣлый тыждень собѣ робѣ, пановѣ въ субботу.

А теперки, пане брате, якъ настали паны,

Выгоняють въ понедѣлокъ на панскіи ланы,

Выганяють въ понедѣлокъ, гонять до суботы,

И ще кажуть: вы лайдаки, нема зъ васъ работы!

А въ субботу вызначено на четырехъ кварту,

Ой ци выпивъ, ци не выпивъ да й пишовъ на варту,

Въ понедѣлокъ съ сходомъ солнца о третѣй годинѣ

Вже выѣздитъ панъ вокомонъ на сивѣй кобылѣ,

Призберавъ си горѣвочки да мае що пити,

Якъ выѣде на ланъ панскій, да каже всѣхъ бити;

А котрыи побитыи якъ пискарѣ вьются,

Наши паны вокомоны ще съ того смѣются!

Въ другой, галицкой же, пѣснѣ изображается, какъ мужикъ въ воскресный день сѣлъ пить горѣлку, стали звонить къ богослуженію, а тутъ людей гонять на господскую работу. Рѣшаются идти къ пану и представить ему, что не слѣдуетъ работать въ воскресенье, чтобъ за то не покаралъ воскресный день. Но панъ приказалъ дать имъ черезъ асаула и козаковъ по сто палокъ ¹⁾.

Уничтоженіе крѣпостного права также отразилось въ народномъ творествѣ. Объ этомъ отрадномъ для народа событіи сложились пѣсни. Мы знаемъ изъ нихъ двѣ, которыя поются крестьянами, освободившимися въ западной части южной Руси отъ власти польскихъ пановъ. Въ одной — кукушка, поэтическая птица южнорусской поэзіи, съ весеннимъ развиваніемъ лѣсовъ приноситъ радостную вѣсть. Тутъ являются олицетворенныя отвлеченныя понятія — свобода и барщина. Приемъ этотъ хотя не особенно частъ въ народной поэзіи, но не чуждъ ей, какъ показываютъ пѣсни, въ которыхъ олицетворяются правда и кривда, доля и недоля. Здѣсь олицетворенная «свобода» прогоняетъ олицетворенную «барщину», а паны бѣгутъ за послѣднею, умоляютъ вернуться, потому что они, бѣдняжки, безъ ней остаются безъ средствъ къ жизни; не умѣютъ они молотить, а ихъ жены жать хлѣбъ. Они еще не знали, какъ тяжело трудомъ доставать пропитаніе ²⁾. Въ другой пѣснѣ, гдѣ также изображается олицетворенная барщина, наѣзжаютъ становые пристава и мировые посредники и объявляютъ народу, что болѣе не будутъ работать барщины и снимать шапки передъ господами. Барщина, сопоставляемая съ дикою уткою, улетающею въ тростникъ, бѣжить въ лѣсныя дебри: ее гонитъ народная громада ³⁾.

А въ Лычкивцяхъ вѣтеръ вѣе, въ Постоливцяхъ тихо,
А въ Лычкивцяхъ бѣды нема, въ Постоливцяхъ лихо.
А вже наша Постоливка обросла вербами,
Котрѣ мали по шѣсть воливъ, то пишли съ торбами.

(Чтен. 1864. IV, стр. 376).

- ¹⁾ Сѣвъ я собѣ кола стола да горѣвку пити,
А вже стали до церквицѣ всѣ дзвонъ дзвонити.
А въ недѣлю о-полудню у всѣ дзвонъ дзвонять.
Осавула съ козаками на панщину гонять
Зберемося, паны браты, да ходѣмъ до пана
Аже бы насъ недѣлонька ось не покарала.
Прійшли жъ бо мы передъ пана, стали говорити.
— Берить, савуло съ козаками, по сто палокъ бити!

(Чт. 1863 г. III, стр. 20).

- ²⁾ Ой летѣла зозуленька да й стала ковати:
Почекайте, добрѣ люде, що-сь маю казати,
А вже гай зеленѣли, якъ до васъ летѣла,
Тильки трохи въ темнѣмъ лѣсѣ спочивати сѣла.
Ось тутъ разомъ що-сь загуло, а же-жъ ся злякала;
То свобода панщионьку передъ себе гнала,
А за нею панки бѣжать, стали їй просити:
Вернись, вернись, панщионька, нема звидки жити,
Мы не вмѣемъ молотити, наши жѣнки жати,
Мы жъ не знали якъ-то тяжко на хлѣбъ заробляти.

- ³⁾ Наѣхали становьи, стали говорити:
Не будете, люде добрѣ, панщины робити!
Наѣхали мировьи да й стали казати.

Прилетает птица пава, садится посреди села. Это олицетворенная вольность. Собрались господа атамань, лановые (надсмотрщики за господскими пахотными полями), все народъ правящій и только одинъ подвластный. Старая госпожа выходить на заднее крыльцо своего дома и восклицаетъ къ барщинаѣ, умоляя ее вернуться назадъ къ господамъ хоть бы до ужина. Но барщина отвѣчаетъ: не вернусь къ вамъ. Я была вамъ вѣрна, а вы не умѣли беречь меня. Въ томъ не моя вина ¹⁾. Здѣсь пѣсня хочетъ выразить ту мысль, что господа не умѣли съ умѣренностью пользоваться своими привилегіями, но злоупотребляли ими и оттого потеряли ихъ теперь. Является экономя съ нагайкою, обычною издавна принадлежностью своего званія, являються комиссары, собираются у тихаго озера, разсуждаютъ какъ мужика пронять. И стали они говорить: что намъ теперь раніе врасіе (пѣсня передразниваетъ польскій языкъ, который въ краѣ играетъ роль господскаго языка), что намъ теперь дѣлать? Мы не умѣемъ косить, жены наши не умѣютъ жать, нѣкому болѣе на насъ барщину отбивать, мы не умѣемъ молотить, жены наши не умѣютъ пряхать: развѣ намъ идти учиться красть по дорогамъ ²⁾. Чисто сельскій крестьянскій взглядъ: крестьянинъ и не подозреваетъ, что можетъ еще существовать какой-нибудь производительный трудъ, кромѣ обычнаго для него полевого земледѣльческаго труда. Пѣсня оканчивается восторженною, но простодушною благодарностью царю, царицѣ и царевнѣ ³⁾. Народъ верховную и всякую власть представляетъ не иначе какъ въ

Не будете предъ панями шапокъ издймати!
Ой летѣла дика качка, сѣла въ очеретѣ,
Утѣкала панцинонька въ темнѣ пущи, нетри,
Не сама жъ вона утѣкала, громадонька гнала.
Якъ загнала въ пущи-нетри, тамъ вона пропала!

- 1) Ой летѣла птица пава, середѣ села впала,
А два паны, а два паны, а два отаманы
Висѣмнадцять лановыхъ а единъ пидданный;
Ажъ выходить стара панѣ на затиннѣ дверѣ:
Вернись, вернись, панцинонька, хоча до вечерѣ!
„Не вернуся, не вернуся, я вамъ була вѣрна:
„Не вмѣли мя шановати, я зъ того невинна!“

- 2) А въ нашего отамана нагай за плечима,
За ковиѣромъ купа вотеѣ съ чорными очима.
Сбираються комиссары на тихе озерце:
Чимъ бы мужика пнѣяти? Щобъ вынали сердце (?).
Якъ воуѣ тамъ збиралися, стали говорити:
Що мы будемъ раніе врасіе, тепера робити?
Бо не вмѣемъ мы косити, наши жѣнки жати;
А нема вже намъ кому панщину итбувати.
Що не вмѣемъ молотити, наши жѣнки пряхти,
Хиба пийдемъ на шляхи учитися красти!

- 3) Подъякуймо жъ мы Боговѣ, да своему царевѣ,
Що винъ зробивъ добродѣйство въ своєму краевѣ;
Подъякуймо мы царевѣ и своѣй царицѣ,
Бо не ходять на панщину наши молодицѣ;
Подъякуймо мы царицѣ, шей своѣй царевнѣ,
Що вони насъ поривняли съ ляхами на ривнѣ!

семейной обстановкѣ ея предержателей. Народъ радуется, что наконецъ верховная власть сравняла его съ ляхами, у которыхъ онъ столько столѣтій былъ безправнымъ рабомъ, безпрестанно, но безплодно напрягаясь освободиться изъ этого рабства. Въ I-мъ томѣ Записокъ югозападнаго отдѣла Географическаго Общества помѣщена очень пространныя пѣсня объ этомъ же событіи, но пѣсня эта, хотя и выдаваемая за чисто народную, при ближайшемъ разсмотрѣніи упорбленныхъ въ ней приемовъ оказывается амплификаціею мотивовъ, выражаемыхъ въ приведенныхъ нами здѣсь пѣсняхъ, амплификаціею, составленною какимъ-то досужимъ любителемъ и знатокомъ малорусской народной поэзіи.

Враждебныя отношенія борьбы южноруссовъ съ поляками переходили и въ шуточные образы. Есть шуточная пѣсня о ляхѣ, сдѣланномъ изъ моркови, онъ ѣдетъ на конѣ изъ свекловицы, шапка на немъ изъ пастернака, жупанъ изъ лопуха, сабля изъ петрушки, кошь изъ фасоли, пистолеты изъ капустнаго кочана, пули изъ картофлей, плащъ изъ огурца, поясъ изъ кукурузы, саножки изъ рѣпы, подвязки изъ тыквенной травы, сѣдло изъ капустнаго листа, а стремяна изъ березы. Какъ напился ляхъ кантабалу (какое-то неизвѣстное намъ питье), такъ и опьянѣлъ. Ъхалъ такой ляхъ изъ Украины, конь подъ нимъ выплясывалъ. Вдругъ на встрѣчу ему свиньи: а подожди-ко ляхъ! Повернувшись то въ одну, то въ другую сторону, сталъ онъ стрѣлять въ свиней, но свиньи расхватили его пули и ляху нечѣмъ воевать! Схватился ляхъ за свою саблю, но сабля изломалась, и опять ляху нечѣмъ воевать! Повернулся онъ то въ одну сторону, то въ другую—хотѣлъ бѣжать въ лѣсъ: отъ такихъ лютыхъ звѣрей пришлось ему погибать. Свиньи проглотили коня его и самого ляха съѣли со всею его одеждою и сбруею: только стремяна изъ березы остались цѣлыми ¹⁾.

Есть также насмѣшливая пѣсня, гдѣ предметомъ насмѣшки — козакъ, воюющій съ ляхами. Это пѣсня о Козубаѣ, пѣсня червонорусскаго склада. (Малор. и червонор. думы и пѣсни, стр. 112). Какой-то Козубай собрался съ товарищами воевать противъ ляховъ, взялъ ружье и лукъ со стрѣлами. Взялъ онъ съ собою своего боевого коня вороного, саблю въ ножнахъ и скляницу съ

¹⁾ Ъхавъ ляшокъ морквяный, коникъ бураковый,
Шапка на немъ изъ пастернаку, жупанъ лопуховый,
А шабелька изъ петрушки, пика изъ хвасолѣ,
Пистолеты изъ качана, кулѣ зъ бараболѣ,
Хонтушина огиркова, поясъ зъ кукурузы,
Чоботята изъ рѣпы, подвязки зъ гарбузы,
Якъ напился кантабалу (?)—ляшокъ не тверезый!
Ъхавъ ляшокъ зъ Украинѣ: коникъ пидъ нимъ пляше,
Якъ зострѣли его свинѣ: а пожди ко ляше!
Обернувся сюды-туды, ставъ свиней стрѣляти,
Свинѣ кулѣ росхпали, иѣчимъ ляху воѣвати.
Винъ узався за шабельку, ставъ свиней рубати,
И шабелька ся зломала—иѣчимъ воевати!
Обернувшись сюды-туды, хотѣвъ въ лѣсъ втѣкати:
Черезъ тни лютѣ звѣрѣ мушу погибати.
И коника поглотили, й ляшка зъусѣмъ звѣли,
Тильки стремяна зъ березы zostалися цѣлѣ!

водкой. Приѣхали подъ Бѣлую Церковь къ самому караулу. Не стало у нихъ водки, уныло у нихъ дурацкое сердце, думаютъ какъ имъ идти въ бой. Пришли къ Козубаю Федько и двоюродный братъ его Иванъ. Напился водки Козубай безпечный и говоритъ: Стойте, молодые братья, не бойтесь, не страшитесь, я самъ влѣзу на ветлу и стану съ ней воевать на проклятыхъ ляховъ; на ветлѣ установлюсь и ружье нацѣлю, будемъ ляховъ брать, за руки ихъ вязать. Пришелъ къ нему Федько Цюра и бьетъ его, а нашъ Козубай уже не живъ. Заплакалъ Федько и говоритъ: свиной бы тебѣ пасти, а не воевать, скорбь намъ задавать ¹⁾.

3. Внутреннія общественныя явленія, возникшія вслѣдствіе борьбы съ Польшею.

Лѣвобережная гетманщина.—Народные идеалы.—Дума о Ганжѣ Дендеберѣ или Андыберѣ.—Пиршество сѣромахъ.—Козакъ Нетяга и его жена.—Запорожець на картинкѣ.—Вечирченко.—Костя Гордѣнко.—Пѣсни о разореніи Сѣчи и о послѣдней судьбѣ запорожцевъ.

Въ періодъ, слѣдовавшій за смертью Богдана Хмельницкаго, на лѣвой сторонѣ Днѣпра, остававшейся подъ управленіемъ гетмановъ, утверждаемыхъ московскимъ царемъ, катились одно за другимъ важныя историческія событія, которыя, однако, не отражались въ произведеніяхъ народнаго ибсеннаго творчества. Избирались гетманы и теряли свой санъ всегда съ трагическимъ концомъ. Новые политическіе дѣятели смѣняли прежнихъ, занимая старшинскіе и другіе уряды, устанавливались и отмѣнялись законоположенія и правительственныя распоряженія, а въ народныхъ пѣсняхъ обо всемъ этомъ вѣтъ почти и намека. Это оттого, что всѣми политическими дѣлами, обращающими на себя вниманіе историковъ, заправляли старшины генеральные и полковые съ своимъ гетманомъ во главѣ и съ ними значныя лица изъ козачества и отчасти изъ мѣщанства, а у

¹⁾ Выбирался Козубай на войну съ ляхами,
 Взявъ съ собою самопалъ и лукъ зо стрѣлами,
 Взявъ съ собою вороного коня своего войскового,
 Шаблю и съ похвою, пляшку съ горѣвкою.
 Ажъ приѣхавъ подъ Бѣлую Церковь на самую стражу!
 Горѣвки имъ не стало, кепске сердце устало,
 Думаютъ съ собою якъ пийдуть до бою.
 Пришовъ къ нему Хведько и Иванъ стречный,
 Напися горѣвки Козубай безпечный:
 — Стыйте, братія молодѣ, не бийтесь страхивъ,
 — Я самъ влѣзу на вербу на проклятыхъ ляхивъ,
 — На вербѣ ушукую и самопалъ выриштую,
 — Будемъ ляхивъ брати, за руки вязати!
 Пришовъ къ нему Хведько Цюра, дай го бье,
 А вжежъ мий Козубай не жіє.
 Заплакавши Хведько собѣ:
 „Свинѣ було пасти тобѣ,
 „А не воевати,
 „Жалю завдавати!“

нихъ были идеалы, совершенно противныя народной массѣ. Эту народную массу составляли: козацкая чернь или простые рядовики да мужики, или посольство. Старшины и значные, хотя лично между собой часто враждебные, имѣли ту общую черту, что желали образовать въ Украинѣ новое панство, привилегированный классъ, который бы повелѣвалъ остальнымъ народонаселеніемъ, хотѣли сложить въ своемъ отечествѣ, такъ сказать, вторую Польшу, а народу не могло быть ничего противнѣе этого. Народъ желалъ козачества всеобщаго, для всѣхъ равнаго, народъ не хотѣлъ, чтобъ существовало различіе между значнымъ товариствомъ козацкимъ и простыми рядовиками, между козаками и мужиками, между богачемъ и бѣднякомъ; истому украинцу хотѣлось, чтобъ каждый былъ собственникомъ той земли, которую обрабатывалъ, каждый могъ бы свободно располагать собою и своимъ занятіемъ, каждый былъ бы равенъ всякому другому. Такой идеалъ былъ намѣченъ въ 1648 году въ порывѣ возстанія противъ Польши и съ той поры оставался въ нравственномъ сознаніи народа. Но достигъ его не могъ народъ, потому что каждый изъ того же народа измѣнялъ этому идеалу, какъ только обстоятельства выдвигали впередъ надъ остальною массою; держались того идеала только тѣ, которые не могли чѣмъ-нибудь возвыситься надъ своими собратіями, тѣ, которыхъ можно было назвать послѣдками въ общественномъ механизмѣ; всякія проявлявшіяся попытки къ достиженію и водворенію такого идеала въ Малороссіи на административномъ языкѣ назывались бунтами: ихъ преслѣдовали и уничтожали старшины и значные; ихъ не одобряла и верховная московская власть, предоставлявшая Украинѣ управляться по войсковымъ правамъ войска Запорожскаго и по старымъ законамъ, бывшимъ въ силѣ до присоединенія края къ Московской державѣ. Для малороссійскаго народа чужими были всѣ гетманы войска Запорожскаго, сталкивавшіе одинъ другого, всѣ эти Выговскіе, Юріи Хмельницкіе, Сомки, Золотаренки, Вруховецкіе, Многогрѣшные, Самойловичи, Мазепы, — все это были навязанные ему господа, всѣхъ ихъ народъ не любилъ, всѣми былъ недоволенъ, никого изъ нихъ не жалѣлъ, когда постигала ихъ роковая судьба; народъ желалъ иной власти, сообразной своему идеалу, не отыскалъ ее ни въ своей средѣ, ни извнѣ и отыскать ее былъ не въ силахъ. Идеалъ его, никогда не осуществленный, остался только идеаломъ, и притомъ неяснымъ. Народная пѣсенность не поминаетъ дѣйствительно существовавшихъ въ исторіи гетмановъ, но она величаетъ выдуманнаго народною фантазією гетмана, никогда не бывалаго Ганжу Андыбера. Напрасно было бы строить догадки — не открывается ли подъ этимъ вымышленнымъ именемъ какое-нибудь историческое лицо. Такой личности не было въ дѣйствительности, но народу хотѣлось, чтобы такая личность была. Это — гетманъ, ненавидящій значныхъ и богатыхъ, пекущійся о бѣдномъ простомъ народѣ. Словно сказочный восточный халифъ, этотъ легендарный гетманъ шатается среди простого народа въ образѣ бѣдняка, простака. О такомъ походженіи существуетъ дума, извѣстная намъ по двумъ вариантамъ, доставленнымъ Кулишомъ Метлинскому и напечатаннымъ въ Сборникѣ пѣсенъ, изданномъ послѣднимъ (стр. 377—385) и по вариантамъ, напечатаннымъ въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша (часть I, стр. 200—209, 319—321).

Въ думѣ этой является козакъ бѣднякъ, простакъ, такой, что одиннадцать лѣтъ шатался гдѣ-то на путяхъ Ордынскихъ, въ поляхъ Килійскихъ, въ степяхъ, гдѣ обыкновенно запорожскіе удалцы мѣрялись отвагою съ татар-

скими наѣздниками. Козакъ этотъ ворочается въ Украину въ самомъ жалкомъ видѣ; у бѣдняка три серяги, на немъ епанча, сдѣланная изъ ситника, на ногахъ сафьянные сапоги такіе худые, что съвозъ нихъ виднѣются пяты и пальцы,— какъ только ступить, такъ и оставитъ слѣдъ босой ноги; на головѣ бѣдняка баранья шапка дырявая, мѣхъ на ней облѣзъ, околыша нѣтъ, прикрыта она дождемъ, а подбита вѣтромъ на славу козацкую ¹⁾). Этотъ козакъ прибываетъ въ городъ Черкасы; всѣ ему подобные, приходя куда-нибудь, не спрашиваютъ гдѣ можно остановиться и пасти коня, а спрашиваютъ: гдѣ корчма. Такъ и этотъ козакъ ищетъ Настю горовую шинкарку, кабачницу степную. Видитъ онъ—богачи значные козаки (дуки срѣбляники) собираются идти къ этой шинкаркѣ пить медъ и «добрую» водку. Козакъ-бѣднякъ забѣжалъ впередъ въ шинокъ, сѣлъ себѣ у печи и грѣтся. Вошли трое богачей серебрянниковъ, первый Гаврило Довгополенко Переяславскій, второй Войтенко Нѣжинскій, третій Золотаренко Черниговскій. Они не даютъ привѣта козаку-бѣдняку, не угощаютъ его ни склянницей меда, ни чаркою водки, да и козакъ-бѣднякъ поглядываетъ на нихъ съскоса ²⁾). Богачи эти называются въ думѣ «три ляха» ³⁾), потому что съ этимъ именемъ не перестало у малороссіянъ соединяться понятіе о панствѣ, тѣмъ болѣе, что малороссійскіе значные товарищи корчили изъ себя поляковъ. Сѣли богачи пить и стали насмѣхаться надъ козакомъ оборвышемъ; говорятъ они шинкаркѣ: намъ подбавь еще меду и доброй водки, а этого козака сякого-такого сына вытолкай изъ хаты взащей: онъ гдѣ-то валялся по винокурнямъ, да по пивоварнямъ, осмолѣнный, отрѣпанный, сюда втесался, думаетъ отъ насъ поживиться, а потомъ станетъ пропивать не у тебя, а въ другой корчмѣ ⁴⁾).

¹⁾ На козаку бѣдному Петязѣ

Три сѣромязѣ,

Опанчина рогозовая,

Поясина хмельовая,

На козаку бѣдному Петязѣ сапьянцѣ,

Видны пяты й пальцѣ,

Где ступить—босой ноги слѣдъ пише!

А ще на козаку бѣдному Петязѣ шапка бирка, зверху дирка,

Хутро голе, околцѣ Богъ-мае, вона дождемъ прикрыта,

А вѣтромъ на славу козацкую подбита.

²⁾ Ище жь бѣдного козака Нетягу не витають

Нѣ медомъ шклянкою, нѣ горѣлки чаркою,

А козакъ бѣдний Нетяга на дукивъ срѣбляникивъ скоса поглядае.

³⁾ Три ляхи дуки срѣбляники.

⁴⁾ Отъ вони или-пидиввали,

Съ козака Нетяги насмѣхались.

На шинкарку покликвали:

Гей шинкарко Горовая

Настя молодая!

Добре ты дбай

Намъ золотого меду, оковиту горѣлку ще пидсынай,

Сѣго козака, пресучого сына, у потылицю зъ хаты выкихай!

Бо где-сь винъ по винницяхъ по броварняхъ валявся,

Опалився, ошарнався, обидрався,

Шинкарка, угождая богачамъ, на потѣху имъ, начинаетъ выталкивать козака оборвыша. Тотъ не сопротивляется, только пьтается задомъ и, дошедши до порога хаты, хватается за дверной косякъ, а голову прячетъ подъ полку съ посудой, устроенную надъ дверью. Богачи потѣшаются такимъ зрѣлищемъ униженія надъ бѣднякомъ ¹⁾).

Но одинъ изъ нихъ, Гаврило Довгополенко, болѣе сострадательный, даетъ шинкаркѣ денежку и поручаетъ ей поднести бѣдняку мартовскаго пива; пусть подкрѣпитъ свой животъ козацкѣй. Ты — говоритъ онъ шинкаркѣ — къ этимъ оборвышамъ хоть и зла, а все-таки внимательна! Не пошла Настя сама въ погребъ, а послала дѣвку свою работницу и приказала, взявши ендову, миновать въ погребѣ восемь стоящихъ съ пивомъ бочекъ и наточить изъ девятой дрянного пива. «Все равно» — говорила, она, потѣшая богачей — «придется же свиньямъ выливать это пиво; такъ мы его будемъ раздавать этимъ оборвышамъ». Но дѣвка работница, вмѣсто того, чтобъ наточить, по приказанію хозяйки, изъ девятой бочки дрянного пива, наточила изъ десятой крѣпкаго меда, который носилъ названіе «пьяное чело». Пришедши въ хату, работница отворачиваетъ носъ, показывая тѣмъ, будто несетъ такой напитокъ, который издаетъ дурной запахъ ²⁾).

До насъ прійшовъ добувати,
А въ иншу корчму буде нести пропивати!

- ¹⁾ Тогдѣ шинкарка Горовая,
Настя кабашница степовая,
Козака Нетягу за чубъ брала,
Въ потылицу зъ хаты выбивала,
То козакъ Нетяга добре дбае,
Козацкѣй пята спинае,
Поти пьявся,
Поки до порога дибрався,
Козацкѣими пятами у порогъ зачинае,
А козацкѣими руками за одвѣрокъ хапае,
Пидь мисникомъ голову козацку молодецку ховае.
- ²⁾ А третій Гаврило Довгополенко бувъ обашный:
Изъ кармана людську денежку виймавъ,
Настѣ кабашнѣй до рукъ отдававъ,
А ще стиха словами промовлявъ:
„Гей“ — каже — „ты, шинкарко молодая Настя кабашна,
Ты — каже, — до сихъ бѣднихъ козакивъ хочъ злая да обашна,
Коли бѣ ты добре дбала,
Сю денсжку до рукъ пріймала,
До погребѣ отходила,
Хочъ норцогово пива уточила,
Сѣму козаку бѣдному Нетязѣ на похмѣльля живить ёго козацкѣй скрепила“.
- Тогдѣ Настя Горовая
Шинкарка степовая,
Сама въ лѣхъ не ходила
Да наймичку посылала:
— Гей дѣвко-наймичко, добре ты вчини,
— Кинву чвертивку до рукъ ухони, да въ лѣхъ убѣжи,
— Висѣмъ бочокъ мини, зъ девятой поганого пива наточи.

Когда подали козаку ендову съ питьемъ, тотъ сталъ себѣ у печи и принялся за хорошее питье. Первый разъ поднесъ онъ его себѣ къ губамъ—только отвѣдалъ, второй—отпилъ, а въ третій разъ, какъ взялъ ендову за ушко, такъ всю и осушилъ. Тогда сталъ его разбирать хмель и какъ ударить онъ ендовою о помость, такъ и запрыгали у богачей со стола чарки и бутылки ¹⁾. По Кулишовскому варианту отъ такого удара треснула даже печь въ десяти мѣстахъ и стала по свѣтлицѣ летать сажа, такъ что богачи не взвидѣли свѣта Божьяго ²⁾. Въ вариантѣ Метлинскаго этихъ словъ нѣтъ. «Видно, этотъ козакъ-бѣднякъ нигдѣ не бывалъ и добрыхъ водокъ не пивалъ, когда его такъ разобрало дрянное пиво»,—замѣтили потомъ пирующие богачи ³⁾.

Тутъ, по варианту Кулиша, козакъ-бѣднякъ вдругъ закричалъ грознымъ голосомъ: «ляхи, вы, вражьи сыны! Подвиньтесь къ порогу, дайте мѣсто козаку-бѣдняку въ переднемъ углу, чтобъ мнѣ можно было тутъ усѣсться съ моими лаптями!»—и богачи-серебренники исполнили его требованіе ⁴⁾. Въ вариантѣ, помещенномъ у Метлинскаго, этого мѣста нѣтъ и, кажется, въ Кулишовскомъ

— Якъ масмъ мы ёго свинямъ выливати,
 — То будемъ мы ёго на такихъ нетягъ роздавати.—
 Тогдѣ дѣвка наймичка у лѣхъ убѣгала,
 Да девять бочокъ минала,
 Да зъ десятой пьяного чола меду наточила,
 Да въ свѣтлицю вхожае,
 Свий нисъ геть отъ кинвы отвертае,
 Будьто те пиво воляе.

1) Якъ подали козаку въ руку сю кинву, то випъ ставъ била печи,

Да и почавъ пидливати пивце грече.
 Взявъ разъ—покуштовавъ, у-друге—напився,
 А въ третье якъ узавъ кинву за ухо,
 То зробивъ у тѣй конивцѣ сухо.
 Якъ ставъ козацьку хмель голову розбирати,
 Ставъ козакъ конивкою по мосту добре погрѣмати.

Стали въ дукивъ-срѣбляникивъ изъ стола чарки й пляшки скакати.

2) И стала шинкарська груба на десять штукъ по хатѣ лѣтати.

Не стали тогдѣ ляхи дуки-срѣбляники за сажею свѣту Божого видати.

3) Тогдѣ тѣ ляхи срѣбляники на ёго поглядали,

Словами промовляли:

— Где-сь сей козакъ Нетяга нѣгде не бувавъ,
 — Добрыхъ горѣлокъ не пивавъ,
 — Що ёго и погане пиво опьянило!

4) Якъ ставъ козакъ Нетяга тее зачувати,

Ставъ на ляхивъ гризно гукати:

Гей вы, ляхове,

Вразьки сынове!

Икъ порогу посувайтесь,

Менѣ, козаку Нетязѣ, на покутѣ мѣсце попускайте.

Посувайтесь тѣсно,

Що бъ було менѣ, козаку Нетязѣ, где на покутѣ изъ лаптями сѣсти.

Тогдѣ ляхи дуки-срѣбляники добре дбали,

Дальше якъ дорогу посували,

Козаку Нетязѣ бильше мѣсца на покутѣ попускали.

вариантъ оно случайно переставлено ранѣе, чѣмъ ему быть надлежало по первоначальной редакціи, потому что богачи-серебренники еще не могли ничѣмъ быть до такой степени поражены, чтобъ исполнять приказаніе бѣдняка, надъ которымъ они еще и потомъ продолжали издѣваться. Но это мѣсто совершенно кстати ниже, когда уже богачи имѣли поводъ догадываться, что козакъ-бѣднякъ въ самомъ дѣлѣ не таковъ, какимъ показался.

Далѣе, и по варианту Метлинскаго ¹⁾, и по варианту Кулиша ²⁾, козакъ-бѣднякъ вынимаетъ изъ-подъ своей нищенской шапки золоченый чеканъ и предлагаетъ шинкаркѣ подъ закладъ за ушатъ меду. Богачи и теперь подтруниваютъ надъ нимъ и говорятъ шинкаркѣ: «Этотъ козакъ-бѣднякъ не выкупить у тебя своего заклада, развѣ станеть намъ, богачамъ, гонять воловъ, а тебѣ, шинкаркѣ, топить печи» ³⁾.

Вотъ здѣсь-то, по нашему мнѣнію, слѣдовало быть тѣмъ словамъ козака-бѣдняка, которыя мы привели выше, потому что, по обоимъ вариантамъ, послѣ того козакъ-оборвышъ садится на переднее мѣсто, разстегаетъ свой кожаный чересь и высыпаетъ на столъ кучу червонцевъ ⁴⁾.

Тутъ сразу все вокругъ него измѣнилось. Богачи-серебренники стали предлагать ему медъ и водку, а шинкарка спрашивала его: не хочетъ ли онъ завтракать или обѣдать, и для этого приглашала войти къ ней въ комнату ⁵⁾.

¹⁾ Оттогдѣ-то козакъ бѣдный Нетьага якъ ставъ у себе бильшии хмель зачувати,
Ставъ зъ пидъ лавчины рогожовой,
Зъ пидъ поясыны хмельовой,
Щиро золотный обушокъ выймати,
Ставъ шинкарцѣ молодѣй за чеберъ меду застановляти. (Метл., стр. 379).

²⁾ Изъ пидъ поли позлотистый недолимокъ вынимае,
Шинкарцѣ молодѣй за чеберъ меду застановляе. (Кул. I, стр. 206).

³⁾ Тогдѣ тѣ ляхи дуки-срѣбляники на его поглядали,
Словами промовляли:
Гей шинкарко Горовая,
Настя молодая кабашнице стеловая!
Нехай сей козакъ бѣдный Нетьага не мається въ тебе сей заставщины
выкупляти,

Намъ, дукамъ-срѣбляникамъ нехай не зарѣкається воли погоняти,
А тобѣ, Настѣ кабашнѣй, грубъ топяти. (Кул., *ibid.*)

⁴⁾ Оттогдѣ-то козакъ бѣдный Нетьага якъ ставъ сѣ слова зачувати,
Такъ винъ ставъ чересокъ вынимаи,
Ставъ шинкарцѣ молодѣй Настѣ кабашнѣй увесь стиль червинцями
устилати. (Кул. 206. Метл. 380).

⁵⁾ Тогдѣ дуки-срѣбляники якъ стали въ ёго червинцѣ зоглядати,
Тогдѣ стали ёго вятати
Медомъ шклянкою,
И горѣлки чаркою,
Тогдѣ и шинкарка молодая
Настя Горовая,
Истиха словами промовляе:
Эй козаче, каже, козаче!
Чи снѣдавъ ты сѣгодня, чи обѣдавъ?
Ходи зо мною до кимнаты,
Сядемъ мы сѣ тобою, поснѣдаемъ ли пообѣдаемъ.

Но козакъ, въ отвѣтъ на все это, прошелся по свѣтлицѣ, подошелъ къ оконной форточкѣ и закричалъ: Эй вы, рѣки низовья, помощницы днѣпровскія! Теперь либо меня одѣвайте, либо къ себѣ принимайте ¹⁾. По другому варианту, указанному у Кулиша (Зап. о Южн. Руси. I. 319), онъ ударяетъ своимъ чеканомъ по столу три раза и поетъ козацкую пѣсню: Ахъ ты, рѣка козацкая! Теперь либо меня одѣвай, либо меня къ себѣ принимай ²⁾.

По этому кличу явилось трое козаковъ или джурь ³⁾; одинъ надѣваетъ на него принесенныя съ собой дорогія одежды ⁴⁾ или жупаны ⁵⁾, другой подаетъ ему сафьянные желтые сапоги ⁶⁾, третій шапку; а по другому варианту— вмѣстѣ съ шапкою еще приноситъ ему широкія красныя шаровары ⁷⁾.

По этому послѣднему варианту они говорятъ ему: «Хвесько Дендеберь! отецъ козацкій! славный рыцарь! Полно тебѣ здѣсь шалить. Пора идти надъ Украиной управлять!» ⁸⁾.

Тогда богачи-серебренники стали между собой потихоньку говорить: «Такъ это, братцы, не козакъ бѣдняга оборвышъ, а это Хвесько Ганжа Андыберь (или Дендеберя), гетманъ запорожскій!» И потомъ, обратившись къ нему, сказали:

¹⁾ Тогдѣ-то козакъ бѣдный Нетяга по кабаку походяе,
Кватирку видчинае,

На быстрий рѣки поглядае,

Кличе, добре покликае:

— Ой рѣки, каже, рѣки вы низовни,

— Помищницѣ Днѣпровни,

— Теперь або мене зодягайте,

— Або до себе пріймайте!

²⁾ Изъ нидь поля позлотистый недолимокъ вынмае,

По столу три разы затинае,

Козацку пѣсню спѣвае:

— Ой рѣка козацкая!

— Теперь мене або зодягай,

— Або до себе пріймай.

(Кул. I. 319).

³⁾ Тогдѣ где явились три джуры малыхъ невеличкихъ.

⁴⁾ Оттогдѣ одинъ козакъ иде,

Шаты дорогіи несе.

⁵⁾ Що первый джура иде,

Пару жупанивъ ёму несе.

⁶⁾ Другій козакъ иде,

Боты сапьяновѣ несе.

или:

Жовтѣ сапьянцѣ ёму несе.

⁷⁾ Третій джура иде,

Широкѣ що й слѣдъ замѣтають червонѣ шаровары несе,

И оксамитну шапку на голову ёму несе.

(Кул. I. 319).

или:

Шлячокъ козацкій несе,

На голову ёго козацку надѣ.

(Кул. I. 207. Метл. 381).

⁸⁾ Гей Хвесько Дендебере

Батьку козацкій, славный лыцаре,

Доки тобѣ тутѣ пустовати?

Чась пора йти на Украинѣ батьковати.

(Кул. I. 320).

«Придвинься же къ намъ поближе, поклонимся мы тебѣ пониже, станемъ со-
вѣтъ держать, какъ бы хорошо и счастливо въ славной Украинѣ прожить».
И тутъ стали они ему предлагать медъ и водку ¹⁾.

Но Ганжа Андыберъ, принявши отъ нихъ питье, не пилъ его, а проли-
валъ себѣ на одежды и приговаривалъ: «Наряды вы мои, наряды! Пейте, гуляйте.
Не меня чествуютъ, а васъ уважаютъ. Когда на мнѣ васъ не было, такъ и
чести я не зналъ отъ богачей-серебренниковъ» ²⁾.

И сказалъ тогда своимъ козакамъ Ганжа Андыберъ, гетманъ запорожскій:
«Козаки, дѣтки, друзья, молодцы! Выводите-ко этихъ богачей-серебренниковъ
изъ-за стола, какъ воловъ, за головы, разложите ихъ подъ окнами, да валийте
ихъ въ три березовыхъ палки. Пусть они мевя вспоминаютъ и до конца жизни
не забываютъ» ³⁾. Но Гаврила Довгополенка Переяславскаго онъ посадилъ близъ
себя за то, что тотъ ему за свою денежку купилъ пива ⁴⁾.

Козаки начали расправу. Они вытащили изъ-за стола богачей, вывели и
передъ окнами отвалили ихъ въ три березовыя палки, а при этомъ приговари-
вали: «Эхъ вы дуки, дуки! Забрали вы себѣ всѣ рощи и луга, нашему брату
бѣдняку негдѣ остановиться, чтобъ коня попасти!» ⁵⁾.

¹⁾ Тогда дуки-срѣбляники стиха словами промовляли:

Эй не естъ се, братцѣ, козакъ бѣдный Нетига,
А естъ се Хвесько Ганжа Андыберъ
Гетьманъ запорожскій!
Присунься ты до насъ—кажутъ—ближче,
Поклонимось мы тобѣ нижче,
Будемъ радиться чи гараздъ добре на славнѣй Украинѣ прожити.
Тогдѣ стали его витати медомъ шлянкою
И горѣлки чаркою.

²⁾ То випи тее отъ дукивъ-срѣбляникивъ приймавъ,

Самъ не выпивавъ,
А все на свои шаты проливавъ:
„Эй шаты мои, шаты! пійте, гуляйте!
„Не мене шанують, бо васъ поважають,
„Якъ я васъ на собѣ не мавъ,
„То и чести отъ дукивъ-срѣбляникивъ не знавъ!

³⁾ Тогдѣ-то Хвесько Ганжа Андыберъ гетьманъ запорожскій стиха
промовляе:

— Эй козаки—каже—дѣтки, друзь, молодцѣ!
— Прошу я васъ, добре дбайте,
— Сихъ дукивъ-срѣбляникивъ за либь, наче воливъ изъ-за стола
вывождайте,
— Передъ вигнами покладайте,
— У три березины потягайте,
— Щобъ вони мене споминали,
— Мене до вѣку намьятали.

⁴⁾ Тильки Гаврила Довгополенка Переяславського за те улюбивъ,
Край себе садовивъ,

Що винъ ёму за свою денежку пива купивъ.

⁵⁾ Тогдѣ жъ то козаки дѣтки, друзь молодцѣ,
Сихъ дукивъ-срѣбляникивъ за либь брали,
Изъ-за стола наче воливъ вивождали,

По двумъ Кулишовскимъ вариантамъ, изъ которыхъ одинъ былъ напечатанъ въ Запискахъ о Южной Руси, а другой въ Сборникѣ Метлинскаго, дума на этомъ и кончается. Но въ вариантѣ, на который г. Кулишъ указываетъ какъ на дополненіе (Зап. о Ю. Р. I, стр. 319—321), богачи приносятъ гетману въ подарокъ собольи шубы ¹⁾, а гетманъ ругаетъ шинкарку, издѣвается, приказывая ей поставить по ушату меду и водки и обѣщая за то три года топить у ней печи ²⁾, какъ говорили про него богачи, когда онъ явился въ корчму въ видѣ бѣдняка. Шинкарка исполняетъ приказаніе и извиняется, говоря, что если бы знала, кто онъ таковъ, то не выталкивала бы его взашей ³⁾. Все это, можетъ быть, поздняя прибавка.

Повторяемъ: такого гетмана, какъ Ганжа Андыберъ или Дендеберя, не было въ Украинѣ, но такого гетмана желалъ себѣ черный простой народъ и такого создалъ себѣ въ своемъ воображеніи. Замѣчательно, что при этомъ въ думѣ не высказывается какой-нибудь утопіи общественнаго строя. Легендарный гетманъ только отколотилъ богачей. Бѣдняки ненавидѣли богачей и эта-то ненависть въ народной думѣ выразилась побоями, нанесенными двумъ изъ такихъ богачей гетманомъ Ганжею Андыберомъ. Этимъ и кончилась расправа съ ними. Такъ было и въ дѣйствительной народной исторіи. Бывали народныя возстанія, и тогда доставалось богатымъ и знатымъ, но черезъ то не вырабатывалось для народа ничего опредѣленнаго, новаго. Изъ тѣхъ же бѣдняковъ и простаковъ выдвигались люди, которые дѣлались знатыми и богатыми и въ свою очередь возбуждали зависть и ненависть къ себѣ своей бѣдной братіи. Такъ катилась жизнь внутри края. Одно только выработалось въ народномъ характерѣ. Бѣдняки не теряли сознанія своего человѣческаго достоинства и не всегда работлиствовали передъ знатыми и богатыми, какъ того хотѣли послѣдніе; напротивъ, случалось, что гордились передъ ними своею бѣдностью.

Есть пѣсня, въ которой описывается, какъ въ походѣ, когда наступилъ дождь, козаки раскидываютъ шатеръ, и тѣ, которые были познатнѣе и попроворнѣе, вошли въ шатеръ, а убогіе «сѣромахи» не посмѣли входить туда, но,

Передъ викнами покладали,

У три березины потягали:

А ще стиха словами промовляли:

— Эй дуки — кажуть — вы дуки!

— За вама луги й луки.

— Нѣгде нашому брату козаку-незязѣ стати коня попасати.

¹⁾ А описли до ёго прихождали,

Соболёвыми шубами ёго даровали,

Словами промовляли:

— Гей Хвесько Дендеберя! Колибъ мы тебе знали,

— Садилы бь були тебе, не займали.

²⁾ Теперь менѣ цеберъ меду, а другій горѣлки насыпай,

Велю тобѣ ихъ на скамью становити,

А я якъ не могу тобѣ заплатити,

То стану до тебе на три годы грубы топити.

³⁾ Гей Хвесько Дендеберя, гетьманъ запорожскій, черкаскій,

Товарищу насыпай!

Якъ бы я була тебе знала,

То я бь тебе зъ хаты въ потылицю не выбивала.

взявши водки, разсѣлись себѣ подъ дождемъ ¹⁾. У нихъ, у бѣдняковъ, свой атаманъ, а у знатныхъ—свой. Вдругъ изъ шатра, гдѣ засѣли знатные козаки, вышелъ атаманъ и сталъ подсмѣиваться надъ бѣдняками и надъ ихъ атаманомъ. Но атаманъ сѣромахъ крикнулъ: «Ахъ ты, вражій сынъ? Коли пришелъ сюда, то сиди прилично и не насмѣхайся». Потомъ, обратившись къ своимъ, онъ сказалъ: «Возьмите его за чуприну и выведите прочь» ²⁾. По его приказанію одинъ изъ сѣромахъ схватилъ непрошеннаго гостя за чуприну, а другой надбѣлялъ его кулаками... и оба приговаривали: «Не ходи туда, вражій сынъ, гдѣ нѣтъ голытѣба» ³⁾.

Характеръ этой голытѣбы, «сѣромы, козаковъ-нетягъ», какъ они называются на поэтическомъ языкѣ народа, прекрасно изображенъ въ думѣ, напечатанной въ Запискахъ о Южной Руси Кулиша (I, стр. 215—222), съ очень вѣрнымъ объясненіемъ издателя и кромѣ того извѣстный намъ по другому варианту, мною записанному въ Харьковской губерніи. Не одинъ козакъ повредилъ себѣ тѣмъ, что отъ молодой жены въ войско ходилъ—начинаетъ эта дума. Тогда жена проклинала его пожеланіями разныхъ неудачъ ⁴⁾, но козакъ не послушалъ ее, пошелъ въ войско и счастье такъ повезло ему, что его сдѣлали куреннымъ атаманомъ ⁵⁾.

Козакъ въ кругу товарищей говоритъ, что клятва женская словно вѣтеръ, дующій на сухое дерево, а женскія слезы—вода ⁶⁾. Но жена этого ко-

¹⁾ Чорна хмара наступала ставъ дощѣ накрapati;

Благослови, отамане, намѣтъ папинати.

Богатни моторнии тѣ въ наметѣ сѣли,

А вбогін сѣромахи—тѣ и не посмѣли.

Взяли квартиру, взяли другу, и на дощѣ сѣли.

²⁾ Ой и вийшовъ отаманъ изъ чужого курѣня,

На порозѣ ставъ,

Да зъ нашего отамана смѣятися ставъ.

Ой и крикнувъ нашъ отаманъ:

Коли прійшовъ вражій сине, той по-чеськи сидь,

А изъ насъ сѣромахъ да не насмѣхайся!

Ой и крикнувъ нашъ отаманъ на своихъ козакивъ:

Возмѣтъ ёго за чуприну да введѣте причь!

³⁾ Одинъ веде за чуприну, другій дула бѣе:

Не йди туды, вражій сыну, где золота пѣе!

⁴⁾ Не одинъ козакъ самъ собѣ шкodu шкoдивъ,

Що видъ молодой жѣнки въ вийсько ходивъ.

Его жѣнка кляла-проклинала:

Богдай тебе, козаче сѣромахо, побило въ чистимъ полѣ

Три недолѣ:

Перша недоля—щобъ пидъ тобою добрый кинь приставъ,

Друга недоля—щобъ ты козакивъ не дигнавъ,

Третья недоля—щобъ тебе козаки не злюбили и въ курень не пустили!

⁵⁾ Господь ёму давъ,

Що пидъ нимъ добрый кинь не приставъ,

Винъ кизаковъ дигнавъ,

Що ёго козаки злюбили

Ще й отаманомъ настановили.

⁶⁾ Тогдѣ козакъ у вийську пробувае,

зака стѣить своего мужа: оставшись одна, она безпрестанно гуляетъ въ корчмѣ, а дома не живетъ, и домъ ея уже пропахнулъ пустыремъ. Когда же пришло время возвращаться ея мужу изъ похода, она затопила печь и стала разогрѣвать прокислый борщъ, давно уже стоявшій у нея подъ лавкою ¹⁾). Козакъ, прїѣхавши домой, сразу привѣтствуетъ жену крикомъ и побоями, дупить ее чеканомъ по плечамъ, нагайкою по спинѣ, да еще машетъ надъ ея головою нагайкою и оставляетъ синяки на лицѣ ²⁾). Козачка, видя, что мужъ ея вовсе не въ нѣжномъ расположеніи, боится угощать его прокислымъ борщемъ, начинаетъ варить другой, свѣжій, а между тѣмъ, не имѣя денегъ на покупку для него водки, достаетъ тридцать локтей полотна и сплести съ нимъ къ шинкаркѣ, покупаетъ три кварталы «доброй» водки, разогрѣваетъ съ медомъ и съ перцемъ и угощаетъ своего мужа ³⁾). На другой день выходитъ козачка со двора и видитъ кружокъ женщинъ: на ней слѣды козацкаго угощенія нагайкою. Одна старушка и говоритъ ей: «Что это у тебя за значки подъ глазами?» ⁴⁾—«Это,—отвѣчаетъ она,—я пошла въ хлѣвъ за лучиною, да наткнулась на жердь, оттого у меня и синева подъ глазами». Такъ-то она покрыла своего козака ⁵⁾).

Свою новину козакамъ оповѣдае:

Слушайте, панове молодці!

Якъ то жѣноцька клятьба дурно йде,

Такъ якъ мимо сухе дерево вѣтеръ гуде.

Жѣноцьки слезы дурнѣ—якъ вода тече.

1) Жѣнка въ корчмѣ пила да гуляла,

Да домивки не знала,

Мовъ ѣи хата къ печистѣй матери пустою завонила.

Скоро стала козака зъ походу сподѣватися,

Стала до домивки прихожати,

Стала въ печи ростопляти,

Стала той борщъ кислый оскомистый чор-зна колишній зъ пидъ лавы

выставляти,

Стала до печи приставляти,

Отъ-тимъ борщемъ хотѣла козака привѣтати.

2) Хорошенько ѣи келепомъ по плечахъ привѣтае,

Нагайкою по спинѣ махае,

Да ще й поробивъ по пидъ очима синѣ!

3) То козачка неборачка той борщъ полѣномъ къ нечистой матерѣ обертае,

Новый борщъ добрый оскомистый приставляе,

Сама до скринѣ тягла, тридцать локтѣвъ доброго полотна добула,

До шинкарки пишла

Три кварталы оковитой горѣлки взяла,

Съ перцемъ да съ медомъ розогрѣвае,

Тимъ козака своего частуе, витае,

Живить козацкій скрѣпляе.

4) Козачко, козачко,

Що се у тебе пидъ очима значко?

Либонъ твий козакъ зъ походу прибувавъ

Що таки тобѣ гостинцѣ подававъ?

5) Не дивуйтеся, жѣноцьки,

Давъ менѣ Богъ—пишла я въ хлѣвъ по лучину,

Да пидбила собѣ очи на ключину.

Хорошъ мужъ козакъ-сѣромаха, хороша и жена его, какъ можно видѣть изъ этого. Между тѣмъ козакъ-сѣромаха идетъ въ корчму, кружаецъ медь, вино и восхваляетъ корчму: «Ахъ ты корчма наша, корчма княгиня! Много въ тебѣ нашего козацкаго добра погибаетъ. И сама ты не очень-то щеголяешь, и насъ, козакъ-бѣдняковъ, иной разъ оставляешь безъ платья! Между десятью хатами узнаешь хату нашего брата козака: соломою не покрыта, завалиной не обсыпана, около двора ни кола, а на дровосѣчнѣ ни полѣна. Сидитъ въ ней козацкая жена, околѣла отъ холода. Она зимою ходитъ босикомъ, носить воду горшкомъ, большой ложкою дѣтей своихъ поить!»¹⁾

Это характеристика житья-бытья многихъ сѣромахъ бѣдняковъ: пьянство, шатаііе, отсутствіе домовитости, презрѣніе къ семейной жизни—вотъ что дѣлается причиною бѣдности. Такимъ образомъ, если народная поэзія изображаетъ въ возмутительномъ видѣ зазнавшихся богачей, ругающихся надъ бѣднякомъ, то зато не менѣе въ возмутительномъ образѣ представляетъ и бѣдняка, обнищавшаго отъ собственныхъ пороковъ. Эти пороки, естественно, порождались непрочнымъ общественнымъ порядкомъ, когда, при частыхъ татарскихъ набѣгахъ и войнахъ съ поляками, требовалось отдавать себя бранному житью и оставлять въ пренебреженіи домашнее хозяйство и, какъ этотъ козакъ въ думѣ, не слушать женскихъ увѣщаній. Впрочемъ, народъ не представляетъ себѣ такого житья-бытья образцомъ для народной жизни. Эти козаки-сѣромахи были неизбежны, потому что мирное домашнее житье-бытье обставлялось такими трудностями и лишениями, что для многихъ легче его и привлекательнѣе казалось воинственное шатаііе по степямъ и по морю. Но такіе не всегда пользовались добрымъ мнѣніемъ, напротивъ, многіе изъ нихъ заслуживали прозвище «ледацо» (дрянь), и вотъ такого-то, повидимому, изображаетъ дума, приведенная нами. Только тѣ, которые находили себѣ притонъ въ Запорожьѣ и поступали въ ряды запорожскаго низоваго войска, заслуживали у народа иного взгляда на себя. На Запорожьѣ, по народному возрѣнію, былъ законный пріютъ тѣмъ, кому не по вкусу приходилась домашняя жизнь въ украинскихъ городахъ и селахъ. Тамъ-

Тимъ у мене пидъ очима синѣ!

Оттакъ, та козачка добре дбала,

Свого козака покрывала.

¹⁾ А козакъ сидитъ у корчмѣ да медь-вино кружяе,

Корчму сохваляе:

Гей корчмо наша, корчмо княгине!

Чомъ то въ тобѣ козацкаго добра багато гине!

И сама еси неохотно ходишь,

И насъ, козаківъ-нетягъ, пидъ случай безъ свитокъ водишь.

Знати-знати козацкы хату

Скризь десятю:

Вона соломою не покрыта,

Приспою не осыпана,

Коло двора нечиста ма й кола,

На дривиднѣ дровъ нѣ полѣна,

Сидитъ въ нѣй козацка жѣнка околѣла;

Знати-знати козацкы жѣнку шо всю зиму боса ходитъ,

Горшкомъ воду носить,

Полоникомъ дѣти наловаетъ!

ни сбѣли, ни пахали, не заводились семьями, исключая тѣхъ, у которыхъ были зимовники или хутора, гдѣ можно было содержать женъ и дѣтей. Запорожцы всѣ жили войною, а война, ради охраненія края отъ непримиримыхъ враговъ— татаръ и ляховъ, была неизбѣжна, и потому запорожецъ, какъ человѣкъ, посвятившій себя исключительно бранному житію и для него отрекавшійся отъ того, что привлекало человѣка въ кругу семейной и домашней жизни, былъ всегда въ уваженіи у народа. У малорусса въ домѣ лучшимъ украшеніемъ было изображеніе запорожца съ конемъ и съ воткнутымъ въ землю копьемъ, иногда играющаго на бандурѣ. Подъ такимъ изображеніемъ красовалась стихотворная надпись, говорившая отъ лица изображеннаго запорожца: «Гляди на меня и угадывай! Чай не угадаешь! Откуда я родомъ и какъ меня зовутъ... ни, ни... не знаешь. У меня имя не одно, а много ихъ. Такъ зовутъ меня, какъ случится на кого наткнуться: жидъ въ бѣдѣ меня величаетъ роднымъ отцомъ, ляхъ—милостивымъ добродѣемъ, а ты какъ хочешь меня назови—на все позволяю, лишь бы не торгашемъ: за это я тебя изругаю» ¹⁾). У запорожцевъ, какъ и у польскихъ шляхтичей, заниматься торгашествомъ считалось дѣломъ непочтеннымъ; да и вообще у малоруссовъ существовалъ, а отчасти и до сихъ поръ существуетъ презрительный взглядъ на торгашество. Торгашъ, по малорусскому воззрѣнію, непремѣнно обманщикъ, добывающій себѣ выгоды отъ вреда для другихъ. Торгашъ старается купить у производителя какъ можно дешевле, а продать потребителю какъ можно дороже, все, что убыточно для того и другого, ему полезно, и потому онъ правды не скажетъ ни тому, ни другому. Торгашъ не работаетъ, ничего не производитъ, однимъ обманомъ живетъ. Впрочемъ, говоритъ запорожецъ далѣе въ надписи подъ своимъ изображеніемъ, случалось и ему вести мѣншой торгъ съ ляхами: промѣнивать свои тулупы на ихніе жупаны, и съ жидами у него такого же рода шла торговля и, бывало, какъ удачно пойдетъ торгъ, то не одинъ ляхъ съ жидомъ лягутъ въ барышахъ. Чортъ съ ними!.. какъ пристанутъ, такъ вѣдь приходится имъ уступать и за шкатулку съ червонцами да за конскій приборъ, вышитый золотомъ, отдать истасканный тулупъ ²⁾). Такъ въ комическомъ образѣ торговли описываетъ этотъ запорожецъ свои наѣзды на ляховъ и жидовъ.

Запорожецъ этотъ на картинкѣ изображается обыкновенно старикомъ. Онъ

¹⁾ Дивись да гадай, да ба: не вгадаешь:

Видкиль родомъ и якъ зовуть... иѣ чичиркѣ! не визнаешь!

Въ мене имя не одно, а есть ихъ до ката,

Такъ зовуть якъ набѣжишь на якого свата.

Жидъ зъ-бѣды за ридного батька почитае,

Милостивымъ добродѣемъ ляхъ называе,

А ты якъ хочь назови—на все позволяю,

Абы тильки не крамаремъ, бо за те й полаю!

²⁾ Кожухъ мѣняти на жупанъ зъ ляхами,

То якъ ярмарокъ добрый удачи покаже,

То въ барышѣ ляхъ съ жидомъ не одинъ поляже.

Пекъ имъ! якъ наможуться, то мусишь уступити,

За шкатулу съ червинцями и за рондикъ золотомъ шитый

Кожухъ скрупѣлый скинешъ имъ до ката,

Абы якъ сцуратися упрямого свата.

вспоминаетъ, какая у него была когда-то великая сила, какъ у него рука не мѣла, когда приходилось бить ляховъ ¹⁾. «Случалось—разсказываетъ онъ—на стени варить пиво; пилъ его и турокъ, и татаринъ, и ляхъ, всё пили на славу. И теперь еще послѣ такого пира валяется по стени много-много мертвыхъ головъ и костей съ похмеля» ²⁾. Но то—событія молодости. Теперь у запорожца «и плечи и ногти болятъ, когда случится ему день побиться». Размышляетъ этотъ запорожецъ о мірской суетѣ и о своей кончинѣ такъ: «Непродолжительно, вижу я, время лѣтъ жизни нашей. Скоро цвѣтетъ она, скоро и увядаетъ, какъ полевая трава. Хоть мнѣ и не страшно помирать въ стени, а все-таки жаль, что некому будетъ похоронить меня: татаринъ отворотится, а ляхъ не приступитъ! Развѣ какое-нибудь звѣрьё за ногу въ оврагъ меня стащить. Когда я еще старѣе стану, то пойду въ Русь,—пусть тамъ попы поминаютъ мою душу. Только не годится мнѣ умирать на лавѣ: забираетъ меня охота погулять съ ляхами. Хоть я одряхлѣлъ, а еще мои плечи чувствуютъ, что поборолся бы славно съ ляхами: не мало ихнихъ хоругвей прогналъ бы за Вислу, разлетѣлись бы они, какъ блохи отъ пожара... надежда у меня вѣрная: ружье мое закадынное, да и сабля, моя сваха, не заржавѣла! Не разъ уже она обмывалась кровью; и теперь, кабы разозлилась, такъ не одинъ бы католикъ перевернулся, а коли пустился бы убѣгать, то застрѣлъ бы на копѣ у меня; да еще, какъ я натяну лукъ да брязну тетивою, такъ пустится бѣжать и крымскій ханъ съ своею ордою» ³⁾.

1) Гай, гай! якъ я бувъ молодъ, що въ мене була за сила?

Ляхивъ нещадно бѣючи рука и разу незамѣла.

2) Случалось менѣ на стену варити пиво,

Пивъ турчинъ, пивъ татаринъ, пивъ и ляхъ на диво.

Богато и теперь лежить на стену съ похмѣля

Мертвыхъ головъ и кистокъ отъ того весѣля.

3) Плечи и ногти болятъ якъ день попобѣешься—

Така то, бачу, недовга лѣтъ нашихъ година,

Скоро цвѣте, скоро вяне—якъ у полѣ былина,

Хочъ менѣ й не страшно на стену вмѣрати,

Тильки жалко, що нѣкому буде поховати.

Татаринъ цурається, а ляхъ не приступитъ.

Хиба якъ звѣрюка за ноги въ байракъ сцунити.

Давжежъ пристарѣвшись на Русь пийти мушу,

А чей таки отпоминають попы мою душу.

Тильки жъ менѣ негоже на лавѣ вмѣрати,

Бо ще мене бере охота съ ляхами гуляти.

Хоча вже трохи зледащѣвъ, да ще чують плечи.

Кажеться: поборовся бъ съ ляхами къ-речи.

Ище бъ прогнавъ ляхивъ хоруговъ за Вислу не трохи,

Розлетѣлись бы вони всѣ якъ отъ пожару блохи...

Надѣя въ мене певна мушкетъ сѣромаха,

Ище не заржавѣла й сабля, моя сваха.

Хочъ уже не разъ пасокою вмѣлась,

Таки вона й теперь якъ бы розозлилась,

То не одинъ католикъ лобомъ до-горы достане,

Коли жъ поквапиться втѣтави, на спису зострине.

Вездѣ для малорусса запорожець сдѣлался идеаломъ браннаго богатыря. И зато запорожцы всегда вызывались съ любовью и охотою содѣйствовать видамъ и стремленіямъ простаго народа въ Украинѣ. Мы уже выше указали, какое важное вліяніе оказывали запорожцы на борьбу южнорусскаго народа въ правобережной Украинѣ съ польскимъ шляхетствомъ въ періодъ гайдамачины. На лѣвой сторонѣ Днѣпра они также сочувствовали козакамъ-нетягамъ, стромахамъ, слѣдили за тою враждою, которая постоянно тлѣла въ Гетманщинѣ между знатными и простыми и всегда готовы были идти на помощь тѣмъ, которыхъ считали угнетенными. Во всю вторую половину XVII вѣка въ гетманскихъ донесеніяхъ, посылаемыхъ въ Москву, безпрестанно встрѣчаются опасенія, что запорожцы замышляютъ волновать въ Гетманщинѣ простой народъ и побудить его, вмѣстѣ съ запорожцами, истреблять старшинъ, владѣльцевъ маестностей и арендарей, продававшихъ съ откупа статьи, составлявшія монополію гетманскаго правительства. Собственно, важнаго переворота въ общественномъ строѣ Гетманщины запорожцы не въ состояніи были произвести. Контингентъ, готовый стать ядромъ горячаго матеріала для возстанія, составляли въ средѣ ихъ только недавніе пришельцы въ Запорожье изъ Украины, по большей части бѣдняки, оборвыши, прокутившіеся или излѣнившіеся у себя на родинѣ; запорожцы же старые, то-есть обжившіеся въ Запорожьѣ, всегда наклонялись къ тому, чтобъ не раздражать московскаго правительства и, угождая ему, получать отъ него постоянно благостыню. Изъ послѣднихъ же чаще выбирались и долѣе удерживались на урядахъ старшины запорожскаго коша, державшіе въ данное время въ своихъ рукахъ все управленіе дѣлами запорожскаго низоваго войска. Притомъ Запорожье само собою никогда не въ силахъ было сладить съ властью, господствовавшею въ Украинѣ; и даже въ эпоху Хмельницкаго оно не иначе могло поднять украинскій народъ противъ поляковъ, какъ съ помощью татаръ. Но, ополчаясь противъ ляховъ-католиковъ и жидовъ-нехристей, можно было успокоить православную совѣсть южнорусскаго народа. Не такъ легко было то же сдѣлать, начиная раздоръ съ православною Москвою и возбуждая противъ нея татаръ; а обратиться запорожцамъ было не къ кому, кромѣ какъ только къ бусурманамъ. Во время гетманства Мазепы, когда господство значнаго товариства въ Гетманщинѣ достигло высшей степени, запорожцы, подъ вліяніемъ Петрика или Петриковскаго, замыслили повторить Хмельницину только уже не противъ Польши, а противъ Россіи, вошли подобно тому, какъ нѣкогда Богданъ Хмельницкій, въ союзъ съ крымскимъ ханомъ и вторгнулись въ предѣлы Гетманщины, провозглашая свободу и независимость Малороссійскаго края и возбуждая простой народъ къ истребленію значныхъ товарищей и арендарей. Сначала было имъ повезло: стали приставать пограничныя городки, начались тамъ и сямъ народныя вспышки, но не надолго. Участіе вмѣстѣ съ бусурманами въ открытой войнѣ противъ силъ православнаго царя слишкомъ претило благочестивому чувству русскому и народная масса въ Украинѣ не пристала къ замыслу Петрика и его запорожскихъ удалцовъ. Послѣ трехлѣтнихъ бесполезныхъ усилій и нѣсколькихъ вторженій въ Гетманщину съ татарами, Петрикъ былъ въ началѣ 1696 г. убитъ охотнымъ козакомъ Палѣева полка Вечиркою,

Да якъ и лубъ натягну, брязну тетивую,
То мусить утѣвати ханъ крымскій съ ордою.

близ мѣстечка Кишенки. Объ этомъ рассказываетъ исторія Русовъ Конисскаго, прибавляя, что и самъ Вечирка былъ потомъ схваченъ татарами и замученъ. Это одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ недостовѣрная эта исторія сообщаетъ извѣстie не вымышленное авторомъ, а заимствованное изъ народной памяти, по крайней мѣрѣ относительно судьбы самого Вечирки. О смерти Вечирки или Вечирченка сохранилась пѣсня такого содержания:

«Стояла сосна противъ солнышка; ѣдетъ впереди другихъ Вечирченко на ворономъ конѣ. Только-что сталъ онъ сѣзжать на траву, какъ позади него Петриковскій натянулъ тугой лукъ ¹⁾).

Пѣсня не говоритъ объ убіеніи Петрика или Петриковского, а только о взятіи самого Вечирченка. «Его привели въ свѣтлицу.— «Такая у васъ свѣтлица, говоритъ онъ, какъ у меня скотскій загонъ!»— Съ него снимаютъ жушаны, одѣваютъ въ сермягу, снимаютъ сапоги, отбираютъ червонцы ²⁾, ведутъ на желтые пески за густой верболозъ и вынимаютъ живьемъ у него сердце. Его жена Ульяна не можетъ ни ѣсть, ни пить, заливаясь горькими слезами ³⁾. Пѣсня даетъ ему послѣднее слово: «Сотники полковники и великіе господа! Передайте моей женѣ Ульянѣ, что не будетъ она болѣе ѣздить въ новой коляскѣ» ⁴⁾.

Отчего смерть Вечирки вошла въ пѣсни и пѣсня объ этомъ событіи сохранилась, мы рѣшать не беремся. Могло быть, она принадлежала къ разряду многихъ, которыя исчезли, или же гдѣ-нибудь существуютъ не открытыя собирателями. Пѣсня о Вечирченкѣ не изъ распространенныхъ повсемѣстно и была записана случайно гдѣ-то въ Черниговской губерніи Ао. Вас. Маркевичемъ, который былъ ревностнѣйшимъ и искуснѣйшимъ этнографомъ въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія.

Если запорожцамъ не удалось возбудить въ Гетманщинѣ чернь противъ знатныхъ и произвести мятежъ противъ власти московской съ Петрикомъ, то

¹⁾ Охъ и стояла сосночка да противъ сонечка;

А по переду Вечирченко на ворономъ коню.

Охъ и лишень же да Вечирченко да на тую траву изъѣзжае,

А позадь его да панъ Петриковскій да тугій лукъ натягае.

²⁾ Якъ узали да Вечирченка да пидъ нишиѣ боки,

Да якъ повели Вечирченка у нову свѣтлицу.

„Ой така ваша свѣтлиця якъ моя стадниця!“

Посадили Вечирченка на тесовѣй лавѣ.

— Ой знѣмайте съ Вечирченка да жушаны луданы!

Якъ посадили Вечирченка на тесовѣ стилицѣ.

— Ой знѣмайте съ Вечирченка чоботы й червицѣ.—

Охъ и либонъ лобѣ, Вечирченко, да сермяжище важно,

Що учора бувъ у жуланахъ, а теперъ лишъ сермяжка.

³⁾ Якъ повели да Вечирченка да за жовтыи пѣски,

Охъ и не взялася его жѣнка—Уляна нѣ пити нѣ ѣсти.

Якъ повели да Вечирченка да за густыи лозы.

Ой облили его жѣнку Ульяну дрибенькіи слѣзы.

Ой якъ стали да Вечирченку да муку завдавати,

Що зъ живого да Вечирченка да серденько выимати!

⁴⁾ Ой вы сотники, полковники и великіи паны.

Охъ и накажѣть вы, манове братцѣ, моѣй жѣницѣ Улясѣ,

Що не буде вона ѣздити да у повѣй колясѣ.

мало нашли они склонности и въ эпоху шведской войны, когда съ своимъ кошевымъ Костею Гордѣнкомъ пристали къ замыслу Мазепы. Съ Полтавскаго побоища они, какъ извѣстно, бѣжали вмѣстѣ съ другими, а подъ Переволочною оказали важныя услуги Карлу XII и Мазепѣ, доставивши имъ возможность переправиться въ-пору черезъ Днѣпръ и уйти отъ плѣна. О кошевомъ Гордѣнкѣ и его занорожцахъ по поводу полтавскаго боя сохранилась народная пѣсня. Сообразно приемамъ народной символики, военное дѣло изображается аллегорически въ образѣ уборки хлѣба. Запорожцы приглашаются осмотрѣть (дозрѣвшую) пшеницу и сжать ее. Запорожцы отвѣчаютъ, что хотъ и пойдутъ ее осматривать, но жать не будутъ ¹⁾. Этими словами заранѣе выражается неувѣренность въ успѣхѣхъ предпріятія. Далѣе въ пѣснѣ говорится: хвалились запорожцы, что возьмутъ Полтаву, но они Полтавы не взяли, а шведъ уже проигралъ дѣло и остался, на горе себѣ, кошевой. У него умерла старенькая мать, и никто не подаетъ ему теперь добраго совѣта ²⁾. Въ аллегорическомъ образѣ матери здѣсь разумѣется Украина, а смерть ея значить потерю надежды на самостоятельность, которую питали тогда обольщенные Мазею.

Восточный царь недовѣрчивъ къ Украинѣ—говоритъ въ заключеніе пѣсни:— онъ посылаетъ Голицына стеречь, чтобъ не появилась измѣна, а самъ хотеть вслѣдъ за нимъ идти съ московскимъ войскомъ ³⁾. Здѣсь идетъ рѣчь о Дмитріи Михайловичѣ Голицынѣ, кievскомъ губернаторѣ, бывшемъ тогда представителемъ царской власти въ Малороссіи, котораго первою обязанностью было смотрѣть, чтобъ не возникло какой-нибудь шатости въ краѣ, котораго положеніе было еще довольно непрочнымъ.

Сочувствіе всего южнорусскаго народа къ запорожцамъ отпечатлѣлось тѣмъ, что въ произведеніяхъ народнаго пѣсеннаго творчества послѣднее разореніе Сѣчи составило цѣлый циклъ пѣсенъ, очень распространенныхъ, но которыхъ очень небольшая часть намъ извѣстна. Событіе это, какъ извѣстно, произошло въ 1775 году. Главною причиною были, конечно, государственныя виды политики объединенія русскаго міра, признававшей существованіе запорожской военной общины несвоевременнымъ, а ближайшимъ поводомъ послужили давно уже возникшіе и передъ тѣмъ, такъ сказать, обострившіеся споры поземельныя. Запорожцы издавна уже были недовольны заведеніями поселеній на земляхъ, которыя считали своею принадлежностью. Всякій шагъ въ такомъ смыслѣ, исходившій отъ московскаго правительства или малороссійскаго гетмана, встрѣчаемъ, былъ: ропотомъ, жалобами, угрозами, а подчасъ и самоуправствомъ. Несмотря

¹⁾ Запорожьцѣ небожата! Пшениця не жата!

Ой пийдѣте, оглядѣте, пшеницю зажнѣте.

Ой хочъ пийдемо оглядати, не будемо жати!

²⁾ Хвалилися Запорожьцѣ Полтавы достати.

Ще Полтавы не достали, а вже Шведъ издавса.

На бѣдную головоньку кошовый zostавса.

Ой умерла въ кошового старенькая мати,

Ой нѣкому кошовому порадоньки дати!

³⁾ Восточный царь на Украинѣ не дѣлае вѣры,

Посылае Голицына щобъ не було змѣны.

Ой иди жѣ ты, Голицыну, иди жѣ ты гороу,

А я пийду съ москалями у-слѣдъ за тобою!

на это, степныя пространства на югѣ Россіи все болѣе и болѣе заселялись и въ царствованіе Екатерины II Запорожская Сѣчь съ ея паланками (округами, на которыя дѣлились запорожскія владѣнія) была отовсюду окружена поселеніями великороссіянъ, малороссіянъ и сербовъ, призванныхъ въ Россію предшествовавшею императрицею Елисаветою. Въ 1774 году Запорожская Сѣчь отправила къ императрицѣ депутацію съ челобитною, чтобъ всѣ земли и угодья, какъ на правой, такъ и на лѣвой сторонѣ Днѣпра, отшедшія и, какъ запорожцы выражались, самовольно захваченныя, были возвращены въ вѣдомство запорожскаго низового войска, будучи изстари его достояніемъ, какъ свидѣтельствовали документы, которые должны были представить посланные депутаты. Но такая челобитная сочтена была неумѣстною. Депутація была задержана. Главное лицо, на котораго запорожцы особенно надѣялись, Григорій Александровичъ Потемкинъ, былъ противъ нихъ, несмотря на то, что за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, по собственному его желанію, Потемкинъ былъ принятъ въ число товарищей Запорожскаго низового войска и, сообразно обычаю давать новопоступившимъ прозвища, получилъ у запорожцевъ кличку Грицька Нечосы. Задержавши депутацію, правительство отправило для уничтоженія Сѣчи и всего низового войска генераль-поручика Текели съ сильнымъ отрядомъ.

На эту отправку запорожской депутаціи указываетъ народная пѣсня: «Встань, Харько, встань, батюшка! Довольно спать намъ. Пойдемъ къ царицѣ просить милости. Встань, Харько! Встань, батюшка! Просятъ тебя люди! Какъ пойдемъ въ столицу—попрежнему будетъ. Скажемъ царицѣ: смилуйся надъ нами, отдай намъ наши прежнія степи съ темными рощами!—Радъ бы я,—отвѣчаетъ тотъ, къ кому обращена рѣчь,—сдѣлать по вашему хотѣнію, да за господами нельзя приступить въ сенатъ!»¹⁾

Кто таковъ этотъ Харько—рѣшить трудно. Депутатами посланными тогда были: Сидоръ Бѣлый, Логинъ Мощенскій и Антонъ Головатый. Никакого Харька (Захара) тогда не посылалось. Но, можетъ быть, здѣсь обращаются къ Харьку Чепѣгъ, одному изъ тогдашнихъ старшинъ запорожскихъ, который впоследствии игралъ важную роль и котораго имя стало очень популярнымъ. Въ пѣснѣ же, напечатанной въ Сборникѣ «Малороссійскія и Червонорусскія Думы и Пѣсни» (стр. 55) и составляющей, по началу, вариантъ приведенной нами, вмѣсто Харька, обращаются къ Грицю. «Встань, батюшка, встань, Гриць! Зовутъ тебя люди! Какъ пойдемъ въ столицу—по старому будетъ. Попросишь царицу: не отдастъ ли она земель нашихъ, не возстановитъ ли правъ нашихъ»²⁾. По этому ва-

¹⁾ Устань Харьку, устань батьку, годѣ вже намъ спати!

Ой ходѣмо до царицѣ милости прохати.

Устань Харьку, устань батьку! Просятъ тебе люде!

Ой пийдемъ у столицу—по прежнему буде.

Ой якъ скажемъ мы царицѣ: смилуйся надъ нами,

Отдай же намъ наши степи съ темными лугами!

Ой радъ же бѣ я, дѣти мой, волю учинити,

Такъ не можно за паннами въ сенатъ уступити.

²⁾ Да встань, батьку, да встань, Грицю! Кличуть тебе люде!

Ой якъ пийдешъ на столицу—по старому буде!

Ой якъ пийдешъ на столицу, попросишь царицю:

Чи не отдасть нашихъ земель, клейноты не верне!

ріанту можно предположить, что запорожцы здѣсь обращаются къ Григорію Потемкину, на котораго тогда возлагались большія надежды.

Далѣе, по нашему варианту, говорится, что запорожцы воротились съ плачемъ, который унодобляется бурной рѣкѣ, разрывающей крутые берега. Царица не велитъ отдавать запорожцамъ степей, а посылаетъ москалей разорить Сѣчу ¹⁾.

Другая народная пѣсня такъ изображаетъ совѣтъ вельможъ о способахъ уничтоженія запорожской вольности. «Подъ городомъ Елисаветомъ слетались орлы, а въ Москвѣ городѣ въ правительственномъ мѣстѣ засѣли господа сенаторы» ²⁾.

Подъ городомъ Елисаветомъ здѣсь разумѣется крѣпость св. Елисаветы (нынѣшній Елисаветградъ), основанная въ 1753 году на Запорожской землѣ и до чрезвычайности ненавистная для запорожцевъ, которые видѣли въ ея основаніи большое посягательство на ихъ права владѣнія. Крѣпость эта была сборнымъ пунктомъ для русскихъ военныхъ силъ, готовыхъ усмирить Запорожье, еслибъ оно заволновалось. Въ этомъ-то смыслѣ здѣсь въ пѣснѣ говорится объ орлахъ, слетающихся подъ городомъ Елисаветомъ: разумѣются воинскія силы.

«Собравшись»,—продолжаетъ пѣсня:—«господа сенаторы стали измышлять способы, какъ бы отобрать у запорожцевъ ихъ льготы. Если бы только—говорили они между собою—намъ у нихъ да отобрать ихъ льготы, то будемъ мы и потомки наши поживать въ ихъ отчизнѣ. И избрали они способъ добрый: давать (для вида) запорожцамъ волю, а по всей ихъ землѣ населять слободы. Какъ была съ туркомъ война, тогда запорожцевъ поощряли портретами (то-есть въ видѣ награды раздавали портреты императрицы), а запорожцы—люди добрые: коварства ихъ не знали и довѣрились сенаторамъ; считая ихъ людьми правдивыми. Какъ дознались сенаторы, что запорожцы имъ довѣряютъ, то приказали измѣривать всю землю запорожскую и наводить на планы. А чтобъ запорожцы никакъ не смекнули въ чемъ ихъ намѣренія, послали къ нимъ въ подарокъ новые мѣдные котлы (литавры) и черезъ эти-то котлы всѣ запорожскіе старшины были взяты» ³⁾.

1) Тече рѣчка невеличка, подмываетъ кручи,
Заплакали Запорозьцѣ видѣ царицѣ идучи.
Ой не велитъ да царица степу отдавати,
Посылае москаликівъ Сѣчу розорати.

2) Ой идѣть городомъ Елисаветомъ много орливиъ излѣталось;
Въ Москвѣ городѣ въ засѣданному мѣстѣ панивъ сенаторивъ собиралось.

3) Ой зибравшись вони въ одно мѣсце стали способъ собирати,
Якъ бы зъ вийська запорозького всѣ волности отибрати.
Ой коли бъ же намъ, панцы сенаторы, у нихъ волность отибрати,
То будемъ мы и потомки наши въ ихъ отчизнѣ поживати.
Ой избрали вони способъ добрый: Запорозьцамъ волю дати,
Приказали вони по всѣй землѣ ихъ слободы заселяти.
Когда була съ туркомъ война—натретами поощряли,
А Запорозьцѣ добрѣ люде ихъ ласкательства не знали,
Да тѣмъ сенаторамъ якъ правдивымъ людямъ, во всѣмъ вѣры диймали.
Ой якъ дизнали тѣхъ сенаторы, що Запорозьцѣ имъ вѣрять,
Ой да й приказали запорозьку землю всю кругомъ мѣрять.

Подъ новыми мѣдными котлами разумѣются литавры, которыя не задолго передъ тѣмъ Потемкинъ прислалъ въ даръ всему низовому войску, какъ знакъ благосклонности и вниманія.

Генераль-поручикъ Текели овладѣлъ Запорожскою Сѣчю безъ боя. Искусно занявши прежде всѣ окрестности своимъ войскомъ и подступивши къ самой Сѣчи, онъ чрезъ полковника Мисюрева потребовалъ къ себѣ кошевого атамана Петра Калнышевскаго, войскового писаря Семена Глобу и войскового судью Павла Головатого, и тотчасъ приставилъ къ нимъ караулъ, потому что правительство уже держало въ подозрѣннн ихъ всѣхъ, а въ особенности кошевого атамана. Послѣ этого Текели приказалъ войску занять Сѣчу и поставить караулы къ войсковой казнѣ, пороховому погребу, къ артиллеріи, къ церкви, канцеляріи, вообще ко всѣмъ принадлежностямъ коша и къ имуществу задержанныхъ старшинъ. Въ народной пѣснѣ говорится, что какой-то козачище васюринскаго куреня, большой пьяница, упрасиваетъ кошевого стоять упрочно у воротной башни и не допускать москалей разорять Сѣчу. Пусть москали съ тесаками,—запорожцы стануть противъ нихъ съ одними кулаками: лишь бы честь козацкая была сбережена. Кошевой отвѣчаетъ, что онъ радъ бы такъ поступить, да невозможно уже имъ защитить Сѣчи, нѣтъ силъ у нихъ, не дозволяетъ онъ становиться у воротной башни къ отпору ¹⁾. Но при этомъ кошевой въ порывѣ досады произноситъ восклицаніе: «Какъ это не стыдится бѣлая царица разорять Сѣчь!» ²⁾.

Изъ драгоцѣннаго разсказа глубокаго старца Коржа, запорожца и очевидца событій (Ист. Нов. Сѣчи, III, стр. 190—200), видно, что дѣйствительно такъ настроены были тѣ, которые носили собирательное названіе «сѣрома», то-есть молодые, одинокіе и бѣдные, которымъ терять было нечего. Но тѣ, у которыхъ въ запорожескихъ земляхъ были устроены зимовники или хутора, гдѣ проживали ихъ семьи,—тѣ боялись, чтобъ русское войско Текели за такое сопротивленіе не разорило ихъ жилищъ и не истребило ихъ женъ и дѣтей. Они представляли на радѣ, что при совершенной несоразмѣрности ихъ силъ, имъ не остается болѣе ничего, какъ покориться волѣ царицы. Много способствовалъ и голосъ сѣчевого священника, недавно пожалованнаго въ санъ архимандрита, Владимира Сокальскаго. И онъ, во имя христіанской любви и кротости, убѣ-

А размѣривши запорожску землю на планы зѣмляли,

А шобъ Запорозьдѣ того не дизнали—казаны имъ въ Сѣчь прислали.

Ой якъ прислали на всѣ куренѣ мицнѣ мѣдныя казаны,

А за ти казаны запорозьки всѣ паны були побранѣ.

А отсежъ тобѣ, пане кошовый, за всѣ твои вѣрныя службы,

Ой якъ ийдешъ въ городъ столицю, наберешся нужды.

¹⁾ Васюринскій козарлюга все нѣе да гуляе,

Кошового атамана батькомъ называе.

— Благослови ты нашъ батьку, намъ на баштѣ стати,

— Щобъ не впуститъ москаликивъ да Сѣчь руйновати.

— Москаль стане съ тесаками, а мы съ кулаками;

— Нехай слава не загине помѣжь козаками!—

„Ой радъ бы я, дѣти мои, волю учинити,

„Да не зможемъ усѣ мы Сѣчи защитити.

„Не позволю, Васюринскій, вамъ на баштѣ стати!“

²⁾ Якъ не стыдно Бѣлѣй царицѣ да Сѣчь руйновати!

ждалъ во всемъ покориться царской волѣ. «Въ Исторіи Новой Сѣчи» приведена большая пѣсня, въ которой событія рассказываются точно такъ, какъ въ разсказѣ Коржа. Пѣсня эта, какъ сообщаетъ авторъ «Исторіи Новой Сѣчи», записана дворяниномъ Бобринецкаго уѣзда Скопинымъ изъ устъ лирника; но она, по своему складу, внушаетъ намъ сомнѣніе въ ея дѣйствительной принадлежности къ подлиннымъ народнымъ произведеніямъ и кажется сочиненною, на основаніи разсказа Коржа, въ близкое намъ время, послѣ того, какъ этотъ разсказъ появился въ печати. Въ извѣстныхъ намъ пѣсняхъ, признаваемыхъ нами за несомнѣнно-народныя, запорожцы, предъ отбѣздомъ кошевого и старшинъ къ русскому генералу, говорятъ кошевому: «Куда-жь ты, господинъ Петръ Калнышевскій отъ насъ отбѣзжаешь? На кого покидаешь напрасно славное Запорожье? Написалъ генераль Румянцевъ ордеръ къ матушкѣ про измѣну: будто ты, Петръ Калнышевскій пристаешь въ турецкую вѣру. А матушка возражаетъ на это: велика моя держава; могу я укротить Запорожье и козацкую отвагу» ¹⁾). Пѣсня изображаетъ, какъ потомъ москали отобрали у запорожцевъ оружіе ²⁾, запасы, имущества ³⁾, поставили караулы около Сѣчевой церкви и не допустили отца Владимира совершать богослуженіе ⁴⁾. Кошевой, находясь уже подъ арестомъ у московскаго генерала, съ крутой горы смотритъ на все это и произноситъ: «Не разоряйте вы, черти короткохвостые, хоть Божія дома!» ⁵⁾). Набрали москали серебра и золота и стали размышлять: какую бы славнымъ запорожцамъ задать кару? Взяли-бъ мы ихъ да изрубили, такъ они на насъ не поднимали рукъ; обратили бы мы ихъ въ пикинеры, такъ на это указа не получили ⁶⁾). Собралось московскаго войска тысячъ сорокъ, расположились они прикрытые рощами. Какъ увидалъ это Петро Калнышевскій, такъ и залился слезами. Плачетъ онъ, какъ рѣка льется, подмывая крутые берега, плачетъ ѣдучи къ матушкѣ: «Ахъ, матушка наша, царица, скалься надъ нами. Пожгли наши степи, забрали ихъ себѣ московскіе генералы. Всѣ наши приволья, всѣ наши угодыя, всѣ наши рыбныя ловли опустѣли; уже всѣ мои славные запорожцы до сихъ поръ въ оковахъ!» ⁷⁾).

- 1) Ой и гдежь ты, Петро Калнышевскій, видъ насъ витѣзжаешъ?
На кого ты славне Запорожье такъ марне покидаешъ?
Ой и пише ордеръ генераль Румянцовъ до матушки змѣну,
Що бутешъ ты, Петро Калнышевскій, у турецку пристаешъ вѣру,
Ой а матушка выдигае: що великую я державу маю,
Могу упишати славне Запорожье и козацкую славу.
- 2) Ой якъ пийшовъ москаль по куреняхъ да ставъ руки отбирати,
А московскія паны генералы пийшли церкви руйновати.
- 3) Ходить москаль по куреняхъ запасъ отбирае,
Брали сръбло, брали злато восковыи свѣчи...
- 4) Кругомъ церкви сѣчовой калауры стали,
Священнику отцю Владимиру служити не дали.
- 5) Ой изийшовъ же Петро Калнышевскій а на круту гору:
Ой не руйнуйте вы, чорты куцѣ, хоть Божого дому.
- 6) Ой набрали вони сръбла злата да стали думати-гадати:
Ой якужь будемъ славнымъ запорозьцямъ мы кару давати?
Взяли бъ мы ихъ порубали, такъ вони рукъ не здіймали,
Забрали бъ мы ихъ въ пикинеры, такъ указу мы не получали.
- 7) Ой зобралось ихъ сорокъ тысячъ да й покryлись лугами,

О судьбѣ посланныхъ въ столицу подъ стражею запорожскихъ старшинъ никакихъ официальныхъ свѣдѣній мы не видали. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ открыто, что Калнышевскій томился въ суровомъ заточеніи въ Соловецкомъ монастырѣ и не равнѣ, какъ послѣ вступленія на престолъ Императора Павла получилъ освобожденіе, но, достигши тогда уже столѣтняго возраста своей жизни, воспользовался дарованною свободою только для того, чтобы постричься въ томъ же Соловецкомъ монастырѣ. Народныя пѣсни не могли ни о немъ, ни о его товарищахъ сказать болѣе ничего, какъ только то, что ихъ отвезли куда-то въ неволю. Въ одной пѣснѣ рассказывается, что еще прежде козакъ Супрунь предостерегалъ Калнышевскаго, что ему и всему Запорожью угрожаетъ бѣда «отъ чистаго озера», а Калнышевскій не уберется отъ бѣды, наступившей отъ синяго моря ¹⁾. Здѣсь—пріемъ народной символики: вмѣстилище водъ служить образомъ губительной силы. Калнышевскій не уберется отъ бѣды самой тяжкой, и въ этомъ смыслѣ названа эта бѣда исходящею отъ моря. Калнышевскому—заключаетъ пѣсня—въ Петербургѣ вѣчная неволя ²⁾.

Въ другой пѣснѣ поется, что взятыхъ запорожскихъ старшинъ повезли нѣско-ро въ Москву и засадили въ неволю, а господа сенаторы съ генералами утѣ-шались, такъ какъ они послѣ того завладѣли запорожскими землями ³⁾. Это исторически вѣрно: послѣ уничтоженія Сѣчи громадныя полосы земель, принад-лежащихъ запорожскому низовому войску, достались разнымъ вельможамъ.

Объявленіе верховной воли объ уничтоженіи запорожскаго коша выражено въ пѣсняхъ символическими образами стрѣлянія изъ ружей и пушекъ и паденія бомбы посреди Сѣчи ⁴⁾.

Ой побачивъ Петро Калнышевскій да облився слѣзами.

Ой тече рѣчка невеличка, підмыває кручи;

Ой заплакавъ да Петро Калнышевскій до матушки йдучи.

„Ой матушка наша, Катре царце, смилуйся надъ нами,

Що погорѣли да позавладѣли наши стени да московські генералы.

Ой усѣ наши волности, усѣ наши роскоши всѣ наши рыболовнѣ пусть

стали.

Ой досѣ мой славнѣ Запорозьцѣ ажъ у оковѣ стали!

¹⁾ Славно було Запорожє всіма сторонами;

А теперъ намъ нѣгде прожити за вражими панами.

Ой уже Супрунь козакъ до Калныша часто листы пише:

Ой бережися, пане Калнышевскій, видь чистого стау,

Бо втеряешъ Запорожє й козацьку славу.

Не вберѣтса Калнышевскій видь синѣго моря...

²⁾ Теперъ ёму въ Петербурзѣ довѣчна неволя.

³⁾ Ой повезли запорозькихъ панивъ у Москву городъ сѣшно;

Ой посадили ихъ у неволю; сенаторамъ стало втѣшно,

Ой тѣшились паны сенаторы и меньшіи генералы,

Що отибрали въ Запорозьцѣвъ землѣ и владѣють сами.

⁴⁾ Ой вдарили на столицѣ зъ новои ручницѣ;

Вы кидайте, славнѣ Запорозьцѣ, пистолеты и ручницѣ!

Ой вдарили на столицѣ изъ новои пушки,

Утѣкайте, славнѣ Запорозьцѣ, не те киньми—й пѣшки!

Летить бомба изъ столицѣ, середъ Сѣчи впала:

Хоть пропало Запорожє, да не пропала слава.

Приведенный нами выше очевидецъ событій запорожець Коржъ (Ист. Нов. Сѣчѣ, III, стр. 197—200) сообщаетъ, что послѣ арестованія и отправки въ столицу запорожскихъ старшинъ запорожскіе сѣромахи отпросились у Текели на заработки «въ Тилигуль до лямы», то-есть на Тилигуль тянуть неводы. Текели отпустилъ ихъ, приказавши выдать имъ письменные виды по одному на пятьдесятъ человѣкъ. Тогда они сѣли въ челны, стоявшіе во множествѣ у Днѣпровскихъ островковъ, расположенныхъ на рѣкѣ близъ Сѣчи, и ушли въ турецкія владѣнія. За ними послѣдовали другіе, не спрашиваясь ни у кого, и вся такъ называемая «сѣрома» (то-есть бездомовные, холостые и неимущіе) ушла за границу. Объ этомъ событіи говорятъ народныя пѣсни: стали рыболововъ собираться, стали тогда запорожцы уходить къ туркамъ; разбѣжалось все славное Запорожье, присягу дали турчину, вѣрно служить: оно бы всѣмъ хорошо подъ туркомъ жить, да нехорошо только невѣрному служить ¹⁾. Въ другой пѣснѣ говорится: разорили Запорожье, уничтожили права, надѣлали сѣромахамъ большой скорби. Собрались запорожцы на дубахъ и поплыли къ Лиману. Оглянулись они на свою старую Сѣчъ и облились слезами. Словно калиновыя вѣтви, опущенныя внизъ, запечалились запорожцы, какъ дѣти по матери. Нашла на нихъ черная туча, полился дождь съ неба. Разорили Запорожье, а его когда-нибудь нужно будетъ бѣлымъ царямъ ²⁾. Въ третьей пѣснѣ убѣгающіе къ туркамъ запорожцы прощаются съ Россіею, покидая въ ней свое приволье, говорятъ, что на нихъ разсердился родной отецъ и потому приходится теперь имъ служить вотчиму. Онъ, этотъ вотчимъ, добрый человѣкъ; будутъ они ему служить всею правдою и можетъ быть Всевышній Творецъ поможетъ имъ достать опять свою природную степь ³⁾.

¹⁾ Наѣхали закутцныи (?) рыболовы скуляти,
Тогдѣ стали Запорожьцѣ иидѣ Турка вѣкати.
Повтѣкало славне Запорожье иидѣ Турчина жити,
Заприсягли Турчиновѣ якъ вѣрно служати.
За все гараздъ, за все гараздъ иидѣ Турчиномъ жити,
А за одно не гараздъ, що за невѣру служити.

²⁾ Зруйновали Запорожье, побрали клейноты,
Наробили сѣромахамъ великой скорботы.
Побрадиѣ сѣромахи на Лиманъ дубами,
Оглянулись на Стару Сѣчъ—вмилиси слѣзами.
Ой у лузѣ калинонька похидилиси вѣтки:
Зажурилиси Запорожьцѣ якъ по матери дѣтки!
Наступила чорна хмара, дрибенъ дощикъ съ неба;
Сплюндровали Запорожье—колиси буде треба!

По другому варианту послѣдній стихъ такъ:

Буде колиси бѣлымъ царямъ Запорожьцѣвъ треба!

³⁾ Ой прощай, прощай свѣтъ бѣла Росія, тобѣ вольность зоставляемъ,
Ой тимъ же мы тобѣ вольность зоставляемъ, що у себѣ батька не маемъ,
Ой розсердивси нашъ ридный батько, немае насъ за сына;
Отъ-теперъ же мы, милѣ братья, ходѣмъ служити до витчима;
А витчимъ же нашъ чоловѣкъ добрый, а ридный батько нѣчого...
Дастъ намъ помочь Всевышній Творецъ—що терпимо много
Їму будемъ служити всею правдою; винъ намъ буде батько ридный.
А ще Творецъ поможе Вышній достать намъ степъ природный.

Русское правительство, видя побѣгъ большихъ массъ народонаселенія за предѣлы своего государства, старалось и угрозами и ласковыми общаніями остановить ихъ. Объ этомъ говорятъ и народныя пѣсни,—въ одной такъ поется: «Пошли наши запорожцы по-надъ вольными рѣками, широкими, глубокими лиманами. Они въ раздумьи: не знаютъ какому царю поклониться.—Поклонимся—говорятъ они—турку; подъ его властью хорошо живется; вотъ только то не-пріятно, что придется свою братью бить.—А москаль имъ говорить: «идите ко мнѣ жить; я вамъ дамъ земли по Днѣстръ границую».—А, врешь, врешь, врагъ москаль! Хочешь насъ подманить; а какъ мы пойдемъ подъ твое царство, ты станешь намъ забривать лы. — «Что вы это, мелодцы!»—говоритъ москаль.— «Славные запорожцы! Я въ своемъ царствѣ никого не обманывалъ. Все ваши господа старшины поступали дурно: они въ напасть ввели вашу хорошую-стенъ, вашъ веселый край!»¹⁾ Въ четвертой пѣснѣ такое обращеніе отъ запорожцевъ къ москалю: «Ахъ ты москаль, еретичій ты сынъ! Зачѣмъ чинишь такое зло, изводишь славное войско запорожское». — Ахъ, не жалуйтесь, славные запорожцы, на московскихъ генераловъ. Жалуйтесь на своихъ вражскихъ господъ. Ваши господа, еретичьи сыны, надѣлали зла, стенъ хорошую, край веселый московскимъ генераламъ уступили²⁾. Это—голосъ запорожскихъ стромахъ, которые, будучи разогнаны какъ звѣри по степи³⁾, сами не знали кого обвинять, и, по старопредковскому обычаю, взваливали вину прежде всего на своихъ старшинъ, во-ображая, что они добровольно сдали Запорожье, которое, какъ имъ казалось, можно было отстаивать.

Однако, предчувствіе, выраженное въ пѣснѣ, что когда-нибудь Бѣлымъ Царямъ окажутся нужными запорожцы, оправдалось, и довольно скоро. Уже въ 1783 году, по проекту того же Потемкина, заявившаго себя врагомъ запорожцевъ, когда пріѣзжала изъ Сѣчи депутація съ челобитною о возвратѣ земель,

- 1) Ой пошли наши Запорожцы по надъ вольными рѣками,
Широкими да глубокими по надъ лиманами.
Що тепера наши Запорожцы въ великому жалю,
Що не знаютъ поклонитись которому царю.
Поклонимось тому Турковъ, а идѣ нимъ добре жити,
Тилько одно те не-пріятно, що на свою братью бити.
Ой прійшовъ Москаль до Запорожцѣвъ: йдѣть до мене жити.
Ой отдамъ землю по прежнему по Днѣстръ по границую.
— Ой брешешъ, брешешъ, вражій Москалю, хочешъ подманити,
— А якъ пийдемъ пидъ твое царство, станешъ лобя голити. —
„Ой и що вы, хлопцы славнѣ Запорожцы, ой не бийтесь нѣчого,
„Ой щезъ я, бачитися въ своѣму царствѣ не зрадивъ нѣкого!
„А се все ваши паны да не добре зробили
„Що стенъ вашъ добрый, край веселый да занастаили!“
- 2) Ой ты Москалю еретичій сыну! Ой що ты за зле робишь?
Ой все вийско славне Запорожье у кинецъ переводишь!
Ой не жалкуйте, славнѣ Запорожцы, да на Московскихъ генераливъ,
Ой и жалкуйте, славнѣ Запорожцы, на своихъ вражскихъ панивъ.
Бо ваши паны еретичи сыны, да недобре зробили,
Стенъ добрый край веселый московскимъ генераламъ уступили!
- 3) Гдѣ збралисъ славнѣ Запорожцы якъ на небѣ звѣзды,
А теперъ розбѣглися якъ по стѣну звѣри.

возстановлялось низовое козацкое войско под именемъ Черноморскаго. Объ этомъ есть въ народныхъ пѣсняхъ такой намекъ: «Собирались господа генералы на сеймъ и держали совѣтъ, какъ бы собрать запорожское войско. Сеймуйте себѣ, господа генералы, да не такъ оно будетъ. Воротите войсковыя права, такъ войско само прибудетъ» ¹⁾.

Новосоставленное войско, подъ начальствомъ бывшихъ прежде въ Запорожьѣ старшинами Сидора Бѣлаго, Харька Чепѣги, Антона Головатаго, Легкоступа и другихъ, отличилось геройскими подвигами въ послѣдовавшую вторую турецкую войну, и Потемкинъ, считавшійся гетманомъ войскъ козацкихъ, назначилъ возобновленному Черноморскому войску во владѣніе земли, находившіяся между Бугомъ и Днѣстромъ до Чернаго моря. Но смерть Потемкина не допустила осуществиться этому проекту. По поводу этого событія сложилась отъ имени запорожцевъ такая пѣсня: «Боже нашъ, Боже милосердый! Какіе мы въ свѣтѣ несчастные! Служили мы вѣрно и на полѣ и на морѣ, а остаемся голыми и босыми. Думали-было мы заслужить себѣ землю, чтобы намъ было гдѣ въ привольѣ вѣкъ свой проживать, и дали-было намъ землю отъ Днѣстра до Буга, границею по Бендерскую дорогу, дали-было намъ два лимана: Днѣстровскій и Диѣпровскій: тутъ бы намъ, братцы, и наживать себѣ жупаны. Дали землю, а теперь отнимаютъ, а намъ сулятъ какую-то Тамань ²⁾. Въ «Исторіи Новой Сѣчи» эта пѣсня приписывается Антону Головатому. Не беремъ рѣшать, имъ ли дѣйствительно сочинена она, или, можетъ быть, только ему приписывается и сложена вообще запорожцами,—только эта пѣсня до сихъ поръ вездѣ поется въ народѣ. Дѣйствительно, тотчасъ по смерти Потемкина составлялся проектъ устроить Черноморское войско на Таманскомъ полуостровѣ, и запорожцы, ожидавшіе себѣ другого, были этимъ проектомъ недовольны. Это и выражается въ настоящей пѣснѣ. Но вскорѣ, однако, запорожцы помирились съ планомъ правительства поселить ихъ на берегахъ Чернаго моря, имъ издавна знакомаго, хотя и не тамъ, гдѣ бы они хотѣли, а поблизости къ Кавказу, гдѣ они могли быть полезны государству своими военными подвигами противъ черкесъ. Антонъ Головатый въ іюнѣ 1792 года выхлопоталъ Высочайшую грамату, которою Черноморскому войску отводился для поселенія островъ Фанагорія съ землями между

¹⁾ Ой збѣралися паны генералы и сенать сеймовати:

Ой якъ же намъ се вийсько славе Запоризьке зібрати.

Хоть сеймуйте, паны генералы, да не такъ воно буде:

А вериѣть вийсковьи клейногы то и само вийсько прибуде.

²⁾ Ой Боже мий, Боже, Боже милостивий!

Яки жъ мы вродились въ свѣтѣ несчастливѣ!

Служили мы вѣрно на полѣ й на морѣ,

А теперь зостаемся и босѣ и голѣ!

Думали мы землю собѣ заслужити,

Щобъ у вильности вѣку намъ дожити.

Дали були землю отъ Днѣстра до Бугу

Границею по Бендерську дорогу,—

Днѣстровскій и Диѣпровскій обидва лиманы:

Отъ-тутъ бы намъ, братцѣ, наживати жупаны.

Дали були землю да впѣять отнѣмають,

А намъ тую якусь Тамань урочають!

Кубанью, Азовскимъ и Чернымъ морями (Ист. Нов. Сѣчи, III, 226). Такъ положено было основаніе войску черноморскихъ козаковъ, нынѣ переименованному въ Кубанское. Тогда сложилась пѣсня, приписываемая Антоу Головатому. Она стала народною на всемъ пространствѣ, заселенномъ южнорусскимъ племенемъ. Такъ гласить эта пѣсня:

«Довольно намъ уже скорбѣть. Пора перестать. Дождались мы отъ царицы награды за службы наши. Дала намъ и хлѣбъ-соль и грамоты за вѣрную службу. Теперь, любезные братья, забудемъ всѣ наши лишенія. Въ Таманѣ будемъ жить, вѣрно служить, беречь границу, будемъ ловить рыбу, водку будемъ пить, еще станемъ и богатыми. Надобно уже и жениться и хлѣбопашествомъ заниматься, а кто придетъ изъ невѣрныхъ, того бить, какъ врага. Слава Богу и царицѣ. Покой гетману! Залѣчили мы великую (жгучую) рану въ нашихъ сердцахъ. Помолимся же Богу, поблагодаримъ царицѣ за то, что указала намъ дорогу на Кубань» ¹⁾.

Вотъ все, чтѣ намъ извѣстно о томъ, какъ въ несомнѣнно народныхъ произведеніяхъ поэтического творчества у южноруссовъ отпечатлѣлись событія періода козачества. Этимъ, вѣроятно, не исощается вся народная сокровищница; быть можетъ, въ такихъ уголкахъ, куда еще мало проникала пытливость собирателей народныхъ памятниковъ, отыщутся еще такія произведенія, о какихъ мы и не догадываемся. Предоставляемъ ихъ счастью будущихъ этнографовъ.

¹⁾ Годъ, годъ журитися! Пора перестати.

Диждалися видъ царицѣ за службу заплаты:

Дала хлѣбъ-соль и грамоты за вѣрныи службы;

Отъ теперь же мы, милѣ братья, забудемъ всѣ нужды.

Въ Таманѣ жить, вѣрно служить, границу держати,

Рыбу ловить, горѣлку пить ще й станемъ богаты,

Да вже треба женитися и хлѣба робити,

А кто йтиме изъ невѣрныхъ—якъ ворога бити.

По другому варианту этотъ послѣдній стихъ измѣняется такъ:

И превражого черкеса по кручахъ гонити.

Слава жъ Богу и царицѣ, а покой гетману:

Изгоили въ сердцахъ нашихъ горячую рану!

По другому варианту вмѣсто: горячую рану—великую рану

Подъякуемо царицѣ помолимось Богу,

Що вона намъ показала на Кубань дорогу.

Семейный бытъ въ произведеніяхъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества ¹⁾

Семейный бытъ народа въ его пѣсняхъ выражается въ изображеніи любви, какъ между молодыми людьми обоого пола до брака, такъ и послѣ брака, со всѣми послѣдствіями и условіями домашняго быта и семейныхъ связей.

Пѣсни этого рода раздѣляются на два отдѣла: любовныя и собственно семейныя, но строгой грани между тѣми и другими провести невозможно, во-первыхъ, оттого, что народныя пѣсни въ текущемъ своемъ обращеніи часто смѣшиваются, во-вторыхъ, не всегда можно отличить—говорится ли о находящихся въ положеніи до брака или уже состоящихъ въ брачной связи. Замѣтимъ, что пѣсни свадебныя, по своему содержанію, одинаково принадлежать и къ любовнымъ, и къ семейнымъ пѣснямъ. Южнорусскія пѣсни, изображающія любовь между обоими полами, преимущественно поются женскимъ поломъ и потому носить на себѣ отпечатокъ женственности. Это особенно надлежитъ замѣтить относительно настоящаго времени, когда мужчины перенимаютъ и поютъ великорусскія пѣсни, искажая ихъ самымъ безобразнымъ способомъ.

ГЛАВА I.

Народное понятіе о любви.—Весна.

Жизнь поселянъ протекаетъ въ постоянной близости съ природою, и эта близость отражается на ихъ пѣснопѣніяхъ. Какъ въ природѣ въ поляхъ, рощахъ, садахъ можно прослѣдить періоды прозябанія, роста, цвѣтенія, оплодотворенія растений, такъ и въ народной поэзіи—прослѣдить исторію любви, ея зарожденіе, развитіе, можно видѣть, что по внутреннимъ душевнымъ проявленіямъ и по

¹⁾ Въ 1872 году въ журналѣ „Бесѣда“ печаталось сочиненіе: „Историческое значеніе южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Продолженіе этого сочиненія печаталось въ журналѣ „Русская Мысль“ въ 1880 и 1883 годахъ подъ заглавіемъ: „Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества“. Печатаемое нынѣ изслѣдованіе авторъ считалъ окончаніемъ означеннаго сочиненія.

(Примѣч. издат.).

вѣшнимъ житейскимъ условіямъ способствовало этому развитію или задерживало его и—конецъ, завершающійся или бракомъ, или разлукою.

Всего вѣрнѣе и удобнѣе изучать любовный элементъ въ пѣсняхъ сообразно сопоставленію народной пѣсенности съ годовымъ теченіемъ природы. Вотъ начинается весна. Сходить свѣтъ. Текутъ воды. Появляется травка. Потомъ начинаютъ развиваться и цвѣсти деревья. Въ пѣсняхъ начало весны выражается символическимъ изображеніемъ жаворонка, прилѣтѣвшаго изъ теплыхъ странъ,—народнаго вырѣя;—еще видѣются свѣжные остатки и льдины, онъ будетъ разгонять ихъ крылышками и топтать ножками ¹⁾).

Весна приноситъ тепло и доброе лѣто ²⁾; каждому возрасту свое—дѣткамъ игры, старикамъ совѣты объ общественныхъ дѣлахъ, старымъ бабамъ праздное сидѣнье, хозяйкамъ полевая работы, хозяйкамъ домашнее тканье, а дѣвцѣкамъ—гулянье ³⁾. Воскресла весна, принесла съ собой дѣвчью и молодецкую красу: дѣвчья краса—коса до пояса, а молодецкая—платокъ за поясомъ, шапка съ пучкомъ цвѣтовъ, а въ правой рукѣ—дѣвица ⁴⁾).

Дѣвцѣкамъ гулянье—ихъ стихія. Пусть замужняя женщина ведетъ бесѣды съ своимъ мужемъ, пусть бѣдная одинокая вдова сидитъ въ раздумьи,—дѣвцѣкамъ всѣхъ лучше на свѣтѣ; она до поры до времени гуляетъ, цѣлую недѣлю ходить въ вѣнкѣ, а придетъ воскресный день—идеть въ хороводъ ⁵⁾).

- ¹⁾ — Чомъ ты, жаворонку,
— Рано зъ вырѣя вылитавъ?
— Ище по горонькахъ свѣженьки лежали.
— Ой ще по долинахъ крыженьки ётолли.
„Ой коли пора прійшла,
„Неволенька выйшла.
„Ой я тьи крыженьки крыльцями розжену,
„Ой я тьи свѣженьки нижками потопчу.

(Чубинскій: „Труды Этнографическо-Статистической Экспедиціи въ Западно-Русскій край, снаряженной Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ“. Томъ III, стр. 110).

²⁾ Ой вынесла тепло и доброе лѣтечко. (Чуб. III. 109).

- ³⁾ Малымъ дѣткамъ—ручечки бити,
А старымъ дѣдамъ—раду радити,
А старымъ бабамъ—посѣдѣньячко,
А господарямъ—поле орати,
А молодымъ господнямъ—кросенця ткати,
А молодымъ дѣвочкамъ—тай погуляти (Ibidem).

- ⁴⁾ А вже весна воскресла,
Що то намъ принесла?
Принесла вамъ росу,
Дѣвочкую } Пѣсня поется дважды, и одинъ разъ говорится про
Парубочкую } дѣвочкую, другой—про парубочкую.
Парубочкую }
Дѣвочка краса
Коса до пояса,
Парубочка краса
Хустына до пояса,
За шапкою кѣтка,
Въ правій руцѣ дѣвка.

(Чуб. III. 109—110).

- ⁵⁾ Мужняя жона зъ мужемъ розмовляе,

Сами родители подсказывают это дѣвцамъ. Спрашиваетъ дочь матери: гулять ли ей? Мать отвѣчаетъ: гуляй, доченька, сколько хочешь! Дважды молодою не будешь. Когда замужъ пойдешь—позабудешь, а когда постарѣешь—вспомнишь про молодость ¹⁾. Спрашиваютъ дѣвицы птицу—чижа или воробья—кому на свѣтѣ воля, и кому нѣтъ воли ²⁾, и получаютъ такой отвѣтъ: Дѣвочкамъ во всемъ воля: схвати монисто—да на рынокъ, вѣнокъ—да въ хороводъ, ленту—да на игрище ³⁾. А замужнимъ нѣтъ воли; все ихъ стережетъ ⁴⁾; и кушанье въ печи, и поросенокъ подъ лавкою, и ребенокъ въ колыбели ⁵⁾; всѣ къ ней съ требованіями ⁶⁾, а тутъ еще мужъ или свекоръ-воркунъ съ своими желаніями ⁷⁾.—Наступаетъ веселая пора игръ весеннихъ и пѣнія веснянокъ или гаивокъ, какъ этого рода пѣсни называются въ Червоной Руси. Игры и пѣсни специально посвящаются веснѣ. Все здѣсь отзывается отрочествомъ, невинностью. Любовь еще не коснулась сердца дѣвческаго, голова дѣвческая еще не заволакивалась думами. Изъ весеннихъ игръ нѣкоторыя выказываютъ въ себѣ мифологическій смыслъ, теперь уже совершенно или почти утраченный; это остатки глубокой старославянской языческой старины. Таковы: Кострубонько съ воспроизведеніемъ дѣйства погребенія мифическаго существа (Чуб. III, 77), Воротарь (Володарь), гдѣ поется о ребенкѣ, котораго подвозятъ въ золотомъ креслѣ къ дому и отдаютъ хозяйкѣ (Чуб. III, 38)—должно быть, символическое изображеніе наступающаго лѣта, Шумъ (тамъ же, 50), Бѣлоданчикъ (Голов. IV, 175), Рожа и Рожина мать (Чуб. III, 100)—игра, показывающая какъ бы на существованіе легенды, похожей на греческій мифъ о Прозерпинѣ, Пылающая ду-

Вѣдная вдова десять думокъ мае,
А дѣвичиноцѣ—на свѣтѣ не мае,—
Дѣвчина молодая до поры гуляе,
Цѣлый тыждень у вѣночку,
Прійде недѣля—въ таночку!

(Ср. Чуб. V. 487).

1) Гуляй, доненько, сколько хочь,
Двѣтъ молодою не будешь!
Якъ замужъ пойдешь—забудешь,
Якъ стара станешь—згадаешь!

2) Ой чижичку, воробейчику, скажи менѣ всю правдочку:

Кому воли, кому нема? (Максимовичъ, „Малороссійскія пѣсни“, изд. 1827 г., стр. 130).

3) А дѣвочкамъ—уса волечка,
За намистечко да на мѣстечко,
За вѣночокъ да и у таночокъ,
За стричечку да на улочку,

4) А жиночкамъ вся неволечка:

5) Що въ печи огонь горить,
На припѣчку горщокъ кипить,
Подъ порогомъ да пороса кричнть,
А въ колицѣ дитя плаче.

6) Огонь каже: „загребі мене!“
Горщокъ каже: „помѣшай мене!“
Свиня каже: „нагодуй мене!“

7) Воркунъ каже: „поцѣлуй мене!“
Дитя каже: „розговій мене!“

(Чуб. III. 59. Максимов. 131).

брова ¹⁾ (Голов. IV, 160). Другія игры прямо заимствованы изъ природы. Таковы: Ласочка (Чуб. III, 103), Коть (тамъ же, 105), Перепелка (тамъ же, 63), Коза (тамъ же, 84), Галка (тамъ же, 71), Воронъ (тамъ же, 73), Зозуля (Голов. IV, 181), Заянъка (Чуб. III, 60), Горобейко (тамъ же, 56), Козликъ (тамъ же, 89), Жукъ (Голов. IV, 157), Макъ (Чуб. III, 47), Просо (тамъ же, 65), Ленъ. Есть, наконецъ, игры, изображающія сцены изъ семейной жизни. Напримѣръ, мать собирается отдавать дочь замужъ и рекомендуетъ ей нѣсколько жениховъ, описывая при этомъ ихъ хорошія и худыя качества; отъ однихъ дочь прямо отказывается, а къ другимъ относится съ благорасположеніемъ (Голов. IV, 168, 179, 182, 183). Жельманъ, гдѣ представляется, что дѣвицу предлагаютъ отдать за одного изъ нѣсколькихъ жениховъ, называя ихъ одного за другимъ по ихъ занятіямъ (за шевца, за кравца, за коваля, за кушнера) и въ заключеніе даютъ такой отвѣтъ представляющему лицо свата, что дѣвица еще не подросла (Чуб. III, 53; Голов. IV, 183). Кривой Танецъ, гдѣ представляется, что дѣвицы рекомендуютъ жениховъ, о которыхъ говорятъ, что они съ разными физическими недостатками (одинъ слѣпой, другой кривоногій, третій горбатый, четвертый занковатый и т. п.). Дѣвица не хочетъ выходить ни за одного изъ нихъ, наконецъ, ей предлагаютъ парубка степеннаго, работающаго, и она соглашается (Голов. IV, 168—169).

Въ это время дѣвицы подтруниваютъ надъ молодцами. Есть цѣлый рядъ пѣсень, гдѣ парубки изображаются въ видѣ смѣшномъ или униженномъ въ сравненіи съ дѣвицами. Напримѣръ, парубковъ гонять возить навозъ, а дѣвицъ къ нарядамъ парубковъ молотить, а дѣвицъ ѣсть хлѣбъ; парубковъ рубить лѣсъ, а дѣвицъ на площадь гулять ²⁾. Сопоставляется краса дѣвическая съ парубочкою и первая сравнивается съ лѣтнею, а послѣдняя съ зимнею розою ³⁾; дѣвицы представляются одѣтыми въ хорошій нарядъ, а парубки въ отрешныхъ ⁴⁾. Приглашаются парубки ѣсть мякину вмѣстѣ съ свиньями ⁵⁾ или

¹⁾ Вариантъ, слышанный мною на Воляни:

Ишла дѣвочка черезъ дворъ, черезъ дворъ,
На ѣй суконька въ девять полей, въ девять полей,
Стала суконька сляти,
Стала дуброва палати.

²⁾ А вы, парубоньки, до гною,

А вы, наняноньки, до строю;

А вы, парубоньки, до цѣна,

А вы, наняноньки, до хлѣба;

А вы, парубоньки, до лѣса рубати,

А вы, наняноньки, до мѣста гуляти!

(Голов. II, 183—184).

³⁾ Та дѣвочькая краса

Якъ лѣтняя роса,

Парубочькая краса

Якъ зимняя роса.

• (Чуб. III, 31).

⁴⁾ На дѣвочкахъ добре плацты,

А на парубочкахъ усе шматьты.

То мѣхъ, то рядина,

То драна кожушина.

⁵⁾ Чась, вамъ, дѣвочки, до дому,

приготовленныхъ для нихъ лягушекъ; рассказываетъ, какъ парубки блудили многіе годы въ хатѣ за печью и на припечкѣ, наконецъ заблудились до угольнаго оконца и просили хлѣба у дѣвиць ¹⁾,—какъ ѣздили на охоту и затравили комара, а потомъ дѣлили между собою эту добычу ²⁾. Чуждою такихъ веселыхъ юношескихъ игръ представляется въ пѣснѣ дѣвица-сиротка. Она, бѣднаяжка, беретъ ленъ и, припадая къ сырой землѣ, умоляетъ принять ее къ себѣ, какъ уже приняла отца и мать ³⁾, или съ такою же мыслью о скорой смерти своей обращается къ Богу ⁴⁾, или наконецъ, пришедши къ родительской могилѣ, проситъ отца встать и дать ей добрый совѣтъ, но отецъ изъ могилы отвѣчаетъ, что не пускаютъ подняться дубовыя гробовыя доски, притиснувшія ему руки ⁵⁾. Кромѣ сироты, еще существо дѣвическое чуждо бываетъ забавъ: это—дѣва, не успѣвшая выйти замужъ и уже начинающая увядать. Ей не досталась добрая доля. Другія дѣвки расхватили добрыя доли, а ее, видно, мать не разбудила въ-время, она опоздала и ее встрѣтила доля лихая и проходитъ напрасно ея лѣта какъ маковъ цвѣтъ, чтѣ днемъ поцвѣтаетъ, а къ ночи она-даетъ ⁶⁾. Не гуляла она у родителей, не пришлось ей быть замужемъ. Не по-

Мѣшати свинямъ полову.

А вы, хлопцѣ, за нами
Ѣйте полову зъ свинями.

- ¹⁾ Блудили хлопьята, блудили
Сѣмъ лѣтъ да по залѣчку.
А чотыри да по припѣчку.
Приблудились до польного вокна
Дѣвчаточки, голубочки!
Дайте хлѣба хочъ скирочку.

- ²⁾ Поѣхали на ловы
Да вловили комари,
Стали его дѣлити:
Сему-тому по стегну,
А Ивасю тулупецъ,
А Василю голова,
Що великій безъ ума, и пр.

- ³⁾ Земля-жъ моя, земля сыренькая,
Мати-жъ моя ридненькая,
Приняла-жъ ты отца й неньку
Прійми й мене молоденьку.

(Чуб. V. 359).

- ⁴⁾ Ой, Боже, взявъ есь витця и матенку,
Возьми и мене бѣдную сиритку!

(Голов. I. 295).

- ⁵⁾ Ой радѣ бы я встати, тобѣ правду сказати,
Ой сырая земля а все тѣло приняла;
Дубовыи дощечки притиснули рученьки.

(Чуб. V. 324).

- ⁶⁾ Чужи дивки рано встали,
Счастьи-долю розобрали,
Да моя матка, що ты учинила,
Чому рано не збудила?
Я молода, спизнилася,
Лиха доля зустрися:
Прошли лѣта, якъ маковъ цвѣть,
Що въ день цвите, въ ночи пада.

(Чуб. V. 360).

чемъ вспомнить протекшіе годы ¹⁾. Видитъ она, какъ чужой человѣкъ пашеть, а его подруга помогаетъ ему, и заплачетъ она, потому что ей не дано жить въ парѣ. Въ церковь ли войдетъ она, въ корчму ли пойдетъ—вездѣ людей много, все для нея—чужіе, а милого друга нѣтъ у ней ²⁾. Люди не знаютъ, какъ она заливаема слезами, и даже думаютъ, что она счастлива. Уже половина лѣтъ ея исходитъ, а ей все нѣтъ счастья: не съ кѣмъ ни пить, ни ѣсть, не съ кѣмъ гулять; все только дума за думою идутъ объ одномъ и томъ же, какъ ей на свѣтѣ жить ³⁾. Такая увядшая красота, само собою разумѣется, не причастна дѣвическимъ забавамъ; впрочемъ, и то сказать надобно, что такихъ женскихъ личностей въ сельскомъ быту встрѣчается рѣдко, такъ какъ въ этомъ быту почти всѣ соединяются бракомъ въ молодости.

Кромѣ сироты—безродной и устарѣвшей дѣвки, всѣ родительскія дочери дѣвицы спѣшаютъ участвовать въ великомъ всеобщемъ праздникѣ природы. Съ весеннимъ временемъ начинаются вечернія и ночныя сборища молодежи обоого пола, называемыя «улицами». Участники въ нихъ—парубки и дѣвчата—носятъ собирательное названіе челядь, встарину корогодъ или хороводъ, — названіе и до сихъ поръ еще не вездѣ и не совсѣмъ испарившееся изъ народной поэзіи.

Въ древности несомнѣнно существовали священные обряды составленія такихъ хороводовъ: на это указываютъ сохранившіяся до сихъ поръ пѣсни съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ приемовъ, показывающихся остатками какихъ-то дѣйствъ. Такова пѣсня: А мы просо сѣяли, сѣяли! съ припѣвомъ: «Ой дѣду-ладо! Пѣсня эта употребительна и у малоруссовъ, и у великоруссовъ и одинакова почти дословно. Смыслъ ея таковъ: образуются двѣ группы, одна противъ другой. Одна сторона грозитъ выпустить коней и потоптать посѣянное другою просо. Другая угрожаетъ захватить коней. Первая хочетъ выкупить ихъ и обѣщаетъ сначала сто рублей, потомъ тысячу, на придачу бабу, потомъ молодца; отъ всего другая сторона отказывается, наконецъ, предлагаютъ дѣвицу, и дѣвица принимается ⁴⁾. Другая подобная весенняя пѣсня представляетъ хороводъ

¹⁾ Отца-матки не знала, а мужа не маю,
По чимъ же васъ, лѣта мои, споминати маю!
Лѣта мои молодни, жаль мени за вами,
Що я васъ не вгуляла у ридной мамы.

(Чуб. V. 488—489).

²⁾ Ажъ тамъ оре милый плугомъ,
Чужа мила помогае,
Мое сердце омлѣвае.
Ой винъ оре, а я плачу,
Лѣта свои марну трачу,
А въ церковцѣ людей много:
Нема мени миленького!
А въ корчомцѣ людей бильше:
Мому сердцю жаль ще гиршій.

(Ibid. 492).

³⁾ Кажуть люди щомъ счастлива, и съ того тѣшуся,
Най не знаютъ, якъ я не разъ слезами залюся.
Половина литъ минае, я счастья не маю.
Нѣ съ кимъ ѣсти, нѣ съ кимъ пити, нѣ съ кимъ погуляти.
А йде думка за думкою, якъ на свѣтѣ жити. (Чуб. V. 360—361).

⁴⁾ Намъ дѣвицѣ надобно.

(Ср. Чуб. III. 67. Голов. Мелл. 296).

дѣвицѣ въ видѣ войска, порывающагося на войну. Ихъ не пускаютъ, не допуская ломать мосты ¹⁾, предлагаютъ за пропускъ деньги, наконецъ, дѣвицу—и на этомъ состоитъ сдѣлка ²⁾. Эти пѣсни съ остатками дѣйства хотя и сохранились, но прежній смыслъ ихъ уже утраченъ. «Улица» въ наше время складывается сама собою изъ произвольно набравшейся челяди изъ односельчанъ. «Что ты улица не зелена?» спрашивается въ одной пѣснѣ.—Какъ мнѣ зеленою быть—отвѣчаетъ улица:—меня дѣвицы топчутъ желтыми сапожками, золотыми подковками, а молодцы своєю неуклюжею обувью! ³⁾.—Вотъ открывается роскошное весеннее торжество, брачное пиршество природы: разливаются на всѣ стороны воды ⁴⁾, кукуетъ кукушечка, чуя наступленіе лѣта ⁵⁾, щебечетъ соловей въ развивающихся садахъ ⁶⁾, играетъ сопѣлка, скликая молодежь на игрище ⁷⁾, приглашаются дѣвицы гулять, потому что зазеленѣли травы, наступила красная весна ⁸⁾. Но тутъ уже даетъ о себѣ знать будущее, неизбежное для многихъ житейское горе. Дѣвицу отдадутъ замужъ за немидаго ей человѣка, она плачетъ, предчувствуя свою горькую судьбу ⁹⁾. Ея нелюбъ—пьяница, онъ пропѣетъ ея приданое, а когда она придетъ въ гости къ своей матушкѣ, станетъ мать ее спрашивать: гдѣ твои дорогіе кораллы? Гдѣ твои волы и коровы?—Все пошло къ шинкаркамъ ¹⁰⁾.

Неизвѣстность неизбежнаго брака тревожить дѣвическое сердце. Дѣвица боится, какъ бы съ нею не было того, что она уже видѣла съ другими. Ее беспокоитъ незнаніе, за кого-то ее отдадутъ родители. Вотъ она плететъ себѣ

1) „Пустьте насъ, пустьте насъ сей свѣтъ воювати!“

— Не пустимо, не пустимо мосты воламати. (Голов. II. 191).

Или:

„Пустьте насъ, пустьте насъ до Угорської земли!“

— Не пустимо, не пустимо, поламати мосты! (Голов. IV. 178).

2) „Заплатимо, заплатимо тымъ бытымъ талярюмъ“.

— Не хочемо, не хочемо тыхъ бытыхъ таляривъ.

— Но хочемо, но хочемо хорошой пани,

— Въ зеленѣмъ барвѣночку

— Въ рутянѣмъ вѣночку. (Голов. IV. 179, ср. Чуб. III. 43).

3) Якъ мени зеленою бути,

Коли мене дѣвчата зтопчатъ

Жовтими чобитками, золотими подковками.

Якъ мени зеленою бути,

Коли мене парубки зтопчатъ

Постолами-постолицами, волоками-волочищами. (Чуб. III. 158).

4) Розлилися воды на чотыри броды. (Чуб. III. 142).

5) Зозуленька куде, бо лѣтечко чуде. (Ibid. 143).

6) Соловейко щебече—садки розвивае. (Ibid.)

7) Сопилочка грае въ улицю скликае. (Ibid.)

8) Гей дѣвки! Весна красна! Зѣлля зелененьке. (Ibid.)

9) Дѣвчинонька плаче за нелюба идучи,

Гей мати лихо знати—за нелюбомъ жити!

(Ibid.)

10) „Дежъ твои, доню, дороги коралы?“

Въ шинкарки въ Парани.

„А дежъ твои, доню, волы та коровы?“

Гей мати, лихо знати—въ шинкаря въ обори.

(Чуб. III. 144).

вѣнокъ изъ барвинка, повѣсила его на золотомъ колкѣ и говорить къ нему: еслибъ она знала, что пойдетъ за милаго, то сплела бы лучше, а если за немилаго—она бы заранѣ порвала и потоптала его ¹⁾. Между весенними пѣснями можно отмѣтить пѣлый отдѣлъ такихъ пѣсенъ, гдѣ дѣвушка мечтаетъ, какъ ей будетъ нехорошо, когда ее отдадутъ замужъ въ чужой домъ, межъ чужихъ людей; она ожидаетъ худого себѣ особенно отъ будущей свекрови. Эти пѣсни есть выраженіе того состоянія, когда дѣвица еще не познакомилась съ любовнымъ чувствомъ, отодвигающимъ на задній планъ всякія подобныя опасенія. Но пока сердце дѣвицы еще свободно отъ любви, на нее кладеть отпечатокъ подмѣченное съ самыхъ дѣтскихъ лѣтъ... Теперь она у родителей, какъ калина красная, а когда будетъ замужемъ, станетъ какъ береза бѣлая ²⁾. Теперь у нея всего изобильно, а тогда отрѣжетъ ей свекоръ хлѣба тонкій кусокъ, не съѣстъ она его въ хатѣ, а съѣстъ за дверьми, обливши слезами ³⁾.

Въ другой веснянкѣ дѣвица воображаетъ себѣ, какъ ее отдадутъ въ многочисленную семью и тамъ стануть помыкать ею, заставляя исполнять разныя домашнія работы ⁴⁾. Она все сдѣлаетъ, потомъ подойдетъ къ окну и услышитъ, какъ мужу ся стануть говорить: зачѣмъ ты не бьешь своей жены? Зачѣмъ не караешь ее? А мужъ отвѣтитъ такъ: нельзя бить ее, когда надобно съ нею жить! Если она сонлива—разбужайте ее. Если она лѣнива—научайте ее ⁵⁾. Болѣе всего боится дѣвическое воображеніе свекрови, и въ народной поэзіи есть пѣлая группа веснянокъ, гдѣ выражается опасеніе дѣвицы испытывать непрятности отъ будущей свекрови. Въ одной повсемѣстно распространенной пѣснѣ дѣвица обращается къ дубровной кукушечкѣ, проситъ не будить

1) Ой вѣнку мій вѣнку, хрещатый барвинку,
Якъ тебе звила вчора зъ вечора,
Дай повѣсила въ теремѣ да на деревѣ,
На шовковимъ шнурку, на золотимъ килку.
Ой якъ бы жъ я знала, що за милымъ буду,
Я бъ ще красчій звила!
Ой якъ бы жъ я знала що за нелюбомъ буду—
Я бъ его порвала руками,
Потоптала ногами.

2) Я у батька була червона калина,
Якъ до свекра пішла—бѣлая береза. (Чуб. III. 121).

3) Вкройивъ свекоръ лусту, якъ кленоваго листу.
Чи звѣси, невѣстко? Не звѣмъ я у хати,
Та звѣмъ за дверима.
Не звѣмъ я сухого—обилью слизами. (Чуб. III. 121).

4) Мене замужъ отдала, а въ великую семью.
Семья саде вечерити, я по воду пойду. (Ibid. 156).

5) Покиль воду прицесла, той вечера одійшла.
Я ложки номью, бѣлу постель постелю,
Сама спати пішла, видъ виконце підійшла.
Ой щось мени говорють, мене молоду судать
„Чомъ ты ѣи не бьешь, чомъ не караешь?“
— Ой якъ же менѣ ѣи бить, коли треба зъ нею жить?
— Коли вона сонливая—то збудите ѣи,
— Коли вона лѣнивая—научите ѣи. (Чуб. III. 156)

ее рано, когда она спитъ въ родительскомъ гнѣздѣ. Придетъ время, стануть будить ее еще раньше; свекровь не родная мать, станеть укорять ее за лѣнь и долгое спанье, упрекая тѣмъ, что она въ семьѣ своего мужа не трудящаяся, не скопидомка ¹⁾). Во всякомъ случаѣ, еслибъ ее не ожидали упреки и непріятности суроваго обращенія отъ свекрови, свекра и всей мужниной родни, все-таки минулось тогда для нея прежнее время дѣвичьяго гулянья: дитя малое не пустить ее ²⁾).

Но какъ бы ни беспокоила своего воображенія дѣвица пугливыми образами ожидающихъ ее непріятностей въ замужествѣ, а прирожденная потребность любви беретъ свое. «То мнѣ печаль»—говоритъ дѣвица,—«что я молода, а у меня мѣлаго друга нѣтъ ³⁾». Вонъ, видитъ она, играютъ въ рѣкѣ рыбы—у каждой своя пара, а у меня только пара черныхъ глазъ и черныхъ бровей» ⁴⁾). Томительно дѣйствуетъ на дѣвицу видъ постели, на которой ей надобно спать. Бѣла постель, нѣма стѣна, у которой постель поставлена. «О, сжался, Боже,—воскликаетъ дѣвица,—сжался надо мною, милосердый, вѣдь я молоденькая! Дала бы я свою бѣлую руку, да не знаю кому дать ее» ⁵⁾). Боятся она, чтобъ не отдали ее за вдовца: онъ вспомнить прежнюю жену и станеть съ нею сурово обращаться ⁶⁾). Не хочеть выходить она за старого, хо-

1) Ой дибривно да зозуленько, да не куй рано у диброви,

Не збуди мене да молодон,
Избудить мене да ранійй тебе...

У мене свекруха не матонька:
„Уставай невестко, неробитниця,
Та свому роду не кукибниця.

Уже свињи да й у долини,
Молода невестка спить у перниц;
Уже вивци на кругій гирци—

Молода невестка спить у комирици“.

(Чуб. III. 145—146).

2) Мѣсяць надъ водою, дѣвки на улицѣ,

А я молода крозь тинь выглядаю.

Свекорко батенько! Пусти на улицу.

Хочь свекорко пустить, свекруха не пустить,

Хочь свекруха пустить, дѣверко не пустить,

Хочь дѣверко пустить, зовици не пустить,

Хочь зовици пустить, милый не пустить,

Хочь милый пустить, дитя не пустить

3) Една туга—сама молодая,

Друга туга—милого не маю!

4) Шука рыба въ морѣ гуляе до волѣ,

Шука рыба грае, собѣ пару мае,

А я стою да думаю, що пары не маю.

Тильки менѣ пары, що оченья кары,

Тилька всеи любви, що чорнии брови.

5) Постѣлька бѣленька, а стѣна нѣменька—

Сжался, сжался, милый Боже, що я молоденька!

Постѣлька бѣленька, да все не по тому,

Дала бъ же я бѣлу ручку, да не знаю кому!

6) Ой не пійду за вдивця, буде менѣ лихо!

четь за молодого ¹⁾). Не хочеть за рыжаго, а хочеть за черноволосаго ²⁾).

Если сильно волнуется сердце у дѣвицы, то еще сильнѣе волнуется оно у молодца. Онъ чувствуетъ грусть одиночества ³⁾, отгадываетъ, чего ему нужно, и просить Бога послать ему въ подруги жизни хорошую дѣвицу ⁴⁾. Всего у него вдоволь, и въ хатѣ, и въ комнатѣ полно всякой благодати: богатые образы, размалеванныя стѣны, куда ни глянетъ, все у него такъ, какъ слѣдуетъ быть, недостаетъ только подруги. Слышимое дѣвическое пѣніе нагоняетъ на него тоску ⁵⁾. Гдѣ она, эта невѣдомая его суженая? Онъ пошлетъ на всѣ стороны пословъ искать, гдѣ живетъ она ⁶⁾. Пусть летятъ ласточки и галки въ чужую сторону, пусть прилетятъ къ нему и принесутъ вѣсть о ней ⁷⁾. Тогда и онъ осѣдлаетъ коня, поѣдетъ на край Дуная, найдетъ ту, которая ему по сердцу, и скажетъ ей — добрый день, а она дастъ ему свою руку ⁸⁾. Вотъ

А вдовецъ не молодець всѣ норовы знаѣ,
И згадае першу жинку — нагайкою вкрае.

Или:

За удивцемъ хлѣбъ готовый, сердце засмучено,
За удивцемъ хлѣбъ готовый, лишень бы го ѣсти,
Передъ бы ся наплакати, нижъ до него сѣсти. (Голов. II. 391).

¹⁾ Ой не ходи, старый, коло мой хаты,
Ой не тончи, старый, кудрявой мяты,
Я того старого одъ роду не любила,
По его слѣдочку каменемъ покотила.
Ой походи, молоденькій, коло моеи хаты,
Ой потончи, молоденькій, кудрявой мяты,
Я того да молодого одъ роду да полюбила,
По его слѣдочку перстникомъ да покотила. (Чуб. III. 141).

²⁾ Мати моя хорошая, мати моя мила,
Не дай мене за рудого, бо я чернобрива.
У рудого грошей много, буде мене бити;
Я безъ того чорнявого не могу прожити.

³⁾ Жаль серцю моему такъ жити самому.

⁴⁾ Боже зъ неба високого!
Глянь на мене молодого;
Дай мѣ що я въ тебе прошу:
Дай мѣ дѣвчину хорошу.

⁵⁾ А въ тій хати и кимнатѣ усяком благодати:
Боги въ мене дорогіи, малеваны стины,
Куды не глянь — все якъ треба, да нема дружины.
У дибровѣ зелененькій дивчина спивае;
Вона жъ мени молодому тугу наганяе. (Чуб. V. 22).

⁶⁾ На всѣ свѣта стороньки пошло послоньки,
Где вона живе, где проживае?
Нехай буду знати, где ѣи шукаѣ!

⁷⁾ Пошлю жъ бо я ластивочку на чужую стороночку.
Нехай пролітають, дружины шукають. (Чуб. V. 35).

⁸⁾ Самъ я коня осидлаю, ноѣду край Дуная,
Буду проѣзжати, дружины шукаѣ,
Пріѣзжаю край Дуная, на день-добрій милій даю,
Милая витае, билу ручку дае. (Чуб. V. 35).

прилетаетъ къ нему галка и приноситъ вѣсть: его суженая сидитъ гдѣ-то на берегу моря, умывается морскою водою, утирается своею русою косою ¹⁾. Въ какой очарованный мiръ заноситъ молодца воображеніе! Какой огонь пылаетъ у него въ сердцѣ! ²⁾. Не знаетъ онъ, какая судьба ожидаетъ его въ грядущемъ, проситъ рыбаковъ закинуть въ море сѣть и поймать его долю. Рыбаки исполнили его желаніе, но вытащили не его долю, а рыбу. Онъ видитъ, что рыба живетъ въ парѣ, а у него нѣтъ пары, и становится ему еще досаднѣе ³⁾.

Что ему въ красотѣ его, когда онъ не можетъ жениться! Лучше ему броситься въ воду и утопиться ⁴⁾. Но тутъ воображенію его представляется образъ дѣвицы, которая удерживаетъ его отъ самоубійства и обѣщаетъ ему любовь свою ⁵⁾. Въ темную ночь не спится молодцу: ему все мерещится будущая подруга ⁶⁾. Онъ бѣжитъ въ рошу. Онъ проситъ у нея совѣта: жениться ли ему и какую подругу взять себѣ. Онъ перебираетъ всякихъ: богатую бы взять — такъ не захочетъ трудиться, умную взять — станеть умничать, глупую возьму — съ нею будетъ горе, стануть судить люди и не будетъ намъ житья ⁷⁾. Роди-

¹⁾ Галочко моя, галочка чорненька!

Ты скажи, галочко, где моя миленька?

А твои миленька въ лузѣ надъ водою,

Умывается морскою водою,

Утирается русою косою.

²⁾ Ой чи не найдеться такого чоловічка,

Щобъ розрѣзавъ парубкови бѣлыи груди!

Поглядѣвъ бы подивився на свое серденько,

Якъ изъ жару сердце молодецьке розогрѣлось,

Якъ изъ поломья воно сердце молодецьке розгорѣлось.

³⁾ Хлопци рыболопци, удали молодци!

Вы закиньте сѣтку черезъ сине море,

Та вытягнись долю мени молодому!

Не вытягли доли, та вытягли рыбу,

Рыба щука грае, соби пару мае,

Мени молодому пароньки не мае.

(Чуб. V. 28).

⁴⁾ Чорны брови маю тай не оженюся,

Пійду до рѣченьки зъ, жалю утоплюся.

(Ibid.)

⁵⁾ Не топись, козаче, не тописа, орле!

Хто жъ мене дивчину сей вечеръ пригорне!

(Чуб. V. 28).

Или:

Не тописа, мильй, марне душу згубишь,

Ой ходимо звинчаймося, коли вирно любишь.

(Чуб. V. 357).

⁶⁾ Темна ничка невеличка, и чого-сь не спиться,

Чого съ моя головонька та й морочиться.

Треба мени, моя мати, оженитися,

Перестане головонька морочиться.

(Чуб. V. 31).

⁷⁾ Порадь мене, гаю, що маю робити.

Чи мени жениться, чи такъ волочиться?

Порадь мене, гаю, яку милу брати!

Узявъ бы багату — не схоче робити,

Узявъ бы розумну — буде замышляти,

Узявъ бы дурную, горе жъ мени буде,

Судитимуть люде: намъ житья не буде!

(Чуб. V. 495 — 496).

тели посылають его косить, а онъ бросилъ косу и сталь плакать ¹⁾. На сивемъ морѣ мраморный камень, на немъ сидитъ молодецъ и наигрываетъ на сопѣлкѣ. Что мнѣ богатство: есть ли оно, нѣтъ ли его—все для меня едино, говорить онъ, а съ доброю подругою мнѣ было бы легче ²⁾. Вотъ онъ возвращается домой, кланяется въ ноги своей матери и говорить ей: еслибъ ты знала, матушка, какая мнѣ досада, ты бы меня женила, чтобы мнѣ было съ кѣмъ совѣтъ держать! Мать отвѣчаетъ ему: женись, мой сыночъ, возьми любимую свою и цѣлуй ее да милуй какъ голубку ³⁾. Мать не совѣтуетъ сыну жениться на вдовѣ ⁴⁾, а совѣтуетъ взять себѣ въ жену сироту ⁵⁾. По нравственному народному возрѣнью, при бракѣ не должно рассчитывать на богатство. Погибель постигнетъ того,—говоритъ пѣсня,—кто ищетъ въ имуществѣ сердца ⁶⁾. Жена станетъ говорить ему: ты убогъ, а я богата, моя хата, моя правда! Бѣднякъ станетъ проклинять себя за то, что изъ-за денегъ нажилъ себѣ хлопотъ ⁷⁾. Вотъ я, говорить кто-то въ поученіе молодежи взялъ себѣ жену убогую, но живу съ нею, слава Богу, и милъ мнѣ кусокъ хлѣба, заработанный ея руками. Въ погоду ли, въ непогоду—иду съ нею на работу, и въ полѣ мило мнѣ съ нею трудиться ⁸⁾. Если дѣвица, въ чаяніи будущаго брака, пугается неприятностей, которыя могутъ ее ожидать въ новой жизни, то и молодецъ также

¹⁾ Яжъ думала, мій сыночку, що будешъ косити,

Ажъ ты косу приклавъ до покосу да й ставъ голосити. (Чуб. V. 32).

²⁾ На сивѣму морѣ стоить камень мрамуровый;

На нимъ сидитъ хлопецъ чорнобровый,

Сидитъ собі та й въ сопилочку грає,

Гирко ему на серденьку, що дружини не має.

А що мени по худоби, а вже буде чи не буде,

Съ хорошою дружиною легче буде.

(Чуб. V. 31).

³⁾ Ой коли бъ ты, мати, знала, яка то досада,

То-бъ ты мене оженила, щобъ була порада.

Оженися, мій сыночку, возьми собі любку,

Цилуй ѣи, милуй ѣи якъ голубъ голубку.

(Чуб. V. 32).

⁴⁾ Не бери вдовоньки, не буде доленьки.

⁵⁾ Возьми собѣ сиритоньку, будешъ мавъ долеуку.

⁶⁾ Но погибель прійде тому,

Хто бѣду веде до дому

Въ жѣвнѣ зарибку шукає,

За маєтокъ серце має!

⁷⁾ Ты убогий, я богата,

Моя правда, моя хата.

Тильки бѣдний проклинає,

Що за гроши клопотъ має!

⁸⁾ Я собѣ взявъ жанку вбогу,

Жию съ нею хвала Богу!

Менѣ хлѣба кусокъ милый,

Що ей руки заробили.

Чи въ погоду, чи то въ слоту,

Иду съ нею на работу,

Иду въ поле съ нею жати,

Мило разомъ працювати.

(Голов. III. 383).

останавливается передъ опасеніемъ, что его жизнь съ женою станетъ для него тяжелымъ камнемъ и станетъ онъ плакать о своей судьбѣ, да не воротить разъ потерянной свободы ¹⁾. Но и молодца, какъ дѣвицу, такіе страхи не удержатъ отъ того, къ чему влечетъ всѣхъ природа и что указано человѣку самимъ Богомъ ²⁾.

Первая встрѣча молодца съ дѣвицею, то время, съ котораго завязывается между ними любовь, иногда представляется какъ бы случайнымъ событіемъ, хотя, разумѣется, въ сельскомъ быту дѣти обоого пола знаютъ другъ друга съ малыхъ лѣтъ. Вотъ изображаются двѣ горы; между ними въ долину всходитъ заря: то не заря—говоритъ пѣсня—то молодая дѣвица шла по воду. Молодецъ за нею на сѣромъ конѣ верхомъ по надъ Дунаемъ (т.-е. по берегу большой рѣки). Онъ догоняетъ дѣвицу и проситъ напоить его коня ³⁾. Дѣвица, понимая, какъ видно, символическій смыслъ такой просьбы, отказываетъ ему, потому что еще не принадлежитъ ему; она говоритъ, что ей надобно спѣшить, потому что у нея дома лежитъ больной отецъ ⁴⁾, а молодецъ научаеъ ее, какъ отговориться передъ матерью, зачѣмъ она замѣшкалась; налетѣли де гуси и взмутили воду, а она подождала, пока вода устоялась ⁵⁾. Въ пѣсняхъ стараго козацкаго быта встрѣчаются такіе образы: козакъ, ѣдучи, встрѣчаетъ дѣвицу, спрашиваетъ у нея дорогу, она ему показываетъ три дороги—въ Польшу, на Донъ и къ славному Запорожью, и отсюда завязывается между ними любовь; пѣсня кончается словами козака къ дѣвицѣ: пока живъ—тебя не забуду и по веснѣ стану тебя сватать ⁶⁾. Или—козакъ заснулъ въ степи подъ могилою; вдругъ является неизвѣстно откуда дѣвица, будитъ козака, потому что идутъ бусурманы, возъ-

¹⁾ Хлонче молодче зъ карыми очима!

На що тобѣ жѣнка, камѣнь за плечима?

Будешъ колісь долю свою проклинати,

Будешъ кулаками слезы утирати,

Вплачешъ очи, да не вернешъ долѣ...

²⁾ Видкиль Богъ небо створивъ и свѣти повстали,

Богъ написавъ на камѣнѣ, що бы ся кохали.

³⁾ И видтиль гора, и видсиль гора;

Помижъ тими крутими горами сходила ясная зоря;

Я-жь думавъ що зоря зійшла,

Ажь то моя дивчинонька по водицю йшла.

А я за нею, якъ за зорею,

Чистымъ полемъ, сивымъ конемъ по надъ Дунаемъ.

Давчино-жь моя, найй мого коня

Зъ рубленою та криниченьки, зъ повного ведра.

(Чуб. V. 120).

⁴⁾ Пусти мене молодую:

Въ мене батько слабый лежить,

Холодною води бажить.

⁵⁾ Надлетѣли гуси зъ броду,

Сколотили зъ пѣскомъ воду,

А я стала, постояла,

Нимъ ся вода устояла.

(Чуб. V. 138).

⁶⁾ Якъ живъ буду, то я тебе не забуду,

И на весни сватать буду.

(Чуб. V. 113).

мутъ у него коня, а его изрубятъ. Дѣвица прибавляетъ, что конь можетъ быть и другой, а если козака убьютъ, то ей жаль станетъ ¹⁾.

Изъ быта болѣе-поздняго встрѣчаемъ въ пѣсняхъ такіе образы: ходила дѣвица по грибы и заблудила въ лѣсной чащѣ. Тамъ встрѣчаетъ она молодца, котораго принимаетъ за лѣсничаго, и проситъ вывести ее на дорогу ²⁾. Молодецъ говоритъ, что его слѣдуетъ назвать не лѣсничимъ, а своимъ «серденькомъ» ³⁾. Или—молодецъ пасъ козъ и, заснувши, потерялъ козу; онъ сталъ искать ее и наткнулся на спящую дѣвицу; онъ не будилъ ее, а сталъ цѣловать ее сонную, пока она не проснулась, не начала кричать, браниться, а онъ таки нацѣловался вдоволь ⁴⁾. Въ распространенной повсюду пѣснѣ первое сближеніе изображено такъ: дѣвица пахла и не умѣла кричать на воловъ ⁵⁾, а потому пригласила молодца, по однимъ вариантамъ—погонять воловъ ⁶⁾, по другимъ—играть на дудочкѣ ⁷⁾, а тотъ, исполняя свою обязанность, сталъ въ то же время моргать, неизвѣстно на что: на воловъ ли и коровъ или на бѣлое лицо и черныя брови дѣвицы ⁸⁾. Въ другой пѣснѣ, безъ всякихъ предварительныхъ чертъ, изображается, что дѣвица въ полѣ жала хлѣбъ, мимо пробѣхалъ молодецъ и сказалъ ей: здравствуй, жница, а она отвѣчала: здравствуй, душа моя! И съ той поры всѣ узнали, что дѣвица козака назвала такимъ нѣжнымъ словомъ ⁹⁾.

¹⁾ Коня возьмутъ, кинь другій буде,
Тебе зарубаютъ—другого не буде,
Мене жаль буде. (Ср. Малор. и Червонорусск. народн. думы и пѣсни,
изд. 1836. 123 и Чуб. V. 19).

²⁾ Ой гайдаю, гайдаю, выведе мене зъ гаю!
Бо справдѣ дороги не знаю!

³⁾ Коли-бъ же ты дороги не знала,
То ты-бъ мене гайдаемъ не звала,
То ты-бъ мене серденькомъ назвала. (Малор. и Черв. думы и пѣсни. 81).

⁴⁾ Бѣгаю по лѣсѣ, собою нуджу.
Щось лежить пидь садомъ зъ далека виджу,
Обачу и зъ близка дивчину спячу,
Не смѣю збудити, тильки не плачу,
И стисну дивчинѣ бѣли ручоньки,
Оглянешься, отворить чорни очоньки,
Кричала, заяла, я не лякався,
Най же мѣ, оченька, нацѣловался. (Голов. III. 343).

⁵⁾ Тамъ орала дивчинонька воликомъ чорненькимъ,
Орала, орала, не вмѣла гукати.

⁶⁾ Да наняла козаченька воливъ поганяти.

⁷⁾ Да наняла дударика у дудочку грати.

⁸⁾ Дударикъ играе, бровами моргае,
Врагъ жѣ ёго батька знае, на що винъ моргае:
Чи на мои волю, а чи на коровы,
Чи на мое лице бѣле да на чорнѣ брови.

⁹⁾ Бѣхавъ козакъ дорогою: помогай Бигъ женце!
Вона ему видповѣла: бувай здоровъ, серце!
А вже тая слава по всѣмъ свѣтѣ стала,
Що дѣвчина козаченька серденькомъ назвала. (Ср. Малор. и Черв. думы и пѣсни. 120).

Но прямѣе, естественнѣе и чаще первая встрѣча любви бываетъ на улицахъ. Такія сходбища на тотъ конецъ и составились въ сельскомъ быту, чтобъ молодые люди обонихъ половъ сходились между собой и приготавливали себя къ супружеству. Не даромъ въ весеннихъ пѣсняхъ молодцы, участвующіе на улицѣ или въ хороводѣ, символически представляются въ образѣ мѣсяцевъ ¹⁾, а дѣвицы въ образѣ звѣздочекъ ²⁾ и каждому мѣсяцу ³⁾ и звѣздочкѣ ⁴⁾ придаются имена, какія носятъ молодцы и дѣвицы. Собирается улица гдѣ-нибудь на выгонѣ, близъ села въ долинѣ или на холму; туда изъ родительскихъ домовъ выступаютъ дѣвицы гулять, словно лебеди на тихомъ Дунаѣ, и пускаютъ голоса, чтобъ ихъ услышали тѣ, кому это нужно. Весело дѣвицѣ на улицѣ, а ея сердце порывается туда, гдѣ тотъ, которому она полюбилась ⁵⁾. Вотъ на такую-то улицу сталъ учазать молодець, и всѣ стали замѣчать, что онъ чего-то вздыхаетъ, догадываются, что онъ уже полюбилъ ⁶⁾. Не можетъ онъ насмотрѣться и налюбоваться на нее, когда пойдетъ она въ танецъ подъ звуки скрипки, и кажется ему—благоухаетъ она розою ⁷⁾. И дѣвица, которой онъ полюбился, втайнѣ говоритъ, что нѣтъ на той улицѣ, куда она ходитъ, красивѣе молодца, какъ тотъ, кого она удостоиваетъ звать нашимъ ⁸⁾. Она имъ любитесь, когда увидитъ, что онъ проѣхалъ верхомъ ⁹⁾, она ради него идетъ въ гости ¹⁰⁾. Если случится ей во снѣ увидѣть его—ей дѣлается весело, но когда, пробудившись, она пойметъ, что его нѣтъ при ней, ей станетъ грустно ¹¹⁾. Гдѣ только увидитъ, что онъ

1) Три мѣсяцѣ ясныхъ, три молодцѣ красныхъ.

2) Три зирочки ясныхъ, три дѣвочки красныхъ.

3) Первый мѣсяченько—молодой (имя-рекѣ).

4) Першая зирка—молода (имя-рекѣ).

5) Ой выйду я за ворота, гуляю, гуляю,
Якъ билая лебедочка по тихимъ Дунаю.
Ой выйду я на ярочокъ та пушу голосочокъ:
Нехай мене той зачуе, що въ поле ночуе...
И се село и те село, мени не весело,
Тильки мени веселенько, де мое серденько. (Чуб. III. 166—167).

6) Молодници и дивчата стали говорити:
Що такъ часто на вулицю почавъ я ходити.
Уся челядь догадалась, чого я зитхаю,
И тепера уси знають, котру я кохаю. (Чуб. V. 25).

7) Якъ пійде пидь скрипочку то й не надивлюся...
Нема красчої дивчини, якъ моя Маруся!
Якъ пійде пидь скрипочку ще й платочкомъ махне,
Такижъ моя Маруся ажъ рожею пахне. (Чуб. V. 37).

8) На нашей на вулиці
Все купали молодці,
Ой нема, нема найкупавшого
Надъ Ивана надъ нашого. (Чуб. III. 201).

9) Ой Василю, Василю, любая дитино!
Якъ ты їдешъ сивимъ конемъ, дивитися мило.

10) Ой Василю, Василечку, хорошій стане,
Съ кимъ я въ гости пійду, якъ тебе не стане! (Чуб. V. 14).

11) Ой я сплю, милый снится,
Душа-жъ моя веселиться,

идеть, ей показывается, что солнышко всходить ¹⁾). Онъ, съ своей стороны, полюбивши дѣвицу, воображаетъ себѣ, какъ бы онъ ее ласкалъ, берегъ и баловалъ, если бы она стала его подругою ²⁾).

Цѣлую ночь гуляетъ на улицѣ челядь и расходится уже свѣтомъ ³⁾, когда проснутся работающіе люди и въ селѣ начнется доеніе коровъ ⁴⁾. Молодецъ, залюбезничавшись съ дѣвицею, не въ силахъ отъ нея оторваться, какъ и она отъ него ⁵⁾, пѣтухи ночные поютъ одни за другими, а онъ все продолжаетъ стоять съ нею и только тогда, когда наступитъ ясный день, пожелаетъ ей доброй ночи ⁶⁾, а удалившись домой, никакъ не можетъ удалить отъ себя ночныхъ воспоминаній и самъ себя не слышитъ ⁷⁾. Пока еще онъ не успѣлъ отдать свое чувство исключительно одной, его сердце, по выраженію пѣсни, разбивается на двѣ половины. Двѣ дѣвицы разомъ ему нравятся. Одна—дальше, другая—поближе. У молодца происходитъ внутреннее бореніе, а потомъ и рѣшимость: ту, которая отъ него подальше, онъ подаритъ людямъ, а къ другой, которая поближе, пойдетъ самъ ⁸⁾. Если одна изъ этихъ дѣвицъ богата, другая убога—предпочтеніе отдается послѣдней ⁹⁾. Если же молодецъ начнетъ ухаживать за дѣвицею только ради опыта и станежъ хорохориться передъ нею, то подвергается неприятели быть разгаданнымъ, и дѣвица скажетъ ему, что коли онъ ее любитъ такъ, какъ увѣряетъ, то можетъ сватать ее ¹⁰⁾, а иначе долженъ отцѣпиться отъ нея, и

Прокинулся—ажъ не мае,

Ажъ серденько замирае.

(Чуб. V. 13).

¹⁾ Я-жь думала, що сонечко сходить,

Ажъ то милый по рыночку ходитъ.

(Чуб. V. 40).

²⁾ То-бъ я ѣи циловавъ, миловавъ,

И до печи куховарочку нанаявъ,

И самъ-бы я по водицю ходивъ,

А Одарю та за ручечку водивъ.

(Чуб. V. 34).

³⁾ Цвѣли лозы при дорозѣ синенькимъ цвѣтомъ,

Иде козакъ изъ улицѣ бѣлесенькимъ свѣтомъ...

⁴⁾ Нова церква, нова церква, а стари пороги,

Тогди козакъ видъ дивки йде якъ доить коровы.

(Чуб. V. 93).

⁵⁾ Ой якъ менѣ, козаченьку, раненько ходити

Бо якъ визмешъ за рученьку—не мусишь пустити!

Таку-жь бо я дѣвчиненьку натуроньку маю,

Якъ зйдуся изъ тобою—про все забуваю.

⁶⁾ Куроньки пють, я зъ дивчиною стою,

На день займае, на добраничъ даю.

(Чуб. V. 36).

⁷⁾ Люблю дивчину, та й трудно ѣи забути,

Прійду до дому—самъ себе не чути!

(Ibid.).

⁸⁾ Одна гора високая, а другая низька,

Одна мила далекая, а другая близька.

А я тую далекую людямъ подарю,

А до сея близьенькой самъ помандрую.

(Чуб. V. 38).

⁹⁾ Багатая губатая, та ще й къ тому пышна,

Убогая хорешая якъ у саду вишня...

Великая худоба то серденьку досада,

А хорошая дружина то сердцю одрада.

(Чуб. V. 496—497).

¹⁰⁾ Не козерись, парубоньку, и не копьяль губу;

Коли любишь такъ якъ кажешъ, то веди до шлюбу. (Чуб. III. 178).

если онъ станетъ передъ нею говорить, что радъ бы жениться, да не велеть родители ¹⁾, то она скажетъ: коли не велеть, такъ и не таскайся на нашъ край на улицу ²⁾. Она еще пригрозитъ ему, что расскажетъ о его ухаживаніи около нея всей челяди, чтобы про него сложили веснянку и приложили бы ему какое-нибудь прозвище ³⁾. Не то отрѣжетъ ему и почище ⁴⁾. Даже мать молодца станетъ корить его, если узнаетъ, что онъ ради шутки ухаживаетъ за дѣвушкою ⁵⁾. Любонныя свиданія и взаимныя нѣжности молодца и дѣвицы изображаются въ народныхъ пѣсняхъ съ усвоенными въ народной поэзіи приѣмами, часто повторяющимися, хотя и съ нѣкоторымъ разнообразіемъ. Вотъ молодецъ бродитъ около хаты, гдѣ живетъ дѣвица, и дожидается, пока у нея въ хатѣ погаснетъ свѣча и улягутся ея родители: тогда она выйдетъ къ нему ⁶⁾. Вотъ онъ стоитъ подъ окномъ, окутавшись свитою съ кашпономъ, согнулся, ожидаетъ, пока выйдетъ его Маруся ⁷⁾. Онъ проситъ выйти скорѣе, поговорить съ нимъ, пусть сойдутся они какъ мѣсяць съ звѣздою ⁸⁾. Постой, милый, говоритъ она: вотъ я матушкѣ старой изготовлю ужинать, постелю бѣлую постель, тогда выйду и развеселю тебя ⁹⁾. Вотъ она вышла, наконецъ; какъ звѣзда вечерняя освѣтила все поле, такъ она взвеселила сердце молодецкое ¹⁰⁾. Впрочемъ, трудно бываетъ матери удержать дочь, когда она искренно полюбитъ молодца. Хоть построй мать для нея особую комору, хоть запирай ее замками, хоть поставь

1) Ой радъ бы я шлюбъ узати

Та не велить мати.

(Ibid.)

2) Якъ не велить, то й не ходи

На нашъ край гуляти.

(Ibid.)

3) Ой скажу всѣмъ, щобъ про тебе

Веснянки спивали,

Що бь призвища та прикладки

Тоби прикладали!

(Чуб. III. 179.)

4) Ще я такихъ дурнивъ зъ роду не видала,

И такими дурнями тыны пидпирала.

У городъ бузина, на їй листу нема;

Не ходи, не люби, коли хисту нема!

(Чуб. V. 176.)

5) Ой грихъ, сивочку, въ недиленьку сидати

А ще гиршій грѣхъ зъ сироты ся сміяти.

(Чуб. V. 390.)

6) Ходитъ сорока коло потока тай криче! тай криче!

Ходитъ Микола коло виконця та й плаче! та й плаче!

Выйди, Наталко, вийди серденько, та й вийди! та й вийди!

Свѣчечка горить, то батенько не спить,—не вийду! не вийду!

Свѣчечка згасне, батенько засне, то й вийду! то й вийду!

(Чуб. V. 139.)

7) Чи не цей-то Микитка, що по локти свитка?

Пидъ виконцемъ зигнувся, чи не вийде Маруся.

(Чуб. V. 67.)

8) Выйди, вийди, молода дѣвчино, поговору зъ тобою

Якъ мисяць зъ зорою.

(Чуб. V. 18.)

9) Чекай, парень, годину,

Нехай свой неньи старій вечероньку зготую,

Билу постель постелю.

Тоди я, молоденька, на всю ниченьку вийду.

(Чуб. V. 18.)

10) ▲ зиронька зійшла, усе поле освітила,

А дивчина вийшла, козаченька звеселила.

(Чуб. V. 76, 134.)

она караульныхъ наблюдать за дочерью... дочь все-таки найдетъ способъ выско-
чить и проведетъ ночь съ милымъ своимъ въ вишневомъ садикѣ ¹⁾, или въ
темной рошѣ ²⁾, либо же украдетъ у матери ключи и впуститъ къ себѣ мо-
лодца ³⁾. Дѣвица блаженствуетъ съ милымъ, сравниваетъ себя съ кукушкою, а
его съ соловьемъ ⁴⁾. Дорожа своимъ счастьемъ, молодецъ допрашиваетъ ее: лю-
бить ли она его, не разлюбитъ ли? Дѣвица увѣряетъ его въ своей любви, со-
знаетъ, что у ней нѣтъ ни серебра, ни золота, ничего, кромѣ любви къ молодцу.
Молодецъ отвѣчаетъ, что ему и не нужно золота: онъ прибрѣтетъ его, а нужно
ему любимую дѣвицу ⁵⁾. Молодецъ толкуетъ ей какъ будетъ хорошо, когда она
станетъ его женою, матерью дѣтей его, слугою родителей его, а между близ-
кими сосѣдями хозяйкою ⁶⁾.

Дѣвица увѣряетъ, что ихъ никто никогда не разлучитъ, кромѣ смерти ⁷⁾.
Иногда, проникнутые мечтательностью, такъ свойственной вообще малорусской
натурѣ, они собираются разомъ умирать, чтобы ихъ вмѣстѣ положили въ одной
могилѣ и тамъ бы они вели между собою бесѣду ⁸⁾.

¹⁾ Збудуй мени, мати, комору новую,
Та замькай мене, молодую,
Комора повал, сторожа стояла,
А я молодая въ саду почувала.
Ночувала нячку въ вишневимъ садочку
А съ тобою сивый голубочку. (Чуб. V. 341).

²⁾ Ночувала другу въ темненькимъ лугу,
Я съ тобою не звинчана буду. (Ibid.).

³⁾ Вирала ключи дѣвчинюнька, мати не почувала,
Вона жъ свого миленького до себе кликнула. (Чуб. V. 136).

⁴⁾ Ой прилетивъ соловейко, щибече гарненько,
Якъ прѣйхавъ мій миленькій—гулять веселенько!
Нехай тобі зозуленька, мени соловейко,
Нехай тобі тамъ легенько, где мое серденько.
Мени буде соловейко рано щebetати,
Тобі буде зозуленька раненько кувати. (Чуб. V. 73).

⁵⁾ „Не маю я срибла, не маю злота;
„Опричь любви що къ тобі маю.
„Я всимъ убога—того не таю“.
— Не треба жъ мени злота—я и самъ придбаю,
— А треба дивчини, що я кохаю. (Чуб. V. 77).

⁶⁾ Будешъ ты мени жоною,
А моему батеньку слугою,
Моій матеньци другою,
Моимъ диткамъ маткою,
Близкимъ сусидамъ панею. (Чуб. III. 177—178).

⁷⁾ Насъ не розлучитъ матуся твою...
Хиба насъ розлучитъ сырая земля,
Насъ не розлучитъ ни пилъ, ни громада,
Хиба розлучитъ сосновая хата. (Чуб. V. 80).

⁸⁾ Якъ ты умрешъ а зъ вечора, то я умру рано,
Скажемо-ся поховати обидвое въ одну яму;
Скажемо-ся поховати вкупу головами,
Щобы була розмовонька на тимъ свити межъ нами! (Чуб. V. 78).

Влюбленные угощают друг друга лакомствами. Маруся выходит из своего дома къ возлюбленному съ орѣшками ¹⁾. Молодецъ зимою подходит къ окну своей возлюбленной съ чашею меда въ рукѣ и жалуется, что она медлитъ выходить къ нему; ей тепло расхаживать по свѣтлицѣ, а ему снѣгъ забиваетъ глаза, чаша съ медомъ отъ мороза пристаеетъ къ рукамъ ²⁾. Свиданія происходятъ обыкновенно ночью, чтобъ люди ихъ не увидали и не стали разлучать ³⁾. Дѣвица проситъ козака не подвергать ее безславію и настаиваетъ, чтобъ онъ поскорѣе ее сваталъ ⁴⁾.

Оригинальная черта въ малорусской народной жизни—жениханье, обычай, состоящій въ томъ, что молодые люди обоого пола ложатся вмѣстѣ, любезничаютъ и часто засыпаютъ во взаимныхъ объятіяхъ ⁵⁾. Это обычай старый и не разъ приводилъ онъ въ удивленіе и возбуждалъ порицаніе тѣхъ, которые его наблюдали, не будучи сами малоруссами; но всего удивительнѣе казалось всегда то, что при такомъ близкомъ обхожденіи между собою двухъ половъ, рѣдко нарушалось цѣломудріе дѣвицъ. Малорусскія дѣвицы слишкомъ берегли свою честь, потому что за потерю чести жестоко преслѣдовало общественное мнѣніе, а по свадебному чину существовали такіе обряды, которые не допускали скрыть отъ другихъ прежде содѣянный грѣхъ, который наказывался унижительными насмѣшками и поруганіями, даже и тогда, когда бы самъ новобрачный призналъ, что грѣхъ содѣявъ съ нимъ. Такія жениханья происходятъ обыкновенно лѣтомъ на улицахъ, гдѣ послѣ общаго гулянья, пѣнія, музыки и плясоеъ молодежь раскочкится парочками, улегаются гдѣ попало, иногда подъ кустами, подъ мельницами или другими сельскими постройками, а иногда просто на дорогѣ ⁶⁾. Осенью и зимою вмѣсто улицъ отправляются вечерницы или досвѣтки, такія же сборища, какъ и лѣтнія улицы, только происходящія въ хатѣ. Обыкновенно хозяйками такихъ хатъ бываютъ вдовы, преимущественно солдатки. Такая женщина пускаетъ къ себѣ въ хату молодежь: тамъ нерѣдко пьютъ вино и готовятъ ужинъ, состоящій чаще всего изъ яичницы, жареныхъ куръ и колбасъ, поютъ и пля-

1) И Маруся выходит и горішки выносить,
Чи горішки кусати, чи Марусю цилувати? (Чуб. V. 67).

2) Добре тобі, дивчино, по свитлонцѣ ходити.
Мени тяжко, на морози стоючи,
Чашу зъ медомъ держучи.
Чаша зъ медомъ до рукъ прилипає,
Черныя очи снѣгъ замигає. (Чуб. V. 18).

3) „Не ходи въ день, не смѣши людей,
Приходь у ночі при ясній свѣчи,
Що бъ на насъ люде не говорили,
Що бъ насъ зъ тобою не розлучили“. (Ibid.).

4) Сватай мене, козаченьку, та не вводи мене въ славу. (Чуб. V. 52).

5) Дай менѣ, миленькій, повечеряти,
Повечерявши да ляжемо спати,
Будемо, миленькій, правду казати.

6) Стелять, стелить молода дивчина
Билу постилъ въ дорози,
Твердо стелить, а м'ягко лежали,
Люблю зъ нею розмовляти. (Чуб. V. 110).

нутъ подъ сельскую музыку. Хозяйка хаты носить всегда названіе «досвѣтчана маты». На взаимное угощеніе участники дѣлають складчину, а хозяйка получаетъ извѣстную долю по уговору въ свою пользу за хлопоты и труды. Послѣ гулянья молодцы и дѣвицы располагаются гдѣ попало на землѣ и женихаются, лежа вмѣстѣ попарно ¹⁾). Дѣвицы на такія сборища отправляются подъ благовиднымъ предлогомъ пряхть и каждая беретъ съ собою прядево и гребень, но, само собою разумѣется, работа идетъ плохо ²⁾). Каждая выглядываетъ своего милаго ³⁾; кто кого любить — стремится къ своему предмету ⁴⁾, обнимаются, цѣлуются и наконецъ укладываются ⁵⁾. Если какой-нибудь молодецъ отвертывается отъ дѣвицы, то это знакъ, что не любитъ и презираетъ ее ⁶⁾. Вообще стараются, чтобы всѣ были парами, третьему между двухъ быть неумѣстно ⁷⁾. Не только на улицахъ и досвѣткахъ происходитъ жениханье. Въ одной пѣснѣ дѣвица впускаетъ къ себѣ возлюбленнаго тайкомъ отъ родителей ⁸⁾. Въ другой, козакъ добивается, чтобы дѣвица пустила его къ себѣ на ночь, а дѣвица сначала отговаривается, что боится утратить ласки матери ⁹⁾, потомъ соглашается съ условіемъ, чтобы молодецъ не помялъ ея руты ¹⁰⁾, т.-е. не нарушилъ цѣломудрія. Въ строго-нравственной семьѣ дѣвица приглашаетъ въ гости своего возлюбленнаго и предупреждаетъ, что можно говорить между собою только шопотомъ, чтобы мать не услышала ¹¹⁾. Такая мать не пускаетъ дочери на улицу и

1) Ой стелить моя чорнявая билу постиль для мене.
Ой стеле вона дви подушки а третю перину. (Чуб. V. 56).

2) Де ходивъ, то ходивъ, прійшовъ нидь виконце:
Сидите, прядите, дивки, волоконце.
А Оксана не пряде, на Иваса дметься,
Вона ёго вирно любить до ёго сміється! (Чуб. V. 109).

3) Яжъ думала чужій иде та стала ховаться,
Ажъ то мое серденько иде цѣловаться. (Чуб. V. 56).

4) Сядь, Грицю, коло мене, ще й нижечки пидгорни,
Я жъ тебе поцилую, а ти мене обійми.
Обійми жъ ты мене, мое серденятко,
Поцилуй же мене, якъ мати дитятко. (Чуб. V. 56).

5) Ой дѣвино, бѣдна сирото,
Не стели мени постели широко,
Постели мени постель вузеньку,
Та й пригорнися до мене близенько! (Чуб. V. 399).

6) Ой знати знати хто зъ кого книтися,
Далеко сидає, чоргомъ дивитися.

7) Ой десь стоить парочка, любая розмова,
Ой якъ третій умишається, то й потеряється,
Якъ четвертый прибуде, то все гараздъ буде. (Чуб. V. 105).

8) Ой прійди, прійди, впушу до кимнаты,
То закажу всимъ въ хати, щобъ не знала мати.
Ой якъ впускала—тяженько вдыхала,
Ой якъ выпускала—то й плакати стала. (Чуб. V. 44).

9) „Ой добры-вечоръ, дивчинонько, пусти мене на ничъ,
— Ой боюся, козаченьку, бо я сама плачу.
Ой я въ своѣй матусеньки певне ласку втрачу. (Чуб. V. 130).

10) Прошу тебе, козаченьку, не толочъ ми руты. (Голов. I. 84).

11) Прійдешъ, козаче, сей вечеръ до мене.

на досвѣтки и дѣвица говоритъ своему милому, что только тогда они будутъ неразлучны, когда повѣнчаются ¹⁾).

Но есть матери, гораздо снисходительнѣе относящіяся къ молодежи и ея увлеченіямъ. Дочь поручаетъ матери готовить ужинъ, а сама собирается спать, и говоритъ, что тотъ, кому она мила, самъ придетъ въ ея хату ²⁾). Другая мать сама научаегь дочь, какъ привлечь къ себѣ и наставляегь ее въ приемахъ любовнаго дѣла ³⁾). Однако такимъ матерямъ бываетъ награда за такіе уроки, когда придется имъ сидѣть за печью и качать внуковъ ⁴⁾).

Такія матери воспитали легкомысленный взглядъ на жизнь у дѣвицъ: жениханье съ разными молодцами попеременно не представляется предосудительнымъ. Дѣвица приглашаетъ цѣлый кружокъ молодцовъ къ себѣ на ужинъ, обѣщая притомъ и перину съ подушками ⁵⁾). Оттого въ пѣсняхъ попадаются такія черты, гдѣ дѣвица не сердится на милаго, зная, что онъ ночуетъ съ другою, лишь бы только опять къ ней обратился ⁶⁾, а также и парубокъ дозволяетъ своей возлюбленной полюбезничать съ другимъ молодцомъ, только проситъ не быть съ этимъ другимъ такъ откровенною, какъ съ нимъ ⁷⁾, а уходящій въ

Зготувала стара мати вечерю для тебе,
Якъ прійдешь до мене, сядь собі на лавци,
Та будемъ розмовляти, щобъ не чула мати. (Чуб. V. 137).

1) Ой рада бь я вийти, такъ невольенька моя,
Не пускають гулять, що я молода;
Не пускають, не велять
Изъ тобою, серденько, стоять;
Ой поможи, Боже, намъ на рушнику стати,
Тоди не розлучити ни батько, ни мати. (Чуб. V. 131).

2) Вари, мати, вечеряти, а я ляжу спати;
А хто мени любый-милий, най иде до хати. (Чуб. V. 57).

3) „Що то, моя мати, за пташокъ лѣтае?“
— Дай же ему принадочку, нехай привыкае.
„Якъ жь ёму, моя мати, принадочку дати?“
— Сынь пшеняци по колинця, водици по крыльця.
„Козакъ, мати, коло двора кругомъ обѣзжае,
„Та на мои воритечка коня навѣртае“.
— Давай, дочко, принадоньку, нехай привыкае.
„Яку жь ёму, моя мати, принаду давати?“
— Стела, дочко, білу постіль, лягай изъ нимъ спати.
— Одну ручку въ головочку, другою обняти,
— Пригорнуться до серденька дай поцилувати. (Чуб. V. 68).

4) Отъ то тобѣ, моя мамцю, за твою науку,
Сиди собі у запичку, колыхай унуку. (Чуб. V. 69).

5) Якъ любила кавалеривъ, такъ любити буде..
Тамъ дивчина кавалеривъ на вечерю просать,
Просать вона на вечерю и рыбку лининку,
На пухову подушечку, биленьку перинку. (Чуб. V. 50).

6) Десь мій мильй, чорнобривый зь иншою ночуе?
„Ночуй, ночуй, мій миленькій, да й не зазнавайся;
Ой якъ вийдешь на улицу, до мене признайся“.
(Чуб. V. 85).

7) — Пригортайся, дивчинонько, къ другому такому,
— Та не кажи теи правды, шо мени самому.

военную службу молодець предоставляет своей дѣвицѣ гулять попрежнему со всѣми, съ кѣмъ захочеть, только не съ москалями, вѣроятно потому, что тѣ, не зная малороссійскихъ обычаевъ въ ихъ внутреннемъ смыслѣ, могутъ ихъ употребить во зло ¹⁾). Впрочемъ, такія черты легкомысленнаго обращенія половъ въ народныхъ пѣсняхъ не часты; чаще представляется, что нарубки съ дѣвицами женихаются, въ надеждѣ соединиться вѣчными узами супружества. Такъ молодець говоритъ, что онъ ночевалъ съ дѣвицею, которую хочетъ посватать ²⁾, а дѣвица въ одной веснянкѣ на вопросъ козака: будетъ ли она принимать его къ себѣ на ночь, отвѣчаетъ: какъ принимала съ осени, такъ будетъ и теперь, что указываетъ на постоянство связи и на ея продолжительность.

Обычная и часто повторяющаяся черта въ малорусскихъ любовныхъ пѣсняхъ — жалобы на враговъ, разными средствами затѣвающихъ разлучить любящихся. Первыми такими врагами бывають нерѣдко родители дѣвицы. Она жалуется своему возлюбленному, что мать грозитъ ее бить за то, что она полюбила молодца, и затѣмъ проситъ козака не ходить болѣе къ ней ³⁾. Козакъ проситъ свою Катрусю выйти на крыльцо и поговорить съ нимъ, а дѣвица отвѣчаетъ, что мать не пускаетъ ее къ нему ⁴⁾.

Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ появленіе враговъ у молодыхъ людей, между которыми возникаютъ любовныя отношенія. Начинають за ними присматривать родные и близкіе съ обѣихъ сторонъ, нѣтъ недостатка и въ совѣтникахъ, которые стараются вооружить противъ ихъ союза родителей. Поднимаются также толки и слетни. Являются, кромѣ того, соперники и соперницы. Дѣвица жалуется, что за нею подглядываютъ и ей невозможно черезъ враговъ ходить на

„Ой якъ мени, козаченьку, правды не казати,
„Ой якъ стане пригоргати, то стане питати“ (Чуб. V. 73).

- 1) „А чи мени за мужъ ити, чи гуляти?
— Гуляй, молода дивчино, якъ гуляла,
Збирай челядоньку, якъ збирала,
Наймай музыченьки, якъ наймала,
Топчи черевички, якъ топтала.
Да не гуляй, молода дивчино, зъ москалями:
Москальчики — обманщики, вони обманять.
У нову комирочку запровадять,
Вони твою русую косу рострѣпають,
Вони твої билни руки поламають,
Вони твою билую постіль помарають.“ (Чуб. V. 304).

- 2) Де жъ ты, козакъ, сю нічъ ночувавъ, що й не роззувався?
— Ночувавъ я ничку, ночувавъ я й другу
— То все въ ты дивчиноньки, що сватати буду. (Чуб. V. 67).

- 3) „Дивчинонько моя мила,
За що жъ тебе мати била?“
— Ще не била, ще не била, хвалилася бити,
— Ой перестань, козаченьку, тай до мене ходити. (Чуб. V. 136).

- 4) — Катрусю, сердечко! Вийди на крылечко,
— Вийди на крылечко, промовъ хоть словечко...
„Не вийду, Иваню, мене мати лае,
„Мене мати лае, гулять не пускае.“ (Чуб. V. 135).

улицу ¹⁾). Съ своей стороны жалуется молодецъ, что враги не допускаютъ его проникнуть къ милой ²⁾). Дѣвица прячется съ своей любовью и отъ враговъ и отъ матери; зазавши молодца къ себѣ, раньше всѣхъ встаетъ, чтобы замести слѣды своего милаго и не дать врагамъ повода осуждать ихъ, а матери своей проклинать ее ³⁾). Недоброжелатели стараются между влюбленною парою посѣять раздоръ: наговариваютъ дѣвицѣ, будто ея возлюбленный полюбилъ другую дѣвушку ⁴⁾, а молодецъ отъ людей слышитъ, будто съ его дѣвицею проводить ночи кто-то иной ⁵⁾). Молодецъ и дѣвица взаимно увѣряютъ другъ друга, что все это выдумали враги, и въ раздраженіи противъ враговъ дѣвица сравниваетъ ихъ съ лающими собаками ⁶⁾, которыя, однако, ничего ей не могутъ сдѣлать, когда она выйдетъ замужъ ⁷⁾). Приходится, однако, дѣвицѣ предупреждать молодца, когда ему угрожаютъ враги ⁸⁾, а ему—ускользнуть отъ нихъ и прятаться въ траву ⁹⁾). На улицахъ поднимаются иногда между молодцами драки. Въ одной пѣснѣ парубокъ угрожаетъ, что кто прикоснется къ его дѣвицѣ, тому онъ изломаетъ руки и ноги ¹⁰⁾. Въ другой пѣснѣ двое молодцовъ ходили на вечерницы къ одной и той же дѣвушкѣ и разсудили, что лучше приказать сдѣлать гробъ и одному изъ нихъ достанется этотъ гробъ, а другому дѣвица молодая ¹¹⁾). И дѣвицѣ бываетъ не безопасно отъ враговъ: въ одной пѣснѣ молодецъ зоветъ ее

1) Затопила, закурила сырими дровами,
Нельзя выйти на улицу да й за ворогами.
А я тыи сыри дрова та й повыкидаю;
Вже вороги спать полягли, пойду погуляю.
Хоть полягли, не полягли, дакъ не будуть спати,
Вони будуть прислухаться—съ кимъ буду стояти,
Съ кимъ буду да стояти, да що говорити. (Чуб. V. 262).

2) Ой радъ бы я прійти, радъ бы я прихати,
Кругомъ тебе стоять вороженьки, да никуды обминати. (Чуб. V. 291).

3) А я встану ранесенько слиду замитати,
Що бь не знали вороженьки ще й ридная мати,
Якъ узнають вороженьки—будуть осуждати.
Якъ узнае ридна мати—буде проклинати. (Чуб. V. 128).

4) Ой я чую черезъ люди, що ты иншюю кохаешь. (Чуб. V. 125).

5) Тее я ты скажу, що видь людей чую,
Що у тебе, дивчинонько, внїшїй ноче. (Чуб. V. 127).

6) На що меня собаки тримати,
Есть въ мене сусидоньки, що вмїють брехати. (Чуб. V. 126).

7) Брешить, брешить, вороженьки, най буде Богъ зъ вами!
Я молода, пїйду за мижь—товчить головами. (Ibid.).

8) Тикай, тикай, козаченьку, хотять ты злпати. (Чуб. V. 127).

9) Козакъ молоденькїй та й того злякався,
Хильци, хильци по-пидь-плотомъ, та й въ зильля сховався. (Ibid.).

10) — Нехай моеї дивчиноньки никто не займае—
Бо хто ѣи займе, биду соби знайде:
Бо поломаю руки, ноги, до дому не зайде. (Чуб. V. 111—112).

11) Ой якъ мы будемъ до одной ходити,
Наймемо соби тесника домовину зробити.
Ой одному буде домовина новая,
А другому буде дивка молодая! (Максим, изд. 1827, стр. 114).

къ себѣ, а она отвѣчаетъ, что стоитъ врагъ и хочетъ убить ее ¹⁾. Матери, которая дозволяетъ дочери половину ночи проводить на улицѣ ²⁾, дочь говоритъ, что на нее находятъ безславіе, какъ черная туча, но она перенесетъ эту невзгоду, зная, что какъ за тучею слѣдуетъ громъ и наконецъ дождь, такъ и дѣвица не выходитъ замужъ, чтобъ не испытать клеветы и сплетенъ отъ враговъ ³⁾. Ахъ, враги, враги!—говоритъ дѣвица: сходитесь себѣ въ бесѣду, пейте, гуляйте, только не разлучайте тѣхъ, что уже сошлись въ пару, а напротивъ, сводите въ пару тѣхъ, что еще не сошлись ⁴⁾. Иногда препятствіе къ соединенію любящихъ другъ друга исходитъ отъ родни молодца; такъ въ одной пѣснѣ молодецъ говоритъ своей дѣвицѣ, что онъ радъ бы жениться на ней, но мать его не велитъ ⁵⁾, а въ другой пѣснѣ говоритъ, что сестра его отговариваетъ ⁶⁾. Чаще всего, однако, мать дѣвицы бываетъ причиною разлуки, и въ одной пѣснѣ, обращаясь къ суровой матери, которая колотитъ ее за любовь къ молодцу, дѣвица проситъ лучше повести ее къ рѣкѣ и утопить ⁷⁾. Или же грозитъ самоубійствомъ, если ее стануть отдавать насильно замужъ ⁸⁾. Преслѣдованіе влюбленныхъ доводитъ ихъ до мечтательнаго желанья смерти. Молодецъ, которому враги-сосѣди не дозволяютъ ходить къ своей милой, собирается умирать и проситъ свою дѣвицу посѣтить его могилу на берегу моря, но не махать рукою, когда его стануть класть въ гробъ, чтобъ не узнали враги, что они любили

¹⁾ — Выйди, дивчино, поговоримо зъ тобою!

„Ой якъ я маю зъ тобою говорити:

„Стоить вориженько, хоче мене забити!“

(Чуб. V. 132).

²⁾ Піють пивни, піють други, а дочки не має,

Нехай наша дочка молода трохи погуляє.

(Чуб. V. 143).

³⁾ Підъ моими воротами чорна хмара стала;

А я тую чорну хмару рукавцемъ розмаю,

Перебула поговирь, перебуду неславу.

Ой не піjde дробень дощикъ безъ хмары, безъ грому,

Ой не піjde дивка за-мижъ та безъ поговору.

(Чуб. V. 144).

⁴⁾ Прошу, вороги, на беседу къ соби,

И пійте и ѣжте и беседуйте,

Где двое стоитъ не разлучайте,

А хто безъ пары—пары шукайте.

(Чуб. V. 149).

⁵⁾ А радъ бы я тебе взяти,

Та не каже ридна мати.

(Чуб. V. 57).

⁶⁾ Не бери, брате, дивча—безъ доли зросла,

Безъ доли зросла, безъ счастья родилася,

Вона тобі, брате, дружиною не судилася.

(Чуб. V. 312).

⁷⁾ Ой не бій, мати, и не лай, мати, не роби каличеньки,

Зав'язжи очи темной ночи, тай веди до риченьки,

А якъ приведешъ ты до риченьки, розв'язжи кари очи,

Та нехай же я та й подивлюся, зъ свитомъ Божимъ попрошаюся.

(Чуб. V. 146).

⁸⁾ Ахъ волю сама собѣ смерть зробити,

Якъ въ богатствіи зъ нелюбомъ жити...

.....

Не дала-сь, мати, его любити,

Не буде твоя дочка въ свѣтѣ жити.

(Чуб. V. 259).

другъ друга и не кидать земли на гробъ его, потому что подъ землею тяжело ¹⁾.

Встрѣчается только въ одной пѣснѣ такая черта, что молодець, полюбивши дѣвицу, не рѣшается сватать ее потому, что она бѣдна, а бѣдная дѣвица съ презрѣніемъ относится къ такому искателю ея любви ²⁾. Но чаще въ пѣсняхъ молодець, сообразно усвоенному въ народѣ нравственному воззрѣнію, не думаетъ о приданомъ ³⁾ и даже съ пренебреженіемъ относится къ богатымъ дѣвицамъ, обличая ихъ въ лѣни и склонности къ нарядамъ изъ желанія прельщать мужчинъ ⁴⁾.

Въ другой пѣснѣ молодець, встрѣтивши рыжую и некрасивую дѣвицу, которая хвалится тѣмъ, что она дочь богача и чванится вывѣшеннымъ на груди червонцемъ, смѣется надъ нею ⁵⁾.

Есть черты, что бѣдная дѣвушка не хочетъ выходить за богатаго изъ-за того, чтобъ онъ впоследствии не пожалѣлъ и родители его не были недовольны такимъ союзомъ ихъ сына ⁶⁾. Въ другой пѣснѣ дѣвица бѣдная отвергаетъ руку

1) ... Сусиди близкіи, вороги тяжкіи,
Не ведать ходити, дивчины любити,
А я ѣи люблю и зъ любощивъ возьму
А въ скорости помру...

А моя могила край синѣго моря,
Прійди подивися, любая розмова,
Якъ будуть въ туну класти, не махай рукою:
Скажуть вороженьки що я живъ съ тобою!

Ой якъ будуть въ гробъ пускати, не кидай землѣю,
Бо, ты сама добре знаешь, якъ тяжко пидъ нею. (Чуб. V. 147—148).

2) — Ой коли бь ты, дивчинонько, трошки багатенька —
То взявъ бы тебе до себе до своего батенька! —

„Ой якъ бы жь я, козаченьку, трошки багатенька,
„Наплювала бь я на тебе й на твого батенька“. (Чуб. V. 115).

3) Ты думаешь, ти любляться, що багато грошей,
Я молодой я здоровый, ще къ тому й хоройшій.

Буду вставать я раненько, буду заробляти,
Ты не будешь, дивчинонько, ни въ чимъ нужды знати. (Метл. 65).

4) Засватавъ я вбогу дивку, цхай багачка плаче,

Бо багачка, вража дочка, не хоче робити;
Начиплае кораликивъ, що бь ѣи любити.

Начиплае кораликивъ на билую шию,
Люби мене ты, Семене, або ты, Василю. (Чуб. V. 113).

5) Хоть я руда и погана
Такъ мій батько багачъ.

Чорты вбили бь твого батька
Зь твоимъ багачемъ,
Твои воли выдыхають,
Ты погана зь дукачемъ.

6) Теперь ты скажешь: зиронька ясна!

А потимъ скажешь: доленька безсчастлива.
Хочь не ты скажешь, скаже твоя мати:
Було бь тоби убогой не брати.

богача и съ гордостью указываетъ, что вмѣсто всякихъ матеріальныхъ богатствъ дорожить своей дѣвической честью ¹⁾).

ГЛАВА II.

Разлука.—Тоска дѣвушки безъ молодца.—Тоска молодца въ разлукѣ съ милою.—Смерть козака при участіи дѣвицы.—Бѣгство дѣвицы съ молодцомъ.—Дѣвица въ отсутствіи милого выходитъ за другого.—Потеря дѣвической чести.—Отношенія соблазнителя къ дѣвицѣ.—Чары.—Отравы.

Разлука любящихъ другъ друга изображается въ пѣсняхъ чаще всего по поводу отъѣзда молодца въ чужую сторону. Это естественно въ тѣ времена, когда козацкая служба отвлекала здоровыхъ и молодыхъ людей къ походамъ и битвамъ. Вотъ молодецъ отправляется въ походъ. Ему не мило отрываться отъ своей мирной домашней среды; его положеніе сравнивается съ сухимъ (безлистнымъ) дубомъ, которому велятъ развиваться въ морозное утро, но козакъ пересиливаетъ себя ²⁾. Дѣвушка, которая прильнула къ нему, какъ снѣгъ въ мятель прилипаетъ къ дереву, провожаетъ его ³⁾. Она ведетъ ему и сѣдлаетъ коня, подаетъ ему стрѣлы и лукъ; даетъ ему въ воспоминаніе о себѣ бѣлый платокъ. Козакъ покроетъ имъ сѣдло, а когда платокъ займется—это будетъ ему знакомъ, что дѣвица безъ него тоскуетъ ⁴⁾. Заботясь о своемъ миломъ, дѣвица заявляетъ страхъ, что, быть можетъ, въ чужой сторонѣ постигнетъ его недугъ и некому будетъ безъ нея ухаживать за нимъ ⁵⁾. Молодецъ обнимаетъ и цѣлуетъ

¹⁾ Ой чи ты, багачу, зъ розуму зступаешъ,
Ой що ты мене за присивки питаешъ?
Въ мене присивокъ—на городи барвинокъ,
Въ мене стижочокъ—на голови виночокъ. (Чуб. V. 124).

²⁾ Розвивайся, сухой дубе, завтра морозъ буде!
Убирайся, гожій хлопче, завтра походъ буде!
Я морозу не боюся, вранцѣ розивьюся,
Я походу не боюся, заразы уберуся.

³⁾ Ой якъ тая метелица до дерева липне,
Иванъ коня наповае, а Палажка хлиине.
Иванъ коня наповае, а Палажка плаче,
Ой куды жъ ты одѣзжаешъ, сердце козаچه! (Чуб. V. 288).

⁴⁾ Ой вывела коня, взяла, привязала,
И вынесла сиделечко, взяла, осидлала,
Вынесла лучокъ и стрилочокъ пучокъ:
Отсе жъ тобѣ, мій миленькій за для билихъ ручокъ!
Вынесла хустинку, а якъ бѣль биленьку:
Отсе жъ тоби, мій миленькій, а про недиленьку!
Мени хустоньку въ рукахъ не носити,
За для славы козацькой сидельце покрыти.
А вже хустинонька тай запылилась—
Либонь мой чорнявая тай зажурилась.
Гляну на сидельце—втишу свое сердце,
Гляну на хустину—згадаю дивчину! (Чуб. V. 289).

⁵⁾ Не дай, Боже, недуги на тебе:

въ послѣдній разъ свою возлюбленную, увѣряетъ, что не забудетъ ее, хотя бы ему пришлось умирать въ степи. Плохо довѣряя постоянству дѣвическаго сердца, козакъ высказываетъ опасеніе, что, быть можетъ, оставшись безъ него, она его забудетъ и достанется иному—богачу. Дѣвица, съ своей стороны, увѣряетъ возлюбленнаго, что будетъ ждать его возвращенія и никому иному не достанется.— Не одна изъ васъ, красавиць, любила искренно, а правды не сказала, возражаетъ онъ ей ¹⁾. Иной предъ отъѣздомъ поддается искушенію переночевать послѣдній разъ съ своею милою, хотя и опасается потерять походъ. Дѣвица обѣщаетъ разбудить его рано и исполняетъ обѣщаніе ²⁾. Козакъ уѣхалъ, догоняя своихъ товарищей, а дѣвицѣ остается гонять на воду гусей и плакать о разлукѣ съ милымъ ³⁾. Вырываясь изъ объятій своей милой, козакъ завѣщаетъ ей, ожидая его возврата, выбѣгать почаще на дорогу ⁴⁾. Помнитъ она послѣднія слова милаго, истаптываетъ черевики, выбѣгая на дорогу, выплакиваетъ глаза, выглядывая своего возлюбленнаго ⁵⁾. Она все тоскуетъ, думаетъ о немъ каждую минуту, называетъ себя сиротою безъ него ⁶⁾. Многое напоминаетъ ей прежнія угѣхи съ милымъ и усиливаетъ ея тоску ⁷⁾. Иногда эта тоска раздражается отчаяніемъ, доходящимъ до того, что дѣвушка бредитъ самоубійствомъ ⁸⁾. Пѣ-

Хто жъ ти буде постиноньку стлати...

Хто жъ съ тобою буде ничку розмовляти? (Голов. III. 153).

- 1) „Прощай, сердце-дивчинонько, ты моя не будешь,
Достанешь багачу, та й мене забудешь!“

— Не бійсь, сердце-козаченьку, буду дивовати,
Не достанусь багачу, буду тебе ждати.—

„Не одна зъ васъ, чорнявая, намъ свить завязала,
„Не одна щиро любила, правды жъ не сказала. (Чуб. V. 65).

- 2) Выржаюсь, моя мила, у велику дорогу!

— Переночуй, мій миленькій, хочь цю ничку зо мною!

„Ой радъ бы жъ я, моя мила, и чотыри ночувати,

Та боюся, мое сердце, щобъ походу не втеряти.

— Ой не бійся, мій миленькій, бо я рано устаю.

А ще раньше тебе, молодого, ище раньше розбуджу.

Уставай же мій миленькій, уже свить биленькій! (Чуб. V. 274).

- 3) Тилько систы и поѣхати товарищивъ догоняти,

А я пійду, молодая, сирыхъ гусей наповать...

Гиля, гиля, та сирьи гуси, та вже жъ вы наплавались,

Та вже жъ мои каренькыи очи та й наплакалися. (Ibid.).

- 4) Ой перестань, дивчинонько, слизоньками умыватися,

Всѣ козаци въ походъ пійшли, треба мени поспшатися.

Якъ будешь, дивчино, зъ походу сподиватися,

То выбѣжи въ чисте поле на дороженьку. (Чуб. V. 304).

- 5) Вытоптала черевички, на дорогу выбѣгаючи,

Выплакала чорни очи, тебе сердце выглядючи. (Ibid.).

- 6) Ой ты поѣхавъ, мене покинувъ, сироту на чужини.

Плачу, рыдаю, ты вспоминаю въ кожнисеньку годину. (Чуб. V. 264).

- 7) Нема мого миленького, нема моѣй души,

Ни съ кимъ лечи выкачати бѣленьки подушки.

Нема мого миленького, нема моѣй квітки,

Стала бъ его вызирати да не знаю звидки. (Голов. II. 384).

- 8) Лучче бъ було не любитися, чимъ тепера розлучитися.

сенный міръ представляетъ образчики скорой смерти дѣвицы отъ разлуки съ милымъ. Козакъ, отъѣзжая въ походъ, спрашиваетъ дѣвицу: будетъ ли она за нимъ печалиться? Она отвѣчаетъ, что забудетъ, какъ только онъ выѣдетъ за ворота ¹⁾. Но не успѣлъ козакъ скрыться изъ вида, какъ дѣвица не могла ни спать, ни работать отъ тоски ²⁾. Она посылаетъ свою сестру заворотить своего милаго и сказать ему, что его дѣвица при смерти ³⁾. Когда козакъ, возвратившись, доѣзжалъ до двора, гдѣ жила его возлюбленная, онъ увидалъ, что ее несутъ хоронить ⁴⁾.

Оставаясь въ разлукѣ съ предметомъ своей любви, дѣвушка подвергается большимъ искушеніямъ. Ея родная мать хочетъ отдать ее за богатаго жениха. Дочь упорствуетъ. Напрасно мать пытается возстановить ее противъ избраннаго ея сердцемъ ⁵⁾, напрасно представляетъ ей, что съ этимъ человѣкомъ ей будетъ худо, и лучше ей полюбить богатаго, дѣвица говоритъ ей рѣшительно, что не будетъ такъ, какъ матери хочется, а станетъ такъ, какъ желаетъ сама дочь ⁶⁾. Не зная гдѣ ея милый, дѣвица посылаетъ галку принести ей отъ него вѣсть ⁷⁾. Галка не замедлила доставить ей слово милаго: не предавайся тоскѣ, ты молодая, пойдешь замужъ, а я, молодой, женюсь на тебѣ ⁸⁾. Дѣвица отъ такой вѣсти ободрилась, весело стала заниматься домашними работами. Замѣтила это мать и спрашиваетъ: что это она улыбается? Дочь говоритъ ей аллегорически: «пей, матушка, ту воду, что я наносила; зови, матушка, того зятя, кого я полюбила!—Нѣтъ, отвѣчаетъ мать, не буду я пить этой воды, а начну разливать ее! Не приму немилаго себѣ зятя—стану разлучать его съ тобою! «Ахъ, матушка, проговорила дочь: не разливай воды, вѣдь ее тяжело носить. Не разлучай меня съ милымъ—тебѣ съ нимъ не жить ⁹⁾.—Ну, смотри же, —пугаетъ

Хиба пійду утоплюся, хочь обь камѣнь розвѣблюся. (Чуб. V. 359).

1) Ой не буду, козаченьку, дале-би не буду,
Якъ выѣдешъ за нови ворота—я тебе забуду. (Чуб. V. 366).

2) Та не взяли дивчиноньки ни сонъ, ни робота. (Ibid.).

3) Ой вернися, козаченьку, дивчина вмирае. (Ibid. 367).

4) Не доѣхавъ козаченько до новои хаты:
Несуть ёго дивчиноньку до гробу ховати. (Ibid.).

5) Буде тобі, доню, буде лихая година,
Що ты сѣго козаченька щиро полюбила! (Чуб. V. 491)

6) Але съ власной твоей волѣ нѣчого не буде,
Во моего миленького сердце не забуде. (Голов. IV. 490).

7) Якъ пошлю я чорну галку на Динь рыбы вѣсти.
Ой принеси, чорна галка, одъ милого вѣсти. (Чуб. V. 490).

8) Полетѣла чорна галка та й не барилася,
Та принесла таку звистку, щобъ не журилася:
Не журися, дивчинонько, въ тугу не вдавайся,
Ты, молода, замияжъ пійдешъ, а я оженюся. (Ibid.).

9) Мела хату, мела сини, та й засміялася,
Выйшла мати воды брати, та й догадалася.
„Чого дочко, чого дочко, та засміялася?
— Ой пій, мати, тую воду, що я наносила,
Шануй, мати, того зятя, що я полюбила.
„Ой не буду воды пити, буду розливати,

мать свою дочь:—дѣлай по-своему, только уже не жалуйся потомъ на мать свою. «Не буду, матушка, на тебя жаловаться; какую бы ни послалъ Богъ мнѣ судьбу—стану терпѣть ¹⁾».

У одной дѣвицы рождается подозрѣніе: а что если въ то время, когда она за милымъ такъ плачетъ, онъ, быть можетъ, окруженъ толпою дѣвушекъ и измѣняетъ ей! Пусть же, если такъ, одолѣетъ его тоска такая, какую томится его возлюбленная, пусть измѣнитъ ему та, которая стала ему всѣхъ милѣе! Пусть узнаетъ на опытѣ, каково томиться въ разлукѣ ²⁾».

Между тѣмъ, козакъ въ чужой сторонѣ также тоскуетъ о своей милой дѣвицѣ. Онъ хочетъ написать къ ней письмо, прилить его слезами и послать съ буйными вѣтрами ³⁾. Ему хотѣлось бы, чтобъ у него были крылья—полетѣлъ бы онъ соколомъ во дворъ своей милой, а та вышла бы изъ хаты и произнесла слово сожалѣнія о томъ, что соколъ летаетъ одиноко, безъ пары ⁴⁾».

Время идетъ, козакъ не возвращается. Дѣвица боится, что сбылось то, что онъ предрекалъ о своемъ возвратѣ въ минуты унынія ⁵⁾: онъ гдѣ-нибудь

Нелюбого зятя маю, буду розлучати!

— Не розливай, мати, воды, бо тяжко носити,
Не розлучай мене зъ милымъ, тобѣ зъ нимъ не жити. (Чуб. V. 491).

¹⁾ „Живи, доню, въ свою волю, такъ якъ полюбила.

Не жалкуй на свою матирь, що тебе згубила!

— Ой не буду жалковати, моя ридна мати,

Яку мени дасть Богъ долю—буду горювати!

(Чуб. V. 491).

²⁾ Може я за нимъ дармо плачу...

Може винъ мае дѣвчатокъ громаду,

Може мене любить на яку зраду,

Най му той жаль самий и туга тая,

Щобъ зрадила его котра наймилийша.

Тогдѣ винъ пизнае що то есть розлука

И жаль правдивий, на серцю мука!

(Чуб. V. 16).

³⁾ Чи письма писати,

До милои слати.

Напишу перами,

Та прилью слѣзами

Та й пошлю вѣтрами.

(Чуб. V. 329).

⁴⁾ Ой коли бъ же я мавъ орловни крыла...

То бъ я полинувъ бы, сивъ бы у двори:

Чи не вийде моя мила и къ мени.

Ажъ мила виходить изъ чорными бровами,

Промовляе до мене изъ дрибными слѣзами:

Ой ты соколоньку прекрасный,

Якій же ты у свѣтѣ несчастный!

Що кожне древо на весни процвітае,

Що кожная пташка соби пару мае,

А ты, милый, въ свѣтѣ литаешь,

Да й парочки собѣ не маешь.

(Чуб. V. 295—296).

⁵⁾ Сподѣвайся мене, серденятко мое, та й у ти поры въ гости.

Якъ поросте трава муравая та у горницѣ на помости.

(Чуб. V. 239.)

паль въ чужой сторонѣ и его тѣло расклевали птицы. Ей хотѣлось бы въ такомъ случаѣ самой собрать его останки и похоронить ¹⁾.

Въ малорусской поэзи есть цѣлая группа пѣсенъ о кончинѣ козака, гдѣ такимъ или инымъ способомъ показывается присутствіе и участіе дѣвицы. Вотъ, на примѣръ, въ одной пѣснѣ разсказывается, что молодець и дѣвица были долго въ разлукѣ и какъ свидѣлись, то оба заболѣли ²⁾. Дѣвица лежала въ отцовской коморѣ, а козакъ въ зеленой дубравѣ. За дѣвицею ухаживали домашніе и давали ей ѣсть и пить, а козакъ просилъ дать ему хоть бы холодной воды и дѣвица умоляла мать послать ему пива ³⁾. Умеръ козакъ, умерла и дѣвица, завѣщавши похоронить себя вмѣстѣ съ козакомъ въ одной могилѣ. По дѣвицѣ звонили колокола, надъ ея тѣломъ пѣли поны и дьяки, а по козаку шумѣли лѣса, кричали вороны ⁴⁾. (Для сравненія см. польскую Kolb. 5. 1. 148—150).

Есть пѣсня объ утонувшемъ молодцѣ и о плачѣ по немъ дѣвицы: пѣсня эта очень распространена въ разныхъ вариантахъ не только у малоруссовъ, но и у другихъ славянскихъ народовъ, и у нѣмцевъ. По однимъ нашимъ вариантамъ, дѣвица ожидаетъ козака изъ похода и готовитъ для него ужинъ и постель ⁵⁾, зажигаетъ предъ образами свѣчи и молить Бога, чтобы козакъ благополучно переправился черезъ рѣку ⁶⁾. По другимъ—дѣвица приглашаетъ къ себѣ молодца, по имени Василя, и даетъ зарокъ, что если онъ не прійдетъ къ ней, то утонетъ ⁷⁾. Козакъ утонулъ ⁸⁾. Дѣвица приглашаетъ рыбаковъ вытянуть утопленника и оплакиваетъ его ⁹⁾ (см. подобнаго содерж. польскія пѣсни Kolb.

1) Сороки й вороны тило поклювали,
А жовтги кости по кущамъ бросали,
Ой я жовтги кости, кости позбираю,
У тихимъ Дунаю кости поховаю. (Чуб. V. 297).

2) Ой якъ ся узрили, обоє поболіли. (Чуб. V. 372).

3) Дѣвчина лежить у батенька въ комори,
Молодой козакъ при зеленій диброви,
Дивчиноньци та е що й ѣсти й пити,
Молодой козакъ зимной воды просити:
„Ой мати, мати, пожалуй свою дочку,
„Запли козакови пива коновочку“ (Ibid.).

4) А по дивчини дзвони задзвонили,
А надъ козакомъ луги зашумили,
А надъ дивчиною попы, дьяки спивають,
А надъ козаченькомъ вороны литають. (Чуб. V. 373).

5) Якъ прійдешъ изъ вечора—вечера готовенька,
Якъ прійдешъ опивночи—постилька биленька.
(Чуб. V. 269, ср. Голов. I. 104—105).

6) Ой засвѣчу на божничку восковую свичку,
Хай мой милый перебреле сю быструю ричку.

7) Якъ не прійдешъ обидати, прійди одвидати,
Якъ не прійдешъ одвидати, то грихъ тоби буде,
Ой утонешъ на берези, що й води не буде!

8) Утонувъ втонувъ козаченько, лешъ хусточка плавле,
Ходить дивця по бережку, били ручки ламле.

9) — Ой rybари rybареньки, дамъ вамъ напитися,
— Ой вытягнѣтъ Василенька хоть подивитися!

5. 1. 133—143, *ibid.* 194—206). Не менѣе распространена пѣсня о смерти и погребеніи козака, котораго дѣвица ожидала къ себѣ изъ похода въ гости. Во многихъ вариантахъ этотъ козакъ называется прилуцкимъ полковникомъ, въ иныхъ—просто козакомъ ¹⁾. Дѣвица чернявая-бѣлая ждала его и не дождалась, а потомъ получила вѣсть, что полковникъ захворалъ, находится при смерти и желаетъ ее видѣть ²⁾. Затѣмъ—умеръ панъ полковникъ и не слышно болѣе его повелительной рѣчи ³⁾. Козаки, собравшись въ раду ⁴⁾, приговорили передать оставшагося послѣ полковника коня атаману, а вооруженіе—сотнику, чтобы похоронить полковника съ большимъ почетомъ ⁵⁾. И вотъ везутъ тѣло умершаго, ведутъ коня, конь склоняетъ голову; за нимъ идетъ чернявая и отъ горести ломаетъ себѣ руки. На цѣломъ свѣтѣ не найти ей такого возлюбленнаго ⁶⁾.

Есть пѣсни, гдѣ представляется, что дѣвица уходитъ противъ воли родителей съ козакомъ, котораго любить. На пути козакъ задремалъ. Его подруга не даетъ ему спать, предостерегаетъ, что за ними отправлена погоня, и если ихъ догонять, то ее возмуть, а его убьютъ ⁷⁾. Такъ и случилось, какъ показываетъ окончаніе пѣсни ⁸⁾. Въ пѣснѣ, которую, по нѣкоторымъ повторяющимся тамъ выраженіямъ, можно считать вариантомъ предшествовавшей, пара, такимъ образомъ убѣжавшая съ намѣреніемъ обвѣнчаться, превратилась въ деревья ⁹⁾. Но мы считаемъ не лишнимъ указать еще на одинъ вариантъ пѣсни о побѣгѣ

Якъ вытягли Василечка, вода зъ рота льеться,
Ходить мила по бережку якъ горлиця беться!

(Чуб. V. 309, 371, 424, Голов. I. 228).

- ¹⁾ Ждала, ждала, дождала полковника въ гости,
Ждала-ждала не диджала, сама спать лягала. (Чуб. V. 316).
- ²⁾ Вранци рано уставала, листы получала:
Занедужавъ колюбовникъ, прилуцкій полковникъ,
Зъ ведугу помирае, дивчины полковникъ бажае.
- ³⁾ Умеръ, умеръ панъ полковникъ и гризная мова.
- ⁴⁾ Собирались козаченьки всю раду радити.
- ⁵⁾ Атаману коня дали, сотникови зброю,
Що бъ сховали полковника зъ большою хвальбою.
- ⁶⁾ Тило везуть, коня ведутъ, гинь головку клонить,
За нимъ иде чорнявая, били ручки ломить.
Нехай ломить, нехай ломить, та не зломить пальця,
Весь свить сходить та не найде такого кохаяця.
(Чуб. V. 316—317, ср. Голов. I. 94—95).
- ⁷⁾ Сили спочивати, ставъ козакъ дримати.
„Не дримай, козаче, не дримай зо мною,
Самъ же ты знаешь—погинь за тобою!
Мене, милый, возмуть, а тебе покинуть
А тебе покинуть—съ пличъ головку знимуть. (Чуб. V. 278).
- ⁸⁾ Ой милого ковикъ, та не милый ѣде,
Милого й сидельце, та не милый-серце.
Милого й дудочка, та не милый грае,
Милого писенька, не милый спивае. (Ibid.).
- ⁹⁾ Пойшовъ козакъ яромъ, дивка долиною,
Зацвивъ козакъ рожиною, дивка калиною. (Чуб. V. 283).

(Для сравн. см. польск. Kolb. 5, 1. 4, 8).

молодца съ дѣвицею, гдѣ молодецъ погибаетъ не отъ погони, а отъ рукъ той самой дѣвицы, которая подговорила его къ побѣгу вмѣстѣ съ собой, стоя у колодца и набирая воду ¹⁾). На дорогѣ козакъ, именуемый въ пѣснѣ Маркомъ, задремалъ, вдругъ дѣвица будитъ его и велитъ ему сражаться съ нею саблею ²⁾). Она побѣдила Марка, взяла его коня ³⁾ и поѣхала на немъ въ домъ матери Марка, объявить ей, что сынъ ея Марко женился и взялъ себѣ въ жены могилу ⁴⁾). Въ другихъ пѣсняхъ о побѣгѣ дѣвицы вмѣстѣ съ козакомъ представляются лишенія, какимъ подвергается бѣглецъ съ своимъ возлюбленнымъ. Гдѣ домъ его?—Въ чистомъ полѣ, близъ Дуная; оставленъ камышомъ, подпертъ лебедой ⁵⁾). На чемъ имъ вести путь?—Много лошадей въ степи; коли поймаемъ то поѣдемъ, а не поймаемъ, пойдемъ пѣшкомъ ⁶⁾), отвѣчаетъ козакъ. Чѣмъ будемъ одѣваться?—Сдѣлаемъ себѣ жупаны изъ лопуха ⁷⁾). На какой постели спать?—Подъ бокъ кулакъ, а подъ голову нагайку подложимъ ⁸⁾). Разумѣется, такіа пѣсни о побѣгѣ дѣвицы съ козакомъ изображаютъ исключительные случаи. (Для сравн. польская пѣсня Kolb. 5. 1. 275).

Обыкновенно козакъ отправляется на свои подвиги одинъ, а его дѣвица возлюбленная остается дома. Иногда, стосковавшись по своей милой, ѣхаетъ козакъ у своего начальника просить отпуска, но получаетъ отказъ. Его не увольняютъ прежде срока службы ⁹⁾). Если, возвратившись домой, козакъ находить

¹⁾ На дубовѣмъ мости тамъ Ганя стояла,
Тамъ Ганя стояла, воду набрала
Воду набрала, Марка намовляла:
Ой Марку жъ, мій Марку, щось маю казати;
Мандруй зо мною молодю!
(Чуб. V. 425).

²⁾ Стали спочивати, ставъ дощикъ накранати,
Ставъ дощикъ кранати, ставъ Марко дримати,
„Ой Марку жъ, мій Марку, не дримай зо мною,
Наготуй шабельку, та й воюй зо мною“.
(Ibid.).

³⁾ Марка звоювала, коня видобрала,
Коня видобрала, сѣла, поѣхала.
(Ibid.).

⁴⁾ А вжежъ твій Марку въ поли оженився,
А взявъ соби панну-паняночку въ поли могилочку.
(Чуб. V. 426).

⁵⁾ Въ чистимъ полю, край Дунаю
Очеретомъ обставаю,
Лободою підпираю.
(Чуб. V. 482).

⁶⁾ Ой у степу коней много,
Якъ піймаемъ такъ поѣдемъ,
А не піймемъ—пѣшкомъ пійдемъ.
(Ibid.).

⁷⁾ Якъ пійдемо въ долину, да вырвемо лопушину
Да пошіемъ жупанину.
(Ibid.).

⁸⁾ Кулачище підъ бочище
Нагаище въ головище.

⁹⁾ Ажъ тамъ козакъ по рыночку ходить,
У гетмана выслуги ся просить:
„Пусти мене, мій пане, до дому,
Затужила дивчина за мною!“
— Не такъ вона якъ ты по ней гужишь,
— Не пушу тя, ажъ року дослужишь.
(Голов. I. 109, 285)

свою возлюбленную вѣрною себѣ, то, разумѣется, все кончается благополучно—свадьбою. Вѣрная подруга проплакала глаза, выглядывая своего милаго. Она будить слугъ, чтобъ свѣтили возвратившемуся. Онъ похудѣлъ въ дорогѣ оттого, что долго не видѣлъ своей Маруси ¹⁾. Кто теперь наградитъ меня за труды?—спрашиваетъ козакъ. Я,—отвѣчаетъ ему возлюбленная;—я награжу тебя тѣмъ, что сорокъ пять разъ тебя поцѣлую и отдамъ тебѣ все, что есть для меня милаго и дорогого ²⁾. Если же молодецъ ревниво бережетъ чувство любви къ себѣ и узнаетъ, что безъ него дѣвушка играла съ другими, то ей это не обойдется даромъ ³⁾. Случится, что молодецъ, возвратившись изъ далекаго похода, застанетъ свою дорогую женою другого. Одна изъ такихъ оправдываетъ себя тѣмъ, что ей сказали, будто ея милый умеръ и теперь она у него проситъ прощенія, говоря, что, отдавши себя иному, она будетъ ему вѣрна ⁴⁾. Другая въ отсутствіе милаго своего вышла замужъ по принужденію за немиллага ей человѣка ⁵⁾, плача и проклиная судьбу свою ⁶⁾. «Для чего-жъ ты не писала ко мнѣ, когда тебя сватали?» ⁷⁾—спрашиваетъ козакъ.—Я писала и пересылала, только мои письма не доходили: мои каріе очи исходили слезами. Меня мать отдала за того, за кого я не хотѣла! Теперь шумить надо мною нагайка ⁸⁾. О, милая моя! Душа моя!—воскликаетъ несчастный молодецъ.—Я умираю оттого, что не довелось мнѣ быть твоимъ мужемъ, а тебѣ моею женою ⁹⁾. Тоскуетъ молодецъ: все

1) Всѣ свои служеньки позбужвала:

„Встаньте, служеньки, свѣтите свѣченьки!

„Най ми ся свѣтитъ якъ въ день такъ въ ночи,

„Най ся подивлю милому въ очи:

„Чи змаривъ милый по свѣтѣ ходячи“.

(Голов. I. 185).

2) — А кто жъ менѣ нагородитъ за мѣи труды?

„Я сама труды нагороджу:

Сорокъ пять разъ ты поцѣлую,

Що любого, що милого, то тѣ подарю.

(Голов. I. 280).

3) Хоть радій, не радій, то не буду брати;

Було бъ тоби зъ другими не жартовати.

(Чуб. V. 284).

4) Людская обмовонька то съ мя обманула,

Що казали, що ты всерь, я той часъ забула.

Прощай, мій миленькій, що я учинила,

Що иному вѣрне послубила.

Коли ёму послубила, мушу бути вирна.

Тильки для тебе, мій миленькій, инша.

(Чуб. V. 118).

5) Ой тамъ въ темнимъ лѣсѣ церковця стояла,

Тамъ-то дѣвчинонька безъ неволю шлюбъ брала.

6) Ой шлюбѣ мій, шлюбѣ, примушенный шлюбѣ,

Та ци гораздъ менѣ за тимъ нелюбомъ буде?..

Волѣла бы мѣ, мати, твердый камѣнь глотати,

Нѣжли изъ нелюбомъ до шлюбѣ ставати.

(Голов. I. 285).

7) Ой якъ будешъ ты, дивчино моя, рушники давати,

Пиши листи на билий бумази, та давай до мене знати. (Чуб. V. 128).

8) Вже жъ я писала й пересылала, мои листы не доходить,

Тильки жъ мои каренькіи очи слезоньками изиходять.

Отдала жъ мене мати за кого я не хтила,

Шумить, гуде нагаечка коло мого тила.

(Ibid.).

9) Милая моя, серденько мое, я умираю за тобою,

ему напоминает прежнюю любовь. Вотъ родникъ, при которомъ они прежде сходились на свиданіе; какъ голубокъ тамъ въ водѣ купался, такъ онъ женихался съ своею милою ¹⁾. Но его милую повели къ вѣнцу; у него сердце болить; не ему досталась дѣвица ²⁾. Горе!—воскликаетъ онъ:—горе моимъ ногамъ, которыми я ходилъ къ тебѣ, горе моимъ рукамъ, которыми обнималъ тебя, горе моимъ бровямъ, которыми я моргалъ на тебя, горе моимъ устамъ, которыя цѣловали тебя! Богъ бы тебя покаралъ за твой грѣхъ: я любилъ тебя и не взялъ женою себѣ ³⁾. Встрѣтятся они и вспомнятъ о прошломъ. Богъ тебѣ помогай, другъ не суженный! скажетъ она. Любились мы и матушка того не знала, а теперь вотъ разошлись, какъ черныя тучи! Помнишь ли, какъ я тебя въ вишневый садъ водила, какъ тамъ тебя ягодками угощала; помнишь ли, какъ я постель стлала, съ тобою спать ложилась, одну ручку подложивши подъ голову тебѣ, а другой обнимала тебя? Лучше жилось тогда дѣвицею, чѣмъ теперь замужнею ⁴⁾. Чѣмъ ближе къ нему живетъ его бывшая возлюбленная, тѣмъ тяжелѣе его сердцу ⁵⁾. Вотъ она проходитъ съ водою и посылаетъ ему привѣтъ ⁶⁾, и ему такъ становится досадно, что онъ готовъ броситься къ ней и побить у ней ведра ⁷⁾. Она проситъ не дѣлать этого и не наносить ей безславія ⁸⁾. Тяжелѣе еще ему сидѣть у окна и смотрѣть, какъ она идетъ рука объ руку съ своимъ мужемъ, его соперникомъ. Такъ бы вотъ и выскочилъ онъ и сталъ допрашивать: зачѣмъ, любивши его, оставила? ⁹⁾.

Що не довелось мени быть чоловікомъ, тоби дружиною. (Ibid.)

¹⁾ Чи се жъ тая криниченька, що голубъ купався,

Чи се жъ тая дѣвчинонька що я женихався?

²⁾ Досталася дѣвчинонька людямъ—не мени.

³⁾ Шкода жъ моихъ бѣлыхъ нижокъ що мѣ до тя ходжавъ,

Шкода жъ моихъ бѣлыхъ ручокъ щомъ тя обіймавъ,

Шкода жъ моихъ чорныхъ бровей що мѣ на тя моргавъ,

Шкода жъ моихъ красныхъ устокъ що мѣ тя цѣлувавъ,

А за тоту провиноньку Богъ бм ти скаравъ,

Що я тебе вѣрно любивъ, любивъ, та не взявъ. (Голов. I. 294.)

⁴⁾ Ой помагай Бигъ, ты, несуженый друже.

Да здорова, серденько, то жъ любилися дуже.

Любилися, кохалися, а матуся й не знала,

А тепера розійшлися якъ темненька хмара.

Яжъ тебе любила, въ вишневый садъ водила,

Ягодоньки првала, я жъ тебе годувала,

Билу постилъ постилала, съ тобою спать лягала,

Одну ручку въ голиноньку, а другою обіймала. (Чуб. V. 227.)

⁵⁾ Не жалъ бы мени, коли бъ зъ стороны,

А то черезъ двирь да й товарищъ мій!

(Чуб. V. 167, 242.)

⁶⁾ По воду йде—жалю завдае,

Изъ водою йде—добри-день дае.

(Чуб. V. 168.)

⁷⁾ Чужа, не моя, товаришова!

Черезъ двирь не йди, жалю не роби:

Бо я зъ того жалю видерця побью.

(Ibid.)

⁸⁾ Ой милый чужій! видерця не бій!

Мени молодой славы не роби.

(Ibid.)

⁹⁾ Жалъ въ свѣтъ одному!

Сижу край виконця—моя милая ходить,

Иной молодецъ въ такомъ положеніи думаетъ найти утѣшеніе въ горѣлкѣ, но не находитъ: у него около сердца словно какая-то змѣя бьется ¹⁾.

Иной молодецъ, зная, что причиною разлуки мать дѣвицы, произносить надъ нею проклятiе передъ своею прежнею милою ²⁾. Иной, раздраженный неудачею въ первой любви, говоритъ, что пойдетъ въ чужой край, тамъ поищетъ себѣ другую, безродную, убогую, прежняя милая будетъ вспоминать о немъ добрыми словомъ, а онъ всплакнетъ, когда о ней вспомнитъ ³⁾. Иной же въ досадѣ зарекается когда-нибудь любить дѣвицъ и говоритъ, что не перестанетъ плакать о прежней возлюбленной ⁴⁾. Напрасно мать его совѣтуетъ идти ему межъ челядь и развлечься отъ тоски ⁵⁾. Молодецъ собирается умирать, просить похоронить его прилично въ вишневомъ садикѣ и пусть вся родня пируетъ, творя поминки о немъ ⁶⁾.

Ворогъ ѣи зъ боку—за рученьку водить.

Ой пйду я приближуся,

На серденьку оживлюся,

Слытаю причины

Милой дивчины:

Дивчиновка мила,

Перишь мене любила,

Тенерь залишила!

(Чуб. V. 168).

- ¹⁾ Ой пойду я до корчомки—горѣлки напыюся,
Ой чого съ менѣ, братцѣ, горѣлка не пьеться,
Бо на моѣмъ щось серденьку якъ гадина вьеться.
А все тое менѣ наробила

Милая дѣвчина, що отдалася за багача сына!

- ²⁾ Бодай твоя мати на свѣтѣ не жила,
Що насъ молоденькихъ съ тобою розлучила,
Бодай твоя мати въ некли згорила,
Що насъ молоденькихъ на тое пидвела.

(Чуб. V. 281).

- ³⁾ А я пйду въ чужій край, то тамъ буду жити,
Ты не будешъ, мила, знати, якъ я буду тужити.
Знайду соби другу милу, щобъ не мала роду,
Що бъ не було, якъ зъ тобою, жадного заводу.
Спогадаешъ мене, мила, милыми словами,
А я тебе спогадаю гиркими слѣзами.

(Чуб. V. 255).

- ⁴⁾ Ой хто хоче на свѣтѣ жити,
Най перестане дивчатъ любити,
Бо то есть сгуба цѣлого свѣта,
Пропали лита и життя трачу,
Якъ спогадаю—гирко заплачу.

Плакавъ я, плакавъ, плакати буду,

Поки ты, мила, въ вѣкъ не забуду.

(Чуб. V. 269).

- ⁵⁾ „Не плачь, козаче, не плачь не журися,
Выйдешъ за ворота, на челядь дивися“.

(Чуб. V. 260).

- ⁶⁾ — А вже жъ мени, мати, челядь не до того,
Ой продавай, мати, коня вороного,
Пошій менѣ, мати, льняную сорочку,
Сховай мене, мати, въ вишневимъ садочку.
Висыль мени, мати, високу могилу,

Бывало и такъ, что въ отсутствіе молодца его возлюбленную дѣвицу отдавали за иного замужъ по волѣ пана и вообще высшей власти: такое событіе изображается въ пѣсняхъ въ символическомъ видѣ орла или сокола, разгоняющаго голубей изъ пары и предлагающаго голубкѣ семь другихъ голубей на выборъ, вмѣсто того, котораго она любила и утратила. Голубка не хочетъ никѣмъ замѣнить его и говорить, что будетъ вѣчно горевать о своемъ миломъ ¹⁾, у нея такое горе, что отъ слезъ на твердыхъ камняхъ останутся знаки ²⁾.

Въ другой подобной пѣснѣ сизокрылый орелъ, убивши голубя, беретъ голубку не съ тѣмъ, чтобъ отдать ее по выбору другому голубкѣ, а удерживаетъ ее для себя, сыплетъ ей пшеницу, ставитъ воду, но она не прикасается ни къ чему ³⁾, чувствуетъ, что она въ неволѣ, орла не любить ⁴⁾ и ходить въ вишневыи садъ плакать о своемъ миломъ голубкѣ ⁵⁾. Здѣсь, очевидно, изображается аллегорически насиліе имѣющихъ власть надъ бѣдною дѣвицею.

Но причиною разлуки любящихся царь изображается также измѣна одного изъ нихъ. Вотъ молодецъ приходитъ къ своей милой, и та напрямикъ заявляетъ ему, что надо перестать имъ любить другъ друга, мать его этого не хочетъ ⁶⁾. О, лучше бы тебѣ вонзить мнѣ въ сердце ножъ, чѣмъ говорить такія слова ⁷⁾, восклицаетъ молодецъ. Этотъ молодецъ вынужденъ покинуть дѣвицу потому, что его мать произнесла такой приговоръ: ея материнскому чувству легче увидать его въ солдатахъ, нежели мужемъ той, на которой онъ хочетъ жениться ⁸⁾.

Посади въ головкахъ червону калину,
Збери, мати, всю свою родину,
То буде родина и пити и гуляти,
Мене молодого будуть споминати.

(Чуб. V. 260—261).

¹⁾ ... Що ся не хоче вже знати зъ никимъ,
„Буду тужити поки вить виковъ“.

(Чуб. V. 238).

²⁾ Стану плакати ажъ мени горе,
Хочъ выпадають слѣзы на каминьяхъ,
Хочъ найтвердійшихъ — пороблять знаки.

(Ibid.).

³⁾ Ой де узався сизокрыль орелъ,
Голуба убивъ, голубку влюбивъ,
Голубку влюбивъ, узавъ нидь полу,
Узавъ нидь полу, принисъ до-дому;
Сыпле пшеници, ставитъ водици,
Голубка не пье, тстоньки не йде.

(Чуб. V. 246).

⁴⁾ „Ой я жъ и въ горѣ я жъ у неволи,
Сизокрыль орелъ не до любви“.

(Чуб. V. 247).

⁵⁾ Да все въ вишневь садъ плакати йде:
„Голубонько мій, коли бъ же ты живь,
Я бъ твои крыла позолотила,
Я бъ твои пирья пожемужила.“

(Чуб. V. 246).

⁶⁾ Перестаньмо жъ ся любити,
Самъ ты знаешъ намъ зъ тобою не жити.

(Чуб. V. 233).

⁷⁾ Волѣла жъ бы ты нижъ въ мене вгородити,
Нѣжъ маешъ мила ти слова говорити.

(Ibid.).

⁸⁾ — Пійду я до нььки, буду ся пытати,
— Чи не позволить ньька тебе взяти.

„Волю жъ я тя, сыну, въ салдати виддати,
Нижъ я тя маю зъ тою дѣвчиною звѣнчати.“

(Ibid. 234).

Раздраженный сынъ произноситъ проклятіе суровости матери ¹⁾. Другой молодецъ заявляетъ своей милой, что онъ ее намѣренъ покинуть, оттого что ея родня наговариваетъ на него, будто онъ пьяница и гуляка ²⁾. Третій, полюбивши новую дѣвицу, приходитъ къ прежней и говорить ей просто: тебѣ одна дорога, а мнѣ иная, прощай! ³⁾. Иной же не объясняется вовсе, а, спознавшись съ другою, идетъ мимо двора прежней и дразнить ее тѣмъ, что не заходитъ къ ней, а проходитъ мимо, напѣвая пѣсенку, и еще говорить ей, чтобы она обсадила вишнями дворъ свой, дабы къ ней не заходилъ его голосъ ⁴⁾.

Иной безъ всякой, повидимому, причины объявляетъ дѣвицѣ, что нашелъ себѣ получше ⁵⁾. Въ одной пѣснѣ богатый овчаръ посылаетъ товарищей передать дѣвицѣ, чтобы она его больше не любила, потому онъ ей не пара, онъ богатъ, а она бѣдна ⁶⁾.

Дѣвица различно принимаетъ къ сердцу заявленіе молодца о прекращеніи любви къ ней, смотря по личному характеру. Иная предоставляетъ ему поступать, какъ захочетъ, только не судить ее промежду людей, потому что людской судъ ей всего страшнѣе ⁷⁾. Другая—характера рѣшительнаго и разсудительнаго—говоритъ, что, узнавши его невѣрность, сама уже не любить его, будетъ любить кого-нибудь другого, а о немъ забудетъ ⁸⁾.

¹⁾ Бодай же ти, мати, такъ легко конати
Якъ мени легко зъ дивчиною ся розстати. (Чуб. V. 234).

²⁾ — Скажу тобі, моя мила, скажу, що думаю:
— Що я тебе, моя мила, покидати маю.
„Скажи мени, мій миленькій, що то за причина,
„Чи ти мене самъ не хочешъ, чи твоя родина?“
— Ой я тебе и самъ люблю и ридь не боронить—
— Тилько ридь твій все говорить, що я нью, гуляю. (Чуб. V. 220, 232).

³⁾ „Тобі дорога, а мени шлячокъ битий!“
— Якъ же и буду безъ тебе, серце, жити?
„Мени дорога ривна, тобі полеречна,
„Бувай здорова, моя мила сердечна! (Чуб. V. 190).

⁴⁾ „Ой не по правди, мій милий, живешъ,
„Мимо воротечки, та до иншої йдешъ,
„А до мене стиха голосъ подаешъ.“
— Ой обсади, мила, вишеньками двіръ,
— Ой щобъ не зайшовъ до тебе голосъ мій. (Ч. V. 80, 396—397, 411, 412).

⁵⁾ „Ой де жъ ты, мій милий, довго забарився?“
— Ходивъ я по луку, та найшовъ собі другу,
— Въ червонимъ намисти, вона мени по мысли,
— У поляхъ мерезка, та до неї утоптана стежка,
— У байковій юбци, вона мени все на думци. (Чуб. V. 403).

⁶⁾ Вы молодци, молодци... накажите дѣвочки,
Нехай мене не жде, нехай за мужъ иде.
Бо я вивчаръ нетяга, савковая сермяга,
Симъ сотъ овецъ у лузи и четверикъ у плузи. (Чуб. V. 124).

⁷⁾ Якимъ схоцешъ, такимъ будь,
Меже людьми мя не судь;
Смерть не такъ страшная,
Якъ осуда людская. (Чуб. V. 397).

⁸⁾ Дотимъ я тебе вирно кохала.

Гордая показываетъ къ нему презрѣніе и невниманіе ¹⁾. Вольно молодцу искать себѣ другой дѣвицы, но и дѣвица найдетъ себѣ лучшаго молодца, а онъ тогда поплачетъ о ней ²⁾. Дѣвушка язвительнаго характера въ отвѣтъ молодцу, извѣщающему, что онъ полюбилъ другую и хочетъ на ней жениться, говоритъ: женись, желаю, чтобъ невѣрнаго Богъ покаралъ не огнемъ, не водою, а лихою подругою ³⁾. Иная, однако, произнеся проклятiе, по свойственному добродушію тотчасъ опомнится, просить Бога не послушать ея проклятiя ⁴⁾ и желаетъ измѣннику счастья съ его новою возлюбленною ⁵⁾. Она для себя хотѣла бы только такого зелья, которое бы помогло ей забыть невѣрнаго ⁶⁾, но теперь же сознается, что такое зелье окажется безсильнымъ и она забудетъ только тогда, когда закроетъ глаза навѣки ⁷⁾. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она говоритъ, что если онъ и найдетъ другую съ большими достоинствами, то не найдетъ такой, которая любила бы его, какъ прежняя ⁸⁾.

Тоска покинутой милымъ дѣвицы составляетъ содержаніе цѣлой группы пѣсень любовныхъ. Одинокая, постелетъ она себѣ съ вечера постель, одинокая, вставши, садится у окна и видитъ, какъ ея милый гуляетъ съ иною; онъ ее цѣлуетъ-милуетъ, а если бы она, прежняя, осмѣлилась выйти и подойти къ нему— онъ бы ее угостилъ проволоочною нагайкою, она же не была еще ни отъ кого

Докимъ неширисть твою дознала.

Теперь иного буду кохати

О тоби завше запоминати.

(Чуб. V. 386).

¹⁾ Нехай ёго ти просять, що гребли розносять,

Нехай ёго ти благають, що въ болоти грають.

(Чуб. V. 210).

²⁾ Шукай, шукай парень дивки, а я соби молодця;

Що ты будешъ ити винчатися, а я буду одъ винця,

Покотяться дрибни слезы съ твоего билого лица.

(Чуб. V. 188—189).

³⁾ Жениси, жениси, поможи тоби Боже!

За мою щирисьть покарай тебе Боже!

Не карай, Боже, ни огнемъ, ни водою,

Но карай, Боже, лихою дружиною!

(Чуб. V. 394).

⁴⁾ Ой поѣхавъ, поѣхавъ, не звичався зо мною,

Бодай же му коникъ издохъ, самъ положивь головою!

Ой не слухай, милый Боже, що я тоє говорила,

Бодай мого миленького Пречистая боронила!

(Голов. III. 177).

⁵⁾ Будь здоровый и счастливый съ тою що ю маешъ,

А еднакъ же ты надъ мене щирѣйшон не знайдешъ,

А я усе Бога прощу зъ вечера до ранку,

Що бы ты мавъ счастья всюда, мій милый коханку.

(Голов. I. 263, ср. Чуб. V. 177).

⁶⁾ Якъ не хочешъ, сердце, дружиною бути,

То дай мени таке зилья, що бъ тебе забути.

(Чуб. V. 177).

⁷⁾ Буду пити черезъ силу и капли не пушу,

Тоди тебе я забуду, якъ очи заплещу.

(Ibid.).

⁸⁾ Хочъ ты знайдешъ на личко билійшу,

То таки не знайдешъ надъ мене милійшу...

Хочъ ты знайдешъ, щобъ добре робила,

То таки не знайдешъ, щобъ тебе любила.

(Чуб. V. 194—195. Метлин. 111—112. Максимов., изд. 1827. 120).

битою ¹⁾. Она раздражается злостью къ соперницѣ, даетъ ей эпитеты: мерзкая, постыдная ²⁾, мурая ³⁾ (т.-е. смуглянка), шельма-розлучница ⁴⁾. Она готова дать этой мурой полотно на рубаху, лишь бы не видѣть ее съ своимъ милымъ ⁵⁾. Вотъ такъ и хочется эту розлучницу ударить въ щеку ⁶⁾, да нельзя ее бить, когда она сидитъ съ ея милымъ ⁷⁾; въ запальчивости зарекается покинутая согнать ее со свѣта и опять сойтись съ милымъ ⁸⁾. Нерѣдко такая соперница бываетъ ея прежняя подруга, которой она повѣряла свои сердечныя тайны и которая, сошедшись съ ея милымъ, притворяется передъ нею, будто ея милый спрашивалъ о ней, своей возлюбленной ⁹⁾. Уразумѣвши коварство подруги, дѣвица раздражается проклятіемъ, выражая желаніе, чтобъ комары выѣли ей глаза за полуночныя бесѣды съ милымъ ¹⁰⁾.

Бѣшеная злоба обрушивается на измѣнника, когда она услышитъ, что онъ смѣется надъ нею. Не смѣхъ—говорить она—придетъ тебѣ, какъ будешь ты трястись семь лѣтъ, лежать въ постели и просить у своей матери воды; тогда-то пожалѣешь, что посмѣялся надъ красной дѣвицей ¹¹⁾. Но несмотря на

- ¹⁾ Постелю билу постилъ, сама спати ляжу,
Та встану раненько, та вмью личенько,
Сяду соби край воконца та й до сходу сонця.
Та иде мій милый тихою водою,
Та за ничою мілою.
Винь ѣи цѣлуе, винь ѣи любуе,
А на мене, молоду, нагайку готуе.
Нагайка-дротянка, тонкимъ дротомъ вита,
А я молодая ще й зъ роду не бита. (Чуб. V. 393).
- ²⁾ Сидитъ стыдко зъ моимъ милымъ да ще й обнялася,
Ой на тобѣ стыдка-брыдка на станѣ полотенця,
Да не сиди зъ моимъ милымъ, не рѣжь мого сердца. (Макс., изд. 1827. 128).
- ³⁾ Сидитъ мура зъ моимъ милымъ та й обнялася. (Чуб. V. 403).
- ⁴⁾ Стоитъ шельма-розлучница, зъ милымъ обнялася. (Чуб. V. 185).
- ⁵⁾ Ой на тобѣ, розлучнице, да ще й на сорочку,
Не стой зъ моимъ милымъ, зъ моимъ чернобровымъ въ вишневымъ садочку,
Ой на тобѣ, розлучнице, да ще на рукава,
Не стой зъ моимъ милымъ, зъ моимъ чернобровымъ, погана, лукава.
(Макс., изд. 1827. 129, ср. Чуб. V. 404).
- ⁶⁾ Таки тую розлучницу по щоци урижу. (Чуб. V. 185).
- ⁷⁾ Сидитъ мура зъ моимъ милымъ не можно ѣи бити. (Чуб. V. 404).
- ⁸⁾ А я муру зъ свита сжену, зъ милымъ оженюся. (Ibid.).
- ⁹⁾ А въ козака та дви дивоньки—одна другу перепентуе:
„Чи була ты, подруженька, чи була ты на улиці?
„Чи бачила, подруженько, на улиці жениха мого?
— Ой бачила, не бачила, тильки трошки та постояла,
Винь важко здыхавъ, та про тебе пытавъ: чомъ дивчина не выходила?
- ¹⁰⁾ Бодай тобі, подруженько, та выѣли комари очи,
Щобъ ты не стояла изъ моимъ миленькимъ изъ вечора до пивночи.
(Чуб. V. 379).
- ¹¹⁾ Перечула черезъ люде—ледащо сміється.
— Ой хоть смійся, хоть не смійся, за смихъ тобі буде,
— Симъ годъ триця труситеме, а смерти не буде:
— У постели лежатимешъ, смерти бажатимешъ,

такія проклятія, несмотря ни на то, что она хочет, чтобы тотъ, кто былъ причиною разлуки ея съ милымъ, не видалъ яснаго солнца ¹⁾), все-таки она сама передъ собой сознается, что продолжаетъ его любить ²⁾). Она считаетъ свою судьбу погибшею, вѣрно мать прокляла ее въ дѣтствѣ, вѣрно ее въ церковь не носили и не вымолили у Бога доброй доли ³⁾). Напрасно мать увѣряетъ ее, что она и въ церковь носила ее маленькою, и доли доброй у Бога ей просила ⁴⁾), она съ ропотомъ обращается къ Богу, укоряетъ зачѣмъ онъ допускаетъ спознаваться съ тѣмъ, съ которымъ не суждено сочетаться бракомъ ⁵⁾), признаетъ себя самою несчаствѣйшею въ мірѣ и думаетъ утопиться ⁶⁾), либо идти въ темный лѣсъ и отдаться лютымъ звѣрямъ на растерзаніе ⁷⁾). Въ пѣсняхъ изображаются случаи, когда разлука происходитъ отъ невѣрности дѣвицы. Иная на первое же объясненіе въ любви молодца ⁸⁾ сразу обольетъ его холодною водою, объясивши, что не любить его и не можетъ своему сердцу приказать любить ⁹⁾), а когда молодецъ, по обычной замашкѣ влюбленныхъ, начнетъ говорить, что онъ убьетъ себя съ горя ¹⁰⁾), то дѣвица напрямикъ объявляетъ ему,

— У своей ты матери воды прохатимешъ:

„Ой дай мени, моя мати, водици съ криници,
Насміяся розсукинѣ сынѣ зъ красной дѣвици. (Чуб. V. 185).

¹⁾ Кто бувъ причиною розстання мого,
Щобъ мои слѣзы упали на вѣго,
Щобъ винѣ не бачивъ сонця ясного! (Чуб. V. 358).

²⁾ Не збуду смутку а ни въ день, ни въ ночи,
Бо я тебе люблю и любити буду. (Ibid.).

³⁾ Пропала моя доля! Прокляла мене ненька,
Прокляла мене ненька якъ була я маленька.
Ой на Дунаю целюшки полоскала:
„Водай ты, доню, счастья-доли не мала!“
Чи ты мене мати въ церкву не носила,
Чи ты мени, моя мати, доли не впросила? (Чуб. V. 356).

⁴⁾ И въ церкву тебе носила, Богу молилася. (Ibid.).

⁵⁾ Ой, Боже, Боже, давъ ся познати,
Коли не судишь намъ ся побрати,
Ой коли судишь, чомъ же не злучишь,
На що жъ насъ, Боже, даремно мучишь! (Чуб. V. 356).

⁶⁾ Вже жъ я бачу на симъ свити що все мени горе,
Прійдегся утопити въ глибоке море! (Чуб. V. 357).

⁷⁾ А я піду въ темный лисъ: нехай мене звірь изъистъ:
Ой вы звіри вы лютыи! Не займае вы мене:
Розорвите мое тило и по маленькимъ частямъ,
Рознесите мои кости по рокитовымъ кущамъ,
Наберите крови моеи близько серденька мого,
Понесите душу мою а до милого мого. (Чуб. V. 358).

⁸⁾ Панно моя, любя мила,
Позволь же ми ся кохати. (Чуб. V. 303).

⁹⁾ Рада бы я тя кохати,
Трудно сердцю розказати. (Ibid.).

¹⁰⁾ Ой дѣвичино, серденько! згубишь мою душу,
Якъ ся зъ тобою не оженю, то умерти мушу. (Гол. I. 247, ср. Ч. V. 303).

что она не будет его женою и онъ долженъ выбить себѣ изъ головы мысль объ этомъ ¹⁾); иная же дѣвица, болѣе живого нрава, приправитъ еще свой отказъ шуточнымъ сообщеніемъ, что у ней безъ него найдется такихъ молодцовъ пять ²⁾), а онъ ей кажется не хорошимъ ³⁾). Но вотъ уже, когда между молодымъ и дѣвицею возникла сердечная взаимная связь, дѣвица вдругъ неожиданно измѣняется. Сталъ молодецъ замѣчать, что его возлюбленная подолгу стоитъ на улицѣ съ другими молодцами. Это рѣжетъ ему сердце ⁴⁾). Одинъ, не рѣшаясь объяснить съ дѣвицею прямо и уличать ее, передаетъ ей чрезъ своего товарища, чтобъ она не любила двухъ ⁵⁾); другой, подмѣтивши, что у дѣвицы явился новый милый, молча отъ нея хочетъ удалиться ⁶⁾ и когда дѣвица заворачиваетъ его къ себѣ ⁷⁾), говорить, что не зачѣмъ ему ворочаться, когда видѣлъ самъ, стоя у нея подъ окномъ, какъ она любезничала съ другимъ молодымъ ⁸⁾). Третій является къ дѣвицѣ и укоряетъ ее, что она полюбила другого, красивѣйшаго ⁹⁾). Иная дѣвица не отрицается и ссылается на Бога, который владѣетъ чувствомъ— но и постоянныхъ въ любви разлучаетъ ¹⁰⁾). Другая же въ такомъ положеніи начинаетъ оправдываться тѣмъ, что родители ея не хотятъ, чтобъ она любила этого молодца, что такова ужъ видно судьба ¹¹⁾), а молодецъ отвѣчаетъ, что не зачѣмъ обвинять судьбу, лучше прямо сказать, что молодецъ нехорошъ, но и

¹⁾ Не чорнѣй, не марнѣй, не нуди собою.

Не будешь ты менѣ мужомъ, я тобѣ жоною

(Голов. I. 247).

²⁾ Умри, умри, Богъ ти бери!

Есть у мене хлопцивъ штыри,

Есть у мене ще и пятый

Хоць и заразь показати.

(Чуб. V. 303).

³⁾ Не ходи, не люби, не залпцйся,

Не люблю, не пйду, не сподивайся,

Не ходи, не люби, не носи грошей;

Не люблю, не пйду, бо съ нехорошій.

(Чуб. V. 175).

⁴⁾ Не стій, мила, изъ иншими, не край мого сердца,

Бо ты стоишь зъ иншимъ, та й думку думаешь,

Та безъ ножа, безъ тарилки, мое сердце краешь.

(Чуб. V. 382).

⁵⁾ Ой, чи буде двоухъ приймати?

Буде ти Богъ карати;

Коли любишь—люби гараздъ,

А не любишь—кидай зараздъ.

(Чуб. V. 383).

⁶⁾ Ой ще вчора изъ вечора зйшовъ мисяць и зора,

Ой часъ мени, молодому, мандровати изъ двора.

(Чуб. V. 384).

⁷⁾ Ой вернися, любе закоханья.

(Ibid.).

⁸⁾ Не вернуса, любе закоханья, бо нема до кого,

Ой бувъ я въ тебе пидъ виконцемъ, а ты мала иншого.

(Ibid.).

⁹⁾ Бо ты того любишь, що красный изъ твари.

(Чуб. V. 253).

¹⁰⁾ Трудно занехати—я инчого маю;

Скажи мени, хлопче, що я винна съ того?

А вимежъ то Господь Богъ и а всимъ тымъ владае,

Иншій вирне кохається, винъ ихъ розлучае.

(Ibid.).

¹¹⁾ Я жъ тому невинна, дѣсь тому владае:

Заказуе ридной отецъ и мати не дае.

(Чуб. V. 172).

молодецъ найдеть себѣ другую возлюбленную¹⁾. Одинъ молодецъ, которому отказала дѣвушка въ любви, желаетъ достать такого зелья, чтобы забыть ее²⁾, а дѣвушка говорить ему, что есть такое зелье, перекажи-поле, двое придуть, поцѣлуютъ, а третій ее приголубить³⁾. Вываютъ приемы отказа въ любви грубѣе: молодецъ стучится къ своей дѣвицѣ и жалуется, что его чуть не покусали злыя собаки. Дѣвица отвѣчаетъ: пусть тебя загрызутъ собаки; у меня сидятъ молодцы покрасивѣе тебя⁴⁾.

Случается, что дѣвица, простившись съ отбѣжающимъ молодцомъ, измѣняется къ нему въ чувствахъ во время его отсутствія. Козака извѣстили въ чужой сторонѣ, что его возлюбленная обручилась съ другимъ. Козакъ возвратился домой и тогда сталъ упрекать дѣвицу въ измѣнѣ, припоминая, какъ она принимала отъ него подарки⁵⁾. Тогда дѣвица предлагаетъ ему обратно его подарки и заявляетъ, что она его никогда не любила⁶⁾. Въ другой подобной пѣснѣ молодой человекъ, надаривши дѣвущкѣ жемчугу и коралловъ⁷⁾, посылаетъ къ ней, по народному обычаю, сватовъ, а самъ становится подъ окномъ ея хаты, чтобы быть незримымъ для другихъ свидѣтелемъ того, что будетъ происходить⁸⁾. Первый же приемъ показался ему зловѣщимъ: ворота на дворѣ заперты, двери сѣнныя на засовѣ, а въ хатѣ темно⁹⁾. У молодца подъ окномъ все тѣло трясется отъ страха, и видитъ: сидитъ баба за печью, а дѣвка на

- 1) На що жъ, невдячице, на лёсь нарикати,
Лучше скажи: не хоросий—не могу кохати.
Хоць я нехоросий, я на то не дбаю,
Будь здорова, моя мила, бо я иншу маю. (Ibid.)
- 2) Вона менѣ одказала щобы въ ней не бути,
Дайте менѣ таке зилья, щобы ей забути! (Голов. III. 333.)
- 3) Есть у мене ище зилья—перекожи-поле,
Що два прійде—поцилуе, а третій пригорне. (Чуб. V. 172.)
- 4) Пидійшовъ я пидъ синечки—грукнувъ,
„Ой одчини, дивчинонько, сини!
Були мене зли собаки зъили“
— Нехай тебе зли собаки їдять,
Коло мене кращи тебе сидять. (Чуб. V. 171.)
- 5) Взяти козаковѣ люде повѣдати
Вже дѣвичина заручена.. Дѣвичино, дѣвичино, зъѣла бы ты витра,
Я не сподѣвався, що ты такъ хитра:
Тогдѣ мене ты кохала,
Коли съ мои дары брала. (Голов. III. 330—331.)
- 6) Забирай си тѣ дары, тѣ дары,
А я въ дарахъ не ходила та й ходитъ не буду,
Тебе не любила и любить не буду. (Голов. I. 303. III. 331.)
- 7) Ой що жъ то мени за таки дарунки,
Били перлы и корали билу шю гнули (Чуб. V. 156.)
- 8) Ой пошлю я до дивчины люде,
Ой самъ пійду пидъ виконце що то зъ того буде. (Ibid. 155.)
- 9) Прійшли люде до ворить, ворота заперти,
Зъ того боу, изъ подвирья остроколомъ пидперти,
Прійшли люде до синей, сѣни засунени,
Прійшли люде до хаты,—въ хати не видно ся. (Ibid.)

постели и кобенится; баба гонить сватовъ изъ хаты вонъ ¹⁾, а дѣвушка встаетъ съ своего мѣста, обувается и, увидя чрезъ окно молодца, кричитъ ему: прочь пошелъ ²⁾. Молодецъ говоритъ, что она тогда не прогнала, когда брала подарки, а дѣвушка требуетъ у матери ключей, чтобы достать подарки и швырнуть ему ихъ въ глаза ³⁾.

Отвергнутый и осмѣянный дѣвицею молодецъ иногда также найдетъ способъ отнестись къ ней съ презрѣнiемъ. Такъ молодецъ, получившій отъ матери дѣвицы холодный прiемъ ⁴⁾, говоритъ, что дѣвица ему не нравится и онъ пойдетъ ко вдовѣ, у которой двѣ свѣтлицы, а у дѣвицы одна бѣдная хатенка и сама дѣвица убога ⁵⁾. Хоть я и убога, да все-таки отецкая дочь, не для тебя, сякой такой, выросла ⁶⁾. Обмѣнявшись такими нелюбезностями, оба разойдутся и тѣмъ дѣло кончится. Есть въ пѣсняхъ примѣры отчаянiя молодца: испытавши пренебреженiе къ себѣ отъ любимой дѣвицы, которая выпроваживаетъ его отъ себя ⁷⁾, молодецъ собирается ѣхать къ Дунаю и броситься въ воду ⁸⁾. Но есть примѣры и свирѣпой расправы козакъ съ измѣнившою ему дѣвицею. Прiѣзжаетъ козакъ къ дѣвицѣ и спрашиваетъ: для кого она устраивала и украшала свой дворъ. Получивши отвѣтъ, что не для него, а для другого, кого она люю-

- ¹⁾ Сили люде на лавкахъ, взяли говорити,
А взялося на мени все тѣло трусити,
Сидить баба на запичку та видповѣдае:
Идти собѣ, люде, зъ хаты, я дивки не маю. (Чуб. V. 156).
- ²⁾ Сидить дивка на постели та ся гонорусе...
Взула ся въ черенички та й по хати дочке:
„Вара, вара зъ видъ виконця, хлопче! (Ibid.).
- ³⁾ „Чому жъ мени, моя мила, тогди вара не сказала,
„Якъ видъ мене подарушки брала?“
— Дай же мени, моя мати, золотыи ключи:
— Най й ёму кину тьи дарунки въ очи! (Ibid.).
- ⁴⁾ „Добры вечѣръ, удивонько, дай воды напиться,
„Пусти дочку на гулянки, хочу подивиться!“
— Стоить вода у синечкахъ, коли хочъ напiйся,
— Сидить дочка въ виконечка, коли хочъ дивися. (Чуб. V. 170).
- ⁵⁾ Не внодобавъ козакъ дивки, пiйде до вдовици,
А въ вдовици дви свѣтлицы, а трети кимната,
А въ дивчины одна хата, да й та не прибрата.
Ой тимъ вона не прибрата. що стеля дубова...
Чомъ дивчины не сватати? Що дивка убога? (Чуб. V. 169—170).
- ⁶⁾ Хочъ убога, не убога та въ батька дитина,
Не для тебе, сякій суну, мати породила. (Чуб. V. 170).
- ⁷⁾ Сидлай коня да ѣдь зъ двора,
Бо ты не мiй, я не твоя! (Чуб. V. 169).
- ⁸⁾ Я жъ доѣду до Дунаю.
Да стану я подумаю.
„Вы, ангели, возьмий душу,
„Ты, рыбонько, возьми тило,
„Ты, риченько, ты быстрая,
„Вкинь кости на сушу!“ (Ibid.).

била ¹⁾), козакъ схватилъ ее за бока и утопилъ ²⁾). (Для сравн. см. польскія Кольб. 5, 1, 80 и др.).

Есть распространенная повсюду легендарная пѣсни о трое-зельѣ, баснословномъ какомъ-то растеніи, въ нѣкоторыхъ вариантахъ царь-зельѣ ³⁾); содержаніе ея таково: дѣвица Марусенька захворала и пожелала, чтобы козакъ досталъ ей трое-зелье, обѣщая ему за то свою руку ⁴⁾). Козакъ отправился за море, нашелъ тамъ трое-зелье и сталъ его выкапывать изъ земли. Вдругъ закуковала кукушка и подала ему вѣсть, что Марусенька измѣнила ему и празднуетъ свою свадьбу съ кѣмъ-то другимъ ⁵⁾). Козакъ немедленно возвратился и, доѣзжая до двора, встрѣтилъ свадебный поѣздъ своей Маруси. Онъ приказалъ играть музыкѣ, а самъ пошелъ танцовать съ Марусею. Онъ схватилъ ее за лѣвую руку, а въ правую взялъ саблю и отрубилъ ей голову, произнеся: вотъ тебѣ, Маруся, и трое-зелье; не начинай безъ меня своей свадьбы ⁶⁾).

Немалочисленный отдѣлъ между любовными пѣснями въ малорусской народной поэзіи составляютъ пѣсни о потерѣ дѣвической чести. И прежде бывали, и теперь есть молодцы съ эгоистическимъ легкомысліемъ относящіеся къ связямъ съ женщинами. Такой молодецъ въ малорусской пѣснѣ говоритъ о себѣ: хотъ свѣтъ не малъ, а мнѣ въ немъ не нашлось четы; я не женился и только подговариваю чужихъ женъ ⁷⁾). Зато ему и доставалось: много разъ его и псами травили, и подкарауливали, и если бы только поймали, то вѣрно бы и убили ⁸⁾).

¹⁾ За для того що вирно кохала.

(Чуб. V. 167).

²⁾ Узявъ милый милу за били боки,
Кинувъ милу у Дунай глыбокій.

(Ibid.)

³⁾ Метлинск., стр. 104—105.

⁴⁾ Ой хто мени трой-зилья достане,
То той мени дружиною стане.

⁵⁾ Стала зозуля кувати:
Ой не копай, козаче, трой-зилья
Бо сѣгодня въ Маруси весилья.

⁶⁾ Зостривъ винъ Марусино весилья,
Звеливъ вищъ музыки заграти,
А самъ пійшовъ зъ нею танцювати,
Взявъ же ѣи у ливую руку,
А шабельку у правую руку,
Мы жъ думали хмара зашумѣла,
А жъ въ Марусѣ головка злетѣла,
Отсе тобі, Маруся, трой-зилья
Не зачинай безъ мене весилья. (Метл. 105. Максим., изд. 1827. 224).

⁷⁾ Ци я несчастливый на сей свѣтъ родився?
Якій свѣтъ не малый, я ще не женився!

А я ходжу та й думаю, чужи жонки підмовляю. (Голов. III. 183).

⁸⁾ Не разъ стою, та й боюся,
Та якъ на рожнѣ трясуся,
Не разъ, не два, псами чвали,
Та ще сами засѣдали.

Якъ бы були ймили
Були бы мя вбили!

(Голов. III. 184).

У такого молодца разомъ двѣ возлюбленныхъ: одну онъ обнимаетъ и цѣлуетъ, а другая обливається слезами ¹⁾).

Въ старыхъ козацкихъ пѣсняхъ соблазнить дѣвицы козакомъ совершается нерѣдко подговоромъ къ побѣгу. Козакъ описываетъ чудеса въ томъ краю, куда хочетъ увлечь дѣвицу къ побѣгу вмѣстѣ съ собою ²⁾. Глухая дѣвочка послушала соблазнителя, а не вѣщей кукушки, которая тогда же предостерегала ее и говорила, что она весь свѣтъ облетала, а того, что козакъ рассказываетъ, не видала ³⁾. Прошли двѣ горы и вступили въ третью; наступаетъ ночь. Козакъ приказалъ дѣвицѣ стлаться. Тутъ увидала дѣвица, что худо. Меня мать не отдавала, чтобы я тебѣ стлала постель!—сказала она ⁴⁾. Но ужъ было поздно. Своя воля погубила ее. Видитъ она: ходятъ въ долину дѣвушки и рвутъ фіялки на вѣнки для себя на воскресенье. А она, бѣдная, уже не нужна для дѣвическаго общества и недостойна носить вѣнка ⁵⁾. Тогда дѣвица написала къ родителю письмо, въ которомъ выразила, что не нужно ей готовить вѣнка: уже она свой вѣнокъ потеряла, по своей глупости, подъ зеленымъ яворомъ съ молодымъ козакомъ ⁶⁾. Последний приемъ писанія письма къ родителямъ о своемъ паденіи очень любимъ въ народной поэзіи и встрѣчается часто. Между прочимъ такъ: дѣвица, потерявшая свое дѣвство, ходитъ надъ моремъ и сѣетъ долю. Она поплыветъ по морю и доплыветъ до куста, гдѣ сорветъ листокъ и на немъ на-

¹⁾ Горе жъ тому козаченьку, що дви дивчины кохає.

Ще якъ одна та чорнявая, а другая та бѣлая.

А винъ съ тою чорнявою цѣлується, обнимаеться,

А тая бѣленька, що серцю миленька, слизюньками обливається.

(Чуб. V. 196).

²⁾ Мандруй, мандруй, дивча, зъ нами,

Въ насъ криници рубленыя,

Въ насъ реки медяныя,

Въ насъ вербы грушки родять,

Въ насъ дивки въ злати ходять.

(Чуб. V. 335).

³⁾ Подлетила зозуленька:

„Не слухай дивчинонько,

Бо я весь свѣтъ пролїтала,

Золотыхъ горивъ не видала“ и проч.

(Ibid. 336).

⁴⁾ Мене мати не давала

Що бъ я тоби постіль стлала.

(Ibid. 335, для сравн. см. польскую Kolb. 5. 1. 28 и др.).

⁵⁾ Ой тамъ ходять дивочки,

Та збирають фіялочки,

На неділю на вѣночки.

Я до дивокъ не потрібна,

Я до вѣнка не способна.

(Ibid.).

⁶⁾ Най ся батько не турбує,

Най вѣночка не готує:

Ой вронила я вѣночокъ,

Черезъ свій дурный розумочокъ:

Въ чистимъ поли, безъ неволи,

Пидъ яворомъ зелененькимъ,

Съ козаченькомъ молоденькимъ.

(Чуб. V. 335).

пишетъ письмо къ родителямъ, извѣстивши ихъ о потерѣ вѣнка своего ¹⁾. Море здѣсь символъ безысходнаго горя, гибели, какъ вездѣ въ народной поэзіи. Въ другой пѣснѣ козакъ уговорилъ дѣвицу бѣжать съ нимъ и она терпитъ всякія лишения. Это выражается въ такой формѣ: она спрашиваетъ, что они будутъ постилатъ, когда придется спать ²⁾, чѣмъ покрываться ³⁾, чѣмъ, вставши отъ сна, умоются ⁴⁾, чѣмъ утрутся ⁵⁾. На все получаютъ отвѣты, показывающіе ожиданіе недостатковъ и лишеній, а вдобавокъ еще и суроваго обращенія съ нею. Дѣвушку, которую сманилъ съ собою запорожець, онъ потомъ водилъ бо-сикомъ по морозу и тамъ съ нею любезничалъ ⁶⁾. Другую сманившій ее козакъ привязываетъ къ соснѣ и зажигаетъ дерево ⁷⁾ (въ польской народн. поэзіи есть пѣсни, гдѣ молодець, соблазнивши къ побѣгу дѣвицу, убиваетъ ее. Kolb. 5. 1. 28—72).

Обольщеніе дѣвицы обыкновенно происходитъ на вечерницахъ. Оттуда ко-закъ уводитъ ее въ густой лѣсъ, подъ зеленый яворъ, символически изображаю-щійся въ пѣсняхъ свидѣтелемъ горя ⁸⁾. Употребляется какъ средство увлеченія

¹⁾ Ходить дивка по надъ моремъ,
Сѣе долю изъ приполю.

— Пливи, доле, за водою,
Допливемо до кущика,
Та й вирвемо по листочку,
Да спышемо по письмечку,
Пошлемо до отца, неньки,
Нехай много не турбують
И виночка не готують.

(Чуб. V. 345).

²⁾ „Що будемо постилати?“

— Ой у тебе запашина,
— А у мене сирачина.

³⁾ „Чимъ будемо укрываться?“

— Якъ наступить чорна хмара,
— То вона насъ покрывае.

⁴⁾ „Ой чимъ будемъ умываться?“

— Я вмьюся росоньками,
— Ты вмьнешься слизоньками.

⁵⁾ „Чимъ будемо утираться?“

— Ой я утрусь китайкою,
— Тебе утру нагайкою!

(Чуб. V. 191, 337).

⁶⁾ Запорожець, моя мамцю, запорожець,
Вывив мене, моя мамцю, на морозець,
Ставь винь мене пригортати,
Стали мои били нижки примерзати.

(Чуб. V. 339).

⁷⁾ Поѣдемъ до лису, нарубаемъ хмизу,
Запалимо сосну зъ верху до низу,
А сосонка горить, а дивчина говорить:
„Хто въ лиси ночуе, нехай голосъ чуе,
Сосна догорае, дивчина вмирае.“

(Чуб. V. 324, см. ibid. 394).

⁸⁾ Ой зрадивъ козакъ молоде дивча
На славныхъ вечерницахъ:
Та завивъ ѣи въ густый лисокъ
Пидъ явирь зелененькій.

(Чуб. V. 337).

и вино: козакъ напоилъ дѣвущку медомъ и виномъ и увелъ подъ бѣлую березу, гдѣ она лишилась невинности ¹⁾). Бѣдная, опомнившись отъ своего обольщенія, хотѣла бы имѣть крылья: полетѣла бы она къ родителямъ, черезъ лѣса, ломала бы древесныя вѣтки, залила бы слезами дуга, прилетѣла бы къ родному двору, упала бы она на калину, а съ калины перелетѣла бы на порогъ родительской хаты; воспоминанія о ласкахъ отца, о любви матери исторгають у ней потоки слезъ: горькая доля досталась ей въ удѣлъ ²⁾). Какъ все измѣнилось: вчера еще была она, какъ луговая калина, какъ огородная лоза, а теперь поблѣднѣла она словно глина, стала похожа на руту, брошенную въ воду ³⁾). Какъ такая несчастная открывается матери въ своемъ наденіи—объ этомъ существуетъ цѣлая пѣсня, повсюду распространенная. Мать вдова сердится на свою дочь и допрашиваетъ ее, гдѣ она дѣла свой дѣвическій вѣнокъ. Не смѣя открыться, она говоритъ, что уронила его въ воду, когда бѣлила полотно. Но когда мать сказала, что если такъ, то придется собирать громаду людей, чтобъ доставать упавшій въ воду вѣнокъ, дѣвица открывается: ѣхаль, говоритъ она, черезъ рощу молодой козакъ, снялъ съ меня рутяной вѣнокъ и пустилъ его по водѣ, а дѣвица осталась съ бѣдою ⁴⁾). О, лучше было бы,—говоритъ дѣвица матери

¹⁾ Гей поставлю я квартирочку меду,

Таки тебе зъ розуменьку звезду,

Гей я поставлю квартирочку, другую.

Таки тебе звезду молодую...

Ще й дѣвчина меду не допила,

Пидь березу головку склонила.

(Чуб. V. 347).

²⁾ Ой колибъ я мала орловы крыла, соловейковы очи,

Я бъ полетила до своего батька темнеькои ночи.

Лисомъ летила—гильля ламала,

Лугомъ летила—луги тошила дрибными слѣзами!

Якъ прилетила до своего батенька, та й сила на калину,

А съ калины та й сила на порози...

Якъ погадаю батькову щирность, обливають мене слѣзы.

Я въ батька росла, въ матинки ся кохала,

Таки жъ бо я лихій доленьци зостала.

(Чуб. V. 338).

³⁾ Вчера була якъ у лузи калина,

А сѣгоднѣ стала якъ билая глина.

Вчера була якъ рожонька въ городи,

А тепера стала якъ рутонька въ води.

(Чуб. V. 346, 353—354).

⁴⁾ Удивонька дочку свою била:

„Де ты, доню, вѣничикъ загубила?“

— За ричкою полотно бѣлила,

— Тамъ я, мамцю, винчикъ загубила!

„Суди, Боже, недилѣ диждати,

„Будемъ, доню, громаду збирати!“

— Шкода, мамцю, людей турбовати;

— Волю, мамцю, всю правду сказати:

— По пидь гаємъ, гаємъ зелененькимъ, у лозавоу лозоньжю

— Ёхавъ козакъ гожиі, молоденькиі, до калины, одетъ би А

— Изнявъ зъ мене винецъ рудченекыі, вывѣвъ П (01

— Покотивъ винчикъ по надѣ, волоку: (и одъ варъ, оза волоку) П

— Оставайся, дивчино, и въ бѣдоу! (Чуб. V. 413).

въ отчаяніи,—лучше было бы меня похоронить маленькою: теперь бы уже мать забыла, что у ней была когда-то давно дочь ¹⁾). Мы знаем одну только пѣсню (впрочемъ распространенную во многихъ вариантахъ), гдѣ соблазнитель сознается въ своей ошибкѣ и желаетъ загладить ее. Козакъ, находясь на службѣ въ Подышѣ, получаетъ письмо и проситъ пана отпустить его домой, сознаваясь, что оставилъ дѣвушку беременною ²⁾). Панъ его совѣтуетъ отказаться и сложить вину на кого-нибудь другого ³⁾). Козакъ не соглашается и утверждаетъ, что виною не кто-нибудь другой, а онъ самъ ⁴⁾). Козакъ ѣдетъ къ дѣвицѣ, находитъ ее больною, ласкаетъ, цѣлуетъ и увѣряетъ, что какъ только она оправится, такъ тотчасъ соединится съ нею бракомъ ⁵⁾).

Но такой козакъ въ пѣсняхъ одинъ только и составляетъ исключеніе. Другой еще все-таки, самъ будучи богатъ ⁶⁾, хочетъ вознаграждать дѣвушку деньгами ⁷⁾. Но чаще разгульный молодецъ смѣется надъ жертвою собственнаго легкомыслія ⁸⁾, надъ ея безчестіемъ ⁹⁾, надъ ея слезами ¹⁰⁾, да еще хвастаетъ своимъ подвигомъ, надѣясь еще обмануть десять такихъ дѣвицъ ¹¹⁾. Нѣтъ удержу

1) Ой було жь мене, мати,
Малою поховати,
Подъ тією калиною,
Лькь була дитиною!
Ти бь була бь и забула
Що въ тебе дочка була.

(Чуб. V. 119).

2) Пусти жь мене, пане, съ Польщи на Воляне,
Пише дивча листы що вже має сына.

(Чуб. V. 343).

3) Можна, листы взявши та перечитавши, назадъ одослати,
А тую причину на иншого скласти.

(Чуб. V. 344).

4) „Не могу я, пане, на инчихъ казати,
„Бо моя причина, буде Богъ карати!“

(Чуб. Ibid.).

5) Козакъ приѣзжае—родина витае,
Козакъ у свителку—дивчина хоруге.

Козакъ за рученьку—сердешне жалуе:

„Не журись, дивчино, Господь Богъ зь тобою!

„Якъ ты выдужаешь, визьму шлюбъ зь тобою!“

(Чуб. V. 345).

6) „Молодой козаче, не зражай дивчины!

„Бо тая дивчина бидна сиротина!“

— А я за ту зраду сто червонныхъ кладу.

(Чуб. V. 353).

7) Ой высипавъ на стилъ карбованицивъ двисти:

Отсе жь тобі, мила, дорога спидниця.

(Чуб. V. 346).

8) Будь здорова, моя черноброва:

„Я парубокъ, а ты бидна вдова.

А теперъ же ты ни жинка ни дивка,

А теперъ же ты людська поговирка.

(Чуб. V. 337)-

9) Прощай, шельмо, вже я не боюся,—

Покаюся, та ще й оженюся;

Оженюся, возьму соби чужьку,

А на тебе, шельмо, надичуть намитку.

(Чуб. V. 343).

10) Плакала, рыдала, слезы чирала,

Пугою (секою, биндою) голубою, правую рукою.

(Чуб. V. 277).

(81411) Любий я ты, здравий я ты, и я самъ то знаю,

вдовиному сыну—поется въ одной пѣснѣ: свель съума чужое дитя, самъ садится подъ яворомъ, играетъ на скринкѣ и приговариваетъ: прощай, прощай, моя приятная бесѣда! Ужъ я не твой, а ты не моя! ¹⁾). Есть пѣсня, гдѣ подобный гуляка, встрѣчая въ слезахъ свою прежнюю любовницу, имъ обольщенную, приглашаетъ ее въ насмѣшку къ себѣ на свадьбу пировать ²⁾).

Послѣдствіемъ потери дѣвической чести естественно бываетъ появленіе незаконнорожденныхъ дѣтей. Тутъ положеніе дѣвицы становится крайне унижительнымъ и невыносимымъ, особенно когда на нее наложить намѣтку—уборъ замужней женщины, покроютъ ей голову, такъ какъ, по народному міровоззрѣнію, дѣвушкѣ, потерявшей честь, уже недозволительно ходить съ открытыми волосами и съ лентами въ косахъ. Она съ этихъ поръ называется покрывкою, и достигнуть такого положенія считается, а въ старь еще болѣе, чѣмъ теперь, считалось большимъ срамомъ. Пока дѣвушка не родила ребенка, ей возможно утаивать отъ свѣта свое паденіе, но тогда уже скрываться нельзя: надобно показаться покрывкою, чего всѣ дѣвушки очень боятся. Но молодца-соблазнителя не слишкомъ огорчала судьба его любовницы съ ея порожденіемъ. Дѣвица, качая дитя, плачетъ, а козакъ смѣется надъ нею, сѣдлая коня, чтобы улепетнуть подалеже отъ ея упрековъ и роцота ³⁾). Она требуетъ, чтобы онъ взялъ ребенка, иначе грозитъ кинуть его подъ коня ⁴⁾). Если козакъ ей прежде давалъ подарки, то припомнить ихъ въ такую минуту ⁵⁾). Есть пѣсня, гдѣ дѣвушка приноситъ козаку его дитя и угрожаетъ закинуть въ крапиву, а сама

Хощь я тебе одну здражу, то я десять маю.

(Чуб. V. 395. Гол. I. 253).

- ¹⁾ Нема впину вдовиному сыну,
Що звивъ зъ ума чужую дитину,
Сидить соби на скрипочку грае:
— Будь здорова, любая розмова,
Вже я не твій, ты не моя!

(Чуб. V. 275—411).

- ²⁾ За густыми лозоньками,
Плаче дивка слизоньками.
Не плачь, мила, не журися,
Ще я молодъ, не женився:
Ой якъ буду женитися,
Прійди, серце, дивитися.

(Чуб. V. 187).

- ³⁾ Тамъ у лузи при долини
Колыхала дивчина дви дитини,
Колыхала и плакала:
„Чого я, моцный Боже, дождала!“
А винь стоить, ничого не мовить,
Осидлавши коня, смішки строить.

(Чуб. V. 354).

Или:

- Плаче дивчина, дитину гойдаючи,
Сміється козакъ, коника силаючи.

(Чуб. V. 342).

- ⁴⁾ Ой на тоби, козаче, дитину,
Бо далебо пудъ коника пудкину!

(Ibid.).

- ⁵⁾ Умила дивчина подарочки брати,
Умій дитину колыхати.

(Ibid.).

она пойдетъ на Украину, гдѣ ее не знаютъ и гдѣ будутъ признавать ее за непорочную дѣвицу ¹⁾.

Въ другой пѣснѣ, очень распространенной повсюду въ различныхъ вариантахъ, козакъ предлагаетъ такой дѣвущкѣ одно за другимъ—овець, коровъ, кадъ масла, кадъ сыра и т. п., съ тѣмъ, чтобы она кормила ребенка и не показывала бы на него, а на кого-нибудь иного—хоть бы на стараго дѣда. Дѣвущка не соглашается и козакъ долженъ былъ все-таки, приплотившись ей, взять на свое попеченіе ребенка, хотя жалуется, что ему за то набьютъ палками спину ²⁾. По послѣднимъ чертамъ можно догадываться, что этотъ козакъ запорожець, такъ какъ у запорожцевъ за незаконное сожитіе съ дѣвущкой называли палками.

Въ одномъ вариантѣ этой пѣсни является еще третье лицо—мать козака, которая загоняетъ его съ сѣнокоса, гдѣ онъ видался съ дѣвущкою, называемою въ этомъ вариантѣ Марійкою. Мать остерегаетъ его, что эта Марійка (только что передъ тѣмъ приносившая къ нему на сѣнокосъ ребенка) заберетъ у него все его достояніе. Козакъ отвѣчаетъ, что если и такъ станется—пусть пропадетъ его достояніе, а онъ ни за что не обвѣнчается съ Марійкою ³⁾.

Въ другой пѣснѣ подобнаго содержанія покинутая дѣвущка съ ребенкомъ сидитъ на постели въ коморѣ, клянеть свое легкомысліе ⁴⁾, и увидя чрезъ окно своего соблазнителя, который гарцуетъ на конѣ, обращается къ нему съ упрекомъ за его къ ней невниманіе. Ей посылается насмѣшливый отвѣтъ ⁵⁾. Дѣ-

1) Дивчина зъ ольшины виходить,
И на ручкахъ дитину выносить.

„Ой на тоби, козаче, дитину,
„Якъ не возьмешъ, на межи покину,
„Я дитину въ кропиву укину,
„Сама пійду у свить на Вкрайну,
„Та не будуть мене люди знати,
„Будуть мене дивчиною звати“.

(Чуб. V. 347).

2) Ой тамъ козакъ дрибни листы пише,
И ногою дитину колише:

Люли, люли, муй сынку,
Дадуть мени сто палокъ на спинку.

(Чуб. V. 346—347).

3) „Ой сыну Василю, иди жъ ты до дому,
„Забере Марійка всю твою худобу!“
— Нехай забирае, худобу добуду,
А таки вѣнчатисъ зъ Марією не буду!

4) Що бъ я була матусеньки слухала,
Була бы я дивонькою гуляла.
Не слухаламъ ни матинки, ни отця,
Послухала козаченька-подлеца.

(Чуб. V. 347).

Въ коморонци кроватонька тисова,
На кроватоньци периночка пухова,
На периночци дивчинонька молода,
Билой ручкой дитя мале взяла.

(Ibid. 348).

5) Ой гляну я въ нову ю квартиру,
Десь мій милый на конику виграе,
До мене а ни окомъ не выгляне.

вухка раздражается отчаяннымъ возгласомъ: теперь мнѣ хоть изъ моста въ воду, а уже не войти членомъ въ свою семью ¹⁾). Но козакъ на это не посмотритъ: много ночей провелъ онъ безъ сна, соблазняя молоденькую дѣвицу; теперь поѣдетъ онъ куда-то прочь, а дѣвушка пусть трубитъ себѣ въ кулакъ ²⁾). Останется она живымъ укоромъ для матерей, чтобъ не пускали своихъ дочекъ по ночамъ и научали бы ихъ не любить козаковъ и не вѣрить ихъ словамъ, подобнымъ пѣннѣ на морѣ ³⁾, а своимъ сверстницамъ дѣвицамъ послужитъ она своимъ наставительнымъ примѣромъ ⁴⁾). Есть пѣсня, гдѣ соблазняетъ дѣвушку ляхъ съ своими товарищами земляками. Они увезли ее изъ родительскаго дома въ Кіевъ, но мать, спохватившись, что дочери нѣтъ, послала въ погоню сыновей, которые догнали сестру въ Полтавѣ и требовали, чтобъ она отдала имъ на расправу своего ляха и ѣхала бы съ ними къ матери ⁵⁾). Дѣвушка умоляла ихъ пощадить ляха, но они не послушали ее, изрубили ляха и забрали все богатство, какое было съ нимъ ⁶⁾ ⁷⁾).

По всему надобно считать вариантомъ этой пѣсни и подобную галицкую

„Що жъ ты, милый, думаешь-гадаешь,
„Що до мой кватирочки и не поглядаешь?“
— Ой я тебе думаю-гадаю,
— Що до тебе окомъ не взгляну!

(Чуб. V. 348).

¹⁾ „Теперь мени хоць зъ мосту та въ воду,
А вже жъ мени не признаться до роду“.

(Ibid.).

²⁾ Не спавъ нячку, не спавъ другу,
Извивши зъ розума дивчину молодую.
А теперъ осидлаю коня вороного,
Та й поѣду изъ двора цового.

Теперь, дивчино, затруби соби въ кулакъ,
Що звивъ зъ розуму молоденькій козакъ.

(Чуб. V. 408).

³⁾ Ой сусиды нашѣ-маточки, навчайте свои дочки,
Що бъ по ночамъ не ходили, козаченькивъ не любили...
И вироньки не доймали и правдоньки не казали...
У козака вира, якъ на мори пѣна.

(Чуб. V. 352).

⁴⁾ Вы, дѣвчата, мои голубочки, не дѣйте козакамъ вѣры,
Я молода вѣры дѣймала, теперь же я навѣки пропала.

(Чуб. V. 353).

⁵⁾ Що ты, сестро, наробила,
Нашу матѣрь спечалила.
Вона тебе проклинае,
Сама зъ туги помирае.
Ой велѣла тобѣ мати
Недовѣрка покидати.
Мы тебе къ собѣ приймаемъ,
А ляхка твого зрубаемъ.

(Максим., изд. 1827. 123).

⁶⁾ Що хочете вы рубите
Тильки ляхка не рубите.
Браты Гали не слухали,
Срѣбло злато все побрали
И ляшенька порубали.

(Ibid.).

⁷⁾ Подобнаго содержания польскія пѣсни Kołb. 5. 1. 241—252.

пѣсню, гдѣ описывается, какъ сманили дѣвицу не ляхи, а прямо молодцы, называемые даже козаками. Мать посылаетъ въ погоню сыновей, которые умертвили соблазнителя сестры своей медленнымъ изрубленіемъ, съ приговорами: вотъ тебѣ за разговоръ! Вотъ тебѣ за сестру нашу! Вотъ тебѣ конецъ ¹⁾).

Стыдъ, какъ послѣдствіе потери дѣвической чести, приводитъ иногда къ трагическимъ событіямъ дѣтоубійства. Въ пѣсняхъ встрѣчаются эти черты, хотя не въ большомъ количествѣ. Есть повсюду распространенная пѣсня о ковалевои дочери Катеринѣ, пѣсня тѣмъ замѣтная, что одно и то же собственное имя вездѣ удерживается, тогда какъ большею частью собственные имена въ пѣсняхъ видоизмѣняются. Дочь коваля Катерина родила сына, тайно утопила его въ колодецѣ и обращается къ буйному вѣтру, чтобъ онъ нанесъ тучу, изъ тучи пошелъ бы дождь и залилъ всѣ тропинки, чтобы люди не ходили къ колодецу и не будили ея сына. Ея преступленіе было извѣстно отцу, такъ какъ въ пѣснѣ говорится въ началѣ, что коваль (кузнецъ) не работаетъ отъ тоски ²⁾. Въ другой пѣснѣ единственная дочь вдовы (вдовы единица) родила дитя. Виновникъ этого козакъ даетъ ей корову и червонцы съ тѣмъ, чтобъ она кормила ребенка ³⁾. Но когда

- ¹⁾ Скоро вни го забачили,
 Ручку ножку му одтали,
 Якъ го втали коло пальци:
 „На жъ ти, Ясю, намовляныця!
 Якъ го втали коло пасу:
 „На жъ ти, Ясю, сестру нашу;
 Якъ го втали коло ши:
 „Нашъ ти, Ясѣ, южъ не жіе!“

(Голов. I. 86—87).

- ²⁾ Ой ты ковалю коваленьку
 Чомъ ты не куєшь рано-пораненьку?
 Ой да никто того горя не знае,
 Що коваленька журба обнимае.
 Ой ковалева дочка Катерина
 Вона собі сына породила,
 Въ глибокимъ колодязи потопила,
 Да за ворота право выходила,
 Зъ буйнымъ вѣтромъ говорила:
 Да повій вѣтре буйненькій,
 Да нажени хмарку чорнесеньку,
 Да спусти дождчикъ дрибнесенькій,
 Да замый стежки й дорожки,
 Щобъ туды люде не ходили,
 Зъ колодязя воды не носили,
 Що бъ мого сына не будили (въ др. вар. не ворухили),
 Що бъ мого сердца не сушили (изъ моего рукописн. сб. ср. Чуб. V. 363.
 Макс., изд. 1827. 73).

- ³⁾ Ой гуляла единица рикъ якъ годину,
 Выгуляла единица маленьку дитину,
 Сидить козакъ въ концѣ стола, дрибны листы пише,
 А вдовица единица дитину колише.
 Ой дамъ тобі, единице, корову рябую,
 Годуй, годуй, единице, дитину малую.

козакъ пошелъ въ корчму пить—единица вдовина понесла топить дитя свое ¹⁾. Есть у насъ еще одна пѣсня объ Оленочкѣ, которую въ Харьковѣ ведутъ въ тюрьму ²⁾ за дѣтубійство и она провожающей ея матери даетъ совѣтъ не пускать на вечерницы другихъ своихъ дочерей ³⁾.

Въ малорусской любовной поэзіи не маловажную роль играютъ чары. Народное вѣрованіе приписываетъ тайную силу, сообщаемую чародѣйствомъ зельямъ и другимъ предметамъ и дѣйствующую на человѣческой организмъ большею частью зловредно. Отрава всегда однозначительна съ чарами. Женщина, занимающаяся собираніемъ травъ и знающая ихъ волшебное свойство, называется чаровницею. Иногда такая чаровница старуха, иногда же молодая дѣвушка, употребляющая свое знаніе таинственныхъ силъ надъ тѣмъ, съ которымъ находится въ любовныхъ отношеніяхъ. Въ пѣсняхъ, преимущественно съ чарами, является дѣвица, иногда съ цѣлю приворожить молодца, но чаще съ цѣлю отомстить за измѣну, и въ послѣднемъ случаѣ чары выражаются отравою. Самый невинный способъ чарованія—прикрытіе слѣда милого человѣка: это дѣлается съ цѣлю, чтобъ его не полюбили другія особы женскаго пола, а онъ бы всецѣло принадлежалъ той, которую полюбилъ прежде ⁴⁾. Въ другой пѣснѣ берутъ песокъ изъ-подъ ногъ молодца и производятъ надъ нимъ чародѣйственные приемы, чтобы привязать молодца къ дѣвущкѣ ⁵⁾. Въ одной пѣснѣ разсказывается, что козакъ, бывшій въ чужой сторонѣ, возвращается къ семьѣ своей ⁶⁾, но случайно встрѣчается съ дѣвицею, которая полюбила его и причаровала ⁷⁾ съ тѣмъ, чтобы онъ уже не ѣздилъ къ своей семьѣ, а остался бы навсегда съ нею. Скрывая отъ него свой умыселъ и видя, что онъ торопится къ любимой семьѣ, она снаряжаетъ его къ отъѣзду изъ ея жилища и подаетъ ему поужи-

Ой дамъ тобі, единице, червонця на страву,
Годуй, годуй, единице, козацькую славу.

(Чуб. V. 363).

¹⁾ Иде козакъ до корчмы пити,

А вдовина единица дитину топити.

(Ibid.).

²⁾ У городѣ, у Харьковѣ задзвонили дзвони,

Що бѣ усѣ люди, усѣ паны до церкви ишли.

А всѣ люди, усѣ паны до церкви идуть

Молодую Оленочку до турми ведуть.

За нею йде стара мати, все плаче й рыдае...

³⁾ Есть у тебе, стара мати, да ще дочекъ пять:

Не пускай ихъ на вечерницѣ—нехай дома сплять.

Бо на вечерницяхъ хатка маленька, а всѣ долѣ сплять,

Били каждой дивчиноньки женихѣвъ по пять.

(Ср. Чуб. V. 891 подобн. Голов. I. 54. III. 26. 226. Для ср. подобныя польскія Kolb. 5. 1. 151—169).

⁴⁾ Пйду я въ лисочокъ, вирву я листочокъ,

Я покряю свого миленького слидочокъ,

Що бѣ витерѣ не звявѣ, пташки не склювали,

Що бѣ мого милого инши не спріяли.

(Чуб. V. 46, 212, 282).

⁵⁾ Брала песокъ съ нидѣ моихъ нижокъ, мене чарували. (Чуб. V. 263).

⁶⁾ Есть у мене жинка и маленьки дити.

(Чуб. V. 272).

⁷⁾ Молода дивчина козака любила,

Любила, любила, та й причарувала.

(Чуб. V. 271).

нать наскоро хлѣба и рыбы ¹⁾). Тутъ-то и были подданы козаку чары. Онъ хотѣлъ бы къ своей женѣ и дѣткамъ на крыльяхъ летѣть ²⁾), а она ему говоритъ: далеко къ нимъ на крыльяхъ летѣть; оставайся-ко со мною ночевать ³⁾). Козакъ не устоялъ противъ искушенія, и потомъ дѣвушка говоритъ ему, что теперь уже не летать ему къ семьѣ своей, а придется здѣсь коротать свой вѣкъ, и здѣсь найти козацкую смерть ⁴⁾). Но въ пѣсняхъ главная сила очарованія приписывается женской красотѣ, такъ что собственно чародѣйственныя снадобья только какъ бы помогаютъ этой естественной силѣ. Въ той же пѣснѣ козакъ говоритъ, что онъ полетѣлъ бы къ семьѣ своей, да дѣвица прижгла ему душу—не огнемъ, не водою, а своею красою ⁵⁾). Такъ и въ другой пѣснѣ, гдѣ дѣвушка очаровываетъ молодца выборомъ слѣда изъ-подъ ногъ его, онъ говоритъ ей: ну, очаровывай, коли такъ пришлось, когда я полюбилъ твое бѣлое лицо и черныя брови ⁶⁾). Ту же мысль встрѣчаемъ въ одной очень распространенной пѣснѣ. Дѣвица, покинутая молодцомъ, нашла въ лѣсу чародѣйственный корень, выкопала и стала варить, но еще не успѣлъ вскипѣть этотъ корень, какъ уже прилетѣлъ козакъ. Зачѣмъ же прилетѣлъ, когда не захотѣлъ любить?—спрашиваетъ дѣвица. Какъ же мнѣ не летать, когда умѣешь чаровать?—сказалъ молодецъ. О, есть у меня чары—бѣлое лицо и черныя брови!—отвѣчала дѣвица ⁷⁾).

Употребляются чары не только для того, чтобы приворотить молодца къ

1) Ты вынесла рыбку ще й хлѣба скибку:

Отсе тоби, серденько, вечера на швидку.

(Ibid.)

2) Ой радъ бы я, серденько, на крылахъ летити.

(Чуб. V. 272).

3) Далеко, далеко крылами летати,

Зоставайся, серденько, зо мною ночувати.

(Ibid.)

4) Вже тобѣ, серденько, до ихъ не лѣтати,
Вже тобѣ, серденько, тутъ вѣкъ корогати,
Кучерявымъ чубомъ стень устѣлати,
Своимъ бѣлымъ тѣломъ воронъ годувати,
Жовтою костью мосты вымошати,
Червоною кровью моря доповнати.

(Чуб. V. 273).

5) Полетѣвъ бы да не мушу,

Припалаила дѣвчина душу,

Ой чи огнемъ, чи водою, чи своєю хорошою вродою?

Нѣ огнемъ, нѣ водою, а своєю хорошою вродою.

(Чуб. V. 273).

6) Чаруй, чаруй, молода дивчино, коли довелоя,

Коли твое та биле личко зъ моимъ понялося,

Коли жъ твои та чорни брови

Прійшлись до любви.

(Чуб. V. 263).

7) А ще коринь не скипивъ,

А вже козакъ прилетивъ.

„Ой чоґожъ ты прилетивъ,

Коли любить не схотивъ?“

— Якъ же менѣ не литати

Коли вмѣешъ чарувати?—

„Ой е въ мене чароньки:

„Биле личко, бровоньки!“

дѣвицѣ, но также и съ цѣлью отворотить отъ нея. Такъ въ одной пѣснѣ козакъ, встрѣчая дѣвицу съ водою въ ведрахъ, просить напиться, а она ему отвѣчаетъ, что мать не велѣла давать этой воды; какъ принесетъ она ее домой—примутся чародѣйствовать, а какъ онъ придетъ къ нимъ вечеромъ, такъ ему опутають чарами руки, ноги и глаза, чтобъ онъ не ходилъ къ другой дѣвицѣ и не любилъ другихъ ¹⁾. Въ другой пѣснѣ, которая, кажется, измѣненный по содержанію вариантъ предыдущей, несущая воду дѣвица отвѣчаетъ козаку, что она опутаеть его чарами для того, чтобъ онъ къ ней не ходилъ болѣе, и молодецъ укоряетъ ее, что прежде ласкали его, а теперь не хотятъ уже его видѣть, потому что появились другіе молодцы ²⁾.

Опутанный чарами молодецъ подвергается тоскѣ. Онъ просить свою мать положить ему за пазуху руку, не станетъ ли ему оттого лучше на сердцѣ. Мать отвѣчаетъ: не поможетъ тебѣ и рука моя, что тебѣ надѣлала злодѣйка дѣвица ³⁾. Мать узнаетъ, что дѣвица чаровала надъ пескомъ, взятымъ изъ-подъ его ногъ, и поила его водой изъ зеленого брода ⁴⁾. Сама дѣвица сознается, что творила чары и что ей извѣстно такое зелье, что когда онъ напьется, то сразу полюбить ⁵⁾. Существомъ, занимающимся чародѣйствомъ, считается цыганка, и въ

1) Тамъ дивчина воду несла, коромысло гнетъся.

„Дай, дивчино, воды пити, бо серденько бьетъся“.

— Не казала мене мати сеи воды дати,

Якъ прійдешь у вечери, будемъ чарувати:

Очаруемъ руки, ноги и чорни очи,

Що бь не ходивъ до иншої темненькой ночи.

Бодай тебе, козаченько, ворота прибили,

Що бы тебе писля мене инши не любили...

(Чуб. V. 421).

2) — Ой дай мила, ой дай мила зъ видра воды пити,

— Ой чи яжъ перестану за тобою тужити! —

„Не дамъ, не дамъ зъ ведра воды, не казала мати,

„Прійди, прійди самъ зъ вечира, буду чарувати.

„Обчарую руки, ноги, обчарую очи

„Щобъ до мене не ходили темненькой ночи“.

— Перше-сь мене голубила сама-сь ми мовила,

— Теперъ хочешъ що бы-сь мене бильше не видила,

— Якъ узили бильше людей къ тоби прабувати,

— А ты мене, молодого, взяла чарувати. (Голов. I. 286—287).

3) „Ой ты, стара нене, та сядь коло мене,

„Заклади ручину та й за пазушину,

„Чи не полегчае моему серденьку?“

— Вже тоби не поможе и моя ручина,

— Бо щось учинила та превража дивчина.

(Чуб. V. 420).

4) „А то тоби, мій сыночку, дивчина нарбила,

„Брала писокъ зъ пидъ бильхъ ногъ та вычарувала,

„Брала воду зъ зеленого броду, тебе наповала!“ (Чуб. V. 423).

5) „Чи ты мени зилья дала у горилыци спити,

„Що я тебе такъ узаясь вирненько любити?“

— Ой яжъ тоби, мій миленькій, зилья не давала,

— Слидокъ брала, къ серцю клала, що вирно кохала.

— Есть у мене таке зилья, биля перелазу

— Яжъ дамъ тоби напиться, полюбишь одъ разу. (Чуб. V. 418).

народномъ возрѣніи и въ пѣсняхъ. Молодецъ ли поддѣлалъ у ней такого средства, чтобы дѣвица вступила съ нимъ въ супружескія отношенія (цыганка стрижетъ коню гриву для того, чтобы дѣвицу полюбила вся семья — молодца) ¹⁾. Въ другой пѣснѣ, очень похожей по складу на первую, цыганка прибѣгаетъ къ цыганкѣ съ просьбою причаровать къ ней молодца (цыганка стрижетъ коню гриву для того, чтобы дѣвицу полюбила вся семья — молодца) ¹⁾. Въ другой пѣснѣ, очень похожей по складу на первую, цыганка прибѣгаетъ къ цыганкѣ съ просьбою причаровать къ ней молодца ²⁾; по другому варианту, цыганка, отрѣзавши у коня часть гривы, обкуривала дѣвицу (цыганка стрижетъ коню гриву для того, чтобы дѣвицу полюбила вся семья — молодца) ¹⁾; по другому варианту, цыганка, отрѣзавши часть русой косы дѣвицы, въ той же пѣснѣ съ коварною цѣлью, чтобы ее не любила ни челядь на улицѣ, ни родичи (цыганка стрижетъ коню гриву для того, чтобы дѣвицу полюбила вся семья — молодца) ¹⁾.

Вечерницы изображаются опаснымъ мѣстомъ, гдѣ вороженицы наносятъ вредъ молодцамъ своими чарами ⁶⁾. Есть очень распространенная пѣсня о Грицѣ, котораго дѣвица зазвала къ себѣ на вечерницы ⁷⁾, очень интересная пѣсня описывается цѣлая недѣля, когда совершается преступленіе. Въ воскресенье (понеделникъ и вторникъ) готовится отравы ⁸⁾, въ среду Гриць умираетъ ⁹⁾, въ четвергъ онъ умеръ ¹⁰⁾, а въ пятницу его схоронили ¹¹⁾. Въ субботу мать чаровницы допрашиваетъ ее, за что она свела со свѣта Гриця и въ воскресенье чаровница отвѣтъ, за то, что Гриць любилъ двухъ дѣвицъ ¹²⁾, а не одну ее. (цыганка стрижетъ коню гриву для того, чтобы дѣвицу полюбила вся семья — молодца) ¹⁾.

¹⁾ „Цыганочко-вороженько вчини мою волю.

„Чи не стане дивчинонька дошлюбу зо мѣнѣ?

Цыганочка-вороженька волю учинила мѣнѣ?

Сивому кониченьку гриву устригла,

Бодай тебе, дивчинонько, вся семья любити.

(Чуб. Ibid.).

²⁾ Цыганочко-вороженько вчини мою волю

Очаруй ты козаченька, шо бѣ винъ живъ.

... (Ibid. 418—419).

³⁾ Увирвала да съ коня гривы, дивчину кудри,

(Чуб. V. 419).

⁴⁾ Молоденькій козаченько якъ рыбонька бѣгати,

Молодая дивчинонька зъ козаченька сміяти,

(Ibid.).

⁵⁾ Уризала русой косы, їи напоила

Що бѣ їи молодой челядь не любила;

Не такъ челядь, якъ ридная мати,

Не пускае на улицу межъ челядь гуляти.

(Чуб. V. 420).

⁶⁾ Не їди, сынку, на вечерници,

Де дивчата чаривници,

Держать чары на полици.

юшоко вр

ю вродок

(Чуб. V. 421).

⁷⁾ „Ой ты, Грицю, дорогій кришталю,

„Чи ты не знаешь, де я мишкаю?

овелося,

нялося,

„Моя хатина близько криници

„Прійди до мене на вечерници!“

(Чуб. V. 431).

⁸⁾ Въ неділю рано зильля копала,

Въ понеділокъ рано зильля пополоскала,

Въ виторокъ рано—зильля варила.

(Ibid. 429).

⁹⁾ Въ середу рано Гриця отруила.

(Ibid.).

¹⁰⁾ Прійшовъ четвергъ—уже Гриць померъ.

(Ibid.).

¹¹⁾ Прійшла пятница—поховали Гриця.

(Ibid.).

¹²⁾ Въ субботу рано мати дочку біла:

На шо ты, суко, Гриця отруила?

Охъ мати, мати, жаль ваги не мае,

Нехай Грицуне насъ двоохъ не кохае.

уб. V. 4.

р. V. 429—430)

которымъ отравляетъ дѣвица молодца, называется «коханъ-зѣлья», т.-е. любовное зелье ¹⁾). Дѣвица подаетъ молодцу отраву то въ стаканѣ съ медомъ ²⁾, то въ пирогахъ ³⁾, то въ перенелкѣ, жареной въ маслѣ ⁴⁾; въ пятой пѣснѣ, носящей печать вліянія великорусскаго пошиба, отравленнаго молодца хоронять, за гробомъ его съ плачемъ идуть родители, а злодѣйка стоитъ у своихъ воротъ и насмѣхается ⁵⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ отравленный дѣвицею молодецъ, чувствуя скорую смерть, проситъ мать не преслѣдовать отравительницу, чтобы она его не проклинала, потому что ему тогда будетъ трудно умирать ⁶⁾. Отрава не всегда влечетъ послѣ себя скорую смерть. Мать съ дочерью грозятъ молодцу, что его постигнетъ такая бѣда, что онъ будетъ сохнуть-увядать, семь лѣтъ лежать въ постели и желать смерти, а смерти ему долго не будетъ ⁷⁾. Подобно тому въ одной пѣснѣ молодецъ, любившій разомъ трехъ дѣвицъ, былъ одною изъ нихъ отравленъ, и хотя не умеръ сразу, но не могъ отъ безсилія ни пахать, ни косить ⁸⁾, ни молотить ⁹⁾ и помышлялъ только о смерти ¹⁰⁾. Это то, что въ народномъ вѣрованіи называется «даваньня». Малороссіяне вѣрятъ, что чародѣйки находятъ средства нагнуть на человѣка тоску, упадокъ силъ и, не при-

- ¹⁾ Дала дивчинонька козакови коханъ-зилья спити,
Що бь ему молодому на свити не жити. (Чуб. V. 429).
- ²⁾ Соби меду наварю та й у гости позову,
Козаченька молодого на ослинци посажу,
Стаканъ меду пиднесу, зло-кориньямъ отрую. (Чуб. V. 435).
- ³⁾ Прийшовъ Василь до дивчины, тай сивъ на порозѣ,
Вона ему дала чары въ пшеничнымъ пирози:
Въ однимъ рази у пирози шавлія и рута,
Въ другимъ рази у пирози провлята отрута
Гадивочка люта. (Чуб. V. 434, 436).
- ⁴⁾ Ой пиславъ я до дивчины Насти,
Дала вона мени перепилку въ масли.
Ой иззивъ же я но крыльце и реберце,
Пидперло мене пидъ груди, пидъ серце. (Чуб. V. 435. Голов. III. 163).
- ⁵⁾ Зъ вечора удалый молодчикъ все пивъ и гулявъ,
А къ пивночи удалый молодчикъ Богу душу отдавъ,
А у неділю въ обидню годину везуть хоронити,
За нимъ иде отецъ,—ненька розбивається,
Стоить шельма на новыхъ воротахъ—насмихається. (Чуб. V. 432).
- ⁶⁾ Якъ мѣ дала склянку вина, треба умирати,
Не поймай, моя мати, богацькую дочку,
Богацькая дѣвинонька буде проклинати,
Буде мнѣ молодому тяжко умирати. (Голов. III. 161).
- ⁷⁾ Изосохнешь, изовьянешь якъ рожева квітка,
У постели лежатимешъ смерти бажатимешъ,
У своєи матусеньки воли прохатимешъ.
Сѣмъ лѣтъ трасця труситеме, а смерти не буде. (Чуб. V. 422. Метл. 86).
- ⁸⁾ Не здужаю, брате, на воли гукати
Не здужаю, брате, косы волочити. (Чуб. V. 364).
- ⁹⁾ Не здужаю, брате, цина поднимати. (Ibid.).
- ¹⁰⁾ На що жь мени, мати, людей старыхъ съкати,
Треба жь мени, мати, заступна, лопаты,
Дубовой хаты, глубокой ямы. (Ibid. 365).

чиня сразу смерти, медленно уничтожать его тѣлесный организм (о чарахъ великор. ср. Шейна I. 327—329).

Обыкновенно въ пѣсняхъ представляется, что дѣвица отравляетъ молодца изъ мщенія за невѣрность, но есть пѣсня, гдѣ по наущенію молодца дѣвица отравляетъ своего брата. Это пѣсня о сербинѣ. Дѣвушка говоритъ молодцу, чтобъ онъ ее сваталъ, а молодець сербинъ отвѣчаетъ, что боится ея брата, и если бы она отравила своего брата, тогда онъ бы ее сваталъ ¹⁾. Дѣвица говоритъ, что умершіе ея родители не научили ее чародѣйствовать ²⁾. Тогда сербинъ научаетъ ее, какъ достать змѣйнаго яда ³⁾. Въ другомъ вариантѣ вѣсто сербина искусителемъ является армянинъ ⁴⁾, а въ иныхъ—просто козакъ ⁵⁾.

Дѣвушка къ прїѣзду возвращающагося брата наварила пива, подкинула туда яда и поднесла брату, какъ только онъ подѣхалъ къ ея порогу ⁶⁾. Во многихъ вариантахъ фабула оканчивается тѣмъ, что искуситель не женился на преступницѣ, опасаясь, чтобъ она съ нимъ не сдѣлала того же, что съ братомъ ⁷⁾. Она вышла за нищаго и носила за нимъ мѣшокъ съ выпрошенными

1) Ой Сербине, Сербиночку!

Возьми мене дивчиночку!

Взявъ бы я тебе небого,

Якъ счаруешь брата свого.

(Ср. Голов. I. 206. II. 583).

2) А вмерь батько, вмерла мати,

Не навчила чарувати.

(Чуб. V. 433).

3) Ой у лисѣ на лизни

Ой тамъ висить три гадини,

На гадину сонце пече,

А зъ гадини ропá течѣ.

Пидставъ, дивча, коновочку

Педь гадючу головочку.

(Чуб. V. 432).

4) Тамъ вармяне пасли кони.

Пасли жъ вони попасали

Дивчиноньку пидмовляли:

„Мандруй, мандруй дивча зъ нами,

Зъ молодыми вармянами:

— Ой рада бъ я мандрувати,

— Коли буде мій братъ знати.

„Счаруй, дивча, брата свого,

„Иди за мене молодого!“

(Чуб. V. 433).

5) Ой козаче, козаченьку

Сватай мене молоденьку.

(Ibid.).

6) Братъ прїѣхавъ зъ дароньками,

Сестра къ брату зъ чароньками.

„Ой на, брате, сего пива,

„Що я вчора наробила“.

Якъ братъ пива да й напивси,

Що конику локотився.

— Що се, сестро, да й за пиво

— Коло серця заварило!

(Чуб. V. 432).

7) „Ой Сербине, Сербиночку,

„Бери мене дивчиночку,

кусками хлѣба, претерпѣвая подчасъ отъ него побои ¹⁾. Въ вариантѣ галицкомъ выхода въ замужество за нищаго нѣтъ. (Подобнаго содержанія польская пѣсня у Кольберга. 5. 1. 134).

Хотя обыкновенно отравительницами въ пѣсняхъ являются дѣвушки, но видно, что чародѣйская наука изъ поколѣній въ поколѣнія переходитъ отъ старыхъ къ молодымъ и дѣвицы научаются чародѣйственнымъ тайнамъ отъ женщинъ-вдовъ. Въ одной пѣснѣ молодець, не взлюбивши дѣвушки и предпочитая ей вдовицу, говорить, что у вдовицы стоять на полкѣ приготовленныя чародѣйственныя снадобья ²⁾. Въ другой пѣснѣ говорится о трехъ бабахъ чаровницахъ: изъ нихъ одна околдовывала коровъ (занятіе вѣдьмъ, по народнымъ вѣрованіямъ, портить чужихъ коровъ), другая занимается тѣмъ, что разстраиваетъ домашнее житье-бытѣ, а третья—разлучаетъ дѣвицъ съ ихъ милыми ³⁾. Въ одной пѣснѣ указывается на вѣрованіе, что есть возможность чародѣйственнымъ способомъ устроить на пути преграду между желающими видаться. Дѣвица говоритъ своему милому, что ей нѣтъ возможности ни придти къ нему, ни поговорить съ нимъ, потому что тропинка опутана чарами ⁴⁾. Молодець говоритъ, что когда онъ поѣдетъ на своемъ конѣ, тогда чары потеряютъ свою силу: вороной конь черезъ нихъ перескочитъ ⁵⁾.

„Вже ся не бій брата мого,

„Строила мѣ го рожоного“.

— Не возьму ти, дивчинько,

— Строила съ ты брата свого,

— Брата свого рожоного,

— Строишь й мене молодого.

(Голов. I. 207. Голов. II. 588).

1) Пишла дѣвка за жебрана,

Жебранъ ходитъ хлѣба просить,

А дивчина торбы носить.

Жебранъ хлѣба що выпросить, то все въ торбу,

А дивчину та все въ морду.

(Чуб. V. 433).

2) А въ вдовици дви свитлици гарни вечерницы,

Стоять чары завязаны въ горшку на полицѣ.

(Чуб. V. 423).

3) Ой пійду я на воду—тамъ коло броду,

Тамъ три бабы чаривници набирають воду,

Една бабонька чаривниченька що коровы чаруе,

Друга бабонька чаривниченька що мишканьячко псеуе;

Третья бабонька чаривниченька що зъ чорными очима,

Ой тая мене зъ моимъ миленькимъ та и розлучила. (Голов. I. 271).

4) Ой горами, мій милий, горами

Перепята стежка чарами,

А ни прийти, а ни перейти,

Ни съ тобою говорити.

(Чуб. V. 193).

5) Тогда будешь, мила, говорити,

Ляь я буду коникомъ вѣдяти.

Тогда горы розійдутся,

Тогда чары розильются.

(Ibid.).

ГЛАВА III.

Свадьба.

Сватовство.—Сговоръ или заручины.—Суббота.—Гильце.—Коровай.—Дѣвичь-вечерь.—Расплетаніе косы.—Взичаніе.—Прїѣздъ жениха за невѣстою.—Игра въ войну.—Брать невѣсты.—Подарки.—Ужинъ у невѣсты.—Отѣздъ новобрачныхъ изъ дома невѣсты.—Комора.—Перезва.

Свадьба—эпоха полного расцвѣта молодости, эпоха высшаго торжества въ скромной жизни поселянина, рѣдко выдвигающейся за предѣлы однообразнаго домашняго быта. Свадьба—время самое веселое, на всю остальную жизнь незабвенное, оно въ малорусской рѣчи даже носитъ нарицательное имя веселья (весилья). Нѣкоторые привыкли думать, что вообще въ мужицкомъ быту нѣтъ обоюднаго выбора въ бракѣ и господствуетъ авторитетъ старшихъ и насиліе. Ошибаются, если полагаютъ, что такое существуетъ во всей жизни малорусской. Принудительные браки по волѣ старшихъ, такъ часто совершаемые у великоруссовъ, у малоруссовъ бывають рѣже. Супружества зачинаются чаще всего по взаимному желанію жениха и невѣсты и это воишь естественно тамъ, гдѣ существуютъ улицы, вечерницы и досвѣтки; все это на тотъ конецъ и сложилось, чтобы молодежь обоихъ половъ знакомилась и сближалась между собою. Обыкновенно молодець женится на такой дѣвушкѣ, которую зная уже давно на улицахъ и вечерницахъ, а часто на такой, съ которою цѣлый годъ передъ тѣмъ или долѣе женился и даже ложился спать вмѣстѣ. Если такіе расходятся и не оканчивають бракомъ своей любви, то по исключительнымъ какимъ-нибудь обстоятельствамъ.

Когда молодець приметъ твердое намѣреніе вступить въ супружескій союзъ, онъ объявляетъ объ этомъ родителямъ. Какъ смотрять старые люди въ этомъ случаѣ на бракъ—показываетъ пѣсня: сынъ спрашиваетъ матери: какую дѣвушку ему сватать. Мать даетъ совѣтъ не сватать такой, которая выставляется съ своими нарядами, а сватать такую, которая умѣетъ дѣло дѣлать, а объ этомъ разспрашивать людей¹⁾. Сынъ говоритъ, что такая именно у него есть въ виду и просить родительскаго благословенія²⁾. Родители жениха переговарять съ родителями невѣсты, согласятся, условятся, выпьютъ на радостяхъ горѣлки, и тутъ вся суть дѣла. Устраивается свадьба. Это—народная полуязыческая литур-

1) „Чи ту, мамо, сватать, що головка гладка?“

— Сватай, сынку, й людей пытай, чи метена хатка.—

„Чи ту, мамо, сватать, що намистичко висить?“

— Сватай, сынку, й людей пытай, чи джу замисыть!—

„Чи ту, мамо, сватать, що дрибенько ходыть?“

— Сватай, сынку, й людей пытай, чи дилечко робить!

(Чуб. IV. 52—53).

2) „Робить вона дило, да все хорошенько:

„Благослови жь ты насъ, Боже, и ты, матусенька!“

(Ibid.).

гія со множествомъ крупныхъ и мелкихъ символическихъ приѣмовъ, сопровождаемыхъ исключительно къ нимъ принадлежащими припѣвками и пѣснями. Весь этотъ обиходъ, всѣ приемы, обряды, символическіе вещественные предметы, пѣсни, припѣвки, аллегорическія рѣчи, движенія—все это сохраняется въ народѣ, какъ дань уваженія къ старинѣ, доходящаго во многомъ до суевѣрія. На всемъ лежитъ отпечатокъ сѣдой, можно сказать, доисторической старины. Но на этой первичной почвѣ видны наслоенія послѣдовавшихъ эпохъ народной исторіи. Вообще свадебный малорусскій ритуаль остается неизмѣнно одинакимъ въ своихъ главныхъ чертахъ на всемъ пространствѣ, заселенномъ малорусскимъ племенемъ. но въ подробностяхъ видоизмѣняется, не утрачивая нигдѣ своего основного смысла. Вся свадьба или свадебное дѣйство раздѣляется на три главныя части: стговоръ или заручины, дѣвичь-вечеръ и брачное торжество, происходящее въ день вѣнчанія. Каждая изъ этихъ частей въ свою очередь подраздѣляется, а въ заключеніе, уже послѣ совершенія брачнаго торжества, происходитъ эпилогъ, такъ называемая перезва.

Сговоръ состоитъ въ началѣ изъ посѣщенія жениха съ толпою своей родни и съ избранными сватами, играющими роль какъ бы посредниковъ. Получивши первое согласіе, черезъ день или на другой день происходятъ заручины или рукодайки. Сваты, по обряду, проводятъ рѣчь о князѣ, который, отпавившись на охоту, гонялся за кунцею или лисицею. Звѣрь забѣжалъ въ этотъ дворъ и они затѣмъ зашли сюда, чтобы достать его. Князь-женихъ въ это время стоитъ въ сѣняхъ за дверьми. Здѣсь очевидно слѣдъ звѣроловаго быта. Въ другихъ мѣстностяхъ сваты представляютъ видъ, что отъ нихъ ушла телушка и они хотятъ добыть ее къ своему бычку. Здѣсь является уже признакъ другого быта, который проходилъ народъ—быта пастушескаго. Хозяева говорятъ гостямъ, что они вѣрно худые люди, разбойники, и надобно ихъ перевязать. Это и дѣлается: всѣхъ гостей перевязываютъ платками и (рушниками) полотенцами. Тогда гости предлагаютъ окушъ. Здѣсь также слѣды того давняго времени, когда захожаго иноземца, какъ чужого человѣка старались при возможности обобрать, посягали на его свободу и заставляли откупаться отъ неволи. Въ первое посѣщеніе жениха со сватами невѣста обыкновенно прячется за печь или убѣгаетъ въ сѣни, гдѣ стоитъ жепихъ, а потомъ, возвратившись вмѣстѣ съ нимъ въ хату или сошедши съ печи, даетъ согласіе. Во второе посѣщеніе въ значеніи окупа отъ жениха предлагается водка и кромѣ того подарки невѣстѣ (салогі, рубаха и разныя лакомства). Родители невѣсты ставятъ на столъ закуску. Жениха и невѣсту заставляютъ кланяться родителямъ невѣсты, а тѣ ихъ благословляютъ хлѣбомъ, соединеннымъ изъ двухъ слѣпленныхъ хлѣбовъ, и пучкомъ ржи изъ сноповъ, заранѣе приготовленныхъ и разставленныхъ по четыремъ угламъ хаты (Чуб. IV. 67). Тогда заранѣе приглашенные составляютъ свадебный поѣздъ невѣсты начинаютъ запѣвать свадебныя пѣсни, принадлежащія по обряду именно къ этой части свадебнаго ритуала. Жениха и невѣсту сажаютъ на почетное мѣсто (на покутѣ) въ углу подъ образами, около нихъ садятся гости—обокъ жениха сваха и его родители, близъ невѣсты, которую сажаютъ на лѣвую сторону отъ жениха—ея дружки, т. е. дѣвицы, составляющія свадебный персоналъ невѣсты¹⁾.

¹⁾ Въ дѣльномъ и ученоемъ изслѣдованіи харьковскаго университета профессора Н. О. Сумцова, стр. 9—35 о свадебныхъ обрядахъ, преимущественно русскихъ, очень н. КОСТОМАРОВЪ, КНИГА VIII.

Изъ множества пѣсенъ, принадлежащихъ этой части обряда, мы укажемъ на болѣе характеристическія. Такъ въ одной пѣснѣ поется, что невѣста изъ нѣсколькихъ претендентовъ избрала одного, жениха своего. Трое старость приходило ее сватать; однимъ она просто отказала, другихъ угощала, третьимъ руку подала и подарила по полотенцу, а жениху (имя-рекъ) платочекъ ¹⁾. Въ другой—женихъ сравнивается съ соколомъ, который ищетъ себѣ черную галку: такъ и молодецъ прибылъ изъ чужой стороны, съѣлъ за столомъ и поглядываетъ на дѣвицъ: всѣ веселы, одна невѣста печальна и плачетъ ²⁾.

Ей жаль своего дѣвчества, не знаетъ она будутъ ли ея руки такъ бѣлы, какъ были онѣ у родного батюшки ³⁾. Она садила у себя садъ-виноградъ, за-была затворить ворота. Наѣдетъ молодецъ съ боярами, вытопчетъ виноградъ. Не жалѣй, говорятъ ей, винограднаго цвѣта, жалѣй о молодыхъ лѣтахъ: виноградные цвѣты обновятся, а молодые лѣта твои не вернуться ⁴⁾.

удовлетворительно изложены историческіе фазисы прежнихъ эпохъ народной жизни, какъ они выражаются до сихъ поръ въ удѣлѣвшихъ приемахъ свадебнаго ритуала, начиная съ первобытнаго грубаго умыканья и кончая болѣе культурными формами сдѣлокъ и договоровъ, подъ формою купли и продажи невѣсты. Это, по нашему убѣжденію, самое лучшее, до чего доработалась наша наука по вопросу объ историческомъ значеніи свадебнаго ритуала.

¹⁾ Ой прислалось до дивки Маруськи трое старостивъ разомъ:

Первыи прійшли—у присинечки ввійшли.

Други прійшли—въ синечки ввійшли.

Третіи прійшли—въ свитилоньку ввійшли.

Що въ присинечкахъ—тихъ частовала,

Що въ синечкахъ—тимъ одказала;

Що у свитилоньки—тимъ ручку давала,

Ще й по рушничку, молодому (имя-рекъ) хусточку. (Чуб. IV. 68).

Или:

Первыи сваты—пидь сѣньми киньми.

А други сваты въ синечки ввійшли,

А третіи сваты въ свитилочку ввійшли.

Пидь сѣньми-киньми—хусточку дала,

А що въ синечкахъ—перстенечокъ дала,

А що въ свитилоньцѣ—сама молода.

(Ibid. 69).

²⁾ Налычуъ соколъ изъ чужихъ сторонъ—

Ой поглядае по всѣхъ галонькахъ...

Его галонька найчорнійшая.

Наѣхавъ Ивашко изъ чужихъ селъ,

Ой сивъ соби въ тестя за столомъ,

И поглядае по всѣхъ дивонькахъ:

Ой вси дивоньки веселеньки,

Его Маруса смутненька сидеть.

(Ibid. 70).

³⁾ Овидала-бъ чужу сторону;

Не такъ сторону, не такъ чужу—якъ чужого батенька.

Чи винъ добрый, чи добровирный

Якъ мій ридный?

(Ibid. 71).

Или:

Била моя рученька да у батенька

Чи буде билиша у свекорка.

(Ibid. 70).

⁴⁾ Забула воротечки зачинити...

Особенно отличаются глубиной чувства и живостью поэтических образов пѣсни, которыя въ этотъ періодъ свадебной пѣсы поются сиротѣ-невѣстѣ. Отвори Боже, ворота—поется—идеть сирота на посадъ. Ноеть ея сердце, будто ножемъ его рѣжутъ; нѣтъ у ней родного батюшки. Господь встрѣчаетъ ее со счастливою долею, даруетъ ей добрую семью ¹⁾. Сирота хотѣла бы послать соловья и кукушку за родными, но соловей не возвращается съ неба и отецъ не приходитъ изъ рая, а родныхъ нѣтъ изъ Украины ²⁾. Здѣсь, какъ намъ кажется, отпечатались тѣ времена, когда происходили народныя переселенія на слободы, и много было оставшихся въ малороссійскомъ краѣ, лишившихся своихъ родныхъ, высе- лявшихся съ родины.

Дѣвничъ-вечеръ—второй актъ свадебнаго дѣйства. Въ народной жизни онъ обыкновенно бываетъ въ субботу, наканунѣ вѣнчанія, которое почти всегда назначается на воскресенье. Есть двѣ вещественныя символическія принадлежности этого субботняго дня: гильце или вильце и коровай. Гильце—это вѣтвь обыкновенно сосновая, разубранная цвѣтами, лентами, цвѣтными бумажками, колосьями, ягодами и пр.; лѣтомъ или весною употребляютъ на гильце вѣтвь калиновую, вишневую, яблонную, черемушную, иногда въ полномъ цвѣту ³⁾. Но такъ какъ большею частью браки совершаются зимою, то употребленіе сосновой вѣтви на гильце представляется уже какъ бы неизмѣннымъ правиломъ, о чемъ намекается въ пѣсняхъ ⁴⁾. Вѣтвь эту втыкаютъ въ хлѣбъ и ставятъ въ такомъ видѣ на концѣ стола, противоположномъ тому, который подходитъ къ образному углу, а сверху вѣтвь эту подвязываютъ снурочкомъ, зацѣпленнымъ за гвоздь, воткнутый въ потолокъ. Эта вѣтвь, украшаемая и вставляемая на столѣ съ приличными обрядами и пѣснями, имѣетъ симболи-

Якъ приде Иванъ съ боярами,
То вытопче садъ-виноградъ кониками.
— Ой не жалуй, моя доню, виноградовыхъ квить,
Тилько жалуй, моя доню, молодыхъ дить,
Виновни квиты обновляться,
Лита твои молодни не вернуться.

(Ibid. 70—71).

¹⁾ Одиная, Боже, ворота:

Иде на посадъ сирота.
Нне серденько, якъ ножемъ крае,
Що батенька не мае.
Стричае ѣи Господь самъ
Изъ долею счастливою,
Изъ доброю родною.

(Чуб. IV. 67).

²⁾ Пошла зозуленьку на Украиноньку

По свою родиноньку;
А соловейка вище неба,
Бо мени батенька треба.
Ни соловья зъ саду, ни батенька зъ раю,
Ни родныи зъ Украины.

(Ibid.).

³⁾ Чуб., т. IV, стр. 98 и дал.

⁴⁾ До бору, старосты, до бору,

Рубайте сосну здорову,
Рубайте сосенку-деревце—
Молодій Маруси на гильце.

(Чуб. IV. 101).

ческое значеніе брачнаго вѣнка, а потому-то говорится: не *ставитъ* гильце, а *вѣтъ* гильце, и притомъ самое гильце въ нѣкоторыхъ вариантахъ одной и той же пѣсни замѣняется словомъ барвинковый вѣнокъ ¹⁾. Въ другихъ пѣсняхъ оно неоднократно называется прямо вѣнкомъ ²⁾. Оно дѣлается въ честь какъ новобрачной, которая называется княгинею, такъ и въ честь новобрачнаго, именуемаго на обрядномъ языкѣ княземъ ³⁾. Собственно нормально символическое дерево для гильца, какъ видно изъ пѣсенъ, есть калина ⁴⁾, которая всегда и повсюду въ пѣсенномъ мірѣ есть символъ выходящей въ замужество женщины. Хотя обыкновенно гильце зимою дѣлается изъ ели ⁵⁾ или сосны, но какъ бы въ память того, что настоящимъ деревомъ для этого предмета должна быть калина ⁶⁾, все деревцо сосновое или еловое сверху до низу унижается калиновыми ягодами ⁷⁾ вмѣстѣ съ символическими травами барвинкомъ и василькомъ. Барвинокъ, какъ символъ любви, противопоставляется рутѣ и мятѣ, символамъ дѣвственности: невѣста изображается подходящею къ окну хаты въ то время, когда въ этой хатѣ вьютъ ея гильце, и она говоритъ друзьямъ: мнѣ вейте изъ барвинка, а себѣ изъ руты и мяты ⁸⁾. Въ пѣсняхъ убранство гильца—колосья ⁹⁾,

¹⁾ Благослови, Боже, и отецъ и мати,
Своему дитяти гилечко (барвинковый винокъ) звити. (Ibid. 99, 100).

²⁾ Благослови, Боже,
Пречиста Госпоже,
Сей виночокъ звити!..
Ой мы вильце вили,
Да мы меду не лили. (Чуб. IV. 100, также 101).

³⁾ Зѣ чого мы будемъ князеви винець плести?
Ой е въ городи хрещатий барвинокъ,
Зѣ того мы будемъ князеви винець плести.
(Основа. 1862. Апр. Ст. VIII, стр. 4).

⁴⁾ Якъ Марусѣ гильце вили,
То вси лужечки выходили.
Чорвону калину выламали,
Такъ мы Маруси гильце звили. (Метл. 135).

⁵⁾ Коли бѣ я знала, коли бѣ я вѣдала, що елечко буде. (Метл. 134).

⁶⁾ То бѣ я послала свого батенька да въ дугъ по калину. (Метл. 134).

⁷⁾ Гильце деревце зѣ лины
Изъ червонной калины,
Изъ хрещатого барвѣнку,
Изъ пахнющаго васильку;
Гильце деревце—лины,
Видь верху до споду калина. (Чуб. IV. 104).

⁸⁾ Коло свитлоньки, коло новои,
Тамъ Маруса объѣзжае,
Въ оконечко заглядае.
Тамъ дивочка гилечко вьютъ.
Війте, дивочки, соби й мени,
Соби звійте зѣ руты, зѣ мяты,
Мени звійте зѣ барвиночку. (Чуб. IV. 104).

⁹⁾ Пивъ стога вивса высмыкали,
Закиль свое гильлячко вбрали. (Ibid. 103).

вишня ¹⁾, перья изъ птицъ ²⁾. По окончаніи приготовленія гильца невѣста испрашиваетъ у родителей благословенія идти съ дружкой по селу и зазывать гостей на свадьбу ³⁾. По выраженію пѣсни, матушка, родившая ее, оградила ее мѣсяцемъ, опоясала солнцемъ и снарядила въ село ⁴⁾. Во время хожденія по селу дружки, сопровождающія невѣсту, безпрестанно поютъ принадлежащія къ этому обряду пѣсни. Подступая къ воротамъ то того, то другого двора, онѣ въ пѣсняхъ приглашаютъ обметать дворы, застилать столы и встрѣчать радушно невѣсту и дружекъ ⁵⁾. Невѣста ведетъ съ собою дружекъ, какъ утка утятъ ⁶⁾. Въ одной изъ пѣсенъ, какія поются во время этого хожденія по селу, изображается, что невѣста утопала, звала къ себѣ на помощь, но къ ней не подошли ни родители, ни братья, ни сестры, а подоспѣлъ и спасъ ее молодець, за котораго она выходитъ замужъ ⁷⁾. Но высказывается также сожалѣніе вступающей въ бракъ о минувшихъ дняхъ дѣвничества: не примуть ее въ свой кругъ веселыя дѣвицы въ вѣнкахъ и лентахъ ⁸⁾, напрасно будутъ цвѣсти въ ея саду розы, барвинокъ, василекъ; ей уже не вить изъ нихъ себѣ вѣнка и не мять въ

- 1) Да вси жъ мы сады выходили,
Да вси жъ мы вишеньки выглядели,
Одну вишеньку злюбили,
Да й той вершокъ зломилн. (Ibid. 103—104).
- 2) Летѣвъ горностай по надъ ставѣ,
Пускавъ пирьачко на весь ставѣ,
Збирайте пирьачко до пирца
Молодому до гильця. (Чуб. IV. 102).
- 3) Благослови, Боже, и отецъ, и мати,
Своему дитяти на село выходати. (Чуб. IV. 133).
- 4) Мѣсяцемъ обгородила,
Сонячкомъ видперезала,
На село вряжала. (Ibid.).
- 5) Обмитайте дворы,
Застилайте столы,
Идутъ къ вамъ дружечки! (Ibid. 134).
- 6) Утинька йде,
Утегята за собою веде;
Да не утка се йде—
То Марьечка йде, соби дружечокъ веде! (Чуб. IV. 135).
- 7) А батенько та на бережечку,
А матѣнка
Е човничокъ и веселечко:
„Потопай, мое сердечко!“
А Ивась та на бережечку,
Е човничокъ и веселечко:
Не потопай, мое сердечко! (Чуб. IV. 138).
- 8) Якъ же мени дай не плавати,
Що дивочки гуляють,
Стричечками мають,
А мене не пріймають. (Чуб. IV. 137).

руках пахучаго василька ¹⁾). Жалко ей и отцовскаго двора; обошла она всё дворы, а какъ вернулась и подошла къ родительскому, то стало ей грустно ²⁾).

Во время хожденія невесты по селу, которое иногда продолжается весь день до вечера, происходитъ въ ея домѣ, какъ и у жениха, приготовленіе короваевъ. Это старинный обрядъ — готовить и печь свадебный хлѣбъ, называемый коровой. Обычай этотъ былъ, какъ кажется, въ древности повсемѣстенъ у славянскихъ народовъ. По крайней мѣрѣ въ оставшихся описаніяхъ свадебъ московскихъ государей и близкихъ къ нимъ лицъ всегда упоминаются короваи. Одинъ коровой жениха, другой невесты ³⁾. Эти короваи носились вмѣстѣ со свѣчами во всѣхъ церемоніяхъ, приносились въ храмъ во время вѣнчанія, а потомъ неслись въ сѣнникъ, приготовленный для брачнаго ложа. На свадьбѣ великаго князя Василія Ивановича коровой убирался двадцатью семью пѣнязами, а при свадьбѣ царя Алексѣя Михайловича короваи покрыты были: жениховъ — золотнымъ турецкимъ бархатомъ, а царицынь — золотнымъ атласомъ; на покрывахъ было нашито 27 пѣнязей позолоченныхъ ⁴⁾. Такъ же точно и въ описаніи свадьбы вообще великоруссовъ XVII вѣка, сохранившемся у Котошихина, мы видимъ, что коровой или свадебный хлѣбъ составлялъ неотъемлемую вещественную принадлежность свадебнаго ритуала ⁵⁾.

У малорусскаго народа коровой считается важнымъ и необходимымъ, хотя время приготовленія его различно: иногда ранѣе въ пятницу, иногда же утромъ въ воскресенье, но чаще всего въ субботу, въ то время какъ невеста ходитъ съ друзьями по селу.

Коровой готовятъ (бгають по народному выраженію, что буквально значить заламывають) непременно замужнія женщины, которыхъ мать невесты для этой цѣли приглашаетъ ⁶⁾, и отецъ жениха представляется дѣлающимъ для

¹⁾ Уже роженка процвѣтаетъ,

Хрещатый барвиночекъ

Встала садочокъ,

А запашный василёчокъ

Зъ тнномъ ривняется.

— Уже жъ мени зъ теи роженки

— Виночка не носить,

— И запашного василёчка

— Въ рученьки не вялать!

(Чуб. IV. 140).

²⁾ Молода Маруса вси дворы обходила,

Но нигде слѣзы не вронила,

А якъ прійшла на батькивъ двирь,

То стала, подумала, жалбно заплакала:

„Ой дворе мій, дворе, яке тобі горе;

„Не такъ дворонькови, якъ своему батенькови. (Чуб. IV. 140—141).

³⁾ Др. Росс. Вивлююника. Изд. Новикова. 1790. Ч. XIII, стр. 5, 6, 9, 23, 39, 48, 63, 76, 82, 113, 125, 151, 165, 167, 183, 190.

⁴⁾ Ibid. 183.

⁵⁾ О Россіи въ царств. Алекс. Мих. Спб. 1840, гл. I, статья 11, стр. 7. гл. XIII, статья 5, стр. 121.

⁶⁾ Марусина мати по сусидоньци ходить

Сусидъ своихъ просить:

своего сына то же ¹⁾). Они просят коровайницу приготовить коровай ясный какъ мѣсяцъ ²⁾). Коровайницы, явившись къ дѣлу, прежде всего желаютъ выпить горѣлки ³⁾). Коровай долженъ быть приготовленъ изъ такой пшеницы, которая уже семь лѣтъ стояла въ стогѣ ⁴⁾, а по другому варианту изъ пшеницы, взятой изъ семи стоговъ ⁵⁾ и на водѣ непременно ⁶⁾ родниковой — по одному варианту изъ трехъ ⁷⁾, по другому изъ семи родниковъ ⁸⁾, и разубранъ калиною ⁹⁾). Въ другой пѣснѣ, кромѣ пшеничной муки и родниковой воды, къ короваю считаются нужными масло изъ молодыхъ коровъ, яйца изъ молодыхъ куръ и прозрачная соль ¹⁰⁾). Тѣсто коровай должно такъ подойти вверхъ, чтобъ быть выше того, какъ высоко стояла пшеница, изъ которой дѣлался коровай, когда находилась на нивѣ въ снопахъ и на гумнѣ въ стогѣ ¹¹⁾). Мать невесты должна подать коровайницамъ родниковой воды, чтобъ онѣ помыли себѣ руки предъ починомъ работы ¹²⁾). Приступаютъ къ работѣ съ пѣснями, въ которыхъ призы-

Да сусидоньки мои, прибудте къ мени,
Да до моеи хаты, до мого дитяти,
Короваю бгати.

(Чуб. IV. 215).

¹⁾ Ивашковъ татко по юлоньци ходить,

По юлоньци ходить, сусидь своихъ просить,
Не къ соби къ дитяти, короваю бгати.

(Чуб. IV. 216).

²⁾ Та злишиъ коровай красный, якъ мѣсяцъ ясный!

(Ibid.).

³⁾ На Бога жъ вы гляньте, та намъ горилки дайте.

(Ibid.).

⁴⁾ Що въ нашемъ короваю семилитня пшеница.

(Чуб. IV. 222).

⁵⁾ Зъ семи стогивъ пшеница.

(Ibid. 228).

⁶⁾ Якъ мы коровай мисили —

Зъ дунаю воду носили...

А дунай же къ намъ промовлявъ:

Да не берить водици зъ дунаю,

Да наберить водици зъ криньци.

(Чуб. IV. 224—225).

⁷⁾ Изъ трехъ криньци водица

(Чуб. IV. 222).

⁸⁾ Зъ семи криньци водица.

(Ibid. 228).

⁹⁾ Мовила, говорила червона калина:

Не подѣба моя у лузи стояти,

Але подѣба моя у короваѣ сѣяти.

(Ibid. 217, также 228).

Или:

Пійдемо до рѣчки калины ламать,

Коровай убирати.

(Чуб. V. 229).

¹⁰⁾ Ой короваю, короваю.

Мени до тебе кошту треба:

Корець муки пшеничної,

Цеберъ воды криничной,

Хваску масла яровыхъ коровъ,

Копу яецъ молодыхъ курей,

Гарнець соли ледової...

(Чуб. IV. 224).

¹¹⁾ Густая буйная (пшеница) на нивѣ,

Частня снопочки на жниви,

Да высоки стогы на гумни,

Выщій намъ коровай на столи.

(Чуб. IV. 218).

¹²⁾ Марусина, мати нехай прійде,

зается содѣйствіе Бога и святыхъ его ¹⁾). Кромѣ калиновыхъ вѣтвей съ ягодами, которыя вмѣстѣ представляются цвѣтущими надъ тою коморою, гдѣ готовятъ коровай ²⁾, убранство коровай составляютъ вишни, виноградъ ³⁾, птичьи перышки ⁴⁾ и червонцы ⁵⁾, которые дѣйствительно клались въ царскіе коровайхъ, а у малоруссовъ остаются только въ пѣсняхъ, на дѣлѣ замѣняясъ копѣйками. Коровайницы разрисовываютъ коровай узорами съ изображеніями звѣздочекъ и птичекъ ⁶⁾. Онѣ хотятъ заказать кузнецу особую кочергу для выгребанія золы изъ печи и особую лопату для посадки въ печь своего коровай ⁷⁾ да еще мечъ, которымъ бы можно было прорубить въ печи отверстіе, чрезъ которое вставить коровай и дать ему испечься и выйти изъ печи въ комору ⁸⁾.

Нехай принесе зъ криници водици;

Нехай помыють коровайнички ручки.

(Чуб. IV. 220).

¹⁾ Поможи Боже, Пречиста Мати,

Въ тымъ дому на тисовымъ столу коровай бгати.

(Чуб. IV. 218).

Или:

Самъ Богъ коровай мясыть,

Пречистая свѣтыть,

Анголи воду носятъ,

Господа Бога просятъ.

(Ibid. 222, также 223).

²⁾ Зацвила калина не литомъ—зимомъ, надъ тею коморою

Де коровай вбирають, хорошенько спивають.

(Чуб. IV. 234).

³⁾ Свѣты, місяченьку, ясною зорою

Де коровай убѣрають; вишни якъ черешни,

Винныи ягодоньки, райськїи пташоньки,

Де коровай убѣрають, хорошенько спивають.

(Чуб. IV. 230).

⁴⁾ Летѣвъ горностаѣ черезъ садъ,

Пустивъ пирячко на весь садъ:

Ходѣмъ, сестрици, зберемъ

Да хорошенько коровай уберемъ.

(Чуб. IV. 234).

⁵⁾ Мы жъ були коровайнички,

Мы вмили коровай пекти

Около окільцями

Въ серединѣ червинцями.

(Чуб. IV. 231).

⁶⁾ Въ насъ хорошинськи (изъ села Хорошанки) жиночки

Хороше коровай гафтують:

До коло зоронькамя,

Райськими пташечкамя.

(Чуб. IV. 230).

⁷⁾ Ходимъ до коваля,

Щобъ намъ сковавъ кочергу,

Щобъ намъ пичку выгребти.

Рано мы, рано ходимъ до коваля,

Щобъ намъ сковавъ лопату

Да шпроку якъ лаву,

Спечемъ коровай на славу.

(Чуб. IV. 231).

⁸⁾ Да скуй мени, коваленьку, гострый мечъ,

Да й прорубаю зверху печь,

Щобъ нашъ коровай спужався,

Зъ печки на вѣчко собрався,

Зъ вѣчкомъ у комору сховався.

(Чуб. IV. 231).

Проси Бога, Марусенька, поется съ обращеніемъ къ невѣстѣ—проси Бога, чтобы твоя коровай вышла прекраснѣе, какъ божій день, какъ солнышко, что на насъ смотреть черезъ окно ¹⁾. Передъ посадкою въ печь коровай испрашивается благословеніе старость ²⁾, потомъ приглашаютъ двухъ молодцовъ, изъ которыхъ одинъ въ пѣснѣ называется кудрявымъ (кучерявымъ), а другой богатымъ, первого выметать печь, а второго сажать туда коровай ³⁾. Посадивши такимъ образомъ коровай въ печь ⁴⁾, коровайницы поднимаютъ трижды квашню, ударяютъ ею о перекладину потолка, цѣлуются между собою ⁵⁾, обращаясь къ печи съ просьбой спечь хорошенько коровай. Вспоминается и сосна, которая должна горѣть, когда будетъ печься коровай ⁶⁾. Пока коровай печется, коровайницы угощаются горѣлкой, которую сами у хозяевъ выпрашиваютъ ⁷⁾, подтруниваютъ другъ

1) Проси Бога, Марусенько, щобъ Богъ давъ,

Що бь ти ся коровай вдавъ:

Якъ день билий, якъ Богъ милый,

Якъ яснее сонечко, що свѣтитъ въ виконечко.

(Чуб. IV. 234).

2) „Старосто, пане пидстаросто, благословить коровай у ничь посадить.“

— Богъ благословить! (отвѣчаетъ староста).

(Чуб. IV. 236).

3) Кучерявый пѣчь вымѣтае,

А багатый сажае.

(Чуб. IV. 237).

4) Описаніе коровай у Чубинскаго: „Обыкновенная форма коровай — большой хлѣбъ, но иногда готовятъ его и другимъ способомъ. Берутъ коржъ, посыпаютъ его овсомъ, сверху кладутъ кофѣйку или больше“ (что замѣняетъ червонцы, о которыхъ поется). „На этотъ коржъ накладываютъ одна на другую семь палиницъ (хлѣбовъ пшеничныхъ) и на верхней дѣлаютъ изображенія мѣсяца, а вокругъ него располагаютъ пять шишекъ, обводятъ каймой“: это называется пидперезать коровай. „Въ большую, находящуюся по срединѣ коровай шишку, втыкаютъ пять слбиленныхъ вмѣстѣ свѣчей (восковыхъ) или обтыкаютъ ими вокругъ коровай, зажигаютъ ихъ и вмѣстѣ съ короваемъ сажаютъ въ печь. Кромѣ коровай дѣлаютъ „верць“ (очень похожъ на коровай): шишки—пшеничныя, булочки, снизу обведенныя каймой изъ тѣста, а сверху до низу двѣ такія же каймы, прекращающіяся по срединѣ, гдѣ придѣлывается кусокъ тѣста на подобіе сосновой шишки. Двѣ большія шишки красятъ сурикомъ: онѣ назначаются для молодыхъ, которые ходятъ съ ними приглашать на свадьбу“ (Миргород. у. Полт. губерні.). (Чуб. IV, стр. 236).

5) Пече жь наша, пече

Спечи намъ коровай съ гречи.

(Чуб. IV. 239).

6) Ничь стоитъ на сохахъ,

Дижу носить на рукахъ.

Поцилуймося, помилуймося,

Хто кому радъ.

(Ibid.).

Да рубайте сосну здорову,

Да трощите ея на дрезки,

Да кладите ея на загнѣтъ...

Славный нашъ коровай на ввесь свить.

(Чуб. IV. 232).

7) Мали сваненьки працю,

Замислили муки, мацю,

А вы ся догадайте,

Горилки имъ дайте!

(Ibid. 240).

Или:

Почни, свате, бочку,

надъ другомъ ¹⁾, и дурачатся ²⁾. Наконецъ приходитъ пора вынимать изъ печи коровай ³⁾ и это дѣлается съ обрядною торжественностью. Вынувши изъ печи коровай, кладутъ его на крышку отъ квашни, покрытую скатертью сверхъ положеннаго подъ исподъ слоя соломы, ставятъ на столъ ⁴⁾ и уносятъ на головѣ въ назначенную хозяйкою для храненія комору ⁵⁾.

Неся коровай, продолжаютъ величать его въ пѣсняхъ ⁶⁾. Тѣмъ и кончается обрядъ приготовленія коровая, который отправляется точно такимъ же образомъ и у жениха.

По возвращеніи невѣсты съ дружками съ прогулки по селу, отправляется дѣвичь-вечеръ. Невѣсту сажаютъ на посадъ, на почетное мѣсто въ углу подъ образами, на которомъ тогда простираютъ тулупъ, замѣняющій соболей, которые играли такую роль въ старинныхъ свадьбахъ царей и вельможъ московскихъ. Въ пѣсняхъ воображается городъ съ четырьмя стѣнами, изъ которыхъ три каменные, четвертая—золотая; на стѣнѣ маковка, гдѣ ласточка себѣ гнѣздо свила и выплодила двое дѣтокъ, эти дѣтки — женихъ и невѣста ⁷⁾. Во всѣхъ окон-

Що стоить у куточку,
Поки тебе, короваю, впеchemo,
Тебе, бочечко, виточемо. (Ibid. 241).

- ¹⁾ Губатая вчиняла, горбатая сажала,
Хорошая, румяная у пичь заглядала

Или:

Котра мѣсила—щобъ трасця трусила. (Ibid. 238).

- ²⁾ Ой де жъ тая пійшла,
Що въ пичь коровай несла?
Сила на рогъ печи
Коровая стеречи,
Щобъ хлопци не вкрали
И за дунай не задали.

(Чуб. IV. 242—243).

- ³⁾ Чась тоби, короваю,
Зъ хаклевои печи
На дубове вико.

(Ibid. 244).

- ⁴⁾ Славляно да прославляно,
Да на столи поставляно.
На столи-престоли

Славенъ нашъ коровай стоить! (Ibid. 247).

- ⁵⁾ Обицялася мати намъ комороньку дати,
Де коровай сховати.

(Чуб IV. 245).

- ⁶⁾ Ой Богъ намъ давъ—коровай намъ ся вдавъ,
Якъ мѣсяченько, якъ ясное соненько.
Війся, короваю, ище высній видъ гаю,
Якъ душенька въ раю, якъ рыбонька по дунаю.

(Чуб. IV. 247).

- ⁷⁾ Славный городъ, да дѣвичь-вечѣрь;
Хороше зряженъ, та не такъ зряженъ, якъ обсаженъ:
Славно жъ ёго збудовано,
На три стины камьяныи,
А четверту золотую.
На тій стини макивочка,
На макивочцѣ ластивочка,

цахъ этого города — ангель Божій, а на дверяхъ самъ Господь стоитъ и раздаетъ долю ¹⁾). Родитель невѣсты стоитъ со всею роднею и всѣ любятъ ею ²⁾). Въ пѣснѣ заставляютъ невѣсту кланяться отцу. Онъ прослезился: она пойдетъ изъ родительскаго дома и забудетъ родителя ³⁾). Теперь она прекрасна, но когда пойдетъ прочь — исчезнетъ красота лица ея ⁴⁾). Если невѣста сирота, ей приходится кланяться чужимъ, названнымъ родителямъ ⁵⁾), зато ангелы, сидя на яворѣ, заботятся о ней, собираются полетѣть и посмотрѣть, какъ плачетъ сирота, сидя на посадѣ ⁶⁾). Въ пѣснѣ она представляется взывающею къ умершему родителю или родительницѣ съ приглашеніемъ прибыть къ ней и подать

Звила гнѣздечко зъ чорного шовку

А червоннымъ обвила.

Вывела дитки одноитки:

Перше дитятко роженее,

Другее дитятко суженее.

Роженее-то (имя-рекъ нев. или жениха)

Суженее-то (имя-рекъ другого).

(Чуб. IV. 148).

¹⁾ Ой славень, славень Марусинь посади!

По всіхъ виконцяхъ янголи сидять.

Янголи сидять, доленьку судять,

А надъ дверми самъ Господь стоитъ,

Книжочку читае доленьку роздае.

(Чуб. IV 156).

²⁾ Сѣла Мариня на посаженьку

Якъ на роженци квитка,

Ѣи батенько, Ѣи риденькій,

Не може ся на нюю надивити.

(Чуб. IV. 154).

„Оглянься назадъ себе,

„Стоить родинонька коло тебе,

„Склонися, Марисенько, низенько,

„Щобъ було родинонцьв жалибненько“.

(Чуб. IV. 151).

⁴⁾ Кланяйся, Марися, старому й малому и батеньку своему.

Во южъ бильше не будешъ, а о батеньку забудешъ. (Чуб. IV. 151).

⁴⁾ „Ой мій батеньку, мій голубоньку!

„Чи довго я буду такая?

— Будешъ, дитятко, будешъ,

— Якъ у мене будешъ.

— А якъ пийдешъ видъ мене —

— Спаде красота съ тебе,

— Зъ личенька румяного,

— Зо стану панянського.

(Чуб. IV. 154).

⁵⁾ „Кому жъ ты ся кланяешъ,

„Коли батька (или матери) не маешъ?

— Поклонюся чужому,

— Буде ми ся видило, що своему.

(Чуб. IV. 153).

⁶⁾ Въ лиси на явори сидило два анголи,

Сидячи говорили:

Полнъмо, полнъмо, брате, до тоя сиротоньки,

Сядемъ, та послушаемъ, якъ сиротонька плаче,

До стола припадае, що батенька не мае.

(Чуб. IV. 151).

ей совѣтъ. Умершее лицо отвѣчаетъ, что это невозможно, потому что насыпанная земля не пускаетъ встать ¹⁾. Душа умершаго предъ Богомъ и проситъ отнестись ея посмотреть на свое дитя, сидящее на посадѣ ²⁾.

Невѣстѣ нельзя сидѣть одной, безъ жениха. Какъ мѣсяцъ хочетъ взойти разомъ со звѣздою, освѣтить небо и землю, возвеселить и звѣря въ полѣ, и путника въ дорогѣ, такъ и невѣста не хочетъ сидѣть одна, а хочетъ сѣсть вмѣстѣ со своимъ суженымъ и возвеселить разомъ два рода ³⁾.

Время проходить въ пѣніи свадебныхъ пѣсенъ и въ танцахъ до прибытія жениха, котораго, какъ князя, сопровождаютъ названные бояре и музыканты. Дружко взводитъ на посадѣ князя. Начивается обрядъ пришиванія цвѣточной кисти (квѣтки) къ шапкѣ жениха. Женихъ входитъ въ хату и садится на посадѣ не иначе какъ въ шапкѣ. Старшая дружка—лицо важное въ свадебномъ женскомъ персоналѣ стороны невѣсты—снимаетъ съ головы жениха шапку и прикалываетъ къ ней «квѣтку», отколовши у невѣсты. Дружба (иначе дружкѣ) или старшій бояринъ, надѣваетъ на жениха свою шапку на время, чтобы женихъ вовсе не оставался съ открытой головою. Поятся при этомъ полусмѣточнаго содержанія пѣсни. Пришивалка изломала золотую иголку и поколола себѣ

¹⁾ Прибуди, прибуди $\frac{\text{моя матѣнко}}{\text{мій батенько}}$ теперь и къ менѣ,

Ой дай менѣ порадоньку, бѣдній сиротѣ!

Ой рада бѣ я, дитя мое, прибуди къ тобѣ,

Склепилися карѣ очи и уста мои. (Чуб. IV. 158. Метл. 129).

Или:

Ой $\frac{\text{радѣ бы}}{\text{рада бы}}$ я встати къ своему дитяти

Сырая земля двери залягла,

Виконца заслонила,

Жовтый пѣсочокъ залѣгъ носочокъ,

Нельзя продохнути.

(Метл. 151).

²⁾ $\frac{\text{Марусина мати}}{\text{Марусинѣ батько}}$ да передъ Богомъ стоять,

Господа Бога просить:

Та пусти мене, Боже, та зъ неба на землю,

Да до моеи хаты, до мого дитяти,

Нехай я подивлюся на свое дитятчко

Чи хороше да наряжена,

Чи въ добрый часъ посажена?

(Чуб. IV. 158).

³⁾ Слала зоря до мисяця:

Ой мисяцю, мій товаришу!

Не виходь ты раній мене;

Изійдемо обое разомъ,

Освистемо небо и землю!

Зрадується звирь у поли,

Звирь у поли, гясть у дорози.

Слала Маруся до Ивасечка:

Ой Ивасе, мій суженый,

Не сидай на посаду раній мене.

Обсядемо обое разомъ,

Звеселимо два двора разомъ.

(Чуб. IV. 156).

руку¹⁾. Она именуется себя швеею, нарочно приѣхавшею изъ Львова, требуетъ заплатить себѣ за работу и выкупить шапку²⁾, надѣваетъ эту шапку себѣ на голову, вскакиваетъ на лаву и поетъ, что она теперь—козакъ, красивѣе, чѣмъ женихъ и продолжаетъ требовать выкупа шапки³⁾. Дружокъ и женихъ предлагаютъ ей сумму, она говоритъ, что мало⁴⁾, и шутка въ пѣсняхъ превращается въ издѣвки надъ скупостью и нищенствомъ жениха и его дружины⁵⁾. Наконецъ, сдѣлка какъ будто состоится и старшая дружка снимаетъ съ головы шапку и кладетъ на голову жениху. Во все это время и послѣ того гости танцуютъ въ сопровожденіи пѣнія пѣсенъ, въ которыхъ отражаются слѣды стариннаго военнаго быта. Въ поэтическомъ образѣ представляется, что бояре, танцую, навели облако своими жупанами, пустили дождь стрѣлами и произвели сіяніе саблями⁶⁾.

Идетъ разгулъ: танцы и пѣніе, и углы и лавки—все движется⁷⁾. Настаетъ время ужинать. Невѣста съ благословенія родителей⁸⁾ должна просити.

1) Золотую голочку зломила,
А свою ручечку сколола.

(Ibid. IV. 191).

2) Я швачка зъ Ильвова
Принхала позавчора,
Привезла голку
И ниточку шовку,—
Квиточку пришивати
И по талюру брати.

(Ibid.).

3) Ой глянъ, зятеньку, на мене
Красчій я козакъ одъ тебе.

(Чуб. IV. 195).

4) Маните не маните—
Шостака не кладите!
Якъ кункою бризнешъ—
Тоди шличокъ возьмешъ!

(Чуб. IV. 196).

Посягни въ кишенью,
Выйми грошей жменю,
Посыпь на тарели.

(Чуб. IV. 197).

5) Ой казали люде: зять богатый,
Ой казали люде: грошей михъ!
Кладе конійку якъ на смихъ!
Убоги, бояре, убоги:
Симъ литъ по смитытахъ ходили,
Черепки збирали,
Да сваси за квитки давали.

(Чуб. IV. 198, также 199).

6) Где бояре танцювали
Наробили хмарню жупанами,
И спустили дождичь стрѣлочками,
Наробили ясно шабельками.

(Метл. 200).

7) Бійтеса кутки, лавки!
До заничной бабки!
А вы ся догадайте,
Намъ вечеряты дайте!

(Чуб. IV. 201).

8) Благослови Боже, и отецъ и мати,
Своему дитяти пей ридь частувати.

(Ibid.).

гостей, чтобъ они были веселы, какъ весеннія птички ¹⁾). Всѣ садятся ужинать ²⁾, начинается попойка ³⁾). Поется о разныхъ сибдяхъ, составляющихъ ужинъ: о капустѣ ⁴⁾, похлебкѣ ⁵⁾, горохѣ ⁶⁾, кашѣ ⁷⁾, жареномъ мясѣ ⁸⁾, которое разрѣзывать долженъ дружба ⁹⁾, борщѣ ¹⁰⁾, приностахъ ¹¹⁾, пирогахъ ¹²⁾, о винѣ ¹³⁾, горѣлкѣ и пивѣ ¹⁴⁾, ко всему соотвѣтствующія припѣвки. При этомъ допуска-

- 1) Проси своихъ гостей
Що бь вони ѣли й пили,
И веселеньки були,
Якъ птичка на весни. (Чуб. IV. Ibid.)
- 2) Грязнули да ложечками
Срибными тарилочками,
Марусина челядь
Сидае вечерять. (Чуб. IV. 200.)
- 3) Стань, батенько, проти мене.
Та напійся до мене,
Зь повною повночкою,
Зь счастливою долечкою. (Чуб. IV. 201.)
- 4) Ъжте, бояре, капусту,
Наша капуста не пуста. (Чуб. IV. 202.)
- 5) Ъжте, бояре, юшку,
Да тягайте петрушку.
У насъ юшка горшками,
А петрушка грядками. (Ibid.)
- 6) Ой гороше, гороше, сіяно тебе хороше. (Чуб. IV. 203.)
- 7) На Бога гляньте, намъ каши дайте! (Ibid.)
- 8) На Бога вы гляньте, намъ печени дайте! (Ibid. 204.)
- 9) Нашъ дружбонько чорнобривый,
Не жаль ёму дати печеню пократяи! (Ibid.)
- 10) Добрая господня добрый борщъ зварила. (Чуб. IV. 208.)
- 11) Же намъ готують ѣсти:
Курочку печеную, юшейку перченую,
Чи зь перцёмъ, чи не съ перцёмъ,
Аби було съ ширимъ серцемъ. (Чуб. IV. 200.)
- 12) Повидала намъ ворона:
— Повна пирогиивъ комора.
А мы поти не пійдемо,
Поки всихъ не поѣмо. (Чуб. IV. 208.)
- 13) Два голубойки гнзидо вьють,
Наши бояри вино пьють. (Чуб. IV. 205.)
- 14) Тече горѣлка зь потока,
А мы поти не пійдемо,
Поки всеи не выпѣмо. (Чуб. IV. 208.)
-
- Повидала намъ синиця:
— Повная пива пивниця,
А мы поти не поѣдемо,
Поки всеи не выпѣмо. (Ibid.)

ются разными насмѣшками надъ боярами ¹⁾, дружбою или дружкомъ ²⁾, свѣтилкою ³⁾, надъ старшею дружкой и вообще надъ всѣми свадебными гостями, упоминаютъ ихъ въ жадности и обжорствѣ ⁴⁾. Только новобрачные изъята отъ издѣвокъ надъ ними. Невѣстѣ поется только, что она должна сказать, что будетъ почитать свекра и свекровь какъ родителей ⁵⁾. Въ одной галицкой пѣснѣ женихъ говоритъ, что ей нечего уже будетъ бояться отца, а грозюю для нея станетъ онъ, ея будущій мужъ ⁶⁾. Послѣ ужина староста выводитъ новобрачныхъ ⁷⁾ и гостей погулять и потанцевать на дворѣ ⁸⁾. Въ пѣсняхъ отъ лица всѣхъ выражается благодарность хозяевамъ за хлѣбосоольство ⁹⁾.

На другой день послѣ дѣвичь-вечера, обыкновенно въ день воскресный, происходитъ третій актъ свадебной трилогіи. Первый обрядъ у невесты—рас-

1) Ъли бояре юшку да вкрали галушку,
Да въ мѣхъ, да въ рукавици
Дѣвчатамъ на вечерниці.

(Ibid. 203).

2) Крае дружбонька крас,
Дружкамъ пидь столъ дае,
За пазуху ховае,
Зъ пазухи въ кишенью
Свѣтильци на вечерю.

(Чуб. IV. 204).

3) Свѣтилочка лани, вечеряй зъ нами!
Не велила мати рота раззявляти:
Великіи зубы висять черезъ губы.

(Чуб. IV. 205).

4) Наша дружка пидь сволокъ, зѣбла калачивъ сорокъ,
Най ся ниhto не прогнивить, най ся здорова живить.

(Чуб. IV. 206).

Ъли бояре, ѣли, цѣлого вола зѣбли,
На столѣ ни кришечки, пидь столомъ ни кисточки.

(Ibid.).

5) „Не сиди, Марусю, розмышляйся,
„Чимъ своего свекорка называть будешь?
— Назову я свекорка риднымъ батенькомъ;
„Чимъ свою свекруху называть будешь?
— Назову свекруху ридною матинкою.

(Чуб. IV. 207—208).

6) Ой не бійся батенька своего,
Ой бійся мене та й молодого:
Батенько гроза якъ литня роса,
А моя гроза гирше лютого мороза.

(Чуб. IV. 248).

7) Ведемо Марьечку зъ застилья,
На яснее, на краснее подвирья.

(Ibid.).

8) Нашъ староста чорнобровый
Да выведи насъ зъ хаты
На двирь погуляти...
На двирь танцювати.

(Чуб. IV. 209).

9) Встаньте, дружечки, встаньте
Честь Богу хвалу дайте...
Потимъ отцю и матинци,
За хлибъ поставленный
За сить положену.
Встаньте, бояре, встаньте,
Шапочки поздѣймайте и подякуйте.

(Чуб. IV. 211).

плетаніе косы ея, совершаемое холостымъ братомъ ея въ кругу подругъ невѣсты, ея дружекъ свадебныхъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ этотъ обрядъ совершается позже, уже послѣ вѣнчанія. Дружки расчесываютъ невѣстѣ косу ¹⁾, мажутъ масломъ ²⁾, медомъ, вилетають въ волосы нѣсколько монетъ, подаренныхъ женихомъ, кусочекъ хлѣба и кусочекъ чесноку, которому, по суевѣрью, приписывается предохранительная сила отъ заразы и отъ всякаго зла. Косу снова заплетаютъ въ послѣдній разъ вѣнкомъ ³⁾. Изъ пѣсень, какія поются при этомъ обрядѣ, видно, что вѣнкомъ такимъ признается вѣнокъ, сплетенный изъ барвинка, изъ калины и руты ⁴⁾. Расплетаніе косы—грустная минута для молодой княжны. У всѣхъ подругъ ея волосы заплетены въ косы, а у ней распущенные волосы покрыли плечо, а слезы покрываютъ ей лицо ⁵⁾. Жаль ей косы, которую она много лѣтъ холила, мыла краснымъ борщомъ, расчесывала золотымъ гребешкомъ и въ темную ночь при свѣчѣ и въ день передъ окномъ ⁶⁾. Но жалче ей родной матушки, потому что ей никто такъ не услужитъ, какъ она, когда рано вставала и загоняла коровъ ⁷⁾. Плачь, Марусенька—поется ей—какъ рано на зарѣ кукуетъ кукушечка: вѣдь ужъ въ другой разъ дѣвцею не будешь, забудешь веселыя вечерницы ⁸⁾. Покидать приходится ленты дѣвическія: она проситъ мать отдать ихъ дѣвицамъ-подругамъ ⁹⁾. И братъ соблазняетъ ее не

¹⁾ Трутсья, мнутсья дружечки

Коло ѣи русои кисочки.

(Чуб. IV. 253).

²⁾ Дай менѣ, мати, масла,

Давай хоць трошечки

Помастити косочки.

(Ibid.).

³⁾ Чуб. IV, стр. 251—252.

⁴⁾ Въ долину, панянки, въ долину

По червону калину,

По хресчатый барвинокъ

Изъ руточки дви квиточки.

(Чуб. IV. 252).

⁵⁾ Всѣ дивоньки въ косахъ,

А я свою та й роспустила,

Кисоньками да плечи вкрыла,

Слизоньками личенько змыла.

(Чуб. IV. 254).

⁶⁾ Ой косо, косо золота!

Та не рикъ я тебе кохала,

Що недѣлоньку убирала,

Чорвонымъ борщикомъ умывала,

Золотымъ гребинцемъ чесала,

Темной нички до свички,

Ясного сонця до виконця.

(Чуб. IV. 259).

⁷⁾ Та не жаль же менѣ русои косы, ни дѣвочои красы,

Але жаль менѣ матиночки, що не мае послугочки,

Що нѣкому рано встати, коровоньки заганяти!

(Голов. IV. 357).

⁸⁾ Чому ты, зозулько, рано не куешь?

На другу весну не будешь,

Зелени гаички забудешь!

Чому ты, Марьечка, не плачешь?

Другій разъ дѣвкою не будешь,

Славниі вечерници забудешь!

(Ibid.).

⁹⁾ Прийди, матинко, прийди,

идти замужъ, когда кругомъ все расцвѣтаетъ—и роза, и крещатый барвинокъ, и пахучій василекъ ¹⁾. Она сама чувствуетъ то же, но слишкомъ ужъ она полюбила жениха своего ²⁾. Вотъ прибываетъ женихъ, молодой князь съ своими боярами. Отправляются пѣшкомъ или на лошадяхъ, какъ случится, въ церковь. Волосы невѣсты развѣваются по вѣтру ³⁾. Сами собой открываются церковныя двери, сами собой зажигаются свѣчи, сами собою читаются книги ⁴⁾. Самъ Господь трижды встрѣчаетъ новобрачныхъ ⁵⁾. При возвращеніи съ вѣнчанія поется, что женихъ далъ обѣтъ не отпускать отъ себя жену до страшнаго суда Божія ⁶⁾, а невѣста обѣщала жить не при родителяхъ, а съ мужемъ ⁷⁾. Новобрачные пріѣзжаютъ въ домъ. Ихъ встрѣчаютъ съ церемоніями ⁸⁾, слѣдуетъ затѣмъ обѣдъ для гостей, за которымъ не участвуютъ новобрачные. Послѣ обѣда идутъ танцовать, поютъ пѣсни большею частью шуточного содержанія, насмѣхаясь другъ надъ другомъ. Потомъ женихъ уѣзжаетъ домой. Тамъ происходитъ свой обѣдъ. Женихъ садится на почетномъ мѣстѣ: онъ—князь. По правую руку отъ него размѣщаются бояре, по лѣвую—старшая и меньшая свѣтллки и двѣ свашки, а напротивъ жениха дружка, возница и старосты ⁹⁾. Послѣ этого обѣда начинается собственно народное свадебное дѣйство, древнее языческое священно-

Та зними зъ мене бинды,
Уже мени въ биндахъ не ходити,
Треба дружокъ обдилити.

(Чуб. IV. 254).

- 1) Ой братъ сестрицю та роспилтае,
Все рожу споминае:

— Та не йди, сестрице, молода замужъ.

Якъ рожа процвѣтае,

А хрещатый та барвиночокъ устилае садочокъ,

А запашный та василечокъ и съ тыномъ ся ривняе. (Чуб. IV. 257).

- 2) Хоть не рада та мушу:

Полюбила Ивася якъ душу.

(Чуб. IV. 254).

- 3) Повій, витре, дорогою за нашою молодою,

Розмай косу по волосу по червоному поясу!

(Чуб. IV. 269).

- 4) Де-сь та Маруся боярського роду.

Якъ мы пидъ церковци пріѣзжали,

То сами ся двери одчиняли,

То сами ся книги читали,

То сами ся свички засвичали.

(Чуб. IV. 268).

- 5) Стричай насъ, Боже,

Першій разъ на дорози,

Другій разъ на порози,

Третій разъ при шлюби

При Божому суди.

(Чуб. IV. 269).

- 6) Не забувай отця и матки до суду,

Не пускай Марусини до суду.

(Чуб. IV. 273).

- 7) Присягала Марисенька...

При батейку не быти

Дѣвойковъ не ходити.

(Ibid. также Żeg. Pauli. Piesni ludu Ruskiego. 72. 80).

⁸⁾ Чуб. IV. 299.

⁹⁾ Чуб. IV. 313.

дѣйствіе, сохранившеся теперь въ обломкахъ. На дворѣ ставятъ покрытую чистою скатертью квашню, на нее кладутъ хлѣбъ, которымъ благословили жениха родители, соль и ведро воды съ ковшикомъ. Передъ этимъ импровизованнымъ алтаремъ становится женихъ со всѣмъ своимъ поѣздомъ. Выходить изъ избы мать жениха, одѣтая въ тулупъ вверхъ шерстью, на головѣ у нея шапка, а въ подолѣ у нея насыпаны орѣхи, овесъ, подсолнечныя и тыквенныя сѣмена и мелкія деньги, которыя нарочно для этого дня скоплялись со дня рожденія сына, ставшаго теперь женихомъ. Дружко подаетъ ей вилы или грабли, представляющія въ данномъ случаѣ коня; мать садится на нихъ какъ будто верхомъ на лошади, дружко, ухватившись за передній конецъ, какъ будто ведетъ коня подъ уздцы вокругъ квашни, а другой бояринъ издала подгоняетъ бичомъ воображаемую лошадь. Мать разбрасываетъ во всѣ стороны сѣмена, причѣмъ поются присутствующими дѣвками соотвѣтствующіе припѣвы ¹⁾. Три раза проведши кругомъ квашни мать жениха, сидящую верхомъ на вилахъ или грабляхъ, дружко зачерпаетъ изъ ведра воды и дѣлаетъ видъ какъ будто поить воображаемаго коня. Во время такого шествія вокругъ квашни за матерью идетъ женихъ съ платкомъ въ рукѣ; за плагокъ держится одинъ бояринъ и несетъ въ рукѣ платокъ, за который держится другой бояринъ, затѣмъ третій и т. д. Позади всѣхъ или же рядомъ съ матерью идетъ свѣтилка съ пучкомъ васильковъ, въ срединѣ котораго вставлены деревянное подобіе сабли, зажженная свѣча и кусокъ хлѣба ²⁾. Древность этого обычая указывается подобіемъ въ немъ многихъ чертъ съ обычаями, о которыхъ остались намъ извѣстія въ описаніи свадебъ великокняжескихъ, царскихъ и боярскихъ. Такъ въ этихъ свадьбахъ постоянно играли роль свѣчники со свѣчами ³⁾—то же, что малорусскія свѣтилки—независимо отъ обручальныхъ свѣчъ. Обрядъ осыпанія одѣтой въ вывороченной вверхъ шубѣ является также въ старинной московской великокняжеской свадьбѣ ⁴⁾. Свѣтилка съ де-

¹⁾ Ой сій, мати, овесъ,
Та на нашъ ридъ увесъ,
Що бь нашъ овесъ рясенъ бувъ,
Що бь Иванивъ ридъ красенъ бувъ.

(Чуб. IV. 314—315).

Роди, Боже, жито
На новее лито,
Густее, колосистее
На стебло стеблистее,
Що бь наши дити мали
И стоячи жали.

(Ibid. 315).

Коло нашої дички
Зародили сиробѣжки,
Чи сиробѣжки брати,
Чи въ дорогу ступати,
Въ дороженьку частну
По Марьюхну красну.

(Ibid.).

²⁾ Чуб. IV. 314.

³⁾ Др. Росс. Вивл. XIII. 125. Св. Вас. Ив. Шуйскаго. 151. Св. Мих. Оед.

⁴⁾ ... И тысячаго жена положить на себѣ двѣ шубы собольи, одну положить по обычаю, а другую шубу положить на верхъ, на изворотъ, шерстью вверхъ, да осыпаетъ

ревяннымъ мечемъ и мать, сѣвшая верхомъ на вилы или грабли, воображаемая конемъ, составляютъ соотвѣтствіе съ московскимъ конюшимъ, который ѣздилъ съ обнаженнымъ мечомъ въ рукѣ вокругъ сѣнника ¹⁾. Видно, что основныя черты были едины, но потомъ разбились и развѣтвились, тѣмъ не менѣе все-таки видно ихъ древнее единство. Какое символическое значеніе имѣла вода, ставимая въ ведрѣ на квашнѣ и напованіе ею воображаемаго коня, мы съ точностью опредѣлить не беремъ, но несомнѣнно, что оно въ древности было, и вѣроятно состояло въ связи съ поклоненіемъ водѣ языческихъ славянъ. По смыслу, который и теперь свѣтится въ этомъ обрядѣ, можно предположить, что это имѣетъ значеніе приготовленія къ походу князя за своею княгинею, для чего и поятъ воображаемаго коня, какъ бы собираясь въ дорогу.

Затѣмъ поѣздъ съ женихомъ на челѣ отправляется къ невѣстѣ. Везутъ съ собою подарки невѣстѣ и ея родителямъ ²⁾. Въ пѣснѣ поется, что мать, выпроваживая сына въ путь, оградила его мѣсяцемъ, опоясала солнышкомъ и снарядила въ дорогу за молодою невѣстою ³⁾. Отецъ далъ ему девять коней, а десятого вороного подъ него самого ⁴⁾. Мать напекла ему на дорогу девять печей хлѣба, а десятую короваю ⁵⁾. Отецъ велитъ сыну брать съ собою въ путь всю родню свою и близкую и далекую, и богатую и убогую, богатую ради славы, а убогую для совѣта ⁶⁾. Отецъ даетъ сыну заранѣе такое предостереженіе:

великаго князя и великую княгиню (Свадьба в. кн. Василія Ивановича. Др. Росс. Вивл. XIII, стр. 12).

¹⁾ А въ то время на аргамака сѣлъ конюшій бояринъ Лыковъ и ѣздилъ около сѣнника въ то время, какъ государь былъ въ сѣнникѣ съ голымъ мечемъ (Др. Росс. Вивл. XIII, 165). У Котошихина: какъ пошелъ царь съ царицею опочивать и въ то время конюшей ѣздитъ около той палаты на конѣ явля мечь наголо и близко къ тому мѣсту никто не приходитъ, и ѣздитъ конюшей во всю ночь до свѣта. (Котош., стр. 9).

²⁾ Для невѣсты и ея матери берутъ сапоги, для отца—бараньи рукавицы, для родственницъ—свашекъ, свѣтилокъ и другихъ—нѣсколько платковъ, очипковъ, для брата невѣсты складаникъ (складной ножъ), для сестры нѣсколько аршинъ красной ленты...

Все это несетъ младшій дружба. Старшему дружбѣ даютъ гильце съ короваю, а иногда и самый коровай. Молодой беретъ хлѣбъ, которымъ его благословляли, когда онъ шелъ къ вѣнцу. Бдутъ только въ томъ случаѣ, когда невѣста живетъ далеко. Обыкновенно идутъ пѣшкомъ въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди женихъ съ старшимъ дружкой, за ними всѣ бояре идутъ попарно, за послѣднею ихъ парой—музыка, а за музыкою—родители и родственники жениха. (Чуб. IV. 315).

³⁾ Мати Иванка родила,

Мисяцемъ обгородила,
Сонечкомъ пидперезала,
Въ дориженьку выпроважала.
Въ тую свитлоньку новую
По тую Марью молодую.

(Чуб. IV. 316).

⁴⁾ Осидлавъ ему девять коней сивыхъ,

А десятого вороного
Пидъ ёго молодого.

(Чуб. IV. 317).

⁵⁾ Напекла ему девять печей хлиба

А десятую пичъ—короваю.

(Ibid.).

⁶⁾ Бери, сынку, всю родиноньку

И близькую, и далекую,
И вбогую, и богатую.

смотри, сынокъ, не говори всей правды тестюшкѣ; вѣдь онъ тебѣ все-таки не то, что родной отецъ ¹⁾). Кромѣ того, отецъ заповѣдуетъ ему не пить поднесенной ему первой чарки, а вылить ее на гриву коню.—Отъ этого конь твой пойдетъ гордо, и всѣмъ боярамъ твоимъ будетъ слава ²⁾). Женихъ-князь какъ бы выѣзжаетъ на ловитву ³⁾); онъ будетъ проѣзжать зеленымъ боромъ, по каменнымъ мостамъ, будетъ боръ шумѣть, будетъ камень звенѣть, слышать люди, пойдетъ молва между ними, услышитъ невѣста и возрадуется ⁴⁾). На пути женихъ-князь встрѣтитъ символческую калину и захочетъ рубить ее, а она скажетъ ему, чтобъ онъ не рубилъ ее: она не для него посажена, для него приготовлена молодая невѣста ⁵⁾). Если князь и заѣдетъ въ чужую сторону, зато съ нимъ вся родня его ⁶⁾), у него конь вороной, съ нимъ бояринъ молодой, и сваха пѣвунья, и свѣтилка чернобровая ⁷⁾).

Выѣздъ представляется совершающимся ночью ⁸⁾). Князь призываетъ своихъ бояръ ѣхать съ нимъ во дворъ къ его тестю, къ своей Марусенькѣ за

Багатую—для славоньки,

Убогую—для порадоньки.

(Ibid.).

¹⁾ Отецъ сына выражае, выражае, наказуе:

Та не кажи, сыну, тестеви всю правду,

Во тесть тоби не батенько.

(Чуб. IV. 319).

²⁾ Не пій, сыночку, першого напоеньку;

Ой вылий же го коненькови на гривоньку,

Коничокъ пійде нидь тобою горденько,

Тождь то намъ буде всимъ боярамъ славненько. (Чуб. IV. 317—318).

³⁾ Нашъ Ивасенько, нашъ короленько, на ловы выѣзждае! (Ibid. 317).

⁴⁾ Да будемо ѣхать боромъ зеленымъ,

Боромъ зеленымъ, мостомъ камьянымъ;

Боръ буде шумѣти, а камень звенѣти:

Да зачуютъ люде—намъ слава буде,

Да зачуетъ Марусенька—намъ рада буде!

(Метл. 181).

⁵⁾ По нидь лугомъ стежечка;

Туды ѣхавъ молодой Ивасько,

Изъ подь бока шабельку вытягае,

Да на тую калиноньку замѣрае.

Стала къ ему калинонька промовляти:

Ой стой, Иванко, не рубай!

Не для тебе ся калинонька сажена,

За-для тебе Марусенька зряжена.

(Метл. 182. Чуб. IV. 322).

⁶⁾ А въ кого конѣ—сѣдлайте,

А въ кого сыны—выражайте!

Ой поѣдемо въ чужину, въ чужую сторону

Ой не бійсь, Иванко, да не чужа сторона,

А въ насъ родина все своя.

(Метл. 180—181).

⁷⁾ ... Чи маешъ кониченька вороного,

Чи маешъ боярина молодого,

Чи маешъ сваху спиваху,

Чи маешъ свѣтилку чернобривку?

Во чужая сторона, що бъ не було намъ соромал

(Чуб. IV. 319).

⁸⁾ Ой ты, Иване, видавний козаче!

Де ся выбираешъ въ дорогу по-ночи?

(Чуб. IV. 320).

столь ¹⁾. Но не даромъ батюшка, снаряжая сына-князя, совѣтовалъ ему не вполне довѣряться тестю. Придется таки не легко добывать красавицу. И вотъ видимъ мы въ пѣсняхъ отраженіе тѣхъ давно минувшихъ временъ, когда при рѣдкости населенія, при господствѣ разныхъ побужденій у народностей, отдѣленныхъ другъ отъ друга лѣсами и болотами, приходилось дѣйствительно подвергаться всякимъ неудобствамъ и опасностямъ звѣроловнаго быта ²⁾; ѣздить можно было въ путь только съ значительнымъ кружкомъ своихъ родичей,—тогда дружжелюбныя связи между родами устанавливались только послѣ того, какъ подружившіеся прежде помѣряются взаимно между собою удалю и отвагою,—самые супружескіе союзы заключались тогда съ бою, о чемъ говорятъ наши старыя дѣтониси, сообщая, что у многихъ племенъ брака въ нашемъ смыслѣ еще не образовалось, а было только умыканіе дѣвицъ, а умыканіе вело столкновеніе между родами молодца и дѣвицы. Вотъ такое-то умыканіе даетъ о себѣ вспомнить и въ малорусскихъ свадебныхъ обрядахъ и пѣсняхъ. Князь со своими боярами собирается дѣйствовать силою, разбивать каменные стѣны, ломать замки, чтобы достать невѣсту ³⁾. Онъ не даромъ князь. Онъ—князь временъ древнихъ, богатырь-витязь, идетъ съ своею боярскою дружиною, по лѣсамъ охотятся они за куницами, въ поляхъ за перепелами, черезъ село пройдутъ—подрубяють колья, на дворъ ли вѣдутъ—конь его раскопаетъ землю на дворѣ, а самъ онъ въ сѣни войдетъ—не снимаетъ шапки ⁴⁾. Онъ какъ вѣтеръ идетъ съ брани: гдѣ станетъ, тамъ земля стонетъ, куда глянетъ—трава вянетъ, прикажетъ разбивать Львовъ, доставать себѣ королеву ⁵⁾. Но не при-

¹⁾ Бояры молодцы, учинить мою волю,

Та ходимъ зо мною до тещенька въ двирь,

До Марусеньки за стиль.

(Ibid.).

²⁾ Вода луги позаливала, дороги позабирала,

Нѣкуды переѣхати.

(Голов. IV. 220).

³⁾ Та пійдемо тихимъ Дунаемъ до замку,

Постаємося во три радочки на ганку,

Тамъ будемо бийный каминь лупати,

Же бы съ мо могли молоду Марисю піймати.

(Чуб. IV. 320, 321).

По всимъ селѣ заграно,

Заграно, забубнено,

Бояры побуждено:

— Встаньте, бояры, встаньте!

Коники посидлайте,

Сами ся убирайте,

Бо поїдемо ранкомъ

По пидъ высокимъ замкомъ

Будемъ замки ламати,

Марусеньку доставати,

(Чуб. IV. 321).

⁴⁾ Ой лисомъ ѣдутъ—на кунейки стріляють,

Ой полемъ ѣдутъ—перепелоньки имають,

Селомъ виѣзжають—колоньки пидтинають,

На двирь пріѣзжає—коничокъ двирь конає,

До сѣней входитъ—шапоньки не здіймає.

(Чуб. IV. 324).

⁵⁾ Повѣ вѣтеръ по гори,

дета ему прибѣгать къ такимъ мѣрамъ ¹⁾. Въ пѣсняхъ отразилось наслоеніе послѣдующей эпохи, когда сила стала замѣняться миролюбивыми сдѣлками. Вѣдь и въ тѣ времена, когда господствовали умыканія дѣвицъ, уже лѣтописецъ замѣчаетъ, что умыкали такихъ, съ которыми прежде совѣщались на игрищахъ. Тогда умыкатель примирялся съ недовольнымъ родомъ умыкаемой дѣвицы посредствомъ даровъ, откуда и вышелъ древній обычай платить вѣно за невѣсту. И эта черта есть въ нашихъ свадебныхъ пѣсняхъ. Князь несетъ дары и отъ себя, и отъ своей матери ²⁾. Невѣста уже ожидаетъ его. Отсунь окно, говорятъ ей, погляди, хорошъ ли Иванъ на конѣ? Хорошъ, матушка,—отвѣчаетъ невѣста,—красе всѣхъ, стоитъ на конѣ, словно солнце, конь его блеститъ павшею на него росою, а самъ молодецъ—красотою ³⁾. Прекрасенъ дворъ у тестя, въ немъ трое воротъ: въ одни входитъ мѣсяцъ, въ другія — солнце, въ третьи — молодецъ ѣдетъ и съ нимъ станетъ весело. Идетъ молодецъ къ дѣвицѣ, словно мѣсяцъ къ звѣздочкѣ ⁴⁾. Изъ дѣвической стыдливости говоритъ невѣста отцу, чтобъ затворили ворота и не впускали молодца ⁵⁾. Какъ его не впустить, отвѣчаютъ ей, когда онъ просится, разстилаясь хмелемъ около двора, барвинкомъ въ сѣняхъ, василькомъ въ хатѣ, станвится соколомъ за столомъ ⁶⁾. Запрячь меня, матушка,—говоритъ невѣста,—

Прійшовъ молодой зъ войны;
Ой где стане—земля стогне,
Куды гяне—трава вьяне,
А каже Львивъ розбивати
Королеву добувати.

(Чуб. IV. 325).

¹⁾ И замквивъ не зламали,
И Марусеньку достали.

(Чуб. IV. 321).

²⁾ Дары идуть, дары идуть,
Одъ Ивася молоденького
Одъ его невѣки стареньков.

(Метл. 186).

³⁾ — Чи хорошъ Ивашко на кони?—
„Та хорошій, матинко, красчій всихъ,
Ой одсуну жъ я виконце,
Стоить Ивашко якъ сонце,
Коничокъ припавъ росою,
Самъ винъ молодой красою.

(Чуб. IV. 323).

⁴⁾ А въ мого тестенька трое воритьць,
Въ одни воритьцьи мисяць засвѣтитъ,
Въ други воритьцьи соненько зійде,
Въ трети воритьцьи молодчикъ вѣде.
Мѣсяць засвѣтитъ—видненько буде,
Соненько зійде—тепленько буде;
А хлопець вѣде—веселенько буде:
Иде хлопець до дѣвки,
Якъ мѣсяць до зирки.

(Чуб. IV. 324).

⁵⁾ Просила Марусенька свого татусенька:
„Татунечку мій любий,
„Запрай воротечка—не пусти Ивасенька“.

(Чуб. IV. 326).

⁶⁾ Якъ го не пустити, коли винъ ся просить,
Коли винъ ся стелеть по подвирью хмелемъ,

въ вишневый садикъ, обсади вишнями и черешнями ¹⁾. Запрячу тебя—отвѣ-
часть мать—за тесовый столикъ, обсажу дружками ²⁾.

Въ пѣснѣ приглашается мать невѣсты встрѣчать зятя уже не только нареченнаго, но обвѣнчаннаго ³⁾. Тутъ въ свадебномъ дѣйствии опять воспоминаются времена отдаленныя, времена умыканія и насилія. Поѣздъ жениха долженъ нѣкоторое время ждать у воротъ. Принадлежащія къ поѣзду невѣсты стерегутъ ворота двора. Происходитъ какъ бы примѣрная битва, кончающаяся переговорами ⁴⁾.—Мы тебѣ не докучимъ, только ночку переночуемъ, бочонки твои опорожнимъ и дѣвочку съ собой возьмемъ! ⁵⁾.—Предлагаютъ водки въ качествѣ окупа за впускъ ⁶⁾. При этомъ и подсмѣиваются надъ хозяевами, которые не пускаютъ гостей ⁷⁾. Роль примирителей принимаютъ на себя старосты съ обѣихъ сторонъ. Двое жениховыхъ старостъ перелѣзаютъ черезъ ограду во дворъ, гдѣ уже приготовлена хлѣбъ-соль и тамъ стоять двое невѣстныхъ старостъ. Старосты обиваются между собою хлѣбомъ, цѣлуются, угощаютъ другъ друга водкой и наконецъ ворота открываются: весь поѣздъ вваливается во дворъ ⁸⁾. Мать невѣсты встрѣчаетъ жениха въ тулупѣ, вывороченномъ шерстью

А въ синахъ—барвиночкомъ,

А въ хати—василечкомъ,

А за столомъ—соколомъ.

(Чуб. IV. 327. Żeg. Pauli. Piesni. rusk. nar. 114).

¹⁾ Уже гости, уже на помости,

Въ синечки вступаютъ.

„Заховай мене, моя матинко,

Въ вишневый садочокъ.

„Обсади мене вишнями, черешнями“.

(Чуб. IV. 326).

²⁾ Заховаю тебе, моя доненько,

За тесовый столикъ,

Обсажу тебе, моя доненько,

Молодыми дружечками.

(Ibid. 327).

³⁾ Вйди, мати, зъ хаты,

Свого зятя витати;

Вчора бувъ наречений

А сѣгодня звинчаний.

(Ibid. 328).

⁴⁾ Ъхали мы три мили,

Коники попотѣли;

Ой нашъ милый свату,

Пусти-жь насъ у хату,

Коникамъ супочити

Намъ суконьки посушити!

(Чуб. IV. 328).

⁵⁾ Мы тоби не докучимо,

Сюу ниченьку заночуемо,

И бочечки попорожнимо,

И дивочку собѣ возьмемо.

(Чуб. IV. 329).

⁶⁾ Даемо вамъ горилки

Пускайте насъ до дивки.

(Ibid. 330).

⁷⁾ Ой у нашего свата соломьяна хата:

Боятся насъ пустити, щобъ ѣи не розвалити!

(Ibid. 330).

⁸⁾ Ой, где жъ вы тамъ посланци бували?

наверхъ, какъ бы думая испугать гостей ¹⁾. Она предлагаетъ жениху водки въ угощеніе. Женихъ, помня заповѣдь своего родителя, не долженъ пить, а долженъ передать чарку старшему боярину изъ своего поѣзда, а тотъ выливаетъ водку на гриву коңю, чтобы теща была ласкова къ зятю ²⁾. Что-жъ ты мнѣ подаришь?—спрашиваетъ зять у тещи ³⁾. Теща предлагаетъ одно за другимъ—пару лошадей, пару воловъ, стадо овецъ, скрыню, перину,—зять отъ всего отказывается, наконецъ теща предлагаетъ дочь и тогда зять говоритъ, что будетъ ее считать за родную мать ⁴⁾. Тогда поется въ пѣснѣ—теща съ своей стороны сознается, что до сихъ поръ не совсѣмъ довѣрала ему, но теперь принимаетъ какъ милого сына ⁵⁾. Между тѣмъ въ хатѣ невѣста бросается къ ногамъ отца и проситъ впустить во дворъ поѣздъ, а самого жениха ея посадить за столъ ⁶⁾.

Вступая въ хату, гости обмѣниваются съ принимающими ихъ пѣсенными привѣтствіями ⁷⁾. Дружки, сидящія съ невѣстою, должны подвинуться и дать мѣста боярамъ ⁸⁾. Но братья невѣсты сидятъ около нея съ поднятыми палками, особенно старшій братъ, сидящій ближе всѣхъ къ невѣстѣ, принимаетъ воин-

Ой, бувалисьмо въ тимъ дому,

Ой, видалисьмо молоду Марисю за столомъ.

(Ibid. 338).

1) Вбралась теща у вовчишки,

Для зятнѣи причинки,

Да хотила зятя злякати,

Не хотила дочки отдати.

Да зять того не боиться,

Близько кили дочки садовиться. (Чуб. IV. 339—340. Метл. 191.)

2) Не пій, Ивасю, первого привиту,

Бо першій привить лихій.

Дай старшому свату, родному брату,

Ой нехай выльє конику на гриву...

Що бъ у коня грива кудрява була,

Що бъ на тебе теща ласкова була.

(Чуб. IV. 339).

3) А зять тещу пытає:

„Тещенько, сива голубонько,

„Щожъ ты мени даруєшь?“

(Чуб. IV. 340).

4) Тещенько, ридна матинко,

Я жъ тепера тоби сынъ буду!

(Ibid.).

5) Ой зятю жъ мій зятю, да мильй же ты сыну!

Я жъ тебе змовляла да вѣроньки не ймала,

Теперь вѣроньку иму, що за зятенька прійму.

(Метл. 192).

6) Батеньку до нигъ влала:

А мій батеньку ридный,

Пускай бояреньки на двиръ,

Мого Ивася за тесовый стиль!

(Чуб. IV. 337).

7) Добрый вечеръ тому, хто въ цѣму дому:

Бодай здорови були, що насъ не забули,

За старого й малого, и за Бога святого!

(Чуб. IV. 340).

8) Посуньтєся, та дивчаточка,

А видъ стола да до запичка,

Нехай сядє чужина,

Вся Иванкова дружина.

(Ibid.).

ственный видъ. Сама она готова встать привѣтствовать жениха и принять его гостинцы ¹⁾, а братья не сдаются и хотятъ драться ²⁾. Имъ предлагаютъ окупить. Брата уговариваютъ въ пѣснѣ, чтобъ онъ не продавалъ сестры ³⁾. Онъ ее крѣпко удерживаетъ за руку ⁴⁾, готовъ даже защищать ее сѣкирою ⁵⁾. Но потомъ онъ прельщается предложеніями жениха ⁶⁾. Пѣсня уговариваетъ жениха не скупиться и заплатить пощедрѣе ⁷⁾, хотя бы пришлось семь дней молотить, чтобы заработать на сведеніе шурина съ его мѣста ⁸⁾. Когда, наконецъ, сдѣлка состоится и шурина сойдетъ—пѣсни подсмѣиваются надъ нимъ ⁹⁾, называютъ его татаринномъ ¹⁰⁾, отсылаютъ его за печь воевать съ котами ¹¹⁾; пѣсни шутятъ и

1) Ой устань, Марусю, не лежи,
Ой Иванько йде, гостинцѣ несе,
Ой я встану и привѣтаю
И гостинцѣ принимаю. (Метл. 193).

2) Не наступай литва,
Буде межъ нами битва;
Будемъ бити да воювати,
Маруси не давати. (Чуб. IV. 346).

3) Не продавай сестры
За гришъ за чотыри:
Сестрица родима,
За столомъ якъ калина. (Чуб. IV. 346).

4) Братъ коло сестрицѣ сидить,
Да за рученьку держить,
Да не хоче да попустити
Чужой чужинойци.
Своеи родной сестрици. (Чуб. IV. 347).

5) Братчику та, голубчику!
Возьми соби сокирочку.
Сѣчи, рубай, сестры не дай. (Ibid.).

6) Запродамъ тебе, сестрице моя,
За сто золотыхъ червонныхъ. (Ibid.).

7) Не стой, зятю, за плечима,
Да не дупай очима,
Клади руку у кишень,
Да виймай грошей жменю;
Клади на тарѣлку
За Марьечку дѣвку. (Чуб. IV. 348).

8) Треба сѣмъ день молотити
Що бь шурина зъ покути скупити. (Метл. 194).

9) Не въ правдѣ братко кохався
Що за сестрицю змагався,
Да побачивъ чарку на тарѣлцѣ
Противъ сестрицю на горѣлцѣ. (Ibid.).

10) Татаринъ братко татаринъ
Продавъ сестрицю за таляръ,
Русу косу за шостакъ,
А бѣле личко пошло й такъ. (Ibid. 195).

11) Въ заличъ, шурина, въ заличъ

надъ боярами и даже надъ женихомъ, если онъ не счумѣетъ ловко поцѣловать своей невѣсты ¹⁾).

Во всѣхъ описанныхъ нами обрядахъ отразилась, какъ мы вообще замѣтили, исторія народа. Вотъ времена далекія, языческія — поклоненіе водѣ; остатки жертвоприношеній,—вотъ времена, когда народъ не составлялъ государственнаго тѣла, но былъ разбитъ по селамъ, разстоявшимъ одно отъ другого на немалое пространство, разбитъ на роды, или не знавшіе одинъ другого по неудобству путей, или враждовавшіе между собою. Видимъ слѣды умыканія, слѣды насильственныхъ похищеній. Жизнь, подходившая къ жизни звѣрей, которыхъ ловилъ тогдашній человекъ. Но вотъ шагъ выше на дорогѣ къ образованности. Эпоха примиренія между ссорившимися родами Эпоха сдѣлокъ, и эта эпоха выработалась главнымъ образомъ чрезъ женщинъ, подобно тому, какъ римляне соединились съ сабинянами чрезъ посредство похищенныхъ сабинянокъ. Вотъ и эпоха князей, когда они съ набранными изъ вольныхъ удалцовъ дружинами рыскали, ища себѣ столовъ и власти, и заключали рядъ съ землями, или бывшими не въ силахъ прогнать ихъ, или сами въ нихъ находившими нужду для успокоенія внутреннихъ беспорядковъ у себя. Вотъ и память о Литвѣ, которая завоевала когда-то разрозненную Южную Русь и соединила ее въ одно политическое тѣло, сама подчинившись ея духовному культурному вліянію. Вотъ и татары, торговавшіе людьми, вотъ старый козацкій бытъ, когда все удалое, рыцарское, молодецкое облекалось въ образъ козака.

Что всего замѣчательнѣе, это—свадебные обряды, съ накопившимися на нихъ слоями разныхъ періодовъ и укладовъ народной исторіи, наглядно указываютъ на демократическій строй, господствовавшій всегда въ сознаніи этого народа, хотя внѣшнія условія постоянно препятствовали его водворенію и укрѣпленію въ общественной средѣ. Хотя пѣсни свадебныя съ принадлежащими къ нимъ пріемами и дѣйствами — исключительное достоиніе мужицкаго быта, но многое и представляетъ черты быта болѣе высшаго, болѣе знакомаго съ удобствами жизни: это несомнѣнный признакъ, что тѣ же пріемы, тѣ же обряды, тѣ же пѣсни были достоиніемъ и другихъ слоевъ общества. Такъ называемый высшій классъ не былъ въ культурномъ отношеніи отдѣленъ китайскою стѣною отъ низшаго, какъ теперь. Народъ развивался одинаково: если коснѣли въ темнотѣ, то не одинъ мужикъ, а также и панокъ или войсковой товарищъ, часто не умѣлъ подписать своего имени, зато и мужицкія дѣти одинаково учились наравнѣ съ панскими, если у родителей ихъ было состояніе и кругъ свѣдѣній цѣлаго народа расширялся одинаково. Вотъ, сообразно этому, въ свадебныхъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ черты, указывающія, что эти самыя пѣсни пѣлись не въ однѣхъ мужицкихъ хатахъ, но и въ домикахъ панскихъ.

Съ котами воювати,
Не сестру продавати.

(Чуб. IV. 356).

¹⁾ Бояре шляхецкіи,
Межь вами женишише,
Якъ горялее днище.
Боярамъ свини пасти,
А Ивашку заганяти,
Що не вміе пилувати.

(Чуб. IV. 354).

Слѣдуетъ затѣмъ раздача подарковъ отъ жениха ¹⁾ и отъ невѣсты ²⁾ съ припѣвами, потомъ приносятъ въ хату и дѣлешь коровая ³⁾.

Послѣ раздачи коровая происходитъ покрываніе невѣсты, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и расплетаніе косы, которое въ другихъ совершается, какъ выше показано, предъ вѣнчаніемъ. Невѣста представляется въ пѣсняхъ оплакивающей сокрытіе своей косы дѣвической ⁴⁾. Мать идетъ въ комору за серпанкомъ или намѣткою, которая въ пѣсенной рѣчи носитъ название завивайла. Последній косникъ — лента въ косѣ — снимается женихомъ: это его достояніе на память. Серпанокъ-завивайло — представляется пугаломъ. Ъхаль — поется — за нимъ дружба за море доставать изъ-подъ бѣлаго камня, но не поднялъ камня и не добылъ завивайла ⁵⁾. Мать выноситъ серпанокъ изъ коморы. Дружки поютъ: догадайся, Маруся, зачѣмъ это ходила мать въ комору: за рутянымъ вѣнкомъ

- 1) Ой на двори призьба
На ній рушниківъ триста,
Пійдите, принесите,
Та боярь прикрасите.

(Чуб. IV. 361).

Несите дары за дары,
Да щобъ наши дары
Да у Києви стали,
Шовкомъ мережани,
Золотомъ гаптовани
Свому роду даровани.

(Чуб. IV. 362).

- 2) По тихому Дунаечку билила,
По крутому бережку стелила,
А всю свою родиноньку обдарила.
Тожь-то наша Маруся прядка була,
Тожь-то вона раненьку встала,
На подарочки напяла
Усю свою родиноньку обдилила.

(Чуб. IV. 363).

- 3) Коровай зъ шипками
Розлука зъ дружками.
Свити, Боже, зъ раю,
Нашому короваю,
Щобъ було виднесенько
Краяти дрибнесенько,
Дрибненько, бояроньку,
Коровай край,

Всю нашу родиноньку обсылай
Нась, дружечокъ, не забувай!

(Чуб. IV. 376).

- 4) Ой жаль менѣ тебе русявал косо!
Да не рокъ я тебе кохала,
Що недѣлоньки вмывала,
За одинъ ранокъ утерала.

(Метл. 206).

- 5) Дружку ѣхати по завивайло,
Та на море пидъ билъ камень.
Дружко поѣхавъ, камня не знявъ,
И завивайла не взявъ.

(Чуб. IV. 365).

или за бѣлымъ, какъ бумага, завивайломъ ¹⁾). Дружба принимаетъ отъ матери серпанокъ и держать его на тарелкѣ. Его—поеть пѣсня—не свѣтъ вѣтеръ, не сожжетъ солнце, не смоетъ дождь; его износить молодая Маруся ²⁾). Это бѣлое завивайло будетъ ей вѣчное покрывало ³⁾). Не хочется ей покрываться, не мило ей завивайло, милѣе — дѣвичьи ленты ⁴⁾, но еслибъ она сильно не хотѣла, то не шла бы замужъ, сидѣла бы у батюшки ⁵⁾). Не такъ ей тяжело покрываться, какъ разлучаться съ подругами ⁶⁾). Не объ отцѣ и не объ отцовскомъ дворѣ она тоскуеть: жаль ей русой косы своей, дѣвической красоты: дѣвцы гуляютъ, колышата ихъ косы, а ее въ свою ереду онѣ уже не примутъ ⁷⁾). Мать ⁸⁾) и подруги ⁹⁾), покрывая ее, желаютъ ей здоровья и красоты ¹⁰⁾). Но гдѣ теперь коса твоя, поется въ пѣснѣ,—не полетѣла ли въ поле? Нѣтъ, она свернулась въ клубочекъ ¹¹⁾). Гдѣ теперь твой вѣнокъ дѣвическій? Отдала его спрятать подъ

- 1) Догадайся, Марусе,
Чого мати въ комору пійшла?
Чи по рутяний вѣночокъ,
Чи по бѣле завивайлочко?
Бѣле да бѣлесеньке
До паперу ривненькее. (Метл. 206).
- 2) Поглянь, Марусю, на порогъ
То йде дружбонько ворогъ твій.
Несе коровай на вѣцѣ
Бѣле завивайло на тарелцѣ,
То не вѣтеръ его не звѣ,
Ни сонце его не спале,
Ни дрибний дождчикъ его не змоче
Молода Маруся износе. (Метл. 207—208).
- 3) Ой бѣлое завивайло,
Да вѣчное покрывайло. (Ibid.).
- 4) Покриванниця плаче—
Покриватись не хоче.
Серпанки—поганки,
Биндочки—коханки. (Чуб. IV. 367).
- 5) Якъ бы вона не хтила
Тобъ у батенька седила. (Ibid.).
- 6) Не такъ покрываться,
Якъ съ нами роставаться. (Чуб. IV. 368).
- 7) Ой не жаль менѣ батенька старого,
Тильки жаль мени русои косы,
Дивоцькой красы;
Дивки гуляють, кисками мають,
А мене не приймають. (Ibid.).
- 8) Покриваю тебе, моя доненько.
- 9) Мы жъ тебе, сестрице, скриваемъ,
Счастьямъ-здоровьемъ надѣляемъ! (Ibid.).
- 10) Будь здорова якъ вода,
Будь прекрасна якъ весна. (Чуб. IV. 371).
- 11) Где ся косойка дила?
Чи у поле полетила?

замокъ на вѣчные вѣки ¹⁾). Какъ бы играя, въ пѣснѣ говорятъ ей подруги: не хорошо, не хорошо тебѣ въ этомъ нарядѣ! Скинь чепецъ, брось подь печь, скинь кибалку—брось подь лавку! Надѣнь опять свой рутяной вѣнокъ, уберись въ ленты, идемъ съ нами на вечерницы ²⁾). Не будетъ по-вашему, дается на это приговоръ въ пѣснѣ: Ивась сдаетъ свое молодечество, а Маруся свое дѣвичество ³⁾).

Наступаетъ затѣмъ ужинъ съ припѣвками. Въ пѣсняхъ, относящихся къ этой части ритуала, выражается невозвратность положенія, которое потеряла новобрачная. Ей грустно, она склоняетъ голову, но все уже напрасно, ни вѣтеръ, ни дождь, ни людскіе языки—ничто не разорветъ союза новобрачныхъ ⁴⁾). Какъ селезень съ уточкою вмѣстѣ щиплютъ водяную травку, такъ они сидятъ вмѣстѣ парочкою за трапезою ⁵⁾).

Вотъ уже и кони запряжены и возницы сидятъ на возахъ, собираются везти новобрачныхъ въ домъ мужа ⁶⁾). Въ пѣснѣ изображается, какъ новобрач-

Вона въ поле не летила

Ено ся въ клубойко звила.

(Чуб. IV. 369).

¹⁾ Где съ дила свій винойко?

Дала мѣ ю оковати,

До скрынойки сховати,

На вики вични.

(Чуб. IV. 370).

²⁾ Покинь чепецъ пидь печь,

А кибалку пидь лавку,

Тобѣ не подоба,

Бо не пристало до лоба.

Рутяній вѣнокъ

Склади на головку,

• Да надинь стрички и коснички,

Да ходимъ зъ нами на вечернички. (Метл. 209. Чуб. IV. 372—373).

³⁾ То Иванъ гомонить—молодечество здае,

То Марусенька гомонить—дивованье здае.

(Чуб. IV. 373).

⁴⁾ „Вже жъ ты, Марусю, звинчана:

Буйны витры не розвѣють,

Дрибны дощи не розмьють,

Людьски языки не розмовлять“.

И схилилася верба сверха до кореня,

Схилилася Маруся черезъ стиль до матинки,

На стиль головоньку клонять,

А подь столомъ слизоньки ронять.

(Чуб. IV. 389).

⁵⁾ Де жъ бувъ селезень, де жъ була утонька?

Селезень—на ставку, утинка—на плаву.

Теперь на одному сидятъ вони плаву,

Да їдять рясочку.

Де жъ бувъ Иванко, де жъ була Марьечка?

Иванко—у батенька, Марьечка—у матинки;

У одной свитлицы їдять пальяниця,

Пьютъ вони медъ-вино изъ кубка одного. (Метл. 214—215. Ч. IV. 390).

⁶⁾ Вже жъ коники позапряганы,

Погоничи на возахъ сидять.

(Чуб. IV. 393).

ная кланяется въ ноги родителю и благодарить за то, что, живучи у него, была любима и не отягощалась излишнею работою ¹⁾).

По окончаніи ужина начинается отправка новобрачной четы. Это выражается и въ пѣсняхъ. Новобрачная должна садиться на возъ и покидать привычки житья, какое вела у отца ²⁾). Укладываютъ на возы скриню съ приданнымъ ³⁾). Пѣсня представляетъ, что мать, въ порывѣ материнской вѣжности, проситъ дочь переночевать у нея еще одну ночь, потому что расцвѣтаетъ роза, стелется барвинокъ. Но дочери уже не украшать себя розою и барвинкомъ: полюбила она Ивася и не хочетъ разстаться съ нимъ ⁴⁾). Такъ пѣсни до послѣднихъ минутъ изображаютъ въ невѣстѣ колебанія между сожалѣніемъ о невозвратно переходящемъ дѣвчествѣ и между любовью къ своему суженому, и все-таки перевѣсь остается за этой любовью. Все готово къ отъѣзду. Мѣсяць освѣщаетъ путь. Братъ провожаетъ сестрицу въ домъ свекра ⁵⁾). Жениховъ поѣздъ заранѣе хвалить житье-бытье, ожидающее ее въ этомъ домѣ ⁶⁾). Посылается напередъ соколъ во дворъ родителей жениха, чтобы тамъ дожидались невѣстки, застлала столы, клала на нихъ пшеничные хлѣбы, зажигали свѣчи ⁷⁾). Вотъ

¹⁾ Впала Маруся ажъ до нигъ:

— Спасибѣ тоби, ты мій батенько.

— За твое коханячко,

— Що я жъ у тебе була, важкого дила не знала. (Чуб. IV. 392).

²⁾ Ой садовись, дивочко, на вози.

Да покидай батьковы ~~норовы~~ ^{норовы}. (Чуб. IV. 401).

³⁾ Скрыня моя малѣвана!

Да не рикъ не два пряла,

Да не зимочку ткала.

Ну-мо, мамо, длитися:

Тоби хата, та комибочка,

Мени скриня, та худибочка (Чуб. IV. 405—406).

⁴⁾ Ъи матинка просить:

— Молоденька Марисенька,

— Переночуй хочъ ниченьку,

— Бо вже рожа розцвѣтається,

— Барвиночокъ розстилається!

„Мени въ рожи не ходити,

„Барвиночку не носити:

„Полюбила Ивася, та й не могу одступити. (Чуб. IV. 405—406).

⁵⁾ Мисяць доризеньку освитивъ;

Братъ сестриченьку выпроводивъ:

„Отъ тоби, сестрице, дорога,

„Бѣ до свекорка здорова!

(Чуб. IV. 406).

⁶⁾ Южь сонце надъ горами,

Збирайся, Марусю, зъ нами,

Бо ми добри люди,

Добре тоби въ насъ буде:

Вода сама въ гарнець тече,

А сонейко хлѣбъ пече.

(Ibid.).

⁷⁾ Наша Маруся одъ батенька одъизжае,

По переду соколонька посилае:

„Лети, лети, соколоньку, до свекорка въ двиръ,

деть помогать, сядет полудновать—не съ кѣмъ вести разговоръ ¹⁾. Вспомнить она о дочери и жаль ей станетъ тогда, когда начнетъ она растоплять дрова и загребать жаръ въ печи или пойдеть къ водѣ съ бѣльемъ ²⁾. На пути къ дому жениха поются пѣсни, гдѣ говорится о радости, какая ожидается мать жениха, когда привезутъ къ ней невѣстку ³⁾. Но, оглядываясь назадъ къ родительскому дому, новобрачной становится грустно ⁴⁾. Вотъ пріѣхали. Пѣсня приглашаетъ мать жениха выходить и посмотрѣть, что привезли ей бояре ⁵⁾. Новобрачная сравнивается съ пугливую тетеркою: не надобно полошить ее; пусть привыкаетъ къ своему дому ⁶⁾. Женихъ, кланяясь родителю, увѣряетъ, что его подруга будетъ угождать ему ⁷⁾. Есть слѣды стараго военного быта: женихъ говоритъ, что онъ ѣздилъ на войну и полонилъ хороводъ дѣвокъ, но выбралъ себѣ одну изъ нихъ ⁸⁾. Мать жениха представляется въ высшей степени довольною и говоритъ, что теперь она радуется паче, нежели тогда, когда родила своего сына, и расточаетъ похвалы молодой невѣсткѣ и за ея красоту, и за походку, и за рѣчь ея ⁹⁾. Уже и сама новобрачная начинатьъ быть довольна своею перемѣною: ей

1) „Якого-сь буде, якого-сь буде да безъ донечки жити!“

Пійдешъ, матинко, у поле та зеленого жита жати,
Та займешъ широкую постать—ни зъ кимъ жита жати.

Сядешъ, мати, да полуднати—ни зъ кимъ розмовляти. (Чуб. IV. 414).

2) Загрибай, мати, жаръ, жаръ,
Буде тобі дочки жаль, жаль,
Якъ итимешъ сорочокъ прати
Будешъ дочку споминати!

(Ibid. 401—402).

3) Отвори, мати, лиску,
Ведемо ти невѣстку,
До коморы ключницю,
До поля робитницю.

(Ibid. 429).

Ой радуйся, мати, своему дитяти,
Своему рожденному, другому сужденному.

(Ibid. 422).

4) Ой плачу я плачу поки батькивъ двірѣ бачу.

(Ibid. 424).

5) Ой вийди, мати, погляди,
Що жъ тобі бояре привезли:
Да привезли скрину кованую
И невѣсточку коханую.

(Ibid. 429—430).

6) Привезена тетеречка...

Не кишкайте, не полохайте,
Нехай вона къ своему дому привыкае.

(Ibid. 430).

7) Пріяхавъ Ивась съ дружиною,
Батенькови въ ниженьки вклонявся:
— Не гнивайся, мій батеньку, на мене,
Що пріяхавъ зъ дружиною до тебе!
Моя дружбонька буде тобі годити,
По твоимъ двори садъ-виноградъ садити!

(Чуб. IV. 431).

8) Що я на войну ѣздивъ,
Звоевавъ да дивокъ танокъ;
Выбравъ я соби одну дивоньку молодую.

(Чуб. IV. 432).

9) Рада була, мій сыночку, що ты народився,
А тепера и раднїша, що ты оженився.

сталь миль чепецъ и надоѣль дѣвическій уборъ ¹⁾. Но тутъ же проглядываетъ и опасеніе, что какъ зима не будетъ такою, каково тихое лѣто — такъ и свекоръ не будетъ таковъ, какимъ былъ родной батюшка ²⁾.

Новобрачнымъ готовятъ ложе въ коморѣ ³⁾. Между тѣмъ всѣ садятся за столъ: молодые супруги на посадѣ въ почетномъ углу. Но тутъ поютъ, что новобрачная не хочетъ ни пить, ни ѣсть, а хочетъ уснуть ⁴⁾. Дружко ведетъ чету въ комору. Поются припѣвы нѣсколько двусмысленнаго содержанія ⁵⁾. Потомъ выводятъ изъ коморы чету и раздаются веселыя пѣсни, въ которыхъ величается калина — символъ соблюденія дѣвства невѣстою и брачнаго соединенія ⁶⁾. Вѣтвь калины, воткнутая у новобрачной за намѣтку, служитъ призывомъ къ всеобщему веселью ⁷⁾. Такая же калиновая вѣтвь, вмѣстѣ съ бутылкою водки, посылается къ родителямъ новобрачной на знакъ, что она соблюла цѣломудріе ⁸⁾. Это доставляетъ большую радость и честь родителямъ. На знакъ

Выбравъ соби дивку червону, якъ калиноньку;
Що стунить — не похилиться,
Що скаже — не помылиться.

(Чуб. IV. 432.)

¹⁾ Отожь тебе Господь погодивъ,

Що ты мене въ чипчикъ нарядивъ;
Бо вже мени бинда обридла,
А вже жъ мени чипчикъ — прилипчикъ.

(Ibid.)

²⁾ Не буде зима якъ тихе лито,
Не буде свекорка якъ ридный батенько.

(Чуб. IV. 433.)

³⁾ Ой хто буде спати,
Будемъ ёму да постиль стлати,
Соломки въ головки,
Сѣнци пидъ колѣнци,
А мяты пидъ пятяи,
Що бь було м'ягко спати.

(Чуб. IV. 435.)

⁴⁾ Не хочу я вѣстоньки да питоньки,
Бо вже мое тило спати захотило...

(Чуб. IV. 436; также 437.)

⁵⁾ „Ой мамцю, мамцю, до комори ведуть!“

— Цить, доню, тобі меду дадуть!
„Ой мамцю, козакъ на мене лизе“.
— Цить, доню, винъ тебе не заріже.
„Ой мамцю, вже й ножикъ виймае?“
— Цить, доню, винъ боже думае.

(Чуб. IV. 437.)

⁶⁾ Темного луга калина, весь лугъ окрасила,
Доброго батька дитина, весь ридъ звеселила,
Ничого дивувати: така була би й мати.

(Чуб. IV. 443—444.)

⁷⁾ Ой пойдю я у лугъ по калину,
Да выломлю калинову вѣтку,
Да застромлю за бѣлу намѣтку.
Нехай моя калинонька вьяне,
Нехай моя родина гулие.

(Метл. 284.)

⁸⁾ Калинонька наша Маруся,
Подъ калиною лежала,
Калину ламала,

До батенька слала:
— Отъ тоби, батенько, отъ тоби да подарочокъ,

торжества мать невесты приглашается въ пѣснѣ обуться въ красныя сапожки ¹⁾. Благодареніе вамъ, — обращается пѣсня къ обоимъ родителямъ новобрачной — благодареніе за кудрявую мяту, за крещатый барвинокъ, за пахучій василекъ, за красную калину, за вашу честную дочь ²⁾. По возвращеніи въ домъ жениха посольства, отправлявшася къ родителямъ невесты, у новобрачнаго идетъ ужинъ, поются пѣсни, плачутъ, а новобрачные ужинаютъ особо въ коморѣ и непремѣнно жареную курицу—символическую яству брачнаго часа ³⁾. Достоинно замѣчанія, что и въ великорусскихъ старинныхъ царскихъ и боярскихъ свадьбахъ курица является также символическою брачною яствою ⁴⁾.

Собственно этимъ и оканчивается ритуаль свадобной трилогіи. Затѣмъ слѣдуетъ, такъ сказать, эпилогъ. Это въ народномъ пѣсенномъ языкѣ называется «перезвою». Свадебныя торжества, состоящія въ пиршествахъ, попойкахъ, пѣсняхъ и пляскахъ, продолжаютъ нѣсколько дней—обыкновенно до четверга включительно, какъ объ этомъ заявляется выразительно и въ пѣсняхъ ⁵⁾.

Чорвоная да калиновка,
Одъ любон да дитиновки!

(Чуб. IV. 445).

¹⁾ Да не бійся, матинко, не бійся,
Въ червони чоботки обуйся,
Топчи вороги пидь ноги
А супостатамъ пидь пяты,
Що бь перестали брехати.

(Чуб. IV. 450—451).

²⁾ Та добры-день $\frac{\text{таточку}}{\text{матинко}}$ добры-день,

Лучча була ниченька якъ сей день.
Спасяби тоби, сваточку,
За твою кудряву м'яточку
За хрещатый барвиночокъ,
За запашняный василечокъ,
За червону калину,
За твою добру дитину.

(Чуб. IV. 452).

³⁾ Чуб. IV. 444.

⁴⁾ ...а самъ князь великій вшедь въ палату сядеть на своемъ мѣстѣ, а тысяцкому и дружкамъ велить сѣсть по своимъ мѣстамъ. Да какъ изсажаетъ всѣхъ и поставитъ передъ великаго князя и передъ великую княгиню кура печеное, а большой дружка вставъ обертить кура и съ блюдомъ и съ скатертью верхнею да отнесетъ къ постелѣ, и съ великою княгинею поидеть тысяцкой и дружки и свахи всѣ (Др. Россійск. Вивлюе. XIII. Свадьба великаго князя Василя Ивановича, стр. 12). А послѣ третьей ѣствы поставили передъ царя и великаго князя и передъ царицу и великую княгиню кура жаркое, а большой государевъ дружка, обертѣвъ кура съ блюдомъ и съ перепечю и съ солонкою скатертью другою, отнесъ къ сѣннику и отдалъ именно боярину Глѣбу Ивановичу Морозову. А послѣ того царь и великій князь изъ-за стола вставъ пошелъ къ сѣннику и съ царицею и великою княгинею (Ibid., стр. 208. Свадьба первая царя Алексѣя Михайловича).

⁵⁾ Суботонька—то збирный день,
Недилонька—весильный день,
Понедилкокъ—избавъ дивку,
Въ вивторокъ—піймо горилку,
У середу—покатимъ бочку,
А въ четверъ—до домочку.

(Чуб. IV. 454).

Въ понедѣльникъ старшій бояринъ водружаетъ на большомъ шестѣ красную ткань и вѣшаютъ такой же кусокъ на воротахъ. Старшій бояринъ обязывается красною лентою, беретъ съ собою черную курицу и пирожки, обмазанные медомъ, за ния слѣдуютъ опоясанные черезъ плечо красными лентами дружки, а замужнія женщины, принадлежащія къ числу свадебныхъ гостей, называемыя приданки, обязываютъ себѣ красными лентами головы поверхъ своихъ обыкновенныхъ головныхъ уборовъ; даже бутылки съ водкою обвертываютъ чѣмъ-нибудь краснымъ. Вообще красный цвѣтъ—признакъ свадебнаго торжества, если невѣста окажется цѣломудренною ¹⁾. Идутъ къ родителямъ новобрачной и женихъ зазываетъ ихъ къ своимъ родителямъ на обѣдъ ²⁾. Тогда происходитъ раздача подарковъ новобрачныхъ со стороны собравшейся родни ихъ ³⁾. Во вторникъ пируютъ у родителей новобрачной. Въ эти дни свадебные поѣзжане разгуливаютъ по селу и поютъ нерезвянскія пѣсни. Это короткіе припѣвы, каждый стиха въ четыре, а нѣкоторые только въ два, шуточнаго содержанія, не принадлежащія къ обряду. Ихъ безчисленное множество; онѣ вездѣ импровизируются по вдохновенію. Иныя—двусмысленнаго содержанія и даже циничны и неистойны, если новобрачная окажется потерявшею цѣломудріе до брака. Въ послѣднемъ случаѣ, по народному понятію, никакъ нельзя вспоминать въ пѣсняхъ о калинѣ, которая есть символъ исключительно цѣломудренной женщины. Преступница подвергается поруганіямъ и насмѣшкамъ, даже побоямъ отъ мужа, если она ему заранѣе не сознается о своемъ паденіи. Не только она, но и даже ея родители подвергаются поруганіямъ: на шею отца надѣваютъ хомутъ, а ворота его двора и стѣны хаты снаружи и внутри обмазываютъ дегтемъ, о чемъ есть указаніе въ пѣсняхъ ⁴⁾. Свадебные обряды съ ихъ пѣснями до сихъ поръ повсюду свято сохраняются, гдѣ только живетъ малорусское племя, и надобно

¹⁾ Чуб. IV. 455.

²⁾ Ой зять тещу просить,

У рукахъ шапку носить:

Охъ и теща моя,

И голубка моя,

И ходижь до мене.

Есть у мене симъ бочѣкъ

И полубочѣкъ

Да солодкаго меду—

Прошу жъ тебе та й на беседу.

(Чуб. IV. 462).

³⁾ Ой роде, роде багатый,

Даруй товаръ рогатый,

А вы, браты,

Даруйте все быки,

А вы, сестрици,

Даруйте все ягници.

Дала мени мати бодню

Да на пъядь не повну,

Да на ти серпаночки

Що здарують приданочки.

(Чуб. IV. 464).

⁴⁾ Ой знати знати, где взяли халяву

Обмазали дѣгтемъ хату и стины и лаву.

(Чуб. IV. 459).

замѣтить, что свадебныя пѣсни уцѣлѣли въ своей старой чистотѣ болѣе, чѣмъ всякія другія. Народъ, повидимому, даетъ значеніе своему свадебному ритуалу болѣе, чѣмъ самому церковному вѣнчанію. Нерѣдко бываетъ, что церковное вѣнчаніе совершается раньше, чѣмъ отправляется свадьба или «веселья», по народному образу выраженія. Такъ отъправленія свадьбы уже обвѣнчанная невѣста живетъ въ родительскомъ домѣ, ходитъ въ дѣвическомъ нарядѣ вмѣстѣ съ дѣвцами, а не считается замужнею женщиною; въ такомъ положеніи проходитъ времени иногда цѣлый мѣсяцъ, а иногда и болѣе.

ГЛАВА IV.

Супружество. — Согласное житье. — Бѣдность. — Женскіе пороки. — Лѣнь. — Пьянство. — Капризы. — Мужъ отбучаетъ жену строгостями. — Слабый мужъ. — Разумная жена. — Невѣрность жены. — Недовольство замужествомъ. — Чужая сторона. — Мужъ пьяница. — Мужъ ревнивецъ. — Невѣрность мужа. — Жестокость. — Отношенія жены къ своей роднѣ. — Отношенія жены къ роднѣ мужа. — Злоба свекрови. — Убийство жены мужемъ. — Смерть жены. — Смерть мужа. — Вдовство.

Согласное и счастливое супружество въ пѣсняхъ изображается явленіемъ не частымъ, по крайней мѣрѣ число такихъ пѣсней гораздо менѣе, чѣмъ пѣсней съ противнымъ содержаніемъ. Славу Богу, — говоритъ въ пѣснѣ счастливая жена, — у меня мужъ добръ, не ругаетъ меня, ласкаетъ какъ голубку ¹⁾. Собравшись ѣхать на работу въ поле, подложить мнѣ подъ голову подушку или отпустить гулять къ моимъ роднымъ. Гуляй, милая, — говоритъ онъ, — гуляй, пока моя голова жива, а вотъ какъ моя голова ляжетъ, тогда всякое зло тебѣ себя покажетъ; когда мои руки сложатся, тогда вся роскошь жизни минетъ для тебя ²⁾. Когда такая чета вмѣстѣ выйдетъ въ поле и работаетъ — люди, глядя на нее, завидуютъ ей, а любящіе другъ друга супруги желаютъ всѣмъ такого же счастья ³⁾.

¹⁾ Спасиби Богу, що мій чоловікъ добрий,
Пошли ёму, Боже, и счастье и вѣкъ довгий:
Що винь мене не бѣе, не лае,
Винь мене за голубоньку мае.

(Чуб. V. 517).

²⁾ Самъ бере пидъ поясъ пужку,
А мени кладе въ головку подушку;
Самъ иде въ поле орати,
А мени велить съ своимъ родомъ гуляти.
Та гуляй, мила, поки моя голова жива,
А якъ моя голова поляже,
То тоди тобі й ледащо докаже;
Якъ мои ручки згорнутья,
То тоди твоя роскоши минутья.

(Ibid.).

³⁾ Ой хто жъ то оре? То жъ Пилипченко,
А ягода смородина — то жъ Парасочка.
Да на ихъ люде позавидовали,
Що хороше, да пригоже, да любовно живутъ.
Ой ви, люде, не завидуйте;
Сама собі любитеся да любовно живить.

(Ibid. 516).

Любящей женѣ мужъ дороже всѣхъ родныхъ и онъ болѣе, чѣмъ всѣ они, внимателя къ ней. Другіе близкіе и родные ѣдутъ мимо нея и къ ней не завернуть, а мужъ непременно къ ней завернетъ, и она сознаетъ, что ея судьба прекрасна ¹⁾). Одна бесѣда съ нею такъ дорога ему, что ради ней онъ подвергаетъ себя опасности. Воображаетъ она: плыветъ лодка; въ ней сидятъ ея родные, мать, отецъ, братья, сестры, и никто для нея не остановится, страшась, чтобы въ лодку не набѣжала вода. Но ея милый не боится остановиться, лишь бы съ нею поговорить, хотя бы челнъ водою наполнялся и погружался въ пучину ²⁾).

Воображаетъ она себя, что мужа ея берутъ въ рекрутство, которое представляется неволюю. Ни отецъ, ни мать, ни братья, ни сестры не хотятъ сбывать воловъ, коровъ, лошадей и золотыхъ перстней, чтобы его выкупить, а жена будетъ готова всего лишиться, лишь бы видѣтъ милаго передъ собой ³⁾). Ей такъ любо пребывать съ нимъ, что всякая разлука томить ее. Вотъ онъ поѣхалъ въ отдаленное поле орать, а подруга въ одиночествѣ провела четыре ночи, онѣ показались ей десятью ночами. Ей бы даже хотѣлось, чтобы у него волны пристали или изломался плугъ, лишь бы онъ скорѣе возвращался домой съ работы ⁴⁾).

Въ пренія времена, въ козацкія, разлука мужа съ женой была чаще и продолжительнѣе. Оставшись въ одиночествѣ, жена обращается къ вѣтру и проситъ сообщить милому, какъ она тужитъ за нимъ ⁵⁾). Въ одной пѣснѣ былыхъ временъ живописуется картина семейнаго быта по поводу возвращенія козака. Онъ везетъ женѣ дорогой гостинецъ—шелковый платокъ, спрашиваетъ ее, какъ она проводитъ ночи безъ него; она сидитъ съ двумя дѣтьми, указываетъ мужу воду умыться, утереться полотенцемъ. указываетъ на приготовленный ужинъ

1) Ничь моя свитла и зиронька ясна,
Доленька жъ моя прекрасна! (Ibid. 507).

2) — Хочь весь човникъ воды набижить,
А все жъ зъ тобою буду говорить:
Уже човникъ, воды набира,
А мій милый зо мною розмовля.
А вже човникъ у море пурина,
А мій милый зо мною розмовля. (Ibid. 505).

3) Ой лучче жъ мени всю худобу изъ рукъ избути,
Абы жъ мени мого миленького у вичи видати. (Чуб. V. 500).

4) Ой поѣхавъ мій миленькій у поле орати:
Оре три дни у ярини, а день у тодоци,
Выплакала кари очи за чотыри ночи:
Та вже жъ мени си чотыри та за десять стали—
Бодай мого миленького волики пристали!
Бодай волы живи були, а плугъ поламався,
Що бъ мій милый изъ волами до дому вергався! (Чуб. V. 533).

5) Повій, повій витроньку,
Съ Побережа въ Литвоньку:
Занеси висть милому,
Що я тужу по нему.
Коли бъ я крыла мала
То бъ я за нимъ литала. (Чуб. V. 322).

изъ рыбы осетрины и приглашаетъ ложиться. Козакъ говоритъ ей, что онъ бился съ туркомъ и татаринкомъ, утомилъ коня своего, и прежде поидеть привязеть его къ бѣлой березѣ ¹⁾.

Есть трогательная пѣсня о смерти любимой жены, постигшей ее отъ несчастливаго разрѣшенія отъ бремени во время отсутствія мужа, котораго въ однихъ вариантахъ называютъ королевичемъ, а въ другихъ просто козакомъ. Пѣсня эта, преимущественно въ вариантахъ съ наименованіемъ королевича, распространена повсюду и даже зашла въ Великороссію, гдѣ совершенно обнаружилась въ великорусскую пѣсню. Молодецъ отправился, по однимъ вариантамъ, на войну, по другимъ — на охоту. Тамъ приснился ему сонъ: изъ-подъ одной руки у него вылетаетъ соколъ, изъ-подъ другой — кукушка ²⁾. Баба ворожея, къ которой онъ обратился, объяснила ему что это значить — у него въ домѣ родилось дитя, а жена его сама умерла ³⁾.

Молодецъ спѣшитъ домой и находить, что случилось такъ именно, какъ сказала разгадчица. Вошедши въ домъ, онъ увидѣлъ мамокъ и нянекъ съ новорожденнымъ младенцемъ ⁴⁾ и трупъ жены своей ⁵⁾. Ударивши себя въ грудь, онъ разразился горькимъ причитаніемъ, обращаясь къ ногамъ, рукамъ, глазамъ и устамъ своей подруги, которая окончила свою жизненную работу ⁶⁾ *).

¹⁾ Привизъ мени гостинчикъ дорогій:

Въ ливой руди платочикъ шовковый...

„Ой здорова, моя мила, чи чуешь?“

„Съ кимъ же ты сю ничку ночуешь?“

— Зъ маленькими диточками ночую...

— Стоить вода въ видеречку—умйся,

— Висить ружникъ на килочку—утрися,

— Лежить рыба осетрина—кормися.

— Стоить кровать пуховая—ложися.

„Ой я съ туркомъ, съ татаринкомъ воювавъ,

„Тамъ я свого кониченька стурбовавъ.

„Ой не ляжу, моя мила, не ляжу,

„Ой пйду до кониченька да до билон березы привязяку.

(Чуб. V. 520—523).

²⁾ Съ пидъ правой та рученьки вылинувъ сокиль,

Съ пидъ ливой, съ пидъ билон, сива зозуля.

(Ibid. 766).

³⁾ Бижи, бижи, королевичу, до свого двора...

Учора изъ вечора сына вродила,

(Ibid. 778, 767).

⁴⁾ Ажъ тамъ мамки, ажъ тамъ няньки, та дитя колишуть.

„Ой ну люли, мале дитя, що вчора вранци родилося,

„А сѣгодня въ вечери осиротилося.

(Ibid. 767).

⁵⁾ Увиходить королевичъ у нову светлицю,

Лежить ёго молода жона на всю скамницю.

(Ibid. 770).

⁶⁾ Ударився королевичъ у билон груди:

„Нижки мои ризвисеньки, чомъ не ходите?“

„Ручки жъ мои билесеньки, чомъ не робите?“

„Очи жъ мои каресеньки, чомъ не дывитесь?“

„Уста мои сахарни, чомъ не мовите?“

(Ibid. 767).

*) Пѣсни подобнаго содержания польск. см. Коѡв. 5. 1. 172—189. Ср. великорус.

Небогатая средства къ жизни не мѣшаютъ согласнымъ супругамъ считать себя счастливыми ¹⁾, даже при крайней бѣдности и горѣ ²⁾, и онъ и она находятъ какъ бы утѣшеніе въ томъ, что вмѣстѣ горюють ³⁾. Вѣрная и любящая жена навсегда сохраняетъ горячее чувство къ своему супругу. Есть пѣсня гдѣ изображается, какъ козакъ возвращается послѣ девятилѣтняго отсутствія, и жена, считающаяся всѣми вдовою, не узнала его сразу, хотя неизмѣнно любить его и предана ему. Козакъ прїѣзжаетъ къ ней, какъ чужой, требуетъ сперва пустить его на постой, потомъ овса своему коню, потомъ себѣ ѣсть и пить. Мнимая вдова отвѣчаетъ, что она не сѣетъ, не коситъ, не топить, не варитъ ⁴⁾, живетъ въ горѣ безъ мужа уже десятую зиму ⁵⁾. Наконецъ козакъ приказываетъ стлать постель и ложиться спать съ гостемъ ⁶⁾. Тогда вдова хотѣла бѣжать ⁷⁾, вылѣзши чрезъ окно ⁸⁾. Но тутъ козакъ открывается кто онъ ⁹⁾. Подобная пѣсня есть у великоруссовъ, гдѣ представляется солдатъ, воротившійся со службы, но обѣ пѣсни самостоятельны и не показываютъ слѣдовъ заимствованія.

Лѣнь и пьянство представляются обычными пороками какъ мужчины, такъ и женщины, подвергаясь въ пѣснѣ насмѣлкѣ, какъ одна изъ видимыхъ причинъ обѣднвнїя. Жена чистосердечно сознается, что оба они лѣнны ¹⁰⁾. Вотъ—говоритъ она—еслибъ ты былъ хозяинъ—были бы у тебя воли, я бы сидѣла дома и глядѣла за ними, была бы корова, я бы за нею глядѣла, были бы овечки, я бы шерсть чесала ¹¹⁾, а то люди ѣдутъ пахать, а мы съ тобою въ

1) Ой взявъ жинку убогую,

Счастливъ зъ нею, слава Богу...

(Чуб. V. 519),

2) Чи я яку тугу маю—вона дилить все зо мною!

(Ibid.).

3) „Жинко моя, жинко, ты моя милая,

„Зъ воли Бога найвысшого така съ несчастная!

(Голов. I. 277).

4) Я не сїю, не орю—де жъ я тоби наберу?

Я не топлю, не варю—де жъ я наберу?

(Чуб. V. 817).

5) Уже тому девять литъ

Чоловика дома нїтъ,

А десятая зима,

Якъ горюю я сама.

(Ibid. 815).

6) Стели гостю постилоньку

Давай зъ гостемъ спати.

(Ibid. 815—816).

7) Да лучше ись хаты выступати.

(Ibid. 816).

8) Въ оконечки утигати.

(Ibid. 815).

9) Молодая удивонько, се жъ ты не вгадала

Кого, сердце, литъ за десять въ походѣ выправляла:

Що на ливой на рученци дитину держала,

А правую рученькою очицы втирала.

Ой не естъ ты удова, естъ ты вирная жона.

(Чуб. V. 815—816).

10) Серденько мое, ледащо мн обоє!

Нехай я, а то й ты, не хочемо робити.

(Чуб. V. 684).

11) Ой коли бъ ты хазяинъ, та волики соби мавъ,

Тобъ я дома соби сидила, та волики глядила.

Ой коли бъ ты хазяинъ, та коровку соби мавъ,

Тобъ я дома сидила, та коровку глядила.

Ой коли бъ ты хазяинъ, та овечки соби мавъ,

Тобъ я дома сидила, вовночку чухрала.

(Чуб. V. Ibid.).

корчму, люди за дровами, а у насъ болятъ головы, люди — за сѣномъ, а на насъ бѣда насѣла! Дрянъ мы съ тобою, не хотимъ работать ¹⁾).

Иногда жена одна подвергается этому пороку. Въ одной пѣснѣ жена говорить, что мать, выдавая ее замужъ, дала ей въ приданое постель и на ея горе пеструю корову: надобно рано вставать, чтобы доить корову, а ей хочется спать до полудня, и она такъ исполняетъ свои хозяйственныя занятія, что доить корову въ среду, а цѣдить молоко въ пятницу, и сосѣдки, видя это, восклицаютъ: вотъ такъ хозяйка ²⁾. Надоѣла ей возня съ коровою, она гонитъ ее въ долину съ тѣмъ, чтобы ее съѣли волки; это случилось, и она очень довольна ³⁾. Такая хозяйка любитъ посѣщать шинокъ и если пойдетъ изъ дома покупать соль, то забредетъ въ шинокъ, а между тѣмъ у ней дома въ окна прыгаютъ свиньи, а ея малыя дѣти, оставшись безъ матери, просятъ ѣсть и отецъ самъ принужденъ варить имъ ѣству ⁴⁾.

Лѣнь и разгулъ бывають качествомъ жены тамъ, гдѣ бѣднякъ женится на богатой, прельстившись ея состояніемъ ⁵⁾. Тутъ начинаются наряды, шата-нія по корчмамъ и шутки съ молодыми парнями ⁶⁾. Мужъ хочетъ ласкою отвлечь

- 1) Люде ѣдутъ орати, а мы въ корчму гуляти,
Люде ѣдутъ по дрова, а у насъ болятъ голова,
Люде ѣдутъ по сѣно, а на насъ лихо насило.

(Ibid.).

- 2) Якъ отдала мене мати замижъ,
Дала мени билу постиль заразъ,
Дала мени ще й рябу корову,
Та на мою бидну голову.
До коровы треба рано встати,
А я люблю до похудня спати:
У середу корову доила,
А въ пятницу молоко цѣдила...
Дивуються сусидочки зъ боку,
Кажуть, буду хозяйка ни-вроку!

(Чуб. V. 634).

- 3) Да пожену корову въ долину,
Гей, гей, корово, до вовка!
Добре, добре, що постигъ вовчикъ:
Изъ коровы голова та хвостикъ.
Тецерь мени пити та гуляти,
Нищо дойти, нищо заганяти!

(Ibid. 635).

- 4) А я пійду на базаръ соли купувати.
Соли не купила, та въ шинкѣ заблудила.
Свини въ викина скачуть, малы дити плачуть:
„Ой тату жъ нашъ, тату, затопи намъ хату,
Та звари намъ ѣсти.

(Чуб. V. 663—664).

- 5) Даютъ плуги, воли сирь,
Сто червонныхъ даютъ въ руки.
Лишь бери биду на вики.

(Чуб. V. 216).

- 6) И чоботы, и спидницы,
И корали и заушницы,
Що недили—все музыки,
Зъ корчмы до корчмы їи водять,
За нею хлопци гурмою ходять.

(Чуб. V. 215, также 519).

ее отъ этого, и не смѣя заявлять слишкомъ рѣзко ревность, просить не давать цѣловать своего лица другимъ ¹⁾). Она или прямо безъ обиняковъ напомнить, что онъ бѣденъ, а ей принадлежитъ хата, въ которой они живутъ ²⁾, или, подсмѣиваясь надъ нимъ, велитъ сдѣлать комору и держать ее въ ней подъ замкомъ, подъ сторожею, а она все-таки уйдетъ ³⁾. Она ругается надъ бѣднымъ мужемъ, заставить его кудахтать по куриному, танцовать до пота, смѣяться, когда ему не до смѣха, все на потѣху своимъ гостямъ: попу, дьяку и разнымъ благородіямъ, приказываетъ покупать себѣ наряды, а на обѣдъ гостямъ рыбу, мясо и вино ⁴⁾. Онъ не смѣетъ грубо обойтись съ нею, хотя она по двое сутокъ не бываетъ дома и приходитъ на третью пьяною ⁵⁾. Онъ самъ даетъ ей похмелиться, просить прибраться, причесаться и наградить его пріятнымъ взглядомъ ⁶⁾. Только тайкомъ отъ жены подѣлится онъ своею скорбью съ родною матушкою ⁷⁾.

По народному воззрѣнію нѣтъ ничего достойнѣе посмѣянія и презрѣнія, какъ мужъ, дозволяющій женѣ помыкать собою и даже бить себя. Въ одной пѣснѣ жена заставляетъ мужа въ угоду себѣ называть гречихою ячень ⁸⁾, въ другой—жена посылаетъ мужа отыскивать свой чепецъ, который она потеряла,

¹⁾ Да иди, жиночко, да иди до дому,
Не давай личенька цѣловать никому:
Твое личенько—биле-рамъяне,
Хто на ёго глянє—серденько въяне.

(Чуб. V. 529—530).

²⁾ Ой ты вбогій—я багата.
Моя хата, моя й правда.

(Чуб. V. 519).

³⁾ Зрубай тополю, зроби комору,
Да купи замочокъ, замкай мене,
Сторожа заснула, а я молода, гулять махнула.

(Чуб. V. 530).

⁴⁾ Вона ёго за чубъ скубе, а винъ бидный плаче.

Якъ заставить, по курячи Сидиръ кудкулаче,
Якъ заставить, то й танцює, ажъ пить зъ лоба льється,
Ему уже не до смѣху, заставить—смѣється!

Поки Сидоръ не женився—були въ ёго гроши,
А якъ же винъ оженився—капшукъ загубився.
Бо у жинки що неділя, що празникъ, то гости,
Прійде пивъ, прійде дьякъ, прійдуть ёго мости.

Купи плахту, черевики, чоботи сапьянцы,
Треба рыбы, треба м'яса и горилки въ шкланци. (Чуб. V. 676).

⁵⁾ Ой мій милій, чорнобровий, я не забарюся,
Черезъ два дни, ажъ на третій день до дому вернуся. (Чуб. V. 677).

⁶⁾ Приходь рано на зори ище и похмиляйся.

Да прійди до дому, головку причешешъ, да вже и не валяйся,
Чепурная, хорошая, на мене дивися. (Чуб. V. 678).

⁷⁾ Где-сь ты, сынку, да плачешъ, рыдаешъ,
Где-сь ты у себе доленьки не маєшь!
Твоя доля у корчми гуляє!

(Чуб. V. 676).

⁸⁾ Ой посіявъ мужикъ ячмень,—жинка каже: гречку.

„Не кажи жъ мени ни словечка, нехай буде гречка! (Ibid. 682).

таскаясь по шинкамъ ¹⁾; въ третьей—жена бьетъ мужа и обливаешь помоями ²⁾; бѣднякъ просить покормить его ³⁾, а жена указываетъ ему на борщъ, поставленный подъ лавкою наравнѣ съ помоями ⁴⁾.

Подобныя жены—приманка для волокитъ. Въ малорусской народной поэзіи можно отмѣтить группу пѣсень, гдѣ является разгульная женщина, которая заводитъ себѣ любовника и проводитъ мужа, нерѣдко изображаемаго старикомъ, такъ какъ, по народному воззрѣнію, старикъ, женившись, скорѣе всего можетъ быть нелюбимъ женою ⁵⁾. Молодецъ заранѣе говоритъ, что ему не зачѣмъ жениться, когда чернявая, красивая замужняя женщина зазываетъ его къ себѣ ⁶⁾. Эта женщина, еще будучи дѣвушкою, просила мать отдать ее за стараго мужа ⁷⁾ и, ставши женою такого мужа, кличетъ къ себѣ молодца. Онъ сначала боится, чтобы мужъ не поймалъ его и не избилъ ⁸⁾, но потомъ поддается искушенію и приходитъ. Жена заранѣе отправила стараго мужа ломать калину ⁹⁾: это символическое выраженіе; калина—символь брачнаго соединенія, и посылая стараго мужа ломать калину, она какъ будто съ ироніей хочетъ сказать ему, обезсилѣвшему отъ лѣтъ: найди способность быть сузругомъ! Молодецъ садится за столъ,

¹⁾ „Ой нила я, пила, чипчикъ загубила
Прійшла-мъ до дому, еще мужа била:
Ой иди, мужу, хата видь хаты чипчика шукати.
Пійшовъ мій мужъ нидхлипуючи,
Своій жинци чипци видиптуючи“.

(Чуб. V. 681—682).

²⁾ И смихъ и публика!

Била жинка чоловіка,
Била, била, водочила,
Та въ помьяхъ намочила.

(Ibid. 666).

³⁾ Ой жинко моя, голубко моя!

Дай мени вечеряти, коли ласка твоя.

(Ibid.).

⁴⁾ Отъ тамъ борщъ видь лавою,

Съ хорошою приправою,
Помыйницею накрыто—
Такъ наѣжся до-сыта.

(Ibid.).

⁵⁾ Задумавъ старый женитися, да нивого брати,

Що стара не пійде, молода не схоче,
Ой хочъ вона пійде дакъ не ляже спати,
Ой хочъ вона ляже, мене не обниме,
Хочъ вона обниме да не поцилуе,
Ой хочъ поцилуе, дакъ до долу сплюне.

(Чуб. V. 842).

⁶⁾ На що мени женитися, бувши молодому,

Зазывае чорнявая, до своѣго дому.

(Чуб. V. 650).

⁷⁾ Отдай мене, мой мати, замияжь за старого,

Буду ёго шанувати лучше молодого.
Дала мене моя мати за мижъ за старого;
Сюдн-гудн повернуса—треба молодого.

(Чуб. V. 649).

⁸⁾ „Прійди, прійди, сердце мое, въ недилу до мене!“

— Ой не пійду я до тебе, маешъ чоловіка;
— Лкъ понаде, буде бити, вмалить мене вика.

(Чуб. V. 651).

⁹⁾ „Пійди старый, пійди старый, калины ламати!“

Ой выскочивъ сиромаха съ конопель до хаты.

(Ibid.).

начинает ѣсть курицу (которая между кушаньями по народному міровозрѣнію имѣетъ символическое значеніе свадебной и любовной яствы) и обнимаетъ красивую женщину ¹⁾. Ея дочь высылается матерью смотрѣть, чтобы дать знать, когда отецъ будетъ возвращаться съ калиною; дочка хлопаетъ въ ладоши, сообщая, что отца еще нѣтъ и мать можетъ себѣ гулять ²⁾. Наконецъ, завидѣвши въ окно подходящаго къ хатѣ мужа ³⁾, женщина прячетъ молодца подѣ кровать ⁴⁾, притворяется больною и посылаетъ только-что воротившагося съ калиною мужа принести ей медоваго сота ⁵⁾. Когда старикъ ушелъ за медомъ, она спровадила отъ себя молодца ⁶⁾. Старый мужъ возвращается съ медовымъ сотомъ и догадывается, что происходило, но открыть и обличить не можетъ ⁷⁾.

Не всякаго мужа можно такъ обманывать. Другая пѣсня рассказываетъ, что жена старенькаго мужа прикинулась больною ⁸⁾. Мужъ сперва тревожится, ухаживаетъ, предлагаетъ ей то пива, то меду, то горѣлки ⁹⁾, все напрасно; жена твердитъ, что умереть и онъ долженъ будетъ искать себѣ другую жену ¹⁰⁾. Вѣрно—говоритъ она—ты меня не любишь, когда не достанешь мвѣ лекарства ¹¹⁾.

- 1) Сивъ винъ соби кинецъ стола, курча оберает,
А все ей за рученьку къ соби пригорает. (Голов. I. 218).
- 2) „Выйди, доню, на улицу, та й стань выглядати;
„А якъ буде тата ити—давай борзо знати!“
Выйшла доня на улицу, тай въ долони плече:
— Гуляй, гуляй, моя мати, не йде тато еще! (Ibid.).
- 3) Ой глянула въ кватирочку—калиночку видко;
— Увивався, превражіи сынъ, коло мене швидко. (Чуб. V. 650).
- 4) Уже старый бородастый двери видчиняе,
Вона свого миленького пидъ кровать ховае. (Чуб. V. 650. Голов. I. 219.
III. 227).
- 5) Прийшовъ старый бородастый зъ калиновъ до хаты,
Якъ стояла такъ упала, зачала стогнати. (Голов. I. 219).
— Чого жъ ты, моя мила, такъ заболела?
„Не знаю жъ я, старый диду, трохи не зомлила! (Чуб. V. 650).
„Пійди, старый, старесенькій, та наколунай меду,
То може я, старый дидоньку, головоньку звезду. (Ibid. Голов. I. 219,
III. 227).
- 6) Пійшовъ старый бородастый меду колупати,
Вона свого миленького за руку та зъ хаты. (Чуб. V. 650. Голов. I. 219)
- 7) Иде старый бородастый у тарилки креше:
Ой бувъ же тутъ, вражіи сынъ, тильки мисце тепле. (Чуб. V. 650).
- 8) Розсердилась мила тана свого мужа!
Полизла на пичь, зробилась недужа.
Ходить милый, ходитъ, билы руки ломить,
Умре моя мила, уже и не говорить! (Чуб. V. 643).
- 9) Ой устанъ же, мила, куплю тобі пива...
Ой устанъ же, мила, куплю тобі меду...
Ой устанъ же, мила, я куплю горилки... (Ibid.).
- 10) Ой не встану: милый, шукай собі жинки. (Ibid.).
- 11) Видай ты мене, милый, не любишь,
Що для мене ликарства не купишь. (Чуб. V. 576).

Мужь отпрапляется искать лекарства ¹⁾, срубилъ дубину ²⁾, нашель дубоваго сала, намастилъ имъ спину своей милой ³⁾ и она стала здорова, събла около свсего мужа, поѣла, попила, какъ здоровая, и обняла мужа ⁴⁾.

И нарушитель супружескихъ правъ не всегда такъ легко, какъ прежній, избѣгаетъ расправы. Есть распространенная въ разныхъ вариантахъ пѣсня о Шмаровозѣ и дьякѣ. Шмаровозъ (возомазь, т.-е. чумаки) лѣтомъ и зимою ходитъ въ дорогу, а жена въ одиночествѣ скучаетъ дома ⁵⁾. Явился развлекать ее отъ скуки дьякъ (дьячокъ), — онъ гулящій человекъ; онъ самъ набивается къ ней ужинать ⁶⁾. Но тутъ неожиданно возвращается дѣмой хозяинъ, ѣздившій въ дорогу. Дьякъ прячется подъ печь. Шмаровозъ, допросивши жену и узнавши все, приказываетъ зажечь свѣчу ⁷⁾, отыскиваетъ дьяка, который сидѣлъ за печью согнувшись и увѣрялъ, что онъ невиненъ; его пригласила хозяйка ⁸⁾. Шмаровозъ отвалаля дьячка и прогвалъ его читать азбуку въ школѣ ⁹⁾. Прибѣжавши въ свою школу, дьячокъ говоритъ своей брати дьячкамъ: лучше дома ѣсть сухари съ водою, нежели пироги у чужой жены! Вы, дьячки, будете себѣ пѣть, а я цѣлый мѣсяць буду лежать ¹⁰⁾. Подобную роль волокиты дьячокъ играетъ во многихъ народныхъ разсказахъ ¹¹⁾.

¹⁾ Пйшовъ старый видъ хаты до хаты

Молодй жинци ликарства шукати.

(Ibid.).

²⁾ Зрубаешъ дубинку милй на спинку.

(Ibid. 643).

³⁾ Ой надыбавъ дубоваго сала,

Якъ змастивъ милу, ажъ шкура видстала!

(Чуб. V. 576).

⁴⁾ Милая устала, край милого сила,

Шматовъ хлѣба изъила,

Воды напилася, зъ милымъ обнялася!

(Чуб. V. 643, ср. ibid. 406).

⁵⁾ Святый Боже, святый крипкй, святый и безсмертнй!

Полюбила шмаровоза, треба зъ жалю вмерти.

Ой якъ лито такъ и зима усе по дорогахъ,

А я бидна несчастлива, погибаю въ дома.

(Чуб. V. 674).

⁶⁾ Обизвався панъ дяченко, чоловікъ гулящй,

Прійми мене на вечерю, я въ тебе найкрасчй.

(Ibid.).

⁷⁾ „Прошу, милый, сей разъ выбачати,

„Я пріймала дячка панка, та до свой хаты?

— Ой выбачу, моя мила, выбачу,

Ой засвѣти ясну свѣчку, най ёго зобачу.

(Ibid. 673).

⁸⁾ Найшовъ дячка-неборачка—въ куточку зигнувся,

„А хто тебе тутъ запросивъ?“—Просила Ганнуса.

(Чуб. V. 673).

Или:

Ой засвѣти, Марусенько, восковую свичку,

Нехай же я подивлюся хто сидить въ запичку,

Ажъ тамъ дячокъ-неборачокъ у кузубъ зогнувся:

„Присяй Богу, и невиненъ, просила Маруса“.

(Чуб. V. 674).

⁹⁾ Тай зачали пана-дяка въ штъри кйи пратя:

— А до школы, пане дяче, азбуки читати!

(Чуб. V. 675).

¹⁰⁾ Лучче було дома ѣсти сухари зъ водою,

Нижъ въ чужой молодци пироги на столи.

Вы, дячки-неборачки, будете спивати,

А я буду цйлый мйсяць лежати.

(Чуб. V. 673).

¹¹⁾ То же повторяется съ видоизмѣненіями въ малорусскихъ сценическихъ про-

Есть не мало пѣсенъ съ такимъ же содержаніемъ, гдѣ молодець, заводя связь съ чужою женой, подвергается суровой карѣ ¹⁾. Иногда невѣрная жена кидаетъ мужа, семью и убѣгаетъ съ любовникомъ. Такова исторія Семена и жены его Катерины, о которыхъ поется повсюду въ малорусскомъ народѣ. Семень выѣхалъ въ поле пахать и не могъ дожидаться жены своей Катерины, которая должна была принести ему обѣдъ ²⁾. По однимъ вариантамъ, она гуляла съ москалями и ушла съ ними куда-то ³⁾, по другимъ—она сама соблазнила сына богатого человѣка бѣжать съ нею и найти новоселье въ Украинѣ ⁴⁾. Пришедши домой, Семень узналъ отъ дѣтей, что мать ихъ попрощалась съ ними и отреклась отъ нихъ ⁵⁾. Ее не было; имущество было расхищено ⁶⁾. Семень разразился плачемъ объ осиротѣлыхъ дѣтяхъ и призывалъ кару высшаго правосудія за свои слезы ⁷⁾. Тѣмъ пѣсня и оканчивается.

Въ Галичинѣ поется пѣсколько пѣсенъ, изображающихъ убійство женою мужа. Первая изъ такихъ пѣсенъ—о поповичевой женѣ Теклѣ. Событіе произошло въ Монастырищахъ. Текля—жена Андруся, впускаетъ къ себѣ чрезъ окно любовника по имени Явенька, вручаетъ ему топоръ, а онъ зарубаетъ лежащаго въ постели поповича ⁸⁾. Преступница убѣжала съ своимъ любовникомъ, но была схвачена и приведена на судъ передъ пана Замойскаго. Ея родитель приноситъ

изведеніяхъ, напр., въ Москалѣ Чаривникѣ, въ Кумѣ Мирошникѣ, въ Риздвяной ночи — оперѣ Лисенка.

1) Чогось мужикъ догадався, въ синяхъ притаився,
А я хлопонецъ гарный бувъ до жинки згодився.
Мужикъ думавъ, що яшний снипъ, почавъ молотити,
Побивъ руки, побивъ ребра, не можна ходити. (Чуб. V. 655).

2) Оре Семень, оре, на шляхъ поглядае,
Чужи жинки обидъ носять, а ёго не мае. (Чуб. V. 658).

3) Ёго жинка Катеринка гуля зъ москалями.
(Ibid. Макс., изд. 1827. 135).

4) Подмовила Катерина багацького сына:
„Покинь отца, матку, я покину дѣтки,
Пійдемо въ Украину помишканы глядати. (Чуб. V. 656).

5) „Ой пійшла жъ наша мати у лугъ по калину,
Ой щось вона говорила, що я васъ покину.
Ой пійшла жъ наша мати у лись по телятъ,
Ой щось вона говорила, що не ваша я мати.
Ой пійшла жъ наша мати у лись по коровы,
Ой щось вона говорила—бувайте здоровы. (Чуб. V. 656).

6) Узавъ Семень ключи, одчиняе скрѣни,
Нема сукенъ, нема платяты, нема Катерины. (Чуб. V. 659).

7) Ударився Семень объ полы руками:
— Дитки мои маленькіи, пропавъ же я зъ вами!
Ударьте морозы на сухіе лозы!
Побій, Боже, Катерину за Семеновы слѣзы!
(Чуб. V. 659. Максим., изд. 1827. 136. Ср. Голов. I. 79—80).

8) Ой загутила свого мужа та поповича жинка,
Ой не сама жъ вона ёго загутила,
Тилько къ соби Явенька да викномъ впустила...
То заразъ бо ему сокиру вручила;
Та почавъ же Явенько та сокирою рубати. (Голов. I. 51—52).

Замойскому деньги, умоляя пощадить дочь отъ смертной казни ¹⁾. Это ей не помогло. Текля присуждена къ смерти ²⁾, а когда ее вывели казнить, мать ея съ отчаянія хотѣла утопиться, но козаки удержали ее ³⁾. Сама Текля безстрашно встрѣтила смерть, произнося увѣренія въ любви къ своему любовнику и въ ненависти къ мужу ⁴⁾.

Другая пѣсня—о Парасуѣ, которая въ Голиградахъ умертвила своего мужа Иванка, черезъ три дня послѣ свадьбы съ нимъ, находясь въ соумышленіи съ Семеномъ Гапюкомъ ⁵⁾. Она бросила трупъ мужа въ воду ⁶⁾, но черезъ шесть недѣль ⁷⁾ трупъ всплылъ; преступленіе открылось ⁸⁾. Парасуня, позванная къ суду, сначала не сознавалась ⁹⁾, но когда ее повели въ Станиславъ и передали суду нѣмцевъ — она открыла всю правду ¹⁰⁾ и была повѣшена за городомъ ¹¹⁾.

Третья пѣсня—о шинкаркѣ Явдоѣ въ Тужилувѣ. Она зарубила своего мужа шинкаря топоромъ. Во время совершенія преступленія проснулось дитя; преступница, испугавшись, побѣжала къ своей матери и въ тревогѣ объявила, будто гайдамаки напали на ея мужа. Мать догадалась въ чемъ дѣло и сказала, что вѣрно она сама его убила ¹²⁾. Тогда она бросилась на колокольню и стала

¹⁾ А Теклинъ батенько кошикомъ гроши носить,
Пана Замійського низькимъ уклономъ просити:
Ой рачь же, паноньку, ти галлары взяти,
А мою дочку Теклу видь смерти рятувати. (Ibid. 53).

²⁾ Не помогли ей а ни батеньковши гроши...
Отъ уже жь бо осуджено, щоби Теклу не пушено,
Та щоби ей головку видь мечъ положено. (Ibid.).

³⁾ Ой въ пятницю вывели вже Теклу губити,
А Теклина мати пійшла ся въ води втопити,
Ой стояло жь тамъ два козаченьки въ броду,
Тако и не пустили Теклиной мѣтки въ воду. (Ibid.).

⁴⁾ А Текла на смерть та спильна поглядає,
До свого Яненька стыха промовляє:
„Чи видишь, Яненьку, тамъ Андрусеву яму?
Я Андруся не любила, зъ Андрусемъ не лягну! (Ibid. 53).

⁵⁾ Въ Голиградахъ на пушиньна стала ся публика:
Зарубала Парасуня свого чоловика.
Ой у четверь тай шлюбъ брала, въ неділю гуляла,
А зъ вечера изъ пизенька Иванка зрубала,
Во съ Семеномъ Гапюкомъ одну раду мала. (Голов. I. 58).

⁶⁾ Порубала-сь Иваночка та пустилась въ воду. (Ibid.).

⁷⁾ Нема, нема Иваночка цилыхъ видиль шнсть.

⁸⁾ Ой выплинувъ Иваночко на Деливське поле,
Даютъ знати до Голиградъ тай Деливськи люде:
„Семень Гапюкъ съ Параскою несчастливый буде!“ (Ibid.).

⁹⁾ Не хоче ся Парасуня за Иванка признати. (Ibid.).

¹⁰⁾ Ой узали Парасуню ажъ до Станислава,
Ажъ тамъ буде Парасуни справедлива справа,
Ой казали Парасуни передъ Нѣмци стати,
Втогды взяла Парасуня всю правду казати. (Ibid.).

¹¹⁾ Повели ю за Станиславъ да й тамъ повѣсили. (Ibid.).

¹²⁾ Ой лѣгъ шенкаръ на постелѣ, шенкарка въ запичку.

звонить. Сошлась на звонъ тужилковская громада ¹⁾; преступницѣ, какъ видно, не повѣрили и отправили ее во Львовъ, на расправу ²⁾. Она жалуется на мать свою, обвиняя ее за то, что ее отправили во Львовъ, гдѣ ей придется согнуть въ мукахъ ³⁾. Тамъ постигла ее кара ⁴⁾.

Четвертая пѣсня—галицкихъ Лемковъ ⁵⁾—изображаетъ жену, которая убиваетъ мужа, и, схоровивъ его въ саду, посадила на его могилѣ руту (символическое растеніе одиночества), которая выросла у ней подѣ самое окно ⁶⁾. Пріѣхали братья покойника, спрашиваютъ: гдѣ братъ? Она отвѣчаетъ, что на войну услала его; они обличаютъ ее ложь, говоря, что они тамъ были сами и видѣли бы своего брата, еслибъ онъ поѣхалъ на войну ⁷⁾. Потомъ увидали они кровь по стѣнамъ; преступница сказала, что служанка рѣзала курицу, но братья возразили, что еслибъ десять курицъ зарѣзали, такой крови бы не было ⁸⁾. Наконецъ, они замѣчаютъ, что дѣти смотрятъ какъ-то уныло, будто долго не ѣли и не пили. Мы ѣли и пили,—сказали дѣти,—но то намъ не мило, что отецъ лежитъ, а у него ножъ въ сердцѣ ⁹⁾. Тогда братья повели ее въ

Не встигъ шенкаръ задремати, вона зажгла свѣчку...

Ой свѣтитися бѣла свѣчка, вона взяла гадати:

„Поможи жъ ми, діаволе, шенкаря зрубати“...

Затила го разъ въ голову, а двичи у груде...

А дитя ся прохопило: „що то, мамо, буде?“

Вона була молоденька, того ся злякала,

Вже у двери не трафила—викномъ утикала.

Ой прибѣгла до матинки: „пускайте жъ до хаты!“

Якись прійшли гайдамаки шенкаря рубати!

Еи мамка стара була, та ся здогадала:

„Вѣдавъ же ти, Евдосенько, сама го зрубала!“ (Голов. I. 59).

1) Якъ прибѣгла до дзвинницѣ, взяла въ дзвони бити.

А взяла ся Тужиливська громада сходити... (Голов. I. Ibid.).

2) А взялися исходити, взяли судъ судити:

Треба тебе, Евдосенько, ажъ до Львова взяти. (Голов. I. 60).

3) Дяковать ти, моя мамко, за таку науку!

Теперь я йду, молоденька, до Львова на муку. (Ibid.).

4) Пійшовъ шенкаръ молоденькій въ сыру землю гнити,

А шенкарка Евдосенька карами робити!.. (Ibid.).

5) Лемки—одинъ изъ видовъ карпатскихъ горцевъ, живущій въ сѣверной части карпатскаго подгорья.

6) Сошла намъ ся новина,

Пани пана забила,

Въ огородку го сховала,

Рутку на немъ посѣяла,

А рутка ся сбыхтала,

Ажъ до викна достала. (Голов. II. 729).

7) Голов. II. 730.

8) Голов. II. 730.

9) „Наша невѣсть не мила!

„Чомъ ти дѣти смутныи?

„Ци ти хлѣбець не ѣли?

„Ци ти винце не пили?“

— Ой ѣли мы, пили мы,

лѣсь... она говоритъ, что у ней въ Краковѣ есть братья и тѣ ее откупить. Братья не хотятъ ни серебра, ни золота, а требуютъ смерти за смерть ¹⁾). Пѣсня эта чуть не дословно схожій вариантъ съ такою же польскою ²⁾), замѣчательною потому, что она послужила Мицкевичу для его баллады «Лилія» — которой названіемъ замѣнилъ польскій поэтъ названіе слишкомъ простонародной руты.

Изъ пѣсенъ такого же содержанія, гдѣ бы изображалось убійство мужа, совершенное его женою, въ малорусскомъ краѣ, вошедшемъ въ предѣлы Россійской Имперіи, мы не встрѣтили ни одной, если не считать очевидно заимствованнаго изъ Галичины варианта предшествовавшей пѣсни ³⁾).

Но есть пѣсня, гдѣ жена сводитъ со свѣта мужа не оружіемъ, не какимъ-либо смертоноснымъ веществомъ, а волшебствомъ слова, которому вообще народъ суевѣрно приписываетъ чудодѣйственныя силы. Выправляя мужа въ дорогу, жена прокляла его, пожелавъ, чтобъ его конь превратился въ холмъ, его сабля — стала бы дорѣгою, его шапка — глыбою земли, его синяя одежда — чистымъ полемъ, а онъ бы самъ — яворомъ ⁴⁾). Такъ и свершилось. Вдова вышла съ дѣтьми, сталъ накрапать дождикъ; она хочетъ укрыться подъ яворомъ, а яворъ открываетъ ей, что онъ — отецъ ея дѣтей ⁵⁾).

Большинство пѣсенъ семейныхъ поется женскимъ поломъ и сообразно съ этимъ чаще всего въ пѣснѣ говорить и чувствуетъ женская особь. Не мало пѣсенъ, въ которыхъ выражается недовольство женщины замужествомъ. Супружество сравнивается съ тяжелымъ мельничнымъ жерновомъ ⁶⁾). «Развяжи, матушка,

— Але намъ есть не миле,
— Бо нашъ отецъ на ложѣ
— Серденько му на ножѣ.

(Ibid.).

¹⁾ — Ведте же насъ безъ Краживь,
— Маю я тамъ грѣхъ бративь,
— Мене братья откуплять!—

„Срибла, злата не хочеме,
„Лешъ смерть за смерть кладеме.

(Ibid.).

²⁾ Сборн. Kozłowsky. Zesz. I. 27.—Kolberg. 13.

³⁾ Чуб. V. 840.

⁴⁾ Що бь ёму кинь горою ставъ,
А шабелька дорогою,
А шалочка купиною,
А сини сукни чистымъ полемъ,
А самъ молодъ—яворонькомъ.

(Чуб. V. 834—835).

⁵⁾ Дай ставъ дощикъ накрапати...
Пійшла вдова пидъ явора:

„Явороньку зелененькій,
„Покрый диты сиритоньки!“

— Ой и я жь не яворонько,
— Яжъ тымъ дитямъ да батенько.
— Згадай, якъ мене впряжала,
— Впряжаючи проклинала!

(Ibid. 835).

⁶⁾ Якій то великій тотъ каминь млинскій,
Якій то тяжкій тотъ станъ малженскій!
Тотъ каминь млинскій можно обернути;
А станъ малженскій не можно кинути.

мнѣ свѣтъ, который мнѣ завязала, надѣвши на меня бѣлюю намѣтку», — говоритъ отданная замужъ своей матери ¹⁾, и мать сознается, что свѣтъ развязать дочери труднѣе, чѣмъ пустить камень плавать противъ теченія ²⁾. Впрочемъ, далеко не всегда недовольная замужествомъ винить другихъ, а часто сознается, что попала въ бѣду по собственному неразумію ³⁾.

Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ причиною недовольства является пребываніе въ чужой сторонѣ межъ чужими людьми, въ удаленіи отъ рода. Вотъ слѣды того древняго быта, когда при разбѣденности и разбросанности жительство дѣйствительно вышедшая замужъ жила далеко отъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ проводила дѣвичество, и между чужими, а иногда и враждебными ей роду людьми. Еще тогда, когда мать отправляла ее изъ родного дома въ чужую сторону и спрашивала, когда ее дожидать къ себѣ въ гости, дочь съ уныніемъ отвѣчала, что тогда дожидать ее, когда вырастетъ трава на помостѣ ⁴⁾. Она жалуется своему брату, что она плачетъ на чужой сторонѣ, прядя чужую кудель, что ее зовутъ чужестранкою, сравниваетъ свое положеніе съ переходомъ въ бродъ быстрой рѣчки, скорбитъ объ отсутствіи родныхъ, недовольна чужою матерью ⁵⁾. Она бы

Тотъ каминь млинскій можно крутити.

А стань малженскій не можно лишити.

(Голов. III. 241).

¹⁾ „Розвѣжи ми, мамко, свѣтокъ, якъ есь завязала!

Ой мій свѣтку, ой мій свѣтку, якъ маковый цвѣтку,

Тосьте ми го завязали въ бѣду перемитку. (Голов. I. 289—290).

²⁾ „Ой якъ тяжко каменеви верхъ воды плавати,

Еще тяжче, моя дочко, свѣтокъ розвѣжати;

Хнба тобѣ вже розвѣже рыскаль та лопата!

(Ibid.).

³⁾ Ой мала жъ я дурный розумъ—замужъ квапилася,

Не силовавъ мене отецъ, ни ридная мати:

Сама мѣ бѣду полюбила, ни на кого нарикати.

(Голов. III. 322).

⁴⁾ Выправляла мати дочку въ чужу стороночку,

Въ чужу стороночку, межъ чужіи люде.

— А хто жъ тебе, моя доню, жаловати буде?

„Пожалуютъ, мамцю, чужіи люде,

„Якъ у моѣй головоныци добрый розумъ буде!..

— Коли жъ тебе, моя доню, сподиваться въ гости?

„Якъ выросте травесенька въ хати на помости. (Чуб. V. 745—746).

⁵⁾ За ричкою, за водою братъ сестри поклоняється—

Я до вѣго листы шишу, слѣзоньками умываюся.

— Добре тобі, мій братчику, на коньку играючи,

Ой якъ мени на чужини, чужу кужиль выпрадаючи.

Ой въ далекій стороньци называють заволокою,

Кажуть мени ричку брести широкою та глибокою.

Ніякъ їи перебрести, ни перетьякнути,

Прійдеться на чужини безъ родини загинути.

Не такъ мени та чужина, якъ та мени чужа мати,

Каже мени чужа мати зъ пидъ каменя огонь брати.

Не збыткуйся, чужа мати, не збыткуйся надо мною,

Завяжи менѣ черни очи, пускай мене за водою!

Нехай мои черни очи въ сырой земли та писокъ точать,

Нехай мени чужа мати головоныки та не клопочить.

(Чуб. V. 547—548).

запла пѣсню въ свое утѣшеніе, но на чужой сторонѣ стануть надъ нею смѣяться ¹⁾. Мужъ, стараясь развлечь жену, совѣтуетъ ей пойти къ сосѣдкѣ кумѣ и поговорить съ нею ²⁾, но жена не избавляется такимъ способомъ отъ гнетущей ее тоски ³⁾. Около нея все чужіе, а ей хотѣлось бы сообщиться душою съ своими родными. Поплетъ она къ нимъ птицъ, но птицы не доставятъ ей слова отъ родныхъ ⁴⁾. Она сорветъ розовый цвѣтокъ и броситъ въ воду; воображаетъ она—приплыветъ цвѣтокъ на ея родину, мать ея выйдетъ за водою, поймаетъ цвѣтокъ, замѣтитъ, что цвѣтокъ завялъ, и сообразитъ, что должно быть и дочь ея такъ вянетъ, подумаетъ—болѣла дочь долго, когда брошенный ею цвѣтокъ увялъ на водѣ. Нѣтъ, матушка, скажетъ она, я не болѣла, не лежала ни дня, ни часа, а отъ тоски и грусти лицо мое исхудало ⁵⁾. Большею частью недомольство замужней женщины на свое положеніе представляется происходящимъ отъ безпутнаго поведенія мужа, впадающаго въ обычный народный порокъ—пьянство. Посмотрите, люди добрые, говорится въ одной пѣснѣ—каковъ пьяница! Что у него есть? Все тащитъ онъ и отдаетъ за водку, все вытряхиваетъ жидъ изъ его дома. Лѣзетъ, шатаясь, домой изъ корчмы, страшенъ какъ клопъ, голъ какъ быкъ, глупъ какъ козель, все лицо его исцарапано, общипали его какъ гуся, нагишомъ пустили, обливається онъ слезами: его колотили ⁶⁾. Вотъ женщину

¹⁾ Ой кувала зозуленька, теперъ не чувати:

Ой де я ся не родила—мушу привыкати.

Спѣвала бы-мъ спѣваночку, кобъ то ея вдати,

Ту чужая сторононька, будуть ся смѣяти.

(Голов. I. 287).

²⁾ Ой жинко моя, дружино моя!

Черезъ улицю—кума моя,

Огню огреби та й поговори.

(Чуб. V. 626).

³⁾ „Ой я ходила, тай говорила;

Та твоя кума мене осудила.

(Ibid. 626).

⁴⁾ Накажу я до родоньку свого хочъ чорною та вороною,

Ни родини зъ Украины, ни чорнои та ворононьки,

Та вже жъ мени надокучила а чужая та сторононька.

Щебетала ластивонька зо дна моря вылитаючи,

Та вже жъ мени надокучило родивоньки да не маючи. (Чуб. V. 550).

⁵⁾ Вырву жъ бо я квитку, та пущу на воду.

Та пльви, та й до роду,

Да буде ненька воды набирати,

Зачерпнула зъ рожи квитку:

„Чи ты, моя дочко, три годы лежала,

Чи два болила, що квитка зивьяла?

— Не лежала ни дня, ни години,

Лишь сухоты, та згризоты на личку змарнили.

(Чуб. V. 209—210. Голов. I. 298).

⁶⁾ Дивѣтеса люде добри, що пьяница мае!

А що видить—бере зъ хаты, за горѣвку дае,

Затягнувся самъ у корчму, тай ставъ голдувати,

А що занисъ—усе пропивъ, жидъ вытрусивъ зъ хаты.

Лѣзе въ потичъ до домочку, страшный якъ блощица,

Голый якъ быкъ, дурный якъ цапъ, подряпани лица,

Обскубли го якъ гусака, голого пустили,

Ажъ го слѣзы обливають: отъ тожь то го били!

(Голов. III. 224).

противъ ея воли отдала за такого пьяницу мать ¹⁾, другая, оставшись круглою сиротою, вышла за пьяницу ²⁾, послушавшись совѣта добрыхъ людей, и утопила свою головушку ³⁾. Третья—не слушала своихъ старыхъ родителей, полюбила молодого козака, а теперь водить его изъ корчмы пьянаго ⁴⁾ и сожалѣетъ о своей неисправимой ошибкѣ ⁵⁾.

Вотъ одна жена пьяницы идетъ искать своего мужа, который пьетъ безъ просыпу уже болѣе недѣли, и не знаетъ она гдѣ отыскать его ⁶⁾, находитъ его въ корчмѣ ⁷⁾, онъ уже весь пропился, и коня и сѣдло пропилъ, и штаны и рубашку съ себя отдалъ за водку—остался нагишомъ въ шинкѣ ⁸⁾. Стала-было жена его укорять ⁹⁾, а онъ—тотчасъ сталъ драться ¹⁰⁾. Тутъ является у него какая-то кума, даетъ ему вина, даетъ штаны и сорочку ¹¹⁾. Кума въ народномъ образѣ выраженія имѣетъ подозрительный смыслъ, если съ нею находится въ дружбѣ женатый человекъ ¹²⁾. Другая жена пьяницы сидитъ одна дома; возвра-

- 1) Мене матюнка не жалувала;
Силомиць замижъ отдала
Ддала мене за пьяниченьку! (Чуб. V. 590).
- 2) А на мой голови штыри крушины:
Ой перша крушина—отець-мати померла,
А другая крушина—сестра зъ братомъ померла.
А третя крушина—пійшла за мужъ молода,
Четвертая крушина—за пьяницю пійшла! (Чуб. V. 585).
- 3) А ще къ тому прираали люде:
Пійди за-мужъ, добре тоби буде,
А я людську воленьку вволнила,
Да на вики головоньку втопила. (Чуб. V. 592).
- 4) Ой дурная жъ я й да нерозумна дивчина,
Не слухала тай отця-веньки старого,
И послухала й да козаченька молодого—
Веду жъ его й да за рученьку пьяного! (Чуб. V. 595).
- 5) Якъ не силувавъ батько, а ни ридная мати,
Сама пійшла, гирьку долю знайшла—нѣ на кого жалкувати!
(Чуб. V. 575).
- 6) Пье пьяница недѣлю, пье пьяница другуу...
Да й забула попытати, де пьяниченьку шукати. (Чуб. V. 583).
- 7) У шинкарки спить пидъ лижкомъ. (Чуб. V. 584).
- 8) Пропивъ коня и сѣдло,
Пропивъ штаны, сорочку
Та сивъ голый у ^{шиночку}
куточку. (Чуб. V. 583).
- 9) Ой пропою, пропою, пронала я съ тобою! (Ibid. 584).
- 10) Якъ ударить мене разъ,
Покотилась у грязь,
Якъ ударить мене вдруге,
Покотилась я межъ люде. (Чуб. V. 583).
- 11) Где съ узялася кума,—
Штаны й сорочку дала,
И до дому привела. (Чуб. V. 584).
- 12) Ой кумъ куму полюбивъ
По садочку проводивъ,

щается изъ корчмы пьяница. Ей велеть выходить къ нему навстрѣчу, брать его подъ руки, раздѣвать, разувать его ¹⁾, а ей это противно ²⁾. Пьяница это знаетъ и, приближаясь къ дверямъ своей хаты, кричить: отворяй, жена, двери, я твой милый ³⁾; его голосъ наводитъ на нее страхъ, она хотѣла бы убѣжать, но не успѣетъ ⁴⁾; онъ является и тотчасъ ее за косу ⁵⁾, да въ лицо ⁶⁾, да по головѣ ⁷⁾, хватаетъ плеть и стегаетъ по плечамъ ⁸⁾. Она пытается его успокоить ⁹⁾, а сама въ то время желала бы, чтобы земля разступилась и укрыла ее отъ него ¹⁰⁾. Пьяница велитъ постлать себѣ постель, а самой женѣ готовить ему ѣсть ¹¹⁾, иногда же приказываетъ поцѣловать себя, а ей, конечно, не хочется ¹²⁾. Цѣлую ночь бѣдная жена готовить пьяницѣ завтракъ, но что могло сохраниться въ домашнемъ обиходѣ у пьяницы! Ставить ему жена борщъ безъ мяса ¹³⁾. Раздраженный пьяница мечетъ миску къ порогу ¹⁴⁾. Ему хочется похмелиться. Давай, жена, свою намѣтку пропить, а не то встану бить тебя ¹⁵⁾.

Нарвавъ кумѣ ягидокъ
Та насыпавъ въ хвартушокъ.
Ѣйте, кумо, ягидки,
Которы солодки,
Которы гиркеньки—
То то жъ мой миленькій.

(Чуб. V. 615).

- 1) Велеть мени дай устричъ выходить,
Велеть мени ще й подъ рученьки братъ.
Велеть мени розувать-роздагать.

(Чуб. V. 591).

(Чуб. V. 581).

- 2) Чуб. V. 495. 591.

- 3) Ой, одчини жъ, мила, двери, бо я твій миленькій.

(Чуб. V. 601).

- 4) „И ой не одчинюся, бо дуже боюся,
Зачую жъ твій голосокъ, дежъ подинуся:
Въ виконце не смію, у дверечки не вспію.

(Ibid.).

- 5) Мила одчиняе, за двери стунае,
А вишь ти бие сердешну, за косы хватае.

(Чуб. V. 602).

- 6) Вдаривъ милу по плечи, ще й по билому лицу,
Ажъ полилася кровь чорвона по шитому рукавцю.

(Чуб. V. 584).

- 7) Чуб. V. 691.

- 8) Да взявъ милый дротяну плить,
Дай ставъ милую у плеченьки грить.

(Чуб. V. 592).

- 9) Чуб. V. 579.

- 10) Розступися земле, да розступися жъ, мати,
Пойду сама жива въ тебе, що бъ не горювати!

(Чуб. V. 602).

- 11) Загадуе билу постиль стлати,
Загадуе мени сидать готувати.

(Чуб. V. 593).

- 12) Заразъ велить цилувати,
Не хочеться цилувати.

(Чуб. V. 578).

- 13) Борщъ поставила безъ м'яса,
Сама сила и підперлася.

(Чуб. V. 579).

- 14) Летить миска до порога.

(Ibid.).

- 15) „Здіймай, жинко, хоть намитку,
Неси ти за горилку.

А устану—буду бить,
Що ничего буде пить“.

(Чуб. V. 579).

кричитъ онъ. Жена бросается вонъ изъ хаты ¹⁾.—Развѣ ты моего нрава не знаешь, что убѣгаешь? говорить онъ ей ²⁾.—Знаю твой нравъ и оттого бѣгу,—отвѣчаетъ жена ³⁾. Она по опыту знаетъ, что нагайка—не игрушка,—какъ ударить, такъ и разсядется кожа ⁴⁾. Не разъ уже приходилось ей послѣ напрасныхъ просьбъ не бить ее ⁵⁾ ночевать въ вишневомъ садикѣ, слушая птичекъ ⁶⁾ или бесѣдуя съ ежевичнымъ кустомъ о своемъ горѣ ⁷⁾. Уже не разъ приходилось ея бѣлымъ ножкамъ ходить по морозу, а ея русой косѣ трепаться по двору ⁸⁾. Но какъ ни несносенъ мужъ пьяница, а женѣ бываетъ жаль его ⁹⁾, и когда онъ бьетъ ее, она напоминаетъ, чтобъ онъ не билъ ее, потому что ему самому будетъ жалко, когда онъ протрезвится ¹⁰⁾. Приходить къ ней родная мать и, узнавши, что пьяница спитъ, говорить, что лучше когда бы онъ не просыпался вовсе ¹¹⁾, но дочь отвѣчаетъ ей, что если съ нимъ горе, то безъ него также будетъ горе, когда она останется съ дѣтьми ¹²⁾.

Поведеніе мужа-гуляки становится болѣе оскорбительнымъ для жены его, когда онъ заведетъ себѣ куму. Законная жена дѣлается ему отвратительна, противно ему все, что она дѣлаетъ. Вотъ жена проситъ не бить ее: она въ субботу покажетъ ему свою работу. Мужъ отвѣчаетъ, что работа ея не мила ему, что онъ будетъ бить, истязать жену, а въ воскресный день у него будетъ иная подруга ¹³⁾. Зачѣмъ тебѣ другая?—говоритъ ему огорченная до ожесточенія жена.

¹⁾ Чуб. V. 593—594.

²⁾ „Да чога, мила, за порогъ утикаешь.

Хиба моихъ норовивъ не знаешь?“

(Ibid. 594).

³⁾ — Ой я твои норовоньки знаю,

Що шо-день твоихъ ручокъ не минаю!

(Ibid. 593).

⁴⁾ Чуб. V. 596.

⁵⁾ Голов. I. 292.

⁶⁾ Съ хаты виконцемъ втикала,

Въ вишневымъ саду ночувала,

Ризны пташки вслухала,

Въ саду возуленька: куку, куку!

А я, молода, терплю муку;

Въ саду соловой тѣхъ, тѣхъ!

Котиться слѣза якъ горохъ.

(Чуб. V. 586).

⁷⁾ Стала мила окномъ утекати,

Зъ ожиною стиха розмовляти:

— Ой ожино, ожино синенька!

Пропала жъ я теперь молоденька!

(Чуб. V. 593).

⁸⁾ Уже мои били нижки по морозу походили...

Уже моя руса коса по двору помаяла.

(Чуб. V. 582).

⁹⁾ ... Оно мни жаль миленького прекраснаго молодця.

(Чуб. V. 585).

¹⁰⁾ Та не бій мене, мій миленькій, якъ ты пьянь,

Бо на другій день буде тобі мене жаль!

(Чуб. V. 581).

¹¹⁾ — Спать пьяница въ новій комори—гляди ёго не збуди!

Нехай спить, нехай лежить, та нехай и не встане,

Нехай твоа бидна головонька одъ журботы одстане.

(Чуб. V. 624).

¹²⁾ Въ мене дитки маленькіи — горе жити безъ ёго!

(Ibid. 625).

¹³⁾ „Не бій мене, мій милый, въ субботу

Покажу я тобі всю свою роботу!“

Ты ее до смерти замучишь?—0, нѣтъ,—говорить мужъ, дразня ее,—мучить ее не стану, найму къ ней работницу, чтобъ она сама работала только слегка и въ добрѣ и въ холѣ проживала ¹⁾). Бѣдная женщина послѣ такой выходки мужа обращается мысленно къ своей матери и думаетъ, какъ было бы матери горько узнать про это ²⁾).

Иной мужъ потому возненавидитъ свою жену, что женился на ней не по собственному влеченію, а по приказанію отца ³⁾); такой послѣ самъ не знаетъ, что-бъ съ нею сдѣлалъ, и готовъ бы извести ее со свѣта ⁴⁾). Онъ заводитъ себѣ куму-разлучницу, а покинутая жена разговариваетъ съ кукушкою и узнаетъ черезъ нее, что ея отсутствующій мужъ ходитъ въ городѣ и покупаетъ подарки не женѣ, не дѣтямъ, а разлучницѣ ⁵⁾); своей женѣ онъ также принесетъ подарокъ, но этотъ подарокъ — проволочная плетъ ⁶⁾). Ты не искрененъ, душа моя ⁷⁾), скажетъ ему жена, догадываясь, что у мужа есть гдѣ-то на сторонѣ зазнобушка. Мужъ съ донжуановскимъ самохвальствомъ отвѣтитъ ей: сколько въ стени цвѣтовъ, столько у меня найдется милыхъ по бѣлу свѣту. Вѣдь у меня и конь вороной и я самъ молодецъ, вотъ только у меня нелюбая жена ⁸⁾). Хотя бы ихъ у тебя быдо двадцать четыре, а я все-таки старше для

— Нечиста, плюгава, ще ѣ къ тому гдлива,

— Менѣ твоя работа жодна не мила;

— Буду бити, буду катовати,

— Якъ прійде неділя—буду иншу мати.

(Чуб. V. 624).

¹⁾ „На що жъ тобі, милий, иншої шукати!

„Будешъ ты ѣи на смерть забивати!“

— Не буду я ѣи на смерть забивати,

— Буду для неї наймичку держати,

— Щобъ вона въ мене легченько робила,

— Що бъ вона въ мене хороше ходила!

(Ibid.).

²⁾ Коли бъ тее ридна мати знала,

То бъ вона по мені зъ жалю умлівала.

(Ibid.).

³⁾ „Веливъ мене батько, що бъ я ѣ оженився,

Що бъ не ходивъ въ темной ночи, да ѣ не волочився;

Ой я батька послухавъ и взявъ оженився,

Да взявъ жѣнку не пидъ мысли, не хочу зъ нею жити.

(Чуб. V. 678).

⁴⁾ Ой жинко голубко!

Ой де мені тебе дити,

Не хочу глядити!

Чи мені продати,

Чи въ службу виддати?

(Чуб. V. 678).

⁵⁾ ... По рыночку ходитъ,

За бѣлу рученьку розлучницю водитъ;

Медь-горѣвку носитъ, кармазинъ торгуе,

Не менѣ молоденькѣй, не дѣтямъ маленькимъ,

Но тій розлучницѣ, що насъ розлучила.

(Голов. I. 246).

⁶⁾ Мій милій иде, иде, гостинець несе,

А який же гостинець—дротяную плить.

(Чуб. V. 607).

⁷⁾ Ой десь у тебе, серденько мое, ѣ уся нещирая правда,

Да и ой ты иншую маешъ!

(Чуб. V. 611).

⁸⁾ Пойди, мила, въ степъ, да глянь по степену,

Скільки въ степену билого цвиту?

тебя всѣхъ ихъ: мы вѣдъ въ церкви вмѣстѣ были, вѣнчались, Единому Богу присягали ¹⁾). Чѣмъ болѣе сближается онъ съ разлучницею, тѣмъ ненавистнѣе станетъ ему законная жена ²⁾). Одинокая, она, какъ былина въ полѣ, постелеть постель, сама одна ляжетъ спать ³⁾). Передъ разсвѣтомъ возвращается мужъ отъ своей полюбовницы ⁴⁾). Жена хочетъ его раздѣть, разуть, приласкать, онъ отталкиваетъ ее и говоритъ, что есть другая, которая, какъ онъ хотѣлъ бы, раздѣнетъ, разуетъ и въ бѣлое лицо поцѣлууетъ его ⁵⁾).

Бываетъ горе замужней женщинѣ и оттого, что мужъ у ней окажется ревнивымъ. Всѣмъ угожу — говоритъ въ пѣснѣ такая женщина — и свекру, и свекрови, а ревнивому мужу никакъ не угожу, до тѣхъ поръ, пока не положить его въ могилу ⁶⁾). Самъ онъ пьетъ, гуляетъ, а пришедши домой дуется на жену, не хочетъ говорить съ нею, не садится съ нею ѣсть и пить ⁷⁾). Разсердится невѣдомо за что: вѣрно, — говоритъ жена, — за то, что я у кумы сидѣла, да жеватому поднесла стаканъ меду ⁸⁾). Ей, молодой, хотѣлось бы погулять, вспомнить свое красное дѣвичество ⁹⁾, но ревнивый мужъ ей скажетъ: тогда воро-

До стильки въ мене чужихъ милыхъ е по билому свиту!
Конигъ вороний, самъ я молодой—нелюбу жинку маю,
Ой колибъ я знавъ, хорошу бъ узявъ. (Ibid. 610—611).

¹⁾ Нехай буде двадцать и штыри,
Таки я старша надъ ними!
Въ едній мы церкви бували,
На еднимъ мы рушнику стояли.
Едному мы Богу присягали. (Чуб. V. 401).

²⁾ Чужа жинка слаще меду и вина,
Чужу жинку цилувавъ бы милувавъ,
Свою жинку ростерзавъ бы, розирвавъ. (Чуб. V. 615).

³⁾ Ой сама я сама якъ былина въ поли,
Да никто не порадить мене, молодой...
Постелю постиловку й сама спати ляжу. (Чуб. V. 619).

⁴⁾ Пидъ бѣлий свѣтъ до дому йде. (Чуб. V. 615).

⁵⁾ Одступися одъ мене, нелюба,
Тая жъ мене роздине, розуе,
Да въ билее личко поцилуе. (Ibid.).

⁶⁾ А милому-ревнивому
И по виць не вгожу,
Хиба жъ тоди угожу,
Якъ на лаву положу. (Чуб. V. 564).

⁷⁾ Я выношу ёму ѣсти,
Винъ не хоче зо мною сѣсти,
Я выношу ёму пити,
Винъ не хоче говорити. (Чуб. V. 604).

⁸⁾ . Иде ревнивий мужъ до дому,
Несе... три плѣточки дротяны
Тай не знаю, що и за що!
Хиба за те що я въ кумы гуляла,
Що й жонатому стававъ меду пиднесла? (Чуб. V. 663).

⁹⁾ Хотѣлось бы молоденькій погулять,
Свое красне дивованьячко згадать. (Чуб. V. 575).

тится къ тебѣ гулянье твое, когда зимою кукушка закукуетъ ¹⁾; пустять ее свекорь и свекровь и всѣ прочіе члены мужниной семьи, а мужъ ревнивый не пустить, да вдобавокъ погрозить ей нагайкою ²⁾, а если какъ-нибудь она само-вольно проберется на чужую свадьбу, то загоняетъ оттуда батогомъ ³⁾. Ревни-вицу дѣлается досадно даже и оттого, что жена похорошѣетъ безъ него, въ его отсутствіе ⁴⁾. Нагайка постоянно виситъ на крючкѣ для жены и не разъ ей въ тѣло влипаетъ ⁵⁾. Нагайка и побои—постоянная принадлежность замуже-ства, если между женою и мужемъ нѣтъ согласія и любви.

Часто жена скрываетъ свое домашнее горе, такъ что со стороны людямъ кажется будто она живетъ благополучно, тогда какъ она безпрестанно проли-ваетъ тайкомъ слезы ⁶⁾. Когда зимою мужъ ей подъ глазами фонарей наста-вить, она, вышедши на улицу, говорить сосѣдкамъ, что это ее пчелы укусили, хотя сосѣдки смѣются надъ этимъ, зная, что зимою пчелы не жалятъ ⁷⁾. Даже роднымъ своимъ такая не жалуется, а видя летящихъ гусей, просить ихъ пере-дать ей роднымъ, что она благоденствуетъ, но отнюдь не говорить имъ, что она терпитъ горе, потому что иначе родные не стануть бывать у ней въ го-стяхъ ⁸⁾. Это, впрочемъ, черта не всеобщая: есть много другихъ, показываю-щихъ какъ несчастная въ замужествѣ хочетъ подѣлиться своимъ горемъ съ род-ными, особенно съ матерью. Объ этомъ скажемъ ниже.

Особенно тяжело бываетъ замужней жить съ нелюбымъ мужемъ, если до

¹⁾ Якъ зимою возуленька закуе,

Тоди вернешься гуляньничко твое.

(Ibid.)

²⁾ Хоть же я пуцу—дакъ нагайка не пустить!

(Чуб. V. 607.)

³⁾ Людськи жинки пьютъ, гуляють, мене слёзы обливають.

Своей воли набралася, на весилья погналася,

Иде милый за мною, несе батигъ пидь полою,

Якъ взявъ мене григи, не знала жъ я якъ гуляти.

(Чуб. V. 562.)

⁴⁾ Да прихавъ мій миленькій пизно,

Да роскидавъ билу постилъ ризно.

„На кого жъ ты, мій миленькій, злусь,

„Що мою билу постилъ гайнуешь?“...

— А на тебе, жону молодую,

— Що покинувъ якъ нитку тоненьку,

— А заставъ якъ рожу повненьку,

— Що покинувъ якъ рыбоньку вьялу,

— А заставъ якъ ягодку красну.

(Чуб. V. 555—556.)

⁵⁾ Нагайка дротявка съ кручка не збуае.

Съ кручка не збуае, у тило влипае.

(Чуб. V. 607.)

⁶⁾ Кажуть люде, що панується.

Не паную, мамо, я горюю.

Кажуть люде, щомъ счастлива; я тымъ веселюся:

Ой не знають якъ я не разъ слёзами заллюся.

(Чуб. V. 626—627.)

⁷⁾ „А що у тебе синці пидь очима?“

— Ой ходила по садочку, пчылка мя вкусила.

⁸⁾ Не кажите, били гуси, що я тутъ горюю,

А скажите, били гуси, що я тутъ паную.

Якъ будете, били гуси, правдоньку казати,

То не схоче родынонька въ гостини бувати.

(Чуб. V. 627.)

замужества она любила другого и была имъ любима ¹⁾. Иную сватали женихи получше, а она не пошла, полюбила негодя и погубила себя ²⁾. Бываетъ, что прежній, который любилъ ее, встрѣтится съ нею, попрекнетъ ее ³⁾, поплачуть они вмѣстѣ, если прежде любили другъ друга взаимно ⁴⁾, иногда пожелаютъ смерти старому мужу ⁵⁾; помянетъ она недобрымъ словомъ и мать свою, если она противъ ея воли принуждала дочь выходить замужъ ⁶⁾, или же попеняетъ на себя, что сама вышла за немилаго по своей охотѣ ⁷⁾.

Нѣтъ средствъ оторваться отъ нелюба. Станетъ она надъ водою вербою, а онъ явится близъ нея тонкимъ верболозомъ. Станетъ она въ полѣ березою — онъ яворомъ, станетъ она на нивѣ пшеницею — онъ близъ нея куколемъ ⁸⁾. Сонъ не приходитъ къ ней, когда она ночью лежитъ съ своимъ нелюбомъ. Что ты вздыхаешь? спрашиваетъ онъ: развѣ у меня хлѣба-соли нѣтъ? — Противна мнѣ хлѣбъ-соль твоя, — говорить она. — Нѣтъ мнѣ жизни съ немымъ ⁹⁾. Не

1) Ой гаю жъ мій гаю, густый—не прогляну!
Пустыла жъ я голубонька та вже не піймаю.
Ой гаю жъ мій гаю, цвѣтешъ дуже рідко;
Кого родомъ я не знала—присудивъ ми дідько. (Чуб. V. 556).

2) Сватали красчи — я за ихъ не пійшла,
Ледачого полюбила
Сама себе погубила,
Така доля моя! (Чуб. V. 539).

3) Охъ державъ мене та за рученку славний парень мій чорнявий,
А державши за рученку, винъ говоритъ зо мною:
„Ой не йти бъ було, мое серце, за-мижъ, лучче-бъ було дивчиною!
(Чуб. V. 575).

4) Якъ зійдуся съ кимъ любила съ — наплачуся стиха. (Чуб. V. 224).

5) Дала жъ мене моя мати за мужъ за старого...
А, Господи милосердний, видри зъ дида душу. (Чуб. V. 225).

6) Кого жъ я любила не давъ мені Господь.
Не давъ мені Господь, мати не казала;
Бодай вона за то тяжко видболіла. (Чуб. V. 225).

7) Сама пійшла, гирку долю знайшла, — ни на кого жалкувати.
(Чуб. V. 575).

8) „Ой стану я стану надъ водою вербою!“
А нелюбъ тое чує пидъ синцями стоя.
— Ой не збудешъ, Катерино, моя булешъ,
— А я коло тебе тонкимъ верболозомъ. —
„Ой стану я стану у поли березою“..
— А я коло тебе зеленымъ яворомъ!
„Ой стану я стану на нивѣ пшеницею!“..
— А я біля тебе буйнымъ кукульчикомъ. (Чуб. V. 574).

9) Тай ляжу я спати край свого нелюба.
Вже зиронька зійшла, а я ще не спала,
Другая зійшла, а я вже й устала.
Я вже и устала, тяженько зитхнула.
— Ой чого жъ ты, мила, такъ тяжко здыхаешъ —
— Чи ты въ мене хлѣба и соли не маешъ? —
„Ой яжъ твій хлѣбъ и сіль занехаю,
„Съ тобою, нелюбий, я житья не маю! (Чуб. V. 572—573).

сѣтъ она пожелать ему смерти, иначе тогда люди, знающіе, что между ними нѣтъ любви, скажутъ, что она его извела; желаетъ она лучше смерти самой себѣ, чтобы не тяготиться свѣтомъ ¹⁾. Нелюбъ не хочетъ, чтобы она видалась съ своими родными и пересказала имъ о томъ, что дѣлается съ нею ²⁾—и она общается не говорить, хотя бы ее и спрашивали ³⁾. Но она воображаетъ, что уходитъ тайно, садится въ лодку, никто ее не замѣчаетъ, она плыветъ къ матери и мать, увидавши, приглашаетъ къ себѣ ⁴⁾. Ахъ, матушка, дай совѣтъ, какъ уживаться съ немилымъ. Мать совѣтуетъ посадить его за столомъ, угощать и называть яснымъ соколомъ ⁵⁾. Дочь отвѣчаетъ, что ей легче поднимать камни и ѣсть горькій полынь, чѣмъ ласкать немилаго и садиться съ нимъ за обѣдъ ⁶⁾. И тоска ея раздражается бесполезнымъ сожалѣніемъ, зачѣмъ она вышла замужъ ⁷⁾.

Все сочувствіе женщины, недовольной замужествомъ, обращается исключительно къ своему роду, т.-е. къ своей прежней родиѣ и къ семьѣ, особенно къ родителямъ. Она проситъ вѣтеръ повѣять къ ней въ свѣтлицу изъ того края, гдѣ ея родина, изъ того села, гдѣ осталась ея мать ⁸⁾. Она посылаетъ

- 1) Ходитъ смерть-чухна по синокоу.
Тай хвалиться смертъ нелюба взять.
— Смертъ, чухно-мачухно, та не бери ёго.
Во знаютъ люде, що я не любила,
То скажутъ шо я и зъ свиту згубила;
Ты возьми мене молоденьку...
Нехай я не буду свитомъ нудити! (Чуб. V. 573).
- 2) Не пусты ти, мила, до броду по воду,
Во ты выдвидашъ ажъ до свого роду,
Скажешъ своему роду за свою пригоду. (Чуб. V. 213).
- 3) Не скажу я роду за свою пригоду,
Хоць будуть пытати, не буду казати,
Обильлютъ дрибны слѣзы, а я выйду съ хаты. (Ibid.).
- 4) Сила соби у човничокъ одъ берега одплинула,
Оглянулася назадъ себе, та въ долони сплеснула...
Нихто того не почуе, тилько ридная мати;
Одчинила кватироньку: „ходи, доню, до хаты!“ (Чуб. V. 558).
- 5) — Порадъ мене, моя мати,
— Якъ зъ нелюбомъ житиѣ мати! —
„Охъ и сядъ же ты, доню, за тисовымъ столомъ,
„Та называй нелюбонька ясненкиимъ соколомъ.“ (Ibid. 559).
- 6) — Лучче мени, моя мати, важкій каминь пидняти,
— А нижъ мени нелюбонька соколонькомъ пазвати.
— Луччи жъ мени, мати, гиркій полынь ѣсти,
— А нижъ мени изъ нелюбомъ обидати сѣсти. (Ibid.).
- 7) Кобы я була знала, що за нелюбомъ лихо,
Була жъ бымъ сидѣла, косочки чесала при матусенцѣ тихо!
(Голов. III. 310).
- 8) Повій, витре буйнесенькій, на свитлоньку новеньку,
Съ того краю, де родину маю,
Повій, витре буйнесенькій, на свитлоньку ще й новішу
Съ того села де и матинку маю. (Чуб. V. 762).

туда и плавающих и летающих птиц — принести родным вѣсти о ней и пригласить их посѣтить ее ¹⁾. Сердечнѣе всѣхъ относится она къ родной матери. Есть одна очень распространенная пѣсня о томъ, какъ мать приходила въ гости къ дочери замужней ²⁾, а та провожала ее ³⁾ и при этомъ намекала, что жизнь ея спугана ⁴⁾. Въ другой пѣснѣ дочь говорить матери, что она прилетала къ ней голубкою ⁵⁾. Въ третьей, несомнѣнно очень древней (такъ какъ съ тѣмъ же содержаніемъ пѣсня есть у великоруссовъ), замужняя дочь превращается или воображаетъ себя превратившеюся въ кукушку, чтобы въ такомъ видѣ посѣтить свою мать и сообщить ей впечатлѣнія своего горя. Мать отдала дочь замужъ и не велѣла бывать у ней ранѣе семи лѣтъ, но дочь не утерпѣла и, превратившись въ кукушку, прилетаетъ на третій годъ послѣ своего замужества ⁶⁾. Она пролетаетъ черезъ лѣса, луга, сады, садится на черешнѣ въ родительскомъ саду и начинаетъ куковать, чтобы вызвать свою мать ⁷⁾.

¹⁾ Нливи, пливи, утко, проти воды прудко,
Да накажи мому роду, що я умру хутко. (Ibid. 744).

Полени, орле, де батенько оре,
Нехай орать покидае, мене одвидае...
Полетить синици, де ридни сестрици,
Нехай мене одвидають мои жалобници. (Чуб. V. 747).

²⁾ Ще сонечко не зиходило,
Щось до мене та приходило,
Приходила моя матюнка,
И правдонька моя вирная.
Вона въ мене не обидала
Тильки мене тай одвидала. (Чуб. V. 553—554).

³⁾ Проведу я свою матюнку,
За горы та високіи. (Ibid.).

⁴⁾ Ой що тебе да попутало,
Чи хмель чи паутинонька,
Чи малая да дитинонька?

⁵⁾ — Чи чула жъ ты, ненька, якъ я въ тебе була? —
— Пидь причильнымъ виконечкомъ якъ голубка гула? —
„Ой якъ бы жъ я, доню, твій голосъ зачула, —
„Ябъ розбила виконечко абы ты влинула.
„Ой якъ тоби, донько моя, на чужани жити?
— Горе сиротини жити на чужини,
Никто ей не догляне при лихій години. (Чуб. V. 743).

⁶⁾ Отдала мене мати на чужу сторононьку межъ чужіи люде.
Ой якъ отдавала да и приказывала,
Що бъ ты, доню, сѣмъ лѣтъ не бувала...
Пожила я годокъ, пожила другій,
А на третій стала искучати.
Обернувшись зозулею да и прилетѣла. (Метл. 257).

⁷⁾ Летила степами—степы посушила все своими та думоньками,
Летила лугами—луги потопила все своими да слизоньками,
Летила садами—сады звеселила все своими голосочками.
Ой сяду я паду у матинки въ саду, та на крайній черешенци,
Буду литати, буду кувати,
Чи не выйде моя мати зъ новои хаты. (Чуб. V. 750, 752).

Вышла из хаты мать, вышелъ потомъ и отецъ; оба сказали, что если эта кукушка ихъ дочь, то просить ее войти въ хату, а если это просто птица, то пусть себѣ летитъ куковать въ зеленый лѣсъ ¹⁾). Братъ хотѣлъ-было застрѣлить птицу ²⁾), но она такъ жалобно стала куковать ³⁾), что мать расчувствовалась, остановила сына и велѣла ему накормить и напоить кукушку ⁴⁾). По малорусскому варианту пѣсни, кукушка, наклевавшись и напившись у матери, отлетаетъ во-свояси ⁵⁾), а по галицкому варианту—она открывается кто она и сообщаетъ матери на вопросы, сдѣланные послѣднюю, что ея мужъ пьяница, перетаскалъ въ шинокъ все ея приданое и мучить ее жестокимъ обращеніемъ ⁶⁾). (Ср. великорус. Шейна. I. 338—340).

Случается, что дочь замужняя не всегда съ нѣжностью относится къ своему родителю. Въ одной пѣснѣ отецъ говоритъ дочери, что онъ вскормилъ ее и выдалъ замужъ, а дочь отвѣчаетъ, что ему до нея уже нѣтъ дѣла: она—отрѣзанный ломоть ⁷⁾). Но въ другой пѣснѣ замужняя дочь высказываетъ увѣренность, что отецъ о ней вспоминаетъ и сожалеетъ, что она, живучи у грознаго свекра, рано встаетъ и горько плачетъ ⁸⁾). Что касается до братьевъ, то

1) Выйшла моя мати, стала на порозѣ,
Пригадала собѣ свою ридну доню, обильляли ея слѣзы:
— Если-сь моя доня—прошу тя до хаты,
Але если-сь сива пташка зозуленька—лети въ зеленъ лѣсъ кувати...
Выйшовъ мій батенько, ставъ си на порозѣ;
„Ахъ если-сь моя доня—прошу тя до хаты,
„Але если-сь сива пташка зозуленька—лети въ зеленъ лѣсъ кувати.
(Голов. I. 193—194).

2) Та мій братичокъ по дворику ходить и лучокъ натягае,
И на садъ поглядае, та на тую зозуленьку. (Чуб. V. 748).

3) Якъ взяла кувати, жалбно спѣвати,
Ажъ ся взяли въ землѣ дуги каиновы видѣ голосу розлѣгати.
(Голов. I. 193).

4) А матенька сидитъ у виконокъ глядитъ, съ своимъ сыномъ розмовляє:
— Та не бій, мій сыночку, та тои зозули, що на крайній черешенци,
Та той зозульонци, якъ мойй дочци, у чужой стороньци:
Та посянѣ, сыну, жемчужного проса, нехай вона надзѣвбається,
Та поставъ, сыночокъ, водици кубочокъ, нехай вона напьється.
(Чуб. V. 748—749).

5) Уже нагостилась, уже набарилась у свойй матюнки въ гостяхъ,
Та треба думати, та треба гадати: часъ-пора до дому спати.
(Ibid. 749).

6) Голов. I. 196.

7) — А я тебе мене знаю, не знаю,
Що ты гукаешъ сюды та сюды.
„Чи не я тебе годувавъ,
Чи не я тебе замижъ давъ?“
— Та одризана скиба одъ хлиба —
Та теперъ мені нема дѣла. (Чуб. V. 760).

8) Ой далеко, далеко мій батенько одъ мене,
Ой хочъ же винъ далеко, таки мене спомьяне,
Таки мене спомьяне й дитяткомъ назове:

дружескія отношенія ихъ къ замужней сестрѣ выражаются тѣмъ, что они прибываютъ къ ней въ гости и она ихъ радушно угощаетъ ¹⁾).

Часто неудачное и тяжелое положеніе замужней женщины происходитъ оттого, что, вышедши замужъ, она не сходится съ мужниной семьей и родней. Вообще житье въ мужниной семьѣ не то, что прежнее житье у родителей. Тутъ не стануть баловать ее какъ отецъ и мать, которые берегли ее сонъ ²⁾, здѣсь, напротивъ, и свекоръ, и свекровь, и золовки, всѣ укоряютъ ее за сонливость ³⁾. Если мужъ добръ и не хочетъ бить жены, какъ ему совѣтуютъ родные, то притворно показываетъ къ ней суровость въ угоду своей семьѣ ⁴⁾. Самымъ суровымъ существомъ изображается «свекруха» (свекровь). Въ пѣсняхъ это — настоящая мегера, и мы не помнимъ пѣсни, гдѣ бы свекровь являлась съ привѣтливымъ и дружелюбнымъ отношеніемъ къ невѣсткѣ. Живучи въ согласіи и въ любви съ мужемъ, жена жалуется ему, что она никакъ не можетъ угождать его матери ⁵⁾. Если невѣстка взята изъ бѣдной семьи, тутъ представляется поводъ злой свекрови издѣваться надъ невѣсткою. Она рано будитъ ее и говоритъ съ ироніей, что время доить коровъ, которыхъ она пригнала отъ

Ой дѣ-сь мое дитятко у тій чужій сторони,
У чужого батенька, у грозного свекорка,
Встае вона раненько, плаче вона ревненько. (Чуб. V. 763).

1) Браты мои, браты, сиви соколоньки,
Прибувайте та до мене ой хоть въ гостиноньку.
Настою я горилочки у зеленой плянци:
Съ перцемъ, изъ вербенцемъ, съ своимъ щирымъ сердцемъ.
(Чуб. V. 761).

2) Ой спи, доненько милая... (Чуб. V. 701).

3) У насъ невѣстка не робитница,
Сонливая да дремливая,
На дѣлечко лѣнивая. (Чуб. V. 700, 727).

4) А великая семья,
Мого мужа бранить,
Що не хоче мене бить;
А мій мужъ говорить:
„За що мени жинку бить:
„Вона дѣло мени робить!“
Ой хочъ бивъ, хочъ не бивъ,
Абы семью звеселивъ.
Ой бивъ по стини,
Та казавъ—по жони. (Чуб. V. 702).

5) Яжъ тобі, миленькій, не скажу:
Твоей матери не вгожу:
Напечу хлиба—не влачный,
Наварю борщу—не смашный,
Помажу коминь—не било,
Помью ложки—не въ дило,
Да принесу водици—розливае,
Да помью лавочки—не сяде,
Постелю постѣль—не ляже,
Снытаю дила—не скаже! (Чуб. V. 690).

родителей, и гнать въ поле овецъ, полученныхъ отъ матери ¹⁾). Невѣстка отвѣтитъ, что если она не пригнала съ собою коровъ, то и не застала ихъ въ новомъ дворѣ своемъ ²⁾, и при этомъ замѣтитъ, что она не силовала ея сына брать ее себѣ въ жену ³⁾ и не стояла у ней на порогѣ, упрасивая, чтобъ ее взяли въ семью безъ коровъ ⁴⁾. Свекровь грубо приказываетъ ей не раскрывать рта и грозить ударить ее пестомъ въ зубы ⁵⁾. Невѣстка скажетъ ей, что свекровь не дала ей зубовъ и выбивать не будетъ ⁶⁾, а свекровь на это произнесетъ угрозу ударить ее кочергою и заставить собирать свои зубы.—У кочерги два конца—скажетъ тогда невѣстка,—будемъ мѣрять себѣ зубы! ⁷⁾. Такую картину домашнихъ дрягъ рисуютъ намъ народныя пѣсни. При скудости средствъ, при тяжелой работѣ въ бѣдномъ крестьянскомъ быту ⁸⁾, при постоянной воркотнѣ свекрови, а иногда и свекра ⁹⁾ понятно, почему прежде красивая дѣвица, вышедши замужъ, худѣетъ и дурнѣетъ лицомъ ¹⁰⁾ и приходитъ въ уныніе ¹¹⁾.

1) Выйшла свекруха та невестки будити:

„Уставай, суко, корову доити,

„Уставай, невихно, вставай, молодая,

„Подій коривки, що одь батенька нагнала,

„Проженя й овечки, що ненька надавала.

(Чуб. V. 693. Ср. Голов. I. 192).

2) Хоть я не нагнала дакъ и въ васъ не застала.

(Ibid.).

3) Я твоего сына не силовала брати.

(Чуб. V. 694).

4) Я жъ тобі, свекрухна, у порога не стояла,

Що бъ ты мене да безъ коровокъ брала.

(Чуб. V. 697).

5) Мовчи, невестко, не роздзявляй губы,

Якъ ухвачу м'яло, выбью тобі зубы.

(Чуб. V. 696).

6) Не дала зубивъ, не будешъ выбивати!

(Ibid.).

7) „Та цыть, невестко, та не роспускаяй губы,

Якъ бачышь коцюбу, то позбираешъ зубы“.

Я молоденька умила отвить дати:

— Въ коцюби два конци, будемо зубы миряти.

(Чуб. V. 698).

8) Дала мене мати замужъ,

Дала мени горе заразь:

Треба мени рано встати,

Хату мести, сини мести.

И до плуга їсти нести.

(Чуб. V. 719).

9) Вчора зъ вѣчера мене свекоръ бивъ,

А побивши мене у шинку пойшовъ,

А въ шинку сидя, похваляється,

Що добре бити а чуже дити,

Що не лається, не змагається,

Тильки слизоньками обливається.

(Чуб. V. 692—700).

10) Якъ я була въ батенька молодая,

Да тоди я водици набирала въ нові видерця.

И билее да личенько умывала;

А якъ пійшла до свекорка,

Да стало мени билито не мило,

И билее личенько почорило.

(Чуб. V. 722).

11) Ой пійду я лисомъ боромъ,

Злоба свекрови рѣзко выражается въ пѣсняхъ, гдѣ изображаются трагическія событія, происходившія въ семейной жизни и оставившія по себѣ память въ произведеніяхъ народнаго творчества. Вотъ, наприимѣръ, въ одной пѣснѣ, довольно распространенной, мать подстрекаетъ сына истязать свою жену ¹⁾. Сынъ, исполняя материнскій совѣтъ, заводитъ жену ночью въ комнату и, несмотря на ея трогательныя моленія, бьетъ ее до того, что она вся посинѣла и къ свѣту испустила дыханіе ²⁾. Мать съ своимъ обычнымъ свекрушечимъ ворчаніемъ является будить невѣстку и звать ее доить корову, но сынъ блѣдный отъ ужаса говоритъ матери, что теперь уже придется ей самой при старости доить корову, а ему пусть даетъ совѣтъ, куда схоронить убитую жену ³⁾. По однимъ вариантамъ этой пѣсни, мать даетъ совѣтъ сыну скорѣе ѡбжаты въ чужой край ⁴⁾, по другимъ—похоронить трупъ жены подъ половицей въ горенкѣ ⁵⁾. Сынъ не принимаетъ ни того ⁶⁾, ни другого совѣта ⁷⁾ и отдаетъ себя въ руки правосудія ⁸⁾. Оставленная дома мужемъ жена подвергается отъ свекрови по-

Да стану я пидь яворомъ:

Шумить яворъ зелененькій,

Пропавъ мій вихъ молоденькій!

(Чуб. V. 718).

¹⁾ Пійди, сыну, на ярмарокъ лишки,

Купи мени реминны вижки

А ще къ тому й дротяну нагайку

Та бій суку зъ вечора до ранку!

(Чуб. V. 727).

²⁾ Изъ-вечора да комната звенела,

А пидь пивничъ мила говорила:

„Не бій, милый, по головци больно.“

„Не марай билои постели въ кровь!“

Пидь билый свить милая не жива,

Лежить мила якъ ожина синя!

Стоить милый якъ полотно билый.

(Чуб. V. 730).

³⁾ Пійшла мати невѣстки будити:

— Вставай, суко, корову дойти.

„Ще ты, мати, сама не старая,

„Да подоишь коровы й самая.

„Мати моя, мати, дораднице въ хати,

„Дорадила, якъ жинку карати,

„Теперь дорадь, де и сховати!“

(Чуб. V. 729).

⁴⁾ — Сидлай, сыну, ворону кобылу,

Тикай, сыну, у чужу краину.

(Чуб. V. 729).

⁵⁾ Пійди, сынку, въ горняку новую,

Зорви, сынку, нову полястоньку

Та сховаемъ чужую дитину.

(Чуб. V. 734).

⁶⁾ Ой нѣкуды, мати, и утукати,

Якъ заробивъ требаи одвичати.

(Чуб. V. 732).

⁷⁾ Нельзя, мати, чуже дитя ховати.

Треба, мати, людямъ заявляти.

(Чуб. V. 734).

⁸⁾ На милую домовину тешуть,

А милого въ три нагайки крешуть,

А милую въ гробъ опускають,

А милого въ Сибирь провожають!

„Бодай тобѣ, мати, такъ важно ковати,

„Якъ теперь мени вику доживати.“

(Чуб. V. 732).

боямъ и оскорбленіямъ. Козакъ, возвратившись домой, спрашиваетъ у матери: гдѣ его Настуся? Мать сначала отлыгается, говоря, что она въ саду, въ хатѣ, пошла за водою, но когда козакъ вездѣ побывалъ и не нашелъ своей Настуси, мать объявила, что увидитъ ее завтра на лавкѣ, т.-е. мертвую. Свекровь говоритъ, что заколотила ее за то, что невѣстка не называла ее родною матерью ¹⁾). Въ другой пѣснѣ о донцѣ (а по галицкому варианту—о кременюшкѣ), рассказывается, что мать, которой дается эпитетъ черной гадины ²⁾, встрѣтивши воротившагося изъ похода сына, сообщила ему, будто жена его вышла безъ него замужъ за другого, оставивши дѣтей сиротами и опустошивши домъ его ³⁾. Донецъ, повѣривши на слово матери, отрубилъ женѣ голову ⁴⁾, но, прибывши домой, увидалъ совѣтъ не то, что говорила мать его. Тогда онъ разразился проклятіемъ: мать моя, змѣя черная! Сожрала ты солнце, сожри и мѣсяць, и частыя звѣздочки, мои милыя дѣтушки! ⁵⁾. (Ср. великорус. Кирѣевск. В. VII. 34—36).

Въ другой пѣснѣ свекровь, не терпя невѣстки, угощаетъ воротившагося изъ похода сына виномъ, а невѣсткѣ подноситъ смертельной отравы. Сынъ, догадавшись, пьетъ самъ половину того, что было предназначено одной женѣ его ⁶⁾. Сына похоронили подъ церковью, невѣстку подъ колокольнею, на могилѣ сына выросъ яворъ, на могилѣ невѣстки тополь ⁷⁾ или береза ⁸⁾: вершины деревьевъ

¹⁾ ... „Прійди завтра вранци—побачишь на лавци“

— Мати жъ моя мила, чимъ Настусю била?

„Била качалкою, що бъ звала маткою,

„Била кочергою, щобъ звала ридною.

(Чуб. V. 724).

²⁾ Прилизла къ нѣму чорна гадина;

То не гадина—то мати ёго.

(Чуб. V. 734—735).

³⁾ Ой уже твій двіръ испустошений,

Вже твоя жинка за-мижъ пійшла,

Вже твои дѣти посиротили,

Вже твои слуги безъ пана живуть,

Вже твои жупаны поношени,

Вже твои меда одпечатани. (Чуб. V. Ibid. Максим., изд. 1827. 41).

⁴⁾ Зустріла ёго жона молода.

Ой якъ выкопивъ да гостренькій мечъ

Да изнявъ жѣнцѣ головку изъ плечь.

(Макс. Ibid.).

⁵⁾ Ой мати моя, моя мати,

Ты не мати - чорна гадина,

Зъила сонце, зъижь и мисяця,

Зъижь и зирочки—дрибнѣ диточки!

(Макс., изд. 1827. 42. Чуб. V. 735).

⁶⁾ Да частуе сына горилкою,

Молоду невистку отрутою...

Вийймо, жинко, да по половинци,

Що бъ насъ поховали въ одній домовинци.

(Чуб. V. 711).

⁷⁾ Поховали сына та пидъ церквою,

Нелюбу невистку пидъ дзвинницею,

Посадили надъ сыномъ зеленій яворъ,

На невистоянцѣ—билу тополю.

(Чуб. V. 718).

⁸⁾ Та на сынови яворъ зеленіе,

А на невисточци береза биліе.

(Чуб. V. 712).

стали склоняться другъ къ другу; могилы стали присовываться одна къ другой. Стала тогда убійца-мать расказываться въ своемъ злодѣяніи ¹⁾ (ср. великорусск. Онежск. Был. Гильфердингъ, 1873, стр. 155).

Есть пѣсня, очень похожая по строю на предшествовавшую, но содержанія фантастическаго. Злая свекровь отправила своего сына козака въ походъ, а невѣстку послала въ поле брать ленъ и дала ей заклятiе не возвращаться домой, а остаться навсегда въ полѣ, превратившись въ дерево, по однимъ вариантамъ, въ тополь ²⁾, а по другимъ, въ рябину ³⁾, въ грабъ ⁴⁾ или просто въ былинку ⁵⁾. Сынъ, возвращаясь домой, увидаль на своемъ полѣ невиданное прежде дерево, которое стало склоняться передъ нимъ, когда онъ проѣзжалъ мимо него ⁶⁾. Пріѣхавши домой, онъ объявилъ матери объ этомъ, а мать приказала ему срубить дерево ⁷⁾. Но когда сынъ, исполняя материнское приказаніе, ударилъ дерево топоромъ первый разъ—оно зашумѣло ⁸⁾, когда ударилъ въ другой разъ—изъ дерева брызнула кровь ⁹⁾, а когда ударилъ въ третій разъ—оно произнесло: не рубай меня, я твоя милая. Намъ надѣлала такой бѣды матушка твоя ¹⁰⁾ (ср. великор. Кирѣевск. В. VII. 26).

Въ иной пѣснѣ злая свекровь посылаетъ невѣстку, по имени Ганну, въ воскресный день жать въ полѣ, и тѣмъ заставляеть ее совершить грѣхъ, по народному возрѣнію очень тяжелый. Послушная невѣстка работала до вечера и воротилась, оставивши, по забывчивости, въ полѣ своего ребенка. Свекровь сама напомнила ей о ребенкѣ; Ганна побѣжала за нимъ, но ей на встрѣчу летитъ соколъ и сообщаетъ, что ея ребенка растерзали хищныя животныя, кото-

- 1) Ставь же той явирь та приживатися,
До теи тополи та прихилатися,
Стали ихъ могилы та присуватися. (Чуб. V. 718).

Или:

Гилька до гильки схиляється,
Мати за дѣтьми да побивається:
„Коли бъ я була знала, то дитей не труила,
Свого серденька да не печалила“. (Чуб. V. 712).

- 2) Не выберешъ лѣну, не вертайсь до дому,
Ой стань у поли тонкою тополею! (Чуб. V. 710).

- 3) Да и стань у бору ребиною,
Ой ребиною кудрявою, кудрявою, кучерявою! (Чуб. V. 706).

- 4) Да и стань у поли грабиною,
Тонкою та високою, кудрявою, кучерявою! (Чуб. V. 710).

- 5) Стань соби въ поли былиною,
Былиною кудрявою, кучерявою! (Чуб. V. 707).

- 6) Ой якъ ихавъ миленкій съ пути-дорожки,
Клонилась ^{былинка} ^{тополинка} кою въ ножки! (Чуб. V. 705).

- 7) Ой визьми, сынку, гострую сокиру,
Да зрубай въ поли тонку тополину (или былинку). (Чуб. V. 705. 710).

- 8) Ой цюкнувъ разъ першій—вона зашумѣла. (Ibid. 710).

- 9) Другій разъ цюкнувъ—кровь дзюрнула. (Ibid.).

- 10) Третій разъ цюкнувъ—промовила:
— Не рубай мене, бо я твоя мила,
То твоя матуся такъ намъ поробила. (Ibid.).

рыя въ смыслѣ ироніи называются няньками ¹⁾. Тогда въ отчаяніи мать прикладываетъ ножъ себѣ къ сердцу и упрекаетъ свекровь, что она наложила на себя три грѣха: первый за младенца, второй за невѣстку, третій за воскресный день ²⁾.

Къ ожесточенію противъ злой свекрови присоединилось народное суевѣріе о вѣдьмѣ, летающей по воздуху и мечущей изъ себя пламя. Жестокая свекровь въ наказаніе невѣсткѣ за то, что она, шивши, задремала, заставила ее большимъ ведромъ носить воду и молотъ сырую пшеницу. Когда мужъ, узнавши объ этомъ, пошелъ освободить жену свою отъ такого утомительнаго труда, вдругъ увидали они оба свекровь, которая налетала на нихъ: пламя исходило изъ ея усть, а дымъ изъ ноздрей ³⁾. По другому варианту этой пѣсни, невѣстка превращается въ змѣю, а мужъ ея въ камень; вѣдьма опускается на камень и проклинаетъ себя за то, что разогнала дѣтей отъ себя ⁴⁾.

Такими вымыслами утѣшали себя женщины, терпѣвшія отъ суровости свекровей. Въ Галичинѣ поется пѣсня, въ которой рассказывается, что молодець, ухавши на семь лѣтъ воевать, поручилъ свою Марусеньку родной матери своей, но свекровь обращалась съ ней совершенно противно тому, какъ хотѣлъ и просилъ ее отбѣзжающій сынъ ⁵⁾. Отъ такого обращенія она умерла. Когда сынъ возвратился и не нашелъ жены, мать объявила ему, что она скончалась. Тогда сынъ отправился къ могилѣ жены и спрашивалъ ее: оставаться ли ему вдовцомъ или искать снова жены? Умершая отвѣчала: «Я не запрещаю тебѣ, но твоя мать — чародѣйка, она погубитъ чарами и другую, какъ погубила меня, накормивши лютыми ящерицами. Вдобавокъ она не наняла звонить по мнѣ, чтобы мнѣ было тяжело въ могилѣ лежать!» ⁶⁾.

- 1) Бигла Гандзя, бигла густыми лозами,
Здыбалася она зъ трома соколами.
— Ой вы, соколоньки, въ полю литали,
— Дятини моєи чи съ да не видали?
„Ой тамъ твою дитину нянька колысали,
„Они твою дитину на три штуки рвали. (Чуб. V. 722).
Или (по другому варианту):
„Одна нянька очки вибирає,
„Друга нянька головоньку ськає,
„Трета нянька й кишечки мотає. (Чуб. V. 721).
- 2) Приложила ножикъ до свого серденька:
— Теперь ты, мамцю, ажъ три грихи маєшь,
Еденъ грихъ маєшь за дитину малую,
Другій грихъ маєшь за Гандзю молодую,
А третій грихъ—за недилоньку святую! (Чуб. V. 722).
- 3) „Глянь, Василю, божить твоя мати,
„Зъ ѣи рота поломячко пше,
„Зъ ѣи носа дымъ кужелемъ иде!“ (Чуб. V. 703).
- 4) — Зкдай-сь ты, Домно, гадюкою,
— А я молодъ да билимъ каменемъ стану.
Якъ летила, на камени сила:
„Бодай же я на вики пропала,
Якъ я своихъ дитокъ розигнала!“ (Чуб. V. 704).
- 5) Голов. I. 76.
- 6) „Ой, матусю-матусенько, где съ ми дѣла Марусеньку?“

Пѣсень о насильственной смерти жены по винѣ мужа не мало. Въ одной, очень распространенной, старой пѣснѣ, жена проситъ мужа не бить ее по головѣ, иначе она умретъ и ему не съ кѣмъ будетъ жить ¹⁾. Затѣмъ слѣдуютъ просьбы похоронить ее въ буковомъ (а въ другихъ вариантахъ—въ кедровомъ) гробѣ, надѣть на нее дорогую покупную сорочку, но мужъ отвѣчаетъ, что негдѣ будетъ взять такого дорогого матеріала и будетъ она лежать въ посконной сорочкѣ въ сосновомъ гробѣ. Наконецъ, она проситъ похоронить ее въ саду, посадить ей въ головахъ калину, а въ ногахъ барвинокъ, и когда онъ будетъ женить сына, то придетъ на ея могилу за калиною, а когда станетъ выдавать замужъ дочь, то придетъ туда рвать барвинокъ ²⁾. Вотъ восходитъ солнце. Вдовецъ ходитъ съ дитятею и взываетъ къ умершей: встань, милая, встань, дорогая! расплакался нашъ ребенокъ!—Пусть плачетъ,—отвѣчаетъ умершая изъ могилы,—онъ перестанетъ, а матушка вовѣки не встанетъ ³⁾. Часто въ пѣннѣ пѣсня этимъ и оканчивается, но иногда къ этому прибавляется еще и такая картина: по саду ходитъ мужъ уже со второй женой, и вторая жена спрашиваетъ: что это за могила въ саду, а узнавши, что тамъ погребена первая подруга ея мужа, съ презрѣніемъ говорить, что не слѣдовало ее хоронить въ саду, а надобно было бы, завернувши въ худую простыню, отвезти въ

— А вже въ гробѣ, сынку, лежить, та на охрестъ ручки держити!

Ой та пійшовъ Ивасенько на Марусичинъ гробъ,

Да укладыъ же Ивасенько Марусѣ до ногъ:

„Чи кажешъ ми, Марусенько, чи кажешъ ся женити?“

„Чи кажешъ ми, Марусенько, вдивцемъ ходити?“

— Ахъ я жъ тобѣ, Ивасеньку, та й не бороню...

— Твоя мати чаривниця старуе и тоту.

— Якъ вона мня Ивасеньку та й старовала,

— Лютьми мня яшурами нагодувала,

— Не наймала, Ивасеньку, менѣ звонити,

— Щобы менѣ, Ивасеньку, тяжко лежати!

(Голов. I. 77).

¹⁾ Ой тамъ мила зъ милымъ говорила:

— Ой ты, милый, ты мій милый друже,

Не бій мене въ головоньку дуже,

Якъ ты будешъ въ головоньку бити,

Ой я умру, зъ кимъ ты будешъ жити!

(Чуб. V. 631).

²⁾ — Выкопай же мени глыбоку могилу,

Посади въ головкахъ червону калину,

А въ ниженькахъ хрещатый барвинокъ.

Ой якъ ты будешъ та сына женити,

Прийдешъ до мене калины ламати.

Ой якъ ты будешъ дочку отдавати,

Прийдешъ до мене барвиночку рвати.

(Чуб. V. 632. 367. 365).

³⁾ А въ неділю рано якъ сонечко сходитъ,

Милый по садочку зъ дитиною ходитъ:

„Ой устань, мила, устань, дорогая,

„Росплавалась дитина малая!“

— Нехай плаче, вона перестане,

— А матѣнка до вику не встане!

(Метл. 267. Чуб. V. 632).

поле и тамъ похоронить ¹⁾). Мужъ сердится на свою вторую жену за такую выходку ²⁾).

Другой мужъ жестоко и язвительно обращается съ женою ³⁾, потомъ еще издѣвается надъ нею, спрашивая: не причинилъ ли онъ вреда ея здоровью побоями? Получивъ отрицательный отвѣтъ, произнесенный отъ страха ⁴⁾, онъ ведетъ ее на крутизну и сбрасываетъ ее оттуда въ воду ⁵⁾).

Какъ на общеизвѣстную пѣсню, содержащую разсказъ о насильственной смерти жены, укажемъ на пѣсню о Немеривнѣ или Лемеривнѣ. Какая-то Немериха (или Лемериха) пропала свою дочь какому-то Шкандыбенку ⁶⁾. Но сама дочь не любила Шкандыбенка, и когда онъ привезъ ее къ себѣ, она ушла отъ него пѣшкомъ ночью и притомъ босикомъ. Шкандыбенко погнался за нею и сталъ выговаривать: развѣ у него вѣтъ лошадей, черевиковъ, дорогихъ одеждъ, что она уходитъ отъ него пѣшкомъ, босикомъ и въ простой мужичьей свиткѣ? Немеривна отвѣчаетъ, что все это есть, да только принадлежитъ ему, а не ей, а онъ самъ ей не по сердцу ⁷⁾. Тогда онъ хватаетъ ее на коня и везетъ посреди терновника ⁸⁾, а по другому варианту, она побѣжала сама въ терновники, и онъ погнался за нею на лошадяхъ ⁹⁾. Она попросила ножа вынуть терновья

¹⁾ — Було обертиты въ подрану ряднину,
— Було ѣи вывезти у степь на долину. (Метл. 268. Чуб. V. 632).

²⁾ „А що бѣ же ты, жинко, того не дигдала,
Що бы моя перша на стѣну лежала!“ (Метл. 268).

³⁾ Ой взять свою миленькую,
За рученьку бѣленькую,
Повивъ ѣи въ комирочку,
Положивъ милу въ постилочку;
Самъ укрывся кожущками,
Милу укрывъ кулачками,
Самъ укрывся свитиною,
Милу укрывъ дубиною. (Чуб. V. 632—633).

⁴⁾ „Чого съ моя миленька нобидла?
„Чи яжъ тебе по личеньку вдаривъ,
„Чи я тоби здоровьячка вмаливъ?“
— Ой ты жъ мене по личеньку не вдаривъ,
— Ой ты жъ менѣ здоровья не вмаливъ. (Ibid. 633).

⁵⁾ Повивъ ѣи та на крученьки:
Тай кинувъ ѣи та изъ крученьки:
— Пльви, мила, за водою—
Горе мени жить зъ тобою! (Ibid.).

⁶⁾ Шила, шила Немериха на меду,
Да пропала свою дочку молоду.
(Чуб. V. 625. Метл. 284. Макс., изд. 1827. 77. Голов. III. 15).

⁷⁾ Та й самъ, молодъ, не до мыслоньки мени.
Или: (Ibid.).

А ты, молодъ, не до красы до моей. (Голов. III. 16).

⁸⁾ Якъ узявъ винъ Немеривну на коня,
Та й иотавивъ Немеривну по тернахъ!
(Чуб. V. 626. Макс., изд. 1827. 78).

⁹⁾ Ой побигла Лемеривна тернами
А за нею Шкандыбенко конями. (Метл. 285).

иглы, занозившіся ей въ ноги, но ударила имъ себя въ сердце, предпочитаая смерть життю во дворѣ Шкандыбенка ¹⁾). Тогда Шкандыбенко привозить ее къ тещѣ и съ ироніей вызываетъ ее принять оньянѣвшую дочь. Отъ чего она упилась? — спрашиваетъ теща. Упилась отъ терна, а заснула отъ ножа, — отвѣчаетъ зять ²⁾).

Въ Галичинѣ поется нѣсколько пѣсень объ убійствѣ жены мужемъ, относящихся къ мѣстнымъ событіямъ ³⁾). Такова пѣсня о Якимѣ, который связался съ какою-то вдовою и по ея наущенію ⁴⁾ сталъ бить жену и, несмотря на ея жалобныя просьбы о пощадѣ ради ея молодости и малаго ребенка, заколотил ее кулакомъ до смерти, а потомъ затаянулъ подъ лавку и прикрылъ платками ⁵⁾). По наущенію той же вдовы, похоронивши убитую жену, злодѣй скоро почувствовалъ, что ему неудобно жить безъ жены ⁶⁾, а вдова, искусившая его на злодѣянніе, отвернулась отъ него ⁷⁾, и Якимъ, напившись пьянъ въ корчмѣ, клялъ вдову Марисю за то, что она лишила его жены ⁸⁾).

Другая пѣсня о какомъ-то Кулиничѣ Степанѣ, который убилъ свою жену, дочь какого-то Прокопа. Несчастная молила его пощадить ее, говорила, что ей съ нимъ жить мило, но злодѣй въ отвѣтъ на такія мольбы обѣщаетъ истязать ее и исторгать у ней глаза; она пыталась дать знать своей матери, чтобъ та послѣдила спасти ее—все напрасно. Мужъ зарубилъ ее топоромъ и сообщил о томъ своей матери. Мать дала ему совѣтъ скорѣе бѣжать въ чужой край ⁹⁾).

¹⁾ „Ой дай мени Шкандыбенку гострый ніжъ,
„Повиймаю чорный терень зъ билихъ нигъ!“
Не вииняла чорный терень зъ билихъ нигъ,
А встромила проти серця гострый ніжъ.

(Чуб. V. 626. Метл. 285. Макс. 78).

²⁾ Привизъ ѣи Шкандыбенко до тещеньки въ двирь:
„Ой одчиний, моя тещенько, ворота,
„Бде къ тобѣ дочка твоя шяненъа.
— Ой одъ чога, мій зятеньку, впилася?
Ой одъ чога дитя мое заснула?
„Упилася, моя тещенько, одъ терна,
А заснула, моя тещенько, одъ ножа.

(Ibid.).

³⁾ Подобнаго содержанія польскія пѣсни для сравненія см. у Kolb. 5. 1. 85—16

⁴⁾ Ой учера изъ вечера, ще куры не пѣли,
Прійшовъ Якимъ до вдовоньки, люде не видѣли.
„Добрый вечеръ, Марисенько, добрый вечеръ, сердце!“
Вона ему одповѣла: забій жинку перше! (Голов. I. 56. III. 20).

⁵⁾ Прійшовъ Якимъ до домоныку тай взявъ жинку бити,
Катеринка якъ зозулька взяла ся просити.
„Не жаль же ми, Якимоньку, щомъ ся не нажила,
„Тильки ми жаль, Якимоньку, що мала дитина.
Ой ударивъ у грудоньки, решту кулаками,
Дай затагнувъ нидъ лавицю, да накрывъ платками. (Ibid.).

⁶⁾ „Нема жъ моеи Катеринки выпрати сорочку! (Голов. I. 56).

⁷⁾ Не дае ся Марисенька личка цѣлувати. (Ibid.).

⁸⁾ Прійшовъ Якимъ до корчмоньки, напився горѣвки,
Выкрикае на Марисю: збавилась ми жинки. (Ibid.).

⁹⁾ Чи чулы вы, добри люде, таку новиночку,

Панъ экономъ отправилъ за нимъ въ погону козаковъ. Напрасно мать хотѣла подкупить ихъ ¹⁾. Преступника схватили и отдали навѣки въ заточеніе ²⁾.

Укажемъ еще на одну галицкую пѣсню. Она кажется вариантомъ приведенной нами пѣсни о Семенѣ, котораго жена, Катерина, убѣжала изъ дома, покинувши дѣтей. Но конецъ здѣсь совсѣмъ иной.

Мужъ, пахавшій въ полѣ и не дождавшійся своей жены съ обѣдомъ (здѣсь онъ называется не Семеновъ, а Андрейкомъ, а жена—не Катериною, а Одокією), по возвращеніи домой, не нашедши жены дома, не ограничился воплями и стенаніями, какъ Семенъ, а погнался за бѣглянкою и нашель Одокію въ домѣ какого-то Круя съ сыновьями. Онъ привязалъ ее за косы къ своему коню и потащилъ съ собою. Встрѣтившіеся съ нимъ жида просили пощадить ее, но Андрейко замѣтилъ имъ, что они, жида, чужой вѣры, имъ, какъ иновѣрцамъ, въ семейныя дѣла русскихъ не слѣдуетъ мѣшаться ³⁾. Притащенная домой полуживая Одокія была положена на лавкѣ; призвали ея родныхъ и похоронили лицомъ къ землѣ ⁴⁾.

Ой що забивъ Кулиничъ сынъ Прокопову дочку.

Якъ винь ѣю та й забивавъ, вона ся просила:

— Не бій мене, Степаночку, ще-мъ ся не нажила!

— Не бій мене, Степаночку, ты мій чорнобривий!

— Ой бо менѣ, Степаночку, съ тобою свѣтъ милый!

„Буду, мила, ты рѣзати, буду пробивати,

„Буду твои чорни очи на нижъ выбирати.

„Не нажилась ся, негідна, и не будешъ жити;

„Ой пійдешъ ты еще нынѣ въ сыру землю гнити!“

— Бѣгай, хлопче, бѣгай, малый, дай до ньеньки знати,

— Ой най же ми вна не дае марно загибати!

Ой якъ порвавъ ю Кулиничъ за бѣлыя руки,

Вточивъ въ нею сокироньку, задавъ ѣи муки.

Прійшовъ Степанъ до домочку, та й взявъ ковѣдати:

„Заризавъ емъ, мати, жинку, що маю дѣяти?“

— Ой утакай, мій сыночку, въ чужу стороночку,

— Що бы тебе не зловили на лиху долѣчку!

(Голов. I. 57).

1) Ой нате жъ вамъ по талару, горѣвки напійте.

Якъ найдете мого сынка, не дуже жъ го бійте!

Ой нате жъ вамъ по талару, ще дамъ по другому,

Якъ найдете мого сынка, не ведѣть до дому!

(Ibid.).

2) Ой якъ злапали Степана тай руки звязали,

До тяжкой го неволи навѣки виддали. (Голов. I. 57—58. III. 20).

3) Найшовъ, найшовъ Одокію у Круя зъ сынами.

А присиливъ Одокію до коня кискама,

Поволочивъ горѣ, доливъ, тыми потоками.

Зострѣчатсе Андрѣйко зъ чотырема жида:

„А дай-ко ты, Андріечку, Одокіи жити!“

А вы, жида, не руснаки, то не наша вѣра.

(Голов. III. 38).

4) Донесли ей до домочку, покладали на лавку,

Издоймили зъ Одокійки сорочку кривавку;

Издоймили кривавочку, вволокли бѣленьку,

Та пислали по ѣй дѣдя, да по ѣи ньеньку.

Поется у малорусскаго народа пѣсня, заимствованная изъ великорусскаго пѣсеннаго склада, но она значительно обтерлась у малоруссовъ и привала много малорусскаго, такъ что, не зная въ точности ея происхожденія, можно по ошибкѣ признать ее за чисто малорусскую. Это пѣсня о разбойникѣ мужѣ, который убилъ родныхъ жены своей и жена въ числѣ привезенной добычи узнаетъ ихъ одежды и уборы ¹⁾. Не плачь, — говоритъ ей разбойникъ, — по отцу твоему волкъ воетъ, по матери воронъ крикаетъ, по брату вся Украина плачетъ, а по сестрѣ ты погрустишь ²⁾. По другому варианту, разбойникъ спрашиваетъ жену: рада ли она привезенному серебру и золоту? рада ли, что онъ здоровъ воротился? Жена отвѣчаетъ, что не рада она ни серебру, ни золоту, ни его здоровью. Тогда мужъ приказываетъ закопать ее въ землю и посадить на могилѣ ея рябину, подобно тому, какъ уже надъ ея родителемъ растетъ елка, а надъ матерью — калина ³⁾ (подобная польская: Kolberg. 5. 1. 279).

По смерти жены оставшійся вдовецъ убивается, не зная что ему дѣлать съ дѣтьми, но дѣти утѣшаютъ отца, что они подростутъ и разлетятся по разнымъ сторонамъ, обрекая себя и на хорошее и на худое житье, смотря по тому, въ какой край занесетъ ихъ судьба ⁴⁾. Хотя вдовецъ для женскаго пола не представляется привлекательнымъ женихомъ ⁵⁾, но вступленіе во вторичный

Пислали по їй дѣда, да по їи брата,
Поховали Одокию та доливъ лицъ хреста.

(Ibid.)

- ¹⁾ — Се жъ коники та батенька жъ мого,
Се жупаны та братика жъ мого,
Се перины та й матинки моеи,
Се спидници та й моеи сестрици.

(Чуб. V. 738).

- ²⁾ По батькови сирый вочокъ скиглиць,
По матинци чорный воронъ криче,
По братику вся Украина плаче,
По сестрици сама зажурися.

(Чуб. V. 738).

- ³⁾ „Ой чи рада, мила, ты золоту й сриблу,
„Ой ще чи радниша моему здоровью?“
— Ой не рада, милый, ни злоту, ни сриблу.
— А ще не радниша твоему здоровью!

„Слуги мѡи, слуги молодни!
Закопайте мѡлу въ глибоку могилу.
„На батькови зелена ялина,
„На матери червона калина,
„Поставте на мѡлу червону рябину.

(Чуб. V. 742).

- ⁴⁾ „Дити жъ мѡи, сиротята, пропавъ же я зъ вами!“
— Не журися ты батьку нашъ, не журися ты нами,—
Ой якъ же мы подростемо, розлетимось сами.
Розлетимось, розбижимось, якъ кленове листья.
Которое на Украину, котре на Полисья.
Которое на Украину, тому добре буде,
Которое на Полисья, тому горе буде!
А на тїй же Украини жито да пшевица,
А на тому та Полисси кувиль та метлиця.

(Чуб. V. 790).

- ⁵⁾ Бо я вдовцю, скурвому сыну, не вмїю годити,
Винь мене буде, моя мати, безъ причиньки бити.

(Чуб. V. 793—794).

бракъ для вдовца дѣло кажется очень легкимъ: одинъ чрезъ недѣлю по смерти жены женился на другой ¹⁾. Дѣти отъ перваго брака недружелюбно относятся ко вступленію отца во вторичный бракъ. Имъ, плачущимъ по умершей матери, отецъ говорить въ утѣшеніе, что онъ имъ купить три дома новыхъ и возьметъ для нихъ молодую мать. Пусть загорятся твои дома,—отвѣчаютъ дѣти,—пусть пропадетъ молодая мать! Не говори намъ, чтобъ мы звали ее матерью! Тебѣ она будетъ женою, а намъ не будетъ родимой матушкой ²⁾. Женившіеся на второй женѣ, современемъ самъ онъ почувствуетъ, что его положеніе плохое: разгонитъ онъ дѣтей отъ перваго брака и не соберетъ къ себѣ, хотя бы и хотѣлъ ³⁾.

Положеніе вдовы изображается въ пѣсняхъ грустнымъ. Въ былыя козацкія времена женщина, оставшись съ дѣтьми, не знаетъ гдѣ мужъ и что съ нимъ творится. Идетъ она по полю съ малымъ ребенкомъ, садится опочить и разго-

- ¹⁾ А въ субботу заслабила,
Въ неділю лежала,
Въ понеділокъ умерла,
Въ вивторокъ ховали,
Въ среду плакали,
Въ четверъ журився,
Въ пятницю голився,
Въ субботу сватався,
Въ неділю звичався.

(Чуб. V. 794)

- ²⁾ „Ой не плачте, дити, не плачте сириты,
„Куплю я вамъ, дити, три дома новыи,
„Возьму я вамъ, дити, матирь молодую“.
— Нехай тобі, тату, дома загоряться,
— Мати молодая нехай пропадає!
— Тоби, тату, мати дружиною буде,
— А насъ, тату, мати далеби забуде!
— Було бъ тобі, тату, сѣго не казати,
— Якъ намъ твою жинку матерью звати.

(Чуб. V. 792—793).

- ³⁾ Да лучше жѣнка першая,
А нѣтъ тая другая.
Изъ першою дѣти мавъ,
А зъ другою розигнавъ!
„Да идѣть, дити, служити,
„Чѣмъ мачусь годити!“
Да одинъ пійшовъ до пона,
Другой пійшовъ до жида,
Третій пійшовъ до нана—
Щобъ мачуха пропала!
Ходитъ батько по валу,
Кличе дѣтей до-дому:
„Да идѣть, дѣти, до-дому,
„Не буде вамъ розгону!“
— Живи, тату, якъ Богъ давъ:
— Коли ты насъ розигнавъ,
— Мы будемо служити
— По матери тужити! (Макс., изд. 1834 г. 164. Голов. III. 141).

вариваетъ съ луговыми цвѣтами ¹⁾. Вдругъ летитъ орелъ и приноситъ вѣсть, что онъ пожираетъ ея мужа ²⁾. Умирающій въ чужой сторонѣ козакъ поручаетъ товарищамъ сказать женѣ, чтобъ она не ждала его, а выходила замужъ: если ей хорошо будетъ, то она забудетъ о немъ ³⁾. А она ждетъ мужа, ея мужа нѣтъ, ведутъ его коня ⁴⁾, везутъ его тѣло. Она чувствуетъ, что дѣти ея стали сиротами, а у слугъ нѣтъ болѣе господина ⁵⁾. Горестъ вдовы выражается такими чертами: она засѣяла поле своими думами, покронила его слезами, какъ росой. Что ей въ молодости, когда нѣтъ счастья.— Или моя доля въ огнѣ сгорѣла или въ водѣ утонула! ⁶⁾. Она припадаетъ къ могилѣ мужа, своего хозяина, и желала бы, чтобъ земля, принявшая ея милаго, приняла и ее съ нимъ ⁷⁾. Если у ней

- 1) Пійшла вдова долиною,
Зъ маленькою дитиною.
Пійшла вдова все садами
Розмовляла зъ билыми цвѣтами.
„Цвѣты мои, биленьки прекрасны,
Дѣти мои маленьки безчастны!

(Чуб. V. 806).

- 2) Летитъ орелъ по-надъ горою,
Розмовляє зъ бидною вдовою:
— Не плачь, вдова, не журися,
Бо я твого мужа знаю,
Тричи на день одвидаю:
Ой першій разъ обидаю,
А другій разъ полудню,
А третій разъ вечерню,
На чорный чубъ наступаю,
Зъ лоба очи колунаю.

(Чуб. V. 806—807).

- 3) „Нехай вона мене не жде,
Нехай за мижъ иде,
Бо вона мене не диждеться,
Тилько горя-биды набереться.
Якъ їй добре буде
То мене и забуде!

(Чуб. V. 808—810).

- 4) Чужи мужи изъ полку идуть.
А мого мужа коня ведутъ.

(Чуб. V. 808).

- 5) „Чужи паны изъ похода идуть,
„Твого пана тильки тило несуть,
— Уже жъ бо я зовсимъ удова,
— Дѣти жъ мои да сиротята,
— Слуги мои да безъ пана живутъ!

(Ibid. 834).

- 6) Засѣяла бѣдна вдова мыслоньками поле,
Чорными очима та й заволочила,
А дрибными слизоньками все поле зросила.
Що жъ по моей молодости, я счастья не маю;
Доле моя, доле! Где жъ ты ся подѣла?
Чи ты въ Дунай утонула, чи въ огнѣ згорѣла?

(Голов III. 325).

- 7) Къ сырїй земли припадала:
„Земле ты сыровая!
Взяла съ у мя господара,
Возьми й мене молодую,
Най на свѣтку не бѣдую!“

(Голов. IV

есть малыя дѣти, она не соберется съ мыслями, что дѣлать съ ними? Не бросить же ихъ въ краниву ¹⁾). Пока они малы—малое съ ними горе, а горше матери станеть, когда дѣти подростуть ²⁾). Не плачь, не унывай, вдова, вѣщаетъ ей какой-то утѣшительный голосъ. Богъ будетъ помогать и кормить твоихъ сиротъ ³⁾). О, матушка лебедушка, — говорятъ бѣдной вдовѣ дѣти,—воспитай насъ хоть недолго, мы подростемъ и разлетимся, тебя, матушка, покинемъ ⁴⁾). Ей представляется, что она будетъ когда-то просить ихъ не покидать ее; она готова быть у нихъ хоть слугою и колыхать имъ дѣтей ⁵⁾). А каково хозяйство у ней: родится пшеница, она сожнетъ ее, свозить—нечѣмъ, надо работать, чтобы заработать на свозку сноповъ, а свозять—тына нѣтъ, обгородить нечѣмъ, свиньи рвутся и хлѣбъ портятъ (на гумнѣ) ⁶⁾). А въ отдаленномъ будущемъ ей представляется: тяготять ее, бѣдную, людскіе пересуды и клеветы. Не знаетъ она какъ держать себя, чтобы угодить сосѣдямъ ⁷⁾). У ней хата окнами на большую

1) „Поведи ихъ по зеленимъ садочку,
„Покидай ихъ поодиць въ кропивоньку!“
— Ой але ты мени, моя мати, порадила,
— Най я буду гиренько бидувати,
— Тики свои дити дрибненьки годувати. (Чуб. V. 801).

2) Зосталася удовою
Зъ маленькими дѣточками,
Умылася слѣзюньками.
Малѣ дѣти—мале лихо,
Побильшають—погоршають.

3) Не журися, вдово, та молися Богу,
Господь буде помогати, сирить годувати! (Чуб. V. 824).

4) — Ой матинко-лебидочко,
Пидгодуй насъ хоть тришечки...
Та тоди мы поплынемо,
Тебе, мати, покинемо! (Чуб. V. 833).

5) „Ой диточки-лебидочки
Озьмить мене ись собою,
Буду я вамъ хочъ слугою,
Буду хату пидмитати.
Мали дити колихати! (Ibid.).

6) Пшениця поспила, пшеницю изжала,
Тай обняла головоньку, тай плакати стала:
„Жать же я сжала, та ничимъ звозити,
Та все мени, бидній вдови, треба голосити!“
Воливъ одробила, пшеницю звозила,
Та и зновъ бидна вдова дуже затужила:
„Хоть я извозила, та не маю тгну,
То таки я, бидна вдова, на вики загину.
Не маю тгну вже й свини волочать,
Вже мою головоньку на вики морочать. (Чуб. V. 824).

7) Ой Боже, Боже, коли той вечеръ буде,
Коли обо мени наговорються люде!
Говорють люде старши й малыи,
Та ще й къ тому сусидоньки близькии,
Сама не знаю якъ ворогамъ годити—

дорогу: всякій мимо идущій заглядываетъ къ ней и судить ее ¹⁾, а никто не знаетъ каково ей на сердцѣ ²⁾. Она еще молода, ищетъ родной души; не находитъ ее—находитъ только могилу своей матери, обращается къ ней, а мать изъ загробнаго міра говоритъ ей: живи, дочка, съ бѣдою, какъ живется, меня не поднимешь! ³⁾.

Природа беретъ свое. Молодая вдова помышляетъ о вторичномъ замужествѣ ⁴⁾. По народному воззрѣнію, какъ мы уже приводили, женитьба на вдовѣ не оправдывается и всегда выставляется молодцу болѣе подходящимъ избрать въ подруги дѣвицу ⁵⁾. Бракъ со вдовою представляется иногда слѣдствіемъ разчета и при этомъ женихъ затрудняется, если у ней есть дѣти. Въ одной пѣсни описывается сватовство на вдовѣ. Сколько у ней того, другого хозяйскаго добра?—спрашиваетъ искатель ея руки. Она показываетъ достаточное количество хозяйственнаго изобилія ⁶⁾. Но когда спросили ее: сколько у ней дѣтей и она отвѣчала, что ихъ много ⁷⁾, козакъ отступается отъ нея ⁸⁾. Но будущій новый мужъ и тогда

Чи въ чорному, чи въ билому ходити?
Выйду въ чорному—скажуть, що ледащо,
Выйду въ билому—скажуть чепуриться,
Сама я не знаю якъ до ихъ примириться. (Чуб. V. 861).

¹⁾ Ой бѣда бѣда вдовицѣ небозѣ,
Що чи хатина викномъ при дорозѣ,
Хто їде, хто йде до вдовоньки штурмує.
Либоць у ней молодь козакъ ночує. (Голов. I. 271).

²⁾ „Ой удово, вдово, й удово-небога,
„Якъ живешъ, бидна вдово, що ворогивъ много?
— Ой вы дивини люде, що вы пытаєте!
— На серденьку тяжко-важко, а вы й не знаєте. (Чуб. V. 829).

³⁾ Ходє удивонька по полю та збирає родину,
Та не найшла родини, найшла въ поли былину,
Найшла въ поли былинѹ, матусину могилу,
До могилы припала, матусеньки гукала.
— Ой куды ты, доню, йшла, що мене тутъ найшла?
Чи чорною хмарою, чи дрибненькимъ дощикою,
Чи тихою водою?— Живижь, доню, зъ бидою,
Живи, доню, якъ живешъ, бо ты мене не зведешъ! (Чуб. V. 838—889).

⁴⁾ А я бидна вдова, мени пары нема,
Або мене, Боже, вмертви, або мени пару знайди. (Чуб. V. 828).

⁵⁾ У вдивоньки таке серце, якъ зимное, каже, сонце:
Ой хоть грѣе, хоть не грѣе, то все зимний вѣтрець вѣе.
У дѣвочки таке серце, якъ лѣтнее Боже сонце:
Ой хоть грѣе, хоть не грѣе, все тепленькій вѣтрець вѣе. (Голов. II. 576, ср.
великор Шейна I. 331).

⁶⁾ А въ мене воливъ на дванадцять плугивъ,
Ты бѣ имъ бувъ хазяинъ, ты бѣ имъ бувъ господарь,
А въ мене коривъ на дванадцять хлѣвивъ,
Ты бѣ имъ бувъ хазяинъ, ты бѣ имъ бувъ господарь.
А въ мене овецъ повенъ хливецъ,
Ты бѣ имъ бувъ хазяинъ, ты бѣ имъ бувъ господарь. (Чуб. V.

⁷⁾ А въ мене датокъ повенъ кутокъ

⁸⁾ Цуръ тобі, пекъ тобі, молода вдова,

очень откровенно высказывает свою душу и сообщает вдовѣ, чего можетъ она ждать отъ него для своихъ дѣтей и для себя, если станетъ его женою ¹⁾.

Мы уже говорили, какъ иногда въ пѣсняхъ вдова представляется въ непривлекательномъ видѣ ²⁾. Есть повсемѣстно извѣстная пѣсня о кровосмѣсителяхъ. Вдова, родивши двухъ дѣтей мужского пола, пустила ихъ по Дунаю ³⁾, а черезъ двадцать лѣтъ они, называемые двумя донцами, приплыли кораблемъ къ берегу, встрѣтили вдову и одинъ сталъ предлагать ей себя въ мужья. Она не только согласилась, но предложила сама отдать за другого свою дочь ⁴⁾. Тогда донцы открываются кто они такіе ⁵⁾ и наконецъ тотъ, который становился быть мужемъ своей матери, говоритъ ей: пойди, мать, утопись, а я пойду въ темный лѣсъ, чтобъ тамъ меня пожрала звѣри ⁶⁾.

Да якая же ты хорошая!
Узявъ бы тебе, узявъ за себе,
Да въ въ тебе дѣтей много.

(Чуб. V. 821).

- 1) — Ой якъ мени жити, ой якъ горювати,
— Якъ мени свои дитки тай нагодувати!

Ой озоветься та козакъ-бурлакъ:
„Не журися, бидная вдова,
Я твоему добру хазяинъ буду;
Я твоимъ диткамъ батенькомъ буду;
Я твою худобу попроливаю,
Я твои дитоньки порозгоняю,
Тебе, молоду, побью, щей полаю.

(Ibid).

- 2) Оженися, синьку, оженись, небоже,
Та не бери вдовицы — не дай тобі, Боже!

(Чуб. V. 889).

- 3) Выйшла вдова молода,
Породила два сына...
На корабель вложила
Въ тихій Дунай пустила.

(Чуб. V. 888 — 889).

- 4) У двадцятому году
Выйшла вдова на воду,
Стала воду набирать,
Ставъ корабель приплывать...
А у тому корабль
Два дунця молодци.
— Здорова була вдова,
Чи любишь ты дунця,
Чи пійдешъ ты за дунця?
„Ой я люблю дунця,
И за дунця пійду,
За одного сама йду,
За другого дочку шлю.

(Ibid.).

- 5) Охъ ты вдова молода,
Дурна твоя голова!
Ты насъ сама родила,
Въ тилій Дунай пустила.

(Ibid).

- 6) — Да пійди, мати, утопись,
А я пійду въ темный лисъ,
Нехай мене звирь изъѣсть.

(Ibid.).

ГЛАВА V.

Родители. Братья и сестры.

Родители въ народной поэтической рѣчи обозначаются собирательнымъ именемъ: отець-мати или отець-ненька. Было глубокое вѣрованіе издавна въ силу родительской молитвы, спасающей отъ бѣдъ, дарующей помощь во всѣхъ житейскихъ дѣлахъ и способствующей вѣчному спасенію души въ будущей жизни. Въ періодъ козачества молитва и благословеніе отца и матери сохраняли козака и отъ вражескаго смертоноснаго оружія и отъ потопленія въ морѣ во время козацкихъ походовъ на Черное море ¹⁾. Въ послѣдующій затѣмъ періодъ мирной земледѣльческой и промысловой жизни не оскудѣла увѣренность въ покровительство Божию по молитвѣ родителей ²⁾. Хотя вообще отецъ и мать составляютъ нераздѣльную святиню сердца, но любовь и уваженіе къ матери какъ-то чаще, рѣзче и сильнѣе выказывается въ народной поэзіи, чѣмъ тѣ же чувства къ отцу, можетъ быть, оттого, что въ семейныхъ пѣсняхъ преимущественно является женское естество. Въ одной пѣснѣ мать спрашиваетъ сына, кто ему дороже: теща, жена или родная мать? Сынъ отвѣчаетъ, что тещѣ онъ оказываетъ привѣтливость, съ женою держитъ совѣтъ, а родная мать ему дороже всего на свѣтѣ. Онъ знаетъ, что когда она его носила въ своей материнской утробѣ, тогда свое сердце томила, когда его, младенца, колыхала, тогда—ночей не досыпала ³⁾.

Народная поэзія сознаетъ, что любовь материнская бываетъ совершенно безкорытна; мать любитъ дѣтей даже и тогда, когда дѣти поставятъ себя въ такое положеніе, что не могутъ уже быть полезными родителямъ и воздавать имъ за ихъ попеченія. Въ аллегорической пѣсни, въ которой мать съ малолѣтними дѣтьми изображается подъ видомъ лебедки съ лебедятами, дѣти просятъ

¹⁾ Отъ тымъ бы-то, панове, треба людей поважати

Пан-отца и панѣ-матку добре шановати.

Во который чоловікъ тее уробляе,

Повѣкъ той счастья собѣ мае,

Смертельный мечь того минае,

Отцева й матчина молитва зо дна моря выймае,

Одъ грѣховъ смертельныхъ душу одкупляе,

На полѣ й на морѣ на помичь помагае. (Макс., изд. 1849. 52).

²⁾ А который чоловікъ отцеву и матчину молитву чтить-поважае,

То отцева-матчина молитва зо дна моря вынимае,

Въ купецтви, въ реместви, на поли й на мори помагае. (Метл. 349).

³⁾ Теща для привѣту,

Жѣнка для совѣту,

А матѣнка ридна лучше всего свѣту.

Якъ мною ходила—

Свое серце вѣляла,

Якъ мене колыхала,

Ночи не спала.

покормить ихъ съ годикъ, пока они покроются перьями: тогда они разлетятся въ чистое поле на поживу и мать перестанетъ печалиться ¹⁾). Смысль этой пѣсни таковъ: хоть дѣти будутъ далеко отъ матери, но мать будетъ довольствоваться, что ея дѣти сами могутъ проживать безъ посторонней заботы о нихъ. Материнская любовь такъ безпредѣльна, что не охладѣваетъ даже и къ дурнымъ дѣтямъ, которыя оскорбляютъ родительницу. Въ одной думѣ, которую поютъ въ Украинѣ кобзари и бандуристы, рассказывается какъ сыновья, спознавшись съ зватными лицами, прогоняютъ мать, потому что имъ становится стыдно жить съ нею передъ гостями, съ которыми они пируютъ ²⁾). Мать вдова уходитъ къ чужимъ людямъ, пригласившимъ ее жить у нихъ и ропщетъ на дѣтей своихъ ³⁾). Но вскорѣ сыновья почувствовали, что Богъ сталъ карать ихъ, а близкіе люди смѣяться надъ ними ⁴⁾), даже и тѣ, которые постоянно пировали съ ними, дѣлали непріятные для нихъ вопросы: отчего они не видятъ у нихъ ихъ матери ⁵⁾). Это побудило сыновей всѣхъ троихъ очувствоваться. Старшій изъ нихъ идетъ въ церковь къ заутрени и, возвратившись оттуда, какъ бы напутствуемый незримою благодатью, подаетъ братьямъ совѣтъ воротить къ себѣ изгнанную мать,

1) Ненька жъ наша лебидочко,
Погодуй насъ хоть съ годочокъ,
Поки вбьемось у пушочокъ,
А зъ пушочку да въ пирьчкочко,
А зъ пирьчкочку да въ крылечко.
Тоди стрепенемъ та й польнемъ,
Въ чисте поле живитися,
Тогдѣ перестанешъ, мати, журитися.

(Чуб. V. 858).

2) Старшій сынъ до матери мовляе:
Пійди ты, нене, причъ одъ мене,
Будуть, нене, гости въ мене,
Паны да князи въ жупаняхъ златомавахъ,
Будуть пыты й гуляти,
А ты, стара мати, будешъ у порога стояти.

(Чуб. V. 847).

3) Скоро близькіи сусиди наглидали,
До вдовы промовляли:
„Ой удово, ты старая жоно!
„Пійди жъ, ты, у нашъ димъ жити проживати!“
„Будемо тебе хлѣбомъ соллю годувати!“
То удова тее зачувае,
У чужой димъ ужожае, живе проживае,
По ранній вечерній зори спочинку собі николи не мае.

(Чуб. V. 848. Метл. 348).

4) Сталы ти вдовиченьки безъ отца безъ неньки пробувати,
Тогди ставъ ихъ Господь безневинно карати,
Тогди стали зъ нихъ близькіи и дальніи сусиди насмихати. (Метл. 348).

5) Которыи у ихъ пили та гуляли,
За ворота выйшовши ихъ осужали:
Скільки мы у васъ пьемо, гудлемо,
Чому мы у васъ старой матери не видаемо.
Чи вы ен завдали, чи запродали,
Чи вона у васъ хлѣбъ-силъ переила,
Чи вона васъ при старости лить осудила.

(Чуб. V. 848).

потому что, как замѣчаетъ онъ. Богъ ихъ сталъ карать, хлѣба-соли у нихъ стало меньше и порядка въ домашнемъ строѣ недостаетъ безъ старой матери ¹⁾. Затѣмъ всѣ трое пошли просить мать возвратиться къ нимъ, общая на будущее время почитать ее ²⁾. Дума оканчивается словами всепрощающей дѣтямъ матери, что даже и въ тѣ минуты, когда мать и проклинала сыновей, она все-таки въ помышленіи желала имъ всякаго благополучія, избавленія отъ бѣдъ и царствія небеснаго ³⁾.

Прекрасная эта дума приводитъ намъ высшую, по народному міросозерцанію, степень материнской любви, которая непоколебима никакими огорченіями отъ дѣтей, что дѣйствительно вѣрно и въ человѣческой природѣ. Тотъ же взглядъ просвѣчивается вездѣ въ народной поэзіи. Въ одной козацкой пѣсни мать гнѣвается на сына, и тотъ, чтобы избѣжать ея безпрестаннаго ворчанья, хочетъ уходить отъ нея въ Украину ⁴⁾. Но мать тотчасъ опомнилась, останавливаетъ его и велитъ ему одѣться въ зеленый жупанъ, а она полюбуется на его красоту ⁵⁾. Въ другой пѣснѣ, также козацкихъ временъ, мать, разсердив-

- ¹⁾ Старшій братъ тее зачувае,
До утрени божественной одхожае,
Усю утрению божественную выслухае,
До господы прибувае,
До бративъ словами промовляе:
„Братики мои мили, голубоньки сиви!
„Нумо думати, гадати,
„Якъ бы намъ старую матѣрь у свій димъ изыскати;
„Ставъ насъ Господь видимо карати,
„Ставъ у полѣ й домѣ хлѣба-соли збавляти,
„Не стало у насъ безъ старой матери порядку доставати! (Чуб. V. 848).
- ²⁾ Тогди вдовиченьки въ чужій двіръ впадамы,
Шапки въ руки знималы,
Матери старенькій низенько въ ноги уклонялися:
„Иди ты, мати, въ свій домъ пробувати;
„Можемъ мы тебе за матку старенькую до смерти почитати. (Метл. 349).
- ³⁾ — Сыны мои, ясны соколы!
Не такъ то отцевої й матчиної молитвы прохати,
Якъ ти прогнивляти.
Якъ удова вляла проклинала,
А все думала, гадала,
Зъ моря душу виймала,
Одъ грихивъ одкуляла,
До царствія небесного провожала. (Чуб. V. 849).
- ⁴⁾ Матуся своего сына била.
А винъ молодѣ не гнивився,
Винъ матусеньки попросився:
— Годи жъ мене, моя мати, грызти,
Пійду зъ туги на Украину жити.
Я и тамъ молодѣ не загину. (Чуб. V. 875—876).
- ⁵⁾ Ой стій, сыну, завернися,
Та въ зеленый жупанъ одягнися,
Та я на тебе подивлюся,
Чи е козакъ на Украини красчій? (Чуб. V. 876).

нишь на сына, прогоняетъ его и говоритъ: пусть его орда возьметъ ¹⁾. Но когда сынъ отвѣчаетъ, что орда его знаетъ и онъ ее не боится ²⁾, мать съ любовью зоветъ его къ себѣ и хочетъ вымыть ему голову ³⁾—обычный приемъ любви малороссiянки-матери къ дѣтямъ. Но по народному вѣрованiю, гнѣвъ матери на дѣтей бываетъ настолько злокачественъ, что оставляетъ на нихъ слѣды даже и тогда, когда мать, произнесши слово проклятiя, сама потомъ раскаивается въ своемъ поступкѣ. Такое вѣрованiе проглядываетъ въ думѣ объ Ивасѣ Коновченкѣ, который погибаетъ въ бою вслѣдствiе материнскаго проклятiя, хотя мать, произнесши его, пожалѣла и молила Бога не слушать ее ⁴⁾.

Мать гордится красотой своего сына и желаетъ, чтобы его любили женщины ⁵⁾. Сынъ обращается къ ней за совѣтомъ, когда думаетъ жениться и получаетъ совѣтъ жениться на той, которая мила его сердцу ⁶⁾. Но есть пѣсни, гдѣ мать неблагоклонно относится къ такому намѣренiю и совѣтуетъ сыну козаку довольствоваться дружескою бесѣдою со своимъ конемъ ⁷⁾, за что сынъ раздражается противъ матери ⁸⁾. Иногда это происходитъ отъ страха за судьбу сына, такъ какъ есть пѣсня, гдѣ изображается, какъ мать предостерегала сына на счетъ дѣвицы, съ которою онъ сошелся ⁹⁾, и когда сынъ сказалъ, что она ему будетъ подругою, мать предсказала, что она его отравитъ ¹⁰⁾—и это исполнилось. Тогда уже сынъ сознался ¹¹⁾, что мать говорила правду, но было уже поздно—онъ погибъ. Бываетъ и такъ, что мать, не допуская синоу до женитьбы, горько раскаивается впоследствии. Вотъ орелъ приноситъ ей

1) Иди, сыну, причь одь мене:

Нехай тебе орда возьме!

(Макс., изд. 1827. 5).

2) Мене, нене, орда знае,

Срѣбломъ, злотомъ надѣляе.

(Ibid.).

3) Вернись, сынку, до домоньку:

Змыю тобѣ головоныку.

(Ibid. 6. Чуб. V. 890).

4) Мое сочиненiе: Исторiя козачества въ памятникахъ южнор. народнаго творчества. (Русская Мысль, 1880, кн. I. 55. 62).

5) Пйди, сынку, до криници, напййся водици,

Та що бь тебе полюбили дивки й молодежи.

Пйди, сынку, до криници, умыйся водою,

Та що бь тебе полюбили всею слободою!

(Чуб. V. 882).

6) Возьми соби, сыну, тую, що до сердца пристала.

(Чуб. V. 867).

7) — На що тебе, сынку, молодымъ женити?

„Прйде ничка темнесенья, ни съ кимъ говорити“.

— Есть у тебе, сыну, срибла-злота много,

Купи соби, сыну, коня вороного,

Коя вороного,—говори до ёго.

(Чуб. V. 868—869).

8) — Бодай тобі, мати, такъ важко конати,

Ой якъ мене, мати, зь конемъ размовляти.

(Ibid. 868).

9) — Отъ тожь тебе, мй сыночку, своя воленька воле.

Що до тебе, мй сыночку, сама дивчина ходе.

(Чуб. V. 879).

10) „Вона менѣ молодому та й дружиною буде,

— Вона тебе, мй сыночку, отругою нагодуе.

(Ibid.).

11) Ой правдоньку, ненько моя, ой правдоньку казала. (Чуб. V. 879).

вѣсти о гибели сына ¹⁾; но тогда сынъ произноситъ, что виною всему она, не женивши своихъ сыновей въ-время ²⁾.

По отношенію къ дочери—та же материнская любовь. Отдавая дочь замужъ, мать тутъ же готова вернуть ее къ себѣ въ домъ ³⁾, а если потомъ станетъ чѣмъ-нибудь недовольна, то не надолго и всегда съ прежнимъ радушіемъ готова принять ее и обласкать ⁴⁾. Она приходитъ къ своей дочери по-смотреть на ея житье-бытье, а дочь, какъ уже говорено было, во время невзгоды иметъ утѣшенія въ томъ, чтобы подѣлиться своими ощущеніями съ матерью ⁵⁾.

Нигдѣ такъ трогательно не высказывается материнская любовь къ дѣтямъ, какъ въ тѣхъ пѣсняхъ, гдѣ мать оплакиваетъ сына, умершаго въ чужомъ краѣ, что такъ часто случалось во времена козачества. Мать, сидя у себя дома, какъ бы внутреннимъ чувствомъ слышитъ жалобное ржаніе коня своего сына и по немъ узнаетъ, что его уже не стало на свѣтѣ. Хотѣла бы она превратиться въ кукушку, летать сюда и туда; она бы узнала могилу своего сына, припала бы къ ней своими крылышками и произнесла бы: куку! мой сыночекъ, подай мнѣ хоть одну руку! А сынъ изъ могилы отвѣчаетъ: я бы радъ былъ и обѣ руки подать тебѣ, да насыпали на нихъ сырой земли, поднять нельзя, и глаза мои закрылись, и уста сомкнулись, и уши сжались: ни глянуть, ни услышать, ни произнести слова ⁶⁾. Тотъ же образъ повторяется по отношенію къ сыну рекруту ⁷⁾ и къ сыну чумаку ⁸⁾.

1) — Ой ты орелъ сивокрильй, высоко летаешь!

Ой чи часто мого сына у вичи видаешь?

„Ой чи часто, чи не часто, таки ёго бачу:

На чубѣ, на чубѣ наступаю, очи колунаю!“

(Чуб. V. 888).

2) — Сама-сь, мати, винна, сама провинила.

Що насъ молодыми та не поженила!

(Ibid.).

3) Вернися, дочко, вернися, помирюймося,

Хочь рочокъ, хочь два у мене покрасуешся!

(Чуб. V. 906).

4) Ой кажуть люде, що мене мати лае;

А я зъ-далека йду—ворота одчиняе;

„Въ мене хаточка теплая, веселая,

Та въ мене дочка любая, сердешная!

(Чуб. V. 494—495).

5) Чуб. V. 327. 629.

6) Ой зачула стара мати сидючи въ кимнати:

„Та вжежь мого та сынонька на свѣти не мае!

Ой якъ бы жъ я зозуденька та крылечка мала,

Полетила бъ сюю-тую сторонюнку облитала,

Свого сына Ивана на гробу пизнала,

Съла бъ пала на могилу, та й сказала-бъ: куку!

Подай мени, мій сыночку, хоча одну руку!“

— Ой радъ бы я, моя мати, обидви подати,

— Насыпано сырїи земли, не-можно пидняти.

— Скренилися уста мои, не могу промовити,

— Закрылися ясни очи, не могу проглянуть,

— Стуллилися чутки уши, не могу прослухать.

(Чуб. V. 865).

7) Чуб. V. 884.

8) Чуб. V. 1049.

Такъ же трогательны плачи дочерей надъ могилою матери. Въ народной поэзіи они, подъ названіемъ причтаній, составляютъ особый отдѣлъ, какъ бы обрядовыхъ пѣсенъ, какія допустительно пѣть только при извѣстныхъ случаяхъ жизни съ соблюденіемъ въ нѣкоторомъ родѣ какого-то священнодѣйствія. Такіе плачи или причтанья — памятники языческой древности, прошедшіе въ перво-бытной своей чистотѣ черезъ многіе вѣка и не принявшіе на себѣ слѣдовъ христіанства. Такъ здѣсь плачущая о потерѣ родительницы дочь въ своихъ причтаніяхъ ничѣмъ не показываетъ признаковъ христіанскихъ вѣрованій въ загробную жизнь, напротивъ, ея обращеніе къ кукушкѣ даетъ ясный намекъ на языческое олицетвореніе природы. Сама умершая воображается какъ бы пребывающею въ землѣ, куда ее сокрыли, и можетъ, при нѣкоторыхъ неясно представляющихся условіяхъ, возвратиться въ прежнемъ видѣ ¹⁾.

Отецъ въ народной поэзіи является съ той же любовью къ дѣтямъ, какъ и мать, и большею частью въ пѣсняхъ оба родителя, какъ уже сказано, изображаются нераздѣльно подъ выраженіемъ: отець-мати или отець-ненька. Все, что относится къ матери—относится и къ отцу. Разлада между отцомъ и матерью въ пѣсняхъ мы почти никогда не встрѣчаемъ. Гдѣ отецъ, тамъ и мать, гдѣ мать, тамъ и отецъ. Умирающій въ чужомъ краѣ козакъ посылаетъ вѣсть къ отцу и къ матери, и оба къ нему являются, онъ проситъ обоихъ похоронить его ²⁾. Въ другой пѣснѣ козакъ разогнался на конѣ своемъ на море, покрывшееся льдомъ, ледъ проламывается и онъ сталъ тонуть: въ это время онъ обращается къ коню, проситъ его выбиваться изъ-подъ льда и принести о его гибели вѣсть обоимъ родителямъ ³⁾. Отецъ безъ матери является рѣдко и,

¹⁾ Ой коли намъ тебе сподиваться

Що бъ намъ и къ тоби прибраться:

Чи къ Риздву, чи къ Великодню, чи къ Святій недилі?

И къ Риздву стежки позамитае,

Къ Великодню води порозливае,

А къ Святій недилі травою позаростае.

И николи тебе не сподіваться!

Коли буде зозули кувати,

Я буду єи пытати:

Чи не бачила моеи неньки ридненькою?

Скажи їй, зозуленько, якъ мени тошно, якъ мени гірко безъ неньки жити!

Хто завидить, той мене сиритоньку зобидить,

А зозуленька не буде правды казати!

Де жъ, моя ненько, теперъ мени счастья шукати?

Чи мое счастья въ огни згорило,

Чи мое счастья въ води потонуло,

Чи мое счастья витромъ роздуло? (запис. мною въ Сарат. губ. и доставл.

Метлинскому, напечатанному въ своемъ сборн. „Народныя Южно-русскія пѣсни, стр. 292—293).

²⁾ Приїзжае отець-мати зблизька—здалека,

Прикладае свое личко до єго серденька,

— Годи, отець, годи мати, годи жалувати,

— Тильки прошу отця-мати хороше сховати.

(Чуб. V. 88^а).

³⁾ — Бийся жъ, коню, бийся выбивайся,

вѣроятно, чаще всего тогда, когда матери не было на свѣтѣ. Въ одной пѣснѣ, на примѣръ, козаку подается совѣтъ не покидать престарѣлаго отца, иначе угрожаетъ ему гибель ¹⁾. Въ аллегорической пѣснѣ старый козакъ изображается въ образѣ сокола, а его дѣти въ образѣ соколятъ: онъ отлетаетъ въ чужіе края и оставляетъ своихъ соколятъ на попеченіе товарищу орлу, но воротившись домой, узнаетъ, что его соколятъ забрали ляхи и отдали невѣрному царю ²⁾. Въ другомъ народномъ произведеніи, именно въ думѣ, о которой мы говорили, излагая символику птицъ, въ видѣ соколовъ изображаются козаки: отецъ и сынъ, изъ которыхъ первый освобождаетъ послѣдняго изъ турецкой неволи ³⁾. Въ пѣсняхъ собственно семейныхъ и преимущественно женскихъ, но въ немногихъ, является отецъ безъ матери, быть можетъ, тогда, когда матери уже не было, или въ смыслѣ главы семейства и хозяина. Такъ въ одной пѣснѣ дочь съ восторгомъ говоритъ о веселомъ привольномъ житьѣ у родителя, который ласкалъ и лелѣялъ ее ⁴⁾. Въ колядкахъ изображается, какъ отецъ лобуетъ своею дочерью, которой за красоту всѣ восхищаются ⁵⁾. По народному воззрѣнію родители учатъ дѣтей добру, и пороки молодыхъ людей представляются чаще всего происходящими отъ непослушанія родителямъ. Мать—добрая совѣтница дѣтямъ, и отправляя сына въ дорогу, приказываетъ ему всегда помнить о Богѣ ⁶⁾. Но въ видѣ позорнаго исключенія въ пѣсняхъ упоминаются и обратныя примѣры. Такъ въ одной пѣснѣ изображается мать, избаловавшая свою дочь и сдѣлавшая ее лѣнливою ⁷⁾. Въ другой пѣснѣ мать сама подстрекаетъ сына воровать, по-

— До батька й до неньки поспитайся,

— Та батькови й неньци поклоняйся.

(Чуб. V. 370).

- 1) Не покидай, мій миленькій, старенького батька:

Якъ батька покинешь, самъ молодъ загнешь,

Быстренькою рѣченькою у Дунай залпнешь (Малорос. и Червонор. Думи и Пѣсни. 124).

- 2) Чуб. V. 852. 853. Въ одномъ изъ вар. вмѣсто *паны* поется *ляхи*.

- 3) Журналъ Бесѣда, 1872, томъ XI, стр. 13.

- 4) Чуб. V. 904.

- 5) Рясна калина въ лузі,

Ще найкрасча Катерина въ батька.

По двору ходить якъ мисяць сходитъ,

Триски собирае, якъ зоря сие.

Ввійшла въ свитлоньку—паны встають,

А едень каже: чіа це дочка?

Другій каже: королівночка,

А батько каже: це моя дочка,

Це моя дочка, такъ якъ панночка.

(Чуб. III. 396).

- 6) Будешь, сынку, въ дорозѣ —

Не забудь о Богѣ.

(Голов. II, 580).

- 7) Сидить же мати набивається,

Своею дочкою выхваляється:

„Вона у тебе не робитеме,

По землі хвартуль волочитеме,

А у неї паны помьють лавы,

А у неї лиски помьють миски,

Вона хліба напече,

Водниця въ хату сама натече.

(Чуб. V. 896—897).

хваливая его за каждую кражу ¹⁾, пока наконец онъ попалъ въ заключеніе и тогда уже не шли выручать его ни мать, ни родные ²⁾.

Чувству къ родной матери противопологаются отношенія къ мачихѣ и къ вотчину. Имѣть мачиху для дѣвушки такое же горе, какъ для молодца быть отданнымъ въ рекруты ³⁾. Мачиха, какъ вода студеная, которую трудно переходить въ бродъ ⁴⁾. Мачиха бьетъ и ругаетъ падчерицу и некому за бѣдную заступиться ⁵⁾. Самъ отецъ, женившись на второй женѣ, только сожалѣетъ о дѣтяхъ отъ перваго брака, видя, какъ съ ними обращается мачиха ⁶⁾. О вотчимѣ въ пѣсняхъ говорится мало: есть, впрочемъ, дума, гдѣ изображается, какъ мать выпроваживаетъ изъ своего дома сына, чтобъ избавить его отъ неродного, названнаго отца ⁷⁾.

Братья и сестры въ неразрывной связи, пока живы родители, и дѣти ихъ составляютъ единую семью. Братъ защитникъ и покровитель сестры. Охранять честь ея—его обязанность. Рассказывается, какъ ляхи подговорили къ побѣгу

¹⁾ Ой укравь я, мати, корову рябую,
Ты сказала, мати: украдь и другую...
Ой укравь я, мати, ажъ семеро овецъ,
Ты сказала, мати, мій сынъ молодець. (Чуб. V. 882—883).

²⁾ Якъ піймали, мати, у неволю брата,
Не йшла мене, мати, дай вызволити,
Ой не йшла жъ, мати, не йшла й родинонька,
Не пришла й вирная да дружинонька. (Ibid.).

³⁾ Ой хлопьяча бѣда—у некруты брата,
А дивчача бѣда—не ридная мати:
Не пускае мене никуды гуляти. (Чуб. V. 892).

⁴⁾ Студена вода, студена вода, тяженько ю сбродити,
Чужій матинцѣ, чужій матинцѣ тяженько догодити,
Чужа матинка, чужа матинка якъ соломонька въ стрѣсѣ,
Своя матинка, своя матинка якъ калиненька въ лѣсѣ. (Голов. III. 145).

⁵⁾ Въ мене мати та не ридная,
Головочка моя бидная!
Буде мене бити, ругати,
Я не знаю якъ одказати. (Чуб. V. 897—898).

⁶⁾ Якъ ми перша жинка вмерла въ зими, поховавъ емь,
Зисталося двое дѣтій, гирко працювавъ емь...
Наравивъ мѣ нашъ кумъ реентъ: „е въ дворѣ дѣвчата;
„Возьми собѣ зъ двора дѣвку, буде панъ за свата!“
Взявъ я собѣ зъ двора дѣвку, алежъ не такая;
И пешаща, и ледаща, до того й лихая;...
Дѣти ходять якъ святіи и свѣтють колѣньми,
Повбивала имъ мачуха якъ била полѣньми. (Голов. III. 119—180).

⁷⁾ „Ой сыну мій, удовиченьку, бездольний, безсчасный!
Не велю я тобі во вторымъ отцемъ жити-проживати,
Нехай не буде тебе второй отецъ названный клясти-проклинати,
Долю твою козацькую зневажати,
За хлѣбъ-за-силъ нарикати, зъ домивки зганати;
А велю я тобі въ чужу сторону одъїзжати. (Чуб. V. 849).

дѣвку Касю ¹⁾. Мать, узнавши объ этомъ ²⁾, посылаетъ сыновей въ погоню ³⁾. Молодцы догнали бѣглецовъ и, не внимая жалобамъ сестры ⁴⁾, изрубилъ ея со-блзнителья ⁵⁾. На такое покровительство старшаго брата надъ сестрою указы-ваютъ и свадебные обряды, о которыхъ мы говорили въ своемъ мѣстѣ. Такое покровительство становится полнѣе, когда не станетъ родителей и старшій братъ занимаетъ ихъ главенство въ семьѣ.

Въ плачахъ или причитаніяхъ, произносимыхъ сестрою надъ могилою умершаго брата, та же мысль, и сестра называетъ его защитителемъ, а себя обзываетъ сиротою безъ него. Сестра спрашиваетъ, куда онъ отъѣзжаетъ, го-ворить, что будетъ допрашивать кукушку, когда дожидать ей брата къ себѣ въ гости, и прощается съ нимъ въ отчаянной увѣренности, что не будетъ уже никогда видѣть его и разговаривать съ нимъ въ жизни ⁶⁾. И въ причитаніяхъ сестры надъ умершимъ братомъ, какъ въ приведенномъ выше причитаніи дочери надъ матерью, нѣтъ ни слова о христіанскихъ представленіяхъ.

Когда родители умираютъ, сыновья поженятся, дочери выходятъ замужъ и обзаведутся своими собственными семьями, тогда связь между братомъ и сестрою слабѣетъ, хата брата для замужней сестры не то, что хата родитель-ская. Хоть бы самъ братъ лично былъ привѣтливъ къ сестрѣ, но не такова будетъ къ ней братова жена ⁷⁾. Въ пѣсняхъ можно найти слѣды возмутительно

- ¹⁾ Пасла Кася кони й волы,
И пасучи, погубила,
Шукаючи, заблудила.
Ой прибилась до рыночку,
Пють ляшеньки горѣлочку.
Ой пють вони, підпивають,
Касю ѣхати підмовляють.

(Чуб. V. 909).

²⁾ Ibid.

- ³⁾ — Та сини жъ мои и дорогіи,
Сидляйте кони воронни,
Доженить Катю зъ ляшеньками!

(Ibid. 908).

- ⁴⁾ „Сребло-злото забирайте,
Тяльки ляшка не рубайте“.

(Ibid. 909).

- ⁵⁾ Сребло-злото все забрали,
И ляшенька зарубали.

(Ibid. Макс., изд. 1827. 121).

- ⁶⁾ Ой куди жъ ты, братику, внихавъ въ який край,
Що до тебе ни письма написати,
Ни людьми переказати?

У якую дороженьку?

Чи до чистого поля, чи до синѣго моря?

Чи до чорвонои калины, чи до чорнои могилы?

Зовульки будуть кувати, соловейки щебетати.

А мы свого братика въ гости будемъ дожидати!

На порози стояла, зовуленка кувала,

А я жъ про свого братика въ неи пытала:

— Чи не бачила мого братика, чи не йде винъ у гостоньки?

Уже жъ мени, мій братику, не розмовляти,

Уже жъ мени, мій братику, не видати тебе поки свить сонця.

(Чуб. IV.. 703).

- ⁷⁾ Якъ батенько умре, гостина минеся, матинка схитнеся.

грубаго обхожденія брата съ сестрой, особенно когда эта сестра убога, а братъ зажиточенъ. Увидя изъ окна хаты ѣдущую къ нему сестру, онъ спѣшитъ приказать женѣ убрать со стола хлѣбъ. Идетъ сестра, — говоритъ онъ, — спрячь хлѣбъ; я ее ненавижу. Сестра уже въ сѣняхъ, слышитъ, что говорится въ хатѣ и привѣтствуетъ брата при своемъ входѣ въ его домъ такою рѣчью: «Не пугайся, братецъ. Я не обѣдать къ тебѣ иду; я уже дома пообѣдала. Я хочу повидать твоихъ дѣтей, чтобъ они знали, что у нихъ есть тетка. Я заработаю себѣ на хлѣбъ, да еще тебя накормлю, когда придешь ко мнѣ ¹⁾. Въ другой пѣснѣ изображается, что братъ устраиваетъ у себя въ домѣ пирушку и зоветъ въ гости двухъ своихъ сестеръ. Одна изъ нихъ богата, другая убога. Богатую сажаютъ съ почетомъ за столомъ, убогую—у порога ²⁾; богатую угощаютъ медомъ и виномъ, убогую горькимъ пивомъ; богатой даютъ калачи, убогой — сухари ³⁾. Сидя у порога, убогая, чувствуя свое униженіе, заливается слезами ⁴⁾. Подпивши, богатая сестра начинаетъ издѣваться надъ убогою. Вотъ если бы ты, сестра, была такова, какъ я, то сидѣла бы теперь тамъ, гдѣ я сижу ⁵⁾. Какъ же мнѣ—отвѣчаетъ убогая—быть такою, какъ ты? Работаю за чужимъ дѣломъ, выгребая чужія печи, пряду чужую пряжу, наполняю чужіе сундуки ⁶⁾. Тогда

А нѣйду я до брата—то не моя хата:

Братъ сестру вѣтае, а братова стиха лае.

(Голов. III. 331).

¹⁾ Одеунувъ братъ кватирочку:

Иде сестра къ ѣму въ гостиночку.

А винъ каже: „пріймай, жинко, хлибъ зо стола,

Ѣде въ гости сестра моя.

Ховай, жинко, хлибъ у хижу,

Я своен сестры ненавижу.

Сестра къ синечкамъ прѣзжае,

То братовы слова зачулае:

— Ой стій, братѣ, не лякайся,

— Зъ хлибомъ-силлю не ховайся!

— Ой я, брате, дома обидала

— А бы тебе одвидала...

— Не такъ тебе, якъ твоихъ дитокъ,

— Щобъ вони знали своихъ титокъ.

— Ой я, брате, хлиба загорюю.

— Та прійди до мене—нагодую.

(Чуб. V. 929. Голов. II. 375).

²⁾ Богатую садятъ у конци стола,

А вбогую садятъ у порога.

(Чуб. V. 914).

³⁾ Напувае багату медомъ-виномъ,

А убогу-небогу—гиркимъ пивомъ,

Закусе багата калачами,

А убога-небога—сухарцями.

(Ibid. 916).

⁴⁾ Та багатая сестра медъ-вино пье

А вбогая у порога слизоньки лѣе.

(Чуб. V. 914).

⁵⁾ Та багатая сестра пидпивае,

Та до вбогой сестры промовлае:

„Та коли бъ же ты, сестро, такая жъ була,

То бъ и ты гута посажена була“.

(Ibid.).

⁶⁾ „Якъ же мени, сестро, такой бути,

Чуже дило роблячи, чужи печи хутруючи,

богатая дѣлаетъ ей тотъ упрекъ, который издавна обыкли дѣлать богачи бѣднякамъ. Не работаешь, оттого и въ отрешьяхъ ходишь. Вставала бы раньше, да пряда постарательнѣе ¹⁾. Встаю я — отвѣчаетъ убогая — раньше тебя и пряду много, да все только приводится мнѣ наполнять чужіе сундуки и одѣвать чужихъ дѣтей ²⁾. Въ одномъ изъ вариантовъ этой пѣсни изображается разговоръ обѣихъ сестеръ съ своею долею. Одной изъ нихъ доля приготовляетъ новые жупаны, а другой — заплаты на сермягѣ. Богатую провожаютъ съ музыкою, а бѣдную травятъ собаками ³⁾. Подобное обращеніе никакъ не оправдывается народнымъ міровоззрѣніемъ, напротивъ, недостатку любви между близкими родными приписываются неурожаи и всякія потери, какъ наказанія отъ Бога за грѣхи людскіе ⁴⁾.

Но показываются въ произведеніяхъ народной поэзіи и образцы участія брата къ сестрѣ. Въ одной, напримѣръ, пѣснѣ, женщина терпитъ горе и говоритъ, что видно мать прокляла ее, когда она была еще дитятею ⁵⁾. Но у ней есть двое братьевъ, словно двое голубковъ. Одинъ изъ нихъ говоритъ къ другому: не допустимъ сестрѣ нашей погибать въ чужой сторонѣ; сестра наша хороша и красива, только судьба ея несчастна ⁶⁾. Въ одной аллегорической пѣснѣ

Чужи мотки одпрядаючи,

Чужи скрини сповняючи“.

(Чуб. V. 917).

- 1) Коли бъ ты, сестро, такъ робила,
То бъ у такихъ латахъ не ходила.

Вставай ты, сестро, ранесенько,
Пряди кужилечку тонесенько.

(Ibid. 916).

- 2) — Я устаю, сестро, раньше тебе,
Пряду кужилечку тоньше тебе.

А я устаю, сестро, велики починки напрядаю.

Да все чужіи скрини наповняю,
Да все чужихъ дитей зогагаю.

(Ibid.).

- 3) Та озвалася доля до багатой:

„Чи вже жъ ты жупаны поносила,
Уже жъ я тоби суконь накупила“.

Озвалася доля до вбогой:

„Чи вже жъ ты свитину изодрала,
Бо вже жъ я тоби латокъ назабирала!

Багатую проводятъ изъ музыками.

А вбогую цѣкують та собаками“.

(Чуб. V. 915).

- 4) Тимъ на свити хлибъ не родить,

Що братъ до сестрици не говорить;

Тимъ на свити теряється,

Що братъ сестры цурається,

Тимъ на свити добра нема,

Що братъ сестры за ридъ не ма.

(Чуб. V. 929).

- 5) Ой гоа, гоа, нечистлива доля!

Прокляла ненька якъ буламъ маленька.

(Ibid. 917).

- 6) Тамъ надъ Дунаємъ сидить два голуба сивенькихъ,

Тамъ есть у мене два братчики ридненькихъ.

Еденъ голубъ воду пье, другій литає;

Старшій братъ коня напуває, молодшій старшого навчає:

„Не дамо сестри въ чужини пропадати,

сестра изображается въ видѣ чайки, а братъ въ видѣ журавля; чайка скорбитъ за своихъ дѣтокъ, а братъ журавль утѣшаетъ ее, что ея дѣтки останутся при Божіей помощи цѣлы и будутъ летать по волѣ ¹⁾). Въ другой пѣснѣ братъ является въ образѣ соловья, а сестра въ образѣ кукушки. Соловей скорбитъ о погибшихъ дѣтяхъ, сожженныхъ чумаками; прилетаетъ сестра кукушка и говоритъ, что она предупреждала его добрымъ совѣтомъ мостить себѣ гнѣздо въ безопасномъ мѣстѣ ²⁾). Сестра, заѣхавшая на житье въ далекую Украину, находитъ себѣ только въ томъ и отраду, что получаетъ часто письма отъ брата, который съ участіемъ обращается къ ней ³⁾). Есть большая дума, распѣваемая кобзарями, гдѣ сестра, живущая въ чужой сторонѣ, обращается къ брату и умоляетъ его посѣтить ее, потому что ей въ чужой сторонѣ грустно и никто ее знать не хочетъ ⁴⁾). Говоря объ отношеніяхъ братьевъ и сестеръ между собою

Бо наша сестра хороша й вродлива,
Тильки ей Богъ давъ, що доля нещаслива“.

(Чуб. V. 917).

- ¹⁾ Стерегла чаенька маленькіи дѣти,
Привела журавля къ собѣ на порадѣ:
— Брате мій любимый, дай ми яку радѣ:
— Де я маю ти дѣти подѣти,
— Приїдеть ми ся у свѣтъ полетѣти.—
„Не журися, сестро любима,
„Нимъ жито приспѣ, Богъ старанье мае,
„Будуть твои дѣти до воли гуляти,
„Будуть вони якъ орлы быстрыи лѣтати!“
— Бодай твои, брате, слова ся сповнили.
— Щобы мои дѣти въ той часъ були цилы.

(Голов. II. 517—518).

- ²⁾ Ой йшли чумаки, зъ Украины,
Дай пустили пожаръ по долини, —
Соловейковы дѣти погорили.
„Ой и зозуленько, сестро моя,
„Почакали диточки, пропаду й я!“
Прилетѣла сестра зъ Украины —
— Чи я твѣ, брате, не казала,
— Не мости гнѣзечка у лужечку,
— Помости гнѣзечку у садочку,
— На високихъ дравку, на яворку,
— Нихто того дравка не зрубае,
— Соловѣвѣхъ дитокъ не займае.

(Чуб. V. 850—851).

- ³⁾ Ой витерь не віє, гилья не колыше,
Тильки братъ до сестры часто лсты пише.
Пише на Украину, туды ихъ шле швидко.
— Сестро моя, сестро, сестро украинко!
— Що мени на свити зъ тобою робити,
— Чи привыкла, сестро, на чужини жити? —
„Хоча не привыкла, треба привыкати,
„Коли уродила безъ доленьки мати“.

(Метл. 244).

- ⁴⁾ Сестра то зачуває, словами промовляє:
Прошу тебе: черезъ быстрыи ріки билимъ лебедонькомъ переплыви,
Черезъ широки степи малымъ невеличкимъ перенелонькомъ перебижи,
Черезъ темни луги яснимъ соколонькомъ перелити,

въ народной поэзіи упомянемъ, наконецъ, о легендарной пѣснѣ, очень распространенной, гдѣ разсказывается о происхожденіи цвѣтка: «братъ съ сестрою», по-русски—Иванъ да Марья (viola tricolor); мы уже приводили эту пѣсню, излагая символику растений ¹⁾.

Такъ выражается семейная жизнь южнорусскаго народа въ его поэтическихъ созданіяхъ. Народная поэзія представляетъ намъ въ ней послѣдовательное развитіе дѣятельности одухотворяющаго ее начала—любви, которой зарожденіе видно въ полудѣтскихъ весеннихъ играхъ и забавахъ, дальнѣйшее возрастаніе въ юношескихъ взаимныхъ стремленіяхъ молодыхъ людей обоого пола: ихъ свиданія, сердечныя изліянія чувствъ, боязнь родительскаго наблюденія, страхъ постороннихъ препятствій, случайныя (могущія быть и не быть) явленія, какъ измѣна, ревность, отчаяніе, ссоры, примиренія, злоба, месть, потомъ при перешитіи всякихъ неизбѣжныхъ и случайныхъ явленій—бракъ, выражаемый свадебнымъ торжествомъ. Это, какъ мы замѣтили, самый поэтический моментъ расцвѣта жизни, съ котораго начинается другой ея періодъ—семеино-родственный, который также обильно выражается въ произведеніяхъ пѣсеннаго творчества со всѣми какъ присущими и потому неизбѣжными, такъ и случайными явленіями. Читатель можетъ замѣтить, что все здѣсь сообразуется съ тѣмъ военно-земледѣльческимъ бытомъ, который народъ проживалъ съ разными формами общественнаго своего строя многіе вѣка и напечатлѣлъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ настоящее время жизнь народная сгузилась въ формы земледѣльческаго сельскаго быта, но въ пѣсняхъ народныхъ, какъ было нами не разъ указываемо, слишкомъ ярко еще видѣются слѣды прожитаго. Мы считаемъ излишнимъ далѣе и шире распространяться, предоставляя каждому судить по представленному нами очерку сообразно поэтическому изображенію, сдѣланному самимъ народомъ о своемъ бытѣ и жизни.

КОНЕЦЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

А въ моляхъ двори сивымъ голубонькомъ сядь-пады,
Жалибенько загуды,
Тугу мою, брате, роздиль.
Що теперь, брате, святой день Великдень праздникъ рововый,
Що людъ зъ церкви йдутъ,
Якъ бджилоньки гудуть—
Одно одного на здоровья пытае,
Одно одного на бенкетъ займае,
А мене никто по родини не займае,
Будто воно мене та й не знае!

(Метл. 356).

¹⁾ Журн. Бесѣда. 1872 года. VI. 14—16.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ДВАДЦАТЬ ПЕРВАГО ТОМА.

	СТРАН.
Введеніе	429
I. Періодъ язическій.—Отдаленная древность	439
II. Южная Русь до козачества	677
Исторія козачества въ памятникахъ южнорусскаго народнаго пѣсеннаго творчества	693

О П Е Ч А Т К И.

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Пужно:</i>
512	12 св.	taciunt	faciunt
522	7 св.	οκνηρον βασιλικον—	δκνηρον βασιλικόν
552	17 "	ieden	jeden
553	23 св.	rikadla	řikadla
602	3 св.	κόκκηξ	κόκκυξ
—	10 св.	πόσος χρόνος	πόσος χρόνος
618	16 св.	Feures	Feuers
638	4—5 св.	л и ш н i я	
648	17 св.	getteracet	Götterwelt
693	Передъ заголовкомъ	пропущена цифра III	
694	12 св.	Venetzia	Venezia
—	11 "	senalata	senalata
—	10 "	contro	contra
—	7 "	citta	città

НБ ПНУС

5933